
НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
1878
ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ
НИВА
ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ
А. Ф. МАРКСОМЪ
На Большой Морской
улицѣ, д. Росмана № 9.
П. МАРКОВ.
К. ВЕЙЕРМАНЪ.





№ 27 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ.

Выданъ 3 Іюля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 съ перес. 25 к.




**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ съ 27 рисунками и отдѣльный листъ съ 24 чертеж. выкроекъ съ 36 рисунками рукодѣльныхъ работъ и съ разными буквами для мѣтки бѣлья.**

Всемірная выставка въ Парижѣ: Японская ферма въ Трокадеро. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

# Всемірная выставка въ Парижѣ.

Помѣщая въ этомъ номерѣ „Нивы“ пять рисунковъ, знакомящихъ нашихъ читателей съ различными отдѣлами и зданіями Парижской всемірной выставки, мы, такимъ образомъ, продолжаемъ ея описанія въ дополненіе къ тѣмъ многочисленнымъ рисункамъ и статьямъ о ней, которые уже помѣщены на страницахъ „Нивы“ текущаго года.

Японскій и Китайскій отдѣлы на Парижской выставкѣ имѣютъ положительный успѣхъ и привлекаютъ толпу своимъ оригинальнымъ и вмѣстѣ чрезвычайно красивымъ, изящнымъ видомъ. Выставленныя въ этихъ отдѣлахъ произведенія природы останавливаютъ на себѣ вниманіе и изумляютъ то прихотливостью рисунка и чистотой отдѣлки въ малѣйшихъ деталяхъ, то чудными живыми красками, то необыкновенными своими формами.

Наши рисунки представляютъ, между прочимъ, видъ фасадовъ отдѣловъ Японіи и Китая. Изъ нихъ Китайскій фасадъ на видъ богаче Японскаго. Онъ сдѣланъ изъ дерева, окрашеннаго черною блестящею краскою съ бѣлыми квадратами. По срединѣ возвышается двойная кровелька съ острыми вздернутыми углами и украшенная фигурами и химерами фантастическаго вида. Карнизы подъ крышей выложены маленькими зеркалами, придающими кокетливый и веселый видъ зданію. Два четыреугольныя отверстія, продѣланныя по сторонамъ входа, и закрытыя раскрашенными блѣдно синими деревянными claires voies, служатъ окнами. Входная дверь широкая и массивная, открывающаяся на двѣ половины, выкрашена ярко-красной краской и украшена позолотой. Надъ дверью вызолоченными вычурными китайскими буквами красуется надпись „Небесная имперія“, а съ каждой стороны надъ дверью поставлены рѣзныя деревянныя фигуры воиновъ, раскрашенныя и золоченыя. Не смотря на ихъ, такъ сказать, наивный видъ, нельзя не замѣтить, съ какимъ тщаніемъ относился ихъ мастеръ къ выполненію какъ физіономій этихъ воиновъ такъ и ихъ одежды.

Японскій фасадъ болѣе простъ, чѣмъ китайскій. Но и онъ характерный. Онъ сдѣланъ также изъ дерева. По бокамъ двери вдѣланы въ стѣну двѣ карты Японіи и гор. Токіо. Самая дверь, раскрывающаяся также на двѣ половинки, украшена рѣзьбою и чрезвычайно элегантна по своей формѣ. Надъ дверью также въ красивой рѣзной рамѣ сдѣлана надпись „Японія“. Но что особенно характеристично здѣсь, это два, можно сказать прелестные, фаянсовые фонтана, размѣщенные на право и на лѣво отъ входа. Они состоятъ изъ древесныхъ стволовъ, придерживающихъ чаши въ формѣ раковинъ, въ которыя изъ цвѣтка, нenюфаръ, струями падаетъ вода. Чистая, прозрачная струя этихъ фонтановъ невольно возбуждаетъ въ посѣтителяхъ желаніе напиться этой воды: тѣмъ болѣе это удобно сдѣлать, что тутъ же имѣется и красивый красный ковшичекъ съ ручкой въ видѣ вѣточки. Идея этихъ фонтановъ дѣйствительно прекрасная и на сколько фонтаны могутъ нравиться видомъ, на столько же могутъ быть полезны, особенно для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности тратиться въ ресторанахъ и кафе.

Китайскій дворецъ на Трокадеро также манитъ къ себѣ публику оригинальностью и изяществомъ архитектуры. Дворецъ этотъ былъ построенъ въ Пекинѣ, затѣмъ, разобранный, привезенъ на выставку, и китайскіе рабочіе снова сложили его и привели въ надлежащій видъ съ своимъ обыкновеннымъ тщаніемъ. Онъ весь изъ дерева, съ изогнутыми крышами, съ рѣзными окнами, изумляющими прихотливостью рисунка. Полъ покрытъ циновками, на дворѣ дворца разбитъ небольшой садикъ.

Японская ферма на Трокадеро, изображенная на нашемъ рисункѣ, не имѣетъ на себѣ ни золота, ни роскошныхъ украшеній—это простой деревянный домъ. Крыши сдѣланы изъ бамбука, связаннаго между собой; стѣны и перегородки изъ деревянныхъ досокъ или плетенокъ изъ тростника, привязанныхъ къ столбамъ волосяными или камышевыми веревками. Трудно найти что нибудь безъискусственнѣе и въ то же время изящнѣе. Вокругъ фермы разбитъ садикъ, гдѣ выставлены японскія растенія. На фермѣ можно видѣть, а также и купить туземныхъ куръ. Есть куры необыкновеннаго вида. Такъ однѣ совсѣмъ крошечныя, на самыхъ коротенькихъ ногахъ, такъ что при ихъ движеніяхъ кажется, какъ будто они не ходятъ, а катаются по землѣ. Есть куры напротивъ громадныя, съ мощными крыльями.

Въ цѣломъ ферма эта хорошенькая, какъ игрушка. Надобно признать за Китайцами и Японцами, что отпечатокъ изящества отличаетъ всѣ ихъ работы, даже самыхъ простыхъ, вульгарныхъ такъ сказать, вещей.

Самый простой фарфоровый горшокъ — изящное и оригинальное произведеніе. По общимъ отзывамъ, въ примѣненіи искусства къ промышленности никто не можетъ съ ними соперничать, хотя искусство ихъ и сложное, вычурное, но оно неоспоримо отличается своеобразной красотой, привлекательностію. Большая часть вывезенныхъ вещей изъ Японіи и Китая на Парижскую выставку и выставленныхъ въ ихъ отдѣлахъ, относится къ предметамъ роскоши. Назначеніе ихъ служить украшеніемъ комнатъ, каминовъ, лѣстницъ, цвѣтниковъ и т. п. Всѣ издѣлія свидѣтельствуютъ собою о большомъ искусствѣ ихъ мастеровъ.

Вотъ напримѣръ въ Японскомъ отдѣлѣ выставлена ваза, своей изящной формой и прекрасной отдѣлкой сдѣлавшая бы честь любому европейскому экспоненту. Ваза эта бронзовая, довольно высокая, болѣе аршина. Стѣнки ея обвиты вѣтвями изящно расположенными, и на вѣткахъ посажены птички; такая же орнаментовка на крышѣ вазы, только вѣтви толще и на верху сидитъ фазанъ. Ручки вазы составляютъ какъ бы порхающія птички, граціозно соединенныя между собою крылушками и ножками. Пьедесталъ вазы составляетъ скала, изъ трещинъ которой выступаютъ вѣтки кустарниковъ, а у подножія скалы поставлена собака, наблюдающая за птичками. Японскія фарфоровыя вещи показываютъ какъ изловчаются японскіе мастера въ ажурныхъ работахъ изъ этаго матеріала. И на фарфоровыхъ ихъ вазахъ красуются аисты, и пѣтухи и золоченые цыплята. Есть пара фарфоровыхъ вазъ, на которыхъ рисунки сдѣланы съ картинъ древнѣйшаго японскаго художника, жившаго еще до Р. Х. За пару этихъ вазъ экспонентъ проситъ 10,000 франковъ.

Формы чайныхъ сервизовъ также представляютъ собою листья, вѣтви, птички, изъ чего надобно заключить, что японцы любятъ природу. Вотъ напримѣръ чайный сервизъ такого рода: блюдечки сдѣланы въ видѣ круглыхъ листьевъ, чашки— цвѣтовъ, а на крышечкахъ чашекъ, также въ видѣ листочковъ, посажены пауки.

Кромѣ этихъ вышеупомянутыхъ издѣлій Японцы выставили образцы шелка, мебели, вещей изъ слоновой кости. Есть напримѣръ на выставкѣ изумительныя ширмы—чудо роскоши. На нихъ золото, серебро, перламутръ являются въ формѣ травъ, цвѣтовъ, птицъ и насѣкомыхъ. Въ отдѣлѣ японскаго министерства народнаго просвѣщенія также замѣчательны зоологическій и физическій, кабинеты нормальной школы въ гор. Токіо, фотографіи съ учебныхъ заведеній въ Японіи и въ томъ числѣ съ стараго токійскаго университета. Выставлены тутъ же ботаническія и зоологическія карты для нагляднаго обученія, тетрадки, рукодѣльныя работы женскихъ школъ. Рядомъ съ этимъ отдѣломъ можно видѣть громадный кусокъ каменнаго угля и около него, на столѣ, рельефное изображеніе того острова, откуда онъ взятъ. Тутъ же выставлена модель однаго мѣднаго рудника, позволяющаго видѣть самыя шахты и работы въ нихъ.

Вообще Японцы прекрасно организовали свой отдѣлъ на выставкѣ и ихъ издѣлія—мебель, ковры, фарфоръ, находятъ уже немало покупателей.

Въ Китайскомъ отдѣлѣ между прочими вещами, почти неуступающими японскимъ и также заключающимися большею частію въ предметахъ роскоши, останавливаютъ много вниманія прекрасно сдѣланные манкены въ національныхъ костюмахъ. Китайская мебель отличается массивностію, рѣзной работой съ инкрустаціей. Занимаютъ всѣхъ китайскія кровати съ деревянными ажурными балдахинами. Они окрашены, съ золотой орнаментовкой.

Сами Китайцы удивляютъ собою на Выставкѣ. Ихъ внимательный видъ, напряженный взглядъ говорятъ о томъ, что имъ понятенъ болѣе или менѣе языкъ окружающихъ, и въ самомъ дѣлѣ когда къ нимъ обращаются, желая что либо купить—они отвѣчаютъ, просятъ показать какую нибудь вещь—они ее отыскиваютъ, но лишь только съ ними начинаютъ торговаться, какъ они перестаютъ понимать, и тутъ, даже если заговорить съ ними по китайски, они остаются непонимающими и дальше сказанной разъ цѣны на торгуемую вещь не идутъ. Кончится торгъ, куплена вещь или нѣтъ, Китаецъ равнодушно закрываетъ витрину, форменно раскланявшись съ покупателемъ.

Японцы выказываютъ много живости, вниманія. Усердно работая надъ своими витринами, они въ свободное время идутъ въ другіе отдѣлы поучиться у иностранцевъ, позаимствовать ихъ умѣнья.

---

Послѣ Китайскаго и Японскаго отдѣловъ, по поводу представленнаго въ настоящемъ № „Нивы“ рисунка, изображающаго внутренній видъ галлереи, ведущей во французскій художественный отдѣлъ выставки, прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о художественныхъ произведеніяхъ, выставленныхъ нашими русскими художниками. Всѣхъ русскихъ картинъ на выставкѣ 144. Между ними обращаютъ на себя значительное вниманіе больше другихъ слѣдующія: Семирадскаго: „Свѣточи христіанства при Неронѣ“. Эта картина настолько знакома нашей публикѣ, что было бы излишне говорить о ней. Она, какъ и всѣ работы Семирадскаго, вызываетъ столько же похвалъ, сколько и порицаній. Инымъ нравится его манера письма, и блескъ, и пестрота, и чудесно написанныя детали, но другіе, признавая это, порицаютъ художника за отсутствіе въ изображаемыхъ имъ лицахъ выраженія душевныхъ движеній. Картина Бронникова „Послѣдній обѣдъ мучениковъ“, принадлежащая также къ разряду историческихъ композицій, обращаетъ на себя вниманіе только тѣмъ, что въ ней весьма эффектно соединеніе дневнаго блѣднаго свѣта съ красноватымъ свѣтомъ ламnъ. Тутъ же и бытовая его картина: „Въ пріемной

богача" болѣе достойна одобреній, чѣмъ „Обѣдъ мучениковъ". Произведенія нашего славнаго жанриста Перова „Птицеловъ" и „Охотники" давно уже и по достоинству оцѣнены русской публикой, конечно, не остаются безъ должнаго вниманія на Парижской выставкѣ. Необходимо замѣтить, что произведенія Перова не бьютъ сразу на эффектъ, подобно тому, какъ, напримѣръ, произведенія г. Семирадскаго, мимо которыхъ нельзя пройдти, не обративъ на нихъ вниманія: въ нихъ много нестроты; но за то истинные цѣнители художественныхъ произведеній находятъ въ картинахъ Перова то, чего нѣтъ въ Семирадскомъ: у Перова живые люди, у Семирадскаго же только превосходно написанные манекены.

Русская портретная живопись имѣетъ крупными представителями своими гг. Крамского и Харламова. Портреты ихъ работы замѣчательно прекрасны. За симъ должно указать на г. Рѣпина. Этотъ многообѣщающій художникъ есть въ то же время предметъ споровъ, надеждъ и сомнѣній. Онъ также выставилъ нѣсколько этюдовъ. Но упомянувъ объ этомъ художникѣ, нельзя не высказать сожалѣнія о той безтактности, съ какою наша художественная критика относится къ его работамъ: онъ только еще, какъ говорится, Господи благослови, вышелъ изъ мальчиковъ, а его уже произвели въ великаго художника, стоящаго, будто бы, выше художниковъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Понятно, если при неоспоримомъ талантѣ г. Рѣпинъ не лишенъ ума, то пойметъ и самъ, какъ нужно относиться къ критикамъ подобнаго сорта.

Далѣе на выставкѣ достойны вниманія слѣдующія картины: Саврасова „Грачи прилетѣли", „Сосновый боръ", Шишкина, „Видъ Нижняго Новгорода" Боголюбова и „Ледяной домъ" Якоби. Въ отдѣлѣ скульптуры красуются скульптурныя работы Антокольскаго: „Іоаннъ Грозный", „Смерть Сократа", „Христосъ предъ народомъ". (Объ этомъ художникѣ мы имѣли случай говорить и помѣстили его портретъ. См. „Ниву" сего года № 26, стр. 457). Вообще же говоря, о русскомъ салонѣ на Парижской выставкѣ отзываются съ большой похвалою и находятъ, что наши художники не уступаютъ художникамъ другихъ странъ Европы. Можно слышать даже такое мнѣніе, что наши пейзажи и морскіе виды выше иностранныхъ своимъ художественнымъ реализмомъ. Въ выставленныхъ произведеніяхъ русскихъ художниковъ не видно ни стремленія къ трескучимъ эффектамъ, ни желанія подражать великимъ мастерамъ старыхъ школъ въ ущербъ своей самобытности. Въ нихъ все просто, натурально, нѣтъ и утрировки мускуловъ въ фигурахъ, нѣтъ и клубничнаго направленія французскихъ живописцевъ.

По выставкѣ теперь ходятъ эксперты. Но на всѣ картины, которыхъ насчитывается нѣсколько тысячъ, назначено всего 8 medailles d'honneur, медалей, изъ нихъ 4 французскимъ художникамъ и 4 иностраннымъ. Такая скупость вызвала со стороны экспертовъ рѣшеніе отказаться отъ своего права на награду. Первыми отказались французскіе художники-эксперты, а за ними и наши—Якоби и Боголюбовъ, и далѣе представители Англіи, Австріи, Голландіи и т. д.

Какъ извѣстно, выставленныя картины на парижской выставкѣ должны быть написаны не болѣе 10 лѣтъ назадъ, между тѣмъ въ Англійскомъ художественномъ отдѣлѣ нѣсколько картинъ (35) уже давно всѣмъ извѣстны по литографіямъ и гравюрамъ. Жюри по классу живописи въ одномъ изъ первыхъ же своихъ засѣданій возбудили вопросъ объ этихъ картинахъ и хотя англійскіе делегаты отвѣчали, что эти картины являются объяснителями англійской школы, служатъ для указанія прогресса въ ея живописи, тѣмъ не менѣе картины теперь вычеркнуты изъ списка.

Но говоря про различныя симпатіи и антипатіи, нельзя не замѣтить, что, французская пресса не обращаетъ на насъ вниманія, и нашъ успѣхъ на выставкѣ даже можетъ быть, такъ сказать, обойденъ экспертами, благодаря нашему халатному отношенію ко всему насъ касающемуся. Въ то время когда всѣ націи хлопочутъ объ успѣхѣ своихъ отдѣловъ, кладутъ душу за него, наши русскіе распорядители на выставкѣ относятся холодно, безучастно. Исполнили свое дѣло, разставили вещи, а дальше точно насъ и не касается. За насъ нѣтъ не только прессы, которая, какъ у другихъ, давала бы знать о насъ, но наши русскіе даже не распорядились въ день открытія русскаго отдѣла послать пригласительные билеты представителямъ журнальной критики. А они сами, конечно, не станутъ насъ искать.

О нашихъ экспертахъ корреспондентъ „Ист. Лист." пишетъ слѣдующее: „я знакомъ съ нѣкоторыми изъ русскихъ жюри, которые рѣшительно убѣждены, что ихъ пригласили только для того, чтобы *гулять* по выставкѣ, ибо на четыре французскихъ эксперта въ каждой группѣ приходится одинъ русскій; слѣдовательно, единичный русскій голосъ является „на пристяжкѣ", если можно такъ выразиться, при четырехъ французскихъ голосахъ, рѣшающихъ безъапелляціонно степень награды, присуждаемой экспонентамъ."

Есть у насъ и экспоненты такіе, что привезли на выставку свои издѣлія, да такъ и оставили ихъ на произволъ—будь что будетъ, все равно, и стоятъ такимъ образомъ вещи безъ рекомендаціи, безъ указателя на достоинство ихъ, тогда какъ иностранные экспоненты присылаютъ подробныя свѣдѣнія, цѣлыя брошюры о томъ, гдѣ сработана вещь, на какой фабрикѣ или какомъ заводѣ; приложены чертежи, фотографіи самихъ фабрикъ, сообщены статистическія данныя о силѣ и степени производствъ и т. д.

Или намъ дѣйствительно все равно, или мы во всемъ ждемъ распоряженій свыше, ничего безъ приказаній не дѣлая, или же мы такъ увѣрены въ достоинствѣ своихъ произведеній, что каждый посѣтитель долженъ самъ знать о ихъ совершенствѣ. Укажемъ между прочимъ на бросающееся въ глаза невниманіе къ такой прекрасной работѣ, какъ коляска русскаго мастера Соболева. Коляска эта заслуживаетъ замѣчанія своей красотой, удобствомъ, легкостью, она образцовая, между тѣмъ при коляскѣ даже рабочаго нѣтъ, и она поставлена совсѣмъ незамѣтно, во второй рядъ экипажей.

Вѣдь ужь это такъ ведется, что для большей славы, для успѣха необходимо говорить и писать, публика и идетъ смотрѣть то, о чемъ кричатъ, и объясненное болѣе привлекаетъ вниманіе, слѣдовательно, если наши произведенія будутъ мало замѣчены и не будутъ оцѣнены по достоинству—это наша вина, слѣдствіе нашей безучастности къ своему успѣху, къ себѣ. Намъ русскимъ не мѣшало бы удѣлить себѣ частицу самомнѣнія французовъ, у которыхъ оно, необоротъ, уже черезъ край идетъ. Французъ превозноситъ свое и его самодовольство уже переходитъ въ хвастовство и фанфаронство. Французы торжествуютъ и превозносятъ себя и свое на чемъ свѣтъ стоитъ. Лучше ихъ нѣтъ. По ихъ убѣжденію они во всемъ первенствуютъ и не хотятъ признать превосходства англійскаго отдѣла на выставкѣ, утверждая, что и машины ихъ, и стальныя издѣлія и все лучше англійскаго.

Между тѣмъ на нынѣшней Парижской выставкѣ Англійскій отдѣлъ, кромѣ художественнаго положительно превосходный. Въ художественныхъ произведеніяхъ англичанъ есть что то странное, идущее въ разрѣзъ съ нашими понятіями объ искусствѣ. Есть тутъ и правда и тщательная отдѣлка, да все это какъ-то по англійски; на ихъ художественныхъ работахъ лежитъ отпечатокъ англичанина съ его физіономіей, и манерой. Англичане художники въ высшей степени правдивы, въ своихъ работахъ; но они не большіе мастера на колоритъ: ихъ произведенія не отличаются яркостію красокъ. Портреты, пейзажи и жанровыя картины въ англійскомъ отдѣлѣ замѣчательны. Главное въ нихъ достоинтство—это законченность и тщательное отношеніе художника къ своему дѣлу. У нихъ не встрѣчается въ картинахъ тѣхъ широкихъ небрежныхъ мазковъ, которыми многіе изъ французскихъ, а частію и нашихъ художниковъ уродуютъ свои картины. Англійскіе пейзажи весьма разнообразны. Изъ жанровъ на выставкѣ болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе работы Валькери, Десли, Мильеса и Бетона.

---

Австро-венгерскій художественный отдѣлъ занимаетъ весьма незначительное пространство. Венгрія доставила на выставку можно сказать ничтожное количество своихъ художественныхъ произведеній. Извѣстный нашимъ читателемъ художникъ Зичи о произведеніяхъ котораго мы не разъ уже имѣли случай писать и помѣщать ихъ на страницахъ нашего журнала,—на венгерской выставкѣ отсутствуетъ. Онъ нужно замѣтить, венгерецъ по происхожденію, жилъ, какъ извѣстно много лѣтъ у насъ въ Россіи, а теперь поселился въ Парижѣ. Онъ имѣлъ намѣреніе поставить въ венгерскомъ отдѣлѣ приготовленную для выставки огромную картину „Ангелъ зла", но картинѣ этой не суждено было появиться на выставкѣ, по обстоятельствамъ отъ ея автора, впрочемъ, независящимъ.

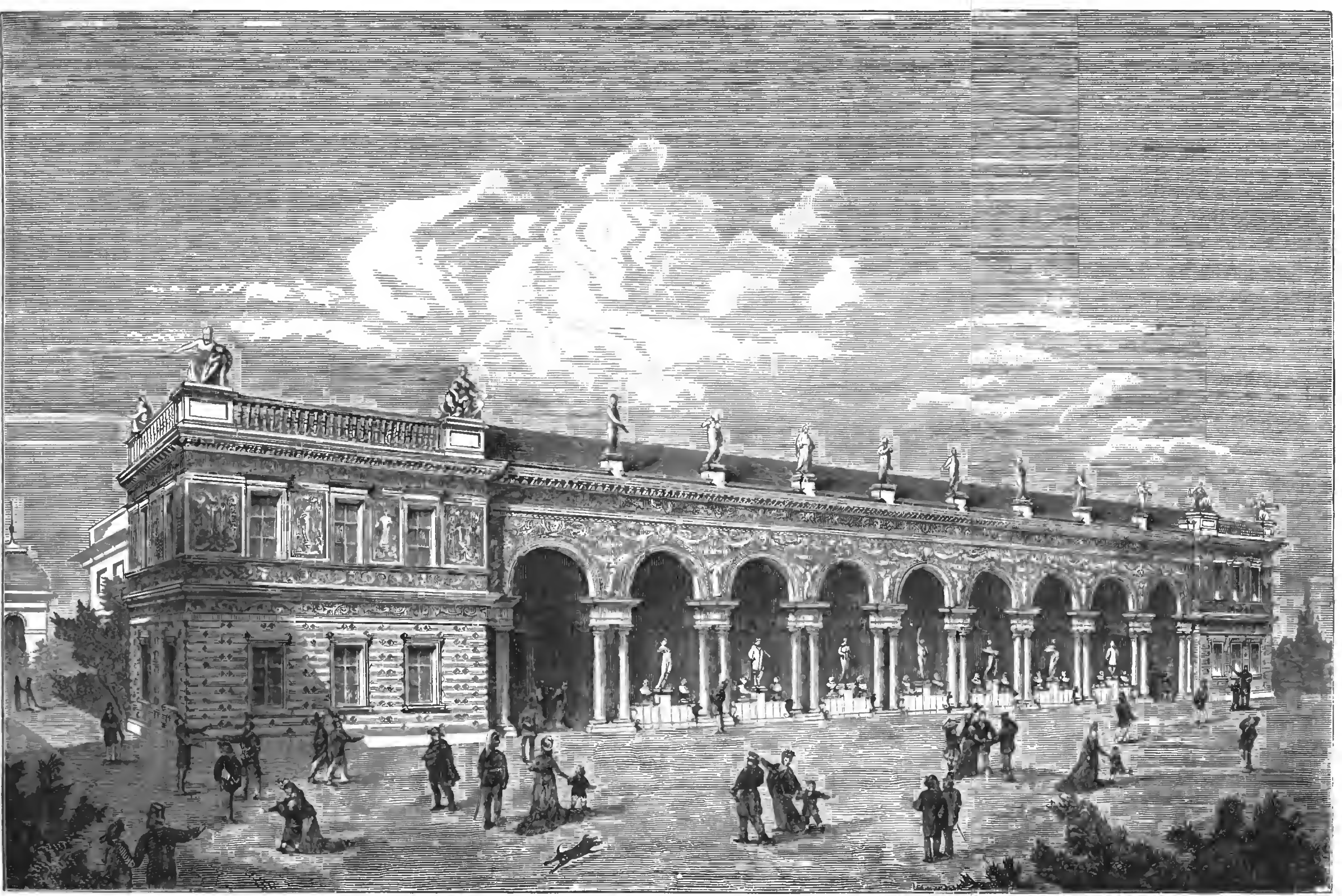
Картина эта имѣла своимъ сюжетомъ (на сколько можно догадываться изъ газетныхъ сообщеній) не давнія военныя событія—и въ виду еще не уладившихся на востокѣ дѣлъ ее пришлось убрать съ выставки.

Главнымъ представителемъ венгерскаго отдѣла является Мункачи. Изъ его произведеній обращаютъ на себя вниманія три картины „Мильтонъ съ дочерьми" „Домашняя сцена изъ венгерскаго быта" и „Мастерская художника". Въ этой послѣдней картинѣ Мункачи изобразилъ самого себя и свою жену. Кромѣ Мункача обращаютъ на себя вниманіе цѣнителей изящнаго произведенія венгерскихъ жанристовъ Вейса и Пачка.

Австрійская художественная выставка несравненно выше венгерской. Можно даже сказать, что произведенія австрійскихъ художниковъ выдаются изъ ряда произведеній художниковъ другихъ странъ. Замѣчательно всего болѣе то, что въ австрійскомъ отдѣлѣ видимо позаботились, чтобы въ числѣ выставленныхъ картинъ не было посредственныхъ, словомъ, заботились не о количествѣ, а о качествѣ, чего мы русскіе не сдѣлали (о русскомъ отдѣлѣ см. выше). Судя по выбору картинъ, помѣщенныхъ въ австрійскомъ отдѣлѣ можно думать, что ихъ коммисія была весьма строга въ выборѣ картинъ для выставки: между выставленными картинами ни одна не нарушаетъ общаго пріятнаго впечатлѣнія. Между ними всего болѣе господствуетъ, какъ и слѣдовало ожидать Макартъ (съ этимъ художникомъ читатели Нивы тоже знакомы; портретъ его и біографическія свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности, а также и рисунокъ, изображающій его мастерскую—были помѣщены въ Нивѣ см. № 4 1877 г. стр. 51). Изъ его произведеній обращаетъ на себя большое вниманіе „Въѣздъ Карла V въ Антверпенъ". Эта



Всемірная выставка въ Парижѣ: Галлерея, ведущая во французскій художественный отдѣлъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



**Всемірная выставка въ Парижѣ: Фасадъ зданія Австрійскаго отдѣла въ Трокадеро.** Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

картина и еще два портрета работы Макарта занимаютъ цѣлую стѣну.

Въ австрійскомъ же отдѣлѣ нашла себѣ мѣсто картина польскаго художника Матейко „Люблинская Унія 1569 г.“. (Рисунокъ съ этой картины былъ помѣщенъ въ Нивѣ. См. Ниву 1870 г. № 29 стр. 452 ). Эта картина какъ извѣстно громадныхъ размѣровъ и интересующихся ею отсылаемъ къ вышеупомянутому номеру Нивы.

За симъ укажемъ на картины Чешскаго художника Чермака „Герцеговинскія бѣглецы“ и „Раненый Черногорецъ“—обѣ эти картины принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ этого художника. Содержаніе ихъ понятно изъ ихъ названія.

Кромѣ нѣсколькихъ портретовъ, замѣчательно прекрасныхъ по своему исполненію, въ австрійскомъ отдѣлѣ еще достойны вниманія бытовыя или такъ называемыя жанровыя картины. Лучше другихъ картина Габля. На ней представлена сцена изъ праздничной жизни въ деревнѣ. Крестьяне приглашаютъ священника разобрать ихъ какой-то споръ возникшей изъ игры. Всѣ лица полны выразительности и типичности.

Одинъ изъ пяти прилагаемыхъ нами къ этой статьѣ рисунковъ представляетъ зданіе, въ которомъ помѣщается Австро-Венгерскій отдѣлъ. Красивое зданіе это сдѣлано по плану архитектора г. Коромпая. Изящный рисунокъ фронтоннаго фриза (въ цѣломъ простирающагося до 65 метр.), исполнилъ живописецъ Изелла, который исполнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и декораціи внутри зданія. Карнизъ зданія украшенъ цѣлымъ рядомъ аллегорическихъ фигуръ. Основу зданія составляютъ девять громадныхъ арокъ. По обѣимъ сторонамъ находятся частные павильоны для помѣщенія отдѣльныхъ коммисій Австро-Венгерской выставки.

Что касается другихъ, выдающихся достоинствъ Австрійскаго отдѣла Парижской всемірной выставки, то онъ представляетъ много въ высшей степени интереснаго и поучительнаго, потому что фабричное производство въ Австріи доведено до высшей степени совершенства, и многія издѣлія австрійскихъ фабрикъ граничатъ съ дѣйствительно художественными произведеніями. Такіе производители-фабриканты, какъ *Краузе* въ Штейншонау, *Гофманъ* въ Прагѣ, *Майеръ* въ Габлонцѣ, а также произведенія Гаррахской фабрики и гг. Дзядзинскаго, Ганота, Ульриха—извѣстны всему свѣту, и огромное число изящнѣйшихъ, изумляющихъ тонкостію вкуса и исполненія произведеній указанныхъ фабрикантовъ, красовалось въ Парижѣ еще 10 лѣтъ тому назадъ, на Всемірной выставкѣ 1867 года. Какъ въ то время, такъ и теперь, весьма важное мѣсто въ числѣ австрійскихъ фабрикатовъ занимаютъ издѣлія изъ богемскаго хрусталя и вообще богемскія стеклянныя издѣлія. За симъ обращаютъ на себя вниманіе издѣлія изъ обожженной глины, доведенныя до пластически-художественнаго совершенства. Изъ обожженой глины сдѣланы, напримѣръ, копіи съ большихъ (въ человѣческій ростъ) мраморныхъ статуй Меркурія, Антиноя, Геркулеса и т. п. Черезъ огромную дверь, ведущую изъ этого отдѣленія, красуются образцы австрійской *живописи на стеклѣ* и поражаютъ зрителя тонкостью исполненія. Далѣе, рядомъ же, выставлены образцы столярнаго искусства, тоже находящагося въ Австріи на высокой степени развитія. Большая часть мебели исполнена во вкусѣ Возрожденія. Недостатокъ этого столярнаго элемента Австрійской выставки состоитъ въ томъ, что мебель уже слишкомъ великолѣпна и пригодна только для княжескихъ и графскихъ гостиныхъ, и нѣтъ подходящихъ образцовъ собственно народной, популярной, общедоступной мебели. Есть также въ Австрійскомъ отдѣлѣ прекрасные образцы скатертей, ковровъ, мебельной шелковой матеріи.

Мы говорили объ удивительныхъ образцахъ Японскихъ издѣлій изъ бронзы, теперь, кстати, скажемъ, что бронзовыя издѣлія занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ и во французскомъ отдѣлѣ. Имъ отведено большое пространство на выставкѣ и въ числѣ бронзовыхъ вещей многія представляютъ художественныя произведенія, замѣчательныя по выполненію, изящныя по формѣ. Представителемъ бронзовщиковъ на выставкѣ является Барьедьенъ, выставка работъ котораго занимаетъ цѣлую залу. У самаго входа въ залу стоятъ превосходныя фигуры Давида и Голіафа, Октавія Августа (замѣчательная фигура) Раба (по модели Микель Анжело) и Итальянскаго пѣвца. Внутри залы обращаютъ прежде всего вниманіе громадные часы во вкусѣ Renaissance, съ колонками изъ краснаго мрамора, медальонами и множествомъ ажурныхъ украшеній. Пьедесталъ часовъ сдѣланъ изъ чернаго мрамора. Часы эти работаны съ чѣмъ то два года и цѣна имъ 350,000 франковъ. По сторонамъ часовъ бросаются въ глаза два бюста работы Мерсье—бюстъ Далилы и работы Гильома—бюстъ Епископа Дарбуа. Но главной вещью залы Барьедьенна составляетъ бронзовая копія со статуи Рюда, изображающая 15-ти лѣтняго Людовика XIII. Работа эта замѣчательная: все въ ней—воротничекъ, перчатки, сапоги, шитье на кафтанѣ сдѣлано изумительно. Эта статуя самая лучшая изъ всѣхъ вещей въ отдѣлѣ бронзъ.

Прекраснаго вида, удивительнаго вкуса и мастерства каминъ въ стилѣ Людовика XIV. Онъ весь изъ оникса съ бронзовыми золочеными украшеніями.

Поразительны и конная статуя Людовика XIX у столь же извѣстнаго, какъ Барьедьенъ, мастера Lerolles frères—и Люстры временъ Людовика XV—удивительной работы. На выставкѣ заведенія Гро Марли останавливаютъ каждаго два бронзовые индѣйца, съ поразительно типичными лицами, въ красивыхъ позахъ поставленные. За нихъ назначена цѣна въ 10.000 франковъ. Превосходны также: статуя Побѣды, сдѣланная для лѣстницы дворца и вазы, а кстати, внесемъ: здѣсь же поставлены статуи собакъ, сдѣланныя по заказу Великаго Князя Константина Николаевича.

Маленькія мастерскія выставили спеціальныя свои произведенія т. е. кто птицъ, кто собакъ—статуетки женскихъ головокъ, бронзовые часы и т. п.

Вещи изъ подражаній бронзѣ также стоитъ вниманія, хотя въ этомъ отдѣлѣ и нѣтъ строго художественныхъ работъ.

Къ Парижской выставкѣ мы еще надѣемся не разъ возвратиться въ нашихъ статьяхъ, по поводу рисунковъ, которые предполагаемъ помѣстить, желая такимъ образомъ дать нашимъ читателямъ болѣе или менѣе полное знакомство съ Всемірной выставкой въ Парижѣ.

Ор.

# Часы.

## (Разсказъ изъ воспоминаній дѣтства).

(Окончаніе).

### VIII.

Наступила слѣдующая недѣля. Бабушка похудѣла немного, осунулась, носъ завострился, но глаза, ушедшіе въ глубь, по прежнему сверкали умно и живо.— „Скоро, скоро!“ говорила она и не выходила изъ будуара,—туда ей подавали и кушать, чего прежде никогда не бывало.

Докторъ былъ у насъ постоянный, годовой, рыжій нѣмецъ съ бакенбардами, всѣмъ прописывавшій одно и тоже—какіе-то порошки съ анисомъ. Онъ смотрѣлъ на бабушку, значительно сжавъ губы и слегка сдвинувъ брови. Когда у него спрашивали—больна-ли она, онъ вздыхалъ и говорилъ: „одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится“...

Однажды утромъ бабушка спросила чистое бѣлье и объявила, что она больше не встанетъ. Переодѣвшись, она легла навзничь, и стала смотрѣть на одну точку. За обѣдомъ покушала она только бульону. Докторъ совсѣмъ растерялся.

Вечеромъ бабушка вдругъ спросила:

— А что тамъ, въ проходной часы стоятъ?

— Стоятъ,—отвѣтили ей.

— Они сейчасъ били три,—я отсюда слышала... Подите посмотрите.

Сходили, посмотрѣли, и объявили ей, что часы не ходятъ.

— Ходятъ! возразила она.— И такъ ее никто и не могъ увѣрить.

Дня черезъ четыре она умерла. Отчего? Докторъ говорилъ, что отъ упадка силъ. Порфирій говорилъ:— „потому что бабушка до предѣла дошла“. Всѣ были поражены этой смертью, но я, кажется, больше всѣхъ,— я въ какомъ-то отупѣніи находился.

Вечеромъ, въ день смерти, была панихида. Бабушку вынесли въ нашу парадную залу, обставили ее цвѣтами, деревьями, завѣсили картины и зеркала, зажгли люстры. Знакомыхъ съѣхалось множество; пришелъ тотъ-же сѣденькій священникъ, такъ-же смачно понюхалъ табакъ и неловко пролѣзъ въ короткую ризу. Какъ-то странно, необычайно странно зазвучала первая веселая пѣснь: „Христосъ воскресе“ трижды повторенная надъ трупомъ, высоко поднятомъ надо всѣми, точно царившимъ въ этой залѣ. Неясно мелькали въ туманѣ кадильнаго дыма красные огни восковыхъ свѣчей, горя отблесками на золотомъ покровѣ,

тяжелыми складками спускавшемся внизъ, тысячами искръ вспыхивая на кистяхъ, и яркой звѣздочкой сверкая на образкѣ, что лежалъ на груди у покойницы. Глухо отдавалось въ наполненной народомъ комнатѣ пѣнье, протяжно, монотонно... Подлѣ меня Крыловъ стоялъ, понурившись, не крестясь, и совсѣмъ ушла его голова въ высокій воротникъ, и широкій воротъ рубашки. Онъ криво держалъ въ носовомъ платкѣ тонкую свѣчу, и все смотрѣлъ на ея пламя, тяжело и сильно дыша. Только ужь въ самомъ концѣ службы, онъ посмтрѣлъ на меня, тронулъ двумя пальцами за щеку, и сказалъ.

— Ну...

Потомъ со всѣми вмѣстѣ подошелъ приложиться: поклонился низко, пальцами земли коснулся и, не говоря ни слова, уѣхалъ.

## IX.

На другой день къ вечеру гробъ принесли, большой, широкій, малиноваго бархата, съ пышными по угламъ кистями и узорными ручками. Его поставили на полъ въ гостиной, а крышку оставили въ прихожей. Я въ первый разъ еще видѣлъ гробъ вблизи, въ первый разъ видѣлъ, какъ въ него перекладывали тѣло...

Когда послѣ панихиды всѣ разъѣхались, я, напившись чаю, опять пробрался въ залу. Только одинъ читальщикъ былъ тамъ, и приготовлялся къ обычному чтенію. Я забрался въ уголъ, на диванъ и сталъ смотрѣть. Кисти точно живыя покачивались у гроба, и такое покойное, торжественное молчаніе царило вокругъ, въ этомъ душномъ, пропитанномъ запахомъ ладона и воска, туманѣ. Изъ подъ бѣлаго газа неясно виднѣлись строгія черты сильно похудѣвшаго лица бабушки. Только одна свѣча и горѣла въ изголовьи. Тѣни отъ высокихъ деревьевъ прихотливыми узорами ложились по паркету, по стѣнамъ и потолку, давая какое-то странное впечатлѣніе.

Однообразно, монотонно, съ обычными повышеніями и пониженіями голоса загудѣлъ читальщикъ, вытягивая послѣднія слова на распѣвъ, давая большія паузы. Порою онъ замолкалъ совсѣмъ, поправляя нагорѣвшую свѣчу, расправлялъ складки покрова, долго и громко сморкался. Я машинально ловилъ его слова, глаза мои слипались, отъ свѣчи бѣжали длинные золотые лучи кверху и книзу, и гробъ и цвѣты, все сливалось въ одну неопредѣленную массу, и желтымъ пятномъ свѣтлѣло лицо читальщика. Я слушалъ, слушалъ,—и вдругъ мое ухо стало улавливать между его словами что-то новое, странное... Я широко открылъ глаза, прислушался... Да это что-то новое.

Изъ сосѣдней комнаты слышалось равномѣрное, легкое постукиванье, правильное, совсѣмъ правильное... Точно часы тамъ шли. А тамъ дѣдушкины часы стояли.

У меня сперва сперлось дыханье, потомъ сердце забилось быстро, учащенно; я не смѣлъ шевельнуться, вздохнуть. Такъ прошло нѣсколько времени .. Часы ходятъ.

Наконецъ, я опомнился: тихо, на цыпочкахъ, подошелъ я къ растворен нымъ дверямъ, дрожа переступилъ порогъ. Мѣрное звучное тиканье маятника наполняло всю комнату. Что-то звенящее, шипящее слышалось въ этомъ тиканьѣ... Я повернулъ назадъ, вихремъ пронесся мимо гроба, слетѣлъ, еле придерживаясь за перила съ лѣстницы, и вбѣжалъ въ каморку Порфирія.

Онъ сидѣлъ у себя за евангеліемъ, я вбѣжалъ и уцѣпился за его фракъ. Онъ тихонько переложилъ закладку, закрылъ книгу, вздохнулъ, и снялъ очки.

— Что вы?—спросилъ онъ.

Я съ трудомъ перевелъ дыханье.—Раскажи что нибудь.

Онъ началъ мнѣ что то разсказывать, что—не помню, я только одно зналъ: тамъ часы ходятъ...

— Порфирій, голубчикъ, прервалъ я вдругъ его:—пойдемъ къ бабушкѣ.

— Теперь, сударь, поздно,—возразилъ онъ.—Вамъ спать ложиться слѣдуетъ. Мамаша узнаетъ, браниться будетъ.

— Она не узнаетъ, она лежитъ тамъ, у себя—пойдемъ Порфирій.

Я тянулъ его за рукавъ.

Онъ всталъ, и мы тихонько стали подниматься по лѣстницѣ. Я нарочно повелъ его черезъ проходную. Тамъ совсѣмъ темно было. Я прижался къ Порфирію, и крѣпко-крѣпко стиснулъ его руку. Я зажмурился. Ничего не слышно, только голосъ читальщика изъ залы доносится. Вотъ мы мимо самыхъ часовъ проходимъ. Ничего не слышно... Я остановился, остановилъ Порфирія... Разъ, два, разъ... донеслось до меня мѣрное колебанье. Я рванулся въ залу, взглянулъ на его лицо: онъ и бровью не повелъ,—онъ ничего не слышалъ.

Мы постояли возлѣ бабушки, посмотрѣли—тихо все. А оттуда такъ вотъ и слышится, такъ вотъ и идетъ въ ухо неотвязнный монотонный звукъ, и заглушаетъ чтеніе псалтыря.

## X.

Проснувшись на слѣдующій день, я совсѣмъ забылъ о часахъ. Не думая о нихъ, шелъ я изъ залы въ проходную, слыша, что ужь начинаютъ съѣзжаться на паннихиду, и вдругъ остановился на порогѣ.

Часы были какъ разъ противъ меня. Они шли. Плавно колыхался изъ стороны въ сторону маятникъ, съ шипѣньемъ постукивая въ паузахъ. И такъ тихо колыхался онъ, что, казалось, вотъ сейчасъ остановится. Ключа по прежнему не было, и пыль по прежнему лежала слоями на выступахъ футляра... Я такъ и впился въ нихъ взглядомъ.

Въ это время вошелъ Крыловъ, отирая себя лобъ и затылокъ платкомъ. Онъ глянулъ на меня, перевелъ взглядъ на часы, и вытянулъ громадную серебряную луковицу изъ кармана.—Ваши часы на три впередъ, проговорилъ онъ, и прошелъ мимо.

— А,—а! такъ значитъ они точно идутъ, всѣ видятъ,—съ трепетнымъ замираньемъ думалъ я. Все было безъ четверти три, а теперь безъ пяти минутъ два,—они ужь давно ходятъ.

Да, стрѣлки показывали безъ пяти минутъ два,—я это видѣлъ, видѣлъ совершенно ясно. Я видѣлъ, какъ минутная стрѣлка движется, приближается къ двѣнадцати. „Сейчасъ бить будутъ!“ съ ужасомъ подумалъ я и повернувшись хотѣлъ бѣжать черезъ залу. А въ залѣ кашлянулъ кто-то совсѣмъ какъ бабушка, я перевелъ глаза на гробъ,—подъ покровомъ что-то шевелилось...

Вдругъ сзади меня раздался шипящій, звенящій, хриплый, протяжный ударъ... За нимъ другой, четвертой... Я кинулся, добѣжалъ до чего-то, упалъ...

Очнулся я не скоро: со мной былъ нервный припадокъ... Болѣе полугода я проболѣлъ,—да и навсегда какимъ-то изломаннымъ остался.

## XI.

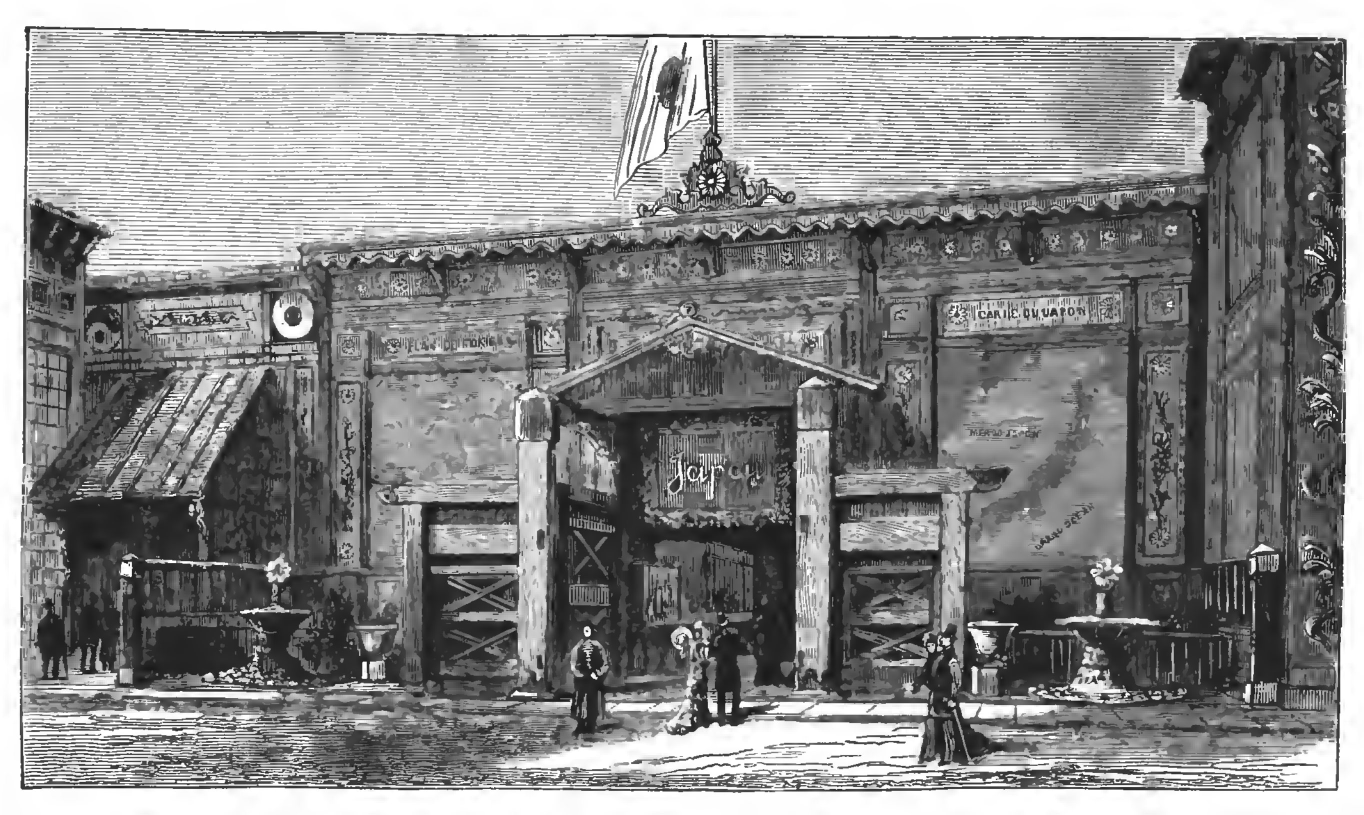
— И только? спросили всѣ хоромъ, когда X. кончилъ.

— Только.

— Да что-же тутъ удивительнаго?

— Удивительнаго ничего, я васъ предупреждалъ,— а только вѣдь вотъ повліяли-же эти часы на меня такъ,—что еле полугодомъ болѣзни отдѣлался...

У васъ всякимъ вздоромъ голова была набита,—нераціональное воспитаніе, больше ничего..



**Всемірная выставка въ Парижѣ: Фасадъ зданія Японскаго отдѣла въ Трокадеро.** Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

**Всемірная Выставка въ Парижѣ: Фасадъ зданія Китайскаго отдѣла въ Трокадеро.** Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.



**Дѣтскія забавы въ деревнѣ.** Оригинальный рисунокъ А. Кившенко, грав. В. Пушъ.

— Но все таки это случай единичный, замѣтилъ кто-то.

— Единичный,—возразилъ X.,—не думаю.—Да вы вспомните хоть гётевскаго „Лѣснаго Царя“.

— Баллада!

— Ну, взглядъ на него какъ только на балладу—слишкомъ узкій взглядъ. Основная-то тенденція выйдетъ та-же какъ и въ моемъ происшествіи съ часами... Ахъ, да! я вамъ еще одного не досказалъ. Оправившись отъ болѣзни, я первымъ долгомъ пошелъ къ часамъ... И знаете что увидѣлъ?

— Ну-съ?

— Что они стоятъ на двухъ часахъ, а не на безъ четверти три.

— Очень просто: ихъ въ суматохѣ качнулъ кто нибудь, они пошли, а потомъ, черезъ нѣсколько времени, стали... Наконецъ мыши могли толкнуть случайно...

— Наконецъ,—засмѣялся самъ разсказчикъ,—тотъже священникъ, что взялъ когда-то ключикъ, могъ опять его принести, отпереть, пустить; потомъ опять отпереть, остановить и запереть. Искуственно запылить футляръ какъ будто такъ и было...

— А мнѣ кажется,—возразилъ одинъ изъ слушателей, высокій, бѣлокурый молодой человѣкъ,—мнѣ кажется, что подобные факты отчасти имѣютъ отношеніе къ такъ называемому медіумизму.

— И это очень можетъ быть, отвѣтилъ на все согласный X.

П. См—скій.

# Дѣтскія забавы въ деревнѣ.

Жаркій лѣтній день. Въ воздухѣ жужжатъ насѣкомыя, спѣша жить своей кипучей, хотя и скоротечной жизнію. Въ полѣ тоже кипучая жизнь, вызываемая жаркимъ свѣтомъ лѣтняго солнца. Все воскресло, оживленное силою его горячихъ лучей. Лѣсъ зазеленѣлъ и полонъ звуками перелетныхъ птицъ.

Оживили эти благотворные лучи и деревенское населеніе, веселѣй смотритъ пахарь, любуясь своей нивою, воздѣланной его руками, бодрѣе стали старики, грѣясь на солнцѣ, выползаютъ старушки изъ своихъ темныхъ угловъ, кряхтя и охая, съ вѣчными жалобами на свои немощи.

— Вотъ красное-то солнышко оно, тово, насъ обогрѣетъ.

— Косточки-то наши старыя... кх... кх... Косточки-то наши упокоитъ...

И дремлютъ старушки на солнцѣ, шамкая беззубыми ртами.

Малые ребята, уныло жавшіеся въ скучные зимніе дни гдѣ нибудь въ углу на печкѣ, или бродившіе въ длинныхъ отцовскихъ полушубкахъ по снѣговымъ сугробамъ, теперь, съ наступленіемъ лѣта, носятся по полямъ и лѣсамъ съ утра до вечера. Недаромъ матери со вздохами и охами передаютъ одна другой свои соболѣзнованія о ребятишкахъ.

— И гдѣ они, матушка, носятся: одна заря вгонитъ, другая выгонитъ. Добро бы большенькіе, а то вотъ мой-то по восьмому годочку.

— И не говори, мать моя,—поддакиваетъ сосѣдка,—вонъ и мой-то тоже: вчера ужь поужинали, ужь я первый сонъ заснула, а онъ только-что вернулся. Все, вишь ты, съ ребятишками по лѣсамъ. Чего ѣдятъ-то—Богъ ихъ вѣдаетъ.

— И, что ты, мать моя, объ этомъ горевать нечего: ягоды-то слава тебѣ Господи!

— Это ты точно—ягодъ-то нонѣ вдоволь, да вишь все чего-то опасливо...

— Оно опасливо, какъ не опасливо: ребята малы, глупы...

— Правда, мать, правда. Вотъ и лѣта дождешься, и тепло, слава тѣ Господи, и хлѣбушка Онъ, Отецъ Небесный, даетъ; ну да опять, ребята-то больно ужь тово...

— Какъ, мать, не тово... Это ты точно: ребята малы, бестолковы.

Такъ горюютъ матери. Отцы пособразительнѣе, знаютъ, что гореваньемъ дѣлу не поможешь и принимаютъ болѣе рѣшительныя мѣры. Того паренька, который по ихъ соображеніямъ больно ужь „забаловался“, оттаскаютъ за волосы, либо и палкой, которая потоньше. Но это наказанье не за то, что дѣти по лѣсу бродятъ, а за то, что во время работы своей не справятъ, скотину на водопой не сгонятъ или какую-нибудь другую дѣтскую обязанность не исполнятъ по своей силѣ—возможности. А если работа справлена, то гуляй себѣ на здоровье, сколько хочешь. На то и лѣто, чтобъ гулять.

Однако и отцы иной разъ задумываются, что ребятъ долго нѣтъ. Далеко-ли до бѣды. Волкъ или медвѣдь-бродяга не во время повстрѣчается—оборони Богъ.

Положимъ, медвѣдя еще и не встрѣчали, но чтобы на ребятъ страху нагнать и загонять ихъ пораньше домой, пустилъ одинъ изъ догадливыхъ слухъ, что встрѣтилъ въ лѣсу медвѣдя.

— Иду я, братцы вы мои, около малинника, иду да призадумался, а медвѣдь вдругъ какъ рявкнетъ гдѣ-то около того самаго мѣста—я безъ оглядки, только давай Богъ ноги.

— Медвѣдь? переспрашиваютъ слушатели.

— Медвѣдь, да во какой большущій!..

— Ишь ты-на!.. Ну какъ-же ты-то?

— Какъ-же я-то? Я-то, знамо, тово... на утекъ.

— На утекъ-то оно, знамо, лучше, ежели здоровъ бѣгать-то...

— Медвѣдь! Слышь, ребята! Вѣдь вы по лѣсамъ-то болтаетесь: онъ вамъ нажжетъ бокъ-то, глядите...

— Да ужь не безъ тово, ежели, къ примѣру, облапитъ: онъ, Михалъ-то Иванычъ, онъ—бѣда!

Слушаютъ ребята разсказъ о встрѣчѣ съ медвѣдемъ и пугливо озираются, точно онъ ужь гдѣ-нибудь тутъ въ деревнѣ забрался.

Но впечатлѣніе разсказа о страшной встрѣчѣ съ медвѣдемъ впрочемъ не продолжительно. Пройдетъ часъ, другой—и ребята забыли о разсказѣ; но впрочемъ на лѣсъ то все таки посматриваютъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

Иной разъ подъ вечеръ и хотѣлось бы закатиться за малиной, да время позднее, и впечатлѣніе разсказа о медвѣдѣ воскресаетъ. Такъ мнутся ребята съ ноги на ногу, почесывая затылки, до той поры, пока который нибудь пособразительнѣе не ухватится за счастливую мысль. Но вотъ она и подвернулась: догадался бойкій мальчуганъ забраться на передокъ телѣги и сразу навелъ товарищей на счастливую мысль—устроить катанье подъ гору на этомъ передкѣ. Окружили ребята, какъ муравьи, колеса и оглобли и зашумѣли снова полной, веселой жизнію, вызываемой жаркими лучами лѣтняго солнца.

Помѣщаемый въ этомъ № „Нивы“ оригинальный рисунокъ г. Кившенко изображаетъ именно подобный моментъ изъ дѣтскихъ игръ въ деревнѣ. Въ этомъ рисункѣ тщательно скомпанована такая сценка и даетъ понятіе о томъ родѣ забавъ, какими пользуются деревенскіе ребята лѣтомъ.

Д. Стх.

# Хлопчатникъ и его культура.

(Окончаніе).

Лишь только произведена будетъ сейчасъ описанная работа (Scraping) какъ молодые годные стебли хлопчатника уже являются обезпеченными въ своемъ ростѣ. Стебли стоятъ по прямой линіи, каждый рядъ въ одинаковомъ разстояніи отъ другого сосѣдняго ряда. Хлопчатобумажный плантаторъ считаетъ себя весьма счастливымъ если онъ, осматривая свою плантацію весною, убѣдится, что она хорошо подчищена (т. е. что вырваны всѣ слабые стебли) и получила надлежаще-крѣпкій ростъ. Но и въ этомъ случаѣ многія обстоятельства могутъ парализовать виды на обильную жатву. Можетъ случиться, что многія хлопчатниковыя растенія будутъ уничтожены червемъ, часто скрывающимся въ самомъ зародышѣ, или же погибнутъ отъ другихъ причинъ, и тогда убытки должны быть вознаграждены посѣвами на другихъ плантаціяхъ. Далѣе, случается иногда, что поздній весенній морозъ уничтожитъ плантацію и потребуетъ совершенно новаго посѣва. Если случится такое несчастіе, то спустя недѣли 3 послѣ работы „Scraping“, нужно произвесть *вторую* подобную же распашку и подобную же работу крючьями, какая была прежде. Но тогда плугъ уже долженъ проводить болѣе глубокую борозду и касаться корней уже взошедшаго хлопчатника; при этомъ нужно, въ концѣ мая, какъ можно тщательнѣе выполоть сорныя травы, если только подобная операція не повредитъ нѣжнымъ хлопчатниковымъ всходамъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ работа требуетъ громаднѣйшихъ усилій и трудовъ—и горе тому хозяину плантацій, который не успѣлъ или не умѣлъ надлежащимъ образомъ истребить сорныя травы съ своего поля!.. А чтобы истребить эти травы, нужно *троекратно*, со всѣми усиліями переработать хлопчатниковое поле, и только послѣ этихъ усилій, часто буквально требующихъ „кроваваго пота“, можно одолѣть ростъ вредныхъ травъ и заставить хлопчатникъ подняться гордымъ побѣдителемъ надъ низложенными соперниками. Въ іюлѣ хлопковая плантація обработывается *въ послѣдній разъ*, и при этомъ приготовляется къ періоду дождей, а для этой цѣли борозды углубляются гораздо больше (для стока воды). И вотъ теперь-то уже хлопчатниковое растеніе бываетъ

совершенно обезпечено въ своемъ ростѣ. выходитъ изъ-подъ человѣческой опеки, и дальнѣйшее его возрастаніе уже предоставляется самой природѣ.

Общій видъ заботливо воздѣланнаго и удавшагося хлопчатникового поля (если ему не повредятъ черви и другія враждебныя вліянія природы) отличается особою, оригинально своеобразною красотою. Листья хлопчатника радуютъ и нѣжатъ глазъ роскошною, нѣжною зеленью; листья эти большіе и сочные. Стволъ растенія, правда, представляетъ признаки быстраго развитія, но онъ твердъ и мощенъ. Вообще же величина этого растенія зависитъ отъ почвы и климата. На почвахъ, обильныхъ солями и известью, оно удается всего лучше. Даже относительно породъ хлопчатника господствуетъ весьма большое разнообразіе. Напримѣръ, хлопчатникъ, разводимый въ штатѣ Теннесси, весьма мало похожъ на хлопчатникъ, культируемый въ Алабамѣ или Георгіи; да даже и въ одномъ и томъ же штатѣ есть большая разница между внѣшнимъ видомъ этого растенія, произращаемаго въ различныхъ территоріальныхъ полосахъ одного и того же штата. Тогда какъ, напримѣръ, въ Аллювіальной (или наносной) полосѣ Миссисипи *) стволъ хлопчатника достигаетъ высоты болѣе человѣческаго роста, и каждый стволъ можетъ принести до сотни развитыхъ и созрѣвшихъ плодовъ, въ сосѣдней полосѣ, cpiney-wood почти рядомъ съ Миссисипи, выростаетъ жалкій кустарникъ хлопчатника, стволъ котораго едва достигаетъ высоты колѣна средняго роста человѣка. Конечно, владѣльцы плантацій прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы довести эти растенія до наибольшаго роста и получить обильнѣйшій сборъ хлопка. Справедливо памятуя тотъ законъ, что непрерывное сѣяніе сѣменами, получаемыми съ одной и той же плантаціи, ухудшаетъ породу растенія, хозяева плантацій, для посѣвовъ часто смѣшиваютъ между собою сѣмена хлопка, полученныя изъ различныхъ, часто отдаленныхъ странъ. Были также попытки доставать такія породы хлопчатниковыхъ сѣмянъ, которыя давали бы хорошіе плоды независимо отъ климата и почвы страны, напримѣръ сѣмена породъ, носящихъ громкія названія „*тысячеплодника*“ и „*мастодонта*“. На нѣкоторое время опыты эти дѣйствительно, удавались, но только на время, такъ какъ потомъ о нихъ забывали. Лучше всего въ этомъ случаѣ помнить одинъ непреложный законъ, что только хорошая почва, соотвѣтствующая природѣ растенія и тщательный уходъ представляютъ единственныя гарантіи для хорошаго урожая хлопка.

Подъ вліяніемъ лучей іюльскаго солнца развиваются почки хлопчатника. Какъ скоро гдѣ либо раскроется первая почка, вѣсть объ этомъ быстро облетаетъ всю окрестность. Цвѣтки хлопчатника чрезвычайно нѣжны и имѣютъ роскошную окраску бѣлаго, блѣднокраснаго и блѣдножелтаго цвѣта. Растеніе раскрываетъ свой цвѣтовый вѣнчикъ къ ночи. Цвѣтки остаются открытыми и утромъ, но около полудня начинаютъ закрываться. Днемъ, по разцвѣтеніи, лепестки вѣнчика дѣлаются темнокрасными, и передъ заходомъ солнца они опадаютъ. Остается вмѣстительная чашечка и едва-замѣтный глазу зародышъ, и этотъ зародышъ въ первой стадіи своего развитія называется американцами „form“, а позднѣе называется „boll“. Подобно померанцевому дереву, хлопчатникъ представляетъ на своемъ стволѣ цвѣты и плоды во всѣхъ возможныхъ ступеняхъ развитія. Созрѣвающій плодъ подвергается весьма многимъ несчастнымъ случайностямъ. Въ дождливые и сырые годы онъ весьма много страдаетъ отъ *плѣсени* и *гнилости*. Плѣсень обнаруживается буроватымъ цвѣтомъ и омертвѣніемъ листьевъ; гнилость же нападаетъ на плодъ, обнаруживаясь прежде всего въ видѣ чернаго пятна на плодовомъ покровѣ, и это пятно дѣлается все больше и больше, такъ что наконецъ, гнилость причиняетъ отпаденіе плода (особенно это имѣетъ мѣсто въ той стадіи развитія плода, которая называется американцами „boll“). Часто также на корни растенія нападаютъ черви, а на листъ гусеницы, уничтожающія волокна листа. Но всѣ эти несчастія еще ничтожны сравнительно съ тѣмъ вредомъ, который причиняетъ хлопчатнику такъ называемый вооруженный червь (army worm). Появленіе этого червя сначала возвѣщаетъ моль, едва замѣтная глазу, отличающаяся свѣтло-шоколаднымъ тѣломъ и такими же крыльями. Вскорѣ появляются тоже маленькія едва видимыя гусеницы, но онѣ вскорѣ выростаютъ и ползутъ съ листа на листъ; жирное тѣло ихъ имѣетъ весьма отвратительный видъ. Эти прожорливыя животныя въ нѣсколько часовъ могутъ опустошить обширныя плантаціи, переходя съ мѣста на мѣсто и оставляя за собою печальную пустыню и омертвѣніе. Всѣ попытки остановить опустошительное шествіе этихъ гусеницъ до сихъ поръ оказывались безплодными. Откуда онѣ являются—рѣшить трудно. Можно даже сказать, что онѣ какъ будто упадаютъ съ неба или ихъ изрыгаетъ сама земля. Иногда желая остановить ходъ гусеницъ и предупредить ихъ нападеніе на неповрежденную еще ими плантацію, окапывали эту плантацію широкимъ рвомъ. Но страшныя животныя безчисленными милліонами бросались внизъ и покрывали почву рва на высоту отъ 1—2 футовъ,—рва, имѣвшаго протяженіе цѣлой англійской мили!.. Тогда пробовали другое средство: запрягали въ ярмо сильныхъ воловъ и заставляли ихъ волочить по рву, наполненному гусеницами, огромный стволъ дерева. Тогда стволъ казался плавающимъ въ густой отвратительной жидкости отъ раздавленныхъ гусеницъ, а на другой день эта раздавленная гніющая масса заражала и зачумляла воздухъ по всей окрестности,—такъ что нельзя было приступиться къ плантаціи...

Сборъ хлопка на плантаціяхъ начинается въ концѣ іюля и непрерывно продолжается до самаго праздника Рождества Христова. Рабочіе отправляются на плантаціи съ корзинами и мѣшками; корзины становятъ они въ рядъ на краю плантаціи, за симъ сборщикъ хлопка привязываетъ къ своему тѣлу объемистый мѣшокъ или кузовъ и кладетъ въ него хлопокъ или волокна, снятыя съ плодовъ хлопчатника. Наполнивъ мѣшокъ, сборщикъ вытряхаетъ содержимое его въ корзину. Каждый рабочій можетъ среднимъ числомъ собрать отъ 250—300 фунтовъ (*) хлопка (съ сѣменами) въ день. Если погода во время сбора стоитъ хорошая, то собранный хлопокъ переносятъ съ плантаціи въ кладовыя. Иногда же—и это бываетъ всего чаще,—его разстилаютъ на особые подмостки для просушки и за симъ очищаютъ отъ всевозможныхъ нечистотъ. Къ характеристическимъ сценамъ фермерской жизни принадлежитъ возвращеніе съ плантаціи рабочихъ вечеромъ. Они тянутся тогда длинною вереницей, *гуськомъ*, неся каждый на головѣ наполненную хлопкомъ корзину. Впереди идетъ ношатый, обремененный большей ношей. И вся эта процессія, шествуя къ кладовымъ при сумеречномъ полусвѣтѣ среди торжественнаго, меланхолическаго молчанія, уподобляется скорѣе хору безплотныхъ тѣней, чѣмъ людей. Въ нижнемъ этажѣ каждой кладовой большею частью помѣщается машина для отдѣленія сѣмянъ отъ хлопка. Въ эту-то машину, по наклонной плоскости, спускаютъ изъ верхняго этажа кладовой хлопокъ еще содержащій въ себѣ сѣмена,—для очищенія. Эта очистка отъ сѣмянъ происходитъ въ машинѣ слѣдующимъ образомъ. Хлопокъ проходитъ между острыми пилообразными, косвенно направленными зубцами (зубцовъ этихъ устроено отъ 20—80 на быстро вращающейся оси). Здѣсь расчесываются волокна хлопка и за симъ хлопокъ пропускается сквозь отверстія плотной рѣшетки. Во время этого процесса зерна отскакиваютъ и остаются на рѣшеткѣ. Далѣе слѣдуетъ еще особый вращающійся аппаратъ („roller-gin“). Здѣсь хлопокъ проходитъ между гладкими или же выемчатыми, но во всякомъ случаѣ тѣсно другъ отъ друга отстоящими вальцами; такъ какъ разстояніе между вальцами слишкомъ тѣсно, чтобы зерна могли пройдти между ними вмѣстѣ съ хлопкомъ, то послѣдній окончательно очищается между вальцами и отъ тѣхъ зеренъ, отъ которыхъ не могъ очиститься, проходя предварительно сквозь рѣшетку. Такая очищающая хлопокъ отъ зерна машина приводится въ движеніе 4-мя мулами, и можетъ очистить въ день хлопка около 4 кипъ приблизительно въ *450* фунтовъ вѣсомъ *). На большихъ хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ движущею силою для подобной машины употребляютъ паръ. За симъ, посредствомъ еще довольно примитивнаго способа, хлопокъ прессуется въ кипы, завязывается въ холстъ—и товаръ готовъ къ разсылкѣ.

Количество сбора хлопка представляется весьма разнообразнымъ, смотря, по почвѣ, климату, степени урожая и т. д. какъ уже сказано выше. Но вообще считаютъ за очень хорошій сборъ, если съ одного *моргена* плантаціи получится 1000 фунтовъ (или 25 пудовъ) сѣмянъ. Это же количество сѣмянъ, по пропорціи, соотвѣтствуетъ 300 фунтовъ ($7\frac{2}{4}$ пуд.) или $\frac{2}{3}$ кипы очищеннаго хлопка.

Правда, это еще не есть, такъ сказать, идеалъ сбора. Иногда бываетъ сборъ обильный *вдвое* или *втрое*, но это исключенія, а не общее правило. Опредѣленныхъ и точныхъ данныхъ о годовомъ сборѣ хлопка въ Америкѣ получить невозможно, такъ какъ статистическія показанія не позволяютъ сдѣлать точнаго заключенія. Тѣмъ менѣе нужно довѣрять статистикѣ въ ея выводахъ общихъ результатовъ сбора хлопка въ Америкѣ, что созрѣваніе плода этого растенія, какъ мы сказали выше, подвержено многочисленнымъ случайностямъ. Нѣкоторые коммерческіе люди дѣлали въ различныхъ пунктахъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ только находятся хлопковыя плантаціи, сравнительныя вычисленія *вѣроятной* общей средней величины сбора, и оказалось, что, не принимая въ разсчетъ максимума и минимума, эта вѣроятная общая цифра сбора должна простираться до 1.400.000 кипъ хлопка.

Но такъ-же какъ различны количество сбора, такъ точно различно и качество хлопка. Кромѣ хлопка, обыкновенно назначаемаго для фабрикаціи тканей (потому что онъ легко принимаетъ всѣ красящія вещества) отличающагося *бѣлымъ* или *слабо-желтымъ* цвѣтомъ и имѣющаго длину волокна 2, 5 и до 6-ти центметровъ, въ періоды развитія растенія означаемымъ терминомъ „boll“ (см. выше) попадается еще хлопокъ съ короткими волокнами и, въ противоположность первому разряду, имѣющій желтый или даже зеленый цвѣтъ. Далѣе, нѣкоторыя волокна хлопка не совсѣмъ созрѣваютъ; тогда какъ зрѣлыя волокна свободны отъ зеренъ,—волокно, не созрѣвшее и

*) Такъ называемый американцами *исподней земли* (Bottom-land).

*) Т. е. отъ $6\frac{1}{4}$—$7\frac{1}{2}$ пудовъ.

*) $11\frac{1}{4}$ пудовъ.

Баронъ Убри. Графъ Шуваловъ. Секрет. Бухеръ. Князь Горчаковъ. Лордъ Россель. Маркизъ Салисбюри. Лордъ Биконсфильдъ. Баронъ Гаймерле. Графъ Каролье. Графъ Андраши. Князь Бисмаркъ. Ваддингтонъ. Каратеадори-паша. Графъ Сен-Валье. Дюпре. Мехемедъ-Али-паша. Графъ Корти. Графъ Лонай.



**Засѣданіе Европейскаго Конгресса въ Берлинѣ.** (См. Политич. Изв. стр. 490). По рисунку въ Gr., грав. К. Вейерманъ.

окруженное толстою внѣшнею кожицею (Cuticula) обыкновенно содержитъ въ себѣ зернышко; за тѣмъ такое волокно или плоско или имѣетъ винтообразную форму скрученной ленты часто покрыто пятнами, не имѣетъ внутри полости. Индиго и крапп-роза совершенно не окрашиваютъ такихъ незрѣлыхъ нитей (мертвый хлопокъ). Но независимо отъ этой массы примѣсей и нечистотъ, вліяющихъ на цѣну хлопка, главнымъ образомъ различаютъ, какъ извѣстно, *два рода* хлопка: 1) „Short Staple" или „Upland" и 2) „Long Staple" или „Sea-island"—хлопокъ. Первый состоитъ изъ короткихъ волоконъ и первоначально воздѣлывался въ Вест-Индіи, и оттуда перевезенъ потомъ въ Сѣверную и Южную Каролину, Георгію, Тенесси, Алабаму, Миссисипи, Луизіану, Арканзасъ, Флориду и Техасъ. Хлопокъ же „long-Staple", повидимому происходитъ изъ Персіи. Онъ воздѣлывается теперь на берегахъ Георгіи, Южной Каролины и Флориды. По причинѣ недиости его волоконъ, хлопокъ этотъ употребляется для тончайшихъ и нѣжнѣйшихъ тканей. Часто производятъ ткани, соединяя его нити съ шелковыми, и достоинство ткани, по крайней мѣрѣ на глазъ, отъ этого ни сколько не уменьшается.

Теперь остается намъ сказать о ботаническихъ особенностяхъ хлопчатника и о примѣненіи этого матеріала къ нашему фабричному отечественному производству.

Въ ботаническомъ отношеніи хлопчатникъ принадлежитъ къ семейству *мальвовыхъ* (malvaceae). Всѣ растенія этого семейства обыкновенно покрыты звѣздчатыми волосками. Цвѣточная чашечка у нихъ пятилистная или раздѣльная. Лепестковъ въ самомъ цвѣткѣ, который окружается чашечкою, 5-ть. Лепестки часто сростаются ноготками съ тычинковою трубкой (или трубкой женскаго органа). Плодъ состоитъ изъ многихъ сросшихся орѣшковъ, по окончательномъ созрѣніи распадается на многіе орѣшки; въ другихъ же видахъ плодъ представляетъ *коробочку*, снабженную волокнистыми волосками. Примѣръ этого коробковаго плода представляетъ и хлопчатникъ, подраздѣляющійся преимущественно на *три* вида: gossypium herbaceum g. religiosum и g. arboreum, составляющій предметъ нашей статьи. *На одномъ изъ прилагаемыхъ нами рисунковъ читатель видитъ уже созрѣвшую и растреснувшуюся плодовую коробочку, или капсулу хлопчатника.* (См. „Ниву" № 26). Когда коробочки начнутъ уже растрескиваться, то это значитъ, что хлопчатникъ уже созрѣлъ, тогда-то и *совершается сборъ* или *жатва хлопка.* Выше мы описали, какъ этотъ сборъ дѣлается въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ же, гдѣ хлопковыя плантаціи незначительны, напримѣръ у насъ въ Туркестанѣ, по созрѣваніи коробочекъ, ихъ срываютъ, высушиваютъ на тростниковыхъ рогожахъ, и потомъ отдѣляютъ маслянистыя сѣмена отъ окружающихъ волосковъ или волоконъ весьма простою машиною, состоящею изъ двухъ въ противоположныя стороны вращающихся валиковъ. Такая машина, какъ само собою понятно для читателя, представляетъ только примитивный первоначальный видъ машины *Эли Уитнея*, которую мы описали выше. Она называется по англійски Primitive Cotton-Gin (Первобытная машина для чистки хлопка). Она представляетъ собою только отдѣльную часть машины Уитнея, взятой въ ея цѣломъ.

Впрочемъ и у насъ въ Россіи такая машина теперь употребляется не вездѣ, а только тамъ, гдѣ плантаціи хлопчатника уже слишкомъ скромны. Нужно замѣтить, однако, что сложная машина Э. Уитнея преимущественно необходима для сортовъ коротко-волокнистаго хлопка, называемаго по англійски short-staple и отличающагося зеленоватымъ или желтоватымъ цвѣтомъ волокна.

Воздѣлывается же у насъ хлопчатникъ издавна во многихъ мѣстахъ Закавказья; особенно же по бассейну рѣки *Куры*, воздѣлываются оба главные вида хлопчатника и gossypium herbaceum и gossyp. arboreum, т. е. однолѣтвій *деревянистый* и *травянистый* хлопчатники.

Во всякомъ случаѣ наше русское хлопчатобумажное производство, и именно въ смыслѣ приготовленія фабрикатовъ (такъ какъ большую часть сырого матеріала или хлопка мы все таки получаемъ изъ Америки) принадлежитъ къ самымъ блестящимъ отраслямъ нашей производительности, и можно даже сказать, что ненависть къ намъ Англіи, ея опасенія нашего соперничества въ Средней Азіи въ значительной степени происходитъ отъ того, что мы сдѣлали громадные успѣхи въ фабрикаціи хлопчато-бумажныхъ тканей, въ каковой фабрикаціи англичане желали бы видѣть себя монополистами во всемъ мірѣ... Со времени же занятія нами разныхъ областей въ Средней Азіи, разумѣется, представляется намъ возможность усилить и наши собственныя плантаціи хлопка. Замѣчательно, что еще вскорѣ по занятіи нами Ташкента, извѣстный венгерскій путешественникъ *Вамбери* (о которомъ у насъ была статья въ прошломъ 1877 году, „Нива" № 27) изъ всѣхъ силъ выхвалялъ средне-азіатскій хлопокъ—съ понятною цѣлью—подстрекнуть и возбудить ревность англичанъ. Говоря безпристрастно и основываясь на мнѣніи людей компетентныхъ, нужно сказать, что достоинства средне-азіатскаго хлопка вообще не очень-то изъ высокихъ.

Уже до 1870 г. общая стоимость нашихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій оцѣнивалась въ 60 милліоновъ рублей. Нѣтъ сомнѣнія, что эта сумма до настоящаго времени должна была увеличиться. Изъ хлопка у насъ приготовляется, во первыхъ, *пряжа;* изъ этой пряжи воздѣлываются *ткани простыя, миткали, нанки, ситцы, кумачъ, холстинки.* Изъ лучшей хлопчато-бумажной пряжи (1-го сорта) у насъ выдѣлываются и лучшія матеріи, напр., *кисея, жаконетъ, плисъ* и пр. Нѣкоторыя изъ бумажныхъ тканей на нашихъ фабрикахъ выдѣлываются прямо изъ окрашенной пряжи, другія же окрашиваются и набиваются въ кускахъ. Большая часть хлопка выпрядается на нашихъ внутреннихъ бумагопрядильняхъ, устроенныхъ въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ. Бумагопрядильни эти расположены преимущественно въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Владимірской, Рязанской. Тканье бумажныхъ издѣлій у насъ издавна производилось двоякимъ образомъ: и *на фабрикахъ* и просто въ *избахъ* самими фабричными крестьянами. Послѣдній видъ промышленности былъ въ особенности распространенъ въ уѣздахъ Александровскомъ, Юрьевскомъ, Шуйскомъ. Въ послѣднемъ находилось знаменитое село Иваново, обращенное теперь въ городъ *Иваново-Вознесенскъ*, слывущій нашимъ отечественнымъ Манчестеромъ.

На фабрикахъ Владимірской губерніи болѣе всего выдѣлываются простыя бумажныя ткани; высшіе же сорта производятся въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Этимъ же городамъ принадлежитъ и первое мѣсто въ бѣленіи и набивкѣ бумажныхъ тканей. Въ г. Александровѣ бумажная пряжа окрашивается въ красный цвѣтъ и краска для этого приготовляется изъ дербентской марены. Лучшій плисъ у насъ производится въ Ригѣ.

Стр.

# Политическія и внутреннія извѣстія.

О текущихъ занятіяхъ конгресса наши читатели знаютъ изъ еженедѣльныхъ политическихъ обозрѣній „Нивы". Въ настоящемъ обозрѣніи, прежде передачи свѣдѣній о результатахъ засѣданія конгресса, сообщимъ, по поводу помѣщеннаго въ этомъ номерѣ рисунка, нѣсколько свѣдѣній о членахъ конгресса. Представители Россіи на конгрессѣ извѣстны читателямъ. Переходимъ къ представителямъ другихъ державъ.

Уполномоченные со стороны Германіи: *Князь Бисмаркъ*, г. *Бюловъ*, и князь *Гогенлоэ*. Знаменитому Германскому имперскому канцлеру въ настоящее время уже исполнилось 63 года отъ роду.—Г. *Бюловъ* занимаетъ постъ помощника государственнаго секретаря въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и родомъ онъ изъ Мекленбурга. Началомъ карьеры этого государственнаго человѣка были близкія его отношенія къ Бисмарку (тогда еще графу) на Франкфуртскомъ сеймѣ.—Князь *Гогенлоэ*—бывшій прусскій посолъ въ Парижѣ съ 1866—70 г.г. главный уполномоченный иностранныхъ дѣлъ и президентъ совѣта. Въ 1874 г. онъ состоялъ германскимъ посломъ въ Парижѣ. Онъ моложе князя Бисмарка только 4 годами.

Со стороны Великобританіи: Лордъ *Биконсфильдъ*, Маркизъ *Салисбюри* и Лордъ *Одо Россель*. Предшествовавшая карьера Биконсфильда слишкомъ извѣстна, чтобы намъ останавливаться на ней. Но карьера Салисбюри въ прошедшемъ далеко не блестяща; онъ получилъ по наслѣдству отъ предковъ свой маркизатъ и перство и сдѣлался членомъ англійскаго парламента и писателемъ. Лордъ Одо Россель игралъ важную роль въ сношеніяхъ съ Римомъ и Франціей до и во время Франко-Прусской войны 1870 г.

Со стороны Австро-Венгріи: графъ *Андраши*, баронъ *Гаймерле* и графъ *Каролье*. Графу Андраши теперь уже 55 лѣтъ (род. въ 1823 г.). По происхожденію истый венгерецъ, одинъ изъ блестящихъ первоклассныхъ ораторовъ и государственныхъ людей, и впервые обнаружилъ свои необыкновенныя дарованія на Пештскомъ сеймѣ въ 1844 году. Какъ участникъ въ революціи 1848 года, Андраши былъ осужденъ на смерть и заочно *казненъ*, и только въ 1860 г. получилъ амнистію. Съ 1871 г. сдѣланъ премьеръ-министромъ Австро-Венгріи, вмѣсто извѣстнаго Графа Бейста. Прошедшее остальныхъ двухъ австро-венгерскихъ уполномоченныхъ не представляетъ ничего выдающагося.

Со стороны Франціи: Министръ иностранныхъ дѣлъ *Ваддингтонъ*, въ отношеніи научномъ одинъ изъ лучшихъ археологовъ нашего времени, и г. *Сен-Валье*. Политическая карьера Ваддингтона началось въ 1871 г. Онъ англійскаго происхожденія, хотя родился въ Парижѣ. Прежде г. Ваддингтонъ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія, въ кабинетахъ: Рикара, Дюжора, Мирсере и Жюля Симона. Графъ Сен-Валье—французскій посолъ въ Берлинѣ, занявшій этотъ постъ послѣ Гонто-Бирона. Во время правительства Тьера, вскорѣ по окончаніи франко-прусской войны. Сен-Валье были даваемы нѣкоторыя весьма важныя порученія. Подобно Ваддингтону, Сен-Валье состоитъ также сенаторомъ.

Со стороны Италіи: г.г. *Корти* и *Лонай*. Графъ Корти—по происхожденію піемонтецъ; былъ полномочнымъ представителемъ Италіи сначала въ Испаніи, а потомъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Въ настоящее время Корти итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ сенаторъ. Графъ Лонай—тоже піемонтецъ, состоитъ посломъ въ Берлинѣ.

Со стороны Турціи: *Каратеодори-паша*, мустехаръ (или одинъ изъ высшихъ чиновниковъ) министерства иностранныхъ дѣлъ; по происхожденію грекъ, родился въ Константинополѣ. За симъ остальные турецкіе представители—*Садуллахъ-бей* и извѣстный *Мехемедъ-Али-паша*. Послѣдній—французскаго происхожденія, но родился въ Пруссіи.

Требованія румынъ, относительно Бессарабіи какъ и слѣдовало ожидать, не могли быть удовлетворены конгрессомъ. Хотя непосредственно по прочтеніи Румынской меморіи о Бессарабіи, между членами конгресса и завязались оживленныя пренія, но они пока ни къ чему не привели. Англія и Австрія, признавая право обладанія Бессарабіею за Россіей, внесли предложеніе, чтобы Румыніи, кромѣ вознагражденія ея Добруджею (длинною восточною приморскою частью Болгаріи) взамѣнъ Бессарабіи, былъ отданъ еще *Килійскій* рукавъ Дуная, съ прилегающею къ нему полосою земли. Россія же, съ своей стороны, предложила вознаградить Румынію, кромѣ Добруджи, еще и сѣверо-восточною частью Болгаріи, отъ *Мангаліи* до *Силистріи* *). Этого бы, кажется, уже довольно для Румыніи.

Но Румынскій, или, выражаясь частнѣе, Бессарабскій, вопросъ, однакожe, снова предполагается подвергнуть обсужденію на конгрессѣ. Само по себѣ, это обстоятельство еще не представляло бы особой важности, но конгрессу предстоитъ достаточно обсужденій по другимъ вопросамъ. Дѣло усложнилось тѣмъ, что Австрія выразила намѣреніе занять своими войсками Боснію и Герцеговину и для этой цѣли уже приготовила 4 пѣхотныя дивизіи (до 60 тысячъ человѣкъ). На эту военную оккупацію изъявили согласіе и другія державы въ лицѣ своихъ присутствующихъ на конгрессѣ представителей. Но турецкіе уполномоченные, и вообще-то до сихъ поръ выражавшіе упорство относительно рѣшеній конгресса,—еще рѣшительнѣе и упорнѣе высказались противъ военнаго занятія австрійскими войсками Босніи и Герцеговины и прибавили, что они не получили на этотъ счетъ *инструкцій* отъ своего правительства, что эта оккупація „не предусмотрѣна“ и въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, что, слѣдовательно, она несправедлива, противна всякому международному праву. Австрія съ своей стороны отстаиваетъ свое *право оккупаціи* Босніи и Герцеговины тѣмъ, что ей нужно *водворить* на мѣсто жительства боснійскихъ бѣглецовъ, на которыхъ она потратила до 9-ти милліоновъ гульденовъ. Противъ такого разсчета, конечно возразить что либо трудно. Но дѣло въ томъ, что своею воинственною мѣрою Австрія возбуждаетъ невольныя общія подозрѣнія, особенно же со стороны сопредѣльной ей Италіи. А ну,—если Австрія намѣрена прирѣзать себѣ территорію—и можетъ быть водвореніе босняковъ только предлогъ?.. Если такъ, то Италія не прочь заявить свои болѣе основательныя требованія на *Тироль*, имѣющій національную естественную связь съ Италіей, а не съ Австріей... Словомъ, взаимные непріязненные элементы, подозрѣніе, недовѣрчивость, мало по малу пробуждаются въ державахъ, всего болѣе казавшихся нейтральными... А всему далъ импульсъ еще не совсѣмъ и не для всѣхъ понятный шагъ Австріи—занять Боснію и Герцеговину. Упорство Турціи и выжиданіе ею особыхъ инструкцій представляется пока какимъ-то неопредѣленнымъ аксессуаромъ общаго положенія дѣлъ. Уже существуютъ слухи, что Порта, сознавъ безуспѣшность сопротивленія Австріи, рѣшится подстрекнуть боснійскихъ беговъ къ возстанію, которое разумѣется, легко придетъ въ связь съ Родопскимъ возстаніемъ, для поддержки котораго найдется много и другихъ побочныхъ элементовъ. Австріи нужны деньги, и она хочетъ сдѣлать экономію, выселивъ босняковъ. Турціи нужны деньги—и она сдѣлала заемъ, обезпеченіемъ погашенія котораго представлена *дань съ* Египта, но эта дань уже *заложена* Франціи и Англіи, при помощи которыхъ Турція совершила свой заемъ. (Египетская дань заложена въ 50 милліоновъ рублей на наши деньги). Теперь ясно ли, какая совершается круговая порука?.. Биржевая комбинація сдѣлана ловко, и этимъ подготовлена почва для разныхъ политическихъ комбинацій участвующихъ въ конгрессѣ державъ.

Что касается военнаго вознагражденія собственно Россіи, то не смотря на его близкую связь съ общею комбинаціею въ отношеніяхъ другихъ державъ къ Турціи, вопросъ этотъ еще не выступалъ на очередь... Мы увидимъ, конечно, вскорѣ, какъ и въ какой формѣ онъ выступитъ на эту очередь...

Покамѣстъ дѣло шло и идетъ только о границахъ. Мы уже знаемъ изъ предшествовавшаго обозрѣнія („Нива“, № 26), что Балканы назначены пограничною чертою Болгаріи, что Балканскіе проходы по рѣшеніямъ конгресса остаются въ рукахъ турокъ, съ предоставленіемъ имъ права содержать въ проходахъ военные гарнизоны или стражу. Теперь извѣстно кое-что болѣе новое и опредѣленное. Площадь до Балканъ съ юга, названіе которой придумывали, будетъ называться *Румеліей* и будетъ раздѣляться на „восточную“ и „западную“. При этомъ извѣстно, что хотя Балканскіе проходы и будутъ находиться въ рукахъ турокъ, но *Софія* со своимъ санджакомъ уже предоставлена болгарамъ. Точно также въ рукахъ болгаръ остается и приморская крѣпость *Варна*. Въ засѣданіи конгресса (8 по числу) бывшемъ 16-го (28-го) іюня, князь Бисмаркъ, выслушавъ выраженія неудовольствія турецкихъ уполномоченныхъ, по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ новой организаціи Болгаріи (Турція, какъ видите, остается еще недовольною!..), рѣзко произнесъ: „Порта должна быть благодарна конгрессу, что онъ *сохраняетъ за нею южную Болгарію*, которая по всякому праву, могла быть и вовсе потеряна для Турціи!“... Да, если право должно находиться на сторонѣ побѣдителей, а на сторонѣ побѣжденныхъ покорность или по крайней мѣрѣ возможно-тѣсное ограниченіе права, то, конечно, такъ должно было быть... но, по какой-то странной игрѣ судьбы случилось не такъ. Былъ поднятъ и вопросъ о срытіи турецкихъ крѣпостей, но опредѣленные результаты по этому предмету неизвѣстны. За симъ идутъ еще на конгрессѣ разсужденія объ установленіи границъ Сербіи и переговоры о Черногоріи, еще не приведшіе къ опредѣленному результату.

Что касается Греціи, то европейскіе уполномоченные настаиваютъ, чтобы Порта обратила вниманіе на *законныя требованія этой страны*. А требованія эти состоятъ въ томъ, что Греція требуетъ присоединенія къ себѣ Эпира, Ѳессаліи и Кандіи... Объ интересахъ Греціи съ особеннымъ рвеніемъ хлопочетъ французскій уполномоченный г. Ваддингтонъ.

Далѣе, на очередь выступаетъ вопросъ о нашихъ границахъ въ Малой Азіи и особенно вопросъ о Батумѣ. Англія изъ всѣхъ силъ противится, чтобы Батумъ отошелъ къ Россіи. Турція уже неоднократно заявляла, что Батумъ можно взять только съ бою. Биконсфильдъ прямо выразился, что Англія не можетъ допустить „отдачи Батума Россіи“ и довольно прозрачно намекнулъ, что *одинъ* вопросъ о Батумѣ въ состояніи уничтожить всѣ добытые конгрессомъ результаты... Англійская пресса почти единогласно утверждаетъ, что въ „самомъ благопріятномъ для Россіи случаѣ Батумъ можетъ быть обращенъ въ *порто-франко*“ (другими словами—быть почти безусловно въ рукахъ Англіи). Этой уступки ожидаетъ отъ насъ Англія, какъ логическаго послѣдствія всѣхъ нашихъ предшествовавшихъ уступокъ...

Вопросъ о мало-азіатскихъ нашихъ границахъ и о Батумѣ будетъ по всей вѣроятности разсматриваться въ ближайшихъ засѣданіяхъ конгресса. Теперь же пока скажемъ, что конгрессъ если еще не совсѣмъ рѣшилъ, то стремится рѣшить, чтобы *турецкій* государственный долгъ былъ *разложенъ на всѣ освобожденныя и получающія автономію провинціи Турціи* (т. е. Болгарія играетъ роль вола, съ котораго предполагается содрать вторую шкуру).

Изъ другихъ событій (собственно на Балканскомъ полуостровѣ и около него),—за прошлую недѣлю продолжалось возстаніе въ Кандіи; продолжается ожесточенный бой у сел. Апокороны. Большая часть нашихъ войскъ выступила изъ Рущука въ Силистрію. Въ Румыніи осталось только 25,000 русскихъ.

Въ Далмаціи выставлена 8-я пѣхотная дивизія, со стороны Австріи, противъ Черногоріи и Герцеговины, каковая операція находится въ связи съ общимъ планомъ занятія австрійскими войсками Босніи и Герцеговины.

На прошлой недѣлѣ молодая испанская королева серіозно заболѣла и 14 (26) іюня скончалась.

От Имени Государыни Императрицы ассигнована сумма въ 3,000 р. для раздачи нуждающимся погорѣльцамъ г. Мензелинска, и Уфимскому Губернатору для той же цѣли открытъ кредитъ на такую же сумму въ мѣстномъ казначействѣ.

Мѣсто для Сибирскаго университета, наконецъ, избрано: на дняхъ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе учредить этотъ первый сибирскій университетъ въ г. Томскѣ, съ 4 факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ.

Въ прошедшемъ году сибирскія золотопромышленники имѣли большія надежды на крупную добычу золота въ Приморской Области Восточной Сибири, но ожиданія ихъ не оправдались и прошедшій 1877 г. далъ, какъ сообщаютъ оффиціальныя свѣдѣнія, только $12\frac{3}{4}$ пуд. золота. Заговоривъ о Сибири, сообщимъ, что нынѣшней весною рѣка Селенга (въ Восточной Сибири) разлилась такъ сильно, противъ обыкновенія, что затопила мѣстность на протяженіи 30 верстъ между Верхнеудинскомъ и Кабанскомъ. Высота воды на затопленныхъ мѣстахъ достигаетъ трехъ аршинъ. Разливомъ повреждена телеграфная линія, соединяющая Иркутскъ съ Верхнеудинскомъ и со всей вообще восточной частію Сибири, а также съ Японіей и Китаемъ. На Верхнеудинскъ сразу два бѣдствія: 10 іюня вспыхнулъ пожаръ при страшномъ вѣтрѣ и испепелилъ большую половину города, а разлитіе р. Селенги угрожаетъ затопить уцѣлѣвшую отъ огня низменную часть этого города.

Пожары, какъ мы уже не разъ говорили, приносятъ намъ громадные въ общей сложности убытки. Мѣры предосторожности,

*) Силистрія на Дунаѣ; Мангалія—важный пунктъ на берегу Чернаго моря.

всегда предписываемые закономъ плохо какъ то прививаются къ характеру русскаго человѣка. Впрочемъ все таки не безъ прогресса и въ этомъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, въ уѣздныхъ селеніяхъ г. Царицына для предотвращенія пожаровъ нынѣшней весной произведено разсаживаніе между избами деревьевъ и выписано до двадцати пожарныхъ трубъ, которыя распредѣлены по деревнямъ.

Съ открытіемъ правильнаго пассажирскаго и товарнаго движенія участка дороги отъ Новгорода до Старой Руссы, предполагается оставить опасное пароходное сообщеніе по Ильменю. Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ числѣ товаровъ, перевозимыхъ по Новгородской узко-колейной желѣзной дорогѣ самое видное мѣсто занимаетъ пресованное сѣно, котораго привозится въ Петербургъ ежегодно до нѣсколько милiоновъ пудовъ.

Срочные пасажирскіе пароходы чуть не каждую недѣлю привозятъ съ Кавказа въ Севастополь больныхъ и раненыхъ. Изъ Севастополя больныхъ и раненыхъ везутъ въ Россію. Число слабосильныхъ и тифозныхъ, назначенныхъ на южный берегъ Крыма и въ Николаевъ, доходитъ до 25.000. Комерческая дѣятельность Севастополя, можно сказать, процвѣтаетъ. Ежедневно приходятъ и отходятъ въ гавань заграничныя суда и пароходы, грузятся пшеницею. Съ открытія навигаціи, съ половины февраля, отправлено уже до 3,000,000 пуд. одной пшеницы, не смотря на то, всѣ пять городскихъ магазиновъ переполнены пшеницей.

Ловъ сельдей въ Астрахани только что окончившійся отличался въ нынѣшемъ году особеннымъ обиліемъ. Всѣми астраханскими рыбопромышленниками поймано и заготовлено сельдей 150 мил. рыбъ—болѣе пришлаго года на 46 милiон.

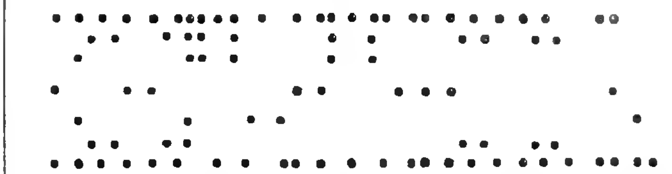
Изъ Казани сообщаютъ, что послѣднее время толпы нищихъ, наполнявшія улицы города, теперь исчезаютъ. Губернское земство выдало пострадавшимъ отъ неурожая крестьянамъ около 900.000 руб. на обсѣмененіе полей, независимо отъ 700,000 выданныхъ имъ же на продовольствіе. Сумма 1.600.000 р. распредѣленная какъ сказано выше, составляетъ ссуду, выданную земству правительствомъ на удовлетвореніе нуждъ крестьянскаго населенія. Частныя же пожертвованія на этотъ предметъ всей Россіи едва достигаютъ 3.000 руб.

На дняхъ изъ Петербурга отправляется правительственная коммисія для открытія второго рельсоваго пути отъ пункта соприкосновенія Бресто-Граевской желѣзной дороги съ Петербургско-Варшавской до пограничной русско-прусской станціи Вержболово. Съ 1-го же сентября предположено открыть второй рельсовый путь на всемъ протяженіи отъ Динабурга до Вержболова. Работы съ этой цѣлію производятся самымъ дѣятельнымъ образомъ.

19 іюня въ полдень, въ Якобштадтѣ вспыхнулъ большой пожаръ уничтожившій около 300 домовъ, или почти двѣ трети города. Между прочимъ сгорѣли казначейство и русская церковь.

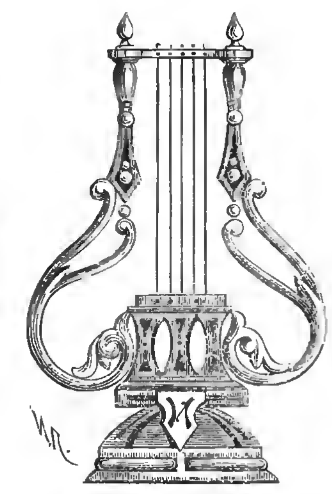
## ЗАДАЧИ.

**Точки.**



Эти точки заключаютъ въ себѣ слово, составляющее названіе одного знаменитаго города.

**Лира съ буквами.**



Въ этой лирѣ помѣщены буквы, составляющія фамилію одного изъ славныхъ русскихъ писателей.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Лѣской. Б. Паргол. дор. № 57. Э. де Э.** Благодаримъ, но за обиліемъ матеріала не возьмемъ.

2. **СПБ. Гороховая В. И К—у.** Принять можемъ, но необходимо прежде всего видѣть ихъ. Занесите или пришлите. Отвѣтъ дадимъ почтой.

3. **Москва. В. Н. Токмакову.** За сообщеніе очень благодаримъ, но теперь оно уже слишкомъ запоздало.

4. **Таганрогъ. М. Зал—ву.** Нѣтъ въ вашихъ стихахъ того, что бы могло ихъ выдѣлить изъ массы имъ подобныхъ, ежедневно появляющихся на нашемъ столѣ.

Тиражъ выигрышей перваго внутренняго займа, произведенный 1-го іюля, будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ № „Нивы", такъ какъ 2-й листъ этого номера начатъ печатаніемъ съ 27-го іюня.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.





№ 28 — 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 10 Іюля 1878 г. — Цѣна этого № «Нивы» 15 к., съ перес. 20 к.




## Дворецъ В. К. Михаила Николаевича въ С.-Петербургѣ.



Дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича, на набережной Большой Невы въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. грав. Пуцъ.

# Дворецъ В. К. Михаила Николаевича въ С.-Петербургѣ.

Знакомя читателей нашихъ съ зданіями современнаго Петербурга, мы не разъ уже помѣщали рисунки, изображающіе виды этихъ зданій. Но знакомя читателей съ зданіями современнаго Петербурга, мы находимъ въ то же время, что заслуживаетъ общественнаго вниманія не только современное состояніе этихъ зданій, представляющихъ, конечно, извѣстный интересъ болѣе всего, пожалуй, въ архитектурномъ отношеніи; но главнымъ образомъ интересъ составляетъ, такъ сказать, исторія этихъ зданій или той мѣстности, гдѣ онѣ находятся. Это прошлое Петербурга, выступая изъ своего туманнаго сумрака, интересно, какъ вообще интересно все-то, что ушло отъ насъ въ невозвратную вѣчность. Тамъ,

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій нѣводъ,—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ, корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ тѣснятся.

Таковъ современный Петербургъ.

Помѣщая въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображающій дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича, считаемъ не безъинтереснымъ привести здѣсь нѣкоторыя существенныя черты, дающія представленія о томъ состояніи той части города, въ которой находится зданіе вышеупомянутаго дворца.

Дворецъ этотъ, какъ извѣстно, находится на берегу Большой Невы, на лѣвой сторонѣ по ея теченію, невдалекѣ отъ Мраморнаго дворца, видъ и писаніе котораго были помѣщены въ № 21 Нивы настоящаго года.

Дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича отстоитъ также на незначительномъ разстояніи отъ Зимняго Дворца.

По плану Петербурга, составленному въ 1705 г. видно, что самая значительная и роскошная теперь часть города была въ то время почти незаселенной; было только Адмиралтейство да нѣсколько домовъ на берегу Невы. Въ 1716 году видъ Петербурга совершенно перемѣнился, и на берегу Невы близь устья Фонтанки уже былъ построенъ лѣтній дворецъ Петра съ разведеннымъ при немъ такъ называемымъ Лѣтнимъ садомъ. Лѣтній садъ отдѣлялся отъ примыкавшаго къ нему луга, (теперь Царицына) каналомъ, а отъ Царицына луга по берегу Невы къ Адмиралтейству шелъ рядъ зданій, начинаясь почтовымъ домомъ, отдѣленнымъ отъ площади каналомъ, соединявшимъ Неву съ Мойкой. Каналъ этотъ теперь, какъ извѣстно, не существуетъ, зарытъ, какъ излишній. Это пространство между почтовымъ домомъ и Адмиралтействомъ при Петрѣ носило названіе Нѣмецкой слободы, а на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Преображенскія казармы, былъ построенъ Зимній дворецъ, сдѣланный въ голландскомъ вкусѣ со шпицемъ. На мѣстѣ, занимаемомъ нынѣшнимъ Зимнимъ дворцомъ въ 1720 годахъ были построены дома графа Рагузинскаго, Крейса, графа Апраксина, и крайнія къ адмиралтейству Кикина палаты. Къ нимъ присоединялись дворы Ягужинскаго, Чернышева, Олсуфьева и такъ называемыя Желтыя палаты. Возлѣ стараго зимняго дворца былъ проложенъ каналъ и теперь извѣстный подъ названіемъ Зимней канавки. Чрезъ эту канавку на мѣстѣ нынѣшнихъ каменныхъ мостовъ тогда переброшены были подъемные мостики. Въ 1723 г. всѣ зданія вышеупомянутыхъ владѣльцевъ были куплены казной подъ придворныя постройки. Но участь, постигшая ихъ, все таки несравнима съ тою участію, какая выпала на долю палатъ Кикина. Смотря на нихъ можно было сказать „такъ проходитъ слава міра" и это изрѣченіе всего ближе шло конечно къ этимъ палатамъ Кикина. Славныя когда то широкою жизнію, лившеюся въ нихъ свободной волной, и знаменитыя по извѣстности ихъ обладателя, онѣ, эти палаты, были конфискованы и отданы подъ Морскую академію еще при жизни хозяина. Такая участь постигла эти палаты за приверженность ихъ владѣльца къ партіи царевича Алексѣя Петровича.

Иная доля выпала на долю палатъ великолѣпнаго дома графа Апраксина. Этотъ домъ еще за долго до его сломки послужилъ мѣстомъ жительства Императрицы, Анны Іоановны, поселившейся въ немъ въ первое время послѣ своей коронаціи. Въ 1732 г. по ея повелѣнію и по плану архитектора Растрелли на этомъ мѣстѣ началъ строиться настоящій Зимній дворецъ.

Такъ измѣнился съ того времени видъ дворцовой набережной, украшенной теперь какъ зданіемъ Императорскаго Зимняго дворца, такъ между прочимъ и дворцами Великихъ Князей: Константина Николаевича, Владиміра Александровича и Михаила Николаевича.

Съ того отдаленнаго времени, которое мы припоминаемъ теперь, говоря о прежнемъ Петербургѣ, многое въ немъ весьма существенно измѣнилось, украсившись новыми постройками. Пожалуй, здѣсь не будетъ лишнимъ привести слова Грибоѣдова, сказанныя о Москвѣ, но одинаково примѣнимыя и къ Петербургу, а именно, что

„Дома новы, да предразсудки стары,
Порадуйтесь, неистребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары"..

Впрочемъ не всѣ дома „новы". Такъ напримѣръ, зданіе Адмиралтейства остается до сихъ поръ въ прежнемъ видѣ, почти неизмѣнившись ни въ чемъ (за весьма незначительными исключеніями). Это зданіе до сихъ поръ на томъ же мѣстѣ, гдѣ было со времени своего основанія.

Мѣсто, которое занимаетъ теперь дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича, было когда то въ отдаленное прошлое подъ домомъ Шереметьева. Въ 1800 году домъ Шереметьева пріобрѣтенъ казной, и весь передѣланъ и приведенъ въ настоящій видъ архитекторомъ Штакеншнейдеромъ. Дворецъ этотъ одинъ изъ красивыхъ зданій Петербурга, въ особенности на Дворцовой набережной онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе также, какъ Зимній, дворецъ Владиміра Александровича и Мраморный. Его архитектура со множествомъ колонночекъ и украшеній разнаго рода, представляетъ пріятный видъ. Внутренность дворца отдѣлана изящно. Роскошныя залы, орнаментовка, но особенно замѣчательна дворцовая церковь въ Византійскомъ стилѣ съ богатою живописью иконъ. Дворецъ этотъ только изрѣдка бываетъ обитаемъ его владѣльцемъ. Какъ всѣмъ извѣстно, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ только изрѣдка и на короткое время пріѣзжаетъ съ Кавказа въ Петербургъ, поселяясь въ своемъ Петербургскомъ дворцѣ, только на весьма короткое время. Дворецъ этотъ, выходя на Набережную Большой Невы, выходитъ въ то же время другою своею частію на Милліонную улицу. имѣя внутри двора значительное пространство, занятое каменными службами.

# Приключеніе на дачѣ.

(Лѣтній разсказъ).

Когда Анна Павловна, семнадцатилѣтней дѣвушкой, гуляла передъ обѣдомъ съ своей maman въ Лѣтнемъ саду или по Большой Морской, встрѣчные молодые и старые люди провожали ее долгимъ и восхищеннымъ взглядомъ. На вечерахъ и въ театрѣ даже самыя строгія дамы, имѣющія собственныхъ дочерей, невольно заглядывались на нее и одобрительно шептали: „est-elle charmante, cette petite!"...

Когда Анна Павловна, на девятнадцатомъ году, вышла замужъ за молодцоватаго полковника Кормилова и гуляла уже съ нимъ подъ руку, вѣчно свѣжая и цвѣтущая, изящно и со вкусомъ одѣтая, къ лицу причесаная и раздающая своимъ знакомымъ самыя милыя привѣтливыя улыбки, всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что она ужасно похорошѣла, и что полковникъ Кормиловъ долженъ считать себя счастливымъ человѣкомъ.

Когда Анна Павловна, на двадцать третьемъ году, овдовѣла и показалась, послѣ двухъ мѣсяцевъ непритворной скорби, вся въ черномъ, съ немного поблѣднѣвшимъ лицомъ и легкой тѣнью подъ большими свѣтлыми глазами—никто не могъ сомнѣваться, что такой прелестной и соблазнительной вдовушки трудно сыскать во всемъ Петербургѣ.

Конечно, въ первую зиму никто не рѣшался за нею серьезно ухаживать—тѣнь полковника стояла передъ нею во всеоружіи и защищала ее отъ влюбленныхъ искателей. Но прошелъ еще годъ—и эта угрожающая тѣнь исчезла. Анна Павловна оказалась неизмѣнно окруженной цѣлымъ штабомъ не только молодежи, но даже и людей солидныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она со всѣми была мила, ласкова, любезна, но и только. Ни одинъ темный слухъ, ни одна двухсмысленная сплетня не смѣли коснуться ея репутаціи. Она смѣялась надъ страстными признаніями въ любви, она отвѣчала „нѣтъ" на всѣ предложенія руки и сердца. Рѣшили, что Анна Павловна намѣревается сдѣлать какую-нибудь очень

блестящую партію, высматриваетъ высокопоставленнаго пожилого человѣка. Однако на этомъ не покончили, никакъ не могли рѣшиться оставить ее въ покоѣ и надоѣдали ей порядкомъ.

Къ лѣту она почувствовала себя очень уставшей. ей захотѣлось отдохнуть отъ знакомыхъ, пожить въ полномъ уединеніи. У нея была своя дача недалеко отъ одной изъ станцій Николаевской желѣзной дороги. Никому не сказавшись и почти ни съ кѣмъ не простясь, она переѣхала туда въ началѣ мая.

При ней была ея неизмѣнная компаньонка, очень приличная старая дѣва, Настасья Ивановна. Изъ прислуги Анна Павловна взяла съ собою только горничную, такъ какъ на дачѣ постоянно жилъ садовникъ, исполнявшій должность и кучера, и лакея, а жена его готовила „за повара“.

Станція была въ двухъ шагахъ, кругомъ нѣсколько дачъ, тутъ же неподалеку село и, конечно, Аннѣ Павловнѣ не могло и въ голову прійти чего-нибудь бояться. Но у Настасьи Ивановны на этотъ счетъ было свое мнѣніе. Она всю жизнь свою зачитывалась всевозможными романами, а къ сорока годамъ остановилась исключительно на *страшныхъ*, кипящихъ убійствами, грабежами и самыми невѣроятными преступленіями. Трудно было даже представить себѣ откуда она добываетъ такіе удивительные романы; но у нея всегда хранилось ихъ больше дюжины. Она читала ихъ съ наслажденіемъ и простодушно вѣрила самымъ нелѣпымъ приключеніямъ. Съ перваго же дня по переѣздѣ на дачу она стала испытывать припадки мучительнаго страха. Ей казалось, что въ концѣ концовъ ихъ здѣсь непремѣнно ограбятъ, а можетъ быть даже и зарѣжутъ. Анна Павловна сначала смѣялась надъ нею, но страхъ заразителенъ—и она сама начала иной разъ, особенно по вечерамъ, побаиваться.

Какъ-то, уже въ концѣ іюня, Настасья Ивановна вошла на балконъ, гдѣ хозяйка расположилась съ какой-то работой. Лицо старой дѣвы выражало необыкновенное волненіе.

— Что съ вами? невольно улыбаясь спросила Анна Павловна.

— Да помилуйте,—тревожно заговорила компаньонка,—я сейчасъ узнала, что вы отпустили Никиту на два дня въ городъ, какъ же это мы однѣ будемъ ночевать?

— Да вѣдь не однѣ же—а кухарка, а горничная?

— Господи! что же могутъ женщины въ случаѣ ночного нападенія!

— А вы все ночныхъ нападеній боитесь?..

— Еще бы не бояться! раздражительно отвѣтила Настасья Ивановна. Здѣсь всего нужно бояться, *всего*! Въ домѣ однѣ женщины—мало ли что могутъ съ нами сдѣлать...

Анна Павловна улыбнулась, взглянувъ на компаньонку и невольно подумала, что съ ней-то ужь врядъ-ли сдѣлаютъ что-нибудь ужасное. Дѣйствительно бѣдная Настасья Ивановна была суха какъ щепка, угловата, съ рѣзкими чертами лица и весьма явнымъ, плотнымъ слоемъ пудры на дряблыхъ щекахъ...

— Успокойтесь, успокойтесь, не кому на насъ нападать, проговорила Анна Павловна, справившись съ своей улыбкой. И къ тому же здѣсь всѣ отлично знаютъ, что у Никиты непомѣрная сила...

— Конечно, но вѣдь вы его отпустили на два дня... и кому нужно это знать, тотъ навѣрное это ужь и знаетъ... Вы говорите некому!.. помилуйте.., а вспомните-ка того нищаго, котораго мы вчера встрѣтили въ рощѣ. Вѣдь онъ и вамъ показался подозрителенъ... помните, какъ онъ смотрѣлъ на насъ...

— Ахъ, вздоръ какой! нищій какъ нищій...

— Ну а шарманщикъ? неунималась Настасья Ивановна. Зачѣмъ онъ битый часъ стоялъ у порога и заглядывалъ въ садъ?..

— Да вѣдь онъ каждый день приходитъ и стоитъ пока ему невынесутъ что-нибудь...

— Наконецъ я, знаете, что вамъ скажу... съ нѣкотораго времени я не совсѣмъ довѣряю Никитѣ... мнѣ кажется, что и на него намъ вовсе не слѣдуетъ такъ полагаться... право... Богъ ихъ знаетъ, этихъ людей...

— Что съ вами, Настасья Ивановна? вы подозрѣваете Никиту!.. Это ужь просто глупо!

Компаньонка сдѣлала кислую мину и обиженно замолчала.

Анна Павловна замѣтила это.

— Вотъ вы и сердитесь,—сказала она,—я право не хотѣла васъ обидѣть; но дѣло въ томъ, что съ вашими подозрѣніями и страхами вы и на меня невольно страхъ наводите... Но согласитесь же, что все это только фантазіи.

— Хорошо! пусть и нищій, и шарманщикъ, и Никита—фантазіи... но вѣдь не фантазія же, наконецъ, слѣды человѣческихъ ногъ, которые мы сегодня видѣли утромъ въ саду, подъ нашими окнами...

— Ну ужь лучше замолчите, Настасья Ивановна! Эти слѣды... да это ваши же собственные слѣды, когда вы вчера прогуливались и мечтали, глядя на луну... вѣдь ваши туфли какъ разъ подходили къ слѣду...

— Не знаю какъ это мѣряли!.. Правда, что я вчера вечеромъ немного прошлась по саду, но что слѣды эти не мои—даю вамъ слово... слава Богу у меня не такая громадная нога!... Да и кто же мѣрилъ? тотъ же Никита...

— Вы опять за Никиту!...

— Ну, я молчу, я молчу, только ради Бога будемте осторожнѣе сегодня ночью... Право я не знаю, какъ и засну... Какъ подумаю—просто дрожу отъ страха... Только и слышишь, что о разбойникахъ и грабителяхъ, вся жизнь наполнена ужасами... И эти люди... да развѣ отъ нихъ можно уберечься?! они проникаютъ всюду, черезъ окно, черезъ печную трубу; они появляются во всевозможныхъ видахъ... помните мы недавно читали въ „Голосѣ“: вора нашли подъ кроватью и на немъ былъ фракъ и бѣлый галстукъ, и самая приличная, красивая наружность...

## II.

Въ это время у дверей показалась горничная и такъ неожиданно, что и Настасья Ивановна и Анна Павловна вскрикнули и поблѣднѣли.

— Господинъ Рачинскій спрашиваетъ, можете ли вы принять его, сударыня? объявила горничная.

— А! перевела духъ Анна Павловна,—проси, проси его сюда, на балконъ.

Горничная вышла.

— Послушайте, Анна Павловна, вы хорошо знаете этого господина Рачинскаго? съ безпокойствомъ спросила Настасья Ивановна.

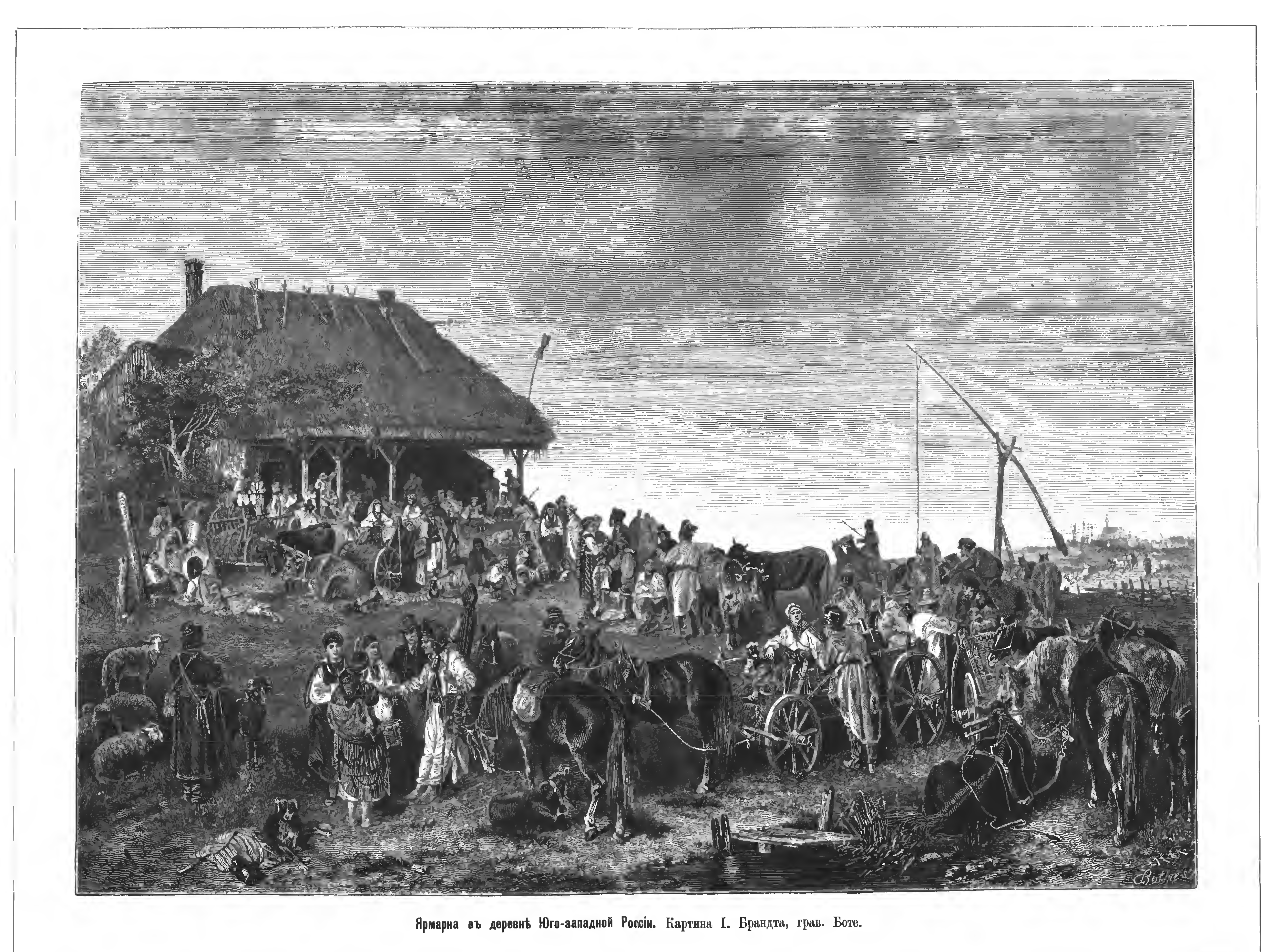
— Очень хорошо его знаю... то есть часто встрѣчала его зимою у знакомыхъ... да развѣ вы не помните—онъ и у меня былъ нѣсколько разъ...

— И вы въ немъ совершенно увѣрены?

— Господи, какія глупости! Онъ богатый человѣкъ, хорошаго круга и вообще очень милый.

— Все это ровно ничего не значитъ. Читали вы „Comte Horace“ Александра Дюма? Помните, этотъ графъ былъ принятъ въ самомъ лучшемъ обществѣ, а въ концѣ концовъ все же оказался начальникомъ шайки бандитовъ... Но если Рачинскій вашъ хорошій знакомый, такъ значитъ это само небо намъ его посылаетъ.

Рачинскій показался на порогѣ. Онъ былъ еще молодъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, наружность вполнѣ приличная, хоть и незначительная. Онъ всю зиму упорно ухаживалъ за Анной Павловной, но, какъ и всѣ, безуспѣшно. Онъ ѣхалъ на одну изъ ближайшихъ станцій и не вытерпѣлъ, чтобъ не заглянуть къ прелестной вдовушкѣ.



**Ярмарна въ деревнѣ Юго-западной Россіи.** Картина I. Брандта, грав. Боте.

Во время обычныхъ привѣтствій и перваго вступленія въ разговоръ, Настасья Ивановна тщательно изучала гостя. Эти наблюденія оказались въ его пользу и она рѣшилась во что бы то ни стало упросить Анну Павловну оставить его ночевать и вообще не выпускать до возвращенія Никиты.

Она даже успѣла незамѣтно шепнуть объ этомъ Аннѣ Павловнѣ.

— Да развѣ это возможно? замѣтила та.

— Ничего нѣтъ легче—все можетъ устроиться какъ бы случайно. Оставьте его обѣдать. Мы засидимся за кофе, потомъ отправимся гулять и не замѣтимъ какъ уйдетъ послѣдній поѣздъ... Ну, и вы поневолѣ должны будете предложить ему остаться ночевать...

Конечно тутъ не было ровно ничего неприличнаго и невозможнаго, а Анна Павловна хоть и храбрилась днемъ, но и сама не безъ трепета помышляла о ночи. Она рѣшилась послѣдовать совѣту Настасьи Ивановны.

Между тѣмъ Рачинскій, внимательно разсматривая альбомы, все же не могъ не замѣтить этихъ таинственныхъ перешептываній. „Ужъ не разсказываетъ ли она этой старой вѣдьмѣ нѣкоторые эпизоды изъ моего ухаживанья, подумалъ онъ. Быть можетъ лѣтняя природа и эта деревенская обстановка повысили мои шансы... Хорошо бы это было! она, право, кажется, опять похорошѣла... и ужъ если тутъ дѣйствительная строгость нравовъ... такъ вѣдь что-же... я съ величайшимъ бы удовольствіемъ и женился на ней... пора, давно чувствую, что пора жениться“...

III.

Хозяйка была необыкновенно любезна. Она показала Рачинскому свой садъ, цвѣты, огородъ. Потомъ повела его въ рощу, спустилась съ нимъ къ берегу рѣчки „на свое любимое мѣсто“ какъ она увѣряла. Она восхищалась природой, каждымъ цвѣткомъ, каждымъ кустикомъ и заставляла и его восхищаться, хоть онъ вовсе не былъ любителемъ цвѣтковъ и кустиковъ.

Наконецъ Анна Павловна устала и очень мило оперлась на его руку, и глядѣла на него съ такой прелестной, кокетливой минкой, что онъ чувствовалъ себя весьма довольнымъ.

— Вы конечно отобѣдаете со мною? сказала она.

— Я разсчитывалъ пробыть у васъ никакъ не больше получасу, но у меня не хватаетъ силъ отказаться отъ вашего милаго приглашенія...

— Еще бы вы отказались!..

И она повела его назадъ въ домъ, въ столовую, гдѣ Настасья Ивановна уже приготовляла отличную ботвинью.

Сѣли за столъ.

Рачинскій думалъ: „Если бы Анна Павловна въ Петербургѣ была хоть на половину такъ мила со мною, я давно бы почелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ! Что же значитъ эта неожиданная, внезапная перемѣна. Какъ она глядитъ! какъ она глядитъ! нѣтъ, это не просто любезность хозяйки. Какой это добрый геній надоумилъ меня сегодня сюда заѣхать“...

— О чемъ это вы задумались? сказала Анна Павловна.

— Я завидую вашему счастію... У васъ самая прелестная дача въ мірѣ и все, что я здѣсь вижу, заставляетъ меня убѣждаться, чсо идеалъ Руссо былъ истиннымъ идеаломъ.

— Сколько помниться, съ тѣхъ поръ какъ я васъ знаю, вы ни разу еще не вздыхали по деревнѣ и у васъ всѣ привычки петербургскаго жителя, замѣтила Анна Павлавна.

— Вотъ я за это и былъ наказанъ,—сказалъ Рачинскій,—я теперь и ненавижу Петербургъ и вы знаете, имѣю ли я на это право... Я искренно полюбилъ деревню, la compagne m'est beaucoup plus faborable que la ville...

Анна Павловна слегка покраснѣла и сдѣлала маленькую гримаску. Однако Рачинскій подмѣтилъ нѣчто ободряющее и въ этомъ румянцѣ, и въ этой гримаскѣ.

— Позвольте я вамъ налью краснаго вина, любезно обратилась къ нему Настасья Ивановна и постаралась налить стаканъ какъ можно полнѣе.

Дѣло въ томъ, что она по нѣкоторымъ, одной ей извѣстнымъ признакамъ, заподозрила храбрость Рачинскаго; къ тому же онъ не казался ей очень сильнымъ. Она подумала, что его непремѣнно нужно немного возбудить для того, чтобы, въ случаѣ нападенія, онъ могъ представить изъ себя надежнаго защитника. И вотъ она собственноручно наливала ему уже четвертый стаканъ и при этомъ необыкновенно любезно и даже нѣжно ему улыбалась.

„Нѣтъ, она не старая вѣдьма,—подумалъ Рачинскій, —она очевидно за меня и можетъ быть даже какъ нибудь поможетъ моимъ завоевательнымъ планамъ... иной разъ эти сантиментальныя старыя дѣвы—просто находка!..

— Вамъ нравится эта дача! заговорила Настасья Ивановна,—и вы совершенно правы... дѣйствительно, здѣсь просто рай земной... особенно по ночамъ...

— По ночамъ? спросилъ нѣсколько озадаченный Рачинскій. Отчего же именно по ночамъ?

Настасья Ивановна замялась.

— Да потому что въ нашей рощѣ удивительно поютъ соловьи, наконецъ нашлась она.

— О Шиллеръ! чуть было громко не воскликнулъ Рачинскій.

„Богъ ихъ знаетъ, что у нихъ тутъ такое! подумалъ онъ, а мнѣ во всякомъ случаѣ пора и честь знать, не то пропущу послѣдній поѣздъ“.

Онъ взглянулъ на столовые часы и съ удивленіемъ замѣтилъ, что еще очень рано. Справляться же съ своими часами ему казалось не совсѣмъ приличнымъ, тѣмъ болѣе, что Анна Павловна въ это время глядѣла на него и глядѣла очень ласково.

Однако онъ все же рѣшился проститься.

Но обѣ дамы на отрѣзъ отказались его выпустить; онѣ объявили, что ему остается еще часъ до отхода поѣзда, а станція всего въ пяти минутахъ ходьбы.

„Меня хотятъ удержать, это ясно, подумалъ Рачинскій,—я даже почти увѣренъ, что онѣ перевели часы. Но чего же имъ отъ меня нужно?.. ничего не понимаю“!..

И онъ снова сѣлъ на свое мѣсто. Анна Павловна очевидно старалась заговорить его. Она перебирала все—и общихъ знакомыхъ, и журнальныя новости, а подъ конецъ даже вдалась въ длинныя разсужденія по поводу Россини и Мейербера... И говорила, говорила, говорила, и такъ говорила, что перебить ее оказывалось невозможнымъ.

Наконецъ она созналась, что теперь пора на станцію и вызвалась проводить Рачинскаго. Настасья Ивановна желала тоже прогуляться. Но такъ какъ садится роса и становится нѣсколько сыро—онѣ должны по теплѣе одѣться. Онѣ сейчасъ, сейчасъ будутъ готовы— М-г Рачинскому не долго придется прождать ихъ и онъ никакимъ образомъ не опоздаетъ на поѣздъ.

И вотъ онъ одинъ въ столовой. Онъ взглянулъ на часы и убѣдился, что его предположеніе было справедливо—стрѣлки столовыхъ часовъ отставали на цѣлый часъ. Онъ ждетъ, ждетъ, наконецъ дамы возвращаются въ шляпкахъ и накидкахъ. И въ эту самую минуту изъ растворенныхъ оконъ слышится свистокъ уходящаго послѣдняго поѣзда.

„Я такъ и зналъ, что онѣ перевели часы“ говоритъ про себя Рачинскій.

Аннѣ Павловнѣ остается только предложить ему переночевать у нея въ домѣ, что она и дѣлаетъ очень любезно.

## IV.

Комната, назначенная для Рачинскаго, была рядомъ съ маленькой гостиной, выходившей на балконъ. Любезная хозяйка съ необыкновенной предупредительностью озаботилась комфортомъ своего гостя и съ перваго же взгляда онъ убѣдился, что здѣсь ему будетъ отлично. Онъ закурилъ сигару, подсѣлъ къ открытому окошку и сталъ размышлять о своемъ положеніи.

„Никогда не случалось со мной ничего подобнаго,— думалъ онъ,—что здѣсь былъ заговоръ, въ этомъ для меня нѣтъ сомнѣнія: перевели часы, полчаса собирались провожать меня—все это что-нибудь да значитъ... Но зачѣмъ же я имъ? къ чему эта комедія?.. Если только хотѣли надо мной посмѣяться, такъ вѣдь подобная насмѣшка вовсе не зла и не остроумна... А между тѣмъ очевидно, что тутъ какіе-то планы... Я всю зиму ухаживалъ за Анной Павловной и, долженъ сознаться, совсѣмъ неудачно... но быть можетъ она теперь пожелала нѣсколько иначе взглянуть на меня? Какъ знать? Женщины такъ капризны и неожиданны... да и къ тому же лѣто, скука, одиночество... Я вовсе не желаю съиграть роль графа Нулина; но съ другой стороны было бы еще глупѣе не съумѣть воспользоваться случаемъ, который представляется при такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ“.

Тутъ Рачинскій припомнилъ всѣ любовныя похожденія, какія только зналъ и этимъ еще больше подогрѣлъ свою фантазію.

„Да и къ чему же, къ чему же бы эта Настасья Ивановна такъ заставляла меня пить за обѣдомъ? И потомъ это восхваленіе здѣшнихъ ночныхъ прелестей... и соловьи, и перемигиванья, перешептыванья... Не могу же я оставить все это безъ вниманія. Почемъ я знаю, можетъ быть ужь какое-нибудь окошко отворено, можетъ быть какая нибудь дверь таинственно полуоткрыта... Можетъ быть... И вѣдь не могу же, не могу же я уѣхать завтра какъ болванъ... я долженъ по крайней мѣрѣ сдѣлать рекогносцировку вокругъ дома, а въ случаѣ чего нибудь всегда могу вывернуться и сказать, что вышелъ въ садъ выкурить сигару“...

Рачинскій осторожно отворилъ двери и на цыпочкахъ вышелъ въ гостиную. У него невольно замирало сердце отъ волненія и нѣкоторой надежды. Онъ собирался уже пройти къ балкону и только боялся зацѣпить въ потемкахъ за какой-нибудь стулъ, какъ вдругъ надъ самымъ его ухомъ раздался голосъ.

— Боже мой, это вы?!.

— Да, это я, смущенно отвѣтилъ Рачинскій.

Чья-то рука крѣпко схватила его руку.

— Да вы то кто же? спросилъ онъ.

— Я, я... Настасья Ивановна, прошепталъ голосъ.

„Чортъ возьми! подумалъ Рачинскій,—на нее то я ужь никакъ не разсчитывалъ“...

И вдругъ ему въ голову пришла ужасная мысль: онъ началъ бояться, не имѣлъ-ли онъ несчастія возбудить къ себѣ въ старой дѣвѣ внезапную страсть—въ такомъ случаѣ вѣдь сразу объяснились всѣ странности ея поведенія и за обѣдомъ, и за весь вечеръ.

— Извините,—началъ онъ заикаясь,—я думалъ немного пройтись по саду... но теперь сейчасъ же вернусь въ свою комнату.

— M-r Рачинскій,—трагическимъ тономъ воскликнула Настасья Ивановна,—что вы можете обо мнѣ подумать, встрѣтивъ меня ночью у вашей двери...

Рачинскій начиналъ раздражаться и даже сердился.

— Клянусь вамъ,—насмѣшливо отвѣтилъ онъ,—что я о васъ ровно ничего дурного не подумаю... вѣдь я имѣлъ уже случай убѣдиться въ поэтичности вашей натуры и меня нисколько не удивляетъ, что вы избираете для своихъ прогулокъ именно тотъ часъ, когда поютъ соловьи и порхаютъ эльфы и сильфы.

— Ахъ Боже мой! протянула Настасья Ивановна,— ваши насмѣшки ужасны; но если бы вы знали истинную правду!..

„Она сейчасъ мнѣ объяснится въ любви!“ съ отчаяніемъ подумалъ Рачинскій.

— Я ничего не хочу знать,—поспѣшилъ онъ прервать ее,—я не хочу проникать въ тайники поэтической души вашей...

— Но теперь вы ужь должны меня выслушать!

— Господи! право это не нужно!.. къ чему же это!..

— А моя честь? произнесла Настасья Ивановна съ достоинствомъ оскорбленной невинности.

— Ваша честь!.. но право я не понимаю, чѣмъ же она тутъ задѣта...

— Однако я должна же объяснить вамъ причину моего присутствія здѣсь и въ такое время... Я ушла изъ своей комнаты отъ страху... я не въ силахъ была больше одна оставаться.

— Чего же вы такъ испугались? спросилъ Рачинскій.

— Помилуйте—наша дача такъ далеко отъ всякаго жилья... всѣ знаютъ, что Анна Павловна богата, и долго ли забраться сюда разнымъ ворамъ и грабителямъ... Съ нѣкотораго времени около нашего забора стали показываться какіе-то очень подозрительные люди... вчера замѣтили подъ окнами слѣды человѣческихъ ногъ... нашъ садовникъ, единственный мужчина въ домѣ, отправился сегодня въ городъ... мы однѣ, мы съ Анной Павловной умираемъ отъ страха... и вотъ я рѣшилась переночевать здѣсь, на маленькомъ диванѣ, у самой вашей двери... чтобъ, если что нибудь случиться.

— Понимаю, перебилъ Рачинскій, которому все начинало становиться ясно,—я, значитъ, исправляю здѣсь должность садовника или, вѣрнѣе, ночнаго сторожа...

— Ну-да, теперь все объясняется, думалъ онъ,—и часы, и подливанье вина за обѣдомъ... Эта старая дура хотѣла возбудить во мнѣ храбрость на случай ночного нападенія...

Такое неожиданное открытіе, послѣ всѣхъ—то мечтаній и надеждъ, задѣло Рачинскаго за живое и порядкомъ взбѣсило. Ему хотѣлось хорошенько отплатить за себя и проучить старую трусиху.

— Однако я долженъ замѣтить вамъ, сударыня, послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ онъ, что вы и Анна Павловна очень неосторожны.

— Какъ неосторожны? удивленно воскликнула Настасья Ивановна.—Я васъ не понимаю.

— Да такъ, что вы меня совсѣмъ не знаете, отвѣтилъ онъ.

— Дѣйствительно, я сегодня кажется въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть... но вѣдь Анна Павловна...

— Анна Павловна встрѣчала меня въ обществѣ... я былъ у нея нѣсколько разъ... но это ровно ничего не значитъ—она меня знаетъ не больше вашего.

— Ахъ Боже мой, прошептала старая дѣва замирающимъ голосомъ, но вѣдь мнѣ кажется, не трудно сразу узнать порядочнаго человѣка... ваша внѣшность... ваши манеры... сейчасъ видно свѣтскаго человѣка.

— Въ свѣтѣ встрѣчаются всякіе люди, замѣтилъ Рачинскій такимъ таинственнымъ голосомъ, что у бѣдной Настасьи Ивановны забѣгали мурашки по кожѣ.

— Господи да кто же вы? простонала она.

— Кто я? началъ Рачинскій, окончательно увѣрившійся, что передъ этой госпожей можно съ полнымъ успѣхомъ разыграть какую угодно сцену изъ самой нелѣпой мелодрамы.—Кто я?.. я тотъ, кого именно вамъ не слѣдовало такъ заманивать и хитростью оставлять на ночь въ этомъ домѣ.

— Милостивый государь, объяснитесь, что значатъ ваши таинственныя слова... вы меня пугаете...

— И вы не догадываетесь?

— Я... нѣтъ... не догадываюсь.... Боже мой, да что же это такое!...

— Слѣды человѣческихъ ногъ, которые вы видѣли вчера подъ окнами—мои!

— Караулъ! отчаянно вскрикнула Настасья Ивановна.

— Ни звука—или вы погибли! проговорилъ Рачинскій, стискивая ей руку.

Она такъ и присѣла на полъ.

— Ну, нечего терять время въ пустой болтовнѣ! продолжалъ онъ,—теперь ночи коротки, а я вовсе не желаю, чтобъ меня поймали... Но неужели вы такъ и не догадались про меня... и даже встрѣтивъ меня здѣсь... ночью... чтожь, вы думали, что я стану даромъ простуживаться... изъ за соловьинаго пѣнія?!...

— Берите все! едва выговорила Настасья Ивановна.—Берите все... только не убивайте насъ...

— У меня въ карманѣ пистолеты, отвѣтилъ Рачинскій; но я пущу ихъ въ дѣло только въ крайнемъ случаѣ... теперь же мнѣ нужно упрятать васъ въ безопасное мѣсто... я васъ запру въ свою комнату...

— Въ вашу комнату!... ради Бога!—что скажутъ!

Но жестокій бандитъ ее не слушалъ: онъ рѣшительно впихнулъ ее за дверь и заперъ на ключъ.

— Если вы крикните или попробуете стучаться, страшнымъ голосомъ проговорилъ онъ,—я сейчасъ же въ васъ выстрѣлю.

И онъ вышелъ въ садъ.

## V.

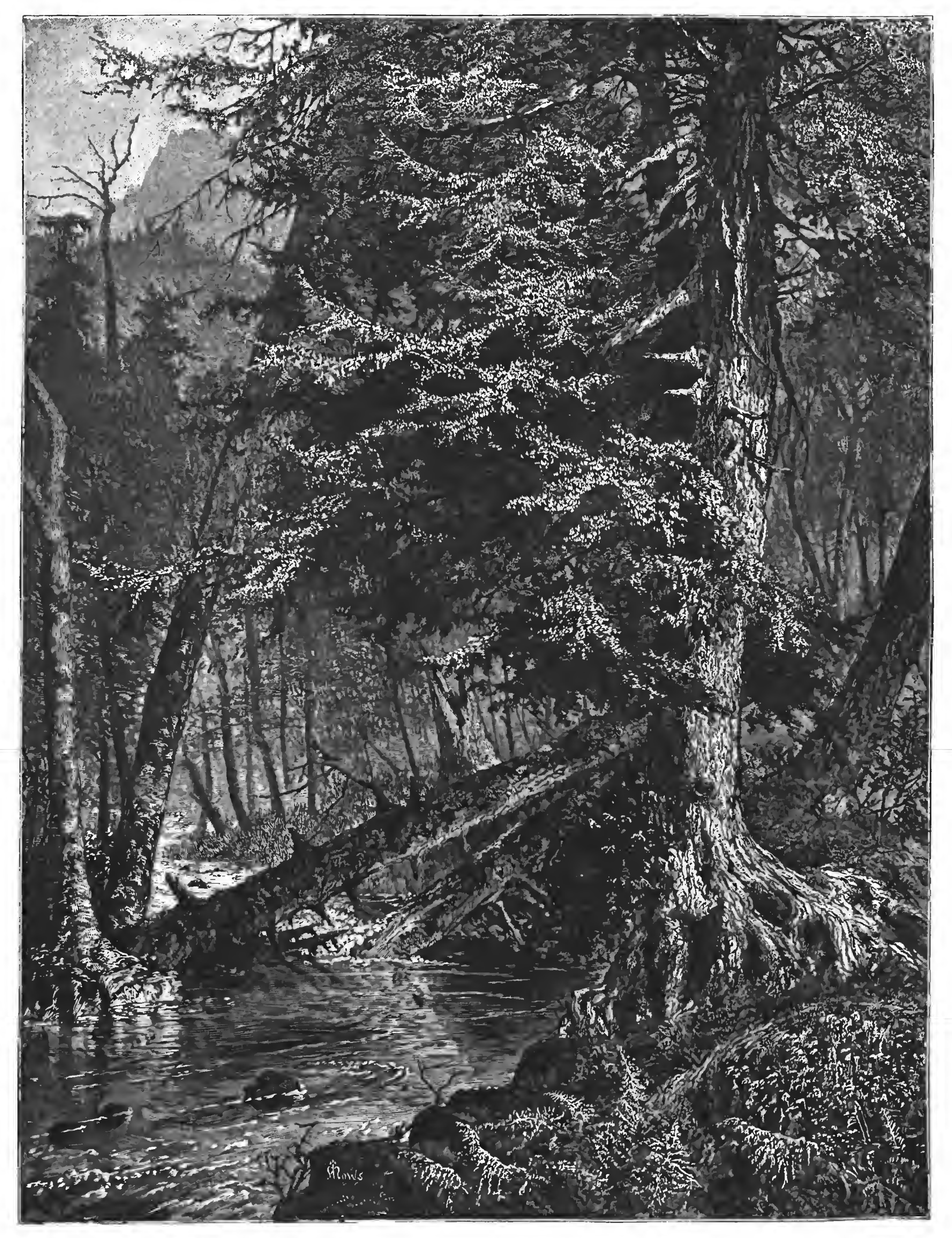
Настасья Ивановна прислушалась—все тихо. Ея зубы стучали какъ въ лихорадкѣ, и она была совершенно увѣрена, что ея волосы разомъ посѣдѣли отъ ужаса. Но что же ей дѣлать? Она никакъ не могла рѣшить этого вопроса и вдругъ, совершенно даже неожиданно для себя самой, заорала благимъ матомъ какъ будто ее рѣзали на части.

Анна Павловна, въ пеньюарѣ и со свѣчей показалась на порогѣ гостиной.

— Рѣжутъ, грабятъ, помогите! вопила Настасья Ивановна.



**Веселое общество.** Картина К. Роде грав. Г. Рау.



**Сѣверный пейзажъ.** Рис. Гаусъ, грав. К. Моранъ.

Анна Павловна ничего не понимала и съ невольнымъ трепетомъ подошла къ двери.

— Что такое? зачѣмъ вы здѣсь? что съ вами? спрашивала она.

— Мы пропали: у насъ въ домѣ шайка мошенниковъ! простонала компаньонка.

— Вы съ ума кажется сошли!.. гдѣ же М-г Рачинскій?..

— Я заперта на ключъ... отворите двери...

Анна Павловна попробовала дверь—точно: заперто;—но ключъ здѣсь. Она отворила. Настасья Ивановна, блѣдная, съ выкатившимися глазами разсказала ей все, что случилось и, несмотря на свой страхъ, все же многое отъ себя прибавила.

— Я ничего не понимаю, повторяла испуганная Анна Павловна.

— А я же вамъ говорила, я вамъ говорила, что наружность обманчива. Вотъ вамъ Рачинскій... а еще увѣряли, что хорошо его знаете...

— Но что же теперь дѣлать.

Настасья Ивановна, сначала нѣсколько успокоенная появленіемъ Анны Павловны, при этомъ вопросѣ снова представила себѣ весь ужасъ ихъ положенія и съ дикимъ крикомъ кинулась на балконъ.

— Куда вы? куда вы?

Но она ничего не слышала, она себя не помня побѣжала въ садъ, перелѣзла черезъ изгородь и пустилась къ станціи.

Анна Павловна въ недоумѣніи осталась на балконѣ.

— Но вѣдь этого быть не можетъ, думала она,—да гдѣ же Рачинскій, онъ объяснилъ бы покрайней мѣрѣ.. Рачинскій стоялъ передъ нею, а она чувствовала какъ дрожитъ и теряется...

— Объясните, ради Бога, что все это значитъ? выговорила она наконецъ.

— Сударыня, началъ Рачинскій отчаяннымъ голосомъ,- я пережилъ бурную молодость... роковая страсть къ картамъ меня разорила... Я потерялъ все... я былъ неспособенъ къ тяжелому труду и сталъ искать средствъ для легкой наживы... я заглушилъ въ себѣ совѣсть... Остальное вамъ извѣстно...

— Оставьте эти глупыя шутки! не зная куда дѣваться, прошептала Анна Павловна.

— Шутки! продолжалъ Рачинскій тѣмъ же тономъ.— О! еслибъ это была шутка! Часто по ночамъ мнѣ грезятся дни моего счастливаго дѣтства; дни моей невинности—и я вскакиваю, покрытый холоднымъ потомъ, и рву себѣ волосы въ безсильномъ отчаяньи... Но каковы бы ни были мои заблужденія, въ одномъ чиста моя совѣсть—я еще никогда не пролилъ человѣческой крови!

Онъ игралъ свою роль съ такимъ искусствомъ, что бѣдная Анна Павловна начинала дрожать все больше и больше.

— Зачѣмъ же вы сегодня не вспомнили о дняхъ вашей невинности? проговорила она.

Рачинскій не выдержалъ и расхохотался.

— Нѣтъ, вы слишкомъ боитесь, сказалъ онъ, и продолжать съ моей стороны было бы безбожно. Пожалуйста простите меня. Еще минута—и вы на вѣрное стали бы меня усовѣщивать и уговаривать перемѣнить образъ жизни, раскаяться; но вѣдь мнѣ нужно было только поквитаться съ вами... Комедія за комедію.

— За какую комедію? спросила Анна Павловна, переводя духъ и отъ радости даже не сердясь на Рачинскаго.

— Да развѣ не было у васъ заговора, чтобъ заставить меня переночевать здѣсь... ваша Настасья Ивановна мнѣ во всемъ призналась.

— Ну вотъ—теперь мнѣ приходится просить у васъ прощенія...

— Мы уже поквитались.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте лучше въ гостиную здѣсь очень сыро.

## VI.

Они зажгли свѣчи и заперли дверь на балконъ.

— Боже мой! да вѣдь не все еще кончено! вдругъ съ ужасомъ вспомнила хозяйка.—А Настасья Ивановна!! вѣдь она побѣжала звать на помощь! Она притащитъ съ собою цѣлую станцію....

— Однако эта почтенная дѣвица выказываетъ необыкновенную храбрость, замѣтилъ Рачинскій.—Помилуйте—я обѣщалъ всадить ей пулю въ лобъ если она пикнетъ, а она побѣжала одна на станцію...

— Но подумайте только какія сплетни начнутся... прійдутъ сюда, увидятъ насъ вдвоемъ, ночью... да вѣдь завтра же про меня всѣ сосѣди Богъ знаетъ что говорить станутъ....

— Да, я объ этомъ не подумалъ... а впрочемъ что же про меня сказать могутъ—я только исправляющій должность вашего сторожа и ничего болѣе...

— Перестаньте шутить—мнѣ не до шутокъ. Вы поставили меня въ такое затрудненіе—такъ вы же и должны меня выручить.

— Позвольте мнѣ не совсѣмъ согласиться съ вами, Анна Павловна; если я здѣсь, то никакъ не по своей винѣ: я только жертва заговора.

— Ну же, ну, придумайте что нибудь скорѣе! топнула ножкой Анна Павловна.

— У меня давно ужь кое-что придумано.

— Что такое? говорите!

— Нѣтъ, теперь не скажу; я боюсь что вы не одобрите моего плана... Я его выскажу только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

— Ну, такъ я придумала... и все очень просто. Слушайте: вы будете продолжать разыгрывать вашу роль грабителя.

— Прекрасно... а дальше что-же?

— Вы не понимаете?

— Не совсѣмъ.

— Люди, которыхъ Настасья Ивановна притащитъ съ собою, васъ уведутъ...

— Какъ вора?

— Такъ что же... вѣдь иначе невозможно...

— Согласитесь, однако, Анна Павловна, что я сегодня въ первый только разъ сыгралъ эту роль-да и то въ качествѣ любителя. Что же это такое? вы желаете моей погибели... да вѣдь кончится тѣмъ, что я самъ, по примѣру вашей компаньонки, побѣгу звать къ себѣ на помощь!

— Господи! что же мнѣ дѣлать? печально прошептала Анна Павловна.—Послушайте, пожалуйста согласитесь... вѣдь лишь бы только увели васъ отсюда, а потомъ вамъ легко будетъ объяснить все, и васъ сейчасъ же выпустятъ... вы только прогуляетесь до станціи.

— Хороша прогулка!—съ жандармомъ!

— Но вѣдь вы меня этимъ спасаете!

— Въ такомъ случаѣ дѣлать нечего—я согласенъ.

— Ахъ какъ я вамъ благодарна!.. Что же это вы такое дѣлаете?..

— Я забираю ваши подсвѣчники, чтобы меня поймали съ поличнымъ...

— Боже мой! вы доведете меня до отчаянья!.. Вотъ они сейчасъ явятся, а вы только смѣетесь!

— Такъ вы желаете говорить серьезно, Анна Павловна? съ нѣкоторымъ волненіемъ спросилъ Рачинскій.

— Конечно.

— И вы не нашли другого средства, какъ выдать меня жандармамъ за вора:

— Да нѣтъ-же!

— Ну, такъ мнѣ остается только передать вамъ свой планъ... То, что я выдумалъ—тоже очень просто

и даже проще придуманнаго вами. Для вашей репутаціи вовсе не нужно чтобъ меня приняли за похитителя вашихъ вещей и серебра... Я могу быть у васъ въ домѣ совсѣмъ по другой причинѣ...

— По какой же? какъ-то робко смотря на него, спросила Анна Павловна.

— Вы меня знаете - я человѣкъ свободный и обезпеченный... и я люблю васъ... Вѣдь ничего дурнаго про васъ не могли бы сказать, еслибъ вмѣсто вора здѣсь нашли вашего жениха...

— Я рѣшилась никогда не выходить замужъ, прошептала Анна Павловна опуская глазки...

VII.

Вдругъ раздался страшный стукъ въ ворота. Это являлась Настасья Ивановна со всѣми людьми, какихъ она только могла добудиться на станціи, и нѣсколькими мужиками.

Вся эта ватага лѣзла прямо въ гостиную.

— Гдѣ же воры? спрашивали разомъ нѣсколько голосовъ.

— Какіе воры? что все это значитъ? обратился къ нимъ Рачинскій, выходя на балконъ вмѣстѣ съ Анной Павловной.

— Да вѣдь вотъ эта барыня подняла всѣхъ насъ на ноги... вишь на дачу сюда цѣлая шайка воровъ забралась...

— Что жь это вы съума сошли?! громко сказала Анна Павловна компаньонкѣ.

Та только развела руками и глядѣла на всѣхъ, вытаращивъ глаза и ничего не понимая.

— Ей пригрезилось, замѣтилъ Рачинскій.—Съ ней это часто бываетъ. Вѣдь вы этакъ скоро пожалуй и меня, жениха Анны Павловны, сочтете за вора, Настасья Ивановна.

Настасья Ивановна разинула ротъ, да такъ и осталась, не будучи въ силахъ ничего выговорить.

Кругомъ раздался смѣхъ. Два-три человѣка стали браниться.

— Ишь, полуумная! Зря переполоху-то сколько надѣлала!.. Только добрыхъ людей смущаетъ...

И всѣ побрели восвояси.

Настасья Ивановна все сидѣла съ разинутымъ ртомъ и не говорила ни слова. Вдругъ она вскочила и остановилась передъ Анной Павловной въ трагической позѣ.

— Что же это—дура я вамъ что ли досталась? задыхаясь, проговорила она.—Я во многихъ домахъ жила, Анна Павловна, и меня вездѣ уважали... Я не стерплю такой обиды... завтра же прошу меня расчитать... я ни одного дня больше у васъ не останусь...

И она, не желая слушать никакихъ объясненій и оправданій, горделиво ушла въ свою комнату и даже хлопнула дверью.

Впрочемъ, на другой день ее удалось успокоить, а черезъ мѣсяцъ она хлопотала и суетилась на свадьбѣ Анны Павловны и Рачинскаго.

И это была самая милая, самая веселая свадьба какую только можно себѣ представить. **В. С.**

## Къ рисункамъ.

### Ярмарка въ деревнѣ Юго-западной Россіи.

Рисунокъ, богатый разнообразіемъ типовъ, костюмовъ и сценъ интересенъ не только благодаря этому разнообразію, но и главнымъ образомъ потому, что даетъ понятіе о характерѣ жизни на одной изъ окраинъ нашего обширнаго отечества.

Жизнь эта, положимъ, въ общихъ чертахъ, все таже какъ и вездѣ, ибо люди—вездѣ люди и жизнь ихъ, видоизмѣняясь и раздробляясь на безконечныя частности, въ существѣ своемъ все одна и та же. Но это видоизмѣненіе характера жизни, свойственное каждому отдѣльно взятому уголку, населенному людьми, всегда представляетъ интересъ именно потому, что отличается своеобразностію, зависящею, въ свою очередь, отъ мѣстныхъ условій и подъ вліяніемъ ихъ создающеюся. Такимъ образомъ, наблюдая характеръ жизни въ той или другой мѣстности, наблюдатель можетъ замѣтить и въ отношеніяхъ жителей одного къ другому, и въ промышленности ихъ, въ торговлѣ, въ нравахъ и обычаяхъ, много такихъ особенностей, какихъ нѣтъ въ другой мѣстности—и наоборотъ.

Помѣщенвый въ этомъ номерѣ рисунокъ изображаетъ ярмарку въ деревнѣ юго-западной Россіи и по характеру своему всего болѣе приближается къ тому изображенію, которое сдѣлалъ Гоголь, описывая Сорочинскую ярмарку. Припомнимъ здѣсь его описаніе: „На ярмарку,—пишетъ онъ,—еще съ утра тянулись нескончаемой вереницей чумаки съ солью и рыбой. Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою, мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра, хвастливо выказывалась изъ высоко взгроможденнаго на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.

На площади и на тѣсныхъ улицахъ шумъ, брань, блеянье, ревъ—все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки—все пестро, нестройно, мечется кучами и снуется предъ глазами. Разноголосыя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа, ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье рукъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломается возъ, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ куда обратиться“.

Вотъ представленіе ярмарки, полной народомъ, съѣхавшимся съ разныхъ концовъ, съ различнымъ товаромъ—всѣ съ намѣреніемъ поторговать, кто купить, кто продать, обдѣлать свои дѣлишки и только нѣкоторые—посмотрѣть.

Ярмарки въ селеніяхъ нашихъ южныхъ губерній мало чѣмъ отличаются одна отъ другой, съ тою, впрочемъ, небольшою разницею, что на одной больше жидовъ, на другой меньше, на одной больше хохловъ, на другой поляковъ. Не таковы ярмарки въ губерніяхъ средней Россіи, гдѣ преобладаетъ болѣе всего русское населеніе. Такіе торговые съѣзды въ великорусскихъ губерніяхъ и не называются ярмарками, а только базарами.

Базаръ, пожалуй, та же ярмарка, но только уже значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ настоящая ярмарка. Въ народѣ различіе это выражено, напримѣръ, въ слѣдующей поговоркѣ: „двѣ бабы—базаръ, а три—ярмарка“, т. е. шумъ, производимый двумя бабами, равняется шуму базара, а тремя—уже шуму ярмарки.

Слѣдовательно различіе между ярмаркою и базаромъ опредѣляется степенью ихъ шумливости, зависящей отъ количества собирающагося на нихъ народа.

Ярмарки на югѣ Россіи живѣе и такъ сказать поэтичнѣе, какъ вообще и самая природа юга, гдѣ, по словамъ того же Гоголя, „полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ весь потонувши въ нѣгѣ“. Гдѣ „изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемые статными подсолнечниками. Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешенъ, сливъ, яблокъ, грушъ, небо, его чистое зеркало—рѣка въ зеленыхъ гордо поднятыхъ рамахъ“—ласкаютъ взоры.

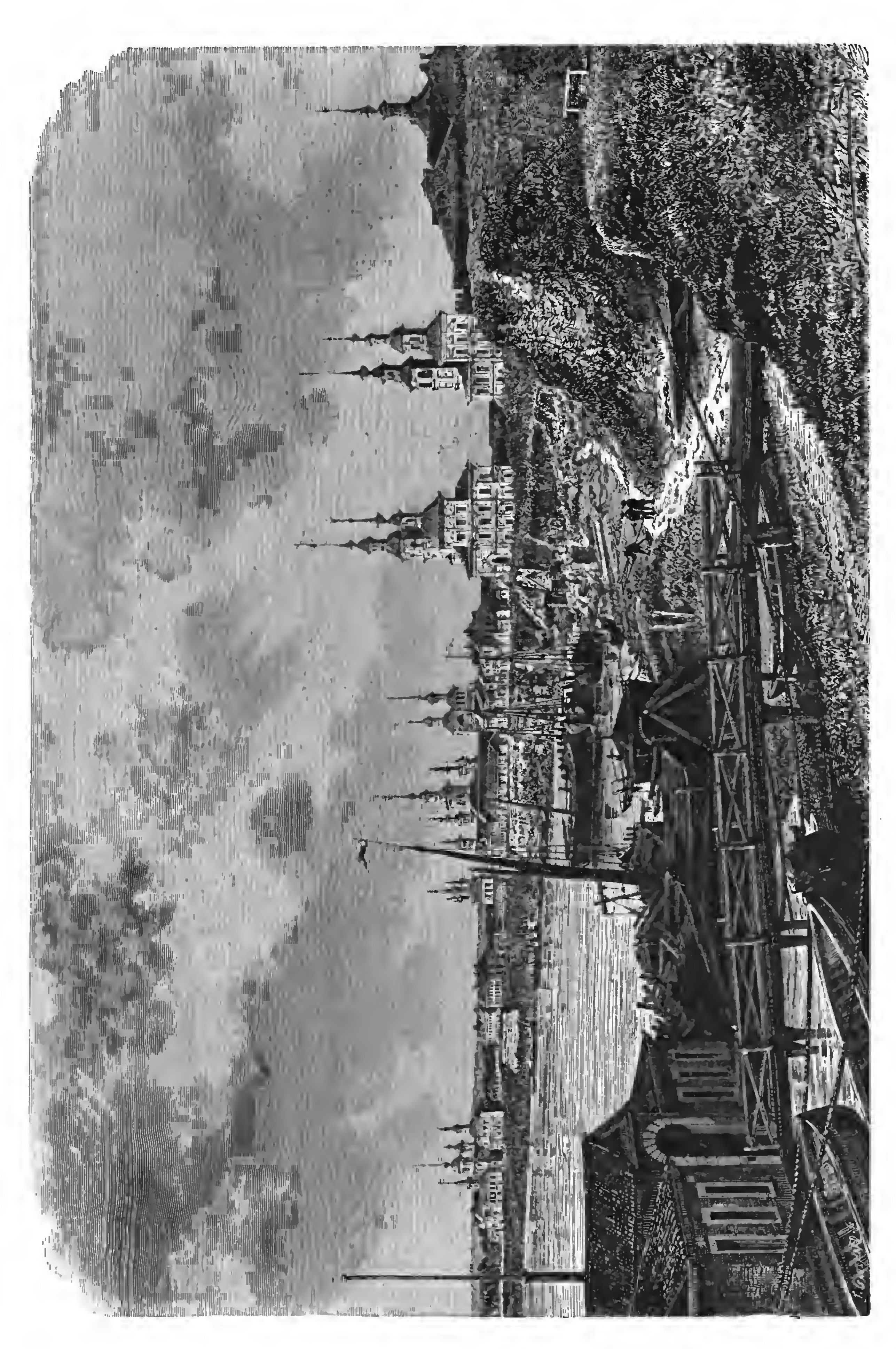
Вотъ какими красками описывается югъ Россіи и, конечно, подъ такимъ солнцемъ юга и нравы горячѣе и жизнь шумливѣе, а слѣдовательно и ярмарки тамъ имѣютъ болѣе жизни, чѣмъ ярмарки въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Выпишемъ, взаключеніе, эпиграфъ одной изъ главъ Сорочинской ярмарки, чтобы дать понятіе о томъ, какъ смотритъ на нее истый сынъ своей родины: „Що Боже, ты мій Господе, чого нема на тій ярмарці; колеса, скло, деготь, тютюнъ, ремень, цыбуля, крамарі всякі... такъ що хоть-бы въ кишені було рублівъ и съ тридцять, то и тогді-бъ не закупивъ усіеі ямарці!“...

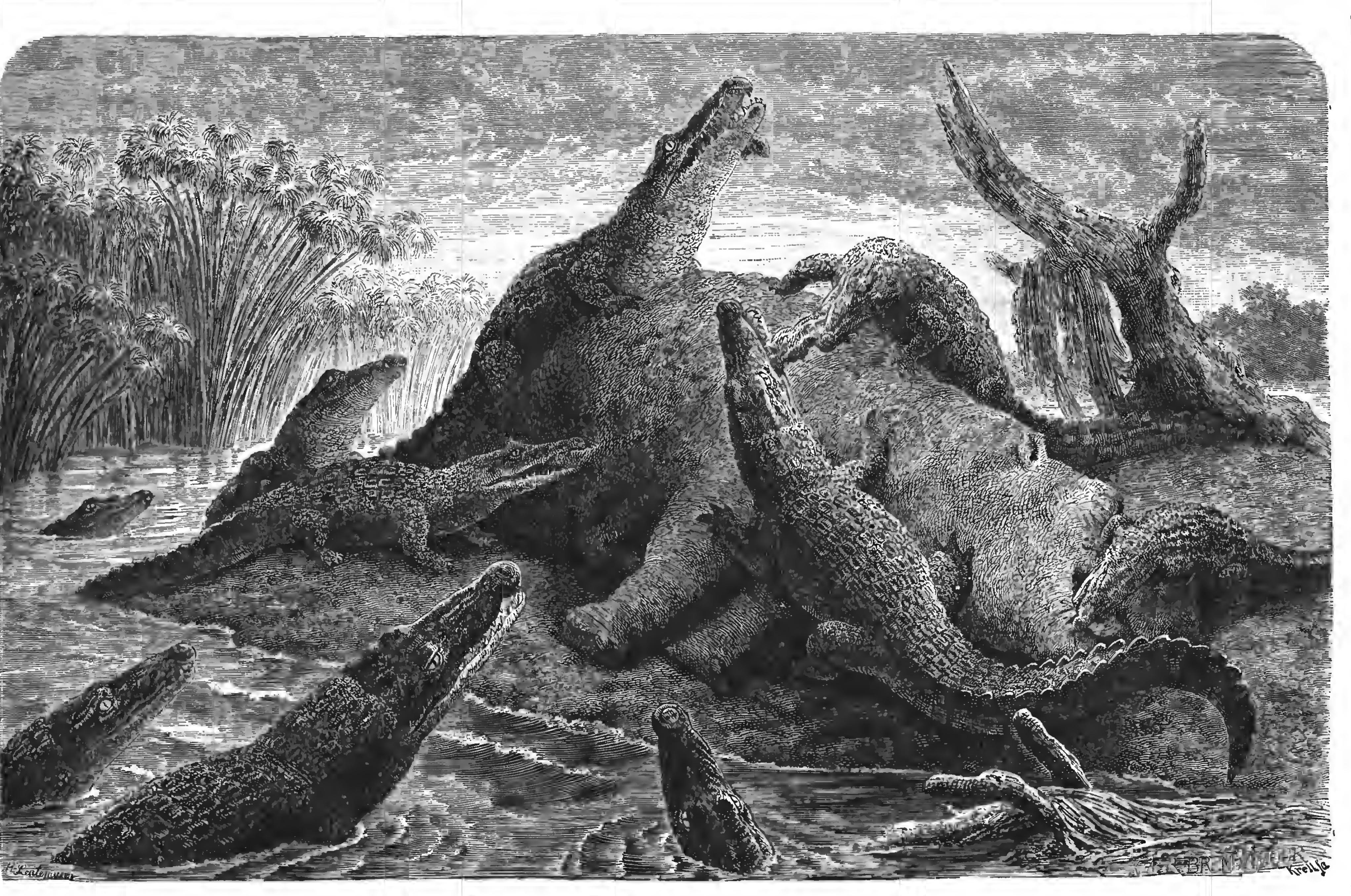
### Воробьи весною.

(Къ рисунку Роде „Веселое общество“).

Весною вездѣ рѣзвыя птички поютъ пѣсни любви: и на вѣткахъ, гдѣ только что начали распускаться почки, и на зеленой лужайкѣ, которая только что начала покрываться травой. И въ этой невинной птичьей любви не безъ бурь, не безъ ревности, даже не безъ трагедій? Всмотритесь и вы найдете много похожаго на наши человѣческія отношенія. Разница въ томъ, что дѣло ведется здѣсь несравненно проще, начистоту, безъ будуаровъ и салоновъ, и ревнивый самецъ уже нисколько не женируется и не маскируется.



**Городъ Архангельскъ.** Съ фотогр. рис. Клерже, грав. Гошаръ.



**Крокодилы на трупѣ Гиппопотама.** Ориг. рисунокъ Г. Лейтемана, грав. Бренд'Амуръ.

И зачастую два, напримѣръ, воробьиные самца выходятъ на поединокъ изъ-за любимой обоими самки. И жестокъ часто бываетъ этотъ поединокъ. Мѣсто копій, мечей, сабли и другого оружія замѣняетъ острый клювъ. Замѣчательно, что при подобномъ поединкѣ воробьиные рыцари старались выклевать другъ другу глаза и при этомъ самка, изъ-за которой ведется горячая борьба на жизнь и на смерть между ея поклонниками, иногда остается хладнокровною и спокойною.

Прекрасный рисунокъ г. Годе,—даетъ намъ поводъ сказать два слова о воробьяхъ, въ естественно-историческомъ значеніи.

Воробьи принадлежатъ къ обширному семейству птицъ которыхъ Кювье назвалъ Passereaux (или ко 2-му порядку общаго дѣленія птицъ, предложеннаго Кювье. Этотъ знаменитый естествоиспытатель, какъ извѣстно, раздѣлилъ все птичье царство на 6-ть большихъ отдѣловъ или порядковъ). И надо замѣтить, что воробьиный отдѣлъ птицъ есть самый обширный изъ всѣхъ отдѣловъ птицъ. За симъ и признаки этого отдѣла, собственно говоря, *отрицательные*. Какъ характеризовать воробья? Это птичка довольно безцвѣтная, сравнительно съ другими. И Кювье, а за нимъ и другіе естествоиспытатели-орнитологи, дѣйствительно придали воробью только отрицательные признаки. Воробей—это такая птичка, которая не принадлежитъ ни къ плавающимъ, ни къ лазящимъ, ни къ куринымъ, ни къ хищнымъ.

Что воробей крайне прожорливъ—это знаетъ всякій. Всѣмъ извѣстно также, что воробей истребляетъ преимущественно хлѣбныя зерна, и отъ того всегда водится вблизи человѣческихъ жилищъ. Спеціально же неразлучная спутница человѣческихъ жилищъ—особая порода воробьевъ, называемыхъ pyrgita. Французы назвали этого воробья домашнимъ воробьемъ (moineau domestique). Эта порода воробьевъ особенно смѣла и прожорлива. Они чирикаютъ въ нашихъ садахъ (въ Россіи) даже во время весеннихъ заморозковъ. Воробьи водятся въ странахъ земледѣльческихъ. Тамъ, гдѣ мало засѣваютъ хлѣба и воробьевъ мало. Но воробьи могутъ питаться и насѣкомыми, такъ что хлѣбныя зерна уже не составляютъ ихъ необходимой пищи. Воробей усердно пожираетъ гусеницъ, столь вредныхъ для нашихъ садовъ, и были даже споры между орнитологами: больше ли пользы или вреда приносятъ воробьи?

Обыкновенный размѣръ воробья (домашняго) въ длину 5 дюймовъ и 10 линій. Цвѣтъ перьевъ бываетъ разнообразенъ, смотря по климату тѣхъ странъ, гдѣ птичка эта водится. Бываютъ воробьи и красные, и бурые. Водящіеся у насъ въ Россіи обыкновенно сѣрые или пепельнаго цвѣта. Средняя продолжительность жизни воробья болѣе 15 лѣтъ. Самка воробья кладетъ въ годъ *три* или *четыре* раза, отъ 5—8 яицъ. Гнѣзда вьютъ эти птички или на вершинахъ деревъ, или въ ущельяхъ стѣнъ. Воробьи могутъ одинаково легко переносить какъ лѣтній жаръ, такъ и зимнюю стужу.

## Сѣверный пейзажъ.

Пейзажистовъ между нашими русскими художниками много и хорошихъ, и посредственныхъ, и слабыхъ, всего больше, конечно, послѣднихъ; но пейзажистовъ, изображающихъ лѣсные пейзажи, такъ сказать „пейзажистовъ-лѣсниковъ" у насъ, какъ говорится, только „разъ-два—да и обчелся". Одинъ у насъ настоящій „пейзажистъ-лѣсникъ", И. Шишкинъ, одинъ онъ владѣетъ мощнымъ талантомъ въ передачѣ на полотнѣ красотъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, и преемника, пока, ему нѣтъ между русскими художниками.

Рѣдкость такихъ пейзажистовъ, каковъ Шишкинъ, объясняется именно тѣмъ, что въ лѣсномъ пейзажѣ нельзя очаровать зрителя одними тонами да поэзіей мѣстности: зорьку изобразить съ облачками, бережокъ съ травкой, да корову съ теленкомъ. Въ лѣсномъ пейзажѣ нужно нѣчто другое, кромѣ тоновъ и сюжета картинки; нужно тщательное и упорно-настойчивое изученіе лѣсной природы, нужно, такъ сказать, овладѣть ею и умѣть изображать въ совершенствѣ всѣ ея детали. Тогда только лѣсной пейзажъ и получаетъ свою „поэзію", когда его передаютъ истинные знатоки своего дѣла, а таковыхъ, какъ мы сказали, немного, ибо не всякій художникъ—пейзажистъ способенъ десятки лѣтъ изучать лѣсную природу.

Къ числу такихъ выдающихся лѣсныхъ пейзажей принадлежитъ и помѣщаемый въ этомъ номерѣ Нивы. Объяснять его достоинства нечего—онъ предъ глазами читателей. Смотря на рисунокъ, не можемъ не вспомнить словъ поэта Байрона, сказавшаго:

„Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ"

Тѣмъ болѣе есть наслажденіе—любоваться такимъ художественнымъ изображеніемъ лѣса, каковымъ несомнѣнно долженъ быть признанъ помѣщаемый здѣсь рисунокъ лѣсного-пейзажа.

Д. Стх.

## Гор. Архангельскъ.

Архангельская губернія занимаетъ самую сѣверную оконечность Европейской Россіи. Въ древности земли Архангельской губерніи были заселены народомъ финскаго племени и входили въ составъ Біарміи, или Великой Перміи. По словамъ Нестора онѣ были извѣстны славянамъ еще до прибытія къ нимъ Рюрика. Позже Новгородцы ходили въ эту страну для промысловъ и торговли. Въ XI в. по морскому берегу завязалась торговля съ датскими и норманскими мореплавателями; но странѣ начало распространяться христіанское ученіе; благочестивый Стефанъ Карпъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ апостоловъ Двинской страны. Такимъ образомъ, благодаря ревностному распространенію христіанскаго ученія, основались въ этой странѣ монастыри. Съ уничтоженіемъ самобытности Новгорода въ 1475 г. Іоаннъ III присоединилъ къ Московскому княжеству наибольшую часть Заволоцкой чуди, а вскорѣ потомъ, въ 1496 г., покорилъ своей власти и землю Югорскую (между Пустозерскомъ и Вятск. губ.).

На мѣстѣ Архангельска былъ прежде монастырь Михаила Архангела, отъ котораго и получилъ свое названіе городъ. Обитель эта была основана съ разрѣшенія Новгородскаго архіепископа Іоанна, не позже XV в. Въ 1584 г., по повелѣнію Грознаго, около монастыря построили острогъ *Новые-Холмогоры*, извѣстные у иностранцевъ подъ названіемъ порта св. Михаила, также св. Николая. Первыми обитателями Новыхъ-Холмогоръ были ратные люди—стрѣльцы. Чрезъ три года послѣ основанія этого острога, а именно въ 1587 г., учрежденъ былъ здѣсь посадъ; въ немъ жили деревенскіе пахотные люди и небольшое число посадскихъ людей, переведенныхъ въ это новое поселеніе изъ разныхъ двинскихъ деревень и посадовъ. Имъ дарована была льгота, освобождающая отъ платежа всѣхъ государственныхъ податей въ продолженіе пятилѣтняго срока, а по истеченіи этого времени всякія раскладки позволено было дѣлать имъ самимъ. Вліяніе этихъ льготъ имѣло несомнѣнно благопріятныя послѣдствія для развитія жизни въ Новыхъ Холмогорахъ: изъ Старыхъ-Холмогоръ много переселилось жителей въ эти Новые-Холмогоры. Въ 1637 г. Новые-Холмогоры сгорѣли и на мѣстѣ ихъ построенъ нынѣшній Архангельскъ. (При сѣверной Двинѣ въ 42 верстахъ отъ ея устья). Послѣ пожара монастырь Архангельскій перенесенъ на новое мѣсто, на которомъ онъ и нынѣ находится.

По учрежденіи города Архангельска онъ находился сначала подъ управленіемъ двинскихъ воеводъ, зимою жившихъ въ Холмогорахъ, а на лѣто переѣзжавшихъ въ Архангельскъ. Указомъ Петра, изданнымъ въ 1702 году, воеводство перенесено въ Архангельскъ и въ 1710 году Архангельскъ возведенъ на степень губернскаго города. Петръ нѣсколько разъ посѣщалъ Архангельскъ и многое сдѣлалъ для оживленія его торговли. Между прочимъ для защиты города онъ заложилъ въ 18 верстахъ отъ него, по главному форватеру Двины—Новодвинскую крѣпость; основалъ адмиралтейство съ корабельной верфью и купеческой гаванью въ Соломбольскомъ селеніи, составляющемъ часть Архангельска. Вообще Петръ I-й оставилъ въ Архангельскѣ много напоминающаго о себѣ. Въ 1780 г., при учрежденіи губерній, Архангельскъ былъ наименованъ областнымъ городомъ Вологодской губерніи, а съ 1784 г. сдѣланъ губернскимъ.

Изъ примѣчательностей города Архангельска отмѣтимъ слѣдующія: въ кафедральномъ соборѣ хранится крестъ, поставленный Петромъ въ Унской губѣ, въ память своего спасенія отъ морской бури. Считаемъ не безъинтереснымъ привести нѣкоторыя подробности объ этомъ крестѣ, сдѣланномъ руками великаго Петра. Крестъ этотъ деревянный, сосновый, около 5 ар. въ вышину. Не смотря на стертую временемъ надпись, все таки еще можно видѣть слова: Dat Ken Kap tein Piter van a ca. S. t. 1694. Крестъ поставленъ у правой стѣны собора, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, который поддерживаютъ колонны. Въ Крестовой церкви архіерейскаго дома хранится карета, подаренная Петромъ архіепископу Аѳанасію, два флага, которые поднимались на яхтѣ царя во время его путешествій по Бѣлому морю, и пушки, взятыя съ шведскихъ кораблей въ 1701 г., во время нападенія ихъ на Новодвинскую крѣпость.

На городской площади за соборомъ поставленъ памятникъ Ломоносову, не выдающійся, впрочемъ, своими достоинствами. Онъ, можно сказать, даже мало замѣтенъ среди зданій и, кромѣ того, нѣсколько странной кажется идея представить Ломоносова въ тогѣ римлянина...

Изъ памятниковъ старины сохранились развалины *нѣмецкаго* гостинаго двора. Говорятъ, что подробности плана этого гостинаго двора были составлены рукою царя Алексѣя Михайловича, а для работъ въ Архангельскъ были присланы нарочные иностранные инженеры Марилесъ и Шарфъ.

Часть города, носящая названіе Нѣмецкой слободы, отличается рядомъ чистенькихъ опрятныхъ большею частію деревянныхъ домовъ. Въ Нѣмецкой слободѣ ютится все коммерческое населеніе города. Каково теперь живется въ Архангельскѣ, какія отношенія существуютъ между русскими и иностранцами—объ этомъ мы здѣсь распространяться не будемъ, такъ какъ Нива уже имѣла случай описывать жизнь въ Архангельскѣ и въ особенности въ мѣстностяхъ близъ его лежащихъ (см. Ниву 1874 г. № 19, 21 и 22). Но отсылая читателей „Нивы" къ этому описанію, мы не можемъ не указать здѣсь, что для болѣе подробнаго и обстоятельнаго знакомства съ нашимъ русскимъ сѣверомъ слѣдуетъ обратиться къ труду г. Максимова „Годъ на Сѣверѣ". Приведемъ здѣсь изъ этой книги нѣсколько строкъ, ярко обрисовывающихъ характеръ отношеній иностранцевъ къ русскимъ въ Архангельскѣ.

— Всѣ здѣсь нѣмцы, что одинъ человѣкъ: и говорить они умѣютъ по нашему бойко и къ нашимъ, которые капиталомъ посильнѣе или которые на полномъ отъ всякаго почетѣ, они ласки свои приладятъ и въ маклеры его на безотвѣтное глупое мѣсто посадятъ, какъ пить дадутъ. А то въ браковщики, въ старосты, въ другую какую должность выберутъ. Ты-де только своей-то торговли не заводи, а мы де тебя своими крохами не обидимъ, съ голоду не уморимъ.

— Еще хуже, сказать не во гнѣвъ вашей милости это. Народъ на лесть, на хитрость такой ловкій, что хоть рукавицы на руки-то надѣвай—не ухватить. Опять-же гордости въ нихъ—великая сила. Компанію только межь себя и водятъ „за всегда впереди нашего города идутъ. Русскій, я вамъ говорю, человѣкъ, что самоѣдъ, силы никакой не имѣетъ". (Годъ на Сѣверѣ стр. 547).

Таковы отношенія иностранцевъ къ русскимъ въ Архангельскѣ, важнѣйшемъ портѣ на сѣверѣ Россіи. .

Городъ этотъ ведетъ большую торговлю съ Европой. Къ нему приходятъ ежегодно до 600 иностранныхъ кораблей съ колоніальными товарами, рыбой и солью. Онъ отпускаетъ товаровъ на сумму до шести милліоновъ рублей. въ годъ, преимущественно ленъ, пеньку, льняное сѣмя и масло, овесъ, рожь, муку и лѣсъ.

Такая обширность торговыхъ оборотовъ Архангельска, конечно, имѣетъ вліяніе и на характеръ городской жизни, не лишенной нѣкоторыхъ удобствъ и роскоши. Но эти удобства и роскошь не заходятъ далѣе главныхъ улицъ города. За этими улицами идетъ вязкое, тундристое болото и подгородныя слободки представляютъ грустный запущенный видъ съ узенькими улицами, утлыми мостками, бѣдными домишками, пустынными огородами.

Взаключеніе приведемъ нѣсколько данныхъ о народонаселеніи города и его уѣздахъ, о промыслахъ, о климатѣ.

Народонаселеніе Архангельска составляютъ наполовину иностранцы, а въ губерніи живутъ Лопари, Самоѣды, Корелы. Вообще жителей Архангельской губерніи можно раздѣлить на приморскихъ, занимающихся болѣе промыслами, и на внутреннихъ, которыхъ главное занятіе составляютъ земледѣліе, скотоводство. Главные промыслы въ губерніи—рыболовство и звѣроловство на морѣ. Первое производится по берегамъ морей и по рѣкамъ, гдѣ ловится треска, сельди, камбала, бѣлуга, миноги, и т. п. и въ открытомъ морѣ, на плавучихъ льдахъ, гдѣ ловятся моржи, тюлени, бѣлые медвѣди, морскіе зайцы и проч. На островахъ (напр. Калгуевѣ) добывается знаменитый гагачій пухъ. Добываемое изъ морскихъ звѣрей сало, извѣстное подъ названіемъ ворвань составляетъ предметъ заграничнаго вывоза. Въ губерніи устроено нѣсколько салотопенныхъ заводовъ. Звѣроловство въ лѣсахъ даетъ также значительныя выгоды ловлей горностаевъ, куницъ, песцовъ. Изъ обширныхъ лѣсовъ южной части губерніи гонятъ смолу, деготь. Соловаренные заводы могли бы также приносить громадныя выгоды, но и здѣсь сказалась русская привычка—дѣлать поскорѣе да какъ нибудь. Вмѣсто того, чтобы доставлять другимъ прекрасную соль, Поморцы сами для соленія рыбы вывозятъ чрезъ Норвегію себѣ норвежскую и французскую соль. Вкусъ бѣломорской соли отдаетъ какой-то горечью. Способъ выварки соли ведется самый небрежный. Вода Бѣлаго моря содержитъ въ себѣ слѣдующія составныя части: сѣрнокислую магнезію, известь, солянокислую соду и магнезію и углекислую известь и магнезію. Вода эта помогаетъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ и за Ненокской, въ небольшомъ селеніи Сюзьмѣ устроено нѣсколько морскихъ купаленъ.

Кромѣ соленыхъ источниковъ въ губерніи есть желѣзныя руды (въ Шенкурскомъ уѣздѣ); разнаго рода колчеданы, известковый камень, цѣлыя горы плитного камня.

Въ р. Кеми и другихъ поморскихъ рѣкахъ добывается жемчугъ, хотя невысокой доброты и въ незначительномъ количествѣ. Добываніемъ его занимаются досужіе люди и болѣе для себя чѣмъ для продажи.

Климатъ въ южной части губерніи холодный, суровый; въ сѣверной жестокій холодъ. Но коротенькое лѣто необычайно знойное; впрочемъ стоитъ подуть сѣверо-восточному вѣтру—какъ тотчасъ же в обдаетъ холодомъ. Самый короткій день въ Архангельскѣ продолжается 3 часа и 11 минутъ, самый долгій—21 часъ и 14 м. а въ Колѣ лѣтомъ солнце не сходитъ съ горизонта въ теченіи 3 недѣль и столько же времени зимою тянется ночь, освѣщаемая сѣвернымъ сіяніемъ.

Ин.

## Крокодилы на трупѣ гиппопотама.

Знаменитый древній географъ Діодоръ Сицилійскій, жившій, какъ извѣстно, во времена Цезаря и Октавіана Августа, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего обширнаго сочиненія, которое, къ сожалѣнію, дошло до насъ только въ отрывкахъ *):

„Рѣка Нилъ питаетъ многія породы животныхъ; но изъ нихъ особеннаго нашего вниманія заслуживаютъ *крокодилъ* и *рѣчная лошадь*". Можетъ быть это изреченіе стараго сицилійскаго автора предносилось и предъ нѣмецкимъ художникомъ, съ такимъ успѣхомъ изображающимъ своимъ карандашомъ животныхъ. Художникъ этотъ г. *Лейтеманъ*; ему пришла счастливая идея изобразить водяное чудовище въ одинъ изъ интересныхъ для натуралиста и вообще для наблюдателя моментовъ. Почти сказочныя преданія о громадныхъ животныхъ и чудовищахъ, можетъ быть, и теперь еще могутъ представиться глазу наблюдателя реально, гдѣ-либо въ далекихъ пустыняхъ Африки. Сейчасъ упомянутый нами художникъ смѣлыми штрихами умѣлъ создать эффектную и оставляющую сильное впечатлѣніе картину, въ особенности потому, что счастливо сгруппировалъ жадное и страшное пресмыкающееся, трупъ котораго выброшенъ волнами рѣки Нила. Вообще, нужно сказать, что тотъ, кому выпало на долю присоединить къ рисунку Лейтемана объяснительный текстъ, долженъ чувствовать сильное затрудненіе. Задача, вѣдь, трудная, при многосторонности содержанія рисунка, при богатствѣ сообщаемаго имъ матеріала, въ малыхъ рамкахъ представить читателю если не всѣ существенные моменты явленія, то значительную часть ихъ. Матеріалъ, представляемый естественными науками такъ развившимися за послѣднія десятилѣтія, и въ особенности матеріалъ, представляемый современнымъ развитіемъ зоологіи, весьма богатъ. Комментаріи свои пишущій можетъ почерпать изъ зоологическихъ садовъ, но и тутъ какая масса наблюдательности и предварительныхъ знаній требуется, чтобы сообщить дѣйствительно интересное и существенное о данномъ предметѣ. Если дѣло идетъ о зоологіи, то надо сказать и то, что не всѣ зоологическіе сады въ главныхъ городахъ Европы одинаково богаты, слѣдовательно не во всѣхъ пунктахъ доступны наблюденію многіе интересные экземпляры животныхъ...

Во всѣхъ наукахъ представляется интересною и часто весьма поучительною историческая точка зрѣнія, потому что каждый предметъ и каждое явленіе имѣетъ свою исторію. Знакомство съ этою исторіей проливаетъ для насъ въ значительной степени свѣтъ на міросозерцаніе различныхъ народовъ, на ихъ нравы и обычаи, особенно же если дѣло идетъ о древнихъ народахъ. Древній римлянинъ намъ несовсѣмъ понятенъ (въ его внутренней жизни, въ его нравственной жизни, суевѣрныхъ обычаяхъ и проч.), если мы не познакомимся съ его отношеніями къ различнымъ классамъ животныхъ. Если мы знаемъ въ подробности, какую роль для Рима играли гладіаторы и разные хищные звѣри, то для насъ уже рѣзкими и опредѣленными штрихами обрисовывается древній человѣкъ. Если мы знакомимся съ животными древняго Египта, то это знакомство не только освѣщаетъ для насъ систему вѣрованій этого народа и смыслъ египетскихъ древнихъ художественныхъ памятниковъ, но и объясняетъ также природу Нильской долины въ ея теперешнемъ состояніи, потому что естественныя произведенія Египта съ древнихъ временъ измѣнились весьма мало. За симъ, почти все, что мы знаемъ изъ древнихъ писателей о животныхъ древняго міра—все это касается Египта. Оригинальная по своимъ естественнымъ условіямъ страна эта преимущественно обращала на себя вниманіе древнихъ писателей и древнихъ мыслителей.

Вотъ въ этомъ историческомъ отношеніи мы имѣемъ свѣдѣнія о гиппопотамѣ и крокодилѣ,—свѣдѣнія, почерпнутыя именно въ Египтѣ, и свѣдѣнія эти мы находимъ въ сочиненіяхъ помянутаго выше *Діодора Сицилійскаго* и *Геродота*.

Геродотъ—писатель гораздо болѣе древній, чѣмъ Діодоръ Сицилійскій, уже упоминаетъ о томъ странномъ и огромномъ животномъ, водящемся въ водахъ Нила, и Геродотъ, первый окрестилъ это животное названіемъ *гиппопотама*, что значитъ „рѣчная лошадь". Но есть упоминаніе о гиппопотамѣ и въ Библіи, именно въ 40 главѣ книги Іова, гдѣ животное это названо *бегемотомъ*. Въ 41 же главѣ той же книги Іова упоминается и о крокодилѣ, подъ именемъ „Левіаѳана". Изображенія бегемота въ книгѣ Іова сильны, выразительны и носятъ печать величавой безъискусственности, свойственной древнѣйшимъ описаніямъ. Извѣстно, что нашъ Ломоносовъ въ своей одѣ „На книгу Іова" сдѣлалъ довольно близкое подражаніе описанію бегемота въ подлинникѣ:

„На камняхъ острыхъ возлегаетъ
И твердость оныхъ презираетъ,
Для крѣпости великихъ силъ
Считаетъ ихъ за мягкій илъ"...

Но описаніе бегемота, сдѣланное Геродотомъ, скорѣе годится для поэтическаго вымысла. Да и вообще трудно понять, почему Геродотъ (первый) назвалъ это животное гиппопотамомъ, „*морскою лошадью*"—названье совершенно необъяснимое для нашего времени. Что касается Діодора Сицилійскаго, то онъ представляетъ намъ даже описаніе охоты на гиппопотама. Описаніе его весьма правдоподобно. Охота эта въ существенныхъ чертахъ осталась такою же и теперь, если исключить употребляемое теперь огнестрѣльное оружіе. Приведемъ еще третьяго древняго (римскаго) писателя Плинія (оставившаго намъ обширную естественную исторію); этотъ послѣдній не мало озадачиваетъ насъ тѣмъ, что приписываетъ гиппопотаму „хитрость", тогда какъ и въ наше время животное это считается однимъ изъ тупыхъ и несообразительныхъ. Такъ Плиній говоритъ, что гиппопотамъ, опустошая засѣянныя поля, хитро скрываетъ свои слѣды, дѣлая движеніе задомъ впередъ, такъ

*) Сочиненіе это носитъ названіе «Исторической Библіотеки».

что охотникъ бываетъ обманутъ на счетъ направленія пути животнаго. Затѣмъ гиппопотаму Плиній приписываетъ даже важное медицинское изобрѣтеніе—*пускать изъ жилъ кровь!..* Неуклюжее чудовище, нажравшись, какъ говорится, до отвала и едва двигаясь, дѣлается больнымъ, и вотъ тогда оно на берегу рѣки отыскиваетъ острую трубку тростника и рѣжетъ ею свое тѣло, направляя трубку въ то мѣсто, гдѣ проходитъ вена и затѣмъ получивъ облегченіе, замазываетъ рану глиною!.. Далѣе Плиній разсказываетъ намъ, что римлянинъ Маркъ Скавръ *первый* придумалъ для общественныхъ увеселительныхъ игръ въ циркахъ употреблять гиппопотамовъ и крокодиловъ; послѣ Скавра этотъ обычай уже вошелъ почти въ моду. Древній же писатель, *Діонъ Кассій*, жившій во II вѣкѣ по Рожд. Христовомъ, сообщаетъ, что въ его время любимымъ зрѣлищемъ въ римскихъ циркахъ была борьба гиппопотама и крокодила. Эти же два чудовища получали мѣсто при тріумфальныхъ шествіяхъ. Амміанъ Марцеллинъ, писатель IV вѣка по Р. Хр., свидѣтельствуетъ, что въ его время гиппопотамовъ преслѣдовали столь настойчиво, что они рѣдко стали встрѣчаться даже въ своихъ отечественныхъ областяхъ.

Если по приведеннымъ нами сейчасъ источникамъ изъ древнихъ писателей, въ историческое время привезли въ Европу гиппопотама римляне—то съ паденіемъ Римской имперіи исчезъ съ европейскаго континента всякій слѣдъ этого громаднаго толстокожаго,—исчезъ до самаго 1850 года!.. Лондонскому зоологическому обществу принадлежитъ та заслуга, что оно снова перенесло на европейскую почву молодого гиппопотама, черезъ періодъ времени больше чѣмъ въ 1,500 лѣтъ послѣ римлянъ!.. По достовѣрнымъ извѣстіямъ оказывается, что въ 50-хъ годахъ, по желанію англійскаго генеральнаго консула въ Каиро, тогдашній египетскій вице-король Аббасъ-паша разрѣшилъ организовать въ Египтѣ „Общество охоты", спеціально для ловли гиппопотамовъ. Этому-то обществу охотниковъ въ іюлѣ 1849 г. удалось взять живымъ дѣтеныша гиппопотама, имѣвшаго лишь нѣсколько дней отъ рожденія и этотъ дѣтенышъ сдѣлался впослѣдствіи украшеніемъ Лондонскаго зоологическаго сада. Найденный въ Нильскомъ тростникѣ, безпомощно оставленный матерью, дѣтенышъ былъ столь малъ, что его можно было захватить подъ мышку. Однако кожа юнаго животнаго была клейкою и слизистою. Благодаря этой скользкости кожи, пойманному удалось какъ-то освободиться отъ своего ношатаго и достигнуть рѣки. Бѣглеца, впрочемъ, скоро изловили гарпуною (прилаженнымъ къ шесту крюкомъ) и еще въ настоящее время, когда взятое безпомощнымъ животное черезъ 20 лѣтъ достигло колоссальныхъ размѣровъ и вѣса—на тѣлѣ животнаго можно замѣтить рубецъ отъ удара гарпуною при неудачномъ бѣгствѣ. 25-го мая 1850 г. маленькое чудовище было перенесено на англійскую почву и встрѣчено громадными толпами народа, жадно тѣснившагося видѣть египетскаго пришлеца. Народъ кипѣлъ отъ мала до велика; можно было подумать, что встрѣчаютъ какую-либо коронованную особу. На всѣхъ лондонскихъ станціяхъ, мимо которыхъ везли диковиннаго звѣрька, уже не было мѣста отъ густой толпы. Вообще возбужденіе любопытства и волненіе въ Лондонѣ было тогда такъ велико, что подобнаго не могли запомнить самые древніе старожилы. Прибытіе въ столицу Британіи маленькаго безобразнаго толстокожаго почти всѣми признавалось за чрезвычаное событіе. Но съ этихъ поръ (1850 г.) начали привозить изъ Египта въ Европу и другіе экземпляры гиппопотамовъ—преимущественно въ Лондонъ и Парижъ, но, вообще говоря, гиппопотама еще и теперь нужно считать большою рѣдкостью европейскихъ зоологическихъ садовъ. Въ Германію привезена пара гиппопотамовъ только въ 1859 году. Наконецъ, въ текущемъ году торговецъ крупными животными Рейхе везетъ 4 экземпляра гиппопотамовъ въ Америку, куда эти животныя вступаютъ въ первый разъ на совершенно новую почву. Въ Гамбургѣ, въ великолѣпномъ торговомъ звѣринцѣ г. Гагенбека находится также прекрасный, многообѣщающій экземпляръ гиппопотама. Долго-ли, коротко-ли, но конечно когда нибудь гиппопотамы сдѣлаются обыденными явленіями въ нашихъ зоологическихъ садахъ, подобно тому, какъ въ настоящее время составляетъ обыденное явленіе родственный гиппопотаму слонъ...

Теперь нѣсколько историческихъ свѣдѣній о другомъ чудовищѣ, изображенномъ на рисункѣ г. Лейтемана—о *крокодилѣ*. Древнѣйшее свѣдѣніе объ этомъ животномъ мы находимъ опять таки въ Библіи, въ книгѣ Іова (какъ сказано выше, въ гл. 41). Названъ крокодилъ въ цитуемомъ нами мѣстѣ левіаѳаномъ. Затѣмъ всѣ эти древнія миѳическія сказанія о летучихъ драконахъ и разныхъ другихъ чудовищахъ, повторяемыя и Геродотомъ, болѣе или менѣе приводятся въ связь съ сказаніями о крокодилѣ, но конечно всѣ эти древнія сказанія суть плоды разгоряченной фантазіи и должны остаться для насъ навсегда загадкою. Для насъ даже совсѣмъ неясно и непонятно, почему огромное, прожорливое и отвратительное пресмыкающееся названо „*крокодиломъ*". Надо, впрочемъ, замѣтить, что Геродотъ, дѣлая описаніе крокодила, прибавляетъ, что свои слова онъ основываетъ на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ. Относящіяся къ этому предмету наблюденія мы находимъ также у позднѣйшихъ (чѣмъ Геродотъ) писателей, каковы *Филостратъ, Актерій, Апулей* и друг.; но и они почти ничего не дополняютъ къ свѣдѣніямъ Геродота. Плиній въ своей естественной исторіи разсказываетъ о различныхъ способахъ ловли крокодиловъ и мы уже выше упоминали, что въ эпоху императоровъ, крокодилы наравнѣ съ гиппопотамами играли въ циркѣ Римской имперіи значительную роль. Древніе египтяне воздавали этимъ животнымъ божескія почести, и крокодилъ у нихъ былъ посвященъ особому божеству *Себеку*. Для насъ не существуетъ объясненій чрезвычайно смѣшнаго культа крокодиловъ въ Египтѣ, и именно въ Мемфисѣ. Мемфисскіе жрецы умѣли дѣлать крокодиловъ ручными, надѣвали на нихъ драгоцѣнныя украшенія и тщательно содержали въ особыхъ храмовыхъ бассейнахъ. Въ жертву приносились крокодиламъ малыя дѣти... По смерти прирученнаго священнаго крокодила его трупъ бальзамировали какъ и трупъ царя, и остатки эти сохранялись для благодарнаго египетскаго народа на вѣки-вѣчные!.. Обычай чрезвычайно странный!.. Сколько извѣстно, кромѣ страшнаго вреда, крокодилъ не можетъ принести никакой пользы, и въ наше время его и въ Египтѣ истребляютъ какъ язву страны. Все, что можетъ представить полезнаго это животное—это чисто научный интересъ Въ глубинѣ геологическаго грота берлинскаго акваріума, нѣсколько времени тому назадъ, было собрано 2 дюжины крокодиловъ, нѣкоторые изъ нихъ достигали длины 5 метровъ! Въ геологическомъ гротѣ египетскимъ гостямъ былъ предложенъ и раздольный бассейнъ. Во вниманіи къ нимъ недостатка не было. Почтенное собраніе глухо рычало, какъ будто издавая голосъ мщенія и двигалось такъ, что мощная постройка грота потрясалась... Въ Петербургскомъ зоологическомъ саду тоже есть крокодилъ. Живъ-ли онъ въ настоящее время—утвердительно сказать не можемъ, но лѣтомъ 1877 г. онъ находился въ бассейнѣ этого сада.

## Остатки древностей въ Меридѣ (въ Испаніи).

Древній городъ этотъ лежитъ въ округѣ Бадайосъ на рѣкѣ Анасѣ или нынѣшней Гвадіанѣ въ провинціи Эстрамадурѣ. Это одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ древней архитектуры (римской при Августѣ). Величіе постройки поражало во всѣ времена всѣхъ путешествующихъ по Испаніи. Поразила эта постройка и арабовъ-завоевателей Испаніи. Когда арабскій принцъ Музза-бенъ-Наззеръ, пришелъ осаждать Мериду, онъ воскликнулъ, пораженный ея великолѣпіемъ:

— „Поистинѣ, нужно было сдѣлать каменщиками обитателей всего міра, чтобы построить подобный городъ!"

Воспоминаются при этомъ также слова мавра Розиса:

— „Можно ли гдѣ либо, во всемъ мірѣ найти человѣка, способнаго описать всѣ чудеса Мериды?"

Мерида, въ качествѣ римской колоніи, основана въ 23 году до Р. Хр. И въ настоящее время можно замѣтить, что окружность стѣнъ города имѣетъ 6 французскихъ льё (около 10 нашихъ верстъ); на стѣнахъ находятся 3,700 башенъ, 84 воротъ; къ стѣнамъ же прилегаютъ 5 крѣпкихъ замковъ. Въ городѣ находится множество памятниковъ, имѣющихъ религіозное и гражданское значеніе. Руины этихъ памятниковъ ясно свидѣтельствуютъ о ихъ минувшемъ величіи.

Овальное очертаніе древняго цирка, расположеннаго вблизи города, имѣетъ измѣреніе въ 2,000 фут. въ длину и 400 фут. въ ширину. На мѣстѣ цирка этого, нѣкогда обильно орошавшагося кровью гладіаторовъ и гдѣ нѣкогда состязались въ бѣгѣ великолѣпныя римскія колесницы, теперь стадо овецъ мирно щиплетъ чахлую траву.

„Если бы вы вздумали реставрировать циркъ, выгнавъ отсюда пастуховъ,—говоритъ одинъ изъ путешественниковъ по Испаніи (г. Понцъ), то на уступахъ *) этого цирка умѣстилось бы все населеніе Эстремадуры".

Другой замѣчательный свидѣтель древняго блеска Мериды—это остатки древняго водопровода, неуступающаго въ колоссальности и грандіозности руинамъ древнихъ водопроводовъ въ Таррагонѣ и Сеговіи. Остатки же водопровода, изображеннаго на нашемъ рисункѣ, сохранились довольно хорошо. И отстоятъ отъ воды на разстояніе 6-ти километровъ, но все таки это сооруженіе еще весьма обыкновенное сравнительно съ остатками знаменитаго водопровода, отъ котораго осталось не болѣе десяти арокъ, построенныхъ изъ гранита и кирпича и возвышающихся тремя этажами болѣе чѣмъ на 80 футовъ. Обитатели Мериды называютъ эти великолѣпныя развалины характеристическимъ названьемъ „Чудесъ" (Los Alilagtos).

Протекшіе вѣка и многочисленныя истребительныя войны пощадили также величественный гранитный мостъ, покоющійся на 80 аркахъ. Мостъ этотъ сооруженъ по повелѣнію императора Траяна, мѣсто рожденія котораго было, какъ извѣстно, въ Испаніи, не далеко отъ Мериды, въ маленькомъ городкѣ, носившемъ названіе Италика. (Italica).

Нужно еще упомянуть о слѣдующихъ величественныхъ остаткахъ: тріумфальной арки, сооруженіе которой приписывается тому же Траяну (эти остатки носятъ названіе el arco de Santiogo), а также семь огромныхъ рядовъ уступовъ древняго амфитеатра (las siete sillas); далѣе—остатки такъ называе-

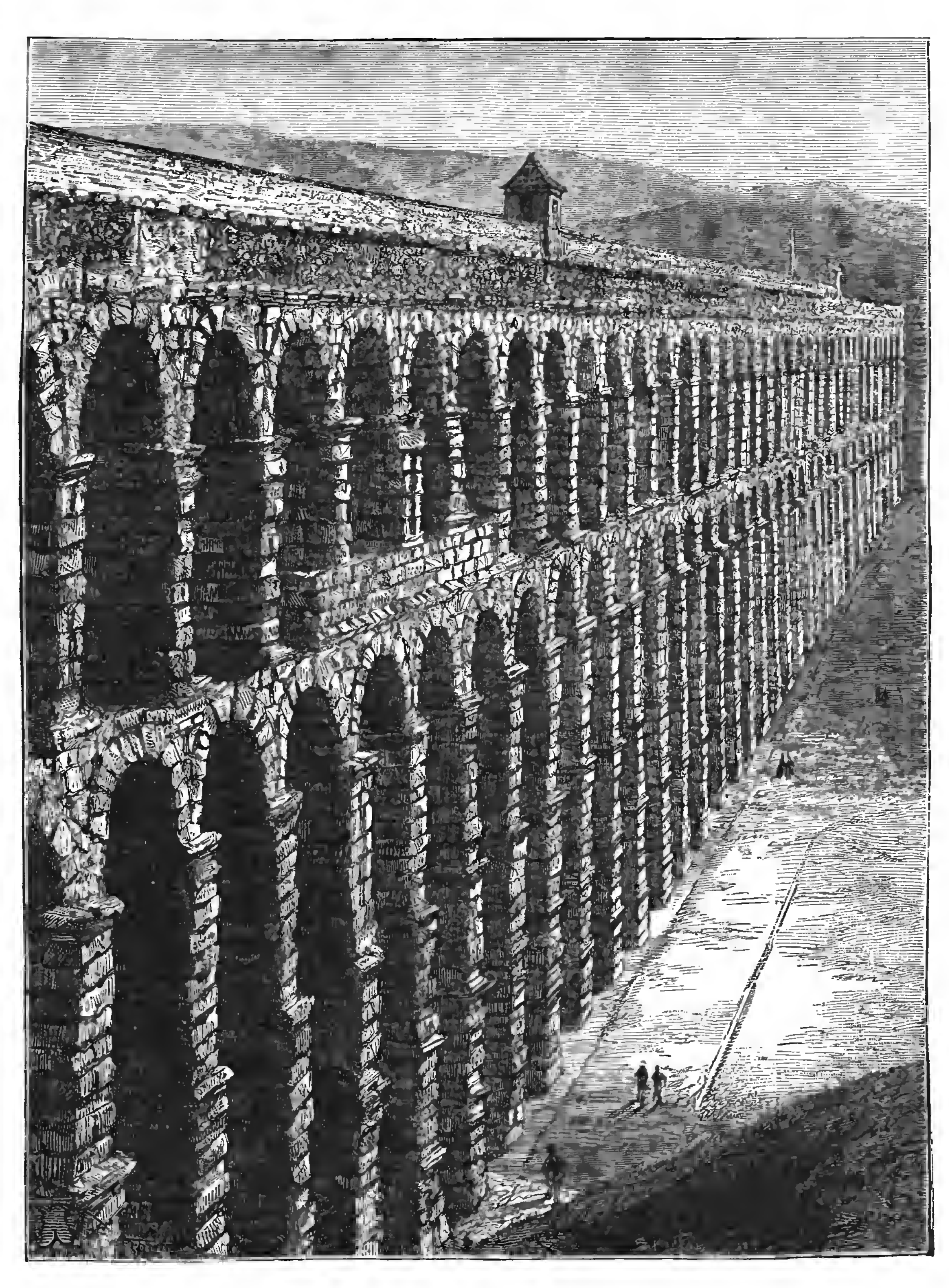
*) Эти уступы назначались для сидѣнья зрителей и замѣняли наши кресла-скамьи.

(Продолженіе на стр. 509. 510. 511 и 512).

мой *надмахіи* (Rano de los Romanos) или цирка съ огромнымъ углубленіемъ, въ которое подземными каналами впускалась вода и въ которомъ состязались между собою корабли. Надо замѣтить, что у римлянъ было много такихъ цирковъ (со впускомъ воды) въ Италіи, въ окрестностяхъ Рима. Одинъ изъ нихъ (Circus Mafimus) находился въ самомъ Римѣ. Представленіе въ таковыхъ циркахъ или бой кораблей, стоило громадныхъ издержекъ, потому что водоемъ былъ на столько глубокъ, что корабли потоплялись въ виду зрителей. Масса людей на корабляхъ была ранена и окрашивала своею кровью воду. Часто обыкновенные цирки превращали римляне въ обширный прудъ (углубляя арену и впуская подземнымъ путемъ воду).

За симъ замѣчательны остатки стѣнъ цистерны или водоема, мощнаго, почти циклопическаго сооруженія, подобнаго тому водопроводу, который читатели видятъ на рисункѣ. Далѣе нужно отмѣтить: остатокъ храма Діаны, отъ котораго уцѣлѣло 40 колоннъ, а также древнюю крѣпость, называемую рѣкою Гвадіаною и проч.

Всѣ эти великолѣпные остатки составляютъ слѣды господствовавшихъ въ Испаніи могущественныхъ римлянъ. Ближайшимъ поводомъ водворенія римлянъ въ Испаніи были пуническія или карѳагенскія войны, и особенно 2-я пуническая война. Римляне рѣшили покорить Испанію въ опасеніе соперничества тамъ карѳагенянъ. Эти же послѣдніе старались овладѣть Испаніей гораздо прежде римлянъ, въ противовѣсъ усиливавшемуся ихъ могуществу. Карѳагенъ среди отчаянной борьбы съ Римомъ за обладаніе на морѣ, потерялъ острова Сицилію и Сардинію. Чтобы вознаградить эту важную потерю отличный карѳагенскій полководецъ, Амилькаръ-Барка, высадился на берегъ Испаніи для ея покоренія (около 238 г. до Р. Х.) Испанія славилась своими богатыми серебряными руд-



**Остатки древняго водопровода въ Меридѣ (въ Испаніи).**

никами и строевымъ лѣсомъ, необходимымъ для постройки флота; но послѣ 2-й пунической войны римляне вытѣснили кареагенянъ и съ Пиринейскаго полуострова; немного спустя послѣ страшной *Нумантинской* войны римляне завладѣли всѣмъ пиренейскимъ полуостровомъ.

По восточному побережью Испаніи (по берегу Средиземнаго моря) находится также масса римскихъ памятниковъ, въ городахъ: Барселонѣ, Таррагонѣ, Валенціи, Аликанта и Картагенѣ. Вообще только нѣкоторая часть Испанскихъ городовъ такъ сказать затьмила памятники римской архитектуры постройками мавританскими и даже нѣкоторыя названія городовъ перепиначены на мавританскій и арабскій ладъ (Али-Конте). Масса же городовъ и до сихъ поръ удержала свои латинскія названія. По упомянутому сейчасъ восточному морскому прибрежью Испаніи находятся уцѣлѣвшіе слѣды римскихъ провіантскихъ магазиновъ, для продовольствія войска, устроенныхъ преимущественно во время и послѣ Нумантинской войны. Пункты, гдѣ были расположены эти магазины, подробно описаны древними римскими географами и лексикографами Колумеллою, Плиніемъ, Варрономъ и Сундасомъ. Такъ что изслѣдователь и производитель раскопокъ всегда можетъ подробно свѣрить ихъ сказанія съ находимыми въ разныхъ мѣстахъ остатками.

Что касается самаго названія площади Пиренейскаго полуострова „Испаніей", то хотя римляне и называли ее Hispania, но это названіе далеко не римское, а какъ догадываются, искаженное финикійское, образовавшееся изъ финикійскаго слова *Sepana*, что значитъ кроликъ, каковое названіе дали полуострову высадившіеся тамъ въ первый разъ финикіяне отъ обилія на полуостровѣ кроликовъ.

Стр.

# Политическія извѣстія.

Англія путемъ особой конвенціи заключила *союзъ* съ Турціей. Союзъ этотъ, по существу дѣла и по формѣ, представляется „оборонительнымъ"; такой эпитетъ придается ему не только англійскою, но и вообще европейскою прессою. Въ силу договора, служащаго основаніемъ этого союза, Англія обязывается охранять на будущее время *цѣлость* Турецкой имперіи въ Азіи, а въ награду за это султанъ даритъ Англіи въ высшей степени выгодный для морской торговли о—въ *Кипръ* *). Англія послала уже для принятія острова мистера Уольслея и на Кипръ перевезены съ о—ва Мальты индійскія войска.

28-го іюня (10-го іюля) было *послѣднее* совѣщательное засѣданіе конгресса. На этомъ засѣданіи было постановлено, что укрѣпленный Мало-Азіатскій портъ Батумъ будетъ портомъ „существенно-коммерческимъ".

Уже не говоря о нашихъ русскихъ представителяхъ, нѣкоторые изъ представителей и другихъ европейскихъ державъ требовали обсужденія англо-турецкой конвенціи на конгрессѣ; но представители Англіи рѣшительно воспротивились этому. Они ссылались на то, что Порта подписала конвенцію не какъ какая-либо подсудимая и опекаемая, а какъ *независимая* и *самостоятельная* (?!!) европейская держава, и что она добровольно дала свое согласіе на занятіе о—ва Кипра англійскими войсками. Биконсфильдъ и Салисбери высказывали далѣе, что Англія нашла себя *вынужденною* (?) взять себѣ Кипръ именно по той причинѣ, что Франція заранѣе протестовала противъ занятія конечныхъ пунктовъ Суэзскаго канала, но та же Франція ни словомъ не упомянула объ Архипелагѣ и его островахъ; слѣдовательно Англія считала себя въ полной свободѣ дѣйствій, *въ правѣ*... При этомъ уполномоченный Франціи Ваддингтонъ не могъ скрыть своего страха и негодованія, и говорятъ, выразился, что послѣ такого сюрприза со стороны доброй сосѣдки, ему стыдно и позорно вернуться въ Парижъ. Далѣе г. Ваддингтонъ выяснилъ, что если Англія заняла о—въ Кипръ, то ей уже, идя послѣдовательно, ничего не стоитъ, напримѣръ, взять и Сирію, и Египетъ, вѣдь со стороны Кипра англичане угрожаютъ упомянутымъ пунктамъ; Франція же никогда не скрывала своихъ требованій *неприкосновенности* Сиріи и Египта. На это энергическое заявленіе представителя Франціи, Дизраэли и Салисбери возразили, что отступить уже не могутъ, что рѣшеніе ихъ безповоротно...

На прошлой недѣлѣ даже между членами конгресса существовало убѣжденіе, что на этомъ европейскомъ ареопагѣ *болѣе всѣхъ выиграла Англія*, что успѣхъ ея „блестящъ", „громаденъ". Это мнѣніе раздѣляетъ и почтенный предсѣдатель конгресса, князь Бисмаркъ. Послѣдній весьма откровенно высказалъ свое мнѣніе на этотъ счетъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ лондонской газеты „Times". По мнѣнію мудрыхъ европейскихъ дипломатовъ и Россія „пріобрѣла *много*". Мы не станемъ говорить объ этомъ предметѣ. Для каждаго безпристрастнаго и понимающаго дѣло читателя ясно, въ чемъ пріобрѣтенія Россіи. Фактъ на лицо. Мы уже знаемъ, что южные Балканы, по приговору европейскаго ареопага, снова очутились въ рукахъ Турціи, гарантія цѣлости которой ревниво обставлена всевозможными предосторожностями. Но несомнѣнно, что моральная сила Россіи высказалась и на конгрессѣ (очевидно неимѣвшемъ ничего общаго съ нашими интересами или, точнѣе, съ интересами балканскихъ христіанъ), высказалась во всемъ блескѣ. Даже наши, плохо съумѣвшіе скрыть свою затаенную злобу „доброжелатели" должны были признать, что жертвы, понесенныя Россіею въ минувшую войну „велики", и что заслуга Россіи для Европы, благодаря той же войнѣ, несомнѣнна... Истину, видно, не такъ-то легко скрыть: она прорвется сквозь всякій покровъ...

Въ упомянутомъ уже нами выше засѣданіи конгресса сдѣланы и нѣкоторыя дополненія касательно нашихъ границъ въ Азіи. Найденъ способъ опредѣленія границъ, составляющій, будто бы, средину между требованіями Россіи и Англіи. Извѣстное полудикое и безпокойное племя *лазы* (какъ извѣстно, затруднившіе нашимъ войскамъ доступъ къ Батуму) остаются будто бы за Россіею. Эти послѣднія извѣстія, впрочемъ, не подтверждены еще изъ достаточно компетентныхъ источниковъ.

Но англійская печать далеко не единодушно хвалитъ и превозноситъ блестящіе дипломатическіе успѣхи Англіи и побѣды ея представителей на конгрессѣ. Наиболѣе честная и безпристрастная часть органовъ англійскихъ высказываетъ уже теперь весьма рѣзкія суровыя истины и готова даже признать Биконсфильда слѣпымъ или близорукимъ вождемъ. Въ такомъ смыслѣ высказывается извѣстная газета „Economist". Дѣло идетъ о Греціи. „Economist" рѣзко порицаетъ безучастіе англійскихъ представителей на конгрессѣ относительно Греціи, которая, какъ извѣстно, ничего не выиграла или выиграла слишкомъ мало. Очевидно, что теперь возникнутъ опасенія для Турціи со стороны Греціи, которая, бывъ раздражена вѣроломствомъ Англіи, обѣщавшей ей защиту и неисполнившей обѣщанія, будетъ теперь со всею энергіей добиваться своей независимости, и очевидно Греція будетъ тенерь естественнымъ образомъ тяготѣть къ Россіи и отъ нея ждать защиты. Тогда какъ при защитѣ интересовъ Греціи на конгрессѣ Англія имѣла бы въ обезпеченіе полученныхъ выгодъ признательную и облагодѣтельствованную Грецію, готовую защищать ея интересы. Теперь же, по сосѣдству съ Кипромъ, занятымъ ею, Англія имѣетъ врага, могущаго сдѣлаться весьма опаснымъ, особенно если маленькій врагъ этотъ вступитъ подъ защиту и покровительство Россіи. Но весьма отдаленное будущее, конечно, покажетъ, что въ этихъ соображеніяхъ много правды.

Впрочемъ объ „исправленіи греческихъ границъ" все таки на прошлой недѣлѣ шли переговоры на конгрессѣ. Болѣе частные и подробные переговоры на этотъ счетъ предполагались между уполномоченными Константинополя и Аѳинъ. Въ случаѣ надобности, державы высказали готовность быть въ этомъ дѣлѣ посредницами. Что касается другого вопроса, чуть было не сдѣлавшаго общее положеніе дѣлъ натянутымъ, т. е.—занятія австрійскими войсками Босніи и Герцеговины, то и по этому предмету происходили совѣщанія на прошлой недѣлѣ, кончившіяся тѣмъ, что Боснію предположено занять *сообща* австрійскими и турецкими войсками. Дипломатическіе кружки встрѣтили подобное рѣшеніе равнодушно, но и не выразили особаго недовѣрія. Командовать австрійскими войсками, отправляемыми въ Боснію, будетъ генералъ Филиповичъ, герой многихъ битвъ съ мадьярами въ 1848 году.

Что касается Черногоріи, то выработанныя о ней на конгрессѣ рѣшенія представляются крайне неблагопріятными. Героическая страна сильно и несправедливо обижена. Болѣе трети турецкой территоріи, взятой черногорцами съ бою, урѣзано у нихъ. Между черногорцами происходитъ волненіе и неудовольствіе. Сербія же представляется относительно удовлетворенною въ территоріальномъ отношеніи хотя и не такъ, какъ желалось бы рьянымъ патріотамъ.

Относительно Бессарабіи и Килійскихъ рукавовъ, на прошлой недѣлѣ, послѣ довольно продолжительныхъ обсужденій, достигнуты результаты, согласные съ пунктами Сан-Стефанскаго договора, относящимися къ Бессарабіи. Бессарабія оставлена за Россіей, Килійскіе рукава Дуная предоставлены Румыніи.

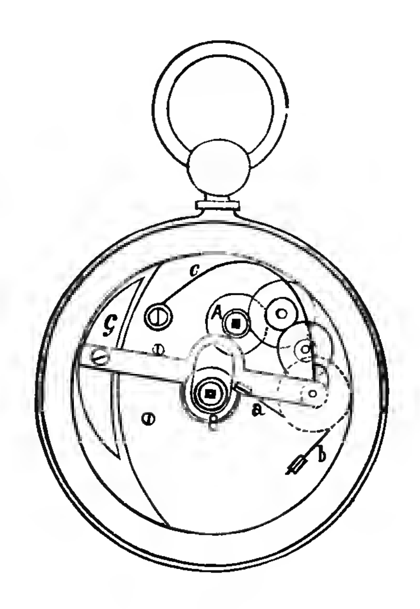
Уже 28 іюня (10 іюля) въ среду конгрессу была предъявлена редакція договора, и тогда же большая часть договора прочитана и утверждена. Въ субботу ожидали подписанія въ Берлинѣ общаго договора. Но при этомъ французская печать громко высказывала свое крайнее неудовольствіе результатами конгресса, которые мы характеризовали выше. Французская пресса, не обинуясь высказывала и продолжаетъ высказывать, что Англія союзомъ съ Турціей и занятіемъ Кипра беретъ на себя „самую тяжкую отвѣтственность". Опасались даже, что французскіе уполномоченные, по этой причинѣ, откажутся *подписать* Берлинскій трактатъ.

*) Прекрасный и цвѣтущій въ древности, островъ этотъ лежитъ близъ восточнаго берега Средиземнаго моря, подъ 35 град. сѣверной широты.

## Новое изобрѣтеніе.

*Вѣчно-идущіе карманные часы, изобр. Лёромъ.*

Вѣчно идущіе часы г. Лёра—это такіе часы, которые не требуютъ, чтобы ихъ *заводили*. Внутренній механизмъ 14-ю составными частями меньше, чѣмъ въ часахъ заводящихся. Рычагъ съ придѣланною къ нему тяжестью *g*, при каждомъ толчкѣ, получаемомъ механизмомъ, получаетъ движеніе по направленію *къ низу*. За симъ служащая балансомъ пружина *c* снова поднимаетъ этотъ рычагъ и возстановляетъ въ его прежнее спокойное состояніе. При этомъ движеніи, посредствомъ особаго аппа-



**Вѣчно идущіе часы, называемые Перпетуале.** Изобр. Лёромъ.

рата и пружинки *a* и *b*, производится отчасти вращеніе пружиннаго стержня и шпильки *A*. Зарубленная круглая пластинка *B* играетъ роль показателя прямыхъ пунктовъ и линій посредствомъ своихъ заостренныхъ зубчиковъ. Остальныя детали конструкціи сходны съ обыкновенными карманными часами. Ходъ этихъ часовъ обусловливается движеніемъ носящаго ихъ. Этого ежедневнаго движенія при нормальныхъ условіяхъ достаточно, чтобы поддерживать постоянный ходъ часовъ. Слишкомъ большое движеніе обусловливаетъ усиленное наматываніе пружинки на стержень и сохраняетъ его въ видѣ резерва, малое-же движеніе въ какой либо день можно вознаградить резервомъ движенія предшествовавшаго дня. Если же, въ теченіе многихъ дней носящій часы не сдѣлаетъ никакого движенія, или если вообще въ эти дни часы не были ношены на себѣ владѣльцемъ ихъ, то ихъ можно *завести* обыкновеннымъ часовымъ ключемъ. Выгодами новаго заводящаго механизма въ часахъ Perpetuale, можно представить, кромѣ самостоятельности заводки: бóльшую простоту и солидную прочность защищающаго механизмъ покрова, чѣмъ въ обыкновенныхъ карманныхъ часахъ. Футляръ не просверливается отверстіемъ; никакой гвоздикъ не высовывается наружу. Кольцо бываетъ массивно, несоставное, слѣдовательно немогущее разомкнуться. Далѣе, часы эти бываютъ постоянно замкнуты, отчего на нихъ не насѣдаетъ пыль; наконецъ въ нихъ устранена возможность соскакиванія пружинки при заводкѣ. Часамъ—Perpetuale, при ихъ умѣренной цѣнѣ, обезпечивается быстрое распространеніе. Въ настоящее время они продаются у часоваго мастера К. Гартеля, въ Вѣнѣ.

## Смѣсь.

**Къ числу** новыхъ изобрѣтеній принадлежитъ ртутный телефонъ, состоящій изъ двухъ приборовъ совершенно одинаковаго устройства. Одинъ приборъ служитъ для приниманія звука или голоса, другой для воспроизведенія того же самаго звука и голоса на разстояніи. Обѣ части прибора состоятъ изъ нижняго стекляннаго сосудца, наполненнаго водою, съ примѣсью кислоты и ртути. Въ сосудецъ опускается капиллярная трубка, наполненная ртутью. Для переговоровъ на разстояніи, приборы, находясь близь переговаривающихся, соединяются двумя проволоками, изъ которыхъ одна соединяетъ ртуть сосудцевъ, другая—ртуть капиллярныхъ трубокъ. При разговорѣ надъ однимъ изъ приборовъ происходитъ колебаніе воздуха, находящагося въ трубкѣ. Колебанія эти передаются ртути, подъ вліяніемъ же колебаній этой послѣдней, ртуть воспроизводящаго прибора получаетъ совершенно такія же колебанія. Въ результатѣ происходитъ то, что прикладывая ухо къ воспроизводящему прибору, можно слышать звукъ и голосъ говорящаго на значительномъ разстояніи.

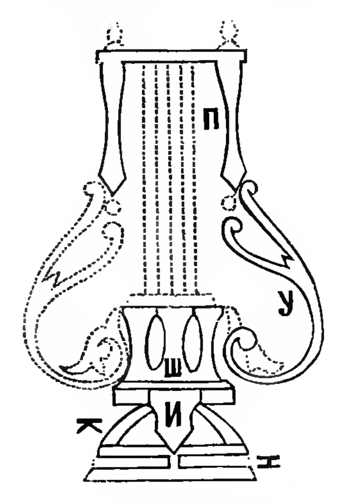
## Мысли замѣчательныхъ людей.

Въ каждомъ изъ насъ пребываетъ божество. *(Еврипидъ).*

Дѣло—за юношей, совѣтъ—за взрослымъ, молитва—за старикомъ. *(Геродотъ).*

### Рѣшенія задачъ,

помѣщенныхъ въ № 27 Нивы:

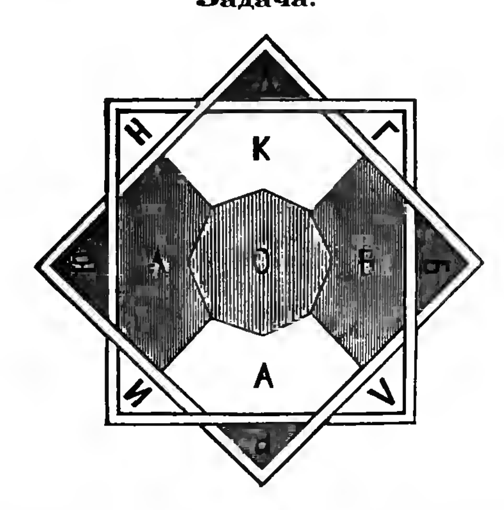



Слово, составляющееся изъ буквъ этой лиры: „Пушкинъ".




Точки, помѣшенные въ задачѣ № 27, составляютъ названіе города: „Константинополь".

### Ребусъ.



Рѣшеніе будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Нивы".

### Задача.

Изъ помѣщенныхъ здѣсь буквъ составить фамиліи двухъ извѣстныхъ представителей русскаго искусства но части живописи и музыки.

**Поправка.** Въ № 27 «Нивы» на стр. 481 и 484, подъ рисунками фасадовъ зданій австрійскаго, японскаго и китайскаго отдѣловъ на парижской выставкѣ, по недосмотру напечатано: «*въ Трокадеро*»; слѣдуетъ читать: «*на Марсовомъ полѣ*».

1-й заемъ 1864 года. 27-й тиражъ 1-го іюля 1878

## ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Выс. утв. 13-го ноября 1864 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ, 1-го іюля 1878 г., Правленіемъ Банка, въ присутствіи надлежащихъ членовъ и депутатовъ, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 г. Выигрыши пали на слѣдующіе билеты.

| №№ серій. | №№ билет. | Сумма выигрыша. | №№ серій. | №№ билет. | Сумма выигрыша. | №№ серій. | №№ билет. | Сумма выигрыша. | №№ серій. | №№ билет. | Сумма выигрыша. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 2 | 11 | 500 | 4425 | 27 | 500 | 9272 | 40 | 500 | 14002 | 41 | 500 |
| 3 | 22 | 8000 | 4430 | 29 | 500 | 9398 | 27 | 500 | 14031 | 9 | 500 |
| 52 | 26 | 500 | 4497 | 26 | 500 | 9509 | 17 | 500 | 14126 | 18 | 500 |
| 55 | 12 | 500 | 4528 | 39 | 500 | 9770 | 16 | 500 | 14132 | 46 | 500 |
| 102 | 14 | 500 | 4533 | 4 | 500 | 9774 | 22 | 500 | 14225 | 10 | 500 |
| 107 | 40 | 500 | 4822 | 4 | 500 | 9912 | 44 | 500 | 14225 | 13 | 500 |
| 132 | 46 | 500 | 4869 | 47 | 500 | 9941 | 22 | 500 | 14426 | 21 | 500 |
| 310 | 38 | 500 | 4945 | 17 | 500 | 9968 | 47 | 500 | 14582 | 32 | 500 |
| 386 | 2 | 500 | 5095 | 45 | 500 | 10071 | 32 | 500 | 14653 | 12 | 75000 |
| 406 | 15 | 500 | 5137 | 26 | 500 | 10128 | 20 | 500 | 14654 | 11 | 500 |
| 478 | 13 | 500 | 5181 | 37 | 500 | 10189 | 13 | 500 | 14698 | 16 | 500 |
| 493 | 4 | 500 | 5247 | 29 | 500 | 10202 | 47 | 500 | 14751 | 31 | 500 |
| 497 | 14 | 500 | 5345 | 3 | 500 | 10212 | 36 | 500 | 14781 | 10 | 500 |
| 637 | 14 | 1000 | 5393 | 19 | 500 | 10253 | 8 | 500 | 14800 | 33 | 500 |
| 670 | 17 | 500 | 5393 | 29 | 500 | 10262 | 8 | 500 | 14816 | 41 | 500 |
| 720 | 43 | 500 | 5394 | 26 | 1000 | 10312 | 40 | 500 | 14852 | 30 | 500 |
| 751 | 29 | 1000 | 5569 | 42 | 500 | 10405 | 42 | 500 | 14938 | 8 | 500 |
| 772 | 40 | 500 | 5620 | 42 | 500 | 10407 | 12 | 500 | 14997 | 6 | 1000 |
| 794 | 41 | 500 | 5668 | 42 | 500 | 10442 | 35 | 500 | 15008 | 10 | 500 |
| 944 | 31 | 500 | 5714 | 45 | 500 | 10548 | 23 | 500 | 15032 | 42 | 500 |
| 1105 | 35 | 500 | 5718 | 10 | 1000 | 10628 | 18 | 500 | 15182 | 33 | 500 |
| 1159 | 43 | 1000 | 5765 | 15 | 10000 | 10664 | 24 | 500 | 15389 | 37 | 500 |
| 1452 | 12 | 500 | 5815 | 38 | 500 | 10696 | 39 | 500 | 15402 | 15 | 500 |
| 1508 | 46 | 500 | 5844 | 47 | 500 | 10754 | 5 | 500 | 15415 | 12 | 500 |
| 1577 | 27 | 500 | 5886 | 16 | 5000 | 10788 | 3 | 500 | 15508 | 5 | 500 |
| 1630 | 17 | 500 | 6025 | 35 | 500 | 11059 | 30 | 500 | 15583 | 3 | 500 |
| 1668 | 17 | 500 | 6042 | 27 | 500 | 11093 | 8 | 500 | 15716 | 50 | 500 |
| 1767 | 10 | 500 | 6164 | 16 | 500 | 11194 | 48 | 500 | 16147 | 47 | 500 |
| 1830 | 1 | 500 | 6178 | 19 | 500 | 11235 | 18 | 500 | 16183 | 24 | 500 |
| 1851 | 7 | 500 | 6194 | 36 | 500 | 11290 | 36 | 10000 | 16218 | 42 | 500 |
| 1868 | 43 | 500 | 6387 | 47 | 500 | 11323 | 2 | 500 | 16262 | 13 | 500 |
| 1958 | 24 | 8000 | 6581 | 16 | 500 | 11484 | 23 | 500 | 16303 | 4 | 500 |
| 1962 | 20 | 500 | 6683 | 30 | 500 | 11498 | 31 | 25000 | 16494 | 34 | 500 |
| 2054 | 5 | 500 | 6697 | 29 | 500 | 11538 | 40 | 1000 | 16508 | 48 | 500 |
| 2058 | 44 | 500 | 6712 | 12 | 500 | 11661 | 20 | 500 | 16554 | 48 | 1000 |
| 2090 | 10 | 500 | 6755 | 6 | 500 | 11661 | 22 | 500 | 16592 | 18 | 500 |
| 2224 | 11 | 500 | 6806 | 50 | 500 | 11696 | 16 | 500 | 16596 | 39 | 500 |
| 2428 | 2 | 500 | 6811 | 16 | 500 | 11699 | 47 | 500 | 16711 | 6 | 200000 |
| 2539 | 21 | 500 | 6827 | 24 | 500 | 11747 | 30 | 500 | 16755 | 15 | 500 |
| 2564 | 41 | 500 | 6941 | 37 | 500 | 11862 | 7 | 500 | 16851 | 8 | 500 |
| 2761 | 27 | 500 | 7000 | 21 | 500 | 11873 | 17 | 500 | 17146 | 19 | 500 |
| 2799 | 10 | 500 | 7063 | 2 | 500 | 11984 | 25 | 500 | 17136 | 6 | 500 |
| 2905 | 40 | 1000 | 7086 | 43 | 500 | 11907 | 47 | 500 | 17253 | 50 | 500 |
| 2908 | 30 | 500 | 7131 | 10 | 500 | 12005 | 44 | 40000 | 17360 | 15 | 8000 |
| 2924 | 26 | 000 | 7175 | 24 | 500 | 12043 | 17 | 500 | 17373 | 6 | 500 |
| 2975 | 43 | 500 | 7241 | 13 | 1000 | 12056 | 1 | 500 | 17385 | 18 | 500 |
| 3014 | 26 | 500 | 7278 | 8 | 500 | 12118 | 2 | 500 | 17488 | 39 | 500 |
| 3036 | 46 | 500 | 7302 | 23 | 500 | 12224 | 18 | 500 | 17496 | 50 | 500 |
| 3060 | 39 | 1000 | 7334 | 5 | 500 | 12317 | 46 | 8000 | 17576 | 1 | 500 |
| 3064 | 7 | 500 | 7371 | 14 | 500 | 12329 | 40 | 500 | 17615 | 4 | 500 |
| 3089 | 46 | 500 | 7426 | 37 | 500 | 12364 | 4 | 500 | 17632 | 3 | 1000 |
| 3106 | 40 | 1000 | 7446 | 29 | 5000 | 12397 | 28 | 500 | 17688 | 40 | 500 |
| 3122 | 24 | 500 | 7473 | 40 | 500 | 12452 | 1 | 500 | 17724 | 18 | 500 |
| 3159 | 46 | 500 | 7497 | 31 | 500 | 12452 | 37 | 1000 | 17830 | 36 | 500 |
| 3169 | 37 | 1000 | 7541 | 26 | 5000 | 12465 | 34 | 1000 | 17875 | 21 | 5000 |
| 3249 | 30 | 500 | 7639 | 43 | 5000 | 12534 | 33 | 500 | 17964 | 27 | 500 |
| 3262 | 17 | 500 | 7698 | 10 | 1000 | 12593 | 42 | 500 | 17974 | 34 | 500 |
| 3266 | 29 | 500 | 7781 | 47 | 500 | 12620 | 17 | 500 | 17998 | 7 | 500 |
| 3341 | 34 | 500 | 7914 | 37 | 500 | 12636 | 19 | 500 | 18142 | 44 | 500 |
| 3366 | 50 | 500 | 6013 | 3 | 500 | 12698 | 46 | 500 | 18222 | 12 | 500 |
| 3394 | 41 | 500 | 8118 | 3 | 500 | 12700 | 44 | 500 | 18282 | 50 | 5000 |
| 3418 | 3 | 500 | 8148 | 17 | 500 | 12719 | 24 | 500 | 18330 | 15 | 500 |
| 3516 | 28 | 500 | 8166 | 38 | 5000 | 12798 | 12 | 500 | 18418 | 41 | 500 |
| 3556 | 24 | 500 | 8263 | 3 | 500 | 12827 | 33 | 500 | 18487 | 43 | 10000 |
| 3638 | 28 | 500 | 8282 | 28 | 500 | 13036 | 4 | 500 | 18673 | 4 | 500 |
| 3761 | 8 | 500 | 8358 | 30 | 500 | 13182 | 50 | 500 | 18813 | 41 | 500 |
| 3762 | 35 | 500 | 8401 | 37 | 500 | 13215 | 38 | 500 | 18890 | 31 | 500 |
| 3766 | 33 | 500 | 6469 | 25 | 500 | 13218 | 35 | 500 | 18906 | 49 | 1000 |
| 3771 | 20 | 500 | 8500 | 50 | 1000 | 13277 | 14 | 5000 | 19011 | 22 | 500 |
| 3885 | 31 | 500 | 8648 | 38 | 500 | 13280 | 9 | 500 | 19181 | 3 | 500 |
| 3920 | 28 | 500 | 8709 | 3 | 500 | 13399 | 12 | 500 | 19357 | 35 | 500 |
| 4209 | 31 | 500 | 8625 | 26 | 500 | 13438 | 34 | 500 | 19443 | 15 | 500 |
| 4226 | 50 | 500 | 8881 | 44 | 500 | 13906 | 9 | 1000 | 19504 | 49 | 500 |
| 4343 | 12 | 500 | 9257 | 20 | 500 | 13907 | 18 | 500 | 19746 | 46 | 8000 |
| 4352 | 22 | 500 | 9264 | 22 | 500 | 13970 | 14 | 500 | 19999 | 46 | 500 |

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1878 года.

**ТАБЛИЦА**

серій бил. 1-го внутр. 5% съ выигр. займа 1864 г., вышедш. въ тир. погаш.

НУМЕРА СЕРІЙ.

1314, 1609, 1807, 1815, 1838, 2282, 3132, 3189, 4158, 4245, 4310, 4417, 4584, 4744, 5181, 5404, 5617, 5757, 5906, 5937, 6110, 6135, 7246, 7372, 7594, 8438, 9116, 9239, 9372, 9576, 10432, 10716, 11166, 11565, 11607, 11633, 11787, 11905, 11954, 11971, 12514, 12528, 12989, 13114, 13663, 13933, 15023, 15760, 16202, 16649, 16661, 17069, 17083, 16016, 18246, 18372, 18791, 19125, 19620, 19656.

Всего 60 серій, составляющія 3,000 билетовъ.

Уплата капитала по вышедш. въ тиражъ билет., по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1878 г. въ Госуд. Банкѣ, его Контор. и Отдѣлен.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ**. Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**.



Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ. Въ Б. Морской, д. 9.

**ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ,** романъ въ 2-хъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками автора,* печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы" на 1878 г.: 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

Дозволено цензурою СПБ. 7 іюля 1878 г.




№ 29 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 17 Іюля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.



# Александръ Николаевичъ Сѣровъ.

Музыкальный критикъ и авторъ трехъ извѣстныхъ оперъ: „Юдифь“, „Рогнѣда“ и „Вражья сила“—Александръ Николаевичъ Сѣровъ, родился 11 января 1820 г. и умеръ 20 января 1871 г. Слѣдовательно, жилъ 51 годъ и 9 дней. Отецъ его служилъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и занимался по оставленіи службы частной адвокатурой. Онъ имѣлъ нѣкоторыя денежныя средства и упрямый неуживчивый характеръ. Мать Александра Николаевича, напротивъ, была необыкновенно нѣжная, любящая, кроткая. Она имѣла благотворное вліяніе на сына.

Въ первоначальномъ воспитаніи Александра Николаевича участвовала также его бабушка, по матери, уважаемая и высокопросвѣщенная личность. Бабушка любила внука, такъ сказать, до безумія.

Сѣровы, кромѣ единственнаго сына, имѣли еще одну дочь, Александру Николаевну, которая пережила потомъ брата..

До смерти отца Сѣровъ жилъ съ семьей въ собственномъ домѣ; у нихъ была богатѣйшая библіотека и физическій кабинетъ, наслѣдство дѣда. Въ этомъ кабинетѣ и среди книгъ Александръ Николаевичъ провелъ лучшіе годы своего дѣтства и отрочества, тутъ привыкъ онъ къ труду, пристрастился къ наукамъ. Отецъ непремѣнно хотѣлъ видѣть сына на юридическомъ поприщѣ и опредѣлилъ его въ училище Правовѣдѣнія, въ которомъ Александръ Николаевичъ и окончилъ курсъ, выйдя третьимъ ученикомъ. Затѣмъ отецъ выхлопоталъ ему мѣсто, и молодой Сѣровъ поступилъ въ Сенатъ, а потомъ получилъ болѣе выгодное мѣсто въ Крыму. Но не съ такою ограниченною долею могла примириться натура молодого Сѣрова; не „прибавки жалованья“ и не награды по службѣ чинами и орденами были его идеаломъ; онъ искалъ другого и не могъ выдержать службы. Очевидно и самъ еще не зная опредѣленно чего именно нужно ему ждать отъ




**Александръ Николаевичъ Сѣровъ.** Съ фотогр. рис. и грав. А. Нейманъ.

жизни, молодой Сѣровъ рѣшился перемѣнить занятія и вопреки волѣ отца поступилъ на должность почтоваго цензора. Но эта должность давала слишкомъ маленькое содержаніе. Это ли послѣднее обстоятельство или же вообще перемѣна службы были непріятны отцу Александра Николаевича—неизвѣстно; но такъ или иначе, онъ разсердился на сына и рѣшительно разошелся съ нимъ.

Они сошлись только благодаря содѣйствію Ленца, музыкальнаго критика. Сѣровъ возсталъ прямо противъ воззрѣній Ленца на Бетховена, Ленцъ увидѣлъ въ немъ задатки критическаго ума и употребилъ мѣры склонить старика Сѣрова не только примириться съ сыномъ, но и убѣдилъ его не препятствовать Александру Николаевичу въ проявленіяхъ его критическаго ума. По смерти отца на долю А. Н. Сѣрова пало много матеріальныхъ заботъ: старая бабушка, мать и сестра исключительно жили его трудами, и онъ работалъ съ изумительной настойчивостію и терпѣніемъ, въ тоже время ни на минуту не унижаясь до ремесленнаго воззрѣнія на искусство. Какъ только урывалось свободное время онъ весь отдавался обожаемой своей музыкѣ, занимался самостоятельнымъ ея изученіемъ; смерть бабушки и матери, замужество сестры надѣлало ему еще больше хлопотъ, потребовали еще болѣе усиленныхъ занятій, но за то съ этого времени оставшись одинъ, Сѣровъ уже всѣмъ существомъ своимъ отдался искусству.

Въ артистическомъ мірѣ имя А. Н. Сѣрова стало извѣстно съ 1851 г. Начали появляться его музыкальныя рецензіи въ издаваемыхъ тогда журналахъ: Библіотекѣ для чтенія, Современникѣ, Пантеонѣ, Сынѣ Отечества, а потомъ, вскорѣ, весь музыкальный міръ заговорилъ о его статьяхъ.

А. Н. Сѣровъ отличался безграничнымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ и его гордость и самонадѣянность, сознаніе своей силы, проглядывали во всѣхъ его статьяхъ, въ тоже время та смѣлость, съ которою онъ говорилъ печатно, придавала ему авторитетъ. Онъ громилъ знаменитостей и развѣнчивалъ Мейербера, композитора наиболѣе любимаго въ Россіи.

Сѣровъ былъ горячимъ поклонникомъ Вагнера и желалъ ввести его манеру и его стиль. До 1856 г. находя, что оперы Вагнера наводятъ непреодолимую скуку, съ 1858 г. Сѣровъ сдѣлался отъявленнымъ вагнеристомъ. Извѣстно, что и его первая опера „Юдифь“ написана подъ вліяніемъ Вагнерова стиля, также точно и „Рогнѣда.“ „Только тупоумные идіоты упорно придерживаются одного и того же мнѣнія“ возражалъ Сѣровъ на замѣчанія по этому поводу,—мыслящіе же люди изучаютъ, глубоко вникаютъ въ предметъ и рѣшаютъ, не стѣсняясь прежними отзывами“. (Воспоминанія о Сѣровѣ, Русская Старина 1878 г. томъ IX).

Образованіе Сѣрова было многостороннее, начитанность громадная и память необыкновенная. Съ равными себѣ Сѣровъ охотно сближался и допускалъ ихъ въ свой внутренній міръ дѣлился съ ними своими замыслами. Какъ примѣръ оригинальныхъ его дѣйствій, приводимъ фактъ знакомства Сѣрова съ Листомъ.

Въ 1858 г. во время своего путешествія за границей, Сѣровъ въ одинъ прекрасный день прямо съ чемоданомъ и безъ всякой рекомендаціи, является къ знаменитому Листу. Я Сѣровъ, говоритъ онъ, и объявляетъ, что пріѣхалъ погостить къ нему, Листу. Листъ уступилъ ему половину своей квартиры и они прожили такимъ образомъ вмѣстѣ цѣлые три мѣсяца. Въ дѣлѣ композиціи Сѣровъ является замѣчательнымъ мыслителемъ, строго обдумывающимъ характеръ, тонъ сочиненія. Какъ и Вагнеръ, Сѣровъ требуетъ отъ исполнителей драматическаго искусства превосходной декламаціи и выраженія.

Сѣровъ былъ женатъ и прожилъ въ супружествѣ 7 лѣтъ. О послѣднихъ часахъ жизни Сѣрова сообщаютъ, что хотя онъ и страдалъ хронической болѣзнью съ зимы 1867 года, но въ день смерти чувствовалъ себя хорошо. Въ этотъ день, бывшій его послѣднимъ днемъ, онъ, по обыкновенію, былъ одѣтъ въ свой сѣренькій костюмъ и съ живостью объяснялъ пришедшему къ нему въ этотъ день пріятелю планъ своихъ новыхъ оперъ, своего „Вакулы“; читалъ либретто Полонскаго для „Вакулы“, представлялъ, какія будутъ „чертовщины, совсѣмъ особенныя“, какъ полетитъ вѣдьма на трубѣ и какъ вдругъ сразу Петербургъ—послѣ деревни, сугробовъ снѣга—блестящій залъ и Екатерина и Потемкинъ...

— Какую тутъ я фантастику подпущу, чисто нашу, говорилъ онъ съ восторгомъ. И какіе новые звуки уже теперь копошатся у меня для оркестра „Вакулы“.

Послѣ этого разговора Александръ Николаевичъ шутилъ съ сыномъ, разсказывалъ ему анекдоты, а затѣмъ раскрывъ книгу Наумана, онъ хотѣлъ было пропѣть нѣсколько нотъ, какъ вдругъ лицо его вытянулось, исказилось, снова выправилось, и онъ началъ падать сгибаясь. Смерть постигла его отъ разрыва сердца. Онъ умеръ мгновенно. Такъ неожиданно угасла жизнь композитора, готовившагося съ жаромъ и необычайной страстностію къ дальнѣйшему продолженію своей музыкальной дѣятельности.

Своими критическими статьями и популярными лекціями въ университетскомъ залѣ, Сѣровъ способствовалъ русскому обществу сознательно слушать и понимать музыку. Онъ понялъ и выяснилъ значеніе Глинки. Онъ создалъ „Юдифь“—интересную оперу, богатую мотивами и совершенно новую въ музыкальномъ отношеніи, т. е. самобытную и оригинальную. Критическую свою дѣятельность Александръ Николаевичъ началъ годами десятью ранѣе композиторства. Его статьи разсѣяны по всѣмъ газетамъ и журналамъ. Онъ издавалъ нѣкоторое время даже самъ газету „Музыка и Театръ“. Существуетъ мнѣніе, что покойный Сѣровъ какъ композиторъ стоитъ выше критика: ибо, какъ говорятъ, натура его была слишкомъ страстная, чтобы онъ могъ удерживаться увлеченія.

Взаключеніе необходимо замѣтить, что при жизни своей Сѣровъ, какъ композиторъ, имѣлъ столько же искреннихъ почитателей своего музыкальнаго таланта, сколько и явныхъ враговъ, непризнававшихъ въ его музыкѣ никакихъ достоинствъ. Враги эти—любители итальянской оперы, для которыхъ оперы Доницетти, Беллини, Верди и т. п. ничѣмъ незамѣнимы. Сѣровъ же былъ послѣдователемъ Вагнера, а Вагнеръ, какъ извѣстно, недоступенъ до слуха тѣхъ, кто воспитанъ на звукахъ Доницетти. Покойный Сѣровъ за свою оперу „Рогнѣда“ былъ удостоенъ Высочайшей милости: онъ имѣлъ отъ Государя Императора пожизненный пенсіонъ въ тысячу рублей.

Приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ стиховъ, сказанныхъ по случаю его смерти:

> Съ роскошью звуковъ, съ искусствомъ, онъ бѣдную жизнь сочеталъ:—
> Роскоши этой не вынесъ, русской землѣ онъ въ наслѣдство
> Пѣсни оставилъ свои и навсегда замолчалъ.

Z.

## На Байкалѣ.

Катитъ море голубое
Съ шумомъ рѣзвую волну,
Глазъ далеко проникаетъ
Въ голубую глубину.

* * *

Тамъ лазоревые камни
Тамъ песчаная коса—
Распустились травъ подводныхъ
Золотые волоса.

* * *

А кругомъ синѣютъ горы,
Дальше легче и слабѣй
И вершины ихъ бѣлѣютъ
Головой сѣдой своей.

Въ знойный день играетъ солнце
На вершинахъ тѣхъ сѣдыхъ,
И цвѣтами брилліантовъ
Отражается на нихъ.

* * *

Но за то въ ущельяхъ горныхъ
Въ темныхъ пропастяхъ и рвахъ—
Тамъ живутъ лишь мракъ и холодъ
Въ вѣчныхъ саванахъ—снѣгахъ.

* * *

Здѣсь же—здѣсь хрусталь прозрачный
Такъ и кинулся-бъ туда—
Въ зной недвижный все лилась-бы
Въ грудь холодная вода.

Б. С.

# Блокгаузъ „Червленъ аскеръ“

## РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

### I.

По дорогѣ, ведущей изъ Туртукая въ болгарскую деревню Червный-солникъ, ѣхалъ въ двухколесной тележкѣ, запряженной одною лошадью, болгаринъ Фома Шумовъ.

Это было въ недавнее смутное, тяжелое для болгаръ время, когда путешествовать по дорогамъ было далеко не безопасно не только для болгаръ, но даже и для прочихъ христіанъ, къ какой бы національности они не принадлежали, хоть бы съ того берега, иностранцами, они были...

Каждый день доносились съ разныхъ пунктовъ путей сообщеній вѣсти о найденныхъ убитыхъ, раненыхъ, ограбленныхъ, а кѣмъ,—неизвѣстно!.. Болгары знали, что виновниками этихъ безчинствъ были турки, преимущественно иррегулярная, военная сволочь, которой въ послѣднее время порядочно нагнали въ эти мѣста,—они, то есть болгары, знали виноватыхъ и молчали,—ибо высказываться въ слухъ въ подобномъ родѣ было очень рисковано. Турецкія власти тоже отлично знали виновныхъ и умалчивали о нихъ тоже, но по совсѣмъ другимъ причинамъ: для турецкихъ властей было гораздо удобнѣе сваливать всю вину на болгаръ:—„это, молъ, все болгары безчинствуютъ“ — наградилъ же Аллахъ его величество падишаха такими безпокойными подданными!..

Иностранные консулы въ городахъ, собирая отъ турецкихъ властей свѣдѣнія о безпорядкахъ для доклада своимъ правительствамъ, удивлялись только, что это за странный выборъ у болгаръ-разбойниковъ исключительно самихъ себя рѣзать... но ихъ сомнѣнія разсѣевались разомъ, только что полученнымъ отъ туртукайскаго „вали“ извѣстіемъ о зарѣзанномъ турецкомъ солдатѣ, значитъ, кто же виноваты какъ не болгары?!.

Правда, что этотъ турецкій солдатъ зарѣзанъ былъ еще годъ тому назадъ, при обстоятельствахъ, весьма сомнительныхъ, слѣдственнымъ путемъ не раскрытыхъ; но самое донесеніе о фактѣ тщательно береглось какъ улика противъ болгаръ, и каждый разъ, съ переправленнымъ числомъ и мѣсяцемъ, появлялось для поддержки отзыва турецкихъ властей...

Мнимые болгары-разбойники даже въ дальнихъ деревняхъ появлялись, иногда даже среди бѣлаго дня, оставляя кровавые слѣды своихъ посѣщеній. Несчастные жители деревень съ оглядкою работали на своихъ поляхъ, съ оглядкою пасли свою скотину, съ оглядкою сбирались по воскресеньямъ въ приходскую церковь, съ оглядкою даже жили въ своихъ чистенькихъ домикахъ, боязливо выглядывая изъ щелей запертыхъ ставней на улицу при каждомъ подозрительномъ топотѣ копыта по пыльной, проѣзжей дорогѣ. Понятно, что путешествовать на болѣе дальнія разстоянія, при такихъ обстоятельствахъ между болгарами находилось очень мало охотниковъ и только крайняя безъисходная нужда заставляла ихъ пускаться въ такое рискованное путешествіе.

Родные и знакомые съ плачемъ, съ причитаніями и молитвами провожали до околицы такого подневольнаго путешественника, съ нимъ прощались какъ съ покойникомъ,—а тотъ и самъ готовился къ смерти, роспоряженія дѣлалъ, исповѣдывался у попа и причащался.

Тяжелое время переживало тогда все болгарское населеніе Балканскаго полуострова...

И вотъ въ этакое-то именно время и ѣхалъ по дорогѣ въ Червный-солникъ болгаринъ Фома Шумовъ.

---

У этого Фомы Шумова было еще имя, другое; звали его также Алли-Исса-бекъ... Для турокъ онъ былъ помакъ-мусульманинъ, для болгаръ — христіанинъ. Съ турками онъ ходилъ въ мечеть и даже ученикомъ моллы-Решада считался. Въ большіе праздники его всегда видѣли въ первыхъ рядахъ въ христіанской церкви, гдѣ онъ набожно творилъ крестное знаменіе и усердно лѣпилъ тоненькія свѣчки изъ желтаго воску къ старымъ, точенымъ изъ дуба паникадиламъ.

Фому Шумова, или Алли-Исса-бека, знали въ каждой турецкой канцеляріи—онъ велъ дружбу съ командирами тоборбы, съ черкескимъ бимъ-башею Джемилемъ, зналъ на перечетъ всѣхъ заптіевъ, поставлялъ низаму фуражъ, по черезъ-чуръ дешевымъ цѣнамъ, подписывая въ качествѣ продавца покупочныя свидѣтельства на товаръ, котораго онъ самъ продавецъ, а въ глаза не видалъ—онъ первый сообщалъ кому слѣдуетъ обо всемъ, что творилось кругомъ, однимъ словомъ былъ человѣкъ полезный, для котораго смутное время не представлялось чѣмъ-то гнетущимъ, тяжелымъ, а уподоблялось мутной водѣ съ удобствами для рыбнаго улова.

Онъ ухитрился и между болгарами не вызывать къ себѣ подозрѣній, энергично защищалъ ихъ на турецкихъ судбищахъ, выручилъ Ношу-Бѣллова изъ тюрьмы, совершилъ еще нѣсколько гражданственно-патріотическихъ подвиговъ, а вообще заслужилъ между своими репутаціи человѣка, къ которому надо относиться если не съ глубокимъ уваженіемъ, то во всякомъ случаѣ съ нѣкоторымъ подчинительнымъ страхомъ, заставлявшимъ болгаръ снимать при встрѣчѣ съ Фомою Шумовымъ свои черныя бараньи шапки и привѣтствовать его словами: „здоровъ будь, Фома! Богъ надъ тобою!“.

Фома на груди, за чапакомъ, носилъ замшевый мешочекъ съ турецкими золотыми лирами и еще бумагу одну, всю исписанную кудреватыми турецкими письменами, съ хитросплетенною печатью внизу и подписомъ самаго вали туртукайскаго; ему стоило только показать эту бумагу въ опасную минуту, какъ та-же рука, что только что цѣлилась въ него изъ пистолета, прятало оружіе за поясъ и почтительно, со словами: Селямъ-Алейкюмъ-бей, прикладывалась ко лбу и къ сердцу...

— Алейкюмъ-Селлямъ! отвѣчалъ тогда Фома Шумовъ; дабы не показать страха,—дружески перекидывался двумя тремя фразами съ тѣмъ, кто хотѣлъ было воспользоваться его кошелькомъ и конемъ,—и, не торопясь, трогалъ возжами свою высокую, рыжую кобылу...

---

Солнце давно уже за полдень перевалило. По небу неслись легкія бѣлыя облака, отбрасывая на равнину свои бѣгучія тѣни. Прохладный вѣтерокъ дулъ съ лѣвой стороны, гдѣ далеко, почти на самомъ горизонтѣ, виднѣлось свѣтлая полоса Дуная. Между рѣкою и дорогою широко раскидывалась низменная долина съ своими невылазными, наросшими камышемъ, топями и болотами, отдѣльными озерками, затонами. Кое гдѣ торчали растрепанныя, приземистыя ивы, а на деревьяхъ непримѣтно уже чернѣлись косматыя гнѣзда аистовъ. Долгоногіе хозяева этихъ гнѣздъ мирно бродили по зеленой тинѣ болотъ, или задумчиво, стоя на одной ногѣ, неподвижно торчали, словно неживыя существа, а изваянія какія то. Стаи утокъ и гусей неслись вереницами, съ шумомъ и плескомъ опускаясь на воду. Пронзительно вскрикивали въ воздухѣ чайки-рыболовы. На песчаныхъ, голыхъ накосахъ взапуски бѣгали крохотные кулички, словно разсыпанное мелкое серебро сверкая на солнцѣ, на темно желтомъ фонѣ

мокраго песку. Гдѣ то очень далеко синяя струя дыма поднималась. Большой, Богъ знаетъ, какъ забредшій сюда буйволъ залегъ въ тину, одна только черная косматая голова его видна съ откидистыми тяжелыми рогами; птичка зеленая усѣлась на этой головѣ и долбитъ ее носикомъ, разыскивая тамъ паразитовъ...

Справа голые, пустынные, необработанные холмы поднимаются,—постепенно переходя въ такой же оголенный, каменистый кряжъ... Нигдѣ не видно жилья, нигдѣ не видно человѣка,—ничего его напоминающаго. Пуста и безлюдна дорога сзади,—пуста и впереди... Слѣдъ за телѣжкою Фомы Шумова прокладывается свѣжій, единственный... Прядетъ ушами его рыжая кобыла,—идетъ словно упирается, словно чуетъ кого-то. Зорко посматриваетъ по сторонамъ помакъ, даже привсталъ на телѣжкѣ и руку козырькомъ сдѣлалъ отъ солнца.

— Ну, самъ Инглизъ виноватъ будетъ, если прозѣваетъ, а съ моей стороны дѣло сдѣлано, проговорилъ онъ про себя, пошевеливая возжами... Самъ Инглизъ виноватъ будетъ... Я одинъ что могу сдѣлать?!.

Проѣхалъ онъ еще съ полверсты; сдерживая лошадь, остановился, трубочку закурилъ... Долго возился съ огнемъ на вѣтру... Слѣзъ, телѣжку обошелъ, осмотрѣлъ, упряжь потрогалъ руками, согналъ двухъ упившихся оводовъ съ брюха своей лошади. Похрапываетъ кобыла, ноздри раздуваетъ, а никого не видать...

Только снова тронулся въ путь Фома,—заржала рыжая... чу! и ей отозвалось легкое ржаніе,—справа изъ небольшаго оврага...

— Ишь вѣдь куда они засѣли! подумалъ Фома—и посвисталъ какъ-то особенно!..

Высунулась, словно изъ подъ земли, красная феска



**Возвращеніе черкесовъ съ набѣга.** Картина Ѳ. Горшельта, грав. К. Стреллеръ.



и черная курносая морда съ оскаленными зубами, поманила рукою Фому и спряталось... Помакъ слѣзъ съ телѣжки, притянулъ возжею морду своей кобылы къ концу оглобли, чтобы не испугалась чего, да не подхватила, и не торопясь, пошелъ къ оврагу.

Тамъ, на самомъ днѣ балки, стоятъ три лошади, осѣдланныя, и двое людей сидятъ:—одинъ черный, негръ, въ красной фескѣ, въ бѣломъ парусинномъ пиджакѣ, въ замшевыхъ штиблетахъ на ногахъ, съ пуговками; у пояса два револьвера и ножъ съ роговымъ черешкомъ, а другой турокъ, въ солдатской, регулярной, кавалерійской формѣ...

— Ишь, вы, гдѣ засѣли! выругался Фома Шумовъ: эдакъ и мимо проѣхалъ бы *я*, когда-бы лошадь не заржала.

— А то гдѣ сидѣть?! тоже выругался кавалеристъ. На виду, по твоему!.. здѣсь, вѣдь, за двѣ версты все видно; повернулъ-бы тотъ, кого ждемъ, поди послѣ гоняйся.

— Мистеръ Джэмсъ-Говардъ сказалъ мнѣ, заговорилъ негръ Дикъ, надо чтобы вы къ ночи вернулись... Мистеръ Джэмсъ Говардъ сказалъ, значитъ, надо непремѣнно вернуться къ ночи.

— А это какъ придется! задумчиво произнесъ Фома Шумовъ, какъ придется...

— Да, поѣдутъ-ли *они*—недовѣрчиво спросилъ турокъ; теперь они всѣ прячутся... не любятъ въ одиночку высовывать носы. Джемилъ, бимъ-баши третьяго дня ночевалъ въ Червленъ аскерѣ, жаловался англизу, что совсѣмъ опустали дороги...

— Поѣдутъ! увѣренно произнесъ помакъ, поѣдутъ! Давно уже у насъ *покойно*, близко ничего не слышно

было; я *ему* писалъ, чтобы ѣхалъ и записку охранную выслалъ; Рустемъ, секретарь вали, подписалъ—поѣдетъ!.

— А какъ, *одинъ* поѣдетъ?

— Что ему одному ѣхать!.. незачѣмъ! Возьметъ и ее съ собою. Для этого и поѣдетъ...

— А вотъ невидать-же!..

— Увидите...

— Мы здѣсь съ ночи ждемъ.—Лошадей нельзя на траву пустить, замѣтно; все на приколахъ держимъ, а имъ тоже ѣсть надо: живая скотина, отощать можетъ—шутка-ли, восемь часовъ сюда гнали...

— Что-же не взяли ячменю. Не дорогъ вѣдь онъ вамъ обходится... Взяли-бы мѣшечекъ...

— Не додумались... полагали скоро вернемся. А то бы почему не захватить.

— Мистеръ Джэмсъ-Говардъ приказалъ, чтобы непремѣнно къ вечеру.

— Экко ему нетерпится!.. Вотъ посмотрю, какъ онъ торопиться будетъ деньги мнѣ платить.

— Смотрю я на тебя, Исса-бекъ, заговорилъ, помолчавъ немного, турокъ кавалеристъ. Какъ это, дивлюсь, тебя еще свои не повѣсили... знаешь эдакъ за шейку ремешкомъ, а то хоть и просто веревочкою.

— Дивиться я буду, какъ это тебя будутъ палками дуть въ Блокгаузѣ, когда я пожалуюсь инглизу на тебя за такія рѣчи, поблѣднѣвъ отъ злости, заговорилъ въ отвѣтъ Али-Исса-бекъ.

— Шучу—вѣдь!

— Шути иначе... Смотри туда.. Тамъ вонъ ложбиною, гдѣ идетъ дорога, отсюда не видно ея—я тамъ съ телѣжкою ожидать буду, а вы здѣсь стойте... Если увидите телѣгу, не мою конечно, не трогайтесь съ мѣста, пока я, на тотъ холмъ не выѣду. Слышите-же... Не хочу я чтобы вы на моихъ глазахъ старику горло рѣзали. Понимаете?..

— Что не понять... угрюмо отвѣтилъ кавалеристъ. Не нашелъ проклятый инглизъ кого другого вмѣсто меня послать на это дѣло... Такого, чтобы этому чернышу былъ подъ пару...

— Въ непривычку что-ли?.. презрительно сжалъ губы помакъ, затягивая покрѣпче свой поясъ.

— А можетъ и не въ привычку.

— Мнѣ все ровно... Мистеръ Джэмсъ Говардъ приказалъ... Масса-Говардъ, когда мы въ Испаніи у Донъ Карлоса были, не то мнѣ еще приказывалъ... Я дѣлаю... а Богу отвѣчать будетъ Масса—по его приказанію дѣлаютъ руки Дика.

И негръ, засмѣявшись, вытянулъ, растопыривъ обѣ свои черныя руки, на каждой изъ которыхъ симетрично не доставало по одному пальцу...

— Давай огня!..

Фома Шумовъ протянулъ кавалеристу свою докуренную, но еще дымящуюся трубочку.

— Правда-ли, говорятъ, заговорилъ, улыбаясь, турокъ, что у тебя уже больше десяти тысячъ лиръ накоплено?.. Скажи мнѣ по дружбѣ, гдѣ ты прячешь свое золото?..

Помакъ промолчалъ на эту выходку... отошелъ нѣсколько шаговъ по направленію къ своей повозкѣ, и, обернувшись, крикнулъ Дику-негру.

— Скажи Массѣ Говарду, что я послѣ завтра самъ къ нему заѣду—онъ уже знаетъ зачѣмъ. Такъ смотрите-же, дѣлайте какъ я сказалъ... Пока не покажусь на томъ бугрѣ, не высовывайте носу.

— Знаемъ! отозвался голосъ турка кавалериста... сообразили—не хитро вѣдь!..

— Такъ вотъ.. выѣхали мы изъ Каира... Тамъ большая рѣка Нилъ.. больше Дуная вашего будетъ... продолжалъ негръ свой разсказъ, прерванный появленіемъ Фомы Шумова.

— Послушай, ты говорилъ, что крокодилъ можетъ съѣсть разомъ цѣлаго буйвола?..

— Можетъ... Не только буйвола—крокодилъ разъ дромодера утянулъ въ воду за ногу.. я самъ видѣлъ.

— Аллахъ великъ! вздохнулъ онъ; все сотворить можетъ.. Аллахъ и великаго Падишаха сотворилъ и вотъ такую черную свинью, какъ ты...

— И такого ишака глупаго, какъ ты... обидѣлся было за сравненіе слуга инглиза.

— Ну, продолжай... такъ что же выѣхали вы съ господиномъ изъ Каира... дальше то что-же?..

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

---

По дорогѣ, тѣмъ временемъ, пара здоровыхъ буйволовъ тащила телѣгу съ парусиннымъ тентомъ. На передкѣ телѣги сидѣлъ старикъ, смуглый, загорѣлый, длинные сѣдые усы его висѣли ниже ворота бѣлой, холщевой рубахи, сѣдые же волосы, прямыми космами выбивались изъ-подъ черной шапки; вышитая по воротнику рубаха, такая же какъ и наша малороссійская, заправлена была въ широкія, турецкія, темносинія шаровары, поддерживаемыя на бедрахъ тяжелымъ кожанымъ поясомъ, съ металлическими оковками, на поясѣ кисетъ съ табакомъ и трубка, за поясомъ заткнутый однимъ концомъ красный набойчатый платокъ для вытиранія лица и носа.., Старикъ сидѣлъ на облучкѣ сгорбившись, лѣниво помахивая кнутомъ на буйволовъ, отмахивающихся на ходу своими хвостами отъ миріадъ назойливыхъ оводовъ и большихъ зеленыхъ мухъ, съ разлета щелкающихся о парусину телѣжнаго навѣса.

Тамъ, подъ навѣсомъ, лежала красивая дѣвушка лѣтъ семнадцати, закинувъ обѣ руки за голову. Дѣвушка по костюму болгарка-простолюдинка... Она то дремала дорогою отъ скуки, то, просыпаясь, заговаривала съ отцомъ, откидывала по временамъ полу навѣса, выставляла на солнце свое хорошенькое, нѣсколько худощавое личико и каждый разъ при этомъ говорила:

— Ахъ какая скучная, какая длинная дорога!.. Батько, а батько, скоро ли доѣдемъ?

И каждый разъ батько ей отвѣчалъ, періодически уменьшая число сатовъ *).

— Три сата и пулъ **)—то и достачнемо, дочка милая... Ты бы „заснула“, Анна!

— Не спится, батько, и тяжко какъ-то мнѣ, томно на сердцѣ. Все мнѣ недоброе что-то чудится...

— А то-жь дурь въ головѣ,—оттого и чудится... А ты Богу молись... У меня бумага есть, вѣрная... съ этою бумагою и недобрые люди, не приведи Господь встрѣтиться, не тронутъ. Пріѣдемъ въ городъ, хорошо тебѣ жить будетъ, у консула въ нянькахъ—консулъ уже тогда тебя никому не дастъ въ обиду; и намъ старикамъ спокойнѣе будетъ, все меньше думы на сердцѣ. Мы съ мамою старухою никому не нужны, на насъ ни у кого глаза не разгорятся, а о тебѣ и днемъ и ночью безпокоимся... Шустра ты очень стала, всѣмъ на глаза суешься. На тебя и инглизъ глаза таращилъ, и всякій чужой, кто только увидитъ, смотритъ по волчьи. Вотъ и тотъ венгерецъ, что здѣсь шляется тоже... Напрасно ты съ нимъ тогда долго разговаривала... Мы вѣдь съ матерью видѣли... напрасно!.. не свой человѣкъ, чужой... И Симко-женихъ говоритъ напрасно... Времена теперь нехорошія, неспокойныя, а у консула тебя никто не тронетъ... жаль только вотъ, что консулъ не русскій, а то совсѣмъ хорошо было бы...

— Батько... А венгерецъ Михаилъ... Онъ мнѣ сказалъ, что его Михаиломъ зовутъ... Онъ добрый, красивый, молодой... онъ худа не сдѣлаетъ... Онъ мнѣ говорилъ, что у него мама есть на родинѣ, а батьки нѣту... померъ...

---

*) Часовъ.

**) Еще три съ половиною часа ѣзды—и доберемся.

— Не человѣкъ тотъ, кто по чужимъ землямъ шатается, не христіанинъ добрый, кто султану служитъ.

— Что же такое, что служитъ: султану всѣ служать — султану и мы подати платимъ...

— Не своей волею только, а *тотъ*... напрасно ты съ нимъ разговаривала, напрасно и...

Махнулъ старикъ кнутомъ по буйволовымъ спинамъ и не договорилъ конца своей рѣчи.

— Что же, батько, остановился?! приподнялась на локтѣ дѣвушка и пристально посмотрѣла ему въ глаза... что же, батько, не договариваешь, что такое „еще напрасно"?...

— Мать видала, говорила,—я не знаю, можетъ и неправда то, можетъ и померещилось...

— Нѣтъ, правда. Я поцѣловала его... Я крѣпко поцѣловала его... Такъ, просто, взяла, обняла руками за шею и поцѣловала! А зачѣмъ я сдѣлала это и сама не знаю... потянуло меня къ нему я и сдѣлала...

— Не добро дѣвкамъ съ мужчинами цѣловаться, угрюмо проворчалъ старый батько...

— Знаю... а не могла... и опять увижусь, и опять поцѣлую... Мнѣ сердце что велитъ, то и сдѣлаю, а сердце у меня говоритъ, что „Михо" человѣкъ добрый, онъ не обманетъ, не насмѣется надъ дѣвушкою...

— Въ жены возьметъ... по христіански повѣнчается... такъ что-ли? усмѣхнулся батько.

Дѣвушка промолчала и задумалась. Телѣга, скрыпя немилосердно своими немазанными осями, поднялась на отлогій берегъ, за которымъ разстилалось безконечно широкая, ярко зеленая, сверкающая своими обильными водами, береговая низменность Дуная...

Стукотня колесъ ѣдущей на встрѣчу, невидимой еще за бугромъ повозки, заставила старика осторожно вглядываться впередъ и даже прикрыть циновкою полукруглое переднее отверстіе навѣса: „зачѣмъ, молъ, постороннему глазу видѣть, какую кладь везетъ его телѣга.

Изъ лощины показалась рыжая съ бѣлою лысиною голова кобылы Фомы Шумова.

— Здравствуй, Кириллъ! привѣтствовалъ старика помакъ... Получилъ мое письмо, значитъ?

— Получилъ... спасибо Фома! приподнялъ шапку Кириллъ. Не чаялъ тебя встрѣтить дорогою. Письмо пришло отъ тебя, трехъ дней нѣту, думали—самъ, значитъ, не скоро будешь...

— Дочку везешь?

— А тутъ она!.. какже... везу! Спасибо тебѣ великое за хлопоты твои... спасибо! Анна дѣтей любитъ, она хорошая нянька будетъ... И намъ добро... заботы меньше... Мать глупая—печалится, она не понимаетъ.

— Баба понять не можетъ,—потупился Фома Шумовъ... Просилъ меня консулъ: „найди", говоритъ, а я ему говорю: есть такая, какъ разъ подходящая. Написалъ вотъ тебѣ...

— Спасибо! Ты къ намъ ѣдешь, въ Червный-Долъ, или куда въ другое мѣсто?

— А къ вамъ пока: дѣло есть!..

— Ну, прощай, еще разъ большое спасибо... Пріѣдешь—заходи къ моей старухѣ, будь милостивъ—скажи, что вотъ встрѣтилъ насъ, ѣдемъ благополучно... Ночевать въ Луковѣ будемъ, а завтра, пошлетъ Богъ, до полудня въ городъ прибудемъ... Прощай!..

— Прощай!..

Смутно на душѣ у помака-предателя, самъ и не глядитъ въ очи старику, сбрую будто поправляетъ.

— Богъ надъ тобою въ пути твоемъ да будетъ, кричитъ отъѣхавъ немного Кириллъ старый...

Хотѣлъ и Фома также отвѣтить, да горло у него перехватило, языкъ одеревенѣлъ, не ворочается.

Тронулъ онъ кобылу рыжую, а самъ смотритъ впередъ на эту лысую вершину бугра—по самой этой вершинѣ идетъ дорога, какъ только онъ на нее въѣдетъ, такъ сейчасъ...

Страшно стало Фомѣ Шумову, и, чудное дѣло! Вѣдь не разъ ему приходилось кривить душою и словомъ, не мало уже по его извѣтамъ да тайнымъ наговорамъ пострадало народу, а вотъ теперь страшно—и совѣсть заговорила и деньгамъ онъ инглизовымъ, обѣщаннымъ, не радъ и вернуть бы все хотѣлъ, самъ бы, пожалуй, теперь выручать изъ недобрыхъ рукъ Кирилла стараго и его дочку кинулся бы... страшно!..

А рыжая кобыла все идетъ, да идетъ, такъ и взбирается на бугоръ своими длинными ногами... Вотъ уже недалеко осталось... Надвинулъ себѣ шапку Фома на уши, зубы стиснулъ, глаза зажмурилъ...

Крикнулъ кто-то громко, пронзительно... женскій голосъ! Это она, красавица Анна!.. кому же больше. Вотъ говорятъ... спорятъ... Выстрѣлъ! Боже мой! Опять крикъ... возня какая-то...

Экъ долго они возятся!.. барахтается, должно быть, сильно энергичная красавица... Снова крикъ... теперь громкій, отчетливый—такъ и застонало въ степи, пошло съ бугра на бугоръ отдаваться...

— Ратуйте, люди добрые, ратуйте!..

И опять тихо... словно чья-то рука зажала горло и оборвала разомъ этотъ отчаянный вопль... Топотъ копытъ слышится, рысью уходятъ всадники, буйволы мычатъ и кнутъ по ихъ спинамъ уже не легонько, по хозяйски, а во всю мочь выхлестываетъ... Оглянулся наконецъ Фома Шумовъ...

Далеко уже видпѣется бѣлый пиджакъ негра Дика, тянетъ онъ другую лошадь въ поводу, а на той лошади мѣшокъ не мѣшокъ, на человѣка тоже не похоже, что-то связанное и на-крѣпко прикрученное къ сѣдлу арканами, треплется... Поодаль, сильно отставши, видна синяя куртка и бѣлая перевязь коробина—этотъ воловъ чужихъ отпрягъ и гонитъ ихъ передъ собою хозяйскимъ кнутомъ... На дорогѣ, изъ-за бугра чуть бѣлѣетъ навѣсъ телѣги, а что около, тамъ что, не видно...

Холодный потъ каплями выступилъ на лбу и на вискахъ Фомы Шумова, янтарный кончикъ чубука откусили его крѣпко стиснутые зубы, сердце словно и биться совсѣмъ перестало... Ржетъ и безпокоится рыжая кобыла, глядя вслѣдъ удаляющимся конямъ, съ дороги сбилась, колеса телѣжки подпрыгиваютъ на кочкахъ... Опомнился, наконецъ, предатель—и...

Онъ перекрестился... Безсознательно, сама собою совершила рука его крестное знаменіе, словно какая-то нечистая, темная сила толкнула ее на это дикое кощунство...

Всадники далеко уже угнали... Чуть чуть виднѣются эти черныя точки... А большой, забытый буйволъ, испуганный крикомъ и выстрѣломъ, выползъ изъ грязи, чортъ чортомъ, выбрался на зеленую траву и, выпуча глаза, словно съ укоромъ уставился прямо на предателя помака.

Лежитъ ничкомъ, поперегъ дороги, головою у телѣжнаго колеса старый Кириллъ, ни одна складка одежды его не колышется. Черная струя крови изъ пробитаго пулею виска сочится и въ дорожную глину всасывается... Не помогла Кириллѣ его *вѣрная бумага*!

Думаетъ помакъ: взять ли это тѣло, отвезти въ деревню, или уже лучше тутъ его, на мѣстѣ оставить.

---

Уже стемнѣло совсѣмъ, когда впереди, при въѣздѣ на гору, замелькали внизу въ долинѣ огоньки селенія „Червнаго-Дола".

Фома Шумовъ не рѣшился таки оставить тѣло старика на дорогѣ, въ добычу голоднымъ волкамъ. Этого звѣрья не мало теперь развелось въ здѣшнихъ мѣстахъ! И дорогою видѣлъ Фома въ сторонѣ, какъ его провожали какія-то темныя точки, перебѣгая изъ одной рытвины въ другую... Унылое вытье стало слышно уже послѣ заката солнечнаго, когда недалеко и до дому осталось.

Уложилъ тѣло помакъ къ себѣ на телѣжку, сорвалъ парусинный верхъ съ большого воза и прикрылъ имъ покойника. Страшно было очень Фомѣ смотрѣть на эти полуоткрытые, стекловидные глаза, на эти сѣдыя, окровавленныя космы .. Всю дорогу казалось Фомѣ, что шевелится убитый старикъ... вотъ-вотъ приподниметъ рукою холстину и укоризненно спроситъ у него: „что-же это ты сдѣлалъ, друже?"...

Не хватило духу у предателя сѣсть самому въ телѣжку, рядомъ съ своею жертвою; всю дорогу шелъ онъ пѣшкомъ и велъ въ поводу свою пугливую, рыжую кобылу.

Оттого и пріѣхали *они* поздно въ Червный Долъ, а пріѣхавши остановились не у дома вдовы-старухи, хозяйки Кириллиной, а подлѣ кафаны, на площадкѣ, гдѣ и заявилъ Фома о случившемся; только разсказалъ дѣло не совсѣмъ такъ, какъ было, а ѣхалъ онъ, молъ, дорогою и наѣхалъ на мертвое тѣло, узналъ знакомаго въ убитомъ, и вотъ сюда его, на свое мѣсто, представилъ.

**Н. Каразинъ.**

(Продолженіе будетъ).



# Родныя картинки.

(Ориг. рисунокъ и стихотвореніе И. Панова).

Грав. Крыжановскій.

Пораскинулась Русь
Широко, далеко,
Какъ парчею полями нарядная;
Лишь чернѣютъ лѣса,
Рѣкъ, озеръ полоса
И степей ширина неоглядная.

* * *

Эка, ширь, благодать...
И конца не видать,
Чуть полоска далеко синѣется:
Въ синей дали полей
Колокольни церквей,
Словно чайки, на солнцѣ бѣлѣются

* * *

По ночамъ голубымъ,
По зорямъ золотымъ
Все покрыто росою душистою;
А при свѣтѣ зари
На лугахъ косари
Уже машутъ косой серебристою.

* * *

Рожь стоитъ, какъ стѣна,
Золотая волна
Легкой зыбью играетъ по полюшку;
Какъ стада бѣлыхъ птицъ,
Много жнетъ молодицъ
Съ звонкой пѣсней: „про вольную волюшку"

* * *

Какъ привольна Ока
Широка, глубока,
По родимой Руси разливается;
И звонка, какъ свирѣль,
Голосистая трель
Ранней пташки надъ ней разсыпается.

* * *

По изгибу рѣки,
Бичевой бурлаки
Тянутъ съ хлѣбомъ расшиву тяжелую;
Тихо въ ногу идутъ,
Тихо пѣсню поютъ,
Горькой долюшки пѣснь невеселую.

* * *

Лишь въ родимую Русь
Изъ чужбины вернусь
Такъ и вѣетъ какой-то истомою;
А при видѣ полей,
Какъ-то дышешь вольнѣй,
Грусть и радость на сердцѣ знакомыя...

**И. Пановъ.**



**Литературный альбомъ. „Демонъ". Восточная повѣсть М. Лермонтова: Тамара монахиня.**
Ориг. рисун. М. Зичи, грав. для „Нивы" Б. Пуцъ.

# Къ рисункамъ.

## Литературный альбомъ. «Демонъ», Восточная повѣсть М. Лермонтова.

Поэтическое произведеніе Лермонтова „Демонъ“ своими чудными гармоническими стихами и живыми художественными образами, производитъ глубокое и сильное впечатлѣніе на читателя, вдохновляетъ собою живописцевъ и музыкантовъ. Чуткая душа, чьей натурѣ сродно вдохновеніе, и тотъ, кому только не чуждо эстетическое чувство, не могутъ не проникнуться красотами этого произведенія, блещущаго роскошью красокъ, разнообразіемъ картинъ, мощью языка. Талантливый художникъ Зичи, подъ впечатлѣніемъ этого произведенія сдѣлалъ нѣсколько прелестныхъ рисунковъ, представляющихъ фантастическое лицо Демона и симпатичный образъ Тамары. Моментъ, взятый художникомъ для рисунка, помѣщаемаго въ настоящемъ номерѣ „Нивы“, представляетъ Тамару въ монастырѣ, куда она, согласно ея желанію, была увезена родными. Объ этомъ поэтъ говоритъ такъ:

И въ монастырь уединенный
Ее родные отвезли
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ надъ узорною парчей,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билось, какъ и прежде.

Вотъ собственно этотъ моментъ и взятъ художникомъ для его превосходнаго русунка.

Тамару, по словамъ поэта, терзаетъ духъ лукавый неотразимою мечтой; въ ночной тиши ее тревожитъ

Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ;
Молиться днемъ душа не можетъ:
Мысль далеко отъ звука словъ...
...Тамары сердце недоступно
Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
И все ей въ немъ—предлогъ мученью,
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьѣ упадетъ
И плачетъ; и въ ночномъ молчаніи
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье,
И трель живую соловья
Сквозь шумъ далекаго ручья.
Порою, разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна,
И страстныя лепечутъ рѣчи
Ея дрожащія уста.

Такъ томится Тамара, искавшая, по смерти своего жениха, спокойствія въ стѣнахъ монастыря.

Содержаніе повѣсти „Демонъ“, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что старый Гудалъ просваталъ дочь свою Тамару, но въ то время, когда счастливый женихъ, князь Синодалъ, скакалъ на брачный пиръ, на него напали осетины, завязалась битва, и хотя князя Синодала лихой скакунъ

Изъ боя вынесъ, какъ стрѣла,
Но злая пуля Осетина
Его во мракѣ догнала...

Вѣрный конь довезъ бездыханнаго жениха до замка невѣсты и, запаленный, самъ палъ на камни у воротъ. Рыдаетъ Тамара и тоскуя, не находитъ покоя. Ее начинаетъ преслѣдовать Демонъ. Она упрашиваетъ отца, отдать ее въ монастырь, но Демонъ и тамъ не даетъ ей покоя. Онъ, наконецъ, овладѣваетъ Тамарой: ея нравственныя страданія оказываются такъ велики, что она не переноситъ ихъ и умираетъ. Съ ея смертію опустѣлъ и замокъ Гудала и рука вѣковъ „смела слѣды минувшихъ лѣтъ.“

Вотъ собственно содержаніе поэмы. Въ такое событіе, имѣвшее мѣсто въ жизни обыкновенныхъ, смертныхъ людей, поэтъ, какъ видитъ читатель, ввелъ фантастическое лицо Демона и надѣлилъ его человѣческими страстями.

Демонъ—сильная, могучая натура, страсть его—лава. Задавшись олицетвореніемъ Демона, поэтъ рисуетъ его прошлое такими удивительными красками, удивительными столько же по силѣ изображенія самаго лица, сколько и по силѣ художественности въ представленіи картинъ природы.

Такъ, говоря о прошломъ Демона, поэтъ такими сильными и яркими чертами живописуетъ его:

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей,
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой.
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ,
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья —
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ ему его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...

Этого Демона, отчужденнаго отъ міра и потерявшаго, казалось, всякую способность къ воспріятію высокихъ душевныхъ чувствъ, поэтъ ставитъ въ такое положеніе, въ которомъ съ необычайною силою воскресаютъ въ немъ чувства того времени,

„Когда онъ вѣрилъ и любилъ“.

Этотъ Демонъ, летая надъ грѣшною землей, увидѣлъ Тамару, и эта встрѣча имѣла на него необыкновенное впечатлѣніе:

Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный духъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты.

Но готовый любить ее „съ душой открытой для добра“, онъ все таки полонъ зла, и зло проявило въ немъ свою силу: снова безпощадный, чуждый сожалѣнія и раскаянія, онъ губитъ свою жертву.

Повѣсть „Демонъ“—произведеніе необыкновенное по своимъ художественнымъ достоинствамъ. Достоинства эти чрезвычайно разнообразны. Не смотря на фантастичность содержанія повѣсти, на лицо Демона, стоящаго внѣ реальной жизни, повѣсть до такой степени полна реальнаго содержанія, что читатель, очарованный силою творчества поэта, не замѣчаетъ его уклоненій отъ дѣйствительности. При той силѣ таланта, какою владѣлъ Лермонтовъ, увлечь читателя въ міръ фантастическій и заставить принять лицо Демона за живое и существующее въ человѣческихъ формахъ—тѣмъ возможнѣе еще и потому, что всѣ свойства его демонской души живутъ несомнѣнно въ насъ самихъ, проявляясь въ той или другой мѣрѣ. Такимъ образомъ въ Демонѣ нереальна только одна форма, т. е. воспріятіе человѣческаго образа (невозможное по мнѣнію реальной науки), а сущность же его, духъ его, совсѣмъ живой.

Но достоинство поэмы, какъ сказано выше, разнообразны. Онѣ не только въ этомъ олицетвореніи лица Демона или въ созданіи образа прелестной Тамары—они въ каждой чертѣ поэмы, въ каждомъ ея стихѣ и въ особенности тамъ, гдѣ описываются картины природы. Напримѣръ:

Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ,
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.

Здѣсь полное представленіе роскошной природы Закавказья съ его дивной красотой, мощной растительностью, съ чудными звѣздными ночами и жаркимъ днемъ.

Или слѣдующее описаніе замка Гудала:

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ, послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени,

Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ, мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

Тутъ уже не одно изображеніе дома Гудала, но въ нѣсколькихъ словахъ рисуется вся бытовая сторона описываемой поэтомъ жизни.

Прекрасно и описаніе монастыря, въ который удалилась Тамара:

На сѣверъ видны были горы,
При блескѣ утренней авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Клубится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэзины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ.

Высокимъ поэтическимъ чувствомъ и глубиною мысли проникнуто описаніе и смерти Тамары, описаніе какъ она лежала въ гробу, какъ приходили къ ней родные и цѣловали милое лицо, какъ лучъ дневной скользилъ по этому лицу своей струею золотой и какъ на немъ сохранилась и застыла улыбка. Поэтъ говоритъ:

...Но теменъ, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что въ ней? Насмѣшка-ль надъ судьбой,
Непобѣдимое-ль сомнѣнье,
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ небомъ гордая вражда?
Какъ знать: для свѣта навсегда
Утрачено ея значенье!
Она невольно манитъ взоръ,
Какъ древней надписи узоръ,
Гдѣ можетъ быть подъ буквой странной
Таится повѣсть древнихъ лѣтъ,
Символъ премудрости туманной,
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ...

Лермонтовъ передѣлывалъ свою повѣсть „Демонъ“ не менѣе пяти разъ. Первый очеркъ „Демона“ относится къ 1829 г., когда поэту было 15 лѣтъ; окончаніе поэмы—къ 1834 году.

Z.

## Черкесы, возвращающіеся съ добычи.

(Рисунокъ Горшельта).

Художникъ Горшельтъ—мюнхенскій уроженецъ. Родился онъ въ 1829 г. Отецъ его былъ мюнхенскій балетмейстеръ. Молодой Горшельтъ посѣщалъ мюнхенскую академію искусствъ. Въ молодости, въ кратковременное свое пребываніе въ Штутгартѣ, Горшельтъ прилежно занялся этюдами съ животныхъ Востока, принадлежащихъ арабамъ короля Вильгельма. За симъ онъ посѣтилъ Испанію, и Алжиръ и былъ потомъ свидѣтелемъ русской войны на Кавказѣ, противъ Шамиля. Здѣсь-то открылось обширное поле для таланта художника. Горшельтъ съ быстротою и необыкновенною вѣрностью схватывалъ типы черкесовъ, уловлялъ весь драматизмъ интересной, рѣшительной и упорной борьбы—и это дѣлалъ онъ большею частью перомъ и чернилами... Свои наброски перомъ Горшельтъ посылалъ въ Мюнхенъ къ отцу. За симъ рисовалъ сцены Кавказской войны для нынѣ Царствующаго Государя Императора. Рисунки эти произвели сильное впечатлѣніе и доставили Горшельту европейскую извѣстность. Извѣстность получили Кавказскіе рисунки Горшельта, сдѣланные перомъ. Одинъ изъ нихъ, а именно: *„Черкесы возвращающіеся съ добычи и переходящіе въ бродъ рѣку“*, мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ. О достоинствѣ этого рисунка, необыкновенной характерности типовъ, объ общей жизни картины—излишне говорить. Объ этомъ могутъ судить сами читатели. На фонѣ картины зловѣщій свѣтъ большаго пожара и облака дыма. На свѣтломъ пятнѣ еще рельфнѣе выдѣляются характерные черкескіе силуэты съ ихъ мохнатыми шапками.

Боевыя опасности ожесточенной войны Горшельтъ съ безстрашіемъ раздѣлялъ съ нашими кавказскими войсками. Съ большимъ мастерствомъ онъ описываетъ, какъ иногда русскій отрядъ отыскивая черкесскіе аулы, тянется „гуськомъ“ по едва проложенной, змѣеобразно извивающейся тропинкѣ, гдѣ приходилось пробираться между плющемъ и терновникомъ, по сосѣдству съ пропастями, готовыми поглотить свои жертвы... Достигнувъ извѣстности и возвратясь съ Кавказа на родину, Горшельтъ вступилъ въ бракъ съ англичанкою Мари Бонеръ, дочерью извѣстнаго англійскаго поэта и писателя. Полное развитіе мощнаго таланта, слава, горячая взаимная любовь нѣжно любимой жены—все улыбалось художнику; но счастье его было непродолжительно. 30 апрѣля 1871 г. Горшельта не стало... Для Россіи талантъ Горшельта одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ, какіе мы можемъ встрѣтить между иностранными художниками, такъ какъ онъ былъ посвященъ изображенію весьма близкихъ для насъ событій.

## Соловецкій Монастырь.

Въ 300 верстахъ отъ Архангельска къ западу отъ Унской губы у входа въ Онежскую лежитъ группа Соловецкихъ островов. Она состоитъ изъ слѣдующихъ островов: Анзерскаго, двухъ Муксольмскихъ, Заячьихъ и собственно Соловецкаго. Всѣ эти осторова, кромѣ Анзерскаго, имѣютъ низкіе берега, а средины возвышенныя. Поверхность ихъ занимаетъ пространство въ 640 кв. верстъ. Почва отъ каменистой и песчаной переходитъ въ глинистую, иловатую и торфяную. Всѣ эти острова уже издавна были извѣстны морякамъ, укрывавшимся на нихъ отъ бурь, и рыболовамъ, пріѣзжавшимъ сюда для промысла.

Соловецкій островъ имѣетъ пространства 25 верстъ отъ сѣвера къ югу и 5 отъ запада къ востоку. Южная часть его вдается въ море мысомъ, носящимъ названіе Песчанаго. Островъ покрытъ небольшими холмами и озерами. Въ сѣверную и восточную часть острова вдаются двѣ губы: Сосновая и Глубокая; послѣдняя имѣетъ до 70 саж. глубины. Большихъ морозовъ на Соловецкихъ островахъ не бываетъ, но снѣгъ на сѣверныхъ склонахъ лежитъ иногда до іюня мѣсяца. На Соловецкомъ островѣ находится знаменитый Соловецкій Монастырь. Мѣстность этого, въ высшей степени достойнаго вниманія, монастыря представляетъ рѣшительный контрастъ со всѣми сосѣдними землями. Не говоря уже объ историческомъ значеніи этой мѣстности (о которомъ мы скажемъ ниже), она заслуживаетъ вниманіе и по своей замѣчательной живописности и красотѣ и главнымъ образомъ по своимъ удивительнымъ, такъ сказать, слѣдамъ человѣческаго труда, въ такомъ обиліи рѣдко и даже, можно сказать, почти нигдѣ невстрѣчающимся на сѣверѣ.

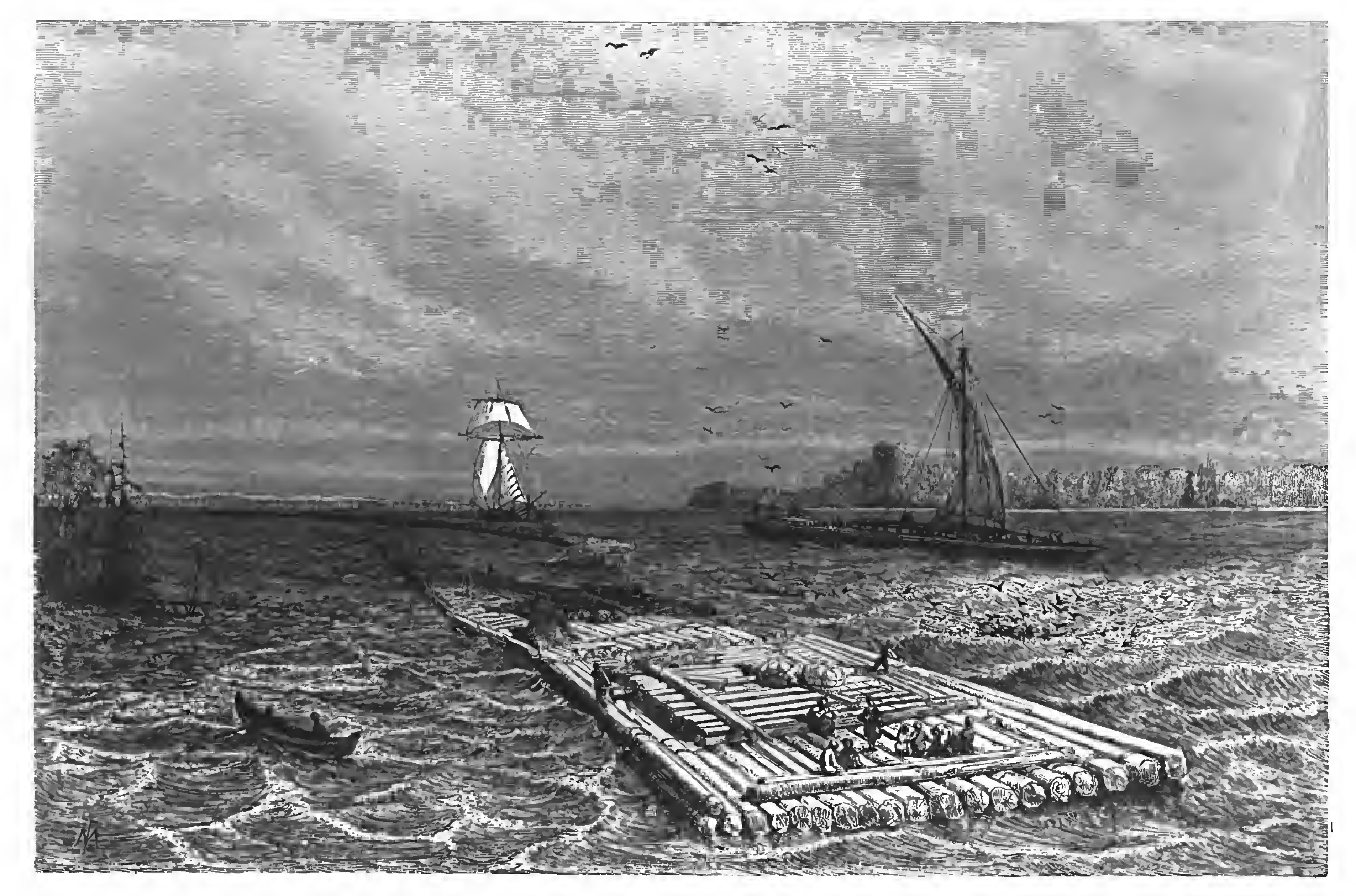
Благодаря богатству этихъ трудовъ, мѣстность, занятая соловецкимъ монастыремъ, давно уже утратила свой суровый непривѣтливый сѣверный характеръ: кругомъ, куда ни взглянешь, обиліе жизни. Самые лѣса не имѣютъ на этихъ островахъ того угрюмаго вида, какимъ обыкновенно представляются они на сѣверѣ; здѣсь, на оборотъ, въ нихъ есть что-то величественное, поражающее путника и своими колоссальными размѣрами и своею живописностію. Высокія сосны, ели, ивы и лиственницы, мѣстами окаймляемыя густыми можжевельниками—даютъ въ общемъ весьма красивый пейзажъ. Поляны, засѣянныя рожью, луга, обильные травой, богатство полевыхъ цвѣтовъ и надъ всѣмъ этимъ необычайная чистота воздуха съ смолянымъ запахомъ сосенъ—вотъ впечатлѣніе, производимое мѣстностью, занятою Соловецкимъ монастыремъ. Далѣе, необходимо добавить, что здѣсь вездѣ и на всемъ видна заботливая рука, неустанно трудящаяся надъ обработкой мѣстности: вездѣ, гдѣ только требовалось по условіямъ надобности, вездѣ прорыты канавы, сдѣланы дороги, устроены мосты—все это труды рукъ человѣка, и вся эта благодать дѣйствительно создалась заботливостію и уходомъ монастырскихъ старцевъ.

Самый монастырь находится въ такомъ состояніи, что поражаетъ своимъ устройствомъ и богатствомъ. Между монахами есть представители всякаго рода работъ слесарныхъ, мѣдныхъ, серебряныхъ, портняжныхъ, сапожныхъ, рѣзныхъ. Населеніе монастыря имѣетъ между собой рыбаковъ, пекарей, мельниковъ, маляровъ и т. д. Въ числѣ работниковъ по разнымъ заведеніямъ, находится много „по обѣту“, такихъ, которые удаляются сюда на нѣкоторое время для работъ, молитвы и упокоенія совѣсти. Это общественное устройство, гдѣ каждый членъ охотно и ревностно исполняетъ возложенное на него дѣло. Во имя спасенія, во имя Бога онъ несетъ свой трудъ, благословляя его.

Основаніе Соловецкаго Монастыря относится къ 1420 году, когда преподобный Савватій, инокъ Бѣлозерскаго Кириловскаго Монастыря поселился съ преподобнымъ Аввою Германомъ близъ Сѣкириной горы, отстоящей нынѣ отъ монастыря на 12 верстъ. По смерти Савватія, Германъ вмѣстѣ съ прибывшимъ преподобнымъ Зосимою, испросивъ отъ Новгородскаго Архіепископа Іоны антиминсы и отъ Новгородскаго начальства грамоту на исключительное владѣніе Соловецкими островами—построили здѣсь небольшую деревянную церковь во имя Преображенія Господня съ придѣломъ Св. Николая. Марфа Борецкая, посадница Новгородская, подарила монастырю богатыя волости на Карельскомъ берегу, Суму и Кемь, и упрочила окончательно существованіе этой обители. Въ 1485 г. монастырь погорѣлъ и только что былъ исправленъ, какъ въ 1538 г. снова потерпѣлъ отъ пожара. Впродолженіи ста девяноста лѣтъ монастыремъ управляли игумены, въ числѣ которыхъ былъ и св. Филиппъ, митрополитъ Московскій. Здѣсь мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о его значеніи для Соловецкой обители. Филиппъ сдѣлалъ многое во время своего игуменства: при немъ островъ Соловецкій, до того времени совершенно неустроенный, не обработанный, сдѣлался пригоднымъ для обитанія; при немъ были расчищены луга, прорыты канавки, проведены дороги, устроена больница, водяная мельница колодезь, въ который проведена вода чрезъ подземную трубу подъ крѣпостной стѣной изъ Св. озера на островъ (помпа этого колодезя зимою подогрѣвается нарочно устроенной печью). Онъ развелъ рогатый скотъ, лапландскихъ оленей, построилъ кирпичные заводы и т. д. и т. д.



Общій видъ Соловецкаго монастыря. Рис. Клерже, грав. Гошаръ



**Сплавъ лѣса по Сѣверной Двинѣ.** Рис. съ натуры Моане, грав. Маршанъ.

Въ 1551 году въ Соловецкомъ монастырѣ учреждена архимандрія, а въ 1765 г. онъ перечисленъ изъ архангельской эпархіи въ вѣдѣніе св. синода.

Петръ Великій два раза посѣтилъ этотъ монастырь. Въ первый разъ онъ былъ въ 1694 г. 7 іюня, послѣ страшной бури близъ Унгскихъ роговъ, во время которой онъ едва спасся. Въ память своего избавленія Петръ соорудилъ деревянный крестъ, перенесенный въ каѳедральный соборъ г. Архангельска.

„Въ семъ удаленномъ отъ міра пустынномъ мѣстѣ младый самодержецъ Россіи упражнялся въ молитвѣ и богомысліи, а потомъ, по отправленіи молебнаго пѣнія и по одареніи настоятеля со всѣмъ братствомъ денежною милостыней, того же 10 дня изволилъ отбыть обратно къ городу Архангельску, съ милостивымъ обѣщаніемъ всегда покровительствовать святой обители“.

Такъ описывается пребываніе Петра въ Соловецкомъ монастырѣ архимандритомъ Досиѳеемъ. Второе посѣщеніе Петромъ монастыря послѣдовало въ 1702 г. Для поклоненія святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Соловецкой обители, сюда сбирается множество богомольцевъ со всѣхъ концевъ Россіи. Число ихъ доходитъ до нѣсколько тысячъ ежегодно и каждый изъ нихъ вноситъ свою лепту въ монастырскую кружку подаяній, Каждый богомолецъ покупаетъ просфору, платитъ за нее, за чернила, которыми на ней пишутся имена родственниковъ; платятъ богомольцы за годичное и за вѣчное поминовеніе усопшихъ; покупаютъ образки и виды монастыря. Эти доходы и обильные вклады богомольцевъ и, кромѣ того, постоянные, громадные труды братіи и работниковъ „по обѣту“ обезпечиваютъ благосостояніе монастыря. Монастырь имѣетъ свои пароходы; монахи научились даже сами ихъ строить и на этихъ монастырскихъ пароходахъ экипажъ весь состоитъ изъ монаховъ. Въ монастырскихъ кладовыхъ хранится золото, серебро, жемчуги и другіе драгоцѣнности. Кромѣ вышеупомянутыхъ острововъ Анзерскаго, Муксольмскаго и Заячьихъ, монастырю принадлежатъ еще много мелкихъ острововъ. Всѣ они были принесены въ даръ ему новгородскимъ вѣчемъ, и Марѳою Борецкою, о чемъ мы уже упоминали, и впослѣдствіи утверждены за нимъ властителями Россіи. Подлинныя грамоты и указы до сихъ поръ хранятся въ монастырскомъ архивѣ. Видомъ своимъ въ общемъ Соловецкій Монастырь похожъ на всѣ русскіе монастыри, только онъ окруженъ воздвигнутою изъ гранитныхъ валуновъ стѣной, съ башнями и амбразурами. Внутри находится нѣсколько церквей и помѣщеній для монашествующихъ. Внѣ монастырскихъ стѣнъ также нѣсколько церквей, множество гостинницъ, мастерскихъ, хозяйственныхъ заведеній. Изъ замѣчательностей монастыря укажемъ на бѣлую полотняную ризу, данную св. Зосимѣ новгородскимъ архіепископомъ Іоной въ 1452 г. по поставленіи его въ санъ игумена. Теперь эта древность лежитъ въ особомъ хранилищѣ и осыпана драгоцѣнными приношеніями богомольцевъ.

Тамъ же находится дарохранительница—пожертвованіе Великаго Князя Константина Николаевича, и два меча князей Пожарскаго и Скопина Шуйскаго. Въ оружейной палатѣ собрано много древняго оружія, нѣсколько старыхъ знаменъ. Въ библіотекѣ монастырской много древнихъ грамотъ, рукописей, книгъ, напр. келейные псалтыри Зосимы и Авраамія Палицына.

Не можемъ здѣсь не привести воспоминанія о томъ, какъ Соловецкіе острова и Соловецкій монастырь въ особенности выдержали осаду Англійской эскадры. Теперь, когда политическій горизонтъ снова покрылся густыми мрачными тучами и послѣ только что замолкшаго на Балканахъ грома пушекъ предъ нами новыя опасенія возможной войны,—теперь болѣе чѣмъ когда либо кстати припомнить описаніе осады Соловецкаго монастыря англичанами.

Беремъ это описаніе изъ книги „Годъ на Сѣверѣ“ Максимова, составленное имъ по разсказамъ мѣстныхъ монаховъ. (Укажемъ здѣсь вообще всѣмъ желающимъ обстоятельно познакомится съ Соловецкимъ монастыремъ, во первыхъ, на замѣчательную книгу г. Максимова „Годъ на Сѣверѣ“ и, во вторыхъ, на книжку Немировича-Данченко „Соловки„. Эта послѣдняя относится къ болѣе позднѣйшему времени, чѣмъ „Годъ на Сѣверѣ“). „Англійская эскадра, говоритъ авторъ книги „Годъ на Сѣверѣ“, остановилась у Заячьихъ острововъ и въ монастырь посланы были парламентеры съ просьбой снабдить пароходы баранами. Архимандритъ, Александръ, отказалъ. Командиръ эскадры послалъ архимандриту „подарокъ“ штуцерную пулю. Собралъ архимандритъ изъ монашествующей братіи совѣтъ и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи ѣхать для личныхъ переговоровъ съ непріятелемъ; нѣкоторые были противъ этого плана, но архимандритъ все таки рѣшился и отправился.

При прохладномъ противномъ вѣтрѣ, противъ котораго съ трудомъ держался баркасъ и едва спасала теплая двойная одежда, ѣхалъ отецъ Александръ до непріятельскихъ пароходовъ. И только на разсвѣтѣ, отправившись послѣ вечеренъ, онъ могъ достигнуть до нихъ. Выкинутъ былъ парламентерскій флагъ; съ парохода непріятельскаго спущена была шлюпка для переговоровъ. Настоятель согласился сѣсть только въ такомъ случаѣ, когда увидѣлъ, что на шлюпку вскочило много.

— Отчего ты не давалъ намъ барановъ? спрашивалъ переговорщикъ.

— Отъ того, что вы враги наши! отвѣчалъ архимандритъ.

— Мы бы тебѣ заплатили деньги.

— Денегъ мнѣ вашихъ не нужно, потому что я монахъ и не нуждаюсь въ деньгахъ. Я всѣмъ обезпеченъ отъ обители.

— Мы тебя возьмемъ въ плѣнъ и увеземъ съ собой.

— Въ плѣнъ вы меня взять не смѣете, потому что я подъ парламентерскимъ флагомъ пріѣхалъ къ вамъ, да и что вамъ во мнѣ, зачѣмъ вы меня такъ далеко повезете?

— Далъ бы ты намъ барановъ, мы бы васъ не трогали...

— Дать я вамъ всего этого не могу, да и не позволитъ братія.

— А если самъ захочешь?

— Самъ не хочу, и не дамъ и братіи не позволю, потому что мы, хотя и монахи, но принадлежимъ своему отечеству, любимъ его и молимся за своего государя.

— Ну, такъ мы будемъ стрѣлять...

— А мы будемъ молиться...

— Стрѣлять мы будемъ завтра.

— Стало быть, такъ я и знать буду и также точно скажу и братіи. Поѣду и приготовлюсь по обрядамъ церкви.

Возвратился архимандритъ въ монастырь и велѣлъ всей братіи приготовиться — причаститься, исповѣдаться. На другой день, не дожидая пальбы, началъ литію и открылъ шествіе съ иконами по стѣнамъ монастыря. Не успѣлъ обойти половины, какъ непріятель грянулъ изъ пушекъ. И вдругъ—въ одно мгновеніе всѣ задніе ряды повалились—повалились впрочемъ отъ страху пролетѣвшаго ядра. Другое ядро ударило въ соборную главу и влетѣло въ церковь, еще ядро пробило кровлю и опалило образъ. Крестный ходъ вернулся невредимо въ соборъ, а англійская эскадра, видя безуспѣшность, отправилась въ Кемь“.

Въ дополненіе нашего очерка приведемъ здѣсь еще нѣсколько строкъ со словъ уважаемаго сотрудника „Нивы“, г. Немировича-Данченко, давшаго въ своей книгѣ „Соловки“ обстоятельное описаніе жизни въ этомъ отдаленномъ, тихомъ уголкѣ. Онъ также подтверждаетъ данными, какъ монахи часто простые, неграмотные, воспользовались мѣстностію, окружающей монастырь и обставили ее различными удобствами жизни, не жалѣя труда и выказавъ въ то же время много сообразительности и умѣнья. Вотъ, напримѣръ, описаніе точильни и водоподъемной машины. По склону, едва замѣтному,—говоритъ авторъ—нѣкогда бѣжалъ ручей изъ одного внутренняго озера въ другое. Тонкая струя воды—и только. Казалось, она ни къ чему не пригодна, а какой-то послушникъ расчистилъ берегъ, углубилъ ложе и незначительный ручей превратился въ узенькій каналъ. Затѣмъ въ одномъ мѣстѣ канала устроили точильню, въ другомъ водоподъемную машину. Точильня состоитъ изъ большого ворота, движимаго водой. Діаметръ его $1^1/_2$ саж. Воротъ стоитъ вертикально. Его дугу охватываютъ ремни, которые затѣмъ, перекрещиваясь, раздѣляются на два, къ каждому изъ нихъ прикрѣплено большое точильное колесо. Вслѣдствіе движенія воды воротъ вращается и въ свою очередь вертитъ колеса. Передъ колесами устроены скамьи, на которыя садятся монахи, чтобы точить свои косы и топоры. Въ день точильня можетъ выточить болѣе 300 косъ, 450 топоровъ и сколько хотите ножей. Зимой воротъ приводится въ движеніе механической силой. Это изобрѣтеніе одного крестьянина-монаха.

Водоподъемная машина сдѣлана въ родѣ сарая, вода поднимается вверхъ на высоту 4 арш., лошадь съ бочкою для воды подъѣзжаетъ подъ кранъ, которымъ оканчивается жолобъ, и струя падаетъ отвѣсно.

Скажемъ еще о монастырскихъ работахъ по сооруженію моста, соединяющаго нѣсколько острововъ. „Предъ нами,—говоритъ авторъ „Соловковъ“,—тянулся мостъ, если только такъ можно назвать эту работу титановъ. Островъ Муксальма находится въ разстояніи двухъ верстъ отъ Соловецкаго. Между ними нѣсколько мелкихъ островковъ въ разныхъ направленіяхъ. Монахи всѣ эти острова соединили между собою, *заваливъ море до самаго дна каменьями* и покрывъ этотъ искусственный перешеекъ щебнемъ и пескомъ. Сооруженіе грубое, но колоссальное, вѣчное. Бури, ледяныя громады, время—безсильны предъ этою каменною стѣною. Сколько труда надо было потратить на такую стихійную работу—страшно подумать. Это кажется скорѣе дѣломъ природы, чѣмъ твореніемъ рукъ человѣческихъ. Мостъ тянется зигзагами. Въ самой срединѣ его перерывъ для прохода судовъ. Тутъ устроенъ деревянный разводящійся мостикъ. Мы были поражены. По краямъ этого сооруженія навалены громадные валуны, цѣлыя скалы. О нихъ разобьется всякая ледяная масса, прежде чѣмъ тронетъ ихъ съ мѣста. И все это сдѣлано безъ помощи машинъ, одною рабочею силою. Трудно вѣрить, не видѣвъ, что горсть крестьянъ монаховъ могла создать это чудо. И между строителями, замѣтьте, не было ни одного техника. Простые крестьяне устроили все сами.

— Господь намъ помогъ; архимандриту видѣніе было. Молились мы передъ этимъ долго. Мѣсяцъ постъ строгій соблюдали и начали постройку. Самъ настоятель помогалъ намъ. Намѣстники камни тащили... Ну и явилъ Господь чудо свое!

„Рай—наши Соловки, говорятъ монахи. Господь своимъ инокамъ предоставилъ ихъ, чтобъ здѣсь на землѣ еще видѣли, что будетъ даровано праведникамъ тамъ, на томъ свѣтѣ“. И каждый монахъ привязывается къ Соловкамъ и съ озлобленіе-

емъ относится къ каждой попыткѣ администраціи края вмѣшаться въ ихъ дѣла. Монахи, когда имъ предлагали настоятели отсюда уѣхать въ другіе монастыри, заболѣвали отъ отчаянія и умирали. „Въ другихъ обителяхъ, правда, рясы шелковыя носятъ (въ Соловкахъ всегда вездѣ монахъ въ толстой, грубой суконной), да у насъ все лучше. У насъ настоящее пустынножительство“. Такъ отзываются соловецкіе монахи о своемъ монастырѣ.

Но въ этой жизни, среди мира и тишины, среди людей отрекшихся отъ міра, полнаго треволненій и различныхъ преступленій — монастырскія стѣны издавна вмѣщали въ себѣ скорбь и отчаяніе узниковъ, тѣла которыхъ истлѣвали на монастырскихъ кладбищахъ. Здѣсь находили ужасный пріютъ князья, бояре, митрополиты, тутъ страдали и за мысль, за убѣжденіе... Остатки этихъ мрачныхъ тюремъ сохраняются еще и до нынѣ... **Люб.**

## Рѣка Сѣверная Двина.

Рѣка Сѣверная Двина принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ рѣкъ сѣвера Россіи. Длина ея достигаетъ до 684 верстъ. Ширина рѣки до Архангельска отъ 200 саж. до 1½ верстъ. Глубина форватера отъ 3 до 7 саженъ. Начинаясь ниже города Великаго Устюга, Вологодской губерніи, по соединеніи рѣкъ Сухоны и Юга и принявъ въ себя рѣки Вычегду, Пинегу, Вагу и друг., она вливается четырьмя широкими рукавами въ Бѣлое море. Тихо течетъ она въ своихъ берегахъ, однообразныхъ до утомленія. Селенія попадаются только въ верховьяхъ рѣки, но чѣмъ болѣе близится рѣка къ устью, тѣмъ все рѣже видится жизнь на ея берегахъ. Въ одномъ мѣстѣ только у устья, какъ бы для того, чтобы проститься со всѣмъ живымъ, сосредоточилась жизнь въ большой кучѣ—это городъ Архангельскъ. Самое сѣверное устье Двины, называемое Березовскимъ рукавомъ, доступно для плаванія большихъ кораблей; другіе три: Никольскій, Подоженскій и Мурманскій рукава пропускаютъ только мелкія суда. Берега этихъ рукавовъ состоятъ изъ сыпучихъ песковъ, лишенныхъ растительности. Но и эти края имѣютъ свою исторію и здѣсь хранятся памятники давняго прошлаго, хотя и самыя причины возникновенія этихъ памятниковъ опять таки относятся къ тому же безпріютному краю, къ тому же холодному бурному морю. Мы говоримъ о Никольско-Корельскомъ монастырѣ, основанномъ, какъ гласитъ преданіе и свидѣтельствуютъ двѣ гробницы, Марфой Борецкой на томъ мѣстѣ, куда были выброшены моремъ трупы сыновей ея, погибшихъ въ морскихъ волнахъ во время ихъ поѣздки, по порученію матери, для обозрѣнія ея поморской вотчины. Затѣмъ Никольско-Корельскій монастырь памятенъ тѣмъ, что въ 1553 г. къ нему приставалъ англичанинъ Чэнслеръ, отыскивавшій путь въ Индію и получившій право на торговлю съ Россіей.

Не большимъ многолюдствомъ отличается и селеніе близь истока Березовскаго устья—Лапоминка. Но это селеніе выстроилось при гавани, которая считается лучшимъ мѣстомъ для зимовки большихъ военныхъ судовъ. На пути отъ Лапоминской гавани къ Архангельску, на песчаныхъ прибрежьяхъ Березовскаго устья Двины, въ 1701 г., построена Петромъ I Ново-Двинская крѣпость. Далѣе еще можно упомянуть о Соломбальскомъ селеніи, носящемъ всѣ признаки военнаго морского городка.

Долгое время рѣка Двина была единственнымъ путемъ русской торговли съ западомъ. Вообще весь сѣверный край нашъ прежде имѣлъ громадное значеніе: къ Бѣлому морю приходило все, чѣмъ Россія вела торговлю съ иноземцами. Въ настоящее время, когда русскіе владѣютъ берегами Балтійскаго и Чернаго морей, торговое значеніе сѣвернаго края уменьшилось, хотя и теперь сюда доставляются изъ внутреннихъ губерній для вывоза за границу хлѣбъ, ленъ, сало, лѣсъ. Кромѣ того, самъ сѣверный край отпускаетъ отъ себя лѣсъ, рыбу, тюленій жиръ, а во внутрь Россіи везутъ отсюда дичь, ягоды, мѣха, лѣсъ и камни для построекъ.

Нашъ рисунокъ изображаетъ сплавъ лѣса по Сѣверной Двинѣ. Знакомя читателей съ одной изъ сторонъ дѣятельности человѣка въ этой отдаленной мѣстности нашего отечества, рисунокъ въ то же время представляетъ значительный интересъ по своимъ чисто художественнымъ достоинствамъ. **В.**

# Политическія и внутреннія извѣстія.

Берлинскій конгрессъ закрытъ 1-го (13-го) іюля. Явившійся результатомъ его Берлинскій трактатъ или договоръ, состоящій изъ 64 статей или параграфовъ, уже подписанъ уполномоченными участвовавшихъ на конгрессѣ державъ. Въ настоящее время для полной санкціи этого трактата державами, не достигаетъ только обмѣна ратификацій трактата между дворами державъ (или обмѣна тѣхъ актовъ, въ которыхъ каждая держава по одиночкѣ утверждала и признавала бы трактатъ и заявила бы о томъ другой участвовавшей въ конгрессѣ державѣ).

Текстъ Берлинскаго трактата еще у насъ не обнародованъ. Заимствуемъ изъ иностранныхъ газетъ нѣкоторыя существенныя черты этого договора. „Болгарія устраивается въ видѣ *автономнаго* и *обязаннаго данью княжества*, подъ верховною властью его величества султана. Болгарія будетъ имѣть христіанское правительство и земское войско. Князь Болгаріи будетъ *свободно* избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою. Ни *одинъ* изъ членовъ царствующей династіи великихъ европейскихъ державъ не можетъ быть избранъ княземъ Болгаріи. Для Болгаріи обезпечивается свобода богослуженія и обрядовъ за всѣми вѣроисповѣданіями. Временное же управленіе Болгаріею будетъ находиться подъ руководствомъ русскаго Императорскаго комиссара, пока не будетъ оконченъ *органическій уставъ* управленія Болгаріей. Уставъ же этотъ возлагается разработать на собраніе именитыхъ людей княжества, собранныхъ въ Терновѣ. Какъ скоро кончатъ разработку устава, выберутъ князя—дѣятельность русскаго Императорскаго комиссара прекращается. Оттоманская армія *не будетъ болѣе стоять* въ Болгаріи, и всѣ прежнія крѣпости будутъ срыты, но *на счетъ* княжества и въ теченіе года или ранѣе. Мѣстное правительство должно принять всѣ мѣры къ уничтоженію этихъ крѣпостей и уже не можетъ сооружать ихъ *вновь*. На югѣ отъ Балканъ образуется провинція, которая будетъ называться „*Восточною Румеліей*“ и находится въ политическомъ и военномъ отношеніи, подъ непосредственною властью его величества султана. Генералъ-губернаторъ этой провинціи будетъ избираемъ изъ христіанъ и будетъ назначаемъ Портой, съ утвержденія державъ, на *пятилѣтній* срокъ, и немедленно послѣ обмѣна ратификацій трактата будетъ назначена европейская коммисія, для разработки, по соглашенію съ Оттоманскою Портой, устройства „Восточной Румеліи“. Численность оккупаціоннаго русскаго корпуса въ Болгаріи и „Восточной Румеліи“ не будетъ превосходить *50,000* человѣкъ. Срокъ занятія русскими войсками Болгаріи и „Восточной Румеліи“ опредѣляется 9-ю мѣсяцами, считая со дня обмѣна ратификацій договора. Относительно Греціи Порта обязуется ввести на о—вѣ Критѣ *органическій уставъ* 1868 г., сдѣлавъ въ немъ измѣненія, которыя будутъ признаны справедливыми. При исправленіи границъ Греціи будетъ допущено посредничество державъ. *Боснія* и *Герцоговина* будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріей.

Независимость Черногоріи признается Портой и всѣми договаривающимися державами, еще не признавшими этой независимости. Засимъ, далѣе, подробно опредѣляются *новыя* границы Черногоріи. Черногоріи уступается портъ *Антивари*, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы страны, лежащія на югъ отъ этой территоріи до р. *Бояны*, включая и портъ *Дульциньо*, возвращаются Турціи. Но Черногорія пользуется неограниченною свободой навигаціи на р. *Боянѣ*. За симъ Черногорія не имѣетъ права *имѣть* ни судовъ, ни военнаго флота. Она должна, затѣмъ, ввести у себя морскіе законы, дѣйствующіе въ Далмаціи. Черногорія, какъ и Сербія, принимаетъ на себя часть турецкаго государственнаго долга. Опредѣлены трактатомъ условія нашего обмѣна (съ Румыніей) Бессарабіи на Добруджу. Далѣе: Порта уступаетъ Россіи округа *Ардагана*, *Карса* и *Батума*, при чемъ Батумъ объявляется „вольною, существенно коммерческою, гаванью“. Но Алашкертская долина и городъ Баязетъ возвращаются Турціи.

Таковъ въ главныхъ и общихъ чертахъ смыслъ Берлинскаго трактата. Надо замѣтить еще, что трактатъ этотъ предполагаетъ собою множество частныхъ договоровъ, имѣющихъ быть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, между отдѣльными державами и множество отдѣльныхъ коммисій, напримѣръ, хотя бы по вопросу о плаваніи по Дунаю, каковой вопросъ разрѣшить, предупредивъ притязательность всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ, чрезвычайно трудно.

Мы сообщали уже прежде, что по поводу занятія австрійскими войсками Босніи и Герцоговины, между Австріею и Портою состоялось соглашеніе, въ томъ смыслѣ, что въ оккупаціи будутъ участвовать и австрійскія, и турецкія войска. Но не смотря на такое соглашеніе, огромное затрудненіе состояло все таки въ томъ, что боснійское и герцеговинское населенія рѣшились-было противодѣйствовать оккупаціоннымъ войскамъ вооруженною рукою. Были упорные слухи, что для этой общей цѣли боснійскіе христіане братались съ боснійскими магометанами, и что боснійское возстаніе грозило возрости до большихъ размѣровъ. На прошлой недѣлѣ, однако, извѣстія изъ Босніи и Герцеговины приняли умиротворительный характеръ. Порта недавно дала предписаніе баньялукскимъ турецкимъ властямъ обнародовать для общаго свѣдѣнія всего турецкаго населенія, что „австрійскія войска вступятъ въ Боснію съ *добрыми намѣреніями*“ и что „отношенія между Портою и Австріею остаются самыя дружественныя“. Каймакамамъ боснійскихъ округовъ приказано принять австрійскія войска самымъ дружественнымъ образомъ. Вообще, въ настоящее время населеніе Босніи и Герцеговины, недавно крайне тревожное, относительно успокоилось. До сихъ поръ еще остающаяся не-

значительная часть боснійскихъ инсургентовъ, не смотря на возбуждающія и подстрекающія постороннія вліянія, выразила готовность подчиниться рѣшеніямъ конгресса и занятію австрійскими войсками боснійской территоріи, такъ что вообще, на прошлой недѣлѣ, австрійскія войска ожидались въ Босніи „съ удовольствіемъ“(!)

Но за то не такъ-то умиротворенною представляется Черногорія, хотя судя по подробному опредѣленію ея границъ въ XXVIII ст. трактата, ей какъ будто и удѣлено было вниманіе. Но странно, что Черногорія почти на дняхъ подверглась турецкимъ нападеніямъ. Черногорцы, опасаясь возобновленія турецкихъ набѣговъ съ южной своей границы, принялись дѣятельно укрѣпляться на Албанскомъ берегу. Не безъ настоятельной военной потребности князь Николай собрался ѣхать въ крѣпость Никшичъ. Не знаемъ, можетъ быть, практическое приведеніе въ силу Берлинскаго трактата оградитъ Черногорію отъ набѣговъ смертельныхъ ея враговъ баши-бузуковъ. Для этихъ варваровъ, конечно, никакихъ мирныхъ договоровъ не существуетъ.

Сербія, съ своей стороны, въ настоящее время, имѣетъ возможность мирно устроивать свои дѣла. Недавно Скупштина, засѣдающая въ Крагуевацѣ, одобрила законы, изданные министерствомъ во время военнаго положенія и постановила, что нѣкоторые изъ этихъ законовъ (военныхъ), по причинѣ заключенія мира, будутъ имѣть силу только въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Однако, во вновь присоединенныхъ къ Сербіи округахъ, впредь до измѣненія конституціоннымъ порядкомъ, они останутся во всей силѣ.

Турецкія газеты увѣряютъ, что отступленіе нашихъ войскъ изъ-подъ Санъ-Стефано ожидается вскорѣ и тѣ же газеты извѣщаютъ, что греческое возстаніе въ Ѳессаліи и Албаніи не прекращается, а скорѣе усиливается.

Есть слухи что въ Петербургѣ въ скоромъ времени откроется частная аукціонная камера для продажи имущества. Каждый желающій что либо продать, можетъ обращаться въ эту камеру, гдѣ продажа будетъ производится ежедневно. Цѣна опредѣляется владѣльцемъ вещи. Подобныя учрежденія давно введены за границей.

Укажемъ за симъ на то, что несомнѣнно можетъ быть полезно и едва ли даже потребуетъ какой либо на себя защиты; а именно, на слѣдующій фактъ: въ Тифлисъ прибыли депутаты отъ двухъ сотъ швейцарскихъ семействъ, желающихъ переселиться на Кавказъ. По словамъ депутатовъ переселенцы желаютъ заняться на Кавказѣ винодѣліемъ и молочнымъ хозяйствомъ, при чемъ, разумѣется важную статью въ молочномъ хозяйствѣ займетъ сыровареніе.

Такому извѣстію нельзя непорадоваться, и дай Богъ чтобы оно поскорѣе осуществилось и не разстроилось бы, подобно тому какъ въ 1864 и въ 1863 годахъ разстроилось дѣло переселенія на Амуръ Чеховъ, переселеніе несомнѣнно обѣщавшее много выгодъ для края, безлюднаго даже и до сихъ поръ.

Въ то время, когда къ намъ на Кавказъ желаютъ переселиться изъ Швейцаріи сотни семействъ, отъ насъ изъ Южной Россіи переселяются въ Америку менониты, нежелающіе подчиняться новому уставу объ общей воинской повинности. Нынѣшней весной ихъ отправилась цѣлая партія въ 250 человѣкъ, съ ними встрѣтилась еще такая же партія изъ другого уѣзда Таврической губерніи. Задумавъ о своемъ переселеніи, колонисты приложили свое стараніе на обработку полей, какъ главнаго источника дохода, и забросили скотоводство, огородничество, теперь среди цвѣтущихъ колоній зачастую встрѣчаются брошенные дома, запущенные сады съ поломанными плодовыми деревьями. Впрочемъ, остающіеся на мѣстѣ, кажется, начинаютъ свыкаться съ мыслію, что для нихъ также можетъ быть обязательно отбываніе воинской повинности, такъ и для другихъ народностей, населяющихъ Россію.

Въ общемъ собраніи общества для содѣйствія русскому торговому мореходству князь Долгорукій сообщилъ, что пароходъ добровольнаго флота „Россія“ стоитъ 750.000 руб. а другіе, прибывшіе также въ Кронштадъ—по 375.000 руб.

Работы на судахъ добровольнаго флота по устройству бомбовыхъ погребовъ и каютъ камеръ начались и быстро идутъ впередъ. Всѣ суда стоятъ въ средней гавани у Николаевскаго дока. Тамъ стоитъ „Россія“ бывшая Гользація, „Москва“ бывшая Гаммонія, и Турингія, которая будетъ названа: „Петербургъ.“

Взаключеніе сообщимъ, что Устюжскій и Бѣловѣжскій окружные суды упразднены и вмѣсто нихъ учрежденъ окружный судъ въ г. Череповцѣ.

## Задача.



Этотъ небольшой пейзажикъ, при красотѣ своей, имѣетъ въ себѣ еще и другія достоинства: предметы, на немъ изображенные, какъ-то—деревцо, столбъ, суслоны хлѣба и серпы изображаютъ въ то же время и буквы, изъ которыхъ складывается одно слово, составляющее и самую задачу и ея разрѣшеніе.

## Рѣшеніе задачъ,

помѣщенныхъ въ № 28 „Нивы“.

Рѣшеніе ребуса: Люди живутъ въ мірѣ да не въ мирѣ.

Буквы составляютъ слѣдующія фамиліи: „Глинка“ и „Брюловъ“.

Для свѣдѣнія сообщаемъ нашимъ читателямъ что въ таблицѣ билетовъ 1-го займа, непредъявленныхъ къ полученію выигрышей, павшихъ въ прежніе тиражи находится, между прочимъ слѣдующія номера:

| №№ серій. | №№ билет. | Сумма выигрыша. | №№ серій. | №№ билет. | Сумма выигрыша. |
|---|---|---|---|---|---|
| 172 | 20 | 10000 | 12720 | 48 | 8000 |
| 2666 | 47 | 8000 | 15013 | 30 | 8000 |
| 2728 | 48 | 5000 | 15919 | 38 | 5000 |
| 4934 | 10 | 50 ю | 16064 | 36 | 5000 |
| 4973 | 42 | 8000 | 16349 | 32 | 5000 |
| 5636 | 24 | 8000 | 16809 | 14 | 5000 |
| 6257 | 6 | 40000 | 18163 | 44 | 5000 |
| 9074 | 3 | 5000 | 18622 | 38 | 40000 |

## О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

**Контора журнала «Нива» проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.**



Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Д. Стахѣевъ.

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.



Дозволено цензурою СПБ. 14 іюля 1878 г. Тип. [illegible] № 10.




№ 30 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 24 Іюля 1878 г. Цѣна втого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.



Сентъ-Бернардскій гостепріимный домъ (въ Швейцарскихъ Альпахъ). Рис. Гюю, грав. Паннемакеръ.

# Сентъ-Бернардскій гостепріимный домъ.

Многочисленныя ущелья и проходы въ альпійскихъ горахъ съ древнихъ временъ считались важными и почти единственными путями сообщенія между Германіей, Швейцаріей и Италіей. Для безопасности и удобства путешественниковъ на нѣкоторыхъ пунктахъ этихъ дорогъ устраивались пріюты, гостинницы и т. п. заведенія. Въ смутныя, темныя времена кулачнаго права такія пристанища, отдавались подъ защиту церкви, въ руки богобоязненныхъ монашествующихъ братій, посвятившихъ себя на служеніе страждущему человѣчеству. Такимъ же образомъ при содѣйствіи благочестивыхъ лицъ основывались монастыри, капеллы и страннопріимные дома, которые и до сихъ поръ встрѣчаются во всѣхъ большихъ и малыхъ проходахъ въ альпахъ. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ, извѣстныхъ пріютовъ—это монастырь на С. Бернардѣ, представленный на нашемъ рисункѣ. Дорога черезъ эту гору—древнѣйшій путь сообщенія между долинами Роны и Дары Балтея. На разстояніи 1¼ мили выше Проца, въ котловинѣ, по ту сторону ущелья, стоитъ этотъ монастырь. Вы видите многоэтажный каменный домъ, съ флигелями, на берегу озера, которое, покоясь на высотѣ 7609 ф. надъ уровнемъ моря, зачастую бываетъ покрыто льдомъ даже среди лѣта. По близости монастыря находится такъ называемый *моргъ* (мертвецкая): это—открытое, обнесенное рѣшеткой мѣсто, гдѣ выставляются найденные въ снѣгу трупы погибшихъ путниковъ. Такъ какъ воздухъ здѣсь чистый, разрѣженный, морозный, то тѣла эти превращаются въ муміи („естественная мумификація"), которыя отлично сохраняются много лѣтъ. Въ главномъ зданіи устроены квартиры для августинскихъ канониковъ и простыхъ монаховъ; тутъ же помѣщаются библіотека, естественно-историческія и др. коллекціи и отведено достоточное число покоевъ для гостей—путешественниковъ. Посѣтившій этотъ монастырь безвозмездно пользуется всѣмъ: его кормятъ, за нимъ ухаживаютъ, не требуя за это никакой платы. Богатые туристы обыкновенно кладутъ въ церковную кружку деньги. Англичане и русскіе на этотъ счетъ не скупы.

Бернгардъ де Мантонъ основалъ или подновилъ этотъ „пріютъ" въ 962 году. Въ 1822 г. монастырь значительно увеличенъ и тутъ сооруженъ былъ новый флигель (Отель св. Людовика), предназначенный для путешественницъ.—Въ настоящее время въ С. Бернардскомъ гостепріимномъ домѣ обитаетъ около пятнадцати хорошо-образованныхъ августинскихъ канониковъ (дѣйствительно благочестивыхъ христіанъ); кромѣ нихъ въ этомъ монастырѣ живетъ „служащая братія" (марроньеры), которые подъ руководствомъ канониковъ въ продолженіи 8—9 мѣсяцевъ самаго суроваго времени года обходятъ ущелья и опасные проходы въ сопровожденіи громадныхъ Сентъ-Бернардскихъ собакъ. Во время этихъ обходовъ они ищутъ заблудившихся путниковъ и, найдя какого нибудь несчастнаго, полузамершаго странника, ведутъ (а иногда несутъ) его въ монастырь.—Пріютъ этотъ ежегодно принимаетъ и кормитъ отъ 18—19,000 туристовъ всякихъ чиновъ и званій. Главныя средства даютъ доходы монастыря и добровольныя пожертвованія. Конгрегація состоитъ изъ 40 членовъ; часть ихъ живетъ здѣсь, другая на Симплонѣ. Новыя лица постоянно вступаютъ въ эту конгрегацію, потому что отцы—каноники долго не выдерживаютъ такой утомительной службы: болѣе 8—10 лѣтъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ прожить тутъ. Дѣйствительно, климатъ очень суровъ; лѣтомъ здѣсь не бываетъ болѣе 17 град. тепла (по Реом.), зимою же обыкновенная температура здѣсь 18—20 ниже нуля. Снѣгъ въ ущельяхъ лежитъ *девять* мѣсяцевъ; толщина его слоя отъ 8 до 40 фут.—Особеннаго вниманія заслуживаютъ на С. Бернардѣ великолѣпныя, сильныя собаки, и самая знаменитая изъ нихъ, по имени Барри, спасла 40 христіанскихъ душъ отъ вѣрной гибели. Она давно умерла, но чучело ея и теперь еще можно видѣть въ Бэрнскомъ музеѣ.

Щ.

# Блокгаузъ „Червленъ Аскеръ"

### РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

## II.

Тогда много наѣхало въ Турцію иностранцевъ: венгерцевъ, англичанъ, поляковъ, отставныхъ папскихъ карабинеровъ, предлагать, въ виду ожидаемой войны съ Россіею, свои услуги турецкому правительству... Кто предлагалъ себя, какъ опытный инженеръ, кто, какъ ловкій организаторъ и полководецъ, кто скромно посвящалъ исламу свою умѣлую, боевую шпагу, кто такъ просто, готовый на все, что только ему не поручатъ. Много вообще наѣхало тогда добровольныхъ рыцарей ислама. Самъ падишахъ и большинство турецкихъ правительственныхъ людей отнеслись къ этой наѣзжей сволочи внимательно и любезно, немногіе только старые турки недовѣрчиво косились на нихъ и не ждали отъ ренегатовъ особаго прока.

Эти господа, похлопотавъ съ мѣсяцъ, другой, въ Константинополѣ, потолкавшись по корридорамъ Высокой Порты, въ пріемныхъ сераскеріата и у подъѣздовъ кiосковъ именитыхъ пашей, скоро получали хорошія назначенія, высокіе оклады жалованья и затѣмъ ѣхали въ провинцію на свои мѣста, высокомѣрно относясь къ мѣстнымъ должностнымъ лицамъ. Послѣднія, конечно, не долюбливали наѣзжихъ ястребовъ, но боялись ихъ сильно, тѣмъ болѣе, что тѣ всегда разсказывали чудеса о своихъ константинопольскихъ связяхъ, о высокихъ особахъ говорили не иначе, какъ о своихъ старыхъ друзьяхъ, ужасно много изводили бумаги на переписку, адресуя всегда свои письма словами: „Стамбулъ, Высокая Порта—такому-то", и постоянно наклеивали на конверты казенные, даровые штемпеля...

Какой-нибудь мѣстный каймакам или вали поневолѣ труситъ, глядя на эти адресы: „А ну какъ да въ такомъ пакетѣ таится доносъ на него самого, или что нибудь не менѣе пріятное... Вѣдь бѣда будетъ". Поневолѣ приходится дружить съ ференгомъ, усердно прикладывать при встрѣчѣ руку ко лбу и къ сердцу, звать къ себѣ въ домъ, самому заходить, однимъ словомъ оказывать тьму внѣшнихъ любезностей, не всегда согласовавшихся съ внутреннимъ чувствомъ.

Въ числѣ такихъ „почетныхъ иностранцевъ" въ здѣшней мѣстности появилось двое.

Одинъ изъ нихъ былъ кровный англичанинъ инженеръ, года три уже жившій въ Турціи. Онъ служилъ старшимъ механикомъ на корабельной верфи въ Золотомъ Рогѣ и сюда на Дунай пріѣхалъ въ качествѣ военнаго инженера, для приведенія Дуная въ несокрушимое, непереходимое, даже вовсе недоступное для врага оборонительное положеніе... Онъ представилъ въ сераскеріатъ такой грандіозный планъ своихъ предполагаемыхъ сооруженій, что тамъ только руками развели... По этому плану каждая русская лодка, каждый дерзкій солдатъ, все должно было неминуемо летѣть на воздухъ. Мѣстами даже полагалось измѣнять на время, по своему произволу, быстроту теченія, высоту воды, даже самое направленіе русла, устраивать по телеграфу, въ данный моментъ, искусственныя наводненія, однимъ словомъ творить чудеса—и все за какіе нибудь полтора, два милліона франковъ, которые турецкое правительство можетъ уплатить со временемъ и даже по частямъ, выдавъ только автору плана впередъ не менѣе трехсотъ тысячъ...

Этотъ геній инженернаго искусства былъ мистеръ Джемсъ Говвардъ. Онъ немедленно получилъ отъ султана орденъ, снабженъ открытыми предписаніями, надлежащими инструкціями и уполномочіями и поѣхалъ на Дунай.

Джемсъ Говвардъ побывалъ въ Виддинѣ, оттуда спустился внизъ по теченію до самыхъ гирлъ, вездѣ побывалъ въ береговыхъ крѣпостяхъ, указалъ на необходимыя перестройки, послалъ въ Стамбулъ тысячи бумагъ съ дополнительными смѣтами и планами, затѣмъ вернулся въ Туртукай и здѣсь уже жилъ мѣсяца три, на дачѣ, выстроивъ на берегу хорошенькій коттэджъ въ индѣйско-британско-мавританскомъ стилѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился береговой блок-

гаузъ Червленъ-Аскеръ, перемѣстивъ сторожевой постъ къ себѣ на дачу.

Инженеръ часто уѣзжалъ отсюда, ѣздилъ даже на тотъ берегъ къ румынамъ, жуировалъ въ Бухарестѣ; говорятъ будто бы много игралъ въ карты и тратилъ золото на черноокихъ румынскихъ красавицъ и рыжекудрыхъ, заѣзжихъ сюда француженокъ *изъ Вѣны*... Возвращаясь съ такихъ экскурсій, онъ скромно жилъ недѣльку другую въ своемъ коттэджѣ, пилъ только очень много при этомъ и немилосердно билъ своего слугу, негра Дика, который не смотря на побои, отличался чисто собачьей преданностью къ своему хозяину.

Дикъ тоже пилъ не менѣе господина и навѣщая караульный домъ, разсказывалъ солдатамъ чудеса про свои похожденія съ массою Говвардомъ. По его разсказамъ, гдѣ-гдѣ только они вдвоемъ не перебывали прежде чѣмъ устроиться въ Стамбулѣ. Кажется не находилось на всемъ земномъ шарѣ квадратнаго аршина, не истоптаннаго ихъ ногами.

Наивные стражники слушали, вѣрили только десятой части разсказовъ Дика, но и этой десятой части было совершенно достаточно, дабы „не выпускать изо рта пальца удивленія“.

Инженеръ дѣлалъ иногда и поѣздки во внутрь страны по болгарскимъ деревнямъ; онъ былъ страстный охотникъ и съ двухстволкою въ рукѣ исходилъ почти всѣ заливныя мѣста окрестностей... Во время такихъ прогулокъ онъ заѣзжалъ и въ Червный-Долъ, гдѣ особенно интересовался, конечно съ научно-этнографическою цѣлью, мѣстными, преимущественно женскими типами.

Его впрочемъ всегда огорчала дикая застѣнчивость и неподатливость болгарскихъ красавицъ, даже золото мистера Джемса Говварда было по большей части безсильно въ данномъ случаѣ...

Тогда онъ прибѣгалъ къ инымъ способамъ, отъ которыхъ хотя и смущалось немного его гуманное, европейское чувство, но это минутное смущеніе не останавливало его отъ новыхъ, сходственныхъ по характеру подвиговъ...

Онъ очень хорошо сознавалъ, что жаловаться на него некому, былъ убѣжденъ въ полной безнаказанности съ законной стороны, а что касается до возмездія иного рода, то онъ также хорошо зналъ прочность запоровъ воротъ Червленъ-аскера, силу обороняющаго его гарнизона и мѣткость своего превосходнаго ремингтоновскаго карабина, въ соединеніи съ парою револьверовъ слуги Дика.

Главная сила мистера Джемса заключалась въ томъ, что ему особенно энергично покровительствовали коменданты всѣхъ Дунайскихъ крѣпостей. Еще бы тѣмъ не покровительствовать геніальному инженеру—вѣдь изъ-подъ его пера выходили всѣ эти смѣты и требованія денегъ на перестройки и приспособленія. Его же всегда назначали и инспекторомъ всѣхъ этихъ построекъ, а инспекціи и донесенія о таковыхъ мистера Джемса всегда были крайне благопріятны для комендантовъ.

Что же за бѣда, если такой милый, обходительный, удобный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и позабавиться иногда на счетъ этой жалкой райи, тѣмъ болѣе, что эта самая райя—такіе неблагодарные, такіе безпокойные подданные его величества падишаха.

Помакъ Фома Шумовъ не пропустилъ случая своевременно представиться знатному и всесильному иностранцу, оказалъ ему множество мелкихъ услугъ, сопровождалъ въ качествѣ проводника, превосходно знающаго мѣстность, въ его охотничьихъ экскурсіяхъ и частенько-таки навѣдывался въ „Червленъ - аскеръ“, гдѣ принимался хозяиномъ хотя и не какъ почетный гость, однако милостиво.

Услуги Фомы Шумова не были безкорыстны конечно, но и самъ мистеръ Джемсъ-Говвардъ не любилъ безкорыстныхъ услугъ по той естественной причинѣ, что безкорыстныя услуги всегда обходятся гораздо дороже, чѣмъ заранѣе сторгованныя за опредѣленную плату.

III.

Другой иностранецъ, полюбившій почему-то за послѣднее время эту мѣстность—былъ венгерецъ, графъ Михаилъ Рослани.

Былъ ли онъ дѣйствительно графъ или только такъ, для особой важности, присвоилъ себѣ этотъ титулъ—это только самому Аллаху извѣстно. Мѣстныя же власти и отчасти населеніе знало о немъ только слѣдующее:

Рослани пріѣхалъ сюда прямо изъ Константинополя. Сераскеріату онъ былъ рекомендованъ Мехмедомъ-Алипашею, какъ опытный боевой офицеръ и лихой кавалеристъ... Графу, именовавшему себя полковникомъ, былъ предложенъ сераскеріатомъ кавалерійскій полкъ гдѣ-то въ Малой Азіи, но онъ отклонилъ отъ себя эту честь и предпочелъ ѣхать на Дунай подъ предлогомъ формированія особаго, священнаго коннаго легіона венгерцевъ, который почти ничего не будетъ стоитъ турецкому правительству, ибо и кони, и содержаніе людей, обмундировка и оружіе, все это должно быть пожертвовано какимъ-то особымъ, тайнымъ венгерскимъ обществомъ, неизвѣстнымъ даже самому правительству Венгріи. Отъ сераскеріата требовалось только, когда понадобится, снабжать легіонъ боевыми припасами и—только.

Такое выгодное предложеніе было принято съ удовольствіемъ Портою, и графъ Михаилъ Рослани уѣхалъ на Дунай. дожидаться и устраивать тамъ имѣющихъ въ скоромъ времени прибыть сюда легіонеровъ.

Хотя эти легіонеры сюда еще почему-то не жаловали, такъ точно какъ и грандіозное минированіе Дуная не начиналось, но это, повидимому, не особенно смущало какъ графа, такъ и мистера Джемса Говварда. Оба они преспокойно поживали здѣсь, и графъ только особенно часто катался по великой рѣкѣ славянскаго міра, посѣщалъ укрѣпленные пункты и знакомился со внутренней страной, такъ же, какъ и Говвардъ, слѣдуя влеченію своей страсти къ охотѣ.

Графъ только не строилъ себѣ коттэджа и вообще жилъ скромнѣе англійскаго инженера.

Не смотря на сходство положеній и занятій между графомъ Рослани и Говвардомъ не было особенной дружбы, напротивъ даже, графъ относился къ инженеру съ видимымъ отвращеніемъ, тотъ въ свою очередь инстинктивно ненавидѣлъ графа, хотя до прибытія на эти мѣста, совершенно незнакомые другъ другу, они не имѣли никакихъ причинъ къ такой странной, взаимной ненависти.

Однако ссориться явно было неудобно ни тому, ни другому... Встрѣчаясь другъ съ другомъ, они любезно раскланивались, но только воздерживались отъ всякихъ диспутовъ, особенно послѣ того случая, какъ разговорившись на обѣдѣ у Рифата-паши въ Рущукѣ, они чуть было не кончили разговора револьверными выстрѣлами.

Графъ Михаилъ Рослани былъ даже раза два съ визитомъ у Говварда, въ его коттэджѣ; мистеръ Джемсъ Говвардъ потому только не отдалъ этихъ визитовъ, что графъ не имѣлъ постояннаго и даже долговременнаго мѣста жительства.

Рослани, такъ же какъ и Говвардъ, былъ снабженъ отъ Высокой Порты всякими рекомендательными документами, на основаніи которыхъ всѣ великія лица въ провинціи должны были оказывать ему и почеть, и вниманіе, и полное содѣйствіе въ его мѣропріятіяхъ.

Наружность графа была очень привлекательна, что составляло рѣзкій контрастъ съ наружностью мистера Джемса. Рослани былъ средняго роста, изящно сло-



**Финляндскій пейзажъ.** Ориг. рисунокъ Н. Каразина. грав Малиновскій.



**Всемірная выставка въ Парижѣ. Русскій художественный отдѣлъ: „Семейный раздѣлъ“.** Картина В. М. Максимова, рис. на деревѣ Земцовъ, грав. Шиблеръ и Пуцъ.

жеиъ, его черная, шитая тоже черными шнурами венгерка, плотно обрисовывала его почти женскую талію; онъ носилъ узкіе, шитые тоже чернымъ шнуромъ, синія калаки и маленькіе гусарскіе сапоги, на головѣ, ради уваженія къ пріютившему его государству, красную феску съ золотою кистью.

У него была короткая, но густая, слегка вьющаяся свѣтлорусая борода, его большіе голубые глаза смотрѣли кротко и мягко, но когда нужно сверкали самымъ рѣшительнымъ блескомъ. Лихой наѣздникъ, онъ поражалъ даже турокъ своею смѣлостью и ловкостью на конѣ, замѣчательно стрѣлялъ изъ револьвера и никуда не выѣзжалъ безъ большого, превосходнаго бинокля и маленькой записной книжки, гдѣ не было ни одной буквы, ни одной цифры, а все какія-то странные рисунки и іероглифы.

Тогда еще только скоплялись на горизонтѣ боевыя тучи: русскія войска начинали стягиваться къ Кишеневу... Графъ все увѣрялъ, будто бы полъ-Румыніи наводнено его партизанами, но онъ пока держитъ ихъ еще на той сторонѣ изъ тонкихъ дипломатическихъ соображеній.

Недавно графъ Михаилъ Рослани вернулся изъ чрезвычайно рискованной экскурсіи, которую онъ исполнилъ блистательно. Графъ, изволите-ли видѣть, ѣздилъ, переодѣтый купцомъ грекомъ, въ Одессу, а оттуда пробрался даже, не узнанный, въ Кишиневъ... Въ отчетѣ о своей развѣдкѣ, посланномъ въ Константинополь, графъ писалъ о полной боевой неготовности Россіи—о слабости вооруженія береговъ, о плохой организаціи и даже печальномъ видѣ собирающейся въ русской Бессарабіи арміи и о повсемѣстномъ уныніи передъ войною всего русскаго населенія.

Этотъ отчетъ спустя ровно недѣлю послѣ полученія его въ сераскеріатѣ, появился въ переводѣ въ „Times“, подъ видомъ наивѣрнѣйшей корреспонденціи изъ Турціи собственныхъ корреспондентовъ почтенной газеты...

Графъ терпѣть не могъ ѣздить въ экипажахъ; его нигдѣ не видѣли иначе какъ или верхомъ на маленькой, вороной, горячей лошадкѣ турецкой породы, или прогуливающагося неутомимо пѣшкомъ... Венгерецъ безъ устали могъ исходить въ сутки не менѣе семидесяти верстъ, онъ удивлялъ всѣхъ тѣмъ, что могъ заснуть сидя и даже стоя, было бы только къ чему прислониться... Во снѣ онъ былъ необыкновенно чутокъ и малѣйшій шорохъ заставлялъ его открыть глаза... Онъ не пилъ ничего кромѣ холодной воды, ложась спать никогда не раздѣвался, однимъ словомъ держалъ себя такъ, какъ будто бы каждую минуту долженъ былъ ожидать какой-нибудь тайной опасности.

Въ услуженіи у графа были два албанца-каваса, въ бѣлыхъ фустанеллахъ, въ расшитыхъ золотомъ курткахъ, съ длинными откидными рукавами, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія у пояса—оружія, блещущаго болѣе своимъ антчнымъ достоинствомъ, чѣмъ боевой годностью.

Кавасы были преданы всею душою своему господину, но преданность эта была иного рода, нежели скотская привязанность Дика къ Джемсу Говварду.

Албанцы держали себя съ достоинствомъ относительно своего господина „кяфира“ (невѣрнаго), а тотъ не позволялъ себѣ ничѣмъ оскорбить ихъ гордости, не безпокоилъ ихъ никакими несвоевременными требованіями услугъ, напримѣръ, въ минуту исполненія „намаза“.

Въ противоположность мистеру Джемсу, Рослани всегда относился почтительно къ мусульманской религіи и даже, разговаривая съ муллою Рэшадомъ о коранѣ, благоговѣйно выслушивалъ безконечныя цитаты муллы изъ этого сочиненія Магомета и его послѣдователей.

Графъ превосходно говорилъ по турецки и по болгарски зналъ даже русскій языкъ и не скрывалъ этого знанія. Разъ какъ-то пришлось встрѣтиться ему съ своимъ, случайно тоже заѣхавшимъ сюда землякомъ изъ Дебричина, въ Венгріи; понятно, что земляки разговорились на своемъ родномъ языкѣ, и собесѣдникъ замѣтилъ графу, что тотъ, вѣроятно, давно уже не слышалъ родного говора, ибо утратилъ уже нѣсколько истый венгерскій акцентъ...

Таковъ былъ венгерскій графъ, организаторъ будущаго священнаго коннаго легіона, Михаилъ Рослани.

---

Графъ не разъ бывалъ въ селеніи Червный-долъ. Онъ останавливался обыкновенно въ кафанѣ, на перекресткѣ главной улицы отдыхалъ тамъ часа два, а иногда и болѣе, выпивалъ большой ковшъ холодной родниковой воды, съѣдалъ тарелку поджаренной баранины, и шелъ дальше, стрѣлять по рѣчкѣ многочисленныхъ утокъ, по кустовымъ зарослямъ куропатокъ краснобровокъ.

Разговаривая въ кафанѣ съ болгарами посѣтителями, онъ уже перезнакомился почти со всѣмъ Червнымъ-доломъ, зналъ хорошо и убитаго старика Кирилло Радоницу и жену его старуху и красавицу дочь, Анну. Съ послѣдней онъ даже раньше познакомился; дѣло происходило такимъ образомъ:

Графъ сидѣлъ на верандѣ, подъ навѣсомъ, курилъ и задумчиво смотрѣлъ вдоль улицы; въ это время гдѣ то легкіе шаги заставили его обернуться—онъ увидалъ тогда передъ собою хорошенькую дѣвушку, которая протягивала ему миску съ превосходными желтыми сливами.

— Это изъ нашего садика, сказала болгарка, я ихъ только что нарвала—это первые...

Михаилъ Рослани взялъ себѣ одну сливу, съѣлъ ее и взамѣнъ положилъ въ миску пяти піастровую серебряную монету, слишкомъ большую плату, за забранный товаръ.

Дѣвушка нахмурила брови, отдала назадъ деньги и недовольнымъ голосомъ произнесла?

— Анна Родоница не торгуетъ сливами, Анна принесла ихъ гостю, потому что онъ усталъ и хочетъ, вѣрно пить, а сливы, сочныя и свѣжія, въ такую жару будутъ очень пріятнымъ блюдомъ.

Тогда графъ улыбнулся, протянулъ ей руку и спросилъ, гдѣ она живетъ?

— А вонъ наша хата, указала дѣвушка на уголъ черепичной крыши, выглядывавшей изъ за зелени.

— Какая ты красивая! сказалъ графъ, всматриваясь въ это выразительное личико.

— Ты тоже красивый, просто безъ всякой застѣнчивости отвѣчала дѣвушка.

Этимъ и окончилась ихъ первая встрѣча. Анна высыпала сливы на столъ, кивнула на прощаніе головкою и пошла черезъ улицу, оттискивая на мягкой пыли правильные, не испорченные узкою обувью слѣды своихъ босыхъ ногъ. Графъ прослѣдилъ ее до поворота глазами и... дня черезъ три, снова задумалъ охотиться въ окрестностяхъ Червнаго-дола, снова зашелъ отдыхать въ кафану на перекресткѣ.

Въ этотъ разъ Анна крикнула ему „здравствуй“! когда онъ проходилъ мимо ихъ дома. Дѣвушка стояла въ калиткѣ, словно картина въ рамѣ, вся ярко освѣщенная вечернимъ солнцемъ. Она была чудно хороша въ эту минуту!.

Около нея на завалинѣ сидѣлъ и старый баштанъ ея, Кирилло.

Михаилъ Рослани счелъ нужнымъ подойти къ старику и разговориться.. Два часа битыхъ онъ распрашивалъ Кирилло, о ихъ житьѣ-бытьѣ, не замѣчая вовсе плотнаго молодого парня, косо и недружелюбно поглядывавшаго на него изъ-за распряженнаго воза.

Онъ только тогда замѣтилъ этого парня, когда самъ Кирилло заговорилъ о немъ.

— Вотъ, произнесъ старикъ, указывая въ сторону воза, дочку просваталъ за него—человѣкъ рабочій, хорошій, да въ такія времена тяжкія и свадьбу играть невесело, старуха торопитъ, а я думаю подождать.

— И отлично сдѣлаешь если подождешь... куда торопиться; поддержалъ его графъ, не безъ умысла.

— И я не хочу еще замужъ, кокетливо заговорила Анна, хлопнувъ калиткою и уйдя въ горницу.

Черезъ минуту она появилась въ окнѣ какъ разъ надъ головою сидящаго на завалинкѣ графа, вытирая мокрыя руки полотенцемъ и будто не нарочно задѣла его по фескѣ концемъ этого узорно „расшитаго рушника"...

Въ эту ночь Аннѣ Радоницѣ спалось плохо, но только не предстоящая свадьба волновала ее, не женихъ ея Симко Коссовъ ей снился...

Зачастилъ графъ въ селеніе Червный-Долъ, по два раза въ недѣлю сталъ пріѣзжать. Эти поѣздки возбудили и подозрѣніе и любопытство въ мистерѣ Джемсѣ Говвардѣ и тотъ притянулъ къ допросу Фому Шумова.

Изъ этихъ допросовъ инженеръ только узналъ, что кажется графу Рослани понравилась дѣвушка одна въ селеніи, что объ этомъ будто-бы даже тамъ перешептываются, а впрочемъ... но одного этого было уже достаточно для Говварда чтобы настаивать на немедленномъ, личномъ знакомствѣ съ этою дѣвушкою.

Фома Шумовъ доставилъ инженеру случай видѣть Анну издали, а затѣмъ Говварду удалось даже говорить съ нею, безцеремонно остановивши ее когда она шла съ ведрами отъ родника.

— Ого! чортъ возьми! да ты дѣйствительно красавица, захохоталъ Джемсъ Говвардъ и хотѣлъ было ее безъ церемоніи обнять.

Та вскрикнула, бросила ведра и съ плачемъ пустилась бѣгомъ домой, а инженеръ, озадаченный такимъ пріемомъ, выругался еще разъ и повелъ дѣло уже иначе...

Тогда-то именно, встревоженные родные и пріятели Кириллы совѣтовали ему убрать куда-нибудь подальше свою красавичу дочь и Кирилло съ своей старухою долго думали какъ бы это сдѣлать, когда, наконецъ, выручалъ ихъ изъ этого затруднительнаго положенія благопріятель, помакъ Фома Шумовъ.

---

Въ день убійства стараго Кириллы Радоница и похищенія его дочери графъ былъ на томъ румынскомъ берегу Дуная, онъ не довѣрялъ почему-то султанской почтѣ своихъ писемъ, не довѣрялъ даже своимъ албанцамъ; въ этомъ случаѣ не бралъ даже ихъ съ собою на тотъ берегъ, а оставлялъ здѣсь, каждый разъ мѣняя мѣсто, гдѣ они должны были дожидаться его съ верховыми лошадьми.

На этотъ разъ свиданіе было назначено не-вдалекѣ отъ блокгауза Червленъ-аскер.а

Когда лодка съ гребцами румынами пристала къ берегу, Михаилъ Рослани, къ великому удивленію своему, не нашелъ своихъ кавасовъ на условленномъ мѣстѣ, кавасовъ, которые такъ аккуратны были всегда въ исполненіи своихъ обязанностей.

Не торопясь обвинять слугъ и раздумывая, какое бы тутъ могло выйти недоразумѣніе, графъ направился къ коттэджу, бывшему въ двухъ верстахъ отсюда, и уже видѣлъ его сторожевую башенку съ краснымъ флагомъ, какъ на встрѣчу ему попался Дикъ, глупая физіономія котораго только улыбалась, будто обрадованная такою неожиданною встрѣчей.

Негръ шелъ не торопясь—будто за своимъ дѣломъ, шелъ даже не тропинкою, а стороною, кустами. Съ хозяйскимъ ружьемъ въ рукахъ, съ ягташемъ, перекинутымъ черезъ плечо. Онъ вышелъ какъ видно на охоту, хотя позднее, ночное время подобной охотѣ вовсе не соотвѣтствовало.

— Дикъ! вскрикнулъ Рослани и инстинктивно опустилъ руку въ карманъ, гдѣ его пальцы тотчасъ же коснулись рѣзной головки револьвера.

— Такъ поздно... здравствуйте ваша свѣтлость. Если вы идете къ массѣ Говварду, онъ очень будетъ сожалѣть, что вы не застанете его дома... Ахъ, какъ будетъ сожалѣть масса Говвардъ.

— Такъ его нѣтъ дома—это жаль! пожалъ плечами графъ. Странно, подумалъ онъ, внимательно всматриваясь вдаль, гдѣ свѣтился небольшой зеленоватый четвероугольникъ.

Отсюда, гдѣ они стояли съ Дикомъ, было видно не много болѣе, чѣмъ двадцать шаговъ назадъ. Отсюда кромѣ сторожки виднѣлась и часть верхняго этажа блокгауза а именно та, гдѣ приходился кабинетъ Джемса Говварда. Этотъ свѣтлый зеленый четвероугольникъ и есть его окно—тамъ огонь, значитъ инженеръ дома; кромѣ его самого и Дика никто не можетъ заходить въ его кабинетъ. Дикъ здѣсь—Джемсъ Говвардъ тамъ; а ему говорятъ, что нѣтъ его дома. Этотъ негръ видно нарочно высланъ ему на встрѣчу, значитъ его ждали отсюда и не хотятъ, чтобы онъ подходилъ даже къ воротамъ Червленъ-аскера, а не то, чтобы входилъ въ него.

— Я разсчитывалъ найти тамъ моихъ людей и лошадей, задумчиво проговорилъ венгерецъ.

— Ваши люди, я знаю, они вернулись въ Туртукай, но если угодно подождать здѣсь, я сейчасъ распоряжусь, чтобы сюда подали лошадей массы Говварда и его кавассы будутъ къ вашимъ услугамъ.

— Гм!.. подумалъ снова графъ, очевидно меня хотятъ удалить отсюда во что бы то ни стало. Это черное животное говоритъ по заученной инструкціи...

— Масса Говвардъ...

— Скажи массѣ Говварду, когда онъ пріѣдетъ, что я былъ, то есть хотѣлъ зайти; лошадей его и кавасовъ мнѣ не надо—я дорогу хорошо знаю, а ноги у меня крѣпкія, раздражительно произнесъ графъ Рослани.

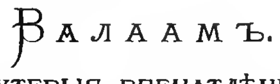
— Масса Говвардъ будетъ очень, очень сожалѣть... Масса Говвардъ будетъ бранить, быть можетъ, Дика...

Негръ приподнялъ феску и смущенно ерошилъ всею пятернею свою войлокообразную куафюру.

Но Рослани уже не слышалъ его сѣтованій—онъ, разсчитавъ, что отсюда до Лукова на туртукайской дорогѣ, немного дальше, чѣмъ до Червнаго Дола, не смотря на темноту и на мелкій, начинающій накрапывать дождь, энергично зашагалъ долиною, полагая черезъ четверть часа ходьбы выбраться на проѣзжую дорогу.

(Продолженіе будетъ).

**Н. Каразинъ.**



# Валаамъ.

## (Путевыя впечатлѣнія).

...Нева осталась позади. Нагорные, изъ-желто-зеленые берега съ тощими березами и домами, съ челноками припертыми кольями къ землѣ, съ бичевникомъ, вьющимся съ боку, колоссальной панорамой промчались мимо. Мелькнуло два-три мѣстечка, дорогихъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ, мелькнули острова и пороги, Нева разступилась, завернулась круто въ стороны берегами, необозримая синяя гладь развернулась вдали, и пароходъ, подрогивая всѣмъ остовомъ, вышелъ на озеро. Бѣлыми четырехугольными пятнами сверкнули впереди паруса лодокъ, разнообразя монотонную линію горизонта, а назади сталъ тонуть въ волнахъ Шлиссельбургъ. Чайки вьются вокругъ и жалобно стонутъ; чухонскія соймы, круто накренившись, идутъ подъ вѣтромъ мимо, и ныряютъ въ волнахъ, когда захлестываетъ ихъ остроконечными буграми бѣгущій за нами слѣдъ. Блѣдное сѣверное небо, съ легкими прозрачными облаками горитъ и пышетъ жаромъ сверху...

На рубкѣ масса народу. Сидятъ, стоятъ, лежатъ, спятъ, дремлютъ, разговариваютъ, пьютъ и ѣдятъ. Въ большинствѣ случаевъ все купцы въ сибиркахъ, съ окладистыми бородами и красными носами, или тощія, худенькія богомолки-старушки, набожно знаменующіяся крестомъ при видѣ отдаленной церкви. теперь весело похаживаютъ. Какой-то сѣденькій невзрачный монахъ толчется у мачты, глухо отвѣчая на вопросы и сильно напирая на *о*. Кто-то знаніе географіи выказываетъ.

— Это вотъ тебѣ было Шлюшино, а тамъ вонъ столбъ—маякъ, кошкинымъ обзывается. А вонъ тамъ—Новая Ладога.



**Всемірная выставка въ Парижѣ. Итальянскій художественный отдѣлъ: Игрокъ на флейтѣ, статуя Эмануэля.**
Рис. Тофа, грав. Чентеріани.

Шумъ, говоръ, гамъ стоитъ вокругъ, только очень немногіе, женщины по преимуществу, углубились по возможности въ чтеніе какого-нибудь „житія“, украсивъ себя предварительно старинными очками солидныхъ размѣровъ. Нѣкоторые изъ мущинъ успѣли уже пропустить „по маленькой“ разъ десятокъ и

— Гдѣ? Гдѣ? пристаютъ любопытные.

— А вона, вона,—знатокъ показываетъ пальцемъ куда-то на горизонтъ:

— Видишь?

— Ничего не видно.



За починкой ружья (Сцена изъ средневѣковой жизни). Картина Г. Гакля, грав. Ивановъ.

— Оно точно отсюда не видать, — только она тамъ, ужъ это вѣрно.

Флагъ слабо колыхается на кормѣ, мачта поскрипываетъ, колышатся канаты и лѣстницы, черный дымъ густыми, мягкими клубами вырывается изъ трубы и плавно тянется въ бокъ, ломаясь зигзагами, на много верстъ повисая въ воздухѣ. Двѣ маленькія пушки торчатъ на ютѣ. Шкиперъ передалъ колесо помощнику, благо прошли опасныя мѣста, и клюетъ носомъ, сидя на скамейкѣ. Вокругъ мертвое затишье на озерѣ—скучно.

Спускаюсь въ каюту. Здѣсь цѣлое сонное царство: вокругъ по всѣмъ диванамъ разлеглись пассажиры перваго класса и тихонько посвистываютъ во снѣ, подложивъ подъ голову дорожные мѣшки, не обращая вниманія на проходящихъ мимо дамъ, проскальзывающихъ тихо за портьеру въ свое отдѣленіе. Плюгавый лакей наклеиваетъ на колонку объявленіе довольно загадочнаго свойства: „*Просятъ покорно господъ посажировъ со своими съ ѣстными припасами обращаться на Палобу*". По ковру ползаютъ свѣтлые кружки отъ солнца, пробивающагося черезъ открытыя круглыя окна. Чья-то голодная собака жалостно смотритъ изъ-подъ дивана и не рѣшается вылѣзть наружу. Слышно какъ скрипятъ по блоку немазанныя рулевыя цѣпи, какъ паръ съ грохотомъ работаетъ въ цилиндрахъ... Дѣлать нечего, читать нечего, а диваны такіе мягкіе...

Глаза начинаютъ слипаться. Смутно виднѣется чья-то огромная голова изъ-за купы тропическихъ растеній, приткнутыхъ посреди каюты между обѣденными столами. Смутно слышитъ ухо, какъ эта голова что-то крупно объясняется съ лакеемъ и требуетъ буфетчика. Смутно носъ чувствуетъ запахъ не свѣжей рыбы, очевидно идущій отъ ухи, что стоитъ на столѣ... Сквозь сонъ понимаешь, что буфетчикъ, попробовавъ ухи, предлагаетъ вмѣсто ея телячьи котлеты, и все это: и голова, и уха, и котлеты,—все начинаетъ вертѣться колесомъ, путаться, мѣшаться...

Крикъ сосѣда невольно возвращаетъ меня къ дѣйствительности. Я быстро вскакиваю, вскакиваютъ и остальные. Странная картина передъ глазами у насъ: толстый, жирный господинъ въ коломянковомъ пиджакѣ весь окаченъ кофеемъ.

— Спалъ я здѣсь,—жалуется онъ,—а въ меня изъ окна и плеснуло...

— Какъ изъ окна,—удивляемся мы и смотримъ въ окна: полно, обыкновенная-ли вода въ Ладожскомъ озерѣ...

— Должно быть сверху, съ палубы, гущу выплеснули, да сюда попали, поясняетъ облитый.

Спутники улыбаются и опять растягиваются на диванахъ.

* * *

Солнце близко къ закату. Золотистый, невыносимо блестящій его свѣтъ смѣнился болѣе покойнымъ багрово-пурпурнымъ тономъ. Ни единаго облачка на небѣ. Тихо, спокойно погружается свѣтлый дискъ въ воду и горитъ прощальными лучами на крестахъ далекаго острова, куда мчится нашъ пароходъ, торопясь дойти до заката. Коневецъ яснѣе и яснѣе вырисовывается передъ нами, всѣ столпились на рубкѣ, жадно смотрятъ впередъ.

— Я въ двадцать пятый разъ ѣзжу,—хвастаетъ одна борода.

— Что такъ?

— Потому—благодѣтель. Колоколъ жертвовалъ, теперь у колокольни ярусъ придѣлываю.

— У этой?

— У этой.

— И какъ я, братецъ мой, вылѣчился,—разсказывалъ другой. Взялъ сѣры горючей, камфоры и керосину. Потомъ все смѣшалъ въ микстуру, да и вытерся на ночь.

— Ну и что-жъ?

— Какъ рукой сняло. Потомъ докторъ и говоритъ мнѣ: ну и шкура-же у тебя, Пантелеевъ, лошадиная... Такъ вотъ какъ.

Коневецъ ближе и ближе. Чаще и чаще старушки начинаютъ вздыхать. Монахъ то же начинаетъ ощущать какое-то безпокойство.

— Вы, батюшка, изъ Коневца? спрашиваютъ у него.

— Изъ Коневца,—хрипло шамкаетъ онъ и юркаетъ въ сторону.

— Въ Коневцѣ не такъ строго,—поясняетъ кто-то. Водку, али что пронести можно,—на Валаамѣ обыскиваютъ, тамъ не пронесешь.

— Ну?!

— Ей Богу! табакъ коли увидятъ,—сейчасъ арестъ.

— И курить нельзя?

— Невозможно.

— А если въ лѣсу?

— Въ лѣсу точно что можно...

— А кипятокъ у монаховъ есть? пристаетъ какая-то странница.

— Есть.

— И даромъ даютъ?

— Даромъ. Только при выѣздѣ лепту положить надо въ кружку.

— Какую лепту?

— Рупь... Коли не можешь и меньше.

Матросы начинаютъ готовить веревки для причала. Пары постепенно ослабѣваютъ, колеса тише поворачиваются въ водѣ, меньше пѣны и шума. Низкій берегъ, обычный мотивъ южнаго побережья Балтійскаго моря съ пескомъ и соснами выступаетъ все яснѣе и яснѣе. Бѣлыя главы монастыря прозрачно рисуются въ вечернемъ воздухѣ, лѣвѣе виднѣется зданіе гостинницы,—все не красиво, не изящно, все старѣетъ, подернутое ночною дымкой, комары тучами носятся надъ водой... Вотъ и берегъ.

* * *

Какое-то непріятное, щемящее душу чувство возбуждаетъ Коневецъ. Плоско и ровно раскинулся онъ на нѣсколько верстъ въ ту и другую сторону, поросъ хвойнымъ лѣсомъ, смотритъ не то чтобы очень мрачно, но и не весело,—не даромъ финны считали его мѣстопребываніемъ злыхъ духовъ. Уныло торчатъ голые стволы сосенъ, мохъ всевозможныхъ родовъ одѣлъ сплошнымъ ковромъ гранитные валуны, широкими плоскими шапками выдвинувшіеся изъ воды. Не видно признаковъ лѣсной животной жизни, только дятлы стучатъ носомъ въ кору, да попискиваетъ какая-то птичка. Впрочемъ маленькіе, едва замѣтные муравейники виднѣются кое-гдѣ. Мѣстами болота, мѣстами сплошные камни, и всюду комары носятся милліардами, кусаютъ и лицо, и руки, и шею... Нечего смотрѣть, нечѣмъ любоваться...

Первымъ долгомъ приходилось отправиться осмотрѣть пресловутый Конь-Камень, отъ котораго и получилъ островъ свое названіе. Сюда, по преданію, загоняли финны на зиму лошадей, и на весну одной изъ нихъ недосчитывались: ее пожиралъ богъ, имѣвшій въ этомъ камнѣ свое пребываніе. Камень не трудно найти, онъ въ какой нибудь верстѣ отъ Рождественскаго монастыря и лежитъ среди лѣса, и на верху его помѣщается часовня. Наверхъ ведетъ лѣстница, сбоку надпись придѣлана: „Съ сего мѣста Е. И. В. великій Князь Константинъ Николаевичъ снималъ видъ Коня-камня съ устроенной на немъ часовней, 1844 года, мая 14-го дня". Въ монастырѣ продаются фотографіи этого камня, и очень порядочныя фотографіи...

Ночь въ монастырской гостинницѣ, не смотря на самоваръ, очень любезно доставленный служкой, на молоко, на съѣстные припасы, взятые изъ дому, и на мѣстныя очень вкусныя просвиры и хлѣбъ, оказывается все таки невыносимой. Комары сплошь наполняютъ все пространство номера, и звеня надъ самымъ ухомъ, нещадно жалятъ и кусаютъ. Постели и диваны сплошь усѣяны ихъ трупами, но массы новыхъ кровопійцъ храбро кидаются на васъ, заползаютъ подъ платки, которыми прикрыты лица и шеи. Въ три часа всѣ не выдержали и вскочили,—впрочемъ все равно спать пришлось бы не долго, такъ какъ въ пятомъ часу пронзительный колокольчикъ дежурнаго монаха все равно васъ подымаетъ.

Отправились досыпать на пароходъ, мечтая только объ одномъ: какъ бы поскорѣе доѣхать до Валаама, до этого петербургскаго Іерусалима. Мы не слышимъ, какъ пароходъ снялся съ мѣста, какъ вышелъ въ открытое озеро,—только около полудня начинается въ каютѣ движеніе: забренчали ложки и вилки, начались обычные завтраки, и сомнительные запахи заносились вокругъ. Опять заходила собака и стала просить подачки, опять свѣтлыя пятна стали бѣгать по полу и тарелкамъ, опять руль сталъ пищать какъ немазанныя ворота... Разговоръ все вертѣлся около Валаама.

— Природа грандіозная,—сообщаетъ одинъ изъ пассажировъ. Это самая дикая Финляндія, въ самыхъ мрачныхъ проявленіяхъ. Гранитъ, покрытый тонкимъ слоемъ земли и травы, и громадный лиственный и хвойный лѣсъ...

— Капища тамъ были прежде, кажется?

— Очень возможно: мѣстность представляетъ самую роскошную декорацію для религіозныхъ обрядовъ. Да вотъ сами увидите... Каждое лѣто тамъ художники живутъ,—даже мастерская есть для нихъ особенная...

— Пристани тамъ кажется есть удобныя?

— Еще бы! Говорятъ, мѣстами у береговъ глубина доходитъ до сорока саженъ...

— Есть замѣчательныя вещи, постройки?

— Найдется кое-что. Увидите статуи въ скитахъ, какія вы не увидите въ Петербургѣ, увидите образъ, на которомъ наглядно изображено, какъ въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, а въ своемъ бревна не замѣчаемъ. Есть весьма недурная часовня, поставленная передъ монастыремъ въ память пребыванія на Валаамѣ Государя.

— А вѣдь мы стоимъ,—веребиваетъ кто-то. Неужели ужъ Валаамъ?

Бросаемъ разговоръ и подымаемся на палубу.

* * *

Густой клубящійся туманъ охватывалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Солнце весело било съ высоты, но не могло разогнать бѣлесоватый паръ водяныхъ испареній. За нѣсколько саженъ трудно было видѣть предметы и безконечно обширный горизонтъ вдругъ съузился до небольшой голубой площадки слегка колыхавшихся волнъ. Мы были точно въ громадномъ цилиндрическомъ футлярѣ, съ двумя голубыми донышками: небомъ и водою. Носъ смутно терялъ свои очертанія, верхи мачтъ тоже.

На передней мачтѣ, уреп уцѣпившись за снасти, полу-стоялъ, полу-висѣлъ шкиперъ и командовалъ своему помощнику, то убавлять ходъ, то останавливаться, то снова идти,—и зорко всматривался биноклемъ въ молочную пелену. Сырой, холодный воздухъ нервно дѣйствовалъ на кожу, и невольная дрожь пробѣгала по тѣлу послѣ теплой каюты.—Дойдемъ-ли хоть къ пяти часамъ, сокрушались на рубкѣ.

Вдругъ пароходъ прибавилъ хода,—съ мачты что-то замѣтили;—еще нѣсколько минутъ, и зубчатый строй колоссальныхъ елей на мгновеніе выступаетъ не-вдалекѣ. Но опять все заволокнулось, пропало, словно для того, чтобы потомъ выступить еще рельефнѣе, яснѣе. Панорама берега то всплываетъ, то опять тонетъ. Верхушки лѣса вдругъ вырисуются со всѣми деталями, а низъ стушеванъ. Выскочитъ на мгновеніе обломъ скалы, блеснетъ на солнцѣ, и пропадетъ опять. Чайка зарыдала, пронеслась надъ самымъ пароходомъ.

Рѣзко граничитъ полоса холоднаго тумана съ теплымъ прибрежнымъ воздухомъ, прозрачнымъ, яснымъ, сквозь который отчетливой, полной картиной рисуется роскошная панорама. Дѣйствительно, дивная, декоративная, граціозная мѣстность! Такъ картинно перепутался лиственный лѣсъ съ хвойнымъ, такъ картинно легли свѣтовыя пятна, гармонической гаммой тоновъ разливаясь отъ самыхъ свѣтлыхъ прозрачныхъ оттѣнковъ, то самыхъ интенсивныхъ, сгущеныхъ. На заднемъ фонѣ стали большие ели, раскидистыя, съ стрѣльчатой верхушкой, порою выпрыгивающей такой правильной, симметричной головкой, что кажется, точно не большая готическая часовня смотритъ на насъ изъ за лѣса. Ближе къ водѣ мелкая береза, рябина,—выдѣляется она свѣтло и ясно: солнце насквозь пронизываетъ ея золотистую, молодую листву: У ихъ подножья сочная зеленая трава,—а ниже гранитныя, мягко-округлыя, но порывистыми линіями сбѣгающія скалы. Прямымъ отвѣсомъ стали онѣ надъ водою и въ ней отразились,—на много саженъ идутъ онѣ въ глубь подъ нее; пароходъ безъ боязни мчится не подалеку отъ нихъ и не сбавляетъ хода. Порою прорывается берегъ, бухта мелькнетъ на мгновеніе, покажетъ дальній лѣсъ и берегъ, и опять заслонится бѣгущими навстрѣчу скалами.

Тише идетъ пароходъ; крутой, сильный заворотъ вправо даетъ рѣзкій слѣдъ за нами на недвижной глади озера.—Мы входимъ въ монастырскую бухту. Вправо—тотъ-же роскошный зеленѣющій берегъ, влѣво маленькій островъ съ легкой изящною церковью не то византійскаго, не то готическаго стиля, ярко горящей золотою макушкой,—это скитъ святителя Николая. Мимо, мимо проносится все,—мы быстро катимся къ югу. Проходъ все съуживается больше и больше, скалы точно ростутъ съ обѣихъ сторонъ; капитанъ даетъ сигнальный свистокъ,—и монастырь вдругъ весь является слѣва на высокой горѣ, серебрясь куполами на солнцѣ, то прячась, то показываясь изъ-за купъ перемежающейся зелени. Стучатъ о палубу канаты, гремятъ сходни.

* * *

Гранитная, довольно изящная лѣстница въ семьдесятъ ступеней, ведетъ наверхъ къ монастырю, и упирается въ обширную площадь, окаймленную съ двухъ сторонъ зданіями. По серединѣ ея бѣлѣетъ часовня, поставленная въ память посѣщенія Валаама нынѣ царствующимъ Императоромъ,—маленькое зданіе изъ мрамора и гранита, скомпанованное удивительно изящно покойнымъ Горностаевымъ, которому принадлежатъ всѣ новѣйшія монастырскія постройки. Вокругъ нея обѣгаетъ чугунная рѣшетка, у колонны стоитъ монахъ, и кланяясь приходящимъ, показываетъ имъ рукой на зданіе гостинницы, вытянувшееся вдали,—двухэтажное, каменное зданіе съ мезониномъ, на фронтонѣ котораго подъ гранитнымъ крестомъ вдѣланъ круглый образъ монастырскихъ святителей Сергія и Германа. Красивый каменный портикъ нависъ надъ входомъ и открываетъ за собою обширныя сѣни съ широкой бѣлою лѣстницей, взбѣгающей въ верхній этажъ. Здѣсь толкотня, шумъ суматоха,—и вмѣстѣ съ тѣмъ та заманчивая, сыроватая прохлада, которая всегда бываетъ въ солидно выстроенныхъ зданіяхъ, съ толстыми стѣнами и небольшими окнами. Монахи уговариваютъ быть потише: „всѣмъ мѣсто будетъ, всѣмъ“! и впускаютъ въ маленькую комнатку по четыре, по пяти человѣкъ...

Въ гостинницѣ около ста номеровъ, отдѣланныхъ до нельзя просто, но чисто;—бѣлыя выштукатуренныя стѣны, сводчатые потолки и крѣпостная толщина стѣнъ, невольно вызывающая улыбку. По стѣнамъ плохенькія литографіи видовъ монастыря, въ окнахъ.—сѣтки отъ комаровъ вмѣсто стеколъ, а въ амбразурахъ новѣшенное объявленіе, гдѣ отецъ настоятель проситъ посѣтителей, подчиняясь уставу монастыря не курить табаку, не стрѣлять изъ огнестрѣльнаго оружія, и не давать никому изъ прислуживающихъ никакого вознагражденія. Постели, простыни, подушки—все чисто и нѣтъ слѣдовъ на нихъ минувшихъ ночлеговъ въ видѣ раздавленныхъ клоповъ, какъ это было въ Коневцѣ. Неизбѣжный самоваръ, хлѣбъ, просвиры появляются на столѣ. Служка предлагаетъ войти въ корридоръ вписать въ книгу свое имя, званіе и адресъ. Послѣдняя мѣра имѣетъ прямое отношеніе къ городскому сбору на книжку въ пользу монастыря.

Звонокъ заливается въ корридорахъ. Монахъ объявляетъ что сейчасъ отходятъ соймы въ Николаевскій скитъ, гдѣ будетъ богослуженіе. Наскоро допиваемъ чай, и отложивъ осмотръ самаго монастыря до вечера, отправляемся на пристань.

Пароходовъ ужь нѣтъ: они отошли въ Сердоболь. Соймы быстро наполняются пестрой толпой. Мужчины и женщины берутся за длинныя весла. Монахи помѣщаются на руль, развертываютъ парусъ, десятками рукъ отпихиваются отъ берега. Судно замираетъ на мгновеніе на одномъ мѣстѣ, потомъ накреняется на бокъ, и распластавъ въ воздухѣ парусъ, тихо начинаетъ скользить по недвижной глади. Скоро цѣлая флотилія ихъ вытягивается вдоль по проливу и вся, опрокинувшись, отражается внизу. Мы беремъ отдѣльный челнокъ, беремся за весла, а на корму садится чухонецъ. Быстро обходимъ мы грузныя тяжелыя суда, и спѣшимъ къ Никольскому скиту, къ тому самому скиту, что остался у насъ влѣво при въѣздѣ. День чудный, теплый—тумана какъ не бывало. Надъ озерками носятся дикія утки, и не боясь, пролетаютъ возлѣ самой лодки, чайки сверкаютъ въ вышинѣ. Влажный вѣтерокъ набѣгаетъ съ озера, и промчавшись черезъ небольшую сосновую рощу, дѣлается такимъ душистымъ, ароматичнымъ...

Маленькая деревянная пристань съ южной стороны Крестоваго островка, на которомъ помѣщается Никольскій скитъ, открываетъ на него доступъ. Пологая горка служитъ постаментомъ маленькаго храма. Здѣсь стояла когда-то часовенка, сквозная, прозрачная, и въ ней зажигался огонь въ темныя ночи, служа маякомъ на всѣ стороны—и для пролива и для озера. Въ 1853 году одинъ благотворитель рѣшился поставить на этомъ мѣстѣ каменную церковь,—и искусство Горностаева создало изящный маленькій храмикъ. Особенно хорошъ и гармониченъ онъ снаружи, некрашенный, съ многоугольной желѣзной главой, позолоченной и покрытой лакомъ, ярко вырисовывающійся на фонѣ зелени, когда подъѣзжаемъ издали съ озера.

Входимъ мы въ церковь, входятъ и богомольцы. Она не можетъ вмѣстить ихъ и четверти, большинство остается снаружи. Церковь свѣтлая, пестрая, съ рѣзнымъ позолоченнымъ иконостасомъ мѣшаннаго стиля, отзывающагося даже мавританскимъ. Образа приличные не строгаго византійскаго письма, хотя далеко не художественны сравнительно съ новѣйшими византійскими иконами послѣднихъ построекъ Петербурга. Прелестны двѣ хоругви „золотаго фриле“, стоящія по бокамъ. А на лѣво, у клироса стоитъ нѣчто странное, запрещенное въ настоящее время святѣйшимъ синодомъ: это статуя святителя Николая... Какое удивительное, неприятное впечатлѣніе.

Извѣстна та черта, которую не должна переступать скульптура,—самые чудные художественные, пластичные образы, подвергнутые раскраскѣ, теряютъ свою прелесть. Мраморъ который, казалось, дышалъ жизнью, такъ полно передавалъ красоту формъ, глубину мысли, покрытый краской вдругъ обращается въ мертвенную безобразную куклу, самаго отталкивающаго вида. Попробуйте раскрасить Христа Торвальдсена, Давида или Моисея Микель-Анджело и посмотрите что изъ этого выйдетъ. Надо привыкнуть къ подобнымъ изображеніямъ съ дѣтства, что бы молиться передъ испанскими статуями мадоннъ. У насъ къ счастію исключены статуи, народъ къ нимъ не привыкъ, и только кое гдѣ въ глуши еще можно найти „Христа въ темницѣ“—маленькую рѣзную фигуру въ стеклянномъ ящикѣ, одѣтую въ длинную шелковую или шерстяную рубашку *).

Нельзя сказать, что бы изображеніе чудотворца въ Никольскомъ скитѣ сдѣлано плохо: ликъ выразителенъ, чрезвычайно осмысленъ, можетъ быть немного суровъ. Сносно сдѣлано полное архіерейское облаченіе, въ одной рукѣ у него мечъ, въ другой церковь. Но все таки впечатлѣніе таково, что стараешься отъ него избавиться возможно скорѣе, и отворачиваешься отъ золоченой ниши подъ балдахиномъ, украшающимъ статую..

Какъ попало на Валаамъ это изображеніе—того иноки не знаютъ. Извѣстно только, что оно по описямъ еще первой четверти настоящаго столѣтія значилось на Крестовомъ островѣ въ часовнѣ. Судя по окраскѣ, можно сказать, что оно было не разъ подновляемо...

Вольно вздыхаешь свободной грудью воздухъ, выбравшись изъ духоты на берегъ. Какая масса ландышей ростетъ по крутымъ скатамъ сѣверо-восточной части островка, какъ свѣжо, сладко они благоухаютъ. И на чемъ выросли они?—чуть не на голомъ гранитѣ: легкій слой земли еле покрылъ, пузатые, крутые отроги главной скалы. Ровная безконечная гладь озера развертывается отсюда передъ глазами и вдалекѣ прозрачными легкими пятнами рисуются тѣнистые острова, совсѣмъ склонившись къ водѣ своими вѣтвями...

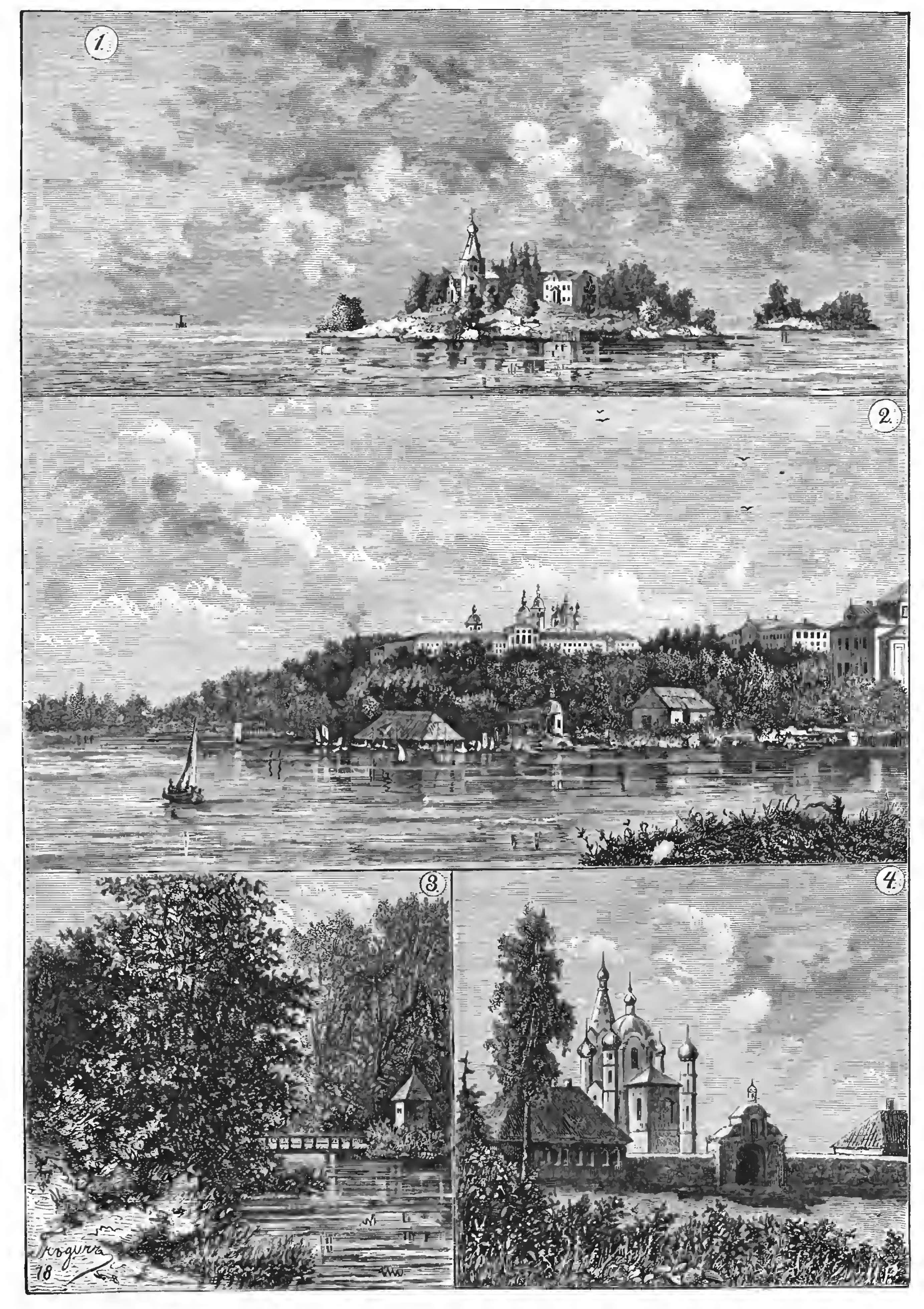
* * *

Нельзя съ точностью сказать, когда впервые здѣсь появились

*) Въ церкви Академіи Художествъ (въ Петербургѣ) есть изваянія апостоловъ и другихъ святыхъ. Но исключительное положеніе ея дало возможность исполнить статуи въ строго-художественномъ стилѣ и онѣ придаютъ церкви своеобразный видъ.




**Мадагаскарскій Ай-ай или Рукононжка.** (Chiromys Madagascarensis). Рис. съ натуры Ф. Циммерманъ, грав. Г. Рихтеръ.



**Виды на Валаамѣ.**

1) Скитъ Св. Николая. 2) Монастырь Валаамъ. 3) Дорога въ скитъ. 4) Скитъ всѣхъ Святыхъ.

Ориг. рисунокъ П. Гнѣдича, грав. Рашевскій.

аскеты, но несомнѣнно, что въ самой глубокой древности здѣсь могло процвѣтать монашество. Преданіе говоритъ, что на Валаамѣ были иноки еще во времена Ольги, и что онъ издавна былъ разсадникомъ христіанства. Разсказываютъ. что Андрей Первозванный первый истребилъ здѣсь капища Перуна и Велеса и окрестилъ жрецовъ. Но какъ бы то ни было, могъ-ли, или не могъ быть Андрей на Валаамѣ—съ достовѣрностью можно сказать, что около XI вѣка на островѣ было нѣчто вродѣ братства, при чемъ основателями его называли пришлыхъ грековъ, несомнѣнно царьградскихъ выходцевъ. Братство то распадалось, то соединялось вновь, чему главнѣйшей причиной была порубежность Валаама—между Русью и Шведомъ. Расположенный не подалеку отъ Кексгольма (Корела), представляющій удобныя пристани для лодокъ, онъ, естественнымъ образомъ, служилъ приманкой для шведовъ, особенно если взять въ разсчетъ, что беззащитныхъ монаховъ перебить ничего не стоило. Съ другой стороны прелестное мѣстоположеніе, традиціи, мощи угодниковъ невольно влекли монаховъ на прежнее мѣсто. И вотъ Валаамъ называется то обителью св. Троицы, то монастыремъ Спаса-Преображенія, то упоминается, что онъ деревянный, то каменный, и наконецъ въ XVI вѣкѣ именуется честною и великою лаврою, съ монастырскими погостами, за нимъ числится 537 дворовъ и 159 саженъ земли, а представители власти начинаютъ жаловать его льготными грамотами, освобождая крестьянъ отъ повинностей и пошлины, коли на монастырскихъ земляхъ „душегубства“ не будетъ. Въ концѣ же XVI-го вѣка посыпались на старцевъ и несчастья: въ 1578 году напали на нихъ поляки и изрубили тридцать четыре человѣка. Черезъ три года на островъ была занесена эпидемія, отъ которой умерло около 90 иноковъ и послушниковъ, а вскорѣ шведы сожгли и церкви, и кельи, и трапезу, и обитель.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, въ концѣ своего царствованія разсылалъ, какъ извѣстно, по монастырямъ всевозможные синодики, заканчивая ихъ знаменательными словами: „помяни Господи и прочихъ въ опричнину избіенныхъ всякаго возраста мужска полу и женска, ихже имена Самъ вѣси, Владыко“. Есть такой синодикъ и на Валаамѣ съ надписью: „Лѣта 7091-го, царь и государь, великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси прислалъ въ свое царское богомолье на Валаамъ сія имена убіенныхъ и велѣлъ поминать во вѣки и кормы по нимъ ставити тогда-то, и тогда-то“... и слѣдуетъ затѣмъ длинный списокъ „убіенныхъ“.

Передъ самою смертію царя Ѳеодора Іоанновича, шуринъ-правитель донесъ ему, что „игумену Давиду съ братіей на Валаамѣ учинилось раззореніе отъ свейскихъ людей“. Благочестивый царь распорядился, чтобы обитель была возстановлена казною царской. Но прежде чѣмъ грамота была приведена въ исполненіе, Ѳеодоръ умеръ. Царь Борисъ, утвердившись на престолѣ, велѣлъ грамоту переписать на свое имя. До сихъ поръ есть на Валаамѣ колоколъ съ надписью: „Лѣта 7111 слиты бысть сіи колокола боголѣпному Преображенію Спасову въ Валаамскій монастырь при благовѣрномъ царѣ и государѣ, великомъ князѣ Борисе Ѳеодоровиче Годунови“...

Въ 1611 году пора лихолѣтья не пощадила и Валаама: отряды шведовъ, взявъ Кексгольмъ, пробрались и въ обитель—все пожгли, порубили и островъ запустѣлъ на долго,—больше чѣмъ на сто лѣтъ, вплоть до того времени, пока Петръ Великій не приказалъ возобновить монастырь.

Съ этихъ поръ начинается процвѣтаніе монастыря и продолжается до нашихъ дней, прервавшись только разъ въ 1754 г. пожаромъ. Впрочемъ пожаръ, конечно, „способствовалъ много къ украшенію“ обители, и на пожертвованные императрицею Елизаветою 8,000 рублей ассигнаціями сталъ отстраиваться заново. Искусство тогдашнихъ архитекторовъ было довольно сомнительно, такъ какъ 7-го марта 1759 года только что поставленная колокольня упала отъ вѣтра. Въ концѣ XVIII столѣтія Валаамъ обстроился совершенно, явились частные благотворители и субсидіи отъ казны. Наконецъ Императоръ Александръ, въ 1821 году возвелъ Валаамъ въ званіе перворазряднаго монастыря, увеличилъ штатъ монаховъ и посѣтилъ островъ лично. Теперь для Валаама прошла всякая пора невзгоды,—онъ отличается полнѣйшимъ благосостояніемъ, привлекаетъ массы богомольцевъ, и можетъ смѣло гордиться тѣмъ, что изъ среды его вышли тѣ подвижники-миссіонеры, которые нашли себѣ мученическую смерть въ нашихъ американскихъ владѣніяхъ, проповѣдуя Евангеліе на островахъ Тихаго океана...

* * *

Трапеза—длинная комната въ два свѣта, съ иконостасомъ противъ входа, и съ иконами въ простѣнкахъ, съ сводчатымъ потолкомъ и люстрой—полна народу. Проголодавшіеся, уставшіе богомольцы съ жадностью накидываются на монастырскій незатѣйливый столъ. Предъ каждымъ по ломтю превосходнаго монастырскаго хлѣба, одна чашка на троихъ, деревянныя ложки,—салфетокъ и тарелокъ не полагается. Очередный инокъ читаетъ молитвы, слышно только чавканье да вздохи—разговоровъ не полагается тоже. Щи смѣняются киселемъ, въ которомъ плаваетъ какая-то рыба, кисель—простоквашей, разумѣется безъ сахара... Боже, съ какимъ аппетитомъ все это поѣдается!..

— Ну-съ, теперь время посмотрѣть могилу миѳическаго Магнуса,—предлагаетъ намъ одинъ изъ спутниковъ, и всѣ мы отправляемся на кладбищѣ, заглядывая по дорогѣ въ соборы.

Главный соборный храмъ Преображенья переполненъ народомъ. Рѣзной пятиярусный иконостасъ отдѣляетъ четырехугольное помѣщеніе отъ полукруглаго алтаря. Потолокъ и арки расписаны подъ мраморъ,—по стѣнамъ старыя иконы, поражающія своимъ наивнымъ трактованьемъ сюжетовъ. Тутъ есть удивительный блудный сынъ, вернувшійся къ дому отчему, тутъ есть два человѣка: у одного изъ нихъ торчитъ изъ глаза сучекъ, а у другого здоровеннѣйшее бревно,—тутъ можно найти до того примитивную перспективу, что на иныхъ картинахъ окажется нѣсколько горизонтовъ и безчисленное количество точекъ зрѣнія. Надъ входной дверью виситъ впрочемъ „Поклоненіе волхвовъ“ очень солиднаго письма, хорошаго иностраннаго мастера, писанное на полотнѣ въ 1703 году—это подарокъ обители князя Голицына. Есть старинныя хоругви весьма оригинальной формы...

**П. Гнѣдичъ.**

(Окончаніе въ слѣд. №).

# Къ рисункамъ.

## Финляндскій пейзажъ.

(Рисунокъ Н. Каразина).

Нашъ достопочтенный сотрудникъ давно уже извѣстенъ своими разнообразными талантами. Онъ такъ же владѣетъ перомъ писателя какъ и карандашемъ художника, и его творческая фантазія до сихъ поръ такъ же неутомима, какъ это бывало и прежде, тому назадъ лѣтъ шесть, семь. Число литературныхъ произведеній, написанныхъ имъ, а тѣмъ болѣе число его рисунковъ, помѣщенныхъ въ теченіи вышеупомянутыхъ шести-семи лѣтъ въ различныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ и въ особенности на страницахъ нашего журнала—достойны того, чтобы привести ихъ когда нибудь въ извѣстность.

Это несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, какъ указаніе на богатство фантазіи достопочтеннаго художника и писателя, такъ и на его замѣчательное трудолюбіе. И это, полагаемъ, будетъ въ свое время сдѣлано, а пока пожелаемъ, чтобы талантъ и трудолюбіе почтеннаго художника продолжали по прежнему проявляться въ теченіи многихъ будущихъ лѣтъ.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображая финляндскій пейзажъ, отличается тѣми же достоинствами, какими отличаются всѣ пейзажныя работы этого художника-писателя. Справедливость требуетъ замѣтить, что пейзажныя его работы значительно превосходятъ жанровыя, и перелистывая страницы „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, читатели наши согласятся съ этимъ мнѣніемъ, разсматривая пейзажи почтеннаго художника.

С

## Парижская всемірная выставка.

Продолжая ознакомленіе нашихъ читателей съ Парижской всемірной выставкой, мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ два рисунка, относящіеся къ художественнымъ отдѣламъ, русскому и итальянскому. Къ русскому относится рисунокъ съ картины Максимова „Семейный раздѣлъ“, къ итальянскому—рисунокъ со статуи г. Эммануэля „Игрокъ на флейтѣ“.

Прежде всего скажемъ о картинѣ Максимова и дадимъ нѣсколько свѣдѣній о русскомъ художественномъ отдѣлѣ въ дополненіе къ сказанному уже (см. № 27 „Нивы“, стр. 479 ). Содержаніе картины г. Максимова „Семейный раздѣлъ“ ясно для каждаго, такъ что объяснять ее было бы совсѣмъ излишне. Братья дѣлятся и, какъ обыкновенно водится, каждый отстаиваетъ свой интересъ. Экспрессія лицъ, постановка фигуръ ясно свидѣтельствуютъ который изъ братьевъ, дѣлящихъ имущество, признаетъ за собою болѣе правъ на большую долю наслѣдства. За обиженнаго вступается жена его, но, разумѣется, ея протестъ, бабій, ничего не будетъ значить: большая доля все таки достанется старшему.

Г. Максимовъ—молодой художникъ и сталъ виднымъ со времени написанія своей картины „Приходъ колдуна на свадьбу“. Это первая большая его картина и въ то же время лучшая. Картина „Семейный раздѣлъ“, отличающаяся несомнѣнными достоинствами, нѣсколько уступаетъ первой и въ широтѣ замысла, богатствѣ идеи и въ самомъ исполненіи, хотя и въ той, первой, есть своего рода недостатки, напримѣръ, излишнее выписыванье, отчего замѣтна какая-то замученность въ работѣ, нѣтъ той смѣлости, гдѣ однимъ штрихомъ, однимъ мазкомъ является опредѣленность контура и сочность красокъ. Но, повторяемъ, г. Максимовъ еще такъ молодъ, что въ техникѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ успѣхи; что же касается идеи, то упомянутыя нами картины уже достаточно доказываютъ, что художникъ обладаетъ богатствомъ мысли и замѣчательной наблюдательностію. Какъ эта, помѣщаемая въ рисункѣ настоящаго № „Нивы“ картина „Семейный раздѣлъ“, такъ и упомянутая кар-

тина „Приходъ колдуна на свадьбу„ находятся на Парижской выставкѣ и обращаютъ на себя вниманіе цѣнителей художественныхъ произведеній. Пользуемся случаемъ, чтобы сказать еще нѣсколько словъ о нашемъ залѣ въ международной галлереѣ изящныхъ искусствъ. Сравненіе съ другими залами этой галлереи и общій итогъ въ отзывахъ цѣнителей художеcвенныхъ произведеній, положительно доказываютъ, что нашъ художественный отдѣлъ одинъ изъ лучшихъ. Г. Семирадскій кромѣ своей картины „Свѣточи христіанства", выставилъ еще двѣ: одна изъ нихъ носитъ названіе „Старый нищій" и изображаетъ этого нищаго въ тотъ моментъ, когда онъ исхудалый и въ лохмотьяхъ протягиваетъ руку за милостыней богатой красавицѣ, собирающейся сѣсть въ роскошную лодку. Вторая картина называется: „Вино или женщину". Она изображаетъ слѣдующее: старый сластолюбецъ съ чашею въ рукахъ стоитъ передъ прелестной, обнаженной дѣвушкой, стыдливо опустившей глазки, и остается въ нерѣшительности, купить ее или нѣтъ. Дѣвушку эту держитъ за руку купецъ, ее продающій. Къ тому, что уже сказано нами о талантѣ Семирадскаго, здѣсь мы не имѣемъ ничего прибавить и повторимъ только то, что сказали, а именно: Семирадскій удивительный художникъ по колориту и по мастерству изображенія предметовъ, но въ лицахъ, имъ изображаемыхъ, нѣтъ выраженія ихъ душевнаго состоянія—лица его неодушевлены мыслію.

Вниманіе посѣтителей выставки останавливаетъ на себѣ картина Куинджи „Ночь въ Малороссіи". Эта картина и у насъ надѣлала много шуму. Картину эту, вѣроятно, видѣли многіе изъ нашихъ подписчиковъ, такъ какъ она была въ числѣ картинъ, составляющихъ передвижную выставку и перебывавшихъ во всѣхъ нашихъ болѣе крупныхъ губернскихъ городахъ. Среди маринистовъ нашихъ и всѣхъ иностранныхъ положительно выдается г. Айвазовскій. И въ другихъ залахъ ему нѣтъ соперниковъ. У него и спокойное море, и едва взволнованное бурей и бѣшено бушующее—всегда прекрасно, и по красотѣ своей—изумительно.

Идутъ разнорѣчивые отзывы о двухъ нашихъ знаменитыхъ портретистахъ, Крамскомъ и Харламовѣ и до сихъ поръ не рѣшено, кому изъ нихъ отдать преимущество, да это, конечно, никогда и не рѣшится: каждый останется съ своимъ взглядомъ. Одни будутъ восхищаться смѣлостью кисти Харламова, пользующагося въ Парижѣ громкою славой, другіе-же—находить, что работы Крамскаго выше работъ Харламова. По мнѣнію однихъ Харламовъ бросаетъ красками, не разбирая, и на рѣзкое, морщинистое лицо старика и на мягкія черты гладкаго личика молодой дѣвушки, другіе находятъ, что именно это бросаніе красокъ и хорошо въ портретахъ.

Работъ скульптурныхъ въ нашемъ залѣ изящныхъ искусствъ немного. Чижовымъ выставлены: „Крестьянинъ въ горѣ" и „Молодая крестьянка мать, учащая своего ребенка". Объ Антокольскомъ мы говорили. Теперь прибавимъ только о его статуѣ „Христосъ предъ народомъ". Христосъ сдѣланъ стоящимъ съ устремленнымъ впередъ взглядомъ. Голова Христа покрыта шапочкой, а длинные волнистые волосы прядями падаютъ на плечи. Длинная туника спадаетъ складками до ногъ, обутыхъ въ сандаліи. Руки обнажены по локоть и туго связаны ремнемъ, отчего жила вздулась,а ремень вдавленъ въ тѣло. Вся фигура полна выраженія твердости и силы воли, въ глазахъ же, глубоко впавшихъ, выражается созерцаніе и спокойствіе. Статуя обработана превосходно и возбуждаетъ всеобщее удивленіе и восторгъ. Эта статуя сдѣлана изъ мрамора. Вторая статуя Христа—бронзовая, работы того же г. Антокольскаго, носитъ названіе „Послѣдній вздохъ"; она изображаетъ Христа въ минуту смерти: глаза его закатились подъ отяжелѣвшими вѣками, волосы прилипли ко лбу и губы закрылись. Въ общемъ впечатлѣніе чрезвычайно трогательное.

За симъ скажемъ еще о мавзолеѣ г. Бродскаго, останавливающемъ на себѣ вниманіе посѣтителей зала. Этотъ мавзолей сдѣланъ для какой-то итальянской могилы и изображаетъ слѣдующее: Изваянная покойная лежитъ въ гробу, склонившись нѣсколько на бокъ на подушкѣ, возлѣ гроба стоитъ ея двухлѣтняя дѣвочка, въ одной рубашкѣ и своей крохотной рученкой приподнимаетъ покрывало. Движеніе показываетъ, что дѣвочка хочетъ разбудить мать, а испуганные глазки дѣвочки доказываютъ, что это ей не удается... Этотъ мавзолей надолго остается въ памяти у каждаго, имѣвшаго случай любоваться имъ.

Теперь мы перейдемъ во французскій залъ галлереи изящныхъ искусствъ и упомянемъ о нѣкоторыхъ художникахъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны у насъ; это мы дѣлаемъ тѣмъ болѣе кстати, что въ прошломъ № „Нивы" приложенъ рисунокъ, представляющій видъ зала французскаго отдѣла.

На Парижской выставкѣ можно видѣть не менѣе 16 работъ славнаго художника Мейсонье, превозносимаго цѣлой толпой почитателей. Мейсонье членъ французской Академіи Художествъ и заваленъ наградами. Работы его самыя мельчайшія продаются по неслыханнымъ цѣнамъ. Онъ скорѣе живописецъ-миніатюристъ—такъ отчетливо и съ такой любовью пишетъ онъ крохотныхъ человѣчковъ и такъ терпѣливо выписываетъ и пуговицы на ихъ платьяхъ и перья на ихъ шляпахъ. Самой лучшей, или вѣрнѣе болѣе другихъ останавливающей зрителей является на выставкѣ его картина „Игроки въ мячъ", „Les joueurs de bales". На первомъ планѣ представлена группа крестьянъ, играющихъ въ мячъ, нѣкоторые изъ нихъ стоятъ спиной къ зрителю, другіе въ профиль, а одинъ изъ играющихъ, собирающійся бросить мячъ, отошелъ въ сторону—онъ на заднемъ планѣ картины, и между тѣмъ крохотный человѣчекъ такъ выписанъ, что видна его шляпа, подробности его костюма. Среди зрителей передъ картинами Мейсонье то и дѣло слышатся возгласы удивленія отдѣлкѣ его работъ. Бонна—самый сильный въ настоящее время изъ живописцевъ Франціи, и его картинъ на выставкѣ не менѣе 17. Отмѣтимъ его „Barbier nègre a Suez"—негръ, брѣющій другого негра, сидящаго на землѣ. Портреты Бонна очень цѣнятся, но онъ пишетъ больше буржуа, а не герцогинь, какъ Кабанель, возбуждающій мечту въ каждой разбогатѣвшей буржуазкѣ имѣть портретъ его работы.

Кабанель обладаетъ искусствомъ придавать изображаемымъ имъ лицамъ что-то поэтичное, неземное—его фигуры скорѣе прелестныя тѣни, чѣмъ представленіе существъ реальныхъ. Упомянемъ о портретѣ нѣкой герцогини и ея дѣтей: мать, одѣтая въ черное бархатное платье, сидитъ на богатомъ креслѣ, у ногъ же ея играютъ двое дѣтей; вокругъ роскошь, драпировки, различныя декораціи.

На счетъ Жюля Бретона толпа говоритъ—это выставка идеальныхъ крестьянокъ; красавицы чуть не богини, одѣтыя въ простыя платья простыхъ деревенскихъ женщинъ. Картина Жерома „Арабъ на трупѣ своей лошади въ пескахъ пустыни" производитъ грустное чувство. „Ses femmes au bain" представляетъ нѣсколько женщинъ безъ рубашекъ и доставляетъ пріятное развлеченіе для любителей картинъ такого содержанія, сдѣланныхъ въ миніатюрѣ. Жеромъ также отличается отдѣлкой всѣхъ подробностей, въ то же время играя на лакѣ. Всѣ произведенія Жерома вообще составляютъ собою разсказы и иногда бываютъ очень пикантны. Такъ, напримѣръ, и его „L'Eminence grise„—кардиналъ, спускающійся съ лѣстницы и дѣлающій видъ, что не замѣчаетъ привѣтствій, расточаемыхъ ему придворными. Есть еще у Жерома одна выдумка, новинка въ живописи: онъ написалъ льва и вставилъ ему блестящіе глаза, точно фонари горятъ. И этотъ свѣтъ глазъ заставляетъ восхищаться публику.

Знаменитаго Курбе на выставкѣ всего одна картина „La Vague". Представлена волна, ударяющаяся о берегъ, гдѣ прикрѣплены двѣ лодки. Темныя облака покрываютъ небо, а зеленоватаго цвѣта вода покрыта пѣною.

Французская Академія Художествъ имѣетъ совсѣмъ не важное вліяніе на художниковъ: большинство ихъ остается независимымъ отъ Академіи и составляетъ въ то же время славу французской школы живописи. Но за послѣднее время большая часть мастеровъ сошли въ могилы. Умерли: Эженъ Делакруа, Энгръ, Курбе. Затѣмъ въ школѣ пейзажной живописи похищены смертію Руссо, Добиньи, Коро. Теперь остались только ученики великихъ художниковъ. Во время осады Парижа 1871 г. убитъ непріятелемъ и Анри Реньо, въ которомъ должно было взойти свѣтило для французской школы; умеръ и Шентрейль, ученикъ Коро, значительный талантъ.

Лѣтъ десять тому назадъ во Франціи возникла новая школа живописи *импрессіонистовъ*, употребляющихъ смѣдые и новые пріемы, которые однакожъ не всѣмъ нравятся, и на выставку картины этой школы не допущены. Это что-то такое пестрое, рѣзкое, какъ любая декорація, вставленная въ раму. Тутъ видишь яркую красную крышу, бѣлую стѣну, яркую зелень дерева, желтую дорогу, синюю рѣку. Надѣются, что этой школѣ принадлежитъ будущее. Едва-ли.

Съ итальянскимъ художественнымъ отдѣломъ наши читатели уже отчасти знакомы по нѣсколькимъ рисункамъ, помѣщеннымъ въ предыдущихъ номерахъ „Нивы".

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ со статуи изъ Итальянскаго отдѣла, изображающій игрока на флейтѣ, по нашему мнѣнію есть произведеніе хотя и не первоклассное, но все таки весьма заслуживающее вниманія со стороны художественной, и любители изящнаго, конечно, съумѣютъ оцѣнить эти художественныя достоинства.

Но къ Парижской Всемірной выставкѣ мы еще будемъ имѣть случай не разъ возвратиться, и потому дальнѣйшее ея описаніе оставляемъ до слѣдующихъ номеровъ „Нивы"—на страницахъ которыхъ надѣемся помѣстить въ теченіи настоящаго года болѣе или менѣе значительное число рисунковъ, заслуживающихъ общественнаго вниманія въ томъ или другомъ отношеніи.

## За починкой ружья. (Сцена изъ средневѣковой жизни).

Незначительная по своему содержанію сценка изъ средневѣковой жизни, возможная и въ наши дни и въ средѣ какой угодно національности, заслуживаетъ тѣмъ не менѣе вниманія по замѣчательнымъ достоинствамъ ея выполненія въ картинѣ.

Смотря на эту картину, невольно думается, какимъ богатствомъ обладаютъ истинные художники и какъ недолго имъ нужно искать *содержаніе* для своихъ картинъ. Содержаніе это

вездѣ и всюду, умѣй только его взять. Такъ поэтъ А. Толстой говоритъ:

„Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и не слышимыхъ звуковъ,
Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова и свѣта;
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и слышать и видѣть“...

Да, нужно умѣть „и слышать и видѣть“, но не такъ, какъ слушаютъ и видятъ люди, имѣющіе зрѣніе и слухъ, а такъ какъ видятъ только одни избранные, которые, по словамъ того же поэта

„Уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово—
Цѣлое съ нихъ извлекаютъ созданье въ нашъ міръ изумленный“.

Таковы истинные художники: уловилъ гдѣ нибудь на лету быстро мелькнувшее выраженіе лица—и цѣлая сцена готова, полная жизни и смысла, ожилъ бытъ, давно уже ушедшій въ невозвратную вѣчность, и любуясь на произведеніе художника, мы снова видимъ прошлую жизнь, чудеснымъ образомъ воспроизведенную художественной кистью.

Но для этого необходимо то, что называется талантомъ, и таланту нечего затрудняться въ выборѣ содержанія картины: онъ его вездѣ найдетъ и подъ его чудодѣйственной кистью избранныя имъ лица получатъ жизнь. Посмотрите на эту сцену, по поводу которой намъ пришлось сказать вышеприведенныя слова: какъ незначительно въ ней содержанія и какъ въ тоже время много жизни въ обоихъ лицахъ.

Почтенный человѣкъ, уже съ значительной сѣдиной и „скудовласіемъ“ съ такою упорною настойчивостью развинчиваетъ свое ружье, быть можетъ готовясь на завтра вступить въ бой.

Ружье что-то туго поддается власти своего хозяина, винтъ заупрямился и неразвинчивается—и лишняя морщина появляется на хмуромъ лицѣ почтеннаго обладателя сѣдинъ. Но эта нахмуренность его лица видимо вызвана не однимъ только упорствомъ винта—тутъ нѣчто другое, тутъ есть что-то, имѣющее связь съ тѣми обстоятельствами, въ силу которыхъ и самое ружье появилось въ этой богатой комнатѣ на колѣняхъ этого почтеннаго человѣка.

Самая фигура его, выраженія лица и каждая, такъ сказать, морщинна на этомъ лицѣ—все обрисовываетъ его характеръ, понятный для зрителя при первомъ же взглядѣ на картину и наводящій на догадки о томъ дѣлѣ, къ которому это лицо готовится.

Но и къ какому бы дѣлу оно не готовилось, мальчику, вблизи его стоящему—это все равно. Ему главное—посмотрѣть, что тамъ въ самомъ ружьѣ, въ томъ сокровенномъ мѣстечкѣ, которое теперь вотъ-вотъ скоро будетъ открыто. Онъ весь сосредоточился на этомъ мѣстечкѣ и полонъ любопытства.

Оба изображенныя лица дышутъ жизнью, и смотря на нихъ, читаешь ихъ душевныя свойства и понимаешь ту мысль, которая оживотворяетъ ихъ въ данную минуту. Въ этомъ и достоинство художественнаго произведенія и это главное въ жанровой картинѣ.

Изображенная сцена названа художникомъ относящеюся къ средневѣковой жизни; но это не составляетъ разницы въ ея содержаніи: подобный сюжетъ можетъ быть отнесенъ и къ жизни нашихъ дней, разница только въ костюмахъ, люди же—вездѣ люди. Недаромъ поэтъ говоритъ, что изучая любовь и страданье людей, которые жили во времена отдаленныя отъ насъ цѣлыми тысячелѣтіями,—

„Сквозь призму вѣковъ мы узнаемъ
Любовь и страданья свои“.

Такъ равно и то, что было въ средніе вѣка—имѣетъ мѣсто и въ наше время, только при другой обстановкѣ и при другихъ подробностяхъ,—ибо давно уже извѣстно, что

„Ничто не ново подъ луною,
Что было, есть—то будетъ въ вѣкъ:
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде кровь лилась рѣкою“.

Въ дополненіе къ этому четверостишію прибавимъ, что и прежде онъ такъ же былъ любопытенъ, какимъ представленъ мальчикъ на этомъ рисункѣ и такъ же хмурился, какъ хмурится этотъ „скудовласый“ господинъ, развинчивающій свое ружье.

## Мадагаскарскій Ай-ай или Руконожка.

(Chiromys Madagascarensis)

Животное, представленное на нашемъ рисункѣ, водится исключительно на Мадагаскарѣ и даже тамъ встрѣчается столь рѣдко, что его совершено основательно можно считать близкимъ къ окончательному исчезновенію. Такая рѣдкость этого животнаго была причиной, что европейскіе ученые долго не могли имѣть о немъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, пока въ концѣ прошлаго столѣтія, извѣстный путешественникъ и естествоиспытатель Зоннератъ не посѣтилъ Мадагаскара и не добылъ два экземпляра этого таинственнаго звѣрька. Онъ познакомилъ съ нимъ ученый міръ издавъ въ 1783 году довольно подробное и обстоятельное его описані и въ тоже время снабдилъ однимъ экземпляромъ Ай-ая парижскій зоологическій садъ, такъ что интересное животное сдѣлалось общедоступнымъ для научныхъ изслѣдованій и выводовъ. Но тѣмъ не менѣе до крайности странное и своеобразное его физическое строеніе до сихъ поръ ставитъ въ тупикъ каждаго наблюдателя и затрудняетъ отнести его къ какому нибудь извѣстному отдѣлу. Одни причисляютъ его къ ночнымъ обезьянамъ, другіе къ семейству грызуновъ, но никто не рѣшается произнести въ этомъ случаѣ заключительное, послѣднее слово. По мнѣнію Брема руконожка или Ай-ай безъ всякаго сомнѣнія стоитъ гораздо ближе къ полу-обезьяниамъ чѣмъ къ грызунамъ. Съ послѣднимъ это животное имѣетъ нѣчто общее лишь по устройству челюсти; во всемъ же остальномъ оно совершенно на него не походитъ; такъ голова у него толстая съ большими, плоскими, черными, лоснящимися ушами; маленькіе, выпуклые, неподвижные, блестящіе глаза, ротъ похожъ на клювъ попугая, замѣчательной величины туловище и длинный мохнатый хвостъ. (Туловище Ай-ая достигаетъ длины 18 дюймовъ и 6 линій, а хвостъ его $1^1/_2$ фута). Какъ туловище, такъ и хвостъ покрыты хотя рѣдкими, но длинными и щетинистыми волосами буланаго цвѣта и только передняя часть головы отличается бѣлесоватостью шерсти.

Ай-ай имѣетъ на каждой ногѣ по пяти пальцевъ очень длинныхъ и изогнутыхъ, вслѣдствіе чего походка его бываетъ весьма медленна. Пальцы на передней рукѣ составляютъ самый характеристичный его признакъ. Эти пальцы также снабжены изогнутыми когтями, а средніе изъ нихъ оканчиваются тонкими голыми суставами, съ помощью которыхъ животное очень ловко вытаскиваетъ червей и насѣкомыхъ изъ-подъ коры и изъ расщелинъ дерева и запихиваетъ ихъ себѣ въ глотку. Въ лондонскомъ зоологическомъ саду Ай-ая обыкновенно кормили свѣжимъ молокомъ съ разболтаннымъ въ немъ вареньмъ и растертымъ яичнымъ желткомъ. Ай-ай также охотно ѣстъ рисъ и плоды, но постоянно отказывается отъ мясной пищи.

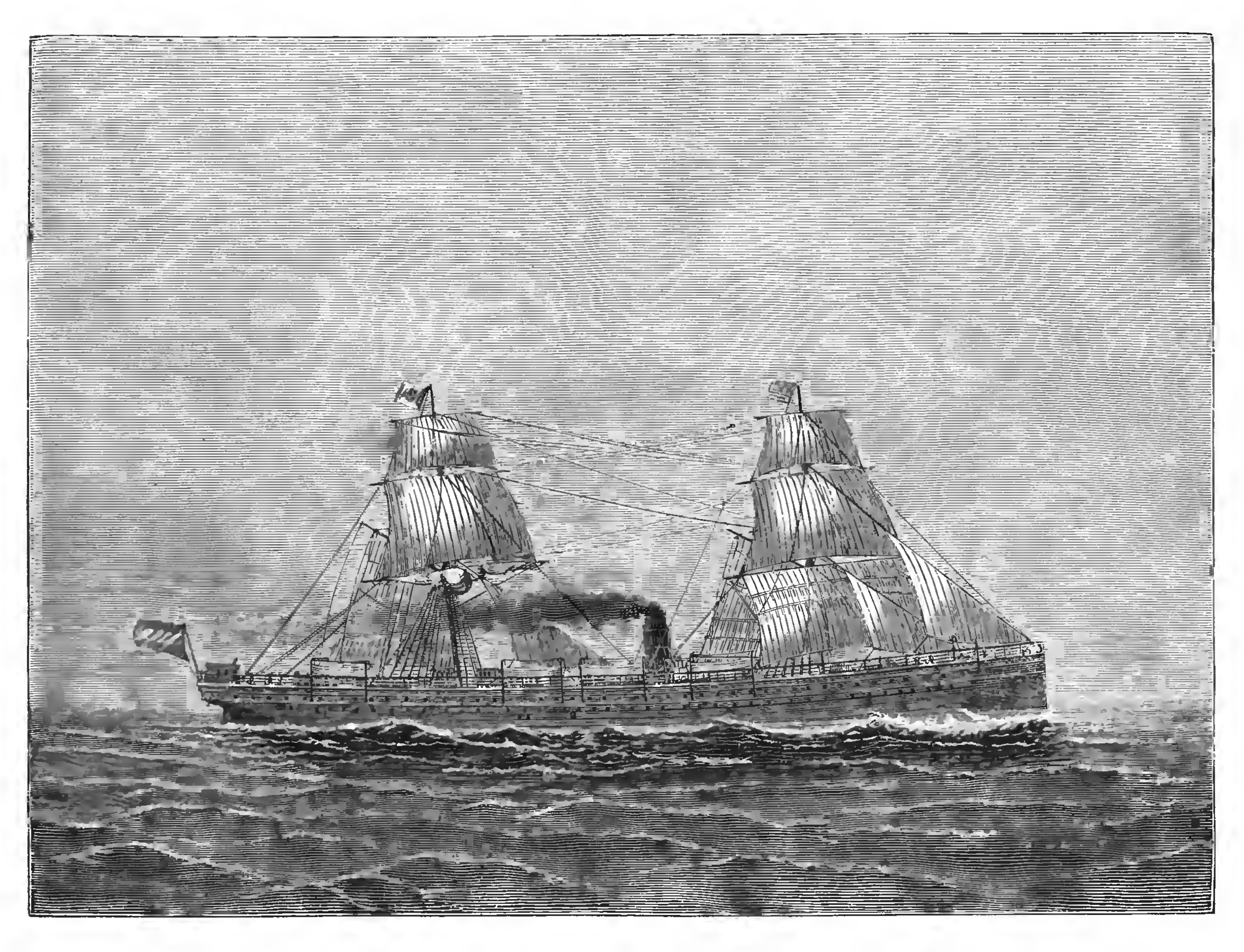
По привычкамъ и образу жизни онъ всецѣло принадлежитъ къ ночнымъ животнымъ; неподвижный, сонливый днемъ, онъ при наступленіи ночной темноты ободряется и дѣлается живымъ и проворнымъ. Даже самый слабый свѣтъ, какъ напримѣръ, свѣтъ свѣчки видимо для него непріятенъ и заставляетъ его убѣгать въ какое нибудь темное мѣсто. Днемъ онъ движется чисто механически, машинально, смотря на все съ полной апатіей своими красноватыми, неподвижными глазами; гдѣ нибудь въ темномъ уголкѣ, онъ свертывается въ клубокъ, закрываетъ морду хвостомъ, обертывая его кругомъ головы, и въ этомъ положеніи засыпаетъ и бываетъ очень трудно расшевелить его и вывести изъ этой постоянной, глубокой дневной спячки. Зоннератъ очень хвалитъ тихость и кротость его нрава, но Бремъ, наблюдавшій за нимъ, не находитъ въ немъ этой добродѣтели и говоритъ, что, напротивъ, это животное очень часто раздражается, отъ злости шипитъ и начинаетъ даже кусаться. Конечно на своей родинѣ, гдѣ съ нимъ и знакомился Зоннератъ, Ай-ай не имѣетъ особенныхъ причинъ злиться на человѣка, такъ какъ туземцы оказываютъ ему постоянно какое то суевѣрное почтеніе, и встрѣтивъ гдѣ либо, считаютъ за грѣхъ убить его или лишить свободы. Странное названіе Ай-ай далъ животному Зоннератъ, услышавъ, какъ обитатели Мадагаскара, принесшіе ему этого звѣрька, любовались имъ и въ удивленіи безпрестанно повторяли: ай-ай, и это восклицаніе такъ и осталось за нимъ въ Европѣ какъ его постоянное прозвище. Н.

## Пароходъ Россія (Holsatia)—первый крейсеръ Русскаго добровольнаго флота.

Читателямъ Нивы уже извѣстно, съ какою ревностною готовностію отозвался русскій народъ на осуществленіе вопроса по устройству русскаго добровольнаго флота. Комитетъ, по этому вопросу, какъ извѣстно, образовался съ Высочайшаго соизволенія подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника и теперь на средства, обильно со всей Россіи доставляемыя, уже пріобрѣтены для добровольнаго флота три океанскіе парохода: Holsatia, Hammonia, Turingia. Всѣ они, какъ мы уже имѣли случай сообщить въ предыдущемъ номерѣ Нивы, находятся теперь въ Кронштадской гавани. Первымъ пришелъ съ моря въ Кронштадтъ пароходъ Holsatia. Пароходъ этотъ дѣлалъ рейсы между Гамбургомъ и Нью-Іоркомъ, перевозя пассажировъ, и своими размѣрами онъ сразу производитъ большое впечатлѣніе: онъ громадной величины, а именно, длина его 361,6 футовъ. наибольшая ширина 42,6 грузовыхъ тоннъ 2200. Машина на пароходѣ совершенно новая, смѣшанной системы, въ 600 нарицательныхъ силъ. Котловъ паровыхъ шесть съ 24 топками. Машина развиваетъ до 2200 индикаторныхъ силъ, что даетъ пароходу 14 узловъ хода среднимъ числомъ. Пароходъ прибылъ въ Кронштадтъ 14-го іюня, совершивъ переходъ отъ Гамбурга, 1187 миль, въ 84 часа, слѣдовательно среднею скоростію дѣлая четырнадцать узловъ. На пробѣ впрочемъ, развивалъ скорость семиадцати

(Продолженіе на стр. 545, 546, 547 и 548).

узловъ. Угольныя ямы парохода могутъ вмѣстить около 1400 тоннъ угля, которыхъ хватитъ на 28 дней полнаго хода, или на разстояніе 9,500 миль. При пароходѣ имѣется 8 шлюпокъ. Команда парохода состоитъ изъ 110 человѣкъ, изъ нихъ: 8 офицеровъ, 35 кочегаровъ и машинистовъ, 20 угольщиковъ, остальные матросы. На пароходѣ „Россія“ можно перевезти въ случаѣ надобности до 3000 челов. за одинъ разъ на невесьма большое разстояніе или 1400 пассажировъ на дальнее плаваніе. Внутренность парохода отдѣлана великолѣпно, въ особенности залъ 1-го класса съ изумительными удобствами и роскошью. Хотя вся эта роскошь—картины, зеркала и бархатъ совершенно излишни при той цѣли, для которой пріобрѣтенъ пароходъ, но отъ нихъ нельзя было отказаться, въ виду той поспѣшности, съ какою нужно было произвести покупку, чтобы имѣть какъ возможно скорѣе готовыхъ крейсеровъ съ быстрымъ ходомъ. Каюты 1-го и 2-го класса устроены на второй палубѣ, помѣщеніе для 3-го класса отведено на 3 палубѣ Четвертая палуба назначена для



Пароходъ „Россія“ (Holsatia)—первый крейсеръ Русскаго добровольнаго флота. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

склада судовыхъ запасовъ и болѣе цѣнныхъ грузовъ. Ниже уже идутъ грузовые склады съ переборками между собой. Пароходъ строился въ Англіи для Гамбургской компаніи пароходовъ.

Этотъ пароходъ (Holsatia) прибылъ какъ сказано выше въ Кронштадтъ 14 іюня, въ среду, а 20 іюня совершено на немъ молебствіе и послѣ этого молебствія первый крейсеръ русскаго добровольнаго флота получилъ названіе „Россія“ и на немъ взвился, подъ звуки музыки, игравшей честь флагу, и національный гимнъ,—русскій военный флагъ.

При пѣніи хора „Спаси, Господи люди твоя“ флагъ, пароходъ и команда окроплены святой водою.

По окончаніи молебна надпись Holsatia была стерта. На торжествѣ присутствовали начальникъ морской и береговой обороны генералъ-адъютантъ Козакевичъ, товарищъ предсѣдателя комитета добровольнаго флота, сенаторъ Побѣдоносцевъ и другіе высокопоставленныя лица. Командиромъ Россіи назначенъ флигель-адъютантъ Барановъ, а старшимъ офицеромъ Лейтенантъ Пареваго.

Во вторникъ 20, въ Кронштадтъ прибылъ и второй пароходъ Hammonia, также купленный въ Гамбургѣ и принадлежавшій той же компаніи, что и Россія.

Пароходъ этотъ почти тѣхъ же размѣровъ, только машина его обыкновенной системы съ холодильникомъ поверхностнаго охлажденія. За этотъ пароходъ заплачено 40 т. фун. стерлинговъ. Thuringia также стоитъ уже въ Кронштадскомъ рейдѣ. Государь Императоръ отъ 19 іюня повелѣлъ пріобрѣтенные на добровольныя пожертвованія эти три морскіе парохода зачислить въ списокъ судовъ флота, наименовавъ ихъ: Россія, Москва и Петербургъ; Россія зачисляется въ 4, Москва въ 5, а Петербургъ въ 6 флотскіе экипажа и согласно постановленію адмиралтействъ совѣта, всѣ три въ 1 рангъ судовъ.

Въ заключеніе прибавимъ что дальнѣйшія дѣйствія комитета по сооруженію русскаго добровольнаго флота зависятъ отъ хода подписки. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ появилось извѣстіе, что весь сборъ пожертвованій на добровольный флотъ доходитъ только до одного мил. руб. между тѣмъ какъ факты доказываютъ, что въ одной пріемной Аничкова дворца къ 5 іюля состояло въ приходѣ 969,713 руб. деньгами и кромѣ того разныхъ цѣнностей на 15 т. Затѣмъ получено изъ Москвы до 1,150,000 руб. и въ Московскомъ обществѣ содѣйствія торговому мореходству собрано до 285 т. Слѣдовательно, всего 2,419,000 р., а за вычетомъ суммъ на покупку трехъ пароходовъ около 1,580,000 р. въ распоряженіи комитета состоитъ еще до 800 т. руб.

Пожертвованія продолжаются.

Въ настоящее время на всѣхъ трехъ пароходахъ идутъ работы. На каждый изъ крейсеровъ предполагается поставить по 7 тяжелыхъ орудій; одно 8 дюймовое, два 7 дюймовые и 4 шести дюймовые. Для защиты отъ миноносокъ и нападенія на мелкія суда полагается завестись нѣсколькими 9 фунтов. и скорострѣльными пушками. Вѣсъ всей это артиллеріи со станками равняется 60 тоннамъ. Мелкія орудія по своему назначенію будутъ поставлены на всѣхъ судахъ на верхней палубѣ,

тяжелая же артиллерія помѣстится неодинаково: на Россіи—на верхней палубѣ, на Москвѣ—на второй, въ которой каюты 1 класса и лицъ, служащихъ на пароходѣ.

Соотвѣтственно этимъ предположеніямъ дѣлаются и приспособленія пароходовъ. Артиллерійскихъ запасовъ полагаютъ отпустить на каждое орудіе по 250 выстрѣловъ, что составитъ вѣсъ пороха около 33 тоннъ и вѣсъ снарядовъ около 107 тоннъ. Помѣщеніе для этихъ запасовъ устраивается на каждомъ пароходѣ въ 2-хъ мѣстахъ: въ кормѣ и въ носу. Немалое затрудненіе въ дѣлаемыхъ на пароходахъ передѣлкахъ и необходимыхъ при этомъ вычисленіяхъ составляетъ отсутствіе строевыхъ чертежей этихъ судовъ, вслѣдствіе чего самое водоизмѣщеніе ихъ до сихъ поръ съ точностію неизвѣстно. Поэтому не будетъ ничего удивительнаго, если впослѣдствіи окажется, что водоизмѣщеніе каждаго изъ этихъ пароходовъ не въ $4\frac{1}{2}$, а въ $5\frac{1}{2}$ тысячъ тоннъ.

# Политическія и внутреннія извѣстія.

Послѣ закрытія конгресса въ политическомъ мірѣ наступило затишье. Турція ведетъ частные дополнительные переговоры съ Австро-Венгріей (по поводу занятія австрійскими войсками Босніи и Герцеговины). Германія и Франція обсуждали на прошлой недѣлѣ результаты конгресса исключительно путемъ печати. Въ Италіи за то же время обсуждался тотъ же предметъ путемъ собранія митинговъ или народныхъ собраній. Состоялись подобные митинги въ Римѣ, Генуѣ, Туринѣ, Пизѣ и Палермо. Разумѣется, изъ всѣхъ этихъ обсужденій результатовъ Берлинскаго конгресса выдается парламентское сообщеніе объ этомъ предметѣ лорда Биконсфильда. Премьеръ Англіи изложилъ все дѣло съ своимъ обычнымъ остроуміемъ, съ истинно-еврейскимъ воскуриваніемъ ѳиміама себѣ и своей политической системѣ. Итогъ рѣчи тотъ, что Британія, благодаря своему великому вождю, достигла высшей славы и наиболѣе прочныхъ въ политическомъ отношеніи выгодъ, чѣмъ это бывало когда либо въ предшествовавшія времена. Много лести и куренія ѳиміама расточилъ Биконсфильдъ Франціи; но по отношенію къ Россіи онъ всюду выдержалъ „суровый“ тонъ, что, конечно, гораздо лучше, дѣло идетъ прямѣе и болѣе „на чистоту“, выражаясь коммерческимъ языкомъ семитскихъ соплеменниковъ Дизраэли. Къ Греціи англійскій премьеръ относился съ весьма грубою и уже слишкомъ осязательною ироніей, съ каковою относятся къ слабому и беззащитному, высказывающему претензіи, далеко не соотвѣтствующія наличнымъ силамъ.

Биконсфильдъ выставилъ на видъ, что Берлинскій конгрессъ возвратилъ султану $2/3$ территоріи съ 30,000 англ. квадратныхъ миль пространства, что представляетъ „землю богатѣйшую и плодороднѣйшую на Балканахъ“. Софія съ своимъ округомъ, уступленная вновь созданной Берлинскимъ договоромъ Болгаріи въ стратегическомъ отношеніи *ничего не стоитъ*, а все стратегическое значеніе сосредоточивается на проходѣ *Ихтиманскомъ*, который одинъ можно укрѣпить для защиты всей Балканской линіи, слѣдовательно Болгарія пріобрѣтая, по Берлинскому договору, Софію, въ существѣ дѣла „ровно ничего не пріобрѣла“, такъ какъ не могутъ же Болгары и ихъ союзники обойдти Балканы черезъ Софію, если только Ихтиманъ укрѣпленъ. Также точно не имѣетъ никакого значенія и уступка Болгаріи приморской крѣпости Варны, ибо взамѣнъ этого Турція получила превосходный укрѣпленный портъ Бургасъ, лежащій къ югу отъ Балканъ. Далѣе Дизраэли выставилъ на видъ, что существовавшее недавно предположеніе, что на Берлинскомъ конгрессѣ произойдетъ „раздѣлъ Турціи“ — составляло громадное заблужденіе. Не для раздѣла Турціи работалъ Берлинскій конгрессъ, а для того, чтобы *„воспрепятствовать* этому раздѣлу“ и для обезпеченія и упроченія цѣлости Турціи...

По поводу нашихъ пріобрѣтеній въ Азіатской Турціи и особенно по поводу уступленныхъ Россіи Батума и Карса, Биконсфильдъ прошелся саркастическою насмѣшкой, достойною лучшаго употребленія и цѣли. По поводу взятія Россіею Карса и стремленія овладѣть Батумомъ, Англія, по мнѣнію англійскаго премьера, могла бы, по праву, объявить *войну Россіи*; но война вышла бы, при всей ея непродолжительности, *страшно дорогая* и кончилась бы она сдѣлкою, въ силу которой Англія получила бы *половину* того, за что сражалась, и вообще пріобрѣтенія Англіи были бы ничтожны, сравнительно съ теперешними *„мирными“*, какія она съумѣла, благодаря мудрости своихъ представителей, сдѣлать на конгрессѣ. Карсъ Россія брала уже три раза и снова уступала его Турціи. Стоило ли Англіи воевать изъ-за Карса!.. А Батумъ? Была молва, что это нѣчто въ родѣ нашего Портсмута, тогда какъ это скорѣе *коузъ* (cowes—коровья стоянка—ничтожнѣйшая изъ гаваней). При этомъ остроумномъ сопоставленіи Парламентъ разразился гомерически-веселымъ хохотомъ. Въ портъ этотъ и всего-то можно умѣстить *два-три* судна. Портъ, конечно, можно увеличить внутри, но это могутъ сдѣлать только „первоклассные инженеры“ (т. е., конечно, англійскіе), да и на это нужно не менѣе полустолѣтія... Но пора же положить предѣлъ неурядицамъ на Востокѣ и часто повторяющимся войнамъ Россіи съ Турціей. Эта цѣль достигается, по мнѣнію англійскаго премьера, именно тѣмъ, что сдѣлано. т. е. эксплоатаціей, со стороны Европы, природы—богатствъ Турціи. Дѣло, стало быть, уладилось: и Европа, эксплоатируя эти богатства, будетъ въ выигрышѣ, да и Турція не будетъ обижена...

Словомъ въ рѣчи Биконсфильда Россія вновь „разгромлена, осмѣяна, уничтожена“, Турція снова „возвеличена“. Мы не остановились бы на этой рѣчи, если бы она не представляла собою *цѣлой* (и на сей разъ уже вполнѣ „откровенной“) программы современнаго англійскаго министерства. Съ трудомъ вѣрится, какой оборотъ приняли дѣла по истеченіи какого-нибудь года. Начата была Россіею война за святое дѣло освобожденія родственныхъ ей и угнетенныхъ вѣковымъ варварствомъ народностей, кончена война со славою. Цѣль, казалось, была достигнута, но вдругъ совершается удивительная метаморфоза. Оказалось, что война, „великая“ даже по признанію Биконсфильда, повлекла за собою увеличеніе выгодъ Англіи. открыла именно Англіи путь къ эксплоатаціи естественныхъ богатствъ Турціи и упрочила положеніе самой Турціи, какъ великой державы,—этой Турціи, варварство которой возмутило даже Англію (въ лицѣ ея лучшихъ представителей). Ну, а народности, мученически и съ геройствомъ боровшіяся въ послѣдніе годы?.. Вѣдь изъ-за нихъ-то, по убѣжденію всего русскаго народа, и велась война?., — О! стоитъ-ли о нихъ говорить!.. Онѣ получили свое—и довольно!.. Биконсфильдъ назвалъ эти боровшіяся на жизнь и смерть народности „мятежными княжествами“. Напротивъ, Греція много шумѣвшая, но не рѣшавшаяся выступить (потому что Англія погрозила ей пальцемъ) названа страною „интересною, привлекающею къ себѣ симпатіи всѣхъ державъ и имѣющею будущность“. Отсюда, конечно, по закону противоположности, слѣдуетъ заключеніе: „славянскія народности не интересны, не привлекаютъ къ себѣ симпатій Европы и не имѣютъ будущности“...

Надо, покамѣсть, по крайней мѣрѣ, утѣшиться мыслью, что не сама же „истина“ вѣщаетъ устами лорда Биконсфильда, хотя вѣщанія его и крайне смѣлы, и конечно, существуетъ же настоящее европейское общественное мнѣніе, не могущее согласиться съ софизмами Дизраэли. Есть и въ Англіи благородные, безпристрастные смѣлые голоса, каковы голосъ *г. Гладстона* и *Форстера*, недалѣе какъ недѣлю тому назадъ произнесшіе громовыя и уничтожающія рѣчи противъ политики Биконсфильда, противъ конвенціи съ Турціей, противъ захвата Кипра и введенія страны въ ненужные и безполезные расходы, *безъ согласія парламента*, противъ громадной отвѣтственности, которая можетъ повлечь за собою тягостныя для Англіи послѣдствія *). Все это говорилось смѣло, открыто, при одобреніи многочисленныхъ слушателей, все это отчасти печаталось въ разныхъ печатныхъ органахъ Британіи. Надо замѣтить, что въ глазахъ истаго англичанина (не исключая при этомъ ни Гладстона, ни Форстера), самая тяжкая и непростительная ошибка заключенной конвенціи и захвата Кипра заключается преимущественно въ тяжести будущей отвѣтственности за него, а не въ томъ, что этотъ фортель преступенъ и безобразенъ, съ общечеловѣческой и съ моральной точки зрѣнія. Въ награду за „великіе труды и заслуги, за пріобрѣтенія, нестоившія Англіи ни одной капли крови“,—Ея величество Королева Викторія пожаловала Биконсфильду и Салисбюри „Орденъ Подвязки“—этотъ знаменитый орденъ, на которомъ, какъ извѣстно красуется девизъ Honny soit qui mal y pense. (Да будетъ стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ) **).

Изъ Франціи сообщаютъ, что на прошлой недѣлѣ, Маршалъ Макъ-Магонъ ратификовалъ Берлинскій договоръ подписаніемъ своего имени, и что обмѣнъ ратификацій долженъ воспослѣдовать въ ближайшемъ времени.—Партія „Крайнихъ“ во Франціи (партія Гамбетты) довольна результатами Берлинскаго договора, такъ какъ крайніе республиканцы надѣются, что этотъ договоръ расторгнетъ „непріятный“ для нихъ союзъ „трехъ Императоровъ“, отождествитъ интересы Франціи и Англіи и сдѣлаетъ на долго невозможною Франко-русскую политику. Въ дополненіе свѣдѣній изъ Франціи, нужно прибавить что недавно тамъ праздновалась столѣтняя годовщина послѣ смерти знаменитаго писателя *Ж. Ж. Руссо*.

На прошлой недѣлѣ 16-ть нашихъ батальоновъ съ многочисленною артиллеріей заняли крѣпость Шумлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Форстеръ прямо назвалъ конвенцію съ Турціей и захватъ Кипра поступкомъ безумнымъ, безсмысленнымъ, за который Англіи придется жестоко поплатиться.

*) Орденъ этотъ изъ самыхъ древнихъ въ Англіи и установленъ королемъ Эдуардомъ III въ *1344 году На одномъ балѣ*, въ присутствіи короля, графиня Салисбюри во время танцевъ, уронила свою *подвязку* и покраснѣла отъ стыда. Король поднялъ подвязку и произнесъ знаменитыя слова: *«Honny soit qui mal y pense»*. Самый орденъ состоитъ изъ подвязки бѣлаго бархата, которую носятъ на лѣвой ногѣ. На подвязкѣ вышитъ упомянутый девизъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому же ордену принадлежатъ дополнительные знаки орденъ Св. Георгія съ изображеніемъ, который носятъ на шеѣ, на бархатной темно-голубой лентѣ.

въ крѣпость взошли и многіе русскіе гражданскіе чиновники, которые и приняли гражданское управленіе крѣпостью отъ турецкихъ чиновниковъ, удалившихся въ Варну. Далѣе, на прошлой же недѣлѣ шли переговоры объ очищеніи нашими войсками позицій предъ Константинополемъ. Но позиціи эти предполагается очистить только послѣ соотвѣтствующаго очищенія турками крѣпости Варны.

— Изъ Рима сообщаютъ, что Гарибальдійцы готовятся къ экспедиціи въ Албанію, съ цѣлью помогать инсургентамъ Эпира и Өессаліи.

Въ иностранныхъ газетахъ, между прочимъ, говорится о нѣкоторыхъ движеніяхъ русскихъ войскъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ. Изъ этого факта дѣлаютъ такіе выводы, что будто бы эти военныя движенія въ туркестанскомъ военномъ округѣ находятся въ связи съ нѣкоторыми намѣреніями русскаго правительства въ Средней Азіи. Многіе увѣряютъ съ таинственнымъ видомъ, что центръ тяжести русской политики непремѣнно долженъ быть перенесенъ теперь въ Азію, и признаютъ настоятельною задачею этой политики—не дать англичанамъ времени образовать ту фалангу азіатскихъ союзниковъ, составленіемъ которой нѣсколько мѣсяцевъ уже заняты многочисленные англійскіе эмисары въ Афганистанѣ и другихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. Въ упомянутыхъ военныхъ мѣрахъ многіе усматриваютъ только весьма скромное начало, за которымъ скоро послѣдуетъ продолженіе въ обширныхъ размѣрахъ.

---

Морскимъ вѣдомствомъ нашимъ въ настоящее время пріобрѣтены въ Америкѣ три парохода, крейсера: California, Columbus и Saratoga. Состоялось Высочайшее повелѣніе наименовать ихъ: „Европа, Африка и Азія" и зачислить въ списокъ судовъ флота—всѣ три въ первый рангъ судовъ. Въ настоящее время, всѣ эти три парохода находятся еще въ Америкѣ и приспособляются при посредствѣ нѣкоторыхъ передѣлокъ къ своему новому назначенію. Къ первому августу они, какъ пишутъ изъ Бостона, должны уже выйти въ море и отправиться къ мѣстамъ ихъ назначенія. Европа совсѣмъ новое судно. Азія и Африка считаются лучшими ходоками, и есть основанія надѣяться что при вооруженіи ихъ пушками и боевыми приспособленіями, ихъ ходъ не уменьшится. Мѣстныя Американскія газеты высказываютъ увѣренность, что горячо преданные дѣлу русскіе моряки добьются того, чего отъ нихъ вправѣ ожидать народъ. По повелѣнію Государя Императора яхта Государя Наслѣдника также зачислена въ списокъ судовъ флота и въ гвардейскій экипажъ, подъ именемъ „Марево".

Министръ финансовъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Рейтернъ, согласно прошенію уволенъ по болѣзни въ отставку, на мѣсто его назначенъ государственный контролеръ генералъ-адъютантъ Грейгъ, а на мѣсто-же государственнаго контролера—дѣйствительный тайный совѣтникъ Сольскій.

Въ мастерскихъ Кіевской станціи Кіево-Брестской желѣзной дороги введено электрическое освѣщеніе. Опытъ показалъ, что освѣщеніе это даетъ вполнѣ удовлетворительные результаты: при дешевизнѣ противъ газоваго или масляннаго, превосходитъ оно другіе способы освѣщенія и большой безопасностью.

Есть слухи, что строющійся литейный мостъ точно также предполагается освѣщать впослѣдствіи электрическимъ свѣтомъ; но ждать этого, какъ говорятъ придется еще не мало времени такъ, какъ работы по окончанію постройки моста будто бы продолжатся еще года два.

Засимъ считаемъ не безъинтереснымъ сообщить о слѣдующихъ открытіяхъ.

У Бахмута, Екатеринославской губерніи и Славянска, Харьковской губерніи, недавно открыто содержаніе каменной соли. Министръ Финансовъ ассигновалъ на эти изслѣдованія сумму въ 28.000 руб. Буреніе, произведенное въ двухъ пунктахъ—около Славянска и въ 10-ти верстахъ отъ Бахмута (въ селѣ Брянцовѣ)—обнаружило на глубинѣ 40 саженъ отъ земной поверхности слой соли, который и былъ изслѣдованъ на протяженіи 10-ти саж. Въ открытой соли, по анализу оказалось 97,94% чистаго хлористаго натрія, остальные же 2,6% состояли изъ гипса, магнезіальныхъ солей и нѣкоторыхъ другихъ веществъ. Вновь открытая соль можетъ быть употребляема въ пищу, и по качествамъ она лучше, чѣмъ крымская.

На Кавказѣ у Тифлиса найдена глауберова соль. Глауберова соль, составляющая матеріалъ для приготовленія соды, встрѣчается въ окрестностяхъ Тифлиса въ видѣ пластовъ или же въ растворѣ воды тамошнихъ горькихъ озеръ. Между такими озерами замѣчательно Кумыское. Что же касается залежей соли, то онѣ открыты пока въ одной мѣстности, отстоящей отъ Тифлиса въ 30 верстахъ. Открытый пластъ имѣетъ два фута толщивы.

Въ Кѣлецкой губерніи Пинчовскаго уѣзда у Стопницъ открыта нефть. Она встрѣчается тамъ въ трехъ верстахъ отъ р. Віслы, близъ австрійской границы. Цвѣтъ ея темносиній, плотность 0,914, при нагрѣваніи до 120° она образуетъ пары сѣры, воды и выдѣляетъ сѣрнистые газы. При 200° перегоняется въ свѣтильное масло (керосинъ). Впрочемъ количество этого масла, полученное при испытаніи доставленнаго образчика, не оказалось значительнымъ.

Съ будущаго 1879 года закрывается Петровская земледѣльческая академія, существовавшая болѣе 10 лѣтъ и стоившая казнѣ ежегодно до 700.000 руб. Въ итогѣ за всѣ 10 лѣтъ немного найдется студентовъ, кончившихъ курсъ въ академіи, да и тѣ приходятъ къ убѣжденію въ малой пригодности тѣхъ знаній, которыя они получили въ академіи. Слѣдовательно закрытіе академіи есть дѣло хорошее, хотя нѣсколько и запоздавшее. Если пристальнѣе осмотрѣться кругомъ, то, пожалуй, не мало найдется и другихъ учрежденій, польза приносимая которыми не слишкомъ разнится отъ пользы принесенной Петровской земледѣльческой академіей

На Волгѣ случилось большое несчастіе: пароходъ братьевъ Каменскихъ, „Іоаннъ" состязавшійся въ быстротѣ хода съ пароходомъ компаніи „Самолетъ" погибъ отъ лопнувшаго паровика и много съ нимъ погибло народу. Этотъ несчастный случай, быть можетъ, покажетъ, наконецъ, все безсмысліе состязаній въ гонкѣ пароходовъ плывущихъ съ пассажирами. У насъ, какъ извѣстно, всякая добрая мѣра только тогда и осуществляется, когда ее вводятъ при посредствѣ полиціи.

## Смѣсь.

Во Франціи произведены физикомъ Бурбуза **опыты передачи электричества безъ проволоки.** Опыты эти показали, что посредствомъ довольно сильныхъ баттарей, находящихся на значительномъ разстояніи отъ мультипликатора, есть полная возможность производить замѣтное отклоненіе магнитной стрѣлки этого прибора. Во время опытовъ Бурбуза, на Аустерлицкомъ мосту былъ установленъ гальванометръ; одна изъ проволокъ этого прибора была опущена въ землю, другая же соединялась съ мѣдиою пластинкой, опущенной въ воду вдоль теченія рѣки Сены. Гальваническая баттарея въ 600 элементовъ была расположена на Наполеоновскомъ мосту. Одинъ изъ ея полюсовъ былъ въ сообщеніи съ землею, другой съ водою рѣки Сены. Оказалось, что когда происходило замыканіе баттареи, стрѣлка гальванометра, находившагося на Аустерлицкомъ мосту, уклонялась на 25—30°. Отклоненіе это происходило въ различныя стороны, смотря по направленію тока баттареи. Подобные же результаты получены были на опытахъ съ тою же баттареею и съ тѣмъ же мультипликаторомъ, но только на пространствѣ между мостами Saint Michel и Saint Denis. Эти опыты приводятъ къ заключенію, что электричество баттареи протекало пространство между помянутыми мостами и шло какъ по направленію рѣки Сены, такъ и по землѣ. Опытъ этотъ особенно можетъ быть важенъ въ военномъ отношеніи, такъ какъ даетъ возможность передачи телеграфныхъ сообщеній безъ устройства телеграфныхъ линій. Пишутъ, что г. Бурбуза уже устроилъ вдоль теченія рѣки Сены, на небольшомъ разстояніи, между своимъ жилищемъ и лабораторіей, гдѣ онъ работаетъ, сообщеніе посредствомъ гальваническаго тока безъ проволокъ, вводя въ цѣпь воду рѣки Сены и землю.

Въ Жарнувцѣ, Сѣдлецкой губерніи, нѣкто Луневскій раскопалъ 10 **доисторическихъ могилъ** и нашелъ въ нихъ обломки глиняныхъ издѣлій, серьги и ножи, изъ которыхъ одинъ прекрасно сохранился. Одинъ изъ найденныхъ скелетовъ имѣетъ длины до 3¼ локтей. Черепа и кости могутъ имѣть полное значеніе при изученіи доисторической эпохи. Г. Луневскій продолжаетъ свои раскопки.

Русскій Инвалидъ сообщаетъ, что нашими войсками въ теченіе войны 1877—1878 г. на балканскомъ театрѣ войны выпущено 204,923 артиллерійскихъ снаряда и 10,087,344 патрона, считая въ томъ числѣ 29,580 патроновъ, выпущенныхъ изъ скорострѣльныхъ пушекъ.

**Общая сумма** ассигнованія на потребности англійской арміи опредѣляется на 1878—1879 г. въ 15.595.967 фунт. стерлинговъ, тогда какъ за прошлый годъ было только 14.538.848 фунт. стерл. Содержаніе личнаго состава нижнихъ чиновъ увеличено на 200.000 ф. стер. болѣе прошлаго года, пріобрѣтеніе артиллерійскихъ орудій и ихъ снаряженіе на 210.000 ф. стер. болѣе и жалованье офицерамъ на 450.000 ф. стерл. болѣе. Численность арміи представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: регулярная армія въ Великобританіи и ея колоніяхъ: 126.538 челов. въ Остъ-Индіи 63.707. Резервъ арміи 1 класса 11.258, резервъ 2 класса 23.763, милиція съ ея резервомъ 99.850, резервъ II кл. 9.736, охотниковъ 183.078, а всего 517.930.

**Лондонская газета** Экономистъ приводитъ данныя общей стоимости окончившихся войнъ. За послѣдніе 12 лѣтъ погибло убитыми и умершими на войнѣ отъ болѣзней 1.948.000 человѣкъ. Росходы на войны простирались до 48 мильярдовъ 260 мильоновъ марокъ или 2.413.000 фунт. стерл.

### Мысли замѣчательныхъ людей.

Помните, что дѣти ваши будутъ также обходиться съ вами, какъ вы обходитесь съ своими родителями. *(Өалесъ).*

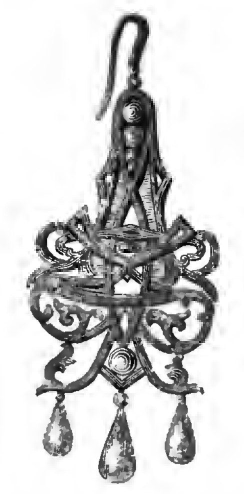
Мы всѣ завидуемъ великому человѣку при жизни, а цѣнимъ его—по смерти. *(Миннермъ).*

Кто зло куетъ для другого, куетъ его и для своего сердца. *(Каллимахъ).*

Прощая—мы подобны Богу. *(Ренье).*

**Рѣшеніе задачи**, помѣщенной въ № 29 „Нивы": Деревцо, столбъ, суслоны хлѣба и серпы заключаютъ въ себѣ буквы изъ которыхъ составляется слово: „Разгадай".



Въ этихъ серьгахъ помѣщены буквы, составляющія названіе одного замѣчательнаго въ Россіи города.

### Ребусъ.



Рѣшеніе будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Нивы", при чемъ нужно имѣть въ виду, что въ двухъ буквахъ этого ребуса допущена грамматическая неправильность, въ виду слишкомъ близкаго звукового сходства нѣкоторыхъ буквъ.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Москва, гостинница Конорева, В. Политковскому.** Мы вамъ писали два письма, но до сихъ поръ не имѣемъ отвѣта. Покорнѣйше просимъ дать указаніе, куда мы можемъ выслать то, что вамъ слѣдуетъ отъ „Нивы".

2. **Вас. Остр. 9 линія д. № 72. А, Кис—ву.** Вы пишете:

„Раскинулся лѣсъ зеленѣя,
*Подернута* травкой земля
Какъ будто собою лелѣя,
Раскрылась вся прелесть ея.

Чья прелесть раскрылась—травки или земли? и кого собою лелѣя, раскрылась эта прелесть? На эти вопросы стихи ваши не отвѣчаютъ; мы же вамъ скажемъ по секрету, что если бы вы имѣли талантъ и образованность, то въ вашихъ стихахъ земля не стала бы *подергиваться* травкой, а травка росла бы на ней. Такое подергиваніе напоминаетъ отвѣтъ того образованнаго слуги, который, на вопросъ о состояніи погоды, отвѣчалъ:

„Погода не очень великолѣпная и горизонтъ хотя еще и не совсѣмъ подернулся тучами, но дергается."

Такого рода краснорѣчія мы не одобряемъ.

## О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

**Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.**



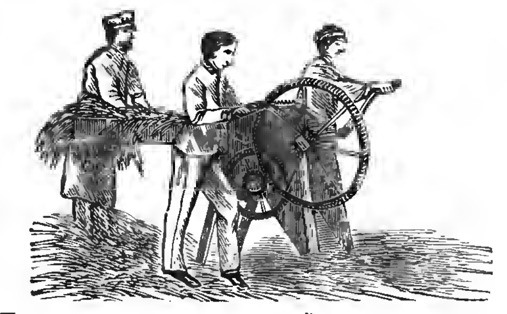
Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.









Дозволено цензурою СПБ. 21 іюля 1878 г.




№ 31 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ

Выданъ 31 Іюля 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.



Александро-Невская Троицкая Лавра въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. грав. Пуцъ.

# Александро-Невская Троицкая Лавра въ С.-Петербургѣ.

Помѣщая въ этомъ номерѣ „Нивы" видъ Александро-Невской Троицкой Лавры, мы продолжаемъ, такимъ образомъ, ознакомленія нашихъ читателей съ зданіями современнаго Петербурга. Виды этихъ зданій уже неоднократно были помѣщаемы нами на страницахъ „Нивы" какъ настоящаго, такъ и предыдущихъ лѣтъ. Прошедшее этихъ зданій или той мѣстности, гдѣ въ настоящее время они находятся, причина ихъ возникновенія, имѣющая большею частію связь съ тѣми или другими событіями изъ нашей отечественной исторіи—все это, конечно, достойно вниманія, какъ и вообще многія подробности, относящіяся до времени построенія Петербурга, въ которомъ сооруженіе одной только петропавловской крѣпости (по примѣрнымъ вычисленіямъ современниковъ) стоило жизни 100,000 переселенцевъ. И справедливы такимъ образомъ слова поэта, сказавшаго о Петербургѣ, что

„Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ"...

Богатырь этотъ не стѣснялся средствами и мѣрами, и разъ задумавъ дѣло, шолъ къ нему прямымъ и вѣрнымъ путемъ, не дѣлая никакихъ уклонсній въ стороны. Такъ, по указу 1712 г. было вмѣнено въ непремѣнную обязанность всѣмъ переселенцамъ строить дома въ Петербургѣ и жить въ немъ безвыѣздно. Въ 1714 году для усиленія строительной дѣятельности въ Петербургѣ и для привлеченія въ него каменщиковъ и плотниковъ былъ изданъ указъ, которымъ воспрещалось сооруженіе каменныхъ зданій во всей Россіи, исключая только новой столицы, столь возлюбленой Императору Петру Первому. Постройка домовъ въ Петербургѣ было подчинена нѣкоторымъ правиламъ и цензу (впрочемъ нѣсколько разъ впослѣдствіи измѣнявшимся). Богатые помѣщики должны были строить дома отъ 8 до 10 саж. по фасаду, менѣе достаточные должны были складывать свои средства по-двое, чтобы построить такой же домъ и только мелкопомѣстнымъ дозволялось имѣть деревянные и мазанковые дома.

Но чтобы не уклониться значительно въ сторону отъ предмета нашей статьи, перейдемъ здѣсь къ постройкѣ церквей въ Петербургѣ. Нужно замѣтить, что первыя церкви въ немъ отъ основанія столицы и почти въ продолженіи 50 лѣтъ, строились деревянныя, мазанковыя, безъ всякихъ признаковъ украшеній. Такими онѣ оставались и вновь сооружались до воцаренія Елисаветы Петровны. Только съ ея царствованія начались постройки церквей лучшей архитектуры и болѣе благообразнаго вида, соотвѣтствующаго назначенію зданія. Елизавета Петровна, какъ извѣстно, отличалась религіозностію, и заботясь о благоустроеніи церковныхъ зданій, приглашала для этой цѣли европейскихъ архитекторовъ и художниковъ. Екатерина Великая, обращая вниманіе вообще на красоту Петербурга, заботилась тоже и о красотѣ храмовъ. Она даже имѣла, какъ говорятъ, намѣреніе сдѣлать Петербургъ подобно Москвѣ и Кіеву однимъ изъ средоточій святыни для русскаго народа. Но это, какъ всѣ мы знаемъ, не осуществилось, будучи совершенно невыполнимо по многочисленнымъ причинамъ.

Въ настоящее время въ Петербургѣ 414 храмовъ въ томъ числѣ отдѣльныхъ 248 и домовыхъ 166.

По вѣроисповѣданіямъ церкви раздѣляются такъ: православныхъ 346, протестанскихъ 44, католическихъ 11, англиканскихъ 2, армяно-григоріанскихъ 2, еврейскихъ синагогъ 6, магометанскихъ молеленъ 3.

Сообщивъ эти свѣдѣнія, перейдемъ къ описанію самой Александро-Невской Троицкой Лавры, составляющей въ данномъ случаѣ главный предметъ нашей статьи.

Собственно слово Лавра означаетъ собою большой монастырь. Съ XVIII стол. названіе это присвоено въ іерархическое имущество только тремъ монастырямъ: Кіево Печерскому, Троицко-Сергіевскому и Александро-Невскому.

Александро-Невская Лавра находится на лѣвомъ берегу Невы у истока Обводнаго канала. Она представляетъ обширную, обнесенную каменной стѣной крѣпость. Внутри ея помѣщается 6 церквей, домъ митрополита, келіи монаховъ, духовная академія, семинарія, училище, консисторія, кладбище и садъ. Александро-Невская лавра относится къ богатѣйшимъ монастырямъ Имперіи. Ей принадлежитъ много домовъ, лавокъ, кладовыхъ, находящихся возлѣ лавры и по Невскому проспекту и отдаваемыя ею въ наемъ. Ежегодный доходъ лавры достигаетъ суммы въ 500.000 руб.

Монашествующихъ по штату 1797 г. положено 100 человѣкъ.

Существуетъ преданіе, что на мѣстѣ Александро-Невской Лавры 15 іюля 1241 г. великимъ княземъ Александромъ Невскимъ была одержана знаменитая побѣда надъ шведами. Вслѣдствіе чего и мѣсто это называлось викторія (побѣда). Мѣстность, занятая теперь монастыремъ, была болотистая, покрытая лѣсомъ. Петръ, побывавъ тутъ весною 1704 г., захотѣлъ основать монастырь во имя святого воина и защитника отчизны, и распорядился вырубить лѣсъ, осушить болота. Военныя событія, впрочемъ, помѣшали ему начать постройку монастыря, и только въ 1710 г. Архимандритъ Ѳеодосій въ присутствіи Государя поставилъ на мѣстѣ этомъ крестъ, а на другой годъ здѣсь заложена была первая церковь во имя Благовѣщенія св. Дѣвы. 25 марта 1713 г. Петръ присутствовалъ при освященіи этой церкви. Затѣмъ сюда стали собираться отовсюду богомольцы и находить тутъ пріютъ въ деревянныхъ монашескихъ кельяхъ. Для поддержанія монастыря къ нему были приписаны Новгородскіе монастыри: Иверскій, Духовъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ и 1654 крестьянскихъ дворовъ изъ вотчинъ Троицко-Сергіевской лавры. Въ 1716 году Петръ приказалъ замѣнить деревянныя постройки монастыря каменными и собственноручной подписью: „Во имя Господне, дѣлать по сему" утвердилъ планъ для новыхъ каменныхъ зданій. На издержки были причислены къ монастырю Старорусскія соляныя варницы и изъ кабинета ассигнована ежегодная сумма въ 10.000 руб. да съ таможенныхъ и другихъ сборовъ до 9.000 руб. Затѣмъ изъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря сюда перенесены были мощи Св. Александра-Невскаго. Перенесеніе мощей Св. Князя было совершено съ большою торжественностію. (Въ Нивѣ 1870 г. № 9 на стр. 133 былъ помѣщенъ рисунокъ, изображающій это событіе, совершившееся 30 августа 1724 года). Лодкою, на которой были доставлены къ монастырю св. мощи князя, правилъ самъ великій преобразователь Россіи, за веслами сидѣли его министры въ томъ числѣ герцогъ ингерманландскій свѣтлѣйшій князь А. Меньшиковъ.

Изъ построекъ монастыря при жизни Петра окончены были только немногія. Изъ плана имъ утвержденнаго выполнены только нѣкоторыя части. По плану и фасаду, проектированному самимъ Государемъ въ 1716 г., положено было основаніе церкви Св. Троицы съ придѣломъ Св. Александра-Невскаго. Планъ этотъ можно видѣть и теперь въ библіотекѣ Александро-Невской Академіи. Въ 1753 г. храмъ былъ вчернѣ отдѣланъ, но вскорѣ въ стѣнахъ показались трещины, проломы, такъ что черезъ два года церковь совершенно была разобрана. Екатерина II поручила архитектору Старову составить новый планъ и въ 1778 г. 30 августа Архіепископъ Гавріилъ положилъ въ основаніе Троицкаго Собора въ ковчежцѣ мощи Св. Андрея Первозваннаго; въ слѣдующемъ же году началась постройка собора и приведена въ окончаніе, въ 1790 г. 30 августа храмъ былъ освященъ и въ него перенесены мощи Св. Князя изъ верхней угольной церкви, гдѣ онѣ до этого времени были поставлены.

Затѣмъ, подвергаясь нѣсколько разъ измѣненіямъ, храмъ этотъ только въ 1864 году получилъ окончательную отдѣлку. Замѣчательный по наружности, соборъ еще болѣе замѣчателенъ внутреннимъ устройствомъ. Иконостасъ его сдѣланъ изъ итальянскаго мрамора. Стѣны, колонны, потолокъ и куполъ украшены арабесками. Иконы превосходной работы на мѣдныхъ доскахъ. Многія изъ нихъ подлинники извѣстныхъ художниковъ: напримѣръ, Благовѣщеніе Св. Дѣвы—работа Рафаэля Менгса, Воскресеніе Христа—Рубенса, Спаситель Благословляющій—Вандейка. Между иконами есть „Моленіе о чашѣ", присланное отъ папы Пія IV въ даръ Екатеринѣ; въ золотой ризѣ иконы, осыпанной брильянтами, вставленъ изумрудный антикъ, который представляетъ св. Магдалину. Есть икона Рождества Богородицы, писанная сухими красками, въ золотой рамѣ, съ изумрудами и брильянтами по угламъ. На оборотѣ этой иконы, на золотой дощечкѣ значится, что „этимъ святымъ образомъ Императрица Екатерина Алексѣевна изволила благословить всевозлюбезнѣйшую дщерь ея, Великую Княгиню Наталію Алексѣевну въ день вождєлѣннѣйшаго ея обрученія, 1773 г. августа 16." Вокругъ образовъ въ иконостасѣ вставленъ сибирскій агатъ, красный съ бѣлыми жилками. Царскія врата сдѣланы бронзовыя, вызолоченныя. Нижній цоколь въ крилосахъ изъ итальянскаго синяго мрамора, а плинтъ изъ мрамора пепельнаго цвѣта, съ вызолоченной балюстрадой. Рака съ мощами Св. Александра Невскаго поставлена за правымъ крилосомъ. Она сдѣлана изъ серебра, котораго употреблено до 90 пудовъ. Императрица Елисавета въ 1752 году принесла въ даръ святыни серебро, въ первый разъ въ ея царствованіе добытое изъ колыванскихъ рудниковъ. Въ 1768 г. Екатерина II покрыла мощи покровомъ съ изображеніемъ образа Александра Невскаго и съ знакомъ ордена его имени изъ брильянтовъ и жемчуговъ.

Золотая лампада, подвѣшиваемая къ ракѣ съ кистью изъ жемчуга и брильянтовъ, также даръ Екатерины, принесенный ею въ 1791 году.

По сторонамъ раки изображены въ барельефахъ различные моменты изъ жизни св. князя и помѣщены стихи Ломоносова:

Святой и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ;
Но духомъ отъ небесъ онъ градъ сей призираетъ,
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ.
Являя дщерь его усердіе святое —
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть".

Лѣта Господня 1750, государствованія своего 9, августа 30, въ С.-Петербургѣ.

На серебряной пирамидѣ также сдѣлана Ломоносовымъ надпись, поддерживаемая двумя ангелами:

„Богу Всемогущему и его угоднику Благовѣрному и Великому князю Александру Невскому, Россов.. усердному защитнику, презрѣвшему прещеніе мучителя, тварь боготворить повелѣвшаго, укротившему варварство на востокѣ, низложившему зависть на западѣ, но земномъ княженіи въ вѣчное царство переселенному въ лѣто 1263, усердіемъ Петра Великаго на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ перенесенному 1724 года. Державнѣйшая Елисавета отеческаго ко святымъ почитанія подражательница, къ нему благочестіемъ усердствуя, сію мужества и святости его дѣлами украшенную раку изъ первообрѣтеннаго при Ея благословенной державѣ серебра соорудить благоволила. Въ лѣто 1752“.

Предъ ракой стоитъ аналой съ кіотомъ для частицъ св. мощей и съ подсвѣчникомъ для 12 свѣчей, всѣ серебряные, вѣсомъ до 10 пуд. и пожалованные въ 1806 г. Александромъ I.

Императоръ Александръ I-й также принесъ въ даръ храму святцы, цѣнимые знатоками очень дорого. Святцы эти рѣзные изъ перламутра; работалъ ихъ Архангельскій унтеръ-цолнеръ Верещагинъ.

Императорское мѣсто въ храмѣ возвышается у западной стѣны. Надъ нимъ портретъ Екатерины II, сдѣланный во весь ростъ Левицкимъ, и напротивъ на лѣвой колоннѣ портретъ Петра I.

На западной же стѣнѣ, въ нишѣ, поставленъ по приказанію Екатерины мраморный бюстъ преосвященнаго Гавріила въ знакъ благодарности за его труды по постройкѣ храма.

Въ Невской ризницѣ хранится много драгоцѣнныхъ вещей. Корона Александра Невскаго, сдѣланная на подобіе архіерейской шапки, изъ бѣлыхъ горностаевъ и пунцоваго бархата. Два жезла Петра, изъ которыхъ первый маршальскій, трость, подаренная Петромъ архимандриту. Костяная ручка трости сдѣлана самимъ Государемъ. Два золотые портрета Петра, его кровать, на которой онъ скончался. Четыре потира въ ризницѣ удивляютъ своимъ богатствомъ и отдѣлкою. Есть панагія, присланная Александромъ I и служившая звѣздой Екатеринѣ II, когда она возлагала на себя орденъ Андрея Первозваннаго. Въ облаченіи замѣчательна полиставрійская архіерейская ризница съ 10 полными священническими облаченіями и 20 стихарями, пожалованная Александромъ I.

По сторонамъ Троицкаго собора возвышаются башни съ ярко вызолоченными крестами. На одной замѣчателенъ колоколъ въ 800 пуд. вѣса, вылитый въ 1658 г. усердіемъ патріарха Никона и перевезенный сюда изъ Иверскаго монастыря въ 1724 году.

Соборъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы замѣчателенъ особенно тѣмъ, что подъ мрачными сводами его погребено много знаменитыхъ людей нашей родины и царственныхъ особъ.

Надъ останками Великихъ Княженъ Маріи Александровны и Елисаветы Александровны, дочерей Александра I, поставлены памятники. Два ангела, вылитые изъ серебра, представлены парящими надъ урнами съ вѣнцомъ и трубою въ рукахъ.

Бронзовая доска, украшенная военными знаками и съ простой надписью „Здѣсь лежитъ Суворовъ“, составляетъ монументъ надъ прахомъ этого знаменитаго героя. Надъ княземъ А. А. Вяземскимъ сдѣлана мраморная арка, въ которой поставленъ бюстъ князя съ надписью: „28 лѣтъ до изнеможенія силъ отправлялъ онъ генералъ-прокурорскую должность съ твердостію и правотою, и скончался защитникомъ утѣсненныхъ и другомъ несчастныхъ“.

Церковь Св. Князя Ѳеодора и Іоанна Златоуста въ монастырѣ заложена въ 1745 г. Приходская церковь Пресвятой Богородицы надъ вратами лавры древне-греческой архитектуры.

Церковь Всѣхъ Святыхъ въ домѣ митрополита освящена въ 1767 году.

Въ алтарѣ и предъ алтаремъ въ церкви Сошествія Св. Духа покоятся многіе митрополиты, а подъ сводами—государственныя особы. Кладбищенская церковь Воскресенія Лазаря построена Петромъ I надъ прахомъ царевны Натальи Алексѣевны въ 1718 году.

Монастырское, Лазаревское кладбище напоминаетъ собою о многихъ великихъ, унесенныхъ смертію. Здѣсь погребены лица Царственнаго дома, государственные и общественные дѣятели, знаменитости въ литературномъ мірѣ. Тутъ покоятся Ломоносовъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ. Надъ первымъ поставлена мраморная колонна, надъ вторымъ лежитъ бѣлая мраморная плита съ бронзовымъ вѣнкомъ и надписью „Карамзинъ“, надъ третьимъ стоитъ гранитный обелискъ съ портретомъ усопшаго. Тутъ погребенъ Крыловъ и покоятся тѣла нашихъ знаменитыхъ композиторовъ: Глинки и Даргомыжскаго. Затѣмъ здѣсь можно видѣть прекрасные памятники князей Трубецкихъ, семейства Шереметьевыхъ, Муравьевыхъ. Вообще памятники на этомъ кладбищѣ отличаются богатствомъ и красотой передъ другими кладбищами, хотя смотря на нихъ нельзя не вспомнить слова поэта (Державина), что

„Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы царства и царей“.

Такова участь не только роскошныхъ памятниковъ Невской Лавры, но и цѣлыхъ царствъ и народовъ. И дольше другихъ оставляютъ по себѣ слѣдъ на землѣ только тѣ памятники о которыхъ поэтъ (А. Пушкинъ) сказалъ:

„Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему незаростетъ народная тропа“...

Такіе памятники переживаютъ царства и царей, и искреннимъ выраженіемъ глубокаго уваженія къ творцамъ ихъ закончимъ нашу статью. **Z.**

# Блокгаузъ „Червленъ Аскеръ“

## Разсказъ изъ недавняго прошлаго.

### III.

Стая волковъ въ эту ночь, штукъ тридцать если не больше, почуя кровь, вереницею прибрѣла на мѣсто, гдѣ покончили турки стараго Кириллу. Обошли вокругъ телѣги голодные бродяги, обнюхали ее со всѣхъ сторонъ, обнюхали лежалое мѣсто, языками полизали и завыли, уныло, обиженно—такъ завыли разочарованные звѣри...

Унесъ вѣдь-таки Али-Исса-Бекъ, ихъ же породы звѣрь, только съ двумя ногами, законную ихъ добычу!

Посидѣли тутъ съ полчасика волки, лазили въ телѣгу, заглядывали, сала кусокъ нашли на глотокъ одному изъ нихъ, прочь пошли, да тутъ же зачуяли и другую добычу... А другая эта добыча еще прежде ихъ замѣтила: буйволъ больной, еле ноги волочить можетъ, чуетъ бѣду неминуемую, опять забрался въ тину по уши и смотритъ оттуда, похрапывая только со страху... Окружили волки болотину, а лѣзть туда не охота, опасно!.. Опять вытье поднялось... на этотъ концертъ еще набрело съ полсотни... стонъ стоитъ въ ночномъ воздухѣ, далеко разносится... Графъ Михаилъ Рослани давно уже слышитъ этотъ концертъ,—стороною, полемъ большой кругъ огибаетъ: одинъ онъ, пѣшій, съ двумя револьверами, да „казенною бумагою“,—не отдѣлаешься отъ этой оравы...

— О, чортъ возьми! злится графъ на свою щепетильность не кстати... Лучше бы сдѣлалъ, если бы воспользовался услугами этого скота Дика, и взялъ бы предложенныхъ лошадей съ эскортомъ. Не вернуться-ли?!.

Надоѣло ли волкамъ сторожить издыхающаго въ болотѣ буйвола, замѣтили-ли ихъ зоркіе, воровскіе глаза человѣка въ степи одинокаго, только, видитъ графъ, что отдѣлилось ихъ отъ общей группы штукъ десять и рысцею на перерѣзъ бѣгутъ... Дѣло-то плохо приходится...

Присѣлъ венгерецъ на землю, смотритъ вровень съ травою на свѣтлую полосу горизонта, чернымъ лѣсомъ стелется передъ его глазами степной бурьянъ, а дальше чернѣетъ что-то, много повыше, не то крыша хаты, не то шалашъ какой, не разберешь хорошенько, на жилье только похожее... Графъ туда скорѣе...

Ползкомъ, ползкомъ, приподнимаясь на рукахъ повременамъ, чтобы оріентироваться, Михаилъ Рослани уже былъ не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ своей цѣли, когда на него съ дикимъ воемъ ринулась волчья стая...

Два выстрѣла почти одновременно блеснули въ темнотѣ, словно молніей озаривъ сухіе стебли бурьяна, нѣсколько острорылыхъ мордъ съ оскаленными зубами, холщевой бокъ телѣги покойнаго Кириллы... За этими двумя выстрѣлами еще загремѣли... Бросились волки назадъ, перепуганные неожиданностью и дали время графу добѣжать до повозки... Теперь онъ уже сидѣлъ

въ ней, какъ въ крѣпости... Опомнились волки, да поздно и задумали звѣри послѣ перваго неудачнаго штурма вести долговременную осаду...

Тѣмъ временемъ его кавасы албанцы, Рустемъ и Галебъ въ Туртукай обратно не поѣхали. Они было повѣрили съ разу посланцу отъ Джемса Говварда, да дорогой пашло на нихъ сомнѣніе... Дѣло-то не привычное: ихъ господинъ никогда не измѣнялъ разъ задуманнаго, да и не поручилъ бы такимъ людямъ какъ Дикъ и его „инглизъ“ передачи приказаній... Погнали сперва албанцы рысью, съ раздумья на шагъ перевели, тамъ и совсѣмъ остановились, а тамъ потолковавъ, да еще пособразивъ кое-что, вернулись на прежнее мѣсто, видѣли слѣдъ на берегу, узнали, видѣли даже лодку, только далеко, къ тому берегу уже подходила, поняли въ чемъ дѣло и потогонились поправить свой промахъ—отыскать скорѣе своего господина. Заѣхали они въ блокгаузъ, думали не тамъ-ли, нагнали негра у самыхъ воротъ, тотъ сообщилъ, что графъ, молъ, пѣшкомъ пошелъ—вонъ въ ту сторону...

Досталось-таки Дику отъ кавасовъ, но ему что! твердитъ одно: „я говорю, что мнѣ масса Говвардъ велитъ, мой языкъ, его мысли! Мнѣ что за дѣло!“...

Слышали албанцы выстрѣлы, слышали волчій вой... во весь духъ понеслись на выручку... Еще издали во все горло по своему окликнули. откликнулся и графъ по своему: Э!.. Гой!.. Друзья!..



**Урокъ въ страшной школѣ.** Рис. Кастелли, грав. Смитъ.

Трусливое звѣрье, видя подмогу, двухъ человѣкъ съ длинными ружьями, во всѣ стороны прыснули... Храпятъ и бьются испуганные, разгоряченные скачкою кони, насилу справились съ ними, сѣли въ сѣдла и бойкимъ „проѣздомъ“ направились по дорогѣ къ Червному-Солнику.

— Вы виноваты тѣмъ, что смѣли помимо меня всякую сволочь слушать, сердито говорилъ графъ.

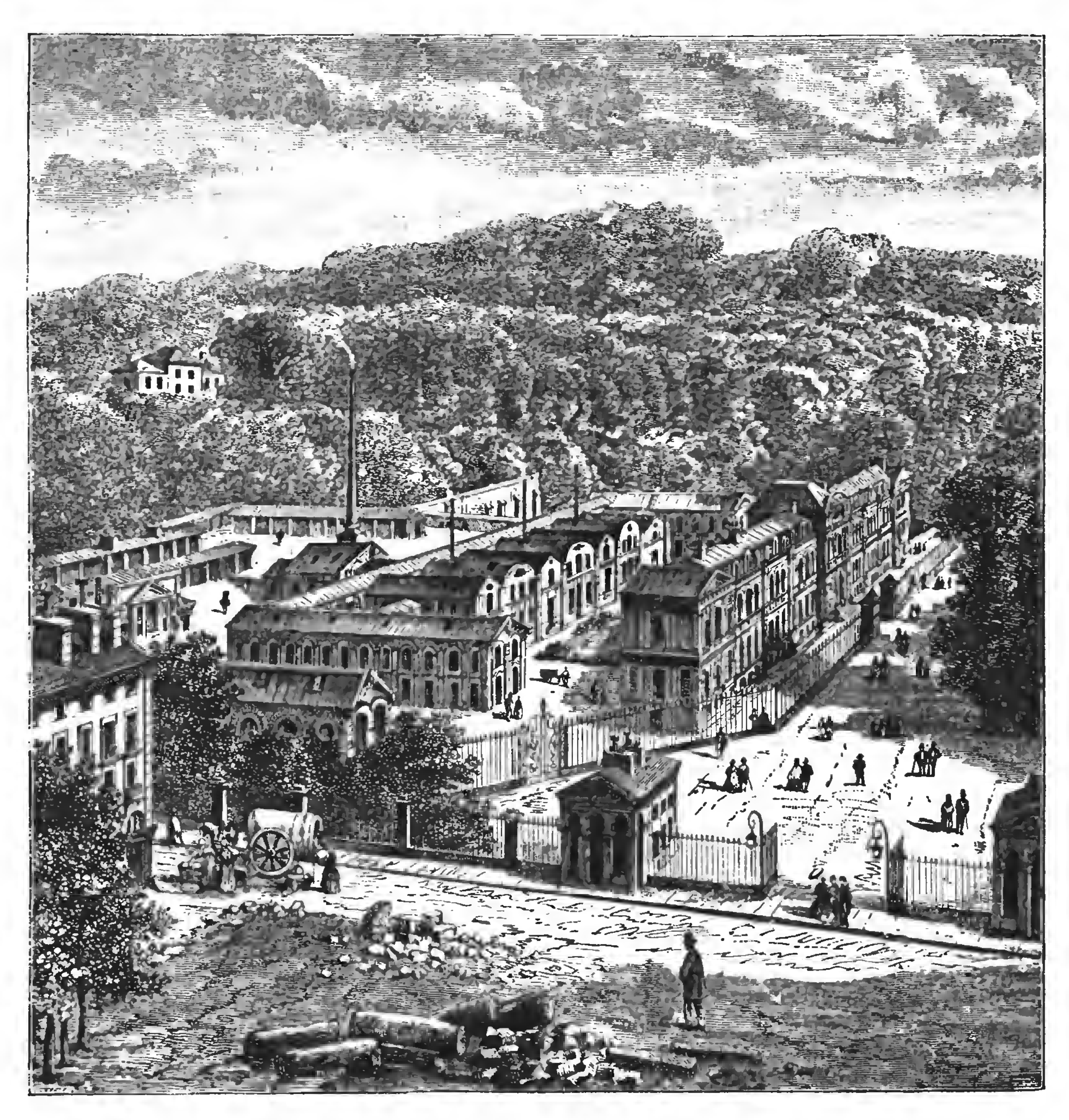
— Виноваты! въ одинъ голосъ отвѣчали албанцы,— виноваты, господинъ!

— Что-то тутъ не ладно, что-то затѣвается,—думалъ Рослани,—этотъ мерзавецъ Говвардъ...

— Не спроста съ нами эту штуку продѣлали... ломали свои головы албанцы дорогою, перешептываясь межъ собою на ходу, все еще смущенно поглядывая на статную фигуру графа, словно сросшуюся съ его горячимъ арабскимъ жеребчикомъ...

---

Еще до солнечнаго восхода прибыли они въ селеніе, просторно раскинувшееся въ своихъ садахъ, по обоимъ скатамъ оврага.



**Сѣврская фарфоровая Мануфактура во Франціи.** Рис. Гарнье, грав. Пёло.

Не смотря на раннее время, въ селеніи, особенно на перекресткѣ, гдѣ стояла кафана Стефана Гуллы, толпился народъ и слышался оживленный говоръ... Бабы съ плачемъ перебѣгали отъ одной хаты къ другой, даже собаки выли, глядя на это необычное оживленіе, вторя бабьему плачу.

Сельское стадо только что сбиралось къ выгону; телята, задравъ хвосты, скакали по улицамъ, черныя туши буйволовъ поднимали ужасную пыль, пастухъ Марко забылъ про своихъ питомцевъ, и въ толпѣ у кафаны виднѣлись его вывороченный шкурою вверхъ бараній кожухъ и длинная крючковатая палка.

У самой кафаны, на землѣ, прикрытое ковромъ, лежало тѣло стараго батьки Кириллы.

Когда графъ съ своимъ эскортомъ подъѣхалъ къ площадкѣ, говоръ стихъ и народъ молча давалъ дорогу пріѣзжимъ; сотни глазъ смотрѣли на Михаила Рослани со страхомъ и ненавистью. Стефа Гулла, какъ-то глухо, не ласково какъ всегда, произнесъ свое обычное: „Богъ надъ тобою!“..

А не успѣлъ графъ ступить на первую ступеньку крыльца, какъ къ нему подошла старуха, жена Кириллы, тронула его за плечо, грозно окинула взглядомъ и спросила:

— А гдѣ же дочь моя, Анна?

— Господь съ тобою, бабушка! отшатнулся и даже поблѣднѣлъ отъ этого голоса графъ: Господь съ тобою! Что случилось? въ чемъ дѣло? обратился онъ къ народу, косясь на коверъ, обрисовавшій своими темными складками углы ступней, колѣнъ и тощей груди трупа.

— Тебѣ лучше знать! послышались въ толпѣ голоса. Самъ знаешь... что спрашиваешь?!..

Молча подошелъ къ графу Стефа Гулла и поставилъ передъ нимъ подносикъ съ чашкою чернаго кофе...

— Что случилось? спросилъ графъ.

— Мы и сами путемъ не знаемъ, что случилось, уклончиво отвѣтилъ хозяинъ кафаны.

Дико, на весь дворъ завыла старуха, какъ кошка ринулась на Михаила Рослани... Сама на колѣняхъ передъ нимъ ползаетъ, молитъ, а руки, какъ лапы звѣря разъяреннаго, уцѣпились за короткія полы графской венгерки, глаза какъ у бѣшенной разгорѣлись... цѣлуетъ ноги венгерца старуха, цѣлуетъ его руки, землю около него цѣлуетъ и страшны эти поцѣлуи ея тощихъ, запѣнившихся губъ... ну вотъ-вотъ зубами вцѣпится!..

— Ты убилъ моего Кириллу,—хрипитъ и стонетъ старуха. Отдай дочь мою, Анну!.. Отдай!.. На что она тебѣ?!. Ну, потѣшился и отдай... Все равно вѣдь бросишь послѣ, слугамъ своимъ отдашь... Отдай ее лучше матери... Отдай! отдай!..

Поблѣднѣлъ графъ какъ полотно, голова у него закружилась... Онъ теперь понялъ въ чемъ дѣло.

Бережно поднялъ онъ старуху: возьмите ее! говоритъ. Подошелъ къ ковру, приподнялъ, нахмурился вглядываясь въ покойника и долго стоялъ такъ, нервно кусая свои губы...

Ропотъ гудитъ въ толпѣ: оставь, брось!.. Чего насмѣхаешься... Коли волкъ, такъ жри эту падаль, а не смѣйся... брось!.. Ишь вѣдь разглядываетъ... радуется!..

— Молчать! крикнулъ Михаилъ Рослани.

По этому крику его албанцы выдвинулись впередъ и взялись за плети.—Дѣло знакомое!..

— Разсказывай! обратился графъ къ Стефа Гуллѣ—говори мнѣ всю правду!..

— Я не знаю, мнется тотъ... Привезъ тѣло Фома, а что и откуда,—я не знаю... Спрашивай у него лучше.

— Гдѣ онъ?

— Да тутъ же! гдѣ ему быть?!. Эй, Фома! гдѣ ты тамъ? иди, разсказывай!..

— Фома, Фома! Да гдѣ же Фома? послышалось въ толпѣ. Сейчасъ тутъ былъ... Эй, Фома!

— Былъ да уѣхалъ! отозвался кто-то... Какъ только вотъ эти показались у околицы, такъ сѣлъ въ повозку и угналъ... Я видѣлъ! Шибко такъ погналъ и не оглядывался...

— Гм! процѣдилъ сквозь зубы графъ—подозвалъ кавасовъ, шепнулъ имъ что-то на ухо, тѣ мигомъ сообразили, передали графскаго коня кафеджи Стефо на попеченіе, а сами вскочили въ сѣдла и ускакали.

А старуха опять опомнилась, да снова за полы уцѣпилась... Теперь и разобрать нельзя, что она бормочетъ.

Оглянулся графъ Михаилъ Рослани—венгерецъ, ренегатъ, слуга султана,—видитъ всѣ *свои* остались, албанцевъ и слѣдъ простылъ. Подошелъ онъ къ тѣлу, снова приподнялъ коверъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ въ лобъ стараго Кириллу.

— Найду я твою дочь, бѣдный батько... Богомъ истиннымъ клянусь тебѣ!.. Ты умеръ, не дожилъ,—мы за тебя доживемъ до другого, радостнаго времени... Спи съ миромъ—и молись тамъ за насъ грѣшныхъ...

Наотмашь перекрестился графъ Михаилъ Рослани, поднялся, сказалъ въ слухъ, такъ чтобы всѣ, кто тутъ не былъ, слышали:

— Смотри! время теперь такое, что все, что кто видитъ и слышитъ, забыть надо, какъ словно того и не было вовсе. А потомъ вынулъ десять золотыхъ, отдалъ ихъ Стефа и приказалъ ему взять бѣдную мать подъ свое попеченіе, беречь ее пуще глаза и съ почетомъ похоронить останки убитаго...

— Мы еще увидимся! крикнулъ онъ народу, садясь на лошадь... И, не надѣвая фески, шагомъ проѣхалъ мимо тѣла, грустно глядя въ ту сторону, гдѣ изъ-за массы зелени, краснѣлась черепичная крыша опустѣлаго дома Кириллы...

Перешептывались червно-солничане между собою:—что такое за оказія!

— Не онъ, такъ „инглизъ“, больше некому!.. разсуждаютъ въ толпѣ... Ишь ты: деньги далъ, Богу по нашему молился, добрые рѣчи молвилъ... Не онъ, значитъ... У Кириллы бумага была вѣрная, никто бы ни посмѣлъ бы его съ этою бумагою тронуть... А тронулъ кто, значитъ такой, для котораго каймакамскія печати плевое дѣло!..

— Жалобу надо писать и отвезти эту жалобу въ городъ... что на нихъ смотрѣть! наше дѣло правое!

— Правому дѣлу, правымъ людямъ и мѣсто почетное... Тамъ за городомъ высокихъ висѣлицъ нагородили довольно! Жаловаться!.. Нѣтъ, жаловаться кому охота идти—иди, а я не согласенъ!..

— Они насъ, мы ихъ! вотъ что надо дѣлать! высунулся впередъ Симко, женихъ бывшій Анны.

Пищаль какую-то старую досталъ, ржавленную, кремневую, лыкомъ связанную, лѣзетъ впередъ и кулаки сжимаетъ.

— Вотъ что надо дѣлать, кричитъ!.. Эхъ, ушелъ *этотъ*—я бы вамъ показалъ, какъ болгары жалуются. Я бы вамъ показалъ!.. Глаза осоловѣлые, рубаха распахнулась на косматой груди, въ дегтю вся перепачкана.

— Тише ты, блажной! шарахнулись даже отъ него односельчане... эко сумасшедшій!

— Отними у него ружье! связать бы его пока!.. Бѣды надѣлаетъ сдуру, а тамъ всѣмъ селомъ отвѣчай...

— Бѣды, бѣды! оретъ во все горло Симко,—за одно поколѣвать, а то хоть не даромъ!..

Трое дюжихъ ребятъ насилу его угомонили и въ сарай заперли, остыть немного.

— Пьянъ, говорятъ, съ горя, такъ и разитъ отъ него ракіей... Вотъ отъ того и куражится...

— Лучше бы прежде глядѣлъ, когда *та* съ другимъ любовалась, а то тогда, небойсь, все изъ-за воза да изъ-за стѣночки, а теперь, вишь ты, расходился!..

— Пьянъ онъ, это точно, а что сказалъ, такъ въ томъ не все бездѣлье, и дѣло найдется, словно про себя промолвилъ другой парень, Илья Кубаевъ, махнулъ рукою и прочь пошелъ, глядя въ землю на свои мозолистые пальцы ногъ, выглядывающіе изъ-подъ рваныхъ опанокъ.

---

Догнали мигомъ албанцы телѣжку Фомы Шумова. Тотъ и самъ, видя, что за нимъ гонятся, сдержалъ свою рыжую кобылу, поѣхалъ потише... Все, молъ, не такъ подозрительно...

Да и чего ему бояться?! Онъ человѣкъ правый: ѣхалъ дорогою, видитъ тѣло, поднялъ, привезъ въ деревню; доброе дѣло сдѣлалъ, ничего больше. Какая можетъ быть за это отвѣтственность?..

— Стой! наскакалъ на него Галебъ,—погоди немного—дѣло есть до тебя, куда торопишься!..

— Селямъ алейкюмъ! приложилъ Фома руку ко лбу и къ сердцу. Тпру!.. Селямъ алейкюмъ... что надо?

— Господинъ нашъ говорить съ тобою хочетъ,—сообщилъ Галебъ. Видѣлъ тебя. Дѣло есть,—а ты уѣхалъ...

— И кобылу свою не жалѣешь, –добавилъ Рустемъ. Какъ погналъ вскачь, словно волки за тобою гнались...

— Волки не волки, а хуже волковъ, пожалуй! подумалъ помакъ, вслухъ только не высказалъ своей мысли.

— А гдѣ же эфенди Рослани?.. спросилъ онъ... Я вернусь, если его милость до меня дѣло имѣетъ, я

всегда съ головой и руками къ услугамъ его милости...

И Фома началъ было уже заворачивать свою лошадь, взмыленную отъ усиленнаго бѣга.

— Здѣсь подождать велѣлъ, — произнесъ Галебъ... Тутъ стой! Должно быть есть что нибудь такое, что при людяхъ чужихъ не хочетъ высказываться.

— Здѣсь стой! добавилъ Рустемъ—и намъ велѣлъ, какъ тебя нагонимъ, такъ задержать и здѣсь дожидаться. Ты куда ѣхалъ-то?

— Да вотъ въ Червленъ-Аскеръ... то, бишь, нѣтъ... зачѣмъ мнѣ туда!.. Домой, въ городъ ѣду, спохватился помакъ.

— Ну вотъ и намъ по дорогѣ. Раскури-ка трубочку... Эхъ—дѣла, дѣла! гдѣ купилъ кобылу?

— Изъ Силистріи знакомый привелъ одинъ... Эхъ, спички отсырѣли... загороди-ка, другъ, съ этой стороны отъ вѣтра.

— Что тамъ вышло такое—кого убили? Народъ галдитъ, волнуется! Что вышло такое?!

— Да я почемъ знаю!..

Постояли съ четверть часа на мѣстѣ... Кошки на сердцѣ скребутъ у Фомы Шумова, а прикидываться равнодушнымъ надо. Просто сквозь землю готовъ бы онъ провалиться тутъ и съ телѣжкою своею, только бы отъ этихъ двухъ „разбойниковъ" подальше!.. Эти торчатъ тутъ, словно часовые, по обѣимъ сторонамъ телѣги, его же трубочку поочередно курятъ и въ длинные свои усы подсмѣиваются...

Нагналъ ихъ въ такомъ положеніи графъ Михаилъ Рослани, ничего не сказалъ, только рукою махнулъ и поѣхалъ впередъ шагомъ; за нимъ тронулась телѣжка, а сзади конвоемъ оба албанца.

Мало добраго для помака предвѣщалъ косой взглядъ графа Рослани, которымъ тотъ окинулъ Фому Шумова, проѣзжая мимо его телѣжки, оставивъ безъ отвѣтнаго привѣтствія.

Самъ заговорить Фома не рѣшился, молча идетъ за хвостомъ вороного жеребца; тотъ рысью пойдетъ—и его подгоняютъ албанцы, задержитъ тотъ свой шагъ и возжи рыжей кобылы натягиваются... Пытка да и только...

И тянулась эта пытка часа три, пока не пріѣхали какъ разъ на то самое мѣсто передъ оврагомъ, гдѣ и теперь неподвижно стояла посреди дороги повозка съ холщевымъ навѣсомъ. Гдѣ графъ остановился.

— Это тутъ и случилось?.. произнесъ Михаилъ Рослани, ткнувъ даже пальцемъ для ясности.

— Здѣсь я тѣло его нашелъ, отвѣчалъ Фома... ѣду я—уже къ ночи дѣло было—ѣду...

— Кто же убилъ его?.. нахмурилъ брови графъ. Можетъ быть ты и это знаешь?.. Вѣдь ты все знаешь!..

— Откуда же мнѣ знать! потупился Фома... Аллаху все извѣстно, а я человѣкъ, я откуда знать могу...

— Такъ! А мнѣ вотъ по твоимъ лисьимъ глазамъ кажется, что знаешь. Ну-ка скажи мнѣ, по дружбѣ.

Блѣденъ былъ графъ и губы у него дрожали, когда онъ спрашивалъ, еще блѣднѣй былъ Фома Шумовъ, дѣлая страшныя усилія, чтобы заставить себя спокойно взглянуть прямо въ глаза допросчику. Не слушаются проклятые глаза, сами собою тупятся въ землю, выдаютъ соучастника.

— Видишь это мѣсто? графъ указалъ на черныя пятна высохшей крови на дорожной глинѣ видишь?.. И ты сдохнешь на этомъ же самомъ мѣстѣ, и сдохнешь прежде, чѣмъ молитву прочесть успѣешь, если сейчасъ же не скажешь мнѣ всю правду.. Скажешь правду, самъ на себя покажешь и то отпущу цѣлаго, солжешь—умрешь.. Ну, говори же теперь...

— Я ничего не знаю.. заплакалъ Фома Шумовъ.. я ничего не знаю... Сильный человѣкъ—ты можешь убить слабаго, невиннаго.. я ничего не знаю.. Клянусь пророкомъ если я лгу, клянусь кораномъ.. пусть...

— Осмотрите его! распорядился графъ.

Албанцы мигомъ исполнили его приказанія. Изъ этого испытанія помакъ вышелъ чистымъ. Рослани подозрѣвалъ его въ убійствѣ, онъ думалъ найти у него оружіе, онъ этимъ путемъ хотѣлъ уличить его и до крови закусилъ губы съ досады.

А Рустемъ внимательно оглядывалъ окрестности, онъ даже отъѣхалъ въ сторону, за тѣмъ вернулся и просилъ графа ѣхать вмѣстѣ.

Графъ и Рустемъ тронулись на поиски. Они переѣхали оврагъ, прошли лощиною и выбрались на мѣсто, гдѣ останавливался помакъ, когда ходилъ въ балку къ Дику и его товарищу. Слѣды его сапогъ отсюда тянулись какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ видны были слѣды бивуака конныхъ, отсюда эти слѣды поворачивали назадъ къ повозкѣ, а конскій слѣдъ, шелъ въ другую сторону, прямо къ мѣсту катастрофы... этими же конскими слѣдами истоптано было вокругъ телѣги, отпечатки кованныхъ копытъ сохранились еще довольно ясно, подъ безчисленными, волчьими слѣдками; сначала было Рустемъ принялъ ихъ за слѣды собственныхъ лошадей, они тоже толклись тутъ ночью, но приглядѣвшись внимательнѣй узналъ между ними крупный оттискъ и европейскую подкову лошади Дика,—тотъ вѣдь былъ на англійской рослой кобылѣ своего господина это открытіе и повело его на идею изслѣдовать слѣды далѣе. Дѣло выяснялось, а съ нимъ вмѣстѣ выяснялось и участіе Фомы Шумова...

Мелкій дождь чуть было не испортилъ всего, и не сгладилъ предательскихъ отпечатковъ, но все таки опытный воровской глазъ не могъ ошибиться. Несчастный предатель, въ какомъ то полуобморочномъ, отупѣломъ состояніи наблюдалъ за розысками. Ему въ голову пришли вдругъ несчастныя мысли: бѣжать,—онъ вдругъ дико гакнулъ на свою кобылу и понесся по дорогѣ. Галебъ даже захохоталъ отъ этой попытки—ну гдѣ же въ телѣгѣ ускакать отъ трехъ конныхъ!?. Въ два скачка, онъ обогналъ бѣглеца и загородилъ ему дорогу.

— Однако ты не умный человѣкъ, а дуракъ,—укоризненно покачалъ головою албанецъ...

— Спаси меня! прошепталъ помакъ. Все, что у меня есть, все себѣ бери,—спаси только...

— Ты еще глупѣе—чѣмъ я думалъ сначала, насмѣшливо произнесъ Галебъ, отобравъ у него изъ рукъ возжи.

— Сколько получилъ ты за это дѣло? подъѣхалъ, какъ разъ въ эту минуту Михаилъ Рослани.

— Ничего, ничего... простоналъ тотъ, вылѣзая изъ телѣги и опускаясь на землю, не я убивалъ только. Мнѣ говорили, что крови не будетъ... я бы не взялся если бы зналъ... Клянусь пророкомъ.. Мнѣ говорили.

— Кто говорилъ?

— Инглизъ, ефенди Говвардъ.

— Она теперь тамъ въ Червленъ-аскерѣ?

— Тамъ.

— Она жива, она не ранена, ее не мучили... да? да? ну, говори скорѣе!..

— Не знаю. Нѣтъ, нѣтъ... они не смѣли бы ея тронуть—тутъ былъ Дикъ, онъ наблюдалъ... Дикъ черный.

— Ну слушай же:

Графъ говорилъ почти въ полголоса, но каждое его слово, такъ и звонило въ ушахъ Фомы Шумова.

— Ну слушай же: Я тебѣ дамъ бумагу, ты завтра, за часъ до полуночи, привезешь въ Червленъ-аскеръ. Ты скажешь, что эта бумага отъ бимъ-баши Джемиля, слышишь? и больше ничего. Ты не знаешь, что въ этой бумагѣ. Тебѣ велѣлъ ее отвезти и передать Чаушу Ибрагиму въ собственныя руки самъ бимъ-баши, понимаешь?..

— Понимаю.

Этимъ ты поправишь свое черное дѣло, заслужишь мою милость, а главное сбережешь свою голову, потому

что... Слушай внимательно, ты можешь клясться и пророкомъ и кораномъ и хоть самимъ аллахомъ, и тебѣ никто не повѣритъ, а я и безъ клятвы скажу слово и такъ, по слову моему и сбудется... Я тебѣ теперь говорю: ежели ты не исполнишь точно всего, что тебѣ мною велѣно...

— Исполню, въ точности исполню!

— Молчи, скотъ! если ты испортишь мнѣ дѣло, кому нибудь проболтаешься, минутою опоздаешь явиться съ бумагою въ Червленъ-аскеръ, шепнешь тамъ не по моему—ты будешь мною убитъ и ты отъ меня никуда не спрячешься и никто тебя не спрячетъ, развѣ успѣешь бѣжать вонъ изъ Турціи, такъ и тамъ, знай: я рано или поздно отыщу тебя и покончу, понялъ?

Фома Шумовъ только голову наклонилъ въ знакъ покорности и поцѣловалъ стремя Михаила Рослани.

— Завтра раньше часа передъ полуночью ты не долженъ быть въ Блокгаузѣ, ни видѣться съ Инглизомъ, ни съ кѣмъ изъ его слугъ,—убью все ровно тоже, если не исполнишь этого.

— Вернись назадъ въ Червный-солникъ и сиди тамъ. Тамъ за тобою слѣдить будутъ.. проводитъ тебя Галебъ,—садись въ повозку и пошелъ!

— Это дѣло до васъ не касается! кончилъ графъ, обращаясь уже не къ помаку, а къ своимъ албанцамъ.

— Мы дѣлаемъ. говоримъ, мы думаемъ только такъ, какъ повелитъ эфенди! отвѣчалъ Рустемъ и за себя и за товарища.

Графъ слѣзъ съ лошади, досталъ изъ кармана книжку, вырвалъ листокъ тонкой, желтоватой бумаги, написалъ карандашемъ по-турецки нѣсколько словъ, заклеилъ написанное въ конвертикъ и передалъ Фомѣ Шумову.

— Это ты отдашь Чаушу Ибрагиму,—повторилъ онъ, выразительно глядя на него.

— Отдамъ въ руки, шепталъ тотъ, садясь въ телѣжку.

Графъ и Рустемъ прослѣдили его глазами, пока тотъ не скрылся и шагомъ поѣхали въ „Луково“.

---

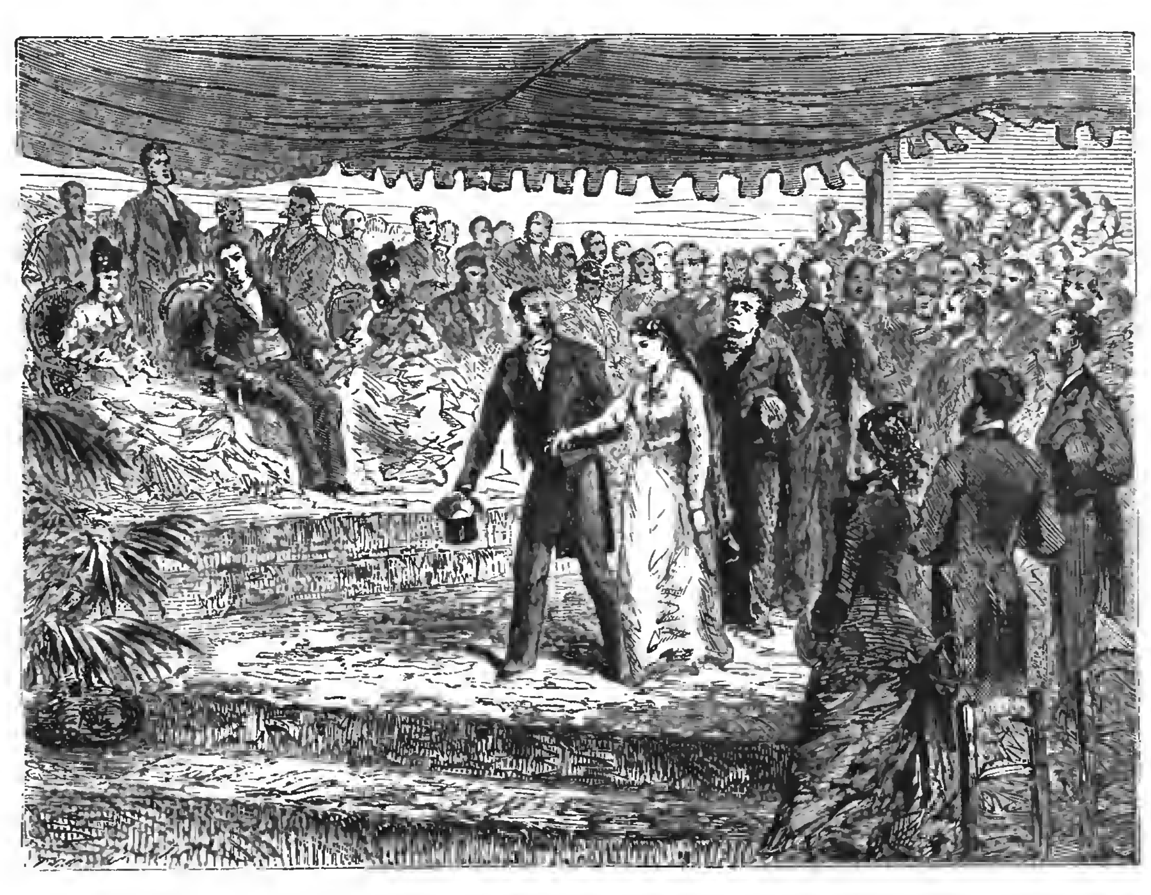
Тѣмъ временемъ пьяныя слова, сорвавшіяся въ хмѣльномъ горѣ жениха Симко, не пропали даромъ, на вѣтеръ. Кромѣ Ильи Кубеева нашлись ребята, что въ душѣ сочувствовали дѣлу рѣшительнаго протеста, чѣмъ безцѣльныя жалобы по начальству.

Въ туже ночь въ пустомъ сараѣ, за выгономъ, втихомолку собралось человѣкъ десять червно-солнечанъ, пристроился къ нимъ еще захожій торгашъ гребенщикъ изъ Добруджа, Максимъ Пѣгашъ, и задумали они на этотъ хоть разъ выместить на чемъ да ни на-есть свою злобу, сорвать наболѣвшее сердце.

Теперь они обсуждали какъ бы дѣло сдѣлать такъ, чтобы слѣды схоронить, на другое-что еще лучше сберечь свои головы, пакость какую нибудь сдѣлать, чтобы на самихъ турокъ нагнать страху, можетъ быть тогда, хоть подъ вліяніемъ возмездія, станетъ сноснѣе ихъ вѣчно тревожная, обездоленная жизнь.

Долго толковали ребята, горячились сначала шибко, особенно Симко, да Илья Кубеевъ, да опытный воръ Максимъ Пѣгашъ ихъ урезонилъ повели дѣло чисто, всякую мелочь все обдумывали, всѣ случайности предугадывали, все разбирали по ниточкамъ.

Прежде всего намѣтили себѣ жертву.. этою жертвою долженъ былъ служить блокгаузъ Червленъ-аскеръ, со всѣмъ своимъ населеніемъ, они ловко, инстинктивно угадывали своего настоящаго врага. Инглизъ вѣдь не даромъ увивался за Анной,—ужь не одна болгарская дѣвушка въ его рукахъ перебывала, были и такія межъ ними, что возвращались домой живы, здоровы, еще и съ прибылью, съ деньгами да подарками, весело даже о своихъ побывкахъ говорили, добромъ вспоминали, была одна такая, что привезли ее назадъ въ деревню, еле живую, въ полгода все поправилось, а поправилось такъ только для того, чтобы на чердакъ под-



**Увѣнчаніе розами во Франціи.** Рис. Тернонъ, грав. Лаплантъ.



**Охота на утокъ.** Ориг. рисунокъ А. Васильева, грав. Б. Пуцъ.

няться, да тамъ на перекладинѣ повѣситься... Были и такія что и вовсе не возвращались.

— А первый подлецъ всему дѣлу, говорилъ Максимъ Пѣгашъ, это Фомка Шумовъ... Вы вотъ всѣ ему челомъ бьете, за радѣльщика всему міру почитаете, а мы, тоже, пришлые, не здѣшніе, кое что о немъ слышали.

Н. Каразинъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

# Валаамъ.

## (Путевыя впечатлѣнія).

(Окончаніе).

Мы идемъ черезъ „Святыя ворота" снова на монастырскую площадь. Внутри воротъ останавливаютъ невольно наше вниманіе старые потертые образа, писанные прямо на стѣнахъ и изображающіе видѣнія какихъ-то святыхъ, при чемъ немалую роль играютъ черти съ ужасными мордами. Живопись сильно попорчена, стерта и не подновляется по весьма понятной причинѣ...

Вотъ и кладбище. Могилу короля Магнуса отыскать не трудно: она у самой стѣны направо. Это небольшая бѣлая плита, низенькая, покатая книзу, окруженная небольшими деревьями, кажется, кленами. Монастырское преданіе разсказываетъ, что въ 1371 году иноками былъ спасенъ человѣкъ, носившійся на корабельной доскѣ по волнамъ возлѣ острова. Человѣкъ этотъ назвался королемъ шведскимъ Магнусомъ II-мъ, остался на островѣ, принялъ схиму, и когда умеръ, то былъ погребенъ на общемъ братскомъ кладбищѣ. На плитѣ красуется слѣдующее стихотвореніе:

На семъ мѣстѣ тѣло погребено,
Въ 1371 году землѣ оно предано,
Магнуса шведскаго короля,
Который, святое крещенье (?) воспрія,
При крещеніи Григоріемъ нареченъ.
Въ Швеціи онъ, въ 1336 году рожденъ,
Въ 1360 году на престолъ возведенъ.
Великую силу имѣя, и оною ополченъ
Двоекратно на Россію воевалъ
И о прекращеніи войны клятву давалъ;
Но преступивъ клятву, паки вооружился,
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился.
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось.
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился
Три дня и три ночи Богомъ хранился,
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами къ берегу сего монастыря управленъ.
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ.
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ:
Потомъ, на мѣсто царскія діадимы,
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы,
Поживъ три дня, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался. *)

Внизу изображенъ схематическій рисунокъ „адамовой головы" и двухъ перекрещенныхъ костей.

Громадный колоколъ, повѣшенный на небольшомъ деревянномъ срубѣ передъ мраморной часовней (на колокольняхъ онъ не умѣщается) гудитъ и воетъ, возвѣщая наступленіе завтрашняго праздника. Весь воздухъ налитъ дрожащими густыми волнами его могучаго баса, стѣсненіе чувствуется въ груди, когда проходишь слишкомъ близко возлѣ него, и до боли раздражается барабанная перепонка. Спускаешься подъ гору, поворачиваешь влѣво, звонъ замираетъ, дѣлается чище, бархатнѣе. Какъ долженъ быть онъ хорошъ въ тихую погоду съ озера...

Дальше, дальше въ глубь острова... Что ни видъ—то картина. Дорога вьется по берегу озера, отдѣленная отъ него небольшою стѣной деревьевъ. Съ другой стороны круто взлетаютъ вверхъ массивныя глыбы гранита, а на нихъ вѣковой сосновый лѣсъ раскинулъ свои темныя чащи. Какая масса цвѣтовъ! Все ландыши, ландыши, ландыши... Не столько видишь, сколько чувствуешь ихъ присутствіе. Порою мелькаетъ желтая головка, круглый пузырь одуванчика, головка клевера, да изящно окрашенная бабочка трехцвѣтной фіалки. Лѣсъ больше хвойный, но мелькаетъ и ольха, и осина, и черемуха, и жимолость, и калина. Говорятъ, что иноки разводятъ и кедры, и лиственницы, и каштаны, и пихты: у нихъ въ саду и въ оранжереяхъ ростутъ превосходные арбузы, дыни, тыквы...

Дорога то поднимается, то опускается, вьется то въ одну, то въ другую сторону, указывая на былые перевороты доисторическихъ періодовъ. Весь лѣсъ наполненъ свистомъ и стрекотаньемъ,—вороны, синицы, чижи, жаворонки, малиновки, снигири, дрозды,—всѣ заявляютъ свое присутствіе и карканьемъ, и пѣньемъ, и постукиваньемъ. Даже соловей поселился здѣсь, и не стѣсняясь монастырскимъ звономъ заливается своими весенними хватающими за душу пѣснями...

Лоси, зайцы, олени, лисицы—постоянные жители здѣшнихъ лѣсовъ. Безусловное запрещеніе охотиться за ними обратило Валаамъ въ какую-то идиллическую мѣстность. Иноки разсказываютъ, что когда имъ случается наѣзжать на стадо *дикихъ* оленей, стоящее на дорогѣ, то они, подобно домашнимъ коровамъ, разступаются, чтобы дать проѣздъ, и опять сходятся на прежнее мѣсто... Мнѣ припоминается разсказъ одного художника-академиста, работавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Валаамѣ.

— Накидывалъ я прелестную лѣсную глушь, разсказывалъ онъ. Вокругъ тишина такая, свѣтовыя пятна удивительныя, увлеченъ я былъ своей работой чрезвычайно. Только чувствую, что на меня смотритъ кто-то съ боку изъ травы. Я оглянулся,—нѣтъ никого. Принялся за работу,—ну чувствую, что смотрятъ. Вы можетъ быть знаете подобное ощущеніе,—непріятно оно въ высшей степени. Всматриваюсь внимательнѣе. Вижу, сидитъ въ травѣ противъ меня,—кто бы вы думали?.. Лисица! Сидитъ и смотритъ прямо мнѣ въ глаза съ такимъ любопытствомъ, точно сказать хочетъ: что это вы, милостивый государь, здѣсь дѣлаете?.. Я разсердился даже, махнулъ на нее кистью,—она хоть бы моргнула. Я привсталъ, ногой топнулъ, крикнулъ,—она отбѣжала нѣсколько шаговъ поворотилась и опять смотритъ, даже присѣла опять. Началъ работать,—не могу—смотритъ. Поднялъ я обломокъ какой-то кости съ земли, пустилъ въ нее—только тогда и убралась...

Я передаю эту исторію спутникамъ. Одинъ изъ нихъ, тоже художникъ, работавшій много на Валаамѣ, разсказываетъ съ своей стороны „случай."

— Пріѣхалъ я сюда, занялъ очень удобную мастерскую. Отецъ-казначей, который отвелъ мнѣ ее, говоритъ: вы держите, пожалуйста, вашу комнату на замкѣ, во избѣжаніе всякихъ соблазновъ: мало-ли что у васъ тамъ есть—сардинки, сыръ, чай... А коли пропадетъ что—мнѣ заявите. Только прихожу я въ одинъ прекрасный день—четверки чая, что оставилъ, уходя, на столѣ, какъ не бывало. Я къ отцу-казначею: „такъ и такъ, батюшка"... Онъ пошелъ комнату освидѣтельствовалъ.— На запорѣ, спрашиваетъ, у васъ была она?—„На запорѣ."— Можетъ окно отворено было?—Я и ротъ разинулъ:—„Да вѣдь въ третьемъ этажѣ;" говорю.—Ничего, говоритъ, не значитъ. къ намъ птицы залетаютъ, пойдемъ-те ка подъ окно въ саду пошаримъ. Пошли—и вѣдь точно нашли: весь фунтъ разсыпанъ подъ кустомъ и бумага клювомъ вся протыкана... А батюшка посмѣивается: вы съ нашими воронами не шутите...

— Удивительныя вороны,—соглашаемся мы.

И точно въ подтвержденіе разсказа, мы натыкаемся на дятла; сидитъ внизу на деревѣ и стукаетъ своимъ желѣзнымъ клювомъ. Подошли мы, онъ остановился, посмотрѣлъ на насъ однимъ глазомъ, моргнулъ, и опять застукалъ. Я протянулъ къ нему руку, онъ рванулся кверху и сѣлъ повыше.

Тамъ, гдѣ надо переходить съ одного острова на другой,—мѣстами перекинуты мосты, съ нихъ открываются на всѣ стороны удивительныя панорамы. Вода здѣсь тиха и прозрачна, какъ стекло; если проскользнетъ по ней инокъ въ челнокѣ, такъ надолго взбудоражитъ ея поверхность,—долго еще колышатся побережныя подводныя травы и рябится отраженіе, пока опять не возстановится тишь и не замретъ въ недвижномъ покоѣ и обступившій ее лѣсъ, и алая тающая за этимъ лѣсомъ заря, разметавшаяся по небу багряными клочками облаковъ. Сквозь прогалины мелькаютъ отдѣльныя главы церквей и скитовъ, проносится далекій благовѣстъ... Блаженныя, обѣтованныя мѣста!..

— Только и комары же здѣсь: восклицаетъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, отмахиваясь платкомъ отъ ужасныхъ насѣкомыхъ, сѣткой нависшихъ вокругъ насъ...

* * *

Трезвонъ во всѣ колокола возвѣщаетъ наступленіе праздника. Народъ высыпаетъ изъ келій. Какъ свѣжъ и чистъ утренній воздухъ; ночной дождь спрыснулъ и омылъ дорогу. зданія, зелень. Послѣдніе обрывки дождевыхъ тучъ уносятся къ востоку, солнце весело пробивается изъ-за нихъ, и пестритъ полосами просвѣтовъ и толпу, и площадь, и озеро.

Скоро двинется крестный ходъ. Ему слѣдуетъ отправиться въ скитъ Всѣхъ Святыхъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря. Мелькаютъ образа, фонари, хоругви. По два въ рядъ выступаютъ монахи и священники въ мантіяхъ и ризахъ;

*) Эти свѣдѣнія о королѣ Магнусѣ не согласуются съ историческими. Магнусъ II, Стройный или Эриксонъ сынъ герцога Эрика Голландскаго род. 1310 года, вступилъ на шведскій престолъ въ 1333 году. Въ 1365 году герцогъ Альбрехтъ Мекленбургскій взялъ его въ плѣнъ. Получивъ свободу онъ отправился въ Норвегію къ своему сыну Гакону, но погибъ во время переправы черезъ бродъ (въ 1374 г.). Такъ говоритъ исторія, но Магнусъ могъ спастись отъ погибели въ морскихъ волнахъ и быть погребеннымъ на Валаамѣ. Въ такомъ случаѣ года показанные на могильной плитѣ заслуживаютъ болѣе достовѣрности.

впереди идетъ клиросная братія съ молебнымъ пѣніемъ,—а далѣе длиннымъ, пестрымъ безконечнымъ хвостомъ тянутся богомольцы. Разъ только въ годъ, въ этотъ день (праздникъ Всѣхъ Святыхъ, въ восьмую недѣлю по Пасхѣ) дозволяется всѣмъ богомольцамъ безъ различія пола вступать въ суровый скитъ: въ остальное время входъ въ него женскому полу „возбраненъ“. Здѣсь круглый годъ царствуетъ самый строгій аскетизмъ и умерщвленіе плоти: трапеза здѣсь не только лишена скоромнаго масла, но даже рыбы и состоитъ исключительно изъ овощей...

Ходъ тянется, вьется, вздымается, опускается, какъ колоссальный змѣй, съ золотою блестящею головой. По дорогѣ у Владимірской часовни, возлѣ перваго скитскаго моста (см. рисунокъ внизу налѣво) читается евангеліе. Нѣсколько дальше, у гранитнаго креста, поставленнаго на перепутьѣ, читаютъ ектенью, кропятъ святой водой на всѣ стороны. Ходъ спускается въ жолобину, и чудный видъ открывается сверху. На небольшой полянѣ внизу, обрамленный со всѣхъ сторонъ лѣсами, волнуется нѣсколько десятинъ золотистой заколосившейся ржи; какая-то рѣченка ползетъ, по серединѣ, подползаетъ подъ старенькій мостъ и теряется вдали. Вѣтерокъ прохаживается по хлѣбамъ волнами, шевелитъ волосы на непокрытыхъ головахъ богомольцевъ, играетъ головными платками женщинъ, кистями хоругвей. Весь ходъ въ полномъ составѣ представляется взору. Какъ все свѣжо, пестро и красиво!..

Финская рѣчь раздается вокругъ. Большинство богомольцевъ—финны, пришедшіе сюда и въ Коневецъ на соймахъ. Загорѣлые, бѣлоголовые, въ такихъ же драныхъ зипунишкахъ, какъ и наши великорускіе крестьяне, мягко ступаютъ они сапогами, лаптями, а часто и простыми подошвами по пыльному пути. Безжизненно тупо смотрятъ ихъ глаза, часто слезящіеся, больные. Ихъ совсѣмъ забиваетъ унылая, чахлая, недающая „благъ земныхъ“ родина. Для нихъ Валаамскій монастырь—великое дѣло; плохо зная по русски, они исповѣдаютъ нашу вѣру: имъ *выгодно* ее исповѣдывать. Они знаютъ, что монастырь скорѣе чѣмъ кто нибудь поддержитъ ихъ въ лихое время. Въ глухую осеннюю погоду, съ опасностью жизни пробираются они сюда, что бы пожить недѣлю другую на счетъ монастыря, исполнить кое-какія работы. Въ случаѣ болѣзни ихъ безплатно будутъ лечить въ монастырѣ и съ собой отпустятъ лекарства. На дорогу дадутъ и сапогъ, и бѣлья и платья; дадутъ хлѣба, сѣна, овса.—даже денегъ въ крайнемъ случаѣ. Бывали примѣры, что въ концѣ января и въ февралѣ, когда между Сердоболемъ и Валаамомъ установится уже прямое сообщеніе по льду, партія несчастныхъ по 15-ти, 20-ти градусному морозу отправлялись въ монастырь и замерзали, занесенные вьюгой въ нѣсколькихъ верстахъ отъ цѣли своего путешествія...

— Смотрите, ради Бога, говоритъ мнѣ одинъ спутникъ:—говорятъ, сюда нельзя принести водки. А глядите на странника-то нашего: еле держится.

И точно,—пилигриммъ, ѣхавшій съ нами на пароходѣ, въ послушническомъ одѣяніи и скуфейкѣ („я изъ разстриженныхъ“, объяснилъ онъ намъ тогда-же),—еле шагаетъ сапожищами, и мрачно поглядываетъ „залитыми глазками. Изъ кармана трубка торчитъ и онъ ее старательно запихиваетъ. Рожа испитая, корявая, съ невообразимымъ носомъ, за спиной клеенчатый облупленный ранецъ на ремняхъ, въ рукахъ палка.—Совсѣмъ готовый этюдъ для Рѣпина,—шепчетъ мнѣ художникъ, съ восторгомъ глядя на него.

— Вамъ что? раздается вдругъ сиплый басъ странника, замѣтившаго наши взгляды.—Вамъ что? Что вы, пьянаго не видали?.. Нѣтъ ска—а—жите, вы чего смотрите?

— А вы чего смотрите?

— Я? Я двух-гривеннаго отъ васъ быть можетъ жду, а вы мнѣ не даете. Мы третій день знакомы, а вдругъ вы такъ, можно сказать, невѣжливы... Что это—пріятно для меня, какъ вы думаете?..

— А зачѣмъ вамъ двугривенный?

— Мнѣ?.. Вѣдь вы сегодня ѣли что нибудь? Ѣли—вотъ видите! А я нѣтъ. Но я ѣсть тоже хочу, ибо—человѣкъ. Взалкахъ и возжаждахъ, аки Агарь въ пустынѣ.

— А зачѣмъ же вы напились, лучше бы ѣли на эти деньги.

— Ахъ, какъ вы это умно говорите, какъ вы умно говорите!—Странникъ упираетъ руки въ боки и даже пріостанавливается. Вы такъ умно говорите, что я вамъ возразить не могу ни...

— Тьфу ты окаянный,—отплевывается сосѣдняя баба,—вотъ бѣсъ-то передъ заутреней...

— А тебя, старая корга, трогаютъ? Тебя трогаютъ,—поводитъ носомъ и засучиваетъ рукава у колоссальныхъ кулаковъ странникъ.—А? Говори, трогаютъ?

Баба затирается въ толпу, странникъ за ней.

А послѣ дождливой ночи ландыши пахнутъ еще сильнѣе, слаще. Вотъ и скитъ будетъ скоро: ужь мелькнули вдалекѣ небѣленые простенькіе домики съ остренькими зелеными крышами. На встрѣчу намъ показывается другой ходъ, скитскій. Солнце совсѣмъ вышло изъ-за тучъ и играетъ на незамысловатомъ храмѣ византійскаго стиля, на мѣдныхъ, позолоченыхъ главахъ и крестахъ, на старенькихъ ризахъ духовенства. Начинается пѣнье тропарей и цѣлованіе креста. Какое разнообразіе типовъ монашествующихъ, сколько ихъ свело въ одно мѣсто служеніе одному и тому же. Есть невыразительныя, заурядныя лица, но есть и такія, которыя были бы достойны величайшей кисти. Я смотрю на сѣдоватую, могучую голову одного брата—и лучшія работы Веласкеза и Рембрандта возстаютъ передо мною. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ сосредоточенъ на молитвѣ, нѣтъ! Но какое удивительное, несвойственное простымъ людямъ спокойствіе выражается въ его лицѣ,—страсти ему незнакомы: онъ забылъ ихъ...

И припоминается мнѣ разсказъ про одного изъ монастырскихъ старцевъ, лѣтъ двадцать тому назадъ умершаго. Онъ былъ пустынникъ, по сану іеросхимонахъ. Долгое житье совершенно отдѣльное отъ всѣхъ остальныхъ собратій, долгое внутреннее міросозерцаніе, развили въ немъ удивительное отношеніе къ человѣку. Онъ началъ считать его самымъ высшимъ проявленіемъ творческой силы и могущества Божія; при видѣ молодого человѣка, даже ребенка, онъ проникался такимъ восторгомъ, что опускался передъ нимъ на колѣни, и въ нѣмомъ упоеньи молился...

Вотъ и изъ этой головы, на которую я смотрю, можетъ выработаться многое. Что за строгость стиля, что за ровный блескъ глазъ изъ-подъ всклокоченныхъ бровей. Носъ правильный, моделированный почти по гречески, щеки худощавы, но не болѣзненно впалы, борода самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Губы сжаты строго, какъ строгъ весь окладъ головы... Вотъ сдвигаются внезапно его брови, мускулы на щекахъ дрогнули, глаза тихо оторвались отъ одного мѣста, вся голова повернулась, и опять такъ же тихо и спокойно. Я взглянулъ по тому направленію, куда онъ смотрѣлъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, у березы на пригоркѣ присѣла молодая, дородная женщина, голодный ребенокъ, плакавшій во все время хода, разревѣлся окончательно. Не стѣсняясь присутствіемъ народа, она разстегнула воротъ своего платья; пышная, бѣлая, молодая, полная, налитая молокомъ грудь сверкнула на солнцѣ, и ребенокъ жадно схватился за нее, упираясь рученками, захлебываясь...

Крестный ходъ вступаетъ въ скитъ, хоругви колышатся на церковномъ дворѣ...

* * *

Быстрой вереницей промелькнули картины монастыря и вотъ мы опять посрединѣ безбрежнаго *Нево*.

Озеро бурно. Холодныя, синія волны съ бѣлыми гребнями ходятъ на суровомъ просторѣ. Нѣтъ ни дождя, ни грозы, но день непріятный, сѣроватый.—Сегодня покачаетъ! предсказываютъ опытные люди, поглядывая вдаль.—Коли вы отъ болѣзни не застрахованы, выбирайте мѣсто поудобнѣе.

Сажусь на рубкѣ у мачты, плотно прижавшись къ ней спиной. Опытные люди притаскиваютъ на палубу складные стулья и запасаются лимонами. Весело-суетливаго движенія, которое замѣтно было во время путешествія „туда“—теперь какъ не бывало. Лица вытянутыя, блѣдныя, точно на каждомъ изъ нихъ написано: „Господи, зачѣмъ я поѣхалъ!“ Особенно женщины... Мущины,—тѣ бодрѣй, даже посмѣиваются порою: „вотъ погодите, будетъ вамъ на орѣхи!“ Странникъ закурилъ трубку и избочепился.

— Качка,—говоритъ онъ,—скажите пожалуйста, качка! Нѣжности какія.—Что такое качка, и можетъ ли она мнѣ повредить? Если я не хочу, чтобъ она вредила, можетъ ли она вредить? Если сила воли есть у меня...

— Вотъ она те съ ногъ свалитъ—сила воли и будетъ, острить кто-то.

— Кто свалитъ? Она! Качка, вода?.. Вода съ ногъ свалитъ.

— Вода мельницы валитъ, не токмо что...

— Этакого пса только спиртомъ и свалишь, слышится сзади.

— Вѣрно! рявкаетъ онъ, и почему-то прибавляетъ:—Благоустроенность!

— А ты слушь,—пристаетъ къ нему странница:—отчего у Миколы угодника мечъ въ правой рукѣ, а церковь въ лѣвой.

— Дура!.. Что чижелыше?..

— Когда мы изъ Венеціи шли по Адріатическому морю,—ораторствуетъ какой-то золотушный юноша, съ воротничками на цѣлую четверть отъѣхавшими въ разныя стороны,—буря была ужасная: волнами трубу заливало...

— Какъ такъ? удивляется барышня и опускаетъ книгу, которую она читала, на колѣни.

— Вы думаете это гипербола?.. Увѣряю васъ, что концами рей мы черпали воду... Даже капитанъ заболѣлъ тогда...

— А вы?..

— Почти всѣ заболѣли, но я не долго... Я только разъ...

Онъ конфузится и не доканчиваетъ...

— Вотъ здѣсь тоже, прелестно описана качка,—барышня показываетъ глазами на книгу.

— А это что у васъ?

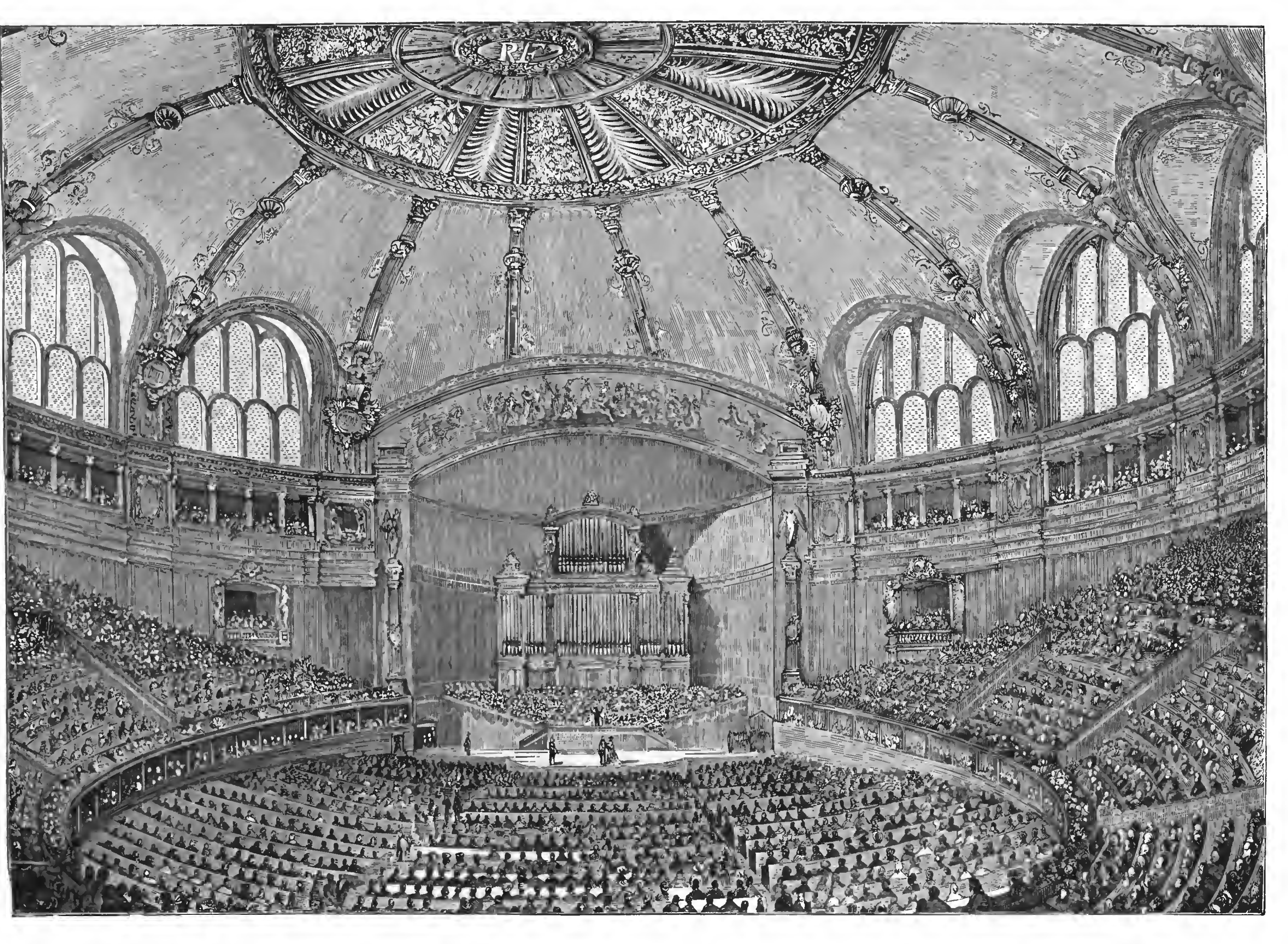
— Байронъ,—Донъ-Жуанъ... Это я по ошибкѣ изъ дома захватила, надо было...

— Ай-ай! взвизгиваютъ иные. Пароходъ сильно качнуло,—носъ совсѣмъ зарылся въ волну. Пѣна, перелетѣвъ черезъ бортъ, окачиваетъ ближайшую группу...

— Я, душечка, больше не могу,—говоритъ толстый господинъ своей супругѣ. Я тебя одну оставлю.



**Туалетъ благородной японской дѣвицы.** Картина Ф. Жирара, грав Смитонъ Тили.



**Всемірная выставка въ Парижѣ: залъ для концертовъ и увеселеній въ Трокадеро.** (Rue des nations). Съ фотографіи грав. Рашевскій.

— Тебѣ дурно?
— Нѣтъ, не то чтобъ дурно, но я не могу дольше.
— Да что съ тобой?
— Такъ ко сну и клонитъ.
— Да иди, Богъ съ тобой. Тутъ люди умираютъ, а онъ...
— У меня двѣ дочери, милостивый государь,—адресуется къ золотушному юношѣ какая-то старушка въ потасканномъ платкѣ.—Юноша испуганно взглядываетъ на нее.
— Ну-съ, такъ что-же?
— Имъ очень дурно...
— Да-съ... Такъ я-то что могу?..
— У васъ такъ много лимоновъ...
Онъ суетъ ей два лимона.
Новый потокъ спрыскиваетъ палубу,—на одной бабѣ буквально нитки сухой не осталось... Она приподнимаетъ на сколько возможно платье и осматривается. Вокругъ хохотъ.
— Что, тетенька,—сыро? Вы бы перемѣнились...
Жиденокъ сидитъ у борта и ѣстъ колбасу. Вокругъ сильнѣйшій запахъ чеснока.
— Брось ты эту погань, усовѣщеваетъ его сосѣдъ.—Видишь, что мутитъ человѣка съ нея.
Тотъ молчитъ.
— Не бросишь—хуже будетъ...
Жидъ только чавкаетъ... Сосѣдъ отворачивается.
— А вѣдь никого еще до сихъ поръ... говоритъ барышня, съ любопытствомъ поглядывая внизъ...
Юноша молчитъ, и весь зеленый внимательно смотритъ на какую-то точку на горизонтѣ.
— Ахъ какъ это хорошо,—продолжаетъ она, перелистывая Байрона,—прочтите вотъ это мѣсто.
— Прочтите вы вслухъ, — вдругъ порывисто произноситъ онъ, и широко открывши ротъ начинаетъ втягивать въ себя воздухъ.
Она съ удивленіемъ взглядываетъ на него.—Видите: Донъ-Жуанъ на морѣ мечтаетъ о своей Юліи.

«Скорѣй весь міръ... (онъ очень боленъ сталъ)
О, Юлія! Тебя ни на минуту...
Ликеру мнѣ пока я не упалъ!
Мой Педро,—помоги сойти въ каюту...
О, Юлія! . Скорѣе Педро-плутъ!..
О, Юлія!.. Ахъ, что за качка тутъ!
Пусть голосъ мой для милой будетъ сладокъ...
Но тутъ случился съ нимъ морской припа...“

— Что съ вами?
Юноша, только что положившій въ ротъ кусокъ лимона, кидается къ борту.
— Первый! Ха-ха-ха! раздается вокругъ.
Всѣ взоры устремляются на него.—Какая-то дама къ нему подбѣгаетъ.
— Оставьте его, оставьте!.. кричатъ ей.
Трахъ! и юноша и дама отлетаютъ отъ борта: волна съ размаха хватила имъ въ лицо.
— На языкъ не наступи! предостерегаетъ пробѣгающаго мимо матроса странникъ, спокойно растянувшійся на полу.—А знаешь... И что выдумали, бормочетъ онъ засыпая,—качка!.. Черти, право!..
— Такъ ты не бросишь? раздается вопль.
— Зачѣмъ-же въ озеро кидать,—отчаянно слышится жидовскій голосъ,—это килбаса херошая: ее кушать надо... Я на капитана пойду!.. Колбаса летитъ въ воду.
Художники развернули свои альбомы и накидываютъ фигуры несчастныхъ. Жанристамъ раздолье. Группы чрезвычайно интересны. Большинство изъ нихъ напоминаетъ иллюстраціи къ первому тому Божественной комедіи Данта: грустныя, скорченныя, отдѣлившіяся отъ всего остальнаго міра, кромѣ себя ничего не сознающія...

* * *

Нева не шелохнетъ. Тишь, гладь, солнце спускается къ горизонту. Качки какъ не бывало. Палуба вымыта, вычищена. Опять все оживлено, весело. Пароходъ на всѣхъ парахъ, по вѣтру и по теченью мчится въ Петербургъ.
— А мы съ вашимъ лимономъ, съ остаточками, чай пьемъ,—говоритъ старушка юношѣ.
— Слава Богу, съѣздили,—крестится странница.
— Алилуя, алилуя, — выводитъ страшнымъ басомъ странникъ,—алилу—я!...

**П. Гнѣдичъ.**

# Къ рисункамъ.

## Урокъ въ страшной школѣ.

Въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ Англіи, воровство возведено на степень „науки“.

Картинка „Урокъ въ страшной школѣ“, помѣщенная въ этомъ № даетъ понятіе о томъ, какъ преподается эта „страшная“ наука. Глава воровской шайки любуется на младшаго ея члена—мальчугана, который какъ видно, успѣшно преодолѣваетъ трудности: изъ колокольчиковъ, привѣшенныхъ къ платью, ни одинъ не шевелится, ни звука... а платокъ черезъ секунду неслышно будетъ вытащенъ изъ задняго кармана чучелы, привѣшенной къ потолку!.. Окружающіе воскликнутъ „браво“. Папа погладитъ мальчика по головкѣ, пожалуй дастъ ему награду... Ребенокъ зарумянится отъ удовольствія: онъ будетъ польщенъ: вѣдь самъ папа его похвалилъ!.. Значитъ, работаетъ онъ хорошо! чисто, на славу.. далеко пойдетъ!.. Но въ какую сторону *далеко*—ребенокъ не задаетъ себѣ такого вопроса. Рядомъ со „способнымъ“ ученикомъ стоитъ главный репетиторъ. Онъ глубокомысленно, съ видомъ удовольствія, даже съ одобрительной улыбкой, слѣдитъ за движеніями мальчика... „А вѣдь недурно, право, недурно!.. Ловкачъ—шельмецъ!“ думаетъ репититоръ.

Другой „подмастерье“ даже подался всѣмъ туловищемъ впередъ—такъ занимаетъ его эта репетиція „Звякнетъ колокольчикъ или не звякнетъ?..“ вопросъ этотъ, очевидно, горячо интересуетъ его...

Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ эта сценка. Тутъ „ученье—тьма, а неученье—свѣтъ“... Невольно сжимается сердце и невольно припоминаются стихи:

Этотъ омутъ хорошъ для людей,
Разставляющихъ ближнему сѣти,
Но не жалко-ли бѣдныхъ дѣтей?..
Вы зачѣмъ тутъ, несчастныя дѣти?..

**Щ.**

## Севрская фарфоровая мануфактура.

Севрская мануфактура основана въ 1740 г.; въ этомъ году ученики изъ мастерскихъ фабрикъ С.-Клу, братья Дюбуа, получили отъ министра финансовъ, маркиза де-Фюльви и его брата, генеральнаго контролера, разрѣшеніе устроить мастерскую въ Венсенскомъ замкѣ. Для эксплоатаціи дѣла, представлявшаго значительныя выгоды, такъ какъ произведенія братьевъ Дюбуа были превосходны, образовалось сначала товарищество, въ которое вошелъ самъ де-Фюльви, а затѣмъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ—акціонерное общество, съ капиталомъ въ 240 тысячъ франковъ.

Въ 1753 году король Людовикъ XV вступаетъ въ число акціонеровъ, пріобрѣтя 1/3 часть всѣхъ акцій, и даруетъ мануфактурѣ, находившейся уже на высокой степени процвѣтанія—наименованіе „королевской французской мануфактуры“. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что такому милостивому вниманію короля къ Севрской фабрикѣ во многомъ содѣйствовала знаменитая фаворитка его, маркиза Помпадуръ. Она знала свою непопулярность въ Парижѣ, знала, что Франція не проститъ ей тѣ безумно истраченные на ея прихоти милліоны, ни ея вмѣшательства въ дѣла управленія. Честолюбивая женщина хотѣла примирить свое отечество, общественное мнѣніе своей страны съ ея скандальной карьерой. Лучшее средство къ достиженію этой цѣли маркиза думала найти въ покровительствѣ ея какому либо полезному для Франціи дѣлу, она обратила свои взоры на Севрскую фабрику и съумѣла придать дѣлу патріотическій характеръ, рѣшившись поставить французское производство выше фарфороваго производства другихъ странъ и, въ особенности, доставить Севрской мануфактурѣ преимущество предъ гремѣвшей въ то время королевской Саксонской. Непосредственной своей цѣли она, во многомъ, достигла и дѣйствительно совершила полезное для своего отечества дѣло...

Въ сентябрѣ 1756 г. мануфактура переведена изъ Венсена въ Севръ, гдѣ для ея помѣщенія отведенъ замокъ Гіардъ (Gugarde).

Нынѣ мануфактура подчинена вѣдѣнію управленія изящныхъ искусствъ, которое, въ свою очередь, поставлено въ зависимость отъ министра народнаго просвѣщенія.

Старинное зданіе мануфактуры, при своей величавой внѣшности, оказалось, однако, не совсѣмъ прочнымъ. Лѣтъ 15 тому назадъ управленіе рѣшилось приступить къ сооруженію новой мануфактуры; мѣсто было выбрано въ паркѣ С.-Клу, на берегу Сены, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Севрскаго моста. Зданія окончены постройкой въ 1870 г., но событія воспрепятствовали тогда же завершить внутреннее устройство и приспособленіе. Послѣ коммуны, въ зданіи мануфактуры засѣдалъ военный судъ и, наконецъ, послѣ продолжительнаго перерыва, работы были возобновлены теперь новая мануфактура состоитъ изъ ряда зданій, соединенныхъ между собою стеклянными галлереями. Главный павильонъ, фасадъ котораго выходитъ на Сену, заключаетъ въ себѣ музей и разныя галлереи выставки. Позади расположены мастерскія, замѣчательныя по своимъ размѣрамъ, а также и по превосходнымъ приспособленіямъ. Въ сторонѣ расположено совершенно изолированное зданіе для паровыхъ машинъ и мельницъ; тѣ же самыя предосторожности приняты и въ отношеніи всѣхъ другихъ аппаратовъ, дѣйствующихъ при помощи огня, съ цѣлью предотвращенія возможности пожара.

Предѣлы нашей замѣтки не дозволяютъ намъ, на этотъ разъ, подробно и много говорить о достоинствахъ произведеній этой

мануфактуры, составляющей, по справедливости предметъ гордости для Франціи. Скажемъ только, что по изяществу и красотѣ формъ, по необыкновенной тонкости и замѣчательной художественности исполненія рисунковъ, произведенія Севрской фарфоровой мануфактуры едва ли когда-либо допускали возможность соперничества. Онѣ, впрочемъ, всегда цѣнились по достоинству. Короли, императоры, дарили другъ другу или своимъ приближеннымъ въ знакъ особаго своего расположенія Севрскіе кабачки, несессеры, фигуры (преимущественно изъ бисквита, замѣчательнаго по экспрессіи и законченности) и т. д. Въ настоящее время „севры" прошлаго столѣтія и преимущественно временъ Людовиковъ XV и XVI—большая рѣдкость и доходятъ до баснословныхъ цѣнъ, какъ, напримѣръ, 50,000 франковъ пара вазъ. Въ числѣ главнѣйшихъ собирателей этихъ драгоцѣнностей нашего времени считались, между прочимъ, императоръ Наполеонъ III и Парижскій Ротшильдъ. Надо, однако, замѣтить, что нынѣшнія произведенія, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могутъ уже быть поставлены на ряду съ прежними. М—оли.

## Увѣнчаніе розами.

Кавалеръ въ бальномъ костюмѣ торжественно ведетъ молодую женщину въ простомъ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Единственное украшеніе ея, это—розы на головѣ и на груди. За ними толпа фрачниковъ. Публики много. На заднемъ планѣ хоръ музыкантовъ, наигрывающихъ вѣроятно маршъ. Налѣво, на возвышеніи, сидятъ особы въ креслахъ, видимо, власти. Дѣло вотъ въ чемъ: эта молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ—простая дѣвушка, можетъ быть швея, модистка, заслужившая образцовымъ своимъ поведеніемъ награды, т. е. публичнаго увѣнчанія ея розовымъ вѣнкомъ. Во Франціи существуетъ обычай, въ силу котораго, по приговору особаго комитета въ городкѣ или мѣстечкѣ, удостоивается розоваго вѣнка дѣвушка, проявившая блестящимъ образомъ добродѣтель свою. Въ одной изъ современныхъ французскихъ оперетокъ (кажется въ „Синей бородѣ") въ каррикатурѣ представлена церемонія увѣнчанія вѣнкомъ изъ розъ „добродѣтельной, высоконравственной, непорочной дѣвственницы", которая (какъ это видно изъ хода пьесы) именно *этими*-то качествами и не можетъ похвастаться... что и потѣшаетъ публику.

Вѣроятно обычай „увѣнчанія розами" имѣлъ свой смыслъ и значеніе во времена давно прошедшія и самое это установленіе вызывалось складомъ жизни того времени, но теперь изъ него вышло нѣчто неимѣющее смысла.

Награждать дѣвушку розовымъ вѣнкомъ за ея чистоту, добродѣтель—значитъ безвинно оскорблять ее. Раздаватели розовыхъ вѣнковъ не могутъ додуматься до этого, а дѣйствительно честныя дѣвушки, вмѣсто того, чтобы съ негодованіемъ оттолкнуть подобную оскорбительную награду—публично принимаютъ ее, какъ будто именно *нуждаются* въ вещественномъ доказательствѣ своей непорочности.

## Охота на утокъ.

Для любителя охоты интересъ ея заключается, конечно, въ самой охотѣ и въ ея результатѣ. Но для художника, изображающаго охоту въ рисункахъ или разсказахъ, важны не результаты охоты и не ея процессъ, а сами охотники. Художникъ, такъ сказать, охотится за охотниками и для него они сами собою представляютъ обильный и благодарный результатъ охоты. Если есть поговорка, что „сухой рыболовъ и мокрый охотникъ являютъ видъ печальный", то не менѣе справедлива будетъ и такая поговорка, въ которой печальный видъ „явитъ" собою художникъ, идущій „съ натуры" безъ этюдовъ.

Въ данномъ случаѣ художникъ, работу котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы", какъ видно, явился съ натуры" не съ пустыми руками: типы, имъ изображенные, схвачены вѣрно, въ особенности охотникъ, держащій въ рукахъ ружье. Это—настоящій „рябчикъ" изъ безчисленной стаи тѣхъ, которыя „родятся въ вицмундирахъ" и которыхъ вся жизнь—входящія и исходящія бумаги. И здѣсь на охотѣ, среди болотъ и лѣсовъ, онъ не можетъ вылупиться изъ своего чиновничьяго міра, и здѣсь онъ такъ смотритъ, точно повторяетъ все тѣ же фразы: „Имѣя въ виду и принимая во вниманіе, а равно и на основаніи циркуляра и т. п.". Словомъ отъ него и среди природы отдаетъ душной атмосферой тѣхъ канцелярій и департаментовъ, ихъ же имена и числа, Ты, Господи, вѣси!

Благодаря именно этому удачно схваченному типу, рисунокъ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе. Справедливость требуетъ сказать, что второе лицо рисунка мало интересно, будучи лишено тѣхъ достоинствъ, каковыми отличается первое. Впрочемъ, въ общемъ отзывъ все таки въ пользу художника, который, конечно, не можетъ не обѣщать значительнаго усовершенствованія въ послѣдующихъ своихъ трудахъ на поприщѣ художественной дѣятельности. Д. Стх.

## Изъ жизни въ Японіи.

Большинство мнѣній, составленныхъ европейцами о японцахъ страдаютъ односторонностью и часто противорѣчатъ одно другому; нѣкоторые представляютъ обычаи этой страны въ заманчивомъ видѣ, какъ бы вытекающіе изъ высоконравственныхъ и гуманныхъ принциповъ. Послѣдній взглядъ особенно проводится многими западными изслѣдователями относительно строя японской семейной жизни и общественнаго положенія японской женщины. По мнѣнію ихъ, японская женщина будто бы вполнѣ благоденствуетъ и пользуется громадными правами какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ, и даже чайные дома, эти убѣжища японской безнравственности, являются какъ бы школой семейныхъ добродѣтелей. Такое представленіе о бытѣ японской женщины составлено очевидно наскоро, при плохомъ знаніи языка и при крайнемъ увлеченіи поэтической, роскошной внѣшностью, скрывающею разладъ и недостатки внутренняго семейнаго строя. Прослѣдимъ здѣсь жизнь японской женщины и дѣйствительное ея положеніе въ обществѣ.

Каждая зажиточная или знатная дѣвушка въ Японіи одинаково учится читать и писать общеупотребительнымъ шрифтомъ, называемымъ *гиракана* и изобрѣтеннымъ бонзомъ Кокаи, а также игрѣ на самси, инструментѣ столь же общеупотребительномъ въ Японіи, какъ у насъ фортепьяно. Изучивъ всю эту премудрость, она безропотно подчинится волѣ родителя относительно выбора мужа достойнаго ея происхожденія и добродѣтелей: происхожденіе, конечно, играетъ въ Японіи великую роль и поземельная аристократія и чиновная каста ставятъ ремесленника, мелкаго торговца и даже крупнаго негоціанта на послѣднюю ступень соціальной лѣстницы, ниже которой стоятъ лишь гіетасы, т. е. паріи общества: мясники, кожевники и нищіе. Такимъ образомъ достойный женихъ намѣчается заранѣе и хотя въ Японіи каждый можетъ свататься за кого угодно, воткнувъ у входа въ домъ невѣсты вѣтку растенія Celastrus alatus, но подобный пріемъ ведетъ къ желанному результату лишь въ томъ случаѣ, если претендентъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ японской спѣси и выполнитъ при этомъ всѣ требованія японскаго формализма. Ученый Титзингъ написалъ цѣлый томъ, чтобы только прослѣдить шагъ за шагомъ весь традиціонный порядокъ всѣхъ правилъ и церемоній, употребительныхъ при переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію брака въ достаточныхъ классахъ японскаго общества. Выйдя замужъ, японка изъ-подъ безотвѣтнаго подчиненія отцу поступаетъ въ полное подчиненіе мужу, который придерживаясь мудраго ученія японскихъ книжниковъ и теорій буддизма, отказывающихъ женщинѣ въ душѣ и считающихъ ее воплощеніемъ зла, относится къ женѣ какъ-то боязливо и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно, какъ къ существу низшему и несовершенному. Мужъ считающійся въ правѣ даже убить жену по одному простому подозрѣнію, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, иногда вводитъ въ свой домъ одну наложницу за другою, бываетъ и такъ что сама жена, видя себя уже достаточно подурнѣвшей и постарѣвшей, считаетъ своимъ священнымъ долгомъ привести мужу для замѣны себя другую женщину, такъ называемую *мекаке*, а самой удалиться на задній планъ, чтобы не мѣшать счастію новой четы. Подобный долгъ подсказываетъ ей и религія и всѣ отечественные поэты и романисты, которые постоянно твердятъ на всѣ лады, что главная роль женщины—служить мущинѣ, какъ своему единственному повелителю. Подъ обаяніемъ его власти она и въ его отсутствіи ведетъ себя скромно и сдержанно, и въ ней постоянно замѣтна какая то запуганность, развившаяся въ ней подъ вліяніемъ супружества. Конечно встрѣчаются и случаи протеста и неповиновенія, но такіе случаи, какъ говорятъ, чрезвычайно рѣдки, а чаще всего семейный разладъ оканчивается добровольнымъ разводомъ супруговъ, при чемъ мужъ пишетъ бракоразводную записку и отпускаетъ жену на всѣ четыре стороны. Оставленная супруга, если она не опозорена безчестнымъ поведеніемъ, спокойно возвращается къ родителямъ, и если она еще молода, то отпускаетъ себѣ снова брови, бѣлитъ зубы и опять становится невѣстой. Въ противномъ случаѣ единственнымъ пріютомъ остается для нея монастырь или чайный домъ. Конечно доступъ въ послѣдній открытъ ей лишь въ томъ случаѣ, когда она еще молода, хороша собой или искусна въ пѣніи и музыкѣ. Чаще же всего обитательницы чайныхъ домовъ набираются изъ проданныхъ туда родителями дѣвочекъ. Эти несчастныя жертвы нищеты и преступленія пользуются въ Японіи нѣкотораго рода внѣшнимъ почетомъ. Такъ онѣ фигурируютъ въ торжественныхъ религіозныхъ процессіяхъ и играютъ на открытыхъ сценахъ, облачаясь въ роскошные и яркіе наряды. Нѣкоторыя изъ нихъ за свои добродѣтели удостоились даже такой чести, что ихъ изображенія повѣшены въ одномъ изъ храмовъ какъ предметъ общаго почитанія. Но весь этотъ внѣшній почетъ не мѣшаетъ имъ въ то же время, пользоваться самой дурной репутаціей и подвергаться всевозможнымъ проклятіямъ народныхъ поэтовъ и моралистовъ. Очевидно, что въ сущности ихъ презираютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и оказываютъ имъ внѣшніе знаки уваженія, такъ какъ онѣ являются необходимыми дѣйствующими лицами при всѣхъ празднествахъ и общественныхъ увеселеніяхъ.

Нужно сказать, что японцы большіе охотники до всякаго рода зрѣлищъ; улицы Іеддо кишатъ фокусниками, жонглерами, акробатами и комедіантами и около каждаго изъ нихъ собирается огромная толпа народа, покидающая всѣ свои обычныя

занятія, чтобы поглазѣть на уличнаго артиста. Общительность и веселость нрава японцевъ проявляются и въ многочисленныхъ ихъ играхъ и забавахъ. Молодежь и дамы играютъ въ фанты, поютъ, говорятъ по очереди остроты и каламбуры, разгадываютъ загадки или слушаютъ музыку.

Танцуютъ въ Японіи однѣ женщины; мущины же могутъ лишь любоваться ихъ граціей и правильностью движеній рукъ, головы и стана, такъ какъ ихъ ноги, скрытыя длинными платьями, не выдѣлываютъ никакихъ па. Музыкальныя удовольствія доставляютъ публикѣ, кромѣ того, многочисленные *мацури* или праздества въ честь какого-нибудь божества или *ками*, а такъ какъ такихъ ками насчитываютъ до 3,000, то такія празднества почти не прекращаются круглый годъ, происходя по очереди то въ одномъ, то въ другомъ городѣ Японіи. Обыкновенно въ этомъ случаѣ послѣ богослуженія начинается свѣтская часть праздника, состоящая изъ многихъ увеселительныхъ зрѣлищъ и театральныхъ представленій. Празднество длится дня три и въ это время всѣ дѣла прекращаются. Нѣтъ такого города, гдѣ не было бы своего театра, но такъ какъ мѣста въ нихъ довольно дороги, то люди бѣдные довольствуются уличными зрѣлищами. Вообще общественная жизнь Японца имѣетъ большое сходство съ его жизнью политической: какъ въ одной, такъ и въ другой длинные періоды бездѣйствія и спячки смѣняются быстрыми порывами и увлеченіями; обычныя неподвижность и апатія переходятъ въ буйное, дикое, безграничное веселье, лишь только раздадутся звуки гонга или барабана, возвѣщающаго начало карнавала. Полюбовавшись распятіемъ и *гира-кари*, т. е. распарываніемъ живота преступника, толпа спѣшитъ къ уличнымъ артистамъ или густо двигается въ шумной процессіи бонзъ.

Не смотря на всѣ невыгодныя условія своей семейной жизни, японки вообще большія охотницы до нарядовъ и желаніе нравиться сильно развито у женщинъ всѣхъ классовъ общества. Такъ знатныя дамы, посѣщая театръ, часто во время представленія раза три мѣняютъ костюмы, чтобы похвастать своимъ вкусомъ и роскошью и для этой цѣли ихъ постоянно сопровождаетъ цѣлая толпа служанокъ.

На нашемъ рисункѣ изображена одна изъ такихъ представительницъ японскаго бомонда, совершающая свой утренній туалетъ; она раздѣта вѣроятно потому, что только что успѣла выдти изъ ванны, такъ какъ всѣ японки большія охотницы до бань и купаній. Изящно одѣтая чесальщица убираетъ голову молодой барыни и убираетъ, какъ видно, со всѣми тонкостями туземной моды. Искусной рукой она воздвигаетъ изъ волосъ цѣлое зданіе, связывая его креповыми лентами и укрѣпляя черепаховыми булавками, снабженными стекляными шариками, въ которыя наливается подкрашенная жидкость. Небрежно слушая болтовню туземнаго фигаро въ юбкѣ, барыня въ то же время извлекаетъ меланхолическіе звуки, водя по струнамъ самси костяною палочкою и совершенно не замѣчая, что служанка подноситъ ей завтракъ, состоящій изъ неизмѣннаго чая и разныхъ сластей и печеній. Очевидно, что мы еще при самомъ началѣ туалета; по уборкѣ головы барыня облечется въ креповую рубашку, а потомъ въ длинное, шелковое, обыкновенно темнаго цвѣта платье, скроенное какъ халатъ, безъ перехвата въ таліи; затѣмъ, чтобы платье не распахивалось, она подпояшетъ его широкимъ поясомъ, котораго концы завяжетъ спереди, если она замужняя женщина и сзади—если она дѣвушка. Нашу тяжелую обувь замѣнять ей легкія *сакки*, т. е. сандаліи, приготовляемыя изъ дерева или соломы и обыкновенно при входѣ въ домъ оставляемыя за дверями. Наконецъ въ довершеніе туалета пойдутъ въ дѣло множество коробочекъ съ бѣлилами и румянами всевозможныхъ сортовъ, для шеи, для рукъ, для лица, для губъ; черный порошекъ для зубовъ и бровей и т. д. Нужно сознаться, что это общепринятое окрашиваніе зубовъ въ черный цвѣтъ и росписываніе лба черными продольными полосами очень портитъ часто весьма миловидное, съ матовой бѣлизной кожи личико японскихъ замужнихъ аристократокъ. Одно что вредитъ красотѣ японки—это глаза, прорѣзанные наискось и некрасивыя груди. Но за то почти у всѣхъ японокъ великолѣпные, густые, черные волосы, иногда столь роскошные, что, касаясь пола, выполняютъ роль длиннаго шлейфа.

Заговоривъ о туалетѣ и нарядахъ японской женщины, нельзя оставить безъ вниманія и ея домашнюю обстановку. Прежде всего необходимо замѣтить, что японскіе дома не имѣютъ ни прочности, ни массивности европейскаго дома. Всѣ его стѣны, это не болѣе какъ легкія ширмы, скрывающія лишь японца и его семейную жизнь отъ чужого глаза. Конечно, при такой легкости постройки прочность зданій немыслима и всякій домохозяинъ въ продолженіе своей жизни долженъ нѣсколько разъ возобновлять всѣ части своего жилища, а потому въ Японіи домъ не представляетъ никакихъ фамильныхъ воспоминаній. Жилище японца приспособляется лишь къ настоящей минутѣ, но не сохраняетъ ни слѣдовъ прошедшаго времени, ни надеждъ на будущее. Меблировка дома также легка и непрочна какъ и самая постройка. Толстыя циновки, плотно прилегающія одна къ другой, сплошь покрываютъ полъ и образуютъ родъ свѣжаго и гибкаго паркета, замѣняющаго въ то же время и постель, и стулья. Вся жизнь семейства сосредоточивается около очага, четыреугольнаго ящика, занимающаго средину комнаты и около котораго и грѣются и отдыхаютъ послѣ дневнаго труда. Если есть верхній этажъ, то въ немъ хранятся ватныя одѣяла и маленькія деревянныя пирамидки съ выемкою для головы, служащія вмѣсто подушекъ, а также для храненія ключей и денегъ, такъ какъ внутри каждой изъ нихъ вдѣланы небольшіе ящички. Ложась спать, японка покрываетъ подобную пирамидку связкой бумаги или книгою, которой листы переворачиваются каждый вечеръ, чтобы лице и особенно громадная прическа покоились постоянно на чистой бумагѣ. Кромѣ этой необходимой мебели да какого-нибудь музыкальнаго инструмента, встрѣчаются только клѣтки съ птицами да горшки съ цвѣтами. Вся же роскошь комнатнаго убранства состоитъ главнымъ образомъ въ лакированныхъ деревянныхъ вещахъ и въ безупречной чистотѣ и свѣжести бумажныхъ обоевъ. Во всякомъ сколько нибудь зажиточномъ семействѣ водится непремѣнно аквариумъ съ красивыми разноцвѣтными рыбками. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ домахъ устраиваютъ клѣтки изъ блестящихъ бамбуковыхъ пластинокъ, куда запираютъ среди цвѣтовъ и зелени большихъ бабочекъ и толстыхъ стрекозъ, которыхъ рѣзкое и монотонное жжужанье нравится японцамъ. Прибавьте къ этому убранству разноцвѣтные фонарики, красивыя расписныя ширмы, затѣйливую живопись на стѣнахъ и вы получите понятіе о фантастической и роскошной обстановкѣ жилища японскаго сибарита. Что же касается до посуды и домашней утвари, то она состоитъ изъ множества миніатюрныхъ чашечекъ, блюдечекъ, ящичковъ, подносиковъ и флаконовъ, такъ что сидя за японскимъ столомъ въ японскомъ семействѣ, можно подумать, что находишься въ обществѣ большихъ дѣтей, играющихъ въ маленькое хозяйство и употребляющихъ пищу болѣе для забавы, чѣмъ для утоленія голода.

Въ Японіи во всѣхъ классахъ общества жизнь устраивается одинаково однообразно; богатство и знатность дѣлаютъ лишь въ нихъ качественное и количественное различіе. Войдите въ домъ ремесленника или купца и вы найдете ту же обстановку, только не столь роскошную, чѣмъ у богатаго и знатнаго Даймоса. Нѣтъ ничего проще и въ тоже время опрятнѣе и уютнѣе мѣщанскаго домика въ Японіи. Въ этомъ скромномъ убѣжищѣ тихо и однообразно проходитъ жизнь японскаго буржуа, чуждаго аристократической спѣси и семейныхъ безобразій высшаго сословія. Здѣсь жена владычествуетъ въ домѣ безъ вмѣшательства конкубинъ и является дѣятельной и полезной помощницей мужу въ его тяжелой борьбѣ за существованіе. По словамъ всѣхъ знатоковъ страны, именно этому классу смѣтливой и трудолюбивой японской буржуазіи предстоитъ великая и блестящая роль въ грядущемъ развитіи и прогрессивномъ совершенствованіи преобразованной и обновленной Японіи.

**А. Н—ской.**

## Всемірная выставка въ Парижѣ.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображающій внутреній видъ концертнаго зала въ дворцѣ Трокадеро на Парижской всемірной выставкѣ, даетъ намъ случай дать здѣсь подробное описаніе устройства этого замѣчательнаго зала.

Тамъ, гдѣ теперь красуется великолѣпный дворецъ Трокадеро, въ началѣ предполагали построить только большой деревянный залъ, гдѣ-бъ можно было давать концерты, устраивать праздники. Но проэктъ расширили и пришли къ рѣшенію сдѣлать каменный дворецъ, который могъ бы быть полезнымъ не только во время выставки но и послѣ ея окончанія Между государствомъ и городомъ Парижемъ былъ заключенъ контрактъ, и право пріобрѣтенія дворца Трокадеро должно обойтись городу Парижу въ нѣсколько милліоновъ руб. (По нѣкоторымъ сообщеніямъ за 4 мил. франк.).

Мы уже сообщали, что дворецъ Трокадеро смѣшанной архитектуры. Строителями его были два архитектора: Бурдэ и Давіу. Бурдэ выполнилъ почти всю техническую часть громаднаго труда и пожалованный ранѣе кавалерскимъ знакомъ ордена почетнаго легіона, въ настоящее время, за участіе въ сооруженіи выставки,—награжденъ офицерскимъ крестомъ этого ордена. Давіу вынесъ на своихъ плечахъ всю декоративную часть постройки и въ свою очередь награжденъ также офицерскимъ крестомъ ордена почетнаго легіона.

Мы говорили нашимъ читателямъ и о знаменитомъ каскадѣ, низвергающимся отъ подножія дворца Трокадеро и составляющемъ лучшую роскошную часть зданія.—Теперь, помѣщая на страницахъ Нивы видъ концертнаго зала во дворцѣ Трокадеро, мы переходимъ къ его описанію. Залъ этотъ составляетъ замѣчательную часть въ постройкѣ дворца. Залъ этотъ обширнѣйшій въ своемъ родѣ, въ немъ 62 метра въ діаметрѣ и его куполъ на 5 метровъ обширнѣе въ діаметрѣ купола базилики Св. Петра въ Римѣ. Онъ вмѣщаетъ въ себѣ 5,000 зрителей и оркестръ въ нѣсколько сотъ исполнителей. Отдѣлка его состоитъ изъ золота по красному фону. Онъ имѣетъ куполообразную форму, въ глубинѣ помѣщается гигантскій органъ, приводящійся въ движеніе гидравлической машиной.

По сторонамъ сцены поставлены двѣ громадныя колонны, поддерживающія статуи: „Славы" и „Чести", съ распущенными крыльями и съ коронами въ рукахъ. Надъ сценой раскинулась фреска съ фантастическимъ сюжетомъ, сдѣланная художникомъ

(Продолженіе на стр. 565, 566, 567 и 568).

Ламеромъ. Въ первомъ ряду эстрады имѣютъ мѣста скрипки, арфы, віолончели; слѣдующей ступенью выше идутъ флейты, кларнеты, гобои, еще далѣе мѣдные инструменты и наконецъ контръ-басы и другіе аксессуары. Хористы помѣщаются въ углахъ, также въ восходящемъ порядкѣ. Касса по продажѣ билетовъ помѣщается въ аллеѣ парка Трокадеро, въ павильонѣ противъ дверей № 17. Первый оффиціальный концертъ въ залѣ дворца Трокадеро было 6 іюня. Оркестромъ дирижировалъ Колоннъ. Исполнялись піесы: Прометей, Сенъ Сана и первая часть Пустыни Фелисьенъ Давида.

Постройка этого зала представляла трудную задачу—соединить размѣры его съ акустикой, такъ, чтобы всюду во всѣ мѣста отчетливо доходили звуки со сцены. Для успѣшнаго рѣшенія этой задачи, архитекторы прибѣгли, какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты Рус. М. къ слѣдующему остроумному способу: Основываясь на законѣ, что отраженіе звуковыхъ волнъ тождественно съ отраженіемъ солнечныхъ лучей, они заказали маленькую модель залы съ математически точнымъ соблюденіемъ ея размѣровъ, при чемъ сводъ надъ оркестромъ былъ обложенъ гладко полированной жестью. Затѣмъ модель помѣстили въ темной комнатѣ и внутрь маленькаго зала въ центръ оркестра поставили зажженую свѣчу. Опытъ этотъ показалъ, что свѣтъ, отражавшійся отъ жестяннаго свода падалъ на мѣста для публики. Такимъ образомъ строители пришли къ желанному результату. Кромѣ того, они приняли всѣ мѣры, чтобы звуки не уходили въ стѣны и выложили для этого стѣны тонкимъ войлокомъ, а сводъ надъ оркестромъ, полукруглую заднюю стѣну и полъ эстрады обложили такими матеріалами, которые легко отражаютъ звукъ.

Относительно вентиляціи устройство зала заслуживаетъ особеннаго вниманія. Приспособленія сдѣланы такъ, чтобы сохранять въ залѣ по возможности одинаковую температуру. Свѣжій притокъ воздуха проникаетъ въ зданіе не чрезъ окна, которыя назначены только для освѣщенія, но сверху чрезъ отверстіе, продѣланное въ самомъ куполѣ зала и прикрытое стекляннымъ фонаремъ, на которомъ стоитъ статуя Славы, вѣнчающая куполъ зданія. Воздухъ чрезъ это отверстіе проходитъ въ залъ изъ подземелій дворца Трокадеро, гдѣ лѣтомъ воздухъ холоднѣе, чѣмъ наружный. Зимой воздухъ будетъ проходить чрезъ калориферы (теплопроводныя печи), гдѣ и будетъ согрѣваться. Испорченный воздухъ посредствомъ вентиляторовъ вращающихся въ противоположную сторону и приносящихъ свѣжій воздухъ, уходитъ въ тотъ же фонарикъ въ куполѣ. Въ концертахъ даваемыхъ въ этомъ залѣ будутъ принимать участіе мѣстные и чужеземные артисты, всѣ лучшіе представители музыкальнаго искусства, и будетъ играться, разумѣется, все что создано лучшаго композиторами. Само собою разумѣется, что нашимъ русскимъ артистамъ будетъ отведено надлежащее мѣсто. Русскихъ концертовъ будетъ шесть, въ которыхъ между прочими примутъ участіе: Венявскій, Н. Рубинштейнъ и другіе.

Кромѣ концертовъ, которыхъ предполагается цѣлый рядъ, Парижу предстоятъ праздники. Увеселеніямъ, кажется, и конца не предвидится. Скачки, парады, безпрерывные банкеты экспонентовъ и членовъ конгресовъ. Да, Парижъ и умѣетъ веселиться, какъ, кажется, никто болѣе. Вотъ напр. національный праздникъ 18 (30) іюня. Онъ начался съ утра и кончился только ночью. Все населеніе города высыпало на улицу, вездѣ играла музыка, всюду гремѣли аплодисменты, раздавались восторженные крики съ трескомъ, сильнѣе ружейнаго выстрѣла, разрывались бросаемые петарды (шутихи). По всѣмъ улицамъ проходили профессіи съ знаменами, значками; у всѣхъ въ петличкахъ виднѣлся національный цвѣтокъ, на каждой шляпѣ—крошечный флагъ. Съ наступленіемъ вечера Парижъ превратился въ волшебный замокъ, горящій самыми разноцвѣтными огнями, освѣщаемый электрическимъ свѣтомъ, разныхъ оттѣнковъ. На нѣкоторыхъ бульварахъ были устроены карусели для дѣтей, раздавались безплатно національныя кокарды, составлялись импровизированныя спектакли.

Національный праздникъ въ первый разъ вводится республикой. Скачки бываютъ ежегодно. Здѣсь, на этихъ скачкахъ происходитъ главное состязаніе французскихъ лошадей, съ чистокровными англійскими. Скачка 16 іюня, главная скачка во Франціи, ведется на призъ 100.000 франковъ „города Парижа“. Народу на скачки собираются видимо — не видимо. Эти скачки въ тоже время служатъ выставкою экипажей и туалетовъ. Смотры или парады для публики, разумѣется тоже что и скачки. Такъ какъ Марсовое поле занято выставкой, то парады въ нынѣшній разъ происходили тоже въ Лонгшанѣ, гдѣ бываютъ скачки.

Но говоря о торжествѣ Франціи, и о нашей скромной роли на выставкѣ, намъ пріятно заявить слѣдующій фактъ, свидѣтельствующій, что и наши мануфактурныя издѣлія могутъ не уступать произведеніямъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ. Эксперты при осмотрѣ узорочныхъ газовыхъ тканей, сработанныхъ на Московскихъ фабрикахъ, заявили сомнѣніе относительно того, что онѣ доставлены изъ Россіи. Для удостовѣренія въ подлинности, въ Москву были отправлены образчики этихъ матерій для сличенія ихъ въ присутствіи французскаго консула съ выработывающимися издѣліями на Московскихъ фабрикахъ; изъ Москвы же посланы въ Парижъ образцы съ Московскихъ фабрикъ при свидѣтельствѣ за подписью генерала Бутовскаго и французскаго консула, въ доказательство того, что выставленные и возбудившіе сомнѣніе товары были дѣйствительно сработаны въ Москвѣ. Такимъ образомъ, не вѣря, чтобы русское мануфактурное дѣло могло такъ сильно двинуться впередъ, теперь нашимъ западнымъ сосѣдямъ приходится воздать русской промышленности полную честь за успѣхи въ мануфактурномъ дѣлѣ.

Затѣмъ, кстати прибавимъ къ нашей статьѣ еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ въ русской промышленности, сдѣланныхъ за послѣднее время, и находящихся въ образцахъ на Парижской выставкѣ. Напр. объ изобрѣтеніи г. Энгельгардта,—резиновыхъ рессорахъ. Въ прошедшемъ году изобрѣтатель предложилъ Россійско-Американской резиновой мануфак-

**Мухи гелофилы.** Рис. Фаге, грав. Лаплантъ.

турѣ составить массу упругую и неизмѣняющуюся ни отъ холода, ни отъ жара. Масса была составлена и послѣ цѣлаго ряда опытовъ найдены типы рессоръ для всевозможныхъ экипажей: рессоры эти не подвержены никакой порчѣ. Въ настоящее время мануфактура работаетъ надъ рессорами для вагоновъ желѣзныхъ дорогъ. Резиновая мануфактура вообще доставила много интересныхъ вещей и нѣсколько замѣчательныхъ, кромѣ рессоръ, новинокъ, такъ новый типографскій валикъ, дающій возможность достиженія нѣжнаго распредѣленія красокъ; изолированная проволока для телеграфа и т. д. Но мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на изобрѣтеніе инженера Тимофеева, составляющее совершеннѣйшее въ настоящее время домашнее освѣщеніе, а именно: домашній переносный газъ. Тимофеевъ, какъ сообщаетъ корреспондетъ газеты Нов. В., открылъ, что водородъ въ моментъ выдѣленія обладаетъ свойствомъ разлагать почти всякій летучій углеводородъ и образовать съ нимъ особый тяжелый газъ, горящій яркимъ и совершенно непахучимъ пламенемъ. Зарядить лампу домашнимъ переноснымъ газомъ на 15 — 20 часовъ можетъ всякая горничная съ большимъ удобствомъ и чистотой чѣмъ керосиновую. Заряженная лампа и поставленная гдѣ нибудь въ углу, доставляетъ газу на нѣсколько лампъ или рожковъ помѣщенныхъ гдѣ угодно, но только соединенныхъ съ ней отводными трубками лампа гарантирована отъ взрыва, горитъ ярче обыкновеннаго газоваго рожка и обходится дешево: часъ горѣнія стоитъ 8 сантимовъ.

Предметомъ особеннаго вниманія иностранныхъ педагоговъ служатъ работы нашихъ техническихъ учебныхъ заведеній живой интересъ возбудили модели и инструменты, изготовленные воспитанниками ремесленнаго училища Цесаревича Николая (находящагося въ 1 ротѣ Измайловскаго полка).

За симъ, дальнѣйшія сообщенія о выставкѣ оставляемъ до слѣдующаго раза.

## Мухи гелофилы.

Гелофилы относятся къ семейству муховыхъ. Муховыя составляютъ огромное семейство отряда *двукрылыхъ* и извѣстны подъ общимъ именемъ *мухъ*. Названіе двукрылыхъ (diptera) эти насѣкомыя получили оттого, что имѣютъ только одну пару крыльевъ. Аристотель въ своей исторіи животныхъ всѣхъ мухъ, комаровъ, оводовъ, слѣпней отнесъ къ одному общему типу. Маккартъ, ученый авторъ „Естественной исторіи двукрылыхъ", дѣлитъ двукрылыхъ на „комариныхъ и муховыхъ".

Двукрылыхъ великое множество; безчисленными роями онѣ носятся въ воздухѣ, разсѣеваясь по всѣмъ мѣстностямъ, во всѣхъ климатахъ. Живутъ онѣ въ лѣсахъ, лугахъ, поляхъ и нѣкоторыя изъ нихъ въ нашихъ жилищахъ. Кто изъ насъ лѣтомъ не испытывалъ невыносимаго присутствія мухъ въ своихъ комнатахъ и кому не отравляли комары удовольствія лѣсныхъ прогулокъ. Наши домашнія животныя также страдаютъ отъ комаровъ, мухъ и оводовъ, съ бѣшенствомъ на нихъ нападающихъ. Расположаемость двукрылыхъ поразительна; съ неимовѣрною быстротою у нихъ смѣняется одно поколѣніе другимъ, хотя и въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ вредомъ, онѣ приносятъ и долю пользы: изобиліе двукрылыхъ имѣетъ свое значеніе въ экономіи природы: такъ онѣ доставляютъ собою постоянный запасъ пищи для насѣкомоядныхъ птицъ, а сами способствуютъ исчезновенію гніющихъ веществъ животнаго происхожденія и такимъ образомъ очищаютъ воздухъ отъ зараженій. Пища двукрылыхъ самая разнообразная. Однѣ изъ нихъ сосутъ кровь, другіе потъ, выдѣленія животныхъ и сокъ цвѣтовъ и растеній. Обыкновенно, видимъ какъ двукрылыя кружатся надъ цвѣтами, поминутно опускаясь на пестрѣющіе лепестки и извлекая изъ нихъ себѣ пищу. Къ двукрылымъ-муховымъ относятся: слѣпни, рагіонъ червоядный, оводы, мясная муха, жужелица, оливчатый дакусъ, геломиза, муха цеце, въ центральной Африкѣ, цвѣточница, комнатная муха, гелофилы. Нѣкоторые изъ нихъ одарены замѣчательной силой; смѣлость ихъ и и энергія удивительны.

Нашъ рисунокъ показываетъ муху гелофилу въ формахъ личинки и совершеннаго насѣкомаго. Гелофила особенно замѣчательна странной формою своихъ личинокъ. Онѣ продолговаты съ чрезвычайно длиннымъ, относительно тѣла хвостикомъ. Реомюръ назвалъ личинку гелофилы—червячкомъ съ крысинымъ хвостомъ—vers à queue de rat—за необыкновенную длину хвостика этихъ личинокъ. Хвостики гелофилъ служатъ имъ органами дыханія; въ то время когда тѣло личинки погружено въ воду, хвостикъ обыкновенно находится на поверхности, вдыхая воздухъ. Хвостикъ состоитъ изъ двухъ трубочекъ, входящихъ одна въ другую, какъ удочка для рыбной ловли и оканчивается маленькимъ темнымъ сосочкомъ, въ которомъ находятся два отверстія. Съ наступленіемъ времени перехода личинки гелофила въ куколку, она покидаетъ воду и уходитъ въ землю. Тамъ мало по малу совершается ея превращеніе въ куколку и наконецъ изъ куколки—въ совершенное насѣкомое; и тогда изъ второй стихіи, расправивъ свои крылья, вылетаютъ гелофилы на воздухъ—третію стихію, въ которой и заканчиваютъ потомъ свое существованіе, даровавъ жизнь другому поколѣнію...

**А. Г.**

## Новости Русскаго спорта. Конскія скачки въ Москвѣ.

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, конскія скачки происходятъ каждое лѣто въ окрестностяхъ Царскаго Села, въ Москвѣ же—на Ходынскомъ полѣ. За тѣмъ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ существуютъ особыя учрежденія для улучшенія породы лошадей. Не смотря на это, въ нашихъ русскихъ конскихъ скачкахъ, по отзывамъ знатоковъ недостаетъ многихъ усовершенствованій, уже существующихъ въ Западныхъ государствахъ, въ особенности же въ Англіи. Усовершенствованія эти предлагаются знатоками конскаго дѣла, въ спеціальныхъ журналахъ или же отдѣльныхъ спеціальныхъ брошюрахъ. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи вышедшая недавно въ свѣтъ брошюра *„О скаковомъ дѣлѣ въ Россіи"*, принадлежащая г. Леману, хозяину московскаго таттерсаля. Г. Леманъ настоятельно предлагаетъ улучшеніе скаковаго дѣла въ Россіи, примѣненіемъ тѣхъ средствъ, которыя существуютъ для этого за границею. Средства эти сводятся къ 3-мъ категоріямъ: а) измѣненіе системы бѣга ограниченіемъ бѣга разсчитаннаго по тяжести, которую несетъ на себѣ бѣгущая лошадь, и введеніе бѣга, измѣряемаго проворствомъ и ловкостью движеній лошади, б) установленіе бѣга для *двухъ-лѣтнихъ* лошадей; в) какъ можно большее развитіе бѣга и скачекъ съ препятствіями. Благодаря этимъ средствамъ, говоритъ г. Леманъ, гораздо удобнѣе можно судить о развитіи лошади, соотвѣтственно ея лѣтамъ, а слѣдовательно и о достоинствѣ расы или породы, къ которой лошадь принадлежитъ. Въ Англіи, изъ всѣхъ скаковыхъ лошадей цѣлыя $^{9}/_{10}$ совершаютъ именно такой бѣгъ; во Франціи подобный же бѣгъ совершаетъ $^{1}/_{2}$ всего числа скаковыхъ лошадей, въ Германіи и Австріи около $^{1}/_{3}$, а у насъ въ Россіи только $^{1}/_{20}$, слѣдовательно подобной системы конскіе бѣги у насъ совершенная новинка. Что касается до допущенія къ бѣгамъ *2-хъ лѣтнихъ* лошадей, то это средство важно потому, что оно превосходно способствуетъ развитію и укрѣпленію организма молодой лошади, какъ это доказываютъ заграничные примѣры. Что касается наибольшаго развитія лошадиныхъ скачекъ съ препятствіями, то потребность въ этомъ развитіи у насъ въ Россіи существуетъ самая настоятельная, такъ какъ скаковыя лошади наши выигрываютъ весьма малые призы, сравнительно съ подобными же призами заграницей. Лошадь хорошо побѣждающую на скаку препятствія, можно назвать по преимуществу *солдатскою лошадью*, и слѣдовательно подобная выдрессировка лошадей весьма важна для нашихъ войскъ.

Упомянутая брошюра нашла на Московскихъ конскихъ скачкахъ послѣдователей. Были допущены не давно къ скачкамъ *двѣ двухлѣтнія лошади*. Это первый примѣръ за все существованіе конскихъ скачекъ въ Россіи. Получила также въ Москвѣ примѣненіе и англійская система скачки Steppl-chase, и въ этой скачкѣ лошадь пробѣжавшая болѣе 4 верстъ, выиграла призъ въ 1.000 рублей. Москва, такимъ образомъ, сдѣлала первый почннъ раціональному улучшенію чистокровной породы лошадей по новѣйшему европейскому способу.

Но соотвѣственно этому въ Москвѣ сдѣланы улучшенія и поправки въ устройствѣ скаковаго поля (Ходынское поле). Устроены препятствія въ слѣдующемъ порядкѣ. (См. рисунокъ). *№ 1.* Тынъ или частоколъ со рвомъ. *№ 2.* Насыпь вышиною $^{1}/_{2}$ аршина. *№ 3.* Сухой ровъ шириною $4^{1}/_{2}$ аршина. *№ 4.* Стѣна вышиною $1^{1}/_{4}$ аршина. *№ 5.* Валъ со рвомъ. *№ 6.* Ровъ, наполненный водою, ширины 6 аршинъ. *№ 7.* Ровъ съ валомъ и позади его 8 валовъ ирландской системы (т. е. окруженныхъ рвами съ обѣихъ сторонъ) $1^{1}/_{4}$ аршинъ вышины и $9^{1}/_{2}$ аршинъ ширины. За симъ слѣдуютъ опять № 6—7, и потомъ кончается скаковое поле. Допускаемыя къ скачкамъ 2-хъ лѣтнія лошади бѣгаютъ только по прямому пути.

Вотъ въ чемъ состоятъ улучшенія конскихъ скачекъ въ Москвѣ. Надо замѣтить что вообще естественныя условія для скачекъ въ Москвѣ болѣе благопріятны, чѣмъ въ Петербургѣ, такъ какъ почва Ходынскаго поля менѣе болотиста и не портится отъ дождей, какъ въ окрестностяхъ Царскаго Села. Въ нынѣшнее лѣто въ Москвѣ 8 скачекъ.

## Политическія и внутреннія извѣстія.

Интересы Англіи и Турціи все болѣе и болѣе отождествляются: Англіи показалось мало превосходной стоянки на о—вѣ Кипрѣ и безусловной опеки и охраненія Турціи въ Малой Азіи. Она хочетъ захватить новую территорію (гдѣ—покуда еще опредѣленно неизвѣстно; предполагаютъ, однако, что по прибрежью Мраморнаго моря) и это для того, чтобы *охранять входъ въ Дарданеллы!..* Это уже прямо противорѣчитъ 63-й статьѣ Берлинскаго трактата, только что подписаннаго и ратификованнаго.

На прошлой недѣлѣ султанское правительство все еще вело переговоры съ Греціей, и все еще обѣ стороны не рѣшились покончить мировою сдѣлкою. Турція всѣми силами старается

что-нибудь „выторговать“ изъ земель, отрѣзанныхъ Греціи по опредѣленію Берлинскаго конгресса. Въ особенности Портѣ хотѣлось бы удержать за собою *Янину* (округъ и городъ между 40 и 39 град. сѣверной широты), на уступкѣ которой Греція всѣми силами настаиваетъ и считаетъ включеніе Янины въ свою территорію непремѣннымъ условіемъ исправленія своихъ границъ. Чтобы обезпечить за собою удержаніе Янины, Порта запугиваетъ Грецію стягиваніемъ своихъ войскъ въ пограничныя провинціи. Но есть всѣ шансы ожидать, что Порта должна будетъ уступить въ этомъ спорѣ. Греція, какъ извѣстно, требовала себѣ присоединенія Эпира и Ѳессаліи и присоединеніе этихъ важныхъ провинцій не перестаетъ быть завѣтнѣйшею мечтою „маленькаго“ государства.

Въ высшей степени интереснымъ въ настоящее время представляется вопросъ объ отношеніяхъ Австро-Венгріи къ Италіи, которыя являются результатомъ рѣшеній Берлинскаго конгресса. Австрійскія провинціи, племеннымъ образомъ сродныя съ Италіей, въ настоящее время еще болѣе чувствуютъ тяготѣніе къ этой послѣдней и цѣль недавнихъ движеній, недавнихъ патріотическихъ митинговъ въ главнѣйшихъ городахъ Италіи именно та, чтобы пробудить народное итальянское сознаніе—для отторженія отъ Австріи провинцій, по крови и духу близкихъ къ Италіи. Австро-Венгрія, повидимому, съ энергическою рѣшимостью смотритъ на это проявленіе итальянскаго патріотизма и не прочь вступить въ рѣшительную борьбу съ Италіей, если до этого дойдетъ дѣло. Недавно Императоръ Францъ-Іосифъ, бесѣдуя объ этомъ предметѣ съ своими министрами, сказалъ: „лучше моя династія перестанетъ царствовать, чѣмъ я отдамъ Италіи хоть пядь земли!“ Слова знаменательныя, показывающія, какъ все усложняется и усложняется гордіевъ узелъ европейской политики. Можно видѣть, что для Европы рѣшенія Берлинскаго конгресса имѣютъ лишь временное, палліативное значеніе...

Даже тамъ, гдѣ, повидимому, такъ недавно мечъ былъ вложенъ въ ножны на продолжительное время, напримѣръ, въ Сербіи и Черногоріи, появляются какіе-то зловѣщіе и во всякомъ случаѣ не „умиротворительные“ симптомы. Вооруженія сербовъ и черногорцевъ въ недавнее время приняли угрожающіе размѣры. Австрія, вводящая теперь свои войска въ Боснію, конечно, этого „не потерпитъ“ во имя мира и умиротворенія. Но отъ этого, разумѣется, не будетъ легче ни Сербіи, ни, въ особенности, Черногоріи, крайне обиженной урѣзаніемъ у нея завоеванной ею территоріи и отнятіемъ прекрасной гавани Спицы. Нѣтъ, повидимому, нисколько не вытанцовывается „умиротвореніе“. Новая ожесточенная борьба, повидимому, неминуема, хотя можетъ быть и будетъ отложена на болѣе или менѣе продолжительное время...

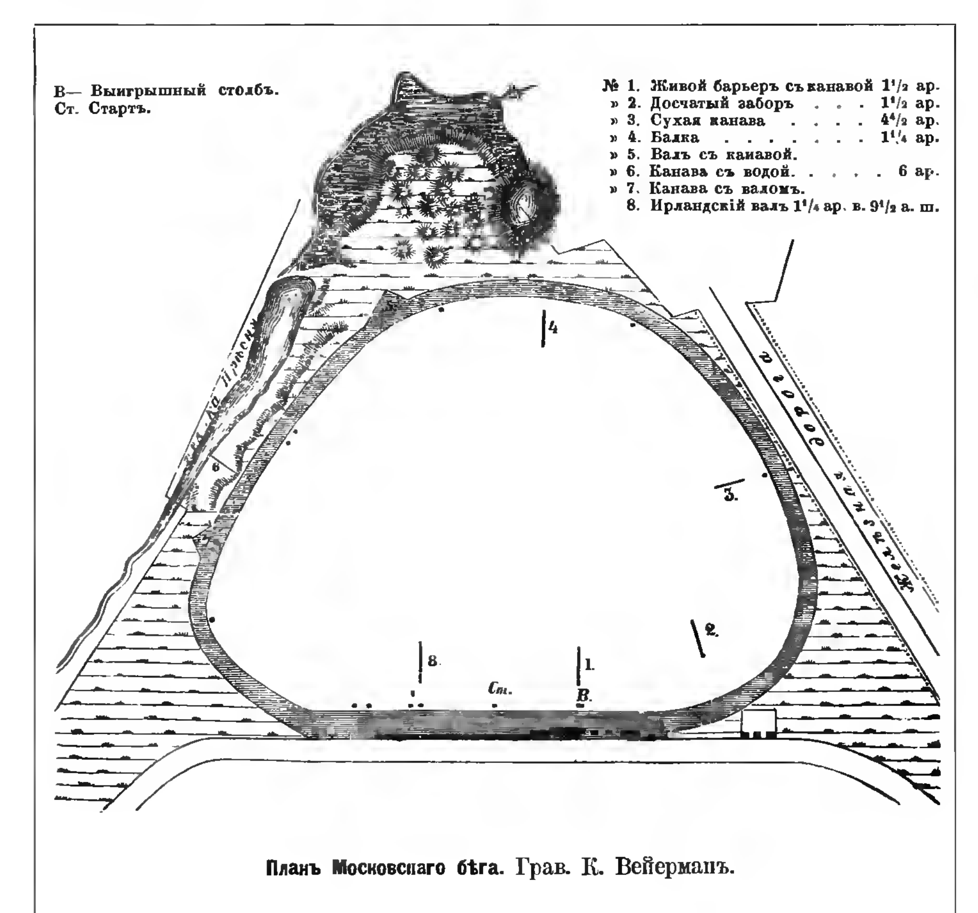
Въ столицѣ Босніи, Сераевѣ, царитъ полнѣйшая анархія. Сераевская чернь (магометанская) взбунтовалась. Возмущеніе приняло ожесточенный характеръ. Опасаясь за жизнь, изъ Сераева бѣжали сераевскій *вали* (губернаторъ) *Мазгаръ-паша* и главный военный начальникъ, вмѣстѣ съ войсками. Мазхара-пашу мятежники объявили смѣщеннымъ, а его конакъ (дворецъ) разграбили. За симъ, далѣе, произошла кровопролитная свалка между чернью и оффиціальными блюстителями порядка въ Сераево. Чернь взяла штурмомъ и разграбила арсеналъ. Для подавленія возмущенія, судя по крайнему ожесточенію черни, потребуются значительныя силы.

Въ Германіи происходятъ парламентскіе выборы и вся страна поглощена этимъ внутреннимъ вопросомъ. Дѣло въ томъ, что послѣ вторичнаго покушенія на жизнь Императора Вильгельма Нобелингомъ, произошли въ Германіи полицейскія репрессаліи и аресты, въ каковыхъ полиція поусердствовала даже слишкомъ... Предположено было принять крутыя мѣры противъ соціалъ-демократовъ, изъ среды которыхъ вышли Гедель и Нобелингъ; но полиція въ своей ревности зашла такъ далеко, что наравнѣ съ соціалъ-демократами преслѣдовала и либераловъ. Понятно, что явилась реакція. Соціалъ-демократы не уничтожены; напротивъ, получили значеніе при выборахъ, благодаря именно притѣсненію либераловъ, могущихъ при такомъ порядкѣ вещей получить перевѣсъ на парламентскихъ выборахъ, наравнѣ съ соціалъ-демократами. Преобладающій элементъ имѣли національ-либералы, но далеко не ничтоженъ процентъ и соціалъ-демократовъ.

Если выборы не состоятся, то Бисмарку нужно будетъ вновь распустить парламентъ. Вообще, по мнѣнію нѣкоторыхъ компетентныхъ политиковъ, возникшія въ Германіи при выборахъ въ парламентъ затрудненія угрожаютъ даже существованію Германской конституціи; для этой конституціи приближается своего рода „быть или не быть“. Но извѣстно, что князь Бисмаркъ смотритъ на парламентъ свысока и по его личному убѣжденію, конечно, въ вопросѣ „быть или не быть парламенту?“ не заключается непосредственной опасности для Германіи.

На прошлой недѣлѣ начались приготовленія къ перевозкѣ русскихъ войскъ въ Одессу. На первыхъ порахъ предположено перевезти на родину 100,000 русскихъ воиновъ. Но есть извѣстія, что значительныя наши силы останутся вблизи Константинополя и Болгаріи до осени. Вообще по всѣмъ признакамъ видно, что переходъ отъ военнаго положенія на мирное долженъ совершиться съ большою медленностью. Для перевозки нашихъ войскъ существуетъ предположеніе зафрахтовать извѣстное число англійскихъ транспортныхъ судовъ.

Петербургъ на прошлой недѣлѣ посѣтилъ бывшій президентъ Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Генералъ Грантъ, въ качествѣ частнаго путешественника.



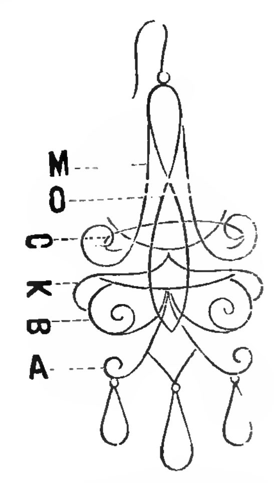

**Планъ Московскаго бѣга.** Грав. К. Вейерманъ.

## Мысли замѣчательныхъ людей.

Сладка месть на первыхъ порахъ, но какъ гнететъ она послѣ! *(Мильтонъ).*

И ты говоришь: дыханіе смерти худшее изъ золъ, нѣтъ, оно великое утѣшеніе тому, кто усталъ страдать. *(Метастазіо).*

**Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 30** „Нивы“: „У сильнаго всегда безсильный виноватъ“.




**Серьги,** помѣщенные въ № 30 „Нивы“, заключаютъ въ себѣ буквы, изъ которыхъ складывается названіе города: „Москва“.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

2. **Кишиневъ Н. Анд—скому.** Вы пишете:

Меня зоветъ долгъ чести справедливой
Царю отечеству служить,
Прощай мой край, мой дорогой, родимый,
Тебя я долженъ позабыть

Знаете-ли, что-то не ладно: плохой тотъ воинъ, который, идя „служить отечеству", забываетъ о немъ.



Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.



Дозволено цензурою СПБ. 26 іюля 1878 г.




№ 32 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 7 Августа 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к., съ перес. 25 к.



**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ съ 28 рисунками и отдѣльный листъ съ 24 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ разными буквами для мѣтки бѣлья**

## Художникъ Ф. Келлеръ.

*Фердинандъ Келлеръ* родился въ 1844 году въ Карлсруэ. Уже бывши въ гимназіи, мальчикъ обнаруживалъ художественный талантъ. Между своими товарищами, онъ безспорно, считался лучшимъ рисовальщикомъ, и твердо рѣшился *сдѣлаться живописцемъ.*

Счастье благопріятствовало молодому художнику. Около этого времени была основана въ Карлсруэ художественная школа. Съ радостью и одушевленіемъ всѣ истые любители искусства услышали новость, что начальникомъ новооснованной школы приглашенъ знаменитый пейзажистъ *Вильгельмъ Ширмеръ.* Вскорѣ послѣ этого, можно сказать, ни одна группа деревьевъ въ окрестностяхъ Карлсруэ не осталась не срисованною молодыми энтузіастами-пейзажистами, подъ руководствомъ знаменитаго мастера, который и самъ неутомимо дѣлалъ художественныя экскурсіи. Вездѣ, гдѣ только Ширмеръ на полянѣ, окруженной лѣсомъ, раскидывалъ свою походную художественную палатку, около него собиралась толпа учениковъ и художественныхъ дилетантовъ. И вотъ въ этихъ-то упражненіяхъ возросъ и укрѣпился могучій талантъ Келлера. Врожденное юношѣ чувство любви къ прекрасному въ природѣ, недоступному и недосягаемому для людей—не художниковъ, нашло себѣ богатую пищу.



Художникъ Фердинандъ Келлеръ. Рис. и грав. Клосъ.

Далѣе, къ счастью художника, судьба привела его быть въ тропическомъ новомъ мірѣ, въ Бразиліи, на этомъ грандіозномъ лонѣ дѣвственной природы. Благодаря этому-то наблюденію роскошныхъ цвѣтовъ и красокъ тропической природы, ихъ тысячи разнообразныхъ оттѣнковъ, кисть Келлера пріобрѣла ту нѣжность и свѣжесть, которыми отличаются его картины. Изъ своего путешествія Келлеръ привезъ огромное множество этюдовъ съ великолѣпной бразильской природы.

Когда Келлеръ, обогатившись такимъ изученіемъ и наблюденіемъ, возвратился изъ Бразиліи въ свой родной Карлсруэ, его съ радостною готовностью принялъ Ширмеръ въ свою мастер-

скую. Затѣмъ маститый пейзажистъ вскорѣ умеръ. Келлеру было тогда только 21 годъ отъ роду и въ это именно время онъ исполнилъ свои великолѣпные виды первобытныхъ американскихъ лѣсовъ. Успѣхъ этихъ первыхъ работъ Келлера былъ громадный. Публика приняла ихъ съ энтузіазмомъ. Вскорѣ прибылъ въ Карлсруэ ученикъ извѣстнаго *Раля*, *Канонъ*. Этотъ послѣдній произвелъ большое вліяніе на карлсруэсскую школу своею блестящею техникою въ живописи масляными красками. Келлеру эта техника пришлась по душѣ, и въ этомъ отношеніи онъ совершенно примкнулъ къ Канону. Канонъ открылъ ему новый міръ, указалъ путь для проникновенія въ тайны искусства древнихъ и искусства эпохи Возрожденія, посвятилъ его въ глубокое познаніе анатоміи и внѣшней формы человѣческаго тѣла, научилъ компановкѣ картинъ по строго опредѣленнымъ началамъ.

И вотъ уже, когда годы подготовительнаго художественнаго обученія кончились, Келлеръ отправился въ Римъ, гдѣ онъ и провелъ много лѣтъ, пріѣзжая лишь изрѣдка въ Карлсруэ, и попремѣнно, то въ Римѣ, то въ Карлсруэ онъ произвелъ большое число картинъ и ландшафтовъ, и съ историческимъ содержаніемъ, и портретовъ; въ это же время Келлеръ написалъ много картинъ аль-фреско. Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ работъ мы узнаемъ однѣ и тѣже характеристическія черты Келлера, какъ художника: *рѣдкую многосторонность таланта, необыкновенно богатую фантазію, въ высшей степени правильный рисунокъ* и „конструкцію“ (построеніе) *фигуръ, и гармонію красокъ*. Наконецъ, *строгое и неуклонное стремленіе постоянно углубляться въ сюжеты своихъ произведеній*.

Рѣдко молодымъ художникамъ доводится проходить такой своеобразный подготовительный художественный путь, какой прошелъ Келлеръ. Въ этомъ пути можно различить *четыре* стадіи: полное увлеченія изученіе и воспроизведеніе родной природы, окружающей Карлсруэ; изученіе и воспроизведеніе тропическаго великолѣпія природы въ Америкѣ, ученье у глубоко поучительнаго Ширмера и наконецъ вліяніе Канона, вліяніе широкое, какъ уже сказали мы выше. Всѣ эти четыре стадіи подготовили для Келлера пониманіе классическаго искусства въ Римѣ. Въ Венеціи Келлеръ былъ восхищенъ произведеніями Тинторетто, его Санъ-Марко и вообще всѣми сокровищами тамошней Академіи; не менѣе онъ восхищенъ былъ несравненными художественными сокровищами Флоренціи и Рима; его одушевила смѣлая техника фресковыхъ декорацій во вкусѣ барокко, патера Поццы. Онъ пришелъ, затѣмъ, въ неописанный восторгъ отъ воздушно-фантастическихъ изображеній сказочнаго міра въ виллѣ d'Este въ Тиволи; его вдохновляли, наконецъ, сношенія и обмѣнъ мыслей съ Фейербахомъ... Вотъ сколько было элементовъ, подвигавшихъ впередъ мощный талантъ Келлера... Глубоко привязанный къ Риму, онъ хотѣлъ остаться тамъ навсегда. Но приглашеніе въ 1870 г. занять мѣсто профессора въ художественной школѣ родного города взяло, однако, верхъ надъ завѣтнымъ желаніемъ художника остаться въ вѣчномъ городѣ. И по сію пору Келлеръ состоитъ въ Карлсруэсской художественной школѣ преподавателемъ анатоміи человѣческаго тѣла и руководителемъ рисованія фигуръ и группъ, словомъ—композиціи въ картинахъ. Этому послѣднему занятію Келлеръ предается съ особенною любовью и увлеченіемъ, такъ какъ подобное занятіе даетъ обильную пищу его мощной и разнообразной фантазіи. Особенное удовольствіе доставило художнику исполненіе на конкурсъ композиціи для занавѣса въ новомъ Дрезденскомъ театрѣ. Въ этомъ конкурсѣ Келлеръ, разумѣется, одержалъ верхъ.

Келлеру въ настоящее время только 33 года. Онъ стоитъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и генія, и, конечно, успѣетъ еще произвести многое... Читатели „Нивы“ имѣютъ понятіе о достоинствахъ композиціи и колорита художника, по *двумъ* олеографическимъ снимкамъ съ его картинъ. Снимки эти были разосланы въ концѣ прошлаго года, подписчикамъ нашего журнала, въ видѣ преміи. Кромѣ того рисунки съ картинъ Келлера не разъ были помѣщаемы на страницахъ „Нивы,“ какъ въ прошедшемъ году, такъ и въ предыдущіе года ея изданія.

# Блокгаузъ „Червленъ аскеръ“

## Разсказъ изъ недавняго прошлаго.

(Окончаніе).

### IV.

Солнце еще до половины спряталось за низкую, темную тучу, надвигавшуюся съ запада, когда графъ Михаилъ Рослани съ своими албанцами шагомъ подъѣхалъ къ воротамъ Червленъ-аскера.

Постройка резиденціи Мистера Джемса Говварда, знаменитаго инженера, были расположены слѣдующимъ образомъ. Продолговатый четвероугольникъ, занимаемый этими сооруженіями, одною своею длинною стороною примыкалъ къ берегу, съ остальныхъ трехъ сторонъ онъ былъ обведенъ глубокимъ рвомъ, въ который даже заходили воды Дуная. По внутренней сторонѣ рва возвышался невысокій, неправильной формы валъ, усиленный по гребню частоколомъ; передъ въѣздными воротами черезъ ровъ велъ постоянный мостикъ на козлахъ, другой мостъ, болѣе широкій, велъ съ другой стороны и назначался для въѣзда тяжелыхъ возовъ во дворъ Блокгауза; тамъ воротъ не было вовсе и въѣздъ оберегался надежными сторожами, двумя англійскими бульдогами Мистера Джемса, а кромѣ нихъ еще однимъ, менѣе надежнымъ сторожемъ, очереднымъ заптіемъ туркомъ, вѣчно занятымъ во время службы, накладкою безчисленныхъ заплатъ на свои неизмѣримые шаровары. По длинному, береговому фасаду четвероугольника высился красивый фасадъ въ восточномъ вкусѣ съ швейцарскими затѣями, съ верандою внизу и навѣсными балкончиками верхняго этажа, съ башенкой на плоской крышѣ и флагштокомъ.. Это и былъ дворецъ Мистера Говварда. По берегу-же, нѣсколько отступя, тянулись конюшни, съ крошечными окошечками на Дунай, весьма удобно могущими въ случаѣ чего служитъ амбразурами; къ этой конюшнѣ примыкалъ каменный корпусъ, гдѣ помѣщались солдаты береговой стражи. Этотъ корпусъ тянулся до слѣдующаго угла, гдѣ симетрично возвышался самый сторожевой блокгаузъ, тоже въ два этажа съ балкономъ подъ самою крышею, съ башенкою и флагштокомъ; на томъ флагштокѣ, съ восходомъ солнца поднимался и съ закатомъ опускался большой казенный флагъ, красный съ бѣлою луною и тремя бѣлыми-же звѣздами, а на флагштокѣ Мистера Говварда такого флага не было, а вѣчно вертѣлся, скрипя на весь Дунай, затѣйливо вырѣзанный изъ жести показатель силы и направленія вѣтра.

Такимъ образомъ, всѣ постройки четвероугольника сдвинуты были къ водѣ; фасъ, обращенный къ сушѣ, былъ совершенно открытъ и часовой съ башни блокгауза могъ видѣть, какъ во всю ширь рѣки, такъ и этотъ открытый фасъ и на далекое розстояніе, даже за валомъ и рвомъ, на сколько позволяла сосѣдняя пологая возвышенность, идущая параллельно руслу Дуная.

Берегъ рѣки въ этихъ мѣстахъ былъ обрывистъ и возвышался подъ водою футовъ на двадцать, но за коттэджемъ Мистера Говварда онъ круто понижался и переходилъ въ илистую отмель, густо поросшую тросниками... Прямо противъ блокгауза, на полъ-ружейнаго выстрѣла отъ берега, виденъ былъ островъ, въ водополѣ заливаемый водою, но теперь ясно и отчетливо рисующійся, на золотистой, сверкающей водной зыби своими темными группами кустовъ и щетинистыми линіями травяныхъ зарослей.

Графъ въ данную минуту желалъ быть принятымъ хозяиномъ коттэджа. По праву своего ранга и званія онъ могъ всегда воспользоваться гостепріимствомъ офиціальной части блокгауза, то есть помѣщеніемъ береговой стражи, но ему на этотъ разъ хотѣлось быть исключительно гостемъ Джемса Говварда.

Поэтому графъ былъ очень доволенъ, когда еще издали не отыскалъ въ свой бинокль часоваго на башенкѣ: набожный турокъ вѣрно молился, глядя на закатъ солнца, и когда копыта вороного жеребца загремѣли по мостовой настилкѣ, первыми возвѣстили о прибытіи гостей бульдоги, хрипло захлебывавшіеся въ своихъ прочныхъ ошейникахъ.

Джемсъ Говвардъ былъ на дворѣ, осматривалъ весьма даже заботливо новокованную ногу своей кобылы и

не успѣлъ принять никакихъ предупредительныхъ мѣръ, относительно гостя,—ему оставалось только любезно раскланяться, сказать: А, очень радъ чему обязанъ—и просить графа пожаловать въ нижнюю столовую.

— А я еще болѣе радъ, что наконецъ-то засталъ васъ дома, произнесъ Рослани, лѣниво слѣзая съ коня и передавая поводья албанцу Рустему. Есть интересныя вѣсти изъ Константинополя и при томъ...

Графъ шепнулъ что-то Мистеру Джемсу по англійски, тотъ сдѣлалъ изумленную физіономію и огласилъ вечерній воздухъ восклицаніемъ—Псе!.. однако!..

— Дикъ, еще приборъ и бутылку номеръ семнадцатый! распорядился инженеръ.

— Yes!—отозвался Дикъ откуда-то сверху...

— Прошу!.

— Сію минуту... Галебъ!..

Графъ на неизвѣстномъ Мистеру Джемсу нарѣчіи, бѣгло заговорилъ съ своимъ Кавасомъ, тотъ внимательно выслушалъ и кивнулъ головою—другой албанецъ тоже наклоненіемъ головы изъявилъ свое одобреніе и оба стали спокойно вываживать по двору взмыленныхъ коней.

Входя въ столовую, просторную комнату нижняго этажа, изъ которой вела лѣстница наверхъ, графъ внимательно осмотрѣлся: онъ искалъ какихъ либо признаковъ присутствія женщины въ этомъ домѣ, но пока его обзоръ не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ... Подозрительнымъ могло только показаться развѣ то обстоятельство, что хозяинъ немедленно велѣлъ Дику запереть дверь, ведущую на лѣстницу, подъ предлогомъ сквознаго вѣтра.

Сѣли за вечерній чай, разговорились.

Гость сообщилъ много интереснаго, хозяинъ въ свою очередь разговорился. Михаилъ Рослани велъ разговоръ чрезвычайно ловко и скоро окончательно усыпилъ подозрительность Мистера Говварда...

Въ широкомъ окнѣ мелькнулъ силуэтъ Галеба и конской головы. Албанецъ гладилъ коня по шеѣ и нѣжно цѣловалъ своего четвероногаго друга въ мягкія губы. Графъ слегка замялся на полусловѣ и нахмурился: онъ понялъ эти жесты... Его албанецъ уже успѣлъ распросить кое-кого изъ турецкихъ солдатъ, а условленными знаками передалъ своему господину результаты распросовъ.

Графъ теперь зналъ, что четыре дня тому назадъ сюда была привезена дѣвушка и что эта дѣвушка теперь здѣсь.

Между тѣмъ ночь подвигалась быстро... Дикъ уже внесъ въ столовую пару подсвѣчниковъ съ предохранительными колпаками.

— Какъ жаль, что я не могу сегодня помѣстить васъ, почтенный графъ, въ той комнатѣ гдѣ прежде: тамъ проклятымъ вѣтромъ выбило всѣ стекла и я велѣлъ пока ее запереть вовсе... Удобно-ли вамъ будетъ здѣсь?.

— Э! пустяки! солдатъ не разборчивъ въ мѣстѣ ночлега... Здѣсь превосходно... Да и кто говоритъ о снѣ въ пріятномъ обществѣ!.. Еще въ могилѣ успѣемъ належаться въ долю...

— Въ могилѣ... да. Ха ха!.. я тоже пока не имѣю ни малѣйшей охоты совать носъ въ подушку.. Дикъ!

— Масса?.

— Столикъ и карты!.

— И вина тоже... у васъ вѣрно еще осталось то, которое вамъ прислалъ Делаваръ паша?

— Дикъ бутылку... двѣ... номеръ двадцать семь!.. что тамъ такое, кого несетъ еще?.. Дикъ!?.

— Это тотъ каналья, Фома! выглянулъ графъ въ окно, приглядываясь къ тому, что дѣлается на дворѣ.

Въ комнату вошелъ чаушъ Ибрагимъ съ лоскуткомъ бумаги въ рукахъ, раскланялся съ графомъ и протянулъ письмо хозяину дома. Мистеръ Говвардъ быстро пробѣжалъ и произнесъ:

— Ну, такъ чтоже?.

— Я съ частью людей долженъ ѣхать на то мѣсто, я даже оставлю здѣсь только двухъ, больше не надо, а съ остальными ѣду сейчасъ... прочтите записку, эфенди!.

— Что тамъ пишутъ и кто? полюбопытствовалъ графъ, покойно раскуривая сигару.

— Да вотъ пьяница Джемиль увѣдомляетъ, будто бы сегодня ночью, за „сомовьей губою“ подойдутъ лодки съ того берега забирать бѣгунцевъ отсюда.. Вотъ они и всполошились.

— Я велѣлъ уже сѣдлать, а пѣшіе уже выступили, докладывалъ чаушъ Ибрагимъ.

— А не проѣхаться ли и намъ? съ видимымъ удовольствіемъ предложилъ Мистеръ Говвардъ: я страшно люблю подобныя охоты—это, знаете, мнѣ немного напоминаетъ когда въ Абисиніи мы ѣздили на новіановъ, презабавно!..

Англичанинъ схватился обѣими руками за предлогъ, выжить, по крайней мѣрѣ на эту ночь гостя некстати... Идея! они всѣ поѣдутъ, протянутъ дѣло до утра, а тамъ... А тамъ венгерецъ не пожелаетъ же возвращаться назадъ въ блокгаузъ, когда отъ „сомовьей губы“ ему уже прямая дорога къ городу... Идея!..

— Я не любитель подобныхъ охотъ, если хотите ѣхать, то пожалуйста не стѣсняйтесь мною, ради бога не церемоньтесь! я переночую, подожду завтра вашего возвращенія и посмотрю трофеи охоты... Поѣзжайте!

Какъ видите въ головѣ Михаила Рослани тоже блеснула недурная идея.

— Гм! поперхнулся глоткомъ шери Мистеръ Джемсъ... Боюсь только, что пьяница Джемиль опять поретъ горячку напрасно, какъ уже не разъ случалось, и мы даромъ только прокормимъ болотныхъ комаровъ своею кровью.

— Да кто привезъ записку?

— Помакъ привезъ.. онъ говоритъ, что Джемиль лично вручилъ ему эту записку и просилъ ѣхать какъ можно скорѣе.. я его сейчасъ позову... эй Суффи! гдѣ помакъ? пошли сюда его.. гдѣ онъ тамъ?!.

— А дѣйствительно, пускай они ѣдутъ и гоняются за бѣгунцами, а мы... я на этотъ разъ попробую заложить разомъ сто тиллей, а то вы, милѣйшій графъ, очень энергично рвете мелкіе заклады—идетъ?!.

— Идетъ!.. А, пріятель! давно тебя не видѣлъ недѣли три кажется невидались...

— Привелъ богъ свидаться! низко поклонился графу вошедшій въ эту минуту въ комнату Фома Шумовъ.

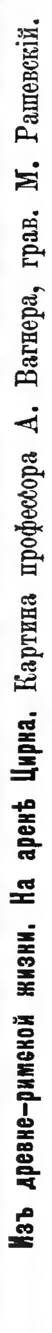
Онъ былъ очень блѣденъ, его роль была опасна, едва ему по силамъ, онъ чувствовалъ себя между двухъ огней, а еще вѣрнѣе, въ положеніе человѣка, котораго помѣстили между двумя тиграми; оба звѣря на цѣпяхъ, между ними только крохотное нейтральное мѣсто, это мѣсто занято его собственною особою:—малѣйшее неосторожное движеніе въ одну сторону, смерть, движеніе въ другую, тамъ тоже ждутъ страшныя, когтистыя лапы.

— Давно, давно не видѣлъ... Ну, что скажешь хорошаго! Былъ въ Червномъ-Солникѣ? спросилъ графъ.

Болгаринъ - помакъ потупился, мистеръ Говвардъ вспыхнулъ при этомъ вопросѣ и грозно взглянулъ прямо въ глаза Фомѣ Шумову,—тотъ понялъ этотъ взглядъ, говорившій: „вотъ только проврись мнѣ хоть однимъ словомъ!“...

— Ну хорошо, заговорилъ инженеръ... Такъ ты теперь курьеромъ у бимъ-баши служишь... Мнѣ съ тобою еще надо переговорить кое о чемъ, а пока ночуй здѣсь,—завтра увидимся... Дикъ, накорми его!

Фома поклонился и, пятясь задомъ, вышелъ изъ комнаты. Холодный потъ проступилъ у него на лбу, по



**Изъ древне-римской жизни. На аренѣ Цирка.** Картина профессора А. Вагнера, грав. М. Рашевскій.



**Всемірная выставка въ Парижѣ: Улица зданій разныхъ народовъ на Марсовомъ полѣ.** (Rue des nations au Trocadéro). Съ фотогр. П. Пети, грав. М. Рашевскій.

спинѣ забѣгали мурашки... Онъ хотѣлъ сію же минуту удрать изъ этого проклятаго мѣста, онъ чувствовалъ, что въ эту ночь здѣсь должно сотвориться что-то недоброе, онъ хотѣлъ бѣжать отсюда, а *тотъ* заставляетъ его ночевать, завтра говорить хочетъ... завтра?! А если завтра *онъ* не будетъ уже говорить... мертвые не говорятъ вѣдь... Мертвые лежатъ молча, вотъ какъ *тотъ* лежалъ на дорогѣ... Завтра!..

— Будешь утку ѣсть... хорошая, жирная утка... и ветчина ѣсть... Вѣдь вы, мусульмане, свиньи, вы не ѣдите хорошихъ вещей и потому—дураки! говорилъ ему Дикъ за дверью... Пойдемъ... Послушай... если правда, что пишетъ бимъ-баши, я бы съ удовольствіемъ и самъ поѣхалъ бы. Если бы не этотъ венгерецъ, мы бы съ господиномъ непремѣнно поѣхали бы... Развѣ одному попроситься?! Пойдемъ скорѣе ужинать!..

Стройная фигура Михаила Рослани на минуту показалась въ ярко освѣщенномъ четвероугольникѣ отворенной двери и скрылась... По мостовой настилкѣ дробно прогремѣли копыта лошадей; уже за валомъ слышались голоса всадниковъ и лязгъ оружія... Оба бульдога снова захлебывались отъ злости, бѣгая на своихъ длинныхъ цѣпяхъ. Населеніе блокгауза уменьшилось значительно.

— Дама пикъ—уголъ! говорилъ графъ,—эти двѣ карты я ставлю по піастру очко!

— Идетъ, цѣдилъ сквозь зубы мистеръ Джемсъ Говвардъ, окруживъ себя облакомъ ароматичнаго дыма кальяна.

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

---

Банкъ въ сто тиллей уже былъ почти сорванъ. Мистеръ Говвардъ слегка сердился, графъ игралъ нервно, рискованно и безпрестанно посматривалъ на часы... Еще двѣ-три карты и англичанинъ полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ для новаго заклада—графъ взялъ его за руки.

— Мы можемъ перемѣнить закладъ.. Деньги надоѣли,—заговорилъ графъ. Тамъ у васъ на верхушкѣ дѣвушка—я хочу играть на нее—согласны?!

— Что, что вы сказали!..

Говвардъ сжалъ кулаки, вскочилъ такъ, что его стулъ отлетѣлъ въ сторону и вызывающимъ взглядомъ окинулъ своего гостя.

— Что за горячность! хладнокровно отвѣчалъ Рослани. Если хотите, я беру на себя заплатить Фомѣ Шумову вашъ долгъ за эту дѣвушку.

— Дикъ!

— Дикъ уѣхалъ съ жандармами на „интересную" охоту—я его отпустилъ вашимъ именемъ... Мои албанцы къ вашимъ услугамъ.

Мистеръ Джемсъ осмотрѣлся какъ волкъ, попавшій въ яму...

— Я вамъ не совѣтую поднимать шумъ изъ пустяковъ,—продолжалъ графъ,—да и безполезно. То, что достигается путемъ убійства—не прочно. Если вы имѣете право на эту дѣвушку, то почему же и мнѣ не имѣть такого же на нее права. Не такъ-ли?!. Будьте хладнокровны и взвѣсьте всѣ обстоятельства вашего положенія въ настоящую минуту... Я знаю, что у васъ въ карманѣ револьверъ, но вѣдь и это безполезно... Я за вами слѣжу и малѣйшее ваше движеніе будетъ стоить вамъ жизни. Я вамъ даю въ этомъ слово! Вы одни здѣсь, со мной мои слуги,—они у крыльца и ждутъ только моего знака, чтобы войти. Если вы будете сопротивляться, тѣмъ хуже для васъ...

Вдругъ раздался выстрѣлъ. Вся комната наполнилась дымомъ; пуля изъ карманнаго револьвера мистера Джемса оторвала кисть отъ фески венгерца... за первымъ выстрѣломъ послѣдовали второй и третій, но за послѣднимъ ударъ тяжелой бутылки обрушился на голову англичанина и тотъ, застонавъ, опустился на стулъ, тупо ворочая воспаленными бѣлками глазъ. Албанцы ворвались въ комнату...

— Инглизъ очень скупъ,—сообщилъ имъ графъ Рослани,—ему жаль проиграннаго золота, и онъ предпочелъ разсчитаться свинцемъ—свяжите его за это...

— Разбойники! простоналъ инженеръ, чувствуя, какъ тонкія веревки впивались въ его тѣло...

Въ эту минуту часовой на башнѣ блокгауза замѣтилъ на горизонтѣ, въ темной чащѣ камышей красныя вспышки, затѣмъ донеслось глухое щелканье ружейной перестрѣлки,—кое кто изъ оставшихся солдатъ выскочили на шумъ. Они слышали тоже выстрѣлы... и тамъ, и тутъ, какъ будто въ самомъ домѣ инглиза инженера...

Фома Шумовъ лежалъ ничкомъ въ своей телѣжкѣ, зажавъ уши—одинъ изъ бульдоговъ сорвался таки и свирѣпо скребъ лапами въ двери коттэджа...

Съ балкона верхняго этажа жилища мистера Джемса послышался спокойный, начальническій голосъ графа Рослани.—Венгерецъ кричалъ, чтобы всѣ оставшіеся въ блокгаузѣ немедленно шли на помощь къ товарищамъ...

А между тѣмъ Галебъ, оставивъ Рустема сторожить связаннаго, торопливо отвязывалъ маленькую лодку, стоявшую у пристани.

---

Анна слышала, какъ трещала дверь... Эту дверь выламывали чьи-то сильныя руки. Измученная горемъ и стыдомъ дѣвушка ждала своей послѣдней минуты; ей казалось, что вотъ-вотъ ворвется сейчасъ сюда толпа полузвѣрей, вотъ-вотъ начнутся мучительныя, постыдныя истязанія... Она была не изъ особенно слабонервныхъ, она не умѣла падать въ обморокъ, она жадно шарила руками въ потьмахъ, ища оружія, ища чего нибудь такого, чтобы хотя сколько нибудь могло сослужить ей подходящую службу... Она рѣшилась зубами вцѣпиться въ горло перваго, кто до нея докоснется...

— Анна! это я—Михо!.. говоритъ ей знакомый голосъ...

— Уйди—не прикасайся... Звѣрь... Уйди!..

— Анна, голубка моя!.. Анна! опомнись... это я... Анна!.. А... ну, такъ поговоримъ послѣ.—Рустемъ!..

Съ трудомъ справились двое сильныхъ людей съ изступленной дѣвушкою. Ее вынесли на рукахъ, мимо связаннаго мистера Джемса.

Едва только отворилась наружная дверь, какъ въ комнату ворвался бульдогъ и вцѣпился въ бедро албанца...

— Проклятый шайтанъ!.. Ой!!

Собака даже визгомъ не отвѣтила на ударъ кинжала,—едва, съ помощью товарища, отдѣлался албанецъ отъ этого врага... Оглушенный ударомъ ятагана по головѣ, бульдогъ конвульсивно ползалъ по полу, обливая дорогой коверъ своею кровью...

Мистеръ Джемсъ находился въ какомъ-то безпамятствѣ; съ нимъ случилось нѣчто въ родѣ апоплексіи; онъ только мычалъ, и пѣна пузырями накипала на его стиснутыхъ губахъ.

Окутанную пледомъ дѣвушку уложили въ лодку. Рослани взялся за весла.

— А вы,—говорилъ онъ своимъ албанцамъ,—возвращайтесь домой и тамъ меня ждите... Я вернусь завтра... Прощайте, товарищи!.. Уѣзжайте сейчасъ же!..

— Если я не вернусь завтра, если три дня пройдетъ и меня не будетъ... Вы свободны—мои кони принадлежатъ вамъ, все мое—ваше... Прощайте!

Эти слова Михаилъ Рослани прокричалъ тогда, когда лодка уже на нѣсколько саженей отошла отъ берега...

— Господинъ, возвращайся! кричалъ Галебъ... Возвращайся!..

— Онъ не вернется! мрачно произнесъ Рустемъ, держась обѣими руками за раненое бульдогомъ бедро...

Лодка все удалялась и удалялась... Она уже черною точкою колыхалась въ волнахъ, она уже миновала черту островка.

— Куда ты везешь меня?! холодно спросила дѣвушка.

— Туда, моя дорогая, гдѣ тебя ни одинъ злой палецъ не достанетъ, туда, гдѣ ты найдешь покой и свободу, туда—гдѣ ты найдешь себѣ любимаго мужа, если можешь и хочешь любить меня такъ, какъ я тебя давно уже полюбилъ, моя бѣдная страдалица!

— А мать моя?

— Богъ, спасшій тебя, позаботится и о ея спасеніи.

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

---

Издыхающая собака доползла кое-какъ до ногъ связаннаго господина и глухо выла, облизывая эти ноги. Она въ предсмертныхъ судорогахъ опрокинула столъ, разсыпанное золото зазвенѣло, одна свѣча потухла, другая упала какъ разъ у самой оконной драпировки, спускавшейся до полу и голубое пламя змѣйкою взвилось вверхъ, охватывая складки легкой ткани... Вотъ оно добѣжало до кипы газетъ, висѣвшей на гвоздикѣ—бумажные листья вспыхнули и закоробились... Комната мало по малу наполнилась дымомъ... Трудно дышать... жаръ не выносимый—зловѣщій трескъ слышится—пожарное зарево полосами бьетъ изъ оконъ...

— Спасите, спасите! раздался отчаянный вопль мистера Джемса.

Никто не слышитъ этого крика, кромѣ Фомы Шумова, но тотъ не тѣмъ занятъ,—онъ уже проскочилъ черезъ мостикъ и во весь духъ гонитъ свою рыжую кобылу... Чудятся ему допросы, пытки, суды—чудятся острые колья, высокія висѣлицы - чудится волку близкая отплата за овечьи слезы...

Словно костеръ, ярко горитъ затѣйливый коттэджъ геніальнаго инженера, далеко кругомъ всю окрестность освѣщаетъ пожаръ, красный столбъ по Дунаю тянется.

Видѣлъ этотъ столбъ пламени и дыму графъ Михаилъ Рослани, причаливая къ тому берегу, видѣлъ и чаушъ Ибрагимъ, торопливо сбирая свой разбредшійся отрядъ послѣ свалки со бѣгунцами.

Отыскалъ-таки чаушъ бѣгунцевъ, только не тамъ, гдѣ указывалъ въ запискѣ бимъ-баши Джемилъ, а много не доѣзжая, за первымъ же плесомъ, и не такую силу встрѣтилъ, чтобы стоило всю команду поднимать на ноги,—всего только шесть человѣкъ и было, а дрались эти шестеро такъ, что и живьемъ взять ихъ не было возможности, пришлось покончить съ ними...

Первыми легли Симко-женихъ и Илья Кубаевъ, послѣднимъ Максимъ пѣгашъ. Этотъ даже чуть не ушелъ совсѣмъ изъ рукъ, а въ свалкѣ самому чаушу Ибрагиму камнемъ проломилъ голову...

Вернулась команда—только свои конюшни и успѣла отстоять отъ огня и на другой день отыскали въ грудахъ золы и угля обгорѣлыя кости мистера Джемса Говварда.

Надъ этими костями выли только двое: оставшійся въ живыхъ бульдогъ и черный Дикъ, прочіе всѣ не особенно горевали. Мало добраго слѣда покойникъ по себѣ оставилъ...

Ждали албанцы Рустемъ и Галебъ день, ждали другой, затѣмъ третій,—не возвращается ихъ господинъ съ того берега—а тутъ ихъ къ допросу валій потребовалъ, тамъ къ коменданту потащили: говорятъ, будто пришла изъ Стамбула телеграмма: „Арестовать немедленно, живымъ или мертвымъ, и доставить въ Стамбулъ подъ строгимъ конвоемъ того, кто назывался венгерскимъ графомъ Михаиломъ Рослани!“.

Тогда поняли албанцы, что имъ ждать уже некого; помянули добрымъ словомъ добраго господина, подѣлили наслѣдство и отправились искать себѣ новой работы... Люди вольные!..

## VI.

Миновалъ годъ.

Много воды утекло за этотъ годъ въ Дунаѣ; тысячи труповъ славянскихъ и турецкихъ унесены были водами въ Черное море; потоки русской крови оросили берега великой рѣки великаго славянскаго міра. Далеко за Балканы отброшены были турецкія полчища, ни одного краснаго флага не развѣвалось больше надъ свободной Болгаріей...

Освобожденный народъ, ликуя, встрѣчалъ своихъ освободителей.

---

У городской заставы толпился народъ... Веселый, радостный гулъ стоялъ въ воздухѣ... Все, что только дожило до этого праздника, все собралось сюда... грудныхъ дѣтей забрали съ собою матери, приползли старцы на костыляхъ, бѣлые, исхудалые, словно съ того свѣта выходцы... Черные попы съ образами, крестами и хоругвями, почетные обыватели съ хлѣбомъ и солью, дѣти, дѣвушки съ цвѣтами, корзинами фруктъ, съ кувшинами вина—все высыпало на встрѣчу русскому солдату...

Вотъ тянутся покрытыя пылью бѣлыя колонны, тысячи штыковъ сверкаютъ въ пыльныхъ тучахъ. Крики „ура!“ „Да живетъ царь Александръ!“ „Да живетъ Россія!“... покрываютъ военную музыку, глушатъ веселую дробь барабановъ...

Болгаринъ Фома Шумовъ стоитъ впереди всѣхъ, держитъ въ рукахъ большое рѣзное блюдо съ ковригою и солонкою. Въ землю поклонился, и, только что рѣчь кончилъ патріотическую, какъ слышитъ: тронулъ его кто-то за плечо, легонько...

Оглянулся помакъ и поблѣднѣлъ, чуть блюдо изъ рукъ не выронилъ.

На казачьемъ конѣ лихо сидитъ всадникъ, по одеждѣ русскій и чина не малаго, улыбается, глядя на переполохъ народнаго представителя, только не зло, а ласково такъ, словно радъ даже, что узналъ знакомаго...

— Здравствуй Фома! Вотъ гдѣ и когда привелъ Богъ встрѣтиться! говоритъ всадникъ.

И слова Фома Шумовъ въ отвѣтъ промолвить не можетъ.

— Приходи сегодня ко мнѣ... Вонъ въ томъ домѣ, гдѣ вали жилъ, мнѣ квартира отведена—приходи, дѣло есть! Прійдешь, поможешь—добро тебѣ будетъ, не прійдешь—не пеняй...

— Прійду, господине, прійду—вотъ тебѣ святый Богъ во свидѣтели...

— Вотъ какъ... ну, а Аллаха-то теперь по боку-съ? Нѣтъ больше въ немъ надобности?

Засмѣялся всадникъ весело, да такъ весело, что и самому отступнику смѣшно даже стало, и какъ только прошли колонны прибылаго войска, поразмѣстились гости по обывателямъ, живо отыскалъ Фома указанную ему квартиру и уже съ полчаса тамъ дожидался, да и не одинъ дожидался, а тоже знакомую нашелъ... Анна Кириллова не такъ радушно его встрѣтила... Она даже отшатнулась, какъ только его въ первый разъ увидѣла, а потомъ сказала:

— Ну Богъ съ тобою—теперь у насъ свѣтлый праздникъ: теперь и смертному врагу своему всякъ простить долженъ... Жива моя мать?

— Давно не былъ, а слышно, что жива... только уже очень стара стала, больная совсѣмъ...

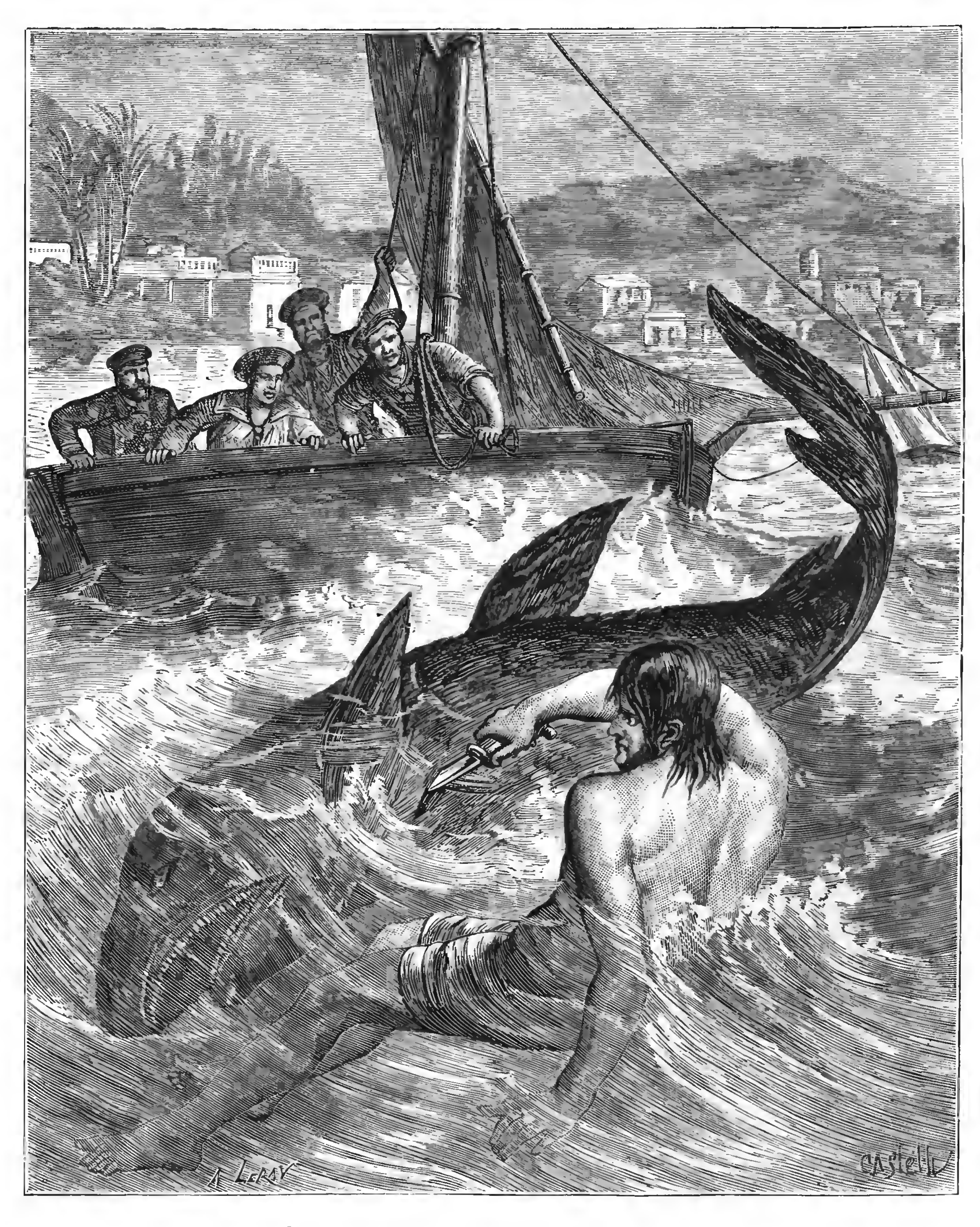
Анна заплакала...

— Ну вотъ мы съ мужемъ уже говорили... Больше послать не кого за нею, какъ тебя. Поѣзжай и привези ее сюда, бережно, сохранно... Мужъ пріѣдетъ, дастъ тебѣ коляску и лошадей... Да вотъ и самъ онъ.

— И самъ я!.. соскочилъ съ коня бывшій венгерскій графъ.—Ну, радость моя, ты, кажется, уже съ нимъ обговорила...

ка милая, давай намъ обѣдать, по походному... Артемъ, убери коня!..

„старый знакомый", обнявъ Анну за талію, во-




**Охота на акулу.** Рис. А. Лерай, грав. Кастелли.

— Хоть сейчасъ иду по твоему приказу, господинъ! поклонился Фома Шумовъ.

— Передъ вечеромъ уѣдешь—а теперь мнѣ тебя еще о многомъ расспросить надо.—Ну, хозяйка, женушка

шелъ въ двери дома, а за ними, не разгибая поклонной спины, крестясь на образа, прошмыгнулъ и Али-Исса-Бекъ—Фома Шумовъ...

**Н. Каразинъ.**

## Къ рисункамъ.

### Изъ древне-римской жизни. На аренѣ Цирка.

Содержаніе картины Вагнера, передаваемое помѣщаемымъ здѣсь рисункомъ, относится къ тому времени римской исторіи, когда огромное государственное тѣло, достигнувъ высшаго своего развитія, начало быстро разлагаться, и когда тотъ блестящій періодъ римской исторіи, который и до сихъ поръ служитъ удивленіемъ для современныхъ народовъ міра, уступилъ свое мѣсто другому періоду. Въ продолженіе этого послѣдняго рѣдкія добродѣтели, самоотверженная любовь къ отечеству, непреклонная честность и сознаніе долга, составлявшія основныя нравственныя свойства прежнихъ римлянъ, мало по малу измельчали и замѣнились другими, противуположными свойствами: Римъ вступилъ на степень высочайшаго нравственнаго упадка. Одинъ изъ моментовъ римской жизни этого печальнаго времени послужилъ матеріаломъ для превосходной картины вышеупомянутаго художника.

Наши читатели уже имѣли случай видѣть на страницахъ Нивы рисунки изъ римской жизни этого періода, сопровождавшіеся соотвѣтствующимъ описаніемъ (см. Ниву 1877 года №№ 21 и 22). Но описаніе этой жизни неисчерпывается нѣсколькими статьями и рисунками, и мы еще не разъ будемъ имѣть случай обращаться къ ней впослѣдствіи. Остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ выводахъ историковъ о причинахъ упадка Рима. Извѣстно, что образованность таланты и непреклонная сила воли римлянъ республики сдѣлали страну могущественнѣй-



**Невольныя слезы.** Картина Фонъ-деръ-Бека, грав. Л. Гелтланъ.

шей, и затѣмъ ненасытная жажда наслажденія начала приводить ее къ гибели; честолюбіе и своекорыстіе сдѣлались главной чертой римскаго общества; деньги—главной силою въ государствѣ. Жизнь общества во время упадка уже не стала проходить какъ прежде въ занятіи государственными дѣлами, а состояла изъ ряда роскошныхъ пировъ, и другихъ чувственныхъ наслажденій. Эгоизмъ сдѣлался единственнымъ двигателемъ всѣхъ классовъ общества и довелъ ихъ до низкопоклонства и рабской угодливости предъ личностями, стоявшими высоко по рожденію, богатству, или милостямъ императора. (Всем. Ист. Шлоссера) Богачи и сильные властію раскошествовали, хвастались своими богатствами, обставляли себя рабами и самовластно распоряжались ихъ жизнію. Въ нихъ не было никакого сожалѣнія къ своимъ людямъ, никакого снисхожденія. Историки приводятъ факты, что за малѣйшее промедленіе исполнить волю господина, хотя бы это было приказаніе подать воды, несчастного раба подвергали сотнями ударовъ плетью.

Прислуга въ большихъ домахъ считалась сотнями, тутъ были: управляющіе, смотрители, архитекторы, музыканты, секретари, чтецы, переписчики, библіотекари, люди, которые должны были думать за своихъ господъ. Въ роскошныхъ дворцахъ и общественныхъ баняхъ, которыми такъ славился древній Римъ, велась въ высшей степени праздная, изнѣженная жизнь. Такая жизнь высшаго римскаго общества, исполненная пировъ и удовлетвореній чувственныхъ страстей, находила себѣ послѣдователей и въ другихъ классахъ римскаго народа, и тамъ, бѣдняками овладѣло тоже равнодушіе къ чести и свободѣ и стремленіе къ бездѣйствію къ безпрерывнымъ удовольствіямъ. Кромѣ того, земли отъ крестьянъ отходили богатымъ людямъ и крестьяне, оставшись безъ земли, невольно превращались въ пролетаріевъ, вырождались, гибли, не имѣя никакого дѣла, къ нимъ присоединялись еще различные бродяги, пришельцы, авантюристы,—и въ то время, когда высшее общество утопало въ нѣгѣ и роскоши, тунеядная чернь чуть не умирала съ голоду, наполняла всѣ предмѣстья Рима и грозно требовала отъ государства „хлѣба и зрѣлищъ“.

—„Эти собаки перестаютъ лаять, когда у нихъ набито брюхо“, говорилъ одинъ изъ цезарей.

И государство во время Августа поддерживало половину голодныхъ жителей Рима. Позднѣе въ 5 вѣкѣ ежемѣсячная раздача хлѣба бѣднякамъ была превращена въ ежедневную:—такъ увеличивалась нищета.

А Римъ все больше и больше дѣлался мѣстомъ безнравственности и жестокости и въ тоже время все болѣе веселился, превращался въ какой то постоянный праздникъ, въ какое то непрерывное матеріальное наслажденіе. Его Цезари сами вліяли на подобную жизнь. Окружая себя невообразимой роскошью, они подчиняли все своему произволу, незнавшему ни мѣры, ни границъ. Образчиками такихъ цезарей можно привести Кая Цезаря, прозваннаго Калигулой. Выдавая себя то за того, то за другого бога, этотъ Цезарь назначалъ жрецовъ для служенія себѣ и приказывалъ строить храмы, въ которыхъ ему приносились жертвы. Въ своемъ мотовствѣ онъ заходилъ до того, что уже искалъ удовольствія просто въ одной безцѣльной расточительности и однажды даже распорядился растворить въ соусѣ дорогія жемчужины. Коню своему онъ приказалъ сдѣлать мраморныя стойла съ яслями изъ слоновой кости. Коня приводилъ къ своему столу, и отъ имени его давалъ обѣды и разсылалъ приглашенія. Не лучше этого былъ и мрачный Тиберій, подозрительный, жестокій и въ тоже время весь преданный разврату. Такимъ же своевольнымъ, жестокимъ, развратнымъ, какъ большая часть его преемниковъ и предшественниковъ, только еще съ присоединеніемъ къ этимъ качествамъ необычайнаго тщеславія, является извѣстный Неронъ.

Тупость, вялость, жестокость, невоздержность, доходившая до настоящаго обжорства, расточительность, превышавшая роскошь самаго Нерона—были главными чертами характера и правленія Вителлія. Для своихъ издержекъ Вителлій прибѣгалъ къ безчеловѣчнымъ насиліямъ, а чтобы отвязываться отъ кредиторовъ, приказывалъ умерщвлять ихъ. Любимое общество его составляли шуты, комедіанты, его расположенія заискивали роскошными пирами. Онъ принималъ рвотное, чтобы имѣть возможность обѣдать раза четыре въ день и тратилъ огромныя суммы денегъ на свой столъ.

Отъ мужчинъ не отставали и женщины и въ нихъ развилась та-же страсть къ роскоши, то-же стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ. Онѣ также проводили ночи въ безумныхъ оргіяхъ и отличались жестокостями. Примѣромъ такихъ женщинъ можно поставить Агриппину, мать Нерона, о которой было уже говорено въ Нивѣ (въ № 15 за настоящій годъ). Кромѣ куртизанокъ роскошныхъ, образованныхъ, въ Римъ свозились массы проститутокъ, даже сами родители участвовали въ продажѣ своихъ дѣтей. Плавтъ говоритъ, что они дѣлали это, изъ бѣдности, по необходимости имѣть источникъ существованія. Завоеватели приводили толпы плѣнной молодежи и распродавали дѣвушекъ и мальчиковъ. Въ Римѣ былъ даже особый базаръ, гдѣ совершалась такая постыдная торговля. Въ театрахъ, въ циркахъ, баняхъ, кладбищахъ, храмахъ и на улицахъ всюду были притоны порока.—Спѣшите жить, молодыя дѣвушки, говоритъ Варронъ, такъ какъ юность позволяетъ вамъ наслаждаться, ѣсть, пить, и кататься на колесницѣ Венеры.

Цѣлыя ночи „порядочные“ римляне проводили въ шумныхъ оргіяхъ съ куртизанками, танцовщицами, подъ звуки музыки. Вся обстановка служила чувственному возбужденію—всѣ кушанья, напитки... Даже хлѣбу придавали какую нибудь соблазнительную форму... Костянной мозгъ, извлеченный изъ дѣтского тѣла, считался „напиткомъ вожделѣнія“ и для этого не щадили дѣтей. Такой духъ проникъ въ самую литературу того времени, и старый Горацío плачетъ о своемъ физическомъ бессиліи. Многія сочиненія тогдашнихъ лучшихъ поэтовъ нельзя переводить въ настоящее время, по совершенной ихъ нецензурности въ смыслѣ приличія. И чѣмъ болѣе истощался общественный организмъ, тѣмъ болѣе онъ требовалъ болѣе сильныхъ впечатлѣній, раздраженій—послѣднее давалъ ему циркъ.

Празднествъ въ году было не менѣе 123, а въ половинѣ IV в. даже 175. Нѣкоторые праздники длились по нѣсколько дней, напр. тріумфъ Трояна 106 г. праздновался 123 дня.

Когда наступалъ въ циркѣ желанный день игръ весь народъ стремился туда изъ своихъ жилищъ, каждый спѣшилъ занять мѣсто между зрителями. Исходъ ристаній, побѣда той или другой партіи занимала весь городъ. Но конскихъ ристаній было недостаточно римлянину; ему нужно было что либо болѣе раздражающее, чтобы возбудить его притупленное чувство и вотъ открывали клѣтки и на арену изъ нихъ выбѣгалъ напоенный виномъ слонъ и раздраженный каленымъ желѣзомъ носорогъ. Начинался бой, трубы гремѣли, слонъ зачастую падалъ первый; стонущаго, съ распоротымъ брюхомъ, его тащили съ арены, а противъ носорога выпускали медвѣдя и, опять побитаго носорогомъ, подъ аплодисментами и криками зрителей, утаскивали прочь. Затѣмъ выпускали разомъ нѣсколькихъ звѣрей и любовались какъ они разрывали другъ друга. Какъ кровью заливалась вся сцена. Трупы убитыхъ обыкновенно выбрасывали на улицу, гдѣ голодная чернь ждала своей добычи и съ жадностію въ свою очередь накидывалась на мертвыхъ и полумертвыхъ звѣрей, чтобы приготовить изъ нихъ себѣ лакомый обѣдъ. Сцену въ это время засыпали свѣжимъ пескомъ и на ней снова начинался бой; на этотъ разъ уже между звѣрями съ преступниками, осужденными на смерть, или охотниками любителями, иногда даже изъ аристократическихъ фамилій. Для любителей была даже основана школа, въ которой они и изучали пріемы боя. Противники встрѣчались и, оглашая воздухъ крикомъ, воплями, стономъ, смѣшивающимися съ ревомъ самыхъ зрителей, бились на смерть. Побѣдившій боецъ взывалъ къ зрителямъ о пощадѣ, молилъ о прекращеніи боя, но неумолимый народъ жаждалъ еще крови, хотѣлъ, чтобы гибъ и побѣдитель... Оставшіеся въ живыхъ звѣри загонялись горячимъ желѣзомъ обратно въ свои клѣтки до новаго боя. Сцена и во второй разъ обагрёная кровью, снова засыпалась пескомъ, и народъ ждалъ новой забавы. Посредствомъ машинъ на аренѣ появлялся лѣсъ съ привязанными птицами, а въ лѣсъ выпускались олени, страусы, и домашняя птица разнаго рода. Послѣ этого открывали въ циркъ ворота, и уличная толпа, жаждавшая этой минуты съ шумомъ и криками торжества, врывалась на арену цирка. Теперь огромное поле арены, недавно покрытое трупами, превращалось въ сцену безумной и смѣшной драки. Чтобы увеличить общую суматоху, изъ императорской ложи кидали марки съ назначеніемъ обѣдовъ въ трактирахъ, хлѣбъ, деньги. Въ мѣста, занимаемыя сенаторами также летѣли ядмы, перлы, билеты на полученіе рабовъ и имѣній. Зачастую на аренѣ въ общей свалкѣ удавалось получить только куски добычъ, такъ какъ одни обыкновенно отнимали у другихъ схваченное силой и ловкостью. Гладіаторы гибли сотнями, но народу казалось всего этого еще мало и чтобы увеличить зрѣлище придумали убійства обставлять театральными представленіями. Напр. осужденныхъ на смерть заставляли разыгривать какія нибудь роли. Напр. являться въ видѣ Орфея и потомъ быть растерзаннымъ; представлять изъ себя Муція Сцеволу и сжигать свою руку; одѣваться геркулесомъ и сдирать съ себя кожу съ клочьями просмоленой и зазженой туники. (Считаемъ небезполезнымъ указать здѣсь на интересные труды г. Шашкова „Паденія Рима и Византіи“, въ которыхъ весьма хорошо сгруппированы многія свѣдѣнія объ этой жизни, сообщаемыя древними историками и отчасти заимствованныя нами для этой статьи). Ристалища, говоритъ Ренанъ, игры, танцы, праздники, вакханаліи—вотъ что наполняло жизнь Рима.

Римъ утопалъ въ роскоши. Роскошь и расточительность превосходили всякое вѣроятіе. Для достиженія этой роскоши пускались въ ходъ всякіе пріемы. Императоры придумывали систематическіе грабежи, обременяли завоеванныя страны всевозможными налогами; „народъ могъ страдать, умирать, но непремѣнно платить“, говоритъ писатель IV в. Лактанцій. Цѣлыя толпы чиновниковъ набрасывались на каждую провинцію, на каждый городъ, подъ именемъ намѣстниковъ, префектовъ. Всѣ они не затруднялись налагать приговоры, конфискаціи, употреблять насилія. Поля измѣряли до послѣдняго клочка, считали деревья, корни винограда, въ концѣ концовъ установилась даже подать за мертвыхъ. Казнокрадство и взяточничество достигло громадныхъ размѣровъ. Всѣмъ хотѣлось разбогатѣть и какъ можно скорѣе и по этому всѣ презирали долгое, на вѣр-

ное средство разбогатѣть—бережливость и честную прибыль. Барышничество приняло такіе размѣры, что капиталы удвоивались менѣе чѣмъ въ 20 мѣсяцевъ. Счетоводство и искусство спекулировать считалась даже главнымъ предметомъ первоначальнаго воспитанія.

Кромѣ того успѣвали въ жизни искатели, льстецы, ловко умѣвшіе поддѣлаться къ тону своего патрона, содѣйствовать удовлетворенію его низменныхъ побужденій, одним словомъ, пѣть въ тактъ, ловить взглядъ патрона, рукоплескать его удачамъ, улыбаться его улыбкамъ. Богатства въ эти времена создавались чудовищныя. Плиній напр. разсказываетъ, что Клавдій Исидоръ имѣлъ 4 мил. чистыхъ денегъ, 4116 рабовъ 3,000 паръ быковъ и 250,000 другихъ животныхъ. У Сенеки было на 16 мил. однихъ земель.

Вмѣстѣ съ нравственнымъ упадкомъ общества, падала и вѣра. Катонъ предъ цѣлымъ Сенатомъ обвинялъ первосвященника Цесаря въ отрицаніи загробной жизни. Августъ Цицеронъ сомнѣвался въ существованіи боговъ. И въ тоже время съ невѣріемъ въ боговъ у нихъ соединилась наклонность къ суевѣрію. Забавно, говоритъ Марелинъ о римлянахъ, встрѣчать такое суевѣріе въ зараженныхъ возмутительнымъ скептицизмомъ и отрицающихъ бытіе бога.

Такимъ образомъ разрушалось государство, бывшее когда то сильнѣйшимъ въ мірѣ. Но отчего же могло пасть такое огромное и могучее цѣлое? На этотъ вопросъ мы уже отчасти сказали выше, говоря о чрезмѣрномъ развитіи роскоши и стремленіи къ наслажденіямъ, бывшихъ причиной утраты энергіи и любви къ труду.

Приведемъ здѣсь въ заключеніе и подтвержденіе вышесказаннаго, слова Поля Жане о главномъ двигателѣ государственнаго механизма. (Ист. госуд. наукъ). Онъ говоритъ слѣдующее: „Государство не имѣетъ своимъ назначеніемъ распространять добродѣтель, но оно не можетъ безъ нея обойтись. Предположите, что добросовѣстности, мужества, справедливости, любви къ отечеству не существуетъ, и посмотрите, что станется съ государствомъ, лишеннымъ всѣхъ нравственныхъ силъ? Въ чиновникахъ ничто не можетъ замѣнить честности, любви къ своимъ обязанностямъ, ревности къ общественному благу. Поставите ли вы смотрителей, чтобы наблюдать за ними? Но эти смотрителя сами будутъ нуждаться въ добродѣтели, чтобы не сдѣлаться соучастниками своихъ подчиненныхъ. Отдадите ли верховную власть одному лицу? Оно будетъ нуждаться въ безграничной добродѣтели, которая бы вознаграждала собой недостатокъ другихъ. Изобрѣтете-ли конституцію, чтобы связать, какъ цѣпью, всѣ общественныя силы однѣ другими, въ нихъ найдется довольно колецъ, въ которыя можетъ проскочить измѣна, если любовь къ справедливости и праву не восполнитъ всѣ пробѣлы пространства. Законы и государственный механизмъ суть только точки опоры для людской слабости; но главный двигатель всегда въ сердцѣ. Въ войскѣ дисциплина поддерживаетъ мужество, но она не можетъ его замѣнить. Гражданамъ не менѣе нужна добродѣтель какъ и правителямъ. Безъ мужества государство порабощено; безъ любви къ общему благу оно не мощно; безъ дружества и безъ согласія оно распадается; безъ труда голодаетъ, безъ бережливости раззоряется; безъ достоинства и гордости—терпитъ угнетеніе. *Л.*

## Парижская Всемірная выставка.

Рисунокъ нашъ даетъ видъ улицы Націй, Avenue des Nations, галлерей иностранныхъ отдѣловъ на выставкѣ. Въ свое время мы говорили уже о фасадахъ иностранныхъ отдѣловъ, представляющихъ типы національныхъ архитектуръ, и виды фасадовъ нѣкоторыхъ отдѣловъ были уже помѣщены на страницахъ „Нивы“. Теперь мы прибавимъ лишь нѣсколько словъ къ нашему описанію фасадовъ. Улица Націй имѣетъ 650 метровъ длины, изъ нихъ 150 заняты Англійскимъ отдѣломъ. Все это пространство, имѣющее 650 метр. длины, раздѣлено на 125 участковъ. Англійскими экспонентами занято 35 участ. австро-венгерскими и бельгійскими 12, русскими, сѣверо-американскими, швейцарскими, итальянскими и испанскими по 7, шведскими съ норвежскими, южно-американскими и голландскими по 4, португальскими, японскими, китайскими, персидскими, мороккскими и тунисскими по 3, греческими и датскими по 2. Мы дали довольно подробное описаніе отдѣловъ и фасадовъ зданій нашего русскаго, китайскаго, японскаго и австрійскаго отдѣловъ, точно также упомянули о характерныхъ признакахъ фасадовъ зданій другихъ странъ; теперь лишь добавимъ объ американскомъ отдѣлѣ. Этотъ отдѣлъ не представляетъ ровно ничего замѣчательнаго въ наружномъ видѣ зданія; но за то самое зданіе достойно вниманія по своему устройству. Оно замѣчательно тѣмъ, что состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, которыя легко разобрать и перенести на другое мѣсто. Довольно двухъ дней, чтобы разобрать весь домъ и снова сложить въ полномъ порядкѣ. Домъ этотъ еще за годъ до открытія выставки былъ оконченъ въ Нью-Іоркѣ, а затѣмъ отдѣльныя части его были занумерованы, упакованы и перевезены во Францію. Какъ виденъ въ этомъ предпріимчивый духъ американцевъ, умѣнье все упростить и приноровить къ удобствамъ! Фасадъ Швейцарскаго отдѣла, какъ мы писали, сдѣланъ отчасти въ видѣ шале (chalet) и прекрасивый, но публикѣ нравится красующаяся на его фронтонѣ надпись, гласящая слѣдующее: *„Всѣ для каждаго и каждый для всѣхъ“*. Эта-ли поучительная надпись, или что либо другое привлекаютъ публику къ зданію Швейцарскаго отдѣла—не знаемъ, но около него всегда видна толпа.

Очень дѣльно задуманнымъ должно признать и роскошный фасадъ Бельгійскаго отдѣла. Въ образчикѣ фландрской архитектуры, Бельгія выставила все богатство своихъ строительныхъ матеріаловъ. При видѣ его сразу опредѣляется, что можно найти въ Бельгіи по этой части. Сѣрый камень, служащій обыкновенно фундаментомъ бельгійскихъ домовъ, а въ зданіи фасада составляющій цоколь, отличается чрезвычайною крѣпостью. Громадныя глыбы его привезены на выставку для цоколя также обдѣланными на мѣстѣ и занумерованными. Зданіе фасада украшено множествомъ колоннъ изъ разныхъ сортовъ мрамора. На фронтонѣ Бельгія выставила также свой девизъ: *„Всѣ бельгійцы равны предъ закономъ, всѣ власти въ зависимости отъ націи“*.

Въ настоящей статьѣ нашей мы дадимъ мѣсто описанію нѣкоторыхъ медицинскихъ инструментовъ, находящихся во французскомъ отдѣлѣ и интереснаго опыта примѣненія телефона, такъ какъ объ этихъ вещахъ еще ничего не писали, преимущественно обращая вниманіе на отдѣлы изящныхъ произведеній. 2-го іюля предъ жюри былъ произведенъ опытъ сочетанія телефона съ фонографомъ. Разговоръ происходилъ между Версалемъ и Марсовымъ полемъ, посредствомъ телефона Бэлля и Эдиссона. Затѣмъ у отверстія фонографа помѣстили телефонъ, который передалъ въ Версаль слова, полчаса тому назадъ отпечатлѣвшіяся на цилиндрѣ въ Парижѣ. Въ заключеніе въ отверстіе телефона въ Версалѣ была пропѣта арія и при помощи другого телефона арія была пропѣта фонографомъ въ Парижѣ и повторена. О телефонѣ и фонографѣ у насъ были помѣщены въ „Нивѣ“ особыя статьи, объясняющія ихъ устройство.

Во Французскомъ отдѣлѣ точныхъ инструментовъ помѣщается цѣлая коллекція химическихъ и торговыхъ вѣсовъ. Замѣчательны лабораторные вѣсы большой модели, точные до ¼ миллиграмма при грузѣ въ 5 кило.

Очень изящно сдѣланы аллюминіевые вѣсы Колло, но ихъ наибольшій грузъ всего 100 гранъ. Между торговыми вѣсами наиболѣе солидные сдѣланы Экрюперомъ; при грузѣ въ 80 кило (почти 4 пуда) они показываютъ совершенно отчетливо разницу въ 5 гранъ, или 1/18 фунта.

Во Французскомъ медицинскомъ отдѣлѣ обращаютъ общее вниманіе восковые препараты—воспроизведенія утраченныхъ почему либо частей тѣла. Совершеннѣе сдѣлать кажется уже невозможно. Тутъ же можно видѣть и искусственные глаза. При чемъ на объяснительной запискѣ значится, что глаза эти даже „подвижные“. Въ успѣхахъ искусственнаго замѣненія потерянныхъ частей тѣла, можно судить по двумъ выставленнымъ образчикамъ. Въ первомъ представлена восковая фигура солдата, раненаго подъ Гравелотомъ. Фигура сдѣлана въ двухъ моментахъ—по залеченіи ранъ и послѣ наложенія искусственной части. Рана раздробила всю нижнюю челюсть солдата, выбила всѣ зубы, повредила языкъ; но искусство возвратило ему надлежащій видъ и, самое важное, дало возможность жевать и хотя съ трудомъ, но все же возможность говорить.

У другого солдата выбиты были оба глаза, носъ, щека, всѣ зубы и ему наклеили маску съ искусственными глазами, вставили зубы и хотя солдатъ остался слѣпымъ, но всѣ же другія функціи приведены въ порядокъ, лицу его приданъ должный образъ, на него не страшно смотрѣть. Оба эти солдата принадлежатъ практикѣ д-ра Делялена, получившаго одобреніе отъ медицинской академіи и награду отъ министерства. Въ медицинскомъ же отдѣлѣ помѣщаются приборы леченія извѣстной секретной болѣзни. Во Франціи, какъ видно, имѣется множество орудій для борьбы съ этой болѣзнью и случаи видимыхъ послѣдствій встрѣчаются въ настоящее время все рѣже. Говорятъ, то, что стоитъ иностранцу полугодового времени леченія, французу проходитъ даромъ. Если только это правда, тогда не мѣшало бы познакомиться и другимъ съ ихъ секретами.

Для спеціалистовъ врачей въ отдѣлѣ ваннъ важно устройство паровой постельной ванны Лефевра. Она устроена такимъ образомъ: надъ постелью, на которую кладется больной, натягивается на шарнирахъ полотняная крышка, закрывающая тѣло паціента, исключая головы. Затѣмъ особыми трубами подъ плотно прижатую крышку впускается горячій паръ и больной остается при желаемой температурѣ сколько угодно времени. Въ анатомическомъ отдѣлѣ выставлены между прочимъ препарированныя части труповъ, по способу Ласковскаго. Выставлена, напримѣръ, полузасохшая человѣческая голова со синтою кожей и открытыми глазами; всѣ мускулы, сухожилія видны до тонкости, хотя въ общемъ посторонняго зрителя, полюбопытствовавшаго взглянуть за занавѣску, такой видъ приводитъ въ содроганіе. Выборъ хирургическихъ инструментовъ на выставкѣ громадный и замѣчательный; безподобны также коллекціи каучуковыхъ аппаратовъ, особенно у Галанта, системы лубковъ, обкладокъ у Руфмона.

Спеціалистъ найдетъ множество интересныхъ вещей среди электрическихъ аппаратовъ, ортопедической обуви и т. д. и т. д.



**Заяцъ-русакъ въ овсѣ.** Рис. Г. Бренке, грав. Б. Пуцъ, фотогр. Мордвинова.

Русскій добровольный флотъ: Пароходъ „Москва“ бывшій „Hammonia.“ Съ аквареля Г. Петерсенъ, грав. К. Вейерманъ.

Новая англійская добыча: островъ Кипръ. Ларнака, главный портъ острова. Рис. Гернеръ, грав. К. Вейерманъ.

## Акулы и охота на нихъ.

Въ Веракруцѣ (въ Мексикѣ) не особенно давно жилъ рьяный охотникъ на акулъ, по имени Маноель. Охотился Маноель слѣдующимъ образомъ. На маленькомъ суднѣ выплывалъ онъ въ море и бросалъ въ воду куски сырого мяса для приманки акулы, и лишь только замѣчалъ ее, скинувъ верхнюю одежду, бросался въ море, крѣпко держа въ зубахъ большой острый ножъ; при этомъ грудь охотника, для большей легкости плаванія, была обнажена, а равно и ноги до колѣнъ. За симъ, Маноель плавалъ широкими кругами вокругъ судна и привлекалъ на себя вниманіе животнаго. Спустя нѣсколько времени отважный охотникъ останавливался на водѣ, ложился на спину и лежалъ спокойно на поверхности воды. Акула, разсчитывая на вѣрную добычу, немедленно подплывала. Тогда Маноель съ быстротою молніи опускался внизъ, подплывалъ подъ животное и твердо вонзалъ въ него острый ножъ. Но не всѣ такія отважныя охоты были одинаково счастливы, и Маноель, пропустивъ однажды благопріятный моментъ для нанесенія удара акулѣ, сдѣлался ея добычею.

До сихъ поръ акулъ ловили и истребляли гарпунами или крючьями, привязанными къ толстымъ канатамъ. Недавно одно судно, возвратившееся въ Ригу изъ Бискайскаго залива, привезло убитую гарпуномъ акулу длиною, отъ оконечности хвоста до головы въ 10 футовъ. Когда пойманному животному большимъ ножемъ распороли животъ, то оттуда вышли болѣе 100 маленькихъ, но живыхъ и уже достигшихъ значительнаго развитія дѣтенышей. Длина этихъ маленькихъ акулъ достигала отъ $1\frac{1}{2}$ до $1\frac{3}{4}$ фута. Встрѣчаются иногда акулы, имѣющія до шести нашихъ саженъ и вѣсомъ до 100 пудовъ.

Всѣ породы акулъ принадлежатъ къ классу рыбъ, имѣющему *несвободныя* жабры, тогда какъ къ *свободно жабернымъ* принадлежатъ осетрииныя породы. Но у всѣхъ акулъ, въ вознагражденіе неподвижности жабръ, находится 5 жабровыхъ отверстій, имѣющихъ форму щелей. За симъ, на передней части головы находятся отверстія, называемыя отдушинами, которыми акулы вбираютъ воду, или точнѣе, кислородъ, содержащійся въ водѣ и помогающій процессу выдыханія. Пасть у всѣхъ породъ акулъ всегда огромна; глотка настолько эластична и растяжима, что акула можетъ проглотить огромное животное. За симъ нужно добавить, что нѣкоторыя породы акулъ несутъ яйца (мечутъ икру), другія рожаютъ дѣтенышей живыми.

Обыкновенною пищею акулъ, если имъ не удается поживиться бросаемыми изъ кораблей трупами или же утопленниками при кораблекрушеніяхъ—служатъ тюлени, рыба тунецъ и треска. Но въ случаѣ крайняго голода акулы пожираютъ другъ друга. Глаза у раздраженнаго животнаго горятъ какъ огонь, что при разинутой широкой пасти, вооруженной серпообразными зубами, производитъ потрясающее впечатлѣніе. Чрезвычайная сила, быстрота и подвижность животнаго въ значительной степени зависитъ отъ хрящевого характера его скелета и общей упругости мускуловъ.

Существуетъ во многихъ государствахъ мысль организовать правильную охоту на акулъ или акулій промыселъ. Эта мысль существовала и у насъ въ примѣненіи къ сѣверной промышленности. Истребленіе акулъ, конечно, весьма полезно. Но и самое мясо акулы, можетъ ли оно принесть пользу въ смыслѣ обиходнаго матеріала?—Да, конечно. Кожею акулъ умѣютъ съ выгодой пользоваться въ иностранныхъ государствахъ; печень акулы даетъ много ворвани или жиру, служащаго для смазки и смягченія кожъ. За симъ и мясо акулы не совсѣмъ безвкусно и, въ случаѣ голода, можетъ быть употребляемо въ пищу, какъ и бывало много примѣровъ. **Стр.**

## Невольныя слезы.

(Картина фонъ деръ-Бека).

Катятся обильныя слезы,
Катятся красоткѣ на грудь
Томятъ ли печальныя грезы?
Любовь ли неволитъ всплакнуть?

Нѣтъ, ничуть не бывало; ни любовь, ни грезы въ этихъ слезахъ, льющихся изъ этихъ прекрасныхъ, плутовскихъ глазокъ, нисколько не виноваты. Обратите лишь вниманіе на нѣкоторыя детали картины—и истинная причина слезъ станетъ для васъ совершенно понятна; для васъ станетъ ясно какъ день, что дѣвушкѣ плакать нѣтъ ни малѣйшей надобности. Да, дѣйствительно, зачѣмъ ей плакать?.. Она въ избыткѣ обладаетъ и здоровьемъ и миловидностью и веселостью нрава; не имѣетъ никакой склонности ни къ мрачной меланхоліи, ни къ фальшивой чувствительности, а плакать заставляетъ ее ничто иное какъ ея профессія стряпухи, обязанной кромѣ выполненія другихъ кулинарныхъ потребностей еще чистить и крошить лукъ и тутъ же плакать отъ этой простой, но непріятной манипуляціи. Эту обыденную, но не лишенную комизма сцену можно конечно подмѣтить въ каждой кухнѣ, около каждаго очага; конечно люди чистятъ лукъ и при этомъ плачутъ чуть ли не съ Адама, но сила таланта изъ самаго простого, обыденнаго явленія можетъ извлечь содержаніе для художественнаго творчества, и граціозная картинка фонъ деръ-Бека служитъ этому прекраснымъ доказательствомъ. **Н.**

## Заяцъ-русакъ въ овсѣ.

Изъ лѣсной опушки, изъ мелкаго подлѣсочка, да частаго старника, выскочилъ зайчишка изъ-подъ самыхъ ногъ цѣлой толпы деревенскихъ ребятишекъ, отправившихся въ лѣсъ к ягоду, по красную земляничку. Выскочилъ,—ребятишекъ напугалъ, а самъ и того пуще трусу спраздновалъ. Метнулся изъ стороны въ сторону и покатилъ подъ горку неловкимъ скакомъ, ребятишкамъ на соблазнъ. Точно сговорилась толпа, ухнула разомъ и—ну зайца травить, пу за нимъ гоняться. Но какъ ни рѣзвы молодыя ноги, а съ зайцемъ подросточкомъ, на бѣгу несправиться. Мало по малу, одинъ за однимъ ребята отъ сѣраго, а тотъ черезъ поле да въ овесъ, и засѣлъ тамъ, до смерти напуганный. Сидитъ сѣренькій въ только что выколосившемся овсѣ, къ землѣ прижался, а ушами изъ стороны въ сторону водитъ, прислушивается къ доносящемуся до него ауканью разбѣжавшихся ребятъ. И кормъ близко, да не манитъ молодого трусишку: не до того ему—лишь бы уберечь свою шкурку. Вотъ солнышко зайдетъ, стемнѣетъ—пойдетъ онъ жуировать на скорую руку въ короткую лѣтнюю ночь, а тамъ опять въ кусты, либо подъ камень, гоношить день деньской до новой зорьки.

Забота о самозащитѣ выпала на долю зайца съ самаго ранняго возраста, съ первыхъ, можно сказать, дней его жизни. Не долго кормитъ его мать и мало заботится и ласкаетъ она свое потомство, а враговъ не оберешься, и приходится спасаться отъ нихъ умѣньемъ укрываться, тонкимъ слухомъ, да быстрымъ скакомъ. На первыхъ порахъ скачетъ зайчишка неловко; ноги какъ то заплетаются и легко его тогда догнать. Много попадается ихъ во время покосовъ въ руки косарей на потѣху малыхъ ребятъ, а затѣмъ, въ концѣ концовъ, большею частію на зубы домашнихъ васекъ, да шариковъ. Пойманный маленькимъ, заяцъ легко приручается, но страсть грызть все, что попадается подъ его острые зубы, дѣлаетъ его непріятнымъ сожителемъ.

О жизни зайца и объ охотѣ на него, намъ пришлось уже говорить, довольно подробно, въ 48 номерѣ Нивы за прошлый 1877 годъ и, чтобы не повторяться, ограничимся на этотъ разъ этими немногими строчками, написанными по поводу картинки: „Заяцъ въ овсѣ". **Е. В.**

## Пароходъ „Москва", бывшій „Hammonia".

Первый крейсеръ русскаго добровольнаго флота, „Россія", уже знакомъ нашимъ читателямъ по рисунку, помѣщенному въ № 30 „Нивы", Помѣщая описаніе парохода „Россія", мы имѣли уже случай оказать нѣсколько словъ о пароходѣ „Москва", видъ котораго помѣщаемъ въ настоящемъ № „Нивы". Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ надѣемся помѣстить видъ парохода „Петербургъ", о пріобрѣтеніи котораго тоже имѣли уже случай въ свое время сообщить нашимъ читателямъ.

Пароходъ „Москва", бывшій „Hammonia", имѣетъ длину въ 351 футъ, наибольшая его ширина 42,6, высота (отъ борта до дна) 35,5; машина на этомъ пароходѣ въ 500 нарицательныхъ силъ и можетъ развивать до 2,000 индикаторныхъ силъ. Пароходъ этотъ прибылъ въ Кронштадтъ 20-го іюня. Онъ купленъ въ Гамбургѣ и принадлежалъ той же компаніи, которой принадлежалъ пароходъ „Россія". Въ настоящее время пароходъ „Москва" находится, какъ мы уже имѣли случай сообщить (см. „Ниву" № 30, стр. 545), на Кронштадтскомъ рейдѣ и на немъ производятся работы по приспособленію его къ тому назначенію, для котораго онъ пріобрѣтенъ.

## Островъ Кипръ.

По турецки островъ Кипръ носитъ названіе: *Эйхлетъ-Кибрисъ* и назадъ тому 8 лѣтъ получилъ автономію. Лежитъ о—въ въ восточной части Средиземнаго моря, въ разстояніи 10-ти миль отъ Сирійскихъ и столько же отъ Малоазіатскихъ береговъ и въ 48 миляхъ отъ устьевъ Нила. Очертаніе Кипра имѣетъ весьма неправильную форму, берега изрѣзаны множествомъ мысовъ, и, благодаря этому обстоятельству, Кипръ носитъ названіе „о—ва съ рогами" или „Рогатаго о—ва"; за симъ о—въ перерѣзывается двумя горными цѣпями. Сѣверная изъ этихъ цѣпей называется „*Джеринесъ*" (по турецки), а южная—*Монте-Кросе*. На послѣдней находится вершина высотою въ 2,000 метровъ. Между сейчасъ упомянутыми двумя горными цѣпями расположены широкія, плодородныя равнины, въ которыхъ, правда, нѣтъ судоходной рѣки, но которыя оживляются значительнымъ числомъ горныхъ источниковъ. Когда-то въ прежнее время Кипръ населяли 2 милліона жителей, теперь же населеніе уменьшилось почти на $\frac{1}{10}$ этого числа, или на 200,000; изъ этого числа $\frac{2}{3}$ грековъ и $\frac{1}{3}$ турокъ. Въ древности этотъ островъ былъ заселенъ финикійскими и греческими колоніями, потомъ принадлежалъ различнымъ владѣтелямъ, въ томъ числѣ и крестоносцамъ, до тѣхъ поръ, пока султанъ Селимъ II отнялъ его у крестоносцевъ въ 1571 г.

Климатъ о—ва Кипра, при своей весьма большой равномѣрности вообще весьма здоровъ. Только въ Паѳосѣ (на западной сторонѣ о—ва) господствуютъ опасныя лихорадки. По своимъ геологическимъ свойствамъ, Кипръ представляетъ слегка вытянувшеся горныя породы и этимъ обусловливается плодородіе почвъ на островѣ. Почва и благодатный климатъ Кипра способствуютъ превосходному произрастанію всѣхъ растеній. Напримѣръ, померанцовыя деревья часто до того бываютъ обременены плодами, что ихъ нужно облегчать отъ значительной части ихъ бремени. По разсчету путешественниковъ, Унгера и Коши, количество воздѣланной земли на Кипрѣ составляетъ еще только *пятую* часть острова; а по разсчету прежняго французскаго консула, воздѣлывалась даже только *пятнадцатая* часть; но при этомъ кипріоты все еще предпочитаютъ быть хозяевами большихъ, но плохо обрабатываемыхъ полосъ земли, чѣмъ хорошо воздѣлывать малые участки.

Въ настоящее время, если, по переходѣ Кипра въ англійское управленіе, на островъ явятся прилежные и знающіе работники, то конечно, продуктъ воздѣлываемой теперь на Кипре земли можетъ удвоиться, даже утроиться. Во главѣ собственно культурныхъ растеній Кипра нужно поставить хлопчатникъ; воздѣлываніе послѣдняго, еще во время венеціанскаго владычества надъ Кипромъ оказалось столь выгоднымъ, что хлопчатникъ названъ былъ *„золотымъ растеніемъ“*. Въ настоящее время хлопка добывается на Кипрѣ только 3,000 пудъ. За то воздѣлывается много крапа, имѣющаго превосходные качества и уступающаго на Востокѣ только Смирнскому. Тамъ, гдѣ почва оказывается годною для воздѣлыванія этого красильнаго растенія, цѣна на моргенъ земли, обыкновенно составляющая 500—1000 піастровъ, поднимается на 6—8000 піастровъ. Также распространено воздѣлываніе и другихъ видовъ красильныхъ растеній; но табакъ воздѣлывается только въ немногихъ мѣстахъ. Пшеница, ячмень и овесъ даютъ богатую прибыль, преимущественно въ равнинѣ Моржу и въ прибрежной области. Изъ стручковыхъ плодовъ преимущественно воздѣлываютъ чечевицу. Картофель только въ гористыхъ мѣстностяхъ. Картофель чаще всего замѣняютъ богатые крахмаломъ клубни растенія *колокасіи*. Важнѣйшія деревья на Кипре: шелковица, маслины и *стручковое дерево* (изъ семейства бобовыхъ), дающее извѣстные *цареградскіе стручки*. Что касается виноградника, то только $^1/_{124}$ часть территоріи острова воздѣлывается подъ виноградники. Особенною извѣстностью пользуется виноградная лоза, дающая такъ называемое коммендорское вино. Названіе это произошло отъ складовъ сладкихъ винъ которые когда-то имѣли здѣсь въ своихъ „коммендахъ“ обитавшіе на Кипрѣ Тампліеры (храмовые рыцари).

Между населяющими островъ животными многія принадлежатъ къ опаснымъ и вреднымъ. Не говоря уже о скорпіонѣ и о такъ называемой Роговой змѣѣ, на Кипрѣ возбуждаетъ общій страхъ ядовитая порода ужей, обыкновенно водящихся въ посѣвныхъ поляхъ. Одинъ изъ Кипрскихъ мысовъ носитъ названіе „Кошачьяго мыса“—оттого что первый владѣтель Кипра велѣлъ построить въ этомъ мѣстѣ монастырь, а монахамъ этого монастыря предписано было спеціально держать кошекъ для охоты за ужами. За симъ величайшимъ врагомъ растительнаго царства является *саранча*, принадлежащая къ породѣ Stauronotus. Саранча эта появляется каждую весну и съ уменьшеніемъ населенія острова она увеличилась въ количествѣ. За симъ за исключеніемъ лисицы, на Кипрѣ нѣтъ никакихъ хищныхъ плотоядныхъ животныхъ. Въ Монте-Кросе водится особая дикая порода овецъ (муфлоны). Множество древесныхъ плодовъ привлекаютъ въ Кипръ безчисленное множество породъ птицъ; но въ особомъ множествѣ водится на Кипрѣ порода такъ называемыхъ „винноягодниковъ“. Птица эта, кромѣ насѣкомыхъ, съѣдаетъ въ большомъ количествѣ смолу виноградниковъ и другихъ деревъ, и оттого получаетъ себѣ множество жиру и служитъ, вслѣдствіе этого, предметомъ гастрономіи. Уже въ средніе вѣка птица эта составляла важную статью кипрской торговли. Птицу обыкновенно пропитываютъ или маринуютъ въ Кипрскомъ (коммендорскомъ) винѣ и въ такомъ видѣ вывозятъ въ разныя страны. Въ числѣ собственно домашнихъ животныхъ Кипра нужно упомянуть о прекрасной породѣ охотничьихъ собакъ и породѣ овчарокъ. На Кипрѣ нѣтъ почти ни одной лошади. Для перевозки большихъ тяжестей употребляютъ верблюдовъ, а для подниманія тяжестей въ гору—муловъ. Даже рогатаго скота на Кипрѣ мало, потому что мало и пастбищъ; да и вообще нужно сказать, что восточные жители не очень-то любятъ говядину, какъ сильно возбуждающую пищу. Мѣсто рогатаго скота замѣняютъ овцы и козы. Но самое полезное для кипріотовъ—это шелковичный червь. Конечно, господство турокъ не благопріятствовало развитію шелководства. Лучшій кипрскій шолкъ получается въ Пафосѣ (на западной сторонѣ острова). Въ заключеніе нужно упомянуть, что Западная Европа получаетъ большую часть (и высшаго достоинства) губокъ изъ Кипра. Затѣмъ нужно упомянуть о мѣдной рудѣ, получающейся изъ мѣдныхъ рудниковъ Кипра, древнѣйшихъ во всемъ мірѣ.

Сводя вмѣстѣ все сказанное выше, нужно признать, что островъ Кипръ принадлежитъ къ самымъ благословеннымъ уголкамъ въ мірѣ. Этому способствуютъ и превосходныя гавани острова и роскошный климатъ и плодородіе почвы. Но господство мусульманъ нужно счесть настоящимъ бѣдствіемъ Кипра. Съ тѣхъ поръ какъ владѣютъ островомъ турки, народонаселеніе его уменьшилось до колоссальныхъ размѣровъ и самые благодатные дары природы отчасти совершенно погублены, отчасти оставлены въ пренебреженіи...

Рисунокъ, помѣщаемый нами въ этомъ номерѣ „Нивы“ изображаетъ главный портъ острова Кипра, Ларнака.

Будущее острова Кипра, по словамъ лицъ, знакомыхъ съ востокомъ, таково, что въ недалекомъ времени массы народа покинутъ берега Сиріи, убѣгая отъ хищничества и тираніи турецкихъ правителей и поселятся на этомъ островѣ подъ охрану англійскихъ властей. Существованіе Турціи, даже въ ея тѣсныхъ границахъ, зависитъ теперь отъ ея умѣнья приспособляться въ своихъ дѣйствіяхъ къ державѣ, которая, вслѣдствіе пріобрѣтенія Кипра, очутилась въ ея ближайшемъ и непосредственномъ сосѣдствѣ.

**М. Стр.**

## Политическія и внутреннія извѣстія.

О политическихъ дѣлахъ въ настоящемъ номерѣ какъ за недостаткомъ мѣста, такъ и по отсутствію опредѣленности въ положеніи политическихъ и военныхъ дѣлъ въ Европѣ и на внѣшнемъ театрѣ войны,—мы сообщать подробно; не будемъ и ограничимся только указаніемъ, именно на то, что въ японскихъ газетахъ высказываютъ такое мнѣніе о современномъ положеніи Англіи въ Индіи: Англія совершенно поглощена разладомъ съ Россіей и, если возгорится война, у ней не будетъ достаточно силъ для подавленія хорошо организованнаго восстанія. Азія, по мнѣнію тѣхъ же газетъ, стала ареною охоты европейцевъ: всюду туземное населеніе подчиняется и приводится въ рабство. Великая торговая сила запада грозитъ силою оружія и лукавыми мѣрами разрушить независимость всего туземнаго населенія на азіатскомъ континентѣ, а потому, съ точки зрѣнія газетъ, весьма было бы желательно, чтобы въ Индіи началось восстаніе.

Новый министръ финансовъ, бывшій государственный контролеръ С. А. Грейгъ, принимая на дняхъ представителей петербургскаго купечества, между прочимъ высказался, что онъ не намѣренъ поддерживать какія нибудь „фиктивныя“ банковыя и другія операціи и предпріятія и просить съ подобными дѣлами къ нему не приходить, „по-русски“. прибавилъ министръ, „фиктивныя дѣла значатъ—дутыя“.

Засимъ сообщаемъ, что съ 13 іюля началось правильное движеніе поѣздовъ между станціями „Ундолъ“ и „Владиміръ“, на протяженіи 29 верстъ по строющемуся второму пути на московско-нижегородской желѣзной дорогѣ, между станціями Москва и Ковровъ. Всего же открыто для движенія второго пути 177 вер. между станціями Москва и Владиміръ.

На Кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ нынѣшній лечебный сезонъ пріѣздъ публики не превышетъ сезона прошлыхъ лѣтъ, хотя, казалось, слѣдовало ожидать значительно большаго пріѣзда публики въ виду той массы больныхъ, какую въ настоящее время имѣетъ Россія. Точно также пишутъ изъ Илецкой защиты, Оренбургской губерніи, что водолечебный сезонъ далеко не отличается многолюдствомъ. Пріѣзжихъ мало, не смотря на всѣ старанія директора заведенія, Лебедева, доставить посѣтителямъ развлеченія. (Какъ будто главная суть дѣла въ развлеченіяхъ?) Кромѣ леченія солеными ваннами и грязями съ большимъ содержаніемъ сѣрнистыхъ соединеній, здѣсь организовано и леченіе кумысомъ. Едва ли, впрочемъ, заведеніе это, не смотря на всю пользу, которую оно можетъ приносить страдающимъ золотухой, ревматизмомъ и подагрой, въ состояніи будетъ удержаться при той непопулярности, которую имѣютъ всѣ наши центры леченія минеральными водами.

Отъ минеральныхъ водъ, на которыхъ отъ общества Краснаго креста, вѣроятно, всетаки отправлено не мало больныхъ и раненыхъ, перейдемъ къ слѣдующему извѣстію, имѣющему отношеніе къ Красному кресту. Въ Финляндской оффиціальной газетѣ напечатано Высочайшее повелѣніе объ установленіи на 1878—1882 года въ пользу Краснаго креста чрезвычайнаго налога въ 30 пенни съ мужчины и въ 15 пенни съ женщины. Этимъ налогомъ имѣется въ виду покрыть милліонъ марокъ, который пожертвованъ сеймомъ въ прошломъ году въ пользу общества Краснаго креста.

Взаключеніе сообщаемъ нѣкоторыя цѣны на бумаги: 5% бил. госуд. банка 1-го вып. 97. Восточный заемъ $92^1/_2$ мелкіе (въ 50 и 100 руб.) и 95 крупные (въ 1,000 р.) Внутреній заемъ съ выигрышами: первый и второй по 235 р.; С.П.Бур. кредитнаго общества $92^1/_2$, Московскаго $90^1/_4$, золото 7 р. 78.

Въ № 167 Правительственнаго Вѣстника напечатано:

24-го сего іюля, въ 9 часовъ вечера, въ одесскомъ военно-

окружномъ судѣ было окончено извѣстное дѣло о вооруженномъ сопротивленіи властямъ при обыскѣ, произведенномъ 30-го января сего года на Садовой улицѣ гор. Одессы. Судъ приговорилъ главнаго виновника по этому дѣлу, Ковальскаго, къ смертной казни, а остальныхъ семь лицъ, оказавшихся виновными, къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ.

Ко времени объявленія судомъ приговора на прилегающихъ къ зданію суда тротуарахъ собралась значительная толпа любопытныхъ. Когда приговоръ суда сдѣлался извѣстенъ въ публикѣ, изъ толпы стали раздаваться выраженія неудовольствія. Всѣ усилія полиціи заставить толпу разойтись оказались безуспѣшными, вслѣдствіе чего была выдвинута рота солдатъ, которая и разсѣяла тѣснившихся. Но въ то самое время, когда нижніе чины направились въ массу публики, чтобы принудить ее очистить тротуары, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, очевидно изъ группы преднамѣренно собравшихся злоумышленниковъ, такъ какъ остальная публика начала расходиться безъ всякаго сопротивленія, при чемъ войсками не было произведено ни одного выстрѣла. Жертвами этого новаго преступленія были: трое нижнихъ чиновъ—раненныхъ и двое частныхъ лицъ—убитыхъ. Жизнь раненыхъ нижнихъ чиновъ внѣ опасности. Спокойствіе въ городѣ было немедленно возстановлено.

**МЫСЛИ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.**

Не привыкай къ благоденствію—оно преходяще: кто владѣетъ—учись терять, кто счастливъ—учись страдать. *(Шиллеръ).*

Терпѣніе облегчаетъ неисцѣлимую боль. *(Вольтеръ).*

**Задача.**

**Шлемъ съ буквами.**



Въ этомъ шлемѣ помѣщены буквы, составляющія имя одного русскаго героя.

**СОДЕРЖАНІЕ:** **Художникъ Ф. Келлеръ** (съ портретомъ).—**Блокгаузъ «Червленъ аскеръ»**. (Разсказъ изъ недавняго прошлаго) **Н. Каразина**.—**Изъ древне-римской жизни. На аренѣ Цирка** (съ рисункомъ) **Л.** **Парижская Всемірная выставка** (съ рисункомъ).—**Акула и охота на нихъ** (съ рисункомъ).—**Невольныя слезы** (съ рисункомъ) **Н.**—**Заяцъ-русакъ въ лѣсѣ** (съ рисункомъ).—**Пароходъ «Москва», бывшій «Hammonia»** (съ рисункомъ).—**Островъ Кипръ** (съ рисункомъ) **М. Стр.**—Политическія и внутреннія извѣстія.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Задача.—О перемѣнѣ адреса.—**О преміяхъ «Нивы» 1878 г.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.**

Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

## О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

**Контора журнала «Нива» проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.**

## О преміяхъ „Нивы“ 1878 г.

Ежегодно возрастающее число подписчиковъ на журналъ „Нива“ дало въ настоящемъ году возможность издателю его сдѣлать значительныя въ сравненіи съ прежними годами затраты на издаваемый ими журналъ. Результаты этихъ затратъ не могутъ быть конечно, незамѣченными гг. подписчиками получающими въ настоящемъ году журналъ съ значительно большимъ количествомъ текста и рисунковъ, чѣмъ въ предыдущіе года (такъ, большая часть номеровъ журнала настоящаго года имѣетъ, вмѣсто шестнадцати, двадцать страницъ). Но кромѣ этого, издатель нашолъ возможнымъ пріобрѣсти двѣ оригинальныя акварели, исполненныя по его заказу спеціально для премій „Нивы“ настоящаго года художникомъ Кившенко.

Сюжетъ для этихъ акварелей взятъ изъ русской исторіи и представляетъ два момента изъ того тяжелаго времени, которое предшествовало появленію Самозванца и было виною ужасныхъ смутъ и шатаній русской земли, вынесшей однако всѣ эти смуты и тяжкія скорби, сохранившей въ цѣлости свое политическое и государственное единство и сплотившейся за симъ прочно подъ охраною нынѣ царствующаго дома Романовыхъ.

Моменты, взятые для акварелей „Нивы“, изображаютъ Бориса Годунова въ двухъ періодахъ его жизни и разработаны по двумъ художественнымъ и первокласнымъ сочиненіямъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ: А. Пушкина и графа А. Толстого, стихи которыхъ, помѣщенные подъ картинами, служатъ ихъ объясненіемъ.

Содержаніе картинъ слѣдующее:

1) **Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники** предсказывающіе ему царствованіе.

и 2) **Царь Борисъ и его дѣти: Өеодоръ и Ксенія.**

Въ настоящее время акварели эти въ потребномъ для премій „Нивы“ количествѣ экземпляровъ воспроизводятся олеографическимъ способомъ въ одной изъ лучшихъ за границею художественныхъ мастерскихъ.

Цѣна этихъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 р., т. е. по 2 р. за каждую.

Только г.г. **годовые** подписчики на журналъ „Ниву“ 1878 г. имѣютъ право на безплатное полученіе ихъ.

Обѣ эти картины будутъ разосланы всѣмъ **гг. годовымъ подписчикамъ**, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ (получающимъ журналъ чрезъ почту) въ прочномъ картонномъ футлярѣ, **въ октябрѣ мѣсяцѣ**, прочимъ же подписчикамъ (получающимъ журналъ безъ доставки) преміи эти будутъ выданы или въ конторѣ редакціи, или въ тѣхъ книжныхъ магазинахъ, гдѣ они получаютъ журналъ, при томъ же №, при которомъ эти преміи будутъ приложены подписчикамъ, получающимъ журналъ съ доставкою или пересылкою.

Имѣя уже теперь нѣсколько экземпляровъ означенныхъ картинъ, издатель, исполняя многочисленныя просьбы своихъ подписчиковъ, желающихъ видѣть эти картины, разослалъ ихъ ниже поименованнымъ книгопродавцамъ, у которыхъ можно видѣть эти будущія преміи Нивы.

**Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ Редакціи „Нива“**, и у книгопродавц.: **Я. А. Исакова, Анисимова, Колесова, Михина, Мамонтова** и **Битепажа.**
„ **Москвѣ:** у книгопродавцевъ; **И. Г. Соловьева, А. Лангъ** и **Н. И. Мамонтова, Живарева** и **Васильева.**
„ **Одессѣ:** въ книжныхъ магазинахъ **В. П. Дубецкаго** (бывшій **Бортневскаго**) и **Пушкина.**
„ **Казани**, въ книжномъ магазинѣ **Дубровина.**
„ **Кіевѣ**, книж. магаз. **Литова** (владѣлецъ **Оглоблинъ**), у **Гюнтера** и **Малецкаго.**
„ **Екатеринбургѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Наумова.**
„ **Вяткѣ**, въ книж. магаз. **В. Красовскаго.**
„ **Калугѣ**, у книгопродавца **Н. Ив. Мясникова.**
„ **Кишиневѣ**, въ книж. магазинѣ **Андр. Тараненко.**
„ **Костромѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Н. Солодовникова.**
„ **Кронштадтѣ**, въ **Ред. „Кронштадтскаго Вѣстника“.**
„ **Курскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Васил. Суслова.**
„ **Нижнемъ-Новгородѣ**, въ книж. магаз. **Павла Богданова.**
„ **Новгородѣ**, въ книж. магаз. **Пвраионова.**
„ **Новочеркаскѣ**, въ книж. магаз. **Ѳ. А. Ананьева.**
„ **Пензѣ**, въ книж. магазинѣ, г. **Шемаєва.**
„ **Перми**, въ книжной лавкѣ **О. Петровской.**
„ **Полтавѣ**, въ книжной торговлѣ **Богоявленской.**
„ **Ростовѣ на Дону**, у книгопродавца **Ден. Прѣснова.**
„ **Рязани**, въ книж. маг. **Константина Ѳедор. Александрова.**
„ **Саратовѣ**, въ книж. магаз. **М. Шлейера.**
„ **Симбирскѣ**, въ **Карамзинской общественной библіотекѣ.**
„ **Таганрогѣ**, въ книж. магазинѣ **Ващнкенко.**
„ **Твери**, въ **Городской общественной бабліотекѣ.**
„ **Тулѣ**, въ **Публичной библіотекѣ Дворянскаго Собранія.**
„ **Харьковѣ**, въ книж. маг. и библіотекѣ **Максимовича.**
„ **Ярославлѣ**, въ книж. маг. и библіотекѣ **Раф. Конуева.**
„ **Варшавѣ**, въ книж. магаз. **Г. Истомина.**
„ **Тифлисѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Г. Вртанова.**
„ **Томскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Макушина.**

Подписка на журналъ „Нива“ принимается постоянно, и каждый новый подписчикъ имѣетъ право на полученіе, какъ всѣхъ премій, такъ и всѣхъ вышедшихъ уже №№ журнала съ 1-го января.

Дозволено цензурою СПБ. 3 августа 1878 г. Тип. Бѣляева Англ. пр. № 10.



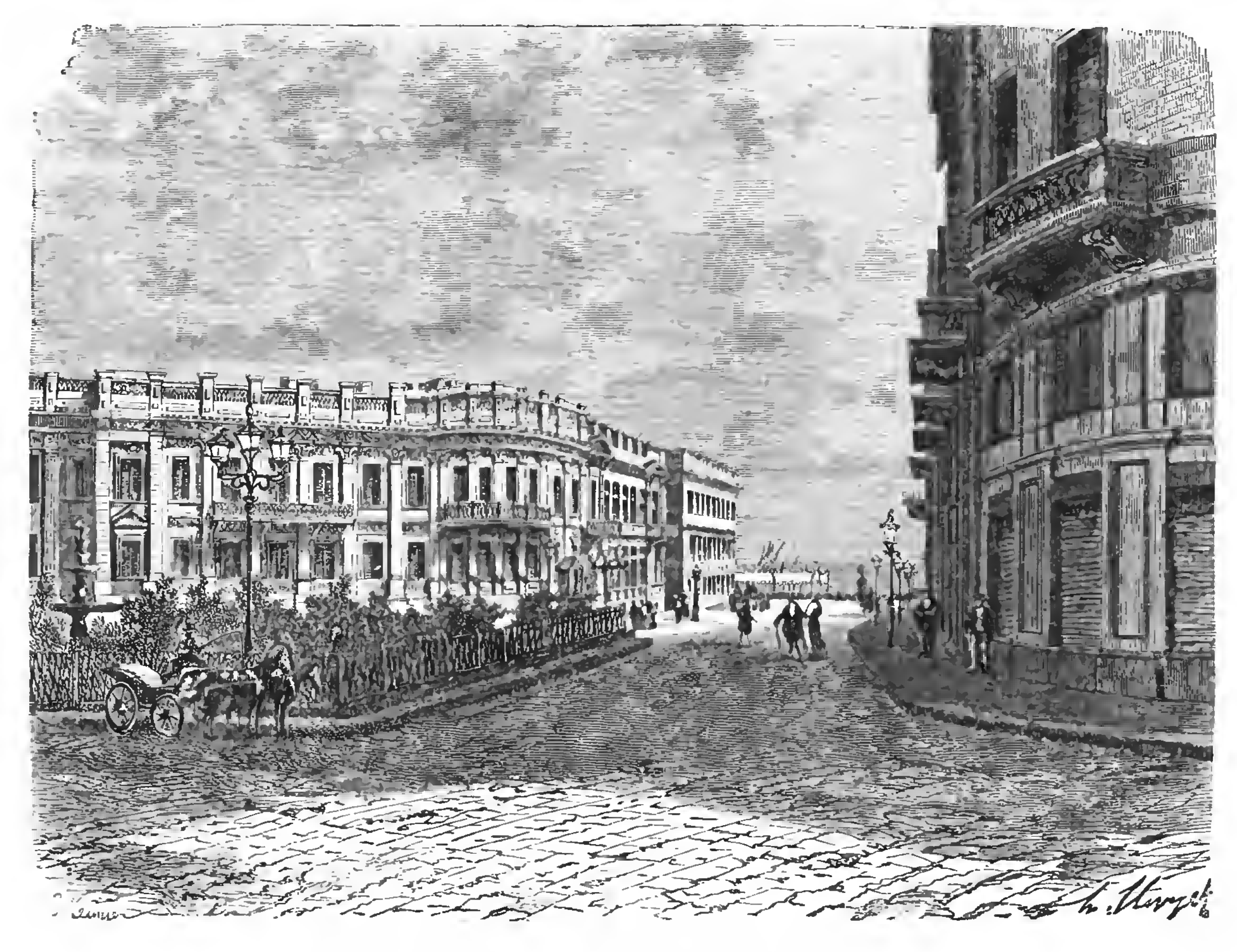

№ 33 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 14 Августа 1878 г.

Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к





Екатерининская площадь въ Одессѣ. Съ натуры рис. Клерже, грав. Мепье.

## Г. Одесса.

Въ прошедшемъ году въ № 31 журнала „Нива" были помѣщенные историческія свѣдѣнія объ Одессѣ, на которыя, по поводу помѣщаемаго въ этомъ номерѣ рисунка, и имѣемъ честь указать нашимъ читателямъ. Теперь-же, помѣщая на страницахъ Нивы этотъ рисунокъ, изображающій видъ одной изъ красивѣйшихъ мѣстностей г. Одессы, а именно Екатерининской площади, сообщимъ здѣсь нѣсколько общихъ свѣдѣній объ этомъ городѣ.

Городъ этотъ построенъ на берегу Чернаго моря, по направленію отъ Очакова почти прямо на западъ, гдѣ берегъ моря, круто поворачиваясь къ юго-западу въ видѣ правильнаго полукруга образовалъ заливъ. Заливъ образуетъ весьма значительную дугу, или вѣрнѣе сказать, то, что называется на народномъ языкѣ лукоморьемъ. Вдаваясь такимъ образомъ значительно въ изгибъ и образуя свой лукъ на пространствѣ почти трехъ съ половиною верстъ, заливъ имѣетъ протяженіе болѣе 8 верстъ. Собственно на этомъ берегу, образуемомъ заливомъ, и стоитъ Одесса. Въ давнія времена на мѣстѣ Одессы находилось греческое селеніе Истріонъ. Затѣмъ селеніе это вмѣстѣ съ Крымомъ и частію берега Чернаго моря перешло въ руки турокъ и переименовано въ Хаджибей. Императрица Екатерина нашла это мѣсто удобнымъ для стоянки кораблей и поручила Потемкину взять его. Названіе Одессы, какъ говорятъ, присвоено городу въ память древняго греческаго селенія Одиссосъ, находившагося недалеко отъ Хаджибея.

Въ настоящее время Одесса по справедливости можетъ считаться однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ не только въ Россіи, но даже и въ Западной Европѣ. Этому главнымъ образомъ способствуетъ его счастливое мѣстоположеніе: онъ раскинулся на высокомъ морскомъ берегу; въ торговомъ отношеніи мѣсто занимаемое Одессой тоже весьма важное, именно по значительности ея торговыхъ сношеній съ Европою, вызываемыхъ на столько же удобствомъ стоянки для судовъ въ ея гаваняхъ, на сколько и вообще положеніемъ этого города въ географическомъ отношеніи. Самая лучшая часть Одессы расположена на приморскомъ бульварѣ .Бульваръ состоитъ изъ трехъ аллей и имѣетъ до 250 саж. длины. На бульварѣ этомъ среди густыхъ аллей поставленъ памятникъ первому Одесскому градоначальнику герцогу Ришелье. Герцогъ представленъ въ римской мантіи съ вѣнкомъ на головѣ. Статуя эта принадлежитъ рѣзцу извѣстнаго скульптора Мартоса. Пьедесталъ памятника пробитъ ядромъ, попавшею во время бомбардированія Одессы въ Крымскую кампанію 1855 года.

Съ бульвара спускается къ морю прекрасная лѣстница въ 8 саж. шириною. Лѣстница сдѣлана изъ бѣлаго песчаника и имѣетъ 204 ступени. У подножія лѣстницы, у моря поставлена часовня, вмѣщающая въ себѣ нѣсколько иконъ, присланныхъ отъ другихъ городовъ въ благословеніе Одессѣ. Тутъ же внизу на морѣ устроены городскія купальни. Въ Одессѣ три гавани. Влѣво отъ бульвара идетъ такъ называемая практическая гавань съ двумя молами, назначенная для каботажныхъ судовъ; на одномъ изъ моловъ находится щеголенская баттарея. Вправо отъ бульвара—купеческая гавань для иностранныхъ судовъ, также съ двумя молами и высокимъ, освѣщаемымъ ночами, маякомъ. Эта гавань постоянно оживлена движеніемъ людей и обозовъ. Тутъ кипитъ неустанная работа; и тѣснота, и шумъ, и говоръ и, буквально, пыль столбомъ.

Къ бульвару примыкаетъ самая лучшая часть города, тутъ находятся лучшія зданія Одессы, какъ напр. Лондонская и Петербургская гостинницы, театръ, университетъ, городская публичная библіотека, биржа. Одесская биржа—прекрасное зданіе. Зала ея обширна и красива, два выхода ведутъ на круглую галлерею съ маленькимъ садикомъ, на лѣвой сторонѣ дверь изъ залы ведетъ на огромную террасу, откуда ходъ на бульваръ и прелестный видъ на море. Тутъ же возлѣ биржи находится Одесскій музей, въ которомъ между прочими рѣдкостными предметами можно видѣть нѣсколько вещей изъ Египта, такъ напр. двѣ муміи въ простыхъ бѣлыхъ ящикахъ, сверху исписанныхъ разными изображеніями, еще одну мумію въ прекрасно отдѣланномъ ящикѣ на подобіе огромной куклы, которую можно держать стоя. Есть нѣсколько вещей изъ керченскихъ древностей; затѣмъ генуэзскія и татарскія люшты и т. д. Одесскій бульваръ полонъ гуляющихъ, особенно по вечерамъ; но самое лучшее время для прогулокъ—раннее утро и лунная ночь. Одесса, какъ мы сказали выше, торговый городъ и коммерческими конторами запружены улицы. Невскимъ проспектомъ въ Одессѣ служитъ Ришельевская улица, обсаженная тополями, акаціями и каштанами. Одесскій Екатерининскій институтъ одинъ изъ старѣйшихъ въ Россіи; онъ основанъ въ 1806 г. Къ городу примыкаютъ нѣсколько предмѣстій и еще до въѣзда въ городскую черту направо и налѣво раскинулись небольшіе полуразвалившіеся домики, крытые черепицей, съ еврейскими вывѣсками, харчевнями, складами для хлѣба, соли, рыбы.—Въ общемъ, предмѣстья Одессы мрачны, съ бѣдными, жалкими постройками—мазанками, самъ же городъ богатъ громадными и прекрасными зданіями; но за то зелени и садовъ въ немъ очень мало и въ лѣтніе знойные дни жить въ городѣ просто невыносимо: всюду камень, щебень и вьючная пыль носится по улицамъ.

Иностранцевъ въ Одессѣ великое множество; вездѣ слышится чужой языкъ. Еврейство въ этомъ городѣ развито до чрезвычайности: не пройдешь шага безъ того, чтобы не наткнуться на предложенія услугъ отъ еврея; городскія предмѣстья буквально кишатъ ими.

Взаключеніе ко всему нами здѣсь сказанному объ Одессѣ нужно замѣтить, что хотя этотъ городъ и русскій и есть православные храмы и даже имѣетъ въ немъ пребываніе архіерей, но русскаго въ этомъ городѣ мало. Жалѣть объ этомъ, конечно, стоило-бы, но въ то же время въ виду тѣхъ многочисленныхъ „неустройствъ", которыми такъ прославилась Одесса по своему городскому самоуправію и въ особенности по снабженію города водою,—въ виду этихъ неустройствъ, несомнѣнно зависящихъ отъ русскаго одесскаго городскаго общества, сожалѣнія наши мы оставимъ до того времени, когда городское хозяйство Одессы будетъ нѣсколько получше.

Ор

# Царь-дѣвица.

Историческій романъ.

**Вс. Соловьева.**

(Автора „Княжны Острожской и „Юнаго Императора").

### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

### I.

Лѣта тысяча шестьсотъ восемьдесятъ втораго, великимъ постомъ, въ домѣ суздальскаго дворянина Перхулова случилось очень странное происшествіе, поднявшее на ноги не только перхуловскую дворню, но и всѣхъ городскихъ обывателей: сбѣжала и невѣдомо куда скрылась семнадцатилѣтняя дѣвушка Люба Кадашева, жившая у Перхулова уже три года.

Эта Люба и сама была изъ дворянскаго рода, только сирота круглая и жила она у Перхулова по записи.

Пріѣхалъ три года тому назадъ въ Суздаль старый перхуловскій знакомецъ Кузьма Кашниковъ, и сталъ спрашивать Перхулова, не возьметъ-ли онъ къ себѣ въ домъ его свояченицу дѣвочку—„у самихъ-де съ женою Марьицей достатки небольшіе, своихъ малолѣтнихъ дѣтей четверо, такъ тяжело содержать въ домѣ лишняго человѣка".

Перхуловъ согласился и тутъ же была составлена такая запись: „Я Кузьма Кашниковъ и жена моя отдали: я свою свояченицу, а она свою сестру,—дѣвицу Любу, Ивану Онуфріевичу Перхулову, жить во дворѣ его до возраста, а какъ она будетъ на возрастѣ и ему дать ей приданаго по силѣ и выдать замужъ за вольнаго человѣка, или за кого она похочетъ, а живя, ей слушать и почитать и всякую работу работать домашнюю, вести себя хорошо, а ему ее кормить, одѣвать и обувать".

Покончивши это дѣло, Кашниковъ уѣхалъ въ свою небольшую вотчину, тутъ-же неподалеку, а черезъ недѣлю вернулся со свояченицей. Любѣ тогда было лѣтъ около четырнадцати.

Перхуловымъ она понравилась. Только замѣтили они въ ней что-то странное: въ ея поступи, въ ея взглядахъ не было робости, свойственной ея полу и положенію. Глядѣла она всѣмъ прямо въ глаза, а при прощаньѣ съ зятемъ выказала большую холодность: не плакала и не причитала; не посылала поклоновъ сестрицѣ своей Марьицѣ, какъ должна была дѣлать, если и не по чувству, такъ изъ приличія.

— Плохо видно вы съ женою ее учили! замѣтилъ Иванъ Онуфріевичъ Кашникову и, не получивъ отъ него никакого отвѣта, приказалъ отвести Любу на женскую половину, къ своимъ дочерямъ, и сейчасъ-же и позабылъ о ней думать...

Иванъ Онуфріевичъ Перхуловъ въ прежнее время жилъ въ Москвѣ, служилъ и даже пошелъ было въ гору при дворѣ великаго государя царя Алексѣя Михайловича. Но нашлись у него враги посильнѣе его, тѣснить стали, наговаривать—и нежданно, негаданно пришла царская немилость: велѣно Перхулову съ семействомъ выѣхать изъ Москвы въ городъ Суздаль.

Долго не могъ примириться Иванъ Онуфріевичъ со своей судьбою, пробовалъ и то, и другое, и третье: писалъ челобитныя, старался такъ или иначе зацѣпить своихъ лиходѣевъ, да ничего не помогало: въ Москвѣ о немъ забыли—не велика птица! Поневолѣ пришлось успокоиться и, оставшись не у дѣлъ, заняться домашнимъ обиходомъ. Да и наконецъ не такъ ужь и велика была царская немилость! Могли его имѣньишка лишить, какъ есть голякомъ оставить, даже сослать куда нибудь въ глушь; но ничего этого не сдѣлали, все имѣніе оставили при Иванѣ Онуфріевичѣ, не лишили его ни одной вотчины.

И вотъ сталъ Перхуловъ строиться въ Суздалѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ; живетъ онъ себѣ со своей Афимьей Лукьяновной и двумя дочерьми подростками (сыновей имъ Богъ не далъ), живетъ, какъ дай Богъ всякому. Домъ и всѣ строенія какихъ ни у кого нѣтъ въ Суздалѣ, холопей и дворовыхъ многое множество, сосѣди, подсосѣдники, захребетники. Разнаго продовольствія изъ ближнихъ и дальнихъ вотчинъ привозится въ изобиліи. Отъ Суздальскихъ людей всякаго чина и званія Ивану Онуфріевичу большое почтеніе. Да и стоитъ онъ этого почтенія: держитъ себя и домъ свой въ благолѣпіи и строгости, никакимъ худымъ дѣломъ не занимается, радѣетъ о церкви, никогда-то не полѣнится, - ни одной службы не пропуститъ, всячески ласкаетъ духовенство и любитъ бесѣды съ отцами духовными, а отцы духовные на его мудрость книжную не нахвалятся.

Да, справедливый, серьезный человѣкъ Иванъ Онуфріевичъ, добрый хозяинъ въ своемъ домѣ, — ведетъ его по Домострою. Съ женой живетъ дружно. Афимья Лукьяновна тоже хозяйка добрая, умѣетъ цѣнить и почитать мужа, а провинится въ чемъ противъ его воли, такъ развѣ что ненарокомъ, и тотчасъ же сама придетъ, поклонится ему въ ноги: „Такъ молъ и такъ, государь мой, батюшка Иванъ Онуфріевичъ, согрѣшила я передъ тобою, поучи меня за это.“

И тутъ же и плетку подастъ ему.

Иванъ Онуфріевичъ плетку возьметъ, стегнетъ разокъ-другой ради порядку, да потомъ и облобызаетъ троекратно Афимью Лукьяновну. „Такъ-то вотъ, жена, впередъ смотри—не оплошай, не то и впрямь поучу хорошенько; а на этотъ разъ Богъ съ тобой, прощаю!“

Хозяйство Афимья Лукьяновна вела рачительно, многочисленную свою прислугу женскую держала въ повиновеніи, не утруждала мужа напрасными жалобами и доводила до его свѣдѣнія о безпорядкахъ только тогда, когда случалось что нибудь ужъ очень серьезное.

И все въ домѣ было тихо да гладко. За семь лѣтъ жизни Перхуловыхъ въ Суздалѣ не произошло у нихъ ничего дурного. Разъ только стряслась было бѣда. Одинъ изъ холопей больно что то провинился передъ Иваномъ Онуфріевичемъ, и тотъ, не сдержавъ своего сердца, черезъ чуръ поучилъ его: вопреки Домострою, поучилъ и въ ухо, и въ *видѣніе*, и въ голову, и куда попало.

Холопъ, не смотря на страшные побои, весь въ крови выбѣжалъ за ворота и началъ кричать такимъ отчаяннымъ голосомъ, что сбѣжалось не мало народу. А онъ все кричалъ, всѣмъ показывалъ свой вытекшій глазъ и разбитую голову, все что то грозился и поносилъ своего господина, пока наконецъ кровь не хлынула у него изъ горла и онъ не упалъ.

Люди Ивана Онуфріевича подобрали его и сволокли назадъ въ избу. Говорили въ городѣ, что на другой день этотъ холопъ померъ, но конечно ни кому и въ голову не могло придти очень осуждать Ивана Онуфріевича и измѣнять о немъ доброе мнѣніе. Правда, не слѣдъ было человѣка живота лишать, да вѣдь сотворилось все это ненарокомъ, и такое дѣло со всякимъ можетъ случиться....

## II.

Доля дѣвочки сиротки, Любы Кадашевой, попавшей въ домъ Перхулова, съ дѣтства была незавидная. Почти первое ея дѣтское впечатлѣніе—былъ ужасъ.

Ей не минуло еще и десяти лѣтъ, какъ надъ семействомъ Кадашевыхъ стряслось страшное несчастье. Жили они въ своей вотчинѣ, никому не мѣшали. Отецъ былъ человѣкъ смирный, безобидный; не поладилъ онъ только съ прикащикомъ сосѣдняго большого имѣнія, принадлежавшаго боярину Окуневу.

Прикащикъ то и дѣло чинилъ Кадашеву всякія обиды, въ раззоръ раззорялъ его. Кадашевъ терпѣлъ, терпѣлъ да и послалъ наконецъ жалобу боярину Окуневу.

Жалоба до боярина не дошла—прикащикъ какъ то о ней провѣдалъ, захватилъ Кадашевскаго посланца—и освирѣпѣлъ. Собралъ онъ людей не мало, чуть не цѣлую сотню, да пьяный и нагрянулъ къ Кадашеву. Въ усадьбѣ поднялся вопль: женщины бѣгали, кричали какъ полуумныя, а пьяный прикащикъ со своими людьми разогналъ всю мужскую прислугу, разбилъ весь домъ, поломалъ все, что попадалось подъ руку, забралъ цѣнныя пожитки.

Не стерпѣлъ Кадашевъ—кинулся съ десяткомъ вѣрныхъ холопей на своего душегубца.

Поднялась драка. Окуневскіе люди были вооружены разнымъ дреколіемъ и топорами, да и пьяны къ тому-же: разсѣкли они Кадашеву голову, такъ что тотъ палъ замертво, да за одно ужь и жену его уложили.

Старая нянька спряталась съ маленькой Любой въ подвалѣ въ пустой бочкѣ, тѣмъ только и спаслась.

Потомъ, какъ разбойники, въ конецъ раззоривъ усадьбу и оставивъ въ ней нѣсколько труповъ, убрались во свояси, она доставила Любу къ замужней сестрѣ ея, Марьицѣ Кашниковой.

Марьица поплакала, погоревала, сестренку оставила у себя, а мужъ ея, обсудивъ дѣло, рѣшилъ, что съ честью нужно похоронить родителей, а дѣла съ окуневскимъ прикащикомъ и заводить нечего — не имъ, Кашниковымъ, его осилить: бояринъ прикащика не выдастъ. Не впервой вѣдь такое дѣло дѣлается. Дай Богъ только вотчину получить Кадашевскую.

Кашниковъ со всякою опаскою похоронилъ убитыхъ и радовался, что не встрѣтилось никакого затрудненія въ полученіи раззореннаго имѣнія. Онъ былъ не богатъ и новый доходъ былъ ему на руку. О свояченницѣ конечно онъ не подумалъ, да и Марьица немного вниманія на сестру обращала.

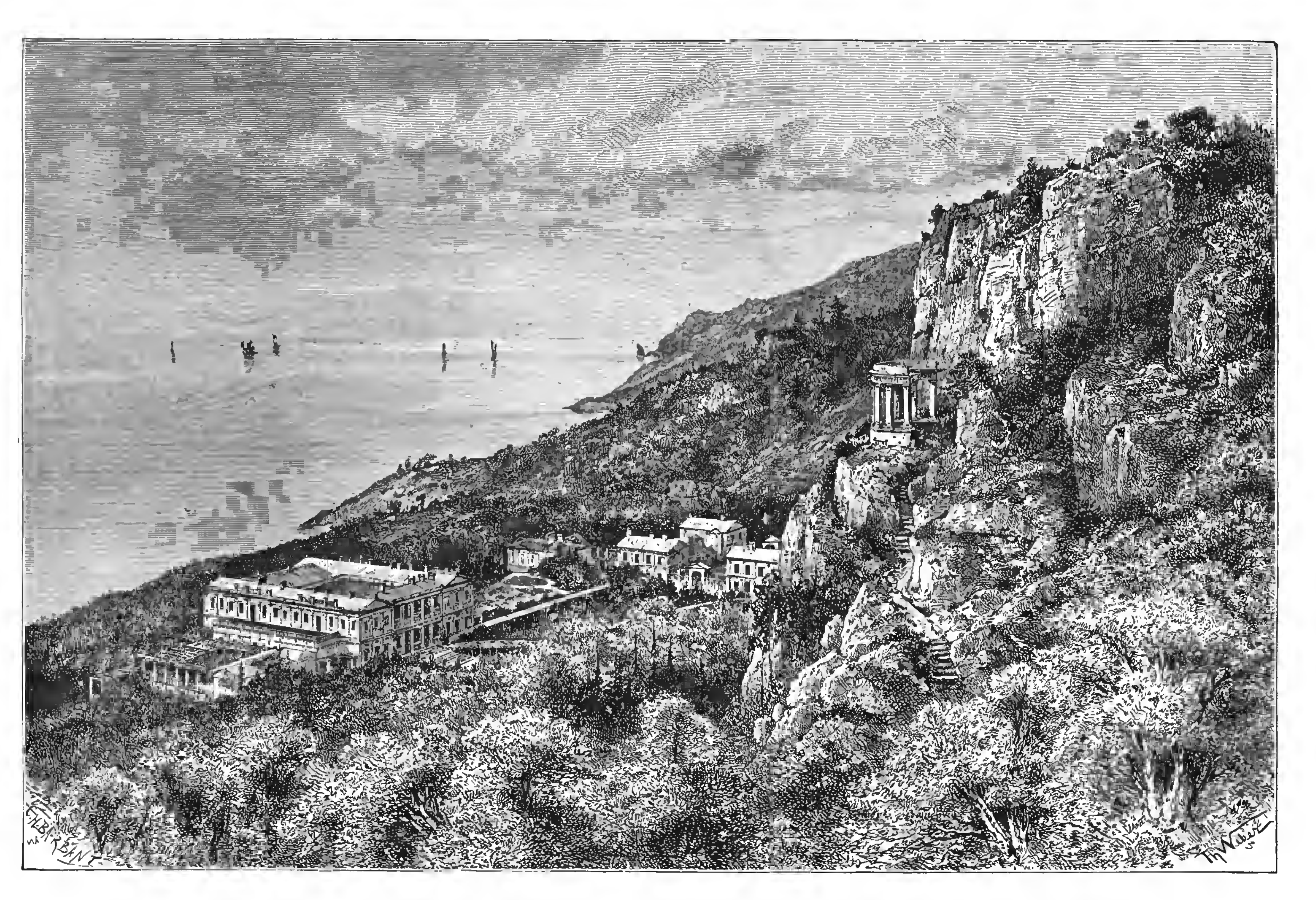
Сначала Кашниковы ждали, что умретъ дѣвочка — такъ она была напугана, съ полгода дрожью дрожала, припадки съ ней были странные; но здоровая натура взяла свое: Люба поправилась, только не на веселое житье, не на радость: старая любимая нянька, единственное существо къ ней ласковое, скоро отдала Богу душу.

Сестра Марьица заботилась только о своихъ дѣтяхъ, да и Любу заставляла ихъ няньчить и строго взыскивала за нерадѣніе.

Одно только путное, что вынесла дѣвочка изъ Кашниковскаго дома, это знаніе грамоты: Кузьма Кашни-



**Ѳеодосіевская Кіево-Печерская Лавра.** Съ натуры рис. Клерже, грав. Гошаръ.



Оріанда. Дворецъ Вел. Кн. Константина Николаевича, въ Крыму. Рис. съ натуры Ө. Веберъ, грав. Ш. Барбанъ.

ковъ въ свободное время, отъ нечего дѣлать и видя необыкновенную понятливость свояченицы, обучалъ ее чтенію, хотя Марьица и возставала на эту прихоть мужа: сама она, какъ и всѣ женщины того времени, была безграмотна.

Люба вышла дѣвочка смышленая, но какая то дикая: она рано привыкла уходить въ себя, бесѣдовать съ собою. Ея память удерживала все, всѣ разговоры, которые она слышала. Ея природная любознательность не проходила равнодушно мимо явленій, вокругъ нее совершавшихся.

Послѣ труднаго, часто обиднаго для нея дня, въ тихій вечерній часъ, когда ей наконецъ возможно было улечься на холодной и неряшливо устроенной постели, она долго не засыпала, все думала да передумывала, разбирала своимъ дѣтскимъ разумомъ то то, то другое.

Кашниковъ удивлялся ея понятливости, но онъ и вообразить себѣ не могъ, какъ много она уже знала, не смотря на свой возрастъ.

Она отлично понимала, что отецъ и мать ея невинно убиты и что ихъ убійцы остались безнаказанными. Она знала, что ихъ родовое имѣніе перешло въ собственность Кашникова и ея сестры, а она, Люба, ничего изъ него не видитъ и, конечно, у нея ничего нѣту, такъ какъ и сестра, и зять не разъ уже попрекали ее тѣмъ, что ее даромъ поятъ и кормятъ, не разъ уже толковали между собою о томъ, что нужно бы отъ нея избавиться, отдать ее въ чужіе люди.

„Какъ же это такъ? разсуждала сама съ собою сиротка, какъ же это? вѣдь Марьица сестра мнѣ, я была такая же какъ и она дочь у отца съ матерью, все, что у нихъ было—ея и мое, а у меня, выходитъ, ничего нѣтъ—что же это значитъ?“

Но не одни подобные вопросы занимали ее; многое, многое казалось ей непонятнымъ и страннымъ. Почему Кашниковъ все можетъ, сестрица Марьица можетъ гораздо меньше, а она, Люба,—ничего не можетъ? Почему когда пріѣзжаютъ къ хозяину гости, Марьица и всѣ женщины сейчасъ же убѣгаютъ и запираются въ своихъ покояхъ? Почему имъ зазорно попадаться на глаза мужчинѣ?

Чѣмъ больше вырастала и развивалась Люба, тѣмъ эти вопросы становились все навязчивѣе и навязчивѣе. Она даже попробовала было разспросить кое о чемъ Марьицу, но та какъ услышала, выкатила на нее глаза, долго не понимала, что это она такое спрашиваетъ, а когда поняла, то всего и отвѣтила, что назвала ее дурой.

У Кашникова же Люба ничего и не спрашивала. Она знала, что вмѣсто всякаго отвѣта получитъ колотушку. Зять ея былъ тяжелъ на руку и никому не давалъ спуску, особенно бабамъ. Марьица частенько ходила съ фонарями то подъ однимъ, то подъ другимъ глазомъ.

Къ Перхуловымъ Люба переселилась, не рѣшивъ ни одного изъ своихъ вопросовъ и только окончательно убѣдившись, что во всемъ Божьемъ мірѣ нѣтъ у нея близкаго человѣка, нѣтъ даже сродниковъ, потому что Кашниковъ да Марьица—что это за сродники, если ее, свою близкую и родную, какъ щенка негоднаго, изъ дома вышвырнули. Положимъ, прощаясь съ нею, Марьица плакала и причитала, повисла у нея на шеѣ и пыла: „на кого ты насъ покидаешь, золотая сестрица Любушка!“ Но вѣдь не далѣе какъ наканунѣ Люба своими ушами слышала, что Кашниковъ съ женою толковали и радовались своему избавленію отъ лишняго рта въ домѣ.

Любина жизнь у Перхуловыхъ конечно не могла весело настроить ея мысли: здѣсь ей было еще хуже, чѣмъ у сестры. Здѣсь она уже окончательно превратилась въ холопку. Здѣсь еще болѣе разныхъ новыхъ, мучительныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ приходило ей въ голову. То, что видѣла она въ маленькой зятниной усадьбѣ, то еще ярче било въ глаза въ большомъ богатомъ перхуловомъ домѣ. Замкнутость и уединенность женской жизни продолжала смущать Любу.

Сгарая желаніемъ узнавать все, что дѣлается на свѣтѣ, такъ или иначе рѣшать всякіе свои вопросы, Люба нерѣдко подсматривала и подслушивала на мужской половинѣ. Бывало у Перхулова соберутся гости, пойдетъ угощенье да бражничанье. Люба заберется въ темный уголокъ, гдѣ трудно отыскать ее и откуда она можетъ все слышать. И жадно, чутко она слушаетъ, очень многаго не понимаетъ, но все же слушаетъ. Часто говорятъ что то чудное; поминаютъ Москву, царя.

Тутъ передъ Любой является длинная вереница всевозможныхъ картинъ, представленій. Иногда изъ какой нибудь одной фразы для Любы нарисуется нѣчто большое и цѣльное, и фантастическое.

Не разъ прислушиваясь къ бесѣдамъ на мужской половинѣ, Люба кончила тѣмъ, что представила себѣ, совершенно по своему, но въ то же время опредѣленно и ясно, волшебную жизнь, которая идетъ тамъ, въ Москвѣ, въ царскихъ палатахъ. И она полюбила эту жизнь, и она о ней грезила.

Пробовала она иногда заговорить про свои грезы съ боярышнями Лизаветой и Домной, но тѣ не находили во всемъ этомъ ничего интереснаго.

Онѣ съ утра до вечера заботились только о томъ, какъ бы побольше поспать, плотнѣе поѣсть, получше разрядиться и расписать лицо свое.

Домна Ивановна была худа отъ природы, и мать нерѣдко говаривала ей, что, если она не поправится, не потолстѣетъ, такъ будущій мужъ любить ее не будетъ. Отъ такихъ словъ Домна Ивановна часто по цѣлымъ часамъ плакала и наконецъ рѣшилась потолстѣть во что бы то ни стало. Для этого конечно было одно только средство: побольше ѣсть и побольше спать. И семнадцатилѣтняя дѣвушка только и дѣлала что валялась на пуховой постели, да ѣла пироги и всякую всячину

Идеалъ женской красоты того времени заключался въ томъ, чтобы не походить на себя, чтобы не оставить въ лицѣ своемъ ничего природнаго и естественнаго. Въ пѣснѣ, въ старой русской пѣснѣ, пѣлось про красную дѣвицу, что у нея было

Бѣлое лицо какъ бы бѣлой снѣгъ,
Ягодицы (на щекахъ) какъ бы маковъ цвѣтъ,
Черныя брови какъ соболи,
Будто колесомъ брови проведены;
Ясныя очи какъ бы у сокола...
Она ростомъ-то высокая,
У ней кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго заяца,
А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки...
Ходитъ она словно лебедушка,
Глазомъ глянетъ, словно ясный день...

И вотъ каждая женщина желала быть такою, какова героиня пѣсни. Для этого на все лицо накладывали бѣлила, средину щеки красили въ яркую краску, брови колесомъ выводили сажею, а въ глаза, для пущаго блеска, впускали то же особенную краску. Красили въ черный цвѣтъ и зубы, для того чтобъ ярче выдѣлялась бѣлизна лица. И все это дѣлалось безъ малѣйшаго искусства, такъ что женщина выходила, послѣ своей косметической работы, совсѣмъ не живымъ существомъ, а какою то плохо размалеванной куклой; зато издали, въ полусвѣтѣ всякая дурнушка казалась красавицей: черты лица сливались, неправильности ихъ исчезали, оставалась только яркость сочетанія черной, бѣлой и красной красокъ, да фосфорическій, странный блескъ глазъ...

Дочери Перхулова, Лизавета Ивановна, да Домна Ивановна, обѣ почти сверстницы Любы, взяли ее къ себѣ и дѣлали большое различіе между ею и своими холопками: не давали ей черной работы.

Вся ея обязанность заключалась въ томъ, чтобы быть ихъ подружкою, убирать имъ головы, бѣлить ихъ да румянить, сурмить брови, пѣть вмѣстѣ пѣсни разныя, забавлять ихъ чѣмъ умѣетъ.

Конечно на долю Любы доставались иной разъ щипки и колотушки, на которыя она должна была отвѣчать только почтительнымъ молчаніемъ. Но вѣдь какъ же иначе и могло быть?—все же она не боярышня, а человѣкъ подначальный.

Первые годы и жила себѣ Люба—не жаловалась, исполняла все, что приказывали: разрисовывала своихъ молодыхъ госпожъ какъ только умѣла; пѣла пока въ горлѣ не пересыхало, на щипки и колотушки отмалчивалась, только иногда, въ темномъ своемъ уголку, позволяла себѣ поплакать. Но къ концу второго года что-то странное сотворилось съ Любой, будто бѣсъ засѣлъ въ нее—больно много стала она давать себѣ воли.

Перхуловскія боярышни почитай каждый день приходили на нее жаловаться матери: то не исполнитъ ихъ приказу, то грубо отвѣтитъ, на брань сама бранится, на щипки отщипывается. И не совладать съ ней боярышнямъ—въ два года переросла она ихъ чуть не головою. Высокая, статная, да крѣпкая; лицо—кровь съ молокомъ; брови черныя, глаза съ поволокою; ни бѣлилъ, ни румянъ, ни сурьмы не нужно. А сила въ полныхъ, бѣлыхъ рукахъ такая, что хоть съ мужчиной побороться.

Афимья Лукьяновна сначала мало обращала вниманія на дочернія жалобы, но наконецъ и сама убѣдилась, что Любашка ведетъ себя ни съ чѣмъ несообразно. Разъ, другой покричала на нее, ногой потопала выговорила ей какъ слѣдовало: „Что ты молъ такая сякая, носъ свой выше головы задираешь—помни, матушка, кто ты и кто мы! Ты сирота-нищая—не возьми мы тебя, осталась бы совсѣмъ безъ пристанища. Поимъ, молъ, кормимъ да и ѣшь-то ты за двоихъ—такъ ты все это должна помнить, и цѣнить, и всякое послушаніе своимъ госпожамъ оказывать.

Люба слушала молча, только глаза свои заплаканные длиннымъ рукавомъ утирала.

Афимья Лукьяновна подумала, что вразумила дѣвку и теперь она за умъ возьмется. Но не тутъ то было!

Не прошло и недѣли какъ новыя жалобы на Любу. Афимья Лукьяновна взяла свою хозяйскую плетку и собиралась изрядно постегать неразумную дѣвку. Да взглянула въ лицо Любы и отшатнулась—такъ страшна она ей показалась.

Люба не плакала, а стояла вся блѣдная, куда и румянецъ дѣвался, стояла съ дрожащими губами; глаза ея черные, что уголья горѣли. Вотъ, вотъ она сейчасъ кинется въ ноги Афимьѣ Лукьяновнѣ, начнетъ цѣловать ея руки, подолъ ея платья, умолять, чтобы та смилостивилась, не казнила. Только нѣтъ—Люба не кинулась въ ноги, а тихо выговорила: „Бить меня хочешь... не бей... не бей—хуже будетъ!“

И ничего она не прибавила, но и въ этихъ немногихъ словахъ ея Афимьѣ Лукьяновнѣ послышалось что-то такое страшное, такое особенное, въ чемъ она не могла себѣ дать даже отчета,—что она, ни слова не сказавъ Любѣ и нетронувъ ее пальцемъ, ушла и повѣсила плетку на гвоздикъ, на обычное мѣсто.

И съ этого самаго дня, почти полгода Люба была тише воды, ниже травы, все исполняла, что ей приказывали: опять убирала и рядила молодыхъ госпожъ своихъ, опять пѣла имъ пѣсни, на брань и щипки молчала—только ужъ никто въ домѣ не слыхалъ ея смѣха, не видалъ ея улыбки: каменная какая-то сдѣлалась, скучная, такъ что на другихъ тоску наводила.

Лизавета и Домна Ивановны окончательно ее возненавидѣли—она ихъ всячески потѣшать должна, а отъ нея и слова не добьешься, иной разъ просто какъ то жутко съ нею; стали онѣ отъ нея отстраняться, приблизили къ себѣ другихъ дѣвушекъ дворовыхъ, а на Любу навалили работы всякой: шитья и вязанья.

## III.

Единственная радость, оставшаяся Любѣ, было опять таки подслушиванье разговоровъ на мужской половинѣ, разговоровъ о томъ волшебномъ чудномъ мірѣ, который назывался Москвою и дворомъ царскимъ, и который она такъ давно полюбила.

Теперь ужъ многое, прежде непонятное для нея въ этихъ разговорахъ, становилось понятнымъ,—она уже не смущалась передъ многими словами—а разговоры въ послѣднее время дѣйствительно становились очень интересными.

Сначала весь домъ, даже женскую половину облетѣла новость, что скончался царь Алексѣй Михайловичъ. Затѣмъ стали много говорить о всякихъ новыхъ порядкахъ, объ уничтоженіи мѣстничества и старики качали головами, не ободряли новшествъ, находили, что все вверхъ дномъ начинаетъ перевертываться въ землѣ русской, что не къ добру это—видно скоро свѣта преставленіе, видно антихристъ нарождается.

Но въ особенности одинъ разговоръ необычайно поразилъ Любу и поднялъ въ ней цѣлую бурю новыхъ ощущеній. Говорилось про одну изъ царевенъ, про Софью Алексѣевну. Очень недружелюбно относились къ ней перхуловскіе гости. Толковали они о томъ, что покойный царь совсѣмъ распустилъ семью свою, дочерей—царевенъ видно не держалъ въ страхѣ Божіемъ, и вотъ теперь совсѣмъ худыя дѣла оказываются. Вишь царевна Софья, забывъ стыдъ дѣвичій, показывается передъ всѣми мужчинами, вступаетъ съ ними въ разговоры, однимъ словомъ ведетъ себя не какъ особа женскаго пола, а какъ мужчина.

И нельзя было никакъ сомнѣваться въ этихъ извѣстіяхъ, такъ какъ передавалъ ихъ думный дьякъ, пріѣхавшій изъ Москвы и постоянно во дворецъ вхожій. Не мало представилъ онъ примѣровъ стыдныхъ поступковъ царевны Софьи. Съ нимъ самимъ она не разъ вступала въ бесѣду и толковала о разныхъ предметахъ, даже о дѣлахъ государственныхъ,

— Великаго ума царевна! закончилъ дьякъ,—объ этомъ и толковать нечего, только зачѣмъ ей умъ?—не женское это дѣло. Женскій умъ въ скромности, да въ послушаніи...

Люба изъ своего темнаго уголка напрягала весь слухъ, чтобы не проронить ни одного слова.

Вся она дрожала, грудь высоко поднималась, на щекахъ загорался горячій румянецъ.

Всю эту ночь прометалась она на своей постели: все ей грезилась чудная царевна, осмѣлившаяся выйти изъ женскаго терема, осмѣлившаяся толковать съ боярами и думными дьяками. И всѣмъ своимъ молодымъ горячимъ сердцемъ полюбила заочно эту царевну Люба. Она почуяла въ ней родство съ собою, она поняла, что не одна она на свѣтѣ такая чудная, такой выродокъ, какъ ее называли; что тамъ, въ волшебномъ мірѣ, живетъ родная ей душа, которую тоже называютъ выродкомъ.

Ее, бѣдную Любу часто попрекаютъ и бранятъ безстыдницей; вотъ недалѣе какъ вчера надсмотрщица за работою ворчала на нее: „Глаза твои безстыжіе, говорила она,—и гдѣ ты такая уродилася. Тебѣ рыскать простоволосой къ мужикамъ да калякать съ ними все равно что воды выпить, тьфу ты окаянная!“

И сказала злая баба при этомъ такое слово, которое и въ мысляхъ то повторить совѣстно.

Нѣсколько дней словно лихорадка била Любу и все росла и росла въ ней любовь къ далекой царевнѣ.

„Царь-дѣвица! Царь-дѣвица!“ шептала она, вспоминая чудную сказку, когда то давно слышанную ею отъ покойной няньки. И рвалось ея сердце къ той Царь-дѣвицѣ, рвалось неудержимо.

А въ то же время дѣйствительная ея жизнь становилась все хуже и хуже. Попала она въ руки злой бабы надсмотрщицы, что за шитьемъ и вязаньемъ въ Перхуловскомъ домѣ глядѣла. Злая баба поѣдомъ ѣсть ее стала. Утромъ задастъ урокъ, съ которымъ никакъ нельзя справиться, къ вечеру придетъ, видитъ, что не все готово—и начнется брань, попреки. И такой гадкій языкъ у бабы—какъ змѣиное жало. Иное обидное слово до самой души прохватываетъ, а пожаловаться на надсмотрщицу нечего и думать. Она у Афимьи Лукьяновны въ большой милости—слуга старая, вѣрная, а на Любу и хозяйка и дочери хозяйскія косятся, такъ кто же ея обиду разсудитъ?

И терпѣла Люба, работала день деньской, не разгибаясь. А надсмотрщица все недовольна.

— Что же это, наконецъ, такое? не вытерпѣвъ, какъ то сказала Люба, послѣ брани злой бабы,—я ли, кажется, не работаю, такъ не грѣхъ бы тебѣ, Ненила Сидоровна, разокъ добрымъ словомъ обмолвиться.

— Да, стоишь ты добраго слова!.. Колотушки ты стоишь—вотъ что! заворчала старуха.

Кровь бросилась въ голову Любѣ. Сама себя не помня, поднялась она во весь ростъ передъ старухой. Глаза ея сверкнули.

— Ну нѣтъ, холопка, не тебѣ бить меня!

— Ахъ, свѣты мои батюшки! въ свою очередь багровѣя и трясясь отъ злости, накинулась на нее надсмотрщица.—Это я тебѣ холопка? это я-то бить не смѣю? а вотъ увидишь!

И Люба не успѣла отшатнуться, какъ получила сильный ударъ прямо въ щеку.

Не говоря ни слова, кинулась она на старуху и, какъ щепку какую-нибудь, отшвырнула ее отъ себя въ противоположный уголъ комнаты.

Злая баба взвизгнула, бросилась вонъ, прямо къ Афимьѣ Лукьяновнѣ и дорогой рвала себѣ волосы и царапала лицо, чтобъ появиться въ болѣе жалостномъ видѣ. Упала она госпожѣ въ ноги: „такъ и такъ“, разсказала все доподлинно о продерзостяхъ Любашки и требовала себѣ защиты.

Афимья Лукьяновна приказала немедленно призвать къ себѣ Любу; но та не явилась.

Тогда она сама къ ней отправилась.

Люба стояла, какъ бѣсомъ одержимая, съ полѣномъ въ рукахъ, очевидно никого и ничего передъ собой не видѣла и дикимъ голосомъ кричала:

— Никто не подступайся, не то убью!

Афимья Лукьяновна побѣжала прямо къ мужу.

Тотъ, узнавши въ чемъ дѣло, взялъ съ собою двухъ ражихъ людей; Любу, не смотря на ея безумное сопротивленіе, схватили и отстегали такъ, что она дня два не могла подняться съ постели.

Послѣ этого прошла недѣля—и вдругъ въ перхуловскомъ домѣ объявилось, что Люба исчезла.

Всѣ поднялись на ноги, стали искать ее, но нигдѣ не находили. Порѣшили было, что случилась такая бѣда: дѣвка видно съ дури, да съ сердцовъ утопилась въ проруби.

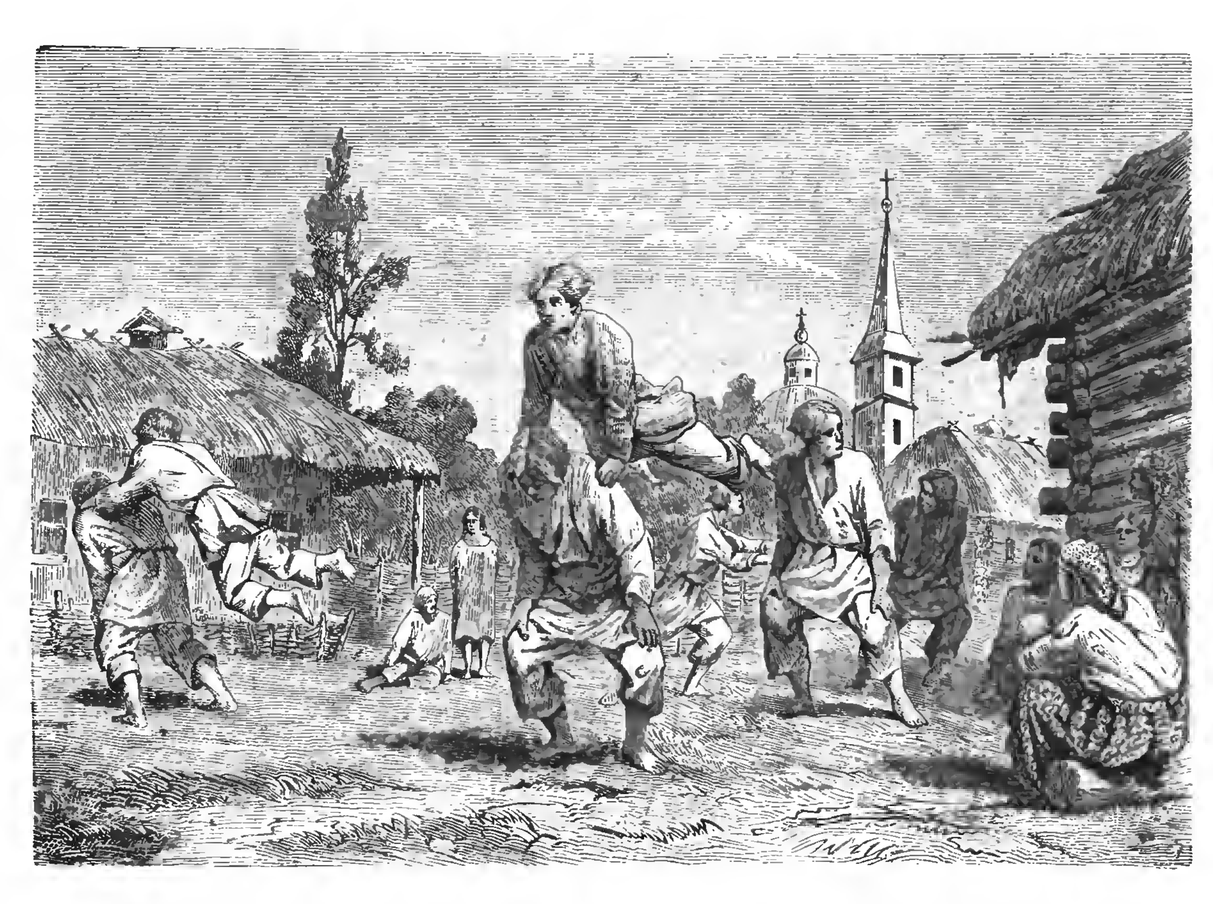
Одно только казалось страннымъ: все Любино бѣлье, платье было на лицо. Считали и пересчитывали—какъ есть все цѣло! И выходило такъ, что Люба скрылась изъ дому не только безъ шубки, но и безъ самой необходимой одежи. Можетъ надѣла чужое... всѣхъ переспросили, все переглядѣли: все какъ есть цѣло—ничего не оказалось въ пропажѣ.

Чудное дѣло, выбѣжала дѣвка въ зимнюю, морозную ночь топиться, выбѣжала въ чемъ мать родила на свѣтъ Божій, и никто не видалъ, какъ она бѣжала!.. Нѣтъ, тутъ что-то не ладно! Ужь не самъ ли дьяволъ ее сцапалъ?

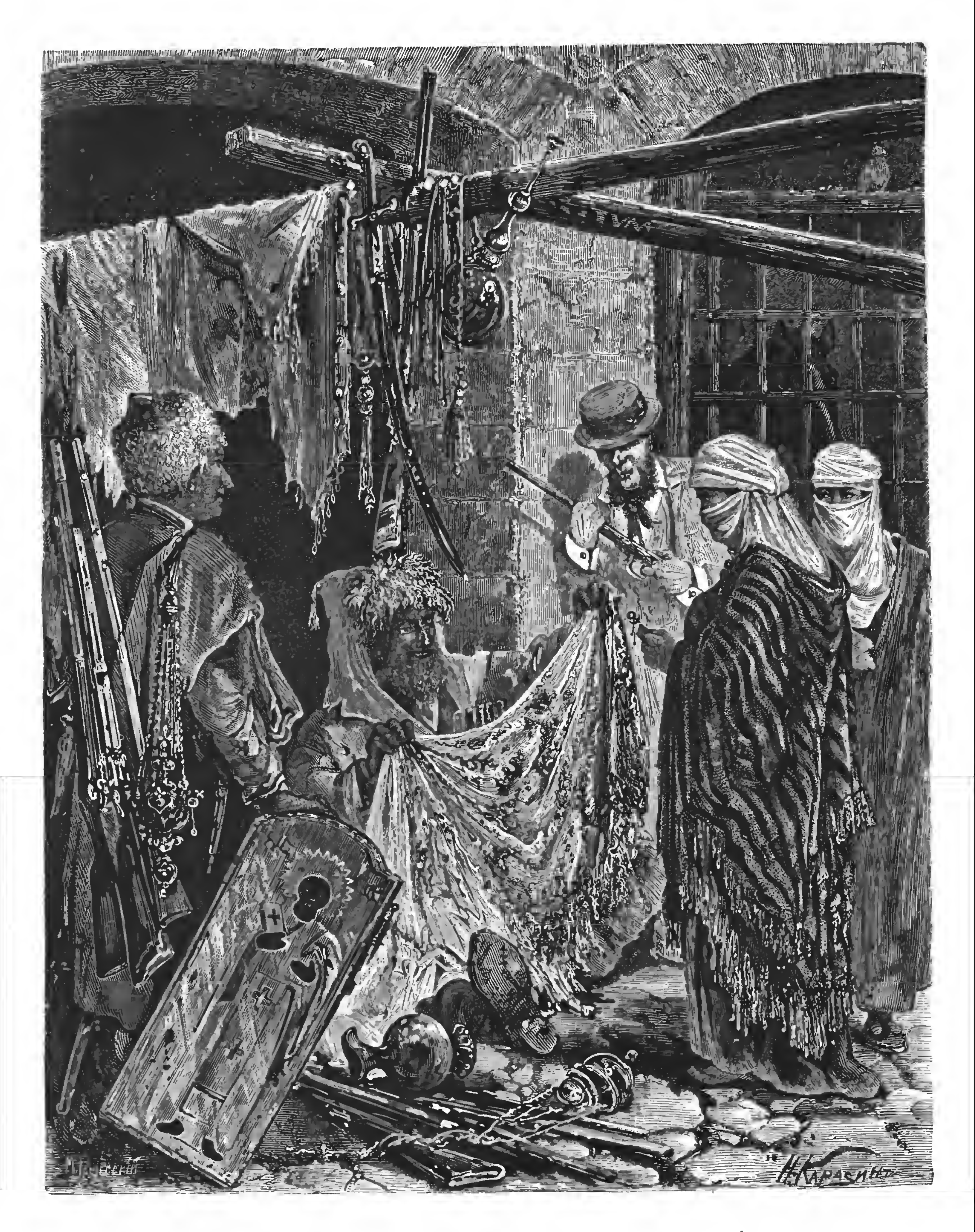
Это предположеніе оказалось самымъ подходящимъ, и на немъ остановились...

Вс. Соловьева.

(Продолженіе будетъ).



**Крестьянскія забавы въ деревнѣ (чехарда).** Рис. А. Кившенко, грав. Рашевскій.



**Между войною и миромъ. I. Награбленное добро—торговля дозволенная и безпошлинная.**

Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

# Къ рисункамъ.

## Оріанда.

Оріанда, имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, находится на южномъ берегу Крыма. Имѣя въ виду помѣстить въ слѣдующихъ номерахъ „Нивы“ еще нѣсколько крымскихъ видовъ, сдѣлаемъ предварительныя замѣтки объ историческомъ значеніи Крыма.

Остатки развалинъ свидѣтельствуютъ, что Крымъ, особенно южный берегъ, былъ когда-то сильно укрѣпленнымъ. Такъ, напримѣръ, замокъ Алустонъ, сохранился болѣе другихъ развалинъ древняго Крыма. Три высокія башни, будто расколотыя молніей, уцѣлѣли своими наружными половинами почти до самой вершины. Цѣлы и остатки стѣны. Татары заполонили всю площадку холма, господствующаго надъ двумя рѣчками, и тѣсная кучка ихъ саклей жмется теперь между обглоданныхъ остововъ башенъ и стѣны. Многія сакли сложены только наполовину изъ камней развалинъ, остальное прямо замѣняется старою стѣною. Только этимъ удобствомъ постройки можно объяснить себѣ, почему татары взобрались вдругъ въ Алуштѣ на высокій холмъ, когда ихъ всегдашній вкусъ влечетъ въ долины и балки. У подножія Демерджи до сихъ поръ видны остатки довольно обширной крѣпости, называемой татарами Исарчикъ. Многіе камни—слѣды давнихъ жилищъ. Существуетъ преданіе, что подъ гору Кастель можно пройти сквозь заваленныя желѣзныя ворота и говорятъ, будто когда-то, еще во время управленія А. С. Воронцова, бывшаго кавказскаго намѣстника и начальника новороссійскаго края, дѣйствительно были найдены желѣзныя ворота. Преданіе говоритъ, что и на вершинѣ Демерджи во времена генуэзцевъ стоялъ замокъ. Несомнѣннѣе еще, что сплошная стѣна съ укрѣпленіями шла по восточной цѣпи Яйлы и переходила на Чатырдагъ. Проѣзжая буковые лѣса на юго-западныхъ скатахъ Чатырдага, видны вполнѣ уцѣлѣвшіе обрывки стѣны. Татары въ Корбеклы называютъ эту стѣну Тамъ-Хабахъ, что значитъ каменная стѣна и постройку ея относятъ Темиръ-Аксаку. Преданіе вообще приписываетъ Темиръ-Аксаку устройство всей оборонительной линіи. Темиръ-Аксакомъ въ русскихъ лѣтописяхъ называется знаменитый Тамерланъ и въ этомъ случаѣ года построенія стѣны, какъ указываютъ византійскіе историки, не сходятся съ временемъ. Историческія розысканія приписываютъ постройку крѣпости и стѣнъ южнаго берега Крыма императорамъ Анастасію и Юстиніану. Этою стѣною преграждался путь степовикамъ въ Алуштинское ущелье. Но кажется, что подобныя постройки въ Крыму были еще до Юстиніана и даже до Р. Х. Видъ развалинъ заставляетъ думать, что онѣ принадлежатъ народу менѣе образованному и избалованному, чѣмъ византійцы VI вѣка. Иногда развалины носятъ совершенно циклопическій характеръ, и можно думать, что постройки скорѣе относятся таврамъ (отъ имени которыхъ Крымъ и получилъ свое названіе Тавриды) или киммерійцамъ, первобытнымъ обитателямъ Крыма; точно также въ нихъ участвовали вѣроятно и Готы, жившіе съ IV стол. на южномъ берегу и спасавшіеся отъ натиска Гунновъ и ихъ преемниковъ. Южный берегъ въ теченіи многихъ вѣковъ носилъ названіе Готіи и, конечно, въ такой долгій періодъ жизни не могъ же народъ не оставить по себѣ никакихъ памятниковъ. Что касается множества христіанскихъ церквей, то онѣ столько же могли принадлежать готамъ, какъ и византійцамъ. Вообще, не имѣя положительныхъ данныхъ, трудно сказать утвердительно, кому именно принадлежали оставшіяся теперь въ развалинахъ постройки. Можно допустить объясненіе, что однѣ и тѣ же развалины могутъ служить памятникомъ многихъ народовъ. Были постройки и тавровъ, и грековъ, и византійцевъ, и генуэзцевъ, и турокъ, всѣ эти постройки должны были явиться на одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ какъ на такіе пункты было указано самой природой. Разумѣется, что при этомъ каждый вносилъ свои работы въ работы первыхъ строителей. Вслѣдствіе этого не покажется страннымъ то, что на вершинѣ горы Кастели съ очевидными остатками зданій образованнаго народа попадаются развалины совершенно грубой работы. И греки, и тавры, конечно, одинаково понимали важность укрѣпленія въ данномъ неприступномъ пунктѣ. Въ теченіи 400 лѣтъ турки, само собою разумѣется, также не могли не оставить какихъ либо слѣдовъ. Такъ говоритъ объ этомъ путешественникъ Е. Марковъ (Крымскія впечатлѣнія) и нельзя съ такимъ мнѣніемъ не согласиться.

Оріанда, видъ которой приложенъ къ этому № Нивы, по генуэзскимъ источникамъ такъ и носила названіе „Casale Orianda“, но татарами названіе это передѣлано въ Урьянда или Урганда. Скалы Оріанды также покрыты были остатками развалинъ циклопическихъ строеній. При татарахъ на лугахъ Оріанды бродили пастухи съ своими стадами, и все это мѣсто представляло печальное запустѣніе. По окончательномъ присоединеніи Крыма къ русскимъ владѣніямъ въ царствованіе Екатерины, въ 1783 г. мѣстность Оріанду пріобрѣлъ въ свою собственность Ревильоти и началъ разводить тутъ виноградники. Затѣмъ Ревильоти продалъ имѣніе графу Кушелеву Безбородко, у котораго въ 1825 году купилъ его Императоръ Александръ I, а послѣ кончины Императора Александра Оріанда перешла въ собственность Императора Николая.

Въ 1827 г. Государь подарилъ Оріанду своей супругѣ, Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; теперь же Оріанда составляетъ собственность Великаго Князя Константина Николаевича.

Не много въ Крыму такихъ мѣстъ, какъ Оріанда. Природа одѣлила ее и живописными утесами и чудной зеленью лѣсовъ; богатыми лугами и чистыми источниками. Въ довершеніе очарованія природой, искусство человѣка еще обогатило Оріанду роскошью, разнообразило ея убранство. Въ великолѣпномъ паркѣ Оріанды растутъ самыя рѣдкія деревья, достигая необыкновеннаго роста; чудесные цвѣты наполняютъ воздухъ своимъ ароматомъ, чистые ручьи протекаютъ среди мощныхъ скалъ, каменныхъ обрывковъ и зелени кустовъ и дивныхъ цвѣтниковъ. Тутъ цѣлая оливковая роща; тутъ исполины фиговыя деревья раскинулись изъ-за скалы, и листья ихъ рисуются причудливыми узорами. Высокимъ отвѣснымъ утесомъ выдвинулась гора Мегаби, съ вершиной поросшею лѣсомъ, надъ которымъ возвышается и сверкаетъ въ лучахъ солнца золотой крестъ. Видъ съ этой горы восхитительный—открывается панорама всего южнаго берега Крыма. Противоположный утесъ, увѣнчанный ротондой, даетъ новый видъ, едва-ли еще не лучшій. Среди многовѣковаго лѣса парка алмазной пеленою падаетъ каскадъ, легкія газели скрываются въ чащѣ деревъ, а каменныя скамейки манятъ на отдыхъ среди очаровательной природы.

Дворецъ Князя построенъ по плану архитектора Штакеншнейдера, въ планъ котораго вошли нѣкоторыя детали изъ плана, первоначально составленнаго для оріандскаго дворца берлинскимъ архитекторомъ Шинкелемъ. По плану Шинкеля постройка дворца должна была обойтись въ милліонъ рублей; но императоръ Николай призналъ это дорогимъ и излишнимъ и поручилъ составить другой планъ, въ меньшемъ размѣрѣ профессору Штакеншнейдеру. Во дворцѣ между прочимъ замѣчателенъ внутренній дворикъ и павильонъ, сдѣланный въ помпейскомъ вкусѣ съ превосходными колоннами изъ темнаго крымскаго мрамора; обращаютъ вниманіе каріатиды, поддерживающія балконъ, выходящій къ морю и чудесная мраморная лѣтница. Въ 1825 году при посѣщеніи Крыма Императоромъ Александромъ, Высочайшій путешественникъ отдыхалъ въ Оріандѣ въ маленькой хижинѣ—теперь на мѣстѣ этомъ построенъ домикъ въ память незабвеннаго Государя.

Въ Крыму двѣ Оріанды, и другая принадлежитъ В. Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ. Эта Оріанда также живописна, но менѣе обработана искусствомъ и зданія, построенныя въ этой мѣстности у подножія горы Мегаби, приходятъ въ ветхость.

Л.

## Чехарда

(Картинка деревенской жизни).

День праздничный. Время—къ вечеру. Солнце косыми полосами золотитъ соломенныя крыши избъ, играетъ на классической деревенской бѣлой колокольнѣ съ зеленой крышей. Послѣ жары потянуло холодкомъ. Чирикаютъ воробьи, усаживаясь на ночлегъ, угомонилась въ своемъ жужжаньи муха и въ тѣни затрубилъ комаръ. Надоѣло крестьянскимъ ребятамъ играть у плетня въ бабки, поругались они изъ-за какого-то спорнаго „гнѣзда“ и принялись за чехарду. Гиканье поднялось страшное, засверкали голыя пятки скачущихъ. На улицу изъ-за плетней начали выходить дѣвки, бабы и размѣстились около избъ на бревнахъ. Вышла старуха съ ребенкомъ и отъ нечего дѣлать сочла за нужное поругаться.

— Нѣтъ на васъ угомону, ребята. Не намучались еще день-то деньской! бормотала она.—Эхъ, мужики-то наши къ кабаку пришли, а то бы вырѣзать хорошую орясину да и стягать васъ оглашенныхъ, почему ни попадя! Ну, про другихъ я не говорю. А чего ты-то Веденей-ка?.. Словно махонькій! Вѣдь тебя послѣ покрова женить будутъ! обратилась она къ рослому, здоровому парню.

— Пусти, тетка Акулина! Ожгу! крикнулъ Веденейка и, ударившись руками въ плечи стоявшаго согнувшись парнишки, перелетѣлъ ему черезъ голову.

— Тише ты, окаянный! Тише! Ребенка зашибешь! отшатнулась старуха.

— А ты не вертись! Знай свое бабье мѣсто!

Веденейка, перепрыгнувъ, сталъ въ позу, ожидая въ свою очередь, прыжка черезъ себя. Старуха, жужжа надъ ухомъ заплакавшаго ребенка, усѣлась на бревнѣ.

— И вся то ихъ семейка такова,—разсказывала она пришлой бабѣ-работницѣ, стоящей около нея и кивая на Веденейку.—Всѣ непутевые. Вонъ рубашенка-то на немъ дыра на дырѣ, а вѣдь двѣ невѣстки въ домѣ.

— На тебѣ тоже хороши шелка одѣты! огрызнулся Веденейка, отирая рукавомъ потное, раскраснѣвшееся лицо, но старуха не обратила на него вниманія и продолжала:

— И вѣдь диво-бы—не учили ихъ мужья, а то каждый день

драка. Всѣ косы повыдерганы, синякъ на синякѣ красуется. Матка свона—кликуша, отецъ безъ вѣсти пропалъ, дядя слабоумный какой-то: возьметъ тыкву, вылущитъ у ней середину, насыплетъ туда черепковъ, да и зароетъ въ землю, будто кладъ. Вонъ онъ супротивъ насъ сидитъ. А это рядомъ-то съ нимъ сестра Веденейкина. Дѣвочка не маленькая, двѣнадцатый годъ съ Аграфены Купальницы пошелъ, а и стыда на нее нѣтъ: въ одной рубашенкѣ щеголяетъ, нѣтъ, чтобы сарафанъ одѣть.

Работница приложила лѣвую руку къ своей скулѣ, подперла ее подъ локоть правой и, покачавъ головой, сказала:

— И ахъ, матушка! Скажи на милость! Вотъ народецъ-то!

— Это еще что, не унималась старуха:—а старшій братъ евоный, такъ цѣлый годъ оборотнемъ въ волкахъ выжилъ.

— И что ты! обратилась вся въ слухъ работница.

— Съ мѣста не сойти! хоть сейчасъ бы перекреститься, да руки ребенкомъ заняты. Сначала по чужимъ деревнямъ пошаливать началъ: гдѣ хомутъ, гдѣ что... Ну, сродственники ругать начали, наши мужики пристрастили, а онъ на самый Егорьевъ день и пропалъ, да годъ въ волкахъ и выжилъ.

— Тсъ! Съ чего бы это, дѣвонька? Испортили его, что ли?

— Мать прокляла. Не въ часъ анафемой обозвала: будь, говоритъ, ты, анафема, проклятъ! отвѣчала старуха тономъ, разбивающимъ сомнѣнія.—Ну, онъ и сталъ анафемой подъ скрытіемъ жить.

— Не приведи Богъ! качала головой работница. Въ нашемъ мѣстѣ на мельницѣ тоже одна анафема жила. Какъ бывало на большой праздникъ въ церкви къ заутренѣ въ колоколъ, она и начнетъ стонать. И такое, дѣвонька, по всей мельницѣ мычаніе пойдетъ, что страсти подобно. Двое нашихъ мужиковъ видѣли ее: зеленая, говорятъ, такая и вся въ шерсти. Сказывали, что дѣвушка будто и что ее солдатъ испортилъ и въ анафемы вогналъ.

Сидѣвшая около самой избы круглолицая дѣвушка въ цвѣтныхъ бусахъ на шеѣ и съ лоскуткомъ розоваго ситцу вмѣсто ленты въ косѣ, придвинулась къ разговаривающимъ и раскрыла ротъ отъ удивленія.

— Дѣвушка? переспросила она.—А ты сама-то откуда?

— Мы недальніе будемъ, сейчасъ вотъ тутъ за Кривымъ Колѣномъ, отвѣчала работница.—Романа торговца знаешь? Такъ вотъ отъ нихъ шестнадцать верстъ. Такъ какъ же, дѣвонька, мужикъ-то этотъ самый у васъ послѣ нашелся, что въ волкахъ-то жилъ? задала она вопросъ старухѣ.

— А такъ и нашелся. Года свои выжилъ, что ему слѣдоваетъ и пришелъ. Худой такой, испитой, въ лицѣ ни кровинки и сейчасъ на ѣду набросился. Спрашиваютъ его: гдѣ ты былъ?—Въ волкахъ, говоритъ, подъ скрытіемъ состоялъ. Ну, и насчетъ ѣды тоже... „Было, говоритъ, насъ три мужика и отпущали намъ три самые“...

Старуха запнулась.

— Ну, сама знаешь, кто отпущалъ. При ребенкѣ-то не хорошо говорить. Неумытые то есть, пояснила она.—И отпускали они намъ на мѣсяцъ по четверику еловыхъ шишекъ, говоритъ, да лебеду. Тѣмъ и жили. Развѣ, говоритъ, лѣтомъ грибовъ-сыроѣшекъ въ лѣсу погложешь да ягодъ—вотъ и все.

— Ты это, бабушка, про кого? Про Митрія? обратилась дѣвушка къ старухѣ.

— Ну, да, знамо дѣло про Митрія. Кто же у насъ окромя его въ волкахъ жилъ?

— Да и онъ не жилъ. Все то онъ вралъ, махнула рукой дѣвушка.—Потомъ дядя Митрофанъ былъ въ городѣ, такъ узналъ про него, что онъ въ острогѣ за кражу сидѣлъ, а не въ волкахъ.

— Въ острогѣ! Эка ты какая сумнительная! стояла на своемъ старуха.—А отчего же онъ тогда только нашелся, когда сродственники молебны по немъ начали служить, да кресты по дорогѣ бросать? Ну-ко, скажи.

Дѣвушка поднялась съ земли и стала отряхивать сарафанъ.

— Мнѣ что! мнѣ какое дѣло! Пожалуй хоть и въ волкахъ... А только дядя Митрофанъ прямо сказывалъ, что въ острогѣ... пробормотала она и отошла прочь.

Чехарда кончилась. Уставшіе и раскраснѣвшіеся ребятишки побѣжали въ избы пить квасъ. Поровнявшійся со старухой Веденейка сдернулъ у ней съ головы платокъ.

— У, вѣдьма! крикнулъ онъ ей, выставилъ языкъ и показалъ кулакъ.

— Угомону на тебя нѣтъ... Ишь какой балованный парень! ворчала старуха, злобно смотря вслѣдъ уходящему.

**Н. Лейкинъ.**

## Искусственная выводка цыплятъ.

Издавна существуетъ поговорка: „Человѣкъ есть самое прожорливое изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ“. Какъ ни кажется парадоксальнымъ и обиднымъ для человѣческаго достоинства подобное изреченіе, но въ своей основѣ оно вѣрно,—и вѣрность его можетъ доказать „искусственная выводка цыплятъ“, составляющая предметъ нашей настоящей статьи. Нужно, въ самомъ дѣлѣ имѣть уже слишкомъ утонченные кровожадные инстинкты, чтобы придумать искусственно высиживать молодыхъ пташекъ, эгоистически лишать ихъ материнской любви, откормить этихъ пташекъ и затѣмъ съѣсть ихъ!.. Жестоко!..

Искусственная выводка цыплятъ—изобрѣтеніе громадно-древнее. Его знали издавна китайцы. Оно было извѣстно египтянамъ въ эпоху постройки пирамидъ. И притомъ въ землѣ Птоломеевъ и Фараоновъ искусственная выводка цыплятъ издавна практиковалась въ большихъ размѣрахъ. Причина этому лежала, конечно, не въ намѣреніи облегчить хлопотливое и скучное занятіе часто измученной курицы-насѣдки, а просто въ жадности египтянъ, въ ихъ обжорствѣ, въ желаніи имѣть сколько возможно больше куръ. Бѣдныя куриныя насѣдки, какъ онѣ ни тщательно сидятъ на яицахъ могутъ вести это дѣло только въ маломъ масштабѣ, да и не всегда при этомъ соблюдаютъ необходимую любовь къ порядку. Вотъ вслѣдствіе какихъ причинъ человѣкъ, съ ранняго времени захватилъ выводку куръ въ свои руки. Но при всемъ искусствѣ человѣка, при всей его доброй волѣ, онъ не могъ дойти до такого совершенства, чтобы вывесть цыпленка изъ яйца быстрѣе, чѣмъ онъ высиживается при содѣйствіи материнской теплоты...

Въ Египтѣ дома для искусственной выводки цыплятъ устроивались, да и теперь устроиваются весьма просто, и матеріаломъ для ихъ постройки служатъ куски непережженой глины. Зданія состояли изъ двухъ параллельныхъ рядовъ маленькихъ комнатъ, съ устроенною вверху каждой комнаты печью. Каждая комната составляетъ приблизительно 3,5 метра въ квадратѣ и 2,5 метра вышины и посреднинѣ раздѣлялась узкимъ некрытымъ ходомъ, такъ чтобъ блюститель или стражъ зданія могъ, проходя этимъ ходомъ, наблюдать процессъ выводки. Яйца для процесса высиживанія выбирались послѣ предварительнаго тщательнаго ихъ изслѣдованія и располагались правильными рядами на землѣ на подстилкѣ изъ соломенныхъ рогожъ или на слоѣ сѣчки. Печи натапливались извѣстнымъ египетскимъ матеріаломъ для отопленія навозомъ; чаще всего изъ верблюжьяго помета. Жители Египта, какъ страны бѣдной топливомъ, еще и въ настояще время отапливаютъ свои постройки соломою и высушенымъ верблюжьимъ пометомъ. Изъ получающейся при этомъ сажи въ прежнее время добывалась вся масса идущаго въ торговлю нашатыря. По натопленіи температура въ комнатахъ для выводки поддерживалась отъ 38 до 40 град. (переводя, на основаніи сравненій, измѣренія тепла на наши современныя единицы). Яйца оставались въ комнатахъ ровно 21 день, слѣдовательно ровно столько же времени, сколько продолжается нормальное высиживанье цыпленка курицею. *Двѣ трети* изъ положеныхъ яицъ давали дѣйствительные высѣдки.

Говоря это, мы, во всякомъ случаѣ, имѣемъ въ виду прошедшее, предположивъ даже что не особенно давнее. Но въ новѣйшее время, какъ извѣстно, почти всѣ механическіе двигатели, такъ и отопленіе замѣнены паромъ. Весьма естественно поэтому, что въ наше время явилось много патентованныхъ *паровыхъ* аппаратовъ для выводки цыплятъ,—аппаратовъ, принадлежавшихъ къ системамъ весьма разнообразнымъ. Однакоже и эти аппараты не могутъ работать съ скоростью меньшею естественной, т. е. и здѣсь требуются для высидки тѣ-же три недѣли, какъ и при натуральной высидкѣ. Конечно, новѣйшіе аппараты достигаютъ своей цѣли гораздо регулярнѣе, чѣмъ примитивныя египетскія учрежденія этого рода. Но и при дѣйствіи новѣйшихъ паровыхъ аппаратовъ, нужно строго соблюдать принципъ поставленный самою природою. Теплота должна исходить на высиживаемыя яйца, конечно, сверху, но только *не непрерывно*, а съ извѣстными паузами и разстановками, потому что, какъ извѣстно, и насѣдка на время оставляетъ яица, чтобы нѣсколько охладить ихъ.

Обращая вниманіе нашихъ читателей на прилагаемые къ статьѣ рисунки, мы присоединяемъ къ этому описаніе одного американскаго заведенія для искусственной выводки и выкармливанія цыплятъ,—заведенія имѣющаго по истинѣ грандіозные размѣры. Оно находится у Гудзонова моря, близъ города Джерсай и уже нѣсколько лѣтъ дѣла обширнаго завода идутъ съ большимъ успѣхомъ. Но прежде описанія этого замѣчательнаго учрежденія, конечно, будетъ для нашихъ читателей не безъинтересно предварительное знакомство съ процессомъ развитія цыпленка въ яйцѣ.

*Фиг. 1-я* (см. рисунокъ) представляетъ, въ размѣрѣ, оплодотворенное яйцо, и способное къ высидкѣ. Буквою *a* означенъ плавающій въ желткѣ яйца зародышевой пузырекъ, содержащій въ себѣ зародышевую или эмбріональную клѣточку. Буквою *b* означены два шнурообразные утолщенные отростка желтковой оболочки. Посредствомъ этихъ отростковъ желтокъ прикрѣпляется къ перепонкѣ *d*, находящейся подъ скорлупою, такъ что зародышъ защищенъ такимъ образомъ отъ всякихъ поврежденій. Буква *c* означаетъ наполненную воздухомъ камеру, находящуюся между скорлупою и перепонкою.

*Фиг. 2-я* представляетъ яйцо послѣ *трехъ-часового* высиживанія, послѣ чего зародышъ представляется уже весьма увеличеннымъ и съ образовавшимися главными кровяными сосудами.

*Фиг. 3-я* представляетъ яйцо на третій день высиживанія; при этомъ все содержаніе яйца наполнено пульсирующимъ (имѣющимъ кровообращеніе) и дышущимъ существомъ; у этого существа есть уже сердце и циркулируетъ кровь.

*Фиг. 4-я* представляетъ видъ яйца, принесеннаго на *шестой*

день послѣ высидки, въ испытательный аппаратъ, гдѣ яйцо подвергается дѣйствію проходящаго сквозь аппаратъ свѣта.

*Фиг. 5-я* показываетъ внутренній видъ яйца тоже на *6* день высидки, причемъ уже можно различить голову и глаза цыпленка.

*Фиг. 6-я* представляетъ наружный видъ яйца, помѣщеннаго въ испытательный аппаратъ на *шестнадцатый* день процесса высидки.

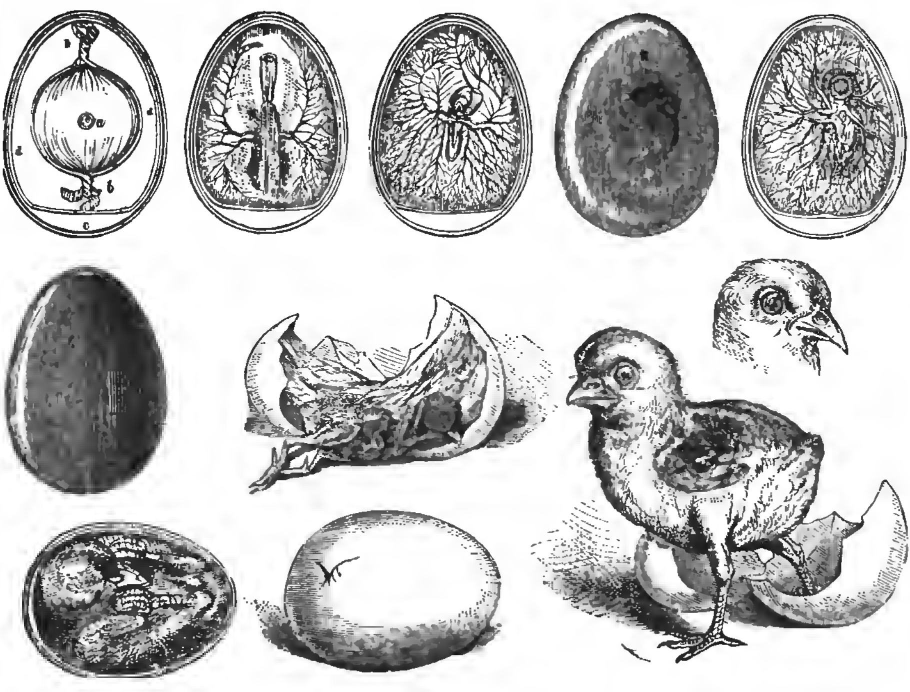
*Фиг. 7-я* представляетъ уже совершенно развитаго и покрытаго первыми зародышами перьевъ цыпленка.

*Фиг. 8-я* изображаетъ цыпленка въ томъ положеніи, когда онъ приготовляется пробить скорлупу яйца, чтобы вылупиться.

*Фиг. 9-я* изображаетъ разстрескивающееся яйцо, отъ усилій цыпленка вылупиться, и, наконецъ, на.

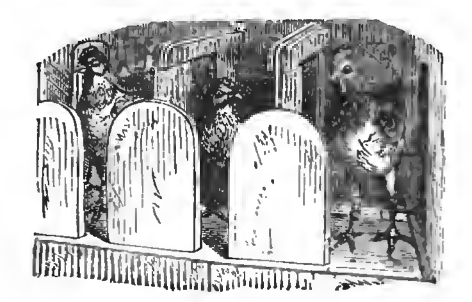
*Фиг. 10-ой* изображенъ цыпленокъ, выползшій на свѣтъ съ гордымъ сознаніемъ своей свободы и презрительно оставляющій за собою скорлупу.

Теперь, чтобы уяснить себѣ то обстоятельство, какимъ образомъ цыпленокъ бываетъ въ состояніи пробить относительно твердый покровъ скорлупы, окружающій его молодое тѣло, читатель приглашается обратить вниманіе на *фиг. 11-ю,* гдѣ отчетливо нарисована особенная форма клюва цыпленка. Послѣ 24 часовъ, въ ящикѣ, служащемъ для высидки цыплятъ, уже развивается способность цыпленка къ жизни, а послѣ 48 часовъ уже ясно замѣчаются движенія сердца зародыша. Во время процесса высидки, вся жидкость внутри яйца всасывается и расходуется на питаніе цыпленка. Воздухоносныя клѣточки, или пузырьки, по мѣрѣ увеличенія времени высидки становятся все больше и больше, однако же самый зародышъ еще представляется относительно малымъ, потому что всѣ части его тѣла, вслѣдствіе тѣсноты пространства внутри яйца, притиснуты другъ къ другу. На 15-й день почти всѣ наружные кровеносные сосуды зародыша исчезаютъ, и затѣмъ показываются первые зачатки перьевъ. И вотъ приблизительно въ этой-то стадіи развитія яйца, китаецъ считаетъ его ро-

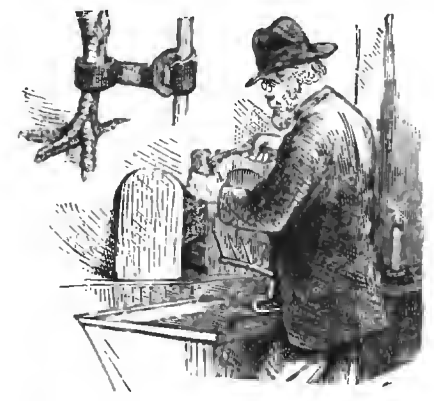


1) Яйцо, способное къ высидкѣ или оплодотворенію 2) Тоже яйцо по истеченіи 3-хъ часовъ дѣйствія на него оплодотворяющей теплоты. 3) Тоже яйцо на 3-й день дѣйствія оплодотворенія теплоты. 4) Видъ яйца, разсматриваемаго въ камерѣ-обскурѣ на 6-ой день. 5) Внутренній видъ яйца на 6-ой день дѣйствія оплодотворяющей теплоты. 6) Наружный видъ этого же яйца въ 16 день. 7) Видъ зародыша на 12 день. 8) Фиг. цыпленка, заключающагося въ яйцѣ на 21 день. 9) Первая трещина начинающагося вылупляться яйца, при выходѣ цыпленка. 10) Первый шагъ цыпленка на свѣтъ Божій. 11) Клювъ вылупляющагося цыпленка.

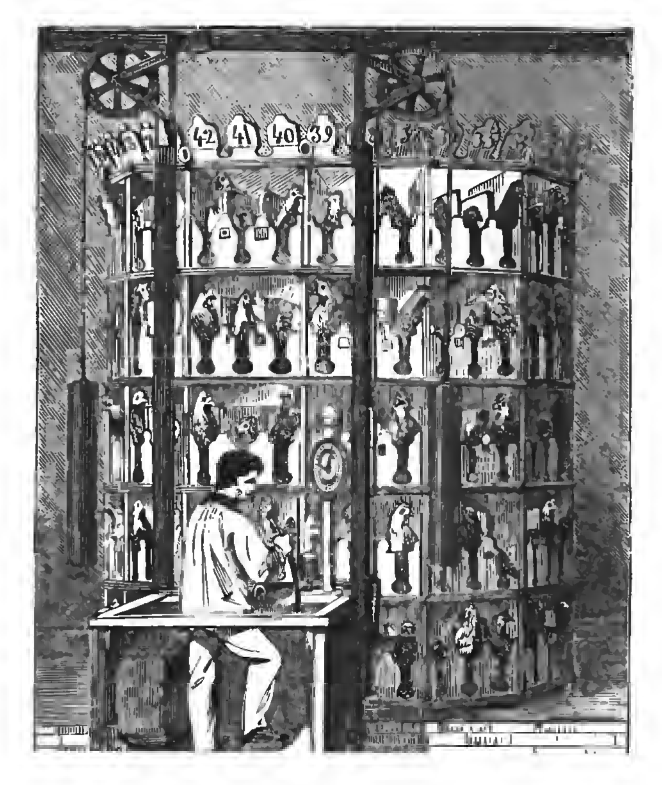
**Внутренность помѣщенія для вывода цыплятъ.**



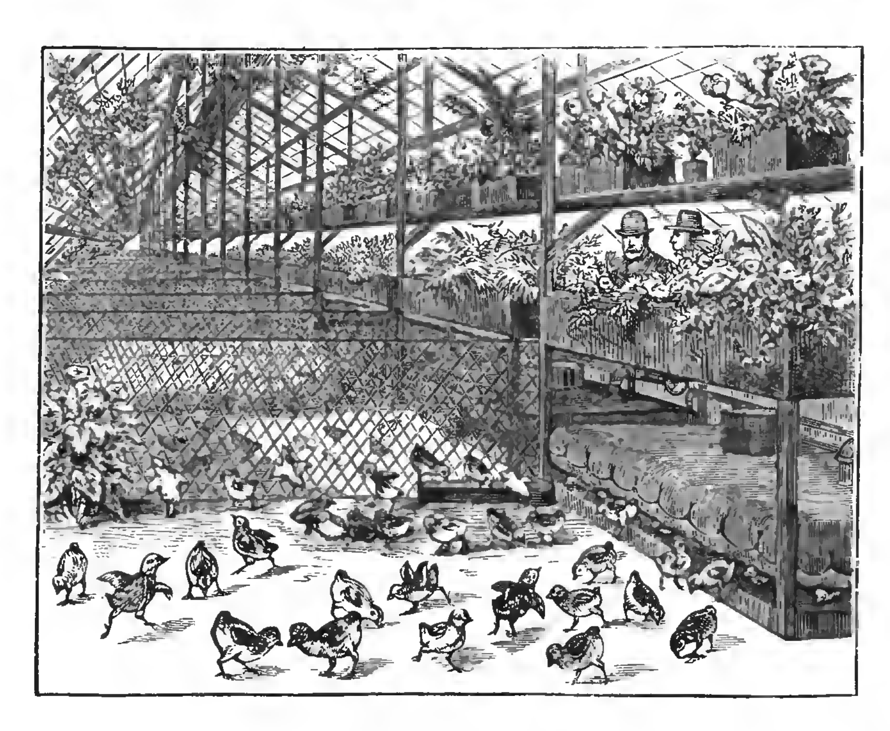
Курицы запертыя для откармливанія.



Кормленіе цыпленка. Привязываніе ногъ.



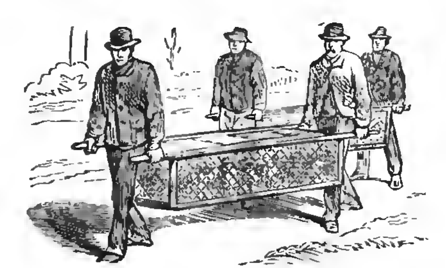

Снарядъ для откармливанія.



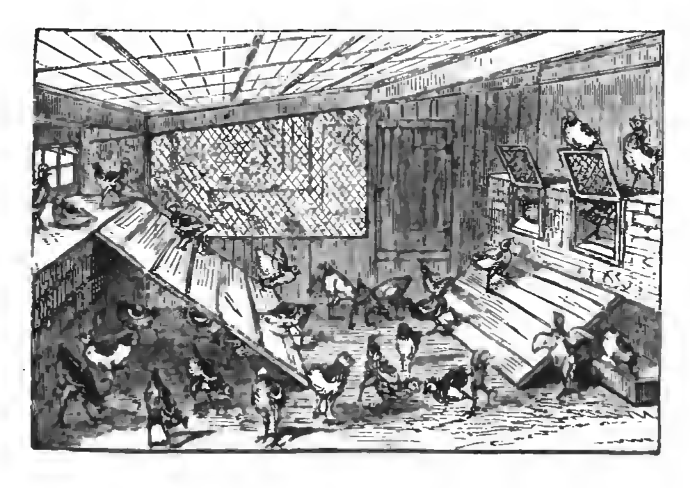
Внутренность помѣщенія для выводковъ.



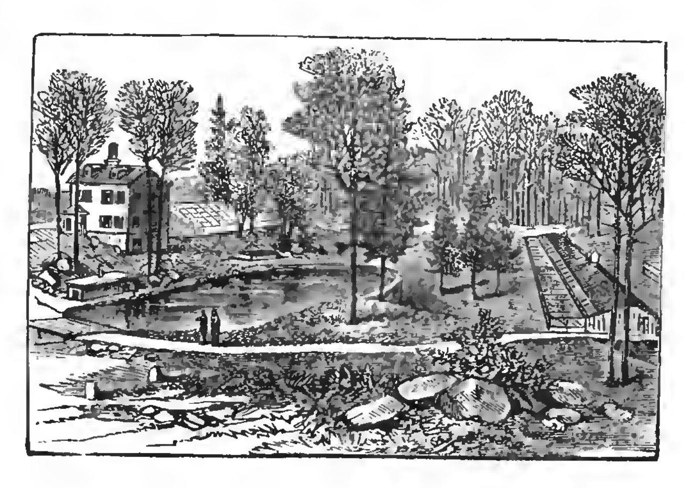
Изслѣдованіе яицъ въ камерѣ.



Переноска цыплятъ въ курятники.



Курятникъ для воспитанія цыплятъ до откармливанія.



Общій видъ зданія для разведенія куръ.

скошнымъ лакомствомъ. На *20-й* день цыпленокъ начинаетъ уже бится о скорлупу яйца и издавать довольно ясно слышимый пискъ.

Наконецъ, на *21-й* день, мало по малу, яичная скорлупа, подобно дѣтскому свивальнику облекавшая цыпленка, растрескивается,—и маленькая птица выползаетъ на свѣтъ божій. И вотъ тогда-то изъ „выводочной комнаты" молодое сейчасъ вылупившееся населеніе переводится въ другое весьма просторное помѣщеніе (подобное тому помѣщенію, гдѣ наблюдаютъ за ростомъ цыплятъ). Въ этомъ помѣщеніи приблизительно 5,000 штукъ цыплятъ раздѣляются на 50 отдѣленій. Здѣсь идетъ непомѣрный нискъ, бѣготня, летанье, игра юныхъ птенцовъ, какъ это можно видѣть на нашемъ рисункѣ. Необходимое для этого помѣщенія тепло проводится сюда посредствомъ нагрѣтыхъ трубъ. Мѣсто для сна цыплятъ устроено подъ нагрѣтыми подушками. Кромѣ свѣжаго зеленаго корма, которымъ маленькія животныя могутъ пользоваться въ „выводномъ" отдѣленіи, на дворѣ котораго растетъ трава,—преимущественною пищею цыплятъ служитъ яичный желтокъ изъ бракованныхъ при высѣдкѣ яицъ, далѣе—червячки, питающіеся въ свою очередь, трупами умершихъ цыплятъ; за симъ весьма удачнымъ и питательнымъ кормомъ является кровь другихъ сотоварищей, старшихъ цыплятъ, зарѣзываемыхъ для продажи на рынокъ. По достиженіи извѣстнаго возраста, молодое оперившееся уже поколѣніе отводится въ другое удобное помѣщеніе. Здѣсь уже идетъ заботливая выкормка пернатыхъ пансіонеровъ, для продажи, для цѣлей гастрономическихъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

## Кіево-Печерская Лавра.

Происхожденіе Кіевскихъ пещеръ относится Варягамъ, которые укрывались при случаѣ въ нихъ сами и прятали награбленныя богатства.

Кіевскія приднѣпровскія возвышенности, состоя изъ песку и отвердѣвшихъ глинъ, очень удобны для устройства подземныхъ ходовъ и помѣщеній. Въ 1013 г. монахъ Аѳонскаго монастыря Антоній пришелъ въ Кіевъ и, искавъ уединенія въ молитвѣ, первый открылъ варяжскія пещеры и поселился въ нихъ. Вскорѣ Антоній прославился своей необычайно смиренной жизнію и увлекъ за собою многихъ не только изъ монашествующихъ, но и мірскихъ. Вновь пришедшія стали рыть себѣ новыя келіи и приступили къ постройкѣ церкви во имя Благовѣщенія Св. Дѣвы. Затѣмъ начато устройство дальнихъ пещеръ и положено основаніе Пещернаго или Печерскаго монастыря. Первый послѣдователь за Антоніемъ, родив. 983 г., былъ Ѳеодосій, родив. 1014 г. Ѳеодосій исходатайствовалъ у Великаго Князя Изъяслава права на землю, и онъ-то и былъ основателемъ дальнихъ пещеръ внутри холма и деревянной церкви на поверхности холма во имя Успенія Св. Дѣвы; онъ построилъ келіи для иноковъ, а весь монастырь обвелъ деревянной оградой. Само собою разумѣется, что всѣ постройки того времени отличались крайней простотою. Такъ, напримѣръ, престолъ, на которомъ преподобные совершали тогда литургію, былъ сложенъ просто изъ камней на глинѣ. Составъ монаховъ быстро приращался и Ѳеодосій ввелъ въ свою обитель общежительный уставъ Студійской обители. Уставъ этотъ древнѣйшій, привезенъ съ востока греческимъ монахомъ, и чрезвычайно строгій по правиламъ. Впрочемъ и въ пещерной жизни было учреждено нѣсколько степеней, опредѣлявшихъ жизнь иноковъ. Первая или обыкновенная степень еще не исключала для монаховъ возможности общенія съ людьми, но вторая, или исключительная, уже совершенно отлучала отъ міра каждаго посвятившаго себя одиночеству. Эта степень называлась затворомъ, потому что вступившій въ нее монахъ рылъ для себя тѣсную пещеру, уходилъ въ нее и навсегда уже закрывалъ входъ въ нее, оставивъ лишь небольшое отверстіе, въ которое входилъ воздухъ въ его пещеру, да два три раза въ недѣлю игуменъ пещерный ставилъ мѣру святой воды и оставлялъ просфору. Если просфора оставалась долго нетронутой, это свидѣтельствовало, что заключенный уже болѣе не нуждался въ пищѣ—онъ опочилъ. Затворничество, начавшееся при Антоніи, усилилось въ XII вѣкѣ. Съ устройствомъ надъ пещерами монастыря преподобнымъ Ѳеодосіемъ, пещеры сдѣлались преимущественно мѣстомъ погребенія монашествующей братіи и подвиговъ затворниковъ. Погребеніе производилось такимъ образомъ: усопшаго клали на доску и поставивъ въ вырытыя ниши, задѣлывали эти ниши досками, съ изображеніемъ внизу доски лица умершаго, съ обозначеніемъ вверху доски его имени и коротенькой біографіи, а по срединѣ доски прорѣзали отверстіе для желающихъ прикладываться къ мощамъ. Жизнеописанія нѣкоторыхъ иноковъ, почивающихъ въ пещерахъ, собраны въ цѣлое и составляютъ книгу, носящую названіе Патерикъ или Отечественникъ. Древнѣйшій списокъ Патерика принадлежитъ XIV вѣку. Преподобный Несторъ лѣтописецъ жилъ въ Печерскомъ монастырѣ около 50 лѣтъ и составилъ нѣсколько житій св. отцовъ Печерскихъ. Затѣмъ много писали св. Сильверстъ, и Поликарпъ Черноризецъ. Впрочемъ, далеко не о всѣхъ погребенныхъ въ пещерахъ остались жизнеописанія и въ тоже время не всѣ мощи находящихся въ спискахъ погребенныхъ монаховъ открыты и извѣстны. Въ 1853 г. рабочими, устраивавшими дорогу, были открыты пещеры въ одномъ изъ проходовъ ближнихъ пещеръ. Рабочіе прежде всего напали на отверстіе, которое, какъ оказывается, служило окномъ для пещерниковъ. Судя по надписямъ, въ пещерахъ этихъ подвизались Ѳеофилъ и Иванъ пещерникъ—отцы неизвѣстные изъ пещерножителей. Одна изъ открытыхъ пещеръ имѣла въ ширину 4, въ длину 5 и въ вышину $2^1/_2$ аршина. Она была устроена въ видѣ арокъ. Въ средней аркѣ былъ начертанъ остріемъ образъ святителя съ евангеліемъ, внизу подъ нимъ сдѣлано углубленіе, какъ надо думать, для лампады. Въ правомъ углубленіи сдѣлано земляное сидѣнье, въ лѣвомъ—земляная скамья съ изголовьемъ. Въ одной изъ пещеръ сохранилась надпись: „Господи помози рабу своему Феодосію и Феофилави аминь, многа лѣта". Въ другой пещерѣ найдены истлѣвшія дубовыя доски и нѣсколько ржавыхъ гвоздей,—доски лежали на земляномъ возвышеніи; на лѣвой сторонѣ возвышенія сохранилась надпись: „Івановъ гробъ пещерника—Іванъ грѣшній се де жилъ і есть". Мы приводимъ это описавіе, чтобы нѣсколько познакомить нашихъ читателей съ устройствомъ пещерныхъ келій.

Въ настоящее время на мѣстѣ построенной пр. Ѳеодосіемъ церкви Успенія Св. Дѣвы, построена каменная церковь во имя Рождества Богородицы и другая, невдалекѣ отъ нея, церковь во имя Зачатія Св. Анны. Изъ этой послѣдней устроенъ ходъ въ пещеры; впрочемъ, богомольцы обыкновенно проводятся другимъ ходомъ, болѣе просторнымъ, устроеннымъ на востокъ отъ церкви. Въ преддверіи пещеръ сдѣлана часовня, съ этого мѣста открывается поразительный по своей красотѣ видъ на Днѣпръ. Къ сѣверу отъ церкви Зачатія Св. Анны горная тропа спускается въ оврагъ, отдѣляющій Дальнія отъ Ближнихъ Пещеры и приводитъ къ колодцу, который по преданію—выкопанъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ.

Въ Дальнихъ пещерахъ находятся три пещерныя церкви, 33 открытыхъ мощей, 13 въ затворѣ, 31 мироточивая глава и одна голень.

Преподобный Антоній, назначивъ собравшейся къ нему монашествующей братіи игумена, самъ удалился отъ нихъ и выкопалъ себѣ новую пещеру, въ которой и окончилъ свои дни. Съ Антоніемъ въ его новую пещеру послѣдовало нѣсколько монаховъ, также пожелавшихъ полнаго затворничества. Эти монахи также сдѣлали для себя нѣсколько подземныхъ помѣщеній. Пещеры пр. Антонія находятся вблизи Великой Церкви Печерской Лавры и вслѣдствіе этого получили названіе Ближнихъ. Въ настоящее время у этихъ пещеръ поставлено двѣ церкви: преподобныхъ Печерскихъ и Воздвиженія Креста. Въ Воздвиженской находится Крестъ Животворящаго Древа Господня, служащій храмовой иконой и чудотворный образъ Казанской Богоматери. Мощей въ Ближнихъ пещерахъ находится 73, въ затворѣ 1, мироточивыхъ главъ 30. Церквей пещерныхъ три, изъ нихъ одна устроена въ пещерной келіи пр. Антонія, гдѣ онъ и почиваетъ. Надъ скрытымъ тѣломъ преподобнаго сдѣлана серебряная гробница съ изображеніемъ лица святого, а при гробницѣ *малая мрачная келія* съ каменнымъ ложемъ преподобнаго. Въ Ближнихъ пещерахъ покоится славный Несторъ Лѣтописецъ. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ прислало въ 1826 г. къ его гробу бронзовую вызолоченную доску съ его именемъ.

Еще при жизни Ѳеодосія и Антонія число монаховъ Печерскаго монастыря такъ увеличивалось, что преподобные основатели его задумали построить болѣе обширную каменную обитель. Богатыя жертвованія великихъ князей и владѣтельныхъ лицъ дали имъ средства привести свой планъ въ исполненіе, или по крайней мѣрѣ дали возможность начать постройку. Преподобные не увидѣли окончанія своей великой Печерской церкви во имя Успенія Пресвятой Дѣвы. Знаменитая церковь эта строилась 16 лѣтъ. Древніе писатели говорятъ, что церковь Успенія была „небеси подобна, преизящнымъ благолѣпіемъ внѣ уду и внутрь уду украшена бысть". Вокругъ церкви была устроена каменная стѣна съ двумя воротами, въ которыя никогда никто, не смотря ни на свой высокій родъ, ни на знатное положеніе, не смѣлъ въѣзжать на лошадяхъ. Ни эта церковь, ни стѣны обители не сохранились до нашихъ дней. Рядъ бѣдствій пронесся надъ Лаврой—то Половцы грабятъ келіи, убиваютъ или берутъ въ плѣнъ монаховъ, жгутъ монастырь, то Батый разоряетъ обитель, то пожаръ истребляетъ всѣ деревянныя зданія, портитъ богатую ризницу, уничтожаетъ библіотеку. Стараніями иноковъ, жертвованіями сильныхъ міра, обитель была нѣсколько разъ возобновляема и только уже съ 1729 г. она остается неприкосновенной, съ возобновленіемъ только нѣкоторыхъ деталей въ ея устройствѣ, потерпѣвшихъ отъ времени. Съ 1786 г. Лавра подчинена митрополиту Кіевскому, которому повелѣно именоваться священно-архимандритомъ Лавры, и съ тѣхъ поръ ему принадлежитъ вся правительственная и распорядительная власть надъ ней. Въ настоящее время Лавра составляетъ особый городокъ. Въ ней нѣсколько улицъ, хотя и узкихъ, но обсаженныхъ деревьями и по большей части плодовитыми. При входѣ въ обитель, на стѣнахъ ея написаны: съ правой стороны Св. Ѳеодосій съ крестомъ въ рукѣ, а съ лѣвой Св. Антоній, держащій икону Божіей Матери, съ толпою другихъ угодниковъ, какъ будто выходящихъ

изъ пещеръ на встрѣчу богомольцамъ, стекающимся со всѣхъ концевъ Россіи къ нимъ на поклоненіе. Успенскій соборъ не изъ большихъ храмовъ, но онъ поражаетъ своимъ богатствомъ. Иконы въ иконостасѣ, очень высокомъ, всѣ въ серебряныхъ вызолоченыхъ окладахъ, а надъ ними Распятіе, также все вылитое изъ серебра; самый крестъ позолоченъ. Стѣны храма всѣ расписныя, балюстрада, отдѣляющая хоры, также позолочена. На стѣнахъ близъ иконостаса представлены вселенскіе соборы. Но вѣнцомъ святыни Великой Лаврской церкви является чудотворная икона Божіей Матери Успенія, принесенная изъ Константинополя четырьмя строителями, вызванными по желанію Антонія и Ѳеодосія для постройки Печерской Каменной церкви. Икона писана на кипарисной доскѣ и отъ пожаровъ совершенно почернѣла, сгладилась. Разсказываютъ, что когда въ 1718 году Петру I донесли о пожарѣ Лавры, Государь только спросилъ, спасена ли чудотворная икона, и на утвердительный отвѣтъ замѣтилъ: „Если икона спасена, то спасена и Лавра". Иноки во время бѣдъ прежде всего спасали свою драгоцѣнность—эту чудотворную икону, въ глубокихъ пещерахъ. Изъ мощей угодниковъ, почивающихъ въ Успенскомъ монастырѣ—въ окованной серебряной кипарисной ракѣ хранится черепъ Равноапостольнаго Князя Владиміра, взятый изъ гроба въ Десятинной церкви послѣ разгрома татарскаго. Нижняя челюсть князя находится въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, а ручная кисть въ Софійскомъ Кіевскомъ. Въ томъ же придѣлѣ Михаила Архангела покоятся мощи митрополита сибирскаго Павла. Въ придѣлѣ Іоанна Богослова находится гробъ пр. Ѳеодосія. Въ 1090 году мощи преподобнаго были перенесены въ эту церковь, но со времени нашествія татаръ мощи остаются скрытыми въ основаніи великой церкви. Напротивъ гроба пр. Ѳеодосія устроена сѣнь, гдѣ въ гробницѣ лежатъ частицы мощей печерскихъ угодниковъ. Быть погребеннымъ въ Великой Лаврской церкви считается необычайнымъ счастіемъ, и этого счастія достигаютъ немногіе. Между другими здѣсь погребенъ за лѣвымъ клиросомъ церкви, знаменитый защитникъ православія, кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, въ склепѣ и фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій. Въ ризницѣ Печерской всего древнѣе ризы, пожалованныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, изъ золотой парчи съ жемчужными крестами. Царственныя особы не оставляли Лавры своими приношеніями, духовные съ своей стороны также усердствовали умножить богатства Лавры. Лаврская типографія много разъ подвергалась пожарамъ. Типографомъ іеромонахомъ Жуковскимъ теперь заведеніе типографіи передѣлано и расширено. Говорятъ, что основаніе Лаврской типографіи принадлежитъ Константину Острожскому, пожертвовавшему на это дѣло нѣсколькими селами въ Литвѣ. За такую услугу благочестивый князь и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ. Надъ тѣломъ уважаемаго всѣми князя поставленъ гипсовый саркофагъ. Покойный представленъ въ своихъ доспѣхахъ, лежащимъ въ гробу. Лаврская гостинница находится за оградой Лавры, на югъ отъ Великой Успенской церкви. Страннопріемная гостинница на этомъ мѣстѣ была устроена еще преп. Ѳеодосіемъ. При гостинницѣ теперь устроена и лѣчебница для странниковъ, цѣлыми толпами стекающихся сюда для поклоненія святымъ мощамъ угодниковъ Печерскихъ.

Служеніе въ Лаврѣ, установленное преп. Ѳеодосіемъ, сохраняется неизмѣннымъ донынѣ. Осталось также безъ измѣненія и старинное пѣніе, извѣстное подъ названіемъ Кіево-Печерскихъ распѣвовъ; напѣвы эти собственно болгарскіе, занесенные въ Кіевъ со временъ Великаго Князя Ярослава Владиміровича. Служеніе и пѣніе Лаврское такъ понравилось императору Александру I, что онъ на всегда утвердилъ ихъ въ Лаврѣ.

Императоръ Николай I, въ указѣ Правительствующему Сенату (8-го ноября 1853 г.) объ учрежденіи въ Кіевѣ университета, высказалъ о Кіевѣ слѣдующія слова: *Кіевъ—колыбель святой вѣры нашихъ предковъ.* А его державный сынъ, нынѣ царствующій Императоръ Александръ II, въ рескриптѣ Кіевскому митрополиту (26-го августа 1856 г.) выразилъ слѣдующее: *Кіевъ—Іерусалимъ земли русской.*

Такъ смотрятъ на Кіевъ державные властители, уважая его святыни.

За симъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что для желающихъ познакомиться съ Кіевомъ и его святынями можетъ быть полезна книга Н. Сементовскаго: „Кіевъ, его святыни, древности и достопамятности", изъ которой для этой статьи нами заимствованы многія интересныя о пещерахъ кіевскихъ свѣдѣнія. *Л.*

## Между войною и миромъ.

I. Награбленное добро—торговля дозволенная и безпошлинная.

Тѣсная, грязная улица... жаръ, духота, міазмы отъ нечистотъ кишмя кишатъ; пестрый, разноплеменный, разнохарактерный сбродъ, смѣсь самаго грубаго, первобытнаго варварства съ фальшивыми блестками подонковъ цивилизаціи. Оборванныя, разноцвѣтныя, кишащія паразитами лохмотья дервиша-фанатика и черный фракъ дипломата. Проворовавшійся, удравшій отъ слѣдствія и суда жидъ подрядчикъ и красный мундиръ британскаго воина, косматая бурка черкеса и осыпанный пудрою, до-нельзя декольтированный бюстъ изношенной французской кокотки, ожирѣлая туша паши, засѣдающаго въ Высокой Портѣ и тощій, бродячій трупъ бѣдняка эмигранта... голыя, голодныя дѣти, такія же голыя, голодныя собаки, пьяныя шайки матросовъ всѣхъ націй, попъ фанаріотъ подъ руку съ высыхающимъ отъ вѣчной, грызущей его злости, чернымъ іезуитомъ...

Завываніе муэзиновъ съ высоты минаретовъ, „янки дудль" въ кабакахъ, стоны отчаянія: „долой падишаха!" звяканье размѣниваемыхъ червонцевъ, крики ословъ, шарманка бродяги итальянца, глухая дробь военнаго барабана, мотивы Оффенбаха и дикій вопль: „караулъ! рѣжутъ"!

А въ воздухѣ, если можно только этотъ смрадъ назвать воздухомъ, смѣсь трупной вони съ прянымъ запахомъ розоваго масла...

Таковъ современный Константинополь.

Мы въ одной изъ улицъ Галаты, у двора, отданнаго подъ постой шайкѣ черкесовъ. У входа нѣчто въ родѣ импровизированной лавочки. Товаръ разнообразенъ и дешевъ—купцы-торгаши не затрачивали капиталовъ на его покупку и продаютъ сходно... Охотниковъ на дешевое, грабленное добро много—торговля идетъ успѣшно. То, что въ другихъ мѣстахъ производится изъ-подтишка, изъ-подъ полы кафтана, съ оглядкою и страхомъ внезапнаго появленія охранительной власти, то самое здѣсь производится открыто, съ доходящимъ до наивности цинизмомъ правоты и законности своего дѣла, неотъемлемаго, невозбраняемаго права собственности на грабленное и ворованное добро.

И кому какое дѣло до того, кто законный владѣлецъ этого добра. Дебелая барыня изъ гарема, любующаяся драгоцѣнной булавкой, развѣ думаетъ о томъ, что эта самая булавка вынута можетъ быть изъ черной болгарской косы, послѣ того, какъ самая голова отдѣлена была отъ тѣла. Если покупщицу и смущаютъ немного черныя пятна запекшейся крови на этой красивой шали, что съ ловкостью гостиннодворца развернулъ передъ нею старый разбойникъ, такъ только со стороны возможности отмыть эти кровавые слѣды... Какое дѣло благородному джентльмену думать о томъ, изъ-за чьего пояса вынутъ этотъ старый пистолетъ... Въ его кабинетѣ, въ арматурѣ фамильнаго историческаго оружія—этотъ оригинальный, украшенный рѣзьбою и перламутромъ экземпляръ займетъ видное мѣсто...

Какое, наконецъ, дѣло ювелиру тяготить свою голову и душу представленіями о тѣхъ страшныхъ сценахъ смерти, насилія и пожара, разыгрывающихся въ христіанскихъ церквахъ. Металлъ отъ этихъ катастрофъ не теряетъ своей цѣнности, переплавленный въ слитки, выработанный въ формѣ колецъ и брошей, онъ также чистъ и невиненъ, какъ бы непосредственно, путемъ тяжелаго, честнаго труда рудокопа, добытъ былъ изъ темныхъ нѣдръ подземнаго міра.

Бойко идетъ торговля... Не залеживается дешевый товаръ, а все не уменьшаются его склады... Дѣло организовано просто да вѣрно... Такіе же купцы-компаньоны неусыпно заботятся о нахожденіи новыхъ и новыхъ оптовыхъ складовъ, а правительство обезпечило имъ оборотный капиталъ, открывъ имъ настежь двери своихъ банковъ—не тѣхъ, конечно, что фабрикуютъ бумажные каиме, а другихъ, которые въ свою очередь, неограниченно кредитуются изъ вульвичскаго арсенала.

При такомъ порядкѣ вещей банкротства торговаго черкесскаго дома не предвидится въ скоромъ времени—Аллахъ великъ и многомилостивъ къ своимъ вѣрнымъ дѣтямъ, защитникамъ ислама. **Н. Каразинъ.**

## Самодовольная парочка.

Старичекъ, съ наслажденіемъ курящій свою трубочку, читаетъ мѣстную газетку и очевидно резонируетъ. Какъ замѣтно извѣстія предносимыя газеткой подвергаются всестороннему обсужденію, и обсужденіе заканчивается обращеніемъ къ своему высокому „я".

— Я такъ и говорилъ, я такъ и полагалъ, я такъ и думалъ. Неправда-ли, что я былъ правъ? обращается онъ къ окружающимъ, какъ къ свидѣтелямъ его неотразимой логики и глубокихъ знаній, вынесенныхъ изъ долгой и трудной жизни, сначала какъ простого солдата, видѣвшаго всевозможные виды и бывшаго даже во многихъ сраженіяхъ, а потомъ недюжиннаго сельскаго хозяина, съумѣвшаго скопить небольшой капиталецъ и такимъ образомъ стать въ ряды деревенской аристократіи. Теперь онъ человѣкъ обезпеченный, а потому ко всему относится немножко свысока, съ замѣтной ироніей, и находя въ комъ либо какую нибудь слабость или недостатокъ, онъ не упуститъ случая распространиться сначала о слабостяхъ и недостаткахъ вообще, а потомъ о томъ недостаткѣ въ особенности, которымъ страдаетъ знакомая личность, и если его охотно слушаютъ, то онъ... очень, очень доволенъ.

Старушка не менѣе интересна. Сфера ея дѣятельности, положимъ, не такъ широка и обширна, какъ у деревенскаго аристократа, ея занятія состоятъ въ вязаніи чулковъ, въ потребленіи громаднаго количества кофе и нюхательнаго табаку, да въ воспитаніи любимой кошки. Во всѣхъ этихъ, нужно сознаться, весьма скромныхъ занятіяхъ старухи, конечно ничего нѣтъ предосудительнаго, но вотъ бѣда: она любитъ промывать бока ближняго, особенно если придетъ еще какая нибудь досужая

сосѣдка, то назидательной бесѣдѣ не бываетъ и конца. Тутъ подробно обсуждается, какъ кто живетъ, и зачѣмъ онъ такъ живетъ, какъ онъ хочетъ, а не такъ какъ хочетъ разсказчица, и за это онъ, конечно, осуждается всегда строго, хотя и не всегда справедливо. Сосѣдка слушаетъ, да охаетъ, да разводитъ руками, удивляясь уму и прозорливости старушки, и она довольна, очень довольна.

Н.

# Политическія и внутреннія извѣстія.

Вмѣсто политическихъ извѣстій, не дающихъ пока опредѣленныхъ выводовъ о положеніи дѣлъ на западѣ Европы и на бывшихъ театрахъ войны, приводимъ здѣсь напечатанное въ „Прав. Вѣстн.“ правительственное сообщеніе, объясняющее шагъ за шагомъ весь ходъ событій, предшествовавшихъ войнѣ и Берлинскому договору. Въ этомъ сообщеніи напечатано слѣдующее:

„Берлинскій трактатъ ратификованъ.

Настало время обсудить этотъ европейскій актъ, вѣнчающій войну, предпринятую Россіею не по разсчету, не изъ матеріальныхъ выгодъ или честолюбивыхъ политическихъ замысловъ, но въ силу чувства, заглушающаго всякія постороннія побужденія, изъ чувства христіанскаго, чувства человѣколюбія, того чувства, которое охватываетъ всякаго честнаго человѣка при видѣ вопіющаго зла.

Русскій народъ и доблестныя русскія войска, явившія такъ много самоотверженія, имѣютъ нынѣ полное основаніе отдать себѣ отчетъ въ результатахъ понесенныхъ ими жертвъ. Но для правильной оцѣнки этихъ результатовъ, оцѣнки, чуждой всякой страстности, всякаго предубѣжденія и недовѣрія, должно прослѣдить событія послѣдняго времени въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, начиная отъ породившихъ ихъ причинъ до окончательнаго исхода.

Съ первыхъ же дней нынѣшнихъ смутъ на Востокѣ, Императорскій Кабинетъ предвидѣлъ, что это есть только начало весьма серьезныхъ усложненій. Герцеговинское возстаніе, довольно незначительное само по себѣ, было именно тою каплею, отъ которой чаша переполнилась. Наше правительство, стремясь предотвратить всякое столкновеніе на Востокѣ и въ Европѣ, приняло на себя почипъ переговоровъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ и выразило ему полную готовность поддержать всякую комбинацію, которая была бы придумана съ согласія всѣхъ великихъ державъ для успокоенія смутъ и предотвращенія кризиса.

Послѣдствіями такого образа дѣйствій были попытки соглашенія консульской коммисіи и нота графа Андраши отъ 30-го декабря 1875 года, принятая всѣми державами. Нота графа Андраши заключала въ себѣ цѣлый рядъ преобразованій и улучшеній, которыя кабинеты, подписавшіе трактатъ 1856 и 1871 годовъ, рекомендовали Портѣ, съ цѣлью водворенія спокойствія и въ видахъ исполненія Портою ея обязательствъ по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ султана.

Но всѣ эти добрыя намѣренія не привели ни къ какому результату, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія гарантіи. Не будучи ничѣмъ гарантированы, уставши отказались сложить оружіе и возвратиться въ свои дома, а между тѣмъ Порта дѣлала заявленія, что до тѣхъ поръ, пока они не положатъ оружія, она не въ состояніи осуществить реформы, признанныя ею въ принципѣ. Турецкое правительство пошло даже дальше ноты Андраши и обнародовало программу, заключавшую въ себѣ еще болѣе широкія и либеральныя учрежденія. Но всѣ эти реформы на бумагѣ, лишенныя всякой серьезной санкціи, не могли внушить никакого довѣрія народамъ, терпѣніе которыхъ уже такъ долго подвергалось испытанію.

Это было тяжелое положеніе, изъ котораго необходимо было найти выходъ. Нужно было рѣшиться, въ дѣлѣ умиротворенія, сдѣлать еще лишній шагъ противъ того, чѣмъ ограничивались европейскіе кабинеты. Только авторитетъ всей Европы могъ представить предположеннымъ улучшеніямъ необходимую гарантію, сдѣлать ихъ дѣйствительными и внушить довѣріе христіанамъ.

Такова была цѣль берлинскаго меморандума (апрѣль 1876 г.). Составленный съ согласія князя Бисмарка и графа Андраши, онъ былъ сообщенъ представителямъ великихъ державъ въ Берлинѣ для совмѣстнаго обсужденія. Въ немъ былъ поставленъ принципъ совокупныхъ дѣйствій всей Европы, который долженъ былъ гарантировать предложенныя европейскими кабинетами реформы. По мнѣнію нашего кабинета, эти совокупныя дѣйствія должны были состоять въ демонстраціи соединенныхъ флотовъ какъ передъ Константинополемъ, такъ и вдоль береговъ Европейской и Азіатской Турціи и въ портахъ, въ коихъ спокойствіе не было достаточно обезпечено. Цѣль демонстраціи должна была заключаться: во-первыхъ, въ томъ, чтобы побудить Порту исполнить общее требованіе Европы, и во-вторыхъ, чтобы успокоить христіанское населеніе и блюсти за его безопасностью.

Принятое большею частію кабинетовъ, это предложеніе встрѣтило отпоръ со стороны англійскаго правительства, которое полагало, что мѣры давленія несовмѣстны съ трактатомъ, гарантирующимъ Портѣ независимость ея внутренней администраціи.

Съ этой минуты потокъ событій направился къ переходу, который легко было предвидѣть. Напряженное состояніе, проявлявшееся на границахъ Сербіи и Черногоріи, повело къ открытому разрыву между этими княжествами и Портою. Можно было опасаться, что пожаръ распространится на всемъ Востокѣ.

Не смотря на затруднительность положенія, нашъ кабинетъ не ослабилъ, однако, своихъ усилій, чтобы соединить всѣ великія державы для общаго дѣйствія, необходимость котораго чувствовалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Съ этою цѣлью мы предложили въ Вѣнѣ и Лондонѣ совокупную военную демонстрацію: Россіи—въ Болгаріи, Австріи—въ Босніи, и европейскихъ эскадръ—въ Константинополѣ и вообще въ водахъ Леванта. Подобно предъидущему и вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, это предложеніе не было принято.

Константинопольская конференція, собравшаяся на основаніи предложенныхъ лондонскимъ кабинетомъ началъ, была послѣднею попыткою поддержать миръ. Европа, во имя своихъ интересовъ, связанныхъ съ сохраненіемъ мира, рѣшилась на вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи, но на вмѣшательство только моральное. Портѣ былъ предложенъ и совмѣстно съ нею подвергнутъ обсужденію цѣлый планъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью согласить права власти султана съ условіями благоденствія его христіанскихъ подданныхъ. Не были забыты и матеріальныя гарантіи, которыя, не имѣя принудительнаго характера несогласнаго съ трактатами, казались достаточными для практическаго осуществленія реформъ. Порта отвѣтила новымъ отказомъ.

Между тѣмъ война съ Сербіей и Черногоріей шла своимъ чередомъ. Убійства, совершенныя въ Болгаріи и возбудившія негодованіе всей Европы, доказали до какихъ крайностей эта жестокая борьба можетъ довести мусульманскій фанатизмъ.

Послѣ всѣхъ усилій, которыя Императорскій Кабинетъ дѣлалъ съ цѣлью предотвратить столь печальное положеніе дѣлъ, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ происходящаго. Борьба, разыгравшаяся на Балканскомъ полуостровѣ, слишкомъ близко затрогивала интересы Россіи и какъ великой Европейской Державы, сосѣдней съ Турціею, и какъ страны единовѣрной и единоплеменной съ христіанскими подданными Порты. Стало вполнѣ очевиднымъ, что до тѣхъ поръ, пока турецкое правительство, основываясь на трактатѣ 1856 года, будетъ увѣрено въ полной безнаказанности, невозможно будетъ добиться отъ турецкой администраціи, способной только на акты насилія, никакихъ реформъ. Приходилось согласиться либо на полное подавленіе христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, что было несогласно съ интересами Европы и возмутительно съ общечеловѣческой точки зрѣнія, либо ожидать и впредь періодическихъ взрывовъ, опасныхъ для общаго мира.

Императорскій Кабинетъ не считалъ возможнымъ согласиться на такое положеніе вещей. Ему уже пришлось однажды остановить посредствомъ рѣшительнаго ультиматума турецкія войска, готовыя возобновить въ Сербіи такія-же убійства, какъ и въ Болгаріи. Если постановленія константинопольской конференціи оставались бы лишенными всякой обязательной для турокъ санкціи, то это могло только укрѣпить въ нихъ противодѣйствіе общимъ желаніямъ Европы.

Въ этихъ видахъ, Его Величество Государь Императоръ повелѣлъ мобилизировать, на южныхъ границахъ Имперіи, извѣстную часть своей арміи. Но въ виду неудачи, постигшей константинопольскую конференцію, раньше чѣмъ перейти къ рѣшительнымъ мѣрамъ, Его Величество повелѣлъ освѣдомиться у всѣхъ кабинетовъ, принимавшихъ участіе въ конференціи, какъ они полагаютъ поступить въ виду рѣшительнаго отказа Порты подчиниться совѣтамъ и желаніямъ Европы. На этотъ вопросъ не было получено опредѣленнаго отвѣта. Не трудно было замѣтить, что европейскія правительства не рѣшаются прибѣгнуть ни къ какимъ энергическимъ мѣрамъ и готовы возложить все упованіе на время, на благонамѣренность Порты и на исключительно нравственное давленіе со стороны европейскихъ кабинетовъ.

Даже при обыкновенныхъ условіяхъ, такая уступчивость должна была бы укрѣпить въ умахъ турецкихъ министровъ убѣжденіе, что Европа связала себѣ руки трактатомъ 1856 года, и что они могутъ съ полнѣйшею безопасностью пренебрегать ея постановленіями, оставаясь при своихъ старыхъ порядкахъ. Но при данной обстановкѣ, при ожесточеніи борьбы, возбужденіи страстей и фанатизма, слѣдовало разсчитывать, что слабость, выказанная Европою, повлечетъ за собою не только продолженіе на неопредѣленное время прежней системы административнаго террора, но что насилія и злоупотребленія дойдутъ до еще большихъ размѣровъ и кончатся либо полнѣйшимъ порабощеніемъ всѣхъ христіанъ, либо ихъ истребленіемъ.

(Продолженіе на стр. 601, 602, 603 и 604).



## Счастливая парочка.

Она довольна.




Онъ доволенъ.

По картинѣ Августа Гейна, грав. Кремеръ.

Въ Лондонѣ была сдѣлана еще одна, послѣдняя попытка, долженствовавшая послужить Портѣ серьезнымъ предостереженіемъ. Составленный по этому случаю протоколъ имѣлъ цѣлью поддержать выразившееся на константинопольской конференціи участіе Европы къ турецкимъ реформамъ, засвидѣтельствовать обѣщанія турецкаго правительства, перечислить тѣ пункты, по которымъ оно приняло на себя извѣстныя обязательства, и пригласить его добросовѣстно вступить на указанный державами путь преобразованій. Въ противномъ случаѣ, державы, признавая, что существующій порядокъ вещей несовмѣстимымъ со всеобщими интересами, должны были бы сами подумать о способахъ, чтобы обезпечить улучшеніе быта христіанскихъ подданныхъ Порты. Императорскій кабинетъ прибавилъ къ этому декларацію, что если указанный протоколъ будетъ принятъ Портою, если будетъ заключенъ миръ съ Черногоріею, если турецкое правительство заявитъ своими дѣйствіями рѣшимость привести въ исполненіе реформы, и если убійства не будутъ больше возобновляться, то Россія охотно вступитъ въ соглашеніе съ уполномоченнымъ султана, относительно демобилизаціи и разоруженія.

Отъ вниманія Порты конечно не могъ укрыться недостаточно рѣшительный характеръ протокола. Державы не рѣшались прибѣгнуть къ какому нибудь давленію или къ какому бы то ни было общему дѣйствію по отношенію къ турецкому правительству; онѣ ограничились предоставленіемъ себѣ права только подумать о способахъ къ обезпеченію участи христіанъ. Сверхъ того, лондонскій кабинетъ счелъ нужнымъ заявить, что если протоколъ не вызоветъ общаго умиротворенія, то онъ потеряетъ всякую силу. При подобныхъ условіяхъ нельзя было надѣяться, чтобы Порта отнеслась къ протоколу съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ предъидущимъ заявленіямъ кабинетовъ. Въ это-то время Его Императорское Величество, не признавая возможнымъ оставаться долѣе въ положеніи, которое не было ни миромъ, ни войною, которое оскорбляло чувства всякаго русскаго и налагало на Россію обязательства, безъ соотвѣтственнаго вознагражденія и безъ всякихъ видимыхъ результатовъ, Самъ рѣшился принять на Себя примѣненіе понудительныхъ мѣръ, безъ коихъ не было возможности найти никакого выхода. Государь Императоръ повелѣлъ сообщить всѣмъ европейскимъ кабинетамъ причины, въ силу которыхъ Онъ берется за оружіе, и указать на цѣли войны.

Общая цѣль заключалась исключительно въ томъ, чтобы положить конецъ прискорбному порядку вещей, благодаря коему Востокъ оставался постоянною угрозою для всеобщаго мира, и предотвратить такой порядокъ на будущее время, предоставивъ христіанскимъ подданнымъ султана такія гарантіи, которыя могли бы дѣйствительно ихъ обезпечить отъ своеволія турецкой администраціи.

Императорскій Кабинетъ ни на минуту не отклонился отъ этой цѣли. При самомъ открытіи военныхъ дѣйствій были постановлены условія, на которыхъ мы примемъ миръ, если Турція будетъ его просить до перехода нами Балканъ. Означенныя условія были сообщены въ іюнѣ 1877 года кабинетамъ лондонскому и вѣнскому, наиболѣе заинтересованнымъ въ вопросѣ, и обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. Читая ихъ въ настоящее время, не трудно убѣдиться, что они не отличаются существенно отъ постановленій берлинскаго конгресса.

Во время войны, пока войска наши стояли еще подъ Плевною, Императорскій Кабинетъ снова сообщилъ кабинетамъ берлинскому и вѣнскому основанія, на которыхъ мы могли бы согласиться начать мирные переговоры, еслибы султанъ обратился къ намъ до открытія зимней кампаніи. Наши требованія были почти тѣ же самыя, какъ и въ началѣ войны: они же послужили основаніемъ для заключенія перемирія уже послѣ того, какъ наши побѣдоносныя войска перешагнули черезъ Балканы и, пользуясь полнымъ разгромомъ турецкихъ силъ, дошли до Адріанополя, а въ Азіи, взявши Карсъ, достигли уже Эрзерума.

Такимъ образомъ, основная, руководящая мысль политики Императорскаго Кабинета выдѣляется сама собою и изъ предшествовавшихъ войнѣ негоціацій и изъ переговоровъ, которые велись во время военныхъ дѣйствіи и послѣ нихъ. Можно сказать, что эта мысль находилась въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ ходомъ нашей политики въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Наша политика никогда не задавалась цѣлью разрушить Оттоманскую имперію. Хотя это мусульманское нашествіе въ Европу дѣйствительно представляется явленіемъ ненормальнымъ, не имѣющимъ другихъ оправданій, кромѣ силы оружія, но въ теченіи своего четырехвѣковаго существованія оно пустило слишкомъ глубокіе корни для того, чтобы прекращеніе его не вызвало общаго сотрясенія на Востокѣ и въ Европѣ. Нашъ Кабинетъ, задавался исключительною цѣлію положить рѣшительный конецъ возмутительному, съ человѣческой точки зрѣнія, угнетенію христіанъ—постоянной причинѣ смутъ и опасностей для общаго мира.

Въ то время, когда всякое сопротивленіе турокъ было уже немыслимо, и турецкое правительство должно было подчиниться всѣмъ рѣшеніямъ войны, наши арміи снова пріостановили подъ самыми стѣнами Константинополя свое побѣдное шествіе, и явили тѣмъ еще разъ доказательство, что наше правительство столь же твердо въ своихъ принципахъ умѣренности, какъ и въ своихъ христіанскихъ симпатіяхъ. Постоянно обращаясь, въ теченіи настоящаго кризиса, къ содѣйствію великихъ державъ, Императорскій Кабинетъ подтвердилъ, что онъ нисколько не намѣревается подчинить рѣшеніе восточнаго вопроса видамъ личнаго честолюбія, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ Европѣ, а не въ Турціи, всѣми державами и согласно общимъ интересамъ. Но въ то же время было желательно, чтобы результаты были на этотъ разъ серьезно гарантированы, дабы потраченныя усилія не обратились снова лишь въ тягостный опытъ. Взявшись за оружіе для достиженія этихъ цѣлей и выдержавъ упорную борьбу, Россія конечно имѣла несомнѣнное право обезпечить себя и взятые ею подъ свою защиту народы отъ возобновленія подобныхъ же бѣдствій въ будущемъ.

Таковы были руководящія побужденія при заключеніи Санъ-стефанскаго договора. Предварительный характеръ этого акта ясно указывалъ, что мы не имѣемъ въ виду рѣшать вопросъ самолично. Постоянныя заявленія нашего Кабинета, что все, затрогивающее интересы Европы, будетъ подвергнуто общему обсужденію, доказываетъ въ достаточной мѣрѣ рѣшимость нашу остаться вѣрными въ восточномъ вопросѣ солидарности съ великими державами, которой мы постоянно добивались въ теченіи 20 лѣтъ.

Санъ-стефанскій договоръ преслѣдовалъ двѣ цѣли: опредѣлить точнымъ образомъ спеціально-военные пункты, разрѣшенные въ предварительныхъ условіяхъ мира только въ общихъ чертахъ, и связать Турцію извѣстными обязательствами передъ Россіею относительно тѣхъ основаній, на которыхъ должна была отнынѣ покоиться организація Балканскаго полуострова. Проникнутый чувствами солидарности съ Европою, нашъ Кабинетъ согласился на созваніе конгресса, дабы упрочить умиротвореніе Востока санкціею великихъ державъ. Онъ первый поддержалъ идею собранія представителей кабинетовъ, дабы придать вопросу большее значеніе и рѣшеніямъ Европы большую обязательность. Дѣйствительно, никогда еще въ политической жизни Европы не было столь торжественнаго случая для цивилизованныхъ народовъ создать мудрымъ и примирительнымъ актомъ новую эру въ лѣтописяхъ мирнаго развитія человѣчества.

Исторія скажетъ свое слово о томъ, насколько берлинскій конгрессъ оправдалъ эти ожиданія, насколько широки были его замыслы и до какой высоты доходили его сужденія; она покажетъ, съумѣли ли участники его отрѣшиться отъ эгоистическихъ заботъ и завистливаго соперничества, однимъ словомъ, она раскроетъ, на сколько нашли отголосокъ въ этомъ собраніи великодушныя чувства Россіи, запечатлѣнныя русскою кровью. Плоды укажутъ, каково было древо.

Нынѣ мы ограничимся только констатированіемъ ближайшихъ результатовъ конгресса.

Турки потеряли свое владычество на большей части Балканскаго полуострова. Независимость Сербіи и Румыніи была объявлена, независимость же Черногоріи подтверждена формальнымъ образомъ. Границы этихъ княжествъ расширены. Боснія и Герцеговина изъяты изъ-подъ вѣдѣнія турецкой администраціи и избавлены отъ ея злоупотребленій. Болгарія къ сѣверу отъ Балканъ организована въ видѣ отдѣльнаго автономнаго княжества, связаннаго одною только данью. Большая часть южной Болгаріи, подъ названіемъ Восточной Румеліи, соединена въ одну провинцію съ административною автономіею и губернаторомъ изъ христіанъ, подъ контролемъ Европы. Остальнымъ провинціямъ Турціи будутъ даны учрежденія, въ созданіи и примѣненіи которыхъ примутъ участіе делегаты Великихъ Державъ. Что касается собственно Россіи, то въ Европѣ ей возвращена та часть территоріи, которая была отъ нея отрѣзана послѣ Крымской войны, вслѣдствіе чего она вновь достигла Дуная. Въ Азіи мы пріобрѣтаемъ цѣлую новую территорію съ портомъ и важными стратегическими позиціями, которыя обезпечиваютъ нашу безопасность и наше развитіе на будущее время.

Было бы неправильно преувеличивать значеніе этихъ результатовъ, но столь же несправедливо было бы ихъ умалять.

Дѣйствительно, они далеки отъ того, на что Россія имѣла бы право разсчитывать, послѣ стольких жертвъ и послѣ славной войны; они даже не вполнѣ соотвѣтствуютъ интересамъ Востока и Европы, которые выиграли бы, если бы этотъ кризисъ кончился болѣе радикальнымъ и нормальнымъ рѣшеніемъ. Берлинскій трактатъ имѣетъ несомнѣнно слабыя стороны. Одна изъ наиболѣе подверженныхъ критикѣ заключается въ томъ, что все разграниченіе основано на соображеніяхъ географическихъ и политическихъ, безъ всякаго вниманія къ этнографическому элементу. Императорскій Кабинетъ предлагалъ другое основаніе для разграниченія, болѣе раціональное и справедливое—принципъ національности большей части населенія, принципъ, который давалъ бы полную свободу развитію всѣхъ народовъ въ ихъ естественныхъ границахъ. Къ сожалѣнію, отъ этого принципа пришлось отказаться.

Тѣмъ не менѣе все зависитъ отъ того, какимъ образомъ будутъ исполнены постановленія конгресса.

Нельзя не сказать еще разъ: затрудненія, съ коими связано

рѣшеніе восточнаго вопроса, заключаются не въ Турціи, а въ Европѣ. Каковы бы ни были представляемыя имъ компликаціи, онѣ естественно не могутъ превосходить размѣра тѣхъ силъ, коими располагаютъ цивилизованные народы Европы. Но вліяніе Европы на Востокѣ всегда бывало парализовано чувствами взаимнаго недовѣрія и соперничества кабинетовъ. Если бы державы соединились въ общихъ усиліяхъ для упроченія зачатковъ, положенныхъ конгрессомъ, дабы сдѣлать изъ нихъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія народовъ Востока, то дѣло конгресса, конечно, не было бы безплоднымъ ни для Европы, ни для Востока. Императорскій Кабинетъ, убѣдившійся долгимъ опытомъ, что солидарность и согласіе суть единственные залоги благополучія и общаго мира для всего христіанскаго Востока, явилъ крайнее миролюбіе. Нынѣ его задача—блюсти, чтобы всѣ прежнія усилія не пропали даромъ.

Въ этомъ отношеніи мы достигли существеннаго результата. Трактатъ 1856 года, этотъ памятникъ политическихъ страстей, которыя вызвали несправедливую войну и такой же миръ; этотъ актъ, который поставилъ Россію въ положеніе, недостойное великой державы и который связывалъ въ теченіи 22-хъ лѣтъ руки какъ Россіи, такъ и Европѣ, обезпечивалъ турецкому правительству полную безнаказанность и вызывалъ постоянные безпорядки, послужившіе, между прочимъ, причиною и настоящей войны; этотъ трактатъ, который всѣми нарушался, отъ котораго отрекались даже его создатели—не существуетъ больше. Побѣдоносныя русскія войска разорвали его, берлинскій конгрессъ вычеркнулъ его изъ исторіи. Россія пріобрѣла полное право блюсти за результатами своихъ усилій: она не позволитъ ихъ уничтожить.

То, что совершается на нашихъ глазахъ теперь, сопровождало впрочемъ и всѣ прежнія наши войны на Востокѣ. Не смотря на всѣ наши успѣхи, мы никогда не могли разрѣшить задачу кореннымъ образомъ. Намъ приходилось всегда останавливаться передъ непреоборимыми трудностями задачи, передъ сплоченной стѣной интересовъ и страстей, которые вызывались нашими успѣхами. Но со всякою послѣдующею войною мы дѣлали новый шагъ къ достиженію нашей окончательной цѣли. Это есть та кровавая и славная черта, которая проведена черезъ всю нашу исторію и которая должна привести неизбѣжно къ выполненію нашей исторической миссіи—освобожденію христіанскаго Востока.

Какъ бы ни были несовершенны результаты берлинскаго конгреса, они все таки представляютъ новый шагъ по прежнему пути, шагъ весьма важный, хотя и пріобрѣтенный дорогою цѣною. Остается только ихъ укрѣпить и затѣмъ дать имъ возможность развиваться. Такова задача ближайшаго будущаго.

Оттоманская имперія вступила въ новую фазу отношеній къ христіанской и цивилизованной Европѣ. Если она пойдетъ по открывающемуся передъ нею пути съ полною откровенностію и желаніемъ точно исполнять условія, гарантирующія автономію ея христіанскихъ подданныхъ, передъ нею можетъ открыться счастливое будущее. Россія, имѣющая на своей обширной территоріи многіе милліоны подданныхъ мусульманъ, религію коихъ она охраняетъ, такъ же какъ и ихъ благоденствіе, не будетъ угрожать Турціи, напротивъ, можетъ стать ея лучшимъ союзникомъ. Въ противномъ случаѣ, Порта сама подпишетъ свой приговоръ. Императорскій Кабинетъ не перестанетъ прилагать всѣ усилія, чтобы удержать ее на этомъ пути. Онъ будетъ продолжать притягивать Европу къ общему дѣлу и съ своей стороны будетъ точно исполнять лежащія на немъ обязанности.

Во всякомъ случаѣ, Россія исполнила то, что считала своею задачею, честно и мужественно. Она не дѣлала торга ни изъ своихъ жертвъ, ни изъ своихъ успѣховъ. Связанная съ своимъ Монархомъ тѣснѣйшими узами преданности, она черпала въ этомъ неразрывномъ союзѣ непобѣдимую силу, которая обезпечила за нею побѣду и которая поможетъ ей вознаградить свои потери. Эти узы долга свойственны только великимъ націямъ.

Итакъ не напрасно лилась кровь этихъ храбрыхъ воиновъ на поляхъ сраженій въ Болгаріи и Арменіи, на валахъ Плевны и Карса, въ тѣснинахъ Шипки и на равнинахъ Румеліи; не напрасно русскій народъ безропотно несъ бремя войны и отъ мала до велика представилъ такъ много доказательствъ самоотверженія, черпающаго свои силы въ религіи, въ патріотизмѣ и гуманности; не напрасно, наконецъ, умѣренный въ своей побѣдѣ, онъ подчинилъ права побѣдителя высшимъ интересамъ общаго мира и солидарности народовъ.

Жертвы эти уже принесли плоды и принесутъ ихъ еще больше въ будущемъ.

Милліоны людей получили свободу, новый міръ, міръ христіанскій, призванъ къ жизни и направленъ по пути цивилизаціи. Новый свѣтъ озарилъ самыя мрачныя глубины восточнаго царства, скрывавшія въ себѣ столько неизвѣстныхъ бѣдствій, столько непомѣрныхъ страданій, исцѣленіе которыхъ, задержанное въ теченіи многихъ столѣтій, есть въ настоящее время не болѣе какъ вопросъ времени.

Если не все еще сдѣлано, если въ дѣло вмѣшались и недовѣріе, и предубѣжденіе, и политическая зависть, эгоистическіе разсчеты матеріальнаго характера и борьба партій, то все-таки нужно признать, что многое уже исполнено. Россія можетъ гордиться сознаніемъ, что она не мало содѣйствовала успѣшному концу общаго дѣла своимъ великодушнымъ и рѣшительнымъ начинаніемъ, а потомъ своею умѣренностью. Она можетъ быть убѣждена, что въ лѣтописяхъ всемірной исторіи дѣло ея заслужитъ славную страницу; что, не смотря на временныя препоны, порождаемыя страстями, пороками и слабостями людей, человѣчество идетъ къ тѣмъ же неуклоннымъ цѣлямъ, которыя предначертаны ему Провидѣніемъ.

Берлинскій конгресъ былъ только роздыхомъ, остановкою на этомъ трудномъ пути. Оцѣнивая его съ этой точки зрѣнія, Россія находитъ въ прошедшемъ вѣру въ будущее".

---

Въ Правительственныхъ сферахъ возбужденъ, какъ говорятъ, вопросъ о повсемѣстномъ уменьшеніи числа контрольныхъ палатъ, съ тѣмъ, что бы каждая изъ нихъ вѣдала дѣла двухъ или нѣсколькихъ губерній.

Въ г. Тюмени, западной Сибири, предполагается открытіе шестиклассснаго реальнаго училища съ коммерческимъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ.

Въ настоящее время, наконецъ, рѣшено принять мѣры къ сохраненію историческихъ памятниковъ, на разрушеніе которыхъ до сихъ поръ не обращали почти вниманія. Для этой цѣли учреждается особая правительственная коммисія, имѣющая свой опредѣленный штатъ служащихъ, съ правами государственной службы и съ жалованьемъ, общая ежегодная сумма котораго опредѣлена въ 13.400 руб. Для изслѣдованія памятниковъ и наблюденій за ихъ цѣлостію образуются археологическіе округа. Въ случаѣ невозможности сохранить какой либо памятникъ коммиссія распоряжается о снимкѣ съ него копіи—фотографіи, слѣпка. Безъ вѣдома и разрѣшеніи коммисіи запрещается приступать къ какимъ либо измѣненіямъ или поправкамъ памятниковъ, имѣющихъ историческое значеніе. Такимъ образомъ надъ нашими памятниками старины будетъ учреждено просвѣщенная опека, составленная изъ спеціалистовъ въ археологіи.

Сообщаемъ извѣстіе о томъ, что наши бывшіе нѣмецкіе колонисты отправлявшіеся цѣлыми семьями въ Америку, теперь въ количествѣ 160 семействъ возвратились обратно. По разсказамъ ихъ имъ не пришлось даже увидѣть мѣста предполагавшагося поселенія: соотечественники встрѣтили ихъ на пути и сказали, что мѣста, отведенныя для переселенцевъ въ Америкѣ совершенно неудобны для обработки. Возвратившіеся думаютъ опять поселиться на своихъ старыхъ мѣстахъ—въ Самарской губ. и говорятъ, что ихъ примѣру вѣроятно послѣдуетъ большинство переселенцевъ. Относительно воинской повинности они говорятъ, что болѣе не страшатся ея.

Въ Петербургѣ случилось ужасное происшествіе, о которомъ, основываясь на сообщеніи „Прав. Вѣст.", пока можетъ разсказать слѣдующее:

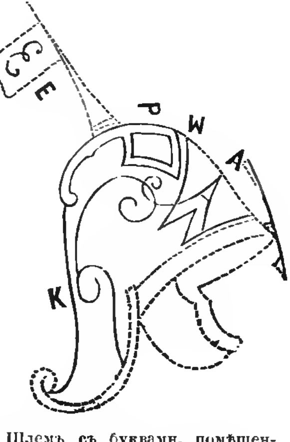
„Въ 9 часовъ утра, въ пятницу, 4-го августа, шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ, во время обычной своей утренней прогулки, шелъ по Михайловской площади от часовни у Гостинаго двора на Невскомъ, въ сопровожденіи отставнаго полковника Макарова. На углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади, близь дома кондитера Кочкурова, на него неожиданно бросился неизвѣстный молодой человѣкъ, прилично одѣтый, въ сѣромъ пальто и въ очкахъ, сильно ударилъ его кинжаломъ въ верхнюю часть живота и побѣжалъ по Большой Итальянской улицѣ. За нимъ въ погоню бросился полковникъ Макаровъ, съ крикомъ—„держи, держи!" причемъ, размахивая зонтикомъ, безсознательно ударилъ убійцу. Въ ту же минуту другой молодой человѣкъ, столь же прилично одѣтый, въ длинномъ синемъ пальто и въ черной круглой пуховой шляпѣ, съ черными усами, выстрѣлилъ почти въ упоръ изъ револьвера въ полковника Макарова: пуля пролетѣла мимо головы послѣдняго. Оба убійцы, пользуясь малолюдствомъ Итальянской улицы, вскочили на ожидавшія ихъ въ Итальянской дрожки, запряженныя хорошею вороною лошадью. На козлахъ сидѣлъ молодой кучеръ, съ черными усами, безъ бороды. Сѣвъ на дрожки, злоумышленники съ Итальянской понеслись по Малой Садовой и скрылись. Полковникъ Макаровъ, безуспѣшно кричавшій „ловите, держите!"—возвратился къ раненому, который, не потерявъ присутствія духа, на вопросъ испуганныхъ приказчиковъ Кочкурова—кого ранили? отвѣчалъ, что рана нанесена ему, при чемъ указалъ на свою окровавленную одежду. При помощи полковника Макарова и вышедшаго изъ сосѣдняго дома камергера Бодиско, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ дошелъ по Итальянской до угла Малой Садовой, гдѣ его посадили на извозчика. Онъ доѣхалъ до своей квартиры у Цѣпнаго моста, на Фонтанкѣ. Значительное истеченіе крови вскорѣ обезсилило раненаго. Приглашенный въ 11 часовъ утра докторъ Мамоновъ, осмотрѣвъ больнаго, нашелъ, что его положеніе весьма серьёзно.

Прибывшіе вслѣдъ за докторомъ Мамоновымъ врачи оказали всѣ должныя пособія раненому. Но, не смотря на всѣ ихъ усилія, Шефъ Жандармовъ, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ, въ 5 часовъ 15 минутъ того же четвертаго августа, скончался".

**Опечатка.** Въ № 32 Нивы подъ рисункомъ на стр. 572 напечатано по недосмотру слово: Trocadero; слѣдуетъ читать: Champ de Mars.

## Ребусъ.

## Рѣшеніе задачи.



Шлемъ съ буквами, помѣщенный въ № 32 «Нивы», заключаетъ въ себѣ имя: Ермакъ.



Издатель **А Ф. МАРКСЪ.**
Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

## О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

**Контора журнала «Нива» проситъ своихъ г. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.**



**„При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ".**

Дозволено цензурою СПБ. 10 августа 1878 г. Тип. ... № 10.

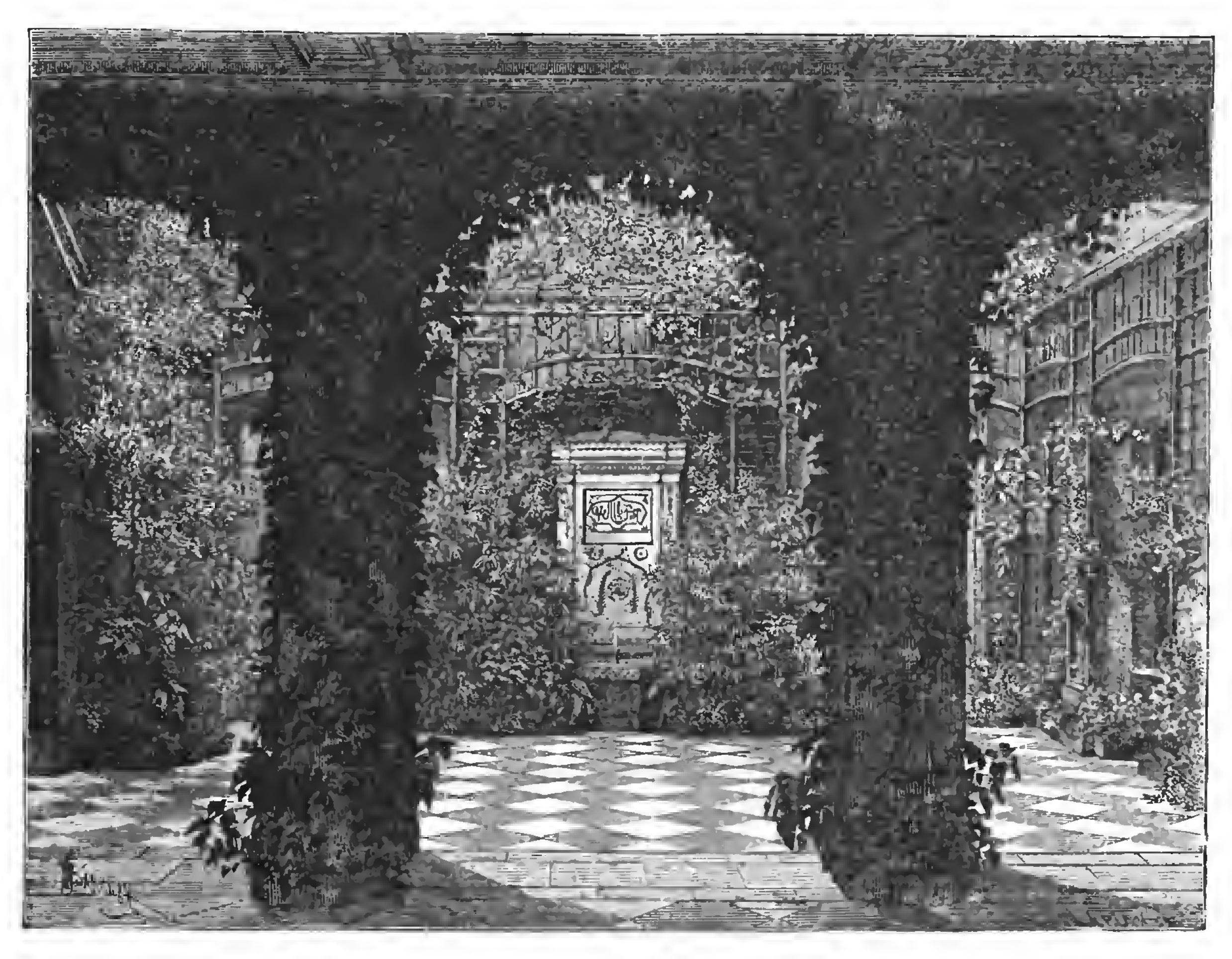



№ 34 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 21 Августа 1878 г.





Зимній садъ во дворцѣ Государыни Императрицы въ Ливадіи. Рис. И. Барклей, грав. Лаплантъ.

# Ливадія, имѣніе Государыни Императрицы въ Крыму.

Въ предыдущемъ номерѣ Нивы помѣщая рисунокъ, изображающій видъ Оріанды въ Крыму, мы уже имѣли случай замѣтить о крымскихъ древностяхъ, сохранившихся въ остаткахъ различныхъ развалинъ, находящихся во многихъ его мѣстностяхъ. Помѣщая, въ этомъ номерѣ два рисунка, изображающіе зимній садъ во дворцѣ Государыни Императрицы въ Ливадіи и видъ самаго дворца, скажемъ, прежде чѣмъ дать описанія его, нѣсколько словъ о крымской природѣ.

Три четверти всего полуострова состоятъ изъ степей, четвертая же часть, окаймляющая Черное море, покрыта горами. Степная часть Крыма безводная, безлѣсная а гористая наоборотъ—покрыта лѣсами, обильна источниками. Прибрежная полоса защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ хребтами, которые къ западу склоняются къ морю и прерываются. Съ восточной стороны самую высокую оконечность хребта составляетъ Караби. За Караби горы рѣзче поварачиваются къ востоку, и понижаются, образуя разрѣзы, пропускающіе сѣверные вѣтры. Климатъ крымскаго полуострова различный—между климатомъ степнымъ и между климатомъ горъ и южнаго берега. Характеристическія свойства климата степей составляютъ зной лѣтомъ и жгучій морозъ зимою; скудость дождей и жестокія снѣжные вьюги. Не смотря на то, что южная часть полуострова находится между 44° и 45° сѣв. шир. т. е. на томъ же разстояніи отъ экватора, какъ и сѣверная Италія, и закрыта отъ сѣвера цѣпью горъ,—климатъ Крыма не на столько мягокъ, какъ климатъ Италіи, и въ немъ бываютъ чрезвычайно неожиданные рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду. Бываютъ холода доходящіе до 15 градус. Реомюра, и снѣгъ покрываетъ своимъ снѣжнымъ покровомъ долины и лѣса. Случается, что въ декабрѣ можно гулять на воздухѣ въ лѣтнемъ платьѣ, но вдругъ ночью налетитъ буря и нанесетъ съ собою и холодъ и морозъ. Самое холодное время бываетъ обыкновенно въ концѣ декабря, въ январѣ и началѣ февраля, хотя, какъ мы сказали и въ это время выпадаютъ прекрасные теплые дни. Главные вѣтры въ горной части, какъ и на всемъ полуостровѣ сѣверные и сѣверо-восточные. Восточные вѣтры весною приносятъ съ собою холодъ, по заключенію Палласа, потому что Азовское море остается долго покрытымъ льдомъ. Дожди въ лѣтнее время на южномъ берегу бываютъ рѣдко, ибо вѣтеръ разбиваетъ тучи въ горахъ и разноситъ ихъ. Средняя температура дня, начиная съ половины мая по сентября отъ 17 до 20° Реюмюра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южнаго берега температура еще нагрѣвается отъ отраженія солнечныхъ лучей на окрестныя скалы. Свѣжій морской вѣтерокъ почти постоянно дуетъ въ-теченіи всего лѣта. Съ наступленіемъ заката солнца вѣтерокъ обыкновенно затихаетъ, и глубокая тишина воцаряется въ ночномъ воздухѣ. Вообще климатъ южнаго берега Крыма можно назвать пріятнымъ: на температуру воздуха оказываетъ важное вліяніе близость моря. Охлаждаясь зимою, оно отдаетъ свое тепло окружающему воздуху и такимъ образомъ умѣряетъ холодъ. Такое же умѣряющее дѣйствіе оказываетъ море и на температуру воздуха въ теченіи лѣта; земля нагрѣвается быстрѣе воды и слѣдовательно легче нагрѣваетъ воздухъ: теплый воздухъ жиже, легче прохладнаго; вслѣдствіе чего, прохладный морской, какъ болѣе плотный, старается занять мѣсто въ разжиженномъ тепломъ воздухѣ. Цѣлебное дѣйствіе крымскаго воздуха и морскія купанья, какъ извѣстно, привлекаютъ много больныхъ на южный берегъ Крыма. Кромѣ климатическаго леченія и леченія ваннами, въ Крыму употребляется леченіе кумысомъ и виноградомъ. Виноградомъ обилуетъ Крымъ и его имѣется здѣсь нѣсколько сортовъ. Особенное значеніе для больныхъ составляетъ возможность бывать почти ежедневно на открытомъ воздухѣ и наслаждаться прогулками и прелестными видами южнаго берега. Природа здѣсь раскинулась во всемъ великолѣпіи. Тутъ море, то тихое, безмолвное, сверкающее въ лучахъ солнца, то съ тихимъ плескомъ набѣгающее на берегъ, то все взволнованное, бурное, шумящее, потемнѣвшее... Это море окаймляютъ самой причудливой формы берега: то отвѣснымъ утесомъ берегъ выдвинулся въ море, то отлогой площадкой раскинулся; въ иныхъ мѣстахъ берегъ будто обложенъ маленькими скалами, нѣкоторыя изъ нихъ, оторванныя бурею, скатились далеко въ море, и волны съ шумомъ о нихъ разбиваются. Тутъ виноградники, тутъ кипарисы и лавръ душистый, и олеандры, персики, каштаны... Вотъ у подошвы скалы амфитеатромъ раскинулась татарская деревенька... Вотъ скала совсѣмъ похожая своею формой на человѣка въ рясѣ—монахъ скала. Вотъ тихій заливъ, а тутъ каскадъ, стремящійся съ огромнаго утеса, и густая зелень лѣсовъ оживляютъ богатую картину различныхъ дачъ, все болѣе и чаще устраиваемыхъ на южномъ берегу. Люди, имѣющіе возможность попользоваться дарами природы которыми въ Россіи только и надѣлены наши южные владѣнія: Закавказье и Крымъ, устраиваютъ себѣ здѣсь великолѣпные дворцы и еще улучшаютъ богатства мѣстной природы. Какъ извѣстно, наша царствующая семья также имѣетъ нѣсколько дачъ на берегу Крыма (такъ и въ предшествовавшемъ № „Нивы“ былъ представленъ видъ имѣнія Великаго Князя Константина Николаевича). Государыня Императрица также имѣетъ свой дворецъ.

Поправленію ея разстроеннаго здоровья много способствовалъ климатъ Крыма и со времени своего выздоровленія Императрица въ концѣ лѣта обыкновенно уѣзжаетъ въ Ливадію.

Собственно названіе Ливадія есть слово греческое и въ переводѣ означаетъ „лугъ“. Въ давнія времена на мѣстѣ Ливадіи было греческое поселеніе, что доказывается нахожденіемъ нѣсколькихъ надгробныхъ памятниковъ, и самое названіе одного изъ источниковъ, протекающихъ въ этой мѣстности, Ай-янъ-су—вода св. Іоанна—также служитъ доказательствомъ за принадлежность этой земли грекамъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II всѣ земли отъ Ливадіи до Балаклавы, по берегу моря, были отданы грекамъ. Отъ грековъ генералъ Ревильоти пріобрѣлъ покупкою значительную часть этихъ земель, въ томъ числѣ Ливадію и Оріанду.

Отъ Ревильоти Ливадію въ 1834 г. пріобрѣлъ графъ Потоцкій и устроилъ тутъ красивую дачу съ богатыми виноградниками. Затѣмъ по смерти Потоцкаго, наслѣдниками его Ливадія была продана въ Министерство Удѣловъ, а оттуда въ 1861 г. поступила во владѣніе Государыни Маріи Александровны. Ливадія находится въ 4-хъ верстахъ разстоянія отъ Ялты; превосходное шоссе соединяетъ ихъ и идетъ далѣе. Тутъ на всемъ пространствѣ между Ялтой и Алупкой высятся среди густыхъ рощей и отвѣсныхъ скалъ прекрасныя дачи-дворцы. Дворецъ Государыни, само собой разумѣется, занимаетъ первое мѣсто. Въ своемъ великолѣпіи равняясь съ царскими дворцами въ окрестностяхъ Петербурга, онъ превосходитъ ихъ роскошью своей очаровательной обстановки—природы южнаго берега съ его растительностью, моремъ, съ его удивительнымъ климатомъ. Но нельзя все таки не замѣтить, что Ливадія, будучи полна красотъ, созданныхъ руками человѣка, въ то же время по мѣстоположенію своему далеко уступаетъ многимъ другимъ имѣніямъ. находящимся по южному берегу Крыма, не говоря уже объ Оріандѣ и Алупкѣ—которые по красотѣ мѣстности, ими занимаемой, не могутъ быть сравниваемы съ Ливадіей. Но за то въ Ливадіи, какъ мы сказали выше, есть другія красоты, созданные царственными владѣтелями. Красотъ этихъ множество, въ томъ числѣ и изящные фонтаны. Одинъ, напримѣръ, сдѣланъ античнымъ саркофагомъ съ покоющейся женщиной. Саркофагъ этотъ найденъ при раскопкахъ въ Помпеѣ и вывезенъ изъ Италіи графомъ Потоцкимъ. Оранжереи Ливадіи наполнены самыми рѣдкими растеніями горячихъ странъ свѣта; галлереи увиты богатыми розами; тоннель ведетъ къ морю; бассейнъ вмѣщаетъ въ себѣ воду для поливки садовъ. Всѣ постройки въ Ливадіи произведены архитекторомъ Монигетти, и орнаментовкою въ восточномъ вкусѣ напоминаютъ отчасти дворцы Константинополя. Нѣсколько далѣе отъ дворца Императрицы стоитъ дворецъ Наслѣдника, также сдѣланный по плану Монигетти. Впечатлѣніе, производимое красотами построекъ въ Ливадіи, при всемъ ихъ разнообразіи, нельзя не признать значительнымъ; но тамъ, гдѣ жаркое синее небо, гдѣ предъ глазами безконечная даль моря и чарующая растительность южной природы—тамъ красоты дворцовъ теряютъ свое значеніе.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что южный берегъ Крыма, богатый роскошными постройками, въ то же время и крайне бѣденъ удобными помѣщеніями для людей средняго состоянія. Словомъ, край этотъ благодатный по своей природѣ, но пустынный по количеству его населенія и по бѣдности его культуры, что, конечно, всего болѣе зависитъ отъ недостатка нашей русской предпріимчивости.

Л.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

### IV.

У опушки густого, на десятки верстъ раскинувшагося бора, не далеко отъ дороги Московской, верстахъ въ двадцати пяти отъ Суздаля, пріютилась избенка.

Чернѣется она, будто грибъ какой, среди яркаго снѣга, озолоченнаго утреннимъ солнцемъ. Кругомъ тихо. Неподвижно, какъ каменныя изваянія, стоятъ вѣковыя сосны. Молчитъ лѣсная птица. Не подаетъ голосу домашняя скотина подъ навѣсомъ. Только легкій дымокъ струится надъ хатою, поднимается къ ясному, розовато-голубому небу и незамѣтно исчезаетъ въ безвѣтряной высотѣ.

Но вотъ скрипнула дверца избушки, на порогѣ показались старикъ и молодой парень.

Парень въ толстомъ зипунѣ, въ теплыхъ валенкахъ, въ мѣховой шапкѣ, за спиною у него котомка небольшая изъ толстой холстины.

Старикъ что-то толкуетъ парню, показываетъ руками на дорогу.

— Спасибо, дѣдушка, спасибо, понялъ,—отвѣчаетъ тотъ звонкимъ голосомъ,—Богъ дастъ не заплутаюсь.

— Помни, село Медвѣдково, спроси тамъ Лукьяна,—его всякій знаетъ—онъ тебя на ночь впуститъ.

— Спасибо, дѣдушка, спасибо за ласку! не впустилъ бы ты меня, такъ въ лѣсу ночевалъ бы!

— Зачѣмъ въ лѣсу? И не знаемаго человѣка въ лѣсу не оставлю, а коли ты моего племяша Ѳедюшки пріятель, такъ тѣмъ паче. Только, эхъ ты парень, парень, подивился я на тебя—полно, такъ ли что ты мнѣ насказалъ, съ посыломъ ли ты въ Москву отъ господина?

— Вѣстимо съ посыломъ, бойко отвѣтилъ парень.

— Ну да ладно, — слабо усмѣхнувшись замѣтилъ старикъ,—я тебѣ не судья и не доносчикъ. Въ бѣгахъ-ли ты или что—не мое дѣло, ты мнѣ зла не сдѣлалъ—съ Богомъ!

Юноша еще разъ сказалъ старику спасибо и быстро направился къ Московской дорогѣ.

Старикъ постоялъ, поглядѣлъ ему въ слѣдъ, покачалъ головою и вернулся въ избушку.

Утро задалось чудесное.

Не смотря на морозецъ, въ воздухѣ уже слышалось приближеніе весны, ужь носился какой-то особенный, свѣжій, сладкій запахъ. Отъ лучей солнечныхъ коегдѣ капалъ заледенѣвшій снѣгъ съ древесныхъ вѣтокъ.

Парень шелъ быстрымъ, скорымъ шагомъ, какъ будто его что-то подталкивало.

Вотъ онъ оставилъ лѣсъ за собою, вотъ выбрался на большую дорогу, оглядѣлся во всѣ стороны, прислушался къ тишинѣ окрестной: ничего и нигдѣ не видно, и не слышно. Во всѣ стороны были блестящія поляны, только полоса дороги, протоптанная обозами, потемнѣла. Старикъ сказывалъ далеко до перваго селенья...

Юноша еще быстрѣе пошелъ дальше.

Вотъ солнце поднялось выше, заглядываетъ прямо въ глаза, такъ что щуриться приходится путнику. И онъ весело щурится, весело смотритъ на разноцвѣтно-горящія снѣжинки подъ ногами. Ему пѣть и плясать хочется. Да какъ же и не пѣть, не плясать и не радоваться? Молодость и здоровье такъ и сверкаютъ въ лицѣ его. Онъ высокъ и строенъ, но почти ребенокъ. Надъ алыми губами его незамѣтно даже еще и пуху, и невольно, глядя на него, думается: откуда это взялся такой красавецъ-мальчикъ? Да и мальчикъ ли это полно? И впрямь это красная дѣвица—перхуловская Люба Кадашева, которую сцапалъ дьяволъ.

Старикъ изъ лѣсной избушки заподозрилъ своего ночного постояльца въ томъ, что онъ бѣжалъ отъ господина. Этотъ же старикъ съ изумленіемъ разглядывалъ юношу, дивился женской красотѣ лица его, его нѣжному голосу, видѣлъ и чувствовалъ что-то странное, необычное въ этомъ юношѣ. Между тѣмъ мысль о томъ, о передъ нимъ дѣвушка, не могла придти ему въ голову. Еслибъ ему сказали, что это самъ бѣсъ въ образѣ красавца-мальчика, что это оборотень, или какое ни на есть диво, онъ повѣрилъ бы, но чтобъ это была дѣвушка—никто не могъ бы его увѣрить.

— Неслыханное, невѣроятное дѣло! Она въ мужской одеждѣ... на большой дорогѣ...

А ужь если и впрямь это такъ, если это дѣвушка, значитъ точно сидитъ въ ней дьяволъ, и не сама это она идетъ, а онъ, врагъ, несетъ ее.

Но Люба ни о чемъ такомъ не думаетъ, не дивится на себя и на свою неслыханную смѣлость, не раскаивается. Она думаетъ только о томъ, какъ бы ей добраться до Москвы, не погибнуть на дорогѣ. Вотъ вчера вечеромъ ухъ какъ жутко ей было: и людей боялась, и звѣрей боялась еще пуще того. Такъ какъ же все это могло случиться? А случилось оно очень просто. Почувствовавъ въ себѣ силу подняться послѣ жестокихъ побоевъ, бѣдная дѣвушка вдругъ приняла неожиданное для самой себя рѣшеніе: бѣжать, бѣжать изъ этого ужаснаго дома, бѣжать къ Царь-дѣвицѣ! И какъ до сихъ поръ не пришло это ей въ голову?!.

Но бѣжать... ей, которая и на мужскую-то половину не могла выйти безъ того, чтобъ ее не обозвали безстыдницей... Бѣжать, не зная дороги, не зная что тамъ и какъ тамъ, и что съ ней будетъ, ожидая, что и люди лихіе и звѣри лютые сто разъ могутъ ее погубить, прежде чѣмъ она доберется до Москвы.

Все это, конечно, мелькало въ головѣ Любы, но не смутило ее, не испугало—не такова она была, чтобъ чего-нибудь испугаться. То блаженство, тотъ рай, которые ожидали ее въ теремѣ Царь-дѣвицы, были такъ чудны, такъ прекрасны, эта цѣль являлась такой заманчивой, что разъ почуявъ возможность ея достиженія, Люба не могла думать о препятствіяхъ и бояться ихъ.

Но какъ все это сдѣлать? Какъ выбраться изъ дома? Какъ избѣжать погони?

Цѣлую ночь все обдумывала и придумывала Люба и наконецъ остановилась на единственно возможномъ планѣ.

Одна, безъ чужой помощи, не выйдешь, въ своемъ женскомъ платьѣ не убѣжишь, не избѣжишь погони: нужно нарядиться мальчикомъ — но откуда добыть одежду?..

Какъ ни охранялись входы и выходы женской половины дома, но конечно между молодыми дѣвушками и парнями необходилось безъ переглядываній и перемигиваній. Одинъ изъ молодыхъ слугъ Перхулова, по имени Ѳедоръ, или какъ всѣ его называли, Ѳедюшка, не разъ попадался на глаза Любѣ. Это былъ парень лѣтъ двадцати не больше, красивый и бойкій, хотя и довольно глуповатый. Онъ очевидно былъ давно уже пораженъ красотой Любы и посылалъ ей постоянно нѣжные взгляды, а при случаѣ и сладкія словечки. Но Люба не обращала на него до сихъ поръ никакого вниманія, ея сердце молчало, да и должно было оно забиться не для какого нибудь глуповатаго Ѳедюшки.

Была суббота. Почти всѣ въ домѣ Перхуловыхъ отправились ко всенощной. Люба осталась, и какъ опальная и какъ больная, остался и Ѳедюшка по счастливому случаю.

Тишина въ домѣ, темь кромѣшная.

Люба изловчилась, оглядѣлась и пробралась на мужскую половину, а тамъ, словно ее поджидаетъ, стоитъ Ѳедюшка.

Онъ это, онъ—хоть и темно, а она его разглядѣла.

Ай! вскрикнула Люба и не успѣла опомниться, какъ очутилась въ крѣпкихъ объятіяхъ и почувствовала на щекѣ своей горячій поцѣлуй.

Въ первую минуту она было возмутилась и обидѣлась, хотѣла оттолкнуть его отъ себя и убѣжать обратно въ свою коморку, но сейчасъ же и одумалась.

Она только слабо отстранила его и зарыдала.

— Что ты, ласточка моя? о чемъ ты плачешь? тихо и нѣжно прошепталъ Ѳедюшка.



**Дворецъ Государыни Императрицы въ Ливадіи.** Рис. съ натуры Е. Теру, грав. Лаплантъ.



**Прививка оспы въ деревнѣ.** Рис. на деревѣ Вѣчтоновъ, грав. Пуцъ.

— Какъ же мнѣ не плакать, сквозь рыданія отвѣтила ему Люба, или не знаешь какова моя жизнь? или не знаешь что на мнѣ мѣста живого не осталось—вся какъ есть избита!

— Охъ знаю, знаю, моя красавица, и видитъ Богъ какъ узналъ, такъ ажно меня до слезъ прошибло...

— Что-жь такъ? сказала Люба, останавливая свои слезы, чего тебѣ обо мнѣ плакать—я тебѣ не своя, а чужая.

— То то и есть, что не чужая, давно ужъ я по тебѣ сохну, Любушка!

— Любишь меня что-ли! уже твердымъ и нѣсколько лукавымъ голосомъ спросила Люба.

— Больше жизни люблю, за тебя готовъ въ огонь и въ воду. То есть пущай все тѣло мое рвутъ на части, лишь бы тебя не трогали.

— Пустое—не вѣрю!

Но время терять было нечего: того и жди ихъ застанутъ и быть новой бѣдѣ. Нужно ковать желѣзо, пока горячо... За смѣлостью у Любы дѣло не стало.

— А коли впрямь любишь, такъ докажи, сказала она, выручи изъ бѣды, помоги убѣжать, тогда я тебя въ жизнь не забуду.

— Убѣжать! Богъ съ тобой—а я то какъ же?

Но у Любы на все были придуманы отвѣты, и справиться съ педальнимъ Ѳедюшей ей было не трудно.

Она наговорила ему турусы на колесахъ, наврала не вѣсть чего: увѣрила, что у нея есть богатые, знатные родные, что если онъ поможетъ ей убѣжать отъ Перхуловыхъ, то и весна еще не успѣетъ стать, какъ они свидятся и съ тѣмъ, чтобъ ужь больше не разлучаться. Онъ тоже, хоть и связанъ съ Перхуловыми, да можетъ развязаться—человѣкъ не безвольный, а живетъ по уговору.

Красно и доказательно говорила Люба. Ѳедюшка всему повѣрилъ и успокоился, а за поцѣлуй, которымъ его наградила Люба, окончательно оказался готовымъ для нея въ огонь и въ воду.

Пока всѣ были у всенощной—и сдѣлалось дѣло. Тайно, такъ что никто не замѣтилъ, принесъ онъ ей свое старое платье. Она переодѣлась у себя въ каморкѣ и, получивъ отъ Ѳедюшки указаніе, какъ ей добраться до его стараго дяди, жившаго близь Московской дороги, шмыгнула за ворота Перхуловскаго дома и черезъ полчаса была уже въ снѣжномъ полѣ, за Суздалемъ, среди ночной тишины, подъ звѣзднымъ небомъ.

Ея сердце колотилось шибко. Со всѣхъ сторонъ на нее наступали страхи и ужасы, но она смѣло шла впередъ и только шептала слова молитвы, и только думала о волшебномъ теремѣ, гдѣ ея ожидаетъ сказочная Царь-дѣвица.

## V.

Весь день, почти безъ отдыха, шла Люба.

Иногда ее обгоняли обозы, тянувшіеся къ Москвѣ изъ вотчинъ со всякимъ продовольствіемъ. Она заговаривала съ возчиками, разспрашивала далеко-ли до Москвы и получила въ отвѣтъ, что еще далеконько. Спрашивала, не знаютъ-ли село Мѣдвѣдково,—отвѣчали:—„какъ не знать, село большущее, знатное. Оно не далече, а все же, коли будетъ парень пѣшій идти, до вечера не доберется“.

Люба попросила подвезти ее. Возчики согласились.

Еще не успѣло смеркнуться, какъ она замѣтила на горизонтѣ чернѣющіяся строенія, церковныя главы.

„Это вотъ и есть Медвѣдково, тутъ сейчасъ и поворотъ къ нему и большая дорога“.

Люба поблагодарила возчиковъ, проворно спрыгнула съ возу и бѣгомъ пустилась по направленію къ селу. Но бѣжать было трудно—снѣгъ глубокій, да рыхлый, вязнутъ въ немъ ноги, къ тому же сильная усталость начала сказываться.

— Ну, ничего, ничего, ободряла себя Люба, тамъ авось Богъ дастъ отдохну у Лукьяна, а то ночью въ полѣ—жутко.

И она припустилась еще шибче. Вотъ уже Медвѣдково какъ на ладони: село, точно, знатное, большущее, его и за городъ принять можно.

На розоватомъ горизонтѣ померкающаго неба, въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, рисуются двѣ церкви. Избы, расположенныя правильными рядами, образуютъ улицы.

Еще пройти одинъ косогоръ—и Люба въ Медвѣдковѣ.

Но что это? что за звуки? гулъ какъ отъ многихъ сотенъ человѣческихъ голосовъ. Чѣмъ ближе, тѣмъ слышнѣе; что тутъ такое? не бѣда ли какая? не пожаръ ли?

Черезъ нѣсколько минутъ, при входѣ въ селеніе, Люба очутилась среди густой толпы народа: тутъ были и мужики, и бабы, и даже дѣти. Крикъ, гвалтъ, ничего разобрать невозможно.

Люба спросила у перваго попавшагося мужика про Лукьяна. Тотъ взглянулъ на нее, ничего не отвѣтилъ и заоралъ свое, размахивая руками и очевидно не обращая вниманія на то, слушаетъ ли кто, что онъ оретъ.

Спросила она у другого—какой то еще Лукьянъ, чего лѣзешь! Откедова? отвѣтили ей.

Она замолчала. Разспрашивать теперь, не оглядѣвшись и не узнавъ въ чемъ дѣло, ей показалось опаснымъ.

Но какъ тутъ узнаешь, о чемъ орутъ и что у нихъ такое?!

— Антихристъ, антихристъ, вѣстимо антихристъ народился, раздавалось въ толпѣ,—ужъ видѣли - въ Москвѣ засѣлъ!.. Никонъ-то, вишь, предтеча его...

— Вѣстимо, вѣстимо! Эхъ окаянные!.. Не оставимъ святыню въ рукахъ слугъ антихристовыхъ!

— Въ церковь братцы, на поповъ!..

И толпа хлынула къ церкви. Люба—за народомъ.

Что такое?—она ничего не понимала. Слыхала она про Никона патріарха, слыхала, что въ чести былъ великой онъ, а потомъ въ чемъ то провинился и словно бы въ заточеніи гдѣ-то, знала и про антихриста, врага рода человѣческаго, слыхала, что онъ долженъ скоро народиться; но что онъ ужь и народился—объ этомъ въ Перхуловскомъ домѣ еще не говорилось.

Что-то они будутъ дѣлать въ церкви? отъ кого ее защищать? что попы дурнаго сотворили?

Страхъ начиналъ пробирать Любу, но любопытство превозмогало и страхъ, и она спѣшила вслѣдъ за толпой, не смотря на свою усталость, спѣшила быть изъ первыхъ на мѣстѣ, чтобъ ничего не пропустить, чтобъ наконецъ понять, въ чемъ дѣло.

Толпа добѣжала до церкви. Тутъ у церковной ограды поповскія строенія. Десятка три мужчинъ начали выламывать ворота, ворвались во дворъ и черезъ нѣсколько мгновеній оттуда послышались страшные крики и вопли. Вотъ волокутъ кого-то...

Люба протискалась ближе, видитъ—священникъ. Онъ кричитъ отчаяннымъ голосомъ, выбиваясь изъ рукъ своихъ мучителей; но никто за него не заступается. Ражій дѣтина схватилъ его за длинные волосы и повалилъ на землю. Ударъ, другой, третій—несчастный священникъ застоналъ. Толпа ревётъ, заглушая его стоны; все спуталось.

Люба, дрожа и затыкая себѣ уши, съ исказившимся отъ страха лицомъ, бросилась къ церкви.

Вся паперть полна народу; выламываютъ тяжелыя двери.

— Да на крышу, на крышу-то полѣзайте! кричатъ нѣсколько голосовъ,—на главы церковныя!

— Воды, воды давайте, обмывайте кресты водою, вѣдь опоганили, все опоганили антихристы!..

Тащатъ откуда-то лѣстницу и дѣйствительно взбираются на крышу съ ушатомъ воды.

Прошло нѣсколько минутъ; церковныя двери выломаны, толпа ввалилась въ церковь и въ тоже мгновенiе раздался пронзительный звонъ во всѣ колокола.

Люба, чуть не сбитая съ ногъ толпой, сама не замѣтила, какъ очутилась въ церкви.

Между тѣмъ вечеръ надвигался больше и больше и въ церкви было уже совершенно темно.

Но вотъ кто-то зажегъ лампаду, вотъ загорѣлась другая и внутренность храма освѣтилась.

Люба стояла, прислонясь къ стѣнѣ, едва держась на ногахъ отъ усталости и ужаса, который увеличивался еще тѣмъ, что она рѣшительно не могла взять въ толкъ того, куда она попала? что это такое? и что съ нею будетъ? Она ясно только видѣла одно, что теперь невозможно ни съ кѣмъ разговаривать, ни у кого ничего спрашивать; нужно только притаиться, чтобъ какъ нибудь ее не замѣтили, что въ этомъ только и спасенье.

Люди, наполнявшіе церковь, продолжали голосить и браниться.

Въ церкви были и женщины, и мужики, и люди въ монашескомъ платьѣ.

Прежде всего они начали расплескивать всюду воду, потомъ схватили мочалки, принялись обмывать церковь.

Но это что такое? Какой-то монахъ выбиваетъ прикрѣпленную къ стѣнѣ икону, скоро нѣсколько человѣкъ подбѣгаютъ къ нему на помощь, икона выбита, брошена на полъ, ее топчутъ ногами.

Люба смотритъ, не вѣря глазамъ своимъ—еще никогда она не видала въ жизнь свою такого богомерзкаго дѣла, даже никогда не думала, что оно возможно: святую икону топтать ногами!

И будто въ отвѣтъ на ея мысли раздаются дикіе возгласы:

— Топчи, плюй на поганую доску! то не икона, то дьявольское писаніе! Мойте, мойте скорѣй святыя иконы стараго писанія!

Люба ничего не понимаетъ А толпа продолжаетъ безчинствовать.

— Плюйте на полъ!

Но тутъ новые крики и визгъ въ другой сторонѣ церкви обращаютъ на себя вниманіе Любы.

Двѣ какія то женщины положительно бѣснуются: падаютъ на полъ, потомъ подпимаются; сбили съ себя головные уборы, растрепали волосы, выдираютъ ихъ прядями, царапаютъ себѣ лица и визжатъ не своимъ голосомъ. Имъ очищаютъ мѣсто и смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ.

— Духъ, духъ въ нихъ вселился! шепчутъ нѣкоторые,—вотъ сейчасъ заговоритъ ихъ устами...

Женщины мало по малу утихаютъ и дѣйствительно начинаютъ что-то говорить, но сначала разобрать ничего невозможно. Слова ихъ отрывисты и перемежаются дикими взвизгиваніями.

— Вонъ поповъ антихристовыхъ! наконецъ уже явственно кричитъ одна изъ женщинъ.— Вонъ ихъ всѣхъ къ дьяволу, чтобъ не смѣли переступать святого порога! Божьи люди, не отдавайте врагамъ церковь, не выходите! Пусть Василій Мыло священнодѣйствуетъ!

— Василій Мыло! Василій Мыло! раздается по церкви десятками голосовъ и толпа вытискиваетъ изъ себя маленькаго взъерошеннаго старика, въ одеждѣ дьячка, съ ощипанной сѣдой бородкой.

— Мыло, тебѣ священнодѣйствовать! ты нашъ учитель! кричатъ и мужчины и женщины.

— И буду, и буду, визгливымъ голосомъ, въ отвѣтъ на эти крики, повторяетъ Василій Мыло.—А поповъ нечистыхъ никоніанскихъ къ дьяволу въ когти! Замыкай двери. Не выходи никто—здѣсь ночевать будемъ, не покинемъ святой церкви!

— Вѣстимо не покинемъ, отвѣчаютъ многіе.

И слышно, какъ замыкаютъ двери.

Люба вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Уйти теперь отсюда невозможно. Еще мгновеніе—и она почувствовала, какъ голова у нея кружится, всѣ предметы сливаются, находитъ какое-то забытье страшное. Беззвучно соскользнула она на полъ въ темномъ уголкѣ церковнаго придѣла и потеряла сознаніе.

## VI.

Прошло немало времени, а Люба все лежитъ, не шелохнется, будто мертвая. Люди, наполняющіе церковь, заняты своимъ дѣломъ и въ фанатическомъ возбужденіи ничего не видятъ, ничего не слышатъ.

Мужики и бабы суетятся, толкаясь и снуя по церкви; не разъ натыкались на Любу, но никому и въ голову не пришло разсмотрѣть, кто это такой лежитъ безъ движенія: живой человѣкъ или мертвый и откуда онъ взялся.

Наконецъ, отъ чьего-то сильнаго толчка и чьей-то въ темнотѣ наступившей на нее ноги, очнулась Люба.

Въ первое мгновеніе она ничего не понимала, не могла сообразить, гдѣ она и что съ нею. Ей казалось, что она грезитъ, что передъ нею не явь, а сонъ безобразный, тревожный, но мало по малу стали проясняться ея мысли. Она все вспомнила и приподнялась съ полу. Ея болѣзненная слабость прошла...

Въ церкви тишина. Народъ угомонился, засвѣтили всѣ до одной лампады; Василій Мыло началъ службу. И вотъ раздалось разноголосное, нестройное пѣніе подъ церковными сводами.

Люба тихонько пробралась къ дверямъ, думая, что можетъ быть онѣ не на запоръ заперты и ей удастся какъ нибудь проскользнуть на паперть.

Она была ужь у самыхъ дверей, когда снаружи раздался сильный стукъ.

— Кто тамъ? Кто стучитъ? спросило нѣсколько голосовъ изъ церкви.

— Это мы, съ колокольни, впустите святую службу прослушать!

Голосъ видно оказался знакомымъ, потому что два человѣка стали отпирать двери.

Люба подвинулась ближе. Вотъ половину дверей пріотворили, вошло нѣсколько человѣкъ, сейчасъ опять запрутъ, и ужъ тогда до утра невозможно будетъ вырваться отсюда.

„Господи благослови!“ сказала про себя Люба, и сама не помня какъ, проскользнула въ готовую захлопнуться дверь, очутилась на паперти и кинулась бѣжать отъ церкви.

Но, пробѣжавъ минутъ съ пять, она остановилась.

Ночь темная, хоть и видимо не видимо звѣздъ на небѣ высыпало. Что дѣлать? Первою мыслью Любы было бѣжать скорѣй изъ Медвѣдкова, опять на большую московскую дорогу, подальше отъ этого страшнаго, непонятнаго мѣста, гдѣ такія неслыханныя чудеса творятся.

Но какъ же ей бѣжать? Положимъ у ней въ котомкѣ большой кусъ хлѣба, данный ей еще въ Суздалѣ Ѳедюшкою; снѣгу всюду много, можно утолить жажду, но дѣло не въ питьѣ и пищѣ, а въ усталости и страхѣ. Идти всю ночь—силъ нѣтъ, да и смѣлости не хватитъ, а лечь гдѣ нибудь въ полѣ на снѣгъ и постараться заснуть—такая ночевка еще страшнѣе.

— Кто стоитъ? Что за человѣкъ? вдругъ раздалось почти у самаго уха Любы.

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, разглядѣвъ въ темнотѣ двѣ рослыя мужскія фигуры. Бѣжать—словятъ и погубятъ; молчать—то же самое. Но что же говорить? что имъ отвѣтить?

— Что за человѣкъ? Языкъ проглотилъ что-ли? опять раздается страшный голосъ, и сильная рука схватила Любу за воротъ.

— Да я къ Лукьяну, безсознательно проговорила Люба, только пройти вотъ какъ—не знаю.

— Откуда-жъ ты, мальченко? изъ васильевскихъ что-ли?

— Да, я пришелъ съ Васильемъ Мыломъ,—сама не вѣря своей смѣлости, отвѣтила Люба.—Вотъ меня къ Лукьяну послали изъ церкви, да дороги къ избѣ его не знаю.

— Михѣй, проводи парня-то—тебѣ по пути, а то и впрямь онъ тутъ въ темнотѣ плутать будетъ, сказалъ одинъ изъ мужиковъ, тотъ самый, который держалъ Любу за воротъ.

— Ладно, отвѣтилъ другой голосъ,—иди что-ли!

Люба послѣдовала за своимъ неизвѣстнымъ вожакомъ и скоро очутилась на одной изъ улицъ Медвѣдкова.

Тутъ было совершенно тихо. Люди заперлись въ избы, бродили только собаки, по временамъ встрѣчая и провожая прохожихъ оглушительнымъ лаемъ.

Наконецъ мужикъ остановился около одной просторной избы.




**Всемірная выставка въ Парижѣ: „Мысль,"** (La Pensée) статуя изъ мрамора работы г. Шапю, назначенная на могилу Даніэля Стерна. Рис. Жюль Лавэ, грав. Смитонъ.

— Вотъ тебѣ и Лукьяново жилье, сказалъ онъ. Постучись, онъ чай не спитъ. Гдѣ теперь спать—не до спанья.

— Спасибо, родимый, прошептала Люба и стала стучать въ ворота.

На дворѣ залаяли собаки, и черезъ нѣсколько мгновеній послышался скрипъ шаговъ по снѣгу.




**Сплавъ лѣса въ порогахъ Шварцвальдскихъ горъ.** Рис. Штилеръ, грав. К. Вейерманъ.

— Кто стучитъ?

— Къ Лукьяну надоть, стараясь придать какъ можно болѣе грубости своему голосу, отвѣтила Люба, а сама крестилась и мысленно повторяла слова первой пришедшей въ голову молитвы.

Ворота растворились.

— Чего тебѣ? спросилъ довольно пріятный старческій голосъ.

— Лукьяна, говорю, Лукьяна! ужъ почти со слезами и чувствуя, что снова у нея подкашиваются ноги, прошептала Люба. Ты ли Лукьянъ?

— Да я, а то кто-же?

— Лукьянъ, батюшка, милостивецъ, спаси меня, защити!

И Люба упала на колѣни передъ отворявшимъ ей ворота человѣкомъ и хватала его за платье.

— Да стой! что ты? откуда? Поди сюда, ничего не разберу—темень то вишь какая. Дѣвка ты что-ли?

— Нѣтъ не дѣвка—парень. Спаси меня, Лукьянушка, не то пропала моя голова... Куда я теперь дѣнусь?

— Иди въ избу; что тамъ такое? не въ-домекъ мнѣ, проговорилъ Лукьянъ, запирая за собою ворота.

Не помня себя, Люба вошла въ избу и невольно зажмурилась отъ яркаго свѣта горѣвшей лучины.

Когда она нѣсколько успокоилась, то увидѣла, что находится въ просторной и чистой клѣти, а передъ нею стоитъ старикъ съ длинной сѣдой бородой, большимъ красноватымъ, но добрымъ, сразу располагающимъ къ себѣ лицомъ.

Съ изумленіемъ глядѣлъ этотъ старикъ на Любу, очевидно дивясь, откуда это забрался къ нему такой красавецъ мальчикъ.

Люба молчала, чувствовала, что говорить нужно, но не могла произнести ни слова. Вся ея необыкновенная смѣлость исчезла. Она чувствовала себя теперь совсѣмъ безпомощнымъ, въ-конецъ запуганнымъ и измученнымъ ребенкомъ. Ей необходимо было спрятаться подъ чье нибудь сильное крыло, прижаться къ человѣку, который могъ бы защитить ее.

Она ужъ не въ силахъ была играть свою смѣлую мужскую роль, неудержимо, громко зарыдала она и только сквозь рыданія повторяла.

— Спаси меня, спаси!

Лукьянъ, стараясь ее успокоить, посадилъ на лавку. Онъ понялъ, что въ такомъ состояніи этотъ, очевидно чѣмъ то сильно перепуганный паренекъ, ничего не можетъ теперь объяснить ему.

Скоро ласковый и ободряющій голосъ старика подѣйствовалъ на Любу, и она наконецъ въ силахъ была заговорить.

Она передала вымышленную свою исторію: сказала, что послана къ нему въ Медвѣдково старымъ Еремѣемъ, что живетъ у Мурьина лѣса, разсказала какъ попала въ сумятицу и что ничего не понимаетъ.

Лукьянъ внимательно ее слушалъ и пристально глядѣлъ на нее, стараясь сообразить, нѣтъ-ли тутъ какого нибудь подвоха. Но какой подвохъ можетъ быть отъ этого мальчика? - Люба говорила такъ искренно.

— Ишь ты! наконецъ вымолвилъ Лукьянъ и снова улыбнулся,—чего ты такъ перепугался, трусишка?

— Да какъ-же не перепугаться, дѣдушка?—ничего не понимаю, скажи, Христа ради, что все это значитъ? что тутъ у васъ дѣлается?

— Сказать... ну калякать то съ тобой мнѣ некогда. Тамъ вонъ мои бабы не спятъ еще, такъ накормятъ тебя; вѣдь ты должно отощалъ больно,—ну и толкуй тамъ съ ними. А мнѣ и спать пора—замаялся!..

Онъ подошелъ къ маленькой дверцѣ, ведущей въ сосѣднее помѣщеніе, и крикнулъ.

— Мавра, Федосья! вотъ накормите прохожаго парнишку... Ступай сюда, здѣсь теплѣе, обратился онъ къ Любѣ, почти втолкнулъ ее въ дверцу, а самъ остался въ клѣти.

**Вс. Соловьева.**

(Продолженіе будетъ).

## Искусственная выводка цыплятъ.

(Окончаніе).

Отдѣленіе для „откормки" и окончательнаго развитія цыплятъ устроено повидимому весьма практично. Однако, съ точки зрѣнія разныхъ обществъ покровительства животнымъ оно представляется никуда негоднымъ. Устроенное для этой цѣли зданіе имѣетъ 120 фут. длины, 20 фут. ширины и 25 ф. вышины. Въ отдѣленіи находится 8 кормовыхъ аппаратовъ объ устройствѣ которыхъ можно составить понятіе изъ прилагаемаго нами рисунка, (См. № 34) также можно получить довольно ясное понятіе и о способѣ самаго кормленія. Кормъ доставляютъ: каша изъ маисовой муки, молоко и вода. Но надо замѣтить, что только здоровый куриный желудокъ можетъ вынести до конца эту процедуру кормленія, потому что въ желудокъ сразу упичкиваютъ столько каши, сколько впору съѣсть взрослой курицѣ, и это дѣлается по два раза каждый день: рано утромъ, около 5-ти и вечеромъ около 6-ти часовъ. При этомъ, чтобы принудить откармливаемую птицу къ безусловному покою ей связываютъ ноги,—и это для того, чтобы движеніемъ она не потеряла силъ, но чтобы всѣ мускульныя силы расходовались на пищевареніе и на образованіе мяса и жира. Откармливаемыя птицы помѣщаются въ вращающемся цилиндрѣ, снабженномъ 240 отдѣленіями; для каждаго отдѣленія назначается 1 экземпляръ откармливаемой птицы. Если какая либо птица, послѣ троекратной пробы кормленія, окажется слишкомъ слабою, чтобы перенесть дальнѣйшую выкормку, то ее тотчасъ отправляютъ въ отдѣленіе „бойни". Но та-же участь, понятно, постигаетъ и тѣхъ несчастныхъ птицъ, которыя еще смогли перетерпѣть трехнедѣльный процессъ кормленія. Такой откормленный (въ теченіе 3-хъ недѣль) жареный цыпленокъ долженъ вѣсить по меньшей мѣрѣ $1\frac{1}{2}$ фунта. Это вѣсъ, котораго достигаетъ птица, при сейчасъ описанномъ уходѣ, въ *два* мѣсяца своего существованія.

Это описанное сейчасъ американское учрежденіе называется „Фабрика цыплятъ". Такое названіе носитъ самая фирма. Каждогодно высиживается здѣсь до 100,000 цыплятъ. И если дѣла идутъ хорошо, то на каждый день года приходится искусственныхъ высѣдковъ по 300 штукъ.

Читатель изъ сказаннаго можетъ видѣть, что искусственная выводка цыплять, получившая широкое развитіе въ Америкѣ, существуетъ собственно для гастрономическихъ цѣлей, а не для цѣлей систематическаго хозяйственнаго куроводства, для пріобрѣтенія яицъ, какъ питательнаго продукта. Но дальше мы увидимъ, что собственно и яичная торговля (обусловливающая собою и успѣхи куроводства) получила въ наше время въ Европѣ весьма широкое развитіе.

Яйцо куриное—болѣе или менѣе любимый питательный продуктъ для всѣхъ народовъ; оно необходимая принадлежность стола богача и бѣдняка. Но какъ велика питательность яйца—это еще далеко не всѣми признанный фактъ. Въ пищу идутъ (и въ особенности какъ приправа для печеній и другихъ кушаній) яйца весьма различныхъ породъ птицъ: куръ, гусей, утокъ, иголицъ и друг. Даже яйца черепахи въ значительномъ количествѣ снабжаютъ кухню, въ особенности это нужно сказать о жителяхъ Южной Америки.

Яйца доставляютъ нашему тѣлу все, въ чемъ это послѣднее нуждается для вознагражденія потерянныхъ тѣломъ (такъ называемыхъ строительныхъ или пластическихъ) веществъ и для подкрѣпленія силъ. Яйца удобно замѣняютъ мясную пищу, и ихъ нужно рекомендовать для питанія бѣднымъ кровью и страждущихъ хроническою потерею силъ. Но дѣло въ томъ, что цѣна яицъ и цѣна мяса взаимно весьма не пропорціональны. Возьмите, примѣрно, яйцо. Оно стоитъ, (предполагая свѣжее) въ Германіи 6 пфениговъ (у насъ 2 копѣйки) и фунтъ мяса, стоющій въ Германіи 60 пфениговъ, а у насъ въ Петербургѣ 15 к. Окажется, что мясо—пища болѣе дешевая, а яица сравнительно дорогая. Въ Англіи вообще весьма цѣнятъ питательныя свойства яицъ. Англичанинъ потребляетъ яйца преимущественно сырыми; но продуктъ этотъ слишкомъ незначителенъ въ самой странѣ, и отъ того существуетъ большой привозъ яицъ въ Англію. Въ послѣднія какихъ-нибудь 10-ть лѣтъ яичная торговля въ Англіи получила колоссальное развитіе.

Что касается Франціи, то тамъ получила большое развитіе вывозная яичная торговля. Сотни рабочихъ занимаются тамъ каждый день осмотромъ, браковкою и складываньемъ яичнаго товара, для вывоза большею частью въ Англію. Стоимость вывезеннаго яичнаго товара изъ Франціи въ Англію простиралось въ 1864 г. (слѣдовательно слишкомъ 12-ть лѣтъ тому назадъ) на сумму свыше 25 милліоновъ франковъ; въ 1863 г. на сумму въ 23 милл. фран. а въ 1847 г. только на $4\frac{1}{5}$ милл.

Слѣдовательно яичная торговля во Франціи, менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ, увеличилась почти въ *6 разъ*. Съ января до мая 1866 г. въ Англію было ввезено не менѣе 196 милліонъ штукъ яицъ, даже на одинъ только май мѣсяцъ приходится ввоза 56 милліоновъ яицъ. Но при покупкѣ яицъ англичане весьма требовательны и щепетильны, и вкусъ англичанъ въ этомъ отношеніи совершенно противорѣчитъ, напримѣръ, вкусу турокъ. Тогда какъ послѣдніе любятъ яйца, начинающія тухнуть и даже гнилыя,—англичанину нужно яйцо совершенно свѣжее, безъ малѣйшаго запаха. Поэтому-то, при яичной торговлѣ, необходимъ самый тщательный осмотръ отправляемыхъ за-границу въ особенности въ Англію яицъ, что дѣлается передъ укладкою и нагрузкою товара. Для этой цѣли яичный товаръ вносятъ въ темную комнату, но въ затворенномъ ставнѣ которой существуетъ яйцеобразное отверстіе, пропускающее свѣтъ. Если въ такое отверстіе вставить яйцо, то, разумѣется, можно безошибочно судить о его свѣжести (ибо извѣстно что свѣжее яйцо, разсматриваемое при достаточномъ свѣтѣ, представляется прозрачнымъ). Но всего вѣрнѣе употребляють для осмотра яицъ нарочно устроенный для этой цѣли приборъ. Это „зрительная труба для яицъ". Приборъ состоитъ изъ маленькой темной камеры или ящика. Въ камеру испытуемое яицо помѣщается передъ пламенемъ газа. Благодаря этому, можно замѣтить въ яйцѣ даже малѣйшее начинающееся развитіе зародыша (такъ называемое зародышевое пятно). Яйца съ подобнымъ эмбріональнымъ пятномъ должны быть бракуемы и недопускаемы въ продажу въ качествѣ пищевого продукта; но ихъ съ пользою можно сбывать для *фабрикаціи альбумина* или *яичнаго масла*. Укладку же яицъ всего выгоднѣе и дешевле производить въ прочно сдѣланныхъ ящикахъ, пересыпая ряды яицъ мякиною или высѣвками полбы. Такой матеріалъ для пересыпки тѣмъ болѣе выгоденъ, что въ Англіи на него существуетъ большой спросъ для фабрикаціи писчей бумаги.

Въ Германіи, не смотря на оживленную торговлю яичнымъ товаромъ, до сихъ поръ еще не придумано удовлетворительнаго средства для сохраненія или консервированія яицъ. Лучшимъ средствомъ для этого въ Германіи считаютъ хорошее деревянное масло; послѣднимъ смазываютъ яйца, точнѣе, въ яйца масло втирается. Работа эта совершается обыкновенно женщинами и весьма быстро. Работница въ одинъ день можетъ натереть масломъ до *3000 яицъ* и затѣмъ нужно замѣтить, что этотъ способъ консервированія такъ дешевъ, что стоимость матеріала (масла) для 300 яицъ достигаетъ не болѣе 2-хъ крейцеровъ (т. е. меньше 2-хъ нашихъ копѣекъ). Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, въ яичной торговлѣ можетъ принять участіе почти вся Европа. Въ Лейпцигѣ, напримѣръ, существуетъ подобный пунктъ для укладки и вывоза яичнаго товара. Одинъ смышленный предприниматель изъ Средней Германіи началъ яичную торговлю съ Великобританіей, и эта попытка до такой степени оправдала лучшія надежды, что въ настоящее время нужно уже думать о расширеніи круга сбыта яичнаго товара изъ Германіи. И вотъ по этой причинѣ совершены были поѣздки по Баваріи, Богеміи, всей Австріи, Венгріи до Боната и Славоніи для заключенія условій доставки яичнаго товара въ мѣста складовъ. Въ видѣ опыта было вывезено 600 ящиковъ яицъ изъ Венгріи; въ 3 дня этотъ товаръ былъ уже въ Лейпцигѣ, а приблизительно черезъ 7 дней онъ былъ уже на Лондонскомъ рынкѣ. Опытъ этотъ вышелъ столь удачнымъ, что предпріимчивые торговцы изъ Лондона, Бирмингама и Манчестера заявили такія требованія на доставку яичнаго товара, что количество яицъ, соотвѣтственное этимъ требованіямъ, можетъ простираться до 1 милліона. Сбытъ этого товара изъ Германіи, стало быть, можетъ сдѣлаться безграничнымъ. Но это обстоятельство не представляется утѣшительнымъ для нѣмцевъ, не только потребляющихъ этотъ продуктъ цѣликомъ дома, но иногда имѣющихъ потребность закупать его въ другихъ странахъ.

## Къ рисункамъ.

### Прививка оспы.

(Изъ деревенскихъ нравовъ).

Въ захолустную деревню Кувалдино пріѣхалъ земскій фельдшеръ и остановился въ избѣ у старосты. Послѣдовало угощеніе на мірской счетъ: появились самоваръ, бутылка кабацкаго рому, четвертная съ водкой, крутыя яйца. Прображничавъ съ фельдшеромъ часа два, староста съ раскраснѣвшимся лицомъ и въ картузѣ, надѣтомъ на бекрень, вышелъ на улицу и побрелъ вдоль деревни, постукивая палкой у оконъ избъ и объявляя выглянувшимъ бабамъ, что завтра будетъ привитіе оспы младенцамъ.

— Всѣмъ безъ изъятія подвергаться, которые ежели этому дѣлу еще причинны не были, заканчивалъ онъ свои приказы, любя въ важныхъ случаяхъ выражаться кудрсвато.

Бабы, у которыхъ даже и не было ребятъ, пришли въ ужасъ. Старухи сползли съ палатей. Мужики начали вздыхать, чесать затылки и отправились въ кабакъ совѣтоваться съ кабатчикомъ. Пропивать было что: стояла поздняя осень, и хлѣбъ былъ собранъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ раздавался ревъ. Ревѣли бабы и соблазняли на это дѣло ребятъ. Заревѣли и ребята. Матери перебѣгали изъ избы въ избу и шушукались съ сосѣдками: какъ бы уберечь дѣтей отъ оспы.

— Будь что будетъ, Акулинушка! Вѣдь до смерти эти самые фершала ребятъ не зарѣзываютъ, а только наковыряютъ тѣло и воспу положатъ, утѣшала бездѣтная солдатка. Ну полно, не убивайся!

— Такъ-то такъ, а все-таки... всхлипывала мать и, не окончивъ фразы, сморкалась въ юбку сарафана.

Нѣкоторыя особенно чадолюбивыя матери рѣшились идти на подкупъ фельдшера, дабы отбояриться отъ привитія дѣтямъ оспы, для чего собрали полотенецъ, холста, сушеной малины, грибовъ и побѣжали съ этими дарами въ старостину избу.

Отоспавшійся послѣ угощенія и уже вновь успѣвшій опохмѣлиться фельдшеръ сидѣлъ у старостиной избы на заваленкѣ и покуривалъ папиросу, сплевывая сквозь зубы. Фуражки на головѣ его не было и вѣтеръ развѣвалъ ему волосы. Это былъ молодой человѣкъ въ усахъ и съ претензіей на франтовство. На шеѣ у него былъ повязанъ блѣдносиній галстухъ, на правой рукѣ красовались кольца съ цвѣтными каменьями, а поверхъ пестрой бархатной жилетки висѣла ярко начищенная бронзовая цѣпочка. Посоловѣлыми глазами смотрѣлъ онъ на выглядывающихъ на него изъ-за угла противоположной избы двухъ босыхъ дѣвокъ и, улыбаясь, манилъ ихъ къ себѣ. Бабы съ дарами въ рукахъ приблизились къ нему и внезапно повалились въ ноги.

— Что вамъ? спросилъ фельдшеръ и подбоченился.

— Прими и ослобони! выли бабы.

— Это на счетъ чего и въ какомъ родѣ? принялъ совсѣмъ уже олимпійскій видъ фельдшеръ.

— Да на счетъ воспы, родимый. Дѣти у насъ махонькія, не вынесутъ. Прими, милый, и ослобони!

— Дуры полосатыя!

— Не обезсудь, родной, на малости! По убожеству нашему и то едва въ силѣ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... кланялись бабы.

— Что у васъ тамъ за контрибуція припассна?

— Холста кончики, полотенчики, да съѣдобное, кланялись бабы, подавая дары.—Блинковъ тебѣ еще напечемъ, прибавляли онѣ.

Фельдшеръ развертывалъ полотенца и смотрѣлъ. Бабы переставъ выть, стояли передъ нимъ, вытянувшись въ струнку и моргали заплаканными глазами.

— Ладно, сказалъ онъ.—Полотенца эти и все прочее я беру, но не ради взятки за освобожденіе отъ прививанія оспы, а яко добровольную благодарность за медицинскую помощь. Теперь можете идти, а завтра поутру староста пригонитъ васъ ко мнѣ и вмѣстѣ съ ребятами.

— Значитъ не ослобонишь? испуганно спросили бабы.

— Ни за что на свѣтѣ! Еще отвѣчать тутъ за васъ передъ начальствомъ. У насъ нонѣ такія строгости, что Боже упаси!

Бабы завыли еще пуще прежняго и снова упали въ ноги.

— Вонъ! крикнулъ сиплымъ голосомъ фельдшеръ.

Изъ-за угла появился староста.

— Гнать что-ли ихъ, Михайло Терентьичъ? спросилъ онъ.

— Гони!

— Брысь вы, щучье племя! Чего разкудахтались! замахнулся на нихъ староста.

Бабы ушли, уныло понуривъ головы.

Ночью старуха-знахарка перемыла всѣхъ ребятъ въ корытѣ съ наговоренной водой, для чего-то смазала ихъ деревяннымъ масломъ съ толченымъ кирпичемъ, отрѣзала у каждаго ребенка по клочку волосъ съ головы, закатала волосы въ тѣсто и сожгла въ печи.

— Не пристанетъ теперь? спрашивали слегка успокоившіяся бабы.

— Не пристанетъ, отвѣчала знахарка.

Не смотря на все это, къ утру одна баба, захвативъ съ собою ребенка, съ испуга неизвѣстно куда скрылась и староста съ подручными мужиками никакъ не могъ ее отыскать. Всѣ мужики ругательски ругали старосту за его пособничество фельдшеру.

— Съ нашего мірского вина безъ просыпу пьянъ бываешь, а туда же за фершела заступаешься! упрекали они его.—Погоди, Захарычъ, и тебѣ нужда въ насъ придетъ, поклонишься міру, да ужь поздно будетъ. Теперь тебѣ хорошо, коли у тебя взрослыя дѣти—вотъ ты и дьяволишь.

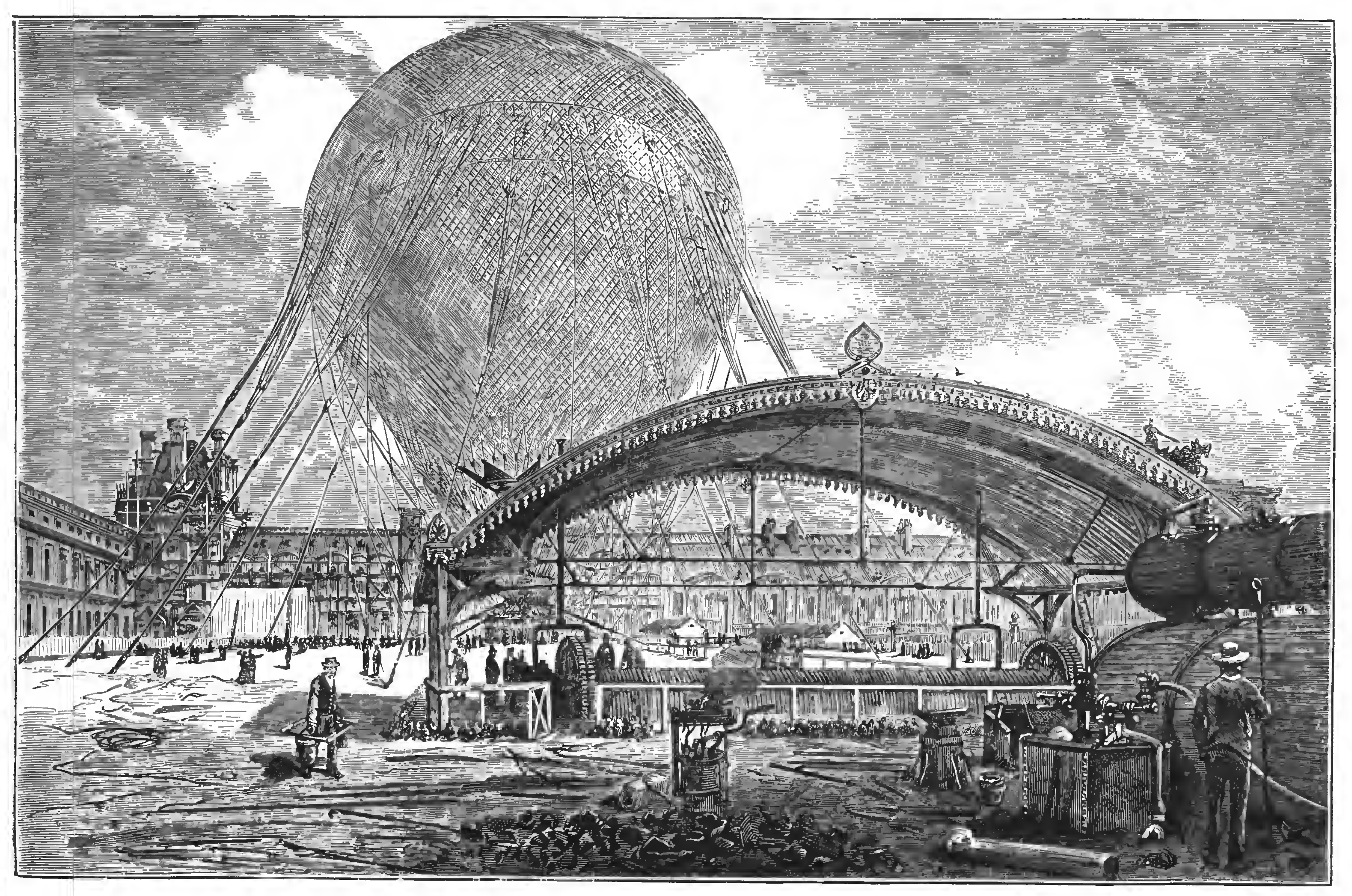
Староста самъ чувствовалъ, что дѣло какъ будто не ладно и ходилъ какъ къ смерти приговоренный, останавливался на ходу, потрясалъ головой, махалъ руками, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и натыкался на изгороди.

---

Полутора-рублевые московскіе часы съ мѣшкомъ песку вмѣсто гири, весело побрякивая маятникомъ въ чисто-прибранной старостиной избѣ, показывали десять. Фельдшеръ только что



Всемірная выставка въ Парижѣ: Отдѣлъ для машинъ находящихся въ дѣйствіи. Рис. Фишо, грав. М. Рашевскій.



Всемірная выставка въ Парижѣ: Общій видъ механизма для спуона воздушнаго шара. Рис. Фера, грав. М. Рашевскій.

кончилъ пить чай, сидя въ переднемъ углу за краснымъ пузатымъ, съ помятымъ бокомъ самоваромъ, всталъ съ мѣста, потянулся и, держась руками за больную со вчерашняго хмѣля голову, взглянулъ въ окно. На улицѣ и около старостиной избы стояли уже закутанныя бабы, держа въ пазухахъ тулуповъ и кафтановъ своихъ ребятъ. Ребятишки, могущія ходить, держались за подолы матерей. Бабы переругивались со старостой, который стоялъ около нихъ, какъ пастухъ около овецъ, стараясь, чтобы онѣ не разбѣжались.

— Пора и начинать, пробормоталъ фельдшеръ, выдвинулъ на середину избы скамейку, разложилъ на столѣ приборы съ инструментами, стеклышки съ коровьей оспой и, поднявъ окно, крикнулъ старостѣ:

— Трифонъ Захаровъ, впущай! Только чтобъ по ранжиру и въ порядкѣ! прибавилъ онъ.

Изба начала наполняться плачущими бабами. Заревѣли, на нихъ глядя, и ребята.

— Не выть! крикнулъ фельдшеръ, топнувъ на нихъ ногой.— А то прежде прививки оспы перепорю всѣхъ ребятъ. Староста, тащи сюда вѣникъ!

Угроза подѣйствовала. И бабы, и ребятишки присмирѣли. Староста стоялъ, какъ потерянный, смотря куда-то въ одну точку и крутилъ въ рукахъ какое-то мочальное лычко. Ему и самому стало жалко бабъ. Въ сѣни избы поналѣзли дѣвки и старухи, смотрѣли въ отворенныя двери на приготовленіе къ оспопрививанію и шушукались между собой.

— Захарычъ, Захарычъ! робко трогала за плечо старосту подкравшаяся къ нему старуха.—Сними, родной, изъ передняго угла хоть образа-то,—говорила она:—а то вдругъ эдакое дѣло— и при иконахъ!..

Староста только рукой махнулъ.

Началась прививка оспы. Бабы крестились и, не смѣя плакать, слезливыми глазами смотрѣли на фельдшера. У нихъ тряслись даже губы. Фельдшеръ ухарски ковырялъ ланцетомъ руки ребятъ и говорилъ:

— Чего вы боитесь, дуры? Мы и не такія операціи дѣлали. Мы разъ одному полковнику черепъ снимали, а другой разъ у одного купца я брюхо пропоролъ и поврежденіе въ кишкахъ исправилъ.

Стоящій близъ фельдшера староста послѣ этихъ словъ почему-то глубоко вздохнулъ и началъ смотрѣть еще безсмысленнѣе.

Черезъ полчаса операція прививки оспы кончилась. Фельдшеръ сѣлъ снова бражничать со старостой. Выпивъ нѣсколько рюмокъ водки, онъ тыкалъ вилкой въ жаренаго пѣтуха и говорилъ старостѣ:

— Для насъ человѣка разрѣзать—плевое дѣло! Теперича дай мнѣ сейчасъ семь мертвыхъ тѣлъ и скажи: Селиверстовъ, дѣйствуй!—Въ пять минутъ!.. Помѣщицу Грибанову знаешь? Вотъ это я ей руку откромсалъ.

— Господи упаси! Съ нами Пресвятая Богородица! твердилъ староста и крестился.—И то есть какой ты безстрашный, это на удивленіе!

— А все отъ того, что во мнѣ совсѣмъ этихъ самыхъ нервовъ нѣтъ, пояснилъ фельдшеръ.

— Такъ, такъ, это дѣйствительно. Гдѣ у васъ быть неврамъ при эдакой службѣ, поддакивалъ староста.

Черезъ два часа фельдшера совсѣмъ уже пьянаго вывели изъ избы и посадили въ телѣгу. Около него толпились мужики.

— Михайло Терентьичъ, струментъ-то свой не забылъ-ли? кричали ему мужики.

— Здѣсь... отвѣчалъ фельдшеръ, громко икнулъ, покачнулся и уронилъ съ головы надѣтую на бекрень фуражку.

Мужики подняли фуражку и нахлобучили ему ее на глаза.

— Прощай Михайло Терентьичъ! Дай Богъ тебѣ счастливо!.. бормоталъ староста, которому уже надоѣло возиться съ фельдшеромъ, и махнувъ рукой возницѣ, крикнулъ:—Василій, трогай!

Тотъ стегнулъ по лошадямъ.

— Стой! Стой! заоралъ пьянымъ голосомъ фельдшеръ и уперъ руки въ боки.—А положеніе мнѣ, ты развѣ забылъ? обратился онъ къ старостѣ.—Ну?

Староста почесалъ затылокъ и сталъ шептаться съ мужиками, потомъ полѣзъ за голенище, вынулъ оттуда бумажникъ свернутый изъ синей сахарной бумаги, досталъ изъ него три засаленыя рублевыя бумажки и подавая ихъ фельдшеру со вздохомъ сказалъ:

— На вотъ, прими Михайло Терентьичъ!

— Ну, теперь спасибо! иоблагодарилъ фельдшеръ и ужь въ свою очередь крикнулъ возницѣ:—Пошелъ!

Толстопузая желтая лошаденка потащила телѣгу вдоль деревенской улицы. Мужики долго стояли и смотрѣли на удалявшуюся телѣгу и на торчавшую изъ нея фельдшерскую голову, покачивавшуюся изъ стороны въ сторону, какъ одинокій колосъ, застигнутый порывистымъ вѣтромъ.

**Н. Лейкинъ.**

## Парижская Всемірная Выставка.

Парижская всемірная выставка, открытая тому назадъ чуть ли не три уже мѣсяца, не перестаетъ обращать на себя всеобщее вниманіе и привлекать въ Парижъ громадныя массы публики. Стараясь по возможности сообщать своевременно о всемъ томъ, что всего болѣе заслуживаетъ общественнаго вниманія на этомъ всесвѣтномъ рынкѣ, мы продолжаемъ помѣщеніе рисунковъ выставки, сопровождая ихъ надлежащимъ описаніемъ, въ дополненіе къ тѣмъ многочисленнымъ рисункамъ и статьямъ, которые мы уже имѣли случай помѣстить въ нынѣшнемъ году на страницахъ нашего журнала.

Теперь, судя по всѣмъ отзывамъ газетныхъ корреспондентовъ и по разсказамъ лицъ, посѣтившихъ выставку и уже возвратившихся обратно, всѣ постройки выставки и вся установка предметовъ приведены къ совершенному окончанію. Всѣ работы доконченны и детали ихъ окончены. Теперь можно видѣть выставку въ окончательной формѣ и дѣлать сравненія между различными государствами по всѣмъ отраслямъ ихъ дѣятельности—матеріальной, умственной, творческой. Есть вещи, поражающія своей величиною, своей стоимостію, временемъ положеннаго на нихъ труда, есть, наоборотъ, вещи, не кидающіяся въ глаза ни красотою, ни громадностью и тѣмъ не менѣе имѣющія значеніе по своей полезности или по отношенію удобствъ, доставляемыхъ ими человѣку. Пріятно пройти по выставкѣ и видѣть, чѣмъ богата каждая страна, участвующая своими произведеніями на выставкѣ, что она выработала изъ своихъ природныхъ богатствъ. Вотъ, напримѣръ, выставка богатствъ, доставленныхъ нѣдрами земли нашего русскаго царства. Нижне-Тагильскій заводъ выслалъ сюда желѣзную и мѣдную руду, самородное золото, платину, огнеупорную глину, золотоносный песокъ, малахитъ. Вотъ минералогическая коллекція изъ Туркестанскаго края, и мы видимъ, что въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ есть и золото, и серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо, графитъ, каменный уголь, мраморъ, каменная соль, бирюза, хотя здѣсь же и убѣждаемся, что изъ всего этого эксплуатируется въ настоящее время еще только глина да известь. Громадная витрина на выставкѣ вмѣщаетъ въ себѣ графитъ Алибера, извѣстный всей Европѣ, а вотъ образцы каменнаго угля, привезеннаго съ Дона, Урала, изъ Польши. Образцы нашей лѣсной промышленности на выставкѣ очень незначительны. Въ числѣ двухъ сѣверныхъ древесныхъ породъ заслуживаютъ вниманія образцы въ полированномъ и неполированномъ видѣ кедра, представленныхъ Сидоровымъ. Хороши также двѣ большія мачты, присланныя Рижскимъ биржевымъ комитетомъ. Этимъ же Комитетомъ выставлена лучшая пенька. Въ кіоскѣ нашей льняно-прядильни можно видѣть превосходныя полотна, салфетки, скатерти съ изящными рисунками, нѣкоторые въ русскомъ стилѣ; платья мужскія и женскія, турецкія мохнатыя полотенца.

Шерсть прислана на выставку изъ нѣсколькихъ мѣстностей Россіи и наши сукна заслуживаютъ лестныхъ отзывовъ, особенно изъ мериносовой шерсти, Торнтона, признаются неуступающими французскимъ. Есть сукна чисто русскаго производства—Селиверстова и Воейкова (Симбирс. губ.), выдѣланныя изъ грубой киргизской шерсти, и своей мягкостью, тонкостью замѣняющія мериносовыя, при большей дешевизнѣ. Впрочемъ, разсматривая драпы, напримѣръ, montagnac, который гораздо жестче французскаго, кашемиры, трико, являющія воспроизведеніе прошлогоднихъ рисунковъ, нельзя не замѣтить, что эта отрасль нашей промышленности, при обширности развитія и сбыта, должна бы быть болѣе усовершенствованной.

Замѣтное мѣсто въ нашемъ отдѣлѣ занимаютъ кожи. Говорятъ, что одинъ англичанинъ, еще до жюри, не словами, а дѣломъ доказалъ превосходство кожевеннаго дѣла въ Россіи, скупивъ въ первый же день по объявленіи цѣнъ все, что было назначено въ продажу. Замѣчательна по выдѣлкѣ юфть Савина, его машинные ремни и подошвы, которые и шило не беретъ. Прекрасныя кожи присланы на выставку варшавскими фабрикантами. Подошвы и ремни Гауша и Пфейфера пользуются извѣстностью въ Австріи и Германіи. Заводъ Шведе выдѣлываетъ шагрень и кожу для обивки экипажей. Соперниковъ на выставкѣ не имѣютъ наши мѣха, здѣсь мы стяжали себѣ пальму первенства. Около витринъ Одноушевскаго и Медвѣдева съ выставленными мѣхами и великолѣпными чучелами медвѣдей, бѣлокъ и лисицъ всегда толпится публика, восхищаясь въ особенности мѣхами чернобурыхъ лисицъ, серебристыхъ бобровъ и снѣжной бѣлизны горностаевъ. Предъ роскошными золотыми и серебряными парчами фабрики Сапожникова также останавливается публика, замѣчая, какую роскошь позволяетъ въ Россіи себѣ духовенство. Рояли фабрики нашего русскаго фабриканта Шредера тоже обращаютъ на себя большое вниманіе.

Шелкъ нашъ не имѣетъ на выставкѣ выдающихся представителей и наши шелковыя матеріи рѣшительно являются подражаніемъ иностраннымъ, особенно ліонскихъ тканей. Сюда же слѣдуетъ отнести фабрикацію лентъ, имѣющую очень скромные размѣры и никакъ не выдерживающую соперничества съ ліонскими и базельскими фабриками, которыя вслѣдствіе дешевизны способовъ производства и огромнаго спроса могутъ съ барышемъ продавать ленты даже по низкой сравнительно цѣнѣ. Здѣсь мы кстати замѣтимъ, что не годится наше цвѣточное мастерство по сравненію съ французскимъ. Въ Парижѣ искусство дѣлать цвѣты достигло совершенства—всѣ мельчайшіе листья исполнены въ точности; вотъ пышная роза съ росинкой на свѣжемъ лепесткѣ, а вотъ рядомъ цвѣтокъ съ но-

блеклшими листочками—и тотъ и другой воспроизведены изумительно натурально.

Въ Парижѣ считается, какъ говорятъ, до 6 тысячъ флористокъ. Нельзя не замѣтить, что Парижъ далеко стоитъ впереди всѣхъ въ произведеніяхъ изящныхъ художественныхъ предметовъ и неистощимъ на изобрѣтеніе различныхъ мелкихъ и всегда прелестныхъ вещицъ. На выставкѣ напр. заглядишься на различныя пустячки, работы мелкія, но чрезвычайно красивыя и вдобавокъ, производимыя необыкновенно быстро, тутъ же предъ глазами. Вотъ напр. въ 3—4 минуты изъ пластинокъ слоновой кости, дерева, изъ лоскуточковъ матеріи, кружева приготовляются прекраснѣйшие вѣера. Вотъ подлѣ кружевницъ расположились „артисты волосяныхъ работъ“ тутъ брѣютъ, стригутъ, завиваютъ публику и дѣлаютъ для нея изъ волосъ кольца, браслеты, цѣлыя картины.

Артистическій талантъ и изобрѣтательность проявляютъ они въ произведеніяхъ напр. такихъ вещицъ какъ кольца, служащія въ тоже время и пробочниками; кольца для ключей и вмѣстѣ гильотинки для сигаръ; небольшая палочка, включающая въ себѣ и ручку пера, и зубочистку, и чернильницу, и разрѣзку для бумаги. Но нашъ рисунокъ представляетъ машинный отдѣлъ и мы сдѣлаемъ сообщенія о выставленныхъ предметахъ въ этомъ отдѣлѣ. Выставка желѣзныхъ заводовъ Шнейдера, бывшихъ Крезо, одна изъ самыхъ видныхъ на Марсовомъ полѣ. Въ этомъ отдѣлѣ особенно замѣчательна модель желѣзнаго молота, сдѣланная изъ дерева и въ натуральную величину. Оригиналъ находится на заводѣ, держась на двухъ колоссальныхъ сваяхъ и наверху связанъ съ пистономъ. Молотъ этотъ вѣситъ болѣе 15,000 пудовъ подвижная его масса до 5,000 пудовъ: падаетъ молотъ съ высоты пяти метровъ: въ движеніе приводится посредствомъ паровой машины. Помѣщеніе занимаемое молотомъ равняется размѣрамъ самаго громаднаго зданія. Стоятъ вниманія приборы для переноски раскаленнаго желѣза, изъ печей на наковальню. Устроены четыре паровые крана, изъ которыхъ одинъ передвигаетъ массу въ 10,000 пуд. а три въ 6,000 пуд. Краны эти вынимаютъ массу желѣза изъ газовыхъ печей, кладутъ на наковальню во время дѣйствія молота; вообще продѣлываютъ все, что обыкновенно дѣлаетъ кузнецъ руками съ помощью клещей. Изъ выставленныхъ машинъ особенно замѣчательна паровая машина французскаго судна „Mytho“ въ 2,640 лошадиныхъ силъ, и громадный локомотивъ тендеръ, движущійся съ быстротою 50 верстъ въ часъ. Паровозъ весь стальной, цилиндръ для пара вѣситъ до 1,000 пуд. трубы стальныя и т. д. Всѣ работы этого завода, громаднаго по своимъ размѣрамъ и производству на немъ машинъ, доказываютъ, что они могутъ выдерживать конкуренцію съ лучшими работами на заводахъ въ Англіи, которая, надобно по справедливости признать, своимъ богатствомъ и могуществомъ положительно господствуетъ въ Европѣ, царствуетъ въ Азіи, первая страна по части механическихъ производствъ, но надобно сказать, что по отношенію вкуса—она не обладаетъ имъ.

Галлерея машинъ, которой видъ приложенъ у насъ, есть мѣсто постояннаго собранія всѣхъ любителей знаній, а также и всѣхъ тѣхъ, кого интересуетъ успѣхи ума. На первомъ планѣ фигурируютъ модели печатныхъ станковъ Маринони, геніальнаго изобрѣтателя, благодаря которому въ настоящее время можно печатать съ невѣроятной быстротой громадное число журнальныхъ №№ (около 30,000 оттисковъ въ часъ). Это составляетъ славу нашего вѣка—возможность оставлять на бумагѣ мысль почти съ такою же быстротою, какъ она думается.

Отъ зала машинъ перейдемъ снова во французскій художественный отдѣлъ и остановимся предъ памятникомъ, назначеннымъ къ постановкѣ на могилу графини Дагуль, извѣстной всему свѣту подъ псевдонимомъ Даніеля Стерна (на страницахъ „Нивы“ не разъ были помѣщаемы ея изрѣченія въ отдѣлѣ „Мысли замѣчательныхъ людей“). Этотъ памятникъ изъ мрамора, работы скульптора Шапю, заслуживаетъ вниманія по необыкновенной художественности его выполненія. Идея памятника принадлежитъ, впрочемъ, не ему, а друзьямъ покойной писательницы, предложившимъ г. Шапю выразить въ вещественной формѣ одну изъ величайшихъ тайнъ природы, именно передать въ мраморѣ оживотворенную мысль. Конечно, постановка фигуры изображающей оживотворенную мысль всего болѣе соотвѣтствуетъ памятнику Даніеля Стерна. Но на сколько эта фигура съ прекраснымъ вдохновеннымъ взглядомъ (см. рисунокъ на стр. 612) выражаетъ собою въ реальной формѣ одну изъ величайшихъ тайнъ природы, именно оживотворенную мысль—объ этомъ еще можно много спорить. По нашему мнѣнію предметомъ искусства въ живописи, въ музыкѣ, литературѣ и словомъ во всѣхъ формахъ проявленія человѣческаго духа можетъ быть только то, что составляетъ такъ сказать продуктъ мысли, сама же творческая сила, создающая эти мысли не воспроизводима въ реальной формѣ, какъ не воспроизводимо въ ней Божество, стоящее выше всякой реальности. Во всякомъ случаѣ, не вдаваясь въ критическій разборъ идеи памятника, не можемъ не восторгаться красотою его выполненія въ мраморѣ, обращающею на себя почти всеобщее вниманіе цѣнителей художественныхъ произведеній.

За симъ скажемъ объ аэростатѣ г. Анри Жиффара, плавающемъ въ состояніи прикрѣпленія канатомъ къ обыкновенному вороту.

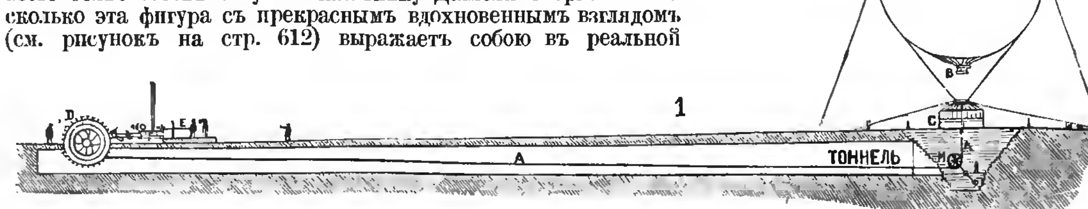
Мы помѣщаемъ два рисунка, этого шара: 1) общій механизмъ аэростата, и 2) видъ машинъ и каната проходящаго въ подземномъ туннелѣ, которыми собственно и обусловливается регулярность движенія, плаванія аэростата въ атмосферѣ. Машины, помѣщенныя передъ воротомъ на лѣвой сторонѣ рисунка приводятся въ движеніе посредствомъ системы зубчатыхъ колесъ съ 4-мя цилиндрами. Колеса дѣйствуютъ съ весьма большею скоростью. Каждая изъ машинъ имѣетъ 2 цилиндра, расположенные подъ прямымъ угломъ. Чтобы обезпечить регулярность движенія машинъ, дѣйствія ихъ разсчитано такъ, что въ движеніи одной машины другая является помощницею ей своимъ посредствующимъ движеніемъ, такъ что вращеніе совершается съ постоянствомъ почти абсолютнымъ. Машины замѣняютъ 300 лошадиныхъ силъ. Какъ скоро шаръ начинаетъ подниматься на воздухъ,—онъ уже самымъ своимъ движеніемъ заставляетъ вращаться воротъ, вокругъ котораго обвитъ канатъ, и превращаетъ самыя машины въ нагнетательные насосы.

Какъ извѣстно, одну изъ главнѣйшихъ проблемъ въ аэростатикѣ составляло установленіе связи аэростата съ землею при помощи такого аппарата, который бы давалъ возможность канату слѣдовать за всѣми движеніями плавающаго въ атмосферѣ шара. Анри Жиффаръ (изобрѣтатель шара) разрѣшилъ эту проблему съ своимъ блестящимъ остроуміемъ. Канатъ, уже обвившійся вокругъ чугуннаго ворота и затѣмъ прошедшій сквозь подземный туннель (туннель показанъ на рисункѣ этой страницы) проходитъ сквозь отверстіе блока. Самый блокъ утвержденъ на оси такъ, что можетъ вращаться во всѣхъ направленіяхъ и слѣдовать за всѣми движеніями каната. Чугунный воротъ, съ своей стороны, поставленъ въ равновѣсіе посредствомъ противовѣшивающей тяжести, такъ что въ движеніи всей системы машинъ нѣтъ перевѣса или преобладанія какой либо отдѣльной силы и нѣтъ нигдѣ перехода за границы общаго равновѣсія. Блокъ, при общемъ движеніи системы машинъ, подчиненъ огромнымъ дѣйствіямъ тяжести. За симъ, онъ самымъ прочнымъ и надежнымъ образомъ прикрѣпленъ къ землѣ. Онъ заклепанъ между двумя огромными бревнами, помѣщенными въ основаніи конеобразной куветки, надъ которою и подвѣшенъ аэростатъ. Упомянутыя бревна оконечностями своими укрѣплены въ толстыхъ массивныхъ стѣнахъ.

Таковы главнѣйшія детали гигантскаго аэростата г. Жиффара. Надо добавить еще, что аэростатъ имѣетъ *два* клапана, *верхній* и *нижній*. Назначеніе верхняго клапана—быть исключительно предохранительнымъ. Клапанъ этотъ состоитъ изъ большого металлическаго диска. Онъ герметически закрывается. Воздухоплаватели могутъ открыть его, потянувъ за канатъ, спускающійся отъ верхняго клапана до воздухоплавательной лодки. Нижній клапанъ тоже представляетъ форму металлическаго диска и управляется весьма чувствительною пружиною. Стоитъ только даже слабо подавить пружину—и дискъ клапана откроется. Открываніе же этого клапана совершается для того, чтобы выпустить излишекъ газа, образовавшійся вслѣдствіе расширенія.

Къ клапану же придѣлано и маленькое стеклянное оконце для наблюденія, что дѣлается внутри аэростата, здѣсь же придѣланъ и манометръ.

За симъ нужно замѣтить, что дно плавательной лодки двойное и снабжено мѣшками съ балластомъ, крючьями и вспомогательными веревками. Въ безопасности плаванія на аэростатѣ г. Жиффара убѣждаетъ необыкновенная прочность каната, такъ что онъ оборваться не можетъ.

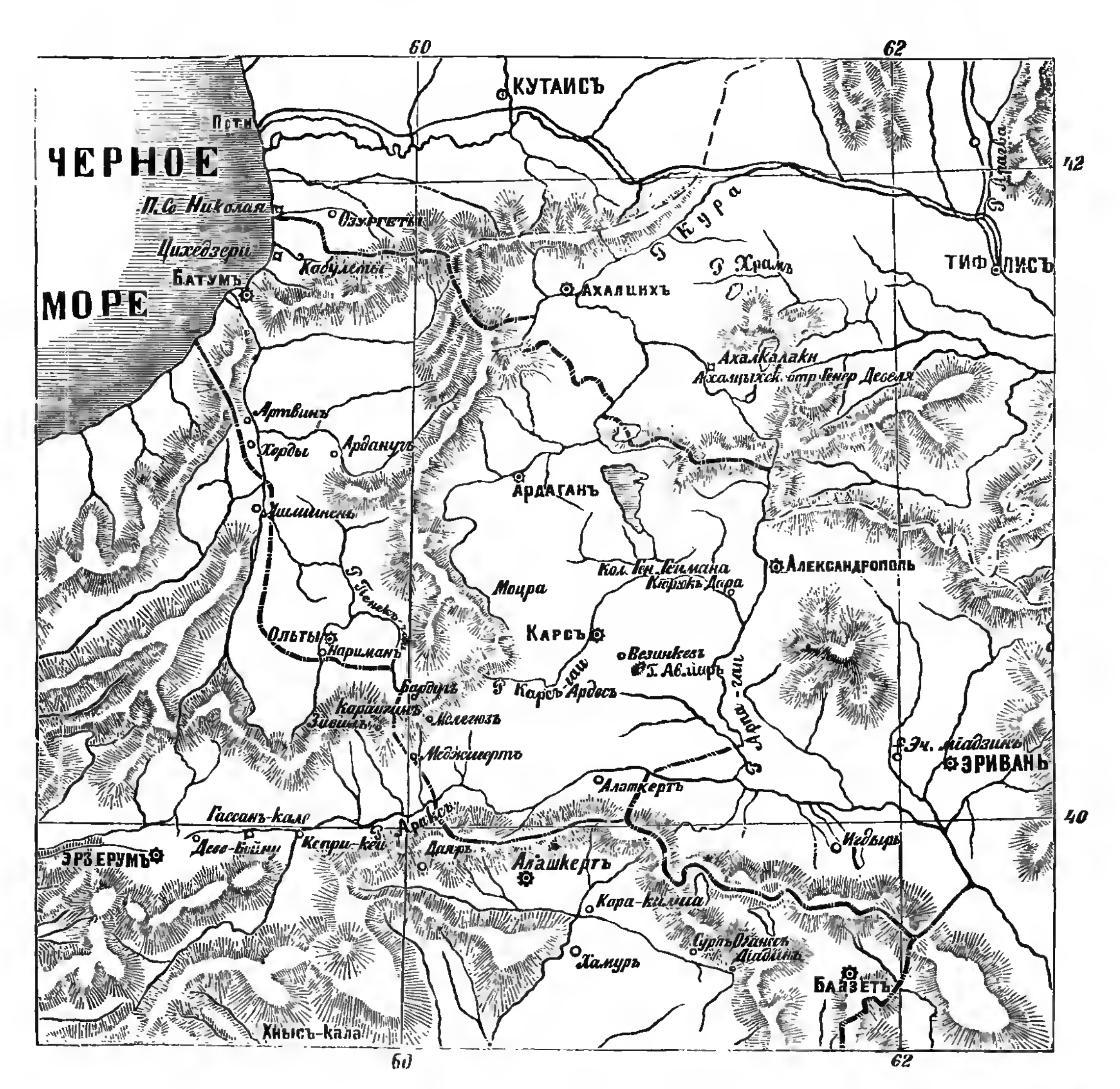



**Разрѣзъ, показывающій положеніе каната для спуска воздушнаго шара.**
A. Канатъ. B. Самодѣйствующій внутренній клапанъ. C. Помѣщеніе для воздухоплавателей. D. Колесо, при посредствѣ котораго спускается канатъ. E. Паровая машина. H. Блокъ уравновѣшивающій движеніе шара. S. Шаръ.

## Изъ жизни въ горахъ Шварцвальда.

На горныхъ высотахъ Шварцвальда цѣлые 9-ть мѣсяцевъ царствуетъ зима и изъ нихъ 3 мѣсяца продолжаются ужасные холода. Лѣса представляютъ преимущественное богатство, свойственное области горъ. При этомъ нужно замѣтить, что горный лѣсъ представляетъ значительныя особенности, сравнительно съ лѣсами, растущими по долинамъ и на возвышенностяхъ. Пихты, бѣлыя ели, сосны, лиственница и друг. деревья, ростутъ то на самыхъ крутыхъ обрывахъ проходовъ, то въ самыхъ узкихъ тѣснинахъ и ущельяхъ, запирая собою тропинки. Какъ выросли деревья въ непроходимыхъ и тѣсныхъ ущельяхъ—можно объяснить себѣ только тѣмъ, что сюда занесены были вѣтромъ растительныя древесныя сѣмена, предварительно перелетѣвъ громадныя пространства, или же были занесены водою быстрыхъ горныхъ потоковъ. И вотъ изъ мизерныхъ, случайно заброшенныхъ въ горы сѣмячекъ, выросли колоссальныя деревья. И задача горнаго дровосѣка состоитъ не только въ томъ, чтобы срубить эти деревья, но и въ томъ, чтобы срубленные стволы доставить на подошву ближайшей горной долины. Но еще прежде чѣмъ топоры коснутся горныхъ гигантовъ, дровосѣки должны обезпечить себѣ доставку съѣстныхъ припасовъ. И какимъ страшнымъ путемъ добываются эти припасы, сколько нужно усилій, чтобы не помереть съ голоду!.. Смѣльчаки цѣпляются по крутымъ отвѣснымъ скаламъ, спускаются въ глубокія, зіяющія смертью пропасти—гдѣ одинъ ничтожный промахъ, невѣрный скачокъ на выдающійся уступъ—и жизнь потеряна!.. А на днѣ пропастей обыкновенно бушуютъ горные потоки, прорывая себѣ путь сквозь гранитныя глыбы обрушившихся скалъ...

Немаловажною задачей представляется уже одно отыскиваніе въ горахъ деревьевъ, годныхъ къ срубкѣ. Какъ скоро дровосѣки найдутъ подобныя деревья и, цѣпляясь по скаламъ, достигнутъ ихъ, они раздѣляются на кучки, обыкновенно по *четыре* человѣка въ каждой. Прежде чѣмъ рубить дерево, самый ловкій человѣкъ изъ кучки взлѣзаетъ на дерево и прикрѣпляетъ къ его вершинѣ здоровый канатъ, по которому самъ онъ потомъ спускается внизъ, и тогда дерево срубаютъ острыми топорами подъ самый корень. Рубка продолжается до тѣхъ поръ, пока стволъ будетъ держаться слабо. Тогда, посредствомъ привязаннаго къ вершинѣ дерева каната, паденію дерева даютъ желаемое, наивыгоднѣйшее направленіе, чтобы избѣжать обрушенія въ пропасть. Для этого нужно, опять таки, чрезвычайно много ловкости и умѣнія. Когда дерево свалено, съ него обрубаютъ вѣтви и отпиливаютъ вершину. Вѣтви и вершина идутъ на хворостъ и колья. Очищаемыя отъ вѣтвей деревья становятся готовыми въ продажу товаромъ и продаются обыкновенно лѣсоторговцамъ и владѣльцамъ пильныхъ заводовъ. Эти послѣдніе для покупокъ съѣзжаются въ горныя долины. Вѣтви продаются большею частью для обжиганія углей, отпиленныя же вершины распиливаются на обыкновенныя полѣнныя дрова; эти послѣднія складываются въ массивныя полѣнницы и отчасти (гдѣ это позволяютъ горные потоки) сплавляются къ мѣстамъ дальнѣйшихъ складовъ въ долинахъ, пока, наконецъ, не достигнутъ болѣе многолюдныхъ рынковъ, представляющихъ большее число потребителей.




**Карта новыхъ русско-турецкихъ границъ въ Малой Азіи, составленная по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ.** Грав. К. Вейерманъ.

Такимъ же образомъ продолжаются работы горныхъ дровосѣковъ и далѣе, покамѣсть наконецъ на горныхъ откосахъ и стремнинахъ не будутъ срублены всѣ деревья. Срубивъ послѣднія деревья, дровосѣки собираютъ всѣ остатки древесныхъ стволовъ, вышеуказаннымъ порядкомъ сплавляютъ въ долины и отправляются искать иного удобнаго для рубки мѣста.

Кромѣ опасности зимнихъ работъ, горныхъ дровосѣковъ, этихъ смѣльчаковъ, весьма часто постигаютъ уже положительныя бѣдствія. Вслѣдствіе сотрясеній и давленія воздуха, часто образуются лавины, буквально погребающія и дровосѣковъ, и ихъ жалкія тщедушныя хижины. Во время такого бѣдствія, на мѣсто катастрофы, на крики о помощи сбѣгаются другіе дровосѣки. И никто усерднѣе не подаетъ своимъ товарищамъ руку помощи, какъ эти люди. Всякій знаетъ, что и надъ его головою поминутно виситъ подобная же опасность: „Сегодня я помогаю тебѣ, завтра—ты мнѣ“. По этому-то нисколько не слѣдуетъ удивляться, что горный дровосѣкъ, умѣвшій помочь своему собрату въ бѣдѣ возвратившись въ свою хижину, съ неподдѣльнымъ восторгомъ бросается обнимать жену и дѣтей,

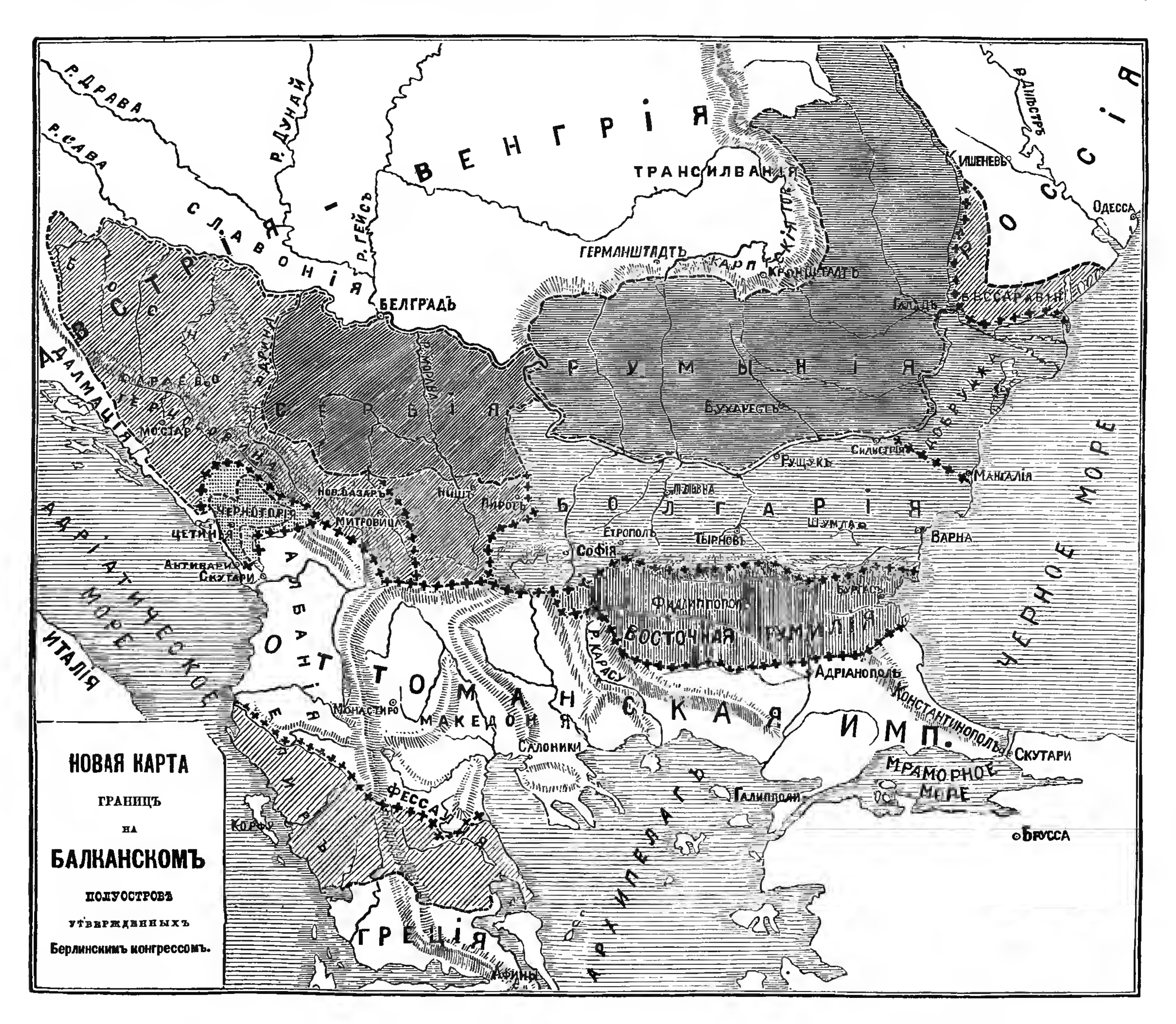
(Продолженіе на стр. 621 622, 623 и 624).

словно самъ избѣжалъ неминуемой смерти. Такъ вѣчныя опасности заставляютъ человѣка цѣнить жизнь и придавать высокое значеніе самому скромному счастію!...

Но каково житье бытье горнаго дровосѣка, какова его хижина?.—О, это обыкновенно бѣдная, мизерная, нищенская хижина, срубленная наскоро изъ необтесанныхъ обрубковъ дерева, напоминающая постройку обыкновенной западни. Для покрытія сруба употребляются легкія балки и тѣсницы, на которыя, однако, для большей тяжести, накладываютъ камни. Въ этомъ-то жилищѣ проводитъ горный дровосѣкъ ночи съ своимъ семействомъ. Тутъ у него вмѣстѣ и кухня, и спальня. Мѣсто матраца замѣняетъ груда моху и пихтовыхъ вѣтвей и это скудное ложе покрыто старыми одѣялами. Пища вполнѣ соотвѣтствуетъ жилищу она состоитъ изъ грубаго ржанаго хлѣба часто испеченнаго недѣлю тому назадъ, даже больше. Этотъ черствый, закорузлый хлѣбъ горный дровосѣкъ сначала обмачиваетъ въ водку, потомъ уже ѣстъ. Мокнетъ хлѣбъ въ водкѣ ни много ни мало—цѣлую ночь. За симъ, трапезу дополняетъ кусокъ сыра и,—очень рѣдко,—кусокъ сала. Но уже ежедневно приготовляется каша изъ овсяной или ржаной крупы или же изъ маисовой муки. Дальнѣйшей приправою стола служитъ свѣжая вода и умѣренное количество водки. Послѣ трапезы же утѣшеніемъ, развлеченіемъ и сладкимъ „Far niente“ служитъ трубка табаку... Вотъ такъ и живетъ свой вѣкъ горный дровосѣкъ, не смотря на бѣдность и лишенія. Много тревогъ и опасностей выпадаетъ на его долю въ то время, когда срубленныя бревна сплавляются чрезъ пороги въ шварцвальдскихъ горахъ: сколько нужно силы, чтобы побороть быстроту теченія пороговъ сколько нужно умѣнія и ловкости, чтобы управлять движеніемъ плота въ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ достаточно пропустить одно мгновеніе, необходимое для приданія направленію плота надлежащаго пути—и погибъ плотъ вмѣстѣ съ отважными пловцами.

## Новыя карты границъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи.

Къ настоящему № „Нивы“ мы прилагаемъ 2 карты, изображающія новыя границы на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, установленныя Берлинскимъ трактатомъ. Вновь проведенныя границы указаны линіями крестиковъ, что даетъ читателю возможность уяснить себѣ самымъ нагляднымъ образомъ результаты и минувшей войны, и дѣятельности Берлинскаго конгресса.




**Новая карта границъ на Балканскомъ полуостровѣ утвержденныхъ Берлинскимъ конгрессомъ.** Грав. К. Вейерманъ.

Руководствуясь картою, начнемъ съ Болгаріи. *Болгарія* составлена изъ большей части прежнихъ такъ называемыхъ Дунайскихъ провинцій. Она обнимаетъ пространство между *Балканами* и *Дунаемъ*, за исключеніемъ *Добруджи*, отошедшей къ Румыніи. Пространство земли новообразованной Болгаріи составляетъ *1200* квадратныхъ миль съ 1,700,000 жителей, изъ числа которыхъ турокъ приходится до 680,000, а остальные Болгары. Новообразованная Болгарія представляетъ княжество „самоуправляющееся и платящее дань султану“; оно имѣетъ христіанское правительство и національную милицію. Князь избирается народомъ и имѣетъ резиденцію въ древней столицѣ Болгарскаго царства *Терновѣ*. Сѣверная граница новообразо-

вавшейся Болгаріи совпадаетъ съ правымъ берегомъ Дуная, начиная отъ старой границы Сербіи до того пункта, который еще опредѣлитъ въ будущемъ назначенная для этой цѣли европейская коммисія. Сѣверная граница идетъ далѣе, къ востоку отъ Силистріи, направляясь къ Черному морю, на югъ отъ Мангаліи, присоединяемой къ Румынской территоріи. На востокѣ Болгарія ограничивается Чернымъ моремъ, на югѣ граница совпадаетъ съ линіею Балканъ, отчасти отступаетъ отъ этой линіи, причемъ приняты въ разсчетъ линіи водораздѣловъ бассейновъ большихъ рѣкъ. На западѣ граница идетъ отъ горы *Гитка*, направляясь къ горѣ *Црни-Врхъ*, по горамъ Карвена-Ябука, идетъ далѣе между водораздѣлами большихъ рѣкъ *Струмы* и *Моравы*. Произвести окончательныя разграниченія предстоитъ еще особой коммисіи. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ на юго-западѣ граница Болгаріи совпадаетъ съ прежнею границею Сербіи, напримѣръ у *Кулы-Сониглева-Чука*. Къ Дунаю западная граница новосозданной Болгаріи примыкаетъ у селенія Раковицы.

„*Восточная Румелія*“ и въ этнографическомъ, и въ географическомъ, и въ административномъ и въ другихъ отношеніяхъ составляетъ нѣчто *среднее* между Турціей и новообразованной Болгаріей. Сѣверною границею Восточной Румеліи представляются Балканы, восточною—Черное море, западною и сѣверо-западною—истоки великолѣпной и прославленной въ исторіи и миѳологіи рѣки Марицы (древній *Гебрусъ*) и горы *Деспотодагъ* *).

Судьба Восточной Румеліи, какъ „пробнаго“ и совершенно произвольнаго государства, представляетъ большой интересъ. Управляться это новое государство будетъ христіанскимъ губернаторомъ, избираемымъ съ согласія великихъ державъ на 5 лѣтъ. Войско будетъ состоять изъ мѣстной милиціи. Пространствомъ территоріи и числомъ жителей Восточная Румелія уступаетъ Болгаріи: въ ней имѣется 900 квадр. миль и приблизительно 1 милл. жителей. въ томъ числѣ магометанъ до 270,000.

*Сербія* и *Румынія* и до минувшей войны представлялись независимыми отъ Порты. На Берлинскомъ же конгрессѣ была провозглашена безусловная независимость того и другого государства отъ Турціи, и видимымъ характеристическимъ признакомъ этой независимости представляется отмѣна дани, которую до сихъ поръ то и другое государство платило въ Константинополь, а равно и верховное право султана утверждать князя въ томъ и другомъ государствѣ. Румынія отдаетъ Россіи часть Бессарабіи, отрѣзанную отъ Россіи по Парижскому миру 1856 года. Эта часть Бессарабіи заключаетъ въ себѣ *154* квадр. мили съ 136,600 жителей, почти исключительно румынъ. Но, взамѣнъ этой уступки, какъ уже неоднократно было упоминаемо нами прежде, Румынія получаетъ *Добруджу*, область содержащую въ себѣ *250* квадр. миль съ 175,000 жителей, представляющихъ смѣшеніе различныхъ національностей, какъ то: турокъ, болгаръ, нѣмцевъ и т. п. Вообще новообразованная вслѣдствіе Берлинскаго трактата Румынія содержитъ въ себѣ территоріальное пространство въ 2,300 квадр. миль и число жителей 5,112,000.

Сербія получила увеличеніе, хотя и не въ такой мѣрѣ, въ какой предполагалось увеличить ее по Санъ-Стефанскому договору. Территоріальное приращеніе Сербіи сдѣлано на юго-восточной сторонѣ. Народонаселеніе области, на счетъ которой территоріально увеличивается Сербія, состоитъ въ преобладающемъ элементѣ изъ болгаръ и албанцевъ; при томъ такъ называемая Старая Сербія представляетъ еще небольшой румынскій элементъ. Вообще, относительно народонаселенія, новообразованная Сербія состоитъ изъ смѣшанныхъ элементовъ. Въ 1876 г. Сербія занимала пространство земли въ 783 квард. мили съ 1.367,000 жителей. По Берлинскому договору увеличенная Сербія составляетъ *930* квадр. миль съ 1.550.000 жит.

*Черногорія* увеличена по Берлинскому договору территоріально какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, однакоже не въ такой степени, въ какой предполагалось увеличить ее по Санъ-Стефанскому договору. Въ силу Берлинскаго трактата провозглашена полная независимость Черногоріи отъ Турціи. Территоріально, до сихъ поръ, Черногорія представляла площадь въ 78 квадр. миль съ 170,000 жителей. По Берлинскому трактату, Черногорія увеличена на 200 квадр. миль съ 280,000 жителей, преимущественный элементъ которыхъ на югѣ составляютъ албанцы. Граничная черта новообразованной Черногоріи идетъ отъ Илино-Брдо, къ сѣверу отъ Клобука, спускаясь по рѣкѣ Требиньчицѣ, къ Гранчарено, направляется потомъ къ Пилатову. На сѣверѣ новая граница проходитъ большею частью по высотамъ; къ Адріатическому морю она примыкаетъ въ В. Кручи. На сѣверо-западѣ новую границу образуетъ линія, идущая отъ берега между деревнями Шушаны и Зубцы и примыкающая къ крайнему юго-восточному пункту нынѣшней границы Черногоріи на Вршута-Планинѣ. Относительно исправленія южной границы, для Черногоріи въ высшей степени важно присоединеніе къ ней порта *Антивари* и его приморскихъ береговъ. Хотя условія этой прирѣзки и довольно ограничительны. Мѣстности, лежащія къ югу отъ территоріи Антивари, до рѣки Бояны, включая Дульциньо, возвращены Турціи. Черногоріи, правда, предоставляется полная свобода судоходства по р. Боянѣ; но запрещается воздвигать на протяженіи этой рѣки какія бы то ни было укрѣпленія, за исключеніемъ необходимыхъ для мѣстной защиты крѣпости Скутари. За симъ, у Черногоріи отнимается право имѣть военныя суда или военный флотъ; далѣе и полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ портѣ Антивари, такъ и вдоль всего черноморскаго побережья, предоставлено производить Австро-Венгріи, посредствомъ своихъ легкихъ сторожевыхъ судовъ. Къ невыгоднымъ же сторонамъ относится и то, что Черногорія принимаетъ на себя часть турецкаго государственнаго долга, соотвѣтствующую части прирѣзываемой къ ней территоріи. Кстати здѣсь замѣтить, что въ подобное же обязательство поставлена и Сербія. Освобожденною отъ подобнаго обязательства представляется только Румынія. въ силу территоріальнаго обмѣна, совершеннаго ею съ Россіей.

Еще болѣе характеристичнымъ представляется рѣшеніе вопроса о Босніи и Герцеговинѣ, съ возстанія въ которыхъ собственно и начались громадныя по значенію событія послѣднихъ 2-хъ лѣтъ. Земли эти, содержащія 1,100 квадр. миль и 1½ милл. жителей, изъ которыхъ: 750,000 православныхъ, до 120,000 католиковъ, остальные магометане. Неожиданный фортель, который выкинула Австрія, рѣшивши занять своими войсками Боснію и Герцеговину, отчаянное сопротивленіе инсургентовъ — мусульманъ успѣвшихъ дать войскамъ Австріи жестокій отпоръ при селеніяхъ Жепце и Яйце все это извѣстно теперь всѣмъ и составляетъ предметъ общаго вниманія Европы. Надо прибавить только, что трудно представить страну болѣе разоренную, обнищавшую вслѣдствіе безсовѣстнаго турецкаго владычества, чѣмъ эти несчастныя области. Но читатель видитъ, какое важное въ географическомъ отношеніи положеніе занимаютъ эти области на Балканскомъ полуостровѣ.

Вообще нужно сказать, что, вслѣдствіе новаго устройства государствъ на Балканскомъ полуостровѣ и исправленія ихъ границъ, Турція потеряла изъ своей прежней территоріи *3.623* квадр. мили и *4.429.600* жителей.

По Берлинскому договору, Порта уступаетъ намъ въ Азіи территоріи *Ардагана*, *Карса* и *Батума*, съ принадлежащимъ къ послѣднему портомъ, а равно территоріи, заключающіяся между прежнею и новою русско-турецкою границею. Городъ Ольти, включается въ территорію Россіи. Рѣки Пенекъ-чай и Бардузъ составляютъ пункты, чрезъ которые проходитъ граница. Водораздѣлъ притоковъ р. Аракса на сѣверѣ тоже совпадаетъ съ новою границей, на югѣ же водораздѣлъ притоковъ Мурадъ-су. Но долина *Алашкерта* и городъ *Баязетъ*, которые уступила Россіи Турція въ силу XIX статьи Санъ-Стефанскаго договора, возвращаются Турціи снова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Порта уступаетъ Персіи городъ и территорію *Котуръ*, согласно тому, какъ она была опредѣлена смѣшанною англо-русскою коммиссіею по персидско-турецкомъ разграниченію.

*Греція* на основаніи постановленій берлинскаго конгресса. должна получить до 200 квадратныхъ миль, съ 300,000 душъ въ Ѳессаліи и Эпирѣ. Мы пріобрѣтаемъ въ Азіи по постановленію берлинскаго трактата всего до 600 квад. миль и до 800,000 населенія. Вотъ всѣ перемѣны, которыя создала окончившаяся война и надо къ этому прибавить, что Англія, хотя и не участвовавшая открыто въ войнѣ, получила, какъ мы уже въ свое время сообщали, островъ Кипръ, имѣющій до 173 квад. миль и населеніе до 200,000 душъ. Мы здѣсь коснулись только территоріальныхъ перемѣнъ, созданныхъ берлинскимъ трактатомъ; чего онъ достигъ въ политическомъ отношеніи и въ отношеніи прочности мира—объ этомъ читатель найдетъ въ политическомъ обозрѣніи „Нивы“ (См. „Ниву“ № 33).

## Теорія движенія каретнаго колеса.

Что, кажется, проще съ перваго взгляда какъ движеніе каретнаго колеса; оно вращается повидимому совершенно однообразно и быстрота или медленность его движенія прямо зависитъ отъ быстраго или медленнаго движенія кареты *). Но каждому должно быть совершенно понятно, что колесо имѣетъ два различнаго рода движенія; одно круговое и другое горизонтальное по земной поверхности, а совокупность ихъ, образую новую кривую линію, въ то же время даетъ намъ случай указать на одно явленіе, весьма интересное, но извѣстное лишь однимъ механикамъ и совершенно ускользающее отъ вниманія людей чуждыхъ этому дѣлу. Это явленіе состоитъ въ томъ, *что движеніе верхней и нижней части колеса неодинаковы, и что верхняя часть вращается быстрѣе нежели нижняя*. Чтобы убѣдиться въ истинѣ нами сказаннаго, стоитъ лишь прикрѣпить къ дугѣ колеса полоску бумаги или другой какой-либо яркій, бросаю-

*) Т. е. собственно говоря, это есть система Родопскихъ горъ, еще не далѣе какъ 30 лѣтъ тому назадъ бывшая совершенно неизвѣстною путешественникамъ и ученымъ. Горы возвышаются въ видѣ грозныхъ величественныхъ пирамидъ, покрытыхъ снѣгомъ. Кромѣ р. Марицы изъ Деспотодага берутъ начало многочисленные ея притоки: *Ешдере*, *Стара-Рѣка*, *Кричимска-Рѣка*, *Чепеляри* и особенно величественная рѣка *Арда*. Въ горахъ находится одинъ изъ древнихъ проходовъ, называемыхъ болгарами «*Желѣзна-врата*».

*) Подъ каретой здѣсь разумѣются, конечно, и телѣги, и дрожки, и другія всякаго рода колесныя повозки.

щійся въ глаза предметъ; при движеніи колеса этотъ яркій предметъ будетъ лишь ясно видимъ тогда, когда онъ соприкасается съ земною поверхностью; когда же онъ будетъ вверху, то при каждомъ оборотѣ колеса замѣчается лишь одна чуть видная, неясная черта; тоже самое можно замѣтить и на спицахъ колеса; въ нижней части колеса даже при самомъ быстромъ движеніи, каждую изъ нихъ можно видѣть совершенно отчетливо, тогда какъ въ верхней части они сливаются въ одно общее неясное очертаніе. Но при этомъ у каждаго невольно возникаетъ довольно основательный вопросъ: не представляетъ ли изъ себя колесо нѣчто цѣлое и недѣлимое, обращающееся около оси, какъ около своей центральной точки? Не должно ли считать за строго математическую истину, что всѣ точки, находящіяся на равномъ разстояніи отъ центра, должны обращаться съ равною скоростью, а послѣ этого можно-ли допустить различіе въ скорости движенія верхней части колеса отъ нижней? Но не смотря на кажущуюся основательность подобныхъ разсужденій, слѣдующій опытъ доказываетъ до очевидности совершенно имъ противное. Проведемъ мысленно отвѣсную прямую линію черезъ центральную точку колеса стоящей неподвижно кареты и обозначимъ хотя мѣломъ обѣ точки соприкосновенія этого перпендикуляра какъ на дугѣ колеса, такъ и на земной поверхности какой-нибудь чертой или знакомъ. Теперь если подвинуть карету на одинъ футъ, то конечно и ось должна подвинуться впередъ на тоже разстояніе; верхняя же точка отодвинется на цѣлыя два фута, тогда какъ нижняя отдалится на самое незначительное разстояніе отъ помѣтки, сдѣланной нами на земной поверхности.

Этотъ опытъ можно производить и другимъ образомъ, проводя мысленно косую линію черезъ центральную точку колеса, такъ что нижняя часть оси будетъ отстоять отъ нея на одинъ футъ впереди, а верхняя на одинъ футъ назади. Въ такомъ случаѣ намѣчаются на землѣ три точки; а именно та, которая лежитъ отвѣсно подъ осью и другія двѣ, отстоящія на одинъ футъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны первой точки. Подвинувъ карету впередъ мы убѣдимся, что когда ось сдѣлала движеніе на два фута, то верхняя точка подвинулась въ то же время на четыре фута, а нижняя почти неизмѣнила своего первоначальнаго положенія. Такой немудреный опытъ конечно легко произвести и въ комнатѣ съ помощью или игрушечной кареты, или какого-либо другого кругообразнаго предмета, принимая за земную поверхность столъ или доску и наблюдая лишь одно условіе, чтобы то пространство, на которомъ будетъ вращаться такое импровизированное колесо, должно быть относительно коротко, какъ относительно малъ и діаметръ подобнаго колеса.

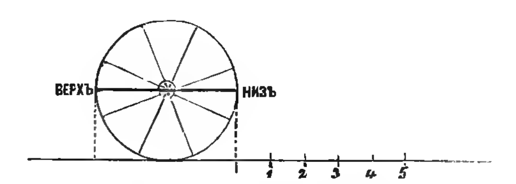
Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что колесо имѣетъ два центра движенія: одинъ относительно оси, а другой относительно земной поверхности. Первый лежитъ въ срединной точкѣ оси, а второй тамъ, гдѣ колесо соприкасается съ земною поверхностью и въ первомъ случаѣ каждая точка окружности колеса, при всякомъ поворотѣ послѣдняго, описываетъ полный кругъ, а во второмъ случаѣ лишь циклоиду, т. е. линію, близкую по величинѣ половинѣ окружности круга и эта кривая, при своемъ восходящемъ и нисходящемъ движеніи, при каждомъ оборотѣ колеса, образуетъ волнообразную линію. Такимъ образомъ между движеніемъ верхней и нижней части колеса существуетъ дѣйствительная разница и эта разница не измѣняется нисколько, если движущимся предметомъ будетъ или небольшая тарелка медленно катящаяся по столу, или цѣлый локомотивъ американскаго почтоваго поѣзда, пробѣгающій цѣлую англійскую милю почти въ одну минуту.

Чтобы получить точное математическое отношеніе скорости всей верхней части колеса ко всей нижней ея части, слѣдуетъ раздѣлить колесо на двѣ половины горизонтальной, черезъ ось проходящей линіей. Изъ двухъ крайнихъ точекъ этой линіи одну обозначимъ буквой В (верхъ) а другую Н (низъ). Въ то же время отъ каждой изъ этихъ точекъ, а также и отъ центра оси проведемъ отвѣсную линію и отмѣтимъ ихъ соприкосновенія съ землею. Подвинувъ карету впередъ, мы заставимъ колесо сдѣлать полъ-оборота и получимъ въ результатѣ, основываясь на помѣткахъ, сдѣланныхъ на землѣ, что точки В и Н перешли въ очень неравное отношеніе одна къ другой и разстояніе ихъ раздѣляющее совсѣмъ не то, какое было до движенія колеса. Такимъ образомъ въ то время какъ ось подвинулась на половину оборота колеса, точка В подвинулась на тоже разстояніе, съ приложеніемъ къ нему еще діаметра цѣлаго колеса, а точка Н подвинулась меньше чѣмъ ось на разстояніе, равное діаметру колеса. Принимая, что колесо имѣетъ 4 фута въ поперечникѣ и что окружность его равняется, круглымъ числомъ, двѣнадцати футамъ, мы получимъ слѣдующее выраженное въ цифрахъ соотношеніе всѣхъ трехъ данныхъ точекъ (Оси, В и Н).

Такъ ось—половина окружности колеса = 6 футамъ.

Точка В—величина оси, сложенная съ цѣлымъ діаметромъ колеса, т. е. 6+4=10 футамъ.

Точка Н — величина оси безъ діаметра колеса, то есть 6—4=2 футамъ.




**Теорія движенія каретнаго колеса.**

Слѣдовательно, точки В и Н представляютъ въ этомъ случаѣ отношеніе скорости верхней части колеса къ нижней его части, а такъ какъ эта скорость относится одна къ другой какъ 10:2 или 5:1, то посему несомнѣнно, что верхняя часть колеса движется въ пять разъ быстрѣе чѣмъ нижняя. Такимъ образомъ истина этой теоріи движенія колеса не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ основывается на самомъ строгомъ математическомъ выводѣ, но для человѣка незнакомаго съ основаніемъ механики покажется чрезвычайно страннымъ, что въ одномъ и томъ же колесѣ, верхняя часть имѣетъ одно движеніе, а нижняя другое и убѣждаясь въ этой истинѣ и числовыми данными и опытомъ, онъ все таки будетъ качать недовѣрчиво головою и подозрѣвать, что здѣсь скрывается какая нибудь хитрость, которой хочется обморочить простой людъ ученому человѣку.

## Внутреннія извѣстія.

Въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“ опубликованъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату объ увольненіи отъ службы ратниковъ ополченія перваго призыва. Это, конечно, указываетъ на мирное положеніе дѣлъ, впрочемъ, насколько продолжительно будетъ такое мирное положеніе дѣлъ—рѣшить трудно. Пока все, какъ говорится, обстоитъ благополучно, и наши крейсеры—пароходы добровольнаго флота, виды которыхъ были помѣщены на страницахъ „Нивы“, уже получили новое назначеніе, а именно—перевозить войска съ бывшаго театра войны.

Наша русская Академія Наукъ, тихо и неслышимо для всего міра занимавшаяся до сихъ поръ своими учеными дѣлами, намѣрена съ нѣкотораго времени, какъ говорятъ, предлагать задачи на извѣстныя темы, съ присужденіемъ за ихъ выполненіе премій. Такъ давно уже ведется въ Парижской академіи наукъ, которая ежегодно предлагаетъ нѣсколько темъ съ преміями за ихъ выполненіе.

За симъ отъ науки перейдемъ къ презрѣнному металлу, считаемому въ то же время и благороднымъ. Этотъ презрѣнный и благородный металлъ прельщаетъ финляндцевъ. Такъ, со времени введенія въ Финляндіи золотой монеты прошло менѣе двухъ мѣсяцевъ, между тѣмъ тамъ уже начинаются гоненія на русское серебро 84 пробы, которое по закону должно приниматься при расплатахъ суммами менѣе 10 фин. марокъ. По словамъ мѣстной газеты, на Улеаборгской телеграфской станціи не принимаютъ въ уплату за телеграммы серебро, хотя телеграфы въ Финляндіи вполнѣ подвѣдомственны общимъ учрежденіямъ этого рода въ Имперіи.

Отъ страсти къ золоту и серебру—одинъ шагъ до кредитныхъ билетовъ. Такъ въ Козловѣ послѣднее время стало появляться много фальшивыхъ кредитныхъ денегъ, преимущественно двадцати пяти рублевокъ. Въ отдѣленіе государственнаго банка иногда въ одинъ день поступаетъ ихъ по нѣскольку штукъ. На всѣ поступающіе въ банкъ кредитные билеты вкладывается печать, послѣ чего они уже разумѣется не могутъ имѣть никакой стоимости. Въ Елабугѣ Вятской губ. также обнаружена поддѣлка фальшивыхъ кредитныхъ бумагъ и виновные въ ихъ поддѣлкѣ поймавы.

Въ предыдущихъ номерахъ „Нивы„ мы сообщали объ ужасномъ случаѣ—убійствѣ шефа жандармовъ, генерала Мезенцова. Убійцы до сихъ поръ еще не открыты. Газеты передаютъ, что будто бы однимъ лицомъ представлено въ казну 50 т. рублей для вознагражденія того, кто представитъ въ руки правосудія преступника, убившаго генерала Мезенцева.

Нынѣшняя Нижегородская ярмарка идетъ успѣшно и полагаютъ, что долго не затянется. Съ пушнымъ товаромъ многіе уже кончили, товаръ проданъ сравнительно не дешево. Кошачьи мѣха продавали по 5 р. 50 к. и по 6 р., тогда какъ въ прошедшемъ году съ удовольствіемъ отдавали за 4 р. и 4 руб. 20 к. Лисьи мѣха нынче проданы на 10 р. дороже. Заячьи почти всѣ проданы за границу съ повышеніемъ цѣнъ. Рыбой соленой торговать еще не начинали; мочала продаютъ по 70 к. за пудъ. Въ сундучномъ ряду не запомнятъ такого требованія на свой товаръ, какъ въ нынѣшнемъ году. Покупатели преимущественно армяне и персіяне. Нѣкоторый успѣхъ ярмарки объясняютъ нашимъ низкимъ курсомъ.

4 августа на Ярмаркѣ вспыхнулъ пожаръ при сильномъ вѣтрѣ и уничтожилъ въ какіе нибудь полтора часа 27 каменныхъ и деревянныхъ домовъ со всѣми пристройками.

На дняхъ устроена телеграфная линія до села Павлова, на которой открыты станціи съ пріемомъ депешъ внутренней кореспонденціи въ Павловѣ, городѣ Горбатовѣ и селѣ Бородскомъ. Линія устроена по ходатайству и содѣйствію мѣстныхъ сельскихъ и городскихъ жителей.

Слѣдственная коммисія по изслѣдованію злоупотребленій въ складахъ Одесскаго военнаго округа опредѣлила общій убытокъ казны собственно по находящимся въ ея производствѣ дѣламъ почти въ 1 мил. руб. Самый крупный убытокъ слѣдуетъ отнести къ складу провіанта и фуража на станціи Раздѣльной. Изъ фуража обнаружена громадная недостача, около 200,000 пудовъ сѣна, за которое между тѣмъ подрядчикъ Коганъ, успѣлъ получить сполна всѣ деньги и освободить свои залоги. Оказалось много никуда негоднаго, совсѣмъ сгнившаго овса и ячменя. Изъ провіанта пострадала мука, доставленная изъ склада въ Раздѣльной на мѣсто назначенія въ такомъ видѣ, что ее оказалось невозможнымъ употреблять въ пищу.

Изъ Тифлиса сообщаютъ, что 60 человѣкъ интендантскихъ чиновниковъ коммисаровъ и друг. преданы суду за разныя злоупотребленія въ минувшую войну.

По устройству Сибирскаго университета въ гор. Томскѣ сообщаютъ, что мѣстный житель Томска Асташевъ пожертвовалъ подъ университетское помѣщеніе свой большой домъ.

Пишутъ, что [illegible] открылся новый сильный нефтяной фонтанъ, дѣйствующій непрерывно и выкидывающій массу нефти. Въ настоящее время цѣна на нефть упала до 1 к. за пудъ.

Общество содѣйствія русскому торговому мореходству ходатайствуетъ предъ правительствомъ о введеніи на пароходахъ непроницаемыхъ для воды скамеекъ, которыя бы въ случаяхъ крушеній или столкновеній пароходовъ могли быть выбрасываемы для подачи помощи утопающимъ.

О добываніи золота по р. Амуру сообщаютъ, что въ 1877 г. всего золота промыто 172 п. 37 ф. на сумму болѣе 2 милліоновъ руб. Всѣхъ служащихъ на прінскахъ принадлежащихъ 5 компаніямъ, было до 3,000 человѣкъ при 11 золотопромывательныхъ машинахъ. Въ прошедшемъ году отправлено было 15 поисковыхъ партій для розыска новыхъ золотоносныхъ площадей, каковыхъ заявлено три. Открытіе винныхъ складовъ и питейныхъ заведеній въ близкомъ разстояніи отъ пріисковъ оказываетъ вредное вліяніе на нравственность ближайшаго населенія и пріисковыхъ рабочихъ.

## Ариѳмогрифъ.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. Плодъ, употребляемый въ пищу.

2. 6. 3. 4. 7. 8. Имя.
2. 1. 3. 7. 8. Звѣрь.
7. 1. 3. 3. 1. Библейское имя.
3. 4. 7. 8. Растеніе, употребляемое въ пищу.
5. 3. 1. 2. 2. 8. Морское животное.
7. 4. 3. 6. 5. 5. 6. Вѣтеръ.
2. 1. 7. 8. Голосъ.
2. 6. 5. 8. Часть тѣла.
3. 6. 5. 8. Судьба.
2. 1. 3. 5. 1. Рѣчное, озерное и морское судно.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Ярославль. Н. Бурц—ву.** Ваши хвалы, съ колѣнопреклоненіемъ возносимыя предъ божествомъ, именуемымъ деньгами, могутъ удостоиться одобренія развѣ только отъ евреевъ, да и то лишь изъ числа тѣхъ, которые поглупѣе. Кто-же не знаетъ, что деньги мечъ обоюдоострый которымъ легче всего погубить себя, нежели другихъ—но вамъ видимо этого неизвѣстно. Смѣемъ увѣрить васъ, что человѣкъ одаренный хотя самой незначительной долей ума и наблюдательности, никогда не согласится съ вашими словами, что, будто-бы:

„Деньги претворяютъ
Барина изъ мужика,
Глупаго изъ дурака"

На эти весьма (говоря между прочимъ) безграмотныя строки отвѣтимъ вамъ правдивыми словами старинныхъ стиховъ:

„Глупому сыну не въ помощь богатство,
Аще не купитъ мудрости изрядство...

И далѣе:

„Много-бо богатство ума помрачаетъ,
И человѣцы въ ничто обращаетъ.

Вотъ все, что мы можемъ сказать вамъ въ отвѣтъ на содержаніе вашихъ стиховъ; что-же касается ихъ формы, то о ней и говорить нечего: она никуда не годится.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**



Дозволено цензурою СПБ. 17 августа 1878 г. Библіотека „Ранкель" № 10.




№ 35 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 28 Августа 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.







Церковь въ Псковской губерніи, построенная въ XIII вѣкѣ. Рис. съ натуры Александръ де-Барчъ, грав. Жонаръ.

# Русская церковь въ XIII вѣкѣ.

Помѣщаемый въ этомъ № рисунокъ, изображающій видъ церкви, постройка которой относится къ XIII вѣку, дастъ намъ случай познакомить читателей „Нивы“ съ положеніемъ христіанской церкви въ тотъ отдаленный періодъ, который отстоитъ отъ насъ уже на пять столѣтій. Основываясь на трудахъ нашего уважаемаго профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, приведемъ здѣсь слѣдующія данныя изъ его Русской исторіи, на которую, говоря между прочимъ, не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей, такъ какъ этотъ трудъ заслуживаетъ всеобщаго вниманія, именно потому, что въ немъ главнымъ образомъ обращено вниманіе на исторію самой страны и ея населенія, на его жизнь, а не исключительно только на исторію князей и ихъ взаимной борьбы.

Русская церковь въ періодъ татарскаго владычества,—говоритъ онъ,—сослужила великую службу Русской землѣ: политическое единство Руси создано было при сильномъ содѣйствіи со стороны духовенства. Въ нравственномъ отношеніи духовенство оказало въ эту пору не менѣе важныя услуги: оно являлось главнымъ представителемъ нравственнаго начала, потому и князья обращались къ посредству духовныхъ лицъ, которыя были между ними примирителями, третейскими судьями. Авторитетъ духовныхъ лицъ былъ единственнымъ авторитетомъ, сдерживавшимъ, на сколько возможно, личный произволъ и кулачное право, преобладавшіе въ тогдашнемъ обществѣ; несомнѣнные примѣры добродѣтелей нѣкоторыхъ подвижниковъ ярко выдѣлялись въ обществѣ, такъ поставленномъ, что въ немъ преобладали сила и ловкость. Въ отношеніи умственномъ духовенство являлось единственнымъ грамотнымъ сословіемъ и потому представляло умственный интересъ въ обществѣ; какъ ни бѣдно было образованіе въ Руси Суздальской, какъ ни неискусны были попытки литературныя въ этой части Русской земли, но и онѣ преимущественно принадлежали духовенству.

Конечно въ бытѣ духовенства было не мало и черныхъ сторонъ, но онѣ объясняются условіями времени, какъ нравственными, такъ и общественными и экономическими.

Во главѣ русскихъ церквей того времени стоялъ митрополитъ, который поставлялся въ Константинополѣ. Бывали случаи поставленія въ разъ двухъ кандидатовъ, назначенныхъ двумя сильными князьями. Патріархи, соглашаясь на поставленіе кандидата указаннаго русскими князьями, соглашались не даромъ: поставленіе стоило дорого. Можно себѣ представить, какая шла борьба и волненіе въ народѣ по поводу поставленія митрополита, какія ухищренія и подкупы употреблялись въ дѣло по этому случаю. Но нравы того времени допускали подобныя мѣры, не смотря на то, что казалось бы въ такомъ духовномъ дѣлѣ не слѣдовало бы къ нимъ прибѣгать. На сколько велики были „мзды“, взимаемыя константинопольскими патріархами за поставленіе митрополита, видно изъ слѣдующаго лѣтописнаго повѣствованія:

„Русь же позаимовавъ тою кабалою сребро въ долгъ на имя князя Великого у Фрязи у бесерманъ вросты и иже и до сего дни тотъ долгъ ростетъ, его же есть вяще 20,000 рублевъ сребра; и разсулиша посулы многи и раздаваша сюду и сюду, а яже поминковъ и даровъ никто же можетъ рещи или изчислити, и тако едва возмогоша всѣхъ“.

Этотъ разсказъ относится ко времени поставленія митрополита Пимена. Константинопольскій патріархъ и царь послѣ подарковъ рѣшились на его поставленіе, не смотря на то, что былъ въ то время на Руси митрополитъ Кипріянъ. „Гораздо познали,—говорится въ грамотѣ Витовта,—штожъ они (греки) хотятъ того, штобы по своей воли ставити митрополита, по накупу, хто ся у нихъ накупитъ на митрополью, штобы таковый въ ихъ воли былъ, здѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносилъ“.

Отъ подвѣдомственныхъ епархій митрополитъ имѣлъ опредѣленные доходы: посѣщая епархію, онъ получалъ дары и права суда, изъ-за чего велась упорная борьба съ Новгородомъ; сверхъ того онъ получалъ постоянную дань съ духовенства всей митрополіи: „исповѣдую яже имать пошлины митрополичьскій престолъ—говорится въ „Исповѣданіи вѣры“ епископовъ—во всемъ предѣлѣ моемъ соблюдати непреложно.“ Ему же шли пошлины за поставленіе въ Епископы. Въ случаѣ суда онъ получалъ судебныя пошлины. Другіе іерархи въ своихъ предѣлахъ пользовались полною каноническою властью. На содержаніе свое іерархи получали пошлины съ духовенства и судебныя, а также имѣли свои села. Князья и народъ считали себя впрочемъ вправѣ вмѣшиваться въ дѣла духовныя: такъ князь Ростовскій возставалъ на епископа Тарасія, народъ въ Муромѣ на св. Василія.

О доходахъ церкви этого отдаленнаго времени мы можемъ составить представленіе по жалованнымъ грамотамъ князей. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ Рязанскаго князя Олега (акты историч. т. 1 № 2. 1356—1387 г.) повѣствуется, что когда прадѣды Олега ставили церковь Св. Богородицы и съ ними 300 бояръ и 600 мужей, тогда дали дому Св. Богородицы 9 земель бортныхъ, пять погостовъ (при каждомъ погостѣ высчитываются *семьи*). Погостъ, какъ видно изъ одной грамоты, имѣлъ большое значеніе въ іерархіи общинъ, такъ что къ погосту тянутъ села, а къ селу деревни и починки. Села давались *съ винами*, т. е. съ пошлиной за вину, съ поличнымъ, т. е. съ пошлиной за поличное и съ разными поземельными выгодами „и озеры, и бобры“ (К. Аксаковъ, Истор. сочин. стр. 429).

Число монастырей возросло въ татарскую пору, особенно во вторую ея половину. Въ началѣ ига ни въ центральной Россіи, ни въ южной не могли возникать новые монастыри: возможность татарскаго опустошенія всегда грозила имъ. Когда иго облегчилось, князья начали выражать свое религіозное чувство основаніемъ монастырей, съ другой стороны около пустынниковъ стали собиратьса толпы и такимъ образомъ возникали сами собой другія обители.

Нашъ рисунокъ представляетъ собственно церковь въ Псковской губерніи построенную въ XIII вѣкѣ, и въ виду этого мы скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ древняго Пскова въ церковномъ отношеніи, обращаясь снова къ трудамъ К. Н. Бестужева-Рюмина.

Псковъ,—говоритъ онъ,—въ церковномъ отношеніи зависѣлъ отъ Новгородскаго архіепископа, который назначалъ въ Псковъ намѣстника. Намѣстникъ этотъ, назначавшійся отъ Новгородскаго архіепископа, бывалъ даже зачастую и не духовное лицо, но это, какъ видно, нисколько не мѣшало ему „вѣдать“ церковныя дѣла. Архіепископъ Новгородскій пріѣзжалъ въ Псковъ только на время и то въ четыре года разъ. Все это время отъ одного пріѣзда архіепископа до другого вѣдалъ въ Псковѣ дѣлами епархіи намѣстникъ, бывшій, какъ сказано выше, даже и не духовнымъ лицомъ. Большая часть его дѣлъ заключалась такъ сказать въ дѣлахъ финансовыхъ, во взиманіи слѣдовавшихъ въ пользу архіепископа сборовъ. Теперь мы, отдаленные пятью вѣками отъ этого описываемаго времени, конечно, не можемъ не удивляться нравамъ тогдашнихъ русскихъ людей, но вѣдь нельзя не сказать, что по прошествіи еще пяти вѣковъ будущіе жители нашей родины то же съ удивленіемъ станутъ относиться къ этому времени, которое мы переживаемъ, и удивленіе ихъ, конечно, будетъ имѣть весьма много вѣскихъ данныхъ, и они тоже будутъ въ свое время служить предметомъ удивленія и, можетъ быть, порицанія и т. д. до безконечности, или вѣрнѣе, до того времени, когда земля, обитаемая нами, сдѣлается безплодною и безжизненною пустынею.

Но не заходя за тысячелѣтія впередъ, вернемся снова за пять вѣковъ назадъ и разскажемъ здѣсь, какими поборами сопровождался пріѣздъ Новгородскаго архіепископа въ Псковъ. Пріѣздъ его сопровождался большими поборами. Вотъ перечень поборовъ изъ царской грамоты 1555 года: „Съ плѣши (стриженнаго гумепца) по полтинѣ, да по 15 денегъ въ Московское число, да корму на всякъ день по 150 калачей, да по 50 хлѣбовъ денежныхъ, да по 40 гривенъ за мясную вологу, да за рыбу за всякую по 40 денегъ, да по 2 бочки меду русскаго, а не любъ медъ, ино за 2 бочки полтина, да рублевая гривенка перцу, по 2 гривенки пшена сорочинскаго, по 2 безмѣна меду, пудъ соли, масло коровье и конопляное, яйцы, сыры, просо, крупы житные, уксусъ, лукъ, крошиво поворамъ, а солоду на квасъ сколько надобѣ, да за свѣчи за вощаныя *полтретьятцеть* денегъ, да по двѣ свѣчи вощаныхъ большихъ витыхъ, да по 100 свѣчь сальныхъ, да по 15 зобней овса, да по 15 возовъ сѣна, да по 15 возовъ дровъ, по возу лучины, а соломы подъ коней сколько надобѣ“ (Митр. Евгенія Ист. кн. Пск. II прил. XII).

Вслѣдствіе такихъ поборовъ въ XIV вѣкѣ замѣчается въ Псковѣ стремленіе освободиться отъ власти Новгородскаго владыки. Много разъ псковичи пробовали достигнуть этого, но большею частію безуспѣшно. Въ 1464 году они просили объ особомъ архіереѣ, но эта просьба была отвергнута московскими властями. Причиною отказа нужно считать кажется нежеланіе обособленія церкви; такъ какъ въ этомъ обособленіи видѣли политическое значеніе. Въ 1469 году была составлена псковскимъ духовенствомъ грамота и утверждена даже на вѣчѣ, которой опредѣляли псковичи правила управленія церковью и избрали двухъ депутатовъ при архіерейскомъ намѣстникѣ, на подобіе двухъ посадниковъ; но и на этотъ разъ Псковичи ничего не добились и въ слѣдующемъ году грамота была уничтожена. по вмѣшательству власти Московскаго князя, и они по прежнему остались въ подчиненіи Новгородскому владыкѣ до времени, уже значительно позднѣйшаго.

Л.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ

**Вс. Соловьева.**

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

### VII.

Бабъ, съ которыми очутилась Люба, было двѣ. Одна изъ нихъ ужъ старуха, хозяйка Лукьянова—Мавра, а другая—Федосья, молодая, красивая бабенка, споха его.

Онѣ сидѣли въ углу на лавкѣ; у обѣихъ лица были встревожены. Не смотря на позднее время, для спанья не было никакихъ приготовленій.

Женщины съ изумленіемъ взглянули на Любу и тотчасъ приступили съ разспросами: - какъ? откуда? куда?

Люба, уже оправившаяся отъ страха своего и волненія, отвѣчала имъ обстоятельно. Она сняла съ себя шапку; ея голова оказалась обвязанной такимъ образомъ, что невозможно было разглядѣть длинныхъ волосъ ея. Коса была пропущена подъ кафтанъ. Убѣгая изъ перхуловскаго дома она не успѣла обрѣзать себѣ волосы, да еслибъ и было время, такъ врядъ ли обрѣзала бы—и жалко и черезъ чуръ ужъ зазорно.

Она рѣшилась до самой Москвы, до тѣхъ поръ, пока не предстанетъ передъ ясныя очи Царь-дѣвицы, не развязывать головы и при случаѣ ссылаться на сильную боль, или отмороженныя уши.

Такъ она и теперь сдѣлала, и ея отвѣтъ не показался страннымъ, такъ какъ конечно ни Маврѣ, ни Федосьѣ не могло придти въ мысль, что передъ ними переодѣтая дѣвушка.

Отвѣчая на вопросы своихъ собесѣдницъ, выдумывая имъ про себя разныя исторіи, Люба едва сдерживала свое нетерпѣніе. Она не въ силахъ была больше находиться въ неизвѣстности, должна же была наконецъ узнать, что такое творится въ Медвѣдковѣ, и въ какую это кутерьму она попала.

Наконецъ Лукьяновы бабы рѣшились удовлетворить ея любопытство и стали ей говорить, перебивая другъ друга.

Долго ничего она не могла понять изъ ихъ разсказовъ, но все же въ концѣ концовъ, кое какъ, добилась смысла.

Она узнала, что на Медвѣдково навалились раскольщики, что ихъ многое множество въ землѣ русской и что стоятъ они за старую вѣру, которую исказили никоніанцы.

Въ вопросахъ религіозныхъ Мавра и Федосья оказались очень несмышленными—не могли объяснить Любѣ, въ чемъ собственно дѣло, въ чемъ разница между старой вѣрой и новою, которую приняли и царь, и бояре, и большая часть народа русскаго.

— Кто ихъ знаетъ, можетъ и вѣрно они толкуютъ, раскольщики-то, говорила Мавра. Точно вѣдь, какъ подумаешь—все была вотъ одна вѣра православная, — и прежде насъ жили люди, да не были же погаными нехристями, умѣли чтить Бога и, колибы старая-то вѣра была неправая, то какъ бы всѣ великіе святители могли спастись ею?..

— А и то разсудить нужно, продолжала Мавра номолчавъ, что не будь изъяну какого въ старыхъ книгахъ, съ чего бы ихъ отринули и царь, и бояре съ патріархомъ? Темно тутъ, парень, не распознаешься—не нашего глупаго бабьяго ума это дѣло. Вотъ и Лукьянъ мой, даромъ что землю пашетъ, а человѣкъ бывалый и обученъ отъ писанія, въ Москвѣ по годамъ живалъ, такъ онъ говоритъ, что раскольщики не путно толкуютъ и по его такъ выходитъ, будто истинная, настоящая то старая вѣра и есть теперешняя, новая, а ихъ, раскольщиковъ то, совсѣмъ не старая, а одно затейніе, отъ дьявола исходящее...

Люба внимательно прислушивалась къ словамъ этимъ, но не могла ничего въ толкъ взять: „Какъ это такое: старая вѣра,—новая, а новая—старая?!" Эхъ, вотъ Лукьяна то нѣтъ, онъ бы разсказалъ потолковѣе!

Необыкновенно заинтересовалъ Любу вопросъ о старой и новой вѣрѣ, такъ заинтересовалъ, что она даже, раздумывая объ этомъ, позабыла про свое тяжелое положеніе, про всѣ страхи.

А Мавра продолжала говорить.

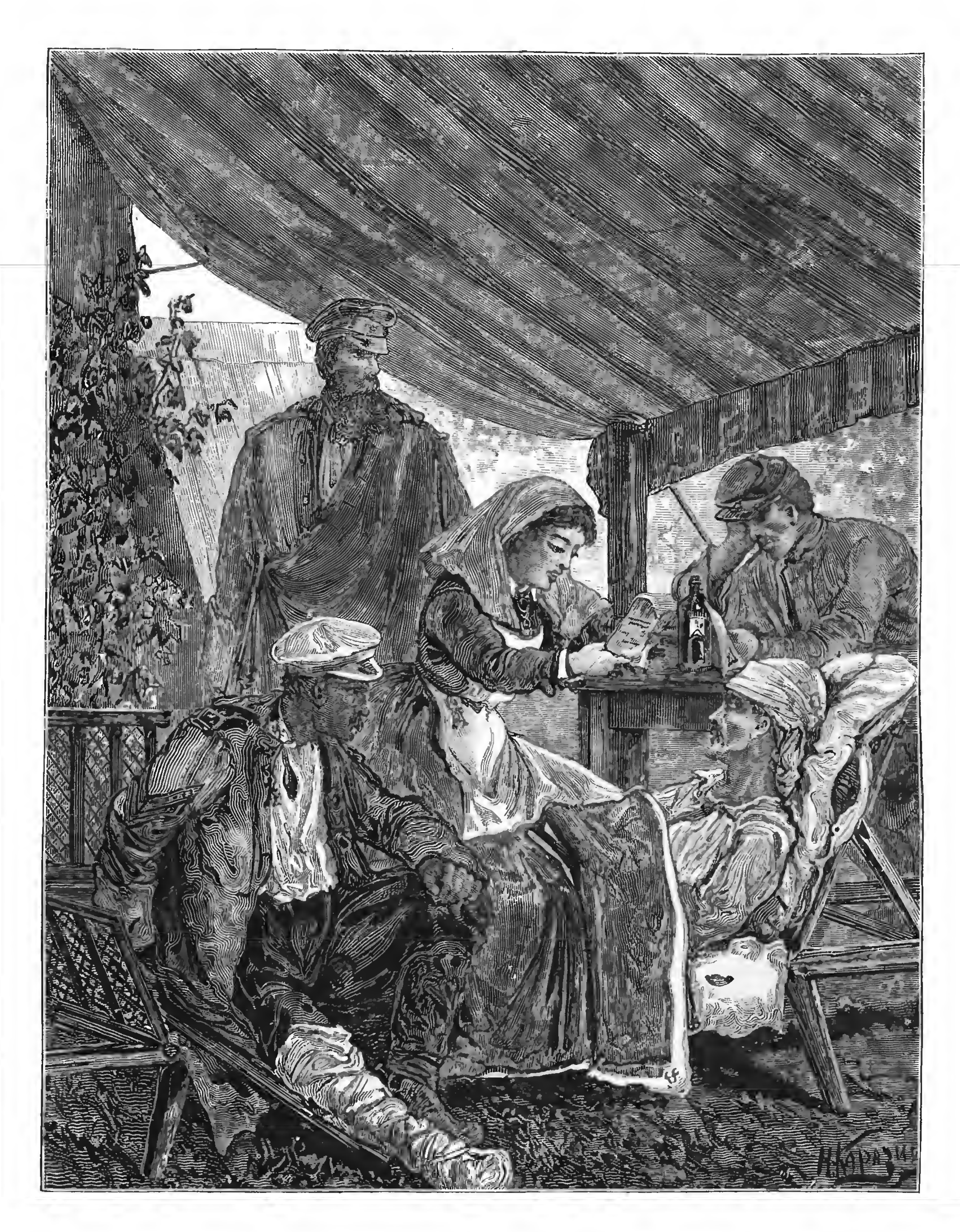
Она горько жаловалась на роскольщиковъ. „Правы ли они тамъ, или виноваты въ своей вѣрѣ, а все же до нихъ жилось въ Медвѣдковѣ благополучно — тишь да гладь, да Божья благодать,—а какъ стали они показываться—и пошла бѣда за бѣдою.

Сначала, съ годъ тому будетъ времени, приходилъ какой-то старикъ, остановился въ избѣ у одного медвѣдковскаго крестьянина, началъ собирать вокругъ себя народъ, толковать имъ о вѣрѣ, въ расколъ подговаривать. Кто не послушался его, а кто и послушался: и такихъ въ Медвѣдковѣ, что стали раскольщиками, набралось не мало.

За старикомъ и другіе разные люди стали въ Медвѣдково навѣдываться. Придутъ, поживутъ, намутятъ, да каждый разъ то тѣхъ, то другихъ изъ медвѣдковскихъ съ собою въ лѣсъ сманятъ—расколъ то больше все по лѣсамъ живетъ. Про все какъ есть, что тамъ въ лѣсахъ дѣется, Лукьяну разсказывалъ, при Маврѣ, одинъ медвѣдковецъ, Данило, что ушелъ съ раскольщиками, да и опять вернулся во свояси—разсказывалъ, что верстъ съ пятьдесятъ отъ Медвѣдкова есть рѣка, а за рѣкой лѣсъ дикій, большущій. Кругомъ болота да дряби: на лошадяхъ въ томъ лѣсу проѣхать невозможно. Въ лѣсу, за рѣкою, настроено келій десятка съ два и живетъ въ нихъ начальникъ раскольническій, чернецъ изъ Соловецкой обители Митрофанъ прозывается. Въ сборѣ у того чернеца раскольщиковъ изъ разныхъ городовъ и мѣстъ мужескаго пола, женокъ, дѣвокъ и старицъ человѣкъ съ два ста будетъ. Кельи стоятъ врозь на большомъ разстояніи, а на рѣкѣ, противъ тѣхъ келій, построена мельница; настроены также малыя хороминки на столбахъ, и въ нихъ хлѣбъ держатъ; а пашутъ раскольщики безъ лошадей и землю размягчаютъ желѣзными кокотами.

Много чуднаго разсказывалъ Лукьяну Данило про житье раскольщиковъ, а всего чуднѣе то, что къ чернецу Митрофану приходятъ на исповѣдь, и онъ всѣхъ исповѣдуетъ и причащаетъ: возьметъ ягоду бруснику и муки ржаной или пшеничной, смѣшаетъ все вмѣстѣ, тѣмъ и причащаетъ.

Только прежде, хоть и постоянно приходили въ Медвѣдково раскольщики, но все больше или въ одиночку, или человѣка три, четыре, а теперь, невѣдомо откуда, цѣлая орава, навалила и вотъ ужъ съ недѣлю здѣсь безчинствуютъ. Поповъ похватали и замучили; церковью завладѣли. Больше половины медвѣдковцевъ ихъ сторону держатъ, да и остальные, въ томъ числѣ и Лукьянъ, не смѣютъ возвысить голоса: не пристаютъ къ нимъ, да и не противятся, потому: что ты съ ними подѣлаешь? Одна на нихъ хитрость осталась: и вотъ отправилъ Лукьянъ своего сына, мужа Федосьинаго, на Москву сказать, что такъ молъ и такъ, чтобъ не дали Медвѣдкова въ обиду. Теперь ждутъ не дождутся воз-



**Между войною и миромъ: II. Письмо съ далекой родины.** Ориг. рисунокъ Н. Каразина, грав. Б. Пуцъ.




**Памятникъ Леонардо да-Винчи предъ галлереей Виктора Эмануила въ Миланѣ.**
Съ фотогр. грав. Герасимовъ.

вращенія Димитрія—это сынъ-то Лукьяна—Москва не ахти какъ далеко, а онъ на конѣ погналъ—коли съ нимъ въ пути недоброе что случилось, али словамъ его не повѣрили, то невѣдомо, чѣмъ у нихъ въ Медвѣдковѣ и кончится. Раскольщики, да и многіе медвѣдковцы совсѣмъ голову потеряли: ровно звѣри сдѣлались, того и жди пойдетъ поножовщина.

Остановивши на этомъ свой разсказъ, Мавра оперлась головою на руки и заплакала.

— Время, время вернуться Митрію. анъ все нѣтъ его, соколика! Чуетъ мое сердце—недоброе съ нимъ!..

Мавра начала все громче и громче всхлипывать. Глядя на нее, заревѣла и Федосья...

Нѣсколько успокоившись, бабы объявили, что можетъ и всю ночь такъ просидятъ, не раздѣваясь—не до сна имъ, а Любѣ предложили переночевать въ коморкѣ.

Она съ радостью согласилась на это и, повалившись на кучу сѣна, скоро заснула крѣпкимъ сномъ. Проспала бы она можетъ быть и Богъ вѣсть сколько, только утромъ разбудила ее Федосья.

— Вставай, вставай! ишь заспался' говорила бабенка,—слышь—Митрій вернулся съ царскими стрѣльцами: теперь пойдетъ судъ и расправа. Ахти намъ, святители, что-то будетъ?

Люба вскочила и поспѣшила выбраться изъ коморки. Она теперь чувствовала себя бодрой и крѣпкой; каждая жилка въ ней играла.

И не думая ни о какихъ опасностяхъ, бросилась она изъ избы Лукьяновой во дворъ, а оттуда за ворота, посмотрѣть на стрѣльцовъ царскихъ, что изъ Москвы прибыли.

Народъ валилъ по улицамъ къ церкви, вокругъ которой расположилось войско.

Утро было солнечное, ясное. Начиналась сильная оттепель.

Вдали увидѣла Люба стрѣльцовъ, вооруженіе которыхъ блестѣло на солнцѣ.

— Что-жь теперь будетъ? невольно спросила она у бѣжавшаго рядомъ съ нею мужика.

— А кто ихъ знаетъ! Раскольщики-то вишь—и пришлые, и наши—съ Васильемъ Мыломъ, церковь-то оставили, да заперлись въ крайнихъ избахъ. Десять дворовъ ими занято—вонъ вишь, вишь стрѣльцы-то дворы окружаютъ!

Дѣйствительно, скоро всѣ дворы, занятые раскольниками, были со всѣхъ сторонъ окружены войскомъ.

Люба бѣжала все шибче и шибче.

— Куда ты? назадъ! наконецъ остановилъ ее одинъ стрѣлецъ.

Она послушалась и стала оглядываться.

Въ двухъ шагахъ отъ нея молодой, статный воинъ. Онъ говоритъ что-то другимъ, видно распоряжается. Лицо его, озаренное солнцемъ, показалось Любѣ красоты неописанной.

— Вишь ты, молодой какой парень, а имъ всѣмъ онъ голова значитъ! услышала она позади себя.

Слова эти, конечно, относились къ красивому воину. Люба такъ и впилась въ него глазами.

— Незачѣмъ кровь проливать человѣческую,—говорилъ воинъ,—нужно ихъ живьемъ перехватать. Ломайте, что-ли, ворота.

Нѣсколько стрѣльцовъ кинулось къ воротамъ, но въ ту же минуту изъ двора послышался выстрѣлъ.

— О, да они съ пищалями! проговорилъ стрѣлецкій начальникъ и подошелъ къ самой избѣ.

— Отворяйте ворота! закричалъ онъ звучнымъ голосомъ.—Палить нечего—у насъ у самихъ пищалей много, съ нами не справитесь; а за кровь каждаго царскаго стрѣльца большой отвѣтъ съ васъ будетъ. Добромъ отворяйте!

Прошло нѣсколько мгновеній—никто не отвѣчалъ ему. Но вотъ изъ избы послышались дикіе крики.

— Не отворимъ! не отворимъ антихристу и его воямъ! Вы кто? нѣчто христіане?

Вслѣдъ за этими словами раздались изъ избы всякія бранныя рѣчи, хула на церковь и четвероконечный крестъ...

— Нѣтъ, видно съ ними ничего не подѣлаешь! печальнымъ голосомъ, отходя отъ избы, сказалъ стрѣлецкій начальникъ. Ломай избы! Ломись во всѣ дворы, гдѣ они засѣли! обратился онъ къ окружавшимъ его стрѣльцамъ. Тѣ передали его приказаніе товарищамъ, и скоро начался дружный натискъ.

Во многихъ избахъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, потомъ все какъ бы стихло.

Мгновеніе... и вдругъ дикій крикъ ужаса пронесся надъ собравшейся толпой крестьянъ медвѣдковскихъ, и повторился стрѣльцами.

Изъ одной избы, въ которой сидѣли раскольники, повалилъ дымъ. Дымъ все гуще и гуще—вотъ показался и огонь. Вотъ загорается и другая изба; всеобщее смятеніе, гулъ стоитъ... Стрѣльцы ломятся въ ворота, но на встрѣчу имъ раздаются выстрѣлы, на встрѣчу имъ мчатся клубы удушающаго дыма и пламени.

Деревянное строеніе, крытое соломой, горитъ быстро. Скоро ничего не видно, не слышно—все слилось въ общемъ гулѣ и дымѣ. Толпа отхлынула отъ избъ; за нею и стрѣльцы, видя безполезность своихъ усилій. Но не показался ни одинъ изъ засѣвшихъ въ избахъ: поборники старой вѣры всѣ до единаго рѣшились погибнуть въ пламени, спасти свои души самосожженіемъ.

## VIII.

Прежде чѣмъ перепуганные жители Медвѣдкова и стрѣльцы очнулись и рѣшились принять какія-нибудь мѣры противъ пожара, всѣ подожженныя избы горѣли какъ свѣчи. Оставалось только спасать сосѣднія строенія. По всему селу гулъ стоялъ отъ стоновъ и воплей.

Только что медвѣдковцы начали мало по малу успокаиваться, убѣдясь въ томъ, что пожаръ не будетъ больше распространяться, оказались новыя бѣды: отъ незваныхъ гостей, раскольщиковъ, избавились, такъ другіе, званые гости, что-то не совсѣмъ ладно начали вести себя.

Стрѣльцы разбрелись по избамъ и стали въ нихъ хозяйничать. Сейчасъ же потребовали себѣ вина, перепились, начали буянить, а въ иныхъ избахъ произвели даже грабежъ. Народъ вздумалъ было жаловаться на нихъ сотникамъ и пятидесятникамъ, но тѣ только смѣялись на эти жалобы, сами же подзадоривали своихъ подчиненныхъ, конечно, чуя себѣ львиную долю въ награбленномъ.

Одинъ только подполковникъ стрѣлецкій, Николай Степановичъ Малыгинъ, тотъ самый, красота котораго такъ поразила Любу, внимательно выслушивалъ жалобы, отдавалъ стрѣльцамъ приказанія вести себя какъ слѣдуетъ: не брать ничего чужого и готовиться въ походъ обратно.

Но онъ могъ приказывать, кричать сколько ему угодно—его плохо слушались. Подъ конецъ онъ даже услышалъ отъ нѣкоторыхъ опьяненныхъ стрѣльцовъ такую брань себѣ, что долженъ былъ отойти въ сторону и притвориться глухимъ, чтобы не уронить своего достоинства.

Дисциплины между стрѣльцами въ то время не было почти никакой. Стрѣлецкое войско, учрежденное Иваномъ IV, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича, пользовалось очень дурной репутаціей.

Вслѣдствіе бѣдности казны, стрѣльцы получали мало жалованья, а потому промышляли себѣ все необходимое самыми непозволительными способами: грабежемъ и вымогательствомъ.

Полковники стрѣлецкіе тоже не могли внушать къ себѣ въ солдатахъ уваженія—помышляя только о на-

живѣ, они заставляли своихъ подчиненныхъ на себя работать. Долгое время стрѣльцы сносили терпѣливо несправедливости начальства, но въ послѣднее время въ нихъ сталъ пробуждаться съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе новый духъ: они дѣлались смѣлѣе и самовольнѣе и наконецъ начали нерѣдко подавать даже жалобы на полковниковъ.

Подполковника Малыгина подчиненные ему стрѣльцы довольно жаловали,—онъ всегда былъ съ ними добръ, не позволялъ себѣ никакихъ несправедливостей, но теперь онъ долженъ былъ видѣть, на какихъ слабыхъ основаніяхъ держится власть его. Стоитъ ему приказать что либо неугодное расходившимся стрѣльцамъ—и они пожалуй не задумаются даже передъ насиліемъ.

Благоразуміе взяло верхъ надъ остальными соображеніями, и Малыгинъ, видя свое безсиліе, видя полную невозможность остановить грабежъ и буйство, производимые стрѣльцами, только старался какъ можно скорѣе выбраться изъ Медвѣдкова и пуститься обратно въ Москву. Наконецъ, черезъ нѣсколько часовъ, ему удалось собрать полкъ.

Между тѣмъ Люба, убѣжавъ отъ страшнаго зрѣлища пожара въ избу Лукьяна и отдохнувъ тамъ, простилась со своими хозяевами, сказавъ, что ей пора въ дорогу, и что она постарается примкнуть къ стрѣльцамъ.

Дѣйствительно, она отыскала подполковника Малыгина, подошла къ нему и поклонилась ему почти въ ноги.

— Чего тебѣ? спросилъ Николай Степановичъ, и въ то же время взглядъ его съ изумленіемъ остановился на лицѣ ея.

„Что за мальчикъ такой! подумалъ онъ—красота какая!“

Люба объяснила ему, что идетъ въ Москву, да вотъ попала въ Медвѣдково, въ самую передрягу, такъ что цѣлый день потеряла.

„Ужь очень путь далекъ да труденъ, говорила она, такъ не будетъ ли твоей милости, господинъ полковникъ, не позволишь ли мнѣ съ вами доѣхать? — боюсь измаюсь очень и ко времени въ Москву не поспѣю.“

Стрѣльцы понаѣхали съ большимъ обозомъ и конечно для Любы было мѣсто.

Малыгинъ согласился взять ее съ собою. Къ тому же онъ сразу почувствовалъ что то странное, какое то необъяснимое влеченіе къ этому красавцу мальчику, да и Люба со своей стороны глядѣла на него такими умильными глазами, а говоря съ нимъ краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ стрѣлецкій обозъ выѣзжалъ изъ Медвѣдкова.

Люба помѣстилась на одинъ изъ возовъ, довольно смѣло переговаривалась съ обращавшимися къ ней стрѣльцами, но нельзя сказать чтобъ на душѣ у ней было очень легко и весело. Совсѣмъ не такою вышла она изъ Суздаля. Впечатлѣнія этихъ трехъ дней ея странствія были неожиданны и тяжелы для нея. Теперь она начинала бояться многаго, что прежде и въ голову ей не входило.

Отвѣчая стрѣльцамъ на ихъ вопросы и шуточки, она въ то же время тихомолкомъ и пугливо озиралась во всѣ стороны и искала глазами Малыгина, инстинктивно чуя въ немъ своего защитника.

Однако ничего особенно непріятнаго съ ней не случилось; стрѣльцы скоро оставили ее въ покоѣ.

Когда смерклось, стали поговаривать о ночлегѣ и рѣшили остановиться переночевать въ одномъ селеніи, до котораго оставалось не болѣе десятка верстъ.

Малыгинъ съ радостью бы постарался избѣгнуть этой ночевки, предвидя новыя безчинства стрѣльцовъ, но дѣлать было нечего—царское войско исполнило свою обязанность, усмирило раскольщиковъ въ Медвѣдковѣ, и теперь имѣло право требовать себѣ льготы.

Малыгинъ ограничился тѣмъ, что краснорѣчиво сталъ внушать сотскимъ и пятидесятникамъ о необходимости вести себя смирно, какъ подобаетъ царскому войску.

— Да ужь ладно, ладно, отвѣчали ему, не бойся батько—ничего худого не будетъ!

И дѣйствительно, большинство стрѣльцовъ уже успѣло окончательно вытрезвиться дорогой, и всѣ они находились теперь въ мирномъ и спокойномъ настроеніи.

Прибывши въ назначенное для ночлега селеніе, стрѣльцы довольно тихо разошлись по избамъ. Хозяева не безъ страха, но безпрекословно начали отводить имъ помѣщеніе.

— А ты парень гдѣ же ночевать думаешь? Пойдемъ-ка со мною! раздался во тьмѣ надъ Любой уже знакомый ей голосъ, отъ котораго она невольно вздрогнула.

Она молча послѣдовала за Малыгинымъ.

Подполковнику отвели чистую клѣть въ самой просторной избѣ.

Онъ велѣлъ поярче засвѣтить лучину и подать чего нибудь съѣстного.

— Придвинься и ты, сказалъ онъ Любѣ, тихо сидѣвшей въ уголку на лавкѣ,—чай проголодался!

Люба подошла.

— Да что это у тебя голова то обвязана? спросилъ Малыгинъ, опять невольно засматриваясь на лицо невѣдомаго мальчика.

Люба начала робкимъ голосомъ повторять свою исторію объ отмороженныхъ ушахъ и головной боли, но теперь почему то, всегда такъ смѣло и ловко выходившая изъ всякихъ напастей, она чуствовала въ себѣ необычайное смущеніе. Она видѣла, что этотъ красавецъ воинъ глядитъ на нее не отрываясь и что въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ теперь видна какая то недовѣрчивость, какое то подозрѣніе.

И она невольно терялась подъ его пытливымъ взоромъ, и опускала свои длинныя рѣсницы, и краснѣла, и заминалась въ разговорѣ.

— Нѣтъ, ты, мальчишка, что-то путаешь! наконецъ, качая головою, замѣтилъ Малыгинъ.—Тутъ что-то не ладно—ужъ не изъ бѣглыхъ ли ты, а пожалуй и еще того хуже? Лучше говори все прямо, повинись...

— Да право же я не лгу, все такъ и есть, какъ сказываю, прошептала Люба дрожащимъ голосомъ и чувствуя, что совершенно теряется, что все пропало, что вотъ, вотъ сейчасъ она зарыдаетъ.

„Признаться ему, думала она, но Боже! развѣ это возможно? Что съ ней будетъ если она признается? Да, онъ кажется добрымъ, хорошимъ такимъ показался ей и съ первой минуты—но нѣтъ, все же невозможно признаться—этимъ признаніемъ она себя погубитъ“.

А онъ продолжаетъ глядѣть на нее пытливо и качать головою и усмѣхаться, а то вдругъ сморщитъ брови, строго такъ поведетъ глазами, пугаетъ...

Въ клѣти тихо; они одни. Только трещитъ и вспыхиваетъ неровно мерцающимъ свѣтомъ лучина.

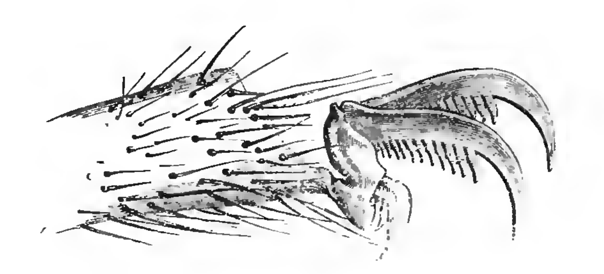
— Это вотъ и голова то у тебя подвязана, опять заговорилъ Малыгинъ,—ужь полно—нѣтъ ли на ней знаковъ какихъ?

Онъ сказалъ слова эти просто, шутки ради, но Люба такъ вздрогнула и такъ испуганно взглянула на него, что онъ замолчалъ и сразу понялъ, что очевидно напалъ на что-то. Не даромъ этотъ хорошенькій мальчикъ произвелъ на него какое то странное впечатлѣніе и во всю дорогу отъ Медвѣдкова не выходилъ изъ головы его. Есть что то непонятное въ мальчикѣ—а вотъ теперь какъ испугался!

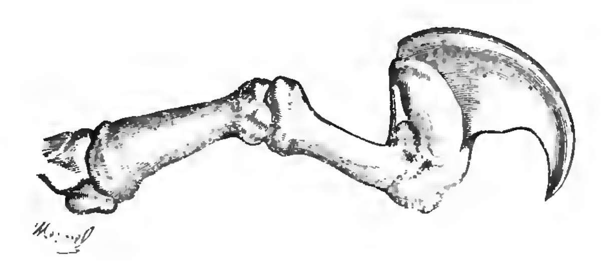
— Сними-ка повязку, сказалъ Малыгинъ,—хоть и отморожены уши, да авось не отвалятся.

Люба слабо вскрикнула и инстинктивно схватилась за голову.

„Что-жь у него на головѣ такое?“ подумалъ Малыгинъ, и прежде чѣмъ Люба опомнилась, онъ твердой, рассильной рукою отстранилъ ея дрожащія и похолодѣвшія руки, сдернулъ повязку, пристально вглядѣлся, отступилъ отъ нея на шагъ и нѣсколько мгновеній простоялъ передъ ней неподвижно, съ широко раскрытыми глазами, будучи не въ силахъ придти въ себя отъ изумленія.



Коготь паука, видимый въ микроскопъ



Коготь льва, въ уменьшенномъ видѣ.

Наконецъ рука его снова протянулась къ головѣ Любы. Еще одно мгновеніе—и онъ высвободилъ изъ подъ кафтана длинную дѣвическую косу.

Люба упала головой на столъ и судорожно зарыдала.

Долго еще стоялъ стрѣлецкій подполковникъ передъ чуднымъ мальчикомъ, превратившимся въ красивую дѣвушку, и не зналъ, что ему теперь дѣлать.

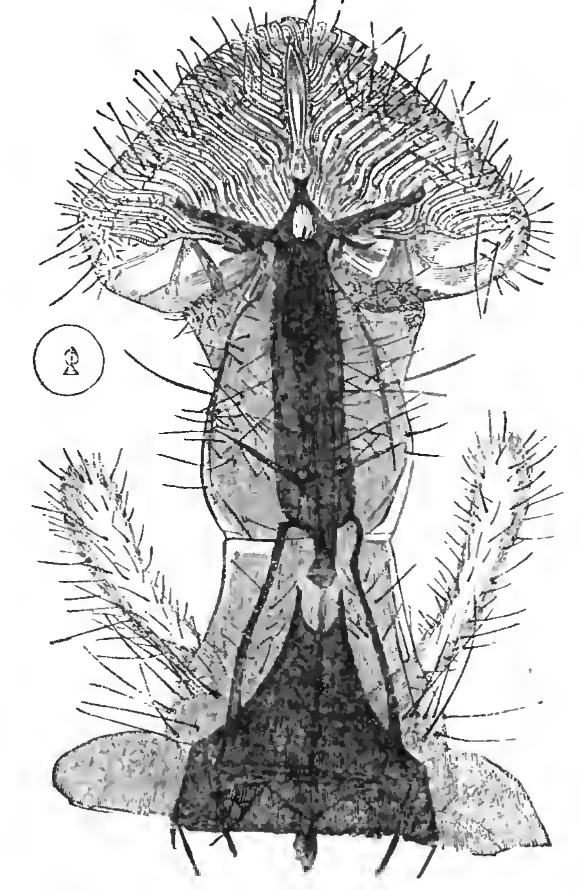
— Да перестань же, перестань, чего плакать! наконецъ выговорилъ онъ, силясь приподнять ея голову.

Но она не унималась.

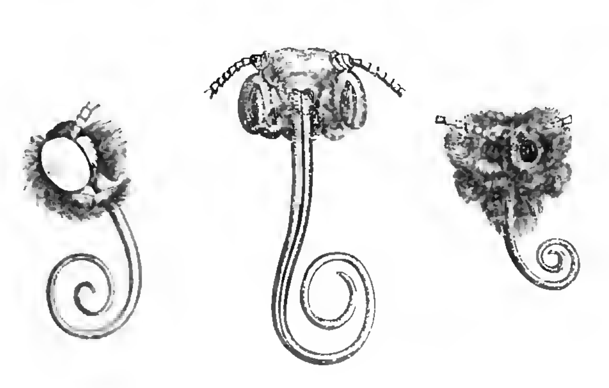
— Не губи меня—я никому зла не сдѣлала, разслышалъ онъ тихій ея шопотъ.

— Да Богъ съ тобой, красная дѣвица—не знаю, какъ величать тебя—никакого зла я тебѣ не желаю. За что мнѣ губить тебя? только чудно все это больно, въ себя придти не могу, очамъ своимъ не вѣрю. Откуда ты взялась, красавица? Повѣдай мнѣ, какъ это мальчикомъ на московской дорогѣ очутилась? Какого рода-племени? отродясь я такихъ дѣлъ не слыхивалъ!

Люба мало по малу приподняла свою голову и взглянула на него заплаканными глазами.



Хоботокъ обыкновенной мухи, видимый въ микроскопъ.



Головы и хоботки бабочекъ, видимые въ микроскопъ.

Ничего дурнаго не прочла она на красивомъ лицѣ его, одно смущеніе.

— Не погубишь? не выдашь? проговорила она.

— Вотъ-те Христосъ—не выдамъ!

И она повѣрила.

Спѣшно спрятала Люба опять за кафтанъ свою косу, спѣшно закутала голову платкомъ и начала разсказывать Малыгину. Уже не таясь отъ него и не скрываясь, разсказала всю свою подноготную, а онъ слушалъ, едва приходя въ себя отъ изумленія, дивясь на неслыханную, непонятную смѣлость этой дѣвушки, но ни на минуту не заподозрилъ теперь ея искренности.

Онъ былъ молодъ и сразу оказался подъ обаяніемъ красоты ея, и даже въ голову ему не пришло винить Любу за ея поступокъ, столь несвойственный ея полу. Онъ только жалѣлъ ее, слушая разсказъ о несправедливостяхъ и обидахъ, которымъ она подвергалась въ перхуловскомъ домѣ.

Но вотъ Люба замолчала, говорить ей больше нечего.

— Чудная ты, красавица, проговорилъ Малыгинъ, и какъ это ты такая родилась? Видно и впрямь перстъ Божій указалъ тебѣ путь твой, видно такъ и нужно было, чтобъ сошлись мы съ тобою на большой дорогѣ. Не встрѣться ты съ нами—какъ бы еще добралась до Москвы, да и тамъ куда бы дѣвалась? Смѣла ты, правда, смѣлѣе иного молодца, да про всякую смѣлость то вѣдь и бѣда ходитъ неминучая. А и то сказать, попадись ты не мнѣ, а кому другому, то вволю наплакалась бы. Но Христомъ Богомъ клянусь тебѣ, я тебя не выдамъ, стану беречь, какъ сестру родную, и доставлю тебя къ твоей Царь-дѣвицѣ.

— А ты знаешь ее, царевну? видѣлъ? дрожа всѣмъ тѣломъ и сверкая глазами, спросила Люба.

— Видѣлъ, знаю.

— Что-жь она? какая?

— Да вотъ такая же, какъ ты, отвѣтилъ онъ, улыбаясь. И красотою и смѣлостью вы съ ней поспорите. Вся Москва дивится на царевну Софью: много хвалятъ ее, а корятъ еще больше потому—живетъ она по своему, не стыдится того, что другихъ дѣвушекъ въ кра-



**Тихія думы.** Картина Сентена, гравиров. по заказу для „Нивы“ Паннемакеромъ сыномъ.

ску вводитъ. Не даромъ ты, сударыня Любушка, ее, царевну, во снѣ видывала—свое къ своему поневолѣ влечется. Такъ вотъ что я скажу тебѣ, порадую: есть у меня прямой къ царевнѣ доступъ—постельничья ея мнѣ знакома, а та постельничья близкій къ ней человѣкъ. Черезъ нее и ты доберешься къ царевнѣ, а пока будь ужь мальчикомъ, въ цѣлости въ Москву тебя доставимъ...

— Какъ мнѣ и благодарить тебя—не знаю, государь ты мой, Николай Степановичъ! съ чувствомъ выговорила Люба, вставая съ лавки и земно кланяясь подполковнику.—Повѣрила я тебѣ, какъ Господу царю небесному, и знаю, ты точно меня не выдашь. Денно и нощно буду за тебя молиться... И правду ты молвилъ, видно Господь сжалился надо мною, что привелъ меня къ тебѣ, а не къ другому. Что-жь, обидѣть меня не долго—смѣла, ты говоришь, я, пускай такъ, да что въ нашей смѣлости, когда она до поры, до времени, а придетъ тяжкая минута и словно какъ не бывало этой смѣлости: дрожь возьметъ, слезы сами брызнутъ—и всякій тебя обидитъ...

И подполковникъ, и Люба въ своей горячей, неожиданной бесѣдѣ не замѣчали, какъ идетъ время, а время шло быстро. Глубокая ночь надъ землею; спать пора. Завтра рано выступать въ походъ нужно, но имъ спать не хочется. Необычайное волненіе охватило Любу, и не знаетъ она, что съ ней такое—явь ли то, или сонъ волшебный, какихъ не мало ей грезилось и прежде, въ тишинѣ и темнотѣ ея маленькой суздальской каморки.

Слишкомъ много всякихъ впечатлѣній и волненій пробѣжало въ эти дни надъ головой и сердцемъ семнадцатилѣтней Любы, трудно съ ними справиться, а тутъ еще новое что то закралось въ нее, что то жуткое и сладкое, что растетъ съ каждой минутой, что сказывается тайнымъ, доселѣ невѣдомымъ трепетомъ при каждомъ взглядѣ Николая Степановича, при каждомъ звукѣ его голоса.

А самъ онъ, молодой стрѣлецкій подполковникъ—тоже готовъ просидѣть всю ночь на пролетъ и не отрываясь глядѣть на эту непонятную красавицу, которая сразу заворожила, заколдовала его, вынула его сердце.

Только подъ самое ужъ утро заснулъ онъ, прикурнувъ на лавкѣ, заснулъ только тогда, когда они досыта наговорились и когда изъ уголка клѣти, гдѣ прилегла Люба, раздалось ея мѣрное, сонное дыханіе.

Не долго пришлось имъ поспать, часа съ три какихъ нибудь, но въ это малое время много всякихъ грезъ и сновидѣній пронеслось надъ ихъ молодыми головами.

Любѣ грезились все дива дивныя, грезился теремъ Царь-дѣвицы—это были старые, знакомые ей сны, но къ нимъ теперь примѣшивалось что-то новое. Рядомъ съ чуднымъ образомъ Царь-дѣвицы мелькалъ надъ Любой новый образъ, образъ нежданнаго ея друга, молодца красавца, стрѣлецкаго подполковника.

А Николаю Степановичу не снились ни терема, ни царевны, не снилось ничего невѣдомаго и волшебнаго. Видно никакой силы не было у его воображенія, потому что снилось ему только то, что и на яву было въ двухъ шагахъ отъ него, снилось заплаканное лицо Любы.

(Продолженіе будетъ).

# Къ рисункамъ.

## Между войною и миромъ.

### II.

Письмо съ далекой родины.

Товарищъ умираетъ.

Выдержала его желѣзная натура и пули турецкія, и штыковый уколъ, поправился было бѣдняга, „на выписку“ готовился, да свалилъ его вновь другой врагъ, посильнѣе перваго, врагъ бьющій безъ разбору и своего и чужого, врагъ космополитъ, чуждый политики, чуждый всякихъ дипломатическихъ тонкостей и соображеній, вѣчный спутникъ своей кровожадной сестры войны, не менѣе кровожадный ея братецъ—„тифъ“.

Чудный геройскій духъ русскаго солдата, ясное сознаніе той святой, правой цѣли, ради которой поднялъ онъ свое грозное оружіе, сознаніе долга и воинской чести, все это вело его впередъ—и онъ шелъ.

Остались сзади душныя клѣтки вагоновъ, томительный путь, томительныя выжидательныя стоянки передъ первымъ барьеромъ—Дунаемъ, остался сзади и этотъ Дунай, первая преграда на пути русскихъ армій... Остались сзади и удачи и неудачи, бодро перенесено *плевненское* гореваніе.

Миновалъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, грозная Шипка, Казанлыкъ, Филиппополь, Софія. Балканы позади ужe: свершено несвершимое.

Расчистилась широкая, торная, никѣмъ уже не загораживаемая дорога, и дорога эта вела прямо къ желанной цѣли... А тутъ: *Стой*! ружья въ козлы! На отдыхъ ребята!...

Хорошъ отдыхъ послѣ *конченнаго* дѣла, хорошъ у себя дома, въ кругу друзей, въ семьѣ, а тутъ не то... Тутъ впереди, носомъ къ носу, врагъ, и врагъ этотъ спасибо не скажетъ, что его пощадили, духъ ему дали перевести—этотъ врагъ нагло подсмѣивается прямо въ глаза побѣдителю, хитро готовится къ новымъ попыткамъ боя, какъ змѣя подползаетъ и шипитъ вокругъ, а бить его нельзя—погодить надо! что дипломаты скажутъ... Тѣ не торопятся... И ждетъ усталый солдатъ день, ждетъ другой, ждетъ мѣсяцъ и конца нѣтъ этому томительному ожиданію—скука: кругомъ чужой народъ, чужой воздухъ, тоска одолѣваетъ и по тѣмъ, что дома остались... Ни оттуда вѣстей, ни туда—забрались далеко, не скоро вернуться да и приведетъ ли Господь вернуться-то?!.

Слабѣетъ духъ, слабѣетъ и усталое тѣло... Не отъ картечи и пуль рѣдѣютъ теперь ряды храбрыхъ, валятъ богатырей болѣзнь и скука, валитъ вредное, томительное неопредѣленное бездѣйствіе, тяжелое предчувствіе, не пропадутъ ли даромъ всѣ достигнутые результаты, не разлетится ли прахомъ достигнутая цѣль, давно лелѣянная народная надежда.

Товарищъ умираетъ!..

И въ самую послѣднюю минуту жизни Провидѣніе послало ему, страдальцу, свѣтлую радость—*письмо съ далекой родины.*

Не можетъ уже самъ читать дорогія строки, страдалецъ. Блѣдный, исхудалый, пластомъ лежитъ онъ на госпитальной койкѣ; только въ этихъ большихъ, окруженныхъ глубокими, темными провалами глазахъ свѣтится еще остатокъ жизни, горятъ они послѣднимъ блескомъ и передъ ними милые сердцу, далекіе образы носятся.

„А у насъ на дому все по прежнему,—читаетъ сестра,—тетка Авдотья дочку родила, бабушка Ирина изъ скитовъ вернулась съ богомолья,—просвиру принесла, за здравіе раба Божія Антипа вынимала, за твое, значитъ, чтобъ вернулся ты, послалъ бы Господь, въ добромъ здравіи... Ждутъ тебя родные всѣ, не дождутся—матушка глаза проглядѣла, за околицу глядючи...

— Гдѣ ужъ! горько улыбается страдалецъ... Гдѣ ужъ!..

А изъ темныхъ проваловъ струйкою слеза катится, по исхудалой щекѣ бѣжитъ и въ подушку впитывается.

— Э, полно, землякъ, дастъ Богъ поправишься, вотъ и дождется тебя матушка,—утѣшаетъ товарищъ-калѣка, присѣвшій на койку съ краю.—Ты, братъ, что, ты вотъ молодцомъ глядишь, а я и безногій, да носа не вѣшаю... чего разрюмился!..

„И я то уже по тебѣ шибко соскучилась, слезами заливаюсь, какъ вспомню, что ты тамъ въ чужой сторонкѣ, да и живъ ли еще... такъ... Читаетъ сестра, а впередъ глазами забѣгаетъ, не найдется ли въ письмѣ чего такого, чтобы мимо промахнуть, сердца не надрывать бѣдняку напрасно...

— Что же ты остановилась сестрица—читай, читай голубка, читай ради Бога, стономъ проситъ больной.

— А вотъ и не стану,—ласково, словно заигрываетъ сестра,—не стану. Ты мнѣ обѣщалъ, что умникомъ будешь, ревѣть не будешь, а что у тебя въ глазахъ-то?..

— Читай!

— Ну, конечно, читай, Надежда Петровна, ничего, проситъ и товарищъ-калѣка.

Хоть и не ему письмо, а все таки оно *оттуда*, все таки родною сторонкою, роднымъ вѣтромъ повѣяло, слушать то тоже отрадно...

„Сынишка твой Иванъ уже на ножки сталъ, скоро совсѣмъ ходить начнетъ, а Машутка тоже поправляется, гряды полетъ на огородѣ, да смыслу еще нѣтъ настоящаго, на прошлой недѣли замѣсто сорной травы всю свеклу повыдергала.

— Ишь шустрая! который годокъ пошелъ?

— Третій миновалъ... тихо-тихо, чуть шепчетъ въ отвѣтъ умирающій.

— Вотъ поправишься—принесешь ей гостинцевъ изъ Царс-

града—тутъ, братъ, стручки нипочемъ, сладкіе; на два піастра эвося сколько отвѣсятъ!..

— Помру я...

— Опять! строго говоритъ сестра и компрессы на воспаленной головѣ щупаетъ—не высохли ли?

Словно на жаркой плитѣ нагрѣваются эти компрессы.

— Помру я!..

— О-охъ!..

Помолчали съ минуту.

„Братъ Данило въ городѣ живетъ, попрежнему,—продолжается чтеніе,—къ купцу Носову приказчикомъ поступилъ на мѣсто, по фруктовой части, денегъ выслалъ на подати и на хозяйство тридцать одинъ рубль, а къ Покрову дню еще выслать обѣщался.

— Такъ, такъ, это въ порядкѣ, одобрительно поддакиваетъ товарищъ-калѣка.

„Тебѣ при семъ посылаемъ два цѣлковыхъ, потому, можетъ, на что понадобятся"...

— На погребеніе... шепчетъ умирающій,—на что же другое...

И на этотъ разъ у сестры духу не хватаетъ ему перечить, молчитъ она, молчитъ и товарищъ, молчитъ, даже пригорюнился за столомъ фельдшеръ жидокъ... Тихо, тихо въ шатрѣ... чу!..

— Не выдай братцы! бредитъ умирающій.—Держись! береги правую сторону... Бей-бей... Урррa!.. Не выдавай, братцы!..

Чудится герою бой послѣдній, чудятся турки. Сплошныя массы красныхъ фесокъ... Лѣзутъ враги на гору, падаютъ и вновь лѣзутъ, неотразимо, всесокрушающею лавиною... Дымомъ небо заволокло, жаръ нестерпимый, словно огнемъ пышетъ отъ этихъ голыхъ скалъ, жажда... рука онѣмѣла и не поднимается... Ближе и ближе врагъ, рѣдѣютъ и рѣдѣютъ ряды нашихъ... Кругомъ тѣла, кругомъ смерть, стоны... и грозный осипшій голосъ командира: „Не выдавай, братцы, стоять крѣпко... умирать, такъ умирать вмѣстѣ!"...

Чудятся умирающему роковые дни обороны „Святаго Николы".

Кончила читать письмо сестра Нина, кончилъ и свой жизненный путь тотъ, кому это письмо было писано.

Безжизненно, тускло, неподвижно глядятъ эти, за минуту еще плакавшіе глаза, и сухія сжатыя губы въ улыбку сами собою складываются.

И снова тихо все въ шатрѣ... Только слышится шелестъ платья у койки, да большая муха о туго натянутую парусину бьется.

Померъ боевой товарищъ.

Для него теперь насталъ вѣчный миръ, такой прочный, что никакая дипломатія его не расшатаетъ. **Н. Каразинъ.**

## Памятникъ Леонардо-да-Винчи въ Миланѣ.

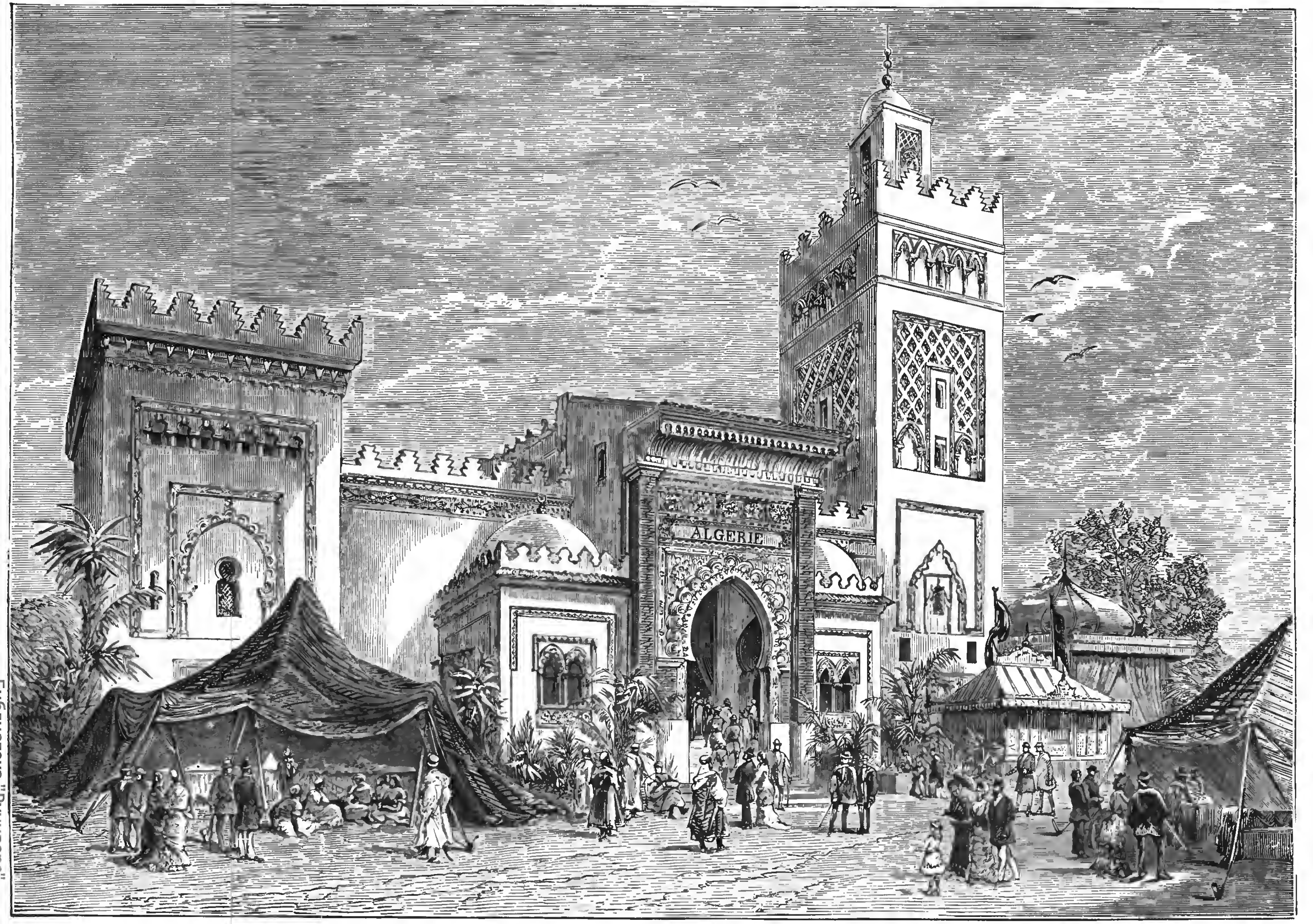
Вблизи площади Миланскаго собора находится другая площадь „Teatro della Scala, одна изъ прекраснѣйшихъ площадей въ Миланѣ. Въ послѣднее время эта площадь необыкновенно выиграла постройкою на ней великолѣпной галлереи *Виктора Эммануила* (внутренній видъ которой былъ уже помѣщенъ въ „Нивѣ" 1876 г. № 19, стр. 331), а также воздвигнутымъ на ней памятникомъ геніальному живописцу, ваятелю, инженеру и архитектору, Леонардо-да-Винчи. Если выйти изъ портала на южную сторону галлереи (или пассажа) Виктора Эммануила, тогда какъ разъ станешь лицомъ къ лицу съ памятникомъ знаменитаго художника. Леонардо-да-Винчи представленъ въ длинномъ таларѣ, съ наклоненною головой и съ выраженіемъ глубокой задумчивости въ лицѣ. Противъ каждаго изъ четырехъ притупленныхъ угловъ цоколя поставлены на болѣе низкихъ постаментахъ четыре меньшія статуи наиболѣе выдающихся учениковъ Леонардо, (представителей Ломбардской школы, родоначальникомъ которой и былъ знаменитый художникъ). Это статуи: *Цезаре-де-Сесто, Марко д'Оджжіоно, Антоніо* и *Андре Солено*. Между этими статуями учениковъ Винчи поставлены на постаментѣ рельефныя изображенія, представляющія великаго художника въ 4-хъ главныхъ направленіяхъ его дѣятельности, а именно: на *первомъ* рельефѣ изображенъ Леонардо рисующимъ подготовительные этюды для своей знаменитой *Тайной Вечери*; на *второмъ* художникъ представленъ показывающимъ одному герцогу женскій портретъ передъ знаменитою конною статуею Сфорцы (къ сожалѣнію исполненною только въ гипсовой модели). На *третьемъ* рельефѣ Леонардо объясняетъ планъ укрѣпленія города, на *четвертомъ* художникъ изображенъ въ кругу своихъ учениковъ, стоящимъ передъ шлюзою и судномъ. Художникъ намѣревается изъяснить ученикамъ свои гидравлическіе работы. На подписяхъ сдѣланныхъ на всѣхъ 4-хъ сторонахъ, значится на итальянскомъ языкѣ слѣдующее: „Сей памятникъ открытъ 2-го сентября 1872 г., въ честь Леонардо-Винчи, обновителя искусствъ и наукъ, долгое время бывшаго дорогимъ и возбуждавшимъ благоговѣйное изумленіе гостемъ въ Миланѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ друзей, учениковъ и славу,—родившагося въ 1452 г. въ замкѣ Винчи, близь Флоренціи, въ долинѣ р. Арно и умершаго въ 1519 году въ Сен-Клу".

Леонардо-да-Винчи одинъ изъ величайшихъ и геніальнѣйшихъ художниковъ, одинаково знатокъ и творческій дѣятель въ живописи, ваяніи, архитектурѣ, музыкѣ, поэзіи, анатоміи, механикѣ, земледѣліи, сооруженіи крѣпостей, гидротехникѣ.

Уже въ самой ранней юности Леонардо обнаружилъ многосторонность своихъ талантовъ и значительное художественное дарованіе. Вскорѣ въ ваяніи и въ живописи онъ далеко превзошелъ своихъ учителей (главнѣйшимъ его учителемъ въ живописи былъ также знаменитый флорентійскій художникъ Андреа-дель-Сарто). Въ 1482 г. Леонардо былъ приглашенъ ко двору Миланскаго герцога, въ качествѣ музыканта и импровизатора и здѣсь учредилъ формальную академію искусствъ. Одно изъ величайшихъ художественныхъ сокровищъ Милана, созданное Леонардомъ-да-Винчи—это имѣющая всемірную извѣстность *Тайная Вечеря*, написанная на стѣнѣ въ монастырѣ „Santa Maria della Gracia". Къ несчастію, это безсмертное твореніе теперь сильно попорчено. Но, кромѣ этого, Леонардо написалъ много и другихъ превосходныхъ картинъ, украшающихъ галлереи различныхъ европейскихъ государствъ. Въ качествѣ инженера, Винчи отвелъ воду р. Адды къ Милану; построилъ прекрасный судоходный каналъ отъ Мортесены къ Альпійскимъ долинамъ Чіавенны и Бельгилина, длиною въ 200 миль. Благодаря этому каналу, Миланъ впервые, въ 1499 г., могъ войдти въ сношенія съ Флоренціей, въ то время когда французы завоевали Миланъ и положили здѣсь конецъ господству Сфорцы. Изъ Флоренціи Леонардо направился въ 1513 г. въ Римъ, а отсюда, нѣсколько времени спустя, приглашенъ былъ во Францію королемъ Францискомъ I, извѣстнымъ любителемъ роскоши и изящества. Впрочемъ, въ качествѣ живописца, повидимому, Винчи работалъ во Франціи мало. Напротивъ, онъ былъ занятъ здѣсь планомъ постройки судоходнаго канала при Роморентенѣ, въ провинціи Орлеанѣ. За этою работою постигла его смерть 2-го мая 1512 г. въ *Сен-Клу*. Послѣ Леонардо, составляющаго, вмѣстѣ съ Микель-Анджеломъ Буонаротти и Рафаэлемъ Санціо, три неподражаемо блестящія звѣзды въ итальянскомъ искусствѣ XV и XVI столѣтій,—собственно картинъ осталось *не много* (если сравнивать количество картинъ другихъ мастеровъ), но за то осталось множество геніальнѣйшихъ рисунковъ и набросковъ и нѣсколько дюжинъ рукописныхъ книгъ in quarto. Въ книгахъ этихъ содержится множество прекрасныхъ рисунковъ перомъ и множество разсужденій о всевозможныхъ предметахъ наукъ и искусствъ. Великое значеніе этихъ разсужденій признано въ настоящее время всѣми учеными. Судя по нѣкоторымъ анатомическимъ рисункамъ (рисункамъ внутренностей) можно заключить, что Леонардо зналъ и понималъ законы кровообращенія у человѣка и другихъ млекопитающихъ. Подобной вещи никто въ его время не зналъ и не понималъ (Гарвей только 50 слишкомъ лѣтъ спустя по смерти Леонардо открылъ кровообращеніе). Далѣе Леонардо высказалъ превосходную для своего времени гипотезу для объясненія движенія земли (около 1510 г.), когда дѣлалъ опыты *спиральнаго* вращенія тѣлъ. Какая громадная, изумительная сила этого генія, относительно котораго даже трудно рѣшить, чему въ немъ болѣе удивляться... **Стр**

## Головы и хоботки бабочекъ и мухъ.

Тѣло насѣкомыхъ раздѣляется на три отдѣльныя части, голову, грудь и брюшко. Голова снабжена глазами, ртомъ, усиками; грудь--ногами. У совершенныхъ насѣкомыхъ на брюшкѣ или туловищѣ никогда не бываетъ ни ногъ, ни крыльевъ. Грудь состоитъ изъ трехъ колецъ или суставовъ: переднегруди, среднегруди, заднегруди. Брюшко состоитъ изъ ряда колецъ, соединенныхъ между собой нѣжной кожицей. Но наши рисунки представляютъ виды головъ мухи и бабочекъ, а потому мы и переходимъ къ описанію головы насѣкомыхъ. Усики, расположенные на верхней части головы, собственно на лбу, служатъ органами осязанія и обонянія. Строеніе усиковъ чрезвычайно разнообразно, иные изъ нихъ къ концу съуживаются, другіе имѣютъ въ концѣ какъ бы головки, нѣкоторые въ концѣ расширены и состоятъ изъ листочковъ, иногда бываютъ въ видѣ гребешка. Глаза бываютъ простые, сложные и скученные. Простые глаза сидятъ отдѣльно и состоятъ изъ роговой оболочки, позади которой лежитъ прямо хрусталикъ, задняя камера глаза конической формы и въ ней развѣтвляется хрустальный нервъ. Скученные глаза сидятъ рядомъ до 25 тысячъ (у мухъ). Сложные глаза—у которыхъ одна общая роговая оболочка, напримѣръ, у жуковъ. Ротовое отверстіе состоитъ собственно изъ 6 частей: верхней губы, двухъ верхнихъ челюстей, двухъ нижнихъ челюстей и нижней губы. Верхняя губа покрываетъ ротовое отверстіе спереди и сверху. Верхнія челюсти имѣютъ чрезвычайно разнообразную форму; назначеніе ихъ схватывать и разрывать пищу. Нижнія челюсти—весьма сложный органъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе слабый. Онѣ служатъ для пережевыванія пищи, удерживаемой верхними челюстями. Нижняя губа принадлежитъ также къ сложнымъ ротовымъ органамъ. Какъ на челюстяхъ, такъ и на нижней губѣ бываютъ особые членистые прибавки, называемые щупальцами. Ротовые органы разнообразны по наружному виду, но у всѣхъ насѣкомыхъ состоятъ изъ тѣхъ же составныхъ частей. У сосущихъ всѣ или нѣкоторыя изъ этихъ частей вытянуты и образуютъ хоботокъ,




**Всемірная выставка въ Парижѣ: Фасадъ зданія Алжирскаго отдѣла.** Съ фотогр. грав. Рашевскій.




Общій видъ города Новочеркаска. Рис. съ натуры Лансело. грав. Гильдебрандъ.

которымъ онѣ всасываютъ жидкость. У двукрылыхъ (Diptera) ротовые органы образуютъ довольно сложный хоботъ, служащій для всасыванія различныхъ соковъ, которыми двукрылыя питаются. При этомъ нижняя губа обростаетъ другія части, превращается собственно во влагалище и оканчивается толстою губою. Обѣ челюсти превращаются въ иголки; кромѣ того отростокъ верхней губы образуетъ прокалывающій аппаратъ. Губные щупальцы обыкновенно не развиваются, тогда какъ челюстныя достигаютъ иногда значительнаго развитія. У мухъ собственно хоботокъ довольно большой, мягкій; онъ можетъ втягиваться въ полость рта и обнимаетъ собой 2 щетинки, служащія для всасыванія пищи; по бокамъ хоботка въ большинствѣ по 2 щупальца; у домашней мухи поверхность каждаго глаза покрыта нѣсколькими тысячами шестиугольныхъ граней; между скученными глазами три простые глаза. Одинъ нашъ рисунокъ представляетъ хоботокъ мухи, другой головку и хоботокъ бабочекъ.

Головка бабочекъ вообще округлена, спереди сжата, болѣе удлиненная, нежели широкая, и покрыта тонкими или чешуйчатыми волосками. Глаза у бабочекъ сложные, состоятъ изъ множества маленькихъ граней или площадокъ. Форма глаза сферическая; края покрыты волосками, цвѣтъ разнообразенъ. У нѣкоторыхъ бабочекъ кромѣ сложныхъ глазъ имѣются простые, но скрытые подъ чешуей. Усики расположены у передняго края глазъ. Реомюръ насчитываетъ шесть главныхъ формъ усиковъ: съ головкой на концѣ, булавовидные, призматическіе, нитовидные и т. д. Щупальцевъ у бабочекъ двѣ пары: одна пара челюстныхъ, другая губныхъ. Первые весьма мало развиты, вторые значительно видимы. Они цилиндрическіе, покрыты чешуйками и трехсуставчатые. Ротовыя отверстія у бабочекъ исключительно приспособлены для сосанія. Верхняя челюсть находится въ зачаточномъ состояніи, а нижнія вытянуты, и принявъ форму длинныхъ желобковъ, они прилегаютъ другъ къ другу, образуя сочлененную трубку—хоботокъ. Въ недѣятельномъ состояніи хоботокъ часто загнутъ спирально. Хоботкомъ своимъ бабочка дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ: садясь на цвѣтокъ, она направляетъ хоботокъ впередъ, развертывая его и выпрямляя, пока не останется самая незначительная кривизна. Затѣмъ опускаетъ хоботокъ внизъ и погружаетъ въ цвѣтокъ. Продержавъ нѣсколько времени, она вынимаетъ его, сгибаетъ или заворачиваетъ, или свертываетъ спирально. Потомъ снова выпрямляетъ и снова запускаетъ въ цвѣтокъ и опять вынимаетъ, повторяя такія манипуляціи разъ до 7 съ однимъ цвѣткомъ, а затѣмъ летитъ къ другому. Если разрѣзать хоботокъ поперегъ,—говоритъ Реомюръ,—то внутренность хоботка представится состоящей изъ трехъ отдѣленій: центральнаго и двухъ боковыхъ.

Вообще, насѣкомые замѣчательны по устройству своего тѣла, но еще болѣе удивленія возбуждаетъ инстинктъ, которымъ одарены онѣ. Въ нашемъ журналѣ было помѣщено нѣсколько статей изъ жизни насѣкомыхъ, какъ, напримѣръ, муравьевъ, пчелъ, мухъ, стрекозы. Точно также помѣщена была статья о бабочкахъ—шелковичныхъ и большей многоцвѣтницы.

Но вмѣстѣ съ рисунками, изображающими головы и хоботки бабочекъ, мы помѣстили еще два небольшіе рисунка, изображающіе когти льва и паука. Первый—въ уменьшенномъ видѣ, второй—въ значительно увеличенномъ чрезъ микроскопъ. Оба эти рисунка, сопоставленные одинъ съ другимъ, указываютъ на возможность сравненія когтей льва—этого представителя силы и отваги, съ когтями паука—живущаго только, такъ сказать, тайнымъ промысломъ, заманиваніемъ въ свои тенета недогадливыхъ простаковъ. Общаго между ними, положимъ, нѣтъ: у льва когти, какъ орудіе для битвы съ врагомъ, у паука—для того, чтобы цѣпляться и перебѣгать по тонкимъ паутинамъ; но общее—именно указаніе на ту цѣлесообразность, съ какою природа распредѣляетъ самые незначительные части въ организмахъ живыхъ существъ, и какая въ каждомъ ея твореніи видима гармонія. Взаключеніе скажемъ, что благодаря микроскопу, мы видимъ то, что не можетъ быть видимо простымъ глазомъ: то-ли еще увидитъ человѣкъ впослѣдствіи, чего себѣ теперь и представить не можетъ, какія усовершенствованныя инструменты будутъ имъ изобрѣтены и въ какія, теперь невѣдомыя, пространства проникнетъ его мысль. Гдѣ граница этому безконечному прогрессу и гдѣ предѣлъ человѣческому знанію?

## Тихія думы.

(Картина Сентена, грав. для Нивы Панемакеромъ сыномъ).

Богатая обстановка. Ширмочка, расписанная въ китайскомъ вкусѣ, изящный бюро; цвѣты, клѣтка съ птичками, все обличаетъ больше чѣмъ довольство во взятой художникомъ обстановкѣ жизни. Но отчего такъ грустна эта женщина, изображенная художникомъ на его рисункѣ, о чемъ она такъ задумалась? Вѣдь богатство даетъ, кажется, столько удовольствій... Нѣтъ, вѣроятно, не даетъ богатство *всего*, чего жаждетъ душа человѣка. Такъ заключить слѣдуетъ смотря на молодую особу, изображенную на нашемъ рисункѣ. Она, видимо, грустна. Навели ли ее на грустныя думы цѣлующіяся птички въ клѣткѣ, или прекрасные свѣжіе цвѣты въ корзинкѣ? Но ей нечего завидовать прелести цвѣтовъ, она сама надѣлена миловидностью и скорѣй всего,—что птички пробудили въ ней о чемъ нибудь сожалѣнія. Вѣдь что ни говорятъ, а все же сердце человѣка отъ любви не свободно...

Богъ знаетъ, какія думы занимаютъ молодую особу, но видно, что эти думы тихія, кроткія. Это видно изъ выраженія лица молодой особы, напоминающей, по нашему мнѣнію ту, о которой поэтъ (Лермонтовъ) говоритъ въ своей молитвѣ къ Богоматери:

„Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость спокойную,
Сердцу незлобиому міръ упованія.

Есть-ли сопутникъ „полный вниманія" у этой молодой особы или только она еще мечтаетъ о немъ, смотря на цѣлующихся птичекъ—вопросъ, конечно сложный. Но эти тихія думы, видимыя на ея прекрасномъ лицѣ, указываютъ на свойства ея нрава, несомнѣнно тихаго и кроткаго.

Таково, по нашему мнѣнію, содержаніе рисунка. Что касается его выполненія, то въ этомъ случаѣ—оно предъ глазами читателей; недаромъ Панемакеръ сынъ потрудился надъ этимъ рисункомъ: исполняя спеціальный заказъ „Нивы", онъ не только не уронилъ своей вполнѣ заслуженной славы, но еще болѣе ее увеличилъ, ибо такія гравюры—рѣдкость.

С.

## Парижская Всемірная выставка.

Помѣщая въ этомъ номерѣ видъ фасада зданія Алжирскаго отдѣла на Парижской всемірной выставкѣ (описаніе котораго дадимъ ниже), продолжаемъ сообщеніе свѣдѣній объ этой выставкѣ. Остановимся на данныхъ, касающихся учебнаго дѣла во Франціи. Въ отдѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія выставлено много любопытнаго, что характеризуетъ собою положеніе школьнаго дѣла въ странѣ. Элементарныя и спеціальныя школы имѣютъ на выставкѣ полный и интересный выборъ моделей, рисунковъ, рельефныхъ картъ. Картами, надобно сказать, чрезвычайно богатъ вообще отдѣлъ. Между прочими можно видѣть и карту Россіи—изящнѣйшей работы и со всѣми подробностями, со всѣми уѣздными городами. Очень любопытна политическая карта Франціи, гдѣ количество республиканскаго элемента отмѣчено красною краской. Карта сдѣлана на основаніи предпослѣднихъ выборовъ. Одна изъ залъ отдѣла занята исключительно предметами ученыхъ экспедицій—тутъ и карты съ замѣтками путешественниковъ и манекены различныхъ народовъ, и коллекціи оружій, инструментовъ, вывезенныхъ изъ экспедицій. Французское правительство, какъ говорятъ, ассигнуетъ каждогодно 150 т. франковъ на ученыя экспедиціи, не включая въ этотъ счетъ экспедицій спеціальныхъ, какъ, напримѣръ, на изслѣдованія прохожденія Венеры или Меркурія. Достойна также замѣчанія выставка „Общества кругосвѣтныхъ путешествій", или вѣрнѣе сказать—достойно замѣчанія самое учрежденіе. Общество кругосвѣтныхъ путешествій отправляетъ каждый годъ особый пароходъ, на который приглашаются всѣ любители путешествій, или желающіе окончить свое образованіе. Плаваніе совершается 11 мѣсяцевъ, изъ которыхъ 7 мѣсяцевъ должны быть проведены внѣ парохода, напримѣръ, на континентальныхъ изслѣдованіяхъ. Цѣна путешествію за всѣ 11 мѣсяцевъ отъ 16 до 24 тысячъ франковъ съ лица, смотря по мѣсту занимаемому на пароходѣ. Эта плата идетъ уже за все—помѣщеніе, столъ, библіотеку, лабораторію и т. п. Нѣсколько залъ въ этомъ же отдѣлѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія посвящено выставкамъ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній во Франціи. Послѣ школы типографовъ и профессіональной школы города Руана, гдѣ выставлены между прочимъ превосходные 4 портрета масляными красками, написанные учениками. Достойно вниманія учебное заведеніе школьнаго города въ Везине, Ville ecolière du Vesinet (Департ. Сены и Уазы). Идея этого учрежденія состоитъ въ желаніи замѣнить воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ отдѣльнымъ воспитаніемъ. Здѣсь собирается нѣсколько мальчиковъ и помѣщаются вмѣстѣ съ педагогомъ въ отдѣльномъ домикѣ. Домики распредѣлены въ огромномъ саду, къ которому прилегаетъ поле, рѣка, луга, на которыхъ производятся опыты, изучается природа. Для обученія собственно имѣется центральное зданіе, гдѣ собраны лучшіе профессора и примѣняются новыя методы преподаванія. Учрежденіе это имѣетъ во главѣ своей нѣсколько свѣтилъ литературнаго и педагогическаго круга. Капиталъ для основанія и устройства представляетъ 6 милліоновъ франковъ и раздѣленъ на акціи по 500 франк. каждая. Далѣе школа Сенъ-Барбъ. Это одно изъ самыхъ старыхъ и замѣчательныхъ учрежденій во Франціи. Оно состоитъ изъ Малой коллегіи съ 6-ю элементарными классами, классической школы съ высшимъ образованіемъ; коммерческой школы и приготовительной, откуда ученики могутъ поступать въ высшія спеціальныя заведенія Франціи, напримѣръ, политехническую школу, нормальную, минную и проч. Цифровыя данныя говорятъ, что съ 1852 по 1877 г. его учениковъ было принято въ высшія заведенія 2047 чел. Премій простыхъ и почетныхъ на общемъ конкурсѣ лицеевъ получено 412. Плата за обученіе съ содержаніемъ въ низшемъ классѣ 1000 фр. въ высшемъ 1800

франковъ. На выставку школа представила модель своей малой коллегіи. Школа Монжъ представила нѣсколько плановъ и чертежей своего зданія. Въ школѣ этой замѣчательны нѣкоторыя особенности по части размѣщенія воспитанниковъ, ихъ обученія. Между прочимъ укажемъ на спальню, гдѣ каждому мальчику отводится своя закрытая кроватка, отдѣленная отъ другихъ, но такъ устроенная, что за нею свободно можно наблюдать изъ коридора заведенія. Интересно также введеніе стеклянныхъ пюпитровъ, чрезъ которые видно все, что находится въ ящикѣ ученика. Мартиньерская школа коммерціи и рисованія представила способъ обученія бухгалтеріи и способъ рисованія съ проволочной модели, видимой всѣмъ классомъ. Модель ставится въ срединѣ на столикѣ, ученики же размѣщаются кругомъ, причемъ плоскость рисунка составляетъ съ радіусомъ круга острый уголъ. Для изученія бухгалтеріи составляется изъ учениковъ торговый домъ, со всѣми конторскими должностями, причемъ каждый ученикъ проходитъ всѣ должности отъ первой до послѣдней. Упомянемъ кстати о способѣ поощренія дѣтей за успѣхи, сильно помогающемъ въ то же время, какъ говорятъ, развитію наклонности къ бережливости. Способъ состоитъ въ выдачѣ ученикамъ особыхъ карточекъ съ надписью цифръ, bons points; карточки эти своего рода ассигнаціи и получившій 10 карточекъ имѣетъ право на одинъ сантимъ, который касса заноситъ на приходъ въ книжку получившаго ученика. Чѣмъ болѣе ученикъ получитъ карточекъ, тѣмъ болѣе къ концу года у него накопится денегъ, составляющихъ его собственность. Техническія школы выставили коллекціи машинъ и моделей; у школы въ Шалонѣ имѣется цѣлый локомобиль. Національная школа часоваго мастерства въ своей витринѣ представила до 40 системъ маятниковъ. Затѣмъ кстати будетъ сказать, что многія ученыя общества устроили на выставкѣ различные конгрессы, по вопросамъ интересующимъ науку, да также и касающихся положеній рабочаго люда. Такъ въ первыхъ числахъ сентября устраивается конгрессъ рабочихъ, представителемъ котораго будетъ 83 лѣтній Кремье. На Марсовомъ полѣ удѣлено нѣсколько участковъ для рабочаго люда. Въ одномъ мѣстѣ устроена выставка рабочихъ, на которой можно видѣть всѣ предметы, выработанные ассоціаціями рабочихъ. Французы устраиваютъ лоттерею-монстръ, чтобы доставить средства пріѣхать въ Парижъ провинціальнымъ рабочимъ, сельскимъ учителямъ и т. п. желающимъ видѣть выставку, но неимѣющимъ возможности по недостатку денегъ. Международнымъ санитарнымъ конгрессомъ предполагается сдѣлать нѣсколько экскурсій въ окрестности Парижа для обозрѣнія канализаціонныхъ сооруженій и практическаго примѣненія обезвреживанія нечистотъ.

Теперь, ограничиваясь на первый разъ этими немногими сообщеніями, дающими понятіе о предметѣ, обращаемся къ описанію Алжирскаго дворца, составляющаго собственно содержаніе рисунка, помѣщеннаго въ этомъ № „Нивы“.

Въ саду Трокадеро, вверхъ отъ набережной Сены, ослѣпительно блестящій, съ массивной башней, широкимъ куполомъ, красуется великолѣпный Алжирскій дворецъ. Дворецъ этотъ по истинѣ служитъ однимъ изъ главныхъ украшеній выставки. Постройка его переноситъ зрителя въ другую страну, воспроизводитъ предъ нимъ впечатлѣніе чуждой жизни, другихъ нравовъ, вкусовъ и вкусовъ такихъ, за которыми нельзя не признать изящества. Тщательно отдѣланный, дворецъ въ цѣломъ похожъ на прелестную игрушку. Въ солнечный день бѣлыя стѣны его сверкаютъ, и кажется, будто перенесишься въ жгучій климатъ Африки; воображеніе рисуетъ пустыни, оазисы, пальмы, миражи. Дворецъ этотъ, какъ говорятъ, скопированъ съ какой-то знаменитой мечети. Его украшенія составляютъ арабески, мозаика. Ажурный куполъ поражаетъ оригинальностью рисунка. Комнаты дворца украшены дорогими матеріями, мебелью, коврами. Все чрезвычайно роскошно. Внутри зданія находится дворъ съ мраморнымъ фонтаномъ по срединѣ, пальмами и апельсинными деревьями по угламъ. Вокругъ дворца расположены арабскія палатки, дома поселенцевъ. Въ нихъ устроены базары, кофейни. Всѣ вмѣстѣ сдѣлано такъ, чтобы датъ полное понятіе о внѣшней и внутренней жизни французской колоніи.

Мы перешли, читатель, на Трокадеро и потому не будетъ лишнимъ пополнить наши сообщенія объ этомъ отдѣлѣ выставки.

Въ галлереяхъ дворца Трокадеро устроена выставка исторіи древнихъ искусствъ и ремеслъ. Въ галлереяхъ собрано болѣе чѣмъ полтораста тысячъ предметовъ искусства, благодаря которымъ всѣ могутъ слѣдить изъ столѣтія въ столѣтіе за развитіемъ искусствъ различныхъ народовъ, отъ каменнаго періода до нашего вѣка. Въ залѣ первобытныхъ древностей встрѣчается огромный отдѣлъ каменнаго оружія, затѣмъ отдѣлъ бронзоваго, древнія коллекціи, золотыя и серебряныя украшенія, посуда, оружіе и т. д. и т. д.

Каждую націю пригласили здѣсь выставить все, что въ ней имѣется диковиннаго изъ прошлыхъ вѣковъ. Тутъ можно видѣть и прекрасную выставку фаянсовой посуды Бернара де-Плесси и превосходную коллекцію ювелирнаго искусства временъ Бенвенуто Челлини. Во французской ретроспективной выставкѣ открыты салоны начиная съ XV вѣка со всею точностію, мебелью, обоями, утварью.

Для желающихъ посмотрѣть выставку съ птичьяго полета въ паркѣ Трокадеро устроенъ шаръ, на который каждый желающій за 20 франковъ можетъ сѣсть, подняться на немъ на воздухъ, полюбоваться на всю панораму, растилающуюся подъ ногами, и потомъ опуститься на землю, благополучно, ничѣмъ не рискуя. Шаръ устроенъ Жиффоромъ, и рисунокъ, его изображающій, былъ помѣщенъ въ предыдущемъ номерѣ „Нивы“, причемъ дано подробное описаніе его устройства. Взаключеніе приведемъ здѣсь нѣсколько словъ корреспондента „Петерб. Газеты“, характеризующихъ то положеніе, въ какомъ иногда оказываются пріѣзжіе въ Парижѣ, пріѣхавшіе въ него для осмотра всемірной выставки.

На Парижской выставкѣ,—говоритъ онъ,—такое большое стеченіе народа, что всѣ гостинницы переполнены. Одинъ пріѣзжій, тщетно объѣхавшій десятокъ отелей и не отыскавшій ни одного свободнаго номера, на конецъ умолилъ уступить ему на ночь билліардную.

Хозяинъ согласился и на другой день подалъ ему слѣдующій счетъ: За комнату—10 франковъ и за 8 часовъ игры на билліардѣ, по 1 франку въ часъ—8 фр., а всего 18 франковъ.

— Но я спалъ, а не игралъ на билліардѣ! воскликнулъ пріѣзжій.

— Намъ это все равно! Вы заплатите, какъ будто бы играли!

Пріѣзжій по неволѣ заплатилъ.

Такъ дѣти великой націи извлекаютъ доходъ изъ кармановъ любопытныхъ путешественниковъ.

## Городъ Новочеркаскъ.

Новочеркаскъ, главный городъ управленія войска Донскаго, расположенъ на горѣ, въ 20 верстахъ отъ р. Дона. Это большой красивый городъ съ широкими улицами, большими каменными домами. Необыкновенная чистота и порядокъ въ городѣ составляютъ отличительный его характеръ. Городской садъ, густо разросшійся, представляетъ прекрасное мѣсто для гуляющихъ. Въ Новочеркаскѣ имѣется институтъ, двѣ гимназіи, отдѣленіе восточныхъ языковъ. Цѣль этого заведенія—образованіе переводчиковъ для Кавказской арміи. Наши сношенія съ туземцами до сихъ поръ производились при помощи переводчиковъ изъ туземцевъ, во 1-хъ незнавшихъ основательно русскаго языка, а во 2-хъ даже злоупотреблявшихъ своимъ положеніемъ. Библіотека отдѣленія богата книгами и рукописями. Постройки въ Новочеркаскѣ все увеличиваются и дома приносятъ хорошій доходъ. Несмотря однакожъ на все это, положеніе Новочеркаска чрезвычайно невыгодно вслѣдствіе мѣстныхъ условій. Отдаленность его отъ Дона лишаетъ его торговаго и промышленнаго значенія. Городъ нетолько не можетъ самъ участвовать въ торговомъ движеніи, но даже пользоваться имъ для своего хозяйства и городской торговли. Оттого здѣсь и дороговизна на все, на всѣ главные предметы потребленія, даже на рабочія руки. Извѣстно, что казаки сами почти не занимаются ремесленными работами и для потребностей сельскаго-хозяйства приходится расчитывать на приходящихъ мастеровъ изъ внутреннихъ губ. Россіи, а они, обыкновенно идутъ туда гдѣ дѣла больше, гдѣ сильнѣе торговля. Мѣсто, занятое Новочеркаскомъ прежде называлось *Волчій Кутъ*. Выборъ этаго мѣста графомъ Платовымъ объясняютъ его фанатизмомъ и нежеланіемъ вывесть свое казачество изъ замкнутаго круга старыхъ обычаевъ. Онъ боялся, чтобы торговые пути не внесли начала разложенія въ старый казацкій бытъ. Увидѣвъ впослѣдствіи какъ растетъ значеніе сосѣдняго Ростова на Дону, гр. Платовъ хотѣлъ поправить свою ошибку и вздумалъ перевести русло Дона ближе къ городу, но начатыя работы ничѣмъ окончились.

Въ Новочеркаскѣ, какъ повсюду на Дону, все имѣетъ своеобразный видъ. Здѣсь всякая служба въ должности общественной, мѣстномъ учрежденіи считается исполненіемъ казачьей службы—каждый чиновникъ въ канцеляріи присутственнаго мѣста, и преподаватель въ учебномъ заведеніи—всѣ почитаются несущими казачью службу. И въ каждомъ—въ его всѣхъ движеніяхъ, въ походкѣ, въ отвѣтахъ—видѣнъ казакъ.

Одна изъ особенностей здѣшняго гражданскаго управленія, которой дорожатъ казаки—это примѣненіе выборнаго начала. За исключеніемъ Наказнаго Атамана и должностей, имѣющихъ спеціальное значеніе (напр. по врачебной, учебной, почтовой части) почти на всѣ должности гражданскаго управленія чиновники назначаются по выбору дворянства. Въ станицахъ обществомъ избираются станичные атаманы и судьи. Станичное общество въ дѣлахъ мѣстнаго интереса и хозяйства пользуется въ значительной степени самоуправленіемъ. Всѣ дѣла общественныя рѣшаются въ станичныхъ сборахъ: полные сборы бываютъ не менѣе трехъ разъ въ годъ, а частные ежемѣсячно. Но выше станичнаго сбора стоитъ сыскное начальство, которое имѣетъ право отмѣнять его приговоры. Таковъ собственно *законный порядокъ*. Въ послѣднее время на Дону, какъ и въ другихъ мѣстахъ возникли вопросы о реформахъ.—Донское казачество имѣетъ безспорно свою славную исторію и свои историческія особенности быта, тѣмъ не менѣе есть не мало вопросовъ требующихъ разъясненій. Напр. вопросъ о позе-

мельномъ владѣніи на Дону. Огромное пространство въ 14.500.000 десятинъ почти все считается войсковымъ фондомъ, за исключеніемъ небольшимъ. Естественно что по мѣрѣ того какъ усиливается въ краѣ промышленное движеніе и увеличивается значеніе и цѣнность личнаго труда, рано или поздно должно возникнуть стремленіе къ расширенію общихъ правъ на пріобрѣтеніе земель въ личную собственность—къ чему нынѣшнее учрежденіе войка Донскаго поставляетъ препятствія и запрещенія. Этотъ вопросъ о поземельномъ владѣніи на Дону связанъ съ вопросами экономическаго и политическаго свойства, напр. съ вопросомъ о запрещеніи иногороднымъ пріобрѣтать имѣніе на Дону, о правѣ — вступленія въ казачье сословіе и выхода изъ него, объ обязательствахъ казачьей службы, о внутренней войсковой администраціи. Мы помѣщаемъ въ этой статьѣ три рисунка: общій видъ Новочеркаска, видъ одной изъ улицъ въ этомъ городѣ и видъ дома, въ которомъ живетъ атаманъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ Нивы будетъ помѣщенъ еще видъ Старочеркаска причемъ будетъ дано и его описаніе.

Здѣсь же въ заключеніе, разскажемъ любопытное преданіе о происхожденіи стараго герба Донскаго. Петръ Великій, бывши въ Черкаскѣ, встрѣтилъ пьянаго казака, который пропилъ все свое платье и полунагой сидѣлъ на бочкѣ съ ружьемъ въ рукахъ. Петръ спросилъ казака, почему онъ пропилъ платье, а не ружье?—Да нельзя же мнѣ остаться безъ ружья, отвѣчалъ казакъ: безъ ружья никому не угодишь, а съ ружьемъ Богу, Государю и великому войску Донскому честь и славу заслужу, и одежду у врага добуду. Отвѣтъ такой понравился Петру, и онъ далъ войску гербъ съ изображеніемъ нагого по поясъ казака съ ружьемъ въ рукахъ на бочкѣ.



Дворецъ атамана въ Новочеркаскѣ.

## Пароходъ «Петербургъ» (бывшій Тюрингія).

Въ предыдущихъ номерахъ „Нивы“ мы помѣстили рисунки двухъ пароходовъ русскаго добровольнаго флота, а именно пароходовъ: „Россія“ и „Москва“; въ этомъ номерѣ помѣщенъ видъ третьяго парохода русскаго добровольнаго флота, носящаго названіе „Петербургъ“. Этотъ пароходъ назывался ранѣе Thuringia. Онъ имѣетъ длины $361^{1}/_{2}$ ф. ширина его наибольшая $42^{1}/_{2}$ ф., вышина (отъ борта до дна) $35^{1}/_{2}$ ф. Номинальныхъ силъ онъ имѣетъ 600 и можетъ развивать до 2,200 индикаторныхъ силъ. Для русскаго добровольнаго флота пріобрѣтенъ и четвертый пароходъ, получившій названіе: „Нижній Новгородъ“. Пароходъ этотъ отправился въ Санъ-Стефано прямо съ мѣста покупки.

Всѣ эти пароходы теперь, по миноваціи надобности въ примѣненіи ихъ къ военному дѣлу, получили иное назначеніе,—и какъ мы сказали выше, пароходъ „Нижній - Новгородъ“ уже отправился въ Санъ Стефано, для перевозки оттуда войскъ.

Пароходы „Петербургъ“, „Москва“ и „Россія“ вышли подъ коммерческимъ флагомъ изъ Кронштата въ море и тоже отправились въ Санъ-Стефано для перевозки русской арміи. Пароходъ „Москва“ подъ командою капитанъ-лейтенанта Круксонфа, пароходомъ „Россія“ командуетъ уволенный для службы на коммерческихъ судахъ капитанъ-лейтенантъ Ѳ. В. Дубасовъ, герой знаменитой минной аттаки на Дунаѣ, имѣвшей послѣдствіемъ гибель турецкаго монитора; а „Петербургомъ“—капитанъ-лейтенантъ А. К. Сиденснеръ, совершившій нѣсколько дальнихъ плаваній на корветахъ: „Новикъ“, „Калевала“, „Богатырь“, „Аскольдъ“ и клиперѣ „Абрекъ“.

Экипажъ этихъ судовъ состоитъ изъ офицеровъ и матросовъ военнаго флота, уволенныхъ для службы на коммерческихъ судахъ, на такомъ же основаній, на какомъ дозволяется служить

(Продолженіе на стр. 641, 642, 643 и 644).



Московская улица въ Новочеркаскѣ.

на яхтахъ Императорскаго яхтъ-клуба и на судахъ прежней американской компаніи и другихъ учрежденій подобнаго рода, покровительствуемыхъ правительствомъ.

По извѣстіямъ, передаваемымъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, можно заключить, что всѣ пароходы добровольнаго флота будутъ впослѣдствіи примѣнены къ коммерческимъ цѣлямъ и совершать плаванія въ водахъ океановъ. На какихъ условіяхъ и въ чье именно владѣніе они будутъ переданы—пока неизвѣстно; но въ виду того, что до настоящаго времени пароходы такъ называемаго „Русскаго общества пароходства и торговли" слишкомъ рѣдко дѣлали рейсы изъ портовъ Китая въ Одессу—можно думать, что рейсы въ Китайскіе порта придется совершать этимъ пароходамъ русскаго добровольнаго флота.

## Радіометръ *).

При первомъ взглядѣ на маленькій аппаратъ, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ №,—аппаратъ. по нѣмецки обыкновенно называемый „свѣтовою мельницею", можно, пожалуй, подумать, не составляетъ ли онъ какого либо „perpetuum mobile" (машина вѣчнаго движенія), до сихъ поръ составлявшее предметъ однихъ мечтаній, безъ надежды когда-либо осуществить подобную машину. Нѣтъ, „свѣтовая мельница" далеко не „perpetuum mobile", но все таки она—изобрѣтеніе въ высшей степени остроумное и поучительное.

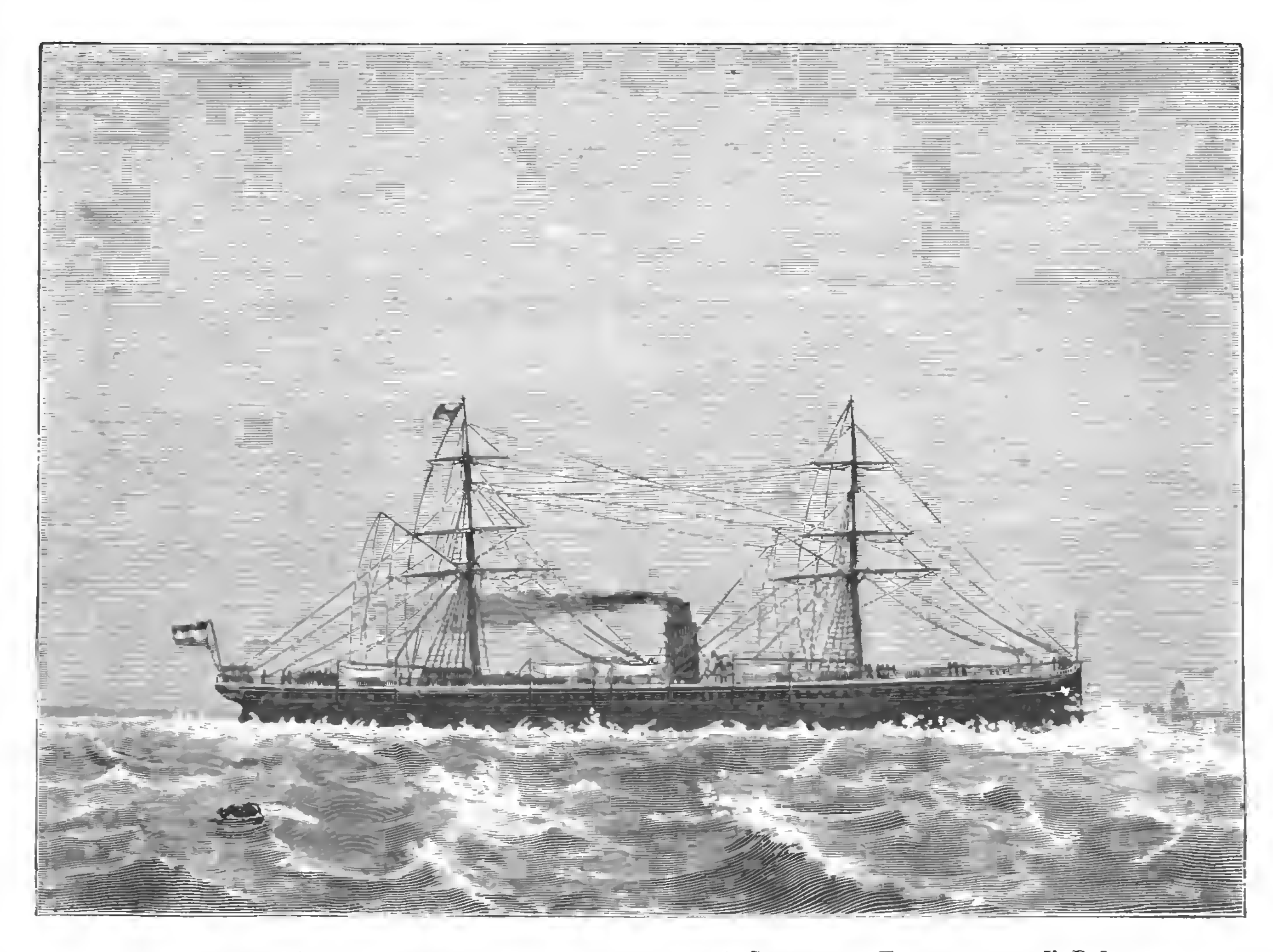
Конструкція радіометра, какъ можно видѣть уже изъ рисунка, крайне проста. Нѣтъ въ ней никакихъ таинственныхъ и непонятныхъ для непосвященнаго въ науку придѣлокъ и побочныхъ принадлежностей. Въ главныхъ своихъ частяхъ эта машинка понятна для всѣхъ и каждаго. Однако, тѣ физическія явленія. которыя при посредствѣ ея служатъ предметомъ наблюденія ученыхъ, представляютъ много темнаго и загадочнаго даже для спеціалистовъ... Прежде всего, въ этомъ аппаратѣ намъ бросаются въ глаза 4 маленькія слюдяныя пластинки, прикрѣпленныя къ оконечностямъ двухъ перекрещивающихся радіусовъ вертикально стоящей оси. Радіусы эти сдѣланы изъ мягкаго металла—*аллюминія* и утверждены на тонкомъ стальномъ шпицѣ, такъ что перекрещивающіеся радіусы (или, выражаясь проще, колесцо), съ прикрѣпленными къ ихъ концамъ пластинками, весьма легко могутъ вращаться въ горизонтальномъ направленіи. Вращеніе это напоминаетъ вращеніе крыльевъ обыкновенной вѣтряной мельницы, у которой къ пересѣкающимся радіусамъ, идущимъ отъ горизонтальной оси вращенія, тоже придѣланы, какъ извѣстно, пластинки (въ косвенномъ направленіи), и мы знаемъ, что отъ этихъ пластинокъ и ихъ косвеннаго расположенія зависитъ движеніе крыльевъ мельницы отъ вѣтра. Въ миніатюрѣ нѣчто подобное представляетъ и разсматриваемая нами машинка.

У каждой изъ упомянутыхъ нами слюдяныхъ пластинокъ, прикрѣпленныхъ къ горизонтально перекрещивающимся радіусамъ, одна изъ сторонъ окрашена ламповою сажею, другая же представляетъ блестящую (слѣдовательно сильно отражающую свѣтъ) поверхность, свойственную слюдѣ. Чтобы мягкій металлъ. какимъ представляется аллюминій и изъ котораго сдѣланы перекрещивающіеся радіусы, не просверливался острымъ стальнымъ шпицемъ, на которомъ утверждаются перекрещивающіеся радіусы, въ пунктѣ ихъ соединенія,—для этого въ этомъ самомъ пунктѣ придѣлана стеклянная шляпочка, предохраняющая машинку отъ подобнаго просверленія.

Устроенный такимъ образомъ, маленькій механизмъ заключенъ, какъ читатель видитъ и на рисункѣ, въ стекляный баллонъ и изъ баллона этого, посредствомъ воздушнаго насоса, выкачивается *почти* весь воздухъ. Слово „почти" (а не безусловно весь воздухъ) здѣсь употребить необходимо, ибо это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, и служитъ ключемъ къ уразумѣнію настоящаго смысла явленій, наблюдаемыхъ на нашей машинкѣ.

Для большей простоты и удобопонятности, въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы горизонтально перекрещивающіеся радіусы будемъ называть просто „*колесцомъ*".

Если сейчасъ описанный аппаратъ выставить на свѣтъ (при этомъ безразлично: на дневной ли свѣтъ, происходящій отъ лучей солнца, или на свѣтъ, исходящій отъ зажженной лампы), то заключенный въ баллонѣ уже извѣстный намъ механизмъ или колесцо начинаетъ *непрерывное* движеніе, и при томъ такъ, что при этомъ движеніи идутъ впередъ неокрашенныя сажей блестящія стороны слюдяныхъ пластинокъ. При томъ: чѣмъ сильнѣе источникъ свѣта, лучи котораго падаютъ на блестящую сторону слюдяной пластинки, тѣмъ *живѣе* и *быстрѣе*



**Русскій добровольный флотъ: Пароходъ „Петербургъ" (бывшій Тюрингія).** Съ акварели Петерсона, грав. К. Вейерманъ.

*) Въ буквальномъ переводѣ это греческое слово значитъ: *измѣритель лучей свѣта*.

происходитъ вращеніе пластинокъ, прикрѣпленныхъ къ радіусамъ. И вотъ на этомъ-то основаніи изобрѣтатель описываемаго аппарата, г. Круксъ, назвалъ свое изобрѣтеніе „радіометромъ", т. е. измѣрителемъ свѣтовыхъ лучей. Основаніемъ къ такому названію г. Круксъ считалъ тотъ предположенный имъ эмпирическій законъ, что число вращеній пластинокъ, происходящее въ опредѣленное время, служитъ наглядною *мѣрою силы или интенсивности лучей, идущихъ отъ какого-либо источника свѣта.* Покамѣстъ аппаратъ г. Крукса составляетъ совершенную новинку; нельзя не согласиться, что онъ представляетъ дѣйствительно такую чувствительность къ уменьшенію или увеличенію силы свѣта—что она приводитъ поистинѣ въ изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только какое-нибудь легкое облачко заслонитъ собою дискъ солнца—и вотъ уже вращательныя движенія пластинокъ замедляются, и на радіометрѣ отмѣчается степень уменьшенія силы свѣта; но, съ другой стороны, если стальной шпицъ служащій, какъ мы знаемъ, основаніемъ вращающихся горизонтально радіусовъ и пластинокъ будетъ хотя нѣсколько притупленъ, то чувствительность радіометра *уменьшается*, такъ что возбудившіяся было блестящія надежды, что аппаратомъ Крукса можно будетъ пользоваться какъ „самымъ точнымъ измѣрителемъ силы свѣта",—эти надежды по крайней мѣрѣ покамѣстъ должны сильно поколебаться, какъ неимѣющія безусловно-твердой почвы...

Но, съ другой стороны, огромную важность имѣютъ научныя изслѣдованія явленія, представляющагося въ аппаратѣ Крукса,—произведенныя съ другою цѣлью. Именно, нѣкоторые изслѣдователи задавались мыслью: да та-ли, въ самомъ дѣлѣ, причина производитъ явленіе, — которую предполагаетъ г. Круксъ, — не другая ли?.. Другими словами: не составляетъ ли свѣтъ только побочнаго и второстепеннаго дѣятеля въ описываемомъ явленіи, а само это явленіе происходитъ отъ совершенно другой причины?..

На счетъ рѣшенія этого вопроса физики, впрочемъ еще далеко не согласны между собою, и предлагаютъ для объясненія разсматриваемаго явленія различныя теоріи.

Воззрѣніе самаго изобрѣтателя аппарата, по которому въ данномъ явленіи свѣтъ есть движущая причина — теперь уже почти никѣмъ не признается вѣрнымъ; оно уступило мѣсто другому воззрѣнію, и это послѣднее воззрѣніе дѣйствующею причиною явленія въ аппаратѣ Крукса выставляетъ *теплоту*, а не свѣтъ. И вотъ на основаніи какихъ опытовъ: Если, напримѣръ, изъ стекляннаго баллона, въ которомъ помѣщается аппаратъ Крукса, выкачать воздухъ до такой степени, до какой только позволяютъ наши вспомогательныя средства то колесцо съ пластинками уже *не вращается*: если, наоборотъ, воздухъ въ баллонѣ не достаточно *разрѣженъ*, то колесцо опять-таки стоитъ неподвижно. При какомъ же теперь условіи совершается вращеніе крыльевъ нашей маленькой мельницы?—Для этого нужно присутствіе въ баллонѣ газа, будетъ ли-то атмосферный воздухъ, водородъ, азотъ или другой какой-либо газъ, все равно: но только этотъ газъ *до извѣстной степени* долженъ быть *разрѣженъ*. Если бы въ самомъ дѣлѣ лучи свѣта были причиною вращенія нашего колесца, то крылья колесца двигались бы подъ вліяніемъ свѣта, тѣмъ съ большею легкостью, чѣмъ больше выкачанъ изъ баллона воздухъ, потому что въ этомъ случаѣ представлялось бы меньше сопротивленія, которое должны на своемъ пути побѣдить вращающіяся слюдяныя пластинки. Этого, однако, нѣтъ. Далѣе, мы знаемъ что *свѣтовые* лучи, вообще, сопровождаются лучами *тепловыми*. Слѣдовательно, соотвѣтственно законамъ физики, коль скоро тепловые лучи упадутъ на блестящую поверхность слюдяной пластинки, они должны отразиться, какъ они, вообще отражаются отъ всякой блестящей поверхности,—тогда какъ окрашенная сторона пластинки обладаетъ свойствомъ *поглощать* или такъ сказать всасывать тепловые лучи и оттого сама *нагрѣваться*. И вотъ потому-то, окрашенная сторона пластинки нагрѣвается быстрѣе и въ большей степени, чѣмъ сторона блестящая, а разъ нагрѣвшись, она въ состояніи нагрѣть и ближайшее окружающее ее пространство. Вслѣдствіе этого, уже разрѣженный воздухъ баллона, соприкасающійся съ окрашенною стороною пластинки, долженъ, конечно, *разрѣдиться еще больше*. Но это разрѣженіе дѣйствуетъ подобно пружинѣ: оно-то и заставляетъ двигаться легко-подвижныя пластинки.

Сейчасъ приведенное мнѣніе представляется удовлетворительнымъ еще и въ томъ отношеніи, что оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняетъ и причину, почему, при движеніи колесца, *впереди* идетъ блестящая поверхность пластинки. Это можно подтвердить еще и опытомъ. Подвергнемъ, напримѣръ, аппаратъ дѣйствію лучей засвѣченной лампы и будемъ наблюдать, пока колесцо не начнетъ совершать быстрыя движенія. Теперь погасимъ же *внезапно* (непремѣнно внезапно) лампу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно, помѣшаемъ движенію колесца, наклонивъ аппаратъ на сторону. Какъ скоро стеклянная шляпочка придетъ въ равновѣсіе и окажется прямостоящею на стальномъ шпицѣ—опять начинается движеніе колесца, но только уже *въ противоположную сторону*, такъ что въ этомъ случаѣ, въ вращательномъ движеніи идутъ *впередъ* уже не блестящія, а окрашенныя стороны слюдяныхъ пластинокъ. И это вотъ почему:

Въ темнотѣ маленькіе воздушные слои на окрашенной поверхности охлаждаются относительно *быстрѣе*, чѣмъ на поверхности блестящей, и они стягиваются. Это явленіе имѣетъ мѣсто и въ разсматриваемомъ случаѣ.

Слой воздуха на окрашенной сторонѣ пластинки быстро охладился и сжался, давленіе слѣдовательно очутилось на противоположной сторонѣ и вращеніе отъ этого совершается противоположно прежнему. За симъ, далѣе, чтобы показать, что именно *теплота* составляетъ причину вращенія радіометра, самъ изобрѣтатель (Круксъ) сдѣлалъ цѣлый рядъ научныхъ опытныхъ изысканій, представляющихъ большую доказательную силу.

Извѣстно, что составной *бѣлый* свѣтъ посредствомъ призмы разлагается на различные простые *цвѣтные* лучи. Въ такъ называемомъ спектрѣ, происходящемъ отъ преломленія свѣта призмою, — эти цвѣтные лучи расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: *красный, оранжевый, желтый, синій, голубой*, и *фіолетовый*. Отдѣльные лучи эти различаются между собою не только силою своего свѣта, но также большимъ или меньшимъ количествомъ содержащихся въ нихъ тепловыхъ лучей. Именно: наибольшей яркостью обладаетъ желтый лучъ свѣтового спектра, тогда какъ наибольшее количество тепловыхъ лучей приходится на крайнюю границу спектра, на красный цвѣтъ, а по направленію къ фіолетовому цвѣту (т. е. къ другому краю спектра количество тепла постепенно уменьшается). Г. Круксъ постепенно помѣщалъ радіометръ въ отдѣльныя области спектра,—и тогда оказалось, что на быстроту вращенія колесца въ аппаратѣ имѣетъ наибольшее вліяніе не *самый яркій свѣтъ*, а наибольшее количество *тепловыхъ лучей*, потому что колесцо двигалось быстрѣе всего именно на краю спектра, въ области краснаго цвѣта. Въ опредѣленную единицу времени радіометръ сдѣлалъ въ области *краснаго* цвѣта *85* движеній, въ области *желтаго—57*, въ области *голубого—22* и въ области *фіолетоваго 6* движеній. Если бы движущею причиною колесца въ радіометрѣ былъ свѣтъ, то, конечно, самыя быстрыя и многочисленнѣйшія вращенія колесца имѣли бы мѣсто въ области желтаго цвѣта, какъ самаго яркаго; этого, однако, нѣтъ. Но свѣтъ и тепловые лучи не всегда взаимно сопровождаютъ другъ друга и отъ этого большой интересъ и важность имѣлъ опытъ, въ которомъ испытывали вліяніе на радіометръ такъ называемой „темной теплоты" (не сопровождаемой свѣтомъ). При этомъ оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, что *одна* теплота, *безъ* присутствія свѣта, могла привесть въ движеніе колесцо радіометра.



Радіометръ. (Измѣритель солнца).

Но теперь возникаетъ вопросъ: какая же существуетъ возможность замѣтить движеніе колесца радіометра въ темнотѣ? Вѣдь безъ присутствія свѣта нашъ глазъ не въ состояніи сдѣлать никакого наблюденія?—Конечно да... Но для устраненія такого затрудненія, обыкновенно пользуются „слабымъ" освѣщеніемъ аппарата, такъ называемыми „флюоресцирующими" веществами, т. е. такими, которыя, если ихъ въ безвоздушномъ пространствѣ, подвергнуть свѣту искры проходящаго электрическаго тока, начинаютъ и сами *издавать свѣтъ*. Такому флюоресцирующему свѣту присуще столь же мало теплоты, какъ и свѣтящейся гнилушкѣ. Такого рода свѣтъ не обнаруживаетъ никакого дѣйствія на радіометръ: однако тотчасъ же начинается движеніе колесца, если только дотронуться теплою рукою стекляннаго баллона или если приблизить къ этому баллону хотя бы слабо нагрѣтый кусокъ металла. При этомъ совершается такъ называемое темное тепловое лучеиспусканіе (изъ металла).

Хотя сейчасъ приведенные нами опыты и ясно указываютъ, что причина явленія вращательныхъ движеній въ радіометрѣ

есть теплота, однакожь нѣкоторые ученые, опираясь на другіе опыты, представили для объясненія занимающаго насъ явленія и другія теоріи, и теоріи эти, разумѣется, объясняютъ дѣло иначе. Не вдаваясь здѣсь въ ближайшее ознакомленіе съ этими теоріями, мы должны однако констатировать ихъ существованіе, хотя бы для того, чтобы насъ не обвинили въ одностороности и пристрастности, въ вещахъ чисто-научныхъ. Въ ученомъ мірѣ незначительный, изобрѣтенный г. Крукомъ, аппаратъ возбудилъ всеобщій интересъ и уже успѣлъ поднять, какъ говорится, пыль столбомъ. Правда, этотъ малый приборъ далеко не „Perpetuum mobile" какъ нѣкоторые ожидали, но онъ представляетъ для молодыхъ ученыхъ прекрасный будильникъ къ самостоятельному изслѣдованію и мышленію. Научная же истина, добываемая постоянною борьбою, а нерѣдко страданіями и полнымъ самоотверженіемъ, конечно выше и лучше всякаго „perpetuum mobile". Всякое великое или даже только значительное изобрѣтеніе должно утверждать насъ въ мысли, что невозможнаго нельзя сдѣлать возможнымъ.

Стр.

# Политическія и внутреннія извѣстія.

Крѣпость Батумъ до сихъ поръ еще намъ не сдана турками. Въ связи съ замедленіемъ ея сдачи находится и посадка нашихъ войскъ на суда и отправка ихъ въ отечество. Нужны, въ самомъ дѣлѣ, окончательныя гарантіи мира, чтобы нашимъ войскамъ оставить театръ войны. На прошлой недѣлѣ опредѣленно поставленъ этотъ вопросъ. Укрѣпленія Чаталджи могутъ быть очищены лишь *послѣ сдачи Батума*. Батумъ, слѣдовательно, представляется кореннымъ условіемъ, подъ которымъ войска наши могутъ быть посажены на суда. Кто же, однако, особенно задерживаетъ сдачу Батума?—Какіе-то *лазы*, варварское, полудикое племя, знакомое намъ по событіямъ минувшей войны. Дѣло, разумѣется, тутъ не въ лазахъ, потому что достаточно, со стороны сильнаго государства, погрозить перстомъ, чтобы заставить присмирѣть какое-нибудь полудикое племя. Чья-то невидимая рука дѣлаетъ лазамъ знакъ поощренія...

Подробностей о причинахъ упорства въ сдачѣ Батума существуетъ еще недостаточно, чтобы судить категорически объ этомъ предметѣ. Извѣстно только, что между *Требизондомъ* и *Эпискалой* существуетъ значительное движеніе турецкихъ войскъ. Порта усиливаетъ свою армію въ Арменіи. Уже въ одномъ Эпискальскомъ округѣ насчитывается до 8,500 регулярныхъ турецкихъ войскъ, усиливаемыхъ еще арабскими редифами. Въ Бейбуртѣ, Эрзингіанѣ и Мушѣ стоитъ 23 батальона турецкихъ редифовъ. Дервишъ-паша не только не дѣлалъ до сихъ поръ никакихъ приготовленій къ сдачѣ Батума, но постоянно требовалъ транспортныхъ судовъ съ запасами муки, риса, сухарей, овса и проч. Затѣмъ всѣ магазины Батума набиты провіантомъ и боевымъ матеріаломъ. Въ крѣпости находится 12-ть батальоновъ регулярныхъ турецкихъ войскъ. Лазы, въ числѣ 15,000 человѣкъ, занимаютъ границу и близъ лежащіе Артвинскіе проходы... Это странное положеніе дѣлъ, конечно, не замедлитъ разрѣшиться въ скорости, и рѣшитъ его, по всей вѣроятности, русское оружіе. На это указываютъ, между прочимъ, иностранныя газеты, сообщающія, что, будто бы Русское правительство двинуло значительныя силы къ Батуму, Кавказскій намѣстникъ отправится туда 20-го августа (1-го сентября) для принятія главнаго начальства надъ войскомъ.

Положеніе дѣлъ не совсѣмъ спокойно и на Балканскомъ полуостровѣ. Инсургенты въ Родопскихъ горахъ на время затихли-было, но не были усмирены. Недавно тамъ вспыхнуло опять возстаніе. Вслѣдствіе этого главнокомандующій нашей арміи генералъ Тотлебенъ пригласилъ Порту отправить извѣстное число регулярныхъ войскъ въ Родопскія горы. Недавно въ этой мѣстности, въ окрестностяхъ Ксанти, произошло столкновеніе между инсургентами и русскими передовыми отрядами.

Ожидается заключеніе *конвенціи между Австріей и Турціею*. По этому вопросу сначала существовало весьма большое разногласіе въ правительственныхъ сферахъ Австріи и положеніе графа Андраши пошатнулось. Но затѣмъ графу Андраши удалось доказать необходимость подписанія конвенціи съ Портою. Дѣло идетъ объ установленіи прочныхъ мирныхъ отношеній между Австріей и Турціей по поводу занятія австрійскими войсками Босніи и Герцеговины. Въ силу конвенціи, *верховная власть* султана въ Босніи будетъ признана. Но извѣстно также, что Порта требуетъ *ограниченія* срока австрійской оккупаціи и требуетъ *точнаго* опредѣленія этого срока. Австрія уклоняется отъ опредѣленія подобной „точности".

Отъ конвенціи этой во многомъ будетъ зависѣть опредѣленіе новыхъ отношеній между Австро-Венгріей и Славянскими государствами на Балканскомъ полуостровѣ.

— Въ Сиріи недавно произошли весьма большія смуты. Друзы и мусульмане сражаются тамъ съ маронитами. Въ Константинополѣ арестованъ маронитскій епископъ, монсиньоръ Бостани, изъ Свиды, для водворенія на жительство въ Іерусалимъ. Марониты, вслѣдствіе этого, отправили державамъ протестъ противъ Турецкаго произвола. Преимущественно же Марониты обратились къ Французскому правительству, прося покровительства Франціи.

---

Вслѣдствіе повторяющихся въ послѣднее время случаевъ государственныхъ преступленій явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, состоялся Высочайшій указъ, въ которомъ выражено, что случаи подобнаго рода несомнѣнно свидѣтельствуютъ о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые подъ вліяніемъ соціально-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ ниспроверженію всего государственнаго строя, а потому Высочайше повелѣно: лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, отъ правительства установленнымъ, или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, какъ скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджогомъ,—предавать военному суду, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени и опредѣленія виновнымъ наказанія, установленнаго ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ изд. 1875 года.

Высочайшимъ указомъ повелѣно для преподанія государственному казначейству средство къ покрытію чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ настоящею войною, заключить внутренній 5% заемъ, на нарицательный капиталъ 300.000.000 р. выпускомъ 5% облигацій въ 100 и 1.000 руб. Заемъ этотъ долженъ именоваться Вторымъ восточнымъ займомъ. Погашеніе облигацій имѣетъ быть произведено въ теченіи 49 лѣтъ; для чего образуется новый фондъ посредствомъ отчисленія ежегодно ½% съ нарицательной суммы займа, и фондъ этотъ съ присовокупленіемъ процентовъ на облигаціи, погашенныя въ предъидущіе годы, употребляется ежегодно на выкупъ облигацій по биржевой цѣнѣ, когда она будетъ ниже нарицательной стоимости облигацій, а въ противномъ случаѣ по тиражу, по нарицательной ихъ цѣнѣ.

Сообщая о распоряженіяхъ правительства приведемъ здѣсь еще объ одномъ новомъ распоряженіи, а именно объ учрежденіи земскихъ урядниковъ, назначенныхъ въ 46 губерніяхъ, въ числѣ 5.000 человѣкъ. Изъ инструкціи, напечатанной въ сбор. узак. и распор. прав. видно, что урядники обязаны между прочимъ наблюдать, чтобы во ввѣренныхъ имъ участкахъ не появлялось сочиненій преступнаго содержанія, не распространялось зловредныхъ сужденій и слуховъ, не было нарушеній устава питейнаго, лѣснаго и вообще законовъ, касающихся общественнаго благочинія и благоустройства. Урядники подчинены становымъ приставамъ и получаютъ отъ нихъ словесныя приказанія, объ исполненіи которыхъ доносятъ тоже словесно. Въ инструкцію включены обширныя выписки изъ свода законовъ, которыя урядники обязаны читать какъ можно чаще и разъяснять подвѣдомственнымъ имъ неграмотнымъ сотскимъ и десятскимъ; но пониманія урядниками законовъ вовсе не такъ легко: обширность сферы ихъ дѣйствій, при малочисленности ихъ (5.000 на 1.368 становъ) возьметъ слишкомъ много времени и не дастъ возможности заниматься юридическими бесѣдами съ подчиненными.

Въ Нижнемъ Новгородѣ 15 августа послѣдовало открытіе памятника Кузьмѣ Минину. Въ лицѣ Кузьмы Минина сказывается русь земская, способная жертвовать всѣмъ для спасенія вѣры и отечества, и открытіе теперь памятника такому человѣку, какъ Кузьма Мининъ, должно признать дѣломъ чисто народнымъ. Передадимъ здѣсь кстати со словъ корреспонд. Новаго Времени о состояніи ярмарки въ Нижнемъ Новгородѣ: Въ отношеніи своего благоустройства ярмарка хромаетъ; мостовыя, восхваляемыя въ телеграммахъ Международнаго Агентства, находятся въ плачевномъ состояніи, нѣтъ, кажется, той линіи, гдѣ бы онѣ не были поломаны; очистка отъ мусора находится въ рукахъ метельной команды, состоящей изъ нѣсколькихъ человѣкъ, на содержаніе которой собирается ярмарочной конторой по 50 коп. съ погонной квадр. саж. около лавокъ и другихъ ярмарочныхъ зданій, что составитъ сумму въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей; изъ нихъ, конечно, можно удѣлить и на телеграмму въ „Голосъ" о прекрасномъ состояніи мостовыхъ и объ образцовой очисткѣ улицъ, тогда какъ, напримѣръ, въ Панпточной линіи мусоръ лежитъ посреди мостовыхъ въ громадныхъ кучахъ.

Взаключеніе сообщимъ объ интересномъ открытіи. Близь берега Волги, недалеко отъ деревни Бережной Увѣкъ, (близь Саратова) каменьщики, нанятые для ломки камня, нашли каменную стѣну и засимъ—цѣлый татарскій городъ, засыпанный землей. Нѣсколько жилищъ уже разобрано, но собственно въ мѣстахъ, гдѣ были стѣны; онѣ состоятъ изъ бутовой кладки толщиною въ 1½ ар., вышиною нѣсколько болѣе 3 аршинъ и сверху перекрыты въ 3 ряда отлично обожженнымъ кирпичемъ, на стѣнахъ этихъ вѣроятно были устроены крыши; подъ ними сдѣланы отводныя канавы подъ сводами изъ камня, а мѣстами изъ гончарныхъ трубъ; нѣкоторыя стѣны сдѣланы изъ

тесаннаго камня съ вытескою различныхъ украшеній. Характеръ мѣстности очень напоминаетъ берегъ Волги въ затонѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сползла гора; вѣроятно татарскій городокъ погибъ отъ передвиженія части горы, круто возвышающейся теперь надъ сказанной мѣстностью.

Его Величество Государь Императоръ съ Великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами 15 августа выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Ливадію; вскорѣ туда-же послѣдуетъ выѣздъ Государыни Императрицы.

**Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 33 „Нивы“**: „Отъ бранной воркотни любой сбѣжитъ изъ дома;—кому-жь охота быть виновникомъ содома.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Москва. Евг. Петр. Лаврент—ву.** Рѣшительно потеряли всякую надежду на полученіе отъ васъ отвѣта на наши многочисленныя письма.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**




№ 36 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

Выданъ 4 Сентября 1878 г.




При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 24 рис. рукодѣльныхъ работъ.



Общій видъ города Ялты (на южномъ берегу Крыма). Рис. съ натуры Т. Веберъ, грав. Каво.

# Городъ Ялта и его окрестности.

Мы имѣли уже случай помѣстить на страницахъ нашего журнала нѣсколько рисунковъ, изображающихъ виды мѣстностей и зданій на южномъ берегу Крыма. Рисунки эти сопровождались соотвѣтствующимъ описаніемъ, въ которомъ, принимая въ соображеніе размѣры нашего журнала, разсказана исторія жизни въ этой мѣстности, ведущая начало изъ отдаленной древности (См. „Ниву“ сего года №№ 34 и 35 стр. 594 и 605). Помѣщая теперь общій видъ города Ялты и находящейся невдалекѣ отъ нея деревни Дерекой, считаемъ нужнымъ предварительно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно характера горъ, окаймляющихъ южный берегъ Крымскаго полуострова.

Эти горы защищаютъ южный берегъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ и именно этою самою защитою дѣлаютъ его прелестнѣйшимъ въ климатическомъ отношеніи уголкомъ нашего отечества.

Горы на всемъ протяженіи южнаго берега опускаются къ морю такими крутизнами, которыя представляются отвѣсными скалами. Такое положеніе мѣстности даетъ южному берегу слишкомъ мало долинъ и дѣлаетъ его почти неприступнымъ для кораблей, лишая убѣжища отъ бури. Исключенія составляютъ собственно только Балаклавская бухта и мѣстность около города Ялты. У этого города, видъ котораго помѣщенъ на одномъ изъ нашихъ рисунковъ, есть хотя и не очень значительная, береговая закраина, образующая собою хотя и не большую, но все таки болѣе или менѣе удобную пароходную пристань. Впрочемъ необходимо замѣтить, что ялтинскій рейдъ плохо защищенъ отъ вѣтровъ, въ особенности когда они дуютъ съ востока. Во время значительнаго морского волненія, въ особенности въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ, пароходы вовсе не могутъ останавливаться въ ялтинскомъ рейдѣ. Глубина этого рейда отъ тринадцати до четырнадцати саженъ, но она часто, говорятъ, измѣнятся: самое дно моря въ этой мѣстности состоитъ изъ ила и песку и представляетъ значительныя неровности. Съ пристани городъ видѣнъ весь, какъ говорится, точно на ладони, но собственно разсматривать въ немъ нечего: интересна самая долина, на которой онъ находится и горы ее окружающія. Здѣсь у Ялты и на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, возвышенности хребта, окаймляющаго весь южный берегъ Крыма, отодвигаются отъ моря почти на 6-ти верстное разстояніе, образуя такимъ образомъ въ этой мѣстности долину, хотя и не очень ровную, перерѣзываемую тамъ и сямъ холмами, болѣе или менѣе возвышенными. Самый городъ расположенъ на берегу моря, какъ видно на нашемъ рисункѣ, снятомъ изъ Массандры. Хребетъ, возвышающійся на упомянутомъ отъ Ялты разстояніи, имѣетъ около 5000 фут. высоты и совершенно защищаетъ городъ отъ сѣвера.

Исторія той мѣстности, на которой находится городъ Ялта, также ведетъ свое начало изъ отдаленной древности. Въ историческія времена Ялта была греческимъ городомъ Ялитой. Такъ называютъ ее и теперь крымскіе греки. Нубійскій географъ XII вѣка, Эдриза, упоминаетъ въ своихъ трудахъ объ этомъ городѣ подъ именемъ города Галиты или Джалиты. Географы среднихъ вѣковъ, а именно XIV стол., называли этотъ городъ *Гіалита*! Такъ по крайней мѣрѣ названъ онъ на нѣкоторыхъ средневѣковыхъ картахъ. За симъ далѣе извѣстно, что мѣстность эта, будучи присоединена Генуэзцами къ своимъ владѣніямъ, была резиденціей ихъ консула и центромъ администраціи. Есть также преданіе о томъ, что на мѣстѣ этомъ была крѣпость, въ XV вѣкѣ разрушенная землетрясеніемъ.

Но отъ этихъ свѣдѣній, доходящихъ до насъ изъ далекой древности и недающихъ болѣе или менѣе яснаго представленія о томъ положеніи, которое занимала когда-то Ялта, перейдемъ къ ея недавнему прошлому. Это прошлое, а именно основаніе самаго города Ялты, относится къ 1838 году. Въ этомъ году бывшій намѣстникомъ Кавказа и главнымъ начальникомъ Новороссійскаго края, князь Воронцовъ, сдѣлалъ Ялту уѣзднымъ городомъ. Сдѣлано это было съ цѣлію оживить южный берегъ Крыма; но переименованіе незначительнаго мѣстечка въ городъ не могло одно само по себѣ дать ему жизнь. Городъ остался въ такомъ же печальномъ запустѣніи, въ какомъ былъ и ранѣе и оставался бы можетъ быть такимъ и въ настоящее время, если бы Императорская фамилія не начала съ 1861 г. посѣщать Ливадію. Такимъ образомъ оказывается, что для развитія жизни въ той или другой мѣстности, у насъ требуется прежде всего указаніе свыше, дающее тонъ и направленіе обществу.

Городъ Ялта имѣетъ всего только двѣ улицы: одна составляетъ набережную, на которой находятся лучшія постройки города и бульваръ, а другая идетъ отъ берега нѣсколько въ гору, гдѣ помѣщается базаръ, лавки, кофейни и т. под. Набережная могла бы быть очень красивой улицей, если бы здѣсь не сваливалась въ море всякая грязь, дающая мѣстами о себѣ знать весьма значительными зловоніями. Гулять по этой набережной можно, только необходимо избѣгать ея окраинъ, куда и безъ того недальнозоркій глазъ мѣстной стражи вовсе не проникаетъ. Что же касается чистоты второй улицы, идущей въ гору, то здѣсь ее искать вовсе нечего. Небольшая церковь находится на возвышенности, среди кипарисовъ и густой зелени и придаетъ Ялтѣ много красоты; здѣсь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ церкви есть кладбище, на которомъ находятъ успокоеніе многіе изъ пріѣзжающихъ въ Ялту искать возстановленія своего разстроеннаго здоровья. Климатъ южнаго берега Крыма несомнѣнно можетъ быть полезенъ для слабогрудыхъ; но пріѣзжающіе туда съ значительнымъ развитіемъ чахотки, конечно, отъ нея не излѣчиваются. Ихъ пріѣздъ приноситъ пользу большей частью только докторамъ, какъ всегда и вездѣ, большимъ искусникамъ на утѣшенія и возстановленіе здоровья своего собственнаго кармана.

Дачъ вокругъ Ялты, и вблизи, и вдали отъ нея, весьма много. Всѣ эти большія и маленькія, красивыя и уродливыя дачи окаймляютъ берегъ, и есть предположеніе, что всѣ онѣ на разстояніи отъ Ливадіи до Ялты будутъ включены въ скоромъ времени въ составъ этого города. Ялта все таки служитъ теперь главнымъ центромъ южнаго берега, къ которому стекаются пріѣзжающіе въ Крымъ, но образованіе этого центра зависитъ во всякомъ случаѣ не отъ мѣстныхъ условій Ялты, благопріятныхъ для жизни, а исключительно оттого, какъ мы замѣтили выше, что вблизи ея находится Ливадія, и пріѣздъ царственныхъ особъ влечетъ въ сосѣднюю Ялту массу той части публики, изъ которой одна половина безсознательно гонятся за модными мѣстами, а другая ищетъ случая при посредствѣ этихъ модныхъ мѣстъ устроить своя личныя дѣлишки. Кому же неизвѣстно, что для пользованія благодатнымъ воздухомъ южнаго берега и для купанья въ морѣ можно найдти и другія мѣста кромѣ Ялты; но извѣстный сортъ публики находитъ нужнымъ лучше тѣсниться въ Ялтѣ, нежели жить гдѣ нибудь не *въ модномъ* мѣстѣ. Ежегодно увеличивающійся приливъ посѣтителей Ялты способствуетъ, конечно, и увеличенію числа построекъ въ ней. Въ послѣднее время, кромѣ многихъ небольшихъ дачъ, въ Ялтѣ устроилось нѣсколько гостинницъ. Теперь уже есть возможность найти сколько нибудь приличное помѣщеніе и не платить дикихъ цѣнъ домовладѣльцамъ, жаждущимъ какъ можно болѣе сорвать съ пріѣзжающихъ. Одна изъ гостинницъ, Эдинбургская, устроена въ подражаніе заграничнымъ гостинницамъ. Другая устроена образовавшимся въ 1873 году товариществомъ для содѣйствія къ распространенію удобствъ жизни въ Ялтѣ. Учредителями этого товарищества были г.г. Струве, князь Воронцовъ, лейбъ-медики Боткинъ и Карель, баронъ Врангель, и Чихачевъ. Товарищество принимаетъ соотвѣтственныя мѣры къ облегченію пріѣзжающимъ разъѣздовъ по Ялтѣ и окрестностямъ въ экипажахъ и верхами; способствуетъ учрежденію удобнаго сообщенія между Ялтой и Севастопольской желѣзной дорогой; прилагаетъ старанія къ доставленію пріѣзжающимъ какъ для пользованія, такъ и для развлеченія необходимыхъ для жизни удобствъ. Оно устроило также водоснабженіе города.

Для морскихъ купаній въ Ялтѣ устроена общественная купальня съ отдѣленіями для дамъ и мужчинъ, по 14 №№ въ каждомъ. Тутъ-же устроены души и теплыя ванны. Но купанья въ Ялтѣ не представляютъ хорошаго: вода зачастую бываетъ подозрительной мутности, что объясняется исконною нашею русскою небрежностію въ устройствѣ городскихъ стоковъ для спуска нечистотъ. Тотъ, кто желаетъ отправиться на южный берегъ Крыма собственно для морскихъ купаній, найдетъ тамъ много мѣстъ, кромѣ Ялты, гдѣ купаться въ морѣ значительно удобнѣе.

Выше мы замѣтили, что ялтинская долина представляетъ одну изъ прелестнѣйшихъ мѣстностей южнаго Крыма, (послѣ долины Байдарской, о красотѣ которой, конечно, не разъ слыхали наши читатели). Въ ялтинской долинѣ лежатъ три деревни, находясь отъ Ялты въ разстояніи одной и двухъ верстъ. Деревни эти: Аутка, Ай Василь и Дерекой. Видъ этой послѣдней деревни, именно Дерекоя, помѣщенъ въ настоящемъ № Нивы. Дорога къ этимъ деревенькамъ очень хорошая, и не только въ экипажѣ, но и идя пѣшкомъ, можно сдѣлать по ней хорошую прогулку. Роскошная растительность встрѣчается на каждомъ шагу; рѣдкое красивое мѣстоположеніе среди горъ; съ шумомъ бѣгущіе горные ручьи—все это вмѣстѣ взятое доставляетъ гуляющимъ много пріятныхъ часовъ. Кромѣ того, довольство и зажиточность обитателей этихъ деревень, оставляетъ въ ихъ посѣтителяхъ хорошее впечатлѣніе. Деревня Аутка находится въ сѣверо-западной части ялтинской долины. Она раскинулась весьма красиво на скалистой возвышенности, спускаясь внизъ амфитеатромъ. Эта деревенька, какъ прежде, такъ и теперь, большею частію заселена греками; но въ послѣднее время, при значительно увеличившемся наплывѣ публики въ Ялту, въ Ауткѣ осталось весьма не много простыхъ домиковъ. На мѣстѣ ихъ появились дачи разныхъ владѣльцевъ. Дачи эти отдаются въ наймы, но нельзя не замѣтить, что онѣ здѣсь также дороги, какъ и въ Ялтѣ, впрочемъ воздухъ въ Ауткѣ чище ялтинскаго. Въ Ауткѣ двѣ православныя церкви, построенныя вмѣсто существовавшихъ здѣсь двухъ греческихъ церквей. Въ одной изъ этихъ церквей богослуженіе совершается по-русски и по-гречески.

Деревня Ай Василь находится въ глубинѣ долины, между

холмами, которые покрыты превосходными орѣховыми деревьями. Изображенная на нашемъ рисункѣ деревня Дерекой также какъ и первыя двѣ, имѣетъ много садовъ, въ которыхъ не мало орѣховыхъ и каштановыхъ деревьевъ значительныхъ размѣровъ. Превосходные сады Ай Васиня и Дерекоя даютъ лучшіе фрукты Ялтѣ: арабскіе персики, каштаны, фундуки, инжиръ и проч. Дорога къ Ай Василю и всѣ окрестности Ялты съ этой стороны имѣютъ видъ превосходнаго парка съ великолѣпными деревьями и каскадами.

Прежде эти селенія составляли одно большое греческое селеніе Св. Василія, и теперь еще сохранилась въ нынѣшней деревнѣ небольшая греческая церковь, при раскопкахъ которой нашли надпись, указывающую, что она была построена въ XV вѣкѣ. Обѣ деревни въ настоящее время заняты татарами, которые также отдаютъ помѣщенія въ своихъ домахъ для пріѣзжающихъ.

Въ 5 верстахъ отъ Ялты въ глубокой долинѣ, находится водопадъ Учанъ-су, (летучая вода), и близь него древній замокъ. Дорога къ нему идетъ сначала рѣчкой посреди дачъ, затѣмъ поднимается и выходитъ на прекрасную экипажную дорогу, устроенную изъ Ливадіи. Дорога къ замку поворачиваетъ за четверть часа ѣзды къ водопаду направо внизъ; она также экипажная. Крѣпость или укрѣпленный замокъ Учанъ-су Исаръ стоитъ на отдѣльной и очень высокой скалѣ и судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ стѣнъ, имѣла форму длиннаго четвероугольника съ округленными углами и узкими длинными просвѣтами.

Въ № 23 Нивы за 1876 годъ былъ помѣщенъ рисунокъ водопада Учанъ-су съ его описаніемъ (см. стр. 395 и 401), почему мы считаемъ излишнимъ здѣсь къ нему возвращаться.

Отъ Ялты вдоль всего южнаго берега до самой его оконечности проведено превосходное южно-бережское шоссе и простирается далѣе черезъ горный хребетъ въ Байдарскую долину до Севастополя. Такимъ образомъ путешественники могутъ пріѣзжать въ Ялту сухимъ путемъ изъ Севастополя. Устройство южно-бережскаго шоссе было начато въ 1832 году по распоряженію начальника Новороссійскаго края князя Воронцова и окончено въ 1837 году къ пріѣзду въ Крымъ покойнаго Императора Николая. Дорога идетъ мѣстами подъемами, спусками, извивается въ виду моря красивыми извилинами; прочные мосты перекинуты черезъ пропасти, перила и каменныя стѣнки ограждаютъ въ опасныхъ мѣстахъ. Дорога эта замѣчательна искусствомъ ея проложенія и въ тоже время необыкновенной картинностью. Вообще природа щедро одарила Крымъ разными дарами, а южный берегъ—краса Тавриды, и можетъ быть въ будущемъ онъ будетъ имѣть для Россіи значеніе не одного только прекраснаго мѣста въ климатическомъ отношеніи....

Л.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ.

**Вс. Соловьева.**

### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

### IX.

Малыгинъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное Любѣ: во всю остальную дорогу онъ хранилъ ее, какъ зѣницу ока, хотя и старался не показывать виду окружающимъ, что обращаетъ особенное вниманіе на „парнишку“. Но гдѣ бы онъ ни былъ—далеко ли отъ того воза, на которомъ сидѣла Люба, или возлѣ, она чувствовала, что его зоркій глазъ слѣдитъ за нею, и что при малѣйшей опасности онъ будетъ защищать ее. И ей отрадно было это сознаніе, эта увѣренность въ его помощи.

Она держала себя непринужденно: сама не навязывалась конечно стрѣльцамъ съ разговорами, но если съ ней заговаривали, отвѣчала охотно и весело. Только съ приближеніемъ къ Москвѣ въ ней начинало сказываться все большее и большее волненіе. Ея щеки то вспыхивали, то блѣднѣли. Она начала задумываться, иной разъ не впопадъ отвѣчала на обращенныя къ ней фразы, но конечно стрѣльцы ничего этого не замѣтили—какое имъ было дѣло до „парнишки.“

Вотъ и Москва. Сердце Любы тревожно забилось, она приподнялась на возу и вперила блестящій, зоркій взглядъ передъ собою. Утреннее солнце заливало свѣтомъ окрестность. На голубомъ небѣ все яснѣе и яснѣе вырѣзались городскія строенія. У Любы духъ захватило отъ чудной, невиданной картины, которая ей представилась: они тогда въѣхали на пригорокъ - и сразу вся Москва открылась передъ ними.

Громадный, безконечный городъ чернѣлся десятками тысячъ домовъ, среди которыхъ, по всѣмъ направленіямъ, высились каменныя церкви и сверкали на солнцѣ своими золоченными куполами. А посреди города возставало что-то дивное, таинственное.

— Это что такое? съ дрожью въ голосѣ спросила Люба.

— Кремль, отвѣтили ей.

И она не могла оторваться отъ бѣлой каменной твердыни, которая часто, давно ужъ, являлась ей въ грезахъ. Но ея грезы оказались блѣдными передъ дѣйствительностью: башни, церкви и наконецъ громадная бѣлая колокольня Ивана великаго, куполъ которой казался Любѣ огромнымъ золотымъ шаромъ, казался вторымъ, взошедшимъ на небѣ, солнцемъ...

Чудное жилище, достойное Царь-дѣвицы! Любѣ захотѣлось скорѣй, сейчасъ туда. Но это было невозможно—стрѣльцы не въѣхали даже въ черту города и остановились въ одной изъ слободъ, гдѣ были дома ихъ.

Малыгинъ проводилъ Любу къ себѣ въ домъ, а самъ отправился отдавать отчетъ начальству въ возложенномъ на него порученіи.

Не безъ сердечнаго замиранія стала дожидаться Люба своего новаго друга и рада была радешенька, что онъ человѣкъ одинокій, что некому ее теперь разспрашивать. Ей хотѣлось остаться одной, сообразить въ тишинѣ и на свободѣ все, что ей предстояло...

И вотъ она одна. Она замкнулась въ свѣтлой, чисто прибранной горницѣ, которую указалъ ей Малыгинъ. Никто ее не тревожитъ, а между тѣмъ не можетъ собраться она съ мыслями—какая-то одурь нашла на нее: вмѣсто мыслей въ головѣ что то странное, спутанное, что мечется передъ нею. Хочетъ Люба схватить на лету одну мысль, а она не дается, замѣняется другою, но и та тоже спѣшитъ вослѣдъ первой. А время идетъ не видно и не слышно, и не знаетъ Люба, сколько прошло его, скоро ли вернется Малыгинъ и съ какими вѣстями.

Малыгинъ вернулся нескоро, часовъ черезъ пять, уже подъ вечеръ. Подошелъ къ двери, окликнулъ Любу—та не отзывается, сталъ стучаться—не слышитъ.

„Ахти! ужъ не случилось ли чего съ нею? Упаси Господи!“ испуганно подумалъ молодой подполковникъ и поблѣднѣлъ даже. Рванулъ дверь и отъ усилія его крѣпкой руки, чуть не соскочивъ съ петель, дверь распахнулась.

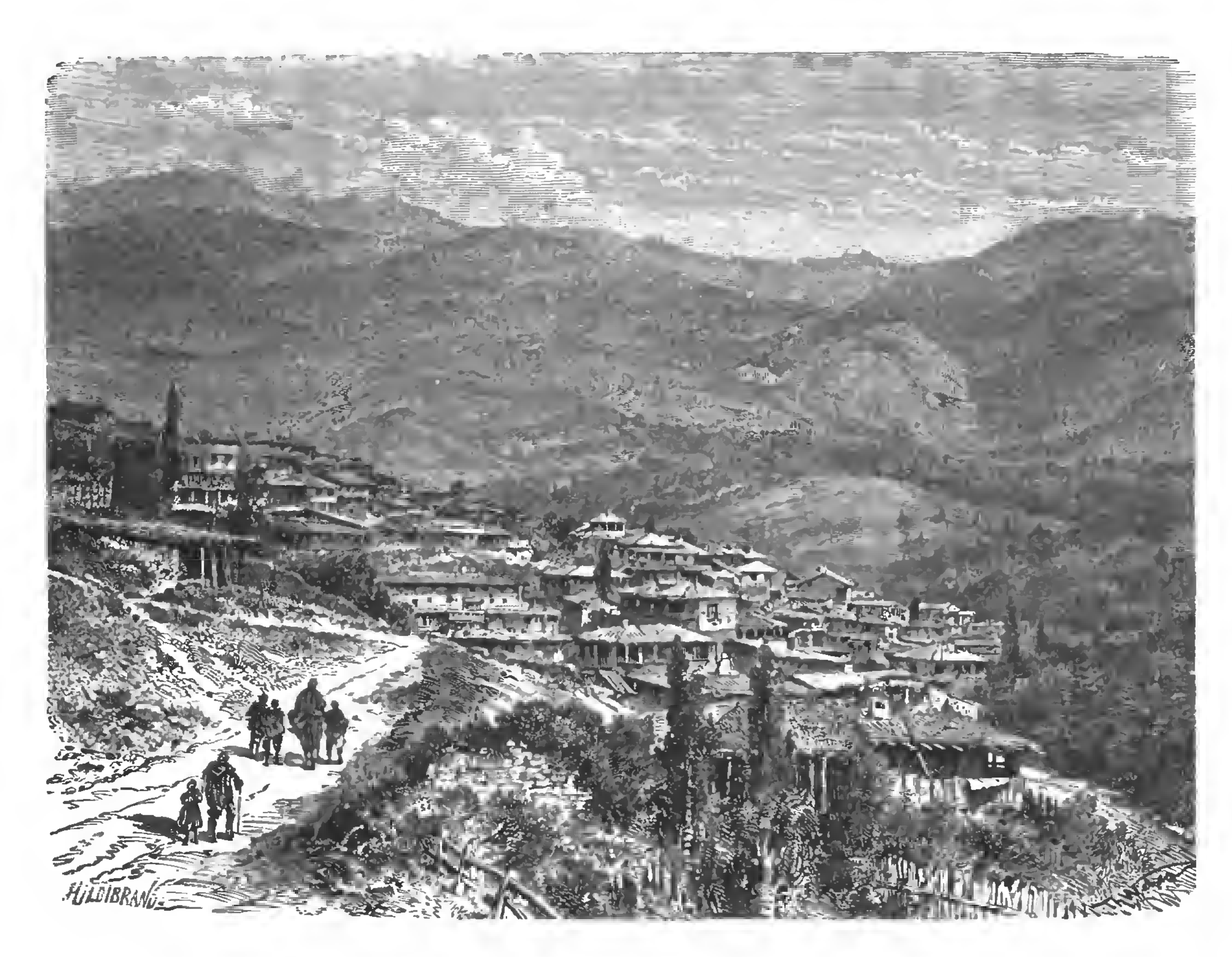
Малыгинъ вошелъ въ горницу, видитъ—Люба лежитъ какъ была, въ своемъ кафтанѣ съ закутанной платкомъ головою, лежитъ не шевелится.

Съ почти остановившимся отъ страха сердцемъ подошелъ къ ней хозяинъ.

„А вдругъ отдала Богу душу, что тогда?“.

Наклонился надъ нею, нѣтъ—жива, жива! такъ мѣрно, сладко дышетъ, на щекахъ яркій румянецъ. Спитъ красавица и во снѣ улыбается.

„Слава тебѣ Господи! отошло отъ сердца“. Малыгинъ тихонько склонился надъ Любой и долго не рѣшался разбудить ее, долго любовался ея красотою. Вотъ онъ нагнулся еще ближе, прислушался, оглядѣлся во всѣ стороны, будто боясь, что кто нибудь за



Видъ татарской деревни Дереной близь Ялты. Рис. Т. Веберъ, грав. Гильдебрандтъ.



Народы Россіи: Лифляндскіе крестьяне. Рис. Фламанъ, грав. Паннемакеръ.

нимъ подсматриваетъ, и быстро коснулся щеки Любы своими горячими губами.

Родимицей она прозывается, — баба шустрая, разумная, вашего поля ягода, я ее не первый годъ знаю—ну



Общій видъ г. Кременчуга. Рис. Веберъ, грав. Каво.

Ея мѣрное дыханіе перервалось на мгновеніе, она шевельнула рукою.

— Вставай, государыня Любушка, вставай, громкимъ, счастливымъ голосомъ заговорилъ Малыгинъ, беря ее за руку.

Она очнулась, улыбнулась ему со сна ласковой и нѣжной улыбкой и поднялась на ноги.

— Ахъ! прости ты меня, Николай Степановичъ, садившись сказала она, —вотъ какъ уснула; ничего не слыхала, видно устала дорогою.

— Это хорошо—съ дороги поспать всегда нужно, говорилъ какимъ-то растеряннымъ голосомъ хозяинъ. Ты то вотъ прости меня—оставилъ я тебя одну, чай ты проголодалась? Да видитъ Богъ, спѣшилъ я, только раньше никакъ не могъ вернуться. По твоему дѣлу былъ: все устроилъ.

— Какъ? что? что устроилъ? встрепенулась Люба. Говори, Христа ради, не томи ты меня, Николай Степановичъ!

— А то устроилъ, что былъ во дворѣ царскомъ, видѣлся съ постельницей царевны, Өеодорой,—



Народы Россіи: Курляндскіе крестьяне. Рис. Фукье, грав. Шапюпо.

такъ вотъ разсказалъ ей все про тебя. Она съ радостью взялась за твое дѣло и обѣщалась нынче побывать, повидаться съ тобой. Да чай, теперь скоро и будетъ.

Люба такъ обрадовалась этой вѣсти, что даже не чувствовала голода, хоть съ утра ничего не ѣла. Какъ ни угощалъ ее добрый хозяинъ разными яствами—отъ всего она отказывалась, только нетерпѣливо ходила изъ угла въ уголъ, да спрашивала, скоро-ли придетъ та постельница.

— Скоро, скоро, съ улыбкою отвѣчалъ Малыгинъ, не спуская глазъ со своего нежданнаго гостя.

День этотъ задался для Любы счастливый: — не успѣла она вдоволь намучиться ожиданіемъ, какъ раздался стукъ въ наружную дверь домика Малыгина и черезъ нѣсколько мгновеній, передъ смущенной и взволнованной Любой, явилась таинственная, такъ страстно ожидаемая Родимица.

Родимица была молодая вдова лѣтъ двадцати трехъ не больше, красивая и стройная, съ про-

долговатыми черными глазами и смуглымъ лицомъ, черты и выраженіе котораго сразу указывали на ея южное происхожденіе: она была украинской козачкой.

Громко смѣясь и показывая два ряда своихъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ, Родимица подошла къ Любѣ, поклонилась ей, потомъ поцѣловала ее въ обѣ щеки.

— Ахъ ты мое дитятко, смѣясь, говорила она, дай-ко посмотрѣть на тебя. Ишь ты, и впрямь красавица, не обманулъ Никола, а я, признаюсь, ему не повѣрила было—думала съ пьяна болтаетъ. И какъ это тебя, гарная дивчина, на такое дѣло диковинное стало, разскажи-ко мнѣ сама, все по ряду, а то Никола-то болталъ много, да може и отъ себя выдумалъ... Хочу тебя слышать, чтобъ такъ, съ твоихъ словъ, и передать все государынѣ царевнѣ...

Люба принялась разсказывать свою исторію. И говорила она на этотъ разъ съ радостью и восторгомъ, а Родимица ее внимательно слушала, сверкая своими черными глазами и только иногда перебивая Любу.

— Ахъ, бисъ ихъ дядька, какіе злющіе! повторяла она, слушая о притѣсненіяхъ, испытанныхъ Любою.

— Добре! добре, Любуша! вотъ такъ люблю, хорошо ты отдѣлала злющую бабу, жаль—мало волосъ у ней выдрала! Ишь ты, холопка, бить тебя вздумала, право жаль, мало ты ее отдѣлала. Ужь я бы на твоемъ мѣстѣ себя не пожалѣла, а расписала бы ей образину на память. Ну да что тутъ толковать—Богу благодареніе, все теперь кончилось! Пускай они хоть какую погоню за тобой посылаютъ, мы тебя не выдадимъ, а если что, такъ имъ достанется—этимъ Перхуловымъ. До Царя пойдемъ, ему принесемъ челобитную—такъ твои злодѣи будутъ въ большомъ отвѣтѣ—царь нашъ батюшка, Өедоръ Алексѣевичъ, милостивъ да жалостливъ, зла такого не потерпитъ.

— А Богъ съ ними! Богъ съ ними! тихо отвѣтила Люба,—я имъ ничего дурнаго не желаю: не жаловаться пришла на нихъ, пусть себѣ живутъ какъ хотятъ, только бы мнѣ къ нимъ не вернуться, только бы мнѣ теперь увидѣть ясныя очи царевны.

—Увидишь, увидишь! отвѣтила Родимица. Вотъ и сейчасъ бы взяла тебя съ собою, да только нѣтъ—нынче нельзя этого сдѣлать, нынче весь вечеръ у насъ комедійное дѣйство и царевна моя тамъ. А вернется поздно въ свой теремъ и прямо въ постелю. Взяла бы тебя переночевать я къ себѣ въ горницу, да и то не ладно—начнутся разспросы:—что такое? зачѣмъ? откуда? Пойдутъ языки чесать, а я этого страхъ не люблю, да и доложатъ какъ нибудь не такъ царевнѣ, дѣло-то намъ и попортятъ. Ужь лучше ты, моя ясочка, останься здѣсь у Николы, онъ парень добрый, смирный, авось тебя не забидитъ, да и голову свою пожалѣть долженъ тоже. А я завтра утромъ, какъ проснется царевна, сейчасъ же обо всемъ доложу ей, и коли она что прикажетъ, такъ и прибѣгу за тобою.

На томъ онѣ и порѣшили.

Прощаясь, Люба крѣпко обнимала Родимицу, благодарила ее какъ только умѣла, и онѣ разстались, очевидно очень понравившись другъ другу.

Люба, не смущаясь, помышляла о томъ, что должна остаться до завтра въ домѣ Малыгина. Хотя она ничуть не меньше прежняго рвалась къ Царь-дѣвицѣ, но все же ей жалко было подумать о томъ, что придется разстаться съ Николаемъ Степановичемъ, не видѣть его, не слышать его голоса! О томъ же, что неприлично ей, дѣвицѣ, проводить ночь въ домѣ одинокаго и молодого мужчины, она не думала. Она хорошо понимала, что если теперь ей думать о томъ, что пристало ей и что не пристало, о томъ, что позволено и что зазорно дѣвушкѣ ея лѣтъ, такъ давно она всѣми своими поступками, своимъ бѣгствомъ, переодѣваньемъ, путешествіемъ въ стрѣлецкомъ обозѣ заслужила себѣ позоръ и такой срамъ, котораго во всю жизнь не изъбудешь. Да, позоръ и срамъ, за который прокляла бы ее мать, еслибъ была въ живыхъ.

Но вотъ вѣдь ей не душно и не тошно отъ этого позора, не стыдно въ глаза смотрѣть добрымъ людямъ, а напротивъ, всѣмъ въ глаза смотрѣть хочется, хочется всѣмъ броситься на шею и разсказать о томъ, какъ она счастлива, какъ широко, привольно, жутко и сладко на душѣ у нея, какъ будто она только теперь, только сейчасъ вышла на свѣтъ Божій изъ душнаго, смраднаго подземелья. Такъ пусть же ее Господь Богъ судитъ за этотъ срамъ и позоръ! Авось онъ не осудитъ и помилуетъ!

Николай Степановичъ крѣпко на крѣпко заперъ свой домикъ, не впускалъ въ него не разъ стучавшихся посѣтителей и до поздняго вечера толковалъ со своей гостьей, отвѣчалъ охотно и радостно на всѣ ея вопросы. А вопросовъ у нея было много—обо всемъ то она знать хотѣла: какъ здѣсь живутъ и что дѣлаютъ.

На ночь онъ предоставилъ ей свою спальню, въ которой она могла замкнуться, а самъ ушелъ въ дальній маленькій покойчикъ.

## X.

На слѣдующее утро, едва Люба успѣла умыться и Богу помолиться, едва разговѣлась она съ Николаемъ Степановичемъ чѣмъ Богъ послалъ и выкушала горячаго сбитню, какъ явилась бойкая Родимица и явилась то она еще радостнѣе, еще веселѣе чѣмъ вчера.

— Собирайся, Любуша, собирайся! съ перваго слова заговорила она,—выгорѣло твое дѣло: царевна ждетъ тебя не дождется. Я еще вчера вечеромъ, какъ вернулась она съ комедійнаго дѣйства, разсказала ей твою исторію, такъ ужь бранила она меня, бранила за то, что не взяла я тебя съ собою. Хотѣла даже обратно посылать меня!.. Едва я отговорилась, что больно поздно и караульные не пропустятъ. А теперь проснулась она, матушка,—и сейчасъ же за тобою!

Люба вся вспыхнула отъ радости.

— Что-жь, я сейчасъ! Я готова, заторопилась она и вдругъ примолкла.

— Да какъ же я пойду такъ? въ этомъ кафтанѣ?

— Эхъ, и я то тоже хороша! всплеснула руками Родимица, не догадалась, не захватила съ собою тебѣ одежи. Ну да ничего, парнемъ пошла ты до царевны, парнемъ и приходи къ ней, и такъ проведу! Такъ то почитай что и лучше—царевна по разсказу моему и представляетъ себѣ тебя хлопчикомъ, а вдругъ увидѣла бы дѣвушку... Нѣтъ—такъ лучше! Идемъ. Простись вотъ съ Николой-то.

Николай Степановичъ стоялъ тутъ же, опустивъ руки, и лицо у него показалось Любѣ такое скучное. У нея, у самой, при послѣднихъ словахъ Родимицы, упало сердце.

Она робко и вся вспыхнувъ подошла къ Малыгину, низко поклонилась ему.

— Прости, Николай Степановичъ,—сказала она дрогнувшимъ голосомъ,—прости, Богъ дастъ скоро свидимся, а я до гроба буду молиться за тебя, не забуду во вѣкъ твоей доброты и ласки.

И она опять поклонилась. Ей хотѣлось бы еще многое сказать ему, ей хотѣлось бы сказать, что онъ первый человѣкъ, который и говорилъ съ ней, и смотрѣлъ на нее, и относился къ ней по-человѣчески и что она перваго его полюбила всѣмъ сердцемъ своимъ. Ей хотѣлось бы безъ словъ передать ему то новое и отрадное чувство, которое родилось въ ней съ первой минуты ихъ встрѣчи и которое она сама еще не могла уяснить себѣ.

Но въ присутствіи Родимицы ей невозможно было произнести ни одного слова больше, потому что все, что она хотѣла сказать ему, все, что она хотѣла дать понять ему, было такъ высоко и свято, что высказать

это только можно было безъ свидѣтелей, передъ однимъ лишь Богомъ.

— Прощай! тихо выговорилъ ей въ отвѣтъ Малыгинъ. Благодарить тебѣ меня не за что — кто-жь бы я былъ, еслибъ тебя обидѣлъ? А что переночевать-то тебѣ далъ у себя, такъ вѣдь вонъ и Лукьянъ медвѣдковскій, и старикъ Еремѣй тоже сдѣлали, не объѣла ты меня, не обездолила. Объ одномъ буду просить я тебя, государыня Любушка, ужь позволь ты мнѣ хоть изрѣдка видѣть очи твои ясныя, не прогони ты меня, коли зайду освѣдомиться о твоемъ здравіи.

— Да ужь ладно, ладно,—вмѣсто Любы отвѣтила Родимица,—не расписывай, Никола—знаемъ, теперь ты зачастишь къ намъ, ну такъ что-жь, мы тебѣ рады—вѣдь такъ, Люба, не будемъ гнать его?

Люба только опустила свои длинныя рѣсницы и ничего не промолвила—у нея вдругъ во рту пересохло, языкъ не слушался, а сердце такъ и стучало.

Родимица лукаво взглянула на Малыгина, потомъ на Любу, сдѣлала имъ какой-то неуловимый знакъ, отъ котораго они оба зардѣлись, и стала надѣвать свою шубку.

— Ну, съ Богомъ! мигомъ докатимъ. Царевна для меня саночки запречь приказала.

Еще разъ, сама не замѣчая того, долгимъ и ласковымъ взглядомъ глянула Люба на Николая Степановича и послѣдовала за Родимицей.

Расписныя, красивыя пошевни дожидались ихъ у воротъ. Онѣ усѣлись въ нихъ, ямщикъ гаркнулъ, и пара бойкихъ лошадей понесла ихъ по ухабамъ улицъ.

На дворѣ стояла весенняя оттепель, снѣгъ почернѣлъ совсѣмъ, быстро таялъ, кое-гдѣ образовались глубокія лужи. Сапки то и дѣло подбрасывало, Родимицу и Любу обдавало грязной водою, но Люба ничего не замѣчала, ничего не видѣла. Она боялась даже думать о томъ, что ее ожидаетъ—отъ этого ожиданія у нея голова кружилась.

Сани все мчались. Стрѣлецкая слобода осталась далеко позади.

Вотъ въѣхали въ одну изъ самыхъ людныхъ частей города. Ямщикъ постоянно заворачиваетъ то направо, то налѣво по переулкамъ и закоулкамъ; то приходится взбираться на горку, то спускаться въ ложбинку. По обѣимъ сторонамъ улицы низкія, почернѣвшія строенія идутъ въ перемежку съ боярскими хоромами, красующимися затѣйливой рѣзьбою. Вокругъ хоромъ сады; чуть не на каждомъ перекресткѣ церкви, и деревянныя, и каменныя; народу на улицахъ видимо не видимо; давка, гамъ и гвалтъ, какъ на базарѣ. Вотъ слышится перекрестная брань, вотъ драка; подъ самыхъ лошадей подкатываются дерущіеся, ничего не видя, нанося другъ другу удары. Ямщикъ хлещетъ на право и на лѣво пѣшеходовъ, они провожаютъ его бранью.

Эти крики, шумъ, пестрая толпа пробуждаютъ Любу изъ ея оцѣпенѣнія, она съ изумленіемъ всматривается и вслушивается.

„Что это такое? какая безтолочь, какой безпорядокъ! Ну какъ тутъ, думается ей, быть одной женщинѣ? Невредимой и необиженной до дому не добраться.

Совсѣмъ не такою представлялась ей московская жизнь въ былыхъ грезахъ.

Проѣхали еще нѣсколько улицъ,—и передъ Любой Кремлевскія ворота. Въ Кремлѣ народу меньше, и замѣчается больше порядка.

Люба глядитъ съ изумленіемъ на чудныя постройки, на величественные храмы.

— Что, хорошъ нашъ Кремль? спрашиваетъ ее Родимица.

— Ахъ, ужь такъ хорошъ, такъ хорошъ, что и словъ нѣтъ! отвѣчаетъ Люба. Что-жь, далеко еще до терема царевны?

— А вотъ погоди, мы сейчасъ остановимся—изъ санокъ то нужно вылѣзть да пѣшкомъ идти, чтобъ насъ не очень замѣтили. Пока еще что, такъ втихомолку то лучше. Остановись-ка, Саввушка, обратилась Родимица къ ямщику.

Тотъ осадилъ лошадей, и онѣ вышли изъ санокъ.

— Погоди, постой, Любуша, ишь вѣдь ростепель, грязь-то какая стала! Думала, намъ кругомъ пройти, да нѣтъ—по колѣно увязнешь, придется черезъ царскій дворъ. Ну что-жь—не бѣда—и тамъ проскользнемъ,—говорила Родимица, глядя собѣ подъ ноги и выбирая, гдѣ снѣгъ покрѣпче, гдѣ лучше пройти можно.

Люба шла за ней слѣдомъ. Скоро онѣ вошли въ калитку большихъ каменныхъ воротъ и очутились передъ дворцомъ. Люба стала было оглядывать зданіе, но Родимица шепнула ей:

— Ты не больно глазѣй-то,—успѣешь наглядѣться. А вотъ пробирайся сторонкой у стѣнки, чтобъ тебя не замѣтили, не то какъ разъ каша заварится: кому еще на глаза попадешься!

И онѣ дѣйствительно стали пробираться по стѣнкѣ. Чѣмъ ближе къ дворцовому крыльцу, тѣмъ народу становилось больше и больше. Царскій дворъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ представлялъ такую же картину, какъ и сто лѣтъ до того; здѣсь вѣчно толпилось до двухъ тысячъ разнаго люда, изъ котораго большинство такъ и назывались площадными, т. е. имѣвшими право пребывать на царскомъ дворѣ. Были тутъ и жильцы, дворянскіе, дьячьи и подъяческія дѣти—всѣ тѣ, кто не имѣлъ права входить въ переднюю, или кто шелъ въ нее, да останавливался на дорогѣ покалякать.

Съ изумленіемъ замѣтила Люба, что здѣсь, на царскомъ дворѣ, опять нѣтъ тишины и порядка, точь въ точь какъ на улицахъ: крикъ и гамъ страшные; никто, очевидно, не стѣсняется.

Вотъ сошлись два пожилыхъ человѣка, взглянули другъ на друга и оба остановились. Ихъ до того времени спокойныя и степенныя лица мгновенно исказились злобнымъ чувствомъ. Еще мгновеніе и одинъ изъ нихъ показалъ кулакъ другому.

— А! такъ ты на меня ябеду! проговорилъ онъ, или, вѣрнѣе, прошипѣлъ,—что-жь—хорошо! Пущай. Только смотри ты, Егорка, какъ бы та ябеда тебѣ же въ шею не вцѣпилась! Тяжбу то заварить не трудъ какой, а вотъ какъ ты ее расхлебаешь. Ты думаешь, на тебя ужь ни суда, ни расправы нѣту? анъ я и самъ то зубастъ, еще не дамся!..

— Да чего ты, чего ты ко мнѣ придираешься? отвѣчалъ такимъ же шипящимъ голосомъ соперникъ.—Чего мнѣ кулакъ-то свой поганый кажешь. У меня, братъ, у самого два кулака, оба на тебя годятся.

И при этомъ поднимаются два кулака, чуть не къ самому лицу противника. Тотъ не можетъ этого вытерпѣть.

— А, такъ ты драться!

— Я то не дерусь, это ты задираешь!

— А! такъ ты драться!

И между соперниками завязывается драка. Они исправно колотятъ другъ друга, колотятъ до тѣхъ поръ, пока находятъ это пріятнымъ. И никто ихъ не разнимаетъ. Напротивъ, десятка два такихъ же почтенныхъ и солидныхъ съ виду особъ, какъ и они, окружаютъ ихъ, смотрятъ съ очевиднымъ удовольствіемъ и даже подзадориваютъ дерущихся своими замѣчаніями.

— Вотъ такъ! вотъ такъ, подъ микитку! вотъ такъ, братъ, ладно! Ну да! Смотри, братъ Иванъ Петровичъ, какъ бы объ одномъ глазу съ царскаго двора не выйти!

А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой сцены происходитъ другая встрѣча противниковъ. Тамъ сразу даже и невозможно понять, въ чемъ заключается причина ссоры и обоюдной ненависти. Очевидно просто одинъ, можетъ безъ всякаго умысла, сказалъ нелюбезное сло-

во, другой обидѣлся, отвѣтилъ словцомъ болѣе крѣпкимъ. Языки расходились, и нѣтъ силъ ужъ удержать ихъ. Начинается обвиненіе другъ друга во всевозможныхъ мерзостяхъ: и въ воровствѣ, и въ грабительствѣ, и даже въ убійствѣ. Но и этого мало. Когда всѣ преступленія перебраны, добираются до отцовъ своихъ, матерей, братьевъ, сестеръ и прочихъ родственниковъ. Оказываются цѣлыя семейства мошенниковъ и разтьфу ты мерзость! и весь родъ то такой поганый!

Но тотъ, отецъ котораго воровалъ церковное масло и свѣчи, не могъ вынести этихъ послѣднихъ словъ и кинулся на своего обидчика.

Обидчикъ, человѣкъ на языкъ острый и смѣлый, какъ дошло дѣло до кулачной потасовки, оказался не изъ храбрыхъ и пустился на утекъ. Тотъ за нимъ; пошла гоньба по двору. Обвинитель изворачивался и




**Выставка Акклиматизаціи въ Москвѣ.** По наброску Алексѣева, рис. Н Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

бойниковъ, что весь родъ, и дѣдъ, и прадѣдъ таковы ужъ.

— Да вѣдь извѣстно,—кричитъ одинъ,—твой отецъ, какъ въ Никольскомъ-то приходѣ старостой церковнымъ былъ, такъ вся Москва про то вѣдаетъ, что изъ лампадъ масло воровалъ, отъ святыхъ иконъ свѣчки пряталъ, перетапливалъ воскъ да продавалъ. Въ церкви-то темень стояла даже по большимъ праздникамъ, вправо, и влѣво; обвиняемый былъ тученъ—не могъ поймать своего врага и вотъ съ досады поднялъ валявшійся въ снѣгу большой осколокъ кирпича, намѣтился и хватилъ имъ въ убѣгавшаго, попалъ ему въ голову, тотъ заоралъ благимъ матомъ, кровь показалась... Только, увидя, что дѣло приняло серьезный оборотъ и что рана можетъ быть и опасной, присутствовавшіе рѣшились выйти изъ бездѣйствія.



Леопарды напавшіе на Антилопу (Агаза). Рис. Ф. Шпехтъ, грав. Рихтеръ.

Но Люба уже не видѣла окончанія этой безобразной сцены. Родимица толкнула ее въ какую-то маленькую калитку, и онѣ очутились въ длинной деревянной галлерейкѣ.

„Что-жь это такое? думала Люба,—вотъ какія дѣла на свѣтѣ творятся. И въ Кремлѣ, во дворѣ царскомъ, почитай тоже самое, что въ Медвѣдковѣ. И что мнѣ за напасть такая, попадать на всякіе ужасы!“

— Неужели у васъ часто такое бываетъ? спросила она Родимицу.

— Это ты про что? про брань да драку-то? Да чуть не каждый день грызутся, такая ужь у нихъ повадка. Это все старики здѣшніе; говорятъ, прежде и не то еще бывало. Нѣтъ, молодые-то не въ примѣръ лучше, степеннѣе... Ну вотъ сейчасъ и царевнинъ теремъ, докончила Родимица,—чай ждетъ она насъ, не дождется. Меня бранить станетъ, что долго—ужь она всегда такъ, огонь да и только...

Люба съ Родимицей поднялась по лѣсенкѣ, вошла въ сѣни. Еще одна лѣсенка, еще крытая галлерейка и вотъ свѣтлый и теплый нарядный покойчикъ. Тутъ взадъ и впередъ шмыгаетъ не мало разныхъ женщинъ, видны хозяйскія хлопоты.

— Ѳедорушка, ты откуда? что за парнишка съ тобою? спрашивали Родимицу молодыя дѣвушки, заглядывая въ лицо Любѣ. Попадавшіяся старухи тоже спрашивали, но уже другимъ тономъ.

— Эй, Ѳедора, съ кѣмъ ты тутъ шляешься? кого еще притащила? ишь срамъ то съ вами, срамъ-то!

„Ну и тутъ тоже самое, что у насъ въ Суздалѣ“ подумала Люба. Но вдругъ она остановилась въ недоумѣніи, широко раскрыла глаза—къ ней на встрѣчу по полу катилось что то необычайно странное, живая человѣческая фигура въ аршинъ съ небольшимъ величиною. Люба вглядѣлась и невольно вскрикнула. У катившейся фигуры было страшное черное лицо, всклокоченные волосы, огромный ротъ съ толстыми красными губами; осклабляясь, она показывала бѣлые зубы.

— Съ нами крестная сила! шепнула Люба. Матушка Ѳедорушка, что это такое? что это за страсти у васъ такія?

— Ахъ ты глупенькая, Любушка, засмѣялась Родимица, изъ-за тридевяти земель въ мужскомъ платьѣ по большой дорогѣ прибѣжала къ намъ—не испугалась, а вотъ карлицы нашей, арапки, испугалась. Небось не съѣстъ, да и гдѣ тебя съѣсть—вишь ты большая какая, а она едва отъ земли видна; да и не зла она вовсе; иной разъ презабавная бываетъ.

— Что-жь, это порода такая? продолжала шопотомъ спрашивать Люба, косясь на карлицу. Господи, не ужьто народъ такой есть?

— Да, народъ такой, и много ихъ, говорятъ, отвѣтила Родимица, и живутъ они въ черной Арапіи. Да это что! у ней, у нашей арапки-то, все же голова одна, а то вонъ есть, мнѣ вѣрный человѣкъ сказывалъ, люди о двухъ головахъ да съ хвостами, такъ и тѣ тоже Божія творенья, а на бѣсы.

„Ахъ, сколько на свѣтѣ разныхъ дивъ и ужасовъ, подумала Люба, и ничего то я не знала, ничего не видала. Да и слава те Господи, тутъ же рѣшила она, кабы знала про все, такъ пожалуй изъ Суздаля убѣжать не рѣшилась бы, а и побѣжала бы, такъ въ первую же ночь на дорогѣ со страху померла бы.“

(Продолженіе будетъ).

# Къ рисункамъ.

## Лифляндцы и Курляндцы.

Рисунки къ этой статьѣ представляютъ типы жителей той части русскаго Балтійскаго поморья, которая въ настоящее время извѣстна подъ именемъ Лифляндской и Курляндской губерній.

Въ настоящее время обѣ губерніи, какъ Лифляндская, такъ и Курляндская заселены по большей части Латышами, племенами славянскаго происхожденія. Латыши, освобожденные въ 1817 году Императоромъ Александромъ I отъ крѣпостной зависимости, не были при этомъ надѣлены землею, которая осталась въ рукахъ помѣщиковъ, по большей части потомковъ рыцарей ордена Меченосцевъ. Латыши народъ трудолюбивый, занимаются хлѣбопашествомъ, овцеводствомъ и рыбными промыслами. Одѣваются они въ длинные сюртуки темнаго цвѣта, покроемъ рѣзко отличающіеся отъ одсжды нашихъ крестьянъ; обувь ихъ напоминаетъ сандаліи. Она состоитъ изъ однихъ только подошвъ имѣющихъ по краямъ дырочки, куда продергивается бичевка, служащая для прикрѣпленія этой оригинальной обуви къ ногѣ. Латыши большею частью лютеране, но встрѣчается между ними и много православныхъ. Собственно деревень (въ особенности въ Курляндіи) у нихъ почти и нѣтъ, а живутъ они въ отдѣльныхъ дворахъ, называемыхъ Gesinde и отстоящихъ иногда другъ отъ друга на нѣсколько верстъ; и вотъ каждое воскресенье изъ такихъ-то дворовъ тащатся они со всѣми семействами, иногда за десятки верстъ, на своихъ маленькихъ лошаденкахъ въ ближайшую церковь; пѣшеходы же совершаютъ этотъ путь босикомъ и только, входя въ церковь, одѣваютъ свои сандаліи. Полы въ своихъ комнатахъ они по праздникамъ убираютъ, посыпая ихъ мелко нарубленнымъ ельникомъ или тростникомъ и соломою, а нерѣдко и цвѣтами.

Лифляндія богата прекрасными развалинами замковъ временъ лифляндскихъ рыцарей меченосцевъ; въ этомъ отношеніи въ особенности отличается теперешній Венденскій уѣздъ, по красотѣ своего мѣстоположенія и живописности, носящій названіе Лифляндской Швейцаріи и привлекающій не малое число туристовъ. Самыми живописными мѣстами по справедливости считаются Трейденъ и Кремонъ, лежащіе въ горахъ довольно значительной высоты, на правомъ берегу стремительной горной рѣки Лифляндской Аа, и городокъ Кокенгузенъ на правомъ берегу Западной Двины. Особенную прелесть придаютъ этимъ мѣстамъ живописныя развалины древнихъ замковъ, лежащихъ по обѣ стороны роскошной долины рѣки Лифляндской Аа. Горный хребетъ, опускаясь пониже Кокенгузена, пересѣкаетъ русло Западной Двины и образуетъ у Кирхгальма пороги, представляющіе немалое затрудненіе для прохода хлѣбныхъ барокъ.

Европа узнала о существованіи Лифляндіи благодаря бременскимъ купцамъ, занесеннымъ туда бурею въ 1158 году. Богатство края, удобство устроить гавани и торговая проницательность ганзейскихъ купцовъ не замедлили вызвать болѣе частыя посѣщенія; за бременскими купцами послѣдовали любекскіе, устроившіе вскорѣ на Двинѣ факторію. Тридцать лѣтъ послѣ перваго посѣщенія Лифляндіи бременскими купцами, Августинскій монахъ Мейнгардъ, съ позволенія полоцкаго князя Владиміра, построилъ на Двинѣ монастырь и занялся обращеніемъ жителей въ христіанство. Жители неохотно принимали христіанство, вслѣдствіе чего папа воздвигъ въ 1198 году на нихъ гоненіе, не имѣвшее однакожь ожидаемаго успѣха. Тогда епископъ Альбрехтъ Буксгевденъ учредилъ въ 1201 г. съ тою же цѣлью братство рыцарей, извѣстное потомъ подъ названіемъ меченосцевъ; братство это помѣстилось въ основанномъ епископомъ Альбрехтомъ въ 1200 году городѣ Ригѣ и принялось огнемъ и мечемъ проводить христіанскій свѣтъ. Съ 1223 года братство, соединясь съ Тевтонскимъ орденомъ, значительно усилилось и овладѣло всѣмъ теперешнимъ Остзейскимъ краемъ; покушалось двигаться и далѣе, но всегда встрѣчало сильный отпоръ со стороны бдительнаго Пскова. Лифляндія сдѣлалась съ 1660 года, вмѣстѣ съ Эстляндіею, шведскою провинціею, а въ 1721 году перешла къ Россіи.

Курляндія перешла во власть Россіи въ 1795 г.

Главный городъ бывшаго герцогства Курляндіи, Митава, основанъ въ XIII вѣкѣ; въ замкѣ герцоговъ, въ которомъ теперь помѣщаются присутственныя мѣста, жилъ во время своего изгнанія французскій король Людовикъ XVIII; тамъ же находится и показывается посѣтителямъ бальзамированный трупъ знаменитаго временщика и герцога Бирона.

Физіономія Митавы рѣзко отличается отъ физіономіи главнаго города Лифляндіи, Риги, хотя оба города отстоятъ другъ отъ друга всего на 39 верстъ и населены одними и тѣми же племенами; оно и понятно: въ Ригу, благодаря ея положенію у моря, поселились преимущественно купцы, завели конторы, магазины и кладовыя; въ Митавѣ же помѣщался дворъ герцога, собирались сеймы, на которыхъ присутствовали исключительно дворяне, потомки рыцарей. Физіономія Риги ничѣмъ не отличается отъ физіономіи другихъ ганзейскихъ городовъ: тѣ-же высокіе дома съ чуть ли не вдвое болѣе высокими крышами, тѣ-же узкія, кривыя улицы, рѣдко освѣщаемыя солнцемъ, то-же обиліе конторъ, магазиновъ и кладовыхъ, то-же неугомонное движеніе по улицамъ людей и товаровъ. Въ Митавѣ же улицы, по большей части, широкія и довольно прямо проложенныя, дома не такъ высоки и видимо выстроены для помѣщенія баръ, имѣвшихъ при себѣ цѣлый штатъ самыхъ разно-

образныхъ спеціальностей прислуги. Въ Митавѣ находится гимназія, недавно праздновавшая свой столѣтній юбилей.

## Городъ Кременчугъ.

Въ 113 верстахъ, къ юго-западу отъ Полтавы на отлогомъ и песчаномъ берегу Днѣпра, красиво раскинулся городъ Кременчугъ. Время его основанія въ точности неизвѣстно; но полагаютъ, что онъ заложенъ въ 1571 году. Въ 1663 году его выжегъ до тла Гетманъ Брюховецкій, а черезъ два года послѣ этого событія онъ снова былъ занятъ русскими. По уничтоженіи Гетманства Кременчугъ сталъ сотеннымъ мѣстечкомъ миргородскаго полка и лишь въ началѣ царствованія Екатерины II былъ сдѣланъ губернскимъ городомъ созданной тогда Новороссійской губерніи. Въ 1796 году онъ обращевъ въ уѣздный и причисленъ къ Черниговской губерніи, а въ 1802 году къ Полтавской. Не смотря на свое слишкомъ трехсотлѣтнее существованіе, Кременчугъ не обладаетъ остатками старины. Лишь въ памяти старожиловъ сохранилось воспоминаніе о слѣдахъ крѣпости, построенной поляками въ XVII вѣкѣ, состоявшей изъ вала окруженнаго глубокимъ рвомъ. Что же касается до историческихъ памятниковъ позднѣйшаго времени, то они также почти исчезли. Въ городскомъ саду есть нѣсколько врѣзавшихся въ землю кирпичей свидѣтельствующихъ, что здѣсь нѣкогда былъ дворецъ князя Тавриды, Потемкина, да нѣсколько развалившихся ступеней отъ лѣстницы, построенной въ 1787 году на Днѣпрѣ для пріема Императрицы Екатерины II. Еще въ 1853 году внизу лѣстницы былъ видѣнъ камень съ надписью, что на этомъ мѣстѣ вышла на берегъ великая государыня. Замѣчательно, что тогда берегъ начинался здѣсь отъ самаго подножія лѣстницы, а теперь онъ отстоитъ отъ этого мѣста болѣе чѣмъ на 80 саженъ.

Городскія постройки также не отличаются особенною древностью. Такъ Успенскій соборъ о пяти главахъ, построенъ въ 1813 году, а церковь Спаса Преображенія византійскаго стиля въ 1801. Оба эти храма выстроены изъ обожженнаго кирпича какъ и большая часть каменныхъ зданій города.

Положеніе Кременчуга чрезвычайно выгодно и удобно въ торговомъ отношеніи. Съ открытіемъ навигаціи все здѣшнее побережье Днѣпра запружается судами самыхъ разнообразныхъ типовъ, начиная съ нашихъ допотопной конструкціи барокъ и кончая красивыми берлинками, приходящими сюда отъ Кенигсберга. Положеніе города при быстрой и многоводной рѣкѣ подвергало его не рѣдко всѣмъ бѣдствіямъ наводненія. Самыя большія наводненія были въ Кременчугѣ въ 1820, 1844, 1845 и 1850 годахъ. По словамъ очевидцевъ, Кременчугъ въ это злосчастное для него время совершенно затоплялся водою; лишь немногіе дома торчали тамъ и сямъ среди волнъ и казались маленькими островками. Вода достигала до высоты трехъ саженъ и спадала весьма медленно, такъ что городъ не ранѣе мѣсяца могъ принять свой прежній видъ. Нынѣ Кременчугъ значительно обезпеченъ отъ наводненія устройствомъ плотинъ.

Прибрежный видъ Кременчуга и присоединеннаго къ нему въ 1796 году посада Крюкова представляетъ безконечную песчаную равнину, на которой не замѣчается другой растительности кромѣ тощей вербы; но чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ мѣстность болѣе и болѣе оживляется, повсюду уже видна зелень, а въ городѣ и посадѣ встрѣчаются уже прекрасные, густые сады, такъ что внѣшность города значительно ими украшенная производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Лучшіе дома находятся на улицѣ Екатеринославской и Херсонской. Кромѣ городской думы, построенной по образцу старинныхъ германскихъ ратушъ съ тяжелыми кирпичными колоннами съ широкими между ними выступами и крутою лѣстницей, еще замѣчательны по постройкѣ многія другія зданія, какъ, напримѣръ, штаба инспектора резервной кавалеріи, телеграфной конторы, госпиталя и нѣкоторые дома частныхъ владѣльцевъ.

Жителей въ городѣ теперь до 28,000; это населеніе состоитъ преимущественно изъ рабочаго ремесленнаго и купеческаго сословія. Евреевъ считается здѣсь до 1,800 душъ и въ городѣ находится 14 ихъ хедеровъ или училищъ и одна обширная синагога. Евреи продолжаютъ сильно эксплоатировать не только Кременчугъ, но и весь малороссійскій край и являются главными представителями мѣстнаго купечества. **Н.**

## Выставка акклиматизаціи въ Москвѣ.

Недавно въ Московскомъ зоологическомъ саду происходило открытіе акклиматизаціонной выставки, устроенной обществомъ акклиматизаціи по иниціативѣ проф. А. П. Богданова. Обширный садъ обращенъ въ паркъ, среди котораго раскиданы изящные выставочные павильоны. Всѣхъ отдѣловъ на выставкѣ шесть. Отдѣлъ шелководства (1), расположившійся при самомъ входѣ въ садъ, является однимъ изъ интересныхъ. Полнота коллекцій и научная ихъ группировка показываютъ успѣхи этого дѣла въ Россіи. Посѣтитель видитъ выкормочныя многоэтажныя этажерки, на которыхъ копошатся миріады шелковичныхъ червей, питаясь шелковицей. Далѣе, достигшіе полнаго развитія черви окутываются паутиной и образуютъ коконы, которые собираются, обливаются горячей водой для умерщвленія находящихся въ нихъ червей и разматываются на особаго рода станкахъ. Все это совершается передъ глазами посѣтителя. Въ другой комнатѣ научныя коллекціи по естественной исторіи шелкопряда, модели шелкоразмотныхъ станковъ разныхъ системъ, коллекціи шелку и шелковыхъ издѣлій и т. п. Изъ шелковыхъ издѣлій особеннаго вниманія заслуживаютъ портреты царской фамиліи, вытканные изъ шелку крестьяниномъ Корочкинымъ. Сходство и изящность отдѣлки удивительныя. Отдѣлъ птицеводства занимаетъ два павильона. Въ первомъ (3) помѣщены коллекціи чучелъ, затѣмъ клѣтки, искусственныя гнѣзда, коллекціи яицъ и тому подобные предметы, употребляемые въ птицеводствѣ и при занятіяхъ орнитологіей. Другой павильонъ—колоссальная клѣтка, съ отдѣленіями наполненными домашними птицами. За симъ—отдѣлъ акваріумовъ и терраріумовъ (4). Каждый акваріумъ или терраріумъ заключаетъ въ себѣ животныхъ одного вида, въ соотвѣтствующей обстановкѣ. Кромѣ интереса научнаго, нѣкоторыя выставленныя животныя замѣчательны и по своей рѣдкости, какъ, напримѣръ, молодые крокодилы, тарантулы, мексиканскія черепахи и т. п. Изъ водяныхъ растеній обращаетъ на себя вниманіе *Росянка* (Drosera), насѣкомоядное растеніе. Въ этомъ же отдѣлѣ выставлены и обширныя коллекціи насѣкомыхъ. Отдѣлъ садоводства (2) не представляетъ собою отдѣльнаго цѣлаго, а раскиданъ по всему саду и служитъ его украшеніемъ. На каждомъ шагу встрѣчаются клумбы и отдѣльныя группы какъ цвѣтущихъ, такъ и экзотическихъ растеній. Самыми выдающимися являются: группа жирнолистныхъ растеній (с) Петровской Академіи, обширная коллекція (128 экземпляровъ) пестролистныхъ пеларгоній (скарлетъ) и экзотическія растенія (д). Кромѣ того много растеній другихъ экспонентовъ и весьма большое количество всевозможныхъ садовыхъ украшеній, какъ, напримѣръ, садовыхъ вазъ, статуетокъ, рѣшетокъ и т. п. Отдѣлъ рисунковъ изъ жизни животныхъ не богатъ; главнѣйшими экспонентами явились: Строгоновское училище рисованія съ работами учениковъ и фотографъ Диго съ снимками наиболѣе извѣстныхъ лошадей и рогатаго скота. Кромѣ того г-жа Шандоринская (скульпторша), выставила слѣпки верблюдовъ и гну. Меньше другихъ—отдѣлъ пчеловодства. Въ немъ всего, кажется, два или три экспонента. Эта бѣдность особенно поражаетъ въ виду того, что въ окрестностяхъ Москвы очень много обширныхъ пасѣкъ. **В. А—въ.**

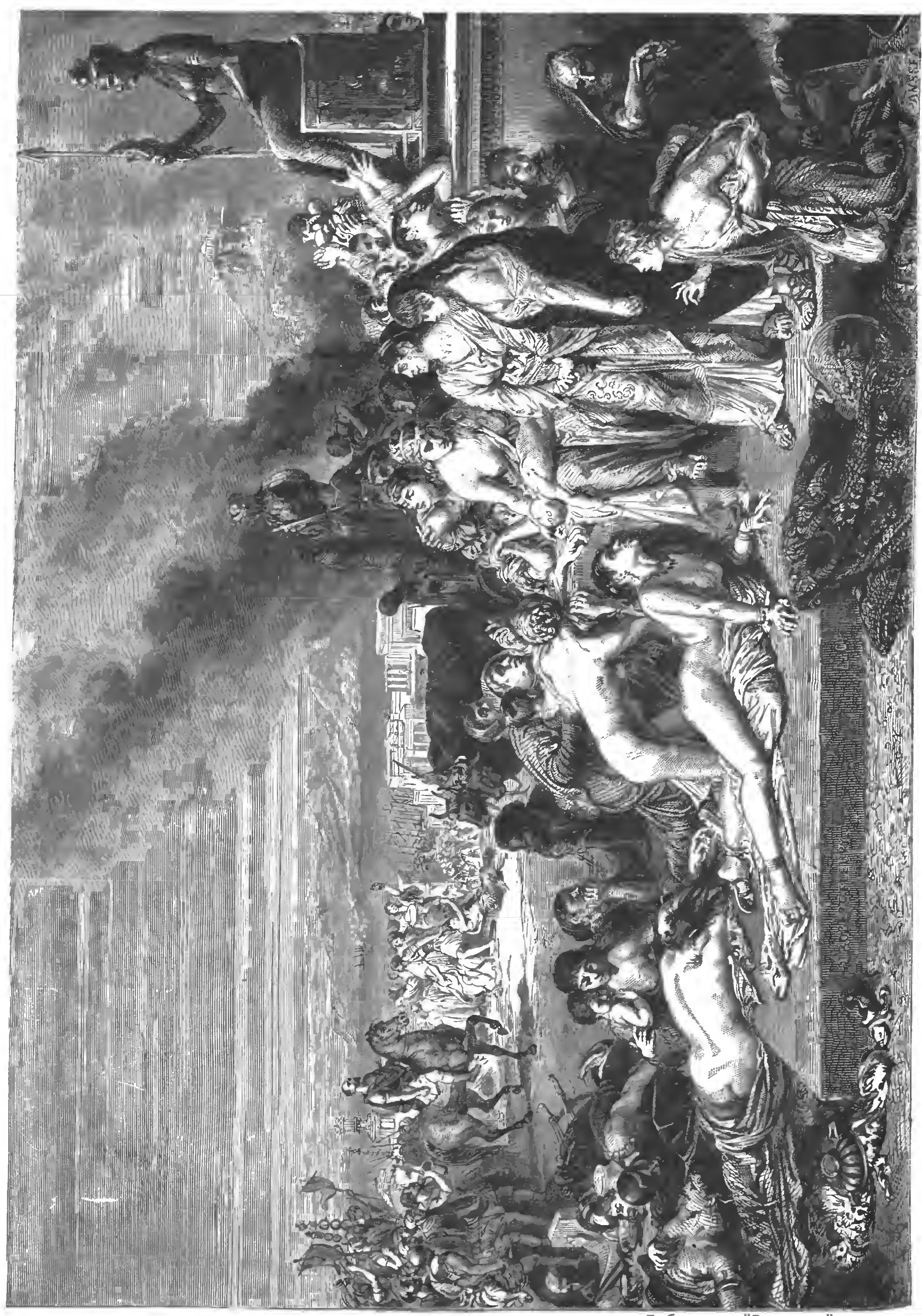
## Леопардъ и Антилопа.

Художественное произведеніе Шпехта, передаваемое рисункомъ, помѣщеннымъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы" и изображающимъ леопардовъ напавшихъ на антилопу, даетъ намъ случай разсказать здѣсь о жизни и нравахъ этихъ животныхъ, такъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга хотя и принадлежащихъ къ одному и тому же классу млекопитающихъ. Скажемъ здѣсь предварительно нѣсколько словъ объ общихъ свойствахъ млекопитающихъ.

Всѣ млекопитающія теплокровныя животныя, покрыты волосами; родятъ живыхъ дѣтенышей, которыхъ вскармливаютъ выдѣленіемъ млечныхъ железъ. Наружныя формы млекопитающихъ въ высшей степени разнообразны, такъ какъ иныя изъ млекопитающихъ живутъ въ водѣ, (напр. китовыя), другія на землѣ, напр. кошки, собаки и т. д., третія летаютъ въ воздухѣ напр. летучая мышь. Смотря по разнообразію формы, измѣняется и форма скелета, хотя у всѣхъ виденъ одинъ общій планъ и различія обусловливаются только нѣсколько иной формой и положеніемъ тѣхъ же соотвѣтствующихъ частей.

Леопардъ собственно относится къ порядку хищныхъ, семейству кошачьихъ (Felidae). Хищные отличаются значительной величиной тѣла, настоящими плотоядными зубами, быстрыми вѣрными движеніями и значительными умственными способностями. Зубы ихъ всѣхъ трехъ родовъ и покрыты эмалью; вверху и внизу сидятъ по 6 рѣзцовъ, по сторонамъ ихъ длинные коническіе клыки, за которыми идутъ коренные зубы, распадающіеся на коренные и плотоядные. Конечности хищныхъ кончаются 4 или 5 свободно движущимися пальцами, вооруженными сильными когтями—аппаратомъ, помогающимъ зубамъ. Большая часть хищныхъ живетъ въ моногаміи. (то есть находятся въ сожительствѣ только съ одною самкою, а не съ нѣсколькими въ одно и то же время,) признаки хищныхъ кошачьяго семейства слѣдующія:—пальцеходящія животныя, съ стройнымъ тѣломъ, округленной головой, короткимъ рыломъ съ усами, шероховатымъ языкомъ и продольнымъ, зрачкомъ большихъ свѣтящихся въ темнотѣ глазъ. Ни въ какой другой группѣ хищныхъ не выражается хищничество такъ рѣзко, какъ у кошачьихъ. Переднія ноги имѣютъ 5 пальцевъ, а заднія 4 съ вытяжными острыми когтями. При ходьбѣ послѣдній членикъ пальца приподнимается кверху, такимъ образомъ не дотрагиваясь до земли и не притупляя когтя. Большая часть хищныхъ хорошо лазятъ и прыгаютъ. Красивѣе окрашенные находятся въ жаркихъ странахъ свѣта. Живутъ по одиночкѣ или парами. Нашъ рисунокъ представляетъ леопарда (Felispardus). Онъ золотисто красноватаго цвѣта, съ черными полосами по бокамъ. Шкура его доставляетъ превосходный мѣхъ.

Говорятъ, что леопардъ менѣе кровожаденъ чѣмъ тигръ и





Улика на лицо, картина И. Бокса, грав. Смитонъ.

даже бывали примѣры прирученія леопарда. Между прочимъ, приведемъ кстати случай вскормленія леопарда собакой, бывшій въ Московскомъ зоологическомъ саду. Одинъ разъ самка леопардъ окотилась 3 дѣтенышами и отказалась ихъ кормить. Брошенные матерью, леопарды погибли, уцѣлѣлъ одинъ изъ нихъ, котораго и хотѣли было дать на вскормленіе кошкѣ, но кошка не допустила къ себѣ леопарда, не смотря ни на какіе способы. Тогда обратились къ болѣе кроткому и послушному животному—къ собакѣ. Правда, что одна изъ собакъ такъ перепугалась своего питомца, что не разбирая, кинулась въ окно, разбивъ стекла; за то другая стала кормить леопарда вмѣстѣ съ своимъ щенкомъ. Собака даже полюбила своего питомца, облизывала его, выкусывала у него паразитовъ и слѣдила за нимъ. Леопарду, чтобы онъ не царапалъ когтями свою кормилицу, притупили кончики когтей. Со щенкомъ леопардъ вступалъ въ игру, но всегда при этомъ употреблялъ хитрые уловки, скрываясь и вдругъ нападая. Леопарда отняли отъ собакъ, когда ему было уже около 2 мѣсяцевъ и его пріучили къ мясной пищѣ.

Антилопа (Antilopinae) представляютъ въ своихъ признакахъ, переходныя формы къ оленямъ и лошадямъ. Впрочемъ между антилопами встрѣчаются и такія, которыя съ плотнымъ тѣломъ напоминаютъ быковъ. Рога нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ изогнутые, другія—прямые, невсегда гладкіе, у нѣкоторыхъ съ рогами бываютъ только самцы. Живутъ въ равнинахъ жаркихъ странъ и на границахъ вѣчныхъ снѣговъ. спускаясь на зиму нѣсколько ниже. Тѣло ихъ стройное на высокихъ тонкихъ ногахъ, уши стоячія, большія, губы весьма подвижныя, волосяной покровъ короткій, плотно прилегающій. Антилопы относятся къ семейству жвачныхъ. Физіологически и анатомически характеризуются эти животныя жвачкою и соотвѣтствующимъ для жвачки устройствомъ желудка и зубовъ. Пища жвачныхъ растительная и преимущественно состоитъ изъ тѣхъ листьевъ и растительныхъ веществъ, которыя содержатъ много протеина. Щипаніе и принятіе пищи происходитъ во время движенія на пастбищахъ, пережевываніе совершается больше во время отдыха. Жвачные большею частію не имѣютъ верхнихъ рѣзцовъ и клыковъ, но въ нижней челюсти находится 8 или 6 наклоненныхъ лопатчатыхъ рѣзцовъ, которые вмѣстѣ съ мозолистымъ краемъ межчелюстной кости служатъ для отщипыванья растеній. За широкимъ промежуткомъ идутъ въ каждой половинѣ челюсти складчатые коренные зубы съ волосистыми возвышеніями и углубленіями жевательныхъ поверхностей. Желудокъ жвачныхъ распадается на 4 или иногда на 3 связанные отдѣла. Размноженіе жвачныхъ невелико. Большинство рожаетъ по одному дѣтенышу, родящемуся уже видящимъ, покрытымъ волосами и съ развитымъ тѣломъ. Сосцы матокъ въ числѣ 2 или 4 лежатъ въ паховой области. Жвачные живутъ стадами, храбро защищаются отъ нападеній или скрываются съ помощію своихъ быстрыхъ ногъ. Наиболѣе сильные самцы живутъ въ полигаміи, (въ многоженствѣ) стоя во главѣ стада. Для характеристики Антилопъ беремъ описаніе Пржевальскаго изъ его путешествій по Сѣверному Тибету. Г. Пржевальскій, портретъ и біографія котораго были помѣщены въ Нивѣ (См. „Ниву“ 1876 г. № 20 стр. 345) между прочимъ пишетъ объ антилопахъ слѣдующее. Впрочемъ, предварительно нужно замѣтить, что въ путешествіе своемъ г. Пржевальскій описываетъ другой видъ антилопъ, то есть не тотъ, къ которому принадлежитъ антилопа, изображенная на нашемъ рисункѣ. Но это нисколько не помѣшаетъ намъ заимствовать его описаніе, такъ какъ между многообразными видами антилопъ существуютъ лишь нѣкоторыя весьма незначительныя частности, отличающія одинъ видъ отъ другого, въ общемъ же всѣ они сходствуютъ между собою.

Антилопы, оронго, какъ называютъ Манголы и Тангуты, чрезвычайно красивое животное, съ статнымъ туловищемъ на высокихъ тонкихъ ногахъ. Голова украшена большими немного изогнутыми рогами. Оронго живетъ обществами отъ 5 до 40 экземпляровъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ скапливается въ стада по нѣсколько сотъ головъ. Въ каждомъ стадѣ обыкновенно встрѣчается нѣсколько старыхъ самцовъ, болѣе опытныхъ и осторожныхъ, нежели самки, впрочемъ оронго вообще мало остороженъ. При бѣгствѣ стада самцы всегда находятся сзади, какъ бы прикрывая;—у другихъ видовъ это бываетъ наоборотъ. Во время спокойнаго хода оронго высоко держитъ голову, что придаетъ ему чрезвычайно красивый видъ. Бѣгъ оронго рысистый и такой бойкій, что издали невозможно замѣтить какъ мелькаютъ ноги. Осенью самцы во время спариванья ѣдятъ мало, такъ что весь жиръ, запасенный лѣтомъ, спадаетъ въ это время. Самецъ собираетъ вокругъ себя свой гаремъ и строго блюдетъ, чтобы которая нибудь изъ его женъ не измѣнила. Завидѣвъ соперника, оронго бросается къ нему на встрѣчу, издавая глухой ревъ в устремивъ впередъ рога свои. Задоръ бываетъ такъ силенъ, что какъ разсказываютъ, однажды, во время драки, убитый пулею самецъ еще нѣсколько минутъ дрался, прежде чѣмъ свалился мертвый.

Случается, что какая нибудь самка убѣгаетъ изъ стада, самецъ кидается за ней, а въ это время бѣгутъ другія самки и такимъ образомъ, кидаясь то за одной, то за другой, самецъ теряетъ весь гаремъ. Оставшись одинъ, онъ начинаетъ бить копытами землю, загибаетъ крючкомъ хвостъ, реветъ и вызываетъ на бой противниковъ. Такія исторіи повторяются то и дѣло и вообще не существуетъ прочной связи между владѣтелемъ стада и его самками: сегодня онѣ у одного самца, завтра у другого. Затѣмъ самцы снова мирно живутъ между собою. Какъ всѣ антилопы, оронго хорошо переноситъ раны. Нашъ рисунокъ представляетъ Антилопу Strepsiceros. Нравы антилопъ этого вида нисколько, не разнятся отъ антилопъ, описываемыхъ г. Пржевальскимъ. Антилопа изображенная на нашемъ рисункѣ извѣстна также подъ именемъ агазы; но это названіе ея менѣе распространено, въ особенности у насъ въ Россіи, чѣмъ первое названіе, извѣстное по всюду.

Рисупокъ Шпехта, о которомъ мы упомянули въ началѣ нашего описанія, художественно передаетъ одну изъ поражающихъ своимъ впечатлѣніемъ сценъ, борьбу антилопы въ леопардами. Какая ужъ тутъ борьба! Кровожадные звѣри внезапно напали на антилопу и, конечно, нѣтъ ей спасенія: хотя она и успѣла ловко сбить съ ногъ одного леопарда, быть можетъ удачно лягнувъ его; но другой уже летитъ на нее—смерть неизбѣжна! Возможно еще и то, что послѣ смерти антилопы надъ ея трупомъ затѣется другая борьба—и падетъ одинъ изъ двухъ кровожадныхъ звѣрей.

Шпехтъ, какъ извѣстно, давно уже пользуется громкою и вполнѣ заслуженною славою за свое искусство передавать въ рисункахъ сцены изъ жизни животныхъ, и мы, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, стараемся доставить удовольствія нашимъ читателямъ, помѣщая рисунки этого талантливаго художника на страницахъ нашего журнала. **Т. Р.**

## Послѣдній день Коринѳа.

Картина Роберта Флери, помѣщаемая въ рисункѣ настоящаго номера „Нивы“ представляетъ одну изъ тѣхъ сценъ изъ древней жизни, которыя такъ часты были въ то время, и не смотря на эту повторяемость, такъ тяжелы были для современниковъ, то есть для тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались побѣжденными. Побѣдитель не великодушничалъ: онъ бралъ въ плѣнъ жителей побѣжденнаго города, обращалъ ихъ въ рабство, продавалъ и перепродавалъ ихъ, при случаѣ разлучалъ дѣтей съ родителями, мужа съ женою и т. д.; побѣжденный городъ предавался пламени,—словомъ бѣдствіе, выпадавшее на долю побѣжденныхъ, было такое, которому равнаго по его тяжести найдти невозможно. Гомеръ въ безсмертномъ своемъ твореніи, Иліадѣ, говоритъ отъ лица Гектора о положеніи побѣжденныхъ слѣдующее:

„...Погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
Троп, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое (Андромахи—его жены): какъ тебя Аргивянинъ, мѣдью покрытый,
Слезы ліющую въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
И невольница, въ Аргосѣ, будешь ты ткать чужеземкѣ,
Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гиперея,
Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
Ліющую слезы, тебя кто нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, какъ сражалися вкругъ Илліона!
Скажетъ—и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ-бы отъ рабства“.

Такъ говорится въ безсмертной Иліадѣ о горестяхъ плѣнныхъ, и то положеніе, которое, по словамъ Гектора, должно было выпасть на долю Троянъ, въ одинаковой степени можетъ быть примѣнено въ данномъ случаѣ къ положенію жителей Коринѳа. Паденіе этого города отъ меча римлянъ относится такъ же какъ и паденіе Трои ко времени, бывшему до Рожд. Хрвст. Положимъ, съ точки зрѣнія лѣтъ, отдѣляющихъ одно событіе отъ другого есть значительная разница: одно событіе—паденіе Трои, теряется въ туманѣ десяти вѣковъ, предшествовавшихъ Рождеству Христову, и доходитъ до насъ только въ твореніи Гомера; другое-же, совершившееся во второмъ вѣкѣ до Рождества Христова, отстоитъ отъ насъ, считая по годамъ, на нѣсколько меньшее количество времени чѣмъ первое. Но тамъ, гдѣ приходится считать тысячелѣтіями, разница въ годахъ почти исчезаетъ и выступаютъ на первый планъ главныя существенныя черты событія, а эти главныя черты тѣ же, что и въ Иліадѣ—истребленіе города, порабощеніе его обитателей.

Что имѣлъ въ виду художникъ, задавшійся изображеніемъ послѣдняго дня Коринѳа—понятно: онъ хотѣлъ изобразить моментъ его паденія, горе побѣжденныхъ, пожаръ горящаго города; но насколько все это ему удалось, рѣшить не легко, это потому не легко, что, по плану своему, художникъ, видимо, имѣлъ еще и другія цѣли, а именно—живописное расположеніе

фигуръ, красоту складокъ на одеждахъ женщинъ, красоту самихъ женщинъ, частію полураздѣтыхъ; такая погоня за красотами, въ связи съ задачею историческою, не всегда удается, и въ послѣднее время за такими красотами въ картинахъ художники меньше гоняются, чѣмъ въ прошлыя десятилѣтія, и искусство отъ этого выигрываетъ, дѣлаясь серьезнѣе и сосредоточиваясь на главныхъ основныхъ чертахъ картины.

Такимъ образомъ, разсматривая картину Роберта Флери, мы можемъ въ ней найти много, такъ сказать, живописности, но мало того, чтобы, казалось, должно было главнымъ образомъ выдаваться въ ней; именно: мало скорби, больше женскаго тѣла и красиво разбросанныхъ складокъ его одежды. Это, положимъ, не мѣшаетъ быть картинѣ достойною вниманія, по своему художественному значенію, хотя бы въ смыслѣ изображенія живописныхъ группъ.

Картина эта, будучи помѣщена въ рисункѣ настоящаго номера „Нивы“, даетъ намъ случай передать здѣсь историческія свѣдѣнія, относящіяся къ предмету, взятому художникомъ для своего изображенія, а именно дать свѣдѣнія объ исторіи г. Коринеа.

Коринѳъ главный городъ Ахаіи. Находится этотъ городъ на коринѳскомъ перешейкѣ. Онъ былъ знаменитъ по всей Греціи своей огромной морской торговлей. Основаніе его относится къ весьма отдаленному времени, болѣе отдаленному чѣмъ основаніе древняго Рима. Съ 1110 года до 777 года до Рождества Христ. Коринѳъ составлялъ монархію и управлялся царями изъ потомства Гераклидовъ, а съ 777 года онъ образовалъ изъ себя республику. Съ этого именно времени Коринѳъ начинаетъ принимать горячее участіе въ дѣлахъ Греціи, пока эта страна сохраняла свою самостоятельность и не подпала подъ власть Филиппа Македонскаго, будучи имъ покорена въ 323 году до Рожд. Христ. Поднавъ подъ власть Македонской монархіи, Коринѳъ не могъ освободиться отъ нея до того времени, когда въ свою очередь пала эта знаменитая монархія, побѣжденная Римлянами.

Послѣ ея паденія Коринѳъ былъ освобожденъ впрочемъ только на нѣкоторое время Аратомъ Сикіонскимъ и сдѣлался главною защитою Греціи. Когда въ 150 году до Рожд. Христ. Спарта вмѣстѣ съ ахейцами подняла оружіе подъ предводительствомъ Деція и Критолая противъ Римлянъ, то оба эти предводителя были разбиты римскими войсками и слѣдствіемъ этого пораженія было вскорѣ паденіе и Коринеа, разрушеннаго римскимъ полководцемъ Муммiемъ въ 146 году до Рожд. Христ.

Вотъ историческія данныя относящіяся къ прошлому города Коринеа.

Страна около этого города мало плодородна, но замѣчательна, впрочемъ, особаго рода изюмомъ, называемымъ коринѳскимъ. Самый городъ въ настоящее время представляетъ почти однѣ только развалины. Тамъ, гдѣ находился прежде громадный городъ, имѣвшій значительную торговлю и кипѣвшій жизнію,— тамъ теперь находится лишь небольшое и весьма небогатое селеніе.

Но Коринѳъ намъ, исповѣдующимъ христіанскую вѣру, извѣстенъ еще по апостольскимъ посланіямъ, слышимымъ нами въ храмахъ во время богослуженія. Исторія этихъ апостольскихъ посланій къ коринѳянамъ слѣдующая: Апостолъ Павелъ, послѣ пребыванія своего въ Аѳинахъ, прожилъ полтора года въ Коринѳѣ: въ продолженіе этого времени онъ препирался въ Коринѳѣ съ іудеями и язычниками и многихъ изъ нихъ обратилъ въ христіанство. Впослѣдствіи, съ отбытіемъ изъ Коринеа апостола Павла, въ Коринеската церковь вкралось много неустройствъ и соблазновъ. Это побудило святого апостола написать къ коринѳянамъ два посланія. Св. Климентъ Римскій, дѣятельный сотрудникъ Св. апостола Павла, съ апостольскою ревностію старался остановить поведеніе Коринѳянъ, которымъ они дѣлали себя недостойными имени христіанина.

Вотъ всѣ данныя, которыя дала намъ случай сообщить здѣсь картина Роберта Флери.

И взаключеніе, не говоря уже ни о предметѣ картины, ни о ея достоинствахъ, замѣтимъ вообще, что польза, получаемая зрителемъ отъ художественныхъ произведеній всегда огромна, если только зритель желаетъ ее изъ нихъ извлекать; но нужно добавить, что реализировать эту пользу и указать ее при разсмотрѣніи особо каждой картины невозможно: польза несомнѣнна, но она получается въ невещественныхъ формахъ, въ формахъ умственнаго развитія въ расширеніи кругозора нашего взгляда, въ увеличеніи работы ума и т. д. Доказательствомъ сказаннаго можетъ служить и картина Флери, заставляющая зрителя перенестись въ то отдаленное отъ насъ время, котораго годы мы можемъ исчислить теперь только тысячелѣтіями. **Z.**

## Улика на лицо.

Помѣщенный въ этомъ номерѣ рисунокъ съ картины Бокса даетъ возможность представить слѣдующую сцену.

Возвратились изъ гостей ранѣе обыкновеннаго господа: пожилыхъ лѣтъ баринъ и не менѣе пожилыхъ лѣтъ его супруга. Пріѣхали они неожиданно, быть можетъ потому, что барынѣ вдругъ понездоровилось (въ почтенныхъ лѣтахъ это явленіе очень частое и обыкновенное). Отворяетъ имъ слуга дверь, проходятъ они въ свои комнаты и вдругъ—въ гостиной на самомъ видномъ мѣстѣ лежитъ солдатское кепи.

Какъ оно попало сюда, отчего его во время не убрали тѣ, кому о семъ вѣдать надлежало—это вопросъ посторонній, и разсмотрѣніе его не входило въ задачу художника, а равнымъ образомъ не входитъ въ задачу и нашу. Ограничимся предѣлами изображеннаго въ картинѣ и представляемъ душевныя состоянія тѣхъ лицъ, которыхъ художникъ живописуетъ предъ нами.

Почтенный глава дома гнѣвенъ, не менѣе почтенная его супруга—тоже. Оба такъ сказать „не въ себѣ“ и въ большомъ „разстройствѣ“. Видъ кепи, оказавшейся противъ всякаго ожиданія на столѣ ихъ гостиной, возмутилъ ихъ до глубины души, и это возмущеніе тѣмъ сильнѣе, что до сихъ поръ они оба, и господинъ, и госпожа, считали свою прислугу высоконравственной.

— Какъ ты полагаешь, другъ мой, что это такое? трясясь отъ гнѣва, спрашиваетъ дрожащимъ голосомъ госпожа: что это такое?

— Ахъ, другъ мой, заволновался супругъ, ну что ты повторяешь все одно и тоже... Это, видишь, кепи, простое солдатское кепи...

— Но, Богъ мой, откуда оно могло взяться!.,

— Ахъ, какая ты!.. Ну почему же я то могу знать объ этомъ!..

Супругъ говорилъ также не менѣе дрожащимъ голосомъ, какъ и его достопочтенная супруга, и нельзя сказать, чтобы онъ былъ въ гнѣвѣ именно за ея вопросы, ибо, что же въ нихъ обиднаго, но все таки эти вопросы сердятъ его, сердятъ потому, что самъ онъ желалъ въ свою очередь спрашивать, а не отвѣчать на нихъ.

— И неужели... Богъ мой! неужели это что нибудь такое гадкое и со стороны нашей прислуги, которую мы такъ всегда ласкали и берегли... вздыхала почтенная дама, печально качая головой и уныло переходя изъ одного угла комнаты въ другой.

Но почтенный супругъ, какъ глава дома и какъ болѣе опытный въ житейскихъ дѣлахъ, лучше почтенной дамы понимаетъ, что въ такомъ неожиданномъ, странномъ и даже неприличномъ случаѣ одними вздохами, ахами и охами дѣлу не поможешь. Онъ немедленно требуетъ предъ свои очи прислугу, начиная съ тѣхъ, которые болѣе по его мнѣнію могутъ подлежать допросу. На зовъ, производимый самою почтенною госпожею, являются одна за одною нѣсколько прислугъ и въ томъ числѣ старый слуга. Почтенный господинъ принимаетъ величественный видъ, садится около стола, на которомъ лежитъ злосчастное кепи, и показывая на него пальцемъ, дѣлаетъ вопросъ.

— Ну-съ, отвѣчайте, какъ могла попасть сюда эта вещь?

— Не могу знать! уныло отвѣчаетъ старый лакей, разводя руками: не могу знать...

— Ну-съ, положимъ, такъ: ты не можешь знать, а вы то что же, вы то что же молчите, обращается почтенный господинъ къ женщинамъ.

— Да и мы тоже не можемъ знать...

Такъ отвѣчали всѣ женщины въ одинъ голосъ.

— Но... это не даетъ рѣшенія вопросу, величественно возвышая голосъ, заговорилъ почтенный господинъ: улика на лицо и не могла попасть сюда случайно!.. Отвѣчайте: кто здѣсь былъ и кто оставилъ эту кепи!..

Молчаніе. Слуга разводитъ руками; одна изъ женщинъ подбоченивается, какъ бы говоря этимъ:

— Вотъ присталъ: да что я за дура, буду я сама себя съ руками выдавать!..

Почтенная госпожа, видя что дѣло плохо разъясняется, снова направляется къ звонку, чтобы призвать предъ очи господина остальную прислугу дома для дальнѣйшаго допроса.

Чѣмъ весь этотъ допросъ кончился—художникъ въ картинѣ не выразилъ и указаній на это никакихъ не сдѣлалъ. Полагаемъ, что они даже и лишнія: достаточно того, что всѣ лица, взятыя имъ для своей картины, превосходно переданы и каждое само за себя говоритъ—а кромѣ этого ничего и не нужно. Впрочемъ, пожалуй, иной назойливый и прилипчивый зритель будетъ неотступно приставать, прося разъяснить томящій его вопросъ:

— Кто же изъ сихъ изображенныхъ на картинѣ миловидныхъ женщинъ такъ неблагоразумно не умѣлъ спрятать концы?

Но отчего же женщинъ? Быть можетъ онѣ тутъ, какъ говорится, и не причемъ: можетъ быть слуга угощалъ пріятеля и не успѣлъ его во время убрать изъ господскихъ комнатъ—развѣ это невозможно? Художникъ вовсе этимъ вопросомъ и не задавался; его задача была—изобразить сцену взятую изъ жизн.., и нѣсколько комичную по своему содержанію. Это онъ достигъ вполнѣ и даетъ намъ возможность любоваться его художественнымъ произведеніемъ.

**Д. Стах.**

## Изъ Парижскаго Шахматнаго турнира.

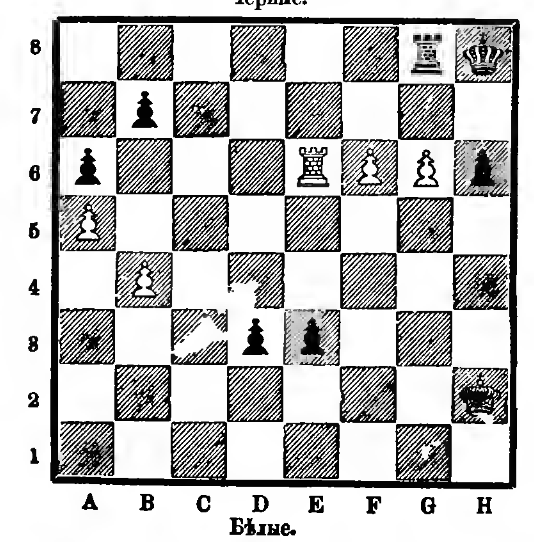
Помѣщаемъ замѣчательную шахматную партію, игранную гг. Цукертортомъ и Энглишемъ на Парижскомъ шахматномъ турнирѣ въ 1878 г. 1-й призъ получилъ И. Г. Цукертортъ изъ Позена, 2-й—Винаверъ изъ Варшавы.

| Бѣлые: Цукертортъ. | Черные: Энглишъ. |
|---|---|
| 1) E 2—E 4 | 1) E 7—E 5 |
| 2) Конь G 1—F 3 | 2) Конь B 8—C 6 |
| 3) Слонъ F 1—C 4 | 3) Слонъ F 8—C 5 |
| 4) B 2—B—4 | 4) Слонъ C 5—B 6 |
| 5) A 2—A 4 | 5) A 7—A6 |
| 6) D 2—D 4. Лучше было бы A 4—A 5 и потомъ D 2—D 4 | 6) Слонъ B 6 беретъ D 4 |
| 7) Конь F 3 беретъ D 4 | 7) Конь C 6 беретъ D 4 |
| 8) O—O Роккрованіе | 8) D 7—D 6 |
| 9) F 2—F 4 | 9) Слонъ C 8—E 6 |
| 10) Слонъ C 4 беретъ E 6 | 10) Конь D 4 беретъ E 6 |
| 11) F 4—F 5 | 11) Конь E 6—G 5 |
| 12) Конь B 1—C 3 | 12) H 7—H 6 грозило H 2—H 4 |
| 13) Слонъ C 1—E 3 | 13) Конь G 8—F 6 |
| 14) Ферзь D 1—D 3 | 14) Конь G 5—H 7 |
| 15) A 4—A 5 | 15) Ферзь D 8—D 7 |
| 16) Конь C 3—D 5 | 16) Конь F 6 беретъ D 5 |
| 17) E 4 беретъ D 5 | 17) F 7—F 6 |
| 18) C 2—C 4 Здѣсь скорѣе былъ бы на мѣстѣ ходъ H 2—H 4 чтобы задержать Коня H 7 отъ слѣдующаго хода | 18) Конь H 7—G 5 |
| 19) H 2—H 4 | 19) Конь G 5—F 7 |
| 20) Ферзь D 3—E 4 | 20) C 7—C 6 |
| 21) Ладья A 1—D 1 | 21) O—O Роккрованіе |
| 22) C 4—C 5 | 22) Ладья F 8—D 8 |
| 23) C 5 беретъ D 6 | 23) Ферзь D 7 беретъ D 6 |
| 24) Слонъ E 3—C 5 Потерянный темпъ лучше было бы сразу ферзь E 4—G 4 | 24) C 6 беретъ D 5 |
| 25) Ферзь E 4—G 4 | 25) Ферзь D 6—D 7 |
| 26) Ладья D 1—D 3 | 26) E 5—E 4 Вмѣсто этого хода слѣдовало D 5—D 4, чтобы не допускать впослѣдствіи Слона C 5 къ аттакѣ. |
| 27) Ладья D 3—G 3. Черные пользуются двумя связанными средними пѣшками Бѣлыя могутъ спасти игру только отчаянной атакой. | 27) Конь F 7—E 5 |
| 28) Ферзь G 4—H 5 | 28) Король G 8—H 8 |
| 29) Слонъ C 5—E 3 | 29) Ферзь D 7—E 8 |
| 30) Ладья G 3—G 6 | 30) Конь E 5 беретъ G 6 |
| 31) F 5 беретъ G 6 | 31) Ферзь E 8—F 8. Здѣсь слѣдовало Ферзь E 8—E 7 |
| 32) G 2—G 4 | 32) D 3—D 4 |
| 33) Слонъ E 3 беретъ H 6 Превосходный ходъ. | 33) G 7 беретъ H 6 |
| 34) G 4—G 5 | 34) Ферзь F 8—G 7. Г-ну Энглишъ понадобилось 55 минутъ на этотъ, дѣйствительно замысловатый ходъ. Все таки проще и вѣрнѣе было бы Ладья D 8—D 7 |
| 35) G 5 беретъ F 6 | 35) Ферзь G 7 беретъ G 6 † |
| 36) Ферзь H 5 беретъ G 6 | 36) Ладья D 8—G 8 |
| 37) H 4—H 5 | 37) E 4—E 3 |
| 38) Ладья F 1—F 4 | 38) Ладья A 8—D 8. Здѣсь слѣдовало сразу Ладья A 8—F 8 |
| 39) Ладья F 4—E 4 | 39) Ладья D 8—F 8 |
| 40) Ладья E 4—E 6 | 40) Ладья G 8 беретъ G 6 † |
| 41) H 5 беретъ G 6 | 41) Ладья F 8—G 8 |
| 42) Король G 1—H 2. Весьма трудный и интересный конецъ, выработывается съ обѣихъ сторонъ съ большой ловкостью. | 42) D 4—D 3. Если черные бьютъ G Пѣшку, то бѣлые играютъ такъ: |
| *42) . . . . . . . . .* | *42) Ладья G 8 беретъ G 6* |
| *43) F 6—F 7* | *43) Король H 8—G 7* |
| *44) Ладья E 6 беретъ G 6 †* | *44) Король G 7 беретъ F 7* |
| *45) Ладья G 6—G 1* | *45) D 4—D 3* |
| *46) Король H 2—G 2 и выиграютъ* | |
| 43) Ладья E 6 беретъ E 3 Этимъ ходомъ бѣлые даютъ изъ рукъ выигрышъ. Мы ниже дадимъ это расположеніе какъ задачу. | 43) D 3—D 2 |
| 44) G 6—G 7 † | 44) Король H 8—H 7 |
| 45) Ладья E 3—D 3 | 45) Король H 7—G 6 |
| 46) Ладья D 3 беретъ D 2 | 46) Король G 6 беретъ F 8 |
| 47) Ладья D 2—D 6 † | 47) Король F 6 беретъ G 7 |
| 48) Ладья D 6—D 7 † | 48) Король G 7—F 6 |
| 49) Ладья D 7 беретъ B 7 | 49) Ладья G 8—A 8 и игра остается нерѣшенною. |

## Шахматная задача.

Расположеніе изъ партіи Цукерторть-Энглишъ.

Черные.




Бѣлые.

**Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ, какими ходами?**

**Рѣшеніе ариемогрифа помѣщеннаго въ № 34: Абрикосъ.**

**Опечатка.** Въ № 35 „Нивы“ на страницѣ 642 подъ рисункомъ, изображающимъ Радіометръ, напечатано въ скобкахъ: „Измѣритель солнца“; слѣдуетъ читать: **„Измѣритель лучей солнца“**

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Хабаровка (на Амурѣ). Зейфарту.** Утѣшительнаго ничего вамъ сказать не можемъ и очень объ этомъ жалѣемъ.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**



Дозволено цензурою СПБ. 31 августа 1878 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.




№ 37 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 11 Сентября 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.



## Томасъ Эдисонъ, изобрѣтатель фонографа, аэрофона и мног. друг.

Мы уже говорили въ свое время о изобрѣтеніяхъ г. Эдисона. (См. Ниву с. г. № 15, 16 и 19). Теперь, по поводу помѣщаемаго портрета, представляется случай, сообщить нѣсколько данныхъ изъ біографіи этого замѣчательнаго человѣка.

Т. А. Эдисонъ родился въ февралѣ 1847 г. Родители его были бѣдны, занимались они земледѣліемъ въ Миланѣ, въ штатѣ Огайо. Поэтому-то Эдисонъ могъ получить лишь элементарное школьное образованіе и, еще бывши 11 лѣтнимъ ребенкомъ, долженъ былъ самъ заработывать себѣ хлѣбъ насущный. Для бѣдняковъ-родителей лишній ротъ былъ обременителенъ. Мальчикъ занялся розничною распродажею газетъ на улицахъ, прилегающихъ къ Большой Тренкской желѣзной дорогѣ. Нѣсколько лѣтъ прошло въ этой едва-едва оплачивающейся торговлѣ. Но вдругъ молодому разнощику газетъ пришла оригинальная мысль, продавать проходящимъ листокъ своего собственнаго издѣлія. Металлическихъ типографскихъ буквъ ему удалось гдѣ-то достать. Онъ насаживалъ эти буквы на вращающійся валикъ, дѣлая при этомъ правильный типографскій наборъ. Валикъ проходилъ по намоченной бумагѣ, и получался довольно сносный оттискъ, въ которомъ трактовалось о событіяхъ дня. Это былъ короткій летучій листокъ,—продажа котораго шла не безъ успѣха. Листокъ былъ еженедѣльный и заводъ его, т. е. количество печатаемыхъ экземпляровъ, доходило до 700. Но вотъ разъ Эдисонъ помѣстилъ въ своемъ, листкѣ скандалёзную исторію одной дамы, жившей на одной изъ станціи желѣзной дороги. Поднялась буря, возникло непріятное судебное дѣло—и въ результатѣ Эдисонъ долженъ былъ покинуть изданіе своего листка...



**Томасъ Эдисонъ.** Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

Послѣ этой неудачи Эдисонъ поступаетъ служить на одну изъ телеграфныхъ станцій, въ качествѣ отправщика ночныхъ депешъ. И вотъ здѣсь-то чудеса, производившіяся электрическими аппаратами, возбудили и наэлектризовали изобрѣтательный геній юноши. Эдисонъ вскорѣ предло-

жилъ своему непосредственному начальнику устроить такой электрическій аппаратъ, посредствомъ котораго можно бы было, при одной телеграфной проволокѣ, одновременно посылать депеши по всѣмъ направленіямъ...

Въ отвѣтъ на это, начальникъ покачалъ головою и подумалъ, что бѣдный молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Боясь, чтобы своими выдумками Эдисонъ не скомпрометировалъ его, онъ далъ ему отставку.

Но, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, изобрѣтеніе было *украдено* у Эдисона однимъ ловкимъ спекулянтомъ и безцеремонно выставлено помянутымъ спекулянтомъ подъ его собственнымъ именемъ. Тщетно протестовалъ противъ такого наглаго присвоенія бѣдный Эдисонъ, и долженъ былъ снова поступить на телеграфъ въ качествѣ рабочаго.

Но дѣло Эдисона все-таки произвело нѣкоторый шумъ и геніальный телеграфистъ нашелъ возможность увѣрить своего новаго патрона, что онъ, Эдисонъ, изобрѣлъ превосходное средство для усовершенствованія взаимныхъ телеграфическихъ сообщеній между двумя путями. Произведенные въ этомъ смыслѣ опыты были исполнены при дурныхъ условіяхъ и кончились печальною неудачей, повлекшей за собою важныя послѣдствія. Эдисонъ долженъ былъ благодарить судьбу, что остался въ живыхъ...

Но неудачи нисколько не обезкуражили этого сильнаго и предпріимчиваго характера. Эдисонъ продолжалъ дѣлать изобрѣтеніе за изобрѣтеніемъ.

Нужно бы было исписать цѣлый большой томъ, если бы обстоятельно прослѣдить тотъ блестящій и многотрудный путь, по которому геніальный американецъ пришелъ къ своей европейской славѣ. Достаточно сказать, что въ настоящее время Эдисонъ владѣетъ лабораторіей, устроенной въ *Манлу-Паркѣ*, въ *Лонъ-Исландѣ*. Въ лабораторіи этой постоянно занимаются 12-ть лаборантовъ. Занятіе же въ этой лабораторіи самаго Эдисона состоитъ въ изобрѣтеніяхъ...

Съ Эдисономъ заключила условіе телеграфная компанія „Уэстеръ-Уніонъ“.

Эта компанія платитъ Эдисону жалованье по *100 долларовъ* *) въ недѣлю съ тѣмъ, чтобы имѣть право покупки электрическихъ изобрѣтеній у геніальнаго американца. Цѣна же, за которую покупается какое-либо изобрѣтеніе—утверждается особымъ присяжнымъ экспертомъ или арбитромъ. Но если бы упомянутая компанія вздумала отказаться отъ осуществленія своего права (т. е. пользованія изобрѣтеніемъ) то Эдисонъ имѣетъ право непосредственно пользоваться плодами своего изобрѣтенія.

Но все-таки и при этомъ условіи, есть и въ настоящую минуту изобрѣтенія, котораго полнымъ и безраздѣльнымъ собственникомъ остается самъ Эдисонъ. Напримѣръ *Электрическое перо*. (Изобрѣтеніе о которомъ мы въ свое время говорили въ нашемъ журналѣ „Нива“ 1878 г. № 19 ). Что касается *фонографа*, то въ его устройствѣ и дѣйствіи строго говоря, электричество не участвуетъ, а потому и компанія „Уэстеръ-Уніонъ“ не можетъ имѣть права собственности на это изобрѣтеніе.

О научномъ рвеніи и неутомимости Эдисона свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что, вмѣсто поѣздки въ Парижъ на всемірную выставку, гдѣ его встрѣтилъ бы совершенно заслуженный тріумфъ и гдѣ онъ могъ бы отдохнуть и пожуировать,—молодой ученый совершилъ ученую поѣздку въ *Скалистыя горы* **), не смотря на всевозможныя опасности и лишенія въ этомъ путешествіи. При этомъ путешествіи Эдисонъ уже носилъ съ собою новый свѣже-изобрѣтенный имъ инструментъ, такъ называемый *микротазиметръ* (инструментъ, для вычисленія самомалѣйшихъ движеній). Инструментъ этотъ представленъ былъ Эдисономъ въ засѣданіе Академіи Наукъ 5 минувшаго іюля. Идея новаго инструмента Эдисона весьма проста, какъ и всѣ оригинальныя его идеи. Но детали инструмента чрезвычайно остроумны. Опредѣленіе самомалѣйшихъ движеній основано на обыкновенномъ расширеніи и сжиманіи тѣлъ отъ тепла и холода. Вертикально стоящая мѣдная палочка нагрѣвается, слѣдовательно увеличивается въ длинѣ и, смотря по большей или меньшей степени нагрѣтія, давитъ и нажимаетъ своимъ нижнимъ концомъ на маленькій дискъ, сдѣланный изъ угля и помѣщающійся внизу, какъ разъ подъ вертикальной палочкой. Отъ этого дѣйствія палочки возбуждается электрическій токъ, совершающій благодаря приспособленнымъ столбикамъ полное вращеніе и образующій полный такъ называемый Вольтовъ кругъ. Стрѣлка на присоединенномъ сюда гальванометрѣ своимъ отклоненіемъ показываетъ силу и напряженіе циркулирующаго тока, а самая сила тока зависитъ отъ силы нажима, какой дѣлаетъ мѣдная палочка на кружекъ изъ угля. Самая же сила нажима палочки зависитъ отъ значительности ея растяженія и слѣдовательно отъ большей или меньшей степени тепла производящаго нагрѣваніе и растяженіе. Все необыкновенно просто. Самыя простыя явленія своей круговой порукой, своимъ сцѣпленіемъ достигаютъ важнаго результата потому что новый аппаратъ Эдисона весьма чувствителенъ къ тепловымъ лучамъ.

Сообщимъ здѣсь о новыхъ изобрѣтеніяхъ г. Эдисона, а именно о аэрофонѣ и мегафонѣ.

Скажемъ сначала объ одномъ. Это—паровой рупоръ или аэрофонъ, который по пользѣ отъ него ожидаемой, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Онъ сообщаетъ органной трубѣ или свистку паровой машины способность издавать членораздѣльные звуки, то есть *произносить слова* подобно тому, какъ произносимъ мы. Приборъ этотъ основанъ на слѣдующемъ: если взять органную трубу, соединенную посредствомъ особой трубки съ сильнымъ воздуховымъ мѣхомъ, и въ эту особую трубку вставить небольшой приборъ изъ тонкой пластинки, дрожанія которой передаются клапану, могущему съуживать и расширять отверстіе трубки, соединяющей органную трубу съ мѣхомъ, тогда при произнесеніи какого либо слова надъ воронкообразнымъ отверстіемъ *прибора изъ тонкой пластинки*, другая пластинка, вставленная въ соединительную трубку прибора, восприметъ колебанія воздуха и начнетъ дрожать соотвѣтственно произносимымъ словамъ; ея дрожанія передадутся клапану и произведутъ рядъ сгущенныхъ и разрѣженныхъ волнъ въ воздухѣ, проходящемъ по соединительной трубкѣ, и отъ этихъ-то колебаній воздуха органная труба начнетъ повторять слова, сказанныя въ означенное отверстіе. Это изобрѣтеніе составляетъ дальнѣйшее развитіе изобрѣтенія телефона и фонографа, о которыхъ мы въ свое время подробно сообщали на страницахъ нашего журнала. Есть предположеніе, что этотъ описываемый здѣсь паровой рупоръ будетъ примѣненъ къ паровымъ свисткамъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, по крайней мѣрѣ самъ изобрѣтатель г. Эдисонъ увѣряетъ въ этомъ.

По утвержденію его, слова, произносимые аэрофономъ, слышны на разстояніи шести верстъ. Изобрѣтатель возлагаетъ громадныя надежды на этотъ свой приборъ и обѣщаетъ ему блестящую будущность. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что паровой рупоръ или аэрофонъ можно примѣнить въ слѣдующихъ случаяхъ: паровозы, снабженные аэрофономъ будутъ произносить, съ соотвѣтствующею силою звука, названіе каждой станціи, продолжительность остановки и т. п. На ходу паровоза могутъ быть передаваемы распоряженія начальствующихъ лицъ и т. п. Пароходы будутъ въ состояніи издали вести переговоры одинъ съ другимъ. Маяки получатъ возможность во время тумановъ и бурь предостерегать суда о грозящей имъ опасности. Кромѣ того аэрофонъ можетъ быть примѣненъ въ различныхъ случаяхъ, которыхъ здѣсь нѣтъ возможности перечислить. Въ настоящее время изобрѣтеніе это находится на Парижской всемірной выставкѣ.

Кромѣ этого изобрѣтенія, имѣющаго впрочемъ то же нѣкоторую съ нимъ связь, обращаетъ на себя еще другое изобрѣтеніе Эдисона, а именно *мегафонъ*. Это—большой аппаратъ, дѣйствующій отдѣльно или въ связи съ фонографомъ и телефономъ. Онъ усиливаетъ звукъ по желанію и можетъ довести его до интенсивности во 100 разъ большей, чѣмъ обладаетъ натуральный звукъ. Мегафонъ служитъ прекрасно для глухихъ, а для обыкновенныхъ смертныхъ отчетливо усиливаетъ самый слабый звукъ на очень большомъ разстояніи. Его первое и элементарное приложеніе будетъ въ театрахъ и большихъ публичныхъ собраніяхъ.

**Стр.**

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ

**Вс. Соловьева.**

### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

### XI.

Наконецъ Родимица ввела Любу въ укромный покойчикъ, гдѣ никого не было, и заперла за собою дверь.

— Пожди здѣсь минутку, сказала она, я пойду доложу царевнѣ, она въ этотъ часъ всегда одна бываетъ у себя, вотъ тутъ за этой дверью...

Родимица исчезла, а Люба стояла ни жива, ни мертва, не смѣя дохнуть.

Прошло минуты двѣ, три, показавшіяся ей долгимъ

*) На наши деньги, *долларъ* равенъ 1 р. 32, 77 коп.

**) *Скалистыя* горы проходятъ вдоль западной части сѣверной Америки. Это горы первобытныхъ образованій, почти цѣликомъ составленныя изъ гранита.

часомъ. Все было тихо, только она слышала какъ стучитъ ея сердце.

Наконецъ маленькая дверь, въ которую скрылась Родимица, пріотворилась, кто то сказалъ тихимъ голосомъ:

— Войди!

Люба машинально ступила нѣсколько шаговъ и очутилась въ другомъ покоѣ, болѣе просторномъ, чѣмъ первый.

Покой этотъ былъ рабочей комнатой царевны Софьи. Отдѣлка его отличалась большой роскошью. Потолокъ былъ писанъ хитрымъ, разноцвѣтнымъ узоромъ; на полу ковры богатые; изъ чужихъ странъ выписанная мебель; на стѣнкахъ зеркала венеціанскія; въ переднемъ углу подъ образами высокое, покойное кресло, а рядомъ столъ съ книгами, бумагами, перьями и чернильницей въ видѣ глобуса. Но Люба не видѣла ничего этого—вступивъ въ комнату, она очутилась прямо лицомъ къ лицу съ прекрасной молодой женщиной, одѣтой въ бархатную душегрѣйку, отороченную соболемъ.

Густые, бѣлокурые волосы этой женщины были перевиты крупнымъ жемчугомъ; глубокіе, темносиніе глаза съ любопытствомъ и участіемъ остановились на лицѣ Любы, немного рѣзко очерченныя полныя губы ей ласково улыбнулись.

Люба сразу поняла, кто передъ нею, сразу нахлынуло на нее все прежнее, всѣ ея юныя, даже еще дѣтскія мечты; съ новою силою вспыхнула въ ней страсть къ Царь-дѣвицѣ и съ неудержимымъ, сладостнымъ рыданіемъ упала она въ ноги стоявшей передъ нею и улыбавшейся ей красавицѣ.

— Что съ тобой, милая? о чемъ ты плачешь? встань! звучнымъ голосомъ проговорила царевна—тебѣ нечего плакать.—А и то поплачь пожалуй! прибавила она съ новой улыбкой—этими послѣдними слезами все твое старое горе и выльется. Знаю я, слышала, много ты натерпѣлась, какъ тебя звать то? Люба, Любушка... Хорошо ты сдѣлала, Люба, что пришла ко мнѣ—я тебя врагамъ твоимъ не выдамъ, о тебѣ позабочусь, я буду любить тебя, Люба! я ужъ и люблю тебя, потому что слышала, что ты заочно меня полюбила. Встань же, поднимись, дай посмотрѣть на тебя...

Очарованная этими милыми, ласковыми словами, исполненная радости и счастія, поднялась Люба и съ нѣмымъ обожаніемъ взглянула на царевну.

— Ахъ, да какая же ты красавица! сказала Софья, и впрямь—Люба... только, Боже мой, ты все это въ своемъ кафтанишкѣ, въ которомъ бѣжала, ахъ какой старый, да грязный, чай тебѣ въ немъ холодно было дорогою?

И царевна, все улыбаясь и лаская Любу своимъ глубокимъ взглядомъ, разсматривала ея кафтанъ, всю ея одежду.

— Ѳедорушка! крикнула она, наконецъ.

Родимица явилась.

— Скорѣе, скорѣе выбери изъ моей одежи, поди переодѣнь ее, причеши и тогда придите опять ко мнѣ. А ужъ серьги и другія украшенія я сама выберу.

Родимица взяла Любу за руку и вывела ее изъ царевниной комнаты.

Оставшись одна, Софья еще нѣсколько разъ улыбаясь, качнула головою.

Славная дѣвка! подумала она,—и красивая и смѣлая, изъ нея прокъ будетъ, а мнѣ нужно набирать такихъ. Будь у меня ихъ побольше, я бы изъ нихъ полкъ амазонокъ сдѣлала и съ этимъ полкомъ весь міръ завоевала бы.

Царевна прошлась по комнатѣ, подошла къ столу, придвинула кресло и стала разбирать книги. Царевнина библіотека состояла изъ цвѣта тогдашней русской литературы, и содержаніе этихъ книгъ указывало на большую любознательность и замѣчательную по тогдашнему времени образованность Софьи. Здѣсь была и книга, переведенная монахомъ Епифаніемъ Славинецкимъ „уставы граждано правительственные изъ первой книги фукидитовой исторіи и изъ конца панегирика Трояну, Плинія младшаго“; двѣ части географіи: Европа и Азія; книга врачевской анатоміи Андрея Весселія Букселенска; объ убіеніи краля ангельскаго (англійскаго короля Карла I), „гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ“; переводъ ученаго монаха Арсенія Сатановскаго „о градѣ царскомъ“ и поученіе нѣкоего учителя именемъ Мефрета“. Были здѣсь и книги, сочиненныя и изданныя учителемъ царевны, знаменитымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Софья развернула одну изъ нихъ, посвященную ей учителемъ и съ обращеннымъ къ ней стихотворнымъ предисловіемъ.

Она прочла:

> О благороднѣйшая царевна Софія,
> Ищеши премудрости выну небесныя.
> По имени твоему (Софія—мудрость) жизнь твою ведеши:
> Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши...
> Ты церковныя книги обыкла читати,
> И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати...

— Вонъ какъ расписалъ меня учитель! усмѣхнулась про себя царевна „ищеши премудрости выну небесныя... по имени твоему жизнь твою ведеши“... Нѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ до небесной премудрости—не до небесъ теперь! Бывало, при батюшкѣ, не о чемъ было житейскомъ и думать, тогда, точно, мысль высоко летала въ сферахъ премудрости Божіей...

„Чудное, золотое, время! гдѣ оно теперь? думала Софья,—все измѣнилось... Вотъ сколько времени ни одной книги и въ руки не брала, чай ужь многое позабыла, что знала прежде, да гдѣ ужъ тутъ!—неотложныхъ заботъ много... вонъ брату Ѳедору день ото дня хуже становится: того и жди умретъ, и, если я не съумѣю устроить нашего дѣла, тогда мы всѣ погибли. Лютая злодѣйка моя, царица Наталья, на мнѣ первой выместитъ свою злобу, а будетъ подростать Петръ, такъ чего мнѣ ждать отъ него! Его ужъ и теперь пріучили ненавидѣть меня и всѣхъ насъ. Скоро, скоро тогда добьются они нашей казни... всѣхъ насъ изведутъ Нарышкины... Нѣтъ, не время читать книги, не время учиться—нужно весь разумъ напрягать къ тому, чтобы спасти животъ свой и своихъ близкихъ... Да что, если и въ живыхъ оставятъ, если не изведутъ тѣмъ или другимъ способомъ, если даже и въ монастырь какой далекій не заточатъ, такъ при Нарышкиныхъ развѣ будетъ мнѣ какая нибудь воля, развѣ буду я имѣть хоть малѣйшее значеніе?.. Мнѣ придется запереться въ этомъ теремѣ, распроститься со всякой живой жизнью: ѣсть, пить, спать, молиться, молебны служить да панихиды, слушать сказки и присказки дуръ да карлицъ, жить такъ какъ живали наши бабки, какъ живутъ и теперь тетки Михайловны и мои сестрицы...

Ну что-жь, если имъ любо, если для нихъ достаточно такой жизни, пусть живутъ себѣ, да мнѣ то этого мало, по мнѣ то это не жизнь, а смерть... хуже смерти! Я задохнусь въ стѣнахъ этого тѣснаго терема... Нѣтъ, мнѣ нужно простору, мнѣ нужно власти.

Но что-жь дѣлать? вотъ вѣдь думаешь и передумываешь, кажется все идетъ ладно, а смотришь и опять что нибудь зацѣпилось... Вотъ вѣдь совсѣмъ было взяла въ руки я нашу новую царицу Марѳу, во всемъ она со мной совѣтовалась, на все моими очами глядѣла... анъ подвернулся какой то недобрый человѣкъ—и ужь она брата Ѳедора за Матвѣева проситъ...

Нѣтъ, нельзя допустить этого—явится Матвѣевъ и много бѣдъ надѣлаетъ. Всѣ глупые Нарышкины, вмѣстѣ взятые, не такъ страшны, какъ одинъ старикъ Матвѣевъ—это исконный врагъ нашъ. Не на

кого положиться... въ комъ искать себѣ помощи? одна, все одна, тутъ никакого разума не хватитъ... Ежели и правъ учитель, премудрой меня называя, все же дѣла такія великія одной головой не дѣлаются... Дядя Милославскій?.. да, онъ человѣкъ золотой, нужный; но съ нимъ тоже какъ разъ въ бѣду попадешься—выдержки у него нѣту...

Эхъ, есть золотая головка, что на каждый часъ, на каждое время пригодилась бы,—милый другъ мой Васенька, да въ кои то вѣка его увидишь, побесѣдуешь съ нимъ—все онъ въ походахъ да въ походахъ, то сюда, то туда его посылаютъ. Видно пронюхали старые вороны его силу орлиную, такъ опасаются, удаляютъ... Вотъ маленькихъ людей набирать нужно—иной разъ маленькіе то люди нужнѣе большихъ оказываются. Дурно что-ли моя Родимица Ѳедорушка дѣла обдѣлываетъ? обѣщаетъ, что въ скоромъ времени всѣ стрѣльцы на нашу сторону станутъ. И не похвальба это пустая—сама я въ этомъ съ каждымъ днемъ больше и больше увѣряюсь. Да, Ѳедорушка, служи, служи свою службу, а будетъ на нашей улицѣ праздникъ, такъ тебя я не забуду... Побольше бы мнѣ такихъ Родимицъ!.. Вотъ, кто знаетъ, можетъ и новая слуга вѣрная у меня будетъ!“

Улыбнулась царевна, вспомнивъ смѣшную и милую фигуру Любы въ старомъ кафтанѣ, съ обвязанной головою.

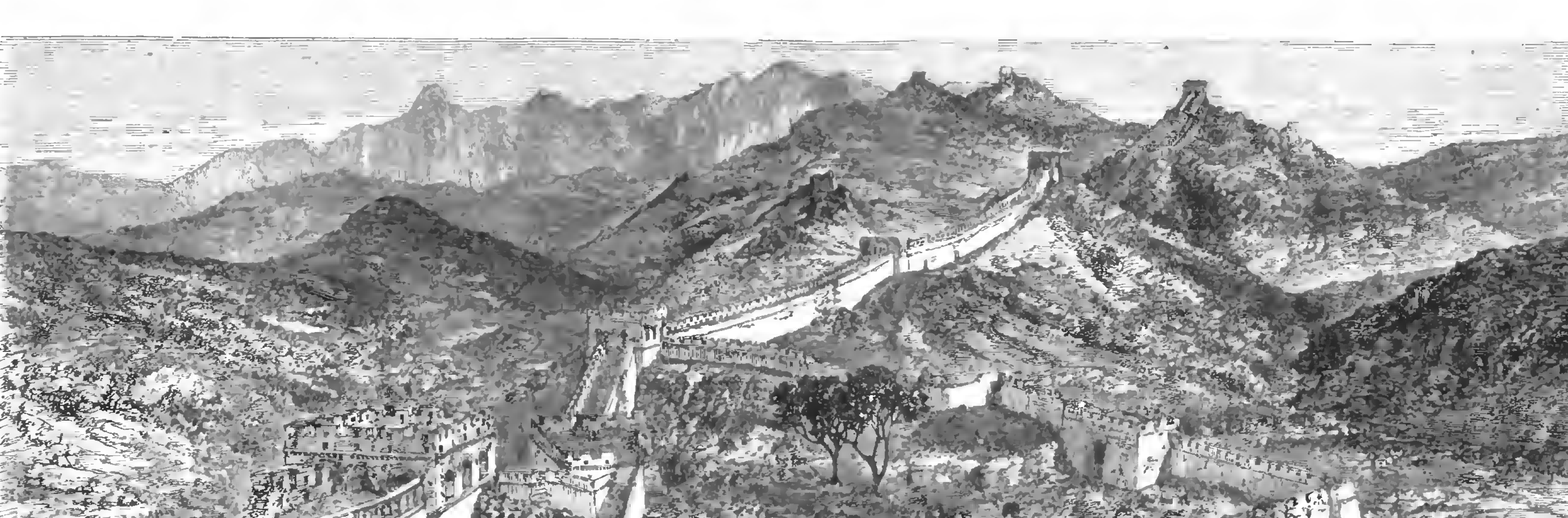
„Нужно хорошенько оглядѣть эту дѣвку, сразу она пришлась мнѣ по нраву“, подумала она.

А Люба уже стояла передъ царевной, снаряженная и наряженная Родимицей. На ней была голубая шелковая сорочка, стянутая алымъ поясомъ, и распашная тѣлогрѣя, перёдъ которой былъ весь унизанъ золотыми пуговками и нашивками. Густые ея волосы были спрятаны въ волосникъ—сѣтку, сплетенную изъ пряденнаго золота.

Въ этомъ нарядѣ Люба не могла показаться смѣшною; отъ сочетанія яркихъ цвѣтовъ шелка и золота ея красота выступила въ полной силѣ.

Царевна нѣсколько мгновеній молчала, любуясь ею.

— Ѳедорушка, наконецъ обратилась она къ тутъ же стоявшей Родимицѣ, поди принеси мой ларчикъ.



**Китайская Великая стѣна.** По рисунку К. П. рѣзалъ Лали.



Родимица поспѣшно исполнила это приказаніе. Царевна вынула изъ кармана ключъ, отперла имъ принесенный ларецъ рѣзной слоновой кости и стала вынимать одно за другимъ различныя украшенія.

Люба съ невольнымъ восторгомъ слѣдила за этой работой. Она еще никогда не видала такихъ прекрасныхъ и роскошныхъ вещей, такихъ серегъ, монистовъ, перстней, цѣпочекъ, обручій, запястій и зарукавій. Лучъ солнца ударилъ изъ окна прямо на ларецъ и самоцвѣтные камни и жемчуга такъ и блестѣли, такъ и переливались всѣми цвѣтами.

Царевна выбрала красивое ожерелье изъ крупныхъ гранатъ въ перемежку съ жемчугомъ, яхонтовыя сережки съ длинными подвѣсками и, милостиво глядя на Любу, сказала:

— Поди ко мнѣ, наклонись, я сама тебѣ вдѣну серьги и повяжу монисто. Это я дарю тебѣ въ знакъ моей милости и надѣюсь, что ты окажешься ея достойной.

Люба склонилась предъ царевной и со слезами на глазахъ прошептала ей свою благодарность

Софья ласково протянула ей руку, и Люба крѣпко прижалась губами къ рукѣ этой. Не обманули ее грезы, не приходится ей раскаиваться въ своей рѣшимости, въ своемъ побѣгѣ—привела ее судьба, по Божьей милости, въ чудный теремъ Царь-дѣвицы, и этотъ теремъ оказался такимъ же волшебнымъ, какимъ она его себѣ представляла, а Царь-дѣвица еще краше, еще милѣе, еще волшебнѣе.

„Боже мой, что-же все это такое? ужъ не сонъ ли опять? не ночныя ли грезы? развѣ на яву можетъ быть такое счастье?“

Она въ первый разъ рѣшилась пристально взглянуть на царевну, и Софья показалась ей какой-то неземной красавицей.

„Не человѣкъ это, а ангелъ Божій!“ съ сердечнымъ трепетомъ подумала Люба. И этотъ ангелъ ласково глядитъ на нее, грѣшную, земную Любу, и улыбается ей, и осыпаетъ ее милостями. Чѣмъ же она заслужила все это? Чѣмъ же заслужитъ? Да, отнынѣ вся жизнь ея принадлежитъ царевнѣ, за нее пойдетъ она въ огонь и воду, по первому ея знаку умретъ и будетъ счастлива, что умретъ за нее.

**Общій видъ города Енисейска.** Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Софья зорко слѣдила за выраженіемъ лица Любы и повидимому читала ея мысли.

Она не могла не замѣтить какое сильное впечатлѣніе произвела на дѣвушку и нарочно усугубляла свои ласки и улыбки, для того, чтобъ окончательно заворожить ее, пріобрѣсти ее въ полное свое владѣніе.

Когда нарядъ новой теремной жилицы былъ вполнѣ оконченъ, царевна приказала ей сѣсть на низкую парчевую скамейку рядомъ съ собою и стала ее обо всемъ разспрашивать.

Люба, сначала запинавшаяся отъ восторга и смущенія, наконецъ подъ обаятельнымъ и ласковымъ взглядомъ Софьи успокоилась и всю свою душу высказала передъ Царь-дѣвицей.

Софья слушала ее съ видимымъ удовольствіемъ. Ей становилось ясно, что она не обманулась въ своихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на эту смѣлую, такъ неожиданно и странно явившуюся къ ней дѣвушку.

„Большой прокъ будетъ изъ этой Любы, думала она. Кто знаетъ, можетъ я въ ней нажила себѣ незамѣнимаго человѣка. Не обидѣлъ ее Господь разумомъ, хоть она и совсѣмъ еще ребенокъ.“

Точно также понравилось царевнѣ и то, что Люба грамотна. Она сейчасъ же развернула одну изъ книгъ, лежащихъ на столѣ, и протянула ее Любѣ.

— Ну-ка вотъ прочти мнѣ, посмотрю какъ ты читаешь.

Люба взяла дрожащими руками книгу, щеки ея зардѣлись румянцемъ.

„А вдругъ не съумѣю! съ ужасомъ подумала она, вѣдь давно въ рукахъ книгъ не было, пожалуй разучилась. Господи, помоги мнѣ!“

Взглянувъ на развернутую передъ ней страницу знаменитаго сборника „О градѣ царскомъ“ она съ отчаяніемъ увидѣла, что многія буквы какъ то странно выставлены и она ихъ не знаетъ. Но тутъ рѣшается для нея вопросъ очень важный и ясно, что царевнѣ будетъ пріятно, если она съумѣетъ прочесть хорошо. И она, напрягая все свое вниманіе, стараясь успокоиться, рѣшилась и прочла:

„Обрѣтаютжеся еще повѣсти на всякую вещь, философовъ, царей, врачеваніе на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положеніе странъ, выспрь горъ, различныя сѣмена, злаки травные, притчи и иная многая собранная и въ едино мѣсто совокупленная. А сложено то все разумомъ и прикладомъ въ Троицѣ Св. Единому, ко ангеламъ, къ человѣку и его добродѣтелямъ и злобамъ, такожде и къ коварству демоновъ и къ похваленію святыхъ Божіихъ, къ хуленію же еретиковъ удивительнымъ приравняніемъ и свидѣтельствомъ Ветхаго и Новаго Завѣта писанные и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приводятся....“

— Э, да ты славно читаешь! похвалила ее царевна, въ этомъ превзошла даже мою Өедорушку, та вотъ до сихъ поръ сложитъ азъ да буки да и запнется. Я тебѣ ее подъ начало отдамъ.

— Нѣтъ ужъ уволь, царевна, замѣтила улыбаясь Родимица,—поздно мнѣ учиться грамотѣ, да авось и безъ книгъ проживу. А коли придется цидулку какую прочесть нужную, такъ на это меня хватитъ.

Однако нужно было подумать о томъ, чтобъ опредѣлить положеніе Любы въ теремѣ царевны. Всѣ должности были конечно уже разобраны, да на нѣкоторыя еще имѣлось не мало кандидатокъ.

— А вотъ что, Өедорушка, подумавши сказала Софья, пусть будетъ Люба твоей помощницей, авось вы не погрызетесь какъ станете стлать мою постелю. Къ тому же тогда я часто буду видѣть ее, а мнѣ хочется съ ней ознакомиться. Не даромъ же она столько верстъ прошла, чтобъ до меня добраться...

Родимица ничего не имѣла противъ этого распоряженія царевны: она была вовсе не зла и не завистлива, только много бранилась и ссорилась съ остальными царевными женщинами, особенно со старухами, и ей даже пріятно было имѣть въ Любѣ новую союзницу.

## XII.

Люба очень скоро свыклась со своимъ положеніемъ. Только первые дни ходила она какъ въ туманѣ и каждый вечеръ ложилась въ постель необыкновенно уставшею. Да и какъ было не утомиться ей въ царскомъ теремѣ, рядомъ съ которымъ перхуловскій домъ представлялся такимъ крохотнымъ и тихимъ.

Московскій теремъ вмѣщалъ въ себѣ несмѣтное число женщинъ всѣхъ возрастовъ; съ утра и до вечера по его покоямъ, переходамъ, корридорамъ и галлерейкамъ, взадъ и впередъ, то и дѣло сновали всякія теремныя жилицы, начиная съ прислуги и кончая боярынями, приближенными къ царевнѣ. И весь этотъ людъ заинтересовался новой жилицей Любой. Всѣ спѣшили съ ней перезнакомиться, узнать кто она, откуда, что за птица. Нѣсколько десятковъ разъ приходилось ей разсказывать про себя одно и тоже, выслушивать одни и тѣ-же замѣчанія.

Старухи накидывались на нее, порицали ея поступокъ, ея неслыханную смѣлость и прямо въ лицо объявляли ей, что пути изъ нея не будетъ. Молодыя завидовали ея счастью, тому, что она безъ всякихъ заслугъ со своей стороны, невѣдомо откуда пришедшая, сразу оказалась въ любимицахъ царевны Софьи.

Люба должна была держать ухо востро, обдумывать каждый свой шагъ, каждое слово, чтобъ не нажить себѣ лишнихъ и опасныхъ враговъ и чтобъ, напротивъ, пріобрѣсти кое-какихъ пріятельницъ.

Впрочемъ она скоро оказалась разумной и разсудительной; смущеніе и робость первыхъ дней прошли. Царскій теремъ и даже сама Царь-дѣвица уже не казались ей сновидѣніемъ, она поняла, что живетъ и что нужно уразумѣть смыслъ той жизни, которая ее окружаетъ.

Въ перхуловскомъ домѣ, приниженная, оскорбляемая и обязанная сносить безропотно всѣ оскорбленія. она конечно не могла быть сама собою. Здѣсь же ея положеніе оказалось совершенно иное, здѣсь нельзя было безнаказанно обижать ее, да и самое недоброжелательство къ ней должно было скрываться. Она почуяла себя въ большемъ просторѣ и выказала всѣ свои способности. На ея лицо вернулась давно позабытая дѣтская улыбка, съ полнотою и довольствомъ жизни вылетѣло все мрачное изъ мыслей. Ей хотѣлось пѣть, ликовать, и она глядѣла на всѣхъ свѣтлыми глазами, для всѣхъ у ней готово было ласковое слово. И многія изъ тѣхъ, кто съ перваго раза отнесся къ ней недружелюбно, въ короткое время примирились съ ея положеніемъ царевниной любимицы, старались сблизиться съ нею и многія даже заискивали въ ней, надѣясь черезъ ея посредство и ходатайство передъ царевной кое чего добиться. Но Любу провести было трудно. Она безсознательно, инстинктивно чувствовала, кто съ нею искрененъ и кто только прячется подъ ласковую личину. Иной разъ ей даже трудно было удержаться, хотѣлось выразить свое негодованіе какой нибудь лживой женщинѣ, увѣрявшей ее въ дружбѣ, и готовой сейчасъ же вывести на нее какую угодно сплетню. Но она удерживалась и не выказывала своего чувства.

„Да Богъ съ ними! думала она, пускай себѣ лгутъ и притворяются—мнѣ то какое дѣло? лишь бы не потерять милости царевны, лишь бы Өедорушка отъ меня не отвернулась.“

Өедорушка сдѣлалась ея искреннимъ другомъ и съ ея то помощью, изъ ея разсказовъ, вся подноготная терема скоро стала ясна для Любы.

По своему обыкновенію думая и раздумывая о томъ, что вокругъ нея творится, Люба не могла не вспоми-

нать Суздаля. Двѣ различныя величины, малая и большая—перхуловскій домъ и царскій теремъ, не смотря на все видимое различіе, въ сущности походили другъ на друга—какъ тамъ, такъ и здѣсь женская жизнь являла однѣ и тѣ-же черты, ту же замкнутость и однообразіе. Разница была только въ томъ, что противъ этой замкнутости и однообразія въ перхуловскомъ домѣ безсильно протестовала одна Люба,—здѣсь же возмущеніе началось очевидно не со вчерашняго дня, велось подъ знаменемъ царевны Софьи и нѣкоторыхъ изъ ея сестеръ.

Къ этому возмущенію примкнули всѣ болѣе или менѣе молодыя обитательницы терема, и старухи стоявшія за стародавніе обычаи, оказывались въ меньшинствѣ; но все же онѣ не признавали себя побѣжденными и весьма многія внѣшнія формы жизни велись по старому.

Царскій московскій теремъ въ то время какъ попала въ него Люба былъ весьма обширенъ—его перестроили въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Да и нельзя было иначе—у каждой царевны былъ свой большой штатъ, а царевенъ въ ту пору было немало. Три царевны-тетки, Михайловны: Ирина, Анна и Татьяна, да шесть царскихъ сестеръ Алексѣевенъ: Евдокія, Марфа, Софья, Екатерина, Марья и Ѳеодосья. Кромѣ того двѣ царицы: Наталья Кирилловна съ дѣтьми Петромъ и Натальей, да вторая супруга царя Ѳеодора, только что съ нимъ обвѣнчанная, пятнадцатилѣтняя Марфа Матвѣевна изъ рода Апраксиныхъ.

Еслибы пришлось быть одной хозяйкѣ надъ всѣмъ этимъ многолюднымъ теремомъ, то ей нужно было бы вести жизнь каторжную, потому что нечеловѣческихъ усилій требовалось для веденія такого хозяйства. Кто бы могъ соблюсти миръ, дружбу и спокойствіе между всѣми этими родственницами!

Разсказывали, что покойная царица, первая супруга Алексѣя Михайловича, Марья Ильинична, не дожившая до старости, много намучилась и сократила свою жизнь именно потому, что хозяйничанье въ теремѣ пришлось ей больно солоно.

Вторая супруга Алексѣя Михайловича, Наталья Кирилловна, спаслась отъ хозяйскихъ мукъ только великою къ ней любовью царя, неустанно заботившагося о томъ, чтобъ отстранять отъ нея всѣ непріятности и даже для этой цѣли отдѣльно ее поселившаго.

Теперь, собственно говоря, хозяйки не было въ теремѣ. Наталья Кирилловна съ дѣтьми продолжала жить особо, да ее никто и не считалъ хозяйкой. Въ теремѣ ее ненавидѣли и только помышляли о томъ, какъ бы сдѣлать ей побольше непріятностей. Новая молодая царица едва успѣла ознакомиться съ теремомъ и по своимъ лѣтамъ конечно не могла быть хозяйкой.

Старшія царевны Михайловны пользовались уваженіемъ отъ младшихъ, но очень хорошо понимали, что стоитъ имъ только заявить право старшинства, какъ это уваженіе превратится въ недоброжелательство, во вражду, успѣшно вести которую у нихъ силъ не хватитъ. Поэтому онѣ старались держать себя очень тихо и скромно и возвышать свой голосъ только тогда, когда этого непремѣнно требовали отъ нихъ. Къ тому же царевны Михайловны еще имѣли одну причину, замыкаться въ своихъ покояхъ и принимать мало участія въ общей теремной жизни: онѣ сильно были недовольны новыми нравами и обычаями, забравшимися въ теремъ.

Старшая царевна Михайловна, уже шестидесятилѣтняя старушка, въ бесѣдѣ съ духовникомъ своимъ постоянно твердила ему, что грѣхъ великій живетъ нынѣ и въ царскомъ домѣ, что содрогаются кости покойнаго батюшки царя Михаила Ѳеодоровича отъ того срама и ужаса, которые творятся въ его семействѣ.

— Да, не тѣмъ будь помянутъ покойный братецъ, великій государь Алексѣй Михайловичъ, человѣкъ онъ былъ добрый и набожный и до насъ ласковый—за это великое ему спасибо, и мы о душѣ его ежечасно молимся,—но все же и онъ взялъ великій грѣхъ себѣ на душу, попалъ таки въ когти дьяволу, допустилъ много зла своею слабостью. И отъ его слабости выросло въ теремѣ древо нечестія, а ужъ теперь, по его смерти, къ племянницамъ намъ зазорно и выглянуть—такое у нихъ творится. Бывало, какъ мы были молоды, у насъ въ теремѣ тишь да гладь, да Божья благодать—ни одинъ мужчина заглянуть не смѣетъ, близкихъ родныхъ и тѣхъ не видали, только отецъ духовный и вхожъ былъ къ намъ съ матушкой. Теперь же племянницы цѣлую ораву мужчинъ въ теремъ нагнали: всѣ Милославскіе ходятъ, да и не вѣсть кто. А ужъ про племянницу Софью и говорить нечего—та совсѣмъ какъ басурманка какая живетъ, прости Господи!...

Какъ же было и не жаловаться старой царевнѣ на новые порядки теремной жизни? Она выросла въ строгихъ нравахъ. Въ ея время царица и царевны почти никогда не выходили изъ своихъ покоевъ, проводя круглый день въ обществѣ приближенныхъ женщинъ и дѣвушекъ изъ лучшихъ родовъ боярскихъ. Всѣ занятія и развлеченія ихъ состояли въ вышиваніи да нарядахъ, и некому было полюбоваться на красоту ихъ—не попадались онѣ на глаза ни одному мужчинѣ, даже государя рѣдко видывали, никогда не обѣдали за однимъ столомъ съ нимъ. Самыя приближенныя къ государю лица, посѣщавшія царскій дворецъ ежедневно въ теченіи многихъ лѣтъ, зачастую ни разу не видали царицы и царевенъ. Даже и врачъ никогда не могъ ихъ видѣть. Если случится съ царицей или царевной болѣзнь какая и оказывается необходимымъ присутствіе доктора, то сначала всю комнату больной, всѣ окна завѣсятъ черными занавѣсками, чтобъ было темно какъ ночью, и тогда только впустятъ врача. Нужно ему пощупать пульсъ у больной, такъ руку ея окутаютъ тонкимъ покровомъ, чтобы врачъ не могъ коснуться ея тѣла.

Случится нужда выѣхать царицѣ и царевнамъ на богомолье, такъ ѣдутъ онѣ въ каретѣ или саняхъ, со всѣхъ сторонъ плотно закрытыхъ. Въ церковь выходятъ по особой крытой галлереѣ и отведено имъ такое мѣсто, что никто изъ стоящихъ въ храмѣ ихъ не видитъ.

Никто изъ народа не смѣетъ даже мелькомъ взглянуть на нихъ и при встрѣчѣ долженъ падать ницъ и закрывать себѣ лицо. Если случайно кто нибудь осмѣлится взглянуть на царицу или царевну, то ждать ему бѣды неминучей. Сейчасъ начнется розыскъ и допросъ, не было ли у него злого умысла.

Царевна Анна конечно могла съ благоговѣніемъ вспоминать свою старину, хвалить чистоту прежнихъ нравовъ и осуждать свободу и распущенность новаго терема—она уже дожила до старости, уже все земное вышло изъ ея помысловъ и единственное утѣшеніе осталось ей въ молитвѣ. Но еслибы хорошенько вспомнила она свою молодость, все, что когда то было ею пережито и перечувствовано, то врядъ ли бы стала такъ нападать она на племянницъ и такъ расхваливать свое время.

Тяжела была въ прежніе годы жизнь русской царевны. Всякая дѣвушка, родившаяся не въ царскомъ семействѣ, хоть и подвергалась тоже немалымъ строгостямъ и должна была вести жизнь уединенную, все же отъ нея не отняты были права на семейное счастье. Достигнувъ извѣстнаго возраста, она выходила замужъ, положимъ, не видавъ до свадьбы своего жениха и не зная кто будетъ ея господиномъ, но все же у нея оставалась надежда, что этотъ невѣдомый господинъ окажется по сердцу, будетъ добрымъ мужемъ. Да и наконецъ, отлично понимая, что отъ своей судьбы не уйдешь и не найдешь себѣ другую, русская женщина привя-

зывалась даже и къ плохому мужу. Потомъ у нея являлись дѣти, а съ ними и новая радость, новая прелесть жизни.

Русская же царевна не имѣла передъ собой никакой надежды на семейное счастье. Со дня рожденія, по одному своему положенію, она была обречена на вѣчное дѣвство. Выдать ее замужъ оказывалось невозможнымъ—бракъ съ иноземнымъ принцемъ не допускался по религіознымъ причинамъ, а бракъ съ человѣкомъ русскимъ, со своимъ подданнымъ, хотя бы изъ высокаго боярскаго, или княжескаго рода, считался зазорнымъ для царевны. Такимъ образомъ дѣвица царевна волей неволей должна была готовиться въ монастырки, постницы, монахини. Радость и счастье наполняли ея жизнь только въ дѣтствѣ, когда эти радость и счастье безсознательны и зарождаются сами собою, безъ всякой видимой причины. Но едва царевна вступала въ сознательный возрастъ, едва начинала развиваться физически и умственно, едва являлась въ ней законная, естественная потребность въ радости и счастьи, въ нѣкоторой полнотѣ жизни, какъ являлась передъ нею мысль о томъ, что она навсегда должна гнать отъ себя всѣ свѣтлыя грезы, что не для нее то, о чемъ мечтаютъ, чего дожидаются и что получаютъ другія дѣвушки, начиная отъ боярышни и кончая каждой простой поселянкой.

Большинство русскихъ царевенъ кончали жизнь въ монастыряхъ и всѣ безъ исключенія, которыя оставались жить въ мірѣ, не выходили замужъ.



**СПБ. Императорскій Эрмитажъ: Мать Рембрандта**, картина П. Рембрандта, рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

Конечно нѣкоторыя изъ нихъ неспособны были безропотно подчиняться своей горькой долѣ. Горячая кровь заявляла свои законныя требованія и несчастная царевна начинала борьбу за право жизни. Но какъ же могла она бороться противъ укоренившагося и признаннаго священнымъ и неизмѣннымъ обычая? Она могла бороться тайно, подъ видомъ скромницы и постницы жить никому невѣдомою, отъ всѣхъ глазъ скрываемою, тайною жизнью сердца.



Литературный альбомъ. „Анна Каренина“ романъ графа Л. Толстого. (Свиданіе Анны Карениной съ сыномъ).
Рис. А. Кившенко, грав. Пуцъ и Шиблеръ.

Молодость требовала любви и предметомъ этой любви являлся первый мужчина, съ которымъ могла встрѣтиться царевна.

Подъ тихими сводами терема происходило не мало всякихъ драмъ и комедій, далеко не идеальнаго содержанія. Героемъ романа несчастной затворницы часто являлся какой нибудь простой красивый слуга—почти единственное мужское лицо, которое можно было увидѣть въ теремѣ.

Иногда случался и другаго рода грѣхъ: царевна увлекалась своимъ духовникомъ и духовникъ не имѣлъ силы противиться искушенію.

Эта тайная соблазнительная исторія иной разъ оканчивалась очень трагично. Какъ ни хитро устраивали свои дѣла затворницы, все же не могли онѣ скрываться другъ отъ друга, поневолѣ должны были искать въ своихъ сожительницахъ помощницъ себѣ и укрывательницъ ихъ грѣха. Случалось такъ, что женщины поссорятся между собою и вотъ вчерашній другъ и наперсница идетъ съ доносомъ. Дѣло доходитъ до государя и тутъ ужъ никому нѣтъ спасенья: срамъ и позоръ царскаго рода смываются кровью и лютыми муками виновныхъ и невинныхъ. При самомъ лучшемъ исходѣ согрѣшившую царевну ожидаетъ далекая монастырская келья, суровое одиночное заключеніе, тюрьма страшная съ голодомъ и холодомъ.

Другой разъ пройдетъ незамѣтно, никому невѣдомо тайная теремная исторія; всѣ концы схоронятъ въ воду; теремъ торжествуетъ. Но можно себѣ представить какъ весь онъ, отъ мала до велика, занятъ этими похожденіями одной изъ своихъ сожительницъ. Какіе идутъ разговоры, пересуды, сплетни, какъ отъ дурнаго, соблазнительнаго примѣра извращается воображеніе теремныхъ обитательницъ.

(Продолженіе будетъ).

## Литературный альбомъ.

### „Анна Каренина“, романъ графа Л. Толстого.

Романъ графа Л. Толстого „Анна Каренина“, конечно, прочитанъ громаднымъ большинствомъ русской читающей публики. Слава романиста, какъ автора сочиненія „Война и миръ“, имѣвшаго огромный успѣхъ, не могло не способствовать тому, чтобы на его послѣдній романъ „Анна Каренина“ было обращено всеобщее вниманіе, подобно тому, какъ оно обращалось и ранѣе на всѣ литературныя произведенія этого первокласснаго русскаго писателя.

Помѣщая въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ рисунокъ, изображающій одну изъ лучшихъ сценъ романа, и имѣя въ виду помѣстить въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Нивы“ еще рисунокъ изъ этого же романа, разскажемъ здѣсь его содержаніе, насколько позволяютъ размѣры нашего журнала. Но предварительно считаемъ нужнымъ замѣтить, что для составленія настоящаго понятія о значеніи и достоинствахъ послѣдняго произведенія графа Л. Толстого, необходимо прочесть его все, и только тогда будетъ ясно, на какой неизмѣримой высотѣ стоитъ графъ Толстой по сравненію съ современными романистами не только Россіи, но и всего свѣта.

Въ настоящей статьѣ, не дѣлая разбора романа, ограничиваемся изложеніемъ его содержанія.

Романъ „Анна Каренина“ собственно состоитъ изъ двухъ романовъ. Оба они пересѣкаются въ произведеніи Толстого, хотя развитіе каждаго идетъ почти независимо, имѣя только слабую внѣшнюю связь между собою.

Въ одномъ романѣ, главнымъ лицомъ является Анна Каренина.

Исторія ея жизни слѣдующая:

Выйдя замужъ за человѣка старѣе ее на двадцать лѣтъ, бюрократа, живущаго по разъ опредѣленнымъ правиламъ, замѣняющимъ мѣсто живой души, Анна естественнымъ образомъ не могла полюбить его, хотя и прожила съ нимъ восемь лѣтъ, оставаясь вѣрною своему долгу, чести и совѣсти. Встрѣтясь однажды съ блестящимъ флигель-адъютантомъ Вронскимъ, она увлеклась имъ, и это увлеченіе имѣло для всей ея жизни тяжелыя послѣдствія.

Изящный, очень богатый и образованный человѣкъ, представитель петербургской золотой молодежи, Вронскій также какъ и мужъ Анны, старикъ Каренинъ, имѣлъ свой сводъ правилъ, у нихъ различны были только интересы жизни. Интересы и цѣли жизни Вронскаго были: полкъ, товарищество, лошади... Правила его были несложны, онѣ опредѣляли, по словамъ автора, что нужно платить шулеру и можно не платить портному, что нельзя лгать мужчинамъ и можно обманывать женщинъ, что нельзя прощать оскорбленій, а оскорблять дозволительно и т. п. „Исполняя свои правила, Вронскій чувствовалъ, что онъ спокоенъ и можетъ высоко носить голову“.

Увлеченная Анна отдалась Вронскому вполнѣ. Ее привела къ паденію неудовлетворенная потребность женскаго горячаго сердца—любви и преданности. Съ Вронскимъ въ первый разъ Анна встрѣтилась въ Москвѣ, куда она пріѣхала, чтобы возстановить миръ въ семьѣ своего брата, Степана Аркадьевича Облонскаго. Степанъ Аркадьевичъ представляетъ собою счастливаго, благодушнаго человѣка, ставящаго себѣ идеаломъ пріятную жизнь, хорошій обѣдъ, красивыхъ женщинъ, спокойный сонъ для возстановленія силъ и снова хорошій обѣдъ, вкусное вино и т. д. и т. д. Въ описываемое время Степанъ Аркадьевичъ увлекшись гувернанткою своихъ дѣтей, возмутилъ необычайно кроткую супругу свою Долли, и самъ чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи.

Съ нѣкоторымъ содѣйствіемъ Анны, въ семьѣ Облонскихъ снова возстановляется миръ семьи и пріятная жизнь Степана Аркадьевича; Анна проводитъ нѣсколько дней въ Москвѣ. Здѣсь собственно и произошла ея встрѣча съ Вронскимъ. Встрѣтила она Вронскаго на одномъ изъ московскихъ баловъ. Встрѣча была мимолетная: она танцовала съ нимъ, но эта мимолетная встрѣча уже была предвозвѣстницей будущей роковой судьбы Анны, судьбы, которую авторъ романа охарактеризовалъ словами эпиграфа, поставленнаго въ началѣ романа, а именно слѣдующими, взятыми изъ св. писанія: „Мнѣ отмщеніе—и азъ воздамъ“.

Уѣзжая послѣ упомянутой встрѣчи въ Петербургъ къ мужу и сыну, Анна снова встрѣчаетъ Вронскаго въ вагонѣ желѣзной дороги.

— Я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы—я не могу иначе, успѣваетъ сказать Вронскій Аннѣ.

Анна старается отвѣчать ему холодно, но напрасны ея усилія, придать строгое выраженіе своему лицу, и она чувствуетъ, что завязавшійся между ними минутный разговоръ страшно сблизилъ ихъ.

Въ Петербургѣ Анна видится съ Вронскимъ въ великосвѣтскихъ кружкахъ, которые она посѣщаетъ. Любовь ихъ ростетъ и уже не можетъ укрыться отъ глазъ мужа Анны, Алексѣя Александровича Каренина. Онъ замѣчаетъ впечатлѣніе, производимое Вронскимъ на Анну и здѣсь впервые живо представляетъ себѣ ея личную жизнь, ея мысли, ея желанія. Переноситься мыслію и чувствомъ въ другое существо—было душевное дѣйствіе, чуждое Алексѣю Александровичу. Каренинъ хочетъ объясниться съ женой, но она отвѣчаетъ ему, какъ бы не понимая его вопросовъ.

Скоро, однакожь, несчастный случай ушиба Вронскаго на скачкахъ въ Красномъ селѣ и волненіе Анны, выразившееся очень ясно испугомъ и крикомъ ужаса, открываетъ совершенно глаза Алексѣю Александровичу. И сама Анна, будучи по натурѣ своей не настолько испорченной, чтобы спокойно скрывать свою вину предъ мужемъ, говоритъ ему о своихъ короткихъ отношеніяхъ къ Вронскому.

— Я люблю его, я его любовница... Я боюсь, я ненавижу васъ, говоритъ она, рыдая.

Признаніе это произошло въ каретѣ, въ которой мужъ увозилъ ее со скачекъ на дачу. Сцена этого признанія мастерски написана авторомъ. Необыкновенно тонкими штрихами онъ рисуетъ чувство оскорбленнаго самолюбія Алексѣя Александровича. Въ первое время открытія страшной тайны Алексѣй Александровичъ не пошевелился и неизмѣнилъ направленія своего взгляда; но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертваго. Недвижный, сраженный словами жены, онъ увидѣлъ, что все прошедшее было обманъ, что будущаго нѣтъ, всему конецъ—передъ нимъ смерть во всемъ ея ужасномъ торжествѣ. Ему нанесенъ смертельный ударъ. Онъ что-то шепчетъ о приличіи, о своей чести, но онъ кажется самъ хорошо не сознаетъ, что онъ говоритъ; онъ убитый.

Проводивъ жену на дачу, Каренинъ возвращается въ Петербургъ. Оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, онъ нѣсколько отдохнулъ, мысли его начали приходить въ порядокъ, а дѣловыя бумаги напомнили ему о его положеніи въ свѣтѣ, о его служебной дѣятельности. Алексѣй Александровичъ начинаетъ придумывать, какъ бы поскорѣе поправить стрясшуюся надъ нимъ бѣду и втиснуть обманъ жены въ рамки своего кодекса руководящихъ правилъ. Онъ припоминаетъ всѣхъ обманутыхъ мужей, обдумываетъ средства какъ бы съ честію выйти изъ того положенія, въ которое поставила его Анна и наконецъ приходитъ къ убѣжденію, что все должно оставаться по старому. Затѣмъ послѣ такого заключенія онъ пишетъ Аннѣ между прочимъ слѣдующее: „Семья не можетъ быть разрушена по капризу, произволу, или даже по преступленію одного изъ су-

пруговъ, и наша жизнь должна идти, какъ она шла прежде. Это необходимо для меня, для васъ, для нашего сына. Я вполнѣ увѣренъ, что вы раскаялись и раскаиваетесь въ томъ, что служитъ поводомъ настоящаго письма, и что вы будете содѣйствовать мнѣ въ томъ, чтобы забыть прошедшее".

Каренинъ начинаетъ вѣрить, что пройдетъ время, все устрояющее время, и отношенія между нимъ и женой возстановятся прежнія. „Она должна быть несчастлива, но я не виноватъ и потому не могу быть несчастливъ". Каренинъ предлагаетъ женѣ въ письмѣ оставить дачу и возвратиться къ нему въ Петербургъ. Анна въ это время на дачѣ терзается и мучится, придумывая тысячи плановъ и не зная, на что ей рѣшиться. Утромъ слѣдующаго дня, какъ она призналась мужу, она раскаивается въ своемъ вырванномъ признаніи: невыносимо жаль ей стало сына, затѣмъ стало страшно за позоръ, явились сомнѣнія относительно и Вронскаго; ей стало казаться, что Вронскій можетъ тяготиться ей... Наконецъ, она рѣшается уѣхать въ Москву и увезти сына. Письмо мужа, полученное среди этихъ думъ и терзаній сердца,—письмо такого выраженія и просьбы, какъ вышеприведенное, поднимаетъ въ ней бурю злобы, желчи. „Низкій, гадкій человѣкъ, думаетъ она. Онъ восемь лѣтъ душилъ мою жизнь и ни разу не подумалъ, что я живая женщина, которой нужна любовь; на каждомъ шагу онъ оскорблялъ меня и оставался всегда доволенъ собой. Я-ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что не могу больше себя обманывать, что я живая". Анна плачетъ и чувствуетъ, что она не въ состояніи въ тоже время сдѣлать ничего рѣшительнаго. Ей нуженъ Вронскій, но ей нуженъ и сынъ, она любитъ сына и безъ него для нея не можетъ быть жизни даже съ тѣмъ, кого она любитъ. А Алексѣй Александровичъ не отдастъ ей сына, это ясно. Она теряется, раздумываетъ ѣхать въ Москву, хочетъ видѣться и посовѣтоваться съ Вронскимъ. Она утѣшаетъ себя, что свиданіе съ Вронскимъ приведетъ къ какому-нибудь рѣшенію и перемѣнѣ въ ея судьбѣ. Однакожь, извѣстія Анны, какъ видно, застаютъ Вронскаго, врасплохъ; онъ обѣщаетъ только чрезъ нѣсколько времени быть въ Петербургѣ и тогда „все рѣшится" говоритъ онъ. Анна переѣзжаетъ къ мужу. Блѣдный, съ трясущимися руками, Каренинъ едва овладѣлъ собою подъ вліяніемъ гнѣва, когда Анна рѣшительно объявила ему, что она дурная женщина; но ничего перемѣнить не можетъ. Каренинъ предлагаетъ ей условія совмѣстной жизни, съ тѣмъ, чтобы Анна никогда не встрѣчала болѣе Вронскаго, но затѣмъ, чтобы „ни свѣтъ, ни прислуга, не могли обвинить ее". Анна не находитъ въ себѣ силы ни отвѣчать опредѣленно, ни отказаться отъ Вронскаго и продолжаетъ видѣться съ Вронскимъ хотя и внѣ дома, однажды она даже пригласила его къ себѣ. Ни къ какому рѣшенію они, какъ явствуетъ, не пришли. По поводу своихъ отношеній къ Аннѣ, Вронскій начиналъ чувствовать, что сводъ его правилъ не вполнѣ опредѣлялъ всѣ условія; и въ будущемъ представлялись сомнѣнія, въ которыхъ онъ не находилъ руководящей нити. Во время этого посѣщенія, Вронскій у входа въ домъ сталкивается съ мужемъ Анны... Каренинъ, дѣлая надъ собою страшныя усилія, безмолвно отвѣчаетъ на поклонъ Вронскаго. Анна не вѣрила, чтобы мужъ ея могъ страдать. Не говори про это, говорила она Вронскому на замѣчаніе, что Алексѣй Александровичъ несчастенъ.

— Это не мущина, это не человѣкъ—это кукла. Это министерская машина. Онъ не понимаетъ, что я твоя жена, что онъ лишній.

Такъ отзывается она о своемъ мужѣ. Она была озлоблена противъ него за свое прошлое и за настоящее стѣсненное, мучительное положеніе. Между мужемъ и женой послѣ этой встрѣчи происходитъ сцена. Каренинъ объявляетъ, что онъ ѣдетъ въ Москву и болѣе въ свой домъ не вернется, что онъ удалитъ сына, а о дальнѣйшемъ рѣшеніи Анна получитъ свѣдѣнія отъ адвоката, которому онъ поручитъ дѣло развода. Въ Москвѣ Каренинъ вдругъ получаетъ телеграмму, что Анна больна при смерти, и что она молитъ его о прощеніи и пріѣздѣ. Отказать умирающей Каренинъ не нашелъ въ себѣ силы, къ тому же въ его душѣ возникла надежда, что смерть Анны развяжетъ всю трудность его положенія—и онъ рѣшился вернуться. Анна дѣйствительно была, такъ сказать на краю гроба; въ полубреду горячки она, съ восторженною нѣжностью смотря на мужа, молитъ его о прощеніи. Вронскій былъ тутъ же. Чувство любви и прощенія къ врагамъ наполняетъ душу Каренина, въ головѣ его спутываются въ это время понятія о человѣческихъ отношеніяхъ.. Смущенный и умиленный, онъ подаетъ руку Вронскому... Анна однакожь остается жива, произведя на свѣтъ дочь Вронскаго.

— Счастіе прощенія открыло мнѣ мою обязанность, вы можете затоптать меня въ грязь, сдѣлать посмѣшищемъ свѣта; но я никогда не покину ее, говоритъ Каренинъ Вронскому.

Всѣ съ удивленіемъ смотрятъ на Каренина, незная какъ объяснить его дѣйствія, и всѣ ждутъ, что будетъ далѣе. Самъ Каренинъ также кажется начинаетъ сознавать непрочность своихъ отношеній къ женѣ; но онъ, просиживая надъ колыбелью новорожденной дѣвочки, заботится и о ней..

Вронскій рѣшительно униженъ великодушіемъ Каренина, въ тоже время ему кажется, что онъ никогда еще не любилъ такъ сильно Анну, какъ любитъ теперь. Въ отчаяніи онъ рѣшается на самоубійство, но ранитъ себя не смертельно и выздоравливаетъ. Впрочемъ, послѣ этой попытки застрѣлиться, Вронскій утѣшаетъ себя, что онъ искупилъ свою вину предъ обманутымъ мужемъ и можетъ думать о немъ безъ стыда собственнаго униженія.

Тоскуя объ Аннѣ, Вронскій рѣшается ѣхать въ Ташкентъ. Неудачная попытка Вронскаго застрѣлиться представляется Аннѣ высокимъ поступкомъ. Этотъ поступокъ еще возвысилъ въ ея глазахъ ея героя. Передъ отъѣздомъ въ Ташкентъ влюбленные рѣшаются видѣться. Анна проситъ разрѣшенія у мужа принять въ ихъ домѣ Вронскаго. Каренинъ отвѣчаетъ, что не видитъ въ томъ надобности: чтобы Вронскій былъ у нихъ, и отказъ снова приводитъ Анну въ раздраженіе: въ ней кипитъ ненависть къ мужу, она чувствуетъ къ нему непреодолимое отвращеніе, она ненавидитъ его за его великодушіе, за его добродѣтель... Каренинъ убѣждается, что порядокъ жизни не можетъ такъ оставаться и не знаетъ самъ, что дѣлать, какъ быть. Анна кидается къ брату Облонскому и въ свою очередь проситъ его устроить ея отношенія—выхлопотать для нея разводъ съ мужемъ. Горечь и стыдъ наполнили душу Каренина, онъ отворачивался отъ шурина, когда тотъ намекалъ ему объ условіяхъ, на которыхъ желательно было бы основать разводъ. Слезы подступили къ горлу Алексѣя Александровича, но онъ далъ обѣщаніе взять на себя весь позоръ и, обѣщая это вмѣстѣ съ горемъ и стыдомъ, Каренинъ доволенъ собою: онъ испытываетъ радость и умиленіе предъ высотой своего смиренія.

Извѣщенный объ успѣхѣ, Вронскій спѣшитъ къ Аннѣ и вмѣсто Ташкента они оба ѣдутъ за-границу. Анна, наконецъ, оставляетъ для любовника сына. Они ѣздятъ по Европѣ. Анна чувствуетъ себя непростительно счастливой первое время. Но неопредѣленность ихъ положенія не даетъ имъ возможности пользоваться нѣкоторыми удовольствіями, къ которымъ они привыкли. Такъ, они лишены сношеній съ обществомъ, которое имъ дорого и безъ котораго имъ нелегко оставаться. Достопримѣчательности всѣ осмотрѣны, а дѣла у нихъ никакого не оказывается и мало по малу въ жизнь влюбленныхъ врывается скука. Съ своей стороны Анна начинаетъ мучить подозрѣніями Вронскаго, ей хочется чтобы Вронскій былъ постоянно съ нею, чтобы онъ не замѣчалъ никого, кромѣ нея, и не стѣснялся неволей. Они рѣшаютъ поѣхать въ Россію въ деревню. Проѣздомъ чрезъ Петербургъ на долю Анны пришлось вынесть тяжелое испытаніе. Въ сердцѣ ея проснулось и заговорило материнское чувство. Мысль о свиданіи съ сыномъ не отступно ее преслѣдуетъ, желаніе увидѣть сына беретъ верхъ надъ всѣми другими желаніями—и она рѣшается во чтобы то ни было видѣться съ своимъ милымъ Сережей, она не хочетъ и не можетъ любить свою дочь, какъ любитъ сына.

По отъѣздѣ Анны заграницу, Каренинъ окончательно измѣнился, высохъ и замеръ; та привязанность, которую онъ испытывалъ къ Аннѣ, исключила въ его душѣ послѣднія потребности сердечныхъ отношеній къ людямъ. Хотя онъ и продолжалъ ѣздить въ комитетъ, подписывать бумаги, и составляетъ проекты, но ему кажется, что онъ всѣмъ этимъ только служитъ Господу, что онъ спасенъ и святъ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ Каренинъ началъ руководиться Св. писаніемъ и любимымъ его текстомъ служитъ изрѣченіе апост. Павла: „Женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ, не женатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу". Онъ не замѣчаетъ своего безнадежнаго положенія въ служебномъ мірѣ, что его уже не признаютъ болѣе за человѣка ума и въ его поступкахъ не видятъ силы воли. Къ достиженію такого состоянія много способствовала нѣкая графиня Лидія Ивановна, забравшая въ свои руки всѣ заботы по устройству и веденію дома Каренина. Анна узнаетъ о томъ, что дѣлается въ домѣ мужа и проситъ Лидію Ивановну о свиданіи съ сыномъ. Религіозная Лидія Ивановна отвѣчаетъ оскорбленіемъ, и тогда Анна тайкомъ, раннимъ утромъ пробирается въ комнату сына. Она является у его постели. Задыхаясь отъ радости, Анна обнимаетъ его, слушаетъ его голосъ. Эта именно сцена свиданія Анны съ своимъ сыномъ представлена на помѣщенномъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы" рисункѣ.

Описывая сына Анны, авторъ рисуетъ цѣлый, совсѣмъ особый міръ маленькаго сына Карениныхъ. Эти страницы полны силы и необыкновенной свѣжести. Авторъ какъ бы проникъ въ душу ребенка, и міръ его души оказывается такимъ же любопытнымъ какъ міръ взрослыхъ. Яркими красками выступаетъ затаенная любовь ребенка къ его матери, его сокровенная мечта когда нибудь, гдѣ нибудь отыскать мать. Ребенокъ не вѣрилъ въ смерть ея, въ которой хотѣли его увѣрить. Но раздаются шаги отца и Анна должна оторваться отъ своего счастія.

Въ гостинницѣ полная впечатлѣній, только что испытанныхъ, возвратившаяся отъ сына Анна начинаетъ перебирать альбомъ,—находитъ карточку сына, а за тѣмъ—Вронскаго. Въ настрадавшейся женщинѣ быстро смѣняются чувства, радость и страхъ, вѣра и сомнѣнія. Она посылаетъ за Вронскимъ, хочетъ говорить съ нимъ, подѣлиться своими чувствами, разсказать ему о сынѣ и успокоиться съ нимъ, но ей говорятъ, что у него гость, что Вронскій проситъ позволенія войти къ ней съ го-

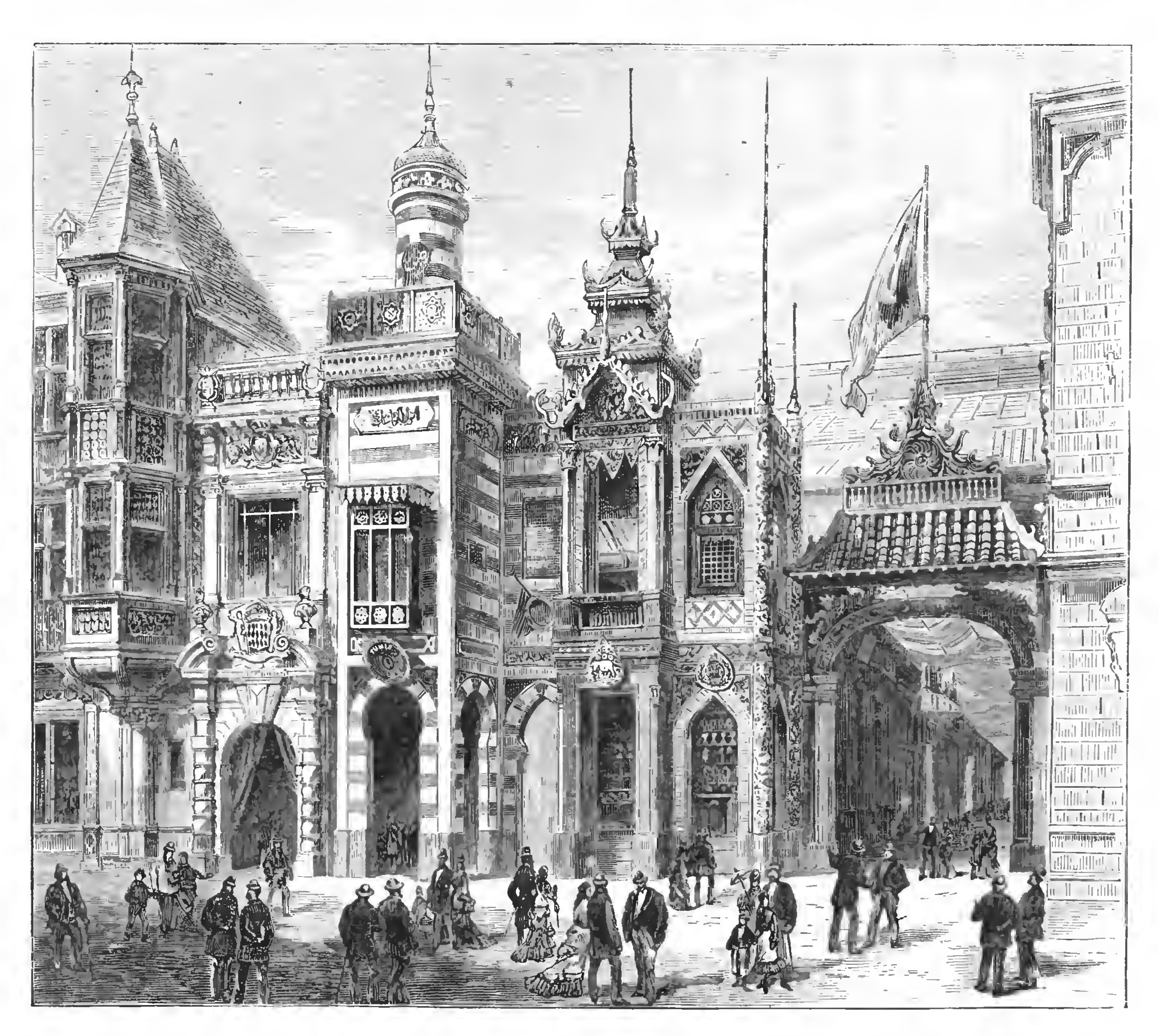
стемъ. И въ душу Анны западаетъ сомнѣніе, что Вронскій разлюбилъ ее, ему скучно съ ней, онъ не хочетъ ее выслушивать. Анна терзается, создавая рядъ предположеній и ѣдетъ въ оперу. Тамъ она возбуждаетъ общее вниманіе, насмѣшки, выраженія недовольства. Вронскій былъ противъ этой поѣздки въ оперу и теперь въ отчаяніи. Разстроенная Анна послѣ того самаже напускается на Вронскаго и за всѣ огорченія упрекаетъ его же.

— Ты, ты виноватъ во всемъ. Если бы ты любилъ меня, какъ я, если бы ты мучился, какъ я... говоритъ она въ отчаяніи и злобѣ.

Вронскому съ трудомъ доводится ее успокоить увѣреніями своей любви и на другой день, примиренные, они уѣзжаютъ изъ Петербурга.

Въ деревнѣ Вронскій создаетъ себѣ множество разнаго рода дѣлала Анна каждый разъ, какъ ему надо было ѣхать въ городъ или для развлеченій или за дѣломъ. Ихъ семейное счастіе не устроивалось вслѣдствіе фальшивости отношеній и условій среды. Дѣло о разводѣ затихло. Каренинъ не принималъ мѣръ и занимаясь какимъ-то религіознымъ колдовствомъ, ждалъ приказаній на разводъ свыше.

Но Вронскій, вѣрилъ, что сама Анна, своими настаиваніями, письмами и требованіями развода отъ мужа, могла бы двинуть дѣло и онъ сталъ упрашивать Долли Облонскую, съ которой была близка Анна, одной ей откровенно высказывалась,— убѣдить Анну хлопотать о разводѣ. Но Анна рѣшительно заявляетъ, что Алексѣй Александровичъ если и согласится на разводъ, то не отдастъ все таки сына, а между тѣмъ Аннѣ только и нужно соединеніе любимаго человѣка, т. е. Вронскаго, и



Всемірная Выставка въ Парижѣ: Фасадъ павильоновъ Анама, Персіи, Сіама, Туниса и Санъ-Мартино. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

дѣлъ. Занимается имѣніемъ, строитъ больницу, вводитъ новыя усовершенствованія. Анна проводитъ время за чтеніемъ, принимаетъ гостей, гуляетъ, но она не перестаетъ требовать отъ Вронскаго его постояннаго присутствія съ ней, его постоянныхъ ласкъ; ей все продолжаетъ казаться что она ему въ тягость, что она ему наскучила; она даже начинаетъ кокетничать съ другими.

— „Надо, что бы у насъ было весело, оживленно, чтобы Алексѣй не желалъ ничего новаго“.

И рядилась Анна и позировала, чтобы казаться еще прекраснѣе и увлекательнѣй.

Вронскій любилъ Анну искренно, хотя порою и не могъ не упрекать ее въ душѣ и не досадовать на постоянное стѣсненіе своей воли. Онъ не могъ не тяготиться сценами, которыя ему любимаго сына. „Если этаго нѣтъ, то все равно. Все, все равно“, говоритъ Анна. И она капризничаетъ, ревнуетъ Вронскаго, хотя не имѣетъ къ этому повода съ его стороны. Но ея мучительная любовь, ея постоянныя тревоги, то страстныя ласки, то жестокіе упреки становятся уже ему въ тягость.

Вронскій наконецъ не такъ уже покорно спѣшитъ успокаивать Анну и не сейчасъ ѣдетъ за посылаемыми ему въ догонку ея письмами.

„Во снѣ, когда она не имѣла власти надъ своими мыслями, ея положеніе представлялось ей во всей безобразной наготѣ своей; одно сновидѣніе почти каждую ночь посѣщало ее, давило и она съ ужасомъ просыпалась, ей снилось, что оба вмѣстѣ были ея мужья, и Вронскій и Каренинъ, что оба расточали ей свои ласки. Алексѣй Александровичъ плакалъ, цѣлуя ея руки,



Всемірная Выставка въ Парижѣ: Фасадъ зданій отдѣла Англіи и ея колоній. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

и говорилъ: какъ хорошо теперь! И Вронскій былъ тутъ же, и онъ былъ также ея мужъ. И она удивлялась тому, что прежде ей казалось это невозможнымъ, объясняла имъ, смѣясь, что это гораздо проще, и что оба они теперь довольны и счастливы.

Совсѣмъ измученная создаваемыми страданіями, Анна изъявляетъ желаніе хлопотать оразводѣ. Она ухватывается со страстностію за эту мысль тѣмъ болѣе, ей кажется, что мать Вронскаго составила планъ женить сына на богатой невѣстѣ дѣвушкѣ. Бывали минуты, когда Анна старалась себя успоить: Нужно спокойствіе, довѣріе, говорила она, но проходило нѣсколько времени—и снова начинаются ссоры. Анна рѣшительно отравляетъ жизнь свою и Вронскаго и разрушаетъ свое крѣпкое здоровье. Она уже не можетъ спать, не прибѣгая къ морфію. Ее давитъ кошмаръ. Послѣ одной изъ сценъ съ Анною Вронскій уѣзжаетъ изъ дома, и посланная вслѣдъ записка не находитъ его. Анна взволнованная, теряетъ голову, забывается, не помнитъ, не отдаетъ отчета, что она говоритъ и дѣлаетъ. Чтобы успокоиться, она ѣдетъ къ Облонскимъ, но она застала у Долли гостью—и еще болѣе встревоженная, садится въ коляску, что бы ѣхать назадъ. Ею овладѣваетъ непонятный страхъ. Мысли ея перескакиваютъ съ одной на другую.

Анна то читаетъ вывѣски, то думаетъ о калачахъ, блинахъ, московской водѣ и любви своей къ Вронскому. Ей вспоминается какъ давно, давно, когда ей было еще семнадцать лѣтъ, она ѣздила съ теткой къ Троицѣ. На лошадяхъ еще. Неужели это была *я*, съ красными руками? Какъ многое изъ того, что тогда мнѣ казалось такъ прекрасно и недоступно, стало ничтожно, а что было тогда, теперь на вѣки не доступно. Вотъ этотъ доволенъ собой, думаетъ она о толстомъ румяномъ господинѣ, проѣхавшемъ на встрѣчу, принявшемъ ее за знакомую и приподнявшемъ лоснящуюся шляпу надъ лысою, лоснящеюся головой. Онъ думаетъ, что онъ меня знаетъ. А онъ знаетъ меня такъ же мало, какъ кто бы то ни было на свѣтѣ знаетъ меня. *Я* сама себя не знаю.

Тровожась и мучаясь, Анна шлетъ новую записку къ Вронскому, зоветъ его, телеграфируетъ ему, и получаетъ на телеграму отвѣтъ, что Вронскій не можетъ пріѣхать ранѣе 10 часовъ.

— А, если такъ, то я знаю что мнѣ дѣлать, говоритъ Анна и ѣдетъ сама на желѣзную дорогу. Онъ говоритъ, что я безсмысленно ревнива, опять думаетъ Анна, и я сама говорила себѣ, что я безсмысленно ревнива; но это не правда. Я не ревнива, а я недовольна. Но... еслибъ я могла быть чѣмъ нибудь кромѣ любовницы, страстно любящей однѣ его ласки; но я не могу и не хочу быть ничѣмъ другимъ. Она вспоминаетъ о своемъ сынѣ, ей приходитъ мысль: а что если она получитъ разводъ и ей отдадутъ сына? Перестанетъ ли Сережа спрашивать и думать объ ея двухъ мужьяхъ? Сережа! восклицаетъ она: я тоже думала, что любила сына, и умилялась надъ своей нѣжностію... А жила же я безъ него, промѣняла же его на другую любовь. И Аннѣ снова является мысль объ избавленіи отъ мукъ... Тревожно шагая по комнатамъ станціи желѣзной дороги, она едва въ состояніи справляться съ напоромъ мыслей быстро набѣгающихъ на нее и быстро смѣняющихъ одна другую. Вдругъ Анна слышитъ слѣдующую фразу, сказанную кому-то какой-то дамой, мимо которой въ это время она проходила.

— На то данъ человѣку разумъ, что бы избавиться отъ того, что его безпокоитъ. Анна схватываетъ эту фразу.—Избавиться отъ того что безпокоитъ,—повторяетъ она. Да, очень безпокоитъ меня, и на то данъ разумъ, чтобы избавиться, стало быть надо избавиться. Отчего же не потушить свѣчу, когда смотрѣть больше не на что, когда гадко смотрѣть на все это?

И вдругъ вспомнивъ, о раздавленномъ человѣкѣ въ день ея первой встрѣчи съ Вронскимъ по пріѣздѣ въ Москву къ Облонскимъ, Анна мгновенно поняла, что ей надо дѣлать и поспѣшно пошла на полотно желѣзной дороги.

Въ головѣ ея мелькнуло еще нѣсколько воспоминаній прошлой жизни... Гдѣ я? Что я дѣлаю? Зачѣмъ? шепчетъ она и—что-то огромное, неумолимое толкаетъ ее въ голову и потащило за спину... Она была уже подъ вагономъ. Такъ погибла ея жизнь. Свободная любовь связала ее и лишила свободы, внесла отраву въ ея жизнь, переполнила ея нравственный міръ недобрыми чувствами подозрительности, недовѣрія. Она разрушила ея семейную жизнь и не создала счастливой новой. На этомъ мы окончимъ изложеніе той части, въ которой главной героиней является описанная нами женщина. Въ слѣдующей нашей статьѣ, по поводу второго рисунка, имѣющаго быть помѣщеннымъ на страницахъ Нивы и взятаго изъ этого же романа, мы разскажемъ о Левинѣ, главномъ героѣ этой второй половины романа. (Окончаніе въ слѣд. №). Т.

# Къ рисункамъ.

## Китайская Великая Стѣна.

Древнѣйшее государство въ мірѣ и нѣкогда просвѣщеннѣйшее, естественно, имѣетъ свои памятники старины. Многіе изъ этихъ памятниковъ сохраняютъ за собою разсказы о славныхъ правителяхъ Китая, о лучшихъ годахъ государства. Иные изъ нихъ носятъ слѣды замѣчательныхъ архитектурныхъ сооруженій. Къ числу памятниковъ, до сихъ поръ обращающихъ на себя всеобщее вниманіе путешествующихъ по Китаю относится Великая Китайская стѣна. Стѣна эта, извѣстная подъ именемъ Ваиь-ли-чань-чень, т. е. стѣны въ 10,000 ли (5,000 верстъ), построена около 214 г. до Р. Хр. Главною цѣлію при постройкѣ этой стѣны имѣлось въ виду огражденіе страны отъ набѣга непріятелей: стѣна должна была служить оплотомъ противъ набѣговъ кочевыхъ ордъ Монголіи и дикарей дремучихъ лѣсовъ Манжуріи. Стѣна эта въ началѣ своего устройства состояла просто изъ земляной насыпи и наваленныхъ камней, но въ V и VI вѣкѣ по Р. Х., она приняла лучшее устройство и была еще болѣе распространена, а въ XV вѣкѣ уже совсѣмъ заново передѣлана, одѣта камнемъ, приведена въ тотъ видъ, въ какомъ мы видимъ ее теперь по сохранившимся остаткамъ.

Великая стѣна имѣетъ 6 выходовъ, защищаемыхъ крѣпостями и начинаясь отъ крѣпости Шань-хай-Гуань при Корейскомъ заливѣ, идетъ на западъ до Желтой рѣки въ область Нинъ-сяфу, а оттуда на сѣверо-западъ до крайняго западнаго выхода—крѣпости Цзя-юй-Гуань, гдѣ и упирается въ снѣговой хребетъ Нань-шань.

По Пекинской дорогѣ, гдѣ стѣна эта хорошо сохранилась, ея высота доходитъ до 25 фут., толщина до двухъ саженъ; на поворотахъ и болѣе возвышенныхъ мѣстахъ сдѣланы каменныя башни. По дорогѣ изъ Лань-Чжеу Великая стѣна то вздымается на страшныя высоты, то совсѣмъ низко тянется возлѣ дороги. На западѣ, у Цзя-юй-гуани стѣна представляетъ просто землебитный заборъ. Впрочемъ, быть можетъ тутъ время, содѣйствовало разрушенію стѣны, служившей въ свое время болѣе крѣпкимъ оплотомъ.

Но, какъ бы то нибыло, Китайцы теперь сами сознаютъ нелѣпость постройки стѣны и непригодность ея для той цѣли, которой она должна была служить. Впрочемъ, кто знаетъ, была-ли она непригодна въ то отдаленное время, отъ котораго мы теперь отдалены такимъ громаднымъ количествомъ лѣтъ.

Постройка этой стѣны стоила массы матеріаловъ и громадныхъ трудовъ. Работы по постройкѣ ея производились при участіи, такъ сказать, всего населенія страны: такъ, изъ семьи, состоящей изъ трехъ человѣкъ долженъ былъ отправляться на работы одинъ, изъ семьи въ пять человѣкъ—трое. Можно себѣ представить, какое громадное количество народу было вызвано на этотъ трудъ. Теперь, смотря на непрочность этой стѣны, мѣстами даже, какъ сказано выше, уже значительно поразвалившейся, можно только задуматься надъ вопросомъ, о томъ, каковы-же были нравы того отдаленнаго времени въ Китаѣ и его сосѣднихъ владѣніяхъ, когда такая стѣна прежде могла служить защитой отъ непріятельскихъ набѣговъ.

Но отъ Китая временъ постройки Великой стѣны перейдемъ къ современному положенію этой страны, испытывающей въ настоящее время ужасы голода. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ іюля чрезъ Шанхай, голодъ, давно уже свирѣпствующій въ четырехъ большихъ провинціяхъ Китайской Имперіи не только не ослабѣлъ но на противъ, еще болѣе усилился и принялъ ужасный характеръ.

Сотни и тысячи семействъ, пользовавшіяся еще недавно полнымъ достаткомъ, дошли теперь до такой бѣдности, что прибѣгаютъ часто къ яду, для сокращенія страданій, которыми неизбѣжно угрожаетъ имъ голодная смерть. Къ нуждѣ присоединились въ послѣднее время и серьёзные безпорядки. Голодъ и отчаяніе побуждаютъ людей браться за оружіе и въ страдающихъ провинціяхъ бродятъ теперь шайки въ 30, 50 и 70 человѣкъ, которыя убиваютъ и грабятъ людей, сохранившихъ еще кое-какія средства. Мѣстныя власти совершенно безсильны прекратить разбойничество; онѣ и не пытаются предпринять противъ него какія либо мѣры. Пожираніе труповъ составляетъ самое обыкновенное явленіе, а за недостаткомъ ихъ нарочно совершаются убійства. На каждомъ шагу встрѣчаются груды человѣческихъ костей, съ которыхъ снято мясо. И такое людоѣдство встрѣчается не въ отдѣльныхъ пунктахъ имперіи, а повсемѣстно въ Шанзи и Шензи, въ Хонанѣ и Печело—словомъ во всѣхъ четырехъ постигнутыхъ голодомъ провинціяхъ. Дѣло дошло до того, что никто не рѣшается предпринять путешествія въ какую-либо изъ названныхъ провинцій. Всѣ гостиницы пользуются зловѣщею репутаціею; про нихъ разсказывается, что посѣщающіе ихъ путешественники тайкомъ убиваются, и затѣмъ мясо ихъ поступаетъ въ продажу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ содержатели гостиницъ производятъ даже весьма обширную торговлю человѣческимъ мясомъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что внутри Китайской Имперіи жизнь каждаго во всякое время и вездѣ находится въ опасности; кто самъ не палъ жертвою голода, тотъ рискуетъ, что на слѣдующій день онъ послужитъ пищею для утоленія голода другихъ; въ нѣкоторыхъ округахъ формально происходитъ взаимное истребленіе людей. Время, когда еще можно было услышать жалобы, увидѣть слезы, давно уже прошло. Несчастными овладѣло тупое равнодушіе. Одному европейскому колонисту, кото-

рый недавно предпринялъ путешествіе во внутрь страны, показывали китаянку, которая послѣдовательно пожрала трупы своего мужа, сына и двухъ дочерей. Болѣе всего свирѣпствуетъ голодъ въ провинціи Шанзи. Голода бывающіе въ Индіи, далеко не имѣютъ характера такого страшнаго бѣдствія, какое мы видимъ въ Китаѣ. Въ Индіи существуютъ многочисленные пути сообщенія, и благодаря этимъ путямъ, представляется возможность оказать страдающимъ болѣе или менѣе скорую помощь. Въ Китайской же провинціи Шанзи и помощи то такой подать почти невозможно: провинція эта повсемѣстно пересѣкается крутыми горами и вовсе не имѣетъ судоходныхъ рѣкъ; тѣ не многія вьючныя животныя, на которыхъ могли-бы доставляться съѣстные припасы, всѣ съѣдены еще въ прошломъ году. По исчисленіямъ правительства, болѣе склоннаго по весьма понятной причинѣ показывать размѣры бѣдствія въ уменьшенномъ видѣ, а непреувеличивать его,—по этимъ вычисленіямъ въ одной провинціи Шанзи погибло по настоящее время *до семи милліоновъ* человѣкъ отъ голода и его послѣдствій. Цифры эти поражающіе, но къ сожалѣнію они вѣрны, судя по тѣмъ источникамъ, откуда, мы ихъ заимствуемъ; а именно ихъ повторяютъ нашъ Прав. Вѣстн. и нѣмецкая Магдебургская газета.

Z.

## Общій видъ г. Енисейска.

Въ Нивѣ 1876 г. были помѣщены два рисунка, изображающіе главную улицу города Енисейска и видъ его Ратуши (см. Ниву 1876 г. № 24 стр. 411). Описаніе сопровождающее эти рисунки даетъ лишь краткія свѣдѣнія объ Енисейскѣ а потому, помѣщая теперь общій видъ этого города, сообщаемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, какъ объ исторіи Енисейска, такъ и о всей той губерніи, къ которой онъ принадлежитъ.

Енисейская губернія находится, какъ извѣстно, въ Восточной Сибири. Въ нынѣшнемъ своемъ составѣ Енисейская губ. учреждена 26 января 1822 г. изъ земель, принадлежавшихъ до того Иркутской и Омской губ. и тогда же раздѣлена на 5 округовъ: красноярскій, енисейскій, ачинскій, минуслинскій и канскій. Площадь, составляющая Енисейскую губ. заключаетъ въ себѣ 2,883,000 кв. верстъ. Предѣлы ея къ с. Ледовитое море, къ в. Иркутская губ., къ юг. Китайскія владѣнія, къ з. Тобольская губ. Величественный Енисей, (видимый на нашемъ рисункѣ), раздѣляетъ губернію на двѣ части. Южная богата солончаками и лѣсомъ; имѣетъ высокія, снѣгомъ покрытыя горы. Средняя обилуетъ тундрами; сѣверная-больше всего болотистая. Близъ Китайской границы проходятъ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы, напр. Этемъ и Борусъ. Степей, въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, но по берегамъ рѣкъ тянутся долины. На нѣкоторыхъ равнинахъ изъ земли выступаетъ минеральная щелочная соль и такія мѣста называются солончаками. Издали такіе солончаки кажутся мѣстами покрытыми снѣгомъ; соль эта негодится для употребленія человѣка, но скотъ любитъ лизать ее и, быстро поправляется въ тѣлѣ. Въ Енисейской губ. достойны замѣчанія мѣстности, называемыя туземцами „тайгою". Это ни что иное какъ горные хребты, покрытые преимущественно хвойнымъ лѣсомъ. Деревья находятся такъ близко одно къ другому, вѣтви ихъ такъ переплетаются, что солнечные лучи не могутъ проходить чрезъ нихъ и просушивать землю, загроможденную валежникомъ. Оттого въ тайгахъ нѣтъ пути, ни конному, ни пѣшему. Въ нихъ можно проникать только зимою, когда валежникъ покрывается снѣгомъ и въ „трещѣ" дѣлается гладкая поверхность. Тогда охотники отправляются въ такія трущобы на своихъ лыжахъ, быстро обѣгая громадныя пространства. Не губятъ тайги даже лѣсные пожары такъ какъ сырость гаситъ огонь; крупные звѣри тоже не особенно долюбливаютъ тайгу, не находя себѣ корма, но въ тайгѣ во множествѣ водится бѣлокъ, бурундуковъ, въ обиліи находящихъ себѣ пищу въ орѣхахъ кедра и лиственницы.

Въ противоположность холоду сѣверной части Енисейской губ. въ южной ея части, лѣтомъ бываютъ жары невыносимые. Заѣзжему сюда лѣто кажется чрезвычайно пріятнымъ послѣ продолжительной зимы, впрочемъ и здѣсь зима такъ сказать, господствуетъ надъ всѣми временами года. Зимою зачастую стоятъ дни, полные солнечнаго свѣта и имѣютъ свою прелесть. Воздухъ морозный, небо ясное, чистое, а пушистый снѣгъ покрылъ всю землю вокругъ и сверкаетъ своей бѣлизною и искрится въ лучахъ солнца. Яркость звѣзднаго неба придаетъ и почамъ необыкновенную прелесть, и солнце мало гдѣ встаетъ съ такимъ блескомъ, какъ здѣсь. Енисейская губ. представляетъ собой вообще разнообразіе въ проявленіяхъ силъ природы. Разнообразіе климата производитъ и разнообразіе произведеній почвы. Въ Саянскихъ горахъ водятся фарфоровая глина, сердолики; въ канскомъ округѣ аметисты; добывается желѣзо, золото. Золото добывается изъ песковъ округовъ ачинскаго, минусинскаго, красноярскаго. Изъ растеній — рожь, пшеница, ячмень, овесъ, гречиха, просо, макъ. Лѣсныя деревья сосна, ель, пихта, лиственница, кедръ, береза, ольха, тополь. Изъ кустарниковъ малина, смородина, изъ ягодъ земляника, морошка, клюква, брусника. Изъ животныхъ лошади, рогатый скотъ, овцы, свиньи, олени. Изъ животныхъ, составляющихъ предметъ охоты, соболи, бѣлки, лисицы, горностаи, волки, медвѣди, дикія козы.

Рыба водится во множествѣ и болѣе всего встрѣчаются осетры стерляди, налимы, щуки, нельма, язи, ерши. Изъ птицъ здѣсь ловятся утки, гуси, тетерева, куропатки, лебеди, дрозды, бакланы, журавли, скворцы и т. под. Населеніе Енисейской губ. дѣлится на туземцевъ и пришельцевъ. Къ первымъ относятся первобытные обитатели, извѣстные подъ общимъ именемъ инородцевъ, ко вторымъ принадлежатъ Русскіе, начавшие приходить сюда въ XVII стол. путемъ завоеваній. Высочайше утвержденнымъ 22 іюля 1822 г. Уставомъ объ управленіи инородцевъ; народы симбирскіе дѣлятся на осѣдлыхъ, кочующихъ и бродячихъ.

Гербъ Енисейской губерніи представляетъ въ щитѣ зеленое поле и на немъ бѣлую лошадь, бѣгущую въ правую сторону—въ верхней части герба, а въ нижней на серебряномъ полѣ красную гору. Главный городъ Енисейской губ. Красноярскъ, онъ же и окружный; кромѣ того окружные: Енисейскъ, Ачинскъ, Канскъ, Минусинскъ. Енисейскъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Енисея.

Въ 1618 т. по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича тобольскимъ воеводой кн. Куракинымъ были отправлены боярскій сынъ Албычевъ и стрѣлецкій сотникъ Рукинъ для упроченія власти Россіи въ этой мѣстности. Прибывъ на р. Енисей, они заложили острогъ, и установя его башнями или стрѣльницами, назвали его Енисейскомъ. Удобство сообщеній способствовало быстрому разростанію города, хотя до 1678 г. онъ не переставалъ называться острогомъ. Въ 1724 г. Енисейскъ, какъ провинціальный городъ, поставленъ надъ двумя другими—Красноярскомъ и Туруханскомъ, въ 1782 г., по уничтоженіи енисейской провинціи, соединенъ съ томской областью Тобольскаго намѣстничества; въ 1804 г., при раздѣленіи Тобольскаго намѣстничества на двѣ губерніи, приписанъ окружнымъ городомъ къ Томской, и наконецъ, въ 1822 г. къ Енисейской. Енисейскъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, страшно пострадалъ отъ пожара, бывшаго года два тому назадъ, и теперь еще недостаточно оправился послѣ этого тяжелаго для его жителей положенія.

## Картина Рембрандта.

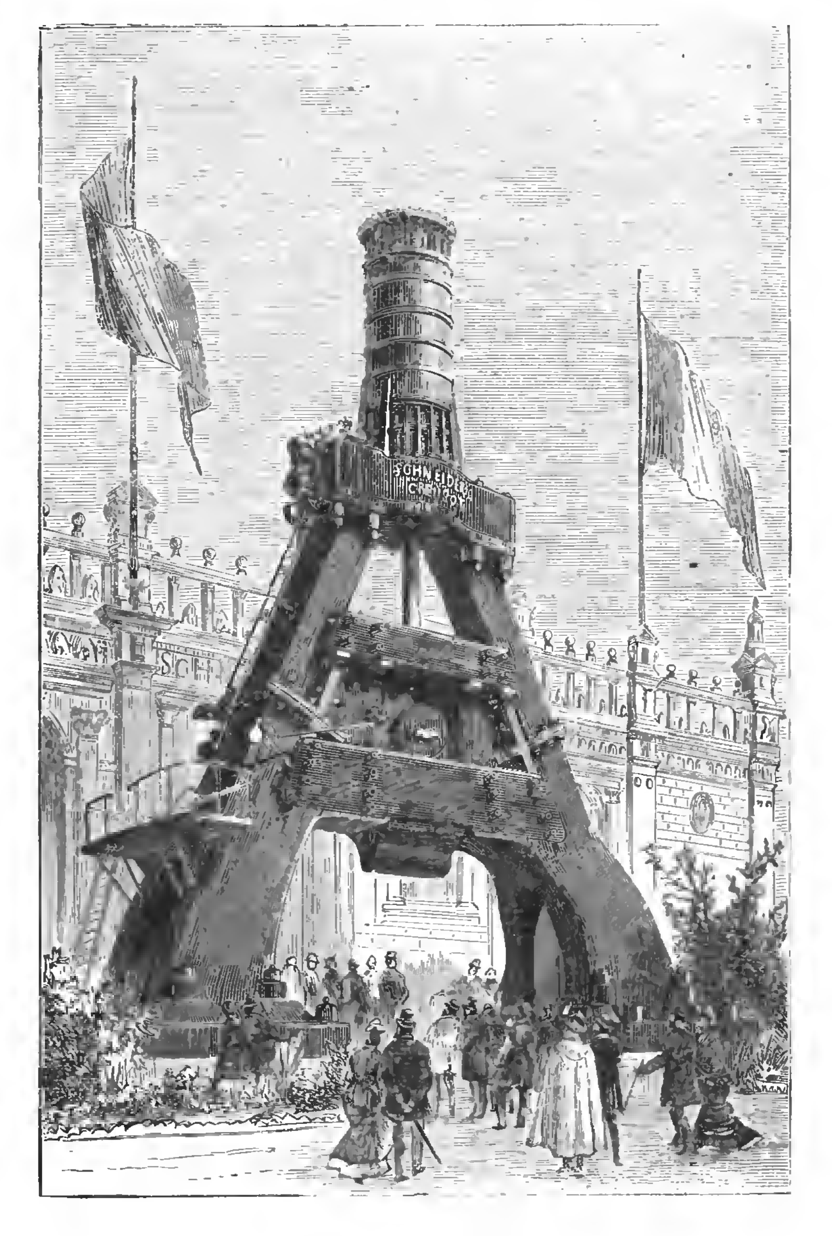
Картина Рембрандта, рисунокъ съ которой помѣщается въ этомъ номерѣ „Нивы" изображаетъ портретъ его матери. Эта картина находится въ зданіи Петербургскаго Эрмитажа, въ залахъ Голландской школы, гдѣ для произведеній знаменитаго художника отведена цѣлая галлерея. Въ № 51 Нивы за 1875 г. (см. стр. 867) помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о Рембрандтѣ, дающіе понятіе о личности этого великаго живописца. Рембрандтъ, сынъ мельника, родился въ 1606 году, учился нѣсколько лѣтъ въ Амстердамѣ; возвратившись къ отцу, онъ отказался отъ всякихъ учителей и принялся за изученіе живописи, взявъ въ образецъ и руководители живую природу. Оказалось въ самомъ дѣлѣ, что для такого таланта, какой имѣлъ Рембрандтъ лучшимъ учителемъ могла быть только природа. По прошествіи нѣкотораго времени, когда уже картины, имъ написанныя, стали находить покупателей, Рембрандтъ переселился въ столицу Голландіи, гдѣ открылъ школу. Будучи чрезвычайно скупымъ, онъ вскорѣ составилъ себѣ большое состояніе и женился. Но и женившись, и будучи богатымъ, онъ остался на всегда вѣренъ простому народному вкусу, избѣгалъ общества, и нужно замѣтить, что жена его была простая крестьянка. Разсказываютъ, что Рембрандтъ, не желая тратиться на натурщиковъ, бралъ себѣ за образцы первыхъ попавшихъ на улицѣ мужика или кухарку; часто обязанность эту исполняла его жена, и нерѣдко мать. Съ себя самого онъ оставилъ до 100 портретовъ. Впечатлѣніе, производимое картинами Рембрандта, поразительно, не повозвышенности мыслей, или изяществу формъ, или, наконецъ, по строгости рисунка; нѣтъ: картины его поражаютъ реальностію лицъ, силою красокъ и необыкновеннымъ освѣщеніемъ. Кисть его смѣлая, рѣшительная, но притомъ весьма, такъ сказать, шероховатая; вслѣдствіе этого гармоніей его произведеній надо всегда любоваться на извѣстномъ отъ нихъ отдаленіи. Самъ Рембрандтъ по поводу этого говорилъ, что картины пишутся не для того, чтобы ихъ нюхать. Есть разсказы о томъ, что желая распродать выгоднѣе свои работы, онъ распустилъ молву о своей смерти и, переодѣвшись, явился на аукціонъ и поднималъ цѣны на картины. Быстрота кисти Рембрандта была изумительна. Она написалъ громадное количество картинъ, которыя всѣ вскорѣ-же по написаніи и продавались, но и послѣ его смерти осталось множество произведеній, писанныхъ красками, а также карандашемъ, и гравюръ сдѣланныхъ крѣпкой водкой. Каталогъ его произведеній изданъ въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ Catalogue raisonnè de toutes les estampes qui forment l'oeuvre de Rembrandt.

## Парижская Всемірная Выставка.

„Нива" въ настоящемъ году уже имѣла случай помѣстить цѣлый рядъ рисунковъ, знакомящихъ ея читателей съ Всемірной Парижской выставкой и дающихъ въ своей совокупности болѣе или менѣе точное и обстоятельное понятіе объ этой выставкѣ. Продолжая и теперь помѣщеніе рисунковъ, изображающихъ фасады зданій и различныхъ предметовъ этой выстав-

ки, мы, по мѣрѣ силъ и возможности, стараемся сдѣлать наше обозрѣніе выставки полнѣе; но такъ какъ нельзя въ рисункахъ передать всѣхъ предметовъ, находящихся на выставкѣ, то по сему случаю въ наши статьи входитъ описаніе не только того, что изображаютъ рисунки, но и вообще всего, что въ томъ или другомъ отношеніи интересно и главнымъ образомъ поучительно. Такъ въ предъидущей нашей статьѣ мы говорили о французской выставкѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ цѣлью показать, въ какомъ положеніи дѣло это находится въ настоящее время во Франціи. Теперь, въ этомъ померѣ „Нивы“ мы приведемъ нѣсколько данныхъ о выставкѣ нашего русскаго Военнаго Министерства. За нашими военными педагогами признается заслуга, такъ сказать, популяризаціи наукъ въ Россіи, составленія полныхъ учебныхъ пособій для реальныхъ заведеній и приготовленіе этихъ пособій въ Россіи, чего не было у насъ и въ поминѣ до 1866 года, когда всѣ матеріалы по учебному дѣлу выписывались изъ-за границы и, слѣдовательно, не могли обходиться такъ дешево, какъ теперь, при приготовленіи ихъ въ Россіи. Коллекція педагогическаго музея Военнаго Министерства заняла видное мѣсто уже на Филадельфійской выставкѣ 1876 года; обращаетъ она на себя вниманіе и въ настоящее время на Парижской.

Наиболѣе интересный отдѣлъ музея составляетъ гигіеническій кабинетъ, состоящій изъ 200 предметовъ различныхъ моделей, рисунковъ, аппаратовъ. Эти предметы даютъ понятіе съ гигіенической точки зрѣнія о составныхъ частяхъ воздуха, составѣ и свойствѣ воды, о питательныхъ веществахъ пищи, о почвѣ и климатѣ, объ одеждѣ, которая должна быть сообразной временамъ года. Рисунки картъ даютъ наглядное представленіе о послѣдствіяхъ не гигіенической обстановки, отразившихся на организмѣ человѣка, поставленнаго въ скверныя условія жизни. Такъ, напримѣръ, на одной картѣ дано изображеніе легкихъ у рудокоповъ. Развитіе глистовъ взято отъ момента зарожденія, до ихъ полнаго развитія. Вообще, на выставкѣ педагогическаго музея можно встрѣтить много поучительнаго и интереснаго. Укажемъ, напримѣръ, на аппаратъ, показывающій, до какой степени велико свойство воздуха въ проникновеніи его чрезъ различныя преграды. Аппаратъ этотъ весьма простъ, онъ состоитъ изъ небольшой кирпичной стѣнки; къ обѣимъ сторонамъ ея очень плотно приставлены широкими отверстіями двѣ стеклянныя воронки, въ узкія отверстія воронокъ вдѣланы гуттаперчевыя трубки, изъ которыхъ одна опущена въ воду, а другая остается открытой. Испытаніе производится такимъ образомъ, что въ отверстіе свободной трубки дуютъ, и тогда въ водѣ отъ прохожденія воздуха чрезъ стѣнку въ ту трубку, конецъ которой опущенъ въ воду, покажутся пузырьки. Такимъ образомъ этотъ простой аппаратъ наглядно показываетъ, что воздухъ чрезъ плотную кирпичную стѣнку свободно проникаетъ въ воду. Затѣмъ небезъинтереснымъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ аппаратѣ профессора Сѣченова. Этотъ аппаратъ объясняетъ процессъ дыханія. Онъ состоитъ изъ стеклянной колбы; широкое отверстіе ея закрыто гуттаперчей, замѣняющей здѣсь грудобрюшную преграду, а въ узкое отверстіе вставлена стеклянная трубочка, раздѣленная внутри на два отдѣленія, къ концамъ которыхъ придѣланы мѣшечки; къ верхней части трубки, подъ колбой, приставленъ термометръ. Чтобы произвесть процессъ дыханія, нажимаютъ гуттаперчевую перепонку, воздухъ, находящійся въ колбѣ, сокращаетъ мѣшечки, а вслѣдствіе этого находящійся въ нихъ воздухъ выходитъ въ стеклянную трубку. Термометръ опредѣляетъ повышеніемъ ртути силу сокращенія. Этотъ аппаратъ, по нашему мнѣнію, хотя и съ нѣкоторою наглядностью воспроизводитъ процессъ дыханія; но смѣемъ выразить ту мысль, что эта наглядность слишкомъ такъ сказать груба, и формы, избранныя г. профессоромъ Сѣченовымъ для воспроизведенія процесса дыханія, ясныя для него, какъ профессора физіологіи, мало понятны для публики.



Всемірная выставка въ Парижѣ: Паровой молотъ Шнейдера въ Крёзо.
Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Какъ извѣстно, нашъ педагогическій музей съ цѣлію распространенія научныхъ свѣдѣній имѣетъ публичныя лекціи, и популярныя чтенія въ Соляномъ городкѣ въ Петербургѣ привлекаютъ слушателей. Собранныя коллекціи научныхъ матеріаловъ служатъ пособіями во время чтеній. Для преподаванія точныхъ наукъ музей имѣетъ до ста слишкомъ предметовъ геометрическихъ фигуръ и другихъ, для изученія прямолинейнаго рисунка, законовъ перспективы и т. д. Для лекцій по зоологіи музей имѣетъ коллекціи превосходно сдѣланныхъ чучелъ звѣрей, птицъ; для ботаники — карты, атласы съ рисунками растеній. Этимъ педагогическій музей, и въ особенности его ботаническія карты, обратили вниманіе на выставкѣ и нашли заказчиковъ отъ лицеевъ и школъ.

Засимъ мы, какъ обыкновенно дѣлаемъ, переходимъ къ описанію представленныхъ въ № рисунковъ. Одинъ изъ рисунковъ представляетъ башню и домики Швеціи и Норвегіи въ паркѣ Трокадеро. Три зданія шведской и норвежской постройки, возвышаются на западномъ склонѣ Трокадеро и представляютъ собой три образчика построекъ этихъ сѣверныхъ странъ Европы — Швеціи и Норвегіи. Характеръ страны отразился и на характерѣ постройки, такъ, сильно наклоненныя кровли прямо служатъ болѣе легкому скатыванію съ нихъ снѣга и, слѣдовательно, меньшему удержанію въ нихъ сырости. Края кровель подбиты толстыми досками и обрамлены досками съ боковой стороны, какъ это дѣлается и на нашихъ русскихъ избахъ, также какъ и гребешки на верху кровель. Съ крыльца, на которое открывается входная дверь въ жилище, можно обойти домикъ кругомъ, подъ прикрытіемъ выдающейся кровли, поддерживаемой то консолями, то деревянными столбиками. Въ общемъ идея постройки соотвѣтствуетъ требованіямъ холодныхъ сѣверныхъ странъ. Одинъ изъ домиковъ на выставкѣ вмѣщаетъ строевой лѣсъ, другой представляетъ образчикъ школьнаго зала съ кафедрой, скамьями, картами, всѣми учебными пособіями и руководствомъ въ дѣлѣ образованія мѣстныхъ школъ. Самый большой домъ изъ шведскихъ построекъ представляетъ собой образцы работъ Общества Столяровъ въ Стокгольмѣ; здѣсь можно видѣть много интересныхъ предметовъ по части мастерства, между прочимъ чрезвычайно искус-

Продолженіе на стр. 677, 678, 679 и 680.

сно сдѣланныя двери и петли. Вставочки и ящички изъ пихты, красиво вырѣзанныя на дверяхъ, дѣлаютъ счастливый эффектъ въ декоративномъ отношеніи деревянныхъ работъ. Внутри этого большого дома помѣщается выставка вещей не дѣлающихъ шума, но тѣмъ не менѣе достойныхъ обратить на себя вниманіе фабрикантовъ и рабочихъ. Это выставка общества ручныхъ работъ, которое занимается воспроизведеніемъ работъ по стариннымъ образцамъ, какъ-то: старинной мебели, тканей и другихъ предметовъ изъ прошлой жизни скандинавскаго общества. Въ числѣ выставленныхъ вещей, кружевъ, ковровъ, столярныхъ работъ, есть вещи дѣйствительной оригинальности и иногда совсѣмъ необыкновенной отдѣлки. Въ центрѣ шведско-норвежскаго участка поднимается красивая деревянная башенка, видъ которой представленъ на нашемъ рисункѣ. Башенка имѣетъ форму, какъ видитъ читатель, четыреугольной пирамиды, стѣны ея обшиты пластинками изъ пихты такимъ манеромъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно изъ сланца во Франціи. Въ верху пирамиды помѣщаются часы. Они вдѣланы въ рамку, съ своей стороны представляющую форму домика. Говорятъ, что такіе башенные часы встрѣчаются нерѣдко на Скандинавскомъ полуостровѣ. Они занимаютъ тамъ роль нашихъ часовъ на колокольняхъ и на другихъ болѣе выдающихся публичныхъ зданіяхъ. Второй рисунокъ представляетъ молотъ-толкачъ. Въ 34 №, на стр. 619, въ статьѣ о Парижской выставкѣ, мы говорили уже объ этомъ исполинѣ и въ настоящей статьѣ добавимъ лишь нѣсколько строкъ къ нашему описанію. Промышленность такъ развилась въ послѣднее время, что требуетъ употребленія такихъ колоссальныхъ желѣзныхъ массъ, для которыхъ нужны и орудія, силы имъ соотвѣтствующей. Чтобы выковать сталь для своихъ чудовищныхъ пушекъ, знаменитый Круппъ сдѣлалъ на своемъ Эссенскомъ заводѣ молотъ вѣсомъ въ 50,000 килограм. (около 3 тыс. пуд.), самый сильнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ, пока Крезо не сдѣлалъ свой, именно тотъ, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ „Нивы“. Этотъ послѣдній изумляетъ всѣхъ посѣтителей выставки своей чудовищной массой, находясь точной копіей возлѣ отдѣла желѣзныхъ заводовъ Крезо на Марсовомъ Полѣ. Этотъ гигантскій молотъ приподнимается паромъ, когда рабочій, помѣщающійся на галлереѣ направо отъ снаряда, даетъ ему свободный проходъ въ цилиндръ и этотъ молотъ падаетъ всею своею тяжестью, если чрезъ отверстіе другого клапана паръ будетъ выпущенъ. Поднимаясь и опускаясь, молотъ управляется такимъ образомъ, что не можетъ никогда уклониться съ своего направленія. Въ тоже время онъ совершенно послушенъ, и рабочій по своей волѣ можетъ его весь поднять, или треть, или половину, съ большею или меньшею скоростью, можетъ остановить его, лишь только онъ сдѣлалъ ударъ, и умѣрить этотъ ударъ настолько, что едва коснется положенной подъ него вещи.

Третій рисунокъ представляетъ фасадъ англійскаго отдѣла на Парижской Выставкѣ. Какъ мы уже объясняли нашимъ читателямъ, англійскій отдѣлъ находится первымъ при входѣ въ зданіе дворца на Марсовомъ полѣ, т. е. первымъ на улицѣ Націй, Avenue des Nations. Здѣсь сразу представляются глазамъ богатства Индіи, ея драгоцѣнности... Нечего сказать, великолѣпное вступленіе, указывающее тотчасъ же на могущество страны! Выставленныя въ индѣйскомъ отдѣлѣ вещи слѣпятъ глаза своимъ богатствомъ: золото, жемчуги, брильянты, дорогое оружіе наполняютъ собою витрины. Большая часть изъ выставленныхъ вещей составляетъ собственность принца Уэльскаго и принесены ему въ даръ индійскими раджами во время его путешествія по Индіи въ 1876 г. За Индійскимъ отдѣломъ идетъ собственно Англійскій, состоящій изъ ряда фасадовъ. Прежде всего представляется фасадъ архитектуры, процвѣтавшей въ давно прошедшіе времена старой Англіи, большой, однообразный, холодный фасадъ, пробитый правильными окнами и напоминающій нѣсколько не то фабрику; не то заводъ. Затѣмъ массивной конструкціи павильонъ принца Уэльскаго раздѣляетъ фасадъ стараго замка отъ обыкновеннаго дома, какіе встрѣчаются въ окрестностяхъ большихъ англійскихъ городовъ и въ которые отправляются каждый вечеръ на отдыхъ отъ занятій въ своихъ конторахъ богатые комерсанты. Далѣе слѣдуютъ два зданія болѣе веселаго типа—типъ коттеджа, столь любимый англичанами. Чистенькій, нарядный, комфортабельный домъ, безъ всякихъ украшеній, но сдѣланный солидно, хорошо расположенный. Фасады сдѣланы изъ темно-краснаго кирпича, превосходно выжженнаго и тесаннаго французскаго камня. Входъ въ англійскій отдѣлъ запирается великолѣпной рѣшоткой изъ кованаго желѣза, украшенный двумя колоннами, колонны же увѣнчаны статуями львовъ. Вообще надобно сказать, Великобританскій отдѣлъ даетъ собою настоящій калейдоскопъ, гдѣ всѣ страны, которыми Англія обладаетъ, являются со всѣми своими характерными признаками. Англія снесла на выставку продукты своихъ фабрикъ, цѣлый, такъ сказать, рогъ изобилія, полный всевозможныхъ товаровъ, который эта страна изливаетъ надъ міромъ; публика тѣснится предъ ея мебелью, матеріями, ея инструментами, всякаго рода предметами домашняго обихода, которыми она щеголяетъ; и она не одна: съ ней предстали всѣ климаты: Цейлонъ, Новая Зеландія, Ямайка, Англійская Гвіана, мысъ Доброй Надежды.

Англія явилась, можно сказать, во всемъ могучемъ блескѣ своей производительности—торговой и промышленной. Англійскій отдѣлъ оставилъ позади себя всѣ отдѣлы другихъ странъ: отъ иголки до машинъ—все верхъ совершенства. Вездѣ во всемъ видѣнъ глубокій практическій смыслъ, необыкновенная умственная дѣятельность, мастерство рукъ; но здѣсь царствуетъ промышленность и беретъ верхъ надъ искусствомъ. Здѣсь собственно искусства искать нечего, его тутъ не найдешь.

Отдѣлы республики Санъ-Марино, Сіамскій, Персидскій, Тунисскій представляютъ вереницу цвѣтныхъ фасадовъ, раскрашенныхъ голубымъ, и желтымъ; все веселитъ глазъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать неизящнымъ, точно тѣ восточные ковры и ткани, гдѣ всѣ линіи переплетаются, гдѣ всѣ цвѣта пестрятъ, но такъ мастерски соединены между собой, что въ своей рѣзкости полны гармоніи.

Первый изъ фасадовъ, представленныхъ на нашемъ рисун-

**Всемірная выставка въ Парижѣ: Башня въ Шведскомъ отдѣлѣ.** Грав. Рашевскій.

кѣ, съ лѣвой стороны, представляетъ фасадъ зданія, построеннаго совокупными средствами трехъ маленькихъ государствъ Европы—двухъ республикъ, Санъ-Марино и Андорры, и княжества Монако. Дверь съ фронтономъ, поддерживаемымъ колоннами, ведетъ въ отдѣлъ кн. Монако, которое на своемъ щитѣ помѣстило надпись съ девизомъ: „Богъ помогаетъ". Положимъ, что княжеству Монако, всѣ доходы котораго ограничиваются пошлинами, взимаемыми за картежную игру, такой девизъ не очень кстати, но если княжество его избрало, то, значитъ, такъ тому и быть. Обратимся снова къ выставкѣ.

Первый этажъ съ большимъ стеклянным окномъ принадлежитъ выставкѣ республики Санъ-Марино, которой надпись носитъ гордый девизъ „Свобода". Тунисъ является въ видѣ маленькаго зданія, полосатаго, поочередно краснаго цвѣта съ бѣлымъ, съ дверью мавританскаго разрѣза, съ окномъ, украшеннымъ балкончикомъ. Надъ дверью имѣется надпись „Тунисъ". Зданіе увѣнчано башенкой минарета. Фасадъ Сіама не менѣе элегантенъ. Входъ прорѣзанъ въ родѣ деревяннаго предверія и закрытъ коврами. Надъ входомъ сдѣлано изображеніе бѣлаго слона, затѣмъ все зданіе заканчивается тройной кровлей, возвышающейся этажами—нѣчто въ родѣ китайской кровли.

На Персидскій павильонъ съ разу указываетъ изображеніе золотого льва и солнца. Павильонъ этотъ представляетъ прямое зданіе, въ формѣ башни, съ вырѣзанной внизу дверью, съ угловатыми сводами и съ такимъ же окномъ. Павильонъ замѣчателенъ арабесками, которыя его украшаютъ.

Анамъ, сосѣдъ Кохинхины, французской колоніи, построилъ широкую дубовую дверь, углы кровли носятъ распростертыхъ драконовъ. Верхъ кровли украшенъ рѣзными фигурами, окрашенными ярко-краснымъ цвѣтомъ съ золотомъ. Надъ зданіемъ развѣвается знамя.

Но отъ этихъ своеобразныхъ по своему виду зданій восточныхъ государствъ возвратимся къ нашему русскому искусству и сообщимъ здѣсь къ удовольствію всѣхъ имъ интересующихся, что первую золотую медаль по скульптурѣ на Всемірной Парижской выставкѣ получилъ нашъ извѣстный скульпторъ—академикъ Антокольскій (портретъ его и біографическія о жизни и дѣятельности свѣдѣнія были помѣщены въ № 26 „Нивы" сего года).

Ор.

## Стихотворенія.

I.

Я помню: среди ароматныхъ цвѣтовъ,
Когда-то я встрѣтилъ ребенка...
Прозрачнѣе неба, синѣй васильковъ,
Смотрѣли два умныхъ глазенка.
Алѣли уста, словно маковый цвѣтъ,
На щечкахъ проглянули розы,
На матовомъ лбу оттѣняли свой слѣдъ
Причудливо—дѣтскія грезы...
А волосы? русыя пряди волосъ—
Вокругъ съ золотымъ ореоломъ,
Двѣ тонкія ленточки скрученныхъ косъ
Виднись въ безпорядкѣ веселомъ.
И вѣтеръ весенній, шутливо летя,
Заигрывалъ съ ними тихонько;
Ему улыбалось привѣтно дитя
Безпечной улыбкой ребенка...
Вверху—колыхалися вѣтви дубовъ,
Внизу—свѣжей зелени волны,
А гроздья сирени ползли изъ кустовъ,
Весны ароматами полны.
Она-же въ той рамкѣ зеленой такимъ
Изящнымъ была силуэтомъ,
Что съ сердцемъ не могъ совладать я своимъ,
И сталъ на мгновенье поэтомъ!

II.

Этотъ голосъ гармоничный,
Бирюзовые глаза,
Профиль мраморно-античный,
Золотые волоса,
Этотъ станъ, какъ изваянье,
Полонъ дивной красотой—
Десять лѣтъ воспоминанье
Воскрешаютъ предо мной!
Въ глубинѣ души есть много
Незадѣтыхъ жизнью струнъ,
Спятъ онѣ, хранитъ ихъ строго
Сердце—скаредный колдунъ;
Но любви святая фея,
Чарованія полна,
Этотъ замокъ чародѣя
Пробуждаетъ ото сна.
Ниспровергнутъ стражъ суровый:
Струны радостно гремятъ,
И стряхнувъ свои оковы,
Увлекаютъ и манятъ
Далеко, въ то царство звука,
Что въ слова переложить
Не могла еще наука.
Тамъ гармонія царитъ,
Тамъ витаетъ обновленный
Образъ: дивная краса,
Звуковъ хоръ одушевленный,
И въ сіяньи небеса....

III.

За то люблю тебя такъ безпредѣльно,
Что ты чиста и рыцарски честна,
Что ты душей такъ юна и такъ цѣльна,
Что силою ума такъ свѣжа и полна!..
За то люблю тебя такъ беззавѣтно,
Что жизнь тебя измучить не могла,
Что на тебѣ печати не замѣтно,
Ни суеты мірской, ни пошлости, ни зла!
Что подъ грозой и смѣло, и высоко
Ты держишь голову свою—
За то тебя такъ сильно и глубоко,
Такъ безпредѣльно я люблю!

IV.

Измученный, съ разбитою душею
Молю тебя, страдалица: уйди!..
Уйди, съ твоею страшной красотою:
Уснувшихъ чувствъ жестоко не буди!
Живой мертвецъ, хожу я безучастно
Среди толпы, не нужной для меня...
О, не буди души моей безстрастной,
Не зажигай угасшаго огня!
Мои давно схороненыя силы
Не воскрешай для новыхъ мукъ борьбы!
Хочу сойти въ холодный мракъ могилы
Безмолвной жертвою судьбы.
Къ чему борьба, мученья и тревоги,
Къ чему упреки праздные,—когда
Всей жизни человѣческой итоги
Не стоютъ этого труда?!

V.

Когда, покончивъ съ жизнію безцѣльной
Всѣ счеты старые, принудивъ замолчать
И смѣхъ враговъ, и дружбы гласъ поддѣльный,
Я буду безполезно умирать,
Правдивыми друзьями позабытый,
И взоръ смежающійся мой
Увидитъ гробъ, у ногъ моихъ открытый;
Тогда явись же ты передо мной,
Мое любимое созданье,
И очи мнѣ, цалуя на прощанье,
Рукою милою закрой!..
—Неисполнимое желанье!

**К. Шаховъ Луганскій.**

Мензелинскъ 31 янв. 1878 г.

## Политическія и внутреннія извѣстія.

25-го августа наши войска *вступили въ Батумъ безъ боя*. Въ минувшую войну намъ не удалось взять Батумъ силою, не смотря на нѣсколько приступовъ, стоившихъ много крови.

На нашихъ глазахъ недавно совершился кровавый пріемъ, оказанный австрійцамъ со стороны Босніи и Герцеговины. Наши иностранные благопріятели предсказывали намъ такой же пріемъ въ Лазистанѣ. Лондонская печать съ „Times" во главѣ, сулила намъ тысячи ужасовъ и было отъ чего сулить!.. Вѣдь сами англичане ревностно раздавали лазамъ оружіе, съ тѣмъ, чтобы подстрекнуть къ поголовному возмущенію. Выходило, по англійскимъ разсчетамъ, что намъ въ Батумѣ приходилось брать каждый домъ съ боя, какъ древнимъ римлянамъ въ Карѳагенѣ... Но... разсчеты не оправдались. Напрасно было раздавать оружіе!.. Часть получившихъ это оружіе лазовъ перешла на турецкую почву. Большинство же перешло въ русское подданство. И вотъ послѣ этого-то, находившійся въ Батумѣ представитель Порты, Дервишъ-паша и рѣшилъ 25-го августа сдѣлать мирную сдачу крѣпости. Онъ встрѣтилъ русскаго командира, помощника главнокомандующаго генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго у городской черты, съ депутаціей отъ жителей и съ духовенствомъ, какъ христіанскимъ, такъ и мусульманскимъ. Гражданскія турецкія власти удалились изъ Батума еще прежде, не ожидая прибытія русскихъ. Временнымъ комендантомъ Батума былъ назначенъ генералъ-маіоръ Нуридъ. 25-го же числа, т. е. въ самый день вступленія нашихъ войскъ, въ Батумѣ учреждена русская станція съ пріемомъ общей корреспонденціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ водворилось и спокойствіе въ краѣ, такъ что нѣтъ достаточныхъ причинъ опасаться смутъ и столкновеній со стороны эмигрировавшихъ на турецкую почву лазовъ. Численность эмигрировавшихъ лазовъ еще съ точностью неизвѣстна. Телеграфъ сообщалъ, что эмиграція лазовъ продолжалась и послѣ сдачи Батума.

Добавимъ здѣсь, что для занятія Лазистана съ нашей стороны предварительно предназначались *два* отряда: Кабулетскій—подъ начальствомъ генерала Оклобжіо и Ардаганскій—подъ начальствомъ Тергукасова. Въ составъ послѣдняго вошла ардаганская колонна Комарова и колонна Трейтера. Для общаго же руководства всѣмъ этимъ движеніемъ и присланъ былъ помощникъ главнокомандующаго, князь Святополкъ-Мірскій. Приготовленія къ занятію Батума, какъ видно изъ самаго дѣла, были воинственны. Но все обошлось мирно.

Среди политическаго затишья, общее вниманіе и по настоящее время продолжаетъ сосредоточивать на себѣ Австрія съ ея крайне замедлившимся и обратившимся въ ожесточенную борьбу „шествіемъ впередъ" при оккупаціи Босніи и Герцеговины. Потери и расходы, на которые страна Габсбурговъ никакъ не разсчитывала, уже теперь представляются огромными. Австрія мечтала, какъ говорится, чужими руками „взять изъ огня каштаны", однакоже ей пришлось сильно обжечься. По приблизительнымъ разсчетамъ, для занятія Босніи Австріи

пришлось поплатиться 1/8 первоначально мобилизованной *сто-тысячной* арміи. Деньгами уже теперь истрачено *100 милліоновъ* гульденовъ и можетъ быть даже болѣе. Что же занято, для чего сдѣланы эти издержки? Занята часть территоріи до города Сераева, столицы Босніи. Но и на этой занятой части территоріи пути сообщенія до сихъ поръ представляются не вполнѣ обезпеченными. До сихъ поръ то и дѣло, тамъ и сямъ, вставали инсуррекціонные отряды, и мужество отчаянія обезпечивало имъ значительный успѣхъ. Опасность войны съ партизанами, имѣвшая значеніе во всей военной исторіи, сказалась и въ данномъ случаѣ во всей силѣ. Инсургенты цѣлый мѣсяцъ тревожатъ австрійскія войска и съ тыла, и съ фланга. По искреннему сознанію лучшихъ органовъ австрійской печати, *только* главныя силы австрійской арміи и добились относительныхъ успѣховъ при оккупаціи Босніи и Герцеговины; главная колонна арміи, по истеченіи мѣсяца, занимала довольно длинную операціонную линію. Другая же, и весьма значительная часть арміи, дралась съ непріятелемъ, въ разсыпную и дралась *только* съ тою цѣлію, чтобы охранять свои сообщенія чрезъ *Баньялуку* (въ сѣверо-западной части Босніи).

Въ Босніи самый жаркій огонь борьбы былъ сосредоточенъ на востокѣ. Число инсургентовъ въ Восточной Босніи доходило въ общей сложности до 30,500 человѣкъ. Здѣсь стояла дивизія фельдцейхмейстера-лейтенанта Шапари, противъ которой въ день битвы 14-го (26-го) августа дѣйствовало болѣе 22,500 инсургентовъ, слѣдовательно самый тяжелый ударъ, похожій на пораженіе, пришлось выдержать именно дивизіи Шапари. Инсургенты восточной Босніи были снабжены превосходными ружьями системы Генри-Мартини и Шнейдера Затѣмъ въ рядахъ инсургентовъ находились турецкіе редифы и низамъ, снабженные крупповскими орудіями. Послѣ этого на помощь австрійскимъ войскамъ была послана *вторая* сотня тысячъ войскъ. Австрія за симъ распорядилась, чтобы войска, занявшія Сераево, не выступали оттуда до весны, потому что въ теченіи осени и зимы будетъ устраиваться базисъ для дальнѣйшаго наступленія къ югу Босніи въ будущемъ году. Вообще изъ всѣхъ до сихъ поръ совершившихся событій по оккупаціи австро-венгерцами Босніи ясно видно, что оккупаціонной арміи пока предоставлена скромная роль полицейскихъ агентовъ Блистательной Порты. Константинопольское правительство даже сочло возможнымъ заявить открыто, что оно недовольно конвенціею, проектируемою графомъ Андраши. Но этотъ послѣдній, чтобы удержать свою пошатнувшуюся популярность, изо всѣхъ силъ хлопочетъ о конвенціи, хотя безуспѣшно. Порта уже давно потребовала отъ Австріи предварительнаго опредѣленія срока оккупаціи; даже выразила требованіе, чтобы Австрія формально обѣщалась не занимать войсками Ново-базарскій санджакъ (близь сербской границы на юго-востокѣ). Надо мимоходомъ замѣтить, что только графъ Андраши и его партія относятся съ особою щепетильностью къ вопросу объ оккупаціи. Австрійское военное министерство относится къ этому вопросу совершенно иначе и вовсе не намѣрено дѣлать въ оккупаціи исключеній и ограниченій, въ родѣ исключенія Новобазарскаго санджака. Изъ-за этого несчастнаго санджака, въ которомъ сосредоточена теперь масса инсургентскихъ силъ, и стало все дѣло. Порта отправила въ Албанію и, вмѣстѣ съ тѣмъ въ Ново-Базарскій санджакъ, Мегемеда-Али-пашу. Относительно Новобазарскаго санджака турецкому генералу поручено было *подготовить* эту мѣстность къ австрійской оккупаціи... Но тутъ случилось неожиданное событіе, весьма характеристичное для Турціи, въ которой истребленіе пашей представляется явленіемъ обыкновеннымъ.

Мегеметъ-Али-паша пріѣхалъ въ Албанію, съ цѣлію усмирить такъ называемую лигу или союзъ повстанцевъ, подготовить Новобазарскій санджакъ (къ югу отъ Сербіи) къ австрійской оккупаціи и уладить недавнее столкновеніе съ Черногоріей. Но здѣсь напали на пашу албанцы и зарѣзали его вмѣстѣ со свитой, состоявшей изъ 20-ти человѣкъ. Эта рѣзкая кровавая расправа еще болѣе потрясла и безъ того уже шаткій авторитетъ Порты на Балканскомъ полуостровѣ. Ближайшимъ поводомъ къ убіенію Мехемеда-Али было то, что онъ отказался организовать нападеніе на австрійскія войска... Этимъ событіемъ была сильно взволнована не только Австрія, но и Англія. Маркизъ Салисбери пригласилъ сэра Лейарда, представителя Британіи при Константинопольскомъ дворѣ, потребовать отъ Порты, чтобы она самыми энергическими мѣрами подавила возстаніе въ Албаніи и поспѣшила бы *заключить конвенцію* съ *Австріей*, потому что (по крайней мѣрѣ, по мнѣнію Англіи), только этимъ путемъ можно избѣгнуть дальнѣйшихъ осложненій дѣлъ на востокѣ... За симъ для избѣжанія тѣхъ же усложненій, Британія рѣшилась предпринять „обширныя реформы“ въ Малой Азіи. Для осуществленія этихъ реформъ, въ Константинополь возвращается извѣстный „творецъ турецкой конституціи“ Митхадъ-паша. По ходатайству того же лорда Салисбери, Султанъ снимаетъ опалу съ Митхада. Все это понятно. Разъ Британія заняла Кипръ, конечно, ей нужны и преобразованія въ Малой Азіи, для наблюденія за которыми Кипръ представляетъ весьма удачный наблюдательный постъ. Затѣмъ становится понятнымъ и ревнивое выслѣживаніе Британіей нашей политики въ Средней Азіи.

Носились еще не давно слухи о захватѣ Англіею острова *Сокоторы*, при входѣ въ Аденскій заливъ (на Красномъ морѣ) и судя по общему характеру политики Англіи, все это весьма возможно.

Черногорія, выведенная изъ терпѣнія медленностью турокъ въ очищеніи той территоріи, которая прирѣзана къ княжеству по Берлинскому договору, подняла воинственный кличъ, вооружилась, и путемъ оружія рѣшилась добиваться того, что присуждено ей по договору. Не смотря на истощеніе, Черногорія снова собираетъ послѣднія силы, и, конечно, если придется бороться, снова проявитъ героическія силы. Артиллерія, подъ начальствомъ Маши Врбицы, уже бомбардировала Подгорицу.

Что касается Герцеговины, то въ этой провинціи возстаніе и съ самаго начала не отличалось интенсивностью. Уже въ первое же время оккупаціи, въ разныхъ мѣстностяхъ Герцеговины, турецкіе регулярные отряды сдались почти безъ сопротивленія войскамъ Іовановича; инсургенты отступили въ юго-западный уголъ Герцеговины къ Требинью. Большая часть инсургентскихъ герцеговинскихъ бандъ находилось въ недалекомъ разстояніи отъ Черногорской границы. По всѣмъ, имѣющимся теперь соображеніямъ, связь, соединявшая Герцеговинскихъ инсургентовъ съ Боснійскими бандами, уже прервана. Подъ Требинье въ инсургентскихъ бандахъ въ недавнее время находилось не свыше 1,000 человѣкъ.

Уже на прошлой недѣлѣ возвращеніе нашей славной гвардіи съ театра войны имѣло значеніе совершающагося факта. 29 августа, лейбъ-гвардіи Его Величества полкъ имѣлъ дневку въ Вильно. За симъ черезъ Вильно же назначено проходить и другимъ гвардейскимъ полкамъ. Виленская дума ассигновала нужную сумму на угощеніе знаменитыхъ воиновъ. Значительныя пожертвованія на этотъ предметъ сдѣлало и виленское городское общество. Въ Москвѣ уже при бывшей на прошлой недѣлѣ части гвардейскаго эгерскаго полка сдѣлано радушное угощеніе. Къ встрѣчѣ же дорогихъ гостей уже съ прошлой недѣли и даже ранѣе приготовлялся Петербургъ. Надо замѣтить, что нашей славной гвардіи значительно поубыло. Многіе легли костьми на мѣстѣ, пали славною геройскою смертью, преимущественно при *Телишѣ* и во время зимняго перехода чрезъ Балканы Молодцы старые гвардейцы, по отзыву очевидцевъ, смотрятъ бодро. Но большая часть изъ нихъ больны хроническою простудой. По цѣлымъ днямъ приходилось быть поколѣно въ снѣгу и даже спать на снѣгу... При всей ихъ доброй волѣ, въ виду утраты здоровья дальнѣйшая служба этихъ молодцевъ-воякъ представляется невозможною. Понятно, какой теплой встрѣчи, со стороны Петербурга, заслуживаютъ эти славные воины.

Военный Министръ Д. А. Милютинъ возведенъ въ графское достоинство.

Коммиссія, по разслѣдованію злоупотребленій въ интендантствѣ дѣйствовавшей на Дунаѣ арміи, продолжаетъ дѣлать открытія злоупотребленій и, какъ говорятъ, привлекла къ отвѣтственности до 400 чиновниковъ и офицеровъ, заправлявшихъ дѣлами продовольствія арміи, причемъ, на извѣстное товарищество Грегера, Горвица и Когана, насчитала переборъ болѣе чѣмъ на 2 мил. рублей.

Второй восточный заемъ состоялся окончательно, при чемъ требуемая сумма въ 300 мил. руб. нарицательнаго капитала не только покрыта; но, сколько извѣстно внесена болѣе или менѣе значительная сумма, вслѣдствіе которой и послѣдуетъ разверстка.

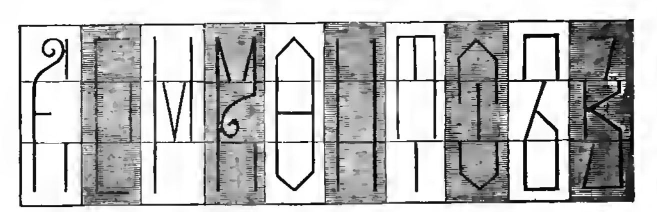
Въ настоящее время въ Петербургѣ открытъ аукціонный залъ. Публика давно уже выражала потребность имѣть такое учрежденіе, которое могло бы освободить продавца и покупателя отъ вреднаго тяготѣнія перекупщиковъ, затрудняющихъ и чрезвычайно удорожающихъ такого рода сдѣлки. Открытіе публичнаго аукціоннаго зала встрѣтило сначала много препятствій, какъ по новизнѣ дѣла, такъ и вслѣдствіе недовѣрія лицъ, отъ которыхъ зависѣло разсмотрѣніе и утвержденіе устава предпріятія. Теперь уже залъ открытъ для публики (на Большой Морской улицѣ).

Уже давно не запомнятъ такой ярмарки, какая была въ нынѣшнемъ году въ Нижнемъ Новгородѣ. Всѣми товарами расторговались почти окончательно. Денежные разсчеты почти не бывалые. Повѣренные по дѣламъ и нотаріусы остались безъ дѣла.

Говоря о коммерческихъ дѣлахъ, кстати будетъ привести здѣсь извѣстіе, имѣющее болѣе или менѣе близкое отношеніе къ нимъ, а именно о предполагающейся перестройкѣ зданія Государственнаго Банка. Нижній этажъ полукруглаго корпуса, теперь сплошь занятый квартирами служащихъ, предполагается перестроить подъ помѣщеніе операціонныхъ отдѣленій банка, въ которыя имѣетъ доступъ публика; въ верхнемъ же этажѣ будутъ сосредоточены помѣщенія исключительно для занятій служащихъ. Сообщеніе между обоими этажами будетъ производиться внутренними лѣстницами; для передачи распоряженій будутъ служить разговорныя трубки, а бумаги будутъ передаваться посредствомъ элеваторовъ.

Городская стража въ Петербургѣ еще увеличилась въ послѣднее время; прибавлено 500 городовыхъ и кромѣ того на улицахъ появились конные разъѣзды, а на нѣкоторыхъ перекресткахъ установлены конные казачьи посты.

## ЗАДАЧА.



Изображенные на тридцати квадратикахъ этого рисунка знаки составляютъ, при правильномъ ихъ соединеніи, фамилію писатели извѣстнаго всей образованной Россіи.

2-й заемъ 1866 года — 25-й тиражъ 1-го сентября 1878 г.

## ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

| № сер. | № бил. | Сумма. | № сер. | № бил. | Сумма. | № сер. | № бил. | Сумма. | № сер. | № бил. | Сумма. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 6 | 48 | 500 | 5366 | 9 | 500 | 9377 | 17 | 500 | 14216 | 14 | 500 |
| 28 | 44 | 500 | 5367 | 47 | 500 | 9478 | 40 | 500 | 14222 | 11 | 500 |
| 108 | 27 | 500 | 5462 | 24 | 500 | 9483 | 46 | 500 | 14305 | 19 | 500 |
| 138 | 7 | 500 | 5497 | 1 | 500 | 9489 | 48 | 500 | 14378 | 26 | 500 |
| 140 | 11 | 500 | 5527 | 8 | 500 | 9570 | 31 | 500 | 14411 | 14 | 500 |
| 210 | 21 | 500 | 5547 | 14 | 500 | 8651 | 11 | 500 | 14412 | 7 | 500 |
| 397 | 38 | 500 | 5678 | 9 | 500 | 9700 | 45 | 500 | 14474 | 33 | 1000 |
| 475 | 39 | 500 | 5738 | 5 | 8000 | 9795 | 18 | 500 | 14524 | 34 | 500 |
| 540 | 34 | 500 | 5914 | 49 | 500 | 9906 | 42 | 500 | 14562 | 5 | 500 |
| 546 | 36 | 500 | 5956 | 37 | 500 | 9945 | 2 | 500 | 14771 | 34 | 500 |
| 557 | 45 | 500 | 5984 | 11 | 500 | 9990 | 19 | 500 | 14915 | 6 | 500 |
| 602 | 10 | 500 | 6036 | 50 | 500 | 10062 | 14 | 5000 | 15133 | 38 | 500 |
| 715 | 1 | 500 | 6119 | 1 | 500 | 10148 | 9 | 500 | 15147 | 34 | 500 |
| 939 | 27 | 5000 | 6128 | 38 | 1000 | 10184 | 31 | 500 | 15176 | 6 | 500 |
| 957 | 48 | 500 | 6162 | 11 | 1000 | 10279 | 23 | 500 | 15180 | 16 | 500 |
| 1048 | 42 | 500 | 6205 | 39 | 500 | 10367 | 15 | 500 | 15196 | 37 | 500 |
| 1109 | 50 | 500 | 6232 | 5 | 500 | 10415 | 47 | 500 | 15243 | 20 | 500 |
| 1142 | 16 | 500 | 6339 | 23 | 500 | 10472 | 6 | 500 | 15261 | 37 | 500 |
| 1159 | 34 | 500 | 6391 | 13 | 500 | 10506 | 32 | 500 | 15267 | 48 | 500 |
| 1213 | 9 | 500 | 6417 | 26 | 500 | 10534 | 20 | 500 | 15271 | 17 | 500 |
| 1236 | 36 | 500 | 6439 | 33 | 200000 | 10585 | 34 | 500 | 15310 | 20 | 5000 |
| 1308 | 34 | 5000 | 6472 | 33 | 500 | 10598 | 40 | 500 | 15320 | 34 | 500 |
| 1363 | 27 | 500 | 6491 | 27 | 500 | 10712 | 5 | 500 | 15371 | 10 | 500 |
| 1397 | 18 | 500 | 6560 | 40 | 500 | 10717 | 34 | 5000 | 15565 | 50 | 500 |
| 1423 | 34 | 500 | 6589 | 8 | 500 | 10846 | 28 | 500 | 15570 | 20 | 500 |
| 1516 | 12 | 1000 | 6686 | 4 | 500 | 10868 | 6 | 500 | 15646 | 30 | 500 |
| 1536 | 28 | 75000 | 6755 | 2 | 500 | 10891 | 33 | 500 | 15647 | 43 | 500 |
| 1658 | 30 | 1000 | 6818 | 22 | 500 | 10901 | 13 | 500 | 15660 | 14 | 500 |
| 1661 | 37 | 500 | 6849 | 26 | 500 | 10970 | 30 | 500 | 15665 | 49 | 500 |
| 1778 | 47 | 500 | 6879 | 33 | 5000 | 10999 | 3 | 500 | 15867 | 8 | 500 |
| 1880 | 35 | 500 | 6937 | 30 | 500 | 11065 | 10 | 500 | 15889 | 45 | 500 |
| 1932 | 38 | 500 | 6957 | 47 | 500 | 11089 | 14 | 500 | 15897 | 39 | 500 |
| 1954 | 2 | 500 | 7119 | 47 | 500 | 11094 | 25 | 500 | 16031 | 1 | 500 |
| 1959 | 21 | 500 | 7160 | 6 | 500 | 11167 | 30 | 500 | 16082 | 14 | 500 |
| 2198 | 32 | 10000 | 7169 | 10 | 500 | 11262 | 42 | 500 | 16241 | 50 | 500 |
| 2212 | 11 | 500 | 7204 | 30 | 1000 | 11265 | 12 | 500 | 16428 | 1 | 500 |
| 2253 | 39 | 500 | 7271 | 32 | 500 | 11375 | 35 | 500 | 16582 | 25 | 500 |
| 2266 | 37 | 1000 | 7304 | 42 | 500 | 11396 | 27 | 500 | 16611 | 40 | 10000 |
| 2368 | 38 | 500 | 7459 | 12 | 500 | 11412 | 8 | 500 | 16874 | 15 | 500 |
| 2572 | 28 | 500 | 7495 | 35 | 500 | 11418 | 47 | 500 | 17047 | 30 | 500 |
| 2585 | 47 | 25000 | 7506 | 7 | 500 | 11465 | 47 | 500 | 17190 | 13 | 1000 |
| 2599 | 14 | 1000 | 7518 | 18 | 500 | 11568 | 50 | 500 | 17305 | 10 | 500 |
| 2753 | 12 | 500 | 7553 | 40 | 500 | 11588 | 22 | 500 | 17341 | 39 | 500 |
| 2883 | 40 | 500 | 7590 | 44 | 500 | 11657 | 5 | 1000 | 17390 | 47 | 500 |
| 2894 | 36 | 500 | 7609 | 4 | 8000 | 11637 | 35 | 1000 | 17699 | 13 | 500 |
| 2918 | 18 | 500 | 7689 | 8 | 500 | 11718 | 8 | 500 | 17720 | 44 | 500 |
| 2940 | 6 | 500 | 7775 | 25 | 500 | 11745 | 18 | 500 | 17833 | 49 | 1000 |
| 2950 | 39 | 500 | 7931 | 22 | 8000 | 11781 | 23 | 500 | 17888 | 7 | 500 |
| 3227 | 17 | 500 | 8015 | 18 | 5000 | 11802 | 29 | 500 | 17996 | 35 | 500 |
| 3252 | 22 | 500 | 8052 | 24 | 500 | 11810 | 10 | 1000 | 18152 | 3 | 1000 |
| 3273 | 47 | 500 | 8138 | 34 | 500 | 11825 | 33 | 500 | 18430 | 50 | 500 |
| 3346 | 3 | 500 | 8142 | 49 | 500 | 11829 | 4 | 500 | 18438 | 24 | 500 |
| 3480 | 33 | 500 | 8205 | 29 | 1000 | 11856 | 15 | 500 | 18499 | 42 | 500 |
| 3549 | 41 | 10000 | 8242 | 15 | 500 | 11972 | 35 | 500 | 18504 | 30 | 8000 |
| 3570 | 36 | 500 | 8334 | 18 | 500 | 12050 | 15 | 1000 | 18530 | 19 | 500 |
| 3647 | 33 | 500 | 8341 | 5 | 500 | 12074 | 1 | 500 | 18602 | 34 | 1000 |
| 3678 | 33 | 500 | 8345 | 1 | 500 | 12104 | 41 | 500 | 18635 | 10 | 500 |
| 3772 | 34 | 500 | 8369 | 31 | 500 | 12160 | 11 | 500 | 18636 | 47 | 8000 |
| 3775 | 27 | 1000 | 8497 | 38 | 500 | 12189 | 2 | 500 | 18691 | 11 | 500 |
| 3924 | 37 | 500 | 8562 | 22 | 500 | 12227 | 9 | 500 | 18779 | 15 | 500 |
| 4039 | 2 | 500 | 8612 | 30 | 500 | 12264 | 30 | 500 | 18930 | 6 | 500 |
| 4072 | 16 | 5000 | 8721 | 24 | 500 | 12360 | 31 | 500 | 18970 | 16 | 500 |
| 4084 | 42 | 500 | 8784 | 39 | 500 | 12401 | 6 | 500 | 19002 | 32 | 500 |
| 4155 | 13 | 500 | 8785 | 40 | 500 | 12420 | 16 | 500 | 19031 | 26 | 1000 |
| 4159 | 49 | 500 | 8852 | 19 | 500 | 12537 | 1 | 500 | 19332 | 39 | 500 |
| 4364 | 3 | 500 | 8859 | 7 | 500 | 12624 | 38 | 500 | 19484 | 2 | 500 |
| 4373 | 7 | 500 | 8871 | 21 | 500 | 12904 | 31 | 1000 | 19596 | 17 | 500 |
| 4537 | 20 | 500 | 8927 | 29 | 500 | 13167 | 49 | 500 | 19699 | 37 | 500 |
| 4771 | 24 | 500 | 9040 | 39 | 500 | 13279 | 37 | 500 | *) 19751 | 49 | 500 |
| 4792 | 28 | 500 | 9096 | 13 | 500 | 13316 | 11 | 40000 | 19765 | 13 | 500 |
| 4936 | 23 | 500 | 9122 | 2 | 500 | 13361 | 38 | 500 | 19785 | 44 | 500 |
| 4998 | 31 | 500 | 9152 | 44 | 500 | 13478 | 13 | 500 | 19822 | 44 | 500 |
| 5142 | 23 | 500 | 9199 | 47 | 500 | 13770 | 33 | 500 | 19835 | 29 | 500 |
| 5261 | 31 | 500 | 9225 | 1 | 500 | 13838 | 21 | 500 | 18853 | 1 | 500 |
| 5271 | 11 | 500 | 9304 | 14 | 500 | 13958 | 27 | 500 | 19890 | 32 | 500 |
| | | | | | | 14165 | 41 | 5 90 | | | |

*) Вв. сент. 1877 г.

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

192, 338, 425, 590, 597, 674, 806, 828, 892, 1165, 1618, 1887, 2294, 4089, 5704, 5761, 6426, 7339, 7621, 7727, 7772, 8312, 8558, 8701, 9336, 9401, 9458, 9551, 9650, 9699, 10263, 11260, 11593, 11721, 12208, 12296, 13542, 13604, 14145, 14262, 14285, 14310, 14695, 14744, 14981, 15513, 16222, 16637, 16987, 17667, 17882, 17925, 18194, 18740, 18842, 19353, 19717, 19807.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Москва** А. А. Плещ—ву. Присланное очень бѣдно содержаніемъ. Предложенію рады.

**Автору очерка „Сватовство“.** Весь сыръ-боръ горитъ отъ того, что вы, посылая свои нравоучительныя письма, подписываетесь подъ ними съ такими закорючками, что разобрать вашей фамиліи невозможно. причемъ не сообщаете ни адреса своего ни № вашего подписнаго бланка. Рукопись напечатана не будетъ.

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.





Тип. [illegible] Лит. пр. № 10.

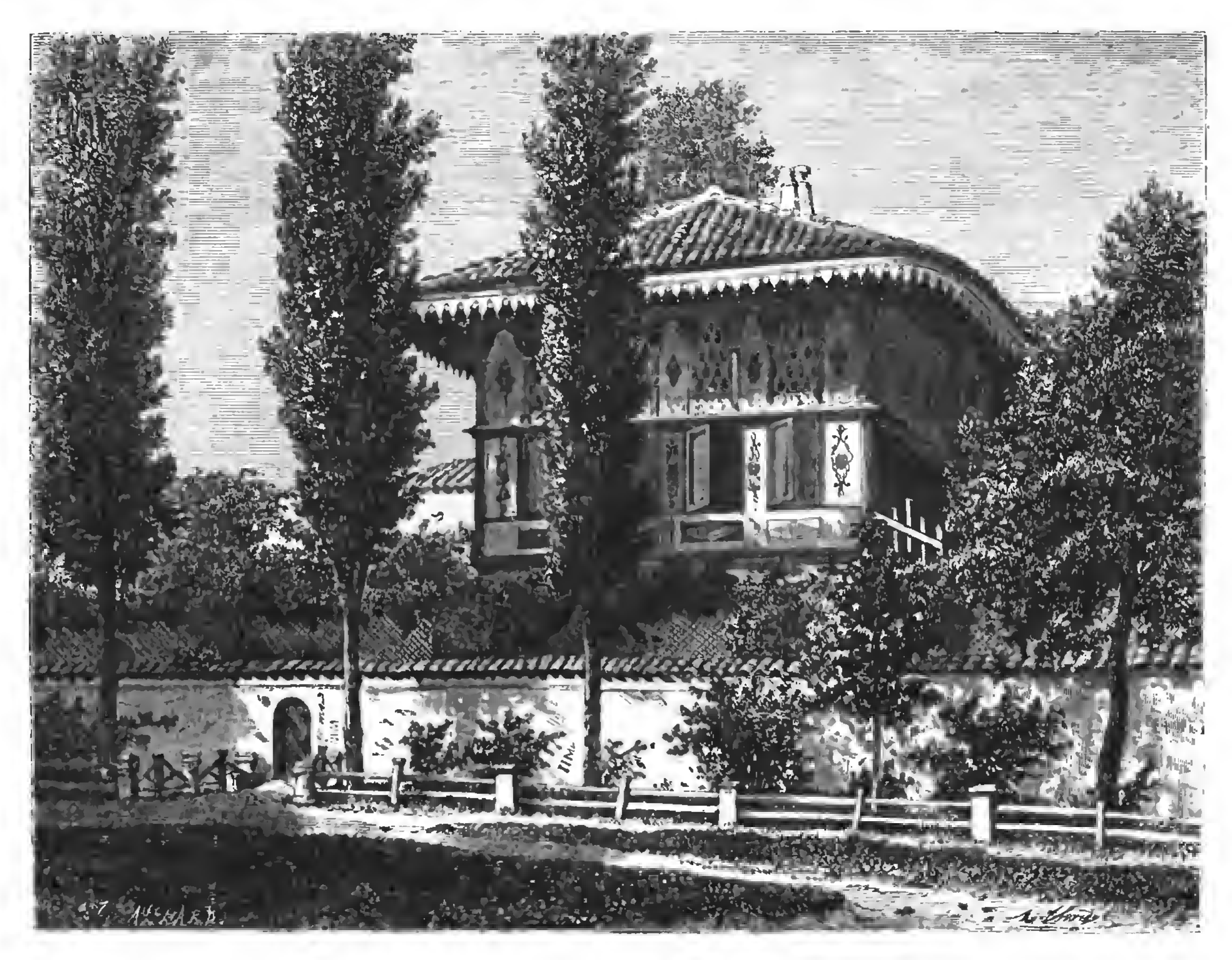



№ 38 — 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 18 Сентября 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.





Старый ханскій дворецъ въ Бахчисараѣ въ Крыму. Рис. Клерже, грав. Гошаръ.

# Г. Бахчисарай въ Крыму.

По мнѣнію Плинія, Геродота, Страбона, и позднѣйшихъ писателей—Бюффона и Палласа, Крымскій полуостровъ былъ нѣкогда совершенно отдѣленъ отъ материка.

Перекопскій перешеекъ, соединяющій полуостровъ съ материкомъ, въ былыя времена былъ сильно укрѣпленъ. Укрѣпленія состояли изъ стѣны съ башнями, отчего и мѣсто получило отъ грековъ названіе Неонтихоса (Новая Стѣна). Затѣмъ на мѣстѣ этихъ укрѣпленій турки сдѣлали другія, новыя изъ земляного вала, имѣющаго протяженіе отъ Чернаго моря до Сиваша, и изъ глубокаго рва, обложеннаго камнями. Разсказываютъ, что въ 1736 году, при взятіи русскими войсками, подъ начальствомъ фельдмаршала Минниха, крѣпости Перекопъ, ровъ тогда былъ въ двѣнадцать саж. шириною и 7 саж. глубиной, а валъ имѣлъ 70 футъ высоты. Наши солдаты было испугались, но спустясь въ ровъ, въ которомъ воды не оказывалось, полезли на валъ по пикамъ и штыкамъ непріятеля. Татары были поражены такой храбростью и бѣжали. Выходя изъ Перекопа, Минихъ взорвалъ крѣпость, срывъ мѣстами и валъ. Татары исправили поврежденія, но въ 1771 г. Перекопъ былъ снова разрушенъ княземъ Долгорукимъ, а въ 1783 г. уже совсѣмъ Крымомъ перешелъ во власть Россіи. Въ настоящее время Перекопъ—жалкій городишко. Чрезъ давно засыпавшійся ровъ теперь идетъ плотина или мостъ, а каменныя ворота, черезъ которыя въѣзжаютъ въ Крымъ, ничѣмъ не примѣчательны.

Отъ Перекопа до Симферополя 133 версты. Симферополь назывался у татаръ Акъ Мечеть (Бѣлая Мечеть) и также Султанъ-Сарай (Дворецъ Султана), потому что здѣсь имѣлъ свое пребываніе Калга-Султанъ. Симферополь основанъ въ 1500 г. Ибрагимъ-Беемъ, на землѣ, подаренной ему ханомъ за побѣду надъ русскими. Въ настоящее время Симферополь губер. городъ. Въ 20 верстахъ отъ него находится знаменитый исполинъ гора Чатыръ-Дагъ, о которой поэтъ, вдохновенный ея величественною красотою, говоритъ:

Аллахъ-ли тамъ среди пустыни
Застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни—
Притоны ангеламъ своимъ...

Въ 30 верстахъ отъ Симферополя лежитъ Бахчисарай. На первый взглядъ, въ общемъ видѣ, Бахчисарай кажется будто городъ „въ яму насыпанъ“. Высокія и крутыя горы нависли надъ нимъ, самый городъ расположенъ по скатамъ ихъ, спускаясь къ мутному ручью Чурюкъ-су. Дома его — куча на кучѣ. Кровли точно выростаютъ одна изъ другой и при спускѣ съ горъ въ средину города кажется, что масса построекъ съ покривившимися стѣнками, съ балконами, галерейками, подпертыми столбиками, готовыми обрушиться при первомъ хорошемъ толчкѣ,—точно идутъ, спускаются, грозятъ опрокинуться вмѣстѣ съ каменными выступами горъ. Улицы въ городѣ узенькія, отвратительно мощеныя, пыльныя, заставленныя лавчонками, торгующими всевозможнымъ товаромъ и по восточному совершенно открыто, выдвинутыми на улицу. На виду не только товары, но и кухни, и повара у всѣхъ на глазахъ вертятъ вертелъ съ нанизаной бараниной.

Тутъ на улицѣ, подъ жгучими лучами солнца, и цирюльникъ-брадобрѣй ловко справляется съ дѣломъ по своей спеціальности, и закоптѣлые кузнецы съ своими мѣхами томящіеся въ горячей температурѣ воздуха; на самомъ солнцѣ жарятся и оборванные нищіе; а подъ едва едва дающимъ тѣнь навѣсомъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ разсѣлся торговецъ табакомъ и т. д. Жаръ, пыль, грязь, лѣнь... Таковъ общій характеръ города.

Бахчисарайскій дворецъ снаружи не обѣщаетъ многого. Онъ обнесенъ оградою, на верху торчатъ башенки, мавританскія трубы. Внутри дворецъ представляетъ просторный зеленый дворъ, окаймленный павильонами, цвѣтниками, купами деревъ, обставленный вѣчно журчащими фонтанами. Самое слово Бахчисарай, надобно замѣтить, означаетъ дворецъ садовъ, хотя въ настоящее время сады Бахчисарая уже большею частію запущены. Всѣ постройки дворца восточнаго стиля, зданія примыкаютъ одно къ другому плотно, выступами, образуя группы, повороты. Комнаты большею частію тѣсны, но всѣ тѣнисты; окна, самыхъ причудливыхъ формъ, сдѣланы изъ цвѣтныхъ стеколъ, слабо пропускающихъ солнечные лучи. Нѣкоторыя комнаты всѣ сквозныя, вмѣсто плотныхъ стѣнъ онѣ обнесены рѣшетками, чрезъ которыя такъ и продуваетъ. Вся обстановка комнатъ, вся ихъ отдѣлка полны пестроты, позолоты, раскраски. Потолки расписаны, стѣны расписаны, полы покрыты расписанными циновками, коврами; столики расписаны, зеркала расписаны. Словомъ въ глазахъ пестритъ, хотя положительно надо признаться, что эта пестрота пріятна для глазъ: она имѣетъ гармонію своего рода. Кабинетъ хана Менгли Гирея отличается особенной отдѣлкою. Стѣны въ немъ покрыты лѣпной работой, представляющей лимовы, виноградъ и др. плодовые деревья. За стекломъ вверху стѣны помѣщаются цвѣтники восковыхъ цвѣтовъ. Рядомъ съ кабинетомъ находится комната, доставляющая созерцаніе вечной красоты... Подъ окнами комнаты, за стѣнами, раскинулся очаровательный садикъ съ мраморнымъ фонтаномъ по срединѣ; мраморныя ступени и скамьи красиво рисуются на зелени букса, винограда; среди цвѣтовъ нарцисовъ и розъ. Тутъ и глубокій резервуаръ воды, въ которой ревнивая Зарема Пушкина

Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.

Изъ кабиннета Хана тайный корридоръ ведетъ въ комнату судилища, гдѣ для самого хана сдѣлана въ видѣ хоръ тайная комната. Изъ этого своего помѣщенія ханъ могъ присутствовать въ судилищѣ незамѣченнымъ. Зала судилища громадная съ сидѣньями по стѣнамъ. Стѣны въ ней толстыя, аршина въ полтора, съ обѣихъ сторонъ по пяти оконъ въ два яруса. Въ верхнемъ довольно большія бѣлыя стекла обложены въ узоръ мелкими цвѣтными—синими, оранжевыми, зелеными. Подъ нѣкоторыми окнами стеклянныя двери открываются въ садъ, гдѣ цвѣты и деревья чудной красоты. Потолокъ расписанъ красной и черной краскою съ позолотой и производитъ удивительный эффектъ. Въ сѣняхъ дворца у главнаго входа помѣщается извѣстный *фонтанъ слезъ*—фонтанъ Маріи. Это простой четыреугольный выступъ изъ стѣны, мраморная доска на фасѣ испещрена надписями, а подъ доской льется тонкой струею вода.—Здѣсь невольно вспоминаются строки Пушкина:

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина)
Есть надпись, ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, павшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданья старины узнали,
И мрачный памятникъ овѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Гаремъ хана стоитъ позади дворца въ уединенномъ дворикѣ, обнесенномъ высокими, глухими стѣнами. Мечеть ханская представляетъ темную залу съ хорами, устланную коврами, съ потолка спускаются некрасивыя люстры. Посрединѣ стѣны сдѣланъ альковъ съ лѣпной работой, въ немъ хранится коранъ.

По бѣлымъ стѣнамъ мечети, съ разноцвѣтными окнами, сдѣланы надписи изъ корава. Потолокъ красный. Вообще въ Бахчисарайскомъ дворцѣ потолки въ зданіяхъ цвѣтные—голубые, красные или зеленые, деревянные подъ лакомъ; по нимъ клѣточками идутъ золоченые брусья, съ золоченными звѣздочками.

Ханская усыпальница представляетъ веселый цвѣтущій садикъ. Среди травы возвышаются каменные памятники съ чалмами, обернутыми бѣлымъ полотномъ, а далѣе стоитъ круглая башня; вся заставленная гробницами когда-то грозныхъ владыкъ Крыма—хановъ и ханскихъ женъ. На нѣкоторыхъ памятникахъ изсѣчены какіе нибудь знаки; такъ напр. на памятникѣ Менгли-Гирея высѣчена сабля.

Надобно сказать, что время и человѣкъ въ особенности—сильно наложили на все здѣсь няходящееся свои руки. Войны и пожары многое уничтожили; а то, что возстановлено впослѣдствіи, измѣнено реставраторами. Въ Севастольскую войну ханская мечеть была обращена въ госпиталь, и такое замѣщеніе, разумѣется, оставило глубокіе слѣды, изгладивъ невозвратно старину.

Въ этомъ дворцѣ среди садовъ, и розъ, и золота роскошныхъ павильоновъ когда то прелестныя плѣнницы

Безпечно, ожидая хана
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ, онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясвой глубинѣ
На мраморвомъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно, иныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы, межъ тѣмъ,
Шербетъ носили ароматный.

Все это кануло въ вѣчность, и въ настоящее время въ забвеньи дремлетъ дворъ среди безмолвныхъ переходовъ.

Хотя и то сказать, что

Еще по нынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы
И злато блещетъ на стѣнахъ.

Т. Р.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ.

**Вс. Соловьева.**

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе)

### XIII.

Царевна Софья чуть ли не первая возмутилась противъ такой жизни. Она съ дѣтства возненавидѣла теремъ и его нравы и обычаи, а любовь къ ней добраго и разумнаго отца дала ей возможность приготовить себя къ другой жизни. Она училась вмѣстѣ съ братьями у Симеона Полоцкаго и превосходила всѣхъ ихъ прилежаніемъ и способностями. Любознательность ея не останавливалась на заданныхъ урокахъ, ей хотѣлось поскорѣй знать все, и Симеону Полоцкому иной разъ не легко было исполнять ея требованія— на иные вопросы онъ и самъ сразу не могъ отвѣчать, долженъ былъ къ слѣдующему уроку подготовить свои отвѣты, долженъ былъ самъ доучиваться для царевны.

Но сначала, кромѣ этого ученья, на которое головою покачивала царица Марья Ильинична, Софья все же была въ послушаніи у терема, — поневолѣ должна была исполнять его обряды,—только послѣ смерти матери она стала давать себѣ большую волю, „совсѣмъ изъ рукъ выбилась", какъ говорили царевны-тетки.

Она неудержимо выбѣгала изъ женскихъ покоевъ къ отцу, присутствовала на всѣхъ комедійныхъ дѣйствахъ, иногда даже на обѣдахъ царскихъ; видѣла пословъ чужеземныхъ и, къ окончательному соблазну всѣхъ своихъ родственницъ, вела съ ними разговоры безъ стыда и смущенія.

Скоро ей стали ясны такіе вопросы, такіе предметы, о которыхъ до сихъ поръ не помышляла ни одна русская женщина. Она узнала многія подробности управленія государствомъ, стала интересоваться всѣми новостями, получаемыми изъ различныхъ концовъ Россіи, проникла въ тайны дипломатическихъ отношеній русскаго двора съ иностранными; много думала о томъ, чего теперь должна добиваться ея родина—чего нужно желать, чего бояться.

Ея взгляды и сужденія невольно поражали государственныхъ людей того времени; они должны были краснѣть, видя, что молодая дѣвушка во многихъ случаяхъ оказывается смышленѣе ихъ и несравненно проницательнѣе.

Смерть царя Алексѣя была для всѣхъ полною неожиданностью—онъ былъ далеко еще не старъ и казался крѣпкимъ человѣкомъ. Послѣ него государство осталось въ затруднительномъ положеніи. Много было начато важныхъ дѣлъ и не кончено, много было запутанныхъ, нерѣшенныхъ вопросовъ и внутри и извнѣ государства, а твердой руки, которая взялась бы за управленіе огромной и хитрой машины—не было.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ по старшинству провозглашенный царемъ, на глазахъ всѣхъ являлся государемъ на часъ, на короткое время, потому что трудно было ожидать его долголѣтія—онъ былъ крѣпко боленъ, боленъ съ дѣтства и таялъ, какъ свѣчка.

Второй братъ Иванъ тѣломъ казался покрѣпче, но за то со дня рожденія былъ „скорбенъ главою".

Оставался третій сынъ. отъ царицы Натальи Кирилловны, маленькій мальчикъ, Петръ Алексѣевичъ. Этотъ былъ не похожъ на братьевъ, этотъ росъ не по днямъ а по часамъ, поражалъ всѣхъ своимъ крѣпкимъ сложеніемъ, своей не по лѣтамъ развившейся понятливостью, зачатками страстной, богато одаренной природы.

Царь Алексѣй, обожавшій младшаго сына, видѣлъ въ немъ своего преемника, но этому преемнику все же нужно было рости долго. Да къ тому же одна только мысль о томъ, что онъ сядетъ на тронъ отцовскій, была ужасна всѣмъ его своднымъ сестрамъ, ихъ родственникамъ и приверженцамъ. Допустить Нарышкиныхъ къ трону значило подписать смертный приговоръ Милославскимъ: вѣдь ужъ и такъ, съ тѣхъ поръ какъ Наталья Кирилловна сдѣлалась царицей, плохо пришлось прежнимъ царскимъ родственникамъ. Страшно боялись они, что всесильный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ бояринъ Матвѣевъ, прежній благодѣтель и другъ царицы Натальи, воспользуется слабостью Ѳеодора, провозгласитъ царемъ ребенка Петра—да онъ едва этого и не сдѣлалъ. Онъ утаилъ, какъ сказывали, смерть царя, подкупилъ стрѣльцовъ, чтобъ они стояли за младшаго царевича, и только ночью извѣстилъ бояръ о кончинѣ государя. Когда тѣ стали собираться, онъ посадилъ Петра на престолъ и уговаривалъ бояръ, чтобы они поклонились ему на царствѣ, потому что царевичъ Ѳеодоръ весь опухъ, лежитъ больной и нѣтъ надежды, что будетъ живъ.

Бояре чуть было не сдались на рѣчи Матвѣева, да узнали отъ патріарха, бывшаго при смерти царя, что отецъ благословилъ Ѳеодора на царство, а князя Юрія Долгорукаго назначилъ опекуномъ. Тогда стали поджидать Долгорукаго. Вотъ онъ пріѣхалъ во дворецъ, вошелъ къ боярамъ, „какъ волъ реветъ съ жалости по царѣ" и прямо къ патріарху.

— Кого отецъ благословилъ на царство? спрашиваетъ.

— Ѳеодора, отвѣтилъ патріархъ.

Тогда Долгорукій съ боярами, не слушая уговариваній Матвѣева, бросился въ покои Ѳеодора, а двери въ тѣ покои—заперты.

Долгорукій приказалъ выломать двери. Бояре взяли на руки Ѳеодора, который не могъ идти, такъ какъ у него дѣйствительно всѣ ноги опухли. Принесли они царевича, посадили на престолъ и сейчасъ же стали подходить къ рукѣ его, поздравлять на царствѣ.

Вотъ какой разсказъ составился во дворцѣ и теремѣ и обошелъ всю Москву.

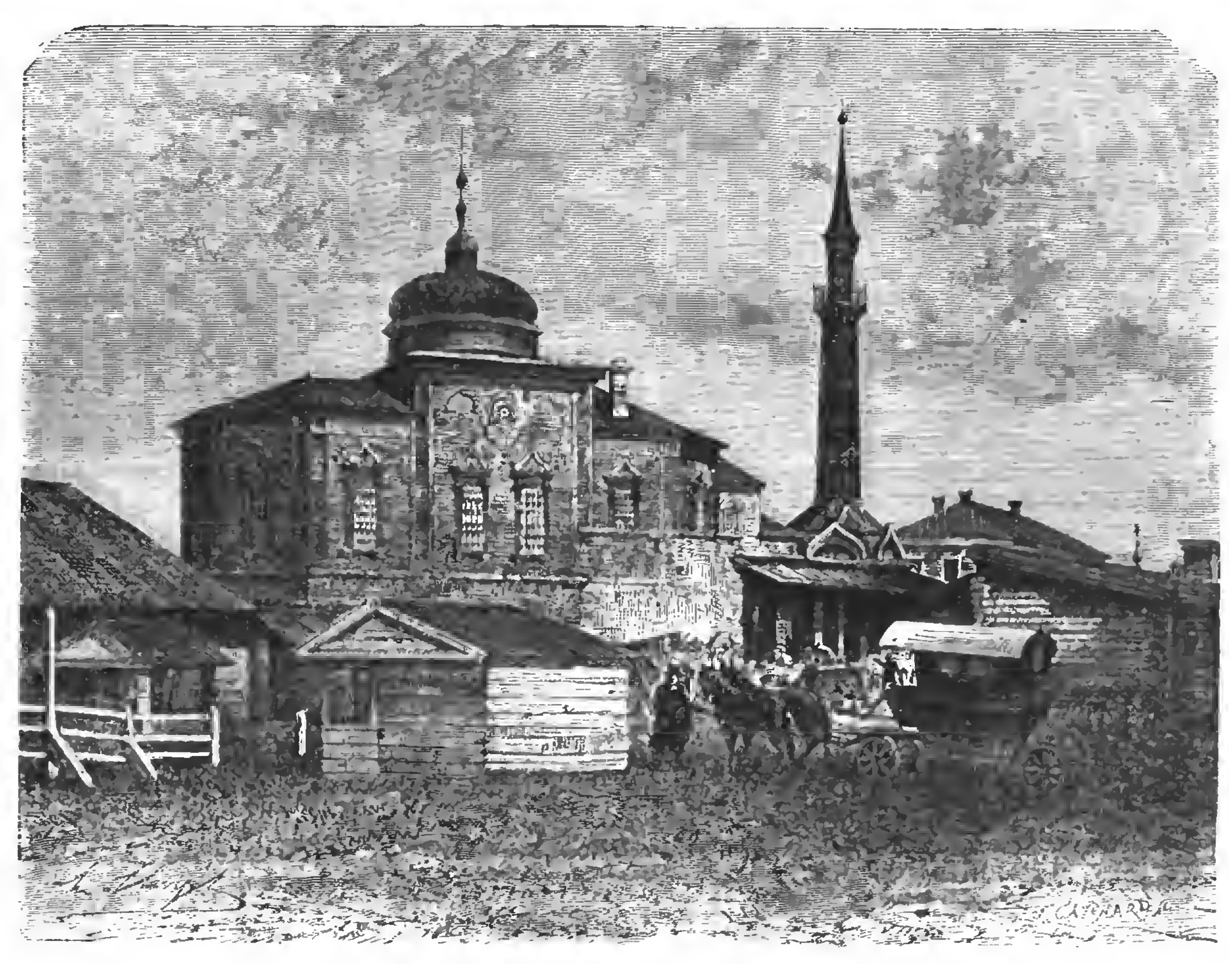
Дорого поплатился Матвѣевъ за свой дерзкій поступокъ—если только этотъ разсказъ и все это не было выдумано. Царь Ѳеодоръ, по увѣщанію родни своей, а главнымъ образомъ сестры Софьи, дяди Ивана Михайловича Милославскаго, да верховой боярыни Анны Петровны Хитрой—пользовавшейся большимъ уваженіемъ въ семьѣ царской, началъ свое царствованіе съ немилости къ Матвѣеву.

Знаменитаго „Артемона" обвинили въ покушеніи на жизнь царскую, въ чернокнижіи и сослали въ Пустозерскій острогъ.

Съ удаленіемъ Матвѣева, царица Наталья Кирилловна съ малолѣтними двумя дѣтьми—сыномъ и дочерью, осталась безпомощною вдовицей, тѣснимой всѣмъ теремомъ и Милославскими. Она замкнулась въ своихъ покояхъ и проводила печальные дни, горюя и жалуясь, молясь и плача. На этихъ горькихъ жалобахъ, на этихъ слезахъ и обидахъ материнскихъ выросталъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ.

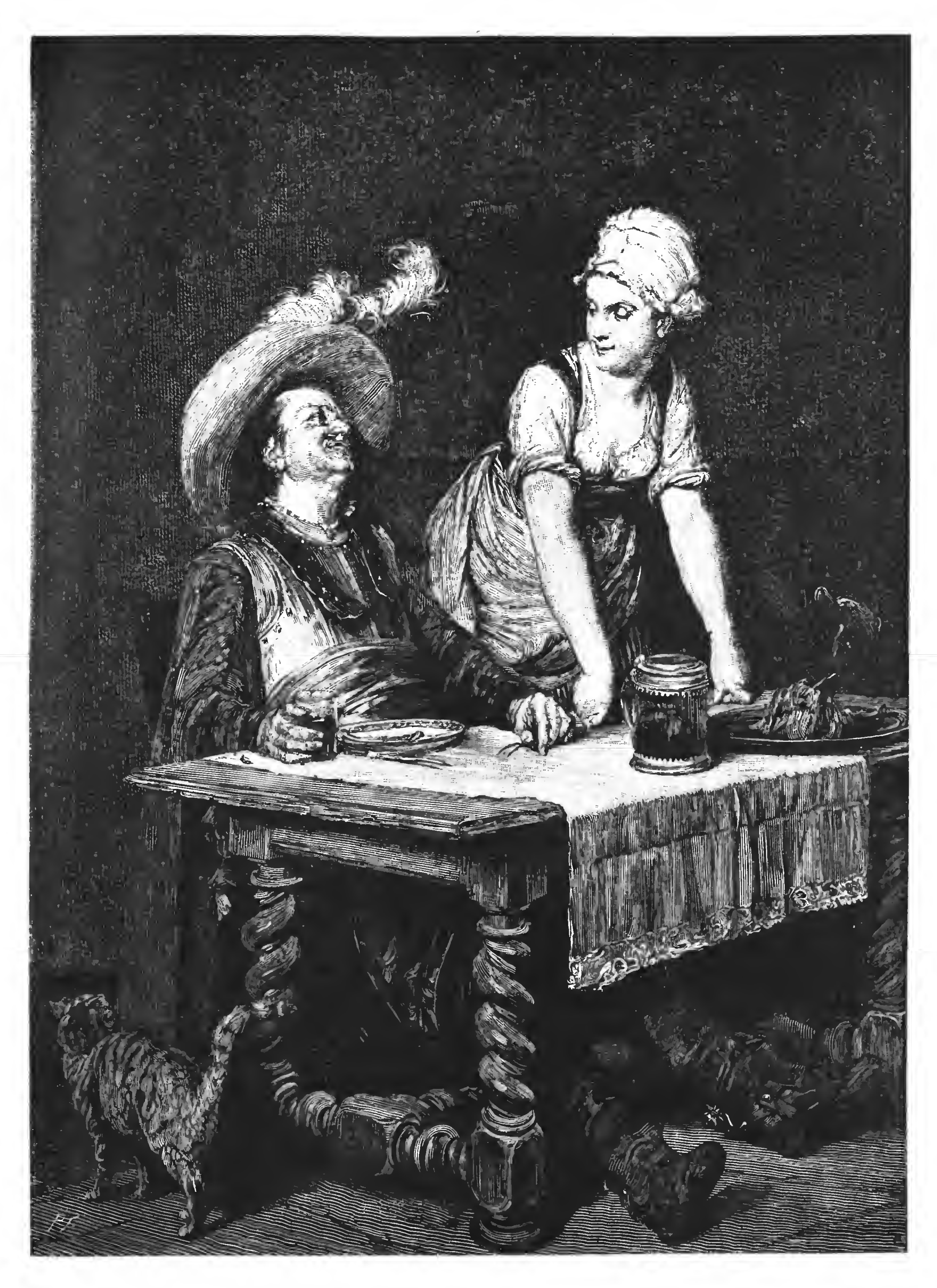
Милославскіе торжествовали. Теремъ вздохнулъ свободно, избавившись отъ ненавистной мачихи—но на долго-ли?.. Вотъ больной царь умретъ, будетъ предстоять новый выборъ между двумя оставшимися братьями: Иваномъ и Петромъ.

Иванъ ненадеженъ и скорбенъ главою, а Петръ выростаетъ въ богатыря и умника. Къ тому же и самъ



**Улица въ Бахчисараѣ.** Рис. съ натуры Клерже, грав. Гошаръ.

**Всемірная Выставка въ Парижѣ: Фасадъ Египетскаго зданія въ Трокадеро.** Съ фотогр. грав. Рашевскій.



Художественная Выставка въ Парижѣ: Веселый ужинъ. Картина Кёссена, грав. Паннемакеръ сынъ.

царь Өедоръ, хоть и согласившійся на ссылку Матвѣева и дружившій со своей роднею, все же не смотря на свою тѣлесную слабость, далеко не вполнѣ поддается наущеніямъ людей близкихъ. Вотъ ужь всѣмъ извѣстно, что онъ говорилъ одному изъ друзей своихъ, Ивану Максимовичу Языкову:

„Братъ мой Петръ здравъ и одѣленъ отъ Бога всѣми достоинствами и достоинъ наслѣдія державнаго престола Россійскаго. Родитель мой еще имѣлъ намѣреніе нарѣчь его преемникомъ, но ради юныхъ его лѣтъ назначилъ меня, по волѣ его сдѣлаю и я“.

Нѣтъ, тутъ нельзя дремать и наслаждаться спокойствіемъ безоблачныхъ дней настоящаго, тутъ нужно ковать желѣзо пока горячо, нужно всѣ силы употребить для того, чтобъ подготовить себѣ на будущее время твердую опору, предвидѣть возможность всякихъ случайностей, предотвратить всякія бѣды.

Никто всего этого такъ не понималъ и такъ не тревожился настоящимъ положеніемъ, какъ царевна Софія.

Родимица то и дѣло отправлялась изъ терема въ стрѣлецкія слободы, раздавала тамъ подарки отъ имени царевны, готовила приверженцевъ царевниной партіи.

Сама же Софья при всякой возможности отправлялась къ больному брату царю и бесѣдовала съ нимъ.

Она и прежде была дружна съ братомъ; они вмѣстѣ учились, и Өедоръ Алексѣевичъ, будучи самъ разумнымъ и любознательнымъ юношей, очень цѣнилъ способности, познанія и ясный умъ сестры; не умѣла сойтись Софья только съ женой брата, Агафьей Семеновной. Но царица Агафья нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ разрѣшилась отъ бремени сыномъ, да и умерла въ родахъ; умеръ и ребенокъ.

Өедоръ не хотѣлъ жениться вторично; онъ хорошо сознавалъ, что не ему думать о бракѣ, не ему мечтать о потомствѣ — силы оставляютъ съ каждымъ днемъ, смерть въ глаза заглядываетъ. Но царевна Софья и другія сестры настояли таки: заставили его согласиться на второй бракъ и нашли ему невѣсту, Марөу Матвѣевну Апраксину, дѣвочку пятнадцати лѣтъ и красоты замѣчательной, выросшую у нихъ въ теремѣ.

Эта новая маленькая царица, которую Өедоръ ласкалъ, какъ прелестнаго ребенка, забывая при звукахъ ея милаго голоса свои тяжкія страданія, должна была служить цѣлямъ царевны Софьи — и сначала она стала было служить этимъ цѣлямъ, но вдругъ произошла въ ней крутая и неожиданная перемѣна.

Софья ушамъ своимъ не повѣрила:—Марөуша вышла изъ повиновенія!.. Марөуша дѣйствуетъ вопреки ея волѣ! Вотъ и вчера—царь принималъ какого-то ея родственника, Апраксина, до сихъ поръ никому невѣдомаго. А сегодня Родимица принесла ужасную вѣсть о томъ, что молодая царица провела часа три въ покояхъ старой царицы Кирилловны и пошла оттуда прямо къ царю съ раскраснѣвшимся лицомъ и заплаканными глазами.

„Что-жь это за напасть такая?“ всполошились всѣ въ теремѣ. Какой это злодѣй нашелся, который такъ неожиданно, мгновенно забралъ въ руки этого до сихъ поръ послушнаго ребенка.

Но злодѣя такого не было, просто ребенокъ понялъ что-то и сообразилъ. Молодая царица оказалась далеко неглупенькой и всей душой привязалась къ страдальцу царю—мужу ей только по имени. Это онъ послалъ ее къ царицѣ Натальѣ, провѣдать младшаго брата, а царица Наталья, женщина разумная, съумѣла ее разжалобить. Много ей наговорила, много передъ ней поплакала и раскрыла многое такое, чего до сихъ поръ не видѣла и не понимала Марөуша.

И вотъ пришла жена-ребенокъ къ царю Өедору и передала ему разговоръ съ царицей, а онъ сильно призадумался. Слѣдствіемъ этой думы была его внезапная холодность къ Ивану Милославскому и даже къ сестрѣ Софьѣ.

Царица Марөа съ этого дня частенько стала посѣщать Наталью Кирилловну, вошла въ ея интересы и скоро выпросила у царя облегченіе участи Матвѣева, котораго приказано было перевезти въ городъ Лугъ, Костромской губерніи. При этомъ ему дали небольшую вотчину въ видѣ вознагражденія за долгую опалу.

Не смотря на весь умъ и всѣ старанія Софьи, теремъ очутился опять въ тяжеломъ положеніи. Ненависть Натальи Кирилловны и Нарышкиныхъ, за это послѣднее время обидъ и притѣсненій, должна была только увеличиться, и если прежде царевна и Милославскіе, въ случаѣ торжества Нарышкинской партіи, ожидали себѣ бѣдъ и несчастій, то теперь ужь имъ грозила окончательная погибель.

Софья не унывала. Она то и дѣло посылала письма къ своему другу князю Василію Васильевичу Голицыну, находившемуся въ это время на украинской границѣ, умоляла его, подъ какимъ нибудь предлогомъ, вырваться и пріѣхать въ Москву.

Она приблизила къ себѣ стараго князя Ивана Андреевича Хованскаго, бывшаго воеводу царя Алексѣя. Этотъ князь, прозванный въ народѣ тараруемъ, былъ человѣкъ безпокойный, заносящійся, непріятный и даже совсѣмъ неразсудительный, но онъ отличался смѣлостью и энергіей, могъ очень пригодиться въ трудную минуту, когда нужно было дѣйствовать рѣшительно и безъ оглядки.

На его привязанность царевна могла разсчитывать— онъ недоволенъ былъ новыми нравами и порядкомъ, любилъ старину во всѣхъ ея проявленіяхъ, ненавидѣлъ Нарышкиныхъ и Матвѣева, былъ въ свою очередь ненавидимъ ими и потому конечно ни при какихъ обстоятельствахъ не могъ оказаться въ числѣ приверженцевъ партіи младшаго царевича.

Софья пошла дальше; съ помощью Родимицы и богатыхъ подарковъ и обѣщаній, она закупила нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ начальниковъ, имѣвшихъ вліяніе на солдатъ, подполковника Циклера да Озерова, да выборныхъ стрѣлецкихъ: Борисова, Одинцова, Офросимова, Петрова, Кузьму Чернаго. Всѣ эти люди по первому знаку ея готовы были на что угодно.

Вскорѣ къ числу ея приверженцевъ изъ стрѣльцовъ присоединился и Николай Степановичъ Малыгинъ— да и какъ могло быть иначе? Молодой подполковникъ не забылъ красавца мальчика, приставшаго къ стрѣльцамъ въ Медвѣдковѣ. Мало того что онъ не забылъ, а думалъ о немъ постоянно и частенько заглядывалъ съ чернаго крыльца въ теремъ. Тамъ онъ съумѣлъ найдти союзницъ въ лицѣ двухъ молодыхъ служанокъ, приставленныхъ къ Родимицѣ и Любѣ Кадашевой.

Эти служанки, получая отъ него богатые подарки, всегда радовались его приходу и провожали его внутрь терема такъ ловко и потаенно, что никто о томъ не вѣдалъ.

Родимица на всѣ эти продѣлки только усмѣхалась, а Люба, смущенная и краснѣвшая какъ маковъ цвѣтъ, не была въ силахъ негодовать, когда встрѣчала Николая Степановича въ теремномъ корридорчикѣ или даже въ своемъ помѣщеніи. Напротивъ, она искренно и откровенно радовалась возможности его видѣть, не скрывала свое чувство. Что-жь бы и была она такое, еслибы оказалась неласковой къ человѣку, которому столькимъ обязана.

Не разъ также случалось, что Родимица, отправляясь съ порученіемъ царевны въ стрѣлецкую слободу, брала съ собою Любу, и та появлялась желанной, дорогой гостьей въ домикѣ Малыгина.

До сихъ поръ между ними не было еще сказано ни одного слова любовнаго, но оба они хорошо понимали, что любятъ другъ друга и были безконечно счастли-

вы, и другого счастья имъ было не нужно. Они не думали о завтрашнемъ днѣ, наслаждались сегодняшнимъ.

Царевна Софья, ежедневно видая Любу, начала замѣчать въ ней большую перемѣну. То казалась она ей разсѣянной, смущенной, то вдругъ такой веселой и радостной. Царевна заинтересовалась этимъ, стала ее спрашивать.

Люба заперлась было во всемъ, переконфузилась, да вдругъ не выдержала и сама призналась царевнѣ въ своемъ чувствѣ къ Малыгину: развѣ она могла скрыть что нибудь отъ Царь-дѣвицы.

Царевна задумалась на мгновеніе, а потомъ стала подробно распрашивать Любу о Николаѣ Степановичѣ, о томъ: въ какомъ онъ полку? Любятъ ли его солдаты? Съ кѣмъ изъ товарищей ведетъ онъ дружбу?

Люба отвѣчала какъ умѣла, а чего не знала, о томъ при первомъ же свиданіи распросила Малыгина и передала царевнѣ.

Софья сдѣлалась къ ней еще ласковѣе и въ одинъ изъ вечеровъ, когда Люба была у ней на дежурствѣ и раздѣвала ее передъ отходомъ ко сну, она сказала ей, что спать не хочется и просила ее посидѣть у ея постели.

Люба съ восторгомъ приняла такую милость. Сама уложила красавицу царевну, поцѣловала ея бѣлыя ручки, не знала чѣмъ и выразить ей свою любовь и благодарность.

Но царевна была блѣдна и печальна, частенько вздыхала.

Люба не могла не замѣтить этого и осмѣлилась спросить о причинѣ царевниной грусти.

— Ахъ Любуша, Любуша, какъ же не грустить мнѣ, тихимъ голосомъ отвѣтила Софья,—это ты можешь пѣть и веселиться. Ты счастлива, ты молода, то горе, которое было у тебя, прошло безслѣдно, вонъ у тебя и любимый человѣкъ есть, съ которымъ никто не разлучитъ тебя. Ахъ Люба, спѣши ты со своимъ милымъ, сыграйте скорѣй свадьбу, я благословлю тебя—чѣмъ могу пожалую. Спѣшите, а то придетъ время лютое, погубятъ меня злые люди, да и тебѣ пожалуй достанется за то, что меня любишь, за то что со мною... Погубятъ и твое счастье... спѣшите!..

— Царевна моя золотая, прошептала Люба, со страхомъ и недоумѣніемъ раскрывая свои глаза, изъ которыхъ закапали слезы,—что ты говоришь такое? Откуда тебя напасть ждетъ?

И царевна повѣдала своей второй постельницѣ все, что было нужно.

Люба плакала, слушая ея жалобы; всѣмъ горячимъ сердцемъ своимъ ненавидѣла она враговъ царевны; клялась, что если стрясется бѣда какая нибудь, то и она, Люба, погибнетъ, ни на шагъ не отстанетъ отъ царевны, всю кровь свою по каплѣ за нее выльетъ, душу свою положитъ. А она еще говоритъ, чтобы Люба спѣшила свадьбою. Нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ Николаемъ Степановичемъ! И отъ него она откажется, и его забудетъ ради царевны.

— Зачѣмъ тебѣ отъ него отказываться? тихимъ голосомъ прошептала Софья. Нѣтъ, будьте счастливы, ловите счастье, пока оно возможно! Я постараюсь всячески помочь тебѣ, да и ты въ свою очередь съ твоимъ суженымъ можете помочь мнѣ.

— Какъ мы можемъ помочь тебѣ, царевна? Какъ? Говори! Приказывай! радостно вскрикнула Люба.

И царевна начала объяснять ей. Объяснить было не трудно—Люба налету схватывала мысли Софьи и черезъ двѣ, три какія нибудь минуты уже отлично знала, что ей дѣлать и какъ дѣйствовать.

На другое утро отправилась она къ Малыгину. Яркими красками описала ему опасность, которой подвергается Софья, и потребовала отъ него, чтобы онъ употребилъ всѣ свои усилія помочь ей, настраивалъ въ ея пользу и товарищей своихъ и солдатъ стрѣлецкихъ.

До этой поры Малыгинъ былъ далекъ отъ Софьи и даже не разъ сильно отмалчивался на хитрыя рѣчи Родимицы, которая уговаривала его мутить стрѣльцовъ противъ младшаго царевича и Нарышкиныхъ.

Но теперь онъ не въ силахъ былъ устоять передъ краснорѣчіемъ Любы. Всѣ возраженія, какія могъ онъ ей представить, замерли невыговоренными на устахъ его—онъ только слушалъ красавицу Любу, любовался ея оживленнымъ лицомъ, ея блестѣвшими глазами,—и черезъ полчаса какихъ нибудь она его оставила горячимъ приверженцемъ Софьи. Онъ обѣщалъ ей сдѣлать все, что отъ него зависѣло, и дѣйствительно въ скоромъ времени исполнилъ это обѣщаніе: весь его полкъ оказался на сторонѣ царевича Ивана и царевны и только ждалъ событій, которыя должны были указать на способъ дѣйствій.

## XIV.

Весна была уже въ полномъ разгарѣ. Таяло. Снѣгъ весь потоками слился съ холмовъ московскихъ. Зазеленѣли безконечные сады въ Бѣлокаменной.

Въ городѣ по прежнему велась жизнь оживленная, но еще больше жизни, еще больше оживленія было въ Кремлѣ. Туда, провѣдавъ о плохомъ здоровьѣ царя, о возможности близкихъ, великихъ событій, съѣзжались со всѣхъ концовъ земли русской бояре и всякіе люди, нежелавшіе пропустить удобнаго времени, въ которое можно было бы наловить рыбы въ мутной водѣ: легко поживиться чѣмъ нибудь, легко чего нибудь добиться.

Здоровье царя дѣйствительно день ото дня становилось хуже. Еще 16-го апрѣля, въ Свѣтлое воскресенье, онъ совершилъ торжественный выходъ къ заутренѣ въ Успенскій соборъ, но къ концу Святой слегъ и не въ силахъ былъ подняться съ постели.

Царевна Софья опять всѣ дни стала проводить съ братомъ. Она читала ему, старалась развлечь его разумною бесѣдой, отогнать отъ него печальныя мысли и въ тоже время добиться своей цѣли, заставить его назначить своимъ преемникомъ брата Ивана. Но объ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ никакъ не удавалось ей поговорить съ нимъ—все мѣшали то Языковъ, то кто нибудь изъ Апраксиныхъ, то царица Марѳа.

Царевна, приходя къ брату, чувствовала себя здѣсь окруженной врагами. У постели больного у нея былъ одинъ только другъ—царская мама, боярыня Хитрая. Но при постороннихъ, при людяхъ другой партіи, Хитрая не выказывала своего расположенія къ царевнѣ и прикидывалась всецѣло поглощенной обязанностями сидѣлки.

Самъ царь Ѳеодоръ былъ всегда радъ присутствію сестры, радъ былъ отдохнуть душою въ разговорахъ съ умной, образованной Софьей; никто такъ красно и такъ интересно не умѣлъ говорить съ нимъ, какъ она. Но только стоило ей, улучивъ удобную минуту, заговорить о чемъ нибудь близкомъ, касавшемся до его распоряженій на будущее—и онъ ее останавливалъ, ласково, любовно, но все же останавливалъ.

Она едва владѣла собою, едва скрывала свое отчаяніе и негодованіе, и когда должна была удалиться къ себѣ, то ломала руки, или охвативъ себя за голову, какъ безумная, по цѣлымъ часамъ, ходила изъ угла въ уголъ и глухимъ голосомъ повторяла:

„Боже мой! Что-жь съ нами будетъ?“

Остальныя царевны, ея сестры, тоже призамолкли и пригорюнились: не слышно было ихъ смѣха, ихъ пѣсенъ. Хотя онѣ были гораздо безпечнѣе ея и даже не понимали многихъ ея опасеній, но все же имъ ясно было, что пришло тяжелое время.

Онѣ съ охотою выслушивали жалобы сестры Софьи, во всемъ соглашались съ нею, одобряли ея планы,

только предоставляли ей одной дѣйствовать и бороться. Имъ было не до борьбы, у каждой изъ нихъ были свои маленькія заботы и дѣла, своя интимная жизнь, неимѣвшая ничего общаго съ кипучей жизнью и дѣятельностью Софьи.

27-го апрѣля, послѣ вечерни Люба Кадашева вышла въ дворцовый садъ и, бродя по дорожкамъ, дошла почти до самаго дворца. Здѣсь было одно изъ крылецъ, ведущихъ въ покои царя.

Время отъ времени на крыльцѣ появлялся кто нибудь изъ постоянныхъ обитателей дворца и проходилъ въ маленькую калитку, ведущую къ большому двору. Этотъ выходъ черезъ садъ очень сокращалъ дорогу и въ лѣтнее время имъ обыкновенно пользовались.

Все было тихо, только птицы щебетали въ зеленыхъ, недавно распустившихся древесныхъ вѣткахъ, да съ черемухи осыпался бѣлый цвѣтъ.

Люба присѣла на скамеечку, поставленную подъ раскидистымъ деревомъ, и просидѣла такъ нѣсколько минутъ, вдыхая въ себя весенній ароматическій воздухъ и разбираясь въ различныхъ тревожныхъ мысляхъ: время было смутное, невѣдомо что завтрашній день готовилъ.

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, передъ дворцовымъ крыльцомъ, услыхала она громкій, тревожный голосъ.

— Скорѣй, скорѣй, говорилъ кто-то,—что за народъ такой! Некогда тутъ мѣшкать, когда царь кончается.

Эти слова наполнили Любу ужасомъ. Она быстро вскочила со скамейки и побѣжала въ теремъ, прямо къ царевнѣ Софьѣ.

— Государыня, матушка царевна, была я въ саду и сейчасъ слышала... во дворцѣ говорятъ, будто царю государю плохо... будто кончается!

Софья поблѣднѣла, быстро накинула на себя лѣтникъ, и задыхаясь отъ волненія, побѣжала во дворецъ, въ покои брата.

Θедору дѣйствительно было очень плохо, пришелъ смертный часъ его. Онъ только что передъ этимъ исповѣдывался и пріобщался Святыхъ Тайнъ.

Царица Марѳа сидѣла у изголовья его кровати, горько плакала и громко всхлипывала.

Боярыня Хитрая находилась тутъ же; больше никого не было. Царь приказалъ всѣмъ выйти и оставить его только съ женою и съ мамой.

Царевна Софья войдя въ покой, на мгновеніе остановилась и выразительно взглянула на Хитрую.

Та поняла ея взглядъ и въ свою очередь отвѣтила ей многозначительнымъ подмигиваніемъ.

Боярыня Хитрая въ это время была уже семидесятилѣтняя старуха, хотя необыкновенно бодрая. Она всю жизнь провела во дворцѣ, знала всѣ семейныя тайны, очень часто была центромъ всѣхъ теремныхъ интригъ, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и большимъ вліяніемъ въ царскомъ семействѣ. Ее называли постницей, и она дѣйствительно на людяхъ представлялась необыкновенно ревностной христіанкой: не только что соблюдала всѣ посты, но даже иногда по нѣскольку дней морила себя голодомъ. Поговаривали одно время, что она носитъ вериги, только никто этихъ веригъ не видалъ, и скоро толки о нихъ прекратились.

Боярыня Хитрая носила кличку по шерсти; она понимала, что подъ видомъ постницы и смиренницы ей несравненно легче вести свои интриги и обдѣлывать всевозможныя дѣла, не рискуя своей репутаціей и ничего не теряя въ уваженіи ближнихъ.

Ея страстью было сѣять всюду раздоры, поднимать всякія дрязги, раздувать мелкія недоразумѣнія въ крупныя обиды, ссоры, непріятности. Только сама она постоянно изъ всего выходила съ чистыми руками, какъ будто дѣло вовсе не ее касалось: заваритъ кашу,—а другіе расхлебывай, сама же Хитрая въ сторонѣ, глаза опуститъ, четки перебираетъ, губы шепчутъ молитву, и толкуетъ она мѣрнымъ голосомъ встрѣчному и поперечному о христіанскомъ смиреніи, о любви къ ближнему.

Въ послѣдніе годы своимъ хитрымъ, злымъ языкомъ она какъ могла только раздувала ненависть царевенъ къ Натальѣ Кирилловнѣ и ея дѣтямъ. Раздувала ненависть къ мачихѣ и въ царѣ Θедорѣ, но въ тоже время навѣдывалась и ко вдовствующей царицѣ и представлялась ея другомъ. Въ душѣ она ее ненавидѣла и теперь, въ предсмертный часъ царя Θедора, конечно пуще всего боялась ея торжества. Только видѣла она, что черезъ чуръ трудно заставить умирающаго назначить себѣ преемникомъ царевича Ивана; ей нужно было такъ дѣйствовать, чтобы при всякихъ обстоятельствахъ, при торжествѣ той или другой партіи, самой ничего не потерять и остаться на высотѣ своего положенія.

Любимая и почитаемая Θедоромъ, она хитро и осторожно въ эти послѣдніе дни не разъ намекала ему о царевичѣ Иванѣ; но видя, что онъ не поддается, замолчала.

„Пускай теперь Софья съ нимъ потолкуетъ, можетъ чего и добьется, подумала Хитрая, а мнѣ какъ бы нибудь удалить Марѳу, чтобы не мѣшала.

— Ахъ матушка моя, голубушка, проговорила Хитрая, подходя къ молодой царицѣ,—что это какъ ты убиваешься, погляди—на тебѣ лица нѣтъ, совсѣмъ изведешь себя. Ну, Богъ милостивъ, государю полегчаетъ, поправится. Да перестань же, успокойся.

Но царица Марѳа залилась еще пуще слезами и упала головою на подушку сжимая въ своихъ горячихъ полныхъ рукахъ сухую, блѣдную и нервно вздрагивавшую руку Θедора.

— Да, Петровна правду сказала, прошепталъ царь, съ трудомъ открывая глаза и стараясь улыбнуться. Не плачь, Марѳуша, мнѣ гораздо лучше... вотъ ужь совсѣмъ не больно! Успокойся, поди отдохни... засни немного—вѣдь ты всю ночь глазъ не сомкнула—можетъ и мнѣ соснуть удастся... Поди отдохни...

Хитрая опять бросила въ сторону Софьи значительный взглядъ и сказала:

— И впрямь, государыня, дай-ко я провожу тебя. Приляжешь тутъ же, въ этомъ покоѣ, отсюда все и слышно будетъ, коли государь позоветъ тебя. Пойдемъ, пойдемъ. А то ты его только мучаешь своими слезами, что толку то? шепнула она на ухо царицѣ. Успокойся—нельзя вѣдь такъ—неравно ему отъ этихъ твоихъ слезъ и мученій, на тебя глядя, еще тяжелѣе сдѣлается.

Бѣдная царица, при послѣднихъ словахъ Хитрой, оставила руку Θедора и, поддерживаемая старухой, покорно вышла изъ царской опочивальни.

На ея мѣсто къ постели брата приблизилась Софья.

— Что, Θедя? али худо! прошептала она, склоняясь надъ нимъ.

— Охъ, худо, сестрица! Марѳушу то вотъ успокоивалъ, а чего ужь тутъ—совсѣмъ смерть пришла! Умираю, врядъ ли доживу до ночи—самъ чувствую, да и дохтуръ надежды не имѣетъ. Приходилъ онъ сюда съ часъ тому времени, такъ я заставилъ его сказать мнѣ правду.

Θедоръ остановился, перевелъ дыханіе и затѣмъ началъ снова тихимъ голосомъ.

— Что-жь, сестрица... я не боюсь смерти, давно приготовился.... васъ всѣхъ только жалко... Да что... суждено видно, ничего не подѣлаешь!.. Охъ, страшно подумать, времена какія!.. дѣлъ сколько... и то нужно.... и другое. И одно не въ порядкѣ, и другое перестройки требуетъ.... сама знаешь, великое государство... Да, что тутъ у васъ безъ меня будетъ—подумать страшно....

Софья хотѣла говорить, но онъ началъ шептать снова, и она слушала.

Литературный альбомъ: „Анна Каренина“ романъ графа Л. Толстого. (Встрѣча Левина съ Китти).
Рис. А. Кившенко, грав. Б. Пуцъ.

— Ахъ зачѣмъ это вы уговорили меня опять жениться?.. Вотъ послушался васъ, погубилъ вѣкъ дѣвичій. Не женись я, Мареуша нашла бы себѣ мужа здороваго, прожила бы счастливо, дѣтей народила бы, вынянчила, воспитала.... а теперь что?... какъ она останется?

— Братецъ, да мы ли виноваты, проговорила Софья— все надѣялись, что поправишься ты, да подаришь намъ наслѣдника по себѣ. Самъ знаешь... вѣдь и тебѣ и намъ дорога Россія, такъ о будущемъ ея тоже думали.

— Ахъ, сестра, съ печальной, слабой улыбкой опять заговорилъ Өедоръ, да что-жь хоть бы и въ живыхъ остался сынъ мой, или другой родился бы, такъ что-жь— еще хуже того было бы теперь, еще больше смутъ и раздоровъ... Есть по мнѣ наслѣдникъ... Онъ не договорилъ и съ глухимъ стономъ схватился за грудь.

— Что? что съ тобой? испуганно спросила Софья.

Но онъ ужь успокоился.

— Нѣтъ, ничего! отвѣтилъ онъ.

— Ты говоришь, братецъ, есть по тебѣ наслѣдникъ, сказала царевна,—да, конечно, братъ Иванушко.

— Нѣтъ, не Иванушко... тихимъ, но твердымъ голосомъ перебилъ ее царь, не Иванушко—что себя и другихъ морочить—онъ то еще плоше моего... сама знаешь... грѣшно и стыдно мнѣ оставлять ему государство!.. грѣшно и стыдно и тебѣ, сестра, твердить мнѣ объ этомъ... Другой братъ есть у насъ... тотъ растетъ здоровый и разумный... о немъ и отецъ думалъ, да и я долженъ ему оставить государство. Выростетъ онъ и—чуетъ сердце мое—будетъ царемъ добрымъ и славнымъ, не такимъ, какъ я, по глупому моему разуму, по слабости моей тѣлесной и по грѣхамъ моимъ великимъ, былъ для земли русской... только вотъ чтó будетъ пока выростетъ? Эта мысль отравляетъ мои послѣднія минуты и ничѣмъ я не могу отогнать ее... Охъ, сестра, тутъ какъ ни думай—страшно!..

У Софьи сердце такъ билось, что дѣлалось больно.Глаза ея то загорались яркимъ пламенемъ, то померкали. Она чувствовала, какъ холодѣютъ отъ волненія ея руки, чувствовала, какъ сохнетъ во рту—пришла трудная минута, страшная минута! Она видитъ, что брату плохо, того и жди умретъ. Нѣтъ, нельзя допустить, чтобы онъ назначилъ преемникомъ Петра... нельзя, нужно уговорить, нужно уговорить его... И она упала на полъ передъ кроватью Өедора и простерла къ нему дрожащія руки.

— Братъ! Именемъ Бога заклинаю тебя, выслушай меня и обрати вниманіе на слова мои. Ты самъ знаешь, что всѣмъ сердцемъ моимъ люблю я нашу родину и желаю ей чести и славы. . Не изъ за какой нибудь злобы, не по ненависти и коварству говорю я тебѣ, не бери грѣха на душу, не назначай себѣ преемникомъ ребенка, не отдавай Россіи Нарышкинымъ... Ужь не о томъ забочусь, не о томъ думаю, что погубятъ они всѣхъ насъ, родныхъ твоихъ — чтó о насъ тутъ толковать, пускай мы пропадемъ, да вѣдь съ нами пропадетъ и Россія!... Или ты не знаешь этихъ Нарышкиныхъ? Людишки они темные, да грязные, растащатъ, разнесутъ по клочкамъ твое наслѣдіе... Пускай Петръ разумный ребенокъ, да пока то еще выростетъ. Братъ, смилуйся надъ нами, смилуйся надъ Россіей— оставь престолъ Иванушкѣ... Мы всѣ, рукъ не покладая, работать будемъ, твои дѣла продолжать станемъ.. Братъ, вспомни, вѣдь не мало мы съ тобой толковали о дѣлахъ государства, о будущемъ, о томъ, къ чему нужно стремиться, что нужно дѣлать... Братъ, вспомни, ты самъ хвалилъ мои мысли—ты самъ видѣлъ, что и твои я понимаю! Клянусь тебѣ Богомъ, клянусь тебѣ памятью родителей, всю душу мою положить въ одно дѣло... Братъ, сжалься надъ нами!

Крупныя слезы катились изъ свѣтлыхъ глазъ Софьи. Въ своемъ волненіи, въ порывѣ какого то вдохновенія, охватившаго ее, она была неотразимо прекрасна. Өедоръ глядѣлъ на нее долгимъ, грустнымъ и ласковымъ взглядомъ, онъ съ трудомъ поднялъ свою руку и опустилъ ее на плечо сестры.

— Ахъ, Софья, Софья! проговорилъ онъ, тяжко мнѣ слышать слова твои—знаю я, что во многомъ ты права, знаю какія бѣды всѣмъ вамъ готовятся—но что-жь мнѣ дѣлать?... Не смѣю согрѣшить передъ Богомъ, не смѣю отступиться отъ своей клятвы... слышишь-ли? я связанъ клятвою, данною мною покойному родителю... Софья, сердце мое разрывается на тебя глядя и о васъ всѣхъ думая... Охъ... тяжко, тяжко—любя васъ, страдая о васъ, долженъ наложить я на васъ руку... Не смѣю завѣщать Россію Иванушкѣ, ибо весь міръ знаетъ каковъ онъ, знаетъ что не можетъ онъ царствовать. Что-жь, кого же по себѣ назначить преемникомъ. Тебя что-ли? Ты бы и управилась пожалуй—великимъ разумомъ Господь надѣлилъ тебя, но, Софья, вѣдь это-же невозможно!... вѣдь тому не бывало никогда примѣровъ... Сдѣлай я это—и всѣ только насмѣются надъ моимъ завѣщаніемъ, не станутъ цѣловать крестъ тебѣ, соблазнъ одинъ выйдетъ и ничего больше. Нѣтъ, Софья, нѣтъ, напрасно ты и себя и меня мучишь—я ничего не могу... ничего!..

Въ волненіи Өедоръ приподнялся было съ подушекъ, но вдругъ лицо его исказилось, слабый крикъ вырвался изъ груди его, и онъ упалъ.

Онъ хотѣлъ говорить что то, но языкъ не слушался, руками онъ дѣлалъ какіе то знаки, но Софья его не понимала.

Прошло нѣсколько страшныхъ мгновеній, вотъ опять стоны, опять усилія сказать что-то... и ни звука!

Софья кинулась къ нему, обвила его руками... онъ оставался безъ движенія. Вдругъ ей показалось, что онъ уже умеръ и она, отшатнувшись и дико взвизгнувъ, навзничь упала на полъ.

На порогѣ опочивальни съ отчаяннымъ воплемъ показалась царица Мареа, а за нею боярыня Хитрая.

Но царь еще не умеръ, онъ еще дышалъ. Онъ открылъ глаза, нашелъ въ себѣ силы поманить жену, взялъ ея руку и держалъ, и невыпускалъ, и глядѣлъ на нее потухающимъ взоромъ.

Хитрая долго не могла привести въ чувство царевну Софью.

(Продолженіе будетъ).

## Литературный альбомъ.

### „Анна Каренина“, романъ графа Л. Толстого.

(Окончаніе).

Приступая въ № 37 „Нивы“ къ изложенію содержанія романа графа Толстого „Анна Каренина“, мы уже замѣтили, что романъ этотъ распадается самъ собою на два романа: къ одномъ изъ нихъ первое лицо—Анна Каренина, въ другомъ—Левинъ. Жизнь Карениной и ея судьба уже разсказаны нами, причемъ объ участи лицъ, среди которыхъ главнымъ образомъ сосредоточено авторомъ дѣйствіе этой половины романа (жизни Анны Карениной), мы не распространялись именно потому, что оно и въ глазахъ самого автора, послѣ смерти главной героини, уже теряетъ почти всякое значеніе. Хотя въ дополненіе этой половины романа авторъ написалъ еще главу о томъ, въ какомъ состояніи находились русскіе умы во время войны Сербіи съ Турціей, но эта глава такъ сказать пришита къ роману бѣлыми нитками и оказалась нужною развѣ только для того, чтобы отправить Вронскаго послѣ смерти Анны въ Сербію добровольцемъ.

Переходимъ засимъ къ второй половинѣ романа, гдѣ главнымъ героемъ является Левинъ. Въ разсказѣ о немъ авторъ переноситъ читателя въ деревню, въ среду семейной сельской жизни. Въ Левинѣ онъ представляетъ степняка помѣщика, съ простымъ безхитростнымъ отношеніемъ къ окружающей его дѣйствительности, хотя и человѣка не совсѣмъ

послѣдовательнаго во всѣхъ своихъ мысляхъ и побужденіяхъ. По выраженію старшаго брата своего Сергѣя Иваныча Кознышева, Левинъ славный малый, съ сердцемъ поставленнымъ хорошо, но съ умомъ, хотя и довольно быстрымъ, однако подчиненнымъ впечатлѣніямъ минуты и поэтому исполненнымъ противорѣчій. Константинъ Левинъ живетъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ народу, какъ хозяинъ и посредникъ, но никакого опредѣленнаго сужденія о народѣ онъ не имѣетъ, и на вопросъ,—говоритъ авторъ,—знаетъ ли онъ народъ, онъ былъ бы въ такомъ же затрудненіи отвѣтить, какъ на вопросъ: любитъ ли онъ народъ? Сказать, что онъ знаетъ народъ, было бы для него тоже, что сказать, что онъ знаетъ людей. Онъ постоянно наблюдалъ и узнавалъ всякаго рода людей, и въ томъ числѣ людей—мужиковъ, которыхъ онъ считалъ хорошими и интересными людьми, и безпрестанно замѣчалъ въ нихъ новыя черты, измѣнялъ о нихъ прежнія сужденія и составлялъ новыя.

Надобно сказать, что въ разсказѣ о Левинѣ, г. Толстой не останавливается только на представленіи семейной жизни героя, котораго онъ женитъ но занимается самой личностью его и даетъ намъ ея описаніе. Это описаніе личности Левина имѣетъ въ разсказѣ даже главное значеніе.

Содержаніе собственно романа Левина не представляетъ много занимательнаго по событіямъ, въ немъ нѣтъ сложной интриги; оно состоитъ въ томъ, что Константинъ Дмитріевичъ Левинъ пріѣзжаетъ въ Москву—жениться на дочери князя Щербацкаго, Китти, сестрѣ Долли Облонской. Онъ знаетъ Китти съ дѣтства и давно ее любитъ; но Китти безхитростная, простая, кроткая, увлечена Вронскимъ, тѣмъ самымъ Вронскимъ, съ которымъ связала жизнь свою Анна Каренина. Это было еще до начала любви Анны.

Огорченный открытой истиной и недовольный собою Левинъ ѣдетъ назадъ въ свою деревню. Дома его снова охватила деревенская обстановка, встрѣтили хозяйственные хлопоты. Прежде всего на встрѣчу бросается ему сабака его, Ласка, и свидѣтельствуетъ ему свое почтеніе. Затѣмъ старая няня его и экономка Агаѳья Михайловна опять заботливо приготовляетъ для него чай, пересыпая свои хлопоты неумолкаемой старческой болтовней; прикащикъ сообщаетъ ему, что греча въ новой сушилкѣ, частію устроенной самимъ Левинымъ, подгорѣла; что лучшая корова въ стадѣ отелилась. Вся эта обстановка, всѣ эти сообщенія вводятъ Левина снова, такъ сказать, въ его колею жизни.

Одѣвшись въ тулупъ, онъ идетъ на скотный и житный дворы и опять уходитъ въ свои хозяйственныя заботы и соображенія. Опять терзается и мучится, то старая желаніемъ ввести улучшенія въ бытъ народа, то желая сдѣлать свое личное счастіе. Мысль о женитьбѣ впрочемъ не оставляетъ его, онъ болѣзненно чувствуетъ, что въ его годы не хорошо человѣку единому быти. Порой онъ вспоминаетъ, какъ предъ самымъ отъѣздомъ въ Москву, онъ сказалъ своему скотнику: „что, Николай, хочу жениться!" и какъ Николай поспѣшно отвѣчалъ ему, какъ о дѣлѣ, въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: „и давно пора, Константинъ Дмитріевичъ". Порой онъ приходитъ къ убѣжденію перемѣнить свою тягостную, праздную искуственную и личную жизнь, которой онъ жилъ на трудовую, чистую и общую жизнь—жизнь народа. Онъ хочетъ отречься отъ своего ни къ чему не нужнаго образованія и чувствуетъ и убѣжденъ, что найдетъ въ простой жизни крестьянина то удовлетвореніе, успокоеніе, достоинство, отсутствіе которыхъ онъ такъ болѣзненно чувствовалъ. Онъ составляетъ планы, какъ сдѣлаетъ переходъ въ крестьянство, припишется въ общество и женится на крестьянкѣ. Но, размышляя такимъ образомъ, онъ возвращался однажды, раннимъ утромъ, домой, въ свою деревню съ поля, гдѣ мужики убирали покосы. Углубленный въ свои думы Левинъ шелъ, глядя на землю, какъ вдругъ звукъ бубенчиковъ прервалъ его думы.—Это что? кто-то ѣдетъ, подумалъ Левинъ и поднялъ голову.

Въ сорока шагахъ отъ него, къ нему навстрѣчу, по той большой дорогѣ—муравкѣ, по которой онъ шелъ, ѣхала четверней карета. Дышловыя лошади жались отъ колеи на дышло, но ловкій ямщикъ, бокомъ сидѣвшій на козлахъ, держалъ дышломъ по колеѣ, такъ что колеса бѣжали по гладкому. Только это замѣтилъ Левинъ, и недумая о томъ, кто это можетъ ѣхать, разсѣянно взглянулъ въ карету. Въ каретѣ дремала въ углу старушка, а у окна, видимо только что проснувшись, сидѣла молодая дѣвушка, держась обѣими руками за ленточки бѣлаго чепчика. Свѣтлая и задумчивая, вся исполненная изящной и сложной внутренней, чуждой Левину, жизни, она смотрѣла чрезъ него на зарю восхода. Въ то самое мгновеніе, какъ видѣнье это уже исчезало, правдивые глаза взглянули на него. Она узнала его, и удивленная радость освѣтила ея лицо. Онъ не могъ ошибиться. Только одни на свѣтѣ были эти глаза. Только одно было на свѣтѣ существо, способное сосредоточивать для него весь свѣтъ и смыслъ жизни. Это была она. Это была Китти. (Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ номерѣ „Нивы", изображаетъ именно эту сцену—встрѣчи Левина съ Китти). Она ѣхала въ свою деревню со станціи желѣзной дороги. И все то, что волновало Левина, всѣ рѣшенія принятыя имъ, все вдругъ исчезло. Нѣтъ, сказалъ Левинъ самъ себѣ: какъ ни хороша эта жизнь простая и трудовая, я не могу вернуться къ ней. Я люблю *ее*. Хотя Левинъ ни только не сталъ искать, но даже избѣгалъ встрѣчи съ Китти послѣ этой сцены, тѣмъ не менѣе близкое присутствіе любимой дѣвушки стало тревожить его. Къ тому же онъ началъ сильно сомнѣваться въ успѣхѣ своей хозяйственной дѣятельности, сталъ разочаровываться въ примѣненіи улучшеній къ крестьянской работѣ. Онъ увидѣлъ, что то хозяйство, которое онъ велъ, была только жестокая и упорная борьба между имъ и работниками, въ которой на одной сторонѣ, на его сторонѣ, было постоянное напряженное стремленіе передѣлать все на считаемый лучшимъ образецъ, на другой же сторонѣ—естественный порядокъ вещей. И въ этой борьбѣ онъ видѣлъ, что при величайшемъ напряженіи силъ съ его стороны, и безо всякаго усилія и даже намѣренія съ другой, достигалось только то, что хозяйство шло ни въ чью, и совершенно напрасно портились прекрасныя орудія, прекрасная скотина и земля. Чтобы сколько нибудь разсѣяться, Левинъ рѣшилъ съѣздить въ дальній уѣздъ къ пріятелю своему Свіяжскому, около котораго были прекрасныя дупельныя болота, а Левинъ любилъ охоту и охота во всѣхъ горестяхъ служила ему лучшимъ утѣшеніемъ.

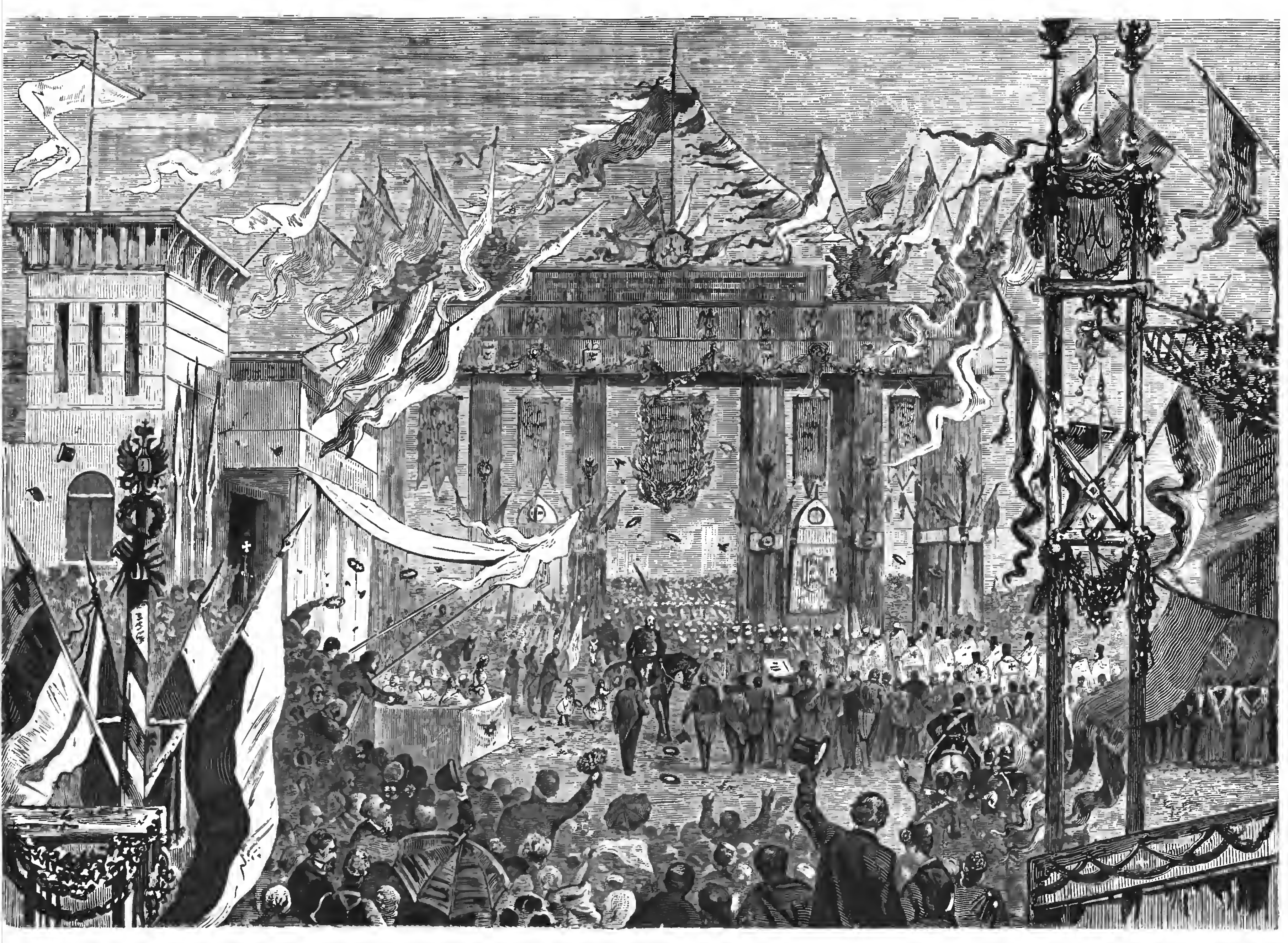
Авторъ останавливается на личности г. Свіяжскаго и рисуетъ въ немъ человѣка, держащаго мысли только для общественнаго употребленія, человѣка нуждающагося только въ процессѣ размышленія.

Вообще, надобно сказать, что въ повѣствованіе о Левинѣ г. Толстой вводитъ рядъ личностей, чрезвычайно интересныхъ самихъ по себѣ, но имѣющихъ не особенно важное отношеніе къ Левину, къ личной его участи. Бесѣда съ Свіяжскимъ о хозяйствѣ, народѣ, не только не успокоила Левина, не выяснила ему его отношеній къ рабочему, къ самому труду, но, кажется, еще болѣе смутила его; онъ вынесъ изъ этого визита убѣжденіе, что то недовольство, какое онъ испытывалъ, есть не исключительное его положеніе, а общее условіе, въ которомъ находится дѣло въ Россіи, но что задачу—поставить хозяйство на надлежащій ходъ, все таки рѣшить необходимо. Левинъ запасся книгами отъ Свіяжскаго о рабочемъ вопросѣ и добросовѣстно засѣлъ за перечитываніе политической экономіи, надѣясь всякую минуту найти разрѣшеніе занимавшихъ его вопросовъ, но ни политическая экономія, ни соціалистическое ученіе не давали не только отвѣта, но ни малѣйшаго намека на то, что ему, Левину, дѣлать. Политическая экономія говорила, что законы, по которымъ развилось и развивается богатство Европы, суть законы всеобщіе и несомнѣнные, соціалистическое ученіе говорило, что развитіе по этимъ законамъ ведетъ къ гибели. Левинъ страдалъ, терзался, захандрилъ и рѣшилъ, что надо только какъ—нибудь доживать жизнь, пока не пришла смерть, а ему казалось, что смерть отъ него уже и не далека. Въ имѣніе къ Левину пріѣзжаетъ братъ его Николай—спившійся коммунистъ, раздраженный нравственнымъ униженіемъ и неудачами жизни, къ тому же съ разрушеннымъ здоровьемъ. Посѣщеніе брата, его отчаянное положеніе и невѣріе ни въ какіе благіе планы Константина Левина, высказанное мнѣніе, что Левинъ только оригинальничаетъ, эксплуатируетъ мужиковъ не просто, а съ идеей, еще усиливаютъ раздраженіе Левина, подливаютъ, такъ сказать, масло въ огонь. Послѣ отъѣзда брата, Левинъ истерзанный, измученный уѣзжаетъ заграницу, на 4 мѣсяца, изучать тамъ занимавшее его дѣло хозяйства.

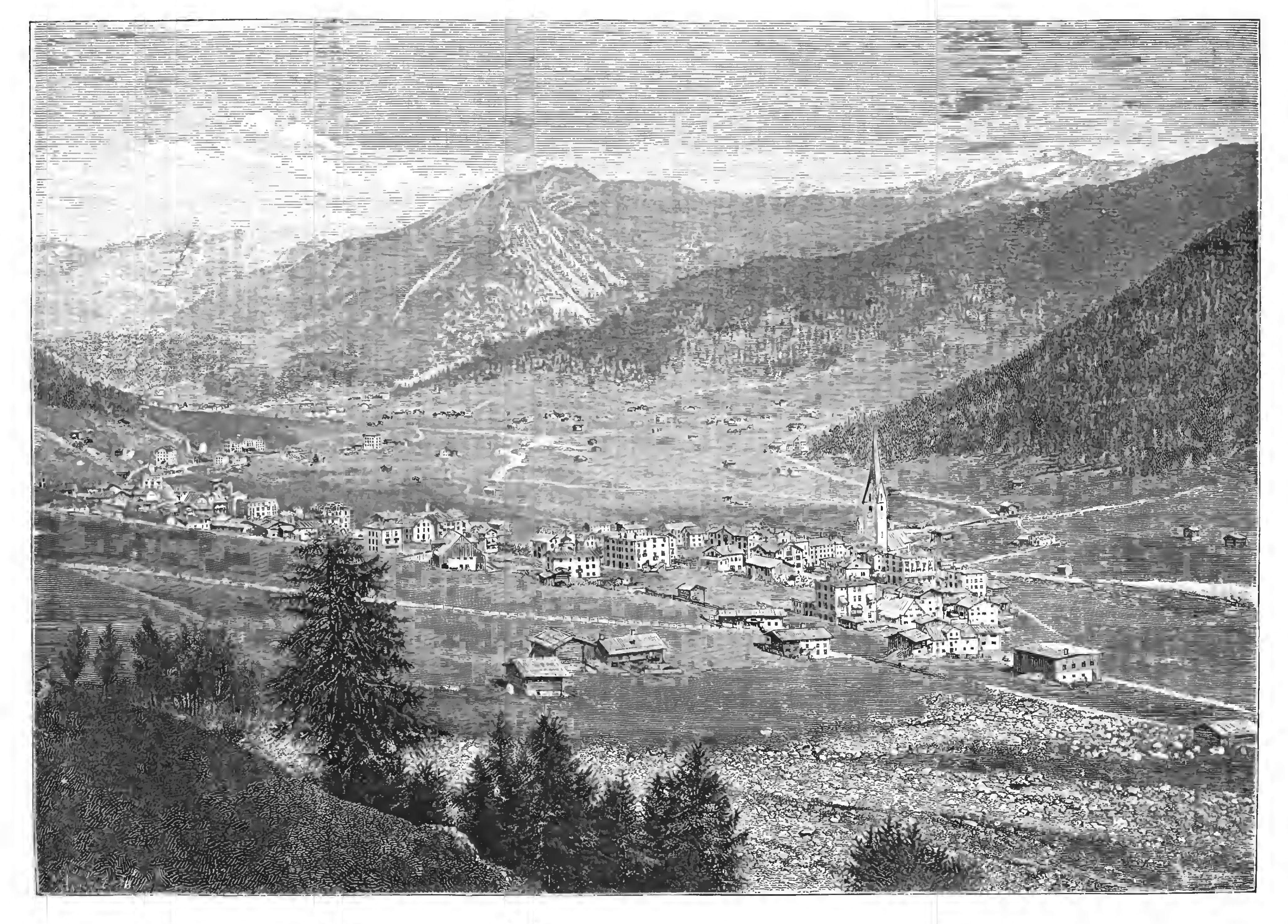
Изъ за-границы Левинъ возвращается уже другимъ человѣкомъ. Отчаяніе перешло въ спокойствіе и постоянную возбужденность. Авторъ дѣлаетъ нѣсколько объясненій перемѣнѣ въ Левинѣ, не утверждая положительно ни одно изъ нихъ. Утвердительно только можно признать то, что Левинъ перемѣнился и сдѣлался веселъ. Передаемъ здѣсь разговоръ Левина съ Облонскимъ по возвращеніи изъ за-границы.

...Я радъ, что ты въ добромъ духѣ, говоритъ Левину Облонскій, и за медвѣдями ѣздишь, и работаешь и увлекаешься... —Да что же, я не перестаю думать о смерти, отвѣчаетъ Левинъ, правда, что умирать пора, и что все это вздоръ. Я по правдѣ тебѣ скажу: я мыслью своей и работой ужасно дорожу, но въ сущности—ты подумай объ этомъ: вѣдь весь міръ нашъ—это маленькая плесень, которая наросла на крошечной планетѣ. А мы думаемъ, что у насъ можетъ быть что нибудь великое—мысли, дѣла! Все это песчинки.—Да это, братъ, замѣчаетъ Облонскій, старо, какъ міръ!—Старо, опять говоритъ Левинъ, но знаешь, когда это поймешь ясно, то какъ то все дѣлается ничтожно... Такъ и проводишь жизнь, прибавилъ онъ, развлекаясь охотой, работой, чтобы только не думать о смерти.

Облонскій зазываетъ Левина къ себѣ обѣдать и на этомъ обѣдѣ Левинъ встрѣчается снова съ Китти. Китти онъ нашелъ уже не такой, какой она была прежде—это была уже другая—испуганная, робкая, но оттого еще болѣе прелестная. Послѣ неудачнаго увлеченія Вронскимъ, оставленная его вниманіемъ тотчасъ со встрѣчи Вронскаго съ Анной Карениной, Китти сначала много страдала, потомъ родные повезли ее за-границу на воды, а тамъ время и размышленія урегулировали ея жизнь, открыли ей глаза на окружающее, на Левина, на его отношенія къ ней, и Китти поняла свое заблужденіе и значеніе для нея Левина. У Левина выросли крылья отъ этой встрѣчи и между ними совершилось примиреніе.



Возвращеніе гвардіи въ С.-Петербургъ. Встрѣча Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка у Московской заставы. Рис. съ натуры Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.



**Мѣстечко Давосъ въ Швейцаріи. (Кантонъ Граубюнденъ).** Съ фотогр. грав. на деревѣ Рашевскій.

Результатомъ примиренія было то, что Левинъ женился на Китти. Исполнилась его мечта о семейной жизни и на свой вопросъ, есть-ли у него въ душѣ чувство сожалѣнія о своей свободѣ, онъ улыбнулся и отвѣчалъ: Свобода! Зачѣмъ свобода! Счастіе только въ томъ, чтобы любить, и желать и думать желаніями любимаго существа, ея мыслями, то есть никакой свободы—вотъ это счастіе!

Левинъ сталъ находить себя въ это время въ такомъ состояніи счастія, говоритъ авторъ, что ему казалось будто онъ и его счастіе и составляютъ главную и единственную цѣль всего существующаго. Впрочемъ это сознаніе не было для него продолжительно. Мѣсяца черезъ три Левинъ, переѣхавъ съ женою въ деревню, хотя и чувствовалъ себя счастливымъ, но уже не настолько. Женившись, т. е. достигнувъ своей постоянной мечты, Левинъ нашелъ много разочарованій въ прежнихъ мечтахъ, но онъ же нашелъ и очарованіе въ томъ, въ чемъ невоображалъ. Левинъ напр. никакъ не могъ представить, что бы между нимъ и женой могли быть ссоры, а между тѣмъ даже съ первыхъ дней брака они поссорились; но онъ же не зналъ, что послѣ ссоры можно испытывать такое очарованіе примиренія, какое онъ началъ испытывать. Свое хозяйство и занятія Левинъ продолжалъ въ деревнѣ по прежнему, хотя и чувствовалъ, что теперь центръ тяжести его вниманія перешелъ на другое.

Прежде дѣло было спасеніемъ для него отъ жизни. Прежде онъ чувствовалъ, что безъ этого дѣла жизнь его будетъ слишкомъ мрачна. Теперь занятія эти были ему необходимы, чтобы жизнь не была слишкомъ однообразно свѣтла. Взявшись опять за свои бумаги, перечтя то, что было написано, онъ съ удовольствіемъ нашелъ, что дѣло стоило того, чтобы имъ заниматься. Многія изъ прежнихъ мыслей показались ему излишними и крайними, но многіе пробѣлы стали ему ясны, когда онъ освѣжилъ въ своей памяти все дѣло. Онъ сталъ писать новую главу о причинахъ невыгоднаго положенія земледѣлія въ Россіи.

Но порою Левинъ упрекалъ себя, что, женившись, онъ дѣлаетъ мало. Даже обычныя свои занятія и тѣ я почти оставилъ. То мнѣ ее (Китти) жалко оставить, то я вижу, что ей скучно. А я то думалъ, что до женитьбы жизнь такъ себѣ, кое какъ, не считается, а что послѣ женитьбы начнется настоящая. А вотъ три мѣсяца скоро, и я никогда такъ праздно и безполезно не проводилъ время. Нѣтъ это нельзя, надо начать. Разумѣется она (все Китти-же) не виновата. Я самъ долженъ былъ быть тверже, выгородить свою мужскую независимость. Однажды въ то время, когда Левинъ занимался своимъ трудомъ, а Китти сидѣла около него съ своимъ broderie anglaise, они получили письмо, что братъ Николай умираетъ въ одной изъ гостинницъ губернскаго города. Молодые супруги немедля поѣхали къ больному и здѣсь у постели умирающаго имъ много пришлось увидѣть и выстрадать. Видъ брата и близость смерти опять подняли въ душѣ Левина чувство ужаса предъ неразгаданностію и вмѣстѣ близостью и неизбѣжностью смерти, то чувство, которое охватило его въ деревнѣ въ тотъ осенній вечеръ, когда пріѣзжалъ къ нему братъ Николай. Чувство это теперь было еще сильнѣе чѣмъ прежде; еще менѣе, чѣмъ прежде, онъ чувствовалъ себя способнымъ понять смыслъ смерти и ея неизбѣжность. Но на этотъ разъ близость жены спасала его отъ отчаянія и онъ, несмотря на смерть, чувствовалъ потребность жить и любить.

Вскорѣ послѣ смерти брата докторъ объявилъ Левину, что Китти беременна. Затѣмъ Левины снова уѣхали въ свою деревню, къ нимъ собрались всѣ родные Китти и пріѣзжаетъ погостить нѣкій веселый юноша Васенька Веселовскій. Посѣщеніе Васеньки и его вниманіе къ Китти обнаруживаетъ еще черту въ характерѣ Левина—ревность. Взбѣшенный ухаживаніемъ Васеньки, Левинъ дѣлаетъ сцену ни въ чемъ неповинной доброй, кроткой Китти, пугаетъ ее, напирая своими кулаками, высказываетъ претензіи, что онъ „ея мужъ и никто, кромѣ его не смѣетъ смотрѣть на нее". Для Васеньки же велитъ запречь лошадей въ тарантасъ и прямо выпроваживаетъ его изъ своего дома. Но они еще наканунѣ ходили вмѣстѣ на охоту. Мы отмѣчаемъ эту сцену охоты, какъ чрезвычайно художественно описанную, и разговоръ на ночлегѣ, какъ характеризующій Левина. На охотѣ, кромѣ Васеньки и Левина, былъ еще Облонскій. Между Облонскимъ и Левинымъ завязался разговоръ на интересовавшую всѣхъ тему. Левинъ напалъ на выраженіе Облонскаго, что онъ не считаетъ безчестіемъ неправильную наживу желѣзно-дорожныхъ богачей, многихъ купцовъ, дворянъ. И тѣ и эти нажили одинаково трудомъ и умомъ, сказалъ Облонскій.—Да, отвѣчалъ Левинъ, трудомъ, но какимъ? Развѣ это трудъ, чтобы добыть концессію и перепродать?

— Разумѣется трудъ. Трудъ въ томъ смыслѣ, что если бы не было его, или другихъ ему подобныхъ, то и дорогъ бы не было.

— Но трудъ не такой, какъ трудъ мужика или ученаго, опять говорилъ Левинъ.

— Положимъ, но трудъ въ томъ смыслѣ, что дѣятельность его даетъ результатъ—дороги. Но вѣдь ты находишь, что дороги безполезны.

— Нѣтъ, это другой вопросъ; я готовъ признать, что онѣ полезны. Но всякое пріобрѣтеніе, не соотвѣтственное положенному труду, не честно.

— Да кто-же опредѣлитъ соотвѣтствіе?

— Пріобрѣтеніе нечестнымъ путемъ, хитростію, сказалъ Левинъ, чувствуя, что онъ не умѣетъ ясно опредѣлить черту между честнымъ и безчестнымъ.—Такъ, какъ пріобрѣтеніе банкирскихъ конторъ,—продолжалъ онъ.—Это зло, пріобрѣтеніе громадныхъ состояній безъ труда, какъ это было при откупахъ, только перемѣнило свою форму.

— Ну такъ я тебѣ скажу, замѣчаетъ Облонскій, послѣ нѣкотораго перерыва разговора, то, что ты получаешь за свой трудъ въ хозяйствѣ лишнихъ, положимъ пять тысячъ, а мужикъ, какъ бы онъ ни трудился, не получитъ больше пятидесяти рублей, точно также безчестно, какъ то, что я получаю больше столоначальника.

— Ты говоришь несправедливо, что я получаю пять тысячъ, а мужикъ пятьдесятъ рублей. Это правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но...

— Да ты чувствуешь, но ты не отдаешь ему своего имѣнія, сказалъ Облонскій.

— Я не отдамъ, потому что никто этого отъ меня не требуетъ, и если бъ я хотѣлъ, то мнѣ нельзя отдать—отвѣчалъ Левинъ, и некому.

— Отдай мужику, онъ не откажется, если ты убѣжденъ, что не имѣешь права...

— Я вовсе не убѣжденъ. Я напротивъ чувствую, что не имѣю права отдать, что у меня есть обязанности и къ землѣ, и къ семьѣ.

— Нѣтъ, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство несправедливо, то почему же ты не дѣйствуешь такъ?

— Я и дѣйствую, только отрицательно, въ томъ смыслѣ что я не буду стараться увеличить ту разницу положенія, которая существуетъ между мною и имъ.

Для родовъ жены, Левинъ переѣхалъ въ Москву. Скучая безъ дѣла, онъ отправился на дворянскіе выборы въ Кашинъ и здѣсь, слѣдуя общему теченію, выполняя вмѣстѣ съ другими разныя церемоніи, Левинъ опять пришелъ къ сознанію, что онъ ничего не понимаетъ, что все что-то не такъ, а какъ—онъ незнаетъ... Затѣмъ въ Москвѣ Левинъ сошелся съ бывшимъ товарищемъ по университету, Катавасовымъ, познакомился тамъ съ нѣкіимъ ученымъ Метровымъ, собирался прочесть ему свое сочиненіе объ естественныхъ условіяхъ рабочаго въ отношеніи къ землѣ, но услышавъ взглядъ Метрова на положеніе русскаго рабочаго съ точки зрѣнія капитала, заработной платы и ренты, отказался отъ намѣренія читать. Затѣмъ Левинъ ѣздилъ въ концерты, въ клубы, видѣлъ все московское общество, всю московскую жизнь; ѣлъ вкусные обѣды, приправленные винами и веселыми каламбурами; смотрѣлъ какъ играютъ на бильярдѣ и въ шахматы; даже, хорошо не сознавая, былъ у Карениной и восхитился ей. Время и деньги шли быстро, а въ результатѣ ничего не получалось.

Въ деревнѣ Левинъ никогда бы не занялся такими разговорами, какіе онъ слышалъ въ Москвѣ и въ которыхъ самъ участвовалъ; въ деревнѣ онъ никогда бы не былъ въ состояніи рѣшать съ такой легкостью, какъ въ Москвѣ продажу пшеницы съ такой уступкой, на какую согласился въ Москвѣ. Вообще жизнь вліяла на него, увлекала за своимъ теченіемъ, хотя городскіе соблазны, городская суета все-таки были не по немъ и деревня манила его къ себѣ всегда. Наконецъ у Левиныхъ родился сынъ, какъ того и ожидалъ самъ Левинъ.

Такимъ собственно является Левинъ въ романѣ Толстого. Принимая близко къ сердцу интересы общаго блага, онъ ревниво ограждаетъ свои хозяйственные; задумывая новое устройство хозяйства, онъ ничего не можетъ достичь и убѣждается въ его неприложимости. Онъ, то вѣритъ, то теряетъ вѣру. Но въ общемъ Левинъ старается работать сколько возможно болѣе, любитъ деревню, простоту. Какъ мы сказали въ повѣствованіи о Левинѣ, г. Толстой представилъ еще нѣсколько лицъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, но заинтересовывающихъ собой читателя. Такимъ является Сергѣй Ив. Кознышевъ—человѣкъ высокаго ума и образованія, но холоднаго до крайности, живою струною въ душѣ его было его самолюбіе; далѣе Свіяжскій, о которомъ мы говорили; Катавасовъ, Метровъ и т. д. Въ романѣ множество мастерски описанныхъ сценъ. Описаніе обилуетъ такимъ богатствомъ наблюденій надъ характерами, надъ жизнію, достигаетъ такой реальности, что не смотря на отсутствіе сложной интриги, читатель заинтересовывается романомъ все больше, и кончивъ читать, желалъ бы еще его продолженія.

Въ заключеніе нашей статьи замѣтимъ, что авторъ романа, при огромномъ талантѣ, единогласно признаваемомъ всѣми органами нашей печати, отличается еще тою замѣчательною особенностію, что умѣетъ всегда стать въ своихъ произведеніяхъ въ сторонѣ отъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ и никогда не навязывается читателю съ своими рекомендаціями, похвалами или порицаніями: лица въ его произведеніяхъ говорятъ сами за себя, и читатель воленъ составлять о нихъ какое угодно мнѣніе. И за симъ еще замѣтимъ, что по міросозерцанію своему графъ Толстой стоитъ неизмѣримо высоко въ сравненіи съ другими извѣстными писателями нашего времени. Z.

# Стихотворенія.

I.

Я хотѣлъ бы тебѣ, шаловливый мой другъ,
Мои мысли повѣдать и думы;
Но боюсь на лицѣ твоемъ вызвать испугъ:
Мои думы больны и угрюмы.
Смѣю-ль я разогнать задушевный твой смѣхъ
Звукомъ жалобъ и скорбнаго плача?..
Для тебя еще жизнь—рядъ забавъ и утѣхъ,
Для меня же—давно ужъ задача...

II.

Когда во тьмѣ ночей безсонныхъ
Меня преслѣдуютъ сомнѣнья,—
Мнѣ чудится, что ты,
Среди видѣній окрыленныхъ,
Слетишь ко мнѣ на голосъ мщенья
И мракъ разсѣешь преступленья
Сіяньемъ красоты.
И этимъ свѣтомъ непонятнымъ
Въ одно мгновенье озарится
Душа моя...
И всепрощеньемъ благодатнымъ
Больное сердце обновится,
И время лучшее мнѣ снится,
И плачу я...

III.

Пой! безъ пѣсенъ живется уныло,
Отразится пусть въ пѣсняхъ твоихъ
Все, что въ жизни тебя веселило,
Пусть звучитъ беззавѣтною силой
Удалой твой и радостный стихъ!
Пой любовь и лазурные глазки
Въ полутьмѣ благовонныхъ ночей.
Пой весеннія, яркія краски
И усладу заботливой ласки,
Чернобровой красотки твоей!
Только сердца разбитаго муки
И кровавыя слезы твои,
Только боль и страданья разлуки,
Всѣ тоскливые, скорбные звуки,
Ты глубоко въ душѣ затаи,..
О, не нужно намъ звучныхъ рыданій,
Безъ твоихъ поэтическихъ слезъ
Много слышится въ мірѣ стенаній...
Дай хоть въ пѣсняхъ уйти отъ страданій,
Дай хоть въ пѣсняхъ забвенья и грезъ!

IV.

Застилаетъ мнѣ путь непроглядный туманъ.
Одолѣла погодка—ненастье,
Я въ потемкахъ брожу, я тоской обуянъ..
Гдѣ удача моя, гдѣ ты счастье?
Развѣ ринуться вдругъ, осѣнясь крестомъ,
Встрѣтить смерть, не моргнувши и глазомъ:
Коль идти напрямикъ, такъ идти на проломъ,
Пропадать—такъ, покрайности, разомъ!
Если-жъ жить, такъ ужъ силъ не жалѣя своихъ,
Вѣкъ не знать надъ собою опеки,
Наслаждаться, любить и страдать за двоихъ,
А уснуть, такъ уснуть ужъ на вѣки!

**Н. Ники.**

# Къ рисункамъ.

## Веселый ужинъ.

(Картина Кессена).

Картина, изображенная художникомъ Кессеномъ, и передаваемая рисункомъ, помѣщеннымъ на страницахъ настоящаго № „Нивы“, переноситъ зрителя ко времени Людовика XII и его отборныхъ кавалеристовъ, составлявшихъ отрядъ его стражи, мушкатеровъ. Этихъ мушкатеровъ такъ популяризировалъ Александръ Дюма, и наши русскіе читатели такъ недавно еще съ жаромъ зачитывались описаніями ихъ отчаянныхъ подвиговъ. Храбрые, безпечные, веселаго духа, они всегда вездѣ наскакивали на приключенія и сами постоянно были готовы поклоняться тому или другому изъ великихъ божествъ древности, Марсу—богу войны, или Венерѣ—богинѣ любви. Эти приключенія въ особенности были часты въ романахъ Дюма, хотя, конечно, и дѣйствительность того времени была полна ими.

Типъ, воспроизводимый художникомъ Кессеномъ не столько богатъ тѣми чертами, о которыхъ мы говоримъ, т. е. выраженіемъ храбрости, безпечности и веселья, сколько удачно схваченнымъ выраженіемъ удовольствія, такъ широко расплывшагося по лицу воина. Это удовольствіе, нужно замѣтить, весьма ярко и опредѣленно выражено, и нѣтъ возможности ошибиться въ томъ, что причины, вызвавшія его, идутъ не отъ высокихъ душевныхъ движеній, а скорѣе всего изъ чувства противоположнаго, животнаго свойства.

Откуда этотъ воинъ и куда лежитъ ему дорога? Можетъ быть онъ везетъ какія нибудь важныя сообщенія и утомленный отъ долгаго переѣзда, проголодавшись, остановился на пути въ гостинницѣ, гдѣ гостепріимная хозяйка весело услуживаетъ ему; а можетъ быть—онъ просто искатель приключеній. Но такъ или иначе, а отдыхаетъ онъ, видимо, съ удовольствіемъ. Вытянувъ уставшія ноги, онъ уже утолилъ свой голодъ и въ данный моментъ, со стаканомъ вина, смѣется и шутитъ съ молодою хозяйкой.

Смотря на картину, невольно представляемъ себѣ разговоръ изображенныхъ на ней лицъ.

— А какъ вы смекаете, хозяйка,—говоритъ онъ улыбаясь,—женатъ я или холостъ...

— Гм... какой затѣйникъ. Почему я знаю, можетъ быть и женатъ, а можетъ быть и такъ коротаешь свой вѣкъ, одинокимъ...

— Хе! хе!.. Одинокимъ!.. Хе, хе! Да такимъ молодцамъ, каковъ я, незачѣмъ скучать въ одиночествѣ—вездѣ рады мнѣ...

— Ну какъ бы не такъ! поддразниваетъ хозяйка, будто ужь вы и молодецъ такой, что наша сестра вамъ такъ на шею и кинется... Какъ же, ждите!..

— И ждать нечего... Хе! хе!.. Да и вы уже я замѣчаю, мною очарованы...

— Ну вотъ еще, какъ бы не такъ!.. Этакій старикашка очаруетъ!..

— Старикашка! Хе!.. Хе!.. Ошибаетесь, еще далеко до старости-то!..

Хозяйка внимательно посматриваетъ на своего разболтавшагося гостя и послѣ нѣкотораго молчанія весело замѣчаетъ:

— Ну далеко-ли, близко-ли, а морщины то съ лица не спрячешь...

Вотъ приблизительно подобную сцену и изображаетъ картина, и нельзя незамѣтить. что сцена эта передана очень правдиво.

**Z.**

## Египетъ на Парижской всемірной выставкѣ 1878 г.

Одна изъ восточныхъ построекъ, видъ которыхъ привлекаетъ общее вниманіе въ паркѣ Трокадеро, на Всемірной Парижской выставкѣ, есть, безъ сомнѣнія, постройка Египетскаго зданія.

Съ строгимъ фасадомъ, фланкируемымъ двумя четыреугольными башнями, это зданіе сдѣлано въ подражаніе одному египетскому храму. Идея и исполненіе этой археологической новости принадлежитъ французу Маріеттъ Бею, генеральному комиссару египетской выставки, творцу знаменитаго Булакскаго музея, близь Каира, который онъ создалъ благодаря высокому покровительству вице-короля и раскопкамъ, методически производимымъ въ продолженіи цѣлыхъ 20 лѣтъ въ долинѣ Нила. Образцы этой постройки Маріеттъ Бей открылъ въ мусорѣ и развалинахъ древняго города Абидоса, въ Верхнемъ Египтѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ развалинахъ этого города онъ отыскалъ базы высокой стѣны. Дальнѣйшія раскопки показали весь планъ частнаго жилища, котораго года, какъ кажется, относятся къ XII фараоновой династіи, т. е. къ 27 или 29 вѣку до Р. Х. На основаніи этихъ изслѣдованій древне египетскихъ построекъ, такъ сказать, возсоздано то зданіе, видъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы“.

Надъ главнымъ входомъ въ это зданіе какъ снаружи такъ и внутри начертаны, согласно старому обычаю, іероглифическіе знаки, которые можно перевести словами: „Счастливый домъ“.

Лѣстница въ этомъ египетскомъ домѣ сдѣлана тоже на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ при раскопкахъ въ Абидосѣ. Она идетъ возлѣ входной двери, со стороны двора и огибая внутренній фасадъ, поднимается до этажа главныхъ павильоновъ, въ которыхъ помѣщеніе въ древне египетскихъ домахъ предназначалось женщинамъ.

Первый залъ этого зданія или входныя сѣни, также какъ и веранда двора, вмѣщаютъ образчики всѣхъ произведеній Египта.

Залъ направо подъ четыреугольнымъ павильономъ заключаетъ спеціальные предметы школъ и промышленности этой страны. Тутъ находится замѣчательная выставка типографскихъ работъ, произведенныхъ въ Египтѣ. Великолѣпные экземпляры рисунковъ, изображающихъ предметы, найденные при раскопкахъ древне египетскихъ городовъ, альбомъ Булакскаго музея, путешествіе по Верхнему Египту и т. д. Затѣмъ есть залъ Суэзскаго перешейка, съ картами и планами. Все это вмѣстѣ взятое указываетъ на стараніе, съ какимъ французы

работаютъ въ Египтѣ, и для насъ русскихъ въ особенности можетъ быть очень поучительно въ виду извѣстной всему свѣту нашей лѣни и неумѣлости вести подобнаго рода дѣла.

## Встрѣча возвращающихся съ театра войны гвардейцевъ въ С.-Петербургѣ.

Съ ранняго утра въ этотъ день (3-го сентября) толпы народа тянулись со всѣхъ частей города къ Московской заставѣ. Версты за три по Царскосельскому проспекту и смежнымъ съ нимъ улицамъ—эти разрозненныя толпы сплотились уже въ сплошную массу... Длинною вереницею, шагомъ, прокладывая себѣ съ трудомъ путь, тянулись тысячи экипажей, переполненныхъ пассажирами. У тріумфальной арки уже скопилось до трехсотъ тысячъ народа, а новыя группы все прибывали и прибывали, и, казалось,—нѣтъ конца, нѣтъ начала этимъ живымъ. человѣческимъ волнамъ...

А день былъ, какъ по заказу, чудный, солнечный... Праздникомъ вѣяло въ этихъ массахъ—веселыхъ, оживленныхъ лицъ, въ этомъ радостномъ гулѣ, наполнявшемъ воздухъ; праздникомъ вѣяло отъ этого синяго, яснаго осенняго неба.

Грандіозная, старая тріумфальная арка, встрѣчавшая уже не разъ побѣдоносное русское воинство, въ старые годы, была на этотъ разъ убрана сплошь гирляндами живой зелени, цвѣтами и сотнями пестрыхъ національныхъ флаговъ; между стройныхъ колоннъ повѣшены были хоругви съ именами полковъ гвардіи и названіями мѣстностей, свидѣтелей ихъ боевыхъ подвиговъ; въ центральной, главной аркѣ красовался колоссальный щитъ, гдѣ въ арматурахъ изъ гербовъ и оружія, рѣзко сверкала на солнцѣ золотая надпись: „Побѣдоноснымъ войскамъ—благодарная столица“; у подножія, по бокамъ, стояли двѣ пирамиды съ красными крестами, намекавшими на то, что не забыты и сохранятся на вѣчную память имена павшихъ героевъ, которымъ не суждено было свыше вновь увидать свою родину. Отъ этой арки вправо и влѣво, подковообразно, или амфитеатромъ трибуны для публики и депутацій, смыкая арку съ красивыми сторожевыми домиками бывшей заставы. Эти зданія съ своими колоннадами были тоже сплошь увѣшаны гирляндами и флагами и противъ каждаго изъ нихъ были устроены парадныя ложи, прикрытыя балдахинами; правая для Высочайшихъ особъ, лѣвая для духовенства; по другую сторону домиковъ снова тянулись трибуны для публики, замыкая овальную площадь, до самаго торжественнаго пути, осѣненнаго колоссальными двойными мачтами и навѣсомъ изъ вѣтвей и живыхъ вьющихся растеній.

Вѣтеръ колыхалъ эти безчисленные флаги, рѣзко выдѣлявшіеся на синемъ фонѣ неба,—всевозможныя цвѣта скрещивались и путались въ воздухѣ, словно огненные—горѣли золотые наконечники копій и двухглавые орлы на вершинахъ мачтъ.

Въ пролетѣ арки виднѣлась безконечная перспектива Царскосельскаго шоссе и по обѣимъ сторонамъ его снова безконечная, оживленная толпа народа.

Какую чудную, волшебную картину представляла вся эта грандіозная обстановка встрѣчи! Съ высоты трибунъ можно было окинуть ее всю взглядомъ—кругомъ—безъ конца волнующаяся толпа, кругомъ—оживленныя лихорадочнымъ нетерпѣніемъ лица, всѣ крыши сосѣднихъ домовъ чернѣли народомъ, во всѣхъ окнахъ словно картины въ рамкахъ пестрѣли красивыя группы. Тамъ кругомъ веселый, живой рокотъ голосовъ, здѣсь вблизи мертвая тишина—ожиданіе—отсюда уже видны въ пролетѣ арки стройныя ряды бѣлыхъ шапокъ приближающихся егерей, блестящая щетина штыковъ, мирное колыханіе побѣдоносныхъ знаменъ—эти ряды все ближе и ближе... Все смолкло, затаило дыханіе... Затишье передъ бурею.

Словно далекій громовой перекатъ доносится ура... все громче и громче—это Наслѣдникъ Цесаревичъ, выѣхавъ впередъ за арку, объѣзжаетъ ряды егерей... Онъ уже кончилъ объѣздъ. Окруженный блестящею свитою, на чудномъ ворономъ конѣ, Его Высочество снова появился въ аркѣ и занялъ мѣсто у ложи... Въ свѣтломъ пролетѣ мелькнули силуэты конныхъ фигуръ, за ними, словно изъ-подъ земли выросли головы колоннъ... Стройно сплошною стѣною выступили эти ряды на овальную площадь и стали.

Смуглыя загорѣлыя лица, потертые мундиры, георгіевскіе кресты на груди... Лучшіе изъ лучшихъ народа русскаго, грозные врагу, покорные Императору, неодолимые борцы, не знающіе страха, во вѣкѣ вѣковомъ не дрогнувшіе передъ смертью...

Нечеловѣческое, стихійное ура—потрясло воздухъ. Этотъ голосъ народа покрылъ всѣ остальные звуки, не слышенъ за нимъ общій благовѣстъ колоколовъ... Это—ура—могло бы покрыть собою пушечную канонаду... Это то самое ура,—которое одно останавливало бѣшеныя атаки батальоновъ Сулеймана на Шипкѣ—ура, подъ звуки котораго турецкія арміи цѣликомъ клали свое оружіе,—ура,—съ которымъ зимой стали проходимы непроходимые Балканы—ура—подъ стѣнами Константинополя, кошмаромъ гнетущее раллагающійся дворъ султана—ура—народа русскаго.

Дождь вѣнковъ и букетовъ буквально засыпалъ голову колонны. Митрополитъ и духовенство въ полномъ облаченіи двинулось изъ ложи на встрѣчу войскамъ... Замолкло ура,—начался молебенъ—всѣ головы обнажились... Недолго тянулась молитва съ многолѣтіемъ живымъ, вернувшимся, съ вѣчною памятью павшимъ въ битвахъ Митрополитъ благословилъ образомъ полкъ, передавъ икону собственноручно командиру егерей, генералъ-маіору Челищеву; на смѣну духовенству выступила городская депутація и послышалось громкое отчетливое чтеніе привѣтственнаго адреса. Вотъ его полный текстъ:

„Войска гвардейскаго корпуса! Съ благодарностью, молитвою и хлѣбомъ-солью, по древнему русскому обычаю, С.-Петербургское городское общество встрѣчаетъ и сердечно привѣтствуетъ васъ, отъ имени всѣхъ обывателей столицы. Привѣтствіе наше, одинаково относящееся въ вашемъ лицѣ и ко всей побѣдоносной россійской арміи, вызвано не только одною радостью о возвращеніи вашемъ въ столицу, но и благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о тѣхъ чудесахъ беззавѣтной храбрости, мужества, самоотверженія, стойкости и терпѣнія, которыя были выказаны въ борьбѣ съ врагомъ и препятствіями поставляемыми природою. С.-Петербургское городское общество съ трепетомъ сердечнымъ, въ продолженіи 10 мѣсяцевъ, ежечасно слѣдило за вами, страдало вашими страданіями, ликовало, торжествуя ваши побѣды. Вы изумили міръ своими подвигами, вы высоко подняли имя русскаго солдата,—и благословеніе отечества почіетъ на главахъ вашихъ, увѣнчанныхъ новыми лаврами. Гордясь, какъ и всѣ русскіе, вашими заслугами передъ родиной и, взирая на освобожденные вами, единовѣрныя намъ народности, возванныя нынѣ къ политичекой, самостоятельной жизни, С.-Петербургское городское общество въ главѣ всего населенія столицы, отъ всего сердца восклицаетъ: „Да здравствуютъ войска гвардейскаго корпуса, да здравствуетъ вся побѣдоносная, русская армія“!

Вмѣстѣ съ этимъ привѣтствіемъ, поданъ былъ егерямъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ.

Депутація очистила дорогу, раздалась команда — щетина штыковъ колыхнулась, ряды тронулись впередъ.

Новыя оваціи, новый дождь вѣнковъ и букетовъ—новое могучее ура...

Свершилась чудная метаморфоза, изчезли бѣлыя шапки, исчезло сверкающее желѣзо оружія.—Словно ангелъ мира пронесся надъ рядами воиновъ и покрылъ ихъ своимъ крыломъ—все зазеленѣло, зацвѣло лѣсъ, живой, чудный, цвѣтущій, благоухающій лѣсъ двигался по тріумфальному пути; не было ружья, на которомъ не висѣло бы по нѣсколько вѣнковъ, не было штыка, не увѣнчаннаго букетомъ!

Торжественна была минута, когда, по мѣрѣ прохожденія батальоновъ, ихъ знамена—наклоняли къ барьеру ложи, гдѣ сидѣла—наслѣдница престола русскаго—цесаревна. Съ какою истинною любовью, съ какимъ неподдѣльнымъ, чистымъ восторгомъ въ глазахъ она собственноручно увѣнчивала цвѣтами золотые орлы побѣдоносныхъ знаменъ. Старые, боевые знаменоносцы—плакали отъ умиленія—эти радостныя слезы сверкали на глазахъ каждаго солдата...

И тріумфаторы все проходили и проходили впередъ; новые батальоны дефилируя изъ арки, смѣняли уже миновавшихъ главный пунктъ встрѣчи, смѣшавшихся уже съ ликующими, восторженными толпами народа.

— Господи Боже мой—за одинъ такой день, хотя снова начинай тяжелую боевую работу, не жалко! говорили въ рядахъ.

— Эхъ, Архиповъ, жаль, не дожилъ, братъ, до свѣтлаго праздника! слышалось соболѣзнованіе о павшемъ товарищѣ.

Привѣтствія перекрестнымъ. дождемъ отовсюду лились рѣкою. привѣтствіями отвѣчали торжествующіе ряды солдатъ.

Это были не забываемые минуты, дивно—свѣтлыя, минуты исторической жизни народовъ. **Н. Каразинъ.**

## Мѣстечко Давосъ въ Швейцаріи.

Давосская долина находится на юго-востокѣ Швейцаріи, въ кантонѣ Граубюнденъ, неподалеку отъ Рагаца и Энгадина, съ его Санктъ-Морицомъ и Понтрезиномъ. Однако, не смотря на сосѣдство столь прославившихся своею живописностью мѣстностей, самъ Давосъ не можетъ похвалиться выдающимися красотами природы. Поэтому понятно, что поклонники швейцарскихъ Альпъ рѣдко знали его и по названію. Давосъ представлялъ уединенную горную долину, заселенную только пастухами. Съ 1861 года. съ открытія въ Давосѣ первой гостинницы, его стали посѣщать дачники ближайшихъ швейцарскихъ городовъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Давосъ сдѣлался однимъ изъ извѣстныхъ мѣстъ лѣченія легочныхъ больныхъ. Желѣзной дороги въ Давосскую долину не проведено, и отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи, Ландкварта, приходится ѣхать еще около 8 часовъ въ почтовой каретѣ. По причинѣ значительнаго подъема, совѣтуютъ груднымъ больнымъ совершать этотъ, сравнительно короткій переѣздъ не въ одинъ, а въ нѣсколько пріемовъ, ночуя по дорогѣ въ двухъ, трехъ мѣстахъ, съ тою цѣлью, чтобы дать легкимъ нѣкоторый срокъ привыкнуть къ измѣняющемуся давленію воздуха. Мѣстность, по которой пролегаетъ почтовая дорога, живописная. Она идетъ большею частью на краю крутыхъ обрывовъ; внизу зеленѣетъ долина, съ мчащейся по ней горной рѣкой. По обѣимъ сторонамъ высокія, покрытыя снѣговыми шапками, горы. Склоны ихъ живописно усѣ-

Продолженіе на стр. 697, 698, 699 и 700.

яны тамъ и симъ домиками. Кой-гдѣ потоки съ шумомъ бросаются съ высокихъ скалъ, образуя рядъ каскадовъ. Въ дали видны глетчеры. Съ подъемомъ въ гору характеръ растительности измѣняется, появляются сосны, ели, лиственницы и изрѣдка рябина. Достигнувъ перевала, путь идетъ въ Давосскую долину, окруженную хребтами горъ, возвышающихся на 4,000 фут., и только мѣстами прорванныхъ боковыми долинами. Проѣхавъ небольшое темнозеленое озеро, славящееся форелью, почтовая карета останавливается у послѣдней промежуточной станціи „Davos Dorfli“. Отсюда до главнаго мѣстечка долины „Davos am Platz“ ѣзды минутъ двадцать. Вотъ его описаніе.

Въ Давосѣ около сотни домовъ и домиковъ, отчасти расположенныхъ по сторонамъ проѣзжей дороги, отчасти разбросанныхъ по луговой низменности и склонамъ горъ.



**Водяныя курочки** Рис. Менэль, грав. Бланшаръ.

Давосъ пока еще нисколько не похожъ на лѣчебныя мѣста новѣйшаго покроя: тутъ не бываетъ ни парадныхъ катаній въ роскошныхъ колясках, ни раутовъ, баловъ и концертовъ, удобныхъ для выставленія на показъ богатыхъ туалетовъ. Онъ даже лишенъ общаго центра, сборнаго пункта для публики, „кургауза“ въ обыкновенномъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова. Одна изъ здѣшнихъ большихъ гостинницъ, ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ, самовольно присвоила себѣ это названіе, вѣроятно, для приманки иностранцевъ. На музыкѣ, играющей по очереди въ разныхъ отеляхъ, публики собирается весьма мало. Ни парка, ни сколько нибудь сноснаго сада не существуетъ. Садики насажены лишь въ послѣдніе годы: но тщедушныя ихъ деревца принимаются плохо и развѣ лѣтъ черезъ десять обѣщаютъ первую тѣнь. Болѣе тяжелые паціенты вполнѣ основательно жалуются на недостатокъ въ подходящихъ прогулкахъ, такъ какъ для нихъ доступны только лишенные тѣни шоссе и влажные луга. Для того, чтобы попасть въ тѣнь дерева, надо или идти далеко, или же подниматься въ гору, гдѣ устроены на длинное разстояніе весьма удобныя дорожки съ красивымъ видомъ въ долину, любимое мѣсто прогулки не слишкомъ слабыхъ паціентовъ. Въ прогулкахъ болѣе отдаленныхъ, пѣшкомъ и на лошадяхъ, нѣтъ недостатка. Лѣтнія экскурсіи, требующія дня два или три, могутъ быть направлены въ Энгадинъ, Куръ, Рагацъ или на горныя вершины и глетчеры. Зимою любимымъ препровожденіемъ времени служитъ катанье въ саняхъ или на конькахъ. Есть книжная торговля и двѣ библіотеки съ книгами на трехъ языкахъ, журналы и газеты—въ отеляхъ. Для протестантовъ пасторъ совершаетъ богослуженіе поочереди въ большихъ гостинницахъ; католики строятъ отдѣльную церковь. Есть общество для вспомоществованія легочнымъ больнымъ, лишеннымъ средствъ.

Нынѣшнимъ, увеличивающимся годъ отъ году значеніемъ Давосъ обязанъ медику Францу Унгеру, имя котораго съ признательностью произносится многими сотнями выздоровѣвшихъ больныхъ, и не будетъ забыто въ исторіи практической медицины. Унгеръ родомъ изъ Саксоніи. Будучи еще молодымъ докторомъ, онъ имѣлъ несчастіе захворать чахоткой, и тщетно испробовалъ на себѣ всевозможныя средства. Случайно онъ прочелъ въ медицинской газетѣ, что давосцы, пріобрѣтшіе чахотку вдали отъ родины, скоро поправлялись по возвращеніи домой. Докторъ Унгеръ рѣшился на себѣ испытать дѣйствіе давосскаго климата и пріѣхалъ въ Давосъ среди зимы, въ февралѣ 1865 года, въ сопровожденіи еще другого больного. Въ самое короткое время успѣхъ лѣченія превзошелъ всякія ожиданія. Докторъ Унгеръ, при содѣйствіи Штенглера, приступилъ къ организаціи пользованія въ Давосѣ больныхъ. Старанія его, какъ видно, удались вполнѣ, и онъ навсегда поселился въ Давосѣ, занявъ первенствующее положеніе среди здѣшнихъ врачей, которыхъ теперь поселилось уже въ Давосѣ семь.

Но въ чемъ же заключаются мѣстныя условія, оказывающіяся столь выгодными для излѣченія легочныхъ болѣзней?

Климатъ Давоса скорѣе холодный, чѣмъ теплый. Суровость климата достигаетъ здѣсь, впрочемъ, далеко не той степени, которою мы могли бы предполагать на основаніи положенія мѣстности на 4,800 ф. надъ моремъ. Дѣло въ томъ, что воздухъ высотъ, по своей разряженности, лучше пропускаетъ тепловые лучи, а потому въ горахъ солнце грѣетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ низменности. Этимъ объясняются такія поразительныя на первый взглядъ явленія, что въ одинъ и тотъ же день и часъ въ Давосѣ можетъ быть 20°, а въ низменности, у подножія горъ, только 10° тепла на солнцѣ. Ясно, что такія кажущіяся извращенія возможны только на солнцѣ; въ тѣни же ихъ не бываетъ. Живительное вліяніе солнечныхъ лучей сказывается особенно въ зимніе мѣсяцы, когда низменность часто бываетъ покрыта туманомъ и тучами, между тѣмъ какъ на горныхъ вершинахъ и въ горныхъ долинахъ ярко играетъ солнце. Въ Давосѣ сила солнечныхъ лучей доходитъ до того, что даже плохіе паціенты въ всѣ тѣ зимніе дни, когда солнце не спрятано за облаками, по нѣскольку часовъ проводятъ на открытомъ воздухѣ. На солнопекѣ, на обращенныхъ къ югу галлереяхъ и террасахъ гостинницъ они сидятъ въ однихъ сюртукахъ, жалуясь нерѣдко на невыносимую жару! И не мудрено, когда термометръ показываетъ иногда 24 и даже 32° тепла по Реомюру. При этомъ въ тѣни температура, само собою разумѣется, остается несравненно ниже, даже значительно ниже нуля. Кромѣ теплопрозрачности разряженнаго воздуха, повышеніе температуры на галлереяхъ обусловливается еще и отраженіемъ на нихъ яркаго свѣта снѣжнаго ландшафта, причемъ свѣтовые лучи, падая на темныя фигуры людей, отчасти превращаются въ лучи тепловые. Послѣ заката солнца температура въ горахъ вообще внезапно и значительно понижается, и въ самую жаркую лѣтнюю пору, когда днемъ бываетъ выше 20° Р., вечеромъ—только 12 и 11.

Высокіе горные хребты защищаютъ Давосскую долину отъ вѣтровъ. Для нихъ открыты только двѣ противоположныя ея

оконечности, такъ какъ замыкающія ихъ горы слишкомъ удалены другъ отъ друга. Впрочемъ, кромѣ вѣтровъ, проникающихъ снаружи, давосская долина имѣетъ еще свой специальный, мѣстный вѣтеръ. Онъ образуется вслѣдствіе сильнаго согрѣванія солнцемъ дна долины; при чемъ нагрѣтый воздухъ, по своей легкости, стремится кверху, а на его мѣсто изъ верхнихъ слоевъ атмосферы спускается внизъ по покатости долины токъ холоднаго воздуха. Противники давосскаго лѣченія—а ихъ не мало—не безъ злорадства указываютъ на этотъ „долинный" вѣтеръ. Но онъ дуетъ далеко не ежедневно и длится обыкновенно по нѣскольку часовъ, въ теплое время дня. Къ тому же въ жаркіе лѣтніе дни онъ благодѣтельно умѣряетъ зной, который иначе при узкости долины легко сдѣлался бы невыносимымъ. Наконецъ, существуютъ ли вообще горныя долины, въ которыхъ не было бы подобныхъ вѣтровъ? Грудные больные тщетно высматриваютъ такія мѣстности, гдѣ не преслѣдовалъ бы ихъ злѣйшій ихъ врагъ, вѣтеръ. На югѣ, на прибрежьяхъ Средиземнаго моря, куда больныхъ до сихъ поръ обыкновенно посылаютъ на зиму, онъ весьма часто безпокоитъ ихъ даже въ ясные, теплые дни.

Очевидцы съ восторгомъ описываютъ здѣшніе зимніе хорошіе дни. Темноголубое небо, весь ландшафтъ въ снѣжномъ облаченіи, рѣзкій контрастъ свѣта и тѣни, ясно очерченные на синевѣ неба контуры горъ; ко всему этому—полное затишье, холодный, освѣжительный воздухъ и пробирающая тѣло солнечная теплота. Подобныхъ зимнихъ дней нигдѣ въ Европѣ не встрѣтить, кромѣ здѣшнихъ альпійскихъ долинъ. Они неоцѣнимы для больныхъ. Настоящіе же зимніе мѣсяцы обыкновенно богаты такими днями. Нужно, впрочемъ, сказать, что въ дождливые и пасмурные дни температура тутъ гораздо ниже, чѣмъ въ долинѣ. При этомъ иногда случается, какъ у насъ въ Финляндіи, что среди лѣта идетъ снѣгъ. Такъ нынче 22 іюня стараго стиля снѣгъ падалъ въ Давосѣ большими хлопьями. Подобныя явленія, впрочемъ, не болѣе какъ исключенія. Великолѣпная, теплая погода въ благопріятное лѣто и здѣсь стоитъ по нѣсколько недѣль сряду. Тѣмъ не менѣе многіе утверждаютъ, что мѣстность, въ которой среди лѣта, хотя бы только въ видѣ исключенія, падаетъ снѣгъ, не пригодна для одержимыхъ легочными болѣзнями. Они признаютъ за Давосомъ лишь значеніе зимняго „курарта". Подъ вліяніемъ этого взгляда число лѣтнихъ посѣтителей Давоса въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ стало замѣтно понижаться. Общепризнанное превосходство зимнихъ курсовъ лѣченія надъ лѣтними сказывается и на цѣнахъ въ гостинницахъ и пансіонахъ: къ зимѣ онѣ постоянно повышаются. Впрочемъ, въ послѣдніе годы замѣчается опять приращеніе числа лѣтнихъ паціентовъ. Авторъ этого очерка, въ виду многочисленныхъ блестящихъ случаевъ излѣченія, не имѣетъ повода раздѣлять скептическій взглядъ на цѣлебное значеніе Давоса въ лѣтній сезонъ. Не смотря на неблагопріятную погоду, въ легкихъ сопровождаемой имъ паціентки, въ мѣсяцъ здѣшняго пребыванія, произошли болѣе явственныя перемѣны къ лучшему, нежели въ предшествовавшіе три мѣсяца въ Южной Германіи и на Женевскомъ озерѣ.

Неблагопріятнымъ для больныхъ считается въ Давосѣ переходъ отъ зимы къ лѣту, т. е. вторая половина марта и апрѣль, время таянія снѣговъ, и переходъ отъ лѣта къ зимѣ (ноябрь); поэтому всѣ болѣе осторожные здѣшніе врачи высылаютъ на эти мѣсяца своихъ паціентовъ, по преимуществу на берега озера Четырехъ Кантоновъ и въ Шварцвальдъ. Впрочемъ, эти переходные мѣсяцы вездѣ плохи, не исключая и южныхъ мѣстъ лѣченія. **А. Брандтъ.**

## Водяныя курочки.

Водяныя курочки, какъ по своему образу жизни, такъ и по короткимъ ногамъ и строенію пальцевъ, близки къ плавающимъ птицамъ. Онѣ дѣйствительно прекрасно плаваютъ и ныряютъ, а летаютъ плохо и бѣгаютъ не совсѣмъ ловко. Водяныя курочки имѣютъ не длинный, но сильный высокій сдавленный клювъ съ голою шишкою на лбу и короткой носовой ямкой. Цвѣтъ спинки зелено-бурый, головы и шеи—аспидно-сѣрый, ноги зеленыя. Длина ея до 12 дюймовъ. Водяныя курочки живутъ въ умѣренномъ и болѣе тепломъ климатѣ. Гнѣзда ихъ обыкновенно находятся вблизи воды, иногда онѣ помѣщаются между осокой и тростникомъ, такъ чтобы вода не могла достигать ихъ; иногда же гнѣзда устраиваются на вѣтвяхъ, и въ такомъ случаѣ курочки выбираютъ вѣтвь наклонившуюся надъ водой. Для выхода изъ гнѣзда въ воду, курочки устраиваютъ изъ вѣтокъ и прутиковъ спускъ. Какъ видно, онѣ отличаются большой сообразительностію, и ловко устроивая свои гнѣзда, въ тоже время принимаютъ мѣры, чтобы сдѣлать ихъ не замѣтными для враговъ: гнѣздъ издали не узнаешь, онѣ кажутся пукомъ травы или хворостинокъ, тѣмъ болѣе, что и свои яйца курочки не оставляютъ открытыми, а набрасываютъ на нихъ траву и прутики, изъ которыхъ сдѣлано и самое гнѣздо. Что курочки прикрываютъ свои гнѣзда съ цѣлію ихъ укрытія, а не для сохраненія тепла—это объясняютъ примѣромъ другихъ птицъ, которыя также строятъ свои гнѣзда близко къ водѣ, однако-жь не покрываютъ ихъ какъ курочки. Случается встрѣчать гнѣзда курочекъ съ незакрытыми яйцами, но эта кажущаяся небрежность произошла противъ воли птицы, испуганной внезапнымъ появленіемъ посторонняго, и не успѣвшей принять надлежащихъ мѣръ. Яицъ въ гнѣздахъ курочекъ всегда бываетъ много, рѣдко меньше шести. Вышедшіе птенцы представляютъ собою чрезвычайно странныя существа; они скорѣе похожи на клоки чернаго пуха, чѣмъ на птицъ. Какъ только вылупятся они изъ яицъ, такъ сейчасъ же спускаются въ воду, но плавая взадъ и впередъ, малютки тѣмъ не менѣе держатся на небольшомъ разстояніи отъ своихъ родителей. Мясо водяныхъ курочекъ вкусное, и хотя онѣ отличаются плодородіемъ и очень осторожны, ихъ все таки не въ мѣру истребляютъ. Въ числѣ многочисленныхъ враговъ ихъ является чуть-ли не самымъ злымъ щука, тихо, незамѣтно подходящая снизу и глотающая не подозрѣвающихъ опасности птичекъ. **Л.**

## Смѣлая переправа черезъ Ламаншскій проливъ.

Недавно въ высшей степени смѣлую и оригинальную переправу чрезъ Ламаншскій проливъ совершилъ одинъ смѣльчакъ-американецъ, г. Фоулеръ, имѣющій мѣстопребываніе во Франціи, въ Бордо. Устройство снаряда для переправы весьма просто и несложно. Это такъ называемый *„подоскафъ"* (ножное судно) по американски Waterboots, внѣшнею формою нѣсколько напоминающій наши русскіе лыжи, на которыхъ наши крестьяне переправляются зимой по глубокому снѣгу. Двѣ, имѣющія треугольную форму и заостренныя по краямъ, доски связаны между собой желѣзными связями. На той и другой доскѣ становится плаватель, имѣя, сверхъ того, въ рукахъ еще балансировальный снарядъ, чтобы соблюдать равновѣсіе при плаваніи.

Каждая изъ досокъ этого ватербота, или подоскафа, имѣетъ длины 8 саженъ. Вышина, которою выдается этотъ снарядъ надъ водою, составляетъ 10 дюймовъ ширина же обѣихъ досокъ около 5 четвертей.

Смѣлый опытъ своей переправы черезъ Ламаншскій каналъ г. Фоулеръ совершилъ изъ Булони, въ 4½ часовъ утра и прибылъ къ противоположному морскому берегу, близъ Фолькстона, въ 3 часа 35 мин. *) по полудни. Надо прибавить, что во время отправки г. Фоулера въ Ламаншскомъ заливѣ была значительная зыбь и, противный вѣтеръ дулъ въ продолженіи большей части пути. Матросамъ и рыбакамъ, плывшимъ въ это время по заливу, казалось, что г. Фоулеръ просто-на-просто идетъ по водѣ, какъ по суху, до того смѣла и самоувѣренна была его переправа. Громкое и единодушное „ура" привѣтствовало смѣльчака, когда онъ достигъ противоположнаго берега. Прибывъ потомъ въ Фолькстонъ, г. Фоулеръ, значительно утомленный путешествіемъ, въ теченіи почти 12 часовъ, только и могъ проглотить нѣсколько самыхъ малыхъ глотковъ кофе и съѣсть маленькій кусочекъ хлѣба. Состояніе моря, угрожавшаго взволноваться, помѣшало смѣлому пловцу отдохнуть въ Фолькстонѣ подольше. Г. Фоулеръ въ особенности жаловался на усталость ногъ. Въ видахъ предотвращенія какой либо опасности, г. Фоулера, во время его плаванія сопровождало судно „Петрель", принадлежащее одному англичанину.

Во всякомъ случаѣ, этотъ опытъ переплытія чрезъ Ламаншскій каналъ есть блистательный образецъ человѣческой смѣлости, сообразительности, отваги. Невольно думается: послѣ такой смѣлой и отважной попытки чего не можетъ сдѣлать человѣкъ въ будущемъ?.. Плыть по морю на такомъ утломъ суднѣ, на какомъ плавалъ г. Фоулеръ,—это почти буквально „ходить по водѣ на лыжахъ".

Г. Фоулеръ имѣетъ орденъ Почетнаго Легіона, за особыя заслуги, оказанныя имъ Франціи, во время Франко-Прусской войны. Затѣмъ онъ до сихъ поръ былъ извѣстенъ какъ страстный пловецъ-охотникъ, на веслахъ и на парусахъ. Во время гонокъ на призы, онъ одерживалъ почти всегда успѣхи. Его собственная яхта „Peau-Ruge" получила огромную извѣстность, благодаря оказаннымъ ею успѣхамъ въ Англіи и во Франціи.

*) Слѣдовательно, путешествіе черезъ каналъ продолжалось менѣе 12-ти час.

# Политическія и внутреннія извѣстія.

Возстаніе въ Албаніи, подкрѣпляемое возстаніемъ въ Босніи и Герцеговинѣ, начало принимать характеръ настоящей революціи. Правительство инсуррекціонное засѣдаетъ въ Призрендѣ и открыто отказывается признать власть Порты. По сообщеніямъ англійскихъ газетъ, обыкновенно маскирующихъ настоящее положеніе дѣлъ, въ окрестностяхъ Константинополя и даже въ самой турецкой столицѣ, питается весьма мало довѣрія къ властямъ, и большая часть турецкаго населенія далеко не радуется начавшемуся выступленію русскихъ войскъ изъ Турціи, потому что присутствіе этихъ войскъ, въ свою очередь обусловливавшее собою присутствіе англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ, сдерживало мятежные элементы въ мусульман-

ской столицѣ и ея окрестностяхъ. Вслѣдъ за симъ, вскорѣ получено извѣстіе, что наша главная квартира переносится 9-го сентября изъ Санъ-Стефано въ Адріанополь. 10-го же сентября нашъ четвертый корпусъ начнетъ свое выступленіе изъ окрестностей Константинополя. Что касается нашихъ войскъ, стоящихъ въ Сан-Стефано; то, по сообщенію „Агентства Рейтера", и они, въ теченіе 10 дней, очищаютъ Сан-Стефано и возвращаются въ Чаталджу (значительно къ сѣверо-западу отъ Сан-Стефано и Константинополя).

Изъ Сербіи на минувшей недѣлѣ тоже были извѣстія далеко не успокоительнаго свойства, такъ какъ Сербія не только отказалась содѣйствовать операціямъ австрійцевъ въ Ново-Базарскомъ округѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не соглашается заключить таможенный договоръ съ Австріей. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ это составляетъ какой-либо, хотя бы временный, интересъ Сербіи, но въ то же время все это составляетъ признакъ, что до „мира и тишины" на Балканскомъ полуостровѣ еще далеко... Непріязненныя отношенія Сербіи относительно Австріи въ послѣднее время увеличились еще тѣмъ, что недавно къ инсургентамъ Ново-Базарскаго пашалыка дѣятельно начали присоединяться сербы. Въ связи съ этимъ въ Австріи ожидаютъ возможнаго *соединенія* Сербіи съ Черногоріей. Мадьяры, желающіе „уничтоженія" обоихъ этихъ княжествъ, ужасно недовольны и стараются предотвратить всякую возможность подобнаго союза; такъ что въ Австріи существуютъ все болѣе и болѣе увеличивающіеся симптомы внутренней болѣзни,—сильный внутренній разладъ между мадьярскимъ и нѣмецкимъ элементами.

Дурные успѣхи австрійцевъ въ дѣлѣ оккупаціи Босніи и Герцеговины нисколько не исправились и не улучшились за послѣднюю недѣлю. Австрійскія оффиціальныя телеграммы сообщаютъ о началѣ „новыхъ операцій". Но будутъ ли эти новыя операціи имѣть успѣхъ лучшій, чѣмъ бывшія доселѣ успѣхи—это еще Богъ вѣсть. Мы уже знаемъ о пораженіи (даже не однократномъ), нанесенномъ инсургентами австрійскому генералу Шапари. Вообще австрійская оффиціальная печать заявила, что въ будущемъ „о дальнѣйшемъ ходѣ операцій по оккупаціи будетъ заявляемо только въ той мѣрѣ, въ какой это удобно—въ виду необходимости *содержанія военныхъ движеній въ большой тайнѣ*... Ну, значитъ—успѣхи плохи...

Недавно телеграфъ сообщалъ слухи о перенесеніи австрійской главной квартиры изъ Сераева въ Бродъ. Но, утверждали и утверждаютъ, что генералъ Филипповичъ, во всякомъ случаѣ, по прежнему, останется въ Сераевѣ. Въ Бродѣ же помѣстится-де только часть австрійской главной квартиры, съ замѣстителемъ главнокомандующаго арміей во главѣ.

На прошлой недѣлѣ, въ числѣ важнѣйшихъ политическихъ извѣстій, были двѣ оффиціальныя телеграммы, помѣщенныя сначала въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и за симъ перепечатанныя всѣми газетами. Первая изъ этихъ телеграммъ—телеграмма Турецкаго Султана къ Его Величеству Государю Императору содержащая въ себѣ жалобу на звѣрства болгаръ относительно мусульманскаго населенія Болгаріи и Восточной Румеліи. Его Величество изволилъ отвѣтить на эту жалобу Падишаха телеграммою, гдѣ выражается мысль, что слухи, дошедшіе до султана, преувеличены, и что русскія власти не преминутъ оказать защиту мирному турецкому населенію, если что либо подобное дѣйствительно существуетъ.

Сама собою приходитъ мысль: не искусственно ли подогрѣта чьимъ-либо стараніемъ молва „о звѣрствахъ болгаръ". Интересъ въ этомъ можетъ имѣть, вопервыхъ, страна, сдѣлавшая себѣ изъ о—ва Кипра станцію и, во вторыхъ, другая страна, такъ вяло и безуспѣшно совершающая оккупацію Босніи и Герцеговины... Но, конечно, болѣе всего тутъ берутъ перевѣсъ хлопоты и махинаціи Лейарда, представителя Британіи въ Стамбулѣ.

Изъ Черногоріи получены извѣствія, что князь Николай уже оффиціально извѣстилъ европейскія державы, что Черногорія принуждена будетъ взяться за оружіе, *чтобы* принудить Порту къ исполненію условій мира.

Что касается Англіи, то ея голосъ сталъ въ послѣдніе дни тише на политической аренѣ... Можетъ быть, въ тиши готовятся обширные планы. Въ гласной же политикѣ, по отношенію къ Сербіи и Черногоріи, Англія недавно заявила отказъ отъ предложенія Германіи сдѣлать Портѣ коллективное представленіе относительно выполненія срока очищенія крѣпостей. Гораздо болѣе, повидимому, Англія занята планами относительно Афганистана. Въ Калькуттѣ англійскія власти съ нетерпѣніемъ ждутъ *отвѣта* Ширъ-Али-Хана (Эмира Афганистана) на письмо вице-короля Индіи. Даже султана Англія научила вмѣшаться въ дѣла Эмира, и Султанъ намѣренъ отправить въ Кабулъ свое посольство. Вотъ какъ напугала Англію миссія въ Кабулъ нашего генерала Абрамова!..

Изъ Китая недавно получено извѣстіе, что тамошнее правительство ревизовало послѣдствія, произведенныя бывшимъ въ минувшее лѣто голодомъ. Наибольшее бѣдствіе постигло провинціи Шензи и Хананъ, въ которыхъ во многихъ городахъ населеніе уменьшилось до 1/3. Но хуже всего то, что въ самый разгаръ бѣдствія появились грабители, завладѣвшіе всѣми дорогами, и налагавшіе руки на все, что попадалось на пути. За симъ изъ Пекина идутъ извѣстія, что тамъ готово вспыхнуть возмущеніе, дѣятельно подготовляемое безпокойными, революціонными элементами. Въ Пекинѣ и его окрестностяхъ уже собраны войска.

Мы сообщали уже, въ одномъ изъ прошлыхъ обозрѣній, о международномъ тюремномъ конгрессѣ, состоявшемся въ Стокгольмѣ. Въ настоящее время занятія конгресса уже кончены; онъ закрытъ. Сообщаютъ, что число совѣщавшихся на немъ членовъ, съѣхавшихся почти изъ всѣхъ странъ міра, было весьма велико. Предсѣдательствовалъ на конгрессѣ представитель Россіи, статсъ-секретарь К. К. Гротъ, который въ настоящее время уже возвратился въ Петербургъ. Подробности о выработанныхъ конгрессомъ основныхъ положеніяхъ по тюремному вопросу еще неизвѣстны; но уже вообще извѣстно, что занятія конгресса были весьма разнообразны и послѣдствія его трудовъ должны быть весьма обильны.

На прошлой недѣлѣ изъ нашей возвращающейся съ театра войны гвардіи возвратились въ Петербургъ Лейбъ-Гвардіи Егерскій и Финляндскій полки и встрѣчены были населеніями съ большою торжественностью и энтузіазмомъ, о чемъ читатели могутъ судить по статьѣ, помѣщенной въ этомъ же номерѣ къ рисунку, изображающему встрѣчу гвардейцевъ Егерскаго полка.

Изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ извѣщаютъ, что недавно въ Филадельфію прибылъ извѣстный русскій крейсеръ „Цимбрія", привезшій экипажъ и офицеровъ для 4-хъ другихъ крейсеровъ, построенныхъ и вооруженныхъ на Американскихъ докахъ. На каждомъ изъ этихъ судовъ находится по *8-ми* орудій самаго большого калибра.

---

Слушательницамъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, распоряженіемъ Медицинскаго Департамента, воспрещена врачебная практика. Вслѣдствіе такого распоряженія, за недостаткомъ у насъ докторовъ, нѣкоторые изъ членовъ нашего Петербургскаго земства предполагаютъ поднять вопросъ и предложить ходатайствовать въ надлежащемъ порядкѣ о разрѣшеніи женщинамъ врачамъ поступать на службу нашего земства.

Работы коммиссіи по изслѣдованію русла рѣки Вислы близятся къ окончанію, а за тѣмъ по разсмотрѣніи этихъ работъ, министерство путей сообщенія, говорятъ, намѣрено ходатайствовать объ ассигнованіи суммъ на исправленіе вислянскаго фарватера, дѣлающаго иногда судоходство по Вислѣ невозможнымъ.

Горное вѣдомство, какъ пишутъ, заключило сдѣлку съ дворяниномъ Фонъ-Талемъ на уступку ему 120,000 десятинъ лѣсной площади, находящейся въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губ. Продажа такого обширнаго участка земли состоялась на основаніи Высочайшаго повелѣнія и пріобрѣтена Талемъ за 170.000 руб. съ разсрочкою платежа и съ обязательствомъ устроить и пустить въ ходъ не позднѣе 5 лѣтъ чугунно-плавительный заводъ.

Мы уже имѣли случай сообщать, что нѣсколько швейцарскихъ семействъ изъявили желаніе переселится въ Закавказье и заняться тамъ различными отраслями сельскаго хозяйства. Теперь есть извѣстія, что будто-бы переселиться на Кавказъ намѣревается цѣлая религіозная община; депутатъ ея уже осмотрѣлъ нѣсколько предложенныхъ для покупки имѣній и ожидаетъ прибытія особой коммиссіи, состоящей изъ разныхъ спеціалистовъ, которые должны рѣшить выборъ того или другого мѣста для поселенія. По словамъ депутата, въ Тифлисѣ предполагается переселенцами устроить складъ машинъ и орудій разныхъ производствъ.

Однимъ изъ нашихъ бывшихъ народныхъ наставниковъ предпринимается ходатайство о разрѣшеніи ему устройства и содержанія артели ходебщиковъ для торговли въ селеніяхъ Петербургской и смежныхъ съ нею губерніяхъ народными книгами полезнаго содержанія. Дай Богъ успѣха этому дѣлу, и давно-бы пора обратить на него вниманіе. Распространеніе въ народѣ полезныхъ книгъ, конечно, избавитъ его отъ того хлама, который сбывается ему разными ходебщиками подъ видомъ полезнаго и занимательнаго чтенія.

Въ засѣданіи Петербургской городской думы состоялась постановленіе наименовать Большой Царскосельскій проспектъ *Забалканскимъ*—въ память совершеннаго перехода чрезъ Балканы нашими русскими войсками. Это-же наименованіе присвоено и Обуховскому проспекту, который служитъ продолженіемъ Большаго Царскосельскаго до Сѣнной Площади. Но постановленіе Думы должно еще быть представлено на утвержденіе куда слѣдуетъ.

Въ нынѣшнемъ году въ Медико-хирургическую Академію принимали въ послѣдній разъ неограниченное число молодыхъ людей. Съ будущаго же года, 1879, въ пріемѣ будетъ положенъ извѣстный штатъ. Цѣль подобнаго ограниченія пока совершенно непонятна въ особенности въ виду той скудости, какую испытываетъ страна въ медицинской помощи. Стоитъ припомнить наши не только села и деревни, но даже уѣздные города, чтобы убѣдиться, до какой степени мы безпомощны во время болѣзни.

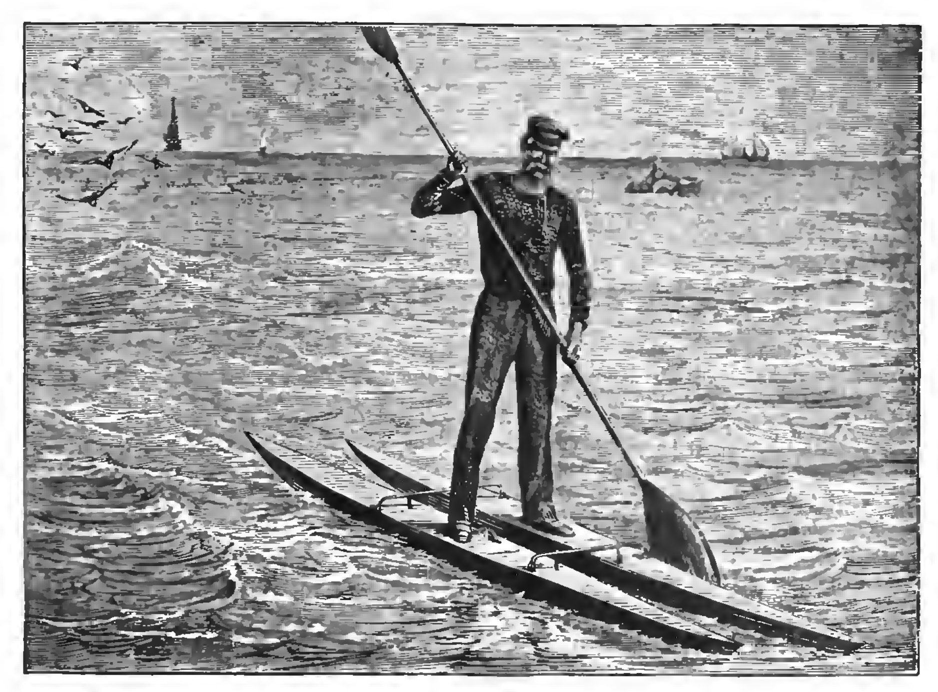
Составляется проектъ пересмотрѣть уставъ ботаническаго сада, сдѣлать его болѣе научнымъ учрежденіемъ и поставить садъ въ такое же отношеніе къ Академіи Наукъ, въ какомъ

находится Пулковская обсерваторія и главная физическая, т. е. установить между академіей и садомъ прямую связь. Съ перемѣщеніемъ въ музеи сада коллекцій ботаническаго музея, у академіи окажется возможнымъ расширеніе другихъ ея музеевъ. Музей же сада предполагается сдѣлать центральнымъ въ Имперіи по этой части, учрежденіемъ. Такое распоряженіе, само собою понятно, клонится ко благу и ведетъ не къ ограниченію знаній, а къ ихъ расширенію.

**Опечатка.** Въ № 35 „Нивы“ на стр. 644, въ рѣшеніи ребуса напечатано слово: ворkотки; слѣдуетъ читать: *воркотни.*



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.**
Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**



**Смѣлая переправа черезъ Ламаншскій проливъ.**



Дозволено цензурою СПБ. 13 сентября 1878 г. Тип. … Англ. пр. № 10.




№ 39 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 25 Сентября 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.



# К. Н. Батюшковъ.

У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и во всѣ времена были поэты, которыхъ современники сравнивали съ греческими и римскими классиками и провозглашали чуть ли не геніями; но очень многіе изъ такихъ поэтовъ не долго пользовались своей славой. Наставало другое время, являлись другіе поэты, дѣйствительно геніальные, великіе сами по себѣ и безъ сравненія съ классиками — и куда дѣвались тогда вчерашнія знаменитости. Ихъ окончательно забывали. А между тѣмъ среди этихъ не по заслугамъ прославленныхъ и не по заслугамъ забытыхъ поэтовъ были иногда люди дѣйствительно талантливые. Они не оставили послѣ себя ничего геніальнаго, не создали какой нибудь новой школы, но тѣмъ не менѣе имѣли большое вліяніе на развитіе своей отечественной литературы. Они расчищали обыкновенно дорогу великимъ талантамъ, дѣлали возможнымъ ихъ появленіе.



Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Къ такимъ-то поэтамъ принадлежалъ и Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Онъ родился въ 1787 году и происходилъ отъ стариннаго дворянскаго рода—о нѣкоторыхъ изъ его предковъ упоминается даже въ исторіи. Такъ одному изъ Батюшковыхъ, Матвѣю, цари Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи пожаловали село Даниловское за храбрость въ войнахъ противъ турокъ и татаръ. Позднѣе, прадѣдъ Батюшкова участвовалъ въ качествѣ депутата въ извѣстной „Коммисіи для составленія проекта новаго уложенія“. Константинъ Николаевичъ выросъ въ образованной и развитой средѣ—отецъ его даже не чуждъ былъ и литературныхъ кружковъ, съ которыми сблизился при посредствѣ своего двоюроднаго брата, М. Н. Муравьева.

Но несмотря на эту обстановку, которая могла быть такъ благопріятна для развитія будущаго поэта, она имѣла на него мало

вліянія и, кромѣ горестныхъ воспоминаній, Батюшковъ ничего не вынесъ изъ своего дѣтства, проведеннаго въ родительскомъ домѣ. Это произошло вслѣдствіе того, что мать его страдала разстройствомъ умственныхъ способностей, а отецъ, который былъ съ нимъ въ какихъ то холодныхъ отношеніяхъ, мало о немъ заботился.

Къ счастью, его рано свезли въ Петербургъ и отдали въ извѣстный тогдашній пансіонъ Жакино. Черезъ четыре года онъ былъ отданъ преподавателю морского кадетскаго корпуса Триполи, у котораго и окончилъ свое образованіе въ 1805 году. Въ томъ же году онъ поступилъ на службу, сперва въ канцелярію министерства народнаго просвѣщенія, а затѣмъ къ своему двоюродному дядѣ, М. Н. Муравьеву. Но служба его была чисто номинальная, все свое время онъ посвящалъ поэзіи. Уже въ 1805 году Батюшковъ помѣстилъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" элегію изъ Парни, а затѣмъ его стихотворенія стали часто появляться въ „Новостяхъ" и въ „Лицеѣ" журнала Мартынова.

Но и человѣкъ, занимавшійся исключительно поэзіею и мало интересовавшійся политическими событіями, не могъ устоять противъ движенія, охватившаго все тогдашнее общество: въ 1806 году вышелъ высочайшій манифестъ о созваніи милиціи, для борьбы противъ врага, грозившаго всей Европѣ, Наполеона, и Батюшковъ записался однимъ изъ первыхъ въ Петербургскій стрѣлковый батальонъ. Начинается трудная боевая жизнь, со всѣми ея неудобствами, быстрыми переходами съ одного мѣста на другое, всевозможными опасностями. Этотъ походъ обошелся Батюшкову дорого: въ 1807 г. онъ былъ опасно раненъ въ битвѣ при Гейльсбергѣ. Онъ вернулся въ Россію и здоровье его стало быстро поправляться. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ перешелъ въ гвардейскій егерскій полкъ. Но не долго пробылъ въ Петербургѣ: въ 1809 г. онъ уже въ Финляндіи и принимаетъ участіе въ походѣ на Аландскіе острова. Но не смотря на эту тревожную походную жизнь, Батюшковъ находилъ время заниматься изученіемъ Петрарки и Тасса, сочиненія которыхъ прислалъ ему, по его просьбѣ, Оленинъ, директоръ публичной библіотеки.

Къ этому же времени относится и извѣстная статья Батюшкова: „Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи", когда то считавшаяся образцовой по формѣ и слогу, но оказавшаяся впослѣдствіи переведенной изъ „Harmonie de la nature" Ласепеда. По окончаніи войны въ Финляндіи, Батюшковъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ гражданскую службу. Въ концѣ 1809 г. онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ и остался до слѣдующаго года. Здѣсь онъ сблизился съ Жуковскимъ, Карамзинымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и Дмитріевымъ и принималъ дѣятельное участіе въ „Вѣстникѣ Европы". Къ этому времени относятся его лучшіе переводы изъ Тибулла, Парни и Петрарки.

Переселившись снова въ Петербургъ, онъ продолжалъ свои литературныя занятія. А между тѣмъ политическія событія быстро слѣдовали одно за другимъ, Наполеонъ достигъ къ тому времени высшей степени могущества и славы, и началъ вооруженія противъ Россіи. И опять мы видимъ Батюшкова въ военной службѣ, сперва адъютантомъ Бахметева, а вскорѣ послѣ адъютантомъ извѣстнаго генерала Раевскаго. Онъ трижды проѣзжаетъ разоренную Москву, видитъ бѣгство ея жителей и описываетъ эти проѣзды въ „посланіи къ Дашкову".

1813 и 1814 года Константинъ Николаевичъ провелъ въ походахъ противъ французовъ и вступилъ вмѣстѣ съ союзными войсками въ Парижъ. Не смотря на новизну окружавшей его жизни, поглощавшей все его вниманіе, и многочисленныя развлеченія, онъ все же находилъ время для занятій поэзіею. Такъ, въ Парижѣ, написалъ онъ стихотвореніе „Плѣнный", имѣвшее въ свое время большой успѣхъ, но теперь уже устарѣвшее, „Переходъ черезъ Рейнъ", и прекрасную статью: „Путешествіе въ замокъ Сирей".

Изъ Парижа Батюшковъ отправился обратно въ Россію, но не черезъ Германію, а чрезъ Англію и Швецію, которыхъ онъ до тѣхъ поръ не видѣлъ. Этой поѣздкѣ мы обязаны великолѣпной поэмой „Тѣнь друга", посвященной памяти полковника Петина, убитаго въ сраженіи при Лейпцигѣ. Плодомъ его пребыванія въ Швеціи была элегія „На развалинахъ замка въ Швеціи", одно изъ лучшихъ его произведеній. Свой переѣздъ изъ Англіи въ Швецію онъ не безъ юмора описалъ въ письмѣ къ С., помѣщенномъ въ полномъ собраніи его сочиненій.

Вернувшись въ Петербургъ, онъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, но уже въ 1816 году навсегда оставилъ военную службу и снова поступилъ въ гражданскую съ чиномъ коллежскаго асессора.

Съ этихъ поръ здоровье Батюшкова, и безъ того разстроенное раной, полученной имъ въ Гейльсбергскомъ сраженіи, начало все болѣе и болѣе ухудшаться. Въ особенности онъ страдалъ головною болью,—которая впослѣдствіи имѣла роковой исходъ. Въ 1818 году онъ уѣхалъ въ Одессу, для пользованія морскими купаньями. Но леченье это не принесло ему пользы, напротивъ, въ одно изъ своихъ купаній онъ чуть не погибъ. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ случаѣ А. И. Тургеневу: „Странно сказать! я до сихъ поръ не чувствую большого облегченія отъ купанья. Кстати о купаньѣ: между тѣмъ, какъ дружество пеклось о судьбѣ моей (Батюшковъ говоритъ здѣсь о мѣстѣ, которое онъ получилъ по ходатайству А. И. Тургенева при русскомъ посольствѣ въ Неаполѣ), я чуть не избавилъ его отъ хлопотъ. Купавшись, чуть не потонулъ въ морѣ, такъ зашелъ далеко и неосторожно, во время сильной бури! Великое количество соленой воды, которую проглотилъ при потопленіи моемъ, разстроило мою грудь".

Въ началѣ 1819 года онъ отправился въ Неаполь, мѣсто его новой службы. Но и Италія не возстановила его силъ: уже въ 1820 году онъ вернулся въ Россію съ окончательно разстроеннымъ здоровьемъ. Ему не было суждено выздоровѣть, онъ сошелъ съ ума. Его перевезли въ Вологду; здѣсь онъ дожилъ до глубокой старости, получая, назначенную ему Императоромъ Николаемъ, пожизненную пенсію и умеръ въ 1855 году.

Батюшковъ написалъ не много: всего двѣ небольшія книги, одна заключаетъ въ себѣ всѣ его стихотворенія, другая—прозаическія статьи, но и этого достаточно, чтобы упрочить за нимъ видное мѣсто между нашими поэтами.

Поэзія Батюшкова проникнута духомъ произведеній греческихъ и латинскихъ классиковъ. Такъ, напримѣръ, двѣнадцать превосходныхъ стихотвореній изъ греческой антологіи переведены имъ по незнанію греческаго языка съ французскаго, но его переводъ болѣе проникнутъ духомъ древней Эллады, чѣмъ французскій. Точно также въ прекрасномъ и до сихъ поръ не утратившемъ своего значенія стихотвореніи „Вакханка", переведенномъ Батюшковымъ изъ Парни, видѣнъ болѣе характеръ греческой поэзіи, чѣмъ въ подлинникѣ.

Стихъ Батюшкова прекрасенъ, до него ни одинъ изъ поэтовъ нашихъ не владѣлъ такимъ стихомъ. Правда, въ немъ нѣтъ той задушевной теплоты, которою отличается стихъ Жуковскаго, но за то превосходитъ его необыкновенной звучностью и силою.

Лучшія изъ оригинальныхъ стихотвореній Батюшкова: „Тѣнь друга", „Умирающій Тассъ", „На развалинахъ замка въ Швеціи" и „Мои Пенаты". Въ прозаическихъ статьяхъ Батюшковъ показалъ себя отличнымъ стилистомъ и только; лучшія изъ этихъ статей „Вечеръ у Кантеміра", „Прогулка въ Академію Художествъ" и „Путешествіе въ замокъ Сирей".

Нельзя не упомянуть о большомъ вліяніи Батюшкова на Пушкина, который и самъ охотно признавалъ въ немъ своего учителя.

Нѣкоторыя изъ антологическихъ стихотвореній Батюшкова до сихъ поръ остаются образцовыми. **В. С.**

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ

**Вс. Соловьева.**

### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

### XV.

Между тѣмъ вѣсть о близкой кончинѣ царя быстро разнеслась по всему Кремлю. Вотъ она перелетѣла за Кремлевскую стѣну, разлилась вдоль улицъ бѣлокаменной, перебралась за городской валъ и побѣжала изъ одной слободки въ другую.

Москва встрепенулась, всколыхнулась и зажужжала десятками тысячъ голосовъ человѣческихъ. Всѣ отъ мала до велика съ одною и тою же безконечно повторяемой фразой: „царь отходитъ" суетились, метались—и не прошло двухъ часовъ, какъ громадныя толпы народа спѣшили къ Кремлю, перегоняя другъ друга.

Но всѣ Кремлевскія ворота стояли на запорѣ. Всюду была разставлена крѣпкая стража: пропускали весьма немногихъ.

Внутри Кремля было великое смятеніе: мужчины и женщины, подначальные люди и бояре, все смѣшалось и перепуталось. Сановитые старцы позабыли свои лѣта и положеніе, бѣгали какъ юноши, переговаривались и перешептывались другъ съ другомъ, протискивались поближе ко дворцу—кто могъ въ царскую переднюю, а то такъ и дальше ея, ближе къ царской опочивальнѣ.

Скорбное ложе Ѳеодора было окружено теперь со всѣхъ сторонъ. Патріархъ читалъ надъ царемъ отходную;

царица Мароа безумно рыдала у изголовья постели; тетки и сестры царскія стояли неподвижно съ блѣдными, перепуганными лицами.

Но всѣхъ блѣднѣе изъ нихъ, всѣхъ испуганнѣе была царевна Софья. Она видѣла теперь, что всѣ ея старанія оказались тщетными: царь былъ въ забытьѣ, врядъ ли придетъ въ себя, врядъ ли будетъ въ состояніи сдѣлать какое нибудь распоряженіе. Да еслибы и пришелъ въ себя, развѣ было бы теперь возможно уговорить его? развѣ теперь допустятъ?

Было мгновеніе, когда царевна дошла до полной безнадежности, готова была отказаться отъ борьбы, но это было только одно мгновеніе... Снова яркая краска вспыхнула на ея блѣдныхъ щекахъ, глаза разгорѣлись. Она незамѣтно, неслышно пробралась въ другую сторону опочивальни, подошла къ своему дядѣ, Милославскому, и шепнула ему:

— Что-жь... вѣдь видишь, что все кончено!.. Нужно сдѣлать еще одну попытку... нужно чтобы народъ требовалъ Ивана... распоряжайся... скорѣе!.. Гдѣ Максимъ Сумбуловъ?

— Я его видѣлъ во дворѣ, тоже шопотомъ отвѣтилъ Милославскій.

— Ну, такъ выйди, тихонько продолжала Софья, теперь никто не замѣтитъ... Патріархъ еще долго будетъ читать... Боже мой, вѣдь не сейчасъ еще кончится... скажи Сумбулову, чтобы скорѣе какъ можно набиралъ людей, чтобъ были они наготовѣ... Обѣщай ему что хочешь.. обѣщай боярство, деньги... Ради Бога... иначе мы всѣ пропали!

И черезъ мгновеніе съ опущенными глазами, на которыхъ блестѣли слезы, она была уже снова у постели брата; а Милославскій вышелъ изъ опочивальни и пробирался въ переднюю.

Между присутствовавшими недоставало царицы Натальи Кириловны и царевича Петра. Однако и имъ ужь было обо всемъ дано знать и они спѣшили во дворецъ; но съ царемъ они все же не успѣли проститься...

Среди тишины опочивальни, прерываемой глухими рыданіями да мѣрнымъ голосомъ патріарха, подъ никому невѣдомыя, свѣтлыя грезы и видѣнія лучшаго міра, отошелъ въ вѣчность царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ...

Присутствовавшіе едва могли уловить его предсмертную агонію, и долго бы все еще ждали, еслибы отчаянный крикъ царицы Мароы, почувствовавшей какъ рука Ѳеодора отяжелѣла и стала застывать въ трепетавшихъ рукахъ ея, не далъ знать о томъ, что все уже кончено...

Словно электрическая искра пробѣжала по всему дворцу и Кремлю... толпы народа хлынула въ растворенныя теперь настежь ворота.

Приближенные царскіе почти на рукахъ вынесли изъ опочивальни безумно рыдающихъ царицу и царевенъ. Одна Софья не рыдала и не причитала. Какъ каменное изваяніе съ безжизненнымъ, застывшимъ лицомъ стояла она у братняго трупа и сама была похожа на мертвеца. Пришла ея страшная минута, и она лучше, чѣмъ кто либо знала, до какой степени страшна эта минута. Она знала, что торжество ея возможно было только при существованіи царскаго завѣщанія, потому что у Милославскихъ партія не велика, потому что всѣ ужь видѣли въ Петрѣ царскаго преемника.

И дѣйствительно, во дворцовыхъ покояхъ бояре и сановники горячо толковали между собою и всюду слышалось одно имя—имя это было: Петръ.

Царевна рѣшилась было обратиться къ патріарху, убѣдить его стать на ихъ сторону, но патріархъ ничего не отвѣтилъ ей утѣшительнаго—сказалъ, на ея вопросъ о томъ, кого выбирать будутъ, что избраніе зависитъ отъ народа, такъ какъ государь скончался, не выразивъ своей воли.

На мгновеніе слабая надежда мелькнула Софьѣ; Милославскій подошелъ къ ней и шепнулъ, что дѣло идетъ на ладъ, что Сумбуловъ поспѣетъ привести съ собою не мало народу, и что кромѣ того въ средѣ бояръ будетъ большая разноголосица.

Милославскіе не дремали въ эту рѣшительную минуту. Всѣ они, по всѣмъ покоямъ дворца царскаго, нашептывали сладкія рѣчи то тому, то другому боярину, заманивали недружившихъ съ Нарышкиными всевозможными обѣщаніями почестей и богатства.

Прошелъ еще часъ тревожнаго ожиданія – и ихъ усилія начали увѣнчиваться успѣхомъ. То здѣсь, то тамъ, то въ одномъ углу, то въ другомъ, рядомъ съ именемъ Петра стало слышаться и имя царевича Ивана.

Еслибъ явился теперь этотъ старшій царевичъ, еслибъ могъ онъ бодро пройтись по этимъ покоямъ и понять роль свою—дѣло Милославскихъ было бы рѣшеннымъ. Но царевичъ Иванъ, больной и убогій, спалъ на своей мягкой перинѣ. Его было разбудили, сообщили ему о смерти брата, пробовали заставить его подняться и идти въ царскую опочивальню, но онъ не могъ подняться, казалось даже ничего не понялъ изъ того, что ему говорили, перевернулся на другой бокъ и снова забылся.

Милославскіе поняли, что въ такомъ печальномъ и болѣзненномъ видѣ лучше бы ужь ему не показываться—посмотрятъ на него и только хуже выйдетъ.

Но вѣдь необходимо было царевичу проститься съ братомъ. Его одѣли, какъ малаго несмышленнаго ребенка, и подъ руки повели въ пріемные царскіе покои. Собравшіеся бояре только смущенно переглядывались при видѣ несчастнаго царевича.

Милославскіе на всякой случай, возвращаясь въ царскіе покои, захватили съ собою оружіе. Съ другой стороны и приверженцы Петра, дядька его князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ съ братомъ своимъ Иваномъ и четверо Долгорукихъ, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, тоже поддѣли себѣ подъ платье панцыри;—всѣ теперь такъ полагали, что дѣло дойдетъ до ножей непремѣнно. Но на этотъ разъ обошлось мирно и безъ смуты.

Тѣло царя Ѳеодора было уже обмыто, облечено въ царскія одежды.

Скоро отъ самаго крыльца до опочивальни образовалась длинная цѣпь по два человѣка въ рядъ; это шли проститься съ покойнымъ царемъ.

Въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ покоевъ дворца, недалеко отъ опочивальни, происходила другая церемонія—цѣлованіе рукъ царскихъ братьевъ.

Царевичъ Іоаннъ и Петръ сидѣли рядомъ. Старшаго окружали сестры и Милославскіе; рядомъ съ Петромъ помѣстилась его мать, царица Наталья, ея братъ Иванъ Нарышкинъ, Долгорукіе и Голицыны.

Блѣдное, безсмысленное лицо Іоанна было опущено внизъ, глаза полузакрыты; онъ повидимому дремалъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающее. Его рука, которую почтительно цѣловали подходившіе, лежала на бархатной перекладинѣ кресла.

Младшій царевичъ—красивый мальчикъ съ русыми кудрями и огненнымъ взглядомъ темныхъ глазъ, теперь заплаканныхъ, зорко но смущенно посматривалъ по сторонамъ, постоянно шевелился, будто ему трудно было усидѣть на мѣстѣ.

Иногда онъ оборачивался въ ту сторону, гдѣ стояли царевны и Милославскіе, подмѣчалъ какой нибудь недружелюбный взглядъ и жался къ матери, схватывалъ ея руку и не выпускалъ изъ своей.

Царица Наталья Кирилловна съ серьознымъ и строгимъ лицомъ поражала своей величавой фигурой, полной достоинства и грусти.

Она склонялась надъ сыномъ и иногда шептала ему, чтобы онъ сидѣлъ смирно и не обращался къ ней съ ненужными вопросами. Но мальчикъ не могъ сидѣть



**Охота на дикихъ козъ.** Ориг. рис. А. Кившенко, грав. Б. Пуцъ.



Между войною и міромъ: III. Идиллія послѣ кровавой драмы. Рис. Н. Каразинъ, грав. Б. Пуцъ.

смирно, не могъ не передавать на ухо матери своихъ впечатлѣній.

Между тѣмъ патріархъ, увидѣвъ, что народъ московскій въ большомъ количествѣ собрался уже на площади передъ церковью Спаса, вышелъ въ переднюю окруженный архіереями и многими вельможами.

При его входѣ всѣ затихли и ожидали, что онъ скажетъ.

— Бояре, тихимъ голосомъ произнесъ патріархъ, кто изъ двухъ царевичей царемъ будетъ?

— Какъ же намъ рѣшить, послышалось въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ,—пусть рѣшаютъ всѣхъ чиновъ люди московскаго государства!

Тогда патріархъ, архіереи и всѣ бывшіе въ передней вышли на крыльцо. Вся площадь чернѣла головами, носился тихій неопредѣленный говоръ въ душистой тишинѣ весенняго вечера.

— Люди московскаго государства! провозгласилъ патріархъ, вамъ уже вѣдомо, что великій государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ преставился, чистая душа его вознеслась къ престолу Всевышняго, вамъ предстоитъ теперь рѣшить: кому изъ царевичей, Іоанну Алексѣевичу или Петру Алексѣевичу, быть на царствѣ?

— Петру Алексѣевичу! загудѣла толпа и только слабо, въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздалось имя Іоанна.

Патріархъ, духовенство и бояре стояли молча и слушали.

— Петру Алексѣевичу! раздался вторичный рокотъ.

— Ивану Алексѣевичу! опять перебили нѣсколько голосовъ и въ томъ числѣ громкій, отчаянный голосъ дворянина Сумбулова. Но что значилъ этотъ отчаянный, слабый и нерѣшительно повторенный крикъ передъ громкимъ рѣшеніемъ московскихъ жителей?...

Патріархъ поклонился народу и вернулся въ царскіе покои. Торжественно, среди сонмища всего боярства и чиновъ придворныхъ, войдя въ палату, гдѣ находились царевичи, онъ объявилъ, что народъ московскій порѣшилъ быть на царствѣ Петру Алексѣевичу, и подойдя къ смущенному и взволнованному ребенку благословилъ его своей дрожащей старческой рукою на царство.

Іоаннъ, по прежнему сидѣвшій неподвижно, остался совершенно безучастнымъ къ торжеству брата.

Царевны и Милославскіе, съ сердечнымъ замираніемъ ожидавшіе роковой минуты, не могли прійти въ себя отъ ужаса. Поникнувъ головами, едва имѣя силы исполнить свою обязанность передъ избраннымъ царемъ, подняли они Іоанна съ креселъ, взяли его подъ руки и вышли изъ Палаты...

Шатаясь, съ исказившимся лицомъ и судорожно вздрагивавшими губами, страшная, на себя не похожая вошла царевна Софья въ свои покои. Не говоря никому ни слова, не отвѣчая на обращенные къ ней вопросы, она только махнула рукою и заперлась въ своей опочивальнѣ.

Она не замѣтила даже, что заперлась не одна, что въ это время ея постель приготовляла Люба Кадашева.

Люба подошла теперъ къ царевнѣ, взглянула въ лицо ея и не могла удержать невольно вырвавшагося изъ груди крика.

— Государыня, что съ тобою?!. Ты больна? да вымолви хоть слово!

Софія не отвѣчала. Она казалось не слышала, не видѣла Любы, ничего не видѣла и не слышала.

— Государыня, я позову кого нибудь, продолжала перепуганная Люба, за дохтуромъ нужно послать... Господи, Царица небесная! что это такое?

Царевна очнулась.

— Чего тебѣ? страшнымъ, охрипшимъ голосомъ прошептала она, дико взглянувъ на Любу. Чего тебѣ? уйди, оставь меня... мнѣ никого и ничего не нужно!..

Но Люба не могла уйти, у нее ноги подкашивались, она какъ будто приросла къ мѣсту.

Между тѣмъ Софья мало по малу начала приходить въ себя. Цѣлый рой мыслей закружился въ головѣ ея. Она обернулась къ Любѣ.

— Это ты... ты здѣсь? ну, такъ погоди! Сейчасъ... скорѣе... бѣги, зови ко мнѣ боярина Ивана Михайловича Милославскаго. Онъ долженъ быть еще гдѣ нибудь здѣсь... зови сестеръ... скорѣе!...

Люба кинулась изъ опочивальни исполнять приказаніе царевны.

Софья упала въ кресло, опустила голову на грудь, нѣсколько мгновеній сидѣла неподвижно. Потомъ вдругъ она поднялась снова и остановилась посреди комнаты, высоко поднявъ свою гордую голову, сверкая прекрасными глазами.

— Нѣтъ! страшнымъ голосомъ громко проговорила она,—такъ не можетъ кончиться!.. Я не хочу умирать! Я не хочу гибнуть... Я жить хучу... я дожна жить... я буду жить! Я еще могу бороться!...

Она подошла къ окошку, распахнула его и жадно, всей грудью, вдыхала свѣжій, вечерній воздухъ.

Кругомъ дворца стихало... Толпы народа расходились. Надъ Москвою, со всѣхъ концовъ, раздавался печальный гулъ колоколовъ церковныхъ, разносившій запоздалую вѣсть о кончинѣ царя Ѳеодора.

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

### I.

Радостное весеннее солнце заливало весь Кремль горячимъ свѣтомъ; отъ могучихъ лучей его новая жизнь зарождалась повсюду; быстро распускались почки сирени въ садахъ дворцовыхъ, разливая вокругъ себя благоуханіе. Но не могли эти животворные лучи оживить царя Ѳеодора. Онъ лежалъ въ богатомъ парчевомъ гробу. На его молодомъ, теперь блѣдно желтомъ, будто восковомъ лицѣ не было и слѣда перенесенныхъ страданій. Спокойна и тиха была улыбка неподвижныхъ устъ, которыхъ еще не рѣшалось коснуться тлѣніе.

Вокругъ гроба кипѣли расходившіяся людскія страсти. Начинало уже исполняться то, чего бѣдный царь такъ боялся въ свои послѣдніе, скорбные дни: во дворцѣ готовился цѣлый рядъ ужасныхъ смутъ, конца которымъ не предвидѣлось; только одно присутствіе царскаго гроба мѣшало этимъ смутамъ разразиться.

Съ нетерпѣніемъ дожидались Милославскіе минуты, когда царь будетъ похороненъ. Вотъ и пришла эта минута.

Подъ темными сводами собора, въ ряду царскихъ могилъ, открытъ новый склепъ, гдѣ должны на вѣки успокоиться кости Ѳеодора.

Все готово для пышной церемоніи. Съ ранняго утра царедворцы, бояре и духовенство собрались въ Кремль. Народъ сплошною толпой помѣстился по обѣимъ сторонамъ дороги между соборами, дожидаясь конца отпѣванія. Но отпѣваніе тянулось долго: говорили, что новоизбранному царю Петру Алексѣевичу сдѣлалось даже дурно: не вынесъ ребенокъ усталости и страшной духоты въ соборѣ. Дѣйствительно, всѣ видѣли какъ, далеко еще до окончанія службы, царица Наталья Кирилловна вышла изъ собора съ сыномъ и отправилась во дворецъ. Нѣкоторые вельможи, въ томъ числѣ Голицыны и Нарышкины, сопровождали царицу.

Наконецъ внутри собора, ближе къ выходу, раздалось глухое церковное пѣніе.

— Несутъ, несутъ!.. пробѣжало по толпѣ.

Всѣ стихли и сняли шапки. И вотъ показалась торжественная, печальная процессія: патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, бояре... Царевенъ не было—по обычаю

онѣ не могли участвовать въ подобныхъ церемоніяхъ.

Но что это?... Народъ въ недоумѣніи вглядывался, не вѣря глазамъ своимъ:—у самаго гроба идетъ одна, въ толпѣ мужчинъ, царевна Софья.

Какъ ни уговаривали ее, она твердо объявила, что проводитъ брата въ вѣчное жилище и не видитъ въ этомъ ничего для себя постыднаго.

Она идетъ за гробомъ и горько, громко плачетъ, и съ каждымъ мгновеніемъ мучительнѣе ея слезы.

Процессія скрылась за папертью соборной; народъ остался дожидаться выхода патріарха по окончаніи погребенія. Въ особенности всѣмъ хотѣлось еще разъ взглянуть на царевну.

Долго длилось это ожиданіе, далеко за полдень. Наконецъ царь преданъ землѣ, и процессія, въ прежнемъ порядкѣ, потянулась изъ собора.

Взоры всѣхъ обращаются на Софью. Она плачетъ еще горьче, чѣмъ тогда, когда шла за гробомъ брата; вотъ рыданія ея превращаются въ вопли. Народъ тѣснится ближе къ ней. Въ толпѣ проносятся тихія замѣчанія.

— Ишь, царевна то бѣдная какъ плачетъ, убивается!

Софья, не смотря на свое горе, слышитъ эти замѣчанія. Ея заплаканные глаза обращаются къ народу.

— Видите!.. горькимъ, прерываемымъ рыданіями голосомъ говоритъ она,—видите какъ братъ нашъ Ѳеодоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта!... Его враги отравили зложелательные.!..

При этихъ словахъ глухой ропотъ проносится по толпѣ. Въ этомъ ропотѣ слышится жалость, ужасъ—царевну поняли...

Она чуетъ это, и снова рыдая, продолжаетъ:

— Умилосердитесь надъ нами, сиротами! нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата старшаго... Братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство... а если мы передъ вами, или боярами провинились, то отпустите насъ живыми въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ!..

Гулъ въ народѣ становится громче—слова царевны, ея видъ, ея горькія слезы производятъ сильное впечатлѣніе. Но народъ въ недоумѣніи, не знаетъ что подумать.

„Если царевна говоритъ, что царь отравленъ, значитъ такъ оно и есть, значитъ правда—но кто-жъ отравилъ? И что дѣлать?..“ Что можетъ безоружная толпа народа.

Совсѣмъ обезсиленная вернулась Софья въ теремъ, гдѣ ее съ нетерпѣніемъ дожидались сестры и тетки. Тетки попеняли ей за ея поступокъ.

— Ужь что тутъ! махнула она рукою,—нашли время толковать о томъ, что прилично, что неприлично—дни то какіе! Или не понимаете еще, что приходитъ наша погибель и нужно спасать себя? Я по крайней мѣрѣ дала знать народу о томъ, что мы окружены врагами, которые ищутъ извести насъ, какъ извели брата Ѳеодора... Да и что-жъ, наконецъ! уйти мнѣ было что-ли, не простясь съ братомъ? такъ вонъ хвалите Наталью Кириловну—она съ сыномъ своимъ какъ угорѣлая выбѣжала изъ церкви... вотъ стыдъ, такъ стыдъ!... Рады, что отъ царя избавились.... умеръ, не встанетъ, такъ и прощаться имъ не нужно... Торжествуютъ.... веселы, а тутъ, на похоронахъ, имъ печальное лицо дѣлать приходится... Да къ чему? не нужно—они гробъ то братній оплевать готовы!

— Ахъ, ужь это точно! заговорили царевны, такого скареднаго дѣла отродясь мы не видали. Удружила Наталья! чтожь она думала, никто этого не замѣтитъ? Какъ же, мы ужь послали къ ней монахинь, пускай она не больно то зазнается—мы постарше ее, такъ молчать намъ въ такомъ дѣлѣ не приходится... Не съѣстъ она насъ, не казнитъ же! а мы все же свое сдѣлали... Такъ и наказали монахинямъ сказать ей, что хорошъ, дескать братъ, не могъ дождаться конца погребенія...

— Напрасно посылали, тетушки, отвѣчала Софья,—она только посмѣется надъ вами. Теперь ея сила, ея время...

Между тѣмъ монахини, посланныя къ царицѣ, вернулись и входили въ покой царевенъ.

— Ну что? ну что она? какъ отвѣтила? обратились къ нимъ всѣ въ одинъ голосъ.

— Да что! махнувши рукою произнесла старшая изъ монахинь, почтенная сѣдая старушка,—царица ничего худаго не видитъ въ томъ, что не достояли отпѣванія, говоритъ: „Петръ Алексѣевичъ еще малъ, ребенокъ, не могъ выстоять такой долгой службы не ѣвши.“ А братъ то царицынъ, Иванъ Кирилловичъ, тутъ же былъ, такъ онъ какъ вскочитъ, да закричитъ на наши слова: „Кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умиралъ, живъ....“ Вотъ дѣла то какія, государыни царевны!..

И старушка монахиня, очевидно весьма довольная тѣмъ, что разсказомъ своимъ произвела сильное впечатлѣніе, усѣлась въ уголокъ, зѣвнула отъ избытка чувствъ и стала часто крестить ротъ сморщенной, маленькой рукою.

Между царевнами поднялись пересуды; сильно досталось всѣмъ Нарышкинымъ.

Одна только Софья ничего не сказала. Поблѣднѣвъ еще пуще прежняго и сжавъ свои руки, такъ что пальцы захрустѣли, она вышла изъ покоевъ и отправилась въ свою опочивальню. Ей было не до брани, не до безсильныхъ, ни къ чему не ведущихъ разговоровъ и сплетенъ—дѣло теперь нужно дѣлать, и не браниться!...

## II.

Царевна Софья въ первую же ночь послѣ смерти брата отправила письмо князю Василью Васильевичу Голицыну, котораго Христомъ Богомъ заклинала, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, спѣшить, не откладывая ни минуты, въ Москву. Она имѣла также тайное, продолжительное совѣщаніе съ княземъ Хованскимъ. Приходили къ ней, проведенные Родимицей, стрѣлецкіе полковники и въ томъ числѣ Малыгинъ. Ни одной минуты не проходило даромъ.

Царевна хорошо понимала, что теперь, сейчасъ нечего и думать о какомъ нибудь рѣшительномъ поступкѣ, нужно сначала подготовить народъ и войско. На народъ, какъ мы видѣли, она уже успѣла произвести впечатлѣніе; въ войскѣ сильно работаютъ; въ самый день смерти царя, во время присяги Петру, стрѣльцы одного изъ полковъ отказались цѣловать крестъ новому царю. Къ нимъ отправленъ былъ окольничій князь Щербатый, думный дворянинъ Змѣевъ и думный дьякъ Украинцевъ, которые успѣли наконецъ уговорить стрѣльцовъ, и они поцѣловали крестъ Петру.

Первая попытка не удалась; но подкупленные стрѣлецкіе начальники, Циклеръ и Озеровъ, увѣряли царевну, что впредь неудачи не будетъ, только не надо жалѣть денегъ. Софья и не жалѣла; она готова была отдать все, что у нея есть, лишь бы достигнуть сильнаго броженія въ войскѣ.

Не успѣла царевна отдохнуть послѣ утомительнаго утра и собраться со свѣжими мыслями, какъ въ ея опочивальню постучалась Родимица.

Она принесла радостную вѣсть. Большая толпа стрѣльцовъ явилась во дворецъ и отъ имени шестнадцати стрѣлецкихъ полковъ и одного солдатскаго, Бутырскаго, требовала, чтобы девять полковниковъ были схвачены, чтобъ ихъ заставили выплатить деньги, забранныя у стрѣльцовъ и деньги за работы, къ которымъ они принуждали своихъ подчиненныхъ.

Толпа голосила и объявила, что въ случаѣ, если ея требованія не будутъ выполнены, то стрѣльцы сами о себѣ промыслятъ, перебьютъ полковниковъ и разграбятъ ихъ дома и животы.

— Достанется и другимъ измѣнникамъ! кричали стрѣльцы. Довольно намъ терпѣть мученій отъ полковниковъ и смотрѣть, какъ измѣнники обманываютъ царское величество.

Родимица передала царевнѣ, какъ всѣ перепугались во дворцѣ.

— Царица то Наталья, сказывали, плачетъ, ломаетъ себѣ руки, проситъ братьевъ своихъ выйдти къ стрѣльцамъ, уговорить, а тѣ трусятъ, прячутся... Чѣмъ то тамъ у нихъ кончится?

— Ступай, Ѳедорушка, ступай, разузнай обо всемъ подробно... сама бы я туда побѣжала!.. говорила царевна страстнымъ, взволнованнымъ голосомъ, торопя Родимицу,—сама бы побѣжала... да нѣтъ, нынче не годится... Все равно, если дѣло идетъ тамъ хорошо — и безъ меня обойдется, только все какъ есть доподлинно развѣдай и доложи мнѣ!

Родимица убѣжала.

Во дворцѣ дѣйствительно переполохъ былъ страшный. Стрѣльцы не унимались, продолжали кричать и буянить.

Наконецъ Наталья Кирилловна уговорила брата своего Ивана выйдти къ нимъ.

Онъ повиновался, робкимъ голосомъ объявилъ стрѣльцамъ, что ихъ челобитная будетъ разсмотрѣна, что полковниковъ, на которыхъ они жалуются, посадятъ подъ караулъ въ рейтерскомъ приказѣ и, если они точно виноваты, то имъ не спустятъ.

Стрѣльцы однако этимъ не удовольствовались и стали требовать, чтобъ полковники были выданы имъ головами.

Нарышкинъ поспѣшно скрылся во дворецъ и началъ упрашивать царицу и вельможъ, бывшихъ на лицо, поспѣшить исполненіемъ этого требованія.

— Богъ съ тобой, Иванъ Кирилловичъ, да какъ же это возможно? этакъ они скоро и наши головы потребуютъ, такъ чтожь—и намъ прикажешь отдаться имъ въ руки? Нѣтъ, нельзя имъ выдать полковниковъ!

— Да что-жь дѣлать? Что-жь дѣлать? настаивалъ Нарышкинъ. Теперь прежде всего нужно спокойствіе, теперь намъ невозможно раздражать стрѣльцовъ, нужно ублажать ихъ: вѣдь новое волненіе въ войскѣ на руку Милославскимъ. Поневолѣ нетолько девять полковниковъ, а и всѣхъ, сколько тамъ ни на есть ихъ, придется выдать...

Противъ такихъ непреложныхъ доказательствъ вельможи не нашли что и возразить, а царица Наталья опустила голову и горько зарыдала.

— Пошлите за патріархомъ,—проговорила она,—можетъ онъ какъ нибудь уладить дѣло.

Послали за патріархомъ. Тотъ явился немедленно и, узнавъ обо всемъ, сталъ говорить, что невозможно исполнить требованіе стрѣльцовъ.

— Хорошо понимаю,—говорилъ онъ,—всѣ бѣды, могущія возникнуть отъ безпорядковъ въ войскѣ. Конечно, тишина теперь и спокойствіе—первое дѣло; но уступивъ стрѣльцамъ и хуже еще во сто кратъ выйдетъ—тогда ихъ требованіямъ и конца не будетъ, они поймутъ какъ сильны они, какъ ихъ боятся. Именемъ Бога заклинаю не уступать! Пустите меня, я выйду поговорить съ ними.

Онъ вышелъ къ стрѣльцамъ и началъ усовѣщивать ихъ кроткимъ голосомъ.

Стрѣльцы слушали патріарха почтительно и наконецъ рѣшились разойдтись и успокоиться, удовольствоваться даннымъ имъ обѣщаніемъ, что дѣло ихъ будетъ разобрано по справедливости.

Но во дворцѣ хорошо понимали, что они успокоились не на долго, и что стоитъ не исполнить обѣщанія —и дѣло можетъ очень плохо разыграться. Поспѣшили тогда судомъ надъ полковниками: схватили ихъ и затсавили заплатить всѣ требуемыя стрѣльцами деньги. Съ нѣкоторыхъ пришлось взыскать до двухъ тысячъ рублей; тѣхъ же, которые не въ силахъ были заплатить, держали по нѣскольку часовъ на правежѣ. Особенно сильно обвиняемыхъ даже били батогами, а два полковника: Карандѣевъ и Грибоѣдовъ приговорены были къ кнуту и передъ казнью имъ всенародно читались сказки, т. е. объявленіе вины ихъ.

Въ этихъ сказкахъ были высчитаны всѣ взводимыя на нихъ обвиненія подробно. И народъ слушалъ, какія беззаконныя и лихія дѣла творитъ начальство стрѣлецкое, слушалъ, что Карандѣевъ и Грибоѣдовъ чинили стрѣльцамъ всякіе налоги, обиды и тѣсноты, да взятки отъ работъ, били ихъ жестокими боями, батогами, ругательствомъ, взявши въ руки батога по два, по три и по четыре. На стрѣлецкихъ земляхъ устраивали огороды и всякія овощныя сѣмена на эти огороды приказывали стрѣльцамъ покупать на собранныя деньги; посылали на огороды стрѣльцовъ и дѣтей ихъ; неволею заставляли себѣ шить цвѣтное платье, бархатныя шапки и желтые сапоги. Изъ государскаго жалованья вычитали у стрѣльцовъ деньги и хлѣбъ и многое другое, всего и невысчитать.

Стрѣльцы торжествовали и хотя полковники и не были имъ выданы головами, но они отлично поняли, что правительство ихъ боится, что они теперь вольны дѣлать, что вздумаютъ.

Собравшись густою толпой они съ наслажденіемъ распоряжались при казняхъ: крикнутъ „довольно“ и правежъ прекращается, закричатъ „еще! мало били!“ —и полковниковъ бьютъ сильнѣе.

Агенты царевны Софьи и Милославскихъ дѣйствовали энергично и еще больше подзадоривали стрѣльцовъ: однимъ обѣщали всевозможныя благополучія и награды въ случаѣ сверженія Нарышкиныхъ и провозглашенія царемъ Ивана Алексѣевича, другихъ и заранѣе задаривали, третьимъ насказывали всякіе ужасы о Нарышкиныхъ, дѣйствовали на воображеніе—иногда на доброе чувство—на преданность къ царскому дому. Краснорѣчиво увѣряли, что Нарышкины дѣйствительно отравили царя и теперь замышляютъ извести всѣхъ царевенъ и Ивана Алексѣевича. Каждый день Софья получала новыя извѣстія о томъ, что дѣло идетъ на ладъ, что скоро поднимется все войско и наступитъ желанная минута отмщенія.

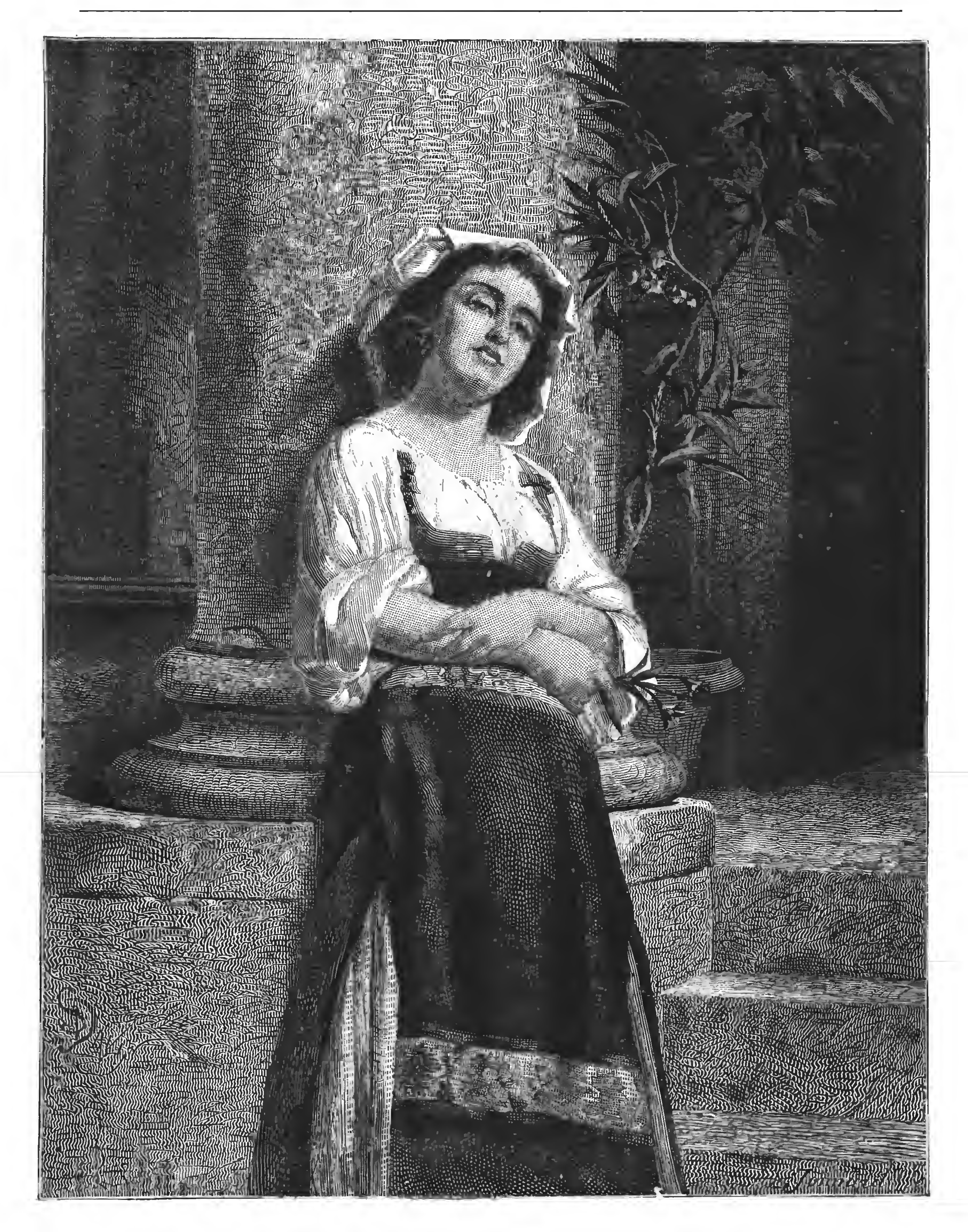
Вся Москва уже толковала о томъ, что въ слободахъ стрѣлецкихъ творится что-то непонятное; московскіе жители начинали сильно трусить.

Стрѣльцы собирались толпами у своихъ съѣзжихъ избъ, главныхъ своихъ начальниковъ князей Долгорукихъ бранили всякими позорными словами, издѣвались надъ ними, грозились... на прочихъ же начальниковъ не обращали ровно никакого вниманія, отгоняли ихъ отъ съѣзжихъ избъ, кидали въ нихъ камнями, палками.

Нѣкоторые полковники попробовали было строгостью возстановить спокойствіе, но поплатились за это жизнію. Стрѣльцы схватили ихъ, втащили на каланчи и сбросили оттуда при звѣрскихъ крикахъ: „Любо! любо!“

Прошло еще нѣсколько дней и стрѣльцы сдѣлались бичомъ всего города. Изъ своихъ слободъ они пробирались цѣлыми шайками въ ближнія улицы, вламывались въ дома обывателей, требовали себѣ угощенія, напивались пьяными, говорили студныя рѣчи и часто кончали жестокимъ избіеніемъ хозяевъ.

Искра, заброшенная въ стрѣлецкія слободы царевной Софьей и ея приверженцами, быстро разрослась въ страшный пожаръ: люди, предназначенные для обороны Московскаго государства, обратились въ дикихъ звѣрей, готовыхъ растерзать это государство. Многіе изъ нихъ совсѣмъ не понимали, чего имъ нужно, чего они хотятъ достигнуть. Многимъ не было никакого дѣла до того, кто царствуетъ: Петръ или Іоаннъ, не было дѣла ни до Милославскихъ, ни до Нарышкиныхъ.



**Пріятное бездѣлье.** Картина К. Ланделя. Рис. на деревѣ Девисъ, грав. Жонаръ.

Они просто почуяли себѣ волю, почуяли возможность безначалія, захлебнулись отъ перваго успѣха и дѣйствовали подъ наплывомъ дикой природы своей: жажды разгула и разрушенія. Имъ любо было ломаться надъ своимъ начальствомъ, любо было страхъ нагонять на мирныхъ жителей.

Но все же многіе изъ стрѣльцовъ, тѣ, которые были посмышленнѣе и не совсѣмъ еще захмѣлѣли на этомъ безумномъ пиршествѣ, начинали понимать, что торжество ихъ не можетъ же безъ конца продолжаться, что торжество это вызвано слабостью начальства, слабостью правительства. Но начальство перемѣнится, правительство окрѣпнетъ—и тогда имъ припомнятся всѣ ихъ вины, и дорого придется поплатиться за эти дни торжества и свободы. Поэтому можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ такіе стрѣльцы вслушивались въ рѣчи агентовъ царевны Софьи.

Изъ этихъ рѣчей явствовало, что теперешнее правительство незаконное, что ему нечего повиноваться, нечего уважать его, что возставать противъ него—вовсе не бунтъ, не вина, а даже заслуга передъ родиной.

Но все же, пока такія рѣчи слышались отъ людей малосильныхъ. отъ людей несановныхъ, отъ нѣкоторыхъ полковниковъ, да какой нибудь Родимицы—стрѣльцы еще смущались и сомнѣвались. Но вотъ въ стрѣлецкія слободы сталъ наѣзжать князь Хованскій.. Это ужь не кто нибудь, это извѣстный воевода царя Алексѣя, и хоть народъ и далъ ему не совсѣмъ таки лестное прозвище Таратуя, все же онъ человѣкъ знатный, большой человѣкъ.

А онъ говоритъ тоже самое, что и другіе, собираетъ вокругъ себя стрѣльцовъ и толкуетъ имъ. „Сами видите, говоритъ Таратуй, въ какомъ вы тяжкомъ ярмѣ у бояръ... Теперь вотъ выбрали Богъ знаетъ какого царя—пождите, увидите, что не токмо денегъ вамъ и корму не дадутъ, но и работы тяжкія будете работать, какъ прежде работали, и дѣти ваши вѣчными рабами у нихъ будутъ... И того еще хуже будетъ: поддадутъ и васъ и насъ въ неволю какому нибудь чужеземному государю; Москву разграбятъ и вѣру православную искоренятъ“...

Стрѣльцы жадно слушали Таратуя и каждый разъ послѣ словъ его принимались за новыя безчинства.

Въ стрѣлецкихъ слободахъ, по разсказамъ окрестныхъ жителей, былъ словно адъ кромѣшный.

Въ то же время Толстой, Циклеръ и Озеровъ вмѣстѣ со стрѣлецкими выборными: Одинцовымъ, Петровымъ и Чернымъ пробирались по ночамъ къ Ивану Михайловичу Милославскому, который не выходилъ изъ своего дома и сказывался все время больнымъ.

Наконецъ Софья получила радостную вѣсть: всѣ полки стрѣлецкіе, за исключеніемъ только одного—Сухарева полка, готовы къ бунту; стрѣльцы собираются въ круги, становятся подъ ружье безъ приказа, бьютъ въ набатъ; въ торговыхъ баняхъ бранятъ правительство и кричатъ: „Не хотимъ, чтобъ нами управляли Нарышкины, мы имъ всѣмъ шею свернемъ!“

Вѣсти о томъ, что происходитъ въ слободахъ и въ городѣ передавались однако не одной Софьѣ. Знали о нихъ подробно и Нарышкины съ царицей Натальей.

Въ теремѣ торжествовали; во дворцѣ, куда совсѣмъ перебралась теперь изъ своего Преображенскаго Наталья Кирилловна, были всѣ въ смятеніи и ужасѣ: не знали, что дѣлать, что начать. Одна была надежда, одно спасеніе—Матвѣевъ. Ему дано знать, чтобы онъ спѣшилъ въ Москву. Онъ уже выѣхалъ изъ Лукъ—мѣста своей ссылки, онъ уже близко отъ Москвы, пріѣдетъ... и тогда Богъ дастъ все поправится, все усмирится. Съ его появленіемъ у всѣхъ прибавится силы, онъ крѣпко возьметъ въ свои искустныя руки правленіе, уйметъ мятежныхъ стрѣльцовъ, уйметъ и козни терема.

И не одни Нарышкины, не одна Наталья Кирилловна ждали пріѣзда Матвѣева; съ большимъ нетерпѣніемъ ждала этого пріѣзда и царевна Софья. Она рѣшила, что пока нѣтъ страшнаго старика, нѣтъ и опасности, пріѣдетъ онъ—явится съ нимъ и опасность, и вотъ тогда-то нужно будетъ дать знакъ мятежнымъ стрѣльцамъ. Они начнутъ съ Матвѣева... его старая, многодумная голова ляжетъ первая на плаху.

(Продолженіе будетъ).

## Къ рисункамъ.

### Охота на дикихъ козъ.

(Рисунокъ А. Кившенко).

Съ перваго же появленія на землѣ человѣка возникла и охота на птицъ и звѣрей. Первое время она, разумѣется, вызывалась только необходимостью, доставляя собою одежду и пищу. Уже впослѣдствіи обставившись удобствами, надѣлавъ себѣ забавъ и развлеченій, человѣкъ началъ безпощадно губить несчастныхъ зайцевъ, сдѣлался неотразимою грозою утокъ, тетеревей, только изъ любви самой охоты, удовольствія ловко попасть въ живую, быстро ускользающую цѣль. Конечно, отрицать нельзя, охота дѣйствительно увлекательное занятіе, увлекательное тѣмъ болѣе, что, развивая въ тоже время ловкость, силу, она ставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ природой. Еще въ глубокой древности сознавали пользу охоты, и Сезострисъ постановилъ закономъ, чтобы охота входила въ программу каждаго благороднаго египтянина. Конфуцій предписалъ китайцамъ заниматься охотой, такъ какъ, говорилъ онъ, ею достигаются три великія цѣли: доставленіе пищи, истребленіе дикихъ звѣрей, укрѣпленіе здоровья.

По сказанію Геродота, Киръ не бралъ податей съ четырехъ городовъ своего государства за то, что они кормили его охотничьихъ собакъ. Позднѣе, французскій король Людовикъ XI наложилъ подати на одну изъ своихъ провинцій для поддержанія охоты. У грековъ охота даже получила свою богиню Діану, всегда окруженную псами и вооруженную лукомъ и стрѣлами; Персей охотился на Пегасѣ за оленями. Въ средніе вѣка рыцари, при звукѣ роговъ, носились по лѣсамъ, гоняясь за оленями и кабанами; въ чемъ имъ не уступали и дамы ихъ сердца, принимавшія горячее участіе особенно въ соколиной охотѣ. Генрихъ IV величайшею драгоцѣнностію считалъ своего ученаго сокола. Властители востока придали охотѣ колоссальные размѣры и выѣзжали на охоту убивать тигровъ и барсовъ, съ цѣлыми арміями людей, съ десятками слоновъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что при одной охотѣ Чингисхана было до 20 тыс. загонщиковъ.

Предки наши, какъ народъ дикій, конечно, должны были особенно заниматься охотой, и въ завѣщаніи Владиміра Мономаха разсказывается между прочимъ объ охотничьихъ подвигахъ его удалой юности. Любимой охотой царя Алексѣя Михайловича была соколиная; только Петръ Великій не любилъ охоты, считалъ ее пустымъ занятіемъ: дѣйствительно, укрѣплять здоровье онъ находилъ возможнымъ и при другихъ занятіяхъ, болѣе полезныхъ.

Рисунокъ, помѣщаемый въ этомъ номерѣ, представляетъ охоту на дикихъ козъ въ наше время съ ружьемъ и заслуживаетъ вниманія не столько по представленію самой охоты (весьма въ существѣ своемъ несложной), сколько по удачному изображенію фигуръ охотниковъ и деталей пейзажной части рисунка.

Т.

### Между войною и миромъ.

III.

Идиллія послѣ кровавой драмы.

Здоровый переходъ отломали!

Съ разсвѣта поднялся авангардъ, за полдень только на мѣсто прибылъ.

Отрядъ расположился бивуакомъ у околицы, на открытомъ мѣстѣ, а старому генералу въ самомъ селеніи отвели квартиру.

Да и хорошо же здѣсь, въ этихъ чистенькихъ домикахъ: тѣнь, прохлада, покой... Густой виноградъ по стѣнамъ вьется, навѣсы зелеными лозами опутываетъ, карнизы крышъ заплетаетъ... И хозяева—друзья, радушно желанныхъ гостей приняли... Словно къ себѣ домой пришелъ отрядъ, и людямъ радостно и кони усталые словно повеселѣли...

Хорошо отдохнуть съ походу, силъ бы на новый путь понабраться! Хорошо бы завалиться на боковую *старику*, да задать добрую выхрапку. Онъ и заснетъ,—это ужь его не ми-

пуетъ, а пока... пока тамъ деньщики походную постель ставятъ, да самоварчикъ по обычаю раздуваютъ, отчего и не позабавиться?!.

Вышла на порогъ на встрѣчу хозяйка, молодая красавица, румянецъ во всю щеку, брови черныя... Играетъ, искрится солнышко на бѣломъ полотнѣ ея рубахи; на хитромъ узорѣ цвѣтной вышивки, на золотыхъ монетахъ на шеѣ, на бусахъ ожерелья.,. Вышла красавица и сына своего мальчугана грудного на рукахъ вынесла.

Вотъ и разыгрался боевой генералъ, совсѣмъ не такъ какъ передъ аттакою, какъ передъ врагомъ.—совсѣмъ иначе забилось его солдатское сердце.

— А поди сюда, поди, карапузъ... Ну, поди ко мнѣ въ лапы.

— Ваше превосходительство, какъ бы... предупреждаетъ заботливый адъютантъ.

— Не бѣда,—что за важность! деньщикамъ долго-ли, въ случаѣ чего, китель вымыть.—Подико-ко сюда, бутузъ—въ мои лапы...

Куксится ребенокъ, боится усатаго воина и къ матери жмется.

— Иди, иди, глупый! чего боишься—дѣдушка добрый—внушаетъ ему красавица-мать!

— Ну, вотъ уже и дѣдушка, ворчитъ генералъ.—Оно положимъ, что у меня оба сына уже въ офицерскихъ чинахъ,—а все же и они когда то такіе же вотъ были,—какъ этотъ пузырь. Ну поди ко мнѣ въ лапы!

Страшны сѣдые, щетинистые усы генеральскіе, страшны его бакенбарды косматые, брови нависшіе, да глаза подъ этими грозными бровями ласково смотрятъ, въ этихъ глазахъ ничего то нѣтъ для ребенка страшнаго, а главное, что занятно очень, такъ это перевязи золотыя, свѣтленькія такія,—погоны галунныя, цацки разныя. Тянется къ этимъ цацкамъ ребенокъ и попалъ-таки въ лапы къ кому слѣдуетъ...

— Гопъ, гопъ, бутузъ! потѣшается старый генералъ.—гопъ, гопъ!.. Привыкай — подлецъ, — кавалеристомъ будешь!.. Гопъ, гопъ, гопъ!..

Звенитъ генеральская шпора о мощеный камнемъ приступокъ, скрипитъ домашній стулъ топорной работы, крѣпко уцѣпился мальчуганъ ноженками, обвивъ ими генеральское колѣно.

— Гопъ, гопъ, гопъ!..

— А смотри-ка, Семенъ Иванычъ, какъ эта шельма ногами уцѣпился, а—каковъ молодецъ! Здоровые шенкеля будутъ... Смотри-ка, Семенъ Иванычъ...

А Семену Ивановичу, адъютанту, не до того, ни до будущаго кавалериста—не обзавелся еще онъ самъ никакими бутузами, ни карапузами, не возбуждаютъ въ немъ они никакихъ воспоминаній,—занимаетъ его больше сама красавица-маменька.

И папироска то у него потухла, забытая въ эти пріятныя созерцательныя минуты, и поза сама собою—эдакая—небрежно поэтическая получилась и глаза глядятъ масляно, словно у кота передъ сливками.

— Гопъ, гопъ, гопъ!..

— Хоть бы денька на два, на три здѣсь остаться,—думаетъ Семенъ Иванычъ и вздыхаетъ...

Знаетъ онъ очень хорошо, что всѣ надежды на болѣе долговременную остановку тщетны, знаетъ онъ хорошо, что пожалуй еще до ночи подниметъ всѣхъ на ноги старый генералъ и поведетъ дальше, нисколько не принимая во вниманіе донъ-жуанскихъ разсчетовъ своего адъютанта...

— Гопъ—гопъ—гопъ!

**Н. К.**

## Пріятное бездѣлье.

(Картина Ланделя).

Задумчиво устремивъ въ даль свой ясный взоръ и прислонясь къ колоннѣ, стоитъ красивая итальянка—изящное и граціозное дитя своей страны. Страна эта—страна горячаго солнца и синяго неба. Тамъ, такъ сказать, родина прекраснаго, и типъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, подтверждаетъ это. Прибавимъ къ этому, что въ Италіи, не только женщины, но даже нищій съумѣетъ задрапироваться со вкусомъ въ свои лохмотья, и нигдѣ такъ прелестно и съ такой простотой не умѣютъ женщины убрать свои волосы и придать живописность своему костюму, какъ именно въ этой поэтической странѣ.

Правда, что въ Италіи, гдѣ неба своды сіяютъ въ блескѣ голубомъ, гдѣ подъ скалами дремлютъ воды, гдѣ миртъ и лавръ переплелись вѣтвями—тамъ все красота, во всемъ величіе и на каждомъ шагу встрѣчаются прекрасныя героическія формы, картины изъ древняго міра и его искусства. У насъ, напримѣръ, другая природа и нравы другіе, и понятія о красотѣ другое, обусловливаемое нашимъ климатомъ. Даже самое названіе того состоянія, которое избралъ художникъ для своей итальянки, а именно *„пріятное бездѣлье“* всего болѣе идетъ къ жителямъ Италіи, для которыхъ оно подъ лучами горячаго солнца и синяго неба составляетъ насущную потребность.

**Z.**

## Г. Старочеркасскъ и Калмыцкій хурулъ (монастырь) на Дону.

Резиденціей управленія Войска Донскаго до 1805 г. былъ Старочеркасскъ. Въ давнія времена на мѣстѣ Старочеркасска было татарское поселеніе, но въ началѣ XVI в. пришли сюда выходцы казаки изъ за Днѣпра, изъ Украинскихъ Черкасъ. Пришли они съ цѣлію преслѣдованія Татаръ, искать вольной жизни, вольнаго промысла. Вольныя дружины казаковъ объявили непримиримую войну и единовѣрцамъ Татаръ—Туркамъ; а такъ какъ ихъ самихъ было недостаточно для отраженія сильнаго непріятеля, то стали казаки принимать къ себѣ всякихъ пришельцевъ, чтобы усилить свое общество. Въ тѣ времена Азовъ былъ значительная турецкая крѣпость, и онъ то сдѣлался главнымъ пунктомъ, около котораго сосредоточились главныя силы донскихъ дружинъ. Стали у нихъ тутъ собираться казацкіе круги и майданы, поселились атаманы казацкіе и отсюда казацкія дружины, дышущія отвагой и храбростію, съ винтовками и дротиками, летали громить татарскія полчища. Можно сказать, что здѣсь то и загорѣлась та полутора вѣковая вражда, которая безпрерывно пламенѣла въ этихъ степяхъ. Храбрые Донцы нерѣдко переплывали на своихъ челнахъ Черное море, распространяя ужасъ по берегамъ Анатоліи и даже у стѣнъ Константинополя. Первое время поселенія казаки вели здѣсь жизнь холостую, и никому собственно не были подвластны.

Но холостая жизнь скоро надоѣла, и казаки начали увозить



**Калмыцкій хурулъ (Ламайскій монастырь) на Дону.** Рис. съ натуры Фердинандтъ, грав. Гильдебрандтъ.

женщинъ у татаръ и русскихъ. Затѣмъ новые пришельцы на Донъ стали приводить съ собой уже и женъ своихъ. Впрочемъ, браки ихъ были свободные и могли также легко расторгаться, какъ легко и удобно заключались. Тѣмъ не менѣе семейная жизнь внесла съ собой разграниченіе общихъ владѣній, а затѣмъ необходимость въ большей выработкѣ казачьяго управленія. Но вольный духъ казаковъ, ихъ склонность къ вольному промыслу все таки оставались главною характерною чертою ихъ быта, и казаки даже дрались съ русскими: въ смутное время 1612 г. приходили къ Москвѣ совсѣмъ не для защиты ея, а прямо для грабежа и добычи. Уже со временъ Петра Донскіе казаки являются примѣромъ вѣрности и любви къ Россіи, сдѣлались истинными ея сынами. Особенно въ незабвенные 1812—13 и 14 годы, подъ начальствомъ своего атамана Платова, они оказали необычайную услугу своему государству.



**Городъ Старочеркасскъ на Дону.** Рис. съ натуры Веберъ, грав. Барнанъ.

**Китайскій мостъ въ Царскосельскомъ саду.** Съ фотогр. грав. Б. Пуцъ.

Старочеркасскъ, по своемъ основаніи, дѣлился на 12 станицъ, которыя образовывались изъ переселенцевъ по мѣрѣ ихъ прихода. Первое поселеніе, какъ мы сказали, составили заднѣпровскіе Черкасы, отчего и самая станица получила названіе Черкасской; затѣмъ выходцы изъ запорожья основали Прибы-




**Кавказскій типъ. Мулла.** Рис. Павелъ Каменскій, грав. М. Рашевскій.

лепскую станицу. Среднечеркасская станица населена пришельцами изъ разныхъ мѣстъ. Верхне-Рыковская—рабаками и т. д. Въ числѣ станицъ была Татарская, населеная первоначальными жителями этой мѣстности. Послѣднее время татары, съ переводомъ войскового управленія на новое мѣсто, также переведены въ Новочеркасскъ. (О Новочеркасскѣ см. Ниву № 35 стр. 640 ). Впрочемъ названіе Татарской станицы, вмѣстѣ съ названіями и урочищами другихъ станицъ до нынѣ сохраняются въ Старочеркасскѣ. Въ настоящее время Старочеркасскъ не имѣетъ уже болѣе значенія, такъ какъ главный городъ Войска Донскаго теперь Новочеркасскъ; но онъ дорогъ казакамъ, какъ памятникъ старины. Со многими зданіями въ старомъ городѣ, съ мѣстами связаны историческія воспоминанія. Къ таковымъ напр. относятся девятиглавый Воскресенскій соборъ, церковь Преображенія, Монастырское урочище. Начало построенія собора связано съ исторіей Азовскаго похода. Въ то время какъ казакамъ не стало терпѣнья отъ нападеній Азовскихъ Татаръ, на войсковомъ кругу 1637 г. рѣшено было взять Азовъ. А на походѣ возлѣ удалаго атамана Татаринова, еще собрался кругъ, гдѣ съ молитвою, казаки дали обѣтъ Богу, въ случаѣ удачнаго похода, возстановить въ Азовѣ древнюю Греческую Церковь, а въ Черкасскѣ построить соборъ. Много стоило казакамъ крови добраться до Азова и засѣсть въ немъ, отбиваясь отъ 300 т. турецкаго войска, пока на Московскомъ Земскомъ Соборѣ, по указу Царскому (1643 г.) не повелѣно было имъ оставить Азовъ. Горько было казакамъ, да надо повиноваться. А обѣтъ свой они тоже исполнили и начали въ 1650 г. постройку храма, великолѣпнаго по архитектурѣ того времени построекъ въ Россіи. По богатству же украшеній, соборъ до сихъ поръ одинъ изъ немногихъ. Высокій пятиярусный иконостасъ съ верху до низу покрытъ серебряными вызолоченными окладами: царскія врата въ трехъ предѣлахъ также сдѣланы изъ чистаго серебра съ позолотой. По срединѣ храма спускается пятиярусное мѣдное паникадило, привезенное казаками изъ Азовской Греческой церкви. Внизу, у соборной стѣны, помѣщаются трофеи Азовскаго похода—огромныя желѣзныя ворота съ петлями, стрѣлой и городскими вѣсами, взятыя казаками при оставленіи Азова въ 1643 г. На паперти, по сторонамъ дверей церковныхъ, висятъ желѣзныя наручники и 2 пудов. цѣпь, которой прикованъ былъ Стенька Разинъ послѣ его поимки. Церковь Преображенія построена въ 1731 г. въ Ратной станицѣ, гдѣ собирались войсковые круги. Въ церковь эту собирались казаки на молитву предъ отправленіемъ въ походъ. При церкви было городское кладбище и до сихъ поръ въ оградѣ церковной стоятъ обветшалые памятники надъ могилами старыхъ предводителей казаковъ, донскихъ Атамановъ — Ефремова, Орлова, Лопатина, Тараканова.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Старочеркасска, внизъ по рѣкѣ, хранятся кой какіе слѣды стараго Монастырскаго урочища. Урочище это основано въ концѣ XVI вѣка въ видѣ укрѣпленнаго городка съ богатой часовней. Это урочище считалось ихъ домашней святыней; чрезъ него они ходили на ратное дѣло, въ него свозили тѣла убитыхъ товарищей и хоронили ихъ въ общей могилѣ; сюда удалялись на монастырскій покой, по старому обычаю на Дону, дряхлые и увѣчные казаки; въ немъ хранили казаки, во время опасностей войны, свою казну и свои сокровища. Въ отмщеніе за Азовъ, зимой 1644 г. турки напали ночью на это урочище и перебили всѣхъ его обитателей, а постройки сожгли. По распоряженію Петра I урочище было возобновлено и укрѣплено для наблюденія за Азовомъ, а въ 1729 г. оно совсѣмъ уничтожено. Въ память погребенныхъ здѣсь тѣлъ своихъ товарищей, донскіе казаки и до нынѣ ежегодно на этомъ мѣстѣ совершаютъ панихиды.

Переводъ Войсковаго управленія изъ Старочеркасска на новое мѣсто совершился вслѣдствіе ежегодныхъ разливовъ Дона, при которомъ построенъ Черкасскъ, и частыхъ наводненій, заставлявшихъ даже до спада воды переводить изъ города войсковое управленіе въ Аксай. Хотя въ Черкасскѣ и сложилась поговорка, что „вода раззоряетъ, но вода и поправляетъ"—наводненія утучняютъ почву, а Черкасскіе жители всѣ занимаются садоводствомъ и огородничествомъ,—однакожь, казаки всетаки стали подумывать о переселеніи на другое мѣсто. Они рѣшились избрать для этого Аксай или Гниловскую станицу. Одни стояли за первую, другіе предпочитали вторую; ихъ затрудненіе въ выборѣ рѣшилъ графъ Платовъ, и вмѣсто той или другой станицы, выбралъ для переселенія мѣсто на горѣ, надъ рѣчкой Аксаемъ, рукавомъ Дона, въ жаркое время пересыхающимъ на половину и возлѣ рѣчки Тузловъ, которую вѣрнѣе можно назвать ручьемъ,—словомъ, то мѣсто, на которомъ стоитъ Новочеркасскъ.

Къ этой статьѣ, кромѣ рисунка, изображающаго Старочеркасскъ, мы помѣщаемъ еще рисунокъ, представляющій видъ калмыцкаго Хурула (Ламайскаго монастыря), находящагося въ землѣ войска Донскаго въ незначительномъ разстояніи отъ Старочеркасска. По поводу этого рисунка считаемъ небезъинтереснымъ разсказать здѣсь о калмыцкомъ Хурулѣ и его внутреннемъ устройствѣ.

Каждый Хурулъ имѣетъ видъ монастыря и заключаетъ въ своихъ стѣнахъ нѣсколько строеній: главный храмъ, часовни, службы. Въ одной изъ часовенъ напр. помѣщается Курду, шестисторонній цилиндръ, испещренный шестью цвѣтами и исписанный молитвами. Цилиндръ этотъ вращается на вертикальной оси и служитъ молящимся для облегченія ихъ подвиговъ. Буддисты или ламайцы вѣрятъ, что тотъ, кто обернетъ курду вокругъ оси, какъ бы прочтетъ всѣ написанныя на немъ молитвы. Затѣмъ, тутъ же въ стѣнахъ большихъ Хуруловъ, отводится мѣсто для сжиганія труповъ знатныхъ покойниковъ. Для совершенія этого процесса сдѣлано желѣзное кресло съ обручемъ; тѣло сажаютъ съ подогнутыми ногами, обливаютъ его масломъ, а кресло ставятъ на костеръ, и костеръ поджигаютъ. Пепелъ сгорѣвшаго обыкновенно собираютъ и раздѣляютъ между родственниками и друзьями умершаго. Наружный видъ строеній Хурула, какъ видно изъ помѣщеннаго въ этомъ померѣ рисунка, напоминаетъ китайскій стиль: тѣже остроконечныя башни, тѣже кровли съ выгнутыми вверхъ краями. Главный храмъ Хурула отличается бо́льшей величиной и богатствомъ передъ другими зданіями. Стѣны его увѣшаны шелковыми матеріями, цѣнными мѣхами; полы устланы коврами; кумиры вылиты изъ серебра и позолочены; чашки съ приношеніями также серебряныя.

Вообще нужно замѣтить, что окна во всѣхъ ламайскихъ храмахъ дѣлаются съ восточной и западной стороны; жертвенникъ же устраивается на сѣверной. Отъ дверей входа, во всю длину зданія до самаго жертвенника, идутъ въ два ряда колонны, между которыми во время священнодѣйствія размѣщаются, сидя на полу, различные чины ламайскаго богослуженія. Главный лама садится на низенькой скамеечкѣ у самаго жертвенника, а по бокамъ жертвенника становятся два прислужника. Только эти прислужники и остаются съ непокрытыми головами во время службы; остальные священно-служители всѣ въ самыхъ разнообразныхъ головныхъ уборахъ. У нѣкоторыхъ шапки въ родѣ круглой пирамиды, у другихъ шестисторонніе вѣнцами, то въ видѣ касокъ, то грибовъ. Одежда также отличается разнообразіемъ и составляется изъ нѣсколькихъ частей; въ полномъ облаченіи, ламы пестрѣютъ съ головы до ногъ накинутыми и навязанными тканями. Преобладающіе цвѣта составляютъ красный и желтый: желтый относится къ первому разряду и посвященъ Шигимуни, богу милосердія и любви. Идолы ламайскіе ставятся на жертвенникѣ, предъ ними, по ступенькамъ жертвенника, разставлены чашечки съ дарами, которыя приносятся міряпами для умилостивленія божествъ и состоятъ изъ зеренъ,—жертвъ земли, изъ мучныхъ лепешечекъ—жертвъ человѣка, и изъ воды—жертвы морей. Около жертвенника, на стѣнѣ висятъ раскрашенныя изображенія буддійской священной исторіи и хоругви, обвѣшанныя длинными полосами шелковыхъ матерій съ вытканными изображеніями и узорами. Все время службы на жертвенникѣ курятся цвѣтныя пахучія свѣчи, запахъ которыхъ, нужно замѣтить, для человѣка, непривыкшаго къ нему, кажется весьма непріятнымъ. Затѣмъ непремѣнную принадлежность жертвенника составляютъ колокольчики и тазы. Колокольчикъ имѣетъ важное значеніе въ ламайскомъ богослуженіи и безъ него служба не можетъ быть совершена. На немъ изображены различные символическіе знаки и самая первая молитва буддистовъ—*мани.* (Что, приблизительно означаетъ „Господи помилуй"). Прибавимъ къ этому, что буддійское богослуженіе въ храмахъ (исключая богослуженій въ частныхъ домахъ) сопровождается музыкой; но музыка эта ужасна и имѣетъ въ себѣ что то дикое и въ высшей степени непріятное: громадныя трубы (иногда имѣющія длины до четырехъ аршинъ) отчаянно ревутъ, тазы звенятъ, рожки пронзительно свистятъ, барабаны трещатъ ужасно—все это оглушаетъ молящихся, и ужь только самъ Богъ знаетъ, какъ могутъ выносить ихъ нервы такіе потрясающіе и дикіе звуки. Кончится музыка, начинается чтеніе одновременно всѣми ламами (духовными лицами) или пѣніе речитативомъ молитвъ. При каждомъ знаменательномъ мѣстѣ молитвы производится особый звукъ колокольчика, находящагося въ рукахъ главнаго ламы. Порою лама складываетъ особымъ маперомъ пальцы, приближая одну ладонь къ другой, и съ благоговѣйнымъ выраженіемъ склоняетъ голову къ рукамъ. За чтеніемъ молитвы опять слѣдуетъ общій хоръ всѣхъ инструментовъ, а затѣмъ опять чтеніе. Благословеніе подходящимъ вѣрующимъ лама даетъ, простирая руку надъ склоненной головой или прикасаясь къ головѣ священной книгой.

Въ ламайской духовной іерархіи множество чиновъ, духовенство имѣетъ большое вліяніе на народъ и постоянно пополняется вербовкою себѣ членовъ изъ калмыцкихъ семействъ, облекая въ священное званіе малолѣтнихъ дѣтей, еще съ колыбели. Прежде большіе, главные ламы получали посвященіе отъ тибетскаго Далай-ламы, стоящаго во главѣ буддійскаго священства, но послѣднее время выборъ главнаго ламы, представляется на Высочайшее утвержденіе.

Нужно прибавить, что еще не въ давнемъ времени у набожныхъ калмыцкихъ владѣльцевъ было въ обычаѣ отдавать цѣлые роды подвластныхъ имъ калмыковъ во владѣніе Хуруламъ. Благодаря именно этому, образовалось значительное число хурульныхъ монастырскихъ людей (нѣчто въ родѣ нашихъ прежнихъ крѣпостныхъ). Въ послѣднее время этого уже не водится именно потому, что для калмыцкаго духовенства установлены нормальные штаты.

Назначеніе чиновъ на низшія степени зависитъ уже отъ ламы. Духовенству же ламайскому предоставляется и исключительное право на знаніе, а обыкновенные смертные довольствуются только обрядовыми правилами, и съ вѣрою читая молитвы, не понимаютъ ихъ таинственнаго смысла. Впрочемъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы сами ламы постигали тайны своего ученія: только немногіе изъ нихъ отличаются дѣйствительной ученостью. Ни въ одной религіи нѣтъ такой массы книгъ, какъ у буддистовъ и пріобрѣтеніе ихъ стоитъ большихъ денегъ. Правилъ и обрядностей также множество и, представители религіи больше знаютъ только внѣшнюю ея сторону.

Колыбель Буддизма въ Индіи, отсюда перешелъ онъ въ Японію, Китай и Среднюю Азію. По смерти своего основателя (около 500 года до Рож. Христ.), ученіе Будды вступило въ борьбу съ старой браминской вѣрой и одолѣло ее. Оригинальный языкъ Буддійскихъ священныхъ книгъ санскритскій. На тибетскій языкъ онѣ переведены не ранѣе восьмаго вѣка по Рожд. Христ. Буддистовъ считается по настоящее время еще болѣе 400 милліоновъ. Народы Средней Азіи обязаны единственно буддизму тою степенью образованности, на какой они находятся: онъ далъ имъ письмена и литературу и чрезвычайно много содѣйствовалъ къ обузданію нравовъ. Изъ обитающихъ у насъ въ Россіи азіятскихъ племенъ эту вѣру исповѣдуютъ калмыки и Байкальскіе буряты. Главный центръ буддійской іерархіи—Тибетъ. Тамъ живетъ Далай-лама, соединяющій въ въ лицѣ своемъ духовную власть со свѣтскою. Съ прекращеніемъ сношеній калмыцкихъ буддистовъ съ Тибетомъ, утратилось ими понятіе о таинствахъ ихъ религіи, погрузившейся съ этого времени исключительно въ одну обрядность. Новѣйшими изслѣдованіями доказано, что первоначальное ученіе буддизма вовсе не допускало понятія о личномъ Божествѣ; понятіе это появилось уже въ позднѣйшую эпоху. По понятіямъ буддизма нѣтъ ничего дѣйствительнаго въ мірѣ, все мечтательно и ничтожно и ничто не имѣетъ конечной своей причины и творца. Но въ связи съ такимъ отрицаніемъ, буддизмъ проповѣдуетъ такія удивительныя нравственныя правила жизни, которыя по чистотѣ и возвышенности могутъ равнятся съ правилами христіанскаго вѣроученія. Интересующихся буддизмомъ отсылаемъ къ трудамъ покойнаго архіепископа ярославскаго, Нила много трудившагося по изученію этой вѣры. **Ор.**

## Достопримѣчательности Царскосельскаго парка.

Царскосельскій паркъ одинъ изъ красивѣйшихъ парковъ въ окрестностяхъ Петербурга. Вѣковыя деревья украшаютъ собою аллеи и прячутъ въ своей богатой листвѣ прекрасные кіоски, памятники, статуи. Громадный прудъ чистой, прозрачной воды лежитъ въ зеленыхъ берегахъ и носитъ на себѣ множество разнообразныхъ лодочекъ; тутъ и пирога индійская, и гондола венеціанская и джонка китайская, каикъ турецкій. Аллеи переплетаются въ паркѣ и представляютъ гуляющему безпрестанные сюрпризы. Вотъ вся зеленая бесѣдка, манящая на отдыхъ въ своей тѣни, вотъ вьется дорожка по берегу пруда, останавливается на возвышенномъ мыскѣ, проходитъ мимо пристани съ бронзовыми статуями гладіаторовъ и приводитъ въ поэтическій уголокъ, гдѣ статуя Соколова „Дѣвушка" такъ грустно поникла головкой надъ разбитымъ своимъ кувшиномъ, изъ котораго льется тонкой струею холодная и чистая вода. Говорятъ, что вода эта очень здорова и многіе привозятъ ее въ Петербургъ. Къ этой именно статуѣ и написалъ Пушкинъ свое четырехстишіе:

„Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила,
Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ,
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ".

Пройдя нѣкоторое пространство отъ этой вѣчно плачущей дѣвы, сидящей надъ источникомъ въ тѣни кустовъ, открывается снова видъ на прудъ, на которомъ вблизи къ противоположному его берегу красуется турецкая мечеть съ ступенями, купающимися въ водѣ пруда. Золотой вычурный куполъ сверкаетъ на солнцѣ, а бѣлая башенка—минаретъ, рядомъ съ этимъ широкимъ куполомъ стройно взбѣгаетъ кверху. Удалившись снова отъ пруда въ глубь парка и идя по его тѣнистымъ аллеямъ, гуляющій подходитъ къ развалинамъ Шведской церкви, среди которыхъ сохраняется извѣстная статуя Христа, работы Данеккера. Въ этой статуѣ много красоты и художественныхъ достоинствъ; кромѣ того и самыя развалины, легкая витая лѣстница, ведущая на верхъ къ помѣщенію, гдѣ находится статуя; все вмѣстѣ взятое производитъ чудесное впечатлѣніе. За симъ, еще удаляясь въ глубь парка, гуляющій встрѣтитъ опять поэтичный уголокъ—домикъ, прудъ, часовню—все это въ память Великой Княгини Александры Николаевны. Здѣсь вѣетъ какой-то тихой грустью... Можетъ быть такому настроенію содѣйствуетъ прямо невеселое представленіе участи прекрасной княгини, ея смерть въ цвѣтѣ силъ и только что распустившейся красоты. Приблизившись снова къ пруду, съ противуположной стороны отъ турецкой мечети, снова рядъ достопримѣчательностей: обелискъ графу Румянцеву, поставленный въ 1771 году, Китайская бесѣдка, сдѣланная въ 1788 г., далѣе китайскій мостикъ, рисунокъ котораго мы прилагаемъ къ настоящему номеру; Гатчинскія ворота, по чертежу Ринальди, въ честь графа Г. Г. Орлова и т. д. Кромѣ того въ Царскосельскомъ паркѣ, въ значительномъ отъ пруда разстояніи, арсеналъ, заключающій въ себѣ много сокровищъ, великолѣпнѣйшіе брильянты бѣлой и розовой воды, подарки турецкихъ султановъ, персидскихъ шаховъ и т. п. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе стоящій посреди пруда памятникъ гр. Орлову Чесменскому.

Окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія и стрѣлы громовыя
„Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились"...

Зимой Царскосельскій паркъ также расчищается и въ ясные дни также представляетъ прекраснѣйшее мѣсто для прогулокъ, чаруя иной красотой—все покрывается бѣлою тканью снѣга, большія деревья принимаютъ видъ оригинальныхъ люстръ, небо чистое, какъ стекло, съ блѣдно-голубымъ оттѣнкомъ. Въ чистомъ, холодномъ воздухѣ дышется легко.

Самый городъ Царское Село—красивый городъ. Улицы шоссированныя, дома чистенькіе, не видно ни грязи, ни развалинъ. Вообще, городъ Царское Село можно уподобить человѣку, держащемуся чрезвычайно прилично; нѣтъ никакого безпорядка въ одеждѣ, а, напротивъ, замѣчается даже во всемъ щеголеватость. Одно непріятно, лѣтомъ на улицахъ—поднимается пыль отъ каждаго проѣзжающаго экипажа. При шоссе это неизбѣжно. Можетъ быть помочь этому могли бы легкой поливкою улицъ, но, замѣтимъ кстати, ужь только не такой, какъ дѣлается въ Петербургѣ. Тутъ усердіе идетъ не въ мѣру и вмѣсто пыли—на улицахъ грязь. Разумѣется начальство ѣздитъ въ экипажѣ и неудобствъ отъ густой поливки не испытываетъ...

Городъ Царское Село лежитъ въ 24 верстахъ къ югу отъ Петербурга. Прежде мѣсто это носило названіе Саара (возвышенность). Находившаяся тутъ мыза того же имени была подарена въ 1708 году Петромъ I Екатеринѣ I. Первыя зданія были построены въ 1710 г. Затѣмъ въ 1724 г. здѣсь построенъ былъ небольшой каменный дворецъ и съ 1725 года мѣстечко стало называться Царскимъ Селомъ. При Елизаветѣ по плану Растрелли были произведены постройки, разведенъ садъ, устроенъ арсеналъ, павильонъ, эрмитажъ и, самое важное, проведена вода отъ Виттелавскихъ ключей и начато устройство другого водопровода изъ Танцъ, имѣнія Демидовыхъ. Съ этого времени собственно и начинается существованіе Царскаго Села, потому что до того въ немъ были только придворныя строенія. При Екатеринѣ II дворецъ увеличенъ новыми постройками, сооружена по плану Камерона іоническая коллонада, заложенъ Александровскій дворецъ, разведены англійскіе сады, оконченъ Бауерскій (Танцкій) водопроводъ и для оживленія окрестности основанъ, рядомъ съ Царскимъ Селомъ, городъ Софія. При Александрѣ I Софія соединена съ Царскимъ и городъ сосредоточенъ уже въ послѣднемъ. При Николаѣ I Царское Село еще украшено новыми зданіями, изъ числа которыхъ замѣчательна церковь Св. Екатерины. Соединеніе Царскаго Села съ Петербургомъ желѣзною дорогою доставило ему много выгодъ удобствомъ и скоростью сообщеній, хотя въ то же время городъ потерялъ отъ перемѣщенія изъ него въ Петербургъ Лицея, привлекавшаго на лѣто множество пріѣзжихъ родственниковъ лицъ, воспитывающихся въ Лицеѣ. **Л.**

## Кавказскій типъ. Мулла.

Сходить въ Мекку, поклониться гробу пророка, для каждаго правовѣрнаго составляло и составляетъ любимую мечту. Лица, которымъ довелось побывать у этой мусульманской святыни, возвратясь на родину, пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ, въ особенности въ средѣ фанатизированной толпы. Бѣлая повязка на папахѣ и четки въ рукахъ—вотъ отличительные признаки возвратившагося на родину паломника. Кавказскіе горцы, какъ во время войны, такъ и теперь еще, очень мало знакомы съ своимъ кораномъ, и хотя многіе изъ нихъ умѣютъ читать по арабски, но читаютъ, не понимая. Такое состояніе народа было очень выгодно для руководителей массы, которые постоянно возбуждали своихъ слушателей, толкуя коранъ такъ, какъ имъ было выгодно и искажая сущность ученія Магомета. Намъ приходилось обращаться съ вопросомъ, почему коранъ не переведенъ на мѣстный языкъ. Отвѣтъ былъ крайне оригинальный: если бы, глубокомысленно замѣчалъ горецъ, перевести только первую букву корана, то изъ этого составилось бы такое количество книгъ, что ихъ не увезти бы и на 70-ти верблюдахъ. Такого рода убѣжденіе, конечно, получено было отъ хитраго муллы, которому очень выгодно слыть среди толпы какимъ-то ученымъ, руководителемъ—пророкомъ. Наружный видъ муллы,—его осанка, манеры—все разсчитано: онъ серіозенъ, глубокомысленъ, никогда не засмѣется; говоритъ мало, какими-то загадками, давая слушателямъ понять свое превосходство. **Евг. В.**

## Рисунки для выпильныхъ работъ изъ дерева.

Въ новѣйшее время выпиливаніе разныхъ и подъ часъ весьма изящныхъ вещицъ изъ дерева сдѣлалось любимымъ домашнимъ занятіемъ многихъ. Но нельзя не замѣтить, что только хорошіе изящные образцы могутъ поддержать охоту къ выпиливанію изъ дерева. Подобные образцы, помѣщаемые въ этомъ № „Нивѣ", способствуютъ къ тому, чтобы это пріятное занятіе находило все болѣе и болѣе любителей. И въ самомъ дѣлѣ, простыми пріемами можно производить великолѣпныя вещи!.. Выпиленныя вещи этого рода, на первый взглядъ, представляются весьма сложными и трудными для производства, но это только такъ кажется. Составляются же эти вещички посредствомъ приклеиванія одной выпиленной частички къ другой. Разные цвѣта дерева увеличиваютъ красоту вещицы, иногда представляя нѣчто въ родѣ изящнаго горельефа (какъ это видно на двухъ прилагаемыхъ рисункахъ).



Новые образцы для вырѣзыванія на деревѣ, I. Бокалъ.



Новые образцы для вырѣзыванія на деревѣ. I'. Постаментъ для часовъ.

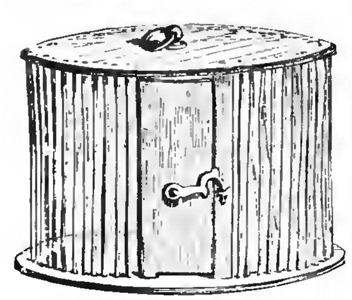
## Камера-обскура, употребляемая при публичныхъ чтеніяхъ лекцій.

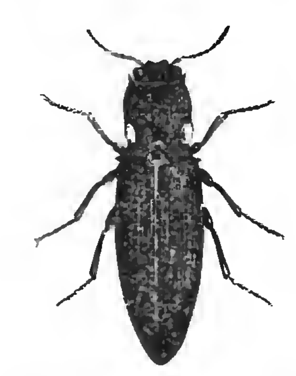
Въ новѣйшее время многократно было указываемо на то, что свѣтовые образы или рисунки, воспроизведенные камера-обскурою или же волшебнымъ фонаремъ, весьма часто припаровляютъ къ объясненію и иллюстрированію публичныхъ лекцій. Въ особенности же такое наглядное объясненіе получило свое развитіе въ Англіи, и уже довольно давно. У насъ, въ Россіи иллюстрированіе публичныхъ лекцій совершается по этому образу. Напримѣръ, въ Петербургѣ, въ зданіи Соляного Городка. Но до сихъ поръ камера-обскура для публичныхъ лекцій въ самой Англіи представляли значительные недостатки и не удовлетворяли многимъ требованіямъ. Въ недавнее время, одинъ ученый англичанинъ, К. И. Вудвартъ, придумалъ весьма удовлетворительный въ этомъ отношеніи аппаратъ, детали котораго читатель видитъ на 1-й и 2-й фигурахъ. Прослѣдимъ устройство аппарата на рисункѣ. (Фиг. 2). Ящикъ волшебнаго фонаря подвѣшенъ такъ, что онъ можетъ вращаться между двумя стойками *H*, утвержденными на подставкѣ *B*. Благодаря тому, что ящикъ способенъ вращаться, ему можно дать произвольное положеніе, и въ этомъ положеніи онъ можетъ быть утвержденъ посредствомъ особаго аппарата. Но, кромѣ того, такъ какъ пластинка, или, какъ говорятъ, горизонтальная поверхность подставки *B* можетъ *вращаться* около оси, въ горизонтальномъ направленіи, то понятно, что каждый, исходящій изъ фонаря, лучъ свѣта можетъ быть направленъ въ произвольную сторону. Передняя часть фонаря устроена весьма прочно и на одномъ изъ угловъ ея передней стороны ввинчена ось *Д* и къ этой оси прикрѣплены *линзы* (увеличительныя стекла) *EE*, а также и зеркало *F*. Все это вмѣстѣ можетъ вращаться около упомянутой сейчасъ оси. Далѣе, что касается освѣщенія этого волшебнаго фонаря, то оно производится при помощи водороднаго газа. Свѣтилка этого газа видна въ пунктѣ, означенномъ буквою *G*. Эта свѣтилка можетъ быть спускаема внизъ стѣнки ящика (какъ это ясно видно на рисункѣ) и можетъ быть поставлена на произвольную высоту. Отъ свѣтилки *G* идутъ двѣ маленькія каучуковыя трубки, которыя находятся въ связи съ проводящими трубками *KK*, расположенными внизу подставки. Чрезъ эти-то трубки проводятся газы: кислородъ и водородъ, каждый сквозь особенную трубку. Пунктъ ихъ соединенія находится въ самой свѣтилкѣ *G*. Затѣмъ, къ стойкамъ уже описанной подставки придѣланы два рукава *LL*, способные передвигаться, но которые могутъ быть укрѣпляемы посредствомъ винтовъ. Съ этими-то рукавами приведенъ въ связь складной столикъ *M*, на которомъ помѣщаются необходимые для производства опытовъ аппараты, напримѣръ, призмы и т. д. Для того, что-

Продолженіе на стр. 717, 718, 719 и 720.




Хижина негровъ, освѣщенная ночною Пирофорою.


Клѣтка для помѣщенія ночной Пирофоры.


Ночная Пирофора.

бы, примѣрно показать зрителямъ линіи магнитнаго тока, фигуры представляющія большую или меньшую напряженность сцѣпленія и проч. предметы (для чего освѣщеніе требуется при горизонтальномъ ихъ положеніи)—для этого стоитъ только привесть волшебный фонарь въ положеніе, означенное на фигурѣ 2-й. (Рисунокъ направо). Стеклянная пластинка, къ которой прикрѣпленъ магнитъ, расположена на фонарѣ, поверху рефлектора. Желаемое увеличеніе предмета, который показывается публикѣ, можно произвести при помощи *одной* или *обѣихъ* линзъ (увеличительныхъ стеколъ). Уставивъ надлежащимъ образомъ эти увеличивающія стекла, вставляютъ зеркало *F* и, чрезъ увеличительное стекло *E*, желаемое изображеніе весьма ясно рисуется на ширмѣ (см. рисунокъ). Если желательно направить лучъ свѣта внизъ, т. е. произвести рефракцію или преломленіе свѣта, то волшебный фонарь приводятъ въ положеніе, показанное на фигурѣ 1; при этомъ зеркало *F* удаляется прочь или же отвинчивается въ сторону. Точно также удаляются рукавъ *L* со столикомъ *M*. Для произведенія обыкновенныхъ картинъ, представляемыхъ волшебными фонарями, предъ фонаремъ прикрѣпляется особая скобка или шпилька, при помощи которой инструментъ утверждаютъ горизонтально.

Описанные сейчасъ усовершенствованные аппараты для лучшаго воспроизведенія изображеній при публичныхъ чтеніяхъ можно пріобрѣтать отъ англійской фирмы торговцевъ-оптиковъ въ Бирмингамѣ, Фильда и Комп.

## Свѣтящійся Щелкунъ (Ночная пирофора).

Щелкуны довольно большія насѣкомыя, до пяти дюймовъ длиною, часто довольно сильныя. Переднегрудь ихъ оканчивается у передняго края заостреннымъ отросткомъ; усики зазубрены. Строеніе тѣла щелкуна даетъ ему возможность дѣлать прыжки, отсюда произошло и латинское названіе щелкуна Elater—жукъ съ пружинкой.

Если щелкуна положить на спинку, онъ начнетъ изгибаться, упершись головкою и спинкою въ землю; затѣмъ расправляется, отросточекъ щитка входитъ въ полость слѣдующаго кольца и такимъ образомъ спинка, ударяясь въ полость опоры, получаетъ возможность противодѣйствія, вслѣдствіе чего насѣкомое и дѣлаетъ прыжокъ. Эти пріемы жучекъ продѣлываетъ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся повернуться на брюшко и стать на ноги. Во время прыжка насѣкомое производитъ звукъ —отсюда произошло русское названіе щелкунъ.

Свѣтящіеся щелкуны и именно такъ называемые ночныя пирофоры имѣютъ у основанія щитка два небольшихъ гладкихъ и блестящихъ пятна, свѣтящихся въ темнотѣ. Свѣтъ бываетъ такъ силенъ, что ночью при немъ можно читать, и путешественники, во избѣжаніе дневнаго жара, отправляясь въ дорогу ночью, не могли бы этого дѣлать, если бы свѣтящіяся насѣкомые не освѣщали собою мракъ ночи и чащи дремучихъ лѣсовъ. Для бо́льшаго удобства путникъ запасается насѣкомы-

Камера-обскура, употребляемая при публичныхъ чтеніяхъ лекцій.

ми, привязавъ ихъ къ своей обуви. Свѣтъ отгоняетъ и змѣй съ дороги, пугая ихъ. Обыкновенно, по окончаніи ночи, съ разсвѣтомъ дня пирофору оставляютъ на кустарникахъ, т. е. возвращаютъ ее къ обыденной обстановкѣ. У индѣйцевъ даже сложилась поговорка на этотъ случай: „Возьми огненную муху, но положи ее назадъ на мѣсто, откуда взялъ". Ночныя пирофоры водятся въ Гаваннѣ, Бразиліи, Мексикѣ, Гвіанѣ. Индѣйцы ловятъ ихъ и продаютъ женщинамъ, которыя употребляютъ ихъ какъ блестящія украшенія въ своемъ туалетѣ. Креолки особенно любятъ такія украшенія и сажаютъ ихъ въ свои головные уборы, или располагаютъ ихъ вокругъ таліи въ видѣ сверкающаго пояса. Послѣ бала, франтиха дѣлаетъ уставшимъ насѣкомымъ ванну, замѣняющую имъ утреннюю и вечернюю росу, а послѣ того сажаетъ въ тонкую проволочную клѣтку, гдѣ и кормитъ ихъ остатками тростника. Ловятъ пирофоръ индѣйцы слѣдующимъ образомъ: къ концу палки прикрѣпляютъ кусочекъ раскаленнаго угля и начинаютъ палкою махать въ воздухѣ. Мелькающій свѣтъ привлекаетъ къ себѣ пирофоръ, которыя думаютъ въ немъ найти себѣ подобныхъ, зовущихъ къ себѣ. Разсказываютъ, что во время испанской войны—высадившійся батальонъ не рѣшился вступать въ бой съ туземцами, принявши сверкающихъ пирофоръ на деревьяхъ за фитили непріятельскихъ пищалей. Въ 1766 г. изъ Америки была привезена въ Парижъ въ кускѣ дерева на кораблѣ живая пирофора, которая, летая по вечерамъ, наводила ужасъ на жителей Антуанскаго предмѣстья. Опыты, произведенные въ лабораторіи нормальной школы, показали, что химическій спектръ свѣта насѣкомаго совершенно сплошной и не пересѣкается ни одной черной линіей; этотъ спектръ отличается отъ солнечнаго большимъ преобладаніемъ желтаго цвѣта. Свѣченіе пирофоры приписываютъ, какъ и свѣченіе свѣтляка, медленному сгаранію вещества, выдѣляемаго животнымъ; въ мертвомъ насѣкомомъ свѣченіе пропадаетъ.

Насѣкомыя жесткокрылыя, къ разряду которыхъ относится щелкунъ, представляютъ замѣчательныя разнообразія по отношенію пищи и мѣста ихъ нахожденія. Верхнія крылья или надкрылья не служатъ имъ для летанія, это кожистые футляры. Нижнія крылья перепончатыя, складываются подъ надкрыльями, когда насѣкомое остается въ покоѣ. Ротовые органы состоятъ изъ челюстей и двухъ губъ и приспособлены къ жеванію. Многія личинки жесткокрылыхъ живутъ паразитами внутри ульевъ и даже нѣкоторыхъ перепончатокрылыхъ. Куколки обыкновенно или привѣшиваются на паутинной нити, или лежатъ въ землѣ, въ норахъ. Личинка щелкуна живетъ въ гниломъ деревѣ или въ корняхъ растеній. У насъ въ Россіи всѣмъ извѣстенъ подобный пирофорѣ свѣтящійся жучекъ—Ивановъ червякъ (Sampyris noctiluca).

Z.

# Клеопатра.

## (Этюдъ профессора Ниссена.)

Въ древнія времена въ Римѣ существовалъ обычай, состоявшій въ томъ, чтобы сенаторы, или вообще люди, засѣдавшіе въ государственныхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, брали съ собою на засѣданія и своихъ дѣтей мужескаго пола. И это имѣло, конечно, свою прекрасную сторону. Мальчики, съ ранняго возраста, такимъ образомъ, незамѣтно пріучались къ государственнымъ занятіямъ, къ внѣшнимъ пріемамъ и механизму ораторскихъ преній. Это обстоятельство уже само собою подготовляло и обезпечивало ихъ будущую карьеру; вмѣстѣ съ тѣмъ мальчики учились быть администраторами, руководить обществомъ честно, мудро и благоразумно.

И вотъ, при такомъ порядкѣ вещей, въ одинъ прекрасный день, засѣданіе Римскаго Сената было необыкновенно продолжительно. Сенатъ обсуждалъ какое-то трудное дѣло и, не добившись результата, отсрочилъ рѣшеніе до слѣдующаго дня. При этомъ каждому присутствовавшему при обсужденіи было строго внушено ничего не разглашать постороннимъ о ходѣ и самомъ предметѣ преній. По окончаніи засѣданія, мальчики чинно отправились, вмѣстѣ съ отцами, въ свои дома. Между ними былъ нѣкто Папирій, превосходившій умомъ и находчивостью всѣхъ этихъ юныхъ кандидатовъ на государственныя должности.

Когда мальчикъ Папирій пришелъ домой, мать приступила къ нему съ распросами: о чемъ это Сенатъ такъ долго разсуждалъ?

— Я не могу... Я не долженъ этого говорить...

Но мать, подстрекаемая любопытствомъ, продолжала еще упрямѣе настаивать на своихъ распросахъ: но когда мальчикъ снова отказался—мать разсердилась и стала грозить сыну наказаніемъ. Тогда мальчикъ рѣшился на выдумку.

„Болтать о томъ, что запрещено, я не долженъ, думалъ онъ, —а пощечинъ и оплеухъ мнѣ не хочется,—давай же я солгу"... И молодой хитрецъ уже не думалъ долго.

— Вотъ что, мать,—сказалъ мальчикъ,—въ Сенатѣ обсуждалось дѣло важное, очень важное... Только ты ни кому не разскажешь, если я передамъ тебѣ секретъ совѣщанія... подъ большою тайной?..

Мать успокоила сына и обѣщалась ни за что не выдавать секрета.

— Ну,—началъ смѣтливый мальчикъ,—Сенатъ думаетъ принять рѣшеніе относительно женщинъ. Цѣлый день шли совѣщанія о томъ, что было бы полезнѣе для общества: имѣть ли мужчинѣ *двухъ* женъ, или женщинѣ *двухъ* мужей? Насчетъ этого предмета еще не достигнуто соглашенія, и многіе мужья, желавшіе разстаться навсегда съ теперешними женами, согласились *еще* провести съ ними *одну ночь*. Но завтра же будетъ достигнуто окончательное рѣшеніе по этому дѣлу, и новый законъ вступитъ въ силу.

Получивъ это сенсаціонное извѣстіе, мать Папирія отправилась въ городъ, будто „по дѣламъ", а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, чтобы подѣлиться съ подругами „важною новостью", и прежде чѣмъ солнце склонилось къ западу, какъ всѣ римскія матроны уже знали и, изподтишка, пересказывали другъ другу волновавшую ихъ новость. Не смотря на общее возбужденіе римскаго женскаго персонала,—онъ волновался втихомолку, и мужчины не знали и не замѣчали ничего. Сенаторы-совѣтники легли спать спокойно, чтобы на слѣдующій день, со свѣжими силами, рѣшить трудный, занимавшій ихъ вопросъ. Настало утро, и почтенные отцы заботливо отправились въ засѣданіе Сената. Но тутъ-то и разразилась буря, еще со вчерашняго дня молчаливо приготовлявшаяся въ головахъ тысячъ римскихъ матронъ. Преддверіе Сената, ведущая въ залу лѣстница, вся сенатская площадь, всѣ улицы, переулки и закоулки, ведущіе къ этой площади, наполнились толпами римскихъ женщинъ. Старухи и молодыя, бѣдныя и богатыя, больныя и здоровыя,—всѣ толпились, тискались, рвались къ Сенату... Ни одна римская матрона не составляла исключенія изъ этого оригинальнаго огромнаго сборища. Въ поражающемъ гулѣ голосовъ слышались тысячи слезъ, рыданій, укоризнъ, клятвъ, заклинаній. Шедшіе въ Сенатъ сенаторы, осаждаемые тысячами женскихъ просьбъ, не знали что дѣлать, терялись въ догадкахъ рѣшить, что значитъ такое шумное стеченіе женщинъ. Прислушиваясь къ гулу женскихъ голосовъ, можно было различить, что многія изъ нихъ требовали себѣ *двухъ* мужей, многія не соглашались уступить свое мѣсто *другой* женщинѣ. Нѣкоторые „отцы" предполагали, что женщины съ ума сошли; но вѣдь нельзя же всѣмъ сойдти съ ума вдругъ и помѣшаться на одномъ пунктѣ и желаніи. Но вотъ сенатъ, наконецъ, благополучно собрался въ залу и ожидалъ рѣшенія странной загадки! Никто, однако, не могъ выпутаться изъ лабиринта тысячи предположеній, всѣ недоумѣвали: сенаторы вопросительно смотрѣли на консула, консулъ столь же вопросительно смотрѣлъ на собраніе Сената. Положеніе было, поистинѣ, плачевное. Всѣ молчали и только хлопали глазами и покачивали почтенными сѣдыми головами. Но вотъ, наконецъ, маленькій Папирій, виновникъ всей исторіи, возвышаетъ свой молоденькій голосокъ и приноситъ искреннюю исповѣдь,—объясняетъ, что вся исторія произошла отъ того, что онъ, Папирій, вчера невольно долженъ былъ *солгать* о томъ, что происходило въ Сенатѣ, *на распросы матери*. Тогда вся загадка стала ясною. Почтенные сѣдовласые старцы были всѣ восхищены находчивостью и умомъ мальчика, всѣ принялись цѣловать его по очереди. За симъ сенаторы чинно усѣлись и положили рѣшеніе, чтобы, на будущее время, никто не злоупотреблялъ тайнами сенатскихъ и вообще городскихъ муниципальныхъ совѣщаній, а для этого всѣ мальчики, не исключая и Папирія, должны „убираться изъ залы сенатскихъ совѣщаній и сидѣть дома". Этимъ рѣшеніемъ волненіе спокойно улеглось, забылось, какъ будто его не бывало и весьма многое достопамятное изъ дѣлъ Римскаго Сената забылось навсегда. Осталось безсмертною только память объ умѣ и находчивости мальчика Папирія...

Справедливъ или нѣтъ этотъ разсказъ—теперь рѣшить нельзя. Разсказалъ его старикъ Катонъ древнимъ римлянамъ. Вся соль разсказа Катона направлена на современныхъ ему римскихъ женщинъ. Суровый старикъ неустанно и злобно (хотя, надо прибавить, и совершенно безуспѣшно) трунилъ надъ римскою женскою роскошью того времени, надъ женскою погоней за дорогими одеждами, украшеніями и т. п. Въ наше время такую катоновскую выходку сочли бы, пожалуй, оскорбленіемъ общества вообще и женскаго общества въ особенности. Въ древнемъ Римѣ такая шутка за оскорбленіе не считалась. Женская честь ограничивалась преимущественно домашнимъ очагомъ, и именно, на этомъ очагѣ уже нельзя было шутить надъ женщиной. Дома женщинъ крѣпко стерегли. Для насъ важно здѣсь то, что вопросъ: можетъ ли мужчина имѣть *двухъ* женъ, или женщина *двухъ* мужей—былъ для римлянина вопросомъ проблематическимъ, надъ рѣшеніемъ котораго римлянинъ крайне затруднялся. Для римлянина временъ Катона самая постановка такого вопроса почти столь же комична и невоз-

можна, какъ и для насъ, людей новаго времени. Для другихъ же, современныхъ римлянамъ народовъ, и даже для большей части ихъ, подобный вопросъ не представлялъ бы ничего страннаго, какъ и для многихъ, современныхъ намъ восточныхъ народовъ.

*Моногамія*, или одноженство, есть *спеціально-европейская* форма брака. Святость брака образуетъ краеугольный камень, на которомъ покоится наша христіанская, европейская цивилизація; это краеугольный камень, на которомъ можетъ основаться владычество европейскихъ народовъ надъ всѣми другими народами земного шара. Наше европейское понятіе о бракѣ не дано *природою*, оно не пересажено къ намъ, благодаря какой-либо случайности, оно *добыто* послѣ жестокой и упорной борьбы, и, конечно, должно быть отстаиваемо. Одноженство незнакомо такъ называемымъ „естественнымъ" или первобытно-культурнымъ народамъ, точно такъ, какъ оно было незнакомо многимъ европейскимъ народамъ съ начала нашей эры. Аріовистъ, первый германскій вождь, о которомъ мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія, имѣлъ жену германскаго племени, но, основавъ потомъ свое господство въ Эльзасѣ, территоріи, населенной галлами, онъ женился и на *другой* женщинѣ, галльскаго происхожденія. Подобные „двойные" браки между древнимъ германскимъ дворянствомъ—не рѣдкость. Подобно какъ у первобытно-культурныхъ народовъ, полигамія находитъ себѣ лучшую почву въ деспотическихъ государствахъ Востока и удерживается тамъ съ древнѣйшаго времени до нашихъ дней. Восточная деспотія не одинъ разъ угрожала свободѣ и правамъ западной культуры. Цѣлыя *три съ половиною* тысячелѣтія происходила ожесточенная борьба между Востокомъ и Западомъ. Различая частности, мы видимъ, что при этомъ вмѣстѣ съ другими вопросами продолжительнаго спора,—шелъ споръ и между моногаміею и полигаміею (т. е. между одноженствомъ и многоженствомъ) и *вездѣ* тамъ, гдѣ деспотія находила себѣ почву,—вездѣ она старалась отнять у женщины священное право быть „подругою" мужчины, а не рабою его. Самый характеристичный эпизодъ изъ упомянутой великой борьбы деспотизма и свободы, полигаміи и моногаміи, я намѣренъ изложить сейчасъ же. Этотъ эпизодъ связывается съименемъ великой, но многократно опозоренной и постоянно порицаемой, тѣмъ не менѣе славной царицы Востока, Клеопатры. Древняя египетская царица, о которой идетъ здѣсь рѣчь, была опаснымъ врагомъ Запада съ его цивилизаціею? Ненависть, которую она стяжала отъ западныхъ народовъ при жизни, преслѣдовала ее и въ гробѣ, и до сихъ поръ преслѣдуетъ ея намять. Клеопатра принадлежитъ совершенно иному отличному отъ нашего, міру, воспроизвесть который мы можемъ только съ крайнимъ трудомъ, и слѣдовательно только съ трудомъ же можемъ воздать этому міру подобающую ему справедливость. Но авторъ смѣетъ надѣется, что предлагаемый имъ предметъ достоинъ полнаго вниманія читателя.

Послѣдняя царица Египта жила на крайнемъ рубежѣ четырехтысячелѣтней исторіи самобытной и оригинальной страны. Въ незапамятныя времена культура устроила свой караванъ-сарай на берегахъ священной рѣки Нила. Великая, чудная рѣка эта своими періодически-правильными наводненіями, высокою поэзіею своихъ окрестностей, роскошью природы рано вызвала человѣка изъ дикаго состоянія, научила его мыслить и наблюдать, пробудила въ немъ духовную жизнь. Въ узкой долинѣ Нила создалось правильное разсчисленіе общества и раздѣленіе и классификація работъ—отъ этого зависѣли всѣ дальнѣйшіе успѣхи въ культурѣ Египта. Народъ Нильской долины былъ народъ умный, способный на изобрѣтенія и способный прочно усвоить тѣ элементы образованія, которыя всегда освобождаютъ человѣка отъ узъ подавляющей его природы и отъ варварства. Но мало по малу и Египетъ постигла участь, которой трудно избѣжать деспотически управляемому государству—это дряхлость возраста. Богатая страна сдѣлалась добычею чуждыхъ завоевателей, сначала персовъ, потомъ грековъ. Александръ Великій, правда оживилъ уже коченѣвшій организмъ и сдѣлалъ его способнымъ исполнить еще величественную миссію. Онъ далъ старой странѣ новую греческую столицу, построенную на берегу моря, и столицѣ этой было суждено сдѣлаться средоточіемъ всемірной торговли и всемірной науки. Изъ всѣхъ созданій великаго царя ни одно не свидѣтельствуетъ въ такой степени о его высокой геніальности, какъ именно основаніе Александріи. Птолемей Лаги и его преемники самымъ достойнымъ образомъ осуществили мысль великаго основателя Александріи. Младшая изъ столицъ древности оставила своихъ сестеръ далеко позади себя.

(Продолженіе будетъ).

## Политическія извѣстія.

Если бы слѣлалось необходимымъ охарактеризовать настоящее политическое положеніе Европы, то пришлось бы охарактеризовать его словами: ни война, ни миръ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать состояніе Европы умиротвореннымъ, когда пороховой дымъ еще сильно разстилается на Балканскомъ полуостровѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ; когда австрійскія силы едва не сокрушаются объ упорное сопротивленіе повстанцевъ; съ другой стороны Италія обнаруживаетъ безпокойное движеніе, какъ это видно изъ появленія отрядовъ Итальянскихъ волонтеровъ на Австрійской границѣ (каковое обстоятельство побуждаетъ Австрію усиливать свои гарнизоны въ пограничныхъ городахъ). Сама Албанская лига, дополняющая собою Боснійско-Герцеговинское возстаніе, совсѣмъ не ослаблена, какъ этого ожидали на прошлой недѣлѣ, а напротивъ—усиливается. Недостаетъ столкновенія съ этою лигою сербовъ и черногорцевъ, но это столкновеніе ожидается въ самомъ близкомъ будущемъ.

Но Европою дѣло не ограничивается: въ Азіи, англійскимъ Ост-Индскимъ правительствомъ уже предписано стянуть на границахъ Остъ-Индіи возможно большія боевыя силы: 12,000 человѣкъ уже теперь сосредочено на этой границѣ. Дѣло идетъ о наказаніи афганскаго Эмира, за его „вѣроломное", относительно Англіи, поведеніе. Обстоятельства, предшествовавшія этому дѣлу, слѣдующія: Недавно состоялось посольство въ Афганистанъ, со стороны Индіи, во главѣ котораго стоялъ генералъ Чемберленъ. Говорили, что предметъ посольства мирный, дипломатическій, имѣющій отчасти значеніе противовѣса русской миссіи въ Кабулъ. Но оказалось, что, въ существѣ дѣла миссія Черберлена имѣетъ воинственный характеръ, потому что по пятамъ за „посольствомъ" шли индійскія войска къ границамъ Афганистана, съ цѣлію занять горные проходы. Афганскій Эмиръ предупредилъ хитрость хитростью, занялъ своими, напередъ въ тишинѣ собранными, войсками Хейберскій проходъ, служащій самымъ удобнымъ пунктомъ вторженія въ Афганистанъ со стороны Индіи. На западѣ находится еще проходъ въ Индію со стороны *Кветты;* этотъ проходъ, удалось эксплоатировать англичанамъ и устроить себѣ въ немъ стратегическій и складочный пунктъ, и еще въ прошломъ году истребить въ этомъ мѣстѣ нѣсколько горныхъ племенъ, подданныхъ Афганскому Эмиру. Отъ глазъ послѣдняго не ускользнуло, что это была прелюдія къ войнѣ, возможной въ ближайшемъ будущемъ, и потому онъ преградилъ, дальнѣйшій путь посольству, пригрозивъ ему чѣмъ слѣдуетъ. Такой смѣлый и рѣшительный образъ дѣйствій Эмира явно указываетъ на то, что онъ имѣетъ надежную поддержку. Въ Англіи предполагаютъ, что онъ принялъ союзъ съ Россіей. Такъ или иначе, но Ширъ-Али Ханъ, Эмиръ Афганскій, своими рѣшительными дѣйствіями дѣлаетъ Англіи серьезныя затрудненія въ Индіи: неудача англійской экспедиціи въ Афганистанъ можетъ послужить сигналомъ къ возмущенію Индіи противъ Англіи. (Въ слѣдующемъ номерѣ Нивы мы помѣстимъ портретъ Ширъ-Али-Хана и постараемся сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о положеніи этого дѣла).

Въ связи съ этими событіями нужно отмѣтить что Лордъ Салисбери обратился къ нашему Кабинету съ нотою, въ которой *проситъ объясненій относительно цѣли Русскаго посольства къ Афганскому Эмиру.* (Во главѣ этого посольства, какъ уже намъ случалось говорить, находится генералъ Абрамовъ). Далѣе, Англійскій Кабинетъ изъявляетъ желаніе знать: какого образа дѣйствій будетъ держаться Россія относительно Афганистана. Вотъ что значитъ, настали обстоятельства совсѣмъ не легкія для Англіи. Политика Биконсфильда и Салисбери обойдется ей дорого...

Да, дорого. О-въ Кипръ уже оказался совсѣмъ не желательнымъ „сокровищемъ". Климатъ на о-вѣ крайне нездоровъ. На немъ свирѣпствуютъ злокачественныя лихорадки. Всѣхъ этихъ прелестей киприды уже успѣли вкусить британскія войска, высадившіяся на Кипръ. Затѣмъ, вдобавокъ, въ близкой перспективѣ стоятъ ожесточенные споры изъ-за Египта, съ Франціей и Италіей. Греція не перестаетъ вооружаться и готовиться къ войнѣ съ Турціей тоже изъ-за Англіи.

Австрія, по ея собственнымъ сообщеніямъ, продолжаетъ свое побѣдное шествіе по Босніи.. Успѣхи Австрійскихъ войскъ на Боснійской территоріи недавно выразилась взятіемъ крѣпости *Бизахачъ*. Взятіе крѣпости произошло только послѣ ожесточенныхъ сраженій въ окрестностяхъ Бизахача. Это далеко не заглаживаетъ бывшихъ доселѣ неудачъ.

Замѣтимъ, что эти событія произошли на границѣ Сербіи, которой отъ австрійской „славы" ни чуть не легче, потому что множество инсургентовъ бѣжали на сербскую территорію, въ *Вальевскій* и *Ужицкій* округи. Радъ не радъ, Сербъ не можетъ не пріютить своего единоплеменника-босняка. Оттого-то сербское правительство, обезоруживъ бѣглецовъ, водворило ихъ въ упомянутыхъ округахъ на жительство. Но этого мало: разъ укрылись бѣглецы на Сербской территоріи, тутъ уже, какъ говорится, пошла писать. Депутація отъ такъ называемыхъ боснійскихъ *беговъ* обратилась въ *Шабацъ* (на Дунаѣ) къ тамошнему начальнику войскъ, прося присоединенія къ Сербіи.,. Словомъ—дальше въ лѣсъ, больше дровъ. Половина Сербской территоріи можетъ наводниться бѣглецами. Сербія, въ виду этого наводненія бѣглецовъ, все болѣе и болѣе усили-

ваетъ кордоны вдоль своей западной границы, хотя до сихъ поръ, какъ кажется, безуспѣшно.

О Герцеговинѣ все послѣднее время говорилось, что тамъ произошло прочное замиреніе. Началось дѣло тѣмъ, что войска генерала Іовановича вступили въ миролюбивую связь съ бригадою, стоявшею въ Требиньѣ. Установленію этихъ мирныхъ отношеній, по словамъ самаго Іовановича, способствовали черногорцы.

Австро-турецкая конвенція, о которой было столько толковъ, на прошлой недѣлѣ ни на шагъ не подвинулась впередъ.

Италія хотя и кажется, повидимому, спокойною, но въ ней не угомоняется рьяная партія, такъ называемая „Italia irridenda" (не отомщенная Италія). Эта партія громко требуетъ возстановленія своихъ правильныхъ границъ со стороны Тироля, заявляетъ притязаніе на часть Албаніи, даже, какъ говорятъ, выражаетъ притязанія на Тунисъ въ Африкѣ. Даже настоящій министръ-президентъ Италіи признаетъ подобныя патріотическія желанія основательными и справедливыми въ принципѣ. И вотъ, въ связи съ этимъ настроеніемъ Италіи, появленіе вооруженныхъ отрядовъ на сѣверныхъ итальянскихъ границахъ представляется довольно опаснымъ симптомомъ. Въ связи съ этимъ, вооруженія „маленькой" Греціи представляются тоже значительными. Армія греческая состоитъ изъ 40,000 дѣйствующихъ войскъ и 35,000 резервовъ. Для покрытія военныхъ издержекъ Греція сдѣлала заемъ въ 50 милліоновъ драхмъ. Предполагаетъ выпустить этотъ заемъ Ліонское кредитное общество.

Санъ-Стефано очищено нашими войсками и главная квартира переведена въ Адріанополь. Но англійскій флотъ однако еще въ Мраморномъ морѣ и сдѣлалъ лишь небольшое передвиженіе къ востоку отъ Принцевыхъ островов къ Измидской бухтѣ.

— Въ Петербургъ продолжаютъ возвращаться войска гвардіи. На прошлой недѣлѣ прибылъ (14-го сентября), лейбъ-гвардіи саперный батальонъ, и встрѣченъ былъ петербуржцами съ подобающимъ торжествомъ.

## Смѣсь.

Въ ночь съ 4 на 5 сентября пожаръ истребилъ фортепіанную фабрику К. М. Шредера. Огонь показался въ 9 ½ часовъ вечера въ столярномъ отдѣленіи, гдѣ строются корпусы для роялей. Черезъ 2 часа все громадное пятиэтажное зданіе было въ огнѣ и, не смотря на энергическое дѣйствіе всѣхъ пожарныхъ частей, съ тремя паровыми машинами, спасти ничего не могли. Фабрика была застрахована въ 126 тыс. руб. сер. Очевидно г. Шредеръ понесъ огромный убытокъ, такъ какъ сгорѣло около 100 готовыхъ роялей и піанино и около 400 штукъ бывшихъ въ работѣ и неоконченныхъ. Къ счастію уцѣлѣла главная сушильня съ огромнымъ запасомъ сухого лѣса, стоящая очень далеко отъ зданія фабрики и уцѣлѣлъ паровой котелъ. Всѣ рабочіе до 150 человѣкъ, оставлены г. Шредеромъ у себя впредь до возобновленія работъ, которыя начинаются 15 Сентября во взятомъ временно на аренду, новомъ громадномъ заводѣ, на Выборгской сторонѣ.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Нижній Новгородъ** Н. Пѣтухову. Стихотвореніе присланое вами мы не напечатаемъ: оно слишкомъ напоминаетъ что-то знакомое изъ Батюшкова, Жуковскаго и Баратынскаго. Если у васъ есть еще что нибудь то пришлите; тогда можно будетъ опредѣлить: поэтъ вы или перепищикъ чужихъ стиховъ.

**Екатеринославъ** С. Нибульск—му. Вы пишете:

„И живи, коротай невеселый свой вѣкъ,
Узнавай неудачу, невзгоду.
Такъ развѣ за тѣмъ сотворенъ человѣкъ
Чтобы за гробомъ узнать *лишь* свободу.

Ну, однако-же и не затѣмъ сотворенъ человѣкъ, чтобы писать такіе стихи.

13 р. 80 к. за стихотвореніе № 37 „Нивы" согласно желанію автора сданы въ общество попеченія о ранен. и больн. воинахъ подъ квит. за № 5159.

СОДЕРЖАНІЕ: **К. Н. Батюшковъ** (съ портр.) В С.—**Царь-дѣвица.** Историческій романъ **Вс. Соловьева** (продолженіе).—**Охота на дикихъ козъ** (съ рис.) Т. **Между войною и миромъ** (съ рис.) Н К.—**Пріятное бездѣлье** (съ рис.) Z.—**Г. Старочеркасскъ и Калмыцкій хурулъ (монастырь) на Дону.** (съ рис.) Ор.—**Достопримѣчательности Царскосельскаго парка.** (съ рис.) Л.—**Кавказскій типъ Мулла.** (съ рис.) Евг. В.—**Рисунки для выпильныхъ работъ изъ дерева** (съ рис.) **Камеръ-обскура употребляемая при публичныхъ чтеніяхъ лекцій.** (съ 2 рис.)—**Свѣтящійся щелкунъ (Ночная Пирофора)** съ 3 рис.—**Клеопатра.**—Политическія извѣстія.—Смѣсь.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**




№ 40 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 2 Октября 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.



**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ съ 40 рисунками и отдѣльный листъ съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 44 рис. рукодѣльныхъ работъ.**



**Улица въ Казани.** Рис. А. де-Баръ, грав. А. Баранъ.

# Городъ Казань.

Въ журналѣ нашемъ за 1874 г. въ 38 № на стр. 601 была помѣщена статья о Казани и главнымъ образомъ касалась покоренія этой бывшей татарской столицы царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Въ настоящее время, помѣщая на страницахъ „Нивы" видъ Казанскаго Богородицкаго женскаго монастыря и одной изъ улицъ этого города, мы коснемся болѣе стараго времени изъ исторіи Казани и сообщимъ факты, предшествовавшіе ея покоренію.

Казань слово татарское и значитъ котелъ, золотое дно. Основаніе Казани относится къ 1257 г. Ордынскій царь Саинъ, сынъ Батыя, владѣя Болгарской землей, сдѣлалъ Казань ея столицею вмѣсто Брянсимова.

Въ 1396 г. о Казани упоминается въ лѣтописяхъ подъ именемъ Юхотинъ Казань. Въ 1399 г. войска великаго князя Василія Дмитріевича совершенно раззорили этотъ городъ. Въ 1421 году Ханъ Улу-Магометъ снова построилъ его, но только на другомъ мѣстѣ. Надобно сказать, что Улу-Магометъ, ханъ Большой орды, будучи изгнанъ изъ своихъ владѣній, искалъ покровительства у великаго князя Василія Васильевича и по его приказанію поселился въ Бѣлевѣ. Но онъ недолго прожилъ въ мирѣ съ Великимъ Княземъ, и собравшись съ силами, началъ обижать мѣстныхъ жителей. Великій князь послалъ для усмиренія его войско. Улу-Магометъ хотя и отразилъ эту силу, но сознавая невозможность долго противостоять, удалился изъ Бѣлева на берега Волги и тамъ-то и возобновилъ раззоренную, войсками Василія Дмитріевича, Казань. Къ Улу-Магомету присоединились приверженцы его изъ Орды, Астрахани, Азова, и въ 1438 г. было положено основаніе Казанскаго царства. Улу-Магометъ оставался вѣренъ нравамъ своего народа и вторгнулся во владѣнія князя Василія въ 1439 г. Онъ даже подошелъ къ Москвѣ, но, постоявъ подъ стѣнами около 10 дней, отправился назадъ, раззоряя по пути села и города. Въ 1445 году Улу-Магометъ взялъ старый Нижній-Новгородъ и осадилъ Муромъ. Великій Князь, подкрѣпленный Шемякою и другими русскими князьями, выступилъ противъ татаръ. Разбитые передовымъ московскимъ отрядомъ, татары бѣжали, но когда Василій возвратился въ Москву, они снова осадили Нижній-Новгородъ. Сына же своего Мамутека Улу-Магометъ послалъ подъ Суздаль. Опять собралъ войска и союзниковъ Василій, опять напалъ на Татаръ, но неудачно: онъ былъ взятъ въ плѣнъ и освободился изъ него, благодаря только тому, что Казанью въ это время овладѣлъ мятежникъ Алибей, и Улу-Магометъ отпустилъ Василія, обѣщавшаго заплатить сколько будетъ въ состояніи. Вотъ въ какомъ положеніи бывали наши русскія политическія и военныя дѣла въ то отдаленное время.

Избѣгая здѣсь подробностей о дальнѣйшихъ распряхъ Казани съ нашими князьями и между своими владѣтелями, сообщимъ здѣсь, что съ 1463 г. Казань, стремясь усилить свою власть, не разъ снова посылала войска на пограничные русскіе города. Московское правительство наконецъ, видимо, потеряло терпѣніе переносить отъ татаръ невзгоды. Надменный духъ хановъ, фанатическая ненависть къ нашей вѣрѣ, жажда къ добычѣ и неустройство въ средѣ самаго царства—все вызвало со стороны московскаго правительства серьозныя мѣры. Въ Москвѣ, наконецъ, былъ опредѣленъ рѣшительный походъ для покоренія Казани, и 19-го августа 1552 года 150,000 войско стало подъ Казанью на луговой сторонѣ Волги, а 23-го числа окружило городъ со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ отчаянный приступъ рѣшилъ битву. Царь Эдигеръ былъ взятъ въ плѣнъ, и царство Казанское покорено окончательно.

По завоеваніи Казани, Иванъ Грозный учредилъ въ ней судебныя мѣста, которыя и управляли городомъ до 1714 года, когда Петръ I учредилъ здѣсь губернію. Въ 1774 г. Казань была выжжена полчищами Пугачева. Городъ построили, но въ 1815 году пожаръ уничтожилъ его снова почти до половины. Затѣмъ въ 1842 г. новый пожаръ уничтожилъ почти весь городъ.

Въ настоящее время Казань не хранитъ уже слѣдовъ былыхъ несчастій и представляетъ собою благоустроенный городъ. Теперь въ ней и университетъ и другія учебныя заведенія, готовыя принять ищущихъ просвѣщенія; каменный театръ, водопроводы, замѣнившіе собою употребленіе скверной воды изъ озера „Кабана", и газовое освѣщеніе, и конно-желѣзный путь, дающій возможность избѣгать отчаянной тряски по булыжной мостовой.

На одномъ изъ нашихъ рисунковъ изображенъ видъ Казанскаго Богородицкаго монастыря и потому сообщимъ здѣсь его исторію.

Монастырь этотъ первоклассный. Онъ построенъ въ 1579 г. по повелѣнію царя Ивана Васильевича. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ, гдѣ построенъ этотъ монастырь, обрѣтена была въ томъ же 1579 году, 8-го іюня, чудотворная икона Божіей Матери. Первоначальныя постройки въ монастырѣ ограничивались одною деревянною церковью, и только въ 1595 г. эта деревянная церковь была разобрана и замѣнена каменной. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ повелѣлъ доставить въ нее на казенный счетъ, иконы, книги, ризницы, утварь, а явленная икона по его же повелѣнію, была украшена золотомъ, дорогими каменьями и жемчугомъ изъ царскихъ сокровищъ.

Небезъинтереснымъ считаемъ сообщить, что списокъ съ этой иконы былъ у князя Д. М. Пожарскаго въ 1612 году подъ Москвою и прославился при изгнаніи поляковъ изъ Москвы 22-го октября этого года. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ память именно этого прославленія иконы, установлены въ Москвѣ два крестные хода, соблюдаемые и по нынѣ.

Императрица Екатерина II, во время своего путешествія въ Казань, приложила къ чудотворной иконѣ Богоматери брильянтовую корону и такую же къ образу Спасителя. Нынѣшняя соборная церковь построена по утвержденному этою же государынею въ 1791 году плану и фасаду, которые составлены архитекторомъ Старовымъ. На построеніе этого храма было выдано по повелѣнію Императрицы 25,000 рублей ассигнаціями. Построеніе же всего собора стоило болѣе 200,000 руб.

З.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ.

**Вс. Соловьева.**

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ.**

(Продолженіе).

### III.

Между тѣмъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ съ сыномъ своимъ и бывшими при немъ людьми находился ужь недалеко отъ Москвы.

Получивъ извѣстіе о кончинѣ царя и повелѣніе ѣхать въ столицу, онъ не сталъ мѣшкать и тотчасъ же пустился въ путь съ облегченнымъ сердцемъ, но искренно оплакавъ такъ несправедливаго къ нему Ѳедора. На встрѣчу опальному боярину былъ посланъ сначала думный дворянинъ Лопухинъ, который долженъ былъ, отъ имени молодого царя, объявить ему прежнюю честь боярскую.

Въ селѣ Братовщинѣ, подъ Москвою, Артамона Сергѣевича дожидался братъ царицы, Аѳанасій Кирилловичъ, и встрѣтилъ его *со здоровьемъ* отъ царя и сестры своей.

Путь Матвѣева превращался въ настоящее торжественное шествіе.

Бояринъ издавна былъ любимъ народомъ и народъ спѣшилъ теперь встрѣчать его повсюду съ хлѣбомъ-солью; городскія власти и монастырскіе настоятели тоже выходили къ нему, задавали ему пиры и всякія угощенія.

Такія неожиданныя почести, послѣ тяжкой невзгоды, сильно подѣйствовали на семидесятилѣтняго старика. Онъ умилился духомъ, не разъ даже всплакнулъ счастливыми слезами и позабылъ, что его на Москвѣ ждутъ не дождутся, что нельзя терять дорогого времени:—принималъ угощенія, подвигался медленно. Къ тому-же и здоровье его было не прежнее.

Годины душевнаго горя, всякіе недостатки въ удобствахъ жизни подѣйствовали разрушительно на его организмъ; онъ возвращался въ Москву сильно одряхлѣвшимъ.

Въ Братовщинѣ бояринъ остановился переночевать. Просторную избу, которую отвели ему, сейчасъ-же разукрасили чѣмъ только можно: на полъ, на лавки настлали ковры дорогіе, состряпали обильный ужинъ. Все село собралось вокругъ избы этой и выражало громкими кликами свое сочувствіе старому боярину.

Артамонъ Сергѣевичъ, отужинавъ, объявилъ окружавшимъ его, что усталъ изрядно и пойдетъ соснуть,

чтобъ завтра пораньше, съ восходомъ солнечнымъ, выѣхать.

Счастливый и довольный протянулъ онъ свои старые, уставшіе члены на мягкой перинѣ, но глаза его не смыкались. Сонъ не являлся; въ избѣ было душно, да и мысли неотвязныя приходили одна за другою.

О многомъ нужно было подумать Артамону Сергѣевичу. Вотъ завтра, раньше полудня, въ Москву онъ въѣдетъ, свидится съ царицей, съ царемъ-ребенкомъ, со всѣми прежними друзьями, увидитъ домъ свой, когда-то веселый и роскошный, въ которомъ такъ часто принималъ онъ своего друга царя Алексѣя,—но теперь запустѣлый и заколоченный.

Ясно, во всѣхъ подробностяхъ. представилось Матвѣеву это старое любимое жилище, въ которомъ прошли его лучшіе годы. И невольно пронеслось передъ нимъ былое: вся жизнь вспомнилась.

Артамонъ Сергѣевичъ не могъ похвастаться знатнымъ родомъ: фамилія его была темная.

Не было у него сильныхъ родичей и свойственниковъ, съ помощію которыхъ могъ бы онъ возвыситься: приходилось самому работать, самому устроивать жизнь свою. Пожалуй и не особенно трудно это стало, когда онъ попалъ во дворецъ: ему стоило только примазаться къ царскимъ любимцамъ, начать разные хитрые происки, пойти по торной дорогѣ многихъ темныхъ людей, достигнувшихъ почестей; но на это онъ не былъ способенъ. Выше всего ставилъ онъ исполненіе долга. Будучи военнымъ человѣкомъ, въ небольшихъ чинахъ, онъ не выпрашивалъ себѣ наградъ и повышеній; аккуратно и неуклонно являлся на службу; въ походахъ храбро бился за царя и родину. Съ подчиненными былъ ласковъ, строгъ и справедливъ, и въ войскѣ его скоро полюбили.

Счастливая звѣзда нежданно, негаданно засвѣтилась надъ головой Артамона Сергѣевича: царь его замѣтилъ. Царь умѣлъ замѣчать нужныхъ и способныхъ людей. Онъ угадалъ въ Матвѣевѣ богатыя способности и честную душу.

Послѣ смерти извѣстнаго Ордына Нащокина, Алексѣй призвалъ Артамона Сергѣевича и поручилъ ему вѣдать приказъ посольскій; и съ этого дня быстро возрастала къ нему царская милость.

Часто Алексѣй Михайловичъ призывалъ его къ себѣ; подолгу съ нимъ бесѣдовалъ и не мало наслажденія находилъ въ этой бесѣдѣ.

Скоро разумныя рѣчи Матвѣева сдѣлались для царя потребностью: между государемъ и подданнымъ завязалась горячая дружба—оба они сразу такъ хорошо поняли другъ друга. Матвѣевъ на лету схватывалъ каждую царскую мысль, умѣлъ развить ее и привести въ исполненіе.

И не одинъ царь любилъ его: вся Москва его почитала, совсѣмъ даже позабыли о его незнатномъ происхожденіи.

Но окруженный почетомъ, получивши огромное вліяніе на важнѣйшія дѣла государства, Артамонъ Сергѣевичъ не зазнался; по прежнему оставался онъ простымъ человѣкомъ, доступнымъ для каждаго, и жилъ по прежнему просто, въ ветхомъ деревянномъ домишкѣ. И такъ былъ ветхъ и неприглядень этотъ домишко, что царь наконецъ началъ его уговаривать построить себѣ новыя палаты, сообразныя съ его званіемъ и положеніемъ.

Узнали въ Москвѣ, что Артамонъ Сергѣевичъ будетъ строиться—и вотъ повалилъ къ нему народъ со стрѣльцами: всѣ предлагали свои услуги, а подъ конецъ объявили, что коли въ Москвѣ будетъ недостатокъ въ строительномъ матеріалѣ, то они для добраго боярина съ радостью разберутъ могилы своихъ предковъ.

Но до разборки могилъ дѣло не дошло—и безъ того нашлись въ Москвѣ камни и выросли быстро, какъ по щучьему велѣнью, новыя Матвѣевскія хоромы.

Царь присутствовалъ на освященіи хоромъ этихъ и потомъ, въ каждую свободную минуту, заѣзжалъ къ Матвѣеву, раздѣлялъ съ нимъ его хлѣбъ-соль, бесѣдовалъ. Онъ любилъ простоту Матвѣевскаго обычая, любилъ и то, что за трапезу выходило все семейство боярина.

Во время одной изъ такихъ трапезъ царь, какъ извѣстно, увидѣлъ воспитанницу Артамона Сергѣевича, красавицу Наталью Кирилловну Нарышкину, кончилъ тѣмъ, что горячо къ ней привязался и скоро нарекъ ее царицею.

Съ этого времени еще тѣснѣе сдѣлалась связь между друзьями и уже ничто не могло разорвать ее, никакіе вражескіе навѣты. А враговъ у Матвѣева оказалось теперь много: всѣ родственники и свойственники покойной царицы, Милославскіе, теперь оттѣсненные новою царскою роднею.

Не мало разныхъ сплетенъ о проискахъ Милославскихъ доводилось до слуха Артамона Сергѣевича; но онъ мало обращалъ на нихъ вниманія, не злобствовалъ, не заботился о причиненіи вреда врагамъ своимъ. Онъ дѣлалъ свое дѣло, работалъ на благо Россіи, а свободное время посвящалъ изученію наукъ полезныхъ, да бесѣдамъ съ разными пріѣзжими иностранцами, отъ которыхъ чѣмъ нибудь можно было позаимствоваться.

Человѣкъ нрава веселаго, онъ заботился и о царскихъ удовольствіяхъ: образовалъ изъ своихъ людей дворовыхъ оркестръ и большую труппу актеровъ, первый ввелъ въ моду комедійныя дѣйства.

Счастливая звѣзда не закатывалась: дѣятельная, полезная и счастливая жизнь текла мирно и безмятежно, безъ бурь и волненій.

Незамѣтно проходили годы; густыя кудри боярина и борода его уже серебрились сѣдиною. Не мало морщинъ избороздило живое, веселое и разумное лицо его, но онъ на это не сѣтовалъ—по прежнему свѣжа и годна для работы оставалась голова его, по прежнему много силы было въ крѣпкомъ тѣлѣ. Впереди рисовалась счастливая старость, полная довольства, почета, заслуженной славы, уваженія отъ всѣхъ людей русскихъ.

Но судьба рѣшила иначе. Нежданно негаданно закатилась звѣзда Артамона Сергѣевича: скончался царь. Сила перешла въ руки Милославскихъ, и они сейчасъ же поспѣшили отдѣлаться отъ Матвѣева.

На него посыпались одно за другимъ всевозможныя обвиненія. Во дворцѣ начали говорить, что невозможно такого подозрительнаго человѣка какъ *Артемонъ* оставить правителемъ царской аптеки въ то время, какъ государь боленъ—того и жди отравитъ!—и отняли у Матвѣева аптеку.

Потомъ новое обвиненіе:—датскій резидентъ Монсъ Гей, выѣзжая изъ Москвы, подалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему пяти сотъ рублей за рейнское вино, поставленное имъ ко двору, и что на требованіе его прислали ему изъ посольскаго приказа фальшивый контрактъ на эту поставку. Немедленно-же пятьсотъ рублей выплатили Гею, а Матвѣева лишили завѣдыванія посольскими дѣлами и рѣшили выслать его изъ Москвы.

Артамонъ Сергѣевичъ ушамъ своимъ не вѣрилъ, услышавъ о такомъ рѣшеніи. Онъ любилъ Ѳеодора, съ самаго его дѣтства заботился о немъ, какъ о родномъ сынѣ, и вотъ этотъ Ѳеодоръ, вступивъ на престолъ, сразу выдаетъ его головою Милославскимъ. Сразу начинаетъ великою ему обидою и не даетъ даже способа оправдаться.

Поѣхалъ Артамонъ Сергѣевичъ во дворецъ: можетъ быть царь выслушаетъ и дѣло разъяснится... Но до



**Видъ женскаго Богородицкаго монастыря въ Казани.** Рис. Клерже, грав. Гильдебрандтъ.



**Мысъ Нордкапъ на сѣверѣ Норвегіи.** Рис. Невилъ, грав. Лапландтъ.

царя его не допустили. Вышелъ бояринъ Стрѣшневъ и вынесъ указъ изъ царскихъ комнатъ въ переднюю и объявилъ боярину:

„Указалъ великій государь быть тебѣ на службѣ въ Верхотурьѣ воеводою“. Такъ, не простясь съ царемъ, Матвѣевъ долженъ былъ ѣхать въ свою почетную ссылку. Собралъ онъ сына, племянниковъ, людей необходимыхъ: монаха, священника да учителя, дворню большую да двѣ пушки для безопасности. Поѣхали... но едва успѣли доѣхать до Лаишева, какъ Матвѣева остановили. Явился полуголова Московскихъ стрѣльцовъ Лужинъ и потребовалъ книгу лечебникъ, въ которой многія статьи писаны цыфирью, потребовалъ вмѣстѣ съ книгами и двухъ людей: Ивана еврея и карлу Захара.

Книги лечебника, писанной цыфирью, у Артамона Сергѣевича не оказалось; людей же онъ выдалъ. Пока остановились въ Лаишевѣ; прожили здѣсь съ мѣсяцъ. Только вдругъ какъ-то ночью разбудили Артамона Сергѣевича: пріѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковнинъ, да думный дьякъ Семеновъ.

Что имъ еще нужно?

Вышелъ Матвѣевъ; они ему и чести, какъ подобало, не отдали; даже не встали при его входѣ, а тотчасъ же съ разными грубостями стали требовать, чтобъ онъ выдалъ имъ жену Ивана еврея, да всѣ письма, какія у него есть, все имущество на осмотръ, да племянниковъ, да монаха, да священника, да всѣхъ людей какіе съ нимъ были.

Матвѣевъ не сталъ перечить: выдалъ все и всѣхъ.

Тогда Соковнинъ и Семеновъ отправились на съѣзжій дворъ и прислали оттуда сказать Матвѣеву, чтобы и онъ сейчасъ же явился.

Пришлось Артамону Сергѣевичу идти пѣшимъ.

На съѣзжемъ дворѣ и его и всѣхъ, кто былъ съ нимъ, допрашивали все о томъ же лечебникѣ, допытывались какимъ образомъ составлялось и подносилось лекарство больному царю Өедору.

Матвѣевъ разсказалъ обо всемъ подробно.

Соковнинъ и Семеновъ, взявъ съ него письменное объясненіе, уѣхали, а ему приказано было отправиться въ Казань.

Въ Казани воевода, Иванъ Богдановичъ Милославскій, приставилъ къ нему караулъ. Отняли у Артамона Сергѣевича почти всѣхъ людей. Онъ опять не сталъ спорить, съ достоинствомъ отвѣчалъ посланнымъ и не унывалъ духомъ.

Но скоро его терпѣнію и его спокойствію конецъ пришелъ. Очевидно врагамъ его, Милославскимъ, еще мало было, хотѣлось имъ въ конецъ обидѣть боярина, вдоволь надъ нимъ насмѣяться,—повели его съ сыномъ въ съѣзжую избу пѣшкомъ на позоръ людямъ и громко прочли вины его. Его обвиняли въ томъ, что онъ подавалъ царю лекарство, непопробовавъ предварительно. Кромѣ того лекарь Давыдъ Берло доносилъ, что лечилъ онъ у Матвѣева Карлу Захара, а тотъ говорилъ ему, что боленъ отъ побоевъ господскихъ:

Какъ то, вишь, заснулъ онъ за печью въ палатѣ, въ которой Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ читали черную книгу. Во время этого чтенія пришло къ нимъ множество злыхъ духовъ. Духи объявили, что есть у нихъ въ избѣ третій человѣкъ. Тогда Матвѣевъ вскочилъ и, найдя его за печью, поднялъ, ударилъ о землю, топталъ и выкинулъ изъ палаты замертво.

При этомъ Берло прибавлялъ, что онъ самъ видѣлъ какъ Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ и съ переводчикомъ грекомъ Спафаріемъ, запершись, читали черную книгу. Спафарій училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея.

Эти обвиненія были такъ нелѣпы и возмутительны, что вся кровь ударила въ голову Артамона Сергѣевича. Онъ хотѣлъ оправдываться, объясняться; но дьякъ, читавшій вины, закричалъ: „слушай!, молчи! не говори!“

Матвѣевъ замолчалъ. Онъ понялъ что оправданія ни къ чему не поведутъ, да и что стыдно ему оправдываться передъ дьякомъ, когда царь не хотѣлъ выслушать его оправданій!

Послѣ этого отняли у Артамона Сергѣевича боярство, все имѣніе, оставили ему только тысячу рублей и сослали съ сыномъ въ Пустозерскъ.

## IV.

Страшныя воспоминанія! Потъ холодный отъ этихъ воспоминаній выступилъ на высокомъ челѣ Артамона Сергѣевича и ужъ не до спанья ему было.

„И кто руку то на меня поднялъ... онъ, Өедоръ!... Өедюша! тотъ самый Өедюша, котораго я на рукахъ нянчилъ, котораго училъ грамотѣ, которому всякія забавы придумывалъ.“

„Какъ умиралъ государь Алексѣй Михайловичъ, я великой клятвою поклялся работать на его сына.... всю душу свою положилъ бы въ него, всѣ силы старыя!.... а онъ.... онъ не постыдился повѣрить этимъ глупымъ наговорамъ, счелъ меня за чернокнижника... Но что-жь это? поднялся съ подушки Артамонъ Сергѣевичъ и перекрестился. Что это—я зломъ поминаю покойника!... прости меня Господи!“

И онъ сталъ горячо молиться за упокой души царя Өеодора.

„Нѣтъ, не Өедюша виноватъ—онъ былъ добръ, справедливъ и душа у него была чистая“ думалъ далѣе Артамонъ Сергѣевичъ, „только слабость одолѣла, болѣсть лютая, такъ ужь гдѣ же ему было разбирать правду и кривду... А тутъ сестры обступили... Милославскіе: народъ все хитрый! Чай онъ и не зналъ совсѣмъ о томъ, что со мной дѣлали—не дошло до него ни одно письмо мое.“

И сталъ изумляться Артамонъ Сергѣевичъ какъ это онъ тогда не сообразилъ, что писать царю и жаловаться—безполезно, что его письма не выйдутъ изъ рукъ Милославскихъ, будутъ для нихъ предметомъ злораднаго зубоскальства.

Дѣйствительно, матвѣевскія письма со смѣхомъ читались и перечитывались въ теремѣ, да у Милославскихъ. Царю ихъ не показывали—знали, что если покажутъ, такъ *Артемонъ* будетъ оправданъ: ужь больно красно онъ расписываетъ, да и хитрости въ его оправданіяхъ не мало. Вишь какъ оправилъ себя, по захаркиному дѣлу:

„Передъ твоими боярами, писалъ Матвѣевъ, Захарка спрашиванъ и пытанъ и сказалъ, что въ то время, какъ я съ докторомъ Стефаномъ и Спафаріемъ читалъ книгу, онъ, Захарка, за печью уснулъ и захрапѣлъ, и будто я, услышавъ его храпѣніе, схватилъ его за волосы и толкнулъ черезъ порогъ, но онъ ничего не сказалъ съ пытки о приходѣ злыхъ духовъ, ясно, что воръ Давыдка это выдумалъ. А хотя бы Захарка и сказалъ, что видѣлъ злыхъ духовъ, то вѣрить нечему: надлежало бы допросить его, какъ онъ нечистыхъ духовъ могъ видѣть. Каковъ ихъ образъ? и почему онъ знаетъ образъ духовъ нечистыхъ? А воръ Давыдка почему не сказалъ, что мы читали въ черной книгѣ и какія дѣла и какія слова слышалъ онъ въ чтеніи? а чему меня и сынишку моего Спафарій училъ?. У карлы Захарки два ребра переломлены, но переломалъ ихъ ему Иванъ Соловцовъ, съ которымъ онъ игралъ, и не отъ моихъ побоевъ онъ былъ боленъ. Злые духи сказали, что „есть у васъ въ комнатѣ третій человѣкъ„ то есть Захарка, но самъ Захарка показалъ, что трое насъ читали черную книгу: я, докторъ Стефанъ и Спафарій, и я не знаю, кто очелся—духи ли проклятые, низверженные, или воръ Давыдка и карло: четырехъ человѣкъ считаютъ за три. Захарка сказалъ, что спалъ за печью, а у меня въ палатишкѣ за печью спать нельзя—двѣ стороны у печи свободны, третья

печью придѣлана къ самой палатишкѣ и промежутка нѣтъ, а четвертая стѣна—у той печное устье. Захарка же сказалъ, что онъ спалъ и храпѣлъ. Какъ спящему человѣку возможно слышать, кто что говоритъ? или человѣку храпленіе свое слышать? Спафарій меня не училъ не только что богопротивному чему нибудь, но и ничему: не до ученья было въ вашихъ государскихъ дѣлахъ,—а сынишку моего училъ по гречески и по латыни, литерамъ малыя части......“

„Хитеръ чортъ Артемошка!“ порѣшили Милославскіе и припрятали эту челобитную подальше отъ глазъ царскихъ.

Но чего-жь теперь думать обо всемъ этомъ? всѣ печали прошли безслѣдно... Артамонъ Сергѣевичъ снова окруженъ почетомъ; его ждетъ въ столицѣ, во дворцѣ царскомъ первое мѣсто. Теперь онъ вдоволь, въ свою очередь можетъ насмѣяться надъ врагами своими, можетъ сторицею заплатить всѣмъ Милославскимъ. Но не о мести думаетъ Матвѣевъ... Конечно отниметъ онъ силу у враговъ своихъ—это необходимо для государства, для царя Петра Алексѣевича, ибо теперь враги Матвѣева въ тоже самое время и враги царскіе. Но не станетъ онъ издѣваться надъ ними, какъ они надъ нимъ издѣвались—не подобаетъ это христіанину...

На этихъ мысляхъ совсѣмъ было успокоился Артамонъ Сергѣевичъ, даже засыпать сталъ. Но въ полуснѣ представился ему блѣдный образъ покойнаго Ѳеодора, и снова старый бояринъ раскрылъ глаза, и началъ шевелиться, и кряхтѣть на мягкой перинѣ.

Горькое чувство опять запало ему въ душу,—такъ и умеръ царь, не примирившись съ нимъ, считая его врагомъ своимъ... его врагомъ!

И опять вспомнились старые походы, когда не щадилъ онъ жизни своей на службѣ царской.

Вотъ помнится ему какъ ратные люди пошли изъ подъ Львова и пришла тогда самая нужда: отецъ сына, братъ брата мечутъ. И пришелъ голодъ и холодъ. Солдаты стрѣльцы, дворяне побросали въ степи пушки, припасы всѣ ратные и разбѣжались; бояринъ Бутурлинъ пошелъ скорымъ походомъ. Одинъ только Артамонъ Сергѣевичъ остался въ степи съ побросанными пушками и запасами да съ людьми немногими. Впряглись они всѣ сами тогда подъ пушки и всѣ пятьдесятъ девять пушекъ и съ запасами на своихъ спинахъ доставили до Бѣлой Церкви и до Москвы.

А то вотъ подъ Конотопомъ великій упадокъ учинился государскимъ людямъ и отступили воеводы къ Путивлю, такъ кто какъ не онъ, Матвѣевъ, строилъ тогда путь и обозъ и въ цѣлости доставилъ въ Путивль. Но развѣ это одно? и не упомнитъ Артамонъ Сергѣевичъ всѣхъ службъ своихъ—и въ походахъ, и въ посольскомъ приказѣ. Все, на что стóитъ теперь посмотрѣть въ Москвѣ, все, чѣмъ можно похвастаться передъ иноземцами—все это его рукъ дѣло... а его обвинили въ разныхъ дѣлахъ непотребныхъ; обвинили даже въ грабежѣ и безчинствѣ, когда онъ можетъ, не краснѣя, дать отчетъ въ каждой нажитой имъ копѣйкѣ...

„Но Богъ съ ними, Богъ съ ними! шепталъ старикъ!— и въ обидахъ былъ, въ тѣснотѣ и голодѣ, такъ не роптать старался, а теперь то что-же? теперь нужно благодарить Бога.“

Онъ сталъ шептать слова молитвы и незамѣтно уснулъ сномъ глубокимъ.

Только рано утромъ выѣхать въ Москву не удалось: возставъ отъ сна, Артамонъ Сергѣевичъ плохо себя почувствовалъ—можетъ съ отвычки, съ плохой пищи, какая была у него въ заключеніи, покушалъ чего нибудь лишняго; пришлось отложить отъѣздъ до вечера.

Но Матвѣевъ скоро началъ раскаиваться въ своемъ рѣшеніи. Пришли къ нему изъ Москвы нѣсколько человѣкъ стрѣльцовъ и разсказали, что у нихъ тамъ дѣется, разсказали, что бунтъ совсѣмъ готовъ и не сегодня, завтра вспыхнетъ.

Матвѣевъ вскочилъ въ ужасѣ и негодованіи.

— Что-жь это я, вѣдь еще не умеръ! небось и такъ доѣхалъ бы. Нечего больше медлить!... запрягать лошадей.... скорѣе ѣдемъ!.. Уничтожу бунтъ или положу жизнь за государя, чтобъ глаза мои, на старости лѣтъ, большей бѣды не увидали!

Сейчасъ же начали собираться и скоро выѣхали. Но день задался знойный, очень быстро ѣхать было трудно и до Москвы добрались только къ вечеру.

Съ невольнымъ трепетомъ подъѣзжалъ Артамонъ Сергѣевичъ къ своимъ хоромамъ. Видитъ, ворота стоятъ настежъ... большой дворъ травой заросъ—выполоть ее не успѣли—а на дворѣ люду всякого видимо не видимо. Колымаги, кареты, верховые кони со множествомъ стремянныхъ, вершниковъ, слугъ... видно много сюда важныхъ гостей понаѣхало.

Вошелъ Артамонъ Сергѣевичъ въ хоромы и со всѣхъ сторонъ окружила его толпа бояръ, окольничихъ, сановниковъ, всѣхъ чиновъ воинскихъ начальниковъ. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили привѣтствовать вернувшагося боярина, о которомъ еще нѣсколько дней тому назадъ никто и не думалъ.

Всѣ поздравляли его съ благополучнымъ пріѣздомъ, безбожно льстили ему и лгали, клянясь, что ежечасно помышляли о немъ, молились за него Богу, ждали не дождались его возвращенія. Въ числѣ присутствовавшихъ было не мало и приверженцевъ Милославскихъ.—Они явились для того, чтобъ все вывѣдать, выслушать, что будетъ говорить Матвѣевъ и подробно донести о словахъ его въ теремъ. Не было только въ палатахъ Артамона Сергѣевича боярина Ивана Милославскаго—тотъ продолжалъ больнымъ сказываться.

Не радостно становилось на душѣ у Матвѣева.

Разспросивъ обо всемъ, что въ Москвѣ творится, догадавшись и самъ о многомъ, онъ убѣждался съ каждой минутой все яснѣе и яснѣе, что пріѣхалъ на трудное, тяжкое дѣло.

Рвалось его сердце поскорѣй къ царицѣ Натальѣ, но теперь было поздно, пришлось отложить посѣщеніе дворца до слѣдующаго утра.

Раннимъ рано поднялся Артамонъ Сергѣевичъ и поѣхалъ въ Кремль. Тамъ его встрѣтили съ восторгомъ неописаннымъ.

Царица бросилась ему на шею, обнимала его, цѣловала, заливалась слезами, спѣшила обо всемъ разсказать, передать всѣ свои опасенія, узнать отъ него, что онъ думаетъ о томъ, о другомъ? Какъ онъ намѣренъ поступить? Что нужно дѣлать?

Никто и не хотѣлъ скрываться, что на него одного у нихъ вся надежда, что онъ теперь здѣсь хозяинъ, и всѣ будутъ его слушаться, безпрекословно исполнять его приказанія.

Выбѣжалъ къ Артамону Сергѣевичу и царь Петръ, не дождался чтобы старикъ поцѣловалъ его руку и поздравилъ его на царствѣ, крѣпко обнялъ своими дѣтскими, но уже сильными рученками шею боярина и называлъ его дѣдушкой, и цѣловалъ, и смѣялся.

— Ахъ, дѣдушка, говорилъ Петръ, слава Богу, что ты наконецъ пріѣхалъ, а то безъ тебя такъ было страшно! Матушка все плачетъ, убивается; дядья всѣ головы повѣсили; стрѣльцы приходятъ на дворъ, буянятъ... Вонъ вчера матушка укладывала меня спать, такъ плачетъ, говоритъ слова такія страшныя, что будто бы хотятъ убить меня,—да вишь ты не дастъ она меня никому въ обиду! Только гдѣ же ей, дѣдушка, защитить меня—я скорѣй защищу ее, а вотъ ты теперь пріѣхалъ, такъ точно защитникъ. Вонъ смотри, вишь, матушка ужъ и улыбается, авось теперь плакать перестанетъ. А то, глядя на нее, и мнѣ самому все плакать хотѣлось. Нѣтъ, теперь мы больше не будемъ плакать,—

теперь мы съ тобою, дѣдушка, дѣло начнемъ дѣлать, стрѣльцовъ усмирять будемъ—вѣдь да, вѣдь правда? вѣдь мы усмиримъ ихъ?..

— Усмиримъ, государь, усмиримъ, мое золотое дитятко! повторялъ Артамонъ Сергѣевичъ, наклоняясь своимъ грузнымъ, старческимъ тѣломъ передъ маленькимъ царемъ, цѣлуя его руки и глядя на него съ любовью.— Выросъ то какъ, выросъ! говорилъ онъ, обращаясь къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, и на глазахъ его блестѣли радостныя слезы.—Молодецъ какой! Красота какая! О, государыня, помяни слова мои—старость то вѣдь вѣщунья—помяни: великій государь будетъ сынъ твой Петръ Алексѣевичъ!

Но очень то поддаваться радостямъ свиданія Артамону Сергѣевичу было некогда. Онъ спѣшилъ проститься пока съ царицею и отправился къ патріарху Іоакиму.

Тотъ принялъ его во внутренней кельѣ и долго тайно съ нимъ бесѣдовалъ.

Съ нахмурённымъ лицомъ вышелъ отъ Патріарха Матвѣевъ, поѣхалъ къ старому своему пріятелю князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому.

Главный начальникъ стрѣлецкій, Долгорукій, лежалъ теперь больной и было ему плохо. Но не смотря на свою болѣзнь онъ зналъ обо всемъ, что творится въ городѣ, а главное въ слободахъ стрѣлецкихъ.

Съ тяжелымъ, мучительнымъ чувствомъ выслушалъ его разсказъ Артамонъ Сергѣевичъ и долго потомъ сидѣлъ молча, опустивъ на грудь свою сѣдую голову.

— Что-жь это такое, князь? наконецъ сказалъ онъ,— не пустая это сплетня—всѣ толкуютъ одно и тоже... вонъ и патріархъ, и Нарышкины, и другіе бояре. Большую кашу заварили Милославскіе, нужно дѣйствовать немедленно—но какъ тутъ станешь дѣйствовать? запустили вы больно дѣло то, видно не со вчерашняго дня началось все, заранѣе подготовлялось и только вы поздненько разглядѣли.

— Правъ ты, правъ, Артамонъ Сергѣевичъ! со стономъ отвѣтилъ Долгорукій,—ни на что мы не гожи. Я вотъ какъ пластъ лежу.... на тебя одного вся надежда!

— Плохая надежда, печально усмѣхнулся Матвѣевъ,—самъ я, друже, совсѣмъ расшатался, ужъ не то, что былъ прежде. Вотъ слушаю васъ всѣхъ и ума не приложу, какъ быть тутъ, въ головѣ мысли путаются... Думаю такъ, что все же обождать надо, дождаться какого нибудь безчинства со стороны стрѣльцовъ и тогда съ ними начать расправу. А то попробовать развѣ мнѣ собрать ихъ да потолковать съ ними, добромъ потолковать?

— Вотъ этакъ то лучше! произнесъ Долгорукій.

— Ну, значитъ, и ладно, на томъ и порѣшимъ, тряхнулъ головою Матвѣевъ.—Въ старину толковать да уговаривать я гораздъ былъ,—авось они меня послушаютъ. А не послушаютъ, такъ пускай разорвутъ на части. Не могу я видѣть этакой смуты—вся душа моя отъ нея разрывается!

Артамонъ Сергѣевичъ, смигнулъ невольно набѣжавшія на глаза слезы, и простился съ Долгорукимъ.

Онъ отправился къ себѣ домой и не мало былъ обрадованъ, когда узналъ, что его ужь съ часъ времени дожидаются выборные стрѣльцы, изъ всѣхъ полковъ, съ хлѣбомъ и солью.

Онъ немедленно къ нимъ вышелъ.

— Здравствуйте, дѣтки! ласковымъ голосомъ произнесъ онъ.

Стрѣльцы поклонились ему въ поясъ и подали хлѣбъ-соль.

— Спасибо, большое вамъ спасибо, дѣтки! сказалъ имъ Матвѣевъ. Радуется сердце мое, что вы меня не забыли.

— Какъ же намъ забыть тебя, нашего батюшку? отвѣчали стрѣльцы,— помнимъ мы всѣ твои милости, всю твою ласку. Радость большая у насъ, что ты по добру по здорову въ Москву къ намъ вернулся. Вотъ и пришли мы къ тебѣ взглянуть на твои свѣтлые очи, да въ ножки тебѣ поклониться. Не оставь насъ, батюшка Артамонъ Сергѣевичъ, твоею милостью, заступись за насъ!...

И всѣ стрѣльцы дѣйствительно поклонились въ ноги Матвѣеву.

Онъ началъ поднимать ихъ.

— Что вы, дѣтки? Что вы? зачѣмъ кланяться мнѣ въ ноги? Царю такъ кланяйтесь... Въ чемъ же ваша просьба? говорите...

— Да тѣснятъ насъ больно, отвѣчали стрѣльцы,— начальство у насъ нынѣ плохое, справедливости къ себѣ никакой не видимъ... Такъ ужъ будь ты нашимъ заступникомъ! Вѣдь тебѣ больше, чѣмъ другимъ боя-



**Ширъ-Али-ханъ, Эмиръ Афганистанскій.** Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



Богомольцы на ступеняхъ храма Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Рис. съ натуры И. Земцовъ, грав. Б. Пуцъ.

рамъ заслуги наши извѣстны.... на тебя вся наша надежда!

„Что-жь это такое? подумалъ Матвѣевъ, ничего не разберу, что тутъ дѣется... Вотъ что значитъ время то: и не такъ давно кажется Москву покинулъ, а теперь все перепуталось, все другое; сразу никакъ не разберешься. Нѣтъ, тутъ нужно хорошенько осмотрѣться— можетъ вовсе не бунтъ затѣвается, можетъ и вирямь стрѣльцы не такъ ужъ виновны,— а разумные то наши бояре чуточную искорку въ пожаръ раздули. Этакъ, не разсмотрѣвши, да дѣло начать, такъ того и жди самъ своими руками себѣ яму выкопаешь, нѣтъ нужно осмотрѣться..."

Артамонъ Сергѣевичъ ласковыми словами успокоилъ стрѣльцовъ, обѣщалъ имъ всякую защиту отъ несправедливостей и взаключеніе выразилъ имъ надежду, что сами они будутъ вести себя какъ слѣдуетъ добрымъ слугамъ царя и отечества, никакихъ безпорядковъ и буйствъ заводить не станутъ.

— А тебѣ ужь на насъ нажаловались; видно и не вѣсть чего насказали! раздалось между стрѣльцами.— Мы не бунтовщики, мы, вишь ты, справедливости только хотимъ, а съ такими полковниками, что насъ какъ липокъ обдираютъ, жить не станемъ!

И стрѣльцы, почесываясь и переминаясь, вышли отъ Матвѣева.

Почти было успокоенный нервымъ впечатлѣніемъ этого свиданія, онъ снова глубоко задумался надъ тономъ послѣднихъ словъ выборныхъ стрѣлецкихъ. Въ этомъ тонѣ ему послышалось что-то мрачное, непонятное, тяжелое, и сжалось его сердце какимъ то мучительнымъ предчувствіемъ...

## Къ рисункамъ.

### Мысъ Нордкапъ въ Норвегіи.

Нордкапъ, самый сѣверный мысъ Европы, находится, какъ извѣстно, на сѣверѣ Норвегіи на островѣ Магероэ. Новыя изслѣдованія показали, что низменный утесъ Книфскіоероддепъ заходитъ въ океанъ еще далѣе Нордкапа, тѣмъ не менѣе колоссальная величина послѣдняго отвоевала себѣ извѣстность и первенство у узкаго утеса. Выдерживая въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій страшныя нападенія грознаго моря, громаднаа скала съ ослѣпительно бѣлыми полосами снѣга въ глубокихъ расщелинахъ своей вершины гордо вздымается, рисуясь на холодномъ сѣверномъ небѣ красивыми очертаніями.

Нордкапъ собственно представляетъ одну скалу, довольно ровную на протяженіи 2—3 миль, но къ концу склоняющуюся и спадающую къ морю почти вертикально, образуя полукруглое очертаніе. Высота скалы здѣсь равняется 1000 фут. Сѣверная же часть удлиняется въ примѣтный острый уголъ. Темно-сѣрая масса лѣтомъ съ западной стороны до 500 фут. покрывается растительностью. Вершина же засыпана мелкими камнями, обломками мрамора, между которыми тамъ и сямъ пробиваются пурпуровые цвѣточки Blocop, единственное растеніе на этой высотѣ.

Кой-гдѣ въ углубленіяхъ по камнямъ стекаютъ ручьи чистой, прозрачной воды. Сильныя землетрясенія раскололи скалу, и въ громадныхъ трещинахъ вѣчно хранятся снѣга. Впрочемъ, надобно сказать, что зима на Нордкапѣ совсѣмъ не такъ сурова, какъ можно бы думать, сообразуясь съ его сѣвернымъ положеніемъ. Полярные холода здѣсь теряютъ свою силу, благодаря высокимъ горнымъ цѣпямъ, отдѣляющимъ узкую береговую полосу отъ восточныхъ склоновъ Швеціи и Финляндіи и защищающимъ норвежскіе берега отъ холодныхъ восточныхъ вѣтровъ; съ другой стороны теплыя воды Гольфштрема, выходя изъ Мексиканскаго залива, протекая чрезъ Атлантическій океанъ, достигаютъ сѣверныхъ береговъ Норвегіи и приносятъ съ собою тепло. Такимъ образомъ Норвежскія гавани бываютъ открыты во всякое время для судовъ. Въ цѣломъ, Нордкапъ представляетъ грандіозное величественное зрѣлище; голыя скалы, внизу безграничный океанъ, сверху такой же сводъ неба. Здѣсь особенныя чувства наполняютъ душу. Тутъ нѣчто подавляющее своимъ величіемъ. Единственное мѣсто, къ которому можно пристать, на Нордкапѣ, находится на западной сторонѣ въ какихъ нибудь 1½ англ. мил. отъ оконечности мыса, но достигнуть верхней платформы можно только длиннымъ обходомъ.

Въ настоящее время, Норвежскіе берега получили значеніе и пріобрѣтаютъ большую извѣстность. Какъ знаютъ наши читатели, теперь уже открыто водяное сообщеніе Россіи съ Сибирью, и „Нива" имѣла случай помѣстить по этому предмету статью и рисунокъ того судна, которое первое совершило путешествіе изъ Енисея въ Неву (см. Ниву 1878 г. № 4, стр. 68). Теперь уже нѣсколько пароходовъ совершаютъ рейсы между Енисеемъ и Гаммерфестомъ.

Гаммерфестъ находится на островѣ Гвалое и есть самый сѣверный городъ въ Европѣ, если не считать нѣсколькихъ еще ближе къ полюсу лежащихъ бѣдныхъ сибирскихъ мѣстечекъ, не заслуживающихъ названія городовъ. Прежде Гаммерфестъ также былъ не лучше и не людиѣе этихъ жалкихъ селеній, но теперь уже имѣетъ видъ хорошо устроеннаго города; а въ гавань его приходитъ множество судовъ. Замѣтимъ, что здѣсь въ Гаммерфестѣ на высотѣ 620 ф. надъ уровнемъ моря еще растетъ береза; но ель уже не встрѣчается.

### Ширъ-Али-ханъ, эмиръ Афганскій.

Отецъ Ширъ-Али-хана, Достъ-Магометъ, эмиръ Афганскій, властвовалъ съ 1829—63 годъ; у него было 12-ть сыновей. Теперешній эмиръ, Ширъ-Али, былъ избранъ своимъ отцемъ Достъ-Магометомъ, наслѣдникомъ ханскаго трона. Когда умеръ въ 1863 году Достъ-Магометъ, братья Ширъ-Али-хана, на первый разъ, повидимому, повиновались волѣ отца. Но затѣмъ, наконецъ, Ширъ-Али долженъ былъ, все-таки, вести изъ-за трона войну съ своимъ старшимъ братомъ, и борьба эта была нѣкоторое время безуспѣшна для Ширъ-Али, до такой степени безуспѣшна, что старшій братъ его Афууль-ханъ съ тріумфомъ вступилъ въ Кабулъ 21-го мая 1866 г. и былъ затѣмъ провозглашенъ эмиромъ. Британско-индійское правительство, однако, отказалось признать его въ этомъ достоинствѣ. Тогдашній вице-король Индіи, сэръ Джонъ-Лауренсъ, устроилъ такъ, что Ширъ-Али вступилъ во владѣніе большею частію Афганистана. Въ 1868 г. умеръ его братъ-соперникъ Афууль-ханъ, и Ширъ-Али вступилъ тогда въ Кабулъ и получилъ полную безраздѣльную власть надъ Афганистаномъ. Можно предполагать, что въ хитромъ и предпріимчивомъ эмирѣ уже въ 1869 году созрѣвала мысль о вторженіи въ Бухару; но отъ этого онъ былъ удержанъ британскими консулами, по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ англичане. Со времени третейскаго суда по извѣстному Секстанскому вопросу въ 1871 г. (т. е. по спорному вопросу между Персіей и Афганистаномъ о границахъ) когда, по совѣту одного британскаго посредника, одной изъ спорящихъ сторонъ, именно Персіи, былъ присужденъ большой кусокъ территоріи,—возникли нѣсколько натянутыя отношенія между эмиромъ и британскими властями, не прекращавшіяся и до сего времени. Напротивъ, въ 1876 году эти натянутыя отношенія достигли своего высшаго предѣла и превратились въ политически-враждебныя, повлекшія, наконецъ, за собою удаленіе изъ Кабула англійскаго агента. Послѣ этого случая, къ которому присоединился еще отказъ, со стороны эмира, сэру Дугласу Форсайту пройдти черезъ Афганскую границу,—все это породило такія отношенія между Англіей и Афганистаномъ, которыя уже даже трудно охарактеризовать словами и которыя сама англійская печать называетъ положеніемъ „пассивнаго выжиданія". Съ тѣхъ поръ, какъ со стороны Россіи состоялось посольство въ Кабулъ генерала Абрамова, Британіей въ высшей степени овладѣла, всегда впрочемъ свойственная ей, подозрительность. Какъ бы въ отвѣтъ на миссію Россіи, Англія отправила въ Афганистанъ свое спеціальное посольство, во главѣ котораго стоитъ сэръ Невилль Чемберленъ. Но афганскій эмиръ отказался принять англійское посольство. Сэрь Невилль Чемберленъ находился довольно долгое время въ Пешаверѣ, дожидаясь отвѣта эмира,—но не дождался, и двинулся впередъ, къ Кабулу, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы лицо, везущее отвѣтъ эмира, находится въ Алимусьидѣ; но въ Алимусьидѣ, вмѣсто посланца эмира, оказался сильный отрядъ афганскихъ войскъ, который загородилъ дорогу англійскому посольству съ его вооруженною свитою, занявъ высоты, командующія ущельемъ. Сэръ Чемберленъ далъ знать объ этомъ сюрпризѣ, по телеграфу, вице-королю Индіи, и вскорѣ получилъ отъ него приказаніе возвратиться назадъ, потому что посольство къ эмиру отмѣняется. Изъ этого въ высшей степени непріязненнаго поступка эмира афганскаго, Англія, или, говоря точнѣе, англійская печать заключаетъ, что *эмиръ заключилъ союзъ съ Россіей.* Англійская же печать давно толкуетъ на всѣ лады, что Англіи ничего другого не остается, какъ занять Афганистанъ, объявивъ эмиру войну. Но вопросъ еще въ томъ, какъ посмотритъ на вновь затѣвающуюся войну англійскій парламентъ. Какая будетъ развязка этого, заинтересовавшаго теперь всю Европу, дѣла—не замедлитъ обнаружиться вскорѣ.

Изъ дѣтей эмира Ширъ-Али-хана получилъ извѣстность Якубъ-ханъ, имѣющій теперь около 30 лѣтъ отъ роду. Онъ открыто возсталъ противъ отца въ 1870 г. Это возстаніе было довольно продолжительно и кончилось заключеніемъ Якубъ-хана въ тюрьму, въ Кабулѣ, въ 1874 г. Въ этомъ заключеніи

Якубъ-ханъ, по всей вѣроятности, находится и до сихъ поръ. Въ послѣднее время, впрочемъ, много говорили о бѣгствѣ Якубъ-хана изъ тюрьмы; но англо-индійская печать не вѣритъ слухамъ объ этомъ бѣгствѣ. Существуетъ общее мнѣніе, что, не смотря на опалу, все-таки преемникомъ эмира будетъ объявленъ Якубъ-ханъ. Нельзя не думать, что виновницею въ этомъ замѣшательствѣ, происках, интригахъ все-таки представляется Англія. Со времени сдачи въ наше обладаніе Карса, Ардагана и Батума, въ Англіи и Англо-Индіи утвердилось политическое вѣрованіе, уже обратившееся въ поговорку, что только тотъ будетъ въ состояніи удержать въ своей власти Индію, кто овладѣетъ Афганистаномъ. Слѣдовательно, Англія имѣетъ уже твердые виды на обладаніе Афганистаномъ, и недавнее посольство къ эмиру составляетъ только прелюдію къ этому захвату. Покамѣсть же Англія усилила только такъ называемый „политическій контроль" надъ Афганистаномъ. Индійское населеніе, однако, не вѣритъ въ продолжительность англійскаго владѣнія Афганистаномъ, если даже Англіи удастся захватить его.

Вообще „Афганскій вопросъ" теперь обращаетъ на себя все болѣе и болѣе вниманіе Европы. Турецкій Султанъ отправилъ Саида-Решада-пашу въ качествѣ спеціальнаго посланца къ Афганскому эмиру, въ Кабулъ, Ширъ-Али, въ свою очередь, прислалъ въ Константинополь тайнаго агента, поручивъ ему передать непосредственно султану рѣшеніе эмира по вопросу о дипломатическихъ сношеніяхъ между Турціей и Афганистаномъ. Агентъ этотъ прибылъ въ Константинополь, съ соблюденіемъ строжайшаго инкогнито, 5-го (17-го) сентября; турецкое правительство отвело ему помѣщеніе и приняло на себя всѣ издержки по его содержанію. Говорятъ, афганскій агентъ сообщилъ Портѣ, что эмиръ совѣтуетъ ей остерегаться Англіи и дѣйствовать въ согласіи съ Россіей по вопросамъ, касающимся интересовъ мусульманъ въ Средней Азіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ширъ-Али приглашаетъ Порту, въ возможно скорѣйшемъ времени, прислать въ Кабулъ оттоманское посольство, отъѣздъ котораго, дѣйствительно, послѣдуетъ на дняхъ же. Въ настоящее время, изготовленіе роскошныхъ подарковъ, предназначенныхъ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ для афганскаго эмира, приходятъ къ концу; въ числѣ этихъ подарковъ обращаетъ на себя вниманіе великолѣпная шуба, расшитая жемчугомъ и драгоцѣнными камнями высокой стоимости.

## Богомольцы въ Москвѣ.

Рисунокъ представляетъ одну изъ сценъ, столь частыхъ въ Москвѣ, богатой православною святынею. Богомольцы, совершившіе быть можетъ далекій тысячеверстный путь, добрались, наконецъ, до стѣнъ Московскаго Кремля. Посѣтивъ храмъ Василія Блаженнаго и поклонившись его святынѣ, они остановились на ступенькахъ этого храма и всматриваются въ окружающія ихъ зданія. Высокій сѣдовласый богомолецъ, вѣроятно уже бывавшій въ Москвѣ, что-то толкуетъ остальнымъ, лица которыхъ, смотря по особенностямъ каждаго, выражаютъ и удивленіе, и любопытство и чувство благоговѣнія.

Въ художественномъ отношеніи рисунокъ обращаетъ на себя вниманіе не столько по выразительности лицъ, сколько по красивой группировкѣ фигуръ.

## Красавица Сераля.

Гаремная жизнь выработалась на востокѣ исторически, приняла извѣстныя формы и правила и до сихъ поръ управляется разъ установленнымъ порядкомъ, завѣщаннымъ ей давно прошедшимъ временемъ. Такъ, напримѣръ, іерархія султанскаго гарема представляетъ такой же правильный планъ, какъ и всякая другая іерархія, и чиноначаліе здѣсь соблюдается самымъ строжайшимъ образомъ. Каждая хорошенькая рабыня, купленная на Кавказѣ или въ Курдистанѣ, можетъ конечно надѣяться на повышеніе, но все-таки въ извѣстномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. Такъ, если она удостоилась обратить на себя вниманіе повелителя правовѣрныхъ, то тотчасъ же получаетъ званіе—*Гіэзде* и поселяется въ особомъ помѣщеніи; если же расположеніе къ ней султана не прекращается, то она вскорѣ принимаетъ титулъ—*гербали* т. е. фаворитки, дающій ей право на постоянное содержаніе и на особый штатъ. Но высшимъ званіемъ, о которомъ вздыхаетъ и къ которому стремится каждая гіэзде и каждая гербали—это почетное званіе *кадины* т. е. признанной жены султана. Положеніе кадинъ имѣетъ большое преимущество сравнительно съ положеніемъ другихъ обитательницъ сераля. Онѣ остаются въ своемъ высокомъ званіи до самой смерти своего повелителя и супруга, а потомъ поступаютъ подъ покровительство его законнаго наслѣдника. Если же, по какому нибудь счастливому случаю, которой нибудь изъ кадинъ удалось увидѣть на тронѣ своего сына, то она становится Валиде—султанъ, т. е. султаншей-матерью. Валиде-Султанъ занимаетъ высшее положеніе въ женской іерархіи гарема и всѣ обитательницы послѣдняго должны безпрекословно подчиняться ей и оказывать ей такія же почести, какъ самому султану. Конечно такое высокое положеніе достигается очень немногими изъ затворницъ сераля и большинство ихъ влачитъ безцвѣтное, безотрадное существованіе въ мимолетномъ званіи какой нибудь низшей фаворитки падишаха. Для каждой гаремной красавицы жизнь дѣлится на два, весьма отличные другъ отъ друга, періода: въ первый періодъ она со злобою встрѣчаетъ каждую новую соперницу; интригуетъ, сплетничаетъ, наговариваетъ и ведетъ постоянную борьбу. Второй періодъ—это періодъ утомленія и апатіи: чувства притупляются, красавица дѣлается невозмутимо—равнодушной ко всему окружающему; она свыкается съ своимъ положеніемъ, не гнѣвается, не ропщетъ и надъ ней сбываются слова поэта:

„Привычка свыше намъ дана,—
„Замѣна счастія она.

А. Н.

## Иглы рыбки и морскіе коньки.

Иглы рыбки и морскіе коньки были уже отчасти описываемы на страницахъ „Нивы," по поводу общаго рисунка, изображающаго ихъ въ акваріумѣ (см. Ниву 1875 г. № 29 стр. 453). Помѣщая въ настоящемъ номерѣ рисунокъ, дающій болѣе явственное изображеніе этихъ интересныхъ рыбокъ, мы дадимъ предварительно нѣсколько свѣдѣній вообще объ особенностяхъ строенія рыбъ и ихъ внутренней организаціи, обусловливаемой той средою, въ которой онѣ проводятъ свою жизнь.

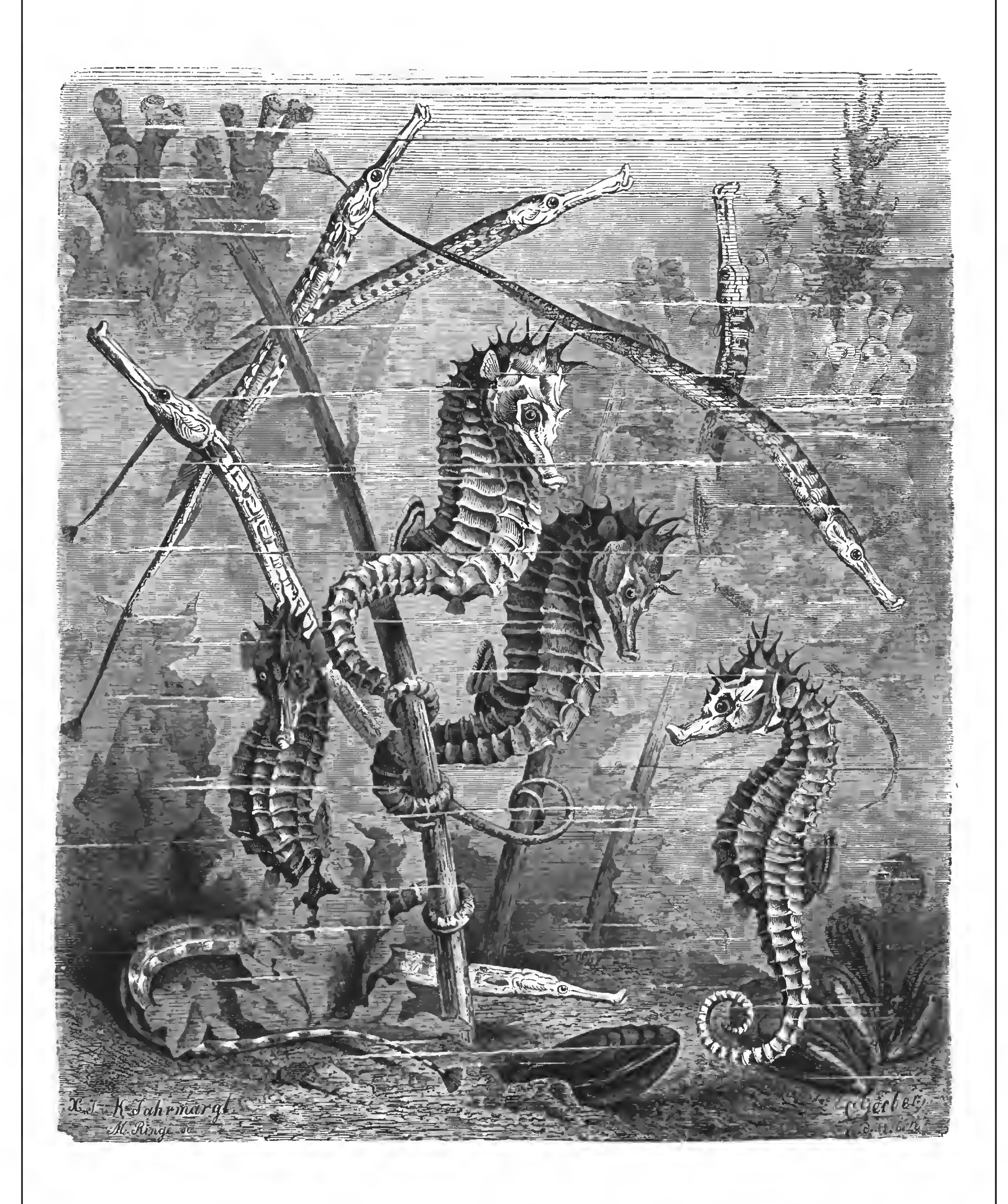
Нужно прежде всего сказать, что, не смотря на значительное разнообразіе видовъ рыбъ, всѣ онѣ въ главной формѣ своего тѣла сходствуютъ между собою. Форма эта обыкновенно плоская, сжатая съ боковъ, часто съ острымъ килемъ съ брюшной стороны для болѣе удобнаго прорѣзыванія воды. Поверхность тѣла покрыта чешуйками, лежащими другъ на другѣ подобно черепицѣ. Дышутъ рыбы посредствомъ жаберъ, съ чѣмъ связуется и простое устройство венознаго сердца. Жабры находятся по сторонамъ глотки; для того, чтобы вода дошла до жабръ, рыбы открываютъ ротъ и втягиваютъ воду. Органами движенія служатъ массы мышцъ, которыя тянутся четырьмя рядами вдоль тѣла отъ головы до конца хвоста. Быстро сгибая хвостъ и заднюю часть туловища то направо, то налѣво, эти мышцы производятъ движенія впередъ, причемъ помогаютъ и плавники, съ такимъ родомъ движенія сообразуется и строеніе позвоночнаго столба, непосредственное сочлененіе головы съ туловищемъ. Свободноподвижная шея могла бы только препятствовать движенію и потому шеи собственно нѣтъ. Въ своей передней части туловище рыбы неподвижно и въ своихъ частяхъ тѣсно сплочено, уже далѣе оно становится болѣе подвижнымъ и, не раздѣляясь на грудную, брюшную и поясничную области, переходитъ въ хвостъ, съ чрезвычайно подвижными позвонками, слѣдствіемъ чего хвостъ и становится главнымъ органомъ движенія.

Скелетъ рыбъ представляетъ много разнообразныхъ формъ, отъ самыхъ простыхъ первичныхъ до болѣе развитыхъ, свойственныхъ рыбамъ. формъ скелета. Нервная система рыбъ стоитъ на простѣйшей и низшей ступени во всемъ типѣ позвоночныхъ. Нервы ихъ мало вѣтвятся и оттого мало чувствительны. Изъ органовъ чувствъ болѣе всего развито зрѣніе. У большинства рыбъ глаза состоятъ изъ плоскаго глазного яблока съ относительно большимъ и почти шаровиднымъ хрусталикомъ, далеко выдвигающимся впередъ зрачка. Вѣкъ или нѣтъ совсѣмъ, или ихъ замѣняютъ неподвижныя складки кожи; только у хрящевыхъ рыбъ есть нижнія и верхнія вѣки. Глаза рыбъ не могутъ быть направлены на извѣстную опредѣленную точку, потому что двигательные мускулы въ нихъ отсутствуютъ; за то зрачекъ и хрусталикъ очень велики, и потому глазъ рыбы имѣетъ широкое поле зрѣнія. Представителемъ слуховаго органа у рыбъ служитъ кожистая часть лабиринта; у многихъ костистыхъ рыбъ слуховой органъ соединяется съ плавательнымъ пузыремъ. Слухъ рыбъ вообще мало развитъ.

На этомъ основаніи высказываются учеными наблюдателями предположенія, что едва-ли рыбы могутъ пугаться громкаго говора на берегу или звона, такъ какъ звуковыя движенія, при переходѣ въ воду, задерживаются и совершенно прекращаются въ болѣе плотныхъ ея слояхъ. Другое дѣло, когда происходитъ сотрясеніе почвы (напримѣръ при ѣздѣ по берегу),—это сотрясеніе рыбы весьма скоро замѣчаютъ, такъ какъ оно съ значительною быстротою отражается на водѣ. Обоняніе рыбъ состоитъ изъ двухъ наглухо закрытыхъ носовыхъ полостей, внутренняя поверхность которыхъ значительно увеличивается складками, образуемыми слизистою оболочкою. У нѣкоторыхъ носовая трубка проходитъ въ небо и служитъ дыхательнымъ путемъ, регулирующимъ входящую въ жабры воду. Органомъ вкуса служитъ, повидимому, мясистая часть неба, богатая нервами; языкъ встрѣчается не всегда у рыбъ, а имѣющійся находится въ крайне зачаточномъ состояніи и покрытъ жесткою оболочкою. Для осязанія, рыбамъ служатъ губы съ ихъ придатками т. е. усиками и можетъ быть также нѣкоторые отдѣляющіеся отъ плавниковъ длинные лучи. Система же боковыхъ каналовъ передаетъ чувствительность кожѣ, такъ какъ въ порахъ боковой линіи лежатъ нервные узелки. соединенные съ нервною нитью—отчего становится весьма вѣроятнымъ, что это и есть органы ощущенія. Такъ какъ рыбы дышутъ жабрами, то у нихъ связь чувствъ обонянія и вкуса находятся еще



**Красавица Сераля.** Рис. Вайкслгуберъ, грав. Цамарскій.




**Иглы рыбки и морскіе коньки.** Рис. съ натуры К. Герберъ, грав. Ярмаркъ и Рингъ.

въ болѣе тѣсномъ родствѣ, чѣмъ обыкновенно бываетъ у животныхъ, дышущихъ чрезъ носъ.

Натуралистъ Деви высказываетъ такое предположеніе, что у рыбъ въ грибовидной и богатой нервами слизистой оболочкѣ зѣва, называемой „языкомъ карповъ", есть особые органы и нервы, при помощи которыхъ онѣ въ состояніи судить о количествахъ воды и о растворенныхъ въ ней веществахъ. Натуралистъ этотъ считаетъ положительно несомнѣннымъ, что рыба весьма охотно идетъ на такую приманку, которая отличается пахучестью, такъ напримѣръ на пахучее тѣсто или на особенно пахучихъ червей. Засимъ, наблюденія указываютъ, что губы и усики рыбъ служатъ имъ важными органами для различенія годной и негодной къ употребленію пищи. Кромѣ того, усики имѣютъ, какъ кажется, назначеніе—предохранять рыбъ отъ соприкосновеній съ посторонними предметами, но эти-же усики у нѣкоторыхъ рыбъ служатъ орудіемъ для приманки добычи.

Температура, въ которой живутъ рыбы, почти не разнится отъ температуры ихъ крови; кровь эта бываетъ обыкновенно красная и только у нѣкоторыхъ рыбъ—бѣлая.

Большинство рыбъ размножается яйцами, которыя онѣ мечутъ въ воду, въ удобныхъ мѣстахъ, икрой; только немногіе рождаютъ живыхъ дѣтенышей. Размноженіе обыкновенно происходитъ только разъ въ году и въ опредѣленное по различнымъ отдѣльнымъ семействамъ время года, чаще всего весной. Вымеченная самкою икра оплодотворяется въ водѣ самцомъ. Фактъ внѣшняго оплодотворенія рыбьихъ яицъ и привелъ къ возможности искусственнаго оплодотворенія и искусственнаго разведенія рыбъ. Несравненно бо́льшая часть рыбъ питается животною пищею, частію—какъ акулы и другія большія рыбы—маленькими морскими и прѣсноводными животными, особенно раками и молюсками. Иныя рыбы всеядны, а иныя, какъ напр. карпы, питаются растеніями.

Рыбы раздѣляются на нѣсколько разрядовъ: костистыхъ, трубкосердыхъ — съ ланцетовидной формой тѣла, безъ головнаго мозга и черепной коробки, съ пульсирующими сосудами и безцвѣтной кровью; круглоротыхъ—червеобразныхъ, съ хрящевымъ скелетомъ, съ круглымъ сосущимъ ртомъ; хрящевыхъ также съ хрящевымъ скелетомъ, но по своей организаціи стоящихъ во главѣ рыбъ въ качествѣ высшей группы.

Изображенныя на нашемъ рисункѣ рыбы относятся къ костистымъ, имѣющимъ костяной скелетъ и позвоночный столбъ, состоящій изъ раздѣльныхъ позвонковъ. Кожа костистыхъ покрыты черепицеобразно расположенными чешуйками.

Костистыя въ свою очередь дѣлятся на нѣсколько отдѣловъ, какъ то: пучкожаберныхъ, сростночелюстныхъ, мягкоперыхъ, колючеперыхъ, безколючихъ.

Представителями пучкожаберныхъ служатъ иглорыбки, морскіе коньки и пегасы. Тѣло ихъ покрыто четырехугольными костяными щитиками, а голова вытянута въ видѣ хоботка. Главное отличіе этой группы составляетъ особенная форма жаберъ, которая въ противоположность жабрамъ прочихъ костистыхъ, состоитъ изъ немногихъ листочковъ, вздутыхъ на подобіе пуговицъ. Рыбы этого отдѣла являютъ замѣчательный примѣръ заботы о своемъ размноженіи. У самцовъ на корнѣ хвоста находятся почти всегда два кожистые клапана, образующіе вмѣстилище, въ которое принимаются яйца и гдѣ онѣ высиживаются. Молодыя рыбки выходятъ оттуда уже развитыми. Пучкожаберныя—маленькія рыбы, живущія между морскими водорослями. Длина морского конька бываетъ напр. до 8 дюймовъ; но морская игла иногда въ морѣ достигаетъ до 2 фут. длины. На себя эти маленькія рыбки обращаютъ вниманіе только своею странною формою: и за такую наружность и за плавныя, легкія движенія морскихъ коньковъ, всегда плывущихъ вертикально, и за граціозное волненіе въ водѣ морскихъ иглъ—ихъ охотно помѣщаютъ въ акваріяхъ.

Случается, что морскіе коньки, подплывши близко одинъ къ другому, сцѣпятся хвостами, и тогда, стараясь разцѣпиться, они долго возятся, отыскивая точку опоры въ водоросляхъ. Глаза ихъ, какъ у хамелеона, двигаются независимо одинъ отъ другого. Подобныя свойства составляютъ привлекательность для наблюдателя, особливо же игра ихъ цвѣта.

Голова морского конька, какъ видно изъ рисунка, чрезвычайно похожа на голову лошади. Цвѣтъ рыбки свѣтло-коричневый съ голубымъ или зеленоватымъ оттѣнкомъ. Морская игла съ тонкимъ тѣломъ, съуживающимся постепенно къ концу и заканчивающимся хвостовымъ плавникомъ. Рыльце иглы напоминаетъ форму дудки. Цвѣтъ кожи темно-коричневый, съ еще болѣе темными окрапинами.

Z.

# Клеопатра.

## (Этюдъ профессора Ниссена)

(Продолженіе).

Александрія съ своею превосходною гаванью, самыми благопріятными средствами сношенія, сдѣлалась господствующимъ всемірнымъ рынкомъ на Средиземномъ морѣ. Ея пути сообщенія достигали въ Африкѣ далеко за Экваторъ: эти пути обнимали Индію и Индійскій архипелагъ и даже отдаленный Китай. Но къ торговлѣ присоединялась еще индустрія, или фабричная промышленность. Выдѣлка полотна, стекла, папируса, особенно процвѣтала въ Александріи. Засимъ, Александрія была прекраснѣйшій, по наружности, городъ въ древности, построенный по величавому плану въ своеобразномъ стилѣ. Разные цари, наперерывъ, старались украсить молодую столицу великолѣпными постройками. Народонаселеніе, простиравшееся числомъ *до милліона*, состояло преимущественно изъ грековъ, египтянъ и евреевъ. Ловкое и дѣятельное это населеніе умѣло не только наживать богатства, но и пользоваться ими. Духовныя дарованія Александрійцевъ доказываются ихъ необыкновенною способностью къ остротамъ. Нигдѣ не было столь рѣзкихъ и острыхъ, подобно бритвѣ, языковъ и нигдѣ населеніе не было болѣе способнымъ отъ слова сейчасъ же перейдти къ дѣлу,—какъ именно въ Александріи. Шумныя сходища, споры, волненія и проч. принадлежали къ обыкновеннымъ событіямъ дня. Но самая рельефная черта, выступавшая въ характерѣ александрійцевъ—это было ихъ глубокое пониманіе и восторженная любовь къ музыкѣ. Музыкальная способность проникала всѣ слои населенія, и обыкновенный чернорабочій, переносчикъ тяжестей, не умѣющій ни читать, ни писать, въ большей части случаевъ, оказывался непогрѣшимымъ судьею и указателемъ фальшиво взятой ноты или неумѣстнаго аккорда. Затѣмъ, ко всѣмъ преимуществамъ географическаго положенія города присоединялся еще и благопріятный климатъ; Александрія славилась еще въ древности какъ мѣсто „климатическаго леченія". И это не могло быть иначе. Въ богатомъ, роскошномъ городѣ культивировались всѣ искусства, служащія для улучшенія жизни и эстетической утонченности. Здѣсь была высшая школа наслажденія жизнію. Александрія, пишетъ одинъ изъ посѣтителей этого города, бывшій въ немъ за 50 л. до Р. Х., относительно красоты, величія, богатства, роскоши и комфорта, далеко оставляетъ за собою всѣ другіе города. Но и не этимъ только однимъ; чтобы дополнить картину, нужно еще прибавить, что Александрія превосходнѣе другихъ городовъ древности и въ умственномъ отношеніи. Александрія обладала не только самыми величественными научными учрежденіями и средствами образованія, библіотеками, обсерваторіями, ботаническимъ и зоологическимъ садами, но въ ней никогда не переводились и великіе ученые. Александрія была пріютомъ и питомникомъ современныхъ намъ наукъ, математики, астрономіи, естествовѣденія, медицины, географіи и филологіи. Если съ универсальной точки зрѣнія измѣрять заслуги всемірныхъ городовъ, если сравнивать то, что они сдѣлали для пополненія общей суммы человѣческаго знанія, и вообще для одухотворенія и облагороженія человѣческаго бытія, для возвышенія господства человѣка надъ грубою, матеріальною природою, то окажется, что Римъ, напримѣръ, займетъ *самое низкое* мѣсто, а Александрія *самое высокое* мѣсто. Городъ Цезарей и Папъ лежитъ на весьма тощей, въ духовномъ отношеніи, почвѣ. Напротивъ, въ городѣ при устьяхъ Нила сочетались геній Греціи съ стародревнею мудрою опытностью Востока, и отъ этого сочетанія произошли тѣ творческія мысли, которыми пробитъ вѣрный путь къ современной культурной жизни. Но нельзя въ короткихъ словахъ охарактеризовать значеніе Александріи. Возьмите лучше для сравненія примѣръ. Представьте себѣ прекраснѣйшій и привлекательнѣйшій всемірный городъ новаго времени роскошно наслаждающійся и въ то же время представляющій бездну сокровищъ человѣческаго ума и знанія, бездну ученыхъ и научныхъ учрежденій.—Такимъ, конечно, вы назовете современный Парижъ. Перенесите же его на берегъ разстилающагося необъятною голубою ширью Средиземнаго моря—и вы будете имѣть идею объ Александріи *)..

*) Изъ множества описаній Александріи, сдѣланныхъ въ нашемъ вѣкѣ, однимъ изъ самыхъ лучшихъ можно считать описаніе извѣстнаго берлинскаго египтолога, профессора Бругша. «Почти во всѣхъ улицахъ Александріи,—говоритъ Бругшъ, можно встрѣтить валяющіеся обломки гранитныхъ и мраморныхъ колоннъ и капителей. Самыми лучшими капителями арабы украшаютъ входы въ свои жилища. Цистерны, или древніе городскіе водоемы, число которыхъ простирается до 2000,—всѣ весьма древняго происхожденія; многія изъ нихъ замурованы, другія остаются открытыми. По ихъ расположенію, обыкновенно, узнаютъ направленіе Александрійскихъ улицъ. За симъ есть въ Александріи огромное множество катакомбъ, особенно скученныхъ въ сѣверо-восточной части города, въ такъ назыв. Корсо. Эти «огромные гробы» расположены направо и налѣво отъ дороги, при чемъ ясно можно узнать фундаменты древнѣйшихъ зданій. Дорога усыпана глыбами гранита и порфира. Въ этомъ именно мѣстѣ Августъ побѣдилъ Антонія. Катакомбы представляютъ *тройкій* характеръ построекъ: или онѣ были съ выгнутымъ сводомъ и въ нихъ погребали мертвыхъ или они представляли комнату четвероугольной формы, высѣченную въ известнякѣ, или же сводъ ихъ соединялся подъ острымъ угломъ, на подобіе свода сельскихъ домиковъ. На стѣнахъ внутри катакомбъ остались слѣды грубой греческой и римской живописи. Въ средн катакомбы всегда найдешь остатки мраморныхъ плитъ, колоннъ и капителей; попадаются и саркофаги, или гробницы, съ изящными скульптурами цвѣтущаго римскаго періода искусства. Подвигаясь далѣе среди лабиринта этихъ подземныхъ сооруженій, къ сѣверо-западу, къ морю, встрѣчаемъ исполинскія сооруженія

Обладатель Египта былъ уже съ глубокой древности самый богатый человѣкъ во всемъ мірѣ. Каждогодно въ неизмѣнномъ регулярвомъ порядкѣ, рѣка Нилъ разливается изъ береговъ, покрываетъ поля, удобряетъ ихъ своимъ иломъ и обусловливаетъ необычайное плодородіе египетской почвы. Населеніе же Египта, необычайно прилежное и трудолюбивое, всегда тщательно собирало богатую жатву полей, и весь полученный отъ жатвы этой продуктъ шелъ властителю Египта, и властитель этотъ представлялся единственнымъ землевладѣльцемъ страны. И какая жестокая желѣзная участь тяготѣла, да и теперь еще тяготѣетъ надъ несчастною, но крайне стойкой египетской расой!.. 5—6 тысячъ лѣтъ тому назадъ, египетскіе рабочіе должны были обтесывать громадные камни для постройки пирамидъ, этихъ величайшихъ сооруженій, которыя когда либо воздвигала человѣческая рука. Да и въ настоящее время, внѣшнимъ образомъ, участь феллаховъ почти не перемѣнилась. Но несчастное турецкое владычество весьма значительно уменьшило благословенные дары Нила, множество пахатной плодородной земли запущено, а вслѣдствіе этого и населеніе Египта убыло на половину. Въ настоящее время народонаселеніе Египта считается приблизительно 4 милліона, тогда какъ въ древности оно достигало 7½ милліоновъ, не считая греческіе города. Конечно, и теперь упорнаго, соединеннаго съ потомъ и кровью труда 4-хъ милліоновъ феллаховъ достаточно, чтобы доставить египетскому хедиву такое раскошное существованіе, о которомъ не можетъ мечтать ни одинъ изъ сильныхъ міра сего. Однако и хедивъ не можетъ помѣриться роскошью съ своими древними предшественниками. Напримѣръ, доходы отца Клеопатры, по однимъ извѣстіямъ, простирались до 10 милліоновъ, а по другимъ—они доходили до цифры большей 20-ти милліоновъ нынѣшнихъ прусскихъ или германскихъ талеровъ *), а такъ какъ тогдашняя цѣна денегъ превосходила нынѣшнюю въ 3 или въ 4 раза, то мы уже здѣсь имѣемъ дѣло съ такими суммами, которыя, по своей громадности, ускользаютъ отъ всякаго точнаго опредѣленія и смѣются надъ всякою подобною попыткою. Отецъ Клеопатры былъ страстный любитель музыки и, благодаря своей виртуозности въ игрѣ на флейтѣ, получилъ прозваніе „*Аулета*", т. е. игрока на флейтѣ. Этотъ царь не былъ доволенъ своими сокровищами. При династіи Птоломеевъ Египетъ и его преуспѣяніе и богатства стали клониться къ быстрому упадку, каковое явленіе всегда бываетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ деспотизма. Недугъ полигаміи или многоженства, расшаталъ и потрясъ славный домъ Птоломеевъ, а воздававшіяся этимъ царямъ божескія почести, заставлявшія массу народа уничтожаться и валяться въ прахѣ у ногъ властителей—эти почести отуманили и ослѣпили ихъ разумъ. Дикій и варварскій обычай держать при дворѣ цѣлый полкъ придворныхъ льстецовъ, евнуховъ и разныхъ наемныхъ лизоблюдовъ—обычай свойственный восточнымъ дворамъ, пустилъ свои корни и при дворѣ Птоломеевъ, а къ этому присоединились еще отвратительныя жестокости, выражавшіяся въ убійствахъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Вотъ римляне и воспользовались этимъ упадкомъ египетской династіи. Они могли бы, не медля и безъ особаго труда покорить Египетъ, во они не знали чего собственно достигнутъ они этимъ завоеваніемъ. Пока Римъ былъ свободнымъ государствомъ, Египетъ былъ обезпеченъ отъ римскаго завоеванія. При этихъ условіяхъ, ни одна партія въ Римѣ не могла допустить, что бы другая партія бросилась на ловлю добычи, пріобрѣтеній, завоеваній. Ни одинъ римскій государственный человѣкъ не потерпѣлъ бы если бы его сотоварищъ пустился на эту заманчивую ловлю. Но, однако, всѣ эти аристократы и демократы, личности высшаго происхожденія и герои, вышедшіе изъ среды римской черни,—всѣ эти Крассы, Цезари, Помпеи, Габоніи, Клодіи, Цицероны, всѣ эти руководители Римской республики, подобно піявкамъ, напрерывъ присасывались къ египетскому царю, чтобы насытиться благословенными дарами Нила. Въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ египетскій царь управлялъ среди постоянныхъ униженій, причиняемыхъ римскими оптиматами; но относительно своихъ подданныхъ онъ былъ правитель весьма жестокій. Въ силу частнаго домашняго закона Лагидовъ, Птоломей Аулетъ былъ соединенъ узами брака съ своею сестрою Клеопатрою. Отъ этого брака онъ имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Изъ нихъ старшею была дочь; она возмутилась противъ отца, владѣла въ теченіе многихъ лѣтъ трономъ. и, наконецъ, когда отецъ ея, при помощи римскаго оружія, вновь возведенъ на потерянный тронъ, она погибла отъ руки палача. Но потомъ по смерти Аулета, въ 52 г. до Р. Х., Египетское царство досталась второй его дочери Клеопатрѣ, вышедшей замужъ за своего старшаго брата Птоломея. При восшествіи на тронъ этой царственной пары, Клеопатрѣ было 17, а ея брату и супругу только 9-ть лѣтъ отъ роду.

Древніе любили представлять свои города подъ именемъ женщинъ,—или подъ именемъ, издревле почитавшихся воинственныхъ богинь, какъ Аѳина-Паллада, или же—богинь, снабженныхъ рогомъ изобилія, какъ Copia и Abundantia *). Эти представленія и въ новѣйшее время весьма часто принимаются въ ихъ аллегорическомъ смыслѣ. Такъ, богиня города Александріи называлась *Изидою*, творящею владычицею природы, владычицею, которая въ долинѣ Нила такъ осязательно ниспосылаетъ человѣку свое благословеніе. Подобное же воззрѣніе существовало и относительно *Афродиты* или *Венеры*, богини любви. Впослѣдствіи Клеопатра охотно допускала своимъ подданнымъ чествовать себя какъ Изиду, и даже приняла титулъ „Новой Изиды". И царица была не совсѣмъ неправа, потому что рѣдко съ большею рельефностью городъ воплощался и олицетворялся въ человѣкѣ, чѣмъ всемірно-торговый городъ при устьѣ Нила воплотился въ своей послѣдней царицѣ. Мы, конечно, не въ состояніи составить себѣ достаточно ясное представленіе о красотѣ Клеопатры, основанное на туземныхъ египетскихъ давныхъ. Сохранившіеся на монетахъ портреты знаменитой египетской царицы слишкомъ грубы и имѣютъ весьма малую художественную цѣну, а изъ тѣхъ портретовъ Клеопатры, гдѣ художники древняго и новаго времени руководились своею фантазіей, мы еще и того менѣе вправѣ заключать о дѣйствительныхъ, а не вымышленныхъ чертахъ лица Клеопатры. Современники Клеопатры обрисовываютъ ее въ слѣдующихъ чертахъ: „Ея красота, сама по себѣ, конечно, не была несравненною, и чувства зрителя не очаровывались ею при одномъ только взглядѣ: но въ обращеніи она обнаруживала неодолимую привлекающую силу. Очаровывающее теченіе ея рѣчи, какая-то особенная, трогающая прелесть ея души, всего ея существа сообщали ея прелестямъ какое-то жало, которое глубоко вонзалось въ душу человѣка, удостоеннаго ея обращенія. Было уже высокимъ удовольствіемъ слышать одинъ звукъ ея голоса. Ея языкъ уподоблялся лирѣ, снабженной многими струнами; она владѣла каждымъ языкомъ съ равнымъ совершенствомъ". За симъ, у насъ есть много доказательствъ утонченнаго образованія Клеопатры. О высокомъ полетѣ и совершенствѣ, которые обнаружилъ ея умъ еще въ самые юные годы, свидѣтельствуетъ ея обширное и основательное изученіе языковъ. Для того времени такое изученіе имѣло громадную пользу. На Востокѣ, гдѣ столько разнообразныхъ языковъ и племенъ находилось въ одной какой либо монархіи,—для достоинства властителя не могло быть лучшей рекомендаціи, какъ его умѣнье объясняться безъ переводчика со всѣми національностями своего государства. Кромѣ своего родного греческаго языка, Клеопатра знала не только языки своихъ подданныхъ, какъ-то египетскій, эѳіопскій, еврейскій, но она владѣла также рѣчью арабовъ, сирійцевъ, персовъ и важнѣйшими идіотизмами другихъ азіатскихъ языковъ. Понятно, что городъ, подобный Александріи, долженъ былъ питать гордыя мысли и давать имъ направленіе къ самой высшей цѣли человѣческаго честолюбія и самолюбія. Въ стѣнахъ Александріи находился прахъ великаго Александра, ея основателя. Древнее предвѣщаніе гласило, что одно уже обладаніе прахомъ Александра составляетъ ручательство за всемірное господство. Въ Александріи же покоился прахъ царей изъ дома Птоломея Лаги,—царей, слава и счастье которыхъ, пополняли страницы исторіи. Конечно, времена уже перемѣнились. Востокъ со всѣмъ своимъ богатствомъ и со всѣмъ своимъ образованіемъ, подчинился чуждому варварскому народу запада. Предъ римскими легіонами были смяты полчища царей и развѣяны какъ прахъ предъ лицемъ вѣтра. Извѣстный мужествомъ и строгостію нравовъ римлянинъ, Катонъ, называлъ азіатовъ „*старыми бабами*". И вотъ въ этихъ-то золотыхъ цѣпяхъ, которыя постепенно ковали для Египта римляне и о которыхъ мы говорили выше, и выросла Клеопатра. Съ восшествіемъ ея на престолъ, положеніе Египетскаго государства нисколько не улучшилось. Массѣ придворныхъ трутней и лизоблюдовъ молодая энергическая царица, желавшая сама твердо захватить бразды правленія,—была вовсе не по душѣ. Недовольная партія придворныхъ начала подстрекать царственнаго отрока противъ его старшей сестры и жены. Клеопатра должна была бѣжать и собрать на границѣ государства свои войска, чтобы оружіемъ возстановить свое право на обладаніе трономъ. Во время своего дѣтства она видѣла открытое возмущеніе своей сестры противъ отца, теперь же сама увидѣла себя запутанною въ войну противъ брата. Ея грудь волновали. ея энтузіазмъ возжигали героическіе планы и дѣла Великаго Александра. Но она должна была идти другимъ путемъ и пустить въ ходъ иныя средства, чѣмъ герой-юноша, предводительствовавшій Македонскою фалангою и низвергшій и поразившій въ прахъ Персидское царство. Клеопатра была все таки женщина, и не смотря на все ея мужество и неустрашимость, военное дѣло было ей не совсѣмъ по плечу.

(Окончаніе въ слѣд. №).

так назыв. *купаленъ* или *морскихъ бань Клеопатры*. Вглубь этихъ бань подземныя сооруженія имѣютъ протяженіе громадное. Сквозь ихъ известняковые своды просачивается вода и образуетъ сталактиты и сталагмиты. Всѣ входы въ эти пещеры подобны входамъ въ храмы. Самыя бани Клеопатры находятся непосредственно на берегу моря или, точнѣе, образуютъ большую часть берега. Онѣ состоятъ изъ большихъ комнатъ, высѣченныхъ внутри скалъ и опущенныхъ въ море. Уцѣлѣли изъ этихъ бань только *три*. Вышина ихъ 10 футовъ. Сообщаются онѣ между собою дверями, и за симъ изъ одной бани сохранился подземный ходъ къ морю»... (*Примѣч. переводч.*).

*) Это по разсчетамъ самого автора и другихъ нѣмецкихъ писателей, писавшихъ объ Египтѣ. Прусскій или Германскій талеръ, (оставляя въ сторонѣ нынѣшнее паденіе курса) составляетъ 92, 61 копѣйки на наши деньги, слѣдовательно, сумма въ 10—20 милліоновъ талеровъ окажется только немногимъ меньшею, при переводѣ на наши рубли.

*) То и другое латинское названіе значитъ *изобиліе, избытокъ*.

# Политическія и внутреннія извѣстія.

Изъ политическихъ событій за послѣдніе дни главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе отказъ венгерскаго министерства въ выдачѣ суммъ Австріи на веденіе дѣла по оккупаціи Босніи. Отказъ этотъ венгерское министерство основало на томъ, что нельзя взваливать на Венгрію новые военные расходы, и тѣмъ поставило вѣнское правительство въ величайшее затрудненіе. Продолжать компанію безъ денегъ, понятно, нельзя; а деньги трѣбуются не только на то, чтобы занять при помощи оружія Боснію и Герцеговину, но и для того, чтобы привести ихъ въ порядокъ послѣ занятія. Это „возстановленіе порядка“ потребуетъ не менѣе значительныхъ расходовъ, чѣмъ были до сихъ поръ произведены по оккупаціи. Австрія, положимъ, можетъ прибѣгнуть къ инымъ мѣрамъ въ добычѣ денегъ, а именно къ займу, но и заемъ можетъ вызвать новую оппозицію со стороны венгерцевъ, такъ какъ они „вообще“ не сочувствуютъ австрійской оккупаціи и высказываютъ рѣшительное намѣреніе отозвать венгерскія войска съ театра военныхъ дѣйствій въ Босніи.

Изъ такого положенія дѣлъ выходъ для австрійцевъ весьма труденъ: или разладъ съ Венгріей, или отозваніе войскъ изъ Босніи—то и другое есть въ высшей степени крайняя мѣра! Чѣмъ все это разрѣшится—укажетъ недалекое будущее, и будущее это представляется уже теперь въ весьма мрачныхъ краскахъ въ виду внутренняго разлада въ Имперіи Габсбурговъ.

За симъ обращаетъ на себя вниманіе афганскій вопросъ, созданный смѣлымъ отказомъ эмира въ пріемѣ англійскаго посольства. Объ этомъ вопросѣ мы уже по возможности ясно въ свое время сообщали нашимъ читателямъ. Теперь обстоятельства этого дѣла сводятся на приготовленіе къ походу въ Афганистанъ Англіи для возстановленія, такъ сказать, своей чести, оскорбленной Ширъ-Али-Ханомъ. Но это немедленное возстановленіе чести встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія именно въ томъ, что есть опасеніе на возможность враждебнаго образа дѣйствій со стороны пограничныхъ племенъ, могущихъ выставить до 100,000 бойцовъ. Такимъ образомъ возстановлять честь оказывается пока неудобно. Болѣе осторожные изъ государственныхъ людей Англіи напрямки совѣтуютъ отказаться отъ вторженія въ Афганистанъ и утѣшаютъ своихъ соотечественниковъ, что, молъ, „худой миръ лучше доброй ссоры“. Ссора эта въ самомъ дѣлѣ можетъ повести къ усложненію дѣлъ по владычеству Англіи въ Индіи. Въ этомъ же номерѣ „Нивы“ читатели найдутъ въ статьѣ о Афганскомъ Эмирѣ свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ нему Турціи.

О положеніи дѣлъ въ Китаѣ читатели наши уже знаютъ изъ свѣдѣній сообщенныхъ въ № 37 „Нивы“ (см. стр. 674), гдѣ описываются размѣры голода, постигшаго эту страну. Китай какъ видно намѣренъ войдти въ болѣе близкія сношенія съ нами и съ этою цѣлью назначаетъ постояннаго посла при Петербургскомъ дворѣ. До сихъ поръ въ Россіи (да кажется и ни гдѣ въ другихъ государствахъ) о китайскихъ посланникахъ не слыхивали. Значитъ и въ жизни Китая не безъ перемѣнъ.

---

Пожары—наше вѣчное горе и избавиться отъ него мы ни какимъ образомъ не можемъ. Такъ въ Рязани недавно пожаромъ истребило цѣлыя три улицы. Убытки однихъ страховыхъ обществъ простираются до 450.000 руб.

По случаю встрѣчи возвращающихся съ бывшаго театра войны войскъ въ Петербургскомъ обществѣ высказалось желаніе увѣковѣчить подвиги нашихъ героевъ учрежденіемъ въ Петербургѣ инвалиднаго дома на собранный по подпискѣ капиталъ. Въ настоящее время уже поступило нѣсколько суммъ, такъ между прочими кунгурскій гражданинъ А. Губкинъ пожертвовалъ 50 т. руб.

Между присоединеннымъ къ русскимъ владѣніямъ Батумомъ и Поти-Тифлисской желѣзной дорогой предполагается устроить соединительную вѣтвь. Для изысканія пути командируется правительственная комиссія.

Для нашихъ городскихъ банковъ въ послѣднее время возникло предположеніе издать особыя обязательныя правила по веденію какъ отчетностей, такъ и бухгалтерскихъ книгъ. Правила эти, безъ сомнѣнія, окажутъ нѣкоторую пользу дѣлу; но будутъ-ли они гарантировать честность кассировъ—пока неизвѣстно.

Наконецъ, съ 25 августа открыто правильное пассажирское и товарное движеніе въ участкѣ уральской горнозаводской желѣзной дороги отъ Перми до станціи Чусовой. Далѣе вплоть до Екатеринбурга правильное пассажирское движеніе откроется между 15 и 20 сентября. Росписанія движеній по всей линіи уже утверждены министерствомъ путей сообщенія и по открытіи движенія будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе. Всѣхъ станцій и полустанцій на этой новой дорогѣ, на протяженіи 468 верстъ сдѣлано 43: изъ нихъ станцій I класса двѣ: въ Екатеринбургѣ и Перми. По дорогѣ находятся нѣсколько тоннелей, едва-ли не самыхъ большихъ изъ всѣхъ тоннелей на русскихъ желѣз. дорогахъ, 19 металлическихъ мостовъ, много небольшихъ деревянныхъ. Проложенію желѣзнаго пути въ этой мѣстности представляли большія препятствія уральскія горы, болота и т. п. Кстати прибавимъ: первая станція передъ переваломъ за Уральскія горы называется Европейской, а первая станція за переваломъ по ту сторону кряжа—Азіатской. Станція же въ самомъ перевалѣ названа Уральской.

Отъ Уральской желѣзной дороги перейдемъ къ другой, только что разрѣшенной, а именно Петербургско-Сѣстрорѣцкой, на протяженіи 36 верстъ. Дорога будетъ проходить отъ товарной станціи Николаевской желѣзной дор., мимо Невскаго Монастыря, чрезъ мостъ на р. Невѣ на Охтѣ, позади Старой и Новой деревни, мимо Лахты. Цѣль этой желѣзной дороги—передача грузовъ прямо съ николаевской желѣзной дороги въ сестрорѣцкій портъ безъ перегрузки. Вслѣдствіе низкаго курса на кредитный рубль, акціи этой дороги не будутъ реализироваться на биржѣ, а постройка начнется на средства строителей.

## РЕБУСЪ.




При рѣшеніи этого ребуса нужно имѣть въ виду, что въ одномъ изъ послѣднихъ его трехъ словъ буквы *ѣ* и *и* по звуковому сходству приняты за *ы*.

---



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ**. Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**.




№ 41 — 1878

**ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.**

Выданъ 8 Октября 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.





**Видъ Симонова монастыря въ Москвѣ.** Рис. Мойнэ, грав. Гильдебрандтъ.

# Симоновъ монастырь въ Москвѣ.

Москва въ своемъ цѣломъ представляетъ необыкновенно красивый видъ, и по отзывамъ путешественниковъ, изъѣздившихъ Европу вдоль и поперекъ, лучшаго вида, какъ на Москву съ Воробьевыхъ горъ или на за Москворецкую часть изъ Кремля —нѣтъ во всемъ бѣломъ свѣтѣ. Картинно раскинулась наша первопрестольная столица на обширномъ пространствѣ береговъ Москвы рѣки, громады зданій заслоняютъ однѣ другія; извилистыя улицы переплелись между собою, образовавъ самую разнообразную сѣть. Высятся старинныя церкви съ высокими стѣнами монастырей, гдѣ нерѣдко изъ-подъ травы выглядываютъ развалившіеся надгробные памятники. Пруды, сады, мосты пестрятъ и, какъ красивые детали, пополняютъ общую картину. Но особенно замѣчательны въ Москвѣ ея памятники старины. Ея Кремль—древняя крѣпость съ его соборами и усыпальницами нашихъ царей; Грановитая Палата, Арсеналъ, окруженный пушками, отбитыми у Наполеона въ отечественную войну; Оружейная палата, при входѣ въ которую стоитъ Царь-пушка— все это переноситъ въ давно былыя времена, и встаетъ въ воображеніи рядъ образовъ, людей и нравовъ, давно исчезнувшихъ съ лица земли: жизнь настоящаго на это время изглаживается, забывается, и весь отдаешься прошлому, хотя давно уже отшедшему въ неизвѣстную вѣчность, но всегда живому въ народной памяти. Нашъ маститый поэтъ, князь П. Вяземскій, такъ говоритъ о Москвѣ:

„Твой Кремль—алтарь нашъ и твердыня,
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ наша сила и святыня,
Молебникъ и Архистратигъ.
Въ грозѣ и славѣ онъ воспитанъ,
Онъ—носитъ жезлъ и копіё,
За Русь онъ былъ огнемъ испытанъ,
За Русь страдалъ и спасъ ее...“

Всѣ эти воспоминанія о московскихъ древностяхъ и о значеніи ихъ въ исторіи нашего отечества, навѣяны на насъ рисункомъ, помѣщеннымъ въ этомъ № „Нивы“ и изображающимъ видъ Симонова монастыря въ Москвѣ. Монастырь этотъ одинъ изъ трехъ знаменитыхъ по своей древности московскихъ монастырей. Первые два: Андроніевъ и Чудовъ, основаны митрополитомъ Алексѣемъ, а Симоновъ—Ѳеодоромъ, племянникомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Прежде чѣмъ сообщить здѣсь свѣдѣнія, касающіяся основанія и исторіи Симонова монастыря, приведемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, знакомящихъ съ положеніемъ церкви въ ту отдаленную эвоху, когда былъ построенъ Симоновъ монастырь.

Постройка монастыря относится къ концу XIV вѣка, когда татарское иго, такъ долго давившее русскую землю, уже значительно облегчилось. Съ этого именно времени русскіе князья стали выражать свое религіозное чувство основаніемъ монастырей. Изъ свѣдѣній, приводимыхъ въ почтенныхъ трудахъ профессора К. Бестужева-Рюмина, видно, что всѣхъ монастырей установлено и вновь устроено въ это время на Руси до 180. Нѣкоторые изъ монастырей были очень многочисленны, такъ, напримѣръ, въ Спасо-Ефимьевскомъ Суздальскомъ было до 300 монаховъ, но большая часть монастырей имѣла весьма малое число братій, такъ бывали монастыри имѣвшіе всего 6 и 5 и даже менѣе монаховъ.

Въ эту эпоху право основывать монастыри не было ни чѣмъ стѣсняемо, и это, при извѣстной религіозности русскихъ людей (въ особенности въ то отдаленное время), способствовало значительному ихъ возникновенію. Возникновеніе монастыря зачастую начиналось съ того, что братія, занявъ пустопорожнія мѣста, обработывала ихъ и перезывала къ себѣ на эти земли новыхъ поселенцевъ. Потомъ, при достаточномъ увеличеніи населенія, основанная обитель, въ лицѣ своихъ представителей, добивалась отъ князя льготной грамоты. Благочестіе нашихъ предковъ поддерживало обители, принося дары и вещами и землями. Вновь основанный монастырь могъ подчиняться или не подчиняться мѣстному владыкѣ. Если монастырь основывалъ князь, какъ свое *богомолье*, то онъ находился подъ его покровительствомъ, подчинялся его суду; князь принималъ участіе въ избраніи монастырскихъ властей и оборонялъ свой монастырь отъ всѣхъ. Были монастыри митрополичьи, т. е. находившіеся въ зависимсти отъ власти митрополита. Въ зависимости отъ нѣкоторыхъ монастырей находились другіе, называемые „приписными“. Эти приписные монастыри получали своихъ настоятелей отъ тѣхъ монастырей, къ которымъ были приписаны и давали имъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Бывало такъ, что женскіе монастыри находились подъ однимъ управленіемъ съ сосѣдними мужскими.

Ничего подобнаго не выпало на долю Симонова монастыря, онъ не подлежалъ власти ни князя, ни митрополита, а непосредственно былъ подчиненъ власти патріарха константинопольскаго. Такое исключительное положеніе Симонова монастыря объясняется именно тѣмъ что основатель его занималъ значительный служебный постъ и, пользуясь этимъ, могъ добыть для своего монастыря такую привиллегію.

Въ исторіи Карамзина объ этомъ разсказывается, что игуменъ Симонова монастыря, онъ же и основатель его, племянникъ Сергія Радонежскаго, Ѳеодоръ, отличаясь умомъ и знаніями, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь и, поставленный тамъ въ архимандриты, исходатайствовалъ у Патріарха Нила, чтобы основанная имъ обитель называлась патріаршею и въ ни чемъ не зависила отъ митрополита Россійскаго.

Самое основаніе монастыря задумано Ѳеодоромъ въ то время, когда онъ, бывъ постриженъ дядей въ монахи, сподобился священства. Преподобный Сергій, дядя его, желалъ, чтобы онъ, по кончинѣ его, игуменствовалъ въ Троицкой Лаврѣ, однакоже не отказалъ ему въ благословеніи на устройство своей особой обители и самъ вмѣстѣ съ нимъ избралъ для нея мѣсто близь Москвы, называемое *Симоновымъ*. Ѳеодоръ построилъ на этомъ мѣстѣ каменную церковь во имя Успенія Богоматери и былъ поставленъ митрополитомъ Алексѣемъ въ игумены, а потомъ патріархомъ Ниломъ (въ 1383 г.) въ архимандриты.

Въ Симоновомъ монастырѣ хранится такъ называемая *Кормовая книга*. Въ этой книгѣ между прочимъ сказано: „Далъ Государь Князь Великій Дмитрій Ивановичъ *Донской* Пречистой Богородицы въ домъ на Симоново воды на Волзѣ, ниже Новгорода, Сипинскіе да Люлеховскіе съ озера и съ пески, и съ заводами и съ подвальи; далъ у Соли у Галической колодези соляные да варницы, да дворище дровяно, да дворъ на пріѣздъ старцамъ и слугамъ, да сельцо Боршовское съ деревнями, по своей душѣ на поминокъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ“.

Далѣе въ этой кормовой книгѣ говорится о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ въ обезпеченіе доходовъ монастыря сыномъ Донского, Василіемъ, который отдалъ монастырю въ собственность „во Ржевскомъ уѣздѣ слободку Рожокъ съ деревнями и съ озеры и совсѣми угодьи“. Какъ этотъ даръ князя Василія, такъ и другіе его дары Симонову Монастырю были принесены на помипнъ душъ—его и брата его Константина. Жертвовали Симонову Монастырю, какъ видно изъ вышеупомянутой кормовой книги, и другіе князья. „Царь Иванъ Васильевичъ, говорится въ этой книгѣ, приказалъ Архимандриту по князѣ Константинѣ понахиды и обѣдни служити и квасъ на братію имать съ большого дворца отъ дворецкаго“.

„Въ лѣто 7069, Государь царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ далъ въ Симоновъ монастырь колоколъ аглиньскія земли, по великомъ князѣ Константинѣ (въ иночествѣ—Касіанъ), а вѣсу въ немъ 33 пуда, а кругъ колокола слова нѣмецкія“. Однажды прислалъ царь Иванъ Васильевичъ 15 р. и на *Старое Симоново*, гдѣ нынѣ находится церковь Рождества Богородицы. Изъ этого можно заключить, что первоначальное основаніе Симонова монастыря было на этомъ мѣстѣ. При разборѣ колокольни церкви Рождества Богородицы, на мѣстѣ называемомъ, какъ сказано выше, Старымъ Симоновымъ, въ царствованіе Екатерины II нашли древнюю гробницу подъ камнемъ, на которомъ были вырѣзаны имена Ослабя и Пересвѣта. Въ настоящее время гробница эта находится въ трапезѣ храма, а камень заклаленъ въ стѣнѣ. Такъ сообщается объ этомъ въ примѣчаніяхъ къ 5 тому исторіи Карамзина. Въ Архангельс. Лѣт, сказано, что „Ослабя также былъ убитъ въ Донскомъ сраженіи вмѣстѣ съ богатыремъ Григоріемъ Капустинымъ, и что Великій князь, стоявъ 8 дней на мѣстѣ битвы, велѣлъ тѣла нарочитыхъ людей вести къ Москвѣ въ колодахъ“. Это указаніе на сдѣланное великимъ княземъ распоряженіе даетъ довольную достовѣрность тому, чтобы гробницу Ослабя и Пересвѣта признать дѣйствительно ихъ гробницей.

Изъ болѣе позднѣйшей исторіи Симонова монастыря укажемъ на слѣдующее: Указомъ 6 мая 1788 года было повелѣно упразднить Симоновъ монастырь; но это упраздненіе было весьма непродолжительно, а именно только до 1795 г. Съ этого времени онъ оставленъ по прежнему. Соборная церковь въ немъ построена въ имя Успенія Богоматери. Въ недавнее время всѣ зданія монастыря были значительно подновлены и перестроены. Между этими зданіями всего болѣе обращаетъ на себя вниманія монастырская колокольня—самое высокое зданія въ цѣлой Москвѣ.

Можно надѣяться, что въ наше время уже болѣе не повторится того, что случилось съ Симоновымъ монастыремъ въ 1788 г., и не послѣдуетъ новаго распоряженія объ упраздненіи его. Не послѣдуетъ потому, что съ нѣкотораго времени у насъ стало крѣпнуть уваженіе къ памятникамъ нашей старины, и истинно русскіе люди такъ относятся къ ней, какъ относился поэтъ (Н. Языковъ), говоря:

„Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
Хранится повѣсть... Эти главы
Святымъ сіяніемъ горятъ...
О, проклятъ будь, кто потревожитъ
Великолѣпье старины,
Кто на нее печать наложитъ
Мимоходящей новизны.

З.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ

**Вс. Соловьева.**

### ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

### V.

— Гдѣ онъ? гдѣ? Васенька, голубчикъ! другъ мой сердечный, тебя ли вижу? Слава Богу что пріѣхалъ, думала ужь и не дождусь тебя.

Такъ говорила царевна Софья, выбѣгая изъ своей опочивальни въ рабочую комнату, гдѣ стоялъ, проведенный Родимицей, князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Другъ царевны былъ уже далеко не первой молодости; въ густыхъ темныхъ волосахъ его кое гдѣ даже пробивались серебряныя нити; но вся красивая, стройная фигура его дышала силой и энергіей. Пріятная улыбка, веселый блескъ карихъ глазъ сразу къ нему располагали. Теперь же лицо его было еще привлекательнѣе—оно все свѣтилось радостью свиданія съ горячо любимой Софьей. Да и та тоже какъ будто разцвѣла вся при взглядѣ на друга.

Измученная тревожными мыслями, безсонными ночами, всѣмъ этимъ тяжкимъ для нея временемъ, она даже похудѣла и сильно поблѣднѣла за послѣдніе дни, но теперь прежній румянецъ снова горѣлъ на щекахъ ея; въ глазахъ, такъ часто сумрачныхъ и порою злобныхъ, свѣтилось счастье.

Она усадила Голицына въ свое любимое кресло подъ образами, сама придвинула себѣ маленькую табуретку и нѣсколько минутъ молчала, внимательно разглядывая своего гостя, стараясь высмотрѣть—совсѣмъ ли онъ здоровъ, не было ли у него какой нибудь непріятности въ то время какъ они не видались, хорошо ли на душѣ у него, и радъ ли онъ свиданію съ нею какъ прежде. Теперь Софья не была царевной, далеко ушедшей въ книжной мудрости, не была честолюбивой интриганткой, она была нѣжной, любящей женщиной. Глядя на нее въ эти минуты, вполнѣ можно было понять то горячее страстное чувство, которое внушила она къ себѣ Голицыну, то чувство, изъ за котораго онъ забывалъ все на свѣтѣ, забывалъ жену свою, семейство, а иной разъ и обязанности службы, когда по первому ея зову готовъ былъ бросить все и спѣшить къ ней.

Но времена были не такія, чтобъ долго предаваться радости. Софья очнулась и въ мигъ преобразилось все лицо ея: глаза опять блестѣли, сверкали, но уже не любовью, а злобнымъ, тревожнымъ чувствомъ...

— Васенька, заговорила она, каковы дѣла то у насъ? Петръ на престолѣ! мачиха правительницей! Мы всѣ со дня на день ожидаемъ заточенія, а то такъ даже и смерти!

— Ахъ какія страшныя слова ты говоришь, золотая моя царевна! тихимъ, ласкающимъ голосомъ проговорилъ Голицынъ. Богъ милостивъ—до смерти еще далеко, да и до заточенія тоже.... Право ты о мачихѣ хуже думаешь, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, и хотя бы была она извергомъ рода человѣческаго, все же таки, я думаю, совсѣмъ имъ не на руку ужь очень то тѣснить васъ. Это вы такъ, сгоряча только переполошились.

Софья дико взглянула на Голицына. Судорожно дрогнули ея губы.

— Ты ли? ты ли это говоришь мнѣ? почти закричала она, вставая въ волненіи и начиная быстро ходить по комнатѣ. Я ждала тебя, какъ свѣта небеснаго! думала, будешь ты нашимъ помощникомъ, за наши обиды вступишься, а ты, кажется, даже радуешься, что враги наши торжествуютъ. Тебѣ любо наше униженіе, нашъ позоръ! Василій, ты ли это? или я ослышалась-не такъ поняла тебя? Такъ повтори, скажи—я ничего не понимаю!...

Голицынъ слабо усмѣхнулся.

— Не ослышалось ты, царевна, а что не поняла словъ моихъ—такъ это правда. Развѣ можешь ты сомнѣваться въ томъ, что всякая обида, тебѣ нанесенная, всякое зло, тебѣ причиненное, для меня больнѣе своей кровной обиды? развѣ можешь ты сомнѣваться въ томъ, что я почелъ бы себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, еслибъ увидѣлъ тебя на верху земныхъ почестей, еслибъ увидѣлъ судьбу твою подобною судьбѣ дочери византійскаго императора Аркадія, мудрой Пульхеріи Августы, со славой управлявшей государствомъ столь долгіе годы. Еслибъ отъ меня зависѣло, конечно я, вслѣдствіе юности царевичей, провозгласилъ бы тебя правительницей россійскаго государства. Но вѣдь дѣло сдѣлано и все свершилось такъ, какъ мы должны были давно уже ожидать. Царевичъ Иванъ—и мы это хорошо знаемъ, да и весь народъ знаетъ тоже—слабоуменъ: быть царемъ не можетъ. И батюшка твой, Алексѣй Михайловичъ, и братъ твой, новопреставленный царь Θеодоръ, всегда помышляли о томъ, что престолъ россійскій перейдетъ къ младшему царевичу. По законамъ нашимъ, по вкоренившимся нравамъ и обычаямъ русскимъ, тебѣ нельзя надѣть мономахову шапку—такъ что-жь дѣлать?... Ты винишь какъ будто во всемъ царицу Наталью, но я покуда вины ея не вижу. Вотъ другое дѣло, еслибъ разсказала ты мнѣ про какую нибудь обиду, нанесенную тебѣ ею, про какую нибудь несправедливость, тогда бы я заговорилъ другими словами....

— Такъ заговори скорѣй, Василій! въ нетерпѣніи перебила его царевна,—заговори другими словами, а этакихъ словъ я не понимаю и слушать не хочу! Что ты толкуешь тамъ какъ духовникъ на исповѣди—ты мнѣ не попъ, а я тебѣ не дочь духовная! Да къ тому же, вижу я, тебѣ мало показалось всѣхъ тѣхъ мученій, которыя я испытала и испытываю, тебѣ захотѣлось еще больше помучить меня, поэтому ты и говоришь такъ. Ну что-жь, коли хочешь—мучай, поди, толкуй всѣмъ, что все у насъ ладно, да справедливо: Иванъ-де скудоуменъ, а Петръ—царь настоящій, Софьѣ же и въ монастырь пора, можетъ этого только тебѣ и хочется!

Голицынъ пожалъ плечами и съ грустью взглянулъ на царевну. Онъ увидѣлъ теперь ясно, что она неспособна внимать благоразумію, что она вся подъ вліяніемъ могучаго и злобнаго чувства, утишить которое ему не удастся никакими словами и доводами. Онъ давно зналъ ея честолюбивые замыслы, но они до сихъ поръ казались ему совершенно неисполнимыми. Онъ горячо любилъ ее и не разъ доказывалъ ей это, и именно вслѣдствіе своей серьозной привязанности, онъ не хотѣлъ бы видѣть ее замѣшанной въ большую интригу, которая можетъ очень плохо кончиться и быть причиной ея погибели.

Но теперь видно дѣло зашло слишкомъ далеко; онъ замѣчалъ въ ней большую перемѣну, понялъ сколько она должна была выстрадать за это послѣднее время—и вдругъ ему сдѣлалось безконечно ее жалко, и онъ самъ позабылъ все своё благоразуміе, всѣ мысли, съ которыми ѣхалъ въ Москву, всѣ осторожные, удобоисполнимые планы, которые было построилъ.

— Прости меня, царевна, сказалъ онъ, вставая и нѣжно заглядывая въ лицо ей, я хотѣлъ говорить съ тобой, какъ человѣкъ посторонній, хотѣлъ чтобъ ты услы-



# Тучка.

Ориг. рис. и стихотвор. И. Панова, грав. Б. Пуцъ.

Пронеслась надъ полемъ
Тучка грозовая,
Молніей блестящей
Въ облакахъ играя,
Пролился на ниву
Дождикъ благодатный:
Дышетъ лугъ сосѣдній
Нѣгой ароматной,
Снова грѣетъ солнце,
Капли дождевыя
На цвѣтахъ сверкаютъ,
Словно золотыя.
Такъ и въ жизни нашей —
Горе пронесется,
Солнышко пригрѣетъ,
Счастье улыбнется....

**И. Пановъ.**



**Горный пейзажъ въ Норвегіи.** Съ фотогр. грав. Пейне.



**Праздничный день въ семьѣ норвежскаго крестьянина.** Рис. Тидемандъ, грав. Бренд'амуръ.

шала спокойно разсуждающій голосъ, но видно ты не можешь этого, да и я не могу говорить такъ. Вѣдь ты знаешь, если тебѣ больно—мнѣ больно—и я не въ силахъ думать о причинахъ этой боли—я только ее чувствую. Ты звала меня—говори же, что тебѣ нужно? и я, какъ всегда, готовъ отдать жизнь свою, лишь бы сдѣлать тебѣ угодное.

Софья положила свои руки ему на плечи и озарилась вся знакомой ему, нѣжной улыбкой.

— Вотъ такъ то лучше, Васенька! Вотъ теперь опять узнаю тебя!

И она стала съ жаромъ разсказывать ему обо всѣхъ событіяхъ послѣднихъ дней.

Она говорила увлекательно, и онъ незамѣтно для самаго себя начиналъ все больше и больше поддаваться обаянію ея рѣчи, начиналъ смотрѣть на все ея глазами.

— Ну что-жь, выслушавъ ее, проговорилъ онъ, дѣло то выходитъ не такъ ужь дурно. Ты говоришь, царевна—стрѣльцы готовы,можно теперь легко убѣдить ихъ, чтобъ они, собравшись всѣ до единаго, явились во дворецъ и били челомъ, прося не обижать царевича Ивана. Конечно все это должно быть мирно и тихо—одинъ видъ войска и настоятельное требованіе перепугаютъ Нарышкиныхъ. Не проливъ ни одной капли крови, не совершивъ никакихъ несправедливостей, можно будетъ уладить дѣло: Иванъ будетъ объявленъ царемъ вмѣстѣ съ Петромъ; мы укажемъ на примѣръ изъ византійской исторіи, укажемъ на Василія и Константина, Гонорія и Аркадія... А когда Иванъ будетъ на престолѣ, то вамъ ужь не чего бояться Нарышкиныхъ...

— Твоими бы устами да медъ пить, Васенька! какъ то загадочно произнесла царевна,—хорошо бы было, еслибъ все обошлось мирно и тихо, какъ говоришь ты!

И долго еще бесѣдовали царевна и Голицынъ. Но странное дѣло—Софья многаго не договаривала. Утаила она отъ друга Васеньки про посылки Родимицы въ стрѣлецкія слободы, про то, что еще не далѣе какъ вчера она просматривала съ дядей Милославскимъ листъ, гдѣ были написаны имена всѣхъ бояръ и вельможъ, которые должны пасть жертвами задуманнаго возмущенія.

Она рѣшила, что Васенькѣ нечего знать объ этомъ—онъ многаго не понимаетъ, вонъ, вѣдь младенецъ какой—считаетъ возможнымъ все устроить безъ капли крови. Не видитъ.... не чувствуетъ того, что нельзя оставить въ живыхъ Матвѣева съ Нарышкиными!.... Ничего, и безъ Васеньки теперь обойтись можно. Дѣло на ладъ пошло, а когда она добьется своей цѣли, когда она сдѣлается второю Пульхеріей, тогда-то вотъ Васенька сослужитъ великія службы и ей и государству. Теперь же пусть будетъ подальше—онъ бѣлоручка, не для него черная работа, да и хорошо, что такъ, и славу Богу!

Сердце царевны, отуманенное честолюбіемъ, ненавистью и жаждой мести, все же не было лишено добра и свѣта: ей казалось, она была увѣрена, что нельзя обойтись безъ крови, и она смѣло утвердила списокъ жертвъ, присланный ей Милославскимъ;—но ей было пріятно думать, что любимый другъ ея выйдетъ чистъ, безъ малѣйшаго пятнышка изъ этого необходимаго, но страшнаго дѣла.

Голицынъ едва успѣлъ покинуть покои царевны, какъ на его мѣсто явился Иванъ Милославскій.

— Ну что? тревожно обратилась Софья къ боярину, что—все готово? Вѣдь теперь медлить нечего—Матвѣевъ здѣсь.

— Да, Матвѣевъ здѣсь и медлить нечего! повторилъ за нею Милославскій. Вотъ видишь—и я выздоровѣлъ, полно болѣть. Цѣлую недѣлю пролежалъ, стоналъ на весь домъ, горячими отрубями, да кирпичами жегъ себя, чтобъ всѣ видѣли и знали какъ жестоко я боленъ... А теперь полегчало. Завтра все должно рѣшиться, не то старикъ предупредитъ насъ, заберетъ въ руки все правленіе. Больно хитеръ онъ—каковъ былъ, таковъ и вернулся, ничего не растерялъ дорогой. Лисица проклятая! многихъ ужъ успѣлъ обойдти. Пріѣзжали ко мнѣ изъ бояръ нѣкоторые; такъ только и разговору что про Артамона: лаской его не нахвалятся,—которые и съ нами были, такъ теперь готовы лизать полы его кафтана. Нѣтъ, гдѣ ужъ тутъ мѣшкать!.. Еще одно,—я всѣмъ толковалъ про Нарышкиныхъ, что какъ это Ивана то Нарышкина на двадцать третьемъ году пожаловали въ бояре, такъ что-жь бы ты думала?—и Артамонъ то всѣмъ на это жалуется, говоритъ: Нарышкина не по достоинству награждаютъ. Всѣ и уши развѣсили, радуются, пріѣхало красное солнышко, Артамонъ Сергѣевичъ!.. Прощай пока, царевна,—завтра свидимся.

Софья пошла проводить его до выхода изъ своихъ покоевъ.

Онъ уже взялся за ручку двери, ведущей въ галлерейку, уже пріотворилъ дверь, но царевна его остановила.

— Такъ какъ же будетъ? такъ, какъ мы порѣшили?

— Да. Чѣмъ свѣтъ пошлю Александра, да Петра Толстого въ стрѣлецкіе слободы...

— Ну да! да, тревожно сжимая своей быстро холодѣющей рукой руку Милославскаго, говорила Софья.—Да... пусть пораньше ѣдутъ... пусть кричатъ по всему городу, что царевича Ивана задушили Нарышкины....

— Ладно! будетъ исполнено! отвѣтилъ Милославскій, направляясь по галлерейкѣ.

Царевна затворила за нимъ дверь и вернулась къ себѣ. Она не замѣтила, что въ темномъ углу галлерейки, у самой двери, стоитъ какая то женская фигура.

Когда дверь за царевной затворилась и затихли шаги Милославскаго, эта фигура ступила впередъ, подошла къ окошку и безсильно оперлась на него, какъ будто боясь упасть.

При блѣдномъ свѣтѣ майскаго вечера можно было распознать прекрасное молодое лицо, на которомъ теперь изображалось глубокое нравственное страданіе. Большіе черные глаза были широко разскрыты ужасомъ; высокая дѣвичья грудь порывисто дышала.

Это была Люба Кадашева. Проходя галлерейкой и невольно остановившись, чтобы не столкнуться съ тучнымъ Милославскимъ, она слышала послѣднія слова Софьи...

## VI.

Минуты шли за минутами, а Люба все стояла, прислонясь къ окну въ какомъ то оцѣпенѣніи. Много нежданныхъ, мучительныхъ мыслей пронеслось въ головѣ ея.

Что такое она слышала? Она не могла обмануться въ значеніи словъ царевны, хорошо теперь его понимала. Такъ вотъ какое дѣло готовятъ! Вотъ какому дѣлу и она помогала! И кто же готовитъ—царевна! ея царь-дѣвица, ея небесный ангелъ! Царевна, краше которой, добрѣе которой и чище, она думала, никого и нѣтъ на свѣтѣ... Эта царевна беретъ на себя страшную ложь, обманъ всенародный, слѣдствіемъ котораго можетъ быть будутъ потоки крови... Люба все понимала. Не далѣе какъ два дня тому назадъ, по царевниному же порученію, была она въ слободѣ стрѣлецкой у Малыгина и плакала передъ нимъ, описывая скорбь царевны, тяжкія обиды, которымъ подвергается царь-дѣвица. Сама Софья натолковала ей объ обидахъ этихъ, и ей ли было не повѣрить царевнѣ!

До сей минуты она видѣла въ ней безвинную страдалицу, а тутъ что-же... она затѣваетъ смуту, хочетъ поднять народъ обманомъ.... Или это правда? дѣйствительно задушили Нарышкины царевича?...

Но въ отвѣтъ на эту мысль Люба горько усмѣхнулась и зарыдала.

„Развѣ бы все было такъ тихо во дворцѣ и въ теремѣ, еслибъ случилось такое несчастье? Царевна не задолго передъ этимъ была у брата и вернулась оттуда спокойною, да и теперь съ Милославскимъ говорила совсѣмъ не такъ, какъ говорила бы, еслибъ задушили Ивана.... Но вѣдь этого же быть не можетъ—царевна не способна на такой поступокъ! она вся—доброта и правда. Нѣтъ, нужно узнать въ чемъ дѣло!“

Люба чувствовала, что если она останется въ этой мучительной неизвѣстности, то всю ночь не сомкнетъ глазъ ни на минуту. Она чувствовала, что не вынесетъ того непонятнаго томленія, которое закралось теперь въ ея сердце.

Вдругъ какая то рѣшимость блеснула въ глазахъ Любы. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ окна назадъ, къ царевниной двери и смѣло вошла въ покои.

Царевна сидѣла въ своей рабочей комнатѣ передъ столомъ: въ рукахъ у нея была какая то книга, но она очевидно ее не читала. Склонивъ голову на руки, она глядѣла, не мигая, въ одну точку; мысли ея были далеко.

Но все же услышавъ какъ отворяется дверь, она подняла голову и увидѣла входившую Любу.

— Чего тебѣ? разсѣянно спросила она.

Люба тихо приблизилась и молча остановилась передъ нею.

Царевна взглянула въ лицо ея и откинула свою голову и еще разъ пристально взглянула.

— Что съ тобою? какое лицо у тебя странное, ты на себя не похожа—что случилось?

Люба упала въ ноги Софьѣ и зарыдала.

— Да говори-же! говори! уже испуганнымъ голосомъ переспросила царевна.

„Боже мой! что тамъ? Не несчастье ли какое? не помѣха ли нашему дѣлу?“ подумала она.

— Государыня, — начала едва останавливая свои рыданія Люба,—я шла по галлерейкѣ, какъ изъ твоей двери выходилъ бояринъ Милославскій,.. Я не хотѣла подслушивать, видитъ Богъ, не хотѣла и остановилась только, чтобъ не толкнуть боярина... Я слышала то, что ты ему сказывала...

Царевна ничего не понимала.

— Ну такъ что-жъ? произнесла она,—я вѣрю, что ты безъ вины подслушала и прощаю тебѣ, только конечно ты держи языкъ за зубами, да чай и сама понимаешь... нечего учить мнѣ тебя.

— Государыня! Царевна!.. такъ это правда? въ ужасѣ отчаяннымъ голосомъ проговорила Люба.

— Что правда?

— Да что царевича задушили...

Софья нетерпѣливо пожала плечами.

— А вѣдь я считала тебя умнѣе, сказала она. Нѣтъ, ты видно еще дитя неразумное! Царевичъ живъ.... Но вѣдь нужно же какъ нибудь поднять стрѣльцовъ, нужно же намъ какъ нибудь спасти себя —вѣдь вотъ до сихъ поръ буянятъ они тамъ въ слободахъ, а никакой для насъ пользы еще не вышло. Такъ авось вѣсть о томъ, что царевича задушили, накопецъ ихъ подниметъ — поняла теперь, глупая, что-ли?

Люба ужь давно понимала. Стоя на колѣняхъ на полу передъ царевной, она склонила голову и горько плакала.

— Встань! повелительнымъ и строгимъ голосомъ сказала Софья.

Люба машинально повиновалась.

— Или ты больна сегодня, горячка у тебя что ли? продолжала Софья, чего ты ревешь? Нѣтъ, ты полоумная... Уйди, оставь меня—мнѣ не до тебя теперь!

Люба глядѣла во всѣ глаза на Софью. Слезы ея мгновенно остановились, да и было съ чего. Неописанное изумленіе остановило эти слезы: диво дивное свершалось передъ Любой. Чудная, свѣтлая красавица, небесный ангелъ въ одно мгновеніе лишился всей красоты своей, превратился въ злую, холодную женщину.

Что-жъ это такое? Или бѣсъ морочитъ Любу, или передъ ней не царевна Софья, а кто-нибудь другой, взявшій на себя ея обликъ.

Не проронивъ больше звука, вышла Люба изъ этой комнаты, пробралась къ себѣ, накинула на плечи лѣтникъ, лицо покрыла фатою, тихо вышла изъ терема и пустилась бѣжать вдоль Кремля, за ворота, по московскимъ улицамъ въ стрѣлецкую слободу, къ Николаю Степановичу.

Не смотря на поздній вечерній часъ, на улицахъ не было обычной тишины. То здѣсь, то тамъ встрѣчались Любѣ выходившіе изъ своихъ дворовъ жители. Они подходили другъ къ другу, тихо и таинственно о чемъ-то толковали, оглядывались, прислушивались. Что то странно етворилось въ городѣ: никто ничего не зналъ, но всѣ предчувствовали близкую бурю и не могли успокоиться.

Чѣмъ ближе къ городскому валу, чѣмъ ближе къ слободѣ, тѣмъ народу попадалось больше; а за валомъ и совсѣмъ будто днемъ жизнь кипѣла. Стрѣльцы собирались въ кучи, громко кричали, спорили. Изъ кабаковъ выходили пьяныя ватаги съ гамомъ и пѣснями. Вотъ завязалась драка, кого-то сильно избили, кто-то стонетъ... Полное безначаліе, никто не останавливаетъ безпорядковъ, будто и нѣтъ совсѣмъ у стрѣльцовъ полковниковъ. Одни изъ нихъ во всемъ потакаютъ стрѣльцамъ, сами же, закупленные агентами царевны, подбиваютъ на всякія безчинства. Другіе не смѣютъ показаться, боясь испытать участь товарищей, сброшенныхъ съ каланчей.

Опасно быть одинокой молодой дѣвушкѣ среди этого расходившагося, дикаго люда. Но Люба не думаетъ ни о какой опасности. Какъ стрѣла мчится она вдоль улицы. Вотъ и домъ Николая Степановича. Слава Богу, калитка не на запорѣ! Можно прошмыгнуть въ нее не обративъ на себя ничьего вниманія.

Люба пробѣжала небольшой дворикъ и постучалась у крыльца. Прошло нѣсколько невыносимо мучительныхъ мгновеній—никто не отзывался.

„Боже мой,—думала Люба,—его нѣтъ дома, онъ тамъ гдѣ нибудь! Онъ вооружаетъ теперь свой полкъ, готовитъ его къ бунту, исполняетъ то, о чемъ я сама, несчастная, просила его именемъ царевны... и онъ думаетъ, что дѣлаетъ доброе дѣло... Что же будетъ, если нѣтъ его дома?.. Я должна его видѣть!..

Она принялась стучать еще громче.

Слава Богу, вотъ слышны чьи то шаги въ домикѣ, кто-то подошелъ къ двери.

— Отворите! глухимъ голосомъ крикнула Люба.

Дверь отворилась,—передъ ней Малыгинъ. Слабый свѣтъ блѣднѣющаго заката озаряетъ лицо Любы. Малыгинъ глядитъ на лицо это въ страхѣ, такъ оно блѣдно, такое на немъ мучительное и испуганное выраженіе.

— Государыня Любушка, ты ли это? не ждалъ я тебя въ такую пору, что случилось?

— Ахъ! много случилось, Николай Степановичъ! отвѣтила Люба такимъ страшнымъ голосомъ, что у него душа ушла въ пятки.—Впусти, все разскажу, что случилось.

Онъ впустилъ—заперъ дверь. Она упала на первую попавшуюся лавку и нѣсколько минутъ не могла придти въ себя. Говорить хотѣла, но сердце стучало громко, языкъ не слушался. Наконецъ, кой-какъ успокоившись, она передала Малыгину о томъ, что подслушала при прощаніи Милославскаго съ царевной, и о томъ, что и какъ говорила ей Софья.

Малыгинъ сидѣлъ передъ Любой, глядѣлъ на нее во всѣ глаза и долго никакъ не могъ взять въ толкъ, что это такое она говоритъ и что такого страшнаго въ словахъ ея.

— Чего же ты убиваешься, отчего на тебѣ лица нѣтъ? наконецъ выговорилъ онъ, когда она кончила.— Вѣдь царевичъ-то живъ, такъ что-жь?

Теперь и Люба въ свою очередь его не понимала.

— Какъ такъ что-же? растерянно прошептала она,—царевичъ живъ и никто ему никакого зла не дѣлаетъ, а она всѣхъ васъ обмануть хочетъ!.. Завтра чуть свѣтъ, слышь ты, наѣдутъ къ вамъ Милославскіе для того, чтобъ обманомъ вести васъ въ Кремль.

И она пристально, съ мученіемъ глядѣла на Малыгина, ждала что онъ говорить будетъ. Но ему говорить было нечего, онъ совсѣмъ запутался. Онъ не зналъ, чего она отъ него хочетъ. Вѣдь сама же заставляла его работать въ пользу царевны, всячески его уговаривала. Прежде, до этихъ уговоровъ, ему никакого дѣла не было до того, кто послѣ царя Ѳедора будетъ назначенъ ему преемникомъ: Иванъ или Петръ. Онъ думалъ только объ одномъ, какъ бы рачительнѣе исполнять свой долгъ, свою службу. Онъ возмущался, видя несправедливости, которыя себѣ позволяли его сотоварищи—стрѣлецкіе начальники съ подчиненными, и самъ относился къ своимъ стрѣльцамъ ласково, держалъ себя такъ, что они ни въ чемъ не могли обвинить его. И за это стрѣльцы выказывали ему полное довѣріе даже въ послѣдніе дни, во дни великаго своего буйства. Все, что онъ говорилъ, выслушивали внимательно и во всемъ съ нимъ соглашались. А онъ говорилъ теперь много, онъ рѣшился сослужить службу своей государынѣ Любушкѣ, помочь дѣлу ея Царь-дѣвицы. Вотъ и подготовлено дѣло, остается только предлогъ найти, чтобы двинуть полки въ Кремль—и предлогъ найденъ. Разумная и хитрая царевна самую подходящую вещь придумала; теперь нѣтъ сомнѣнія, что, услыхавъ о мнимой смерти царевича Ивана, все войско, какъ одинъ человѣкъ, кинется расправляться съ Нарышкиными, и царевна восторжествуетъ. Некому ужь будетъ обижать ее, нечего будетъ Любѣ плакаться на горькую долю своей благодѣтельницы... Такъ чего же Люба? Она недовольна этимъ, она чѣмъ-то перепугана до полусмерти! Чудная, непонятная дѣвушка!

— Николай Степановичъ, да не молчи ты, не гляди на меня такъ, не то, я чувствую, что у меня разумъ совсѣмъ помутится! Не томи меня, Николай Степановичъ! отчаянно шептала Люба.

— Ума я не приложу, золотая моя боярышня, отвѣчалъ Малыгинъ,—чѣмъ ты недовольна! Ты добрую вѣсть принесла мнѣ, и вижу я теперь, что завтра же на вашей улицѣ будетъ праздникъ. Мы только и дожидаемся отъ васъ какой-либо вѣсточки...

— Какъ? Ты ли это говоришь, Николай Степановичъ, тебя ли слышу? и ты тоже?! Всѣ!..

Люба схватила себя за голову и горько зарыдала.

Малыгинъ бросился къ ней, стараясь всячески ее успокоить; но она не успокоивалась.

— Пойми же, наконецъ,—заговорила она останавливая свои рыданія,—пойми, что мы надѣлали! Дура я, деревенщина, хуже малаго ребенка! кругомъ меня обманули... только теперь... только сейчасъ прозрѣла! Бѣги, Николай Степановичъ, если Богъ въ тебѣ есть, бѣги скорѣй по своему полку... Говори что вы обмануты, что солгутъ завтра Милославскіе, чтобы не вѣрили ни слову... Говори, что живъ царевичъ, что никто его не обижаетъ, никто не обижаетъ и царевну Софью, а это она всѣхъ хочетъ обидѣть... она хочетъ неповинной крови! Бѣги, говори, что она извергъ, злодѣйка, что васъ не жалѣетъ, а ведетъ на погибель только... Да, погоди, постой, я сама побѣгу съ тобою, я все разскажу имъ... Я разскажу какъ я любила ее, какъ я вѣрила, что она свѣтлая, чистая, прекрасная, и какъ она меня обманула. Да и не сейчасъ, не сегодня я все узнала. Ужь не первый день начала догадываться, только себѣ не вѣрила. А она то вѣдь плакала предо мною, такъ жалостно описывала всякія обиды.... Нѣтъ, пойдемъ Николай Степановичъ скорѣе!

И Люба дѣйствительно встала и направилась къ двери. Малыгинъ едва удержалъ ее.

— Что ты, Богъ съ тобой, какъ тебѣ идти можно?.. Пойдешь себѣ на погибель! Развѣ они послушаютъ, развѣ съ ними говорить теперь возможно? Развѣ не знаешь, что вся наша слобода теперь ровно адъ кромѣшный, что стрѣльцы не люди теперь а звѣри лютые... Что-жь, пойдемъ, будемъ говорить. Много они насъ послушаютъ. Много намъ повѣрятъ... въ куски насъ съ тобой разорвутъ—вотъ что!..

Безумный крикъ вырвался изъ груди Любы!

— И я этому помогала! Господи!

Она остановилась, безсильно опустила руки и ничего не могла сообразить.

Николай Степановичъ тоже стоялъ возлѣ нея въ задумчивости. Теперь онъ все уже понялъ, теперь Люба не казалась ему больше чудно́ю. Онъ взглянулъ на блѣдное измученное лицо ея, и то страстное горячее чувство, которое всегда охватывало его въ ея присутствіе, теперь превратилось въ благоговѣніе. „Чистая душа!“ мелькнуло въ головѣ его, „дитя Божье! и я то хорошъ, я то хорошъ!—не разглядѣлъ ее, думалъ что она одного поля ягода съ Родимицей.. Да гдѣ же были глаза мои? Что-жь, вѣдь и по годамъ она совсѣмъ еще ребенокъ. Много ли жила то, ничего не видала,—а тутъ въ этакую кутерьму попала!.. Бунтовщица... хороша бунтовщица“!

Между тѣмъ Люба вдругъ вышла изъ своего оцѣпенѣнія. Страшныя картины одна за другой рисовались передъ нею. Она вспомнила весь тотъ ужасъ, который былъ первымъ воспоминаніемъ ея дѣтства. Вспомнила какъ охмѣлѣвшіе и страшно кричавшіе люди Окуневскаго прикащика убивали ея отца и мать... Припомнилась ей и недавняя ночь, проведенная ею въ Медвѣдковѣ... Всѣ эти воспоминанія были такого рода, что ясно ей показывали, какъ легко убиваются люди, до какихъ звѣрствъ доходитъ толпа кѣмъ нибудь возмущенная. Что-жь, вѣдь теперь будетъ тоже самое! страшны стрѣльцы. Завтра кровь будутъ лить рѣкою!..

— Пусти, Николай Степановичъ! рѣшительно проговорила Люба, вырываясь изъ комнаты.—Ты идти со мной не хочешь, ты боишься,—такъ я пойду одна, пусть меня разорвутъ на части, пусть, и по дѣломъ!—я виновата!..

Съ необычайной силой отстранивъ Малыгина, который пробовалъ загородить передъ нею дверь, она выбѣжала изъ домика и пустилась по улицѣ.

Николай Степановичъ бросился за нею.

(Продолженіе будетъ).

## Къ рисункамъ.

### Горы Норвегіи и Норвежцы.

Норвегія, не смотря на свое сѣверное положеніе, не представляетъ однакоже такой печальной однообразной картины, какія являютъ собой области крайняго сѣвера. Постоянно измѣняющіеся виды острововъ, заливовъ, горъ представляютъ изумительное разнообразіе романтичной природы. Только ближе къ сѣверу, гдѣ земля уже граничитъ съ царствомъ вѣчнаго холода, виды природы становятся все серьознѣе и грустнѣе, растительность уменьшается, хотя и тамъ, какъ мы имѣли случай замѣтить въ № 40 „Нивы“, въ статьѣ о Нордкапѣ, природа представляетъ величественнѣйшую картину.




Типы въ новыхъ русскихъ владѣніяхъ: Лазъ, Грузинъ и Армянка изъ окрестностей Батума. Рис. Т. Д. грав. Бертранъ.

Климатъ Норвежскихъ береговъ, не смотря на сѣверное положеніе страны, также разнствуетъ съ климатомъ странъ одинаковой широты, о чемъ мы также сказали въ той же статьѣ о мысѣ Нордкапѣ и дали объясненіе, что, условіемъ этого различія являются съ одной стороны высокія горныя цѣпи, отдѣляющія узкую береговую полосу отъ восточныхъ склоновъ Швеціи и Финляндіи и защищающія ее собою отъ холодныхъ вѣтровъ; съ другой—воды Гольфштрема, приносящія съ собою теплоту. Норвегія разнствуетъ даже съ своею сосѣдкою Швеціей и тогда какъ въ Швеціи климатъ суровый континентальный; т. е. погода большею частію ясная; рѣдкіе дожди, жаркое лѣто и суровая зима—въ Норвегіи, напротивъ, климатъ морской, т. е. сырой, туманный: лѣто безъ жара, зимы безъ мороза, особенно около береговъ.

Точно также и самый характеръ мѣстности Норвегіи отличается отъ мѣстности сосѣдней съ нею Швеціи. Швеція болѣе низменная страна; Норвегія совершенно горная. Скандинавскія горы, хотя и не равняются высотой даже съ карпатами, тѣмъ не менѣе, по своему полярному положенію, имѣютъ свойства самыхъ возвышенныхъ мѣстностей земного шара. Вершины ихъ наполнены ледниками и превосходятъ въ суровости и дикости формъ самыя Альпы. Оригинальность горъ состоитъ въ ихъ различной покатости. Съ одной стороны онѣ скатываются постепенно, такъ сказать, тихимъ склономъ; съ другой же рѣзко заканчиваются, круто спадая къ морю, мѣстами просто отвѣсными скалами, въ тысячи двѣ футовъ высоты. Въ морѣ онѣ, какъ бы отколотыя отъ своей гряды, еще идутъ множествомъ скалистыхъ острововъ, массами обставивъ берега.

Сообразно различному склону, различны и расположенія мѣстности, растительность, водяная система.

Отлогій склонъ развѣтвляется на множество долинъ: крутой скатъ образуетъ множество заливовъ—фіорды—которые чрезвычайно глубоко, не рѣдко на 15 миль входятъ въ массу горъ и, не замерзая во время зимы (отъ теплыхъ водъ Гольфштрема), всегда открыты для судовъ. Въ долинахъ горъ текутъ, съ быстротою потоковъ, безчисленные ручейки, иногда слившись между собою и превратившись въ большія рѣки. Скатываясь съ утесовъ, ручьи во многихъ мѣстахъ образовали великолѣпные водопады, удивляющіе путешественниковъ не только высотою паденія, но и массою свергающейся воды.

Многія изъ горъ имѣютъ чрезвычайно странную форму и въ своемъ цѣломъ, съ блестящимъ снѣгомъ на вершинахъ, сверкающимъ и отливающимъ различными оттѣнками, когда полуденное солнце освѣтитъ громады, съ растущимъ у подошвъ и по скатамъ лѣсомъ, имѣютъ особый видъ, производящій и особое впечатлѣніе.

Нѣтъ ничего страннаго, что воображеніе обитателей этой гористой страны приписало своимъ чуднымъ горамъ чудесное происхожденіе, облекло ихъ въ трупы гигантовъ, нарядило ихъ въ образы старыхъ крѣпостей, соединило съ ними легендарные разсказы.

Что касается геогностическаго свойства горъ, то онѣ состоятъ преимущественно изъ слоистаго гранита или гнейса, слюдистаго шифера и содержатъ въ себѣ обильныя металлическія жилы. Желѣзо и мѣдь получаются во многихъ мѣстахъ Скандинавіи, но за то почва Норвегіи не можетъ производить хлѣба, и Норвежскій житель, не пользующійся хлѣбными полями, получаетъ себѣ пищу отъ рыболовства и на продукты своихъ лѣсовъ и рудниковъ покупаетъ произведенія, которыя не даетъ ему его родина.

Гартвигъ въ своемъ сочиненіи „Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ“ такъ описываетъ характеръ норвежскихъ жителей: Норвежцы бѣдны, говоритъ онъ, и должны прикладывать много труда, подвергать себя опасностямъ, чтобы добывать себѣ дары своей сѣверной природы; но, довольствуясь малымъ Норвежцы живутъ просто, и въ сознаніи своей независимости, съ чувствомъ гордаго самодовольствія смотрятъ на горы своей романтической родины.

Норвежскій крестьянинъ—владѣтельный принцъ на своемъ тощемъ участкѣ земли и обладаетъ рѣдкими добродѣтелями: открытымъ, честнымъ характеромъ, дружелюбіемъ, гостепріимствомъ. Религіозное чувство его глубоко и искренно; не полѣнится онъ въ своемъ челнокѣ плыть 8—10 часовъ до церкви, и не найдешь здѣсь ни одного дома, гдѣ бы ни было Библіи. Надобно сказать, что мало народовъ, у которыхъ охота къ чтенію была бы такъ развита, какъ у норвежцевъ. Простой народъ особенно образованъ въ Норвегіи; во всякой деревнѣ есть училище. Тамъ, гдѣ населеніе очень рѣдко, учителя приходящіе—странствующіе—все-таки занимаются съ дѣтьми. Въ каждомъ городѣ существуетъ библіотека, и каждый обыватель ежегодно вноситъ свой талеръ на увеличеніе библіотеки. О мужествѣ, любви къ родинѣ и свободѣ норвежца свидѣтельствуетъ его тысячелѣтняя исторія. Нынѣшнимъ своимъ благосостояніемъ Норвегія особенно обязана конституціи 1814 г. Книгопечатаніе здѣсь совершенно свободно. Всѣ привилегіи и наслѣдственные титулы уничтожены. Чрезъ каждые 3 года собирается парламентъ, законы учреждаются королемъ; но если парламентъ въ три различныя засѣданія не принялъ его, то законъ, не смотря на несогласіе короля, отмѣняется.

Норвежцы вообще средняго роста, бѣлокуры, съ голубыми глазами.

Обильнымъ даромъ природы въ Норвегіи является рыба, и рыболовство составляетъ промыселъ большей части приморскихъ жителей. Морскіе берега, напр. отъ Альстена до Родое, лежащіе подъ самымъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, особенно богаты сельдями. Къ Лефоденовымъ островамъ на ловлю трески собирается лодокъ до 4000. Если въ каждой лодкѣ сидитъ отъ 4 до 5 человѣкъ, то во всѣхъ лодкахъ приблизительно составится 18,000 рыбаковъ. Да къ этому числу лодокъ надобно еще прибавить болѣе 300 яхтъ изъ Бергена, Христіанзунда и Мольде. Каждая лодка, приблизительно, налавливаетъ круглымъ числомъ около 3,000 рыбъ, да яхты столько же и такимъ образомъ всей трески получится круглымъ числомъ милліоновъ 16. Обыкновенно рыба къ берегамъ Норвегіи приходитъ на время нереста, находя между островами въ заливахъ пристанище отъ бурь. Время нереста продолжается только нѣсколько недѣль и вотъ къ этому-то приходу рыбы и собираются лодки. Впрочемъ, обиліе рыбы еще не дѣлаетъ рыбаковъ людьми обезпеченными отъ бѣдности и не можетъ же ихъ избавлять отъ труда и опасностей занятія этимъ промысломъ. Рыбачьи хижины совсѣмъ бѣдны и обитатели ихъ подвергаются всѣмъ невзгодамъ стихій.

Помѣщеныя въ этой статьѣ два рисунка изображаютъ: одинъ—горный пейзажъ въ Норвегіи, знакомящій зрителя съ красотою сѣверной природы; другой—переноситъ зрителя въ жилище норвежца. Для этой послѣдней картины художникъ избралъ домашнюю сцену въ праздничный день, когда семейство норвежца, отдыхая послѣ трудовой недѣли, утѣшается скромными звуками одинокой скрипки, доставляющими, какъ видно, всей семьѣ и въ особенности дѣтямъ не малыя удовольствія.

## Населеніе въ окрестностяхъ Батума.

Населеніе окрестностей Батума состоитъ изъ разнообразныхъ племенъ: тутъ есть и лазы, и армяне, и грузины, и курды, и греки и абхазцы. Но лазы составляютъ собственное коренное населеніе Батума. Народъ этотъ очень способный, смѣлый и несетъ на себѣ весь тяжелый трудъ въ странѣ. Лазы происхожденія грузинскаго, находясь подъ вліяніемъ турецкаго владычества они приняли исламъ, ввели у себя арабскій алфавитъ и теперь, среди другихъ мусульманскихъ народностей, они самые фанатическіе поклонники корана, языкъ ихъ, впрочемъ, не измѣнился и между собою они говорятъ по грузински. Армяне, какъ и всегда и вездѣ, больше купцы, ювелиры, портные. Грузины и Черкесы остаются неизмѣнно лѣнивы, безпечны и кромѣ земледѣлія, которое у нихъ стоитъ въ первобытномъ положеніи, ни зачто другое не берутся. Курды живутъ по большей части кочующими, но занимаются перевозкой товаровъ и больше по имени, чѣмъ на дѣлѣ, подвластны Турціи. Курды отличные наѣздники и ловко справляются съ оружіемъ. Вообще, жители окрестностей Батума дики, каждый изъ нихъ вооруженъ, и кровавыя сцены—обыкновенное явленіе. Населеніе исповѣдуетъ преимущественно исламъ, только нѣкоторые держатся христіанства.

Нашъ рисунокъ, представляетъ грузина, лаза и армянку. Грузинъ вѣренъ себѣ: онъ всегдашній продавецъ фруктъ и слишкомъ хорошо знакомъ намъ русскимъ, бывавшимъ въ Закавказьи, чтобы о немъ разсказывать. Курдъ—другое дѣло: этотъ отъ торговли не видитъ проку и больше заботится о томъ, гдѣ-бы добыть что нибудь при помощи силы и оружія. Армянка—изъ окрестностей Батума такъ же напоминаетъ общій армянскій типъ и въ одеждѣ своей мало отличается отъ своихъ закавказскихъ соплеменниковъ. Лазъ отчасти напоминаетъ грузина. Не нужно читать надписи подъ картиной, чтобы съ перваго взгляда на нее составить ясное представленіе объ изображенныхъ на ней лицахъ.

Нужно замѣтить, что чѣмъ выше поднимаешься въ плоскогорьѣ Малой Азіи, тѣмъ печальнѣе положеніе населенія. Вездѣ видно запустѣніе, полнѣйшее отсутствіе культуры и крайняя бѣдность. Женщина обречена на тяжелый трудъ; она занимается полевыми работами, домашнимъ хозяйствомъ и выполняетъ всѣ потребности въ семейной жизни, тогда какъ мущина предается праздности и лѣни. По словамъ французскаго инженера Шуази, путешествовавшаго по Малой Азіи съ ученой цѣлію, населеніе этой страны уменьшается съ каждымъ годомъ: народъ исчезаетъ, говоритъ онъ, подобно геологическимъ особямъ.

## Странница у ручейка.

Недовольство настоящимъ и вѣчное исканіе чего-то въ будущемъ сопровождаетъ человѣка на всѣхъ поприщахъ его жизни и дѣятельности. Если же при этомъ человѣкъ надѣленъ подвижнымъ и впечатлительнымъ темпераментомъ, то это недовольство и это исканіе чего-то невѣдомаго переходитъ у него въ неудержимую потребность. Къ числу такихъ, по нашему мнѣнію, относится большая часть странниковъ по святымъ мѣстамъ. Есть, конечно, между ними исключенія, именно есть лица, которыхъ странствованія по святымъ мѣстамъ вызываются исключительно религіознымъ чувствомъ, но исключенія эти

весьма незначительны. Большая часть странствуетъ именно въ силу неотразимой душевной потребности искать новыхъ впечатлѣній, и эти поиски и эти вѣчныя перемѣны мѣстъ составляютъ всю сущность странствованія, сущность зачастую даже неизвѣстную самимъ странникамъ, воображающимъ въ простотѣ души, что они ходятъ изъ мѣста въ мѣсто собственно изъ религіознаго чувства.

— Хожу я, батюшки мои свѣты, вотъ ужь сорокъ лѣтъ и все мнѣ нѣтъ еще настоящаго упокою, разсказываетъ, охая, старушка странница. Была она и въ Кіевѣ, была и въ Воронежѣ, и у Иннокентія Иркутскаго. Всего, всего насмотрѣлась, и голоду, и холоду, и ласки, и гнѣва.

— Очення бы мнѣ желательно, говоритъ она, къ Соловецкимъ. Тамъ, говорятъ, и край же! Монастырь стоитъ высоко, высоко на Голгофѣ горѣ, и изъ Архангельска на пароходѣ надобно ѣхать. А море то, говорятъ, бѣлое, такъ Бѣлымъ и называется, и холодно тамъ. Рядомъ съ этимъ моремъ Ледовитое—все льды по немъ плаваютъ. Вотъ туда бы мнѣ сходить!..

Слушала эти слова одна тоже старушка, но видимо другихъ стремленій и не дослушала до конца всѣхъ плановъ странницы:

— Землемѣръ! сказала она гнѣвно взглянувъ на странницу и ушла въ другую комнату,

Такой-то землемѣръ и изображенъ на нашемъ рисункѣ.

## Новгородъ.

Новгородъ, одинъ изъ древнѣйшихъ историческихъ городовъ Руси, расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Волхова, при самомъ его истокѣ, въ трехъ верстахъ отъ озера Ильменя. На правомъ берегу Волхова расположена торговая сторона, дѣлившаяся въ древности на два конца: Славный или Словенскій и Плотницкій, первый конецъ былъ самый населенный и богатый, а второй очень незначительный какъ по пространству, такъ и по богатству обитателей.

Современный видъ Новгорода, изображенный на рисункѣ, представляетъ торговую сторону, на первомъ планѣ гостиный дворъ съ городскою думою, по лѣвую сторону изъ-за сада виденъ дивизіонный штабъ, бывшій дворецъ Императрицы Екатерины, построенный въ ея время. Далѣе высятся купола церквей и башни колоколенъ.

За исключеніемъ оставшихся нѣсколькихъ церквей, современный Новгородъ мало похожъ на древній. Гостиный дворъ остался на прежнемъ мѣстѣ, но не въ томъ видѣ. Въ древности площади не было, а все пространство занято было лавками, и гостиный дворъ дѣлился на особые ряды. Были ряды суровскіе, кожевенные, щепные, хлѣбные и проч. Почти въ этомъ же мѣстѣ было вѣче, на рисункѣ оно обозначено башней съ шатровымъ верхомъ, украшеннымъ шаромъ съ острыми шпильками. Здѣсь былъ Ярославовъ дворъ, до того красивый и обширный, что онъ удивилъ англійскаго принца, искавшаго убѣжища у Ярослава. Конечно, дворецъ Ярослава былъ деревянный и потому ничего не осталось, кромѣ церкви св. Николая и башни, которыя потому только уцѣлѣли, что были каменныя.

Торговая сторона была центромъ политической и торговой дѣятельности Новгорода, на ней были вѣче и нѣмецкій дворъ. Но святая Софія, находящаяся на Софійской сторонѣ, на лѣвомъ берегу Волхова, имѣла такое значеніе въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, что существованіе Великаго Новгорода признаваемо было не иначе, какъ при существованіи святой *Софіи. Кдѣ святая Софія, ту Новгородъ.*

Вѣчевое управленіе давало полную независимость новгородскому обществу; князь не вмѣшивался въ дѣла вѣча и былъ только предводителемъ войска и исполнителемъ воли народной. Случалось даже, что Новгородцы призывали князя на судъ на вѣче, обличали его и лишали власти, а впрочемъ, не отпускали его, пока не призывали новаго князя. Такъ было со Всеволодомъ Псковскимъ, На вѣчѣ очень часто возникали раздоры, и сильныя партіи прямо съ вѣча отправлялись грабить слабѣйшихъ, слѣдствіемъ чего были опустошительные пожары и разграбленіе цѣлыхъ уѣздовъ. Убѣжищемъ преслѣдуемыхъ вѣчанъ были святая Софія и Нѣмецкій дворъ.

Въ важныхъ религіозныхъ и политическихъ дѣлахъ, а иногда и въ вѣчевыхъ распряхъ, Новгородцы обращались къ святой Софіи и собирали вѣче на архіерейскихъ дворахъ, въ особенности при избраніи владыки, новаго князя и при началѣ войны.

Новгородъ преимущественно воевалъ съ Ливонцами, Литвой и Шведами, но бывали случаи войны и съ соотечественниками, а вольница Новгородская гуляла и по Волгѣ. Стоя на рубежѣ русской земли, Новгородъ служилъ воротами европейской торговли съ Константинополемъ и Азіей. По словамъ Нестора путь шолъ такъ: изъ Финскаго залива, Невой и Ладожскимъ озеромъ въ р. Волховъ, въ озеро Ильмень и въ Ловать, отсюда волокомъ до Днѣпра и потомъ въ Черное море.

Въ цвѣтущее время торговля Новгорода преимущественно состояла въ отпускѣ пушныхъ товаровъ, воску, меду и кожъ. Но главнымъ промысломъ было постройка рѣчныхъ судовъ и перегрузка товаровъ съ морскихъ судовъ на плоскодонныя суда рѣчныя. Въ этомъ случаѣ новгородцы были факторіей Ганзы, вліяніе которой было такъ сильно, что успѣло побороть нетерпимость русскихъ того времени относительно иновѣрцевъ. Нѣмецкій дворъ съ своею церковію имѣлъ вліяніе на политическій и экономическій бытъ Новгорода, онъ пользовался правомъ неприкосновенности, въ стѣнахъ его находили даже новгородцы убѣжище отъ своихъ враговъ. Съ своей стороны и Ганза дорожила добрыми отношеніями къ Новгороду, какъ единственному пункту на торговомъ пути въ Азію.

Во время своей славы и богатства, Новгородъ не уступалъ обширнымъ и богатымъ городамъ Европы; въ немъ много было капитальныхъ зданій, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимала святая Софія.

Каменный храмъ святой Софіи заложенъ былъ въ 1045 году Владиміромъ Ярославичемъ, а построенъ въ 1050 году. Онъ имѣетъ въ высоту внутри восемнадцать саженъ, а съ наружи двадцать три съ половиною сажени—и составляетъ замѣчательный памятникъ того времени по своей массивности и цѣнности. Стѣны его, сложенныя изъ булыжнаго камня, имѣютъ болѣе полусажени толщины, длина его шестнадцать саженъ, ширина осьмнадцать саженъ, внутри десять колоннъ, поддерживаютъ верхнія своды и трибуны главъ. Постройка такого зданія требовала громадныхъ суммъ, потому что производилась совершенно отличнымъ способомъ отъ построекъ настоящаго времени и лишена была тѣхъ облегчающихъ средствъ, которыя успѣли найдти въ теченіи восьми вѣковъ цивилизація и наука. Святая Софія служила образцомъ для постройки послѣдующихъ храмовъ въ Новгородѣ, конечно, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ и съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что святая Софія была въ одинъ этажъ, а церкви городскія двуэтажныя; въ верхнемъ этажѣ помѣщалась церковь, а въ нижнемъ—кладовая. Подобная архитектура составляетъ исключительную особенность новгородскихъ церквей, которая обусловливалась экономическимъ складомъ Великаго Новгорода.

Въ Новгородѣ приходская община была вмѣстѣ и торговой. Жилыя постройки того времени строились изъ дерева, матеріала легко воспламеняющагося и сгараемаго, а пожары были частые и опустошительные, иногда выгорали цѣлые концы города, поэтому цѣнныхъ товаровъ сохранять на дому не было никакой возможности. Въ видахъ болѣе безопаснаго сбереженія цѣнныхъ товаровъ цѣлыя общины, а иногда и частныя лица, стоящія во главѣ общины, строили каменную церковь. Въ верху помѣщалась церковь, а внизу были кладовыя, гдѣ хранились цѣнные товары, а иногда за тѣснотою въ кладовой товары помѣщались въ самой церкви. Замѣчательно, что въ одномъ только Софійскомъ соборѣ устроена усыпальница, гдѣ покоятся князья, владыки новгородскіе и самые значительные изъ гражданъ, въ приходскихъ же церквахъ никогда никого не хоронили. Въ монастыряхъ также были усыпальницы.

Въ Новгородѣ, кромѣ церквей, было одинадцать монастырей, а въ его окрестностяхъ 66 монастырей; церквей врядъ ли осталось четверть, а монастырей только четыре въ городѣ. Монастыри были по преимуществу усыпальницами или убѣжищемъ богатыхъ гражданъ, отживающихъ свой вѣкъ. Богатые новгородцы, покончивъ торговыя дѣла, искали себѣ покоя и отдыха въ монастыряхъ, какъ на дачахъ. Построивъ небольшой монастырь, новгородецъ дѣлался настоятелемъ его, и не теряя правъ гражданскихъ, жилъ въ монастырѣ съ женой и семьей, къ нему присоединялись родственники и прихлебатели, и такимъ образомъ вокругъ монастыря образовывался посадъ, гдѣ жили неимѣющіе права голоса на вѣчѣ. Вотъ почему сложилось въ народѣ мнѣніе, что Новгородъ простирался отъ Юрьева монастыря до Хутынскаго монастыря, почти на протяженіи двадцати верстъ. Но нѣтъ никакихъ слѣдовъ и поводовъ допустить, чтобы Новгородъ былъ такъ обширенъ; онъ никогда не выходилъ изъ тѣхъ границъ, въ какихъ находится и теперь. Топографическія условія не допускали раздвинуться Новгороду, вслѣдствіе низменностей. окружающихъ Новгородъ и заливаемыхъ весною водою почти на сажень высоты.

Не мало способствовало развитію монастырей вѣрованіе того времени, въ особенности въ высшемъ классѣ общества Новгородскаго, что въ ангельскомъ чинѣ только возможно спасеніе. Рѣдкіе изъ князей и богатыхъ людей того времени умирали, не воспріявъ великаго постриженія. Владыки новгородскіе предъ смертію принимали постриженіе великой схимы. Огромныя нужны были средства для устройства и существованія такого множества церквей и монастырей, и средства эти давалъ одинъ только Новгородъ.

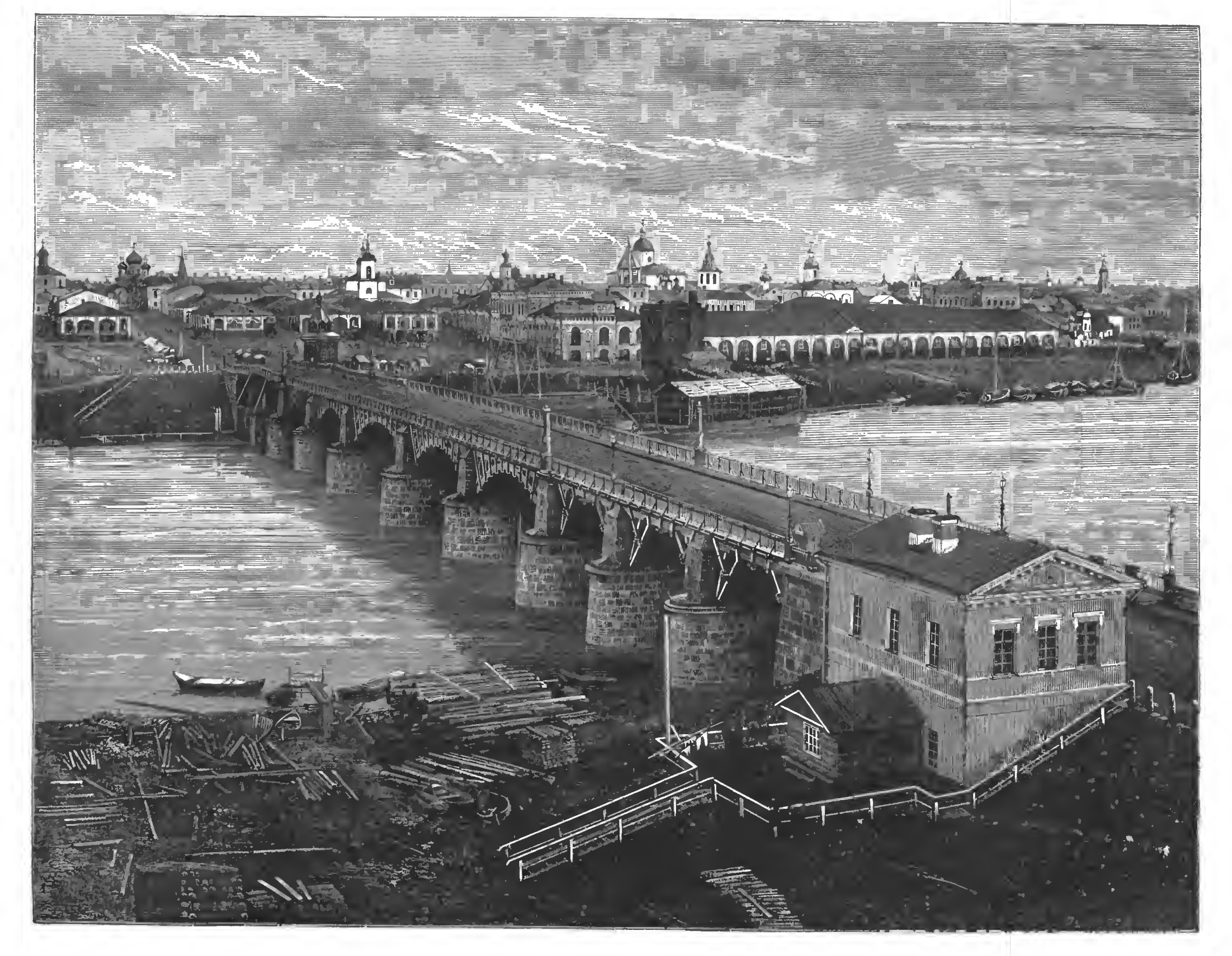
Къ капитальнымъ постройкамъ Новгорода слѣдуетъ отнести дѣтинецъ.

Дѣтинецъ, древняя твердыня, за которою Великій Новгородъ хранилъ святую Софію, въ настоящее время не представляетъ того грознаго вида, какимъ онъ былъ въ глазахъ современниковъ, надъ стѣнами его высились девять башенъ, а выходомъ служили пять воротъ. Онъ устроенъ въ 1302 году изъ дикаго камня, а облицеванъ кирпичемъ при Петрѣ I-мъ.

Мостъ деревянный на сваяхъ былъ гораздо выше нынѣ существующаго каменнаго и простирался болѣе, чѣмъ на полверсты и очень былъ широкъ. На мосту устроены были лавки и происходили молодецкіе кулачныя бои, а иногда и кровавыя сшибки между враждующими сторонами. Съ этого моста опричники Ивана Грознаго бросали въ Волховъ Новгородцевъ, свя-



**Старушка странница на отдыхѣ въ лѣсу.** Рис. М. Зиновьевъ. грав. К. Шмидтъ.



**Общій видъ Новгорода.** Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

занныхъ вмѣстѣ цѣлыми семьями, а которые выплывали на поверхность рѣки, тѣхъ добивали опричники долбнями, отчего и прозываютъ Новгородцевъ долбежниками.

По своему нравственному развитію Новгородъ стоялъ высоко въ отношеніи прочихъ городовъ Руси. Въ немъ развились, и изъ него вышли знаменитые князья Русской земли: Владиміръ —красное солнышко, Ярославъ Мудрый, Мстиславъ Удалой, Александръ Невскій и другіе. Изъ него же были и іерей Сильвестръ и патріархъ Никонъ. Въ немъ же пріютилась и ересь жидовская. Живопись иконная процвѣтала въ Новгородѣ, представителемъ ея былъ Рублевъ. Писцы отличались грамотностію и красотою письма; Остромирово евангеліе писано въ Новгородѣ. Монетный дворъ и искусные серебряники оставили много памятниковъ искусства, и изящные рисунки, замѣчательныхъ прочностію и яркостью красокъ древней эмали или финифти.

Новгородъ палъ при Иванѣ III. Онъ уничтожилъ торговлю Новгорода, заградивъ путь въ Греки и за Волгу. Богатыхъ и сильныхъ Новгородцевъ онъ разсѣлилъ по разнымъ городамъ Руси, Марфу Борецкую заточилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ дѣвичій монастырь и вѣчевой колоколъ, разбивши въ куски, свезъ въ Москву, а вмѣстѣ вывезъ и сокровища новгородскія, на трехстахъ подводахъ. Иванъ четвертый, Грозный, добилъ остатки Новгородцевъ, перетопивъ въ Волховѣ. Теперь въ Новгородѣ нѣтъ прямыхъ потомковъ прежнихъ Новгородцевъ, его населяютъ выходцы изъ Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской и другихъ губерній, потому нѣтъ и вѣрныхъ преданій, былинъ, пѣсенъ и сказокъ. Существуютъ неправдоподобные и несообразные разсказы про Марфу Пасадницу и все приписываютъ ей и развалины и замѣчательныя зданія, даже показываютъ портретъ ея, который снятъ съ иноки Марфы, матери царевича Дмитрія, заточенной въ Выксинскомъ монастырѣ въ Новгородской губерніи. Всѣ эти несообразные разсказы только доказываютъ то, что изъ современниковъ Марфы Борецкой никого тогда не осталось въ Новгородѣ.

Учрежденіе столицы въ С.Петербургѣ окончательно свело Новгородъ на степень простого административнаго города. Съ виду онъ красивый и чистенькій городъ, соединенный съ Николаевской желѣзной дорогой узкоколейной Новгородской и пароходствомъ по Волхву. Жителей въ немъ только семнадцать тысячъ, въ числѣ которыхъ болѣе трехъ тысячъ войска. Пространство онъ тоже занимаетъ какъ и древній Господинъ Великій Новгородъ, но населеніе широко раскинулось. Четыре большихъ площади, широкія улицы, сады и огороды раздвинули его очень широко. Домовъ въ городѣ болѣе двухъ тысячъ и почти на половину каменные. Постройка каменная сосредоточена въ центрѣ города, на Торговой сторонѣ. Въ дѣтинцѣ, въ древности густо заселенномъ, теперь только святая Софія съ архіерейскимъ домомъ, памятникъ тысячелѣтію Россіи, присутственныя мѣста и четыре дома Софійскаго духовенства.

Церквей каменныхъ въ городѣ тридцать семь, монастырей четыре. Во времена Екатерины Второй, графомъ Сиверсомъ Новгородъ совершенно перестроенъ. Всѣ старыя улицы уничтожены, а городъ разбитъ на правильные кварталы. Гостиный дворъ построенъ въ тоже время и присутственныя мѣста съ губернаторскимъ домомъ. Каменный мостъ черезъ Волховъ устроенъ на новомъ мѣстѣ въ царствованіе Императора Николая I. Большія двѣ арки для проѣзда черезъ дѣтинецъ устроены въ царствованіе Императора Александра I-го и въ его же время насаженъ городскій садъ плѣнными французами на мѣстѣ древняго дома. **Богословскій.**

## Парижская Всемірная Выставка.

Въ настоящее время, насмотрѣвшись на Всемірную выставку въ Парижѣ, уже можно дѣлать общія заключенія. Такъ, помѣщая въ этомъ номерѣ видъ художественнаго нѣмецкаго отдѣла, мы приводимъ выводъ, сдѣланный цѣнителями художественныхъ произведеній, видѣвшими, въ свое время, Вѣнскую выставку. Художественный отдѣлъ Парижской выставки, по ихъ мнѣнію, представляетъ собою тѣ же таланты, которые являлись на судъ общества и на выставкѣ 1873 года въ Вѣнѣ. Настоящій художественный отдѣлъ и не богаче и не разнообразнѣе, даже, наоборотъ, уступаетъ въ количествѣ выставленныхъ картинъ и скульптурныхъ работъ. Само собою разумѣется, что въ какіе нибудь 5 лѣтъ искусство и не могло сдѣлать гигантскихъ шаговъ впередъ и измѣнить направленіе, особенно тамъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно уже достигло своего развитія.

Если же вообще сдѣлать сравненіе между художественными произведеніями, поставленными на Парижской всемірной выставкѣ, съ таковыми же, бывшими на выставкѣ Вѣнской и произвести это сравненіе по національностямъ мастеровъ, то оказывается, что на Вѣнской выставкѣ преобладающее значеніе имѣла выставка работъ вѣнскихъ мастеровъ; въ настоящее время на Парижской выставкѣ численность на сторонѣ мѣстныхъ, французскихъ художниковъ. Это, говоря между прочимъ, указываетъ, что всегда „хозяева" всего болѣе о себѣ заботятся. Италія на нынѣшній разъ очень уменьшила количество выставленныхъ картинъ своихъ и статуй. Бѣднѣе противъ Вѣнской выставки и художественный отдѣлъ Венгріи и Нидерландъ; но за то богаче нашъ Русскій отдѣлъ, выставившій нынче 155 картинъ и 52 скульптурныя произведенія, имѣвшій на Вѣнской выставкѣ 107 картинъ и 43 статуи. Въ отношеніи качества, нашъ русскій художественный отдѣлъ также блистательно заявилъ себя и, по отзывамъ художественныхъ критиковъ, наши художники чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе доказываютъ, что искусство въ Россіи дѣлаетъ замѣтные шаги впередъ, приводящіе его съ честію на всемірныя состязанія. Говорятъ, что на нынѣшней всемірной выставкѣ русская школа живописи получила полное право гражданства и съ этого времени иностранная публика стала заучивать имена русскихъ художниковъ. Фактъ знаменательный. Вообще, какъ видно, наше русское искусство начинаетъ входить въ свѣтъ, занимать подобающее мѣсто тамъ, гдѣ искусство развивается и процвѣтаетъ, блистательно доказывая свои несомнѣнныя достоинства, при своей самобытности. Такъ наша музыка въ концертахъ Трокадеро, подъ управленіемъ Н. Рубинштейна, заставила громко говорить о себѣ, вызвала единодушное одобреніе. Первенствующее мѣсто въ концертахъ, разумѣется, было отведено нашему великому русскому композитору Глинкѣ, и публика всѣхъ національностей познакомилась съ великолѣпной увертюрой Руслана, Камаринской, чудесными партіями изъ „Жизни за Царя", также произведеніями Даргомыжскаго и Сѣрова. Русскіе пѣвцы и въ особенности пѣвицы производятъ сильное впечатлѣніе за границей своими прекрасными голосами и музыкальнымъ развитіемъ. Теперь не рѣдкость читать объ ангажементахъ нашихъ солистокъ на лучшихъ заграничныхъ сценахъ. Замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что, не смотря на успѣхъ нашихъ русскихъ солистокъ на иностранныхъ сценахъ, мы (т. е. наша петербургская итальянская опера) по прежнему придерживаемся пѣвцовъ иностранныхъ, платя имъ громадныя суммы. Быть можетъ наши русскія пѣвицы за границею тоже получаютъ значительное вознагражденіе за свое участіе на иностранныхъ сценахъ,—тогда, значитъ, мы съ иностранцами квиты. Но что-то плохо вѣрится, чтобы въ этомъ мы могли поквитаться, такъ какъ изстари извѣстно, что мы на деньги „тароваты".

Но вернемся къ живописному отдѣлу. За послѣднее время, т. е. со времени Вѣнской выставки, въ Германіи, какъ и во Франціи, не выдвинулось ни одного новаго громкаго имени, и каталоги Вѣнской и Парижской выставокъ повторяютъ извѣстные всѣмъ имена, съ тою разницей, что нѣкоторые германскіе художники отошли въ Австрійскій отдѣлъ; причиною этому то, что Германія сначала отказывалась было принять участіе въ Парижской выставкѣ, а художникамъ не хотѣлось отказаться отъ состязанія. Согласившись наконецъ выступить на выставку, Германія въ тоже время позаботилась удалить въ своей выставкѣ всѣ картины такого содержанія, которое могло бы напомнить времена прусско-французской войны. Отсутствіе картинъ съ такимъ напоминаніемъ замѣчается и во французскомъ художественномъ отдѣлѣ. Въ свое время мы уже дали нѣкоторый отчетъ объ этомъ отдѣлѣ; въ настоящемъ № по поводу нашего рисунка, представляющаго видъ германскаго художественнаго отдѣла, между прочимъ считаемъ не безъинтереснымъ провести нѣкоторую параллель между искусствомъ той и другой страны. Господствующимъ направленіемъ французской живописи положительно надобно признать необыкновенное мастерство техники, вкусъ, пониманіе красокъ, но совсѣмъ бѣдность содержанія. Нѣмецкая школа представляетъ много наблюдательности, задушевности и богатство внутренняго содержанія. Произведенія французскихъ художниковъ поражаютъ, изумляютъ; произведенія нѣмецкихъ мастеровъ влекутъ къ себѣ и трогаютъ. Французскіе художники съ любовію вращаются въ сюжетахъ изъ миѳологіи, изображаютъ нагихъ женщинъ; нѣмецкіе мастера разработываютъ жанръ. Блестящимъ представителемъ этого рода нѣмецкой школы живописи, конечно, является Кнаусъ, и на Парижской выставкѣ теперь онъ обращаетъ вниманіе на свои картины, въ числѣ пяти,— „Похороны", „Дѣтскій праздникъ", „Крестьянскій совѣтъ", „Ученикъ", „Хорошее дѣльце". Всѣ эти картины представляютъ вполнѣ законченныя произведенія, всѣ изображенныя лица—типы, переданные совершенно естественно. Каждая фигура строго обдуманна и стройно сливается въ общей гармоніи. На картинахъ „Понятливый ученикъ" и „Хорошее дѣльце„ фигурируютъ „цесные жидочки". Карлъ Беккеръ выставилъ двѣ картины: „Императоръ Максимиліанъ увѣнчиваетъ поэта Ульриха Гуттена" и „Альбертъ Дюреръ въ Венеціи". Ученикъ Пилоти, Грюйнеръ, по обыкновенію, подсмѣивается въ своихъ картинахъ надъ католическими монахами. Другой ученикъ Пилоти, Дефрегеръ, выставилъ двѣ картины: „Молитва передъ обѣдомъ" и „Игра на цитрѣ". Самъ Карлъ Пилоти, надѣлавшій шуму на Вѣнской выставкѣ „Туснельдой", предсталъ въ Парижѣ съ картиной „Герцогъ Валленштейнъ, проѣзжающій мимо роющейся могилы". Ахенбахъ выставилъ шесть пейзажей и одинъ изъ нихъ, „Берегъ Шельды", рѣшительно одинъ изъ самыхъ лучшихъ на всей выставкѣ. Дюкеръ (бывшій членомъ нашей русской школы, но почему-то отпавшій) заявилъ о себѣ прекраснымъ видомъ береговъ Балтійскаго моря при вечернемъ освѣщеніи.

Зала нѣмецкой художественной выставки вообще отмѣчается

строгимъ стилемъ: стѣны обиты свѣтло-желтыми обоями, мраморныя группы и растенія расположены въ гармоническомъ порядкѣ.

Въ настоящее время общество выставки занято раздачами наградъ экспонентамъ. Это присужденіе наградъ волнуетъ всѣхъ, явившихся на всемірный конкурсъ, и каждый спѣшитъ узнать, кому выдалъ, такъ сказать, аттестатъ, кому книжка. Въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ черезчуръ много наградъ получила Финляндія. Читаешь перечень и удивляешься, сколько нашей сосѣдкѣ надавали отличій. Становится даже какъ будто завидно, что въ нашемъ же государствѣ, только не у русскихъ, такъ отличились и явились достойными одобренія. Финляндія получила награды и за школы, и за ассоціаціи и различныя общества. Высшія награды Россія получила за художественную выставку: Семирадскій получилъ высшую награду за живопись, Антокольскій за скульптуру, Редлихъ (въ Варшавѣ) за гравюру; четвертую (diplôme de memoire) получилъ архитекторъ Бруни. Наше министерство народнаго просвѣщенія получило почетный дипломъ за изданія академіи наукъ, золотую медаль за планы женскихъ и мужскихъ гимназій и, наконецъ, серебряную медаль за планы народныхъ школъ. Наша прекрасная коллекція педагогическаго музея военнаго министерства, о которой мы въ свое время упоминали, получила золотую и серебряную медали. Прибавимъ кстати, что директоръ музея, генералъ Кохановскій, отлично устроивъ свой отдѣлъ, три раза въ недѣлю публично демонстрировалъ свою выставку предъ всегда многочисленной и внимательной толпой. Мы заносимъ этотъ фактъ въ виду упрековъ въ томъ, что наши выставочные отдѣлы чрезвычайно много потеряли отъ распорядковъ выставочныхъ чиновниковъ, которые, по словамъ всѣхъ, дѣлаютъ свое присутствіе на выставкѣ какой-то прогулкой и никакой пользы экспонентамъ не приносятъ. Между прочимъ разсказываютъ фактъ по выбору русскихъ жюри: въ эксперты по обуви и одеждѣ, говорятъ, назначенъ былъ бумагопрядильщикъ, а русскій шорникъ былъ посаженъ въ горный отдѣлъ. Здѣсь невольно вспоминаются строки извѣстной басни:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ...

У насъ же это, какъ видно, дѣлается зачастую, и сплошь и рядомъ у сидящихъ не на своемъ мѣстѣ выходитъ

Не дѣло, только мука.

Много наградъ выпало на долю шелка московскимъ фабрикантамъ. Московскіе же фабриканты получили золотыя медали за шерсть и хлопчатую бумагу.

Лучшими представителями на Парижской выставкѣ въ отдѣлѣ музыкальныхъ инструментовъ явились Шредеръ и Беккеръ, и ройяли ихъ получили золотыя медали. Мы особенно упоминаемъ объ этихъ наградахъ нашимъ фортепіаннымъ мастерамъ, такъ какъ ройяли ихъ фабрикъ, особенно Шредера, производили положительный эффектъ. Испытаніе шредеровскихъ ройялей привлекало массы публики, начиная отъ важныхъ барынь, по старости лѣтъ уже не могущихъ ходить и потому перевозимыхъ по выставкѣ въ колясках, до рабочихъ въ блузахъ. Фирмы Шредера и Беккера стоятъ выше французскихъ фирмъ, во главѣ которыхъ является знаменитый Эраръ. Драгоцѣнные ройяли Эрара, съ своими украшеніями по стѣнкамъ корпуса, съ вставленными медальонами изъ севрскаго фарфора, прельщая наружнымъ блескомъ, гремя баснословной стоимостью, уступаютъ въ качествахъ на видъ скромнымъ ройялямъ фабрики Шредера. Въ результатѣ на драгоцѣнные медальоны Эрара никто не обращаетъ вниманія, а на ройяляхъ Шредера и Беккера играютъ различные артисты.

Что касается получившихъ награды Овчинникова, Сазикова, фабрикантовъ серебряныхъ вещей, Лизере—мебели и т. под. то это,—какъ выразился нѣкто,—такъ сказать наши аксіомы, не требующія доказательствъ.

Почетное мѣсто заняла Россія на выставкѣ лошадей, и Чесменскій заводъ В. К. Николая Николаевича получилъ двѣ высшія награды. На рысистыхъ бѣгахъ русскіе рысаки Мазурина и Дюгамеля взяли первые призы.

На бѣгахъ присутствовали Великіе Князья Алексѣй Александровичъ и Константинъ Константиновичъ, Король Португальскій и Макъ-Магонъ. **О.**

# Клеопатра.

## (Этюдъ профессора Ниссена.)

(Окончаніе).

Клеопатра наслѣдовала умную предусмотрительность ея предка, хитрость Птолемея Лаги, и осталась вѣрною подобному образу дѣйствій до самаго конца своей жизни. Съ удивительною послѣдовательностью она держалась того плава, чтобы поставить силу Запада въ служебное къ себѣ отношеніе; она стремилась уничтожить ненавистную республику на Тибрѣ руками ея собственныхъ сыновъ и на развалинахъ Рима воздвигнуть великое царство, которое управляло бы всею вселенною.

Изгнанная царица должна была надѣяться и выжидать переворота счастія. Западъ былъ потрясенъ войною и воинственными кликами; римскіе оптимисты соединились въ два различные лагеря, что бы рѣшить, кто изъ нихъ долженъ быть предводителемъ и господиномъ. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ битвою при *Форсалѣ*, лѣтомъ 48 г. до Р. Х. Пораженный Помпей пришелъ искать помощи въ Египетъ. Цезарь шелъ за нимъ по слѣдамъ, какъ слѣдуетъ охотникъ по слѣдамъ истекающаго кровью звѣря. Совѣтники юнаго короля рѣшили умертвить Помпея, чтобы избѣжать всякихъ дальнѣйшихъ затрудненій и недоразумѣній въ отношеніяхъ къ Риму. Не смотря на это, Цезарь съ нѣсколькими тысячами войска высадился въ Александріи. Онъ нуждался въ деньгахъ и потому объявилъ себя рѣшителемъ спора между египетскими королями (братомъ и сестрою). Это былъ отчаянно смѣлый фортель, на который могъ рѣшиться только Цезарь. Огромный городъ громко роптал на римскаго полководца. Дворъ замышлялъ гибель Цезарю и дѣйствительно обладалъ достаточною силою подавить силу послѣдняго. Но тогда нашелся для Цезаря другъ, готовый раздѣлить съ нимъ опасность.

На маленькомъ кораблѣ вступила изгнанная Клеопатра въ гавань своей столицы; она велѣла завернуть себя въ коверъ, и ношатый-служитель, подъ видомъ тюка какихъ-либо товаровъ и пользуясь тьмою ночи, перенесъ ее въ Римскую главную квартиру. Въ качествѣ „безземельной“ царицы возвратилась Клеопатра во дворецъ своихъ отцевъ, чтобы ввѣрить свою будущую судьбу въ руки великаго Цезаря. Послѣдній принялъ царицу весьма ласково и дружелюбно и обѣщалъ защищать ея право на престолъ. Но при ежедневныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, которыя возникли вслѣдъ за симъ, Цезарь не въ состояніи былъ противиться прелестямъ удивительной женщины. Оба эти величайшіе люди своего времени, 52-хъ лѣтній римскій герой и молодая 21 лѣтняя греческая царица, представили собою любящуюся парочку, подобную которой мы уже не встрѣчаемъ въ исторіи. Но эта связь подала сигналъ къ возмущенію въ Александріи. Въ неизъяснимомъ бѣшенствѣ поднялось населеніе громаднаго города противъ чуждаго пришельца; на помощь къ населенію явилась превосходная силою армія. Много дней прошло въ уличныхъ битвахъ и въ упорныхъ сраженіяхъ на морѣ и на сушѣ. Только съ большимъ трудомъ Римляне удерживали укрѣпленный королевскій замокъ, и цѣлые мѣсяцы Цезарь и Клеопатра находились въ величайшей нуждѣ и опасности. Во время этихъ упорныхъ битвъ погибло въ пламени и величайшее книгохранилище древняго міра, Александрійская библіотека съ ея 400,000 томовъ. Но вспоминая объ этой великой потерѣ, мы можемъ утѣшиться мыслію, что Цезарь именно въ-теченіе этихъ мѣсяцевъ пришолъ къ идеѣ произвести реформу въ тогдашнемъ календарѣ, потому что годовое счисленіе, которое ввелъ Цезарь и которымъ мы пользуемся теперь, возникло на почвѣ египетской (жреческой) мудрости. Наконецъ, въ январѣ 47 года, осажденнымъ пришла желанная помощь. Въ большой битвѣ египтяне были разбиты и въ суматохѣ бѣгства молодой царь утонулъ въ Нилѣ. Теперь Цезарь могъ безпрепятственно исполнить свое обѣщаніе, возвести свою возлюбленную на тронъ ея отцевъ и обезопасить ея будущую судьбу римскимъ гарнизономъ, который Цезарь оставилъ для болѣе безопаснаго и прочнаго устройства дѣлъ молодой царицы. Но Цезарь не спѣшилъ отъѣздомъ изъ Египта. Любящаяся пара сошлась подъ страшнымъ звукомъ оружія, освятила и укрѣпила свой союзъ дружнымъ перенесеніемъ неудачъ и бѣдствій, и теперь, въ вознагражденіе перенесеннаго, и Цезарь и возстановленная имъ царица бросились въ вихрь безумныхъ и необузданныхъ удовольствій. Послѣдовалъ рядъ празднествъ, отличавшихся сказочной пышностью. Клеопатра умѣла устраивать эти празднества, какъ никто въ мірѣ. На грандіозно и пышно убранныхъ и сверкающихъ драгоцѣннымъ убранствомъ судахъ, предприняла Клеопатра съ Цезаремъ поѣздку вверхъ Нила, чтобы показать властелину Запада чудеса Земли Пирамидъ. Цезарь при этомъ, повидимому, совершенно забылъ свои задачи и обязанности, лежавшія на немъ какъ на римлянинѣ. Онъ пробылъ въ Египтѣ 9 мѣсяцевъ и оставилъ такимъ образомъ Римъ не защищеннымъ и не обезопашеннымъ отъ всевозможныхъ случайностей. Дѣйствительно, у гидры гражданской войны, вмѣсто отрубленныхъ, вскорѣ выросли новыя головы. Въ Африкѣ и Испаніи римскіе аристократы собрали новыя силы. Но потомъ и въ томъ и другомъ мѣстѣ они были усмирены въ двухъ истребительныхъ походахъ; болѣе чѣмъ 100,000 римскихъ гражданъ поплатились жизнью, благодаря авантюристскимъ причудамъ Цезаря въ Египтѣ.

Одинъ изъ римскихъ поэтовъ припоминаетъ извѣстную древнюю пѣсню, пропѣтую старцемъ Гомеромъ, въ которой разсказывается, какъ ради прекрасной Елены, греки и троянцы сражались цѣлые 10 лѣтъ, какъ палъ въ развалинахъ высокій

Иліонъ и какія безчисленныя бѣдствія постигли даже побѣдителей. У Гомера нѣтъ ни слова порицанія самой виновницѣ несчастія, Еленѣ. Набожное, дѣвственное чувство древняго пѣвца во всемъ признаетъ руку боговъ и опредѣленіе неизбѣжной судьбы. Мы, однакоже, не можемъ осуждать римскихъ поэтовъ за то, что они на бѣдствія, нанесенныя въ Италіи Клеопатрою, смотрѣли не съ такимъ благочестивымъ чувствомъ, какъ Гомеръ; для насъ понятенъ цѣлый потокъ проклятій и даже клеветъ, который они изліли на враждебную Риму женщину въ силу страстнаго волненія и нравственной энергіи патріотизма. Исторія оставляетъ въ сторонѣ мелочные, условные споры дня—злобу дня; она не жалуется, а также не судитъ, но старается и сама *понять* явленія, и сдѣлать ихъ *понятными* для другихъ. При такомъ пониманіи вещей она должна остерегаться служить практическому кодексу самодѣльной морали. Но чѣмъ болѣе исторія учитъ понимать и дѣлаетъ понятными явленія, тѣмъ настоятельнѣе она требуетъ справедливости, воздающей народамъ, соотвѣтственно заслугамъ каждаго изъ нихъ и руководитъ общимъ развитіемъ человѣческаго рода.

Не одна чувственная привязанность къ Клеопатрѣ удерживала Цезаря въ Египтѣ. Онъ сдѣлался уже *другимъ* человѣкомъ. Онъ посѣтилъ гробницу Александра Великаго и воодушевился мыслью, что именно ему, Цезарю, суждено довершить то, что помѣшала Александру исполнить ранняя смерть—именно повергнуть къ своимъ ногамъ весь обитаемый міръ на всемъ пространствѣ отъ восхода до захода солнца. Клеопатра была близка къ цѣли своихъ надеждъ. Цезарь, разставшись съ нею, оставилъ ей залогъ ея счастья: она разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, и дала ему, въ честь отца, имя *Цезаріона*. Это былъ единственный сынъ, котораго даровала Цезарю судьба. Въ 46 г. до Р. Х. Клеопатра привезла сына къ отцу въ Римъ.

Визитъ какого-либо восточнаго повелителя составляетъ въ наши дни самъ по себѣ большое событіе, и конечно тѣ, которые встрѣчаютъ восточнаго деспотическаго властителя съ радостными чувствами, не принадлежатъ къ лучшей части общества: это обыкновенно люди, любующіеся внѣшнимъ блескомъ, преслѣдующіе индустріальные интересы, матеріальныя выгоды, любящіе пощипать съ иностранной птицы ея золотыя перушки и захватить себѣ *орденокъ* и знакъ отличія и т. под. Но та часть населенія и вообще тѣ люди, которымъ пріѣздъ восточнаго гостя въ матеріальномъ отношеніи *стоитъ* чего-нибудь, могутъ выражать свою радость только тогда, когда гость распростится съ ними... Древній Римъ часто удостоивали восточные цари своимъ посѣщеніемъ, но не смотря на то, ихъ пріѣздъ всегда представлялся событіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ это бываетъ въ наше время. Восточные цари пріѣзжали въ Римъ для договоровъ съ сенатомъ касательно городовъ, отдѣльныхъ областей и провинцій своего царства. Цари эти привозили въ Римъ и свои сокровища, чтобы богатыми подарками пріобрѣсть себѣ расположеніе людей власть имѣющихъ. Но при этомъ они не всегда достигали своей цѣли; если они, при самомъ пріѣздѣ въ Римъ, уподоблялись до высшей степени напитанныхъ губкамъ, то Римъ высасывалъ изъ нихъ всю влагу до послѣдней капли. Въ самый моментъ пріѣзда восточныхъ властительныхъ особъ въ Римъ, ихъ уже сторожили барышники, на эти случаи составлялось нѣчто въ родѣ акціонернаго общества, члены котораго, за огромные ростовщическіе проценты, подхватывали высокаго посѣтителя подъ ручки и водили его, водили, покамѣсть не доводили его дѣло до конца и не облегчали его кармановъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ эту эпоху восточные цари привозили своимъ римскимъ благодѣтелямъ цѣлыя горы золота. Но чувства, которыми они были награждаемы отъ римлянъ за свои приношенія, были, конечно, весьма сомнительнаго свойства. Деспотическіе повелители, неограниченно управлявшіе въ своемъ государствѣ многими милліонами людей, получавшіе божескіе почести,—третировались въ Римѣ какъ слуги и попрошайки. Обыкновенно, въ большей части случаевъ, восточные властители превосходили римскихъ оптиматовъ своимъ научнымъ и художественнымъ образованіемъ, но этимъ они нисколько не пріобрѣтали уваженія римлянъ. Напротивъ, въ крайнемъ случаѣ, у всякаго римскаго вельможи или оптимата невольно вырывался тяжелый вздохъ, при мысли, что онъ не можетъ сдѣлать властителя Востока секретаремъ своей особы или царственнаго виртуоза, въ родѣ Птоломея Аулета, не можетъ приставить къ своей домашней капеллѣ... Такъ мало было у римлянъ развито уваженіе къ восточнымъ правителямъ...

Но Клеопатра прибыла въ Римъ совсѣмъ не въ качествѣ попрошайки и нищенки (какъ дѣлали ея восточные собраты). Нѣтъ, она прибыла въ Римъ, какъ подруга Цезаря, со всѣмъ почетомъ, блескомъ, эффектомъ, какіе приличествуютъ королевѣ. Да и въ Римѣ она пробыла весьма значительное время, отъ $1^1/_2$—2 лѣтъ... Такимъ образомъ, забавный разсказъ, который старикъ Катонъ приводилъ въ образецъ праправдѣдамъ, обратился въ горькую и серьозную правду. Какъ верховный жрецъ, т. е. какъ глава Римской церкви (языческой), Цезарь имѣлъ оффиціальное мѣстожительство на общественной площади. Это жилище его примыкало къ святилищу *Весты*, гдѣ чистыя дѣвственницы поддерживали горѣніе священнаго огня, какъ символъ чистоты и нравственности самого римскаго общества. Въ своемъ оффиціальномъ жилищѣ Цезарь жилъ съ супругою своею Кальпурніей, отъ которой, однакоже, не имѣлъ дѣтей. На $^1/_4$ часа разстоянія отсюда, въ городскомъ предмѣстьи, на правомъ берегу Тибра, была расположена вилла или дача Цезаря съ принадлежащимъ къ ней тѣнистымъ и роскошнымъ паркомъ. Здѣсь-то молодая египетская царица, мать Цезаріона, имѣла свой дворъ. Публично Цезарь обращался съ Клеопатрою, какъ съ законною супругою: когда же должна бы ей присвоиться этотъ титулъ по формальному римскому праву—было, конечно, только вопросомъ времени и вопросомъ политики. Былъ даже проектированъ особый законъ, предоставлявшій Цезарю исключительную привиллегію—*имѣть многихъ женъ*. Но и независимо отъ этого, по понятію, господствовавшему въ древности, такая привиллегія могла сама собою принадлежать неограниченному властителю, если неограниченная власть имъ была фактически достигнута, каковымъ властителемъ и былъ Цезарь. Около основанія-то неограниченной власти и вращается вся дѣятельность Цезаря, съ тѣхъ поръ, какъ онъ посѣтилъ Александрію.

Трудно себѣ представить, что чувствовали римскіе аристократы, принужденные слоняться въ передней египетской царицы, на которую они въ глубинѣ души должны были смотрѣть съ истымъ римскимъ высокомѣріемъ. Къ сожалѣнію объ этомъ интересномъ событіи (т. е. пребываніи въ Римѣ) жизни Цезаря и Клеопатры до насъ дошли весьма скудныя извѣстія. Это тѣмъ болѣе жаль, что время это такъ богато характеристическими приключеніями. До насъ дошло свидѣтельство только одного очевидца, именно знаменитаго римскаго оратора Цицерона. Этотъ послѣдній любилъ всюду искать защиты и покровительства—это была его слабость. Онъ не преминулъ, конечно, заручиться покровительствомъ и у Клеопатры. Цицеронъ явился къ египетской царицѣ съ просьбою литературнаго характера, и Клеопатра обѣщала исполнить просьбу и дала уже своему повѣренному въ дѣлахъ насчетъ этого особыя инструкціи: но, о ужасъ!—Обѣщаніе, данное чувствительнѣйшему и наиболѣе воспріимчивому изъ всѣхъ римлянъ—было забыто...

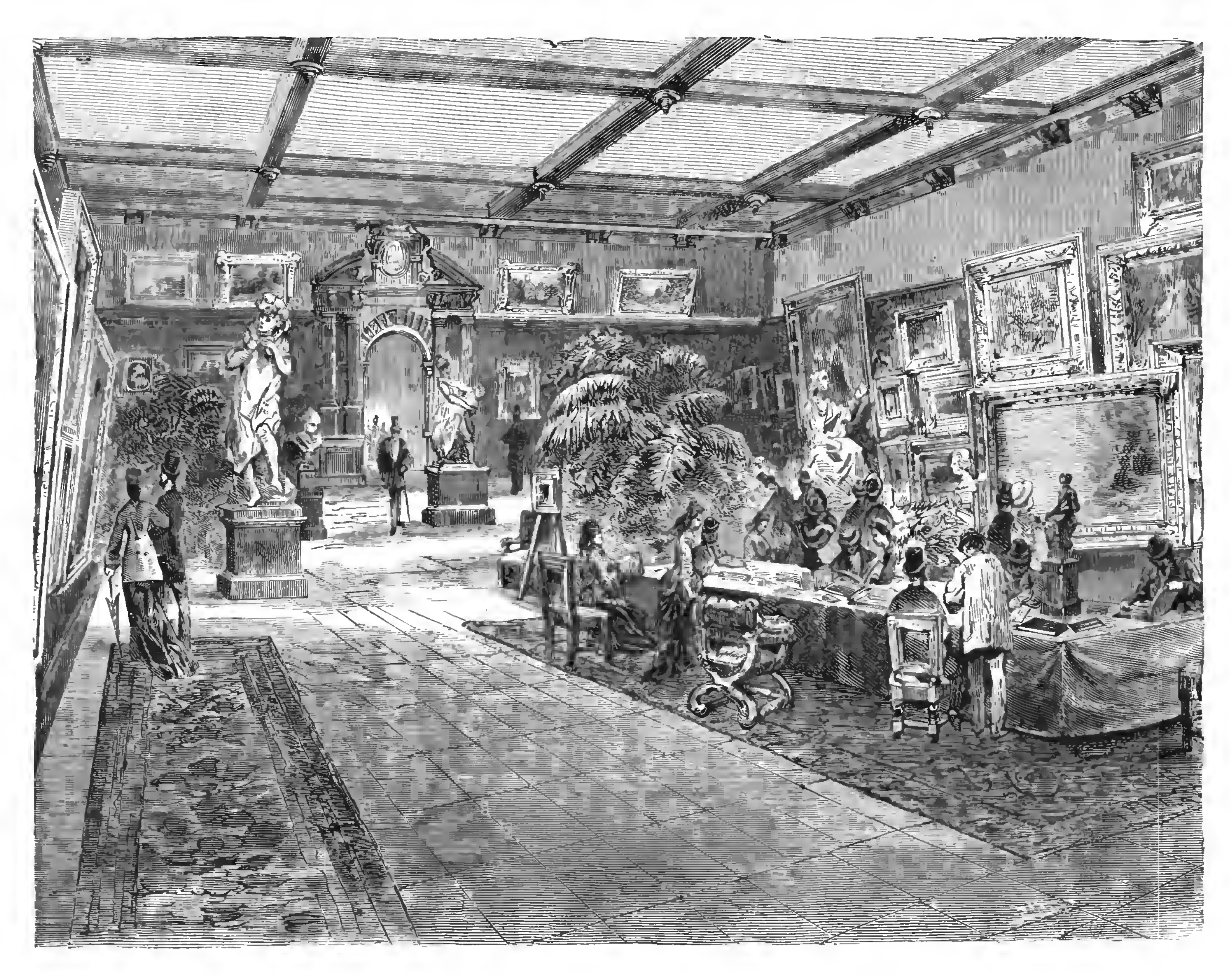
Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ отъѣзда Клеопатры изъ Рима, когда говорить о ней свободно становилось безопаснымъ, глубоко огорченный невниманіемъ Цицеронъ отвелъ свою душу, высказавшись слѣдующими словами въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Я ненавижу царицу, и имѣю на это право: а что я имѣю право—знаетъ и повѣренный въ дѣлахъ царицы, Аммоній, который поручился за исполненіе ея обѣщанія. Вѣдь дѣло то шло о литературѣ и обѣщаніе не было несогласно съ моимъ достоинствомъ. Я могъ публично говорить передъ всѣмъ народомъ объ этомъ дѣлѣ. Каммергеръ царицы—просто мошенникъ и, какъ патронъ,—онъ патронъ нахальный... Одинъ только разъ я видѣлъ его въ моемъ домѣ, и я вѣжливо спросилъ у него: „чѣмъ могу служить?“ А онъ нахально отвѣчалъ, что нуждается не во мнѣ, а въ банкирѣ, съ которымъ я друженъ. О высокомѣріи самой царицы, когда она имѣла пребываніе въ виллѣ Трастевере, я не могу вспомнить безъ глубочайшаго сожалѣнія... Довольно... Я покончилъ съ этимъ обществомъ; оно не только не вселяетъ во мнѣ никакого довѣрія, но подливаетъ желчи въ мою душу“...

Монархія, планъ которой былъ предначертанъ Цезаремъ, не могла быть устроена на римской почвѣ. Нисколько не скрываемое сопротивленіе, которое встрѣтилъ въ римлянахъ этотъ необыкновенный человѣкъ, при осуществленіи своихъ плановъ, поддержала еще (хотя и противъ воли) Клеопатра, потому что она домогалась перенести центръ тяжести имперіи изъ Рима на Востокъ. Значительный шагъ въ этомъ направленіи былъ уже сдѣланъ,—приготовленъ былъ походъ на пареянъ. Эти послѣднія возобновили старыя притязанія персидскихъ царей—„быть властелинами всего міра“. Усмиреніе пареянъ было первымъ необходимымъ условіемъ возстановленія имперіи Александра и приведеніе въ зависимость отъ всемірнаго царства всѣхъ извѣстныхъ тогда земель. Исполнивъ эту задачу, Цезарь могъ и долженъ былъ надѣяться утишить ропотъ недовольныхъ. И вотъ по улицамъ Рима начала ходить громкая молва, что легіоны съ римскими орлами направляютъ свои мощные, тяжелые шаги на Востокъ, къ Евфрату и Инду—эти побѣдоносные легіоны, которые завоевали Галлію, перешли Рейнъ и Тамелисъ (Темзу), одержали великія побѣды въ Греціи, Африкѣ и Испаніи. Самъ Цезарь намѣревался, въ половинѣ марта, отправиться къ арміи. 15-го марта 44 г. до Р. Х. состоялось въ Римѣ экстренное засѣданіе сената, въ которомъ Цезарю присвоенъ былъ титулъ царя или неограниченнаго правителя не только Италіи, но и всей Римской имперіи. Но въ этомъ же засѣданіи сената Цезарь, какъ извѣстно, и палъ подъ ударами кинжаловъ заговорщиковъ. Послѣ этого, надежды Клеопатры, цѣлые 4 года лелѣянныя и имѣвшія всѣ шансы успѣха, пошатнулись въ своемъ основаніи. Однакоже египетская царица проявила мужество, не трепетала предъ разнузданной анархіей, не бѣжала изъ враждебнаго города. Клеопатра старалась спасти отъ кораблекрушенія по крайней мѣрѣ то, что еще можно было спасти; прежде всего она домогалась, чтобы ея сына провозгласили наслѣдникомъ Цезаря. Но она должна была скоро увидѣть, что ея усилія остались безуспѣшными. Черезъ

Продолженіе на стр. 753, 754, 755 и 756.

нѣсколько недѣль она возвратилась въ Египетъ, чтобы защитить по крайней мѣрѣ свое наслѣдственное царство отъ бури, грозившей разразиться вскорѣ. И буря въ самомъ дѣлѣ со всею силою разразилась надъ всѣми прекрасными странами, обрамлявшими Средиземное море.

Но бушевавшая гроза все-таки должна была утихнуть. Послѣдніе удары ея разразились въ ноябрѣ, при г. Филиппахъ, въ 42 г. до Р. Х. Но на этотъ разъ побѣдоноснымъ властителемъ явился уже не *одинъ*, а *два*, и эти двое подѣлили между собою всемірное господство. Молодой Октавіанъ получилъ Западъ, а Маркъ Антоній—Востокъ. Антонію было 42 года отъ роду, и онъ превосходилъ своего сотоварища не только лѣтами и опытностью, но, соотвѣтственно этому, значеніемъ и общимъ уваженіемъ, которымъ пользовался. Въ кругу блиставшихъ талантами вождей, группировавшихся около Цезаря, ему несомнѣнно принадлежало первое мѣсто. Онъ служилъ Цезарю съ непоколебимой вѣрностью и съ благороднымъ самопожертвованіемъ; и уже само собою ему выпала задача—быть наслѣдникомъ и продолжателемъ дѣла Цезаря. Маркъ Антоній велъ свой родъ отъ Геркулеса и въ нѣкоторомъ отношеніи напоминалъ этого мощнаго сына Юпитера. Всего болѣе на своемъ мѣстѣ чувствовалъ онъ себя тогда, когда, въ пылу битвы, онъ, во главѣ конницы, устремлялся на врага. Онъ всегда сражался съ силою и мужествомъ льва. Потомъ у него не было недостатка и въ другихъ высшихъ достоинствахъ полководца. Со времени смерти Цезаря у М. Антонія не было даже сколько-нибудь способныхъ соперниковъ въ руководствѣ широкимъ и рѣшительнымъ боемъ. Орлинымъ взоромъ, подобно Наполеону или Цезарю, окидывалъ онъ поле сраженія и всегда устремлялся, какъ орелъ, и направлялъ вѣрные и быстрые удары. Солдаты просто боготворили своего полководца; но этотъ полководецъ умѣлъ также, какъ не многіе, пользоваться расположеніемъ народной массы и упрочивать это расположеніе. Истинно-рыцарская (если-бы тогда существовало рыцарство) храбрость Антонія, его великодушіе и снисходительность, сіяніемъ окружавшія мощнаго и прекраснаго человѣка, приковывали къ нему всѣ сердца. Правда, образованіе Антонія оставляло желать многаго, и онъ не имѣлъ привычки къ государственнымъ дѣламъ въ строгомъ смыслѣ слова: но оба эти недостатка сглаживались, часто поразительнымъ образомъ, его природнымъ умомъ. Напротивъ, существенный ущербъ его хорошимъ и блестящимъ качествамъ наносили два недостатка. Именно: у него не было самосознательной дѣятельной силы, онъ охотно допускалъ, чтобы имъ руководили другіе, особенно же ему опасны были женщины. Мощный Геркулесъ, сильно напоминавшій свой миѳическій первообразъ, былъ безсильнымъ ребенкомъ въ женскихъ рукахъ. Но настоящія достоинства Антонія развивались только въ нуждѣ, въ стѣсненіяхъ, въ бѣдствіяхъ. Въ дни счастія онъ обыкновенно хватался за опьяняющую чашу и предавался мотовству и дурачествамъ всякаго рода.



**Всемірная выставка въ Парижѣ: Нѣмецкій художественный отдѣлъ.** Грав. Ебгардтъ.

Клеопатрѣ минуло уже 28 лѣтъ: всѣ сестры ея померли. Представителями дома умнаго Птоломея Лаги оставались только сама Клеопатра и сынъ ея Цезаріонъ, носившій титулъ „наслѣднаго принца Птоломея". Только съ тяжкою нуждой и заботами Клеопатра избѣжала разрушительныхъ ударовъ послѣдней гражданской войны. Но теперь она была привлечена къ отвѣтственности въ своемъ образѣ дѣйствій и въ предполагаемой поддержкѣ убійцъ Цезаря. Антоній прежде принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ, но теперь сдѣлался ея судь-

ею, отъ приговора котораго зависѣла участь царицы и всего Египта. Но женщина, умѣвшая глубоко проникать сердца людей, хорошо знала своего судью, его слабыя стороны. Разсчетъ и желаніе обезопасить себя, а отчасти и незаснувшее еще честолюбіе заставили Клеопатру привлечь Антонія на свою сторону. Но этимъ сплетались въ нераспутываемую сѣть человѣческія побужденія женщины. Если уже кто былъ достоинъ любви Клеопатры и если кто долженъ былъ раздѣлить съ нею осиротѣвшій тронъ, то, конечно, это былъ Антоній: онъ могъ утѣшить одинокую вдову въ потерѣ лучшихъ ея надеждъ, да притомъ же Клеопатра чувствовала себя еще слишкомъ молодою и прекрасною. И у самого Антонія не было недостатка въ попыткахъ пріобрѣсть расположеніе знаменитой царицы. Надежда на заманчивое, неизвѣданное высокое счастіе, за тѣмъ просто неопредѣленное стремленіе неодолимо влекло его къ обольстительной женщинѣ, подобно тому, какъ желѣзо повинуется притяженію магнита. При бѣглой встрѣчѣ лѣтомъ, въ Малой Азіи въ Тарсѣ въ 41 г. до Р. Х., произошло объясненіе Антонія съ Клеопатрою. Осенью того-же года Антоній отправился въ Александрію, чтобы заключить съ плѣнившею его женщиною союзъ любви. Извѣстно, что Шекспиръ изобразилъ этотъ союзъ въ одной изъ своихъ трагедій, самыми яркими красками. Но великій поэтъ нашелъ краски уже приготовленными, такъ сказать на палитрѣ, потому что о связи Антонія съ Клеопатрою мы имѣемъ отчасти свѣдения изъ самыхъ лучшихъ источниковъ. Какъ выражается одинъ древній писатель. Клеопатра сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ воспитательницы или гувернантки своего возлюбленнаго. Ни днемъ, ни ночью она не выпускала Антонія изъ глазъ. Ловила съ нимъ рыбу, ходила на охоту, присутствовала при его гимнастическихъ и воинскихъ упражненіяхъ, играла съ нимъ въ кости, бражничала. Она даже не стѣснялась присутствовать, когда прислуживающій мальчикъ переодѣвалъ Антонія для его ночныхъ „похожденій". Какія же это были похожденія? Даровитый полководецъ, герой многихъ битвъ, любилъ бродить ночью по улицамъ Александріи, стучать и шумѣть у домовъ мирныхъ гражданъ, заставляя ихъ вскакивать съ постели, и дразнить ихъ. Такъ какъ любовная связь Антонія была извѣстна всему городу, то дразнимые граждане отвѣчали, въ свою очередь, колкими шутками и насмѣшками, и вообще выходки Антонія доставляли имъ удовольствіе. Общительный и шутливый римскій аристократъ много выигрывалъ въ глазахъ Александрійцевъ, припоминавшихъ при этомъ скучный формализмъ и высокомѣріе его римскихъ соотчичей. Случалось, что при подобныхъ ночныхъ похожденіяхъ завязывались драки. Раздраженные взбалмошностью Антонія, граждане наминали ему бока порядкомъ, но это нисколько не мѣшало искренности дружелюбныхъ отношеній между Антоніемъ и Александрійцами. Тяжелая выпала задача воспитанія на долю прекрасной царицы, но она все-таки не оказывалась слабѣе этой задачи. Гдѣ она побывала съ Антоніемъ, всюду она умѣла снискивать ему и себѣ уваженіе, и если когда-либо ея возлюбленный увлекался до грубой и непозволительной солдатской шутки, то царица сейчасъ же наставляла его, какъ школьника, на путь истинный.

Антоній нашелъ свое желанное счастіе, и нашедши его, забылъ все остальное: отечество, власть, политику и даже свою жену Фульвію. Но эта Фульвія была вытесана изъ нѣсколько болѣе жесткаго дерева, чѣмъ супруга Цезаря Кальпурнія, о которой упомянуто было выше. Она во второй уже разъ вышла замужъ, и вышла за самаго дикаго забіяку, какого только можно было найдти въ средѣ римской знати и, не смотря на свои степенныя лѣта, вовсе не желала быть вытѣсненною изъ своихъ супружескихъ правъ чужеземною соперницею, тѣмъ болѣе, что и замужъ-то она вышла только съ тою цѣлію, чтобы удовлетворить своему властолюбію и почти дьявольской мстительности. Чтобы утолить свою зависть относительно Клеопатры, она выбрала практическое средство: разожгла въ Италіи гражданскую войну противъ Октавіана, сторонника ея мужа. Нельзя, однако, сказать, чтобы средство это имѣло желанное дѣйствіе. Антоній въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ смотрѣлъ на возгорѣвшуюся войну съ величайшимъ спокойствіемъ и предоставилъ своей женѣ одной расхлебывать заваренную ею кашу. Фульвія была оттѣснена и окружена въ Перузіи и, выдержавъ жестокую осаду, вынужденная голодомъ, должна была сдаться. Она столь живо приняла къ сердцу жестокое пораженіе, нанесенное ей молодымъ Октавіаномъ, что вскорѣ умерла съ досады и огорченія. Но Фульвія, во всякомъ случаѣ, предварительно испортила игру своей египетской соперницы. Антоній вовлеченъ былъ въ войну и долженъ былъ оставить Александрію до окончанія срока своего ученія и воспитанія Клеопатрою. Въ военномъ лагерѣ, среди боевыхъ товарищей, другія вліянія пріобрѣли надъ нимъ власть. Если на берегахъ Нила онъ предавался сумасшедшей роскоши и легкомыслію подобно греку,—то въ воинскомъ лагерѣ онъ сдѣлался истымъ римскимъ полководцемъ, страстно любящимъ звукъ оружія. Правда онъ не смотрѣлъ на войну съ достаточною серьезностію. Друзья съ той и другой стороны спѣшили примирить враждовавшихъ. Но и этого еще не было довольно: римскіе аристократы стремились укрѣпить свои политическія связи браками. Маркъ Антоній ввелъ въ свой домъ Октавію, сестру своего сотоварища по власти. Октавію украшали кротость и другія женственныя достоинства: всѣ современныя сказанія только и говорятъ объ этой женщинѣ одно хорошее. Она принесла тяжелую жертву своему брату, рѣшившись отдать руку дикому и взбалмошному Антонію. И дѣйствительно, ея рука была слишкомъ слаба, чтобы укротить льва на продолжительное время. Три года, правда, она еще умѣла держать этого льва на привязи, но какъ скоро левъ замѣтилъ свое позорное рабское состояніе, замѣтилъ, что онъ находится въ опасности, что онъ дѣлается орудіемъ и игрушкой своего зятя Октавія,—онъ воспрянулъ, тряхнулъ гривою, разбилъ цѣпи; снова бросилъ отечество, жену и ребенка (и на этотъ разъ уже на всегда) и снова сдѣлался покорнымъ рабомъ Клеопатры.

Въ это время египетской Царицѣ былъ уже 33 годъ отъ роду. Жестокія испытанія и разочарованія уже выпали въ то время на ея долю. Ея утомленный умъ былъ тщательно сосредоточенъ на мечтахъ ея юности. Если еще нужно доказательство чрезвычайно сильной души египетской царицы, то это можно видѣть уже просто изъ того обстоятельства, что она съумѣла внушить Антонію беззавѣтную романическую привязанность къ своей особѣ (даже въ лѣта, въ которыя женщина не считается молодою).

Антоній, бѣжавъ отъ Октавіи, возвратился къ Клеопатрѣ въ 36 г. до Р. Х. Отъ брака съ египетскою царицею Антоній имѣлъ троихъ дѣтей, и отецъ уже мечталъ завоевать для своихъ дѣтей особое царство на отдаленномъ Востокѣ. Онъ былъ бодръ, свѣжъ, мощенъ, и легіоны были въ его распоряженіи. Мечты его юности были близки къ дѣйствительности. Старое предсказаніе, что Александріи предопредѣлено быть всемірнымъ городомъ, повидимому, наконецъ исполнилось. Власть Клеопатры простиралась такъ далеко, куда никогда не досягалъ скипетръ Птоломеевъ. Спустя же два года, Антоній устроилъ, въ честь своей возлюбленной, празднество, подобнаго которому никогда не видала Александрія, ни прежде, ни послѣ. Побѣдоносно возвратился онъ изъ Арменіи и получилъ блестящій тріумфъ. Съ точки зрѣнія римлянъ подобный тріумфъ, устроенный въ Александріи, былъ *безбожнымъ преступленіемъ*, потому что только въ Римѣ римскіе вожди приносили благодареніе за побѣду Юпитеру Капитолійскому, и благодареніе это выражалось въ торжественныхъ шествіяхъ, иначе называвшихся тріумфами.

Предъ тріумфальною колесницею Антонія, въѣзжавшаго въ Александрію, шли армянскій царь съ своимъ сыномъ, закованные въ золотыя цѣпи, далѣе, впереди же, несли трофеи и военную добычу. Побѣдители же приносили свои благодарственныя привѣтствія не мертвому истукану Юпитера, какъ это дѣлалось въ Римѣ, гдѣ ради такого торжества статуѣ Юпитера раскрашивали лицо красною краской—нѣтъ, въ Александріи, на этотъ разъ, приносилась благодарность живому божеству, новой Изидѣ, владычицѣ страны, т. е. Клеопатрѣ. Затѣмъ, по римскому обычаю, произошло публичное угощеніе всѣхъ жителей города. Послѣ торжественнаго обѣда народъ и войска собрались на обширной парадной площади. Серебряныя ступени вели къ тронамъ, сдѣланнымъ изъ золота. Эти троны заняли Клеопатра и Антоній. На ступеняхъ стояли кресла для принцевъ и принцессъ, дѣтей державной четы. Антоній прочиталъ декретъ, объявлявшій Клеопатру „царицею царей", утверждалъ за нею прежде подаренныя области Римской имперіи, а Цезаріона Птоломея назначалъ „соправителемъ". Даже каждый изъ дѣтей былъ почтенъ титуломъ „царя царей". Старшій Птоломей Филадельфъ получилъ Азію отъ Геллеспонта до Евфрата. Двойничная сестра его получила Африканскую провинцію Кирене, младшій сынъ, Александръ, получилъ Арменію и земли между Евфратомъ и Индомъ. Птоломей явился въ Македонскомъ царскомъ одѣяніи, съ національнымъ македонскимъ шлемомъ на головѣ, окруженный македонскою стражею. Александръ явился въ персидской одеждѣ, съ тюрбаномъ на головѣ и съ армянскою свитою; да и сами Антоній и Клеопатра представились народу въ образѣ древнихъ божествъ Египта, Озириса и Изиды.

Вскорѣ послѣ этого, Римская республика объявила войну Клеопатрѣ. Что война эта не началась, со стороны Антонія, уничтоженіемъ врага—причина этому лежала въ самомъ человѣкѣ, ведшемъ эту войну. Антоній, при своихъ громадныхъ военныхъ талантахъ, легко бы могъ одолѣть Италію и побѣдить Октавіана, впослѣдствіи сдѣлавшагося первымъ Римскимъ императоромъ. Но... поднять руку на отечество, произвести государственный переворотъ въ томъ смыслѣ, чтобы передать дорогой Римъ въ чужеземныя руки, сковавъ его, какъ раба, цѣпями—это было выше силъ Антонія, для этого поступка онъ слишкомъ любилъ свое римское отечество. А минута была рѣшительная... Нанеси Антоній смѣлый и рѣшительный ударъ Риму—его дѣло было бы выиграно, поклонникъ Клеопатры остался бы побѣдителемъ, и Римская исторія получила бы иной ходъ. Но, при этомъ роковомъ трагическомъ столкновеніи, мягкое сердце Антонія не выдержало, разбилось, (онъ погибъ отъ собственнаго меча), а вмѣстѣ съ тѣмъ разбились въ дребезги и тѣ опоры, которыя поддерживали Клеопатру и ея тронъ. Конечно, египетская царица выдержала себя, съ своей стороны, до конца, и изо всѣхъ силъ старалась спасти, что еще можно было спасти. Но ея ожесточенный врагъ (Римъ въ лицѣ

Октавіана) не зналъ ни состраданія, ни жалости. Онъ сыгралъ съ нею самую звѣрскую, жестокую игру, подвергъ ее самымъ жестокимъ пыткамъ, какимъ можно подвергнуть мать, имѣющую горячо любимыхъ дѣтей. Сохранить жизнь своихъ дѣтей отъ мести своихъ ожесточенныхъ враговъ, не удалось Клеопатрѣ. Но мужественная царица отняла у врага возможность насладиться самымъ сладостнымъ моментомъ мщенія—видѣть ее ведомою въ Римъ въ цѣпяхъ, предъ тріумфальною колесницей. Находясь въ тяжкомъ заключеніи, вмѣстѣ съ двумя преданными ей придворными дамами, внучка умнаго Птоломея Лаги съумѣла вовремя призвать на помощь спасительницу—смерть. Разъ, когда приставленная стража вошла провѣдать заключенныхъ, она нашла Клеопатру мертвою, распростертою на полу, одѣтою въ полномъ царскомъ украшеніи. Одна изъ придворныхъ дамъ лежала мертвою у ея ногъ, другая томилась въ предсмертной агоніи.

— Ну, что, Харміонъ?.. Какова? Вѣдь прекрасна—не правда-ли?.. произнесъ начальникъ стражи, къ одному изъ сопровождающихъ его и любуясь бездыханнымъ трупомъ красавицы.

— Да, сказалъ сторожъ, къ которому были обращены эти слова,—она прекрасна, и умерла такъ, какъ прилично внукѣ столькихъ царей...

Отъ вѣрной служительницы ничего не могли добиться, касательно способа, какимъ умертвила себя царица. О родѣ смерти Клеопатры существуютъ только догадки и предположенія, значительно подкрашенныя фантазіею. Клеопатра умерла 39 лѣтъ отъ роду и царствовала 22 года. Побѣдитель Октавіанъ согласился дозволить погребеніе тѣла царицы съ царскими почестями и положить рядомъ съ останками супруга ея Антонія.

Громадное значеніе этой войны чувствуется еще и въ наше время. Мы называемъ мѣсяцъ жатвы полей именемъ побѣдителя *Августа*, и называемъ потому, что въ этомъ мѣсяцѣ Египетъ вошелъ въ плоть и кровь Римской имперіи. Въ католической церкви 1-е августа—главный праздникъ. Празднуютъ католики въ этотъ день, какъ извѣстно, св. апостолу Петру, князю апостоловъ по понятіямъ папистовъ. Но въ существѣ дѣла празднество это съ памятью апостола не имѣетъ ничего общаго. Всякій, понимающій исторію, знаетъ и будетъ знать, знаетъ это и образованная часть римскаго народа, что 1-го августа празднуется именно *покореніе Александріи*, а не память Св. Апостола, потому что въ этотъ день громадный городъ при устьяхъ Нила предался на гнѣвъ и милость Риму. Всякій посѣтитель Рима можетъ видѣть воспоминаніе о роковыхъ битвахъ этихъ дней на іероглифахъ многихъ стоящихъ въ Римѣ обелисковъ. Эти обелиски перевезены въ Римъ императоромъ Августомъ и его преемниками. Александрія въ наши дни представляетъ цвѣтущую гавань—но и только. Самый городъ Птоломеевъ лежитъ подъ морскимъ пескомъ, погребенный наносными дюнами. Изъ нѣсколькихъ сохранившихся памятниковъ славной эпохи возвышаются только два обелиска изъ краснаго гранита,—одинъ въ 64, другой въ 66 футовъ высоты. Они стоятъ предъ храмомъ, посвященнымъ Цезарю и сохраняютъ въ устахъ народа память о виновницѣ какъ постройки самаго храма, такъ и постановки обелисковъ. Они извѣстны подъ именемъ иглъ Клеопатры. Какъ уже извѣстно, одинъ изъ нихъ въ прошломъ году перевезенъ въ Лондонъ.

## Политическія и внутреннія извѣстія.

Выступившій на политическую арену афганскій вопросъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ въ сущности своей вопросъ этотъ не ограничивается только отношеніями между Англіей и Афганистаномъ, а грозитъ значительному усложненію дѣлъ по ея спокойному владычеству въ Индіи. Сначала печать англійская утверждала, что афганскій эмиръ долженъ быть наказанъ, но что исполненіе этого наказанія слѣдуетъ отложить до весны; теперь-же вдругъ оказывается, что самъ эмиръ, не дождавшись дѣйствій со стороны Англіи, стягиваетъ свои войска *къ Алимусьиду и Кандагору*, угрожаетъ *Кветтѣ* и готовится начать войну нападеніемъ на Кветту, гдѣ находится нѣсколько отрядовъ англійскихъ войскъ. Такимъ образомъ англичанамъ вмѣсто наступательной войны придется, пожалуй, вести оборонительную, отбиваясь отъ афганцевъ въ Кветтѣ и защищая отъ ихъ вторженія свою сѣверозападную границу.

Ширъ-Али-Ханъ, дѣйствуя такъ смѣло, конечно, дѣйствуетъ не одинъ: онъ навѣрное заручился согласіемъ или о помощи, или о нейтралитетѣ своихъ сосѣдей. Англійская печать, само собою понятно, видитъ въ такомъ рѣшительномъ дѣйствіи эмира вліяніе Россіи; но объ этомъ можно только предполагать... Во всякомъ случаѣ положеніе англійскихъ дѣлъ въ Индіи слишкомъ серьезно, и англійское правительство, конечно, понимаетъ очень ясно, какъ ему нужно дѣйствовать: оно не доведетъ дѣло до вторженія въ Афганистанъ, зная, что это вторженіе не поведетъ къ добру, а ограничится только отпоромъ нападеній эмира. За симъ, что послѣдуетъ далѣе—трудно предвидѣть.

То затруднительное положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи, которое создалось приведеніемъ въ исполненіе постановленій Берлинскаго конгресса по присоединенію къ Австріи Босніи и Герцеговины, до настоящаго времени не измѣнилось къ лучшему. Мадьяры не хотятъ такого присоединенія, которое дало бы этимъ провинціямъ одинаковыя съ другими провинціями Австріи права. Они настаиваютъ, чтобы взамѣнъ присоединенія придумана была такая комбинація, которая поставила бы Боснію и Герцеговину подъ власть Австріи, но съ исключеніемъ славянскаго характера изъ ихъ мѣстнаго управленія. Между тѣмъ Порта претендуетъ противъ образа дѣйствій австрійскихъ войскъ въ занятыхъ ими провинціяхъ. Протестъ этотъ возбуждаетъ сильное негодованіе въ Вѣнѣ, и сторонники графа Андраши эксплоатируютъ это чувство въ его пользу. Они силятся увѣрить, что протестъ Порты является результатомъ вліянія Россіи, желающей достигнуть разногласія между Австріей и Турціей.

Вотъ въ какомъ положеніи въ данную минуту находятся дѣла. И замѣчательно: Берлинскій конгрессъ какъ будто имѣлъ преднамѣренную цѣль—увеличить путаницу въ положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Намъ припоминается остроумное выраженіе о томъ, что окончательное формулированіе постановленій Берлинскаго конгресса сводится къ слѣдующему: „Кто чего желаетъ—пусть дерется снова". И въ самомъ дѣлѣ, положеніе дѣлъ таково, что ожидать новой войны пожалуй не долго придется.

Греція пока все еще надѣется, что постановленія Берлинскаго конгресса, касающіяся ея, не останутся мертвою буквою. Ея министръ, Комундуросъ, заботится о томъ, чтобы подготовить мусульманское населеніе тѣхъ провинцій, которыя должны перейдти къ Греціи, что имъ будетъ хорошо подъ ея властью. Но повѣрятъ ли этому мусульмане? Укажемъ за симъ на то, что дѣлается въ нашихъ новыхъ малоазіятскихъ провинціяхъ: тамъ эмиграція армянъ изъ турецкихъ владѣній въ наши новыя владѣнія приняла такие огромные размѣры, которые напоминаютъ великое переселеніе народовъ. Такъ изъ Эрзерумскаго санджака переселяется въ наши новыя владѣнія болѣе 200,000 армянъ. Памятно, должно быть, имъ владычество турокъ, и спѣшатъ они отъ него, не оглядываясь.

---

Изъ внутреннихъ извѣстій за эту недѣлю отмѣтимъ слѣдующія: Петровская Академія въ скоромъ времени преобразовывается въ закрытое учебное заведеніе, хотя и останется попрежнему высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Она будетъ выпускать только спеціалистовъ таксаторовъ; лѣсничіе-же будутъ выходить изъ Лиснискаго учебнаго заведенія, которое въ настоящее время выпускаетъ лѣсныхъ кондукторовъ.

Мы уже сообщали въ свое время, что по Петербургу разъѣзжаютъ конные казаки, охраняя спокойствіе города. Хотя спокойствіе это въ послѣднее время ни чѣмъ не нарушается, но начальство признало все-таки нужнымъ раздать Петербургскимъ городовымъ револьверы. Чѣмъ вызываются такія распоряженія—рѣшить трудно: вѣроятно, есть со стороны начальства для этого основанія. Впрочемъ пока не всѣмъ еще городовымъ дали револьверы; но въ полицейскомъ резервѣ хранится на всякій случай такое количество револьверовъ, чтобы, въ случаѣ надобности, ими могли быть вооружены всѣ чины резерва.

О времени открытія памятника поэту Пушкину въ Москвѣ пишутъ, что открытіе памятника произойдетъ одновременно съ освѣщеніемъ Храма Спасителя въ Августѣ 1880 г.

Въ правительственныхъ сферахъ идетъ рѣчь объ изданіи на казенный счетъ книгъ и брошюръ религіозно нравственнаго и патріотическаго содержанія для чтенія простому народу. Дѣло хорошее! Но смѣемъ высказать мнѣніе, что книжки религіозно нравственнаго содержанія въ наше время требуются не для одного „простого" народа: и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ объ этихъ книжкахъ заботятся, едва ли нѣтъ въ нихъ тоже надобности.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Курскъ**—Любителю. За присланное спасибо. Когда будетъ мѣсто, охотно помѣстимъ.

**Каменецъ-Подольскъ.** Н. Половк—ву. Возвышенный тонъ вашихъ стиховъ не указываетъ, однако, ни на одинъ изъ признаковъ хотя бы маленькаго поэтическаго въ васъ таланта. Вы взываете:

О ты, кому остается Русь благодарна?
Чья слава превознеслась надъ славою другою?

Такъ взывать умѣютъ даже простые ремесленники; въ примѣръ приведемъ вамъ воззваніе одного портного къ своей милой. Онъ такъ взываетъ:

„О ты, которая пришила
Заплату къ сердцу моему!
Чья нитка черная вонзила
Иглу глубоко внутрь ему.

Не поучиться-ли вамъ на такихъ поэтическихъ образцахъ?

# Заявленіе.

Въ виду предстоящей разсылки премій **гг. годовымъ подписчикамъ** „Нивы“ 1878 г., контора журнала „Нива“ имѣетъ честь увѣдомить, что тѣмъ изъ Гг. подписчиковъ, которые подписались **только на второе полугодіе** „Нивы“, преміи ея: „Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники предсказывающіе ему царствованіе“ и „Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти Ѳедоръ и Ксенія“ высланы не будутъ, какъ объ этомъ не разъ заявлялось. Подписавшіеся на второе полугодіе могутъ доплатить **3 р.**— за первое полугодіе и тѣмъ самымъ получить право на пріобрѣтеніе **всѣхъ №№** перваго полугодія **съ преміями.**

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ номерѣ 37 „Нивы“: Лермонтовъ.

**Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 40 „Нивы“** „Заслугами Бисмарка и нашими уступками Европа спасена отъ ужасовъ и истощенія войны.“



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**




№ 42 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 16 Октября 1878 г.

Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.



# О разсылкѣ премій „Нивы“ на 1878 годъ.

При слѣдующемъ № 43 будутъ разосланы **въ картонномъ футлярѣ** обѣщанныя гг. подписчикамъ **„Нивы“** (получающимъ журналъ чрезъ почту) **ПРЕМІИ**—двѣ олеографическія картины:

1) **Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему царствованіе.**
2) **Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти, Ѳеодоръ и Ксенія.**

Въ случаѣ неполученія кѣмъ либо при № 43 такого футляра съ преміями, издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ № 44 «Нивы».

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ **безъ доставки въ Петербургѣ** или **Москвѣ**, будутъ выданы эти преміи при № 43 въ томъ магазинѣ или конторѣ черезъ которые они получаютъ „Ниву.“



**Общій видъ города Монтевидео.** Рис. Веберъ, грав. Барклей.

# Городъ Монтевидео

## (въ Республикѣ Урагвай, въ Америкѣ).

Рисунокъ переноситъ насъ въ далекую страну западнаго берега Южной Америки, на устьѣ Лаплаты, туда, гдѣ эта рѣка сливаетъ свои воды съ водами океана. Городъ Монтевидео расположенъ на холмѣ, далеко выдающемся въ море и есть главный городъ республики Урагвай. Но прежде чѣмъ говорить о городѣ, мы скажемъ нѣсколько предварительныхъ словъ, касающихся исторіи страны. Испанія до 1810 г. владѣла большею половиною земель Южной Америки и занимала весь ея западъ, который дѣлился на три королевства: Новую Гренаду, Перу и Лаплату. Послѣ 10-тилѣтней войны съ своей метрополіей, Испанскія владѣнія въ Южной Америкѣ получили независимость и теперь на мѣстѣ ихъ находятся Гренадскія республики, Венецуэла, Эквадоръ, Перу, Боливія, Чили, Парагвай и Урагвай.

Собственно Лаплата — серебряная рѣка — представляетъ устье обширной Южно-американской рѣчной системы. Сліяніе двухъ громадныхъ рѣкъ, Парамы и Урагвая, образуютъ большую бухту, которая и носитъ названіе Ріо де Лаплаты, а отъ нея Аргентинская Республика и Урагвай получили общее наименованіе Лаплатскихъ государствъ. Лаплата замѣчательна какъ самая широкая рѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ рѣка, несущая въ море громадное количество воды, послѣ, разумѣется, Амазонской рѣки. Земли, обнимаемыя этой рѣчной системой, принадлежатъ къ плодороднѣйшимъ, богаты настбищами и нѣкоторые изъ нихъ включаютъ въ себѣ естественныя богатства: золото, серебро, мѣдь, драгоцѣнные камни. На берегахъ Урагвая также часто въ пескѣ попадаются камешки сердолика, яшмы, оникса, агата. Мѣстность Урагвая на сѣверѣ гористая, здѣсь проходятъ отроги южно-бразильскихъ горъ, поднимающіеся впрочемъ не выше 600 фут. надъ уровнемъ моря. На западѣ и югѣ до самаго моря растилаются настоящія равнины. На этихъ равнинахъ пасутся большія стада и разсѣяны богатыя имѣнія. Кромѣ лошадей и рогатаго скота, здѣсь много овецъ, и владѣльцы стадъ торгуютъ шерстью, которая идетъ въ Европу. Мяса здѣсь такое обиліе, что изъ него приготовляются консервы, мясные экстракты, и на фабрикѣ Фрай Бентосъ напр. для приготовленія консервовъ и экстракта убивается ежедневно 500 штукъ скота. Здѣсь и питаются почти исключительно мясомъ, такъ какъ хлѣбъ сѣется рѣдко, о распашкахъ земли и понятія не имѣютъ. Фактъ, что здѣсь не скоро сыщешь молока также говоритъ о маломъ развитіи хозяйства. Масло также неизвѣстно туземцамъ и только европейцы его приготовляютъ.

Вся Южная Америка есть родовое владѣніе Индѣйцевъ, которые вездѣ въ этой части свѣта составляютъ основной элементъ населенія.

Бѣлые люди составляютъ по сравненію съ числомъ краснокожихъ лишь тонкій слой, но, само собой разумѣется, что умственное превосходство бѣлыхъ измѣняетъ все болѣе и болѣе бытовыя формы туземцевъ. Даже самый типъ Гаучо встрѣчается теперь все рѣже, и только, по привычкѣ больше, обыкновенныхъ сельскихъ жителей называютъ Гаучами. Происхожденіе Гаучо началось отъ смѣшенія испанцевъ съ туземными женщинами, и всѣ Гаучо по преимуществу наѣздники и пастухи.

Вліяніе европейцевъ на мѣстную жизнь несомнѣнно огромно, хотя, конечно, не можетъ сразу измѣнить весь ходъ ея. Вообще-же оно распространяется въ странѣ на все, а также вліяетъ на самое увеличеніе населенія. Такъ городъ Монтевидео въ 1818 году имѣлъ всего 3.500 жителей, а въ настоящее время въ немъ считается до 125 т. Городъ принялъ теперь видъ хорошо устроенной столицы. Расположенный амфитеатромъ, съ его бѣлыми, скученными домами, надъ которыми возвышается каѳедральный соборъ, городъ имѣетъ очень живописный видъ. Соборъ имѣетъ двѣ четырехъ-угольныя колокольни, видимыя издалека, куполъ его, блестя посеребренною крышею, производитъ эфектное впечатлѣніе въ особенности въ яркій солнечный день. Къ числу большихъ зданій города относятся таможня и госпиталь. Одна изъ улицъ города носитъ названіе: „Улица 25 Мая.“ Это названіе дано ей въ честь дня освобожденія Урагвая изъ подъ власти Испанцевъ. На этой улицѣ—лучшіе дома города и множество магазиновъ. Въ торговлѣ царствуетъ французская мода проникающая какъ извѣстно, во всѣ концы земного шара, и очень скоро пріучающая ея поклонниковъ тратить девять десятыхъ своихъ доходовъ на наряды.

Въ Мотевидео прекрасный театръ, вмѣщающій до 2000 зрителей: на городскихъ гуляньяхъ играетъ оркестръ музыки и, странно какъ-то слышать, здѣсь, такъ сказать, за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ—звуки тѣхъ мотивовъ, которыхъ родина и мѣстожительство—Европа. Вообще нужно замѣтить, что Монтевидео смотритъ совсѣмъ европейскимъ городомъ. Главныя улицы чисто содержатся, хорошо вымощены и всѣ имѣютъ прекрасные тротуары. Крыши домовъ плоскія, обнесены впереди и по краямъ желѣзными рѣшетками; на задней же сторонѣ крышъ возвышаются мезонины съ балконами. Многіе дома украшены башенками, большею частію открытыми. Надобно сказать, что здѣсь постройки приспособлены такъ, что бы открывался хорошій видъ на море, и мѣстные жители обыкновенно проводятъ вечера на крышахъ домовъ своихъ, на балконахъ и улицахъ. Вечера здѣсь большею частію ясные и прохладные, а ночи, въ Монтевидео, по выраженію Франклина, составляютъ лучшую часть времени; можно сказать, что жизнь въ Монтевидео только и начинается съ закатомъ солнца. Море же даетъ очаровательный видъ, когда лучи заходящаго солнца погружаются въ его волнахъ, и поглощая ихъ, мало по малу исчезаютъ, или когда луна взойдетъ на горизонтъ, и ночь съ ея тѣнями спустится на землю.

Рейдъ Монтевидео ограниченъ мысами Дель Царро на западѣ и Лакалета на востокѣ. Дно рейда песчаное и пристань довольно удобная для стоянки кораблей, хотя суда и не совсѣмъ защищены отъ юго-западныхъ вѣтровъ, памперо, которые свирѣпствуютъ въ странѣ съ ужасною силою и разрушительностію. Монтевидео прежде назывался Санъ Филиппо, настоящее названіе получилъ отъ горы, господствующей надъ всею окрестностію и составляющей родъ выступающаго поста большой Лаплаты. Положеніе горы чрезвычайно выгодно въ военномъ отношеніи.

Изъ Монтевидео идетъ небольшая желѣзная дорога въ Санта Лючію.

Вся Испанская Америка ухватилась за республиканскую форму правленія, только одна Бразилія настойчиво держится за монархію. Урагвай особенно хвалится своимъ государственнымъ строемъ, хотя это и не избавляетъ страну отъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ. Финансы этой республики тоже, нельзя сказать, что бы были въ блестящемъ состояніи.

Ор.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ.

**Вс. Соловьева.**

### ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

### VII.

Между тѣмъ на улицѣ пустѣло. Тѣ изъ стрѣльцовъ, которые были трезвы, уже разошлись по домамъ; оставались однѣ пьяныя ватаги у дверей кабаковъ.

Малыгинъ въ ужасѣ спѣшилъ за Любой, окликая ее и умоляя остановиться, но она ничего не слышала, ничего не видѣла. Она не понимала полной безразсудности и безполезности своего поступка.

Увидѣвъ значительную толпу стрѣльцовъ, она подбѣжала къ ней и начала было, задыхаясь, просить о томъ, что бы ее выслушали, что она имѣетъ сообщить нѣчто очень важное.

Но пьяные стрѣльцы не дали ей докончить и съ первыхъ словъ, обступили ее со всѣхъ сторонъ. Одинъ грубымъ движеніемъ сорвалъ съ лица ея фату, другой силился обнять ее.

— Красавица, пташечка залетная,—откедова? Милости просимъ! раздались пьяные голоса. Ишь ты какая! видно бой баба—сама къ стрѣльцамъ лѣзетъ—намъ такихъ и нужно! Пойдемъ, дѣвка, выпьемъ да споемъ пѣсенку!

Двое стрѣльцовъ схватили ее за руки и стали тащить къ кабаку.

Она разомъ очнулась и поняла свое положеніе.

Въ эту минуту Малыгинъ добѣжалъ до нея, вырвалъ ее у стрѣльцовъ. Но стрѣльцы, хоть и узнали его, не намѣрены были повидимому отступиться отъ такой находки.

— Эй, Николай Степановичъ, отвяжись! закричали они—тебѣ то что! вѣдь она сама къ намъ прибѣжала. Мы не украли ее...

— Пустите! отчаяннымъ голосомъ проговорилъ Малыгинъ,—пустите!.. первый кто подступится, того уложу на мѣстѣ.

Онъ выхватилъ изъ за пояса ножъ и началъ махать имъ во всѣ стороны.

— Да чего ты грозишься то! не больно мы тебя боимся! заголосили стрѣльцы.

Люба поняла, что еще мгновеніе и начнется свалка.

— Пустите меня! крикнула она и изъ всей силы рванула свою руку изъ руки стрѣльца ее схватившаго. Пустите—я шла къ вамъ спросить, гдѣ мнѣ найти Николая Степановича, а вотъ и онъ самъ. За что-же вы меня обижаете?

Стрѣльцы отступили.

— Ну коли такъ—это другое дѣло! проговорило нѣсколько голосовъ. Давно бы и сказала, что ты Малыгинская. Бери, Миколай Степанычъ, мы твоего не желаемъ, а ты ужъ и ножъ сейчасъ вы тащилъ—больно прытокъ!

Малыгинъ схватилъ Любу за руку, крѣпко держалъ ее и пустился бѣжать съ нею назадъ къ своему дому.

А во слѣдъ имъ раздавались непристойныя шутки на ихъ счетъ, только ни Малыгинъ ни Люба не обращали на это вниманія, да и врядъ ли что нибудь слышали.

— Ну что ты надѣлала? проговорилъ наконецъ Николай Степановичъ, когда они уже были у дома. Вѣдь говорилъ, не бѣги... Развѣ могутъ они теперь понять что нибудь? Вѣдь еслибъ Господь не надоумилъ тебя сказать имъ, что ты меня ищешь, такъ что бы вышло? Они бы не задумались, уложили бы меня на мѣстѣ передъ твоими глазами... Не боюсь я смерти и, защищая тебя, всякую минуту умереть готовъ; а все же умирать то не хочется, на тебя досыта не наглядѣвшись...

Люба взглянула на него растеряннымъ и просящимъ взглядомъ.

— Прости, Николай Степановичъ, видно, что слѣдовало тебя послушаться. Только, Боже мой, что же мнѣ дѣлать? Говорю тебѣ, умъ мутится у меня - вѣдь нельзя же такъ сложить руки и быть спокойной, когда готово совершиться такое дѣло! Пойдемъ, Николай Степанычъ, потолкуемъ, чѣмъ бы пособить... Ну вотъ я, глупая, ничего сообразить не могу, такъ ты то научи меня уму-разуму, подумай хорошенько...

— И безъ того думаю, отвѣчалъ Малыгинъ, входя слѣдомъ за Любой въ свой домикъ и крѣпко запирая дверь. Теперь ничего не подѣлаешь, продолжалъ онъ,—нужно ждать утра.

— Николай Степановичъ, вдругъ тихимъ, но какимъ-то особеннымъ голосомъ, который заставилъ вздрогнуть молодого подполковника, произнесла Люба, остановившись передъ нимъ и пристально, не отрываясь, глядя въ его глаза, будто думая прочесть въ нихъ всю его душу.—Николай Степановичъ, поклянись мнѣ, что ты сдѣлаешь все, чтобы разувѣрить завтра твоихъ стрѣльцовъ, чтобы удержать ихъ... Поклянись, что ты не допустишь кровопролитія. Теперь вонъ они пьяны, утромъ авось будутъ другіе... Поклянись мнѣ!

— Клянусь, тихимъ и торжественнымъ голосомъ сказалъ Малыгинъ.

Нѣсколько мгновеній они молчали.

Николай Степановичъ сидѣлъ, опустивъ голову и порывисто дыша. Съ нимъ происходило что-то необычайное.

Вдругъ онъ тряхнулъ своими кудрями, взялъ Любу за руку и склонился передъ нею.

Она взглянула на него и увидѣла на глазахъ его слезы.

— Что ты? Ты плачешь?

— Да, да, плачу, прошепталъ онъ. Чудо великое ты сотворила со мною... Вотъ ты говорила, что была слѣпа и сегодня прозрѣла,—я видно тоже былъ слѣпъ и ты раскрыла мнѣ очи. Видѣла ты, что я долго не могъ понять тебя, когда ты мнѣ съ такимъ ужасомъ да со слезами разсказывала про выдумку царевны. Да, я не понималъ, но теперь понялъ, понялъ что тебя мучитъ и почему ты считаешь себя виноватой.. И вотъ я поклялся тебѣ и исполню свою клятву. Пусть убьютъ меня, пусть на копья подымутъ стрѣльцы безумные, а я сдѣлаю свое дѣло: выведу правду наружу... То, что ты находишь зломъ, то и есть зло, какъ ты поступать прикажешь, такъ поступать и надо—Богъ говоритъ твоими устами,—и я счастливъ, какъ никогда еще въ жизни не бывалъ счастливъ, что могъ понять тебя, не отвертывайся же отъ меня. Многимъ я грѣшенъ Богу, но все же не въ конецъ еще позабылъ Его. Учи меня правдѣ!

Люба съ восторгомъ вслушивалась въ эти неожиданныя и безпорядочныя, прерывистыя его рѣчи. Каждый звукъ ихъ она ловила и каждый звукъ новымъ блаженствомъ ложился на ея сердце.

— Николай Степановичъ, дорогой мой, голубчикъ! проговорила она и вдругъ слезы брызнули изъ глазъ ея.

Она потянулась впередъ, охватила своими дрожавшими руками голову Малыгина и прижала ее къ груди своей.

— Такъ ты меня любишь? любишь? шепталъ онъ.

— Люблю! отвѣчала она безсознательно, не зная какъ само собою сказалось это слово, какъ оно вылилось въ такую тревожную минуту.

Во мгновеніе они оба все позабыли, только глядѣли другъ на друга.

Люба склонилась на плечо Малыгина и тихо плакала. Новая жизнь началась для нея и она не могла отталкивать отъ себя этой жизни, съ блаженствомъ встрѣчала ее. И чѣмъ больше зла и обмана было въ ея прошломъ, чѣмъ сильнѣе болѣла послѣдняя рана, нанесенная ей ея Царь-дѣвицей, существомъ, къ которому она беззавѣтно такъ привязалась, и которое такъ ее обмануло,—тѣмъ съ большею страстью, съ большимъ блаженствомъ прильнула она теперь къ единственному человѣку, который откликнулся на призывъ ея сердца.

А время шло. Вотъ уже и ночь надъ землею, но Люба не прощается съ Малыгинымъ, не думаетъ уходить отъ него—куда ей идти? у нея теперь нѣтъ дома. Ей страшно и подумать вернуться въ кремлевскій теремъ. Онъ представляется ей такимъ страшнымъ, такимъ заколдованнымъ. Да, страшенъ онъ — его хозяйка злая колдунья. Славу Богу, что Люба узнала ее,—хоть поздно, но все же узнала,—теперь она ужъ не обморочитъ, эта злая колдунья. не прикинется царь-дѣвицей.

## VIII.

Рано поднялась пятнадцатаго мая царевна Софья и сейчасъ же кликнула къ себѣ Родимицу. А та только и дожидалась этого зову. Она вошла и подала царевнѣ записку.

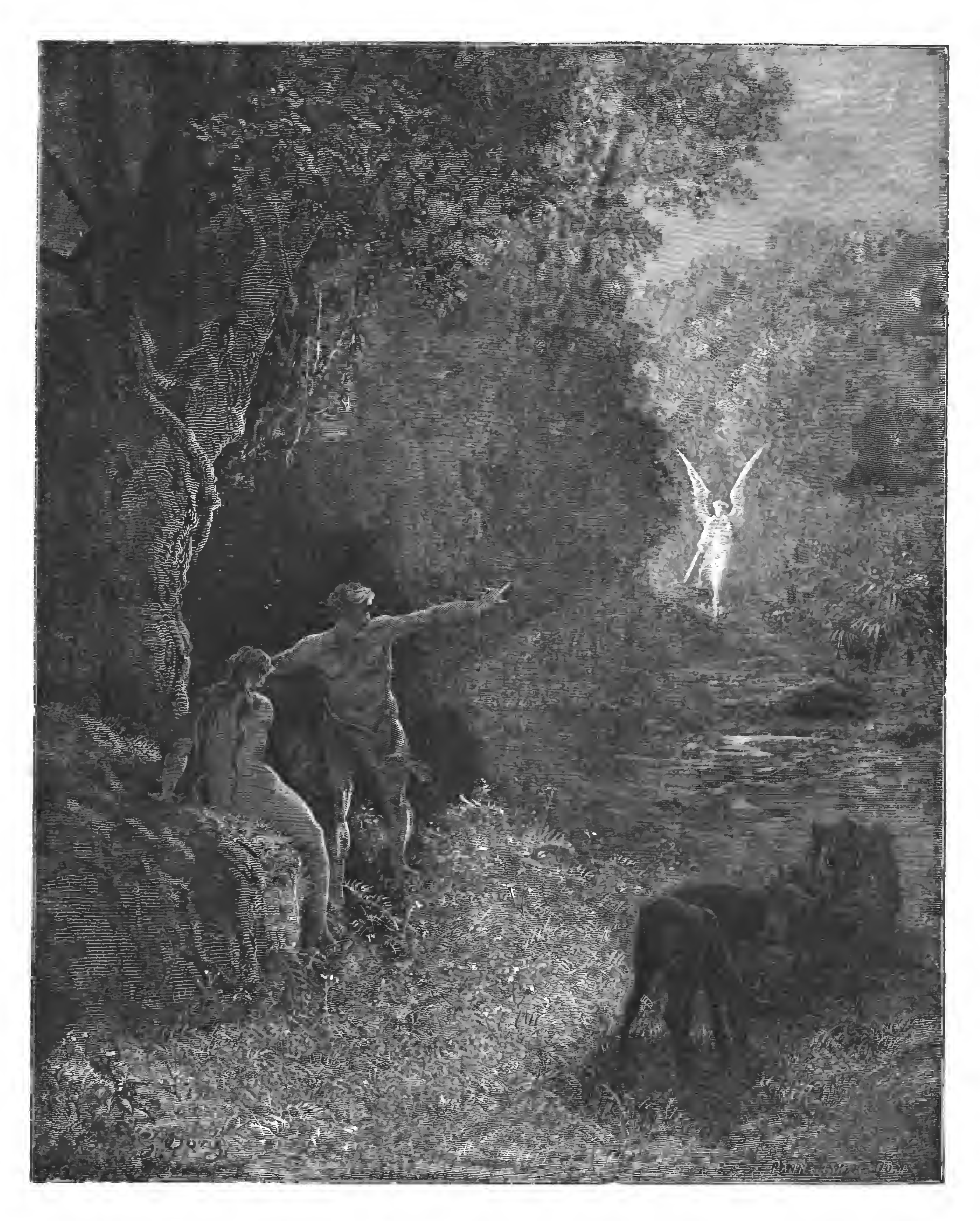
— Вотъ, бояринъ Иванъ Михайловичъ прислалъ, сказала она.

Софья быстро схватила записку и прочла: „Все благополучно: мы съ Хованскимъ готовы; Александръ и Толстой погнали въ слободы. Распорядись, чтобъ кто нибудь изъ твоихъ забрался на колокольню и въ набатъ ударилъ—этакъ то будетъ лучше, на стрѣльцовъ подѣйствуетъ.“

— Ну это твое дѣло, Ѳедорушка, произнесла царевна перечтя громко Родимицѣ записку,—сможешь, что-ли?



**Мильтонъ, диктующій своей дочери поэму „Потерянный Рай“.** Картина Мункачи, грав. Паннемакеръ сынъ



**Изъ поэмы Мильтона „Потерянный Рай“ (пѣснь V). Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.**
**Приходъ Ангела въ Рай къ Адаму и Еввѣ.** Ориг. рис. **Густава Дорэ,** грав. Паннемакеръ.

Та только усмѣхнулась.

— Будетъ исполнено.

— А ко мнѣ позови Любу, прибавила царевна,—что она, здорова? Вчера какъ полоумная какая вбѣжала ко мнѣ, вопитъ, а о чемъ—и разобрать невозможно.

— Я ее не видала сегодня, отвѣтила Родимица,—сейчасъ позову.

Но черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ вѣстью о томъ, что Люба пропала. Никто ее не видалъ, постель не смята, видно, не ночевала въ теремѣ.

Царевна пожала плечами.

— Ну да Богъ съ ней—не до нея теперь! сказала она. Ступай на колокольню.

— Сейчасъ бѣгу.

Родимица скрылась.

Царевна поспѣшно одѣлась безъ посторонней помощи и стала тревожно ходить по своимъ покоямъ.

„Что-то тамъ теперь? Скоро ли будутъ? все ли благополучно? думала она. И вотъ къ этой мысли невольно примѣшалась и мысль о Любѣ.

Вчера, дѣйствительно, полная своихъ тревогъ, она не обратила вниманія на Любу и не поняла ея страннаго посѣщенія, но теперь ей ясно стало многое.

„Ахъ она глупая дѣвчонка! вѣдь это она отъ меня отчета требовала, судьею моимъ являлась... это ей не понравилось, что я живого брата за убитаго хочу выдать... вотъ гдѣ мнѣ судья отыскался!“

Непріятная, злая усмѣшка скользнула по губамъ царевны.

„Но куда-жь она дѣлась, эта дѣвчонка? не ночевала.... ужь не туда ли, не къ своему ли Малыгину отправилась? да, конечно—такъ и есть, тамъ мутитъ пожалуй....

Но что-жь она можетъ сдѣлать? Ей ли, холопкѣ, со мной бороться!... А я то еще положилась на нее, думала, что она будетъ мнѣ полезна. Ахъ глупая, глупая дѣвка! Но вѣдь она смѣла, она на все готова рѣшиться, если ей дурь какая придетъ въ голову... Чего добраго пожалуй испортитъ еще что нибудь... Что если такъ?“

Тревога начала закрадываться въ сердце царевны. Впрочемъ, она сейчасъ же себя и успокоила.

„Нѣтъ, теперь поздно! теперь ничто и никто намъ не помѣшаетъ—дѣло сдѣлано! Не Любашкѣ со мной тягаться!“

Прошло еще нѣсколько минутъ—и вдругъ раздался набатный гулъ колокола Ивана Великаго.

Весь дворецъ, теремъ, весь Кремль поднялся на ноги, всполошился.

„Что такое? что это значитъ?“

Кинулись на колокольню. Кто звонитъ? Никого нѣту.

Родимица искусно притаилась въ крошечномъ чуланчикѣ подъ лѣстницей, и когда толпа людей, взбиравшихся на колокольню, была уже выше ее, она вышла изъ своего убѣжища и, стоя на лѣстницѣ, начала кричать:

— Бейте въ колокола, бейте! сзывайте народъ! развѣ не слышали—къ Кремлю идетъ войско, всѣ полки... Насъ всѣхъ перерѣжутъ.

— Кто это кричитъ? кто?

Родимицу окружили, стали разспрашивать, съ чего она взяла говорить такія рѣчи?

— Сама видѣла, своими глазами, отвѣчала она.—Посылайте скорѣй въ городъ, такъ узнаете.

Нѣсколько человѣкъ кинулись за кремлевскіе ворота и скоро вернулись съ блѣдными, перепуганными лицами и объявили, что со всѣхъ сторонъ къ Кремлю подвигаются полки стрѣлецкіе.

Смятеніе началось страшное.

Въ это время Матвѣевъ, пріѣхавшій къ царицѣ, вышелъ на дворцовое крыльцо, чтобъ узнать причину набата: онъ предполагалъ, что загорѣлось какое нибудь изъ зданій кремлевскихъ. Но на лѣстницѣ ему встрѣтился князь Урусовъ и дрожащимъ голосомъ объявилъ ему, что стрѣльцы и солдаты бунтуютъ, вошли въ земляной городъ и уже близко отъ воротъ Кремлевскихъ.

Матвѣевъ воротился и сообщилъ царицѣ страшную новость.

Она всплеснула руками.

— Что-жь намъ дѣлать? Чего еще хотятъ они?

Заранѣе нетревожься, государыня, отвѣтилъ Матвѣевъ, я сейчасъ отдамъ приказъ подполковнику стремяннаго полка запереть всѣ Кремлевскіе ворота; силою въ Кремль войти не такъ то легко... Можетъ все благополучно кончится.

Но не успѣлъ еще Артамонъ Сергѣевичъ распорядиться позвать подполковника, какъ прибѣжало нѣсколько человѣкъ съ криками, что стрѣльцы ужь входятъ въ Кремлевскіе ворота.

У Матвѣева опустились руки.

Между тѣмъ дворецъ наполнился со всѣхъ сторонъ пріѣхавшими людьми.

Прежде всего къ царицѣ Натальѣ явились царевны изъ терема, а потомъ всѣ Нарышкины, многіе бояре изъ города, которые, заслышавъ о бунтѣ стрѣльцовъ и ихъ приближеніи и не безъ основанія боясь всякихъ насилій, бросились въ Кремль, во дворецъ, чтобы тамъ найти себѣ убѣжище.

Скоро къ этому перепуганному, взволнованному, тѣснившемуся собранію присоединился и престарѣлый патріархъ Іоакимъ. Онъ вошелъ своей обычною спокойной поступью, но лицо его было особенно блѣдно и грустно.

— Тяжкіе дни переживаемъ, со вздохомъ произнесъ онъ, обращаясь къ подошедшему Матвѣеву.

На Матвѣева и взглянуть было страшно; онъ казался теперь столѣтнимъ, разслабленнымъ старцемъ.

— Страшные дни! отвѣтилъ онъ патріарху,—и боюсь я, что на меня ляжетъ отвѣтственность за то, что происходитъ нынѣ. Я долженъ былъ это предвидѣть, долженъ былъ понимать, что враги наши давно ужь все подготовили... А я медлилъ, высматривалъ, не зналъ на что рѣшиться, три дня пропустилъ... Но могъ ли я ждать всего этого--въ мое время такія дѣла были невозможны... Но все же я виноватъ – я пріѣхалъ помочь царицѣ, она на меня понадѣялась, а я вотъ дряхлъ и безсиленъ, ослѣпъ, ничего не разглядѣлъ. Виноватъ, пусть судитъ меня Богъ.... Мнѣ остается теперь, если нужно, безъ трепета положить свою жизнь за царя и царицу. Но боюсь, что и этимъ я не помогу имъ...

Его сѣдая голова безсильно упала на грудь, изъ глазъ на морщинистыя щеки закапали невольныя слезы.

Нѣсколько успокоившись, онъ оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ, его взоръ остановился на царевнѣ Софьѣ.

„Вотъ первый врагъ нашъ! вотъ чьихъ рукъ это дѣло!“ подумалъ онъ.

Софья что-то толковала царицѣ Натальѣ. Она казалось встревоженной, испуганной. Но вотъ она начинаетъ успокоивать царицу.

— Заранѣе нечего тревожиться, говоритъ она,—Богъ дастъ все обойдется благополучно. Конечно въ послѣднее время стрѣльцы даютъ себѣ много воли, но кто-жь виноватъ въ этомъ? Съ самаго начала не слѣдовало имъ потакать, а какъ начали потакать, такъ они и зазнались.

— Но что-жь было дѣлать, какъ не потакать? мучительно произнесла Наталья Кирилловна,—вѣдь ужь всѣмъ видимо, что мы въ ихъ власти: что хотятъ, то съ нами и сдѣлаютъ. Охъ, чуетъ сердце мое—не обойдется безъ крови. Боже мой, что теперь намъ дѣлать?

Она заломила въ отчаяніи руки и заплакала, прижимая къ себѣ сына.

— Успокойся, матушка! тихимъ мелодичнымъ голосомъ сказала Софья (давно она не называла этимъ именемъ царицу Наталью) успокойся, матушка—вѣдь мы

еще не знаемъ, чего имъ нужно. Вотъ сейчасъ все объяснится, можетъ, ничего страшнаго и нѣту...

И говоря эти слова, царевна пристально и повидимому ласково глядѣла на Наталью Кирилловну. А въ то же время какое то мучительное, но сладкое чувство сосало ей сердце. Она наслаждалась этимъ всеобщимъ смятеніемъ, этими слезами царицы.

„Плачь! думалось ей, плачь, еще не такъ будешь плакать! Ты пришла къ намъ незванная, непрошенная. Ты, бѣдная воспитанница худороднаго Матвѣева, восхотѣла быть выше насъ, прирожденныхъ царевенъ.. Ты отняла у насъ отца, теперь ты, со своимъ сынишкой, у насъ все отнимаете! Нѣтъ, видно мало ты меня знаешь, я еще тебѣ не дамся! Горькія слезы будешь проливать ты....“

Она отошла отъ царицы ближе къ выходнымъ дверямъ и спрашивала: что-жь стрѣльцы—близко-ли? и чего требуютъ?

Но никто не могъ ей отвѣтить, такъ всѣ были растеряны, такъ перепуганы.

Въ это время дверь во внутренніе покои отворилась и вошелъ царевичъ Иванъ. Медленно, волоча за собою ноги, онъ подошелъ къ царицѣ Натальѣ.

— Что тутъ у васъ такое? спросилъ онъ. Меня сюда позвали, что то толковали, да я, признаться, не понялъ хорошенько. Война что-ли? враги на насъ идутъ? Какіе - это? турки?

— Стрѣльцы опять бунтуютъ, братецъ, отвѣтилъ ему маленькій Петръ, а чего хотятъ—не знаю. Выйдемъко мы съ тобою къ нимъ, спросимъ ихъ, намъ они должны отвѣтить—кому же и отвѣчать, какъ не намъ? Вотъ и посмотримъ, что нужно тутъ дѣлать: право пойдемъ, братецъ!..

Наталья Кирилловна схватила за руку сына.

— Что ты? куда, Богъ съ тобою, дитятко! ради Создателя не отходи отъ меня.

— Эхъ! вздохнулъ Петръ, но не смѣлъ ослушаться матери, не смѣлъ выдернуть изъ ея руки свою руку. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и задумался. Густыя брови его сдвинулись, темные глаза горѣли.

Царевичъ Иванъ, также тихо, съ трудомъ передвигаясь, подошелъ къ сестрамъ.

Въ эту минуту изъ оконъ послышался быстро приближавшійся бой барабановъ: всѣ вздрогнули и стали еще тѣснѣе жаться другъ къ другу.

Только Матвѣевъ да Патріархъ поспѣшили выйти изъ палаты на крыльцо, на встрѣчу стрѣльцамъ.

Между тѣмъ на дворцовомъ дворѣ уже раздавались отчаянные крики и вопли. Стрѣльцы обступили густыми толпами весь дворецъ, перебили нѣсколько людей боярскихъ, не успѣвшихъ вовремя скрыться.

Въ толпахъ стрѣльцовъ развѣвались знамена; вотъ на самый дворъ ужь вкатили пушку. Дикій крикъ раздался по рядамъ стрѣлецкимъ:

— Кто задушилъ царевича Ивана? Подавай Нарышкиныхъ! подавай измѣнниковъ и душегубцевъ!

А, вотъ они чѣмъ ихъ подняли! прошепталъ Матвѣевъ, разслышавъ эти крики.

Онъ вернулся къ царицѣ.

—Мятежниковъ обманули, сказалъ онъ,—они думаютъ; что кто то задушилъ царевича Ивана. Нужно показать его имъ—только въ этомъ теперь и спасенье! Пойдемте всѣ на крыльцо, и ты иди, государыня царица, не бойся, теперь не время трусить. Ничего они не посмѣютъ сдѣлать!

Многимъ трудно было рѣшиться выйти къ стрѣльцамъ, но всѣ поняли, что это необходимо, всѣ поняли, что въ крайнемъ случаѣ нужно будетъ защищать царское семейство.

И вотъ, тѣсня другъ друга, бояре двинулись къ выходу.

Царица Наталья взяла за руки сына и пасынка, и тихо читая молитву, блѣдная какъ полотно, но твердыми шагами вступила на Красное крыльцо и остановилась у самой рѣшетки.

Въ первое мгновеніе ее оглушилъ страшный крикъ стрѣльцовъ, которые, какъ бѣсноватые, обступили крыльцо со всѣхъ сторонъ и лѣзли вверхъ...

Но вотъ они увидѣли обоихъ сыновей царя Алексѣя и вся площадь мгновенно стихла.

— Что-жь это? значитъ насъ обманули? значитъ это правду говорили сегодня утромъ, что царевичъ живъ— вотъ онъ!.. вотъ!

Многіе начали снимать шапки.

Однако агенты Софьи и Милославскихъ не дремали. Князь Хованскій неизвѣстно откуда появился внизу на площади, пробрался между стрѣльцами, которые давали ему дорогу, и шепнулъ что-то на ухо полковнику Циклеру.

— Да полно царевичъ-ли это! вдругъ крикнулъ Циклеръ.

— Да! не обманъ ли ужь? повторило нѣсколько голосовъ. Это насъ морочатъ—другого одѣли въ платье царевича.

— Да нѣтъ-же, онъ!.... онъ! не въ первый разъ мы его видимъ! отвѣтили другіе.

— Да что тутъ! полѣзай вверхъ, чтобъ безъ обмана было.

Они подставили лѣстницу и вотъ десятка два стрѣльцовъ стали взбираться на Красное крыльцо, поддерживаемые товарищами. Вотъ верхніе добрались до рѣшетки.

Царица Наталья невольно попятилась и заслонила рукою Петра. Но царь высвободился изъ подъ руки матери, сталъ на свое прежнее мѣсто и смѣло, горделиво поглядывалъ на стрѣльцовъ.

Царевичъ Иванъ тоже не выказалъ ни малѣйшаго страха. Онъ глядѣлъ вокругъ себя, какъ и всегда совершенно безучастно; ничего нельзя было прочесть на блѣдномъ, одутловатомъ лицѣ его.

Между тѣмъ стрѣльцы внимательно его разглядывали. Онъ!... онъ! кричали они,—его ликъ! Да полно ужь не бѣсовское ли навожденіе?...

И они перекрестились. Нѣтъ! Царевичъ Иванъ передъ ними—не пропадаетъ, не разсыпается прахомъ!

— Ты ли это, царевичъ Иванъ Алексѣевичъ? спрашиваютъ его стрѣльцы, ощупывая его платье.

— Я!.. а то кто-же?

— Такъ стало, живъ ты?

— А то померъ что ли? Видите, живъ.

— Кто-же это тебя изводитъ? Кто враги твои? Кто бояре измѣнники?

Никто не предвидѣлъ возможности подобныхъ вопросовъ. Никто не предупредилъ царевича. Теперь страхъ не малый взялъ бояръ. А вдругъ онъ отвѣтитъ что нибудь неладное! Всѣ затаили дыханіе.

Царевичъ слабо и странно усмѣхнулся.

— Въ толкъ не возьму о чемъ меня спрашиваете, наконецъ сказалъ онъ своимъ глухимъ голосомъ.—Нѣтъ у меня враговъ... никто меня не изводитъ. Жить мнѣ хорошо, ни на кого не жалуюсь....

У всѣхъ отлегло отъ сердца.

Стрѣльцы еще нѣсколько мгновеній поглядѣли на царевича, переглянулись между собою и стали слѣзать внизъ.

— Онъ, взаправду онъ и говоритъ, что никто его не изводитъ! стало, насъ обманули.

Толпа не шевелилась въ недоумѣніи. Многіе переминались съ ноги на ногу, почесывали себѣ затылки.

Раздалось нѣсколько громкихъ голосовъ.

— Что-жь это? дѣло то не ладно—чего-жь насъ подняли? Измѣнники то видно тѣ, кто обманулъ насъ! ..

Некому теперь было глядѣть на царевну Софью, а взглянуть на нее стоило.

Въ то время какъ всѣ лица, мало по малу, прояснивались, какъ у всѣхъ являлась надежда, что дѣло приметъ счастливый оборотъ, она стояла, какъ приговоренная къ смерти, съ страшно искаженнымъ лицомъ, сама на себя непохожая. Сердце ея то замирало, то начинало неудержимо, больно биться, въ виски стучало, голова кружилась.

Господи, что-же это такое? Неужь-то все пропало?.. И какъ это я не предупредила этого: нельзя было пускать брата. Какъ нибудь, а необходимо было удержать его. Что-жь... теперь молчатъ стрѣльцы... да и нечего сказать имъ!

Вотъ сейчасъ они уйдутъ, пристыженные, обратно къ себѣ въ слободы и чѣмъ ихъ въ другой разъ оттуда выманишь?.. А старый волкъ Матвѣевъ теперь уже не оплошаетъ, пріиметъ рѣшительныя мѣры.... И вѣдь ничего сдѣлать теперь нельзя... Я не могу и пошевельнуться.... Но неужели?... Быть не можетъ!.... Все такъ давно приготовлялось, все такъ хорошо шло!... Ноги царевны подкашивались, она едва не упала. Она видѣла, какъ сквозь туманъ какой нибудь, вокругъ себя движеніе. Вотъ всѣ идутъ обратно, вотъ красное крыльцо пусто, на площади тишина... и ей вѣдь нечего здѣсь оставаться...

Шатаясь, едва сдерживая отчаянный вопль, готовый вырваться изъ груди ея, она тоже направилась съ крыльца во внутренніе дворцовые покои.

Но внезапно новая мысль пришла ей въ голову. „Прикажу выкатить имъ бочки вина и пива—перепьются.... тогда ихъ легко опять будетъ натравить!...“

Она поспѣшила отыскать Милославскаго.

## IX.

Между тѣмъ послѣ нѣсколькихъ минутъ тишины на площади началось снова волненіе. Очевидно стрѣльцамъ какъ-то совѣстно было сознаться въ своей глупости, что вотъ по нелѣпому слуху заставили ихъ всѣхъ поголовно подняться. Имъ совѣстно было теперь, пристыженнымъ и опозореннымъ, воротиться къ себѣ; да и страхъ, очевидно внушаемый ими боярамъ и семейству царскому, дѣйствовалъ на нихъ подзадоривающимъ образомъ. А тутъ еще и выкаченныя имъ бочки вина и пива, на которыя они тотчасъ же набросились, и агенты царевниной партіи, кричащіе: Ну что-жь что царевичъ живъ! хоть онъ и живъ, все же пускай выдадутъ намъ его недоброхотовъ—Матвѣева и Нарышкиныхъ.

— Да, да, пускай выдадутъ! подхватываетъ нѣсколько десятковъ голосовъ.

— Да и развѣ не знаете, братцы, на всю площадь кричитъ Озеровъ, развѣ не знаете, что Иванъ Нарышкинъ примѣривалъ на себя корону и разныя царскія украшенія?! Онъ самъ нашимъ царемъ хочетъ быть! Уйдемъ теперь... оставимъ ихъ на свободѣ, такъ все равно они изведутъ и царевича, да и царя Петра, даромъ что онъ имъ сродственникъ...

— Слышь ты, Нарышкинъ на себѣ корону примѣрялъ! раздается уже въ другомъ концѣ площади.— Нѣтъ, не уйдемъ такъ!,. подавай намъ Нарышкинныхъ и Матвѣева!!.

Пристыженные и сконфуженные стрѣльцы нашли выходъ изъ своего неловкаго положенія. Снова неистовые крики наполнили площадь, снова густыя толпы, вооруженныя бердышами и мушкетами, полѣзли къ красному крыльцу и къ окнамъ Грановитой палаты.

Тѣ изъ окружавшихъ царицу, кто былъ посмѣлѣе, рѣшились выйти къ стрѣльцамъ. Скоро на красномъ крыльцѣ показался Черкасскій, Шереметьевъ Большой и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Четвертымъ между ними былъ Тараруй-Хованскій. Самъ всячески возмущавшій стрѣльцовъ и за четверть часа передъ тѣмъ незамѣтно нашептывавшій имъ на площади, теперь онъ объявилъ, что идетъ ихъ уговаривать. Съ крыльца ему удобнѣе было подавать имъ тайные знаки, ободрять своимъ присутствіемъ.

— Чего вамъ еще нужно? смѣло выступая впередъ, громкимъ и спокойнымъ голосомъ началъ князь Голицынъ. Вы видѣли царевича, онъ самъ объявилъ вамъ, что никто на него не злоумышляетъ. Если вы пришли сюда для того, чтобы защищать царское семейство, тѣ спасибо вамъ за это. Но вы видите, что обмануты, ч[illegible] защищать некого; будьте достойными слугами госуд[illegible]ревыми—разойдитесь спокойно по домамъ!

— Нѣтъ, чего тутъ расходиться! кричали ему въ отвѣтъ стрѣльцы. Не можемъ уйти! подавайте намъ Матвѣева, подавайте Нарышкиныхъ, подавайте бояръ измѣнниковъ!

И вотъ имена этихъ бояръ-измѣнниковъ, заключавшіеся въ спискѣ, разосланномъ Милославскимъ по стрѣлецкимъ полкамъ, стали повторяться сотнями голосовъ. Имена эти были; князь Юрій Долгорукій съ сыномъ—стрѣлецкіе начальники, князь Ромадановскій, всѣ Нарышкины, начиная съ отца царицы, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Языковъ, Лихачевъ и нѣсколько думныхъ дьяковъ.

— Да чего тутъ толковать, подавай всѣхъ этихъ измѣнниковъ, всѣхъ до единаго, тогда и уйдемъ, а пока намъ ихъ не выдадутъ, не тронемся изъ Кремля. А то такъ и сами ихъ сыщемъ!..

— Да нѣтъ во дворцѣ у государя этихъ людей: выдавать то вамъ некого, закричалъ Черкасскій.—Уходите—не буяньте!

Но стрѣльцы, услыхавъ слова эти, полѣзли на ступени крыльца и чуть было до смерти не избили Черкасскаго: весь кафтанъ на немъ разодрали, едва успѣлъ онъ скрыться.

Растерзанный, съ всклокоченными волосами, вбѣжалъ онъ въ Грановитую палату, куда теперь удалилась царица съ семействомъ и бояре.

— Бунтуютъ! Видите, что со мной сдѣлали. Теперь къ нимъ не подступайся, проговорилъ, тяжело дыша, Черкасскій.

— Постойте, я еще поговорю съ ними, сказалъ, поднимаясь съ мѣста, Артамонъ Сергѣевичъ и вышелъ къ стрѣльцамъ.

Онъ смѣло распахнулъ рѣшетку, твердой поступью сошелъ съ лѣстницы и остановился, со всѣхъ сторонъ окруженный мятежниками.

Яркое майское солнце озарило его сѣдую, непокрытую голову, его благообразное, почтенное лицо, такъ давно знакомое стрѣльцамъ и прежде такъ ими любимое.

— Чего вамъ нужно? Одумайтесь, дѣти! заговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Ноетъ мое сердце, глядя на васъ. Глазамъ своимъ вѣрить не хочется—вы ли это? Вотъ нѣсколько лѣтъ вдали отъ васъ я прожилъ..: Не разъ вспоминались вы мнѣ, вѣрные царскіе воины, съ которыми мы вмѣстѣ походы дѣлали. Я призывалъ на васъ благословеніе Божіе за ваши службы государю, за вашу твердость въ исполненіи долга. Еслибъ кто сказалъ мнѣ, что вы бунтовать способны, что вы врываетесь въ Кремль, въ палаты царскія, что вы самовольствуете—я бы такого человѣка почелъ клеветникомъ и лжецомъ. Послѣ долгихъ испытаній, послѣ тяжкой жизни въ тѣснотѣ и обидахъ, вернулся я снова къ вамъ велѣніемъ моего государя—и что-жь вижу! Одумайтесь, дѣти—не вы ли помогали мнѣ не разъ укрощать бунты и мятежи, не вы ли готовы были пролить до капли всю кровь свою за царя и отечество? Зачѣмъ же хотите теперь сами быть мятежниками и уничтожить этимъ память обо всѣхъ вашихъ прежнихъ подвигахъ? зачѣмъ забываете святость присяги?.. Да и не вы ли сами выборныхъ ко мнѣ присылали, три дня тому назадъ?

(Продолженіе будетъ).



**Всемірная выставка въ Парижѣ: Итальянскій художественный отдѣлъ „Моисей“.** Статуя Барцаги, грав. Цаніони.

# Мильтонъ и его поэма „Потерянный Рай“.

Джонъ Мильтонъ одинъ изъ тѣхъ геніевъ, имена которыхъ безсмертны, такъ же какъ ихъ творенія. Почти уже три вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ великій англійскій поэтъ написалъ свою поэму „Потерянный Рай“, но она до сихъ поръ нисколько не утратила своихъ достоинствъ и не утратитъ ихъ въ продолженіе многихъ будущихъ вѣковъ, такъ какъ по существу своей идеи не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ другихъ произведеніяхъ человѣческаго ума.

Многіе критики сравниваютъ Мильтона съ Гомеромъ, а нѣкоторые ставятъ его даже выше, по изложенію предмета, избраннаго имъ для своей великой эпопеи. Гомеръ изображаетъ подвиги и міросозерцаніе одного только народа, Мильтонъ въ своемъ „Потерянномъ Раѣ“ проникаетъ до начала вѣрованій всего человѣчества. Предметомъ эпической поэмы служитъ всегда какое либо событіе чрезвычайной важности. Мильтонъ описываетъ не разрушеніе какого либо города, не основаніе могущественной монархіи или борьбу двухъ враждебныхъ народовъ,—содержаніемъ его поэмы служатъ судьбы міровъ, перевороты въ небесахъ и вселенной; мятежъ, поднятый высшими изъ созданныхъ существъ противъ Верховнаго Царя; изгнаніе изъ неба мятежниковъ и кара за ихъ преступленіе; созданіе „первыхъ человѣковъ“, ихъ счастіе и первобытная невинность, потомъ лишеніе безсмертія и, наконецъ, великое искупленіе ихъ грѣха, возвратившее имъ надежду и миръ.

Великіе перевороты могутъ быть совершаемы лишь могучими дѣятелями: передъ величіемъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ Мильтона, блѣднѣетъ всякое другое величіе. Поэтъ и мыслитель, ученикъ поэтовъ и философовъ древности, Мильтонъ заимствуетъ величественныя сцены своей божественной драмы въ современныхъ вѣрованіяхъ и священныхъ преданіяхъ. Его твореніе есть блестящее зеркало, которое отражаетъ и дополняетъ библейскія картины, ничуть не искажая ихъ. Оно удовлетворяетъ какъ чувству искренняго вѣрующаго, такъ и строгой мысли философа, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаетъ человѣка, напоминая его чистое происхожденіе, оживляя его дыханіемъ Бога, создавшаго вселенную. Смѣлая мысль поэта проникаетъ въ небеса небесъ, дерзаетъ присутствовать тамъ въ то время, когда Богъ, окруженный сонмами Серафимовъ, нисходитъ съ Своего престола для сотворенія человѣческаго рода, и когда Всемогущею десницею онъ создаетъ новый прекрасный міръ для Своихъ ново-созданныхъ дѣтей и помѣщаетъ ихъ въ Эдемъ, полный такихъ очаровательныхъ красотъ, что адъ содрогается отъ зависти. Поэтъ, проникая мыслью въ свѣтлыя обители Высочайшаго Божества, переносится за симъ въ преисподнюю и наблюдаетъ, какъ духъ тьмы, владыка мятежныхъ ангеловъ, считаетъ человѣка настолько сильнымъ, чтобы объявить ему войну, какъ онъ борется съ нимъ, будто съ своимъ соперникомъ, какъ человѣкъ падаетъ, и какъ потомъ возстаетъ снова, примиренный съ Богомъ, своимъ великимъ ходатаемъ, Спасителемъ человѣчества.

Могучая фантазія поэта, переносясь изъ глубины преисподней, изъ тьмы адской пропасти въ свѣтлыя небеса, наполненныя восторгомъ и ликующими ангельскими хорами, и спускаясь опять на землю въ чудный Эдемъ, создаетъ рядъ картинъ, поражающихъ то величіемъ и силой, то нѣжностью и глубиною чувства. Въ его твореніи философія и поэзія соединились вмѣстѣ для олицетворенія двухъ великихъ, враждебныхъ другъ другу началъ, постоянно волнующихъ и обновляющихъ міръ. Поэтъ является глубокимъ мыслителемъ въ изображеніи вѣчной борьбы этихъ двухъ началъ, разрушающаго и созидающаго, этихъ таинственныхъ дѣятелей, которые въ постоянной непримиримой враждѣ и попеременныхъ торжествахъ поддерживаютъ вѣчное равновѣсіе вселенной. Съ такою же глубиной объясняетъ онъ и заблужденія человѣческаго сердца, бездны не менѣе непроницаемой, чѣмъ тайны природы.

Какъ все человѣческое, и это превосходное твореніе не лишено недостатковъ. Наравнѣ съ неподражаемыми красотами, встрѣчаются мѣстами странные переходы и сопоставленія; послѣ смѣлыхъ, величественныхъ образовъ, проникнутыхъ энергіей и силой, слѣдуетъ излишекъ миѳологическихъ сравненій, иногда довольно темныхъ. Но какъ пятна на солнцѣ ничего не отнимаютъ отъ его блеска, такъ и эти недостатки теряются въ общемъ, нисколько не умаляя достоинствъ великой поэмы, обезсмертившей имя поэта.

Мильтонъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, раззорившейся во время войнъ Алой и Бѣлой Розъ. Предки его были ревностные католики, но отецъ поэта оставилъ исповѣданіе римской церкви и принялъ реформатскую вѣру, за что отецъ его (дѣдъ поэта) совершенно отказался отъ сына и лишилъ его наслѣдства. Онъ занялся ремесломъ маклера въ Лондонѣ и пріобрѣлъ этимъ занятіемъ довольно значительныя средства. Онъ былъ женатъ на Саррѣ Кастенъ и имѣлъ отъ этого брака одну дочь и двухъ сыновей; одинъ изъ нихъ былъ Джонъ Мильтонъ, знаменитый творецъ „Потеряннаго Рая“. Онъ родился въ Лондонѣ 9-го сентября 1608 г. Отецъ Мильтона ничего не жалѣлъ для развитія рано обнаружившихся дарованій ребенка. Джонъ Мильтонъ съ дѣтства выказывалъ страсть къ ученію; онъ проводилъ большую часть ночи надъ книгами, отъ которыхъ съ трудомъ могли его оторвать. Это было первой причиной сильныхъ головныхъ болей, какимъ онъ былъ подверженъ впослѣдствіи и разстройству отъ природы слабаго зрѣнія, а наконецъ и совершенной потери его. Мильтонъ рано началъ изучать классическіе языки; кромѣ глубокаго изученія греческаго и латинскаго языковъ, онъ изучилъ языки еврейскій, халдейскій, сирійскій, а изъ новыхъ зналъ испанскій и французскій, и въ совершенствѣ владѣлъ итальянскимъ, такъ что во время пребыванія своего въ Италіи написалъ на этомъ языкѣ много мелкихъ сочиненій, вызвавшихъ громкія похвалы въ итальянской литературѣ. Первоначальное воспитаніе Мильтонъ получилъ дома, подъ наблюденіемъ просвѣщеннаго отца и любящей матери; на десятилѣтнемъ возрастѣ онъ поступилъ въ школу Св. Павла, а на семнадцатомъ году перешелъ въ Кэмбриджскій университетъ, и оставилъ его со степенью магистра, на двадцать третьемъ году. При вступленіи своемъ въ университетъ, Мильтонъ уже пользовался литературной извѣстностью, которая быстро возрастала. По окончаніи университетскаго курса, Мильтонъ поселился у своего отца, въ то время уже оставившаго маклерскія занятія и жившаго въ своемъ имѣніи Гортонѣ, въ Букингамширѣ. Сначала отецъ предназначалъ Мильтона къ духовному званію, и самъ онъ былъ расположенъ къ этому, но впослѣдствіи перемѣнилъ намѣреніе, говоря, что духовныя обязанности слишкомъ связали бы его волю и совѣсть, что подписать духовный уставъ значитъ превратить себя въ раба. Онъ прожилъ у отца пять лѣтъ, занимаясь исключительно изученіемъ греческихъ и латинскихъ авторовъ. Въ теченіе этого времени онъ написалъ сонетъ „*Соловей*“, „*Аллегро*“ и „*Пенссрозо*“, „*Аркадесъ*“ и „*Маску Комуса*“. Два послѣднія сочиненія принадлежатъ къ разряду драматическихъ и были въ большомъ ходу въ свое время. „Аркадесъ“ появилась въ первый разъ на сценѣ въ Шеффильдѣ, близъ Гортона, гдѣ была разыграна внучатами вдовствовавшей графини Дерби. „*Маску Комуса*“ давали въ 1634 г. въ Лудлеу-Кэстль, на дачѣ лорда президента, Уэльскаго графа Бриджустера, сыновья и дочери послѣдняго исполняли главныя роли.

Въ 1638 г. Мильтонъ предпринялъ путешествіе за границу. Его обширная ученость и необыкновенныя дарованія были вездѣ замѣчены и возбудили восторгъ первѣйшихъ знаменитостей ученаго и литературнаго міра, съ которыми онъ сблизился въ Парижѣ, Флоренціи, Неаполѣ и Римѣ. Печальныя извѣстія о положеніи дѣлъ въ Англіи, созданномъ борьбой Карла I съ парламентомъ, заставили его возвратиться на родину, такъ какъ онъ считалъ недостойнымъ жить для своего удовольствія за границей въ то время, когда согражданe его сражались за свободу. Но великій поэтъ не былъ воиномъ; онъ не могъ защищать своей страны съ оружіемъ въ рукахъ, за то, владѣя другимъ не менѣе могущественнымъ орудіемъ, онъ оказалъ ей неоцѣненныя услуги. Вооружась всей силой своего таланта и краснорѣчія, онъ одерживалъ въ Парламентѣ блистательныя побѣды въ пользу угнетенной свободы государства и церкви. Съ свойственными ему энергіей и жаромъ онъ весь предался борьбѣ за общественные вопросы. Онъ написалъ множество блестящихъ политическихъ памфлетовъ и сочиненій. Самые замѣчательные изъ нихъ—„*Рѣчь къ англійскому парламенту о свободѣ печати*“ и „*Защита англійскаго народа*“. Послѣднее сочиненіе было имъ написано по порученію Парламента въ отвѣтъ на статью величайшаго ученаго того времени, Салмазія, написанную по порученію бывшаго въ изгнаніи Карла II въ защиту короля и монархіи. Съ появленіемъ „Защиты англійскаго народа“ Мильтона, слава его быстро разнеслась по всей Европѣ. Книга его была переведена на иностранные языки; глубокая ученость, логичность и краснорѣчіе автора приводили въ удивленіе всѣхъ ученыхъ. Слава Мильтона равнялась развѣ только славѣ Кромвеля; знаменитые иностранцы нарочно пріѣзжали въ Лондонъ, чтобы видѣть лорда протектора, желѣзной рукой управлявшаго Англіей, и Мильтона. Парламентъ такъ высоко оцѣнилъ его трудъ, что въ вознагражденіе за него назначилъ автору 1,000 ф. с., сумма весьма значительная для того времени. Кромвель съумѣлъ воспользоваться талантами Мильтона, и предложилъ ему должность латинскаго секретаря при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, хотя онъ былъ уже почти слѣпъ, и вскорѣ совсѣмъ лишился зрѣнія. Мильтонъ занималъ эту, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ важную, должность до самой реставраціи, когда его столь блестящая политическая карьера навсегда прекратилась. При восшествіи на престолъ Карла II не только свобода, но самая жизнь Мильтона была въ сильной опасности. Въ то время, когда головы всѣхъ выдающихся людей, однихъ политическихъ убѣжденій съ Мильтономъ, падали на эшафотѣ, ему удалось укрыться у одного изъ своихъ друзей. Онъ скрывался въ этомъ убѣжищѣ до тѣхъ поръ, пока вышла амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ, не принимавшимъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи судьбы покойнаго короля. Біографы Мильтона говорятъ, что нѣсколько разъ

былъ отдаваемъ приказъ объ его арестѣ. Онъ даже былъ заключенъ въ тюрьму, но вскорѣ получилъ свободу, благодаря ли заступничеству друзей, какъ утверждаютъ біографы, или разсчету со стороны правительства, потому что послѣднему трудно было лучше выказать свое великодушіе, какъ прекративъ преслѣдованіе человѣка, составлявшаго гордость и славу Англіи.

Реставрація потрясла Мильтона, но не сломила его энергіи. Живя въ уединеніи, почти въ изгнаніи, вдали отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, онъ сталъ думать объ осуществленіи не покидавшей его всю жизнь мысли—написать большую эпическую поэму. Эта мысль зародилась въ немъ еще во время пребыванія его въ Италіи. Наконецъ, на пятидесятомъ году жизни, не смотря на разстроенное здоровье, слѣпоту и скудныя средства къ жизни, онъ приступилъ къ своему давно задуманному труду. Мильтонъ работалъ надъ созданіемъ *„Потеряннаго Рая“* семь лѣтъ. Поэма была окончена въ 1665 г. Мильтонъ далъ прочесть рукопись другу своему Эльвуду, и тотъ, отдавая ее, сказалъ Мильтону: „ты такъ много говоришь о потерянномъ раѣ, что же скажешь ты о возвращенномъ?“ Когда Эльвудъ, спустя нѣсколько времени, посѣтилъ Мильтона, тотъ предложилъ ему прочитать новую рукопись. Это была другая поэма—*„Возвращенный Рай“*.

Говорятъ, будто Мильтонъ предпочиталъ *„Возвращенный Рай“—„Потерянному“*. Племянникъ Мильтона, Филипсо, разсказываетъ, что поэтъ не могъ равнодушно слышать, когда друзья его, восхваляя *„Потерянный Рай“* считали *„Возвращенный“* гораздо ниже. Несомнѣнно, однакоже, что, не смотря на большія достоинства, эта вторая поэма далеко уступаетъ первой. Тѣмъ не менѣе она имѣетъ значеніе уже потому, что развиваетъ и вполнѣ доканчиваетъ мысль первой поэмы, ясно выставляя настоящаго героя божественной драмы. Герой этотъ не Адамъ и Евва, не Сатана, какъ понимаютъ нѣкоторые, но Спаситель человѣческаго рода, Іисусъ Христосъ, искупившій грѣхъ человѣка и возвратившій ему рай, болѣе прекрасный чѣмъ тотъ, который былъ имъ потерянъ.

*„Возвращенный Рай“*, появившійся въ свѣтъ въ 1671 г. и *„Самсонъ“* были послѣдними поэтическими произведеніями Мильтона. *„Самсонъ“* единственная оконченная Мильтономъ трагедія, хотя у него были начертаны планы для многихъ другихъ. Къ избранію этого сюжета побудило Мильтона сходство между его собственнымъ положеніемъ Самсона, слѣпого и безпомощнаго среди враговъ. Не будучи предназначена для сцены, трагедія эта не раздѣлена на акты и явленія. Однако, впослѣдствіи она все-таки была поставлена на сцену въ видѣ ораторіи, а Гендель положилъ ее на музыку, равно какъ *„Аллегро“* и *„Пенорозо“* (Веселый и Грустный).

Кромѣ множества разныхъ политическихъ и богословскихъ сочиненій, Мильтонъ написалъ еще „Исторію Англіи“ и собралъ обширный матеріалъ для латинскаго словаря. Послѣ его смерти осталось два его сочиненія въ рукописяхъ—*„Исторія Москвы“* и *„Трактатъ о христіанскомъ ученіи“*. Послѣднее сочиненіе, прекрасно разработанное, было напечатано лишь въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Мильтону приписываютъ также появившійся въ послѣднемъ году его жизни переводъ съ латинскаго *„Декларація Поляковъ въ пользу Іоанна III.“*

Мильтонъ былъ женатъ три раза; отъ первой жены у него осталось три дочери, которыя, по разсказамъ его біографовъ, не вносили большой отрады въ жизнь отца, полную тревогъ и тяжелыхъ испытаній. Правда, и Мильтона обвиняютъ въ своекорыстномъ отношеніи къ семьѣ, особенно въ томъ, что онъ, не давъ имъ образованія, научилъ ихъ механическому чтенію на разныхъ языкахъ безъ пониманія смысла, и заставлялъ ихъ читать себѣ вслухъ книги, въ которыхъ онѣ не понимали ни одного слова. Но безпомощное состояніе слѣпоты, при ненасытной жаждѣ умственной дѣятельности, служитъ въ этомъ случаѣ большимъ оправданіемъ поэту. Притомъ, трудно сказать, кто здѣсь страдалъ больше—дочери Мильтона или онъ самъ, потому что, не понимая языка, нельзя читать на немъ хорошо, и подобное чтеніе никакъ не можетъ доставить удовольствія слушающему, а скорѣе можетъ быть для него тяжелой пыткой. Старшая дочь Мильтона, Анна, была избавлена отъ этого скучнаго занятія, вслѣдствіе какого-то физическаго недостатка въ языкѣ, не позволявшаго ей читать вслухъ. Главнымъ секретаремъ Мильтона при сочиненіи „Потеряннаго Рая“ была младшая и любимая его дочь, Дебора, вышедшая впослѣдствіи замужъ за ткача Кларка въ Смитфильдѣ. Младшая изъ ея дочерей была замужемъ также за ткачомъ Фостеромъ и, овдовѣвъ, открыла маленькую свѣчную лавочку близь Шордической церкви. Положеніе ея возбудило участіе королевы Каролины, супруги короля Георга II; Аддисонъ, бывшій государственнымъ секретаремъ, сдѣлалъ ей значительный денежный подарокъ, а въ 1650 г. въ ея пользу была представлена „Маска Комуса“, что доставило ей 130 ф. стер. Какъ видно изъ этого, участь дочерей Мильтона была не блестящая. Ихъ жалобы на свое невыносимое положеніе дома, были такъ тягостны Мильтону, что за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, онъ отослалъ ихъ изъ дому въ ученье золотошвейному мастерству.

Жизнь Мильтона можетъ служить образцомъ честнаго и безкорыстнаго служенія своей идеѣ. Онъ былъ непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и старость застигла его въ бѣдности, почти въ изгнаніи. „Я посвятилъ родинѣ всѣ свои силы“, говоритъ поэтъ въ одномъ мѣстѣ своей автобіографіи, „и единственнымъ моимъ вознагражденіемъ было спасеніе жизни. Но моя истинная награда состоитъ въ спокойной совѣсти и въ доброй славѣ. Другіе достигали почестей и богатства; я же никогда не слылъ низкопоклонникомъ, ничего не добивался посредствомъ друзей, не обивалъ пороговъ министровъ, но жилъ собственными средствами, которыя, хотя значительно уменьшались во время гражданскихъ смутъ, все-же были достаточны, чтобы удовлетворять моимъ потребностямъ“. Потребности эти, впрочемъ, были крайне умѣренны; онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ не болѣе какъ изъ двухъ комнатъ: по одной вверху и внизу, а въ употребленіи пищи и вина руководствовался правиломъ философа: „Мы должны ѣсть, чтобы жить, а не жить, чтобы ѣсть.“ Умственная дѣятельность была его необходимой потребностью; ни старость, ни усиливающаяся болѣзнь не могла заставить его прекратить литературныя занятія. Мильтонъ умеръ на шестьдесятъ шестомъ году, 10-го ноября 1674 г. и похороненъ возлѣ своего отца, въ церкви Св. Эгидія. На похоронахъ его присутствовалъ весь ученый и знатный лондонскій свѣтъ. У одной изъ колоннъ церкви, противъ каѳедры, поставленъ бюстъ Мильтона; поэтъ представленъ въ старости, съ изнуреннымъ, но спокойнымъ и задумчивымъ лицомъ.

Высокій духъ Мильтона. обнаруженный имъ въ несчастіяхъ, постигшихъ его въ концѣ жизни, возбуждалъ не только удивленіе современниковъ, но вызываетъ это-же чувство въ далекомъ потомствѣ. Доказательствомъ этого послѣдняго служитъ помѣщенная въ настоящемъ номерѣ нашего журнала картина изъ австрійскаго художественнаго отдѣла на нынѣшней парижской всемірной выставкѣ „Мильтонъ, диктующій своей дочери поэму Потерянный Рай“. Предметъ, дѣйствительно достойный вдохновенія художника. Поэтъ погруженъ въ мракъ, но умственное зрѣніе его открыто. Самое несчастіе Мильтона какъ бы оберегало его геній. Видимый міръ былъ для него закрытъ, но за то, по словамъ Маколея, „никому не удалось такъ передать намъ виды и звуки иного міра, какъ передалъ ихъ знаменитый авторъ поэмы „Потерянный Рай“. Мильтону—и одному Мильтону извѣстна была тайна громадныхъ пропастей, сѣрнаго потока, огненнаго океана, дворцовъ адскихъ властителей, дворцовъ, блиставшихъ сквозь вѣчный мракъ, тихаго уединенія Эдема, гдѣ Ангелы охраняли сонъ первой любящейся четы; ему одному открыта была тайна адамантовыхъ портиковъ, яшмоваго моря, сапфироваго пути, усѣяннаго небесными розами, и небесныхъ гимновъ, воспѣваемыхъ несмѣтными сонмами блестящихъ херувимовъ“.

Картина, рисунокъ съ которой помѣщенъ въ этомъ номерѣ „Нивы“, не даромъ удостоилась на всемірной выставкѣ въ Парижѣ большой почетной медали. Всякій, даже незнакомый съ біографіею Мильтона, пойметъ душевное состояніе всѣхъ лицъ, представленныхъ на этой картинѣ. На лицѣ поэта напечатлѣна непреклонная сила воли и упорная работа мысли. Одна изъ дочерей пишетъ подъ его диктовку, съ недовольнымъ видомъ вслушиваясь въ его слова; другая ждетъ своей очереди смѣнить сестру, и по ея сердитому, почти враждебному взгляду на отца, видно, что это занятіе ей далеко не по сердцу. Это должно быть тѣ дочери Мильтона, Марія и Дебора, которыя были озлоблены на него за скучныя съ нимъ занятія по чтенію книгъ и письму подъ диктовку его поэмы. Старшая дочь, Анна, какъ уже было упомянуто, не страдавшая, подобно ея сестрамъ, и потому не имѣвшая повода къ раздраженію, сохранила болѣе нѣжныя отношенія къ отцу; это видно изъ того взгляда полнаго участія, какимъ она смотритъ на напряженное лицо отца, оставивъ свое вышиваніе, а съ его устъ, вотъ сейчасъ, сейчасъ, готовы сойти слова, которымъ суждено безсмертіе.

Само собою разумѣется, что поэма Мильтона *„Потерянный Рай“* давно сдѣлалась достояніемъ всѣхъ европейскихъ литературъ. На французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ есть нѣсколько прекрасныхъ переводовъ этой поэмы, такъ какъ въ каждомъ новомъ поколѣніи находится довольно любителей высокой поэзіи классическихъ произведеній. За границей классическіе авторы издаются съ изысканной роскошью. Въ Россіи такихъ изданій еще не много, но въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ роскошное изданіе *„Потеряннаго“* и *„Возвращеннаго Рая“* Мильтона, съ 50 картинами Густава Доре.

Не безъинтереснымъ считаемъ сообщить здѣсь свѣдѣнія объ этомъ изданіи. Форматъ изданія *in folio*. Богатый стампъ для переплета рисованъ художникомъ И. Пановымъ и гравированъ въ Лейпцигѣ; превосходные бумага и шрифтъ сдѣланы спеціально по заказу именно для этого изданія. Такъ какъ существующіе русскіе переводы „Потеряннаго Рая“ далеко неудовлетворительны, то для этого изданія былъ сдѣланъ новый переводъ обѣихъ поэмъ Мильтона „Потеряннаго“ и „Возвращеннаго Рая“; и подъ русскимъ переводомъ напечатанъ подстрочный англійскій текстъ. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ „Нивы“, картину, изображающую Мильтона во время диктованія имъ



**Финляндскій берегъ близь Выборга.** Ориг. рис. Г. Урлаубъ, грав. Тилэ.



Всемірная выставка въ Парижѣ. Русскій художественный отдѣлъ: Въ пріемной доктора. Картина М. Маковскаго. рис. на деревѣ И. Земцевъ, грав. Шиблеръ.

своей поэмы, мы даемъ также мѣсто и одному изъ роскошныхъ рисунковъ Густава Дорэ, украшающихъ вышеупомянутое изданіе этой поэмы на русскомъ языкѣ.

Картина изображаетъ Адама и Евву въ Раю; они видятъ приближеніе Ангела, который былъ посланъ съ неба для предостереженія нашихъ прародителей отъ угрожающей имъ опасности искушенія. Адамъ предчувствуетъ, что этотъ небесный посланникъ идетъ не напрасно, онъ говоритъ Еввѣ: „Спѣши сюда, Евва: взгляни, тамъ на востокѣ, между деревьями, какое чудное существо приближается сюда! Какъ будто среди дня восходитъ вновь свѣтлое утро. Быть можетъ этотъ посланникъ несетъ намъ важное велѣніе съ Неба и удостоитъ быть сегодня нашимъ гостемъ“. Этотъ Ангелъ посвящаетъ Адама въ величайшія тайны. Величественный и поэтическій разсказъ Ангела о сотвореніи міра, въ VII пѣснѣ, принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ поэмы.

На приготовленіе и составленіе вышеупомянутаго изданія Мильтона на русскомъ языкѣ было употреблено болѣе двухъ лѣтъ. Это роскошный альбомъ, который можетъ составить украшеніе какъ самой серьезной библіотеки, такъ и самой изящной гостиной. Къ сожалѣнію мы еще довольно скупы, когда дѣло идетъ о покупкѣ дорогого изданія. Многимъ еще у насъ ничего не стоитъ бросить двадцать пять рублей на бонбоньерку, но истратить такія деньги на книгу, заключающую въ себѣ высшее и благороднѣйшее проявленіе человѣческаго духа и совмѣстныя усилія издателя и его сотрудниковъ по изданію, требующему большой траты труда и времени—рѣшатся немногіе. Поэтому у насъ такъ и рѣдки подобныя изданія. Вмѣсто бездѣлушекъ и бонбоньерокъ, хотя бы для праздничныхъ подарковъ не лучше ли было бы вспоминать по временамъ о начинающихъ и у насъ появляться роскошныхъ изданіяхъ, которыя, удовлетворяя чувству изящнаго, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ богатую пищу уму и сердцу.

Ш.

# Къ рисункамъ.

## Парижская Всемірная Выставка.

Въ свое время мы давали нашимъ читателямъ отчеты о всѣхъ художественныхъ отдѣлахъ Парижской Всемірной Выставки и помѣщали, по мѣрѣ возможности, рисунки фасадовъ зданій, снимки съ картинъ и статуй, обращающихъ въ томъ или другомъ отношеніи на себя вниманіе цѣнителей изящнаго. Теперь намъ остается только дѣлать добавленія къ тому, что мы уже имѣли случай помѣстить. На этотъ разъ мы даемъ рисунокъ со статуи Барцели „Моисей“ и не безъинтереснымъ считаемъ привести отзывы нѣкоторыхъ французскихъ критиковъ о скульптурѣ итальянцевъ. Они говорятъ, что въ скульптурѣ Итальянцы положительно являются учителями, и лучшихъ практиковъ въ этомъ искусствѣ не существуетъ. Только они умѣютъ такъ обработывать мраморъ, придавать ему блескъ шелка, дѣлать изъ него самыя тонкія кружева, передавать въ немъ ткань одежды.

Но, по ихъ замѣчанію, Итальянцы не успѣваютъ, такъ сказать, въ крупныхъ вещахъ, въ выраженіи болѣе сильныхъ движеній, болѣе глубокой мысли; и на оборотъ, что касается изящества, прелести, нѣжности въ искусствѣ, то здѣсь, въ этомъ случаѣ, они являются такими мастерами, которые восхищаютъ всѣхъ.

Число Итальянскихъ картинъ и статуй на Всемірной Выставкѣ нынѣшняго года, какъ мы тоже говорили въ нашихъ статьяхъ, значительно менѣе числа картинъ и статуй, бывшихъ на Вѣнской выставкѣ 1873 г. Италія на нынѣшней выставкѣ предстала всего съ 190 картинами и 180 произведеніями скульптуры, тогда какъ на Вѣнской она имѣла 340 картинъ и 250 статуй. Въ картинахъ Итальянскаго художественнаго отдѣла встрѣчается много сюжетовъ, взятыхъ изъ другой жизни и мало такихъ, которыя бы имѣли предметомъ жизнь родной стороны, такъ напр. тутъ имѣются восточныя сцены Пазини, парижскіе и лондонскіе виды Натиса, Пагліони и Дитіони прислали портреты Жозефины, одинъ вмѣстѣ съ Наполеономъ. (Въ нашемъ журналѣ также помѣщенъ былъ рисунокъ, съ картины Дитіони.) При сравненіи національныхъ художественныхъ отдѣловъ бросается въ глаза богатство Испанскаго отдѣла. Лучшими художниками въ немъ являются Фортуни, Мадраццо Рико, но первенство принадлежитъ Фортуни. Испанцы, поистинѣ, могутъ гордиться имъ, его художественными созданіями, въ которыхъ, какъ говорятъ, даже самые недостатки возбуждаютъ изумленіе. Краски такъ и блещутъ, сила такъ и сказывается во всемъ.

Отзывы о нашемъ русскомъ художественномъ отдѣлѣ продолжаютъ быть благопріятными и, напримѣръ: портретъ г. Толстого работы Крамскаго находятъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ портретовъ на Выставкѣ. Многимъ нравится „Ледяной домъ“, Якоби, Максимова „Раздѣлъ имущества въ крестьянской семьѣ“ (была помѣщена у насъ въ журналѣ). Нѣкоторыя изъ картинъ въ русскомъ отдѣлѣ на выставкѣ нашли себѣ покупателей. Въ этомъ № Нивы мы прилагаемъ снимокъ съ картины В. Маковскаго „Въ пріемной доктора“, находящейся также на Парижской Выставкѣ. Всѣ произведенія этого художника отличаются необыкновенной передачей типовъ; каждое лицо говоритъ за себя; читатели наши могутъ убѣдиться въ этомъ и по настоящему рисунку, хотя, само собой, онъ не даетъ еще полнаго представленія о красотахъ подлинника. Содержаніе картины ясно съ перваго на нее взгляда: въ пріемной доктора собрались паціенты и ждутъ каждый своей очереди—пройти въ его кабинетъ. Это ожиданіе или вѣрнѣе сказать, состояніе духа каждаго изъ ожидающихъ и составляло задачу художника. Не останавливаясь на второстепенныхъ фигурахъ картины (исполненныхъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ) обратимъ вниманіе на главную фигуру картины—фигуру священника. Овъ, видимо даетъ „совѣты врачеванія“ старушкѣ, около него стоящей. Обѣ эти фигуры, и старушка и священникъ. полны удивительной правды и художественной красоты.

Объ Американцахъ на выставкѣ говорятъ, что Соединенные Штаты уже слишкомъ много работаютъ локомотивовъ, чтобы могли оказать вниманіе Апполону Бельведерскому, еслибъ это чудо искусства попало въ Нью-Іоркъ вмѣсто того, чтобы, такъ сказать, освящать собою Ватиканъ. Американцы навѣрно устроили бы тогда лотерею и продали его по частямъ. Блестящимъ образомъ заявила о себѣ на выставкѣ американская промышленность отъ самыхъ большихъ по своимъ размѣрамъ машинъ до самыхъ крохотныхъ. Здѣсь есть все, начиная отъ зубочистки или машинъ для приготовленія окороковъ и для высиживанія цыплятъ до колоссальной машины, пробуравливающей тоннели въ самыхъ твердыхъ горныхъ породахъ. Заявилъ себя въ этомъ отношеніи и англійскій отдѣлъ, а англійскія земледѣльческія машины рѣшительно не имѣютъ себѣ соперниковъ. Сравнивая англійскія и американскія машины, компетентные въ этомъ дѣлѣ лица утверждаютъ, что англійскія машины прочнѣе американскихъ. Американскія же имѣютъ только преимущество дешевизны, которая въ свою очередь прекрасное качество, дозволяющее болѣе частыя замѣны. Въ англійскомъ отдѣлѣ возьмемъ для примѣра молотилку. Она принимаетъ цѣлые снопы связанныхъ колосьевъ, сама развязываетъ ихъ, отрѣзываетъ солому отъ колосьевъ, затѣмъ молотитъ послѣдніе, отдѣляетъ зерна отъ постороннихъ веществъ. Рядомъ съ молотилкой на выставкѣ стоитъ мукомолка, и эта машина остроумнаго устройства, она въ видѣ локомотива и можетъ работать на самомъ мѣстѣ жатвы. Отапливается соломой. Обратимъ также вниманіе въ англійскомъ машинномъ отдѣлѣ на стереотипную „Инграмъ“ Бристера. Внѣшняго блеску въ этой машинѣ мало, но за то это чрезвычайно солидная вещь. Качество и разнообразіе работъ этой машины Инграмъ удивительны. Предназначенная для печатанія самаго большого въ мірѣ Иллюстрированнаго журнала, машина эта имѣетъ въ себѣ все необходимое на всякій случай. Достаточно поднять рычагъ и plieuse перестанетъ дѣйствовать безъ остановки машины. Опустите другой рычагъ, машина не только будетъ складывать, но даже вкладывать внутрь № прибавленіе. Опустите третій рычагъ, машина будетъ складывать только половину экземпляровъ; четвертый—только $^2/_3$.

Практика показала, что кромѣ совершенства аппарата распредѣляющаго краску, необходимо, чтобы клише не было изогнуто по маленькому радіусу. Въ Инграмѣ цилиндръ для иллюстрацій вмѣщаетъ 36 страницъ только рисунковъ. Его діаметръ около метра. Цилиндръ для текста нѣсколько меньше и оба перемѣнные. Такимъ образомъ можно ставить оба текстовые цилиндра или мѣнять ихъ по требованію.

Здѣсь кстати будетъ привести еще о чудесныхъ машинкахъ относящихся также къ печатному дѣлу. Машинки эти обращаютъ на себя вниманіе своимъ чрезвычайнымъ удобствомъ. Онѣ находятся въ Голландскомъ отдѣлѣ и назначеніе ихъ—складываніе листовъ и брошюровка. Размѣры ихъ небольшія, и быстрота и отчетливость удивительныя. На платформу машины кладется листъ бумаги. Ножи увлекаютъ его вправо, влѣво, внизъ и т. д. Стоитъ нажать пуговку—и особая игла сшиваетъ листъ или отдѣльно, или подшиваетъ къ другимъ. Необходимо только листы класть ровно, и работа машинки превзойдетъ самаго ловкаго брошюровщика.

Взаключеніе нашей настоящей статьи сообщимъ объ обращающемъ на себя всеобщее вниманіе замѣчательномъ открытіи и, вдобавокъ нашего соотечественника, — именно объ изобрѣтеніи электрическаго свѣта Яблочковымъ. На фронтонѣ одного изъ павильоновъ красуется надпись „Societé génerale d'electricité procédés de Iablotchkoff“ и въ этомъ павильонѣ производятся ежедневные опыты. Говорятъ, что къ изобрѣтателю постоянно являются съ предложеніями, и въ настоящее время изобрѣтеніе Яблочкова нашло уже примѣненіе не только въ Парижѣ но и въ другихъ большихъ городахъ Европы: въ Лондонѣ, Брюсселѣ, Мадритѣ, являются требованія даже изъ Америки. Часъ горѣнія его электрическаго фонаря обходится всего, говорятъ, копѣекъ до 30 не болѣе.

Какъ вообще бываетъ на свѣтѣ, а въ особенности у насъ русскихъ—изобрѣтеніе нашего соотечественника не вводится пока у насъ, да не только не вводится, но даже и на всемірной парижской выставкѣ это изобрѣтеніе не нашло себѣ мѣста у своихъ: г. Яблочковъ выставилъ свой свѣтъ у французовъ, а не въ русскомъ отдѣлѣ. Для иностранцевъ это отчужденіе русскаго отъ русскихъ служитъ предметомъ удивленія и многоразличныхъ толковъ; для насъ русскихъ это—явленіе обыкновенное. Бьется русачёкъ, колотится туда-сюда съ своимъ изобрѣтеніемъ—нѣтъ ему ходу; повздыхаетъ онъ, да и уйдетъ къ чужимъ. Глядишь, чужіе то оказываются разумнѣе. Другой русачёкъ увидитъ такое бѣгство своего отъ своихъ, повздыхаетъ тоже съ пріятелемъ, погорюетъ, поохаетъ и заключитъ въ концѣ-концовъ свое гореванье и оханье тѣмъ, что, наливъ пріятелю десятый стаканъ чаю, со вздохомъ скажетъ:

— Кушайте, Потапъ Миронычъ: не наше дѣло!..

Вотъ, это-то классическое слово: „не наше дѣло" и тормозятъ русскую жизнь вездѣ, и въ искусствѣ, и въ промышленности, и въ торговлѣ.

## Природа Финляндіи.

Пространство земли, называемое, соотвѣтственно своимъ характернымъ физическимъ и этнографическимъ признакамъ, *Финляндіей*, лежитъ между 59° 50′ до 68° 25′ сѣверн. широты и 19° 16′ до 31° 23′ восточн. долготы (предполагая отъ Гринвича). Къ сѣверу, Финляндія граничитъ съ Норвегіей, именно тамъ, гдѣ естественную границу составляетъ рѣка Тана, впадающая въ заливъ того же имени. Къ востоку границу ея составляетъ водораздѣлъ между Сѣвернымъ океаномъ и Ботническимъ заливомъ; сѣверо-восточная граница Финляндіи—Архангельская губернія; затѣмъ восточную границу дополняетъ Олонецкая губернія, юго-восточную же Петербургская губернія, прежде называвшаяся, какъ извѣстно, Ингерманландіей; здѣсь граница захватываетъ для Финляндіи часть Ладожскаго озера; затѣмъ, южную границу Финляндіи составляетъ Финскій заливъ, западную—Ботническій. О геологическомъ происхожденіи той площади, на которой расположена Финляндія, можно составить себѣ довольно ясное представленіе. Очевидно, Финляндія составляетъ дно бывшаго здѣсь моря; постепенно поднималась она изъ этого моря въ видѣ острововъ, представлявшихъ, приблизительно, тотъ же видъ, въ какомъ представляется намъ теперешній Аландскій архипелагъ. И медленный процессъ обмелѣнія Балтійскаго моря или, что тоже, процессъ постепеннаго поднятія Балтійскаго берега, продолжается и до сихъ поръ, такъ что, несомнѣнно наступитъ нѣкогда время, когда явится перешеекъ суши по линіи Аландскихъ острововъ, а часть Ботническаго залива, къ сѣверу отъ Або, будетъ просто составлять большое озеро, напоминающее своею формою какое-либо изъ многихъ озеръ, покрывающихъ теперь Финляндію.

Но теперь море обмываетъ Финляндію всецѣло съ двухъ сторонъ—со стороны Финскаго и Ботническаго заливовъ. Интересно, что глубина Ботническаго залива весьма разнообразна, что опять таки геологически объясняется медленно совершающимся процессомъ обмелѣнія моря и подниманія морскаго дна. Вообще же нужно замѣтить, что такъ называемая юго-восточная часть Балтійскаго моря значительно глубже, чѣмъ его сѣверо-западная часть. Извѣстно всѣмъ мелководье нашей Кронштадтской бухты, представляющей самую восточную бухту Финскаго залива. Оба залива (и Ботническій и Финскій) до такой степени щедро снабжены островами и островками, что другого подобнаго примѣра не представляется уже во всемъ мірѣ. Весь берегъ Финскаго залива представляется въ высшей степени выемчатымъ и зазубреннымъ; выемки идутъ въ направленіи, параллельномъ берегу. И въ этомъ своеобразномъ очертаніи ясно представляется упорная и ожесточенная, хотя и весьма продолжительная, борьба суши съ моремъ. Суша, не смотря на жестокое сопротивленіе моря, осталась побѣдительницею и, какъ мы сказали выше, на основаніи наблюденій, нужно ждать того времени, когда шведскій берегъ соединится, посредствомъ перешейка, съ берегомъ Финляндіи. Группа Аландскихъ о-вовъ, какъ сказано выше, представляетъ первое основаніе для будущаго образованія перешейка.

Кстати объ этой группѣ острововъ. Политически она принадлежитъ къ Финляндіи, географически же—къ Швеціи. Изъ числа ихъ, доходящаго до 200, обитаемы только 80.

Всѣ большія скалы и скалистыя плато Финляндіи доходятъ до высоты 130—200 метровъ надъ поверхностію моря. Замѣчательно, что въ Финскомъ заливѣ скалы поднимаются изъ моря крутѣе и отвѣснѣе, чѣмъ въ заливѣ Ботническомъ. И затѣмъ въ Финскомъ же заливѣ высота скалъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Касательно, вообще, поднятія берега Финляндіи и обмелѣнія Балтійскаго моря (о чемъ уже упомянуто было выше) замѣчено, что теперь уже довольно *далеко* отстоятъ отъ морскаго берега тѣ деревушки, которыя, 100 лѣтъ тому назадъ, находились на самомъ берегу моря. Если же Финляндія и теперь представляетъ зрѣлище постояннаго *подниманія изъ моря*, то геологи весьма основательно полагаютъ, что было нѣкогда время, когда нашъ Финскій заливъ соединялся съ Бѣлымъ моремъ. Касательно же внутренняго дѣятеля, который обусловливаетъ собою подниманіе Финляндіи, существуютъ различныя мнѣнія. Одни (какъ, напримѣръ, ученый Фишеръ) говорятъ, что Финляндія поднялась изъ моря отъ дѣйствія подземнаго вулканическаго огня, и что всѣ озера Финляндіи представляютъ собою остатки моря, нѣкогда покрывавшаго сѣверъ Европы. Другіе, напримѣръ Д-ръ А. Берггаузъ и профессоръ Шмикъ, думаютъ, что на поднятіе Финляндіи изъ моря вліяли, въ теченіе многихъ лѣтъ, солнце и луна (своимъ притяженіемъ). Этотъ взглядъ новый и оригинальный и имѣетъ уже за себя значительное число сторонниковъ.

Изъ горъ Финляндіи на сѣверѣ представляется важнѣйшимъ отрогъ Норвежскаго горнаго хребта, спускающагося изъ Норвегіи къ юго-востоку. Этотъ отрогъ называется *Маанселькё* и обусловливаетъ собою водораздѣлъ между Балтійскимъ и Бѣлымъ морями. И этотъ хребетъ, въ свою очередь, посылаетъ второстепенные горные отроги въ Финляндію по всѣмъ направленіямъ. Два изъ этихъ отроговъ тянутся до сѣвернаго берега Ботническаго залива. Отдѣльные отроги горъ разграничиваютъ собою и отдѣльныя области, какъ-то: *Остерботтенъ*, *Карелію*, *Савелаксъ*, *Тавастландъ* и *Сатакунду*. Отъ этихъ-то отдѣльныхъ отроговъ расходятся, въ свою очередь, во всѣ стороны возвышенія, увѣнчанныя дѣвственными лѣсами. Отъ этого Финляндія представляется одною изъ самыхъ живописныхъ странъ въ мірѣ. Путешественникъ буквально непрерывно переходитъ съ высоты на высоту, отъ озера къ озеру, отъ лѣса къ лѣсу. То, что мы называемъ равнинами, находится въ Финляндіи только на западной сторонѣ и около Або (на юго-западѣ), но чѣмъ дальше подвигаешься на сѣверъ Финляндіи, тѣмъ песчанѣе становится земля и тѣмъ болѣе встрѣчается болотъ, но за то уменьшается число озеръ. Отъ различныхъ разветвленій упомянутаго выше горнаго хребта Маанселькё зависитъ и различіе водныхъ системъ, которыя, однако, не всегда, въ строгомъ смыслѣ, раздѣлены между собою.

Всѣ берега озеръ и моря въ Финляндіи состоятъ изъ громадныхъ массъ гранита и гнейса, часто представляющихъ собою самыя причудливыя формы. Гранитныя массы и скалы часто представляютъ собою настоящій лабиринтъ. И эти гранитные берега многочисленныхъ озеръ всегда увѣнчаны великолѣпными стройными соснами и могучимъ березнякомъ. Все это отражается въ голубыхъ водахъ озеръ и представляетъ зрителю чарующій, романтичный, меланхолическій видъ. Часто видишь огромные древесные стволы, сраженные когда-то бурею... Они уже полузаросли изумруднымъ покровомъ мховъ... Новая жизнь уже давно возникла на тлѣющихъ остаткахъ этихъ стволовъ. Благодаря массѣ образующагося отъ разложенія первобытныхъ деревъ перегноя, въ Финляндіи и растутъ на гранитѣ цѣлые мощные лѣса, возобновляющіеся поколѣніе за поколѣніемъ. Къ особенно восхищающимъ, по живописности, пейзажамъ Финляндіи принадлежатъ мѣстности *Кангасала*, *Пойогуель* (при Куопіо) и *Авасакса*.

Рѣкъ въ Финляндіи много, но почти всѣ онѣ не судоходны, потому что часто образуютъ водопады и, еще чаще, опасные водовороты, обусловливаемые стѣснившимися скалами. Между многочисленными водопадами—знаменитый въ Финляндіи—*Иматра*. (Въ „Нивѣ" было подробное описаніе этого водопада въ 1877 г. см. № 30 стр. 478) Сами финляндцы называютъ этотъ водопадъ однимъ изъ *чудесъ свѣта*. Громъ и ревъ этого ревущагося великана съ какимъ-то торжественнымъ величіемъ раздается въ пустынной окрестности. Такой же меланхолическій величавый характеръ имѣютъ и другіе финляндскіе водопады, хотя въ гораздо меньшей степени. Въ теченіе лѣта, особенно въ настоящее время, когда въ Финляндію проведена желѣзная дорога, приморскіе пункты Финляндіи представляются весьма оживленными. Пароходы то и дѣло снуютъ отъ гавани къ гавани. Хорошихъ гаваней природа дала Финляндіи значительное число, и собственно расходы на фрахтъ, при перевозкѣ товаровъ изъ гавани въ гавань, представляются гораздо болѣе дешевыми, чѣмъ провозъ тѣхъ же товаровъ по желѣзной дорогѣ. Отъ этого-то перевозка товаровъ въ Финляндіи и совершается большею частью моремъ. Но зимою внутреннія части морскихъ бухтъ замерзаютъ,—и это оттого, что содержаніе соли въ Балтійскомъ морѣ весьма незначительно. Сѣверная часть Ботническаго залива замерзаетъ зимою даже до такой степени, что по льду можно перевозить огромнѣйшія тяжести. Собственно же ледъ нашего Финскаго залива можетъ дозволять сообщеніе зимою на саняхъ.

Рисунокъ, по поводу котораго мы сообщили все вышеизложенное, изображаетъ видъ берега Финляндіи близь Выборга. Унылая избушка, покосившись, приютившая на прибрежныхъ валунахъ залива, придаетъ этому виду много грустнаго оттѣнка. **Стр.**

## Похороны Патріарха Іоакима II.

Помѣщаемый въ этомъ № „Нивы" рисунокъ изображаетъ поклоненіе тѣлу константинопольскаго патріарха Іоакима II, умершаго 6-го (18-го) августа текущаго года. Онъ скончался на 87 году жизни. Этотъ патріархъ былъ единственнымъ послѣ Германа I, умершимъ на патріаршемъ тронѣ. Патріархи константинопольскіе по большей части оканчивали дни своей жизни въ изгнаніи. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно пред-

ставить что либо болѣе противоположное одно другому, какъ служеніе патріарха дѣлу своей религіи и сохраненіе добрыхъ отношеній къ султану, во всякомъ случаѣ—врагу христіанства. Іоакиму II тѣмъ болѣе выпала трудная задача, что въ послѣдніе годы его жизни христіане вели продолжительную войну съ магометанами. Начиная съ герцеговинскаго возстанія и кончая русско-турецкой войной, во все это время умершій патріархъ, можно сказать, не зналъ покоя, находясь постоянно между двумя огнями. Однакожь, нужно замѣтить, что покойный патріархъ умѣлъ какъ-то удержаться на своемъ мѣстѣ и не только не потерпѣлъ изгнанія, но даже оставался все время въ добрыхъ отношеніяхъ къ султану. Не такова была участь его соименника Іоакима I, константинопольскаго патріарха. Этотъ патріархъ (управлявшій Константинопольскою церковью въ XVI столѣтіи) много перенесъ преслѣдованій отъ Султана Баязета и кончилъ дни свои въ заточеніи...

Смерть застигла патріарха Іоакима II во время пребыванія его на островѣ Халки, и такъ какъ погребеніе патріарха, согласно существующимъ на этотъ предметъ порядкамъ, долженствуетъ быть исполненнымъ въ Константинополѣ, то турецкое правительство и распорядилось отправить къ острову Халки корабль, чтобы перевести смертные останки его святѣйшества въ Константинополь. Тѣло покойнаго патріарха, предварительно набальзамированное и одѣтое въ полное священное облаченіе, было посажено на тронъ (имѣющій византійскую эмблему орла съ двумя главами) и въ такомъ видѣ перенесено на корабль, который долженъ былъ перевести его въ Фанаръ—(предмѣстье Константинополя на оконечности гавани, мѣстожительство Грековъ Фанаріотовъ).

По прибытіи на мѣсто погребальной процессіи, ее встрѣтило съ подобающими церемоніями греческое духовенство, и тѣло усопшаго перенесено имъ въ церковь въ Фанарѣ, гдѣ уже было заранѣе все приготовлено къ его принятію. Въ этомъ храмѣ тѣло оставалось открытымъ въ продолженіи цѣлаго дня и ночи для желающихъ поклониться усопшему Патріарху.

Вся обстановка церкви, драпированной чернымъ, обтянутымъ вдоль стѣнъ, самый трупъ, сидящій на тронѣ и окруженный свѣчами и значительнымъ числомъ духовенства, начиная съ епископовъ и архимандритовъ и кончая иподіаконами—все представляло необыкновенное потрясающее зрѣлище и привлекло массы народа.

Въ этотъ день всѣ деревни Босфора, греческіе кварталы столицы опустѣли, и прямыя улицы Фанара были такъ наполнены народомъ, что прекращалось движеніе. Говорятъ, что любопытныхъ собралось до 100 тыс. Здѣсь же присутствовали и русскій посолъ и члены посольства и Министръ Греціи со всѣмъ персоналомъ консульства, министръ резидентъ Америки и высоко поставленные сановники Блистательной порты.

Но церемонія въ церкви Фанара и отданіе подобающихъ почестей праху умершаго патріарха не были послѣдними, и тѣло патріарха, все на томъ же тронѣ, съ тою же торжественной церемоніей и среди отряда войскъ, было перенесено въ другую церковь, а именно въ Дайа Капу (святыя ворота). За тѣмъ оно было перенесено въ церковь Св. Константина, а изъ церкви Св. Константина—въ церковь Богородицы, гдѣ уже тѣло въ послѣдній разъ было выставлено для поклоненія, передъ окончательнымъ погребеніемъ его.

Z.

# Наши сосѣди въ міровомъ пространствѣ.

## I.

Понамѣсть блестящія на нашемъ небесномъ сводѣ звѣзды считались лампадками, разсѣевающими темноту ночей, никому, конечно, и въ голову не могъ прійдти вопросъ: обитаемы или нѣтъ эти небесныя тѣла? Живутъ ли на нихъ подобные намъ люди или животныя? Но съ тѣхъ поръ, какъ распространились болѣе правильныя возрѣнія на сущность и свойства звѣзднаго міра — съ тѣхъ поръ узнали, что мерцающія точки, расположенныя, во множествѣ, на фирмаментѣ или сводѣ небесномъ, сами представляютъ собою колоссальныя, расположенныя въ міровомъ пространствѣ тѣла. Число этихъ тѣлъ, а равно и ихъ величина, громадны. И вотъ почему астрономы и поэты, наперерывъ одинъ передъ другимъ, дали волю своимъ догадкамъ и, часто, фантазіямъ, чтобы опредѣлить физическія качества этихъ отдаленныхъ міровъ, а главнымъ образомъ рѣшить вопросъ: обитаютъ ли въ этихъ мірахъ подобные намъ жители? Къ сожалѣнію, нужно признаться, что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій соображенія и мнѣнія объ этомъ предметѣ астрономовъ, въ существенномъ, едва ли чѣмъ отличались отъ фантазій поэтовъ. На сторонѣ послѣднихъ сохранялось, однако, то преимущество, что ихъ мечтанія не были такъ уродливы и лишены вкуса, какъ мечтанія астрономовъ. Да и въ самое еще недавнее время положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи было немногимъ счастливѣе. До недавняго еще времени астрономы могли съ полнымъ правомъ похвалиться точнымъ знаніемъ пространственныхъ отношеній небесныхъ свѣтилъ и взаимныхъ отношеній величины этихъ свѣтилъ. Но въ вопросѣ о физическихъ свойствахъ этихъ свѣтилъ астрономы блуждали еще въ совершенныхъ потемкахъ. Въ такомъ положеніи было дѣло 10-ть лѣтъ тому назадъ, и только въ послѣднее десятилѣтіе спектральный анализъ внесъ нѣкоторый свѣтъ въ непроглядно-темную область. Мы, правда, и въ настоящее время все таки не можемъ отвѣчать на вопросъ: обитаемо ли жителями такое-то и такое-то свѣтило; но мы все-таки съ нѣкоторою вѣроятностью, можемъ утверждать о нѣкоторыхъ звѣздахъ, что онѣ обладаютъ подходящими условіями для обитанія на нихъ живымъ существамъ. При этомъ мы должны исключить изъ круга нашего разсужденія всѣ неподвижныя или самосвѣтящіяся небесныя тѣла; ибо эти тѣла находятся въ раскаленномъ газообразномъ состояніи, и слѣдовательно, по нашимъ понятіямъ, безусловно не могутъ быть обитаемыми. О темныхъ же неподвижныхъ звѣздахъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній и, слѣдовательно, при нашемъ разсужденіи, точно также можемъ не брать ихъ въ разсчетъ. Это именно нужно сказать о безчисленныхъ группахъ планетъ 20-ти милліоновъ солнцъ нашего кольцеобразнаго млечнаго пути. Ясно, по этому, что изслѣдованіе „обитаемости" звѣздныхъ міровъ должно быть тѣсно ограничено. Въ дѣйствительности, это изслѣдованіе можетъ относиться только къ спутникамъ и под-спутникамъ нашей солнечной системы, къ планетамъ и лунамъ, ихъ сопровождающимъ.

Но прежде нежели мы войдемъ ближе къ деталямъ физическихъ качествъ отдѣльныхъ звѣздъ, представляется умѣстнымъ и полезнымъ бросить предварительный общій взглядъ на исторію происхожденія небесныхъ тѣлъ, каковою эта исторія представляется въ теоріяхъ нѣмецкаго философа Канта и французскаго астронома Лапласа.

По теоріямъ Канта и Лапласа, назадъ тому безчисленные милліоны тысячелѣтій, солнце представляло собою колоссальную шарообразную массу, состоящую изъ паровъ. Объемъ этого колоссальнаго шара далеко превосходитъ объемъ теперешняго пути Нептуна съ его поперечникомъ въ 1,200 милліоновъ миль. Этотъ громадный паровой шаръ вращался вокругъ своей собственной оси и находился, въ то же время, уже въ силу притяженія своихъ собственныхъ, составляющихъ его, молекулъ (или частицъ) въ состояніи постоянно увеличивающагося сгущенія и раскаленія. Вращеніе около оси имѣло послѣдствіемъ сплющеніе шара и образованіе исполинскаго сфероида, и затѣмъ, чѣмъ дальше шло сгущеніе паровъ шара, тѣмъ быстрѣе дѣлалось вращеніе и тѣмъ являлось большее сплющеніе шара, вызванное центробѣжною силою. Наконецъ, сплющеніе достигло такой высокой степени, что отъ самаго крайняго предѣла периферіи *) вращающагося сфероида, отдѣлилось кольцо, удержавшееся, однако, при вращеніи сфероида около оси; но затѣмъ разстояніе кольца отъ вращающейся массы (отъ которой оно отдѣлилось) дѣлалось все большимъ и большимъ, вслѣдствіе того, что сфероидъ все болѣе и болѣе сжимался, и, наконецъ, вслѣдствіе какого либо внѣшняго потрясенія, кольцо разорвалось и затѣмъ скрутилось, образовавъ свой самостоятельный сфероидъ, и этотъ сфероидъ началъ вращеніе около центральнаго большого сфероида (отъ котораго онъ отдѣлился). Но потомъ, по истеченіи цѣлаго ряда милліардовъ годовъ, *новое* кольцо отдѣлилось отъ главнаго шара или сфероида; когда разорвалось это кольцо—образовалась новая планета, и подобный же процессъ продолжался далѣе, пока, наконецъ, масса солнечнаго тѣла не пріобрѣла настолько твердую консистенцію (составъ), что образованія новыхъ колецъ и новыхъ планетъ сдѣлалось уже невозможнымъ. Но тотъ же самый процессъ, хотя, конечно, въ меньшемъ масштабѣ, совершался и съ самими планетами, въ видѣ колецъ отдѣлившимися отъ общей массы—солнца. Эти отдѣлившіяся отъ солнца сфероиды, безспорно, имѣли сначала объемъ въ милліонъ и десятки милліоновъ разъ большій, чѣмъ теперь. Этотъ объемъ уменьшился именно вслѣдствіе постояннаго сгущенія и отъ планетъ отдѣлялись кольца, образовавшія потомъ планетныхъ спутниковъ или луны. Сатурнъ представляетъ намъ собою планету, которая еще продолжаетъ существовать въ періодѣ *образованія кольца*. Кольцо на Сатурнѣ, уже давно отдѣлившееся, вслѣдствіе центробѣжной силы, представляется плоскимъ. Разрывъ же его замедляется какою либо внѣшнею причиною. Около Сатурна вращаются 8 лунъ, которыя произошли отъ прежде разорвавшихся колецъ этой планеты. Луны эти вращаются вокругъ ея съ ужасающею быстротою...

Мы должны здѣсь мимоходомъ замѣтить, что сейчасъ приведенная нами *Канто-Лапласовская* теорія происхожденія планетъ не составляетъ плодъ лишь одной ученой догадки, соображеній по аналогіи или такъ называемаго спекулятивнаго философскаго мышленія. Нѣтъ. Существуетъ даже опытъ, которымъ наглядно можно показать образованіе цѣлаго міра планетъ изъ отдѣляющихся отъ центральнаго сфероида колецъ; можно доказать даже, что и сфероидъ-то образуется изъ шаро-

*) Или просто окружности.

(Продолженіе на стр. 773, 774, 775 и 776).



**Поклоненіе тѣлу умершаго Патріарха Константинопольскаго Іоакима II, выставленному на тронѣ въ патріаршей церкви въ Константинополѣ.** По наброску Монтореано, рис. Віержъ, грав. Рашевскій.

образнаго тѣла именно вслѣдствіе вращенія. Опытъ для этого весьма простой. Берутъ въ стеклянномъ сосудѣ, напримѣръ, хотя бы въ стаканѣ, смѣсь *виннаго спирта* и *воды* и наливаютъ въ эту смѣсь *масла*. Послѣднее сейчасъ же свертывается въ шарикъ. Теперь, если, со всею осторожностью, проткнуть масляный шарикъ тоненькою проволокой, которая, въ данномъ случаѣ, образуетъ ось вращенія, и затѣмъ если вращать масляный шарикъ около этой оси (сначала медленно, а потомъ быстро), то можно увидѣть всѣ фазы интересующихъ насъ явленій: сплющеніе масляннаго шарика въ сфероидъ и отдѣленіе отъ него колецъ, такъ что въ какомъ нибудь стаканѣ съ водою какъ будто происходитъ цѣлая исторія образованія планетъ, въ миніатюрѣ. Конечно, подобный опытъ еще далеко не доказываетъ, что наша планетная система непремѣнно создалась именно такимъ образомъ; но онъ несомнѣнно доказываетъ, что система планетъ могла создаться такимъ или же подобнымъ путемъ. Вообще надо сказать, что Канто-Лапласовская теорія стоитъ въ полной гармоніи со всѣми извѣстными намъ космическими явленіями, и потому она удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ хорошей и достойной признанія гипотезы (или ученой догадки).

По смыслу сейчасъ описанной теоріи или гипотезы Канта и Лапласа, планеты должны быть настолько *старше*, насколько *больше* онѣ отдалены отъ солнца. Далѣе, вслѣдствіе этой же гипотезы, нужно принять, что старѣйшія планеты имѣютъ *меньшую быстроту* вращенія около солнца, чѣмъ планеты *младшія*. И этой гипотезѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительно наблюдаемыя взаимныя отношенія планетъ. Дѣйствительно, быстрота вращенія планетъ постоянно уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ ближнихъ къ крайнимъ предѣламъ солнечной системы, и тогда какъ самая крайняя изъ извѣстныхъ намъ планетъ солнечной системы, „Нептунъ", не пробѣгаетъ въ 1 секунду даже трехъ четвертей мили, самая младшая изъ планетъ, „*Меркурій*" пробѣгаетъ, приблизительно, $6^3/_4$ миль въ каждую секунду, во время своего вращенія около солнца. Если принимать въ разсчетъ массу и плотность, то планеты можно раздѣлить на *два* семейства или двѣ группы, строго отличныя другъ отъ друга. Въ *первое* семейство, или группу, войдутъ 4 крайнія отдаленныя планеты: *Юпитеръ*, *Сатурнъ*, *Уранъ* и *Нептунъ*; во *второе* семейство войдутъ 4 ближайшія, или внутреннія относительно положенія въ солнечной системѣ, планеты: *Меркурій*, *Венера*, *Земля* и *Марсъ*. Къ *первому* семейству принадлежатъ огромнѣйшія планетныя массы, но съ *относительно малымъ* удѣльнымъ вѣсомъ; ко *второму* семейству наоборотъ, принадлежатъ относительно *малыя* планетныя массы, но съ *большимъ* удѣльнымъ вѣсомъ. Самая малая изъ отдаленнѣйшихъ (1-го семейства) планетъ, все-таки, относительно своей массивности, въ 88 разъ больше, чѣмъ наибольшая изъ ближайшихъ къ солнцу, или внутреннихъ планетъ (2-го семейства). Но на оборотъ, по удѣльному вѣсу, даже самая легкая изъ внутреннихъ планетъ, именно *Марсъ*, все-таки представляется сравнительно *втрое* болѣе тяжелою, чѣмъ самая тяжелая изъ внѣшнихъ, отдаленныхъ отъ солнца, планетъ (1-го семейства). Такое взаимное отношеніе планетъ въ высшей степени замѣчательно. Нужно принять, что между періодомъ выдѣленія изъ солнечнаго шара планеты *Юпитеръ* до образованія планеты *Марсъ*, былъ періодъ важнаго превращенія, какое потерпѣло само солнце, и это превращеніе своею интенсивностью и громадно-величественнымъ характеромъ превзошло все, что происходило раньше и позднѣе, съ нашимъ дневнымъ свѣтиломъ. Во всякомъ случаѣ, скачокъ отъ исполински-громадной планеты „*Юпитеръ*", къ болѣе чѣмъ въ 5,000 разъ меньшей планетѣ „*Марсъ*" слишкомъ уже великъ, и радикальная разница, выступающая съ тѣхъ поръ во всей природѣ вновь являющихся планетъ (сравнительно съ прежними) слишкомъ уже поразительна; такъ что должна существовать особая причина этой важной перемѣны. Вѣроятно во время, раздѣляющее возникновеніе того и другого семейства планетъ, произошелъ какой-либо громадно-величавый переворотъ, составляющій эпоху перехода отъ творчества старыхъ планетъ къ творчеству новыхъ. Еще яснѣе, чѣмъ всѣ другія явленія, доказываютъ основательность этой догадки такъ называемыя *астероиды*, или тѣ маленькія небесныя тѣла, которыя, въ началѣ текущаго вѣка, еще были совершенно неизвѣстны ученому міру, но которыхъ въ настоящее время уже открыто до 182! Но вѣроятно число астроидъ составляетъ легіонъ, и онѣ сосредоточены въ небесномъ поясѣ между *Марсомъ* и *Юпитеромъ*, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ при нормальномъ развитіи (т. е. путемъ образованія, отдѣленія и разрыва кольца) должна была бы произойдти планета. Чтобы удобнѣе понять это, нужно замѣтить, что относительно разстояній между отдѣльными планетами существуютъ извѣстные постоянные законы, такъ что *разстоянія планетъ отъ солнца, измѣренныя, примѣрно, милями, суть члены геометрической прогрессіи*. Но эта прогрессія представляетъ пробѣлъ между Марсомъ и Юпитеромъ. Здѣсь недостаетъ *одного* члена прогрессіи, бывшей до сихъ поръ правильною, и этотъ пробѣлъ столь поразителенъ и столь бросается въ глаза, что *еще за долго до открытія первой астероиды*, множество астрономовъ пустились на ревностные поиски планеты, которая *должна* находиться между *Марсомъ* и *Юпитеромъ*. Однако въ пространствѣ между этими планетами не нашли *большой* планеты, а нашли безчисленное множество *малыхъ*. Очевидно, что эти маленькія планеты составляютъ межевые столбы, или грани, которые поставила здѣсь творческая сила солнца, переходя отъ образованія отдаленнѣйшей группы планетъ къ образованію группы ближайшей.

Если взять въ совокупности результаты, добытые наблюденіемъ исторіи развитія планетъ, то касательно интересующаго многихъ вопроса объ ихъ *населенности*, прежде всего являются слѣдующія общія заключенія. И 4 старѣйшія вращающіяся свѣтила или планеты (1-го семейства) и 4 свѣтила младшія и меньшія, одинаково могутъ находиться и въ настоящее время въ состояніи обитаемости, т. е. годности къ обитанію ихъ живыми существами. Правда, отдаленныя планеты имѣли гораздо большій періодъ времени для своего охлажденія; но самая величина ихъ объема и ихъ массивность должны были содѣйствовать тому, что эти отдаленнѣйшія планеты не могли застыть въ бо́льшей степени, чѣмъ планеты болѣе молодыя и ближайшія къ солнцу. Задача только состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать, до какой степени, при подобныхъ условіяхъ,—и принимая съ другой стороны, въ разсчетъ качества этихъ небесныхъ тѣлъ, сдѣлавшіяся извѣстными въ новѣйшее время—до какой степени на каждой изъ этихъ планетъ сформированы условія существованія животныхъ міра или вообще органическихъ существъ.

(Продолженіе будетъ).

## Политическія и внутреннія извѣстія.

Самымъ выдающимся событіемъ въ политическомъ мірѣ за послѣдніе дни былъ несомнѣнно отказъ турецкаго правительства заключить конвенцію съ Австро-Венгріей. Вслѣдствіе этого отказа отношенія между Турціей и Австро-Венгріей принимаютъ въ высшей степени натянутый характеръ. Порта намѣрена вторымъ циркуляромъ къ великимъ державамъ предложить отмѣну постановленія берлинскаго трактата касательно занятія австрійцами Новобазарскаго округа. Она находитъ, что появленіе тамъ австрійцевъ опасно въ виду сильнаго возбужденія жителей, и предлагаетъ гарантировать безопасность проживающихъ въ этомъ округѣ христіанъ. Въ тоже время она отправляетъ въ Салоники войска, которыя, по слухамъ, должны поступить подъ начальство Османа-паши и сосредоточиться въ Коссовѣ. Передвиженіе турецкихъ войскъ въ Салоники показываетъ, что въ Константинополѣ не ожидаютъ согласія Европы на отмѣну постановленія о занятіи австрійцами Новобазарскаго округа.—И въ направленіи Греціи политическій горизонтъ тоже становится мрачнымъ. Въ турецкихъ и греческихъ кружкахъ, въ Константинополѣ, пріобрѣтаетъ почву убѣжденіе, что война между Греціей и Турціей неизбѣжна. Порта рѣшилась не дѣлать никакихъ уступокъ, развѣ только при сильномъ иностранномъ давленіи, но она убѣждена, что ни одна держава не окажетъ этого да́вленія. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что этотъ вопросъ на практикѣ будетъ разрѣшенъ какимъ нибудь движеніемъ со стороны грековъ, которые наконецъ становятся очень нетерпѣливыми. Такимъ образомъ оказывается, что теперь, какъ два года назадъ, всѣмъ государствамъ, заинтересованнымъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса, приходится быть готовыми ко всякимъ случайностямъ. Русскій посолъ при константинопольскомъ дворѣ имѣлъ у султана аудіенцію и потребовалъ отъ него принятія достаточныхъ мѣръ для охраненія христіанъ отъ мусульманскаго фанатизма въ областяхъ, очищенныхъ русскими войсками. Въ извѣстіи этомъ нѣтъ, конечно, ничего неожиданнаго. Каждый день получаются извѣстія, доказывающія безсиліе Порты въ установленіи какого нибудь порядка. Свѣдѣнія, получаемыя изъ Румеліи, тоже не представляютъ ничего утѣшительнаго. Болгары южныхъ склоновъ Балканъ, но слухамъ, намѣреваются не только протестовать противъ отдѣленія ихъ отъ сѣверной Болгаріи, но даже, въ случаѣ надобности, рѣшаются съ оружіемъ въ рукахъ противиться этому отдѣленію. Они испытали новые порядки, помнятъ старые, а потому и не намѣрены возвращаться къ безправію. Такъ разрушаются постановленія берлинскаго договора.

Исполненіе этого же договора, именно, по присоединенію Босніи и Герцеговины къ Австріи, привело эту страну въ такое ужасное состояніе, въ какомъ она теперь оказывается. Въ Австро-Венгріи въ настоящее время, говоря строго, нѣтъ установленнаго правительства, потому что министерства, вѣнское и венгерское, подали въ отставку, которая и принята императоромъ. Общеимперское министерство также находится въ крайне шаткомъ положеніи и лишилось почвы подъ собою.

Чѣмъ объяснить всѣ тѣ невѣроятныя внутреннія и внѣшнія замѣшательства, въ которыя вдругъ ввергнута Австро-Венгрія? Отвѣтъ простой: во всемъ этомъ виновата австрійская оккупація Босніи и Герцеговины. Вѣнское правительство поставлено, въ настоящее время, въ такое положеніе, что даже Тур-

ція считаетъ себя вправѣ относиться къ нему свысока, не обращая никакого вниманія ни на мобилизованную австрійскую армію, ни на дипломатическія угрозы. Такой образъ дѣйствій Порты ставитъ въ наиболѣе затруднительное положеніе, послѣ Австро-Венгріи, Англію.

Британскому правительству очень хотѣлось бы уговорить Турцію неупрямиться, но оно чувствуетъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ вліяніе его на Порту слишкомъ слабо для достиженія подобной цѣли. Султанъ столь же мало расположенъ въ настоящую минуту слушаться совѣтовъ англійскаго посла Лейярда, какъ и исполнить требованіе графа Зичи. Сознаніе этого факта придаетъ очень любопытный и поучительный характеръ тону, которымъ англійская печать пробуетъ внушить Портѣ мысль о невыгодности ссоры съ Австро-Венгріей. Въ своемъ стараніи доказать это, преданная правительству лондонская печать, очевидно, теряетъ и голову и почву подъ ногами. Она не заботится даже о соблюденіи самыхъ элементарныхъ приличій и сбрасываетъ маску, которою кое-какъ прикрывалась до сихъ поръ. Она громко объявляетъ, что Австріи вполнѣ позволительны и жестокости, и превышеніе полномочій. Все это служитъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія всякаго моральнаго права у Англіи стоять на стражѣ неприкосновенности договора, при помощи котораго надѣялась она вырвать изъ рукъ Россіи плоды побѣдъ русскихъ войскъ.

Судя по отзывамъ англійской печати, происходившее на дняхъ совѣщаніе англійскихъ министровъ объ афганскихъ дѣлахъ, не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Все ограничилось одобреніемъ образа дѣйствій индійскаго вице-короля, когда обнаружилось, что послѣдній дѣйствовалъ согласно полученнымъ имъ инструкціямъ. Что касается военныхъ дѣйствій, то рѣшено, будто бы, ограничиться до весны военною демонстраціей на афганской границѣ въ надеждѣ, что этого будетъ достаточно для того, чтобы возмутить противъ эмира его подданныхъ и вызвать низверженіе его съ престола. Немедленныя же военныя дѣйствія начнутся лишь въ томъ случаѣ, если афганскія войска нападутъ первыя на англичанъ, что весьма легко можетъ случиться въ Кветтѣ, гдѣ стоятъ гарнизономъ всего два англійскихъ батальона безъ всякихъ средствъ къ защитѣ; подкрѣпленія же къ нимъ могутъ прійти только чрезъ три недѣли, тогда какъ войска эмира могутъ явиться туда въ какіе-нибудь пять, шесть дней. При такихъ условіяхъ никакъ нельзя ручаться, что столкновеніе не произойдетъ раньше, чѣмъ это предвидится и чѣмъ этого желаетъ британское правительство.

Пренія, происходящія теперь въ германскомъ парламентѣ, представляютъ большой интересъ не для одной Германіи. Всѣ континентальныя европейскія правительства обдумываютъ мѣры для борьбы съ соціалистическою пропагандою. Германскія парламентскія пренія доставятъ богатый запасъ матеріаловъ и данныхъ для соображеній другимъ правительствамъ. Помимо этого, пренія германскаго парламента имѣютъ и политическій интересъ. Въ нихъ очень рѣзко изображается внутреннее политическое положеніе Германіи, которое, какъ это выразилось въ преніяхъ 9-го октября, въ высшей степени печально. Представители высшаго общественнаго класса заявили такую непримиримую между собою вражду, такое озлобленное недовольство, что, имѣя въ виду крайнее разъединеніе въ высшей интелигентной сферѣ, нельзя не ожидать продолженія революціонной агитаціи въ низшихъ общественныхъ слояхъ. Изъ рѣчи, сказанной въ парламентѣ княземъ Бисмаркомъ, видно, что онъ и самъ чувствуетъ, что политическая жизнь въ странѣ нездорова; въ концѣ своей рѣчи онъ умолялъ всѣ умѣренныя партіи соединиться около правительства, чтобы поддержать его въ настоящую критическую минуту. Въ этомъ воззваніи къ умѣреннымъ партіямъ князь Бисмаркъ говорилъ такимъ жалобнымъ, почти смиреннымъ тономъ, какого отъ него никогда не слыхали.

---

Страсть къ быстрой наживѣ, какъ извѣстно, властвуетъ надъ современнымъ обществомъ и лица, стоящія возлѣ денегъ ни какъ не могутъ воздержаться, чтобы не запустить руки въ чужой сундукъ. Въ послѣднихъ числахъ прошедшаго сентября въ Одесскомъ Коммерческомъ банкѣ обнаружена растрата 65000 руб. кассиромъ Эдуардомъ Шейнсомъ, который, кромѣ того, присвоилъ себѣ на 90000 руб. фондовъ. Г. Шейнсъ уже не первый изъ расхитителей чужой собственности: за послѣдніе два года ихъ можно считать уже десятками; но онъ вѣроятно и не послѣдній, и для того, чтобы подобныя преступленія не существовали, недостаточно одной закономъ утвержденной кары, нужно, чтобы въ самомъ обществѣ возрасло истинное понятіе о чести и глубокое презрѣніе къ идеаламъ быстрой наживы. А эти идеалы въ наше время въ большомъ ходу. Такъ, въ Кіевѣ въ послѣднее время все увеличивается число банкротствъ, которыя парализируютъ въ свою очередь торговую дѣятельность города. Причину несостоятельностей нѣкоторые видятъ въ общемъ финансовомъ кризисѣ; другіе относятъ ее тому обстоятельству, что наши общественные банки перестали такъ щедро, какъ прежде, выдавать въ ссуду свои капиталы.

Наконецъ, ѣдущіе въ Сибирь могутъ уже отъ Перми до Екатеринбурга отправляться по желѣзной дорогѣ, такъ какъ съ 1 Октября открылось правильное пассажирское и товарное движеніе по этой дорогѣ.

Чрезъ Неву въ Петербургѣ предполагается построить еще постоянный мостъ, кромѣ Николаевскаго и Литейнаго. Новый мостъ долженъ замѣнить нынѣшній дворцовый. Согласно проэкту, мостъ будетъ состоять изъ двухъ участковъ, первый чрезъ Больш. Неву между зимнимъ дворцемъ и биржею, а второй чрезъ Малую Неву, между биржею и Петербургской стороной. Говорятъ, что постройка моста и также набережной на Петербургской сторонѣ отдана англійскому обществу.

Для пособія нуждающимся солдатамъ, пострадавшимъ въ послѣднюю войну, въ настоящее время открыта контора, въ которую они могутъ обращаться съ предложеніемъ услугъ. Число явившихся уже очень значительно. Они могутъ занимать должности курьеровъ, церковныхъ сторожей, кондукторовъ, швейцаровъ, приказчиковъ въ домовыхъ конторахъ и т. п.

На сооруженіе Инвалиднаго дома въ Петербургѣ, о которомъ мы уже въ свое время сообщали, внесено по 28 Сентября всего 130,110 руб. 61 коп.

Въ будущемъ году въ Петербургѣ соберется конгрессъ для обсужденія средствъ къ установленію единой системы мѣры и вѣсовъ. Конгрессомъ будетъ обсуждаться вопросъ и объ одинаковомъ времяисчисленіи.

Въ настоящее время проэктируется введеніе въ Россіи табачной монополіи. Проэктъ этотъ врядъ ли можетъ быть названъ счастливой мыслію, такъ какъ всякая монополія есть явленіе неестественное, насильственное и всегда сопровождается печальными результатами. Россія испытала это уже на винныхъ откупахъ.

С.-Петербургскій городской голова Н. И. Погребовъ заявилъ городской думѣ рѣшительное намѣреніе оставить свою должность, въ которой онъ прослужилъ 18 лѣтъ.

## Смѣсь.

**Населеніе въ Остъ Индіи.** Въ Остъ Индіи подъ непосредственной властію англичанъ, исключая вассальныя государства, находится 140,500,000 поклонниковъ Брамы, около 3 мил. буддистовъ, 41 м. мусульманъ, 896,658 христіанъ, болѣе 5 мил. неизвѣстнаго вѣроисповѣданія и до 500 т. человѣкъ, не принадлежащихъ ни къ какой религіи. Изъ этого видно, что на населеніе въ 190,500,000 жит. приходится всего лишь 896,658 христіанъ, да и то около трети ихъ европейцевъ, такъ что туземцевъ, принявшихъ христіанство насчитывается не болѣе 595,805 человѣкъ.

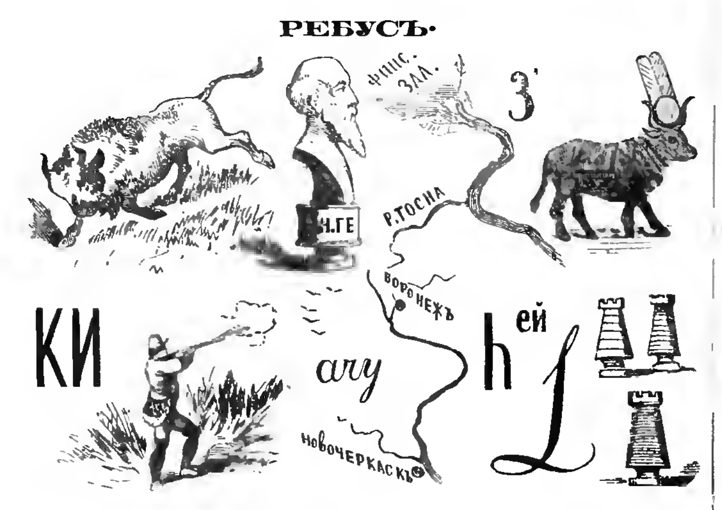
---

Приводимъ интересныя сравнительныя данныя о народномъ образованіи въ Россіи и Японіи. Болѣе чѣмъ при 85 мил. населеніи Россія имѣетъ около 24 т. народныхъ школъ съ неполнымъ милліономъ учащихся, въ Японіи-же при $33^1/_2$ мил. населенія имѣется 30 т. школъ съ 2 мил. учащихся. Что касается средствъ, которыя тратятся на народное образованіе, то, по отчету мин. нар. просв., изъ бюджета министерства идетъ 2.113.686 р., что вмѣстѣ съ земскими и другими расходами на этотъ предметъ составляетъ 5.905.803 руб. Между тѣмъ даже Италія издерживаетъ почти вдвое противъ Россіи, Швеція почти въ $4^1/_2$ раза; Данія въ 19 разъ. Цифры краснорѣчивые, доказывающіе фактами, какъ наше учебное вѣдомство не особенно спѣшитъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. Но что и земства, съ своей стороны, также не относятся очень сочувственно къ школьному дѣлу, можетъ служить подтвержденіемъ фактъ, что земства 32 губ. изъ 34, гдѣ введены земскія учрежденія, съумѣли приравнять нужды народнаго образованія, на которыя онѣ тратятъ 2.952.226 руб. къ расходамъ на своихъ членовъ управъ, которымъ онѣ даютъ 2.796.265. И эти земства, тратящія на свои нужды болѣе $2^1/_2$ мил., сплошь и рядомъ отказываютъ крестьянскимъ обществамъ въ открытіи школъ—„средствъ содержать школы нѣтъ у насъ": говорятъ онѣ этимъ обществамъ.

## Библіографія.

**Календарь-ежедневникъ на 1879 годъ**, съ отрывающимися на каждый день листками, съ приложеніемъ справочной книжки. Изданіе Эдуарда Гоппе. Цѣна 75 к. Календарь этотъ можетъ быть стѣннымъ, такъ какъ для гвоздика на верху въ картонѣ сдѣлано отверстіе. На лицевой сторонѣ подъ книжкой указаны цѣны вексельной и гербовой бумаги, а сзади на картонѣ помѣщены пожарные сигналы въ С.-Петербургѣ и такса почтовыхъ сборовъ за внутреннюю корреспонденцію. На листкахъ надписи: мѣсяцъ, число, день, церковныя свѣдѣнія и другія указанія. Напр. на листкѣ Январь 6 (18) Суббота. Богоявленіе Господне (Крещеніе). Ярмарки: въ Вологдѣ, по 1-е февраля. Въ Харьковѣ по 26-е января,—и историческія свѣдѣнія: въ 1592 г. Началась у насъ война со шведами движеніемъ войскъ къ Орѣшку. Вообще календарь этотъ довольно изященъ, красивъ, и судя по его достоинствамъ, весьма не дорогъ.

## РЕБУСЪ.




## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Кіевъ. Д. Дав—енке.** Ваши стихи никогда не найдутъ мѣста въ печати и не тратьте напрасно времени на ихъ кропанье. Какой же есть смыслъ въ такихъ, напримѣръ, словахъ:

Смѣлъ *солдатскій шагъ*,
Онъ за жизнь свою не хлопочетъ,
Узнать числа враговъ не хочетъ,
Только спроситъ, гдѣ мой врагъ?

Что же это за *шагъ*, оживотворенный вами и надѣленный такою храбростію. Побойтесь Бога!



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**



Дозволено цензурою СПБ. 12 Октября 1878.  10



№ 43 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

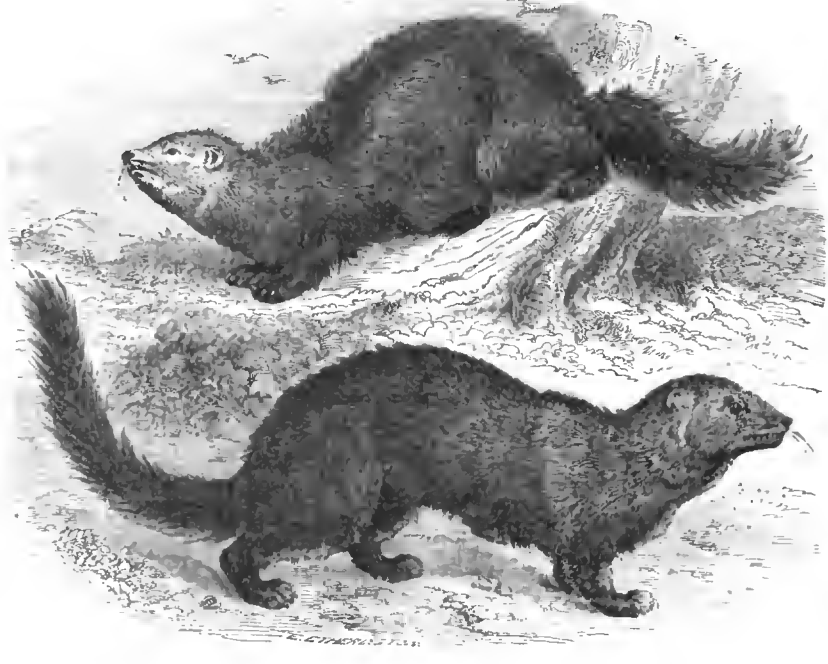
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 23 Октября 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.



## Соболь (Zibellina).

Соболь водится въ Сибири и Сѣверной Америкѣ, живетъ въ дремучихъ лѣсахъ и держится рѣчекъ. Звѣрекъ этотъ хищный, проворный и злой. Питается мелкими животными: бурундуками, мышами, птицами и яйцами ихъ. Ловитъ бѣлку и преслѣдуетъ ее даже на деревьяхъ, на которыя онъ свободно взбѣгаетъ, при помощи необыкновенно острыхъ и цѣпкихъ когтей своихъ. Бѣлка успѣваетъ спасаться отъ соболя лишь ловкими прыжками. Лѣтомъ соболь ѣстъ лѣсныя ягоды, особенно любитъ рябину, отъ которой у него дѣлается чесотка, и тогда шкура его никуда не годится. Въ дѣтствѣ соболь можетъ быть прирученнымъ, онъ привыкаетъ къ человѣку, бѣгаетъ за нимъ, какъ собачка; впрочемъ, такихъ прирученій не много: соболь преимущественно до смерти сохраняетъ свою дикость.


Сибирскіе Соболи. Рис. Фриманъ, грав. Паннемакеръ.

Гнѣздо свое соболь дѣлаетъ или на сучьяхъ дерева или въ дуплѣ его; въ продолженіе сильныхъ морозовъ лежитъ въ гнѣздѣ, какъ бы спитъ. Въ январѣ начинаетъ подниматься. Самка дѣлаетъ гнѣздо въ какомъ нибудь неприступномъ мѣстѣ, въ камняхъ, вырываетъ подъ плитою нору и родитъ (всего чаще въ апрѣлѣ) отъ 3—5 соболятъ. Дѣтеныши сосутъ матку пять или шесть недѣль, а потомъ расходятся. Къ зимѣ молодые соболи вполнѣ разви-

ваются, и на слѣдующій годъ плодятся. Соболь по землѣ бѣгаетъ такъ быстро, что никакая собака не поймаетъ его; съ удивительною проворностью взбѣгаетъ онъ на высочайшіе кедры, лиственницы и прячется въ ихъ вѣтвяхъ. Но если собака продолжаетъ его преслѣдовать и не перестаетъ лаять на него, то онъ начинаетъ прыгать съ одного дерева на другое, если деревья эти не въ далекомъ разстояніи: прыгать же слишкомъ далеко, какъ прыгаетъ бѣлка, онъ не можетъ. Проскакавъ нѣсколько времени, соболь утомляетъ собаку, такъ что та отстаетъ отъ бѣглеца. Говорятъ, что иногда орелъ схватываетъ оплошавшаго соболя когтями и разбиваетъ ему черепъ своимъ клювомъ.

Соболь покрытъ довольно высокою, густою и глянцовитою шерстью. Цвѣтъ его шерсти не повсюду одинаковъ и зависитъ отъ мѣстности, въ которой онъ живетъ. Начиная отъ Урала до рѣки Лены соболь постепенно улучшается. Отъ этой же рѣки до Восточнаго Океана ловятся превосходные соболи; знатокъ съ перваго взгляда опредѣлитъ, какой мѣстности соболь. Драгоцѣнность соболя заключается въ цвѣтѣ, густотѣ и отливѣ шерсти. Если будемъ внимательно разсматривать шкурку соболя, замѣтимъ три сорта волосъ или шерсти. Нижніе волосы, у самаго тѣла, состоятъ изъ мягкихъ, тонкихъ и густосидящихъ волосъ, которые называются *пушею*. Она бываетъ по цвѣту на каждомъ соболѣ своя, темножелтоватая, бурая, серебристо-голубоватая. Цвѣтъ пуши даетъ отливъ всей шкуркѣ. У торговцевъ онъ называется *водою* и служитъ основаніемъ въ подборѣ мѣха. Соболя одной воды не мѣшаютъ съ другою, иначе выйдетъ непріятная для глазъ разноцвѣтность. Изъ пуши выходятъ тонкіе, нѣжные волосы, цвѣтомъ отъ темножелтаго до чернаго. Они называются *подсадомъ*. Наконецъ третьи волосы, длиною отъ полутора до одного дюйма, цвѣтомъ черные или сѣдые, называются *остью*.

Соболій мѣхъ легокъ, тепелъ, красивъ на видъ и проченъ. Отъ времени и небрежности онъ сваливается въ космы и выцвѣтаетъ: изъ чернаго и лоснящагося переходитъ въ непріятно-бурый. Соболей подкрашиваютъ, но опытный глазъ легко замѣтитъ обманъ: подкрашенный соболь не имѣетъ ни глянца, ни отлива.

Иногда попадается соболь совершенно бѣлый или пѣгій, но это не особая порода, а болѣзнь кожи, какъ, напримѣръ, феноменъ природы,—„черный заяцъ“. Русскіе знатоки хорошо цѣнятъ соболей черныхъ съ темноголубою водою и съ бѣлыми волосками въ ости. Мѣхопродавцы греки, напротивъ, вырываютъ бѣлые волосы щипчиками; имъ дорога сплошная чернота шерсти безъ малѣйшей сѣдины.

Начало зимы, съ 1 октября по 15 ноября, считается лучшимъ временемъ для ловли звѣрей, потому что шерсть на звѣряхъ бываетъ въ эти мѣсяцы въ полномъ развитіи, снѣга въ лѣсахъ еще не глубоки, удобны для ходьбы и на нихъ явственно видны слѣды пробѣгающаго звѣря. Хорошій звѣровщикъ такъ искусенъ въ распознаваніи слѣдовъ, что съ перваго взгляда узнаетъ: какой звѣрь пробѣжалъ и давно-ли.

Сибиряки бьютъ соболя, какъ бѣлку—изъ винтовки. Рано утромъ выходитъ звѣроловъ изъ своего логовища съ винтовкою, собакою, сѣтями и товарищемъ. Отыскиваетъ слѣдъ соболя на снѣгу; если этотъ слѣдъ свѣжій, сегодняшній, собака пускается по слѣду, а звѣроловы идутъ за нею. Соболь, увидѣвъ своего врага, собаку, прячется куда нибудь, то подъ валежникъ, то въ дупло стараго дерева, то взбѣгаетъ на вершину кедра или сосны, лиственницы и прячется въ вѣтвяхъ. Если онъ вздумаетъ бѣжать, прыгая съ дерева на дерево, добыча пропала. Но если звѣроловъ зоркимъ своимъ глазомъ усмотритъ его между вѣтвями, тогда мгновенно поражаетъ звѣрька пулею. Если же онъ укрывается только въ вѣтвяхъ, что узнается по лаю собаки, тогда начинаютъ срубать дерево, а мѣсто, куда оно должно упасть вершиною, окружаютъ сѣтью съ колокольчикомъ. Но лишь дерево рухнуло, соболь бросается бѣжать и запутывается въ сѣть; прибѣгаютъ на звукъ колокольчика звѣровщики и убиваютъ соболя палками или прикладами. Изъ дупла выживаютъ его дымомъ. Но если укроется онъ подъ валежникъ, тогда окружаютъ это мѣсто сѣтью, растянутою по шестикамъ, а сами выжидаютъ бѣглеца иногда сутки двои. Сильный голодъ заставляетъ соболя выйти изъ убѣжища: онъ запутывается въ сѣтяхъ, и колокольчикъ извѣщаетъ звѣролововъ о добычѣ.

Близъ Байкала, по рѣчкамъ, ловятъ соболей особеннымъ способомъ. Подрубаютъ дерево, чтобы оно упало на противоположный берегъ рѣчки своею вершиною. Съ дерева срубаютъ сучья такъ, дабы образовался мостикъ на другой берегъ рѣчки. По срединѣ переправы ставятъ полукругъ на подобіе дуги, а въ срединѣ дуги устраиваютъ петлю изъ бѣлыхъ конскихъ волосъ. Къ дугѣ привязываютъ веревку, а другой конецъ ея обвязываютъ около камня; весь снарядъ помѣщается на бревнѣ. Соболь бѣжитъ по берегу рѣчки, отыскивая добычу себѣ, видитъ удобную переправу на другой берегъ, осматривается, обнюхиваетъ, и, не находя ничего подозрительнаго, бѣжитъ по бревну, попадаетъ головою въ петлю, сдергиваетъ ловушку съ мѣста: роковой камень съ веревкою падаетъ въ рѣчку и увлекаетъ за собою и ловушку, и соболя. Иногда изловленный звѣрокъ пролежитъ нѣсколько дней въ водѣ, пока придетъ звѣроловъ; тогда шкурка его отъ воды портится, а потому изъ соболей, убитыхъ этимъ способомъ и называемыхъ „мостовиками“, трудно подбирать мѣхъ.

Въ Камчаткѣ ловятъ соболей, кромѣ ловушекъ, еще другимъ способомъ: звѣроловъ ходитъ по лѣсу съ шестомъ, на концѣ котораго петелька. Если собака загонитъ соболя на низкое дерево, звѣроловъ подходитъ къ нему, накидываетъ на голову петлю и снимаетъ звѣрька съ дерева. Въ иныхъ мѣстахъ ставятъ на слѣдъ соболя петлю, привязанную концомъ къ шесту, имѣющему перевѣсъ, а на другомъ концѣ тяжесть. Соболь, попавъ въ петлю, разрушаетъ укрѣпленіе, и шестъ поднимаетъ его кверху,

Съ убитаго соболя снимаютъ шкурку, отрѣзываютъ переднія лапки, а иногда и хвостъ; потомъ выворачиваютъ ее шерстью вверхъ. Въ этомъ видѣ шкурка засыхаетъ сама собою.

Въ декабрѣ или позднѣе выходятъ „бродячіе“ (инородцы) на годовыя сборныя мѣста. Торговцы получаютъ отъ „бродячихъ“ шкурки звѣрей и имъ даютъ порохъ, свинецъ, винтовки, чай, сахаръ и подчасъ водку. Торговцы нанизываютъ на ремень по 20 штукъ соболей. Двѣ такихъ связки составляютъ *сорочокъ*, и этотъ счетъ ведется даже въ оптовой торговлѣ.

Купцы сортируютъ купленныя шкурки по цвѣту ости, воды и степени глянцовитости. Скорняки обдѣлываютъ ихъ: отдѣляютъ хребетъ отъ брюшка, отрѣзываютъ шейку, заднія лапки и хвосты—и выходитъ нѣсколько сортовъ мѣховъ, *хребтовый*, *черевій*, *шейчатый*, *горловый* и *лапчатый*.

*Хребтовый мѣхъ* въ длину имѣетъ пять рядовъ, а въ ширину вверху менѣе, внизу болѣе, такъ что весь мѣхъ имѣетъ отъ 80 до 100 хребтовъ. На мѣха идутъ соболи средняго достоинства, лучшіе же употребляются на воротники. *Черевій* или *пупковый мѣхъ* во всемъ ниже хребтоваго: шерсть на немъ низкая, рѣдкая и безъ хорошаго глянца. Въ полный мѣхъ идетъ болѣе 120 штукъ. *Мѣхъ шейчатый* дѣлается изъ затылковъ соболя; на мѣхъ идетъ отъ 400 до 500 шеекъ; достоинствомъ онъ ниже черевьяго. *Горловый мѣхъ* дѣлается изъ лоскутковъ, вырѣзанныхъ выше груди. *Лапчатый мѣхъ* дѣлается изъ заднихъ лапокъ; для мѣха нужно не менѣе 140 паръ.

**Б.**

# Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ

## (Двѣ картины художника Кившенко,—преміи „Нивы“ за 1878 годъ).

При блестящемъ дворѣ Іоанна Васильевича Грознаго, среди множества раззолоченныхъ челядинцевъ, ярче другихъ выдавалась личность боярина Бориса Ѳедоровича Годунова, человѣка еще молодого, про котораго современники говорили, что онъ „цвѣлъ благолѣпіемъ,—видомъ и умомъ всѣхъ людей превосходилъ и былъ мужъ чудный и сладкорѣчивый“.—Годуновъ былъ роду татарскаго, но татаръ не любилъ и считался, или себя считалъ по крайней мѣрѣ, самымъ чистокровнымъ русакомъ, радѣвшимъ только о славѣ и чести русскаго государства. Ловко, хитро, умно поставилъ онъ себя при дворѣ, накрѣпко закинувъ со всѣхъ сторонъ такіе прочные якоря, что никакія бури ему не были страшны. Началъ онъ съ того, что женился на дочери царскаго любимца Малюты Скуратова-Бѣльскаго, на дочери того самаго Малюты, имя котораго со страхомъ произносилось по всему округу Московскому, того Малюты, который былъ бичемъ приближенныхъ бояръ и первымъ пособникомъ царю въ казняхъ. Потомъ онъ еще дальше пошелъ и съумѣлъ выдать сестру свою, Ирину, за наслѣдника престола, простодушнаго, слабоумнаго Ѳедора, ставъ такимъ образомъ въ родственныя отношенія съ самимъ Грознымъ. Мало того—пронырливый, тонко угадывавшій настроеніе и причуды капризнаго владыки, онъ съумѣлъ войти въ такое довѣріе къ царю, что тотъ его въ примѣръ ставилъ остальнымъ боярамъ. Вокругъ него летѣли головы съ плечъ любимцевъ, исконные роды отходили въ опалу,—что ни мѣсяцъ—пустѣли разрядныя книги, прекращались старинныя вѣтви, кровь рѣкою лилась по улицамъ, площадямъ, городамъ и деревнямъ,—а онъ, всегда правый, вовремя умѣющій заболѣть, вовремя засмѣяться, вовремя дать

царю совѣтъ, вовремя похвалить его начинанія,—онъ оставался неприкосновеннымъ и невредимымъ и шагъ за шагомъ шелъ своей дорогой.

А дорога была куда трудная... Путеводная звѣзда, что мерцала впереди его, была такъ высока, что выше ея никого кромѣ Бога и не было. Странныя думы мучили его днемъ, странные сны, какъ кошмаръ, давили его ночью. И все одно и тоже, одно и тоже грезилось ему, и на яву, и въ сонныхъ мечтаніяхъ... Одинъ призракъ преслѣдовалъ, мучилъ его—одно только видѣлось ему въ туманѣ будущаго—*престолъ*...

Годуновъ любилъ Русь, понималъ какъ далеко отстала она за время татарщины отъ запада, видѣлъ, что невѣжество, суевѣріе, почти язычество царятъ внутри государства. Понималъ онъ, что нужны коренныя реформы, сильныя крутыя мѣры. Но что-же могъ онъ сдѣлать одинъ, не имѣя никого на своей сторонѣ, видя вокругъ только враговъ, смотрѣвшихъ на него какъ на выскочку, на царскаго фаворита?

Два наслѣдника стояли ему поперекъ дороги: Ѳеодоръ—слабохарактерный, недалекій, и маленькій Дмитрій—сынъ Іоанна отъ седьмой жены, Марьи Нагихъ, удѣльный углицкій князекъ. Да и весь родъ Нагихъ, быстро повысившійся, послѣ женитьбы царя на Маріи, мѣшалъ ему, оттиралъ его въ иныя минуты отъ царя, интриговалъ и злобствовалъ. Разъ даже чуть дѣло не дошло до серьозныхъ послѣдствій. Грозный, въ порывѣ гнѣва, наповалъ убилъ своимъ желѣзнымъ посохомъ старшаго своего сына Ивана; Борисъ, кинувшійся царевичу на помощь, тоже получилъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ. Доѣхавъ домой, онъ слегъ въ постель и призвалъ врача Строгонова для пользованія. Ѳеодоръ Нагой, отецъ Марьи, наговорилъ царю, что Борисъ-де притворяется, совсѣмъ здоровъ, а живетъ въ своемъ домѣ за Неглинной того ради, чтобы на свѣтлыя очи царевы не казаться. Царь поѣхалъ къ Годунову, засталъ его въ постели, увидѣлъ, что врачъ сдѣлалъ ему на пораненныхъ мѣстахъ заволоки для нагноенія, что онъ точно выходить не можетъ,—разсердился ужасно, и велѣлъ въ наказаніе Ѳеодору Нагому, совсѣмъ здоровому, положить тоже заволоки...

* * *

Передъ самою смертью, Грозный задумалъ жениться въ восьмой разъ, но планъ не удался, и онъ такъ и умеръ, женихомъ англійской принцессы Маріи Гастингсъ. 17-го марта 1584 года онъ игралъ въ шахматы съ Бѣльскимъ, вдругъ ему сдѣлалось дурно, и сбижавшіеся врачи нашли уже невозможнымъ возвратить его къ жизни. Престолъ переходилъ къ Ѳеодору, какъ къ законному наслѣднику, но, согласно волѣ Іоанна Васильевича, надъ нимъ учреждалась опека изъ пяти бояръ, въ числѣ которыхъ называли Годунова...

Теперь Борису Ѳеодоровичу нужно было избавиться отъ своихъ сотоварищей по опекунству. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что Ѳеодоръ Іоанновичъ цѣликомъ отдался своему шурину, во всемъ ему довѣряясь, все дѣлая по его совѣту. Не кончились еще смуты, поднявшіяся послѣ смерти Іоанна, еще не затихли народные крики, что царь изведенъ отравой, а ужъ Бѣльскій, одинъ изъ главныхъ опекуновъ, отправился въ низовые края,—потому де его народъ въ отравѣ подозрѣваетъ, и ради спокоя, его удалить надо. Другой опекунъ, Мстиславскій, былъ обвиненъ въ томъ, что яко бы онъ собирался убить Бориса, лицемѣрно зазвавъ къ себѣ въ домъ. Мстиславскаго постригли въ монахи и куда то отправили. Третій опекунъ, Никита Романовъ, заболѣлъ параличемъ и умеръ: А четвертый, послѣдній, Иванъ Шуйскій, былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ тайно... Борисъ остался одинъ правителемъ царства

Трудно сказать, насколько былъ виновенъ Годуновъ въ этихъ казняхъ и ссылкахъ, насколько это было его дѣло, и насколько покровительствовала ему судьба. Шелъ-ли онъ напрямикъ къ своей цѣли, оправдывая ею всѣ средства, или обстоятельства сами складывались такъ, и онъ являлся игрушкою ихъ,—достовѣрно опредѣлить нѣтъ никакой возможности. Безошибочно можно сказать только то, что на него имѣла очень дурное вліяніе его жена, урожденная Скуратова, и что, во всякомъ случаѣ, участіе его во всемъ этомъ было хотя косвенное. Популярность Годунова въ народѣ была громадна—царя Ѳеодора знали только по имени,—всѣмъ правилъ Борисъ. Челобитчики подавали не царю, а ему грамоты, иноземные послы представлялись ему, народъ земно кланялся ему при выѣздахъ. Онъ получалъ колоссальный по тому времени доходъ въ сто тысячъ рублей, пользуясь имъ съ пчельниковъ, луговъ, бань, купаленъ московскихъ, получая деньги съ своихъ наслѣдственныхъ вотчинъ, со всѣхъ конюшенныхъ слободъ, да еще съ Сѣверщины, Торжка и Твери, и кромѣ того, имѣя громадное жалованье отъ Ѳеодора. Тягаться богатствами и значеньемъ съ нимъ никто не могъ, а потому достигать той или другой цѣли съ помощью подкуповъ и запугиваній ему было легче, чѣмъ кому либо.

Дѣтей у царя не было; самъ онъ болѣзненнаго, слабаго тѣлосложенія, не обѣщалъ долго прожить. Къ кому же могъ перейти престолъ послѣ него, кто имѣлъ на него право?

А право имѣли два лица.—Племянница покойнаго Іоанна IV, вдова Магнуса, короля Ливонскаго, имѣвшая притязаніе на престолъ по праву прямаго родства съ Рюриковичами,—и удѣльный углицкій князь Дмитрій. Первая, титулярная королева Ливонская, Марья Владиміровна, имѣла дочь, и потому въ случаѣ, если бы побоялись возвести женщину во главу правленія (что впрочемъ нисколько не противорѣчило исконнымъ русскимъ установленіямъ)—стоило только выдать эту дочь за иноземнаго принца, который согласился бы принять православіе. Второй претендентъ, Дмитрій, хотя и не имѣлъ права наслѣдства, какъ незаконный сынъ, рожденный въ седьмомъ бракѣ, непризнанномъ церковью, но вѣдь весь народъ зналъ, что Дмитрій сынъ Іоанна, его царской крови, и слѣдовательно, въ крайнемъ случаѣ скорѣе, чѣмъ кто нибудь, могъ вступить на царство, и во всякомъ случаѣ скорѣй Бориса, въ которомъ не было ни капли царскаго происхожденія.

Надо было беречься обоихъ. Годуновъ началъ съ Марьи Владиміровны. Онъ поручилъ англичанину Жерому Горсею выманить ее въ Москву изъ Риги, гдѣ она жила чуть не польской плѣнницей подъ надзоромъ кардинала Радзивилла. Тотъ исполнилъ свою миссію ловко, добился аудіенціи съ ех-королевой и заговорилъ съ ней отъ имени Ѳеодора—обѣщая ей въ Москвѣ золотыя горы и покровительство Бориса.—Братъ вашъ, Ѳеодоръ Ивановичъ,—говорилъ онъ,—печалуется, что вы живете здѣсь въ нуждѣ на тысячу таллеровъ въ годъ, и содержитесь, какъ плѣнница. Возвратитесь на родину,—вы будете жить въ довольствѣ, какъ подобаетъ вашему происхожденію,—Борисъ Ѳеодоровичъ будетъ стараться о васъ.

— Я совершенно васъ не знаю,—возразила она,—но вашъ видъ внушаетъ мнѣ довѣріе... Я бы рада бѣжать отсюда, но какъ? За мной въ сотни глазъ смотрятъ. Да и вдобавокъ я знаю, какъ поступаютъ въ Москвѣ со вдовыми царицами: меня запрутъ въ монастырь, а это хуже смерти.

— Только бездѣтныхъ постригаютъ,—отвѣтилъ Горсей,—васъ не тронутъ: у васъ есть дочь, ее надо воспитывать.

Несчастная королева довѣрилась ему. Быстро смѣнялись свѣжія подставы лошадей, разставленныхъ по приказу Бориса отъ Москвы до Ливонской границы, и живо прикатила она въ Москву со своею дочкой. Ей,



Видъ Воскресенскаго монастыря (Новаго Іерусалима) въ городѣ Воскресенскѣ (близъ Москвы). Съ фотогр. грав. Рашевскій.



**Отправленіе въ школу.** Картина А. И. Корзухина. Рис. на деревѣ И. Земцовъ, грав. Б. Пуцъ и Шиблеръ.

точно, дали земель, денегъ, прислугу... Только съ дочкой разлучили: да вдобавокъ дѣвочка очень скоро умерла отчего-то. Марья Владиміровна осталась бездѣтной вдовой—и никакихъ препятствій къ постриженію болѣе не имѣлось.

Осталась одна препона: Дмитрій. Но какъ устранить его отъ престола? Правда, ходили про него худые слухи въ народѣ,—говорили, что онъ злого нрава,—на бойнѣ бывать любитъ, смотрѣть, какъ скотъ рѣжутъ, но что-то мало довѣряли этимъ слухамъ; говорили, что это Борисъ такую молву пускаетъ. Съ каждымъ днемъ яснѣе становилось, что бездѣтному царю нѣтъ другого наслѣдника. Вдобавокъ заговоръ Шуйскихъ выяснилъ, что существуютъ сторонники возведенія на престолъ Дмитрія еще при жизни его брата. Борисъ чувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется.

Въ самомъ дѣлѣ,—что онъ могъ ожидать отъ воцаренія Дмитрія? Кромѣ злобы, которую питалъ къ нему ребенокъ, вслѣдствіе наговоровъ окружающихъ, и злобы всей его родни—ничего ожидать нельзя было. Борисъ представлялся Дмитрію злодѣемъ, державшимъ и его и мать его въ изгнаніи, не пускавшимъ его къ брату въ тотъ Кремль, жить въ которомъ онъ имѣлъ, повидимому полное и неотъемлемое право. При вступленіи Дмитрія на престолъ Бориса ждала гибель.

Два исхода: или обречь ребенка на гибель, или гибнуть самому... Но волхвы сулили ему когда-то царскіе бармы...

* * *

15-го мая 1591 года, вдовый попъ, Огурецъ, столкнулся съ стряпчимъ углицкаго кормоваго дворца, Субботой; бѣжалъ Огурецъ на необычный набатный звонъ, раздавшійся послѣ обѣдни съ колокольни Углицкой церкви Спаса. Суббота крикнулъ ему: „бей въ набатъ, царица велѣла: Дмитрія царевича зарѣзали!“ Огурецъ кинулся къ себѣ, въ Константиновскую церковь и зазвонилъ тоже... „Пожаръ въ Кремлѣ надо быть“ пронеслось по Угличу—и толпы народа ринулись съ топорами и дубинами ко дворцу. Но дыма ни откуда не валило,—все было спокойно... Только на заднемъ дворѣ на страшную сцену наткнулись...

Царица Марья била собственноручно мамку царевича полѣномъ и вопила, что сынъ этой мамки ея сына зарѣзалъ. А возлѣ, на рукахъ у кормилицы лежалъ теплый трупъ мальчика съ перерѣзаннымъ горломъ. Кормилица кричала, что царевича зарѣзали Волоховъ, Битяговскій, Качаловъ и Третьяковъ—надзиратели, поставленные надъ Нагими Борисомъ. Народъ кинулся розъискивать убійцъ—и всѣхъ ихъ перебили—на дворахъ, въ избахъ, даже въ церкви, передъ тѣломъ царевича.

17-го мая прискакалъ въ Москву изъ Углича гонецъ. Ѳеодоръ расплакался, объявилъ, что самъ поѣдетъ въ Угличъ изслѣдовать дѣло,—да вдругъ оказалось, что тамъ свирѣпствуетъ какая-то эпидемія, и царю ѣхать туда опасно,—такъ по крайней мѣрѣ утверждалъ Борисъ... Слѣдователемъ по дѣлу былъ назначенъ Шуйскій, Василій Ивановичъ, повидимому, заклятой врагъ Годунова, потому что только-только передъ этимъ его дядя, Иванъ Петровичъ, былъ удавленъ въ тюрьмѣ, чуть ли не по Борисову приказу. Но заклятымъ врагомъ казался онъ только по наружности, и хорошо понялъ, что интересы у него и Бориса—общіе. По крайней мѣрѣ слѣдствіе имъ было произведено какъ разъ по вкусу Годунова.

На слѣдствіи выяснилось, что царевича никто не убивалъ: онъ зарѣзался самъ, такъ какъ вообще страдалъ падучей болѣзнью. Показали это и мамка, и кормилица, и четыре мальчика „жильца“ что жили при ребенкѣ ради утѣхи. Игралъ онъ въ свайку ножемъ—и въ припадкѣ чернаго недуга закололся. Припадки бывали съ нимъ и раньше: такъ Андрей Нагой разсказалъ, что въ посту царевичъ въ припадкѣ объѣлъ у его дочери руки, и что его жильцы и постельницы тоже кусаные, Григорій Нагой подтвердилъ, что царевичъ зарѣзался самъ... Съ одного лица допросъ снять не захотѣли: съ царицы Марьи...

Собрался въ Москвѣ по этому дѣлу соборъ: надо же было наказать самоуправцевъ-угличанъ, распорядившихся самолично съ мнимыми убійцами, людьми, стоявшими „за правду“.—Духовные сановники, составлявшіе соборъ, рѣшили, что это дѣло земское, и передали его на усмотрѣнье правителю.

Годуновъ опредѣлилъ: царицу Марью постричь въ иночество, родственниковъ ея разослать по разнымъ городамъ; виновнымъ въ мятежѣ—порубить головы, утопить или рвать языки. Всѣхъ угличанъ перевести въ Сибирь, въ Пелымъ,—и набатный колоколъ отправить туда-же.

Препонъ больше никакихъ не осталось.

* * *

Въ январѣ 1598 года скончался Ѳеодоръ. Умирая онъ „поручилъ“ царство царинѣ Иринѣ. Но Ирина объявила, что она, согласно обѣту, хочетъ постричься въ иночество,—и удалилась въ Ново-Дѣвичій Московскій монастырь, гдѣ и приняла монашество подъ именемъ Александры;—престолъ остался незамѣщеннымъ.

Колокольній звонъ созвалъ въ Кремль московскихъ жителей. Думскій дьякъ, Василій Щелкаловъ, прочиталъ народу грамоту, что за прекращеніемъ-де царствующей вѣтви, правленіе переходитъ въ боярскую думу. Народъ заволновался—потребовалъ избранія царя. Патріархъ Іовъ предложилъ идти всемъ міромъ къ Борису, который былъ на богомольѣ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ,—и просить его на царство. Кто-же кромѣ его былъ такъ привыченъ къ правленію? Туда всѣ и повалили.

Патріархъ естественно предложилъ народу избрать Бориса: онъ ему былъ всемъ обязанъ—даже патріаршимъ престоломъ. Поддакнули Іову и другіе:—во всѣхъ приказахъ и думѣ были люди всѣмъ обязанные Годунову, державшіеся только имъ. Наконецъ народъ сознавалъ, что законная наслѣдница престола, Ирина, передавая правленіе другому, скорѣе всего имѣла право передать его брату; помнили и то, что во время правленія Бориса страна вздохнула послѣ грознаго правленія Іоанна.

Борисъ отъ престола отказался.

— Никогда о престолѣ мнѣ на умъ не всходило,—отвѣтилъ онъ на увѣщенія патріарха,—какъ мнѣ помыслить на такую высоту—на престолъ такого великаго государя моего пресвѣтлаго царя? Теперь бы намъ промышлять о томъ, какъ устроить праведную и безпорочную душу государя моего и великаго князя Ѳедора Ивановича, всея Руси самодержавца,—а о государствѣ и о земскихъ о всякихъ дѣлахъ радѣть и промышлять тебѣ, государю моему, святѣйшему Іову патріарху, и съ тобою боярамъ. А если мой трудъ понадобится—я за святыя церкви божіи, и за одну пядь земли Московской, за все православное государство и грудныхъ младенцевъ—душу готовъ положить...

Патріархъ, отличавшійся удивительнымъ искусствомъ словоизвитія, началъ уговаривать Бориса, приводилъ примѣры изъ исторіи лицъ, вступившихъ на престолъ не по наслѣдству, а по избранію—Константина, Ѳеодосія, Маркіана, Тиверія, Маврикія. Борисъ остался непреклоненъ. Онъ со вздохами отрекался отъ вѣнца, не трогался просьбами женщинъ и дѣтей, говорилъ, что не о мірскомъ величіи, а о спасеніи души думаетъ.

Отложили до конца сорокоуста по Ѳеодорѣ избраніе царя, и учредили избирательный соборъ съ выборными отъ всей земли. Нѣтъ сомнѣнія, что это и было завѣтное Борисово желанье: ему надо было быть выбраннымъ *всей* землей—иначе трудно было закрѣпить пра-

во престолонаслѣдія за его потомками. А за результатъ избранія онъ не боялся. Духовенство все тянуло, конечно, за патріархомъ, въ числѣ бояръ была большая партія за Годунова, второстепенное-же дворянство слишкомъ чтило патріарха, что бы не быть съ нимъ согласнымъ. Подкупъ и льстивыя обѣщанія тоже нашли себѣ нѣкоторую роль...

20 февраля, на масляной, двинулось къ Новодѣвичьему монастырю торжественное шествіе съ духовенствомъ, выборными, боярами. Со слезами пали всѣ къ ногамъ Бориса, просили пріять вѣнецъ.

— Какъ прежде я говорилъ, такъ и теперь говорю, отвѣтилъ Годуновъ.—И не думайте, чтобъ я помыслилъ на превысочайшую царскую степень такого великаго и праведнаго царя.

Отказъ, повидимому, былъ полный...

***

Впрочемъ на слѣдующій день Борисъ согласился... Краснорѣчіе Іова одержало верхъ.

И вотъ—крайняя ступень величія достигнута: онъ царь великаго государства, сидитъ на тронѣ Рюриковичей, Мономаховичей.

Полились рѣкой милости и льготы... Народъ былъ на годъ освобожденъ отъ податей, купцы на два года были освобождены отъ пошлинъ, нуждающіеся получали щедрую милостыню и деньгами, и ѣдой, и припасами. Самое наказаніе, по выраженію Бориса, было растворено милосердіемъ: только разбойники подвергались казни. Льготъ и милостей было очень много: эти льготы освобождали народъ ото всѣхъ тягостей, которыя въ предъидущемъ царствованіи были введены имъ-же..

Мирно, блестяще, славно потекли первые годы царенья Бориса; онъ во что бы то ни стало старался уровнять Русь съ западной Европой, сталъ подумывать о бракѣ своей дочери Ксеніи съ иностраннымъ королевичемъ, заботился объ обширномъ образованіи сына—Ѳедора. Онъ былъ примѣрный отецъ, примѣрный правитель Правда, роптали въ народѣ, что потомокъ Мурдзы Чета на престолѣ сидитъ, что есть роды его знаменитѣе... но это вѣдь только шепотомъ говорили.

Въ 1600 году прокатилась громовая вѣсть, что царевичь Дмитрій въ Угличѣ убитъ не былъ. Это былъ роковой ударъ для Бориса: все измѣнилось—онъ сталъ другой человѣкъ—ученикъ покойнаго царя Іоанна сказался во всемъ.

Опалы, ссылки вмѣсто милостей полились вокругъ. Подозрительность смѣнила прежнее благодушіе. По улицамъ стали шнырять сыщики, подслушивать, что говорится въ народѣ,—начались допросы и пытки. „Смута настала, говоритъ лѣтописецъ: доносили и попы, и дьяконы, и чернецы и черницы, и проскурницы; жены на мужьевъ, дѣти на отцевъ, отцы на дѣтей доносили“... Народная любовь къ Борису смѣнились ненавистью.

Призрачный царекъ все росъ, росъ, росъ,—выросъ въ гиганта—и сломилъ Бориса. Не по силамъ ему было бороться съ пришельцемъ не отъ міра сего. Ядъ-ли, болѣзнь-ли покончили его дни—неизвѣстно, но черезъ семь лѣтъ правленія онъ внезапно скончался въ самый критическій моментъ, когда самозванецъ двинулся уже на Москву съ своими союзниками...

---

Личность Бориса—одно изъ самыхъ романическихъ личностей нашей исторіи. Художники и писатели охотнѣе всего останавливаются около него: это герой борьбы. Нѣкоторая туманность, таинственность нѣкоторыхъ событій налагаетъ еще болѣе интереса на него, даетъ мѣсто развиться художественной фантазіи. Самая фабула его романической біографіи до извѣстной степени поучительна. Мы можемъ сказать словами лѣтописца: „Много устроилъ онъ въ государствѣ достохвальныхъ вещей, ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренять разбои, воровства, корчемство, но не могъ искоренить; былъ онъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ. Цвѣлъ аки финикъ листвіемъ добродѣтели, и еслибъ тернъ завистной злобы не помрачалъ цвѣта его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться. Отъ клеветниковъ извѣты на невинныхъ въ ярости суетно принималъ, и поэтому навелъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли;—отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили“.

Два рисунка художника Кившенко, прилагаемые въ видѣ преміи къ сегодняшнему номеру „Нивы“, служатъ роскошной иллюстраціей къ двумъ лучшимъ историческимъ драмамъ, нашей отечественной литературы: *Борису Годунову*—А. С. Пушкина. и *Смерти Іоанна Грознаго* графа А. К. Толстаго,—вращающимся около личности Бориса.

Первая картина (слѣдуя хронологическому порядку) представляетъ Бориса, пораженнаго предсказаніемъ волхвовъ о престолѣ, предсказаніемъ такъ близко совпавшимъ съ его затаенными предначертаніями.

Вторая картина изображаетъ Бориса уже царемъ, въ кругу своего семейства, Ксеніи и Ѳедора. „Нива“ уже имѣла случай разсказать въ нынѣшнемъ году біографію дочери Годунова, и чтобы не повторяться, мы отсылаемъ желающихъ къ XIX главѣ „Призрачнаго царька“, на стр. 102 № 6-го. Тамъ же они найдутъ свѣдѣнія и о Ѳедорѣ. Картина гораздо менѣе нуждается въ объясненіи, чѣмъ предъидущая. Она представляетъ Годунова разсматривающаго карту Московскаго, царства, начерченную самимъ царевичемъ. На лицѣ Годунова уже легли слѣды безпокойныхъ ночей, и смутныхъ угрызеній совѣсти. Миловидныя, свѣжія лица дѣтей—служатъ яркимъ контрастомъ отцу. Въ глубинѣ видна мамка царевны, почтительно прислонившаяся къ печкѣ при входѣ царя.

**П. Г—ъ.**

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ

**Вс. Соловьева.**

### ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Артамонъ Сергѣевичъ глубоко вздохнулъ и съ большею, чѣмъ прежде страстностью продолжалъ:

— Я плакалъ отъ радости, что вы своего стараго воеводу не забыли, поспѣшили встрѣтить его лаской, хлѣбомъ-солью... а теперь вамъ голова моя понадобилась?! Что-жь—вотъ я передъ вами, я безоруженъ... Я одинъ, а васъ цѣлая площадь. Только Бога то вспомните—отъ него не скроетесь!

Эти тихія, спокойныя слова, произнесенныя мучительно грустнымъ голосомъ, почтенная сѣдина стараго боярина подѣйствовали на стрѣльцовъ, и они уже не слушали внушеній мятежниковъ. Они уже не глядѣли на Тараруя, который стоялъ за Матвѣевымъ и дѣлалъ имъ знаки, чтобы они скорѣе хватали Артамона Сергѣевича.

У многихъ изъ стрѣльцовъ опустились головы и на глазахъ показались слезы.

Матвѣевъ зоркимъ взглядомъ оглядѣлъ площадь, замѣтилъ благопріятное дѣйствіе словъ своихъ и продолжалъ:

— Смиритесь, дѣти! докажите, что вы все тѣ же вѣрные слуги государевы. Царь милостивъ, онъ не попомнитъ этой вины вашей!

— Заступись за насъ, бояринъ передъ царемъ.

— Да, заступись! Мы что-жь, мы ничего... мы какъ передъ Богомъ: присягу помнимъ, царя почитаемъ, за него, за нашего батюшку, животы покласть готовы!..

— Говорю, царь милостивъ—ничего худаго вамъ не будетъ, только расходитесь!

— Ладно, бояринъ! кричали въ толпѣ.

Матвѣевъ съ облегченной душою спѣшилъ возвратиться къ царицѣ и объявить радостную вѣсть о томъ, что стрѣльцы утихли и сейчасъ будутъ расходиться.

Но не успѣлъ онъ дойти своимъ тихимъ, старческимъ шагомъ до Грановитой палаты, какъ новые крики раздались на площади.

Теперь ужь не Милославскіе, не Хованскій подожгли стрѣльцовъ; бунтъ снова вспыхнулъ, благодаря безразсудству стрѣлецкаго начальника князя Михаила Юрьевича Долгорукова, того самого, котораго стрѣльцы издавна ненавидѣли, надъ которымъ такъ часто въ послѣдніе дни смѣялись. До сихъ поръ о немъ не было ни слуху ни духу, онъ ни во что не вступался, стрѣльцамъ на глаза не показывался. Ни одного усилія не сдѣлалъ онъ для ихъ усмиренія, а вотъ теперь, увидя, что Матвѣеву наконецъ удалось ихъ успокоить, что они сейчасъ будутъ расходиться, онъ вдругъ вышелъ на площадь и пожелалъ напомнить имъ, что онъ ихъ начальникъ.

И некому было удержать его, потому что на Красномъ крыльцѣ оставался одинъ Хованскій, который конечно былъ радъ случаю какъ нибудь поправить дѣло. Онъ отлично предвидѣлъ, что безумное появленіе Долгорукаго можетъ только способствовать возмущенію.

— Да ты ихъ хорошенько, хорошенько! Что они въ самомъ дѣлѣ о себѣ думаютъ, злораднымъ голосомъ сказалъ онъ Долгорукому. Покажи имъ, что ты ихъ начальникъ.

И несчастный Долгорукій, съ какой то безумной радостью, поспѣшилъ на свою погибель.

— Эй, живо! кричалъ онъ, по домамъ расходитесь, чтобъ вашимъ духомъ здѣсь не пахло!.. Бунтовать вздумали—вотъ постойте! ужо разберу, такъ достанется вамъ на орѣхи. Царя тревожить, бунтовщики проклятые!

— А! такъ это ты кричишь на насъ? это ты лаешься? раздалось кругомъ Долгорукаго.

Что то страшное послышалось ему въ словахъ этихъ.

Онъ поспѣшилъ назадъ, на крыльцо; но нѣсколько стрѣльцовъ кинулись за нимъ. Не успѣлъ онъ шевельнуться, не успѣлъ крикнуть, какъ его схватили крѣпкія руки и со всего размаха сбросили внизъ на площадь. И въ то же время внизу приподнялись копья: несчастный Долгорукій съ дикимъ, нечеловѣческимъ крикомъ упалъ прямо на эти подставленныя копья. Вся площадь заголосила: „любо!“ и окровавленнаго, полумертваго князя мгновенно разрубили на куски бердышами.

Тарaруй стоялъ на крыльцѣ; глаза его горѣли.

— Такъ, дѣтки, такъ! кричалъ онъ. Съ однимъ покончили, за другихъ принимайтесь!

Но теперь уже нечего было учить стрѣльцовъ—отъ крика несчастной жертвы, отъ вида первой крови, пролитой ими, они осатанѣли. Уставивъ передъ собою копья и крича звѣрскимъ голосомъ, они выломали рѣшетку Краснаго крыльца и ворвались въ дворцовые покои.

Между тѣмъ слыша съ площади отчаянные крики и предчувствуя, что бѣда пришла неминучая, защитники царицы, собравшіеся вокругъ нея, и всѣ Нарышкины поспѣшили скрыться кто куда могъ.

Наталья Кирилловна осталась одна съ сыномъ, Матвѣевымъ и Черкасскимъ. Теперь она ужь не плакала. Лицо ея было неподвижно, глаза горѣли, сердце готово было изъ груди выскочить. Крѣпкими, материнскими руками прижала она къ себѣ Петра; да такъ и застыла на мѣстѣ.

Матвѣевъ сидѣлъ на скамьѣ въ полномъ изнеможеніи. У него все кружилось передъ глазами, онъ не могъ собрать ни одной мысли.

Вдругъ со страшнымъ шумомъ распахнулись тяжелыя двери и на порогѣ показались стрѣльцы.

— Подавай намъ Матвѣева, раздалось надъ самымъ ухомъ царицы.

Она, забывъ и себя и своего сына, кинулась къ Артамону Сергѣевичу; Черкасскій за нею.

Но стрѣльцы не смутились. Одинъ изъ нихъ, дюжій громаднаго роста парень, уже схватилъ Матвѣева.

Маленькій Петръ кричитъ ему: „Иди, не трогай!“ беретъ Артамона Сергѣевича за руку. Но стрѣлецъ, не задумываясь ни на мгновеніе, отбросилъ царя.

Матвѣевъ взглянулъ на Наталью Кирилловну, на Петра. Его блѣдныя, дрожащія губы тихо прошептали: „Прости государь, прости государыня“!

Стрѣльцы схватили его, подняли съ лавки и повлекли изъ палаты.

Наталья Кирилловна всплеснула руками, вскрикнула, хотѣла было броситься за ними, но, не добѣжавъ до дверей, со всего размаха упала на полъ и потеряла сознаніе.

Матвѣевъ, совершенно обезсиленный, не выказывалъ никакихъ признаковъ жизни.

Стрѣльцы протащили его нѣсколько шаговъ, вывихнули ему руку, потомъ взвалили себѣ на плечи и бѣгомъ пустились къ Красному крыльцу. Слабый стонъ вырвался изъ груди Артамона Сергѣевича. Онъ на мгновеніе открылъ глаза и закрылъ ихъ снова.

— Выпустите руку, дайте хоть перекреститься, едва слышно прошепталъ онъ, но стрѣльцы не обратили никакого вниманія на его просьбу.

Онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе и самъ высвободилъ свою руку.

„Смерть это, смерть! пронеслось въ его мысляхъ,—что-жь такъ долго?“...

Онъ началъ молиться и въ этой горячей предсмертной молитвѣ не замѣтилъ, что стрѣльцы ужь на крыльцѣ, что кругомъ раздаются крики, бряцанье оружія.

— Что это вы? Бога не боитесь... Стой! вдругъ раздался громкій, отчаянный голосъ.

Матвѣевъ снова открылъ глаза. Въ двухъ шагахъ отъ него молодой, красивый человѣкъ въ одеждѣ стрѣлецкаго подполковника.

— Остановитесь! отпустите боярина! кричитъ онъ. Мало вамъ одного... одумайтесь—кого вы погубить хотите!.. Развѣ кто нибудь изъ васъ видѣлъ зло какое отъ него? а добра то много видѣли... вся Русь видѣла... Очнитесь!

Но стрѣльцы, несшіе Матвѣева, не въ состояніи были разсуждать теперь.

Тогда молодой подполковникъ, съ нечеловѣческой силой началъ вырывать Матвѣева изъ рукъ убійцъ. Но ихъ было нѣсколько, онъ—одинъ.

— Отвяжись! гаркнули стрѣльцы.

Однако нежданный защитникъ Матвѣева дѣлалъ свое дѣло. Онъ и самъ очевидно не могъ разсуждать, находился въ какомъ-то опьяненіи. Онъ ударилъ одного изъ стрѣльцовъ такъ, что тотъ покатился внизъ по ступенямъ.

— Эй, братцы, да помогите же кто-нибудь мнѣ! крикнулъ онъ къ толпѣ.—Обознались видно—не того схватили, невинную кровь проливаютъ!

Въ его голосѣ была такая сила и такое отчаяніе, что нѣсколько человѣкъ безсознательно кинулись къ нему на помощь.





**Маленькая торговка.** Картина Піо, грав. Паннемакеръ сынъ.

Но вдругъ изъ толпы выбѣжалъ Озеровъ и загородилъ имъ дорогу.

— Куда? Кого послушались,—Малыгина? такъ онъ самъ измѣнникъ! Смерть Матвѣеву!

И въ то же мгновеніе одинъ изъ стрѣльцовъ выхватилъ бердышъ, со всего размаха ударилъ имъ въ голову Николая Степановича.

Тотъ слабо крикнулъ, пошатнулся и упалъ на ступени лѣстницы; Матвѣева защищать было некому. Стрѣльцы высоко подняли его на рукахъ, раскачали и бросили на площадь. Густая толпа со всѣхъ сторонъ кипулась къ нему и въ остервенѣніи начала рубить его на мелкія части. Въ эту минуту на крыльцѣ показался патріархъ.

— Бога побойтесь! закричалъ онъ, пробираясь между стрѣльцами и спускаясь съ лѣстницы.

— Уйди, владыко, назадъ! отвѣчали ему.—Уходи—нечего намъ тебя слушать, не нужно намъ ничьихъ совѣтовъ! Сами теперь знаемъ, кто намъ любъ, а кто негоденъ... Уходи по добру по здорову!

Старый патріархъ прислонился къ периламъ лѣстницы, крупныя слезы полились изъ глазъ его. Онъ не могъ пошевельнуться и долго такъ стоялъ онъ. Точно сквозь туманъ видѣлъ онъ, какъ мимо его, одинъ за другимъ, со сверкающими копьями бѣгутъ стрѣльцы во дворецъ.

„Теперь за другихъ измѣнниковъ пора приниматься“, кричатъ они.

Много ихъ пробѣжало; крыльцо опять пусто, только смятый, потоптанный, на одной изъ ступеней лѣстницы, неподвижно лежитъ молодой подполковникъ Малыгинъ. На затылкѣ у него большая рана, изъ которой бьетъ кровь, орошая ступени Краснаго крыльца и блестя на солнцѣ алымъ цвѣтомъ.

Проходитъ еще нѣсколько мгновеній. Патріархъ все такъ же неподвиженъ, и грезится ему, будто на широкія каменныя ступени, шатаясь и путаясь въ длинномъ платьѣ, взбирается какая-то женщина. Безучастный взоръ патріарха невольно останавливается на ней, и не знаетъ онъ, что это такое передъ нимъ—видѣніе или дѣйствительность.

Вотъ женщина наклонилась надъ тѣломъ убитаго подполковника. Ея молодое, прекрасное лицо страшно исказилось, отчаянный крикъ вырвался изъ груди ея, такой крикъ, что заставилъ совсѣмъ очнуться патріарха. Теперь ужь не въ забытьи, а на яву видитъ онъ, какъ эта молодая женщина припала на грудь убитаго со страшнымъ воплемъ, цѣлуетъ его, и вдругъ съ неестественной силой поднявъ тѣло себѣ на плечи, спускается съ нимъ внизъ по ступенямъ. Никто ее не останавливаетъ. Стрѣльцы въ смятеніи кричатъ, издѣваются надъ кровавыми останками Матвѣева, а она пробирается между нихъ со своею страшной и тяжелой ношей

X.

Долго шла Люба неся на плечахъ Николая Степановича и не замѣчая усталости. Она не плакала. Только все лицо ея такъ измѣнилось, что его и узнать было невозможно. Люба уже не казалась теперь семнадцатилѣтней дѣвочкой. Какъ будто десятокъ лѣтъ, страшныхъ и мучительныхъ, въ нѣсколько часовъ пронесся надъ нею.

„Боже, неужели онъ умеретъ!“ шептали ея пересохшія губы, „нѣтъ, нѣтъ... быть можетъ!.. Господи! не попусти!.. Вѣдь вотъ сердце не бьется, а кровь такъ и хлещетъ изъ раны“...

И Люба не знаетъ, какъ надо унять кровь, не знаетъ что необходимо перевязать рану. Иногда ей кажется, что есть еще признаки жизни въ тѣлѣ ея друга, иногда вдругъ послышится ей слабое біеніе его сердца, но она не знаетъ, его ли это сердце бьется, или она только слышитъ стукъ своего собственнаго, которое разрывается въ груди ея. Онъ еще не холодѣетъ.—Она не разъ прощалась съ покойниками, она помнитъ этотъ особенный, страшный ледяной холодъ,—такъ нужно бѣжать скорѣе, скорѣе подальше... скрыть его куда нибудь, чтобъ не отняли!..

И она, не замѣчая тяжести и страшной усталости, которая ее одолѣваетъ, спѣшитъ со своей дорогой ношей дальше отъ Кремля, туда, гдѣ потише, гдѣ не видно сверкающихъ копій, не слышно оглушительныхъ дикихъ криковъ.

Наконецъ, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, она дотащилась до узкаго глухаго переулка, съ обѣихъ сторонъ заросшаго садами. Вотъ тутъ куда бы нибудь въ садъ, на мягкую траву! сбѣгать бы къ колодцу черпнуть воды, обмыть рану, опрыскать его водою,—Богъ дастъ очнется!

Люба оглядѣлась во всѣ стороны, ища калитки или сломанной развалившейся изгороди, черезъ которую бы пройти можно было.

Но что это такое? Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея идетъ какой-то человѣкъ – и прямо ей на встрѣчу,—лицо страшное, черное какъ у теремнаго карлы.

Вотъ черный человѣкъ приблизился и остановился.

— Откуда ты, дѣвушка? говоритъ онъ ей. Кого это несешь?

Въ другое время Люба испугалась бы пожалуй этой страшной, черной рожи, но теперь она слышитъ только его ласковый голосъ.

— Если ты добрый человѣкъ, помоги мнѣ ради Бога!.. прошептала она—силъ моихъ больше нѣту! Куда бы какъ нибудь скрыться, что нибудь сдѣлать, чтобы кровь унять изъ раны, вишь какая страшная рана! вишь сколько крови Воды бы достать...

— Постой, дай я понесу, сказалъ черный человѣкъ. Вотъ проходилъ я, видѣлъ, отперта калитка, давай!

Люба бережно передала ему Николая Степановича.

— Только ради Христа осторожнѣе—дай я помогу тебѣ, говорила она.

Ей вдругъ сдѣлалось страшно. „А что коли это дьяволъ? мелькнуло въ головѣ ея. Что коли это, чтобы отвести глаза мнѣ, онъ говоритъ такимъ добрымъ голосомъ, а вдругъ отниметъ его у меня и улетитъ съ нимъ!“

Но эта мысль, невольный, послѣдній отголосокъ перхуловскаго дома и его понятій, сейчасъ же и исчезла. Она замѣтила, какъ черный осторожно и заботливо несъ Малыгина.

— Дѣвушка, онъ не умеръ! онъ дышетъ... ей Богу! вдругъ, обернувши къ ней свое черное и ужь теперь не страшное, а доброе и ласковое лицо, сказалъ этотъ невѣдомый человѣкъ.

— Что ты!.. Правда? ты не ошибаешься?

— Да нѣтъ же! Постой .. вотъ, Богъ дастъ, онъ очнется я за водой сбѣгаю.

Приливъ безконечнаго счастья пахлынулъ на Любу. Она склонилась надъ лицомъ Николая Степановича, не отрываясь, глядѣла на него, силясь прислушаться къ его дыханію.

Вотъ калитка... вотъ они въ саду. Тихо... никого нѣту. Трава густая; вѣтвистыя яблони, осыпанныя бѣлымъ цвѣтомъ... пчелы жужжатъ, бабочки порхаютъ... Солнце такъ и горитъ, такъ и отливается на листьяхъ...

— Вотъ здѣсь въ тѣни и сложимъ его.—сказалъ черный,—а я поищу колодца.

Подъ развѣсистой душистой яблоней лежитъ Николай Степанычъ, а надъ нимъ склонилась Люба.

„Живъ онъ! живъ! нѣтъ больше сомнѣнья—бьется его сердце“.

Черный возвращается съ водою, и видно, что онъ человѣкъ бывалый—сейчасъ сдѣлалъ перевязку изъ Любинаго платка полотнянаго. Кровь остановилась. Еще нѣсколько мгновеній и открылъ глаза Николай Степанычъ

Люба крикнула и тутъ только у нее брызнули слезы, но это были свѣтлыя, благодатныя слезы.

Она схватила руки своего дорогаго друга, и грѣла ихъ, и цѣловала.

— Живъ ты! живъ, милый! скажи хоть словечко, взгляни на меня!

Но онъ хоть и живъ, хоть и глядитъ, но не узнаетъ своей Любы, глядитъ и ничего не видитъ—въ забытьи, память не вернулась.

— Это бываетъ! Богъ дастъ очнется, говоритъ черный арапъ и мочитъ водою голову Николая Степаныча.

— Ну успокойся, успокойся красавица, обращается онъ къ Любѣ. Кто это—братъ твой, али милый? Видно, крѣпко ты его любишь, да и силы въ тебѣ не мало. Кто это его такъ? За что? Откуда несешь его?

— Да изъ Кремля, чай слышалъ... отвѣчаетъ Люба. А погубили его за то, что своихъ стрѣльцовъ останавливалъ, какъ тѣ убивать начали боярина Матвѣева.

Произнеся эти послѣднія слова, Люба вскрикнула и невольно отшатнулась—что то страшное сотворилось съ чернымъ человѣкомъ. Его глаза вдругъ расширились, показывая огромные бѣлки; все лицо исказилось; мучительный стонъ вырвался изъ груди его. Онъ схватилъ себя за голову.

— Кого? какъ ты сказала? какого боярина?

— Матвѣева, прошептала Люба.

— Матвѣева! повторилъ онъ отчаяннымъ голосомъ. Гдѣ онъ? гдѣ... живъ?

— Нѣтъ, его убили... въ куски искрошили.

Черный человѣкъ упалъ на землю, продолжая стискивать себѣ руками голову, и горько, горько заплакалъ, какъ малый ребенокъ.

Люба, смотрѣвшая на него сначала съ недоумѣніемъ, вдругъ почувствовала къ нему большую жалость.

— Что ты, голубчикъ? О чемъ плачешь? спросила она.

Онъ очнулся и растерянно взглянулъ на нее.

— Плачу.... нѣтъ, мнѣ не плакать надо—мнѣ умирать теперь надо! проговорилъ онъ.—Артамонъ то Сергѣевичъ - вѣдь это господинъ мой, мой благодѣтель! Неотлучно пятнадцать лѣтъ я былъ при немъ: и въ радости и въ горѣ ему сопутствовалъ... Еще ребенкомъ былъ я, какъ онъ купилъ меня. До него я былъ у злого человѣка, тотъ билъ и терзалъ меня ежечасно... а онъ то, мой добрый бояринъ, ни разу и руки на меня не поднялъ. Ни разу и дурного слова не слыхалъ я отъ него. Онъ самъ, самъ училъ меня добру, разуму, самъ далъ уразумѣть мнѣ величіе Божіе, познать Христа Спасителя, окрестилъ меня въ вѣру православную, былъ моимъ воспріемникомъ, награждалъ меня, раба недостойнаго, всячески, какъ былъ онъ въ счастіи. А попалъ въ немилость, высланъ изъ Москвы былъ, такъ я не отсталъ отъ него. Знаю всѣ обиды, всѣ тѣсноты, голодъ и холодъ. которые терпѣлъ онъ. Бывало тяжело ему: и сердце то болитъ и тѣло то болитъ—мы въ Пустозерскѣ были—а ни разу онъ, голубчикъ, не возропщетъ, ни разу-то не сорвалъ сердца на рабѣ своемъ. Призоветъ меня, бывало, къ себѣ, скажетъ: „Ну что, Иванушко, плохо намъ жить съ тобою, да видно ужь доля моя такая, а ты то за что терпишь? оставь меня, Иванушко. У самого меня теперь мало денегъ, а все же тебѣ на дорогу хватитъ, возвращайся въ Москву, тамъ тебя мои благопріятели не обидятъ, примутъ. Брошусь я ему въ ноги, цѣлую его ручки, говорю: хоть на самое дно адово пойдешь ты, бояринъ, такъ и я за тобой, ты въ огнѣ будешь горѣть, и я въ огнѣ буду горѣть. А онъ то меня, раба чернаго, поднимаетъ, цѣлуетъ, а самъ плачетъ...“

Тутъ новыя рыданія прервали рѣчь негра. Онъ опять кинулся на землю, и рвалъ на себѣ волосы, и стоналъ, и метался.

Люба не знала, что дѣлать; но вотъ онъ приподнялъ свою голову, и продолжалъ мучительнымъ шопотомъ:

„Вотъ пріѣхали мы въ Москву, онъ радуется, и я радуюсь. Только чуяло нынче мое сердце бѣду страшную: какъ выѣхалъ бояринъ изъ дому, такъ я мѣста себѣ не могъ найти, а теперь вотъ взялъ да и пошелъ въ Кремль—слышалъ, что тамъ стрѣльцы буянятъ.... Но такого, охъ, такого и въ мысляхъ не было!.. убили окаянные, на части растерзали боярина, что-жь я теперь буду дѣлать? Такъ пойду хоть послѣдній разъ взгляну на него, хоть слезами оболью его мертвую голову....

— Нѣтъ, не ходи, голубчикъ, сказала ему растроганная Люба,—все равно тебя не впустятъ, только убьютъ зо даромъ. Ужь и сама не знаю, какъ я то оттуда выбралась; у всѣхъ воротъ караулы наставлены.... убьютъ, говорю.

Негръ сидѣлъ неподвижно.

— Ладно, сказалъ онъ, и то правда. нельзя мнѣ умирать теперь, пока я не отдалъ послѣдняго долга боярину. Буду караулить, доколѣ можно будетъ незамѣтно пробраться. Да и тебя теперь нельзя оставить... Гдѣ вы живете? Куда его нести нужно.

Люба сказала.

— Эхъ ма! даль-то какая! Ну, да пожди здѣсь, можетъ я это и улажу.

И онъ, отеревъ свои слезы, всталъ и пошелъ въ глубь сада, туда, гдѣ сквозь древесныя вѣтви виднѣлось какое то строеніе.

Это былъ маленькій домикъ. Негръ подошелъ къ нему и постучался.

Долго никто не откликался на стукъ его, между тѣмъ онъ слышалъ, какъ въ домѣ бѣгаютъ; до него доносились неясные голоса. Наконецъ изъ окошка выглянула голова молодаго парня.

— Э, да это Иванъ! баушка Арина, не пужайся! Иванъ это Матвѣевскій.

Скоро дверь отворилась, и на порогѣ ея показалась маленькая сморщенная старуха.

— Иванушко, ты ли это? сказала она.

— Я, Арина Панкратьевна, я.

— Такъ входи, что-ты? а я было испужалась—думала, стрѣльцы, они вѣдь нынче все рыщутъ. Въ Кремлѣ то, баютъ, и ни вѣсть что дѣется: бояръ рѣжутъ, царское семейство рѣжутъ... Сколько зимъ не видались мы, Иванушко, говорила старуха; —ну что бояринъ?

Негръ не могъ ужь больше сдерживаться, снова завопилъ онъ отчаянно, такъ что старуха отъ него попятилась.

— Нѣтъ боярина! Убили боярина! наконецъ, сквозь рыданія, произнесъ онъ.

Старуха такъ и всплеснула руками и долго охала, собрала всѣхъ домашнихъ и приступила къ негру съ разспросами. Но онъ ничего не могъ отвѣтить.

Наконецъ, онъ вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ сюда. Разсказалъ старухѣ, какъ встрѣтился съ дѣвушкой, которая несла раненнаго человѣка, и что этотъ человѣкъ въ себя не приходитъ, а до дому имъ далеко, такъ нельзя ли запречь телѣжку довезти,—не то что-жь, у васъ въ саду и помретъ, пожалуй. Эти послѣдніе слова сразу подѣйствовали.

Арина Панкратьевна немедленно же велѣла одному изъ своихъ многочисленныхъ внуковъ запрягать лошадь.

Негръ вернулся къ Любѣ и сказалъ, что онъ все устроилъ, и что теперь они скоро будутъ дома.

— Спасибо, прошептала Люба сквозь слезы,—только вотъ посмотри—теперь мечется онъ, а меня не узнаетъ.

Малыгинъ лежалъ съ открытыми, но мутными глазами и тихо стоналъ.

Негръ перемѣнилъ повязку, осмотрѣлъ рану:

— Ну что? скажи ради Христа, неужто умретъ онъ?

— Ничего сказать не могу—рана глубокая. Молись, можетъ Господь и помилуетъ.

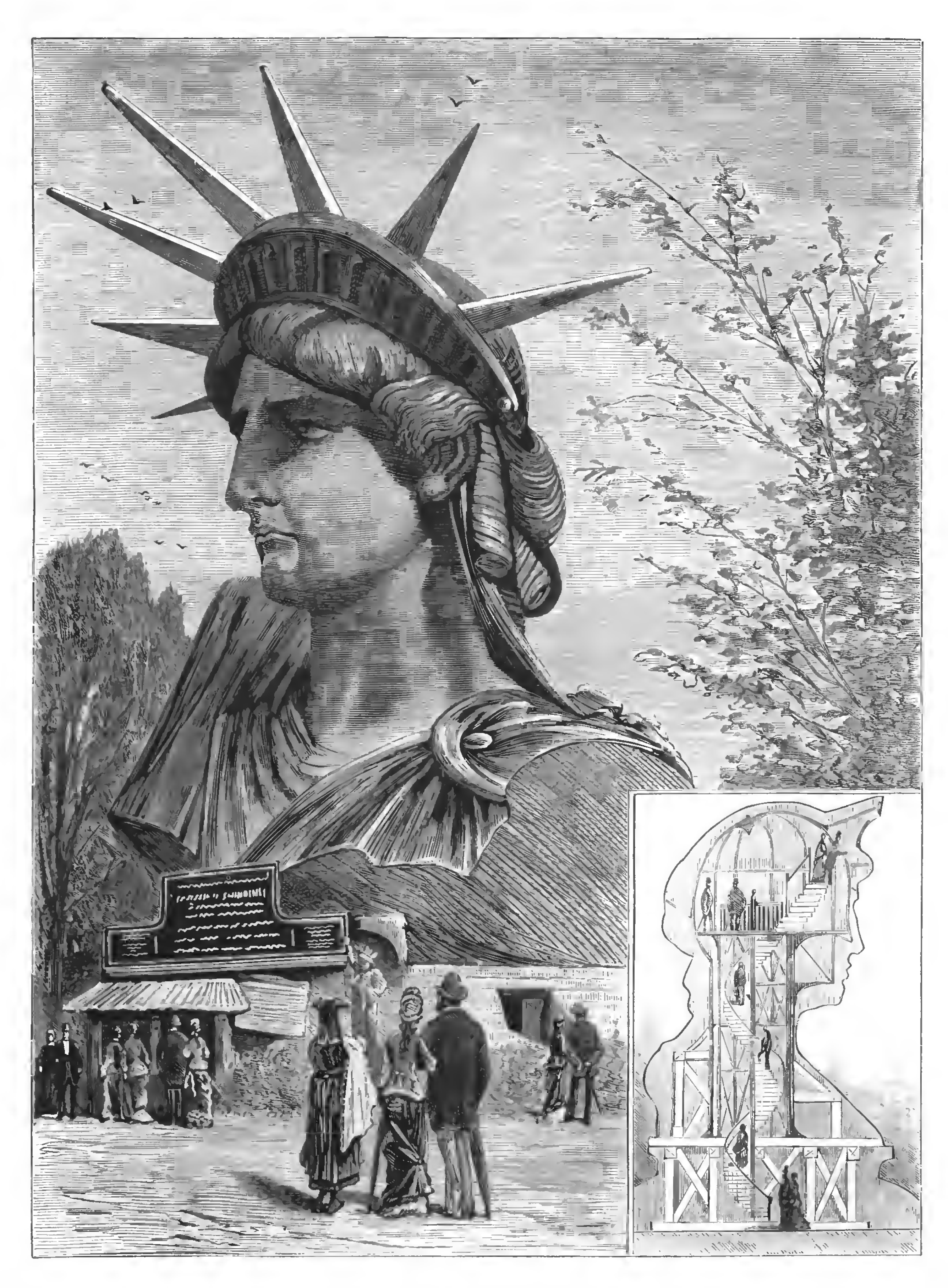
Люба прижала къ себѣ руку Николая Степановича, склонила голову и неудержимо, горько плакала.

Черезъ нѣсколько минутъ телѣга была готова, и закоулками да задворками Малыгина кое-какъ довезли до его дома.

(Продолженіе будетъ).



Хайберскій проходъ, на границѣ Афганистана и Индіи, и типы афганцевъ. Рис. и грав. М. Рашевскій.



**Всемірная выставка въ Парижѣ: Голова статуи „Свободы“ предназначенная къ постановкѣ въ гавани Нью-Іоркскаго порта въ память независимости Америки.** (Наружный и внутренный видъ). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

# Къ рисункамъ.

## Воскресенскій Монастырь.

Воскресенскій Новый Іерусалимъ, названный такъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, находится въ 47 верстахъ отъ Москвы, близь безъуѣзднаго города Воскресенска, на берегу р. Истры. Основателемъ монастыря былъ Патріархъ Никонъ. Начавъ строить монастырь съ храмомъ по образцу Іерусалимскаго храма Воскресенія Христова, онъ воздвигъ зданіе до сводовъ, но подпавъ царскому гнѣву, былъ низложенъ съ патріаршаго престола. (въ 1666 г.), и постройка храма оставлена была до времени Ц. Ѳеодора Алексѣевича, который, въ 1679 г., посѣтивъ это мѣсто, приказалъ продолжать начатое строеніе. Храмъ освященъ въ 1685 г., но, вслѣдствіе излишней тяжести, главный куполъ обрушился, а бывшій потомъ пожаръ опустошилъ и прочія зданія, и обитель снова была забыта до времени царствованія Императрицы Елисаветы Петровны. Она въ 1748 г., повелѣла возобновить начатое Никономъ, и въ 1765 г. всѣ монастырскіе постройки окончены.

Лучшее изъ зданій безспорно—соборъ во имя Воскресенія Христова. Онъ имѣетъ болѣе 30-ти придѣловъ; вышина его 30 саж. и 1 ар. Главный куполъ имѣетъ трое хоръ. Подъ куполомъ небольшое зданіе, заключающее гробъ Господень, сдѣланный въ точную мѣру Іерусалимскаго, передъ гробомъ висятъ 10 серебряныхъ лампадъ, пожертвованныхъ Императорскою фамиліей. Это надгробное зданіе украшено снаружи богатымъ иконостасомъ. При выходѣ изъ гроба Господня, по обѣимъ сторонамъ ко входу въ большую церковь, стоятъ два изображенія сотниковъ Логгина и Корнилія; со входу отъ гроба прямо въ церковь подъ арками на простѣнкахъ находятся 2 картины, представляющія совѣтъ Іудейскій по случаю молвы, разнесшейся о Воскресеніи Спасителя. За этими картинами пониже амвона лежитъ 4-хъ-угольная плита, означающая въ Іерусалимѣ средину земли. Влѣво на сѣверъ находится темница Спасителя, сидящаго въ терновомъ вѣнкѣ; за темницею церковь во имя Успенія Богоматери; въ этой церкви на лѣвой сторонѣ палатка; въ ней, по правую сторону иконостаса, писанное на холстѣ, изображеніе креста Господня, въ точную мѣру того, на которомъ былъ распятъ Господь. По обѣ стороны креста изображены Ц. Константинъ и Ц. Елена, внизу Ц. Алексѣй Михайловичъ, а ниже ихъ патріархъ Никонъ. Близь креста картина: Христосъ предъ судомъ Іудейскимъ. Далѣе придѣлъ Муч. Логгина Сотника и церковь Андрея Іерусалимита, а за нею придѣлъ во имя Спасителя. За этимъ придѣломъ сходъ въ земляную пещеру, въ которой былъ обрѣтенъ крестъ Господень. Въ ней церковь во имя Константина и Елены. Недалеко отъ церкви вправо башенка, съ колодцемъ, обложеннымъ мраморомъ. Возвратившись изъ подземной церкви, входимъ на лѣво въ церковь Терноваго вѣнца. Подлѣ церкви келлія, въ которой патріархъ въ Іерусалимѣ, во время Св. Пасхи, готовится къ служенію: далѣе есть другая подобная келлія называемая Авраамовою. На югъ отъ нея устроена лѣстница или путь на Голгофу, подъ нимъ темница, съ церковью во имя Іоанна Предтечи. Въ этой церкви находится гробъ Патріарха Никона, надъ которымъ виситъ его келейный образъ Божіей Матери, сдѣланный изъ благовонной мастики греческой работы, и вериги, которыя Никонъ во время молитвы надѣвалъ на себя.

Кромѣ главнаго собора въ обители есть церковь во имя Рождества Христова, постройка которой начата въ 1688 г. иждивеніемъ царевны Софіи Алексѣевны. Эта церковь имѣетъ 4 придѣла; во имя входа Господня въ Іерусалимъ, во имя Василія Вел., Григорія Богосл. и Іоанна Златоуста; она находится при императорскомъ дворцѣ. Послѣ пожара, бывшаго въ монастырѣ, какъ церковь, такъ и дворецъ сгорѣли и вновь устроены на суммы, пожертвованныя Императоромъ Павломъ I. Монастырская колокольня также устроена по образцу Іерусалимской.

Въ обители сохраняется въ серебряномъ ковчегѣ (украшенномъ въ 1704 г. Екатериною II) кисть правой руки Муч. Татіаны принесенная въ даръ монастырю цар. Татіаною Михайловной. Въ монастырской ризницѣ сохраняются церковныя драгоцѣнности: евангелія въ богатыхъ окладахъ, сосуды, кресты, ризы и пр., историческія достопамятности: клобукъ патріарха Никона, посохъ, шляпа и обувь. Въ библіотекѣ монастырской имѣется много книгъ на разныхъ языкахъ и нѣсколько экземпляровъ рукописныхъ евангелій; изъ нихъ замѣчательны древнія Евангелія на славянскомъ языкѣ, писанныя стариннымъ чистымъ почеркомъ на пергаментѣ, когда въ Россіи еще не было книгопечатанія. Многія за собственноручной подписью Патр. Никона.

Великолѣпіе храма, знаменитость основателя обители и ея прекрасное мѣстоположеніе, особенно въ лѣтнее время, привлекаютъ въ этотъ монастырь множество посетителей.

## Афганистанъ.

Афганистанъ составляетъ восточную часть Иранской возвышенности и находится между Персіей, Туркестаномъ и Индіей. Географическое положеніе дѣлаетъ его важной страной въ торговомъ отношеніи между сѣверо-западной и юго-восточной Азіей, а по очертанію своей почвы онъ является естественнымъ оплотомъ Индѣйской имперіи противъ нападеній съ сѣвера. Четыре пятыхъ страны покрыто горами, вершины которыхъ достигаютъ облаковъ и держатъ на себѣ вѣчные снѣга. На сѣверѣ, Афганистанъ граничитъ хребтомъ Гиндуку, съ западными отрогами Кохъ и Баба и горами Паропамиза. Еще со временъ Александра Македонскаго хребетъ Гиндуку считался твердыней, охраняющей страну отъ вторженій изъ Средней Азіи. На юго-востокѣ границей служатъ Сулеймановы горы съ Хайберскимъ проходомъ, чрезъ который идетъ торговый путь въ Индію. Вообще Афганистанъ представляется массою горъ, изрѣзанныхъ долинами, по которымъ пробѣгаютъ быстрыя рѣки. Изъ рѣкъ болѣе другихъ замѣчательны Мурхабъ, Хари-Рудъ, Балхъ, Кабулъ и Гальмендъ. Но всѣ эти рѣки, исключая нижней части Кабула, не судоходны. Во время таянія снѣговъ онѣ широко разливаются и превращаются въ ужасно бурные потоки. Долины Афганистана отличаются красотою, а красотой соперничествуютъ съ плодородіемъ почвы. Почва Афганистана въ изобиліи производитъ всѣ виды индѣйскихъ хлѣбныхъ растеній, хлопокъ, табакъ, марену, сахарный тростникъ. Розы, жасминъ, гіацинты растутъ на открытомъ воздухѣ; склоны горъ покрыты густыми лѣсами; тутъ можно встрѣтить и нашъ дубъ и сѣверныя сосны. Въ одной изъ плодоносныхъ долинъ хребта Гиндуку расположенъ городъ Кабулъ, резиденція эмира; тутъ же недалеко лежатъ и Хажа и Джелалабадъ—важные пункты въ стратегическомъ и военномъ отношеніяхъ. На сѣверо-западѣ, въ мѣстности, которая по своему плодородію носитъ названіе житницы Азіи, находится Гератъ, прежняя столица Афганистана. Въ юго-западной части Афганистана, на сѣверной окраинѣ Зайстанской степи, лежитъ Кандагаръ—самый важный складочный пунктъ для индо-персидской торговли. Въ историческомъ отношеніи въ Афганистанѣ замѣчательны города Анчи (Зараспіо), гдѣ Александръ Великій расположился на зимнія квартиры въ 327 году и Балехъ (Бектра древнихъ), мѣсторожденіе Зароастра. Въ торговомъ отношеніи важенъ также Майменъ, гдѣ бываетъ конная ярмарка и Джермъ—своими рубиновыми копями.

Афганистанъ дѣлится на 5 областей, отчасти непосредственно подчиненныхъ эмиру Кабульскому, отчасти пользующихся нѣкоторой долей независимости. Населеніе Афганистана составляютъ афганцы. таджики, кизиль-баши, гиссары, узбеки, индусы, кафиры, арабы, хайберцы, джаты и общая сумма жителей считается до 10 милліоновъ. Господствующимъ народомъ являются афганцы, называемые также патенами или пушту. Они собственно составляютъ половину всего населенія страны. Афганцы дѣлятся между собой на 5 племенъ или 405 общинъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что они произошли отъ 10 колѣнъ Израиля. Послѣ афганцевъ наиболѣе многочисленнымъ народомъ считаются таджики. Слово „таджикъ“ значитъ поселянинъ, въ противоположность слову турокъ, что значитъ воинъ. Индусы принадлежатъ преимущественно къ кастѣ воиновъ и живутъ въ городахъ. Арабы выдаютъ себя за потомковъ пророка. Хазары или Гиссары происходятъ, какъ говорятъ, отъ монголовъ или, какъ говорятъ другіе, отъ узбековъ. Это народъ преимущественно кочевой и независимый. Большая часть населенія принадлежитъ къ сунитской сектѣ, шіиты встрѣчаются въ небольшомъ числѣ.

Афганы высоки ростомъ, стройны, имѣютъ черные волосы, живые, проницательные глаза. Они мужественны и съ юности привыкли обращаться съ оружіемъ, проводить большую часть времени на лошади. Пріученные къ зною и холоду, они очень выносливы и не боятся опасности, напротивъ, даже ищутъ борьбы, для которой страна представляетъ много удобныхъ случаевъ. Здѣсь почти не прекращаются междоусобныя войны, и даже женщины и дѣти у афганцевъ представляютъ далеко не шуточную военную силу. Шестилѣтній афганецъ уже ловко владѣетъ ножемъ и мушкетомъ. Вліяніе эмира во внутреннихъ дѣлахъ не особенно значительно, хотя воззваніе къ борьбѣ съ внѣшними врагами всегда находитъ быстрый откликъ. Народъ вообще ставитъ здѣсь выше всего личную свободу, и гражданскіе законы не могутъ имѣть точнаго характера. Всѣ споры здѣсь рѣшаются общимъ собраніемъ *бѣлыхъ бородъ*, разбирающихъ дѣла на основаніи словъ корана. Образованіе здѣсь, разумѣется, стоитъ очень низко, только купцы да духовенство умѣютъ писать и читать. Въ грамотности вообще употребляется персидскій языкъ, и на собственномъ нарѣчіи существуетъ только нѣсколько богословскихъ и поэтическихъ сочиненій. Религія не избавляетъ народъ отъ суевѣрій, и здѣсь вездѣ занимаются гаданьемъ, астрологіей: носятъ амулеты, слушаютъ колдуновъ. Гостепріимство здѣсь, какъ у многихъ восточныхъ народовъ, развито; но гость, случайно зашедшій, безопасенъ только, пока онъ въ палаткѣ хозяина; переступивъ порогъ ея, онъ уже долженъ защищаться, если хозяину что нибудь понравилось въ гостѣ, и онъ захочетъ это пріобрѣсть, или же наоборотъ—если хозяину чѣмъ-нибудь не-

угодилъ гость—тогда горе ему. Со своими рабами афганецъ обходится довольно кротко. Безъ объясненій понятно, что здѣсь существуетъ месть и у многихъ афганскихъ племенъ блюдется обычай отплачивать кровь женщинами. Убійца долженъ отдать семьѣ убитаго двѣнадцать своихъ родственницъ; шесть женщинъ идутъ въ уплату за выбитые зубы и такая же цѣна, смотря по опасности, назначается за раны. Нѣкоторые путешественники разсказываютъ, что изъ числа мелкихъ племенъ, населяющихъ Афганистанъ, есть, напримѣръ, сіагпуши. Племя это бѣлолицое, русоволосое, съ голубыми глазами—по всѣмъ вѣроятіямъ арійскаго происхожденія; оно живетъ въ неприступныхъ горахъ и сохраняетъ остатки своей языческой религіи. О племени Зака Каппъ, также очень незначительномъ, идетъ молва, что почти каждый изъ этого племени воръ. Разсказываютъ, что у нихъ даже существуетъ обрядъ: при рожденіи каждаго новаго члена въ семьѣ протискивать чрезъ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ, при чемъ три раза произносятся слова, въ переводѣ на нашъ языкъ означающія „будь воромъ“. Обрядъ этотъ прямо указываетъ на нравы народа.

Еще не такъ давно у этого племени не было святого, къ которому бы они могли ходить на поклоненіе, подобно другимъ племенамъ. Они, незадумываясь, убили одного человѣка, проходившаго по ихъ землѣ въ Кабулъ, зарыли его на вершинѣ холма, а потомъ и начали отправляться на поклоненіе его костямъ.

Городъ Кабулъ, столица эмира, считаетъ до 40,000 жителей. Изъ зданій въ немъ особенно заслуживаютъ вниманія: главная мечеть, дворецъ эмира, цитадель, центральный базаръ, выстроенный взамѣнъ разрушеннаго англичанами въ 1842 г. Городъ Маименъ лежитъ посреди горъ и видѣнъ только на четверть мили разстоянія. Онъ чрезвычайно грязенъ, дурно построенъ, дома его сдѣланы изъ глины; въ немъ имѣется три мечети и двѣ медрессе (училища). На западномъ концѣ города высятся глиняныя же стѣны цитадели и раскинулись неглубокіе рвы. Впрочемъ, кстати сказать, грозная сила Маймена состоитъ всего вѣрнѣе въ храбрости его защитниковъ, чѣмъ въ стѣнахъ и рвахъ. Маименъ производитъ торговлю лошадьми, и здѣшнія лошади очень хорошія и очень дешевы. Кромѣ лошадей Маименъ торгуетъ коврами и матеріалами изъ шерсти и верблюжьяго волоса, приготовляемыми туркестанскими женщинами. Отсюда же идетъ въ Персію и Багдадъ мелкій виноградъ (кишь-мишь), анисъ и фисташки.

Гератъ по своему положенію можетъ быть названъ ключемъ Средней Азіи. Жители востока прозвали его Дженнестифатъ (подобнымъ раю); не принимая этого сравненія, все-таки нельзя не согласиться, что окружающая Гератъ мѣстность полна несомнѣнной прелести. Еще съ незапамятныхъ временъ Гератъ слыветъ большимъ рынкомъ для караванной торговли между Испаганомъ съ одной стороны, Бухарой и Пенджабомъ съ другой. Политики и завоеватели Средней Азіи придаютъ ему такое важное значеніе, что сдѣлали изъ него яблоко раздора для различныхъ національностей и, если вѣрить преданію, Гератъ вслѣдствіе этого выдерживалъ пятьдесятъ разъ осаду. Гератъ знаменитъ своей розовой водой и сабельными клинками. Самый городъ, какъ и всѣ города востока, хранитъ въ себѣ много древнихъ и современныхъ развалинъ. Развалины эти, какъ и вездѣ—древнія и красивѣе и величественнѣе.

Афганистанъ вообще богатъ разнаго рода развалинами, свидѣтельствующими о его прежнемъ цвѣтущемъ состояніи. Развалинъ особенно много въ долинахъ Тарнака и Гильмунда, тутъ на каждомъ шагу встрѣчаются остатки разрушенныхъ зданій, засыпанные канавы и другіе слѣды бывшей культуры края. Все это плоды завоевательныхъ походовъ Тамерлана, Чингисхана, Александра Великаго.

По своимъ естественнымъ произведеніямъ страна также можетъ быть названа весьма богатою страною: здѣсь находится золото, серебро, желѣзо, свинецъ, въ изобиліи встрѣчается соль, селитра, сѣра. Но всѣ эти богатства лежатъ почти нетронутыми, вслѣдствіе отсутствія въ туземцахъ предпріимчивости и отчасти отъ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнъ. Было время, когда Афганистанъ владѣлъ Бухарой и нашимъ нынѣшнимъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ съ Ферганской областью (Коканомъ), онъ захватывалъ тогда своими границами юго-западныя области нынѣшнихъ индо-британскихъ владѣній, границы его доходили до моря и захватывали Белуджистанъ. Но мало по малу границы Афганистана уменьшались вслѣдствіе внутреннихъ безурядицъ, бывшихъ постоянною причиною междоусобныхъ войнъ, послѣдствіемъ которыхъ были потомъ образованія независимыхъ ханствъ. Затѣмъ, начиная съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, англичане съ большею настойчивостью стали заботиться объ уменьшеніи предѣловъ Афганистана. Теперь они уже перебросили свою границу за р. Индъ къ самымъ пограничнымъ городамъ Афганистана, устроивъ впереди Пешавера укрѣпленный пунктъ Джамрудъ (близь Хайберскаго прохода, отъ котораго идетъ дорога въ Кабулъ) владѣютъ теперь Кучаискимъ проходомъ и Кветтой съ Боконскимъ проходомъ. Однако и теперь Афганистанъ все таки страшный и опасный сосѣдъ для англичанъ, царствующихъ въ Индіи. Афганистанъ—путь изъ Европы въ Индію.

Рисунки, приложенныя къ этому № „Нивы“ ,изображаютъ, одинъ—видъ города Кабула, другой—видъ Хайберскаго прохода. Хайберскій проходъ составляетъ одинъ изъ двухъ единственныхъ проходовъ въ Индію и потому становится мѣстомъ чрезвычайной важности. Онъ начинается у Джамруда, въ десяти миляхъ на западъ отъ Пешавера и тянется до Даки, на протяженіи тридцати трехъ миль. Но настоящій входъ въ ущелье находится въ Кадатѣ, мѣстечкѣ въ трехъ миляхъ на западъ отъ Джамруда, маленькой деревушки, окруженной валомъ. (Здѣсь укрѣпленный пунктъ, устроенный Англичанами). Въ 1000 ярдовъ отъ Кадаша ущелье съуживается до 150 ярдовъ, съ крутыми обрывистыми утесами по обѣ стороны. Между этимъ мѣстомъ и афганскимъ пограничнымъ фортомъ Али-мусьидъ, расположеннымъ въ десяти миляхъ оттуда, горы по обѣ стороны достигаютъ 1,500 футовъ въ высоту, будучи при этомъ совершенно обнажены и недоступны по своимъ крутизнамъ; ширина прохода измѣняется отъ 290 до 40 футовъ. На протяженіи двухъ съ половиной миль за Али-мусьидомъ проходъ сохраняетъ свой малодоступный характеръ. Затѣмъ онъ выходитъ въ Лалабегскую долину, имѣющую около шести миль въ длину и среднюю ширину въ полторы мили. Но западный конецъ этой долины переходитъ еще въ болѣе узкое ущелье, въ которомъ съ трудомъ могутъ разойтись два верблюда. О хайберцахъ, обитателяхъ этой мѣстности, мы можемъ сказать, что между ними и войсками эмира существуетъ сильное враждебное чувство. Говорятъ, что недавно хайберцы были аттакованы и деревни ихъ опустошены по приказанію эмира.

Нашимъ читателямъ уже извѣстно о послѣднихъ событіяхъ въ Афганистанѣ, бывшихъ причиною разрыва отношеній между англичанами и Афганскимъ эмиромъ. Разрывъ этотъ привелъ къ тому, что въ той и другой сторонѣ готовятся къ войнѣ. Въ виду этого сообщимъ здѣсь нѣсколько словъ объ оборонительныхъ силахъ Ширъ-Али.

По извѣстіямъ изъ Лондона, оборонительныя силы его представляютъ слѣдующіе размѣры. Ширъ-Али обратилъ особенное вниманіе на увеличеніе и обученіе своихъ войскъ. Полагаютъ, что въ распоряженіи эмира теперь находится болѣе 20 полковъ пѣхоты и 7 полковъ кавалеріи. Въ отдѣльности боевыя силы Кабула и Кандагара опредѣляютъ по 2,500 человѣкъ пѣхоты; 3.000 регулярной и 10,000 иррегулярной кавалеріи, при 45 орудіяхъ. Сюда нужно присоединить гарнизоны мирнаго времени: полкъ пѣхоты въ Кандагарѣ, полкъ пѣхоты въ Хузни, одинъ полкъ и 5 орудій въ Кале-и-Гильфаѣ, полкъ пѣхоты, полкъ стрѣлковъ и 5 орудій въ Курамѣ и около 10.000 человѣкъ съ 3 батареями въ Балхѣ. Гератъ можетъ выставить 5 полковъ пѣхоты, по 500 человѣкъ въ каждомъ и 5 полконъ кавалеріи, по 450 человѣкъ въ каждомъ, всего около 5,000 человѣкъ. Кромѣ этихъ регулярныхъ войскъ въ Кандагарѣ, Гератѣ и Кабулѣ, Ширъ-Али располагаетъ многими военными отрядами, которые обязаны поставлять отдѣльныя узбекскія ханства къ сѣверу отъ Кабулистана. Но всѣ эти регулярныя войска ничтожны сравнительно съ массами милиціи или народнаго ополченія. Эмиръ призывалъ всѣхъ начальствующихъ главъ пограничныхъ племенъ, и они согласились повиноваться его приказаніямъ. Момунды идутъ на соединеніе съ войсками эмира. Якубъ-ханъ, сынъ эмира, бывшій долгое время въ заточеніи, освобожденъ и назначенъ командующимъ части войскъ своего отца.

Нужно замѣтить, что самая природа страны представляетъ собою всѣ средства обороны и одолѣть ихъ можно только съ величайшимъ трудомъ.

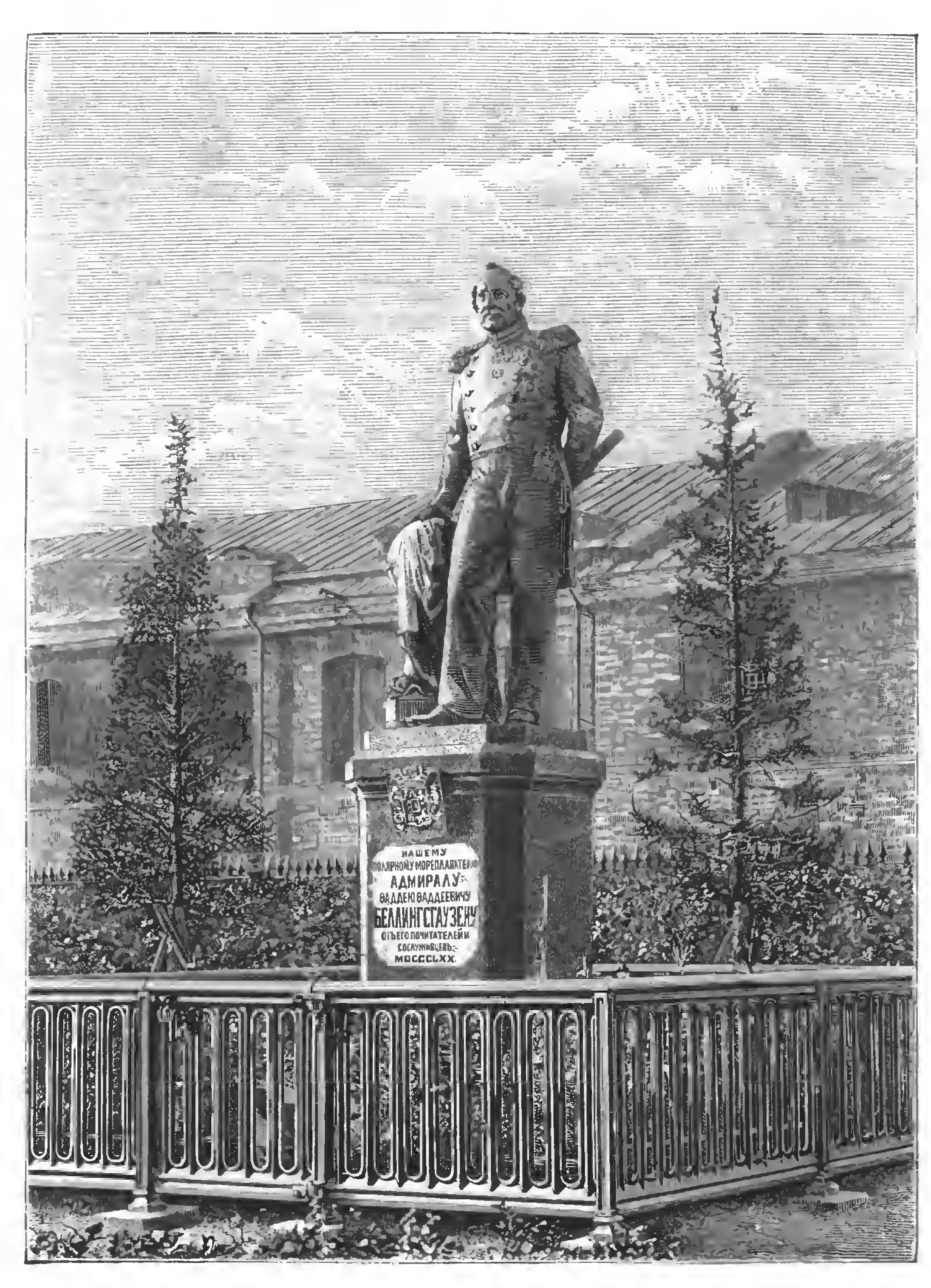
Объ этихъ предстоящихъ трудностяхъ англичане уже имѣютъ достаточно ясныя понятія. Они уже пробовали когда-то тому назадъ лѣтъ сорокъ пять, а именно въ 1842 году, забраться въ Афганистанъ, но эта попытка кончилась поразительною неудачею. Объ этой несчастной экспедиціи 1842 года до сихъ поръ они говорятъ со страхомъ, и по словамъ самихъ англичанъ ни одно событіе въ исторіи британскаго владычества въ Индіи не производило болѣе глубокаго впечатлѣнія на Англію, какъ безславное отступленіе ея войскъ отъ столицы Афганистана. Трудности, съ которыми былъ сопряженъ переходъ чрезъ Сулиманскій горный хребетъ, до сихъ поръ пугаютъ англичанъ и даже значительно болѣе чѣмъ всѣ описанія борьбы съ афганцами и горными племенами. Вступленіе въ 1842 году въ непріятельскую землю совершилось безъ особенныхъ затрудненій, но за то положеніе англичанъ внутри страны и выходъ оттуда были поистинѣ ужасны. Ихъ тѣснили и морили на мѣстѣ, и жали и давили въ проходахъ горъ. Ихъ преслѣдовали среди отвѣсныхъ скалъ, имъ не давали возможности пить, разставившись у каждаго ручейка и поджидая бѣдняковъ. Загораживали дорогу кучами палокъ и кустовъ, а выпавшій снѣгъ и подтаявшій въ тепломъ воздухѣ обледенилъ путь. Съ трудомъ и немногимъ уже изъ отряда удалось вырваться изъ „этого ада“.

Но не смотря на страхъ, до сихъ поръ еще царствующій въ массѣ англійскаго народа при воспоминаніи объ этой несчастной экспедиціи, „правители страны“, повидимому, имѣютъ неуклонное намѣреніе смирить афганскаго эмира. Оно конечно, „Британскому правительству“ не такъ страшно какъ народу, ибо тяжесть войны отражается на этомъ же все народѣ,

а п авительство вовсе не знаетъ этой тяжести, именно той ея стороны, которая всего ужаснѣе для народа: тяжести сиротства, бѣдности, ранъ, увѣчья и т. д. и т. д.

Что произойдетъ теперь у афганцевъ съ англичанами, чѣмъ кончатся начавшіяся непріязненныя дѣйствія—неизвѣстно; мы уже знаемъ только то, что эмиръ Ширъ-Али Афганскій доказываетъ дружественное расположеніе свое къ Россіи, и въ настоящее время въ Ташкентъ пріѣхало афганское посольство, какъ бы въ отвѣтъ на наше посольство, отправленное 2-го іюля съ цѣлію завести прямыя торговыя сношенія съ Афганистаномъ и Индіей, а также высказать эмиру признательность за его образъ дѣйствій по отношенію Россіи во время Русско-Турецкой войны. Посольство эмира представлялось генералу Кауфману и, какъ говорятъ, намѣрено отправиться въ Петербургъ.

Н.




**Памятникъ адмиралу Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузену, въ Кронштадтѣ.** Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

# Заявленіе.

Издатель журнала „Нива“ имѣетъ честь заявить, что тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые подписались **только на второе полугодіе** „Нивы“, преміи ея: „Бояринъ Борисъ Годуновъ, и кудесники, предсказывающіе ему царствованіе“, и „Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти, Ѳеодоръ и Ксенія“, высланы не будутъ, какъ объ этомъ не разъ заявлялось. Подписавшіеся на второе полугодіе могутъ доплатить 3 р. за первое полугодіе и тѣмъ самымъ получить право на пріобрѣтеніе всѣхъ №№ перваго полугодія съ преміями.

(Продолженіе на стр. 793, 794, 795 и 796).

## Парижская Всемірная Выставка.

Громадная голова съ лучистымъ вѣнцомъ на ней, изображенная на нашемъ рисункѣ, принадлежитъ статуѣ *Свободы, озаряющей міръ.* Статуя эта предназначается для Нью-Іоркскаго порта и будетъ поставлена на небольшомъ островкѣ р. Гудзона, противъ Лонгъ-Исланда, гдѣ была пролита первая кровь въ борьбѣ за независимость Америки. Статуя эта будетъ стоящая; одной рукой она будетъ держать таблицы законовъ, другой-же, высоко поднятой—горящій факелъ; ногами она будетъ попирать разбитыя оковы. Назначеніе статуи—служить маякомъ и освѣщать гавань, а также часть города Нью-Іорка—Джерсей и Бруклинъ. Идея возникновенія ея принадлежитъ французамъ, которые, желая выказать свое сочувствіе родственной трансатлантической республикѣ, въ память столѣтней годовщины провозглашенія независимости Сѣверо-Американскихъ штатовъ, и поручили скульптору Бартольди сдѣлать этотъ колоссальный памятникъ, который долженъ быть отлитъ изъ мѣди и со своимъ пьедесталомъ достигнетъ высоты тридцати двухъ саженъ. О размѣрахъ статуи можно составить понятіе по ея головѣ, въ которой устроена цѣлая комната; въ комнату же ведетъ прекрасная витая лѣстница, что ясно видно на нашемъ рисункѣ. На выставкѣ голова статуи Свободы поставлена въ паркѣ Марсоваго поля, со стороны Іенскаго моста.—Въ прошедшей статьѣ нашей о выставкѣ мы говорили объ изобрѣтеніяхъ нашего соотечественника г. Яблочкова новаго освѣщенія посредствомъ электрической свѣчи. Теперь носятся слухи, что это освѣщеніе будетъ введено у насъ взамѣнъ газа. Указываютъ на Невскій проспектъ и Большой театръ, которые будто бы будутъ освѣщены новымъ свѣтомъ. Такимъ образомъ, русское изобрѣтеніе, которое появилось на Всемірной выставкѣ во французскомъ отдѣлѣ, будетъ примѣнено у насъ-же самихъ. Кромѣ того открытіемъ г. Яблочкова воспользовался извѣстный американскій изобрѣтатель телефона, микрофона, фонографа и т. д. —Эдиссонъ. Онъ еще улучшилъ способъ освѣщенія, открытый г. Яблочковымъ, да притомъ и нашелъ капиталъ и средства къ широкому распространенію этого изобрѣтенія. Въ настоящее время новый способъ долженъ произвести рѣшительно коренной переворотъ въ системѣ освѣщенія большихъ городовъ. Акціи газовыхъ обществъ уже начинаютъ понижаться и едва ли не грозитъ имъ впереди большая бѣда. Говорятъ, Эдиссонъ заявилъ, что при помощи аппарата въ 500 лошадиныхъ силъ онъ можетъ принять на себя освѣщеніе такого обширнаго города, какъ Нью-Іоркъ. При примѣненіи этого освѣщенія электрическія проволоки проводятся подъ землею, какъ и газовыя трубы, и стоитъ только коснуться пружины, чтобы произвести разомъ освѣщеніе, Спички въ такомъ случаѣ выйдутъ изъ употребленія. Наконецъ благодаря изобрѣтенію Эдиссона, можно будетъ замѣнить паръ электричествомъ повсюду, гдѣ требуется двигательная сила. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ послѣднее время изобрѣтенія слѣдуютъ за изобрѣтеніями. Къ числу изобрѣтеній здѣсь кстати будетъ привести и локомотивъ г. Шмидта, Локомотивъ прибылъ изъ Цюриха въ девять дней, пройдя пространство по простымъ дорогамъ. Локомотивъ этотъ въ тоже время можетъ быть примѣняемъ въ случаяхъ пожаровъ: стоитъ только придѣлать къ нему помпу. Въ шведскомъ отдѣлѣ замѣчателенъ аппаратъ г. Бруніуса, носящій названіе *защитника.* Аппаратъ этотъ служитъ для предотвращенія столкновеній поѣздовъ и другихъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ. Посредствомъ электрическаго тока онъ сообщаетъ поѣзду, находящемуся въ пути о приближеніи другого, точно также о порчѣ рельсовъ, вообще—опасности, предстоящей на пути. Достоинъ вниманія, во французскомъ отдѣлѣ машинъ, усовершенствованный телеграфическій аппаратъ Боло. Съ помощію этого аппарата одновременно по одной и той же проволокѣ могутъ быть отправляемы пять депешъ и въ противоположныя направленія. Аппаратъ этотъ уже дѣйствуетъ между Бордо и Парижемъ, отправляя по три депеши изъ Парижа и по двѣ изъ Бордо.



**Общій видъ города Кабула въ Афганистанѣ, снятый съ верхней стороны цитаделя.** Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Интересны также павильоны братьевъ Розъ и гг. Раулъ Пиктетъ и К° Въ первомъ устроена мельница новой системы, сое-

диненная съ пекарней. Жернова въ этой мельницѣ замѣнены аппаратомъ, имѣющимъ нѣкоторое сходство съ большими кофейными мельницами. Въ дѣйствіе эта мельница приводится паровой машиной и всѣ части ея работаютъ механически, напр. зерно превращается въ муку въ верхнемъ отдѣленіи, затѣмъ мука также механическимъ путемъ пересыпается въ нижній этажъ, гдѣ устроена пекарня. Для управленія всѣмъ ходомъ машины требуется незначительное число рукъ, и вся операція превращенія зерна въ разнаго рода печенья происходитъ чрезвычайно быстро. Во второмъ павильонѣ великолѣпная машина Пиктета приготовляетъ ледъ. Страннымъ кажется видѣть, какъ одна половина машины горяча и пышетъ жаромъ, другая же одѣта льдомъ. Машины Пиктета дѣлаются различныхъ размѣровъ, начиная съ громадныхъ, приготовляющихъ въ теченіи дня до 1000 пуд. льда и до небольшихъ переносныхъ, дающихъ въ часъ около пуда.

Отъ полезныхъ открытій перейдемъ къ диковинкамъ другого рода. Изобрѣтенія въ этомъ родѣ хотя и не имѣютъ практическаго приложенія къ жизни и не могутъ занимать мѣсто въ ряду упомянутыхъ выше предмстовъ, тѣмъ не менѣе и ихъ творцамъ нельзя отказать въ извѣстной долѣ изобрѣтательности и искусства, и эти изобрѣтенія, какъ бы онѣ не казались противоположны предъидущимъ, въ сущности своей все-таки подходятъ, къ тѣмъ, т. е. заключаютъ въ своей основѣ тоже механизмъ. Мы хотимъ сказать объ отдѣлѣ дѣтскихъ игрушекъ. Отдѣлъ этотъ веселитъ собою и забавляетъ. Отъ ничтожнаго су, игрушки доходятъ до тысячи франковъ и болѣе. И какое же разнообразіе онѣ представляютъ собою! Напр. предъ нами фигурируютъ игрушечные звѣри. Вотъ левъ, машущій своей гривой; олень, жующій мохъ; слонъ, поднимающій хоботъ; кролики бѣгаютъ, садятся на лапки, грызутъ морковь. Хороши также клѣтки, въ которыхъ искусственныя птички перелетаютъ съ одного мѣста на другое и поютъ въ тоже время и щебечутъ.

Но мы надѣемся еще имѣть случай говорить о Парижской всемірной выставкѣ и потому, по недостатку мѣста въ этомъ номерѣ, откладываемъ наши сообщенія до другого раза.

## Отправленіе въ школу.

Картина А. Корзухина „Отправленіе въ школу“, рисунокъ съ которой помѣщается въ настоящемъ номерѣ „Нивы“, обращаетъ на себя вниманіе любителей художественныхъ произведеній, сколько добросовѣстностью работы, тщательно, и съ большимъ стараніемъ выполненной, столько-же и самымъ своимъ сюжетомъ. Сюжетъ этотъ весьма, казалось-бы, незначителенъ, но есть въ немъ нѣчто такое, что придаетъ картинѣ много, такъ сказать, душевной теплоты. Сущность сюжета—семейная сценка: мальчикъ, воспитывающійся въ военно-учебномъ заведеніи, прощается съ матерью, прогостивъ дома праздничный день. Старушка, назначенная ему въ проводники, уже давно ждетъ его съ мѣшечкомъ, давно уже онъ простился съ отцомъ, простился уже и съ матерью разъ пятокъ, но все еще она его не хочетъ отпустить, представляя себѣ всю продолжительность разлуки до слѣдующей субботы. Отецъ, какъ и подобаетъ солидному мущинѣ, съ нѣкоторою насмѣшливостію относится „къ такимъ нѣжностямъ“, но „не препятствуетъ“—пусть, молъ, понѣжатся: материнское сердце мягкое...

Вотъ это-то „материнское сердце“ и есть главная суть въ картинѣ, и тотъ кто умѣетъ его понимать, оцѣнитъ съ перваго взгляда на картину, и ея достоинства.

## Маленькая торговка

Картина, изображающая одну только головку молодой дѣвочки, такъ много говоритъ собою: прелестныя дѣтскія глазки имѣютъ въ себѣ столько чудеснаго выраженія, что зритель невольно чувствуетъ душевную привязанность и участіе къ этому милому ребенку. Ребенокъ, въ глазахъ котораго такъ много душевной глубины и нѣжности, поставленъ, повидимому, въ такія житейскія условія, при которыхъ приходится жить перебиваясь, какъ говорится, изъ дня въ день. Но это столкновеніе съ непривѣтливой судьбой не наложило еще своей тяжелой руки на душу ребенка. Ведя свою маленькую торговлю и не только добывая себѣ этимъ средства существованія, а быть можетъ, служа даже поддержкой семьѣ, она остается все еще симпатичнымъ и милымъ ребенкомъ, быть можетъ и даже незамѣчая своей тяжелой доли.

Въ этомъ весь сюжетъ картинки, сюжетъ богатый по выраженію прекраснаго дѣтскаго лица, въ которомъ такъ много душевной прелести.

## Адмиралъ Ѳаддѣй Ѳаддѣевичъ Беллингсгаузенъ.

„Его дѣйствія были совсѣмъ въ другихъ странахъ, ни однимъ изъ русскихъ мореплавателей неприкосновенныхъ. Онъ простиралъ изысканія за южный полярный кругъ, среди льдовъ, противодѣйствовавъ крѣпкимъ вѣтрамъ, при туманахъ, вѣтрахъ и морозахъ; онъ прекратилъ свои изысканія тогда только, когда встрѣтилъ непреодолимыя ледяныя громады, между коими онъ продолжалъ дѣйствовать *три* мѣсяца. На зимнее время онъ пошелъ въ меньшія широты, но вскорѣ возвратился къ тѣмъ же многотруднымъ изысканіямъ; продолжалъ оныя изысканія среди тѣхъ же препятствій отъ льдовъ и погодъ въ теченіе еще *трехъ* мѣсяцевъ, и только тогда пошелъ въ обратный путь, когда увидѣлъ совершенную невозможность продолжать плаваніе далѣе“...

Такими чертами изображаетъ дѣятельность Беллингсгаузена оффиціальный отчетъ „о двукратныхъ его изысканіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ“. Это, дѣйствительно, одинъ изъ адмираловъ, дѣлающихъ честь русскому мореходству.

Ѳаддѣй Ѳаддѣевичъ родился въ 1779 году 17 августа. На 10-мъ году отъ роду онъ былъ опредѣленъ въ Морской Кадетскій Корпусъ и выпущенъ мичманомъ въ 1797 г. Служа на различныхъ военныхъ судахъ и исполняя съ замѣчательною аккуратностію всѣ возлагавшіяся на него порученія и должности, Ѳаддѣй Ѳаддѣевичъ въ 1818 году въ чинѣ капитана 2-го ранга уже командовалъ фрегатомъ „Флора“. Въ 1819 году отправился въ свое знаменитое кругосвѣтное плаваніе, имѣя подъ командою шлюпы „Востокъ“ и „Мирный“. Съ 1839—52 г. (т. е. до самой смерти) состоялъ главнымъ командиромъ и военнымъ губернаторомъ Кронштадта, и въ 1843 г. былъ произведенъ въ адмиралы.

Въ знаменитое свое кругосвѣтное плаваніе, на шлюкахъ „Востокъ“ и „Мирный“ 1819—21 гг. было имъ открыто *29-ть* острововъ и въ числѣ ихъ одна коралловая мель съ лагуномъ. Изъ этихъ о-вовъ 19-ть открыто въ жаркомъ поясѣ, въ умѣренномъ-южномъ 8-мь и въ южномъ-холодномъ 2. Эти послѣдніе открыты въ январѣ 1821 г. Одинъ изъ этихъ вновь найденныхъ о-вовъ названъ именемъ Петра I, виновника и творца Русскаго флота. Въ эту экспедицію шлюпомъ „Мирный“ командовалъ знаменитый адмиралъ Лазаревъ, сохранившій самыя теплыя и, въ историческо-біографическомъ смыслѣ, важныя для насъ воспоминанія о Ѳаддеѣ Ѳаддѣевичѣ.—Извѣстный ученый нѣмецкій географъ, г. Петерманъ, торжественно высказалъ передъ Европою, еще въ 1865 году, что слава Беллингсгаузена основана (и основана справедливо) на мысли, что Беллингсгаузенъ провѣрилъ и исправилъ изысканія англичанина Кука. Послѣ Кука господствовало, основанное на авторитетѣ этого мореплавателя, убѣжденіе, что *приблизиться* къ южному полюсу дальше нельзя, чѣмъ это сдѣлалъ онъ, Кукъ; что за рубежемъ, который открылъ Кукъ, уже нечего искать, нечего открывать. Беллингсгаузенъ осмѣлился идти на *перекоръ* этой господствовавшей до тѣхъ поръ, въ теченіе цѣлыхъ 50 лѣтъ, такъ сказать, деспотической мысли, осмѣлился провѣрить ее... Петерманъ признаетъ, далѣе, что такой громадной поверхности земного шара, какую привелъ въ извѣстность адмиралъ Беллингсгаузенъ, еще не удавалось обслѣдовать ни кому изъ мореплавателей, плававшихъ послѣ него. За эту услугу, нѣмецкій географъ ставитъ имя Беллингсгаузена на ряду съ именами Колумба, Магеллана, Джемса-Росса и т. п. Только послѣ отважнаго плаванія Беллингсгаузена стали возможными дальнѣйшія изслѣдованія американскихъ, англійскихъ и французскихъ мореплавателей. Нашъ адмиралъ прорвалъ поясъ непроницаемыхъ льдовъ и указалъ *присутствіе суши* въ антарктическомъ поясѣ. Джемсу-Россу, по указанной дорогѣ, уже легко было дѣлать свои открытія въ этой части земного шара (въ 40-хъ годахъ). Экспедиція Беллингсгаузена достигала 70° южной широты.

О частной жизни Беллингсгаузена и о его служебной дѣятельности (въ бытность губернаторомъ въ Кронштадтѣ) существуетъ много ходящихъ, еще не собранныхъ въ систему, преданій. Императоръ Николай I называлъ Беллингсгаузена мастеромъ своего дѣла. Въ 40-хъ годахъ у насъ былъ лишь парусный флотъ, но эволюціи этого флота Беллингсгаузенъ съумѣлъ довести до такого совершенства, что однажды нынѣшній Шведскій король Оскаръ, присутствуя, въ качествѣ лейтенанта на маневрахъ у о-ва Гогланда,—не выдержавъ изумленія, воскликнулъ: „держу пари съ кѣмъ угодно, что такихъ эволюцій не сдѣлаетъ ни единый флотъ въ Европѣ“.

Извѣстный историкъ М. П. Погодинъ передаетъ въ своихъ „историко-критическихъ отрывкахъ“, что Беллингсгаузенъ, не смотря на свою нѣмецкую фамилію, ни слова не зналъ по нѣмецки.

Г. Кронштадтъ своимъ украшеніемъ во многомъ обязанъ Беллингсгаузену, въ періодъ его губернаторства. Лучшія зданія и сооруженія Кронштадта были возведены именно въ это время. Въ числѣ этихъ сооруженій нужно упомянуть о пароходномъ заводѣ, сухомъ докѣ, фонтанахъ. По его распоряженію, перестроены офицерскіе и служительскіе флигеля; по его ходатайству увеличенъ лѣтній садъ въ Кронштадтѣ, сдѣланы во многихъ мѣстахъ бульвары и скверы. Незадолго до своей смерти, Беллингсгаузенъ построилъ въ лѣтнемъ саду домикъ, на подобіе Саардамскаго Петровскаго домика.

Адмиралъ Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузенъ скончался 73 лѣтъ отъ роду, 13-го января 1852 года.

Памятникъ Беллингсгаузену въ Кронштадтѣ исполненъ удачно. Фигура статуи сформирована профессоромъ скульптуры И. Н. Шредеромъ; отливка произведена г. Мораномъ; рисунокъ пьедестала и чертежи фундамента исполнены архитекторомъ Монигетти. Гранитныя работы пьедестала—художникомъ Бариновымъ.

# Политическія и внутреннія извѣстія.

Извѣстія изъ Индіи указываютъ на общее сосредоточеніе на ея границахъ военныхъ силъ, афганскихъ и британскихъ. Эмиръ, кромѣ того, старается возбудить джехадъ, т. е. священную войну; но неизвѣстно, увѣнчаются ли успѣхомъ старанія Ширъ-Али, такъ какъ даже и среди мусульманъ въ наше время религіозный фанатизмъ слабѣетъ. Послѣднія телеграммы индійскихъ газетъ говорятъ, что посолъ вице-короля Индіи вернулся изъ Кабула съ отвѣтомъ эмира на письма вице-короля и что содержаніе этого отвѣта весьма неудовлетворительно.

Въ Константинополѣ съ нѣкоторою тревогою слѣдятъ за ходомъ столкновенія между Англіей и Афганскимъ эмиромъ. Хотя турки не питаютъ къ эмиру особенныхъ симпатій, однако желали бы избѣгнуть столкновенія, которое могло бы имѣть для интересовъ ислама роковыя послѣдствія. Султанъ заявилъ англійскому посланнику въ Константинополѣ о томъ, что онъ написалъ эмиру письмо, прося его, какъ добраго мусульманина, войти въ соглашеніе съ Англійскимъ правительствомъ. Между тѣмъ извѣстія изъ другихъ источниковъ говорятъ, что на дняхъ изъ Константинополя отправились въ Кабулъ четыре высшіе офицера оттоманской арміи для предложенія своихъ услугъ Ширу-Али на случай, если между Афганистаномъ и Англіей вспыхнетъ война. И эти офицеры, говорятъ, отправлены въ Афганистанъ турецкимъ военнымъ министерствомъ по просьбѣ эмира. Персія, повидимому, будетъ также играть нѣкоторую роль въ ожидаемыхъ усложненіяхъ въ Азіи. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Тегерана, шахъ по возвращеніи изъ Европы обнаруживаетъ необыкновенную дѣятельность въ дѣлѣ переустройства персидской арміи. Имъ выписаны изъ Австріи офицеры, онъ заказалъ въ Европѣ оружіе, и полагаютъ, что къ осени Персія будетъ въ состояніи сосредоточить на границахъ Афганистана довольно сильную армію, съ дружественными намѣреніями. Кромѣ того, у афганскаго эмира находятся еще союзники въ Америкѣ, въ лицѣ ирландскихъ феніевъ. По рукамъ ихъ ходитъ извѣстіе изъ Америки, что тамошніе феніи затѣваютъ оказать эмиру въ предстоящей борьбѣ посильную для нихъ помощь, чтобы раздавить общаго ихъ врага—Англію. Для людей, сколько нибудь знакомыхъ съ чувствами, питаемыми ирландцами въ отношеніи Англіи, въ такомъ извѣстіи не представляется ничего необыкновеннаго или неожиданнаго. Своею чрезвычайною, граничащей почти съ паникой тревогою, обнаруженной при выступленіи на сцену афганскихъ затрудненій, англичане сами указали на всю серьезность угрожающей ихъ азіатскому владычеству опасности. Ирландцы же, спѣшатъ воспользоваться этимъ указаніемъ.

Неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное турецкою циркулярною депешею на всѣ великія державы побудило турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ къ болѣе частымъ переговорамъ съ австро-венгерскимъ посланникомъ въ видахъ разъясненія разрѣшенныхъ между Австро-Венгріей и Портой вопросовъ. Со времени возвращенія въ Константинополь бывшаго перваго турецкаго делегата на Берлинскомъ конгрессѣ, Каратеодори-паши, угрожающее настроеніе Порты относительно Австріи вдругъ измѣнилось и отношенія между обоими правительствами приняли миролюбивый оборотъ. Порта рѣшила не разсылать второго циркуляра къ великимъ державамъ, а обратилась прямо къ вѣнскому кабинету съ просьбою отказаться отъ оккупаціи Новобазарскаго округа, во избѣжаніе новыхъ затрудненій. Австрія отвѣчала, что она прежде всего обязана выполнить возложенное на нее Берлинскимъ конгрессомъ порученіе и не можетъ принять на себя обязательство, которое было бы противно этому порученію; но что, впрочемъ, она не имѣетъ намѣренія немедленно же занять Новый Базаръ, если только этотъ городъ не сдѣлается притономъ шаекъ боснійскихъ инсургентовъ и очагомъ сопротивленія. Послѣ обмѣна этихъ объясненій Порта отмѣнила свое распоряженіе касательно отъѣзда Османа-паши въ главную квартиру въ Коссовъ. Портѣ, повидимому, чрезвычайно пріятно извѣстіе о предстоящемъ сокращеніи австрійской оккупаціонной арміи.

Русскія войска продолжаютъ возвращаться на позиціи, которыя они до сихъ поръ занимали. Русскіе военные начальники, по словамъ турецкихъ газетъ, прокламаціями предупредили христіанскихъ жителей вновь занятыхъ мѣстностей, что возвращеніе русской арміи, въ сущности, временная мѣра и имѣетъ цѣлію возстановить поколебленное общественное спокойствіе. Даже турецкія газеты признаютъ тотъ фактъ, что христіанское населеніе мѣстностей, очищенныхъ русскими войсками, подъ вліяніемъ паники бѣжало въ Адріанополь; по словамъ одной константинопольской газеты, изъ одного только города Силиври выселилось до пятисотъ греческихъ семействъ со всѣмъ имуществомъ, въ мѣстность между Адріанополемъ и Филиппополемъ, въ обыкновенное время незаселенную, а теперь переполненную бѣглецами. Ропщутъ и открыто жалуются на Порту и турецкіе плѣнные, сожалѣя о Россіи, въ которой они получали жалованье, между тѣмъ какъ въ Турціи со времени своего возвращенія они не видѣли ни единаго пара. Въ турецкомъ лагерѣ у Бейкоса солдаты увѣряютъ, что непріятель лучше обращался съ защитниками Плевны, чѣмъ ихъ собственное правительство, и что это плохая награда за ихъ жертвы и лишенія. Можно быть увѣреннымъ, что въ случаѣ новой борьбы съ Россіей Порта не можетъ полагаться на свои войска. Причиною возвращенія русскихъ войскъ на ихъ прежнія позиціи, повидимому, заключается не только въ обезпеченіи жизни и имущества христіанъ, но и въ томъ, что турецкое правительство до сихъ поръ откладываетъ подписаніе окончательнаго мирнаго договора между Россіей и Турціей. Какъ и всегда, Порта медлитъ и старается выгадать время, въ какой-то смутной надеждѣ, что событія позволятъ ей добиться разныхъ уступокъ со стороны Россіи. Но возвращеніе русскихъ войскъ на прежнія позиціи оказало свое дѣйствіе и въ этомъ отношеніи: если вѣрить извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, султанъ уже утвердилъ постановленныя совѣтомъ турецкихъ министровъ условія для заключенія окончательнаго мирнаго договора съ Россіей.

---

Въ мѣстностяхъ, отошедшихъ къ намъ отъ Азіатской Турціи, средствами военнаго вѣдомства приступлено уже къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ изъ Поти въ Батумъ, изъ Батума въ Карсъ и изъ Карса въ Эривань. Проведеніе этихъ дорогъ сдѣлаетъ Батумъ первоклассной торговой гаванью анатолійскаго побережья и соперникомъ Трапезунта, отъ котораго Англичане уже давно проектировали было Ефратскую желѣз. дорогу, и куда они думали направить всю торговлю Персіи и Месопотаміи.

Бессарабскій губернаторъ донесъ Государю Императору, что Румынская Бессарабія болѣе не существуетъ, и что 9 октября, присоединенный къ Россіи участокъ этой земли, торжественно провозглашенъ принадлежностью Россійской Имперіи.

На дняхъ состоялось Высочайшее повелѣніе, по которому преступниковъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ, назначено высылать на поселеніе или каторжныя работы безъ исполненія надъ ними обряда публичной казни.

# Смѣсь.

**Чернила для слѣпыхъ.** Извѣстный своими изобрѣтеніями Г. Эдисонъ (см. „Ниву“ № 37 стр. 662) изобрѣлъ чернила для слѣпыхъ. Свойство этихъ чернилъ заключается въ томъ, что онѣ, высыхая, получаютъ выпуклую форму и такимъ образомъ даютъ возможность слѣпымъ посредствомъ осязанія читать написаное. Получивъ такое письмо, слѣпой будетъ водить пальцемъ по строкамъ, останавливаясь нѣкоторое время на каждой написанной буквѣ и осязая ее. У слѣпыхъ, какъ извѣстно, осязаніе очень развито, и теперь, благодаря изобрѣтенію Эдисона, слѣпые будутъ въ состояніи вести между собою переписку. Пока, по словамъ изобрѣтателя, онъ еще самъ не вполнѣ доволенъ своимъ изобрѣтеніемъ и старается его еще болѣе улучшить.

**Послѣднія извѣстія** изъ Америки—поразительны. Тамъ свирѣпствуетъ желтая лихорадка. Судя по свѣдѣніямъ изъ Нью-Іорка отъ 25 сентября жертвы этой болѣзни—нѣтъ числа! Въ Новомъ-Орлеанѣ, въ Мемфисѣ и Виксбургѣ число смертныхъ случаевъ возрасло отъ 150 до 300 въ день; Гренада обезлюдена и эпидемія распространилась на массу небольшихъ мѣстностей въ штатахъ Миссисипи, Луизіаны, Кентукки и Арканзаса. Убѣгающіе отъ эпидеміи распространяютъ страшную заразу къ сѣверу, и всѣ дѣла прекратились въ странахъ, объятыхъ желтой лихорадкой. Великодушныя пожертвованія Южнымъ Штатамъ ежедневно прибываютъ съ сѣвера; но не смотря на то, нельзя составить себѣ понятія объ ужасномъ положеніи этихъ странъ. Остающіеся въ живыхъ достойны еще большаго сожалѣнія, чѣмъ заболѣвающіе, которые скоро дѣлаются добычею смерти, потому что послѣдніе, будучи въ бреду и подъ вліяніемъ апатіи, находятся въ безсознательномъ состояніи, тогда какъ первые, не только терзаются мыслію подвергнуться болѣзни; но въ особенности опасаются умереть съ голода. Гренада была первою, которую зараза избрала на сѣверѣ Новаго-Орлеана. Смерть разразилась надъ этимъ городомъ подобно вихрю, опустошая все; страшное безмолвіе водворилось вслѣдъ за ураганомъ. Мемфисъ представляетъ еще болѣе ужасающее зрѣлище. Эпидемія, дѣйствовавшая съ поразительною быстротою, сократила 40.000 населеніе этого города до 3.500 душъ. Положеніе врачей, ряды которыхъ рѣдѣютъ болѣе и болѣе, чрезвычайно затруднительное. Они ежедневно принимаютъ сильныя дозы хинина и желѣзистой тинктуры и сильно намачиваютъ свою одежду фениловою кислотой, а ночью носятъ покрывала, пропитанныя ею же, такъ какъ противный запахъ, поднимающійся изъ города, дѣлается нестерпимымъ. Новый-Орлеанъ и Виксбургъ, подобно Гренадѣ и Мемфису, представляли ужасное зрѣлище, но скоро поданная помощь нѣсколько ослабила дѣйствіе заразы. Нельзя еще предвидѣть конца этой страшной эпидеміи, которая простерла свои опустошенія до сѣверо-запада Соединенныхъ Штатовъ. Никог-

да еще желтая лихорадка, хотя она и появляется ежегодно въ этихъ странахъ, не причиняла столько бѣдствій, и ужасъ, наведенный желтой лихорадкой 1878 года, перейдетъ въ преданіе, подобно чумѣ, бывшей въ Аѳинахъ и во Флоренціи".

РѢШЕНІЕ

шахматной задачи, помѣщенной въ „Нивѣ" № 36.

| Бѣлые. | Черные. |
| --- | --- |
| 1) G 6—G 7 † | 1) Король H 8—H 7 |
| 2) F 6—F 7 | 2) D 3—D 2 |
| 3) F 7—F 8 ферзь | 3) D 2—D 1 ферзь |
| 4) ферзь F 8—F 5 † | 4) Король H 7 беретъ G 7 |
| 5) Ладья E 6—E 7 † и даютъ матъ слѣдующимъ ходомъ. | |

**Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 40 „Нивы"** „Тургенева Записки охотника—чудо нашей литературы."

Продолженіе статьи „Наши сосѣди въ міровомъ пространствѣ" по недостатку мѣста, отложено до слѣдующаго номера „Нивы"...



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

# ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При этомъ № „Нивы" прилагаются, для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ, подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи для возобновленія подписки на журналъ „Ниву" въ 1879 году.

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.



Дозволено цензурою СПБ. 17 Октября 1878 г. ... № 10.




№ 44 | 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 30 Октября 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к





Египетскій мостъ чрезъ Фонтанку въ Петербургѣ. Съ фотогр. грав. Б. Пуцъ.

# Египетскій мостъ чрезъ р. Фонтанку въ Петербургѣ.

Потребность въ постройкѣ мостовъ въ Петербургѣ стала чувствоваться съ самаго начала его основанія. Не говоря уже о рѣкѣ Невѣ и ея развѣтвленіяхъ, обиліе многихъ другихъ рѣчекъ въ мѣстности, избранной для постройки города, указывало на необходимость сооруженія большого числа мостовъ. Основаніе города, какъ извѣстно, было начато на Петербургской сторонѣ, гдѣ въ особенности много мелкихъ рѣчекъ. Петръ I даже имѣлъ намѣреніе сдѣлать Петербургскую сторону главною частью города и первый мостъ въ Петербургѣ былъ перекинутъ чрезъ рѣчку Ждановку для соединенія крѣпости съ Петербургской стороной. Эта крѣпость или, какъ называли ее тогда въ оффиціальныхъ бумагахъ „фортеція", была заложена 13-го мая въ день праздника Св. Троицы въ 1703 году на Заячьемъ островѣ, соединенномъ теперь съ Петербургской стороной нѣсколькими мостами. Мостъ чрезъ рѣчку Ждановку назывался Петровскимъ. Какъ этотъ мостъ, такъ и всѣ другіе мосты въ Петербургѣ, до времени царствованія Екатерины II, были деревянные, утвержденные на сваяхъ, которые, само собою понятно, скоро портились и, дѣлаясь негодными для проѣзда, требовали безпрестанныхъ починокъ. При Екатеринѣ II Петербургъ получилъ видъ правильнаго, симметрично расположеннаго города, обстроился новыми, красивыми зданіями; прорыто было нѣсколько каналовъ, осушены и засыпаны топкія мѣста, приведены были въ должный видъ и берега рѣкъ и рѣчекъ. Екатерина, прилагая старанія объ улучшеніи города, въ то же время заботилась о красотѣ наружнаго его вида и сдѣланные въ ея царствованіе мосты изъ гранита черезъ Крюковъ и Екатерининскій каналъ и рѣку Фонтанку, уже отличались красивой формой и вмѣстѣ солидностью. При Александрѣ I въ Петербургѣ явились цѣпные мосты, почти не уступающіе прочностью каменнымъ. Мосты эти, какъ извѣстно, чугунные и поддерживаются цѣпями. Къ числу таковыхъ относится также и Египетскій мостъ, изображенный на нашемъ рисункѣ.

Мостъ этотъ одинъ изъ красивѣйшихъ мостовъ въ Петербургѣ и только положеніе его въ такой части города, какъ Могилевская улица и Загородный проспектъ въ своемъ концѣ, дѣлаетъ его мало извѣстнымъ, и какъ бы незамѣтнымъ. Въ „Художественной Газетѣ" за 1840 г., издававшейся Кукольникомъ, такъ описанъ этотъ мостъ: „Египетскій мостъ виситъ на цѣпяхъ, пропущенныхъ сквозь чугунныя ворота Египетскаго стиля, со множествомъ обронныхъ украшеній и орнаментовъ, называемыхъ добрыми людьми египетскими іероглифами, которые имѣютъ ли какое значеніе или нѣтъ, а въ нашемъ понятіи просто говорятъ: честь тебѣ искусный зодчій".

Постройка этого моста произведена между 1823 и 1827 годами. Строителемъ былъ полковникъ Христіановичъ, который дѣлалъ и Цѣпной мостъ у Лѣтняго сада. Мостъ этотъ устроенъ чрезъ р. Фонтанку, о которой, пользуясь настоящимъ случаемъ, считаемъ небезъинтереснымъ сообщить здѣсь слѣдующія свѣдѣнія:

Рѣка Фонтанка получила свое названіе отъ Фонтановъ, существовавшихъ въ Лѣтнемъ саду, и въ первое время основанія Петербурга имѣла видъ болотнаго ручейка, протекавшаго сперва къ югу, потомъ параллельно съ Невою и затѣмъ двумя протоками впадавшаго въ заливъ близъ устья Большой Невы. Въ царствованіе Елисаветы, Фонтанку очистили и обдѣлали берега деревомъ, хотя такое украшеніе было не прочно и скоро разрушалось, а Фонтанка снова наполнялась иломъ и мѣстами даже пересыхала. По приказанію Императрицы Екатерины рѣшено было одѣть берега тесаннымъ дикимъ камнемъ и устроить также тротуары на улицахъ. Работы начались съ 1780 г. подъ руководствомъ генералъ-поручика Бауера, и послѣ девятилѣтнихъ, неутомимыхъ трудовъ, въ 1789 году, подъ наблюденіемъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго приведены къ окончанію. Издержки при этомъ устройствѣ Фонтанки были очень значительны. Не включая суммъ, употребленныхъ на очищеніе ея, утвержденіе свай и возведеніе мостовъ, каждая сажень каменныхъ пластовъ обходилась сперва въ 120 рублей, а впослѣдствіи въ 300 р., всего же пространства считалось до 3,000 саженъ. Предпріятіе это было очень важное по своему значенію, такъ съ устройствомъ береговъ, водой рѣки Фонтанки могла пользоваться большая часть города и кромѣ того судамъ открывался свободный путь сообщенія съ разными частями города.

По настоящее время чрезъ рѣку Фонтанку устроено всего десять мостовъ, а именно: Прачешный—у истока ея изъ Невы; Пантелеймоновскій—у Лѣтняго сада; Симеоновскій—у Караванной; Аничковъ—на Невскомъ; Чернышевъ—у Чернышева переулка; Семеновскій—на Гороховой; Обуховъ—у Обуховскаго просп.—Измаиловскій—близъ Вознесенскаго; Египетскій—рисунокъ котораго помѣщенъ въ этомъ номерѣ, и Большой Калинкихъ—по Екатерингофскому проспекту.

Главное отличительное свойство мѣстности Петербурга, какъ мы замѣтили въ началѣ нашей статьи—это обиліе водъ и острововъ. Въ этомъ оношеніи его дельта—замѣчательнѣйшая въ свѣтѣ послѣ Венеціи, Стокгольма и Амстердама. Въ Петербургѣ на каждую сажень береговъ приходится 115,04 кв. саж. воды; пространство всѣхъ его водъ=3,789,298 кв. с. Всего въ немъ считается 19 рѣкъ и 8 каналовъ, прорѣзывающихъ его по всѣмъ направленіямъ и имѣющихъ огромное значеніе въ продовольствіи столицы. При посредствѣ водъ, почти исключительно, Петербургъ снабжается главнѣйшими предметами потребленія: хлѣбомъ, сѣномъ, дровами, строительными матеріалами и проч. Наконецъ весь отпускъ товаровъ заграницу черезъ Петербургскій портъ главнѣе всего совершается водою. Только въ отношеніи качества самой воды Петербургъ нуждается въ болѣе лучшей; одна Нева даетъ хорошую воду, остальныя же рѣчки и каналы портятся стоками нечистотъ, присутствіемъ гніющихъ веществъ, скидываемыхъ съ проходящихъ барокъ, да подъ часъ, незамѣтно, и съ самыхъ улицъ. Вода Фонтанки для питья такъ же негодна, какъ и воды другихъ рѣчекъ и каналовъ, прорѣзывающихъ городъ по всѣмъ направленіямъ.

З.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ

**Вс. Соловьева.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

### XI.

Со временъ самозванщины не было въ Москвѣ такого смятенія, такого ужаса, такихъ безобразныхъ, кровавыхъ сценъ, какъ въ этотъ несчастный день 15-го Мая.

Солнце склонялось къ западу, въ воздухѣ начинала носиться вечерняя прохлада; но стрѣльцы еще не угомонились и продолжали безчинствовать. Опьяненные виномъ и кровью, они хозяйничали во дворцѣ, въ теремахъ, въ церквахъ и молельняхъ, ища Нарышкиныхъ и другихъ бояръ, значившихся въ спискѣ Милославскаго. Они шарили по всѣмъ угламъ, тыкали окровавленными копьями своими подъ святые престолы и жертвенники; забирались въ спальни царевенъ, заглядывали подъ кровати, перетряхивали перины, рылись въ чуланахъ.

Царица Наталья Кирилловна съ Петромъ заперлась въ Грановитой палатѣ; теперь ужь вокругъ нея никого не было. Всѣ ея защитники и родственники разбѣжались. Кто спѣшилъ какъ нибудь ускользнуть изъ Кремля и спастись въ городѣ, кто попрятался по чуланамъ, подъ лѣстниоами. Царевны и Царевичъ Иванъ собрались въ молельнѣ тетокъ Михайловенъ. Многочисленная прислуга женская съ страшными криками бѣгала отъ стрѣльцовъ; но бунтовщики не обращали вниманія на женщинъ—пока имъ нужны были только измѣнники. Въ одномъ изъ дворцовыхъ переходовъ настигли они убѣгавшаго стольника Өедора Петровича Солтыкова, приняли его за брата царицы Аѳанасія Нарышкина и убили, а увидя свою ошибку ожесточились еще пуще, кинулись въ комнату царицы Натальи. Тамъ все было пусто—ни души. Стрѣльцы подъ кровать—кто то копошится.

— Коли! закричали отчаянные голоса, навѣрное это кто нибудь изъ Нарышкиныхъ!

— Пощадите! раздался хриплый пискъ изъ подъ кровати,—не убивайте меня—это я... я...

И быстро, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ, къ

стрѣльцамъ выползъ безобразный карло, извѣстный во дворцѣ подъ именемъ Хомяка.

— Тьфу ты! чуть было оружіе свое объ этакую пакость не замарали! отплюнулись стрѣльцы.

По карлѣ было не до обиды теперь—онъ весь дрожалъ какъ листъ и пищалъ:

— Пощадите, отцы родные, не губите!

— Ты чей же? вѣдь ты нарышкинскій?

— Да, да, Аѳанасія Кириллыча...

— А, Аѳанасія! гдѣ-жь онъ? подавай намъ его! Куда онъ скрылся? навѣрно знаешь, говори сейчасъ, не то прощайся съ жизнью...

— Да я то почемъ знаю, милостивцы? въ ужасѣ выкативъ на нихъ свои косые глаза, произнесъ карло. „Эхъ! проговорился!“ отчаянно подумалъ онъ, „дернула нелегкая!“

— А! не знаешь? такъ тебѣ сейчасъ и карачунъ. Давайте-ка веревку, братцы, повѣсимъ его на гвоздикѣ. Пускай-ка здѣсь покачается, его вѣтромъ обдуетъ!..

Карло всталъ на колѣни.

— Милостивцы, пощадите—все скажу... Знаю, знаю, гдѣ Аѳанасій Кирилловичъ: онъ неподалеку.... въ сѣнной церкви Воскресенія... подъ престолъ хотѣлъ забраться, такъ вѣрно тамъ схоронился...

Стрѣльцы дико и радостно вскрикнули и бросились по указанію Хомяка.

Карло залѣзъ снова подъ кровать и слушалъ.

Прошло нѣсколько минутъ, вотъ онъ слышитъ вблизи, въ переходѣ, страшный крикъ стрѣльцовъ, ругательства, потомъ другой отчаянный, знакомый ему, голосъ. Этотъ голосъ только разъ одинъ крикнулъ: „помогите!“ и даже недокончивъ этого слова, замеръ.

„Порѣшили боярина. Царствіе тебѣ, небесное Аѳанасій Кирилловичъ, подумалъ карло и перекрестился.

И не вспомнилось ему какъ онъ, заморенный голодомъ и холодомъ, былъ взятъ Аѳанасіемъ Кирилловичемъ, обогрѣтъ и накормленъ, какъ съ тѣхъ поръ только жирѣлъ день ото дня на доровыхъ хлѣбахъ боярскихъ.

А въ то же время другіе полки стрѣлецкіе видя, что въ Кремлѣ теперь немного наживы. что *измѣнники* вѣроятно успѣли скрыться въ городѣ, кинулись по улицамъ, наводнили всю Москву, врывались во всѣ дома, искали всюду намѣченныхъ жертвъ своихъ. Кинулись они и на домъ одного изъ Нарышкиныхъ, Ивана Ѳомича; его имя не значилось у нихъ въ спискѣ.—Человѣкъ онъ былъ невидный, не занималъ никакой важной должности, но онъ носилъ ненавистное имя и долженъ былъ погибнуть. Вслѣдъ за этимъ Нарышкинымъ убили и знаменитаго стараго воеводу князя Ромодановскаго, боярина Языкова, бывшаго любимца царя Ѳеодора, котораго тоже предалъ имъ въ руки одинъ изъ его холопей.

И съ каждымъ часомъ свирѣпѣли стрѣльцы больше и больше, и подъ конецъ даже не стали руководиться своимъ спискомъ, убивали всякаго. кто имъ по чему нибудь *не показался.*

Каждое убійство возбуждало въ стрѣльцахъ дикій восторгъ; они тащили трупъ несчастнаго по улицамъ къ Кремлю и обращались къ безоружному народу Московскому съ криками: „любо-ли?“

И народъ долженъ былъ кричать „любо“ и махать шапками, потому что въ противномъ случаѣ—смерть.

Втащивъ кого-либо изъ убитыхъ въ Спасскія или Никольскія ворота, стрѣльцы выстраивались въ рядъ передъ тѣломъ, какъ будто для почета и кричали.

— Вотъ бояринъ князь Ромодановскій ѣдетъ! вотъ бояринъ Языковъ.... вотъ думный ѣдетъ! давайте дорогу!

И это продолжалось вплоть до Красной площади, гдѣ тѣла складывались въ кучу.

Но и стрѣльцы наконецъ утомились и рѣшили отложить преслѣдованіе Нарышкиныхъ до слѣдующаго дня. Мало по малу они стали расходиться по слободамъ своимъ, дорогою иногда забираясь въ боярскія или купеческія хоромы и требуя себѣ угощенія.

Вотъ одна изъ ватагъ стрѣлецкихъ идетъ мимо дома Долгорукихъ.

— А вѣдь это нашего стараго сыча хоромы! говорятъ между собою стрѣльцы. Пожалуй еще не знаетъ старый, что мы его сынишку то угомонили. Разнемогся онъ, боленъ, съ постели не сходитъ, Зайти развѣ, понавѣдаться?

— Зачѣмъ не зайдти—зайдемъ, да за одно ужъ и прощенья у него попросимъ что Михайлу-то убили... вѣдь онъ все же нашъ начальникъ.

Они стали стучаться въ ворота. Никто не отворилъ имъ, такъ они ворота выломали и всей ватагой нахлынули къ князю Юрію.

Восьмидесятилѣтній старикъ дѣйствительно еще не зналъ о смерти своего сына. Онъ лежалъ на кровати совсѣмъ больной и измученный отчаяніемъ и своимъ безсиліемъ. Онъ зналъ, что страшныя дѣла творятся въ городѣ, зналъ, что его мѣсто тамъ, во дворцѣ, близь царя, котораго онъ защищать долженъ. а вотъ онъ не можетѣ шевельнуться...

— Здорово, князь батюшка! въ поясъ поклонились ему вошедшіе стрѣльцы.

Вся кровь кинулась въ голову старику. Онъ хотѣлъ было подняться, но безсильно упалъ опять на подушки, только кулаки его судорожно сжимались, да глаза сверкали.

— Что вы? зачѣмъ? убивать меня что-ли, такъ убивайте—видите не могу и пошевелиться.

— Зачѣмъ убивать, отвѣчали стрѣльцы,—ты нашъ начальникъ. Мы къ тебѣ съ поклономъ.

Они дѣйствительно поклонились ему въ ноги.

— Чего вамъ отъ меня нужно?

— А вотъ, князь батюшка, прости ты насъ—грѣхъ попуталъ. Вишь ты дѣло то какое случилось: не воздержались мы въ запальчивости, ненарокомъ покончили князь Михайлу Юрьича!

— Что! простоналъ старикъ, снова силясь подняться съ кровати и снова на нее падая.—Сына убили, изверги! сына?

—- Такъ, такъ батюшка. Да вѣдь говоримъ, грѣхъ попуталъ, ненарокомъ, такъ ужъ ты прости насъ! забудь про это.

Нѣсколько мгновеній князь Юрій въ упоръ смотрѣлъ на этихъ, пришедшихъ глумиться надъ нимъ, извергов. Высоко поднималась грудь его, страшно было лицо его, но губы не шевелились. Наконецъ какой то новый огонь блеснулъ въ потухшихъ взорахъ князя. Страшная усмѣшка искривила его губы.

— А! ненарокомъ!... ну что-жь, Богъ проститъ вамъ коли ненарокомъ... ступайте, скажите моимъ холопямъ, чтобъ угостили они васъ виномъ да медомъ, а на мнѣ ужъ не взыщите—не могу я самъ обнести васъ чаркою, видите—лежу...

Стрѣльцы опять поклонились.

— Спасибо, князь батюшка, ужъ гдѣ тебѣ самому, лежи! а мы ничего... мы выпьемъ!

Они вышли и князь слышалъ, какъ они бражничаютъ въ его домѣ... слышалъ и лежалъ неподвижно. Двѣ слезинки тихо скатились по лицу его. Онъ перекрестился, прочелъ молитву, помянулъ усопшаго сына и снова замеръ... лежалъ какъ трупъ безжизненный.

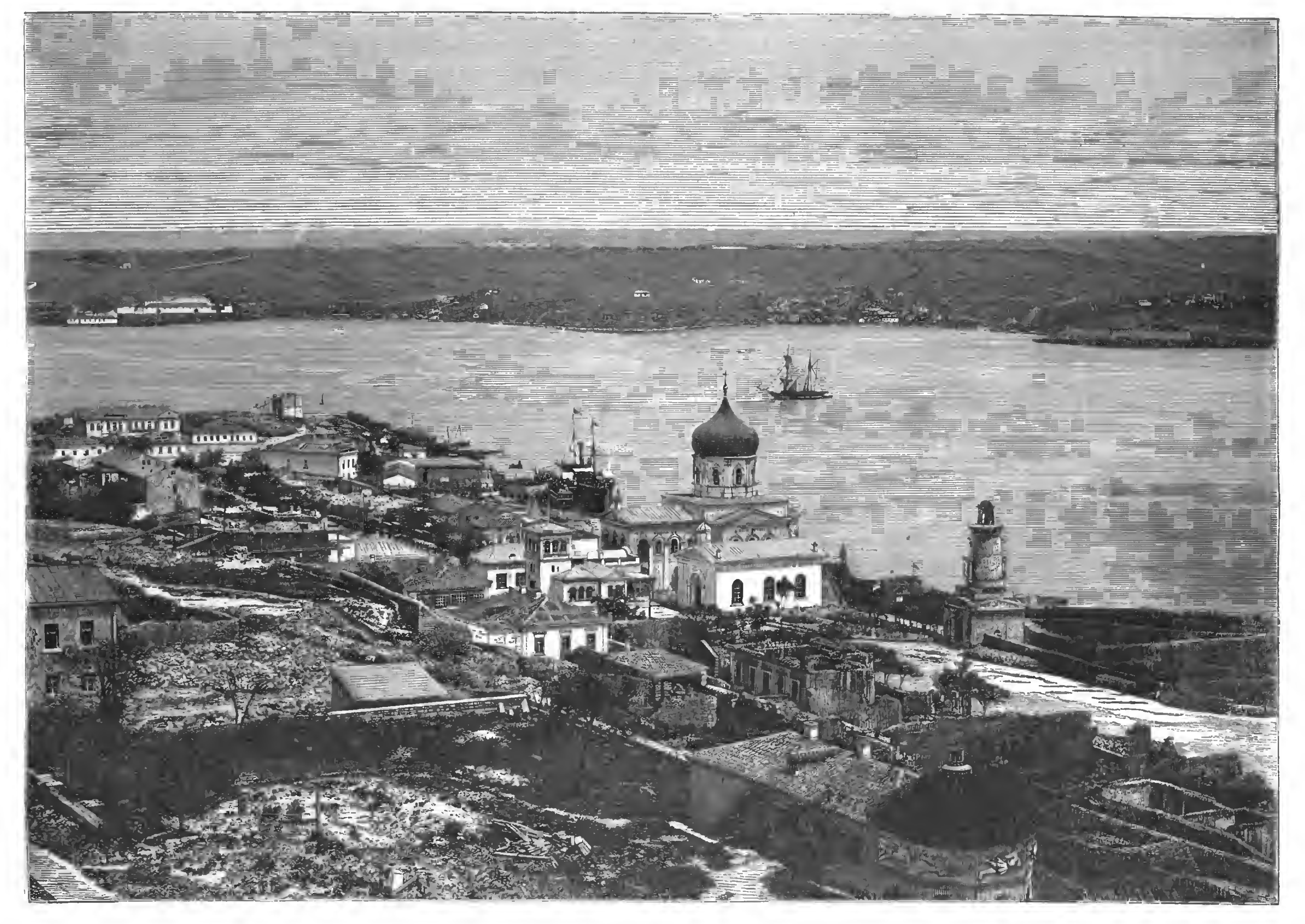
Дверь его опочивальни тихо отворилась и заливаясь слезами и неудержимо рыдая вошла невѣстка, жена убитаго князь Михайлы.

Она бросилась къ постели старика.

— Батюшка, что-жь это, убили моего яснаго сокола, закатилось мое красное солнышко!... Батюшка! и эти убійцы его, эти звѣри у насъ въ домѣ пьянствуютъ.... что-жь это?... Гдѣ же мой князь? куда они его дѣли?



**Счастливые всадники.** Ориг. рис. А. Кившенко, грав. Ѳ. Герасимовъ.



**Общій видъ города Севастополя.** Съ фотогр. грав. Е. Шмидтъ.

хоть на мертваго мнѣ бы взглянуть на него... съ нимъ проститься...

Она захлебнулась слезами и упала передъ постелью. Князь Юрій слабыми, дрожащими руками притянулъ ее къ себѣ.

— Не плачь, Марья, не плачь, голубка, сказалъ онъ громкимъ, страшнымъ голосомъ, отъ котораго, даже она очнулась и во всѣ глаза взглянула на него. — Не плачь—щуку то они съѣли, да зубы остались. Не долго побунтуютъ, скоро будутъ висѣть на зубцахъ по стѣнамъ бѣлаго и землянаго города. Не плачь, Марья—зубы остались!...

Въ это время стрѣльцы успѣли ужь напиться и съ криками и пѣснями выходили за ворота княжескаго дома.

У самой двери опочивальни стоялъ одинъ изъ холопей, недавно провинившійся и наказанный по приказанію князя Юрія. Онъ вздумалъ теперь выместить на старикѣ свою обиду и побѣжалъ за стрѣльцами.

— Эй вы, царское воинство, стойте-ка, что я скажу вамъ! закричалъ онъ имъ.

Они остановились.

— Князь то нашъ грозится, говоритъ: щуку вы съѣли, да зубы остались. Говоритъ, скоро вы висѣть будете на стѣнахъ кремлевскихъ...

— А! такъ вотъ онъ какъ! завопили стрѣльцы.

— Ну, это еще посмотримъ!

Они побѣжали назадъ въ домъ, ворвались въ опочивальню, стащили несчастнаго старика съ кровати на дворъ, разсѣкли на части и выбросили за ворота въ навозную кучу.

— Вотъ тебѣ зубы! вотъ тебѣ щука! дико кричали они, хохоча надъ обезображеннымъ трупомъ. Вотъ тебѣ!... Эй вы, княжеская дворня, несите-ка соленую рыбу!

Тотъ же холопъ, который донесъ на князя, притащилъ имъ рыбу. Они положили ее на трупъ и удалились, повторяя: „вотъ тебѣ щука!“ Вотъ тебѣ зубы!... Поѣшь-ка соленой рыбки!“

Другая стрѣлецкая ватага точно также порѣшила отправиться съ извиненіемъ къ боярину Салтыкову, сына котораго тоже ненарокомъ убили за мѣсто Нарышкина.

Но старый Салтыковъ не сталъ грозиться, онъ такъ перетрусилъ, что могъ только отвѣтить: „Божья воля!“

И самъ поднесъ имъ вина и пива.

## XII.

Когда совсѣмъ начало темнѣть и стрѣльцы покинули Кремль, оставивъ у воротъ сильные караулы, нѣкоторые изъ спрятавшихся царедворцевъ рѣшились выйти изъ своихъ убѣжищъ и собраться около царицы.

На Наталью Кирилловну взглянуть было страшно. Она вся дрожала и глядѣла на окружающихъ помутившимися глазами. Нѣкоторые попробовали ее успокоивать—но чѣмъ тутъ можно было успокоить.

— Все пропало! твердила она. Убили Артамона Сергѣевича, Господи, зачѣмъ я только его вызвала?—живъ былъ бы теперь, мой голубчикъ... Не утѣшайте меня, давайте молиться... давайте молиться передъ смертью. Что-жь что они ушли—вѣдь вернутся. некому остановить ихъ! Смерть намъ всѣмъ завтра будетъ!..

Она, заливаясь слезами, опускалась на колѣни передъ иконами, горячо молилась, потомъ вдругъ кидалась къ сыну, цѣловала его, прижимала къ груди своей, глядѣла на него съ отчаяніемъ. Ея мысли путались... Иногда ей казалось, что она совсѣмъ съ ума сходитъ.

Маленькій царь Петръ все время сидѣлъ молча, опустивъ голову. Румяное лицо его теперь было блѣдно, глаза устремлены внизъ и только по временамъ разгорались они. Тогда онъ вскакивалъ съ мѣста, будто хотѣлъ куда то кинуться, будто ему было душно и тѣсно... но сейчасъ же и опять садился и оставался неподвижнымъ.

Некому было теперь его разглядывать, некому было замѣтить, какъ измѣнилось въ одинъ день дѣтское лицо его. Еще утромъ, проснувшись, онъ глядѣлъ на міръ Божій весело, онъ былъ дѣтски счастливъ и думалъ о дѣтскихъ забавахъ, былъ совсѣмъ ребенокъ. Теперь же, въ нѣсколько часовъ, все дѣтство скрылось далеко куда то, новыя страшныя мысли въ головѣ поселились и не уйдутъ онѣ. Никогда не забудетъ онъ этого дня, этого роковаго дня... Припомнитъ онъ его стрѣльцамъ, когда выростетъ....

Изъ всего семейства царскаго одна только Софья не упала духомъ, ни на мгновеніе не смутилась. Она знала, что ей нечего бояться. Она нѣсколько разъ встрѣчалась со стрѣльцами и эти стрѣльцы, эти охмѣлѣвшіе, окровавленные звѣри при видѣ ея прекращали свои ругательства, свои богомерзкія рѣчи, скидали шапки и разступались передъ нею съ почтеніемъ. Да, ей нечего было бояться, она достигла своей цѣли. Дѣло, заранѣе ею обдуманное, приведено въ исполненіе: враги поражены. Матвѣевъ, разрубленный на части, лежитъ на площади, не сегодня такъ завтра рядомъ съ нимъ полягутъ и всѣ Нарышкины, всѣ кто стоялъ ей поперегъ дороги.

Правда, она думала, что заразъ все будетъ кончено: Нарышкины ловко попрятались,—но вѣдь найти ихъ всегда можно. Милославскіе и другіе друзья не спятъ, они не допустятъ, чтобы такъ хорошо начатое дѣло осталось неоконченнымъ. Ужасовъ много, крови много... но вѣдь что-жь дѣлать, коли нельзя избѣгнуть этого. Она поставлена въ иныя условія, чѣмъ простые мелкіе люди, ей многое разрѣшается въ виду тѣхъ великихъ цѣлей, которыя передъ нею.

И вотъ ей начинаетъ казаться, что весь этотъ ужасъ, все это кровопролитіе продумано и совершено не ради ея возвышенія, не ради ея будущаго счастья и величія, а ради счастія и величія Россіи.

„Одна я могу править государствомъ, высоко поднявъ свою гордую голову рѣшаетъ Софья: не удалось бы мнѣ это дѣло, не были бы казнены враги мои—и все наслѣдіе отцовское пошло бы прахомъ.“

„Нѣтъ грѣха на мнѣ—самые добродѣтельные государи, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ должны вести войну со своими врагами; цѣлыя войска дерутся въ полѣ, не десятки людей убиваются, а сотни: тысячи,—и кто же поставитъ въ вину государю эту войну, предпринятую для блага своей родины.“

„Я тоже вышла на враговъ своихъ и кровь, пролитая теперь за мое дѣло, не должна пасть на мою голову.“

Такъ успокоивала себя Софья и не сознавала, не хотѣла сознавать, что эти слова громкія—ложь страшная и что сама она,—въ былые тихіе дни, когда молчали ея кипучія страсти, когда склонялась она, въ тишинѣ своей рабочей комнаты, надъ книгой и много думала, много размышляла—сама бы съ негодованіемъ возстала на такія сужденія и назвала ихъ ложью.

Но вѣдь ей нужно же было чѣмъ нибудь себя успокоить. Нужно было какъ нибудь заглушить въ себѣ какое то странное, невѣдомое донынѣ и мучительное ощущеніе, которое весь этотъ день она испытывала, которое начинало возрастать съ каждымъ часомъ.

Ей нужно было забыться и силою воли она достигла этого.

Оставшись наконецъ одна и чувствуя, что, не смотря на страшную усталость, страшную дѣятельность этого дня, она все же заснуть не можетъ, она заставила себя забыть всѣ недавнія свѣжія и ужасныя впечатлѣнія, она глядѣла въ далекое будущее. думала объ этомъ свѣтломъ будущемъ. Въ ея воображеніи возставали картины мирнаго, счастливаго житія, славнаго правленія государствомъ, всеобщаго почтенія, всемірной извѣстности, громкой славы.

Ей чудилось, что она въ златотканой порфирѣ воз-

сѣдаетъ на престолѣ отца своего; что со всѣхъ странъ земныхъ стекаются къ этому престолу посланники и именитые люди съ граматами отъ своихъ государей. И въ этихъ граматахъ иноземные короли шлютъ ей привѣтъ свой, свою тонкую лесть, заискиваютъ ея дружбы, величаютъ ее императрицей, сѣверной Пульхеріей Августой.

Подъ эти роскошныя грезы наконецъ заснула утомленная царевна.

Тихая ночь спустилась на землю; надъ Кремлемъ зажглись миріады звѣздъ небесныхъ; дуновеніемъ теплаго вѣтра со всѣхъ сторонъ изъ густо разросшихся садовъ неслось цвѣточное благоуханіе. Въ слабомъ мерцаніи майской ночи темнѣла какая-то груда безформенная посреди Красной площади.

Кругомъ ни звука; кремлевскіе обитатели или заснули, обезсиленные и измученные за этотъ страшный день, или притаились запершись въ своихъ покояхъ и не подаютъ голоса. Только отъ воротъ, гдѣ стоятъ стрѣлецкіе караулы, изрѣдка доносится звяканье оружія да оклики часовыхъ.

И среди этого всеобщаго молчанія, между соборами на Красную площадь крадется какая то черная фигура: и распознать нельзя: человѣкъ это или звѣрь. То ползкомъ ползетъ онъ, то поднимется на ноги, разглядѣтъ поближе его, такъ страхъ возьметъ—лицо черное, только глаза блестятъ да зубы бѣлѣются.

Крадется то Иванъ, вѣрный негръ Матвѣева. Съумѣлъ онъ своего добиться: весь день вокругъ Кремля караулилъ, улучилъ удобную минуту, проскользнулъ въ ворота, дождался ночи и выползъ теперь на Красную площадь искать своего боярина.

Вотъ подползъ онъ, чутко озираючись во всѣ стороны, къ чернѣющей кучѣ. Дрожь беретъ его, онъ тихо вздыхаетъ, крестится—видитъ онъ растерзанные трупы вокругъ, на далекое разстояніе вся земля окровавлена, здѣсь голова, здѣсь туловище, здѣсь рука, тамъ нога. И надъ каждымъ безобразнымъ кускомъ уже зловоннаго человѣческаго тѣла склоняется негръ и разглядываетъ, въ каждое лицо, искаженное страшными предсмертными страданіями, всматривается. И долго онъ ищетъ въ потемкахъ, и вздыхаетъ все, и крестится.

А кругомъ ночь такъ же тиха и благоуханна, и такъ же невозмутимо и прекрасно сіяютъ небесныя звѣзды.

Вдругъ страшный вопль раздается на площади: не могъ удержаться черный невольникъ—нашелъ онъ голову Артамона Сергѣевича и зарыдалъ и заплакалъ надъ нею покрывая ее поцѣлуями. Какъ сокровище безцѣнное взялъ онъ эту голову, и опять ищетъ. Мало по малу собралъ онъ и туловище, и руки и ноги —ему ли не узнать Артамона Сергѣевича!

Сложилъ изрубленное тѣло въ принесенный съ собою мѣшокъ, взвалилъ его на плечи и сталъ опять красться по площади къ Кремлевскимъ воротамъ.

Неудержимыя слезы застилали глаза его, сердце разрывалось, вспоминалъ онъ всю жизнь свою.

„Отецъ ты мнѣ былъ, Артамонъ Сергѣевичъ! шепталъ рабъ, сгибаясь подъ своей кровавой ношей,—и отнынѣ святыней будетъ мнѣ твоя могила. Снесу тебя къ Николѣ на Столбахъ, въ ту самую церковь, гдѣ позналъ я Бога и гдѣ былъ ты моимъ воспріемникомъ отъ купели. Тамъ, въ оградѣ, предамъ тебя землѣ и насажу цвѣточковъ надъ твоей могилкой; и днемъ, и ночью, и въ горячій полдень буду приходить туда и молиться...

Полупьяные часовые дремали. Негръ улучилъ удобную минуту, не слышно прошмыгнулъ мимо нихъ и скрылся въ глухомъ переулкѣ.

## XIII.

Въ укромномъ домикѣ Малыгина, едва виднѣвшемся изъ за густыхъ, душистыхъ вѣтвей сирени и старыхъ липъ, свѣтился огонекъ лампады. Молодой подполковникъ то въ бреду, то въ мучительномъ забытьи метался по постели. Возлѣ него, съ распухшими отъ слезъ глазами, сидѣла Люба. Время отъ времени въ комнату входилъ старый усатый стрѣлецъ, слуга Малыгина.

„Душно, душно! воздуху,“ говорилъ Николай Степановичъ, открывая глаза, но не узнавая Любу.

Она вздрогнула, очнулась отъ своихъ мыслей, подошла къ окошку и отворила его. На нее пахнуло ночною свѣжестью, и вмѣстѣ съ этой свѣжестью доносились пьяные крики расходившихся по домамъ стрѣльцовъ.

Люба вернулась къ постели умирающаго, смочила свѣжей водою полотенце, перемѣнила на головѣ ему повязку.

„Воды! пить!“ простоналъ Малыгинъ.

Дрожащими руками налила она кружку и поднесла къ губамъ его. Онъ жадно глоталъ воду, потомъ опять открылъ глаза, приподнялся немного.

— Любушка! это ты? прошептали его губы.

Она невольно вскрикнула отъ радости. Онъ въ первый разъ узналъ ее, назвалъ по имени. Но ея радость была непродолжительна,—онъ снова забылся.

— Николай Степановичъ, голубчикъ! проговорила она, глотая слезы.

Онъ ее не слышалъ.

Опять одна за другой начали проходить мучительныя минуты. Люба пробовала молиться, но теперь ей не шла на умъ молитва. Иногда она вставала, на ея лицѣ выражалось страшное отчаянье, она ломала руки и захлебывалась слезами.

— Я, я во всемъ виновата, я его на смерть послала! шептала она.

И она была права. Не она ли взяла съ него клятву всѣ силы употребить для того, чтобы отвращать подчиненныхъ ему стрѣльцовъ отъ жестокостей и убійствъ.

Послѣ безсонной и счастливой ночи, которую провели они въ этомъ домикѣ, рано утромъ отправился Николай Степановичъ въ свой полкъ, а Люба осталась его дожидаться. Онъ обѣщалъ, во что бы то ни стало, дать ей знать обо всемъ, что случится. Она ждала его долго, она слышала, какъ бьютъ въ барабаны. Вотъ онъ наконецъ явился. И явился блѣдный, очевидно измученный.

Онъ разсказалъ ей, что Александръ Милославскій съ Толстымъ ужь объявили стрѣльцамъ о мнимой смерти царевича, что стрѣльцы всѣ до единаго взбунтовались и идутъ въ Кремль. Ужь какъ я ихъ ни упрашивалъ, какъ ни увѣрялъ—ничего не помогло, меня же на чемъ свѣтъ стоитъ выбранили, чуть не избили.

Такъ иди съ ними, сказала ему Люба,—иди! Если они не совсѣмъ еще потеряли голову, то тамъ, въ Кремлѣ должны будутъ убѣдиться въ томъ, что ихъ обманули. Другъ мой сердечный, такіе дни пришли, такое дѣло совершается, что о себѣ нельзя думать и если смерть впереди—мужайся! прими эту смерть... А я, я тоже пойду за тобою. Не бойся, я проберусь осторожно... я знаю въ Кремлѣ всѣ выходы. Въ сторонкѣ буду я глядѣть на тебя и коли что случится съ тобою, такъ знай, что я буду тутъ же, мы погибнемъ вмѣстѣ, мнѣ не нужно жить безъ тебя. Безъ тебя мнѣ нечего дѣлать на свѣтѣ.

И Малыгинъ еще разъ поклялся ей, что будетъ ея достоинъ, что останется вѣренъ присягѣ, которую онъ принесъ царю.

Одинъ изъ первыхъ былъ онъ въ Кремлѣ со своимъ полкомъ.

Люба тоже не долго оставалась въ слободѣ. Она пробралась въ Кремль и притаилась въ укромномъ уголку, въ тѣни у собора, откуда ей была видна вся площадь.

Малыгинъ много способствовалъ укрощенію стрѣльцовъ послѣ того какъ имъ показали, царевича Ивана.

Но онъ былъ одинъ, окруженный врагами и ему не было никакой возможности пересилить этихъ враговъ. Онъ скоро понялъ, что ничего не сдѣлаетъ, но вдохновенный словами Любы, страстными фанатическими словами, онъ рѣшился исполнить клятву: умереть за правое дѣло. Намъ извѣстно, что онъ не отступилъ въ рѣшительную минуту и палъ одною изъ первыхъ жертвъ своихъ сотоварищей и подчиненныхъ.

Люба все видѣла. Она видѣла, какъ ему наносился ударъ, какъ онъ упалъ на ступеняхъ крыльца. Въ первую минуту даже какое-то торжество изобразилось на лицѣ ея. Но эта минута прошла, туманъ разсѣялся, то, что она считала подвигомъ, то, что ей казалось въ этотъ послѣдній роковой для нея день великимъ и прекраснымъ, теперь представилось совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Еще не отдавая себѣ отчета въ своихъ мысляхъ, она ужъ знала, что принесла ненужную, безполезную жертву. Въ ней заговорило страшное, горькое отчаяніе, любовь. Она едва дождалась, когда крыльцо опустѣло и бросилась къ своему другу.

И вотъ онъ умираетъ, онъ, ни въ чемъ неповинный! Но нѣтъ, это невозможно.

Онъ снова очнулся, онъ снова произнесъ ея имя, онъ будетъ живъ!

— Охъ! какъ болитъ голова! сказалъ Малагинъ Любѣ.—Давно это было? какъ я здѣсь очутился? разскажи мнѣ...

Она стала ему разсказывать и онъ мало по малу все припомнилъ. Но отъ этихъ усилій мысли боль въ головѣ еще увеличилась. Страшная слабость была во всемъ его тѣлѣ.

— Люба, я умираю! прошепталъ онъ.

— Ахъ, зачѣмъ ты это говоришь! Нѣтъ, нѣтъ, ты не умрешь, ты останешься живъ.

— Умру, Люба, чувствую, что не могу жить... Въ головѣ какъ свинецъ растопленный... прощай, Люба!..

— Милый, голубчикъ, задыхаясь говорила она,—такъ вѣдь это я, одна я причиной твоей смерти... Боже, какое страшное наказаніе за мою глупость!.. за что я и тебя и себя погубила?!..

— Не вини себя! перебилъ онъ ее.

Но съ такимъ трудомъ ворочился языкъ его, что она едва его понимала.

— Не вини себя... ты помогла мнѣ исполнить долгъ мой... я умираю какъ честный солдатъ...

— Ну такъ умремъ вмѣстѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, Люба ты должна жить... жить. На свою жизнь ты не имѣешь права... аль ты не боишься грѣха, аль забыла Бога?!.. Ты должна жить, живи, живи долго, счастливо, забудь обо мнѣ... видно не судьба была... только мелькнуло и все кончено... Прощай Люба...

Онъ хотѣлъ еще сказать что-то, но мысли его внезапно спутались. Онъ впалъ въ прежнее забытье и лежалъ неподвижно, только грудь его высоко поднималась.

Люба крикнула не своимъ голосомъ. Вошелъ старый стрѣлецъ, наклонился надъ Малыгинымъ.—Отходитъ! крестясь прошепталъ онъ,—и попа теперь достать негдѣ, помретъ безъ покаянія...

Но Люба еще не вѣрила, она еще ждала, что вотъ, вотъ онъ снова откроетъ глаза и она услышитъ его голосъ. Прошло нѣсколько долгихъ минутъ, показавшихся ей вѣчностью.

Дыханіе Николая Степановича стало ослабѣвать, потомъ еще одинъ тяжелый вздохъ—и все замолкло.

— Умеръ, умеръ! застонала Люба.

Она наклонилась къ груди его—невозможно было сомнѣваться въ страшной истинѣ. Люба будто потеряла разсудокъ; что то говорила; но ни сама она, ни старый стрѣлецъ не понимали словъ ея. Наконецъ она выбѣжала въ сосѣдній покой, схватила со стѣны, на которой висѣло оружіе, кинжалъ и ужъ готова была вонзить его себѣ въ грудь, когда сильная рука стрѣльца ее остановила.

— Полоумная! Бога побойся, что ты дѣлаешь? али ты басурманка? очнись. Войди вотъ лучше, помолись-ка надъ покойникомъ, поплачь, такъ отойдетъ отъ сердца.

Стрѣлецъ вырвалъ изъ руки ея кинжалъ, почти силою втолкнулъ ее въ спальню и заперъ дверь.

Она хотѣла подойти къ Николаю Степановичу, но не дойдя до кровати, упала на полъ. Это былъ не обморокъ, просто ее оставили послѣднія силы. Ея глаза были открыты. Она все видѣла вокругъ себя, видѣла блѣдное лицо покойника съ обвязанной головою, слышала какъ уходитъ и приходитъ стрѣлецъ, что-то приготовляетъ, слышала какъ изъ открытаго окошка доносятся крики и пѣсни. И рядомъ со всѣмъ этимъ, рядомъ съ дѣйствительностію передъ нею проходили ярко, страшно ярко другія картины.

Ей чудилась красная площадь, толпы стрѣльцовъ, величественная фигура несчастнаго Матвѣева...

Она видѣла Николая Степановича—не того, который лежитъ теперь неподвиженъ и мертвъ—а другаго, живаго... У нея въ ушахъ звучалъ его голосъ, его нѣжныя рѣчи, рѣчи прошедшей ночи. Что-то огромное, холодное, тяжелое какъ пудовой камень давило грудь ея; но ни одна слезинка теперь не выкатилась изъ глазъ ея и всю ночь на пролетъ провела она въ этомъ страшномъ состояніи. Только къ утру очнулась.

Покойникъ лежалъ уже на столѣ, обмытый и одѣтый старымъ стрѣльцомъ въ парадное платье. Шатаясь, подошла къ нему Люба и опустилась на колѣни.

— Прости, милый, громко сказала она, какъ будто онъ могъ ее слышать,—сладко было бы мнѣ умереть съ тобою. Одна минута—и нѣту муки, и тишина, и спокойствіе. Но ты теперь тамъ, у Бога, въ обители райской, куда меня грѣшную не впустятъ. Нѣтъ, я буду жить, какъ ни страшна жизнь моя... И этой жизнью я искуплю мою вину предъ тобою. Я до дна выпью чашу... я буду молиться за тебя и за всѣхъ невинно погибшихъ, за всѣхъ несчастныхъ... Буду молиться до тѣхъ поръ, пока Господь не проститъ меня и не возьметъ съ этой страшной земли, гдѣ одна только мука, одинъ ужасъ, одно заблужденіе... И тогда, когда грѣшные молитвы мои будутъ услышаны, тогда я свижусь съ тобою!.. Прости. мой милый...

Слезы хлынули изъ глазъ ея на холодную, ужь окоченѣвшую руку Малышна. Эти слезы ее облегчили. Теперь она все видѣла, все понимала. Она знала, что будетъ дѣлать.

## XIV.

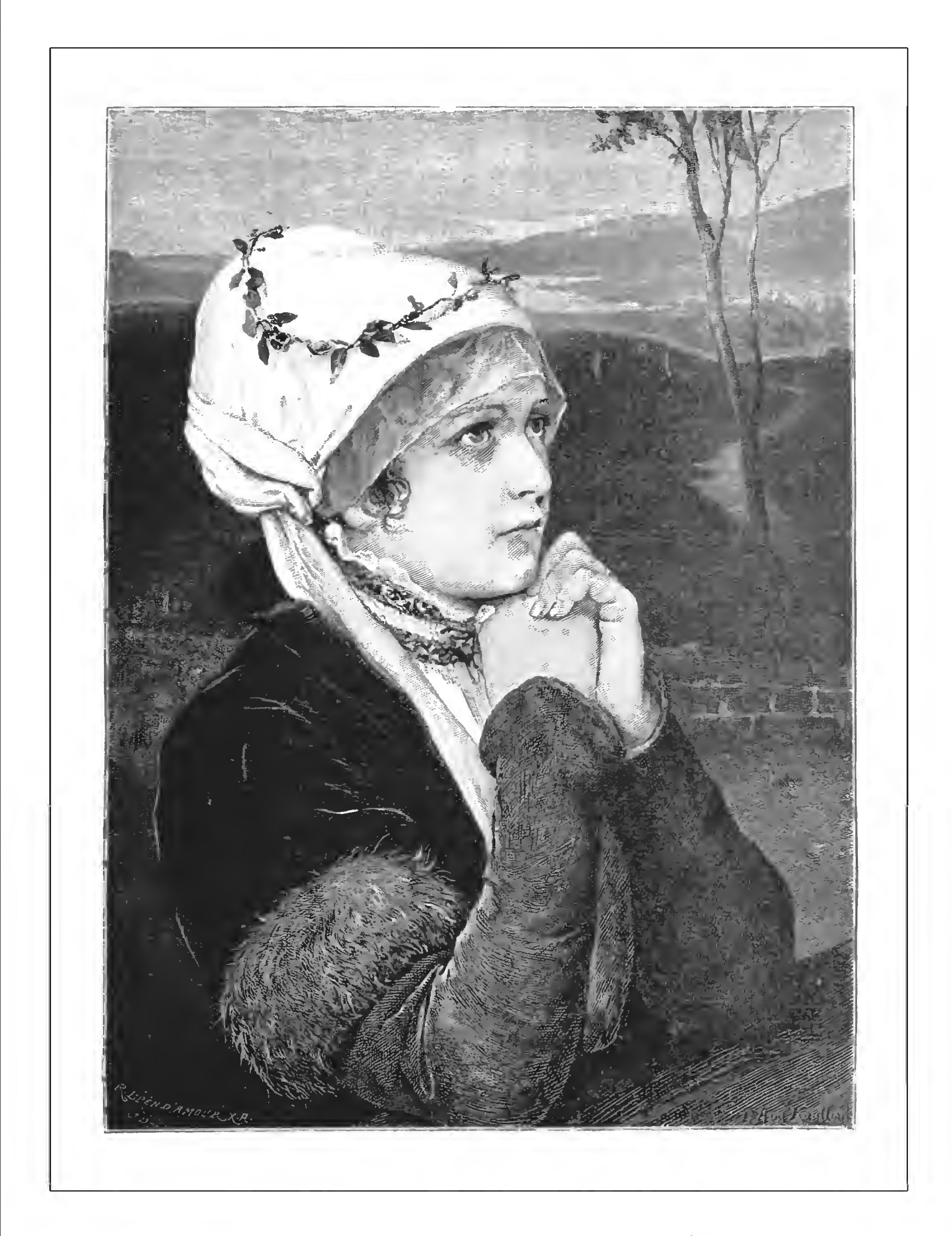
Рано утромъ 16-го Мая Царица Наталья Кирилловна собрала бояръ и родственниковъ своихъ, которые скрывались въ Кремлѣ. Старый Патріархъ Іоакимъ тоже явился на это совѣщаніе. Для всѣхъ было ясно, что ужасами вчерашняго дня еще далеко не закончились бѣдствія, что стрѣльцы, торжествующіе и безнаказанные, вернутся снова и кончатъ пожалуй тѣмъ, что перебьютъ всѣхъ безъ исключенія.

Что же дѣлать?

Конечно одинъ только остается выходъ: бѣжать изъ Кремля, изъ Москвы, скрыться куда нибудь подальше... въ монастырь уединенный и ждать пока въ войскѣ улягутся страсти. Но какъ бѣжать, когда Кремль со всѣхъ сторонъ окруженъ сильными караулами и когда часовые слѣдятъ зорко?

Послала было Наталья Кирилловна развѣдать, нѣтъ ли хоть какой нибудь лазейки; но посланные вернулись съ безнадежнымъ отвѣтомъ. Очевидно руководители стрѣльцовъ приняли всѣ мѣры, для того, чтобы заградить путь спасенія *измѣнниковъ*.

Приходилось ждать страшной участи. Полное отчаяніе изображалось на всѣхъ лицахъ. Призракъ смерти



**Въ тихой молитвѣ.** Картина Германъ Каульбаха, грав. Бренд'Амуръ.

стоялъ передъ всѣми и въ особенности передъ Нарышкиными,—вѣдь прежде всѣхъ ихъ ищутъ: они обречены на погибель. Бѣжать нельзя, нужно опять скрываться, но куда? Вчера ватаги стрѣльцовъ рыскали по всѣмъ покоямъ, сегодня будетъ тоже самое.

И не успѣли еще рѣшить вопроса куда и какъ скрыться, какъ раздался бой барабановъ, набатъ и крики. Вооруженные стрѣльцы опять стояли передъ дворцомъ, требовали выдачи Ивана Кирилловича Нарышкина, а если имъ его не выдадутъ, то грозились перебить всѣхъ бояръ.

— Ну такъ будемъ готовиться къ смерти! сказала царица какимъ то вдохновеннымъ голосомъ.—Я брата имъ не выдамъ... Пойдемте всѣ въ Грановитую палату, запремтесь тамъ. Пускай кто нибудь выйдетъ къ этимъ извергамъ, пусть имъ скажутъ, что нѣтъ Ивана Кирилловича, чтобъ они лучше и не требовали его выдачи!

Бояре стояли, переминаясь съ ноги на ногу. Послѣ угрозъ стрѣльцовскихъ никому не было охоты выходить къ нимъ.

— Такъ я пойду, государыня, сказалъ Тарауй, на котораго мало обращали вниманія среди паническаго страха, всѣхъ объявшаго.

Ни царица, ни ея приближенные и не замѣчали, что одинъ Хованскій внѣ опасности, что онъ свободно расхаживаетъ всюду, не ищетъ себѣ убѣжища, не боится стрѣльцовъ. Ему и выходъ изъ Кремля доступенъ, онъ и не ночевалъ во дворцѣ: пробрался сюда рано утромъ.

Вотъ онъ вышелъ на площадь; стрѣльцы его окружили.

— Что же, князь батюшка, будетъ намъ измѣнникъ Нарышкинъ?.. вѣдь нельзя намъ уходить безъ него,— самъ ты говорилъ, что онъ первый царскій душегубецъ, что онъ примѣрялъ ужъ и царскую корону!...

— Не будетъ вамъ Нарышкина, сказалъ имъ Хованскій.

— Царица объявила, что ни за что не выдастъ брата.

— Такъ что-жъ это она, завопили стрѣльцы,—братъ— братъ, да вѣдь и измѣнникъ же онъ, ея же сына—царя измѣнникъ, такъ какъ же она его не выдастъ?!...

— Видно хоть и измѣнникъ, а все же ей дорогъ, усмѣхнулся Хованскій.—А коли такъ, братцы, коли такъ поступаетъ Наталья Кирилловна—не выгнать ли и ее изъ дворца? заключилъ онъ.

— Любо! Любо! въ одинъ голосъ отвѣчали стрѣльцы.

— Только теперь обождите. Пожалуй еще постойте, можетъ они и образумятся, а то такъ уходите да и опять завтра возвращайтесь.

— Не уйдемъ мы безъ Ивана Нарышкина. Что-жъ такое—вотъ Матвѣева убили, Долгорукихъ съ Салтыковымъ тоже, а главный измѣнникъ живъ. Никакъ нельзя уйти намъ, Иванъ Андреевичъ.

— Такъ я и говорю вамъ; завтра возвращайтесь, а караулы у воротъ держите—вѣдь онъ здѣсь, никуда не убѣжитъ. А за день то, да за ночь они всѣ притовятся... ну вотъ можетъ и будутъ сговорчивѣе. Добромъ то лучше, безъ лишней крови.

Стрѣльцы подумали, подумали.

— Что-жъ, это вѣрно говоритъ князь, толковали нѣкоторые, зачѣмъ кровь проливать даромъ, такъ то лучше, донять ихъ томленіемъ. Но все же ты, князь батюшка, обратились стрѣльцы къ Хованскому, поди да скажи царицѣ, что коли не выдастъ она намъ брата, такъ мы и до нея доберемся... Такъ можетъ мы его и сегодня получимъ.

Хованскій возвратился въ Грановитую Палату.

— Плохо дѣло, сказалъ онъ, придется государыня выдать Ивана Кирилловича, а то вотъ они ужъ и тебѣ грозятся.

— Я готова къ смерти, тихо, едва шевеля губами произнесла Наталья Кирилловна, пусть ломятся—не могу же я имъ выдать брата!

Хованскій замолчалъ и не пошелъ больше къ стрѣльцамъ.

Такъ продолжалось вплоть до часу пополудни. Стрѣльцы не позволяли себѣ вчерашнихъ безчинствъ, во дворецъ не врывались; но на площади кричали и ругались громко. Наконецъ, видя, что Нарышкина имъ все же не выдаютъ, они рѣшились послѣдовать совѣту Хованскаго и вышли изъ Кремля, разставивъ по воротамъ новые, крѣпкіе караулы. Царица и бояре вздохнули свободнѣе—можетъ быть миновала опасность, можетъ быть одумались разбойники.

А въ то время, какъ слабая надежда загорѣлась на лицахъ приближенныхъ Натальи Кирилловны, въ теремѣ, въ покояхъ царевны Софьи шло совѣщаніе между нею, Милославскимъ и Таруемъ, который уже успѣлъ незамѣтно сюда пробраться.

— Такъ ты говоришь, князь, что они завтра непремѣнно вернутся? спрашивала Софья Хованскаго.

— Въ этомъ будь покойна, государыня, отвѣчалъ онъ,—не уйдутъ безъ Нарышкина. Развѣ они теперь успокоятся до тѣхъ поръ, пока не увидятъ, что могутъ дѣлать, что имъ угодно. Вѣдь они теперь говорятъ между собою, что если царевичъ Иванъ и живъ, то все равно при Нарышкиныхъ не долго нажить ему, это у нихъ засѣло крѣпко. Конечно съ такими олухами можно бы и справиться, что нибудь придумать для ихъ успокоенія, такъ кто же станетъ придумывать—не мы же съ Иваномъ Михайловичемъ.

— Еще бы! прошепталъ Милославскій. Я не живъ пока не кончили съ Нарышкиными. На полпути нечего останавливаться.

— Въ этомъ я съ вами согласна, тихо проговорила царевна, я только боюсь новыхъ ненужныхъ преступленій. Да и наконецъ вы сами вчера видѣли на что они способны: вѣдь настоящими звѣрьми дѣлаются. Дойдутъ они до такого остервененія—и мы всѣ въ опасности.

Въ эту минуту вошелъ Василій Васильевичъ Голицынъ. Онъ былъ блѣденъ, лицо его показывало глубокое душевное волненіе. Мрачно взглянулъ онъ на Хованскаго съ Милославскимъ.

— Пора остановиться, бояре, проговорилъ онъ. Уймите стрѣльцовъ—это въ вашей власти. Зачѣмъ намъ еще кровь Нарышкиныхъ—теперь все равно, враги въ нашихъ рукахъ, Матвѣева нѣтъ...

И не смущаясь пытливымъ, злобнымъ взглядомъ Хованскаго, Голицынъ громко вздохнулъ и перекрестился.

— Матвѣева нѣтъ, продолжалъ онъ, и намъ нѣкого бояться. Нарышкины безсильны, да и разослать ихъ можно по дальнимъ городамъ...

— Нѣтъ, князь, нѣтъ, воля твоя, ты не такъ толкуешь и ужъ съ Иваномъ то Кириллычемъ во всякомъ случаѣ нужно покончить.

— Не понимаю, чего это вы такъ на него упираете, отчего вамъ кажется страшенъ этотъ мальчишка? онъ задоренъ—и только. Въ народѣ его не любятъ, на хитрости онъ не способенъ—его Господь разумомъ обидѣлъ, напрасно только вы запачкаетесь въ крови его, да запачкаете и царевну. Подумайте-ка хорошенько, да и потолкуйте со стрѣльцами.

Софья не говорила ни слова. Она сидѣла задумавшись и только изрѣдка взглядывала на своего друга.

Она умѣла читать въ лицѣ его и теперь видѣла, какъ что-то мучительное и тяжелое ложится между нимъ и ею. Вотъ вѣдь его глаза останавливаются на ней безучастно и холодно, нѣмой упрекъ въ его взглядѣ... къ тому же онъ правъ.

— Уговорите стрѣльцовъ, сказала она своимъ совѣтникамъ,—князь Василій правду сказалъ, можно обой-

тись безъ Нарышкинской крови. Пускай стрѣльцы требуютъ ихъ заточенія по монастырямъ, удаленія на всегда изъ Москвы, но не казни. А то такъ просто дайте имъ возможность убѣжать отсюда. Вамъ легко, подъ какимъ нибудь предлогомъ, отвлечь вниманіе одного изъ карауловъ... пусть они бѣгутъ.

— Нѣтъ, это не ладно рѣшительно заговорилъ Милославскій,—дѣло дѣлать, такъ дѣлать до конца и робѣть нечего. Одною лишней головой можно поступиться... Я бы пальцемъ не пошевельнулъ для Нарышкиныхъ.

— Самъ бы я пошелъ къ нимъ, раздумчиво сказалъ Голицынъ,—да толку изъ этого не выйдетъ, меня и не послушаютъ; пропаду только даромъ.

— Господь тебя сохрани, еще что надумалъ! испуганно вскрикнула царевна. Нѣтъ, ты въ это дѣло не вмѣшивайся: какъ сначала былъ въ сторонѣ, такъ и оставайся!

Она снова стала уговаривать Хованскаго послѣдовать совѣту Голицына.

Тотъ даже обѣщалъ ей потолковать со стрѣльцами, но въ то же время подмигнулъ Милославскому, давая ему знать, что ровно ничего не сдѣлаетъ.

Когда царевна ихъ отпустила отъ себя, удержавъ Василья Васильевича, они порѣшили не допускать никакихъ послабленій.

— Вотъ еще нещечко навязался, ворчалъ Хованскій. И зачѣмъ это онъ сюда явился? сидѣлъ бы на Украйнѣ. Самъ палецъ о палецъ не ударилъ, а чай заранѣе ужь намѣтилъ себѣ первое мѣсто... И еще человѣколюбцемъ прикидывается—вишь ты крови не нужно! Ну, да это еще посмотримъ какъ онъ займетъ первое мѣсто, по времени и съ нимъ можно будетъ справиться....

(Продолженіе будетъ).

## Наши сосѣди въ міровомъ пространствѣ.

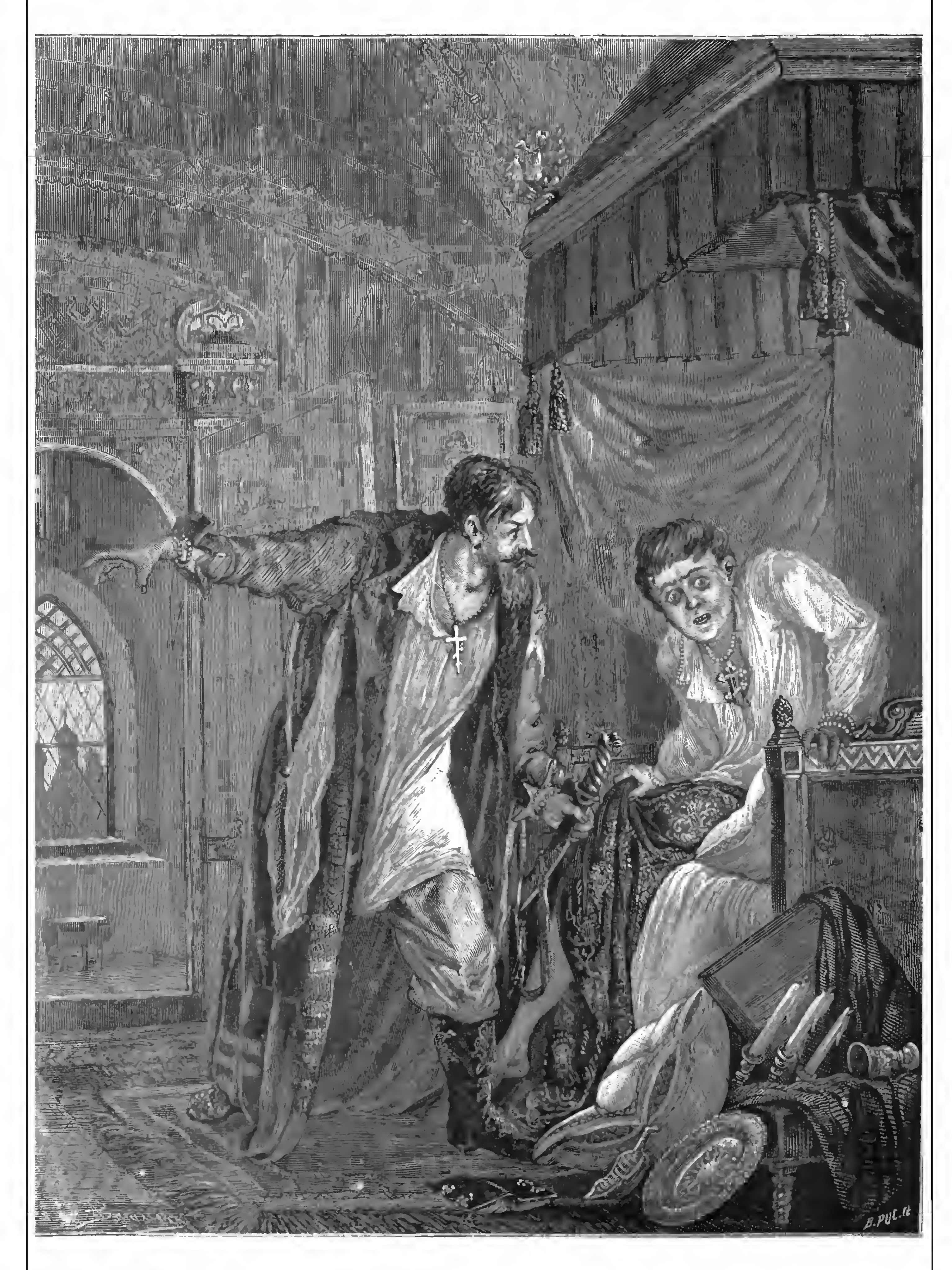
(Продолженіе).

Спектральный анализъ показываетъ, что „*Меркурій*" представляетъ собою массу довольно плотную, которая обладаетъ атмосферою, сильно насыщенною водяными парами. Можно, затѣмъ, предполагать, что сгущеніе паровъ, или облака, на этой планетѣ достигаетъ весьма высокой степени и безъ сомнѣнія, многочисленныя перемѣны, на поверхности Меркурія, представляющіяся глазу наблюдателя, можно объяснить именно этими причинами. Что эта, (самая малая и самая молодая изъ всѣхъ) планета, по всѣмъ соображеніямъ, уже давно вышла изъ капельно-жидкаго состоянія—это доказываютъ замѣчаемыя на ней громадныя горы. Самыя высокія изъ горъ на „Меркуріи" превосходятъ въ *семь разъ* высочайшихъ горныхъ исполиновъ нашего земнаго шара. Это говорится, разумѣется, относительно общей массы и величины поперечника „Меркурія" сравнительно съ массою и величиною поперечника земли. Поперечникъ „Меркурія" въ *три* раза меньше поперечника земли. Если не принимать въ разсчетъ этой разности, то получается такъ называемая абсолютная высота горъ Меркурія, и высота эта, въ этомъ случаѣ, будетъ въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ земныя горы. Наблюденія высоты горъ на „Меркуріи" совершаются посредствомъ телескопическихъ наблюденій ландшафтовъ на этой планетѣ, предъ восходомъ и заходомъ солнца и на основаніи измѣренія снѣговыхъ вершинъ, горящихъ яркимъ румянцемъ при утренней и вечерней зарѣ. Вотъ на основаніи этихъ-то наблюденій и вывели, что вышина горъ Меркурія въ $2^1/_2$ раза выше горъ земли, если принимать абсолютную высоту, то есть не высчитать суммы измѣренія поперечника „Меркурія" изъ таковой же суммы измѣренія поперечника земли. Но, не смотря на указанныя сейчасъ особенности „Меркурія", средняя температура на этой планетѣ представляется совершенно невыносимою для живущихъ на землѣ организмовъ, и именно по той причинѣ, что лучеиспусканіе солнца на поверхность „Меркурія" въ $6^3/_4$ раза больше, чѣмъ тоже лучеиспусканіе на нашу землю. Между тѣмъ, теплота зависитъ не только отъ интенсивности или напряженія лучеиспусканія, но точно также и отъ теплопроводимости атмосферы; но относительно этой-то атмосферной теплопроводимости на „Меркуріи" намъ почти ничего не извѣстно, потому что спектръ „Меркурія", по причинѣ большой близости этой планеты къ солнцу, весьма рѣдко поддается точнымъ изслѣдованіямъ.

О планетѣ „Венера", въ общемъ, можно сказать тоже самое. Атмосфера на „Венерѣ" существенно рѣже, чѣмъ на „Меркуріи" и на землѣ. Горы на „Венерѣ„ достигаютъ 7-ми миль высоты, и затѣмъ такъ какъ напряженіе солнечнаго лучеиспусканія на этой планетѣ *только вдвое* болѣе, чѣмъ на землѣ, то температура на „Венерѣ" не должна существенно разниться отъ нашей земной. Напротивъ, смѣна временъ года у нашего непосредственнаго сосѣда по міровому пространству („Венера" по временамъ приближается къ нашей землѣ на 5 милліоновъ миль ближе, чѣмъ всякая другая изъ планетъ) чудовищно-быстра. Наклонъ оси вращенія „Венеры" относительно солнечнаго пути, достигаетъ 72 градусовъ, тогда какъ наклонъ нашей земли къ тому же пути составляетъ лишь 23 градуса. Но извѣстно, что смѣна временъ года именно и зависитъ отъ этого наклоненія оси какой-либо планеты къ солнечному пути. У насъ, на сѣверной половинѣ земли, существуетъ лѣто, когда сѣверный полюсъ обращенъ къ солнцу; но въ тоже время на южномъ земномъ полушаріи господствуетъ зима, и на оборотъ—не нашемъ полушаріи бываетъ зима, когда южный полюсъ обращается къ солнцу. Но при этомъ солнечные лучи и въ зимнее время довольно продолжительно могутъ освѣщать и согрѣвать умѣренные земные поясы. Теперь представьте же наклоненіе оси планеты къ солнечному пути на 72 градуса!.. При этомъ условіи на цѣлой половинѣ планетной сферы должна, цѣлые *шесть* мѣсяцовъ царить непроглядная ночь—явленіе безпримѣрное въ нашихъ земныхъ широтахъ!.. Обитатели „Венеры", предположивъ, что они не всѣ скучены на Экваторѣ, должны терпѣть самую рѣзкую смѣну весьма жаркаго лѣта съ невообразимо-короткими ночами, и страшно-холодной зимы, почти вовсе лишенной солнечнаго сіянія!.. Эта рѣзкость смѣны можетъ смягчаться только тѣмъ, что лѣто и зима на планетѣ „Венера" болѣе чѣмъ на $^1/_3$ короче, чѣмъ на землѣ, потому что годъ на „Венерѣ" состоитъ только изъ 224 дней, слѣдовательно равняется только $7^1/_2$ мѣсяцамъ земного года. Но между тѣмъ, на примѣръ, на „Меркуріи" (на которомъ смѣна временъ года довольно аналогична съ такою же смѣною на землѣ) каждое время года составляетъ только 22 дня, такъ что и весь годъ на „Меркуріи" не достигаетъ даже и 88 дней. Но, во всякомъ случаѣ, и о „Венерѣ" мы знаемъ относительно весьма-мало потому, что и она никогда на большое разстояніе неудаляется отъ солнца; слѣдовательно здѣсь представляется такое-же большое препятствіе для спектральнаго анализа какъ и относительно „Меркурія". „Венеру" можно видѣть только утромъ или вечеромъ, (положеніе ея на горизонтѣ всегда глубокое). Но утренній и вечерній свѣтъ, а также и сильное преломленіе свѣтовыхъ лучей, исходящихъ отъ самой „Венеры" (каковые должны претерпѣвать всѣ предметы, расположенные на горизонтѣ)—все это весьма неблагопріятно для изслѣдованія физическихъ качествъ „Венеры".

### II.

Совсѣмъ иное представляетъ намъ планета „Марсъ". И эта планета подходитъ по временамъ на 5 милліоновъ миль ближе къ землѣ. Но такъ какъ, не смотря на это, „Марсъ" сохраняетъ свое благопріятное для наблюденія положеніе, высоко надъ горизонтомъ и такъ какъ окружающая „Марса" атмосфера чрезвычайно ясна и прозрачна, то мы знаемъ форму поверхности „Марса" даже почти лучше, чѣмъ форму поверхности нашей собственной планеты. Между обѣими планетами (землею и „Марсомъ") существуетъ поразительное внѣшнее сходство. Свѣтъ „Марса", какъ извѣстно, представляется намъ краснымъ, и этотъ фактъ долгое время приводилъ къ ошибочному мнѣнію, что планета „Марсъ" находится еще въ расплавленномъ состояніи. Но это предположеніе нужно отвергнуть уже изъ чисто космологическихъ причинъ, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы небесное тѣло, во всякомъ случаѣ на многія сотни милліоновъ лѣтъ старѣйшее чѣмъ Земля, да и притомъ представляющее въ 10 разъ меньшій объемъ сравнительно съ Землею,—чтобы это небесное тѣло, говоримъ мы, могло оставаться въ процессѣ охлажденія *позади* Земли. Мы знаемъ теперь, что краснота рефлективнаго или отраженнаго свѣта планеты „Марсъ" происходитъ не отъ другой какой-либо причины, какъ отъ того, что атмосфера „Марса", подобно земной, имѣетъ голубой цвѣтъ. А оптика насъ учитъ, что всякое прозрачное тѣло *всего лучше* отражаетъ тѣ свѣтовые лучи, которые *всего менѣе* поглощаются ими. Теперь: такъ какъ красный цвѣтъ есть дополнительный по отношенію къ голубому, то голубая атмосфера наиболѣе отражаетъ красные лучи солнечнаго спектра. Точно также и наша Земля должна представляться наблюдателю, находящемуся на другой планетѣ, свѣтящеюся *краснымъ* цвѣтомъ. Если же красный цвѣтъ Земли долженъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, принимать болѣе розовый оттѣнокъ, чѣмъ цвѣтъ „Марса", то это происходитъ отъ небольшой разницы въ свойствахъ атмосферъ той и другой планеты. Въ хорошихъ телескопахъ, впрочемъ, и красный цвѣтъ „Марса" разлагается на интенсив-



**Послѣднее утро Дмитрія Самозванца.** Ориг. рис. А. Васильева, грав. Б. Пугъ.



но или безусловно красный и ультрамариново-красныя пятна. И очевидно, что интенсивно-красным цвѣтомъ озвачается на „Марсѣ“ континентъ, а ультрамариновыми пятнами — море. Свѣтящая и согрѣвающая масса солнца не достигаетъ на „Марсѣ“ и половины количества, посылаемаго на землю, и такъ какъ собственно процессъ охлажденія совершился на „Марсѣ“ уже давно,—то вопреки недавней гипотезѣ раскаленнаго состоянія разсматриваемой планеты, можно бы, напротивъ, прійдти къ убѣжденію, что для „Марса“ наступилъ *вѣчный ледяной* періодъ. Такое убѣжденіе, однако, было бы неосновательнымъ, —и вотъ почему: спектральный анализъ показываетъ въ атмосферѣ „Марса“ значительное количество водяныхъ паровъ, а присутствіе этихъ паровъ невозможно безъ соотвѣтственнаго возвышенія температуры. Но затѣмъ мы весьма точно и ясно можемъ наблюдать на „Марсѣ“ ледяныя и снѣговыя образованія. Именно: на полюсахъ „Марса“ замѣчаются большія, блестящія бѣлымъ свѣтомъ, пятна, которыхъ очертанія и объемъ видоизмѣняются съ перемѣнами временъ года на „Марсѣ“. На полюсѣ, на которомъ господствуетъ зима, эти пятна увеличиваются, но одновременно уменьшаются на полюсѣ, гдѣ господствуетъ лѣто. Уже наблюденіе нашей земной поверхности научаетъ насъ, что мы должны видѣть въ этихъ блестящихъ клочкахъ и шапкахъ, покрывающихъ полюсы „Марса“. Это суть области вѣчнаго снѣга на разсматриваемой нами планетѣ, и такъ какъ эти области, даже въ самое суровое зимнее время, едва ли даже простираются такъ далеко, какъ у насъ на землѣ, то, конечно, средняя температура на „Марсѣ“ ни чуть не можетъ быть меньше нашей. А по этому можно признать съ нѣкоторою достовѣрностью, что сосѣдъ нашъ „Марсъ“ даетъ своимъ жителямъ весьма удобныя средства къ существованію (и эти жители, своимъ развитіемъ, вѣроятно, далеко опередили насъ, обитателей Земли).

Теперь мы добрались до той безчисленной массы малыхъ звѣздъ, которая находится между „Марсомъ“ и „Юпитеромъ“ и движется, въ среднемъ разсчетѣ, на разстояніи 52 милліоновъ миль отъ солнца. Самая большая изъ этихъ звѣздъ, „Веста“, имѣетъ поперечникъ въ 58,5 миль. Ось самой малой изъ извѣстныхъ намъ астероидъ, составляетъ не болѣе 2—3 миль, слѣдовательно и вся поверхность этой астероиды не болѣе самаго незначительнаго изъ нѣмецкихъ государствъ. На маленькомъ шарѣ, представляемомъ примѣрно астероидою „Гестія“ „путешествіе вокругъ свѣта“ можно сдѣлать, безъ затрудненія, всего-то въ одинъ день, и притомъ еще пѣшкомъ... Все это, однако не исключаетъ возможности, что и эти звѣздочки населены жителями. Можетъ быть даже, что обитатели этихъ малыхъ міровъ далеко превосходятъ насъ умственными силами и образованіемъ. Напримѣръ, „Гестія“ вращалась вокругъ солнца, въ качествѣ самостоятельнаго небеснаго тѣла еще въ то время, когда нашей земли и на свѣтѣ-то не было. Было обитателямъ „Гестіи“ время развернуть свои силы!.. Можетъ быть маленькая планетка стояла въ полномъ цвѣтѣ цивилизаціи еще въ то время, когда на Землѣ только что показывались первые слабые зачатки органической жизни и когда земныя моря были населены только животными мягкотѣлыми и жесткопокровными, моря „Гестіи“ уже, конечно, были театромъ потрясающихъ войнъ развыхъ морскихъ чудовищъ... Если принять основаніемъ для заключеній то положеніе, что величина обитателей планеты должна быть пропорціональною величинѣ самой планеты, то, конечно. военное судно, на которомъ поражалъ враговъ какой-нибудь Нельсонъ планеты „Гестія“ должно быть, по размѣрамъ, не больше нашей устричной раковины, а самъ Нельсонъ не больше маленькой дѣтской куклы. Но эта мизерность роста и размѣровъ, конечно, нисколько не повредила славѣ героевъ „Гестіи“. Напротивъ, слава должна быть упрочена, подобно славѣ нашихъ Нельсоновъ, Тегетгофовъ и т. д. Слѣдуетъ на этомъ же основаніи предполагать, что на планетѣ гораздо большей по объему, чѣмъ наша земля, люди и животныя должны быть великанами, сравнительно съ земными. Вообще, если мы беремъ въ разсчетъ громадность міроного пространства. то понятіе о „большомъ“ и „маломъ“ о „великанахъ“ и „карликахъ“ какъ-то ступевывается, такъ-какъ въ безпредѣльномъ множествѣ созданныхъ Всемогущимъ міровъ все представляется только *относительнымъ*, относительно-большимъ и относительно-малымъ. Даже самыя астероиды можно назвать еще „великанами“ если сравнивать ихъ съ метеоритами, которые тоже, какъ самостоятельныя небесныя тѣла, вращаются вокругъ солнца. Въ новѣйшее время были найдевы камни-метеоры (эти метеориты, которые во время своего вращательнаго движенія, попали въ область притяженія землею и были привлечены на землю вслѣдствіе закона тяготѣнія)—на которыхъ найдены слѣды воды и углерода; а это настоятельно наводитъ насъ на мысль, что подобныя маленькія небесныя тѣльца не только существовали самостоятельно, но еще развивали на себѣ самостоятельную органическую жизнь. Правда, подобный „міръ“ и всего-то на все вѣситъ нѣсколько фунтовъ, но это обстоятельство не должно вводить насъ въ заблужденіе относительно самобытной организаціи миніатюрнаго міра. Вѣдь въ необъятномъ міровомъ пространствѣ могутъ же находиться и, конечно, находятся, небесныя тѣла, сравнительно съ которыми и наша гордая и величавая земля покажется не болѣе какъ жалкимъ пяти фунтовымъ камушкомъ-метеоритомъ!.. Представимъ только себѣ, что было время, когда наша солнечная система очутилась вблизи одного изъ такихъ колоссовъ, который былъ въ состояніи, тяготѣніемъ своей громадной массы оторвать къ себѣ нѣкоторыя планеты и, между прочимъ, землю и тогда химики изъ населія этого колоссальнаго свѣтила, (если таковые химики существовали, а почему же они не могли существовать?) могли бы упавшую на поверхность ихъ планеты расплавленную землю положить въ свои реторты, подобно тому, какъ нашъ химикъ кладетъ маленькій метеоритъ въ свою реторту для изслѣдованія. Предположите, что у этихъ гигантовъ-химиковъ были хорошіе реагенты, и въ этомъ случаѣ они, можетъ быть, были въ состояніи указать „слѣды углерода“ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь омывается волнами океана гордый индустріальный Альбіонъ съ его милліардами центнеровъ угля, сохранившагося въ залежахъ. Теперь спросимъ: вправѣ ли были гиганты, о которыхъ мы говоримъ (испытывавшіе мизерную—маленькую, относительно ихъ, землю въ своей ретортѣ) вправѣ ли они были сказать, что такое ничтожное тѣло, какъ земля, не можетъ быть обитаема,—только потому, что они могли схватить ее одной рукою?.. Конечно, не вправѣ. Точно такъ же и мы не вправѣ предполагать, что какой-нибудь малый астероидъ или же метеоритъ не можетъ быть *обитаемъ*, по причинѣ его малости... Да и кто знаетъ? можетъ быть, мизерное населеніе карликовъ мизерной планеты даже считаетъ и выдаетъ себя за средоточіе всей вселенной, точно также и на такомъ же основаніи, какъ мы, обитатели земли, выдаемъ себя и своей шаръ за средоточіе вселенной!..

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

## Къ рисункамъ.

### Счастливые всадники.

Рисунокъ представляетъ сценку изъ дѣтской жизни въ деревнѣ, жизни, имѣющей, какъ и вездѣ, свою долю счастія и заботъ и скорбей и радостей. Деревенскія дѣти раньше городскихъ начинаютъ работать. Только что окрѣпнутъ они на своихъ маленькихъ ножонкахъ—для нихъ уже готовы обязанности: люльки качать съ малыми дѣтьми; но больше всего обязанностей на дѣтяхъ лежитъ по отношенію къ домашнему скоту: и на водопой сгонять надобно, и на кормъ выгнать и кормъ задать. А сколько хлопотъ сгонять въ кучу разбѣгающихся овецъ и разсѣянно бродящихъ коровъ! И съ поросятами сколько шуму и возни: забѣжитъ куда-нибудь поросенокъ за телѣгу, завязнетъ тамъ, и такой визгъ подниметъ, что на всю деревню слышно. Любимымъ существомъ для ребятъ является въ домашнемъ быту лошадь и уходъ за нею составляетъ уже не трудъ, а удовольствіе. Къ лошади привязывается ребенокъ и нѣтъ для него выше наслажденія, какъ проѣхаться на ней и самому править. Тутъ онъ гордъ, сознаетъ свое значеніе, являясь повелителемъ. Нашъ рисунокъ взображаетъ одинъ изъ такихъ моментовъ изъ жизни деревенскихъ дѣтей. Здѣсь даже трое забрались на спину любимаго рыжки или бурки и подъ управленіемъ старшаго братишки выѣхали на ближнюю рѣчку. Деревенская жизнь имѣетъ много преимуществъ по сравненію съ жизнію городской: зеленѣютъ поля, сверкаетъ рѣчка въ лучахъ солнца, воздухъ чистъ и прозраченъ, не пропитанъ онъ міазмами и не прокопченъ дымомъ. Зимою все покрыто чистою бѣлою пеленою и широко разстилается она на необозримыя пространства.

Поэты съ любовію относятся къ деревнѣ и нашъ поэтъ Пушкинъ, между прочимъ, обращаясь къ деревнѣ, такъ говоритъ:

Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ тѣнью ивъ густыхъ—
Раздолье утокъ молодыхъ.

### Севастополь.

Крымскій полуостровъ, какъ извѣстно, имѣя видъ четыреугольника, вдается въ Черное море тремя углами, а четвертымъ соединяется съ материкомъ и образуетъ узкій перешеекъ, извѣстный подъ именемъ Перекопа. Въ самомъ дальномъ углу этого четыреугольника раскинулся городъ Севастополь, обладающій превосходнымъ рейдомъ—единственной большой бухтой ва всемъ таврическомъ полуостровѣ. Эта бухта вдается въ землю на восемь верстъ длины и по своей глубинѣ и по безопасности отъ вѣтровъ всегда считалась первымъ рейдомъ на Черномъ морѣ и однимъ изъ лучшихъ на всемъ земномъ шарѣ. Собственно Севастополь лежитъ на западной сторонѣ бухты

и расположенъ амфитеатромъ на узкомъ и длинномъ холмѣ, занимая ту почву, которая, уже со временъ самыхъ отдаленныхъ, пріобрѣла знаменитость въ исторіи развитія человѣчества. По греческимъ преданіямъ здѣсь находился храмъ Діаны, а лѣтъ за 500 до Р. Х. въ этой мѣстности была основана греческая колонія, получившая, названіе Херсонеса. Какъ городъ богатый, промышленный и торговый, Херсонесъ издавна былъ извѣстенъ русскимъ подъ нѣсколько испорченнымъ именемъ Корсуня и имѣлъ огромное значеніе въ послѣдующей жизни русскаго народа. Такъ этотъ древній Херсонесъ таврическій, лежащій нынѣ въ развалинахъ неподалеку отъ Севастополя, сдѣлался мѣстомъ, гдѣ принялъ крещеніе Великій Князь Владиміръ и отсюда же возсіялъ свѣтъ истинной вѣры на всю землю русскую. Съ этой отдаленной эпохи прошло уже болѣе чѣмъ 800 лѣтъ; Херсонесъ давно уже не существуетъ, но на этихъ родныхъ и священныхъ для насъ поляхъ возникъ новый городъ, возникъ Севастополь, вполнѣ достойный знаменитой славы своего предшественника. До владычества русскихъ, т. е. до 1783 года, всѣмъ крымскимъ полуостровомъ, какъ извѣстно, владѣли Татары. Здѣсь на берегу роскошной Севастопольской бухты они основали убогую деревеньку *Ахтіара;* но, конечно, не обратили никакого вниманія на удобство гавани, заботясь больше о выгодахъ набѣговъ и грабежа чѣмъ о выгодахъ мирной торговли. Русскіе, занявъ эту мѣстность, тотчасъ же убѣдились въ высокой ея важности и цѣнности какъ превосходнаго военнаго порта; среди дикой и необитаемой пустыни, вмѣсто деревушки Ахтіара сталъ возникать мало по малу городъ съ обширными казармами, адмиралтействомъ и магазинами и былъ названъ Севастополемъ, что значитъ по гречески „знаменитый городъ“. Въ 1804 году Севастополь былъ назначенъ главнымъ портомъ Черноморскаго флота, состоявшаго уже при Екатеринѣ II изъ трехъ кораблей, 12 фрегатовъ и 25 мелкихъ судовъ. Съ этого времени Севастополь сталъ передовымъ стражемъ и оберегателемъ могущества Россія на водахъ Чернаго моря. Черноморскій флотъ, подъ начальствомъ и руководствомъ Адмирала Лазарева, вскорѣ сталъ образцовымъ, не по одному числу и силѣ величественныхъ его кораблей и не по величинѣ ихъ орудій, но по силѣ нравственной, по общему единодушію всѣхъ его представителей, по неуклонному ихъ служенію пользѣ и славѣ Россіи. Въ это незабвенное для Севастополя время, онъ сдѣлался центромъ, гдѣ росла, крѣпла и откуда наводила страхъ врагамъ наша морская сила. Будучи главнымъ портомъ на югѣ Имперіи, Севастополь былъ снабженъ въ изобиліи всѣмъ тѣмъ, что необходимо для флота, такъ онъ имѣлъ прекрасное адмиралтейство, арсеналъ, значительные склады орудій, пороха и боевыхъ припасовъ, обширный сухарный заводъ, казармы для моряковъ и два большія госпиталя. Самъ по себѣ городъ былъ очень красивъ и въ немъ насчитывалось до 2,000 домовъ, почти все каменныхъ и до 40,000 жителей, конечно принадлежавшихъ преимущественно къ военному сословію. Жизнь здѣсь дѣйствительно кипѣла, дѣятельность была громадная и плодотворная, хотя и нѣсколько односторонняя, такъ какъ частная торговля и промышленность проявляли весьма слабо свое существованіе; всѣ интересы городскаго населенія сосредоточивались въ обязанностяхъ службы и въ скромныхъ удовольствіяхъ провинціальнаго городка. Севастопольцы „не мудрствуя лукаво“ тихо и однообразно проводили дни и не предчувствовали, что вскорѣ надъ ихъ роднымъ гнѣздомъ разразится страшная катастрофа, которая погубитъ и ихъ любимый флотъ; а отъ красиваго города оставитъ однѣ печальныя, облитыя кровью развалины. Даже когда непріятельскія суда появились въ виду Севастополя (въ Апрѣлѣ 1854), то и тогда даже никто не думалъ о предстоящей опасности, такъ какъ съ Апрѣля до Сентября, непріятель все лавировалъ, не предпринимая ничего рѣшительнаго, да кромѣ того по *осеннему* времени, высадку всѣ считали невозможной; городская жизнь и увеселенія шли по прежнему. Но вотъ настало 1 Сентября и союзные войска Франціи, Англіи и Турціи, въ числѣ болѣе чѣмъ 63,000 человѣкъ, размѣщенные на 389 судахъ, направились къ берегу. Вскорѣ въ Севастополь пришла вѣсть, что высадка совершилась; а въ слѣдъ за тѣмъ разнеслось и грустное извѣстіе, что альмское сраженіе кончилось неудачно и для нашей арміи. Непріятель не замедлилъ своимъ появленіемъ и лишь 15 Сентября его передовые отряды появились въ виду города. Съ этого момента началось для Севастополя скорбное время слишкомъ одиннадцатимѣсячной осады, когда по словамъ поэта (А. Апухтина).

И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость Россію храня
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ.

Не имѣя возможности по самому размѣру нашей статьи представить полную картину знаменитой осады, которую читатель можетъ найти въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, спеціально посвященныхъ ея описанію, мы ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторые болѣе выдающіеся факты съ той цѣлью, чтобы доказать при какихъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ наши солдаты и матросы совершали свои необыкновенные подвиги мужества и самоотверженія. Вспомнимъ только, что неприступный и отлично защищенный съ моря Севастополь, съ сухаго пути, не только не былъ защищенъ, но даже и не окопанъ. Лишь съ приближеніемъ непріятеля, въ городѣ закипѣла кипучая дѣятельность и онъ сталъ быстро приводиться въ оборонительное положеніе. Распорядителямъ обороны нужно было употребить необыкновенные средства и усилія чтобы удержать непріятеля на нѣкоторое время въ почтительномъ отдаленіи отъ города и чтобы заставить его начать правильную осаду. Такъ, чтобы не допустить непріятельскій флотъ вторгнуться въ рейдъ, было затопленно немедленно нѣсколько кораблей и такимъ образомъ устроена для него непреодолимая преграда. Кромѣ этого, эта мѣра еще была цѣлесообразна въ томъ отношеніи, что она дала на защиту города болѣе 10,000 матросовъ, мужество и доблесть которыхъ не нуждались въ доказательствахъ. Пока непріятель стоялъ въ отдаленіи, Севастопольскія укрѣпленія между тѣмъ росли съ неимовѣрною быстротою; всѣ рабочіе, какіе только были въ городѣ употребились на земляныя работы; писаря, вахтера, музыканты, пѣвчіе, нижніе чины карантинной стражи и даже арестанты снабжены были инструментомъ и высланы на работы; кромѣ этихъ обязательныхъ рабочихъ для общаго дѣла трудились и горожане всякаго званія, пола и возраста; появилась даже такая батарея, которая безъ участія мущинъ была насыпана однѣми женщинами и называлась потому до конца осады *девичьей*. На этихъ то наскоро воздвигнутыхъ батареяхъ были доставлены орудія, взятыя съ кораблей и изъ которыхъ каждое было притащено на рукахъ до опредѣленнаго для него мѣста; изъ этихъ то орудій большаго калибра защитники начали осыпать непріятеля снарядами, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью. Лишь только замѣчали что его земляныя работы начинали значительно подвигаться впередъ, то тотчасъ же дѣлали ночную вылазку; для послѣдней цѣли набирались охотники, которые тайкомъ, пользуясь темнотою ночи, пробирались къ землянымъ постройкамъ союзниковъ и уничтоживъ ихъ, насколько было возможно, безъ большихъ потерь возвращались во свояси. Напрасно непріятель истощалъ и на землѣ и подъ землею всѣ средства осады и всѣ усилія ума человѣческаго. Всѣ труды его уничтожались искусствомъ и бдительностью нашего знаменитаго инженера Мельникова, названнаго тогда, въ шутку, оберъ-кротомъ, жившаго почти безвыходно подъ землею, въ душной, тяжелой атмосферѣ и постоянно прислушивавшагося къ подземнымъ работамъ непріятеля. Не смотря на значительное превосходство своего оружія, союзники въ первое время осады испытывали потери до того громадныя, что послѣ Инкерманскаго сраженія, въ которомъ, мимоходомъ сказать, ихъ штуцера били на 1200 шаговъ, а наши гладкостволки только на 300, они не шутя подумывали снять осаду, посадить войска на суда и оставить негостепріимные берега Крыма. Самоотверженіе и мужество гарнизона не имѣли границъ; нашъ солдатъ работалъ день и ночь подъ градомъ снарядовъ и падая не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ киркой или лопатой, дѣйствительно былъ достоинъ восторженнаго удивленія. Въ то время какъ наша армія дала непріятелю четыре кровавыхъ сраженія, на долю гарнизона выпало шесть бомбардировокъ, изъ которыхъ послѣднія по справедливости были названы адскими. По сознанію самыхъ союзниковъ, какъ, напр. Ніеля, въ Севастополь было пущено союзниками за время осады болѣе 1,500,000 снарядовъ. Не мудрено, что послѣ отступленія нашихъ войскъ, на южной сторонѣ города осталось цѣлыми не болѣе четырнадцати домовъ. Бомбардировка, продолжавшаяся въ маѣ и іюнѣ, ежедневно вырывала у насъ изъ строя 300 или 400 героевъ, а отъ 17-го августа до 8-го сентября наша потеря простиралась до 18,000 человѣкъ. Немудрено, что главное кладбище на сѣверной сторонѣ извѣстно въ народѣ подъ именемъ кладбища сотни тысячъ воиновъ; хотя Богдановичъ общую потерю нашу при оборонѣ Севастополя полагаетъ не болѣе какъ 85 тысячъ человѣкъ. Въ послѣднее время осады, войска убывали не только съ каждымъ днемъ, но даже съ каждымъ часомъ; случалось, что цѣлый батальонъ до того уменьшался въ числѣ, что могъ обѣдать изъ одной чашки; застрѣльщики союзниковъ были такъ близки къ нашимъ баттареямъ, что могли цѣлиться въ ихъ амбразуры и разстрѣливать людей по выбору: всѣ главныя наши укрѣпленія были почти разрушены и развязка видимо подвигалась къ концу. Занятіе союзниками Малахова кургана, этого ключа всей лѣвой половины оборонительной линіи, должно было по необходимости положить конецъ геройской оборонѣ, превратившейся въ кровавую, безцѣльную бойню. 28-е августа было послѣднимъ днемъ этой одиннадцатимѣсячной драмы. Защитники Севастополя отступили въ блестящемъ и стройномъ порядкѣ и оставили союзникамъ однѣ дымящіяся, окровавленныя развалины. Разрушеніе было до того полно, что хотя со времени упомянутыхъ нами великихъ событій прошло уже слишкомъ двадцать лѣтъ, но Севастополь до сихъ поръ еще не можетъ оправиться и лежитъ въ развалинахъ. Мелкіе домики простолюдиновъ, иные исправлены, иные возобновлены, отъ богатыхъ и роскошныхъ зданій стоятъ однѣ запустѣлыя стѣны, даже не украшенныя ни зеленью, ни ползучими растеніями. Въ самые прекрасные дни бѣлая, ѣдкая пыль наполняетъ здѣсь атмосферу и захватываетъ вамъ дыханіе. Она-то придаетъ и домамъ и всему городу тотъ одно-

образный, бѣлесоватый колоритъ, который по мнѣнію одного путешественника дѣлаетъ схожими развалины Севастополя съ развалинами Помпеи. Отъ самаго лучшаго зданія Екатерининской улицы, отъ Благороднаго собранія, остался одинъ остовъ; та же участь постигла и офицерскую библіотеку, которая до осады была украшена сфинксами на широкомъ крыльцѣ, мраморными статуями на итальянской террасѣ и барельефами работы Рамазанова. Между улицами Екатерининской и Морской тянется, какъ и прежде, бульваръ, на которомъ устроено кафе и поставленъ памятникъ Казарскому, состоящій изъ колонны, увѣнчанной бронзовой триремой, въ память побѣды, одержанной въ 1829 году однимъ русскимъ бригомъ надъ двумя турецкими кораблями. Передъ развалинами морскихъ казармъ возвышается грандіозная статуя Лазарева, поставленная уже послѣ осады и такимъ образомъ украсившая собою одни развалины. Среди новыхъ зданій Екатерининской улицы особенно замѣчательна одна постройка въ итальянскомъ вкусѣ. Это домъ знаменитаго нашего генерала Тотлебена, обращенный въ военный музей и постоянно открытый для публики. Здѣсь хранится все то, что имѣетъ какое либо отношеніе къ доблестной осадѣ, не исключая и богатой коллекціи книгъ, относящихся къ этому же предмету. Упоминая о нынѣшнемъ Севастополѣ, нельзя оставить безъ вниманія и его знаменитыя могилы Адмираловъ Нахимова, Корнилова и Истомина—эти незабвенные герои обороны погребены въ общемъ склепѣ съ Адмираломъ Лазаревымъ, подъ фундаментомъ заложеннаго Корниловымъ Владимірскаго собора. Могилы всѣхъ прочихъ павшихъ при защитѣ Севастополя находятся на сѣверной сторонѣ города и составляютъ тамъ цѣлыхъ три кладбища, изъ которыхъ каждое имѣетъ особыя отдѣленія для моряковъ и арміи по полкамъ. Невысокая ограда окружаетъ все кладбище, а нѣсколько выше его, на вершинѣ холма, возвышается грандіозный храмъ пирамидальной формы, какъ бы иріосѣняющій собою могилы почившихъ, между которыми замѣтны красивые памятники князя Горчакова, Хрулева, Реада, Тимофѣева, Адлерберга съ сыномъ и многихъ другихъ извѣстныхъ личностей.

Коснувшись настоящаго положенія города, мы должны сознаться, что до сихъ поръ замѣтно весьма слабое развитіе какъ его торговыхъ такъ и промышленныхъ силъ; онъ болѣе живетъ славнымъ прошлымъ, гордится своими страданіями и дорогими могилами. Жители его по большей части участники и очевидцы славной осады и потому неудивительно, что они живутъ больше воспоминаніями. Все населеніе не превышаетъ 11,000 человѣкъ обоего пола и жизнь города нельзя назвать особенно оживленной. Но нѣтъ сомнѣнія, что по своему счастливому положенію, Севастополь можетъ смѣло расчитывать на лучшую будущность и что ему рано или поздно суждено воскресить славу древняго Херсонеса и сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ для сокровищъ дальняго востока.

А. Н.

## Въ тихой молитвѣ.

Превосходное выраженіе лица молодой дѣвушки, безошибочно указывающее на состояніе ея духа, даетъ ясное понятіе о томъ, что именно хотѣлъ изобразить художникъ, взявшій для своей картины такой сюжетъ. Съ перваго взгляда на нее видно, что задачей его было представить то душевное состояніе, какое отражается на лицѣ молящагося человѣка. Дѣвушка молится и молитва ея тихая, спокойная, полная вѣры и упоенія.

Z.

## Послѣдніе дни Дмитрія Самозванца.

Въ Москвѣ шли пиры за пирами, потѣхи за потѣхами. Лжедмитрій отпраздновалъ свою свадьбу съ красавицей Мариной Мнишекъ и чувствовалъ себя очень счастливымъ. Казалось и дѣйствительно горевать ему было не о чемъ: неслыханно смѣлый планъ приведенъ въ исполненіе—темный служитель пановъ польскихъ на московскомъ престолѣ, признанъ за сына Іоанна Грознаго духовенствомъ, боярами, народомъ и даже царицей Мареой. Его окружаютъ величіе, роскошь, всеобщая лесть и ласки любимой красавицы. О чемъ же задумываться, чего бояться! нужно ловить это сказочное счастье, вволю имъ упиться... И не замѣчаетъ Дмитрій, что уже собираются на него тучи, что его красный день не дологъ.

А между тѣмъ старый Шуйскій уже собралъ къ себѣ въ глухую полночь бояръ и объявилъ имъ о страшной опасности, которая грозитъ Московскому государству отъ царя, всецѣло преданнаго полякамъ, открылся, что самозванца признали сыномъ Іоанна IV только затѣмъ, чтобы освободиться отъ Годунова. „Мы думали,—говорилъ князь Шуйскій, что такой умный и храбрый молодой человѣкъ будетъ защитникомъ вѣры православной и старыхъ обычаевъ, а вмѣсто того царь любитъ только иноземцевъ, презираетъ святую вѣру, оскверняетъ храмы Божіи, выгоняетъ священниковъ изъ домовъ, которые отдаетъ иновѣрцамъ, наконецъ женился на Полькѣ поганой. Если мы заранѣе о себѣ не промыслимъ, то будетъ еще хуже. Я для спасенія православной вѣры опять готовъ на все, лишь бы вы мнѣ помогли усердно... Если будутъ всѣ за одно, то бояться нечего: за насъ будетъ нѣсколько сотъ тысячъ, а за него пять тысячъ поляковъ, которые живутъ не въ сборѣ, а въ разныхъ мѣстахъ“.

И порѣшили на сходкѣ у Шуйскаго не терять времени, всюду разгласить о самозванствѣ Дмитрія, потомъ ударить въ набатъ, броситься во дворецъ съ крикомъ: „Поляки бьютъ государя!“, окружить Лжедмитрія какъ будто для защиты и убить его. Одновременно съ этимъ положено было ворваться въ домы поляковъ, заранѣе отмѣченные буквами, и перебить всѣхъ. Только нѣмцевъ рѣшили не трогать въ увѣренности, что эти храбрые воины пригодятся и впослѣдствіи.

Какъ ни осторожно и тайно дѣйствовали заговорщики, все же объ ихъ замыслахъ скоро стали ходить слухи. Начальники иноземной стражи три дня сряду доносили царю, что въ народѣ замышляется что-то недоброе. Но Дмитрій сначала спряталъ ихъ донесеніе, сказавъ: „все это вздоръ!“, а потомъ, когда это ему надоѣло, велѣлъ наказывать доносчиковъ.

Прошло нѣсколько дней—въ городѣ начались безпорядки. Заговорщики подымали народъ, иногда дѣло доходило до сильныхъ дракъ съ поляками. Домъ, гдѣ жилъ Вишневецкій, былъ разъ осажденъ толпою въ четыре тысячи человѣкъ. Поляки жаловались царю; но тотъ отвѣчалъ имъ со смѣхомъ и удивлялся ихъ малодушію.

Наконецъ въ ночь съ шестнадцатаго на семнадцатое мая 1606 года въ Москву вошелъ осьмнадцатитысячный отрядъ, привлеченный на сторону заговорщиковъ и занялъ всѣ Кремлевскія ворота. Нѣмцы, обыкновенно находившіеся во дворцѣ, получили чрезъ бояръ царскимъ именемъ приказъ разойтись по домамъ и при дворцѣ остались только тридцать алебардщиковъ. Около четырехъ часовъ утра раздался колокольный звонъ съ Ильинки и скоро всѣ сорокъ сороковъ церквей московскихъ гудѣли набатнымъ звономъ. Народъ, вооружась чѣмъ попало, со всѣхъ сторонъ хлынулъ на Красную площадь, гдѣ уже сидѣли на коняхъ бояре и дворяне. Многіе еще не знали въ чемъ дѣло; вся площадь кричала и среди этихъ криковъ можно было разслышать толки о томъ, что Литва бьетъ бояръ и хочетъ извести царя.

Заговорщикамъ нельзя было терять времени, нужно было скорѣе покончить съ самозванцемъ, и не всенародно, а внутри дворца, безъ свидѣтелей. Князь Шуйскій, окруженный своими, въѣхалъ въ Кремль держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ. Подъѣхавъ къ Успенскому собору онъ сошелъ съ коня, приложился къ образу Владимірской Божіей Матери и громко сказалъ: Во имя Божіе идите на злаго еретика!.. Толпа кинулась къ дворцу...

Набатный звонъ и народные крики разбудили Дмитрія. Онъ приподнялся на своемъ ложѣ, позвалъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ и приказалъ ему узнать въ чемъ дѣло. Басмановъ вернулся съ отвѣтомъ, что вѣроятно гдѣ нибудь пожаръ. Самозванецъ было успокоился, послѣ пира, продолжавшагося далеко за полночь, глаза его смыкались, онъ снова опустился на подушки и заснулъ. Но шумъ становился все громче и громче, все приближался. Басмановъ снова вышелъ развѣдать и на этотъ разъ увидѣлъ, что дворецъ окруженъ народомъ. Его самого встрѣтили бранью и крикомъ: „выдай самозванца!“

Внѣ себя отъ ужаса и отчаянья, Басмановъ кинулся къ царю и разбудилъ его. Дмитрій долго не могъ понять въ чемъ дѣло и широко раскрытыми, безумными глазами глядѣлъ на своего любимца.

— Ахти мнѣ! повторялъ Басмановъ,—ты самъ виноватъ, государь! все не вѣрилъ—и вотъ вся Москва собралась на тебя!

Въ это время оробѣвшая стража пропустила одного изъ заговорщиковъ въ царскую опочивальню. Онъ бросился къ ложу Дмитрія и закричалъ: „Ну, безвременный царь! проспался ли ты? зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?“

Басмановъ замахнулся палашомъ и отрубилъ голову заговорщику.

Полное сознаніе вернулось наконецъ къ самозванцу при видѣ этой кровавой головы, покатившейся на коверъ его. Онъ понялъ весь ужасъ, всю безвыходность своего положенія...

Вскочивъ съ постели, и выхвативъ мечъ у одного изъ тѣлохранителей, самозванецъ вышелъ къ народу, и махая во всѣ стороны мечемъ, кричалъ: Я вамъ не Годуновъ. Но выстрѣлы заставили его удалиться.

Между тѣмъ Татищевъ кинулся на Басманова, закололъ его ножемъ и сбросилъ съ крыльца. Толпа бросилась на царскихъ тѣлохранителей.

Еще разъ вышелъ Дмитрій и началъ разгонять народъ палашемъ; но тутъ же увидѣлъ, что его отвага ничему не поможетъ. Тогда онъ въ отчаяньи бросилъ палашъ, схватилъ себя за волосы и побѣжалъ въ покои жены. Извѣстивъ ее объ опасности онъ пробрался въ каменный дворецъ, выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для его брачнаго празднества, но оступился и упалъ на житный дворъ съ вышины въ 15 саженъ. Долго лежалъ Дмитрій безъ сознанія съ вывихнутой ногой и разбитой грудью; наконецъ очнулся и началъ стонать. Стрѣльцы, стоявшіе неподалеку на караулѣ, услыхали эти стоны, узнали царя, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ сломаннаго годуновскаго дома. Дмитрій нашелъ въ себѣ силы уговорить ихъ принять его сторону—онъ обѣщалъ имъ въ награду женъ и имѣнія измѣнниковъ бояръ.

Стрѣльцы плѣнились этимъ обѣщаніемъ, понесли царя въ

(Продолженіе на стр. 813, 814, 815 и 816.)

разграбленный и опустошенный дворецъ и, когда заговорщики хотѣли къ нему приблизиться, начали стрѣлять въ нихъ.

Шуйскій пришелъ въ ужасъ—дѣло могло очень плохо кончиться; но скоро онъ придумалъ хитрость. Вдругъ заговорщики закричали: „Пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута, обманщика.“ Стрѣльцы перепугались и сказали:

— Спросимъ царицу, если она объявитъ, что это прямой

Въ это время вернулся Голицынъ отъ царицы Мароы и объявилъ, что она не признаетъ Дмитрія своимъ сыномъ. Это тотчасъ же возвѣстили народу, прибавляя, что самъ Дмитрій винится въ самозванствѣ. Тогда народъ закричалъ: „Бей его, руби его!„ Къ царю подбѣжалъ сынъ боярскій Григорій Валуевъ и выстрѣлилъ, сказавши: „Что толковать съ еретикомъ; вотъ я благословлю польскаго свистуна!“

Пуля попала мѣтко—Дмитрій слабо крикнулъ и захрипѣлъ.



**Лоэнгринъ и Эльза. Изъ оперы Р. Вагнера.** Рис. К. Жульевъ, грав. Матолини.

сынъ ея, то мы всѣ за него помремъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ“.

Бояре согласились и послали къ царицѣ Мароѣ, а сами съ ругательствами и побоями спрашивали Дмитрія.

— Кто ты? кто твой отецъ? откуда ты родомъ?

Онъ отвѣчалъ имъ: „Вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою, или выведите меня на лобное мѣсто и дайте объясниться!“

Тутъ кинулось на него еще нѣсколько человѣкъ, добили его и бросили на трупъ Басманова крича: „Ты любилъ его живого, не разставайся и съ мертвымъ!“

Три дня эти два трупа были выставлены на красной площади: Дмитрій лежалъ на столѣ въ маскѣ, съ дудкой и волынкой, а Басмановъ на скамьѣ у ногъ его. Затѣмъ Басманова похоронили у церкви Николы Мокраго, а Дмитрія въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами. Но скоро по Москвѣ пошли

слухи, что сильные морозы стоятъ, благодаря волшебству разстриги, что надъ его могилою творятся всякія чудеса. Трупъ бывшаго царя вырыли, сожгли и, смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, зарядили имъ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда пришелъ Дмитрій.

Но его чары, какъ извѣстно, и этимъ не были разрушены; его имя еще долго волновало и мутило русскую землю.

## Утка и водяная крыса.

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ номерѣ „Нивы" знакомитъ насъ съ характеромъ тѣхъ отношеній, какія существуютъ между уткою и водяной крысой. Отношенія эти похожи на людскія: и здѣсь тѣже заботы поживиться на счетъ другого, и здѣсь та же вѣчная борьба съ опасностями. Утка, какъ видно, наслаждалась съ своимъ многочисленнымъ семействомъ скромными удовольствіями, плавая по родной стихіи и, какъ говорится, не думала не гадала о томъ, что ей грозитъ бѣда. Бѣда эта вдругъ точно изъ земли выростаетъ: почти предъ ея носомъ является водяная мышь, имѣющая коварныя намѣренія сцапать одно изъ утятъ.

Яростно кричитъ утка, готовая растерзать врага, но врагъ не страшится этого крика, онъ знаетъ, что мать дѣтей не броситъ, а если даже и броситъ, чтобы пуститься за нимъ, то это будетъ только къ его же выгодѣ: утята останутся безъ защиты, и онъ успѣетъ, ловко ускользнувъ отъ клюва матери, захватить себѣ утёнка. Теперь пока утята кружатся возлѣ матери; но онѣ не понимаютъ опасности и, пожалуй, того и гляди пустятся по водѣ врассыпную. Удастся-ли уткѣ отбиться и спасти всѣхъ своихъ дѣтей—неизвѣстно, но крыса, кажется, не труситъ и только выжидаетъ какъ бы, болѣе удобно подвернулся который нибудь утенокъ.

Водяная крыса (Arvicola amphibius) живетъ около береговъ, въ сырыхъ мѣстахъ и садахъ, проворно бѣгаетъ, ловко плаваетъ и видитъ, что дѣлается на землѣ и водѣ. Правда, что ея пищу составляетъ картофель, зерна, вообще растительныя вещества, но она далеко не прочь покушать и водяныхъ и маленькихъ наземныхъ животныхъ. Семейство мышиныхъ включаетъ въ себѣ нѣсколько видовъ и нѣкоторые изъ нихъ всеядны. Домашнія мыши и крысы особенно извѣстны намъ вредомъ, какой онѣ дѣлаютъ въ нашихъ квартирахъ и кладовыхъ, поѣдая все съѣстное, всѣ запасы и даже не брезгая стеариновыми свѣчами, газетами, обувью. Хлѣбныя поля наши также страдаютъ отъ мышей. Мыши причиняютъ вредъ и корнямъ растеній. Одинъ изъ ученыхъ (Уайтъ) разсказываетъ, что ему нѣсколько разъ случалось заставать короткохвостую полевую мышь за ночной ловлей мелкихъ птичекъ. Онъ же замѣтилъ, что мыши въ ягодахъ шиповника съѣдаютъ только сѣмячки, отбрасывая оболочку какъ несъѣдобное. Точно также мыши питаются вишневыми косточками, которыя добываются ими при содѣйствіи черныхъ дроздовъ. Дрозды обыкновенно клюютъ вишни, оставляя косточки, слегка держащимися на стебелькѣ или сбрасывая ихъ на землю. Въ первомъ случаѣ косточки навѣрно упадутъ при первомъ сильномъ вѣтрѣ или при сниманіи плодовъ съ дерева, а въ другомъ—мыши, недожидаясь, могутъ собирать косточки съ земли. Обиліе косточекъ даетъ мышамъ возможность дѣлать запасы въ своихъ кладовыхъ. Замѣтимъ здѣсь кстати о способѣ употребленія косточекъ въ пищу: мышь обыкновенно отгрызаетъ кончикъ косточки и такимъ образомъ, сдѣлавъ дырочку, вытаскиваетъ ядро. Мыши вообще вредное животное, относятся къ порядку грызуновъ, способности ихъ соотвѣтственно небольшой величинѣ и простой поверхности головнаго мозга, мало развиты, впрочемъ онѣ обнаруживаютъ нѣкоторое искусство въ постройкѣ гнѣздъ и умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ. Гдѣ бы мышь не была—тотчасъ же найдетъ возможность обстроиться и найти матеріалы для устройства помѣщенія. У Вуда между прочимъ есть слѣдующій разсказ объ устройствѣ мышинаго гнѣзда въ цвѣточномъ горшкѣ. Въ концѣ осени нѣсколько цвѣточныхъ горшковъ было выставлено въ сарай до весны. Въ срединѣ зимы встрѣтилась надобность сарай очистить. Владѣлецъ цвѣтовъ, вынимая горшки, замѣтилъ въ землѣ горшка круглую дыру въ которую сначала высунулся мышиный хвостикъ, а за тѣмъ выскочила одна мышь, а за ней и другая. Землю въ горшкѣ взрыли и нашли въ ней чистое и удобное гнѣздо, сдѣланное преимущественно изъ соломы и бумаги, въ которое входомъ служило отверстіе, откуда выскочили его обитатели. Интересно то, что хотя земля въ горшкѣ и казалась нетронутой, за исключеніе отверстія, однако горшекъ оказался пустымъ внутри. Искусный строитель умѣлъ выгресть изъ горшка землю и убрать ее, оставивъ небольшой слой земли на верху. Затѣмъ другой примѣръ: насѣдка была посажена въ корзину, въ которую, для поддержанія теплоты, положенъ былъ мѣшокъ. Курица была густо покрыта перьями и съ широкимъ хвостомъ (изъ породы Брама); по прошествіи трехъ недѣль хвостъ оказался совсѣмъ общипаннымъ, всѣ были въ недоумѣніи, отчего бы это могло быть. Оказалось же, по высиженіи цыплятъ, когда убирали корзину, что въ мѣшкѣ поселилась мышь и сдѣлала тамъ гнѣздо изъ перьевъ курицы. Такимъ образомъ, пока насѣдка сидѣла, мышь обирала ея перья въ свое удовольствіе.

Мыши удивительно быстро могутъ работать и по этому поводу въ кембриджскомъ журналѣ печаталось, какъ однажды въ новоиспеченномъ хлѣбѣ на другой день замѣчено было отверстіе. Когда же хлѣбъ разрѣзали, то внутри его нашли мышь съ своимъ гнѣздомъ, сдѣланнымъ изъ бумаги. При изслѣдованіи, матеріалъ оказался взятымъ изъ тетради, изгрызенной мышью. Внутри гнѣзда было уже и нѣсколько штукъ только что рожденныхъ розовыхъ съ прозрачной кожею мышатъ. Фактъ этотъ доказываетъ, какъ энергична и проворна можетъ быть мышь. Нѣкоторыя изъ мышей устроиваютъ себѣ подземное зимнее и лѣтнее помѣщенія, въ которыя и поселяются по мѣрѣ надобности. Кромѣ гнѣздъ имѣютъ еще кладовыя, гдѣ помѣщается провизія. Есть изъ мышей такія, которыя строятъ висячія гнѣзда на листьяхъ травъ. Напр. гнѣздо малютки жатвенной мыши или виситъ на нѣсколькихъ крѣпкихъ травянныхъ стебляхъ, или прикрѣплено къ пшеничнымъ соломинкамъ. Жильб. Вайтъ упоминаетъ о гнѣздѣ, привѣшенномъ на головкѣ волчца. Самое гнѣздо дѣлается тоже въ такомъ случаѣ изъ узколиственныхъ травъ и соткано въ формѣ шара.

Нѣкоторыя изъ мышей переселились къ намъ изъ другихъ странъ свѣта, такъ *Пасюкъ* распространился съ востока, только въ половинѣ прошлаго столѣтія, причемъ на пути изъ Каспійскихъ странъ перешелъ Волгу вплавь. (Паллас) Пасюкъ въ свою очередь вытѣснилъ изъ Европы Черную домашнюю крысу, только въ средніе вѣка пришедшую было къ намъ. Теперь черная крыса поселилась въ Америкѣ. Молодыя крысы иногда срастаются своими хвостами и образуютъ такъ назыв. Rattenkönig. Черепа мышей встрѣчаются уже въ третичныхъ формаціяхъ.

Говорить объ уткѣ намъ много не приходится, такъ какъ съ нравами утокъ мы всѣ болѣе или менѣе знакомы, тѣмъ болѣе съ домашними утками. Утки относятся къ порядку плавающихъ, именно къ пластинчатоклювымъ, и обладаютъ развитіемъ умственныхъ способностей больше чѣмъ другія водяныя птицы. Хитрыя и умныя на открытыхъ водахъ и въ стаяхъ онѣ осторожнѣе, нежели по одиночкѣ. Неныряющія утки питаются растительными веществами, ныряющія же—животными, какъ напр. улитками, головастиками, мелкой рыбой, икрой, для чего роются въ отвѣсномъ положеніи, погрузивши въ воду голову и переднюю часть туловища. Очень немногія виды утокъ не дѣлаютъ гнѣздъ, а кладутъ яйца въ норы въ землѣ. Иногда нѣсколько самокъ кладутъ яйца въ одно общее гнѣздо и насиживаютъ поочередно. Гнѣзда приготовляетъ одна самка и тихонько отъ самца, въ камышѣ, въ кустахъ около воды, иногда въ дуплахъ деревъ, даже въ гнѣздѣ воронъ. Самцы раззоряютъ гнѣзда и принимаютъ участіе въ жизни семьи только когда выведутся дѣти—тогда они уже берутъ заботу охраненія и защиты. Вода для утокъ родная стихія и вылупившіеся птенцы немедленно начинаютъ плавать вмѣстѣ съ матерью. Летаютъ утки также долго и хорошо, но по землѣ движутся тяжело: Между утками существуетъ видимое половое различіе и самцы больше и красивѣе самокъ. Они съ болѣе яркимъ опереніемъ; нѣкоторые имѣютъ горбъ при основаніи клюва, хохолокъ и завитыя перья въ хвостѣ. Утки живутъ обществами, стаями, большею частію въ умѣренныхъ странахъ, а зимуютъ, перелетая въ умѣренныя и болѣе теплыя страны. Отъ дикой утки произошла наша домашняя и культированная, она легко переноситъ холодъ зимы.

## Лоэнгринъ и Эльза.

(изъ оперы Р. Вагнера).

Въ числѣ музыкальныхъ созданій Рихарда Вагнера, опера Лоэнгринъ пользуется громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью и это замѣчательное произведеніе, было дѣйствительно значительнымъ и смѣлымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ геніальнымъ композиторомъ, на пути развитія его идеала—музыкальной драмы.

Содержаніе оперы онъ заимствовалъ изъ цикла келтійскихъ преданій, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ легендъ о святомъ Граалѣ т. е. о чашѣ Господней, бывшей на Тайной Вечерѣ.

Защитники Св. Граала—доблестные рыцари; они постоянные заступники угнетенныхъ и часто принимаютъ на себя эту высокую миссію, являясь въ среду обыкновенныхъ людей. Небо покровительствуетъ имъ во всѣхъ ихъ добрыхъ начинаніяхъ до тѣхъ поръ, пока они по неосторожности или по какой нибудь другой причинѣ не откроютъ великую тайну ихъ происхожденія: они могутъ даже лишиться своей сверхъ-естественной силы, если тотчасъ же не возвратятся обратно въ свое таинственное обиталище—замокъ Мансальватъ. Лоэнгринъ былъ однимъ изъ этихъ доблестныхъ рыцарей Св. Граала и его то похожденія Вагнеръ и избралъ темой для своей музыкальной драмы. Вотъ въ краткихъ словахъ ея содержаніе. Дѣйствіе происходитъ въ первой половинѣ X столѣтія въ Антверпенѣ. Во всемъ Брабантѣ въ это время происходили несогласія и смуты за отсутствіемъ законнаго правителя и чтобы уладить внутреннія безпорядки и поднять страну противъ страшнаго внѣшняго врага, Венгровъ, въ Антверпенъ

пріѣзжаетъ самъ король Германскій, Генрихъ Птицеловъ. Созвавъ народныхъ представителей, онъ сталъ спрашивать у нихъ о причинѣ ихъ смутъ и несогласій и обращается главнымъ образомъ, съ этимъ вопросомъ къ старѣйшему и храбрѣйшему Брабантскому графу Фридриху Тельрамунду. Послѣдній объявляетъ причину ихъ тѣмъ, что нѣтъ у нихъ законнаго правителя; что Брабантскій герцогъ, умирая, отдалъ ему на воспитаніе своихъ двухъ малютокъ Эльзу и Готфрида, но что Эльзу онъ подозрѣваетъ въ убійствѣ ея брата, Готфрида, съ намѣреніемъ самой завладѣть престоломъ. На этомъ основаніи Фридрихъ Тельрамундъ предъявляетъ на престолъ свои собственныя права какъ мужа Ортруды, семьѣ которой искони принадлежалъ Брабантъ. Король, выслушавъ Фридриха, призываетъ къ суду Эльзу и получивъ отъ нея въ отвѣтъ, что она не виновна въ взводимомъ на нее преступленіи, назначаетъ Божій судъ т. е. вызываетъ бойца который бы сразился съ обвинителемъ за невинность Эльзы. Эльза, подъ вліяніемъ вѣщаго сна, ждетъ себѣ въ защитники какого то неземнаго, чудеснаго рыцаря, который и дѣйствительно является по третьему зову короля, подплывъ въ челнокѣ, везомомъ по волнамъ лебедемъ. Этотъ ожидаемый Эльзою рыцарь и былъ Лоэнгринъ, рыцарь Св. Граала, прибывшій спасти ее отъ вѣроломства и клеветы Фридриха. Онъ предложилъ Эльзѣ быть ея защитникомъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она стала его женой и кромѣ того дала бы слово, что никогда не будетъ стараться узнать ни его имя, ни происхожденіе. Эльза соглашается и Лоэнгринъ, по знаку короля, вступаетъ въ бой съ клеветникомъ и побѣждаетъ его. Слѣдствіемъ этой побѣды было то, что Лоэнгринъ соединился съ Эльзой брачными узами а Фридрихъ и его жена Ортруда, затаивъ злобу и жажду мщенія, должны были подвергнуться изгнанію но Ортруда женщина коварная, хитрая, опытная въ чародѣйствѣ, успѣла улучить удобную минуту и уговорить довѣрчивую Эльзу, чтобы она узнала отъ своего супруга его таинственное имя и происхожденіе: Эльза послушалась Ортруды и стала жертвою своего любопытства; въ ту ночь когда Эльза всѣми силами старалась выпытать у Лоэнгрина страшную тайну, въ комнату новобрачныхъ ворвался Фридрихъ съ своими слугами, чтобы умертвить рыцаря, но тутъ же поплатился за это жизнью; Лоэнгринъ убиваетъ Фридриха и видя, что жена его измѣняетъ своей клятвѣ, рѣшается самъ, всенародно, открыть свое происхожденіе. Въ присутствіи короля и Брабантцевъ сознается, что онъ рыцарь Св. Граала и что онъ вслѣдствіе несдержанія Эльзою своей клятвы, долженъ немедленно возвратиться въ свою обитель. Въ этотъ моментъ подплываетъ снова лебедь съ челнокомъ. По молитвѣ Лоэнгрина лебедь превращается въ прекраснаго юношу, въ которомъ всѣ узнаютъ пропавшаго Герцога Готфрида, какъ оказывается скрывавшагося цѣлый годъ во храмѣ Св. Граала. При видѣ его, коварная Ортруда падаетъ за мертво. Лоэнгринъ входитъ быстро въ челнъ и вскорѣ исчезаетъ изъ виду. Брабантцы шумно привѣтствуютъ новаго повелителя, а Эльза, не видя болѣе Лоэнгрина, испускаетъ вопль отчаянія и умираетъ на рукахъ Готфрида.

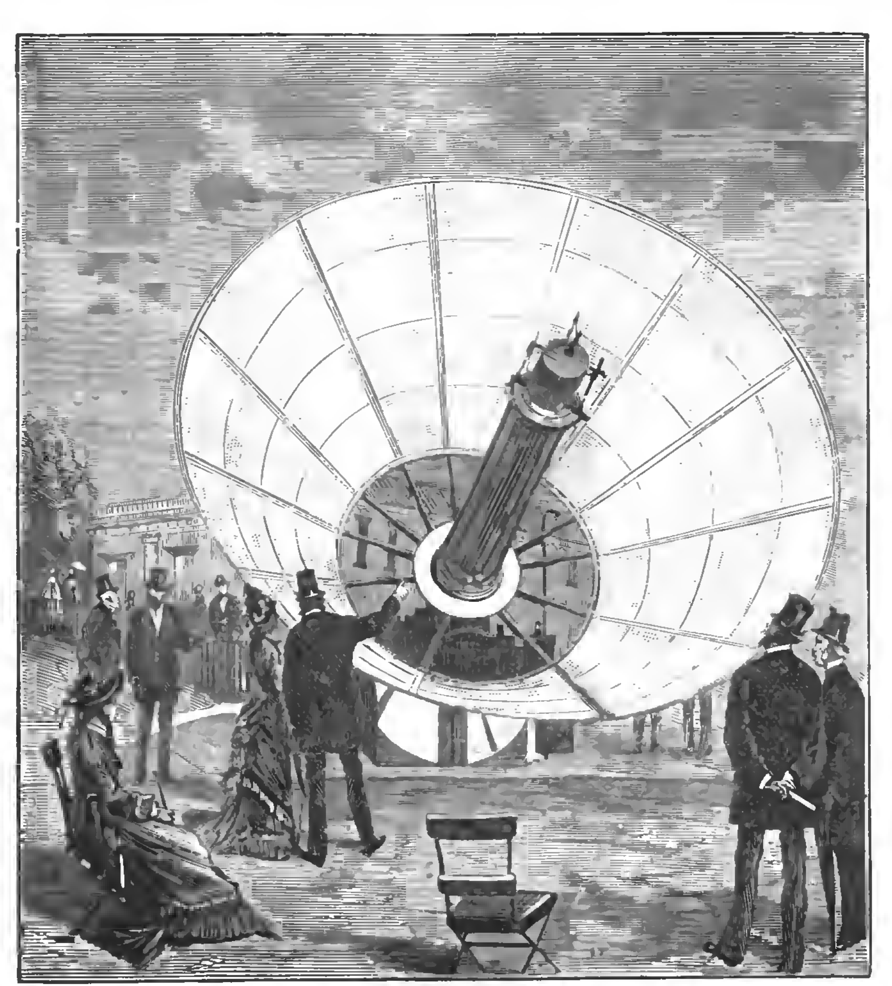
Нашъ рисунокъ представляетъ ту сцену, когда Эльза и Лоэнгринъ, не предвидя своей горестной судьбы, еще увлекаются мечтами любви и счастія.

У насъ въ Петербургѣ Лоэнгринъ при блестящей постановкѣ и прекрасномъ выполненіи всегда пользовался большимъ успѣхомъ и уже поговариваютъ о скоромъ его возобновленіи на сценѣ Маріинскаго театра. Вообще музыка Вагнера, не смотря на множество ея враговъ и недоброжелателей, получила у насъ право гражданства. Наша публика умѣетъ уже оцѣнивать красоты этой музыки и начинаетъ болѣе и болѣе сознавать истины задачи музыкальной драмы и отличать ее достоинство отъ произведеній Итальянскихъ композиторовъ— сторонниковъ внѣшняго эффекта и кудреватой, приторно сладкой музыки идущей иногда совершенно въ разрѣзъ съ реальной правдой и даже со здравымъ смысломъ. **А. Н.**

## Аппаратъ для добыванія пара посредствомъ солнечной теплоты.

Аппаратъ для добыванія пара посредствомъ солнечной теплоты изобрѣтенъ г. Мушо. Опыты, производимые посредствомъ этого аппарата, привлекали къ нему толпы любопытныхъ, что служитъ яснымъ признакомъ общаго удивленія новому приложенію солнечной теплоты. Мы говоримъ „новому приложенію", но не изобрѣтенію, ибо Архимедъ давно уже показалъ, на сколько солнечная теплота можетъ быть примѣнима къ различнымъ цѣлямъ. Во времена Архимеда баснословно цѣнились зажигательныя стекла, съ помощію которыхъ великій геометръ поджигалъ корабли римлянъ, осаждавшихъ Сиракузы.

Въ Средніе Вѣка идея о примѣненіи къ промышленнымъ цѣлямъ солнечнаго свѣта тоже занимала собою алхимиковъ и физиковъ. Затѣмъ идея эта нашла осуществленіе въ попыткахъ француза Соломона де-Ко, но попытки его не нашли сочувствія среди ученыхъ и только потомъ уже, благодаря замѣчательнымъ изслѣдованіямъ Маріотти, Меллони, Пуилле, и Соссюра и друг., идея объ эксплуатаціи солнечнаго свѣта нашла себѣ практическое примѣненіе. Примѣненіе это необычайно просто и заключается въ самомъ несложномъ приборѣ. При посредствѣ механизма, которымъ управлять можетъ ребенокъ, приборъ можетъ быть направляемъ соотвѣтственно положенію солнца.



**Всемірная выставка въ Парижѣ: Аппаратъ для добыванія пара посредствомъ солнечной теплоты.** Грав. М. Рашевскій.

Аппаратъ Мушо состоитъ изъ рефлектора—огромной величины воронки, околоченной внутри металическими листами, мѣрой въ устье воронки, имѣющими 6 метровъ въ діаметрѣ. Лучи солнца ложатся параллельно на поверхности рефлектора и отражаются правильно на поверхности стекляннаго цилиндра, помѣщеннаго въ воронкѣ, въ центрѣ цилиндра, въ темной трубѣ, заключается вода. Лучи солнца проходятъ въ трубу безъ затрудненія, такъ какъ стекло превосходно пропускаетъ свѣтоносные лучи, но, достигнувъ трубы, они остаются какъ бы заключенными; вода въ трубѣ обыкновенно нагрѣвается въ 45 минутъ, не смотря на пасмурное небо и можетъ дать паръ тяжестью въ пять атмосферъ. Такимъ образомъ результаты труда г. Мушо оказались удивительными даже при Парижскомъ солнцѣ и само собой они будутъ еще поразительнѣй въ южныхъ странахъ, гдѣ аппаратъ Мушо найдетъ различнѣйшія примѣненія. Въ цѣломъ, изобрѣтеніе составляетъ новую эру; новый промышленный снарядъ и г Мушо заслуживаетъ своимъ изобрѣтеніемъ признательность общества.

## Мысли замѣчательныхъ людей.

Сердца наши, создавая себѣ тысячу излишнихъ безпокойствъ, вѣчно сомнѣваются въ благѣ, къ достиженію котораго они всего болѣе стремятся. *(Расинъ).*



Обиліе словъ не есть признакъ ума. Если вы мудры, то изберите какой нибудь одинъ предметъ, достойный вашего прилежанія: этимъ вы заставите замолчать многихъ, надѣленныхъ одною гибкостью языка.

Удовольствіе—тотъ же цвѣтокъ. Не слѣдуетъ слишкомъ сильно вдыхать его нѣжный ароматъ, если хочешь дольше наслаждаться имъ. *(Esprit des Esprits).*



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.



Дозволено цензурою СПБ. 25 Октября 1878 г. Тип. ... № 10.




№ 45 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 6 Ноября 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.



**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ съ 24 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину, съ 20 рис. рукодѣльныхъ работъ и разнообразныхъ иниціальныхъ буквъ.**

# Электрическое освѣщеніе Яблочкова.

Въ нашъ вѣкъ, отмѣченный необыкновеннымъ преуспѣяніемъ въ области науки, добытыя ею истины не составляютъ, какъ нѣкогда, достоянія немногихъ жрецовъ ея, ревниво оберегавшихъ свое сокровище отъ „профановъ“. Теперь, по пятамъ, такъ сказать, научныхъ открытій, слѣдомъ за ними, идетъ практическое примѣненіе тѣхъ истинъ, являющееся однимъ изъ великихъ факторовъ прогрессивнаго движенія человѣчества. Въ послѣднее время сдѣланъ новый шагъ впередъ—лучезарное электрическое солнце сведено съ своей высоты—оно принуждено дробить лучи свои по фонарямъ на улицахъ, по лампамъ въ домахъ. Съ первыхъ „проблесковъ“ электричества, ему предсказывали громадную будущность и предсказаніе это, какъ извѣстно, уже сбылось во многомъ. Первоначальные успѣхи въ дѣлѣ примѣненія электричества къ освѣщенію, какъ плодъ неуклонно-энергическаго преслѣдованія этой цѣли—вполнѣ принадлежатъ дѣтямъ русской земли. Насколько мы можемъ гордиться такимъ успѣшнымъ рѣшеніемъ задачи—показываютъ неудачные труды многихъ замѣчательныхъ



П. Н. Яблочковъ, изобрѣтатель электрической свѣчи.
Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

ученыхъ и спеціалистовъ Запада. Со времени открытія такъ называемой вольтовой свѣтовой дуги, т. е. луча, образуемаго раскаленными атомами углерода, между оконечностями двухъ угольковъ, чрезъ которые проведенъ электрическій токъ — предприняты были опыты съ цѣлью добиться возможности пользоваться этимъ освѣщеніемъ. Но всѣ изобрѣтенія, сгруппировавшіяся вокругъ этого новаго источника свѣта, не могли сдѣлать его дешевымъ, — для обыденнаго пользованія — общественнымъ достояніемъ и, въ этомъ первомъ фазисѣ опытовъ, онъ, исключительно почти, служилъ для научныхъ цѣлей, или фигурировалъ въ иныхъ, особыхъ, случаяхъ, какъ наприм. на фейерверкахъ, гуляньяхъ, и т. д. Для рѣшенія задачи, для того, чтобы добиться полнаго примѣненія освѣщенія, надо было побѣдить нѣсколько существенныхъ препятствій. Дѣло въ томъ, что сближенные оконечностями угольки, чрезъ которые проводится токъ, сгорали довольно быстро, вслѣдствіе чего понадобился аппаратъ, постоянно и равномѣрно сближающій угли, не дающій измѣняться условному между ихъ оконечно-

стями разстоянію; за тѣмъ, однимъ изъ главнѣйшихъ требованій практическаго приложенія новаго освѣщенія является, конечно, дѣлимость свѣта, т. е. возможность, при помощи одного тока, зажигать не одинъ, а нѣсколько фонарей. Первое условіе, т. е. сохраненіе постояннаго, необходимаго разстоянія между угольками, было удовлетворено изобрѣтеніемъ особыхъ регуляторовъ; второе же условіе—оставалось въ положеніи открытаго вопроса. Сложность и высокая цѣна машинъ-регуляторовъ, съ одной стороны, невозможность дѣлить электрическій свѣтъ (для каждаго фонаря требовалась отдѣльная машина)—съ другой, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что новое освѣщеніе стоило гораздо дороже газоваго и, по всему, являлось технически и экономически неприменимымъ. Наконецъ, выступаютъ наши Ладыгинъ и Яблочковъ. Первый смѣло отбрасываетъ сложный, дорого стоющій регуляторъ, результатъ долгихъ трудовъ и изысканій западныхъ ученыхъ. Онъ заключаетъ свои угольки—по прежнему, однако, оконечностями другъ къ другу—въ безвоздушное пространство, гдѣ они не могли сгорать, давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, мягкій и яркій свѣтъ. Но, опровергнувъ въ принципѣ признававшуюся до того необходимость регулятора, Ладыгинъ не удовлетворилъ многимъ другимъ техническимъ требованіямъ дѣла и—его открытіе остановилось на одномъ этомъ частномъ успѣхѣ. Яблочковъ, усовершенствовавъ сожигающій приборъ, пошелъ далѣе и рѣшилъ другую, главнѣйшую, задачу—онъ раздѣлилъ электрическій свѣтъ; отвергая, подобно Ладыгину, регуляторъ, онъ, въ тоже время, обходится безъ безвоздушнаго пространства, или какой либо иной среды, препятствующей сгаранію угольковъ. Яблочковъ поставилъ угольки не другъ противъ друга, а рядомъ, и, такимъ образомъ, знаменитая, заслужившая столь громкую славу, свѣча его состоитъ изъ двухъ параллельныхъ углей, отдѣленныхъ другъ отъ друга каолиновой (фарфоровой) пластинкой. Правда—такая свѣча сгараетъ, но новое положеніе углей, придуманное нашимъ замѣчательнымъ изобрѣтателемъ, даетъ возможность имѣть въ одной лампѣ нѣсколько свѣчей. Ихъ въ ней—четыре: какъ только сгорѣла одна, на ея мѣсто, особымъ механизмомъ, выдвигается слѣдующая, по порядку расположенія, свѣча. Найденный Яблочковымъ принципъ дробленія тока осуществляется при посредствѣ созданнаго имъ экситатора (excitateur) и который, полагаемъ, можно назвать, въ переводѣ на русскій языкъ, возбудителемъ. Экситаторъ, дозволяя, по одному проводнику и изъ одного и того же источника, распредѣлять токъ въ нѣсколько пунктовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служа къ возбужденію этого тока, даетъ возможность получать свѣтъ, канализирующійся подобно водѣ или газу и раздѣляемый до безконечности. При этомъ: сила самаго свѣта, исходящаго изъ одного и того же источника, можетъ быть, во время теченія, измѣняема по произволу—понижаемый до степени мерцанія ночника, свѣтъ этотъ можно довести до размѣровъ значительной яркости; затѣмъ, эта сила возрастаетъ, какъ нашелъ изобрѣтатель, прямо пропорціонально числу свѣчей, т. е., при одинаковомъ напряженіи тока, двѣ свѣчи даютъ свѣта почти вдвое, а три—въ два съ половиной раза противъ одной; а что касается разстоянія, на которое возможно провести электрическое освѣщеніе,—Яблочковъ не ограничиваетъ его, требуя только увеличеннаго діаметра проводника.

Для того, чтобы дать читателямъ болѣе ясное, наглядное представленіе о самомъ процессѣ передачи токовъ по способу Яблочкова, приведемъ здѣсь разсказъ лица, присутствовавшаго на Парижской выставкѣ при опытахъ. Магнитно-электрическая машина съ перемѣннымъ токомъ соединена съ землею, говоритъ онъ. Отъ нея идетъ проводникъ для нѣкотораго числа свѣчей, соотвѣтствующаго силѣ машины. Любая изъ вѣтвей этого проводника упирается во внутреннюю обкладку экситатора особаго рода Лейденской банки съ громадной поверхностью; отъ ея внѣшней обкладки идетъ второй проводникъ, проходящій чрезъ угли свѣчи и оканчивающійся въ землѣ. Теперь, представимъ себѣ машину въ дѣйствіи. По главной проволокѣ пробѣгаютъ послѣдовательно разноименные токи. Возьмемъ положительный: онъ, если можно такъ выразиться, ударитъ во внутреннюю обкладку возбудителя, произведетъ токъ отрицательный на внѣшней обкладкѣ, этотъ токъ дастъ искру между углями и уйдетъ въ землю. Слѣдующій токъ машины будетъ отрицательный: онъ возбудитъ въ экситаторѣ токъ положительный, который, отработавши, уйдетъ по тому же пути. Токи смѣняются чрезвычайно быстро одинъ за другимъ и рядъ искръ превращается въ ровное, спокойное накаливаніе.

Не менѣе интересно передаетъ тотъ же очевидецъ о внѣшней, такъ сказать, сторонѣ опытовъ, которые производилъ Яблочковъ въ своемъ, особомъ, павильонѣ на нынѣшней выставкѣ въ Парижѣ: „3 часа дня. Масса публики наполняетъ павильонъ. Самъ П. Н. Яблочковъ стоитъ около столика съ приборами. Онъ отдаетъ приказаніе, машины пускаютъ и затворяютъ ставни; Яблочковъ подходитъ къ особой рукояткѣ—нажимаетъ: всѣ лампы загораются въ одно мгновеніе; сначала блеснетъ розовая искорка отъ взрывчатаго зажигателя, затѣмъ, немедленно устанавливается ровный, мягкій, совершенно бѣлый свѣтъ. Изобрѣтатель показываетъ, какъ горитъ свѣча безъ колпака, какъ она подвижна, поворачиваетъ ее бокомъ, кверху дномъ, махаетъ ею по воздуху, показываетъ произвольное увеличеніе и ослабленіе свѣта, автоматическій переходъ тока отъ сгорѣвшей свѣчи къ новой и т. д. Наконецъ, онъ зажигаетъ особую, домашнюю свѣчу, равную одной 14-ти линейной лампѣ и состоящую всего изъ горизонтальной пластинки, вправленной между электродами. На этой пластинкѣ появляется яркая бѣлая линія накаливанія, свѣтящая до того мягко, что на нее даже безъ колпака можно смотрѣть долго. Какъ источникъ свѣта эта свѣча идеально дешева, такъ какъ требуетъ слабаго тока, который можно получить въ видѣ вѣтви отъ большого тока на улицѣ, почти не ослабляя ни чуть послѣдняго. Идея эта пока еще не разработана..“

Относительно стоимости освѣщенія Яблочкова, самъ изобрѣтатель даетъ объясненіе, пока, (Correspondance scientifique, 15 Octobre 1878, № 18) только въ общихъ выраженіяхъ. „Всюду (напримѣръ въ большихъ Луврскихъ магазинахъ, больше года,) гдѣ употребляется электрическое освѣщеніе—оно имѣетъ послѣдствіемъ значительное сбереженіе,“ говоритъ онъ. Въ театрахъ Шатлэ—прежнее газовое освѣщеніе, обходившееся въ 30 франковъ въ вечеръ—замѣнено новымъ, Яблочкова,—стоющимъ 14 франковъ. Въ заключеніе изобрѣтатель, сообщая, что ежедневно имъ фабрикуется отъ 3 до 5 тысячъ экземпляровъ свѣчи, которая въ употребленіи обходится по 0,50 сант. въ часъ, высказываетъ увѣренность, что когда спросъ доведетъ количество изготовляемыхъ свѣчъ до 50 тысячъ въ день—стоимость еще болѣе удешевится.

Въ настоящее время, въ Парижѣ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ улицъ, снабженныхъ фонарями Яблочкова не на всемъ протяженіи, освѣщена вся улица Авеню де-л' опера, длиною въ 400 и шириною въ 13 саженъ, отъ фасада Большой Оперы до площади предъ французскимъ театромъ; свѣтъ 64 лампъ, разставленныхъ здѣсь, производитъ, говорятъ, эффектъ поразительный.

Въ Парижѣ образовалась, для эксплоатаціи изобрѣтенія нашего соотечественника, компанія съ капиталомъ въ 7½ милліоновъ франковъ. Заказы уже идутъ отовсюду—изъ Лондона, Брюсселя, Мадрида и другихъ мѣстъ. Наконецъ и наша Петербургская дума обратила серьезное вниманіе на замѣчательное изобрѣтеніе.

На прилагаемомъ рисункѣ изображены: А,—электрическая свѣча Яблочкова (въ половину натуральной своей величины), Б,—машина (Грамма), В,—электрическая лампа, въ вертикальномъ разрѣзѣ, Г,—машина Грамма, въ такомъ же разрѣзѣ и Д,—приборъ, держащій свѣчу.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ

**Вс. Соловьева.**

### ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

### XV.

Прошелъ весь день, прошла ночь, прошелъ даже и роковой часъ утра, въ который ужь два раза собирались мятежники на Красной площади, а въ Кремлѣ покуда все еще тихо.

Но вотъ къ царицѣ бѣжитъ старый князь Одоевскій съ ужасною вѣстью; стрѣльцы опять идутъ.

Всѣ Нарышкины и сынъ Матвѣева Андрей Артамоновичъ переполошились и кинулись прятаться. Сначала замкнулись въ комнатѣ маленькой дочери царицы, царевны Натальи Алексѣевны,—но тутъ было опасно. Куда дѣваться?

— Ко мнѣ идите, ко мнѣ! запыхавшись говорила, выбѣгая имъ на встрѣчу изъ своихъ покоевъ, вдова царица Марѳа Матвѣевна. Моя постельница васъ спрячетъ.

Нарышкины кинулись въ покои царицы. Постельница провела ихъ въ темный чуланъ, завалила перинами и подушками, а дверь чулана нарочно оставила отворенною.

Тараруй былъ опять на площади и вмѣсто того, чтобъ уговаривать стрѣльцовъ, твердилъ имъ:

— Теперь ужь не уходите, добивайтесь Нарышкина, а не выдадутъ, такъ прямо хватайте и царицу—и впрямь видно она за одно съ измѣнниками!

Но стрѣльцовъ нечего было разжигать—они и безъ того ломились во дворецъ и неистово кричали.

— Подавайте намъ Нарышкина, безъ него не уйдемъ! Коли главный измѣнникъ живъ останется, гдѣ же наша служба царскому дому?

На этотъ разъ даже царевна Софья испугалась.

Милославскій сказалъ ей, что онъ съ Хованскимъ уговаривали стрѣльцовъ, что Хованскій и теперь на площади, но что ничего нельзя сдѣлать—теперь никто не можетъ сговорить съ ними. Остается одно, скорѣй исполнить ихъ требованіе.

Царевна отправилась къ Натальѣ Кирилловнѣ.

— Что-жь это, матушка, сказала она рѣзкимъ голосомъ,—долго ли намъ мучиться, долго ли ежеминутно себѣ смерти ждать? Вѣдь ужь не отбыть твоему брату отъ стрѣльцовъ, такъ выдай его—не погибать же намъ всѣмъ за него!

Наталья Кирилловна ничего ей не отвѣтила, только сверкнула на нее глазами.

Но Софья говорила громко. Ея слова слышали всѣ бояре бывшіе съ царицей.

— Царевна правду молвила, стали толковать они,—лучше одному погибать чѣмъ всѣмъ.

Нѣкоторые изъ бояръ подошли къ царицѣ, поклонились ей до земли и со слезами стали просить ее выдать брата.

— Государыня, говорили они,— перемоги сердце свое ради своего же спасенія, ради спасенья всего рода царскаго, ради всѣхъ насъ, вѣрныхъ и преданныхъ слугъ твоихъ!...

— Чего вы отъ меня просите!... въ отчаяніи, ломая руки, говорила царица. Сами посудите, могу ли я выдать брата? Боже мой! одного ужь отняли, убили безвинно Аѳанасія... Такъ довольно и этой муки... на всю жизнь хватитъ... Чего просите?! Вѣдь еще жива я, еще бьется мое сердце, такъ какъ же хотите, чтобъ я отказалась отъ своего единокровнаго и единоутробнаго брата?

Но бояре продолжали настаивать. Каждому изъ нихъ была дорогà своя жизнь и никто не могъ найти иного средства къ спасенію, кромѣ выдачи Нарышкина.

Стрѣльцы все больше и больше неистовствовали, все громче кричали. Медлить было невозможно.

— Матушка, снова возвысила голосъ царевна, не будь причиною гибели многихъ, ни въ чемъ не повинныхъ. Или не видишь какъ стрѣльцы освирѣпѣли—они сдѣлаютъ какъ говорятъ.... никто изъ насъ не избѣжитъ смерти... Рѣшайся же... перейди съ братомъ въ церковь Спаса... помолимся всѣ да и пусть выйдетъ онъ къ нимъ, а въ руки ему дай образъ Богородицы, быть можетъ это спасетъ его, быть можетъ мятежники и устыдятся передъ святынею!

Въ этихъ послѣднихъ словахъ царевны, для Натальи Кирилловны прозвучала слабая надежда. Но не могла же она произнести своимъ собственнымъ языкомъ отреченіе отъ брата.

— Оставьте меня! оставьте! дѣлайте что хотите, задыхаясь прошептала она и упала на колѣни передъ образами, инстинктивно закрывая глаза, затыкая себѣ уши руками, чтобъ ничего не видѣть и не слышать. Бояре почти на рукахъ снесли ее въ церковь Спаса за Золотой рѣшеткой, отправились въ тотъ чуланъ, гдѣ скрывались Нарышкины и объявили Ивану Кирилловичу всеобщее рѣшеніе.

Нѣсколько мгновеній онъ не подавалъ голоса, но вотъ наконецъ вышелъ къ боярамъ, шатаясь, съ искаженнымъ лицомъ.

— Божья воля! сказалъ онъ. Ведите меня на казнь! я не противлюсь.

Иванъ Кирилловичъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Рослый, здоровый, красивый, веселаго нрава, до сихъ поръ онъ помышлялъ только объ удовольствіяхъ. Вся жизнь представлялась ему въ праздничномъ видѣ, никогда его мысли не останавливались на чемъ нибудь серьезномъ, никогда онъ ни надъ чѣмъ не работалъ. Да и зачѣмъ было ему работать—все такъ легко давалось. Любимый братъ царицы, онъ едва достигъ двадцати трехъ лѣтъ и ужь былъ сдѣланъ бояриномъ; денегъ у него куры не клевали; веселыхъ друзей-товарищей—цѣлая орава. На конюшнѣ коней и не сосчитаешь; всякаго драгоцѣннаго оружія, серебра да золота—видимо не видимо—надъ чѣмъ тутъ задумываться?

Его обвинили передъ стрѣльцами въ томъ, что онъ царское семейство извести хочетъ, хочетъ сдѣлаться самъ царемъ и ужь надѣвалъ на себя корону. Это была клевета—никогда Иванъ Кирилловичъ и не помышлялъ ни о чемъ подобномъ. Правда, онъ отъ души радовался и торжествовалъ, когда избрали на царство его племянника Петра Алексѣевича, правда, что шутя и играя съ мальчикомъ, онъ однажды возложилъ на него корону, нарядилъ его въ полное, торжественное облаченіе царей русскихъ.

Маленькій Петръ былъ очень забавенъ въ этомъ одѣяніи; вся дѣтская курчавая головка его ушла въ корону, такъ что изъ нея выглядывалъ только кончикъ носа. Иванъ Кирилловичъ началъ смѣяться, шутить. „Какой,—говоритъ,—ты царь, Петруша, какъ увидятъ тебя, такъ и начнутъ пальцемъ показывать, молъ-то обезьянка заморская, а не царь, такого еще у насъ не бывало! А вотъ постой, погоди, дай-кось я тоже царемъ наряжусь!“

И чтобъ позабавиться и подразнить ребенка онъ надѣлъ на себя корону, взялъ скипетръ и сталъ передъ племянникомъ въ горделивую позу.

„Ну, смотри, вотъ я царь, такъ царь! вотъ меня увидитъ народъ, такъ въ ноги мнѣ поклонится—такъ-то!“

И онъ смѣялся, смѣялся и Петръ Алексѣевичъ, цѣпляясь на молодого дядюшку и отнимая у него свою корону.

Эту сцену подглядѣли недруги и изъ невинной игры выросла клевета, которая теперь погубила Ивана Кирилловича. Ему нужно разстаться съ молодой, привольной жизнію, идти на казнь смертную, на лютыя мученія... А жить такъ безумно хочется—жизнь такъ прекрасна, такъ все улыбалось до сихъ поръ и впереди были однѣ только радости. Умирать нужно, да и какъ умирать-то, не мгновенною, неожиданною смертью, которую и не замѣтишь и не почувствуешь пожалуй, а идти на смерть, знать, что вотъ впереди, близко ждетъ что-то страшное, безобразное, отвратительное.

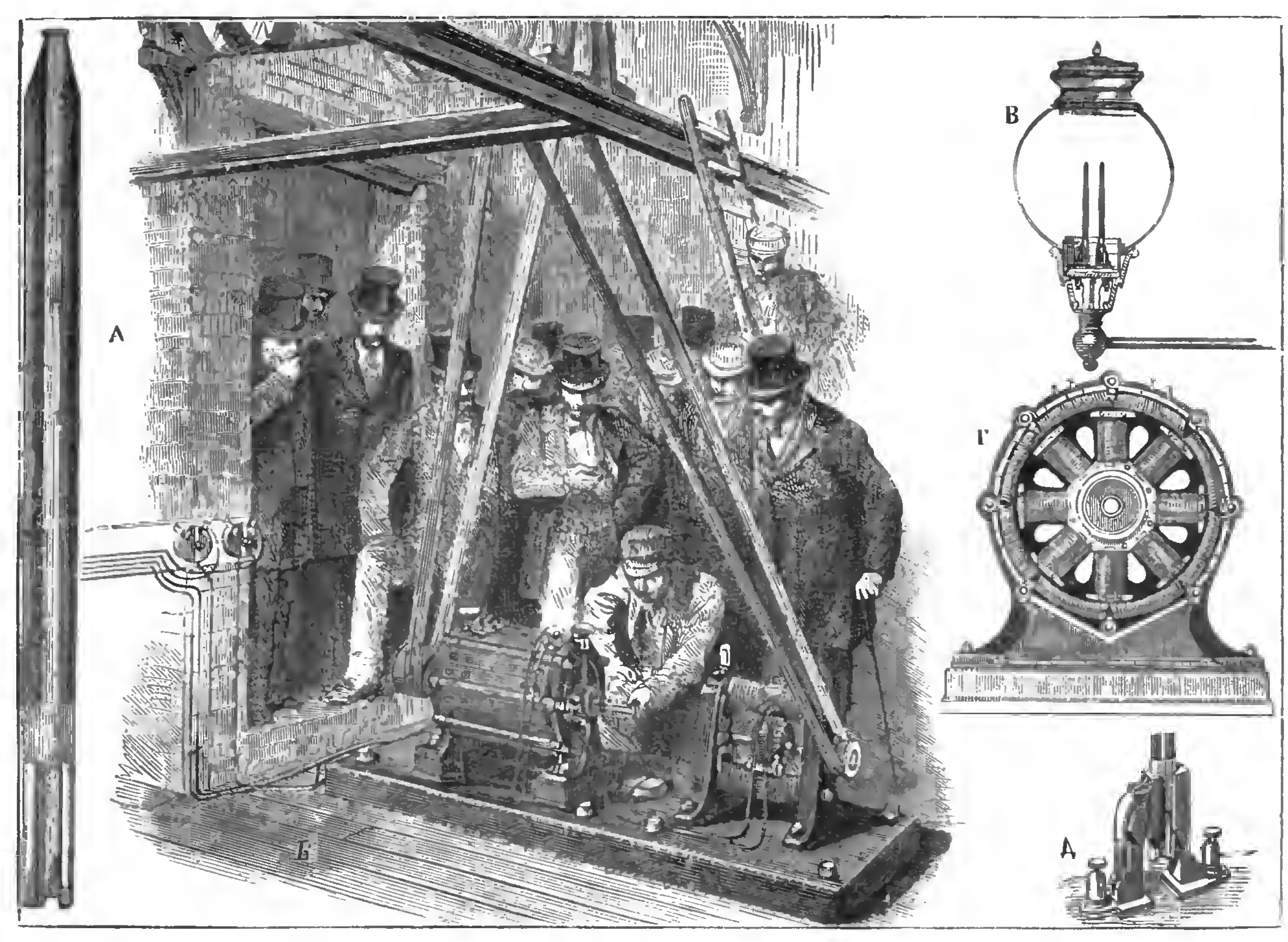
Подкосились ноги у Ивана Кирилловича, зашатался онъ, чуть не упалъ, но бояре его поддержали.

— Что-жь дѣлать-то, бояринъ! разслышалъ онъ, что-жь дѣлать-то—не гибнуть же намъ за тебя за одного. Они то вишь грозятся всѣхъ перебить, коли тебя не выдадимъ.

Иванъ Кирилловичъ поднялъ поблѣднѣвшее лицо свое, взглянулъ на всѣхъ помутившимися глазами, и каждый прочелъ въ этомъ взорѣ себѣ укоризну и у каждаго невольно опустились вѣки.

— Вѣдь я иду, иду на смерть, такъ чего-жь вамъ еще? Молчите—мнѣ нечего васъ слушать!.. Дайте только проститься съ сестрою...

Нарышкина повели въ церковь Спаса, гдѣ уже находилась царица, царевна и многіе вельможи. Наталья Кирилловна, лежа на полу церковномъ, горячо молилась и рыдала. Она не въ силахъ была поднять глазъ на брата, обвиняя себя въ малодушіи, считая себя его убійцей и въ тоже время зная, что борьба для нея теперь невозможна.




**Снаряды электрическаго освѣщенія.**
А,—электрическая свѣча Яблочкова, Б,—машина, В,—электрическая лампа въ вертикальномъ разрѣзѣ, Г,—машина въ вертикальномъ разрѣзѣ, Д, приборъ держащій свѣчу.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Нарышкина наскоро исповѣдали, пріобщили, отсоборовали. Онъ былъ твердъ, ни звукомъ не высказалъ своихъ мученій и отчаянія. Когда бояре шепнули ему, что все теперь кончено и медлить нечего—онъ подошелъ къ сестрѣ. Наталья Кирилловна продолжала молиться и ничего не слышала. Но вотъ надъ самымъ ея ухомъ раздался страшный голосъ.

— Прощай, государыня сестрица! иду на смерть безъ страха и желаю только, чтобъ кровь моя была послѣднею, пролитою нынѣ!..

Она обернулась, безумно вскрикнула, поднялась на ноги, бросилась на шею Ивану Кирилловичу да такъ и замерла, не имѣя силы выговорить слова и только покрывая его лицо горячими поцѣлуями.

— Ванюша, родной мой! наконецъ заговорила она.— Ванюша, не я выдаю тебя, всѣ того требуютъ!.. Но нѣтъ же... нѣтъ—я не могу съ нимъ разстаться!..

И она опять его цѣловала и не выпускала изъ своихъ объятій.

Эта раздирающая сердце сцена продолжалась слишкомъ долго; а стрѣльцы не унимались, неистовствовали.

Князь Одоевскій подошелъ къ царицѣ и сказалъ испуганнымъ голосомъ:

— Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, а все ужь отдать придется, а тебѣ Ивану отсюда скорѣй идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ-за тебя.

Иванъ Кирилловичъ вырвался изъ объятій сестры и, махнувъ рукою, шатаясь

**Лодка „Наутилусъ" совершившая переѣздъ чрезъ Атлантическій океанъ.**
Рис. Будманъ, грав. Рашевскій.



**Лѣсной пожаръ.** Ориг. Рис. Н. Каразина, грав, Б. Пуцъ.

какъ пьяный, направился къ двери, держа передъ собою образъ Богородицы.

Наталья Кирилловна кинулась было за нимъ, но ее силою удержали бояре.

И въ ту же минуту слетѣли съ петель церковныя двери—толпа стрѣльцовъ ворвалась на паперть.

Только что завидѣли мятежники Нарышкина, какъ съ дикимъ нечеловѣческимъ воплемъ на него кинулись, и вырвали изъ рукъ его образъ.

Онъ перекрестился—онъ ждалъ, что вотъ, вотъ сейчасъ... Но стрѣльцы его не убили, а повлекли сначала въ Константиновскій застѣнокъ и стали пытать. Ему читали вины его: измѣну, посягательство на жизнь царевича, желаніе самому быть царемъ и многое другое. Страшнымъ пыткамъ подвергали его и ждали: вотъ онъ не стерпитъ, во всемъ признается и его признаніе всѣхъ ихъ оправдаетъ, оправдаетъ мятежъ, потоки крови...

Но Нарышкинъ не произнесъ ни слова. Изнѣженный, разгульный юноша, теперь онъ превратился въ героя. Отъ страшной боли искажалось все лицо его, холодный потъ градомъ катился по лбу, волосы вставали дыбомъ, но изъ груди его не вырвалось ни звука, только страшно скрипѣли его стиснутые зубы.

И долго тянулась пытка, но наконецъ палачи убѣдились, что ничего не добьются. Тогда несчастнаго, окровавленнаго Ивана Кирилловича вытащили на Красную площадь и изрубили.

## XVI.

Страшное убійство Ивана Кирилловича было еще не послѣднимъ; вслѣдъ за нимъ стрѣльцы схватили иностранца, медика Данилу Гадена, обвиненнаго въ чернокнижіи и отравленіи царя Ѳеодора.

Этотъ несчастный Гаденъ еще 15-го мая, при самомъ началѣ возмущенія, одѣлся нищимъ и убѣжалъ изъ Нѣмецкой слободы въ Марьину рощу. Двое сутокъ скитался онъ безъ пищи, но голодъ принудилъ его возвратиться въ слободу. Стрѣльцы его узнали, схватили и притащили во дворецъ. Напрасно царевны и царица Марѳа Матвѣевна умоляли ихъ отпустить доктора, увѣряли, что онъ не повиненъ въ смерти царя, что онъ на глазахъ ихъ, каждый разъ пробовалъ лекарство—ничего не помогло! Стрѣльцы кричали, что Гаденъ чернокнижникъ, что у него въ домѣ они нашли сушеныхъ змѣй.

Его повели въ тотъ же Константиновскій застѣнокъ, гдѣ пытали Нарышкина. На орудіяхъ пытки еще не засохла кровь несчастнаго Ивана Кирилловича.

„Авось хоть этотъ повинится! думали стрѣльцы и на этотъ разъ ожиданія ихъ оправдались. Нѣмецкій докторъ не обладалъ мужествомъ Нарышкина. Съ первой же пытки онъ началъ на себя наговаривать, признаваясь во всевозможныхъ нелѣпостяхъ и наконецъ сталъ кричать, чтобъ дали ему три дня сроку и онъ укажетъ всѣхъ, кто виноватъ еще больше его.

Но стрѣльцамъ некогда было ждать; они и такъ были довольны его признаніемъ, вытащили его на Красную площадь и умертвили.

Данило Гаденъ былъ послѣдней жертвой; стрѣльцы угомонились. Ихъ руководители были довольны,—страшное дѣло удалось вполнѣ. Теперь оставалось довершить его достойнымъ образомъ: приготовить себѣ полнѣйшее торжество. Но для этого ужь не требовалось оружія, не требовалось крови...

Хованскій и Милославскій весь вечеръ 17-го мая провели въ стрѣлецкихъ слободахъ, а на слѣдующій день войско въ четвертый разъ появилось передъ дворцомъ, но уже безъ оружія.

Съ тихимъ и смиреннымъ видомъ стрѣлецкіе выборные просили позволенія бить челомъ государю и царевнамъ.

Конечно имъ это разрѣшили; и вотъ они стали просить, чтобы государь указалъ постричь своего дѣда Кириллу Полуектовича Нарышкина.

Эта почтительная просьба властителей-стрѣльцовъ была немедленно исполнена. Царица Наталья Кирилловна ужь не имѣла никакихъ силъ для борьбы—она была одна... самые близкіе, дорогіе ей люди убиты, на рукахъ малолѣтній сынъ, жизнь котораго, при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ ея, могла подвергаться опасности; кругомъ со всѣхъ сторонъ старинные враги лютые: Милославскіе, да царевны—она могла только плакать, молиться и безропотно покоряться стрѣлецкой волѣ.

Стрѣльцы признавали царемъ Петра; ему приносили челобитныя, онъ царь, слѣдовательно мать его, при его малолѣтствѣ, правительница—но теперь это было только на словахъ. Въ дѣйствительности не было царя и царицы, былъ одинъ только торжествующій, распоряжающійся теремъ, во главѣ котораго стояла Софья. Теперь она принимала стрѣльцовъ, выслушивала ихъ и полагала рѣшенія на ихъ просьбы.

Ежедневно у нея происходили совѣщанія съ Хованскимъ, Милославскимъ и главнѣйшими изъ начальниковъ стрѣлецкихъ. На этихъ совѣщаніяхъ рѣшалось, о чемъ должны просить стрѣльцы на слѣдующій день, и стрѣльцы являлись къ царевнѣ съ этими просьбами, ею же имъ продиктованными.

Вслѣдъ за постриженіемъ Кириллы Полуектовича стрѣльцы потребовали ссылки Лихачевыхъ, Языковыхъ, всѣхъ Нарышкиныхъ безъ исключенія, Андрея Матвѣева и многихъ другихъ, однимъ словомъ тѣхъ людей, которые имѣли несчастіе возбуждать къ себѣ нерасположеніе царевны.

Но были у стрѣльцовъ и такія челобитныя, которыхъ имъ не диктовала Софья, такъ напримѣръ они просили о томъ, чтобъ имъ выданы были заслуженныя ими деньги съ 1646 года. Сумма выходила большая, до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ рублей, да кромѣ того нужно было пожаловать имъ по десяти рублей на человѣка.

Софья сильно разсердилась, узнавъ объ этомъ непредвидѣнномъ и несоразмѣрномъ требованіи, но поняла, что отказать стрѣльцамъ нѣтъ возможности. Между тѣмъ денегъ въ казнѣ столько не было. Ихъ нужно было собрать со всего государства; пришлось и серебряную посуду перелить въ деньги.

Вслѣдъ за этимъ требованіемъ денегъ стрѣльцы просили царевну, чтобы имъ дано было названіе „надворной пѣхоты". И эта просьба была немедленно исполнена.

Въ стрѣлецкихъ слободахъ были довольны щедростью царевны; тамъ шло великое ликованье, тамъ въ награбленной серебряной и золотой посудѣ распивались награбленныя иностранныя вина; на стрѣлецкихъ женахъ, дочеряхъ и сестрахъ красовались привозныя дорогія ткани, каменья самоцвѣтные, жемчуга изъ завѣтныхъ хранилищъ царскихъ теремовъ и разметанныхъ домовъ погибшихъ бояръ.

Привольно было стрѣльцамъ: ни въ чемъ нѣтъ запрета—и они ликовали и продолжали хозяйничать въ городѣ. Разбили и приказы: Холопій да Судный, разорвали и сожгли крѣпостныя записи, тяжебныя дѣла, освободили всѣхъ колодниковъ и объявили волю холопямъ. Только—странное дѣло—громадное большинство слугъ боярскихъ не пожелали воспользоваться дарованною имъ стрѣльцами волею и нерѣдко старались образумить и укротить мятежниковъ.

Стрѣлецкіе руководители нѣсколько дней молчали, дали стрѣльцамъ попировать и нагуляться, а потомъ повели ихъ снова въ Кремль.

Тараруй торжественно, въ присутствіи многихъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, доложилъ царевнѣ, что

стрѣльцы и весь народъ московскаго государства желаютъ, чтобы, по справедливости, царствовали оба брата, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. „Въ противномъ случаѣ, прибавлялъ онъ, они грозятся новою смутой и новымъ кровопролитіемъ“.

Царевна обратилась къ окружающимъ и начала спрашивать ихъ мнѣнія.

Все было заранѣе подготовлено. Друзья царевны на этотъ разъ отличались необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Всѣ они твердо знали заданный урокъ и разсыпали непреложныя доказательства полезности этого двоевластія, приводили историческіе примѣры, говорили о Фараонѣ и объ Іосифѣ. Даже Василій Васильевичъ Голицынъ, возбуждаемый горячими и нѣжными взглядами царевны, напомнилъ про Аркадія и Гонорія, про Василія и Константина...

Стрѣльцамъ не долго пришлось ждать отвѣта на ихъ челобитную. И часу не прошло какъ вышелъ къ нимъ тотъ же Тараруй и объявилъ рѣшеніе бояръ: „быть обоимъ братьямъ на престолѣ“.

Раздались на всю Москву громкіе удары большаго колокола. Духовенство отправилось въ Успенскій Соборъ пѣть молебны и возгласило многолѣтіе благочестивѣйшимъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу...

Торжествующая, отуманенная исполненіемъ своихъ завѣтныхъ замысловъ, возвращалась царевна Софья въ теремъ. Ее встрѣчали улыбки, льстивыя поздравленія ближнихъ боярынь и многочисленныхъ теремныхъ жилицъ, и она ласково и милостиво въ свою очередь всѣмъ улыбалась. Она знала, что сегодняшнее торжество еще не кончено, что ему предстоитъ на этихъ же дняхъ и уже полное завершеніе. Она знала, что еще разъ стрѣльцы и народъ московскій явятся ко дворцу и будутъ просить ее, въ виду малолѣтства братьевъ, принять на себя управленіе государствомъ.

Пульхерія Августа, про которую говорилъ „милый другъ Васенька“, и которая давно ужь грезилась царевнѣ, возрождается на землѣ русской! Пришло таки это блаженное время; все старое горе, всѣ старыя опасенія, тяжелая, страшная борьба окончена и слѣда отъ нихъ не осталось...

Счастье и слава!.. о, какъ, привольно дышется! какъ весело теперь смотрятъ эти низенькіе, причудливо изукрашенные покойчики, по которымъ идетъ царевна въ тихій пріютъ своей рабочей комнаты.

Мягкія, горячія краски наступающаго вечера на все кладутъ какой то таинственный отпечатокъ, сглаживаютъ и измѣняютъ формы предметовъ. И не узнаетъ царевна съ дѣтства знакомой обстановки. Ей кажется, что раздвигаются передъ нею стѣны, что шествуетъ она, гордо неся свою побѣдную голову, по какому то чудному сотканному изъ золота и самоцвѣтныхъ камней пути, а передъ нею храмъ славы, гдѣ высится престолъ, ею воздвигнутый.

Среди этихъ грезъ, вся объятая сознаніемъ своего величія и счастія, вошла она къ себѣ и затворила за собою двери. И вдругъ, лицомъ къ лицу, возстала передъ нею какая то невѣдомая ей высокая женская фигура. Разлетѣлись грезы царевны.

— Кто это? спросила она невольно отшатнувшись.

Лицо невѣдомой женщины было покрыто фатою. Изодранная, мѣстами запачканная кровью одежда была на ней.

Вотъ блѣдная рука страшной гостьи сорвала съ лица фату: передъ царевной Люба Кадашева.

Но Боже какъ она измѣнилась: сразу и узнать ее невозможно! Куда дѣвалась нѣжная юность и свѣжесть ея лица прелестнаго? Куда дѣвался знойный румянецъ, блескъ черныхъ глазъ съ поволокою? Тусклы и страшны теперь глаза эти; смертельная блѣдность покрываетъ щеки; многими годами состарилась Люба и ничего не осталось отъ прежняго ея оживленія: будто мертвецъ передъ царевной.

— А! это ты! помимо своей воли теряясь, проговорила Софья.—Но въ какомъ ты видѣ, какъ ты ужасно измѣнилась! Откуда ты? что было съ тобою?.. Поди, переодѣнься... На тебѣ кровь, лохмотья... Какъ смѣла ты явиться ко мнѣ въ такой одеждѣ?

— Мнѣ некуда идти переодѣваться, отвѣчала Люба глухимъ голосомъ.—Я пришла на всегда проститься съ тобою, царевна...

— Что это значитъ? что за выдумки? какъ ты говоришь со мною и о чемъ говоришь ты?..

„Она сошла съ ума, подумала Софья. Но что-жь было съ нею? Нужно узнать!“

А Люба стояла и странно усмѣхалась.

— Я знаю о чемъ ты думаешь, наконецъ заговорила она,—ты думаешь, что я безумная. Нѣтъ, ошибаешься, царевна—я была безумной, всю жизнь была безумной... но теперь-то просвѣтлѣлъ мой разумъ, ты меня вылечила... И вотъ я пришла проститься съ тобою... сказать тебѣ одно слово...

Царевна молчала. Ее тянуло къ себѣ съ неотразимою силою это страшное, непонятное лицо Любы, и она глядѣла на нее не отрываясь. И въ то же время ей становилось какъ то жутко, такъ что даже холодъ пробѣгалъ по ея членамъ.

— Не много прошло съ того времени, продолжала Люба, какъ я, глупая, безумная, позабывъ все на свѣтѣ, бѣжала къ тебѣ. Ты приняла меня, пріютила, задарила, заласкала.. и кабы знала ты, кабы вѣдала, какъ дорога́ ты была мнѣ. Страшно подумать: замѣсто Бога я тебя почитала!.. На тебя я молилась, ты казалась мнѣ небеснымъ жителемъ, за тебя я готова была идти на лютыя мученія!.. Сколько слезъ по ночамъ пролила я о твоемъ горѣ—несчастіи, про которое ты мнѣ говорила... Ну вотъ, царевна, ты теперь и счастлива,—но знаешь ли ты, какъ и откуда къ тебѣ пришло это счастье? Да, знаешь, знаешь, что оно добыто кровью людей невинныхъ! Ты глядишь на меня и видишь на мнѣ лохмотья, кровь... а я на тебѣ вижу больше крови—ты вся въ крови! все лицо у тебя въ крови! Кровь изъ губъ сочится... ты упилась ею, ты ею захлебываешься!.. Много... много на тебѣ крови и ничѣмъ ты ее не смоешь!.. Царевна, безъ числа всякихъ ужасовъ навидѣлась я... но ничего страшнѣе тебя не видала... Такъ не думай же, что ты счастлива, что всѣ твои пожеланія исполнены. Ничего не исполнено—отнынѣ лютая жизнь твоя начнется и конца ей не будетъ. Гдѣ бы ни была ты, вездѣ—и на царскомъ престолѣ—за тобою будутъ стоять мертвецы кровавые. Никуда не убѣжишь ты отъ нихъ... Смотри, вотъ они... здѣсь, кругомъ тебя. Мнѣ тяжко, мнѣ страшно глядѣть на нихъ, а на тебя глядѣть еще страшнѣе!.. Я бы никогда и не пришла къ тебѣ, если бы не вспоминала того перваго дня, когда тебя увидѣла, того дня, когда на тебѣ еще не было крови и когда ты казалась мнѣ ангеломъ...

Я пришла тебѣ сказать, царевна: одно только есть для тебя спасеніе—брось все, бѣги!.. бѣги къ Богу... Молиться! Молись дни, молись ночи, Богъ милостивъ, можетъ, видя твое великое покаяніе, отведетъ онъ отъ тебя страшныхъ покойниковъ... Молись, молись о нихъ, невинно убіенныхъ тобою!..

Царевна стояла неподвижная и блѣдная. Она хотѣла говорить, ея языкъ не слушался. Въ головѣ у нея мутилось, вотъ она ужъ ничего не понимаетъ, не слышитъ словъ Любы,—да Люба и кончила и тихо вышла изъ покоя царевны.

Прошло нѣсколько мгновеній, Софья опомнилась, кинулась къ двери, бѣжитъ по теремнымъ переходамъ...

— Ловите безумную, ловите! не выпускайте изъ терема, кричала она.

Со всѣхъ сторонъ сбѣжались женщины.

— Кого ловить? Кого, царевна? про кого говоришь ты?

— Кадашева, Кадашева здѣсь была... Куда она скрылась? Ищите, ловите ее, приведите ко мнѣ!

Но никто не видалъ Любы. Она успѣла незамѣтно скрыться изъ терема.

Царевна опять вернулась къ себѣ и силилась отрѣшиться отъ страшнаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее этой неожиданной непонятной сценой, силилась забыть и Любу и ея слова безумныя.

— Мало ли что она говоритъ, съумасшедшая дѣвка, успокоивала себя царевна и начинала она думать о торжествѣ своемъ, о счастіи, которое ей улыбается. шелкъ бородою, открываются тихія разумныя очи Артамона Сергѣевича Матвѣева...

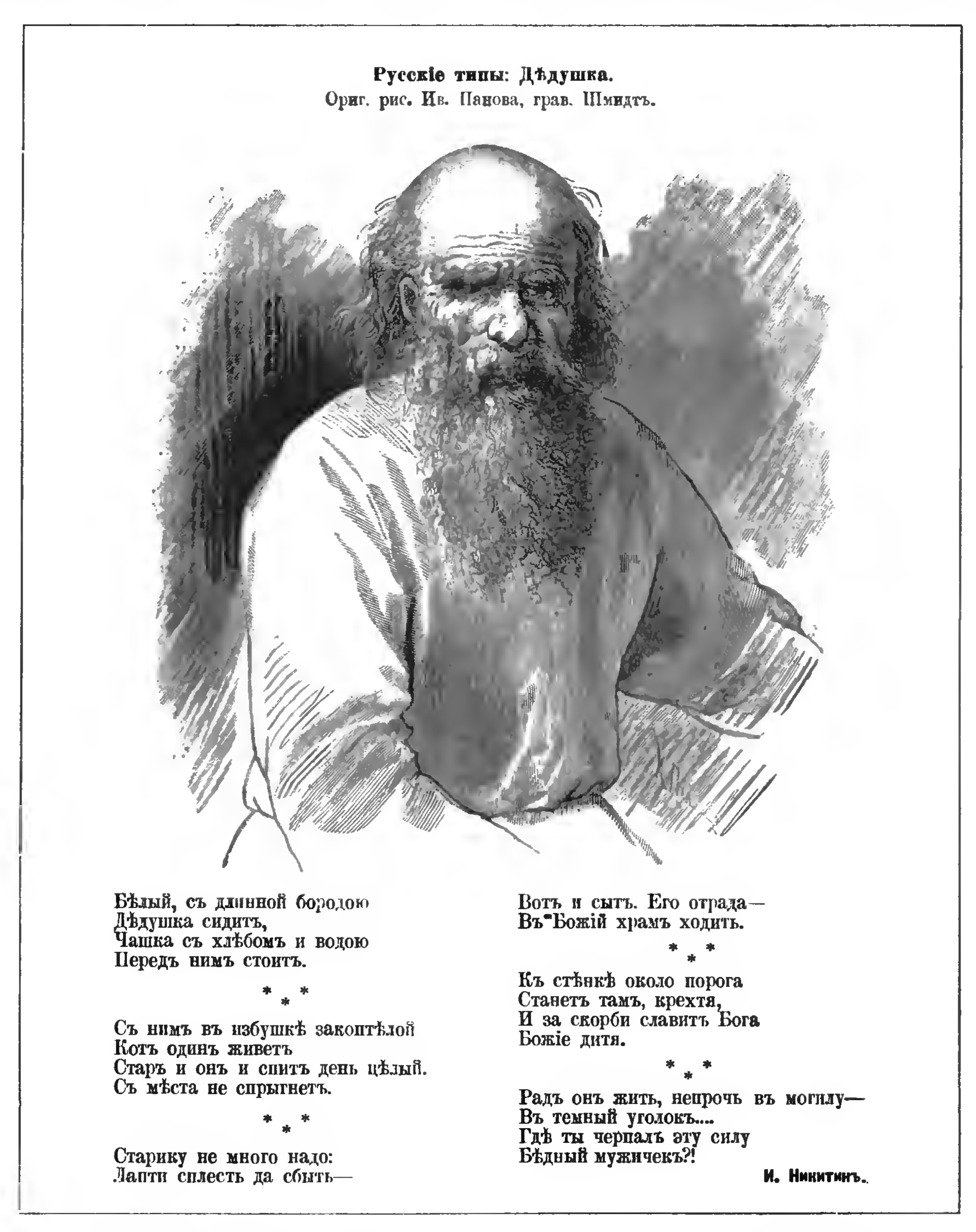
Бѣжитъ царевна въ уголъ, подъ образа, хочетъ молиться, но нѣтъ для нея молитвы. Ей чудится, что кровь наполняетъ комнату....

И эта кровь поднимается выше и выше, хлещетъ на царевну теплой, страшной, красной волною...

— Что-жь это, я схожу съ ума! отчаянно вскрикиваетъ она.—Нѣтъ, видно здѣсь очень душно, воздуху мало!...

И она спѣшитъ къ окошку, отворяетъ его, дышетъ полной грудью. Вечеръ теплый и ясный. Кругомъ ти-

**Русскіе типы: Дѣдушка.**
Ориг. рис. Ив. Панова, грав. Шмидтъ.



Бѣлый, съ длинной бородою
Дѣдушка сидитъ,
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

* * *

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ
Старъ и онъ и спитъ день цѣлый,
Съ мѣста не спрыгнетъ.

* * *

Старику не много надо:
Лапти сплесть да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ ходить.

* * *

Къ стѣнкѣ около порога
Станетъ тамъ, крехтя,
И за скорби славитъ Бога
Божіе дитя.

* * *

Радъ онъ жить, непрочь въ могилу—
Въ темный уголокъ....
Гдѣ ты черпалъ эту силу
Бѣдный мужичекъ?!

**И. Никитинъ.**

Старалась воротить прежнія свѣтлыя мысли, съ которыми, за нѣсколько минутъ, входила въ свои покои. Но прежнія свѣтлыя мысли не возвращались.

Мучительный страхъ охватилъ царевну. Она невольно оглядывалась въ вечернихъ сумеркахъ и все ей казалось, что она окружена какими то призраками. Вотъ эти призраки начинаютъ воплощаться, яснѣе и яснѣе выростаютъ они передъ нею, она узнаетъ ихъ, узнаетъ каждаго. Вотъ передъ самымъ лицомъ ея изъ полумрака выдѣляется сѣдая голова съ длинной и бѣлой какъ шина. Молодая луна поднимается изъ за стѣны кремлевской. Внизу подъ окнами терема душистые кусты...

Но царевна съ дикимъ крикомъ захлопываетъ окошко и отъ него отбѣгаетъ—вдругъ среди аромата тихой лѣтней ночи на нее пахнуло смрадомъ и она поняла—откуда этотъ запахъ. Онъ съ Красной площади, гдѣ еще не успѣли прибрать хорошенько куски гніющаго человѣческаго мяса, гдѣ еще всѣ камни обрызганы кровью и мозгомъ......

**КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.**



**Молодая мать.** Картина В. Менцлера, грав. Паар.

# Наши сосѣди въ міровомъ пространствѣ.

(Окончаніе).

## III.

Непосредственнымъ сосѣдомъ группы астероидовъ представляется великанъ изъ планетъ, Юпитеръ. Планету эту можно характеризовать какъ „туманную и облачную звѣзду“, потому что весь внѣшній видъ Юпитера обусловливается образованіемъ облаковъ, и соотвѣтственно природѣ этихъ непостоянныхъ образованій, самъ Юпитеръ подверженъ большимъ перемѣнамъ. Громадно-быстрое вращеніе около собственной оси, очевидно, производитъ въ атмосферѣ Юпитера постоянные и жестокіе пассатные вѣтры и поэтому-то облака этой планеты представляютъ огромную полосу, простирающуюся въ направленіи параллельныхъ круговъ. Атмосфера Юпитера весьма плотна, и вѣроятно досягаетъ значительной высоты. Это обстоятельство, въ связи съ весьма незначительною силою свѣта, посылаемаго отъ солнца,—которое даетъ Юпитеру только 1/27 часть лучей, посылаемыхъ на землю,—все это вмѣстѣ взятое оправдываетъ предположеніе, что для обитателей Юпитера, если таковые существуютъ, день продолжается менѣе 6 часовъ, да и этотъ день бываетъ окутанъ постояннымъ мрачнымъ туманомъ. Въ водѣ и дождѣ эти обитатели не терпятъ недостатка; даже весьма возможно — и за вѣрность этого предположенія ручается постоянное образованіе и огромное скопленіе облаковъ,—что вся эта исполинская планета непрерывно покрыта водою. Такимъ образомъ ландшафтъ на Юпитерѣ не можетъ быть живописнымъ и тѣмъ менѣе онъ можетъ быть живописенъ, что на Юпитерѣ *нѣтъ* даже смѣны временъ года. Наклоненіе оси Юпитера къ эклиптикѣ достигаетъ только 3-хъ градусовъ; а это обстоятельство, въ соединеніи и безъ того уже съ малою интенсивностью (напряженностью) солнечныхъ лучей обусловливаетъ мрачное и монотонное однообразіе года на „Юпитерѣ“, заключающаго въ себѣ болѣе 10,000 дней. Все это, однако, не можетъ исключать обитанія на этой планетѣ разумныхъ, можетъ быть даже высоко развитыхъ существъ. Но жители „Юпитера“ должны быть „водяными обитателями“. Громадно-великій океанъ, покрывающій всю поверхность планеты (поверхность эта превосходитъ земную поверхность въ 129 разъ)—если этотъ громадный океанъ населяютъ люди, то воды его должны имѣть тропическую температуру. Эта температура воды должна быть высока—на основаніи и того соображенія, что колоссальная масса планеты „Юпитеръ“ вѣроятно еще не могла охладиться до такой степени, какъ наша Земля. Въ послѣднее время нѣкоторые астрономы утверждаютъ даже, что „Юпитеръ“ отчасти находится въ раскаленномъ состояніи; но это уже, конечно, исключаетъ всякую мысль о существованіи органической жизни на этой планетѣ... Однакоже, прежде всего, это мнѣніе есть ничто иное, какъ недоказанная, даже невѣроятная гипотеза...

Но самая интересная между планетами—это, конечно, „Сатурнъ“. Интересъ этотъ придаютъ „Сатурну“ *три* концентрическія кольца, окружающія планету, вмѣстѣ съ спутниками ея лунами, которыхъ числомъ 8. Масса „Сатурна“, какъ было уже упомянуто, представляетъ собою самую рѣдкую и легкую изъ всѣхъ планетныхъ массъ. Тяжесть ея почти не превышаетъ тяжести обыкновенной нашей пробки. Консистенція (составъ) окружающихъ планету колецъ столь рыхла, что внутренняя сторона колецъ даже прозрачна,—прозрачна до такой степени, что, не смотря на сплошную, весьма почтенную толщину кольца, составляющую 22 мил., самую планету легко видѣть чрезъ всю толщу кольца. Но атмосфера „Сатурна“, точно также какъ и атмосфера его колецъ, а также главнаго тѣла или зерна планеты облекаетъ все густымъ покровомъ и сильно насыщена водяными парами. Твердое зерно или центръ планеты у „Сатурна“ нужно искать въ самой нижней его части. На поверхности же находятся слои жидкихъ и газообразныхъ веществъ; однакоже эти послѣднія уже съ трудомъ приходятъ въ раскаленное состояніе и, при благопріятныхъ условіяхъ, не могутъ препятствовать развитію живыхъ организмовъ. И если дѣйствительно на „Сатурнѣ“ существуютъ такіе организмы, то для нихъ фирмаментъ (или небесный сводъ планеты) представляетъ въ высшей степени интересное зрѣлище. Они могутъ,—не считая различныя фазы ихъ 8-ми лунъ—наблюдать огромную часть ихъ горизонта, чрезъ отраженный свѣтъ колецъ. Во всей солнечной системѣ не найдется подобнаго великолѣпнаго зрѣлища дугообразнаго освѣщенія большей части горизонта черезъ кольца!.. Между тѣмъ по справедливости можно замѣтить, что эти кольца скорѣе мѣшаютъ освѣщенію „Сатурна“ чѣмъ способствуютъ ему, потому что только въ исключительныхъ случаяхъ и подъ извѣстными широтами, они обращаются къ нему, ночью, своею освѣщенною стороною, вообще же, эти кольца ночью бываютъ невидимы, а днемъ затемняютъ солнце. Такимъ образомъ и жители колецъ „Сатурна“ (если предположить ихъ существующими), рѣдко и только въ извѣстныхъ случаяхъ наслаждаются зрѣлищемъ ихъ, вполнѣ освѣщенной, главной планеты, потому что эта послѣдняя, ночью, большею частью, обращаетъ къ вамъ свою темную сторону. Если, однако, они видятъ полный „Сатурнъ“, да притомъ еще нѣсколько лунъ или полулунъ, окружающихъ „Сатурнъ“, то этотъ видъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть великолѣпный несравненно болѣе величественный и возвышенный, чѣмъ все что представляетъ намъ наше звѣздное небо.

Двѣ изъ самыхъ крайнихъ планетъ „*Уранъ*“ и „*Нептунъ*“, окружены атмосферою совершенно особаго состава, такъ что, еще нельзя отвергнуть мнѣніе, что, въ то время, когда они оторвались отъ солнечной массы, они получили въ *приданое* нѣсколько химическихъ элементовъ, недостающихъ у другихъ планетъ. Спектральный анализъ свѣта этихъ планетъ, дѣйствительно, доказываетъ, что на ряду съ такъ называемыми „теллурическими полосами поглощенія“ (Absorptionsbändern), которыя указываютъ на присутствіе въ разсматриваемыхъ планетахъ водяныхъ паровъ, азота и другихъ составныхъ частей нашего атмосфернаго воздуха, спектральныя линіи, не заключающіяся въ солнечномъ свѣтѣ, (но исходящія отъ свѣта этихъ планетъ) уже наводятъ на мысль, что разсматриваемыя планеты обладаютъ *собственнымъ* свѣтомъ, хотя бы и слабымъ, на ряду съ отраженнымъ свѣтомъ солнца. Но совершенно несостоятельною представляется намъ основанная на этомъ явленіи гипотеза, что „Уранъ“ и „Нептунъ“ будто бы находятся въ раскаленномъ состояніи. Это старѣйшія, прежде всѣхъ отдѣлившіяся, отъ солнца, тѣла; по объему своей массы, они далеко уступаютъ обѣимъ младшимъ планетамъ, „Сатурну“ и „Юпитеру“. Нужно принять поэтому, что онѣ пришли въ состояніе охлажденія на цѣлыя сотни милліоновъ лѣтъ ранѣе, чѣмъ „Сатурнъ“ и „Юпитеръ“. Но возможно и то, что обѣ планеты обладаютъ особеннымъ родомъ *фотосферы*, въ томъ смыслѣ, что ихъ атмосфера смѣшана съ фосфористыми самосвѣтящимися химическими соединеніями, свѣтящими даже при малѣйшей степени тепла подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта. Этой фотосферы совершенно *не достаетъ* на 4-хъ внутреннихъ, ближайшихъ къ солнцу, планетахъ, (2-е семейство). На „Юпитерѣ“ и „Сатурнѣ“, правда, эта фотосфера есть, но она едва-замѣтна.

Относительно „*обитаемости*“ этихъ „сеньоровъ“ или патріарховъ планетной системы едва ли можно представить какія либо отрицательныя соображенія. Правда одна уже ихъ преклонная старость привела астрономовъ къ мысли, что эти двѣ планеты уже совершенно *окоченѣли* и *умерли*... Но, съ другой стороны, присутствіе въ ихъ атмосферѣ водорода указываетъ на возможность существованія на нихъ „средней температуры“. Солнце, правда, освѣщаетъ „Нептуна“ въ 900 разъ слабѣе, чѣмъ землю; но это еще не доказываетъ, что „*Нептуну*“ наравнѣ съ „*Ураномъ*“ совершенно отказано въ теплотѣ и свѣтѣ. Уже часто выражалось мнѣніе, что напряженность (интенсивность) тепла, идущаго на какую-либо планету, зависитъ не только отъ лучеиспусканія, но также отъ „*проводительной способности*“ (для тепловыхъ лучей) атмосферы этой планеты. Можетъ быть, на „Нептунѣ“ эта атмосферная теплопроводность столь сильна, что она вознаграждаетъ вообще, скудость посылаемыхъ лучей, хотя бы даже отчасти. Но, во всякомъ случаѣ, представляется несправедливымъ мнѣніе нѣкоторыхъ астрономовъ что разсматриваемыя сейчасъ двѣ отдаленнѣйшія отъ солнца планеты погружены почти въ совершенную тьму, и это потому только, что, относительно ихъ, солнце является чрезвычайно малымъ дискомъ. 1/900 часть достигающаго земли солнечнаго свѣта представляется, однако, постоянно количествомъ свѣта, совершенно достаточнымъ для распространенія удовлетворительнаго свѣта. Полная луна, напримѣръ, даетъ землѣ 1/500,000 часть того свѣта, который посылаетъ намъ солнце; по этому, „Нептунъ“, если солнце стоитъ на его горизонтѣ, обладаетъ источникомъ свѣта, равнымъ 600 полнымъ лунамъ; конечно, итальянскаго блеска солнца на „Нептунѣ“ нѣтъ, но и „тьмы“ на немъ конечно не существуетъ. Даже и на крайней, самой отдаленной планетѣ могла по этому ликовать и процвѣтать органическая жизнь, по крайней мѣрѣ въ ранній періодъ бытія, предшествовшій созданію земли...

# Къ рисункамъ.

## Наутилусъ.

„Наутилусъ“—маленькая лодочка (рисунокъ ея мы здѣсь прилагаемъ). Лодочка эта не безъ основанія надѣлала порядочно шуму при своемъ появленіи въ началѣ минувшаго августа. И въ самомъ дѣлѣ, относительно величины—это просто орѣховая скорлупа, имѣющая только восемнадцать футовъ длины. И эта лодочка пробѣжала обширный океанъ во всю его

ширину, привезя на Парижскую Всемірную выставку двухъ братьевъ Андрье, которые и составляли весь ея экипажъ. Многіе были свидѣтелями этого смѣлаго путешествія „Наутилуса“. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на навѣсъ этой лодочки, попорченный морскими волнами, ея петрольныя лампы, на которыхъ экипажъ приготовлялъ себѣ пищу и всѣ другіе снаряды и принадлежности лодочки.

Путешествіе „Наутилуса“ продолжалось 53 дня. Суденышко вышло изъ Бостона 7 іюня, и прибыло во Францію, какъ сказано выше, въ началѣ августа. Случайности этого смѣлаго путешествія, какъ они записаны въ бортовую книгу, болѣе чѣмъ необычны и содержатъ въ себѣ много интересныхъ подробностей.

Какъ только маленькое судно потеряло изъ виду Минотскій маякъ, поднялся вѣтеръ, показались признаки приближенія бури. Брызгами морскихъ волнъ потушило на борту всѣ огни, и братья Андрье очутились въ совершенной темнотѣ...

Одинъ изъ братьевъ, лежавшій въ постелѣ, всталъ, чтобы снова зажечь огни. Судно страшно кидало по волнамъ океана. Вскорѣ стекло компаса разбилось, и братья уже обсуждали вопросъ: не взять ли задній ходъ. Когда это было рѣшено, они направились къ Бостону, куда могли возвратиться безопасно. Тутъ имъ пришлось проѣхать среди стада китовъ.

Оба брата были изнурены голодомъ и особенно непріятно поражены, когда встрѣтили, вмѣстѣ съ привѣтствіями знакомыхъ, и насмѣшки надъ неудачею. Между тѣмъ, спустя два дня, отважные Андрье вновь пустились въ плаваніе. Лодку ихъ наносило иногда на суда. Матросы этихъ судовъ совѣтовали имъ меньше натягивать парусъ. Нѣсколько дней спустя, разыгралась новая буря и потомъ время сдѣлалось пасмурнымъ. Море покрыто было около нихъ обломками снастей, принадлежавшихъ кораблямъ, потерпѣвшимъ крушеніе, и можно было каждую минуту опасаться, что утлое суденышко потонетъ отъ толчка какой-нибудь тяжелой, мимо плывущей снасти.

Наконецъ, послѣ уже долгаго времени, буря загнала братьевъ въ каналъ св. Георгія (между Англіей и Ирландіей) и они пристали въ Мулліонъ-Кове. Отсюда уже они могли направиться въ Сену, такъ какъ противные вѣтры, замедлявшіе ихъ плаваніе, уже прекратились.

Съ боку рисунка взглянувъ на изображеніе лодочки захлестываемой волною, можно видѣть, какую надо вести ей было борьбу съ океаномъ.

## Лѣсной пожаръ.

(Разсказъ).

Долгая, томительная засуха. Поблекъ листъ на деревьяхъ, желтѣетъ раньше времени; выгорѣла трава на лугахъ, болотныя понизи—и тѣ высохли, утратили свой сочный, зеленый цвѣтъ;—желтою щетиною обрамили осока и тростникъ эти растрескавшіяся, недавно еще, словно зеркала, сверкавшія водою мѣста; кое гдѣ только, между бурыми кочками, стоятъ, догниваютъ стоячія, запекшіяся лужи. Лѣниво, чуть-чуть пробиваясь по камнямъ, струятся ручьи, пробираясь по оголенному руслу. Сплошными тучами стоитъ въ воздухѣ дорожная пыль, поднятая колесами телеги и тихо осѣдаетъ на кусты, на деревья, толстымъ слоемъ покрывая ихъ тусклую зелень...

Замолкла, словно вымерла, степная птица... Молча томятся исхудалыя стада на выгонахъ-солнцепекахъ... Собаки-сторожа и тѣ бродятъ высунувъ языки, опустивъ хвосты,—лѣниво лаютъ на прохожій людъ,—не охота имъ гоняться до околицы за чужой телѣгой, лѣнь высунуть носъ изъ подворотни... Въ поту рабочіе кони, набила имъ плечи и спины закорузлая сбруя,—подозрительно виляетъ слѣдъ за разсохшимся колесомъ... Не веселъ ямщикъ, не веселъ и сѣдокъ... Квасу имъ хозяйки постоялыхъ не наготовятся...

Въ такую пору только огонь горитъ весело, бойко; только бы искорка вспыхнула, только бы дотянуться до чего красному языку пламени, а ужъ работа найдется...

Страшенъ, губителенъ пожаръ въ такую пору. Тронулся съ краю села, все село въ часъ выгорѣло; тронулся въ полѣ, по хлѣбу—мигомъ нѣтъ полосы... Оплошалъ пастухъ на опушкѣ съ варкою картошки, дорого эта картошка обходится...

Глядитъ,—потухъ огонекъ и зола, рукою на ощупь, остыла—и голое мѣсто кругомъ, не почему добраться... побрелъ пастухъ дальше, погналъ скотину, а тутъ,—вѣтромъ ли пахнуло, полою ли кафтана своего рванаго махнулъ парень, накидывая на плечи,—зардѣлась красная точка, чуть-чуть теплится, а около нея уже и закоробило сухую былинку, отъ нея другую, тамъ третью... подальше, глядишь, уже вспыхнулъ сухой палый листокъ—подъ остывшей золой, въ самой почвѣ, корешки затлѣли и пошли одинъ за другой цѣпляться, жаромъ пробираясь все дальше и дальше... Горитъ пока здѣсь, а тамъ въ нѣсколькихъ шагахъ—тоже, ни съ того ни съ другого, задымило... Ночью—другое дѣло, свѣтомъ выдаетъ себя начинающійся пожаръ-разбойникъ, а днемъ, при яркомъ, ослѣпительномъ блескѣ іюльскаго солнца, и не доглядѣть какъ ходко, неудержимо распространяется эта злая, огненная зараза...

Вспыхнулъ разомъ, затрещалъ желтый кустъ орѣшника, отъ него на корявую березу перекинуло, тамъ палая сосна загорѣлась; костромъ пылаютъ ея обрубленные сучья, костромъ словно въ печи горитъ полѣнница дровъ, заготовленная къ вывозу... Часу не прошло,—до самаго неба тянется черный столбъ пожарнаго дыма, стѣною ломитъ лѣсной „палъ“, и гибнутъ въ этомъ палѣ десятками и сотнями,—и строевыя, и дровяныя, и молодковыя, и заказныя, и вольныя, помѣщичьи и казенныя десятины.

---

Разъ, въ такую именно сухую пору, удобную для пожарнаго разгула, пришлось мнѣ сдѣлать верстъ семдесятъ, на „долгихъ“, на обывательской парѣ. Дѣло было въ О—кой губерніи, лѣсной, значитъ, по преимуществу, славящейся, между прочимъ, своимъ бездорожьемъ, или какъ здѣсь называютъ, „горе-путями“.

Выѣхавъ до разсвѣта, мы еще рано, до настоящей жары, добрались до Глушкова постоялаго дворика, отдохнули часокъ, попоили лошадей и тронулись дальше. Дорога шла перелѣсками, мелкою порослью, но мало по малу эти чахлые, кустарные заросли ольшаника и осинника переходили въ болѣе крупные группы деревьевъ, мѣшалась межь ними темнозеленая ель, а дальше, стѣною шелъ сплошной строевикъ, безъ конца и безъ просвѣта.

Дорога была плохая, не разскачешься по такой! Колеса моей телѣжки тяжело врѣзывались въ глубокія колеи, катясь чуть не на ступицахъ, задѣвая концами осей за высохшіе колчи, то прыгая по оголеннымъ корнямъ, пересѣкавшимъ дорогу своею путанною сѣтью. Мѣстами давно высохшія глубокія промоины на дорогѣ, заставляли дѣлать объѣздъ стороною, кустами; тогда вѣтви хлестали коней, сшибали совсѣмъ назадъ дугу у коренной, били по лицу... только и слышались предостерегающіе возгласы моего возницы, кузнеца Данилы:—„Берегись, ваше благородіе!“

День былъ невыносимо жаркій, даже въ тѣни лѣса и то дышалось съ трудомъ. Коренная, вся въ мылѣ, тяжело сопѣла на ходу; а тутъ еще миріады лѣсныхъ слѣпней мучили несчастныхъ животныхъ, тщетно отмахивающихся своими хвостами отъ набѣга этихъ жадныхъ кровопійцъ... Безконечно длинна казалась дорога, лѣниво поднималось солнце на этомъ раскаленномъ, сѣромъ, безоблачномъ небѣ, вѣтеръ не относилъ пыль въ сторону, и пыли этой цѣлая туча шла вмѣстѣ съ нами, охватывая и потныхъ коней, и сѣдоковъ, и телѣгу...

Удушливый, тяжелый запахъ дыма и гари слышался въ воздухѣ, мѣстами изъ-за этой стѣны лѣсовъ поднимались подозрительные, черные столбы,—но эти столбы были очень далеко, они повидимому даже не двигались и вовсе не угрожали той мѣстности, по которой пролегала наша дорога.

— Горитъ! ткнулъ въ ту сторону кнутовищемъ кузнецъ Данило.

— Горитъ, согласился я, закуривая папиросу...

— А ты бы, ваше благородіе, это самое бросилъ бы,—посовѣтовалъ возница—въ тотъ самый моментъ, когда я зажигалъ спичку.

— Осторожно если, ничего!

— То-то осторожно! А то—на прошлой недѣлѣ за „лапотковыми“ Ильинская дьячиха сгорѣла... Тоже вѣдь бываетъ такъ-то!

— Курила что ли неосторожно?

— Зачѣмъ курить!—нѣшто бабы курятъ—по Божьей волѣ, значитъ, сгорѣла. Заѣхала, такъ же вотъ—въ „палъ“ прямо, да и сгорѣла. Парнишко съ нею нашъ былъ, такъ тотъ шустрый, отпрегъ мерина, да выскочилъ, помоги Господь! а дьячиха баба сырая, гладкая, та сгорѣла, такъ съ телѣгою и обуглилась...

— Это не хорошо!

— Начтожъ лютѣй смерти... у насъ вотъ, теперича, какъ за шесть дёнъ до Петрова—зачались „палы“ такъ вотъ вплоть до „казанской“ горитъ... Собирали четыре волости—канавы копать да нѣшто супротивъ Божьей воли, лопатою отмашешься... никакъ того не возможно...

Такъ разговаривая мы подвигались да подвигались впередъ... узкою просѣкой вилась между деревьями дорога. По низу толстые стволы строевика терялись въ сплошной чащѣ кустарника, молодые, чахлые поросли перепутанныхъ, косматыхъ кучъ, спокон вѣковъ неубираемаго бурелома... Воздухъ еще сталъ тяжелѣе и удушливѣе, словно сумерки спустились надъ лѣсомъ... Вѣтру нѣтъ, а глухо гудитъ въ вершинахъ елей и сосенъ, стонъ тихій, меланхолическій слышится, будто несмѣтные рои комаровъ носятся надъ вашею головою...

Кони пофыркиваютъ, безпокойно прядутъ ушами, пристяжная на оглоблю налегаетъ.

— Но, вы, милыя! трогай—похлестываетъ по ихъ спинамъ кнутъ Данилы.

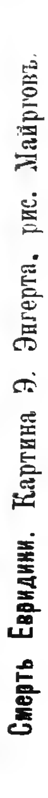
Замялась пара, шарахнулась было немного... затрещалъ валежникъ впереди... черезъ дорогу промелькнула большая, темносѣрая масса... это медвѣдь, неуклюже галопируя, прошелъ, не обративъ на насъ никакого вниманія.

— Ишь ты поганъ! сплюнулъ презрительно Данило... это онъ отъ „палу“ тоже спасается... опаленный!..

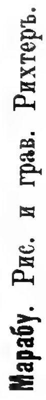
— А развѣ близко горитъ гдѣ?

А кто его знаетъ! Можетъ и далеко, а можетъ тутъ гдѣ, подъ землею бѣжитъ... ты его иную пору не ждешь, а онъ авось гдѣ вспыхнетъ,—и пошелъ валять...

Подземные лѣсные пожары самые неукротимые... огонь идетъ по корнямъ, подъ слоемъ перегноя и вдругъ, совершен-



**Смерть Евридики.** Картина Э. Энгерта, рис. Майрговъ.



**Марабу.** Рис. и грав. Рихтеръ.

но неожиданно, прорывается на свѣтъ Божій, быстро взбѣгая по стволамъ и сучьямъ, до самыхъ вершинъ деревьевъ.

Въ этой сторонѣ лѣсные палы преимущественно такого свойства.

— Однако погоняй! поторопилъ я своего возницу.,

Невольное безпокойство начало овладѣвать мною. И безъ того „тошно" а тутъ еще ожиданіе „пала", этотъ медвѣдь, спасающійся, этотъ разсказъ о заживо сгорѣвшей дьячихѣ.

И кони словно раздѣляли мое безпокойство,—они рысили ходчѣе... Гдѣ дорога выдавалась поглаже, сѣрый пристяжной меринъ даже подпрыгивалъ, взмахивая своею косматою, усѣянною репейникомъ гривою.

Въ бокахъ кололо отъ безпрестанныхъ толчковъ и подскоковъ телѣжки.

Скверное что то творилось въ воздухѣ... Вверху, надъ лѣсомъ, словно черныя облачка, бѣжали обрывистые клочья дыму... Совсѣмъ стемнѣло. Изъ за этой мглы раскаленнымъ шаромъ, безъ лучей, выглядывало солнце. Глухо шумѣлъ лѣсъ, словно ураганъ надвигался; пахнуло раза два вѣтромъ, но не прохладнымъ, освѣжающимъ, а словно изъ натопленной русской печки... Въ кустахъ мелькнули волки, поджавъ хвосты, высунувъ свои языки... хлопая крыльями низко, низко пролетѣлъ черный тетеревъ—косачь, вороны стаями каркали въ вышинѣ... Все живое очевидно безпокоилось и заблаговременно спасалось бѣгствомъ...

— Не вернуться ли назадъ! проговорилъ я.

— Чего назадъ!.. Богъ милостивъ!.. Да назадъ хуже... эвося гдѣ дымитъ, тамъ, чай, уже перехватило дорогу... Ну, милые, трогай!..

Бѣгутъ кони дружно, усталость свою забыли. Схватившись обѣими руками за грядки телѣги, кое какъ умѣряешь невыносимую тряску.

— Дастъ Богъ доберемся до волчьяго оврага,—тамъ ничего!.. не перевалитъ черезъ оврагъ-то,—успокоительно произноситъ Данило.,

Вдругъ, словно беззвучный ударъ молніи, блеснулъ всторонѣ огонь, лизнулъ по стволу развѣсистой сосны и фейерверкомъ закрутились въ воздухѣ безчисленные искорки загорѣвшейся хвои.

— Прорвало! крикнулъ мой возница и сталъ неистово, изо всей мочи хлестать по конямъ...

Тѣ неслись, сломя голову.

Мы свернули, почти незамѣтно съ дороги и мчались цѣликомъ. На первомъ же толчкѣ одно изъ колесъ задѣло за пень и разсыпалось въ дребезги, крякнула ось, зарывшаяся въ землю,—съ натуги лопнули постромки и гужи... Данило черезъ голову свалился на крупъ коренной, меня выбросило шаговъ на пять въ сторону... Прозѣвай мы минуту и кони навѣрное оборвали-бы остальную, удерживающую еще ихъ сбрую и ускакали-бы.

Съ помощью ножа, нашедшагося у меня въ карманѣ, мы справились мигомъ и сѣли верхомъ... Смиренныя, рабочія лошади рвались и горячились, словно кровные скакуны.

— Пущай—наволю, держись за гриву, баринъ! кричалъ мнѣ Данило, скотина лучше чуетъ куда ей бѣжать надо!

Онъ обогналъ меня... Я видѣлъ только впереди его широкую спину въ линялой, кумачевой рубахѣ, взмахивающіе, словно крылья, его локти и пѣжину на крупѣ коня, неистово крутившаго хвостомъ на скаку...

Я не знаю сколько времени мы неслись такимъ образомъ—помню только, что доскакавъ до какого-то глубокаго оврага, на днѣ котораго журчалъ ручей по каменистому руслу, моя лошадь чуть было не сорвалась съ разбѣга, но во время осѣла назадъ и осторожно стала спускаться по изрытымъ водомоинами скатамъ.

Мы еще не успѣли выбраться на противуположную сторону оврага, какъ видѣли уже догорающій хвостъ лѣснаго „пала", мало по малу стихающаго на самомъ рубежѣ нашего спасенія.

Н. Каразинъ.

## Молодая мать.

Едва-ли существуетъ другое слово, которое возбуждало-бы въ каждомъ, даже испорченномъ, сердцѣ такое глубокое и свѣтлое чувство,—какъ слово „мать" и всякій разъ такъ сильно заставляло бы его биться. Невольно душу человѣка наполняетъ чувство благодарности къ тому существу, которое первое его лелѣяло и ласкало. Кому не знакомо оно—это высокое свѣтлое чувство?

Конечно согрѣта была душа великихъ художниковъ, писавшихъ мадоннъ, этимъ глубокимъ чувствомъ. Выраженіе лицъ этихъ мадоннъ кромѣ высокой святости, дышетъ еще такою безпредѣльною материнскою любовью.

На нашемъ рисункѣ стоитъ взглянуть, съ какою нѣжностью глядитъ прелестная молодая мать въ веселые, безпечные глазки своего малютки, чтобы не нуждаться въ дальнѣйшихъ коментаріяхъ.

## Смерть Эвридики.

Съ глубокой древности трогательный миѳъ объ Орфеѣ вдохновлялъ поэтовъ и художниковъ; въ самомъ дѣлѣ, трудно найти болѣе плѣнительное и высокое изображеніе могущества любви, побѣждающей даже мрачныя силы подземнаго царства тѣней. Орфей, сынъ Аполлона и музы Калліопы, получилъ отъ нихъ въ удѣлъ чудный даръ пѣсенъ и когда пѣлъ, деревья преклоняли свои вершины, дикіе звѣри толпились вокругъ него; самые камни двигались за нимъ, очарованные звуками его лиры. Онъ полюбилъ красавицу нимфу Эвридику, но злой рокъ поразилъ скоро его возлюбленную: „среброногая" нимфа внезапно умерла въ кругу своихъ смѣющихся подругъ отъ укушенія ядовитой змѣи. Горе пѣвца было безпредѣльно; тщетно оглашалъ онъ небо и землю своими воплями и мольбами къ вѣчнымъ богамъ, дабы они возвратили ему его потерю. Боги Олимпа ему не внимали; тогда рѣшился онъ сойти въ мрачный Аидъ, чтобы тамъ умолить боговъ подземнаго міра. Въ такихъ стихахъ Овидій въ своихъ метаморфозахъ передаетъ его жалобы:

„Ради этихъ мѣстъ, полныхъ священнаго ужаса, ради этого царства молчанія и безконечнаго мрака, заклинаю васъ, отпустите мнѣ Эвридику, отдайте мнѣ преждевременную жертву. Всѣ мы будемъ ваши, рано или поздно всѣ мы придемъ къ вашему жилищу. Здѣсь послѣдняя наша обитель; вы долѣе всѣхъ боговъ держите во власти своей поколѣнія людей. Вѣдь и она, проживши еще нѣсколько лѣтъ, все равно придетъ къ вамъ; вѣдь я прошу васъ подарить мнѣ всего нѣсколько мгновеній. Нѣтъ, если судьбы не возвратятъ мнѣ Эвридики, никогда не уйду я отсюда. Тогда—радуйтесь смерти обоихъ".

И подземныя силы сдались на пѣснь Орфея, и блѣдныя тѣни внимали ей и плакали: Танталъ забылъ свои муки; остановилось колесо Иксіона; остановились Данаиды въ своей работѣ наполнить бездонную бочку, даже Сизифъ позабылъ свой камень, даже грозныя Эвмениды при этой пѣснѣ въ первый разъ пролили слезы. Рѣшено было отпустить изъ Аида Эвридику, но съ условіемъ, чтобы Орфей шелъ впереди ея и не смѣлъ бы оглядываться. Горя однако нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣе свою милую, Орфей оглянулся—и она исчезла. Съ этой поры жизнь пѣвца сосредоточилась только на оплакиваніи своей невозвратной потери. Ничто земное уже не привлекало его взора, ни одна смертная, ни даже богиня; озлобясь за это равнодушіе, разъ, въ лѣсу на него напала, потрясая тирсами, толпа Менадъ и разорвала въ клочки его тѣло. „Онъ же, вступивъ въ область блаженныхъ, нашелъ тамъ свою Эвридику и принялъ ее въ свои объятія, и теперь странствуютъ они тамъ оба дружными стопами; то она идетъ впереди и онъ слѣдуетъ за нею, то онъ упредитъ ее—и уже безопасно можетъ на нее оглянуться".

Этотъ миѳъ послужилъ темой для прекрасной большой карны австрійскаго художника Энгердта *) „Смерть Эвридики". Картина эта была главнымъ украшеніемъ большой академической выставки нынѣшияго года въ Вѣнѣ.

## Марабу.

Марабу или зобатый аистъ (Leptoptilos Crumenifer) принадлежитъ къ породѣ такъ называемыхъ *большихъ* аистовъ (Mycteria) водятся они въ жаркихъ странахъ Южной Африки и въ Индіи. У индусовъ птица эта издавна пользовалась уваженіемъ. Населенію она оказывала важную услугу истребленіемъ разныхъ нечистотъ, гніющихъ, разлагающихся веществъ, особенно вредныхъ въ жаркомъ климатѣ. Голова птицы красновато-тѣлеснаго цвѣта, покрыта короткими волнистыми перьями; кожа шершавая, шея голая. Перья на спинѣ и плечахъ темнозеленыя съ металлическимъ блескомъ. Глаза коричневые, клювъ грязно-бѣло-желтаго цвѣта. Длина птицы достигаетъ 5-ти футовъ, изъ которыхъ болѣе 1½ фута приходится на клювъ и болѣе 1 фута на хвостъ.

Марабу поражаетъ своимъ необыкновенно важнымъ задумчивымъ видомъ.

Во всякомъ движеніи животнаго замѣчается полнѣйшее спокойствіе; походка и каждый шагъ его и каждый взглядъ какъ бы строго разсчитаны и строго размѣрены.

Лишь только птица замѣтитъ, что ее преслѣдуютъ, она осторожно озирается; измѣряетъ разстояніе между собою и врагомъ и соразмѣряетъ съ этимъ свои шаги. Если преслѣдующій марабу охотникъ идетъ тихо, то и Марабу движется точно такъ же; если охотникъ ускоряетъ свои шаги, то и птица начинаетъ идти быстро. Охотникъ остановится—и марабу тоже остается неподвижнымъ. На широкой равнинѣ, гдѣ марабу можетъ вѣрно опредѣлить разстояніе между собою и врагомъ, рѣдко подпускаетъ къ себѣ на разстояніе выстрѣла, и никогда не поднимется на воздухъ; а просто, придерживаясь одинаковаго разстоянія, въ триста или четыреста шаговъ, спокойно идетъ передъ охотникомъ.

Марабу вообще замѣчательно уменъ и уже послѣ первыхъ, направленныхъ противъ него выстрѣловъ, научается *опредѣлять* разстояніе, на которое хватаетъ охотничье ружье. Марабу отличаетъ тотчасъ же охотника отъ всякаго другаго человѣка.

Извѣстный естествоиспытатель Бремъ разсказываетъ, что, во время его пребыванія въ Хартумѣ, онъ наблюдалъ марабу, жившихъ въ тѣсной дружбѣ съ мясниками, работавшими на бой-

*) Нынѣ директоръ Императорской картинной галлереи въ Бельведерѣ.

нѣ не далеко отъ города; птицы безстрашно садились передъ окми; иногда входили въ самую бойню, крича и надоѣдая до тѣхъ поръ, пока имъ не бросали кусокъ. Мясники не преслѣдовали назойливыхъ пришлецовъ; и только уже тогда, когда дерзость птицъ доходила до крайнихъ предѣловъ, пускали въ нихъ камнемъ или палкою, что бы удержать ихъ „въ границахъ приличія". До пріѣзда въ Хартумъ г. Брема, этихъ птицъ не преслѣдовали вовсе, и даже европейцы, жившіе въ то время въ Хартумѣ, не трогали ихъ, потому, что не знали цѣнности этой птицы и не подозрѣвали, какія на ней драгоцѣнныя перья. Разъ какъ-то Бремъ, съ своими товарищами, застрѣлилъ одного марабу и съ тѣхъ поръ и всѣ товарищи убитой птицы измѣнили свое поведеніе. Правда, марабу, по прежнему, продолжали являться предъ бойнею, но всегда выставляли сторожа и немедленно улетали, лишь только издали показывалось бѣлое лицо, или же одѣтый въ бѣлую одежду человѣкъ.

Далѣе, продолжая свои наблюденія, г. Бремъ замѣтилъ, что Марабу, ежедневно, удаляясь съ бойни, направлялись къ Нилу, ловили рыбу въ рѣкѣ и затѣмъ высоко поднимались на воздухъ, чтобы самые жаркіе часы носиться въ прохладной высотѣ, а можетъ быть и для того, чтобы выбрать удобное мѣсто для отдыха вечеромъ.

Нѣтъ птицы въ мірѣ, которая могла бы равняться съ марабу прожорливостью. Бремъ разсказываетъ, что изъ зоба марабу часто случалось вытаскивать проглоченныя ими уши рогатаго скота, и даже цѣльныя ноги быковъ вмѣстѣ съ копытами, также кости—такой величины, какихъ не могла бы проглотить никакая другая птица. Марабу часто прячетъ въ свой громадный зобъ пропитанную кровью землю, окровавленныя тряпки. Интересно смотрѣть, какъ марабу ловятъ рыбу. Птицы становятся въ кружокъ и затѣмъ взаимно гонятъ другъ къ другу рыбу. Иной обжора-марабу проглотитъ рыбу живою, и она бьется у него въ зобу, вытягивая его болѣе чѣмъ на футъ. При этомъ другіе товарищи обыкновенно бросаются на счастливаго ловца и начинаютъ его немилосердно колотить клювами, такъ что тому остается только уносить ноги по добру—по здорову.

Охота на марабу весьма затрудительна. Природная робость птицы способна вывесть изъ терпѣнія самаго хладнокровнаго охотника. Бремъ разсказываетъ, что даже на бойняхъ нельзя разсчитывать на то, чтобы перехитрить умную птицу. Случалось, что марабу, обезпокоенныя охотниками, впродолженіе всей ночи летали взадъ и впередъ надъ обычными мѣстами ночлега, не рѣшаясь сѣсть.

Марабу довольно легко можно сдѣлать ручнымъ. Такъ Бремъ разсказываетъ, что ему удалось поймать на Нилѣ нѣсколько птицъ. Они сдѣлались вскорѣ чрезвычайно ручными и довѣрчивыми. Одинъ ручной марабу всегда выходилъ къ хозяину на встрѣчу, когда тотъ возвращался домой, и выражалъ свою радость, кивая головою, трещалъ клювомъ, плясалъ, принимая самыя смѣшныя позы.

Марабу можно встрѣтить почти во всѣхъ зоологическихъ садахъ. Въ зоологическихъ садахъ Кельна, Дрездена, Франкфурта и Парижа можно встрѣтить прекрасныхъ марабу. Онъ спокойно живетъ даже вмѣстѣ съ другими животными, нисколько за себя не опасаясь. Разъ одинъ марабу, говоритъ Бремъ, вступилъ въ единоборство съ молодою львицей. Это была, конечно, только игра. Молоденькая шаловливая львица первая напала на марабу и ударила его лапой; но этотъ нанесъ нападающей такіе удары клювомъ, что львица поспѣшила обратиться въ бѣгство.

## Политическія извѣстія.

Широкій слѣдъ крови и пламени оставили за собой австрійцы, почти вплоть отъ самаго Дуная до Новаго Базара,—гдѣ засѣли послѣдніе, отчаянные защитники родины. Впрочемъ не послѣдніе. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ Коссовѣ собрано до 60-ти тысячъ регулярныхъ войскъ и теперь турки и австрійцы сошлись една-ли не лицомъ къ лицу. Эта близость турецкихъ и австрійскихъ военныхъ силъ составляетъ главную опасность настоящей минуты, такъ какъ случайное столкновеніе могло бы, даже противъ воли обоихъ правительствъ, повести къ роковымъ послѣдствіямъ. Въ Константинополѣ хорошо сознаютъ эту возможность и дипломатическія сферы хлопочатъ о томъ, чтобы отклонить ее. Говорятъ, что главною цѣлью происходившихъ недавно, между британскимъ и французскимъ посланниками и великимъ визиремъ, совѣщаній было проведеніе нейтральной полосы между турецкой Коссовской арміей и австрійскимъ оккупаціоннымъ корпусомъ въ Босніи. По слухамъ, Вѣнскій кабинетъ отнесся съ недовѣріемъ къ этому предложенію, увидѣвъ въ немъ одно только желаніе положить предѣлъ дальнѣйшему занятію. Въ прямыхъ же своихъ переговорахъ по этому послѣднему предмету съ Портой, настаивающей на нераспространеніи оккупаціи на Новобазарскій округъ, Вѣнскій кабинетъ объявилъ, что Австрія доведетъ до конца порученіе, возложенное на нее Берлинскимъ конгрессомъ, хотя еще не имѣетъ въ виду немедленно вступать въ тотъ округъ, словомъ, отказалъ согласиться, въ принципѣ, на предложеніе Порты.

Въ Родопскомъ округѣ—среди возстанія,—возстаніе противъ главнокомандующаго (?), британскаго полковника С. Клэра (названнаго мусульманами „Гедайетомъ," т. е. посланникомъ Неба), который поспѣшилъ въ Константинополь, за регулярными войсками, для возстановленія своей власти. Ему дали 8 батальоновъ и теперь идетъ расправа, и снова льется кровь!

Обратимся къ той части полуострова, по которой шли наши славныя войска. Къ югу, въ лѣсахъ и ущельяхъ окраины, искусственно отдѣлившей свободную Болгарію отъ другой половины ея, притаились группы людей, ждущія ночи, когда тихо и неслышно спускаются они въ долины родной Румеліи. Изъ этихъ группъ образовываются и уже образовались значительные отряды болгарскихъ инсургентовъ, не желающихъ признавать Берлинскаго акта раздробленія ихъ страны. Повсюду встаютъ болгары—въ Болгарскомъ княжествѣ, въ „Румелійской провинціи", въ Македоніи, во Ѳракіи, отовсюду населеніе шлетъ петиціи о присоединеніи Румеліи къ молодому княжеству. Дѣло дошло уже до открытаго возстанія—отрядъ въ 3 тысячи инсургентовъ осадилъ Іеникіой. Порта, поспѣшно отправляющая въ возставшія мѣстности войска, намѣрена, говорятъ, кромѣ того, вооружить все мусульманское населеніе для подавленія мятежа.

Понятны слухи о томъ, что между Адріанополемъ и Люле-Бургасомъ сосредоточены значительныя русскія силы, что генералъ Тотлебенъ остается, на неопредѣленное время, на Балканскомъ полуостровѣ... Третья великая держава, военный элементъ которой нашелъ себѣ широкое поле дѣятельности въ предѣлахъ оттоманской имперіи—Британія, до сихъ поръ еще, не добилась практическаго примѣненія предложенныхъ ею реформъ. Турція (не желающая, конечно, превратиться въ британское владѣніе) борется съ своимъ „союзникомъ" на почвѣ реформъ, на которой упорно отстаиваетъ свою полу-уничтоженную самостоятельность.

Британіи, вообще, съ трудомъ удается стать въ добрыя отношенія съ мусульманскимъ міромъ. Повидимому и съ Авганистаномъ ей придется вести войну. Эмиру уже посланъ ультиматумъ, которымъ требуется отъ него полное извиненіе и принятіе британскаго посольства.

Отвѣтъ онъ долженъ дать къ 20 ноября; въ противномъ случаѣ, британскія войска начинаютъ наступленіе. Нельзя не видѣть въ британской политикѣ намѣренія поставить Шира-Али въ необходимость воевать. Можно видѣть какъ Британіи нуженъ Авганистанъ, что она постарается добиться обладанія имъ въ той или иной формѣ, что теперь настала для нея спѣшная пора къ осуществленію этой цѣли, потому что—тамъ было наше посольство.

Въ Германіи происходитъ, такъ сказать, заключительный актъ борьбы правительства съ соціалъ-демократической партіей: на основаніи недавно принятаго парламентомъ закона противъ соціалистовъ, запрещаются соціальныя газеты и ассоціаціи, пустившія было, довольно глубокіе корни въ странѣ. Въ „Государственномъ Указателѣ" напечатанъ длинный рядъ распоряженій о запрещеніи различныхъ обществъ.

Бисмаркъ во время наложилъ крѣпкую узду на „партію", лозунгомъ которой сдѣлалось „убійство". Едва только замеръ крикъ общаго негодованія, исторгнутый покушеніями Геделя и Нобилинга, какъ уже на сцену явился еще новый „герой" въ томъ же родѣ и принадлежащій къ той же соціалистской средѣ. Мы говоримъ о посягательствѣ на жизнь молодаго короля Испаніи. 25-го октября, ровно въ 4 часа пополудни, король вышелъ изъ Атокской церкви, гдѣ слушалъ молебенъ, и, сѣвъ на лошадь, направился верхомъ по улицамъ Мадрида. Когда онъ поровнялся, на улицѣ Майоръ, съ домомъ № 93,—рабочій 23-хъ лѣтъ, уроженецъ Таррагоны, Монкаси, выстрѣлилъ въ короля, но промахнулся—пуля ударилась въ стѣну дома, около окна. Король, не смутившись, спокойно остановилъ лошадь и указалъ на человѣка, покусившагося на жизнь его а затѣмъ, привѣтствуемый народными кликами, шагомъ поѣхалъ ко дворцу, гдѣ его ожидали сестры, министры, военныя и гражданскія власти и высшіе сановники. Когда Монкаси выстрѣлилъ, солдаты ударами прикладовъ повалили его и прикололи бы штыками, если бы генералъ Примо-де-Риверо не закричалъ имъ: „Не убивайте его!" Женщины и чернь требовали выдачи виновнаго для немедленной расправы съ нимъ, но военный губернаторъ Мадрида защитилъ его отъ народнаго гнѣва. Монкаси женатъ и имѣетъ маленькую дочь, прежде былъ бочаромъ, но, присоединившись къ обществу интернаціоналовъ. оставилъ свое ремесло. Преступникъ сознался, что совершилъ покушеніе предумышленно, единственно съ этою цѣлью пріѣхалъ (20-го октября, изъ Таррагоны) въ Мадридъ. Въ 11 ч. вечера Монкаси былъ переведенъ въ тюрьму. По общему убѣжденію онъ—слѣпое орудіе интернаціонала. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, прокуратура занята уже составленіемъ обвинительнаго акта.

## Библіографія.

*Всеволодъ Соловьевъ. „Капитанъ Гренадерской Роты“, романъ хроника (XVIII вѣка). С.П.Б. цѣна 1 р. 75 к., при перес. вѣсовыхъ за фунтъ.*

Въ послѣдніе годы у насъ обращено большое вниманіе на историческіе романы и повѣсти и ихъ немало появляется въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, историческій романъ даетъ возможность знакомиться съ исторіей въ легкой, занимательной формѣ. Прочтется сухая монографія—содержаніе ея быстро исчезнетъ изъ иной памяти; прочтется романъ—содержаніе его невольно запомнится и врѣжется въ памяти. Читатель невольно будетъ представлять себѣ извѣстную эпоху и ея героевъ именно такъ, какъ нарисовалъ ихъ авторъ. Изъ всего этого ясно серьезное значеніе историческаго романа и его польза. Но это значеніе и польза являются только въ томъ случаѣ, если авторъ, при талантѣ, обладаетъ еще значительными историческими познаніями и въ своемъ повѣствованіи остается вѣренъ исторіи. Въ противномъ же случаѣ, вмѣсто пользы происходитъ огромный вредъ, понятія читателей объ историческомъ прошломъ невольно извращаются и часто такъ и остаются навсегда извращенными по винѣ недобросовѣстнаго или легкомысленнаго автора.

Только при строгомъ отношеніи къ своему дѣлу историческій романистъ можетъ удовлетворить требованіямъ общества и служить своей высокой образовательной цѣли.

Все это мы высказали по поводу новаго романа Вс. С. Соловьева „Капитанъ гренадерской роты“. Авторъ „Княжны Острожской“, „Юнаго Императора“ и „Царь-дѣвицы“ извѣстенъ читателямъ „Нивы“ и мы, не распространяясь о достоинствахъ его произведеній—укажемъ только на одно изъ главныхъ его качествъ: г. Соловьевъ удовлетворяетъ выраженнымъ выше требованіямъ отъ историческаго романиста. Онъ, видимо, очень строго относится къ своей задачѣ. Его историческіе романы и повѣсти—*историческіе* не только по заглавію, а дѣйствительно вѣрны исторіи и указываютъ, рядомъ съ художественнымъ своимъ достоинствомъ, на серьезное изученіе предмета и знакомство автора съ обширнымъ историческимъ матеріаломъ. Новый романъ г. Соловьева „Капитанъ гренадерской роты“ обнимаетъ собою время отъ смерти Анны Іоанновны до воцаренія Елисаветы Петровны. Передъ читателями проходятъ живыя фигуры Бирона, правительницы Анны Леопольдовны, принца Антона Брауншвейгскаго, Миниха, Остермана, Юліаны Менгденъ, „капитана гренадерской роты“—то есть самой Елисаветы и т. д. Разсказъ ведется, по обыкновенію, чрезвычайно живо и занимательно, всѣ описываемыя событія вѣрны исторіи.

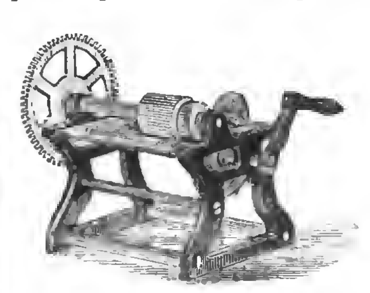
По такимъ романамъ дѣйствительно можно составить ясное представленіе объ изображаемой эпохѣ. Мы не сомнѣваемся, что новое произведеніе Вс. С. Соловьева обратитъ на себя вниманіе русскаго общества.

А. П.

## Новое изобрѣтеніе.

### Машина для дѣланія бахромы—Линкольна.

Въ Америкѣ изобрѣтена машина для дѣланія всевозможныхъ видовъ бахромы по краямъ какой бы то ни было матеріи. Бахрома дѣлается скоро, отчетливо и красиво.

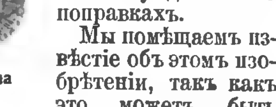


Фиг. 1. Американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей.

Выдергиванье нитокъ чрезвычайно быстро. Бахрома—плоская, волнистая и рюшъ какъ на одномъ такъ и на обоихъ краяхъ матеріи выходитъ превосходно; можно даже дѣлать подражанія мѣхамъ, что представляетъ весьма эффектную отдѣлку для платьевъ.

При помощи этой машины каждый можетъ украшать костюмы въ самыхъ разнообразныхъ видахъ по желанію и вкусу.

Каждой модисткѣ и швеѣ чрезвычайно облегчитъ работу такая машина. По цѣнѣ весьма доступная, а для производства мелкихъ работъ и всевозможныхъ украшеній, за которыми надо обращаться съ заказами въ магазины — удобная, машина эта долго не нуждается въ поправкахъ.



Фиг. 2. Сдѣланная на этой машинѣ бахрама изъ шелковой матеріи.

Мы помѣщаемъ извѣстіе объ этомъ изобрѣтеніи, такъ какъ это можетъ быть полезно въ семейной жизни. На второмъ рисункѣ можно видѣть уже сработанную, готовую бахрому.

## Задача.

Трое рабочихъ А, Б, В сѣли завтракать.
А—принесъ 3 фунта хлѣба
Б— 2 „ „
В— внесъ 5 коп. деньгами.
Хлѣбъ раздѣлили по ровну на троихъ.
Какъ раздѣлили деньги 5 коп., между А и Б?



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** За редактора **Ф. БЕРГЪ.**



Дозволено цензурою СПБ. 2 Ноября 1878 г. Тип. Вейлинга Англ. пр. № 10.




№ 46 — 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 13 Ноября 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.




# Николай Ивановичъ Костомаровъ.

Извѣстный русскій историкъ Николай Ивановичъ Костомаровъ родился въ 1817 году 4-го мая, въ Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, гдѣ у его отца было свое небольшое имѣніе. Когда Н. И. Костомарову исполнилось 10 лѣтъ, то его отдали въ лучшій изъ тогдашнихъ московскихъ пансіоновъ лектора университета Ге. Первое время своего пребыванія въ пансіонѣ, маленькій Костомаровъ страшно скучалъ по родной семьѣ, по вольной домашней жизни; у него созрѣло даже намѣреніе бѣжать изъ учебнаго заведенія, намѣреніе, которое только случайно не было приведено въ исполненіе. Впечатлительная, съ дѣтства воспріимчивая натура ребенка, трудно уживалась съ тѣми порядками, которыми была наполнена жизнь всѣхъ вообще пансіоновъ въ то время, не исключая даже и самаго лучшаго, къ числу которыхъ принадлежало, какъ мы уже упомянули, учебное заведеніе, куда отдали Н. И. Костомарова. Лѣтомъ 1828 г., когда Н. И. было 11 лѣтъ, онъ былъ взятъ домой на каникулы и сдѣлался свидѣтелемъ ужасной семейной катастрофы. Его отецъ, котораго всегда онъ страстно любилъ и который вообще имѣлъ очень большое вліяніе на умственное развитіе ребенка, былъ самымъ звѣрскимъ, безчеловѣчнымъ образомъ убитъ своимъ кучеромъ и дворовыми людьми. Обстоятельство это, конечно, произвело сильное впечатлѣніе на мальчика и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало переворотъ во всей его жизни. Вдова Костомарова взяла сына изъ московскаго пансіона и помѣстила его въ пансіонъ, содержимый учителями Воронежской гимназіи, гдѣ, впрочемъ, Костомаровъ пробылъ также очень недолго и перешелъ въ гимназію. Тогдашній курсъ гимназіи продолжался четыре года и Костомаровъ, окончивъ его 16 лѣтъ, 17-ти уже поступилъ въ Харьковскій университетъ. Въ первые годы своего пребыванія въ университетѣ, Н. И.



Николай Ивановичъ Костомаровъ. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

особенно охотно занимался латинскимъ языкомъ и лишь на послѣднемъ курсѣ, преимущественно подъ вліяніемъ профессора Лунина, только что пріѣхавшаго тогда изъ заграницы, пріобрѣлъ любовь къ занятіямъ историческимъ. Вскорѣ послѣ окончанія университетскаго курса, въ 1836 г., будущій историкъ поступилъ въ драгунскій полкъ юнкеромъ; военная карьера его, впрочемъ, была непродолжительна: его уволили изъ полка „по неспособности" и Н. И., все болѣе и болѣе чувствуя въ себѣ призваніе къ историческимъ занятіямъ, бросилъ окончательно мысль о военной службѣ, еще такъ недавно его увлекавшей, и записался вольнослушателемъ въ Московскій университетъ, блиставшій уже и въ то время своей славой и имѣвшій такихъ профессоровъ какъ Каченовскій, Погодинъ, Шевыревъ. Занимаясь исторіей, Костомаровъ принялся, съ особеннымъ рвеніемъ, за чтеніе и изученіе народныхъ памятниковъ и остановился на малороссійскихъ пѣсняхъ; у него явилась мысль посвятить себя изученію малорусской народности и плодомъ этого изученія было первое сочиненіе Н. И., появившееся въ 1838 году на малорусскомъ языкѣ. подъ названіемъ „Сава чалый". Вскорѣ онъ представилъ диссертацію на степень магистра исторіи „объ уніи". Къ этому же времени относится начало занятій Н. И. Костомарова „Богданомъ Хмѣльницкимъ" и собраніе народныхъ пѣсенъ на Волыни, въ бытность Костомарова въ городѣ Ровно учителемъ гимназіи. Въ 1845 году онъ перешелъ преподавателемъ исторіи въ Кіевскую гимназію, а потомъ приглашенъ былъ въ университетъ для занятія каѳедры русской исторіи; въ университетѣ Н. И. оставался недолго и скоро переѣхалъ на житье въ Саратовъ, гдѣ пробылъ съ 1848 по 1859 г. Все это время онъ работалъ надъ собраніемъ и обработкою матеріаловъ для своихъ историческихъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, „Бунтъ Стеньки Разина", „Богданъ Хмѣльницкій" и др., появившись въ печати, сразу доставили автору ихъ громкую и почетную извѣстность. Въ 1859 году Петербургскій университетъ пригласилъ Николая Ивановича на каѳедру русской исторіи, которую онъ занималъ до 1861 г., постоянно пользуясь самымъ искреннимъ и полнымъ сочувствіемъ слушателей. Съ этого времени Николай Ивановичъ посвятилъ себя исключительно историческимъ работамъ и, оставя чтеніе лекцій въ университетѣ, написалъ много замѣчательныхъ вещей, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежатъ: „Сѣвернорусскія народоправства", „Исторія смутнаго времени", нѣкоторыя отдѣльныя монографіи и „Послѣдніе годы рѣчи посполитой". До кончины своей престарѣлой матери, умершей въ 1875 году, около восьмидесяти лѣтъ отъ роду, Николай Ивановичъ оставался холостымъ. Смерть матери, говоритъ Д. Мордовцевъ, близко стоявшій въ то время къ Костомарову, оставила Н. И. не только одинокимъ, но и безнадежно, повидимому, больнымъ; онъ находился въ жесточайшемъ тифѣ, и врачи не надѣялись уже на его выздоровленіе, однако заботами одного изъ друзей Костомарова, Н. И. Катенина, онъ былъ спасенъ отъ грозившей ему смерти. Весною 1875 г., оправившись отъ болѣзни, Н. И. Костомаровъ женился на своей прежней невѣстѣ, бракъ съ которой случайно для него разстроился въ 1847 году и которая уже овдовѣла къ 1875 году. По свидѣтельству друзей Н. И., она, узнавъ о его безнадежномъ состояніи и о смерти его матери, прибыла въ Петербургъ, съ цѣлью оказать Николаю Ивановичу какую будетъ возможно помощь, и Н. И. Катенинъ передалъ ей заботы о выздоравливающемъ. Такимъ образомъ, черезъ 28 лѣтъ послѣ помолвки, она стала служить престарѣлому Николаю Ивановичу и въ качествѣ друга и помощника въ его ученыхъ трудахъ и въ качествѣ чтеца и секретаря, для историка, который, съ ослабленіемъ зрѣнія и упадкомъ жизненныхъ силъ, при полномъ сохраненіи силъ духовныхъ, требуетъ заботливыхъ попеченій.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ.

### Вс. Соловьева.

### ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

#### I.

И стали проходить годы. Русская Пульхерія Августа самовластно управляла государствомъ. Тяжела и велика была задача, которую она взяла на себя, но велики были и ея силы.

Достигнувъ власти, уничтоживъ враговъ своихъ, Софья не сложила руки, не позволила себѣ отуманиться исполненіемъ честолюбивыхъ своихъ плановъ. Она начала работать безъ устали, показывала всѣмъ примѣръ кипучей, изумительной энергіи. Страшными средствами добившись власти, она рѣшила, что должна быть достойной этой власти.

Дѣла было много. Отецъ и братъ оставили государство въ тяжелое для него время... и внутри и извнѣ приходилось многое улаживать.

Россія, усиліями передовыхъ людей послѣдняго времени, уже двинулась на новый путь: выходила изъ Азіи и приближалась къ Европѣ. Русское общество дѣлилось на двѣ части, на людей новыхъ, стремящихся впередъ, и людей стараго закала, съ ужасомъ глядящихъ на это стремленіе и тянущихъ назадъ.

И эта разноголосица, эта борьба сказывалась рѣшительно во всемъ, между прочимъ и въ религіозномъ вопросѣ: расколъ множился. То здѣсь, то тамъ—и по далекимъ округамъ, и въ сердцѣ Россіи, въ самой Москвѣ, учители и поборники старой вѣры начинали смущать народъ; привлекали къ себѣ не только черный людъ, но и многихъ, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ правительству. Все войско, и по преимуществу полки стрѣлецкіе были привержены старой вѣрѣ и находили поддержку въ своемъ новомъ начальникѣ, князѣ Хованскомъ.

Первое трудное дѣло, предстоявшее Софьѣ, была именно побѣда надъ раскольниками.

Едва окончилась Московская смута, едва царевна приняла бразды правленія, какъ всемогущіе стрѣльцы вздумали требовать возвращенія старой вѣры.

Набравъ раскольниковъ монаховъ, поддерживаемые народомъ, стрѣльцы начали опять являться въ Кремль, принудили царевну согласиться на торжественный споръ о вѣрѣ между патріархомъ и духовенствомъ съ одной стороны и расколоучителями съ другой. И это былъ не мирный споръ, а такое собраніе, которое грозило окончиться новымъ бунтомъ и новою рѣзнею.

Софья не смутилась, допустила расколоучителей въ Грановитую Палату, сама присутствовала при религіозномъ состязаніи и выказала впродолженіе его всѣ богатства своего разума, всю силу своей энергіи. Раскольничьи ораторы должны были удалиться, ничего не добившись; новый замыселъ стрѣльцовъ и Хованскаго рушился—дѣло обошлось безъ кровопролитія.

Царевна снова торжествовала; но она теперь убѣдилась самымъ нагляднымъ образомъ, что не можетъ разсчитывать на завтрашній день до тѣхъ поръ, пока стрѣльцы не будутъ приведены въ повиновеніе. Она убѣдилась, что одинъ изъ людей, котораго она считала вполнѣ ей преданнымъ и который дѣйствительно принесъ ей много пользы, Тараруй-Хованскій, превратился въ самаго опаснаго для нея человѣка. Не довольствуясь виднымъ положеніемъ, которое предоставила ему царевна, онъ началъ заноситься слишкомъ высоко. Его легкомысліе, тщеславіе, легкость, съ которой онъ принималъ самыя смѣлыя рѣшенія, съ которой пользовался самыми позорными средствами для достиженія своихъ цѣлей—заставляли опасаться его не на шутку. Къ тому же онъ окончательно вооружилъ противъ себя царевну тѣмъ, что началъ враждовать съ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, силился, при всякомъ случаѣ, подставить ему ногу. Наконецъ его обращеніе съ самою Софьею становилось неприличнымъ — онъ позволялъ себѣ такой тонъ, что царевна вся вспыхивала отъ уязвленной гордости и самолюбія.

Зазнавшійся царедворецъ долженъ былъ испытать на себѣ гнѣвъ и опалу, но дѣло въ томъ, что Хованскій

былъ теперь не простымъ царедворцемъ; у него въ рукахъ находилась страшная сила—стрѣльцы, вполнѣ ему преданные. Подступиться къ нему нужно было осторожно, чтобы не рисковать ничѣмъ.

Онъ ужъ хорошо видѣлъ, что имъ недовольны и что многіе противъ него замышляютъ, но пока войско было за него, ему нечего было бояться и онъ самодовольно всюду твердилъ:

— „Не легко меня уничтожить, а коли меня не станетъ, то въ Москвѣ будутъ по колѣна ходить въ крови“.

Конечно его смущала рѣшительность Софьи, къ тому же онъ по опыту зналъ какъ легко способны стрѣльцы подчиняться всевозможнымъ внушеніямъ: сегодня они находятся подъ его вліяніемъ, завтра найдется ловкій человѣкъ и это вліяніе уничтожится. И онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы разорвать всякую связь между стрѣльцами и остальными русскими людьми, чтобъ возбудить въ нихъ ненависть къ боярамъ, чтобъ они знали только одного его и одного его слушались. Онъ достигалъ этого; стрѣлецкія возмущенія долго не прекращались.

Послѣ страшныхъ майскихъ дней стрѣльцы чувствовали себя очень неловко. Они всего добились: они распорядились судьбою государства, получили почетное названіе дворцовой надворной пѣхоты, засыпаны и милостями и деньгами. Въ Кремлѣ, по ихъ настоянію, былъ воздвигнутъ столбъ, на которомъ написаны имена всѣхъ казненныхъ ими бояръ и вины ихъ, какъ доказательство правды стрѣлецкой. Теперь они распоряжаются какъ хотятъ, всѣ имъ послушны, всѣ ихъ боятся—но они знаютъ до какой степени ихъ и ненавидятъ, знаютъ, что, при первомъ удобномъ случаѣ, эта всеобщая къ нимъ ненависть всплыветъ и начнется имъ отмщеніе. По этому они и были безпокойны, раздражены, волновались отъ всякой малости. При каждомъ темномъ слухѣ имъ казалось, что ужъ начинается ихъ наказаніе, что близится ихъ погибель.

Такъ явились они большою толпою 12-го Іюля 1682 года въ Кремль и требовали, чтобы имъ выдали всѣхъ бояръ безъ исключенія. Когда ихъ стали спрашивать: „за что? что имъ сдѣлали бояре?“ они отвѣчали, что крещеный татарскій царевичъ Матвѣй слышалъ во дворцѣ будто бояре хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ перевести, поморить разными смертями.

Царевича схватили, пытали, онъ сознался что ничего подобнаго не слыхалъ, а затѣялъ дѣло единственно отъ того, что ему корму мало и честь невелика, такъ думалъ, что если случится отъ его словъ смута, то честь онъ получитъ большую.

Его четвертовали; но стрѣльцы не успокоились.

Вслѣдъ за татарскимъ царевичемъ явился посадскій изъ Ярославля, по фамиліи Бизневъ, и сталъ толковать въ слободахъ тоже самое, что и татаринъ.

Бизневу отсѣкли голову, но послѣ него выискался холопъ дворянина Вишнякова и объявилъ, что его господинъ со своимъ сыномъ, бывшимъ стрѣлецкимъ полковникомъ, сбираютъ на стрѣльцовъ войско, боярскихъ людей нанимаютъ, по двадцати человѣкъ на каждаго стрѣльца. Стрѣльцы схватили Вишнякова съ сыномъ, пытали ихъ такъ, что старый Вишняковъ и умеръ на пыткѣ.

И такъ продолжалось до осени.

16-го Августа Хованскій принесъ царевнѣ челобитную стрѣльцовъ, въ которой они просили, чтобъ для нихъ брать съ волостей подможныя деньги, по двадцати пяти рублей на человѣка.

Требованіе было черезъ чуръ незаконно и царевна съ боярами не могли рѣшиться удовлетворить его. Тогда Хованскій вышелъ къ стрѣльцамъ и сказалъ имъ:

„Дѣти, знаете, что бояре ужъ грозятъ и мнѣ за то, что я хочу вамъ добра, такъ стало быть дѣлать мнѣ нечего, ужъ вы сами какъ хотите, такъ и промышляйте“.

Объ этихъ словахъ донесли царевнѣ. Она ужаснулась. „Такъ вотъ чѣмъ кончается! Тараруй ужъ прямо взываетъ къ бунту!“ Но еще пуще царевны встревожился Милославскій. Онъ началъ увѣрять Софью, что положеніе ихъ становится крайне опаснымъ, что Хованскій замышляетъ ихъ гибель для того, чтобъ овладѣть престоломъ, что онъ выставляетъ свое царственное происхожденіе отъ Гедимина и хочетъ женить своего сына на царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Трудно рѣшить, дѣйствительно ли Тараруй питалъ въ себѣ подобные замыслы, или все это только пригрезилось Милославскому. Но, какъ бы то ни было, царевна рѣшила, что нужно скорѣй покончить съ этимъ новымъ соперникомъ. А Милославскій, опасаясь участи Матвѣева, тайно уѣхалъ изъ Москвы, переѣзжалъ изъ одной слободы въ другую, скрывался „какъ подземный кротъ“ и посылалъ одного гонца за другимъ къ Софьѣ, убѣждая ее не медлить и скорѣй какъ можно предпринять что нибудь рѣшительное.

20-го Августа разнеслась вѣсть по Москвѣ, что все царское семейство уѣхало въ Коломенское. Стрѣльцы испугались: „уѣхали цари и приведутъ на насъ дворянское войско.

Черезъ три дня послали они въ Коломенское выборныхъ съ оправданіями и увѣреніями, что никакихъ смутъ они не затѣваютъ и просьбою, чтобы цари вернулись въ Москву.

Имъ отвѣчали, что объ нихъ вовсе и не думаютъ, что великіе государи переѣхали въ Коломенское по своему собственному желанію, какъ и прежде это часто водилось.

Выборные постояли, помялись, почесали себѣ затылки и вернулись ни съ чѣмъ.

Стрѣльцы, видя, что дворянское войско не идетъ на нихъ, нѣсколько успокоились. Но Хованскому захотѣлось напугать царевну, показать ей, какъ она нуждается въ стрѣльцахъ, а слѣдовательно и въ немъ. Онъ поѣхалъ въ Коломенское и сталъ всѣмъ разсказывать: „приходили ко мнѣ новгородскіе дворяне и говорили, что хотятъ идти въ Москву бить челомъ о заслуженномъ жалованьи и на Москвѣ всѣхъ сѣчь безъ выбора и безъ остатка“.

Царевна, не теряя хладнокровія, отвѣчала, что въ такомъ случаѣ нужно разобрать это дѣло, въ Москвѣ объ этомъ объявить всенародно, а въ Новгородъ послать царскую грамоту.

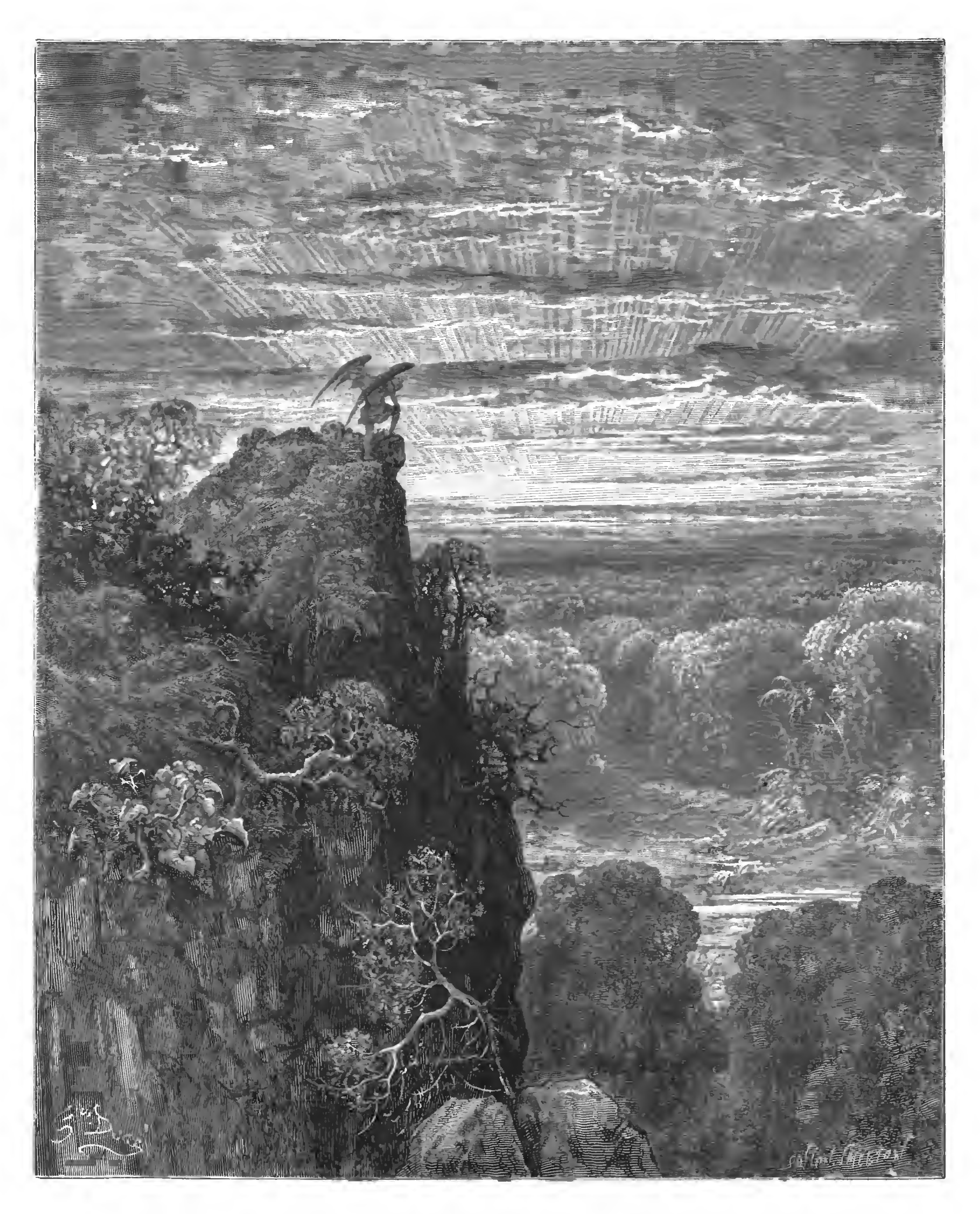
Хованскій, не ожидавшій такой смѣлости, смутился и началъ упрашивать не дѣлать этого, не вводить его въ бѣду.

Черезъ нѣсколько дней, Софья отправила къ Хованскому указъ, чтобы онъ прислалъ въ Коломенское стремянной полкъ.

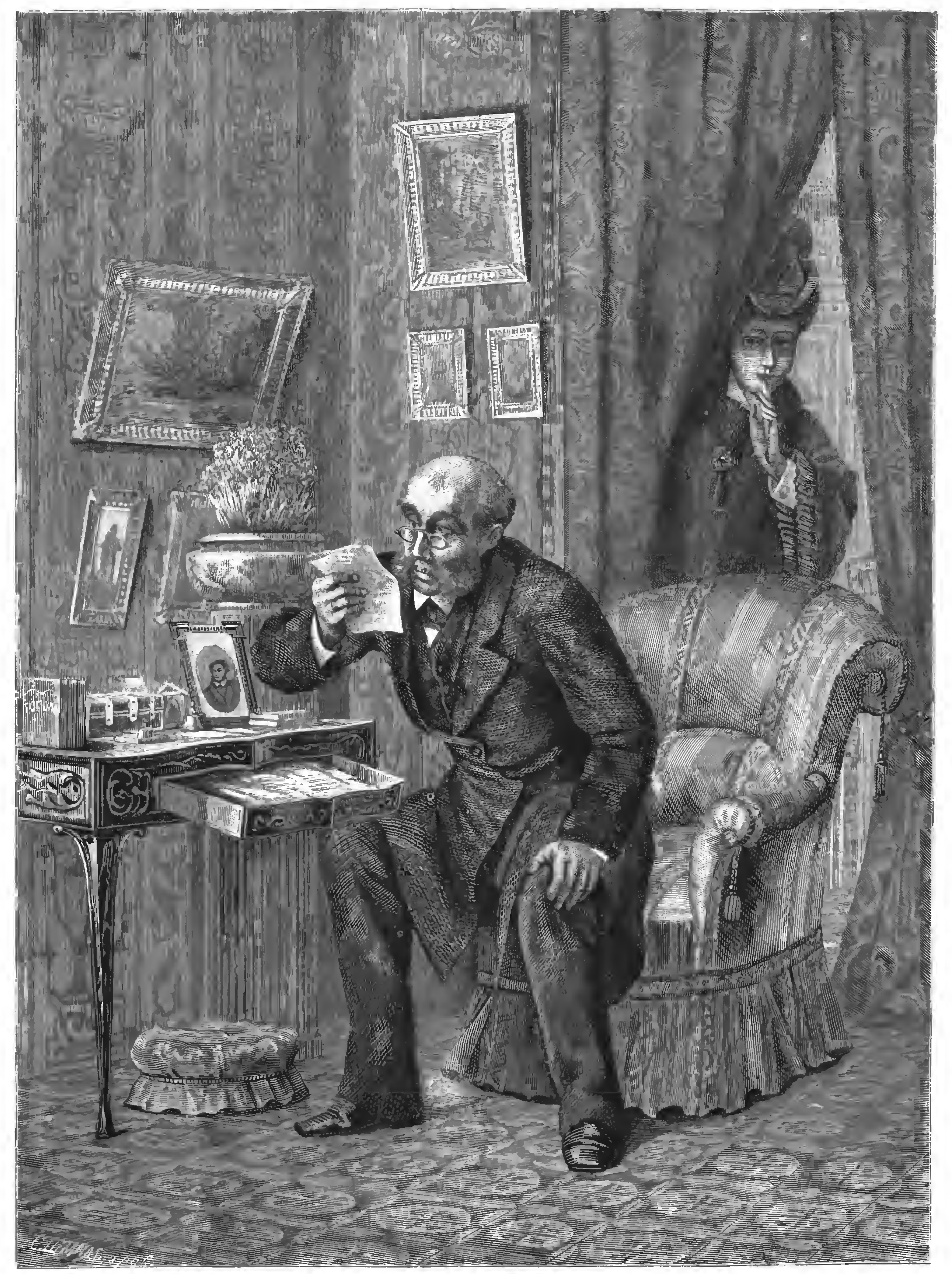
Но Тараруй боялся этого—стремянной полкъ былъ ближе всѣхъ къ государямъ и болѣе другихъ находился подъ вліяніемъ правительницы. Отправитъ онъ этотъ полкъ и этимъ дастъ возможность Софьѣ удержать его при себѣ и дѣйствовать посредствомъ его на другіе полки. Онъ ослушался указа и долго не высылалъ полкъ.

Между тѣмъ время шло, наступило и 1-ое Сентября, празднованіе Новаго года по тогдашнему счисленію. Цари неизбѣжно всегда присутствовали при этомъ торжествѣ, но вотъ они остались въ Коломенскомъ; при церемоніи никого не было. Народъ московскій не могъ этого не замѣтить и заволновался. Всѣ въ ужасѣ начали передавать другъ другу, что, значитъ, будетъ новый стрѣлецкій бунтъ, что цари ужъ не смѣютъ и показываться, боясь что ихъ убьютъ.

Странное зрѣлище представляла Москва: горожане трепетали передъ стрѣльцами, стрѣльцы трепетали передъ горожанами, такъ какъ и между ними ходилъ слухъ, что на дняхъ имъ будетъ месть отъ боярскихъ людей, которые нападутъ на нихъ, перебьютъ ихъ самихъ и женъ ихъ и дѣтей.



**Изъ поэмы Мильтона „Потерянный Рай“** (пѣснь IV). **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.**
**Сатана на горѣ передъ дикимъ лѣсомъ, окружающимъ Рай.** Ориг. рис. **Густава Дорэ,** грав. Паннемакеръ.



**Нечаянное открытіе.** Ориг. рис. А Кившенко, грав. Э. Шмидтъ.

Начиная со 2-го Сентября, царское семейство стало переѣзжать изъ одного села въ другое. Наконецъ 14-го числа остановилось въ селѣ Воздвиженскомъ. Цари приказали прибыть въ Воздвиженское изъ Москвы всѣмъ боярамъ, окольничьимъ, думнымъ людямъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ.

17 Сентября, въ день имянинъ царевны-правительницы, село Воздвиженское было переполнено знатью. Софья задала большой пиръ, изъ своихъ рукъ угощала гостей водкою, а послѣ трапезы объявила всѣмъ присутствовавшимъ, что нужно потолковать о важномъ дѣлѣ.

Думный дьякъ началъ подробное чтеніе о винахъ князя Ивана Хованскаго и сына его Андрея.

Выслушавъ дьяка, государи и правительница приговорили Хованскаго къ смертной казни. Тотчасъ же былъ посланъ князь Лыковъ, съ большимъ отрядомъ, схватить приговоренныхъ.

Таратуй не ожидалъ себѣ гибели. Онъ находился въ селѣ Пушкинѣ; тамъ его и схватили. Сына его, Андрея, нашли въ одной изъ подмосковныхъ. Прочли Хованскимъ всѣ тяжкія вины; они оба оправдывались, плакали, умоляли, чтобъ имъ дана была возможность имѣть очныя ставки. Но ихъ не слушали, торопились исполненіемъ приговора. Не случилось палача, такъ стрѣлецъ изъ стремяннаго полку заступилъ его мѣсто. Обоихъ Хованскихъ *повершили* на площади, у большой Московской дороги.

Но кромѣ казненнаго Андрея, у Таруя былъ еще другой сынъ, Иванъ.

Онъ убѣжалъ изъ Воздвиженскаго, явился ночью къ стрѣльцамъ и объявилъ, что отца его и брата казнили безъ указа великихъ государей, что бояре хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ перерубить, по дорогѣ наставлены всякіе чиновные люди съ оружіемъ, придутъ на Москву и подожгутъ дворы стрѣлецкіе.

Стрѣльцы вооружились, заняли Кремль и приготовились къ защитѣ. Но въ нихъ уже не было прежней смѣлости, всѣ они были страшно перепуганы.

Между тѣмъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ собралъ изъ всѣхъ ближнихъ городовъ служилыхъ людей и вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ переѣхалъ въ Троицкій монастырь, который былъ приведенъ въ осадное положеніе.

Стрѣльцы прислали Чудовскаго архимандрита Адріана просить государей вернуться въ Москву и увѣряли, что у нихъ нѣтъ дурнаго умысла.

Царевна отвѣчала, чтобъ стрѣльцы служили вѣрно, никакихъ безчинствъ въ Москвѣ не дѣлали и ни во что не вмѣшивались, что казнь Хованскихъ до нихъ не касается, такъ какъ Хованскіе казнены за измѣну. Если будутъ они служить вѣрно, то съ ними дурного ничего не будетъ.

Между тѣмъ къ Троицѣ съ каждымъ днемъ собиралось болѣе и болѣе вооруженныхъ служилыхъ людей.

Ободренная сознаніемъ своей силы, Софья грозно приняла стрѣлецкихъ выборныхъ и стала требовать отъ стрѣльцовъ полнаго покаянія. Они обѣщались исполнить все, что отъ нихъ требуютъ. Патріархъ приводилъ ихъ въ Успенскомъ соборѣ къ крестному цѣлованію и они обѣщали желать государямъ добра и не щадить для нихъ головъ своихъ; Ивана Хованскаго выдали. Его привезли въ Троицкій монастырь, прочли ему смертный приговоръ, положили на плаху, но помиловали и ограничились одною ссылкой.

Въ началѣ Ноября все было тихо. Царское семейство вернулось въ Москву и когда оно въѣзжало въ Кремль, то уже на красной площади не было знаменитаго столба, поставленнаго стрѣльцами; его сломали.

Царевна торжествовала еще разъ. Стрѣльцы снова превращались въ скромныхъ и послушныхъ воиновъ. На мѣсто Таруя ихъ начальникомъ былъ сдѣланъ бывшій думный дьякъ Шакловитый, вполнѣ преданный правительницѣ.

## II.

Успокоившись относительно стрѣльцовъ, водворивъ въ Москвѣ возможные тишину и порядокъ, царевна обратила свое вниманіе на дѣла внѣшнія. Она употребила всѣ возможныя мѣры для поддержанія добрыхъ и дружественныхъ отношеній съ разными дворами западной Европы.

Въ этой мирной работѣ у нея явился неоцѣнимый помощникъ въ лицѣ ея друга, Василія Васильевича Голицына. Въ дни бунта и кровопролитія онъ оставался въ тѣни и бездѣйствовалъ, но когда понадобились труды разумнаго образованнаго человѣка, тогда онъ сталъ на первое мѣсто.

Голицынъ нисколько не похожъ былъ на остальныхъ бояръ и сановниковъ, окружавшихъ Софью. Принадлежа къ старой Россіи только по имени, онъ былъ совершенно новымъ человѣкомъ. Лишившись еще въ дѣтствѣ отца, онъ остался на рукахъ матери, которая, вопреки обычаю и взглядамъ того времени, употребила всѣ старанія, чтобы серьозно воспитать и образовать его.

Онъ много учился; прекрасно зналъ греческій, латинскій и нѣмецкій языки, исторію и географію. Любознательный, способный, все на лету схватывавшій, онъ пристрастился къ наукамъ и въ теченіи всей своей жизни, во всѣхъ обстоятельствахъ, каждую свободную минуту посвящалъ чтенію.

Явившись при дворѣ, онъ не могъ не обратить на себя вниманія и пошелъ быстро въ гору. Царь Ѳеодоръ пожаловалъ его въ бояре и потомъ послалъ воевать на Украинскую границу противъ Дорошенки. Здѣсь Василій Васильевичъ выказалъ сразу свои блестящія способности. Видя, что невозможно взять Дорошенку силою, онъ пустилъ въ ходъ дипломатическій пріемъ: успѣлъ убѣдить мятежнаго гетмана сдаться и былъ за это пожалованъ царемъ Ѳеодоромъ гетманской булавою.

По возвращеніи въ Москву, Голицынъ оказался героемъ дня. Царь встрѣтилъ его необыкновенно милостиво. Царедворцы, наперерывъ другъ передъ другомъ, разсыпались въ льстивыхъ фразахъ, задавали ему пиры, всячески чествовали. Но кромѣ всѣхъ этихъ почестей Василія Васильевича ожидало и другое счастье: царевна Софья обратила на него свое вниманіе. Живая и горячая, естественно искавшая равнаго себѣ человѣка, она не могла не плѣниться Голицынымъ. Онъ былъ головою выше всего, что ее окружало. Его разумныя рѣчи каждый разъ западали ей въ сердце. Она не долго боролась съ собою. Голицынъ скоро узналъ объ ея чувствѣ и, конечно, не отказывался отъ такого счастья.

Онъ зналъ царевну еще почти ребенкомъ, на его глазахъ выростало и развивалось это прекрасное и во всѣхъ отношеніяхъ такъ богато одаренное природою созданіе. До сихъ поръ онъ издали восхищался ею, теперь же, когда пропасть, ихъ раздѣлявшая, оказалась несуществующею, онъ на всегда и беззавѣтно отдалъ ей свое сердце. У него было семейство, была жена, но нарушенный долгъ, вина передъ этой женою не смущали его совѣсть. Ему легко было оправдаться—не онъ выбралъ себѣ подругу. Еще въ первый молодости его, мать сосватала ему невѣсту, которую онъ разглядѣлъ только тогда, когда она стала его женою.

Выборъ старой княгини оказался неудачнымъ. Жена Василья Васильевича была заурядной русской боярышней, выросшей въ теремѣ среди полнаго мрака невѣжества, да и отъ природы она не отличалась ни разумомъ, ни богатствомъ сердца.

Съ перваго же дня супружеской жизни двадцатилѣтній юноша почувствовалъ себя очень несчаст-

нымъ. Между нимъ и женою не было ровно ничего общаго—они никогда не могли понять другъ друга. Но дѣлать было нечего и Василій Васильевичъ углубился въ свои занятія и, отдавая себя общественной дѣятельности, старался только какъ можно рѣже посѣщать свой теремъ.

Однако и въ этой неудачной женитьбѣ ему была удача: его молодая княгиня, крайне апатичная, не умѣвшая оцѣнить его, не способная на горячую привязанность, была къ нему равнодушна. Ему не пришлось испить горькую чашу упрековъ, равности и всего того яду, изливать который способна праздная женщина, считающая себя обиженной. Княгиня не навязывалась, ни разу не упрекала его за его постоянныя отлучки изъ дому. Въ сущности она даже рада была этимъ отлучкамъ, потому что въ его присутствіи ей всегда бывало какъ то тяжело. Она инстинктивно понимала, что они люди совершенно различныхъ міровъ; она только стояла на томъ, чтобы внѣшность была соблюдена, чтобъ люди не указывали на нее пальцами. И это требованіе Василій Васильевичъ, искренно благодарный ей за то, что она оставляетъ его въ покоѣ и не мучаетъ, исполнялъ безпрекословно. Въ рѣдкихъ своихъ сношеніяхъ съ нею, онъ являлся внимательнымъ, добрымъ мужемъ, не позволялъ себѣ никакихъ рѣзкихъ выходокъ, никогда не бранился и не дрался, какъ обыкновенно дѣлали въ то время и такіе мужья, которые были очень довольны своей супружеской жизнью.

Такъ шли годы; у Голицына выростали дѣти, жена его старѣлась. Она не стояла ему поперегъ дороги, такъ какъ ни разу не забилось его сердце серьознымъ чувствомъ.

Теперь, когда онъ полюбилъ Софью, совершенно новая жизнь началась для него, началось такое счастье, о которомъ онъ никогда и не помышлялъ, не вѣрилъ даже, что оно и существуетъ на свѣтѣ - такъ гдѣ же тутъ было думать о грѣхѣ, о нарушенномъ долгѣ.

Но, отдаваясь этому новому счастью, онъ продолжалъ свою прежнюю дѣятельную жизнь, по прежнему работалъ и даже еще усиленнѣе: онъ хотѣлъ быть достойнымъ любви царевны.

Во время своей службы на украинской границѣ онъ близко познакомился съ состояніемъ русской арміи, ясно видѣлъ всѣ недостатки ея организаціи и необходимость коренныхъ преобразованій. Онъ рѣшился говорить объ этомъ царю и разумный Ѳедоръ, согласившись съ его взглядами и одобривъ его планы, поручилъ ему сдѣлать преобразованія въ составѣ и управленіи войска.

Работая надъ этимъ, вдумываясь въ причины слабой дисциплины, плохаго управленія, а по этому и плохихъ успѣховъ русской арміи, Голицынъ невольно долженъ былъ дойти до вопроса о мѣстничествѣ.

Онъ понялъ, что необходимо издать немедленно законъ, по которому бы всякія должности были доступны не однимъ только членамъ знатныхъ родовъ, а всякому разумному и талантливому человѣку.

Царь Ѳедоръ, которому давно ужъ было противно мѣстничество, съ радостью одобрилъ мысль Голицына. Былъ собранъ соборъ, на которомъ положено сжечь разрядныя книги. Это дѣло, одно изъ великихъ дѣлъ въ нашей исторіи, совершенное по мысли Голицына и при его ближайшемъ участіи, вооружило противъ него огромное большинство тогдашнихъ бояръ, всецѣло проникнутыхъ старымъ духомъ. Теперь же, во время правленія Софьи, эта ненависть дошла до высшихъ предѣловъ, но пока враги были безсильны—уничтожить Голицына, значило уничтожить Софью, а Софья держалась крѣпко.

Но первое время сознанія своего торжества и счастья ужъ прошло для нея и хотя она не теряла энергіи, но съ грустью видѣла, какъ тяжело, какъ опасно то высокое, доселѣ неслыханное на Руси положеніе, которое она себѣ приготовила.

Она не могла не сознавать себя одинокою, она знала, что пройдетъ еще нѣсколько времени, выростетъ и окрѣпнетъ младшій изъ царей, Петръ Алексѣевичъ, и дѣло рукъ ея рухнетъ. На его сторонѣ всѣ враги Голицына, то есть почти всѣ бояре, у нея же совсѣмъ нѣтъ союзниковъ; Милославскіе не одарены никакими особенными качествами. Самый ловкій изъ нихъ, сыгравшій такую видную роль при ея возвышеніи, Иванъ Михайловичъ, уже умеръ.

Страшныя мысли приходятъ иногда царевнѣ, но она ихъ гонитъ, гонитъ неустанной работою, и онѣ исчезаютъ—эти страшныя мысли. Нечего думать о завтрашнемъ днѣ—сегодняшній прекрасенъ. Уже видны многія благія послѣдствія разумныхъ начинаній. Работа не пропадаетъ даромъ—благодатная работа объ руку съ милымъ другомъ Васенькой. Появляется онъ—и радуется сердце царевны, и она ужъ не одна. Забыты ихъ общіе враги, все дурное и тревожное забыто! Сладко послѣ дѣятельныхъ дней отдаться свѣтлымъ грезамъ и спѣшатъ, наплываютъ со всѣхъ сторонъ эти грезы.

Но вотъ нужно разстаться царевнѣ и съ милымъ другомъ—благо родины требуетъ отъ него новой ратной службы. Царевна видитъ себя принужденною объявить походъ на Крымъ—земля русская не въ силахъ сносить долѣе татарскихъ обидъ и униженій: крымцы ни откуда не выводятъ такого количества плѣнныхъ, какъ изъ Россіи; христіанъ продаютъ какъ скотъ, ругаются надъ вѣрой православною. Царство русское платитъ имъ, бусурманамъ, ежегодную дань и терпитъ за это стыдъ и укоризну отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ этою данью все же не охраняетъ, потому что ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ гонцовъ, раззоряетъ русскіе города; отъ турецкаго султана управы на него нѣтъ никакой.

Тяжело Голицыну разстаться съ Москвою и съ царевной. Онъ знаетъ, что оставить ее среди многихъ тайныхъ недоброжелателей опасно, но некому поручить походъ, побѣдить татаръ, завоевать Крымъ. Такое дѣло принесетъ Россіи громадныя выгоды и пользу, покроетъ громкою славою и его и Софью,—но какъ знать, удастся ли походъ или нѣтъ? Пожалуй лучше остаться въ Москвѣ у кормила правленія.

И вотъ долго размышляя, стараясь изъ двухъ золъ выбрать меньшее, Голицынъ уже толкуетъ царевнѣ о томъ, чтобы въ походъ противъ татаръ назначить кого нибудь другого. Но бояре настаиваютъ на томъ, чтобы онъ принялъ начальство надъ войскомъ.

Они хорошо знаютъ какія препятствія онъ долженъ встрѣтить, хорошо знаютъ, какъ онъ будетъ униженъ неудачею.

Дѣлать нечего, хоть и противъ воли, а нужно согласиться. День за день откладываетъ Софья отъѣздъ своего друга: не наговорится съ нимъ, не наглядится на него. Но наконецъ нужно разстаться.

Ратные люди, хоть съ большимъ трудомъ, но собраны; всего войска сто тысячъ.

Съ тяжестью въ сердцѣ, употребляя всѣ усилія своей воли, чтобы не выказать своей тревоги и тоски передъ посторонними, царевна провожаетъ Голицына и остается одна. И вотъ теперь то ей дѣлается страшно, и вотъ теперь то приходятъ и ужъ не уходятъ черныя мысли.

А враги Голицына поднимаютъ голову, стараются придумать ему всевозможныя непріятности и только ждутъ первой вѣсти о неудачѣ похода, чтобы начать дѣйствовать рѣшительно.

Между тѣмъ долго нѣтъ никакихъ извѣстій. Царевна въ страшной тревогѣ; письмо за письмомъ посылаетъ Голицыну.

Теперь у нея одинъ только разумный собесѣдникъ—Шакловитый. На него она можетъ положиться и онъ всячески ее успокоиваетъ, старается разсѣять ея мрачныя мысли. Но не удается ему ее успокоить. Часто оставаясь одна и все поджидая вѣсти о своемъ другѣ, царевна горько, горько плачетъ и молится, старается развлечься литературными занятіями: переводитъ на языкъ русскій иностранныя книги; но часто, не дописавъ фразы, она бросаетъ перо и задумывается.

Иногда она вдругъ въ ужасѣ поднимается съ кресла, оглядывается дикими глазами. Что-жь это съ нею? Ей страшно, такъ страшно, что она бѣжитъ изъ своего уединеннаго покоя къ сестрамъ, но и это не помогаетъ. И тамъ какая-то тоска наваливается ей на сердце, томитъ какое-то предчувствіе. Иной разъ у самаго уха слышатся неясные, но страшные голоса, передъ глазами мерещится что-то. Что-жь это? или вернулись давно позабытые кровавые призраки, или исполняется предсказаніе безумной Любы Кадашевой о томъ, что она никогда и никуда не уйдетъ отъ этихъ призраковъ. Отчего до сихъ поръ они не являлись? Да и зачѣмъ теперь имъ являться? Нѣтъ, это такъ! Это пройдетъ—мертвецы безсильны. Къ этимъ мертвецамъ царевна причисляетъ Любу Кадашеву, которая, исчезнувъ послѣ стрѣлецкаго мятежа изъ терема, никогда въ него уже не возвращалась; никто не зналъ, гдѣ она и что съ нею.

Мрачное предчувствіе Софьи оправдалось: походъ князя Голицына былъ неудаченъ. Ему даже не пришлось и видѣть враговъ, татаръ — оказались другіе враги. Гетманъ Самойловичъ съ пятьюдесятью тысячами казаковъ присоединился у Самары къ войску Голицына и не успѣли они достигнуть урочища Большаго Луга, какъ вмѣсто татаръ изъ степи на нихъ помчался огонь: вся степь горѣла и Голицынъ, не смотря на невѣроятныя усилія, долженъ былъ вернуться, ничего не добившись. Потомъ оказалось, что степь зажгли не татары, а казаки же, по приказанію Самойловича, которому было невыгодно, чтобы русскіе покорили Крымъ.

Царевна радовалась возвращенію своего друга; но сознавала въ тоже время, что этотъ неудачный походъ есть для всѣхъ ихъ огромное несчастье.

Дѣло, отъ котораго столько ожидали, которое могло серьозно способствовать большей популярности и князя Голицына и Софьи—вполнѣ не удалось. Враги торжествуютъ, а тутъ еще со всѣхъ сторонъ одна за другой приходятъ дурныя вѣсти: внутри Россіи много всякихъ безчинствъ заводятъ и раскольники и дворяне помѣщики, которые превращаются въ разбойниковъ, безчинствуютъ, грабятъ, собираютъ шайки, избиваютъ духовенство.

Голицынъ работаетъ безъ устали, но всѣ понимаютъ, что дѣло какъ-то не ладится, что не долго просуществуетъ правительство Софьи.

Три долгіе года проходятъ въ постоянныхъ тревогахъ. Наконецъ Голицынъ и Софья видятъ необходимость втораго Крымскаго похода. Авось на этотъ разъ удастся достигнуть цѣли: исправить прежнія неудачи.

Въ Февралѣ 1689 года собрался Голицынъ на татаръ. Для Василья Васильевича теперь рѣшался вопросъ жизни. Онъ долженъ вернуться побѣдителемъ—иначе все погибло.

Положеніе его въ Москвѣ становилось опаснымъ. Уже было покушеніе на жизнь его, убійца бросился къ нему въ сани и едва его удержали слуги князя.

За нѣсколько дней передъ отправленіемъ въ походъ, у воротъ дома Голицына нашли гробъ съ запискою, въ которой говорилось, что если этотъ походъ будетъ такъ же неудаченъ, какъ и первый, то главнаго воеводу ожидаетъ гробъ. Всякими способами хотѣли извести Василья Васильевича. Нѣкто Иванъ *Дьяковъ* былъ схваченъ и пытанъ за то, что вынималъ у князя слѣдъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ выступилъ Голицынъ изъ Москвы въ сопровожденіи стодвѣнадцати тысячнаго войска.

III.

Началась въ Москвѣ весенняя оттепель, великій постъ кончается, близко Свѣтлое Воскресенье. Но не радостна ходитъ по своимъ покоямъ правительница Софья. Она читаетъ и перечитываетъ оффиціальное донесеніе князя Голицына царямъ о томъ, что „походу чинится замедленіе за великую стужу и за снѣгами, да и денежная казна по сіе время въ полкъ не присылана и ратнымъ людямъ: рейтарамъ и солдатамъ дать нечего“.

Это первое извѣстіе отъ войска и вотъ оно каково! Неужли и на этотъ разъ будетъ неудача?

Но не одно донесеніе смущаетъ и мучитъ Софью. Передъ нею неотступно стоитъ прекрасное, молодое лицо, съ быстрыми огненными глазами. Эти глаза обращены на нее съ негодованіемъ, въ ея ушахъ звенитъ фраза: „Опять послали неудачника! Только срамъ государству устраиваете.“ Слова эти сказалъ молодой царь Петръ Алексѣевичъ по прочтеніи донесенія Голицына, сказалъ громко, во всеуслышаніе, такимъ грознымъ и въ то же время насмѣшливымъ тономъ, что Софья едва сдержала себя.

До сихъ поръ онъ никогда не говорилъ такъ, а если заговорилъ, такъ значитъ начинаетъ чувствовать свою силу. Да, много времени прошло—маленькій мальчикъ превратился въ крѣпкаго юношу. До сихъ поръ онъ почти на глаза не попадался—все больше жилъ съ матерью въ селѣ Преображенскомъ, заводилъ глупыя игры, набиралъ себѣ сорванцовъ мальчишекъ. Но вотъ и онъ выросъ, выросли и его потѣшные мальчишки. Шакловитый ужъ не разъ доносилъ Софьѣ о томъ, что эти потѣшные отлично вымуштрованы, отлично вооружены и, вслучаѣ чего, могутъ быть очень опасны и нѣтъ никакой возможности разогнать ихъ, да еслибъ и можно было теперь къ чему нибудь придраться, такъ онъ не позволитъ.

— Всѣ, всѣ за него! въ ужасѣ подумала Софья. Если Богъ не поможетъ Васенькѣ, все на меня поднимется.

Она подошла къ столу и приготовилась писать письмо Голицыну, но перо остановилось, невольныя слезы падали на бумагу, жалко было взглянуть теперь на Софью.

Она сидѣла передъ тѣмъ же столомъ, за которымъ когда то такъ прилежно училась. Ее окружали ея неизмѣнныя, любимыя книги. Все въ ея рабочей комнатѣ было какъ прежде, она одна измѣнилась. Быстро прошла ея молодость. Ей только что исполнилось тридцать лѣтъ, но на видъ она казалась старѣе. Ужь начала меркнуть чудная красота ея; вокругъ глубокихъ синихъ глазъ образовались морщинки, отцвѣли нѣжныя румяныя щеки. Еслибъ она могла увидѣть перемѣну, такъ быстро въ ней происшедшую, то ужаснулась бы. Но давно ужъ не обращала она никакого вниманія на свою внѣшность, поглощенная дѣлами и заботами.

Осторожный стукъ раздался у двери.

Софья вздрогнула.

— Кто тамъ? тревожно спросила она.

— Это я, царевна,— приказала звать меня.

Софья узнала голосъ, подошла къ двери, замкнутой на ключъ, и отворила ее.

Вошелъ человѣкъ еще молодой и красивый съ быстрыми, но какъ то черезъ чуръ пытливыми, непріятными глазами. Одѣтъ онъ былъ въ дорогой кафтанъ расшитый на груди позументами; красивая разукрашенная тонкой рѣзьбой и мелкими каменьями сабля была пристегнута къ его поясу. Это былъ стрѣлецкій начальникъ Шакловитый, неизмѣнный и почти единственный теперь приверженецъ Софьи.

Она опять заперла за нимъ на ключъ дверь и сказала ему, чтобъ онъ садился.



**Вдохновеніе.** Картина И. П. Александра (Antigna). Рис. на деревѣ Девисъ, грав. Жоннаръ.

— Ну что? тревожнымъ голосомъ спросила Софья.

— Покамѣсть ничего хорошаго, тихо отвѣчалъ Шакловитый. Такъ, одними намеками, дѣла мы никогда не сдѣлаемъ, нужно идти на чистоту—время плохое приходитъ, больно ужъ въ городѣ идетъ ропотъ на Василья Васильевича. Еще ничего не знаютъ, а ужъ толкуютъ, что изъ похода добра не будетъ. Кричатъ:—„поморитъ-де опять Голицынъ все войско и съ пустыми руками вернется"! Конечно не сами собою выдумываютъ, все вороги твои дѣйствуютъ, такъ намъ ужъ сидѣть сложа руки не приходится.

— Знаю, что не приходится, отвѣчала Софья, но что-жь дѣлать? Твои стрѣльцы бабами стали.

Шакловитый задумался.

Онъ дѣйствительно зналъ, что подбить стрѣльцовъ на что нибудь рѣшительное теперь почти невозможно. Онъ не разъ ужъ пробовалъ заводить въ войскѣ смуту, но ничего не удавалось.

Еще два года тому назадъ, видя что дѣла царевны идутъ плохо, онъ прямо и рѣшительно говорилъ ей.

— Чѣмъ тебѣ государыня не быть, лучше царицу извести.

Софья ему на это ничего не отвѣтила тогда, но онъ видѣлъ, что этимъ молчаніемъ она даетъ ему разрѣшеніе дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится.

Собралъ онъ тогда всѣхъ начальниковъ стрѣлецкихъ и началъ говорить имъ, что слѣдуетъ написать челобитную, чтобъ Софья вѣнчалась на царство.

— Не умѣемъ мы писать челобитной, отвѣчали ему стрѣльцы.

— Объ этомъ не заботьтесь, челобитная будетъ написана...

Но стрѣльцы не поддавались.

— Пускай будетъ написана, да кому мы ее подадимъ—царямъ вѣдь? Ну старшій царевичъ ничего не скажетъ, да послушаетъ ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ.

— А коли не послушаетъ, говоритъ Шакловитый,—идите на Верхъ, задержите боярина Льва Кириллыча Нарышкина, да царскаго кравчаго князя Бориса Голицына, тогда и приметъ царь челобитную вашу.

— А патріархъ и бояре?

— Что патріархъ—патріарха можно перемѣнить. О боярахъ же и совсѣмъ не слѣдъ думать—бояре, тѣ что отпадшее зяблое дерево, развѣ простоитъ до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Стрѣльцы подумали, подумали, но такъ таки ничего рѣшительнаго и не отвѣтили Шакловитому. Уйдя же отъ него, стали толковать о томъ, что не слѣдъ имъ вступаться въ такое дѣло. Они хорошо помнили майскіе дни 82 года.

— Какъ же это,—говорили они,—опять идти намъ въ Кремль бунтомъ, смѣнять патріарха, хватать самыхъ близкихъ людей царскихъ, и зачѣмъ? Развѣ виданное дѣло, чтобъ царевны вѣнчались на царство? Нѣтъ, нечего намъ впутываться.

Но Шакловитый не отставалъ. Онъ роздалъ всѣмъ этимъ начальнымъ людямъ по пяти рублей и наказалъ имъ, чтобъ они хорошенько потолковали съ товарищами въ полкахъ. Если сдѣлаютъ дѣло, то обѣщалъ имъ богатыя милости отъ Софьи.

Они было и попробовали заговорить, но стрѣльцы ихъ и слушать не стали, такъ эта попытка ничѣмъ и кончилась

Потомъ, по совѣту Шакловитаго, царевна призвала къ себѣ какъ-то ночью нѣсколько стрѣльцовъ и начала со слезами увѣрять ихъ, что царица Наталья со своими братьями, Борисомъ Голицынымъ и патріархомъ противъ нея, царевны, бунтъ поднимаютъ.

Бывшій тутъ же Шакловитый началъ какъ будто успокоивать Софью.

— Отчего бы, говорилъ онъ, князя Бориса и Льва Нарышкина *не принять*, да и царицу можно бы *принять*,—извѣстно тебѣ государыня каковъ ея родъ и какъ она въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила...

— Жаль мнѣ ихъ—и безъ того ихъ Богъ убилъ, скромно отвѣчала Софья и ждала, что стрѣльцы скажутъ.

Но стрѣльцы очевидно не очень растрогались. Они пробормотали: „воля твоя, государыня, что изволишь то и дѣлай—ушли и опять ничего не вышло.

Потомъ ходили по полкамъ агенты Шакловитаго и толковали товарищамъ, что нужно защитить правительницу, которую хотятъ уходить враги, и что мало побить бояръ, нужно до корня добраться, нужно уходить старую царицу-медвѣдицу.

— А царь-то, отвѣчали стрѣльцы,—такъ онъ и будетъ смотрѣть, такъ и не заступится за мать свою!

— Такъ чего и ему спускать—зачѣмъ дѣло стало? Вонъ у царя Ивана Алексѣевича дверь то дровами завалили и полѣньями и царскій вѣнецъ изломали... извѣстно чьихъ рукъ это дѣло...

Но стрѣльцы упорно молчали. Они помнили какъ ихъ обманули извѣстіемъ о томъ, что Ивана Алексѣевича задушили...

— Еще одно средство испробовать нужно, государыня, сказалъ послѣ долгаго размышленія Шакловитый. Вотъ что я сдѣлаю:—попрошу-ка Шошина—сама вѣдаешь, что за тебя готовъ онъ и въ огонь и въ воду,—такъ попрошу-ка я его собрать десятка съ три людишекъ, вооружить ихъ, подъѣхать ночью къ стрѣлецкому караулу нашему, схватить десятника и избить его. А какъ будутъ бить десятника, пусть кто нибудь и крикнетъ Шошину, дескать Левъ Кирилловичъ, за что его бить-то до смерти — душа вѣдь христіанская. Въ темнотѣ Шошина не узнаютъ, примутъ за Нарышкина, авось это подѣйствуетъ.

— Попробуй, тихимъ и печальнымъ голосомъ проговорила Софья, только врядъ ли удастся.

— А не удастся—придумаю что нибудь другое. И Шакловитый даже вскочилъ со своего мѣста отъ волненія.—Говорю, царевна, мѣшкать намъ нечего! или думаешь ты, что они то не приготовляются—еще какъ! Вонъ вѣдь Петръ то Алексѣевичъ поѣхалъ въ Преображенское вчера, а сегодня туда за нимъ цѣлая орава новыхъ потѣшниковъ потянулась,—это все Меньшиковъ Алексашка вербуетъ. Встрѣтился я съ ними, идутъ молодецъ къ молодцу, кулачища у всѣхъ пудовые, идутъ—пѣсни поютъ, многіе то видно ужъ и пьяны. Что вы, спрашиваю, за люди? откуда? куда? Они видятъ кафтанъ то мой, да чай и въ лицо меня знаютъ, а шапки не ломаютъ.—Мы, говорятъ, вольные люди, а идемъ къ государю батюшкѣ царю Петру Алексѣевичу, службу ему служить,—у него житье молъ вольное, самъ онъ простой да ласковый, вино рѣкой льется. А Алексашка то Меньшиковъ передъ ними на конѣ, подбоченился, да ухмыляется. Подъѣхалъ ко мнѣ, снялъ шапку, говоритъ: „вотъ какихъ молодцовъ подобралъ я царю государю, взглянь ваша милость, поважнѣе твоихъ стрѣльцовъ будутъ. А какъ обучимъ мы ихъ съ Петромъ Алексѣевичемъ, такъ стрѣльцы то твои, какъ завидятъ насъ, сейчасъ же и пятки покажутъ". А самъ все шапку въ рукѣ держитъ, все кланяется мнѣ, а рожа у него, прости Господи, какъ у аспида какого. Такъ все сердце во мнѣ всколыхнулось, взялъ бы да и разорвалъ его на части, только что вотъ одинъ то былъ, да и то вспомнилъ, что придавить его, холопа посконнаго не трудно. да вѣдь за него Петръ Алексѣевичъ, пуще чѣмъ за брата родного встанетъ. Говорятъ, они съ Алексашкой и лягутъ вмѣстѣ и встанутъ вмѣстѣ, ѣдятъ съ одной ложки, пьютъ съ одной чарки.

Каждое слово Шакловитаго поднимало и тоску и бѣшенство въ груди Софьи.

— Нѣтъ не могу я стерпѣть этого, заговорила она наконецъ въ волненіи. Я ни о какомъ злѣ не помышляла, въ первые годы позабыла все зло, какое испытала отъ мачихи: никто не можетъ сказать, чтобъ она отъ меня терпѣла. Всего было у нея вдосталь, дѣлала, что хотѣла, — ну и оставила бы меня въ покоѣ; анъ нѣтъ, съ перваго же дня начали свои козни. Что-жь, мы молчали пока можно было, а теперь молчать не приходится.

Ты правъ, Шакловитый, дѣлай что хочешь, придумывай что хочешь, всякія хитрости,—сослужи службу, подними стрѣльцовъ, спаси меня. Вѣдь меня спасая, ты спасаешь свою голову, вѣдь случись со мной что нибудь, такъ и ты погибъ! заступиться за тебя некому—нѣтъ у тебя ни роду, ни племени.

— Знаю, отвѣчалъ Шакловитый,—надѣйся на меня государыня—все сдѣлаю, а коли стрѣльцовъ не подниму, такъ есть и другіе способы: не пожалѣть денегъ, найдутся добрые люди, непремѣнно подсыпятъ койчего твоимъ ворогамъ.

Софья вздрогнула, но промолчала, какъ будто не слышала послѣднихъ словъ Шакловитаго.

— Да и что-жь такое, продолжалъ онъ, все больше и больше волнуясь, насъ всячески извести хотятъ, а мы будемъ стоять себѣ, пальцемъ не шевельнемъ. Вонъ вѣдь они нанимали же убійцъ на князи Василія Васильевича, вынимали же слѣдъ его,—что-жь сами значитъ и научаютъ насъ какъ намъ дѣйствовать. Такъ разрѣшаешь что-ли, государыня?

Какой то страхъ, какой то ужасъ мелькнулъ въ лицѣ царевны.

Нѣсколько мгновеній она не могла отвѣтить ждавшему ея слова Шакловитому. Ея блѣдныя дрожащія руки безсильно рвали начатое ею письмо.

Семь лѣтъ тому назадъ она поклялась передъ Богомъ, поклялась передъ мощами преподобнаго Сергія всею жизнью своею загладить прежній грѣхъ свой. Она клялась, что даже кровь лютѣйшихъ враговъ ея не будетъ пролита ею. Только эта клятва и успокоила ее, только послѣ этой клятвы и стали исчезать страшные призраки, не дававшіе ей покоя, а теперь Шакловитый требуетъ ея прямого разрѣшенія на убійство, на отраву. Но что-жь ей дѣлать, когда нѣтъ другого средства? что-жь ей дѣлать, когда надъ ея головою, еще страшнѣе—надъ головою ея безцѣннаго друга, котораго она любитъ теперь даже болѣе чѣмъ когда либо, виситъ неминуемая гибель.

— Дѣлай какъ знаешь! прошептала она, махнувъ рукою.

Шакловитый поклонился и вышелъ.

(Продолженіе будетъ).

# Рабочіе и промышленные союзы въ древнемъ Римѣ

Въ средѣ настоящаго поколѣнія почти всѣхъ образованныхъ государствъ выработалось понятіе, что рабочіе и ремесленные союзы—созданія исключительно новаго времени, имѣвшія свой прототипъ въ гильдіяхъ и корпораціяхъ среднихъ вѣковъ, но такое понятіе совершенно ложно. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, можно сказать по справедливости, что ничто не ново подъ луною. Конечно существованіе подобныхъ союзовъ можетъ быть столь же древне, какъ и самый ремесленный трудъ; но вполнѣ организованными и благоустроенными являются они въ первый разъ только во время всесвѣтнаго владычества Рима подъ скипетромъ Цезарей, немного позже рожденія Спасителя. Подобныя ассоціаціи получили тогда названіе collegii или collegii fabrorum. Еще ранѣе, въ первобытный періодъ римской исторіи, встрѣчается отдаленный слѣдъ рабочихъ союзовъ. Такъ еще при Нумѣ Помпиліѣ, когда шла непрерывно ожесточенная борьба между Латинцами и Сабинянами, возникшая главнымъ образомъ вслѣдствіе извѣстнаго похищенія Сабинянокъ, этотъ мудрый законодатель, чтобы положить предѣлъ обоюдной враждѣ, раздѣлилъ оба рода не по ихъ происхожденію, но по ихъ занятіямъ на девять корпорацій. Среди многихъ полезныхъ учрежденій, которыми былъ обязанъ юный городъ Нумѣ, это учрежденіе было однимъ изъ самыхъ удачныхъ, такъ какъ ничто такъ не прекращаетъ національную рознь, какъ общій трудъ и общіе интересы.

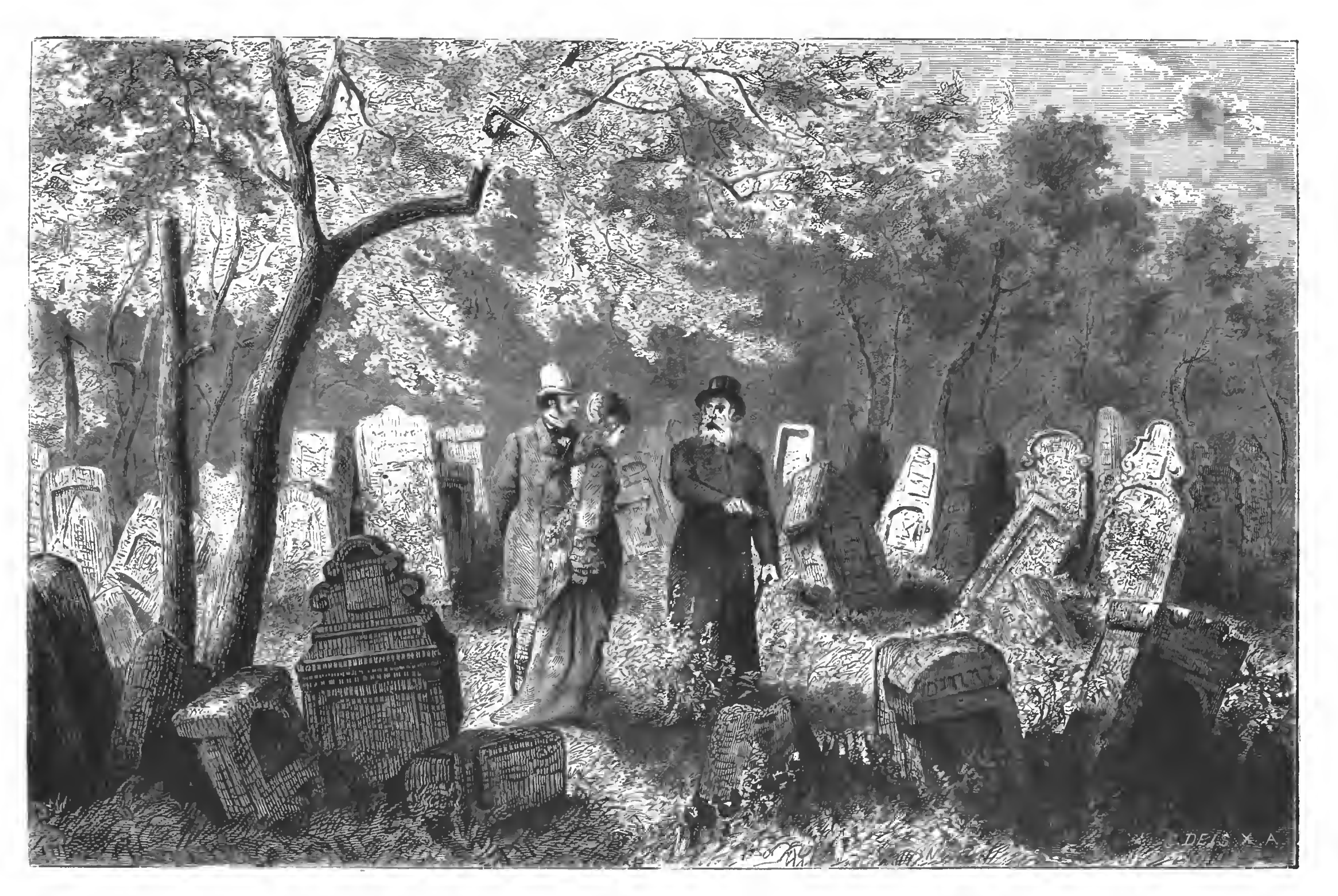
Еще позднѣе, въ эпоху республики, для всѣхъ союзовъ подобнаго рода настало тяжелое время. Эти корпораціи осуждались какъ учрежденія опасныя для высшихъ цѣлей государства и самый Сенатъ не терпѣлъ допущенія въ государствѣ какой бы то ни было формы самоуправленія, настаивая, чтобы все признавало надъ собою одну власть—власть правительства. Особенно враждебно ратовали противъ права организаціи союзовъ могущественные патриціи и жрецы, а по ихъ вліянію и законодательство отличалось въ этомъ отношеніи крайней жестокостью. Члены союзовъ преслѣдовались и наказывались наравнѣ съ грабителями и святотатцами; ихъ травили на аренахъ дикими звѣрями или предавали пламени. Но вопреки этой фанатической строгости, рабочіе союзы все таки развивались, хотя и тайнымъ образомъ и распространились, помимо Рима, мало по малу и въ завоеванныхъ провинціяхъ.

Позднѣе, при Цезарѣ и Августѣ, въ Римѣ допускались правительствомъ почти всѣ подобные союзы, но въ покоренныхъ провинціяхъ главнѣйшіе изъ нихъ подвергались различнымъ стѣсненіямъ и полная свобода давалась лишь тѣмъ, которыхъ цѣли казались правительству самыми безвредными и самыми невинными. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока рабочіе и ремесленные союзы въ покоренныхъ провинціяхъ не приняли вообще политическаго оттѣнка и когда впослѣдствіи это обнаружилось, то даже лучшіе и умнѣйшіе государи, тѣ самые, которые въ Римѣ надѣляли подобные союзы и деньгами и привилегіями, относились враждебно къ союзамъ провинціальнымъ. Когда, напримѣръ, Плиній управлялъ Виѳаніей, то онъ просилъ позволенія у Траяна образовать въ Никомедіи союзъ ста пятидесяти пожарныхъ, набранныхъ изъ плотниковъ, въ видахъ прекращенія страшныхъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ тамъ нѣсколько разъ въ одно и тоже лѣто. Однако Траянъ отклонилъ это ходатайство „Не забывай, пишетъ по этому поводу Императоръ къ намѣстнику, какъ эта провинція и особенно этотъ городъ сталъ непокоенъ и все благодаря разнымъ союзамъ. Дозволь я основать еще одинъ подобный союзъ, хотя бы задавшійся самыми невинными цѣлями, и въ скоромъ времени откроется, что и онъ приметъ участіе въ попыткахъ мятежа и неповиновенія власти.“ При Тиверіѣ, нѣкоторыя общества удостоились уже привиллегій, какъ напримѣръ судовые плотники въ Остіи, рыбаки Тибра и водолазы ближайшаго прибережья.

Александръ Северъ хотя и не далъ полную свободу всѣмъ союзамъ римскихъ художниковъ и рабочихъ, но однакоже снабдилъ ихъ особенными правами, далъ имъ отдѣльныхъ защитниковъ и назначилъ судей, которые процессы ихъ разрѣшали немедленно и отдѣльно отъ прочихъ. Каракалла утвердилъ знаменитымъ закономъ эти вольности и этихъ судей на всемъ пространствѣ римскаго государства. Рабочія товарищества сначала учредились въ самомъ Римѣ, а потомъ быстро распространились по всѣмъ провинціямъ, преимущественно же въ богатыхъ и промышленныхъ городахъ Востока, Испаніи и Галліи. Такъ въ Марсели и Ліонѣ уже во 2-мъ столѣтіи по Р. Х. существовали союзы не только въ средѣ рабочихъ, но и въ средѣ другихъ классовъ общества.

Причины, которыя служили поводомъ къ учрежденію подобныхъ союзовъ, естественно были весьма разнообразны. Но сначала соединялись, главнымъ образомъ, тѣ люди, у которыхъ были общія занятія а слѣдовательно и общіе интересы; такъ напримѣръ погонщики муловъ съ носильщиками тяжестей или торговцы виномъ съ продавцами хлѣба. Судовщики и рыбаки ранѣе другихъ составляли тѣсные союзы и древнѣйшій памятникъ стараго Парижа воздвигнутъ союзомъ судовщиковъ Сены. Траянъ, несомнѣнно храбрѣйшій и добродѣтельнѣйшій государь, оказывалъ постоянно хлѣбникамъ (pistores) свое особенное покровительство, вѣроятно потому что въ Испаніи, родной его странѣ, болѣе преобладала мучная пища нежели въ Римѣ, истреблявшемъ мясо въ огромномъ количествѣ. Траянъ самъ основалъ союзъ хлѣбниковъ, начерталъ ему уставы, снабдилъ деньгами и далъ ему особыя привиллегіи.

Въ исторіи Рима болѣе всего поразителенъ тотъ фактъ, что почти всѣ его государи, не исключая даже и такихъ, которые исключительно занимались военнымъ дѣломъ, хотя и нерѣшительно, но все таки заботились о процвѣтаніи рабочихъ союзовъ. Они очень хорошо понимали, что покорность и спокойствіе народа зависятъ въ большой степени отъ его благосостоянія. Такъ Клавдій покровительствовалъ преимущественно мореходцамъ, классу народа, который былъ при Августѣ почти въ полномъ пренебреженіи. Потребности могущественнаго, всемірно - господствовавшаго семихолмнаго города умножались день ото дня и торговля и мореходство и ремесла должны были напрягать всѣ усилія, чтобы имѣть возможность удовлетворять всѣмъ нуждамъ громадной метрополіи. Гордые, всемірные завоеватели начали смотрѣть на благосостояніе ремесленныхъ





**Древнее еврейское кладбище въ Прагѣ.** По рисунку Арнольда, грав. К. Дейсъ.



**Базаръ въ Тегеранѣ.** Рис. Петровъ. грав. Рашевскій.

союзовъ не только безъ враждебнаго чувства, но даже расточали имъ восторженныя похвалы и многочисленныя пособія. Какъ были бы удивлены древніе республиканцы—хотя бы Клавдій—если бы они могли слышать Симаха, который держалъ похвальную рѣчь въ честь хлѣбниковъ и мясниковъ и при этомъ нѣсколько разъ возглашалъ: „Да, клянусь Юпитеромъ, вы оказали великія заслуги отечеству."

Это право организаціи различныхъ союзовъ, въ провинціяхъ пріобрѣло еще болѣе значенія чѣмъ въ самомъ Римѣ. Тамъ то именно и злоупотребляли своею властью почти всѣ чиновники, пріѣзжавшіе изъ столицы и прилагавшіе всѣ старанія какъ можно туже набить себѣ кошель, во время своего тамъ служенія, чтобы, возвратясь на родину, имѣть возможность проводить остатокъ жизни, подобно Крезу, въ созерцательномъ бездѣйствіи. Слѣдовательно промышленность и торговля были чѣмъ то въ родѣ несчастныхъ цыплятъ, которыхъ щипали безъ всякой пощады. Если бы какой нибудь единичный гражданинъ пожелалъ бы возвысить голосъ противъ такого способа народнаго угнетенія, то его тотчасъ бы стерли съ лица земли, тогда какъ союзы обладали достаточными средствами и достаточной силой, чтобы бороться съ грабящей администраціей. Въ своихъ ходатайствахъ такія общины обыкновенно прямо обращались къ государю. Такъ Страбонъ, знаменитый философъ и географъ, разсказываетъ, какъ онъ самъ видѣлъ при своемъ прибытіи въ Коринѳъ депутацію рыбаковъ, отправлявшуюся изъ этого города, моремъ, въ Римъ, къ императору, чтобы добиться уменьшенія налоговъ.

Описываемые нами союзы не имѣли столь узкихъ подраздѣленій какъ союзы новѣйшаго времени. Хотя въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, и сходится каменотесъ съ каменотесомъ, ткачъ съ ткачемъ и оружейникъ съ оружейникомъ, но за то въ числѣ членовъ союза мы встрѣчаемъ и богатыхъ покровителей; а иногда здѣсь мелькаетъ даже тога, обшитая пурпуромъ, смѣшиваясь съ толпою мельниковъ, обваленныхъ мучною пылью. Эта примѣсь чуждаго элемента ясно доказываетъ, что союзы не избѣгали тѣсныхъ отношеній съ другими классами общества, а напротивъ того стремились къ нимъ. Если чужеземцы приходили въ городъ, то они вступали съ своими семьями или въ какое либо общество своихъ соремесленниковъ или въ другой какой либо союзъ, въ которомъ находились ихъ друзья или земляки или, наконецъ, образовывали новый союзъ сообща съ другими чужеземцами. Для примѣра можно привести азіятскихъ купцевъ и ремесленниковъ, которые основали въ Малагѣ двѣ богатыя и большія ассоціаціи и устроили такое зданіе для своихъ собраній, которое по своей внѣшней и внутренней отдѣлкѣ даже превосходило всѣ другія изящныя постройки города. Подобныя collegii peregrinorum, какъ назывались эти собранія чужеземцевъ, находились и въ отдаленныхъ колоніяхъ Римлянъ и даже въ землѣ Батавовъ и среди варваровъ эти учрежденія служили точками соприкосновенія торговыхъ людей съ рабочимъ людомъ. Въ завоеванныхъ городахъ, гдѣ граждане относились враждебно или холодно къ чужеземцамъ, образовывались Collegii urbanorum. Такимъ же образомъ поступали и старые ветераны, которые почти полъ-жизни провели на границѣ и возвратились на родину, чтобы прожить остатокъ дней съ помощью своихъ небольшихъ сбереженій и пенсій; они образовали союзы и назвали себя Veterani Augusti (царскіе инвалиды). Здѣсь, въ своихъ собраніяхъ, за полнымъ кубкомъ вина, они передавали другъ другу свои былыя похожденія, перемѣшивая правду съ враньемъ, играли въ кости какъ бывало въ лагерѣ или спорили о достоинствѣ того или другаго коня; въ такихъ то незатѣйливыхъ удовольствіяхъ, старые инвалиды коротали время, проводя его въ тѣсномъ кружкѣ своего военнаго общества. Что эти почтенные ветераны въ маленькихъ городкахъ играли роль весьма значительную—это понятно само собою и часто даже чины городскаго управленія избирали изъ этой среды разныхъ центуріоновъ и декуріоновъ.

Особенно обширныя и богатыя ассоціаціи составляли, во время Цезарей, актеры и художники всякаго рода. Извѣстно, что театръ, въ золотой вѣкъ, въ царствованіе Августа, получилъ необычайное, изумительное развитіе. Во всемъ Римскомъ государствѣ, даже не исключая покоренныхъ, отдаленныхъ странъ, населенныхъ варварами, почти не было большаго города, который не имѣлъ бы своего театра, амфитеатра или цирка. Кромѣ постоянныхъ труппъ, существовали еще труппы странствующія, а также заѣзжіе артисты, которые давали въ одномъ мѣстѣ лишь нѣсколько представленій, какъ то дѣлаютъ и нынѣ многія сценическія знаменитости. Вся эта семья артистовъ рѣдко вступала въ среду постоянныхъ, осѣдлыхъ жителей города, но довольствовалась тѣмъ, что организовывала союзы, которые обладали весьма обширными средствами. Такъ существовали отдѣльныя общества танцоровъ, трагиковъ, комиковъ, гладіаторовъ и наѣздниковъ цирка. При этомъ и возницы, т. е. кучера, правившіе колесницами, а также и кулачные бойцы, также причислялись къ служителямъ искусства. Такъ Неронъ очень гордился тѣмъ, что его считали хорошимъ мастеромъ въ управленіи лошадьми, въ то же время какъ онъ мнилъ себя почти Аполлономъ въ качествѣ музыканта и пѣвца-импровизатора.

Во время же Нерона получила начало и гнусная профессія наемныхъ хлопальщиковъ или клакеровъ... Тщеславный тиранъ, какъ артистъ, требовалъ исключительнаго одобренія; конечно въ Римѣ въ похвалахъ, самыхъ изысканныхъ, ему не было недостатка; но когда онъ посѣщалъ греческіе города, понимающіе искусство, эллины осмѣливались громко осмѣивать и порицать его какъ артиста, а такое оскорбленіе заставило его вспомнить, что онъ хотя и актеръ, но въ тоже время и неограниченный властитель. При слѣдующихъ представленіяхъ были приняты мѣры предосторожности и сотня переодѣтыхъ солдатъ съ изряднымъ количествомъ клакеровъ размѣстились среди прочихъ зрителей и если кто изъ публики осмѣливался шикать или какимъ-либо другимъ образомъ выражать свое неодобреніе, то его тотчасъ же выводили вонъ изъ театра, нещадно били или душили, между тѣмъ какъ хлопанье клакеровъ уподоблялось шумящему водопаду и безпрерывно раздавались крики: о божественный Аполлонъ! о великій Императоръ!.. „Подобнымъ же образомъ дѣйствовалъ и Коммодъ, Геркулесъ по силѣ и сложенію. Этотъ свирѣпый человѣкъ особенно благоволилъ къ гладіаторамъ. Онъ, какъ извѣстно, выходилъ въ образѣ римскаго геркулеса триста семьдесятъ пять разъ на арену, когда на ней происходили поединки или травля звѣрей, и гладіаторы, считая себя особенно счастливыми подъ управленіемъ этого звѣроподобнаго колосса, привѣтствовали его криками: „Salvo Commoda, felix familia!" Но когда этотъ дикій звѣрь началъ умерщвлять и ихъ, своихъ любимцевъ, то ему поднесли тотчасъ же медленнаго яду: но видя, что ядъ плохо дѣйствуетъ на здоровую его натуру, подкупили одного изъ старшихъ гладіаторовъ, который и нанесъ ему окончательный, смертельный ударъ.

Вышеупомянутые артистическіе союзы обладали значительными капиталами, славились великолѣпными помѣщеніями для своихъ собраній и гордились своими уставами.

Часто случалось, что люди, живущіе по сосѣдству, образовывали, вслѣдствіе этого, ассоціацію и тѣмъ оправдывали выраженіе Теренція, что сосѣдство ближе всего къ дружбѣ. Въ большихъ царскихъ резиденціяхъ, разросшихся впослѣдствіи въ цѣлые города, рабы и отпущенники составляли разнообразные союзы, которые обладали богатыми средствами, чинами, а часто и знатными женщинами. Подобные же союзы образовывались и въ обширныхъ имѣніяхъ богатыхъ вельможъ.

Кромѣ этихъ, изложенныхъ нами вкратцѣ, причинъ возникновенія союзовъ, конечно, было много еще и другихъ, намъ неизвѣстныхъ. Чтобы принадлежать въ то время къ извѣстному союзу, не требовалось заниматься однимъ и тѣмъ же ремесломъ съ своими сочленами или жить съ ними въ одномъ городѣ, но необходимо лишь было единомысліе. Вспомнимъ, что въ то время рабочіе классы имѣли участь болѣе тяжелую и менѣе сносную, чѣмъ рабочіе новаго времени. Часто это были отпущенные рабы, которые, неожиданно получивъ свободу, стояли особнякомъ среди большаго города, какъ среди пустыни, одинокіе, безпомощные, лицомъ къ лицу съ неумолимою нищетою; они по необходимости должны были соединяться съ товарищами по несчастію, чтобы сообща съ ними вести борьбу за существованіе.

Каждый союзъ, образовавшись тѣмъ или другимъ образомъ, направлялъ всѣ усилія къ одной главной цѣли—укрѣпить его силою закона, т. е. создать себѣ уставъ по общепринятому образцу. Такимъ образомъ союзъ составлялъ изъ себя quasi маленькое свободное государство и сочлены его, съ очевиднымъ удовольствіемъ, называли его respublica collegii. Обнародованіе статутовъ было чрезвычайно торжественно и обыкновенно происходило въ храмѣ, съ цѣлью придать акту высшую санкцію. Таблицы законовъ вывѣшивались въ помѣщеніи общества и новые члены союза заучивали главнымъ образомъ тѣ статьи изъ нихъ, въ которыхъ излагались ихъ права и обязанности. Одинъ изъ такихъ параграфовъ гласилъ такъ: „Ты, который хочешь вступить въ нашъ союзъ, прочти сначала наши законы, чтобы потомъ не имѣть повода жаловаться". Послѣ утвержденія статута, избирали администрацію союза. Чины эти въ разныхъ союзахъ носили различныя названія, вообще же они назывались Magistri Quinquenales; обязанности же этихъ представителей были совершенно одинаковы какъ въ одной, такъ и въ другой ассоціаціи. Важнѣйшею и почетнѣйшею въ союзѣ была должность кассира, управлявшаго всѣмъ его имуществомъ. На празднникахъ и пиршествахъ онъ получалъ большую долю яствъ и питій и въ случаѣ раздѣла какого-нибудь денежнаго излишка, онъ пользовался правомъ получать вдвое болѣе чѣмъ другіе сочлены. Предсѣдатель былъ облеченъ тою же властью какъ и римскій цензоръ: онъ долженъ былъ исключать недостойныхъ членовъ. Въ каждомъ союзѣ существовалъ отдѣльный, оффиціальный списокъ, носившій названіе Album. Въ этомъ спискѣ членовъ президентъ стоитъ въ началѣ, а потомъ идутъ кассиры и наконецъ, по степенямъ, слѣдуютъ другіе низшіе члены и сочлены, строго подраздѣленные по положенію, занимаемому ими въ гражданскомъ обществѣ. Если же находились, напримѣръ, въ союзѣ рабы и вольноотпущенники, то послѣдніе стояли въ спискѣ впереди рабовъ. Эти списки ясно доказываютъ, что, какъ въ раннюю такъ и въ позднюю эпоху своей исторіи, Римляне всегда отличались любовью къ порядку и уваже-

ніемъ къ закону, и эти-то качества и сдѣлали ихъ народомъ великимъ. Тотъ только съумѣетъ хорошо повелѣвать, кто умѣетъ повиноваться и при преслѣдованіи общественныхъ цѣлей, масса необходимо должна подчиняться одной главѣ, чтобы не разстратить понапрасну силъ и не дать погибнуть самому дѣлу. Что же касается до опредѣленія числа членовъ, то въ этомъ отношеніи все зависѣло отъ Императора, утверждавшаго союзъ и дававшаго ему привиллегіи и въ то же время назначавшаго maximum членовъ. Это дѣлалось, вѣроятно, изъ боязни, чтобы союзъ не сталъ слишкомъ могущественнымъ и не грозилъ бы опасностью государству. Часто также поступали богатые учредители или покровители, но съ другою цѣлью: они дарили, напримѣръ, юному союзу большой капиталъ и въ то же время опредѣляли число членовъ, чтобы имущество союза оставалось лишь въ рукахъ немногихъ. Когда же число членовъ было неограниченно, то оно возростало иногда до громаднаго количества и представители общества находились вынужденными раздѣлить его на центуріи и декуріи. Это удобное дѣленіе встрѣчаемъ мы повсюду и даже христіанство, много заимствовавшее въ устройствѣ отъ языческихъ союзовъ, ввело его въ свои монашескія общежитія. Отшельники, какъ передаетъ святой Іеронимъ, дѣлились также на декуріи и центуріи, такъ что каждая группа, состоявшая изъ девяти монаховъ, управлялась десятымъ, а десять декурій однимъ центуріономъ.

Когда союзъ вполнѣ образовывался, то онъ приступалъ къ отыскиванію себѣ приличнаго помѣщенія. Это мѣсто покоя и отдыха называлось схолой (Schola). Бѣдные союзы, которые не могли нанять для себя особое помѣщеніе, собирались въ какой нибудь тавернѣ, но такіе союзы были немногочисленны. Напротивъ того главные представители каждаго союза соперничали другъ съ другомъ въ украшеніи мѣстъ своихъ собраній. Если одинъ украшалъ его мозаичнымъ поломъ, то другой строилъ портикъ, третій терассу, а четвертый разводилъ садъ и т. д. Такимъ образомъ схола обращалась мало по малу въ миніатюрный дворецъ, а храмъ, составлявшій всегда ея необходимую принадлежность, украшался въ избыткѣ статуями и другими произведеніями искусства. Одно изъ прелестнѣйшихъ зданій подобнаго рода находится въ Регіи: оно принадлежало нѣкогда торговцамъ полотнянымъ товаромъ. Схола помѣщалась большею частью на открытой площади и если ея сочлены были въ дружественныхъ отношеніяхъ съ городскимъ управленіемъ, то послѣднее уступало безденежно имъ мѣсто подъ постройку.

Каждый союзъ избиралъ себѣ изъ боговъ Олимпа особаго покровителя. Музыканты, игравшіе на флейтѣ, поступили въ этомъ случаѣ умнѣе прочихъ; они избрали своимъ патрономъ самого Юпитера и получили дозволеніе Сената совершать свои празднества въ Капитоліи. Чаще всего покровительницей подобныхъ союзовъ избиралась Минерва. Такъ Овидій приводитъ большое число ремеслъ и занятій, которые считали своей покровительницей эту богиню, а въ концѣ обращается къ школьнымъ учителямъ съ слѣдующей тирадой: „И вы также, несчастное стадо, столь бѣдно оплачиваемое за труды, вы, школьные учители, бойтесь забывать эту богиню, такъ какъ никто другой кромѣ ея не дастъ вамъ учениковъ“.

Одну изъ главныхъ заботъ союзовъ составляло погребеніе бѣдныхъ своихъ сочленовъ. Бѣднякъ естественно желалъ быть погребеннымъ вмѣстѣ съ тѣми друзьями, съ которыми онъ работалъ, терпѣлъ нужду и бражничалъ. Богатые люди часто дарили бѣднымъ союзамъ общія кладбища, вознаграждая себя за пожертвованіе тѣмъ, что на этомъ же кладбищѣ имъ ставили памятникъ, увѣковѣчивавшій имя жертвователя. Такъ мы находимъ въ одномъ маленькомъ городкѣ, на обелискѣ слѣдующую надпись: „это мѣсто передъ галльскими воротами принесъ въ даръ Каюсъ Вальгіусъ Фузіусъ союзу погонщиковъ муловъ для погребенія его умершихъ сочленовъ, какъ настоящихъ такъ и будущихъ, а также и конкубинъ“.

Рабы и вольноотпущенники, хотя и принадлежавшіе къ союзу, хоронились вообще не на его кладбищѣ, но въ колумбаріяхъ (колумбаріумъ — это замурованное подземелье, имѣвшее форму голубятни, въ нишахъ котораго помѣщались урны съ пепломъ умершихъ), устраивавшихся большею частью богатыми господами. Такіе колумбаріи находятся въ большомъ количествѣ не только въ Италіи, Франціи и Испаніи, но еще и теперь попадаются въ Германіи. Во времена Адріана, почти въ 136 году по Р. Х. образовались въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ маленькомъ Лаудивіумѣ, погребальныя кассы для бѣдныхъ людей, какъ-то: для рабовъ, отпущенниковъ и для другихъ лицъ, не принадлежавшихъ ни къ какому союзу. Пособіе, ими выдаваемое, состояло въ сотнѣ сестерцій и бутылкѣ вина. Общества Діаны и Антиноя, не имѣя средствъ строить колумбаріи своимъ рабамъ, пользовались помощію подобныхъ кассъ, но за то другіе союзы въ сооруженіи великолѣпныхъ гробницъ своимъ членамъ часто впадали въ безумную роскошь.

Еще расточительнѣе были расходы союзовъ на ихъ пиршества. Уже никого не удовлетворяло болѣе то удовольствіе, которое искалъ трезвый Катонъ въ пиршествѣ, гдѣ, по его словамъ. оно получается не отъ однихъ утонченныхъ наслажденій и возможности вдоволь пить и вдоволь наѣдаться, но главнымъ образомъ отъ встрѣчи тамъ друзей, съ которыми можно вести задушевную бесѣду. Катоновская воздержность въ этихъ пирахъ разныхъ союзовъ была окончательно забыта и даже дошло до того, что часто въ нихъ нарушались границы всякой умѣренности и всякаго приличія. Это обратило на себя вниманіе администраціи и она сочла необходимымъ передъ праздникомъ Цибеллы издать законъ, по которому расходъ на пиршество не долженъ былъ превышать ста сорока рублей на наши деньги. Хлѣбъ, вино и овощи не были при этомъ принимаемы въ разсчетъ и могли истребляться въ желаемомъ количествѣ. Этотъ законъ, впрочемъ, не могъ искоренить зла и Варонъ горько жалуется, что частые пиры союзовъ значительно повысили на рынкѣ цѣны на всѣ съѣстные припасы. При этихъ пиршествахъ полагались особыя правила и кто нарушалъ ихъ, подвергался денежному взысканію. Такъ карались буйство, грубость и оскорбленіе чиновныхъ особъ.

Мало по малу римскіе союзы приняли совершенно ложное направленіе и вмѣсто того, чтобы деньги и время употреблять для преслѣдованія различныхъ умственныхъ цѣлей, они тратили свое состояніе и силы на разныя пиршества и тщеславную роскошь погребеній. Они падали все ниже и ниже, увлекаемые потокомъ деморализаціи, которая изъ мѣстъ резиденціи Цезаря распространялась на всѣ слои тогдашняго общества и подтачивала то могучее основаніе, на которомъ зиждилось римское всемірное владычество.

Одно, что оставили языческіе союзы совсѣмъ безъ вниманія —это попеченіе о вдовахъ и сиротахъ. Христіанство первое обратило на этотъ предметъ свое благотворное вліяніе и употребило всѣ свои силы на помощь этому великому дѣлу. Такъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей древности, Тертуліанъ, первый побѣдоносно и публично защищавшій новую вѣру въ Спасителя, выразился слѣдующимъ образомъ касательно распредѣленія пожертвованій, поступившихъ въ одну христіанскую общину, къ которой онъ принадлежалъ самъ. „Эти деньги, говорилъ онъ, — переданы въ наши руки не для того, чтобы устраивать роскошные пиры и воздвигать великолѣпные надгробные памятники, но, какъ священный даръ, предназначены на помощь бѣднымъ и на призрѣніе вдовъ и сиротъ.

## Къ рисункамъ.

### Изъ поэмы Мильтона „Потерянный Рай.“

Въ № 42 Нивы мы уже говорили въ статьѣ о знаменитомъ поэтѣ и его произведеніи, что готовилось къ выходу роскошное изданіе его поэмы съ великолѣпными рисунками Дорэ. Теперь на дняхъ, изданіе это уже появилось въ свѣтъ и кто ознакомится съ нимъ, тотъ увидитъ, что такого еще не бывало на русскомъ языкѣ. Нельзя не назвать удачною мысль, вмѣсто плохаго стихотворнаго, сдѣлать прекрасный подстрочный переводъ, что даетъ всегда переводчику возможность сохранить всю силу и величавость теченія рѣчи подлинника, тогда какъ для стиха всегда приходится поступиться тѣмъ или другимъ образомъ или выраженіемъ.

Предлагаемый въ этомъ № Нивы рисунокъ относится къ пѣснѣ IV, именно къ тому мѣсту поэмы, когда Сатана появляется въ предѣлахъ рая и, пораженный, останавливается на обрывѣ горы...

„Въ раздумьи, медленно поднялся сатана на крутую, дикую гору. Онъ съ новымъ изумленіемъ смотритъ на все, что сотворено для счастья человѣка. Какая раскинулась картина! Онъ на землѣ вновь созерцаетъ небо...“ (пѣснь IV стр. 70).

Блестящія достоинства таланта Дорэ, заставляющія въ его пейзажахъ забывать отсутствіе красокъ, слишкомъ извѣстны и также ярки въ настоящемъ рисункѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ пятидесяти, украшающихъ это роскошное изданіе поэмы Мильтона.

### Нечаянное открытіе.

(Рисунокъ Кившенко).

Александръ Ивановичъ Пахотовъ былъ не въ духѣ. Онъ сердито шагалъ изъ угла въ уголъ по залѣ, заложивъ за спину руки, нахмуривъ брови; лицо его было красно, движенья до того порывисты и ненормальны, что даже сетеръ, растянувшійся на коврѣ у стола, и тотъ посматривалъ на него съ самой удивленной миной, недоумѣвая что бы это могло такое произойти съ „его превосходительствомъ.“

— Это чортъ знаетъ что такое,—началъ „его превосходительство,“ останавливаясь противъ бронзовыхъ часовъ, поставленныхъ на трюмо, и свѣряя ихъ съ своими карманными.— Поѣхала на минуту къ теткѣ и сидитъ цѣлые три часа. Мнѣ самому надо ѣхать—быть къ пяти у его высокопревосходительства, а тутъ сиди, жди ее. Не могу же я такъ ѣхать, не видавши ее, не распорядившись на счетъ вечера.

Онъ сердито повернулся на каблукахъ, и опять заходилъ по комнатѣ.

— И вѣдь знаетъ очень хорошо, что мнѣ надо ѣхать, очень хорошо знаетъ,—но ни малѣйшей заботы объ отцѣ, тутъ хоть все пропадай, хоть на обѣдъ не ѣзди—ей все равно. Что она тамъ дѣлаетъ до сихъ поръ? Вѣдь и на тетушку любезную невозможно положиться: глупая баба—четвертый десятокъ идетъ, а только о своихъ турнюрахъ да шлейфахъ и думаетъ. Ну какое она можетъ вліяніе оказывать на мою Женьку? Только отрицательное—самое погубное вліяніе! А я при чемъ тутъ,—чѣмъ я могу помочь? Спрашивается—ну какой контроль я могу учредить надъ ней? Какой контроль можетъ имѣть отецъ надъ дочерью, безъ жены? Гувернантку завести,—такъ зачѣмъ ей въ восьмнадцать лѣтъ гувернантку—ужъ ее и безъ того всему въ Смольномъ выучили. Компаньонокъ не хочетъ—мнѣ, говоритъ, и безъ нихъ хорошо.—Ну, ну, какъ я буду ее контролировать?..

Его превосходительство развелъ руками, и такъ громко сказалъ послѣднюю фразу, что лакей высунулся изъ передней.

— Заложены, ваше пр—во.

— Что-о? изумился генералъ.

— На счетъ саней изволили спрашивать?

— Пошелъ вонъ, дуракъ!

— Ну вотъ и лошади готовы. началъ онъ опять. оставшись одинъ,—да ужъ пора, пора. Еще пять минутъ—и я уѣзжаю: и то поздно, ужасно поздно, до неловкости поздно...

И онъ зашагалъ по залѣ такъ, что колпакъ зазвенѣлъ на лампѣ, и старый паркетъ заскрипѣлъ подъ грузными шагами. Вотъ ужъ и пять минутъ проходитъ, совсѣмъ прошли. Какая-то карета, скрипя по снѣгу, подъѣхала къ подъѣзду.

Его превосходительство остановился по срединѣ залы и сталъ прислушиваться. Слышно кто-то хлопнулъ на лѣстницѣ дверью —и опять все смолкло.

— Не она!.. Больше ждать я не намѣренъ! Напишу ей записку, оставлю у нея на столѣ—и ѣду.

И Александръ Ивановичъ отправился въ будуаръ дочери.

— Эко порядокъ,—остановился онъ передъ ея письменномъ столомъ. Книги, портреты: мало ей стѣнъ да полокъ. Слава Богу еще, что Пушкина, а не Понсон-дю-Террайля на столѣ держитъ. Гдѣ тутъ бумага у нея? Должно быть въ этомъ ящикѣ,—да онъ и не запертъ вдобавокъ.

Онъ опустился въ кресло у стола, и выдвинулъ ящикъ.

— Нѣтъ, что-то не видно здѣсь.. А тутъ коробочки всякія. бантики какіе-то. Экая дрянь дѣвчонка: и брилльянтовый браслетъ тутъ-же держитъ,—въ незапертомъ-то ящикѣ... Тутъ въ коробкѣ кажется что-то. Письма?.. Это отъ ея подруги, Вари, изъ Кіева... А это что: мужскимъ почеркомъ,—стихи?..„Посвящается Евгеніи Александровнѣ П.“,—что такое?

Полно, мой ангелъ,—склони
Ты мнѣ головку на грудь,
И безмятежно засни,
И треволненья забудь...

— Чье это произведеніе?

Александръ Ивановичъ, не дочитавъ. перевернулъ страницу.— Михаилъ Лычниковъ! Ка-а-къ—такъ это онъ ей... Гимназистъ, школьникъ, и вдругъ осмѣлился посвящать Женѣ!.. Нѣтъ-ли тутъ еще чего? А-а, его-же почеркъ. Письмо цѣлое.—„Милое мое, дорогое созданье! Я не могу выдержать—не могу не писать вамъ. Часы, когда я васъ не вижу, кажутся для меня вѣкомъ, тянутся убійственно медленно. Ночью мнѣ не спится, днемъ болитъ голова, я не могу заниматься: Ѳукидитъ, Титъ Ливій, Гомеръ, Виргилій,—все подъ столомъ, меня ничто не интересуетъ. Третій день я не хожу въ гимназію, сказываюсь больнымъ. Въ головѣ все время носится вашъ образъ... н... нѣтъ, вы не знаете, вы не можете понять, до чего я васъ сильно, горячо люблю! Вы—цѣлый міръ для меня,—все, все!.. Вы вчера сказали мнѣ это чудное, это святое *я васъ люблю!* и я теперь царской короны не промѣняю на свое положеніе относительно васъ. Женя, милая,—будьте завтра вечеромъ у вашей тети. Я буду тамъ непремѣнно. Ради Бога, подайте мнѣ эту милостыню, какъ нищему“...

Александръ Ивановичъ даже письмо выронилъ изъ рукъ.

— Что за чортъ! Гдѣ это онъ насобачился такую чушь писать? То-то все говорили, что онъ въ гимназіи по сочиненіямъ первый... Нѣтъ моя-то, моя-то какова, а?.. Это что: а, ея почеркъ! „Милый мой Мишель... (Ну, задамъ-же я ей!) Я до сихъ поръ не рѣшаюсь переговорить съ папашей, меня смущаетъ то, что вы все еще въ гимназіи, но даю вамъ слово, что какъ только...“

— А-ай! раздалось сзади Александра Ивановича. Тотъ припрыгнулъ, какъ ужаленный.

— А-а, сударыня,—это вы... Наконецъ-то! Это что-же, такое-съ, позвольте васъ спросить?.. Я пошелъ за бумагой въ вашъ столъ и вотъ на что натыкаюсь... Стишки: „склонись головкой ко мнѣ“...

Евгенія Александровна такъ и замерла на мѣстѣ.

— Папаша, увѣряю тебя, это такъ...

— Какъ „такъ“, что „такъ“?

— Это онъ такъ писалъ! Это поэтическіе обороты... вольности.

— Вольности? Вотъ я его за эти вольности за уши оттреплю.

— Папаша,—онъ женится; ей Богу женится...

— Что такое?

— Какъ только кончитъ въ гимназіи, получитъ аттестатъ зрѣлости (у насъ ужь давно условлено), такъ тотчасъ онъ и сдѣлаетъ формальное предложеніе... Я давно хотѣла тебѣ сказать. Вѣдь онъ ужь скоро совершеннолѣтній—ему девятнадцать лѣтъ... Мы любимъ другъ друга...

Александръ Ивановичъ въ оцѣпенѣніи слушалъ дочь.

— Я нисколько не скрываю. что люблю его, онъ меня тоже... Мы нана счастливы будемъ, ужасно счастливы. Сейчасъ послѣ вѣнца мы ѣдемъ за границу, вѣнчаться будемъ въ почтамтской церкви, а билеты свадебные будутъ заказаны у отца товарища Мишеля. у него своя литографія въ Морской. Шаферами у насъ будутъ... Клянусь тебѣ, папа, что это совсѣмъ серьезно,—и ничего тутъ дурнаго нѣтъ въ томъ, что мы переписываемся... Да самъ Мишель въ залѣ—я довезла его отъ тети,—онъ хотѣлъ...

— А-а,—онъ въ залѣ! задыхаясь прервалъ ее Александръ Ивановичъ.—Хорошо, задамъ же я ему.

— Папаша ради Бога! Онъ не виноватъ...

— Оставайся здѣсь, и не смѣй выходить изъ будуара. Слышишь?

(Продолженіе на стр. 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855 и 856).



**Русскіе типы: Женщина Саратовской губерніи.**
Рис. Фуксъ. грав. Бланпенъ.

Онъ, сжавъ кулаки, направился въ залу. Мишель Лынчиковъ былъ красивый, розовый юноша, рослый, съ подстриженными кончиками волосъ на лбу и въ новенькомъ гимназическомъ мундирѣ на бѣлой подкладкѣ.

— Здраствуйте,—отвѣтилъ ему на поклонъ его превосходительство,—и взялъ съ фортепьяно цилиндръ и перчатки.—Не хотите-ли со мной прокатиться?

— Нѣтъ-съ, я хотѣлъ... Мнѣ Евгенія Александровна хотѣла...

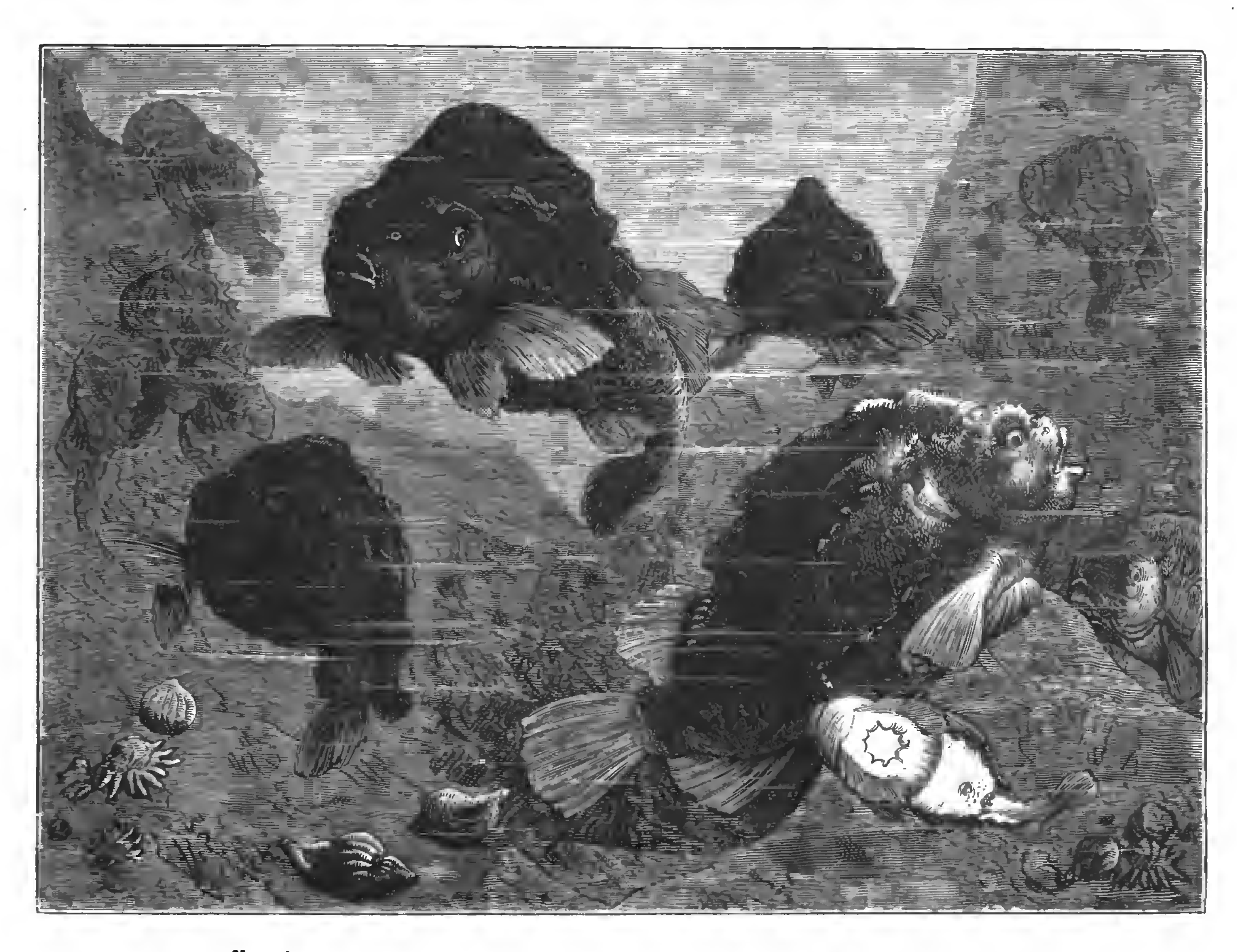
— Да,—но все таки прокатиться не мѣшаетъ, васъ обдуетъ... Ѣдемте, ѣдемте...

— Евгенія Александровна...

— Евгеніи Александровна не выйдетъ къ вамъ, и очень проситъ васъ прокатиться,—намъ по дорогѣ, я въ Гагаринскую...

— Но...

— Мнѣ кстати надо поговорить съ вами кое о чемъ. Вы такой отличный латинистъ,—не знаете-ли вы, изъ какой это оды, кажется Горація:



**Морскіе зайцы.** Рис. съ натуры въ акваріумѣ Г. Кохъ грав. К. Вейерманъ.

„Ахъ мой дружокъ, склонись
Ты мнѣ головкой на грудь..."

— Вотъ что! пробормоталъ Мишель, густо краснѣя, и прибавилъ громко.—Нѣтъ merci, мнѣ въ Гагаринскую не по дорогѣ,—я въ другую сторону... Мнѣ тамъ надо, я отозванъ...

— Ну, что дѣлать, значитъ только до подъѣзда намъ съ вами.

И они стали спускаться съ лѣстницы...

## Вдохновеніе.

(Картина И. П. Александра).

Передъ нами прелестная энергичная голова юноши, готоваго въ порывѣ вдохновенія вылить въ звучныя строфы то, чѣмъ полна его душа въ данную минуту. Художникъ старался воплотить въ этой головѣ, въ экспрессіи лица, присутствіе той творческой силы, которая сопутствуетъ каждому талантливому произведенію искусства, будь то поэма, картина, ораторія, статуя. Этотъ тотъ мигъ, про который Пушкинъ говоритъ:

...лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы...

И въ такую минуту, когда поэтъ, по чудному выраженію Пушкина, „и звуковъ и смятенья полнъ," при такихъ порывахъ, творческая сила почти безсознательно, сильно, невольно, инстинктивно, такъ сказать, производитъ художественныя вещи. А безъ этихъ порывовъ, однимъ трудомъ, не смотря на самыя ужасныя потуги мысли, нельзя ничего добиться...

Сколько неудачливыхъ поэтовъ и писателей, свое пониманіе принимающихъ за талантъ и усиленно занимающихся дѣломъ, которое имъ не подъ силу, иногда погибающихъ въ этихъ усиліяхъ! „Братья писатели! Въ нашей судьбѣ что-то лежитъ роковое" говоритъ Некрасовъ.

Чтобъ одного возвеличить, борьба
„Тысячи слабыхъ уноситъ.
Даромъ ничто не дается,— судьба
Жертвъ искупительныхъ проситъ..."

## Древнее еврейское кладбище въ Прагѣ.

Время появленія Евреевъ въ Западной Европѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Чехіи, совпадаетъ, какъ полагаютъ, съ той великой эпохой всемірной исторіи, когда римляне взяли Іерусалимъ и разрушили его храмъ—завѣтную святыню всего Іудейства. Вся Чехія тогда еще была покрыта густыми лѣсами и среди ея дикаго, языческаго населенія едва стали пробиваться свѣтлые лучи христіанства. Евреи нашли себѣ безопасное убѣжище

среди наивныхъ, грубыхъ, но добросердечныхъ дикарей и жизнь ихъ текла спокойно и безмятежно до самаго начала крестовыхъ походовъ, неожиданно возбудившихъ, въ крайней степени, религіозныя страсти средневѣковой Европы и подавшихъ сигналъ къ повсемѣстному преслѣдованію Евреевъ. Возникновеніе древняго еврейскаго пражскаго кладбища относится именно къ этой отдаленной эпохѣ и на его старыхъ, покрытыхъ мохомъ, могильныхъ плитахъ, испещренныхъ грустными эпитафіями, можно прочесть тяжелую повѣсть преслѣдованій, которымъ подвергались Евреи въ средніе вѣка. Самыя могилы не могли тогда скрыть ихъ трупы отъ ожесточеннаго поруганія. Само правительство, то оказывало Евреямъ вниманіе и помощь, и давало даже имъ нѣкоторыя льготы и привиллегіи, то изгоняло ихъ и отбирало все накопленное ими достояніе. Такимъ изгнаніямъ пражскіе Евреи подвергались неоднократно; въ 1059 году по обвиненію въ поджогѣ церкви, а въ 1081 году въ умерщвленіи христіанскаго ребенка. При изгнаніи въ 1059 году, у нихъ конфисковали все имущество, стоимостью въ 85,408 марокъ, которыя и употребили на постройку, вмѣсто сгорѣвшаго, новаго храма. Вообще, по показанію чешскаго историка Космы Пражскаго, при каждомъ выселеніи Евреевъ, у нихъ отнималось столько сокровищъ, сколько не удалось даже забрать грекамъ при покореніи Трои. Особенно тяжко отозвались на пражскихъ Евреяхъ событія 1389 года, когда народъ вырѣзалъ въ еврейскомъ кварталѣ до 3,000 жителей всякаго пола и возраста. Очевидецъ этой рѣзни, раби Авигдоръ, оплакивая ее въ одной элегіи, говоритъ, что даже кладбище, это мѣсто успокоенія давно умершихъ, не избѣгло опустошенія; могилы были разрыты, кости усопшихъ выкинуты, надгробные камни разбиты, а могильные насыпи сравнены съ землею. Во время же осадъ и вражескихъ нашествій, которымъ неоднократно подвергалась Прага, когда необходимо было возводить укрѣпленія, то матерьялъ для нихъ всегда брали изъ еврейскаго кладбища и опустошали могилы. Такой участи подвергся и величественный мавзолей, поставленный евреями на могилѣ ихъ знаменитаго учителя и поэта Іегуды бенъ Галеви, который по словамъ Гейне,

....Какъ огненный, великій
Яркій столбъ предъ караваномъ
Іудеевъ грустныхъ—шелъ
По пустынѣ ихъ изгнанья...

Такимъ образомъ исчезло съ лица земли множество древнихъ памятниковъ, а уцѣлѣвшіе принадлежатъ уже преимущественно къ XV и слѣдующимъ вѣкамъ, хотя достовѣрно извѣстно, что пражское еврейское кладбище существовало еще во времена языческія; доказательствомъ этому можетъ служить открытый здѣсь памятникъ Сары, жены Аронита Іосифа, погребенной, если вѣрить надписи, въ 606 году, т. е. 120 лѣтъ ранѣе того времени, когда была основана Прага. Кромѣ этого памятника есть еще два другіе; одинъ 942 года, а другой 980. Изъ памятниковъ XV и слѣдующихъ столѣтій есть много весьма замѣчательныхъ, какъ напримѣръ: Раби Авигдора, Раби Гадаличе врача, Іосифа Соломона дель Медиго изъ Кандіи, еврейскаго ученаго XVII вѣка и Мордухея Мейзеля, добродѣтельнаго богача. Кромѣ того здѣсь погребено множество извѣстныхъ еврейскихъ раввиновъ, врачей, писателей, старшинъ и другихъ лицъ, потрудившихся для пользы своего племени.

Для сыновъ Израиля древнія драгоцѣнныя гробницы эти были всегда дороги и постоянные протесты ихъ противъ оскорбленія и поруганія завѣтныхъ могилъ не всегда оставались гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Властители и папы являлись защитниками древняго еврейскаго кладбища. Такъ, папа Климентъ IV и Пій II издали особыя буллы, ограждавшія его неприкосновенность, а согласно привиллегіямъ, даннымъ Премысломъ Оттокаромъ II, каждое поруганіе еврейскаго кладбища наказывалось смертною казнью. Кромѣ того, много узаконеній было издано и въ послѣдствіи, чтобы положить предѣлъ разрытію могилъ и поруганію труповъ; вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось ломать или похищать могильные памятники, а также пасти скотъ на кладбищахъ евреевъ. Но всѣ эти мѣры оказывались тогда недѣйствительными противъ народнаго возбужденія и даже въ XVIII вѣкѣ и именно въ 1744 году, при отступленіи пруссаковъ изъ Праги, чернь, производя грабежи и убійства въ еврейскомъ кварталѣ, не пощадила и древняго еврейскаго кладбища и произвела на немъ страшное опустошеніе.

Съ 1787 года, вслѣдствіе повелѣнія Императора Іосифа II о недопущеніи дальнѣйшихъ погребеній на пражскомъ еврейскомъ кладбищѣ, какъ находящемся въ чертѣ города, это древнее мѣсто погребенія болѣе не распространяется, но оно донынѣ бережно охраняется какъ драгоцѣнный памятникъ отдаленной древности. Всѣ проекты и предложенія о совершенномъ его срытіи и уничтоженіи до сихъ поръ постоянно отклонялись Императоромъ и вѣроятно кладбище это отнынѣ останется неприкосновеннымъ.

## Базаръ въ Тегеранѣ.

На нашей картинкѣ представлена внутренность базара въ Тегеранѣ, столицѣ Персіи. Кромѣ главныхъ судилищъ, рѣшающихъ уголовныя дѣла, въ Персіи, въ каждомъ городѣ, находится еще особаго рода судилище, постановляющее быстрыя рѣшенія судомъ *дарогаха*. Такъ называется судья, который есть въ то же время и начальникъ полиціи и главный смотритель надъ базарами, находящимися подъ его надзоромъ. Имъ лично разбираются незначительныя тяжбы, споры, ссоры, драки. Дарогахъ имѣетъ свою особенную стражу, гайдуковъ, которые тутъ же на мѣстѣ приводятъ въ исполненіе назначенное наказаніе. Среди шума и толкотни базара, мы видимъ сцену, столь обычную въ столицѣ властителя Ирана, что изъ всей базарной толпы никто не обращаетъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Происходитъ палочная расправа. Виновный привязанъ за ноги къ длинной жерди, которую держатъ за оба конца двое полицейскихъ; несчастный корчится отъ боли, но это ни мало не смягчаетъ судью,—онъ велитъ до конца отсчитать полное количество ударовъ по *голымъ подошвамъ*. Это какой-нибудь мелкій воришка, попавшійся въ ничтожномъ воровствѣ или мелкой плутнѣ, но иногда дѣло кончается гораздо серьезнѣе. Вотъ примѣръ строгости, съ какою дарогахи могутъ наказывать за извѣстные проступки. Жители Тегерана жаловались какъ-то на недобросовѣстность булочниковъ и мясниковъ. Многіе изъ этихъ торговцевъ были наказаны палочными ударами, заплатили значительный штрафъ, а жалобы все продолжались; наконецъ онѣ дошли до шаха, который подвергъ отвѣтственности дарогаха за плутни, допускаемыя имъ на базарѣ, въ ущербъ жителямъ. Самому дарогаху пришлось трепетать за свою жизнь. Онъ усилилъ надзоръ и наконецъ обнаружилъ тѣ злоупотребленія, на которыя справедливо роптал народъ и обѣщалъ примѣрно наказать виновныхъ. Однажды, совершенно неожиданно, явился онъ у двухъ продавцевъ, пользовавшихся самою дурною славою: это были булочникъ и мясникъ. Онъ нашелъ у нихъ большія неисправности; народъ толпился передъ ихъ лавками и требовалъ строгаго наказанія. Мясникъ, менѣе виновный чѣмъ булочникъ, былъ пригвожденъ за ухо передъ своимъ прилавкомъ; что же касается до булочника, закоснѣлаго обманщика, то надъ нимъ дарогахъ дѣйствительно показалъ примѣръ обѣщанной строгости и булочникъ поплатился головой за свои продѣлки.

## Саратовская крестьянка.

Говоря о нашей крестьянкѣ, обыкновенно принято у насъ разумѣть женщину—работницу, помощницу мужа, почти не имѣющую никакого голоса и значенія въ общественной сельской жизни; но подобное представленіе невѣрно. Въ тѣхъ губерніяхъ, особенно, гдѣ много сектантовъ, раскольниковъ — женщина играетъ весьма важную роль не только въ семьѣ, но и въ обществѣ. Причинъ этому много и онѣ въ самомъ бытѣ раскольниковъ... На рисункѣ, саратовская крестьянка изображена въ праздничномъ нарядѣ; онъ отличается скромностью. Это не щеголиха, а только прилично одѣтая женщина. Это не простая полевая работница. Въ тѣхъ мѣстахъ, изъ среды женщинъ, являются прославленныя, извѣстныя въ старообрядчествѣ наставницы, такъ называемая *дѣвицы-старчики*, на которыхъ чуть не молятся. Слово дѣвица-старчикъ у насъ мало извѣстно, но очень обычно среди крестьянъ Саратовской губерніи. *Старчиками* называются у саратовскихъ крестьянъ дѣвушки, рѣшившіяся не выходить за мужъ. Носятъ онѣ обыкновенно особаго покроя сарафаны съ широкими рукавами. Это нѣчто въ родѣ монахинь. Дѣятельность ихъ заключается въ томъ, что онѣ учатъ дѣтей, сучатъ восковыя свѣчи для моленъ, читаютъ по усопшимъ псалтирь. Сдѣлаться старчикомъ, по мнѣнію вѣрующихъ, значитъ *„во плоти войти въ рай.“* Старчиковъ называютъ также *матушками*.

Женщина начётчица извѣстна хорошо у старообрядцевъ повсюду, но въ Саратовской губерніи онѣ пользуются особымъ уваженіемъ. Хвалынскъ, городъ Саратовской губерніи, считался издавна резиденціей разныхъ старообрядческихъ архіереевъ; въ буеракахъ Баранниковомъ, Мечевомъ и Марьяннѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ губернскаго города, почти на нашихъ глазахъ существовали старообрядческіе скиты. Дѣвица-старчикъ дѣйствительная сила, и сила такъ или иначе интеллектуальная. Чтобы быть начётчицей, отказаться навсегда отъ замужества, нужно иногда не мало воли, увлеченія. Честолюбивыя и почему нибудь обездоленныя идутъ въ *матушки*, остаются дѣвушками. За свое самопожертвованіе онѣ получаютъ значеніе и пользуются со всѣхъ сторонъ почетомъ. Не всѣ выдерживаютъ конечно *старичество*; нѣкоторыя отказываются отъ безбрачія и выходятъ за мужъ. Но эти уклоненія еще сильнѣе возвышаютъ твердыхъ *старчиковъ* въ глазахъ старообрядцевъ.

Кто знаетъ какія сильныя страсти таятся подъ этимъ скромнымъ нарядомъ; страсти сокрытыя, но всегда могущія прорваться наружу.

Саратовская дѣвушка-старчикъ не всегда существо безстрастное; этому противорѣчатъ и разсказы о жизни въ скитахъ и свѣденія о томъ, что почти ни одно дѣло о старообрядческомъ архіереѣ не обходилось безъ женщинъ.

Въ послѣднее время рядъ превосходныхъ романовъ („на го-

рахъ“, „въ лѣсахъ“ и друг.) нашего извѣстнаго писателя г. Мельникова (Печерскаго) съ чрезвычайною яркостью и силою изображающихъ бытъ старообрядцевъ Поволжья, познакомилъ насъ съ внутреннею жизнью этой замѣчательной среды. Глубокое знаніе народнаго быта и мастерство изложенія придаютъ этимъ произведеніямъ нашего писателя особенную, высокую цѣну.

## Морскіе зайцы.

„Морскимъ зайцемъ“ или „Лумпомъ“ (Cyclopterus lumpus) называется странной формы рыба, принадлежащая къ семейству *круглобрюхихъ* (Discoboli). Въ разныхъ европейскихъ акваріяхъ находится множество этихъ странныхъ рыбъ. Такъ и кишатъ онѣ на днѣ.

Имѣющій крайне странную фигуру морской заяцъ, достигаетъ длины около 12 вершковъ. Кожа его лишена чешуи, свойственной рыбамъ, но снабжена костистыми наростами и отливаетъ разнообразными цвѣтами. Спина снабжена буро-сѣраго цвѣта горбомъ, напоминающимъ въ миніатюрѣ горбъ верблюда; на брюшкѣ же кожа рыбы этой снабжена прелестными зелено-голубыми чешуйками. Голова, имѣющая почти форму конуса, выдающіяся мясистыя губы, далеко отстоящіе другъ отъ друга подвижные глаза, обрамленные бѣлыми полосками ноздревыя отверзтія—все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ животному непріятный видъ. Самою замѣчательною особенностью морскаго зайца представляется сосательный (въ формѣ круглой пластинки) аппаратъ, развившійся изъ брюшныхъ плавниковъ. Подобный же органъ можно указать только у особаго класса животныхъ „всасывающихся“, напр. Lepadogaster bimaculatus, у морской улитки (рыба) Liparis vulgaris и у нѣкоторыхъ другихъ. Посредствомъ круглой бородавки, находящейся на сосательномъ кружкѣ, морскіе зайцы весьма крѣпко присасываются къ скаламъ, кораблямъ и даже большимъ морскимъ животнымъ. Причина же присасыванія этихъ животныхъ до сихъ поръ не объяснена надлежащимъ образомъ. Когда „зайцы“ присасывались къ кораблямъ и совершали такимъ образомъ огромныя путешествія, то это явленіе пытались объяснить недостаточною способностью морскихъ зайцевъ къ плаванію. Но на основаніи наблюденій, нужно заключить, что морской заяцъ вовсе не плохой пловецъ: напротивъ, своимъ проворствомъ въ плаваніи онъ даже превосходитъ своихъ собратій по аккварію. На прилагаемомъ рисункѣ на первомъ планѣ видны морскіе зайцы, твердо присосавшіеся къ камнямъ аккварія. Одно изъ этихъ животныхъ (малый экземпляръ) лежитъ брюшкомъ къ зрителю, и позволяетъ отчетливо видѣть присасывающійся аппаратъ*). И вотъ въ этомъ положеніи и занятіи присасыванія къ камнямъ, проводятъ эти животныя цѣлые часы, даже дни. Можно видѣть, какъ иногда морской заяцъ присасывается къ подножію дикой, неприступной скалы, стоящей въ морской водѣ; животное часто, опустивъ голову внизъ, сверлитъ своимъ аппаратомъ каменную твердыню, вѣерообразно вращая своими грудными плавниками. Надо сказать и то, что названіе „зайцевъ“ дано этимъ животнымъ неудачно. Они вовсе не трусливы, а дерзки и отважны. Яростно нападаетъ заяцъ на щуку, во много разъ превосходящую его величиною и силою, безпрестанно охотится за навагою, особенно же съ непонятнымъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ гомара или морскаго рака. Во время кормленія эти животныя обнаруживаютъ свои хищническіе инстинкты. Заяцъ яростно вырываетъ у своего противника пищу буквально изо рта (напр. полупроглоченнаго червяка). Мясо этихъ животныхъ, преимущественно водящихся въ сѣверномъ и восточномъ океанѣ, не считается особенно вкуснымъ. Впрочемъ, напримѣръ, исланды считаютъ морскаго зайца лакомымъ, но предварительно держатъ его нѣсколько дней въ разсолѣ. Тюлень ревностно преслѣдуетъ морскихъ зайцевъ; но съѣдаетъ ихъ, только тщательно снявъ кожу съ нихъ.

Есть еще одно животное, тоже носящее имя „морскаго зайца“. Это порода морскихъ улитокъ, принадлежащихъ къ отдѣлу Gastropoda и, по преданіямъ, содержащихъ въ своемъ кишечномъ каналѣ ядъ. Животное это водится у береговъ Англіи и названо „Морскою коровою“ (Aplysia depilans). Слово depilans значитъ „*стригущій волосы*“ и указываетъ на едкость отдѣляемаго животнымъ яда. Исторія говоритъ намъ, что этимъ ядомъ отравились римскіе императоры *Неронъ* и *Домиціанъ*. Однако, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, отдѣляемый морскою улиткою сокъ оказывается совершенно безвреднымъ. Древнему писателю Плинію морскіе зайцы были извѣстны подъ именемъ Lepus Marinus. И животное это играло, въ исторіи отравъ и чародѣйства временъ Римскаго цезаризма, значительную роль.

# Политическія извѣстія.

Тяжко отозвалась на внутреннихъ дѣлахъ Австро-Венгерской монархіи оккупація Босніи и Герцеговины. Въ отвѣтномъ, на тронную рѣчь, адресѣ представители страны указываютъ на всѣ затрудненія, порожденныя внѣшнею политикою министерства и энергически протестуютъ противъ этой политики. Дѣйствительно, если, съ одной стороны, предпринятое Австріей дѣло занятія областей еще больше отяготило бюджетъ и усилило финансовый кризисъ, то, съ другой,—едва не повело къ весьма серьезному столкновенію между двумя главнѣйшими составными частями имперіи. Венгры упорно отказывались принять бюджетъ расходовъ на оккупацію. Борьба дошла до того, что была минута, когда существованіе самой системы дуализма казалось не прочнымъ. Повидимому, однако, правительству удалось придти къ соглашенію съ недовольными, такъ какъ венгерскія делегаціи приняли бюджетъ. Судя по всему, соглашеніе съ мадьярами достигнуто едва ли не цѣною будущаго порабощенія имъ Босніи и Герцеговины въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Говорятъ, что желѣзныя дороги отъ Мостара и Сераева проведутся къ Пешту, а не къ Вѣнѣ, что политическое представительство въ новыхъ областяхъ будетъ составлять подчиненную часть мадьярскаго и что уже теперь чиновники славянскаго происхожденія, поставленные сначала тамъ, замѣняются венгерскими комисарами. Къ осуществленію же общаго плана будетъ, вѣроятно, вскорѣ приступлено. Сопротивленіе сломлено вездѣ (кромѣ Новаго Базара) введенъ „порядокъ“ настолько, что, по словамъ австрійскихъ оффиціозныхъ газетъ, главнокомандующій въ Босніи, баронъ Филипповичъ полагаетъ, что оккупаціонную армію можно распустить со всѣмъ ея штабомъ и замѣнить военными властями, поставивъ во главѣ простаго правительственнаго комисара. Подтвержденіемъ извѣстій о наступленіи „мира“ въ несчастныхъ провинціяхъ служитъ полученная въ Вѣнѣ изъ Сераева депеша, въ которой сообщается, что 9-го ноября (н. с.) депутація магометанскихъ беговъ подала барону Филипповичу адресъ на имя императора, съ просьбой о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи, дарованіи амнистіи и проч. Конечно, адресъ, выражающій, напримѣръ, желаніе магометанъ разорвать всякое единеніе съ Шейхъ-Уль-Исламомъ, т. е. своимъ духовнымъ главою, трудно объяснить иначе, какъ принужденіемъ. Однако, конвенція между Портой и Вѣнскимъ кабинетомъ пока все таки не заключена и недавно между Савфетомъ-Пашею и графомъ Зичи происходили новые переговоры по поводу этого. „Политическая Корреспонденція“ говоритъ, что великій визирь объяснилъ австро-венгерскому посланнику причину сосредоточенія турецкихъ войскъ въ окрестностяхъ Новаго Базара тѣмъ, что необходимо поддержать порядокъ и предупредить новое возстаніе...

Родопскій мятежъ близится къ концу—болѣзни и голодъ разгоняютъ несчастныхъ инсургентовъ въ разныя стороны и преимущественно къ русскимъ форпостамъ, которымъ, говорятъ, уже сдалось около двухъ тысячъ человѣкъ. Глава Родопскаго возстанія, С.-Клэръ снова уѣхалъ въ Константинополь, но, на этотъ разъ его поѣздкѣ приписываютъ особую цѣль, не имѣющую ничего общаго съ интересами возстанія: передаютъ, что онъ вербуетъ корпусъ въ 50 тысячъ человѣкъ для поддержки Британіи въ ея войнѣ съ Афганистаномъ, на что получилъ отъ С.-Джемскаго кабинета будто бы 100 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Британское правительство что-то не особенно спѣшитъ раздѣлаться съ эмиромъ и обратило снова все вниманіе на Балканскій полуостровъ. По крайней мѣрѣ, члены министерства, во всѣхъ своихъ публичныхъ объясненіяхъ, говорятъ только объ этомъ. Недавно, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, на митингѣ въ Линнѣ, сказалъ, что „Британія поступитъ строго (!) съ тѣми, кто нарушитъ торжественно принятыя на себя обязательства и для поддержанія Берлинскаго трактата не отступитъ и предъ войной“; лордъ Биконсфильдъ закончилъ свою рѣчь на банкетѣ лорда-мэра слѣдующими словами: „Британское правительство рѣшилось требовать буквальнаго выполненія трактата и если окажется нужнымъ, обратиться съ воззваніемъ къ британскому народу за поддержкой его со всею энергіею и всѣми средствами страны. „Императоръ Францъ-Іосифъ, принимая венгерскія делегаціи, сказалъ также между прочимъ, что „австро-венгерское правительство будетъ домогаться послѣдовательнаго и всесторонняго выполненія Берлинскаго трактата. „Полит. Корресп.“ опровергаетъ сообщенное британскими газетами извѣстіе о состоявшемся, будто бы, между Британіей и Австріей соглашеніи на счетъ очищенія турецкой территоріи русскими войсками. Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, Е. В. Государь Императоръ изволилъ выразить,—по поводу циркулярной ноты Ваддингтона въ пользу Греціи,—твердое рѣшеніе выполнить постановленія Берлинскаго трактата.

Бессарабія присоединена окончательно. 8 октября, въ воскресенье, происходилъ въ Измаилѣ торжественный актъ присоединенія вновь отошедшей къ Россіи области. Въ 10 часовъ главноуполномоченный нашъ со свитою направился къ при-

*) Извѣстно, что нужно усиліе чтобы морскаго зайца, длиною въ два, три вершка, оторвать отъ предмета, къ которому онъ присосался. Даже мертваго зайца оторвать трудно.

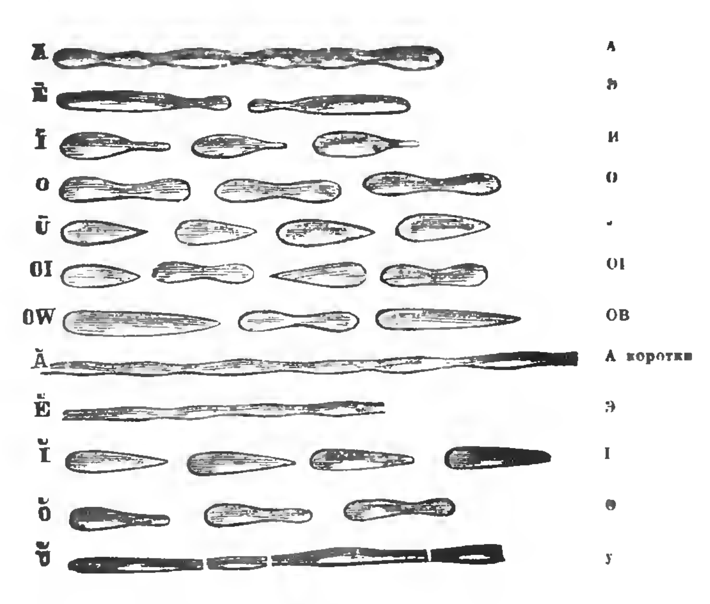
станп, гдѣ встрѣченъ былъ войсками и духовенствомъ. Молебенъ отслуженъ при стеченіи безчисленной толпы народа. Едва кончилось „Тебѣ Бога хвалимъ“ какъ взвился императорскій штандартъ и войска и народъ на объявленіе о присоединеніи отвѣтили единодушнымъ „ура“, смѣшавшимся съ салютомъ девяти орудій.

25 сентября въ Ташкентѣ командующимъ войсками округа былъ сдѣланъ смотръ по тревогѣ въ присутствіи членовъ авганскаго посольства. Загорѣлые люди имѣли мужественный и воинственный видъ, восхитившій нашихъ гостей. Командующій войсками со свитой и посольствомъ въѣхалъ па гору, откуда видны были войска во всемъ ихъ составѣ.

Авганистанъ укрѣпляетъ города свои и значительныя войска стягиваются къ Кандагару.

# Новыя изобрѣтенія и открытія.

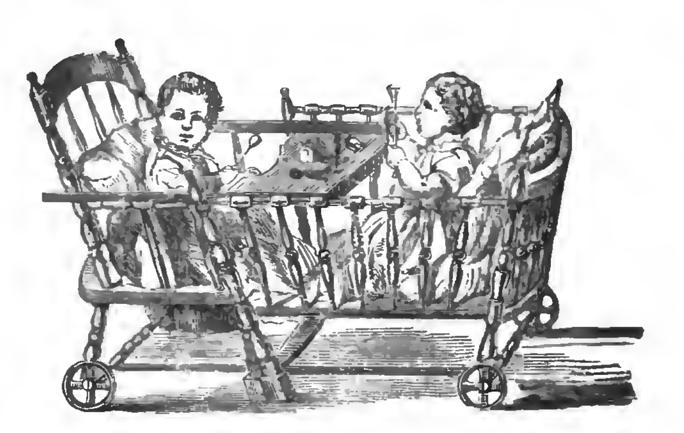
**Фонографическіе отпечатки подъ микроскопомъ.** Въ одномъ изъ засѣданій Института Франклина, проф. Фразесъ докладывалъ о результатахъ, полученныхъ имъ при изслѣдованіи подъ микроскопомъ станіолевыхъ (тонкихъ цинковыхъ) пластинокъ взятыхъ изъ фонографа, съ цѣлью опредѣленія формъ различныхъ звуковъ. Впередъ можно было ожидать, что отдѣльные звуки дадутъ въ фонографѣ характеристическія изображенія. Наблюдатель долженъ произносить звуки въ трубку фонографа, по возможности, въ равныхъ другъ отъ друга промежуткахъ и въ ту очередь, какая усматривается въ приложенномъ рисункѣ, повторяя трижды каждый звукъ, на три различныя станіолевыя пластинки. Первые отпечатки, имѣющіе цѣлью опредѣлить, отчетливо ли произносятся звуки,—отбрасываются въ сторону. Углубленія представляются подъ микроскопомъ такъ, какъ видно на приложенномъ изображеніи. Въ сущности длинныя и короткія гласныя представляютъ тождественность формъ, только въ послѣднихъ колебанія слабѣе, такъ что штифтикъ, нерѣдко, вовсе не покидаетъ станіолевой пластинки, какъ можно видѣть при звукѣ Е., гдѣ линія только попеременно то съуживается, то расширяется. Особенно интересенъ звукъ ŏĭ, состоящій изъ звуковъ ŏ и ĭ: фонографическіе отпечатки даютъ характеристическое изображеніе обоихъ отдѣльныхъ звуковъ. Звукъ ow даетъ тоже сложный типъ, который однакожe не могъ быть изображенъ вполнѣ точно.

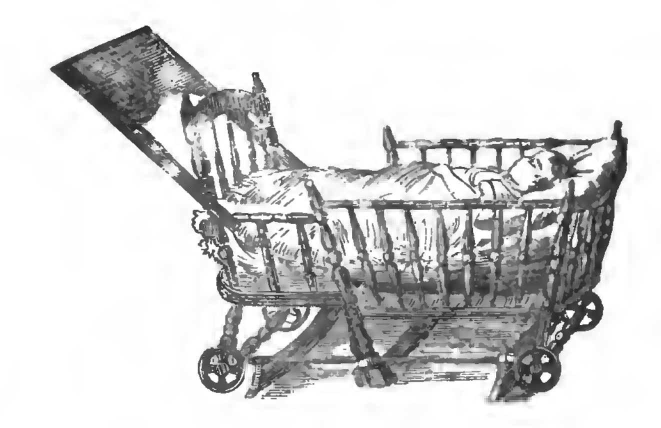


Вдавленія на станіолевыхъ пластинкахъ фонографа сильно увеличенныя микроскопомъ.

**Складное передвижное дѣтское кресло, столъ, кровать и люлька — Криммеля.** Это новоизобрѣтенная патентованная дѣтская мебель выставлена на фабрикѣ дѣтскихъ экипажей Истера въ Зейтцѣ. По своей чрезвычайно практической конструкціи она стоитъ того, чтобы обратить на нее вниманіе. Въ первоначальномъ видѣ—это высокое дѣтское кресло со столикомъ, который предохраняетъ ребенка отъ паденія. Весьма остроумно устроено оно, такъ что десятилѣтній даже ребенокъ безъ труда можетъ его обратить въ настоящую комнатную дѣтскую тележку. Въ ней ребенокъ можетъ весьма удобно лежать, какъ въ кроваткѣ; еще одинъ поворотъ и двое дѣтей могутъ уже сидѣть другъ противъ друга; ихъ раздѣляетъ столъ. Если угодно, можно изъ повозки сдѣлать также люльку. Если сообразить, какъ хлопотливо въ дурную, особенно, погоду помѣщать въ комнатѣ дѣтскія повозочки, сколько возни съ ихъ чисткой; если вспомнить, что въ каждой дѣтской необходимо и высокое кресло и столики и кроватки, то это изобрѣтеніе должно получить свою оцѣнку. Это кресло недорого продается у Гуго Биндера въ Берлинѣ, Кепникъ ул. № 45 и у Ричарда Фурхта въ Лейпцигѣ.


Складное кресло: Фиг. 1. Высокое дѣтское кресло


Фиг. 2. Двойная дѣтская тележка.


Фиг. 3. Кроватка.

## Шахматная задача.

Черные.

| | A | B | C | D | E | F | G | H |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 8 | | | | | | | | |
| 7 | | | | | | | | |
| 6 | | | | | | | | |
| 5 | | | | | | | | |
| 4 | | | | | | | | |
| 3 | | | | | | | | |
| 2 | | | | | | | | |
| 1 | | | | | | | | |

Бѣлые.

Бѣлые начинають и выигрывають въ 2 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи въ слѣдующемъ номерѣ.

Рѣшеніе ариѳметической задачи, помѣщенной въ № 45 „Нивы":

А получилъ 4 кон.
Б 1 кон.

## ЗАДАЧА.



Въ этомъ шестоперѣ по всей длинѣ его расположены шесть буквъ, составляющихъ одно слово. Разгадка въ слѣдующ. №.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Канареечная улица** В. И. Л - ву. Вы надѣетесь. что въ вашихъ стихахъ есть „хоть малая толика поэзіи". На сколько основательна ваша надежда, всякій можетъ видѣть хоть изъ слѣдующихъ строфы:

Пустынно сердце и широко
Но чужда бѣдному любовь.
Лишь грусть вгнѣздившися глубоко
Сосетъ какъ вампиръ мою кровь.

Быть можетъ вы найдете не лишнимъ принять къ свѣдѣнію, что слова „вампиръ" и „чужда" имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ Вы говорите:

Ахъ не быть видно мнѣ
Во вѣкъ счастливымъ
Я за что ни возьмусь
Изъ рукъ валится
Нѣтъ успѣха ни въ чемъ
Безталанному.

Это очень грустно. Но это бываетъ обыкновенно въ томъ случаѣ, когда берутся не за свое дѣло.

**Опечатка въ № 45, 1 стр., 1 столбецъ, 10 стр. сверху: вмѣсто по** *пятям*ъ, **слѣдуетъ читать по** *пятамъ*.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** За редактора **Ф. БЕРГЪ.**

## Слѣдующія изданія можно выписывать черезъ Редакцію „Нивы“.

**Повѣсти, Разсказы** и Драматическія сочиненія **Н. А. Лейкина**. Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

**Содержаніе I тома.**

1) Апраксинцы. 2) Кусокъ хлѣба. 3) Ямская въ будни и праздникъ. 4) Крестины въ Ямской. 5) Похороны. 6) Синяя борода за галстукомъ. 7) Театроманія. 8) Критика. 9) Дружественная лотерея.

**Содержаніе II тома.**

Учебный день въ нѣмецкой школѣ.—Биржевые артельщики.—Извощикъ.—Швейцаръ.—Маркеръ.—Прачка поденщица. — Охтенка. — Парикмахерскій подмастерье.—Букинистъ. — Горничная.—Торговый мальчикъ.—Мастерична.—Лихачъ.—Кухарка.—И я, да не я.—Ласковый человѣкъ—Отецъ и сынъ —Прикащикъ на отчетѣ. — Водогрѣйщикъ.—Искусъ.—Тесть и зять.—Рукобитье.—Ряженые.

**Историческіе Очерки и Разсказы С. Н. Шубинскаго. Изданіе второе, дополненное.** Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

**Содержаніе.**

Придворные шуты и шутовскія свадьбы въ царствованіе Петра Великаго и Анны Іоанновны.—Березовскіе ссыльные.—В. В. Голицынъ.—Убійство Синклера.—Дочь Бирона — Н. А. Демидовъ.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Императрица Екатерина 2 и ея два статсъ-секретаря.—Принцъ Нассау-Зигенъ —Подпоручикъ Федосѣевъ. — Пѣвица Габріэлли.

**Записки Слѣдователя**, сочиненіе **Н. П. Тимофѣева**.

**Содержаніе:** 1) Первыя впечатлѣнія. 2) Убійство и самоубійство. 3) Поджигатели. 4) Тюремный міръ. 5) Грабительская шайка. 6) Преступленіе суевѣрія. 7) Проститутка. **Цѣна 2 руб. съ перес: 2 руб. 50 коп**

**Э. А. Россмесслеръ. На Досугѣ. Популярныя Бесѣды**, съ политипаж. въ текстѣ, перев. съ нѣмецкаго **П. Андреевскаго.** Ц. 3 р. 50 к. съ перес. 4 руб.

**Содержаніе Отд. I. Въ повѣствовательной формѣ.** Деревушка въ горахъ (перспектива въ народное естествознаніе).—Маленькій пастухъ.—Комиссія.—Личности.—Выставка.—Путь къ просвѣщенію. — **Отд. II. Обильные дары. Царство злаковъ.** — Зелень растеній.—Альпійская роза.—Крахмалъ.—Дерево.—Кружевное дерево.—Какъ и по какому плану строитъ улитка свой домъ.—Древесный жукъ. Растутъ ли камни.—Парнасія.—Микроскопическіе грибы.—Альпійскія растенія.—Іюльская роза.—Метаморфозы или превращенія растенія —Чернильная рыба или каракатица. **Отд. III. Подъ деревьями.** Садъ, паркъ и лѣсъ.—Лѣсъ. **Отд. IV. На свободѣ.** Изъ Валенс п.—Странствованія песчинки.—Весна на дворѣ (въ день рожденія подруги).—На Венгернальнѣ.—Двѣ прогулки.—Первая.—Вторая.—День изъ путешествія по Южной Испаніи —Два маленькія приключенія изъ путешествія съ естественнонаучною цѣлью. **Отд. V.** Къ вопросу о естествоиспытаніи. Естествознаніе.—Путешествія человѣка, свѣдущаго въ природѣ. **Отд. VI. Ради дѣтей.** Игра или обученіе? (Наставникамъ и матерямъ).—Для маленькаго міра.—Три за одно (Рождественная картинка).—Естествознаніе и народное обученіе. **Отд. VII. Воззваніе къ уму и сердцу.** Собирательница хворöста.—Моровая язва религіознаго умопомѣшательства.—Здѣсь и тамъ.—Чѣмъ отличаемся мы отъ животныхъ?—Братъ и сестра.—Поэзія и естествознаніе.—Искусство и природа.—Сдѣлайтесь способными къ защитѣ.—Думайте объ этомъ. **Отд. III. Для жизни.** Тѣлодвиженія, пріемы или жесты —Плачъ.—Смѣхъ.—Стекло (Рождественское разсужденіе).—Бумага.—Каменныя мысли.—Лейпцигская ярмарка. **Отд. IX. Памяти Гумбольдта.** 6 мая 1859 года.—Похороны Гумбольдта.—Общины Гумбольдта. — 14 сентября 1859 года. № 236

---

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

только что вышло:

## ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ

## ПОЭМА ДЖОНА МИЛЬТОНА

БОЛЬШОЕ ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ 50 большими картинами **Густава Дорэ**

Переводъ съ англійскаго **А Шульговской.**

Съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

Въ простомъ коленкоровомъ переплетѣ . . . 25 руб.

Съ пересылкою въ ящикѣ. . . . . . . . 30 руб.

Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ въ картонѣ . . 30 „

Съ пересылкою въ ящикѣ. . . . . . . . 35 „

Для подписчиковъ „Нивы“ 1879 г. дѣлается 3 руб. уступки.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ и такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, становясь настольной книгой, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, неутратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы

Предпринимая это изданіе, я не жалѣлъ ни труда ни времени (не говоря уже объ огромныхъ затратахъ) чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Помѣщенный въ этотъ номеръ „Нивы“ одинъ рисунокъ изъ означеннаго изданія даетъ каждому понятіе *о высокомъ талантѣ художника Дорэ* и о тщательномъ выполненіи рисунковъ всего изданія. Сдѣланный вновь для этого изданія переводъ *А. Шульговской* вѣренъ подлиннику и отличается какъ красотами языка, такъ и вѣрностью оригиналу.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, имѣющими такую красоту и изящество заграничными изданіями, стоющими по 40 руб. и болѣе,—до такой степени дешево, что объ этомъ нечего даже и распространяться.

*Для* **подарковъ на Елку** это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рисункамъ художника *Ив. Панова*, будетъ весьма *удобно*. Для этого рекомендуемъ въ особенности изданіе *въ богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ.* № 216 6—4

---

## СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ.

## ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА.

ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ ВЪ ЧЕХІИ.

Рекомендуетъ большой выборъ хрустальныхъ сервизовъ, кружекъ, вазъ для фруктовъ и цвѣтовъ, десертныхъ тарелокъ, подставокъ для роялей, молочниковъ, прессъ-папье, градусниковъ, бонбоньерокъ и проч. Сапоги и козлы для пива, хрустальныя ложки для варенья и лекарства по заводскимъ цѣнамъ.

Складъ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Морской, д. № 36. № 238 5—1

---

**НОВОСТЬ.**

**Въ С.-Петербургѣ.**

Вышли въ свѣтъ **КАРТЫ ГАДАНІЯ**, знаменитой предсказательницы дѣвицы Ленорманъ, и продаются у издателя Н. Попова, Троицкій пер., домъ № 3 кв № 21. Цѣна за колоду 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.; также въ книжныхъ, бумажныхъ и въ игрушечныхъ магазинахъ. Гг. торговцамъ уступка. № 240 1—1

---

**въ „MAGASIN ETRANGER“**

**ИНОСТРАННОМЪ МАГАЗИНѢ Б. МОРСК. Д. № 30.**

**!! ПАРИЖСКІЯ !!**

## ВѢЕРА

отличной отдѣлки въ особенно хорошемъ вкусѣ всякихъ цѣнъ отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ цѣнныхъ въ такомъ небываломъ громадномъ выборѣ, что каждый покупатель не только можетъ выбрать вѣеръ по собственному своему вкусу; но даже по такой цѣнѣ, какую самъ опредѣлитъ. Цѣны отъ 30 к. Большые очень красивые вѣера отъ 2 р. № 242 1—1

---

## РАМКИ

разныя готовыя и на заказъ. Двѣ рамки для премій „Нивы“ 1878 г. Бояринъ Борисъ Годуновъ и Царь Борисъ Годуновъ отъ 4, 5, 6 руб. и дороже. Въ магазинѣ картинъ Карла Скроцъ, въ СПБ. по Казанской ул., противъ Новаго пер., д. № 42. № 243 1

---

№ 233 ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ: 1—1

**КІЕВСКІЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ**

**на 1879 годъ.**

Годъ пятнадцатый, изданіе 28-ое съ картою Россіи, планомъ Балканскаго прохода Шипки и многими рисунками. Содержаніе календаря: необходимыя календарныя свѣдѣнія, свѣдѣнія о Кіевѣ, статьи историческія, о дневныхъ пріютахъ, статьи по домоводству, сельскому хозяйству, пчеловодству, объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, политическое и статистическое обозрѣніе государствъ, свѣдѣнія для родителей, опредѣляющихъ дѣтей въ общія и спеціальныя училища, свѣдѣнія почтовыя, судебныя и другія справочныя свѣдѣнія.

**Цѣна 20 коп** въ переплетѣ **25** коп. на веленевой бумагѣ **40** коп. Книгопродавцамъ значительная уступка. Съ требованіями обращаться **въ Кіевъ, въ магазинъ Редакціи Кіевскаго народнаго календаря** при Кіевской 1-ой гимназіи.

---

**ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ**

**ВЪ МАГАЗИНАХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ Л. КАСТИЛЬОНЪ**

С.-Петербургъ Б. Морская № 16, д. Елисѣева.

Москва, Кузнецкій мостъ д. Фирсанова № 68—11.

Только что полученная со Всемірной Парижской Выставки Новоизобрѣтенная американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей № 232 5—1

Цѣна съ мѣдной платформой . . . . . . 7 р.

„ „ съ высеребренной . . . . . . 8 „

---

**КАЛЕНДАРЬ-ТЕРМОМЕТРЪ**

№ 241 НА 1879 ГОДЪ 1—1

**(самый полный съ отрывающимися листами).** **Цѣна 1 р съ перес. 1 р 40 к.**

Къ роскошной папкѣ придѣланъ изящный термометръ Реомюра. Въ календарѣ три портрета командировъ крейсеровъ Русскаго Добровольнаго флота. Обращаться въ книжный магаз **С. Н. Глазенапа.** Понарсвой пер., № 15 въ СПБ.

---

## „ВЪ РЕДАКЦІИ СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

Въ редакціи „Собранія Романовъ“, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, продаются остальные экземпляры прежнихъ годовъ. „Собранія Романовъ“.

1871 г., 12 книгъ **одиннадцать** большихъ романовъ **и тридцать-девять** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1872 г. 12 кн., **тринадцать** большихъ романовъ и **тридцать четыре** повѣсти. Цѣна 7 р. съ перес. 9 р.

1873 г. 12 кн., **девять** большихъ романовъ и **двадцать-шесть** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1874 г. 12 кн., **двѣнадцать** большихъ романовъ и **двадцать-шесть** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9.

1875 г. 12 кн., **четырнадцать** большихъ романовъ и **двадцать-девять** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1876 г. 12 кн., **одиннадцать** большихъ романовъ и **двадцать-шесть** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1877 г. 12 кн., **десять** большихъ романовъ и **двадцать-четыре** повѣсти. Цѣна 8 р., съ перес. 10 р.

Желающимъ **высылается безплатно каталогъ** съ подробнымъ обозначеніемъ романовъ и повѣстей, помѣщенныхъ въ каждомъ году. Каждый годъ „Собранія Романовъ“, имѣетъ одинаковое, опредѣленное количество печатныхъ листовъ. Разница въ числѣ романовъ и повѣстей происходитъ отъ ихъ величины. № 226 1—1

# О ПОДПИСКѢ НА
# ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ „ТЕЛЕГРАФЪ“ 1879 Г.

**„Телеграфъ“** будетъ выходить въ 1879 году по прежнему ЕЖЕДНЕВНО, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за табельными праздниками или за двумя праздничными днями) будетъ издаваться полный листъ или полулистъ газеты но безъ передовыхъ статей.

**„Телеграфъ“**—политическая, литературная и общественная ежедневная газета—самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежедневныхъ газетъ въ Россіи, издается безъ предварительной цензуры.

Дешевизна, общедоступность, полнота, отзывчивость ко всѣму интересующему общество—вотъ главныя цѣли, къ которымъ стремится газета **„Телеграфъ“**. Немногіе имѣютъ возможность платить *дорого* за газету, не у всѣхъ *досугъ* прочитывать длинные столбцы большихъ изданій; но всѣ, отъ столичнаго до провинціальнаго и деревенскаго жителя, желаютъ внимательно слѣдить за явленіями общественной и государственной жизни; всѣ желаютъ найти отголосокъ своимъ взглядамъ и желаніямъ и жить общею жизнію съ отечествомъ. Такихъ читателей редакція исключительно имѣетъ въ виду; для нихъ она трудится, и труды ея уже увѣнчались успѣхомъ. Въ теченіи перваго года число подписчиковъ на газету **„Телеграфъ“** превзошло 10,000, такъ что газетѣ пришлось обзавестись собственною типографіею, вполнѣ обезпечивающую отнынѣ исправную доставку газеты.

**„Телеграфъ“** выходитъ въ большомъ форматѣ въ пять газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты **„Телеграфъ“** на Большой Конюшенной, д. № 15, Языковой, кв. № 22.

Подписная цѣна на газету **„Телеграфъ“** съ доставкою ея на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ въ 1879 году слѣдующая:

| | | | | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| на 12 мѣс. | на 11 мѣс. | на 10 мѣс. | на 9 мѣс. | на 8 мѣс. | на 7 мѣс. | на 6 мѣс. | на 5 мѣс. | на 4 мѣс. | на 3 мѣс. | на 2 мѣс. | на 1 мѣс. |
| 6 р. — к. | 5 р. 50 к. | 5 р. — к. | 4 р. 75 к. | 4 р. 25 к. | 4 р. — к. | 3 р. 50 к. | 3 р. — к. | 2 р. 50 к. | 2 р. — к. | 1 р. 50 к. | 75 к. |

**Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.**

Подписная цѣна за-границею вдвое противъ означенныхъ выше цѣнъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ, для служащихъ по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; не служащіе не могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою и доставкою, присылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 2 р. 50 к., въ началѣ марта 2 р. и въ началѣ августа 1 р. 50 к. Нарушившіе который-либо изъ означенныхъ сроковъ лишаются права на разсрочку.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать двѣ 8-ми коп. марки, а также сообщать свой старый адресъ, безъ чего не можетъ быть сдѣлана своевременно перемѣна.

№ 235 2— Издатель и редакторъ **К. Трубниковъ.**

## ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

**Юлія Генриха Циммермана.** Б. Морская № 42. въ С.-Петербургѣ.

рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ: скрипки, альты, віолончели, басы, цитры, гитары, мандолины, гитары корнетъ а пистонъ, флейты, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармонифлюты, англійскія и нѣмецкія концертины, свѣжія итальянскія и нѣмецкія струны и всѣ принадлежности.

Пріемъ въ починку. № 22 5—4

Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

Вновь открыта **ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА доктора Добровольскаго** съ постоянными кроватями. На Михайловской площади, близь Пассажа, домъ № 15 кв. 7. **Пріемъ** больныхъ утромъ ежедневно, исключая воскресенья, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. **Для бѣдныхъ** безплатно по вторникамъ и субботамъ отъ 9 до 11 часовъ.
№ 222 10—2

## ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.



**МОРИЦЪ ВЕЙЛЬ младшій**

Маш. строительный заводъ

въ Франкфуртѣ н. М. въ Германіи

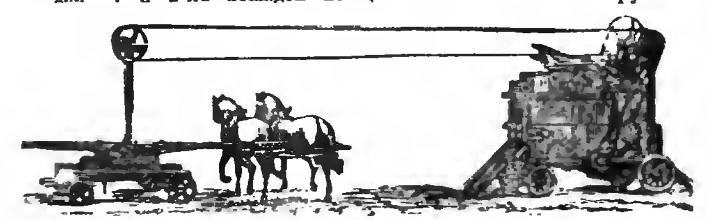
поставляетъ, по желанію франкировано на границы на первыя станціи русскихъ жел. дорогъ.

**Ручныя молотилки** по цѣнѣ отъ 98 руб.



**Молотилки съ конными приводами**

для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.



**Молотилки съ конными приводами**

для 2, 4 и 6 лошадей, съ самодѣйствующимъ питательнымъ аппаратомъ или безъ онаго, готовыя со всѣми принадлежностями къ употребленію. **Иллюстр. каталоги по желанію безплатно и франкир.** № 223

## КОНТОРА „Ю. ПЛАХОЦКІЙ“.

**СПБургъ, Аничковъ мостъ, д. № 40—68.**

Справки, свѣдѣнія, указанія, исполненіе порученій по всевозможнымъ вопросамъ. Пріемъ заявленій отъ лицъ, желающихъ купить, продать, заложить, или помѣстить капиталъ подъ обезпеченіе. Рекомендаціи. Содѣйствіе къ полученію занятій. Объявленія въ газетахъ и журналахъ и подписка. Для предварительнаго письменнаго отвѣта 2 почтовыя марки. Контора обезпечена денежнымъ залогомъ и утверждена М. В. Д. 2 Августа 1878 года. № 231 4—1

## СЕКРЕТЪ ЮНОНЫ.

Особеннаго свойства пудра для освѣженія и бѣлизны лица, предохраняющая нѣжность лица отъ рѣзкаго вѣтра и мороза, устраняетъ жаръ и красноту и тонко прилегаетъ. Иногороднымъ высылается на 2 руб.

Цѣна коробки 75 коп., съ пуховкой 1 руб. Въ косметическихъ магазинахъ **В. Парикова и К°**, въ Гостинномъ дворѣ № 78 противъ Пажескаго корпуса и у Кошкина по перинной линіи № 14-й въ С.-Петербургѣ. № 234 3—1

## КАЖДОМУ БЫТЬ МЕЛЬНИКОМЪ

посредствомъ употребленія **новѣйшихъ мукомольныхъ мельницъ съ конными приводами по системѣ Вейла.**

Эти новыя мукомельницы размолачиваютъ изъ пшеницы 75% муки. Сортируетъ на три сорта, изъ нихъ первый сортъ отборная ржаная мука. Одноконная машина вымолачиваетъ 150 кило въ 3 часа, двухконная машина такое же количество въ 2 часа и трехконная машина въ 1 часъ. Цѣны за полное устройство слѣдующія: одноконныя 205 руб., двуконныя 236 руб. трехконныя 360 руб. Иллюстрированные Прейсъ-куранты безплатно.

Провозъ до русской границы по желанію принимаетъ на себя. **Moritz Weil jun Masch Fabrik, Frankfurt** a/м. № 238 1—1

| С.-ПЕТЕРБУРГЪ | ВЪ ОПТИЧЕСКОМЪ МАГАЗИНѢ | ВИЛЬНО |
|---|---|---|
| В. Морская 39, Литейн. пр. 43. | И. Е. МИЛЬКЪ. | Благовѣщенская ул. № 428/19 |

Предлагаются къ наступающему сезону: Готовальни, Угольники, Линейки, Термометры наружные, комнатные, ванные и медицинскіе, Барометры, Бинокли и Метрономы.

## КЛОПЫ, ТАРАКАНЫ,

**блохи, мураши, сверчки, моль (бабочки и червячки), моментально уничтожаетъ**

## АНТИ-ПАРАЗИТЪ,

который признается единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ. По достоинству своему конкурентовъ не имѣетъ. Для человѣка безвреденъ. Цѣна 30, 50 к. и 1 р., особые съ аппаратомъ 1 р. 50 к. Гг. иногороднымъ Анти-Паразитъ высылается съ аппаратомъ и пересылкою въ жестянкѣ 2 р., въ жестянкѣ и ящикѣ 2 р. 25 к. и болѣе, кои адресуются исключительно въ Депо Копаныгина, Троицкій пер., д. № 7. Торговцамъ дѣлается уступка. Розничная продажа въ Москвѣ, Неглинный проѣздъ, противъ Малаго театра, д. Товарова, въ магазинѣ Красильникова № 230 1—1

№ 229 Вышло новое сочиненіе Кн. В. Мещерскаго: 3—1

## УЖАСНАЯ ЖЕНЩИНА.

**Современный великосвѣтскій этюдъ** въ 2 томахъ роскошнаго изданія. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к. Иногородные, выписывающіе прямо отъ автора (СПБ. Надеждинская № 39) за пересылку ничего не платятъ.

**При этомъ № для гг. иногородныхъ подписч. (за исключеніемъ Московскихъ) прилагается объявленіе отъ книжн. магаз. С. И. Леухина въ Москвѣ.**




№ 47 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 19 Ноября 1878 г.

Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.





Ея Императорское Высочество Великая Княжна Анастасія Михаиловна и женихъ ея, Наслѣдный Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ Францъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

## Наслѣдный великій Герцогъ Фридрихъ-Францъ Мекленбургъ-Шверинскій и его невѣста, Великая княжна Анастасія Михаиловна.

Будущій супругъ Ея Высочества Великой Княжны Анастасіи Михаиловны, *Фридрихъ-Францъ Поль-Николаусъ—Эрнстъ-Гейнрихъ* родился 19 марта 1851 года. Онъ старшій сынъ Мекленбургъ-Шверинскаго великаго Герцога Фридриха Франца II. Великій Герцогъ Фридрихъ Францъ II по своей матери Александринѣ—племянникъ Императора Вильгельма. Съ материей стороны, наслѣдному Герцогу приходится дядею и извѣстный на поприщѣ дипломатіи, принцъ Рейсъ, Германскій посланникъ въ Константинополѣ.

Наслѣдный великій Герцогъ Шверинскій состоитъ маіоромъ à la Suite своего отечественнаго Мекленбургскаго Гренадерскаго полка № 89, а также Королевско-прусскаго 4 бранденбургскаго пѣхотнаго Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго полка, № 24. Сверхъ того, до настоящаго времени, молодой наслѣдный Герцогъ состоялъ въ дѣйствительной прусской службѣ маіоромъ гарнизона гвардейскихъ кирасиръ въ Берлинѣ. Вмѣстѣ съ своимъ храбрымъ и мужественнымъ отцемъ и слѣдующимъ за нимъ братомъ, Герцогомъ Павломъ-Фридрихомъ, онъ принималъ участіе въ Французской компаніи 1870—71 г. во все продолженіе ея, за что и имѣетъ почетный орденъ „Желѣзнаго креста“. Державный дѣдъ его, теперешній Императоръ Германіи, неоднократно выражалъ молодому Герцогу свое искреннее удовольствіе, по поводу стойкости, мужества и распорядительности своего внука; высказывалъ также, что онъ имѣетъ сердечное утѣшеніе, видя въ немъ достойнаго потомка своей, еще остающейся въ живыхъ, сестры Александры. Вторая сестра Императора Вильгельма была, какъ извѣстно, покойная Императрица всея Россіи, Александра Θеодоровна (до вступленія въ бракъ съ Императоромъ Николаемъ I—принцесса Шарлотта).

Нѣсколько времени тому назадъ, наслѣдный великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій посѣтилъ Петербургъ, чтобы быть воспріемникомъ при крещеніи новорожденной дочери своего зятя, Его Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, коего супруга, нареченная по святомъ мѵропомазаніи Маріею Павловною—есть родная сестра наслѣднаго великаго Герцога.

Вскорѣ по совершеніи этой миссіи, наслѣдный великій Герцогъ вновь посѣтилъ Петербургъ, имѣвъ непосредственно передъ этимъ вторымъ посѣщеніемъ особую аудіенцію у Его Величества Императора Германскаго Вильгельма. Цѣлью этой второй поѣздки были переговоры о заключеніи брачнаго союза молодаго Герцога съ великою княжною Анастасіею Михаиловною, дочерью Великаго Князя Михаила Николаевича.

Великая княжна Анастасія Михаиловна родилась 16 іюля 1860 г. Большую часть своего возраста Ея Высочество провела въ Тифлисѣ; воспитанная подъ непосредственнымъ руководствомъ своей матери, Великой Княгини Ольги Θеодоровны, она находится въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и красоты. По случаю торжества обрученія своей дочери, Его Высочество, Намѣстникъ Кавказскій, со всѣмъ своимъ семействомъ, посѣтилъ Петербургъ.

## Царь-дѣвица.

### Историческій романъ

**Вс. Соловьева.**

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

### IV.

Отпустивъ Шакловитаго, царевна принялась было снова за письмо сердечному другу Васенькѣ, но тотчасъ и оставила—она не могла писать ему въ такомъ состояніи духа. Ей ужъ и такъ казалось, что онъ изъ за тысячи верстъ глядитъ ей прямо въ душу своимъ пытливымъ и укоризненнымъ взоромъ. Въ самыя трудныя минуты ихъ общей жизни, онъ постоянно твердо настаивалъ на томъ, чтобы царевна не брала никакого грѣха на душу, чтобы она и относительно враговъ своихъ поступала открыто и благородно.

Много усилій хитраго разума, много усилій дѣйствительной горячей любви потребовалось отъ Софьи, чтобъ окончательно уничтожить въ Васильѣ Васильевичѣ страшное, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него участіемъ Софьи въ мятежѣ стрѣлецкомъ. Она знала теперь, что если дойдетъ до него о новыхъ ея замыслахъ, о разрѣшеніи, данномъ ею Шакловитому—сердечный другъ Васенька вырветъ ее изъ своего сердца, въ ужасѣ и навсегда отойдетъ отъ нея. Сильно онъ ее любитъ, а все же уйдетъ и никогда къ ней не вернется. Такъ какъ же теперь писать ему? какъ же его обманывать? Нѣтъ, рука не поднимется, нужно успокоиться, нужно отогнать отъ себя злыя и страшныя мысли.

Послѣ бурной жизни, вѣчныхъ тревогъ и волненій, вѣчной борьбы, для которой требовались такія ужасныя средства, въ озлобленномъ и измученномъ сердцѣ Софьи осталась только одна святыня—эта святыня была ея любовь къ Голицыну, его образъ, который являлся передъ нею неизмѣнно прекраснымъ, чистымъ, ни разу еще незапятнаннымъ участіемъ въ интригахъ, которыя она вела постоянно, которыя неизбѣжно должна была вести, какъ ей казалось.

И вотъ, чтобъ успокоиться, чтобы вернуться къ этому письму, съ душою полною любви и одной мыслью о любимомъ человѣкѣ, она вышла изъ своихъ покоевъ и направилась къ сестрамъ.

Отдавая почти все свое время дѣламъ правленія, живя своей дѣятельной мужской жизнью, царевна рѣдко посѣщала теремъ. Со своими сестрами она была дружна, особенно съ младшими, которыя выросли и воспитались подъ ея вліяніемъ; но все же ни одна изъ нихъ не была ея помощницей.

Всѣ онѣ съ радостью приняли новую свободу, дарованную терему царь-дѣвицею; всѣ онѣ конечно одобряли каждое ея распоряженіе, но серьозно относиться къ какому либо вопросу, выходившему изъ сферы ихъ повседневной жизни, онѣ не любили да и не имѣли на то способностей; онѣ просто жили въ полное свое удовольствіе.

Въ первые годы правительствованія Софьи, царевны сдѣлали себѣ большія пристройки къ терему, возвели трехъ-этажныя, каменныя палаты, украсили ихъ великолѣпной живописью.

По плану Софьи, въ нижнемъ этажѣ этихъ палатъ былъ устроенъ особый, сравнительно обширный покой, гдѣ царевны должны были сидѣть съ боярами „слушать всякихъ дѣлъ“. Но царевны какъ-то не полюбили эту комнату, такъ что съ боярами обыкновенно сидѣла одна Софья. Имъ гораздо болѣе по нраву былъ другой, менѣе величественный, но за то болѣе удобный, теремной покойчикъ и ихъ собственныя пріемныя комнаты, украшенныя, кромѣ старой живописи и лѣпной работы, разными фряжскими листами, то есть заграничными гравюрами и персонами (портретами царевенъ).

Во многомъ измѣнилась жизнь терема за эти послѣдніе годы. Теперь ужъ не было запрета посѣщать царевенъ всѣмъ боярамъ и другимъ людямъ, которыхъ онѣ удостоивали своимъ приглашеніемъ. Часто по цѣлымъ днямъ и вечерамъ шло веселье да пированье у царевенъ. Изъ оконъ терема далеко разносились звуки музыки и пѣсенъ.

Старыя царевны Михайловны окончательно замкнулись у себя, шептались другъ съ другомъ, да со своими вѣрными сѣдыми боярынями и монашенками о безчинствахъ и грѣхахъ племянницъ; только младшія царевны никакого вниманія не обращали на неудоволь-

ствіе тетокъ. Онѣ чувствовали себя на полной свободѣ— надъ ними не было угрожающей и водворяющей дисциплину хозяйской руки, жилось хорошо и счастливо— чего-же больше? неужли обращать вниманіе на старухъ, изъ ума выживающихъ?

Но кромѣ этой свободы, или вѣрнѣе разнузданности, прежній чинъ теремной жизни оставался не тронутымъ. Въ безчисленныхъ палатахъ, покояхъ, покойчикахъ, клѣтяхъ и подклѣтяхъ новаго терема метался, суетился хохоталъ, плакалъ, сплетничалъ и интриговалъ все тотъ же безчисленный муравейникъ царевненнаго штата.

Рядомъ съ новыми посѣтителями и разными учеными и неучеными представителями тогдашней книжности, постоянное общество царевенъ составляли арапки, калмычки, карлицы, дуры, сказочницы и гусельницы.

Подходя къ дверямъ одной изъ самыхъ обширныхъ палатъ терема, въ которой обыкновенно по вечерамъ собирались царевны для забавы, Софья услышала громкій смѣхъ, хлопанье въ ладоши и невольно остановилась.

„Вѣдь вотъ счастливыя, подумала она, тутъ надъ головой гроза собирается, можетъ быть часъ погибели приходитъ, а имъ весело! онѣ ни о чемъ не думаютъ“...

И даже зависть къ сестрамъ, на которыхъ всегда она глядѣла съ нѣкоторымъ невольнымъ пренебреженіемъ, мелькнула въ душѣ Софьи. Рѣзкимъ движеніемъ отворила она двери.

Вся палата была озарена множествомъ восковыхъ свѣчей, вставленныхъ въ вычурные, изъ за границы выписанные, канделябры, разставленныя по угламъ. Полъ комнаты былъ покрытъ мягкимъ, толстымъ ковромъ; низкіе, восточные диваны, покрытые венеціанскимъ бархатомъ и атласомъ замѣняли прежнія парчевыя скамейки. На стѣнахъ, рядомъ съ фряжскими листами духовнаго и мірскаго содержанія, развѣшены были и другіе листы въ золотыхъ рамкахъ. Эти листы были вирши, то есть поздравительныя и хвалебныя оды, гдѣ витіевато описывались доброта, красота и всякія неисчислимыя прелести и дарованія царевенъ. Авторами этихъ виршей были Симеонъ Полоцкій, Сильвестръ Медвѣдевъ и многіе другіе мудрецы того времени, находившіе выгоднымъ словесно и письменно льстить царевнамъ.

Между диванами были разставлены красивые, тяжеловѣсные столики, заставленные разными сластями, медами и сладкими винами, а также большія клѣтки съ попугаями.

На диванѣ, въ удобныхъ и непринужденныхъ позахъ, полулежали царевны и ближнія боярыни, а на коврѣ, у ногъ ихъ, размѣщались: дуры, карлицы, арапки и калмычки. Ближе къ двери, у самой стѣнки, стояли, въ почтительныхъ позахъ, теремныя прислужницы.

Посреди комнаты, по турецки поджавъ подъ себя ноги, сидѣла какая то старушонка. По ея выбившимся изъ подъ головнаго убора прядямъ сѣдыхъ волосъ, по краснымъ слезящимся глазамъ и сизому румянцу на дряблыхъ щекахъ замѣтно было, что она уже подгуляла, изрядно накушалась всякихъ медовъ и наливокъ.

Дрожащими, скорченными отъ старости руками она перебирала гусли и разбитымъ, хриплымъ голосомъ подпѣвала какую-то пѣсню. Очевидно эта то музыка и эта пѣсня охмѣлѣвшей старухи и были причиною того веселаго смѣха и хлопанья въ ладоши, которые слышала Софья.

При входѣ царевны, всеобщее оживленіе мгновенно исчезло; всѣ инстинктивно измѣнили свои непринужденныя позы. Боярыни и боярышни и вся потѣшная челядь низко поклонились Софьѣ; даже пьяная старушонка поднялась было на ноги, но тутъ же и опять повалилась на коверъ.

— Добро пожаловать сестрица! Какъ надумала зайдти къ намъ? сказала царевна Екатерина Алексѣевна, подвигаясь и давая Софьѣ мѣсто рядомъ съ собою на широкомъ бархатномъ диванѣ.

— Да вѣдь вонъ какъ вы веселитесь, отвѣчала правительница, тутъ дымъ у васъ коромысломъ, чай и за Кремлевскими воротами слышно... Вотъ и я пришла посмотрѣть на ваши забавы, посмѣяться; скучно больно сегодня.

— Милости просимъ, милости просимъ, сестрица, заговорили младшія царевны. А тутъ вонъ Панкратьевна поетъ намъ. Ну-ка, ну-ка потѣшь государыню.

Панкратьевна ударила въ гусли и, напрягшись всей грудью, запѣла что-то до того дикое, чего и разобрать было невозможно.

Боярыни дѣлали серьезныя физіогноміи и бросали косые взгляды на Софью; боярышни тоже не смѣли отдаться своему веселью и только перемигивались да въ кулачки хихикали.

Блѣдная царевна Софья стала еще блѣднѣе. Густыя, русыя брови ея насупились—она видѣла, что являлась помѣхой этому веселью—да и чѣмъ веселятся, чѣмъ забавляются? Напоили пьяною старую дуру и рады!

Но дѣло въ томъ, что всѣмъ имъ весело, всѣ чувствуютъ себя счастливыми, а у нея отъ тоски сердце готово разорваться на части. Она обводитъ глазами окружающихъ молоденькихъ боярышенъ, цвѣтущихъ красотою и здоровьемъ.

Старыя боярыни разжирѣли, раздобрѣли и на ихъ сытыхъ, довольныхъ лицахъ нѣтъ ни одной черты, которая говорила бы о тайныхъ мучительныхъ думахъ, о пережитыхъ страданіяхъ. А сестры, царевны? вѣдь вотъ ужъ старшимъ Евдокіи и Маѳѣ кончается третій десятокъ, а какъ онѣ еще свѣжи, румяны; о младшихъ и говорить нечего. Сестрица Ѳедосьюшка совсѣмъ какъ была въ семнадцать лѣтъ такъ и осталась, только пополнѣла.

Софья невольно взглянула на венеціанское зеркало, въ которомъ отражалось лицо ея. Она испугалась своей блѣдности, она показалась себѣ совсѣмъ старою и снова чувство зависти къ этимъ счастливымъ, безпечнымъ сестрамъ заговорило въ ней. Хмѣльная старуха продолжала пѣть и это безобразное пѣніе раздражало Софью.

— Да что вы ее не прогоните, рѣзко замѣтила она, неужто получше забавы не найдется, призвали бы хоть настоящихъ музыкантовъ.

— И то дѣло! откликнулись царевны и послали за музыкантами.

Но пока они придутъ, нужно же чѣмъ нибудь наполнить время и вотъ прислужницы стали подносить царевнамъ, боярынямъ и боярышнямъ всякія сласти, фрукты, вареныя и сушеныя пастилы, леденчики. Не забыты были и сладкія наливки, которыя дѣйствовали самымъ лучшимъ образомъ.

Скоро всѣ присутствовавшія позабыли про царевну Софью, не видѣли ея лица хмураго, всецѣло отдавшись своимъ забавамъ.

— Что-жь это музыканты-то не идутъ! Эй Манка, Ѳекла, Соболька, потравите-ка Офушку.

Между всей безобразной ватагой, сидѣвшей на коврѣ у ногъ царевенъ, произошло движеніе.

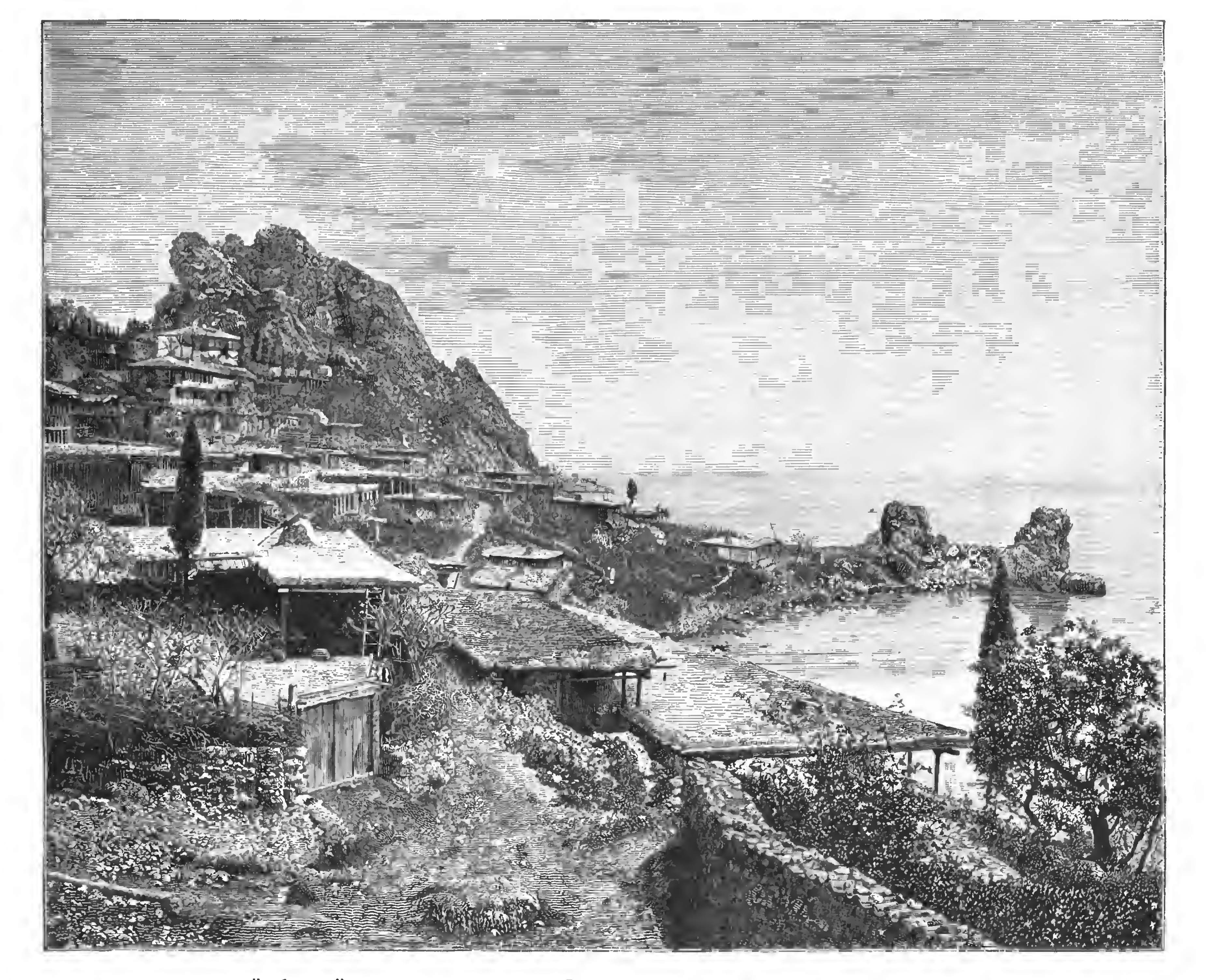
Вотъ на средину палаты выбѣжала черная арапка, въ ярко красномъ короткомъ платьѣ, съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ. Она замяукала кошкой, потомъ стала фыркать во всѣ стороны.

Эта Офушка, которую должны были травить двѣ карлицы и хромоногая безрукая идіотка Манка, почему-то была одѣта въ фантастическое полумужское платье: въ широчайшіе восточные шаровары, короткій камзолъ, а на головѣ у нея была мѣховая шапочка.

Безобразныя карлицы, подобравъ и подвязавъ подолы и выказавъ короткія, толстыя ноги, въ желтыхъ и красныхъ сапогахъ, съ загнутыми носками, кинулись на Офушку.



На берегу Чернаго моря: Георгіевскій монастырь близъ Севастополя. Съ фотогр. грав. Рашевскій.



На берегу Чернаго моря: видъ деревни Гурзуфъ близъ Ялты. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Та, продолжая мяукать и фыркать, стала отъ нихъ отбиваться, бѣгать по всей палатѣ, кувыркаться по ковру, стоять на головѣ.

Она дѣйствительно выказала большую легкость и ловкость, вспрыгивала на диванъ, носилась надъ головами царевенъ, никого и ничего не задѣвая, какъ эластическій мячикъ спрыгивала опять на коверъ, катилась кубаремъ, подкатывалась подъ ноги ловившимъ ее карлицамъ и Манкѣ, сбивала ихъ, трепала своими черными блестящими руками по щекамъ. Онѣ тоже не оставались въ долгу и скоро Офушка, покрытая потомъ, со сбившимся и разорваннымъ тюрбаномъ, повалилась на коверъ, вся изщипанная, исколоченная.

Она неимовѣрно высунула свой красный, длинный языкъ, закатывала бѣлки глазъ и жалобно пищала, подражая всевозможнымъ животнымъ и птицамъ.

Всѣ присутствовавшіе, безъ исключенія, хохотали, били въ ладоши.

— Смотрите, смотрите кричали боярышни, показывая на Офушку и надрываясь отъ смѣху, это она издыхаетъ!

Офушка дѣйствительно дрыгала ногами, коверкала себѣ лицо самымъ страшнымъ образомъ и довольно искусно изображала предсмертную агонію. Вотъ ея пискъ и стоны становятся слабѣе, страшная судорога сводитъ всѣ ея члены, глаза совсѣмъ закатились, на губахъ показывается пѣна. Еще мгновеніе, послѣдняя судорога и она лежитъ неподвижно...

Кругомъ нея пляшутъ побѣдительницы, таскаютъ ее по ковру, щиплютъ, щелкаютъ... Офушка неподвижна. Она ужъ закоченѣла, руки и ноги ея не сгибаются.

Всѣ въ восторгѣ.

Но вотъ, совершенно неожиданно, она кричитъ пѣтухомъ, вскакиваетъ и бросается на карлицъ.

Боярышни не знаютъ куда и дѣваться отъ безумнаго смѣха. Онѣ схватились за бока, онѣ просто задыхаются: одну даже пришлось вывести изъ палаты.

Старыя боярыни и царевны тоже очевидно совершенно довольны представленіемъ, только Софья по прежнему лежитъ на турецкомъ диванѣ, блѣдная съ неподвижнымъ, въ одну точку устремленнымъ, взглядомъ.

Въ это время появляются двѣ сѣнныя дѣвушки и объявляютъ, что пришли музыканты.

Вотъ ихъ вводятъ. Это три нѣмца. У одного въ рукахъ цимбалы, у другого небольшой органъ, у третьяго – гакебретъ—старый нѣмецкій инструментъ, нѣчто среднее между маленькимъ фортепьяно и русскими гуслями.

Всѣ, мало по малу приходя въ себя послѣ хохота, разсаживаются снова по мѣстамъ, приготовляются слушать. Нѣмцы начинаютъ играть, раздаются звуки органчика, который выводитъ старую нѣмецкую мелодію. Тихи и грустны эти звуки и вслѣдъ за ними ноетъ и замираетъ сердце царевны Софьи.

Въ этой печальной музыкѣ ей слышится длинный, мучительно длинный разсказъ о ея собственной тоскѣ, слышится разсказъ о далекомъ походѣ ея безцѣннаго друга, о тѣхъ бѣдахъ, которыя грядутъ ему на встрѣчу. Страшныя картины встаютъ подъ заунывныя звуки. Чудится царевнѣ лютая сѣча; татары со всѣхъ сторонъ наступаютъ на русское войско... Вотъ русскіе поражены, бѣгутъ, татарскіе наѣздники ловятъ ихъ арканами, хватаютъ въ плѣнъ... Вотъ ей чудится, что на арканѣ по песчаной степи волочится тѣло вождя русскаго...

— Оставьте... къ чему такая музыка? Что это за игра, словно надъ покойникомъ! кричитъ Софья, вскакивая съ бархатныхъ подушекъ дивана.

Всѣ съ изумленіемъ на нее смотрятъ. Нѣмецъ удаляется, а его товарищи громко ударяютъ въ свои инструменты, начиная веселую, шумную пьесу.

## V.

Въ это время дверь въ палату отворилась и къ царевнамъ вошли новые гости: царь Иванъ Алексѣевичъ со своею молодой супругой царицей Прасковьей.

Въ эти послѣдніе годы царь Иванъ очень измѣнился. Теперь онъ ужъ не казался юношей; онъ имѣлъ видъ старика. На лицѣ его рѣзко обозначались преждевременныя морщины, въ рукахъ у него былъ толстый посохъ, на который онъ опирался, потому что ноги его плохо слушались. Рядомъ съ нимъ царица Прасковья особенно поражала своею молодостью, свѣжестью и здоровьемъ. Это была прелестная молоденькая женщина съ большими черными глазами, смѣло и пристально всматривавшимися во все и во всѣхъ. Ея полныя румяныя губы были постоянно полуоткрыты, выказывая два ряда крѣпкихъ и бѣлыхъ зубовъ. Во всѣхъ движеніяхъ ея видна была порывистость и страстность. Про молодую царицу разсказывали, что она конечно не пыталась отказаться отъ счастія вступить въ царское семейство—все равно въ этомъ отношеніи для нея борьба была немыслима—но что сдѣлавшись царицей, она съумѣла устроить свою жизнь такъ, какъ ей хотѣлось. На больнаго, несчастнаго мужа она очень мало обращала вниманія, во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ на красивыхъ молодыхъ сыновей боярскихъ, которые вхожи были во дворецъ и въ теремъ.

Старыя царевны не разъ даже пробовали ей выговаривать, усовѣщивать ее. Она смиренно все выслушивала, горько плакала, увѣряла что все это клевета, что ни о чемъ худомъ она не помышляетъ и что развѣ это грѣхъ, если она любитъ повеселиться. Вѣдь веселятся всѣ другія царевны, отчего и ей не быть вмѣстѣ съ ними.

Старушкамъ нечего было возражать ей и онѣ только вздыхали и подъ конецъ совсѣмъ махнули на нее рукою и она продолжала веселиться, нисколько не стѣсняясь. И ей это было очень легко, такъ какъ единственный человѣкъ, который могъ бы на нее жаловаться, не жаловался.

Царь Иванъ былъ постоянно весьма нѣженъ съ своей супругой и даже иногда ради нея выходилъ изъ своей всегдашней апатіи. Если она смѣялась, и онъ смѣялся. На все, что она ни говорила, онъ кивалъ головою въ знакъ одобренія. Часто, при постороннихъ, подзывалъ ее къ себѣ, гладилъ по головѣ, называлъ разными нѣжными именами,

Съ появленіемъ царицы Прасковьи, всѣ снова оживились. Когда музыканты исполнили все, что отъ нихъ требовалось, и удалились изъ палаты, молодая царица стала придумывать всякія игры, которыя опять закончились травлею Офушки.

Царевна Софья, думавши было развлечься у сестеръ, не только что не развлеклась, но глядѣла еще сумрачнѣе, еще тоскливѣе.

Наконецъ она подозвала царя Ивана, царевну Марфу Алексѣевну, которая была бойчѣе другихъ сестеръ, сказала имъ, что нужно поговорить, и вышла изъ палаты. За ними поднялась и скоро нагнала ихъ худенькая сморщенная старушка, которая до сихъ поръ смирно сидѣла въ углу и дѣлала видъ, что царевнины потѣхи нисколько ее не развлекаютъ. По однимъ ея зоркимъ глазамъ, выглядывавшимъ изъ подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей, можно было замѣтить, что она слѣдитъ за всѣмъ, ничего не пропускаетъ, каждое выговоренное слово, каждое движеніе, не только царевенъ, но и боярынь, боярышенъ и даже дуръ и карлицъ складываетъ въ запасъ въ своей памяти.

Эта старушка была уже извѣстная намъ великая постница боярыня Хитрая.

Царевна Софья прошла нѣсколько комнатъ и остановилась въ укромномъ покойчикѣ, гдѣ никого небыло.

— Можетъ меня и не нужно, проговорила Хитрая, такъ я и уйду государыня.

— Нѣтъ, Анна Петровна, нѣтъ, останься, очень хорошо, что ты вышла съ нами; запри только дверь.

Хитрая исполнила это приказаніе. Сѣла на лавочку, стоявшую у окошка и начала, крестясь, перебирать четки, съ которыми никогда не разставалась.

Софья заговорила. Она жаловалась сестрѣ и брату на то, что Петръ съ мачихой теперь уже рѣшительно задумали извести ихъ и что нужно принять немедленно же какія нибудь мѣры. Она передала о своемъ разговорѣ съ Шакловитымъ, о его встрѣчѣ съ Петровыми потѣшными.

Она говорила страстно и краснорѣчиво, стараясь всячески растрогать или испугать брата Ивана, чтобы онъ вышелъ изъ своей апатіи. Но онъ продолжалъ глядѣть безучастно и только по временамъ вздыхалъ.

Одна царевна Марфа поддакивала Софьѣ и во всемъ съ ней соглашалась.

— Анна Петровна, наконецъ обратилась правительница къ Хитрой, ты то чтоже все молчишь? вѣдь чай недавно видѣла мачиху, чай кой что тамъ слышала, такъ повѣдай.

— Затѣмъ и пришла, отвѣчала Хитрая, только и дожидалась, чтобы ты меня спросила. Да, была я у великой государыни царицы Натальи Кирилловны, продолжала она, закатывая глаза, многаго навидалась тамъ, многаго наслушалась. Больно гнѣвенъ сталъ государь Петръ Алексѣевичъ. При мнѣ кричалъ, что коли воевода князь Голицынъ опять со стыдомъ вернется изъ похода, то онъ его заставитъ держать отвѣтъ и не сдобровать князю.

Софья вздрогнула и поблѣднѣла.

— И ты сама это слышала.

— Сама, сама, отвѣчала Хитрая, говорю Петръ Алексѣевичъ при всѣхъ кричитъ, не таится.

— Такъ вотъ ужъ до чего дошло, въ волненіи прошептала Софья, если онъ осмѣливается судить о томъ, чего и понимать то еще не въ силахъ, если онъ воображаетъ себя судьею надъ Васильемъ Васильевичемъ. Такъ значитъ онъ увѣренъ въ томъ, что можетъ распоряжаться. Значитъ его успѣли въ этомъ увѣрить, значитъ правду говорю я, что намъ мѣшкать нечего. Иванушка, братъ, да очнись, подумай, вѣдь тутъ ты не сторона, твое это дѣло, надъ тобой же издѣваются.

— Кто это издѣвается, сказалъ царь Иванъ.

— Да вѣдь тебѣ же, пойми, тебѣ грозитъ опасность.

— Нѣтъ сестрица, вишь ты Анна Петровна сказываетъ, что государь-братецъ грозится Василію Васильевичу, такъ я то тутъ при чемъ же?

Софья только рукой махнула. Но Иванъ ужъ пробудился отъ своей постоянной дремоты, онъ ужъ заговорилъ и теперь не хотѣлъ кончить.

— Право не знаю, что это ты за непосѣда такая, сестрица Право, всѣмъ намъ хорошо, я никакой злобы не питаю на братца, онъ какъ встрѣтится со мною такъ всегда почтителенъ никогда то не побранился. А коли онъ говоритъ про Василія Васильевича, такъ что же тутъ худого? Если Василій Васильевичъ побѣжитъ, а войско наше будетъ побито, такъ вѣдь такъ и должно быть, чтобы судить воеводу. Стало братецъ то и правъ.

Царевна Софья побагровѣла.

— Да что ты, что ты, рехнулся что ли, закричала она; Нѣтъ, видно, говорить съ тобою все равно что объ стѣну горохъ.... никакого толку отъ тебя не добиться. Тутъ на насъ враги наши лютые злоумышляютъ, можетъ завтра же всѣхъ перерѣжутъ, пытать станутъ, а ты вотъ какія рѣчи говоришь.

И она въ порывѣ бѣшенства, подошла къ Ивану и взглянула на него такъ страшно, что онъ задрожалъ и отъ нея отшатнулся. Его мысли снова спутались и ужъ ничего не понималъ онъ, весь отдался чувству страха.

— Да что-же я... я то что-же... я ничего, бормоталъ онъ. Коли досадилъ чѣмъ, прости сестрица, не буду больше. Что же, вѣдь я самъ знаю, что Господь меня разумомъ обидѣлъ, такъ и не мудрено, если спроста и скажу что неладно. Не взыщи сестрица, дѣлай какъ вѣдаешь, тебѣ знать лучше. Я изъ твоей воли, сама знаешь, не выйду. Только не сердись на меня, я право ничего, пусти я пойду къ Парашѣ.

— Ну и уходи, и Богъ съ тобой, сказала нѣсколько успокоившись Софья, видя что дѣйствительно сердиться на него невозможно.

Онъ, покачиваясь и крѣпко опираясь на палку, вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ такъ царь, вотъ такъ братецъ, развела руками Софья, извольте-ка отъ него толку добиться. Право, въ простотѣ своей, когда нибудь еще всѣхъ насъ головами выдастъ.

— Такъ вѣдь ты чай не нынѣ только его узнала, замѣтила Хитрая. Нечего было его и впутывать.

— Такъ такъ, говорила Софья, въ волненіи ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Да тутъ у меня съ этакой мукой мученской просто мысли путаются.... сообразить ничего не могу. Ну, говори что-ли, Анна Петровна, все что знаешь.

И Анна Петровна подробно начала докладывать царевнамъ обо всемъ, что успѣла подслушать и подсмотрѣть у старой царицы. Многое она и отъ себя прибавляла, внутренно наслаждаясь муками Софьи. Единственная цѣль жизни великой постницы была раздувать вражду въ царскомъ семействѣ, сплетничать, клеветать, поднимать всѣхъ другъ на друга. Она часто навѣдывалась къ Натальѣ Кирилловнѣ, которую издавна глубоко ненавидѣла. Она разсыпалась передъ нею мелкимъ бѣсомъ, передавала ей все, что говорилось у царевенъ; особенно въ послѣднее время зачастила она къ царицѣ. Она видѣла, что скоро конецъ будетъ Софьиной власти и конечно нужно было ей выйти чистой передъ Натальей Кирилловной, заранѣе снискать ея расположеніе, не попасть при новомъ дворѣ въ немилость. Съ дѣтства считая Анну Петровну лучшимъ другомъ своего семейства, царевна Софья, постоянно осмотрительная и даже мнительная, никогда не могла заподозрить ее въ измѣнѣ и не скрывалась передъ нею. Такъ и теперь, окончательно измученная разсказами великой постницы, она не удержалась и громко объявила, что если начались такія злоумышленія со стороны Нарышкиныхъ, то и она въ долгу у нихъ не останется. Не подѣйствуетъ одно, такъ подѣйствуетъ другое.

— Видно зажилась на свѣтѣ мачиха, пора ей и въ землю, не помня себя и не сознавая словъ своихъ, задыхаясь и въ волненіи закричала Софья.

Хитрая отъ восторга даже припрыгнула на своемъ мѣстѣ.

— Да, да, это точно, прошептала она, перебирая четки и привычно часто и скоро крестя свою грудь. Это точно, что коли бы Господь взялъ къ себѣ благовѣрную государыню царицу Наталью Кирилловну, такъ вамъ бы, моимъ голубкамъ, вольготнѣе было бы, да вѣдь здорова она, умирать не хочетъ.

— Найдется про нее лекарство у Шакловитаго.

Софья сама испугалась словъ своихъ; но они ужь выговорились. Ну да что же, тутъ нѣтъ постороннихъ; не выдастъ Хитрая. Къ тому же Хитрая дѣлала видъ, что даже и не слышала послѣднихъ словъ Софьи и вся ушла въ молитву. Глаза ея были совсѣмъ закрыты, благочестивое смиреніе выражалось на лицѣ ея, губы шептали имя Христа и Богородицы. Она заранѣе наслаждалась той сценой, которая ожидаетъ ее у царицы Натальи Кирилловны, когда она сообщитъ ей объ этихъ словахъ Софьи.

Было ужъ поздно, пора расходиться. Вонъ ужъ всѣ царевны разбрелись по своимъ опочивальнямъ.

Царевна ушла къ себѣ, но еще долго, не раздѣваясь, сидѣла передъ рабочимъ столомъ, проглядывала большой ворохъ всякихъ дѣловыхъ бумагъ: донесеній воеводъ, изъ дальнихъ городовъ челобитныхъ. Она готовилась къ завтрашнему сидѣнью съ боярами. Сначала она долго не могла вдуматься въ то, что было передъ нею; но скоро эта работа поглотила все ея вниманіе и помогла ей забыться отъ тревожныхъ и печальныхъ мыслей. Скоро теремъ погрузился въ тишину, не было видно больше свѣту въ его маленькихъ неправильно расположенныхъ оконцахъ, только кой-гдѣ мерцалъ слабый огонекъ лампадъ. Но вотъ скрипнула едва слышно маленькая дверца: изъ терема выпустили кого-то и потомъ на замокъ заперли дверцу. Какая то тѣнь въ длинной темной одеждѣ начала красться вдоль стѣны и скоро скрылась въ саду между черными еще не опушившимися зеленью деревьями. Человѣкъ, выбравшійся изъ терема, очевидно, хорошо зналъ всѣ ходы и выходы. Не прошло и четверти часа, какъ онъ благополучно, никѣмъ не встрѣченный ужъ былъ за воротами Кремлевскими. Теперь онъ ужъ не крался, а шелъ смѣлой поступью. Это былъ Костромской попъ Григорій Елисѣевъ, большой другъ царевны Екатерины Алексѣевны.

Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ безъ его совѣтовъ она не могла рѣшиться ни на какое, даже самое незначительное, дѣло. И часто черезъ свою постельницу Марью Протопопову, бывшую въ родствѣ съ Елисѣевымъ, посылала къ нему въ Кострому письма и гостинцы. Гостинцы Елисѣевъ принималъ съ удовольствіемъ, на письма отвѣчалъ аккуратно и по первому зову царевны являлся и самъ въ Москву, а Марья Протопопова тихомолкомъ провожала его въ покои царевны. Тихомолкомъ выпроваживала изъ терема, чтобы не было лишнихъ разговоровъ.

И опять все тихо въ теремѣ; только работаетъ надъ дѣлами правительница, не замѣчая какъ идетъ время, какъ давно уже пробило полночь.

Только въ другомъ, противуположномъ уголку терема, въ пышной опочивальнѣ вдовы царицы Мароы Матвѣевны, слышалось тихое рыданіе. Лежитъ молодая, блѣдная красавица подъ атласнымъ, хитро расшитымъ, одѣяломъ, на бѣлоснѣжныхъ подушкахъ пуховыхъ и не спится ей и слезы неудержимо льются изъ свѣтлыхъ, рано померкающихъ очей ея. Тяжела жизнь Мароы Матвѣевны, пятнадцати лѣтъ осталась она вдовой послѣ царя Θедора. И съ того страшнаго дня какъ бы окончилась вся жизнь ея, остались одни мученія. Ее окружаютъ почетъ и роскошь; но страшною тюрьмою кажутся ей ея богатые покои. Кто былъ ей дорогъ, къ кому она привязалась всей своей чистой дѣтской душою, тотъ безвременно покинулъ ее. А кругомъ ни одного близкаго, милаго человѣка. Есть родные—да они далеко, ихъ не любятъ въ теремѣ. Правительница помнитъ какія то старыя обиды и никого изъ Апраксиныхъ не пускаетъ. Одно было бы великое счастье для царицы Мароы Матвѣевны—былъ бы у нея ребенокъ. Всю жизнь бы она въ него положила, не наглядѣлась бы на него, не надышалась. Но нѣтъ у нея ребенка. Крѣпко ужъ былъ боленъ царь Θедоръ какъ ее съ нимъ повѣнчали, никогда не былъ онъ ей мужемъ; но она ни разу даже и въ мысляхъ своихъ не измѣнила его памяти. Семь долгихъ мучительныхъ лѣтъ прошло послѣ его смерти, а она все о немъ помышляетъ, все за него молится. Она ужъ сжилась со своей тяжелой долей, ничего не проситъ; единственная ея отрада—за него молиться, и горячо она молится. Часто ходитъ на богомолье, кормитъ каждый день чуть ли не сотню нищихъ, одѣляетъ бѣдныхъ. И спокойствіе мало по малу водворяется въ душѣ ея и, осушая чужія слезы, она осушаетъ и свои собственныя, но все же иной разъ задаются дни тяжелые, мучительныя ночи; невѣдомо откуда приходятъ въ душу тоска и волненіе. Слова молитвы на устахъ замираютъ. Сонъ бѣжитъ отъ глазъ и всю ночь мечется на постели бѣдная царица и горько плачетъ, горько рыдаетъ, и отъ этихъ ночей безсонныхъ, отъ тоски лютой все быстрѣй и быстрѣй вянутъ ея даромъ загубленныя, никому не нужныя, красота и молодость.

## VI.

Прошло нѣсколько недѣль, но въ Москвѣ все по прежнему было спокойно. Хитрыя выдумки Шакловитаго не помогали, на стрѣльцовъ рѣшительно ничего не дѣйствовало.

Софья была въ отчаяніи: оставалось пустить въ ходъ отраву. Но въ рѣшительную минуту Софья дрогнула передъ такимъ средствомъ, къ тому же царица Наталья Кирилловна, извѣщенная Хитрой, принимала всѣ свои мѣры для огражденія отъ опасности себя и сына. Она появлялась въ Москвѣ на короткое время и, никого не извѣщая, снова поднималась въ путь; переѣзжала изъ одной подмосковной въ другую.

Юный царь, Петръ, пока еще не видѣлъ никакой опасности и подшучивалъ надъ боязнью матери. Не смотря на ея горячія мольбы, онъ покидалъ ее и свою молодую супругу Евдокію Θедоровну Лопухину, съ которою его только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ повѣнчали.

У него было много дѣла: онъ устраивалъ свои потѣшные полки, учился у иностранцевъ, по цѣлымъ недѣлямъ не показывался домой, а возвращался запыленный, усталый. Даже приближенные къ нему бояре находили его поступки несовсѣмъ приличными для государя. Имъ ненравилась его компанія, состоявшая изъ какихъ то нѣмцевъ, но они не смѣли ему перечить—его рѣшительный характеръ успѣлъ ужъ выказаться.

Софья съ нескрываемымъ злорадствомъ слушала сплетни о томъ, какъ онъ дурачится.

— „Скоро совсѣмъ споятъ мальчишку, говорила она, совсѣмъ пропадетъ онъ“.

Но сама она не вѣрила словамъ своимъ. Она хорошо понимала, что этого мальчишку споить трудно и что пропасть онъ не можетъ.

Въ Маѣ было получено извѣстіе отъ князя Голицына о томъ, что онъ разбилъ Крымскаго хана и уже подступаетъ къ Перекопи.

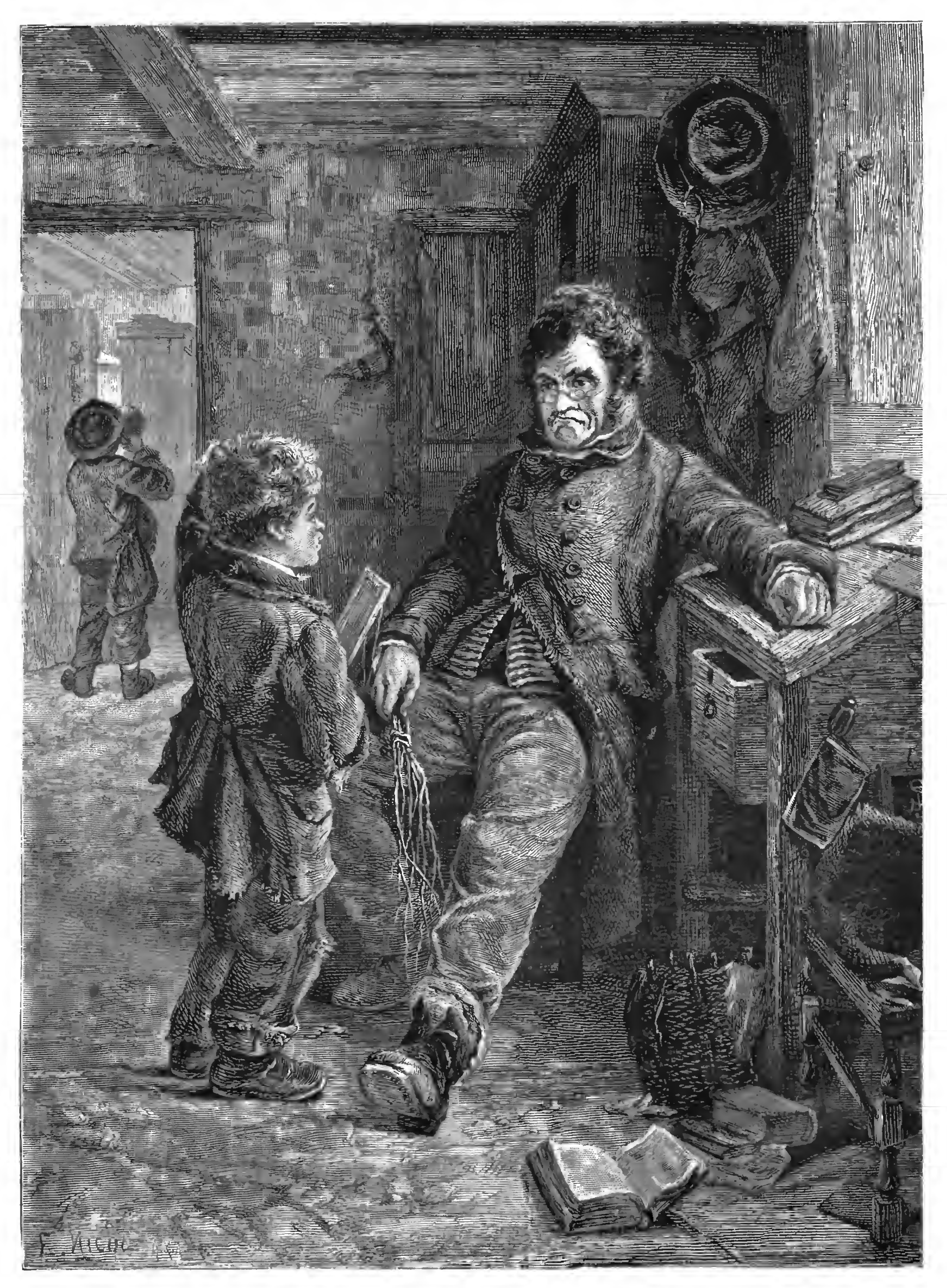
„Пребываю въ надеждѣ, писалъ Голицынъ, съ помощью Божіей одолѣть врага и не въ долгое время вернуться съ побѣдою. Помолись государыня о благополучномъ моемъ возвращеніи“.

Софья просто обезумѣла отъ радости. Мигомъ забыла она всѣ свои тревоги, и плакала и смѣялась.

Она спѣшила извѣстить людей московскихъ о торжествѣ Василья Васильевича, а сама въ избыткѣ радости тотчасъ же сѣла писать ему отвѣтное письмо.

„Свѣтъ мой, братецъ Васенька! писала Софья, здравствуй батюшка мой на многія лѣта! и паки здравствуй, Божіею и Пресвятыя Богородицы милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ Агарянъ! Подай тебѣ Господи и впредь враги побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю какъ увижу хотя же въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего. Что же, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я вѣрно грѣшна предъ Богомъ и недостойна; однако-жъ, хотя и грѣшная, дерзаю надѣяться на Его благоутробіе. Ей! всегда прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть. По семъ здравствуй свѣтъ мой навѣки неисчетные“.

Но царевна напрасно торжествовала и радовалась. Голицынъ слишкомъ поспѣшилъ похвалиться. Ему дѣйствительно удалось безъ боя подойти къ Перекопи, укрѣпленному замку, защищавшему ровъ, который прорѣзывалъ перешеекъ. Оставалось взять Перекопь — и русское войско въ Крыму. А между тѣмъ войско стоитъ у Перекопи, стоитъ день, другой и не двигается



Ирландскій народный учитель Съ картины Е. Николя,. рис. на деревѣ Девисъ, грав. Жоннаръ.

съ мѣста. Слишкомъ поздно видитъ воевода свою ошибку. Ему прежде слѣдовало хорошенько разузнать, что такое Крымъ; но онъ не зналъ этого. Перекопь казалась ему концомъ всѣхъ лишеній, испытанныхъ воинами, а между тѣмъ настоящія лишенія только теперь начинаются. Со всѣхъ сторонъ море; какъ была степь до замка, такъ и за замкомъ степь неоглядная и ни одного колодца прѣсной воды. Люди измучены страшной жаждою, кони падаютъ. Пройдетъ еще нѣсколько дней и отступить будетъ невозможно, не на чемъ будетъ везти орудія, обозъ:—кони всѣ передохнутъ, люди умирать начнутъ десятками, сотнями, тысячами, придется живьемъ съ цѣлымъ войскомъ отдаться въ руки хана.

И вотъ Голицынъ спѣшитъ завести съ ханомъ мирные переговоры. Онъ надѣется, что тотъ, въ виду огромной русской арміи, испугается и поспѣшитъ подписать выгодныя условія. Но Ханъ отлично понимаетъ въ чемъ дѣло и тянетъ переговоры. Кругомъ воеводы поднимается ропотъ. Медлить невозможно; не умирать же здѣсь въ степи, подъ палящими лучами солнца!

Скорѣй, скорѣй, назадъ и то врядъ ли удастся благополучно вернуться. Татары, завидя отступленіе, погонятся.

Измученный и окончательно упавшій духомъ Голицынъ началъ отступленіе. Мужъ совѣта и разума, искусный дипломатъ и администраторъ, князь Василій Васильевичъ былъ плохимъ воеводою; онъ взялся не за свое дѣло.

Онъ былъ въ своей сферѣ, создавая и вырабатывая благодѣтельные проэкты, поражая иностранныхъ посланниковъ своимъ глубокимъ и всестороннимъ образованіемъ. Онъ былъ въ своей сферѣ, когда заглядывалъ въ будущее русскаго государства и мечталъ о томъ, какъ населить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей сдѣлать людьми, пастушескіе шалаши превратить въ каменныя палаты. Самъ онъ лично былъ человѣкомъ неустрашимымъ и храбрымъ, но вести войско къ побѣдамъ онъ не могъ и вторично долженъ былъ испить горькую чашу униженія.

Сердце его разрывалось на части, когда онъ извѣщалъ царевну о своемъ возвращеніи, стараясь всячески, не передъ нею, а передъ Москвою прикрыть неудачу похода.

Софья въ это время исполняла его просьбу, горячо за него молилась. Она забыла про своего брата, про всѣхъ враговъ своихъ и пѣшкомъ ходила на богомолье. Сходила къ Сергію, оттуда по другимъ монастырямъ; раздавала всюду богатыя милостыни.

Получивши извѣстіе объ окончаніи похода и возвращеніи Голицына, она нѣжными горячими словами выражала въ письмѣ къ нему свои чувства. Она писала:

„Не хуже израильскихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли египетскія: тогда черезъ Моисея, угодника своего, а нынѣ черезъ тебя, душа моя! Слава Богу нашему, помиловавшему насъ черезъ тебя! батюшка ты мой, чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетные? радость моя, свѣтъ очей моихъ! Мнѣ не вѣрится, сердце мое! чтобъ тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собою."

Въ другомъ состояніи духа она, конечно, поняла бы, что свѣтъ Васенька возвращается не побѣдителемъ, но теперь видѣла только избавленіе его отъ страшныхъ опасностей.

Она приготовляла ему торжественную встрѣчу, послала ему офиціальную грамоту отъ имени царей, въ которой говорилось:

„Мы, великіе государи, тебя, ближняго нашего боярина и оберегателя, за твою намъ многую и радѣтельную службу, что такіе свирѣпые и исконные креста святаго и всего христіанства непріятели твоею службою не нечаянно и никогда не слыхано отъ нашихъ царскихъ ратей въ жилищахъ ихъ поганскихъ поражены и побѣждены и прогнаны, и что объявились они сами своимъ жилищамъ раззорителями: отложа свою обычную свирѣпую дерзость, пришедъ въ отчаяніе и въ ужасъ, въ Перекопи посады и села и деревни всѣ пожгли, и изъ Перекопи своими поганскими ордами тебѣ не показались и возвращающимся вамъ не явились, и что ты со всѣми ратными людьми къ нашимъ границамъ съ вышеписанными славными во всемъ свѣтѣ побѣдами возвратился въ цѣлости—милостиво и премилостиво похваляемъ."

Но Софья тщетно прославляла побѣды Голицына; всѣ бояре роптали—имъ хорошо была понятна неудача и втораго похода.

Голицынъ возвращался въ Москву съ тріумфомъ.

Софья встрѣчая его, не могла даже при постороннихъ удержать своей радости: вся душа ея ликовала. Среди тревогъ и дурныхъ предчувствій, которые на нее наплывали, единственнымъ спасеньемъ, единственной отрадой казался ей Голицынъ.

Но онъ не раздѣлялъ радости царевны.

Бояре, ненавидѣвшіе его, но пока еще не смѣвшіе выказывать чувствъ своихъ и поспѣшившіе явиться къ нему на поклонъ, никогда еще не видали его въ такомъ удрученномъ и мрачномъ настроеніи духа.

Онъ хорошо видѣлъ, что звѣзда его счастья закатилась. Кругомъ враги и нѣсть имъ числа. Разразится гроза, кто за него заступится? Любовь Софьи не спасетъ его—правительница первая погибнетъ. Народъ не скажетъ за него ни слова—народъ не знаетъ заслугъ его, не можетъ оцѣнить его, не знаетъ, что всю жизнь свою онъ работалъ для этого народа, для его будущаго. Но вѣдь эта невидимая и славная работа творится не видимо и роскошные, вѣчно цвѣтущіе плоды ея созрѣваютъ медленно и не знаетъ народъ, кого благодарить за нихъ. Для того, чтобъ заслужить любовь и защиту этого народа, нужно быть героемъ-побѣдителемъ на ратномъ полѣ, а Голицынъ не побѣдитель. Онъ мечталъ, онъ надѣялся славнымъ походомъ завоевать себѣ большую силу, которою долженъ былъ бы прикрыть и спасти Софью и вотъ теперь ему нечѣмъ спасти ее и она и онъ скоро погибнутъ.

(Продолженіе будетъ).

## Солнечные лучи и ихъ преломленіе.

Вся жизнь на землѣ составляетъ работу солнца. Не только движеніе земли вокругъ солнца и происходящее отсюда различіе во временахъ года и поясахъ, не только смѣна укрѣпляющихъ зимнихъ холодовъ возбуждающимъ весеннимъ воздухомъ и палящими жарами лѣта, не только ароматическій запахъ цвѣтовъ и спѣлость плодовъ являются продуктами солнца, но даже вообще всѣ силы па землѣ. Вертитъ ли вѣтеръ крылья мельницы или гонитъ по морю корабли, это все только работа солнца. Сила солнечныхъ лучей согрѣваетъ воздухъ у экватора, онъ разрѣжается и поднимается кверху, вслѣдствіе чего холодный воздухъ съ обоихъ полюсовъ стремится, въ видѣ полярнаго вѣтра, къ экватору, тогда какъ постоянно поднимающійся кверху экваторіальный воздухъ течетъ по поверхности къ обоимъ полюсамъ въ видѣ экваторіальнаго тока. Такимъ образомъ оба главные вѣтра земли, точно также какъ и всѣ побочные вѣтры, суть продукты солнца; ниспадаетъ ли благотворный дождь, течетъ ли вода, приводя въ движеніе мельницы, прядильни и бумажныя фабрики, это все только работа солнца, потому что солнце испаряетъ воду; живая сила солнечныхъ лучей превращается въ упругость пара, поднимающаго испаренія.

Желая уяснить всѣ проявленія солнечной силы, а равно и самаго солнца, извѣстный ученый Рейссъ обращается къ спектральному анализу, состоящему въ разложеніи свѣта съ помощію его преломленія. Подобно тому, какъ звукъ состоитъ изъ колебаній струны или пластинки, движущихся взадъ и впередъ, подобно тому, какъ теплота образуется изъ безконечно-быстрыхъ и тонкихъ

колебаній малѣйшихъ частицъ и атомовъ нагрѣтаго тѣла, точно также и свѣтъ состоитъ изъ такихъ же безконечно быстрыхъ и тонкихъ колебаній эфира, наполняющаго міровое пространство. Если музыкальные звуки лежатъ въ промежуткѣ отъ 16 до 4,000 колебаній въ секунду и при этихъ условіяхъ ощущаются слухомъ, то для эфирныхъ колебаній только тогда является возможность проявиться предъ зрѣніемъ въ видѣ свѣта, когда число этихъ движеній достигнетъ до неимовѣрнаго числа 480 билліоновъ въ секунду и этотъ свѣтъ еще краснаго цвѣта. Подобно тому, какъ возвышается тонъ, по мѣрѣ увеличенія числа колебаній, такъ и сила свѣта возвышается вмѣстѣ съ возвышеніемъ числа эфирныхъ колебаній въ секунду. Такимъ образомъ свѣтъ при 520 билліонахъ становится оранжевымъ, при 540 желтымъ, при 580 зеленымъ, при 630 голубымъ, при 670 синимъ и при 700 фіолетовымъ, восходящимъ даже до 760 билліоновъ колебаній. По мнѣнію Рейсса, свѣтящіяся тѣла, проходя отъ краснаго цвѣта къ фіолетовому, то есть всю скалу радуги, переходятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдовательность свѣтовыхъ колебаній отъ 480 до 700 и 760 билліоновъ въ секунду; но, совершая высокія колебанія въ 700 и 760 билліоновъ, свѣтящееся тѣло не перестаетъ въ то же время совершать и другія, меньшія колебанія въ 480, въ 500, въ 520, въ 540, въ 630 и 670 билліоновъ. Это объясняетъ Рейссъ сравненіемъ съ инструментомъ-арфою, если она получаетъ случайный толчекъ извнѣ. Въ то время, когда отъ этого толчка дѣлаются слышны высокіе звуки, слышны также одновременно и низкіе, и всѣ промежуточные. То же явленіе замѣчено и въ такъ называемой эоловой арфѣ, производящей полный аккордъ и высокихъ и низкихъ тоновъ при дуновеніи вѣтра. Точно также и въ свѣтовыхъ впечатлѣніяхъ всѣ цвѣта свѣта соединяются въ одинъ свѣтлый аккордъ, въ одно общее впечатлѣніе бѣлаго. Разница между звуковымъ и свѣтовымъ аккордами состоитъ въ томъ, что въ первомъ слухъ можетъ уловить отдѣльные звуки аккорда, а въ послѣднемъ зрѣнію представляется одно свѣтовое впечатлѣніе. Такимъ образомъ бѣлый свѣтъ, самый смѣшанный и запутанный изъ всѣхъ цвѣтовъ, заключающій въ себѣ, кромѣ всѣхъ семи радужныхъ цвѣтовъ, многочисленные билліоны неуловимыхъ оттѣнковъ между каждыми изъ двухъ смежныхъ цвѣтовъ, представляется всегда зрѣнію общимъ бѣлымъ или свѣтлымъ впечатлѣніемъ.

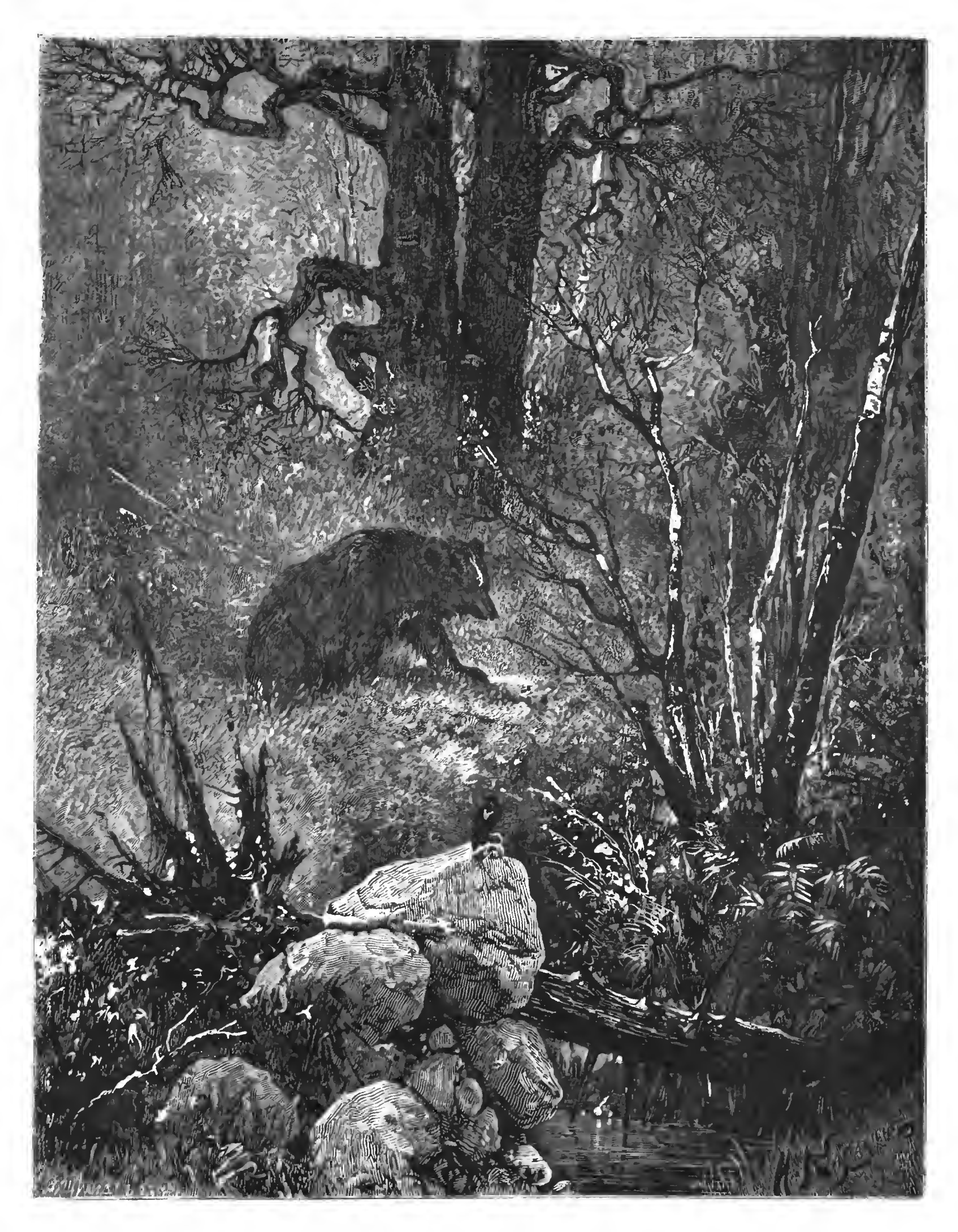
Преломленіе свѣтовыхъ лучей составляетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ разныхъ оптическихъ явленій, а потому необходимо повнимательнѣе вникнуть въ сущность этого преломленія, происходящаго отъ косвеннаго паденія лучей изъ воздуха въ прозрачное твердое или жидкое тѣло. Для объясненія измѣненій, претерпѣваемыхъ свѣтовыми лучами, Рейссъ приводитъ въ примѣръ аналогичныя движенія изъ общественной или точнѣе изъ военной жизни. Хотя кавалерійская колонна,—говоритъ онъ,—мало имѣетъ сходства съ свѣтовыми лучами, тѣмъ не менѣе представимъ себѣ на минуту ихъ узкія прямыя линіи въ качествѣ свѣтовыхъ лучей. Представимъ себѣ кавалерійскій эскадронъ, скачущій по плотной почвѣ; вдругъ онъ наталкивается, по косому направленію, на вспаханное поле, борозды котораго идутъ не перпендикулярно къ направленію колонны, а наискось. Если продолжать ѣхать все въ томъ же направленіи, то дорога по вспаханному полю будетъ очень трудна и слѣдовательно препятствіе, преодолѣваемое отдѣльными колоннами, будетъ очень велико, тогда какъ перпендикулярно лежащая къ бороздамъ дорога будетъ имъ представлять самое ничтожное сопротивленіе. Поэтому одиночныя колонны отдалятся постепенно и непроизвольно отъ прежняго направленія и приблизятся къ направленію перпендикулярному относительно къ бороздамъ. Часть каждой колонны, ѣдущей по полю, будетъ понемногу отклоняться отъ части, ѣдущей по твердой почвѣ. Каждая колонна, вступая на поле, будетъ казаться переломленною и именно по перпендикулярному направленію. Точно также и свѣтовое движеніе, идущее въ косвенномъ направленіи изъ воздуха въ прозрачное твердое или жидкое тѣло, должно претерпѣвать большее сопротивленіе нежели въ воздухѣ; вслѣдствіе этого каждый отдѣльный лучъ, подобно каждой отдѣльной верховой колоннѣ, при своемъ вступленіи въ новое тѣло, какъ, напримѣръ, въ стекло, отклонится отъ своего косого направленія и приблизится болѣе къ тому направленію, которое имѣетъ отношеніе перпендикулярное къ поверхности новой средины. Но каждое ли эфирное движеніе претерпѣваетъ одинаково сильное отклоненіе, какъ, напримѣръ, быстрый голубой лучъ и сравнительно медленный красный? Спросить объ этомъ прежде всего слѣдуетъ верховыя колонны. Чѣмъ быстрѣе скачетъ колонна, тѣмъ непріятнѣй ей сопротивленіе свѣжихъ бороздъ, тѣмъ сильнѣе является потребность уклониться отъ косого направленія и приблизиться къ перпендикулярному, тѣмъ слѣдовательно сильнѣе будетъ и преломленіе. Точно также и свѣтовые лучи болѣе быстраго колебанія должны претерпѣвать большее сопротивленіе при своемъ вхожденіи въ плотное тѣло, нежели болѣе медленное, слѣдовательно и послѣдствіе этого сопротивленія относительно свѣта должно быть тѣмъ болѣе, чѣмъ быстрѣе колеблется свѣтъ, т. е, преломленіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе колебаній совершаетъ свѣтъ. Такимъ образомъ красный цвѣтъ, какъ болѣе медленный, преломляется всегда менѣе при своемъ прохожденіи чрезъ шлифованное стекло призмы, желтый же нѣсколько болѣе, зеленый и голубой еще болѣе и всего сильнѣе фіолетовый. Въ этомъ легко убѣдиться при прохожденіи лучей чрезъ призму въ косомъ направленіи. Красный лучъ идетъ всего ближе къ первоначальному направленію, а фіолетовый всего болѣе отклоняется отъ него.

Рейссъ доказываетъ свою теорію свѣта помощію спектральнаго анализа, заключающагося въ разложеніи свѣта съ помощью его преломленія.

Стеклянная призма разлагаетъ бѣлый свѣтовой лучъ на семь первоначальныхъ цвѣтовъ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый. Сэръ Джонъ-Гершель открылъ сѣро-фіолетовые лучи за предѣлами фіолетовыхъ и темно-красные на внѣшней сторонѣ красныхъ лучей, но эти лучи не такъ легко обнаруживаются какъ остальные.

Всѣ, даже самыя прозрачныя, тѣла поглощаютъ свѣтъ; воздухъ, вода, стекло, чистѣйшій хрусталь поглощаютъ нѣкоторые изъ лучей. По мѣрѣ того какъ лучи проходятъ чрезъ нихъ, часть свѣта отражается отъ поверхности тѣлъ, которыя, въ противномъ случаѣ, не были бы видимы. Мы узнаемъ о присутствіи и о формѣ отдаленныхъ отъ насъ вещественныхъ предметовъ не иначе, какъ чрезъ отраженные ими лучи свѣта. Обыкновенные цвѣта, большею частію, состоятъ изъ смѣшанныхъ цвѣтовъ; они происходятъ оттого, что тѣло уничтожаетъ или поглощаетъ часть 280 билліоновъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ падающаго на него бѣлаго солнечнаго свѣта. Не уничтоженная же часть 280 билліоновъ свѣтовыхъ тоновъ отбрасывается тѣломъ и изъ нихъ образуется смѣшеніе цвѣтовъ, которое мы привыкли считать собственнымъ цвѣтомъ тѣла. Такимъ образомъ выходитъ, напримѣръ, что тѣло желто потому, что принимаетъ и поглощаетъ изъ солнечнаго луча голубые и фіолетовые лучи, отбрасывая остальные, которые своимъ смѣшеніемъ производятъ впечатлѣніе желтаго. Причина, почему тѣла отличаются въ этомъ отношеніи, намъ неизвѣстна, потому что мы вообще не знаемъ причины различія матеріи. Намъ извѣстно уже, что твердыя и жидкія тѣла, раскаливаясь, принимаютъ различные смѣшанные цвѣта. Бѣлыя тѣла отражаютъ весь свѣтъ, а черныя весь поглощаютъ, между тѣмъ какъ цвѣтныя тѣла, разлагая свѣтъ, поглощаютъ нѣкоторые изъ цвѣтовъ и отражаютъ или пропускаютъ остальные. Такимъ образомъ фіолетовое тѣло поглощаетъ всѣ цвѣтные лучи, кромѣ фіолетовыхъ, которые отражаетъ; красный цвѣтокъ отражаетъ только красные и поглощаетъ всѣ остальные, желтое тѣло поглощаетъ всѣ цвѣта кромѣ желтаго. Подобнымъ же образомъ прозрачныя тѣла, какъ твердыя, такъ и жидкія, поглощаютъ нѣкоторые цвѣта и пропускаютъ другіе: такимъ образомъ изумрудъ поглощаетъ всѣ лучи кромѣ зеленаго, рубинъ всѣ кромѣ краснаго, сафиръ всѣ кромѣ синяго; тогда какъ алмазъ не разлагаетъ свѣта, но въ одинаковой степени пропускаетъ каждый лучъ. Атмосфера, въ мѣстахъ, гдѣ она разрѣжена, поглощаетъ всѣ цвѣта, кромѣ голубого, составляющаго ея настоящій цвѣтъ. Въ странахъ, гдѣ воздухъ чистъ, лазурь неба густая, но она еще гуще или темнѣе на большихъ высотахъ, гдѣ степень плотности воздуха меньше; а самый пріятный ея цвѣтъ тамъ, гдѣ она постепенно смягчаетъ очертанія стоящихъ вдали горъ, или гдѣ небо соприкасается съ моремъ. Когда солнце приблизится къ горизонту, атмосфера, по причинѣ своей большей плотности, поглощаетъ фіолетовые и голубые лучи и пропускаетъ въ избыткѣ желтые и красные. Это свойство атмосферы, вмѣстѣ съ преломляющей силой водяныхъ паровъ, особенно обильныхъ при земной поверхности, придаетъ розоватый оттѣнокъ утренней зарѣ и золотой съ пурпуровымъ закату солнца. Смѣшеніе этихъ цвѣтовъ съ голубымъ цвѣтомъ лежащей сверху атмосферы производитъ прекрасный ярко зеленый цвѣтъ, часто видимый въ Италіи и другихъ теплыхъ странахъ. Послѣдніе отраженные лучи заходящаго солнца обыкновенно красные; они придаютъ розовый, иногда же пылающій оттѣнокъ альпійскимъ снѣгамъ, а за ними иногда тѣнь земли падаетъ на атмосферу въ видѣ темно-синяго сегмента.

Если вся жизнь на землѣ, какъ замѣчено выше, зависитъ отъ дѣйствія солнца, то удивимся ли мы, если разница яснаго и облачнаго неба должна имѣть огромное вліяніе на растительность. Значеніе свѣта для растительности такъ велико, что даже свѣтъ луны, то есть уже отраженный солнечный свѣтъ, имѣетъ ощутительное вліяніе на нее, что было доказано слѣдующими опытами: брали извѣстное растеніе въ нѣсколькихъ экземплярахъ такимъ образомъ, чтобы каждый отдѣльный экземпляръ росъ при особыхъ условіяхъ. Такъ, напр., первый произросталъ обыкновеннымъ образомъ, второй лишь въ свѣтлыя лѣтнія ночи, будучи устраняемъ отъ дневныхъ солнечныхъ лучей, третій лишь въ лунныя ночи, четвертый при свѣтѣ фонарей, и пятый въ совершенной темнотѣ. Послѣдній экземпляръ, при надлежащей теплотѣ и влажности едва обнаруживалъ слабую степень прозябанія, четвертый же, освѣщавшійся фонарями или лампами былъ нѣсколько развитѣе, третій, освѣщавшійся ночнымъ свѣтомъ луны заключалъ въ себѣ еще болѣе силы, а второй, взросшій при свѣтлыхъ ночахъ лѣта, былъ покрытъ зеленью и давалъ отростки, лишь уступалъ въ красотѣ, свѣжести и яркости первому экземпляру, быстро развивавшемуся при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ дневного свѣта и теплоты. Вызрѣваніе плода зависитъ болѣе отъ яснаго



**Этюдъ русской природы. Глубокая осень въ лѣсу.** Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Э. Шмидтъ.

ВАРКА ГОРЮЧЕЙ МАССЫ.

НАВЕРТЫВАНІЕ СПИЧЕЧНОЙ МАССЫ.

РАЗТИРАНІЕ ГОРЮЧЕЙ МАССЫ.

НАЛОЖЕНІЕ ГОРЮЧЕЙ МАССЫ.

СУШКА.

РАЗВЕРТЫВАНІЕ СПИЧ. СВЯЗОКЪ.

УПОКОВКА И СОРТИРОВКА.

**Фабричное производство спичекъ.** Съ рисунка К. П., грав. М. Рашевскій.

неба, чѣмъ отъ одной лѣтней температуры. Замѣчено изъ наблюденій, что голубые лучи солнечнаго спектра дѣйствуютъ особено сильно на проростаніе сѣмени; желтые, какъ самые свѣтлые, на ростъ растенія: это по причинѣ невидимыхъ, химическихъ лучей,—лучей, хорошо уже извѣстныхъ теперь по ихъ дѣйствію въ дагерротипѣ и фотографіи. Химическіе лучи проникаютъ въ почву и имѣютъ гораздо большее вліяніе на проростаніе сѣмянъ, чѣмъ обыкновенный свѣтъ. Это невидимое начало, вмѣстѣ съ свѣтомъ, существенно необходимо для образованія красящаго вещества листьевъ; оно особенно дѣятельно весною, когда находится въ весьма значительномъ избыткѣ въ сравненіи съ количествомъ свѣта и теплоты; по мѣрѣ прохожденія лѣта, совершается обратное явленіе: теплые лучи, соотвѣтствующіе крайнему красному цвѣту спектра и облегчающіе цвѣтеніе и образованіе плода, берутъ перевѣсъ; также и рядъ невидимыхъ лучей, существующихъ близъ точки наибольшей теплоты въ солнечномъ спектрѣ, становится особенно обиленъ лѣтомъ. По мнѣнію ученаго Гунта, теплые лучи, идущіе непосредственно за видимымъ краснымъ лучемъ, уничтожаютъ цвѣтъ нѣкоторыхъ листьевъ. По этой причинѣ стекла въ большой пальмовой теплицѣ въ Кью окрашены въ блѣдный желтовато-зеленый оттѣнокъ для устраненія помянутыхъ палящихъ лучей, хотя въ то же время эти окрашенныя стекла пропускаютъ сквозь себя другіе теплые, свѣтлые и химическіе лучи.

Солнечный спектръ состоитъ изъ множества видимыхъ и невидимыхъ лучей. Химическіе лучи особенно обильны за фіолетовымъ концомъ спектра и уменьшаются чрезъ фіолстовый въ голубомъ и зеленомъ, до желтаго, гдѣ они исчезаютъ. Избытокъ теплыхъ лучей находится въ недальнемъ разстояніи за краснымъ концомъ, откуда они постепенно уменьшаются къ фіолетовому. Кромѣ этихъ лучей въ спектрѣ есть два отдѣльныя мѣста на значительномъ разстояніи отъ красныхъ лучей, гдѣ встрѣчается maximum теплоты. Если бы теплые лучи были видимы, то въ нихъ оказалась бы такая же большая разница, какъ и въ цвѣтныхъ лучахъ; такъ разнообразны ихъ свойства, смотря по положенію въ спектрѣ.

# Къ рисункамъ.

## Георгіевскій монастырь въ Крыму.

Въ 12 верстахъ отъ Севастополя, на берегу Чернаго моря, на тѣхъ скалахъ, гдѣ, по убѣжденію многихъ ученыхъ археологовъ, стоялъ въ древности храмъ кровавой богини—дѣвственницы Діаны Таврической, нынѣ разбросаны зданія Георгіевскаго первоклассного монастыря. Подъѣзжая къ обители съ суши, по дорогѣ отъ Севастополя, путникъ сперва сильно разочаровывается, встрѣчая среди пустынной мѣстности, покрытой самой скудной растительностью монастырскія зданія довольно однообразной и обыденной архитектуры: но стоитъ лишь ему подняться на монастырскую терассу, чтобы придти въ восторгъ отъ открывающагося отсюда великолѣпнаго вида на далекое, безконечное море и на прибрежныя скалы. Самая высокая изъ этихъ скалъ, пирамидальной формы, въ древности называвшаяся Фіолентъ или Партеніумъ, носитъ нынѣ названіе скалы св. Георгія, такъ какъ, по преданію, послѣдній явился на ней погибавшимъ грекамъ и, утишивъ бурю, далъ имъ возможность благополучно доплыть до берега. Спасенные Греки, въ воспоминаніе своего чуднаго избавленія отъ гибели, устроили въ скалѣ, близъ мѣста своего крушенія, пещерную церковь (около 891 года по Р. X.), а вскорѣ, воздвигнувъ около ея нѣсколько келій, положили основаніе общежительной обители. Чудотворная же икона св. Георгія, обрѣтенная, по преданію, на той самой скалѣ, на которой явился Великомученикъ, находилась въ монастырѣ до 1779 г. а потомъ была увезена Митрополитомъ Игнатіемъ въ свою новую метрополію, въ Азовскую губернію.

Монастырская церковь хотя не велика, но довольно изящна по внутренней отдѣлкѣ. По обѣимъ сторонамъ ея входныхъ дверей, красуются двѣ бѣлыя, мраморныя доски; одна надъ могилою Графа Витта, а другая съ обозначеніемъ годовъ, въ которые обитель посѣщалась Императоромъ Александромъ I. Въ этой же церкви показываютъ любознательнымъ путешественникамъ старую картину, изображающую благословеніе Ноемъ своихъ дѣтей и будто бы писанную, если вѣрить надписи, мая 15 дня 1081 года (!) Кромѣ того въ обители достойны вниманія многія древнія облаченія и небольшія коллекціи богослужебныхъ книгъ, имѣющихъ всѣ признаки несомнѣнной древности. Отъ церкви начинается сходъ на довольно узкую терассу, ведущую къ фонтану, устроенному въ контрфорсѣ и водѣ котораго приписываютъ разные цѣлебныя и чудодѣйственныя качества. Надъ фонтаномъ, на чугунной доскѣ видна слѣдующая надпись: „Помощію десницы Господней, обновленъ источникъ сей Карасубазарскимъ купцемъ Іаковомъ Гущинымъ съ сыновьями его, 1846 года въ октябрѣ мѣсяцѣ“. Противъ фонтана устроенъ небольшой балкончикъ и отсюда-то начинается спускъ къ морю; спускъ дѣйствительно утомительный и трудный, такъ какъ приходится карабкаться по камнямъ или пробираться по извилистой горной тропинкѣ, но сойдя внизъ можно окинуть взглядомъ весь этотъ амфитеатръ прибрежныхъ скалъ, на которомъ какъ бы висятъ бѣлыя монастырскія церкви и домики; съ одной стороны тѣснятся громадные утесы, самыхъ разнообразныхъ и фантастическихъ формъ и красокъ, облитые южнымъ горячимъ солнцемъ, а съ другой волнуется и плещетъ въ кремнистые берега безконечное, бурное море, переливаясь, то зеленью и багрянцемъ, то серебромъ и чернью и невольно вспоминаются лучшія произведенія Айвазовскаго при созерцаніи этого моря и этихъ скалъ.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ эпизодовъ въ прошлой исторической жизни Георгіевскаго монастыря, было занятіе его союзниками во время достопамятной крымской войны. По разсказамъ самихъ монаховъ, во все это время, богослуженіе совершалось въ полномъ порядкѣ подъ охраною французскихъ жандармовъ и всѣ монастырскія потребности удовлетворялись изъ средствъ французскаго главнаго штаба. Но при всей гуманности союзниковъ и при всемъ ихъ вниманіи къ нуждамъ монастыря, все таки въ хозяйствѣ послѣдняго не могли не отразиться всѣ невыгодныя стороны чужеземной оккупаціи; виноградные и фруктовые сады были истреблены; лѣсъ строевой и дровяной вырубленъ, а за забираемый скотъ и лошадей союзники хотя и платили, но по своему усмотрѣнію. По заключеніи мира, какъ бы въ отплату за нанесенные монастырю убытки, были оставлены въ монастырѣ союзниками нѣсколько бараковъ и до 20 рабочихъ изнуренныхъ лошадей.

Нынѣ всѣ эти слѣды непріятельскаго вторженія успѣли совершенно изгладиться; виноградные сады разведены снова; сѣно косятъ по балкамъ а мѣста гористыя и каменистыя, неспособныя для сѣнокоса, отдаются на аренду; вырубленный лѣсъ снова поднялся и можетъ уже идти на потребы обители; кромѣ того монахи, въ широкихъ размѣрахъ занимаются огородничествомъ и пчеловодствомъ. Благодаря такому раціональному веденію хозяйства, Георгіевскій монастырь считается одною изъ богатыхъ русскихъ обителей и благосостояніе, до котораго его довели упорный трудъ и желѣзная воля нѣкоторыхъ изъ его настоятелей, нынѣ зиждется на твердыхъ и непоколебимыхъ основахъ.

## Деревня Гурзуфъ близь Ялты.

Деревня Гурзуфъ или Юрзуфъ (тоже Урзуфъ) находится на южномъ берегу Крыма, близь города Ялты и расположена живописно на отлогости горы, которая своими оконечностями вдается въ море и на которой сохранились остатки укрѣпленія временъ Юліана. Къ числу настоящихъ достопримѣчательностей этой деревни можно отнести превосходно устроенное имѣніе г-на Фундуклея. По словамъ Тунмана, въ VIII столѣтіи, селеніе это было торговымъ городомъ. Относительно происхожденія слова Гурзуфъ говорятъ разно: одни полагаютъ, что слово Гурзуфъ значитъ „разбитая скала“ а другіе писатели производятъ его отъ имени основательницы Крисафины; но вѣрнѣе надо полагать, что оно просто происходитъ отъ латинскаго слова ursus—медвѣдь, даннаго ему по сходству съ этимъ животнымъ сосѣдней горы, называемой въ настоящее время татарами и прочими жителями южнаго берега Медвѣдь-горою, въ древности же Кріуметопонъ, т. е. бычачій лобъ, возвышающеюся надъ уровнемъ моря на 274 сажени.

Населеніе Гурзуфа въ настоящее время состоитъ исключительно изъ татаръ, которые занимаются преимущественно садоводствомъ и табаководствомъ. Табакъ доставляетъ имъ значительныя средства къ жизни и считается однимъ изъ лучшихъ на южномъ берегу. До бури, которая здѣсь была 24-го ноября 1861 года, причинившей страшный вредъ жителямъ, они имѣли свои парусныя суда и плавали по Черному и Азовскому морямъ. По разсказамъ стариковъ, Гурзуфъ, во время турецкаго владычества, служилъ черкесамъ портомъ для сбыта невольницъ и, какъ говорятъ, сюда именно и была доставлена прекрасная Маюме, одна изъ наложницъ хана, о которой столько легендъ разсказываютъ бахчисарайцы. Въ доказательство того, что черкесы прежде занимались этой торговлей, указываютъ на оврагъ за деревнею, служившій имъ стоянкою и по настоящее время носящій названіе черкесъ-доре, т. е. оврагъ черкесовъ. Въ этотъ самый оврагъ, какъ говоритъ преданіе, были брошены тѣла христіанъ, убитыхъ турками въ 1774 году.

Окрестности Гурзуфа очень живописны и окружены множествомъ дачъ, идущихъ съ обѣихъ сторонъ его по берегу моря, который образовалъ здѣсь бухту; но срединѣ ея высятся два громадные камня, которые издали бѣлѣютъ какъ паруса и всегда покрыты чайками. За Гурзуфомъ, подымаясь на почтовую дорогу, виднѣется много отлогихъ пустопорожнихъ мѣстъ, годныхъ для виноградныхъ плантацій.

## Ирландскій народный учитель

(Картина Г. Николь).

Скудная обстановка и суровый обликъ учителя, на которомъ не прочтешь надежды на прощеніе—не производятъ свѣтлаго

впечатлѣнія на этой прекрасной картинѣ. Ирландскій школьный бытъ составляетъ рѣзкую противоположность шотландскому и англійскому. Тогда какъ въ Шотландіи народное образованіе возникло вмѣстѣ съ религіозною реформою и вмѣстѣ съ нею совершенствовалось—въ Ирландіи, напротивъ того, реформація препятствовала развитію народнаго образованія. Насильственныя мѣры, посредствомъ которыхъ старались обратить мѣстныхъ ирландскихъ жителей въ протестанство, разжигали только древнюю ненависть кельтическаго племени къ саксонскому. Англиканская церковь, по понятію мѣстныхъ жителей, была ничто иное, какъ новая выдумка враговъ и притѣснителей ирландскаго племени, желавшихъ отнять у него послѣднее достояніе—древнюю вѣру отцовъ. Изъ этого легко видѣть, съ какимъ неудовольствіемъ ирландцы должны были смотрѣть на всѣ мѣры, принимаемыя англичанами и англиканскимъ духовенствомъ въ Ирландіи. Если къ этому прибавить страшную бѣдность, уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій угнетающую ирландскій народъ, то легко объяснить себѣ безсиліе всѣхъ мѣръ, до сихъ поръ въ этомъ отношеніи принимаемыхъ правительствомъ. Мѣры же эти неоднократно были принимаемы. Еще закономъ 1587 г. предписано каждому приходскому священнику основать у себя англійскую школу; но законъ этотъ остался мертвою буквою. Карлъ I въ 1630 году назначилъ на учрежденіе и содержаніе школъ доходъ отъ обширныхъ коронныхъ имѣній, простиравшихся до 16.000 акровъ. На эти средства были учреждены 7 королевскихъ школъ. Вскорѣ послѣ этого основано было около 100 школъ, на счетъ средствъ, пожертвованныхъ Эразмомъ Смидтомъ. Но это были только слабыя начинанія. Впервые серьезнымъ образомъ принялся за дѣло образованія архіепископъ Боультеръ (1730 г.). Онъ учредилъ общество для обученія бѣдныхъ дѣтей англійскому языку и основаніямъ христіанской религіи, получившее въ 1733 году корпоративныя права. Общество это, не смотря на поддержку со стороны парламента, могло основать къ 1769 году лишь 52 школы съ 2,100 учениками, количество которыхъ скоро еще болѣе уменьшилось. Изъ всѣхъ обществъ, образовавшихся съ этою цѣлью, наиболѣе дѣятельнымъ оказалось учрежденное въ 1811 г. въ Дублинѣ „Общество для воспитанія бѣдныхъ дѣтей“ (Society for impoving the Education of the Poor in Ireland), обыкновенно называемое *Кильдерпласкимъ обществомъ* и до 1838 г. пользовавшееся вспоможеніемъ отъ парламента. Въ 1824 году оно имѣло 56.301 учен. и въ томъ числѣ 29.964 католиковъ. Но для 7 милліоновъ ирландскаго населенія цифры эти ничтожны. Школы, въ которыхъ католическія дѣти должны были учиться англиканскому катехизису или даже только читать библію, не возбуждали къ себѣ довѣрія мѣстныхъ жителей. Бѣдные люди лучше рѣшались посылать своихъ дѣтей въ жалкія школы, содержимыя католическими учителями и платить за обученіе въ этихъ школахъ, чѣмъ пользоваться даровымъ протестантскимъ обученіемъ. Англійское правительство наконецъ учредило въ 1829 г. такъ называемую національную систему воспитанія въ Ирландіи, которая привела къ слѣдующимъ результатамъ: въ 1812 г. считалось въ Ирландіи около 200,000 учащихся или не болѣе 3,5% народонаселенія; въ 1831 году число учащихся увеличилось до 7,3%, именно: при народонаселеніи въ 6,801,827, состояло 10,387 школъ съ 494.819 учениками, въ числѣ которыхъ было католиковъ 357.249, англиканъ 91.026, пресбитеріанцевъ 43,236 и диссентеровъ 3.308. Вообще же говоря, результаты усилій правительства далеко неудовлетворительны. Государство издерживаетъ огромныя суммы на устройство и содержаніе національныхъ школъ, но мало находитъ сочувствія въ мѣстныхъ жителяхъ; такимъ образомъ въ 1868 г. правительство издержало на этотъ предметъ 273.000 фунт. стерл., между тѣмъ какъ всѣ другіе источники школьныхъ доходовъ доставили не болѣе 33,000 фунт. стерл. Добровольныя пожертвованія составили не болѣе 4% общаго дохода. Дѣти посѣщаютъ школы весьма неакуратно и остаются въ нихъ самое короткое время. Въ 1866 г. исчислено, что изъ дѣтей отъ 5 до 16-ти лѣтнихъ только одна 1/4 обучается. По отчетамъ королевскихъ инспекторовъ оказывается, что изъ общаго числа школъ—(5.408), подъ надзоромъ и руководствомъ католическаго духовенства находятся 3.385 школъ и всѣ онѣ въ самомъ жалкомъ положеніи.

## Глубокая осень въ лѣсу.

„Тайга“.

Дивно хорошъ дремучій лѣсъ въ глубокую осень.

Грандіозно мрачный, угрюмый въ ненастную пору,—лучезарный, сверкающій золотомъ умирающей листвы въ ясные дни октябрьскаго солнца.

Еще не сплошь оголились деревья, даже на старыхъ дуплистыхъ букахъ и дубахъ держится еще группами засохшій листъ, а уже далеко видно сквозь чащу стволовъ и вѣтвей; только понизи словно еще гуще, еще непролазнѣе стали. Пестритъ въ глазахъ отъ осенняго убранства этой трущобной, иловой поросли; круглые, ярко желтые листья осины, будто миріады живыхъ мотыльковъ, дрожатъ, трепещатся на своихъ тонкихъ стебелькахъ, а рядомъ лилово-черный, словно обуглившійся кустъ ольшника, а изъ-за него уже совсѣмъ оголившаяся яблоня-дичекъ топорщитъ свои омшаныя вѣтви; усаженный острыми шипами дикій терновникъ, лѣтній пріютъ дроздовъ, любителей ягодъ, сплошными тенетами заслоняетъ спускъ къ оврагу, а со дна этого оврага тянутся тонкія, бѣлыя стволы березы, тянутся все выше и выше, къ свѣту поближе, туда гдѣ раскинулись гордые, дубовые кроны... Лапчатый, кроваво-малиновый кленъ, огненнымъ пятномъ виднѣется тамъ, гдѣ солнце своимъ свѣтомъ сплошь залило опушку лѣсной поляны, а дальше—сплошная мѣшанина всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Затесалась между нею, Богъ вѣсть какъ, далеко отскочившая отъ своихъ родичей, стройная елка, словно кисейною дымкою убрала осень ея темнозеленыя, симметрично повисшія вѣтви октябрьскою паутиною; много этой паутины носится въ воздухѣ, цѣпляясь и осѣдая на чемъ попало,—на старомъ, расколотомъ многіе годы тому назадъ пнѣ, на вывороченномъ бурею корневищѣ, на шипахъ терновника, на тяжелыхъ рогахъ неуклюжаго лося, выбравшагося погрѣться на полянку...

Сыро, холодно тамъ, на днищахъ овраговъ, гдѣ журчитъ, пробираясь межъ камнями лѣсной ключъ,—синеватый туманъ стелется по низамъ, словно пороховой дымъ тянется между стволами... Облако набѣжитъ—нахмурится, разомъ скроется, потухнетъ все это живое, трепещущее золото осенней листвы, будто трауромъ одѣнется лѣсъ и смолкнетъ, а выглянетъ снова солнце, проберутся сюда его живящіе лучи и все загорится, оживетъ снова, золотистымъ румянцемъ подернутся даже старые, мшистые дубовые стволы, высоко развернувшіеся надъ лѣсомъ кудрявые кроны кедровника...

А моху-то сколько наросло, сколько этой теплой одежи накопилось къ суровому зимнему времени... Какое разнообразіе формъ и окраски! То словно клочья старческой сѣдины, то хитро сплетенная бахрома изъжелто-сѣрая, то пепельно-зеленыя звѣздочки лишаевъ, бѣлая грибная накипь, бархатисто-зеленая, пятнистая плѣсень...

Мягкимъ, пестрымъ ковромъ опавшей листвы устлана лѣсная почва, буреломомъ ее завалило; проросли въ ней вырѣзные, раскидистые папоротники, бурый, загнившій уже на корню крапивникъ, молодежь-побѣги, и листья на нихъ въ трубочки посворачивались, словно струсили, что не въ пору на Божій свѣтъ выглянули...

Проникнулъ солнечный лучъ сюда, въ это сырое, мшистое царство гнили и разложенія, зардѣлась въ перегноѣ коралловая, лоснящаяся шапка гриба мухомора, Богъ вѣсть какъ дожившая до такого поздняго времени—яркая, голубая звѣздочка незабудки; заискрились на кочкахъ дозрѣвшія ягодки костеники, стальнымъ блескомъ сверкнула чешуйчатая кожа змѣи мѣдянки, пятнистая лоснящаяся спина пузатой жабы...

Пробирается чащею стройная козочка, чуть ногами своими тонкими переступаетъ, пугливо озирается... Легкая, граціозная, а шуму-то сколько надѣлала! Шуршитъ сухолистье подъ ея раздвоенными копытцами, ее самое пугаетъ, заставляетъ поминутно вздрагивать всѣмъ тѣломъ. Сорвалась съ высоты переспѣлая кедровая шишка, съ вѣтки на вѣтку падая щелкаетъ, шлепнула словно купчиха въ пуховикъ и зарылась тамъ въ мягкомъ ложѣ...

Отлетѣли пѣвчія пташки, лѣтнія гостьи, не слышно въ лѣсу ихъ веселаго чириканья, другіе звуки его смѣнили. Глухо, гортанно каркаетъ воронье въ вышинѣ, цакаетъ бѣлка, запасшая уже себѣ на зиму всякаго съѣдобнаго добра, въ укромномъ мѣстѣ, въ глубокомъ дуплѣ... Совсѣмъ иначе гудитъ и шумитъ лѣсъ, когда вѣтеръ пахнетъ въ его чащѣ, то застонетъ жалобно, то словно далекаго грома перекаты слышатся, то злымъ волчьимъ вытьемъ откликается.

Тяжелый, лѣнивый сапъ сюда доносится, ломитъ кусты, трещитъ валежникъ подъ чьими-то грузными, *хозяйскими* ногами... Косматая, бурая масса мелькнула за оврагомъ, межъ липами.. Это Мишка забродилъ по своимъ помѣстьямъ... Забота теперь его одолѣла не малая... Цѣлые дни бродитъ по лѣсу Топтыгинъ, все осматриваетъ, соображаетъ что-то; какъ выдастся мѣстечко вольное, открытое—мимо! не рука ему, дѣло не подходящее, попадется такое мѣсто, что „чортъ ногу сломитъ“—проволье-ли какое, корневища ли вывороченныя, чаща ли непролазная, тутъ ему любо, тутъ онъ внимательно все оглядитъ, обнюхаетъ, лапами попереворачиваетъ, развѣ что сырость гдѣ окажется, подмочка, мѣсто заливное, ну тогда прочь пойдетъ, искать чего получше, да посуше.

Ищетъ медвѣдь теперь гдѣ ему зиму пролежать, самому ли въ одиночку, или съ семьею... Отъѣлся звѣрь за лѣто, запасся жиромъ на долгую спячку, только бы злой человѣкъ, безпокойный промышленникъ не обошелъ бы его, да часомъ не потревожилъ бы.

Торопится медвѣдь найдти себѣ берлогу заблаговременно,—не то чтобы холодъ ему страшенъ былъ, морозовъ бы испугался, а главная причина, чтобы залечь непремѣнно до перваго снѣга-предателя, а то неровенъ часъ выпадетъ раньше, пока еще звѣрь не улегся, а въ розыскахъ время проводитъ какъ тутъ скроешь слѣды своихъ когтистыхъ лапищъ...

Вотъ и бродитъ теперь по лѣсу „хозяинъ“, озабоченный поисками подходящей зимней квартиры.

Выбрался на доброе мѣсто, присѣлъ, послушалъ—гдѣ это—журчитъ ручей, переливается (водопровода ему въ квартиру

не требуется)—нѣтъ, не опасно—мѣсто, кажись подходящее, не бойкое, параднаго подъѣзда тоже нѣту, подойти сюда трудно, хуже чѣмъ по задней петербургской лѣстницѣ... развѣ и порѣшить на этомъ... а?... Много тоже уже исхожено, пожалуй и не найти ничего лучшаго... Постой,—да я никакъ уже здѣсь поблизости леживалъ, похоже какъ будто!..

Такъ или въ этомъ родѣ раздумываетъ и соображаетъ мишка, тотъ самый, что изображенъ мною, въ подходящей обстановкѣ, на приложенномъ рисункѣ.

**Н. Каразинъ.**

## Поддѣлка молока.

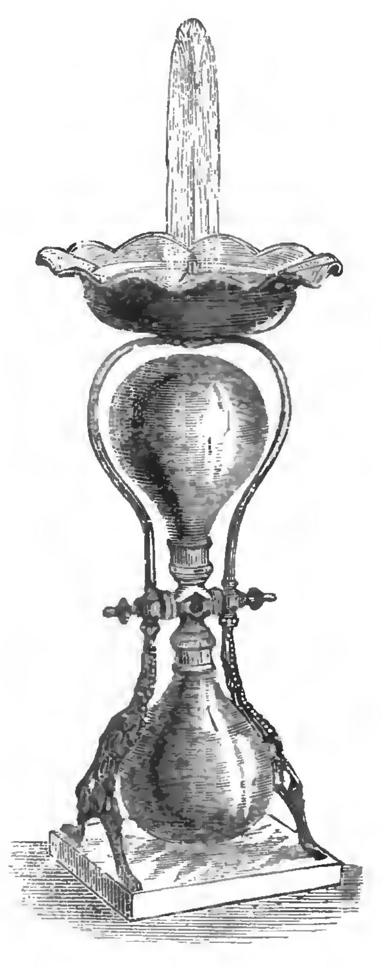
Въ большихъ европейскихъ городахъ, гдѣ сбытъ чрезвычайно великъ, поддѣлка продуктовъ доходитъ до такихъ размѣровъ, о которыхъ мы еще не имѣемъ понятія. Нѣмецкій журналъ „Дагеймъ“ говоритъ, напримѣръ, что въ Берлинѣ *чистое молоко принадлежитъ къ рѣдкостямъ*, и продажа поддѣльнаго молока даже не запрещается закономъ, но въ нѣкоторыхъ предѣлахъ. Полиція приступаетъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, въ родѣ представленной на нашей картинкѣ, только тогда, когда дозволенныя закономъ границы переступаются уже совсѣмъ непозволительнымъ образомъ.

Торговцы для поддѣлки молока употребляютъ различныя снадобья, которыя хотя въ сущности не вредны, тѣмъ не менѣе уничтожаютъ его питательныя качества. Къ безопаснымъ способамъ поддѣлки причисляютъ сахаръ, вареный и сырой крахмалъ, пшеничную муку, древесный клей, отваръ отрубей, ячменя и риса, къ вреднымъ—прибавленіе мѣла и гипса. Протертый телячій или бараній мозгъ хотя придаетъ молоку жирный видъ, но отъ разнородности смѣси, поддѣланное такимъ образомъ молоко приходитъ скоро въ броженіе и портится, и подаетъ поводъ къ разнымъ опаснымъ болѣзненнымъ симптомамъ. Въ Мюнхенѣ однажды найденъ въ молокѣ растворъ мыла.

Во всякомъ случаѣ, обнаруженіе поддѣлокъ важно не столько въ отношеніи вреда здоровью, сколько потому что уменьшается достоинство молока.

Важное же значеніе вопросъ этотъ получаетъ по отношенію къ питанію грудныхъ младенцевъ въ большихъ городахъ при чрезвычайно увеличивающейся смертности дѣтей, которая въ Берлинѣ, напримѣръ, въ возрастѣ одного года, достигаетъ 40%. Переходъ отъ питанія грудью къ обыкновенной пищѣ составляетъ самое опасное для ребенка время. Такъ какъ естественное питаніе грудныхъ младенцевъ все рѣже, то коровье молоко для большей части дѣтей становится совершенно необходимымъ.

По даннымъ, приводимымъ указанной выше газетой, ежегодный ввозъ молока составляетъ въ Берлинѣ 50,000,000 литръ. Главная часть этого количества привозится цѣльнымъ молокомъ и поступаетъ въ руки торговцевъ, которые этимъ запасомъ стараются покрыть потребленіе въ городѣ сливокъ. Для однѣхъ кондитерскихъ сливокъ нужно ежедневно до 50,000 литръ. Затѣмъ остаются кофейни, рестораны и частные дома, которые не могутъ обойтись безъ сливокъ для кофе и кушанья. Для полученія одного литра хорошихъ сливокъ, требуется 10 литръ неснятого молока.



Новый комнатный фонтанъ

Изъ этихъ 50,000,000 литръ ввозимыхъ ежегодно, слѣдовательно ежедневно 137,000 литръ, половина, т. е. 68,500 литръ не снятаго и неподмѣшаннаго молока, должна быть доставлена городу. Молока доставляется ровно столько, сколько расходуется сливокъ; дѣйствительная же потребность въ 10 разъ больше.

„За исключеніемъ нѣкоторыхъ фермъ, отпускающихъ по высокой цѣнѣ въ запечатанныхъ бочонкахъ дѣйствительно чистое молоко для дѣтей, у насъ между потребителями *понятіе* о неподдѣльномъ молокѣ, говоритъ нѣмецкая газета, *совсѣмъ исчезло*. Считая 10% воды въ молокѣ и принимая среднюю цѣну по 20 пфен. за литръ, ежегодный оборотъ отъ подлога составитъ 1.000,000 марокъ, по курсу около 500,000 рублей, т. е. 1 марка=50 коп.“

Торговецъ за литръ молока платитъ 14 пфен., слѣдовательно за 100 литръ—14 марокъ, Изъ этого онъ продаетъ:

| | | | |
|---|---|---|---|
| 6 литръ | лучшихъ сливокъ . . . . . | по 1,20 м. | — 7,20 |
| 10 „ | сливокъ для кофе . . . . . | „ 0,50 „ | — 5,00 |
| 84 „ | молока . . . . . . . . . | „ 0,20 „ | — 16,80 |
| | | Итого на | 29 мар. |

И такъ чистая прибыль составляетъ болѣе 100%.

Покупаютъ у торговцевъ молоко, изъ котораго выдѣлены всѣ жирныя части, въ полной увѣренности, что оно не хорошо, но утѣшаютъ себя тѣмъ, что въ Берлинѣ другого получить нельзя. Торговецъ получаетъ 100% прибыли отъ продажи снятаго молока, подъ названіемъ и по цѣнѣ цѣльнаго молока. Но прибыль его еще возрастаетъ отъ прибавленія воды къ снятому молоку, а такъ какъ барыши заманчивы и удобства представляются всюду, гдѣ находятся колодцы, то торговецъ неохотно отказывается отъ мысли увеличить количество молока надлежащей разбавкой. До какой степени доходитъ поддѣлка, можно судить по докладамъ санитарнаго комитета, который находилъ до 45, а въ иныхъ случаяхъ до 50% въ молокѣ воды. Успѣшное испытаніе молока, разбавленнаго водою, не въ значительномъ количествѣ—трудная и кропотливая работа, которую могутъ исполнить только химики, такъ какъ испытаніе молокомѣромъ и галактомѣромъ въ непривычныхъ рукахъ даютъ только тогда ясные результаты, когда примѣсь воды уже очень значительна. Трудно вести рыночный контроль съ надлежащей строгостью и только грубыя поддѣлки могутъ вызвать, въ предостереженіе и въ назиданіе другимъ торговцамъ, дѣйствія полиціи въ родѣ представленныхъ на рисункѣ, при чемъ тутъ же можно видѣть, съ какимъ крайнимъ сожалѣніемъ нѣкоторые смотрятъ на это выливаемое молоко, которое не прочь были бы, повидимому, если бы это было можно, присвоить себѣ, не взирая ни на какія его качества.

## О производствѣ спичекъ.

Зажигательныя спички, нынѣ повсемѣстное и почти единственное употребительное средство для добыванія огня, во всемъ цивилизованномъ да и нецивилизованномъ мірѣ, принадлежатъ къ необходимѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ предметамъ домашняго обихода, и составляютъ значительную отрасль промышленности въ Европѣ и соединенныхъ штатахъ Америки.

Тѣмъ не менѣе спички еще очень недавнее изобрѣтеніе; онѣ появились только около 1833 года, и очень скоро конечно вытѣснили изъ употребленія разные другіе зажигательные снаряды: огнива, кремни, труты, обугленную хлопчатую бумагу, сѣрныя нитки, зажигательныя машины (водородное Доберейнерово огниво) и пр.

Нѣкоторые изъ нашихъ читателей пожелаютъ, можетъ быть, имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о производствѣ спичекъ. На рисункахъ, помѣщенныхъ на стр. 869, читатели могутъ наглядно разсмотрѣть всѣ работы, производимыя при выдѣлкѣ спичекъ.

Спички—это практическое примѣненіе фосфора, который, въ соединеніи съ кислородомъ, находится въ большомъ количествѣ въ органическихъ и неорганическихъ тѣлахъ. Въ чистомъ видѣ фосфоръ сдѣлался извѣстнымъ въ 1669 г. Первый подвергнувшій разсмотрѣнію фосфоръ съ научной точки зрѣнія, былъ Брандтъ (изъ Гамбурга), затѣмъ надъ нимъ производилъ опыты Кункенъ и др. Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія фосфоръ былъ употребляемъ для многихъ зажигательныхъ аппаратовъ, какъ туринскихъ свѣчей, конгревовыхъ машинъ и т. д. которые во многомъ были сходны съ теперешними спичками, которыя все совершенствуясь, введены были въ употребленіе почти одновременно во многихъ государствахъ.

Въ Англію ввелъ ихъ Джонъ Валькеръ, въ Лудвигсбургъ—Калинереръ, въ Дармштадтѣ Мольдетауеръ, и т. д.

Всѣ эти спички различались только по способу приготовленія. Тоненькія деревянныя палочки обмакиваются сначала въ стеаринъ, воскъ, парафинъ, или сѣру, а послѣ въ зажигательную массу, изъ фосфора (краснаго или аморфнаго), хлористаго кали (kali chloricum), и сѣрнокислой сюрьмы (antimonium sulphuricum). Процессъ производства спичекъ на фабрикахъ слѣдующій:

Прежде всего необходимы деревянныя палочки, или такъ наз. деревянная солома, изъ сосны, пихты, ели, буковаго и кедроваго дерева. Солома изъ двухъ послѣднихъ сортовъ дерева должна быть непремѣнно обмакиваема тѣмъ концомъ, на которомъ предполагается головка спички, въ стеаринъ или парафинъ, потому что букъ и кедръ очень тверды и горятъ медленно.

(Продолженіе на стр. 873, 874, 875 и 876).

Береза и тополь употребляются въ спичечномъ дѣлѣ съ меньшимъ успѣхомъ. Дерево распиливаютъ на небольшіе бруски, вдвое больше желаемой величины спичекъ; бруски эти разрѣзываются на отдѣльныя палочки посредствомъ ручныхъ снарядовъ, струга, пробойника, рѣзца и пр. и складываются, съ помощью весьма остроумной машины, въ большія связки, до 2 футовъ въ діаметрѣ. (Прилагаемый рисунокъ изображаетъ машину эту на ходу. Фиг. 1).

Приготовленныя такимъ образомъ связки переходятъ въ такъ называемую макалькую камеру. Тамъ уже приготовленъ порошокъ изъ хлористаго калія и сѣрнокислой сюрьмы; порошокъ этотъ варятъ долгое время въ сосудѣ, наполненномъ водой, смѣшанной съ гумми, гдѣ оба вещества растворяются (Фиг. 2 и 3). Затѣмъ прибавляютъ фосфоръ и такимъ образомъ получаютъ зажигательную массу. Въ макальной камерѣ, (Фиг. 4), есть еще, кромѣ того, плоскій желѣзный сосудъ, въ видѣ сковороды, въ которомъ, посредствомъ паровой жаровни, расплавляется сѣра.

Въ эту-то сѣру работникъ погружаетъ связку палочекъ, то одной, то другой стороною, попеременно, съ перерывами, чтобы дать время сѣрѣ просохнуть немного. Если спички надо обмакнуть предварительно въ воскъ, или стеаринъ, какъ это дѣлаютъ съ такъ наз. шведскими спичками, (нынѣ очень употребительными), то дѣлаютъ такимъ же точно образомъ.

Обмакнувъ круги въ сѣрѣ, приступаютъ къ самому важному т. е. къ погруженію въ зажигательную массу и окрашиванію спичечныхъ головокъ.

Большая желѣзная рама (такъ наз. макательная рама) вмѣщающая отъ 1,000 до 5,000 штукъ спичекъ намазывается смѣсью фосфора, хлористаго калія, сѣрнокислой сюрьмы и какой нибудь краски. Это и есть зажигательная масса. Операція эта теперь производится преимущественно помощью машинъ; нѣсколько же лѣтъ тому назадъ это дѣлали просто руками. Готовые круги уже настоящихъ спичекъ, только съ двумя головками, по одной на каждомъ концѣ, поступаютъ въ сушильную камеру. (Фиг. 5) Устройство сушильныхъ камеръ чрезвычайно разнообразно, начиная съ самой простой печки на небольшихъ фабрикахъ, до самой замысловатой печи калориферной системы. Обыкновенно сушатъ въ желѣзныхъ шкафахъ, которые нагрѣваются паромъ. Высушенные круги спичекъ разрѣзываютъ пополамъ, (фиг. 6) такъ, что изъ каждой палочки получаются 2 спички, каждая съ отдѣльной головкой, и затѣмъ упаковываютъ въ коробки, или бумажные патроны. Упаковка спичекъ дѣлается чрезвычайно быстро. Двѣ прилежныя работницы могутъ упаковать въ день до 3,000 коробокъ каждая (см. фиг. 7).

Понятно, что работа на спичечныхъ фабрикахъ весьма вредна для здоровья рабочихъ. Испаренія фосфора и сѣрный дымъ конечно дурно вліяютъ на организмъ человѣка, и только громадная конкурренція и дешевизна матеріаловъ дѣлаютъ то, что спички доведены до такой низкой цѣны. За границей фабрикамъ спичечнымъ почти нѣтъ выгоды существовать. Тысяча спичекъ въ продажѣ стоитъ ½ зильбергроша.

У насъ спички еще не дошли до такой дешевизны и спичечныя фабрики довольно распространены. Есть подъ Петербургомъ, въ Финляндіи, и мелкія фабрики въ разныхъ губерніяхъ для мѣстнаго потребленія, изготовляющія товаръ часто самымъ первобытнымъ способомъ.

**Выливаніе поддѣланнаго молока.** Рис. Кохъ, грав. Рашевскій.

## Новыя изобрѣтенія.

### Телемахонъ.

Уже давно ученый міръ занятъ былъ вопросомъ, какимъ образомъ огромную силу рѣкъ и водопадовъ провести изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ она остается совершенно безполезной—къ тѣмъ пунктамъ, на которыхъ она можетъ приносить громадную пользу,—иначе говоря, какимъ образомъ примѣнить силу воды какъ двигателя на фабрикахъ, заводахъ и т. п.

Г. Валласъ (Wallace) удалось недавно разрѣшить эту великую задачу. Валласъ, фабрикантъ города Авзоніи, въ штатѣ Коннектикутъ, въ Америкѣ, долго занимался изслѣдованіемъ этого вопроса и наконецъ ему удалось изобрѣсть машину, основанную на простомъ физическомъ законѣ обращенія механическихъ силъ въ электричество и, на оборотъ,—электричества въ механическія силы. Машина эта названа изобрѣтателемъ „*Телемахонъ*." Безъ сомнѣнія ей суждено вызвать большой переворотъ въ фабричномъ дѣлѣ. Съ помощью этой машины можно силу напр. Ніагарскаго водопада провести, посредствомъ

электрическаго тока, въ Нью-Іоркъ, Цинциннатти или другой какой нибудь городъ и употребить тамъ какъ движущую силу на фабрикахъ; такимъ же образомъ машина эта можетъ служить при освѣщеніи города электричествомъ и для множества другихъ цѣлей.

По вычисленію профес. Зименса въ Гласговѣ вся масса воды, которая каждый часъ низвергается съ высоты болѣе 20 саж. въ Ніагарскомъ водопадѣ, вѣсомъ своимъ равняется 1 милліарду пудовъ.

Количество каменнаго угля, которое потребовалось бы для поднятія этой массы къ той точкѣ, съ которой она падаетъ, (такимъ образомъ обыкновенно измѣряютъ силу воды) простирается до 280,000,000 тоннъ. т. е. почти столько, сколько употребляется каждый годъ угля на всемъ земномъ шарѣ. Если бы мы могли только 50% той силы, которая необходима для приведенія въ движеніе электро-динамической машины, (обращающей механическія силы въ электричество) если бы мы могли употребить на то, чтобы эту силу снова обратить въ электричество, то можно было бы двигателемъ этимъ дѣйствовать на всѣхъ фабрикахъ соединенныхъ штатовъ и отъ одного Ніагарскаго водопада имѣли бы столько силы, сколько имѣется теперь отъ каменнаго угля. Примѣненіе силъ водопада дѣлается слѣдующимъ образомъ. Внизу, въ такъ называемой „шахтѣ" водопада, устраиваются громадныя колеса, на подобіе колесъ водяной мельницы. Колеса эти вертятъ цилиндры, которые въ свою очередь приводятъ въ движеніе машину съ электрическимъ токомъ; токъ проводится посредствомъ мѣдныхъ пластинокъ—проводниковъ электричества, въ Нью-Іоркъ или другое мѣсто. Если же хотятъ постоянно пользоваться движущей силой, то проводятъ электричество такими точно трубками, какіе употребляются для проведенія газа въ домахъ.

Въ фабрикѣ устроенъ Телемахонъ, достаточной величины для того, чтобы могъ приводить всю машину въ движеніе. Телемахонъ превращаетъ электрическій токъ въ механическую силу, а эта послѣдняя можетъ быть употребляема уже по желанію фабриканта.

Такимъ образомъ новое изобрѣтеніе можетъ вполнѣ замѣнить паровую машину. Само собою разумѣется, что оно можетъ быть примѣнено и къ освѣщенію городовъ электричествомъ. Стоимость этого освѣщенія будетъ ниже стоимости освѣщенія газомъ или обыкновеннымъ электрическимъ свѣтомъ; а результаты будутъ одинаковы, если не лучше. По вычисленію свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, освѣщеніе Телемахономъ такого исполинскаго города, какъ Нью-Іоркъ, стоитъ самую ничтожную сумму, а именно 1 долларъ 56 центовъ въ часъ! Невѣроятно—но можетъ быть однако доказано цифрами. Въ Нью-Іоркѣ 5,000 газовыхъ фонарей, изъ которыхъ каждый истребляетъ газа 20 куб. фут. въ часъ. Оказалось, что для освѣщенія всего города, электрическихъ машинъ надо не менѣе 13. Стоимость газа опредѣлена въ 1 долларъ (1 р. 32 к.) за 1000 куб. фут.. значитъ 100 долларовъ въ часъ, между тѣмъ когда Телемахонъ стоитъ 3 ц. въ часъ. Разница очевидная. 18 машинъ стоятъ 1 долларъ. 56 ц. въ часъ. И примите то во вниманіе, что каждая машина даетъ свѣта въ 4,000 свѣчей, значитъ всѣ требуемые для освѣщенія города Телемахоны даютъ свѣтъ въ 62,000 свѣчей.

## Новый комнатный фонтанъ.

Новое, недавно придуманное устройство комнатнаго фонтана, рисунокъ котораго нами прилагается, весьма замѣчателенъ какъ по своей простотѣ такъ и по изяществу формы. На мраморномъ подножьѣ утверждены красивыя ножки, отъ которыхъ идутъ вверхъ тонкія. свѣтлыя или бронзированныя жестяныя трубки, описывая фигуру, очень похожую на цифру восемь и пересѣкаясь по срединѣ стеклянными трубками снабженными на концахъ четырехгранными кранами съ вращающимися въ нихъ колпачками. Въ срединѣ этихъ стеклянныхъ трубокъ плотно вдѣланы, какъ въ верхней части такъ и въ нижней, два стеклянные шара и примыкаютъ къ нимъ своими узкими отверстіями или горлышками такимъ образомъ, что могутъ вращаться на подобіе песочныхъ часовъ когда потребуется наполненіе пустой ихъ полости. Оба шара такъ соединены посредствомъ стеклянныхъ трубокъ, что воздухъ, вытѣсненный изъ наполненнаго водою нижняго шара, проходитъ въ верхній, надъ которымъ на трубкѣ, идущей кругообразно отъ ножекъ, устроена чаша снабженная, отверстіемъ для струи водомета. Черезъ это отверстіе вода проникаетъ въ чашу и по трубкѣ ножки снова стекаетъ въ нижній шаръ и наполняя вытѣсняетъ воздухъ. Послѣдній по открытіи крана переходитъ въ верхній шаръ и въ верхнія части трубки и вслѣдствіе его давленія вода уступаетъ ему свое мѣсто и, не находя себѣ выхода, устремляется черезъ отверстія чаши вверхъ, образуя красивый фонтанъ, съ струею, бьющею вверхъ на 14 или 15 сантиметровъ и потомъ снова падаетъ въ чашу, а оттуда стекаетъ въ нижній шаръ. Когда же въ послѣднемъ воздухъ вытѣсненъ окончательно и онъ вполнѣ наполнится водою, то его переворачиваютъ и струя водомета начинаетъ бить снова. Аппаратъ этотъ служитъ не только изящнымъ комнатнымъ украшеніемъ но и приноситъ большую пользу, охлаждая покои въ жаркое время года. Когда же желательно получить воздухъ свѣжій и вмѣстѣ съ тѣмъ благовонный, то къ водѣ, употребляемой для комнатнаго фонтана, стоитъ лишь примѣшать нѣкоторую долю душистыхъ эссенцій, и цѣль будетъ вполнѣ достигнута.

# Политическія извѣстія.

Въ прошлый разъ мы указывали на „твердое" намѣреніе Европы, или лучше сказать Британіи и Австро-Венгріи, „строго (!) поступить, въ случаѣ невыполненія Берлинскаго трактата. Это довольно открытая угроза Россіи. Но на самомъ дѣлѣ — что было, до сихъ поръ, предпринято этими энергическими сторонниками и защитниками Берлинскаго трактата къ выполненію статей его, касающихся Черногоріи? Въ Цетиньѣ потеряли всякую надежду на мирное осуществленіе договора въ отношеніи уступки княжеству Подгорицы, Спужа и Жабляка. Сообщенія, полученныя княземъ Николаемъ изъ Призрена, и свѣдѣнія, оффиціально сообщенныя изъ Константинополя въ Цетинью княземъ Лобановымъ, способны разрушить всякую надежду.

Изъ Призрена передали князю Николаю, что между Портой и албанской лигой заключено формальное соглашеніе не допускать отторженія отъ Албаніи земель, которыя, по Берлинскому трактату, должны отойдти къ Черногоріи; албанцы, въ свою очередь, за это обязались всегда имѣть для Порты на готовѣ контингентъ, по меньшей мѣрѣ въ 40 т. ч. Что всего важнѣе, князь Лобановъ подтверждаетъ эти свѣдѣнія, выражая увѣренность въ томъ, что Порта никогда не уступитъ Подгорицы добровольно. Черногорское правительство не знаетъ теперь на что рѣшиться. Большинство сената совѣтуетъ взяться за оружіе и этотъ совѣтъ по сердцу всему населенію, въ особенности любъ онъ воинственнымъ племенамъ Кучей, Пиперовъ, Бѣлопавловичей, жаждущихъ снова вступить въ бой съ исконнымъ врагомъ своимъ. Можно-ли подыскать примѣръ болѣе явнаго уклоненія отъ трактата, можно ли найдти случай, болѣе оправдывающій примѣненіе обѣщанныхъ „строгостей!"...

До какихъ поръ останется открытымъ вопросъ объ уступкѣ Черногоріи геройски добытыхъ ею территорій—неизвѣстно, но есть довольно странный слухъ о какихъ-то новыхъ земельныхъ уступкахъ Порты въ пользу Румыніи. Конечно и тутъ не обходится безъ Британіи. Дѣло въ томъ, что сэръ Лэйардъ поддерживаетъ планъ союза Турціи съ Румынскимъ княжествомъ и Греческимъ королевствомъ, которымъ, при этомъ, первая готовится сдѣлать нѣкоторыя уступки. Какія это земли, цѣною которыхъ Порта имѣетъ въ виду сблизиться съ Румыніей?

Что касается Греціи, то вопросъ объ исправленіи границъ ея—на счетъ Оттоманской имперіи—кажется, близокъ къ практическому разрѣшенію. Полагаемъ, что какъ поддержка этому съ нашей стороны, такъ и желаніе наше добиться, наконецъ, окончательнаго выполненія статей С.-Стефанскаго трактата, не уничтоженныхъ Берлинскимъ, потребуютъ отъ насъ нѣкоторой настойчивости. По слухамъ, британскій посланникъ, въ своихъ совѣщаніяхъ съ великимъ визиремъ, совѣтуетъ ему занять, относительно Россіи, твердое и рѣшительное положеніе.

Турки сосредоточили въ Албаніи, Македоніи и Ѳракіи 175 тысячъ человѣкъ войска и дѣятельно трудятся надъ защитой доступа къ Константинополю. Уже воздвигли сильные оборонительные верки на линіи Дарюсъ-Буюкъ-Чекмедже. По настоятельному желанію султана, предсѣдательство въ коммисіи обороны поручено британцу Беккеръ-Пашѣ. Говорятъ, онъ требуетъ 40.000 ч. для укрѣпленія линіи Чаталджи. На небольшихъ пороховыхъ заводахъ въ Макрикіоѣ, Цейтулъ-Бурунѣ и иныхъ мѣстахъ день и ночь идетъ работа. Для всякой „случайности", конечно, въ Галлиполи приготовляются казармы для помѣщенія британскихъ войскъ. Въ руководящихъ турецкихъ кружкахъ увѣряютъ, что если дѣло дойдетъ до возобновленія войны, то въ защитѣ линіи Булаира примутъ участіе 20,000 британскихъ войскъ и британскіе и турецкіе броненосцы запрутъ гавани Бургасъ и Варну, остальная же часть турецкаго и британскаго флота будетъ совмѣстно дѣйствовать въ Черномъ морѣ.

Не успѣли приговорить къ смертной казни Оливу Монкаси, посягнувшаго на жизнь испанскаго короля, какъ въ другомъ концѣ Европы уже дѣлается новое ужасное покушеніе на другое коронованное лицо. Телеграфъ принесъ извѣстіе изъ Неаполя о томъ, что 5-го (17-го) ноября, когда прибывшая туда и встрѣченная восторженно королевская чета проѣзжала по улицѣ Карбонара,—на короля бросился какой то человѣкъ съ кинжаломъ и нанесъ его величеству нажовую рану въ лѣвую руку, а министру-президенту, графу Кайроли — рану въ верхнюю часть лѣваго бедра. Король ударилъ преступника саблей по головѣ, Кайроли схватилъ его за волосы, а одинъ кирасирскій капитанъ, нанеся ему рану, передалъ его стражѣ. Королева и принцъ Неаполитанскій, находившіеся въ одномъ экипажѣ съ королемъ, обнаружили большое самообладаніе. Населеніе про-

водило своего государя до дворца, среди непрерывныхъ восторженныхъ возгласовъ. Имя виновника покушенія—Джіованни Пассаменте; онъ заявилъ, что не принадлежитъ ни къ какому обществу (?), но не желаетъ, чтобы существовали короли. Но оказалось, что это далеко отъ правды. Получено уже извѣстіе, что у него найдено нѣсколько писемъ отъ членовъ интернаціонала. Нѣкоторыя лица, принадлежащія къ обществу интернаціонала арестованы и сдѣлано распоряженіе о новыхъ арестахъ. Во Флоренціи, конечно членами все того же общества, во время демонстраціи въ честь короля, брошена въ толпу орсиніевская бомба, убившая двухъ и ранившая нѣсколькихъ человѣкъ. Остановятся ли когда эти „интернаціональные" убійцы?

Телеграфъ принесъ 11 Ноября **чрезвычайно важныя извѣстія. Англія открыла уже военныя дѣйствія** противъ Афганистана.

Генералъ Стьюардъ быстро направился въ Кветту. Цѣлая дивизія выступила изъ Мультана. Курумская колонна заняла фортъ Амаджану.

Изъ лагеря передъ Алимеседжидомъ сообщаютъ отъ 21-го ноября: „Англійскія войска прибыли къ Алимеседжиду и, установивъ баттареи, открыли сегодня, утромъ,. Непріятельскія батареи, установленныя хорошо, съ вполнѣ европейскимъ знаніемъ дѣла, отвѣчали энергически, не причинивъ намъ, однако, вреда".

Въ спеціальномъ изданіи газеты Daily News помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Джамруда, отъ 10-го (22-го) ноября: „Афганцы покидаютъ Алимеседжидъ. Послѣ того, какъ прошлою ночью бригада Титтера заняла задніе дефилеи, *войска заняли, сегодня, утромъ, безъ боя Алимеседжидъ*.

Спѣшимъ хотя сколько-нибудь на основаніи краткихъ данныхъ подъ рукой, ознакомить читателей съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находится нынѣ возвращенная намъ часть Бессарабіи, или лучше сказать, ознакомить съ тѣмъ — въ какомъ видѣ она возвращается намъ. Изъ казеннаго имущества наиболѣе цѣнное поступило, отчасти, въ вѣдѣніе министерства финансовъ, какъ напримѣръ, таможенныя и карантинныя зданія, отчасти же въ вѣдѣніе военнаго министерства, какъ казармы и т. п., но, главнымъ образомъ, въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ. Оно получило: 27 земельныхъ оброчныхъ статей, пространствомъ около 55 т. десятинъ (вѣрной цифры, за неимѣніемъ у румынъ межевыхъ плановъ, опредѣлить было невозможно) и съ годовымъ доходомъ въ 163,705 франковъ, камышевыя плавни и рыбныя ловли, съ годовымъ доходомъ въ 40.326 франковъ и три дома, съ годовымъ доходомъ въ 1430 франковъ; недоимокъ по этимъ тремъ статьямъ 29,583 франка, а по монастырскимъ имѣніямъ Кагульскаго округа—178,746 франковъ. всего же, на наши деньги, считая по текущему курсу, 40 к. за франкъ—82,188 рублей годоваго дохода и 83,332 р. недоимокъ. Возсоединенная часть прибавила къ составу Бессарабіи 832,168 десятинъ, которыя предположено распредѣлить между 4-мя уѣздами: Кишиневскимъ, Бендерскимъ, Аккерманскимъ и Измаильскимъ. Къ двумъ послѣднимъ отойдутъ и тѣ острова собственно Килійскаго рукава, которые образуются его развѣтвленіями, отмежеванными намъ по Берлинскому трактату.

Г. Погребовъ будетъ замѣщенъ, въ должности Петербургскаго городскаго головы, барономъ П. Л. Корфомъ, который избранъ, большинствомъ 123 голосовъ противъ 83, первымъ кандидатомъ.

## Библіографія.

**Записная книга на 1879 годъ.** Книгопродавецъ *К. Риккеръ* (Невскій просп. д. № 14) издаетъ ежегодно разныхъ видовъ записныя книжки. Такая книжка на будущій 1879 г. только что вышла въ свѣтъ. Она содержитъ въ себѣ полный Календарь на 1879 г. и массу свѣденій практическаго содержанія. въ которыхъ каждому ежедневно можетъ случиться надобность, Кромѣ того, на каждое число года есть чистый листъ для ежедневныхъ замѣтокъ. Приложено двѣ карты желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и общая карта Европы, исполненныя весьма удовлетворительно. Какъ карманный портфель, книжка очень удобна.

## Задача.

**Кормчій**

*Пятнадцать* человѣкъ Турокъ и столько же Христіанъ, находившихся на кораблѣ, были застигнуты жестокою бурею. Побросавъ въ море всѣ товары, кормчій объявилъ, что необходимо выбросить за бортъ и половину людей для спасенія другой половины. Для этого кормчій придумалъ такой жребій: Выстроивъ Турокъ и Христіанъ въ смѣшанный рядъ, онъ началъ считать съ одного конца и *девятаго* бросалъ въ море, наблюдая при томъ, по окончаніи ряда, продолжать счетъ съ того конца съ котораго началъ. Когда-же пятнадцать человѣкъ были по этому жребію утоплены, то оказалось, что въ живыхъ остались пятнадцать человѣкъ Христіанъ. Въ какомъ порядкѣ кормчій разставилъ людей, чтобы достигнуть этого результата?

## РЕБУСЪ.




### РѢШЕНІЕ.

шахматной задачи въ „Нивѣ" № 46.

| Бѣлые. | Черные. |
|---|---|
| 1) А 6—F 1 или Король H 6—G 6 | 1) Куда угодно |
| 2) Смотря по ходу чернаго G 4—F 6 или G 4—F 2 †† | |

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Подъ Смольнымъ** Николаю С—ву. Стихи могутъ быть и нехороши, но совершенно обязательно, чтобы лицо, учащееся въ такомъ учрежденіи, въ какомъ вы, не писало бы такихъ „обращеній къ Ленѣ":

Лягъ на грудь *мосй смерть скуки* (?)
Дай мнѣ локонъ твой златой и проч.

**Въ Полтаву** А. П. Б—у. Изъ за чего бы вы ни писали стихи „изъ за скряжничества," какъ вы говорите или „изъ за принципа" — все равно, дѣло это придется вамъ оставить.

**Нижній Новгородъ.** А. А. Кузн—у. Присланная вами фотографія не имѣетъ значенія. Другіе же Волжскіе виды пришлите.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ**. За редактора **Ф. БЕРГЪ**.

**ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 60 ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:**

## АЛЬБОМЪ ЗАБАЛКАНСКАГО ПОХОДА 1877—78 гг.

Полное собраніе снимковъ походной фотографія А. Д. Иванова, альбомъ состоитъ изъ видовъ, типовъ, портретовъ и группъ разныхъ частей войскъ—цѣна въ роскошномъ переплетѣ 300 руб. отдѣльно снимки отъ 1 руб. до 5 руб. Подробный каталогъ высылается по требованію. № 246 6—1

---

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 Г.

**ЕЖЕМѢСЯЧНАГО УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА:**

## „ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“ (годъ второй).

Историческая Библіотека будетъ выходить въ 1879 г. по той же программѣ, въ тѣ же сроки и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, но редакція предполагаетъ увеличить объемъ журнала расширеніемъ беллетристическаго отдѣла и отдѣла переводовъ лучшихъ иностранныхъ историковъ.

Цѣна годовому изданію остается прежняя 6 р. 50 к. безъ перес. и 8 р. съ пересылкой. Такая цѣна доставляетъ возможность и небогатымъ лицамъ пріобрѣсти историческія сочиненія, стоющія въ отдѣльной продажѣ болѣе, чѣмъ вдвое дороже. Въ составъ 1878 г. вошли слѣдующія произведенія: Понизовая вольница. сообщ. Н. В. Калачовымъ; Капитанъ грен. роты, ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева; Homo sum, ист. ром. Эберга; Очерки древне-римской жизни, Симонса: Земскій Ярыжка, разск. Богословскаго; Братья Орловы, изъ ист. ром. Гр. Саліаса; Рыцарь или дама, ист. пов. Самарова; Престолъ и монастырь, лѣт. 1682 г.; Россія и Турція, Бухарова; Московское княжество, ист. эт. Полежаева; Экономическій бытъ сельск. населенія, П. Соколовскаго; Реформаторы до Виллефа и Гусса, Ѳ. Деларю; Государств. тюрьма при Людовикѣ XIV; Очеркъ исторіи казачества, Н. Морковина; Супружество Генриха VIII, д'Аржн; Изъ масонскаго ритуала начала XIX в., Н. Барсова; Вопросъ о децентрализаціи въ XVIII в., Г. Афанасьева; Колонизація башкирскаго края В. Новикова и друг.

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ редакціи журнала (бол. Садовая д. № 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Шакова, Невск. просп. гост. дв. № 24. Гг. Иногородные благоволятъ адресовать: въ Петербургъ, въ Редакцію журнала „Историческая Библіотека“ (бол. Садовая д. № 121, кв. № 12).

Подписка на 1878 г. продолжается и всѣ новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера. № 250 1—1

---

## ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

**Юлія Генриха Циммермана.** Б. Морская № 42. въ С.-Петербургѣ. рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ: скрипки, альты, віолончели, басы, цитры, гитары, мандолины, гитары корнетъ а пистонъ, флейты, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармонифлюты, англійскія и нѣмецкія концертины, свѣжія итальянскія и нѣмецкія струны и всѣ принадлежности.

Пріемъ въ починку. № 22 5—5

Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

---

Вновь открыта **ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА доктора Добровольскаго** съ постоянными кроватями. На Михайловской площади, близъ Пассажа, домъ № 15 кв 7 **Пріемъ** больныхъ утромъ ежедневно, исключая Воскресенья, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. **Для бѣдныхъ** безплатно по вторникамъ и субботамъ отъ 9 до 11 часовъ.
№ 222 10—2

---

## КАНАРЕЙКИ

здѣшняго вывода, хорошо поющія, продаются ежедневно на углу Загороднаго пр. и Броницкой улицы д. № 53/2 кв. 11. № 248 1

---




## СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ.

## ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА.

ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ ВЪ ЧЕХІИ.

Рекомендуетъ большой выборъ хрустальныхъ сервизовъ, кружекъ, вазъ для фруктовъ и цвѣтовъ, десертныхъ тарелокъ, подставокъ для роялей, молочниковъ, пресъ-папье, градусниковъ, бонбоньерокъ и проч. Сапоги и козлы для пива, хрустальныя ложки для варенья и лекарства по заводскимъ цѣнамъ.

Складъ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Морской, д. № 36. № 238 5—2

---

**Умывальники,**



Ватерклозеты, Биде, Ванны, Души Вентиляторы, Камины. Каминные приборы. Стойки для каминъ. приборовъ. Каминныя рѣшетки. Совки. Самодѣйствующій аппаратъ для стирки, Выжималки. Желѣз. складныя кровати Водоочистительныя машинки, Мясорубки. Хозяйств. вѣсы и разный металическій и хозяйственный товаръ.

№ 189 **И. Э. Милькъ.** Большая Морская № 39.

---

ПОЛНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА:

## СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ СТОЛЪ.

Руководство для приготовленія 2,800 блюдъ, начиная съ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ, разныхъ печеній хлѣбовъ, вареній, наливокъ, напитковъ и приготовленія запасовъ въ прокъ: **съ 20-ю раскрашенными рисунками всѣхъ частей быка и теленка, снятыми съ натуры и сопровождаемыми подробнымъ описаніемъ употребленія каждаго куска мяса.**

Въ книгѣ описаны средства для сбереженія припасовъ и исправленія попорченныхъ; также находится при ней реестръ порядка обѣдовъ, съ нѣкоторыми примѣрами.

Составлена и издана **О. Павловской,** рисунки исполнены художн. **П. Борелемъ.**

Въ книгѣ 45 печатныхъ листовъ. Цѣна 4 руб.

Продается въ С.-Петербургѣ—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, а въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ гг. Мамонтова. Салаева и Соловьева, *За пересылку ничего не платится, исключая Сибири и Кавказа, куда слѣдуетъ прилагать вѣсовыхъ за 4 фунта.*

Главный складъ изданія въ С.-Петербургѣ, Офицерская улица, домъ № 16-й кв. № 9-й. № 247 1—1

---

ПОДПИСКА НА 1879 Г. ОТКРЫТА

НА

**ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖОРНАЛЪ**

## ПАРИЖСКІЯ МУЖСКІЯ МОДЫ

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

12 нумеровъ текста съ описаніемъ мужскихъ и дѣтскихъ модъ, съ объясненіемъ ихъ и выкройками, а также съ различными полезными свѣдѣніями для гг. портныхъ.

12 листовъ литографированныхъ выкроекъ.

12 раскрашенныхъ парижскихъ модныхъ картинъ изъ французскаго журнала «Les modes françaises».

10 большихъ литографированныхъ модныхъ картинъ «Der Moderne Kleidermacher». (Модный Портной)

3 самыя большія, роскошныя, англійскія картины весеннихъ, лѣтнихъ, осеннихъ и зимнихъ модъ, изящно гравированныя на стали, каждая съ нѣсколькими фигурами, въ форматѣ листа, шир. 16 верш.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ 12 руб. на 1/2 года 6 р. 50 к.

Подписка принимается, Невскій проспектъ д. № 5, *въ Придворномъ Книжномъ Магазинѣ Ретгеръ подъ фирмою Шмицдорфъ.* № 249 1—1

---

№ 229 Вышло новое сочиненіе Кн. В. Мещерскаго: 3—2

## УЖАСНАЯ ЖЕНЩИНА.

**Современный великосвѣтскій этюдъ** въ 2 томахъ роскошнаго изданія. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к. Иногородные, выписывающіе прямо отъ автора (СПБ. Надеждинская № 39) за пересылку ничего не платятъ.

---

## СЕКРЕТЪ ЮНОНЫ.

Особеннаго свойства пудра для освѣженія и бѣлизны лица, предохраняющая нѣжность лица отъ рѣзкаго вѣтра и мороза устраняетъ жаръ и красноту и тонко прилегаетъ. Иногороднымъ высылается на 2 руб.

Цѣна коробки 75 коп., съ пуховкой 1 руб. Въ косметическихъ магазинахъ **В. Парикова и К°**, въ Гостинномъ дворѣ № 78 противъ Пажескаго корпуса и у Кошкина по перинной линіи № 14-й въ С.-Петербургѣ. № 234 3—2

---

## ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

**ВЪ МАГАЗИНАХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ Л. КАСТИЛЬОНЪ**

С.-Петербургъ Б. Морская № 16, д. Елисѣева.
Москва, Кузнецкій мостъ д. Фирсанова № 68—11.

Только что полученная со Всемірной Парижской Выставки Новоизобрѣтенная американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей № 232 5—2

Цѣна съ мѣдной платформой . . . . . . **7** р.
„ „ съ высеребренной . . . . . . **8** „

---

## РАМКИ

разныя готовыя и на заказъ. Двѣ рамки для премій „Нивы“ 1878 г. Бояринъ Борисъ Годуновъ и Царь Борисъ Годуновъ отъ **4**, 5, 6 руб. и дороже. Въ магазинѣ картинъ Карла Скронъ, въ СПБ. по Казанской ул., противъ Новаго пер., д. № 42. № 243 1

---

# ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“

продается иллюстрированный журналъ „Нива“ 1875 и 1876 года.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ:

| Брошюрованному | Въ простомъ перепл. | Въ коленкор. перепл. |
| --- | --- | --- |
| Безъ перес. 4 р. — | Безъ перес. . 4 р. 75 | Безъ перес. 5 р. 50 |
| съ перес. . 5 р. 50 | съ перес. . . 6 р. 25 | съ перес. . 7 р. — |

Пріобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы“ заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ безплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ“ 1875 года 2 картины 1) **Смерть Юлія Цезаря**, картина профессора Пилоти 2) **Мадонна Севильская**, картина Севастіана Мурильо,—Приложенія къ „Нивѣ“ 1876 года; **Спящая Красавица**, картина Э. Велэ, печатаная масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

---

**При этомъ № прилагаются для гг. иногор. подписчиковъ объявленія 1) отъ редакціи журнала „Библіотека для чтенія.“ 2) отъ книгопродавца И. Л. Тузова въ С.-Петербургѣ. 3) отъ чайнаго магазина Г. Шмелькина и К° въ Москвѣ** (по желанію заказчика послѣднее объявленіе не разсылается подписчикамъ Московскимъ).

Дозволено цензурою СПБ. 16 Ноября 1878 г. Тип. Беллинга Англ. пр. № 10.




№ 48 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ

Выданъ 27 Ноября 1878 г.

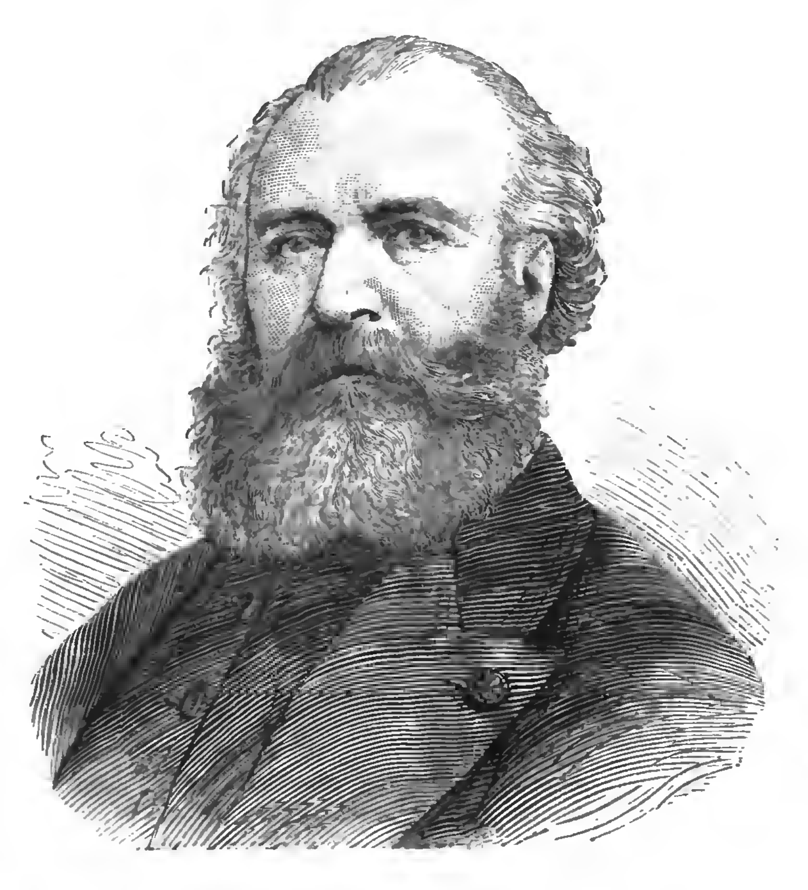
Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.



# К. Гуно

Рядъ музыкальныхъ празднествъ, данныхъ въ Парижѣ по случаю всемірной выставки, закончился великолѣпнѣйшей постановкой послѣдней оперы Гуно „Поліевктъ“.

Немногіе композиторы пользовались и пользуются такою популярностью и успѣхомъ, какъ Гуно. Его музыка извѣстна всему міру. Она обогатила не только автора, но и издателей. Вотъ удѣлъ западныхъ композиторовъ, прямо противоположный судьбѣ нашихъ музыкантовъ. Нашъ Михайло Ивановичь Глинка продалъ дирекціи свою оперу „Русланъ и Людмила“ чуть-ли не за нѣсколько сотенъ рублей съ копѣйками. Стелловскій, издатель Глинки, пріобрѣлъ всѣ сочиненія гуртомъ за слишкомъ сходную цѣну. Не имѣй Глинка своего состоянія, ему пришлось бы частенько быть на діэтѣ. Такова участь русскихъ композиторовъ. Споткнись у насъ композиторъ разъ на нашей національной сценѣ, не имѣй опера успѣха, его карьера уже кончена. Трудно, при этомъ безпомощномъ состояніи, развиваться русскому, музыкально-драматическому искусству.



Ф. К. Гуно (композиторъ.) Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Но не такова участь композитора за границей, въ особенности во Франціи. Какъ дирекція, такъ и публика постоянно стараются его поддержать. Паденіе какой-нибудь вещи не составляетъ никакого препятствія для того, чтобы слѣдующее его произведеніе было поставлено. При такихъ только обстоятельствахъ и можетъ развиться талантъ. Постоянная поддержка ему необходима для его далеко не легкой дѣятельности, впродолженіе которой одно, два, три и болѣе произведеній, не особенно выдающихся, подготовятъ наконецъ появленіе чего нибудь замѣчательнаго.

Благодаря такой поддержкѣ, композиторская дѣятельность Гуно, впродолженіе многихъ лѣтъ, не прерывалась и талантъ его развился.

Гуно (родился въ 1818 году) началъ свою артистическую карьеру въ 1839 году, когда онъ получилъ первый призъ Парижской консерваторіи за сочиненіе кантаты „Fernand“. Но „Фауста“ своего онъ написалъ, когда ему было уже 40 лѣтъ, а именно въ 1858 году. Въ періодъ же времени отъ

1839 до 1858 года, написано имъ не мало вещей духовныхъ и оперъ, какъ-то: опера „Sapho", хоры къ трагедіи „Ulysse", большая опера „La Nonne sanglante" и комическая опера „Le Médecin malgré lui". Всѣ эти оперы особеннаго успѣха не имѣли и имени ему не сдѣлали. Но, тѣмъ не менѣе, директоры театровъ, изъ уваженія къ таланту Гуно, дали ему выписаться и только на сороковомъ году, Гуно удалось написать оперу „Фаустъ", которая дала ему всемірную извѣстность.

Со времени появленія „Фауста", къ музыкѣ Гуно стали относиться уже не только съ снисхожденіемъ, но каждая его строка, такъ сказать, возбуждала живѣйшій интересъ. Къ сожалѣнію, въ своемъ „Фаустѣ" Гуно такъ сильно высказался, что въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ оперъ своихъ „Philémon et Baucis" (1860), „La Reine de Saba" (1862), „Mireille" (1864). „Colombe" (1866), „Roméo et Juliette" (1867), „Cing-Mars" до „Поліевкта" включительно, Гуно не можетъ превзойти автора „Фауста". Всѣ эти оперы, разумѣется, отличаются очень многими достоинствами, но ни одна изъ нихъ не носитъ на себѣ такого отпечатка цѣльности, такого совершенства отдѣлки, такого вдохновенія и самобытности, какъ „Фаустъ". Что бы ни написалъ Гуно въ настоящее время—разумѣется, каждая сцена поставитъ его новое произведеніе съ полнѣйшею готовностью и не поскупится на роскошную постановку. Для произведеній Гуно, всѣ директоры готовы выказать свою щедрость.

Но Алонзье, директоръ Большой Парижской оперы, своей безграничною щедростью, при постановкѣ послѣдней оперы Гуно „Поліевктъ", превзошелъ всѣхъ своихъ сотоварищей. Почтенный директоръ, на всѣ расспросы декораторовъ и костюмеровъ, касательно постановки, отвѣчалъ лаконически: „Splendide, splendide!"

„Fort bien, mais...", возражаютъ ему озадаченные художники. Но Алонзье ничего не хотѣлъ слушать и упорно повторялъ свое внушительное „splendide, splendide". Эта лаконическая инструкція до того внушительно подѣйствовала на костюмеровъ и декораторовъ, что они вогнали постановку въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ. Напримѣръ, однихъ картонныхъ аксесуарныхъ вещей было сдѣлано на сумму около 10,000 франковъ.

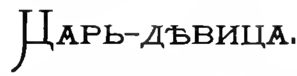
Каждая деталь, каждая мелочь сильно безпокоили Алонзье. Но болѣе всего его озабочивали бѣлыя лошади, которыя должны были везти торжественную колесницу Севера въ первомъ дѣйствіи „Поліевкта". Нужно было найдти четырехъ большихъ красивыхъ коней. Для Алонзье искушеніе было велико, такъ какъ, во время поисковъ этихъ коней, была открыта Парижская конская выставка. Алонзье не поскупился бы и купилъ на выставкѣ коней, но для театральныхъ лошадей нужны нѣкоторыя прекрасныя черты характера, а именно: кротость и спокойствіе, не обладая которыми онѣ могли бы, во время спектакля, безъ церемоніи прогуляться по головамъ оркестровыхъ музыкантовъ. Но, такъ какъ эти неоцѣненныя качества составляютъ рѣдкость не только между четвероногими, но и двуногими, то, разумѣется, поиски были очень продолжительны и Алонзье удалось найдти эти качества лишь въ лошадяхъ, употребляемыхъ при погребальныхъ процессіяхъ. И такъ, по странному стеченію обстоятельствъ, торжествующаго Севера, при его въѣздѣ, влекли четыре погребальныхъ коня! Но, не смотря на ихъ печальную спеціальность, кони были хоть куда. Великолѣпіе постановки было поразительно. Для „Поліевкта" потребовалось болѣе, чѣмъ тысяча самыхъ роскошныхъ костюмовъ. Около машинъ и декорацій, во время "Поліевкта", работаетъ болѣе 130 человѣкъ. Въ XVII столѣтіи, когда была написана Корнелемъ трагедія „Поліевктъ", изъ которой заимствованъ сюжетъ оперы, публика не была взыскательна. Постановка этой трагедіи была самая скромная. Въ своихъ указаніяхъ, касательно декорацій, Корнель ограничился для *всей* трагедіи единственною надписью: „Palais à volonté". Прошло съ тѣхъ поръ много времени, взгляды перемѣнились и для оперы на тотъ же сюжетъ потребовалась такая обстановка, которую, разумѣется, Корнель передалъ бы во всякомъ случаѣ поэтичнѣе Алонзье, но его стихъ, очень можетъ быть, не былъ бы такъ внушителенъ, какъ директорское лаконическое „splendide".

Большая французская опера всегда отличалась блескомъ постановки, но никогда эти блескъ и роскошь не доходили до такихъ громадныхъ размѣровъ. Понятно, что для такой великолѣпной постановки требуется очень много времени, вотъ почему „Поліевктъ", сданный въ дирекцію въ январѣ этого года, былъ публично исполненъ въ первый разъ только въ октябрѣ. И такъ, сдѣлавъ для успѣха оперы все возможное, что только отъ человѣка зависѣло, Алонзье представилъ послѣднюю оперу Гуно на судъ публики, которая отнеслась съ уваженіемъ къ почтенному музыкальному дѣятелю, но особеннаго энтузіазма не выказала.

Сюжетъ „Поліевкта, какъ я уже говорилъ выше, взятъ изъ трагедіи Корнеля того же названія. Дѣйствіе происходитъ въ Арменіи, въ городѣ Мелитенѣ, во время римскаго владычества. Герой трагедіи Поліевктъ исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Онъ женатъ на Полинѣ, дочери римскаго губернатора; въ нее же влюбленъ Северъ, римскій проконсулъ, возвращающійся въ Мелитенъ со своими войсками (это даетъ поводъ къ блестящей постановкѣ въѣзда Севера). Онъ узнаетъ о бракѣ Полины, о крещеніи Поліевкта, и не преслѣдуетъ влюбленныхъ. Но великодушіе Севера не спасаетъ ихъ отъ смерти—какъ Поліевкта, такъ и Полину бросаютъ на съѣденіе звѣрямъ. Этотъ сюжетъ послужилъ основою для пятиактной оперы Гуно, въ которой почтенная часть посвящена торжественному въѣзду Севера (въ первомъ дѣйствіи), торжественнымъ шествіямъ и танцамъ. Эти шествія и танцы суть слабыя стороны оперы. Вообще эта опера была писана при самыхъ невыгодныхъ для композитора условіяхъ. Гуно, во время этого труда, жилъ внѣ Франціи, а именно въ Лондонѣ. Вліяніе близкихъ лицъ, его окружавшихъ, не совсѣмъ благопріятно дѣйствовало на его творческую способность. Наконецъ, это пребываніе въ Лондонѣ, кончилось ссорой и разрывомъ, вслѣдствіе которыхъ Гуно уѣхалъ во Францію, оставивъ партитуру оперы въ рукахъ его бывшихъ сожителей. Такъ какъ партитура оперы ему не возвращалась, то онъ имѣлъ терпѣнье воспроизвести на память весь свой трудъ.

Нужно замѣтить, что Гуно съ ранней молодости чувствовалъ большую любовь къ духовной музыкѣ. Онъ даже одно время сильно колебался между артистической карьерой и духовнымъ званіемъ. Это стремленіе къ духовному, ко всему мистическому все болѣе и болѣе съ годами увеличивалось и, мы полагаемъ, въ этомъ стремленіи лежитъ главная причина выбора для сюжета „Поліевкта." Самыя удачныя, прочувствованныя мѣста — тѣ, въ которыхъ Гуно касается христіанскаго элемента. Въ особенности выдается дуэтъ четвертаго дѣйствія Полины и Поліевкта въ темницѣ. Главными исполнителями въ оперѣ были Г-жа Краусъ (Полина), Соломонъ (Поліевктъ), и Лассаль (Северъ).

Н. С.



# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ.

**Вс. Соловьева.**

### ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

### VII.

Теплымъ лѣтнимъ вечеромъ, среди высоко поднявшихся желтѣющихъ хлѣбныхъ полей, по дорогѣ изъ Преображенскаго въ Москву медленно подвигалась, запряженная четверкой коней, тяжелая колымага. Въ колымагѣ сидѣло два человѣка. Одинъ изъ нихъ рослый стройный красавецъ, юноша съ едва еще пробивающимся надъ румяными губами темнымъ пушкомъ. Другой, человѣкъ уже не первой молодости полный, бѣлокурый, съ веселымъ, сразу внушающимъ къ себѣ довѣріе, гладко выбритымъ лицомъ.

Юноша былъ одѣтъ въ платье изъ тонкаго сукна, расшитое позументами. Его спутникъ былъ въ довольно короткомъ камзолѣ, стянутомъ кожанымъ поясомъ и въ маленькой пуховой шляпѣ. Онъ очевидно принадлежалъ къ жителямъ слободы Нѣмецкой.

Солнце только что зашло и въ воздухѣ еще было много зною. Изъ высокой ржи, пестрѣющей васильками, путниковъ то и дѣло обдавало душистымъ тепломъ. Кони поднимали цѣлый столбъ пыли, которая заставляла старшаго путника даже чихать, но юноша не обращалъ на нее никакого вниманія. Онъ вытянулъ свои длинныя большія ноги, одѣтые въ высокіе сборчатые сапоги, откинулся на мягкую подушку колымаги и казалось дремалъ.

— Заснулъ что-ли, государь? обратился къ нему на дурномъ русскомъ языкѣ его спутникъ, очевидно наскучившій долгимъ молчаніемъ, длившимся почти съ самаго Преображенскаго.

— Нѣтъ не заснулъ, а больно замаялся нынче, языкъ не ворочается.

— Ну этому то мы сейчасъ поможемъ, тутъ у меня

есть, захватилъ съ собою, пречудесная фляжечка. Глотни-ка, государь, усталость какъ рукой сниметъ.

— Давай, господинъ Лефортъ, давай.

Лефортъ вынулъ фляжку и весело помаргивая своими блѣдно-сѣрыми глазами, опушенными почти бѣлыми рѣсницами, передалъ ее государю.

Петръ Алексѣевичъ съ видимымъ удовольствіемъ разъ, другой приложился къ фляжкѣ.

— Славно, сказалъ онъ, утирая губы. Ну какъ тутъ не любить этотъ самый напитокъ? Вонъ матушка то и дѣло твердитъ, что въ немъ и грѣхъ и блудъ и всякіе ужасы, только нѣтъ... Ну чтобъ я дѣлалъ безъ этого напитка? На работѣ то да въ усталости вотъ выпилъ глотокъ и совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ— теперь хоть опять работай!

— Ничего, ничего нѣтъ дурного въ винѣ, повторялъ Лефортъ, въ свою очередь прикладываясь къ фляжкѣ. Только мѣру нужно знать,—ну а вѣдь мы съ тобой государь мѣру то знаемъ: насъ еще никто въ непригожемъ видѣ не заставалъ.

— Да, ужь конечно! весело отвѣчалъ Петръ, похлопывая по плечу Лефорта. Его усталости и дремоты какъ не бывало. Онъ поджалъ ноги, придвинулся на самый краюшекъ сидѣнья и весело посматривалъ по сторонамъ дороги.

— Дни то какіе, дни какіе славные, говорилъ онъ. Нынче всталъ я до восхода солнечнаго, пошелъ на работы, смотрѣть какъ подвигается мой корабликъ, такъ просто чудо: прохлада, благоуханіе. Работа вдвое скорѣй идетъ, хоть бы побольше такихъ деньковъ постояло. Одна досада, отрываться отъ дѣла приходится, а теперь мнѣ необходимо каждый день бывать на работахъ. Ну, да завтра, послѣ крестнаго хода, какъ ужь они тамъ себѣ хотятъ, а я уѣду. А вѣдь надо быть матушка и теперь меня попреками встрѣтитъ—обѣщался быть утромъ, а ѣду на ночь глядя. Что-жь, пускай побранится,—мнѣ вѣдь ея брань все равно, что ласка. Бранится, бранится, а сама глядитъ такъ-то ласково, не выдержитъ, цѣловать станетъ — ну страху то и нѣтъ никакого. Я ужь не разъ ей говорилъ, что она совсѣмъ не умѣетъ браниться. Съ дѣтства меня набаловала, такъ пускай ужь теперь на себя и пеняетъ.

— Добрая государыня, до всѣхъ ласковая, проговорилъ Лефортъ, вотъ меня только не больно жалуетъ. Такъ иной разъ взглянетъ сурово, что не знаешь куда и дѣваться.

— Ничего, господинъ Лефортъ, ты этого не принимай къ сердцу, не обижайся. Самъ знаешь, у насъ до сихъ поръ не очень-то иностранцевъ любятъ, да ничего, стерпится—слюбится.

— Я и не обижаюсь. Ну а вотъ что ты мнѣ скажи Государь, какъ ты доволенъ своими молодцами потѣшниками? Посмотрѣлъ я нынче на нихъ, скоро они всю солдатскую науку вытвердили, быстро обучаются. Теперь не въ долгое время нужно будетъ приступить къ примѣрнымъ сраженіямъ.

— Объ этомъ я ужь и самъ подумываю, сказалъ Петръ и глаза его заблестѣли,—непремѣнно нужно будетъ. Пора наконецъ намъ имѣть доброе войско, а то покудова только срамъ одинъ, позоръ... Идутъ ничего не зная, ступить не умѣютъ. Встрѣтился непріятель—да какой же—кочевники! тоже люди неумѣлые; а наши сейчасъ же спину покажутъ, да и драло! Позоръ, позоръ!.. Вотъ теперь этотъ походъ крымскій... сердце кровью обливается—чай теперь у васъ на западѣ какъ надъ нами смѣются! Нѣтъ, нужно мнѣ какъ слѣдуетъ обучить свое войско. Будетъ смѣяться надъ матушкой Русью. Пора показать, что и мы тоже кое-что можемъ. Эхъ, вотъ время-то идетъ больно скоро, да силы мало въ рукахъ человѣческихъ: когда то удастся все сдѣлать, что надобно. А сколько то надобно! куда ни взглянешь, за что ни возьмешься, все сызнова начинать нужно, все не годится старое... Иной разъ послѣ работы-то завалишься на боковую, заснуть хочется, а тутъ и то, и другое, и третье придетъ въ голову. И то вотъ такъ бы устроить, другое безпремѣнно начать надобно, ну и думаешь, думаешь, ворочаешься съ боку на бокъ. А какъ тутъ сдѣлаешь, когда почитай что одному дѣлать приходится? Спасибо вотъ тебѣ Лефортушко, что учишь уму разуму, да помогаешь—на нашихъ то плохая надежда... Вотъ хоть бы князь Борисъ Голицынъ—человѣкъ большаго разума—самъ много учился—такъ могъ бы видѣть гдѣ польза; а что станешь говорить съ нимъ: „да къ чему это“ отвѣчаетъ, „да вѣдь до сихъ поръ же никогда этого у насъ не бывало!“ Просто тошно мнѣ глядѣть на него, какъ заслышу такія рѣчи.

— Да... протянулъ Лефортъ, трудненько тебѣ государь, а особливо коли государыня-правительница руки связываетъ...

Петръ вздрогнулъ.

— Не говори! крикнулъ онъ, не говори!.. терплю я, терплю, да не надолго моего терпѣнья хватитъ... Довольно! я ужь не ребенокъ... Скоро я покажу ей, что не даромъ вѣнчали меня на царство... Много она намутила... а теперь этотъ походъ Голицинскій — всю кровь во мнѣ поднимаетъ!.. Не хочу дольше терпѣть поношенія государству. Попировала сестрица, погрѣшила—довольно! будетъ—пора ей образумиться. Что тамъ ни дѣлай, а вѣдь не станетъ дѣвка мужчиной. Не время теперь для бабьяго царства—работы больно много, не ей справиться съ этой работой!..

— Вотъ это рѣчи, такъ рѣчи! сказалъ Лефортъ, давно пора, государь, говорить такъ.

— Знаю что пора.

— Что-жь ты, государь, намѣренъ дѣлать.

— А вотъ тамъ видно будетъ, заранѣе ничего сказать невозможно. Одно только знаю, что покажу скоро сестрѣ, что вышелъ я ужь изъ пеленокъ... Да вотъ что я хотѣлъ спросить у тебя: написалъ ли ты своему нѣмцу о присылкѣ мнѣ новыхъ инструментовъ, вдругъ заговорилъ Петръ, очевидно не желая продолжать прежній разговоръ.

— Какъ же, написалъ Государь, отвѣчалъ Лефортъ. И долго они бесѣдовали о разныхъ предметахъ.

Лефортъ разсказывалъ, что и какъ дѣлается въ западной Европѣ, какіе корабли тамъ строятся, какъ они плаваютъ. Петръ жадно его слушалъ, требовалъ подробностей, допытывался о такихъ вещахъ, которые ставили Лефорта въ тупикъ. Онъ далеко не былъ всесторонне образованъ, но не хотѣлъ выказывать своего незнанія передъ молодымъ государемъ и поэтому иногда отвѣчалъ наобумъ, невпопадъ; а самъ въ тоже время подумывалъ, что придется ему снова засѣсть за ученье, такъ какъ обманывать государя Петра Алексѣевича день ото дня становится труднѣе.

Скоро ученикъ будетъ знать больше учителя и тогда дѣло плохо! Конецъ обаянію, конецъ тому счастью, которое начинаетъ ему такъ улыбаться въ Россіи.

— Да вотъ бы еще, думалъ Лефортъ, заставить бы его рѣшительно дѣйствовать съ сестрою, а то вѣдь тамъ не дремлютъ... Того и жди, какое ни на есть несчастье съ нимъ случится и тогда все пошло прахомъ.

И онъ снова попробовалъ было заговорить о правительницѣ; но Петръ рѣшительно остановилъ его.

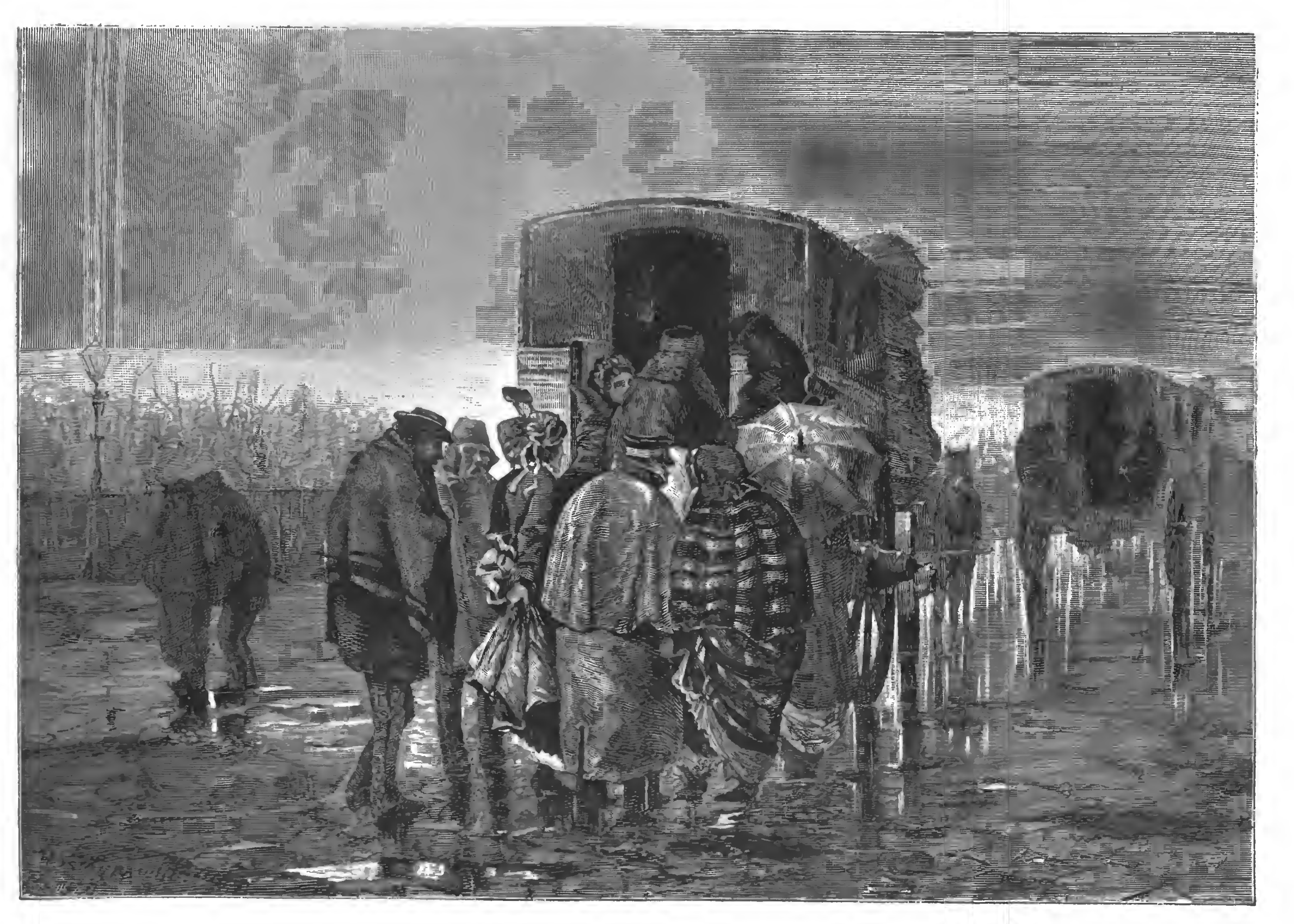
— Не говори, сказалъ онъ,—мнѣ и думать то о ней теперь не хочется.

Лефортъ замолчалъ, съ грустью помышляя, что юноша только похорохорился, что онъ еще не готовъ къ серьезной борьбѣ, что въ рѣшительную минуту онъ испугается, отступитъ, забудетъ свои благія намѣренія. Но Лефортъ ошибался.

На слѣдующій же день Петръ доказалъ твердость своего рѣшенія и открыто бросилъ сестрѣ перчатку.



Саввинъ Сторожевскій монастырь близъ Звенигорода (Московской губ.) Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



**Осеннiй день въ Петербургѣ. Съ Петербургской къ Адмиралтейству.** Картина Н. Богданова, рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. Б. Пуцъ.

По случаю праздника Казанской Божіей Матери въ Кремлѣ была торжественная служба и крестный ходъ.

По окончаніи обѣдни, Петръ подошелъ къ правительницѣ, которая брала икону, чтобы принять участіе въ крестномъ ходѣ.

— Сестра, ты кажется хочешь идти? сказалъ онъ.

Она вздрогнула отъ его голоса, который ей показался какимъ-то новымъ и страннымъ.

— Да, конечно.

— Нѣтъ, не ходи, тебѣ не слѣдъ идти—это вовсе не женское дѣло.

Она невольно попятилась.

Петръ стоялъ во всемъ величіи своей красоты и богатырскаго роста. Стоялъ съ гордо откинутой головою, прямо и смѣло глядя на нее своими орлиными глазами.

До сихъ поръ онъ ей представлялся ребенкомъ, шалуномъ, мальчишкой, который только и думаетъ, что о забавахъ, котораго спаиваютъ потѣшники да нѣмцы; но теперь передъ нею вовсе не мальчишка, теперь передъ нею человѣкъ уже сознающій свою силу, передъ нею вѣнчанный царь земли русской... Ребенокъ выросъ. И вотъ этотъ вѣнчанный ребенокъ хочетъ и можетъ доказать, что ему время приспѣло самодержавно царствовать; нянька не нужна больше.

Страшная злоба, смѣшанная съ отчаяніемъ забушевала въ груди Софьи. „Онъ, ей запрещаетъ... ей, которая до сихъ поръ не вѣдала надъ собою ничьей власти... Неужли она поддастся? Неужли она дойдетъ до такого униженія, что станетъ исполнять его приказанія?.. Нѣтъ... это еще посмотримъ!.. Не слишкомъ ли рано ты поднялъ голову, обожди еще не много.

— Пропусти меня, въ свою очередь гордо и смѣло, смотря на брата, сказала Софья. Сама я знаю, что дѣлаю и что мнѣ нужно дѣлать.

Она взяла икону и пошла съ крестнымъ ходомъ.

Петръ, не говоря ни слова, вышелъ изъ собора и сейчасъ же уѣхалъ въ Преображенское.

Многіе видѣли сцену между братомъ и сестрою и всѣ безъ исключенія, конечно, замѣтили, что молодой царь не принялъ участія въ крестномъ ходѣ; что онъ скрылся.

Пошелъ говоръ, перешептыванье, волненіе.

— Орленокъ расправляетъ крылья!.. донесся до слуха Софьи чей то голосъ; на многихъ лицахъ она подмѣтила радость.

Едва владѣя собою, едва держась на ногахъ, блѣдная какъ смерть, сопутствовала она крестному ходу.

## VIII.

Мрачный и взволнованный, одиноко бродилъ по своимъ палатамъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Его ожиданіе, его предчувствіе начало сбываться. Теперь онъ зналъ, что пришелъ часъ его страшный, что еще нѣсколько дней можетъ быть и конецъ всему— погибнетъ и онъ, погибнетъ и царевна.

Сначала онъ опасался вражды бояръ, онъ немного думалъ о Петрѣ Алексѣевичѣ; къ тому же онъ надѣялся, что у Петра есть ему надежный защитникъ—двоюродный братъ, князь Борисъ Голицынъ. Но надежда эта оказалась тщетною.

Петръ каждый день, то тѣмъ, то другимъ, давалъ знать о себѣ. Когда ему принесли подписать списокъ наградъ Голицыну и его товарищамъ за послѣдній крымскій походъ, юный царь рѣшительно объявилъ, что ни за что не подпишетъ этого списка, что не награждать стоитъ воеводу, а, напротивъ, судить за его неразумныя дѣйствія во время похода, за позоръ и стыдъ, учиненные этими дѣйствіями государству.

Положимъ, эта опасность миновала, Петра таки уговорили добрые люди: онъ подписалъ назначеніе наградъ. Но вотъ сегодня, когда Голицынъ со всѣми генералами поѣхалъ къ нему съ благодарностью, онъ ихъ не припялъ и даже такъ прямо и велѣлъ сказать, что видѣть ихъ не хочетъ.

Князь Василій Васильевичъ едва доѣхалъ до дому и теперь не можетъ въ себя придти отъ этой обиды, о которой конечно ужъ трубятъ по всей Москвѣ.

И тѣмъ мучительнѣе отзывается поступокъ государя въ сердцѣ Голицына, что онъ сознаетъ себя виноватымъ и униженнымъ, сознаетъ, что Петръ правъ, что по дѣломъ неразумному воеводѣ царская немилость. Будь у него сознаніе своей правоты, онъ бы не упалъ духомъ; но теперь тошно ему глядѣть на свѣтъ Божій и мечется онъ какъ звѣрь въ клѣткѣ по этимъ самымъ палатамъ, гдѣ широко и привольно текла жизнь его, гдѣ зрѣли его лучшіе планы, гдѣ свило себѣ гнѣздо счастье его любви, его слава.

Какъ онъ любилъ прежде эти палаты, съ какой заботливостью украшалъ онъ ихъ, помышляя о тѣхъ рѣдкихъ блаженныхъ минутахъ, когда сюда, неслышною стопою, являлась красавица царевна! Противной, невыносимой, раздражающей кажется теперь Василью Васильевичу эта роскошь, которая его окружаетъ. А роскошь великая... Одинъ изъ иностранныхъ посланниковъ писалъ о домѣ Голицына, какъ чуть ли не о самомъ великолѣпнѣйшемъ въ Европѣ, что онъ думалъ что находится при дворѣ какого нибудь италіанскаго государя.

Особенно хороша пріемная палата, гдѣ обыкновенно Василій Васильевичъ бесѣдовалъ съ пріѣзжавшими къ нему боярами и иностранцами, которыхъ онъ всегда поражалъ своею обходительностью, своими глубокими знаніями, гдѣ онъ разговаривалъ съ ними на языкѣ латинскомъ обо всемъ, что происходило тогда важнаго въ Европѣ. Палата эта обширна, какой пожалуй и нѣту во дворцѣ кремлевскомъ. Подволока въ ней накатная, прикрытая холстами. Въ срединѣ подволоки солнце съ лучами, вызолоченное сусальнымъ золотомъ. Вокругъ солнца бѣги небесные съ зодіями и съ планетами, писанные живописью. Отъ солнца на желѣзныхъ трехъ прутахъ паникадило бѣлое костяное о пяти поясахъ; въ поясѣ по восьми подсвѣчниковъ и цѣна тому паникадилу сто рублей.

По другую сторону солнца, мѣсяцъ въ лучахъ посеребренныхъ. Вокругъ подволоки въ двадцати клеймахъ рѣзныхъ, позолоченныхъ, расписаны лики пророковъ и пророчицъ. Въ четырехъ рамахъ рѣзныхъ листы нѣмецкіе; цѣна каждому листу по пяти рублей.

По всѣмъ стѣнамъ кромѣ того портреты: великаго князя Владиміра Святаго, царей: Ивана Грознаго, Ѳедора Ивановича, Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳедора, Ивана и Петра Алексѣевичей, четыре портрета королей иностранныхъ. Между портретами пять зеркалъ, одно въ черепаховой рамѣ.

Оконъ въ той палатѣ сорокъ шесть со стеклянными окончинами и въ нихъ стекла расписаны хитрымъ узоромъ и разными человѣческими фигурами.

Хороша тоже и спальня Василія Васильевича; въ ней развѣшаны въ вызолоченныхъ рамахъ разныя карты и чертежи, вывезенные изъ за границы, четыре зеркала, двѣ большія статуи, изображающія араповъ; дорогая кровать нѣмецкая, изъ рѣзнаго сквознаго орѣха вырѣзана, на ней личины человѣческія и птицы и травы; девять стульевъ, обитыхъ золотыми кожами, кресло съ подножьемъ, обитое бархатомъ.

По всѣмъ палатамъ множество часовъ боевыхъ и столовыхъ въ черепаховыхъ влагалищахъ, оклеенныхъ китовымъ усомъ да кожею красною. Особенно хороши одни часы бронзовые, тонкой художественной работы, изображающіе нѣмчина на конѣ, а въ лошади циферблатъ со стрѣлками. Много всякихъ чудныхъ шкатулокъ, съ безчисленными выдвижными ящичками, чернилица янтарная, три нѣмецкія фигуры орѣховыя; у нихъ внутри трубки стеклянныя, съ мѣдными мишенями; на мишеняхъ вырѣзаны слова нѣмецкія, а подъ

трубками въ стеклянныхъ чашечкахъ ртуть.

Но не однѣми этими хитрыми бездѣлушками забавлялъ себя Василій Васильевичъ. Дорогою цѣною пріобрѣталъ онъ книги разныя и составлялъ себѣ библіотеку. Были въ этой библіотекѣ такія книги: книга писанная—врученіе правила на Академію; книга писанная о гражданскомъ житіи, или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже надлежатъ обще народу. Книга Тестаментъ или завѣтъ Василія царя греческаго сыну его Льву Философу; книга како царица Олунда близнятъ породи и како ихъ свекровь и ея мать цесарева хотя погубити. Книга письменная, переводъ отъ Вселенскаго патріарха Мелетія діакона; книга, глаголемая алкоранъ Махметовъ, переведенная съ польскаго письма; книга рукописнаго права, или уставъ воинскій Голландской земли, и много всякихъ другихъ, какъ русскихъ такъ нѣмецкихъ и латинскихъ, трактующихъ о всевозможныхъ, самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Въ часы досуга любилъ Василій Васильевичъ углубляться въ эти книги и бывало за чтеніемъ не видитъ какъ идетъ время. Иногда онъ вмѣстѣ съ царевною читалъ и объяснялъ ей то, чего она не понимала и дивился, что мало объяснять приходилось, дивился ея великимъ знаніямъ, ея необычайной понятливости и любознательности.

Куда теперь дѣвалось это счастливое время? Разразится гроза, возрадуются недруги и друзья лицемѣрные, разнесутъ и растащатъ всѣ эти, съ такою любовью собранныя сокровища. Но Богъ съ ними, не въ нихъ дѣло—отнимутъ враги единственное сокровище, которому придаетъ Василій Васильевичъ неисчислимую цѣну, безъ котораго жизнь не въ жизнь ему кажется, отнимутъ враги ту, которая красила своею любовью многотрудную жизнь его и что они съ ней сдѣлаютъ? Теперь не будетъ ей пощады!

И онъ сталъ думать о правительницѣ. Онъ вспоминалъ далекіе годы, вспоминалъ ее еще почти ребенкомъ, потомъ чудной, пышно разцвѣтшей красавицей, вспоминалъ то волшебное мгновеніе, когда она отдала ему свое сердце. Господи, какъ это все далеко, какъ будто сонъ! Что воды утекло съ тѣхъ поръ! Тогда онъ еще былъ полонъ силы и смѣло глядѣлъ въ будущее, а теперь расшатались его силы, вся побѣлѣла, заиндевѣла густая борода его, многія морщины глубокія на высокомъ челѣ вырѣзались... Измѣнилась и она, прекрасная царевна. Онъ только въ эти послѣдніе дни хорошенько разглядѣлъ, какъ она измучилась, какъ она постарѣла. Но для него она все такъ же прекрасна, какъ и въ лучшіе дни цвѣтущей молодости. Такъ же горячо, такъ же страстно онъ ее любитъ, для любви этой безслѣдно оказалось время.

— Софья! Софья! въ отчаяніи воскликнулъ Василій Васильевичъ ломая себѣ руки, неужели намъ предстоитъ вѣчная разлука? Неужли нѣтъ спасенія?

Въ это мгновеніе дверь палаты тихо отворилась и на порогѣ показалась правительница. Но теперь, при ея появленіи, не загорѣлось солнце посреди подволоки, не засеребрились лучи мѣсяца, не забѣгали, переливаясь веселыми красками, бѣги небесные съ зодіями, какъ бывало въ тѣ минуты, когда она тихо съ веселой улыбкой входила въ эту палату и еще издали протягивала Голицыну свои нѣжныя бѣлыя руки. Все мрачно теперь было въ палатѣ, еще мрачнѣе, чѣмъ до ея появленія, тускло глядѣло солнце сусальнаго золота, въ какія то грозныя фигуры превратились зодіи—и сама царевна не улыбалась, спѣша на встрѣчу сердечному другу Васенькѣ. Глаза ея были безжизненны, губы блѣдны, руки дрожали.

## IX.

— Радость моя! свѣтъ мой! съ восторгомъ и мученіемъ выговорилъ Голицынъ спѣша па встрѣчу Софьѣ. Не чаялъ я тебя нынѣ у себя видѣть!..

Она подала ему свою руку, которую онъ нѣжно прижалъ къ губамъ.

— Васенька, что-жь это такое? тебѣ новая обида!.. Какъ услышала, не знаю что со мной сдѣлалось, въ головѣ помутилось... Сейчасъ къ тебѣ я кинулась. Что-же это, вѣдь это послѣдніе дни приходятъ!

— Да, видно послѣдніе дни, проговорилъ Голицынъ.

— Но Боже мой! какъ подумаешь, сказала Софья, безсильно опускаясь въ кресло, какъ подумаешь кто осмѣливается поднимать на тебя руку!.. мальчишка, который ногтя-то твоего не стоитъ. Онъ... вмѣсто того, чтобы цѣнить всѣ труды твои... Нѣтъ, этого вынести невозможно!

— Зачѣмъ ты такъ говоришь, моя дорогая, вдругъ перебилъ ее Голицынъ. Дѣло не во мнѣ, а въ тебѣ—за тебя мнѣ страшно—сердце разрывается какъ подумаю, что разлучатъ насъ съ тобою,—а самъ то я что-жь... вѣдь я заслужилъ царскую немилость. Намъ съ тобой нечего скрываться: стыдъ и позоръ на мою голову! Не съумѣлъ вернуться послѣ славнаго похода,—не за свое дѣло взялся—такъ моему государю и впрямь меня нечего жаловать!

— Молчи! молчи! какъ безумная закричала Софья.— Въ своемъ ли ты умѣ? какъ смѣешь ты клепать на себя—мы всѣ у тебя въ долгу... вся Россія... Да и наконецъ, самъ знаешь, что дѣло не въ томъ... это онъ и не тебя совсѣмъ обидѣть хочетъ, это онъ меня обижаетъ... Они ищутъ моей погибели и хорошо знаютъ, что каждая обида тебѣ—мнѣ вострый ножъ въ сердце. Но довольно... я все ждала, все надѣялась, что какъ нибудь образумятся... нѣтъ, видно они хотятъ нашей смерти и, намъ нужно спасаться!

— Спасаться... легко сказать, но что-жь дѣлать? безнадежно прошепталъ Василій Васильевичъ.—Затѣвать опять бунтъ, мятежъ... довольно и такъ было крови...

— Василій, какимъ-то глухимъ и страшнымъ голосомъ произнесла Софья,—Василій, ни слова больше—не время теперь проповѣдывать христіанскія добродѣтели! Какъ семь лѣтъ тому назадъ нельзя было обойтись безъ рѣшительныхъ мѣръ,—противъ которыхъ ты и тогда возставалъ,—такъ и теперь нужно забыть о человѣколюбіи. Насъ не жалѣютъ, насъ измучили.... намъ грозитъ смерть, такъ тѣмъ же оружіемъ и мы должны дѣйствовать противъ враговъ нашихъ... Послѣдній разъ я зову тебя съ собою... мы ужъ не дѣти, вѣдь ужъ старость приближается—слава Богу, не мало пожили на свѣтѣ—такъ не намъ обольщаться грезами о милосердіи и всепрощеніи!.. Насъ не прощали, насъ не прощаютъ... насъ не помилуютъ если мы попадемся имъ въ руки... такъ и намъ нечего ихъ миловать!.. Василій, не будь малодушенъ, я пришла требовать твоей помощи въ послѣднемъ и страшномъ дѣлѣ...

Онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Онъ едва могъ ее узнать, такое у нея было страшное лицо.

— На что-жь ты рѣшаешься? чего ты хочешь? спросилъ онъ.

— Чего я хочу?.. Конечно одной только погибели враговъ моихъ—погибели мачихи и брата. Еще разъ Шакловитый все сдѣлаетъ чтобъ склонить стрѣльцовъ въ мою пользу, но если и это не поможетъ, тогда останется одно... одно—отравить ихъ...

— Что ты сказала?.. Или я ослышался? Повтори, что ты сказала? въ ужасѣ хватая ее за руки и задыхаясь говорилъ Голицынъ.

— Оставь меня, не безумствуй!.. все тѣмъ же глухимъ голосомъ перебила его Софья. Да, сказала и повторяю... остается отравить ихъ! А!.. еслибъ было только можно, они бы ужъ двадцать разъ насъ съ тобой отравили... такъ тутъ нечего задумываться—тутъ мы или они!.. А я жить хочу... я хочу, чтобъ и ты

жилъ—мы еще не всю жизнь изжили, у насъ есть еще впереди кое что... умирать не время! Слушай... у меня мало теперь друзей, мало помощниковъ... Одинъ Шакловитый не можетъ измѣнить мнѣ... да ты. Ты долженъ помочь мнѣ...

— Что!?.. Закричалъ Голицынъ,—что? помочь тебѣ въ такомъ дѣлѣ... И ты рѣшилась, и у тебя языкъ повернулся предлагать мнѣ это... Мнѣ страшно, мнѣ стыдно за тебя... Боже мой!.. но что-жь это, ты больна можетъ быть? ты сама не знаешь, что говоришь...

— Нѣтъ, я знаю что говорю, и я твердо рѣшилась, и не отступлю теперь...

Вся кровь бросилась въ лицо Голицыну. Ему казалось, что какой-то громадный камень навалился на грудь его и давитъ, дохнуть не даетъ. Его мысли путались, онъ ничего сразу сообразить не могъ. Софья ли это передъ нимъ, она ли говоритъ это—или у него горячка и онъ бредитъ.

И онъ сидѣлъ, опустивъ голову, не говоря ни слова.

— Что-жь ты молчишь?

— Постой, погоди, дай собраться съ мыслями, наконецъ заговорилъ онъ. Если для нашего спокойствія, для продолженія нашей счастливой жизни нужно преступленіе, значитъ мы достойны нашей горькой участи. Да, мы ее достойны...

— Сумашедшій! вскрикнула Софья и истерически захохотала.

Но онъ не слышалъ ея смѣха, онъ ее не видѣлъ.

— Твое дѣло кончено, продолжалъ онъ. Ты управляла государствомъ именемъ твоихъ братьевъ за ихъ малолѣтствомъ. Старшій слабоумень, такъ и остался,—за него ты управлять можешь,—но младшій выросъ, созрѣлъ и требуетъ отъ тебя законныхъ правъ своихъ... и ты должна ему уступить правленіе и дать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Меня же, ближняго твоего помощника, государь тоже судить долженъ, и я дамъ ему отчетъ во всѣхъ дѣлахъ моихъ - во всемъ, достигнутомъ мною, и въ моихъ ошибкахъ. Софья, судьба справедлива... если поступки наши будутъ поставлены въ вину намъ, намъ останется одно—смириться и найти утѣшеніе въ молитвѣ.

Софья съ искаженнымъ лицомъ остановилась передъ Голицынымъ. Вотъ на губахъ ея мелькнула мучительная и въ то же время злая и насмѣшливая улыбка.

— Трусъ, проговорила она. Трусъ негодный—вотъ ты кто!

— Можетъ быть и трусъ, спокойно отвѣтилъ Голицынъ,—я не знаю! Самъ себя никогда не считалъ трусомъ, другіе тоже меня таковымъ не считали... Можетъ быть и трусъ, но на преступленіе, на тайное убійство я не годенъ..

— Такъ ты отказываешься спасти меня? въ послѣдній разъ спрашиваю—отказываешься?

— Такими средствами?.. отказываюсь.

— Боже мой! заломила въ отчаяніи руки царевна,—всѣ до единаго.... никого не осталось!

И вдругъ она упала на колѣни передъ Голицынымъ, хватала его руки, цѣловала ихъ, обливала слезами.

— Васенька! Нѣтъ, этого быть не можетъ: ты меня не покинешь, ты меня не оставишь!.. Вспомни голубчикъ, вспомни—вѣдь я всю жизнь одного тебя любила! Ты мнѣ былъ дороже свѣта небеснаго, жизни дороже! Какъ нѣтъ тебя со мной—сколько слезъ горькихъ я выплакала, сколько ночей безсонныхъ промучилась! Да вотъ и теперь, въ это послѣднее время, какъ въ походъ ты ушелъ—Боже мой—минуты не проходило, чтобы я о тебѣ не думала. Посмотри на меня, вѣдь у меня сѣдина появилась отъ этихъ страшныхъ мыслей, вѣдь глаза потухли отъ слезъ. Васенька! самъ ты говоришь, что насъ разлучить хотятъ... Я жить безъ тебя, не могу, свѣтъ мой! Голубчикъ, сжалься надо мною!

Его сердце разрывалось отъ жалости, онъ безумно любилъ Софью—но эта женщина, умоляющая его сдѣлаться убійцей была для него совсѣмъ чужою; онъ не зналъ ее, онъ не понималъ ее.

— Откажись отъ своихъ страшныхъ мыслей, молись Богу, чтобъ онъ простилъ тебѣ ихъ. Забудемъ все, что ты говорила, забудемъ—не то я не вынесу...

Съ дикимъ крикомъ, вскочила она съ колѣнъ и отступила отъ него.

— Договаривай... чего ты не выдержишь—донесешь на меня? такъ что-ли? Такъ иди, холопъ презрѣнный, доноси и знай, что я тебя проклинаю! что на одрѣ смерти я не прощу тебя... слышишь, проклинаю! проклинаю!..

И она, не помня себя, быстро ушла изъ палаты.

Голицынъ даже не всталъ, чтобы догнать ее—онъ не былъ въ силахъ пошевелиться.

### X.

Выйдя изъ дома Голицына, Софья была какъ безумная; даже мысль о самоубійствѣ пришла ей въ голову, но она оставалась не долго. Чувство самосохраненія и страшная ненависть къ мачихѣ и Петру, снова всецѣло поглотили ее.

Возвратясь въ Кремль и прійдя нѣсколько въ себя, она приказала немедленно призвать къ себѣ Шакловитаго и долго съ нимъ совѣщалась. Она рѣшилась добиться своего во что бы то ни стало.

Онъ посовѣтовалъ ей еще разъ самой поговорить со стрѣльцами и было рѣшено дѣйствовать въ тотъ же день, не откладывая.

Шакловитый приказалъ собраться сотникамъ и пятидесятникамъ—провожать правительницу ко всенощной, къ празднику, въ Новодѣвичій монастырь.

По окончаніи службы, выйдя изъ церкви, Софья обратилась къ своимъ провожатымъ и начала имъ жаловаться, что царица Наталья Кирилловна всячески извести ее хочетъ, а Петръ будто бы ужь приказалъ своимъ потѣшнымъ собираться и поведетъ ихъ въ Кремль умертвить ее, царевну, и царя Ивана.

— Если мы вамъ годны, сказала въ заключеніе Софья, такъ стойте за насъ и помогите намъ, а не годны—то мы должны покинуть государство, должны бѣжать, спасать животъ свой...

Она говорила убѣдительно. Слезы такъ и лились изъ глазъ ея.

Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ были растроганы и отвѣтили ей, что готовы исполнить ея волю.

— Спасибо вамъ, заливаясь слезами сказала Софья, на васъ только одна и надежда. Вы мнѣ всегда были вѣрными слугами и сами знаете, забывала ли я вашу службу, а впредь дожидайте отъ меня еще бо́льшихъ милостей: я въ долгу не останусь. Теперь ждите повѣстки, извѣщу я васъ черезъ Шакловитаго, тогда и начинайте. А теперь пойдите, разскажите все стрѣльцамъ своимъ, пусть они знаютъ, пусть готовятся...

Сотники и пятидесятники вернулись въ слободы, собрали полки и слово въ слово передали стрѣльцамъ все, что говорила имъ царевна.

Нѣсколько голосовъ закричало, что точно царевну нужно выручить, но большинство объявило:

— Не станемъ начинать дѣло по набату. Коли и впрямь грозитъ бѣда кому либо изъ семьи царской, такъ пусть дѣло идетъ по закону, пусть дьякъ думный скажетъ указъ царскій, то мы и пойдемъ, а безъ указа дѣлать намъ не годится, и мы не станемъ! Пускай хоть три дня бьютъ въ набатъ—не тронемся, а коли все это доподлинно такъ, то надобно идти въ Кремль и бить челомъ о розыскѣ.

Тогда одинъ изъ приверженцевъ Шакловитаго, Стрижевъ, началъ уговаривать, толковалъ, что ничего не выйдетъ изъ розыска.



**Осада Троицко-Сергіевской Лавры въ 1608 г.** Ориг. рис. А. Васильева, грав. Шиблеръ-Пуцъ.

— Чего вы еще медлить будете? злодѣи-то царевны вѣдь извѣстны, такъ и принять ихъ, а то не защитите царевну, схватятъ ее, всякое зло надъ ней сдѣлаютъ, тогда вамъ же хуже будетъ, безъ царевны не проживете—только ею мы и держимся. Царь то Петръ не больно насъ, стрѣльцовъ, жалуетъ. Напуститъ онъ на насъ свое войско потѣшное, да бояръ съ ихъ людьми, такъ всѣ мы помремъ лютой смертью —объ этомъ подумайте!

Но стрѣльцы не поддавались и на эти рѣчи. Они стояли на своемъ и поздно ночью Шакловитый явился къ Софьѣ съ извѣстіемъ о полной неудачѣ.

Этого мало, въ числѣ стрѣльцовъ нашлись люди, рѣшившіеся немедленно отправиться въ Преображенское и донести царю Петру обо всемъ, что творится. Петръ сейчасъ же послалъ къ Шакловитому съ требованіемъ отправить въ Преображенское Стрижева.

Шакловитый смутился. Онъ понялъ, что между стрѣльцами есть доносчики, но Стрижева рѣшился не выдавать.

Тогда Петръ приказалъ арестовать самаго Шакловитаго. Его окружили въ Измайловѣ, куда онъ было поѣхалъ, и привели къ царю.

Софья, узнавъ объ этомъ происшествіи, пришла въ неописанный ужасъ.

Она написала брату чрезвычайно ловкое и краснорѣчивое письмо, въ которомъ спрашивала, за что схваченъ Шакловитый и просила его выпустить.

Шакловитаго выпустили.

Царица Наталья Кирриловна, все еще имѣвшая большое вліяніе на сына, не рѣшалась дѣйствовать энергически. Ей до сихъ поръ памятенъ былъ роковой 82-й годъ, она до сихъ поръ дрожала при видѣ каждаго стрѣльца. Ей представлялась возможность новаго стрѣлецкаго возмущенія, новыхъ ужасовъ и убійствъ, очень легкой.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. Между тѣмъ и въ Кремлѣ и въ Преображенскомъ начинали находить подметныя письма.

Боярыня Хитрая какъ-то, уже ночью, разбудила Софью, показала ей листъ бумаги.

— Прочти, прочти, царевна, что тутъ такое, говорила она испуганнымъ голосомъ.

Софья принялась читать. Въ письмѣ извѣщали царевну, что на слѣдующую ночь придутъ потѣшные конюхи изъ Преображенскаго и побьютъ царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ.

— Откуда же ты это достала, Анна Петровна? спросила Софья.

— А вотъ, государыня, стояла я у себя на молитвѣ, вдругъ слышу какъ будто дверь скрипитъ. А дверь то у меня на ту пору не заперта была, ну, я думаю, показалось мнѣ это, и молюсь себѣ,—анъ слышу, нѣтъ скрипитъ дверь, отворилась тихонько да бумажка то и просунулась. Я вскочила, схватила бумажку, отперла дверь: кто тутъ? говорю, никто не откликается, а въ переходѣ темно, страшно—зги не видно. Ну зажгла я лампадочку, вышла—никого и нѣту! прочла цыдулу то, да такъ и ахнула... вотъ къ тебѣ прибѣжала.

Конечно царевна не могла ужь заснуть и рано на утро послала за Шакловитымъ. Ей и въ голову не приходило, что весь разсказъ Хитрой—чистая выдумка, что и письмо-то это подметное, безъимянное, писала сама старая боярыня, чтобъ напустить на всѣхъ страху, чтобъ всѣхъ помучить, а самой полюбоваться на людскія мученія.

Шакловитый, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же сталъ распоряжаться.

Къ вечеру онъ велѣлъ собраться въ Кремль четыремъ стамъ стрѣльцамъ съ заряженными ружьями, а темъ стамъ другимъ велѣлъ стать на Лубянкѣ. Трехъ своихъ денщиковъ послалъ въ Преображенское вывѣдывать, куда отправится царь и что станетъ дѣлать.

Но вотъ приходитъ вечеръ: стрѣльцы въ Кремль не являются; на Лубянкѣ тоже тихо—тщетно сторонники Софьи, Гладкій и Чермный, уговариваютъ стрѣльцовъ. Только ужь къ самой ночи у Кремля показывается нѣсколько отрядовъ, но стрѣльцы имѣютъ самый унылый видъ. Они никакъ въ толкъ не могутъ взять, чего отъ нихъ требуютъ.

— Защищать что-ли мы будемъ, али нападать должны? толкуютъ они.—Коли защищать—выйдетъ усобица, драка, кровь... нападать—опять тоже, такъ намъ не слѣдъ въ такое дѣло впутываться. Пождемъ маленько, постоимъ здѣсь, да и по домамъ.

Въ это время въ кремлевскія ворота въѣзжаетъ всадникъ. Стрѣльцы останавливаютъ его, спрашиваютъ кто такой. Оказывается—спальникъ царя Петра, Плещеевъ, изъ Преображенскаго. Царь послалъ узнать, что такое въ Москвѣ дѣется, „пришли-де въ Преображенское изъ Москвы люди невѣдомые, говорятъ стрѣльцы собираются“.

— Ну вотъ вишь ты какое дѣло! перешептываются другъ съ другомъ стрѣльцы,—того и жди тутъ въ бунтовщики насъ запишутъ, да и головы намъ порубятъ. Идемъ-ка, братцы, по домамъ, такъ-то ладнѣе будетъ!

Но Гладкій, который еще утромъ объявилъ Шакловитому, что не успокоится, покуда не заваритъ настоящую кашу, въ это время бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лошади, срываетъ съ него саблю, бьетъ его.

— Что ты? Что ты, опомнись—что ты дѣлаешь? кричатъ стрѣльцы, вырывая Плещеева изъ рукъ расходившагося Гладкаго.

Но тотъ кричитъ на нихъ:

— Не вступайтесь не въ свое дѣло—видно знаю, что дѣлаю! Долженъ я вести его сейчасъ же на верхъ къ Шакловитому да къ царевнѣ: пусть они рѣшатъ, ладно ли я дѣлаю, али нѣтъ. Коли нѣтъ, такъ передъ ними и буду въ отвѣтѣ, а вы не мѣшайте, а вотъ лучше помогите мнѣ вести его.

Стрѣльцы въ недоумѣніи. Двое изъ нихъ, съ нерѣшительнымъ видомъ, исполняютъ приказаніе Гладкаго. Плещеевъ, избитый, ошеломленный, ничего не понимающій, видитъ, что борьба невозможна и позволяетъ вести себя.

Между тѣмъ одинъ изъ стрѣльцовъ, Мельновъ, видѣвшій безобразную сцену съ Плещеевымъ, выбѣжалъ изъ Кремля и спѣшилъ на Лубянку, гдѣ стояли стрѣльцы, по большей части преданные Петру.

— Вотъ на что насъ подмываетъ Шакловитый, говорилъ Мельновъ. Сами видите кто бунтовщикъ и за кого намъ стоять нужно.

— Да, да дѣло ясное,—подхватили Елизарьевъ, Ладогинъ, Ульфовъ, Турка, Троицкій и Капрановъ, которые особенно уговаривали въ послѣдніе дни стрѣльцовъ не поддаваться на увѣщанія царевны и Шакловитаго и тянуть къ молодому государю.

Всѣ эти стрѣльцы были люди молодые, еще не находившіеся въ войскѣ во время бунта 82-го года, у нихъ не было слѣдовательно страшныхъ преданій, связывавшихъ ихъ съ правительствомъ Софьи. Напротивъ, люди отважные и смѣлые, не чуждые также и честолюбивыхъ плановъ, они давно ужь съ завистью посматривали на потѣшное Петрово войско. Они завидовали жизни потѣшниковъ, любви къ нимъ молодого государя. Имъ давно бы ужь хотѣлось изъ стрѣльцовъ обратиться въ потѣшныхъ,—но царь далекъ отъ стрѣльцовъ, не любитъ ихъ. А вотъ тутъ является возможность сослужить этому царю большую службу, которой онъ конечно не забудетъ, за которую онъ наградитъ щедро.

— Да, дѣло-то ужь не шутка, заговорилъ опять Ели-

зарьевъ, избили царскаго стольника, до самого царя добираются. Вѣдомо ли вамъ, что Шакловитый послалъ въ Преображенское лазутчиковъ, да и знаю я одного человѣка, котораго онъ подговаривалъ извести государя. Мѣшкать то нечего, нужно сейчасъ же кому нибудь изъ насъ гнать въ Преображенское извѣстить царя, что на него да на царицу умышляется смертное убійство.

— Да ужъ коли на то пошло, вѣстимо нужно въ Преображенское! заговорили между стрѣльцами.

Мельновъ и Ладогинъ вызвались ѣхать, сейчасъ же вскочили на коней и помчались въ Преображенское.

(Продолженіе будетъ).

# Моя встрѣча съ Эдисономъ. *)

## (Оригинальный разсказъ изъ американской жизни).

### I.

Десять лѣтъ тому назадъ, ни я, ни другіе, знавшіе хорошо въ ту пору героя этого разсказа, не подозрѣвали, что въ скромной, застѣнчивой и молчаливой личности Томаса Альви Эдисона, скрывается геній изобрѣтателя, имя котораго теперь повторяется въ двухъ частяхъ свѣта... Никто не могъ предвидѣть тогда, что „Skinny Tom“ („сухопарый Томъ“, какъ называли Эдисона въ то время) черезъ какія нибудь 10 лѣтъ такъ прославитъ это имя.

Кто не слыхалъ о телефонѣ, фонографѣ, микрофонѣ, стандартъ-фонографѣ, электропенѣ и т. п. Кому неизвѣстно имя работника-отшельника лабораторіи Менло-Парка?

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, Томъ Эдисонъ жилъ еще въ глухой провинціи, въ штатѣ Мэнъ, исполняя скучныя и однообразныя обязанности ночнаго телеграфиста маленькой желѣзнодорожной станціи Сэко, недалеко отъ Портлэнда, главнаго города штата Мэнъ. Тутъ впервые пытливое вниманіе Эдисона обратилось на тайны электричества. Здѣсь на маленькой станціи, окруженной густымъ лѣсомъ, зароились впервые геніальныя мысли знаменитаго изобрѣтателя. Не смотря на скудныя средства, онъ все таки пріобрѣталъ себѣ книги научнаго содержанія по физикѣ, механикѣ, космографіи, алгебрѣ, аналитикѣ, химіи и др., и жадно поглощалъ ихъ, лежа на потертомъ кожаномъ диванѣ своей телеграфистской кануры. Здѣсь-то, среди ночной тишины, при однообразномъ тиканьѣ маятника электрическаго регулятора, были имъ составлены и обдуманы планы, основанные на строгомъ анализѣ и изученіи атмосферическихъ явленій природы, недоступныхъ для непосвященнаго глаза.

Томасъ Эдисонъ родился 14-го февраля 1847 г., въ Майленѣ, въ штатѣ Огайо. Сынъ весьма бѣдныхъ родителей, онъ получилъ плохое воспитаніе, и учился, какъ говорится, на мѣдныя деньги. Но вотъ минуло ему одиннадцать лѣтъ. Бѣдный Томъ остался круглымъ сиротою. Судьба бросила его, вскорѣ послѣ смерти родителей, на линію желѣзной дороги, на которой онъ очутился въ качествѣ поѣзднаго продавца газетъ, брошюръ и книгъ. *Онъ буквально прожилъ свою юность въ вагонѣ*, оставляя одинъ поѣздъ, чтобы съ другимъ снова прокатить за тысячу миль въ томъ или другомъ направленіи.

Я увѣренъ, что многіе проѣзжавшіе по этой линіи желѣзной дороги еще не забыли худенькаго проворнаго юношу-газетчика, который съ ношею газетъ, книгъ и брошюръ, безостановочно переходилъ изъ одного вагона въ другой и вѣжливо предлагалъ свой „товаръ“ пассажирамъ. Въ то блаженное время было вовсе не легко колесить по американскимъ дорогамъ, которыя были много хуже и неудобнѣе теперешнихъ.

Эдисону пришлось, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, исколесить сотни тысячъ миль по рельсамъ, пока ему не наскучила эта безъисходная, неинтересная дѣятельность. Онъ сталъ серьезно подумывать о пріисканіи другихъ занятій, тѣмъ болѣе, что ему вскорѣ исполнялось совершеннолѣтіе. Онъ рѣшился основать маленькую газетку „Летучая почта“. Газету эту онъ *самъ* набиралъ, редактировалъ, корректировалъ, всю сплошь писалъ и печаталъ, имѣя только одного сотрудника—сотрудникъ однако только вертѣлъ колесо скоропечатной машины. Это былъ негръ, носившій классическое имя Виргилія.

Но не долго суждено было Эдисону издавать „Летучую почту“. Вышла какая-то исторія, послѣ которой ему пришлось закрыть „редакцію“ и разсчитать чернаго сотрудника-классика. Бросивъ издательскую дѣятельность, онъ сдѣлался телеграфистомъ.

Ѣздя съ газетами, онъ съумѣлъ въ свободное время, тамъ и сямъ, на станціяхъ приглядѣться къ работѣ станціонныхъ телеграфистовъ, и быстро выучилъ телеграфный алфавитъ. Знаніе это принесло ему большую пользу.

На станціи Сэко произошло нѣчто необыкновенное, много повліявшее на будущность Эдисона.

Джо Чиверъ, ночной сигналистъ станціи Сэко, уставъ отъ усиленныхъ занятій, какъ-то заснулъ за аппаратомъ. Въ это время прибылъ курьерскій поѣздъ, который, простоявъ на станціи съ полминуты, быстро скрылся въ ночной тьмѣ. Джо Чиверъ не замѣтилъ ни прихода, ни отхода поѣзда. Онъ не далъ знать на слѣдующую станцію о поѣздѣ, который тѣмъ временемъ налетѣлъ на встрѣчный балластный поѣздъ. Произошло ужасное столкновеніе...

Усиленный и громкій звонъ сигнальнаго аппарата на станціи Сэко, употребляемаго въ особенныхъ случаяхъ, разбудилъ бѣднаго Чивера, который въ просонкахъ бросился къ „лентѣ“, стараясь заспанными глазами прочитать ея содержаніе. Вотъ что телеграфировали съ „ночной“ станціи, гдѣ произошло столкновеніе:

„Просимъ резервный паровозъ. Людей на помогу. Вашъ поѣздъ наткнулся на нашъ балластный. Убитыхъ и раненыхъ много. Не медлите помощью“...

Тутъ депеша обрывалась. Не успѣлъ Чиверъ опомниться и понять весь ужасъ этой дѣйствительности, какъ сигнальный звонокъ задребезжалъ снова. Это дребезжаніе было ужасно для слуха Чивера. Кое-какъ скопировавъ на бланкѣ содержаніе депеши, онъ опять сталъ читать „ленту“ и ужаснулся еще больше... Каждое слово этой оригинальной депеши рѣзало безпощадно сердце Чивера. Вотъ ея содержаніе:

„Джо, что съ тобою, ты проспалъ отходъ поѣзда? Сонный мѣшокъ, не забудь отдать депешу о помощи смотрителю станціи, не хнычь какъ баба, отдай депешу, а потомъ убирайся какъ можно скорѣе къ дьяволу, если тебѣ твоя шкура дорога. Завтра утромъ прибудетъ слѣдственная комиссія, чтобы пожелать тебѣ добраго утра! Удирай, Джо, пока не поздно“.

Бѣдный Чиверъ понялъ своего друга Джона, который такъ оригинально совѣтывалъ ему спасти отъ рукъ правосудія свою шкуру. Въ эту ночь Джо Чиверъ пропалъ безъ вѣсти...

Станція Сэко лишилась своего „ночнаго“, вслѣдствіе чего явилась вакансія на должность телеграфиста, которую вскорѣ занялъ „Сухопарый Томъ“, бывшій издатель „Летучей Почты“. Эдисонъ преодолѣвалъ дремоту чтеніемъ книгъ. Да, Эдисонъ мало спалъ въ своей трудовой жизни!

Онъ не зналъ отдыха и сладости dolce far niente будучи еще неизвѣстнымъ „ночнымъ“ станціи Сэко, онъ и теперь рѣдко отдыхаетъ, неутомимо работая въ лабораторіи Менло-Парка...

### II.

Любовь бывшаго „ночного“ станціи Сэко, отчасти быть можетъ способствовала къ тому, что онъ сдѣлался знаменитымъ человѣкомъ и популярнымъ гражданиномъ Союза. Какимъ это образомъ? А вотъ послушайте.

Въ первый разъ я увидѣлъ Эдисона на вечерѣ у Сайласа Гудбрайта, почтеннаго фермера, имѣвшаго двадцать тысячъ акровъ земли, какъ разъ между станціей Сэко и Портлэндомъ.

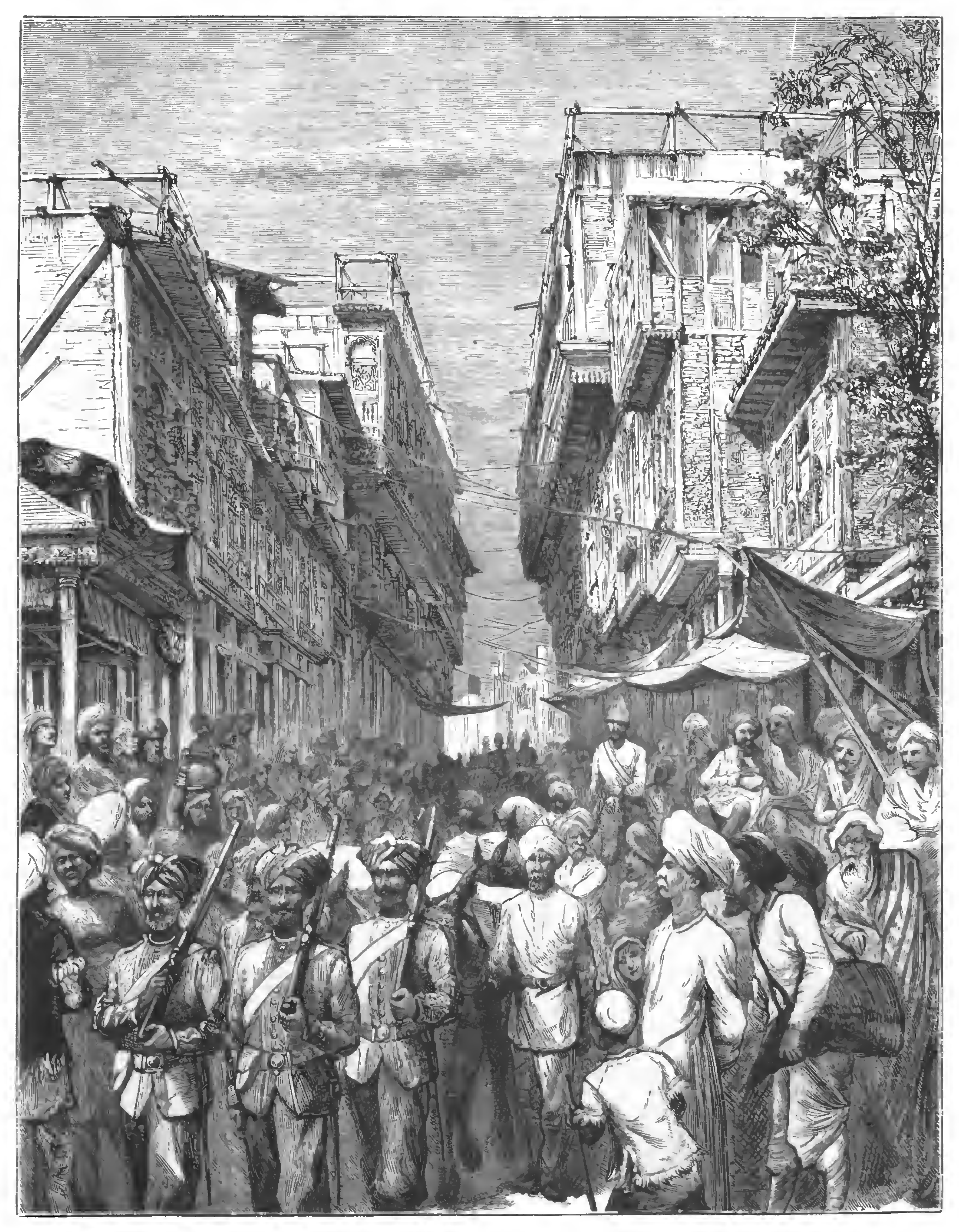
Весело было на вечерѣ у мистера Гудбрайта. Вся молодежь на разстояніи пятидесяти миль въ окружности собралась у гостепріимнаго хозяина. Веселились отъ души, какъ могутъ веселиться только джентльмены и миссъ отъ шестнадцати и не свыше двадцати лѣтъ. Молодые люди усердно танцовали съ барышнями, которыя прибыли въ гости къ своей подругѣ миссъ Нелли Гудбрайтъ, единственной дочери мистера Сайласа. Миссъ Гудбрайтъ была прехорошенькая; но увы, была своенравна, капризна, горда и довольно таки разборчива. Кто по ней только не вздыхалъ у насъ тогда. У нея было больше всѣхъ жениховъ въ штатѣ. Но никто еще не тронулъ мраморное сердце дочери стараго фермера иа Стоктонъ-Гровѣ. Въ этотъ день Нелли только исполнилось восемьнадцать лѣтъ. Желая торжественно отпраздновать день рожденія дочери, Гудбрайтъ не пожалѣлъ долларовъ, чтобы устроить вечеринку на славу. Забравшись къ нему съ утра, молодежь, къ вечеру, послѣ обычныхъ разговоровъ и послѣ обѣденныхъ американскихъ „flirtation“ (ухаживаній), устроили разныя игры, а позже и неизбѣжные танцы. Весь домъ стараго фермера поставили вверхъ дномъ. Смѣялись, танцовали очень усердно. Даже самъ суровый и всегда сосредоточенный и религіозный хозяинъ дома, и тотъ, пожевывая свой любимый „chew“ (жвачку), улыбался во весь ротъ, поглаживая широкую сѣдую бороду; онъ щурилъ отъ удовольствія свои сѣрые, холодные и неподвижные глаза, ловко отплевываясь налѣво и направо и мысленно высчитывая, сколько истрачено денегъ въ этотъ день на угощеніе.

Одинъ только изъ гостей, повидимому, не принималъ участія въ общемъ весельѣ. Прислонившись къ окну, онъ молча стоялъ и смотрѣлъ безучастно на танцующихъ. Его гладкое, блѣдное и умное лицо было неподвижно; глаза задумчиво устремлялись въ пыльное пространство огромнаго гумна, гдѣ происходилъ „балъ“, гумна—на покатомъ и неровномъ полу котораго вертѣлось съ полсотни паръ. Танцовали подъ нестройные звуки странствующаго оркестра, состоящаго изъ ше-

*) См. № 37 «Нивы» – портретъ Эдисона и статью о немъ.



**Всемірная выставка въ Парижѣ: „Ночь“** Модель Густава Дорэ, грав. Шмидтъ.



Афганскій походъ: Улица въ городѣ Пешаверѣ. Выступленіе ачглійскихъ туземныхъ войскъ. По рисунку Gr. грав. М. Рашевскій.

сти грязныхъ чеховъ въ сѣрыхъ оборванныхъ курткахъ съ засаленными зелеными обшлагами и обдерганными шнурами.

Пріѣхавъ изъ Портленда къ Гудбрайту, я скоро пристроился къ кружку знакомой молодежи и принялся толковать о политикѣ, о которой у васъ всѣ толкуютъ, когда близь себя услыхалъ голосъ миссъ Гудбрайтъ, приглашавшей идти черезъ огородъ на гумно танцовать. Это было конечно пріятнѣе политики. Проворно поднялось и зашелестѣло десятка два коленкоровыхъ платьевъ, заскрипѣли и застучали наръ десять неуклюжихъ сапоговъ. Все ринулось за хорошенькой хозяйкой. „Балъ“ былъ въ полномъ разгарѣ, когда я вошелъ въ гумно. Окинувъ бѣглымъ взглядомъ танцующихъ, я случайно замѣтилъ въ углу у окна молчаливаго наблюдателя. Я подошелъ къ миссъ Нелли, которая, только что кончивъ танцовать, опустилась на стулъ, обмахиваясь огромнымъ пальмовымъ листомъ, замѣнявшимъ ей вѣеръ.

— Кто этотъ джентльменъ? спросилъ я ее, указавъ на молчаливаго гостя.

— Эдисонъ!

— Какой Эдисонъ?

— Томъ Эдисонъ, телеграфистъ станціи Сэко; а что?

— Ничего.

— Зачѣмъ же вамъ знать—кто онъ?

— Я заинтересовался имъ почему-то. Какой-то странный; очень умное лицо...

— Ха, ха, ха! и вы замѣтили? да онъ чудакъ! Это нашъ философъ!

— Однако, миссъ Нелли, какъ этотъ философъ на васъ посматриваетъ. Глаза-то какіе... посмотрите.

— Я все это знаю. Подойдите къ нему и побесѣдуйте съ нимъ, только очень постарайтесь вызвать его на разговоръ, а то онъ у насъ не очень то болтливъ.

— Но...

— Вы знаете я не люблю, когда употребляютъ это „но“. Идите! окончила свою рѣчь миссъ Нелли, слегка хлопнувъ меня своимъ импровизированнымъ вѣеромъ.

Подойдя къ Эдисону, я изъявилъ желаніе съ нимъ познакомиться. Миссъ Нелли думаетъ, что ему скучно. Эдисонъ протянулъ мнѣ руку и проговорилъ мягко:

— Благодарю васъ и миссъ Гудбрайтъ за вниманіе, но мнѣ не скучно. Я *вообще не скучаю*.

Мнѣ очень понравился его звучный голосъ и темные выразительные глаза.

— Вы никогда не танцовали?

— Никогда. Я провелъ свою юность въ такихъ заботахъ и трудахъ! Было не до танцевъ.

— Вы часто бываете у Гудбрайта?

— Нѣтъ, не очень, у меня нѣтъ времени для посѣщеній. Нужда и служба съѣдаетъ все время... проговорилъ онъ задумчиво, проводя рукою по лбу. Тѣнь пробѣжала по его выразительному лицу. Оно замерло, однѣ глаза блестѣли особеннымъ блескомъ, устремленные туда гдѣ стояла Нелли.

Она къ намъ скоро подошла и, лукаво улыбаясь, обратилась къ Эдисону со словами:

— Мистеръ Томъ, вашу руку; я хочу съ вами танцовать слѣдующую кадриль.

Блѣдное лицо Эдисона вспыхнуло и онъ молча взглянулъ на молодую дѣвушку.

— Что-же вы? Не слышите! крикнула на него веселымъ тономъ Нелли, дернувъ его за рукавъ.

— Идите, я васъ жду, что вы все стоите на мѣстѣ!

Эдисонъ молча поклонился, потомъ, какъ бы рѣшаясь, сказалъ:

— Идемте!

Вскорѣ раздался не очень стройно ритурнель. Я подошелъ къ тому мѣсту гдѣ стояли Эдисонъ и Нелли. Эдисонъ не путалъ въ танцахъ. Видно было однако, что онъ дѣлалъ большое усиліе надъ собою. Онъ танцовалъ въ *первый* разъ.

— До свиданія! сказалъ внезапно Эдисонъ, когда кончились танцы, протягивая мнѣ свою длинную и сухую руку и прибавилъ съ легкой улыбкой: забудьте, если можете, что вы видѣли меня танцующимъ.

— Куда вы? Вечеръ не кончился.

— Для меня кончился. Онъ быстро пробрался среди танцующихъ, подошелъ къ Нелли, сказалъ ей что то и вышелъ изъ гумна.

Не успѣлъ выйдти Эдисонъ, какъ миссъ Нелли быстро встала и прикрывъ лицо вѣеромъ, подбѣжала ко мнѣ. Я замѣтилъ, что она была взволнована.

— Что съ вами? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Скажите откровенно: вы не находите, что Эдисонъ похожъ на помѣшаннаго?

— Что вы, Богъ съ вами!

— Это мое мнѣніе, но я *хочу* знать ваше.

— Да изъ чего вы заключаете?

— Знаете что онъ сказалъ: „Миссъ Гудбрайтъ, на вашей совѣсти лежитъ грѣхъ, что вы заставили меня кривляться въ продолженіи десяти минутъ. Помните, что этого я не въ силахъ сдѣлать ни для какой другой женщины.. Если вы умная и добрая дѣвушка, то поймете меня.“ Вотъ какъ!

— Знаете ли, странно! прибавила она подумавъ, такой онъ худой, блѣдный, мрачный и необщительный. Но иногда я—знаете ли, признаюсь: я закрываю глаза, когда онъ говоритъ; тогда... тогда мнѣ кажется, что это не *онъ*, а совсѣмъ другой... мнѣ все кажется, что такой выразительный прекрасный голосъ не можетъ быть у такого сухаго человѣка. Потомъ открываешь глаза, и видишь его передъ собою, и какъ то досадно. Вѣдь онъ просто точно снигъ, или все о чемъ то далекомъ думаетъ.

Такъ говорила Нелли. Когда она отошла, я вышелъ въ поле. Прозрачное темносинее небо было покрыто миріадами яркихъ звѣздъ. Вокругъ оригинальной бальной залы—гумна, тускло озареной лампами, было все тихо, и невозмутимо. Тамъ и сямъ слышался отдаленный лай собакъ на сосѣднихъ фермахъ. Слышался слабый крикъ полуночной совы... Фыркали кони пріѣзжихъ фермеровъ, въ темнотѣ. Я отыскалъ свою одноколку и уѣхалъ. Было уже поздно...

### III.

Спустя три недѣли послѣ „бала“ у Гудбрайта, я въ одно воскресенье собрался къ нимъ въ гости. Пріѣхавъ на ферму, я засталъ стараго фермера сидящимъ за большимъ дубовымъ столомъ. Передъ нимъ лежала книга Бытія, огромнаго размѣра, въ старинномъ, мѣстами истертомъ, переплетѣ. Книгу эту вывезъ изъ Англіи еще дѣдъ стараго фермера, который, поселившись въ Стоктонъ-Гровѣ, проложилъ плугомъ первую борозду въ благодатной почвѣ. Гудбрайтъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ фермеровъ штата. Его считали покрайней мѣрѣ въ милліонѣ долларовъ.

Старый фермеръ занимался также скотоводствомъ и имѣлъ до десяти тысячъ рогатаго скота. Онъ былъ извѣстенъ въ штатѣ подъ названіемъ: „the cuttle king“ (король рогатаго скота).

— Blessed be the name of Iesus Christ our Saviour! (Благословенъ Іисусъ Христосъ нашъ Спаситель) привѣтствовалъ меня старый фермеръ, когда я переступилъ широкій порогъ „porlour'a *).“

— Во вѣки! отвѣтилъ я по обычаю.

— Какъ здоровье миссъ Нелли?

— Благодаря Бога хорошо, но вотъ бѣда, дѣвка меня съума сводитъ.

— Что вы, дядя Сайласъ!

— Да она совсѣмъ отъ рукъ отбилась.

— Что съ нею?

— Замужъ не хочетъ выходить.

— Она еще молода.

— Какъ! всѣ женихи въ окрестности получили по „кочану капусты,“ (отказъ) а чудакъ Бобъ Слайтъ, мой сосѣдъ изъ Пинкстонъ-Грова, тотъ даже ухитрился три раза сдѣлать предложенье Нелли, которая, отпустивъ его послѣ третьяго раза, сказала ему, не заикаясь: „Мистеръ Слайтъ, я увѣрена, что вы пріидете еще раза три ко мнѣ за тѣмъ же самымъ деликатнымъ дѣломъ, а потому не желая затруднять васъ, я даю вамъ сегодня шесть „кочановъ“ сразу, въ надеждѣ, что этого добра вамъ хватитъ до поры, когда вы найдете себѣ другую невѣсту. Прощайте!“ А, какова дѣвка! Вы знаете, что бѣдный Бобъ ушелъ какъ ошпаренный. Боюсь, чтобъ онъ себѣ бѣды какой не сдѣлалъ, заключилъ старикъ свою рѣчь, опустивъ глаза на библію.

— Не бойтесь дядя, такіе женихи умѣютъ утѣшить себя. Слайтъ богатый, праздный чудакъ, пусть его считаетъ свою коллекцію „кочановъ“—это занятіе выбьетъ у него всю манію сватовства изъ головы. Не тревожьте ее, пусть себѣ отказываетъ на здоровье. Гдѣ она?

— Въ лѣсу.

— Одна?

— Нѣтъ, съ Эдисономъ. Хотите, такъ идите имъ на встрѣчу, зовите обѣдать.

— Ого, подумалось мнѣ,—онъ не даромъ, должно быть, сегодня пріѣхалъ къ Стоктонъ-Гровъ.

— Нѣтъ дядя, я лучше съ вами посижу.

Старикъ, насупивъ брови, пристально посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Отчего?

— Просто, мнѣ кажется, что Эдисонъ неравнодушенъ къ вашей дочкѣ. Да и она сама кажется...

— Ха, ха, ха! разразился громкимъ смѣхомъ фермеръ.—Вы рехнулись! дочь моя, ха, ха, ха! въ „тюленя“, какъ называетъ его Нелли. Нѣтъ, нѣтъ, вы ошиблись. Нелли смѣется надъ нимъ.

Я перемѣнилъ разговоръ. Поговорилъ съ нимъ о религіи, политикѣ, жатвѣ и о выборахъ Гранта, котораго фермеръ обожалъ, не смотря на то, что потерялъ единственнаго своего сына Чарли, который палъ въ битвѣ подъ Ричмондомъ.

Бесѣда наша была въ самомъ разгарѣ, когда вошла Нелли, а за ней Эдисонъ, съ большой суковатой палкой въ рукахъ. Увидавъ меня, онъ какъ будто немного смутился, но весело протянулъ мнѣ руку.

*) Гостинной.

— Halloh Cap *)! How do you do! (Капитанъ, какъ вы поживаете!) сказалъ онъ дружески пожавъ мнѣ руку.

Нелли также привѣтствовала меня, насмѣшливо улыбаясь и глядя на Эдисона.

Онъ казался необыкновенно веселымъ и развязнымъ. Меня удивила эта перемѣна, я старался отгадать причину внезапной метаморфозы, происшедшей съ молчаливымъ гостемъ послѣдняго „бала" у Гудбрайта. Завязалась бесѣда. Эдисонъ былъ остроуменъ, разговорчивъ не по обыкновенію. Хм, думалось мнѣ, не объяснился ли онъ въ любви? Не согласилась ли Нелли выйдти за *него?*

Но я въ этотъ день ничего не узналъ. Нелли внимательно слушала разговоръ отца съ Эдисономъ.

Послѣ ужина мы простились.

— До свиданія, миссъ Нелли, сказалъ, странно улыбаясь, Эдисонъ, помните, *что труденъ путь къ счастью и славѣ, но заманчивъ...*

— Идите съ Богомъ, домъ моего отца открытъ для того, кто идетъ по трудному пути къ этой заманчивой цѣли.

— О чемъ вы говорите? спросилъ старый Сайласъ.

— О, пустяки! Съ этими словами она кивнула мнѣ головой и ушла въ другую комнату.

Старикъ смотрѣлъ то на Эдисона, то на меня. Я былъ удивленъ. Эдисонъ казался спокойнымъ; онъ былъ блѣденъ какъ всегда, только глаза его отличались на этотъ разъ особеннымъ блескомъ.

— Что это съ Нелли? спросилъ тревожно фермеръ, подходя къ Эдисону.

— Ничего, мистеръ Гудбрайтъ! Дай Богъ чтобы всѣ дѣвушки Штатовъ были такія какъ ваша дочь. Спокойной ночи! Намъ по пути? обратился онъ ко мнѣ, надѣвая шляпу.

Простившись со старикомъ, я вышелъ съ Эдисономъ на широкій дворъ фермы, гдѣ подъ навѣсомъ стояли наши лошади. Сѣвъ въ сѣдло, мы молча выѣхали за ворота. Насъ въ темноту лаемъ провожали три огромныя собаки...

— Хорошій знакъ!

— Въ добрый часъ! отвѣтилъ Эдисонъ.

Скоро мы въѣхали въ лѣсъ. Намъ приходилось ѣхать вмѣстѣ около пяти минутъ, послѣ чего путь нашъ раздѣлялся: мой направо, а его налѣво.

— Вотъ ваша дорога, а тамъ моя, покойной ночи! Go ahead! (впередъ) крикнулъ онъ на коня, повернувъ круто на лѣво къ тропинкѣ, близь огромнаго дуба, разбитаго молніей на перекресткѣ двухъ дорогъ.

Такъ разстался я въ эту ночь съ Эдисономъ, котораго мнѣ не удалось съ тѣхъ поръ видѣть. Я вскорѣ послѣ этого уѣхалъ въ Россію. И среди другихъ воспоминаній о родинѣ передо мною часто мелькалъ образъ этого молчаливаго, сдержаннаго человѣка...

---

Впослѣдствіи я узналъ отъ стараго Тома Гудбрайта, что произошло между молодыми людьми. Я не пишу повѣсти, а только воспоминаніе и не знаю какимъ путемъ разговоръ зашелъ такъ далеко, что молодой человѣкъ высказалъ свою любовь къ своенравной красавицѣ. Это конечно вышло самымъ естественнымъ, въ подобныхъ случаяхъ, образомъ. Но гордая дѣвушка, тронутая глубокимъ чувствомъ, звучавшимъ въ его словахъ и предлагая ему свою дружбу, все таки не приняла его предложенія.

— Будьте моимъ братомъ, говорила она между прочимъ. Я странная дѣвушка. Знаете: какъ ни скромно мое имя, я не промѣняю его на имя человѣка, который ничѣмъ не выдѣлился, не прославился. Вы умны и сильны. Я это понимаю. Сдѣлайте себѣ имя, будьте славнымъ гражданиномъ страны и я васъ не забуду и буду вашею женой Томасъ Эдисонъ...

Тутъ юноша сказалъ молодой дѣвушкѣ такія слова:

— Участь моя рѣшена. Я буду биться. Или Томъ Эдисонъ пропадетъ во мракѣ неизвѣстности, или выйдетъ изъ тѣни на свѣтъ Божьяго солнца!

— Аминь! прибавила молодая дѣвушка.

V.

Прошло три года. Эдисонъ получилъ занятіе въ Нью-Іоркѣ. Передъ своимъ отъѣздомъ въ столицу, онъ заѣхалъ на ферму въ Стоктонъ-Гровѣ. Коротко, но трогательно было его прощаніе съ любимой дѣвушкой. Старикъ, прощаясь, благословилъ его какъ сына. Эдисонъ, утѣшенный словомъ, даннымъ ему Нелли, отправился на сѣверъ, крѣпко затаивъ въ душѣ уже вазрѣвавшіе планы. Въ столицѣ онъ рѣдко получалъ извѣстія о Нелли и ея отцѣ. Онъ ничего не забылъ, хотя немного у него было времени думать о той, которая ждала дня его славы... а день этотъ былъ близокъ. День этотъ наконецъ насталъ. Милліоны газетныхъ листовъ разнесли по всѣмъ концамъ Союза о новыхъ, небывалыхъ изобрѣтеніяхъ Томаса Альви Эдисона. Слава его росла. Томъ сдержалъ свое торжественное обѣщаніе, данное имъ въ глухомъ лѣсу Нелли Гудбрайтъ.

А она? За полгода до того, какъ Эдисонъ сдѣлался знаменитымъ гражданиномъ страны, Нелли Гудбрайтъ вышла замужъ за богатаго, но совершенно *неизвѣстнаго* Портлендца.

Что могла думать она, будучи уже женою другого, и читая восторженныя похвалы ему?

Мнѣ неизвѣстно какъ перенесъ Томъ вѣсть о замужествѣ дорогой ему женщины. Онъ былъ боленъ долго это время.

Глухота, которая къ несчастію была послѣдствіемъ этой болѣзни, много способствовала къ тому, что онъ сдѣлался еще сдержаннѣе и молчаливѣе и отсталъ отъ жизни шумнаго свѣта.

Уединеніе его лабораторіи въ Менло-Паркѣ замѣняетъ ему шумную жизнь.

Милліоны удивляются теперь изобрѣтеніямъ бывшаго разносчика газетъ и ночнаго телеграфиста станціи Сэко!..

Отправившись на филадельфійскую всемірную выставку, и проѣзжая черезъ Нью-Іоркъ я посѣтилъ Эдисона въ его лабораторіи въ Менло-Паркѣ. Наше свиданіе было довольно продолжительно. И конечно, даже при воспоминаніи о нашей прежней встрѣчѣ, такой сдержанный человѣкъ не высказалъ признаковъ душевной боли, которая быть можетъ нерѣдко тревожила эту дѣятельную, неутомимую и могучую натуру.

Сосредоточенное и всегда задумчивое лицо Эдисона было спокойно. Глаза его только какъ то устало смотрѣли. Не знаю что происходило въ душѣ его при видѣ человѣка, который своимъ появленіемъ напоминалъ ему о порѣ его юношеской любви...

**А. Гиллинъ.**

## Къ рисункамъ.

### Саввинъ Сторожевскій монастырь.

Саввинъ Сторожевскій монастырь находится въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы къ западу, и въ верстѣ съ половиною отъ Звенигорода, на лѣвомъ берегу и рѣки Москвы и рѣчки Разварни. Названіе „Сторожевскаго" современно основанію монастыря и усвоено ему отъ горы „Сторожъ" на которой онъ построенъ. Во времена литовскихъ набѣговъ, на этой горѣ стояла воинская стража, для наблюденія за движеніемъ непріятелей, проходившихъ къ Москвѣ по старой смоленской дорогѣ, за Можайскомъ уклонявшейся влѣво къ Звенигороду. Мѣстоположеніе монастыря весьма красиво. Съ горы открывается превосходный видъ на Москву рѣку, на Звенигородъ и на окрестныя села.

Саввинъ Сторожевскій монастырь основанъ ученикомъ Пр. Сергія Радонежскаго Саввою около 1398 или 1399 г. Еще въ бытность свою въ Сергіевомъ монастырѣ Савва сталъ извѣстенъ брату тогдашняго В. Кн. Василія Дмитріевича, Звенигородскому князю Юрію Дмитріевичу, который избралъ Савву своимъ духовникомъ, потомъ упросилъ его оставить Сергіеву обитель и устроить монастырь въ его княжихъ владѣніяхъ близь Звенигорода на мѣстѣ, называемомъ „Сторожи." Савва согласился исполнить просьбу князя и при его пособіи скоро построилъ малую деревянную церковь во имя Рождества Богородицы и недалеко отъ нея келлію для себя. Вскорѣ около Саввы собралось много людей, искавшихъ уединенія и онъ завелъ общежитіе. Въ 1399 г. Кн. Юрій Дмитріевичъ долженъ былъ, по повелѣнію брата своего великаго князя, идти на войну противъ Болгаръ. Напутствованный благословеніемъ Саввы, онъ выступилъ въ походъ и возвратившись побѣдителемъ, въ благодарность за ниспосланную побѣду, значительно украсилъ возникавшую обитель: глава церкви обита была мѣдными позлащенными листами, устроены братскія келліи и обитель обнесена деревянною оградою. Вскорѣ Юрій пожелалъ вмѣсто деревянной церкви выстроить каменную также во имя Рождества Богородицы и на постройку далъ Саввѣ много денегъ, селъ и имѣній. Такимъ образомъ еще при жизни Пр. Саввы воздвигнута каменная соборная церковь на томъ самомъ мѣстѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ она и въ настоящее время. Савва, пробывъ около 9-ти лѣтъ игуменомъ въ устроенной имъ обители, скончался въ 1407 г. Декабря 3-го дня. По смерти его въ XV в. монастырь приходилъ постепенно въ лучшее устройство, получая, болѣе и болѣе средствъ, упрочивающихъ его внѣшнее существованіе. Усердіе князей и бояръ къ монастырю стало особенно увеличиваться послѣ того, какъ началъ распространяться слухъ о чудотвореніяхъ Пр. Саввы. Въ XVI в. монастырь пріобрѣтаетъ еще большую извѣстность, на богомолье туда начинаютъ приходить самодержцы; въ 1549 г. посѣтилъ его Іоаннъ Грозвый съ супругою Анастасіею Романовною. Въ смутное время въ началѣ XVII в. монастырь много потерпѣлъ отъ насилія и хищничества людей, окружавшихъ самозванца. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича монастырь достигаетъ самаго блистательнаго состоянія. Этотъ государь неоднократно путешествовалъ въ монастырь и на случай своихъ пребываній въ немъ построилъ для себя

*) «Cap» это сокращеніе отъ слова капитанъ, которое часто употребляется въ разговорѣ съ другимъ лицомъ.

дворецъ, отъ котораго сдѣланъ былъ крытый переходъ къ рождественскому собору; этотъ переходъ велъ въ малую палату, въ которой были устроены мѣста для царской фамиліи, гдѣ государь обыкновенно стоялъ во время богослуженія. Онъ тогда долго живалъ въ монастырѣ со всѣмъ своимъ семействомъ; въ праздники и торжественные дни въ присутствіи ихъ стрѣляли изъ пушекъ, которыя разставлены были по стѣнамъ и на монастырскихъ башняхъ. Для этого около монастыря царь поселилъ стрѣльцовъ особою слободою, и они назывались пушкарями или стрѣльцами саввинскими. Въ часы досуга царь выѣзжалъ на охоту въ сосѣдніе лѣса, а царица съ царевнами занимались шитьемъ и украшеніемъ священныхъ одеждъ, которыя были приносимы отъ нихъ въ обитель. Въ ризницѣ и теперь показываютъ рукодѣлья царевенъ богатыя ризы и пелены, низанныя крупнымъ жемчугомъ. Въ продолженіе своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ не переставалъ щедро надѣлять монастырь богатыми вкладами, и пожертвованіями и его усердіе къ монастырю увеличилось особенно со времени открытія мощей Саввы т. е. съ 1652 г. Но при Петрѣ Алексѣевичѣ, монастырь постепенно сталъ приходить въ упадокъ. Въ настоящемъ столѣтіи монастырь видѣлъ въ своихъ стѣнахъ французовъ. Въ 1812 г. 31 августа 20,000 корпусъ Италійскаго Вице-Короля Евгенія Богарне пришелъ къ Звенигороду и до 15 октября свое шестинедѣльное пребываніе въ монастырѣ французы ознаменовали грабительствомъ и расхищеніемъ монастырскаго имущества. Дорогія, впрочемъ, по цѣнѣ и по древности вещи были вывезены изъ монастыря, но все не могло быть взято и сохранено и многое осталось добычею непріятеля. Въ послѣднее время монастырь нерѣдко посѣщали особы Императорской фамиліи. По волѣ Императора Николая Павловича выдано было изъ казны на устройство монастыря 100.000 р. с.

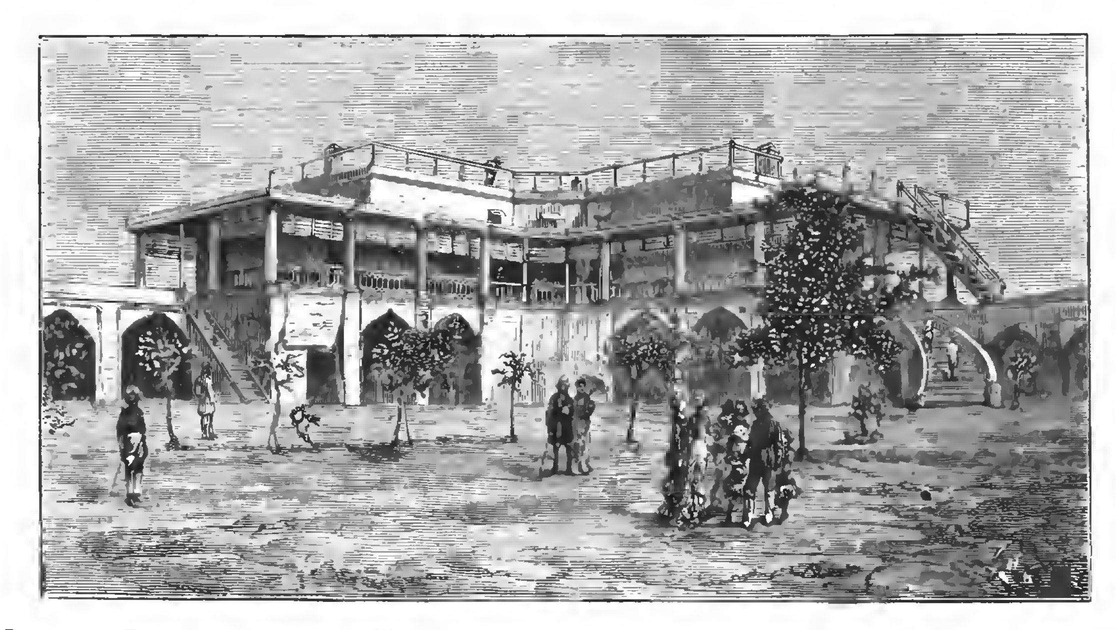
Между монастырскими зданіями первое мѣсто и по древности и по красотѣ занимаетъ соборъ Рождества Пр. Богородицы. Онъ объ одной главѣ, весь сложенъ изъ бѣлаго камня и по плану сходенъ съ соборомъ Троице-Сергіевой лавры. Внутренность церкви величественна. Сводъ ся поддерживается четырьмя столпами, изъ которыхъ два на виду въ церкви, а два позади иконостаса. Пятиярусный, рѣзной иконостасъ и царскія двери сдѣланы въ готическомъ вкусѣ. Въ этомъ соборѣ, въ серебряной ракѣ, пожертвованной царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, почиваютъ мощи пр. Саввы. Къ южной сторонѣ собора пристроенъ придѣлъ въ честь Пр. Саввы, а къ сѣверо-востоку находится теплая церковь во имя Троицы. Въ 1807 г. къ ней придѣлана трапеза съ придѣломъ въ честь Казанской иконы Богоматери. Къ сѣверу отъ собора стоитъ церковь Преображенія Господня, устроенная царевною Софьею Алексѣевною; при этой церкви прежде была трапеза, которая потомъ передѣлана для помѣщенія классовъ звенигородскихъ духовныхъ училищъ. Колокольня монастырская готической архитектуры, въ 3 яруса, съ 4-мя башнями, на одной изъ нихъ висятъ колокола, изъ коихъ большой вылитъ иждивеніемъ ц. Алексѣя Михайловича и вѣситъ 2125 п. 30 ф. Къ западу отъ собора стоитъ царскій дворецъ каменный, двухъ этажный; въ 1742 г. онъ сгорѣлъ, потомъ возобновленъ Императрицею Екатериною II и назначенъ ею для семинаріи, которая впрочемъ не долго тамъ существовала. Монастырь обнесенъ каменною оградою, имѣющей въ окружности 357 саж., вышина ея 4 саж. и толщина 4 арш. Противъ сѣверо-восточныхъ воротъ внѣ монастыря находятся гостинницы для пріѣзжающихъ богомольцевъ. При монастырѣ находятся ризница со множествомъ замѣчательныхъ древностей и библіотека.

## „Съ Петербургской къ Адмиралтейству."

Картина Н. Богданова.

Картина ученика академіи художествъ, Н. Богданова, находящаяся въ настоящее время въ коллекціи артиста французской труппы г. Итеманса, представляетъ намъ одну изъ обычныхъ сценъ уличной жизни Петербурга. Съ самаго ранняго утра, отъ центра къ окраинамъ и отъ окраинъ къ центрамъ, начинаютъ ползать переполненные публикой омнибусы всѣхъ родовъ и сортовъ—начиная отъ грандіозныхъ вагоновъ конно-желѣзныхъ дорогъ, и кончая легенькими одноконными клѣточками, со стѣнками изъ полосатаго тика, насквозь промокшими отъ косаго дождя—неизмѣннаго спутника ноябрскаго петербургскаго утра. Въ эти омнибусы вваливается все „среднее" населеніе нашей столицы: мелкіе чиновники, отставные военные съ микроскопической пенсіей, старушки—вдовы въ полосатыхъ салопчикахъ, студенты въ пледахъ и очень коротенькихъ лѣтнихъ пальтишкахъ, гимназисты съ ихъ ранцами за плечами. Весь этотъ людъ хорошо знаетъ, что омнибусы ползаютъ какъ черепахи, что плохо кормленныя лошади еле могутъ переступать съ ноги на ногу,—и потому забирается въ карету задолго до того срока, когда имъ надо ѣхать. Ѣдутъ съ частыми остановками, съ криками и свистомъ, страшно громыхая на ходу саженными колесами, и безбожно перетряхая несчастныхъ пассажировъ. Надо быть истымъ уроженцемъ Петербурга, что бы вынести злосчастный конецъ отъ Александровскаго сквера, который изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ, куда нибудь на Васильевскій островъ, или Петербургскую сторону.

Впрочемъ за послѣднее время сообщенія въ Петербургѣ значительно улучшились, и рисунокъ дилижанса на нашей картинѣ принадлежитъ къ числу вымирающихъ типовъ. Появляются новые омнибусы болѣе легкой конструкціи, съ ширмой закладкой. А громадное развитіе сѣти конно-желѣзныхъ дорогъ еще болѣе улучшило сообщеніе,—и нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени картина г. Богданова уже явится картиной, такъ сказать, *исторической*,—картиной прошлой жизни Петербурга.



**Домъ въ Пешаверѣ гдѣ жилъ Ширъ-Али-Ханъ въ 1869 г.** Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

## Осада Троицкой Сергіевской Лавры.

Никогда еще, за все время своей исторіи, Русское государство не находилось въ такомъ безнадежномъ положеніи, какъ въ первыхъ годахъ семнадцатаго вѣка. Страшныя смуты терзали его. Вслѣдъ за краткимъ, тяжелымъ царствованіемъ Бориса Годунова промелькнули надъ Москвою и дни торжества перваго Лжедмитрія. Онъ былъ убитъ. На престолъ царей русскихъ взошелъ хитрый, но слабый Шуйскій. Онъ не былъ избранъ народомъ, а только своей партіей. Царь партіи не могъ твердо держаться на престолѣ, и дѣйствительно, чуть ли не съ первыхъ дней его воцаренія, начались безпорядки въ государствѣ. Вслѣдъ за первымъ Лжедмитріемъ явился второй. Со всѣхъ сторонъ приходили тревожныя извѣстія: возмущалась Украйна, безпокойный людъ, желавшій ловить рыбу въ мутной водѣ, выставлялъ все новыхъ и новыхъ самозванцевъ. Польша

(Продолженіе на стр. (893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900).

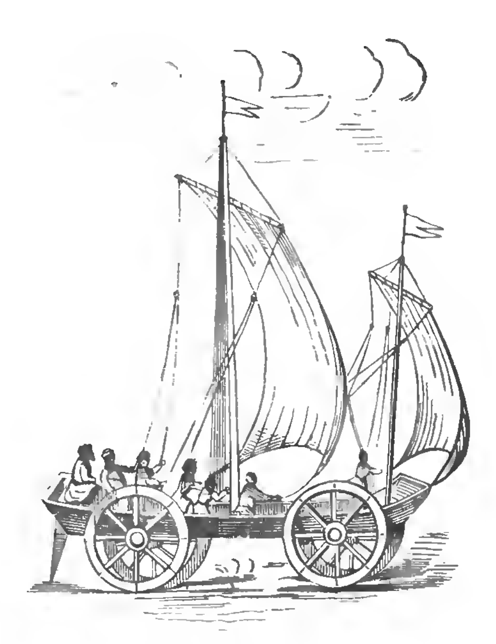
зорко высматривала свою добычу, въ которую обратиться должна была вся Россія. Царю Шуйскому предстояло бороться всюду, бороться за разъ съ нѣсколькими врагами. Лучшіе люди того времени, и первый изъ нихъ— молодой Скопинъ Шуйскій, оказывали чудеса геройства; но всего этого было мало, чтобы спасти родину.

Наконецъ въ русскомъ государствѣ оказалось два царя: Шуйскій въ Москвѣ, а второй подъ Москвою въ Тушинѣ. И этотъ второй царь, этотъ *Тушинскій воръ*, выдвинутый смутою и опиравшійся на нее, поддерживаемый поляками и всякимъ русскимъ сбродомъ, поддерживаемый, наконецъ, и многими русскими вельможами, измѣнившими Шуйскому, готовъ былъ восторжествовать подобно первому самозванцу, имя котораго онъ принялъ. Шуйскій обратился за помощью къ Швеціи; она обѣщала эту помощь.

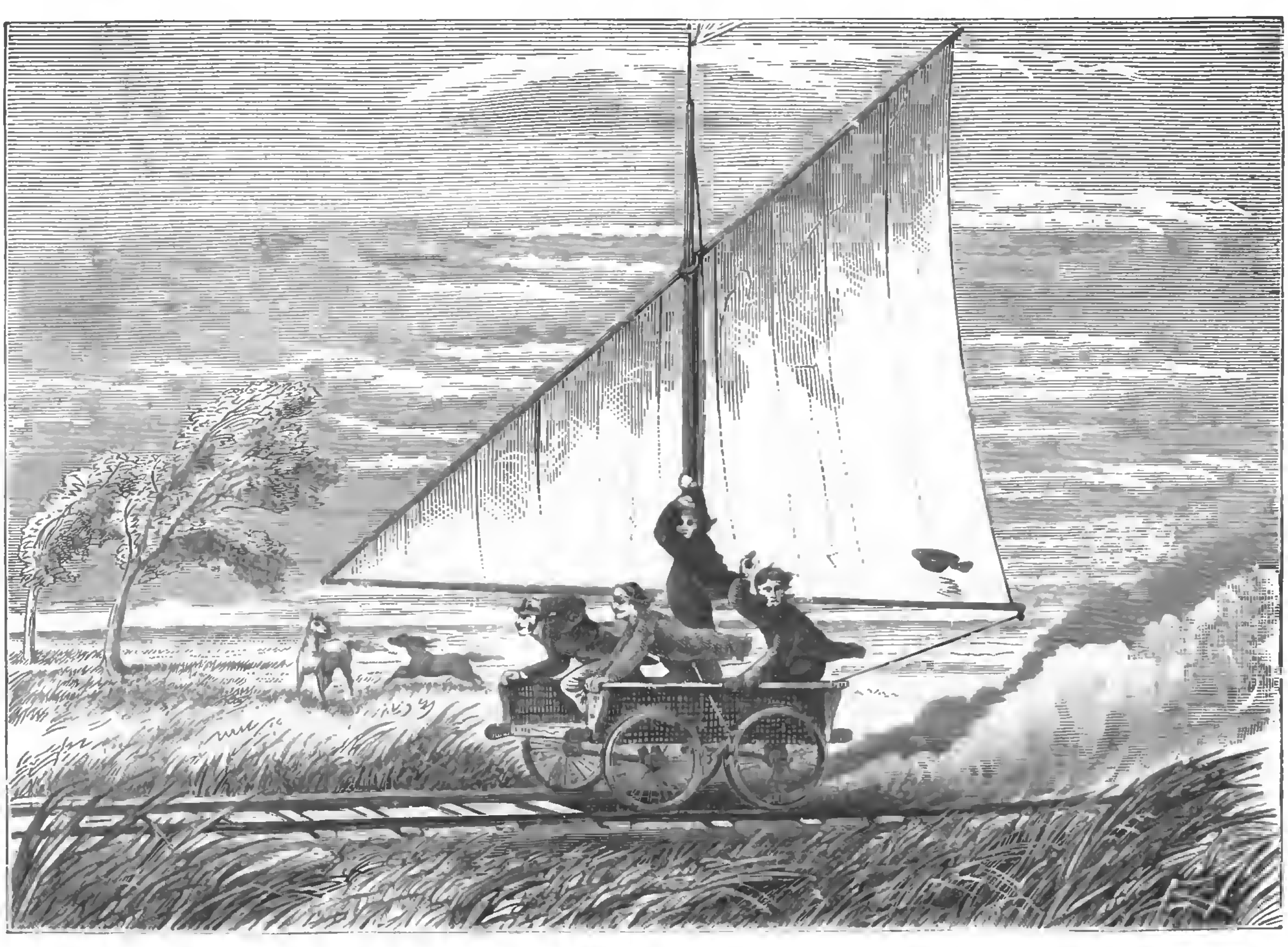
Но въ это же самое время тушинскіе поляки не дремали: Сапѣга со своимъ войскомъ пошелъ къ Троицкому монастырю, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями. Князь Иванъ Шуйскій (братъ царя) поспѣшилъ загородить полякамъ дорогу. Произошла битва: московское войско было на голову разбито, а затѣмъ большинство солдатъ разбѣжалось, не желая умирать ни за царя московскаго, ни за царя тушинскаго. Поразивъ Шуйскаго, Сапѣга, вмѣстѣ съ Лисовскимъ, приступилъ къ Троицкой Сергіевской лаврѣ 23 сентября 1608 года; войска у нихъ было до 30,000. Силы защитниковъ обители святаго Сергія съ точностью опредѣлить невозможно. По сохранившейся современной записи сидѣвшихъ въ осадѣ оказывается, что дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ было тамъ 609 человѣкъ; къ этому числу нужно присоединить еще человѣкъ 700, надъ которыми начальствовали головы изъ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, да нѣсколько десятковъ монаховъ, способныхъ нести воинскіе труды. Однимъ словомъ, всего наберется до 1500 человѣкъ. Затѣмъ въ монастырѣ были слуги и крестьяне, женщины и дѣти, толпы окольныхъ жителей съ семействами, прибѣжавшія искать спасенія въ святой обители. Начальниками монастырскаго гарнизона были: окольничій князь Григорій Роща-Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Архимандритомъ монастыря былъ въ то время Іосафъ, келаремъ Авраамій Палицынъ, находившійся въ Москвѣ; но, не смотря на это, имѣвшій большое вліяніе на ходъ защиты Лавры.

Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе: всѣ приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены. Монахи ревностно помогали ратнымъ людямъ: въ то время какъ одни отправляли богослуженіе, другіе работали въ хлѣбнѣ и поварнѣ надъ приготовленіемъ пищи для воиновъ, иные же день и ночь находились на стѣнѣ вмѣстѣ съ людьми ратными, выходили на вылазку, принимали даже начальство надъ отрядами, дрались и умирали какъ герои; однимъ словомъ высказывали себя достойными преемниками незабвенныхъ въ русской исторіи иноковъ той же обители Пересвѣта и Ослябя.

Осада тянулась долгіе мѣсяцы. Сапѣга съ Лисовскимъ теряли всякое терпѣніе; они то и дѣло посылали въ монастырь грамоты, укоряли въ нихъ воеводъ, ратныхъ людей и монаховъ, запугивали ихъ, убѣждали, обѣщали имъ богатыя награды, въ случаѣ покорности царю Дмитрію. Но ни обѣщанія, ни угрозы, ни укоризны не производили никакого дѣйствія на защитниковъ Лавры. Монахи и ратные люди видѣли предъ стѣнами своими не того, который называлъ себя сыномъ царя Іоанна Васильевича. Они видѣли только толпы иновѣрцевъ: поляковъ и литвиновъ, пришедшихъ къ стѣнамъ святого Сер-



**Голландская парусная повозка XVII вѣка.**



**Парусная дрезина Американской желѣзной дороги** Съ наброска К. Д. грав. М. Рашевскій.

гія разграбить церковь и надругаться надъ гробомъ великаго чудотворца. Монахи и ратные люди защищали не одинъ престолъ царя Шуйскаго, а главнымъ образомъ гробъ святаго Сергія и потому съ ихъ стороны не могло быть измѣны, была только одна вѣрность. На грамоты Сапѣги и Лисовскаго они отвѣчали слѣдующимъ образомъ: „Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православныхъ христіанъ. Какая польза человѣку возлюбить тьму больше свѣта, и преложить ложь на истину: какъ же намъ оставить вѣчную святую истинную свою православную христіанскую вѣру Греческаго закона, и покориться новымъ еретическимъ законамъ, которые прокляты четырьмя вселенскими патріархами? Или какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего православнаго государя царя и покориться ложному врагу, и вамъ Латынѣ иновѣрной, уподобиться жидамъ, или быть еще хуже ихъ“?

Конечно между защитниками Лавры не все были герои. Человѣческія слабости должны были сказаться и онѣ сказались и здѣсь. Въ началѣ осады, когда было еще тепло, народъ могъ жить на открытомъ воздухѣ. Но вотъ начались морозы, всѣ столпились по кельямъ, тѣснота была страшная; появилась повальная болѣзнь, не доставало топлива, не доставало подчасъ и съѣстныхъ припасовъ. Отчаянье, ужасъ, мученья физическія и нравственныя обрушились на защитниковъ Лавры и иные не выдержали, перебѣгали къ непріятелю. Но во всякомъ случаѣ такихъ перебѣжчиковъ было не много. Отъ измѣны этихъ людей зла большаго произойти не могло; но гораздо больше зла произошло отъ несогласій и вражды между нѣкоторыми монахами и, наконецъ, воеводами, обвинявшими другъ друга въ измѣнѣ. Изъ лавры въ Москву стали посылаться всякія жалобы.

Однако измѣны не оказалось. Проходили мѣсяцы; войско Сапѣги не отступало, а твердыня святаго Сергія продолжала стоять непоколебимо. Воеводы могли ссориться другъ съ другомъ и доносить другъ на друга, темные мелочные люди могли забывать общее святое дѣло и думать въ эти великія, страшныя минуты о своихъ частныхъ дрязгахъ—но главныя силы осажденныхъ, состоявшія изъ самоотверженныхъ русскихъ людей, неуклонно продолжали свое дѣло. Бѣдствія, испытываемыя ими, только возбуждали ихъ энергію. Эти русскіе люди поклялись предъ гробомъ чудотворца положить свою душу въ святое дѣло, пролить кровь свою до послѣдней капли—и исполнили эту клятву. Они показали изумительныя чудеса геройства, невиданную крѣпость духа—и отстояли лавру. Сапѣга долженъ былъ убѣдиться въ безплодности своихъ усилій и вотъ, наконецъ, онъ съ войскомъ отошелъ отъ стѣнъ Сергіевской обители. Многіе большіе, хорошо защищенные города московскаго государства одинъ за другимъ сдавались и переходили во власть Тушинцевъ—Троицкій монастырь не сдался. Тридцати тысячное войско ничего не могло сдѣлать съ нѣсколькими сотнями людей, изъ которыхъ многіе до этого времени не брали оружія въ руки. Сила физическая должна была уступить другой силѣ—нравственной.

Эта изумительная осада Троицкой лавры—только одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ крѣпости русскаго народа, записанныхъ нашей исторіей. И въ настоящее время, вспоминая наше славное прошлое, мы имѣемъ полное основаніе говорить себѣ, что оно смѣнилось славнымъ настоящимъ, которое въ свою очередь уступитъ мѣсто славному будущему. Русскій народъ остается неизмѣннымъ; не мельчаютъ, не расшатываются его великія силы. И каждый разъ, когда наступаетъ грозная минута, онъ показываетъ, чего можно ожидать отъ него, какая непобѣдимая мощь заключается въ его духѣ...

## Ночь.

(Модель Густава Дорэ).

Оригинальный и блестящій талантъ Дорэ давно уже получилъ всеобщее и громкое признаніе. Смѣлость и если можно выразиться „дерзость“ его, всегда нѣсколько сумрачныхъ, фантазій удивляетъ, невольно останавливаетъ вниманіе надолго. „Это разсказчикъ, говоритъ одинъ французскій критикъ, разсказчикъ, который поражаетъ воображеніе слушателей въ ночи мрачными, необычайными сказками. Въ нихъ нѣтъ весны съ ея блескомъ и радостью жизни, но царитъ туманная ночь, величавая, съ ея тайнами и страхами, кровавая заря, грозная буря“...

Вѣрность, мѣткость, съ которою онъ схватываетъ смыслъ фантастической темы, живость воображенія, мастерство въ расположеніи свѣта и тѣней, заставляютъ почти забывать отсутствіе красокъ. „Моисей предъ Фараономъ“, въ „Римскомъ циркѣ“—его произведенія, находящіяся теперь на Парижской выставкѣ, постоянно привлекаютъ толпу зрителей.

Его „Ночь“—великолѣпная модель, рисунокъ которой мы прилагаемъ въ этомъ № „Нивы“, отличается обычными его достоинствами, блескомъ и изяществомъ. Темная, синяя ночь, вся въ звѣздахъ, полная торжественнаго покоя, нисходитъ на землю, навѣвая пестрыя грезы и сны, посылая успокоеніе измученнымъ жизнью сердцамъ...

Въ скульптурныхъ произведеніяхъ Дорэ—какъ и въ его рисункахъ—таже эффектная, сумрачная, своеобразная манера.

## Городъ Пешаверъ.

Широко раскинувшаяся „британо-индійская имперія“ включила, около 30-ти лѣтъ тому назадъ, въ свои предѣлы Пешаверскую долину, лежащую между Хайберскимъ горнымъ проходомъ (ведущимъ непосредственно въ Афганистанъ) и рѣкою Индомъ. Мѣстность эта составляла, до 1849 года, часть Афганскаго государства, но, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, была завоевана Рунжитъ-Сингомъ, владѣнія котораго вскорѣ достались, конечно, все-забирающей Британіи. Нынѣ, весь округъ, считая въ предѣлахъ его часть Когата и участокъ Дерэ-Измаилъ-Ханъ, занимаетъ пространство въ 2,400 квадратныхъ миль съ 540 тыс. жителей. Собственно, Пешаверская долина извѣстна своимъ нездоровымъ климатомъ, въ лѣтнее время, когда стоятъ невыносимые жары (съ 1849 года 7 разъ повторялась холера и британскіе солдаты прозвали край „долиной смерти“). Лучшее время года—зима, напоминающая климатъ южной Франціи. Періодовъ постоянныхъ дождей не существуетъ, но въ январѣ и февралѣ бываетъ много дождливыхъ дней.

Свѣтлой лентой тянется р. Кабулъ по долинѣ, изобильно орошая ея зеленѣющія поля и нивы, богатыя ячменемъ, рисомъ, пшеницей, маисомъ (главные продукты края), пересѣкаемыя то горными отрогами, то садами и рощами, доставляющими самое разнообразное богатство фруктовъ—сливъ, гранатъ, фигъ, персиковъ и друг. Главный городъ округа, Пешаверъ—важный стратегическій, для Британіи, пунктъ у самыхъ, такъ сказать, воротъ въ Среднюю Азію; насколько британцы сознаютъ такое его значеніе, указываетъ самая численность гарнизона: въ городѣ расположено около двухъ дивизій: два туземныхъ кавалерійскихъ полка, два британскихъ и три туземныхъ пѣхотныхъ полка и три баттареи. Здѣсь необходимо замѣтить, что весь округъ вообще снабженъ, въ достаточномъ количествѣ, военной силой: такъ, въ одномъ небольшомъ укрѣпленіи, внутри провинціи, наз. Ноушеръ, находится одинъ кавалерійскій туземный, одинъ британскій и одинъ туземный пѣхотный полки, затѣмъ, въ фортѣ Мёрданъ—отрядъ гидовъ (изъ кавалеріи и пѣхоты), наконецъ, вдоль пограничной линіи расположено нѣсколько фортовъ, охраняющихъ горные проходы: Когатскій (ф. Мэксонъ), Татарскій (ф. Мични), Карронскій, ведущій въ Лальпуръ (Шенкеддеръ).

Пешаверъ,—не только важный военный пунктъ—онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма значительный торговый центръ и въ зимнее время представляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ среднеазіатскихъ рынковъ, куда стекаются изъ Кабула, Гозни, Хитраля, Бухары, Когистана, Пагвара и множества другихъ мѣстностей; сюда доставляются лошади, кожи, шерсть, сукно и т. п. Но тѣмъ еще не исчерпывается все значеніе Пешавера. Издавна уже этотъ городъ славился во всей Средней Азіи какъ разсадникъ духовной учености; жившіе и дѣйствовавшіе въ стѣнахъ его мусульманскіе богословы (Ахундъ-Дарвеза, Пиръ-Баба, Коха-Саибъ и друг.) придали своего рода блескъ его имени. Вслѣдствіе того, въ настоящее время, Пешаверъ служитъ также торговымъ складомъ мусульманскихъ духовныхъ книгъ—получая ихъ изъ Дэли, Лукнова, Коунпора и Бомбея, онъ ежегодно отправляетъ цѣлые караваны этого священнаго товара въ Туркестанъ, Бадахшанъ и т. д. Онъ же былъ встарину и центромъ интеллектуальной жизни Афганистана — великій афганскій національный поэтъ, Абдуръ-Рахманъ, жилъ въ этомъ городѣ и похороненъ въ его окрестностяхъ.

Пешаверъ—цвѣтущій городъ, раскинувшійся на пространствѣ, окружность котораго равняется 5-ти милямъ. Его 60-ти тысячное населеніе состоитъ изъ афганцевъ, сейковъ и индусовъ; двѣ трети общаго числа жителей магометане. Обнесенный землянымъ валомъ, съ восемью воротами (главные—такъ называемые Кабульскіе, выходящіе къ Хайберскому горному проходу)—городъ имѣетъ внѣшность, общую всѣмъ восточнымъ поселеніямъ. Надъ однообразнымъ уровнемъ бѣлыхъ плоскихъ домовъ, закутанныхъ, тамъ и сямъ, въ темнозеленую, густую листву садовъ, возвышается нѣсколько зданій, изъ которыхъ болѣе замѣтна мечеть съ двумя высокими минаретами. Главною улицею считается та, которая ведетъ отъ казармъ въ туземную часть. Приложенный рисунокъ даетъ ясное представленіе о полной движенія жизни, которою кипитъ далекій Пешаверъ.

До сихъ поръ этотъ городъ былъ крайнимъ, выдвинутымъ впередъ, наблюдательнымъ пунктомъ Британскаго владычества на сѣверо-западъ отъ Индіи. Наступающія событія, вѣроятно, скоро покажутъ, останется ли онъ и теперь передовымъ постомъ британцевъ въ этомъ направленіи, или новый захватъ подвинетъ ихъ еще далѣе и—ближе къ намъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ ожидать, насколько теперешній ихъ походъ на Афганистанъ будетъ удачнѣе того, который они предпринимали въ 1839 году.

Страшное воспоминаніе!

Приведемъ здѣсь вкратцѣ то, что произошло. Тогда, какъ и теперь, Британія зорко слѣдила за Афганистаномъ, опасаясь малѣйшаго признака какого бы то ни было сближенія между

этимъ среднеазіатскимъ государствомъ и Россіей; тогда какъ и теперь, она ждала ничтожнѣйшаго повода, который бы доставилъ ей возможность утвердить тамъ свое вліяніе и власть. Какъ и теперь, представился тогда „поводъ“. Мы готовились къ первой Хивинской экспедиціи, а на афганскомъ престолѣ сидѣлъ умный и ловкій Достъ-Могаммедъ, искавшій союза съ Персіей и Россіей. Желая придать хотя отчасти легальный видъ своему нападенію, британцы двинулись въ Афганистанъ „съ цѣлью возстановленія“ тамъ оспаривавшаго у Достъ-Могаммеда власть представителя прежней, Суддозайской династіи, претендента Шаха-Шуджи. Въ концѣ іюля, армія, превышавшая численностью пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, направилась двумя колоннами: главная (силою болѣе 40 тысячъ человѣкъ), подъ начальствомъ генерала, сэра Джона Кина,—чрезъ Боланскій горный проходъ, на Газни и Кабулъ, а другая (болѣе 10 тысячъ человѣкъ), подъ командой сэра Уэдда, чрезъ Хайберскій дефилей, на Джеллалабадъ—на Кабулъ же. Энергическій и даровитый Кинъ повелъ дѣло успѣшно и быстро. Гозни, послѣ трехчасоваго штурма, былъ взятъ (при этомъ попался въ плѣнъ комендантъ крѣпости, одинъ изъ сыновей Достъ-Могаммеда, Хайдеръ-Ханъ). Послѣдствія были рѣшительны: Достъ-Могаммедъ бѣжалъ, едва съ 600 всадниковъ, за Аму-Дарью. Въ тотъ же день, когда Шахъ-Шуджа торжественно вступилъ въ Кабулъ—казалось, что афганская война окончена. Но это только казалось. Можно сказать, что съ того момента и начался поворотъ не въ пользу британцевъ. Не вникнувъ, насколько слѣдовало, въ общее настроеніе народа, въ страну котораго они вошли и вооруженныя массы котораго окружали ихъ со всѣхъ сторонъ, убѣжденные, что они побѣдили уже всѣ трудности—британцы оставили незначительные гарнизоны въ крѣпостяхъ и, въ 1840 г., отправили часть войскъ обратно въ Индію. Кинъ уѣхалъ въ отпускъ, а его мѣсто занялъ неспособный генералъ Эльфинстонъ. Между тѣмъ, во всемъ Афганистанѣ начали обнаруживаться признаки общаго неудовольствія Шахомъ-Шуджей, съумѣвшимъ, въ непродолжительное время, возстановить страну противъ себя. Неудовольствіе это дѣятельно разжигали и поддерживали Достъ-Могаммедъ и сынъ его Акберъ-Ханъ, при посредствѣ своихъ эмиссаровъ. Первый попался въ руки британцевъ и былъ отправленъ на житье въ Индію, но Акберъ-Ханъ пробрался въ горные округа. Здѣсь и началось возстаніе, подобно пламени разлившееся по странѣ и быстро достигшее Кабула. 2-го ноября въ этой столицѣ произошелъ общій взрывъ, во время котораго въ числѣ первыхъ жертвъ былъ одинъ изъ британскихъ резидентовъ, Борнсъ. Къ этому же времени подошелъ съ арміей Акберъ-Ханъ. Британскій отрядъ численностью около 5-ти тысячъ человѣкъ (но съ 20 тысячами человѣкъ женщинъ, дѣтей и обозной прислуги), не имѣлъ духу отважиться на рѣшительныя дѣйствія, а прождавъ до января 1842 года, началъ свое отступленіе изъ Кабула, безъ всякаго продовольствія и топлива, по горамъ, покрытымъ глубокими снѣгами. По пятамъ, за деморализованными, полузамерзшими, голодными остатками британской арміи шли афганцы, къ которымъ присоединились полудикія, свободныя горныя племена—и все это набрасывалось на несчастныхъ, обезумѣвшихъ отъ лишеній солдатъ, безжалостно убивая ихъ цѣлыми массами. Каждый день уносилъ сотни, тысячи жертвъ. Акберъ-Ханъ, неотступно преслѣдовавшій отступавшихъ, какъ бы далъ себѣ слово уничтожить окончательно то, что называлось когда-то британской арміей—и сдержалъ свое слово. Одинъ день онъ потребовалъ заложниковъ—они были ему выданы (маіоръ Поттинджеръ и капитаны Лайонсъ и Маккензи) и убиты, затѣмъ ему были выданы всѣ женщины, находившіяся при отрядѣ и—онѣ подверглись той же участи... Наконецъ, въ половинѣ января—къ британской границѣ подошла кучка въ 20 человѣкъ (въ числѣ которыхъ находился только одинъ британецъ)—это было все, что осталось отъ 50-тысячной арміи Кина и Уэдда!..

## Домъ, гдѣ жилъ Ширъ-Али.

Въ 1869 г., какъ извѣстно, эмиръ Ширъ-Али пріѣзжалъ, по приглашенію тогдашняго вице-короля индійскаго, лорда Майо, въ Пешаверъ. Эмиръ выразилъ тогда непремѣнное желаніе остановиться въ домѣ, принадлежащемъ христіанскому миссіонерскому обществу. Зданіе это (изображенное на прилагаемомъ рисункѣ) расположено въ древнѣйшей части туземнаго квартала, извѣстной подъ названіемъ Гуркхуттри, въ которой, между прочимъ, кромѣ упомянутаго христіанскаго учрежденія, находится и мусульманская мечеть, а также индійскій храмъ. Въ Гуркхуттри проживалъ итальянскій генералъ Авитабло, состоявшій на службѣ у сейкскихъ владѣтелей и управлявшій отъ имени ихъ, Пешаверомъ, принадлежавшимъ имъ до 1849 г. Его время оставило тяжелое воспоминаніе среди населенія, которое онъ держалъ подъ желѣзнымъ ярмомъ, украшая стѣны Гуркхуттри головами афганскихъ разбойниковъ. До сихъ поръ дѣтей пугаютъ еще именемъ „Авитабло-саибъ“. Генералъ составилъ себѣ здѣсь огромное состояніе, которое ему удалось вывезти только съ большимъ трудомъ. Говорятъ, онъ вскорѣ по пріѣздѣ былъ отравленъ однимъ своимъ родственникомъ, въ Италіи.

## Парусныя повозки и дрезины.

„Сила вѣтра, дѣйствующая на паруса можетъ быть хорошо примѣняема для движенія повозокъ, ею также хорошо можно управлять на землѣ, какъ кораблемъ на морѣ.“

Такъ писалъ епископъ Виклинсъ, во второй книгѣ своей „математической магіи“ вышедшей въ Лондонѣ въ 1648 году. „Такія повозки,“ продолжаетъ онъ, „съ незапамятныхъ временъ были въ большомъ употребленіи на равнинахъ Китая и Испаніи; самаго большаго развитія употребленіе ихъ достигло въ Голландіи, гдѣ скоростью бѣга онѣ превосходятъ самый ходкій корабль. Въ нѣсколько часовъ съ 6 или 10 пассажирами онѣ пробѣгаютъ отъ 140 до 210 верстъ и кормчій легко направляетъ бѣгъ повозки.“ Голландскія повозки, такой конструкціи, какъ представлено на нашемъ рисункѣ, достигали скорости 28 верстъ въ часъ; скорость невозможная ни для какихъ другихъ родовъ сообщенія. До открытія желѣзныхъ дорогъ парусная повозка почти вытѣснила мѣстами другіе способы сообщенія. Странно, что не было никакихъ попытокъ ихъ усовершенствовать. Парусная лодка, ѣдущая по льду на полозьяхъ конечно имѣетъ своимъ первообразомъ парусную повозку. Въ свое время желѣзная дорога привела къ уничтоженію парусныхъ повозокъ,—теперь таже желѣзная дорога содѣйствовала и ихъ возрожденію. Съ нѣкоторыхъ поръ на большихъ рельсовыхъ путяхъ восточныхъ американскихъ прерій, парусныя дрезины въ большомъ употребленіи. Въ скорости они могутъ смѣло поспорить съ локомотивами. Представленная на нашемъ рисункѣ парусная дрезина достигаетъ средней скорости 42 верстъ а при болѣе сильномъ вѣтрѣ, въ особенности боковомъ, до 56 верстъ въ часъ.

Такая дрезина на Канзасской желѣзной дорогѣ употребляется для перевозки людей и матеріаловъ въ случаѣ починокъ колодцевъ, телеграфовъ и т. п. Она на четырехъ колесахъ; въ поперечникѣ имѣетъ $1^1/_4$ аршина и вѣситъ 15 пудовъ. Парусъ имѣетъ двѣ стеньги длиною 5 арш. съ площадью въ 14 квадр. аршинъ. Правила, наблюдаемыя при управленіи парусными санями годны и для парусной дрезины. При 56 верстахъ скорости повозка ѣдетъ быстрѣе вѣтра, которымъ движется. Это качество также присуще и паруснымъ санямъ. Эти послѣднія скорѣе всего идутъ по вѣтру, а парусная повозка бѣжитъ всего скорѣе при боковомъ вѣтрѣ, что нужно отнести къ тренію осей и къ тому, что большая площадь повозки встрѣчаетъ и большее сопротивленіе, и не допускаетъ дрезину идти съ скоростью саней. Парусныя дрезины конечно были бы полезны и на большихъ нашихъ желѣзныхъ путяхъ, идущихъ по обширнымъ равнинамъ, вмѣсто трудно двигаемыхъ обыкновенныхъ дрезинъ.

# Политическія и внутреннія извѣстія.

Военныя дѣйствія въ Афганистанѣ.—Значеніе Афганской компаніи для насъ.—На Балканскомъ полуостровѣ.—Болгарскій престолъ.—Мѣры въ Испаніи противъ соціалистовъ.

Итакъ—британо-афганская война началась. Британскія войска вступили въ предѣлы Афганистана двумя колоннами: одна пошла изъ Кветты, другая изъ Пешавера. Первая будетъ дѣйствовать противъ важнѣйшихъ пунктовъ въ странѣ Кандагара, Газны, Келата. Пешаверская армія, которою командуетъ генералъ Броунъ, гораздо значительнѣе первой—численность ея равняется, безъ малаго, 20 тысячамъ человѣкъ (британскихъ солдатъ—около $7^1/_2$ тысячъ), но она снабжена преимущественно только горными орудіями. Южная колонна прошла у Боланскаго горнаго прохода безпрепятственно. Пешаверская, направившаяся Хайберскимъ проходомъ, уже имѣла потери. Движеніе этой колонны началось 9-го (21-го) ноября, на разсвѣтѣ. „Генералъ Броунъ стоялъ въ узкой равнинѣ, по ту сторону Джамруда, разсказываетъ корреспондентъ газеты „Daily News“. Мимо него проходили части. Сперва прошелъ авангардъ, подъ командой генерала Аппльярда, а за нимъ—14-й полкъ сейковъ и 81-й Королевскій полкъ, двѣ роты туземныхъ саперъ, горная баттарея и конная артиллерія генерала Макферсона. Когда эти части прослѣдовали, штабъ помѣстился передъ фронтомъ. Вдали, на концѣ Шагайскаго моста, внѣ выстрѣловъ, виднѣлся непріятельскій кавалерійскій пикетъ. Авангардъ быстро пошелъ на югъ и, взобравшись на возвышенность, открылъ огонь по пикету. Послѣдній вскорѣ удалился послѣ неудачнаго отпора. Войска, отстрѣливаясь по непріятелю, показывавшемуся по временамъ, достигли Шагайскаго моста, откуда былъ ясно виденъ весь Алисмеджидъ. На разстояніи 2,500 шаговъ фронтъ былъ расчищенъ огнемъ застрѣльщиковъ британскаго отряда и, затѣмъ, сейки прошли направо къ Алисмеджиду, въ то время какъ другой отрядъ, оперировавшій слѣва, занялъ, безъ сопротивленія, селеніе Лалла-Чино и крѣпость на холмѣ, по ту сторону его. Въ полдень изъ Алисмеджида была пущена первая бомба. Афганскія пушки отвѣчали намъ вообще хотя и медленно, но стойко и хорошо, въ особенности отличались 7-ми фунтовыя, съ центральнаго бастіона. Въ 2 часа два 40-ка фунтовыя ядра попали въ этотъ бастіонъ и, разру-

шивъ значительную часть его, повидимому, сбили пушки, которыя отстрѣливались такъ упорно. И вотъ наша пѣхота, прикрываемая артиллерійскимъ огнемъ, придвинулась впередъ, а застрѣльщики начали взбираться по крутымъ скатамъ. Ночью маіоръ Каваньяри получилъ извѣстіе, что гарнизонъ Алимеджида, узнавъ о появленіи британскаго отряда (Тайлера) въ тылу, сталъ очищать крѣпость. „Рано утромъ, продолжаетъ корреспондентъ, мы увидѣли на укрѣпленіяхъ нѣсколько человѣкъ съ какими-то флагами. Наступила пауза. Вдругъ видимъ—отъ форта скачетъ къ намъ всадникъ. Онъ подъѣхалъ ближе и мы узнали въ немъ уланскаго офицера, который былъ посланъ на рекогносцировку къ крѣпости: онъ нашелъ ее занятою уже нѣсколькими сипаями и двумя офицерами и спѣшилъ съ этимъ извѣстіемъ въ главную квартиру. Мы немедленно перебрались черезъ рѣку и очутились въ фортѣ Алимеджидъ“. Здѣсь британцамъ досталось небольшое число плѣнныхъ и 21 пушка. Дальнѣйшія телеграфныя извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій передаютъ, между прочимъ, что британскія войска достигли форта Дакки, потерявъ до сихъ поръ въ Хайберскомъ проходѣ около 300 человѣкъ; 12-го (24-го) ноября афганцы очистили уже и этотъ фортъ, оставили и Джеллалабадъ, гарнизонъ котораго, по англійскимъ извѣстіямъ, будто бы „бѣжитъ“ къ Кабулу. Кветтская же дивизія Бидделфа заняла 14-го (26-го) ноября Пишинъ. Согласно послѣднимъ извѣстіямъ, британскія войска уже въ Курумской долинѣ. Однако какъ ни быстры эти успѣхи британскаго оружія—надо имѣть въ виду историческій примѣръ 1839 года (см. статью о Пешаверѣ, въ настоящемъ № нашего журнала), когда начало кампаніи было не менѣе удачно. Кромѣ того не надо забывать, что результаты такихъ военныхъ успѣховъ въ средне-азіатскихъ государствахъ нельзя сравнивать ни въ какомъ случаѣ съ результатами какіе бы они имѣли въ европейскихъ городахъ и крѣпостяхъ. Конечно англичане имѣли опытъ войны 1839 года и конечно приняли предосторожности, но не надо забывать, что и войска эмира все таки не тѣ, какіе были въ Афганѣ въ то время, какъ по вооруженію такъ и по качеству состава. Очень важное обстоятельство что пока мы имѣемъ обо всемъ этомъ и еще долго будемъ имѣть *одни англійскія* сообщенія и телеграммы, т. е. выслушиваемъ одну сторону.

Излишне было бы говорить о томъ громадномъ значеніи, которое эта война имѣетъ для насъ и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. До сихъ поръ, Британія, взиравшая съ явнымъ неудовольствіемъ и недовѣріемъ на наши успѣхи въ Средней Азіи, ограничивалась протестами и запросами; но теперь она уже перемѣнила „тактику“ и перешла къ наступательной политикѣ. Въ поднятомъ ею „Авганскомъ вопросѣ“ мы видимъ дѣятельную и послѣдовательную работу, имѣющую цѣлью созданіе гигантской стѣны, которая, начинаясь на Балканскомъ полуостровѣ, проходя по малой Азіи и далѣе, до нашей Среднеазіатской границы,—поставила бы непреодолимую преграду развитію интересовъ, наиболѣе существенныхъ для Россіи.—Въ послѣднихъ депешахъ заключается небольшое извѣстіе, заслуживающее, однако, полнаго вниманія. „Газета Daily News, сказано въ этой депешѣ (изъ Лондона), слышала, что генералу Уэдду предписано отправиться въ Лагоръ, для совѣщанія съ лордомъ Литтономъ насчетъ положенія Россіи и Китая по отношенію къ Кашгару.“ Кашгаръ, какъ извѣстно, страна, сопредѣльная съ Авганистаномъ...

На Балканскомъ полуостровѣ—все по старому. Порта всѣми мѣрами старается уклониться отъ окончательнаго соглашенія съ нами по тѣмъ статьямъ С.Стефанскаго договора, которыя оставлены въ силѣ Берлинскимъ трактатомъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ нашемъ искреннемъ желаніи съ точностью выполнить Берлинскій трактатъ, но—онъ долженъ быть свято соблюденъ и всѣми другими участниками его. Мы принесли слишкомъ большія жертвы, чтобы отказаться отъ осуществленія цѣли, до которой достигли дорогою цѣною.

Послѣдиія слухи имѣютъ еще болѣе тревожный характеръ. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до русскихъ властей, Порта тайно раздаетъ оружіе мусульманамъ въ мѣстахъ по линіи раздѣленія между русскими и турецкими войсками и дѣятельно работаетъ надъ укрѣпленіями отъ Чаталджи до Чернаго моря. Агенты Лейярда подъ рукой вербуютъ солдатъ въ англійскую армію изъ черкесовъ и разнаго сброда, оставшагося безъ дѣла. Они раздаютъ задатки въ счетъ жалованья и обратилися будто бы даже съ открытымъ воззваніемъ ко всѣмъ инсургентамъ Родопскихъ горъ, все это будтобы для Афганистана.

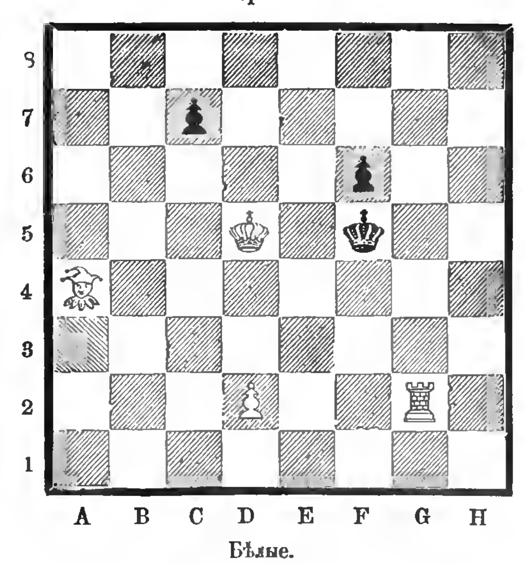
Выборы болгарскаго князя послѣдуютъ 1-го января 1879 года. Серьёзными кандидатами являются, по слухамъ, графъ Игнатьевъ, князь Васильчиковъ и принцы Рейсъ и Батенбергъ.

Слѣдствіе по дѣлу посягнувшаго на жизнь короля Гумберта, Поссаменте, уже окончено. Въ квартирѣ его найдены бумаги, явно указывающія на его принадлежность къ обществу интернаціоналовъ. Итальянскому правительству, вѣроятно, придется принять энергическія мѣры противъ этихъ послѣднихъ: изъ Рима сообщаютъ, что въ провинціяхъ они сильно агитируютъ, и близь Анконы недавно заколотъ одинъ представитель власти.

Испанское правительство уже и приступило къ рѣшительнымъ мѣрамъ: въ Сарагоссѣ арестовано недавно много агитаторовъ.

## Шахматная задача.

Черные.
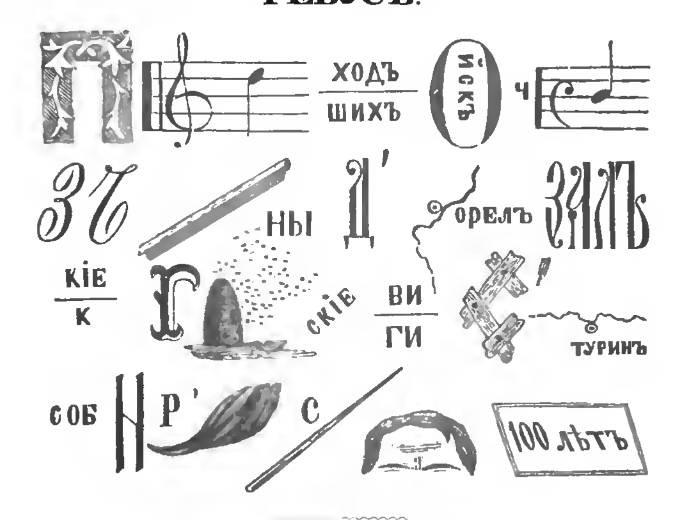



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

**ОПЕЧАТКА.**

Въ № 47 «Нивы», въ рѣшеніи шахматной задачи слѣдуетъ исключить ходъ: *или король H 6—G 6*».

## РЕБУСЪ.




## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Кіевъ.** Н. Л—ву. Стихотворенія грустны, но не хороши.

**Воронежъ** Н. А. По—ву. Неужели вы дѣйствительно посвятили и написали „въ альбомъ --ой“ и желаете печатать объ ней такія вещи:

Но какъ васъ узналъ я точно—
Что мой свѣтлый идеалъ
Ужъ куда не безпорочно
Втихомолку поступалъ и т. п.

**Рославль** Н. Б—ину.

Не видно надъ нею креста
А только подъ елкой ея вѣковою
Торчитъ, на подобье куста,
Красивой *букетикъ съ травою.*

Если букетъ имѣетъ „подобіе куста“ то какой же это „букетикъ“, и если ель „вѣковая“ то это ужь не „елка.“

**П—ку** Н. Ф—ву. Задача № 46 рѣшена вами совершенно вѣрно.

**Въ г. Л.** Еленѣ Р—альдъ. Присланное вами не можетъ быть помѣщено.

**Бѣлозерскъ** В. И—ну. Вамъ кажется что „главное узнать скорѣе условія—сколько даете за стихи.“ Судя по присланному, вамъ знать эти условія не будетъ полезно.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ**. За редактора **Ф. БЕРГЪ**.

# ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“.

Въ виду высокаго интереса разсказовъ и воспоминаній о только что оконченной великой войнѣ, мы озаботились пріобрѣтеніемъ **лучшаго, что могло представиться по части такихъ воспоминаній**, именно, цѣлаго ряда новыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ

## Разсказовъ и очерковъ В. В. Крестовскаго,

нашего извѣстнаго романиста и спеціальнаго корреспондента дѣйствующей арміи за Дунаемъ.

Очерки эти начнутся печатаніемъ въ „Нивѣ“ съ новаго года.

Разсказы и очерки эти будутъ **иллюстрированы многими оригинальными рисунками**, сдѣланными по наброскамъ изъ военнаго альбома автора очерковъ В. В. Крестовскаго

### Н. Н. Каразинымъ.

Чтобы дать понятіе нашимъ читателямъ о богатствѣ этихъ воспоминаній, мы приведемъ на выдержку содержаніе нѣкоторыхъ разсказовъ.

1) **Плоэшты.** Какъ водворяютъ военныхъ постояльцевъ.—На водку хозяину дома.—Румыны и ихъ къ намъ отношеніе.—Русское стихотвореніе 1829 года.

2) **Въ штабѣ Е. В. Главнокомандующаго.** Помѣщенія и квартиры.—Обѣденный столъ у Главнокомандующаго.—Иностранные военные агенты.—Жизнь въ Плоэштахъ.—Смотры.—Офицеры болгарскихъ сотенъ.—Обсчитываніе офицеровъ и солдатъ.—Еврейская эксплуатація.—Шпіоны.—Уличная жизнь.—Румынское общество.—Садикъ „Молдавія“.—Ожиданіе прибытія Государя Императора.

3) **До переправы и переправа у Галаца.** Князь Карлъ и принятіе имъ командованія.—Князь Карлъ на баттареѣ.—Сотникъ Князевъ.—Прорывъ турецкихъ пароходовъ.—Приключеніе съ казаками 30-го донскаго полка.—Русскіе и турецкіе охотники.—Совмѣстное дѣйствіе русской и румынской арміи.—Переправа.—Буджакскія высоты.—Пріѣздъ Государя Императора въ Галацъ.—Посѣщеніе госпиталей.—Напутствіе войскамъ.—Отъѣздъ Государя Императора изъ Браилова.—Протоколъ о звѣрствахъ турокъ.—Воззваніе къ Болгарскому народу.

4) **Предъ переправой у Зимницы.** Рекогносцировка, произведенная лично Е. В. Главнокомандующимъ.—Матеріалы для постройки Зимницкаго моста.—Неожиданная задержка понтоновъ.—Государь Императоръ близъ Турнъ-Магурелли.—Главная квартира.

5) **Переправа у Зимницы.** Осмотръ позицій.—Ночь переправы.—Гибель понтоновъ.—Жизнь систовскихъ болгаръ (очеркъ).

6) **Плевна.** Османъ-паша.—Характеръ его защиты.—Личность Османа.—Жизнь въ Плевнѣ.—Сцены при сдачѣ арміи Османа.—*Отъ Плевны до Адріанополя.*

7) **Адріанополь.** Въѣздъ Главнокомандующаго въ городъ.—Пребываніе въ Адріанополѣ.—Жизнь штаба.—Городъ и окрестности.—Ходъ дипломатическихъ переговоровъ въ Адріанополѣ.

8) **На берегахъ Эгейскаго моря.** Занятіе Санъ-Стефано.—Наша жизнь въ *Санъ-Стефано* (подробный дневникъ событій и жизни въ Санъ-Стефано).

---

Такимъ образомъ для нашихъ подписчиковъ одни эти только очерки уже составятъ, такъ сказать, цѣлый альбомъ, иллюстрированный такимъ извѣстнымъ и талантливымъ рисовальщикомъ какъ Н. Н. Каразинъ, съ текстомъ, принадлежащимъ перу корреспондента, какъ по таланту такъ и по положенію своему въ дѣйствующей арміи. несомнѣнно первенствовавшему относительно другихъ участниковъ или свидѣтелей войны, также дѣлившихъ часто и лишенія, и трудности походовъ съ доблестной русской арміей.

---

## ОТЪ РЕДАКЦІИ.

**Къ этому № прилагается для всѣхъ гг. подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ въ 1879 г., заключающее въ себѣ образцы гравюръ и рисунковъ, помѣщаемыхъ въ „Нивѣ“, и объясняющее тѣ цѣли и направленія, которыхъ въ теченіи девятилѣтняго существованія неуклонно держался нашъ журналъ.**

**— Въ виду того, что подписчики „Нивы“ достаточно знакомы съ художественными и литературными ея достоинствами, Контора Редакціи имѣетъ честь покорнѣйше просить о распространеніи прилагаемаго объявленія въ окружающей ихъ средѣ, дабы способствовать такимъ образомъ ознакомленію публики съ журналомъ, назначеннымъ для семейнаго чтенія и въ теченіи девяти лѣтъ прилагающимъ всѣ усилія для выполненія этой задачи.**

**Обращаемъ за симъ вниманіе на наши изданія, перечисленныя въ этомъ же объявленіи, и уступаемыя подписчикамъ „Нивы“ съ значительной сбавкой цѣны.**

**☞ Контора редакціи проситъ обратить вниманіе на то, что типографія не въ состояніи набирать, корректировать и печатать въ теченіи дня и ночи болѣе 600 адресовъ, почему покорнѣйше проситъ ПОСПѢШИТЬ возобновленіемъ подписки, что бы при высылкѣ первыхъ номеровъ 1879 г. не случилось задержки. ☜**

---

# О ПОДПИСКѢ НА
# ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ „ТЕЛЕГРАФЪ" 1879 Г.

**„Телеграфъ"** будетъ выходить въ 1879 году по прежнему ЕЖЕДНЕВНО, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за табельными праздниками или за двумя праздничными днями) будетъ издаваться полный листъ или полулистъ газеты, но безъ передовыхъ статей.

**„Телеграфъ"**—политическая, литературная и общественная ежедневная газета—самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежедневныхъ газетъ въ Россіи, издается безъ предварительной цензуры.

Дешевизна, общедоступность, полнота, отзывчивость ко всему интересующему общество—вотъ главныя цѣли, къ которымъ стремится газета **„Телеграфъ"**. Немногіе имѣютъ возможность платить *дорого* за газету, не у всѣхъ *досугъ* прочитывать длинные столбцы большихъ изданій; но всѣ, отъ столичнаго до провинціальнаго и деревенскаго жителя, желаютъ внимательно слѣдить за явленіями общественной и государственной жизни; всѣ желаютъ найти отголосокъ своимъ взглядамъ и желаніямъ и жить общею жизнію съ отечествомъ. Такихъ читателей редакція исключительно имѣетъ въ виду; для нихъ она трудится, и труды ея уже увѣнчались успѣхомъ. Въ теченіи перваго года число подписчиковъ на газету **„Телеграфъ"** превзошло 10,000, такъ что газетѣ пришлось обзавестись собственною типографіею, вполнѣ обезпечивающею отнынѣ исправную доставку газеты.

**„Телеграфъ"** выходитъ въ большомъ форматѣ въ пять газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты **„Телеграфъ"** на Большой Конюшенной, д. № 15, Языковой, кв. № 22.

Подписная цѣна на газету **„Телеграфъ"** съ доставкою ея на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ въ 1879 году слѣдующая:

| | | | | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| на 12 мѣс. | на 11 мѣс. | на 10 мѣс. | на 9 мѣс. | на 8 мѣс. | на 7 мѣс. | на 6 мѣс. | на 5 мѣс. | на 4 мѣс. | на 3 мѣс. | на 2 мѣс. | на 1 мѣс. |
| 6 р. — к. | 5 р. 50 к. | 5 р. — к. | 4 р. 75 к. | 4 р. 25 к. | 4 р. — к. | 3 р. 50 к. | 3 р. — к. | 2 р. 50 к. | 2 р. — к. | 1 р. 50 к. | 75 к. |

**Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.**

Подписная цѣна за-границею вдвое противъ означенныхъ выше цѣнъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; не служащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою и доставкою, присылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 2 р. 50 к., въ началѣ марта 2 р. и въ началѣ августа 1 р. 50 к. Нарушившіе который-либо изъ означенныхъ сроковъ лишаются права на разсрочку.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать двѣ 8-ми коп. марки, а также сообщать свой старый адресъ, безъ чего не можетъ быть сдѣлана своевременно перемѣна.

№ 235 2—2 Издатель и редакторъ **К. Трубниковъ.**




**1879 г. (Годъ изданія 9-й).**

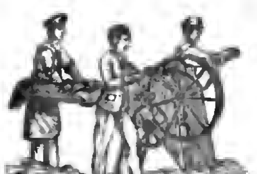
Отд. I. **Семейное чтеніе** (для дѣтскаго чтенія) 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10 р**

Отд. II. **«Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникою».** 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. ц. съ перес. **5 р.**

**Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р. въ годъ.**

Подписка адресуется: Въ СПБ., въ контору журнала «Семья и Школа» (Васильевск. остр., 15 л., д. № 20). № 249 10—1

## ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.



**МОРИЦЪ ВЕЙЛЪ младшій**

Маш. строительный заводъ

въ **Франкфуртѣ** ⁿ/ₘ въ Германіи

поставляетъ, по желанію франкировано изъ-за границы на первыя станціи русскихъ жел. дорогъ.

**Ручныя молотилки** по цѣнѣ отъ 98 руб.



**Молотилки съ конными приводами**

для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.



**Молотилки съ конными приводами**

для 2, 4 и 6 лошадей, съ самодѣйствующимъ щипательнымъ аппаратомъ или безъ онаго, готовыя со всѣми принадлежностями къ употребленію. **Иллюстр. каталоги по желанію безплатно и франкир.** № 223

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ

## СОБРАНІЯ
иностранныхъ
### РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Редакція этого изданія, извѣстнаго нашимъ читателямъ уже *двадцать-три года*, дастъ въ 1879 г. отъ десяти до двѣнадцати большихъ романовъ и столько повѣстей и разсказовъ, сколько позволитъ объемъ книжекъ, составляющихъ въ годъ болѣе *трехсотъ* печатныхъ листовъ, или около *пяти тысячъ* страницъ. Обиліе и разнообразіе беллетристическихъ произведеній, безпрерывно появляющихся въ иностранной литературѣ, не даетъ редакціи возможности съ точностью опредѣлить, что именно помѣститъ она въ будущемъ году. Пока приготовлены слѣдующіе романы:

ТАЙНЫЙ БРАКЪ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ, *герцога де-Помара*. ПОМЕРОЙСКОЕ АББАТСТВО, *мистриссъ Генри Удъ*. СООБЩНИКЪ, *Рене де-Камора*. МОШЕННИКЪ ДЯДЮШКА, *Фредерика Томаса*. РОЗАСЪ, *Густава Эмара*. ТРИ СВОЯЧЕНИЦЫ И ШЕСТЬ ЖЕНЪ, *Дюранти*. ЗАМОГИЛЬНАЯ МЕСТЬ, *Бернара Дерона*.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти книгъ большого формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—*десять рублей пятьдесятъ копѣекъ*, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—*одиннадцать*, для иногородныхъ подписчиковъ—*двѣнадцать рублей*. Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской Площади, въ С.-Петербургѣ. № 251 1—1

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга поступила въ продажу, для пассажировъ, купцовъ и конторскихъ учрежденій

**СПРАВОЧНАЯ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ТАБЛИЦА,**

заключающая въ себѣ цѣны на провозъ: пассажировъ, дѣтей, багажа, товаровъ и прочей клади, страхованія ихъ; плату за провозъ: собакъ, лошадей, экипажей и покойниковъ, по дорогамъ: Николаевской, С.-П.-Бурго-Варшавской и 30 жел. дорогамъ внутренняго Россійскаго сообщенія, вошедшихъ 150 станціями (городами) въ прямое пассажирское и товарное сообщеніе съ вышеупомянутыми главными линіями. Текстъ таблицы содержитъ правила перевозки по жел. дор. упомянутыхъ въ таблицѣ предметовъ. Свѣдѣнія почерпнуты изъ оффиціальныхъ источниковъ, и до настоящаго времени, нигдѣ не были доступны въ такой точности и полнотѣ справокъ. Цѣна таблицы, удобно сложенной для ношенія въ карманѣ 25 к. (отзывъ «Голоса» № 278).

Гг. иногородные, желающіе пріобрѣсть таблицу, благоволятъ высылать, для удобства, вмѣсто денегъ 2 восьми-копѣечныя почтовыя марки. № 252 1
Петербургъ, Забалканскій просп., д. № 105—1 кв. № 28, Александру Влякману.

## ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
### ВЪ МАГАЗИНАХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ Л. КАСТИЛЬОНЪ

С.-Петербургъ Б. Морская № 16, д. Елисѣева.
Москва, Кузнецкій мостъ д. Фирсанова № 68—11.

Только что полученная со Всемірной Парижской Выставки.
Новоизобрѣтенная американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей № 232 5—2

Цѣна съ мѣдной платформой . . . . . . **7 р.**
„ „ съ высеребренной . . . . . . **8 „**

**При этомъ № прилагаются 6 (шесть) объявленій 1) отъ редакціи „Нивы" (для гг. городскихъ и иногородн. подписч.), 2) три объявленія объ изданіяхъ М. О. Вольфа въ СПБ., 3) отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ, 4) отъ редакціи „Собранія Романовъ" въ СПБ. (Послѣднія пять объявленія исключительно для иногородныхъ подписчиковъ).**

Дозволено цензурою СПБ. 23 Ноября 1878 г. Тип. В. Бессонова и А. Данилова, № 10.




№ 49 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ

Выданъ 4 Декабря 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.



# Князь П. А. Вяземскій.



На дняхъ, 25 Ноября, въ нашу столицу привезенъ прахъ скончавшагося 10 ноября настоящаго года въ Баденъ-Баденѣ на 87-мъ году жизни князя Петра Андреевича Вяземскаго. Питомецъ Н. М. Карамзина, младшій товарищъ В. А. Жуковскаго, другъ Пушкина, покойный князь былъ послѣднимъ представителемъ самаго блестящаго періода нашей литературы, всегда оказывалъ на нее сильное и благотворное вліяніе, содѣйствовалъ развитію самого Пушкина, Языкова, Баратынскаго и др., хотя менѣе извѣстныхъ, но высоко даровитыхъ, писателей. Князь П. А. Вяземскій родился 12 іюля 1792 года, въ Москвѣ, въ домѣ своего отца князя Андрея Ивановича, сенатора, екатерининскаго генералъ-поручика и намѣстника нижегородскаго и пензенскаго при Павлѣ 1-мъ, извѣстнаго въ обществѣ того времени за умнѣйшаго и образованнѣйшаго человѣка. Первоначальное воспитаніе свое князь Петръ Андреевичъ получилъ въ Петербургѣ, въ іезуитской коллегіи, а потомъ въ благородномъ пансіонѣ при Петербургской гимназіи. Вскорѣ онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и довершилъ свое образованіе въ домѣ профессора Рейсса, пользуясь уроками какъ его самого, такъ и другихъ профессоровъ московскаго университета. Въ 1807 году князь Петръ Андреевичъ поступилъ юнкеромъ въ межевую канцелярію; пожалованный въ 1811 году въ камеръ-юнкеры, онъ вступилъ на слѣдующій годъ въ ополченіе, въ гусарскій полкъ, организованный графомъ Мамоновымъ и, состоя при графѣ Милорадовичѣ, участвовалъ въ знаменитомъ бородинскомъ сраженіи, при чемъ находился въ самомъ пылу битвы, во время которой подъ нимъ были убиты двѣ лошади. Воспоминаніе объ этомъ великомъ днѣ въ исторіи отечественной войны находится въ стихотвореніи, написанномъ княземъ въ 1842 г. и извѣстномъ подъ названіемъ „Русскіе проселки“. Съ 1817 до

1821 г. князь Вяземскій служилъ въ Варшавѣ при Новосильцевѣ, бывшемъ правительственнымъ комисаромъ при польскомъ министерствѣ. Выйдя въ отставку, князь Вяземскій, въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ 1831 г., вновь вступилъ на службу по министерству финансовъ и 14 лѣтъ былъ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли, а потомъ, въ должности управляющаго, завѣдывалъ коммерческимъ банкомъ. Въ 1849 г. князь Петръ Андреевичъ путешествовалъ по востоку, былъ въ Константинополѣ и Іерусалимѣ, а въ 1853 году назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ. Въ нынѣшнее царствованіе князю Вяземскому дано было болѣе соотвѣтствующее его склонностямъ служебное назначеніе: онъ нѣсколько лѣтъ, съ 1855 по 1858 г., занималъ должность товарища министра народнаго просвѣщенія; въ 1866 г. избранъ былъ президентомъ Русскаго Историческаго (нынѣ Императорскаго) общества. Въ послѣдніе годы князь Петръ Андреевичъ состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта и оберъ-шенкомъ Высочайшаго двора.

Но государственная служба никогда не была его преобладающимъ занятіемъ; главную службу свою князь Вяземскій сослужилъ Россіи какъ высоко-даровитый писатель. Онъ обнаружилъ склонность къ литературѣ съ самаго ранняго возраста. Дѣтство и юность князя прошли при исключительно счастливыхъ условіяхъ: лучшіе люди екатерининскаго и александровскаго времени окружали его. „Я родился," говоритъ князь Петръ Андреевичъ въ письмѣ къ князю Д. Н. Оболенскому, письмѣ, исполненномъ глубины чувства и ума, „въ старой Москвѣ, воспитанъ въ ней, въ ней возмужалъ; по наслѣдственному счастію рожденія, по средѣ, въ которой мнѣ пришлось вращаться, я не зналъ той Москвы, которая такъ охотно и словоохотно рисуется подъ перомъ нашихъ повѣствователей и комиковъ. Можетъ быть въ нѣкоторыхъ углахъ Москвы и была, и вѣроятно была, *фамусовская* Москва; но не она господствовала: при этой Москвѣ была и другая, образованная, умственною и нравственною жизнію жившая Москва." Москва Нелединскаго-Мелецкаго, князя Андрея Ивановича Вяземскаго, Карамзина, Дмитріева и многихъ другихъ единомысленныхъ и сочувственныхъ имъ личностей. Въ этомъ обществѣ, которое собиралось въ домѣ отца поэта, открытаго для всѣхъ представителей интеллигенціи, встрѣчались люди противоположныхъ ученій, разныхъ вѣрованій, разныхъ эпохъ. Тутъ были люди, созрѣвшіе подъ вліяніемъ и блестящимъ солнцемъ царствованія Екатерины; были обломки крушеній отъ слѣдовавшаго за нимъ царствованія: уже выглядывали и обозначались молодые умы, молодыя силы, развившіеся подъ благораствореніемъ первоначальныхъ годовъ правленія императора Александра I. Въ общественномъ, какъ и въ литературномъ быту, были старообрядческіе послѣдователи Шишкова и новокрещенцы, послѣдователи Карамзина. Двигались и мыслили и сыны Вольтера и сыны крестоносцевъ, по французскому выраженію, а по русски—сыны православной церкви. Подъ вліяніемъ этой среды разнообразныхъ умственныхъ силъ росъ и развивался талантъ поэта и слагалась та исключительная и замѣчательно-богато одаренная отъ природы натура его, лучшей характеристикой которой можетъ служить обращенное къ портрету князя П. А. стихотвореніе А. С. Пушкина:

„Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой."

Свою литературную дѣятельность князь Вяземскій началъ стихотвореніями *), которыя высоко цѣнились современниками и не утратили до нынѣ своего значенія. Въ молодые годы князь былъ и замѣтнымъ журнальнымъ дѣятелемъ, помѣщая разнаго рода статьи въ новѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ его времени, начиная съ „Телеграфа;" впослѣдствіи онъ также много писалъ въ „Литературной газетѣ" и пушкинскомъ „Современникѣ." Какъ мы уже упомянули въ началѣ нашего очерка, князь Вяземскій—сверстникъ того поколѣнія, во главѣ котораго стоитъ Жуковскій. По образованію своему, князь Вяземскій относится къ тому времени, когда литература наша отъ такъ называемаго классическаго направленія переходила къ романтическому. Литературное его воспитаніе совершилось еще подъ вліяніемъ французскаго классицизма, но безъ его односторонности, взятаго въ самомъ лучшемъ его видѣ. Извѣстенъ его взглядъ на литературу, какъ на выраженіе общественной жизни, тотъ взглядъ, которому французы обязаны такимъ множествомъ историческихъ сочиненій по этой части.

Своими тайными сочувствіями, своимъ самовоспитаніемъ, князь Вяземскій принадлежитъ романтической школѣ. Остроумныя эпиграммы часто направлялъ онъ противъ тѣхъ, которые противились тогда еще новому стремленію—романтическому. То, что его самого влекло къ этой школѣ, заключалось въ его тепломъ, глубокомъ чувствѣ, которое не только согрѣвало его дружескія посланія, но вспыхивало изъ-подъ самыхъ его эпиграммъ. Это элегическое чувство сильнѣе всего сказалось въ послѣднихъ произведеніяхъ его музы. Въ характерѣ князя Вяземскаго была прекрасная черта—его глубокое сочувствіе къ родной литературѣ, какъ выразительницѣ мысли общественной, и его высокое мнѣніе о значеніи русскаго писателя. Князь Вяземскій дѣйствовалъ въ журналахъ неутомимо. Онъ не щадилъ себя для русской словесности. Онъ смѣло вызывалъ противъ себя вражду той посредственности, которая вредила достоинству литературы. Онъ старался о томъ, чтобы у насъ образовалось литературное мнѣніе—и это стремленіе его останется за нимъ, какъ добрый подвигъ его литературной дѣятельности.

На обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ въ 1850 г., въ честь князя, по возвращеніи его въ отечество, послѣ продолжительнаго путешествія покойнаго по востоку, въ привѣтствіи нѣкоторыхъ литераторовъ и въ отвѣтѣ самого князя высказано было значеніе его литературной дѣятельности. Покойный Н. Ф. Павловъ, между прочимъ, сказалъ: „Вашъ умъ и сердце развились въ ту эпоху, когда глаза наши были ослѣплены блистательными явленіями западной образованности, и между тѣмъ въ эту эпоху вы горячо полюбили свой языкъ, вы съумѣли прислушаться къ его задушевнымъ звукамъ, и мы читаемъ у васъ стихи, которыхъ безъ чистой, глубокой, истинной любви къ къ своей родинѣ, не могли бы внушить никакіе дары провидѣнія. Чужеземное вліяніе не закрыло отъ васъ ни чудесныхъ красотъ нашего языка, ни величія нашего отечества. Ваше имя тѣсно соединено съ памятными именами. Вы были другомъ Карамзина, Дмитріева, Батюшкова, Баратынскаго. Вы съ теплымъ вниманіемъ встрѣтили первые стихи Языкова, вы приняли послѣднія слова умирающаго Пушкина. Съ вами связана для насъ исторія русской литературы, ея радостныя и горькія воспоминанія. Вы, по выраженію Баратынскаго, „звѣзда разрозненной Плеяды". Въ скромномъ, исполненномъ достоинства отвѣтѣ своемъ, князь Вяземскій указалъ на свои литературныя связи: „Въ области литературы я живое преданіе. Я былъ питомцемъ Карамзина: тѣснѣйшія узы родства *) и сердца связывали меня съ нимъ. Нелединскій, Дмитріевъ также ласкали меня, отрокомъ, въ домѣ отца моего. Послѣ, когда я возмужалъ, они удостоили меня своей особенной пріязни. На дружескихъ и веселыхъ пирахъ обмѣнивались мы съ Денисомъ Давыдовымъ риѳмами и бокалами. Я не дожилъ еще до глубокой старости, но грустно уже пережилъ многихъ друзей, многія литературныя поколѣнія. Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ возросли, созрѣли, прославились и сошли въ могилу при мнѣ. Во мнѣ привѣтствуете вы старѣйшаго друга нашего перваго современнаго поэта, Жуковскаго, и другаго поэта, еще живаго но, къ сожалѣнію, давно умолкшаго, Батюшкова".

Князь Вяземскій обладалъ, кромѣ таланта поэтическаго, талантомъ критическимъ и сатирическимъ. Изъ критическихъ его сочиненій особенно замѣчательны: 1) біографіи Дмитріева и Озерова, приложенныя къ собранію ихъ сочиненій; 2) о „Горѣ отъ ума" и о „Ревизорѣ" и 3) „фонъ-Визинъ"—это послѣднее произведеніе считается до настоящаго времени образцовымъ по части біографіи и критики. „Въ этой біографіи, говоритъ Гоголь, обнаружилось обиліе даровъ въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ философъ, политикъ, тонкій критикъ и даже вѣдатель практической стороны жизни—словомъ всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ историкъ въ значеніи высшемъ". Сатирическія сочиненія, эпиграммы и нѣкоторыя посланія напечатаны во множествѣ журналовъ и альманаховъ.

Въ мартѣ 1861 года, въ залѣ Академіи Наукъ, праздновался 50-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности князя Вяземскаго, но заслуги его до сихъ поръ еще не оцѣнены нашею критикою. Тѣмъ не менѣе имя князя Петра Андреевича Вяземскаго какъ замѣчательнаго поэта, сатирика и критика навсегда останется въ исторіи нашей словесности. По праву своего таланта и образованности, онъ занимаетъ мѣсто на самыхъ блистательныхъ ея страницахъ, рядомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Пушкинымъ. Вмѣстѣ съ лучшими людьми, онъ во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея неизмѣнно сохранялъ горячую преданность просвѣщенію и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства.

Переходя въ заключеніе къ оцѣнкѣ нравственной личности покойнаго поэта, должно сказать, что и какъ человѣкъ князь П. А. Вяземскій представлялъ явленіе исключительное и рѣдкое: „неизмѣнность въ характерѣ, говоритъ авторъ одной статьи о немъ, вѣрность въ дружбѣ, умъ своеобразный и тонкій, аттическая соль рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ простодушіе, таковы были плѣнительныя качества, ради которыхъ никогда не забудутъ про князя Вяземскаго ни во дворцахъ, гдѣ онъ бывалъ любимымъ гостемъ, ни въ бѣдныхъ хижинахъ, которыя онъ навѣщалъ во время своихъ неутомимыхъ прогулокъ съ дарами благотворенія, съ ободряющимъ и участливымъ словомъ".

Послѣ такой обширной, и разнообразной жизни долженъ былъ остаться богатый архивъ. Объ этомъ архивѣ, называя его *Астафьевскимъ* (по имени деревни, гдѣ прошло много памятныхъ для покойнаго князя дней его жизни) упоминаетъ издатель подлинныхъ записокъ Храповицкаго (извлеченныхъ

*) Вышли отдѣльнымъ томомъ въ 1848 г. подъ заглавіемъ «Въ дорогѣ и дома.»

*) Карамзинъ во 2-й разъ былъ женатъ на сестрѣ князя П. А. Вяземскаго.

также изъ этого собранія) Н. П. Барсуковъ. Князь П. А., говоритъ издатель, поручилъ мнѣ заняться описаніемъ той части своихъ бумагъ, которая не приведена еще въ порядокъ". Полное описаніе такого драгоцѣннаго архива составило бы серьезный вкладъ въ нашу литературу. Нѣкоторые отрывки изъ бумагъ этихъ печатались въ послѣдніе годы въ „Русскомъ Архивѣ"

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ.

Вс. Соловьева.

## ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

### XI.

Все было тихо въ Преображенскомъ. Въ небольшомъ, далеко не роскошномъ домѣ, который именовался дворцомъ, и гдѣ такъ часто и по долгу живалъ теперь Петръ Алексѣевичъ съ матерью и молодой женою—всѣ спали. Богатырскій храпъ раздавался и кругомъ дворца изъ деревянныхъ, на скорую руку построенныхъ бараковъ, вмѣщавшихъ въ себѣ потѣшное воинство.

Только незначительные патрули обходили время отъ времени царское жилище. Но не замѣчали эти патрули, что у перелѣска, въ частыхъ кустахъ, доходящихъ до самаго села и откуда какъ на ладони видѣнъ былъ дворецъ, засѣли какіе то люди. Люди эти были лазутчики Шакловитаго. Имъ поручено было неустанно слѣдить за каждымъ шагомъ царя, а на утро одинъ изъ нихъ долженъ былъ пробраться во дворецъ, переговорить съ кумомъ своимъ. Этотъ кумъ принадлежалъ къ царской дворнѣ и съ помощью царевниныхъ денегъ его можно было уговорить привести въ исполненіе страшный замыселъ—погубить царя и царицу тѣмъ или другимъ способомъ.

Лазутчики не спятъ, зорко поглядываютъ, хотя и плохо видно—ночь ужь не іюньская, на дворѣ августъ. Луны не видно, а звѣзды въ глубинѣ небесной безъ конца высыпали, и горятъ-переливаются. Но не нарушаютъ онѣ своимъ трепетнымъ и далекимъ свѣтомъ мглы и темноты, въ которыя закутаны и лѣсъ, и село, и царскія строенія. Горятъ и переливаются звѣзды и вдругъ которая нибудь изъ нихъ сорвется съ тверди небесной и, мелькнувъ серебряной нитью по небу, вмигъ разсыплется и невѣдомо гдѣ исчезнетъ.

Только одно и развлеченіе лазутчикамъ—эти падающія звѣзды. Ночи впереди еще много, да и ночь то холодновата, съ ближняго болота туманъ стелется, сырость пронимаетъ а согрѣться нечѣмъ: въ попыхахъ забыли водку.

Но что это? по безмолвной и темной дорогѣ отъ Москвы слышится конскій топотъ. Лазутчики встрепенулись. Кто бы это могъ быть?! Топотъ ближе и ближе. Почти мимо самыхъ кустовъ къ селу промчались два всадника. Вотъ они уже у воротъ дворца, переговариваются съ патрулемъ... ихъ впустили. Опять все тихо...

Крѣпко спитъ съ молодой женою Евдокіей Федоровной царь Петръ Алексѣевичъ. Душно въ его опочивальнѣ. Сбросилъ онъ съ себя штофное одѣяло, размѣтались по бѣлымъ подушкамъ его кудри шелковыя, глубоко дышитъ грудь молодецкая. Истомился день деньской работаючи Петръ Алексѣевичъ; поздно домой возвратился, едва перекусилъ, выпилъ маленькую чарочку, подошелъ подъ благословеніе царицы матушки да и завалился спать въ опочивальню. И такъ ужь спать хотѣлось, что почти не слышалъ онъ, не видѣлъ свою молодую царицу, Евдокію Федоровну. А Евдокія Федоровна говорила ему рѣчи нѣжныя, а потомъ осердилась не на шутку, что онъ на эти рѣчи вниманія не обращаетъ—начала жалобы:

„Вотъ молъ жизнь моя несчастная, цѣлый то Божій день тебя не видно, а и вернешься на ночь глядя—такъ слова ласковаго не скажешь,—спать завалишься... горькая я, несчастная!"

И заплакала царица, думая хоть слезами разжалобить молодого мужа. Но Петръ Алексѣевичъ ужь спалъ крѣпко—не проняли его женины слезы.

Медленно, минута за минутой, крадется ночное время. Только вдругъ тишина ночи нарушена какимъ-то движеніемъ. Вонъ слышно: ворота отпираются, слышны голоса людскіе, и все громче и громче эти голоса. Ужь вблизи опочивальни раздаются шаги, отпираются двери, стучатъ, ходятъ, переговариваются.

Проснулась, приподнялась съ подушекъ молодая царица. Глядитъ въ темноту ночную, со страхомъ слушаетъ.

— Что бы такое, Господи, значило?

Будитъ мужа. Но крѣпокъ сонъ царскій. Вотъ стучатъ въ двери—слышно: „отоприте!" Боже мой!.. Наконецъ Петръ проснулся, вскочилъ съ кровати, отперъ двери, а передъ нимъ царица мать, за нею князь Борисъ Голицынъ со свѣчей въ рукахъ, а тамъ и другіе домочадцы и близкіе люди. У всѣхъ испуганныя лица, всѣ кой-какъ накинули на плечи платье—видно сейчасъ съ постелей повскакали, стоя, тутъ же у царской опочивальни, одѣваются.

— Что такое, что?

И слышится Петру:

— „Два стрѣльца пріѣхали съ Москвы, спасаться нужно... на тебя государя, да на царицу смертное убійство умышляется".

Петръ вздрогнулъ. Но еще послѣ сна крѣпкаго придти въ себя не можетъ, не знаетъ послышались ли ему слова эти страшныя или взаправду кто сказалъ ихъ. А между тѣмъ вотъ уже явственно раздается голосъ Голицына:

— Шакловитый, извѣстно по чьему наущенію, въ эту же ночь Преображенское поджечь задумалъ, а въ переполохѣ и хотятъ учинить злодѣйство.

Петръ очнулся.

— Бѣжать, бѣжать не медля!.. нѣтъ, не дамся!

Онъ схватился за голову.

— Вѣдь вотъ тутъ въ домѣ уже можетъ забрались убійцы, можетъ поджидаютъ, теперь умереть... Матушка, жена! крикнулъ онъ,—одѣвайтесь всѣ скорѣе!.. войско... пушки... все къ Троицѣ, а я впередъ!.. я долженъ спастись... иначе все погибло! за мною всѣ!..

И онъ, себя не помня, какъ былъ въ одной рубашкѣ, выбѣжалъ изъ опочивальни, пробѣжалъ всѣ дворцовые покои, на дворъ, на конюшню. Схватилъ перваго неосѣдланнаго коня, вскочилъ на него и помчался изъ Преображенскаго.

Ночь начинала бѣлѣть. Сквозь мглу ужь обозначались предметы. Лазутчики еще издали завидѣли человѣка на конѣ, въ бѣлой рубашкѣ.

— Это кто же? что за чудеса такія. Навѣрно кого нибудь схватили, вырвался кто нибудь... удираетъ! А вѣдь гляди-ка, гляди-ка, братцы, ей Богу какъ есть раздѣтъ совсѣмъ, въ одной рубашкѣ, что за притча такая!

Вотъ всадникъ ближе, мчится что есть духу.

— Царь! онъ, какъ есть онъ! шепчутъ лазутчики,—вся стать его!

Всадникъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Они его окончательно узнали, сомнѣнія быть не можетъ.



**Художникъ и его будущая модель.** Картина Торносъ, грав. Бренд'Амуръ.



**Въ мастерской сапожника.** Картина Антона Ротта, грав. Паръ.

— Ну такъ что же, чего же лучше... взводи курокъ! пали!..

Одинъ изъ лазутчиковъ уже и приготовился было, выставилъ ружье; но другой сильно схватилъ его за руку.

— Стой! На царя то! да и кто это тебѣ приказывалъ чтобы стрѣлять?!..

Но все равно злодѣйство врядъ ли могло совершиться—всадникъ былъ далеко.

Лазутчики снова притаились и ждали.

Черезъ нѣсколько минутъ показались еще нѣсколько всадниковъ. Они спѣшатъ за первымъ—къ лѣсу.

— Вѣстимо въ лѣсъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—куда же иначе?.. Въ одной-то рубахѣ!... Сейчасъ завернемъ въ просѣку и окликнемъ... Ночь холодная, одѣть его нужно скорѣй!..

Прошло съ четверть часа—и все Преображенское въ движеніи.

Мимо кустовъ катится карета съ царицами, за каретой всякіе экипажи, верховые люди, пушки, цѣлыя колонны потѣшныхъ, которые обгоняютъ другъ друга, спѣшатъ, забывъ регулярный маршъ свой. Скоро совсѣмъ опустѣло Преображенское.

„Иди теперь—жги его!..

Лазутчики обождали немного и бѣгомъ пустились въ Москву донести Шакловитому о такихъ чудныхъ дѣйствахъ.

## XII.

Часамъ къ шести утра, совершенно изнемогая отъ усталости и волненія, прискакалъ Петръ въ Троицкую лавру въ сопровожденіи постельничаго Головкина, Мельнова и своего любимаго карлы.

Едва войдя въ монастырское помѣщеніе, гдѣ постоянно останавливался, онъ бросился на постель и вдругъ зарыдалъ.

Прибѣжавшій къ нему архимандритъ лавры Викентій долго не могъ добиться отъ него ни слова.

Наконецъ рыданія царя стихли. онъ заговорилъ; но рѣчь его прерывалась неудержимыми слезами.

— Меня и всѣхъ моихъ извести сестра хочетъ, говорилъ Петръ,—нигдѣ нѣтъ отъ нея защиты. Велѣла своимъ разбойникамъ-стрѣльцамъ поджечь Преображенское, едва выскочилъ... Укрой меня, отче, спаси!..

Архимандритъ сталъ его успокоивать.

— Укроемъ, государь, здѣсь никто до тебя не доберется. Добрую мысль Господь вложилъ въ тебя—поспѣшить въ нашу святую обитель. Подъ покровомъ Сергія преподобнаго, великаго чудотворца и молитвенника за землю русскую, тебѣ нечего бояться... Не разъ прибѣгавшіе сюда находили оплотъ твердый у Божьяго угодника. Самъ, государь, лучше моего вѣдаешь, какъ обитель сія русскую землю спасала, какъ врагъ приходилъ разорять ее и стоялъ у стѣнъ сихъ въ неисчислимомъ, аки песокъ морской, множествѣ... и все же ни силою человѣческою, ни силою діавольскою не могъ въ нее внити, не могъ предать храмы святые на раззореніе, мощи честные на поруганіе! И нынѣ, какъ и древле, встанетъ на защиту твою святой угодникъ Божій и не одолѣютъ тебя подъ его защитою враги твои! Будь же спокоенъ, государь, уйми свои слезы, да потолкуемъ лучше какъ и что дѣлать...

Спокойная рѣчь архимандрита, исполненная глубокой вѣры, славное прошлое Троицкой Лавры, этой неприступной твердыни великаго защитника земли русской, Сергія, успокоили Петра. Его слезы остановились, временная слабость и сознаніе своей беззащитности исчезли. Онъ даже вдругъ устыдился этой слабости, въ глазахъ его снова блеснула смѣлая воля и онъ уже не какъ испуганный ребенокъ, а какъ твердый разумный мужъ началъ толковать съ архимандритомъ.

Онъ рѣшилъ дождаться своихъ и немедленно послать къ Софьѣ требованіе, чтобы она выдала ему головою Шакловитаго. Если она откажется—кликнуть кличъ по землѣ русской, сзывать людей ратныхъ и силою взять незаконно отнимаемое у него родительское наслѣдіе—русскую землю, о которой онъ ежечасно помышляетъ, которой онъ отдаетъ всю жизнь свою, отъ которой не отступится ни за что въ мірѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ въ Лавру уже въѣзжали царица Наталья Кирилловна съ дочерью и невѣсткой, всѣ приближенные Петра—потѣшные, а затѣмъ и изъ Москвы многіе бояре, преданные царю, и стрѣльцы Сухарева полка.

Петру то и дѣло докладывали о прибывающихъ и онъ все больше и больше оживлялся. Знать не покинули его русскіе люди!

Послѣ вечеренъ у молодаго царя собрался совѣтъ, въ которомъ главное участіе принималъ князь Борисъ Голицынъ. Призвали также Мельнова и Ладогина, которые подробно объявили обо всѣхъ поступкахъ Шакловитаго. Они сказали также, что между стрѣльцами большинство на сторонѣ царя и въ числѣ его приверженцевъ также полковникъ Цыклеръ.

— Цыклеръ! изумленно воскликнулъ Петръ. Я никогда не забывалъ этого имени... я всегда считалъ его врагомъ своимъ. Я помню, хорошо помню его тогда, на Красной площади!..

Онъ невольно вздрогнулъ при этомъ воспоминаніи.

— Но если онъ одумался, если онъ остался мнѣ вѣренъ теперь, то конечно я все забуду...

Мельновъ объяснилъ, что Цыклеръ человѣкъ дѣйствительно пользующійся большимъ вліяніемъ между стрѣльцами, къ тому же все знаетъ про замыслы Шакловитаго и много нужнаго царю открыть можетъ.

— А коли такъ. призову его сюда, пусть онъ мнѣ служитъ, сказалъ Петръ.

На совѣщаніи рѣшено было послать въ Москву гонца и покуда требовать только разъясненія, по какому поводу былъ въ Кремлѣ и на Лубянкѣ сборъ стрѣльцовъ, а также присылки Цыклера съ пятьюдесятью стрѣльцами.

Вотъ ужъ и вечеръ. Бояре разошлись: князь Голицынъ отправился приготовлять на всякій случай монастырь къ оборонѣ.

Царица Наталья Кирилловна съ молодою царевной и Евдокіей Ѳедоровной вернулись отъ всенощной. На всѣхъ трехъ лица нѣту, кажется слезы всѣ выплакали.

Старая царица ужъ не та, какою была въ прежніе годы. Не старая по счету лѣтъ своей жизни, отъ вѣчныхъ мученій, тревогъ и страшныхъ воспоминаній, постоянно ее преслѣдовавшихъ, она глядѣла дряхлой старухой. Куда дѣвалась вся чудная красота ея, которою бывало такъ любовался, отъ которой глазъ не могъ отвести покойный царь Алексѣй Михайловичъ. Совсѣмъ побѣлѣли ея густые русые волосы, все лицо въ морщинахъ, подъ глазами круги темные, вѣки красны отъ слезъ: эти слезы всю жизнь не высыхали... Теперь ужъ нечего ждать отъ нея энергіи—она вся надломлена, она можетъ только плакать и молиться. И вотъ то и дѣло уговариваетъ она невѣстку не убиваться, успокоиться, подумать о младенцѣ, котораго она носитъ во чревѣ своемъ,—но тутъ же сама и зальется слезами, и глядя на нее плачетъ, рыдаетъ и Евдокія Ѳедоровна.

Не знаетъ царица Наталья Кирилловна какъ и пережила она страшную ночь эту. Ужъ и то послѣдніе дни, минуты спокойной не было—то тотъ придетъ, то другой придетъ, ужасы разсказываютъ, пугаютъ, одна боярыня Хитрая чего насказала—страсть! Письма подметныя стали находить въ Преображенскомъ... А тутъ только что было, послѣ долгой молитвы, заснула она, вдругъ ломятся въ двери, кричатъ: „спасайтесь: Спасайте государя!“

Не помня себя вскочила царица,—едва постельница на нее душегрѣю накинула—бѣжитъ къ сыну, а у самой ноги подкашиваются, думаетъ: „живъ-ли ужъ? не убили ли?“ Нѣтъ, живъ—слава Богу! Да вотъ какъ выбѣжалъ онъ раздѣтый, да ускакалъ отъ нихъ, такъ совсѣмъ свѣта не взвидѣла царица, мысли спутались. Говорятъ ей, она слышитъ, но не понимаетъ, сама бормочетъ невѣдомо что. Да и тутъ, въ святой обители,—тутъ конечно меньше опасности, только враги-то лютые хитры, того и гляди заберутся... Не отошла бы вотъ отъ сына, такъ бы ежеминутно и прикрывала его своей материнской грудью. Да что съ нимъ подѣлаешь? заперся онъ съ княземъ Борисомъ Голицынымъ, ни матери, ни жены къ себѣ не пускаетъ.

И точно, на ключъ замкнулъ двери Петръ Алексѣевичъ, совѣщается съ Голицынымъ.

— Нѣтъ, теперь довольно! будетъ трусить. Какъ попомню о своей трусости, говоритъ царь, такъ стыдно глядѣть на свѣтъ Божій. Пора—я не ребенокъ... Хотѣли отъ меня отдѣлаться, такъ заранѣе бы изводили, а теперь даромъ не дамся! Не отпуститъ Шакловитаго, самъ на Москву пойду со своими потѣшными, посмотрю какъ народъ встрѣтитъ царя своего... Красно умѣетъ говорить Софья народу, авось и я въ карманъ за словомъ не полѣзу—а дѣло мое правое!.. Если завтра къ полудню не будетъ Шакловитаго, сейчасъ же въ Москву иду.

— Не торопись, государь, сталъ его уговаривать Голицынъ—обождать нужно. У насъ теперь еще мало силы, мало войска, пожди, подойдутъ. Да вотъ еще брата Василья слѣдовало бы сюда выписать.

— Василья! ея пособника, ея друга!.. Опомнись князь, воскликнулъ Петръ и глаза его вспыхнули гнѣвомъ.—Василья мнѣ не нужно, обойдусь и безъ него.

— Нѣтъ онъ тебѣ нуженъ, очень нуженъ, тихо и спокойно отвѣтилъ Голицынъ, не потому говорю, что онъ мнѣ братъ двоюродный, да и тебѣ государь не слѣдъ на него сердце имѣть, что-жъ, что онъ ея пособникъ....

— А Крымскій походъ, перебилъ Петръ, я этого позора Голицыну никогда не забуду.

— Да, большая ошибка, въ раздумьи продолжалъ князь Борисъ, большая ошибка... но вѣдь братъ и самъ очень хорошо ее понимаетъ. Намедни говорилъ со мною—поблѣднѣлъ весь, на глазахъ слезы... Что-жъ, государь, кому въ жизни не приводилось ошибаться? очень то строго не суди. А брата Василья непремѣнно намъ нужно. Врагомъ тебѣ онъ никогда не былъ, ни въ какихъ противъ тебя замыслахъ не участвовалъ, а человѣкъ онъ разума великаго.

Петръ, привыкшій глядѣть съ уваженіемъ на князя Бориса, замолчалъ, началъ его внимательно слушать. Кончилось тѣмъ, что онъ уполномочилъ его звать Василья Васильевича къ Троицѣ, обѣщалъ, что приметъ его отлично и зла на него никакого держать не будетъ.

Князь Борисъ тотчасъ же распорядился, написалъ длинное посланіе брату и отправилъ къ нему съ этимъ посланіемъ ловкаго подъячаго.

Но прошелъ день; Шакловитаго не выдаютъ, Василій Васильевичъ не ѣдетъ.

## XIII.

Москва въ волненіи. По всему городу молва разносится, что началась великая усобица между братомъ и сестрою. Опять, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, собирается народъ московскій, толкуютъ... Но мало голосовъ слышится въ пользу Софьи: народъ стоитъ за справедливость, за законность.

Правила царевна государствомъ, пока царь не выросъ, теперь онъ вонъ какой, головой выше всѣхъ бояръ сталъ, такъ ему и быть настоящимъ царемъ а царевнино дѣло кончено.

Въ Кремлѣ, на верху, полное уныніе. Царевна приказала запереть на глухо всѣ Кремлевскіе ворота и пропускать только самыхъ близкихъ къ ней лицъ. Сначала она старалась казаться спокойной. Узнавъ отъ Шакловитаго объ отъѣздѣ царя къ Троицѣ, она вышла къ стрѣльцамъ и объявила имъ, что еслибъ они не остереглись, то всѣхъ бы ихъ передавили потѣшные конюхи. Шакловитый тоже бахвалился и кричалъ: „Вольно же ему взбѣсяся бѣгать!“ Но это было при народѣ, а у себя въ покояхъ царевна съ Шакловитымъ не скрывались другъ передъ другомъ: оба они хорошо видѣли, что дѣло принимаетъ очень опасный для нихъ оборотъ.

Вотъ прибыли отъ Троицы Петровы посланцы съ запросомъ царю Ивану и Софьѣ, за какимъ дѣломъ были стрѣльцы собраны ночью?

Царевна велѣла сказать брату, что она собралась въ монастырь на богомолье и стрѣльцы должны были провожать ее. Относительно присылки Цыклера съ пятьюдесятью стрѣльцами долго она не могла рѣшиться, но Шакловитый присовѣтовалъ ей согласиться на это требованіе. Хоть ему и доносили ужъ о томъ, что Цыклеръ не его сторону держитъ, но онъ еще не вѣрилъ этимъ доносамъ, да и рѣшилъ, что пятьдесятъ стрѣльцовъ не Богъ вѣсть какая сила, послать ихъ можно.

Цыклеру разрѣшено было отправиться и онъ поѣхалъ къ Троицѣ. Ему сопутствовали Елизарьевъ и Турка съ товарищами.

Но вотъ является требованіе о выдачѣ Шакловитаго и тонъ этого требованія ясно показываетъ Софьѣ, что теперь съ братомъ легко не справиться, что онъ началъ борьбу не на шутку.

О выдачѣ единственнаго безгранично преданнаго ей человѣка и рѣчи быть не можетъ—но что-жъ дѣлать? Отъ всѣхъ этихъ тревогъ разумъ мутится; нужно посовѣтоваться съ Васильемъ Васильевичемъ... И забывъ свою ссору, забывъ проклятія, въ безумную минуту призванныя ею на голову любимаго человѣка, она шлетъ за Голицынымъ, но Голицынъ не появляется. Цѣлый день проходитъ—его нѣту.

Узнавъ обо всемъ происшедшемъ, Василій Васильевичъ написалъ брату Борису письмо, въ которомъ просилъ его не допускать дѣла кровопролитія, просилъ примирить обѣ стороны.

Въ отвѣтъ на письмо это, онъ получилъ уже извѣстное намъ предложеніе брата ѣхать къ государю въ Троицкую лавру. Подъячій, присланный княземъ Борисомъ, пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, что со стороны Петра его ожидаютъ всякія милости.

Голицынъ слабо и печально усмѣхнулся на слова эти. Всѣ эти послѣдніе дни, послѣ ужаснаго свиданія съ царевной, Василій Васильевичъ не выходилъ изъ дому. Много онъ думалъ и передумывалъ, постарѣлъ весь и сгорбился отъ безсонныхъ ночей и никому невѣдомыхъ тайныхъ страданій. Онъ могъ примириться съ кознями враговъ своихъ, могъ примириться съ печальной участью, его ожидавшею, вслучаѣ паденія Софьи; но съ тѣмъ ударомъ, который нанесла ему она, онъ не былъ въ силахъ справиться. Но измученный и оскорбленный ею, хоронящій свою любовь и счастье, онъ ни на минуту не допустилъ возможности идти ко врагамъ Софьи.

— Не пойду я къ Троицѣ, отвѣтилъ онъ подъячему,—такъ скажи и брату и государю. Не пойду—я никакихъ не жду милостей, а на судъ позовутъ—явлюсь и пусть меня судятъ.

Такъ подъячій ничего и не добился.

Князь Василій Васильевичъ въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ въ одну изъ своихъ подмосковныхъ.

Онъ не могъ идти въ Кремль, не могъ видѣть Софью.—Онъ рѣшилъ, что никогда больше не увидится съ нею—она умерла для него.

Царевна ушамъ своимъ не повѣрила, когда ей доложили, что Голицынъ уѣхалъ изъ Москвы.

Она заперлась отъ всѣхъ въ своей опочивальнѣ, кинулась на постель и неудержимо рыдала. Она поняла что такое сдѣлала, она хорошо знала характеръ своего друга. Теперь онъ не вернется; онъ не пойдетъ къ врагамъ, но не придетъ и къ ней.

И она хотѣла бѣжать къ нему, найти его гдѣ бы то ни было, на колѣняхъ передъ нимъ умолять его простить ее, забыть слова ея безумныя.

Но ей невозможно было теперь изъ Москвы выѣхать—она должна была бороться съ братомъ. Шакловитый понуждалъ ее къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и она съ нимъ соглашалась. Она исполняла его требованія, но какъ то машинально. Въ ней не было уже прежней энергіи, она съ каждымъ днемъ ослабѣвала.

Она рѣшила отправить къ Петру боярина князя Троекурова. Онъ возвратился и привезъ Софьѣ отвѣтъ царя, что тотъ съ нею ни въ какіе переговоры и вступать не хочетъ. Въ то же время она узнала, что Петръ прислалъ въ солдатскіе и стрѣлецкіе полки грамоту, въ которой требовалъ, чтобы начальные люди и по десяти человѣкъ рядовыхъ изъ каждаго полка немедленно отправились къ Троицѣ.

Софья призвала къ себѣ этихъ начальныхъ людей и вышла къ нимъ такою грозною, какой они никогда еще ее не видали.

— Вы собираетесь къ Троицѣ,—сказала она—забудьте и думать объ этомъ. Оставайтесь здѣсь всѣ до единаго.

— Да какъ же, государыня,—вѣдь царь насъ требуетъ. Можемъ ли мы противиться его волѣ? возразили начальные люди.

— Давно ли вы брата больше меня слушаете? Я правительница и я вамъ приказываю оставаться. Слышите! Злые люди ссорятъ меня съ братомъ, но не ваше дѣло вмѣшиваться въ нашу ссору.

Стрѣльцы стояли въ недоумѣніи и опять повторяли о томъ, что царскаго приказу какъ же имъ ослушаться.

— Такъ знайте, крикнула Софья,—если кто нибудь изъ васъ пойдетъ къ Троицѣ, немедленно же будетъ пойманъ и казненъ. Коли головъ своихъ жалѣете—оставайтесь, а я отъ своихъ словъ не оступлюсь.

Она величественно вышла; но тутъ же упала въ первое попавшееся кресло и, закрывъ лицо руками, горько зарыдала.

Шакловитый успокоилъ стрѣльцовъ, что къ царю будетъ послано съ объясненіями.

И дѣйствительно туда тотчасъ же отправился дядька царя Ивана князь Прозоровскій вмѣстѣ съ духовникомъ Петра. Имъ приказано было извиниться передъ царемъ, что никакъ нельзя было исполнить его требованіе и прислать къ нему войско.

Кромѣ этого Прозоровскій и духовникъ должны были всячески постараться примирить сестру съ братомъ. Между стрѣльцами Шакловитый распускалъ слухъ, что царская грамота была прислана безъ вѣдома Петра Алексѣевича княземъ Борисомъ Голицынымъ.

Прошло два дня; Прозоровскій и духовникъ вернулись ничего не добившись. Царь стоитъ на своемъ, слышать о сестрѣ не хочетъ и только требуетъ. чтобы его приказаніе было исполнено.

Оставалось послѣднее средство: упросили патріарха ѣхать къ Троицѣ.

Престарѣлый Іоакимъ не сталъ отговариваться. Онъ былъ радъ вырваться отъ враговъ своихъ, и ничего не сдѣлавъ для примиренія враждующихъ, остался у Троицы.

Прошло опять нѣсколько дней. Все было тихо, молодой царь очевидно еще слишкомъ робко пробовалъ свои силы, еще боролся самъ съ собою. Но вотъ 27-го Августа появилась новая царская грамота отъ Троицы, опять требованіе по всѣмъ полкамъ, чтобы немедленно являлись къ царю, а не то пусть ожидаютъ смертной казни.

Стрѣльцы не хотѣли больше ничего слушать и цѣлыми толпами двинулись въ Лавру.

Царь въ сопровожденіи матери своей и патріарха вышелъ къ нимъ на встрѣчу и сейчасъ же объявилъ имъ объ умыслѣ Шакловитаго на жизнь его и Натальи Кирилловны.

Дьякъ сталъ читать выписку изъ рѣчей распросныхъ и извѣтовъ стрѣлецкихъ. Патріархъ увѣщевалъ стрѣльцовъ, чтобъ они объявили всю правду, а вслучаѣ если утаятъ что, то грозилъ лишить ихъ своего пастырскаго благословенія.

Стрѣльцы смѣшались и завопили.

— Мы великимъ государямъ служимъ и работаемъ, какъ служили и работали ихъ предкамъ, всегда и неизмѣнно готовы исполнять государскую волю, готовы ловить воровъ и измѣнниковъ! А что говоришь намъ, великій государь, про Ѳедьку Шакловитаго, то того Ѳедькина злаго умысла и измѣны мы не знаемъ!

Однако нѣкоторые изъ стрѣльцовъ кое что знали и подробно разсказали обо всемъ государю.

— Теперь вы сами видите, обратился Петръ къ Голицыну, Патріарху и всѣмъ окружавшимъ его, — сами видите, можно-ли мнѣ покончить это дѣло, можно-ли мнѣ примириться съ сестрою? Не останавливайте же меня, я не успокоюсь, пока живъ Шакловитый.

Всѣ замѣтили перемѣну, внезапно происшедшую съ Петромъ. Глаза его загорѣлись такимъ гнѣвомъ, на который онъ казалось до сихъ поръ не былъ способенъ. Грозная нота прозвучала въ его голосѣ.

Положеніе Софьи было безнадежно. Она рѣшилась ѣхать сама къ Троицѣ, но на дорогѣ встрѣтилъ ее стольникъ Бутурлинъ и объявилъ ей, отъ имени Петра, чтобъ она въ монастырь не ходила.

— Это что значитъ? Отчего не идти мнѣ въ монастырь?—пойду непремѣнно! гордо отвѣтила Софья.

Но вслѣдъ за Бутурлинымъ является Троекуровъ и объявляетъ, что если она пойдетъ въ монастырь, то „съ нею будетъ поступлено не честно?“

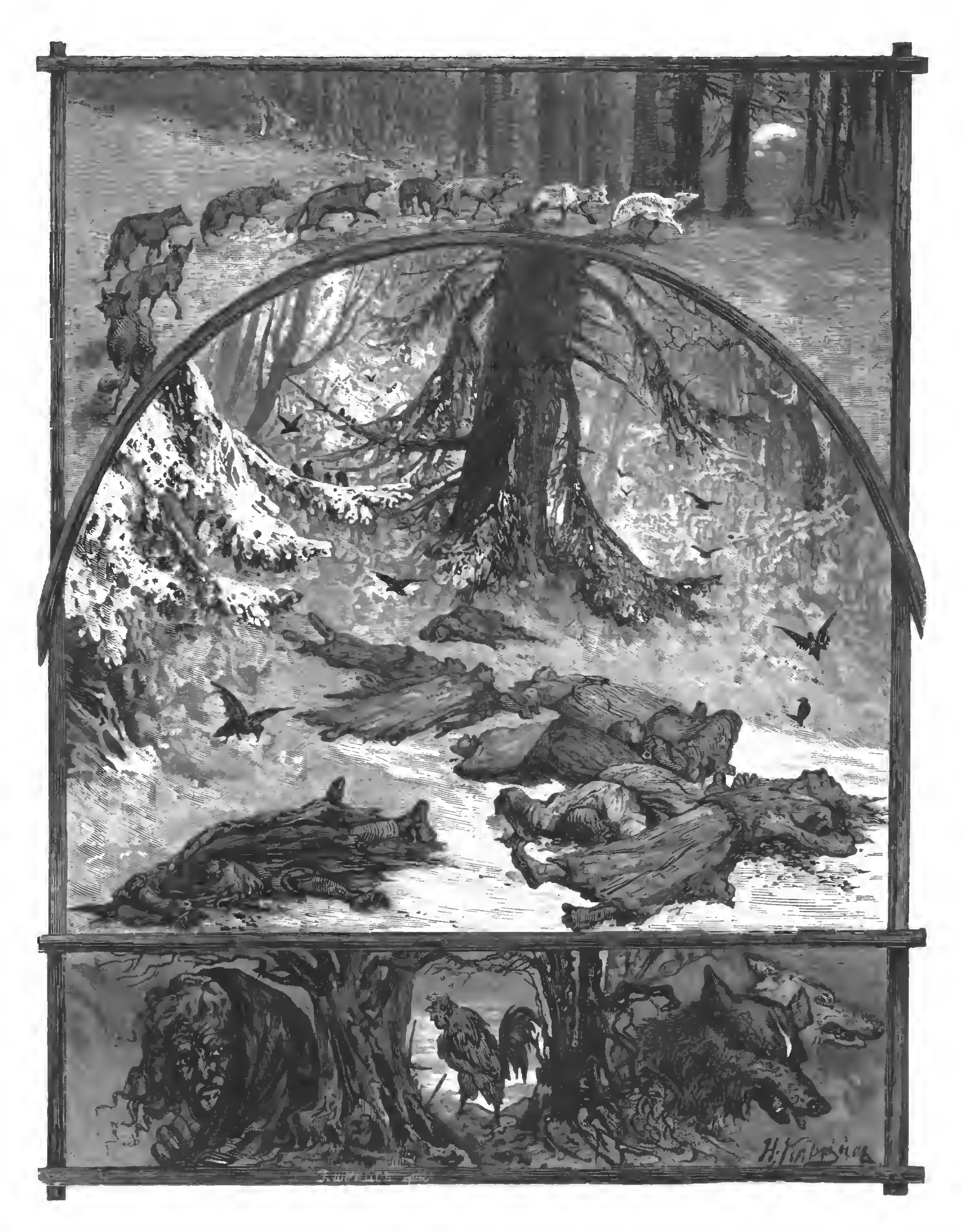
Она вернулась и тотчасъ же велѣла позвать къ себѣ стрѣльцовъ, старыхъ стрѣльцовъ еще 82 года, которые одни оставались ей вѣрными.

Она вышла къ нимъ вся въ слезахъ, съ измученнымъ жалкимъ видомъ. Она собрала весь остатокъ силъ своихъ, рѣшилась испробовать послѣднее средство и если оно не поможетъ—отдаться своей участи.

Послѣдняя страшная обида, отчаяніе, ненависть, тоска, которыя давили ее, все это придавало особенное выраженіе, особенную страстность ея голосу.

Она говорила увлекательно; стрѣльцы ее слушали видимо растроганные.

— Дѣти, говорила Софья,—пошла я къ Троицѣ и вотъ въ Воздвиженскомъ меня чуть не застрѣлили: едва я ушла оттуда. Страшныя дѣла у насъ творятся. Нарышкины съ Лопухиными хотятъ извести царя Ивана; до меня добираются. Скажите же мнѣ—могу ли я на васъ положиться? Надобны ли мы вамъ? отвѣчайте не медля, отвѣчайте сущую правду: коли мы не надобны, то пойдемъ съ братомъ Иваномъ гдѣ нибудь себѣ кельи искать. Думала я—образумится братъ младшій, окончитъ эту распрю со мною, да нѣтъ—Борисъ Голицынъ и Левъ Нарышкинъ его совсѣмъ съ ума споили, на меня натравляютъ. А старшаго царя ни во что не ставятъ, комнату его дровами завалили. Меня называютъ дѣвкою, какъ будто я не дочь царя Алексѣя Михайловича. Хотятъ голову рубить князю Василью Васильевичу, а сами знаете—много онъ добра сдѣлалъ: съ Польшею вѣчный миръ заключилъ; съ Дону прежде бѣглыхъ не выдавали, а теперь выдаютъ его промысломъ. . Заступитесь, дѣти... я обо всемъ радѣла... васъ



Литературный Альбомъ: „Волки“, Баллада гр. А. К. Толстаго. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Е. Шмидтъ.

не забывала, а теперь все изъ моихъ рукъ тащатъ. Безъ меня то пожалуй и вамъ худо будетъ. Не ходите къ Троицѣ... А то пожалуй и вы побѣжите отъ меня... Цѣлуйте крестъ! Она приказала принести крестъ и привела стрѣльцовъ къ присягѣ. Тѣ присягнули, но Софья все же ничего не выиграла.

## XIV.

Въ то время какъ новыя грозныя событія собирались надъ Москвою, въ то время какъ приходили послѣдніе дни владычества Софьи, по тихой проселочной дорогѣ у опушки непроходимаго бора, тянувшагося съ небольшими перерывами, чуть не до самой Украйны, медленно катились нѣсколько запыленныхъ подводъ, а впереди подводъ какой-то громоздкій безобразный экипажъ въ родѣ тарантаса, запряженный шестерикомъ лошадей. На каждой телѣгѣ, загроможденной пожитками, двое или трое слугъ и молодцы все на подборъ, крупные, внушительнаго вида, къ тому же и вооружены изрядно.

Въ самомъ терантасѣ, изъ-за пуховыхъ подушекъ можно было разглядѣть двѣ фигуры: мужчину и женщину. Мужчина съ усами длинными, съ окладистой бородою, безпокойнымъ взоромъ и рѣшительнымъ лицомъ, женщина красивая, съ огненными глазами, но уже не первой молодости.

Со стороны глядя, всякій принялъ бы этотъ поѣздъ за помѣщичій, всякій сказалъ бы, что то переѣзжаетъ какой нибудь дворянинъ изъ одной вотчины въ другую. Но то былъ не помѣщичій поѣздъ, то ѣхалъ изъ Москвы на Украйну, со своими пожитками и наемными слугами, бывшій стрѣлецкій подполковникъ Озеровъ, не мало службъ сослужившій царевнѣ Софьѣ. А съ нимъ его жена, бывшая любимая наперсница царевны, Ѳедора Родимица.

Софья послѣ торжества своего не забыла любимую постельницу, которая служила ей такія вѣрныя службы, наградила она приданымъ не малымъ и выдала замужъ за Озерова.

Многіе думали, что царевнина любимица пойдетъ очень далеко, съумѣетъ пожалуй добиться при дворѣ высокаго положенія, многіе весьма удивлялись видя, что Родимица даже совершенно исчезла изъ терема и стушевалась: за что такая немилость?

Но немилости никакой не было и царевна и Ѳедора были очень довольны другъ другомъ; связь ихъ была неразрывна. Бывшая постельница отлично устроилась въ слободѣ стрѣлецкой, на славу обзавелась домикомъ и хозяйствомъ, получила мужа себѣ по мыслямъ, сговорчиваго, тихаго нравомъ, всегда находящагося у нея въ послушаніи. Царевна никогда не забывала ее своими милостями: дарила то то, то другое изъ вещей, да и казну ея пополняла щедрою рукою.

Родимица, заведя по Москвѣ большія знакомства, прислушивалась направо и налѣво, все высматривала, все выспрашивала и обо всемъ доносила царевнѣ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ до самаго послѣдняго времени, а въ послѣднее время нерадостныя вѣсти приносила Родимица тихомолкомъ, по вечерамъ, пробираясь въ теремные покои.

Опасные дни настали, такіе опасные, что однажды, идя къ царевнѣ, Родимица не на шутку задумалась: „не сдобровать теперь Софьѣ, не сдобровать и всѣмъ ея сторонникамъ, за все про все отвѣчать придется пожалуй и самой ей, Родимицѣ. Даромъ, что притулилась она въ своей слободѣ и удовольствовалась невиднымъ, но выгоднымъ положеніемъ, все же враговъ много и знаютъ эти враги объ ея сношеніяхъ съ царевной, и еще лучше знаютъ про ея участіе въ прежнемъ мятежѣ стрѣлецкомъ. Да и службы Озерова тоже всѣмъ извѣстны: приходится стало быть о своихъ головахъ подумать.

Совсѣмъ на себя непохожая, какъ-то даже приниженная, встрѣтила царевна Родимицу. Молча и уныло выслушала ея вѣсти, а вѣсти были вотъ какія:

— Нѣтъ надежды теперь на стрѣльцовъ, ничего съ ними теперь не подѣлаешь. Все въ разбродъ пошло, никакой силы, никакой ловкости и рѣшимости не хватитъ—въ конецъ испорчено дѣло.

— Сама знаю что такъ, едва слышно проговорила Софья и замолчала.

Родимица стала разсказывать ей про свои опасенія за себя и за мужа. Софья взглянула на нее и слабо и грустно улыбнулась.

— Вѣрою и правдою служила ты мнѣ, Ѳедора, наконецъ проговорила она, многимъ я тебѣ обязана, стало должна подумать и о твоемъ будущемъ. Правду ты говоришь, что тебѣ и мужу твоему теперь опасно. Мнѣ вы ужь ничѣмъ не поможете и вамъ нужно теперь спасаться. Собирайтесь-ка да уѣзжайте подалѣе отъ Москвы, уѣзжайте себѣ тихомолкомъ, а я вотъ соберу тебѣ кое что на память, живите себѣ да меня не поминайте лихомъ.

Ѳедора смутилась на мгновеніе.

Какъ же это въ горѣ, несчастіи покинуть царевну!

Но смущеніе это прошло скоро: Родимица уже не была прежней на смерть готовой за царевну женщиной: въ эти послѣдніе годы ее начинало неудержимо тянуть на родину, въ Украйну. Она спала и видѣла туда вернуться и кончила она тѣмъ, что бросилась на колѣни передъ царевной, поцѣловала ея руки, попричитала обычно да и простилась съ нею на вѣки.

Софья исполнила свое обѣщаніе, прислала ей богатые подарки, прислала и денегъ не мало.

Озеровъ нанялъ людей подходящихъ, которые бы сопровождали въ дорогѣ его пожитки и могли бы справиться съ придорожными ворами да разбойниками, все устроилъ. Глухою ночью собралъ и выслалъ изъ города подводы, скинулъ съ себя мундиръ стрѣлецкій и выѣхалъ тайно изъ Москвы съ женою. И вотъ они на дорогѣ въ Украйну.

Ѣдутъ не мало времени; проѣхали многіе города, мѣстечки, села; не мало навидались да наслушались: тяжело на сердцѣ у Родимицы, все нѣтъ, нѣтъ да и вздумается про царевну.

Что то теперь она, матушка? Что то съ ней будетъ? Авось Богъ дастъ въ живыхъ то ее оставятъ... что отъ власти отойдетъ она, такъ это и лучше—измаялась вся, а что съ того проку вышло!

Вспомнились Родимицѣ иныя горячія слова Софьи о благѣ родины, вспомнились ея рѣчи о томъ, что при ея мудромъ правленіи отдохнетъ родная земля отъ прежнихъ смутъ и неурядицъ.

Радовалась Софья, получая добрыя вѣсти изъ городовъ разныхъ, но видитъ теперь Ѳедора какъ заблуждалась правительница, видитъ что многія добрыя вѣсти были лживы, что нѣтъ тишины и счастья въ землѣ русской. Разумная баба Ѳедора, понимаетъ что кругомъ творится и никогда не забыть ей чего навидѣлась она этой долгой дорогой.

Да, плохо русскому люду: законные и незаконные поборы сильно его угнетаютъ, вопятъ мірскіе люди: совсѣмъ должны они раззорятъся—заѣдаетъ ихъ кормленіе воеводъ и подъячихъ; да и какъ тутъ справиться—сидитъ себѣ воевода и зоветъ земскаго старосту: „неси ты мнѣ, говоритъ, пирогъ въ пять алтынъ, налимовъ на двадцать шесть алтынъ, подъячему—пирогъ въ четыре алтына и двѣ деньги, другому подъячему—пирогъ въ три алтына и три деньги, третьему—въ три алтына и двѣ деньги.“ Три дня проходитъ и опять воевода требуетъ. Зоветъ старосту къ себѣ обѣдать. Староста отказаться не смѣетъ и долженъ заплатить за эту честь. Несетъ онъ, крехтя, воеводѣ четыре алтына, боярынѣ его три алтына двѣ деньги, сыну его

восемь денегъ, боярскимъ боярынямъ восемь денегъ, жильцамъ верховымъ шесть денегъ. И тянутся эти приношенія круглый годъ раза по два иной разъ въ недѣлю, и ради всякаго случая: сегодня воевода имянинникъ, завтра день его рожденья, сегодня у него обѣдъ, завтра похмѣлье!—И плачутъ мірскіе алтыны да деньги, плачетъ людъ русскій и съ горя бѣжитъ на кружечный дворъ пропивать послѣднее достояніе, а пропившись собирается человѣкъ по двадцати и больше и идетъ эта голая и пьяная арава въ сосѣднія села разбоемъ, мучитъ крестьянъ, жжетъ огнемъ и вымучиваетъ рублей по сту.

Крестьяне, заложивъ свои животишки и деревнюшки, отъ разбойниковъ откупаются и бредутъ врознь, куда глаза глядятъ. Цѣлыя села пустѣютъ, полнятся только степные притоны, гдѣ лихіе, безшабашные атаманы набираютъ себѣ товарищей, полнятся раскольничьи скиты, куда скрываются тѣ несчастливцы, которымъ, не смотря на всѣ бѣды, все еще жутко ходить съ кистенемъ да рогатиной.,.

Вечерѣетъ осенній день ненастный. Наплываютъ одна за другою свинцовыя тучи. Вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе налегаетъ на деревья, и гнутся ихъ верхушки, осыпая дорогу желтыми листьями. Вотъ и дождь то крупный и тяжелый, то вдругъ мелкій да острый словно тонкія ледяныя иглы. Вотъ и темь... Изъ лѣсной чащи такъ и глядятъ на путника мракъ и ужасъ, такъ и чудятся всякія дива.

Видно и вооруженнымъ молодцамъ на заднихъ подводахъ стало тяжко и жутко, завели они пѣсню. Но унылые звуки еще большую тоску нагоняютъ, да того и жди наведутъ на обозъ недобраго человѣка—разбойника, или лѣснаго звѣря. И смолкла пѣсня.

Ѳедора сидитъ вся уйдя въ мягкія подушки, думаетъ свои невеселыя думы, глядитъ не мигая въ темноту лѣсную. Мужъ ея спитъ крѣпкимъ сномъ—нѣтъ у него въ головѣ думъ мрачныхъ. Радъ онъ радешенекъ, что изъ Москвы по добру по здорову выбрался. Теперь далеко—не словятъ, а до того, что дѣлается на Руси-матушкѣ ему нѣтъ дѣла: хоть пропадомъ пропади все, лишь бы ему съ женой да пожитками благополучно до мѣста добраться...

А вечеръ все темнѣе, погода все ненастнѣе... Вотъ небо совсѣмъ обложилось, какъ деготь черное, и сталъ хлестать дождикъ, размѣсилась грязь по дорогѣ, почитай что нѣтъ и проѣзду.

— Стой! кричатъ въ заднихъ подводахъ.

— Что такое? встрепенувшись сказала Ѳедора высовываясь изъ тарантаса.

Къ ней подошелъ одинъ изъ молодцовъ.

— Да вотъ, государыня боярыня, лошади больно замучились, да и грязь, сама видишь, переночевать бы остановиться.

— Да гдѣ же остановиться то? здѣсь въ лѣсу что ли? Спросила Ѳедора.

— Зачѣмъ же въ лѣсу—тутъ видишь ты направо сейчасъ и лѣсу конецъ, селеніе, усадьба... Не дозволишь ли понавѣдаться кто живетъ, можетъ добрый человѣкъ, бояринъ али тамъ кто. Можетъ и лошадокъ накормятъ да и насъ безъ ужина не оставятъ.

— Что-жь ступай, только вернись скорѣе, разрѣшила Ѳедора.

Обозъ остановился: молодецъ отпрягъ изъ одной телѣги лошадку, вскочилъ на нее верхомъ и потрусилъ куда то.

Прошло добрыхъ полчаса. Озеровъ храпѣлъ, да и Ѳедора вздремнула.

Но вотъ молодецъ возвратился, говоритъ: большое тутъ селеніе, вотчина дворянина Перхулова, да и самъ то онъ Перхуловъ съ семьею живетъ въ своей усадьбѣ и проситъ проѣзжихъ бояръ къ себѣ ночевать.

— Усадьба, вишь ты, богатая, закончилъ свое донесеніе молодецъ, дворовыхъ много, люди ласковые и ужинъ и почлегъ будетъ.

Ѳедора разбудила мужа и черезъ нѣсколько минутъ весь обозъ поворотилъ къ усадьбѣ дворянина Перхулова.

(Окончаніе въ слѣд. №).

# Къ рисункамъ.

## Поиски модели.

(Сцена изъ жизни художниковъ въ Римѣ).

Картина Торноё.

Вѣчный Римъ, какъ извѣстно, издавна посѣщается художниками всѣхъ націй, ищущихъ въ немъ вдохновенія и сюжетовъ для своего творчества, но нужно сознаться, что въ отношеніи сюжетовъ, представляемыхъ народною жизнью и народными типами, современная столица объединенной Италіи уже не обладаетъ тѣмъ разнообразіемъ и изумительнымъ богатствомъ, какъ тому лѣтъ двадцать назадъ. Все опошливается и принимаетъ такой общій характеръ. Особенно оскудѣлъ Римъ столь драгоцѣннымъ для художника типомъ римской простолюдинки въ ея живописномъ и оригинальномъ нарядѣ. Чтобы найти теперь подобный типъ во всей его чистотѣ, художникъ не только долженъ бродить по отдаленнымъ улицамъ и закоулкамъ вѣчнаго города, но и по всѣмъ отдаленнымъ его окрестностямъ, если не хочетъ пользоваться услугами все тѣхъ же извѣстныхъ всѣмъ наперечетъ натурщицъ, толпящихся обыкновенно на via sistina и позирующихъ за извѣстную плату. Постоянные поиски модели составляютъ въ жизни римскихъ художниковъ весьма обычное явленіе и Торноё, подмѣтивъ его, воплотилъ въ прелестной картинкѣ, помѣщенной нами въ настоящемъ номерѣ „Нивы“. На ней изображенъ юный, бѣлокурый художникъ, вѣроятно сынъ туманнаго Альбіона, случайно встрѣтившій въ скромной остеріи прекрасную модель для задуманнаго имъ произведенія. Онъ, какъ видно, внѣ себя отъ восторга и, любуясь южной красавицей, спѣшитъ угостить ее лучшимъ виномъ и разсыпается на ломаномъ итальянскомъ языкѣ въ самыхъ изысканныхъ любезностяхъ. Въ своемъ увлеченіи онъ даже не замѣчаетъ, что ея спутникъ, угрюмый итальянскій простолюдинъ, бросаетъ на него свирѣпые взгляды и, выпуская клубы дыма изъ своей коротенькой трубки, недовольно и подозрительно прислушивается къ оживленной рѣчи молодого художника. Этотъ спутникъ—прекрасно схваченный типъ пылкаго, ревниваго итальянца, готоваго на обидное слово отвѣтить ударомъ стилета. Такой типъ нерѣдко можно встрѣтить въ римскихъ остеріяхъ. Таковъ былъ Пеппо, о которомъ вспоминаетъ нашъ поэтъ А. Н. Майковъ въ своихъ превосходныхъ „Очеркахъ Рима“:

.... За дурное слово,
За обиду—острый ножъ,
Не боясь суда людскаго,
Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой
За повадливую рѣчь,
Смѣло въ бой полѣзешь жаркой
И готовъ въ могилу лечь.

Таковъ былъ Пеппо. И такъ какъ такихъ неудобныхъ лицъ въ Римѣ не мало, то поиски модели бываютъ не всегда безопасны и не обходятся иногда безъ непріятностей.

## У сапожника.

(Картина А. Ротта).

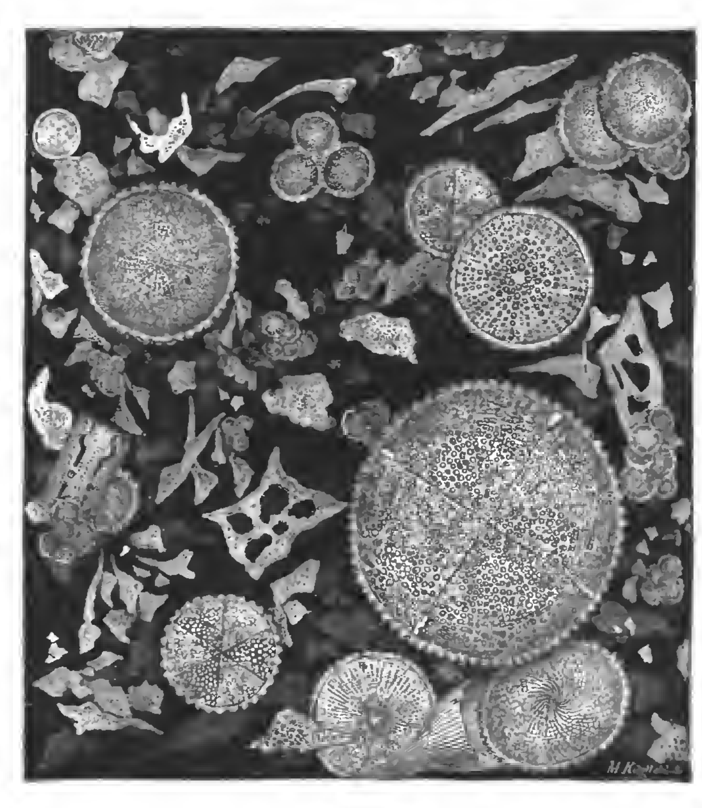
Молодая женщина торопится. Ей надо уходить—пусть снимаютъ мѣрку поскорѣе, ей еще столько дѣла. А старикъ мастеръ такъ важенъ и медленъ. „Поспѣшишь—людей насмѣшишь“. Нельзя такъ скоро. Скоро да не споро. Онъ не любитъ дѣлать зря и кое-какъ. Онъ любитъ свое дѣло и не хочетъ чтобы сказали, что его работа плоха. Онъ думаетъ только объ томъ, какъ бы не съузить, не слишкомъ поднять... А его молодой подмастерье-солдатикъ видимо думаетъ не о сапожномъ мастерствѣ и плутоватая улыбка освѣщаетъ его оживленное лицо.

## Микроскопическія инфузоріи, находимыя на днѣ моря.

Эти маленькія и красивыя животныя, подъ названіемъ корненожекъ фораминиферъ (Cephalopodes, Nummulites, Camerines, Foraminifcres) діатомацей и множествомъ другихъ О существованіи ихъ стало извѣстно не особенно давно, именно около $1^1/_2$ столѣтія тому назадъ, съ 1731 года. Впервые итальянскій натуралистъ Беккарія, дѣлалъ надъ ними наблюденія близь Равенны.

Долгое время считали, что эти животныя водятся только въ Адріатическомъ морѣ, гдѣ наблюдалъ ихъ Беккарія. Но потомъ ихъ стали находить въ моряхъ, омывающихъ берега Франціи и Англіи, и затѣмъ повсемѣстность нахожденія этихъ животныхъ въ океанѣ доказана въ 1825 г. ученымъ Дорбиньи, который указалъ и на ихъ огромную важность въ экономіи жизни океана.

Фораминиферы находятся въ пескѣ всѣхъ морскихъ береговъ и часто въ такомъ множествѣ, что составляютъ значительную часть вѣса песка. Уже наблюдавшій этихъ животныхъ въ 1739 году Планкусъ въ 6-ти унціяхъ морскаго песку нашелъ ихъ *8,000* штукъ. Дорбиньи, изслѣдуя 1 фунтъ песку, взятаго въ морѣ, близъ Антильскихъ острововъ нашелъ въ одномъ этомъ изслѣдуемомъ фунтѣ *3.849,000* штукъ подобныхъ животныхъ. Въ Атлантическомъ океанѣ, омывающемъ берега Соединенныхъ Штатовъ, стоитъ только опустить лотъ на глубину 90 саженъ, какъ уже къ лоту прицѣпляются цѣлыя массы чашечко-образныхъ животныхъ, подобныхъ



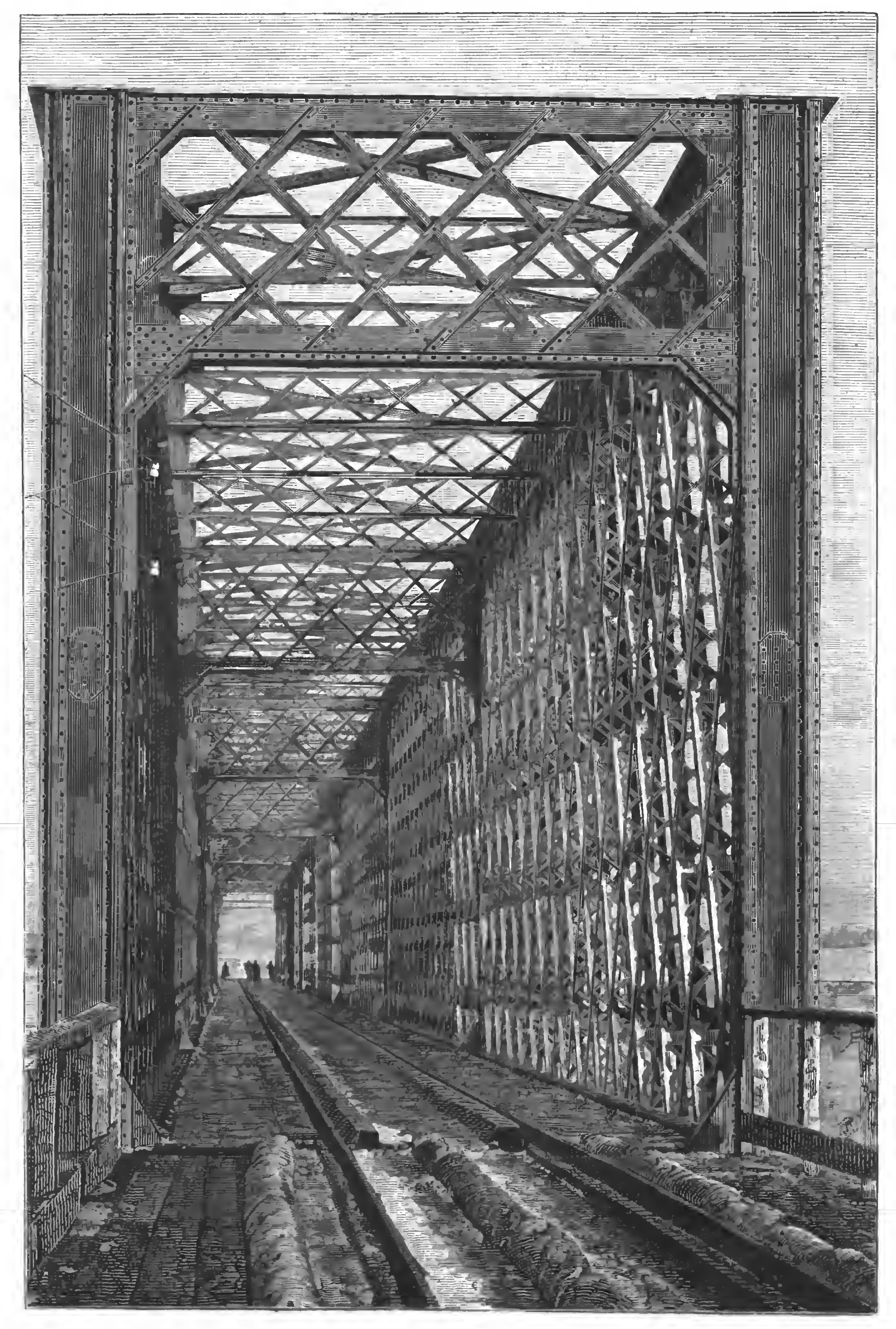
**Инфузоріи на днѣ моря, увеличенныя микроскопомъ.** Рис. Пуме. грав. Катинъ.

изображеннымъ на прилагаемомъ нами рисункѣ.

Уже изъ рисунка этого читатель видитъ, что микроскопическія раковинки животныхъ сходны съ раковинами корабликовъ и такъ называемыхъ роговъ Аммонія.

Фораминиферы одѣты твердымъ покровомъ, изъ-подъ котораго высовываются нитеобразные продолженія мягкаго внутренняго тѣла, чрезъ многія отверстія. Назначеніе этихъ нитеобразныхъ придатковъ состоитъ въ ползаніи или исканіи добычи. Раковинка плотно прилегаетъ къ тѣлу животнаго, хотя и не сростается съ нимъ, и чрезъ одно большое или множество малыхъ отверстій раковинки и проходятъ эти нити. Эти послѣднія могутъ имѣть длину въ 12-ть разъ больше поперечника тѣла,— могутъ развѣтвляться, соединяться тонкими и широкими пластинками, и покрывать своею сѣтью пространство въ нѣсколько линій поперегъ; въ срединѣ же помѣщается тѣло животнаго, закутанное въ своемъ покровѣ. Животное, выпустивъ въ отверстія покрова эти нити, хватаетъ свою добычу подобно пауку. Предполагая

**Желѣзный мостъ черезъ рѣку Волгу. Рыб.-Болог. ж. дор., Видъ съ боку.** Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



**Желѣзный Мостъ черезъ рѣку Волгу. Рыб.-Болог. ж. дор., видъ спереди.** Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

прежде, да, кажется, предполагают и теперь, что распущенныя нити животнаго содержат в себѣ какое-либо ядовитое вещество. Ученый Шульце, наблюдавшій жизнь фораминифер, нѣсколько раз имѣл случай видѣть, как парамеціи, кальподы и нѣкоторыя другія породы морских инфузорій лишь только касались нити протянутой из отверзтія фораминиферы, как мгновенно были как будто оглушены и становились неподвижными.

Обратите, читатель, еще вниманіе на прилагаемый рисунок и всмотритесь в него хорошенько. Эти красивыя чашечкообразныя пластинки со множеством выпуклых точечек, образованы из *известняка*. Всѣ онѣ отличаются тонкостью и чрезвычайным разнообразіем своих форм. Есть подобныя известковыя чашечки шарообразныя, бутылочныя, прямыя, витыя, иногда снабженныя множеством дырочек, иногда широко раскрывающіяся. Полость у иных чашечек простая, у других снабжена многими камерами. Извѣстно болѣе 1,600 видов фораминифер, с весьма разнообразными чашечками.

Но на ряду с фораминиферами, в отношеніи множества населяющих море особей, стоят еще *діатомацеи*. Формы этих микроскопических животных представляют замѣчательно-правильныя математическія фигуры, круги, треугольники, параллелограмы.

В массѣ фигурок, помѣщенных на нашем рисункѣ, есть и фораминиферы, и діатомацеи. Послѣдних мореплаватели добывали из страшной глубины моря. Например, знаменитый путешественник Джемс Росс, во время плаванія к южному полюсу, опускал лот на такую глубину, которая в состояніи была бы покрыть колоссальную вершину Чимборазо, и все таки из этой страшной глубины были добыты діатомацеи. В плавающих льдах Сѣвернаго моря часто можно находить милліоны діатомацей; в полярных странах онѣ часто образуют грязную пѣну па поверхности моря.

У фораминифер, составляющій оболочку панцырь имѣет твердый нѣжно—известковый состав; діатомацеи же одѣты покровом с кремнистым содержаніем и этим различіем в составѣ покровов объясняется важность тѣх и других организмов для геологов-изслѣдователей, потому что кремнистыми или известковыми покровами организмов всегда объясняется относительная давность или недавность земных формацій. В теченіе множества вѣков, непрерывными слоями, и діатомацеи и фораминиферы ложились на дно моря (при чем умирало заключенное в оболочкѣ тѣло животнаго, сама же оболочка оставалась). Постоянно накоплялись остатки покровов этих животных, и этим путем увеличивались верхи подводных гор и мелей, заносились бухты и рукава моря. При своей микроскопически малой величинѣ, эти существа производят громадные перевороты в общих измѣненіях суши и моря необъятною массою своих особей. В *одном* кубическом дюймѣ находится нѣсколько милліонов этих существ, так что с полным правом их можно причислить к неутомимым и постоянным строителям земной коры...

## Волки.

(Баллада графа А. К. Толстаго).

С дѣтства волк для нас что-то такое знакомое. Русскій ребенок рано привыкает слышать разсказы о нем, и когда снѣг крутится на дворѣ, он привыкает, вздрагивая, слышать за темным окном заунывный вой собак и другой странный, отдаленный и дикій вой, смѣшивающійся с ревом мятели. Он привыкает думать о нем и представлять его себѣ бродящим по темным оврагам, около заборов и усадеб—голоднаго, всѣми преслѣдуемаго, ищущаго рѣдкой добычи, звѣря. В такія бурныя темныя ночи так уютно и тепло в комнатѣ и так рад человѣк, что сидит у жарко-растопленной печи, а не ѣдет по пустому полю, гдѣ волнуется только бѣлая мятель до самаго неба, не дрогнет от холода, не отыскивает в отчаяніи, сбившись с пути, слѣду, прислушиваясь, не залает ли гдѣ собака, не звякнет ли дальній колокол.

В такія бурныя, темныя ночи так слушаются всѣ эти разсказы про нападенія волков, про оборотней, вѣдьм... Говорят, вѣдьмы оборачиваются волками и бродят тихо вездѣ и слушают... Их девять. Идут волки один за другим и когда разглядит их сквозь мятель домохозяин, запирая скрипучія ворота, то крестится и читает молитву. Их девять...

Когда в селах пустѣет
Смолкнет говор селян
И сѣдой забѣлѣет
Над болотом туман,
Из лѣсов, тихомолком,
По полям, волк за волком,
Отправляются всѣ на добычу...

* * *

Семь волков идут смѣло;
Впереди их идет
Волк осьмой, шерсти бѣлой
И таинственный ход
Заключает девятый;
С окровавленной пятой
Он за ними идет и хромает.

* * *

Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповскій заходят...

Идут они вездѣ и слушают людскія рѣчи. Это оборотни...

Их глаза словно свѣчи,
Зубы шила острѣй—
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стрѣляй по ним смѣло—
Прежде рухнет волк бѣлый
А за ним упадут и другіе.

* * *

А в полночь, когда спящих
Всѣх разбудит пѣтух
Ты увидишь лежащих
Девять мертвых старух.
Впереди их сѣдая,
Позади их хромая—
Всѣ в крови... С нами сила Господня!

Таково повѣрье. Поэт передает тон повѣрья превосходно. Самая странность склада стиха оставляет особенное, таинственно-неопредѣленное впечатлѣніе, присущее всѣм таким разсказам, которые в зимней ночи, задумчиво и затаив дыханіе, слушают гдѣ нибудь в избѣ глухой деревни, по задворкам которой бродят волки и гудит мятель... Это впечатлѣніе передано и художником на нашем рисункѣ.

## Русскія желѣзныя дороги.

(Рыбинско-Бологовскій мост па Волгѣ).

Многіе конечно хорошо помнят время, когда в Россіи желѣзно-дорожное дѣло только что зарождалось; но в какіе нибудь 40 лѣт сдѣлало сравнительно гигантскій шаг и в этом отношеніи может смѣло занять почетное мѣсто, даже одно из первых мѣст, в средѣ желѣзно-дорожных систем государств Западной Европы.

Не болѣе сорока лѣт тому назад у нас не было еще ни одного желѣзно-дорожнаго пути. Первая дорога на протяженіи 25 верст была проведена от Петербурга до Царскаго села. Через 10 лѣт т. е. в 1848 году в Россія желѣзнодорожная сѣть имѣла уже протяженіе в 356 верст. В слѣдующее десятилѣтіе это протяженіе увеличилось почти в четыре раза и именно сѣть раскинулась уже на 1,250 верст. В 1868 г. было проведено уже 6,565 верст; за тѣм через 5 лѣт, в 1873 г. мы имѣли уже 13,775 верст а к 1-му же января настоящаго года длина всѣх линій простиралась уже до 20,000 верст. Кромѣ того болѣе 3,000 верст находятся в постройкѣ. Несмотря на такое быстрое развитіе желѣзнодорожной сѣти, Управленіе желѣзными дорогами в Россіи (сосредоточенное в особом департаментѣ желѣзных дорог) продолжает заботиться о расширеніи этой сѣти. Так послѣ открытой в началѣ 1877 года большой Оренбургской линіи на протяженіи 2,100 верст одною из первых, как по протяженію так и по значенію, должна стоять без сомнѣнія Сибирская дорога, для изысканій которой еще в 1875 году был послан генерал Безносиков (умершій в ноябрѣ 1876 года). По порученію генерал-губернатора Туркестанской области он производил изслѣдованія от Ташкента по различным направленіям, идущим от Уральско-Оренбургской и Сибирской линій. По проэкту покойнаго Безносикова, дорога должна идти от Оренбурга на Орск до озера Куюк, от котораго вѣтвь идет на сѣвер к Троицку и на юг к Ташкенту, гдѣ совпадает с почтовым трактом на Туркестан до Ташкента. Это направленіе имѣет то преимущество перед другими линіями, что, удаляясь на восток от Арало-Каспійской котловины, избѣгает зыбучих песчаных холмов, также болотистых и топких солончаковых низин, захватывает удобную к заселенію полосу, изобилующую лѣсом, не лишенную и воды, а в южной части удобную для производства хлопка, шелку и других произведеній, свойственных южному климату. Понятно, что дорога в среднюю Азію должна примкнуть к Екатеринбургу, стоящему па линіи сибирской дороги. Выбор этого направленія Оренбургско-Ташкентской желѣзной дороги был Высочайше одобрен и по окончаніи изысканій длина линіи опредѣлена в 2100 верст, из коих собственно от Оренбурга до развѣтвленія 600 верст, а оттуда до Ташкента 1,200 верст, а до Троицка 300.

С проведеніем этой дороги и тѣх небольших участков, которые частью только разрѣшены, частію уже строятся и присовокупленіем к ним новой дороги от Бендер до

Галаца, вызванной потребностями настоящей войны съ Турціей и могущей принести намъ весьма серьезныя услуги какъ въ настоящее время для оставшихся въ Болгаріи окупаціонныхъ войскъ такъ и для будущихъ дѣйствій, Россія, занимавшая еще 20 лѣтъ назадъ менѣе чѣмъ десятое мѣсто въ желѣзнодорожной европейской семьѣ, дѣлается почти первою и можно смѣло сказать что пройдутъ еще какіе нибудь четыре, пять лѣтъ и наша желѣзнодорожная сѣть превыситъ, по протяженію, самую старую представительницу по этой части, Англію.

Наши рисунки представляютъ одно изъ грандіозныхъ сооруженій—мостъ черезъ Волгу Рыбинско-Бологовской жел. дороги. Мостъ этотъ находится на 176 верстѣ дороги и строенъ въ 1869, 70 и 71 годахъ. Движеніе по мосту было открыто 15 января 1871 года. Строила его французская компанія Гуэнъ и Ко; постройка его со всѣми расходами обошлась въ общей суммѣ въ 1.900.000 рублей.

Мостъ состоитъ всего изъ 6 пролетовъ: 4 рѣчныхъ и двухъ береговыхъ; длина его 213 саженъ. Изъ 4 рѣчныхъ пролетовъ два средніе шириною въ 49½ саженъ, крайніе по 41 саж., два же береговые пролета по 16 саженъ каждый, желѣзные фермы моста, подкрѣпляющіе рѣчные пролеты представляютъ неразрѣзную балку многораскосной системы съ ѣздою по низу и длиною въ 189 саженъ. Черезъ береговые пролеты путь идетъ двумя мостами тоже многораскосной системы съ ѣздою по верху, длиною по 17 саженъ каждый. Опоры моста состоятъ изъ двухъ береговыхъ устоевъ и двухъ береговыхъ быковъ, устроенныхъ на свайномъ основаніи изъ бутовой кладки съ облицевкою камнемъ и трехъ рѣчныхъ быковъ съ ледорѣзами у кессоновъ. Нижній подъемъ неразрѣзной балки возвышенъ надъ горизонтомъ самыхъ высокихъ весеннихъ водъ на 4 сажени а надъ горизонтомъ низкихъ водъ на 11 саженъ. Мостъ по своей величинѣ можетъ быть причисленъ къ капитальнѣйшимъ у насъ желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ и составляетъ украшеніе Рыбинско-Бологовской линіи.

## Генрихъ Лейардъ.

Съ давнихъ временъ постъ посланника въ Константинополѣ считается самымъ важнымъ дипломатическимъ назначеніемъ, какимъ располагаетъ королева Англіи; это совершенно естественно, если принять въ соображеніе то исключительное положеніе, которое занимаетъ Турція относительно другихъ европейскихъ государствъ. Во время послѣднихъ великихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ и особенно съ тѣхъ поръ, какъ восточный вопросъ и Герцеговинское возстаніе, лѣтомъ 1875 г., достигли наибольшаго развитія, англійское правительство, въ виду важности событій, видѣло необходимость имѣть на Востокѣ соотвѣтствующаго серьезности обстоятельствъ представителя. Генрихъ Лейардъ, занимающій въ настоящее время постъ посланника въ Константинополѣ, всегда съ самыхъ молодыхъ лѣтъ интересовался востокомъ и изучалъ его очень усердно. Онъ родился въ 1817 году и въ началѣ предназначалъ себя къ юридическому поприщу, но вскорѣ однако онъ оставилъ эти занятія и посвятилъ себя инымъ, болѣе отвѣчающимъ его личнымъ наклонностямъ. Въ 1839 году онъ предпринялъ обширное путешествіе; онъ объѣхалъ сѣверную и южную Европу. Черезъ Албанію и Румелію онъ проѣхалъ въ Константинополь, гдѣ и поселился въ качествѣ корреспондента одной большой англійской газеты. Впослѣдствіи онъ былъ въ Малой Азіи, ознакомился съ персидскимъ и арабскимъ языками и литературою, занимался археологіей и оказалъ громадныя услуги по изученію ассирійскихъ древностей; въ британскомъ музеѣ есть цѣлые отдѣлы, съ которыми его имя связано неразрывно. Въ 1847 году онъ былъ причисленъ къ дипломатическому корпусу, назначенъ въ Константинополь, въ 1852 и позднѣе съ 1861 по 1866 былъ младшимъ секретаремъ посольства, а въ 1869 уже чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Мадридѣ. Назначеніе въ Константинополь онъ получилъ въ 1877 г., когда сэръ Генри Эллiотъ переведенъ былъ въ Вѣну.

Положеніе, которое занималъ его предшественникъ л. Эллiотъ, какъ по отношенію къ геройской вспышкѣ славянъ, такъ и по отношенію къ достопамятнымъ ужасамъ болгарской рѣзни 1876 г., было совершенно опредѣленно. Всѣми силами стараясь дискредитовать славянъ въ глазахъ Европы, онъ скрывалъ, сколько могъ, истинное положеніе дѣлъ въ Болгаріи, а когда рукой американцевъ была сорвана завѣса съ ужасныхъ событій, онъ поставилъ себѣ цѣлью ослабить впечатлѣніе, произведенное тогда въ Европѣ этими событіями. Сэръ Лэйардъ неуклонно идетъ, въ этомъ отношеніи, по слѣдамъ своего предшественника. Задача его, впрочемъ, была труднѣе. Если Эллiотъ противодѣйствовалъ слабымъ, разрозненнымъ славянскимъ племенамъ, Лэйарду пришлось имѣть дѣло съ русскими. Какъ, однако, это ни казалось затруднительнымъ, нынѣшній британскій посланникъ не можетъ упрекнуть себя, чтобы онъ не дѣлалъ всего, что могъ, дабы выказать всю враждебность свою къ намъ и къ дѣйствіямъ нашимъ на Балканскомъ полуостровѣ. Достаточно указать, напримѣръ, исторію съ пресловутой „Родопской коммисіей", при помощи которой онъ хотѣлъ добиться доказательствъ того, что, будто бы, русская армія обезславила себя возмутительными насиліями и жестокостями надъ турками. Какъ всѣ знаютъ уже—Лейардъ потерпѣлъ въ этомъ полное фіаско, тѣмъ болѣе полное, что оно обнаружило всю закулисную сторону этой интриги. Въ настоящее время онъ, главнымъ образомъ, хлопочетъ воспрепятствовать славянамъ получить и то немногое. что даровано имъ Берлинскимъ конгрессомъ. Будемъ, однако, надѣяться, что ни Биконсфильды, ни Эллiоты, ни Лэйарды не уничтожатъ плодовъ побѣдъ русскаго героя, и что Россія достигнетъ цѣли ею предначертанной въ этой войнѣ.

## Салонъ-каюта для новобрачныхъ на американскихъ пароходахъ.

Все что касается практической жизни, комфорта, мелкихъ удобствъ, особенно для путешествующихъ — обо всемъ этомъ дѣловой, вѣчно разъѣзжающій американецъ заботится больше европейца и безъ сравненія больше насъ русскихъ, отстающихъ сильно въ этомъ отношеніи. Мы или въ такой степени не цѣнимъ эти удобства, чтобы объ нихъ такъ много думать, или не такъ подвижны какъ этотъ практическій народъ. Стремленіе къ комфорту въ Америкѣ есть во всемъ, чтобы ни устраивалось. Американцы были первые, доставившіе путешествующимъ по желѣзнымъ дорогамъ возможность жить не выходя такъ сказать, изъ хорошихъ гостинницъ—въ этихъ изящныхъ, удобно приспособленныхъ спальныхъ вагонахъ, а американскіе пароходы славятся своимъ комфортабельнымъ и полнымъ вкуса устройствомъ. Кто въ первый разъ видитъ нынѣшній американскій пароходъ, того онъ невольно поражаетъ. Требовательность американцевъ въ этомъ отношеніи такъ велика, что кто самъ не видѣлъ, тотъ не можетъ объ этомъ составить даже понятія. Пароходъ чистъ и бѣлъ какъ только что выпавшій снѣгъ; онъ обширнѣе самой большой гостинницы, такъ какъ тысячи пассажировъ свободно въ немъ размѣщаются. Всякая потребность, даже прихоть, здѣсь удовлетворяется. Новобрачные напр. для послѣсвадебнаго путешествія теперь отдаютъ въ Америкѣ предпочтеніе рѣчному пароходу, который безъ толчковъ желѣзнодорожнаго вагона и безъ непріятности подвергнуться морской болѣзни, какъ птица понесетъ ихъ по одной изъ царственныхъ американскихъ рѣкъ. На устройство для новобрачныхъ на пароходѣ великолѣпныхъ комнатъ обращено особенное вниманіе. Онъ отдѣланъ обыкновенно бѣлымъ съ голубымъ, этотъ храмъ Гименея. Онъ бываетъ футовъ 16 длины, 12 ширины; это по истинѣ будуаръ Тріанона. Стѣны бѣлыя съ голубымъ или розовымъ; лѣпные простѣнки съ золотыми рамами и рельефами поддерживаютъ разукрашенный рѣзной потолокъ. Въ каждомъ углу статуэтка Купидона. Великолѣпные медальоны на потолкѣ, расписаны сценами изъ миѳологіи; они окружены гирляндами изъ цвѣтовъ и птичекъ съ разноцвѣтными перьями. Два окна съ шелковыми занавѣсками освѣщаютъ комнату. Зеркала въ золотыхъ рамахъ отъ полу до потолка. На мозаичномъ столѣ изящный графинъ со стаканами, стулья, располагающія къ отдыху кушетки, туалетный столъ розоваго дерева и великолѣпная бронзовая кровать—таково убранство салона.

# Политическія и внутреннія извѣстія.

Слова Государя Императора.—Неудача Англичанъ въ Афганѣ.—Англія и турки. Еще о соціалистахъ.—Берлинъ въ осадномъ положеніи.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" обнародованы слѣдующія слова, произнесенныя 20-го ноября, Государемъ Императоромъ въ Георгіевской залѣ Кремлевскаго дворца, при выходѣ Его Величества въ Успенскій соборъ: *„Я весьма радъ, что могу лично повторить Мое сердечное спасибо всѣмъ сословіямъ Москвы за благотворительную ихъ дѣятельность во время минувшей войны; благородному примѣру вашему послѣдовала вся Россія. Надѣюсь, что въ самомъ непродолжительномъ времени окончательный миръ съ Турціею будетъ подписанъ. Благодарю васъ также за чувства преданности, выраженныя Мнѣ по случаю грустныхъ событій, бывшихъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи. Вполнѣ вѣрю искренности этихъ чувствъ и не сомнѣваюсь, что когда Меня не станетъ, вы перенесете ихъ на Сына Моего и Его наслѣдника. Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ Намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ Намъ утѣшеніе видѣть дорогое Наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и Мнѣ"*.

Тріумфальное шествіе британскихъ войскъ въ Афганистанѣ нѣсколько было пріостановилось, какъ о томъ свидѣтельствуютъ даже и британскія извѣстія, т. е. единственный источ-

никъ свѣдѣній о начавшейся войнѣ. Мы уже сообщали читателямъ, что британцы взяли (т. е. заняли) Даку—мѣстечко, лежащее къ западу отъ Хайберскаго горнаго прохода и представляющаго обрамленный хижинами четыреугольникъ, съ садомъ посрединѣ; теперь газетѣ „Daily News" сообщаютъ изъ Джамруда, отъ 27-го ноября, что положеніе какъ вокругъ этого пункта, такъ и въ проходахъ, находящихся позади него, *стало тревожнымъ*. Горныя племена ограбили британскіе обозы, взяли въ плѣнъ отсталыхъ солдатъ и, около Алимеджида стрѣляли по британскимъ офицерамъ. Въ одну изъ послѣднихъ ночей было даже сдѣлано рѣшительное нападеніе на лагерь 11-го кавалерійскаго полка. Аттака продолжалась два часа и сопровождалась сильнымъ огнемъ. Вслѣдствіе этого были приняты серьезныя мѣры для обезпеченія проходовъ и на высотахъ разставлены караулы. Горы кишатъ разбойничьими шайками, не обращающими ни малѣйшаго вниманія на сдѣлки и договоры съ ихъ вождями. Особенную же враждебность выказываютъ африды, нейтралитетъ которыхъ думали купить деньгами. Такъ, изъ Лагора телеграфируютъ, отъ 30-го ноября, „Civil and Military Gazette", что отрядъ маіора Пирсона подвергся нападенію со стороны афридовъ, на площадкѣ, расположенной противъ Хайберскаго прохода. Два человѣка изъ отряда убито, одинъ раненъ, подъ маіоромъ убита лошадь и проходъ оказался загражденнымъ, *такъ что обозъ долженъ былъ вернуться*. Согласно позднѣйшему извѣстію, маіоръ Каваньяри, поспѣшившій къ этой части прохода, отбросилъ афридовъ и расчистилъ въ немъ путь нѣсколько далѣе. Какъ бы то ни было, но все это даетъ возможность предполагать, что, при дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи, британцамъ придется отдѣлить довольно значительныя силы для охраненія Хайберскаго дефилея и для обезпеченія, вообще, тыльныхъ своихъ сообщеній. Только что получена депеша (британскаго же источника) о томъ, что ген. Робертсъ, дѣйствуя въ Курумской долинѣ, разбилъ авганскій отрядъ и взялъ городъ Пейваръ-Коталъ. Однако, при особыхъ условіяхъ этой войны а также при гористомъ характерѣ страны, она потребуетъ, вѣроятно, нѣсколько болѣе времени и расходовъ, чѣмъ бы того желали британцы (если, конечно, эмиръ, почему бы то ни было, не захотѣлъ бы самъ продолженія ея). Предполагаютъ, что вопросъ объ этихъ расходахъ будетъ обсуждаться однимъ изъ первыхъ въ парламентѣ, созываемомъ на 5-е декабря: по крайней мѣрѣ, въ разосланномъ депутатамъ приглашеніи сказано, что 12-го декабря будетъ разсматриваться вопросъ первостепенной важности. Думаютъ, что дѣло идетъ, именно, о расходахъ на авганистанскій походъ, которые должны быть распредѣлены по ровну между Британіей и Индіей. Какъ слышно, сумма, требуемая для этой цѣли, не превышаетъ 10-ти милліоновъ ф. с. Одна половина ея покроется выпускомъ консолей; а другая—посредствомъ выпуска индійскихъ правительственныхъ облигацій.

Говорятъ, будто это созваніе парламента едва не повело къ кризису въ средѣ британскаго министерства, не всѣ члены котораго, по слухамъ, въ одинаковой степени желали открытія сессіи: графъ Биконсфильдъ, высказавшійся противъ созванія, остался, въ происходившемъ по этому поводу засѣданіи совѣта, при меньшинствѣ: вслѣдствіе такого разногласія, распространился слухъ о выходѣ нѣкоторыхъ министровъ: увѣряли, даже, что Солсбери и Нордкотъ подадутъ въ отставку первыми: слухи эти, однако, не подтвердились. Но, удержавъ свой кабинетъ въ полномъ его составѣ, британцы, чрезъ посредство сэра Лэйарда, перемѣнили весь составъ турецкаго министерства.

Обнародовано въ Константинополѣ одно весьма знаменательное назначеніе—именно *британскаго полковника* Шельдгэма—*начальникомъ жандармовъ въ Сиріи*. Какъ видно, Британія скоро покроетъ всю оттоманскую имперію сѣтью своихъ агентовъ, въ лицѣ ли преданныхъ ей турецкихъ государственныхъ дѣятелей, или въ лицѣ своихъ же подданныхъ. Агенты эти,—нечего и говорить,—служатъ ей умѣло.

Работая надъ *своими* оборонительными сооруженіями на Балканскомъ полуостровѣ, британское правительство заботится о томъ, чтобы сдѣлать болѣе или менѣе неприступнымъ и Кипръ. Оно приказало построить на этомъ островѣ обширныя укрѣпленія. Тамъ тоже, всѣ важные стратегическіе пункты—какъ внутренніе, такъ и внѣшніе—будутъ укрѣплены и соединены желѣзными дорогами. На производство всѣхъ работъ, какъ слышно, потребуется до 40 милліоновъ марокъ.

Въ послѣднее время распространились толки будто Биконсфильдъ хлопочетъ объ уступкѣ Британіи Бруссы... Утвердительно говорить о конечной цѣли этой концессіи конечно еще нельзя. Порта соглашается на вступленіе австрійскихъ войскъ въ Новобазарскій округъ, подъ условіемъ сохраненія тамъ султанскаго верховнаго авторитета; Австрія же не только соглашается на это, но даже, устами графа Андраши, признаетъ сохраненіе этого авторитета и въ Герцеговинѣ и Босніи, которыя обѣщается возвратить Портѣ, если та представитъ „солидныя гарантіи того, что введенный тамъ порядокъ не будетъ нарушенъ."

Впрочемъ, и западно-европейскимъ правительствамъ приходится обращаться къ серьезнымъ мѣрамъ для охраненія и у себя порядка, новѣйшіе нарушители котораго — соціалисты заставляютъ теперь много говорить о себѣ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, объявлено, такъ называемое „малое осадное положеніе." Въ силу этого положенія, полиціи предоставлены нѣкоторыя большія, противъ обыкновеннаго времени, права: высылать подозрительныхъ лицъ изъ Берлина, Шарлоттенбурга и Потсдама, запрещать ношеніе оружія и проч. Нѣсколько лицъ уже выслано. Слѣдствіе по дѣлу о Пассаненте указало, по словамъ „Fremdenblatt", на существованіе международнаго заговора. Въ Италіи закрыто нѣсколько соціаль-демократическихъ обществъ и клубовъ.

Довольно распространенъ въ Испаніи слухъ о намѣреніи короля Альфонса вступить во второй бракъ, съ старшею дочерью герцога Монпансье, которая старше покойной королевы на 8 лѣтъ, и старше короля нѣсколькими годами.

22-го сего ноября, въ 9½ ч. веч., Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Марія Ѳедоровна совершенно благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нарѣченнымъ Михаиломъ.


Генрихъ Лейардъ, англійскій посолъ въ Константинополѣ.

## РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

**Недавно открыто** исполинское растеніе, необычайное по размѣрамъ и красотѣ и въ сравненіи съ которымъ Victoria regia Rafflesia Arnoldi—чистые пигмеи. Счастливецъ, которому удалось сдѣлать это открытіе, называется Одоардо Беккари. Въ настоящее время онъ занимается изслѣдованіемъ Остъиндскаго архипелага. Вновь открытое растеніе красуется своими громадными цвѣтками въ лѣсахъ Суматры. Одоардо Беккари причислилъ его къ семейству Amorphophallus и далъ ему видовое названіе titanum. Въ поперечникѣ цвѣтокъ этого растенія имѣетъ 83 сантиметра, а по вертикальной оси—1,72 метра.

**Извѣстный археологъ**, докторъ Шлиманъ, пишетъ одному изъ своихъ пріятелей въ Россію, отъ 16-го ноября, съ развалинъ Трои: „Мнѣ удалось открыть въ развалинахъ дворца послѣдняго троянскаго царя два маленькіе клада и одну довольно значительную колекцію золотыхъ вещей. По условію, заключенному съ турецкимъ правительствомъ, на мою долю приходится только третья часть этихъ вещей, и я присоединяю ее къ моей большой колекціи троянскихъ сокровищъ, хранящейся въ кенсингтонскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Грандіозныя троянскія стѣны откопаны теперь на большомъ протяженіи и открыта широкая улица, обходившая вокругъ дворца".

(Продолженіе на стр.) 917, 918, 919, и 920.

**Рождественскіе праздники**, время усиленной покупки *игрушекъ для дѣтей*. По этому поводу одинъ аптекарь изъ Верхней Силезіи сообщаетъ въ газету „Berliner Tageblatt“, что его малолѣтняя дочь едва не отравилась куклою, окрашенною свинцовыми бѣлилами. Корреспондентъ берлинской газеты, прибавляя, что такія же явленія были замѣчены и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Силезіи, дѣлаетъ отсюда выводъ, что „безсовѣстные“ нѣкоторые фабриканты пользуются ядовитыми красками не только для игрушекъ, назначенныхъ къ вывозу заграницу, но и для дѣтскихъ товаровъ внутренней распродажи. Въ поясненіе этихъ словъ, надо сказать, что нѣмецкій законъ о запрещеніи ядовитыхъ примѣсей къ товарамъ дѣйствительно имѣетъ въ виду и охраняетъ отъ отравы предметы лишь внутренняго, а не внѣшняго сбыта. Что же слѣдуетъ думать о разныхъ игрушкахъ, безнаказанно отправляемыхъ „безсовѣстными“ нѣкоторыми фабрикантами за границу, если они не щадятъ даже дѣтей родины? Тотъ же аптекарь сообщаетъ, что присутствіе свинцовыхъ бѣлилъ въ краскѣ игрушекъ и разныхъ другихъ предметовъ легко обнаруживаютъ жидкія химическія соединенія сѣры и водорода; отъ нѣсколькихъ капель такихъ жидкостей свинцовыя бѣлила чернѣютъ.

**Эпидемія кассовыхъ кражъ** и растратъ подвигается и на сѣверъ. Финляндскія газеты сообщаютъ, что изъ денежнаго шкафа главной таможенной дирекціи въ Гельсингфорсѣ безслѣдно исчезли 27,000 марокъ, вытребованныя въ прошлую субботу изъ таможни для уплаты, въ понедѣльникъ, на нынѣшней недѣлѣ, трехмѣсячнаго жалованья служащимъ. Въ субботу деньги были сосчитаны и заперты въ шкафъ, а въ понедѣльникъ шкафъ оказался незапертымъ и пустымъ.

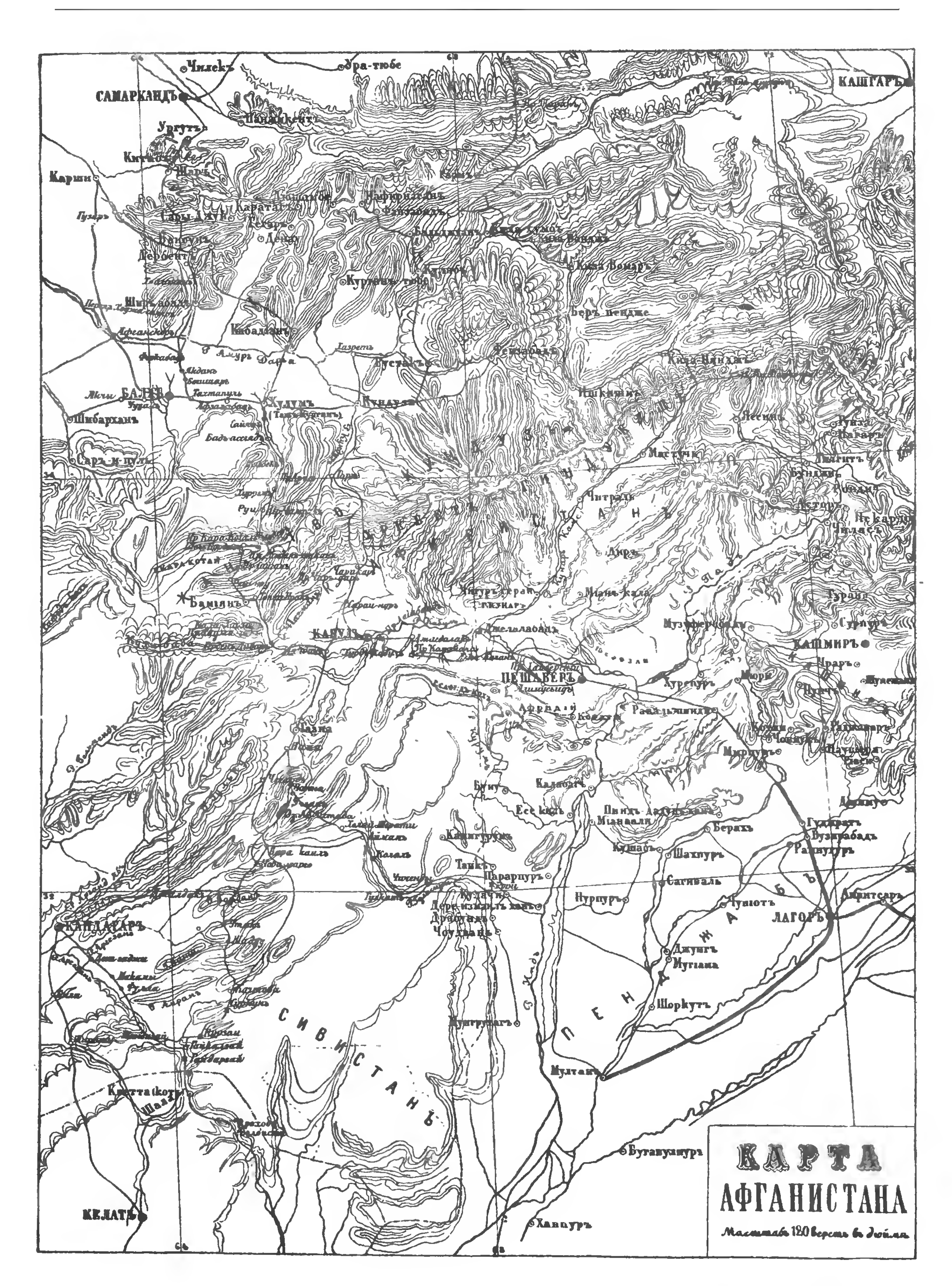
**Если Россія, по количеству наградъ**, выданныхъ на Парижской выставкѣ, занимаетъ не перв степенное мѣсто, то, съ другой стороны, мы можемъ быть довольны тѣмъ, что жюри выставки увѣнчало наши успѣхи въ самыхъ различныхъ отрасляхъ производства. Въ свое время публика могла убѣдиться въ томъ изъ обнародованнаго списка наградъ, назначенныхъ нашимъ экспонентамъ. Здѣсь мы только кстати скажемъ, что стоящее въ нашемъ отечествѣ въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ дѣло книгопечатанія и издательства, настолько, однако, подвинуто уже впередъ, благодаря энергическимъ усиліямъ небольшаго числа людей, посвятившихъ ему себя у насъ, что Парижское жюри признало справедливымъ отмѣтить этотъ успѣхъ и назначить дѣятелямъ награды. Между прочимъ и нашъ журналъ *„Нива“ удостоился „почетнаго отзыва“*.



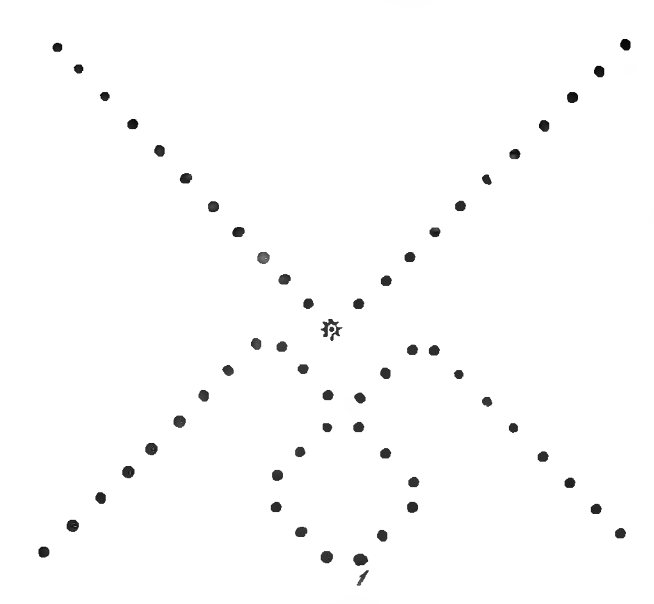
**Каюта-салонъ для новобрачныхъ на американскомъ пароходѣ.**

## Карта Афганистана.

Стараясь, какъ всегда, дать нашимъ читателямъ болѣе возможности слѣдить за событіями, мы прилагаемъ карту Афганистана. Не одинъ разъ мы уже говорили подробно объ этихъ событіяхъ (см. №№ 40, 43, 46, 47, 48). Прилагаемая карта поможетъ нашимъ читателямъ оріентироваться. Напомнимъ въ общихъ чертахъ, какъ шло до сихъ поръ дѣло. Англичане вступили въ Афганистанъ тремя колоннами. Первый отрядъ въ 16,000 чел. разнаго оружія, подъ командою генерала Броуна, двинулся 8-го (20-го) ноября отъ Джамруда (на индійско-афганской границѣ, восточнѣе Пешавера). Этотъ отрядъ долженъ былъ идти на Кабулъ (въ 250 в. отъ Пешавера). На полъ-дорогѣ къ Кабулу расположенъ Джеллалабадъ. Почти треть этого пути уже пройдена генераломъ Броуномъ. 9-го (21-го) ноября, южнѣе Джамруда изъ Тулле (Банны), также на восточной границѣ, двинулся 2-й отрядъ генерала Робертса, около 6,000, также на Кабулъ. Эти два отряда составляютъ ядро дѣйствующей арміи, ея важнѣйшую часть. Третій отрядъ генерала Бидульфа, идя изъ Кветты, съ юга, двинулся на Кандагаръ, численностью до 12.000 чел. По пути обоихъ первыхъ отрядовъ тянется почти до Кабула высокій снѣжный горный хребетъ. По послѣднимъ извѣстіямъ путь между Джеллалабадомъ и Кабуломъ будто бы совершенно открытъ. Не забудемъ, что извѣстія эти англійскія. Въ виду сопротивленія, довольно энергическаго, оказаннаго Афридами въ Хайберскомъ проходѣ, англичанамъ придется его укрѣпить какъ можно лучше и оставить здѣсь сильный отрядъ. Въ Курумскомъ проходѣ уже была 2-го декабря битва между афганскими войсками и отрядомъ генерала Робертса. Битва длилась цѣлыя сутки и объ исходѣ ея еще ничего не извѣстно. Генералъ Биддульфъ, какъ мы уже говорили въ политическомъ обозрѣніи № 48, стоитъ въ Пишинѣ и ждетъ прибытія резерва Стюарта, который идетъ изъ Кветты.


КАРТА
АФГАНИСТАНА
Масштабъ 120 верстъ въ дюймѣ
Самаркандъ
Кашгаръ
Ура-тюбе
Каршы
Балхъ
Шибарханъ
Хулумъ
Кундузъ
Файзабадъ
Читралъ
Дира
Бамiянъ
Кабулъ
Пешаверъ
Газна
Кашмиръ
Равальпинди
Гуджратъ
Лагоръ
Амритсаръ
Кандагаръ
Кветта (Котъ)
Келатъ
Мултанъ
Сивистанъ
Пенджабъ
Бугавульпуръ
Хавпуръ

## ЗАДАЧА



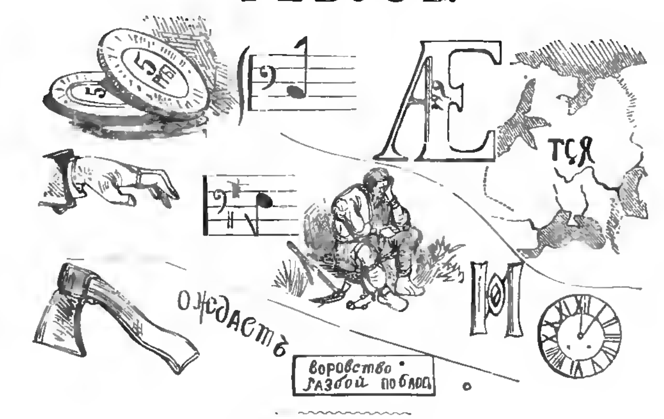
Надо соединить всѣ данныя точки одною *непрерывающеюся* и *нигдѣ неперекрещивающеюся* линіею. Линію эту должно начинать *съ нижней серединной точки* находящейся съ правой стороны, гдѣ поставлена цифра 1 и окончить на звѣздообразной точкѣ въ серединѣ расположенной. Получится изображеніе линіи пути, которымъ Тезей шелъ по переходамъ Лабиринта на остр. Критѣ, для отысканія Минотавра. Если же, кромѣ того, обвести линію этого пути съ обѣихъ сторонъ еще двумя линіями, это составитъ планъ знаменитаго Лабиринта. Разгадка будетъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Нивы".

**Рѣшеніе задачи въ „Нивѣ" № 47,**
**(† обозначаетъ Христіанъ, О обозначаетъ Турокъ).**

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 | 12 | 13 | 14 | 15 | 16 | 17 | 18 | 19 | 20 | 21 | 22 | 23 | 24 | 25 | 26 | 27 | 28 | 29 | 30 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| † | † | † | † | o | o | o | o | o | † | † | o | † | † | † | o | † | o | o | † | † | o | o | o | † | o | o | † | † | o |

1 2 3 4 5 6 7 8 **9** 1 2 3 4 5 6 7 8 **9** 1 2 3 4 5 6 7 8 **9** 1 2 3
4 5 6 7 8 **9** 1 2 3 4 5 6 7 8 **9** 1 2 3 4 5 6 7 8 **9** 1 2 3
4 5 6 7 8 **9** 1 2 3 4 5 6 7 8 **9** 1 2 3 4 5 6 7 8 **9**
1 2 3 4 5 6 7 8 **9** 1 2 3 4 5 6 7 8 **9** 1 2 3
4 5 6 7 8 9 1 2 3 4 5 6 7 8 **9** 1 2 3 4
5 6 7 8 **9** 1 2 3 4 5 6 7 8 **9**

## РЕБУСЪ.




**Рѣшеніе ребуса въ «Нивѣ» № 47.**

Задача! думалъ властелинъ, въ чемъ сила моего дивана? Диванъ безъ англійскихъ пружинъ—худая мебель для султана.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Доктору А. Ѳ. Брандту.** Весьма сожалѣемъ, что по *недостатку мѣста* въ свое время статья ваша о Давосѣ въ № 38 „Нивы" могла быть напечатана не иначе какъ съ исключеніями, вслѣдствіе которыхъ вопросъ о цѣлебномъ дѣйствіи суроваго, а потому на первый взглядъ неблагопріятнаго, Давосскаго климата на легочныхъ больныхъ остался невыясненнымъ. Охотно указываемъ нашимъ читателямъ, интересующимся этимъ вопросомъ, на статью, помѣщенную вами въ „Journ. de St.-Pètersb." (№ 306 отъ 17/29 ноября).

**Москва, И. С. Л.** Это очень хорошая манера—предпосылать стихотвореніямъ біографическія о себѣ свѣдѣнія, какъ дѣлаете вы. Такимъ образомъ можно видѣть напр. въ какой степени пренебрежено было занятіе словесностью въ заведеніи, о которомъ вы упоминаете въ своей автобіографіи. Интересно было также узнать когда вы родились и когда „впервый разъ васъ посѣтила муза".—



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** За редактора **Ф. БЕРГЪ.**

**При этомъ № прилаг. для гг. иногор. подписч. (кромѣ Московскихъ) объявленіе отъ книжн. маг. А. И. Манухина въ Москвѣ.**

Дозволено цензурою СПБ. 30 Ноября 1878 г.




№ 50 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 11 Декабря 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.



## Д. В. Григоровичъ.

Имя человѣка, с которомъ мы хотимъ теперь говорить, уже давно извѣстно; но въ послѣднее время оно неразрывно связано съ такимъ дѣломъ, на которое мы считаемъ себя обязанными обратить самое серьезное вниманіе.

Въ бывшій домъ С.-Петербургскаго Градоначальника, всемилостивѣйше пожалованный „обществу поощренія художниковъ“ Государемъ Императоромъ—не такъ давно переведена рисовальная школа общества и образованъ музей — дѣло, прошедшее мало замѣченнымъ, но на которомъ, въ виду его важности, мы считаемъ необходимымъ остановиться внимательнѣе; замѣчательному же музею общества намѣрены посвятить особую статью съ рисунками.

Тамъ, гдѣ люди работаютъ, горячо любя и зная дѣло — тамъ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія въ его развитіи. А во главѣ настоящаго дѣла находится именно группа лицъ, талантливая, энергическая и благотворная дѣятельность которыхъ заслуживаетъ величайшаго вниманія и глубокаго со стороны общества уваженія и сочувствія. Говоря объ „обществѣ поощренія художниковъ“ и о его поистинѣ замѣчательномъ созданіи — *рисовальной школѣ*, нельзя не упомянуть имени *нашего извѣстнаго писателя Д. В. Григоровича,* какъ человѣка неразрывно связаннаго со всѣми лучшими начинаніями и осуществленіями поставленныхъ обществомъ цѣлей „развитія русскаго искусства“, который такимъ образомъ кромѣ своей, имѣвшей всѣмъ извѣстное значеніе, дѣятельности, послужилъ Россіи инымъ, не менѣе плодотворнымъ, образомъ.



Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Съ фотогр. грав. Паннемакеръ.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, (род. 1820 г.) изъ дворянъ Рязанской губерніи, началъ свое воспитаніе въ Петербургѣ, въ инженерномъ училищѣ, но, не чувствуя наклонности къ инженерному дѣлу, онъ, не дождавшись офицерскаго чина, вышелъ изъ училища. Любовь къ искусствамъ вообще обнаружилась въ немъ очень рано, и Григоровичъ долго еще не сознавалъ своего истиннаго назначенія, долго колебался, не зная, какой путь избрать: живописца, сцени-

ческаго артиста или литератора. Онъ посѣщалъ академію художествъ, и въ тоже время, увлекаемый сценою, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ театраловъ. Первые литературные опыты его появились въ разныхъ мелкихъ изданіяхъ, въ 1843 г. и сначала не обратили на себя особеннаго вниманія. Литературная извѣстность его начинается собственно съ 1846 года, т. е. съ появленія повѣсти его „Деревня“, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ.“ Съ этого времени призваніе Д. В. опредѣлилось; замѣчательный талантъ его крѣпъ и развивался, и вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ „Современника“, издаваемаго въ то время И. Панаевымъ и извѣстнымъ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ. Въ „Современникѣ“ явились его лучшія произведенія: „Антонъ Горемыка“, „Рыбаки“, „Бобыль“, „Переселенцы“ и др., доставившія Д. В. достойное его мѣсто въ русской литературѣ. Тургеневъ и Григоровичъ первые изъ русскихъ писателей обратили серьезное вниманіе на внутренній крестьянскій бытъ. Теперь это дѣло, быть можетъ, гораздо болѣе разработанное въ фотографическихъ, если можно выразиться, подробностяхъ, едва ли выиграло во внутреннемъ пониманіи дѣла и несомнѣнно съузилось и получило какое-то спеціальное, тенденціозное значеніе. Д. В. Григоровичъ писалъ юмористическіе разсказы, изъ которыхъ особенно извѣстны „Свистулькинъ“, „Дружеская лотерея“ и др. Рѣшить что лучше—повѣсти его изъ крестьянскаго быта, или эти очерки—дѣло критики (отсутствіе которой теперь такъ замѣтно), но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что г. Григоровичъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ русскихъ писателей и его имя дорого каждому интересующемуся русской литературой.

Эпизоды изъ романа „Два генерала“, помѣщенные въ шестидесятыхъ годахъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ составляли послѣднее выдающееся произведеніе Д. В. Григоровича. Послѣ этого онъ перестаъ писать. Въ 1863 году онъ принимаетъ на себя обязанности члена-секретаря „общества поощренія художниковъ.“

Надо замѣтить, что дѣятельность этого „общества“, его цѣли, связанныя съ цѣлями единственнаго у насъ учрежденія—академіи художествъ, „насаждать искусство въ Россіи“ всегда были направлены къ содѣйствію успѣхамъ изящныхъ искусствъ и съ перваго же дня своего существованія „общество“ было единственнымъ учрежденіемъ, которое съ живѣйшимъ участіемъ откликалось постоянно на всѣ художественные интересы. Мы не будемъ говорить о томъ, что оно имѣло въ прежнія времена множество пансіонеровъ, которымъ давало квартиру и содержаніе, что оно посылало нѣкоторыхъ художниковъ на свой счетъ заграницу, что оно помогало всѣмъ художникамъ заказами, а въ крайнихъ случаяхъ и денежными пособіями; мы не станемъ перечислять всѣхъ его пансіонеровъ, между которыми встрѣчаются имена: К. Брюлова, А. Брюлова, братьевъ Чернецовыхъ, А. Иванова, барона Клодта, Лагоріо, Шевченко, Флавицкаго, К. Маковскаго и большей части извѣстныхъ художниковъ. Говорить о поощреніи талантовъ и ставить въ особую заслугу „обществу“ собраніе имъ капитала и его полезное значеніе, мы не видимъ надобности, такъ какъ живѣйшее участіе „общества“ въ успѣхѣ развитія русскаго искусства выражалось во все время его дѣятельности далеко не такою пассивною ролью. Кромѣ работъ по изданіямъ, по устройству и распространенію въ Россіи литографіи, при самомъ началѣ появленія этого искуства, оно тутъ же слѣдило за образованіемъ хорошихъ рисовальщиковъ на камнѣ, граверовъ на мѣди, на стали, и, принявшись за развитіе литографскаго искуства, стремилось къ усовершенствованію и этого дѣла.

Затѣмъ „общество“ положило въ Россіи первое начало искуству гравированія на деревѣ и черезъ то доставило возможность къ предпріятію русскихъ иллюстрированныхъ изданій. И дѣйствительно въ 1838 году въ первый разъ приходится слышать о томъ серьезномъ значеніи для печати искуства гравированія на деревѣ, недостаточное развитіе котораго, надо замѣтить, чувствуется и до сихъ поръ. „Изъ всѣхъ отраслей художествъ, говорилось въ отчетѣ „общества“ за 1838 г., гравированіе на деревѣ наименѣе сдѣлало успѣховъ въ Россіи. Это искусство, явившее нѣкоторые успѣхи еще при Альбертѣ Дюрерѣ, который самъ произвелъ весьма замѣчательныя гравюры на деревѣ, пришло въ новѣйшее время во Франціи, Англіи и Германіи въ необыкновенно цвѣтущее состояніе. Изданіе „Донъ-Кихота“, „Жильблаза“, „Павла и Виргиніи“, „Исторіи герцоговъ Бургундскихъ“ и т. д. украшены превосходными гравюрами. Искусство это сдѣлалось нынѣ потребностью вѣка и только за недостаткомъ художниковъ, гравирующихъ на деревѣ, многія полезныя и изящныя изданія въ Россіи не могутъ осуществиться. Можемъ сообщить (извѣщаетъ общество своихъ сочленовъ), что и этотъ недостатокъ нынѣ устраняется. Баронъ Константинъ Клодтъ напр, рѣшился исключительно посвятить себя искусству гравированія на деревѣ. Общество, дало возможность Клодту усовершенствовать свой талантъ за границею, и затѣмъ, когда Клодтъ устроилъ у себя мастерскую, общество приняло подъ свое покровительство учениковъ этой мастерской, содержало ихъ какъ своихъ пансіонеровъ и исходатайствовало для нихъ отъ академіи званіе свободныхъ художниковъ. Такимъ образомъ при содѣйствіи общества впервые явились въ Россіи и художники-граверы на деревѣ.

Издавая пособія и руководства, общество принимало также самое горячее участіе въ развитіи преподаванія рисованія. Комитетъ общества постоянно находился въ сношеніи съ департаментомъ народнаго просвѣщенія; общество снабжало пособіями большую часть губернскихъ гимназій, школъ, частныхъ учебныхъ заведеній и оно пользовалось при этомъ такимъ довѣріемъ и уваженіемъ, что нѣкоторыя изъ учебныхъ заведеній представляли для оцѣнки въ комитетъ общества труды своихъ воспитанниковъ по части рисованія и живописи.

Лучшіе годы дѣятельности общества были при двухъ его секретаряхъ однофамильцахъ. Первоначальное развитіе общества, а также всѣ заботы объ устройствѣ въ Россіи литографіи, о гравюрѣ на деревѣ, объ учебныхъ пособіяхъ, руководствахъ, книгахъ и даже художественной газетѣ, относятся къ бытности въ обществѣ секретаремъ В. И. Григоровича. *При настоящемъ же, вполнѣ цвѣтущемъ состояніи общества, секретаремъ его, какъ мы уже упоминали, состоитъ извѣстный нашъ писатель Д. В. Григоровичъ.*

Дѣятельность послѣднихъ годовъ „Общества поощренія художниковъ“, связанная съ именемъ Д. В., и выразившаяся, между прочимъ, въ усовершенствованіи *рисовальной школы*, настолько блестяща, что мы считаемъ небезполезнымъ, послѣ сдѣланнаго нами краткаго очерка исторіи существованія „общества“, познакомить и нашихъ читателей съ развитіемъ, организаціей и постепеннымъ улучшеніемъ этой школы.

Бывшая подъ вѣдомствомъ министерства финансовъ рисовальная, такъ называемая биржевая, школа должна была прекратиться. „Общество“ приняло охотно эту школу подъ свое вѣдѣніе и съ самаго начала школа имѣла характеръ чисто художественный; она какъ бы служила подготовительнымъ заведеніемъ для академіи художествъ. Но въ сущности это было далеко не подготовительное заведеніе: многіе изъ учениковъ академіи, достигая натурнаго или высшаго класса, посѣщали рисовальные классы, находя преподаваніе въ школѣ весьма раціональнымъ и крайне полезнымъ. Большая часть извѣстныхъ нашихъ художниковъ прошла эту школу. Рисовальные классы при ней считались между художниками незамѣнимыми и подборъ учителей отличался особою солидностью. Но и при такихъ ощутительныхъ данныхъ полезнаго существованія школы, „общество“ не останавливалось, не утѣшало себя одними этими данными и въ 1869 году нѣсколько измѣнило характеръ направленія школы. Оно обратило вниманіе на болѣе практическое значеніе школы и вмѣстѣ съ чисто художественнымъ развитіемъ дало еще школѣ и художественно-техническое направленіе. Явились новые классы: композиціи, орнаментовъ, лѣпной, рѣзьбы изъ дерева, эмальерный и другіе. Эти новые классы и практическое направленіе школы придали ей болѣе совершенный видъ и школа стала уже приносить пользу не однимъ только избраннымъ талантамъ для искусства. Въ подтвержденіе этого, въ одномъ изъ отчетовъ „общества“ *встрѣчается слѣдующее справедливое замѣчаніе Д. В. Григоровича*: „Успѣхъ обнаруживаемый въ послѣднее время учениками школы, знаменательно подтверждаетъ состоятельность новаго направленія, даннаго этому заведенію, посѣщаемому преимущественно лицами ремесленнаго званія. Прежде лица эти, пройдя классы общаго рисованія, не видали для себя другого пути, какъ поступленіе въ академію; часто не имѣя врожденнаго призванія, они умножали только число безполезныхъ, не производящихъ тружениковъ и ставили себя въ тяжелое, почти безвыходное положеніе. Направленіе, принятое теперь въ школѣ, имѣетъ то важное преимущество, что оно прямо указываетъ ученику опредѣленное направленіе. Съ самыхъ элементарныхъ классовъ рисунокъ преподается въ тѣсной связи съ практическимъ приложеніемъ и велика польза, которую ученикъ-ремесленникъ можетъ извлечь при усовершенствованіи себя въ рисовальномъ искусствѣ. Художественная сторона въ ремеслѣ, которой онъ прежде не подозрѣвалъ, постепенно открывается его внутреннему чувству и дѣйствуетъ на него притягательно. Уже теперь многіе ученики примирились съ мечтами, направленными къ чистому искусству, для котораго не чувствуютъ себя призванными; они ревностно изучаютъ рисованіе, имѣя въ виду его приложеніе къ усовершенствованію ремесленнаго художественнаго производства. Съ развитіемъ школы цифра такихъ лицъ конечно увеличится; она дастъ въ результатѣ дѣятелей, которые постепенно будутъ содѣйствовать художественному возвышенію ремеслъ въ Россіи. Въ томъ, что настоящая задача „общества“, мимо его дѣйствій въ пользу чистаго искусства, отвѣчаетъ насущнымъ потребностямъ и возбуждаетъ сочувствіе,—мы имѣемъ поводъ не сомнѣваться“.

„Общество“ не удовольствовалось однако и такого рода усовершенствованіями, и, чутко прислушиваясь къ современнымъ художественнымъ интересамъ, секретарь „общества“ *Д. В. Григоровичъ внесъ еще предложеніе* дальнѣйшаго образованія школы, которое стало быстро осуществляться. Вопервыхъ введены были въ методъ преподаванія всѣ тѣ усовершенствованія, которыми такъ давно пользуются спеціальныя рисовальныя школы въ западныхъ государствахъ; вовторыхъ устроенъ при школѣ превосходный музеумъ образцовъ по всѣмъ отраслямъ художества, въ его примѣненіи къ предметамъ изящнаго промы-

шленнаго производства. Въ третьихъ, устроены при школѣ нѣсколько мастерскихъ, съ цѣлью примѣненія рисунка къ техникѣ производства; въ четвертыхъ, учреждена по предметамъ искусства библіотека; въ пятыхъ, открыта постоянная художественная выставка, гдѣ круглый годъ ставятся на продажу и на выставку предметы всѣхъ отраслей изящнаго промышленнаго производства, исполняемые на мѣстныхъ фабрикахъ и въ мастерскихъ, а также работы учениковъ школы.

При дѣятельности такихъ членовъ „общества" какъ князь Ѳ. И. Паскевичъ, графъ П. С. Строгановъ, М. В. Дьяконовъ, И. П. Балашевъ и другіе, все это, какъ мы сказали, начало быстро осуществляться, при средствахъ самыхъ незначительныхъ, доказывая такимъ образомъ, что можетъ сдѣлать любовь къ дѣлу и энергическое преслѣдованіе данной цѣли. Необходимо прибавить, что настоящее учрежденіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, которое будетъ основано на извѣстный милліонъ пожертвованный барономъ Штиглицомъ.

Мастерскія уже въ ходу, библіотека составлена, музей будетъ открытъ, явились крупныя пожертвованія, значительныя пріобрѣтенія... Въ какихъ нибудь 5 мѣсяцевъ музей въ себѣ заключалъ уже болѣе 6000 предметовъ, цѣнностью въ нѣсколько сотъ тысячъ. Въ этой коллекціи есть такія замѣчательности какъ драгоцѣнныя собранія, пожертвованныя особами Императорской Фамиліи предметы по всѣмъ родамъ искусства, пріобрѣтенныя въ разныхъ собраніяхъ за границей и въ Россіи, самые типическіе образцы Кавказскаго и Туркестанскаго края. Музей принялъ уже давно видъ не одного школьнаго пособія, но сдѣлался первымъ общеобразовательнымъ художественнымъ музеемъ въ Россіи. Краснорѣчивая цифра 740 учениковъ и учениць школы говоритъ сама за себя лучше всякихъ разглагольствій.

# Царь-дѣвица.

## Историческій романъ

**Вс. Соловьева.**

## ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Окончаніе).

### XV.

Радушный хозяинъ, предложившій проѣзжимъ ночлегъ въ своей усадьбѣ, былъ тотъ самый суздальскій Перхуловъ, у котораго когда-то жила и изъ дома котораго бѣжала теперь позабытая всѣми, безъ вѣсти пропавшая Люба Кадашева.

Вотъ ужъ три года какъ Перхуловъ жилъ въ этой своей далекой южной вотчинѣ. Въ Суздалѣ былъ пожаръ: сгорѣла чуть ли не половина города, а въ томъ числѣ и Перхуловскія хоромы. Снова строиться Иванъ Онуфріевичъ не захотѣлъ и, будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстными властями, получилъ разрѣшеніе выѣхать изъ Суздаля. Собралъ онъ кой какіе уцѣлѣвшіе пожитки и уѣхалъ съ женою. Обѣ дочери его были въ это время уже выданы за мужъ. Отецъ имъ выдѣлилъ изрядное приданое и успокоился на счетъ ихъ участи. Извѣстія о дочеряхъ доходили къ нему рѣдко,—да онъ и не тужилъ объ этомъ—извѣстно дочь замужняя – отрѣзанный ломоть. Сокрушался Перхуловъ только о томъ, что нѣтъ у него сына; но этому горю помочь уже было трудно: совсѣмъ старикомъ сталъ Иванъ Онуфріевичъ, да и жена его вѣрная Афимья Лукьяновна тоже сильно состарилась. Все горевала она въ разлукѣ съ дочерьми и никакъ не могла утѣшиться. И молили Господа Бога ея прислужницы и жиличики, чтобы она утѣшилась: отъ ея горя и тоски имъ житья не было. Вспомнитъ дочекъ, встревожится и начнетъ ко всему придираться—и то не хорошо и то не ладно. Сниметъ съ гвоздика свой кнутикъ, а кнутикъ больно бьется. Но тутъ ужь ничего не подѣлаешь—ужь гдѣ найдешь судъ на свою барыню. Изъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ей женщинъ Афимья Лукьяновна милостива была только къ одной дѣвочкѣ сироткѣ, которая съумѣла подслужиться ей лучше Любы Кадашевой, въ глаза ей смотрѣла, каждое желаніе ея угадывала. Однимъ словомъ такая вышла умница разумница, что ни разу не испробовала на своей спинѣ хозяйской плетки, а выросла—такъ Афимья Лукьяновна наградила ее приданымъ, выдала замужъ за Ѳедюшку, того самаго Ѳедюшку, который когда-то способствовалъ побѣгу Любы. Онъ теперь давно ужъ забылъ и хитрость этой красавицы и ее самое и жилъ себѣ припѣваючи у Перхуловыхъ,—сдѣлался ближнимъ и довѣреннымъ человѣкомъ Ивана Онуфріевича.

Иванъ Онуфріевичъ и его хозяйка ласково и съ поклонами встрѣтили своихъ гостей. Спросили откуда они, и услышавъ, что изъ Москвы, начали разспрашивать, что тамъ дѣлается. Озеровъ и Ѳедора объ одномъ разсказывали, о другомъ умалчивали и очень были довольны когда хозяева повели ихъ въ теплую, свѣтлую горницу, гдѣ на длинномъ столѣ, окруженномъ дубовыми рѣзными лавками, стоялъ довольно обильный ужинъ. Къ ужину, кромѣ хозяевъ, явилось еще нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ прежній Ѳедюша съ молодой женою, да два какіе то, не то попа, не то монаха. Старикъ Перхуловъ къ этимъ монахамъ относился съ большимъ почтеніемъ. Бывшая постельница царевны Софьи, слушая разговоръ своего мужа съ хозяиномъ, слушая какъ Перхуловъ громитъ, пересыпая свою рѣчь текстами изъ священнаго писанія, всѣ новшества, весь обрядъ новой московской жизни, вдругъ задумалась и что то припомнила. „Да, да, такъ и есть, мысленно рѣшила она, это тотъ самый Перхуловъ!"

И она обратилась къ хозяину. Спросила его не жилъ ли онъ прежде въ Суздалѣ.

Перхуловъ неодобрительно взглянулъ на Ѳедору. Ему очень непонравилось, что женщина вмѣшивалась въ его рѣчь да и вообще ненравилась ему эта московская гостья. Больно ужъ шустра бабенка, никакой въ ней скромности, глаза не опущены, а бѣгаютъ во всѣ стороны, словно все за разъ высмотрѣть хотятъ.

— Да, жили мы въ Суздалѣ, медленно отвѣтилъ онъ, али ты допрежъ про насъ слышала?

— Какъ не слыхать, слышала! бойко сказала Ѳедора.—Жила у тебя, батюшка хозяинъ, сиротка Люба Кадашева.

— А, это Любушка то! встрепенулся Перхуловъ, — али ты ее знаешь? Гдѣ она? Не ужъ то жива? Пропала она у меня тогда изъ дому, и думали мы что она утопилась въ проруби, а то, вѣрнѣе, врагъ рода человѣческаго унесъ ее въ тартарары.

Перхуловъ и жена его перекрестились.

— Ну нѣтъ, сказала Родимица, можетъ она и была въ кохтяхъ у дьявола, да видно изъ когтей его съумѣла вырваться. Потомъ на Москвѣ объявилась, была въ услуженіи у государыни царевны Софьи Алексѣевны.

И разсказала Ѳедора Перхуловымъ все, что ей было удобно разсказать про Любу.

— Да гдѣ же она теперь? съ любопытствомъ спросили они.

— А вотъ гдѣ теперь—я и не знаю. Вотъ ужъ почти восемь лѣтъ, какъ она пропала. Искали ее по приказу царевны и нигдѣ не нашли.

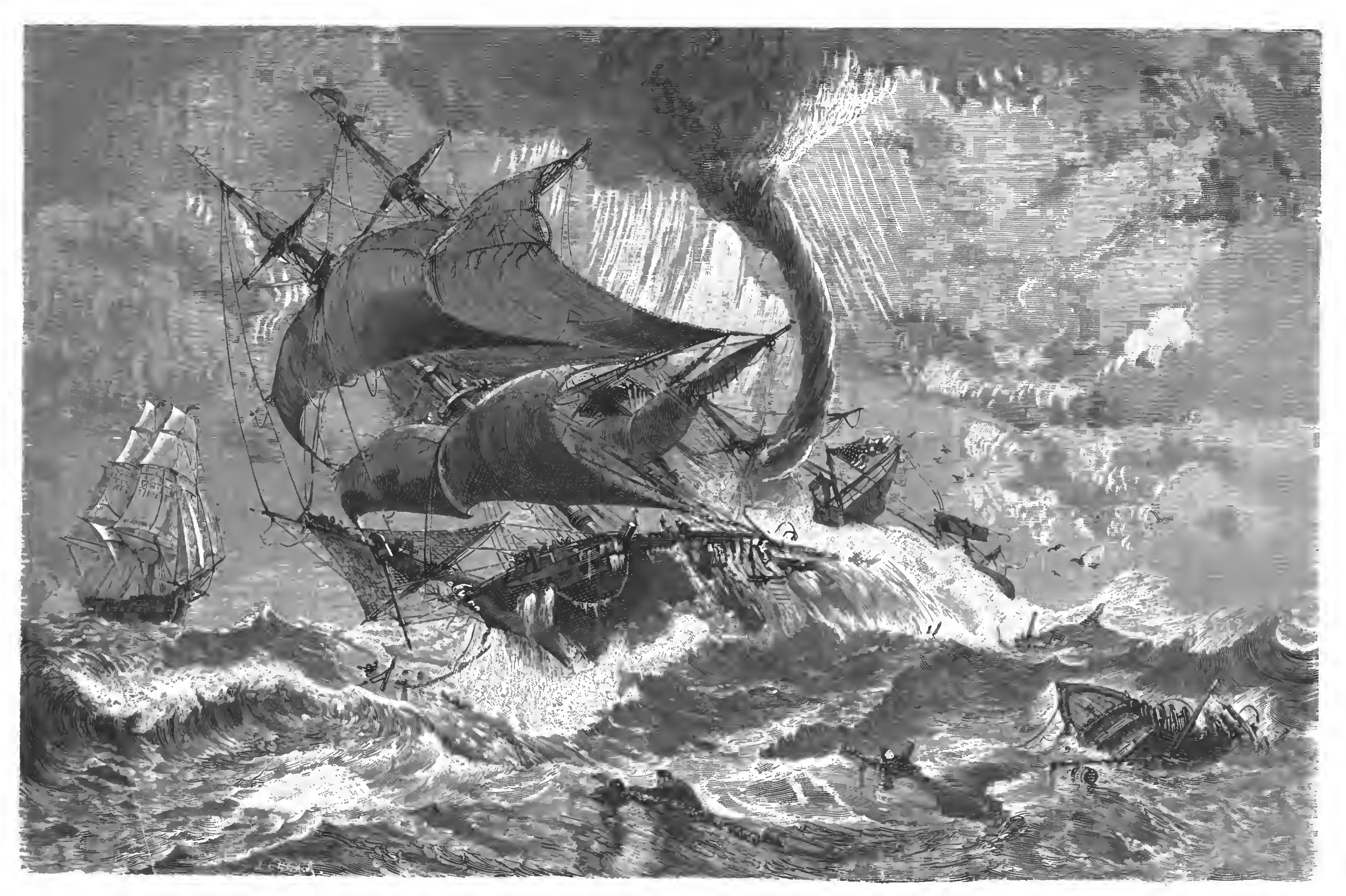
— Такъ что-же я и говорю, замѣтилъ Перхуловъ:— дьяволъ ее сцапалъ. да и все тутъ! И не она то была у царевны, а оборотень.

— Похоже на то, презрительно и насмѣшливо выговорила Ѳедора и замолчала.

Хозяинъ глянулъ на нее гнѣвнымъ взоромъ, но не сказалъ ничего. А она съ изумленіемъ всматривалась въ сидящаго насупротивъ нея молодаго человѣка. Она видѣла, какъ онъ поблѣднѣлъ и смутился, когда заговорили про Любу. Видѣла, что смущеніе его не проходитъ,



**Послѣ пожара.** Ориг. рис. А. Кившенко, грав. Пуцъ.



Корабль застигнутый тифономъ (смерчь) въ южномъ Атлантическомъ океанѣ. Рис. К. П. грав. Дейсъ.

а увеличивается все больше и больше. Этотъ молодой человѣкъ былъ Ѳедюша. Многое ему вспомнилось; онъ не ѣлъ и не пилъ, какое то тоскливое выраженіе лежало на поблѣднѣвшемъ лицѣ его. Вотъ его глаза остановились на молодой женѣ и никогда еще она не казалась ему такой невзрачною, такой чужою. Предъ нимъ, какъ живой, всталъ образъ чудной красавицы, о которой бывало онъ мечталъ на пролетъ цѣлыя ночи, поцѣлуй которой вдругъ, черезъ столько то лѣтъ, снова загорѣлся на щекѣ его...

Но ужинъ кончился, пріѣзжимъ отвели помѣщеніе. Вся Перхуловская усадьба вскорѣ заснула, только въ горницѣ самого хозяина теплилась лампада. Онъ не спалъ, а бесѣдовалъ съ двумя монахами о вражескихъ козняхъ, воздвигнутыхъ на старую, истинную вѣру, о томъ, что въ Москвѣ народился антихристъ.

Рано утромъ Озеровъ и жена его, простившись съ ласковыми хозяевами, пустились въ дальнѣйшій путь и благополучно прибыли на родину Ѳедоры, гдѣ она скоро устроила себѣ и мужу самое безпечное житіе, продолжавшееся многіе годы.

## XVI.

Прошло 1-ое Сентября, праздникъ Новаго Года,—но какое тутъ торжество — патріарха нѣтъ, царь Иванъ лежитъ больной, царевна не выходитъ изъ своихъ покоевъ. Праздникъ отмѣнили; народъ московскій въ уныніи и тревогѣ ожидаетъ великихъ бѣдъ, стрѣльцы тоже повѣся головы, по Кремлю бродятъ. Вынесли имъ водки, угостили, но и царская чарка теперь не радуетъ.

Шакловитый на Верху, у царевны, пишетъ сказку ко всѣмъ чинамъ московскаго государства, излагаетъ все дѣло, оправдываетъ Софью. Пишетъ о томъ, какъ царевна приняла правительство по челобитью всего народа, съ благословенія патріарха, а вотъ теперь Нарышкины ее и брата ея царя Ивана Алексѣевича всячески безчестятъ, къ рукѣ не ходятъ, навели конюховъ потѣшныхъ, а тѣ всѣмъ чинятъ обиды и насилія. Пожалуются на это царю Петру—такъ нѣтъ отвѣта. Комнату царя Ивана полѣньями завалили, вѣнецъ его изломали.

Красно писалъ Шакловитый, но никому не привелось читать его сказку—судьба его рѣшалась.

Перваго же Сентября отъ Троицы пріѣхалъ полковникъ Нечаевъ со стрѣльцами и привезъ царю Ивану и Софьѣ грамату. Въ этой граматѣ Петръ извѣщалъ ихъ о заговорѣ и настоятельно требовалъ немедленной присылки Ѳедьки Шакловитаго съ сообщниками для розыска.

Все снова заволновалось. И во дворцѣ и въ городѣ раздался какъ бы всеобщій крикъ ужаса. Потомъ всѣ смолкли; наступило затишье передъ бурей. Всѣ ждали, чѣмъ это кончится.

Царевна въ бѣшенствѣ бросила грамату на полъ, истоптала ее ногами и приказала привести къ ней немедленно Нечаева.

— Какъ ты смѣлъ привезти эту грамату? закричала она на него.

А когда онъ отвѣчалъ, что не смѣлъ ослушаться царскаго повелѣнія—немедленно же отрубить ему голову! приказала Софья. Но черезъ часъ „одумалась, спросила что Нечаевъ?“ Ей отвѣтили, что еще живъ, такъ какъ до сихъ поръ не могутъ палача найти.

— Не надо! я отмѣняю свое приказаніе, не казните, только приведите всѣхъ стрѣльцовъ, которые съ нимъ пріѣхали.

Стрѣльцы явились къ Красному крыльцу. Царевна сошла къ нимъ.

— Для чего вы пріѣхали? Съ какимъ указомъ? заговорила она. Зачѣмъ же вы вѣрите тому, что вамъ насказали у Троицы. Все тѣ воры выдумали и вы оставайтесь здѣсь и безъ моего указа къ Троицѣ не выѣзжайте. Знаете ли вы, что братъ мой Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ не пустилъ въ монастырь... А за которыми людьми вы присланы, то я вамъ ихъ не отдамъ, потому что если отдамъ вамъ девять человѣкъ, такъ они оговорятъ и еще девятьсотъ, такъ можно ли имъ вѣрить? А вотъ нужно тѣхъ, кто ихъ огавариваетъ, прислать сюда для розыску. Вѣдомо къ чему все клонится: меня хотятъ извести... Злые люди мутятъ, а вы вѣрите... Въ зависти къ вѣрной службѣ и преданности Шакловитаго называютъ его заводчикомъ злаго умысла, такъ вотъ чтобъ развѣдать обо всемъ этомъ, я сама и пошла къ Троицѣ, а братъ велѣлъ меня остановить по наущенію злыхъ совѣтниковъ и съ великимъ срамомъ вернулась я обратно. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ я въ эти семь лѣтъ правительствовала, вѣдомо тоже въ какое время приняла правительство. Время было смутное... Я учинила славный вѣчный миръ съ сосѣднимъ государемъ, а враги Креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованьемъ и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. Ужели послѣ того вы намъ учинитесь невѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей—вы всему государству добра не желаете и смуту заводите. Знайте, знайте, не голову Ѳедора Шакловитаго ищете, ищете моей головы и брата моего, царя Ивана Алексѣевича.

Софья говорила въ волненіи, не замѣчая усталости. Всѣ внимательно ее слушали. На красную площадь набиралось все больше и больше народу всякаго, и всѣхъ пропускали. Народъ толпился между стрѣльцами вокругъ царевны.

Она замѣтила это, подозвала къ себѣ торговыхъ и посадскихъ людей.

— Народъ православный, говорила она, враги мои великую смуту затѣяли, всяческую клевету взводятъ на меня и на близкихъ мнѣ людей. Будьте моими судьями—вы меня знаете, я ни отъ кого не скрывалась. Я семь лѣтъ ночей не досыпала, о себѣ забывала, помышляла только о всеобщемъ благоденствіи, о томъ, какъ бы честно передъ Господомъ Богомъ исполнить долгъ свой. Не покиньте меня въ трудную минуту, не выдайте меня головою врагамъ моимъ.

Долго мучительно и страстно говорила Софья, такъ говорила, что у многихъ слезы на глаза выступили. Но все же эта прекрасная рѣчь, видъ измученной царевны, ея волненіе, ея слезы, которыхъ она не въ силахъ была удерживать—все это не могло уже помочь ей. Народъ жалѣлъ ее и въ то же время чувствовалъ, что не на ея сторонѣ правда и не хотѣлъ идти противъ правды. И она сама съ безнадежностью понимала и чувствовала все это, и все же говорила. Но вотъ послѣднія силы ее оставляютъ, въ горлѣ пересохло, ноги подкашиваются. Она подозвала къ себѣ одного изъ немногихъ бояръ бывшаго съ нею, крѣпко оперлась ему на руку и, едва не падая, вернулась во дворецъ. Это была послѣдняя вспышка. Съ этой минуты Софья рѣшила, что борьба ея кончена, что она побѣждена и ей остается только ожидать своей участи.

Царь еще разъ прислалъ требовать Шакловитаго. Между стрѣльцами поднялся ропотъ, что дѣло затягивается. Часть стрѣльцовъ здѣсь, другая часть у Троицы. У тѣхъ, кто у Троицы, въ Москвѣ остались жены, дѣти, дѣла разныя; нужно рѣшать все скорѣе — больше ждать не возможно.

Софья приказала повѣстить всѣмъ, что она сама вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ отправляется къ Троицѣ—но осталась.

Ропотъ усиливался. Между тѣмъ по городу прошла вѣсть, что и вся нѣмецкая слобода, всѣ какъ есть нѣмцы тоже двинулись къ царю Петру Алексѣевичу. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе. Въ городѣ на-

чали говорить, „что чего-жь тутъ думать? конечно надобно царя Петра слушаться, а не царевны—вонъ вѣдь къ нему ужъ и нѣмцы двинулись“.

XVII.

Припомнился царевнѣ Софьѣ день 17-го Мая 82 года. Припомнилось ей какъ она уговаривала царицу Наталью Кирилловну выдать разъяреннымъ стрѣльцамъ Ивана Нарышкина. Припомнилась ей ужасная сцена прощанья сестры съ братомъ, вопли и отчаяніе несчастной царицы, отдававшей близкаго человѣка на вѣрную погибель... Теперь ей самой приходилось выдать единственнаго преданнаго помощника, Шакловитаго. Какъ она уговаривала царицу, такъ теперь ее уговариваютъ всѣ остававшіеся до сихъ поръ въ Москвѣ бояре, уговариваютъ даже и сестры. Но царевна еще не можетъ рѣшиться—Шакловитый ей не братъ, не кровный, но выдать его, значитъ и себѣ подписать приговоръ смертный. А дѣлать нечего, „сколько ни жалѣть, а отдать нужно будетъ,“ какъ говорилъ семь лѣтъ тому назадъ князь Одоевскій Натальѣ Кирилловнѣ.

Упавшая духомъ, совсѣмъ обезсиленная и измученная Софья спѣшитъ къ брату Ивану. Не велика на него надежда, но авось хоть онъ пригодится въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ.

Иванъ Алексѣевичъ лежитъ больной. Софья начинаетъ умолять его заступиться за Шакловитаго, написать Петру письмо, объявить, что Шакловитый невиновенъ, что на него только наговариваютъ и онъ, царь Иванъ, не разрѣшаетъ суда надъ нимъ и его осужденія.

— Пойми братъ, заливаясь слезами говоритъ царевна, пойми вѣдь теперь Шакловитый нашъ единственный защитникъ, его выдадимъ—себя выдадимъ. Такъ если меня не жалѣешь, себя да жену свою пожалѣй—вѣдь это до нашихъ съ тобою головъ добираются.

Иванъ Алексѣевичъ приподнялъ свою больную голову съ подушекъ и пристально поглядѣлъ на сестру.

Всѣ говорили, что онъ скудоуменъ „скорбенъ главою“ да и самъ онъ былъ о себѣ такого же мнѣнія, но это было не совсѣмъ вѣрно. Страшная болѣзнь, постигшая его съ дѣтства и неопредѣленная тогдашними врачами, дѣйствительно сильно замедляла его умственное развитіе: онъ не былъ способенъ никогда учиться, все перезабывалъ, не могъ долго остановиться на одномъ и томъ же предметѣ. Но въ послѣдніе годы болѣзнь его приняла новое направленіе. Она медленно разрушала весь организмъ его, но голова его замѣтно просвѣтлѣла, оставалась только сонливость и какая то тяжесть мыслей. Если онъ старался не думать и не размышлять, то только потому, что эта работа была для него физически мучительна: страшно его утомляла, но когда нужно было ему на чемъ нибудь остановиться, что нибудь рѣшить, онъ иногда поражалъ окружающихъ ясностью своихъ сужденій. Такъ и теперь, только глубокое волненіе Софьи помѣшало ей замѣтить полную осмысленность его устремленнаго на нее взгляда.

— Ты бы лучше сестрица выдала брату Шакловитаго, произнесъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Иванъ Алексѣевичъ. Коли братъ требуетъ—значитъ такъ нужно, а даже коли и не нужно, то все равно ты ничего не подѣлаешь—сила то на сторонѣ брата. Вѣдь я знаю, всѣ къ нему побѣжали и письма ему я писать не стану—перечить брату не хочу, лучше и не уговаривай.

— А! такъ ты вотъ какъ! въ безсильномъ бѣшенствѣ произнесла Софья глухимъ голосомъ. Ты меня выдаешь... Это за все, что я для тебя дѣлала... Вѣдь черезъ кого же, какъ не черезъ меня, ты и царемъ сталъ.

— Эхъ сестрица! слабо улыбнулся Иванъ Алексѣевичъ. Попрекай если хочешь... А что ты царемъ то меня сдѣлала, такъ вѣдь я не просилъ тебя—развѣ мнѣ это нужно? Господи, да забудьте вы всѣ обо мнѣ! Мнѣ бы вотъ полежать спокойно, шума бы никакого не слышать - больно трудно становится, врядъ ли проживу долго—такъ какой я царь! Мнѣ вотъ стыдно бываетъ, что царемъ меня величаютъ, вѣдь понимаю я тоже...

Онъ замолчалъ, закрылъ глаза и казалось погрузился въ глубокую дремоту.

Софья постояла, поглядѣла на него и, махнувъ рукою, вышла изъ его опочивальни.

А ее ужъ дожидались, ей говорили со всѣхъ сторонъ, перебивая другъ друга, что медлить невозможно, что стрѣльцы требуютъ немедленной выдачи Шакловитаго, а иначе всѣ какъ есть пойдутъ къ Троицѣ, а то сами розыщутъ „Ѳедьку“ и потащатъ его къ царю Петру Алексѣевичу.

— Да берите его, берите! страшнымъ хриплымъ голосомъ проговорила Софья. Тащите на висѣлицу, да ужъ и меня за одно съ нимъ... теперь же сейчасъ и меня тащите—все равно вѣдь выдадите, я вамъ не нужна больше.

Своими красными опухшими отъ слезъ глазами, въ которыхъ теперь выражалось и отчаяніе и тоска и глубокая ненависть, она взглянула на всѣхъ и ушла къ себѣ, сказавъ, чтобы ее оставили въ покоѣ, что она никого не хочетъ видѣть.

Шакловитаго повезли къ Троицѣ. Вмѣстѣ съ нимъ отправились и всѣ бояре, до сихъ поръ еще не покидавшіе царевны; теремъ остался безъ защитниковъ. Петръ не скрывалъ своей радости, когда ему доложили о прибытіи Шакловитаго.

— А!.. таки выдала! сказалъ онъ. Ну теперь съ Божіей помощью все покончимъ. Допросите хорошенько Ѳедьку, пытайте его разбойника, нечего жалѣть-то!.. И Шакловитаго дѣйствительно не пожалѣли...

Съ первой пытки онъ повинился во всемъ, не повинился только въ своемъ умыслѣ на жизнь царскую. Но противъ него были явныя улики, его ожидала казнь лютая.

Самъ же Петръ, въ то время какъ пытали Шакловитаго, сидѣлъ и писалъ письмо своему брату, царю Ивану.

„Милостію Божіею, писалъ онъ, врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братіямъ нашимъ, окрестнымъ государямъ, о государствованіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Ѳедька Шакловитый съ товарищи, не удоволяся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь-братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли если въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на тобъ и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю брату объявляю и прошу: позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшія пользы нашей и для народ-

наго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ государь братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ."

Отославъ письмо это, царь самъ пошелъ взглянуть на Шакловитаго. Онъ увидѣлъ его растерзаннымъ, съ всклокоченными волосами, съ искаженнымъ отъ страха и боли лицомъ, въ крови... а кругомъ стояли мастера заплечные, кругомъ валялись орудія пытки. Но не смутился семнадцатилѣтній царь отъ этого страшнаго зрѣлища.

Князь Борисъ Голицынъ, слѣдовавшій за нимъ, взглянулъ на него и невольно вздрогнулъ; никогда еще не видалъ онъ у царя въ лицѣ такого выраженія. Это прекрасное лицо, на которомъ еще лежалъ отпечатокъ нѣжной юности, теперь все дышало мщеніемъ. Глаза глядѣли остро, блестѣли невыносимо, какъ у орла, завидѣвшаго добычу, тонкія ноздри нервно вздрагивали и раздувались; грудь Петра глубоко дышала.

Тяжелое и тоскливое чувство закралось въ душу князя Бориса. Онъ почти силою увелъ царя.

— Государь, говорилъ онъ, здѣсь не твое мѣсто, не для тебя такія зрѣлища. Виновный долженъ получить кару, но ты, прежде всего, долженъ быть христіаниномъ...

— Да князь, ты правъ! отвѣтилъ Петръ твердымъ голосомъ, въ которомъ послышалась Голицыну новая страшная нота,—ты правъ, отвращая меня отъ жестокостей и ты знаешь—былъ ли я когда жестокъ. Но теперь страшное что то творится со мною, и чувствую я, что не сдержать мнѣ себя. И ты и никто меня не сдержитъ... Да, любо мнѣ видѣть кровь враговъ моихъ—и не пожалѣю я этой крови!

Голицынъ слушалъ съ ужасомъ. Онъ не узнавалъ своего воспитанника. То ли онъ постоянно старался внушать ему, да и самъ Петръ то-ли постоянно говаривалъ? такія ли склонности показывалъ?

— Или ты забылъ, продолжалъ Петръ, все съ возраставшимъ волненіемъ, или ты забылъ, что такое стрѣльцы и что они для меня значатъ. Теперь вотъ они извести меня думали, убить, задушить, отравить... да они и такъ меня давно отравили! Какъ себя помню, съ тѣхъ поръ я отравленъ ими. Всю жизнь мнѣ страшные сны снятся... Помню я, хорошо помню,—хоть и малый ребенокъ былъ тогда,—какъ они по дворцу рыскали съ окровавленными копьями, какъ они на части разрубали нашихъ защитниковъ. Помню, очень хорошо помню, что они сдѣлали съ дядьями моими. Умирать стану такъ не забыть мнѣ покойнаго дядю Ивана Кирилловича. А матушка... Боже мой! такъ мнѣ она и представляется въ то время... какъ жива то осталась—не понимаю! Вѣдь съ тѣхъ поръ она на себя не похожа—старая да дряхлая, а велика ли ея старость? Вотъ уснетъ иной разъ днемъ, такъ всѣ мы слышимъ, какъ во снѣ страшныя слова повторяетъ: все ей кровь да стрѣльцы проклятые грезятся!.. Милосердіе, врагамъ прощеніе... охъ знаю князь, знаю! да нѣтъ, не справлюсь съ собою. Болитъ, болитъ мое сердце, такъ вотъ на части и разрывается, кровь въ немъ кипитъ... не могу успокоиться, пока не накажу враговъ нашихъ. Да нѣтъ и нельзя мнѣ быть съ ними милостивымъ, кабы забылъ я и свои кровныя обиды, такъ за другія, пущія вины они должны поплатиться. Сколько лѣтъ заводили смуту, сколько лѣтъ хозяйничали: вѣдь весь міръ чай надъ нами смѣется! Какіе мы цари... они... стрѣльцы царствуютъ... а съ такимъ царствомъ добра не будетъ! Али не вѣдаешь, что по всему государству всякія смуты, всякое безначаліе и не прекратится оно дотолѣ, пока не познаетъ народъ, что сильная рука правитъ государствомъ, пока не узнаетъ, что есть всякому дѣлу судъ правый.

А такой сильной руки, суда праваго, преуспѣянія во всякомъ дѣлѣ не будетъ, не можетъ быть, пока всякія безшабашныя головы хозяйничаютъ. Довольно бабьяго царства, довольно позору... Пора сестрѣ, нашей лютой злодѣйкѣ, въ монастырь: пускай тамъ грѣхи свои замаливаетъ. Пора бунтовщикамъ на плаху... И не останавливай меня, князь—никого не послушаю! Я знаю, что творю... я покажу, что есть царь въ Русскомъ государствѣ, и что онъ не баба! Много работы, страшно много работы, такъ нужно прежде разчистить дорогу, чтобъ не споткнуться...

И Петръ съ вдохновеннымъ и грознымъ лицомъ, ушелъ отъ князя Бориса.

Голицынъ долго стоялъ, опустивъ голову. Онъ понялъ, что теперь у русскаго государства дѣйствительно есть царь.

Теперь оставалось только одно: спасать невинныхъ, а виновнымъ не избѣжать страшной кары...

---

Въ ненастный осенній день къ Новодѣвичьему монастырю подъѣхала тяжелая царская карета. Изъ кареты поддерживаемая подъ руки двумя младшими сестрами вышла царевна Софья.

Въ худой, блѣдной, закутанной въ черную одежду женщинѣ трудно было узнать красавицу правительницу. Свѣтлые глаза ея окончательно потухли; станъ сгорбился; въ лицѣ и во всей фигурѣ ужь не было того горделиваго величія, которымъ она всегда поражала.

Подъ страшнымъ неотвратимымъ ударомъ приникла и смирилась царевна. Теперь она знала, что ужь никто и ничто на всемъ свѣтѣ ей помочь не можетъ.

Младшій братъ приказалъ ей покинуть Кремль, перебраться въ Дѣвичій монастырь и она спѣшила исполнить это требованіе добровольно, чтобъ не повезли ее силою съ великимъ срамомъ. Ея участь была ясна; ея имя должно было присоединиться къ длинному списку царицъ и царевенъ русскихъ, кончившихъ дни свои въ монастырскихъ кельяхъ въ темной долѣ инокинь. Монахини, заранѣе предупрежденныя и вышедшія встрѣтить царевну, провели ее въ назначенное для нея помѣщеніе и съ глубокими поклонами удалились.

Софья оглядѣлась: темно, тѣсно, непривѣтно...

Она сняла съ себя шубку, сѣла на низенькую, обитую чернымъ сукномъ скамейку и горько задумалась.

Сестры стояли передъ нею заплаканныя и взволнованныя, не знали что сказать, что дѣлать.

— Уѣзжайте, проговорила Софья, что ужь тутъ!.. Богъ дастъ не совсѣмъ разлучатъ насъ—позволятъ вамъ со мною видѣться—а теперь уѣзжайте, не то еще какъ нибудь и васъ запутаютъ. Я устала, лягу, заснуть постараюсь.

Царевны кинулись къ сестрѣ, заливаясь слезами, цѣловали ея руки.

Ей было это тяжело и она поспѣшила проститься съ ними.

Оставшись одна, Софья дѣйствительно легла въ постель ей приготовленную, но ни заснуть, ни отдохнуть она не могла.

Много еще пройдетъ времени, прежде чѣмъ она будетъ въ состояніи отогнать отъ себя страшныя мысли, которыя ни на минуту не даютъ ей покоя.

Страшно царевнѣ. Ей все мерещатся разные ужасы. Она знаетъ о казни Шакловитаго и многихъ другихъ стрѣльцовъ, ей преданныхъ. Она знаетъ о томъ, что князь Василій Васильевичъ отправленъ въ далекое, тяжкое изгнаніе. Не пришелъ онъ къ Троицѣ, когда его звали, остался вѣренъ своему княжескому слову, явился только тогда, когда его на судъ потребовали.

Судъ надъ нимъ былъ строгій и Шакловитый съ пытки многое взводилъ на него, не мало и другихъ нашлось доносщиковъ. Обвинили князя и въ томъ, что онъ сожалѣлъ, что царицу Наталью Кирилловну не



**Дѣвушка высшаго общества XVI в.** Картина Германа Каульбаха, грав. Бренд'Амуръ.

убили въ 82 году и въ томъ, что водился съ колдунами разными и въ томъ, что удалился отъ Перекопи, подкупленный ханомъ.

Князь Борисъ и многіе изъ приближенныхъ Петра всячески старались выгородить Василія Васильевича, но это было дѣло трудное—много у него враговъ было. Царь лишилъ его всѣхъ званій и послалъ въ далекую ссылку.

— Жизнь кончена! страшнымъ глухимъ голосомъ шептала Софья. Всѣхъ отняли—одна... одна въ цѣломъ мірѣ.

И вспомнились ей лучшіе дни ея. Стоялъ и не отходилъ отъ нея Василій Васильевичъ, не такой какимъ видѣла она его въ послѣдній разъ, когда вырвалось изъ груди ея безумное слово проклятія, а такимъ какимъ онъ былъ прежде и вся былая любовь, все счастье молодости запросилось и ворвалось въ сердце несчастной царевны. И она готова была сейчасъ лечь на плаху, чтобъ только на одно мгновенье увидѣть милаго друга, чтобъ только шепнуть ему, что она неизмѣнно всю жизнь только его одного и любила, чтобъ попросить у него прощенья въ вольныхъ и невольныхъ передъ нимъ обидахъ, чтобъ въ послѣдній разъ поплакать на груди его... Но никакою цѣною, даже цѣною жизни не добиться этой минуты свиданія...

Полная безнадежность охватила Софью.

— Зачѣмъ не убили? ломая руки и заливаясь слезами прошептала она. Нѣтъ, онъ зналъ, что дѣлаетъ! Онъ зналъ, какъ наказать меня, какъ отмстить мнѣ. Зналъ, что смерть теперь для меня награда—и онъ оставилъ меня жить! Какова жизнь здѣсь будетъ... ну да она не много продлится—не вынесу.

— Что же дѣлать? куда дѣваться отъ этой тоски невыносимой? Молиться, молиться—одно осталось!

И царевна ищетъ глазами образъ.

Изъ угла кельи, слабо озаренной лампадой, глядитъ на нее ликъ Богоматери.

Она бросается на колѣни и начинаетъ молиться. Но слова безъ значенія срываются съ устъ ея, сердце этихъ словъ не понимаетъ... Между нею и кроткимъ ликомъ Богородицы вдругъ встаютъ старые, знакомые призраки...

Въ смятеніи поднимается она, выходитъ изъ кельи, идетъ въ церковь. Монахини почтительно слѣдуютъ за нею.

Подъ темными, высокими сводами храма раздается тихое пѣніе; тамъ началась всенощная. Царевнѣ указываютъ отдѣльное, огороженное для нея мѣсто. Она всходитъ туда по ступенькамъ, покрытымъ ковромъ и парчею, оглядывается во всѣ стороны: „Отсюда не видно—слава Богу!“

Но и здѣсь, въ этихъ святыхъ стѣнахъ, гдѣ все дышетъ миромъ и молитвою, гдѣ смолкаютъ земныя страсти, подъ тихое душу умиляющее пѣніе и здѣсь не находитъ покоя царевна, и здѣсь не можетъ молиться.

Она падаетъ ницъ передъ образами и долго лежитъ вся въ слезахъ, въ тяжеломъ полузабытьи какомъ-то. Тоска все страшнѣе. Что-то неясное, мучительное стоитъ надъ нею и нѣтъ ему названія и нѣтъ такой молитвы, нѣтъ такого заклинанія, которые могли бы отогнать это что-то, хоть на мгновенье дать вздохнуть свободнѣе.

Служба кончена; въ томъ же забытьи, не замѣчая окружающаго, идетъ Софья изъ церкви. Но вотъ почти у самаго выхода, въ полумракѣ, она лицомъ къ лицу сталкивается съ какою-то монахиней.

Мгновенная дрожь пробѣгаетъ по членамъ Софьи, глаза ея широко раскрылись, на лицѣ ужасъ... Слабый крикъ вылетаетъ изъ ея груди и она глядитъ, не отрываясь, въ лицо монахини. Та тоже стоитъ передъ нею пораженная, а въ блѣдномъ, увядающемъ, но все еще прекрасномъ лицѣ ея нѣтъ ни ужаса, ни мученія: спокойно лицо это. Большіе черные глаза глядятъ безстрастно и въ то же время кротко.

Прошло первое мгновенье и монахиня, спокойно поклонившись царевнѣ, хотѣла пройти мимо. Но Софья остановила ее за руку.

— Это ты? ты, Люба Кадашева. Ты жива? здѣсь?..

— Я, государыня, я, въ инокиняхъ Вѣра.

— Можешь ты прійти ко мнѣ? проговорила Софья. Если можешь—иди за мною.

Монахиня тихо послѣдовала за царевной.

Прійдя въ свое помѣщеніе, Софья дрожащими руками зажгла свѣчи, подошла къ инокинѣ, долго и пристально смотрѣла на нее, не говоря ни слова и вдругъ какое-то новое выраженіе засвѣтилось въ лицѣ ея. Она упала на колѣни передъ прежней Любой и громко рыдая прошептала.

— Ты живешь... ты спокойна... ты умѣешь молиться, ты все простила, я вижу это по лицу твоему—въ немъ такое спокойствіе...

— Да, Господь помогъ мнѣ, въ молитвѣ я нашла успокоеніе. Молись и ты... авось Господь и тебя помилуетъ!

— Научи меня молиться, Люба, спаси мою душу, рыдая говорила царевна.

Она чувствовала, что есть еще какая-то слабая надежда, что возможно еще примиреніе съ Богомъ, что возможно забвеніе прошлаго, возможна жизнь новая. Въ этой надеждѣ, ее утверждалъ видъ Любы, все что она прочла на лицѣ ея.

Монахиня склонилась надъ Софьей и изъ прекрасныхъ, черныхъ глазъ ея скатились тихія слезы.

— Будемъ молиться, Софья!..

Онѣ крѣпко обнялись и обѣ плакали.

КОНЕЦЪ.

# Лондонскіе воры.

## (Очеркъ)

Однажды Его Преподобіе мистеръ М., духовный пастырь одного изъ далекихъ лондонскихъ кварталовъ получилъ по почтѣ письмо такого содержанія:

Ваше Преподобіе! Многіе изъ нижеподписавшихся хотѣли присутствовать на вашихъ митингахъ, но такъ какъ это все личности извѣстныя полиціи, то они почти никогда не имѣли доступа туда. И такъ, если намъ нельзя попасть къ вамъ, то мы желаемъ, чтобы вы пришли къ намъ. Вамъ не сдѣлаютъ ничего дурнаго. Въ будущую среду мы даемъ бенефисъ въ пользу одной молодой дѣвушки, впавшей въ нужду, чтобы доставить ей средства купить себѣ лекарства и подольше пожить въ деревнѣ для возстановленія здоровья. Если вы пожалуете, бенефисъ удастся блестящимъ образомъ. Сознаемся, что мы люди нечестные, но вамъ и вашимъ спутникамъ не будетъ причинено никакого зла. Остаемся, Ваше Преподобіе, покорнѣйшіе слуги: (Слѣдуетъ тридцать подписей).

Затѣмъ стоялъ адресъ таверны въ одной изъ грязнѣйшихъ улицъ самаго отчаяннаго квартала въ Лондонѣ.

Мистеръ М. рѣшился принять приглашеніе и на другой день отправился съ двумя своими друзьями Б. и С. по назначенному адресу.

У входа въ таверну стоялъ человѣкъ въ безукоризненномъ черномъ костюмѣ; каждому посѣтителю онъ подавалъ за „полъкроны“ красиво расписанный входной билетъ. По винтообразной лѣстницѣ надо было лѣзть въ третій этажъ; разойтись на этой узкой дорогѣ не было бы никакой возможности, а если бы идущій впереди свалился, то, какъ на глетчерѣ, повлекъ бы за собой всѣхъ остальныхъ въ темную пропасть. Добравшись на верхъ, глазамъ открывается голая комнатка, на противуположной стѣнѣ которой косая подъемная дверь, ведетъ въ „залу“.

Здѣсь точно также безукоризненно одѣтый, весьма респектабельный „старецъ“ отбиралъ у входа билеты.

М. сообщилъ своимъ спутникамъ, что этотъ „джентльменъ“ принадлежитъ къ числу опаснѣйшихъ въ Лондонѣ воровъ со взломомъ, что онъ уже переѣзжалъ экваторъ и для блага своего отечества провелъ десять лѣтъ въ Австраліи.

Подъёмная дверь хлопнула и три посѣтителя вошли въ „залу“.

Это была длинная, довольно низкая комната, съ оштукатуренными бѣлыми стѣнами, но украшенная гирляндами и освѣщенная газомъ. По стѣнамъ стояли скамьи и табуреты. Потолокъ шелъ по откосамъ крыши и массивныя поперечныя балки, на которыхъ сидѣло верхомъ нѣсколько мальчишекъ, придавали, на сколько могли, внушительный видъ этой „залѣ воровъ“. Черезъ нѣсколько скважинъ въ потолкѣ видна была шиферная обшивка крыши, а черезъ одно незапертое слуховое окно падала въ комнату широкая полоса луннаго свѣта, что составляло странный свѣтовой эффектъ въ этой пасмурной атмосферѣ. На самомъ отдаленномъ концѣ залы стоялъ столъ, а на немъ графинъ съ водой и нѣсколькими тончайшими хрустальными стаканами, которые могли быть весьма аристократическаго происхожденія. За столомъ были разставлены кресла, назначенныя для почетныхъ гостей изъ честнаго міра.

Мужской и женскій полъ были разъединены; на одной сторонѣ сидѣли мужчины въ праздничныхъ костюмахъ разныхъ цвѣтовъ и покроевъ, на другой дѣвушки и женщины съ ребятишками на рукахъ, а взрослые мальчики и дѣвочки ходили взадъ и впередъ по залѣ.

Общество было въ видимомъ замѣшательствѣ; „бенефисъ“ не начинался. М. старался шутками и веселыми разговорами то съ тѣмъ, то съ другимъ, возстановить непринужденность общества, но безуспѣшно. Наконецъ къ нему подошелъ одинъ человѣкъ и подалъ ему программу вечера. Бросивъ на нее взглядъ, М. сейчасъ же понялъ причину общаго замѣшательства. Въ программѣ были назначены танцы, и общество преступниковъ колебалось, можно ли ему въ присутствіи „духовнаго лица“ позволить себѣ это мірское удовольствіе.

Но М. хорошо понималъ свое положеніе. Онъ слишкомъ часто щупалъ пульсъ этого класса людей, чтобы не знать, какъ себя держать съ ними. Онъ попросилъ, чтобы его представили „хозяйкѣ дома“. Ему показали довольно пожилую и нѣсколько напоминающую слона даму. Мистеръ М. подошелъ къ ней и съ вѣжливымъ поклономъ, подавая руку „хозяйкѣ дома“, сказало:

— Осмѣлюсь ли имѣть честь просить васъ на первую кадриль?

Это была искра, брошенная въ огонь; со всѣхъ сторонъ загремѣли ура смѣшанныя съ переливами, которые сдѣлали бы честь любой тирольской глоткѣ и съ отрывками площадной пѣсни: „Вотъ кто настоящаго сорта!“

— Гиппъ! гиппъ! ура! Oh how jolly! Эти и тому подобныя восклицанія сопровождали каждую фигуру, которую почтенный пасторъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ выдѣлывалъ съ своимъ атлетическимъ vis-à-vis подъ пиликанье полдюжины скрипокъ, безпрестанно ошибаясь и путаясь къ всеобщему громкому веселью, пока, наконецъ, въ полномъ изнеможеніи, весь разгоряченный, онъ не отвелъ свою даму на мѣсто.

Послѣ этого всякое стѣсненіе отъ присутствія духовнаго лица исчезло. Танецъ слѣдовалъ за танцемъ; между ними были и такіе, которые не танцуются въ хорошемъ обществѣ, но ни въ какомъ случаѣ не французскій канканъ. Танцовали ирландскій „Gig“, шотландскій „Fling“, матросскій танецъ „Hornpipe“ и другіе въ этомъ родѣ. Въ промежуткахъ пѣлись комическіе куплеты, смѣняемые трогательно-сантиментальными романсами; всякій оралъ, кто во что гораздъ.

Среди этого разгула М. взялъ колокольчикъ и позвонилъ. „Silence!“ раздалось въ рядахъ пирующихъ и всѣ глаза обратились на пастора, которато, въ то время какъ онъ хотѣлъ начать ожидаемую рѣчь, С. тихонько дернулъ за рукавъ и шепнулъ: „Одни общія мѣста, ваше преподобіе. Это бѣдовый народъ, вамъ можетъ быть плохо“.

М., улыбаясь, спокойно окинулъ взглядомъ залу и потомъ, вмѣсто ожидаемой проповѣди, вдругъ пріятнымъ голосомъ запѣлъ одну изъ англійскихъ „ditty“ (народныхъ былинъ). Этотъ поступокъ снова былъ встрѣченъ шумными восклицаніями.

— Слушайте, слушайте, теперь начнется рѣчь.

М. опять поднялся съ своего мѣста и вѣжливѣйшимъ образомъ началъ: „Ladies and gentlemen! Меня смущаетъ единственно то, что я принужденъ говорить съ вами слишкомъ прямо и можетъ быть оскорбить этимъ оказанное мнѣ вами гостепріимство. Въ вашемъ пригласительномъ письмѣ меня поразила правдивость одной фразы: „Мы не претендуемъ на то, чтобы насъ считали честными людьми“. Я, Ladies and gentlemen, я претендую на это. Мнѣ говорили, что эта зала называется „залой свободы“, слѣдовательно я смѣло могу говорить правду. Прошу васъ опровергнуть мои аргументы, прежде чѣмъ вы рѣшите вышвырнуть меня за окно.

— Слушайте! слушайте! повторяли со всѣхъ сторонъ. Браво!

— Я отдаю справедливость вашей вѣжливости,—продолжалъ онъ,—не смотря на отвращеніе, какое возбуждаетъ во мнѣ вашъ образъ жизни—ваша безграничная лѣнь. Терпѣніе, которымъ вы хвалитесь, это терпѣніе собаки, отвага ваша—отвага трусовъ.

Больше двадцати кулаковъ въ мигъ поднялись въ воздухѣ, со всѣхъ концовъ залы посыпался перекрестный огонь проклятій и ругательствъ.

Когда волненіе поулеглось, М. продолжалъ.

— Мнѣ ничего больше не остается сказать, такъ какъ слова мои, кажется, вамъ непріятны; но позвольте доказать вамъ справедливость бранныхъ словъ, какими я васъ обозвалъ, а если я этого не докажу, такъ вытолкайте меня въ зашей на улицу!

— Говорите! говорите!

— Только трусъ пойдетъ на такой промыселъ, посредствомъ котораго онъ будетъ вести борьбу за существованіе на чужой счетъ, не разбирая кого обирать: богача или бѣдняка, угрожать не одному сильному, но и слабому. Удивительная отвага, большая смѣлость! Многіе изъ васъ жалуются на тиранства, какимъ они подвергаются въ рабочихъ домахъ и показываютъ свои израненныя и распухшія ноги отъ работы на ступальныхъ мельницахъ. Пусть со мной обращаются какъ съ собакой, если я буду сочувствовать этимъ страданіямъ. Говорю вамъ всѣмъ въ лицо: спасибо полицейскимъ, которые васъ ловятъ, судьямъ, которые васъ судятъ, присяжнымъ, которые васъ обвиняютъ, и тюрьмѣ, которая ограждаетъ отъ васъ общество!

Ожесточеніе казалось было слишкомъ велико, чтобы даже найти проклятія—слушатели точно онѣмѣли и стояли молча съ стиснутыми зубами и судорожно-сжатыми кулаками.

— Я знаю, что для мущинъ слова мои потеряны—но обращаюсь къ „матерямъ“, которыя здѣсь стоятъ.

Нѣкоторыя изъ присутствовавшихъ женщинъ съ благодарностью кивнули ему головой—онъ какъ будто затронулъ струну, долго молчавшую въ грязи этой жалкой жизни.

— Вы прижимаете къ сердцу вашихъ дѣтей, и я знаю, что вы любите ихъ точно также, какъ моя честная жена любитъ своихъ дѣтей. Какъ можете вы переносить мысль, что ваши дѣти будутъ такими же негодяями какъ ихъ отцы; какъ колыбель ихъ не превращается въ вашихъ глазахъ въ страшное привидѣніе рабочаго дома или висѣлицы?!

Онъ произнесъ послѣднія слова громовымъ голосомъ. Многія женщины крѣпче прижали къ себѣ своихъ дѣтей. „God heaveus!“ (Боже милосердный) и „God forbidd!“ (Боже избави)—„God bless you, sir“ (Благослови васъ Господь)—вотъ какія восклицанія вырывались не изъ одной груди.

— Такъ вотъ,—такъ заключалась рѣчь,—говорю вамъ: во имя любви вашей къ этимъ нѣжнымъ, милымъ созданіямъ, во имя Того, Кто призоветъ всѣхъ этихъ дѣтей въ свое небесное царство, умоляю васъ, матери, спасти ихъ отъ погибели. Повѣрьте что я понимаю, какого труда должно вамъ это стоитъ, сколько можетъ быть придется перенести вамъ за это побоевъ, но я знаю, что материнская любовь съумѣетъ все превозмочь. Въ нашихъ школахъ и пріютахъ для бѣдныхъ, для дѣтей погибшихъ родителей, найдется довольно мѣста для всѣхъ тѣхъ, кого вы, несчастныя женщины, прижимаете теперь къ вашему сердцу!

Изъ глазъ матерей лились слезы, горькія слезы! Одна молодая женщина запѣла гимнъ, чего она можетъ быть не дѣлала съ самаго дѣтства—а можетъ быть она вела прежде и порядочную жизнь, но какое-нибудь несчастіе повергло ее въ это существованіе, полное горечи и проклятій.

Въ эту минуту у входа въ залу послышался шумъ. Всѣ обернулись къ двери; послѣдняя медленно отворилась и въ ней показалась сначала голова въ каскѣ и вслѣдъ затѣмъ вся фигура полицейскаго.

Служитель закона съ непоколебимымъ спокойствіемъ оглядываетъ залу. Взглядъ его останавливается на одномъ блѣдномъ молодомъ человѣкѣ, который напрасно старается укрыться въ глубинѣ залы.

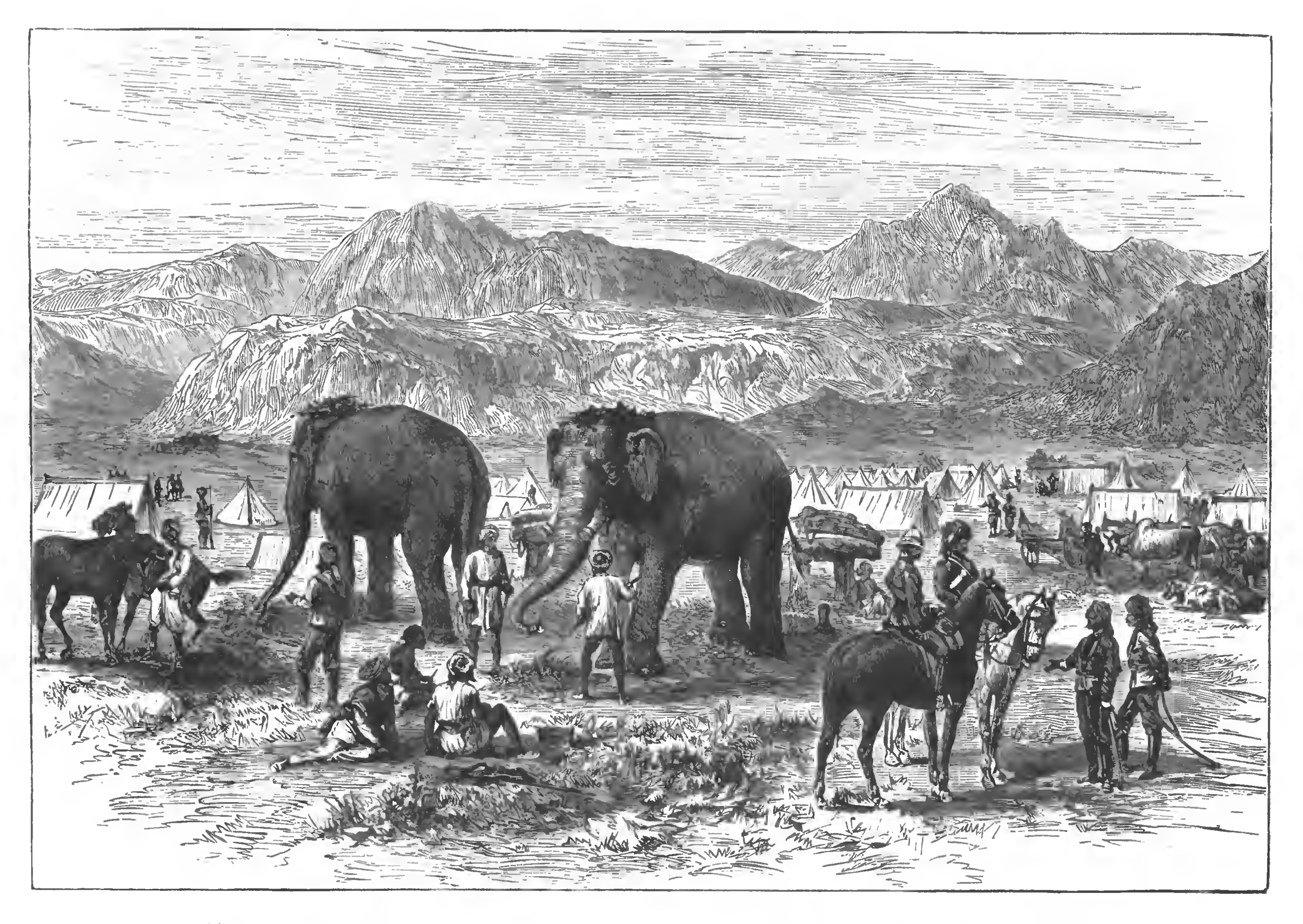
Полицейскій медленно поднялъ правую руку и протянувъ указательный палецъ, произнесъ одно только слово: „wanted!“ (тебя ищутъ).

Молодая дѣвушка, рыдая, бросилась на шею къ „отыскиваемому“, а онъ, обратясь къ собранію воскликнулъ съ принужденнымъ юморомъ: „Долженъ за нимъ идти, поймали молодца, теперь министерство общественныхъ работъ найдетъ мнѣ дѣло годковъ эдакъ на пять, а не то на семь!“

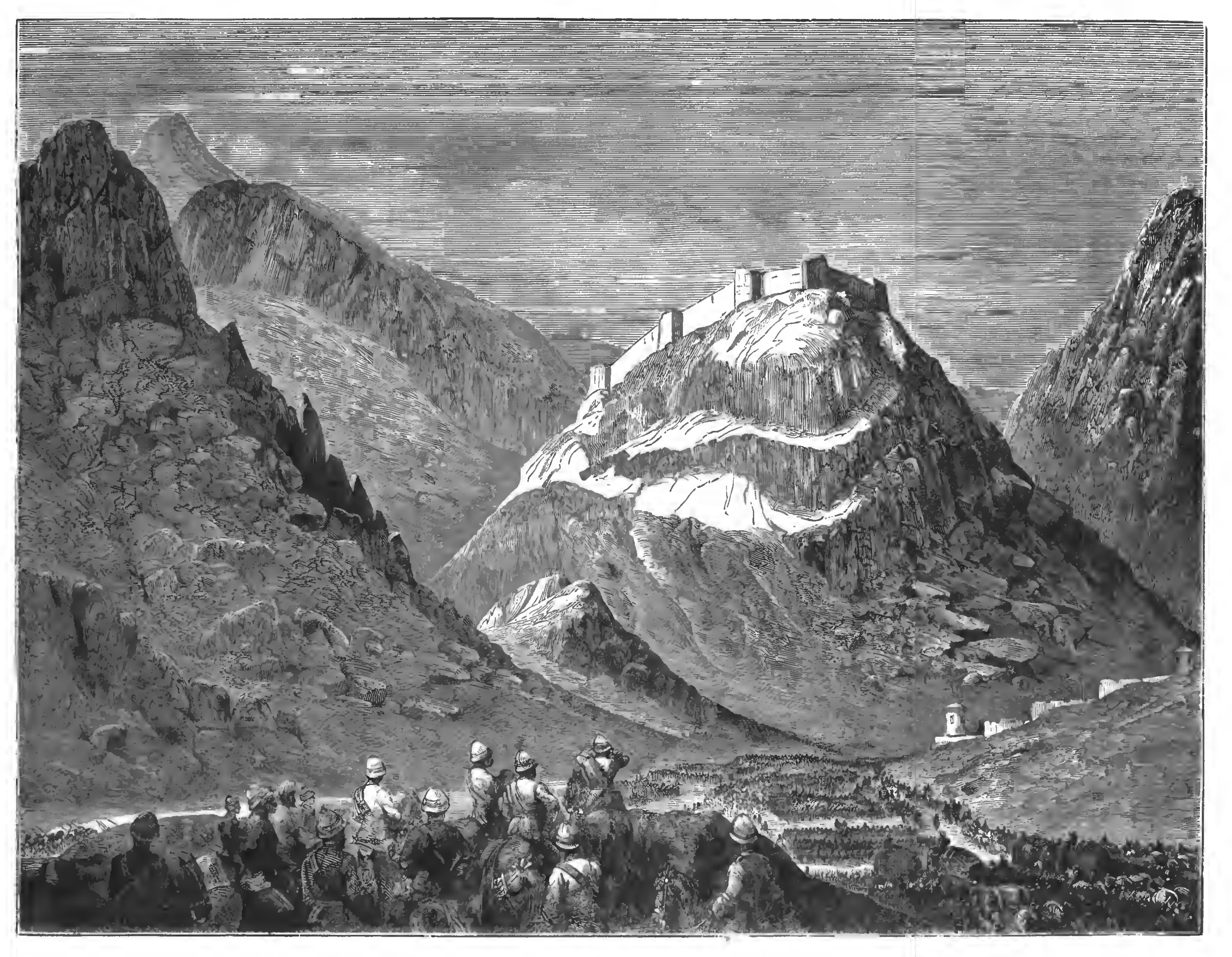
Полицейскій исчезъ съ своей добычей также скоро какъ появился. Вся сцена продолжалась не больше пяти минутъ. Однако она заставила многихъ „избрать благую часть“ и распрощаться „по французски“, то есть незамѣтно уйти, не прощаясь.

Молодой народъ—были въ немъ „отыскиваемые“ или нѣтъ—снова принялся за пляски и пѣсни; пасторъ собрался уходить. Женщины потихоньку пожимали ему руки, а у выхода „австраліецъ“ нагнулся къ нему и спросилъ: „Когда вы опять придете, ваше преподобіе? Кулакъ этотъ—желѣзный, и его узнаетъ тотъ, кто тронетъ хоть одинъ волосъ на вашей головѣ!“

На другой день школа для бѣдныхъ дѣтей, находившаяся подъ руководствомъ мистера М., не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ поступить въ нее учениковъ. Такова сила слова, когда оно проникнуто дѣйствительною любовью къ ближнему.



**Афганская война: лагерь Англійскаго авангарда въ Хайберскомъ проходѣ.** По рисунку Gr. грав. М. Рашевскій.



Афганская война: Занятіе Англійскими войсками крѣпости Алимеджида. По рисунку Gr. грав. М. Рашевскій.

# Изъ поэмы „письма".

....Еслибъ ты
Могъ видѣть какъ я злюсь, скучая!
Тутъ такъ и просятся „мечты"
Или „цвѣты", или „листы" —
Но далеко еще до Мая,
Когда вдругъ брызнетъ зелень, ледъ
Рѣками шумными пойдетъ
И разольются рѣки въ море...
Кому веселье, мнѣ—такъ горе:
Сиди себѣ, бранись да жди
У лужи—у моря погоды.
„Вотъ, дескать, мчатся мчатся воды
И ледъ несутъ въ своей груди.
Имъ дѣла нѣтъ кто тутъ томится
И кто домой летѣть стремится...

---

Гдѣ, гдѣ ты милая? скучаетъ
И плачетъ и сама не знаетъ
Чего ей надо, что не такъ
И что слеза глаза туманитъ
И что такъ больно сердце ранитъ
И вечеркомъ въ туманъ и мракъ
Глядитъ. Вотъ огородъ и галки
Кричатъ—усѣлися на палки,
Вотъ церковь старая видна...
Но не туда глядитъ она.
За городкомъ есть лѣсъ туманный
Туда дорожка лентой странной,
Неровной, узкою бѣжитъ
И на нее она глядитъ.
По ней поѣхалъ тотъ... который...
И вотъ стыдливо „клонитъ взоры"
Ей стыдно даже и одной!
Не бойся ты голубчикъ мой:
Они не видятъ и не знаютъ
И не поймутъ—чего пылаетъ
Твое лицо и что горятъ
Глаза. Вѣдь чай теперь ворчатъ
А можетъ быть меня бранятъ.
Свою любовь они забыли
Вѣрнѣе-жъ—вовсе не любили.
Не слушай ихъ голубчикъ мой!
Ты посовѣтуйся со мной:
Меня ты любишь? Разрѣшаю
Отъ всей души! Благословляю!
А если нѣтъ—тогда... тогда...
Вѣдь ты смотри: любовь—бѣда!
Спроси что скажутъ—ужъ навѣрно,
Что и безнравственно и скверно!
Они вѣдь правы иногда...

Н. Л.

# Къ рисункамъ.

## Послѣ пожара.

Тяжелымъ, часто непоправимымъ бѣдствіемъ обрушивается пожаръ на голову крестьянина. Несчастіе это, впервые даже случившееся, можетъ подорвать крестьянское благосостояніе и свести его на степень нищеты.

Слово пожаръ—страшное слово въ деревнѣ, оно вызываетъ смятеніе и панику—угроза пожаромъ—страшная, роковая угроза... Нѣтъ преступленія выше поджога, нѣтъ преступника выше поджигателя... для такого у крестьянъ нѣтъ милосердія—такихъ еще не оправдывала ни одна сессія присяжныхъ засѣдателей, и счастье обвиненнаго, если онъ попалъ на оффиціальную скамью подсудимыхъ, а не въ руки негласнаго крестьянскаго самосуда...

И не смотря на эту оцѣнку бѣдствія пожара—само бѣдствіе не составляетъ рѣдкаго явленія въ крестьянской жизни; напротивъ, нѣтъ несчастія чаще пожара, нѣтъ ни одной деревни, которая по нѣскольку разъ не погорѣла бы, на памяти своихъ стариковъ...

Горятъ посады, горятъ села, горятъ деревни и выселки, горятъ даже одинокія лѣсныя сторожки, горятъ отъ разныхъ причинъ, а надъ всѣми этими причинами доминируетъ фатальное „Божье попущеніе".

Высыпала баба горячую золу подъ заборъ, не дай Богъ въ сухую пору,—Божье попущеніе; завалился на сѣновалъ подвыпившій работникъ съ трубочкою,—никто какъ Богъ; ребятъ безъ надзора оставили,—съ огнемъ пошалили дѣти и сами погорѣли,—все Божье попущеніе... Стоически выноситъ крестьянинъ бѣду, выноситъ именно какъ Божью кару, а не какъ результатъ своей же собственной оплошности и шагу не сдѣлаетъ, чтобы на слѣдующее время хотя сколько нибудь предотвратить страшное бѣдствіе,

Предупредительныя мѣры рѣдко возникаютъ въ самой крестьянской средѣ. Онѣ являются, большею частью, нѣсколько свыше „по распоряженію начальства", являются въ формѣ нѣкотораго насилія, а то такъ и налога на обзаведеніе пожарными инструментами... Земство является на помощь крестьянину или въ лицѣ повелѣвающаго и внушающаго начальства, или въ видѣ обязательнаго и необязательнаго страхованія, не достигающаго своей цѣли уже потому только, что оцѣнка имущества, принимаемаго на страхъ земскими страховыми учрежденіями не соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости застрахованнаго. Крестьянская изба-срубъ принимается на страхъ рѣдко свыше тридцати рублей, когда, чтобы построить ее, надо, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ; годовые взносы велики сообразно съ преміей; полученіе этой преміи сопряжено съ страшною проволочкою времени и цѣлою цѣпью канцелярскихъ затрудненій—этимъ объясняется почему мало, а вѣрнѣе и совсѣмъ нѣтъ добровольныхъ страхователей... Поневолѣ приходится крестьянину и уповать на Господа Бога и не роптать, когда его постигнетъ „Божье попущеніе".

Причины пожаровъ распадаются на три группы: неосторожность, или своя собственная, или послѣдствіе сосѣдской неосторожности, тѣснота построекъ и легкая воспламеняемость строительныхъ матеріаловъ крестьянскаго жилья, гдѣ камень—явленіе болѣе чѣмъ рѣдкое, и наконецъ злоумышленность, подпусканіе краснаго пѣтуха по злобѣ или съ другими корыстными цѣлями.

Взгляните на русскую деревню: почти вплотную, одна къ другой лѣпятся бревенчатыя избы, крытыя соломою, космагыя крыши чуть не соприкасаются одна съ другою, плетневые заборы, кучи хвороста на задворкахъ... какъ порохъ воспламеняется все это, особенно въ сухую пору жаркаго лѣта; займется на одномъ концѣ деревни, получаса не пройдетъ какъ уже пламя охватило „весь порядокъ", перемахнуло на противоположную сторону и нѣтъ уже никакой физической возможности спасти свое добро, отстоять то, до чего еще не коснулась сокрушительная волна пожарнаго пламени.

А жалкія тушительныя средства—ведра, которыми часто за полверсты ребятишки таскаютъ воду, багры, топоры и лопаты, изображенія которыхъ „по формѣ" вывѣшены надъ каждыми воротами или на конькахъ избъ—борьба такихъ огнегасительныхъ снарядовъ съ страшною, разрушительною силою огня немыслима... Поневолѣ остается покориться судьбѣ.

Изолированіе пожара было бы лучшимъ средствомъ въ этихъ случаяхъ, но для этого надо обязательно просторное размѣщеніе построекъ, широкіе проулки между дворами, а самое лучшее—побольше растительности, деревьевъ, служащихъ во время пожара превосходнымъ заслономъ. Но широкое расположеніе требуетъ много усадебной земли, въ которой рѣдко гдѣ не чувствуется недостатка, а крестьяне не охотники сажать деревья, чтобы защитить, украсить свое не хитро сложенное жилище.

Чтобы нагляднѣе представить себѣ картину бѣдствія пожара въ деревнѣ и его послѣдствія, представимъ себѣ крестьянское хозяйство и его годовой оборотъ средняго состоянія. Крестьянинъ-собственникъ имѣетъ избу съ дворомъ и около двухъ десятинъ подъ обработкою и лугомъ; у него есть лошадь, одна корова, четыре-пять овецъ, запасъ зимняго и лѣтняго платья—и никакого денежнаго запаса—этимъ ограничивается его хозяйственный инвентарь. Онъ работаетъ съ своею семьею круглый годъ, зарабатывая себѣ только на подати, содержаніе семьи, прокормъ скотины; остатка нѣтъ, чаще хроническій изъ года въ годъ переносимый дефицитъ, пополняемый только случанными доходами, а этого рода доходныя статьи не каждый годъ подвертываются подъ рабочую руку крестьянина...

Всякая экстренная затрата, не превышающая даже десяти рублей, тяжело ложится на крестьянскую шею. Потеря лошади или коровы—уже крупное, долго оплакиваемое несчастіе, главнѣйшую же цѣнность представляетъ собою изба съ надворными постройками — стоимость которой достигаетъ ста рублей или нѣсколько болѣе. Денежный оборотъ крестьянина рѣдко превышаетъ пятьдесятъ рублей въ годъ—потеря лошади едва можетъ быть покрыта половиною этого оборота, потеря жилья не можетъ быть покрыта вовсе. Пожаръ сразу уже дѣлаетъ его банкротомъ, или ставитъ въ такіе тиски неоплатныхъ долговъ, изъ которыхъ, опять же таки безъ случайной, посторонней помощи, ему и во всю жизнь не выбраться—повтореніе такого страшнаго бѣдствія дѣлаетъ его и его семью окончательно нищими, или же заставляетъ отдѣлиться отъ этой семьи, бросить свое поле и самому идти въ городъ на заработки.

Съ пожаромъ избы гибнетъ и его мелкое имущество, его утварь, одежда, все то, что накапливалось годами, выгорѣвшая деревня сразу наводняетъ сосѣдніе поселки толпами нищихъ погорѣльцевъ, протягивающихъ руки Христовымъ именемъ.

Разрушая благоустройство крестьянской семьи, пожаръ часто отвлекаетъ рабочія руки отъ прямого дѣла, отъ поля, вырываетъ рабочаго изъ среды земледѣльцевъ, среды, лежащей основою, фундаментомъ общаго государственнаго благосостоянія.

Истребляя крестьянское добро—эти лачуги и рваные зипуны—общіе убытки, причиненные пожарами въ деревняхъ этому благосостоянію громадны, они выражаются слишкомъ крупными цифрами, достигающими, по свѣдѣнію современной статистики, до семи милліоновъ въ годъ—сюда не включаются пожары въ городахъ, пожары—которые, благодаря спекулятивному духу и развитію страховыхъ обществъ, утратили значительно свое потрясающее, роковое значеніе.

Обращаться жителямъ деревень къ услугамъ этихъ обществъ немыслимо, да и сами общества не охотно примутъ такихъ кліентовъ; невозможность надзора и слѣдствія, частость самыхъ пожаровъ, сдѣлали бы всякую страховую кампанію несостоятельною, земскія же взаимно-общинныя страховыя учрежденія. не смотря на двадцатилѣтнее свое существованіе, до сихъ поръ еще находятся въ зародышѣ—и зародышѣ. немного обѣщающемъ въ будущемъ.

Размѣры этой статьи не позволяютъ распространиться намъ о причинахъ такого нецѣлесообразнаго устройства земскаго дѣла—эти строки навѣяны рисункомъ въ нашемъ журналѣ, талантливо исполненнымъ однимъ изъ нашихъ лучшихъ и постоянныхъ сотрудниковъ.

Передъ нашими глазами крестьянская семья, постигнутая „Божьимъ попущеніемъ". Тоскливая безотрадность положенія, грустная перспектива впереди—и глухое, безропотное подчиненіе и покорность судьбѣ—вотъ основной мотивъ этого рисунка.

Глава семьи занятъ работою, онъ ладитъ себѣ временное жилье изъ обгорѣлыхъ жердей. Не хитра архитектура его постройки, два козла—поверхъ перекладина, съ боковъ привалитъ плетневину, да соломою прикроетъ, вотъ и все. Мать старуха у котелка копошится, дочка помогаетъ—картофелю нарвала на грядахъ и чиститъ теперь для похлебки, одинъ сынишко маленькій чуждъ всякой заботы—глупъ еще, не соображаетъ; ему все забава, все служитъ игрушкою, засѣлъ вотъ теперь въ тачку и утѣшается...

Не много добра спасъ мужикъ изъ огня, главная цѣнность—это сапоги и повѣшены эти сапоги на самомъ что ни на есть почетномъ мѣстѣ, изъ посуды кое-что захватила баба, да эта самая тачка, вотъ и все... на первое, новое обзаведеніе. Грустное положеніе и обстановка-то кругомъ тоже такая невеселая: сарай вдали съ разобранной крышею, можетъ быть потому только и уцѣлѣвшій, что больно на отлетѣ пришелся, обгорѣлыя воротища, обгорѣлыя, потерявшія свою листву деревья. Ладно только хоть, что погода стоитъ пока хорошая. теплая и за то благодареніе Господу. А оборони Богъ при такой бѣдѣ да холодъ, дождь, осеннее ненастье—а за нимъ болѣзни—ну и не выдержать тогда стоику мужику-земледѣльцу, махнетъ онъ на все съ отчаянія рукою и разбредется вся его семья по чужимъ дворамъ побираться, или надъ чужимъ дѣломъ батратить.

**Н. Каразинъ.**

## Тифонъ.

Подъ именемъ тифона или смерча наука разумѣетъ особенное грандіозное явленіе природы, довольно частое въ моряхъ, большихъ озерахъ и рѣкахъ, явленіе, представляющее одну изъ величайшихъ опасностей для судоходства. Явленіе это заключается въ томъ, что море въ какомъ либо мѣстѣ приходитъ вдругъ въ сильное движеніе и начинаетъ шумѣть и волноваться. Волны мало по малу поднимаются однимъ или нѣсколькими гигантскими конусами; одновременно съ этимъ изъ темной тучи начинаетъ спускаться встрѣчный конусъ, основаніе котораго въ облакѣ а верхушка опускается все ниже къ морю до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ поверхности его, или же образовавшагося въ морѣ конуса. Тифонъ—это гигантскій водяной столбъ, обращающійся такъ сказать вокругъ своей оси. Онъ медленно движется, производя на большомъ пространствѣ сильнѣйшее волненіе въ морѣ. Горе кораблю, который попадется на пути этаго несущагося водянаго гиганта. Невозможно противустоять его страшной разрушительной силѣ. Бывали примѣры, что одинъ или два пушечныхъ выстрѣла, направленныхъ въ тифонъ, разбивали его моментально, но не всегда этотъ простой способъ сопротивленія бываетъ достаточенъ, чтобы противустоять соединенію двухъ непобѣдимыхъ стихій. Нашъ рисунокъ, представляетъ именно роковую встрѣчу большаго корабля съ тифономъ на южно-атлантическомъ океанѣ. Два корабля вмѣстѣ держали путь. Тотъ, который былъ больше—трехмачтовый, былъ застигнутъ тифономъ; верхъ мачты, а также часть канатовъ и снастей были сорваны мгновенно; мачты съ трескомъ ломались и весь корабль дрожалъ и трещалъ по всѣмъ пазамъ; давленіе воздуха на паруса было такъ сильно, что корабль не опрокинулся благодаря только тому, что паруса мгновенно были изорваны въ клочья. Экипажу не откуда было получить помощи. Бывшіе на палубѣ люди были сброшены за бортъ и утонули въ ревущемъ морѣ, а убѣжавшіе въ каюты слышали только чрезвычайно сильный трескъ и шумъ. Часть палубы уже погрузилась въ море; всѣ канаты, жерди, паруса и даже лодки были оторваны; къ счастію тифонъ двинулся дальше и распался вдругъ съ ужаснѣйшимъ гуломъ. Остались только обломки корабля. Другой корабль, который былъ меньше, находился внѣ тифона и избѣгъ страшнаго крушенія, жертвою котораго сдѣлался его товарищъ.

## Дѣвушка высшаго общества XVI в.

Перенесемся ровно за три столѣтія назадъ,—въ тогдашній Парижъ. Уже ночь. Вотъ въ одной изъ узкихъ, темныхъ и совершенно пустыхъ улицъ замелькали огни. Они приближаются, освѣщая, на своемъ пути, одинъ за другимъ, изукрашенные лѣпной работой и фигурами, фасады домовъ. Огни подвигаются ближе и—изъ мрака выступаетъ кортэжъ: впереди идутъ служители съ факелами въ рукахъ, за ними слегка покачиваются богатыя, закрытыя, носилки, поддерживаемыя другими служителями; позади—опять факелы. Шествіе останавливается передъ величественнымъ перистилемъ высокаго дома. Съ шумомъ растворяются тяжелыя двери; изъ носилокъ выходятъ двѣ женскія фигуры. Еще минута—исчезаютъ и факелы, и носилки, и—снова наступаетъ непроглядная ночь. Одна изъ женскихъ фигуръ, промелькнувшихъ предъ нашими глазами—дочь высокороднаго маркиза, придворнаго сановника короля Карла IX-го (другая ея дуэнья). Она возвратилась изъ дворца. Пройдя рядъ покоевъ, роскошно отдѣланныхъ рѣзнымъ дубомъ,—молодая дѣвушка входитъ въ свою высокую комнату и останавливается въ задумчивости. Какъ хороша она въ этой позѣ! О чемъ она думаетъ, какую тайную мысль, или мечту выражаютъ, въ эту минуту, прелестныя черты? Можетъ быть это отблескъ чувства, волнующаго дѣвушку каждый разъ, когда она встрѣчаетъ одного стройнаго, блестящаго, остроумнаго кавалера? *Его* не было сегодня во дворцѣ... Она, невольно, припоминаетъ теперь вечеръ, который провела тамъ. Томительно тянулся этотъ вечеръ. Король нездоровъ. Въ воображеніи дѣвушки рисуется высокій, темный салонъ въ Луврѣ, слабо освѣщенный нѣсколькими большими серебряными канделябрами (работы искуснаго флорентинца—Бенвенуто-Челлини). Въ полусвѣтѣ виднѣется фигура короля, его блѣдное, изнуренное, молчаливое лицо, съ широкими, рѣзко очерченными бровями, высоко поднятыми надъ строгими, теперь потупленными глазами; онъ полулежитъ въ глубокомъ креслѣ съ высокой рѣзной спинкой. У громаднаго, росписнаго камина, неподвижно сидитъ, вся въ черномъ, какъ будто сдѣланная изъ воска,—Катерина Медичи; ея тонкія губы судорожно сжаты, взглядъ пристально устремленъ на царственнаго сына.

Безмолвная группа придворныхъ... А *его* все нѣтъ! И вотъ красавица давно стоитъ на томъ же мѣстѣ въ своей комнатѣ и думаетъ о немъ. Завтра, тайкомъ, она посѣтитъ астролога королевы Катерины, Козимо Руджіери—онъ дастъ ей вѣрное средство приколдовать кавалера, и—тогда, о, тогда, конечно, она будетъ увѣрена въ его любви!..

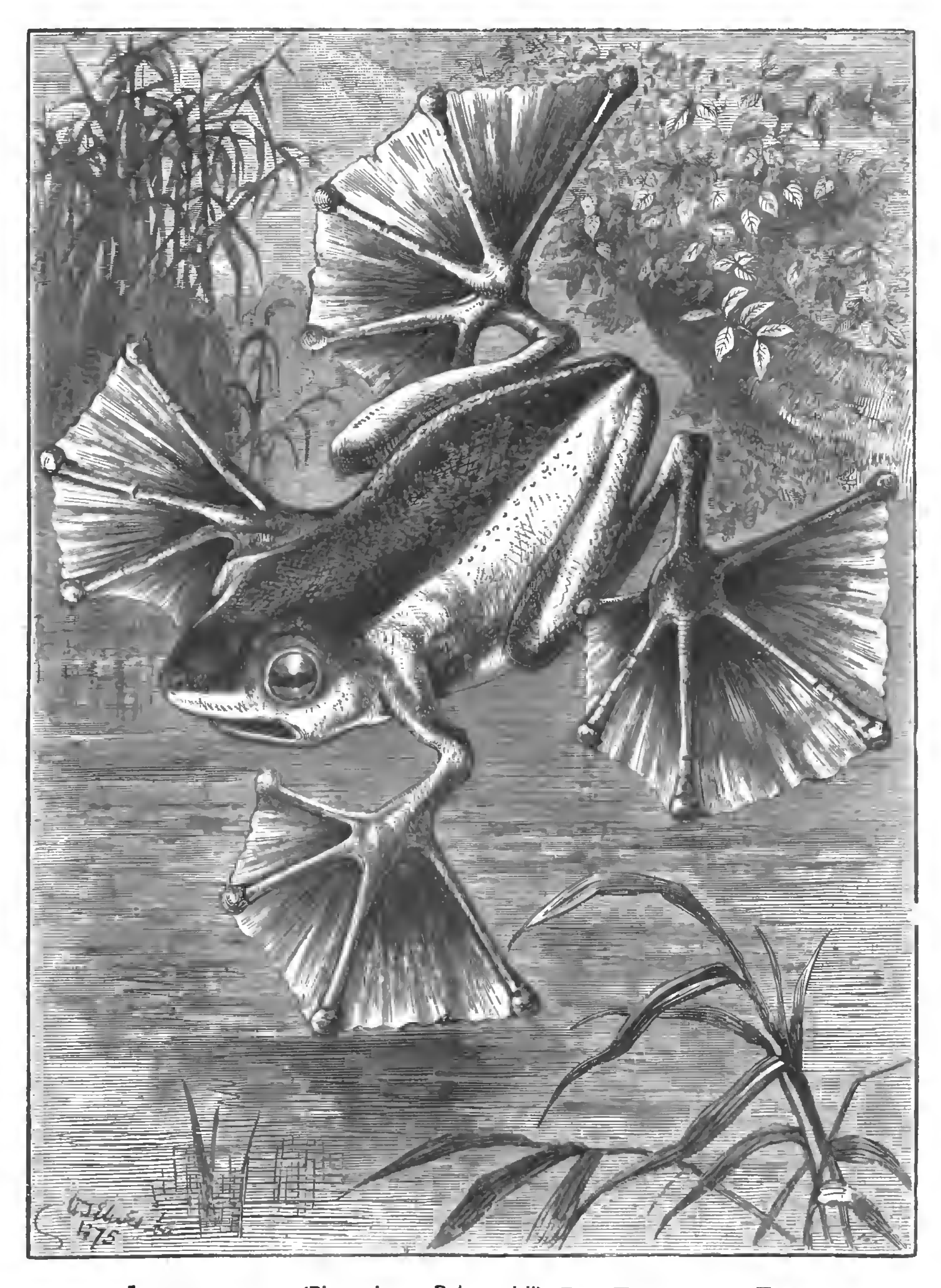
Такою, быть можетъ думою, освѣщено прелестное лицо, созданное талантливою кистью сына знаменитаго Вильгельма Каульбаха.

## Взятіе Алимеджида и лагерь англійскихъ войскъ въ Хайберскомъ проходѣ.

На разстояніи одной мили къ западу отъ форта Джамрудъ (замыкающаго Пешаверскую долину) начинается авганская граница. Афридская деревня Кадшъ—первое авганское поселеніе, а находящійся отсюда въ 10-ти миляхъ фортъ Алимеджидъ (изображенный на прилагаемой гравюрѣ)—первый охранный пунктъ Авганистана со стороны британскихъ владѣній. Онъ расположенъ на высокой скалѣ, со всѣхъ сторонъ ниспадающей крутыми уступами и вполнѣ господствуетъ надъ Хайберскимъ горнымъ проходомъ. Но, въ этомъ проходѣ, позади форта, есть одинъ пунктъ, извѣстный подъ названіемъ Кепикеста, къ которому прилегаютъ Ротасскія высоты—со стороны этихъ послѣднихъ фортъ совершенно открытъ и легко можетъ быть обстрѣливаемъ. Эмиръ содержалъ въ Алимеджидѣ довольно значительный гарнизонъ, какъ для обороны дефилея, такъ и для удержанія въ покорности безпокойныхъ горныхъ племенъ, признающихъ его власть лишь номинально. Хайберскій проходъ имѣетъ отъ 40 до 290 ф. ширины и вьется между ущелій, склоны которыхъ возвышаются на 1500 ф. Въ полутора миляхъ за Алимеджидомъ горный дефилей переходитъ въ долину Лала-Бегъ, имѣющую около 6-ти миль длины и отъ полумили до мили ширины. Затѣмъ, снова тянется горный проходъ. Наименьшей ширины онъ достигаетъ въ той части своей, которая наз. Ланди-Канакъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ упомянутой долины. Онъ оканчивается у сел. Дакка, гдѣ горы постепенно разступаются по направленію къ долинѣ Джеллалабада. Вся длина Хайберскаго горнаго прохода равняется 35-ти милямъ. Въ настоящее время онъ, впрочемъ, уже не считается такимъ недоступнымъ, какъ прежде. Есть нѣсколько горныхъ дорогъ, съ помощью которыхъ войска, безъ тяжестей, могутъ обойдти Алимеджидъ и только артиллерія и обозъ должны идти непремѣнно чрезъ самый горный проходъ.

Въ политическомъ обозрѣніи одного изъ предшествовавшихъ номеровъ нашего журнала мы сообщили уже читателямъ, что 23-го ноября н. с. Алимеджидъ взятъ британскими войсками.

Здѣсь мы разскажемъ нѣсколько подробнѣе объ этомъ первомъ боевомъ (хотя и не особенно „славномъ") успѣхѣ въ ихъ войнѣ съ Ширъ-Али. Войска, назначенныя для форсированія Хайберскаго горнаго прохода, были окончательно собраны у Джамруда, ночью на 21-е ноября. Отрядъ, численностью въ шесть тысячъ человѣкъ, состоялъ изъ одной кавалерійской и четырехъ пѣхотныхъ бригадъ, при пяти баттареяхъ. Согласно диспозиціи, отъ главныхъ силъ должны были отдѣлиться двѣ бригады, подъ начальствомъ генерала Макферсона, и, обойдя Алимеджидъ со стороны Кешикесты, отрѣзать отступленіе



Летучая лягушка. (Rhacophorus Reinwardtii). Рис. Елюсъ, грав. Дейсъ.

авганцамъ; общее же движеніе начинается только по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, необходимыхъ Макферсону для выполненія обходнаго движенія. Еще съ утра 21-го все въ лагерѣ находилось въ лихорадочно-нетерпѣливомъ ожиданіи; въ полдень, кавалерія, пѣхота, артиллерія собрались шумными группами въ различныхъ пунктахъ бивака. Но, только къ вечеру получено приказаніе выступать. Одна изъ бригадъ Макферсона стала въ ружье. Наступила торжественная минута. Стройные ряды молча ожидали команды... роковыя слова прозвучали въ воздухѣ и—колонна двинулась. Война началась!

На разсвѣтѣ 20-го, генералъ Броунъ, (командующій корпусомъ) выступилъ съ главными силами къ Алимеджиду. Занявъ безпрепятственно селеніе Лала-Чину и небольшое укрѣпленіе, возвышающееся вправо, британцы установили баттареи и приступили къ бомбардированію. Авганцы отвѣчали, хотя не частымъ, но мѣтко направленнымъ огнемъ. Артиллерійскій бой становился весьма жаркимъ. Авганскія войска держались стойко Подъ прикрытіемъ своихъ баттарей, британцы начали подвигаться съ трехъ сторонъ къ форту и 3-я бригада подошла уже на штурмовое разстояніе. Командиръ авангарда, Маіоръ Берчъ, встрѣтилъ на пути своемъ рядъ траншей, занятыхъ авганцами. Наступили сумерки. Макферсонъ не появлялся. Берчу приказано отступить къ своимъ подкрѣпленіямъ. Во время обратнаго движенія своего, отрядъ этотъ сильно пострадалъ. Маіоръ Берчъ, одинъ поручикъ и нѣсколько солдатъ были убиты, и, кромѣ того, 1 офицеръ и около 20-ти солдатъ ранено (это, впрочемъ, по британскимъ источникамъ). Неизвѣстно—чѣмъ могло окончиться это первое столкновеніе, будь здѣсь у авганцевъ больше силъ. Ночью—ихъ пикеты да и

(Продолженіе на стр. 937, 938, 939, 940 941, 942, 943 и 944).

знать о приближеніи Макферсона. Боясь, чтобы британская обходная колона не преградила имъ путь къ отступленію, они удалились изъ форта и, утромъ 23-го ноября, побѣдоносныя войска королевы Викторіи торжественно вступили въ пустой Алимесджидъ.

Такъ началась британо-авганская война.

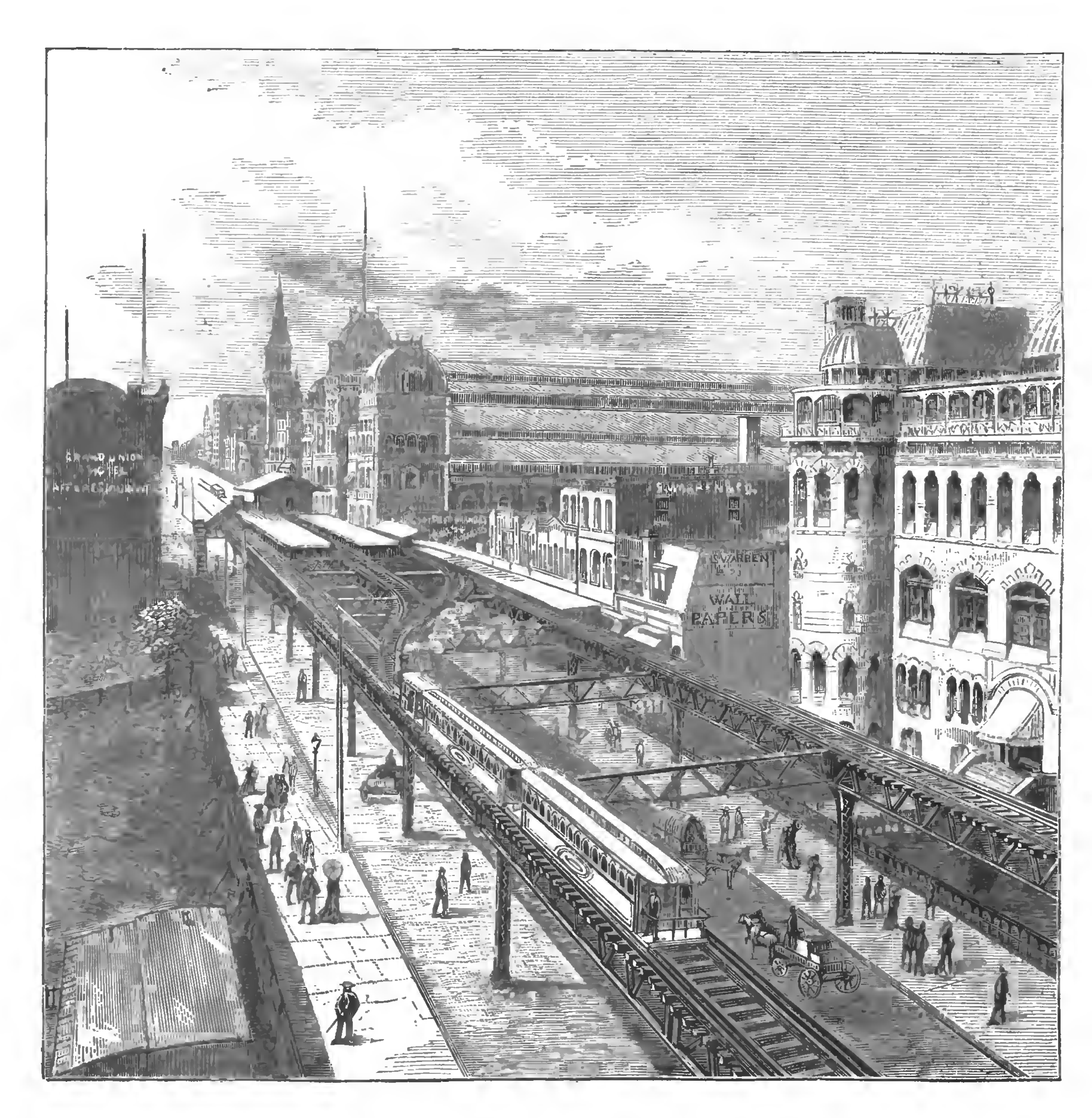
## Летучая лягушка.

(Rhacophorus Reinwardtii).

„Одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ и интересныхъ гадовъ“ говоритъ Валласъ „какіе только мнѣ попадались—это на островѣ Борнео, большая древесная лягушка, которую принесъ уже мертвую ко мнѣ одинъ китайскій рабочій. Онъ разсказывалъ, что видѣлъ какъ она летѣла съ дерева на землю. При ближайшемъ разслѣдованіи, я нашелъ, что большіе пальцы на заднихъ лапкахъ у нея очень развиты и соединены перепонкой; раздвинутые, они представляютъ поверхность гораздо больше всего тѣла лягушки. Пальцы переднихъ ногъ, также соединены перепонкой и кромѣ того тѣло имѣетъ способность значительно раздуваться. Хребетъ и члены лоснящіеся, темно-зеленаго цвѣта; брюшко и внутренняя часть большихъ пальцевъ желтаго; плавательная перепонка чернаго съ желтыми полосами. Длина всего тѣла составляетъ почти полтора вершка; вполнѣ же расширенная перепонка заднихъ ногъ занимаетъ площадь въ 4 вершка, а площадь поверхности перепонки всѣхъ четырехъ ногъ до 12-ти вершковъ. Концы большихъ пальцевъ снабжены длинными зацѣпками, въ родѣ тѣхъ, какія есть у обыкновенной древесной лягушки; во всякомъ случаѣ нельзя предположить, чтобы такое развитіе перепонки между пальцами было приспособлено только для плаванія. Должно признать достовѣрнымъ разсказъ китайца, видѣвшаго лягушку, летающую около дерева.

Это, насколько мнѣ извѣстно, единственный видъ летающей лягушки, и заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, такъ какъ показываетъ, что измѣненіе большихъ пальцевъ, допускающее плаваніе и лазаніе, при извѣстномъ развитіи можетъ способствовать летающей ящерицѣ кружиться по воздуху.

Лягушка, описанная Валласомъ, есть безъ сомнѣнія давно извѣстная, такъ называемая плавающая лягушка, которую теперь называютъ летающею. На материкѣ Индіи и на Зундскихъ островахъ извѣстны три видоизмѣненія плавающихъ лягушекъ; онѣ отличаются вообще стройностью тѣла, гладкой кожей, растяжимостью перепонки между большими пальцами, которыя оканчиваются длинными зацѣпками и весьма развитыми органами слуха, кромѣ того самцы голосовымъ мѣшеч-




**Надземная желѣзная дорога въ Нью-Іоркѣ.** Рис. и грав. Пейне.

комъ, подъ зобомъ. Зубы расположены въ челюсти двумя отдѣльными рядами.

## Надземная желѣзная дорога въ Нью-Іоркѣ.

Устройство въ Нью-Іоркѣ надземной желѣзной дороги на высокихъ столбахъ было задумано уже давно, но разныя препятствія долгое время замедляли осуществленіе этого предпріятія. Одними изъ такихъ препятствій служили, между прочимъ, вѣскія возраженія противъ самаго способа устройства подобной дороги; повсюду заговорили объ громадныхъ неудобствахъ для жителей нижнихъ этажей, принужденныхъ, ради ея, жить въ постоянной темнотѣ и быть лишенными свободнаго притока въ ихъ помѣщенія чистаго воздуха; говорили также объ опасностяхъ, могущихъ произойти въ узкихъ улицахъ отъ тѣсноты, когда ихъ загромоздитъ постройка предполагавшейся желѣзной дороги, но практическія соображенія у американцевъ всегда имѣютъ верхъ надъ всѣми соображеніями, а убѣжденіе, что подобная дорога необходима для такого города какъ Нью Іоркъ, гдѣ время—деньги, пересилило доводы оппозиціи и вскорѣ въ какія нибудь 20 минутъ можно будетъ дѣловому человѣку перенестись изъ одного конца обширнаго города въ другой, совершенно ему противоположный. Вся сѣть такой надземной желѣзной дороги поддерживается двумя рядами высокихъ чугунныхъ столбовъ, идущихъ посреди улицъ и отстоящихъ на 10 футовъ одинъ отъ другаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ линія дороги огибаетъ почти самыя зданія, такъ что поѣзды пролетаютъ чуть не подъ окнами квартирантовъ верхнихъ этажей, но въ широкихъ улицахъ она удалена отъ домовъ на довольно значительное разстояніе. Черезъ каждыя полмили и преимущественно на развѣтвленіяхъ большихъ улицъ построены маленькія станціи изъ листоваго желѣза съ крытыми платформами. На смѣну пассажировъ полагается не болѣе полминуты, а скорость поѣзда должна равняться отъ 30 до 40 верст. въ часъ, такъ что въ 18 часовъ можно перевезти до 100,000 человѣкъ. Длина всей дороги, послѣ ея открытія въ обѣихъ частяхъ города,—которыя соединятся четырьмя желѣзными мостами,—будетъ равняться почти 30 верстамъ. Вагоны устроены съ большимъ комфортомъ и даже роскошью; въ каждомъ поѣздѣ ихъ полагается не болѣе четырехъ, но каждый вагонъ такъ обширенъ, что въ немъ свободно могутъ помѣститься 48 пассажировъ.

К.

Локомотивъ надземной желѣзной дороги въ Нью-Іоркѣ.



Внутренность пассажирнаго вагона надземной желѣзной дороги въ Нью-Іоркѣ.

## Русскія и Сербскія медали въ память послѣдней войны.

Русскія медали въ память недавно окончившейся послѣдней войны сходны съ нѣмецкими медалями 1870—71 годовъ, которыя вышли двумя выпусками: одинъ изъ свѣтлой бронзы для бывшихъ въ дѣйствіи, и другой изъ темной бронзы для неучаствовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Однако мы разборчивѣе нѣмцевъ въ раздачѣ такихъ медалей, такъ какъ у насъ невоенный ее получить не можетъ, вообще напр., поставщики арміи фургонщики и друг., слѣдовавшіе за войскомъ, лица.

Кромѣ двухъ выше поименованныхъ медалей, существуетъ еще „шипкинская" медаль; эта послѣдняя причислена къ „знакамъ отличія." Она учреждена для храбрыхъ защитниковъ шипкинскаго прохода и для воиновъ азіатской арміи, за геройское „сидѣнье Баязетское", за бой на Шипкѣ медаль могли получить только тѣ, кто участвовалъ съ самаго начала компаніи. Лента для всѣхъ трехъ медалей составлена изъ лентъ: Георгіевской (черная съ оранжевымъ) и Андреевской (свѣтлоголубая).

На лицевой сторонѣ медали представленъ въ лучахъ Андреевскій крестъ (какой болгарскіе легіоны носятъ на шапкахъ) утвержденный на полумѣсяцѣ. По обѣимъ сторонамъ креста, намѣчены славные въ новой военной русской исторіи годы 1877, 1878. На оборотной сторонѣ медали, въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ, надпись: „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему."

Сербская медаль гораздо замысловатѣе. Лента къ ней темнокрасная съ голубымъ кантомъ. Цвѣта взяты изъ сербскаго трехцвѣтнаго знамени, но безъ бѣлаго, знаменующаго миръ. На лицевой сторонѣ представлена аллегорическая женская фигура въ идеализированномъ сербскомъ одѣяніи, олицетворяющая побѣдоносную Сербію. Характеристическая узкая и короткая, отороченная мѣхомъ, съ открытыми рукавами кофточка; недостаетъ только маленькой, круглой, головной шапочки, составляющей также существенную часть національнаго сербскаго, женскаго костюма. Съ лицемъ, обращеннымъ влѣво, фигура въ протянутой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, въ правой—крестъ и опирается на щитъ, на которомъ представленъ гербъ сербскаго княжества: бѣлый крестъ на красномъ полѣ; въ четырехъ углахъ щита стоитъ буква С. (Сербія) въ ногахъ Сербіи лежитъ сокрушенное знамя Турціи съ полумѣсяцемъ. По краямъ слова: „Bat za oslobotschenje i nezawisimost 1876, 1877—1878 god," „за освобожденіе и независимость 1876, 1877—1878 года."

Оборотная сторона медали представляетъ вензель князя Милана Обреновича IV, на верху корона, а по краямъ перевитый лентами вѣнокъ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ; на лентѣ имена сраженій и осадъ, оконченныхъ съ успѣхомъ Сербами. Медаль изъ свѣтло-желтой бронзы.

# Политическое обозрѣніе.

Новое турецкое министерство.—Хейреддинъ-Паша. — Сопротивленіе болгаръ.— Божидаръ Петровичъ.—Возстаніе Кафровъ.—Эмиръ Ширъ-Али.

Сообщая о замѣнѣ бывшаго турецкаго министерства кабинетомъ Хейреддина-Паши, мы передавали тогда же, что перемѣну эту приписываютъ британскому вліянію. Теперь находимъ подтвержденіе этому извѣстію. Въ оффиціальныхъ разныхъ кружкахъ въ Стамбулѣ увѣряютъ, что перемѣна въ министерствѣ не означаетъ поворота въ пользу Россіи. Британскій посланникъ весьма доволенъ составомъ новаго кабинета. Здѣсь, кстати, скажемъ нѣсколько словъ о Хейреддинѣ. Изъ Пэры пишутъ въ „Times", что нынѣшній великій визирь—родомъ черкесъ, но онъ самъ не знаетъ, къ какому именно племени принадлежитъ. Хотя онъ и говоритъ по турецки, но предпочитаетъ арабскій или французскій. Какъ извѣстно, Хейреддинъ былъ министромъ Тунисскаго бея и обратилъ на себя вниманіе султана религіозно-политическимъ сочиненіемъ, въ которомъ доказывалъ совмѣстимость ученія Корана съ современными идеями прогресса и свободы. Въ этой книгѣ указывается на то, что возрожденіе Турціи должно быть произведено самими мусульманами и при помощи духовенства. Корреспондентъ, сообщающій эти данныя, имѣвъ случай бесѣдовать съ самимъ Хейреддиномъ, указалъ ему на трудность согласованія его проекта турецкаго возрожденія съ интересами христіанскаго населенія Турціи. По паша вазразилъ, что это, напротивъ, не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ коранъ признаетъ право свободы вѣроисповѣданій и за другими религіями (?). „Какъ бы ни относились къ воззрѣніямъ Хейреддина, прибавляетъ корреспондентъ, во всякомъ случаѣ это человѣкъ энергическій и выдающійся и въ этомъ отношеніи, представляетъ рѣзкое различіе съ своими предшественниками. Телеграфируютъ изъ Константинополя, отъ 27-го ноября (9-го декабря), что Хейреддинъ, на бывшемъ у него пріемѣ, выслушавъ поздравленія, принесенныя ему армянскимъ патріархомъ, отвѣчалъ на французскомъ языкѣ: „Милостивый султанъ, желая, чтобы всѣ его подданные пользовались равными правами, поручилъ мнѣ оказывать *справедливость всѣмъ, безъ различія національности* и вѣроисповѣданія. Скажите вашей паствѣ, что въ отношеніи къ армянамъ я буду руководствоваться именно этими принципами. Имъ будетъ оказываема справедливость во всемъ, что касается ихъ интересовъ. Должности будутъ раздаваться отнынѣ наиболѣе достойнымъ. У насъ одна родина; вы молитесь въ церквахъ, мы—въ мечетяхъ, но всѣ мы—подданные и дѣти султана."

Мягкая рѣчь великаго визиря еще не говоритъ намъ—какихъ мѣръ можно ожидать отъ него впослѣдствіи, въ отношеніи болгаръ „Румеліи". Въ Константинополь неожиданно вернулась коммисія, которой было поручено установленіе южно-болгарской границы. Причина неудачи ея заключается въ сопротивленіи жителей болгарскаго происхожденія, принявшемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такой грозный характеръ, что коммисія сочла лучшимъ удалиться. Въ депешѣ „Международнаго агентства" изъ Адріанополя сообщаютъ, что тамъ русскіе власти поймали одного британца, занимавшагося контрабандной продажей пороха, что британецъ этотъ успѣлъ скрыться въ зданіи своего консульства, но что русскіе, не смотря на протестъ консула, проникли туда и арестовали контрабандиста.

Въ непродолжительномъ времени, какъ извѣстно, произойдетъ избраніе Болгарскаго князя. Мы уже называли имена нѣкоторыхъ кандидатовъ. Теперь выступилъ новый и, можетъ быть, имѣющій много, если не болѣе всѣхъ другихъ, шансовъ въ свою пользу. Вотъ что пишутъ въ „Politische Correspondenz" изъ Цетинья: „Новостью дня является здѣсь формально поставленная кандидатура на болгарскій престолъ президента Черногорскаго Сената, воеводы Божидара Петровича. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе достоинъ общаго вниманія, что, какъ предполагаютъ, двоюродный братъ князя Николая выдвинутъ въ качествѣ кандидата иниціативою Россіи. „Его превосходительство (титулъ, оффиціально присвоенный теперь Божидару Петровичу) самъ высказалъ, въ разговорѣ съ однимъ вліятельнымъ иностранцемъ, о принятомъ имъ рѣшеніи. При этомъ глава Черногорскаго сената заявилъ, что кандидатура была предложена ему съ русской стороны еще въ Берлинѣ, во время конгресса и что онъ согласился принять ее лишь въ виду соображеній высшей важности. По его словамъ, во взглядахъ нѣкоторыхъ дворовъ произошла значительная перемѣна, вслѣдствіе которой предъ отпрыскомъ дома Нѣгуша открывается блестящее будущее. Болгары, какъ увѣряетъ Божидаръ Петровичъ, и слышать не хотятъ объ избраніи князя не славянскаго происхожденія и остановили свое вниманіе на двухъ русскихъ: на генералѣ Игнатьевѣ и на князѣ Дондуковѣ-Корсаковѣ, но такъ какъ есть основаніе предполагать, что державы и, въ особенности, Порта ни въ какомъ случаѣ не согласятся утвердить избраніе русскаго, то со стороны Россіи и было возобновлено предложеніе княжескаго престола Божидару Петровичу, который поспѣшилъ извѣстить болгаръ о своей готовности принять его, если избраніе состоится".

По извѣстіямъ изъ Бухареста, занятіе Добруджи или „Транс-дунайской Румыніи", какъ румыны оффиціально называютъ теперь эту часть своего княжества, совершилось безпрепятственно и всѣ отрасли управленія уже переданы русскими властями румынскимъ.

Съ этой стороны, такимъ образомъ, Британія, или лучше сказать, Биконсфильдъ не можетъ найдти повода къ упреку намъ въ невыполненіи Берлинскаго трактата. Ему, впрочемъ, не мало дѣла въ настоящую минуту у себя дома—къ заботамъ, вообще, объ осуществленіи его широкаго плана противъ насъ (плана, о которомъ мы говорили недавно), присоединилась новая забота — возстаніе каффровъ въ Южно-Африканскихъ владѣніяхъ Британіи (гдѣ нѣтъ владѣній у Британіи?). Подробностей еще мы не имѣемъ и пока скажемъ только, что полученныя въ Лондонѣ съ мыса Доброй Надежды извѣстія возбуждаютъ тамъ серьезныя опасенія: ожидаютъ нападенія отъ 40 до 50 тысячъ зулусскихъ каффровъ на британскія войска, численность которыхъ не превышаетъ 2—3 тысячъ; притомъ же первыми, говорятъ, начальствуетъ опытный и искусный вождь. Въ виду всего этого пораженіе британцевъ считается почти неизбѣжнымъ. Что касается Афганской войны, то читателямъ уже извѣстно, что счастье снова благопріятствуетъ, пока, британскимъ „орламъ". Согласно британскому источнику, эмиръ прислалъ отвѣтъ на ультиматумъ, и что въ отвѣтѣ этомъ, будто высказываетъ доброе свое расположеніе къ напавшей на него странѣ, съ которой „Афганистанъ находится въ дружественныхъ отношеніяхъ" (?) Вмѣстѣ съ тѣмъ, эмиръ, будто бы объявляетъ о своемъ согласіи принять небольшое временное посольство. Все это не совсѣмъ еще ясно.

Будемъ ждать дальнѣйшихъ свѣдѣній по этому предмету—хотя бы и британскаго происхожденія; въ этомъ случаѣ позволимъ себѣ надѣяться на корреспондентовъ оппозиціонныхъ газетъ. Оппозиція—хотя она и не помѣшаетъ ни въ чемъ Биконсфильду—дѣятельно агитируетъ противъ торійскаго министерства. Недавно собирались два большихъ митинга: въ Гринвичѣ, гдѣ говорилъ Гладстонъ, и въ Шордичѣ, гдѣ были произнесены рѣчи Гольмсомъ и Фоусеттомъ.

# Разныя извѣстія.

**Эдисонъ сообщаетъ**, что *имъ усовершенствована машина регулирующая токъ*, употребляемый въ электрическомъ свѣтѣ. Машина состоитъ изъ аппарата, помѣщеннаго въ каждомъ домѣ, освѣщаемомъ электричествомъ: аппаратъ этотъ обозначаетъ количество израсходованнаго электричества и расходуетъ на это одну тысячную часть изъ того количества, которое идетъ на освѣщеніе зданія. Г. Эдиссонъ объявляетъ, что его изобрѣтеніе способа освѣщенія, включая и приспособленіе для воспрепятствованія потери электрическаго тока при его подраздѣленіи, въ настоящее время закончено. Опыты его теперь направлены къ тому, чтобъ уменьшить стоимость освѣщенія. По словамъ г. Эдиссона, онъ уже положительно довелъ эту стоимость гораздо ниже стоимости газа, и какъ только будетъ достигнутъ минимумъ, онъ объявитъ о результатахъ во всеобщее свѣдѣніе.

**Новая магнитная и метеорологическая обсерваторія** въ Павловскѣ находится уже въ полномъ дѣйствіи, и во всѣмъ частямъ ведутся правильныя наблюденія. Расположена она близъ посада Эгюнъ. Для ученыхъ цѣлей ея служатъ три зданія, а именно: одно каменное, съ башнею, преимущественно для метеорологическихъ наблюденій, другое, каменное-же съ двойнымъ сводомъ, покрытое землею, и деревянный павильонъ, построенный совершенно безъ желѣза—для магнитныхъ наблюденій. Четыре деревянныхъ строенія заняты квартирами служащихъ и хозяйственными принадлежностями. Библіотека, пожертвованная статсъ-секретаремъ Головнинымъ, вмѣстѣ съ шкафами для книгъ, вполнѣ устроена.

**Опыты электрическаго освѣщенія** по системѣ Яблочкова, производившіяся 22-го ноября въ мастерскихъ Одесской желѣзной дороги въ большомъ вокзалѣ, дали блестящіе результаты: вмѣсто обыкновенныхъ 300 газовыхъ рожковъ было зажжено шесть электрическихъ свѣчей, вполнѣ замѣнившихъ собою газовое освѣщеніе. Къ сожалѣнію, отсутствіе изъ Одессы самого изобрѣтателя лишало возможности опредѣлить съ точностью, какая получится матерьяльная выгода отъ замѣны газа электрическимъ свѣтомъ.

**Число врачей въ Россіи, Франціи и Германіи.** По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ „Врачебныхъ Вѣдомостей", въ Россіи, въ 1878 г., насчитывается 13,217 врачей, 1208 ветеринаровъ, 375

дантистовъ, 1900 аптекъ. Слѣдовательно, приходится 1 врачъ на 1615 квадратнымъ саженъ. Число врачей распредѣляется, по мѣстностямъ, неравномѣрно. Наиболѣе ихъ въ столицахъ, Варшавскомъ генералъ-губернаторствѣ и Западномъ краѣ. Во *Франціи*—10,743 врача, или 1 врачъ на 3 тысячи жителей; въ распредѣленіи замѣчается та же неравномѣрность, какъ и въ нашемъ отечествѣ; такъ—звачительнѣйшимъ числомъ врачей снабженъ департаментъ Сены: 1 на 1693 жителя, бѣднѣе же всѣхъ другихъ, въ этомъ отношеніи— Ронскій департаментъ, тамъ 1 врачъ приходится на 10,524 жителя. Въ *Германіи*—общее число врачей достигаетъ цифры 13,728 ч, изъ нихъ: 1335 военныхъ и 12,393 гражданскихъ) и къ тому числу надо еще прибавить 1568 медикохирурговъ и 498 зубныхъ врачей. На каждые 100 квадратныхъ саженъ приходится 1 врачъ, пропорціональное отношеніе врачей къ населенію выражается въ городахъ въ слѣдующихъ цифрахъ: на 10 тысячъ жителей приходится $1{,}_{54}$ врач., $7_{49}$ и въ другихъ мѣстностяхъ—$1{,}_{83}$.

**Число посѣтителей на Парижской выставкѣ и розданныхъ экспонентамъ наградъ.** Согласно официальному отчету, въ Парижѣ, во время выставки, перебывало 203,157 иностранцевъ. Нечего и говорить, что Британія дала Парижу самое большое число гостей, именно 58,916, далѣе, по порядку, слѣдуютъ Бельгія, приславшая 28,830 посѣтителей, Германія—21,778, Италія—14 968, Сѣв.-Американ. Соедин.-Штат.—13,573, Швейцарія — 11,980, Испанія—10,004, Австро-Венгрія—8.501, Голландія—6.682, Россія—5,725, Швеція и Норвегія—2,705, Данія—1,767, Португалія—1,687, Румынія—1,442, Мексика—1,409, Бразилія—1,164, Турція—898, Греція—854, Египетъ—659, Индія—386, республики Южной Америки—717, Японія—166, Китай—81, Океанія—59, Марокко и Тунисъ—154 и проч. Между Калэ и Дувротъ, съ 1-го мая по 31 октября было 186,747 пассажировъ. Что же касается наградъ, которыя были присуждены жюри экспонентамъ различныхъ странъ, принимавшимъ участіе во всемірной выставкѣ, то онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ по національностямъ. Самое большое число наградъ получила Франція, на долю которой, вмѣстѣ съ колоніями, пришлось 14.527 наградъ, затѣмъ, мы видимъ довольно рѣзкій переходъ отъ этой, сравнительно, значительной цифры къ другимъ, которыя идутъ, понижаясь. Такъ—2500 наградъ получила Испанія съ колоніями, 2455 наградъ—Британія съ колоніями, 1770 наградъ—Австро-Венгрія, 1223—Бельгія, 1152—Италія, 804—Россія, 802—Соединенные Штаты, 698—Швейцарія, 590—Швеція и Норвегія, 472—Нидерланды съ колоніями, на долю Японіи, Китая и другихъ Азіатскихъ государствъ выпало всего 387 наградъ, Данія получила ихъ только 312, Центральная Америка—191, Греція—180 и, меньше всѣхъ, Южная Америка, получившая 102 награды.




Русская медаль въ память войны 1877—78 гг.




Сербская медаль въ память войны 1876—78 гг.

**Москва имѣетъ въ окружности** 32 версты $32^1/_2$ сажени, площадь ея равняется 64 квадратнымъ верстамъ, 1586 квадратн. саж., длина этой площади, отъ Воробьевыхъ горъ до Преображенской заставы, $11^1/_2$ верстъ, а ширина—$8^1/_2$ верстъ; количество владѣній въ городѣ доходитъ до 17-ти тысячъ; строеній до 58 тысячъ, торговыхъ заведеній—до 20 тысячъ, улицъ 174, переулковъ 544.

**Финляндскія газеты** передаютъ, что около озера Эноре, въ сѣверной Лапландіи, лѣтомъ нынѣшняго года, уничтожены волками до одной трети оленей и почти всѣ ягнята.

## Задача.

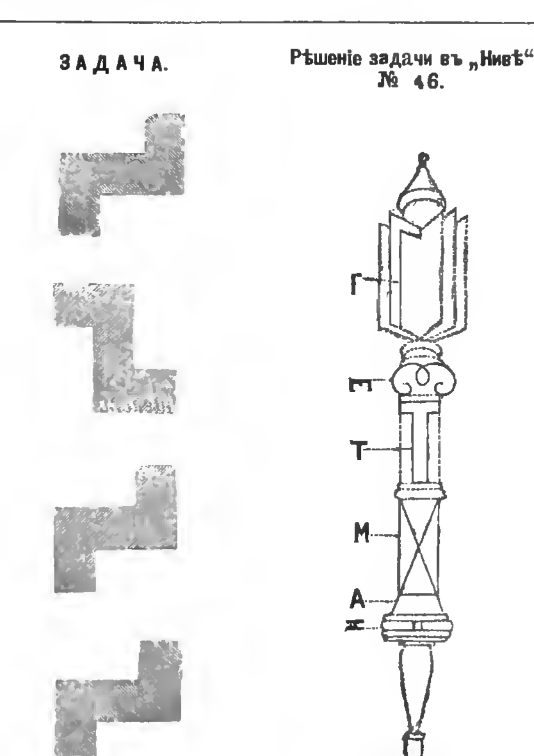
### Ходъ коня на доскѣ въ сто клѣтокъ.

| | | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| дой | лю | же | и | пыш | ны | ды | да | ро | кры |
| свѣ | зы | сѣ | лю | е | то | при | ты | ха | у |
| а | зы | са | но | я | я | лен | зы | по | ды |
| ре | л | тна | мы | нра | е | не | по | ны | нье |
| мнѣ | ярі | няхъ | шумъ | бе | е | гро | тею | у | я |
| вѣ | мо | тво | лѣ | у | я | ра | ла | и | нис |
| нье | сѣ | тра | на | и | са | ты | вол | е | вя |
| е | я | са | и | соли | ло | лучъ | и | дѣ | мглой |
| въ ихъ | вв | щаль | пер | въ бв | ча | ній | то | да | чей |
| про | вы | грецъ | ро | въ зо | ца | нье | о | рѣд | о |

Рѣшеніе въ слѣдующемъ № «Нивы».

ЗАДАЧА.

Рѣшеніе задачи въ „Нивѣ“ № 46.

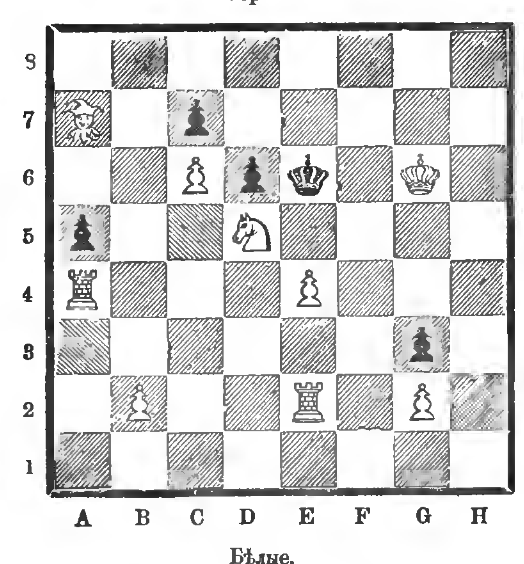



Изъ этихъ четырехъ фигуръ составляется изображеніе знака одного изъ нашихъ благотворительныхъ учрежденій.

Гетманъ.

## Шахматная задача.

Черные.



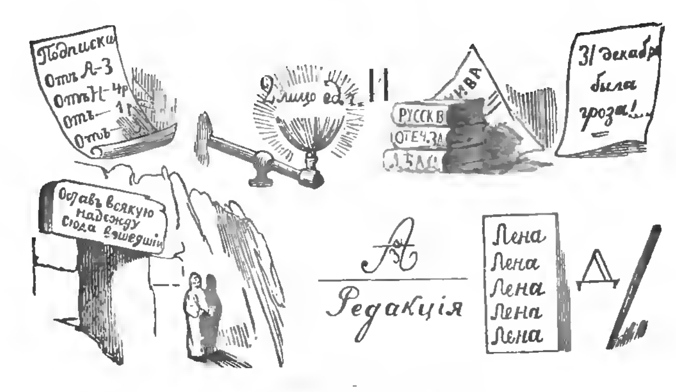
Бѣлые.

**Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.**

Рѣшеніе шахматной задачи, помѣщенной въ № 48 „Нивы“.

| Бѣлые. | Черные |
|---|---|
| 1) A 4—C 6 | 1) Король F 5—F 4 |
| 2) Король D 5—E 6 | 2) F 6—F 5 |
| 3) Король E 6—D 5 | 3) Корль F 4—F 3 |
| 4) Король D 5—E 5 †† | |

## РЕБУСЪ




## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Николаевъ Ск—му.** Вы опасаетесь, что ценаура не пропуститъ вашихъ стиховъ объ Англичанахъ. Препятствіе однако вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что вы напр. пишете „пострамленье“, „въ полнѣ“ и т. п.

**Гжатскъ, Сп—нову.** Рядомъ съ очень недурными стихами у насъ есть совершенно невозможные:

»Вспорхнулъ игривый *мотылекъ*
*И говоритъ*: любезный другъ
Вставай вставай скорѣй
Я уврачую твой недугъ
Всѣхъ лучше лекарей...“

Этотъ мотылекъ, не вѣрящій въ медицину, тоже говоритъ, довольно плохими стихами. Вы теперь вѣроятно читаете „Мцыри“.



**Издатель А. Ф. МАРКСЪ.** **За редактора Ф. БЕРГЪ.**

## !! ДЛЯ ПОДАРКОВЪ !!

слѣд. очень эффэнтн. и дешев. олеографичес. картины.

| | | |
|---|---|---|
| Два швейцарск. вида велич. . . . . . . . | 15—21 верш. | за 8 р. |
| Два тоже . . . . . . . . . . . . . . . | 13—19 » | за 6 » |
| Два Сирольск. вида . . . . . . . . . . . | 11½—16 » | за 3 » |
| Двѣ сцены изъ жизни . . . . . . . . . . | 13—16 » | за 5 » |

въ главпомъ депо всѣхъ олеографическихъ картинъ.

Писанныя и друг. картины очень дешево.

Фабрика рамъ и зол. орѣх и черн. багетовъ Вставленіе въ рамы (премій) картинъ всякаго рода.

**Э. Г. Дезлеръ**

Угловой магазинъ (Гороховой и Мойки) у Краснаго моста. № 276 1—1

## ИЗВѢСТНЫЯ МОЛОТИЛКИ ПО СИСТЕМѢ ВЕЙЛА.



**МОРИЦЪ ВЕЙЛЪ младшій**

Маш. строительный заводъ

въ Франкфуртѣ ᵃ/ₘ въ Германіи

поставляетъ, по желанію франкировано изъ-за границы на первыя станціи русскихъ жел. дорогъ.

**Ручныя молотилки** по цѣнѣ отъ 98 руб



**Молотилки съ конными приводами**

для 1 и 2-хъ лошадей по цѣнѣ машины отъ 220 руб.



**Молотилки съ конными приводами**

для 2, 4 и 6 лошадей, съ самодѣйствующимъ щипательнымъ аппаратомъ или безъ онаго, готовыя со всѣми принадлежностями къ употребленію. Иллюстр. каталоги по желанію безплатно и франкир. № 223

## ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

### ВЪ МАГАЗИНАХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ Л. КАСТИЛЬОНЪ

С.-Петербургъ Б. Морская № 16, д. Елисѣева.
Москва, Кузнецкій мостъ д. Фирсанова № 68—11.

Только что полученная со Всемірной Парижской Выставки.

Новоизобрѣтенная американская машина для дѣланія бахромы изъ шелковыхъ и другихъ тканей. № 232 5—5

Цѣна съ мѣдной платформой . . . . . . . **7** р.
„ „ съ высеребренной . . . . . . . **8** „

## ТОВАРИЩЕСТВО ЗАВЕДЕНІЯ МЕТАХРОМОТИПІИ.

имѣетъ въ большомъ количествѣ: лицевые иконописные свитцы, образа двунадесятыхъ праздниковъ, иконы святыхъ угодниковъ, плащаницы, хоругвіи, запрестольные кресты и т. д. Принимаетъ заказы на **иконостасы** постоянные и походные, на живописные мѣстные образа, на всѣ церковныя принадлежности и на изготовленіе самыхъ точныхъ копій масляными красками съ оригинальныхъ изображеній.

**КАРТИНЫ**

по священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, (изданія Ракочій Сидорскій и К. составленныя согласно съ программами начальныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній, **одобрены и рекомендуются** Учебнымъ Комитетомъ Святѣйшаго Синода и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, преимущественно предъ всѣми прочими изданіями, во всѣ учебныя заведенія какъ духовнаго, такъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ.

Цѣна полной коллекціи въ 50 картинъ (размѣръ каждой картины 13—9 вершковъ) раскрашенныхъ акварелью—26 р., на слоновой бумагѣ въ тонахъ—16 р., на бѣлой бумагѣ въ тонахъ—12 р., на полубѣлой бумагѣ безъ тоновъ—7 р. 50 к.

Тѣ же самыя картины изданія И. П. Сидорскаго, **исправленныя и дополненныя** согласно указаніямъ вышесказанныхъ комитетовъ, отпечатанныя на слоновой бумагѣ въ цвѣтныхъ тонахъ, продаются полною коллекціею въ 50 карт. (размѣромъ каждая картина въ 10—15 дюймовъ) по 13 р. раскрашенныя акварелью и по 7 р. за экземпл. на слоновой бумагѣ въ цвѣтныхъ тонахъ. Картины эти—по удобному размѣру и роскошному изданію могутъ служить лучшимъ подаркомъ для дѣтей въ каждомъ семействѣ, Земствамъ, выписывающимъ картины для народныхъ школъ не единичными экземплярами—дѣлается уступка.

Текстъ къ картинамъ въ 3-хъ частяхъ: Руководство для законоучителей—1 р. 10 к. съ пересылкой 1 р. 35 к.

Свитцы и картины можно получать исключительно въ СПБ. Троицкій пер. № 27 въ заведеніи Товарищества Метахромотипіи Ракочій, Сидорскій и К°.

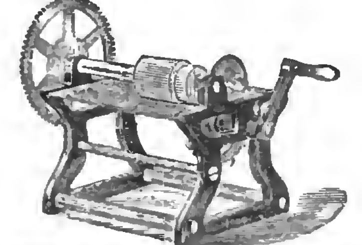
## ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

| | |
|---|---|
| Взятіе штурмомъ Гривицкаго редута при Плевнѣ | 4 р. — к. |
| Благословеніе русской арміи на смотру въ Кишиневѣ. (19 верш. длины 14 ½ верш. вышины) Содержитъ портреты Е. И. В. Государя Императора и многихъ другихъ генераловъ | 7 р. — к. |
| Сдача Плевны. (14½ верш. длины, 10 ¾ верш. вышины.) Османъ Паша сдается въ плѣнъ Е. И. В. Великому князю Николаю Николаевичу. | 3 р. 50 к. |
| Князь Никита Черногорскій при благословеніи знаменъ идущихъ въ походъ батальоновъ. (14½ верш. длины, 10 ¾ верш. вышины.) | 3 р. — к. |
| Князь Миланъ при отъѣздѣ въ армію. (14½ верш. длины 10½ верш. вышины.) | 3 р. — к. |
| Борьба за Шипкинскій проходъ. (11¼ верш. длины, 8¾ верш. вышины.) | 1 р. 25 к. |

За пересылку одной картины 75 коп., за пересылку 2—6 картинъ 1р.

Продаются въ книжномъ магазинѣ А. Гауфа въ Ригѣ. № 273 1—1

## НОВОСТЬ ДЛЯ ПОРТНЫХЪ, МОДИСТОКЪ И ДЛЯ ДОМАШНЯГО УПОТРЕБЛЕНІЯ.

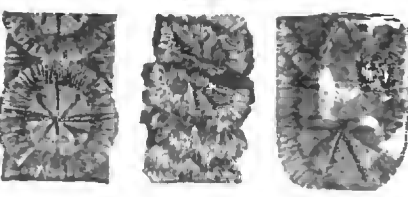


ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ МАШИНА

**ЛИНКОЛЬНА**

для дѣланія бахромы-плюмажъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

**ФИЛИПСЪ И КОМП. ПРОВИДЕЙНСЪ, РОДЪ-ЭЙЛЕНЪ.**



Сдѣланная бахрома плюмажъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

Эта вновь изобрѣтенная машина замѣчательна по своей простой конструкціи и дѣлаетъ съ величайшей скоростью бахраму какой угодно ширины на шелковыхъ и шерстяныхъ матеріяхъ. Она выдергиваетъ бахрому на обоихъ краяхъ отрѣзанной полосы и затѣмъ закладываетъ эту бахрому—плюмажъ въ видѣ **шу, ноки-ье, раковинъ и трубочекъ.**

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ МАШИНЪ для Россіи ЛИНКОЛЬНЪ находится въ магазинѣ Американскихъ швейныхъ машинъ Мануф. Комп. „**ДЕВИСЪ**“.

ГОРОХОВАЯ УЛ., Д. № 17, ВХОДЪ СЪ МОЙКИ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

**ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 60 ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:**

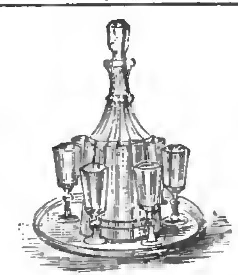
## АЛЬБОМЪ ЗАБАЛКАНСКАГО ПОХОДА 1877—78 гг.

Полное собраніе снимковъ походной фотографіи А. Д. Иванова, альбомъ состоитъ изъ видовъ, типовъ, портретовъ и группъ разныхъ частей войскъ—цѣна въ роскошномъ переплетѣ 300 руб. отдѣльно снимки отъ 1 руб. до 5 руб. Подробный каталогъ высылается по требованію. № 246 6—4

НОВОСТЬ! **ИЗЯЩНЫЙ АППАРАТЪ** НОВОСТЬ!

для точнаго копированія рисунковъ, фотографій, акварелей и пр. безъ малѣйшей подготовки. Особенно полезно для дѣтей. Цѣна (съ приложеніемъ **Новаго способа умноженія** посредствомъ сложенія) 1 р. съ перес. 2 р. Адр.: въ Бюро объявленій, Невскій пр. № 4 г. Эргенсъ въ С.-Петербургѣ № 264 4—2

Магазинъ бывшій Штанге. Б. Морская, № 34. Умывальные приборы, столовые сервизы, Богемскій и фран-



цузскій хрусталь, Ванны, ватерклозеты, Мѣдная и безопасная фр. желѣзная посуда, Самовары ножи и проч.

**Нижнее отдѣленіе.** № 266

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

## ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА

по Большой Морской ул., д. № 42, въ С.-Петербургѣ



**рекомендуетъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ оптомъ и въ розницу:**

**СКРИПКИ**, смычки, альты віолончели, бассы, цитры, **ГИТАРЫ**, мандолины, **КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ, ФЛЕЙТЫ**, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармоніи-флюты, англійскія и нѣмецкія концертины, **СВѢЖІЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ СТРУНЫ**, и всѣ принадлежности. Пріемъ въ починку.

Заказы изъ провинціи исполняются аккуратно и немедленно.

Прейсъ-куранты безплатно № 267 6—2

## !!! ПОДАРОКЪ КЪ РОЖДЕСТВУ !!!

НОВАЯ **ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ** КНИГА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

## „ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЖЕНЩИНЪ.“

Сборникъ біографій, рисующихъ юношеству идеалы женщинъ, представляющихъ примѣры самоотверженнаго милосердія, высокаго самопожертвованія, готовности отдать жизнь за спасеніе отечества, типы преданныхъ супругъ, жертвовавшихъ своимъ счастіемъ честнымъ убѣжденіямъ мужа, примѣры успѣшной дѣятельности женщинъ въ области художествъ и литературы, вліяніе ихъ на умственную и нравственную жизнь представителей современной интелигенціи и наконецъ біографіи женщинъ, стоящихъ весьма высоко на поприщѣ служенія страждущему человѣчеству. **До сихъ поръ въ нашей литературѣ не было подобныхъ книгъ, не смотря на ихъ явную пользу и необходимость.**

**ЦѢНА 1 р. 25 коп.**

Покупающіе болѣе десяти экземпляровъ, пользуются уступкою.

Получать можно у главныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга. Главный складъ для Петербурга - въ типографіи Л. Вермана и Г. Рабиновича (Измайловск. пр. д. 7, кв. 12), для Москвы—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. № 272 1—1

# 1879. НОВОЕ ХРОМОЛИТОГРАФИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ 1879.

# СВѢТЪ и ТѢНИ

## ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КАРРИКАТУРНЫЙ.

Успѣхъ предлагаемаго изданія, успѣхъ, вынудившій редакцію, еще задолго до окончанія полнаго подписнаго года, заявить о прекращеніи пріема подписки, за распродажей всѣхъ, заготовленныхъ въ количествѣ **пяти тысячь**, экземпляровъ, служитъ лучшимъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, какъ относительно его достоинствъ, такъ и той добросовѣстности, съ которой редакція, не смотря на множество, встрѣтившихся на первыхъ порахъ, затрудненій, старалась выполнять всѣ принятыя ею на себя обязательства.

*Примѣчаніе.* Главное изъ этихъ затрудненій—неприспособленность даже лучшихъ московскихъ литографій къ исполненію тонкихъ художественныхъ работъ—устранено тѣмъ, что редакція нашла возможнымъ выписать изъ заграницы машины послѣднихъ конструкцій и открыть при Главной Конторѣ собственныя **хромолитографическое и типографское** заведенія, въ которыхъ **съ 15 ноября этого года и будутъ производиться всѣ работы по журналу.**

Въ 25-ти выпускахъ, вышедшихъ въ теченіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ существованія журнала „**Свѣтъ и Тѣни**“: было помѣщено:

1) **Сто** страницъ бол. Форм. каррикатуръ и рисунковъ, принадлежащихъ карандашу такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ академики—**К. А. Трутовскій, А. К. Соврасовъ,** каррикатуристы—**Н. А. Богдановъ, П. П. Клапгъ, М. А. Виноградовъ,** и др.—2) Около **пятидесяти** отдѣльныхъ, оригинальныхъ и фотогравюрныхъ картинъ (портретовъ, бытовыхъ сценъ, эскизовъ, видовъ замѣчательныхъ мѣстностей, копій съ произведеній великихъ художниковъ и пр.).—3) **Шесть** ежемѣсячныхъ премій—большихъ (около ³/₄ арш. дл. и 9-ти вершк. выш.) фотогравюръ, и, наконецъ, 4) Литературныя приложенія, въ которыя вошли: **два** большихъ оригинальныхъ романа (Историческій „Драма на Лубянкѣ“, и изъ уголовной хроники новыхъ судовъ—„Глухою ночью„). Знаменитая поэма Кольриджe, „**Пѣснь стараго моряка**“ иллюстрированная 12-ю большими рисунками **Густава Дорэ**; множество разсказовъ, повѣстей, стихотвореній, юмористическихъ сценъ, фельетоновъ, очерковъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, біографій, исторій происхожденія различныхъ игръ, забавъ и обычаевъ, художественныхъ и театральныхъ обозрѣній и проч.

Если ко всему сказанному прибавить, что большая часть поименованныхъ картинъ, каррикатуръ и рисунковъ,—составляющихъ только половину того, что войдетъ въ полное годовое изданіе,—были иллюминованы красками и, что кромѣ того всѣ гг. годовые подписчики получатъ еще безплатную годовую премію—**большую олеографическую картину,**—то успѣхъ журнала сдѣлается понятенъ каждому.

*Примѣчаніе.* Для подписчиковъ 1879 года въ видѣ такой преміи редакція предполагаетъ выдать олеографическую, сдѣланную въ натуральную величину (около 2-хъ дл. и 1 арш. выш.) копію съ послѣдней, надѣлавшій столько шума, картины академика К. А. Трутовскаго: „**Ночь на Ивана Купалу въ Молороссіи**“. Премія 1878 г.—„**На медвѣжьей охотѣ**“ (бол. олеграфія, отпечатанная въ 28 красокъ) будетъ въ 1-хъ числахъ Декабря наст. года получено изъ заграницы, гдѣ она изготовляется, и немедленно разослана всѣмъ гг. годовымъ подписчикамъ.

Съ января мѣсяца 1879 года редакція, паралельно съ изданіемъ журнала „**Свѣтъ и Тѣни**“ намѣрена издавать и другое, освобожденное отъ преварительной цензуры и располагающее самой широкой программой, еженедѣльное изданіе:

# МІРСКОЙ ТОЛКЪ,

## ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ,

главной задачей котораго будетъ—отвѣчать на всѣ тѣ вопросы, на которые не въ состояніи отвѣтить журналъ «Свѣтъ и Тѣни», чтобы, такимъ образомъ, за сравнительно ничтожную подписную плату (12 р.—за оба изданія) дать возможность, необладающему излишними средствами читателю, замѣнить ими — и ежедневную политическую газету, и литературный сборникъ, и художественно-иллюстрированное изданіе и даже журналъ каррикатурный и юмористическій.

Согласно съ этой задачей, „**Мірской толкъ**“ будетъ также, какъ и „**Свѣтъ и Тѣни**“, выходить еженедѣльными выпусками (50 №№—въ годъ), въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по слѣдующей программѣ:

1) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ и явленіямъ внутренней жизни; правительственныя распоряженія и узаконенія. 2) Статьи, извѣстія и обозрѣнія по предметамъ внѣшней политики, 3) Беллетристика—оригинальные и переводные романы, повѣсти, драмы, комедіи, путешествія, юмористическіе разсказы, сцены и стихотворенія,—4) Театръ и музыка.—5) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія,—6) Очерки изъ исторіи искусствъ и словесности —7) Критика и библіографія.—8) Фельетоны.—9) Корреспонденціи, русскія и заграничныя.—10) Судебная хроника,—11) Смѣсь.—12) Почтовый ящикъ и отвѣты редакціи.—13) Справочный Листокъ.—14) Частныя и казенныя объявленія.

Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо новыхъ, особенно важныхъ, политическихъ событій, всѣ гг. подписавшіеся на журналъ „**МІРСКОЙ ТОЛКЪ**“, кромѣ еженедѣльныхъ выпусковъ, будутъ безплатно (съ прибавкою, впрочемъ, 1 р. 20 к. почтовыхъ расходовъ) въ теченіи всего года получать **ежедневныя приложенія**, заключающія въ себѣ: телеграфныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и всѣ послѣднія политическія новости, сообщаемыя въ лучшихъ, русскихъ такъ иностранныхъ газетахъ.

## ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ.

| На журналъ „СВѢТЪ и ТѢНИ“ | | На журналъ „МІРСКОЙ ТОЛКЪ“ | |
|---|---|---|---|
| На годъ съ дост. и пересылкой . . . . . . | 9 р. | На годъ съ дост. и пересылкой . . . . . . | 7 р. |
| „ ¹/₂ года „ „ „ . . . . . . | 6 „ | „ ¹/₂ года „ „ „ . . . . . . | 4 „ |

**Лица, подписавшіяся на оба изданія, вмѣсто 16-ти, платятъ всего только 12 р. за полное годовое изданіе и 7 р.—при подпискѣ на 6-ть мѣсяцевъ.**

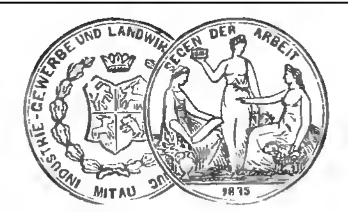
**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ** 1) **Въ Москвѣ:** въ Главной Конторѣ редакціи (*Срѣтенка, д. Шагаева*) а также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. 2) **Въ Петербургѣ:** При книжномъ маг. О. И. Бакста. 3) **Въ Казани** При книжномъ маг. „Восточная Лира“. 4) **Въ Одессѣ:** Въ собств. отд. конторы (*Дерибасовская ул. д. княгини Ди-Санъ Лоренцо*). 5) **Въ Парижѣ:** Въ Генеральномъ Агенствѣ редакціи (Rue Lafayette, 142).

**Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями исключительно въ Главную Контору редакцій журналовъ „Мирской Толкъ“ и „Свѣтъ и Тѣни“.**

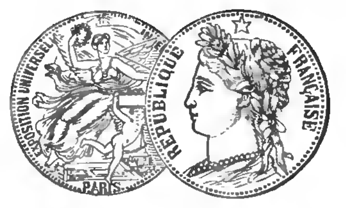
№ 270 1 Редакторъ-издатель Н. Пушкаревъ.



Брюссель 1876 г.



Митава 1875 г.



Парижъ 1878 г.



Филадельфія 1876 г.

# С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
# МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ

**С-Петербургъ. На углу Троицкаго и Графскаго пер. д. № 11—3.**

Основана въ 1873 году. Многія пособія одобрены Комиссіей Педагогическаго Музея.

**Удостоена серебряной медали на Парижской всемірной выставкѣ 1878 г.**

**ПРЕДЛАГАЕТЪ**

## ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ, СОБСТВЕННАГО ИЗДАНІЯ:

**Маленькій рыбакъ.** Въ изящной коробкѣ находится 12 раскрашенныхъ рыбокъ разныхъ породъ, двѣ складныя удочки, бумажное озерко, сѣть съ силуэтами и названіями рыбокъ и объясненіе. Игра напоминаетъ игру въ бирюльки и по легкости своей пригодна для дѣтей отъ 5 лѣтъ, (Упак. 20 к. пер. 2 ф.) . . . . . . 1 р.

**Китайская головоломка** съ рисунками (упак 20 к. пер. 2 ф.) . . . . . . 60 к.

**Цвѣтные гвоздики.** Игра состоитъ въ выкладываніи разныхъ рисунковъ и буквъ на дощечкѣ съ помощью цвѣтныхъ костяныхъ гвоздиковъ (упак. 40 к. пер. 5 ф.) 2 р.

**Мозаика на кубикахъ.** (Упак. 40 к. перес. 6 ф.) . . . . . . . . . . 2 р. 25 к.

**Метаморфозы буквъ** (упак. 20 к. перес. 2 ф.) . . . . . . . . . . 30—50 к.

**Переводныя картинки,** въ красивой коробкѣ съ альбомчикомъ, кистью, губкой и лакомъ (упак. 20 к. перес. 2 ф.) . . . . . . . . . . . . . . . . . . 50 к.

**Настоящіе кирпичики и полукирпичики** за 100 (упак. 25 к. перес. 5 ф.). 50 и 60 к.

**Домашній музей.** Шкафикъ съ отдѣленіями для собиранія различныхъ предметовъ, попадающихся въ домашнемъ быту, классифицированіе ихъ и составленіе изъ нихъ коллекцій для предметныхъ уроковъ съ **каталогомъ ярлычковъ** отъ 1 р. 50 к.

**Агонъ или стража королевы.** Шашечная игра по трудности средняя между шашками и шахматами (упак. 30 к. пер, 5 ф.) . . . . . . . . . . . . . 1 р. 25 к.

**Иллюминаторъ.** Матеріалъ и инструменты для дѣланія фонарей, на 100 штукъ 2 р. 80 к., на 50 штукъ (упак 50 к. пер. 10 ф.) . . . . . . . . . . 2 р. 20 к.

Тоже съ большимъ наборомъ, на 150 фонарей (упак. 60 к, пер. 15 ф.) 4 р 40 к.

**Настоящій часовщикъ.** Всѣ части стѣнныхъ часовъ съ гирею и необходимые инструменты для сборки, которая легко производится при помощи рисунковъ и объяснительной брошюры (упак. 40 к. перес. 12 ф.). . . . . . . . . . . 4 р.

**Работы изъ струженъ.** съ матеріаломъ, инструментами, объясненіемъ, рисунками и образцомъ (упак 40 к перес. 5 ф.) . . . . . . . . . . . . . . 1 р. 60 к.

**Коробочникъ.** Матеріалъ и инструменты для работы коробокъ, съ объясненіемъ и рисунками (упак 60 к, перес. 10 ф.) . . . . . . . . . . . . . . . . 3 р.

**Коробочникъ** большая коробка (упак. 80 к. перес. 18 ф.) . . . . . . 7 р 50 к.

**Маленькій переплетчикъ,** инструментъ, приборы и брошюра для переплетнаго ремесла (упак. 1 р. перес. 45 ф.) . . . . . . . . . . . . . . . . . . 12 р.

**Строитель** изъ настоящихъ кирпичиковъ. Матеріалъ, инструментъ, рисунки и объясненіе для построекъ изъ кирпичиковъ (упак. 50 к. пер. 30 ф.). . . . 6 р.

**Тоже,** меньшая **коробка** (упак. 45 к. перес. 20 ф.) . . . . . . . . . . . 3 р.

**Работы изъ проволоки,** съ объясненіемъ и рисунк. (уп. 40 к. пер. 18 ф.) 4 р. 50 к.

**Жестяникъ,** приборы и матеріалъ для работъ изъ жести. Къ изданію приложены лекала и объясненіе (упак. 50 к. перес. 20 ф.), . . . . . . . . . . 4 р. 80 к

**Рельефныя картинки животныхъ** съ описаніемъ, составленнымъ подъ редакціею доктора зоологіи **О. А. Гримма** (упак. 25 к. пер. 6 ф.) . . . . 4 р и 4 р 50 к

☞ Изданіе состоитъ изъ 465 рельефныхъ, хромолитографированныхъ за границею картинокъ представителей типовъ животныхъ. Картинки эти дѣти сами вклеиваютъ въ текстъ, получая такимъ образомъ зоологическій атласъ.

**Числовый коврикъ,** подвижная игра для упражненія въ счисленіи, съ объясненіемъ (упак 30 к. перес. 5 ф.). . . . . . . . . . . . . . . . . 1 р. 25 к

**Игра въ шары.** Она замѣняетъ катанье яицъ и занимательна какъ для маленькихъ, такъ и для болѣе взрослыхъ дѣтей, съ объясненіемъ для **девяти** игръ (упак 40 к: перес. 6 ф.). . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 1 р. 40 к.

**Билліардъ съ маткомъ** Въ большой коробкѣ находится шесть бѣлыхъ и два красныхъ шара, складной бортъ изъ двѣнадцати кусковъ, четверо воротъ съ суконными занавѣсками, замѣняющіе лузы, матокъ вмѣсто кія и объясненіе съ рисункомъ. Играть можно на полу или на столѣ (упак 50 к пер. 12 ф.). 2 р. 60 к.

**Большой билліардъ** съ двумя матками и двумя мазиками. Игра сходна съ предъидущею и производится на полу (упак. 1 р. перес. 35 ф.) . . . . . . 10 р.

**Бочэ,** народная итальянская игра, приспособленная для комнаты, съ объясненіями и планами (упак. 39 к. пер. 5 ф.) . . . . . . . . . . . . . . . . 2 р.

**Шарикъ странникъ.** Игра имѣетъ значеніе гимнастики: на большомъ тканьевомъ полѣ находится 4 лузы и деревянный шарикъ на виткѣ; въ краямъ прикрѣплены палки, двигая которыми, играющій можетъ загнать шарикъ въ лузу противника, что требуетъ ловкости и усиленныхъ движеній (упак. 40 к. пер. 8 ф.) 2 р. 40 к. и 3 р.

**Американская игра въ склады** съ азбукой и сборникомъ въ 600 словъ, трудныхъ для правописанія (упак. 40 к. перес. 6 ф.) . . . . . . . . . . . . 1 р. 50 к.

**Тоже** съ 2 грифельными досками (упак. 20 к. перес. 3 ф.) . . . . . . . 80 к.

**Гимнастика** кокосоваго троса, хорошей работы въ 4 предмета: трапеція, шведская лѣстница, кольца и канатъ съ рѣпками (упак. 80 к. перес. 30 ф.) . . . 6 р.

Въ 6 предметовъ, кромѣ четырехъ, вышепоказанныхъ, прибавленія: трапъ и отвѣсный гладкій канатъ (упак. 1 р. перес. 40 ф.). . . . . . . . . . . 10 р.

**Бумажный ястребъ,** подымающійся болѣе чѣмъ на 1000 фут. за шт. 40 к. за 12 штукъ (упак. 40 к. пер. 8 ф.). . . . . . . . . . . . . . . . . . . 3 р.

Къ наступающему Рождеству поступятъ въ продажу нѣсколько **новыхъ изданій мастерской.**

**ВЪ МАСТЕРСКОЙ НАХОДИТСЯ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ, КАКЪ ИНОСТРАННЫХЪ, ТАКЪ И РУССКИХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ.**

При мастерской отдѣленіе конторы иллюстрированнаго журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ 12 книгъ, безъ пер. 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.

**СПРАВОЧНЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 8-ми КОП. ПОЧТОВУЮ МАРКУ.**

**Продажа оптомъ и въ розницу.**

---

## ДОМЪ ВОСПИТАНІЯ СИРОТЪ УБИТЫХЪ ВОИНОВЪ.

Основанъ въ Москвѣ Обществомъ поощренія трудолюбія и имѣетъ цѣлью воспитывать и доставлять средства къ образованію сиротамъ женскаго пола, оставшимся послѣ штабъ—и оберъ-офицеровъ, убитыхъ въ войнѣ 1877—78 годовъ.

Дѣти принимаются въ возрастѣ отъ 6 до 12 лѣтъ на полное содержаніе; на средства дома посѣщаютъ женскія гимназіи, по окончаніи курса коихъ, Попечительство дома, въ которомъ онѣ во время гимназическаго обученія получаютъ помѣщеніе и содержаніе, заботится о прінсканіи имъ занятій. Въ настоящее время въ домѣ воспитывается двадцать сиротъ, но помѣщеніе дозволяетъ увеличить число это до шестидесяти, если будутъ для сего достаточныя средства. Стипендіатки различныхъ учрежданій, благотворительныхъ обществъ, городскихъ, земскихъ и сословныхъ управъ, а также частныхъ лицъ, принимаются за годовую плату въ стопятьдесятъ рублей.

Всякое пожертвованіе принимается съ признательностью и въ полученіи онаго выдается квитанція. Пожертвованіями этими не только поддерживается благосостояніе учрежденія, замѣняющаго отеческое попеченіе дѣтямъ нашихъ героевъ, но и обезпечивается ихъ будущность.

Пожертвованія слѣдуетъ адресовать въ Москву, Зачатѣевскій переулокъ, домъ воспитанія сиротъ, сотруднику Алексѣю Павловичу Кутукову.

Лица, желающія ближе ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ, могутъ получать всѣ необходимыя имъ свѣдѣнія отъ Начальницы дома. № 277.

## ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.
## БУКВЫ-КАРТИНКИ.

Пособіе при обученіи грамотѣ по мысли **Ф. Резенера,** рисовалъ художникъ **В. С. Шпакъ.** Въ изящной коробкѣ, наклеенныя на 36 картон. таблиц. (каждая 8 кв. вершк., съ крупн буквами на обратн. сторонѣ, съ подробн. объясненіемъ, Ц. 1 руб. упак. 10 коп. пер, за 4 фунт.—Въ листахъ: 2 лис. картин. и 2 л. буквъ, съ объяс. Ц. 40 к. перес. подъ бандерол. за 1 фун.

☞ Это совершенно **новое и оригинальное** по мысли изданіе не слѣдуетъ смѣшивать съ обыкновен старин „картинками съ азбукой“, гдѣ Ѳомка Ѳекла прибраны для буквы Ѳ. и т. п. Цѣль этого изданія дѣйствительно облегчить „горькіе корни“ ученія и оч. трудное запоминаніе начертаній буквъ. Каждая буква въ этомъ изданіи представляетъ картинку и такимъ образ. связываетъ представленіе о фигурѣ буквы съ фиг предмета, начинающагося съ этой буквы, напр. З съ фиг. змѣи, С—серпа, О—обруча и т. д.—**Новая книга для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ: «Замѣчательный работникъ»** жизнь башмачника - натуралиста Томаса Эдварда. Со мног. картин. въ текстѣ. Изложилъ по Смайльсу **А. Н. Канаевъ.** Ц. 60 к. въ красив. перепл. 1 руб. пер. за 1 ф. Складъ изданій въ **„С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ“** Троицкій пер., д. № 11—3.

---

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

# МИЛЬТОНЪ
## ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ
## РАЙ.

Съ картинами **ГУСТАВА ДОРЭ.**

Переводъ **А. Шульговской**

ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ подстрочнымъ Англійск. текстомъ.

ЦѢНА:

въ прост. каленкор. перепл. 25 р.
съ перес, въ ящикѣ . . 30 р.
въ красивомъ полушагр. п. съ зол. обр. въ футлярѣ . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона,* соединенному съ превосходными рисунками Густаве Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

*Для* **подарковъ на Елку,** это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету,* исполненному по рис. *И. Панова,* будетъ весьма *удобно.*

---

**При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагается объявленіе отъ музыкальнаго журнала „Нувеллистъ“.**

Дозволено цензурою СПБ. 7 Декабря 1878 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.




№ 51 | 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 18 Декабря 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.



# А. Н. Сибиряковъ и его пароходъ „Лена“.

Если избитая фраза: „мы мало знаемъ свое отечество“, еще до сихъ поръ, къ сожалѣнію, справедлива во многихъ отношеніяхъ, то, въ особенности, она довольно вѣрно характеризуетъ сумму свѣдѣній, которыми мы обладаемъ о Сибирскомъ морѣ. При мысли объ этомъ морѣ, омывающемъ сѣверное побережье одной изъ общирнѣйшихъ и богатѣйшихъ частей нашей родины, воображеніе рисуетъ какую-то картину изъ Дантова Ада: намъ представляется вѣчная ночь. Сквозь мракъ ея проглядываютъ гигантски-чудовищные очертанія ледяныхъ массъ. Медленно и важно покачиваются онѣ на черно-сизыхъ волнахъ, поднятыхъ налетѣвшимъ съ ревомъ и свистомъ — буруномъ. Отъ времени до времени, загорается, на необъятномъ горизонтѣ, сѣверное сіяніе и, играя блѣдными лучами, бросаетъ свой слабый свѣтъ на полную безжизненнаго движенія картину. Сіяніе потухаетъ и снова все погружается во мракъ и слышится лишь ревъ бушующаго полуночнаго моря... Картина эта, отчасти, вѣрна— въ декоративномъ отношеніи. Тамъ, дѣйствительно, есть и сѣверное сіяніе, и чудовищные льды и частые буруны, но — вмѣстѣ съ тѣмъ—также было и есть не одно, какъ мы выразились, „безжизненное“, а и вполнѣ одушевленное, людское движеніе. Съ давнихъ уже поръ, отважные люди торговаго и мореходнаго дѣла пускались въ это море, плавали въ немъ. Въ 1553 г. направилась туда изъ Британіи, съ цѣлью открытія морскаго пути между Европой и Китаемъ, весьма значительная экспедиція, состоявшая подъ начальствомъ сэра Гуго Уиллоубэ и Ричарда Ченслера, изъ четырехъ кораблей: „Бона Эсперанца“, Эдуардъ Бонавентура“, „Конфиденція“ и „Филиппъ и Марія“. Экспедиція не могла, конечно, въ тогдашнее время, выполнить подобной задачи, но оказала большую заслугу, открывъ остальной Европѣ путь въ Бѣлое море и положивъ, тѣмъ, начало новой эры какъ для британо-русской, такъ и для всемірной торговли. Эта первая попытка оконч-



**А. Н. Сибиряковъ, устроитель экспедиціи для открытія морскаго пути въ Сибирь.**
Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

лась, однако, самымъ несчастнымъ образомъ: сэръ Уиллоубэ и весь экипажъ погибли во время зимовья на Кольскомъ полуостровѣ, а корабли потерпѣли крушеніе. Но—русскимъ не учиться отвагѣ у иноземцевъ. Если у береговъ Бѣлаго моря нашли гибель себѣ четыре большихъ, хорошо выстроенныхъ и снаряженныхъ корабля, то наши соотечественники, первые поселенцы (въ XVI столѣтіи) Мурманскаго берега (Мурманскимъ моремъ называется на старинныхъ картахъ море между Колой и Новой Землей) не боялись плавать, на простыхъ ладьяхъ, по Карскому морю и, даже, заходили въ Обь и Енисей. Такъ, въ 1595 г., когда сѣверныя моря наши посѣтила голландская экспедиція, то начальствовавшему ею, адмиралу Наю, во время стоянки у острова Вайгача, встрѣчные промышленники передавали, что, ежегодно изъ Холмогоръ нѣсколько ладей ходятъ въ Обь и, далѣе, въ Енисей, съ сукнами и другими товарами. Что же касается иностранныхъ экспедицій (британскихъ и голландскихъ), появлявшихся здѣсь, съ цѣлью отыскать путь въ Индію и Китай—то ни одна изъ нихъ не доходила до Оби.

Плаваніе по Оби, Енисею, вдоль морскаго берега Сибири, по Ленѣ и отъ этой рѣки къ Берингову проливу, въ различное время предпринималось какъ по инціативѣ нашего правительства, такъ и по почину частныхъ лицъ, задававшихся, преимущественно, торговыми цѣлями. Систематическое же, правильное изслѣдованіе плаванія по первымъ двумъ рѣкамъ относится только къ прошлому столѣтію, когда, (по предначертаніямъ Петра Великаго) было совершено нѣсколько спеціальныхъ экспедицій по разнымъ путямъ вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири, въ теченіи 1733—1743 гг. Въ этотъ промежутокъ времени, на С. Двинѣ, Оби, Енисеѣ, Ленѣ строились суда, на которыхъ морскіе офицеры пускались въ Ледовитый океанъ, дабы отъ рѣки до рѣки прослѣдить береговую черту океана и, если возможно, открыть морское сообщеніе этихъ рѣкъ съ остальнымъ міромъ, цѣль состоявшая въ томъ, чтобы проникнуть въ Обь и Енисей, со стороны Оби и Енисея, была достигнута. Въ 1737 г., лейтенанты Малыгинъ и Скуратовъ, на небольшихъ ботахъ, снаряженныхъ въ Архангельскѣ, послѣ троекратныхъ попытокъ, вошли въ Обь и поднялись до Березова, а лейтенантъ Овцынъ и штурманъ Кошелевъ, на судахъ, построенныхъ на Оби, вошли въ Енисей и поднялись почти до Туруханска. Экспедиція же отъ Лены, далѣе къ Востоку, имѣла исходнымъ пунктомъ расположенный на этой рѣкѣ г. Якутскъ, (62°, въ 1500 в. отъ устья), въ которомъ и были построены суда. Первая экспедиція (1735—1736 годъ) лейтенанта Прончищева достигла 77° 29′ сѣверной широты; но, найдя здѣсь скученныя массы льда, снова возвратилась въ Оленскъ; но за нѣсколько времени предъ тѣмъ, отъ скорбута, умеръ талантливый командиръ судна и за нимъ вскорѣ послѣдовала въ могилу молодая жена его, всюду сопровождавшая мужа. Въ 1739 г. была предпринята новая экспедиція изъ Лены вдоль тѣхъ же береговъ, подъ начальствомъ лейтенанта Харитона Лаптева, она достигла мыса св. Ѳаддея (76° 47′ с. ш.), не встрѣтивъ ни какихъ затрудненій отъ льдовъ; но, встрѣтивъ далѣе массу льдовъ, загородившихъ путь, возвратилась на зимовку въ Хатанскій заливъ. Въ слѣдующемъ году, судно Лаптева было раздавлено пловучими льдами и экипажъ спасся съ трудомъ. Въ 1741 и 1742 гг., Лаптевъ, его помощникъ, извѣстный Челюскинъ и геодезистъ Чекинъ сдѣлали нѣсколько экспедицій на саняхъ, для опредѣленія сѣверо-западной оконечности Азіатскаго материка. Оконечность эта открыта энергическимъ Челюскинымъ въ 1742 г. и извѣстна нынѣ подъ названіемъ Челюскина мыса. Экспедиціи Х. Лаптева представляютъ послѣднія попытки пройдти моремъ къ западу отъ Лены.

Изслѣдованія пути къ востоку, отъ р. Лены къ Берингову проливу, начались гораздо раньше, и именно въ XVI столѣтіи. Давно уже между туземцами и промышленниками ходили (весьма преувеличенные) слухи о существованіи въ Сибирскомъ Ледовитомъ океанѣ большихъ обитаемыхъ островов, богатыхъ лѣсами, пушнымъ звѣремъ, моржами и мамонтовою костью. Съ одной стороны—желаніе достигнуть тѣхъ невѣдомыхъ странъ, а также завести прибыльную торговлю съ дикими племенами, обитавшими по берегу, между Леной и Беринговымъ (впослѣдствіи названнымъ такъ) проливомъ, съ другой же—фискальныя цѣли правительства, служили русскимъ побудительною причиной къ частому посѣщенію этихъ мѣстностей. Самою замѣчательною является экспедиція казака Дежнева, предпринятая, съ одобренія правительства, какъ для отысканія островов, о которыхъ мы говорили выше, такъ и для распространенія русской государственной власти на неизвѣстныя еще донынѣ страны сѣверо-востока и для обложенія ихъ податью. Дежневъ отправился изъ Колыма 1-го іюля 1648 г., какъ начальникъ одной изъ семи кочь (плоскодонныя суда, довольно широкія, длиною въ 12 саженъ; обыкновенно, на нихъ плавали на веслахъ и только при попутномъ вѣтрѣ ставили паруса), изъ которыхъ на каждой было по 30 человѣкъ экипажа и совокупность которыхъ составляла экспедицію. О судьбѣ четырехъ изъ этихъ судовъ ничего неизвѣстно, но три кочи, подъ начальствомъ казаковъ Дежнева и Анкудинова и промышленника Холмогорцева, счастливо достигли Чукотскаго носа, здѣсь судно Анкудинова потерпѣло крушеніе, а Дежневъ продолжалъ свой путь вдоль береговъ Камчатки, до Анадыри. Странно сказать—экспедиція Дежнева, чрезъ Берингов проливъ оставалась неизвѣстною почти въ теченіи цѣлаго столѣтія, пока свѣдѣнія о ней не были открыты въ Сибирскихъ архивахъ! Чрезъ 81 годъ, Берингъ, пройдя этотъ проливъ, далъ ему свое имя. Попытки установленія морскаго пути изъ Лены къ востоку продолжались въ прошломъ столѣтіи, и именно въ связи съ спеціальными экспедиціями, посылавшимися въ 1733—1743 гг. Первая изъ этихъ попытокъ принадлежитъ лейтенанту Ласиніусу, въ 1735 г. Но она окончилась неудачно: сдѣлавъ всего 120 в., Ласиніусъ встрѣтилъ массу льдовъ и остался зимовать на ближайшемъ берегу, гдѣ и умеръ, съ большею частью своего экипажа, отъ скорбута. Затѣмъ, въ 1736 и 1739 гг., были посылаемы экспедиціи подъ командой лейтенанта Дмитрія Лаптева, который достигъ только устья Калыма и мыса Баранова. Вспомнимъ здѣсь также и о знаменитомъ Якутскомъ купцѣ Шалауровѣ, пожертвовавшемъ жизнью и состояніемъ для открытія этого пути.

Изъ дальнѣйшихъ экспедицій упомянемъ о слѣдующихъ: Въ 1778 г. знаменитый Кукъ, проплывъ довольно далеко вдоль сѣверныхъ береговъ Америки, поворотилъ на западъ и дошелъ до 180° сѣверной широты; однако, здѣсь ему пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія, такъ какъ корабль его и самый составъ экипажа не были годны для плаванія въ арктическихъ странахъ. Въ 1809—1811 гг. совершены экспедиціи Геденстремомъ, изслѣдовавшимъ группу островов, извѣстную подъ названіемъ Новой-Сибири; изслѣдованія эти дополнены лейтенантомъ Анжу, посѣтившимъ эти мѣстности въ 1823 г. Вообще, рядъ экспедицій съ 1821 по 1839 г. былъ посвященъ описанію Новой Земли и изслѣдованію Бѣлаго и Карскаго морей, подъ руководствомъ адмирала Литке, причемъ были составлены, на строгихъ научныхъ основаніяхъ, новыя морскія карты для всего побережья, отъ границы нашей съ Норвегіей до устья Оби. Первая частная экспедиція, отправленная, въ 1832 г., архангельскимъ купцомъ Брантомъ, потерпѣла неудачу: судно Енисей (команд. лейт. Кротковъ) пропало безъ вѣсти. Затѣмъ, въ 1855 г. и 1867 г. ходили экспедиціи Роджерса у Лонга на западъ отъ Берингова пролива.

Въ 1873 году британскій пароходъ „Діана“, подъ командою Виггинса, заходилъ въ лиманъ Оби, а въ 1874 г. Норденшильдъ появился, на парусномъ суднѣ „Порвень“, въ Енисейскомъ заливѣ. Въ 1876 г., благодаря матерьяльному содѣйствію извѣстнаго ревнителя этого великаго для будущности Россіи дѣла, г. Сибирякова (а также и Гарднера), были совершены экспедиціи: Виггенсомъ (на пароходѣ „Темза“), поднявшимся на тысячу верстъ вверхъ по Енисею и Норденшильдомъ, который, сложивъ товары въ устьѣ Енисея, въ ту же навигацію вернулся въ Европу. Въ началѣ августа 1877 г., капитанъ Шванейбергъ вышелъ на небольшой шкунѣ „Заря“, съ 5-ю человѣками команды, изъ Енисейскаго залива и, побѣдивъ всевозможныя препятствія, рискуя быть раздавленнымъ льдами, прибылъ во второй половинѣ ноября къ берегамъ Невы.

Но, не смотря на всѣ изслѣдованія, описанія и труды, положено только, можно сказать, начало этому дѣлу. По словамъ Норденшильда, до сихъ поръ еще не имѣется сколько нибудь точнаго гидрографическаго описанія водъ между устьями Енисея и Челюскина мыса и здѣсь еще ни разу не проходило настоящее морское судно.

Въ виду этого понятно, какимъ фактомъ громадной важности является снаряжаемая, лѣтомъ нынѣшняго года, въ Швеціи, экспедиція, подъ руководствомъ профессора Норденшильда, съ спеціальною цѣлью изслѣдованія полярныхъ водъ, омывающихъ берега Сибири отъ Карскаго моря до Берингова пролива. Экспедиція состоитъ изъ нѣсколькихъ судовъ. Изъ нихъ сооруженный на средства, пожертвованныя Шведскимъ королемъ и г. Сибиряковымъ пароходъ „Вега“ (60 силъ, длина 145, шир. 25½ ф., купленъ за 50 т. металлическихъ рублей) предоставленъ въ распоряженіе г. Норденшильда. Экипажъ состоитъ изъ 4 морскихъ офицеровъ, принадлежащихъ къ шведскому, датскому и итальянскому флотамъ (лейтенанты Поландеръ, Брюзевицъ, Ховгардъ и Бове), 18-ти матросовъ и трехъ промышленниковъ. Кромѣ того, въ экспедиціи (обладающей весьма значительными средствами и субсидіей въ 40 т. кронъ) участвуютъ: ботаникъ Кіельманъ, зоологъ Стуксбергъ, докторъ Альмквистъ и подпоручикъ л.-гв. Финскаго стрѣлковаго батальона Нордквистъ, посланный „Русскимъ географическимъ обществомъ“, поручившимъ ему вести дневникъ путешествія и собирать свѣдѣнія по части географіи и этнографіи. Съ гордостью можемъ мы, русскіе, сказать, что преобладающее содѣйствіе этой экспедиціи оказано нашимъ соотечественникомъ—тѣмъ же г. Сибиряковымъ: имъ отправлены, на свой счетъ, остальныя три судна экспедиціи: 1) пароходъ „Лена“, въ 100 тоннъ водоизмѣщенія, построенный въ нынѣшнемъ году на заводѣ „Мотала“ изъ бессемеровской стали и пріобрѣтенный отправителемъ за 48 тысячъ кронъ; снабженный провизіей слишкомъ на годъ, онъ имѣлъ назначеніемъ сопровождать „Вегу“ чрезъ Карское море, мимо мыса Челюскина, до устья Лены, а отсюда, отдѣлившись отъ Норденшильда, долженъ подняться до Якутска; экипажъ парохода состоитъ изъ 8 чел., подъ командой

капитана Іогансена, не разъ плававшаго въ Карскомъ морѣ; 2) пароходъ „Фрэзеръ", плававшій, въ прошломъ году, къ устьямъ Енисея и обратно, подъ командой капитана Нильсона, и 3) парусный бригъ „Экспрессъ", съ грузомъ угля для паровыхъ судовъ экспедиціи.

Норденшильдъ задался смѣлымъ, грандіознымъ планомъ—точно опредѣлить морскую путевую линію по всему сѣверному побережью Сибири, до Берингова пролива и, затѣмъ, обогнуть весь Азіатскій материкъ и возвратиться чрезъ Суэзскій каналъ. Знаменитый шведскій ученый предполагалъ найдти у мыса Челюсткина свободное отъ льдовъ море, такъ какъ бассейны Оби и Енисея приносятъ въ океанъ громадную массу теплой воды. Предположеніе это оправдалось—и Норденшильдомъ открытъ новый морской проходъ отъ Новой Земли къ устьямъ Лены.

„Вега" и „Лена" отплыли 9-го (21-го) іюля изъ Тромзё. Обойдя Нордкапъ и оставивъ далеко къ югу Архангельскъ и Бѣлое море, пароходы прошли Карскимъ моремъ. Въ концѣ іюля онѣ находились близь острова Преображенія, гдѣ встрѣтили множество морскихъ птицъ, которыя, по мнѣнію капитана Іогансена, зимуютъ тамъ. Обогнувъ сѣверовосточный мысъ и прибывъ 16-го (28-го) августа къ устьямъ р. Лены, оба судна продолжали свой путь: „Вега", далѣе, въ Беринговъ проливъ, а „Лена"—по направленію къ Якутску, куда прибыла 9-го (21-го) сентября. Скажемъ здѣсь, между прочимъ, что экспедиціей найдено очертаніе береговъ совсѣмъ иное, чѣмъ то, которое показано на нашихъ картахъ.

---

Въ наше время почти исключительнаго стремленія къ удовлетворенію узкихъ, эгоистическихъ интересовъ, рѣдки отрадные примѣры безкорыстнаго служенія общему дѣлу. Грандіозная цѣль соединенія богатой Сибири съ остальнымъ міромъ, отнынѣ, можно сказать, осуществлена. Г. Сибиряковъ, оказавшій свое щедрое и энергическое содѣйствіе успѣху великаго дѣла, имѣетъ всѣ права на признательность своихъ соотечественниковъ. Его имя—достояніе потомства.

# Портретъ игуменьи.

## (Святочный разсказъ).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ дождливый осенній вечеръ, я собрался къ моему старому знакомому, отставному полковнику Ш. У полковника, холостяка и хлѣбосола, почти ежедневно собиралось по вечерамъ очень пріятное общество. Иногда играли въ карты, а то просто бесѣдовали у камина, полулежа на мягкихъ турецкихъ диванахъ, куря сигары и запивая разсказы и споры старымъ, отличнымъ виномъ, на которое не скупился хозяинъ.

У полковника я засталъ, какъ и разсчитывалъ, нѣкоторыхъ нашихъ общихъ пріятелей. Тутъ былъ и докторъ Н., и племянникъ полковника, молодой товарищъ прокурора, и художникъ С.

— А! вотъ и вы, и очень кстати, сказалъ мнѣ хозяинъ, въ то время какъ я со всѣми здоровался,—докторъ сейчасъ разсказалъ намъ очень интересный случай и намъ бы хотѣлось знать ваше о немъ мнѣніе.

— Очень радъ, отвѣтилъ я, и сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ, но прежде всего позвольте замѣтить вамъ, дорогой хозяинъ, что погода сегодня самая возмутительная и я продрогъ до костей. Если хотите, чтобъ я говорилъ складно, то развяжите мнѣ языкъ чѣмъ нибудь согрѣвательнымъ.

Полковникъ налилъ мнѣ стаканъ вина.

Послѣ нѣсколькихъ глотковъ пріятная теплота пробѣжала по моему тѣлу, я придвинулся къ камину.

— Въ чемъ же дѣло, господа? на счетъ чего вамъ угодно знать мое мнѣніе? спросилъ я моихъ собесѣдниковъ.

— Вы должны сказать намъ, отвѣтилъ мнѣ, громко смѣясь, молодой юристъ, считаете ли вы себя способнымъ вѣрить въ существованіе духовъ или въ сверхъестественныя силы.

— Тише! шутливо крикнулъ докторъ, стуча золотою табакеркой объ столъ—господинъ товарищъ прокурора, я призываю васъ къ порядку! Зачѣмъ вы начинаете съ конца?.. Видите ли, обратился онъ ко мнѣ, мы говорили о случаѣ изъ моей сегодняшней практики.

Рано утромъ меня потребовали къ одной паціенткѣ. Я знаю ее давно; это умная и разсудительная женщина. Я ее засталъ въ большой тревогѣ. Несмотря на свои лѣта, она была въ такомъ лихорадочномъ состояніи, что даже не могла отвѣтить на мои вопросы. Я понялъ, что съ ней произошло что нибудь необыкновенное. Наконецъ она разсказала слѣдующее таинственное приключеніе, бывшее съ ней прошлою ночью. Вскорѣ послѣ полуночи ее разбудилъ какой-то странный шумъ, черезъ нѣсколько мгновеній она увидѣла, что въ ея спальню вошла озаренная будто электрическимъ свѣтомъ ея покойная сестра, кивнула ей головой и хотѣла даже протянуть къ ней руку. Тогда моя паціентка изо всѣхъ силъ закричала отъ ужаса. Видѣніе исчезло, сдѣлавъ ей рукою угрожающее движеніе.

— Что же вы думаете объ этомъ, докторъ, спросилъ я, не особенно заинтересованный.

— Я? ничего! Я ей объяснилъ, что таинственное освѣщеніе происходило отъ свѣта уличнаго фонаря, падающаго на противоположную дверь, а все остальное дѣйствіе ея разыгравшагося воображенія. Она мнѣ не повѣрила и даже настаивала, что ясно видѣла родимое пятно на лбу сестры...

— Я съ вами согласенъ, докторъ, замѣтилъ я, что такія видѣнія могутъ только пригрезиться. Природѣ было бы слишкомъ много дѣла, еслибъ она вздумала связывать все прошедшее съ настоящимъ. Что умерло—то мертво! Было бы мило, если бы каждый духъ, такъ, ни съ того ни съ сего, являлся нарушать наше спокойствіе. Единственное средство избавить людей отъ такой глупости, это смѣяться надъ ними.

— Но и насмѣшками разувѣрить ихъ нельзя, перебилъ меня докторъ; они настаиваютъ, что видѣли и слышали то и то. Ну, хорошо, положимъ даже что это и правда, точно видѣли; но вѣдь все же еще не сказано, что это духи. А между тѣмъ суевѣрный человѣкъ скорѣе позволитъ отсѣчь себѣ голову, чѣмъ допустить естественную причину своего видѣнія, и чѣмъ несообразнѣе видѣніе, тѣмъ болѣе онъ ему вѣритъ. Что вы на это скажете, полковникъ?

Хозяинъ нашъ съ видимымъ интересомъ слушалъ разговоръ и отъ меня не ускользнуло, что при послѣднихъ словахъ доктора онъ покачалъ головою.

— Вы, кажется, дѣйствительно готовы вѣрить моей паціенткѣ, весело добавилъ докторъ.

Полковникъ, затянувшись сигарой, отвѣтилъ серіозно и задумчиво.

— Я не вѣрю въ сверхъестественное, но и не отвергаю его болѣе...

— Болѣе? воскликнулъ удивленный докторъ. Значитъ было время, когда вы иначе смотрѣли на вещи, вольнодумцемъ были: теперь же вы не то. Если это не тайна, полковникъ, то разскажите намъ происшествіе, которое произвело въ васъ эту перемѣну.

Мы присоединили наши просьбы. Таинственные разсказы слушаются очень весело, когда сидишь въ пріятной компаніи вокругъ стола и заливаешь свою дрожь хорошимъ виномъ.

— Это не тайна, сказалъ полковникъ, но не думайте, чтобы въ моей исторіи были настоящія привидѣнія, это только очень странный случай, со мною приключившійся и навсегда оставшійся для меня необъясненнымъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, очевидно вспоминая подробности далекаго прошлаго, и потомъ продолжалъ: Въ началѣ сороковыхъ годовъ, совершенно молодымъ человѣкомъ, едва надѣвшимъ офицерскіе эполеты, я получилъ приглашеніе отъ моего дяди погостить у него. Мой дядя, братъ моей матери, графъ Б—цкій,



Литературный альбомъ: „Море“. Ориг. рис. И. Панова грав. Пуцъ.

## Стихотворение

**Ѳ. И. Тютчева.**

Дума за думой, волна за волной
Два проявленья стихіи одной.
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ—
Здѣсь въ заключеніи, тамъ—на просторѣ
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой,
Тотъ же все призракъ тревожно-пустой.

Принадлеж. А. Н. Сибирякову, пароходъ „Лена“, который совершилъ морской путь отъ Тромзе до Якутска. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



**Древній Египетскій храмъ Абу-Симлы.** По картинѣ Гентца, рис. Гейтландъ, грав. Ротъ.

жилъ въ Польшѣ, въ своемъ великолѣпномъ имѣніи, о которомъ я съ дѣтства много слышалъ. Нашъ полкъ стоялъ въ Варшавѣ; я очень обрадовался дядиному приглашенію, тотчасъ же взялъ отпускъ и, съ первымъ дилижансомъ уѣхалъ. Это было въ октябрѣ; вечеръ задался самый ненастный и вѣтряный, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Пассажиры дилижанса состояли кромѣ меня изъ стараго поляка-помѣщика и какой-то монашенки, которая забилась въ уголокъ и шептала молитвы. Между тѣмъ старикъ старался завлечь меня въ разговоръ. Мы и разговорились. Погода съ каждой минутой становилась все хуже; мы проѣхали открытое шоссе и теперь были въ лѣсу, но вѣтеръ все таки врывался въ карету. Тучи такъ и неслись по небу; изрѣдка изъ-за нихъ показывалась луна. Вдругъ я замѣтилъ, что мы ѣдемъ тише и только что хотѣлъ объ этомъ сказать моему сосѣду, какъ монахиня обратила ко мнѣ свои черные глаза и прошептала: „скоро лошади совсѣмъ остановятся“.

— Развѣ ужъ станція? удивленно спросилъ я.

— Нѣтъ! но увидите, что такъ будетъ, это старинная привычка лошадей.

Я еще не успѣлъ попросить у нея объясненія этихъ странныхъ словъ, какъ лошади дѣйствительно остановились.

— Видите! вотъ *оно*! сказала монашенка.

— Что *оно*?

— Памятникъ!

И она указала рукой въ правую сторону. Я выглянулъ изъ окошка. Мы были на довольно высокомъ пригоркѣ, у креста сдѣланнаго изъ бѣлыхъ камней. Мѣсяцъ освѣщалъ теперь этотъ бѣлый крестъ и придавалъ всей картинѣ что-то таинственное и страшное.

Помѣщикъ также выглянулъ изъ окошка и потомъ обратился къ монашенкѣ. „я впервые здѣсь проѣзжаю, скажите, что все это значитъ?“ Въ эту минуту лошади снова потянули.

Ну вотъ... это онѣ сами! сказала спокойно монашенка,—почтальонъ не трогалъ кнута? Такъ всегда здѣсь бываетъ... Видите ли какая тутъ исторія... Около двадцати лѣтъ тому назадъ разбойники напали на этомъ самомъ мѣстѣ на дилижансъ и ограбили его; при этомъ была схватка, потомъ между убитыми нашли почтальона. Въ память убитыхъ и воздвигли здѣсь крестъ. Съ тѣхъ поръ лошади ужасно боятся этого мѣста, подъѣзжая къ кресту онѣ мало по малу замедляютъ ходъ и наконецъ совсѣмъ останавливаются передъ памятникомъ. Никакіе крики почтальона не въ состояніи ихъ сдвинуть съ мѣста. Черезъ двѣ, три минуты, вотъ какъ и теперь, они сами трогаются и быстро спускаются съ горы.

Дѣйствительно, нашъ дилижансъ катился теперь съ трескомъ и грохотомъ; деревья такъ и мелькали изъ окошекъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? упрекнула меня монахиня, такъ какъ я не удержался отъ смѣха.

— Нѣтъ, я вѣрю, что все это было, но думаю что вы ошиблись, видя какую то сверхъестественную силу тамъ, гдѣ я только вижу самыя естественныя вещи: Бѣдныя лошади съ трудомъ втаскиваютъ тяжелую карету на гору и тѣмъ замедляютъ свой ходъ; потомъ, на вершинѣ горы, утомленныя, онѣ совсѣмъ останавливаются, а отдохнувши, продолжаютъ путь съ новыми силами. Эта естественная потребность отдохнуть не имѣетъ никакого отношенія къ памятнику.

Старый помѣщикъ покачалъ головою.

— Какъ бы тамъ ни было, сказалъ онъ – а исторія непріятная, и это мѣсто во всякомъ случаѣ точно нарочно создано для убійства! Монашенка перекрестилась. Въ дилижансѣ воцарилось молчаніе. У сосѣда моего прошла всякая охота болтать. Мы прислонились къ подушкамъ и старались заснуть, что мнѣ впрочемъ не удавалось, и я былъ очень радъ; когда мы наконецъ пріѣхали на станцію, гдѣ меня дожидались высланныя за мной лошади.

Было уже за полночь когда я добрался до дома, или вѣрнѣе, до замка моего дяди, такъ какъ это былъ настоящій старинный замокъ, построенный чуть ли еще не въ XV вѣкѣ. Утомленный дорогой и продрогшій, я съ наслажденіемъ послѣдовалъ за вышедшимъ меня встрѣтить дядей въ теплую комнату. Послѣ ужина мой старикъ не сталъ меня удерживать и вмѣстѣ съ старымъ своимъ камердинеромъ Казимиромъ, проводилъ въ отведенное мнѣ помѣщеніе.

— Ты долженъ радоваться, милый мой, что не пріѣхалъ днемъ раньше, сказалъ онъ, когда мы проходили длинными корридорами. Вчера въ комнатѣ, которую я назначилъ для тебя, неожиданно провалилась печь, это бы не совсѣмъ пріятно потревожило твой сонъ. Поэтому мы теперь приготовили тебѣ ночлегъ въ старой башнѣ, тамъ ты будешь въ безопасности.

— Какъ въ лонѣ Авраама, докончилъ я, думая только о томъ, какъ бы скорѣе улечься.

Пройдя еще длинный корридоръ и взобравшись по старой трещавшей лѣстницѣ на башню, мы наконецъ очутились въ просторной круглой залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ одинъ и осмотрѣлся. Я замѣтилъ старинный, весело горящій каминъ, нѣсколько массивныхъ кожаныхъ креселъ изъ рѣзного чернаго дуба и свѣжую, только что приготовленную постель. Я поспѣшно раздѣлся, улегся и нѣсколько минутъ лежалъ съ открытыми глазами. Вдругъ я замѣтилъ, что моя кровать не была плотно придвинута къ стѣнѣ; я поднялъ голову и увидѣлъ надъ собою большую картину въ тяжелой черной рамѣ, Сначала, при мерцающемъ огнѣ камина, я не могъ ничего хорошенько разглядѣть, но наконецъ увидѣлъ, что это старый портретъ и, судя по одеждѣ и четкамъ въ желтыхъ рукахъ, что это портретъ католической монахини или даже игуменьи. Вѣроятно игуменьи, такъ какъ изъ бѣлаго сборчатаго воротника выглядывалъ большой крестъ. Черные блестящіе глаза смотрѣли на меня съ бѣлаго, мертвеннаго лица и казалось все болѣе оживлялись.

Воображеніе мое мало по малу уносило меня въ то далекое прошлое, когда эта блѣдная женщина жила между живыми. Я начиналъ дремать подъ эти грезы. Вдругъ я встрепенулся—отчего—не знаю. Въ испугѣ я невольно взглянулъ на портретъ и—что же? Монахиня мнѣ кивнула головою!..

— Обманъ воображенія! крикнулъ докторъ.

— Выслушайте до конца, сказалъ полковникъ серіозно. Монахиня мнѣ кивнула! Ледяная дрожь пробѣжала по моему тѣлу; я хотѣлъ вскочить и выбѣжать, но члены мои были неподвижны и какая-то невидимая сила пригвоздила меня къ кровати, а глаза мои къ портрету. Все было тихо въ замкѣ, даже вѣтеръ пересталъ шумѣть, только я не спалъ и не спала эта ужасная женщина. Она болѣе не кивала, но злобно улыбалась. Не спрашивайте меня, какъ это было возможно! Довольно того, что я видѣлъ какъ блѣдныя руки разжались, тонкія губы открылись и я услышалъ тихій, но внятный голосъ.

Полковникъ замолчалъ и провелъ рукою по лбу. Потомъ продолжалъ: „я услышалъ цѣлую грустную исторію разбитаго сердца. Ужасная женщина разсказывала мнѣ изъ своей черной рамы о томъ, какъ отняли у нея любимаго жениха, чтобы женить его на младшей, болѣе красивой, сестрѣ, а ее самое заперли въ монастырь, гдѣ только смерть избавила ее отъ горя.

Я лежалъ съ открытыми глазами, не въ силахъ пошевельнуть пальцемъ.

„Я умерла, пронзительно шептала монахиня, но моя душа не можетъ успокоиться, пока я не найду и не обойму своего жениха!“

Дрожь меня схватила. Я слышалъ шелестъ черпаго платья, стукъ пятокъ, я чувствовалъ холодную струю воздуха на моей щекѣ. Я видѣлъ какъ вся фигура высвободилась изъ рамы—крикъ замеръ на моихъ губахъ.

— Да, у меня не оставалось сомнѣнія! дѣйствительно, монахиня приближалась ко мнѣ—она хотѣла тащить меня въ свою могилу. Она уже стояла около моей кровати съ протянутою ко мнѣ рукою, губы ея были раскрыты. Вдругъ огонь въ каминѣ погасъ, полная темнота окружила меня. Я собралъ всѣ силы, чтобы подняться, но что-то тяжелое лежало на мнѣ и душило меня. Я страшно боролся съ этой женщиной; холодный потъ выступилъ на моемъ лбу... Но все напрасно—въ страстной злобѣ охватила она мою шею, мое тѣло... Еще разъ я приподнялся и старался отбросить ужасное привидѣніе, но вдругъ я почувствовалъ ея дыханіе, поцѣлуй ея холодныхъ губъ на моемъ лбу.

Я вскрикнулъ—и потомъ уже ничего не помню...

Когда я открылъ глаза—было свѣтло. Около меня, на кожаномъ креслѣ, сидѣлъ дядя и съ озабоченнымъ лицомъ прикладывалъ компрессъ къ моему страшно болящему лбу.

— Ну, милый, ты это что такое продѣлываешь?

Я хотѣлъ подняться, но не могъ, я былъ какъ разбитый и едва нашелъ силу поднять голову къ портрету—но онъ исчезъ.

Дядя замѣтилъ мое движеніе.

— Да, признаюсь, неожидалъ я этого отъ старой игуменьи! сказалъ онъ.

— Игуменья?!. гдѣ она?

А вонъ—въ углу! Богъ знаетъ какимъ образомъ гвоздь выпалъ... Но вѣдь она могла тебя убить—вытерпѣть цѣлую ночь на себѣ такую тяжесть—не шутка!

— Такъ это правда? вскричалъ я съ ужасомъ.

— Да, да, рама портрета тебѣ сильно поранила голову... По счастью мой старый Казимиръ рано утромъ вошелъ въ комнату и увидѣлъ все это. Ты лежалъ, хрипя, подъ портретомъ и кровь струилась изъ твоего лба.

— Значитъ все это былъ только ужасный сонъ? вскрикнулъ я съ радостью и разсказалъ дядѣ мое ночное приключеніе.

Сперва старикъ началъ было смѣяться, но по окончаніи моего разсказа поблѣднѣлъ и тихо сказалъ:

— Знаешь, что, я велю сжечь этотъ проклятый портретъ!

Такъ и сдѣлали...

Полковникъ замолчалъ, мы также не знали что сказать и тоже молчали. Наконецъ докторъ встрепенулся.

— Могу я вамъ высказать свое мнѣніе, любезный другъ?

— Отчего же нѣтъ?

— Съ вами былъ просто кошмаръ въ ту ночь.

Можетъ быть, я не отрицаю.

— Да, невозможно и отрицать! съ какой то даже яростью воскликнулъ докторъ. Все это очень легко объяснить. Вы были утомлены путешествіемъ, ваше воображеніе было возбуждено послѣ происшествія у памятника, кромѣ того поздній и сытный ужинъ—все это отличная подготовка для кошмара!

— А портретъ? задумчиво спросилъ полковникъ.

— Портретъ? сказалъ я,—конечно портретъ тутъ главный виновникъ. Онъ упалъ на васъ и привелъ васъ въ оцѣпенѣніе, во время котораго вы все разсказанное не пережили въ дѣйствительности, а видѣли въ бреду.

— Гм! И это предположеніе можетъ быть вѣрнымъ, отвѣчалъ полковникъ.—Ну, а ты что на это скажешь? обратился онъ къ своему племяннику, который во время разсказа не разъ насмѣшливо улыбнулся.

— Я очень жалѣю, что мой двоюродный дѣдъ приговорилъ къ сожженію монахиню за ея позднюю любовь—это autodafé было плохой наградой терпѣнію, съ которымъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій ждала она своего жениха. Ну можно ли было на нее сердиться...

Мы засмѣялись.

Полковникъ задумчиво качалъ сѣдою головою.

— Очень можетъ быть, что всѣ вы правы, господа, сказалъ онъ: но только на одно важное обстоятельство вы не обратили вниманія. Какимъ образомъ это случилось, что сонъ мой такъ удивительно согласовался съ дѣйствительной исторіей монахини?

— Неужели! воскликнулъ съ изумленіемъ докторъ.

— Въ этомъ-то все дѣло... представьте, что игуменья дѣйствительно нѣкогда должна была пожертвовать для счастья своей младшей сестры женихомъ и была насильно пострижена. Это обстоятельство и заставило моего дядю сжечь колдовской портретъ и такимъ образомъ лишить его силы.

— И вы ничего про это не слыхали до того вечера? спросилъ я.

— Ни слова! Развѣ молодой офицеръ интересуется такими вещами?

Мы молчали.

— Я разсказалъ вамъ только самый фактъ, продолжалъ полковникъ,—но не въ силахъ передать словами испытанныхъ мною ощущеній и того впечатлѣнія, которое все это во мнѣ оставило. А впечатлѣніе было таково, что я до сихъ поръ нахожусь въ сомнѣніи—что это такое: сонъ или дѣйствительность?

**Г. Веригинъ.**

# Невольный товарищъ.

## Разсказъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Столярный мастеръ Куртенбергъ жилъ въ полномъ счастіи и довольствѣ. „Вотъ человѣкъ, счастье просто гоняется за нимъ“, говорили его сосѣди, и пожалуй были правы. Лѣтъ десять тому назадъ пришелъ онъ въ провинціальный городокъ бѣднякомъ, безъ гроша за душой, теперь у него большая мастерская, а что еще того лучше, молодая, прекрасная жена и двое славныхъ ребятишекъ, такъ что поискать такого счастливаго семьянина.

За то нигдѣ не чувствовалъ себя Куртенбергъ такъ хорошо, какъ дома. Этотъ всегда серьезный, молчаливый человѣкъ перерождался въ кругу своей семьи—тутъ его всегда сумрачный взглядъ сіялъ, блѣдное лицо, съ отпечаткомъ какой-то затаенной грусти, оживало,—онъ становился другимъ человѣкомъ. Почти со страхомъ избѣгалъ онъ трактировъ, никогда не видали его на общественныхъ гуляньяхъ или въ веселой компаніи. Одни объясняли сдержанность Куртенберга его скупостью, другіе утверждали, что это не даромъ, что видно надо ему скрывать кое-что, потому онъ и прячется отъ людей.

Завистниковъ и враговъ и безъ того было у трудолюбиваго столяра столько же, сколько бываетъ ихъ у всякого, кому больше обыкновеннаго везетъ счастье, на досаду злымъ людямъ. А счастье правда что везло Куртенбергу. Быстро онъ поднялся, да и стоилъ того—безъ устали онъ работалъ, чтобъ заслужить свое счастье. Когда десять лѣтъ тому назадъ онъ пришелъ сюда подмастерьемъ, то поступилъ на мѣсто къ самому богатому столяру, и тотъ скоро оцѣнилъ знаніе дѣла и прилежаніе своего работника.

Когда Куртенбергъ пришелъ въ провинціальный городокъ, то былъ уже не юношей, ему уже подходило къ тридцати годамъ, и должно быть онъ порядкомъ-таки постранствовалъ на своемъ вѣку, потому что бывалъ во всѣхъ большихъ нѣмецкихъ городахъ, даже цѣлый годъ пробылъ въ Парижѣ, работалъ тамъ въ лучшихъ мастерскихъ. Новый хозяинъ съумѣлъ его оцѣнить, и скоро назначилъ его старшимъ мастеромъ.

Къ горю хозяина оба его сына не захотѣли учиться его ремеслу. Старшій сдѣлался купцомъ, второй даже пошелъ по ученой части. Поэтому-то любимой мыслью мастера Гольма было, чтобы его единственная дочь вышла замужъ за столяра; но

крайней мѣрѣ тогда продолжалось бы дѣло, шедшее такимъ блестящимъ образомъ.

Лизбетѣ было всего семнадцать лѣтъ, когда Андрей Куртенбергъ поступилъ въ мастерскую ея отца. Постоянно слышала она похвалы новому подмастерью, и не удивительно, что и она благосклонно глядѣла на „шваба", какъ его называли, такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Вюртемберга; а отецъ не зналъ какъ и нахвалиться его честностью и искусствомъ. Андрей къ тому же былъ статный, высокій молодецъ, съ голубыми глазами и такимъ грустнымъ взглядомъ, какъ будто бы на сердцѣ у него лежало какое-то тайное горе. Прежде чѣмъ молодая дѣвушка успѣла объ этомъ догадаться, она почувствовала къ новому старшему мастеру глубокую симпатію. „О, онъ совсѣмъ не то, что другіе", думала молодая дѣвушка, „не такой грубый и безпорядочный какъ они; напротивъ, всегда такой тихій, въ сторонѣ отъ всѣхъ". Именно его серьезность и сдержанность и нравились Лизбетѣ. Хотя сама она скорѣе весело смотрѣла на жизнь, но ея веселость также никогда не выражалась шумно.

Мало по малу между молодой хозяйской дочерью и новымъ мастеромъ завязалась болѣе тѣсная дружба, которую къ тому же старикъ Гольмъ всячески поощрялъ, все болѣе и болѣе цѣня превосходныя качества Куртенберга, такъ что, собственно говоря, никто не былъ особенно удивленъ, когда Лизбета, послѣ того что ей исполнилось девятнадцать лѣтъ, сдѣлалась женой Андрея, а мастеръ Гольмъ совсѣмъ передалъ все мастерство своему зятю, чтобы самому жить на покоѣ.

Старику не пришлось раскаяваться въ своемъ рѣшеніи. Андрей Куртенбергъ вполнѣ оправдалъ довѣріе, оказанное ему почтеннымъ хозяиномъ. Внезапное счастіе, которое такъ многимъ вскружило бы голову, нисколько не выбило Андрея изъ его обычной, спокойной колеи. Гольмъ не ошибся въ немъ: онъ оказался прекраснымъ мужемъ и нѣжнымъ отцомъ семейства. Этотъ замкнутый, молчаливый человѣкъ выказывалъ своей доброй Лизбетѣ безграничную нѣжность, точно хотѣлъ доказать этимъ свою вѣчную благодарность за то, что несмотря на его бѣдность, она отдала ему руку и сердце.

Вообще въ кругу своей семьи Куртенбергъ былъ неузнаваемъ— куда дѣвался тутъ его мрачный взглядъ, неловкость и робость, какую онъ всегда чувствовалъ при людяхъ. Здѣсь, съ своей молодой, хорошенькой женой, въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми, онъ становился веселъ и беззаботенъ, самъ превращался въ ребенка—съ ними онъ смѣялся и былъ счастливъ. Да и Лизбета была жена, лучше какой онъ не могъ бы пожелать. Ея ровный, ласковый нравъ какъ бы предавалъ окружающей атмосферѣ тепло и мягкость, способныя разгладить морщины самого мрачнаго лица.

Благодаря энергіи и трудолюбію Куртенберга дѣла его развились еще шире. Послѣ десятилѣтняго труда онъ могъ причислить себя къ самымъ достаточнымъ людямъ городка. Однако, не смотря на это, онъ продолжалъ вести прежній скромный образъ жизни; счастіе, неизмѣнно сопровождавшее всѣ его предпріятія, не вскружило ему голову.

Однажды случилась ему надобность побывать въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ продавалась съ аукціона большая партія дерева. Покупщиковъ оказалось немного, такъ что ему удалось купить большую часть товара по очень дешевой цѣнѣ. Довольный выгоднымъ дѣломъ, отправился онъ въ обратный путь, и мысленно былъ уже съ своими, которыхъ, такъ какъ аукціонъ продолжался нѣсколько часовъ, онъ такъ долго не видѣлъ въ этотъ день, что было для него большимъ лишеніемъ. Глядя на этого быстро шагающаго, просто одѣтаго ремесленника, врядъ ли бы кто счелъ его за такого достаточнаго человѣка, какимъ онъ былъ. Всякій на его мѣста взялъ бы въ подобномъ случаѣ экипажъ; но, было ли это слѣдствіемъ его скромныхъ привычекъ, или черезъ чуръ строгой бережливости, только по всѣмъ дѣламъ онъ всегда ходилъ пѣшкомъ. Такъ и теперь онъ бодро шелъ впередъ, по своей привычкѣ немного наклонивъ голову и не глядя ни въ право ни въ лѣво, словно ему не хотѣлось отводить глазъ отъ своей единственной цѣли прямо передъ глазами.

„Долговязый Андреасъ, тебя-ли я вижу? Радъ, братъ, встрѣчи!" Этотъ громкій возгласъ прервалъ пріятныя мечты Куртенберга. Онъ съ удивленіемъ поднялъ глаза и увидѣлъ одичалое щетинистое лицо съ маленькими злыми, непріятно блестѣвшими глазами. Передъ нимъ стоялъ оборванный, коренастый мужичище съ здоровенной палкой въ рукахъ, и, казалось, наслаждался его замѣшательствомъ.

— Что, никакъ не узнаёшь меня? продолжалъ, скаля зубы, бродяга, и заслонилъ Куртенбергу дорогу, между тѣмъ какъ тотъ, не отвѣчая ни слова, хотѣлъ идти дальше. „Правду сказать, многонько-то многонько прошло времени съ той поры, какъ мы были одного поля ягода, да я все-же сразу тебя узналъ, хоть ты чертовски выправился."

— Вы обознались, возразилъ Куртенбертъ, и сдѣлалъ движеніе, чтобы идти.

— Да полно прикидываться-то, Андреасъ! воскликнулъ встрѣчный, и положа широкую руку на плечо Куртенбергу, прибавилъ: „Толку изъ этого для тебя, все единственно, никакого не выйдетъ. У меня чертовская память на лица. Съ кѣмъ я разъ посидѣлъ въ рабочемъ домѣ, черезъ сто лѣтъ узнаю."

При словѣ „рабочій домъ" Куртенбергъ вздрогнулъ; смертельная блѣдность покрыла его лицо, и онъ боязливо озирался вокругъ, не слышалъ-ли ихъ кто нибудь. Онъ былъ до того ошеломленъ, что не могъ выговорить ни одного слова.

— Не бойся, никого не видать, продолжалъ бродяга, съ злорадствомъ наслаждавшійся невыразимымъ смущеніемъ своей жертвы. „Да и что за бѣда, не стыдъ какой! Я такъ не одинъ разъ сиживалъ въ рабочемъ домѣ, а посмотрѣлъ бы я кто-бы смѣлъ ткнуть мнѣ этимъ въ глаза."

— Право, я не знаю чего вы хотите, я васъ вовсе не знаю! могъ наконецъ проговорить Куртенбергъ, и въ то же время попробовалъ, прибавивъ шагу, отдѣлаться отъ проклятаго человѣка.

— Ну, смотри, не порти дѣла! воскликнулъ тотъ угрожающимъ голосомъ, также ускоряя шаги. „Вишь какимъ сталъ важнымъ бариномъ, что и добраго слова нельзя ему сказать со старымъ товарищемъ. Нѣтъ, братъ, кто высидѣлъ, какъ ты, пять лѣтъ въ рабочемъ домѣ, тому нечего такъ задирать носъ. Меня не разувѣришь, что ты не столяръ Андреасъ изъ Мюнзинга. Что, небось, правду говорю? Чего краснѣешь-то до ушей. Да, у чернаго Фриделя Юберлинга глаза-то еще хорошо видятъ, ихъ не обманешь, хоть гдѣ узнаютъ стараго товарища. Ну, полно-же, Андреасъ: разскажи-ка лучше, какъ ты поживалъ послѣ того, что мы съ тобой простились въ рабочемъ домѣ.

— Да не поминай ты каждую минуту рабочаго дома! болѣзненно вырвалось изъ сжатой груди Куртенберга. Онъ видѣлъ, что ему не было никакой возможности избѣжать стараго преступника, и что дальнѣйшее уклоненіе можетъ только испортить дѣло.

— Это отчего? возразилъ тотъ съ наглымъ смѣхомъ закорѣнѣлаго негодяя. Никакого нѣтъ стыда годъ другой просидѣть въ рабочемъ домѣ, да теперь же его еще называютъ „исправительнымъ заведеніемъ"! Оно вѣдь выходитъ гораздо благороднѣе! И негодяй захохоталъ хриплымъ, дикимъ смѣхомъ.

Куртенбергъ опять со страхомъ оглядѣлся во всѣ стороны. Къ счастію дорога была довольно пуста, и уже начинало смеркаться. Только отъ времени до времени проѣзжалъ въ сосѣднюю деревню нагруженный возъ съ поля, но сидѣвшіе на нихъ парни и дѣвушки смѣялись и болтали между собою, мало обращая вниманія на двухъ пѣшеходовъ.

— Я стараюсь честнымъ образомъ пробить себѣ дорогу, былъ уклончивый отвѣтъ.

— Похвально; да вотъ поди-жъ ты, а другому не дается счастіе, да и конецъ. Я вотъ толкался чуть не по всей Германіи, а какъ ты видишь, нигдѣ мнѣ не везло, и онъ съ ненавистью показалъ на свои грязныя лохмотья. Если бы, по крайности, хоть разъ удалось одѣться какъ слѣдуетъ, такъ еще пожалуй досталъ бы какую нибудь порядочную работу, а то въ эдакомъ видѣ днемъ и показаться никуда нельзя.

Куртенбергъ молчалъ; онъ раздумывалъ, не удастся ли ему посредствомъ нѣкоторой суммы денегъ навсегда отдѣлаться отъ ужаснаго человѣка. Но здравый разсудокъ говорилъ ему, что именно этимъ-то онъ только больше свяжетъ себя съ гнуснымъ мошенникомъ; ему хорошо была извѣстна привычка старыхъ преступниковъ—выслѣживать прежнихъ товарищей, которые такъ или иначе пробились на честную дорогу, и вымогать отъ нихъ деньги, или всѣми силами стараться втянуть ихъ на прежній путь преступленія. Поэтому Андреасъ и поселился какъ можно дальше отъ своей родины. Въ этой дальней сторонѣ онъ надѣялся никогда не встрѣтить человѣка, могущаго напомнить ему объ его несчастномъ прошломъ, и вотъ таки постигло его это... Въ безпредѣльномъ отчаяніи, онъ готовъ былъ зарыдать, а между тѣмъ ему надо было сохранить передъ этимъ ненавистнымъ человѣкомъ послѣдній остатокъ присутствія духа.

— Ты, какъ я вижу, хорошо обдѣлалъ свои дѣлишки, ты могъ бы мнѣ помочь, продолжалъ Фридель, прежде чѣмъ Куртенбергъ пришелъ къ какому либо рѣшенію.—Не худо бы было тебѣ расщедриться для стараго товарища на пару, другую талеровъ. И я не прочь сдѣлаться честнымъ малымъ, и если ты дашь мнѣ въ займы, слышишь, Андреасъ, въ займы, талеровъ двадцать или тридцать, такъ по крайней мѣрѣ не даромъ пропадетъ моя радость при встрѣчѣ со старымъ товарищемъ.

— Не думай, что я ни вѣсть какой богачъ, осторожно возразилъ Куртенбергъ, но замѣтивъ какъ тотъ вспыхнулъ, готовясь его перебить, успокоительно прибавилъ:—но все таки двадцать талеровъ я готовъ тебѣ дать, хотя у самаго меня нѣтъ ничего лишняго.

— Эхъ, ужь отваливай тридцать, двадцати мнѣ не хватитъ, приставалъ Фридель, раскаяваясь зачѣмъ сразу не запросилъ больше. Однако онъ самодовольно ухмылялся при мысли, что еще порядкомъ повытянетъ отъ добряка Андрея. Только бы разъ удалось выманить денегъ, а тамъ ему ужь придется подороже платить за его молчаніе.

— Это слишкомъ много, мнѣ самому завтра трудно будетъ обернуться, въ полголоса возразилъ Куртенбергъ,—но, такъ и быть, я дамъ тебѣ эти деньги съ тѣмъ условіемъ, чтобы здѣсь дороги наши разошлись навсегда. Съ этими словами онъ остановился, какъ будто принялъ твердую рѣшимость немедленно,




Изъ поэмы Мильтона „Потерянный Рай“ (пѣснь I, стр. 19). Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.
„Крылатые герольды трубными звуками объявляютъ всему войску что великій Совѣтъ слетается въ Пандемоніумѣ“.
Ориг. рис. Густава Дорэ, грав. Паннемакеръ.

разъ навсегда, отдѣлаться отъ опаснаго человѣка. Они дошли уже почти до предмѣстья города, и стояли теперь на перекресткѣ, откуда одна дорога вела, большимъ обходомъ, также къ городу, другая въ сосѣднюю деревню.

— Не хорошо, не хорошо съ твоей стороны такъ обращаться со старымъ школьнымъ товарищемъ! укоризненно воскликнулъ Фридель,—на языкѣ мошенниковъ рабочій домъ называется „школой", и къ сожалѣнію большею частію это бываетъ справедливо, только въ дурномъ смыслѣ.—Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, гдѣ ты живешь, чтобы я могъ къ тебѣ показаться въ новомъ платьѣ. Не бойся, не буду болтать о старой исторіи, если ты этого не хочешь. Я честный малый, такихъ низостей за мною не водится, и при этомъ онъ такъ ударилъ кулакомъ по своей широкой груди, что она затрещала.

— Я живу въ Лангештрассе, № 10, отвѣтилъ Куртенбергъ, послѣ минутнаго колебанія.

— Лангештрассе, № 10, повторилъ Фридель, какъ бы желая тверже запомнить адресъ.—Хорошо, буду знать; по старой дружбѣ, непремѣнно какъ нибудь побываю у тебя. Не безпокойся, тебѣ не будетъ отъ меня никакой непріятности, Ну, а теперь отсчитывай. Если обсчитаешься, да въ мою пользу перепадетъ парочка талеровъ лишнихъ—не бѣда, на это я не обижусь, насмѣшливо прибавилъ онъ, глядя какъ тщательно Куртенбергъ пересчитывалъ назначенную ему сумму.

— Вотъ тридцать талеровъ, сказалъ Куртенбергъ.—Видно было, какого труда стоило ему каждое слово, и что онъ вполнѣ сознавалъ какую онъ дѣлаетъ ошибку.—Желаю, чтобы эти деньги помогли тебѣ пріобрѣсти честныя средства къ жизни.

— Накинь еще парочку талеровъ, нынче все такъ дорого, а ты видишь, мнѣ надо одѣться съ головы до ногъ.

— Я самъ очень нуждаюсь въ деньгахъ, но пускай будетъ по твоему, сказалъ, послѣ нѣкотораго раздумья, Андреасъ.—Вотъ еще десять талеровъ. Доволенъ-ли ты теперь?

— Я такъ и зналъ, что ты славный малый, отвѣчалъ тотъ.—На, вотъ моя рука. Повѣрь, что я этого не забуду, и какъ только куда нибудь пристроюсь, приду къ тебѣ непремѣнно. А пока прощай—и онъ протянулъ свою широкую, костлявую руку, которую Куртенбергъ взялъ, побѣдивъ свое отвращеніе.

— Прощай, проговорилъ онъ тихимъ, подавленнымъ голосомъ. Долго смотрѣлъ онъ вслѣдъ удалявшейся фигурѣ, пока она не исчезла въ густѣвшихъ сумеркахъ. Наконецъ онъ пришелъ въ себя; изъ его груди вырвался глубокій вздохъ, онъ провелъ рукой по своему горѣвшему лбу, и тяжелымъ, усталымъ шагомъ, какъ человѣкъ, на котораго вдругъ снова навалили страшную ношу, тяжесть которой онъ уже перестать чувствовать, съ опущенной головой поплелся въ городъ.

---

Прошло нѣсколько недѣль. Куртенбергъ, наконецъ, началъ дышать свободно въ надеждѣ, что неисправимый негодяй можетъ быть покончилъ гдѣ нибудь въ тюрьмѣ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что этотъ несчастный человѣкъ, послѣ ихъ встрѣчи, преспокойно сталъ продолжать прежнюю жизнь.

Разъ Куртенбергъ былъ на дворѣ и осматривалъ купленныя на аукціонѣ доски, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собой Фриделя Юбэрлинга, почти такого же оборваннаго и взъерошеннаго, какъ тогда, когда онъ, словно изъ-подъ земли выросъ передъ нимъ на большой дорогѣ. Въ первую минуту испуга Куртенбергъ потерялъ свое обычное спокойствіе. Поблѣднѣвъ какъ смерть, онъ вспыльчиво воскликнулъ: „что тебѣ надо? Вѣдь я сказалъ тебѣ, что не желаю твоихъ посѣщеній!

— Ну, ну, не горячись такъ. Рабочіе могутъ войти, равнодушно отвѣчалъ Фридель,—да и вообще, скверно съ твоей стороны, что ты такъ меня оболгалъ, Лангештрассе, № 10, долго бы мнѣ пришлось искать тебя по этому адресу. Но, плохо ты знаешь Фриделя Юберлинга, если воображаешь, что его такъ легко провести, прибавилъ онъ съ ехидной усмѣшкой.

— Что тебѣ отъ меня надо? говори скорѣе, упавшимъ голосомъ проговорилъ Куртенбергъ. Глаза его устремлены на мастерскую, въ страхѣ, какъ бы оттуда не увидѣлъ кто его страннаго посѣтителя.

— Нѣтъ ли у тебя такого уголка, гдѣ бы мы могли минуточку потолковать съ тобой безъ помѣхи? Вотъ тамъ, кажется, еще сарай, тамъ насъ никто не увидитъ, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій онъ направился къ указываемому имъ мѣсту. Въ самой глубинѣ двора дѣйствительно находился другой сарай, служившій для храненія разныхъ запасныхъ столярныхъ матеріаловъ.

Куртенбергъ положительно машинально послѣдовалъ за нимъ. Мысли въ головѣ его путались, страшная тяжесть давила грудь, онъ едва сознавалъ что дѣлаетъ.

— Здѣсь тихохонько, здѣсь насъ никто не услышитъ, началъ Фридель, комфортабельно усаживаясь на груду досокъ.—Садись и ты,—и въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, онъ придвинулъ Куртенбергу старый опрокинутый ящикъ.

— Благодарю, не шевеля губами проговорилъ столяръ. Ему казалось, будто не онъ самъ, а кто-то другой говоритъ за него.

Холодность собесѣдника нисколько не нарушила счастливаго расположенія духа Фриделя. „Ну не славный ли я малый, сознайся-ка самъ. Изъ силъ выбился тебя искавши, хоть ты и схитрилъ со мной, фальшивый адресъ мнѣ далъ. А я еще выжидалъ, пока застану тебя одного. Скажи-ка самъ, худо я поступилъ съ тобой"? И его маленькіе плутовскіе глаза насмѣшливо смотрѣли на столяра, а тотъ стоялъ неподвижно, прислонясь спиной къ стѣнѣ и сложивъ на груди руки, какъ будто рѣшившись твердо и спокойно ждать нападенія.

— Что-жь ты ни слова не говоришь? Хоть бы обрадовался пріятелю! весело продолжалъ негодяй, словно ему доставляло особенное удовольствіе мучить своего бывшаго товарища по несчастію.—Ты знатно живешь, какъ я слышалъ, куда лучше, чѣмъ ты мнѣ тогда говорилъ. Вовсе не къ чему тебѣ было бѣдняться; вѣдь я у тебя ничего не отнимаю, надѣюсь только, что ты, при теперешнемъ счастіи, не позабудешь стараго школьнаго товарища, которому къ сожалѣнію не повезло такъ, хоть онъ и старался изо всѣхъ силъ. Да видишь ли, оно и не удивительно; попадись мнѣ богатая жена, какъ тебѣ, можетъ быть и я бы былъ другимъ человѣкомъ.

Только теперь сознаніе вернулось къ Куртенбергу. Мысль о женѣ пронизала его какъ молнія. Что если она узнаетъ его прошедшее? Онъ безнадежно погибъ тогда! Счастіе всей его жизни виситъ на волоскѣ... на кончикѣ предательскаго языка этого злобно ухмыляющагося негодяя!... Отгадывалъ ли его мучитель, что происходило въ его душѣ? Онъ продолжалъ успокоительнымъ тономъ: „Меня тебѣ нечего бояться, любезный Андреасъ. Твоей женѣ я никогда не покажусь на глаза. Я всегда незамѣтно проскользну къ тебѣ, знаешь, вѣдь я мастеръ на это. Когда я захочу, никакая кошка меня не увидитъ, не то что человѣкъ".

— Сколько тебѣ сегодня нужно? тихо промолвилъ Куртенбергъ.

Фридель съ удивленіемъ смотрѣлъ на блѣдное лицо этого человѣка, повидимому спокойно покорившагося своей судьбѣ. „Ну, вѣдь это не къ спѣху, а впрочемъ, если бы ты мнѣ могъ одолжить талеровъ сто—при нынѣшнихъ тяжелыхъ временахъ, знаешь"...

Куртенбергъ, не давъ ему договорить, выхватилъ изъ кармана бумажникъ, который былъ съ нимъ, такъ какъ онъ только что намѣревался идти по одному дѣлу и вынулъ сто талеровъ. „А когда ты опять придешь?" спросилъ онъ, пристально смотря на негодяя, который теперь опустилъ свои глаза.

— Что ты обо мнѣ думаешь? Теперь ты мнѣ помогъ, и баста, я не буду къ тебѣ приставать больше.

— И я объявляю тебѣ, это послѣднія деньги, что ты отъ меня получишь, твердо проговорилъ Куртенбергъ, выпрямляясь во весь ростъ, точно готовился къ энергическому сопротивленію, въ случаѣ дальнѣйшихъ требованій.

— Нечего тебѣ кулаки-то готовить. Во мнѣ еще есть совѣсть; сказано: не приду больше, пробормоталъ Фридель. Засунувъ въ карманъ деньги, онъ поднялся и не простясь, съ оскорбленнымъ видомъ, вышелъ изъ сарая.

Куртенбергъ, точно разбитый, бросился на ящикъ, который придвинулъ ему Фридель, когда они вошли въ сарай. Несчастный человѣкъ безсознательно глядѣлъ передъ собой, и только раздавшійся вдругъ дѣтскій голосъ вывелъ его изъ этого оцѣпенѣнія. „Папа, да гдѣ ты? Я тебя везде ищу", и мальчикъ съ радостью бросился къ отцу, который распростеръ ему свои объятія и молча горячо прижималъ его къ сердцу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу быть счастливымъ, пока это возможно, прозвучало въ глубинѣ его души, и взявъ мальчика за руку, онъ бодро вышелъ изъ сарая и съ прежней радостью слушалъ невинную болтовню любимаго ребенка.

Нѣсколько недѣль спустя, Куртенбергъ былъ у себя на квартирѣ, какъ вдругъ передъ нимъ выросъ Фридель, съ тѣмъ же злорадно осклабленнымъ, такъ хорошо знакомымъ ему лицомъ. Въ первую минуту изумленія несчастный человѣкъ позабылъ принятую имъ твердую рѣшимость: не давать своему преслѣдователю ни пфеннига. Не дожидаясь даже чтобы тотъ заговорилъ, онъ подошелъ къ письменному столу и подалъ ему пачку золота, даже не сосчитавъ сколько въ ней.

— На, и убирайся! проговорилъ Куртенбергъ, задыхаясь отъ гнѣва и толкая въ дверь негодяя; тотъ, пораженный, удалился, безсвязно бормоча что-то.

Только теперь злополучный Куртенбергъ пришелъ въ себя. Онъ не сдержалъ твердо принятаго намѣренія и понималъ, что этимъ совершенно отдалъ себя въ руки этого отъявленнаго мошенника... но что же было ему дѣлать? Жена была въ комнатѣ рядомъ, она могла войти каждую минуту, и тогда все погибло... Нѣтъ, нѣтъ, она не должна знать ужаснаго прошлаго; по крайней мѣрѣ, на сколько это въ его власти, онъ отдалитъ отъ нея страшное открытіе...

Но кровопійца опять явился, и сталъ приходить все через болѣе и болѣе короткіе промежутки, всякій разъ съ нахальнѣйшимъ безстыдствомъ требуя все большія суммы. На тревожныя жалобы Куртенберга: „ты пустишь, меня, наконецъ, по міру", онъ отвѣчалъ презрительнымъ смѣхомъ, и только настойчиво требовалъ денегъ; отказать ему несчастный не имѣлъ мужества.

Куртенбергъ не могъ дольше скрывать отъ жены своего отчаянія. Онъ ходилъ точно во снѣ и даже ласки нѣжно любимыхъ дѣтей вызывали у него одну печальную улыбку. Жена не могла не разгадать причины его горя. Презрѣнный денной

воръ приходилъ слишкомъ часто; она не могла, наконецъ, не замѣтить какъ его, такъ и того, что всякій разъ послѣ его появленія бѣднымъ ея мужемъ овладѣвала тоска, которую онъ тщетно старался превозмочь.

Однако, Лизбета была слишкомъ умна и деликатна, чтобы неосторожно касаться такихъ вещей, которыя ея мужъ не рѣшался довѣрить ей. Но самое малѣйшее движеніе его души не было для нея тайной, она читала самыя его сокровенныя мысли на его блѣдномъ лицѣ, въ его грустныхъ глазахъ... Въ одно воскресенье, когда никого изъ рабочихъ не было дома, кто ушелъ въ церковь, кто къ роднымъ, Лизбета опять увидѣла изъ своей комнаты, что подозрительный незнакомецъ стоитъ на дворѣ съ ея мужемъ и объ чемъ-то таинственно говоритъ съ нимъ. Она ясно видѣла блѣдное, отчаянное лицо своего мужа. Вдругъ ей показалось, что въ его опущенныхъ глазахъ блеснула какая-то страшная рѣшимость. Она замѣтила, какъ губы его судорожно передернулись и онъ принялъ такую позу, какъ будто готовъ былъ броситься на своего неумолимаго мучителя и задушить его на мѣстѣ.

Оба удалились по направленію къ сараю. Предчувствіе, что тамъ должно случиться нѣчто ужасное, сжало ея сердце... Не помня себя она сбѣжала внизъ вслѣдъ за мужемъ. Подбѣжавъ къ сараю, она услышала задыхавшійся отъ ярости голосъ мужа: „Нельзя иначе! Одинъ изъ насъ долженъ умереть. Ты довелъ меня до изступленія, пусть будетъ, что будетъ!„

Лизбета видѣла, какъ ея мужъ повалилъ незнакомца на землю, придавилъ его колѣномъ и обѣими руками сжималъ ему горло, такъ что его и безъ того красное лицо сдѣлалось багровымъ, онъ ужь едва хрипѣлъ.

— Ради Бога, Андреасъ! что ты дѣлаешь? съ отчаяніемъ вскрикнула она.

При звукѣ хорошо знакомаго голоса, Куртенбергъ обернулся и оставилъ своего врага. Словно ошеломленный, безъ словъ, онъ безумно смотрѣлъ въ лицо жены...

— Андреасъ!.. трогательной мольбой, кроткимъ упрекомъ прозвучало его имя въ ея трепещущихъ устахъ, между тѣмъ какъ она открывала ему свои объятія.

Онъ не смѣлъ приблизиться къ ней и только беззвучно проговорилъ: „О, какъ я несчастенъ, какъ я несчастенъ!“... потомъ, съ громкимъ рыданіемъ, онъ опустился на землю и дрожащими руками закрылъ свое помертвѣлое, мокрое отъ слезъ лицо.

Фридель между тѣмъ опомнился. Нападеніе Куртенберга было такъ быстро и неожиданно, что онъ не могъ отъ него обороняться. „Что, вы его жена?“ дерзко обратился онъ тотчасъ же къ Лизбетѣ. „Нечего сказать, хорошаго нашли мужа. Это негодяй, убійца, которому нипочемъ втихомолку задушить своего стараго пріятеля“.

Куртенбергъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто снова хотѣлъ броситься на Юберлинга, но взглядъ жены остановилъ его. Голова его опять опустилась на грудь; онъ сидѣлъ неподвижно. Вся энергія оставила его, онъ не въ силахъ былъ больше бороться съ неумолимой судьбой...

— Да, мы съ нимъ школьные товарищи, продолжалъ Фридель съ ядовитымъ смѣхомъ. „Правда, школа-то, гдѣ мы познакомились, совсѣмъ особаго рода—это такъ сказать „исправительное заведеніе“. Да, да, сударыня, не смотрите на меня такъ, вашъ любезный муженекъ сидѣлъ со мной вмѣстѣ въ рабочемъ домѣ, а если вы мнѣ не вѣрите, то я могу вамъ это доказать. Да всего лучше, спросите его самого, вѣрно у него не достанетъ духу отпираться въ моихъ глазахъ.

Изъ груди Куртенберга вырвался сдержанный, едва слышный вздохъ. Открылась, наконецъ, ужасная тайна, которую онъ съ такимъ трепетомъ и такъ долго скрывалъ отъ жены... Какъ приметъ Лизбета страшную вѣсть,—вѣдь она разобьетъ ея сердце! Онъ не смѣлъ поднять на нее глазъ; онъ готовъ былъ кричать отъ отчаянія, и между тѣмъ его блѣдныя губы не могли издать ни единаго звука... Онъ неподвижно глядѣлъ передъ собой, какъ преступникъ, для котораго все погибло, и онъ только ждетъ, когда будетъ прочитанъ его приговоръ.

— А вы знаете также за что мой мужъ сидѣлъ въ рабочемъ домѣ? спокойно спросила фрау Куртенбергъ.

— Само собою разумѣется—еще бы мнѣ не знать! засмѣялся Юберлингъ. „За поджогъ!“

— Правда, за поджогъ, возразила Лизбета. „Но тогда мой бѣдный Андреасъ былъ почти ребенкомъ; не за долго передъ тѣмъ у него вышла ссора съ его злой мачихой, онъ напился съ горя, и когда въ нетрезвомъ видѣ вернулся домой, и домъ загорѣлся на него пало подозрѣніе и затѣмъ присудили моему бѣдному мужу такое тяжелое наказаніе.

Куртенбергу не вѣрилось, дѣйствительно ли онъ слышитъ все это! Какъ, жена знала его тёмное, страшное прошлое, и находила для него нѣжныя, кроткія слова прощенія!

Его всего охватилъ радостный трепетъ; онъ вскочилъ, точно пробужденный послѣ тяжелаго, удручающаго сна, и схвативъ ея руки и покрывая ихъ поцѣлуями, лепеталъ сквозь горячія слезы, струившіяся по его щекамъ. „Лизбета! возможно ли это?! О, ты мой ангелъ хранитель!“—Онъ ничего не могъ больше выговорить, волненіе его было слишкомъ велико; онъ обезсилѣлъ и упалъ бы, если бы она не поддержала его, заключивъ его въ свои объятія.

Эта сцена привела въ тупикъ Фриделя. Такого отношенія къ дѣлу и такого отвѣта онъ никакъ не ожидалъ отъ фрау Куртенбергъ. Сначала у него языкъ отнялся отъ изумленія; онъ не могъ понять Куртенберга. Если его жена уже знала все, къ чему же онъ позволялъ ему такъ травить себя.—„Да, а сидѣть въ рабочемъ домѣ все-таки позоръ“; началъ онъ, наконецъ, но съ такой неувѣренностью, которая вовсе не походила на его прежнюю дерзость. „И порядочной женщинѣ не очень-то пріятно узнать, что ея мужъ сидѣлъ когда-то въ рабочемъ домѣ“.

— Но я знала это до свадьбы, я все-таки вышла за него; спокойно отвѣчала Лизбета.

При этихъ словахъ Фридель разинулъ ротъ отъ удивленія, да такъ и оставался нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ что нибудь отвѣтить. „Вы это знали раньше, и все-такъ пошли за него?! Ну, такъ послѣ этого и сами вы не лучше“—и Юберлингъ разразился смѣхомъ.

Тутъ къ Куртенбергу возвратилась вся его энергія. Онъ выпрямился и съ сверкающими глазами и угрожающимъ видомъ наступая на Фриделя, воскликнулъ: „Я переносилъ отъ тебя все, давалъ тебѣ мучить себя, какъ ты хотѣлъ, ты довелъ меня до отчаянія, но скажи только еще одно слово про мою жену, и я убью тебя! Онъ яростно бросился къ негодяю, но Лизбета остановила его за руку, съ словами: „Нѣтъ, Андреасъ, не роняй себя, оставь его. Пусть его болтаетъ, что хочетъ, онъ намъ не повредитъ,“ и она пыталась отвести своего мужа домой.

— Ну такъ я всѣмъ буду разсказывать, что вашъ мужъ сидѣлъ въ исправительномъ, бѣшено закричалъ имъ вслѣдъ Фридель; ему хотѣлось сдѣлать еще попытку настращать эту великодушную женщину.

— Сдѣлайте одолженіе, съ величайшимъ спокойствіемъ возразила Лизбета. Вы должны прекрасно знать,что никто не посмѣетъ безнаказанно упрекнуть его прошлымъ.“

Непоколебимая твердость этой женщины, произвела въ Фриделѣ внезапную перемѣну. Куда дѣвалась его угрожающая мина: онъ пошелъ за удаляющейся парой и униженно проговорилъ: „Я совсѣмъ провалился, не благоволите-ли дать мнѣ по крайней мѣрѣ хоть парочку талеровъ? Свято обѣщаю вамъ за это, такъ правда, какъ сегодня воскресенье, никому ни словечка не вымолвить обо всей этой исторіи, и не приходить никогда больше.“

Куртенбергъ боязливо смотрѣлъ на жену, ожидая какое будетъ ея рѣшеніе. Но Лизбета, не минуты не задумываясь, такъ же спокойно какъ раньше, отвѣчала: „Можете болтать все, что вамъ угодно, мы вамъ этого не запрещаемъ; но въ милостынѣ я вамъ не отказываю“—при этомъ она опустила руку въ карманъ и подала ему нѣсколько денегъ. „Если же вы когда нибудь, подъ какимъ либо предлогомъ, осмѣлитесь спрашивать у моего мужа денегъ, то будете отданы подъ судъ за вымогательство. Мой братъ недавно назначенъ государственнымъ прокуроромъ. Вашъ процессъ будетъ коротокъ.“

При этихъ словахъ Юберлингъ отретировался такъ быстро, что супруги и не замѣтили, какъ онъ исчезъ. На этотъ разъ онъ сдержалъ слово; теперь онъ вполнѣ убѣдился, что ужъ ничего больше не удастся ему вытянуть отъ своего бывшаго „школьнаго товарища,“ и что безопаснѣе для него убираться подальше.

Куртенбергъ все еще не могъ дать себѣ отчета, грезитъ онъ, или въ самомъ дѣлѣ все это—счастливая дѣйствительность? Жена знала его прошлое и шутя сняла страшную тяжесть, давившую ему грудь и столько лѣтъ причинявшую ему такія жестокія страданія! Какъ дошло до нее это, и какъ могла она такъ долго хранить объ этомъ глубочайшее молчаніе? Можетъ быть въ его влажныхъ глазахъ она прочитала этотъ жгучій вопросъ, котораго онъ не имѣлъ мужества высказать.

Лизбета медленно идя съ нимъ подъ руку, сказала съ своей ласковой, спокойной улыбкой, всегда такъ благотворно дѣйствовавшей на него: „Походимъ здѣсь еще немного, здѣсь намъ всего лучше потолковать съ тобой. Тебѣ вѣрно хочется знать какъ я узнала все?“—Онъ только кивнулъ головой. Сердце его было слишкомъ полно, чтобы онъ могъ говорить.

— Незадолго до нашей свадьбы я получила анонимное письмо, гдѣ меня предостерегали противъ тебя, и именно говорили, что ты сидѣлъ въ рабочемъ домѣ, начала свой разсказъ фрау Куртенбергъ. „Отцу я не смѣла ничего сказать, я боялась что онъ погорячится, и рѣшилась довѣриться моему младшему брату. Онъ тотчасъ же собралъ справки на твоей родинѣ, и такимъ образомъ намъ стало все извѣстно. Правда, сначала это меня очень поразило, но я любила тебя и братъ также сказалъ мнѣ: Андреасъ честный человѣкъ.

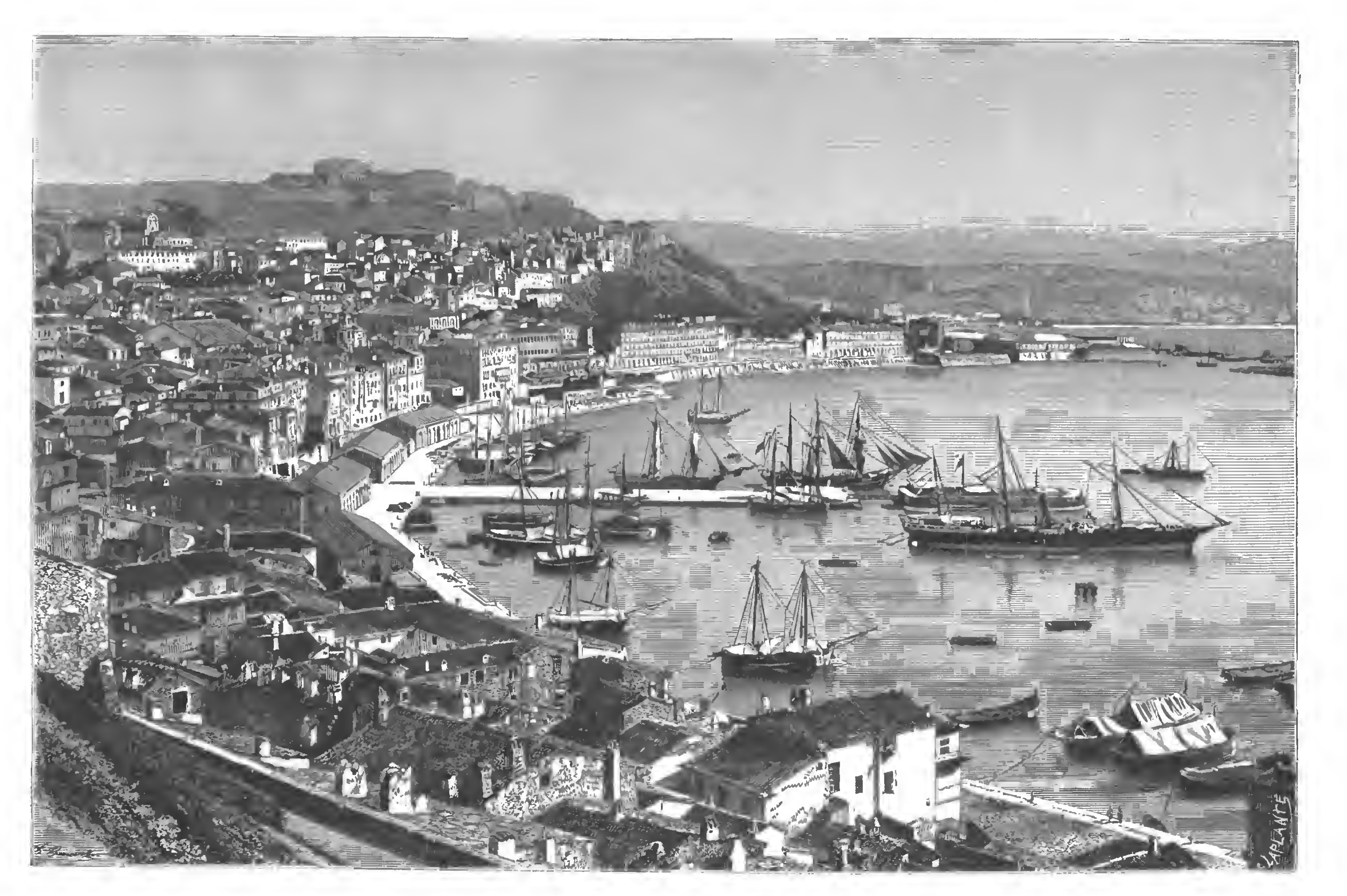
— О, вотъ чего бы я не ожидалъ отъ твоего брата! воскликнулъ Куртенбергъ. „Я именно больше всего боялся всегда, что если онъ узнаетъ когда нибудь все, то больше всѣхъ будетъ презирать меня, такъ какъ онъ такой ревностный юристъ,“

— Да, онъ строгъ, но справедливъ, возразила Лизбета, „его добрыя слова подкрѣпили мою рѣшимость, не смотря ни на что соединить мою судьбу съ твоею.“

— И ты не раскаялась въ этомъ? спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.



Видъ бухты и города Наварина. Рис. Веберъ, грав. Гильдибрандтъ.



**Общій видъ города Анконы.** Рис. Ф. Бенда, грав. Лапланть.

Она посмотрѣла на него; глаза ея свѣтились такимъ счастіемъ, что этотъ нѣмой языкъ отвѣчалъ на его вопросъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. „Нѣтъ, Андреасъ, сказала она просто;“ я только раскаяваюсь въ томъ, зачѣмъ я давно не открыла тебѣ, что мнѣ извѣстно твое прошлое. Я избавила бы тебя этимъ отъ многихъ тяжелыхъ минутъ. Но мы съ братомъ думали тогда, что лучше никогда не затрогивать этого предмета—и безъ этого негоднаго.

— О, какъ я благодаренъ ему, воскликнулъ Куртенбергъ. „Я навсегда избавленъ теперь отъ тягости, никогда не дававшей мнѣ дышать свободно. Но больше всего благодаренъ я моей дорогой, умной женѣ. Вотъ кто спасъ меня“. И онъ съ безконечной благодарностью смотрѣлъ въ ея умные глаза, въ которыхъ также блестѣли слезы.

Тутъ пришли дѣти съ прогулки, и никакъ не понимали, почему сегодня отецъ такъ особенно радостно обнималъ и цѣловалъ ихъ.

— Какой ты сегодня веселый, замѣтилъ обрадованный мальчикъ. „Ты всегда будешь такой?“

— Всегда, отвѣчалъ Куртенбергъ, бросая благодарный взглядъ на жену. „Мама навсегда вылечила меня отъ моей скуки.“

— Мама, развѣ ты сдѣлалась докторомъ? спросила дѣвочка, ласково прижимаясь къ матери.

Та ничего не отвѣчала, но только съ счастливой улыбкой горячо прижала къ своей груди обоихъ дѣтей. И лучъ счастія, озарившій въ тотъ день эту семью, не погасалъ для нея никогда. Въ наболѣвшемъ сердцѣ Куртенберга поселился съ того дня невозмутимый миръ.

Ш.

## Къ рисункамъ.

### Храмъ „Абу-Симлы“ въ Египтѣ.

Въ нижней Нубіи громадныя песчаниковыя скалы надвигаются на берега стараго Нила. Древніе Египтяне, высѣкали свои величественные храмы въ этихъ скалахъ, пробивали громадныя пещеры, которыя и служили храмами. Такой огромный пещеровидный храмъ есть напр. на лѣвомъ берегу Нила—древнее капище Абу-Симлы.

Рисунокъ этого храма, сдѣланный даровитымъ художникомъ Генцомъ, посѣтившимъ недавно Египетъ, мы помѣщаемъ въ сегодняшнемъ №.

Какъ между пирамидами грандіознѣйшія—Хеопсовы, между портиками—развалины Карнака, такъ между храмами древнихъ египтянъ самый замѣчательный, безспорно, храмъ Абу-Симлы, какъ по своимъ гигантскимъ размѣрамъ такъ и по архитектурѣ. Ни одинъ памятникъ египетской древности не можетъ съ нимъ равняться по величинѣ.

Въ древнія времена, когда Египетъ, „священная страна“, былъ въ полномъ блескѣ своей жизни и цивилизаціи, храмъ этотъ конечно видѣнъ былъ издалека; не такъ теперь, когда песокъ, осыпаясь съ горъ, покрываетъ его толстымъ, глухимъ слоемъ и грозитъ совершенно сравнять съ почвою.

Со стороны Нила можно еще кое какъ проникнуть во внутрь храма. Съ этой стороны сохранилась почти въ цѣлости широкая лѣстница, высѣченная изъ превосходнаго плитняка, ведущая на грандіозное крыльцо, возвышающееся на 40 фут. надъ землей. Лицевая сторона храма, съ этимъ прекраснымъ крыльцемъ и съ колоссальными статуями, сохранившимися во всемъ своемъ величіи, производитъ поразительное впечатлѣніе на зрителя.

Только со времени раскопокъ въ 1869 г. въ храмъ Абу-Симлы стало можно входить. До этого времени онъ былъ до того засыпанъ пескомъ, что только восточный колоссъ былъ отчасти видѣнъ, западный же стоялъ въ пескѣ до подбородка. Отъ входа въ храмъ осталось только самое маленькое отверстіе, черезъ которое только согнувшись и ползкомъ можно было проникнуть въ первую галлерею храма.

Теперь раскопки кончены и храмъ стоитъ во всей красѣ своей какъ стоялъ древле со статуей Рамзеса, египетскаго фараона, основателя храма.

Храмъ Абу-Симлы высѣченъ въ скалѣ, вышиною въ 42 сажени, ширина храма до 17 саженъ а вышина, отъ полу до свода, болѣе 14 саженъ. У входа стоятъ четыре каменныя изваянія египетскихъ фараоновъ по два съ каждой стороны дверей. Каждое изваяніе вышиною въ 10 саж., однѣ руки ихъ, сложенныя на колѣняхъ, величиною съ рослаго человѣка; ноготь на среднемъ пальцѣ шириною, въ четверть аршина. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что голова его свободно помѣщалась въ одной изъ ноздрей статуи, а въ ушной раковинѣ ея онъ могъ очень удобно лежать. По этому можно судить объ остальныхъ подробностяхъ. Всѣ они чрезвычайно пропорціональны.

Но что удивительнѣе всего и что сразу бросается въ глаза зрителю—это выраженіе лица статуй. Въ такой глубокой древности художественное чувство въ полной силѣ присуще было творцу этихъ изваяній. Не смотря на массивность лица, на немъ ясный типъ фараоновъ: желѣзная воля, полная достоинства и величія.

Статуи эти, равно какъ и храмъ, сооружены по повелѣнію Рамзеса II знаменитаго своими причудами и оригинальностью. Едва ли какой нибудь владыка могъ воздвигнуть памятникъ своему царствованію болѣе величественный.

Изъ четырехъ колоссовъ только три сохранились въ цѣлости до нашего времени. Четвертый (стоящій по лѣвую сторону воротъ храма, на нашемъ рисункѣ) отчасти только замѣтный, разсыпался до пояса. Верхняя часть туловища лежитъ у ногъ статуи. На плечѣ изваянія, изображающаго Рамзеса, высѣчено гіероглифами имя царя, но и безъ этой надписи не трудно узнать по благородству выраженія каменнаго лица знаменитаго фараона, изображеніе котораго было очень часто темой древнихъ скульпторовъ. Ясно видна жесткая рѣзкая египетская бородка, на головѣ царская корона. Сверху, на каменной плитѣ, вырѣзаны слѣдующія слова, сохранившіяся до нынѣ:

„Вѣчно живый, украшенный діадемой Уреуса, любящій справедливость, равный святостью быку Аписѵ, Небесный Царь Верхняго и Нижняго Египта.“ Набожный Рамзесъ II (1407—1341 до Р. Хр.) основалъ и окончилъ храмъ въ свое царствованіе. Чтобы представить себѣ всю страшную трудность такого сооруженія, довольно сказать, что вся масса камня, добытаго изъ образовавшейся пещеры (въ которой три большихъ галлереи и десять меньшихъ залъ) вся масса простиралась до 18,500 кубическихъ саженъ.

Всѣ стѣны покрыты надписями и аллегорическими картинами. Картины эти сперва вырѣзаны на камнѣ, а затѣмъ покрыты тонкимъ слоемъ какой то краски, которая держится цѣлыя тысячелѣтія, съ полной яркостью. Картины, большею частью, историческія и изображаютъ эпизоды войнъ, веденныхъ Рамзесомъ, который изображенъ на нихъ, то въ видѣ воина, съ мечемъ, или копьемъ въ рукѣ, то въ видѣ судьи, разбирающаго споры своихъ подданныхъ, или же приносящимъ благодарственныя жертвы богамъ.

Когда приводники—арабы, закутанные въ свои длинные фантастическіе бурнусы, съ факелами въ рукахъ, освѣтятъ таинственный прохладный сумракъ храма, тогда воображеніе невольно уносится во времена стародавнія, времена фараоновъ и словно видишь фантастическія группы египетскихъ жрецовъ, наполняющихъ храмъ торжественнымъ пѣніемъ, воспѣвающихъ хвалу своему „богу обоихъ горизонтовъ.“ Когда выйдешь изъ храма и вернешься въ міръ дѣйствительности, тогда чувствуешь какую то грусть. Прошли тысячелѣтія. А между тѣмъ на рынкѣ напр. стоятъ рядкомъ вырытыя изъ гробовъ своихъ муміи, бренные останки фараоновыхъ подданныхъ, бронзовыя статуэтки святаго быка Аписа, рядомъ съ щитами изъ слоновой шкуры; свертки папирусовъ лежатъ возлѣ клѣтокъ съ птицами. И сыны пустыни предлагаютъ свои товары европейскимъ туристамъ, разсматривающимъ ихъ въ модныхъ лѣтнихъ костюмахъ, въ *pince-nez* и съ сигарой въ зубахъ.

### Крылатые герольды.

(Рисунокъ Дорэ.)

Этотъ превосходный рисунокъ заимствованъ изъ того же изданія А. Ф. Маркса „Потерянный Рай“ Мильтона о которомъ мы уже нѣсколько разъ говорили. Наши читатели уже видѣли нѣсколько образцовъ этого роскошнаго изданія. Настоящій рисунокъ относится къ пѣснѣ 1: „Въ разгаръ битвы, по повелѣнію Вождя, крылатые герольды трубными звуками объявляютъ войску, что великій совѣтъ долженъ сойтись въ Пандемоніумѣ, столицѣ Сатаны. Изъ каждаго отряда, изъ каждаго легіона призываются достойнѣйшіе по чину и выбору...“ Пѣснь I стр. 19.

### Наваринъ.

На юго-западномъ берегу полуострова Мореи, близь бухты, образуемой Іоническимъ моремъ, лежитъ на невысокомъ холмѣ небольшой, но тѣмъ не менѣе одинъ изъ знаменитѣйшихъ греческихъ городовъ—Наваринъ. Построенный въ XIV вѣкѣ франками, онъ впослѣдствіи перешелъ во власть венеціанцевъ, которые укрѣпили его и только въ 1715 году былъ онъ уступленъ Турціи.

На южномъ берегу бухты, противъ острова Сфактеріи, прославившагося во время пелопонезской войны, находится наваринская крѣпость, которая, вслѣдствіе своего положенія на довольно высокой скалѣ, господствуетъ надъ всею гаванью. Наваринская бухта, лучшая во всей Греціи, обширна, доступна по своей глубинѣ для самыхъ большихъ судовъ и имѣетъ узкій входъ, весьма удобный для обороны.

Самый городъ не замѣчателенъ ни красивыми зданіями, ни руинами, которыя свидѣтельствовали бы о прежнемъ блескѣ и могуществѣ; напротивъ вдоль узкихъ улицъ Наварина тянутся маленькіе, невзрачные дома, а изъ руинъ вы найдете тутъ только древній водопроводъ и нѣсколько мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ фасадъ большой мечети. Но несмотря на

это, Наварипъ дорогъ въ особенности намъ русскимъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ: въ бухтѣ, при которой онъ лежитъ, былъ знаменитый Наваринскій бой, прославившій русскихъ моряковъ.

Медленно вступалъ 8 октября 1827 г. англо-русско-французскій флотъ въ Наваринскую бухту, чтобы занять въ ней угрожающее положеніе и такимъ образомъ заставить начальника турецко-египетскаго флота, Ибрагима-пашу отказаться отъ новыхъ предпріятій противъ береговъ Мореи и греческихъ островов. Первая колонна, состоявшая изъ французскихъ и англійскихъ судовъ, миновавъ крѣпостныя батареи, стала на якорь. Въ то время, какъ русская эскадра, имѣя во главѣ адмиральскій корабль „Азовъ“, управляемый знаменитымъ впослѣдствіи адмираломъ Лазаревымъ, приближалась ко входу въ гавань, одинъ изъ турецкихъ брандеровъ открылъ ружейную пальбу, причемъ былъ убитъ парламентеръ, лейтенантъ Фицъ-Рой. Черезъ нѣсколько времени съ египетскаго корвета раздался первый пушечный выстрѣлъ, а затѣмъ батареи Наваринской крѣпости и батареи на островѣ Сфактеріи открыли огонь по „Азову“ и другимъ русскимъ кораблямъ, входившимъ въ гавань. Начальники союзнаго флота все еще надѣялись, что турки прекратятъ пальбу и, что дѣло еще можетъ уладиться мирно, но ихъ спокойствіе только увеличивало дерзость турокъ, которые, разсчитывая на свое численное превосходство, безъ сомнѣнія, желали боя. Бой не заставилъ ждать себя. Второй парламентеръ, посланный къ египетскому адмиралу начальниками эскадръ Кодрингтономъ, графомъ Гейденомъ и де-Рины, былъ убитъ. Раздался сигналъ къ битвѣ и союзный флотъ открылъ огонь.

Начался бой, превратившій мирную Наваринскую бухту въ настоящій адъ; бой, измѣннически подготовленный турками, которые, безъ объявленія войны, имѣя 65 судовъ при 2106 орудіяхъ открыли адскій огонь по вступавшему безъ выстрѣла въ бухту союзному флоту изъ 28-ми судовъ съ 1299-ю орудіями. Но надежды турокъ не сбылись—эскадры союзниковъ одержали полную побѣду...

Русскіе моряки въ точности исполнили слова, сказанныя Императоромъ Николаемъ при прощаніи съ эскадрой. „Надѣюсь, сказалъ Государь послѣ маневровъ подъ Красною Горкою, что въ случаѣ какихъ либо военныхъ дѣйствій, вы встрѣтите непріятеля по-русски“.

Всего въ четыре часа истребили они вмѣстѣ съ союзниками впятеро сильнѣйшій турецко-египетскій флотъ, оставивъ только пятнадцать мелкихъ судовъ „въ доказательство, что дѣйствіе съ нашей стороны было не наступательное, а оборонительное,“ какъ говоритъ въ своемъ донесеніи о боѣ герой Наваринской битвы, графъ Гейденъ.

Наваринскій бой полонъ эпизодовъ, свидѣтельствующихъ о геройскомъ духѣ русскихъ моряковъ. Всѣ, какъ начальники, такъ и подчиненные выказали въ этотъ день безстрашіе и отвагу, не знающія предѣловъ. Нельзя не удивляться, съ какимъ хладнокровіемъ храбрый командиръ „Азова“ управлялъ кораблемъ подъ перекрестнымъ огнемъ съ крѣпости и изъ баттарей на островѣ Сфактеріи.

Графъ Гейденъ въ своемъ донесеніи приводитъ примѣры, когда даже раны не могли принудить офицеровъ оставить свой постъ. Капитанъ Свинкинъ, тяжело раненый въ началѣ боя, не оставилъ своего поста до самаго конца битвы. Не имѣя достаточно силъ командовать стоя, онъ все время простоялъ на колѣняхъ, держась за канатъ.

Лейтенанту Бутеневу нужно было приказать отойти отъ его пушекъ, которыхъ онъ не покидалъ, не смотря на то, что ему ядромъ раздробило руку. У него отняли руку по плечо; но узнавъ въ туже минуту, что турецкій адмиральскій корабль уничтоженъ „Азовомъ“, онъ вырвался изъ рукъ бывшихъ при немъ, чтобы принять участіе въ общей радости.

Большая опасность грозила нашимъ судамъ отъ турецкихъ брандеровъ, но искусство, отвага и присутствіе духа русскихъ командировъ сдѣлали ихъ безвредными; въ самыя критическія минуты, когда нужно было ожидать, что вотъ сейчасъ корабль сдѣлается жертвою пламени и будетъ взорванъ, они спасали его благодаря своему хладнокровію. Такое присутствіе духа выказалъ между прочимъ и капитанъ Авиновъ, командиръ линейнаго корабля „Гангутъ“. Одинъ изъ турецкихъ брандеровъ пробрался ночью къ „Гангуту“ и уже сцѣпился съ нимъ, но Авиновъ велѣлъ взять его на абордажъ, и турокъ, готовившійся зажечь его, былъ убитъ съ фитилемъ въ рукахъ.

Необычайную смѣлость обнаружилъ одинъ изъ матросовъ „Гангута“. Въ самый разгаръ боя, не смотря ни на сильное волненіе моря, ни на опасность, бросился онъ въ воду, чтобы спасти образъ Богородицы Одигитріи. Этотъ образъ всплылъ на поверхность, когда турецкій брандеръ, пущенный Авиновымъ ко дну, погрузился въ воду.

Наваринскій бой замѣчателенъ единодушіемъ, съ которымъ дѣйствовали вмѣстѣ воины трехъ націй, до тѣхъ поръ нерѣдко враждовавшихъ между собой. Не было ни разногласій, ни зависти, всѣ были воодушевлены одной мыслью, стремились къ одной цѣли—уничтожить ненавистнаго врага и наказать его за тѣ звѣрства, которыя онъ творилъ въ несчастной Греціи. Справедливо сказано въ написанномъ дочерьми Кодрингтона „Сказаніи о Наваринской битвѣ“: „Стали тѣ три рати и тѣ три адмирала во очію гербовымъ знакомъ пречестнаго ордена Бани, коего мессиръ Эдуардъ (Кодрингтонъ) былъ жалованцемъ и кой гласитъ: „Trio juncto in uno“, понеже равно какъ три рати были въ одну, трое адмираловъ сердцемъ и дланью были едины“.

Какъ извѣстно, Наваринскій бой былъ первымъ шагомъ къ войнѣ, вначалѣ неудачной по малочисленности нашихъ войскъ, и затѣмъ кончившейся Адріанопольскимъ миромъ. Наваринскій бой намъ дорогъ, по тому нравственному вліянію, которое онъ оказалъ на нашъ молодой флотъ, еще въ прошлогоднюю войну доказавшій, что духъ Наваринскихъ героевъ живъ въ морякахъ русскихъ.

## Анкона.

Анкона, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Италіи, расположена на берегу Адріатическаго моря у подошвы горы Монте-Ломеро. Высокіе шести и семи-этажные дома, амфитеатромъ окружающіе прекрасную гавань, заключенную между мысами Монте-Киріако и Монте-Астагно, синѣющія вдали вершины горъ, древній римскій молъ съ тріумфальными воротами Траяна, построенными изъ бѣлаго мрамора и огромный маякъ на сѣверномъ берегу гавани—вотъ картина, которая представляется взорамъ путешественника, пріѣзжающаго въ Анкону моремъ.

Кромѣ воротъ Траяна, построенныхъ Аполлодоромъ въ 115 году по Р. Х., въ Анконѣ, какъ и во всѣхъ итальянскихъ городахъ, много зданій, замѣчательныхъ по своей архитектурѣ. Такъ напр. на мысѣ Гуаско возвышается величественный соборъ св. Киріака, построенный въ XI вѣкѣ на развалинахъ древняго храма Венеры, воспѣтаго Катулломъ и Ювеналомъ. Изъ другихъ церквей мы назовемъ церкви Св. Маріи делла Піацца, св. Августина и церковь св. Доминика, въ которой находится картина Тиціана. Кромѣ того въ Анконѣ замѣчательна биржа по своему прекрасному готическому фасаду и фрескамъ.

Благодаря своей обширной торговлѣ и въ особенности гавани, которая считается лучшею во всей Италіи, Анкона, не смотря на всѣ бѣдствія, постигшія ее, сохранила и до сихъ поръ свое важное значеніе.

Анкона основана въ 392 г. до Р. Х. сиракузянами, бѣжавшими отъ преслѣдованій Діонисія старшаго, и названа Ancon вслѣдствіе своего положенія между двумя мысами (Ancon значитъ локоть). Достигнувъ большаго благосостоянія подъ властью римлянъ, она во времена переселенія народовъ, сдѣлалась сперва добычею готовъ, а затѣмъ лонгобардовъ. Провозгласивъ свою независимость при Гогенштауфенахъ, Анкона долгое время удачно отражала всѣ попытки, предпринимавшіяся для ея покоренія, пока наконецъ, въ 1532 году, генералъ Гонзага не овладѣлъ ею посредствомъ хитрости и не присоединилъ къ владѣніямъ папы. Въ 1797 году Анкона сдалась французамъ, а два года спустя, она, несмотря на упорное сопротивленіе генерала Мёнье, была взята союзными русскими и австрійскими войсками. Вторично покоренная французами, Анкона въ 1813 г. перешла во власть неаполитанцевъ. Въ 1849 году Анкона съ засѣвшимъ въ ней отрядомъ революціонеровъ подверглась осадѣ австрійцами подъ начальствомъ генерала Вимифена, которому и сдалась на капитуляцію послѣ двадцатишестидневной бомбардировки. Затѣмъ въ 1860 году въ ней укрылся Ламорисьеръ съ остатками папскихъ войскъ, годъ же спустя она была присоединена къ итальянскому королевству. Съ тѣхъ поръ Анкона растетъ все болѣе и болѣе, ея торговля и промышленность увеличиваются, и не далеко время, когда она будетъ важнѣйшимъ торговымъ городомъ не только на Адріатическомъ прибрежьѣ, но и во всей Италіи.

## Императорская яхта Ливадія.

*2-го ноября* снявшись изъ Севастополя съ его высочествомъ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ для слѣдованія въ Одессу, яхта „Ливадія“, прошла вѣхи и херсонскій монастырь, около восьми часовъ вечера, 21 октября.

Въ двѣнадцать часовъ ночи, говоритъ кореспондентъ „Голоса“, сдѣлался туманъ, почему уменьшили ходъ и, по временамъ, давали свистки. Въ 12½ часовъ, считая себя въ разстояніи около восьми миль отъ маяка, но не открывши еще его огня, измѣнили курсъ на ½ R влѣво, такъ что должны были пройти его уже въ 4½ миляхъ. Туманъ по временамъ расходился немного, но снова находилъ густою массою, а маякъ все еще не открывался.

Въ одинъ часъ 25 минутъ, яхта, испытавъ три небольшія содроганія, встала на мель, какъ оказалось впослѣдствіи, на ровную и гладкую каменную плиту въ 300 саженяхъ по юговосточную сторону отъ тарханкутскаго маяка и саженяхъ въ 40 отъ обрывистаго каменистаго берега, который могъ быть разсмотрѣнъ только нѣсколько спустя, когда расчистился туманъ. Немедленно, при постановкѣ яхты на мель, была остановлена машина и данъ полный задній ходъ, но яхта не тронулась съ мѣста. Туманъ былъ такъ густъ, что кромѣ его ничего не бы-

ло видно вокругъ. Около 1-го часа 45 минутъ туманъ вдругъ поднялся. Тогда только определилось положеніе яхты, но огня маяка, всетаки, не было видно. Какъ оказалось впослѣдствіи, въ это именно время на немъ поправляли лампу. Тотчасъ послѣ постановки яхты на мель, съ нея начали спускать ракеты и палить изъ пушекъ, чтобъ привлечь какой-нибудь пароходъ, идущій, можетъ быть, не вдалекѣ. Послѣ первыхъ выстрѣловъ прибѣжалъ къ яхтѣ смотритель маяка, которому было приказано немедленно телеграфировать въ Севастополь, Николаевъ и Одесу о случившемся несчастьи и о немедленной присылки пароходовъ для оказанія помощи. Но, возвратившись вскорѣ смотритель объявилъ, что телеграфъ изъ Евпаторіи на вызовъ не отвѣчаетъ и телеграмъ нельзя передать немедленно; это обстоятельство привело къ тому, что яхтѣ не была подана своевременная помощь сильными пароходами, которые несомнѣнно стянули бы ее на глубину.

Въ шесть часовъ утра, послѣ усиленныхъ просьбъ эскадрмайора генералъ-адъютанта Сколкова и командира, его высочество великій князь Сергѣй Александровичъ со свитою изволилъ еле подняли якоря и отошли отъ берега. Командиръ рѣшился приступить къ перевозкѣ команды на своихъ гребныхъ судахъ на баржи и на берегъ, тѣмъ болѣе, что наступала уже ночь а обстоятельства погоды измѣнялись къ худшему. При этомъ нельзя не упомянуть, что когда перевозка команды уже приходила къ концу, и на яхтѣ осталось нѣсколько человѣкъ, они, видя, что командиръ все еще остается, стали просить, чтобъ и ихъ оставили раздѣлить съ командиромъ могущія быть случайности и даже гибель. Только получивъ увѣренность въ томъ, что командиръ съѣдетъ послѣднимъ, люди эти прекратили свои просьбы и съѣхали. Послѣдняя шлюнка свезла командира.

Всѣ попавшіе на берегъ расположились на маякѣ, вытащивъ ужъ съ большимъ трудомъ гребныя суда па берегъ по другую его сторону. На другой день подошло нѣсколько пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли, но, за свѣжестью вѣтра и величайшей зыбью не могли приступить къ работамъ. Въ $10^1/_2$ часовъ они ушли въ Севастополь, оставивъ при яхтѣ пароходъ „Александръ". Въ 11 часовъ пришелъ пароходъ „Эль-



**Импер. яхта «Ливадія» на мели близь Тарханкутскаго маяка** По наброску А. Ковальскаго, рис. Н. Каразинъ, грав. К. Вейерманъ.

съѣхать на берегъ и расположился въ помѣщеніи смотрителя маяка, но почти все время проводилъ у яхты, наблюдая за всѣми усиліями, употреблявшимися для ея снятія съ мели. Послѣ восхода солнца были усмотрѣны одна за другою двѣ баржи русскаго общества пароходства и торговли, „Воробей" и „Прутъ" которыя на выстрѣлы изъ орудій, дѣлавшіеся при ихъ появленіи, подошли и въ теченіи всего дня оказали ей дѣятельную помощь, не давшую, къ сожалѣнію, положительнаго результата какъ по ихъ слабой силѣ, такъ и по причинѣ перемѣны погоды. Всѣ усилія ихъ, вмѣстѣ со всѣми средствами яхты, оказались безъуспѣшными.

Послѣ полудня вѣтеръ, задувшій съ восхода солнца отъ берега, началъ свѣжѣть и переходить къ югозападу, вслѣдствіе чего съ каждымъ часомъ становилось затруднительнѣе производить работы на яхтѣ.

Вѣтеръ крѣпчалъ и волненіе увеличивалось, бурунъ у берега обмывалъ яхту кругомъ и началъ ее бить. Баржи русскаго общества пароходства и торговли, стронувшія яхту немного съ мѣста, сошлись между собою, и на увеличившейся зыби сами борусъ", который вмѣстѣ съ „Александромъ", пробовалъ стащить яхту, пока погода, измѣнившаяся къ худшему, не заставила прекратить работы. Усиліями ихъ яхта была немного тронута съ мѣста. Утромъ въ этотъ же день нѣсколькими смѣльчаками изъ команды, переправившимися вплавь, были поданы на яхту концы, и съ помощью ихъ было устроено сообщеніе яхты съ берегомъ по перленямъ. По нимъ сгружали царское серебро и другія, болѣе цѣнныя вещи, а также провизію для команды. Во всѣ послѣдующіе дни погода, неблагопріятная для работъ по съемкѣ яхты, заставила бездѣйствовать. За это время доставали съ яхты всѣ вещи, необходимыя для устройства помѣщеній команды, состоявшей на яхтѣ въ числѣ около 200 человѣкъ, и проводившей первыя ночи подъ открытымъ небомъ.

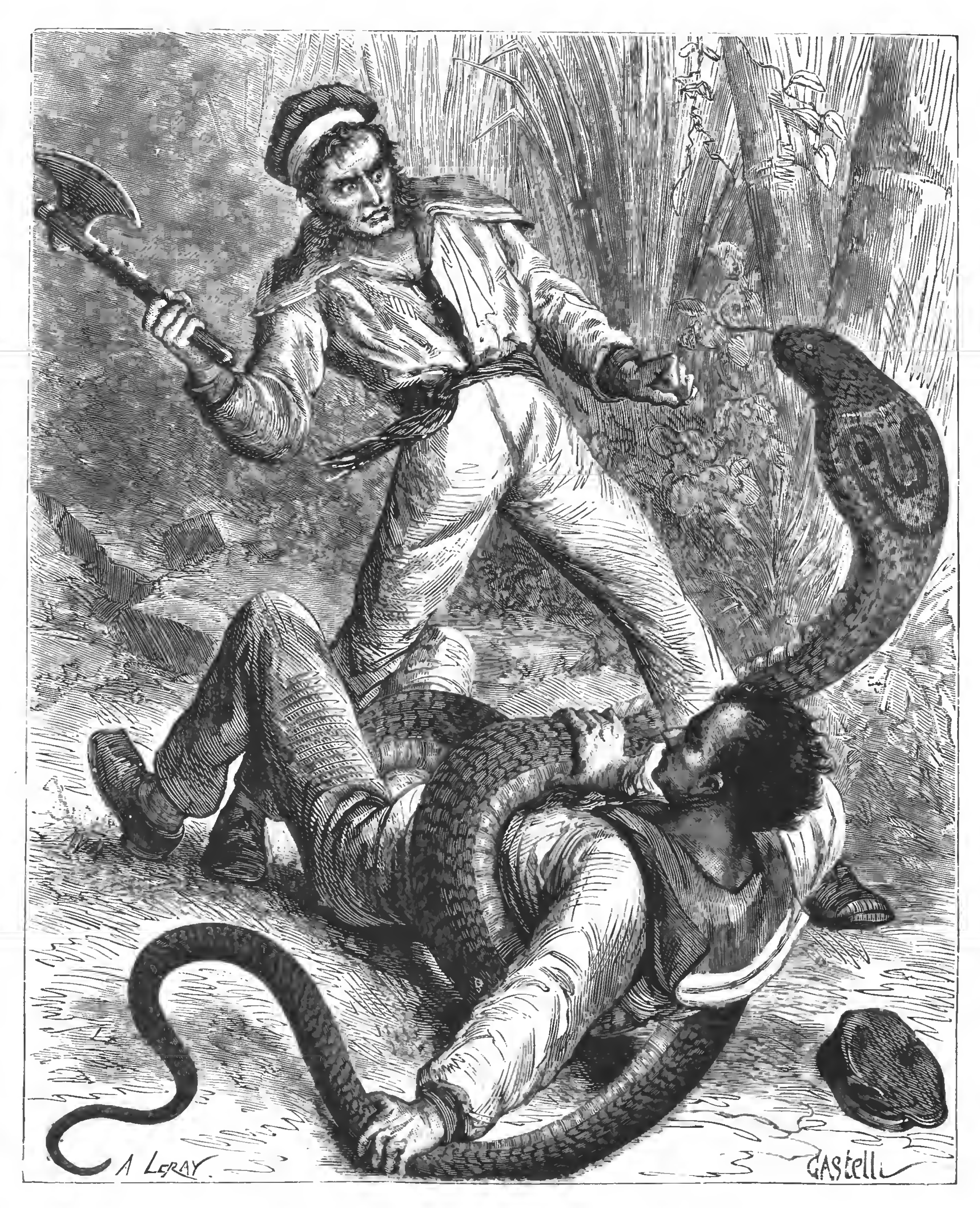
25-го октября цѣлыя сутки яхта выдерживала штормъ отъ юго-запада, которымъ ее бросило по каменьямъ ближе къ берегу и сильно повредило.

26-го октября пришелъ главный командиръ черноморскаго флота, генералъ-адъютантъ Аркасъ съ нѣсколькими пароходами-

(Продолженіе на стр. 961, 962, 963, 964 965, 966, 967 и 968).

ми и всѣ вновь принялись за работу. Но засвѣжѣвшій къ ночи на 27-е октября вѣтеръ заставилъ бросить всѣ работы, и суда разошлись, оставивъ яхту на боку около скалистаго берега.

23-го октября утромъ, по желанію его высочества, былъ вы- просьбъ свиты, видя, что невозможно дождаться никакого положительнаго результата, его высочество изволилъ отправиться берегомъ черезъ Евпаторію на Симферополь.




**Борьба съ очковой змѣей.** Рис. Костелли, грав. Лерай.

требованъ изъ Акмечета священникъ, который отслужилъ благодарственный молебенъ за спасеніе всѣхъ находившихся на яхтѣ.

Его высочество, во всѣ дни дѣлившій со всѣми лишенія, отказался отъ предложеннаго ему парохода, не желая отнять отъ яхты хотя бы малѣйшее средство спасенія. Послѣ усиленныхъ

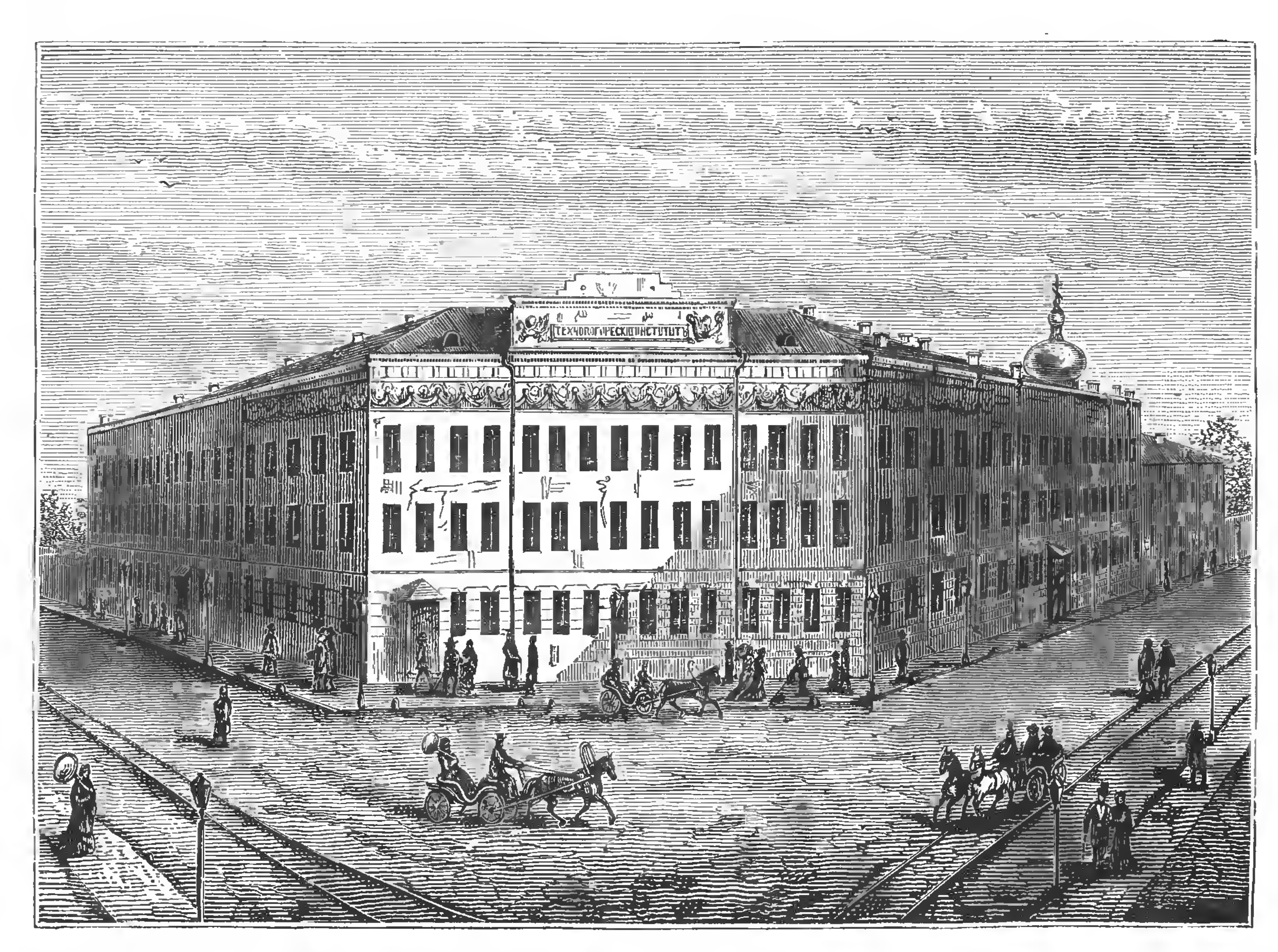
## Борьба съ очковой змѣей.

Въ младенческій періодъ своего роста, человѣчество, умственная дѣятельность котораго, въ то далекое и темное время, ограничивалось почти только предѣлами одной способности воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній,—взирая неопытнымъ гла-

зомъ на необъясненную еще природу, составляло себѣ обыкновенно преувеличенныя понятія о явленіяхъ окружавшаго его міра.

До настоящаго времени еще мы видимъ много заблужденій и преувеличеній, дошедшихъ до насъ, въ той или другой формѣ. Изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, наука о животныхъ—едва ли не самая богатая въ этомъ отношеніи. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ нашего журнала рисунокъ, изображающій самаго страшнаго представителя класса пресмыкающихъ—очковую змѣю, мы желаемъ пополнить тѣ свѣдѣнія, которыми о ней, безъ сомнѣнія, читатель обладаетъ—нѣкоторыми интересными подробностями.

Замѣтимъ, прежде всего, что подъ именемъ дракона древніе подразумѣвали, именно, удава. Его громадные размѣры, значительная сила и страхъ, который онъ—какъ и всѣ змѣи вообще—внушалъ, послужили основаніемъ легендѣ. Но мы теперь уже хорошо знаемъ, что это не драконъ и что его общіе признаки заключаются въ слѣдующемъ: голова, болѣе или менѣе ясно отдѣлена отъ туловища, удлинена, треугольно-овальной формы, приплюснута сверху внизъ, спереди обыкновенно




**Юбилей Технологическаго Института. въ Спб. Видъ фасада зданія.** Рис. съ натуры Баровскій, грав. К. Вейерманъ.

заострена; пасть очень велика, туловище, чрезвычайно сильное и мускулистое, сплюснуто съ боковъ, немного вдавлено вдоль средней линіи спины, а по бокамъ ея приподнято, вслѣдствіе тянущихся тутъ сильныхъ мускуловъ, хвостъ сравнительно коротокъ, зачатки ногъ выражаются снаружи въ видѣ роговыхъ, тупыхъ когтей по обѣимъ сторонамъ туловища, у оконечности, близь хвоста. Голова покрыта табличками, или чешуями, туловище—маленькими, шестиугольными чешуями, брюхо узкими и длинными щитками, которые у хвоста идутъ двумя рядами. Сплошные зубы сидятъ въ обѣихъ челюстяхъ, а у одной группы даже въ небной кости; они расположены такъ, что второй или третій зубъ въ ряду самый большой, а далѣе, сзади зубы становятся мельче. Зрачекъ, сравнительно большаго глаза, продолговатый. Ноздри открываются вверхъ, оба легкія развиты. Кстати здѣсь, руководствуясь мнѣніемъ серьезныхъ ученыхъ, категорически опровергаемъ всѣ басни о томъ, что удавъ въ состояніи проглотить человѣка, быка или большого оленя. Приводимъ разсказъ Шенца о томъ, какъ происходитъ процессъ проглатыванія, который онъ наблюдалъ въ одномъ звѣринцѣ. „Чтобы зрителямъ было видно, какъ кормятъ удава, его положили на подмостки, крытыя сукномъ. Боа осмотрѣлся, поднялъ голову и сталъ быстро шевелить языкомъ. Къ нему подвели довольно большаго козленка. Выгнувъ шею, еще скорѣе задвигавъ языкомъ, змѣя какъ бы притаилась и слѣдила блестящими глазами за каждымъ движеніемъ животнаго. Прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ, вытянувъ шею, какъ стрѣла бросился удавъ на козленка и схватилъ его морду въ пасть. Надсмотрщикъ отпустилъ козленка; змѣя свернулась съ непостижимой быстротой,—точно вытянутая и отпущенная пружина,—обмотала два раза бѣдное животное и такъ сжала ему грудь, что оно не могло больше дышать. Змѣя оставалась въ этомъ положеніи неподвижно до тѣхъ поръ, пока совершенно не прекратились судорожныя движенія козленка, т. е. минутъ восемь; а, затѣмъ, раскрыла свои кольца, опустила голову, полежала еще нѣсколько минутъ спокойно, обнюхивая и облизывая свою жертву, потомъ снова схватила ее за голову и принялась за трудный, повидимому, даже болѣзненный процессъ проглатыванія. Мало по малу голова козленка подвигалась дальше въ пасть, и при этомъ нижняя челюсть змѣи явно выходила изъ сочлененій, потомъ и спереди дуги ея разошлись и голова змѣи приняла безобразный, отвратительный видъ. Наконецъ, дѣло дошло до плечъ и тутъ то началась самая трудная работа. Пасть двигалась чрезвычайно медленно; изъ нажатыхъ подъязычныхъ желѣзъ текло много слюны, которая дѣлала жертву скользкой; дыхательное горло выдалось на нѣсколько дюймовъ впередъ и оставалось такъ, пока, наконецъ, змѣя осилила плечи и грудь, причемъ пасть надѣвалась на животное точно чулокъ. Весь процессъ поглощенія продолжался четверть часа; шея и грудь удава надулись и было ясно видно, какъ козленокъ переходилъ въ желудокъ. Дыхательное горло теперь втянулось и минутъ черезъ десять челюсти снова приняли нормальное положеніе. Усиліе при глотаніи было такъ велико, что ротъ змѣи былъ въ крови. Она, казалось, на это не обращала никакого вниманія, съ наслажденіемъ шевеля языкомъ и облизывая себѣ ротъ. Еще на слѣдующій день можно было ощупать козленка, но по прошествіи трехъ дней змѣя имѣла уже свой обыкновенный видъ, а чрезъ восемь дней—проглотила втораго козленка. Точно также проглатывала она утокъ, куръ и кроликовъ, съ тою только разницей, что ей приходилось ловить ихъ, потому что они ходили на свободѣ въ ея клѣткѣ: если она хватала какое нибудь

изъ этихъ животныхъ за ноги, то, затрудняясь проглотить его, отпускала и старалась поймать за голову".

Едва ли не опаснѣе и не страшнѣе удава, извѣстная ядовитая очковая змѣя, названная португальцами „кобра ди капелла" (т. е. шляпочная змѣя). Особенность этихъ змѣй заключается въ томъ, что, поднявъ вертикально переднюю часть тѣла, онѣ могутъ расширить шею и сдѣлать ее плоской, направивъ совершенно въ бокъ переднія восемь реберъ. При такомъ положеніи голова змѣи имѣетъ горизонтальное направленіе и кажется будто на змѣѣ надѣта большая круглая шляпа; впрочемъ, это кажется, если смотрѣть на змѣю сзади, спереди же, плоскостоящія ребра напоминаютъ щитъ и потому, говоритъ Брэмъ, названіе „щитовидной змѣи" еще характернѣе. На затылкѣ у нея ярко выдается рисунокъ, очень напоминающій очки (есть нѣсколько разновидностей, отличающихся, между прочимъ, и цвѣтомъ очковъ). Она гораздо меньше удава и достигаетъ 6 ф. длины. Испуганная и раздраженная видомъ врага, преимущественно человѣка, змѣя эта приподнимается, выпрямляетъ переднюю часть тѣла почти на цѣлый футъ, расширяетъ шею и, затѣмъ, приготовившись къ защитѣ или нападенію, ползетъ на добычу или на врага; спереди она неподвижна какъ статуя, сзади же всякій мускулъ напряженъ. Укушеніе ея чрезвычайно опасно, часто смертельно. Очковая змѣя распространена по всей южной Азіи, за исключеніемъ Целебеса и Молуккскихъ острововъ; не водится она также на Тиморѣ и въ Новой Гвинеѣ. Она, преимущественно, охотится на крысъ, мышей, жабъ, лягушекъ, ящерицъ, цыплятъ.

Наблюдатели говорятъ, что хотя движенія ея довольно медленны, но она очень ловка и умѣетъ лазить по деревьямъ, а также плавать. Брэмъ разсказываетъ, что съ одного корабля видѣли, какъ кобра, упавъ со скалы въ воду и не будучи въ состояніи взобраться по отвѣснымъ стѣнамъ, легко плыла въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, „поднявъ голову и шляпу". Удостовѣрено, что ядовитые зубы, которыми снабжена эта опасная змѣя, бывъ вырваны, (напр. „заклинателями")—выростаютъ вновь. Дѣйствіе яда этого гада чрезвычайно сильно, какъ показываютъ опыты, произведенные Русселемъ, Джонсомъ, Бретономъ и друг. Голуби умирали чрезъ 3 или 4 минуты, куры чрезъ 4 или 6, собаки чрезъ 20 и даже чрезъ нѣсколько часовъ послѣ укушенія. Джонсонъ и Бретонъ нашли, что рядъ послѣдовательныхъ укушеній ослабляетъ ядовитость одной и той же змѣи. Бретонъ далъ ей укусить голубя, который, затѣмъ, умеръ чрезъ 27 минутъ; другой—умеръ чрезъ часъ и 11 минутъ, третій умеръ чрезъ 3 часа 42 минуты, на четвертаго и пятаго ядъ не имѣлъ дѣйствія. У людей, вслѣдствіе укушенія, замѣчается трупный холодъ и безсознательное состояніе. Дуффинъ разсказываетъ, что однажды, на Цейлонѣ, былъ очевидцемъ случая укушенія очковою змѣей. Одна женщина была ужалена въ нижнюю часть ноги и она потеряла способность видѣть и ощущать; глотаніе было такъ затруднено, что было невозможно ввести ей что нибудь въ желудокъ. Съ самаго начала она впала въ спячку, которая все усиливалась. Рану расширили и наложили на нее ртути и, съ трудомъ, наконецъ, дали ей нѣсколько пилюль. Подѣйствовала только третья. Лишь чрезъ 18 часовъ послѣ укушенія къ больной возвратилось осязаніе, зрѣніе и способность глотать, не прежде 8 или 10 дней исчезла слабость и больная начала поправляться.

Приведемъ теперь заимствованный нами у одного французскаго путешественника разсказъ, къ которому относится приложенный рисунокъ. Два матроса съ британскаго купеческаго корабля „Alaboster", бросившаго якорь у Суматры, получили отъ капитана двудневный отпускъ. Пріятели воспользовались имъ, чтобы посѣтить одного знакомаго плантатора. Хозяинъ принялъ ихъ съ живымъ радушіемъ и послѣ обѣда предложилъ совершить прогулку по сосѣднему лѣсу. Проходя въ одномъ мѣстѣ, они услыхали какой-то странный шелестъ и—чрезъ секунду, близь нихъ показалась большая кобра! Храбрый плантаторъ успѣлъ моментально скрыться съ глазъ и страшная змѣя, въ мгновеніе ока, обвила одного изъ матросовъ, который упалъ. Его товарищъ, однако не потерялся и схватился за свой топоръ. Началась ужасающая борьба, окончившаяся тѣмъ, что изрубленная змѣя упала мертвою на землю; но, въ послѣднихъ конвульсіяхъ своихъ она такъ сильно сжала свою жертву, что едва не задушила его; товарищу, спасшему его, пришлось поднять его и довести до плантаціи. У несчастнаго оказались переломленными два ребра. Разсказчикъ-французъ прибавляетъ, что матросы продали шкуру убитой кобры Барнуму.

## Юбилей Технологическаго института.

Въ среду, 29-го ноября, въ петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ состоялся торжественный актъ, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея этого учебнаго заведенія. Въ два часа дня, актовая зала института наполнилась публикою. Въ тѣсныхъ рядахъ, передъ столомъ, за которымъ засѣдалъ учебный комитетъ института, находились представители духовенства, администраціи, высшихъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ, члены депутацій, прибывшихъ съ поздравленіемъ по случаю торжества, представители печати и многочисленная толпа бывшихъ воспитанниковъ института, изъ которыхъ многіе прибыли къ этому дню въ Петербургъ изъ провинціи. Черезъ открытыя двери боковой залы можно было видѣть тѣсно сплоченныя молодыя головы нынѣшнихъ студентовъ института. На почетномъ мѣстѣ, между портретами основателей и покровителей института, виднѣлся украшенный зеленью бюстъ покойнаго императора Николая Павловича, въ началѣ царствованія котораго, именно 28-го ноября 1828 года, положено было начало нынѣшнему технологическому институту. Между высокопоставленными лицами, удостоившими своимъ посѣщеніемъ юбилейный актъ, мы видѣли его императорское высочество герцога Петра Георгіевича Ольденбургскаго, члена государственнаго совѣта М. Х. Рейтерна, бывшаго министра финансовъ, начальника и преобразователя института, и генералъ-адъютанта Грейга, его преемника.

По открытіи засѣданія, министръ финансовъ, генералъ-адъютантъ Грейгъ, объявилъ высочайшее повелѣніе, которымъ, въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго юбилея института, учреждается для лучшихъ воспитанниковъ этого учебнаго заведенія двадцать стипендій въ память императора Николая I-го и пять стипендій имени графа Канкрина, достопамятнаго министра финансовъ, по мысли котораго былъ основанъ этотъ разсадникъ техническаго образованія въ Россіи. При объявленіи означеннаго высочайшаго повелѣнія всѣ поднялись съ мѣстъ и продолжительнымъ „ура" привѣтствовали монаршую милость, причемъ прекрасный хоръ пѣвчихъ исполнилъ гимнъ „Боже, Царя храни", повторенный по требованію публики. Едва умолкъ этотъ радушный привѣтъ, какъ генералъ-адъютантъ Грейгъ прочелъ высочайшую грамату и списокъ наградъ, пожалованныхъ, по случаю юбилея, начальникамъ и преподавателямъ института. Эти новые знаки высочайшаго вниманія снова были привѣтствованы восторженнымъ „ура" и гимномъ.

Послѣ этого началось чтеніе многочисленныхъ адресовъ и привѣтствій институту со стороны различныхъ учебныхъ заведеній и обществъ, приславшихъ для того своихъ депутатовъ. Академія наукъ, петербургскій университетъ, академіи духовная, военная, морская, инженерная, медико-хирургическая, лѣсная, земледѣльческая; институты горный, путей сообщенія; училища: строительное, ремесленное, учрежденное въ память цесаревича Николая, и многія другія учебныя заведенія, а также общества: техническое, географическое, вольное экономическое, содѣйствія мореходству, содѣйствія торговлѣ и промышленности, общество архитекторовъ; всѣ выражали свои поздравленія и сочувственныя пожеланія институту. Петербургская городская дума и московское отдѣленіе мануфактуръ и промышленности также прислали своихъ депутатовъ. Бывшіе воспитанники, кромѣ поднесенія благодарственнаго адреса, заявили о своемъ желаніи учредить нѣсколько стипендій, для чего уже собираются деньги по подпискѣ.

По прочтеніи потомъ краткой исторической записки о прошлыхъ судьбахъ института, професоръ Ильинъ прочелъ рѣчь. Торжество закончилось какъ привѣтственнымъ словомъ директора, г. Вышнеградскаго, собравшейся публикѣ и тѣмъ депутатамъ различныхъ учрежденій, поздравлявшихъ институтъ, такъ и назиданіемъ учащимся студентамъ института. Торжество закончилось „народнымъ гимномъ" и молитвою „Тебѣ, Бога, хвалимъ."

По поводу юбилея въ Прав. Вѣст. напечатана слѣдующая Высочайшая грамота.

„Въ Бозѣ почивающій Августѣйшій Родитель Нашъ Императоръ Николай Павловичъ, въ видахъ споспѣшествованія распространенію и прочному устройству мануфактурной промышленности въ Россіи, въ 28-й день ноября 1828 года повелѣлъ учредить въ С.-Петербургѣ практическій технологическій институтъ.

Основанное съ сею цѣлію учебное заведеніе, постоянно слѣдя за успѣхами и состояніемъ прикладныхъ знаній, дало всѣмъ отраслямъ отечественной промышленности многочисленныхъ полезныхъ дѣятелей: многіе изъ питомцевъ технологическаго института съ честію достигли выдающагося положенія и стали техническими руководителями значительныхъ предпріятій, професоры же института обогатили техническую литературу собственными изслѣдованіями, существенно расширившими кругъ приложеній науки къ промышленности.

Усматривая въ такихъ плодахъ полувѣковой дѣятельности института постоянное стремленіе къ цѣли, предначертанной ему въ Бозѣ почивающимъ Августѣйшимъ Родителемъ Нашимъ, Мы, въ сей день пятидесятилѣтняго существованія института, изъявляемъ ему Наше благоволеніе, и надѣемся, что питомцы института, руководясь чувствами преданности Престолу и Отечеству и оставаясь постоянно вѣрными своему назначенію, будутъ и впредь трудами своими содѣйствовать дальнѣйшему упроченію русской промышленности, и тѣмъ исполнятъ задачу, институту при его учрежденіи предначертанную."

# Политическое обозрѣніе.

**Переговоры англичанъ съ турками.—Лейярдъ.—Требованія Англіи.—Конвенція Порты съ Австро-Венгріей.**

Тайна, прикрывавшая переговоры британскаго правительства съ Портой о новой „конвенціи", начинаетъ, мало по малу раскрываться. Само собою разумѣется, что въ извѣстіяхъ по этому предмету большое мѣсто, пока, принадлежитъ и неосновательнымъ слухамъ и толкамъ, однако нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ, вѣроятно, заключается и истина. Совѣтъ министровъ уже обсуждалъ выработанный особою финансовою комисіею, подъ предсѣдательствомъ Хейреддина-паши, проектъ займа. Большинство членовъ совѣта, подчиняясь вліянію Лейарда, рѣшили подвергнуть проектъ разсмотрѣнію С.-Джемскаго кабинета, въ тѣхъ видахъ, чтобы заручиться его содѣйствіемъ для пріобрѣтенія кредита на британскомъ денежномъ рынкѣ. Лордъ Биконсфильдъ одобрилъ проектъ турецкаго займа и обѣщалъ ему свою поддержку—но... но британское правительство, повидимому, находитъ указанныя въ проектѣ гарантіи „недостаточными" и желаетъ имѣть другія, болѣе прочныя, и именно: находя, что дань съ Египта, о которой говорится въ проектѣ, уже служитъ обезпеченіемъ другихъ займовъ, кабинетъ Биконсфильда находитъ, что Турція должна представить гарантію въ видѣ новой территоріальной уступки. По поводу самаго предмета уступки этой ходятъ самые разнородные слухи. Согласно однимъ источникамъ, подъ такой уступкой, британскій посланникъ при Константинопольскомъ дворѣ понимаетъ уступку острова Митилене и *Дарданеллъ*, но, говорятъ,—султанъ противъ этого. Но это еще не все—Лэйардъ, не довольствуясь тѣмъ, обратился къ султану и великому визирю съ новыми предложеніями и съ особымъ рвеніемъ ходатайствуетъ въ пользу Евфратской желѣзной дороги, для соединенія Скутари съ Багдадомъ. Проектъ приписывался Клапкѣ, но, въ сущности, принадлежитъ большой британской желѣзно-дорожной компаніи, которая требуетъ, въ случаѣ дарованія ей концессіи, уступки (опять уступки!) территоріи въ Азіи, простирающейся до 450 гектаровъ, обязуясь принять на эту территорію выходцевъ изъ Румеліи и другихъ мусульманскихъ колонистовъ. Вся прибыль должна принадлежать компаніи. Эти предложенія составляютъ часть большаго, содержащаго 26 статей, проекта, поданнаго Лэйардомъ султану. Приближенные его величества разсказываютъ, что британскій посланникъ произнесъ при этомъ цѣлую рѣчь, изъ которой приводятъ слѣдующія слова: „Я даю странѣ вашей средства спасенія и принесъ ея повелителю совѣтъ королевы Викторіи. Дай Богъ, чтобы онъ понялъ его и привелъ его въ исполненіе" (!) Предложенія Лэйарда достигли уже государственнаго совѣта, который, говорятъ, принялъ въ принципѣ нѣкоторые пункты. Впрочемъ, какъ мы хорошо знаемъ, это еще отнюдь не равносильно согласію турецкаго правительства—развѣ было бы сдѣлано исключеніе для британцевъ... По другимъ же источникамъ—Британія, въ основаніе новой конвенціи полагаетъ уступку ей двухъ портовъ, въ особенности порта Александретты, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы онъ оставался подъ верховною властью Порты (!). За это Британія предлагаетъ ей финансовое вознагражденіе и гарантію турецкаго займа въ размѣрѣ 20-ти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Относительно суммы вознагражденія еще неизвѣстно ничего достовѣрнаго. Требованіе уступки двухъ турецкихъ портовъ объясняютъ слѣдующими соображеніями. Какъ извѣстно, договоръ 4-го іюня о передачѣ Британіи острова Кипра мотивировался въ депешѣ лорда Солсбэри къ Лэйарду тѣмъ, что Британія обязывалась содѣйствовать султану въ защитѣ его мало-азіатскихъ владѣній противъ русскихъ, необходимо должна занять какой-нибудь пунктъ, на которомъ она имѣла бы возможность фактически выполнить эту обязанность, т. е. который находился бы по близости мало-азіатскаго берега Хотя занятіе острова Кипра отвѣчало этому условію, но этого, однако, оказалось недостаточно. Географическое положеніе Кипра, какъ острова, не позволило бы британцамъ подать, въ случаѣ надобности, немедленную помощь Турціи; для этого они должны располагать такими пунктами на самомъ материкѣ Малой Азіи и Сиріи, гдѣ могли бы высаживаться ихъ войска; гдѣ были бы *заблаговременно* заготовлены арсеналы и провіантскіе склады. Этому условію можетъ отвѣчать только уступка Британіи двухъ приморскихъ станцій, которыя оставались бы номинально подчиненными власти султана. Выше уже названъ одинъ изъ нихъ, т. е. Александретта, другимъ же, какъ предполагаютъ, будетъ, вѣроятно, Мерсина, на Киликійскомъ берегу, противъ сѣверной оконечности острова Кипра. Отъ Мерсины ведутъ дороги, чрезъ проходы Тавра, внутрь Малой Азіи. Оба эти порта включены въ проектъ будущей сѣти малоазіатскихъ желѣзныхъ дорогъ. Александретта—важнѣйшій пунктъ на Сирійскомъ берегу, такъ какъ отъ нея идутъ кратчайшія дороги къ верхнему и нижнему Евфрату.

Если Лэйардъ энергически хлопочетъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ для Британіи въ предѣлахъ оттоманской имперіи, то, съ другой стороны, нашъ посланникъ въ Константинополѣ, князь Лобановъ-Ростовскій настаиваетъ на заключеніи окончательнаго договора между Портой и Русскимъ правительствомъ. Говорятъ, будто бы онъ не обусловливаетъ, попрежнему, ухода русскихъ войскъ этимъ договоромъ, но требуетъ очищенія турецкими войсками Спужа и Подгорицы и обезпеченія безопасности христіанъ.

Что же касается конвенціи Порты съ Австро-Венгріей, то переговоры о ней, не смотря на успѣшный, было, ходъ—снова затихли. О боснійскихъ депутатахъ, торжественно принимавшихся австро-венгерскимъ правительствомъ и выразившихъ горячую преданность боснійскаго народа императору, мы находимъ въ корреспонденціяхъ изъ Босніи такого рода свѣдѣнія: это—люди, вполнѣ и совершенно разобщенные съ народомъ, который они эксплоатировали и угнетали сами, во время турецкаго владычества, пользуясь или своимъ положеніемъ мусульманъ, или близостью съ турецкими властями, дружившими съ ними изъ-за ихъ богатства; понятно, что они и не могли быть избраны, собственно народомъ, а „приглашены" австрійскими чиновниками мадьярскаго лагеря, хозяйничающими въ странѣ. Будущее, безъ сомнѣнія, покажетъ—насколько увѣреніе этихъ депутатовъ можетъ считаться истиннымъ выраженіемъ чувствъ босняковъ!

Мы видимъ, между прочимъ, какъ мало нынѣшняя оппозиція британскому правительству служитъ истолкователемъ истиннаго настроенія британскаго народа,—не взирая на нападки партіи Гладстона, на митингѣ либераловъ, политика Биконсфильда одобрена парламентомъ, который закрытъ и снова откроется въ февралѣ.

Французское правительство, говорятъ, отзываетъ Лефло и присылаетъ на его мѣсто къ намъ генерала Шанзи.

# Разныя извѣстія.

**Подробности о случаѣ**, бывшемъ съ австрійскимъ наслѣднымъ принцомъ Рудольфомъ въ Прагѣ. Въ среду, 10-го декабря, наслѣдный принцъ находился, вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ, майоромъ Браунеромъ, въ одной изъ залъ дворца, гдѣ устроенъ былъ тиръ для стрѣльбы въ цѣль изъ комнатныхъ ружей, и упражнялся въ стрѣльбѣ. Пороховой дымъ наполнилъ комнату. Принцъ хотѣлъ открыть окно. Передъ этимъ онъ только-что зарядилъ свое ружье и держалъ его въ правой рукѣ, въ то время, какъ лѣвою рукою схватился за задвижку окна. Вдругъ ружье разряжается, и пуля, полетѣвъ къ окну, пробила лѣвую руку принца, засѣвъ въ мясѣ между большимъ и указательнымъ пальцемъ. Кровь полилась въ изобиліи, и въ первую минуту было серьезное опасеніе. Лейбмедикъ императрицы Маріи-Анны, г. Эмигъ, осмотрѣлъ рану и призналъ ее неопасною. Заживленіе раны не потребуетъ болѣе двухъ недѣль, такъ какъ пуля не задѣла кости. Принцъ ни чуть не былъ встревоженъ этимъ случаемъ и сохранилъ полное присутствіе духа. Вечеромъ онъ принималъ гостей и потомъ занимался съ своимъ секретаремъ.

**Въ воскресенье, 3-го декабря**, публикѣ, собравшейся въ большой театръ на представленіе балета „Баядерка", былъ поднесенъ сюрпризъ: въ антрактѣ послѣ 1-й картины втораго акта въ люстрѣ зрительной залы уменьшили газъ и тотчасъ потомъ зажгли восемь шаровъ электрическаго освѣщенія по способу Яблочкова. Шары эти прикрѣплены къ парапетамъ ложъ 4-го яруса. Зала мгновенно озарилась электрическимъ свѣтомъ. Публика встрѣтила эту новинку долго неумолкавшими аплодисментами, что повторилось и 4 числа, во время опернаго спектакля.

**Электрическое освѣщеніе** по способу г. Яблочкова, начинаетъ примѣняться у насъ даже въ частныхъ квартирахъ. 1 декабря, вечеромъ, во время иллюминаціи, проходившая по Большой Морской улицѣ публика останавливалась передъ воротами дома № 29, которые извнутри были освѣщены „новымъ свѣтомъ" такъ сильно, что лучъ даже переходилъ на панель. Освѣщеніе производилось въ частной квартирѣ г. К. при посредствѣ обыкновеннаго уличнаго фонаря, прикрѣпленнаго желѣзнымъ болтомъ къ окну, выходящему во дворъ. Это привлекло массу любопытныхъ, такъ что дежурному дворнику пришлось запереть ворота на запоръ и удовлетворять разспросы черезъ рѣшетку. По слухамъ, опыты производятся г. К. очень часто и даже почти всякій день. Цвѣтъ луча, весьма пріятный для глазъ—свѣтло-синеватаго оттѣнка, хотя при долгомъ наблюденіи онъ значительно утомляетъ—отличительная особенность почти всякаго электрическаго освѣщенія.

**Недавно вышелъ 1-й выпускъ** „Челобитной дьяка Всполохова", изданной отъ имени общества любителей древней письменности, на средства графа С. Д. Шереметева. Подняхъ, съ появле-

ніемъ 2-го выпуска, окончено это изданіе, замѣчательное въ техническомъ отношеніи и весьма любопытное въ историческомъ и палеографическомъ. Авторъ челобитной, дьякъ ямскаго приказа, заключенный въ тюрьму за растрату казенныхъ денегъ, воспользовался днемъ рожденія Петра-Великаго и въ 1672 году написалъ къ Алексѣю Михайловичу свое „второгодичное моленіе" (первая челобитная, относящаяся къ 1671 году, о которой извѣстно со словъ Всполохова, была оставлена безъ вниманія). На подобное моленіе нельзя было не обратить вниманія. Вопервыхъ, бросались въ глаза пять большихъ картинъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ длиннаго (20 аршинъ слишкомъ) текста и иллюминованныя для того времени очень недурно, въ которыхъ фигюрируютъ: царь Алексѣй, царица, новорожденный Петръ, патріархъ, среди пышной и величественной обстановки, изъ которой, впрочемъ, Всполоховъ выдѣляетъ себя, или рисуя свою голову подъ царскимъ мечемъ, или уподобляя себя Іонѣ, находящемуся въ разверстой пасти морского чудища и взывающему оттуда о спасеніи. Вовторыхъ, Всполоховъ представилъ въ этой челобитной свою біографію съ разными подробностями: о давнишнемъ обѣтѣ своемъ принять монашество, о двукратномъ бѣгствѣ въ Кіевъ, объ искусительныхъ явленіяхъ ему нечистой силы, объ измѣнѣ обѣту, о женитьбѣ, о причинахъ растраты казенныхъ денегъ, и проч. Изданная челобитная представляетъ собою первый и, сколько извѣстно, единственный образецъ свитка-челобитной, въ текстѣ котораго помѣщены раскрашенныя картины. Въ то же время, она является и первымъ образцомъ столь обширнаго свитка, исполненнаго хромолитографическимъ способомъ, и исполненнаго артистически. Что касается, наконецъ, текста челобитной, онъ, служа образцомъ скорописи XVII-го вѣка, заключаетъ въ себѣ немало любопытныхъ чертъ для характеристики древней Россіи, порядка управленія государственною казною и отношенія къ ней дьяковъ и подъячихъ.

**Въ отчетѣ г. Валлема норвежскому правительству** объ американскихъ рыбныхъ промыслахъ, приведены свѣдѣнія о размѣрахъ искуственнаго рыборазведенія въ Американскихъ Штатахъ и о результатахъ его. Оказывается, что, вслѣдствіе общаго говора объ уменьшеніи количества рыбы, американское правительство поручило, въ 1871 году, профессору Берду повѣрить, насколько въ дѣйствительности уменьшилось количество рыбы въ рѣкахъ и по морскимъ побережьямъ, какія условія вызвали это уменьшеніе, какими средствами можно бы противодѣйствовать ему, какія мѣры принять для снабженія рыбныхъ становищъ новымъ запасомъ рыбы и, тѣмъ или другимъ способомъ, удешевить рыбную пищу для всего народонаселенія. Профессоръ Бердъ собралъ около себя кружокъ изъ 37-ми лицъ, и совмѣстный трудъ ихъ выяснилъ что нужно дѣлать. Было рѣшено усиленнымъ образомъ заняться охраненіемъ молодыхъ выводковъ, т. е. собирать въ надлежащее время икру и молоки, производить искуственное оплодотвореніе въ особо устроенныхъ правительствомъ аппаратахъ и впускать молодыхъ рыбокъ въ рѣки и озера, когда они настолько выростутъ, что могутъ заботиться о себѣ. Энергичное и разумное осуществленіе этого рѣшенія дало въ короткое время удивительные результаты: по самымъ осторожнымъ разсчетамъ, затрата на рыборазведеніе въ 2.000 руб. даетъ чрезъ три года количество рыбъ, стоющее отъ 50,000 до 70,000 руб. Сверхъ того, любимые виды рыбы весьма удачно разводятся тамъ, гдѣ прежде ихъ никогда не было. Такъ, любимою американцами сельдь-желѣзницу (Ghad, Alosa praestabilis), которую до 1871 года никогда не видѣли въ Калифорніи и вообще у береговъ Тихаго Океана, впустили, въ 1871 году, въ количествѣ 20,000 рыбокъ въ рѣку Сакраменто. Молодыя рыбки исчезли, ушли въ море; а въ 1876 и 1877 годахъ онѣ вновь появились въ рѣкѣ и, притомъ, во множествѣ. Тѣ же результаты получились при опытахъ съ другими породами рыбъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ настоящее время вопросу о распространеніи семги и форели во всѣхъ рѣкахъ Америки придается большое значеніе и предположено, чтобъ правительственные рыбные заводы посылали каждому владѣльцу рѣчки или пруда такое количество оплодотворенныхъ яицъ или молодыхъ рыбокъ, какое имъ потребуется. Кромѣ искуственнаго разведенія и воспитанія рыбъ, въ Америкѣ были дѣлаемы попытки разведенія устрицъ, омаровъ и пр. Производство устрицъ и промыселъ на нихъ приняли въ штатахъ большіе размѣры, чѣмъ въ какой бы ни было странѣ. Оборотъ устрицами офиціальные документы опредѣляютъ въ 4,000,000,000, цѣнностью около 100,000,000 рублей.

**Объ открытіяхъ доктора Шлимана** въ развалинахъ Трои мы говорили въ № 48 и теперь дополняемъ это любопытное извѣстіе нѣкоторыми подробностями, извлекаемыми изъ письма его, отъ 28-го ноября, съ Дарданеллъ. Почтенный археологъ окончилъ уже свои раскопки при наступленіи зимняго времени и возвращается въ Европу, черезъ Марсель. 1-го (13-го) декабря, въ парижской академіи, онъ долженъ былъ читать о своихъ послѣднихъ открытіяхъ въ Троѣ. Вещи, найденныя имъ въ развалинахъ дворца, весьма важны и чрезвычайно похожи на тѣ, которыя г. Шлиманъ открылъ въ Микенахъ въ гробницѣ, гдѣ, по преданію, были схоронены тѣла Агамемнона и его спутниковъ, убитыхъ на пиру, по возвращеніи изъ Трои, по приказанію Эгистра и Клитемнестры. Въ числѣ найденныхъ имъ вещей находятся: браслетъ и большія булавки, употреблявшіяся какъ головное украшеніе, или для прикалыванія на груди женской одежды; работа этихъ драгоцѣнныхъ вещей замѣчательна своею отдѣлкою. Любопытны длинныя золотыя полоски съ нарѣзками на нихъ въ формѣ кружковъ, зигзаговъ, оваловъ и т. п. назначеніе которыхъ неразгаданно. Но еще любопытнѣе—кинжалъ изъ метеорическаго желѣза, равнаго по достоинству лучшей стали. Замѣчательно, что кинжалъ этотъ не заржавѣлъ, но покрытъ какою-то смазкою, которую невозможно опредѣлить. Этотъ очень острый кинжалъ также найденъ подъ остатками дворца. Это первое желѣзное орудіе, отысканное въ Троѣ, Торонтѣ и Микенахъ, и до сихъ поръ г. Шлиману не приходилось нигдѣ встрѣчать желѣза. Найдены также любопытные предметы изъ слоновой кости, въ формѣ колецъ; обломокъ палки или скипетра изъ стекловидной массы; такого же вида остатки пола, превратившіеся, вѣроятно, подъ дѣйствіемъ сильнаго огня, въ похожую на асфальтъ массу и валявшіеся въ грудахъ мусора. Вообще всѣ остатки, находимые на глубинѣ 7—10 метровъ, носятъ на себѣ слѣды огня, и подъ этими развалинами Эолійскаго Иліона находятся еще остатки двухъ доисторическихъ городовъ. Изъ бронзовыхъ вещей найдены острія сѣкиръ и копій, сплавленныя въ пожарѣ. Отрыты также камни для пращей, каменные огромные молоты, трахитовые жернова, овальной формы, топоры изъ діорита, огромное множество ножей и пилъ изъ кремня, нѣсколько маленькихъ мраморныхъ статуэтокъ Паллады-Аѳины; есть и янтарныя вещи. Смѣшеніе самыхъ грубыхъ орудій съ золотыми вещами г. Шлиманъ объясняетъ тѣмъ, что золотыя вещи, вѣроятно, привозились въ Трою финикійцами.

**Въ апрѣлѣ 1880 года** въ Берлинѣ будетъ открыта международная рыбная выставка очень разнообразная по обнародованной программѣ. Срокъ доставки выставочныхъ предметовъ въ Берлинѣ—1 января 1880 года, а расходы экспонентовъ ограничиваются только пересылкою рыбныхъ продуктовъ въ столицу прусскаго королевства. Возвратъ-же ихъ въ мѣста отправки прусское казначейство принимаетъ на себя.

**Присланъ изъ Парижа** образчикъ новаго сатирическаго листка „Le Titi", замѣчательный примѣненіемъ особой химической краски, которая появляется только, когда бумага согрѣта на огнѣ. Такія чернила давно извѣстны и употребляются даже мальчиками въ переписке съ ихъ возлюбленными. Но краска, употребленная для каррикатуры „Le Titi" (голубаго цвѣта) имѣетъ свойство исчезать при остываніи бумаги и появляться снова при нагрѣваніи, сколько угодно разъ. Корреспондентъ, доставившій этотъ листокъ, справедливо замѣчаетъ, что примѣненіе такой краски къ каррикатурамъ можетъ доставить много новыхъ хлопотъ цензорамъ.

**Какъ извѣстно, Кренкъ** передѣлалъ наши ружья, заряжавшіяся съ казенной части, въ ружья своей системы, заряжающіяся съ казны. Недавно Кренкъ говорилъ, что придумалъ новую систему, которая превосходитъ даже магазинныя ружья. Онъ говорилъ, что своимъ новымъ ружьемъ, заряжающимся съ казны, онъ дѣлалъ въ 3 минуты 55 выстрѣловъ, а лучшее магазинное ружье дѣлаетъ только 51 выстрѣлъ. Наше правительство уже приняло его систему, какъ онъ увѣряетъ. Со стороны Кренка очень похвально то, что онъ, какъ патріотъ-славянинъ (онъ родомъ чехъ), первой Россіи предложилъ свою систему; Франція тоже интересуется новой кренковской системой.

**При раскопкѣ земли близъ Дроздова**, Ломжинской губерніи, найдено болѣе десятка человѣческихъ скелетовъ, на глубинѣ отъ одного до двухъ футовъ. Почти при каждомъ мужскомъ скелетѣ находился небольшой ножъ; при нѣкоторыхъ-же женскихъ скелетахъ—металлическія серьги, свернутыя изъ проволоки, и голубыя бусы, покрытыя известью.

**К. Гуцковъ.** Телеграмма изъ Франкфурта-на-Майнѣ, отъ 16-го декабря, извѣщаетъ о кончинѣ извѣстнаго нѣмецкаго романиста и драматурга Карла Гуцкова.

**Норвежскія** газеты сообщаютъ, что вдова Гунгильда Баневейненъ, которой въ прошломъ февралѣ исполнилось 100 лѣтъ отъ роду, долгое время страдала глухотою и слабымъ зрѣніемъ, заставлявшимъ ее носить очки. Теперь-же, въ началѣ втораго столѣтія жизни, старуха Гунгильда Баневейненъ снова стала отлично слышать и видѣть, причемъ очки оказались ей совершенно ненужными. Удивительнѣе-же всего, по сообщеніямъ норвежскихъ газетъ, тотъ фактъ, что на головѣ почтенной дамы снова стали рости черные волосы.

## Шахматная задача.

Черные.

A B C D E F G H

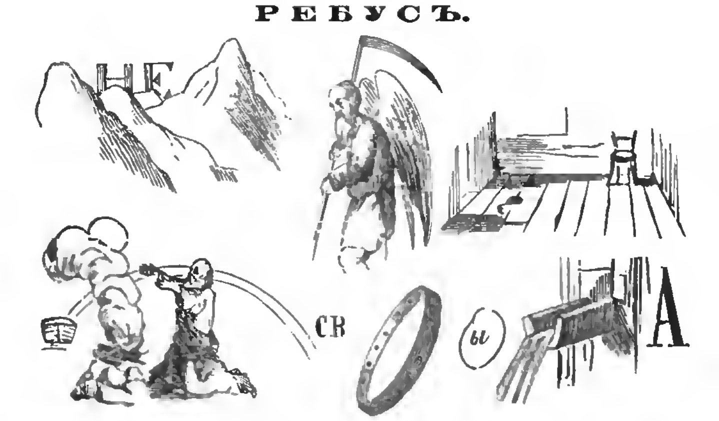
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи, помѣщенной въ № 50 „Нивы“.

| Бѣлые. | Черные |
|---|---|
| 1) А 7—В 8 | 1) Е 6—Е 5 |
| 2) D 5—F 4 | 2) D 6—D 5 или Е 5—F4 |
| 3) В 8—С 7 или смотря по ходу чернаго Е 4—Е 5 †† | |

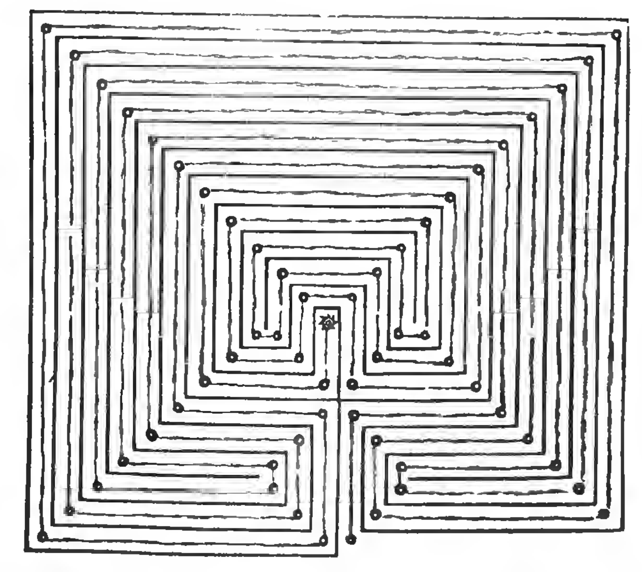
## РЕБУСЪ.




**Рѣшеніе ребуса въ „Нивѣ“ № 48.**

Переходъ нашихъ войскъ чрезъ Балканы доказалъ, на какіе геройскіе подвиги способенъ русскій человѣкъ.

## РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ „Лабиринтъ“ въ „Нивѣ“ № 49.



Линія проходящая между черными линіями показываетъ путь Тезея, а черная линія означаетъ стѣну лабиринта.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Вас. О. А. П. П—реву.** Всѣ почти стихотворенія Гейне уже переведены, иные по нѣскольку разъ, такъ что, въ новыхъ переводахъ, къ тому же незначительныхъ его стихотвореній, нѣтъ никакой надобности.

**Спб. П—у и г. Крас—у.** Задачи 49 № разрѣшены вами совершенно вѣрно.

**Нижній Новг. Б—шину.** Въ своемъ «романѣ» вы прибѣгаете къ слишкомъ смѣлымъ оборотамъ, напр. «глубоко вдавилъ шляпу въ лицо». Вашъ баронъ очевидно человѣкъ скромныхъ привычекъ, ибо «войдя въ свою великолѣпную гостиную, спросилъ бутылку пива». Напечатать вашъ романъ нельзя.

**В. С—у.** Ваша «зима» не будетъ помѣщена, при всей оригинальности такого, напр, стиха:

«Съ сѣраго неба все бѣлыя мушки на землю летятъ.»

**Г. Гр** «Пока» и «креста» «ты» и «воды»—это совсѣмъ не рифмы.

**Г. М. М** Стихи очень гладкіе но слишкомъ избитые мотивы. Много искренности, но это все же не талантъ. Если бы вы попробовали переводить.

**Мих. Ш—нову.** Всѣ эти стихотворенія Гейне давно переведены и конечно гораздо лучше.

**В. А—ву** Ваше стих. «деревенька» написано очень тепло и мило. Стихомъ вы владѣете, но это не поэзія.

**Н—ю Сер—хову.** Такіе стихи какъ

„*скрежетавшія* отъ глада
Зубами *массы мусульманъ*...“

Вы слишкомъ дорого цѣните.

**Село Старостино.** «Личному дворянину» г. В—ому. Ваши «акростихи» и «каламбуры» не будутъ помѣщены.



Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Ф. БЕРГЪ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

# МИЛЬТОНЪ
## ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ
# РАЙ.

Съ картинами **ГУСТАВА ДОРЭ.**

Переводъ **А. Шульговской**

ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ подстрочнымъ Англійск. текстомъ.

ЦѢНА:

въ прост. каленкор. перепл. 25 р.
съ перес, въ ящикѣ . . . 30 р.
въ красивомъ полшагр. п. съ
зол. обр. въ футлярѣ . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ т‹е›ченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона,* соединенному съ превосходными рисунками Густаве Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

*Для* **подарковъ на Елку,** это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету,* исполненному по рис. *И. Панова,* будетъ весьма *удобно.*

---

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

# „СЛОВО"

## въ 1879 году.

Научный, литературный и политическій журналъ **„СЛОВО"** будетъ издаваться въ 1879 году въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ (отъ 20 до 30 листовъ большаго формата).

*Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ журнала были, между прочимъ, помѣщены слѣдующія статьи:*

*Не у дѣлъ.* Сцены. П. Д. Боборыкина.—*Записки лондонскаго врача для бѣдныхъ* Р. Шали.—*Кто во что гораздъ.* Повѣсть П. Вологдина.—*Страница романа.* Романъ Э. Зола.—*Гражданка.* Сцены А. И. Пальма. *Вогезскіе разсказы.* Эркмана Шатріана.—*Идеалистка.* Повѣсть Анны Станкевичъ.—*Поѣздка во Фратешти.* Е. Л. Ивановой.—*Странные люди.* Разсказъ Златовратскаго.—*Бѣшеная.* Разсказъ Г. И. Богрова.—*Первый блинъ комомъ.* В—вой. *Забытые.* Очерки Н. Максимова.—*Сами по себѣ.* Романъ П. Д. Боборыкина.—*Пармская шартрёза.* Романъ Стендаля.—*Историческое значеніе военнаго подбора.* М. П. Чугилева.—*Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ.* А. Я. Ефименко.—*Экономическая теорія Маркса.* Н. И. Зибера.—*Новыя данныя объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи.* П. А. Соколовскаго.—*Наука о языкѣ и ея отношенія къ антропологіи и соціологіи.* Д. Н. Кудиновскаго.—*Общественно-экономическія отношенія въ юговосточной Россіи.* В. П. Гиляранскаго.—*Культурные піонеры* (этюдъ о религіозныхъ сектахъ). Д. Н. Кулиновскаго.—*Фердинандъ Лассаль сквозь очки Чичерина.* Н. З.—*Обезцѣненіе крестьянской собственности.* Б. Ленскаго.—*Происхожденіе и развитіе торговли и торговаго класса.* М. Кулишера.—*Староопрье.* Юрова.—*Лѣсное царство.* П. Вологдина.—*Борьба за существованіе и политическій строй.* М. Кулишера.—*Очеркъ исторіи обращенія съ дѣтьми.* М. Кулишера.—*Родовое начало въ древнемъ обществѣ.* Д. А. Коропчевскаго.—*Темная страна* (отчетъ о путешествіи Стэнли).—*Послѣднее слово буржуазной философіи.* Б. Ленскаго.—*Ученое невѣжество.* А. А. Головачева.—*Общества животныхъ, какъ матеріалъ для соціальной науки.* И. Л—аго.—*Вольтеръ.* Жида.—*Физіологическія основы поэзіи.* Т—скаго.—*Финансовое хозяйство Россіи.* А. С.—*Британскіе интересы на Востокѣ.* И. И. Янжула.—*Временный застой.* Вл. И. Жуковскаго.—*О земскихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ.*—*Обозрѣніе русской и иностранной журналистики.*—*Политическіе вопросы дня.* И. Л.—*Корреспонденціи изъ Италіи, Англіи, Парижа, Германіи* и пр.—*Научная хроника.*—*Библіографія русская и иностранная.*—*Театръ въ провинціи* и проч.

*ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ: Исторія одного преступленія.* Виктора Гюго.—*Программа для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи.* Н. С. Ефименко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

| | На годъ. | На полгода. |
|---|---|---|
| Безъ доставки и пересылки . | 15 р. 50 к. | 8 р. — к. |
| Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. | 16 » — » | 8 » 50 » |
| Съ пересылкою въ другіе города. | 17 » — » | 9 » — » |
| Съ пересылкою за границу . . | 19 » — » | 10 » 50 » |

Подписка принимается: въ *С.-Петербургѣ*—въ главной конторѣ редакціи, Гороховая 9; въ *Москвѣ*—у И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ д. Алексѣева.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться *исключительно* въ редакцію журнала **„СЛОВО"**, С.-Петербургъ. Гороховая, 9.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 7 руб., къ 1-му марта—5 руб. и къ 1-му мая 5 руб. Желающіе воспользоваться разсрочкою, обращаются непосредственно въ редакцію.

---




**1879 г. (Годъ изданія 9-й).**

Отд. I. «Семейное чтеніе (для дѣтскаго чтенія) 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.

Отд. II. «Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникою». 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. ц. съ перес. 6 р.

**Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р. въ годъ.**

Подписка адресуется: Въ СПБ., въ контору журнала «Семья и Школа» (Васильевск. стр., 15 л. д. № 20). № 249 10—5

---

ОТКРЫТІЕ РЕСТОРАНА

## ВОКЗАЛЪ ОЗЕРКИ ВЪ ШУВАЛОВКѢ.

Превосходный санный путь для троекъ. Ресторанъ a la carte. Громадное помѣщеніе, удобное для пикниковъ, вечеровъ, обѣдовъ и ужиновъ. Съ большими заказами можно обращаться въ гостинницы „Демутъ", „Бель-вю" и „Дагмара". При ресторанѣ имѣется піанистъ. Горы будутъ устроены въ непродолжительномъ времени. № 286 1—1

**ЕД. ЮЛ. ЛОМАЧЪ.**

---

ПРОИЗВЕДЕНІЯ РАЗСМОТРѢНЫ И РАЗРѢШЕНЫ Спб. ВРАЧЕБНЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ

## КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

**Вода де Лисъ де Нинонъ** придаетъ кожѣ бѣлизну и прозрачность, предохраняетъ отъ загара, красноты, прыщей и проч. Необходима зимою противъ накожныхъ трещинъ и для освѣженія кожи разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно лучшее средство отъ загара и воспаленія вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш. флак. 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 руб.

**Кремъ де Лисъ де Нинонъ** имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонъ и рекомендуется преимущественно употребляющимъ Кольдъ Кремъ, котораго онъ превышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р. съ пересылкою 1 р. 50 к.

**Пудра де Нинонъ.** Необходимое дополненіе къ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонъ и замѣняющая всѣ другія пудры. Цѣна за коробку 75 к, съ пересылкою 1 р. съ пуховкою 1 р. съ пересылкою 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

**На Невскомъ просп.**, въ Депо С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, маг. 3, и у **Аничкова моста,** домъ № 66.

**На Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Казанской ул.**, № 54/18, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовая въ Конторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, по **Екатерининскому каналу, у Возн. Моста, № 80.**—Описаніе и способъ употребленія по желанію безплатно. № 280 1—

---

**IV годъ.** ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1879** г. **годъ IV.**

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

# „СТРЕКОЗА"

въ годъ 52 номера съ безплатными для **годовыхъ** подписчиковъ преміями:

1. Каррикатурный альбомъ современныхъ русскихъ дѣятелей (3-я серія).
2. Художественный (не каррикатурный) театральный альбомъ состоитъ изъ артистокъ и артистовъ русской сцены.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

| въ Петербургѣ. | Во всѣ другія города Россійской Имперіи. |
|---|---|
| *съ преміями.* | Съ пересылкою на г. **9** р. **50** к. |
| Безъ доставки на годъ . . **8** р. | Тоже на ½ годъ . . **5** р. **50** к. |
| Съ доставкою „ „ . . **9** р. | На пересылку премій *годовые* подписчики прилагаютъ **50** коп. |
| *безъ премій.* | |
| Безъ доставки ½ года **4** р. **50** к. | |
| Съ доставкою ½ „ **5** р. | |

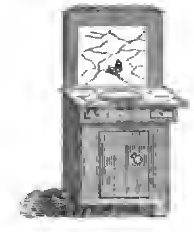
Полугодовые подписчики (хотя и подписавшіеся на оба полугодія) назначенныхъ премій не получаютъ.

**Подписчики иногородные** адресуются непосредственно въ редакцію, по Лиговкѣ, д. № 32.

**Городскіе** же подписываются въ конторѣ редакціи по Михайловской, въ домѣ Европейской гостинницы. Издатель **Германъ Корнфельдъ.**

---

**Умывальники,**



Ватерклозеты, Биде, Ванны, души, вентиляторы, камины. Каминные приборы. Стойки для камин. приборовъ. Каминныя рѣшетки. Совки. Самодѣйствующій аппаратъ для стирки, выжималки. Желѣз. складныя кровати, водоочистительныя машинки. Мясорубки. Хозяйств. вѣсы и разный металлическій и хозяйственный товаръ.

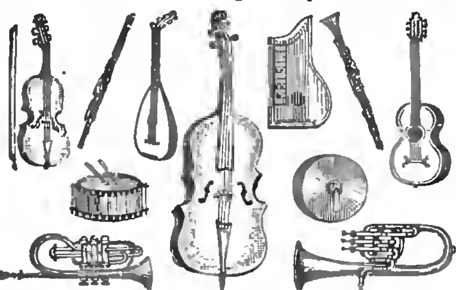
№ 189 **И. Э. Милькъ.** Большая Морская № 39.

---

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

## ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА

по Большой Морской ул., д. № 42, въ С.-Петербургѣ



**рекомендуетъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ оптомъ и въ розницу:**

**СКРИПКИ**, смычки, альты, віолончели, бассы, цитры, **ГИТАРЫ**, мандолины, **КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ**, **ФЛЕЙТЫ**, кларнеты, барабаны, музыкальные ящики, шарманки, гармоніи, гармоніи-флюты, фисгармоніи, англійскія и нѣмецкія концертины, **СВѢЖІЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ СТРУНЫ** и всѣ принадлежности. Пріемъ въ починку.

Заказы изъ провинціи исполняются аккуратно и немедленно.

Прейсъ-куранты по востребованію высылаются безплатно. № 267 6—?

**ВЪ MAGASIN ETRANGER,**

:ностранномъ магазинѣ. Б. Морск., д. № 30.

!!! ПАРИЖСКІЯ !!!

## ИГРУШКИ!

Громвдный выборъ самыхъ прелестныхъ арижскихъ игрушекъ и произведеній пер- вйшихъ игрушечныхъ фабрикъ и мастер- кихъ свѣта.

громадный выворъ общественныхъ

**!!! ИГРЪ !!!**

аавивающихъ ловкость, мгновенное сообра- еніе и расторопность, также приготовляю- цихъ къ различнымъ наукамъ и дающихъ поводъ къ обученію въ разговорахъ.

??? НОВОСТЬ ???

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПОРТКРЕІОНЪ**

ъ карандашемъ пишущимъ какъ обыкно- енный, но когда помочить выйдетъ чер- илами, можно съ письма снимать копію; ри немъ свистокъ подражающій птицамъ анарейки и даже соловью, а на охотѣ ая. птиц. и кромѣ того можно играть на емъ всякія аріи. Ц. 1 р. иног. съ пере- сылкою 1 р. 50 к.

**!!! ПАРОХОДИКИ И ПАРОВОЗЫ !!!**

ѣйствующіе посредствомъ пара, собствен- о пароходы съ паромъ отъ 1 руб. до 1 р. 50 к. иногор. съ перес. 2 р.

!!! МАЛЕНЬКІЕ ЛОКОМОВИЛИ !!!

огущіе привести въ дѣйствіе посред- твомъ шнурк. всякіе маленькіе предметы.

!!! МАЛЕНЬКІЕ ФОНТАНЧИКИ !!!

свѣжающіе воздухъ въ дѣтской комнатѣ, ѣна отъ 3 р., иногор. съ перес. 4 и 5 р.

**!!! ГИМНАСТИКА !!!**

остоящая изъ 4 штукъ: трапеціи, каче- ей, колецъ и рѣпки. Цѣна 10 р. иногор. съ перес. 13 р.

**! ДѢТСКІЕ РУЖЬЯ И ПИСТОЛЕТЫ !!**

собенно красивой отдѣлки отъ 1 р. дѣт- кія сабли всякихъ формъ отъ 1 р. зо- лоченые отъ 6 р.

**УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЛЧЕКЪ**

оторымъ можно объяснить, что силой ращенія разлагается тяжесть предме- овъ и вращеніе земли вокругъ солнца Цѣна 1 р 50 к. иногор. съ перес. 2 р.

**!!! НАУЧНЫЙ ВОЛЧЕКЪ !!!**

показыв. соед. красокъ и ихъ эффекты.

**АМЕРИКАНСКІЯ ЛОШАДКИ**

удожественной работы, отличающіяся не олько необык. красот. формъ, но еще удив. прочностью. Вышина 1 арш. и выше.

??? ВЕЛОСИПЕДЫ ???

ля всякаго возраста, отъ самыхъ малень- ихъ до настоящихъ американскихъ, велоси- еды скоробѣжки, на которыхъ можно съѣз- ать 30 версты въ часъ. Комнатные велоси еды для двоихъ, мальчика и дѣвочки, очень расивые велосип. лошадками кабріолетами.

!!! АВТОМАТЫ !!!

удной конструкціи, куклы, звѣрьки, со- ачки, особенно замѣчателенъ концертъ безьянъ: павлинъ ходящій и распускаю- ій перья, кукла удивительная кукла, кавающая руками и ногами, утки и лебе- и, дѣйств. ножк., экипажи и лош. съ завод.

!!! Автоматы съ музыкой !!!

**!!! КУХНИ И ПЛИТЫ !!!**

арижскія изразцовыя и желѣзныя, на оторыхъ дѣти могутъ стряпать. Ц. отъ 2 р.

**!!! КУКЛЫ !!!**

ъ громадномъ выборѣ, съ подвижными ленами, прекрасной отдѣлки, «Baby» осо- енно красивыя, изъ массы, которая не омается; куклы говорящія, куклы съ риданымъ и самымъ моднымъ туалетомъ.

!!! МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ !!!

ѣнскія **шарманки** очень пріятн. тона, по от. можно танц., а потому замѣн. тапера.

!!! ВѢНСКІЯ ГАРМОНІИ !!!

особенно хорошаго тона.

**!!! КСИЛОФОНЫ !!!**

зеркинная музыка, на которой можно грать всякія пьесы. Ц. 3 р, и р, 75 к.

**!!! КУКОЛЬНЫЕ ФОРТЕПІАНО !!!**

аленькій музыкальный инструментъ не разстраивающійся никогда.

!!! НОВОСТЬ !!!

ВОЛШЕБНАЯ ЛЕПЕШКА

ли вальдгорнъ въ жилетномъ карманѣ, овый инструментъ, издающій посред- твомъ голоса, звуки охотничьей трубы на ней каждый, умѣющій пѣть, можетъ рубить всякія оперы и аріи, цѣна 1 р. 50 к., иногороднымъ съ перес. 2 р.

!!! НОВОСТЬ !!!

ерманскій пневматическій танцоръ, дѣйствующій посредствомъ воздуха.

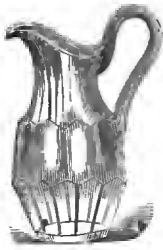
Составленіе прейсъ-курантовъ, по гро- адной разнообразности предметовъ уп- авленіе магазина не нашло возможнымъ, аказы иногородныхъ исполняются край- не добросовѣстно и немедленно.

Въ «MAGASIN ETRANGER», иностран- омъ магазинѣ, Большая Морская, домъ 30, въ С.-Петербургѣ.

---

# ПОСУДНЫЙ ОТДѢЛЪ

## НЕОБХОДИМЫЯ ВЕЩИ ВЪ ХОЗЯЙСТВѢ, КАКЪ-ТО:





Мельхіоръ, Алфенидъ, Фарфоръ, Хрусталь, Фаянсъ, Металическія, чугунныя и мѣдныя издѣлія, Умывальники, Биде, Клозеты, Ванны, всѣхъ системъ, Кофейники, и всевозможныя аппараты, Самовары, Кастрюли, Мѣдная кухонная эмалированная и луженая посуда, Ножи, Подносы, Подсвѣчники, Фонари, Керосиновыя и спиртовыя кухни для приготовленія кушанья, Столовыя и чайныя сервизы Чайники Metal Britanique.

**Для подарковъ.** Различныя издѣлія изъ хрусталя, фарфора, папье-Маше.

Магазинъ имѣетъ къ услугамъ Гг. покупателей огромный выборъ различнаго рода вещей необходимыхъ въ каждомъ хозяйствѣ, по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

**ПОДАРКИ КЪ РОЖДЕСТВУ!**

магазинъ быв. Штанге. Боль. Морская 34. только нижнее помѣщеніе, просятъ не смѣшивать съ бель-этажемъ. № 282 1

---

**Билліардная фабрика.**



**А. Фрейберга въ С.-Петербургѣ.**

**Переведена:** Троицкій проспектъ въ собственный домъ № 13,

**Заказы** принимаются у Каменнаго моста, домъ Буха, № 44—2.

**Билліарды** отъ 225 до 1000 руб. и дороже, шары, кіи и всѣ къ билліарду и билліардной игрѣ принадлежности. № 284 12—1

---

**ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ 17-го ДЕКАБРЯ**

ВЪ ЧАСЪ ДНЯ

## НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ ВЪ Д. АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ

открывается **новый магазинъ** фирмы **Н. ФЕНУ и К°**

Предметы торговли: руководства и учебныя пособія, книги для фундамент. библіотекъ, книги для дѣтскаго чтенія, дешевыя изданія для народа; наглядныя пособія, музыкальные инструменты и ноты, образовательныя игры, письменныя принадлежности, волшебные фонари и картины къ нимъ и проч. № 283 1 -1

**КЪ ПРЕДСТОЯЩИМЪ ПРАЗДНИКАМЪ**

въ магазинахъ фирмы 1) въ Соляномъ городкѣ, 2) на Невскомъ въ д. Армянской церкви и 3) на углу Новой улицы и Невскаго, заготовленъ большой выборъ образовательныхъ **ИГРЪ** русскаго, и иностраннаго производствъ, наглядныхъ пособій, письменныхъ принадлежностей и изящныхъ изданій для подарковъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

---

СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ

**ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА,**

ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ ВЪ ЧЕХІИ.

Рекомендуетъ большой выборъ хрустальныхъ сервизовъ, кружекъ, вазъ для фруктовъ и цвѣтовъ, десертныхъ тарелокъ, подставокъ для роялей, молочниковъ, пресъ-папье, градусниковъ бонбоньерокъ и проч. Сапоги и козлы для пива, хрустальныя ложки для варенья и лекарства по заводскимъ цѣнамъ.

Складъ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Морской, д. № 36. № 238 5—4

---

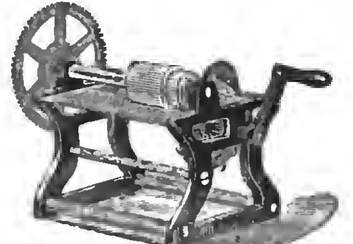
Вновь открыта **ГЛАЗНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА доктора Добровольскаго** съ постоянными кроватями. На Михайловской площади, близъ Пассажа, домъ № 15 кв. 7. Пріемъ больныхъ утромъ ежедневно, исключая Воскресенья, отъ 9 до 11 ч., вечеромъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ. **Для бѣдныхъ** безплатно по вторникамъ и субботамъ отъ 9 до 11 часовъ.

№ 222 10—6

---



**НОВОСТЬ ДЛЯ ПОРТНЫХЪ, МОДИСТОКЪ И ДЛЯ ДОМАШНЯГО УПОТРЕБЛЕНІЯ.**

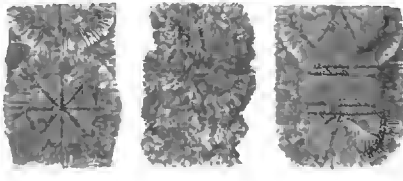


ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ МАШИНА

## ЛИНКОЛЬНА

для дѣланія бахромы-плюмажъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

**ФИЛИПСЪ И КОМП. ПРОВИДЕЙНСЪ, РОДЪ-ЭЙЛЕНЪ.**



Сдѣланная бахрома плюмажъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

Эта вновь изобрѣтенная машина замѣчательна по своей простой конструкціи и дѣлаетъ съ величайшей скоростью бахрому какой угодно ширины на шелковыхъ и шерстяныхъ матеріяхъ. Она выдергиваетъ бахрому на обоихъ краяхъ отрѣзанной полосы и затѣмъ закладываетъ эту бахрому—плюмажъ въ видѣ **шу, кокилье, ракоеинъ и трубочекъ.**

**Цѣна 7 руб. а оптовымъ покупателямъ дѣлается значительная уступка.**

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ МАШИНЪ для Россіи ЛИНКОЛЬНЪ находится въ магазинѣ Американскихъ швейныхъ машинъ Мануф. Комп. „ДЕВИСЪ“.

ГОРОХОВАЯ УЛ., Д. № 17, ВХОДЪ СЪ МОЙКИ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

---

ПРЕКРАСНЫЕ ПОДАРКИ РЕКОМЕНДУЕТЪ МАГАЗИНЪ

**К. ЗЕЙФЕРТА.**

**Вознесенскій просп. № 13—2**

Столовые опаковые сервизы наилучшихъ французскихъ и англійскихъ фабрикъ для 12 персонъ отъ 18 р. и дороже. Чайные сервизы отъ 3 р. 25 к. и дороже, Богемскій хрусталь, Бронза, Столовыя стѣнныя и висячія лампы, умывальные столы и много другихъ предметовъ по весьма дешевымъ цѣнамъ. № 285 1—1

---

!НОВОСТЬ!

**ИЗЯЩНЫЙ АППАРАТЪ**

для точнаго копированія рисунковъ, фотографій, акварелей и пр. безъ малѣйшей подготовки. Особенно полезно для дѣтей. Цѣна (съ приложеніемъ **Новаго способа умноженія** посредствомъ сложенія) 1 р съ перес. 2 р. Адр.: въ Бюро объявленій, Невскій пр. № 4 г. Эргенсъ въ С.-Петербургѣ. № 264 4—3

---

**При этомъ № прилагается всѣмъ гг. подписчик. приложенія: 1) Отъ часоваго магазина Б. Альтшвагера въ СПБ. 2) Отъ Редакціи СПБ. Вѣдомостей.“**

Дозволено цензурою СПБ. 13 Декабря 1878 г. Тип. В. Безобразова и Комп. Вас. Остр., 8 л., № 10.




№ 52 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1878

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 25 Декабря 1878 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.



## На елку: Эхъ какой!

Какъ изящно-правдиво передаетъ гравюра обычную сцену нъ дѣтской. Мальчикъ рано утромъ, полный еще волненія отъ вчерашнихъ подарконъ на елкѣ, проснулся: первое, на что упалъ его взглядъ — вчерашнія игрушки. Мигомъ одѣяло сбрасывается и онъ спрыгиваетъ на полъ. Первымъ долгомъ свидѣтельствуется лошадка, съ самымъ строгимъ видомъ знатока. Жаль, что верховая она,—замѣчаетъ ея владѣлецъ, — а то бы она хорошо могла ходить въ моей телѣжкѣ, Затѣмъ подвергается освидѣтельствованію и все прочее. Попадается кукла: чудная кукла: — на носу бородавка на головѣ колпакъ, на затылкѣ косица, на ушахъ бубенчики. Внутри она пустая можно засунуть туда руку, и просунувъ большой и указательный палецъ ему подъ-мышки, заставить размахивать его руками. Какія онъ фигуры строитъ — уморительно. Мальчикъ удивляется. — Эхъ, какой!.. у меня такого и не было...

— Эхъ, какой!.. раздается голосъ у двери.—Баловникъ ты этакой: развѣ можно въ одной рубашкѣ по комнатѣ ходить. Вотъ я тебя...

Прыгъ!.. Пойманный кидается въ постель, зарывается въ мягкія подушки, и держа одной рукою куклу, не даетъ другой сдернуть съ себя одѣяло, стоящей возлѣ него старушкѣ-нянѣ, увѣщевающей его, что давно „вставать пора“.



На елку: утромъ послѣ елки. Эхъ какой! Рис. К. Бекеръ, грав. О. Ротъ.

# Рождественская ночь.

## (Святочный разсказъ).

### I.

Я былъ тогда совсѣмъ взрослый, на столько взрослый, что однажды въ лѣтнюю, конечно „лунную“ ночь въ бесѣдкѣ нашей старой усадьбы получилъ локонъ отъ бѣлокурой кузины моей Лизы. Локонъ этотъ впрочемъ я однажды забылъ вмѣстѣ съ сакъ-вояжемъ въ вагонѣ желѣзной дороги. Въ тревогѣ я отправлялъ, по поводу этого сакъ-вояжа, очень дорогія телеграммы и получилъ его наконецъ. Начальство желѣзнодорожное, сдавая мнѣ вещи по описи, въ которой значился и локонъ и при этомъ насмѣшливо улыбалось. Мнѣ было такъ совѣстно, что я бранилъ и излишнюю внимательность чиновниковъ и глупую манеру прятанья локоновъ,—манеру, которая въ нашъ передвижной, походный вѣкъ рѣшительно невозможна. Тутъ нужны мечтательныя настроенія, потаенные ящички въ шифоньеркахъ и множество вещей, теперь совершенно неупотребительныхъ. Надо сознаться, что Кузина Лиза мнѣ и не очень нравилась. Но лучше не было а „интересоваться“ кѣмъ нибудь было совершенно обязательно.

Товарищи мои по учебному заведенію, возвращаясь изъ своихъ отпусковъ, такъ много разсказывали о разныхъ своихъ похожденіяхъ въ этомъ родѣ и показывали такія раздушенныя записочки, что я по неволѣ устыдился и, перебирая въ умѣ своихъ знакомыхъ дѣвушекъ, остановился на кузинѣ Лизѣ и началъ внезапно оказывать ей вниманіе, кажется, къ ея даже удивленію. Потомъ я, дѣйствительно, уже началъ ощущать къ ней какое-то смутное, неопредѣленное чувство.

Кузина Лиза, жившая въ отдаленной усадьбѣ, въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, нашла, повидимому, въ этомъ ухаживаніи своего рода удовольствіе. Извѣстно что такое—современная помѣщичья усадьба. Это не прежняя барская усадьба, съ цѣлой арміей дворовыхъ и караванами сосѣдей, пріѣзжавшихъ на недѣлю, на двѣ; усадьба съ флигелями для гостей, съ сворами собакъ, съ верховыми лошадьми. Это была нынѣшняя уединенная усадьба. Земля и садъ были сданы цѣловальнику Горохову, бывшему крѣпостному. Заѣзжали туда очень рѣдкіе и довольно скучные гости. Молодой мѣстный священникъ, обличавшій, въ маленькой столичной газеткѣ, волостныхъ писарей; помощникъ начальника станціи, занимавшій дамъ исторіями о своихъ пререканіяхъ съ желѣзно-дорожнымъ начальствомъ. При этомъ, литературный батюшка, обыкновенно, говорилъ: „Азія!“ Развлеченіемъ, напр. лѣтомъ, служили поѣздки на станцію, гдѣ гремящіе поѣзда оставляли грустное впечатлѣніе безслѣдно мимо проносившейся жизни—и еще грустнѣе становилось возвращаться въ одинокую усадьбу...

Кузина Лиза скоро вошла въ роль дѣвушки, имѣющей надо мной нѣкоторыя права. Она журила меня, когда я къ ней долго не писалъ. А переписку мы завели такую, что я теперь безъ ужаса вспомнить не могу, какъ можно было исписывать подобнымъ вздоромъ такое множество бумаги. Корреспонденція наша оживляла несложныя операціи мѣстной почтовой конторы.

Отъ кузины Лизы я и получилъ, передъ Рождествомъ, написанное прекраснымъ почеркомъ, и въ горячихъ выраженіяхъ, письмецо, требовавшее моего непремѣннаго пріѣзда на праздники. Письмецо это я уронилъ, какъ бы нечаянно, въ дортуарѣ, и сдѣлалъ видъ, что ужасно сержусь, когда одинъ изъ моихъ товарищей, ставъ на табуретъ, познакомилъ съ содержаніемъ этого документа нашъ выпускной классъ. Какъ бы то ни было, послѣдствіемъ этаго письма было то, что я отпросился въ отпускъ, произведя внутренній заемъ у нѣсколькихъ товарищей и отправился съ курьерскимъ поѣздомъ въ деревню, къ тетушкѣ.

### II.

Темный вечеръ глядѣлъ въ занесенныя снѣгомъ, обледенѣлыя стекла вагона, когда поѣздъ, съ пыхтѣніемъ, рѣзкимъ свистомъ и визгомъ намерзшихъ чугунныхъ колесъ, подходилъ къ станціи. Я высвободилъ свой сакъ-вояжъ и плэдъ изъ подъ спавшаго на нихъ мѣстнаго мироваго судьи, который, проснувшись, долго озирался и не могъ понять—что такое я дѣлаю. Затѣмъ я протискался въ дверь и оттуда, скользя по льду ступенекъ, со всѣмъ багажемъ, попалъ въ объятія знакомаго помощника начальника станціи.

Это должностное лицо, повидимому, мнѣ очень обрадовалось.

— „Голубчикъ! какъ, откуда, давно-ли?“ посыпались его вопросы, очевидно, объяснимые только его радостнымъ настроеніемъ, ибо онъ, конечно, зналъ—какимъ способомъ, откуда и давно-ли я пріѣхалъ.

Было поздно, я началъ умолять его поскорѣе устроить меня. Нельзя-ли гдѣ добыть лошадей. Положимъ, тутъ всего 25 верстъ. Но вѣтеръ такой сильный. Такъ темно. Пожалуй, не попадешь къ чаю. Проселокъ—еще заблудишься.

Протекція помощника оказала свое дѣйствіе. На его зовъ, откуда-то, будто изъ-подъ колесъ локомотива, въ облакахъ пара, появился отставной унтеръ съ такими щетинистыми, мерзлыми усами и въ такомъ костюмѣ, что можно было принять его за ряженаго. Этотъ ряженый унтеръ, какимъ-то гробовымъ и мерзлымъ голосомъ, окликнулъ еще кого-то и у крыльца зазвякали бубенчики. Оказалось, что одинъ изъ троечниковъ, стоявшихъ у станціи, добродушно взялся „предоставить“ меня къ мѣсту, за какую-то совершенно невозможную цѣну. Мой сакъ-вояжъ брошенъ въ обширную област саней, на затвердѣвшую отъ мороза рогожу. Мы, почему-то, обнялись и разцѣловались съ помощникомъ начальника станціи. Ямщикъ, на мои опасенія, еще раза два сказалъ свое „будьте спокойны“. Ряженый унтеръ, для чего-то, похлопалъ по плэду на моихъ колѣняхъ и мы тронулись.

Полозья завизжали по снѣгу, мелькнули тусклые фонари въ широкихъ, опушенныхъ снѣгомъ, окнахъ вокзала; мракъ темнаго вечера и купы безлистыхъ ветелъ двинулись навстрѣчу. Сначала, какъ это обыкновенно бываетъ въ пути, я старался вглядѣться въ окружающую темноту. Человѣкъ любитъ знать, гдѣ онъ находится. Глазъ жадно впивается въ неясныя очертанія и, затѣмъ уже, начинаются думы и грезы. Первую половину дороги мысль носится всегда около только что оставленныхъ мѣстъ. Въ воображеніи мелькали слабо освѣщенные дортуары нашего заведенія. Меня, почему то занялъ вопросъ—гдѣ, теперь, мой товарищъ Ивановъ, хотя я никогда имъ особенно не интересовался. Вѣрно читаетъ подъ лампой, въ корридорѣ „Тайны инквизиціи“, Однако, на прошлой недѣлѣ, на репетиціи, я разъяснилъ очень недурно вопросъ „о вмѣняемости преступленій“... Какую странную цѣпочку носитъ нашъ классный надзиратель... У меня есть даръ слова. А хорошо бы—на трибунѣ, рѣчь... рукоплесканія... Кузина Лиза, тутъ же въ публикѣ...

Мысль перенеслась въ тетушкину усадьбу, въ угловую, синюю комнату, гдѣ озаренные мягкимъ свѣтомъ лампы, сидятъ, передъ шипящимъ самоваромъ и ждутъ меня тетушка и Лиза. Голубые глазки Лизы съ нетерпѣливымъ выраженіемъ обращены на дверь... Она прислушивается, не звякнетъ ли колокольчикъ...

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ, вѣрно, знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальній
Порой волнуетъ сердце намъ...

А кругомъ, между тѣмъ, казалось, волновалось все поле. Вѣтеръ завывалъ все заунывнѣе, крутя снѣгъ около встрѣчныхъ, одинокихъ деревьевъ, наметая его въ спутанныя гривы лошадей, за клѣтчатый платокъ, намотанный у ямщика вокругъ шеи, за мой поднятый воротникъ и все больше и больше усиливался. Низко ползли надъ землей тяжелыя темныя тучи. Ямщикъ посвистывалъ и, казалось, былъ спокоенъ, когда начали носиться первыя крупныя хлопья снѣга, залѣпляя глаза, кружась въ воздухѣ, все гуще и гуще и, наконецъ, все пространство, кругомъ, заволновалось, отъ земли до неба, снѣжными полосами. Мятель закрутилась. Та мятель безпредѣльныхъ русскихъ равнинъ, что ослѣпляетъ, сбиваетъ съ пути, обращаетъ все въ бушующую снѣжную массу.

— А что? не сбились ли мы съ дороги?

— Помилуйте—чего тутъ сбиться, раздался съ козелъ сиплый голосъ,—дорога тутъ одна, кони идутъ, не въ первый разъ.

Ямщикъ произнесъ эти слова такимъ успокоивающимъ тономъ, что я потеплѣе закутался и пересталъ думать о дорогѣ.

Снова потянулись, вереницей, грезы.

Навѣрно у тетушки будетъ елка... Придутъ священническія дѣти, попадья, батюшка. Попозднѣе, вечеромъ, какъ всегда, откроютъ двери въ гостиной, сквозь иглистыя вѣтви елки замерцаютъ восковыя свѣчки; послышится запахъ воска и подожженныхъ еловыхъ вѣточекъ; загорѣлась, даже, одна кукла, бросаются тушить; блестятъ золоченые грецкіе орѣшки... Тетушка, съ важностью, подноситъ мнѣ—портъ сигаръ, что-ли... а Лиза, я думаю, вышитыя туфли... и будутъ онѣ лежать, вѣчно, между тетрадками и книгами...

Но вся эта картина тускнѣетъ... меркнутъ маленькія свѣчки... пропадаютъ дѣти, Лизы тоже не видно... осталась одна ель, но она такая большая... Или эта-та темная ель при дорогѣ, окутанная бѣлымъ саваномъ мятели...

Какъ она сюда попала?.. Раннимъ утромъ, на зарѣ, когда снѣгъ еще покрытъ розовымъ отблескомъ, топоръ сосѣдняго мужика свалилъ эту елку и—она жалобно скрипнула, и распростирая свои вѣтви, какъ руки, упала въ мягкую цѣлину снѣга... и вороны, съ крикомъ, взлетѣли съ ближнихъ деревьевъ.

Повезли елку. Она стоитъ въ теплой комнатѣ, наполняя ее своимъ чистымъ смолянымъ запахомъ...

Но-что это за громадное пространство?.. Высокія, роскошныя стѣны уходятъ въ полутемную высь. Слабо мерцаютъ изгибы и узоры лѣпныхъ украшеній.

На широкія мраморныя ступени наброшенъ громадный коверъ, въ пестромъ, мягкомъ шелкѣ котораго тонетъ нога—и кругомъ толпа. Гулъ сдержаннаго говора стоитъ надъ ней. Что-то напряженное чуется въ этомъ говорѣ. Глаза горятъ какимъ-то страстнымъ ожиданіемъ. Все смотритъ въ эту полутемную высоту Но—что это темнѣетъ посрединѣ? Ужели это та ель, окутанная снѣгомъ, которую я видѣлъ при дорогѣ? Какъ она теперь громадна! Мощный, четырех-обхватный стволъ, на крестѣ изъ гигантскихъ бревенъ, казалось, съ силою нажалъ на гладкій мраморъ пола. Огромныя, темныя вѣтви, какъ руки, торжественно подняты вверхъ въ то темное пространство, которому не видно предѣловъ и, Боже! Какіе мучительные вздохи, полные трепетнаго ожиданія, слышатся среди толпы. Она ждетъ своей елки—почестей, золота, славы...

И вотъ—какъ будто милліоны огней загорѣлись въ вѣтвяхъ гигантской ели, сами собой. Роскошные рельефы и рѣзьба, покрывающіе стѣны, начали озаряться, отражаясь и ломая свой блескъ въ стеклѣ безчисленныхъ зеркалъ. Толпа дрогнула, какъ одинъ человѣкъ... Подъ разливающимся свѣтомъ массы огня, среди вѣтвей ели, начали выступать, сначала слабо, потомъ все яснѣе, и яснѣе—очертанія дворцовъ, тріумфальныхъ арокъ... засверкало золото...

Такъ, раннимъ утромъ, окутанные туманомъ, дальнія горы кажутся отдаленными тучами. Но—сверкнетъ солнечный лучъ и на этой тучѣ начинаютъ выдѣляться рощи, виллы, дома, пропасти—какъ въ грезахъ старой сказки...

III.

Какой же мнѣ подарокъ на этой елкѣ?

И вотъ съ поразительной яркостью рисуются въ моемъ юномъ воображеніи, полномъ всѣхъ лихорадочныхъ мечтаній и вожделѣній современности — рисуются картины...

Карета несетъ меня по многолюдной улицѣ. Нѣжный мѣхъ тысячной ильковой шубы раскинулся на атласныхъ подушкахъ. Сѣрые рысаки летятъ какъ птицы, но губы мои сжаты, на сердцѣ тѣсно, въ груди чувствую я какую-то тупую боль и усталость. Блескъ и движеніе кругомъ—совсѣмъ не занимаютъ меня. Мысли мои—въ другомъ мірѣ. Я недавно только началъ огромное, сложное и трудное дѣло, которое мнѣ, богатому человѣку, совсѣмъ не нужно; но которое не даетъ мнѣ покоя. Ночью, когда я вспоминаю о немъ, меня всегда точно что-то больно кольнетъ въ сердце. Я начинаю думать. Адвокатъ, вѣрно, не ѣздилъ куда надо, тотъ не съумѣлъ сдѣлать, этотъ, кажется, обманываетъ. И лежа на своей великолѣпной постели, я завидую утомленнымъ и спящимъ, считаю серебристый бой часовъ въ сосѣдней комнатѣ; смотрю неподвижными глазами, какъ перекрещиваются полосы свѣта отъ каретныхъ фонарей на лѣпномъ потолкѣ моей спальни. И съ утра—опять та же хлопотливая, тревожная жизнь. Мнѣ нужны деньги. Всего нѣсколько сотъ тысячъ. Какъ не достать ихъ при моемъ состояніи! Компаньонъ мой предлагаетъ сдѣлку...—„Но какъ же, добросовѣстно ли это будетъ?"

— „Всѣ эти понятія, при усложненіяхъ современной жизни" улыбаясь, увѣренно отвѣчаетъ тотъ, имѣютъ, теперь, совсѣмъ иное значеніе... Послѣ этого вы будете говорить о дуэли... Но—согласитесь, что это все равно, что ѣздить въ телѣгѣ рядомъ съ желѣзной дорогой.

И я такъ запутался въ это сложное, громадное дѣло, что не могъ отказаться. Надо было устроить все... Денежный человѣкъ, къ которому мнѣ пришлось обращаться, особенно мнѣ не нравился. Что-то наглое, холодное въ его оловянныхъ, насмѣшливыхъ глазахъ; какая-то пошлая, безжалостная черта въ складѣ тонкихъ губъ. Но онъ у насъ часто бываетъ. Жена моя съ нимъ всегда любезна. Кузина Лиза давно уже вышла за меня замужъ. Это уже не прежняя наивная деревенская дѣвочка. Это пышная красавица, всегда окруженная, всегда блестящая. То юношеское чувство, которое я питалъ къ ней, давно замѣнилось какимъ то тупымъ равнодушіемъ, даже иногда вспыхивающею непріязнью. Она часто мнѣ мѣшаетъ въ дѣлахъ. И какъ мѣшаетъ! Взбѣшенный воспоминаніями, относящимися къ послѣдней мысли, я выскакиваю изъ кареты и торопливо иду на верхъ, по богатому ковру лѣстницы. Почтительные слуги отворяющіе рядъ дверей, мягкая изящная роскошь комнатъ,—ничто не обращаетъ на себя моего вниманія. Сердце кипитъ чувствомъ оскорбленія и досады. Я отворяю дверь и вижу—моего денежнаго человѣка... Лиза торопливо встаетъ съ своего мѣста—щеки ея пылаютъ румянцемъ стыда и ужаса... Далѣе—я ничего не помню!.. Я забылъ все свое громадное, сложное дѣло, всю нужду въ деньгахъ, всѣ комбинаціи. Я топталъ, билъ... въ глазахъ у меня ходили кровавые круги... И—мы разорились.



На елку: удовольствія и занятія. Всякому свое. Силуэты Э. Гильбиха, грав. М. Рашевскій.



На елку: удовольствія и занятія. Всякому свое. Силуэты Э. Гильбиха, грав. М. Рашевскій.

Затѣмъ—полные нужды, горькихъ взаимныхъ попрековъ, холодные, сумрачные дни... То совсѣмъ другая жизнь. Тутъ усчитываніе копѣекъ, скучныя вѣчныя переписки и уроки. Блѣдная нужда воспаленными глазами глядитъ на насъ. Мокрый снѣгъ, холодъ... Я иду по улицѣ, не доставъ денегъ. Отчаяніе въ сердцѣ, холодъ въ членахъ, едва прикрытыхъ лохмотьями. Съ ужасомъ вижу я въ зеркальномъ стеклѣ магазина свое старое, блѣдное, измученное лицо.... Я вскрикнулъ и проснулся....

Давитъ грудь. Тяжело. Душитъ непроглядная, холодная тьма... Но вотъ, сквозь мглу выдѣляется что то высокое, раскидистое. Это—ель при дорогѣ. Мятель гудитъ и свиститъ. Ямщика нѣтъ на козлахъ. Онъ идетъ передъ лошадьми и, наклоняясь, что-то нащупываетъ по снѣгу. Я понемногу прихожу въ сознаніе... Слава Богу—я спалъ. Сонъ оставилъ во мнѣ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Нѣтъ—не мнѣ, не мнѣ такой ужасный подарокъ!

— Что мы—или заплутались?

— Да вотъ—сбились съ дороги. Незнаю—что, кажись, извѣстная дорога а сбились.

Тутъ мы стали дѣлать то, что, обыкновенно, дѣлается въ подобныхъ случаяхъ и что было описано столько разъ. Мы кружили по полю, искали слѣдовъ, пробовали прочность снѣжнаго наста кнутомъ, среди вьюги и крутящагося снѣга, среди воя вѣтра, старались разглядѣть нѣтъ-ли гдѣ огонька, старались разслушать—не звякнетъ-ли колоколъ, не залаетъ ли гдѣ нибудь собака. Мы ничего не слышали, опять кружились и останавливались въ полной безнадежности. Стало уже свѣтать, когда мы рѣшили дожидаться на одномъ мѣстѣ. Ходьба согрѣла насъ: зная всю опасность сна въ такомъ положеніи, мы не ложились, а все похаживали кругомъ саней. Наконецъ, когда мятель утихла, мы увидѣли, что стоимъ надъ обрывомъ крутаго оврага, на противоположномъ берегу котораго раскинулась деревенька и тянулся синій дымокъ изъ трубъ тетушкина дома.

Такъ я не попалъ на елку, такъ—провелъ я Рождественскую ночь и именно такое тяжелое видѣніе сдавило ужасомъ мое юное сердце. Заалѣли по снѣгу утренніе лучи и какъ противуположность моимъ ночнымъ грезамъ — ждалъ меня уютный тетушкинъ домикъ, шипящій самоваръ и согрѣвающія сердце, родныя, милыя рѣчи...

Горки. Н. Б.

# Гайдукъ Горостасъ.

## Разсказъ изъ сербской жизни

Не задолго передъ тѣмъ временемъ, какъ вспыхнула памятная всѣмъ война между Сербіей и Турціей (война, душею которой былъ М. Г. Черняевъ), Сербское правительство каждогодно посылало нѣсколько молодыхъ людей въ заграничныя высшія учебныя заведенія. Сербы этихъ возвращавшихся въ отечество земляковъ называли обыкновенно „фрачниками“ или, еще „піонерами.“

Однимъ изъ такихъ піонеровъ или сербовъ-фрачниковъ, былъ молодой Демьяновичъ. Это былъ тщедушный, угреватый, низенькаго роста юноша, съ неутомимымъ рвеніемъ стремившійся къ основательному и многостороннему юридическому образованію. Въ отношеніи этого рвенія, Демьяновичъ превосходилъ многихъ своихъ товарищей. И въ Мюнхенѣ, и въ Парижѣ онъ постоянно посѣщалъ юридическіе курсы.

Нѣсколько лѣтъ назадъ былъ я въ Бѣлградѣ. Здѣсь у меня было много хорошихъ знакомыхъ, „сербовъ-фрачниковъ,“ слушавшихъ заграничныя лекціи на одной скамьѣ со мною. Всѣ они занимали уже мѣста на государственной службѣ и поженились.

— Какъ поживаетъ Демьяновичъ? Гдѣ онъ? спросилъ я одного изъ моихъ прежнихъ сотоварищей.

— О! Демьяновичъ теперь какъ рыба въ водѣ! отвѣчалъ мнѣ мой прежній пріятель—Демьяновичъ выгоднѣе и скорѣе всѣхъ насъ составилъ себѣ карьеру; лишь только онъ сошелъ со скамьи, какъ уже сдѣланъ былъ директоромъ бѣлградскихъ тюремъ... Знаешь, онъ былъ всегда преданъ изученію уголовнаго права, всегда мечталъ быть криминалистомъ и смотрѣлъ на преступниковъ, какъ на своихъ естественныхъ паціентовъ...

Демьяновичъ жилъ въ бѣлградскомъ замкѣ. Я къ нему отправился. Я засталъ его въ кухнѣ, занятаго хлопотами надъ дымящимся громаднымъ котломъ, въ которомъ варилась пища для арестантовъ замка.

— А! очень кстати! радостно вскрикнулъ Демьяновичъ, бросившись меня обнимать — кушанье готово, идемъ сейчасъ къ столу!..

Не успѣлъ я опомниться, какъ Демьяновичъ сунулъ мнѣ въ руку большую деревянную ложку.

— Ну, ѣшь! весело вскричалъ онъ. Это мясной супъ съ тыквою—magnifique! Помнишь въ Парижѣ, въ Рю-Расинъ, мы, вѣдь, ѣли не лучше!..

Я попробовалъ; но, признаюсь, супъ мнѣ не понравился, хотя я и скрылъ это.

Демьяновичъ, сдѣлавъ нѣсколько распоряженій по кухнѣ, взялъ меня за руку и ввелъ въ свое жилище.

— Ну, вотъ, старый дружище! Ты и у меня!.. Въ отелѣ ужъ ты не останешься, нѣтъ—Шалишь!.. Я тебя перетащу сюда. Я—одинъ. Жена моя гоститъ у своихъ родителей, въ Рашнѣ... Такъ-то! Я ужъ не отпущу тебя... сейчасъ же пошлю двухъ арестантовъ въ отель—за твоимъ чемоданомъ—и баста!..

— Арестантовъ?!. вскричалъ я ошеломленный предложеніемъ моего товарища—да вѣдь они раскрадутъ мои вещи... Какъ можно давать порученія мошенникамъ!..

— Ну, братъ, успокойся! не унимался Демьяновичъ, энергически хлопая меня по плечу. Мои *робъзи* (такъ называютъ сербы тюремныхъ арестантовъ) и въ воровствѣ-то ни чего не смыслятъ. Они свободно разгуливаютъ по городу, закупаютъ провизію для замка; дѣлаютъ иногда закупки мнѣ и женѣ моей. Мой домъ никогда не запирается, и прислуга у меня вся состоитъ изъ арестантовъ, и однако у меня до сихъ поръ не пропало даже иголки... Мой кучеръ, садовникъ, поваръ—всѣ они арестанты, даже няня для дѣтей—арестантка. По моему даже мужчина-арестантъ могъ-бы исполнять обязанности няни, и я бы, съ своей стороны, приставилъ арестанта къ дѣтямъ, да только жена не желаетъ этого...

Тутъ Демьяновичъ пустился въ крайне заинтересовавшую меня характеристику быта своихъ земляковъ. „Сербское племя,—говорилъ онъ—живущее въ княжествѣ, совершенно отлично по своему характеру отъ сербовъ, населяющихъ области по ту сторону Дуная и Савы. Нашихъ „княжескихъ“ сербовъ можно охарактеризовать такъ: они любятъ своихъ женъ, отличаются прямотою, искренностію, и не знаютъ воровства. Княжескіе сербы до сихъ поръ живутъ въ тѣхъ патріархальныхъ отношеніяхъ, при которыхъ каждый преступникъ смотритъ на наказаніе, какъ на заслуженную кару Божію. Но и у насъ подобное первобытное настроеніе не вѣчно же будетъ продолжаться. Вотъ, съ году на годъ, и у насъ распространяется „культура“, а при ней и порча нравовъ. Но вотъ, пройдетъ ка-

кихъ нибудь 50 лѣтъ,—и у насъ будутъ строить крѣпкіе тюремные замки; тогда какъ теперь нашихъ преступниковъ даже и подъ арестъ-то берутъ безъ особаго прикрытія жандармовъ. Такой патріархальный бытъ представляетъ для юриста цѣлую массу въ высшей степени интереснаго матеріала. Но чтобы познакомиться съ этимъ матеріаломъ, нужно быть хорошимъ наблюдателемъ и психологомъ, нужно глубоко знать сербскій народный языкъ. Извѣстный Рашъ написалъ о нравахъ и обычаяхъ сербовъ толстую книгу; но предметъ еще далеко не исчерпанъ. Знаешь эту книгу Раша?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну,—продолжалъ Демьяновичъ,—Рашъ не понималъ ни одного слова по-сербски и не могъ говорить ни съ однимъ Сербомъ. Рашъ слонялся межъ сербами какъ слѣпецъ и довѣрялъ такимъ разсказамъ, которые требовали большой провѣрки. Но самому трудно быть судьею своего собственнаго народа. Вотъ если бы Сербію посѣтили иностранные юристы, понимающіе по-сербски; если бы они попали въ какую-либо изъ нашихъ тюремъ, продолжалъ фанатикъ-криминалистъ, въ среду нашихъ узниковъ—какою массою наблюденій обогатились бы они! Какой бы богатый матеріалъ собрали для психологіи цѣлаго народа! Вѣдь, у насъ никогда не бываетъ изобрѣтательныхъ и такъ называемыхъ „утонченныхъ“ преступниковъ,—какихъ всегда цѣлыя сотни и тысячи въ другихъ государствахъ. Мотивы нашихъ народныхъ преступленій всегда чрезвычайно просты. Между арестантами въ Бѣлградѣ нельзя найдти въ строгомъ смыслѣ „вора“ или „мошенника.“ У насъ не встрѣчается нападенія или убійства съ цѣлію грабежа, ни взлома, ни поджога. Почти единственный видъ сербскихъ народныхъ преступленій составляютъ убійства „изъ ревности“ „изъ мести“ или „въ запальчивости.“ Вотъ единственные мотивы сербскихъ народныхъ преступленій. При томъ, совершивъ преступленіе, сербъ не скрывается отъ правосудія, а обыкновенно самъ предстаетъ предъ судъ. Далѣе, для констатированія факта убійства обыкновенно не требуется особыхъ свидѣтелей. Преступникъ самъ, съ полнымъ чистосердечіемъ, разскажетъ всю истину о своемъ преступленіи... Затѣмъ, такъ велико въ сербскомъ поселянинѣ уваженіе къ правосудію, къ суду, что, напримѣръ, на моихъ глазахъ, многіе изъ преступниковъ отказывались отъ предлагаемой имъ амнистіи. До сихъ поръ въ моей памяти одинъ изъ подобныхъ преступниковъ. Въ пьяномъ видѣ, онъ застрѣлилъ своего „побратима.“ Я хотѣлъ уменьшить ему срокъ тюремнаго заключенія на два года.

— Ну, ужъ оставь господине такъ! простодушно сказалъ онъ мнѣ, а то душа не будетъ спокойна!..

— Вообрази! съ живостью обратился ко мнѣ при этомъ Демьяновичъ,—вообрази на моемъ мѣстѣ директора тюрьмы не въ Сербіи, а въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ, хотя бы въ Пруссіи... Что сказалъ бы этотъ директоръ если бы арестантъ сталъ отпрашиваться у него на Пасху или на Святки, повидаться съ родными!.. Да Прусскій директоръ онѣмѣлъ бы отъ изумленія и негодованія, и приказалъ бы усилить надзоръ за арестантомъ. Между тѣмъ, напримѣръ я могу съ спокойною совѣстью отпускать арестантовъ повидаться съ семействами—и увѣренъ, что каждый изъ нихъ возвратится къ сроку. И въ самомъ дѣлѣ, у меня не было ни одного случая, чтобы отпущенный не возвратился къ сроку въ мою канцелярію. И каждый изъ нихъ еще свидѣтельствуетъ почтеніе отъ своей жены и приноситъ подарки для моихъ дѣтей... По мѣрѣ силъ... Чаще всего приносятъ въ подарокъ огородныя овощи.

— Вотъ, господине, говоритъ обыкновенно приносящій подарокъ, чтобы ты не подумалъ,—что я на свободѣ не вспомнилъ о твоихъ дѣткахъ...

Тутъ Демьяновичъ подвелъ меня къ окну. Видъ изъ окна былъ чудесный. Почти подъ нашими ногами катились соединенныя волны Дуная и Савы. На противоположномъ берегу лежало селеніе Панчова. Оно было окутано таинственной романтическою дымкой знойнаго вечера.

— Ну! вотъ видишь-ли, дружище-побратимъ,—продолжалъ мой гостепріимный хозяинъ,—для меня дорога, священна моя обязанность „тюремнаго директора“, для меня священна задача—нравственно поднять преступника... Но я долженъ сказать, что нѣсколько времени тому назадъ, я чуть было не сдѣлался *жертвою* моей обязанности... Я уже думалъ, что пробилъ мой послѣдній часъ!.. Чтобы уяснить тебѣ это, я долженъ разсказать тебѣ интересную исторію, очертить оригинальный образъ сербскаго народнаго характера, разсказать эпизодъ изъ жизни гайдука Горостаса. Этотъ Горостасъ былъ великанъ ростомъ, косая сажень въ плечахъ, и, по нашей пословицѣ, *„широкъ яко дверь у кучи!“* Горостасъ былъ родомъ изъ Старо-Сербіи и нѣсколько лѣтъ былъ *„гайдукомъ“* *) на нашей границѣ. Объ немъ ходили невѣроятные сказочные анекдоты въ цѣломъ санджакатѣ. Говорили, что онъ *одинъ* положилъ на поваль, своей рукой, до сотни турокъ. Съ своихъ гайдучьихъ поисковъ онъ всегда возвращался съ богатою добычей, отнятою у турокъ. Останавливался онъ обыкновенно въ гостинницѣ, *Ганъ*, на границѣ Старой Сербіи **). Здѣсь онъ запасался новой аммуницiей и отправлялся снова на поиски; добытое у турокъ оружіе онъ на память серебрилъ... Да. Ну, вотъ, Горостасъ часто являлся въ гостинницу. Каждый молодой человѣкъ въ этомъ санджакѣ могъ разсказать о Горостасѣ цѣлыя сотни исторій. Разъ собралась въ этой гостинницѣ веселая компанія неготинской молодежи пображничать и, подвыпивши, принялась, наперерывъ, разсказывать разныя исторіи о Горостасѣ. Одинъ изъ собесѣдниковъ увѣрялъ, что Горостасъ однажды задушилъ турка за горло рукою...

— Lazes! (Ты лжешь) сказалъ при этомъ разскащику на ухо одинъ изъ подвыпившихъ юнаковъ. Мы, братъ, „чудесамъ“ не вѣримъ!..

— Какъ!.. Какъ!.. Я лгу!.. вскрикнулъ раздраженный разсказчикъ. Я иду на пари!.. Ахъ вы кошачья порода! Да, я удушу всякаго, кто осмѣлится мнѣ перечить!.. Удушу!.. Раздавлю!..

При этомъ въ бражничавшей кампаніи пронесся глухой ропотъ недовольства. Въ тотъ же моментъ трое дюжихъ парней вскочили на столъ и вскричали:

— Добро! Добро! Стой!.. Пари идетъ!.. Давай намъ вина—или мы удушимъ тебя, если проспоришь!.. Мы сейчасъ позовемъ самаго Горостаса... Попросимъ его сдѣлать *опытъ*... съ нами...

Горостаса, дѣйствительно, потребовали, и богатырь, узнавши въ чемъ суть спора, вскорѣ явился. Въ грозной, наивно-величественной позѣ стоялъ Горостасъ у стола близь спорящихъ бражниковъ и оглядывалъ ихъ съ головы до ногъ. Потомъ онъ, съ быстротою коршуна, завидѣвшаго добычу, бросился на двухъ парней и схватилъ ихъ за горло. Но въ ту же минуту великанъ получилъ отъ одного изъ добровольныхъ мучениковъ звонкую пощечину который вырвавшись изъ могучей руки великана, при общемъ хохотѣ, спрятался въ уголъ. Самъ Горостасъ отъ пощечины нѣсколько сконфузился и выпустилъ изъ своихъ рукъ и другаго парня, который уже не могъ встать и валялся у ногъ богатыря. Это былъ свиной пастухъ, звали его Петко. Лицо его было

*) Союзъ гайдуковъ въ Сербіи—это былъ частный добровольный союзъ, защищавшій мирныхъ гражданъ отъ турецкихъ притѣсненій и исполнявшій священную обязанность *мести* за оскорбленную честь сербскихъ женъ и дочерей.

**) Гостинница по старо-сербски—„Ганъ“.

черно какъ уголь, и всѣ усилія возвратить его къ жизни были тщетны. Онъ вскорѣ испустилъ послѣдній вздохъ...

— Отнесите его домой!.. распорядился хозяинъ го-

Горостасъ нѣсколько минутъ не отвѣчалъ на это и сидѣлъ, погруженный въ мрачныя думы; но затѣмъ онъ всталъ изъ-за стола и съ рѣшительностью произнесъ:

— Ну, видно, Господь Богъ такъ хочетъ! Сотню не-



**На елку маленькая Ева и запрещенные плоды.** Рис. И. К., грав. Шмидтъ.

стинницы. Пусть его тамъ похоронятъ какъ слѣдуетъ. А ты, Горостасъ, распрощайся-ка со своей привольной гайдуцкой жизнью; ступай-ка въ Бѣлградъ, передъ „бѣлый судъ" и объяви-ка свою вину!..

вѣрныхъ турокъ я изрубилъ канджаромъ, и все-таки у меня было весело на сердцѣ. А смерть этого пастуха какъ свинецъ легла мнѣ на душу... Иду въ Бѣлградъ!.. Прощайте, родные,—прощайте на всегда...



**Елка Южнаго Славянина.** Ориг. рис. Ф. Зверины, грав. Либель.

Горостасъ объявилъ передъ „бѣлымъ судомъ“ о своемъ преступленіи и осужденъ былъ на 8-милѣтнее тюремное заключеніе. Но только *два* года вольный соколъ могъ выносить свою клѣтку—только два года, не болѣе. Вдругъ имъ овладѣла невыносимая тоска по роднымъ горамъ, ущельямъ и пропастямъ, надъ которыми кружится мощный орелъ, гдѣ пистолетный выстрѣлъ раздается двадцатикратнымъ эхомъ... Въ одинъ прекрасный день Горостасъ исчезъ изъ тюрьмы и даже изъ Бѣлграда... Думали, что онъ возвратится; его ждали съ мѣсяца на мѣсяцъ, со дня на день. Но—проходятъ годы, а Горостасъ все не возвращается. Наконецъ рѣшили, что онъ исчезъ съ лица земли; самое имя его уже сдѣлалось какимъ-то миѳомъ. Уже никто больше и не думалъ о бѣгствѣ великана-гайдука.

„Но вотъ—это случилось не болѣе мѣсяца тому назадъ—я однажды вечеромъ былъ въ канцеляріи и игралъ съ моимъ двухлѣтнимъ малюткой, сидѣвшимъ передо мной на столѣ. Вдругъ ребенокъ, что-то замѣтивъ у двери, со страхомъ прижался къ моей груди. Что за притча!.. Чего, думаю, пугается ребенокъ?..

Я сталъ внимательно осматриваться кругомъ, и уже тогда замѣтилъ, что громаднаго роста человѣкъ кошачьей походкой прокрадывается въ мою канцелярію. Когда я замѣтилъ его, онъ уже затворялъ дверь канцелярской комнаты. Пораженный общимъ внушительнымъ и грознымъ видомъ пришлеца, я замеръ отъ страха и судорожно прижалъ ребенка къ моей груди, ожидая чего-нибудь недобраго... Незнакомецъ подошелъ ко мнѣ... Это былъ точно лѣшій, какимъ рисуютъ его народныя сказки. Его сильно загорѣлое мужественное лице было мѣдно-бронзоваго цвѣта. Его черные, выразительные глаза дико сверкали...

— Cujes!.. (Слышишь ты!) повелительно обратился онъ ко мнѣ.—Гдѣ директоръ тюрьмы?

— Да я и есть директоръ,—пробормоталъ я, невольно смущенный.

— Ну что за глупости!.. Что ты—дуракомъ, что-ли, меня считаешь!.. Ты думаешь—я не знаю директора?.. Восемь лѣтъ тому назадъ я сидѣлъ же въ этой тюрьмѣ!..

— Да тотъ директоръ уже давно умеръ?..

— Такъ стало быть, теперь *ты*—директоръ? Тѣмъ лучше!

Съ этими словами пришлецъ схватился за свой широкій поясъ, вытащилъ изъ-за него оправленный въ серебро пистолетъ и поднесъ его мнѣ почти подъ носъ.

— Видишь этотъ пистолетъ?

Затѣмъ, не давъ мнѣ опомниться, незнакомецъ вытащилъ другой пистолетъ и повторилъ вопросъ.

— Да, я это вижу! произнесъ я.

— Ну—видишь и этотъ позолоченный дамасскій канджаръ? Онъ отточенъ какъ бритва...

— Да, все вижу...

— Ну, хорошо. Положи ты эти пистолеты, канджаръ и кошелекъ съ 89-ю дукатами въ твой столъ, и храни какъ будто бы все это были твои собственные. Когда я буду свободенъ—ты возврати мнѣ все это въ цѣлости. Мнѣ здѣсь, въ Бѣлградѣ, не терпѣлось и я ушелъ въ Болгарію, и служилъ я у монаховъ садовникомъ.

Затѣмъ, пришлецъ вынулъ изъ-за пояса полуразорванную бумагу.

— На—читай! гордо произнесъ онъ, пріосанясь. Это, братъ, аттестатъ, дали его мнѣ болгарскіе монахи, мнѣ—гайдуку Горостасу... Поди-жъ ты?! и въ монастырѣ я не нашелъ покоя! Вотъ воротился въ Бѣлградъ и хочу отбыть этотъ срокъ, восемь лѣтъ...

Гайдукъ замолчалъ. Я такъ былъ пораженъ и потрясенъ впечатлѣніемъ этого поистинѣ необыкновеннаго поступка, что долго не могъ прійдти въ себя. Но мой малютка уже успокоился, ползалъ по столу и былъ внѣ себя отъ радости, при видѣ красиво-блестѣвшихъ пистолетовъ.

Гайдукъ снова обратился ко мнѣ.

— Ну, господине,—я, кажется, сначала напугалъ твоего маленькаго?.. Такъ пусть же онъ не думаетъ о Горостасѣ дурно... На-ка отдай ему эту плетеночку съ малиной. Я собралъ въ лѣсу, сегодня, въ послѣдній день золотой свободы!

— А теперь? угрюмо и важно заключилъ гайдукъ—скоро ночь... Укажи-ка мнѣ мою тюремную келью, господине!

# Тильда Эверсъ.

## Святочный разсказъ Эрнста Циля.

Дѣло было очень давно. Море на далекое разстояніе отъ берега, по крайней мѣрѣ на цѣлую милю, было заковано льдомъ; надъ нимъ ярко и свѣтло горѣли звѣзды. Со стороны деревни изъ небольшой, обветшавшей подъ непогодами, церкви разносился далеко, въ чистомъ воздухѣ, ударъ за ударомъ, рождественскій благовѣстъ. И больше ни звука: берегъ и дюна были совершенно тихи. Но вотъ по узкой тропинкѣ захрустѣлъ снѣгъ какъ бы отъ приближающихся шаговъ и изъ обледенѣлаго кустарника, торчавшаго кое-гдѣ среди прибрежныхъ камней, пугливо взлетѣла береговая птица, со свистомъ разрѣзая длинными крыльями морозный воздухъ. Одинокій путникъ, человѣкъ крѣпкаго сложенія, обличавшаго въ немъ жителя сѣвера, закутанный въ грубый, мохнатый морской плащъ, шелъ тихо, опустивъ голову на грудь. Въ его мужественныхъ суровыхъ чертахъ лица отражалось горе, но горе, поросшее уже много лѣтъ травою, не острое и дикое, а скорѣе глухое и угнетающее. Движенія путника были неловки и порывисты, хотя онъ шелъ очень медленно; онъ казалось свершилъ длинный путь, такъ какъ его длинная, косматая борода сильно заиндевѣла и заледенѣла. Онъ быстро срывалъ съ нея ледяныя сосульки, образовавшіяся отъ его горячаго, застывавшаго на морозѣ, дыханья и нетерпѣливо ихъ отбрасывалъ въ сторону.

Деревня тянется по самому берегу, и представляетъ собою рядъ домовъ, выходящихъ фасадами на море; къ этой деревнѣ направилъ свои шаги угрюмый незнакомецъ; что ему было до свѣтлыхъ оконъ, въ которыхъ сіяли рождественскія елки? Мрачно прошелъ онъ межъ нихъ, и мысли его, казалось, были заняты далеко прошедшимъ. Среди деревни стоитъ маякъ,—полуразвалившееся строеніе; старыя лодки и ржавые якоря, перепутанные канаты и разорванные паруса пестро раскинулись вкругъ башни и по скату холма, на которомъ она возвышается, рыбаки развѣшиваютъ для просушки мокрыя темныя сѣти. Здѣсь незнакомецъ остановился, здѣсь поднялъ онъ свое потемнѣвшее отъ бурь лицо, и сталъ глядѣть свѣтлоголубыми глазами то на башню, то на разбросанныя у его ногъ суда.

„Было это лѣтъ тридцать назадъ“, произнесъ онъ задумчиво: „Мы были оба дѣтьми; сидѣли мы на окнахъ этой башни, и смотрѣли далеко на воду, на волны, въ безпредѣльный міръ. Она была милое, довѣрчивое дитя; и когда на наше веселое убѣжище налеталъ шквалъ и трепалъ ея длинные золотистые локоны, и она начинала зябнуть, я ее тихо обнималъ и утѣшалъ, и разсказывалъ страшные, чудные разсказы о бѣдномъ Ульрихѣ, о томъ самомъ Ульрихѣ, по сказкѣ, уѣхавшемъ за море, туда на западъ, въ далекую, далекую страну, и у котораго разрывалось сердце съ тоски по родинѣ. Слезы текли изъ ея глазъ. Онъ съ минуту помолчалъ. „Да, родина“, простоналъ онъ тихо: „Вильгельмъ, Вильгельмъ, прошло то время!“ и внезапно топнувъ ногой онъ засмѣялся: о, глупое мягкосердечье! міръ того не стоитъ; стыдись старая дегтярная куртка и иди дальше!“

Онъ тихо прошелъ по улицѣ, мимо мола, защищающаго гавань отъ напора волнъ, мимо верфи и крана. Здѣсь рядъ домовъ загибается назадъ и улица проходитъ къ небольшой площадкѣ, гдѣ люди выставляютъ на продажу свои товары и закупаютъ все необходимое для своего дома; тутъ находятся дома судьи и приходскаго священника, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ между аптекой и хлѣбными лавками выходитъ узкій переулокъ, видна, надъ покрытыми снѣгомъ крышами, церковь, старая церковь, съ неуклюжею низкою колокольнею, свинцовыми переплетами оконъ и тяжелою, массивною дубовою дверью.

— О, я еще помню этотъ рынокъ, вздохнулъ незнакомецъ, „рынокъ и кругомъ привѣтливые дома; здѣсь я встрѣчалъ ее по воскресеньямъ, когда она проходила въ церковь съ молитвенникомъ въ рукахъ; всѣмъ она такъ привѣтливо и невинно улыбалась; она, хотя уже и взрослая дѣвушка, была еще совершеннымъ ребенкомъ. Такъ хорошо тогда было—а теперь!“ и онъ опять тяжело вздохнулъ. Всѣ ее такъ любили;

у меня такъ радовалось сердце, глядя на нее. Матильда была моя; и вотъ однажды въ воскресевье мы стояли передъ алтаремъ—мужъ и жена. Счастье первыхъ дней! О если бы она осталась на всегда вѣрна!"

Еще нѣсколько шаговъ и онъ стоялъ передъ низенькимъ небольшимъ домикомъ, единственнымъ, въ окнахъ котораго не видно было радостнаго свѣта Рождественскаго праздника. „Здѣсь это было, здѣсь," боязливо произнесъ онъ; „здѣсь ли она еще?" и какъ воръ, осторожно, чтобъ не захрустѣлъ снѣгъ подъ ногами, проскользнулъ онъ подъ тѣвь навѣса крыши и плотно прижался къ зеленымъ ставнямъ; „темно все, гдѣ цвѣло мое свѣтлое счастье, темно въ праздникъ Рождества!.. Господь ее разсудитъ."

Съ моря потянулъ легкій вѣтеръ и закачалъ голые сучья ростущей передъ дверью липы; незнакомецъ вздохнулъ, и, казалось, вздохнула липа. „Можетъ быть она еще здѣсь," сказалъ онъ про себя и сталъ прислушиваться, нѣтъ ли какого движенія въ домикѣ. Но тамъ было все тихо; онъ облокотился на выступъ окна и склонилъ на руку свою усталую голову: „быть можетъ ея ужъ нѣтъ въ живыхъ." Рождественскій благовѣстъ больно отдавался въ его душѣ; колоколъ звучалъ такъ же какъ и тогда, и поднималъ сладкія воспоминанія о давно минувшихъ дняхъ. Ему казалось, нѣжная, теплая рука легла на его горячій лобъ, что его кто то обнялъ и дорогія ему уста тихо шептали: „Вильгельмъ, Вильгельмъ!" Его сердце забыло про страданье, но вотъ сердце какъ будто что-то сильно укололо и опять поднялось въ немъ давнишнее горе; вотъ онъ видитъ себя скитальцемъ въ далекихъ моряхъ, борющимся съ бурями и опасностями, чтобы заглушить боль въ сердцѣ, боль отъ укушенія змѣи—а змѣя эта—его жена. Такъ стоялъ онъ нѣсколько времени, потомъ какъ бы проснувшись, вздохнулъ и простоналъ; „охъ, гдѣ же мое дитя, мой мальчикъ! его бы разъ увидѣть, хоть разъ еще, вѣдь онъ мой"...

— Повторится ли это ныньче, Яковъ? спросилъ вдругъ подлѣ суровый голосъ, внезапно выведшій его изъ задумчивости.

— О конечно, отвѣтилъ другой, и на дорогѣ показались два пожилыхъ человѣка, въ высокихъ сапогахъ и матросскихъ куртках. „Вотъ ужъ шесть лѣтъ какъ всѣ это видятъ каждый Рождественскій сочельникъ.

— Странная женщина, сказалъ первый. „Устраивать все такъ на виду и посреди моря!"

— Несчастье и нужда дѣлаютъ людей странными, Николай, возразилъ другой; но что бы про нее ни говорили люди, она должна быть хорошая женщина уже по одному этому — хотя можетъ быть и странно, но все таки такъ неизмѣнно чтитъ память покойнаго. Какъ ты думаешь?

— Да, пожалуй я съ тобой согласенъ, она женщина хорошая, несмотря на сплетни и на ея чудачества. Смотри Яковъ, вотъ начинается! сказалъ, онъ указывая на поверхвость замерзшаго моря.

На блестящей бѣлой снѣжной равнинѣ засвѣтился желтоватый свѣтъ свѣчи, едва замѣтный, задуваемый вѣтромъ; вотъ свѣчей появилось двѣ, три, и еще и еще, одва подлѣ и надъ другой, кругами пирамидально поднимаясь и на льду ясно обозначилась рождественская елка.

— Николай, вонъ видишь, она сама; смотри, вонъ ходитъ, вотъ теперь зажгла всѣ свѣчи. Теперь смотри, она станетъ на колѣни.

— Въ самомъ дѣлѣ, я ее вижу; а вотъ и мальчикъ; бѣдное дитя, какъ онъ глубоко прячетъ въ карманы озябшія рученки.

— Вотъ она беретъ его за руку.

— Они оба становятся на колѣни, Яковъ!

— Кто становится на колѣни? внезапно обратился къ нимъ глухо незнакомецъ, все еще печально стоявшій у оконъ маленькаго дома. „Что дѣлаетъ эта женщина?"

— Она молится, отвѣтилъ одинъ.

— Она молится за упокой души мужа, прибавилъ другой. Ея мужъ погибъ гдѣ-то въ океанѣ, вотъ уже семь лѣтъ тому назадъ. Вы вѣдь знаете, въ Рожественскій сочельникъ мы имѣемъ обыкновенье ставить ва могилахъ нашихъ близкихъ елки. Море—тоже обширная могила.

— Какъ ее зовутъ? спросилъ незнакомецъ; онъ пристально смотрѣлъ на море, приложивъ руку къ глазамъ щиткомъ.

— О, вы должно быть изъ далека, что не знаете нашей Тильды: отвѣтили ему.

— Тильда?

— Да Тильда, Матильда Эверсъ.

И вдругъ незнакомецъ бросился къ морю. Черезъ снѣгъ, черезъ нагроможденные ва берегу обломки, какъ безумный несся онъ къ мелькавшимъ на льду огонькамъ.

— О Тильда, моя Тильда, ты молишься за меня, ты меня еще любишь!

Оба разговаривавшіе съ удивленіемъ смотрѣли ему въ слѣдъ.

— Это можетъ быть только онъ, сказали они и съ удивленіемъ покачали головами. „Мертвые воскресли" и поспѣшно пошли разсказывать въ деревню видѣнное ими чудо.

— Вильгельмъ! услышали они съ моря, Вильгельмъ, ты живъ, возможно-ли!

Вѣсть быстро облетѣла деревню; жители спѣшили отъ праздничныхъ столовъ на берегъ моря; то, что они увидѣли на блестающей поверхности льда казалось имъ какой-то сказкой: три человѣческихъ существа стояли на снѣгу на колѣняхъ, ярко освѣщенные огнями елки; лицо мужчины было закрыто руками; женщина крѣпко прижалась къ нему и вѣтеръ развѣвалъ ея свѣтлые волосы; передъ ними стоялъ мальчикъ съ поднятыми къ звѣздамъ руками и смотрѣлъ въ небо. Всѣ трое были неподвижны. Но вотъ группа оживилась; казалось освѣщенная елка поднялась кверху и начала двигаться; и всѣ три фигуры стали приближаться къ берегу; мужчина и женщина шли рука объ руку, молча, тихо шагая; мальчикъ несъ передъ ними зажженную елку и пѣлъ звонкимъ дѣтскимъ голосомъ:

„О свищенное
„Благословенное
„Благодатное Рождество!

никто съ ними не заговаривалъ; въ толпѣ пробѣжалъ лишь тихій шопотъ удивленія: съ суевѣрнымъ страхомъ всѣ разступились, какъ передъ чѣмъ то священнымъ. Такъ прошли они какъ тихіе, благочестивые странники. Передъ маленькимъ домикомъ привѣтливо зашумѣла имъ на встрѣчу липа; скрипнула дверь; привѣшенный къ ней колокольчикъ звонко прозвучалъ и яркая, въ огняхъ елка скрылась за зелеными ставнями; за нею скрылось и дитя и мужъ и жена.

На улицѣ все еще радостно гудѣлъ Рождественскій благовѣстъ; внутри маленькаго дома, въ тѣсной комнаткѣ слышался тихій плачь—были ли это слезы радости? Угрюмый, блѣдный человѣкъ держалъ въ объятьяхъ женщину и слезы ея текли на его косматую бороду.

— Вильгельмъ, опять ты мой, воскликнула она и страстно обняла его; о Боже, что могло васъ разлучить?

Онъ вздрогнулъ, ему измѣнилъ голосъ и съ упрекомъ, но и съ безконечной любовью взглянулъ на трепещущую женщину. Затѣмъ, тихо изъ его груди вырвалось: „Адамъ Юрсъ!"

— О, что мнѣ въ имени, сказала она спокойно, что въ имени мнѣ теперь! Все это давно забыто; ты вѣдь знаешь, я тебѣ дала мое согласіе въ тотъ же самый день, какъ отказала ему, богатому судохозяину.

— Я знаю, сказалъ глухо Вильгельмъ,—это не то.

Онъ сѣлъ усталый на бѣдную скамью, на которой они сидѣли, когда были счастливы:

— Это не то.—повторилъ онъ мрачно и привлекъ къ себѣ Тильду. Дѣло было восемь лѣтъ назадъ, въ этотъ самый день; я былъ кормчимъ на „Полярной Звѣздѣ"; мы стояли въ Калькуттѣ на якорѣ, готовые выйти въ Ріо-Жанейро. Капитанъ и матросы устроили на бортѣ судна нѣмецкую елку, но я думалъ о родинѣ, и какое-то безпокойство заставило меня пойти на почту. Я нашелъ два письма; одно было отъ тебя: ты была здорова и купила мальчику его первыя игрушки, но нужда стучалась къ тебѣ въ дверь; вѣроятно моя послѣдняя посылка съ деньгами затерялась. Другое письмо было отъ Адама Юрса; небо и адъ! этотъ человѣкъ вливалъ мнѣ въ жилы растопленный свинецъ. Онъ писалъ, что онъ мой другъ и что не хорошо мужу не быть такъ долго дома, такъ какъ женщины легкомысленны...

— Это онъ писалъ? прервала Тильда, взглянувъ на него своими большими, голубыми, невинными глазами, онъ писалъ, что...

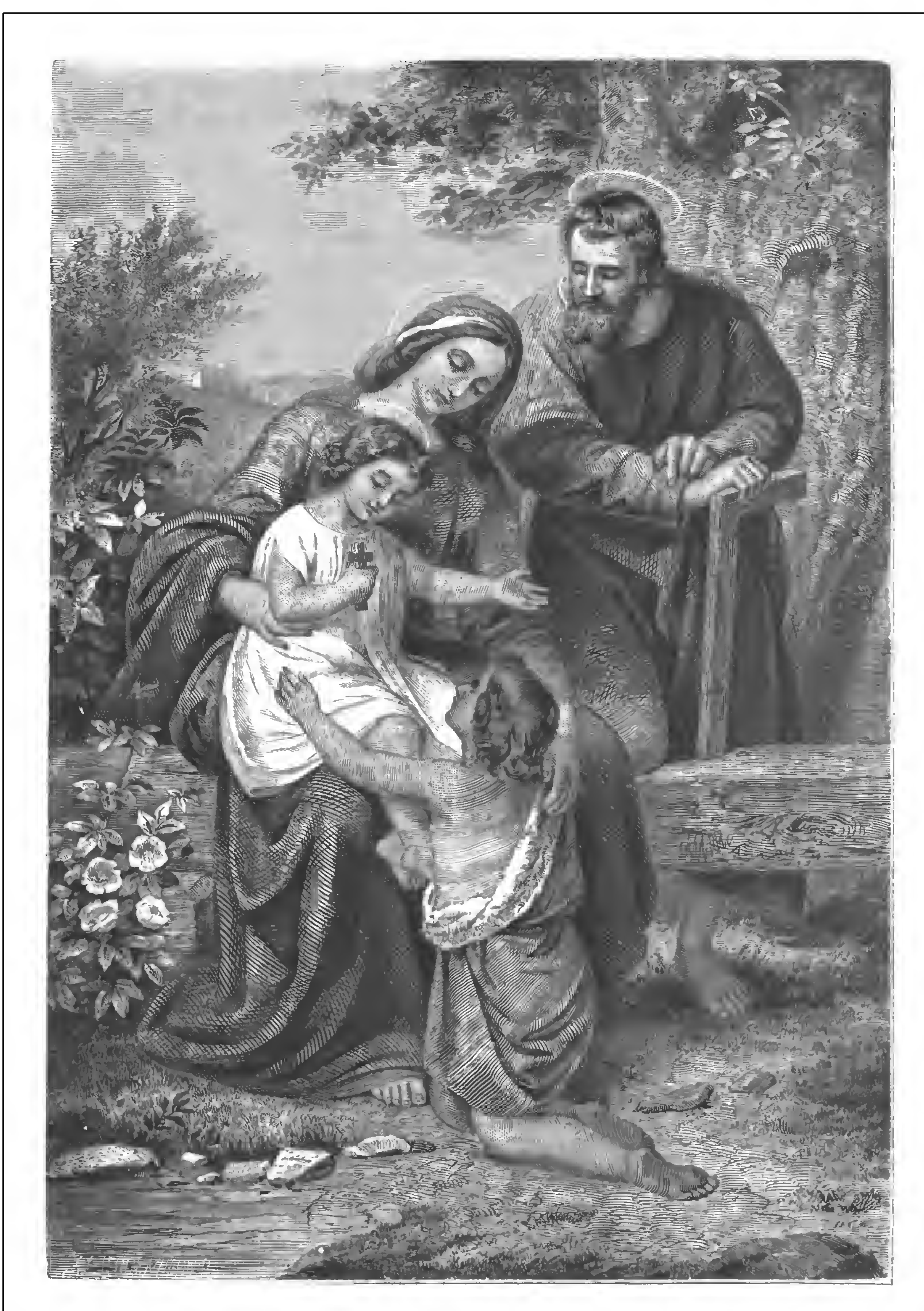
— Что ты, кажется, раскаеваешься въ томъ, что отказала ему,—продолжалъ Вильгельмъ,—и что ты дала ему это замѣтить.

— Возможно ли это? и ты могъ ему повѣрить?

— Я ему не повѣрилъ, но что-то заныло у меня въ сердцѣ. Мнѣ бы слѣдовало съ первымъ же кораблемъ вернуться въ Европу, но, моя злая судьба, я законтрактовался до Нью-Іорка. Что было дѣлать? Я собралъ немного денегъ и послалъ тебѣ; кромѣ того я написалъ старому своему другу Фрицу Олсриху, ты его знаешь, судья нашей деревни, и просилъ его извѣстить меня, что съ тобой; въ Ріо-Жанейро я ждалъ его отвѣта. Тильда! что я перенспыталъ во время долгаго пути къ Ріо-Жанейро! Придя туда, я пошелъ на почту. Тамъ было два письма: одно опять отъ Адама Юрса, другое отъ судьи; мои глаза не были слѣпы, моя голова была свѣжа и свѣтла, тамъ было написано: что ты конечно хорошая женщина, но ему такъ грустно, онъ долженъ признаться, что по деревнѣ ходятъ не хорошіе слухи о тебѣ и Адамѣ; что къ тебѣ онъ ходитъ и вечеромъ и утромъ.

— О гадкіе, скверные люди! воскликнула Тильда,—у меня въ домѣ не было ни крохи хлѣба; работы достать было трудно, никто надо мной не сжалился, а ребенокъ плакалъ и просилъ ѣсть; и вотъ пришолъ Адамъ; я какъ теперь вижу его лукавое лицо; онъ мнѣ говорилъ, что все еще меня любитъ, говорилъ о своихъ корабляхъ, о приносимыхъ ими доходахъ. Я была слишкомъ слаба, чтобы отказаться отъ его помощи,—ребенокъ такъ плакалъ, такъ просилъ хлѣба, что сердце у меня обливалось кровью. Адамъ продолжалъ ходить къ намъ очень часто, хотя я его и просила насъ оставить, боясь всевозможныхъ сплетенъ. О, я клянусь тебѣ, мое сердце было чисто, и только ради ребенка...

— Слушай дальше, продолжалъ Вильгельмъ. Я прочелъ письмо Адама; громъ и молнія! мой портретъ, тотъ самый, что далъ



На елку: Святое семейство. Картина Дешвандена, грав. Бренд'Амуръ.



**На елку: Пора спать!** Рис. профес. Мюллеръ, грав. Тромейеръ.

я тебѣ, будучи еще женихомъ, и видѣлъ такъ часто на твоей шеѣ, Тильда, мой портретъ выпалъ изъ листковъ. Онъ его вынулъ изъ медальона, и смотри, какъ теперь въ моей рукѣ, такъ онъ лежалъ тогда передо мною.

И онъ вынулъ изъ записной книжки портретъ.

Она зарыдала.

— Ахъ Вильгельмъ, онъ вырвалъ его у меня какъ залогъ долга; другаго ручательства онъ не хотѣлъ, а ребенокъ плакалъ и просилъ хлѣба, и я со слезами отдала ему этотъ залогъ!

— Ты ему навязала его, писалъ онъ,— продолжалъ Вильгельмъ и его голосъ задрожалъ отъ волненья: я долженъ былъ ѣхать, скорѣй ѣхать, такъ какъ и онъ человѣкъ, писалъ онъ, и его сердце можетъ невыдержать. Да, я долженъ былъ пріѣхать, Тильда, и какъ можно скорѣй! Да развѣ онъ не зналъ, что я былъ связанъ контрактомъ до самаго Нью-Іорка! Я ничего не отвѣчалъ! Но сердце разрывалось во мнѣ, и какъ я не умеръ отъ всѣхъ перенесенныхъ страданій? Путешествіе были длинное: и что же я нашелъ въ Нью-Іоркѣ? Не письмо, Тильда, нѣтъ, посылку. Адресъ былъ написанъ его рукой; въ посылкѣ письма не было, а лежало вотъ что.

Онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана кольцо и бросилъ его на столъ; оно покатилось и зазвенѣло.

— Мое кольцо,—вскрикнула она,—мое обручальное кольцо! и слезы заглушили ея голосъ. Онъ выманилъ его у меня, выманилъ обѣщаніями и угрозами. Ахъ голодъ и ребенокъ! она бросилась къ его ногамъ: о повѣрь мнѣ, заклинаю тебя всѣмъ святымъ!..

— Оставь, прервалъ онъ ее, и блѣдное, суровое лицо его озарилось добротой и нѣжностью; онъ поднялъ ее съ земли. И такъ я былъ въ Нью-Іоркѣ, продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанья, я былъ свободенъ и могъ возвратиться въ Европу, на родину. Но у меня уже больше не было родины; все исчезло, пропало, мое сердце умерло; я проклялъ все, свѣтъ, жизнь; я проклялъ тебя и мое дитя; я нанялся на корабль, шедшій въ Китай; потомъ я былъ на берегахъ Гвинеи, въ водахъ Тихаго океана. Такъ, Тильда—шли годы за годами,—въ его голосѣ слышалась тихая тоска—годы своими шумящими крылами несли исцѣленіе. Часто, когда я звѣздною ночью юга сиживалъ на палубѣ и смотрѣлъ въ глубокое небо, мнѣ казалось, что здѣсь,—онъ указалъ на грудь—живетъ какое-то острое чувство, далекое и тихое, это чувство—тоска по родинѣ. Онъ закрылъ рукою глаза, какъ будто ему было больно смотрѣть на зажженные огни маленькой елки, стоявшей у его ногъ на каменномъ полу бѣдной комнатки. И вотъ я здѣсь, продолжалъ онъ; я болѣе не могъ переносить, я долженъ былъ его видѣть, моего мальчика, мое жилище..

И онъ взялъ и, посадивъ на колѣни, крѣпко прижалъ къ сердцу мальчика, все время оживленно смотрѣвшаго изъ угла на происходившую передъ нимъ сцену. Дитя обняло отца и многолѣтнее горе и боль разрѣшились у суроваго человѣка слезами.

— Мой мальчикъ, мое дитя, моя родина...

— И твоя жена, сказала застѣнчиво Тильда. Она стояла подаль; теперь подошла и обняла его. Боязливый, невысказанный вопросъ застылъ въ ея чертахъ.

— Прости! вырвалось у нея. Онъ спустилъ съ колѣнъ мальчика и привлекъ ее къ себѣ.

— Цѣлые годы ты обо мнѣ горевала Тильда; я вѣрю въ тебя: я видѣлъ, какъ ты молилась о покойномъ мужѣ.

— О милый, дорогой мой!..

Долго они не могли выговорить ни одного слова. Въ маленькой комнаткѣ было тихо. Только по сучьямъ стоявшей передъ дверью липы пробѣгало дыханіе ночи, и по временамъ въ окно таинственно ударялась какъ бы стучась, вѣтка.

— А что Адамъ?

— Ты найдешь его за стѣной кладбища, отвѣтила Тильда; тамъ въ углу, гдѣ могилы безъ крестовъ, только камни безъ имени! Буря въ одну ночь истребила его корабли, и онъ съ отчаянья пустилъ себѣ пулю въ сердце.

— Богъ судилъ его,—сказалъ Вильгельмъ. Потомъ онъ поднялъ съ пола горящую елку и поставилъ ее на столъ.

— Какой чудный сочельникъ! вздохнулъ онъ, тронутый до глубины души. Правую руку онъ положилъ на голову сына, лѣвой обнялъ жену.

На улицѣ тянулась толпа, съ пѣсней и шумомъ. Жители, по обычаю отцовъ и дѣдовъ, обходили передъ Рождествомъ всю деревню. Вильгельмъ отворилъ окно и раскрылъ ставень; когда подошла ближе толпа, сверкая огнями свѣчей, съ еловыми вѣтвями въ рукахъ; онъ запѣлъ какъ и всѣ, отчетливо и сильно. Далекое эхо вторило ему и далеко повторило оледенѣлое море привѣтствіе Рождественской ночи.

# Къ рисункамъ.

## Всякому свое.

(Силуэты).

Наступаетъ праздникъ Рождества и всякому приноситъ свое. По улицамъ суета, говоръ, праздничные наряды. По снѣгу визжатъ полозья саней, колокола зовутъ къ молитвѣ, торжественный звонъ раздается въ морозномъ воздухѣ—все празднуетъ Рождество.

Дѣтямъ настоящій праздникъ. Вонъ кучеръ идетъ, торопится закладывать лошадей, а вонъ двое дѣтей—братъ и сестра—уже шибко скачутъ въ саняхъ по улицѣ на тройкѣ маленькихъ, красввыхъ пони. Дѣвочка ѣдетъ въ санкахъ на собакѣ, которая, кажется, вовсе недовольна исполняя обязанности лошади—поджала хвостъ и такъ жалобно смотритъ. Катаются на конькахъ; идутъ гулять по улицѣ, танцуютъ. Дѣвочка въ восторгѣ разсматриваетъ свою новую куклу, двѣ другія показываютъ какіе имъ подарили цвѣты. Даже лукавая кошечка хочетъ полакомиться на праздникъ и умильно смотритъ на птичку, сидя на обледенѣлыхъ вѣтвяхъ дерева. Но не всѣмъ веселье. Вонъ трубочистъ, не смотря на праздникъ, идетъ на свою нелегкую работу и за весело бѣгущею тройкой пони бѣжитъ бѣдный мальчикъ, прося на хлѣбъ. И того у него нѣтъ на праздникъ. И радующіеся и веселящіеся должны помнить о „труждающихся и обремененныхъ“.

## Маленькая Ева и запрещенные плоды.

Извѣстно, что съ легкой руки прародительницы рода человѣческаго срыванье запретныхъ плодовъ стало дѣломъ до того обыкновеннымъ, что на него перестали даже смотрѣть какъ на грѣхъ. Болѣе того: это срываніе чуть ли не сдѣлалось необходимою обязанностію каждаго „культурнаго“ человѣка. И не даромъ Пушкинъ сказалъ:

О, люди! Всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ,—
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,—
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Страсть къ „срыванію“—какая-то инстинктивная страсть. Взгляните хоть на прилагаемый рисунокъ: дѣвочка еле изъ пеленокъ пригнула, до стола еще не доросла какъ надо, а поползновеніе къ „запретному“ проявляется и въ ней; игрушки забыты, сама она, поднявшись на цыпочки, какъ звѣренокъ впилась глазами въ добычу. Эти мандарины, дюшессы, персики—только предвѣстники грядущихъ искушеній, который ей быть можетъ пошлетъ жизнь впереди.

## Елка славянина.

Холодна, непривѣтлива рождественская ночь.

Суровая природа „черныхъ горъ“ не дѣлитъ праздника съ человѣкомъ. Сырой туманъ ползетъ по ущельямъ, насквозь пронизываютъ рѣзкіе порывы вѣтра, угрюмо громоздятся вокругъ голыя скалы, пожелтѣла, вымерзла завялая травка, пробившаяся въ трещинахъ; сѣдой косматый мохъ болѣзненными наростами пятнаетъ эти безплодные, изъѣденные бурями и потоками ливня, дико безпорядочно нагромоздившіеся камни...

Скудна природа: мало благъ она даетъ человѣку; да люди то здѣсь все такіе нетребовательные, малымъ довольные, все выносящіе, терпѣливые, голодные, холодные — но за то гордо счастливые своею недосягаемою свободою...

Тамъ внизу, въ долинахъ, у самаго берега моря, что и отсюда видно безконечною синею скатертью—тамъ и тепло и сытно, да только сытость то эта не дешево имъ достается; платятъ они и спиною своею—подъ турецкимъ бичемъ головою подчасъ, а то и еще того хуже—безчестьемъ своихъ семей, позоромъ женъ и дочерей, въ угоду хищникамъ... Сюда эти хищники не забираются: и взять то имъ нечего, да и дурно обойтись можетъ. Здѣсь сунься, такъ назадъ не унесешь своихъ ногъ, здѣсь пастухъ козу свою послѣднюю защищаетъ крѣпче, чѣмъ тамъ, внизу—жену, изнѣженный, деморализованный баловень.

Въ каменныхъ горахъ, въ каменныхъ первобытныхъ сакляхъ—живутъ и люди каменные.

Холодна, непривѣтлива рождественская ночь.

Свято чтитъ полудикій христіанскій горецъ эту завѣтную ночь; привела судьба ему встрѣтить великій праздникъ не въ дому, не въ семьѣ—все онъ помнитъ, не забываетъ дѣла.

У южныхъ славянъ Рождественскій вечеръ зовется „Бадній вечеръ.“

У нихъ есть и своя елка—„баднякъ.“ Это—дерево срѣзанное въ лѣсу въ полночь наканунѣ Рождества. Его зажигаютъ, подкладывая кругомъ маленькій костеръ и кропятъ его святою водою и виномъ и поютъ:

Здравъ бадняче
Веселяче...

Въ Цетиньѣ самъ князь каждый годъ неизмѣнно исполняетъ обычай старины. Онъ идетъ въ бадній вечеръ въ лѣсъ, срѣзываетъ деревцо лично самъ и зажигаетъ костеръ.

И бѣдный одинокій пастухъ, сидя одинъ надъ моремъ, привѣтствуетъ Рождество и зажигаетъ свой маленькій badnjak на скалистой вершинѣ.

Еще съ утра, когда, пользуясь относительнымъ тепломъ полуденнаго солнца, взбирался онъ съ своимъ крохотнымъ стадомъ повыше, за тѣ даже высокіе кряжи, что теперь сплошь затянуло тяжелыми тучами, тамъ вырѣзалъ онъ себѣ ножемъ елочку и сюда приволокъ, на ночлежное мѣсто, въ разсѣлину, въ затишье...

Весело горятъ крохотные огоньки, потрескиваютъ смолистые вѣточки—красный свѣтъ искрится, мигаетъ на мокрыхъ выступахъ камня, тѣни черныя въ глубь отбрасываетъ.

Козлята широко свои глазки пораскрыли, дивятся чуду невиданному, песъ косматый, сторожъ и спутникъ, къ ногамъ притаился—уши насторожилъ и помаргиваетъ...

Стонетъ вѣтеръ въ горахъ, глухой гулъ съ далекаго моря несется... Задумался пастухъ Станко передъ своею елкою, уставилъ очи на „рождено-Древо“—и шепчутъ губы его, перепутанныя, полузабытыя, безсвязныя слова молитвы..

## Святое семейство.

Величайшій переворотъ въ исторіи человѣчества—переходъ его отъ древней, такъ называемой языческой религіи, къ новой религіи, явленіе Христа Іисуса, — этотъ переворотъ, столь богатый и чисто-внѣшними и чисто-внутренними событіями, и картинами самаго раздирающаго свойства,—навсегда останется неисчерпаемымъ источникомъ красотъ для всѣхъ художниковъ и поэтовъ. Прочувствовать, понять и воплотить въ изображеніи Основателя христіанства,—представить этотъ божественный, высокій, неизмѣримо высокій Духъ, который, для того былъ заключенъ въ земную оболочку, чтобы предстать изумленному человѣчеству въ той по видимому обыкновенной формѣ земнаго существа, какими были всѣ вокругъ его, — изобразить этотъ идеалъ такъ, чтобы онъ могъ поразить насъ своей *духовной* красотой настолько, насколько насъ поражаетъ неизмѣримо глубокая божественность его ученія,—вотъ камень преткновенія для художниковъ всего міра. Изъ сотенъ тысячъ картинъ, разсѣянныхъ по галлереямъ Европы, вы можете отобрать десятокъ—другой картинъ самаго высокаго письма. Но такихъ картинъ, передъ которыми вы остановитесь съ такимъ-же благоговѣйнымъ изумленіемъ, какъ и передъ Новымъ Завѣтомъ, и тутъ едва-ли найдете. Да странно требовать отъ художника такой высоты духа: для этого мало быть человѣкомъ.

Прилагаемый рисунокъ, изображающій *Святое Семейство*, обращаетъ на себя вниманіе прекрасной рѣзьбой. Онъ гравированъ, смѣлымъ рѣзцомъ одного изъ лучшихъ лейпцигскихъ граверовъ—Брен-д'амура.

## Пора спать!..

— Спать пора! раздается строгій голосъ матери, и въ отвѣтъ на него слышатся всхлипыванья и хныканья ребятокъ. Имъ только что надарили всевозможныхъ куколъ, барабановъ, лошадокъ, пузырей,—и они не хотятъ ложиться. Завтра проспитесь, наиграетесь,—замѣчаетъ бабушка, насильно стягивая съ внучка чулокъ...—Я хочу сегодня—капризно возражаетъ мальчикъ, одной рукой ухватясь за саблю, а другой утирая слезинки. Капризы начинаютъ простираться за предѣлы добронравія, и даже является напоминаніе, впрочемъ въ самой милой, рождественской формѣ: въ видѣ куклы съ пучкомъ „лозы“. Всхлипыванья длятся недолго: минутъ черезъ десять все умолкаетъ—и мирный сонъ воцаряется въ дѣтской; самые заманчивые праздничные сны летаютъ надъ ихъ головками, и на первомъ планѣ въ этихъ сонныхъ мечтаніяхъ является елка, передъ которой они только что плясали. А въ воздухѣ такъ вкусно пахнетъ: и елкой, и жаренымъ гусемъ, и восковыми свѣчами, и скипидаромъ, которымъ густо намазаны всѣ игрушки.—Дѣтскій праздникъ! говорятъ всѣ. Да, дѣтскій. И пожалуй у каждаго лучшія воспоминанія дѣтства связаны съ рождественскими праздниками.

## Одна въ Рождественскую ночь.

(Картина Эриста Ханфштенгля).

Картина Ханфштенгля не сложна по сюжету. Одинокая старушка благочестиво проводитъ Рождественскій вечеръ за чтеніемъ Библіи, великой книги, которая приноситъ ей утѣшеніе и разгоняетъ боль воспоминаній невозвратнаго прошлаго. Всѣ умерли. Нѣтъ у нея ни веселыхъ кудрявыхъ внучковъ, ни милыхъ молодыхъ родныхъ и въ то время, какъ вездѣ горятъ радостныя елки—она сидитъ одна...

Она уже и свыклась съ этимъ одиночествомъ и ей незаманчива эта жизнь, которая идетъ около нея съ иными требованіями и иными уклоніями, ей чуждыми; она вся принадлежитъ старому, отжившему времени и одинъ тихо мурлычитъ около нея только ея старый котъ, теперь единственный ея другъ и товарищъ.

Картинка очень несложна по содержанію, но она полна теплаго и глубокаго чувства и прекрасно выполнены всѣ ея подробности. Такъ простъ, но вѣчно свѣжъ и неизмѣнно пріятенъ жанръ старой, фламандской школы; самые талантливые ея художники любили изображать почтенныхъ старичковъ и старушекъ за ихъ самыми обыденными, самыми обыкновенными занятіями; съ трубочкой, за прялкой, съ стаканомъ вина, за кувшиномъ пива сидятъ они, какъ живые и эти простыя картинки поражаютъ до сихъ поръ своей жизненной правдой. Этимъ качествомъ отличается и картина Ханфштенгля; особенно лице старушки, на которомъ отражаются и вниманіе и набожная сосредоточенность, столь обычныя для нея при чтеніи священной книги; плутовская же мордочка любимца кота ласкающагося и мурлыкающаго около своей хозяйки, придаетъ всей картинѣ характеръ какой-то домашности и оживляетъ эту исполненную чувства сцену.

## Лѣсникъ-охотникъ.

Старикъ такъ привыкъ къ лѣсу. Ему близки и знакомы каждое дерево, теперь покрытое шапками снѣга—онъ любитъ свое уединенное жилье среди этого безмолвнаго и полнаго жизни лѣснаго царства. Онъ привыкъ на яркой цѣлинѣ снѣга высматривать перепутанные слѣдки лѣснаго звѣрья; глазъ его не ошибется и ружье не дастъ промаха—валится съ дерева тяжелый глухарь, валится проворная бѣлочка. На бѣлочекъ вездѣ поставлены у него капканы—обходитъ онъ всѣ эти мѣста и собираетъ неосторожныхъ звѣрковъ, попавшихъ въ крѣпкія тиски. Съ трубочкой своей въ зубахъ, съ старымъ вѣрнымъ ружьемъ своимъ, онъ исходилъ весь лѣсъ и знаетъ его какъ свою горенку.

Теперь онъ торопится домой. Ему представляется веселый, уютный домикъ, звонкіе голоса дѣтей, ласковая, спокойная рѣчь его старухи—вся эта мирная жизнь, которая такъ помогаетъ съ яснымъ духомъ и спокойною совѣстью доживать долгую, трудную жизнь. Дома трещитъ огонь въ комнатѣ, дымится котелокъ и такъ славно будетъ присѣсть къ камину и отогрѣть усталые отъ долгой ходьбы члены и покурить трубочку среди своихъ, прислушиваясь изрѣдка какъ шумитъ вѣтеръ за окномъ или трещатъ вѣтки, обломанные проворной бѣлкой или тяжелой вороной, которая каркая перелетаетъ на сосѣднее дерево, осыпая съ его вѣтвей бѣлыя комья мягкаго снѣгу.

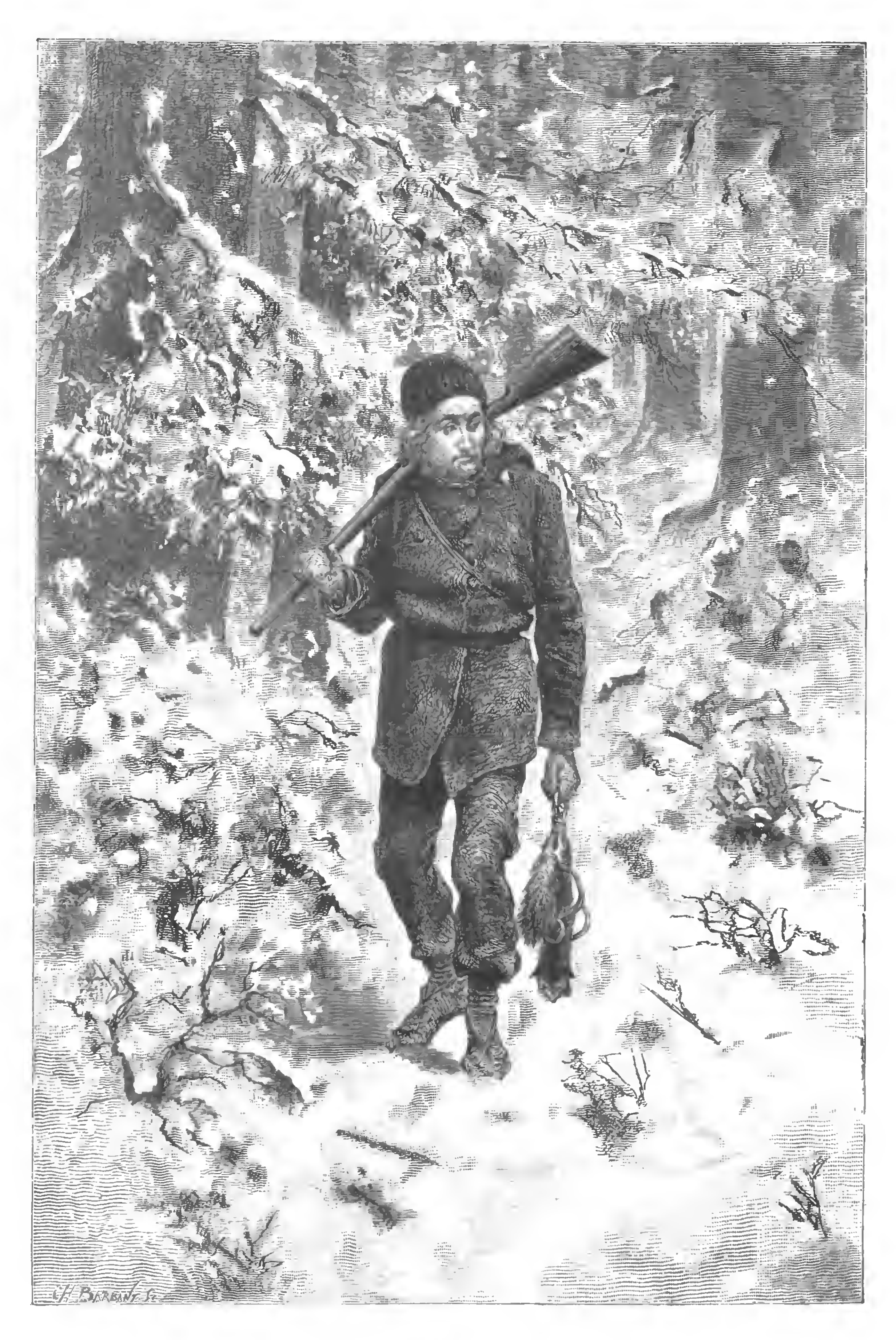
# Краткое обозрѣніе главнѣйшихъ событій за 1878 годъ.

Начало прошлаго года совпало съ окончаніемъ великой освободительной войны между Турціей и Россіей. Густые клубы пороховаго дыма заволакивали еще атмосферу, еще гремѣла канонада, русскіе полки, грозно сверкая „стальною щетиною“ отъ самаго Дуная, на поднебесныхъ высяхъ Балканъ, въ равнинахъ южной Болгаріи, гнали предъ собой побѣжденную рать султана и быстро подвигались къ Царьграду. Грандіозная картина борьбы маскировала собою, такъ сказать, зачатки послѣдующихъ событій, всего того, что должно было совершиться въ теченіи только что минувшаго года. Бросимъ бѣглый взглядъ на эти событія.

На театрѣ военныхъ дѣйствій дѣло, очевидно, приходило къ концу. Послѣ плѣненія генераломъ Радецкимъ, 28-го декабря, Шипкинской арміи, слѣдовало, одно за другимъ, взятіе Самокова, Трояновыхъ воротъ, Эски-Загры, 5-го января взятъ Филиппополь, 8-го занятъ, безъ боя, Адріанополь, затѣмъ—Люле-Бургасъ. Въ то же время корпусъ Циммермана двинулся, отъ линіи Черноводы-Кюстенджи, къ юго-западу, въ предѣлы такъ-называемаго четырехугольника, а Рущукскій корпусъ овладѣлъ Османъ-Базаромъ и Разградомъ. Остатки турецкихъ силъ (около 40 тысячъ) частью сосредоточились у Чаталджи, частью направлены къ Галлиполи. Въ такомъ видѣ представлялось тогда взаимное положеніе воюющихъ сторонъ. Съ этой же минуты британское правительство начинаетъ выходить изъ принятаго имъ, съ начала войны, положенія хотя зоркаго, но, по внѣшности, пассивнаго наблюдателя. Оно заявило, что будетъ слѣдовать болѣе активной политикѣ. Въ тронной рѣчи королевы, при открытіи парламента (5-го января), было сказано, что пока еще нейтралитетъ не нарушенъ, но, „въ случаѣ продленія военныхъ дѣйствій какое-нибудь неожиданное событіе можетъ сдѣлать необходимымъ принятіе мѣръ предосторожности, что было бы невозможно безъ приготовленій“. Приготовленія, конечно, потребовали чрезвычайнаго кредита, который и былъ вотированъ. Между тѣмъ, султанъ, видя невозможность продолжать борьбу, обратился къ королевѣ Викторіи съ просьбой о посредничествѣ для заключенія перемирія и мира. Королева приняла на себя роль миротворца и 19-го января Его Высочество Главнокомандующій телеграфировалъ изъ Адріанополя: „Предложенныя основанія мира приняты Портою и протоколъ сейчасъ подписанъ Мною и уполномоченными султана. Перемиріе также заключено и подписано. Приказаніе о пріостановленіи военныхъ дѣйствій немедленно отправлено во всѣ отряды и



**Одна въ Рождественскую ночь.** Картина Е. Ганфштенгель, грав. Кнезингъ.



**Лѣсникъ-охотникъ.** Рис. Делоръ, грав. Барбонъ.

на Кавказъ". Въ текстѣ предварительныхъ условій мира было сказано: 1) Болгарія, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ большинствомъ болгарскаго населенія, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань, съ правительствомъ народнымъ. христіанскимъ и туземною милиціею. 2) Независимость Черногоріи будетъ признана. Увеличеніе владѣній, соотвѣтственное тому приращенію, которое отдала въ ея руки судьба оружія, будетъ за нею утверждено. 3) Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана. Первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное поземельное вознагражденіе, а для второй—произведено исправленіе границъ. 4) Босніи и Герцеговинѣ будетъ даровано автономное управленіе, съ достаточными обезпеченіями. Подобнаго же рода преобразованія будутъ введены въ прочихъ областяхъ Европейской Турціи. 5) Порта приметъ обязательство вознаградить Россію за ея издержки на войну и потери, которымъ она должна была себя подвергнуть. Права и интересы Россіи въ Босфорскомъ и Дарданельскомъ пролинахъ будутъ охранены, по особому соглашенію. Условія перемирія, собственно. заключались въ слѣдующемъ: 1) враждебныя дѣйствія между воюющими сторонами кончатся со дня подписанія перемирія (19 го января). Въ силу условій перемирія, Турція снимаетъ блокаду портовъ. 3) Турція очищаетъ отъ своихъ войскъ Рущукъ, Силистрію и Виддинъ, а также и Сулину. Остальными, затѣмъ, пунктами (три) опредѣлены линіи, которыя предоставлено занять нашимъ войскамъ; наши заняли, въ скоромъ времени, затѣмъ, Чаталджу.

Россія, остановившись у самыхъ воротъ Константинополя, дала, повидимому, Европѣ достаточныя доказательства своей умѣренности, своего честнаго, прямаго образа дѣйствій. Но, Британія и Австро-Венгрія, преслѣдующія свои узкія и извѣстныя всѣмъ цѣли на Востокѣ (одинаково гибельныя и для турокъ, и для славянъ), *должны были умышленно* не видѣть добросовѣстнаго, безкорыстнаго поведенія Россіи, должны были возбуждать всеобщее подозрѣніе къ ея образу дѣйствій, чтобы тѣмъ найти оправданіе своимъ дѣйствіямъ. Наше правительство ясно видѣло, ясно понимало тайныя пружины политики Биконсфильда и принимало, насколько то было возможно, свои мѣры, стараясь отнять у противниковъ всякій поводъ, который облегчалъ бы имъ возможность достиженія намѣченныхъ ими цѣлей. Такъ, напримѣръ, когда турки послали часть своихъ силъ къ Галлиполи, и, вслѣдствіе того, въ этомъ направленіи двинутъ былъ также отрядъ и съ нашей стороны—князь Горчаковъ телеграфировалъ русскому посланнику при С.-Джэмскомъ дворѣ, графу Шувалову, что отрядъ этотъ выдвинутъ только въ качествѣ „обсерваціоннаго“ корпуса.

Австро-венгерскій канцлеръ испрашиваетъ чрезвычайный кредитъ и принимаетъ мѣры къ мобилизаціи войскъ. Италія примыкаетъ къ мнѣнію о томъ, что восточный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ Европой. Какъ видимъ, державы признали, въ принципѣ, что договоръ между Турціей и Россіей будетъ дѣйствителенъ только по утвержденіи его державами, которыя разсмотрятъ его на конференціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ слухи о конференціи. Иниціативу ея князь Бисмаркъ приписываетъ Австро-Венгріи. 19-го февраля заключенъ предварительный С.-Стефанскій прелиминарный договоръ. Условія этого договора, развивающія положенія предварительнаго мира, 19-го января, настолько уже извѣстны, что приводить ихъ здѣсь, конечно, мы не будемъ. Вопросъ о конгрессѣ начинаетъ выступать съ большею опредѣленностью, встрѣтивъ поддержку у всѣхъ державъ, но не у Британіи, которая высказала, что считаетъ его излишнимъ и отказалась послать своего уполномоченнаго. Такое противодѣйствіе Биконсфильда имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Германія, въ столицѣ которой конгрессъ долженъ былъ собраться, отложила приглашеніе, съ которымъ уже было обратилось къ державамъ; вмѣсто мысли о конгрессѣ явилось предположеніе о съѣздѣ въ Берлинѣ канцлеровъ трехъ союзныхъ императоровъ. Британское правительство начало открыто готовиться къ войнѣ и, подъ рукой, возстановлять силы Турціи.

Призвавъ изъ Индіи, главнокомандовавшаго тамъ военными силами, Сэра Нэпира-Магдальскаго, лордъ Биконсфильдъ, съ намѣреніемъ, затягиваетъ переговоры о конгрессѣ и, между тѣмъ, усиливаетъ флотъ въ Средиземномъ морѣ, эскадру въ турецкихъ водахъ, отправляетъ на островъ Мальту десантъ, подкрѣпляемый туземными остъ-индскими войсками и, въ то же время, даетъ возможность туркамъ довести численность арміи у Константинополя почти до 100 т. ч. и воздвигнуть сильные верки. Министръ иностранныхъ дѣлъ; лордъ Дэрби, разошелся въ направленіяхъ съ лордомъ Биконсфильдомъ и оставилъ кабинетъ, на его мѣсто вступилъ лордъ Салсбэри, который немедленно обратился къ державамъ съ нотой весьма опредѣленнаго содержанія. Въ ней британскій министръ прямо заявилъ, что британскіе интересы требуютъ сохраненія за Турціей Дарданеллъ, Чернаго и Эгейскаго морей, Персидскаго залива, и что Британія не допуститъ приближенія къ этому району, а также къ берегу Леванта и къ Суэзскому каналу форпостовъ военной державы. Австро-венгерское правительство, съ своей стороны, высказывается противъ С. Стефанскаго договора, вообще, и расширенія территоріи Черногоріи. Князь Горчаковъ, на ноту Салсбэри, отвѣтилъ меморандумомъ, который найденъ примирительнымъ и уступчивымъ. Въ началѣ Апрѣля замѣчается уже болѣе мирный поворотъ въ отношеніяхъ Британіи и Россіи, между которыми, мало по малу, наконецъ установилась почва для соглашенія, усиліями гр. Шувалова, ѣздившаго съ этою цѣлью въ Лондонъ.

Здѣсь, дозволимъ себѣ небольшое отступленіе и скажемъ, что между тѣмъ, на Балканскомъ полуостровѣ появился зародышъ извѣстнаго, впослѣдствіи, Родопскаго возстанія и Албанской лиги. Первое, составившееся изъ обломковъ арміи Сулеймана-паши и бѣглецовъ-мусульманскихъ жителей Болгаріи, направлено, преимущественно, противъ русскихъ, вторая, окрѣпнувшая позднѣе—предназначена для воспрепятствованія территоріальнымъ уступкамъ Черногоріи.

Великій Князь Николай Николаевичъ, возведенный въ званіе Фельдмаршала, просилъ объ снятіи съ него обязанностей Главнокомандующаго и на мѣсто Его Высочества назначенъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ. Вмѣсто графа Игнатьева нашимъ посланникомъ при султанѣ назначенъ князь Лобановъ-Ростовскій.

5-го (17-го) іюня собрался конгрессъ (всѣ подробности о немъ читатели найдутъ въ политическомъ обозрѣніи и спеціальной статьѣ нашего журнала за 1878 г.), засѣданія его продолжались до 1-го (13-го) іюля. Результаты его извѣстны: уменьшенная на половину Болгарія, отрѣзанная отъ моря, независимая Черногорія, освободившіяся отъ вассальнаго подчиненія Румынія и Сербія, присоединеніе къ Россіи части Арменіи, Батума, Карса и Ардагана (подарокъ отъ насъ Персіи, въ видѣ Котура). Исправленіе границъ Греціи, реформы въ имперіи и наконецъ—знаменитая конвенція Порты съ Британіей, съ уступкой Кипра, направленная противъ насъ. Какъ бы ни былъ измѣненъ С. Стефанскій договоръ, но нельзя не видѣть, что договоръ этотъ, содержавшій въ себѣ русскій планъ устройства судьбы Балканскихъ славянъ, былъ настолько широкимъ планомъ, что, вопреки Берлинскимъ урѣзкамъ, оставилъ еще не мало для нашихъ угнетенныхъ собратьевъ. Уже теперь ясна вся ненормальность положенія, созданнаго въ Берлинѣ... Намъ остается досказать немногое. Мы не будемъ останавливаться на мелкихъ сплетняхъ британскихъ агентовъ на наши дѣйствія въ Болгаріи—сплетни эти, какъ извѣстно, не удались: стоитъ вспомнить интриги тѣхъ агентовъ въ дѣлѣ Родопской комиссіи, напрасно старавшихся доставить Европѣ доказательства совершенныхъ, будто бы, русскими жестокостей надъ турками; затѣмъ,—читатели, изъ недавнихъ еще обозрѣній нашихъ, знаютъ о судьбѣ Родопскаго мятежа, который Британія старалась поддерживать при помощи своего офицера, Синклэра, но который почти уже не существуетъ; та же судьба постигла и пресловутую „албанскую лигу“, одно время довольно грозную, — извѣстно, что Мехмедъ-паша, бывшій главнокомандующій турецкими силами, а, впослѣдствіи, уполномоченный Порты на Берлинскомъ конгрессѣ, челонѣкъ, заслужившій общее уваженіе,—погибъ, убитый предводителями этой лиги, при выполненіи имъ порученія, возложеннаго на него Портой и заключавшагося въ умиротвореніи возставшихъ.

Не станемъ также здѣсь приводить всю вереницу перемѣнившихся турецкихъ министерствъ. Напомнимъ только читателямъ, что значительная часть постановленій Берлинскаго конгресса до сихъ поръ не выполнена Портой. Границы Греціи еще не „исправлены“, Черногорія не получила немногаго, опредѣленнаго ей европейскимъ ареопагомъ, реформы не вышли изъ портфелей ежегодно мѣняющихся министерствъ и т. д. Берлинская схема, какъ бы судьбой, предназначена осуществиться—только на бумагѣ... Впрочемъ — вошедшая въ нее оккупація Австро-Венгріею Босніи и Герцеговины приведена въ исполненіе. Но—какою цѣною и къ чему она приведетъ! Провинціи окончательно разорены, населеніе раздражено противъ „освободителей“, не смотря на увѣренія подставныхъ „депутатовъ.“ Самое занятіе содержитъ въ себѣ зародышъ будущихъ непріязненныхъ отношеній между Турціей и Австріей, которыя не могли придти къ заключенію конвенціи и едва ли когда либо придутъ...

Во время воинственныхъ выходокъ Британіи мы тронули больное мѣсто этой „всесвѣтной“ державы. Наше посольство прибыло въ Кабулъ, гдѣ и было дружески принято Эміромъ. Британскій вице-король немедленно снарядилъ свое посольство (съ тысячнымъ конвоемъ) къ Ширъ-Али. Авганскій государь отказался допустить къ себѣ представителя Индійской императрицы—остальное извѣстно. У насъ говорено было обо всемъ этомъ подробно и недавно.

Въ Германіи, за этотъ годъ, приходится отмѣтить два, одно за другимъ слѣдовавшихъ, возмутительныхъ покушенія на жизнь императора Вильгельма, къ счастью неудавшихся. Оба преступника — орудія соціаль-демократической партіи, развитію которой князь Бисмаркъ положилъ предѣлъ извѣстными законами, проведенными имъ въ рейхстагѣ. Партія эта обнаружила свое существованіе и въ другихъ государствахъ, преимущественно въ Испаніи, гдѣ Монкаси не удалось застрѣлить короля Альфонса, и въ Италіи, въ которой Пассаненте помѣшали заколоть короля Гумберта.

Повидимому, въ Испаніи, послѣ долгихъ годовъ неурядицы,

карлистскихъ войнъ, всевозможныхъ пронунсіаменто, колеблющейся республики, установилось, наконецъ, довольно прочное правительство, силу котораго, конечно, составляетъ благоразумная система, которой слѣдуетъ министерство, а также удачный составъ его. Овдовѣвшій король Альфонсъ, не высказалъ еще намѣренія вступить въ новый бракъ. Въ нынѣшнемъ году онъ потерялъ свою бабку, королеву Христину.

Тяжелую утрату понесла Италія, въ лицѣ короля Виктора-Эммануила (біографія въ нашемъ журналѣ), скончавшагося послѣ краткой болѣзни, 28-го декабря 1877 г. Новый король, Гумбертъ 1-й выразилъ твердое намѣреніе идти по слѣдамъ своего популярнаго отца.

Надняхъ послѣдовала перемѣна министерства: кабинетъ графа Кайроли подалъ въ отставку, которая принята; новый кабинетъ поручено составить Депретису. 26-го января скончался Папа Пій IX-й и конклавомъ избранъ кардиналъ Печчи, подъ именемъ Льва XIII-го. Съ нимъ начинается, нечувствительно еще пока, поворотъ къ болѣе мягкимъ отношеніямъ съ Итальянскимъ дворомъ и—съ кн. Бисмаркомъ, который, въ нынѣшнемъ году, явился уже не прежнимъ грознымъ врагомъ католической партіи въ Германіи. Левъ XIII, вообще, не подчиняется, повидимому, фанатическимъ взглядамъ и вліяніямъ извѣстной части Ватиканскаго двора.

Во Франціи рознь партій (за исключеніемъ республиканской), съ каждымъ днемъ ведетъ къ упроченію республиканской формы правленія. За минувшій годъ, въ ней мы не видали никакихъ особо выдающихся событій. О выставкѣ Парижской мы говорили въ спеціальныхъ статьяхъ.

## Библіографія.

*Буквы-картинки.* Пособіе при обуч. грамотѣ. По мысли Ф. Резенера, Ц. 1 р. пер. 4 ф. Спб. 1879. (Складъ издан. Мастерская учебныхъ пособій Спб. Троицкій пер. д. № 11—3.)

Теперь вообще находятъ необходимымъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы выучить дѣтей читать такъ сказать „незамѣтно“. Хотя мы всѣ выучились этому самымъ простымъ способомъ, но можетъ быть теперь такъ и нужно. Скорѣе ли и легче ли теперь выучиваются дѣти съ помощью разныхъ рисунковъ, судить не беремся. Въ настоящемъ очень хорошемъ изданіи начертаніе каждой буквы составлено изъ предметовъ, названія которыхъ начинаются именно съ данной буквы, чтобы такимъ образомъ буквы легче запоминались. Самое изданіе очень красиво и изящно и рисунки сдѣланы весьма тщательно.

# ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ 1879 году „Нива“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе 9 лѣтъ ея изданія. Въ виду большой распространенности, какую имѣетъ нашъ журналъ въ средѣ русской читающей публики, было бы излишне говорить о его направленіи и о тѣхъ художественныхъ и литературныхъ цѣляхъ, которыя, неуклонно и съ неустанною заботливостью, имъ преслѣдуются и выполняются. Въ будущемъ, 1879 г.. такъ же тщательно и съ тою же разборчивостью будетъ дѣлаться выборъ всего помѣщаемаго и главною заботою редакціи будетъ, конечно, чтобы все, помѣщаемое въ журналѣ, имѣло характеръ чтенія общеполезнаго, занимательнаго и способствующаго умственному и нравственному развитію.

Разумѣется, заканчивая настоящій годъ, мы сдѣлали уже теперь большой запасъ статей и рисунковъ для „Нивы“ будущаго, 1879 г. Такъ какъ нѣтъ никакой возможности перечислить здѣсь вполнѣ даже главнѣйшіе изъ нихъ—скажемъ только, что въ теченіи будущаго года, на страницахъ „Нивы“ явятся, въ большомъ количествѣ, **рисунки изъ русской исторіи, виды живописныхъ и интересныхъ, въ какомъ либо отношеніи, мѣстностей Россіи и иностранныхъ государствъ; рисунки** къ лучшимъ произведеніямъ нашей и западной литературы, типы, сцены, картины народной жизни, рисунки по астрономіи, зоологіи и т. п. Кромѣ того, будутъ помѣщаться рисунки и статьи, относящіеся къ воспоминаніямъ о только что оконченной великой войнѣ.

Стремясь, съ каждымъ годомъ, къ улучшенію качества предлагаемаго матерьяла, мы выдаемъ **преміей „Нивы“ за 1879 г двѣ оригинальныя акварельныя картины изъ русской жизни,** исполненныя, для нашего журнала, знаменитымъ художникомъ нашимъ, профессоромъ СПБ. Императорской Академіи Художествъ **Константиномъ Егоровичемъ Маковскимъ,** а именно:

1) **„召Мининъ на кремлевской площади, въ Нижнемъ, призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды“**, историческая картина изъ эпохи смутнаго времени Московскаго государства, XVI столѣтія.

2) **Воскресный день въ малороссійской деревнѣ,** (народная сцена).

Картины столь различнаго содержанія, предлагаются нами, именно для того, чтобы показать различныя стороны прекраснаго дарованія нашего художника.

Изъ литературныхъ произведеній, имѣющихъ появиться въ 1879 г., назовемъ только нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ:

1) Рядъ **иллюстрированныхъ очерковъ, разсказовъ и воспоминаній изъ минувшей войны ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО** съ многими рисунками извѣстнаго рисовальщика Н. Н. Каразина (**„Румынія и румыны“, „На Дунаѣ“, „За Балканами“, „На берегахъ Эгейскаго моря“, „Жизнь болгаръ“, „С. Стефанскій дневникъ“ и друг.**) Подробное объявленіе объ этихъ очеркахъ и разсказахъ уже было помѣщено въ 48 № „Нивы“.

2) **„Приключеніе моего доктора“** разсказъ Вс. С. Соловьева. 3) **„Монастырская питомица“** быль XVI в. М. Романовой, 4) **„Черный воинъ“**, киргизская легенда съ большими рисунками Каразина, 5) **„Среди бандитовъ“** разсказъ русскаго художника, быль, М. Перова, 6) **„Егоръ Егоровичъ“**, разсказъ Н. Бутовскаго, 7) **„Болгарка-драгунъ“**, разсказъ Орловскаго-Волатовскаго. и многіе другіе.

Кромѣ того **ВС. С. СОЛОВЬЕВЪ**, авторъ **„Царь-дѣвицы“ „Юнаго Императора“ и „Княжны Острожской“**, съ произведеніями котораго уже знакомы наши читатели, оканчиваетъ въ настоящее время новый историческо-бытовой романъ изъ эпохи царствованія Алексѣя Михайловича, подъ заглавіемъ **КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА**“, который будетъ также напечатанъ въ „Нивѣ“.

Что касается художественно выполненныхъ гравюръ и рисунковъ, мы можемъ ручаться, что они будутъ первоклассными. Для „Нивы“ работаютъ и гравируютъ только самые лучшіе художники-граверы въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ и Дюссельдорфѣ.

Сверхъ сего, заготовлено редакціей, изъ литературы европейской, нѣсколько интересныхъ переводныхъ повѣстей и разсказовъ; но редакція будетъ отдавать постоянное предпочтеніе **оригинальнымъ** произведеніямъ изъ **русской жизни.**

Аккуратность и всегда своевременный выходъ и пересылка номеровъ извѣстна всѣмъ нашимъ читателямъ—точно такъ будетъ и въ наступающемъ году.

Прощаясь съ читателями „Нивы“ настоящаго года, надѣемся встрѣтить ихъ въ числѣ читателей наступающаго, 1879 года.

| | | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 95 | 26 | 59 | 88 | 29 | 92 | 61 | 90 | 33 | 70 |
| 58 | 87 | 94 | 27 | 60 | 89 | 32 | 71 | 62 | 1 |
| 15 | 96 | 25 | 30 | 93 | 28 | 91 | 100 | 69 | 34 |
| 86 | 57 | 16 | 97 | 24 | 31 | 72 | 5 | 2 | 63 |
| 17 | 14 | 53 | 56 | 73 | 48 | 99 | 68 | 35 | 4 |
| 54 | 85 | 18 | 49 | 98 | 23 | 6 | 3 | 64 | 67 |
| 13 | 52 | 55 | 22 | 81 | 74 | 47 | 66 | 7 | 36 |
| 84 | 19 | 50 | 41 | 78 | 43 | 80 | 75 | 46 | 65 |
| 51 | 12 | 21 | 82 | 39 | 10 | 77 | 44 | 37 | 8 |
| 20 | 83 | 40 | 11 | 42 | 79 | 38 | 9 | 76 | 45 |

**Рѣшеніе задачи „ходъ коня“ въ № 50 „Нивы“.**

## Осень.

Унылая пора, очей очарованье
Пріятна мнѣ твоя печальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

**А. С. Пушкинъ**

## Шахматная задача.

Черные.

A B C D E F G H

Бѣлые.

**Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.**

Рѣшеніе шахматной задачи, помѣщенной въ № 51 „Нивы“.

| Бѣлые. | Черные. |
|---|---|
| 1) B 3—D 1 | 1) H 6 H 5 |
| 2) C 3—D 2 | 2) Куда угодно |
| 3) E 2—E 4, G 4—H 4 †† | |

Если черные ходятъ при первомъ ходѣ H 6—H 7 или G 6—H 5 тогда бѣлые играютъ такъ: C 3 - G 7 и D 1—C 2 ††

**Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 50.**

Подписка на газеты и журналы передъ новымъ годомъ громадна: редакціи завалены дѣломъ.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

**Казанс. ул. В. Жад—ко.** «Но надъ Дономъ садъ цвѣтетъ» очень хорошее стихотвореніе и мы бы его непремѣнно помѣстили, если бы оно было ваше, а не было написано извѣстнымъ поэтомъ А. В. Кольцовымъ и помѣщено въ полномъ собраніи его стихотвореній на стр. 85.

**Въ Тимъ К—у.** «Книга пѣсенъ» Гейне переведена давно, и не нѣсколько разъ.

**Село Анненское Станис—у.** Вы сообщаете въ стихахъ нѣкоторыя автобіографическія подробности, напр.

Я плодъ брошенный
Преступленія
Безъ малѣйшаго
Сожалѣнія!

Едва ли интересно посредствомъ печати довести это до общаго свѣденія.

**Николаевъ Сн—ому.** За помѣщеніе стиховъ деньги съ авторовъ не взимаются.

**М. Ф. 18.** Статьи ваша не подходитъ къ программѣ нашего журнала.

**Москва Бѣш—ву.** Ваши стихи не могутъ быть напечатаны.

**Не будутъ напечатаны:** «Отголоски изъ губерис. города» «Памятникъ Квитки», «Прошлое Волги» «Разрушенное счастье» «Какъ слагается жизнь» «Замѣтки изъ тихаго угла» «Современная любовь» «На елку». **Стихотворенія:** А. Михельна, Бури (Г. въ Москвѣ). Воспоминанія (Гонч—а). Прощанье (Казань В. И.) Стихотв. (Киснем—аго) Молитва Черноморца (Г.) Пѣвцы надосугѣ (Жд - а) Звѣзды (Голиб—на) Воспомин. (Цел—скаго) Слободка (Н. Э.) Могила поэта (Спир- ова) Монахъ (Абра—ова) Косово поле (Шит—ва) и много другихъ по нѣсколько строкъ въ каждомъ, которыя не перечисляются.



Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Ф. БЕРГЪ.**



**При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія: 1) отъ книжнаго магазина А. И. Мамонтова въ Спб. 2) отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ, послѣднее объявленіе за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ.**

Дозволено цензурою СПБ. 19 декабря 1878 г.